

НИВА

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
1878
ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

П.МАРКОВ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТЕРБУРГЪ

П.В.МАРКСОМЪ

КВЕЙЕРМАНЪ.

На Большой Морской
улицѣ, д. Росмана № 9.

№ 27

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 3 Июля 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 20 съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
«Нивѣ» принимаются
по 25 к. за строку
номерной (въ 1/4
ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
Воскресенья) отъ 10 ч.
утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 ”

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн.
маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг.
города Россіи . . . . . 6 ”

Также принимается подписка на 1/2 года съ 1 июля 1878: безъ дост. 2 р., съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р.
КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМЕЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особья приложенія
объявленія въ «Ни-
вѣ» иногор. по 5 р.
съ тысячи, городо-
кинъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобные къ
печати, авторамъ не
возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшія въ 1878 г. №№ «Нивы» со всѣми приложеніями.

При этомъ № прилагаются «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ІЮЛЬ съ 27 рисунками и отдѣльный листъ съ 24 чертеж.
выкроекъ съ 36 рисунками рукодѣльныхъ работъ и съ равными буквами для мѣтки бѣлья.

Всемирная выставка въ Парижѣ: Японская ферма въ Трондоре. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ПАРИЖЬ.

Помѣщая въ этомъ номерѣ „Нивы“ пять рисунковъ, знакомящихъ нашихъ читателей съ различными отдѣлами и зданіями Парижской всемірной выставки, мы, такимъ образомъ, продолжаемъ ея описанія въ дополненіе къ тѣмъ многочисленнымъ рисункамъ и статьямъ о ней, которые уже помѣщены на страницахъ „Нивы“ текущаго года.

Японскій и Китайскій отдѣлы на Парижской выставкѣ имѣютъ положительный успѣхъ и привлекаютъ толпу своимъ оригинальнымъ и вмѣстѣ чрезвычайно красивымъ, изящнымъ видомъ. Выставленные въ этихъ отдѣлахъ произведенія природы останавливаютъ на себѣ вниманіе и изумляютъ то прихотливостью рисунка и чистотой отдѣлки въ малѣйшихъ деталяхъ, то чудными живыми красками, то необыкновенными своими формами.

Наши рисунки представляютъ, между прочимъ, видъ фасадовъ отдѣловъ Японіи и Китая, изъ нихъ Китайскій фасадъ на видъ богаче Японскаго. Онъ сдѣланъ изъ дерева, окрашеннаго черною блестящею краскою съ бѣлыми квадратами. По срединѣ возвышается двойная кровелька съ острыми вздернутыми углами и украшенная фигурами и химерами фантастическаго вида. Карнизы подъ крышей вложены маленькими зеркалами, придающими кокетливый и веселый видъ зданію. Два четырехугольные отверстія, продѣланные по сторонамъ входа, и закрытыя раскрашенными блѣдно синими деревянными *claires voiles*, служатъ окнами. Входная дверь широкая и массивная, открывающаяся на двѣ половины, выкрашена ярко-красной краской и украшена позолотой. Надъ дверью вызолоченными вычурными китайскими буквами красуется надпись „Небесная имперія“, а съ каждой стороны надъ дверью поставлены рѣзные деревянные фигуры воиновъ, раскрашенные и золоченые. Не смотря на ихъ, такъ сказать, наивный видъ, нельзя не замѣтить, съ какимъ тщаніемъ относился ихъ мастеръ къ выполнению какъ физіономіи этихъ воиновъ такъ и ихъ одежды.

Японскій фасадъ болѣе простъ, чѣмъ китайскій. Но и онъ характерный. Онъ сдѣланъ также изъ дерева. По бокамъ двери вѣшаны въ стѣну двѣ карты Японіи и горъ Токіо. Самая дверь, раскрывающаяся также на двѣ половинки, украшена рѣзбою и чрезвычайно элегантна по своей формѣ. Надъ дверью также въ красивой рѣзной рамѣ сдѣлана надпись „Японія“. Но что особенно характеристично здѣсь, это два, можно сказать прелестные, фаянсовые фонтана, размѣщенные на право и на лѣво отъ входа. Они состоятъ изъ древесныхъ стволовъ, придерживающихъ чаши въ формѣ раковинъ, въ которыя изъ цѣвтка, неюфаръ, струями падаетъ вода. Чистая, прозрачная струя этихъ фонтановъ невольно возбуждаетъ въ посѣтителѣхъ желаніе напитокъ этой воды; тѣмъ болѣе это удобно сдѣлать, что тутъ же имѣется и красивый красный ковшичекъ, съ ручкой въ видѣ вѣточки. Идея этихъ фонтановъ дѣйствительно прекрасная и на сколько фонтаны могутъ нравиться видомъ, на столько же могутъ быть полезны, особенно для тѣхъ, кто не имѣетъ возможности тратить въ ресторанахъ и кафе.

Китайскій дворецъ на Трокадеро также манитъ къ себѣ публику оригинальностью и изяществомъ архитектуры. Дворецъ этотъ былъ построенъ въ Пекинѣ, затѣмъ, разобранный, привезенъ на выставку, и китайскіе рабочіе снова сложили его и привели въ надлежащій видъ съ своимъ обыкновеннымъ тщаніемъ. Онъ весь изъ дерева, съ изогнутыми крышами, съ рѣзными окнами, изумляющими прихотливостью рисунка. Полъ покрытъ цинковкамъ, на дворѣ дворца разбитъ небольшой садикъ.

Японская ферма на Трокадеро, изображенная на нашемъ рисункѣ, не имѣетъ на себѣ ни золота, ни роскошныхъ украшеній—это простой деревянный домъ. Крыши сдѣланы изъ бамбука, связаннаго между собой; стѣны и перегородки изъ деревянныхъ досокъ или плетенокъ изъ тростника, привязанныхъ къ столбамъ волосянными или камышевыми веревками. Трудно найти что нибудь безыскусственнѣе и въ то же время изящнѣе. Вокругъ фермы разбитъ садикъ, гдѣ выставлены японскія растенія. На фермѣ можно видѣть, а также и купить туземныхъ куръ. Есть куры необыкновеннаго вида. Такъ однѣ совсѣмъ крошечныя, на самыхъ коротенькихъ ногахъ, такъ что при ихъ движеніяхъ кажется, какъ будто они не ходятъ, а катаются по землѣ. Есть куры напротивъ громадныя, съ мощными крыльями.

Въ цѣломъ ферма эта хорошенькая, какъ игрушка. Надобно признать за Китаичами и Японцами, что отпечатокъ изящества отличаетъ всѣ ихъ работы, даже самыхъ простыхъ, вульгарныхъ такъ сказать, вещей.

Самый простой фарфоровый горшокъ—изящное и оригинальное произведеніе. По общимъ отзывамъ, въ примѣненіи искусства къ промышленности никто не можетъ съ ними соперничать, хотя искусство ихъ и сложное, вычурное, но оно неоспоримо отличается своеобразной красотой, привлекательностью. Большая часть вывезенныхъ вещей изъ Японіи и Китая на Парижскую выставку и выставленныхъ въ ихъ отдѣлахъ, относится къ предметамъ роскоши. Назначеніе ихъ служитъ украшеніемъ комнатъ, каминовъ, дѣстницъ, цѣвтниковъ и т. п. Всѣ издѣлія свидѣтельствуютъ собою о большомъ искусствѣ ихъ мастеровъ.

Вотъ напримѣръ въ Японскомъ отдѣлѣ выставлена ваза, своей изящной формой и прекрасной отдѣлкой сдѣланная бы чьей любому европейскому экспоненту. Ваза эта бронзовая, довольно высокая, болѣе аршина. Стѣнки ея обиты вѣтвями изящно расположенными, и на вѣткахъ посажены птички; такая же орнаментовка на крышѣ вазы, только вѣтви толще и на верху сидитъ фазанъ. Ручки вазы составляютъ какъ бы порхающія птички, граціозно соединенныя между собою крыльями и ножками. Пьедесталъ вазы составляетъ скала, изъ трещинъ которой выступаютъ вѣтки кустарниковъ, а у подножія скалы поставлена собака, наблюдающая за птичками. Японскія фарфоровыя вещи показываютъ какъ изловчатся японскіе мастера въ ажурныхъ работахъ изъ этаго матеріала. И на фарфоровыхъ ихъ вазахъ красуются агусты, и пѣтухи и золоченые циплята. Есть пара фарфоровыхъ вазъ, на которыхъ рисунки сдѣланы съ картинъ древнѣйшаго японскаго художника, жившаго еще до Р. X. За пару этихъ вазъ экспонентъ проситъ 10,000 франковъ.

Формы чайныхъ сервизовъ также представляютъ собою листья, вѣтви, птички, изъ чего надобно заключить, что японцы любятъ природу. Вотъ напримѣръ чайный сервизъ такого рода: блюдечки сдѣланы въ видѣ круглыхъ листьевъ, чашки—цѣвтовъ, а на крышечкахъ чашекъ, также въ видѣ листочковъ, посажены паучи.

Кромѣ этихъ вышеупомянутыхъ издѣлій Японцы выставили образцы шелка, мебели, вещей изъ слоновой кости. Есть напримѣръ на выставкѣ изумительныя ширмы—чудо роскоши. На нихъ золото, серебро, перламутръ являютъ въ формѣ травъ, цѣвтовъ, птицъ и насѣкомыхъ. Въ отдѣлѣ японскаго министерства народнаго просвѣщенія также замѣчательны зоологическій и физическій, кабинеты нормальной школы въ гор. Токіо, фотографіи съ учебныхъ заведеній въ Японіи и въ томъ числѣ съ стараго токійскаго университета. Выставлены тутъ же ботаническія и зоологическія карты для нагляднаго обученія, тетрадки, руководствыя работы женскихъ школъ. Рядомъ съ этимъ отдѣломъ можно видѣть громадный кусокъ каменнаго угля и около него, на столѣ, рельефное изображеніе того острова, откуда онъ взятъ. Тутъ же выставлена модель однаго мѣднаго рудника, позволяющаго видѣть самыя шахты и работы въ нихъ.

Вообще Японцы прекрасно организовали свой отдѣлъ на выставкѣ и ихъ издѣлія—мебель, ковры, фарфоръ, находятъ уже немало покупателей.

Въ Китайскомъ отдѣлѣ между прочими вещами, почти отсутствующими японскимъ и также заключающимися болѣе частью въ предметахъ роскоши, останавливаютъ много вниманія прекрасно сдѣланные манкены въ національныхъ костюмахъ. Китайская мебель отличается массивностью, рѣзной работой съ инкрустаціей. Занимаютъ всѣхъ китайскія кровати съ деревянными ажурными балдахинами. Они окрашены, съ золотой орнаментовкой.

Сами Китаичи удивляютъ собою на Выставкѣ. Ихъ внимательный видъ, напряженный взглядъ говорятъ о томъ, что имъ понятенъ болѣе или менѣе языкъ окружающихъ, и въ самомъ дѣлѣ когда къ нимъ обращаются, желая что либо купить—они отвѣчаютъ, просятъ показать какую нибудь вещь—они ее отыскиваютъ, но лишь только съ ними начинаютъ торговаться, какъ они перестаютъ понимать, и тутъ, даже если заговорить съ ними по китайски, они остаются непонимающими и дальше сказанной разъ цѣны на торгуемую вещь не идутъ. Кончится торгъ, куплена вещь или нѣтъ, Китаичи равнодушно закрываетъ витрину, форменно раскланявшись съ покупателемъ.

Японцы выказываютъ много живости, вниманія. Усердно работаютъ надъ своими витринами, они въ свободное время идутъ въ другіе отдѣлы поучиться у иностранцевъ, позаимствовать ихъ умѣнья.

Послѣ Китайскаго и Японскаго отдѣловъ, по поводу представленнаго въ настоящемъ № „Нивы“ рисунка, изображающаго внутренней видъ галлерей, ведущей во французскій художественный отдѣлъ выставки, прежде всего сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о художественныхъ произведеніяхъ, выставленныхъ нашими русскими художниками. Всѣхъ русскихъ картинъ на выставкѣ 144. Между ними обращаютъ на себя значительное вниманіе болѣе другихъ слѣдующія: Семирадскаго: „Свѣточи христіанства при Неронѣ“. Эта картина настолько знакома нашей публикѣ, что было бы излишне говорить о ней. Она, какъ и всѣ работы Семирадскаго, вызываетъ столько же похвалъ, сколько и порицаній. Инымъ нравится его манера письма, и блескъ, и пестрота, и чудесно написанныя детали, но другіе, признавая это, порицаютъ художника за отсутствіе въ изображаемыхъ имъ лицахъ выраженія душевныхъ движеній. Картина Бронникова „Послѣдній обѣдъ мучениковъ“, принадлежащая также къ разряду историческихъ композицій, обращаетъ на себя вниманіе только тѣмъ, что въ ней весьма эффектно соединеніе дневнаго блѣднаго свѣта съ красноватымъ свѣтомъ лампъ. Тутъ же и бытовая его картина: „Въ пріемной

богача“ болѣе достойна одобреній, чѣмъ „Обѣдъ мучениковъ“. Произведенія нашего славнаго жанриста Перова „Птицеловъ“ и „Охотники“ давно уже и по достоинству оцѣнены русской публикой, конечно, не остающае безъ должнаго вниманія на Парижской выставкѣ. Необходимо замѣтить, что произведенія Перова не бьютъ сразу на эффектъ, подобно тому, какъ, напримеръ, произведенія г. Семирадскаго, мимо которыхъ нельзя пройти, не обративъ на нихъ вниманія: въ нихъ много пестроты; но за то истинные цѣнители художественныхъ произведеній находятъ въ картинахъ Перова то, чего нѣтъ въ Семирадскомъ: у Перова живые люди, у Семирадскаго же только превосходно написанныя манекены.

Русская портретная живопись имѣетъ крупными представителями своихъ гг. Крамского и Харламова. Портреты ихъ работы замѣчательно прекрасны. За симъ должно указать на г. Рѣпина. Этого многообещающаго художника есть въ то же время предметъ споровъ, надеждъ и сомнѣній. Онъ также выставилъ нѣсколько этюдовъ. Но упомянувъ объ этомъ художникѣ, нельзя не высказать сожалѣнія о той безтактности, съ какою наша художественная критика относится къ его работамъ: онъ только еще, какъ говорится, Господи благослови, вышелъ изъ мальчишьяго, а его уже произвели въ великаго художника, стоящаго, будто бы, выше художниковъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Понятно, если при неоспоримомъ талантѣ г. Рѣпина не лишеть ума, то пойметъ и самъ, какъ нужно относиться къ критикамъ подобнаго сорта.

Далѣе на выставкѣ достойны вниманія слѣдующія картины: Саврасова „Грачи прилетѣли“, „Сосновый боръ“, Шишкина, „Видъ Нижняго Новгорода“ Боголюбова и „Ледяной домъ“ Якоби. Въ отдѣлѣ скульптуры красуются скульптурныя работы Антокольскаго: „Юаннь Грозный“, „Смерть Сократа“, „Христосъ предъ народомъ“. (Объ этомъ художникѣ мы имѣли случай говорить и помѣстили его портретъ. См. „Ниву“ сего года № 26, стр. 457). Вообще же говоря, о русскомъ салонѣ на Парижской выставкѣ отзываются съ большою похвалою и находятъ, что наши художники не уступаютъ художникамъ другихъ странъ Европы. Можно слышать даже такое мнѣнiе, что наши пейзажи и морскіе виды выше иностранныхъ своимъ художественнымъ реализмомъ. Въ выставленныхъ произведеніяхъ русскихъ художниковъ не видно ни стремленія къ трескучимъ эффектамъ, ни желанія подражать великимъ мастерамъ старыхъ школъ въ ущербъ своей самобытности. Въ нихъ все просто, натурально, нѣтъ и утрировки мускуловъ въ фигурахъ, нѣтъ и клубничнаго направленія французскихъ живописцевъ.

По выставкѣ теперь ходятъ эксперты. Но на всѣ картины, которыхъ насчитывается нѣсколько тысячъ, назначено всего 8 *medailles d'honneur*, медалей, изъ нихъ 4 французскимъ художникамъ и 4 иностраннымъ. Такая скудость вызвала со стороны экспертовъ рѣшеніе отказаться отъ своего права на награду. Первыми отказались французскіе художники-эксперты, а за ними и наши—Якоби и Боголюбовъ, и далѣе представители Англии, Австріи, Голландіи и т. д.

Какъ извѣстно, выставленныя картины на парижской выставкѣ должны быть написаны не болѣе 10 лѣтъ назадъ, между тѣмъ въ Англійскомъ художественномъ отдѣлѣ нѣсколько картинъ (35) уже давно всѣмъ извѣстны по литографіямъ и гравюрамъ. Жюри по классу живописи въ одномъ изъ первыхъ же своихъ засѣданій возбудило вопросъ объ этихъ картинахъ и хотя англійскіе делегаты отвѣчали, что эти картины являются объяснителями англійской школы, служатъ для указанія прогресса въ ея живописи, тѣмъ не менѣе картины теперь вычеркнуты изъ списка.

Но говоря про различныя симпатіи и антипатіи, нельзя не замѣтить, что французская пресса не обращаетъ на насъ вниманія, и нашъ успѣхъ на выставкѣ даже можетъ быть, такъ сказать, обиденъ экспертами, благодаря нашему халатному отношенію ко всему насъ касающемуся. Въ то время когда всѣ націи хлопчутъ объ успѣхѣ своихъ отдѣловъ, кладутъ душу за него, наши русскіе распорядители на выставкѣ относятся холодно, безучастно. Исполнили свое дѣло, разставили вещи, а дальше точно насъ и не касается. За насъ нѣтъ не только прессы, которая, какъ у другихъ, дала бы знать о насъ, но наши русскіе даже не распорядились въ день открытія русскаго отдѣла послать пригласительныя билеты представителямъ журнальной критики. А они сами, конечно, не стануть насъ искать.

О нашихъ экспертахъ корреспондентъ „Пет. Листъ“ пишетъ слѣдующее: „я знакомъ съ нѣкоторыми изъ русскихъ жюри, которые рѣшительно убѣждены, что ихъ пригласили только для того, чтобы *улыбн* по выставкѣ, ибо на четыре французскихъ эксперта въ каждой группѣ приходится одинъ русскій; слѣдовательно, единичный русскій голосъ является „на пристяжкѣ“, если можно такъ выразиться, при четырехъ французскихъ голосахъ, рѣшающихъ безапелляционно степень награды, присуждаемой экспонентамъ.“

Есть у насъ и экспоненты такіе, что привезли на выставку свои издѣлія, да такъ и оставили ихъ на произволъ—будь что будетъ, все равно, и стоятъ такимъ образомъ вещамъ безъ рекомендаціи, безъ указателя на достоинство ихъ, тогда какъ иностранные экспоненты присылаютъ подробныя свѣдѣнія, дѣлая брошюры о томъ, гдѣ сработана вещь, на

какой фабрикѣ или какомъ заводѣ; приложены чертежи, фотографіи самихъ фабрикъ, сообщены статистическія данныя о силѣ и степени производствъ и т. д.

Или намъ дѣйствительно все равно, или мы во всемъ ждемъ распоряженій свыше, ничего безъ приказаній не дѣлая, или же мы такъ увѣрены въ достоинствѣ своихъ произведеній, что каждый посетитель долженъ самъ знать о ихъ совершенствѣ. Укажемъ между прочимъ на бросающееся въ глаза невниманіе къ такой прекрасной работѣ, какъ коляска русскаго мастера Соболева. Коляска эта заслуживаетъ замѣчанія своей красотой, удобствомъ, легкостью, она образцовая, между тѣмъ при коляскѣ даже рабочаго нѣтъ, и она поставлена совсѣмъ незамѣтно, во второй рядъ экипажей.

Вѣдь ужъ это такъ ведется, что для большей славы, для успѣха необходимо говорить и писать, публиковать и идти смотреть то, о чемъ кричать, и объясненное болѣе привлекаетъ вниманіе, слѣдовательно, если нашъ произведенія будутъ мало замѣчены и не будутъ оцѣнены по достоинству—это наша вина. слѣдствіе нашей безучастности къ своему успѣху, къ себѣ. Намъ русскимъ не мѣшало бы удѣлить себѣ частіцу самолюбія французовъ, у которыхъ оно, наоборотъ, уже черезъ край идетъ. Французъ превозноситъ свое и его самодовольство уже переходитъ въ хвастовство и фанфаронство. Французы торжествуютъ и превозносятъ себя и свое на чемъ свѣтъ стоитъ. Лучше ихъ нѣтъ. По ихъ убѣжденію они во всемъ первенствуютъ и не хотятъ признать превосходства англійскаго отдѣла на выставкѣ, утверждая, что и машины ихъ, и стальныя издѣлія и все лучше англійскаго.

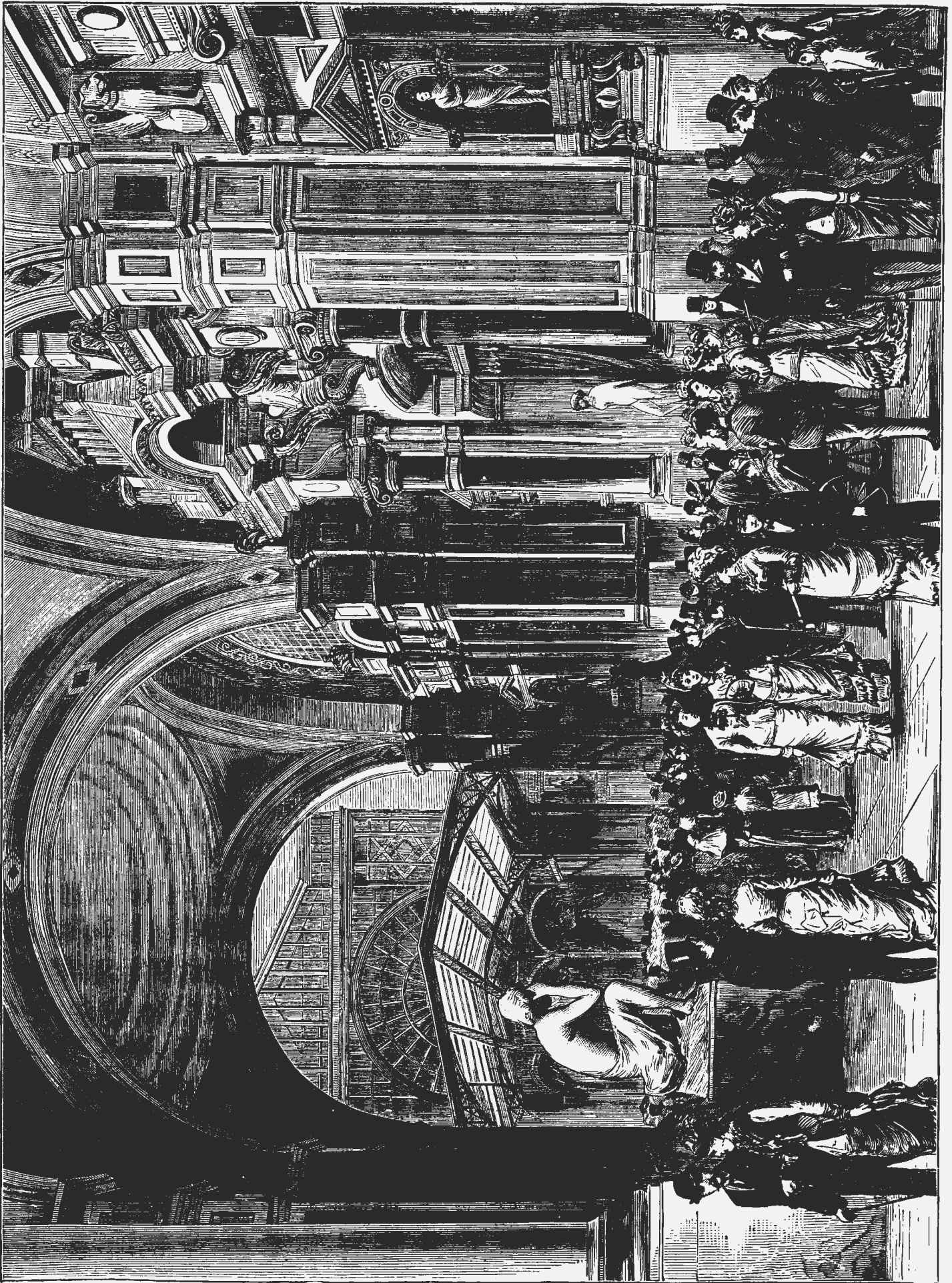
Между тѣмъ на нынѣшней Парижской выставкѣ Англійскій отдѣлъ, кромѣ художественнаго положительно превосходный. Въ художественныхъ произведеніяхъ англичанъ есть что то странное, идущее въ разрѣзъ съ нашими понятіями объ искусствѣ. Есть тутъ и правда и тщательная отдѣлка, да все это какъ-то по англійски; на ихъ художественныхъ работахъ лежитъ отпечатокъ англичанина съ его физиономіей, и манерой. Англичане художники въ высшей степени правдивы, въ своихъ работахъ; но они не большіе мастера на колоритъ: ихъ произведенія не отличаются яркостью красокъ. Портреты, пейзажи и жанровыя картины въ англійскомъ отдѣлѣ замѣчательны. Главное въ нихъ достоинство—это законченность и тщательное отношеніе художника къ своему дѣлу. У нихъ не встрѣчается въ картинахъ тѣхъ широкыхъ небрежныхъ мазковъ, которыми многіе изъ французскихъ, а частію и нашихъ художниковъ уродуютъ свои картины. Англійскіе пейзажи весьма разнообразны. Изъ жанровъ на выставкѣ болѣе другихъ обращаютъ на себя вниманіе работы Валькери, Лесли, Миллеса и Бетона.

Австро-венгерскій художественный отдѣлъ занимаетъ весьма незначительное пространство. Венгрія доставила на выставку можно сказать ничтожное количество своихъ художественныхъ произведеній. Извѣстный нашимъ читателямъ художникъ Зичи о произведеніяхъ котораго мы не разъ уже имѣли случай писать и помѣщать ихъ на страницахъ нашего журнала,—на венгерской выставкѣ отсутствуетъ. Онъ нужно замѣтить, венгерецъ по происхожденію, жилъ, какъ извѣстно много лѣтъ у насъ въ Россіи, а теперь поселился въ Парижѣ. Онъ имѣлъ намѣреніе поставить въ венгерскомъ отдѣлѣ приготовленную для выставки огромную картину „Ангель зла“, но картинѣ этой не суждено было появиться на выставкѣ, по обстоятельствамъ отъ нея автора, впрочемъ, независящимъ.

Картина эта имѣла своимъ сюжетомъ (на сколько можно догадываться изъ газетныхъ сообщеній) не давнія военныя событія—и въ виду еще не уладившихся на востокѣ дѣлъ ее пришлось убрать съ выставки.

Главнымъ представителемъ венгерскаго отдѣла является Мункачи. Изъ его произведеній обращаютъ на себя вниманія три картины „Мильтоу съ дочерью“ „Домашняя сцена изъ венгерскаго быта“ и „Мастерская художника“. Въ этой послѣдней картинѣ Мункачи изобразилъ самого себя и свою жену. Кромѣ Мункача обращаютъ на себя вниманіе цѣнителей изящнаго произведенія венгерскихъ жанристовъ Вейса и Пачка.

Австрійская художественная выставка несравненно выше венгерской. Можно даже сказать, что произведенія австрійскихъ художниковъ выдаются изъ ряда произведеній художниковъ другихъ странъ. Замѣчательно всего болѣе то, что въ австрійскомъ отдѣлѣ видимо позаботились, чтобы въ числѣ выставленныхъ картинъ не было посредственныхъ, словомъ, заботились не о количествѣ, а о качествѣ, чего мы русскіе не слѣдали (о русскомъ отдѣлѣ см. выше). Судя по выбору картинъ, помѣщенныхъ въ австрійскомъ отдѣлѣ можно думать, что ихъ коммисія была весьма строга въ выборѣ картинъ для выставки: между выставленными картинами ни одна не нарушаетъ общаго пріятнаго впечатлѣнія. Между ними всего болѣе господствуетъ, какъ и слѣдовало ожидать Макаргъ (съ этимъ художникомъ читатели Нивы тоже знакомы; портретъ его и биографическія свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности, а также и рисунокъ, изображающій его мастерскую—были помѣщены въ Нивѣ см. № 4 1877 г. стр. 51). Изъ его произведеній обращаетъ на себя большое вниманіе „Въездъ Карла V въ Анверпенъ“. Эта

Всемирная выставка в Парижѣ: Галлерей, ведущая во французскій художественный отдѣлъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Всемирная выставка въ Парижѣ: Фасадъ зданія Австрійскаго отдѣла въ Тронклеро. Съ фотогр. грав. М. Рапперскій.

картина и еще два портрета работы Макарта занимают цѣлую стѣну.

Въ австрійскомъ же отдѣлѣ наша себѣ мѣсто картина польскаго художника Матейко „Люблинская Унія 1569 г.“. (Рисунокъ съ этой картины былъ помѣщенъ въ Нивѣ. См. Ниву 1870 г. № 29 стр. 452). Эта картина какъ известно громадныхъ размѣровъ и интересующихся ею отсылаемъ къ вышеупомянутому номеру Нивы.

За симъ укажемъ на картины Чешскаго художника Чермака „Герцеговинскія бѣглецы“ и „Раненый Черногорецъ“—обѣ эти картины принадлежатъ къ лучшимъ произведениямъ этого художника. Содержание ихъ понятно изъ ихъ названія.

Кромѣ нѣсколькихъ портретовъ, замѣчательно прекрасныхъ по своему исполненію, въ австрійскомъ отдѣлѣ еще достойны вниманія бытовые или такъ называемыя жанровыя картины. Лучше другихъ картина Габля. На ней представлена сцена изъ праздничной жизни въ деревнѣ. Крестьяне приглашаютъ священника разобрать ихъ какой-то споръ возникшей изъ игры. Всѣ лица полны выразительности и типичности.

Одинъ изъ пяти прилагаемыхъ нами къ этой статьѣ рисунковъ представляетъ зданіе, въ которомъ помѣщается Австро-Венгерскій отдѣлъ. Красивое зданіе это сдѣлано по плану архитектора г. Коромпая. Изящный рисунокъ фронтонаго фриза (въ цѣломъ простирающагося до 65 метр.), исполнилъ живописецъ Изелла, который исполнилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и декорации внутри зданія. Карнизъ зданія украшенъ цѣлымъ рядомъ аллегорическихъ фигуръ. Основу зданія составляютъ девять громадныхъ арокъ. По обѣимъ сторонамъ находятся частныя павильоны для помѣщенія отдѣльныхъ комиссій Австро-Венгерской выставки.

Что касается другихъ, выдающихся достоинствъ Австрійскаго отдѣла Парижской всемірной выставки, то онъ представляетъ много въ высшей степени интереснаго и поучительнаго, потому что фабричное производство въ Австріи доведено до высшей степени совершенства, и многія издѣлія австрійскихъ фабрикъ граничатъ съ дѣйствительно художественными произведениями. Такіе производители-фабриканты, какъ Краузе въ Штейншонау, Гобманъ въ Прагѣ, Майеръ въ Габлонцѣ, а также произведенія Гарраховской фабрики и гг. Дзидзинскаго, Ганота, Ульриха—извѣстны всему свѣту, и огромное число изящнѣйшихъ, изумляющихъ тонкостію вкуса и исполненія произведеній указанныхъ фабрикантовъ, красовалось въ Парижѣ еще 10 лѣтъ тому назадъ, на Всемірной выставкѣ 1867 года. Какъ въ то время, такъ и теперь, весьма важное мѣсто въ числѣ австрійскихъ фабрикатовъ занимаютъ издѣлія изъ богемскаго хрустала и вообще богемскія стеклянныя издѣлія. За симъ обращаютъ на себя вниманіе издѣлія изъ обожженной глины, доведенныя до пластически-художественнаго совершенства. Изъ обожженной глины сдѣланы, напримѣръ, копии съ большихъ (въ человѣчeskій ростъ) мраморныхъ статуй Меркурія, Антиноя, Геркулеса и т. п. Черезъ огромную дверь, ведущую изъ этого отдѣленія, красуются образцы австрійской живописи на стеклѣ и поражаютъ зрителя тонкостію исполненія. Далѣе, рядомъ же, выставлены образцы столярнаго искусства, тоже находящагося въ Австріи на высокой степени развитія. Боль-

шая часть мебели исполнена во вкусѣ Возрожденія. Недостатокъ этого столярнаго элемента Австрійской выставки состоитъ въ томъ, что мебель уже слишкомъ великолѣпна и пригодна только для княжескихъ и графскихъ гостиныхъ, и нѣтъ подходящихъ образцовъ собственно народной, популярной, общедоступной мебели. Есть также въ Австрійскомъ отдѣлѣ прекрасные образцы скатертей, ковровъ, мебельной шелковой матеріи.

Мы говорили объ удивительныхъ образцахъ Японскихъ издѣлій изъ бронзы, теперь, кстати, скажемъ, что бронзовыя издѣлія занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ и во французскомъ отдѣлѣ. Имъ отведено большое пространство на выставкѣ и въ числѣ бронзовыхъ вещей многія представляютъ художественныя произведенія, замѣчательныя по выполненію, изящныя по формѣ. Представителемъ бронзовщиковъ на выставкѣ является Барьеденъ, выставка работъ котораго занимаетъ цѣлую залу. У самаго входа въ залу стоятъ превосходныя фигуры Давида и Голиафа, Октавія Августа (замѣчательная фигура) Раба (по модели Микель Анжело) и Итальянскаго пѣвца. Внутри залы обращаютъ прежде всего вниманіе громадные часы во вкусѣ Renaissance, съ колонками изъ краснаго мрамора, медальонами и множествомъ ажурныхъ украшеній. Пьедесталъ часовъ сдѣланъ изъ чернаго мрамора. Часы эти работаны съ чѣмъ то два года и цѣна имъ 350,000 франковъ. По сторонамъ часовъ бросаются въ глаза два бюста работы Мерсье—бюстъ Далильи и работы Гильома—бюстъ Епископа Дарбуа. Но главной вещью залы Барьеденна составляетъ бронзовая копія со статуи Рюда, изображающая 15-ти лѣтняго Людовика XIII. Работа эта замѣчательная: все въ ней—воротничекъ, перчатки, сапоги, шитье на кафтанѣ сдѣлано изумительно. Эта статуя самая лучшая изъ всѣхъ вещей въ отдѣлѣ бронзы.

Прекраснаго вида, удивительнаго вкуса и мастерства каминъ въ стилѣ Людовика XIV. Онъ весь изъ оникса съ бронзовыми золочеными украшениями.

Поразительны и конная статуя Людовика XIX у столь же извѣстнаго, какъ Барьеденъ, мастера Lerolles freres—и Люстры временъ Людовика XV—удивительной работы. На выставкѣ заведенія Гро Марли останавливаютъ каждаго два бронзовые индѣйца, съ поразительно типичными лицами, въ красивыхъ позахъ поставленные. За нихъ назначена цѣна въ 10,000 франковъ. Превосходны также: статуя Побѣды, сдѣланная для лѣтницы дворца и вазы, а кстати, внесемъ здѣсь же поставлены статуи собакъ, сдѣланныя по заказу Великаго Князя Константина Николаевича.

Маленькія мастерскія выставили спеціальныя свои произведенія т. е. кто птиць, кто собакъ—статуетки женскихъ головъ, бронзовые часы и т. п.

Вещи изъ подражаній бронзѣ также стоить вниманія, хотя въ этомъ отдѣлѣ и нѣтъ строго художественныхъ работъ.

Къ Парижской выставкѣ мы еще надѣемся не разъ возвратиться въ нашихъ статьяхъ, по поводу рисунковъ, которые предполагаемъ помѣстить, желая такимъ образомъ дать нашимъ читателямъ болѣе или менѣе полное знакомство съ Всемірной выставкой въ Парижѣ.

Ор.

Ч А С Ы.

(Разсказъ изъ воспоминаній дѣтства).

(Окончаніе).

VIII.

Наступила слѣдующая недѣля. Бабушка похудѣла немного, осунулась, носъ заострился, но глаза, ушедшіе въ глубь, по прежнему сверкали умно и живо.— „Скоро, скоро!“ говорила она и не выходила изъ будуара,—туда ей подавали и кушать, чего прежде никогда не бывало.

Докторъ былъ у насъ постоянный, годовой, рыжій нѣмецъ съ бакенбардами, всѣмъ прописывавшій одно и тоже—какіе-то порошки съ аписомъ. Онъ смотрѣлъ на бабушку, значительно сжавъ губы и слегка сдвинувъ брови. Когда у него спрашивали—болѣла-ли она, онъ вздыхалъ и говорилъ: „одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится“...

Однажды утромъ бабушка спросила чистое бѣлье и объявила, что она больше не встанетъ. Переодѣвшись, она легла навзничь, и стала смотрѣть на одну точку. За обѣдомъ покушала она только бульону. Докторъ совсѣмъ растерялся.

Вечеромъ бабушка вдругъ спросила:

— А что тамъ, въ проходной часы стоятъ?

— Стоятъ,—отвѣтили ей.

— Они сейчасъ били три,—я отсюда слышала... Походите посмотрите.

Сходили, посмотрѣли, и объявили ей, что часы не ходятъ.

— Ходятъ! возразила она.—И такъ ее никто и не могъ увѣрить.

Дня черезъ четыре она умерла. Отчего? Докторъ говорилъ, что отъ упадка силъ. Порфирій говорилъ:— „потому что бабушка до предѣла дошла“. Всѣ были поражены этой смертью, но я, кажется, больше всѣхъ,—я въ какомъ-то оупѣннѣ находилась.

Вечеромъ, въ день смерти, была панихида. Бабушку вынесли въ нашу парадную залу, обставили ее цвѣтами, деревьями, завѣсили картины и зеркала, зажгли люстры. Знакомыхъ съѣхалось множество; пришелъ тотъ-же сѣденькій священникъ, такъ-же смачно понюхалъ табакъ и неловко пролѣзъ въ короткую ризу. Какъ-то странно, необычайно странно зазвучала первая веселая пѣснь: „Христосъ воскресъ“ трижды повторенная надъ трупомъ, высоко поднятомъ надо всѣми, точно царившимъ въ этой залѣ. Неясно замелькали въ туманѣ кадилаго дыма красные огни восковыхъ свѣчей, горя отблесками на золотомъ покрывѣ,

тяжелыми складками спускавшемся вниз, тысячами искр вспыхивая на кистяхъ, и яркой звѣздочкой сверкая на образкѣ, что лежалъ на груди у покойницы. Глухо отдавалось въ наполненной народомъ комнатѣ пѣнье, протяжно, монотонно... Подлѣ меня Крыловъ стоялъ, понурившись, не крестясь, и совсѣмъ ушла его голова въ высокій воротникъ, и широкій воротъ рубашки. Онъ криво держалъ въ носовомъ платкѣ тонкую свѣчу, и все смотрѣлъ на ея пламя, тяжело и сильно дыша. Только ужъ въ самомъ концѣ службы, онъ посмтрѣлъ на меня, тронулъ двумя пальцами за щеку, и сказалъ.

— Ну...

Потомъ со всѣми вмѣстѣ подошелъ приложиться: поклонился низко, пальцами земли коснулся и, не говоря ни слова, уѣхалъ.

IX.

На другой день къ вечеру гробъ принесли, большой, широкій, малиноваго бархата, съ пышными по угламъ кистями и узорными ручками. Его поставили на полъ въ гостиной, а крышку оставили въ прихожей. Я въ первый разъ еще видѣлъ гробъ вблизи, въ первый разъ видѣлъ, какъ въ него перекладывали тѣло...

Когда послѣ панихиды всѣ разѣхались, я, напившись чаю, опять пробрался въ залу. Только одинъ читальщикъ былъ тамъ, и приготовлялся къ обычному чтенію. Я забрался въ уголъ, на диванъ и сталъ смотрѣть. Кисти точно живыя покачивались у гроба, и такое покойное, чоржественное молчаніе царило вокругъ, въ этомъ душномъ, пропитанномъ запахомъ ладона и воска, туманѣ. Изъ подъ бѣлаго газа неясно видѣлись строгія черты сильно похудѣвшаго лица бабушки. Только одна свѣча и горѣла въ изголовьи. Тѣни отъ высокихъ деревьевъ прихотливыми узорами ложились по паркету, по стѣнамъ и потолку, давая какое-то странное впечатлѣніе.

Однообразно, монотонно, съ обычными повышеніями и пониженіями голоса загудѣлъ читальщикъ, вытягивая послѣднія слова на распѣвъ, давая большія паузы. Порою онъ замолкалъ совсѣмъ, поправляя нагорѣвшую свѣчу, расправлялъ складки покроя, долго и громко сморкался. Я машинально ловилъ его слова, глаза мои слипались, отъ свѣчи бѣжали длинныя золотыя лучи вверхъ и книзу, и гробъ и цвѣты, все сливалось въ одну неопредѣленную массу, и желтымъ пятномъ свѣтлѣло лицо читальщика. Я слушалъ, слушалъ,—и вдругъ мое ухо стало улавливать между его словами что-то новое, странное... Я широко открылъ глаза, прислушался... Да это что-то новое.

Изъ сосѣдней комнаты слышалось равномерное, легкое постукиванье, правильное, совсѣмъ правильное... Точно часы тамъ шли. А тамъ дѣдушкины часы стояли.

У меня сперва сперлось дыханье, потомъ сердце забилось быстро, учащенно; я не смѣлъ шевельнуться, вздохнуть. Такъ прошло нѣсколько времени.. Часы ходятъ.

Наконецъ, я опомнился: тихо, на ципочкахъ, подошелъ я къ раствореннымъ дверямъ, дрожа переступилъ порогъ. Мѣрное звучное тиканье маятника наполнило всю комнату. Что-то звенящее, шипящее слышалось въ этомъ тиканьи... Я повернулъ назадъ, вихремъ пронесся мимо гроба, слетѣлъ, еле придерживаясь за перила съ лѣстницы, и вбѣжалъ въ каморку Порфирія.

Онъ сидѣлъ у себя за евангелиемъ, я вбѣжалъ и уцѣпился за его фракъ. Онъ тихонько переложилъ закладку, закрылъ книгу, вздохнулъ, и снялъ очки.

— Что вы?—спросилъ онъ.

Я съ трудомъ перевелъ дыханье.—Расскажи что нибудь.

Онъ началъ мнѣ что то рассказывать, что—не помню, я только одно зналъ: тамъ часы ходятъ...

— Порфирій, голубчикъ, прервалъ я вдругъ его:—пойдемъ къ бабушкѣ.

— Теперь, сударь, поздно,—возразилъ онъ.—Вамъ спать ложиться слѣдуетъ. Мамаша узнаетъ, браниться будетъ.

— Она не узнаетъ, она лежитъ тамъ, у себя—пойдемъ Порфирій.

Я тянулъ его за рукавъ.

Онъ всталъ, и мы тихонько стали подниматься по лѣстницѣ. Я нарочно повелъ его черезъ проходную. Тамъ совсѣмъ темно было. Я прижался къ Порфирію, и крѣико-крѣико стиснулъ его руку. Я зажмурился. Ничего не слышно, только голосъ читальщика изъ залы доносится. Вотъ мы мимо самыхъ часовъ проходимъ. Ничего не слышно... Я остановился, остановилъ Порфирія... Разъ, два, разъ... донеслось до меня мѣрное колебанье. Я рванулся въ залу, взглянулъ на его лицо: онъ и бровью не повелъ,—онъ ничего не слышалъ.

Мы постояли возлѣ бабушки, посмотрѣли—тихо все. А оттуда такъ вотъ и слышится, такъ вотъ и идетъ въ ухо неотвязный монотонный звукъ, и заглушаетъ чтеніе псалтыря.

X.

Проснувшись на слѣдующій день, я совсѣмъ забылъ о часахъ. Не думая о нихъ, шелъ я изъ залы въ проходную, слыша, что ужъ начинаютъ съѣзжаться на панихиду, и вдругъ остановился на порогѣ.

Часы были какъ разъ противъ меня. Они шли. Плавно колыхался изъ стороны въ сторону маятникъ, съ шипѣньемъ постукивая въ паузахъ. И такъ тихо колыхался онъ, что, казалось, вотъ сейчасъ остановится. Ключа по прежнему не было, и пылъ по прежнему лежала слоями на выступахъ футляра... Я такъ и впился въ нихъ взглядомъ.

Въ это время вошелъ Крыловъ, отирая себя лобъ и затылокъ платкомъ. Онъ глянулъ на меня, перевелъ взглядъ на часы, и вытянулъ громадную серебряную луковицу изъ кармана.—Ваши часы на три впередъ, проговорилъ онъ, и прошелъ мимо.

— А,—а! такъ значитъ они точно идутъ, всѣ видятъ,—съ трепетнымъ замيرانьемъ думалъ я. Все было безъ четверти три, а теперь безъ пяти минутъ два,—они ужъ давно ходятъ.

Да, стрѣлки показывали безъ пяти минутъ два,—я это видѣлъ, видѣлъ совершенно ясно. Я видѣлъ, какъ минутная стрѣлка движется, приближается къ двѣнадцати. „Сейчасъ бить будутъ!“ съ ужасомъ подумалъ я и повернувшись хотѣлъ бѣжать черезъ залу. А въ залѣ кашлянулъ кто-то совсѣмъ какъ бабушка, я перевелъ глаза на гробъ,—подъ покровомъ что-то шевелилось...

Вдругъ сзади меня раздался шипящій, звенящій, хриплый, протяжный ударъ... За нимъ другой, четвертой... Я кинулся, добѣжалъ до чего-то, упалъ...

Очнулся я не скоро: со мной былъ нервный припадокъ... Болѣе полугода я проболѣлъ,—да и навсегда какимъ-то изломаннымъ остался.

XI.

— И только? спросили всѣ хборомъ, когда X. кончилъ.

— Только.

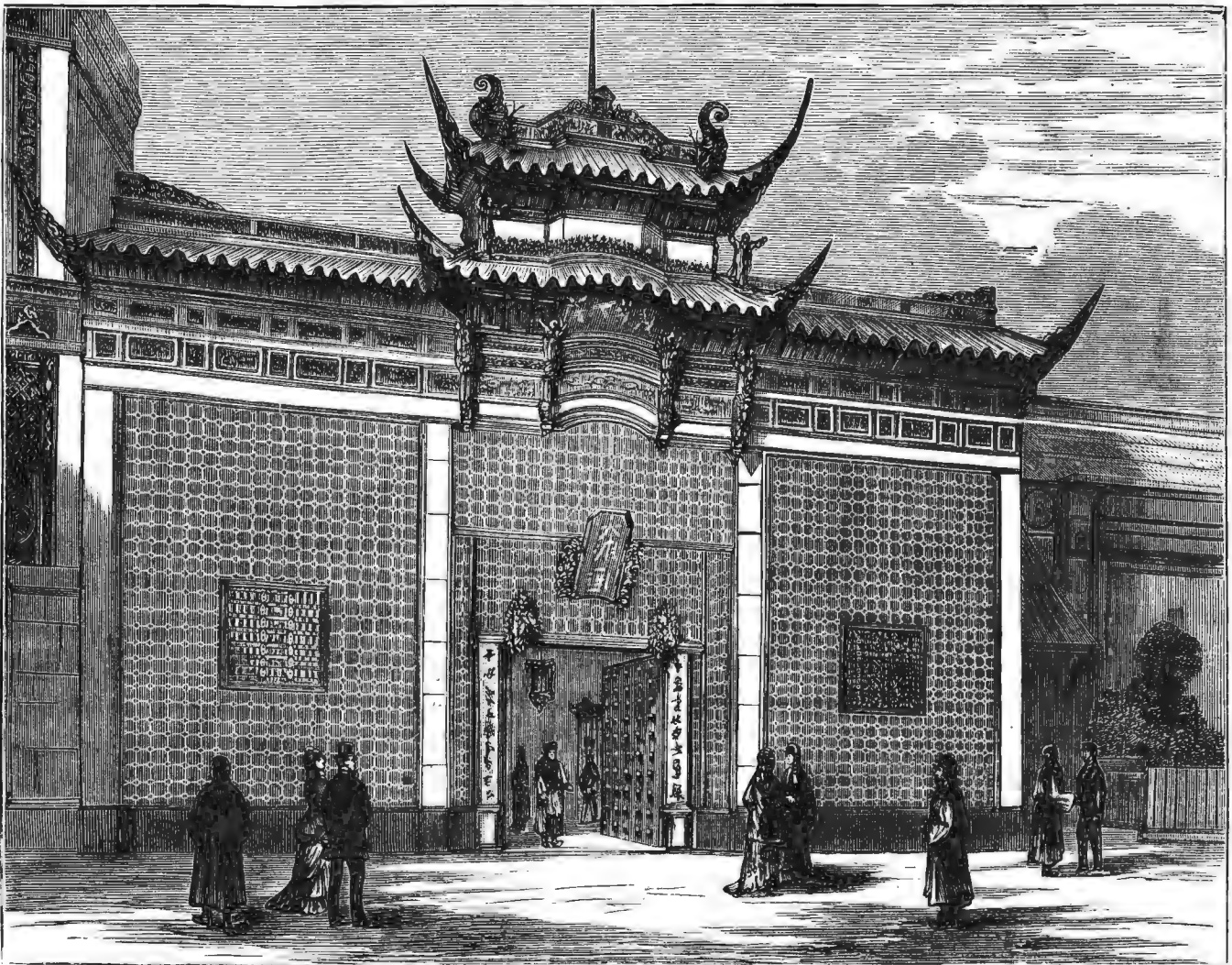
— Да что-же тутъ удивительнаго?

— Удивительнаго ничего, я васъ предупреждалъ,—а только вѣдь вотъ повліяли-же эти часы на меня такъ,—что еле полугодомъ болѣзни отдѣлался...

У васъ всякимъ вздоромъ голова была набита,—нераціональное воспитаніе, больше ничего..

Всемирная выставка въ Парижѣ: Фасадъ зданія Японскаго отдѣла въ Тронадеро. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Всемирная Выставка въ Парижѣ: Фасадъ зданія Китайскаго отдѣла въ Тронадеро. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Дѣтскія забавы въ деревнѣ. Оригинальный рисунокъ А. Кившенко, грав. В. Пущъ.
Библиотека "Руниверс"

— Но все таки это случай единичный, замѣтил кто-то.

— Единичный,—возразилъ X.,—не думаю.—Да вы вспомните хоть гётевскаго „Лѣснаго Царя“.

— Баллада!

— Ну, взглядъ на него какъ только на балладу—слишкомъ узкій взглядъ. Основная-то тенденція выйдетъ та-же какъ и въ моемъ происшествіи съ часами... Ахъ, да! я вамъ еще одного не досказалъ. Оправившись отъ болѣзни, я первымъ долгомъ пошелъ къ часамъ... И знаете что увидѣлъ?

— Ну-съ?

— Что они стоятъ на двухъ часахъ, а не на безъ четверти три.

— Очень просто: ихъ въ суматохѣ качнуль кто

нибудь, они пошли, а потомъ, черезъ нѣсколько времени, стали... Наконецъ мыши могли толкнуть случайно...

— Наконецъ,—засмѣялся самъ рассказчикъ,—тотъ-же священникъ, что взялъ когда-то ключикъ, могъ опять его принести, отпереть, пустить; потомъ опять отпереть, остановить и запереть. Искусственно запылить футляръ какъ будто такъ и было...

— А мнѣ кажется,—возразилъ одинъ изъ слушателей, высокій, бѣлокурый молодой человекъ,—мнѣ кажется, что подобные факты отчасти имѣютъ отношеніе къ такъ называемому медиумизму.

— И это очень можетъ быть, отвѣтилъ на все согласный X.

П. См—скій.

ДѢТСКІЯ ЗАБАВЫ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Жаркій лѣтній день. Въ воздухѣ жужжатъ насѣкомья, спѣша жить своей кипучей, хотя и скоротечной жизнью. Въ полѣ тоже кипучая жизнь, вызываемая жаркими свѣтомъ лѣтняго солнца. Все воскресло, оживленное силою его горячихъ лучей. Лѣсъ зазеленѣлъ и полонъ звуками перелетныхъ птицъ.

Оживили эти благотворные лучи и деревенское населеніе, веселѣй смотритъ пахарь, любуясь своей нивой, воздѣланной его руками, бодрѣ стали старики, грѣясь на солнцѣ, выполняютъ старушки изъ своихъ темныхъ угловъ, кряхтя и охая, съ вѣчными жалобами на свои немощи.

— Вотъ красное-то солнышко оно, тово, насъ обогрѣетъ.

— Косточки-то наши старыя... кх... кх... Косточки-то наши уноконтъ...

И дремлютъ старушки на солнцѣ, шамкая беззубыми ртами.

Малые ребята, уныло жавшіеся въ скучные зимніе дни гдѣнибудь въ углу на печкѣ, или бродившіе въ длинныхъ отцовскихъ полушубкахъ по снѣговымъ сугробамъ, теперь, съ наступленіемъ лѣта, носятся по полямъ и лѣсамъ съ утра до вечера. Целаромъ матери со вздохами и охами передаютъ одна другой свои соболѣзнованія о ребятнишкахъ.

— И гдѣ они, матушка, носятся: одна зоря вгонитъ, другая выгонитъ. Добро бы большенькіе, а то вотъ мой-то по восьмому годочку.

— И не говори, мать моя,—поддакиваетъ сосѣдка,—вонъ и мой-то тоже: вчера ужъ поужинали, ужъ я первый сонъ заснула, а онъ только-что вернулся. Все, вишь ты, съ ребятнишками по лѣсамъ. Чего фдятъ-то—Богъ ихъ вѣдаетъ.

— И, что ты, мать моя, объ этомъ горевать нечего: ягоды-то слава тебѣ Господи!

— Это ты точно—ягоды-то нонѣ вдоволь, да вишь все чего-то опасново...

— Оно опасново, какъ не опасново: ребята малы, глупы...

— Правда, мать, правда. Вотъ и лѣта дождешься, и тепло, слава тѣ Господи, и хлѣбушка Онъ, Отецъ Небесный, даетъ; ну да опять, ребята-то больно ужъ тово...

— Какъ, мать, не тово... Это ты точно: ребята малы, безтолковы.

Такъ горюютъ матери. Отцы посообразительнѣе, знаютъ, что гореваньемъ дѣлу не поможешь и принимаютъ болѣе рѣшительныя мѣры. Того паренка, который по ихъ соображеніямъ больно ужъ „забаловался“, отаскаютъ за волосы, либо и палкой, которая потоньше. Но это наказанье не за то, что дѣти по лѣсу бродятъ, а за то, что во время работы своей не справятъ, скотину на водонѣ не сгоняютъ или какую-нибудь другую дѣтекую

обязанность не исполнять по своей силѣ—возможности. А если работа справлена, то гуляй себѣ на здоровье, сколько хочешь. На то и лѣто, чтобы гулять.

Однако и отцы иной разъ задумываются, что ребятамъ долго нѣтъ. Далеко-ли до бѣды. Волкъ или медвѣдь-бродяга не во время повстрѣчается—оборони Богъ.

Положимъ, медвѣдя еще и не встрѣчали, но чтобы на ребятъ страху напугать и загонять ихъ пораньше домой, пустилъ одинъ изъ догадливыхъ слухъ, что встрѣтилъ въ лѣсу медвѣдя.

— Иду я, братцы вы мои, около малинника, иду да призадумался, а медвѣдь вдругъ какъ рявкнетъ гдѣ-то около того самаго мѣста—я безъ оглядки, только давай Богъ ноги.

— Медвѣдь? переспрашиваютъ слушатели.

— Медвѣдь, да во какой большущій!..

— Ишь ты-на!.. Ну какъ-же ты-то?

— Какъ-же я-то? Я-то, знамо, тово... на утекъ.

— На утекъ-то оно, знамо, лучше, ежели здоровъ бѣгать-то...

— Медвѣдь! Слышь, ребята! Вѣдь вы по лѣсамъ-то болтаетесь: онъ вамъ нажжетъ бока-то, глядите...

— Да ужъ не безъ тово, ежели, къ примѣру, облапнтъ: онъ, Михаль-то Иванычъ, онъ—бѣда!

Слушаютъ ребята рассказъ о встрѣчѣ съ медвѣдемъ и пугливо озираются, точно онъ ужъ гдѣ-нибудь тутъ въ деревнѣ забрался.

Но впечатлѣніе рассказа о страшной встрѣчѣ съ медвѣдемъ впрочемъ не продолжительно. Пройдетъ часъ, другой—и ребята забыли о рассказѣ; но впрочемъ на лѣсъ то все таки посматриваютъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

Иной разъ подъ вечеръ и хотѣлось бы закатиться за малиной, да время позднее, и впечатлѣніе рассказа о медвѣдѣ воскресаетъ. Такъ мнутъ ребята съ ноги на ногу, почесывая затылки, до той поры, пока которыйнибудь посообразительнѣе не ухватится за счастливую мысль. Но вотъ она и подвернулась: догадался бойкій мальчуганъ забраться на передокъ телеги и сразу навелъ товарищей на счастливую мысль—устроить катанье подъ гору на этомъ передкѣ. Окружили ребята, какъ муравьи, колеса и оглобли и залумѣли снова полной, веселой жизнью, вызываемой жаркими лучами лѣтняго солнца.

Помѣщаемый въ этомъ № „Нивы“ оригинальный рисунокъ г. Кившенко изображаетъ именно подобный моментъ изъ дѣтскихъ игръ въ деревнѣ. Въ этомъ рисунокѣ тщательно сконпана такая сценка и даетъ понятіе о томъ родѣ забавъ, какими пользуются деревенскіе ребята лѣтомъ.

Д. Стк.

ХЛОПЧАТНИКЪ И ЕГО КУЛЬТУРА.

(Ополчаніе).

Лишь только произведена будетъ сейчасъ описанная работа (Scaring) какъ молодые годные стебли хлопчатника уже являются обеспеченнымъ въ своемъ ростѣ. Стебли стоятъ по прямой линіи, каждый рядъ въ одинаковомъ разстояніи отъ другого сосѣдняго ряда. Хлопчатобужный плантаторъ считаетъ себя весьма счастливымъ если онъ, осматривая свою плантацію весной, убѣдится, что она хорошо подчищена (т. е. что вырваны всѣ слабые стебли) и получила надлежаще-крѣпкій ростъ. Но и въ этомъ случаѣ многія обстоятельства могутъ парализовать виды на обильную жатву. Можетъ случиться, что многія хлопчатниковыя растенія будутъ уничтожены червемъ, часто скрывающимся въ самомъ зародышѣ, или же погибнуть отъ другихъ причинъ, и тогда убытки должны быть вознаграждены посѣвами на другихъ плантаціяхъ. Далѣе, случается иногда, что поздній осенній морозъ уничтожитъ плантацію и потребуетъ совершенно новаго посѣва. Если случится такое несчастіе, то спустя недѣли 3 послѣ работы „Scaring“, нужно произвестъ *вторую* подобную же распахку и подобную же ра-

боту крѣчьями, кака была прежде. Но тогда плугъ уже долженъ проводить болѣе глубокую борозду и касаться корней уже взошедшаго хлопчатника; при этомъ нужно, въ концѣ мая, какъ можно тщательнѣе выколотъ сорныя травы, если только подобная операція не повредитъ ибѣжнымъ хлопчатниковымъ всходамъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ работа требуетъ громаднѣйшихъ усилій и трудовъ—и горе тому хозяину плантацій, который не успѣлъ или не умѣлъ надлежащимъ образомъ истребить сорныя травы съ своего поля!.. А чтобы истребить эти травы, нужно *тремя*кратно, со всѣми усиліями переработать хлопчатниковое поле, и только послѣ этихъ усилій, часто буквально требующихъ „кровавого пота“, можно одолѣть ростъ вредныхъ травъ и заставить хлопчатникъ подняться гордымъ побѣдителемъ надъ низложенными соперниками. Въ іюль хлопковая плантація обрабатывается *въ послѣдній разъ*, и при этомъ готовится къ періоду дождей, а для этой цѣли борозды углубляются гораздо больше (для стока воды). И вотъ теперь-то уже хлопчатниковое растеніе бываетъ

совершенно обезпечено въ своемъ ростѣ. выходитъ изъ-подъ человѣческой опеки, и дальѣйшее его возрастаніе уже представляется самой природѣ.

Общій видъ заботливо воздѣланнаго и удавшагося хлопчатниковаго поля (если ему не повредятъ черви и другія враждебныя вліянія природы) отличается особою, оригинально своеобразною красотою. Листья хлопчатника радуютъ и нѣжатъ глазъ роскошною, нѣжною зеленью; листья эти большіе и сочные. Стволъ растенія, правда, представляетъ признаки быстраго развитія, но онъ твердъ и мощенъ. Вообще же величина этого растенія зависитъ отъ почвы и климата. На почвахъ, обильныхъ солями и известью, оно удается всего лучше. Даже относительно породъ хлопчатника господствуетъ весьма большое разнообразіе. Напримѣръ, хлопчатникъ, разводимый въ штатѣ Теннесси, весьма мало похожъ на хлопчатникъ, культивируемый въ Алабамѣ или Георгіи; да даже и въ одномъ и томъ же штатѣ есть большая разница между видными видами этого растенія, произрастаемаго въ различныхъ территориальныхъ полосахъ одного и того же штата. Тогда какъ, напримѣръ, въ Аллювиальной (или наносной) полосѣ Миссисипи *) стволъ хлопчатника достигаетъ высоты болѣе человѣческаго роста, и каждый стволъ можетъ принести до сотни развитыхъ и созрѣвшихъ плодовъ, въ сосѣдней полосѣ, срінеу-вудъ почти рядомъ съ Миссисипи, вырастаетъ жалкій кустарникъ хлопчатника, стволъ котораго едва достигаетъ высоты колѣна средняго роста человѣка. Конечно, владѣльцы плантацій прибѣгаютъ ко всемъ средствамъ, чтобы довести эти растенія до наибольшаго роста и получить обильнѣйшій сборъ хлопка. Справедливо памятуя тотъ законъ, что непрерывное сѣяніе сѣмянъ, получаемыхъ съ одной и той же плантаціи, ухудшаетъ породу растенія, хозяева плантацій, для поспѣвовъ часто смѣшиваютъ между собою сѣмена хлопка, полученные изъ различныхъ, часто отдаленныхъ странъ. Были также попытки доставать такія породы хлопчатниковыхъ сѣмянъ, которыя давали бы хорошіе плоды независимо отъ климата и почвы страны, напримѣръ сѣмена породъ, носящихъ громкія названія „тысячелюбка“ и „мастодонтъ“. На нѣкоторое время опыты эти дѣйствительно, удавались, но только на время, такъ какъ потомъ о нихъ забывали. Лучшій всего въ этомъ случаѣ помнитъ одинъ непреложный законъ, что только хорошая почва, соответствующая природѣ растенія и тщательный уходъ представляютъ единственныя гарантіи для хорошаго урожая хлопка.

Подъ вліяніемъ лучей іюльскаго солнца развиваются почки хлопчатника. Какъ скоро гдѣ либо раскроется первая почка, вѣсть объ этомъ быстро облетаетъ всю окрестность. Цвѣтки хлопчатника чрезвычайно нѣжны и имѣютъ роскошную окраску бѣлаго, блѣднокраснаго и блѣдножелтаго цвѣта. Растеніе раскрываетъ свой цвѣтовый вѣнчикъ къ ночи. Цвѣтки остаются открытыми и утромъ, но около полудня начинаютъ закрываться. Днемъ, по развѣтніи, лепестки вѣнчика дѣлаются темнокрасными, и передъ заходомъ солнца они опадаютъ. Остается вмѣстительная чашечка и едва-замѣтный глазу зародышъ, и этотъ зародышъ въ первой стадіи своего развитія называется американцами „богнъ“, а поздѣе называется „болъ“. Подобно померанцевому дереву, хлопчатникъ представляетъ на своемъ стволѣ цвѣты и плоды во всехъ возможныхъ ступеняхъ развитія. Созрѣвающій плодъ подвергается весьма многимъ несчастнымъ случайностямъ. Въ дождливые и сырые годы онъ весьма много страдаетъ отъ *пласки* и *инло-сти*. Пласень обнаруживается буроватымъ цвѣтомъ и омертвѣніемъ листьевъ; гнильотъ же нападаетъ на плодъ, обнаруживаясь прежде всего въ видѣ чернаго пятна на плодовомъ покровѣ, и это пятно дѣлается все больше и больше, такъ что наконецъ, гнильотъ причиняетъ отпаденіе плода (особенно это имѣетъ мѣсто въ той стадіи развитія плода, которая называется американцами „болъ“). Часто также на корни растенія нападаютъ черви, а на листъ гусеницы, уничтожающія волокна листа. Но все эти несчастія еще ничтожны сравнительно съ тѣмъ вредомъ, который причиняетъ хлопчатнику такъ называемый вооруженный червь (*army worm*). Появленіе этого червя сначала возбуждаетъ моль, едва замѣтная глазу, отличающаяся свѣтло-шоколаднымъ тѣломъ и такими же крыльями. Вскорѣ появляются тоже маленькія едва видимыя гусеницы, но онѣ скорѣе вырастаютъ и ползутъ съ листа на листъ; жирное тѣло ихъ имѣетъ весьма отвратительный видъ. Эти прожорливыя животныя въ нѣсколько часовъ могутъ опустошить обширныя плантаціи, переходя съ мѣста на мѣсто и оставляя за собою печальную пустыню и омертвленіе. Все попытки остановить опустошительное шествіе этихъ гусеницъ до сихъ поръ оказывались безплодными. Откуда онѣ являются—рѣшить трудно. Можно даже сказать, что онѣ какъ будто удаются съ неба или ихъ изрыгаетъ сама земля. Иногда желая остановить ходъ гусеницъ и предупредить ихъ нападеніе на неповрежденную еще ими плантацію, окапывали эту плантацію широкимъ ровомъ. Но страшныя животныя безчисленными миллионами бросались внизъ и покрывали почву рва на высоту отъ 1—2 футовъ, — рва, имѣвшаго протяженіе цѣлой англійской мили!.. Тогда про-

бвали другое средство: запрягали въ ярмо сильныхъ воловъ и заставляли ихъ волочить по рву, наполненному гусеницами, огромный стволъ дерева. Тогда стволъ казался плавающимъ въ густой отвратительной жидкости отъ раздавленныхъ гусеницъ, а на другой день эта раздавленная гниющая масса заражала и зачумляла воздухъ по всей окрестности,—такъ что нельзя было приступить къ плантаціи...

Сборъ хлопка на плантаціяхъ начинается въ концѣ іюля и непрерывно продолжается до самаго праздника Рождества Христова. Рабочіе отправляются на плантаціи съ корзинами и мѣшками; корзины становятся они въ рядъ на краю плантаціи, за сѣмъ сборщикъ хлопка привязывается къ своему тѣлу объемистый мѣшокъ или кузовъ и кладетъ въ него хлопокъ или волокна, снятыя съ плодовъ хлопчатника. Наполнивъ мѣшокъ, сборщикъ вытряхаетъ содержимое его въ корзину. Каждый рабочий можетъ среднимъ числомъ собрать отъ 250—300 фунтовъ (*) хлопка (съ сѣменами) въ день. Если погода во время сбора стоитъ хорошая, то собранный хлопокъ переносятъ съ плантаціи въ кладовыя. Иногда же—и это бываетъ всего чаще,—его разстилаютъ на особые подмости для просушки и за сѣмъ очищаютъ отъ всевозможныхъ нечистотъ. Къ характернѣйшимъ сценамъ фермерской жизни принадлежатъ возвращеніе съ плантаціи рабочихъ вечеромъ. Они тянутся тогда длинною веренищей, *гуськомъ*, неся каждый на головѣ наполненную хлопокомъ корзину. Впереди идетъ пошатый, обремененный большою ношей. И вся эта процессія, шествуя къ кладовымъ при сумеречномъ полусвѣтѣ среди торжественнаго, меланхолическаго молчанія, уподобляется скорѣе хору безплотныхъ тѣней, чѣмъ людей. Въ нижнемъ этажѣ каждой кладовой большою частью помѣщается машина для отдѣленія сѣмянъ отъ хлопка. Въ эту-то машину, по наклонной плоскости, спускаютъ изъ верхняго этажа кладовой хлопокъ еще содержащій въ себѣ сѣмена,—для очистки. Эта очистка отъ сѣмянъ происходитъ въ машинѣ слѣдующимъ образомъ. Хлопокъ проходитъ между острыми пилообразными, косвенно направленными зубцами (зубцовъ этихъ устроено отъ 20—80 на быстро вращающейся оси). Здѣсь расчесывается волокна хлопка и за сѣмъ хлопокъ пропускается сквозь отверстія плотной рѣшетки. Во время этого процесса зерна отскакиваютъ и остаются на рѣшеткѣ. Далѣе слѣдуетъ еще особый вращающійся аппаратъ („roller-gin“). Здѣсь хлопокъ проходитъ между гладкими или же выемчатыми, но во всякомъ случаѣ тѣсно другъ отъ друга отстоящими вальцами; такъ какъ разстояніе между вальцами слишкомъ тѣсно, чтобы зерна могли пройти между ними вмѣстѣ съ хлопокомъ, то послѣдній окончательно очищается между вальцами и отъ тѣхъ зеренъ, отъ которыхъ не могъ очиститься, проходитъ предварительно сквозь рѣшетку. Такая очищающая хлопокъ отъ зерна машина приводится въ движеніе 4-мя мулами, и можетъ очистить въ день хлопка около 4 кипъ приблизительно въ 450 фунтовъ вѣсомъ *). На большихъ хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ движущую силу для подобной машинной употребляютъ паръ. За сѣмъ, посредствомъ еще довольно примитивнаго способа, хлопокъ прессуется въ кипы, завязывается въ холсты—и товаръ готовъ къ разсылкѣ.

Количество сбора хлопка представляется весьма разнообразнымъ, смотря по почвѣ, климату, степени урожая и т. д. какъ уже сказано выше. Но вообще считаютъ за очень хорошій сборъ, если съ одного *моргена* плантаціи получится 1000 фунтовъ (или 25 пудовъ) сѣмянъ. Это же количество сѣмянъ, по пропорціи, соответствуетъ 300 фунтовъ (7½ пуд.) или 2/3 кипы очищеннаго хлопка.

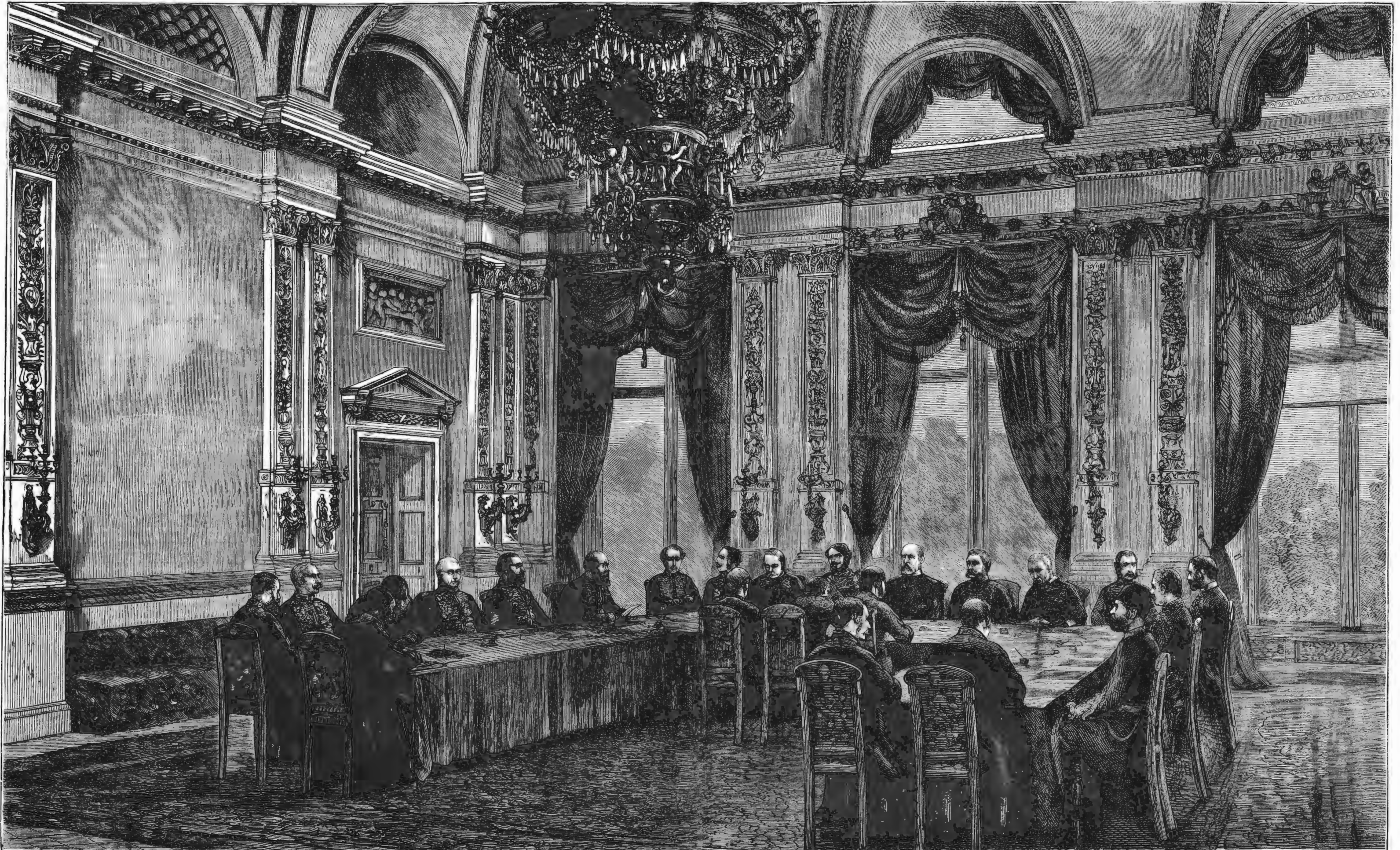
Правда, это еще не есть, такъ сказать, идеаль сборъ. Иногда бываетъ сборъ обильный *вдвое* или *втрое*, но это исключенія, а не общее правило. Опредѣленныхъ и точныхъ данныхъ о годовомъ сборѣ хлопка въ Америкѣ получить невозможно, такъ какъ статистическія показанія не позволяютъ сдѣлать точнаго заключенія. Тѣмъ менѣе нужно довѣрять статистикѣ въ ея выводахъ общихъ результатовъ сбора хлопка въ Америкѣ, что сохраненіе плода этого растенія, какъ мы сказали выше, подвержено многочисленнымъ случайностямъ. Нѣкоторые коммерческіе люди дѣлали въ различныхъ пунктахъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ только находится хлопковая плантаціи, сравнительныя вычисленія *впрямой* общей средней величины сбора, и оказалось, что, не принимая въ расчетъ максимума и минимума, эта вѣроятная общая цифра сбора должна простираться до 1,400,000 кипъ хлопка.

Но такъ-же какъ различны количество сбора, такъ точно различно и качество хлопка. Кромѣ хлопка, обыкновенно назначаемого для фабрикаціи тканей (потому что онъ легко принимаетъ все красящія вещества) отличающагося *бѣлымъ* или *слабо-желтымъ* цвѣтомъ и имѣющаго длину волокна 2, 5 и до 6-ти центметровъ, въ періоды развитія растенія означаемымъ терминномъ „болъ“ (см. выше) понадается еще хлопокъ съ короткими волокнами и, въ противоположность первому разряду, имѣющій желтый или даже зеленый цвѣтъ. Далѣе, нѣкоторыя волокна хлопка не совсѣмъ созрѣваютъ; тогда какъ зрѣлыя волокна свободны отъ зеренъ,—волокну, не созрѣвшее и

*) Такъ называемый американцами *исходней земль* (Bottom-land).

*) Т. е. отъ 6¼—7½ пудовъ.

*) 11¼ пудовъ.

Баронъ Убри. Графъ Шуваловъ. Секрет. Бухеръ. Ниязь Горчаковъ. Лордъ Россель. Маркизь Салисбюри. Лордъ Бисмофляндъ. Баронъ Гаймерле. Графъ Каролье. Графъ Андриши. Ниязь Бисмаркъ. Ваддингтонъ. Каратеадори-паша. Графъ Сен-Валье. Дюпре. Мохмедъ-Али-паша. Графъ Корти. Графъ Лоний.

Засѣданіе Европейскаго Конгресса въ Берлинѣ. (См. Политич. Изв. стр. 490). По рисунку въ Гг., грав. К. Вейерманъ.

окруженное толстою внешнею кожей (Cuticula) обыкновенно содержитъ въ себѣ зернышко; за тѣмъ такое волокно или плоско или имѣетъ винтообразную форму скрученной ленты часто покрыто ляннами, не имѣетъ внутри полости. Индigo и крапи-роза совершенно не окрашиваютъ такихъ незрѣлыхъ нитей (мертвый хлопокъ). Но независимо отъ этой массы примѣсей и нечистотъ, влияющихъ на цѣну хлопка, главнымъ образомъ различаютъ, какъ извѣстно, *два рода* хлопка: 1) „Short Staple“ или „Upland“ и 2) „Long Staple“ или „Sea-land“—хлопокъ. Первый состоитъ изъ короткихъ волоконъ и первоначально воздѣлывался въ Вест-Индіи, и оттуда перевезенъ потомъ въ Сѣверную и Южную Каролину, Георгію, Тенесси, Алабаму, Миссисипи, Луизиану, Арканзасъ, Флориду и Техасъ. Хлопокъ же „long-Staple“, повидимому происходитъ изъ Персіи. Онъ воздѣлывается теперь на берегахъ Георгіи, Южной Каролины и Флориды. По причинѣ недикости его волоконъ, хлопокъ этотъ употребляется для тончайшихъ и нѣжкѣйшихъ тканей. Часто производятъ ткани, соединяя его нити съ шелковыми, и достоинство ткани, по крайней мѣрѣ на глазъ, отъ этого ни сколько не уменьшается.

Теперь остается намъ сказать о ботаническихъ особенностяхъ хлопчатника и о примѣненіи этого матеріала къ нашему фабричному отечественному производству.

Въ ботаническомъ отношеніи хлопчатникъ принадлежитъ къ семейству *мальвовыхъ* (malvaceae). Всѣ растенія этого семейства обыкновенно покрыты звѣздчатыми волосками. Цвѣточная чашечка у нихъ пятилиственная или раздѣльная. Лепестковъ въ самомъ цвѣтѣ, который окружается чашечкою, 5-ть. Лепестки часто сростаются ноготками съ тычинковою трубкой (или трубкой женскаго органа). Плодъ состоитъ изъ многихъ сросшихся орѣшкови, по окончательномъ созрѣніи распадается на многіе орѣшки; въ другихъ же видахъ плодъ представляетъ *коробочку*, снабженную волокнистыми волосками. Примѣръ этого коробочкаго плода представляетъ и хлопчатникъ, подраздѣляющийся преимущественно на *три* вида: *gossypium herbaceum* g. religiosum и *g. arboreum*, составляющей предметъ нашей статьи. *На одномъ изъ прилагаемыхъ нами рисунковъ читатель увидитъ уже созрѣвшую и растрескивающуюся плодую коробочку, или капсулу хлопчатника.* (См. „Ниву“ № 26). Когда коробочки начнутъ уже растрескиваться, то это значитъ, что хлопчатникъ уже созрѣлъ, тогда-то и совершается *сборъ* или *жатва хлопка*. Выше мы описали, какъ этотъ сборъ дѣлается въ Сѣверной Америкѣ. Тамъ же, гдѣ хлопковые плантаціи незначительны, напримеръ у насъ въ Туркестанѣ, по созрѣваніи коробочекъ, ихъ срываютъ, высушиваютъ на тростниковыхъ рогожахъ, и потомъ отдѣляютъ маслянистыя сѣмена отъ окружающихъ волосковъ или волоконъ весьма простою машиною, состоящею изъ двухъ въ противоположныя стороны вращающихся валковъ. Такая машина, какъ само собою понятно для читателя, представляетъ только примитивный первоначальный видъ машины *Эли Уитнея*, которую мы описали выше. Она называется по англійски *Primitive Cotton-Gin* (Первобытная машина для чистки хлопка). Она представляетъ собою только отдѣльную часть машины Уитнея, взятой въ ея цѣломъ.

Впрочемъ и у насъ въ Россіи такая машина теперь употребляется не вездѣ, а только тамъ, гдѣ плантаціи хлопчатника уже слишкомъ скромны. Нужно замѣтить, однако, что сложная машина Э. Уитнея преимущественно необходима для сортовъ коротко-волокнистаго хлопка, называемаго по англійски *short-*

staple и отличающагося зеленоватымъ или желтоватымъ цвѣтомъ волокна.

Воздѣлывается же у насъ хлопчатникъ издавна во многихъ мѣстахъ Закавказья; особенно же по бассейну рѣки *Куръ*, воздѣлываются оба главные вида хлопчатника и *gossypium herbaceum* и *gossyp. arboreum*, т. е. однолѣтній *деревянистый* и *травянистый* хлопчатники.

Во всякомъ случаѣ наше русское хлопчатобумажное производство, и именно въ смыслѣ приготовления фабрикатовъ (такъ какъ большую часть сырого матеріала или хлопка мы все таки получаемъ изъ Америки) принадлежатъ къ самымъ блестящимъ отраслямъ нашей производительности, и можно даже сказать, что ненависть къ намъ Англій, ея опасенія нашего соперничества въ Средней Азій въ значительной степени происходятъ отъ того, что мы сдѣлали громадные успѣхи въ фабрикаціи хлопчато-бумажныхъ тканей, въ каковой фабрикаціи англичане желали бы видѣть себя монополистами во всемъ мѣрѣ... Со времени же занятія нами разныхъ областей въ Средней Азій, разумѣется, представляется намъ возможность услытъ и наши собственные плантаціи хлопка. Замѣчательно, что еще вскорѣ по занятіи нами Ташкента, извѣстный венгерскій путешественникъ *Вамбери* (о которомъ у насъ была статья въ прошломъ 1877 году, „Нива“ № 27) изъ всѣхъ силъ выхвалялъ средне-азиатскій хлопокъ—съ понятною цѣлю—подстрекнуть и возбудить ревность англичанъ. Говоря безпристрастно и основываясь на мнѣніи людей компетентныхъ, нужно сказать, что достоинства средне-азиатскаго хлопка вообще не очень-то изъ высокихъ.

Уже до 1870 г. общая стоимость нашихъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій оценивалась въ 60 милліоновъ рублей. Нѣтъ сомнѣнія, что эта сумма до настоящаго времени должна была увеличиться. Изъ хлопка у насъ готовится, во первыхъ, *пряжа*; изъ этой пряжи воздѣлываются *ткани простые, миткали, нанки, ситцы, кумачъ, холстинки*. Изъ лучшей хлопчато-бумажной пряжи (1-го сорта) у насъ выдѣлываются и лучшія матеріи, напр., *кисея, жаконетъ, плизъ* и пр. Нѣкоторые изъ бумажныхъ тканей на нашихъ фабрикахъ выдѣлываются прямо изъ окрашенной пряжи, другія же окрашиваются и набиваются въ кускахъ. Большая часть хлопка выпраядается на нашихъ внутреннихъ бумагопрядильныхъ, устроенныхъ въ послѣдніе два-три десятка лѣтъ. Бумагопрядильни эти расположены преимущественно въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Московской, Владимірской, Рязанской. Тканье бумажныхъ издѣлій у насъ издавна производилось двойнымъ образомъ: и *на фабрикахъ* и просто въ *избахъ* самими фабричными крестьянами. Послѣдній видъ промышленности былъ въ особенности распространенъ въ уѣздахъ Александровскомъ, Юрьевскомъ, Шуйскомъ. Въ послѣднемъ находилось знаменитое село Иваново, обращенное теперь въ городъ *Иваново-Вознесенскъ*, слышущій нашимъ отечественнымъ Манчестеромъ.

На фабрикахъ Владимірской губерніи болѣе всего выдѣлываются простые бумажныя ткани; высшіе же сорта производится въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Этими же городамъ принадлежитъ и первое мѣсто въ бѣленіи и набивкѣ бумажныхъ тканей. Въ г. Александровѣ бумажная пряжа окрашивается въ красный цвѣтъ и краска для этого готовится изъ дербентской марены. Лучшій плизъ у насъ производится въ Ригѣ.

Стр.

Политическая и внутренняя извѣстія.

О текущихъ занятіяхъ конгресса наши читатели знаютъ изъ еженедѣльныхъ политическихъ обзорѣицъ „Нивы“. Въ настоящемъ обзорѣицѣ, прежде передачи свѣдѣній о результатахъ засѣданія конгресса, сообщимъ, по поводу помѣщеннаго въ этомъ номерѣ рисунка, нѣсколько свѣдѣній о членахъ конгресса. Представители Россіи на конгрессѣ извѣстны читателямъ. Переходимъ къ представителямъ другихъ державъ.

Уполномоченные со стороны Германіи: *Князь Бисмаркъ*, г. *Буловъ*, и князь *Гогенлоэ*. Знаменитому Германскому имперскому канцлеру въ настоящее время уже исполнилось 63 года отъ роду.—Г. *Буловъ* занимаетъ постъ помощника государственнаго секретаря въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и родомъ онъ изъ Мекленбурга. Началомъ карьеры этого государственнаго челоука были близкія его отношенія къ Бисмарку (тогда еще графу) на Франкфуртскомъ сеймѣ.—Князь *Гогенлоэ*—бывшій прусскій посолъ въ Парижѣ съ 1866—70 г.г. главный уполномоченный иностранныхъ дѣлъ и президентъ совѣта. Въ 1874 г. онъ состоялъ германскимъ посломъ въ Парижѣ. Онъ моложе князя Бисмарка только 4 годами.

Со стороны Великобританіи: Лордъ *Биконсфильдъ*, Марквизъ *Салисбери* и Лордъ *Одо Россель*. Предшествовавшая карьера Биконсфильда слишкомъ извѣстна, чтобы намъ останавливаться на ней. Но карьера Салисбери въ прошедшемъ далеко не блестяща; онъ получилъ по наслѣдству отъ предковъ свой марквизатъ и перство и сдѣлался членомъ англійскаго парламента и писателемъ. Лордъ Одо Россель игралъ важную роль

въ сношеніяхъ съ Римомъ и Франціей до и во время Франко-Прусской войны 1870 г.

Со стороны Австро-Венгріи: графъ *Андраши*, баронъ *Гаймерле* и графъ *Кароль*. Графу Андраши теперь уже 55 лѣтъ (род. въ 1823 г.). По происхожденію истый венгерець, одинъ изъ блестящихъ первоклассныхъ ораторовъ и государственныхъ людей, и впервые обнаружилъ свои необыкновенныя дарованія на Пештскомъ сеймѣ въ 1844 году. Какъ участникъ въ революціи 1848 года, Андраши былъ осужденъ на смерть и заочно казненъ, и только въ 1860 г. получилъ амнистію. Съ 1871 г. сдѣланъ премьеръ-министромъ Австро-Венгріи, вмѣстѣ извѣстнаго Графа Бейста. Прошедшее остальныхъ двухъ австро-венгерскихъ уполномоченныхъ не представляетъ ничего выдающагося.

Со стороны Франціи: Министръ иностранныхъ дѣлъ *Ваддингтонъ*, въ отношеніи научномъ одинъ изъ лучшихъ археологовъ нашего времени, и г. *Сен-Валье*. Политическая карьера Ваддингтона началось въ 1871 г. Онъ англійскаго происхожденія, хотя родился въ Парижѣ. Прежде г. Ваддингтонъ занималъ постъ министра народнаго просвѣщенія, въ кабинетахъ: Рикара, Дюжора, Мирсера и Жюль Симона. Графъ Сен-Валье—французскій посолъ въ Берлинѣ, занявшій этотъ постъ послѣ Гонтон-Бирона. Во время правительства Тьера, вскорѣ по окончаніи франко-прусской войны. Сен-Валье были даваемы нѣкоторыя весьма важныя порученія. Подобно Ваддингтону, Сен-Валье состоитъ также сенаторомъ.

Со стороны Италіи: г.г. *Корти* и *Лонай*. Графъ Корти—по происхожденію пиемонтецъ; былъ полномочнымъ представителемъ Италіи сначала въ Испаніи, а потомъ въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ. Въ настоящее время Корти италійскій министръ иностранныхъ дѣлъ и членъ сенаторъ. Графъ Лонай—тоже пиемонтецъ, состоитъ посломъ въ Берлинѣ.

Со стороны Турціи: *Каратеодори-паша*, мустехаръ (или одинъ изъ высшихъ чиновниковъ) министерства иностранныхъ дѣлъ; по происхожденію грекъ, родился въ Константинополѣ. За симъ остальные турецкіе представители—*Садумлахъ-бей* и извѣстный *Мекемедъ-Али-паша*. Послѣдній—французскаго происхождения, но родился въ Пруссіи.

Требованія румынъ, относительно Бессарабіи какъ и слѣдовало ожидать, не могли быть удовлетворены конгрессомъ. Хотя непосредственно по прочтеніи Румынской меморіи о Бессарабіи, между членами конгресса и завязались оживленныя пренія, но они пока ни къ чему не привели. Англія и Австрія, признавая право обладанія Бессарабіею за Россіей, внесли предложеніе, чтобы Румыніи, кромѣ вознагражденія ея Добруджю (длинною восточною приморскою частью Болгаріи) взаимнѣ Бессарабіи, былъ отданъ еще *Клайскій* рукавъ Дуная, съ прилегающею къ нему полосою земли. Россія же, съ своей стороны, предложила вознаграждать Румынію, кромѣ Добруджи, еще и сѣверо-восточною частью Болгаріи, отъ *Мангалы* до *Силистрии* *). Этого бы, кажется, уже довольно для Румыніи.

По Румынскій, или, выражаясь частіею, Бессарабскій, вопросъ, однакоже, снова предполагается подвергнуть обсужденію на конгрессѣ. Само по себѣ, это обстоятельство еще не представляло бы особой важности, но конгрессу предстоитъ достаточно обсужденій по другимъ вопросамъ. Дѣло усложнилось тѣмъ, что Австрія выразила намѣреніе занять своими войсками Боснію и Герцеговину и для этой цѣли уже приготовила 4 пѣхотныя дивизіи (до 60 тысячъ человекъ). На эту военную оккупацию изъявили согласіе и другія державы въ лицѣ своихъ пріисутствующихъ на конгрессѣ представителей. Но турецкіе уполномоченные, и вообще-то до сихъ поръ выражавшіе упорство относительно рѣшеній конгресса,—еще рѣшительнѣе и упорнѣ высказались противъ военнаго занятія австрійскими войсками Босніи и Герцеговины и прибавили, что они не получаютъ на этотъ счетъ *инструкцій* отъ своего правительства, что эта оккупация „не предусматривана“ и въ Сай-Стефанскомъ договорѣ, что, слѣдовательно, она несправедлива, противна всякому международному праву. Австрія съ своей стороны отстаиваетъ свое *право оккупации* Босніи и Герцеговины тѣмъ, что ей нужно *водворить* на мѣсто жительства боснійскихъ бѣглецовъ, на которыхъ она потратила до 9-ти милліоновъ гульденовъ. Противъ такого расчета, конечно возразить что либо трудно. Но дѣло въ томъ, что своею воинственною мѣрою Австрія возбуждаетъ невольныя общія подозрѣнія, особенно же со стороны сопредѣльной ей Италіи. А ну,—если Австрія намѣрена прирѣзать себѣ территорію—и можетъ быть водвореніе босняковъ только предлогъ?.. Если такъ, то Италія не прочь заявить свои болѣе основательныя требованія на *Тироль*, имѣющій національную естественную связь съ Италіей, а не съ Австріей... Словомъ, взаимные непріязненные элементы, подозрѣніе, недоверчивость, мало но малу пробуждаются въ державахъ, всего болѣе казавшихся нейтральными... А всему даль импульсъ еще не совсѣмъ и не для всѣхъ нонитный шагъ Австріи—занять Боснію и Герцеговину. Упорство Турціи и выжиданіе ею особыхъ инструкцій представляется пока какимъ-то неопредѣленнымъ аксессуаромъ общаго положенія дѣла. Уже существуютъ слухи, что Порта, сознавъ безуспѣшность сопротивленія Австріи, рѣшится подстрекнуть боснійскихъ беговъ къ возстанію, которое разумѣется, легко придетъ въ связь съ Родонскимъ возстаніемъ, для поддержки котораго найдется много и другихъ побочныхъ элементовъ. Австріи нужны деньги, и она хочетъ сдѣлать экономію, выслѣивъ босняковъ. Турціи нужны деньги—и она сдѣлала заемъ, обезпеченіемъ погашенія котораго представлена *дань* съ Египта, но эта дань уже *заложена* Франціи и Англіи, при помощи которыхъ Турція совершила свой заемъ. (Египетская дань заложена въ 50 милліоновъ рублей на наши деньги). Теперь ясно ли, какая совершается круговая порука?.. Виржевая комбинація сдѣлана ловко, и этимъ подготовлена почва для разныхъ политическихъ комбинацій участвующихъ въ конгрессѣ державъ.

Что касается военнаго вознагражденія собственно Россіи, то не смотря на его близкую связь съ общою комбинаціею въ отношеніяхъ другихъ державъ къ Турціи, вопросъ этотъ еще не выступалъ на очередь... Мы увидимъ, конечно, вскорѣ, какъ и въ какой формѣ онъ выступитъ на эту очередь...

Покажемъ дѣло шло и идетъ только о границахъ. Мы уже знаемъ изъ предшествовашаго обзорія („Нива“, № 26), что Балканы назначены пограничною чертою Болгаріи, что Балканскіе проходы по рѣшеніямъ конгресса остаются въ рукахъ турокъ, съ предоставленіемъ имъ права содержать въ проходахъ военныя гарнизоны или стражу. Теперь извѣстно кое-что болѣе

новое и опредѣленное. Площадь до Балканъ съ юга, названіе которой придумывали, будетъ называться *Румелией* и будетъ раздѣляться на „восточную“ и „западную“. При этомъ извѣстно, что хотя Балканскіе проходы и будутъ находиться въ рукахъ турокъ, но *Собія* со своимъ сандакомъ уже предоставлена болгарамъ. Точно также въ рукахъ болгаръ остается и приморская крѣпость *Варна*. Въ засѣданіи конгресса (8 по числу) бывшемъ 16-го (28-го) іюня, князь Бисмаркъ, выслушавъ выраженія неудовольствія турецкихъ уполномоченныхъ, по поводу нѣкоторыхъ пунктовъ новой организаціи Болгаріи (Турція, какъ видите, остается еще недоволюю!), рѣзко произнесъ: „Порта должна быть благодарна конгрессу, что онъ *сохраняетъ за нею южную Болгарію*, которая по всякому праву, могла быть и вовсе потеряна для Турціи!“... Да, если право должно находиться на сторонѣ побѣдителей, а на сторонѣ побѣжденныхъ покорность или по крайней мѣрѣ возможно-тѣсное ограниченіе права, то, конечно, такъ должно было быть... но, по какой-то странной игрѣ судьбы случилось не такъ. Былъ поднятъ и вопросъ о срытіи турецкихъ крѣпостей, но опредѣленные результаты по этому предмету неизвѣстны. За симъ идутъ еще на конгрессѣ разсужденія объ установленіи границъ Сербіи и переговоровъ о Черногоріи, еще не приведшіе къ опредѣленному результату.

Что касается Греціи, то европейскіе уполномоченные настаиваютъ, чтобы Порта обратила вниманіе на *законныя требованія этой страны*. А требованія эти состоятъ въ томъ, что Греція требуетъ присоединенія къ себѣ Эпира, Фессаліи и Кандіи... Объ интересахъ Греціи съ особеннымъ рвеніемъ хлопочетъ французскій уполномоченный г. Вадингтонъ.

Далѣе, на очередь выступаетъ вопросъ о нашихъ границахъ въ Малой Азій и особенно вопросъ о Батумѣ. Англія изъ всѣхъ силъ противится, чтобы Батумъ отошелъ къ Россіи. Турція уже неоднократно заявляла, что Батумъ можно взять только съ бою. Виконсильдъ прямо выразился, что Англія не можетъ допустить „отдачи Батума Россіи“ и довольно прозрачно намекнулъ, что *одина* вопросъ о Батумѣ въ состояніи уничтожить всѣ добытые конгрессомъ результаты... Англійская пресса почти единогласно утверждаетъ, что въ „самомъ благоприятномъ для Россіи случаѣ Батумъ можетъ быть обращенъ въ *порт-франко*“ (другими словами—быть почти безусловно въ рукахъ Англіи). Этой уступки ожидаетъ отъ насъ Англія, какъ логическаго послѣдствія всѣхъ нашихъ предшествовавшихъ уступокъ...

Вопросъ о мало-азіатскихъ нашихъ границахъ и о Батумѣ будетъ по всей вѣроятности разсматриваться въ ближайшихъ засѣданіяхъ конгресса. Теперь же пока скажемъ, что конгрессъ если еще не совсѣмъ рѣшилъ, то стремится рѣшить, чтобы *турецкій* государственный долгъ былъ *разложенъ на всѣ освобожденные и получающія автономію провинціи Турціи* (т. е. Болгарія пріагетъ роль вола, съ котораго предполагается содрать вторую шкуру).

Изъ другихъ событій (собственно на Балканскомъ полуостровѣ и около него),—за прошлую недѣлю продолжалось возстаніе въ Кандіи; продолжается ожесточенный бой у сел. Апокорони. Большая часть нашихъ войскъ выступила изъ Русука въ Силистрию. Въ Румыніи осталось только 25,000 русскихъ.

Въ Далмаціи выставлена 8-я пѣхотная дивизія, со стороны Австріи, противъ Черногоріи и Герцеговины, каковая операція находится въ связи съ общимъ планомъ занятія австрійскими войсками Босніи и Герцеговины.

На прошлой недѣлѣ молодая испанская королева серьезно заболѣла и 14 (26) іюня скончалась.

Отъ Имени Государыни Императрицы ассигнована сумма въ 3,000 р. для раздачи нуждающимся горюльникамъ г. Мензелинска, и Уфимскому Губернатору для той же цѣли открыть кредитъ на такую же сумму въ мѣстномъ казначействѣ.

Мѣсто для Сибирскаго университета, наконецъ, избрано: на дняхъ послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе учредить этотъ первый сибирскій университетъ въ г. Томскѣ, съ 4 факультетами: историко-филологическимъ, физико-математическимъ, юридическимъ и медицинскимъ.

Въ прошедшемъ году сибирскія золотопромышленники имѣли большія надежды на крупную добычу золота въ Приморской Области Восточной Сибири, но ожиданія ихъ не оправдались и прошедшій 1877 г. далъ, какъ сообщаютъ официальные свѣдѣнія, только 12¹/₂ пуд. золота. Заговоривъ о Сибири, сообщимъ, что нынѣшней весною рѣка Селенга (въ Восточной Сибири) разлилась такъ сильно, противъ обыкновенія, что затопила мѣстность на протяженіи 30 верстъ между Верхнеудинскомъ и Кабанскомъ. Высота воды на затопленныхъ мѣстахъ достигаетъ трехъ аршинъ. Разливомъ повреждена телеграфная линия, соединяющая Иркутскъ съ Верхнеудинскомъ и со всей вообще восточной частью Сибири, а также съ Японіей и Китаемъ. На Верхнеудинскъ сразу два бѣдствія: 10 іюня вспыхнулъ пожаръ при страшномъ вѣтрѣ и испепелилъ большую половину города, а разлитіе р. Селенги угрожаетъ затопить уцѣлѣвшую отъ огня низменную часть этого города.

Пожары, какъ мы уже не разъ говорили, приносятъ намъ громадные въ общей сложности убытки. Мѣры предосторожности,

*) Силистрія на Дунаѣ; Мангалы—важный пунктъ на берегу Чернаго моря.

всегда предписываемые законом плохо как то прививаются къ характеру русскаго человѣка. Впрочемъ все таки не безъ прогресса и въ этомъ дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, въ уфимскихъ селеніяхъ г. Царицина для предотвращения пожаровъ шпешней весной произведено разсаживаніе между избами деревьевъ и выписано до двадцати пожарныхъ трубъ, которыя распределены по деревнямъ.

Съ открытіемъ правильного пассажирскаго и товарнаго движенія участка дороги отъ Новгородѣ до Старой Руссы, предполагается оставить опасное пароходное сообщеніе по Ильменью. Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ числѣ товаровъ, перевозимыхъ по Новгородской узко-колейной желѣзной дорогѣ самое видное мѣсто занимаетъ пресованное сѣно, котораго привозится въ Петербургъ ежегодно до нѣсколькихъ миліоновъ пудовъ.

Срочные пассажирскіе пароходы чуть не каждую недѣлю привозятъ съ Кавказа въ Севастополь большихъ и раненыхъ. Изъ Севастополя большихъ и раненыхъ везутъ въ Россію. Число слабосильныхъ и тифозныхъ, назначенныхъ на южный берегъ Крыма и въ Николаевъ, доходитъ до 25.000. Коммерческая дѣятельность Севастополя, можно сказать, процвѣтаетъ. Ежедневно приходятъ и отходятъ въ гавань заграничныя суда и пароходы, грузятся пшеницею. Съ открытія навигаціи, съ половины февраля, отправлено уже до 3.000.000 пуд. одной пшеницы, не считая на то, всѣхъ пять городскихъ магазиновъ переполнены пшеницей.

Ловъ сельдей въ Астрахани только что окончившійся отличался въ нынѣшнемъ году особеннымъ обиліемъ. Всѣми астраханскими рыбопромышленниками поймано и заготовлено сельдей 150 мил. рыбъ—болѣе прилаго года на 46 миліон.

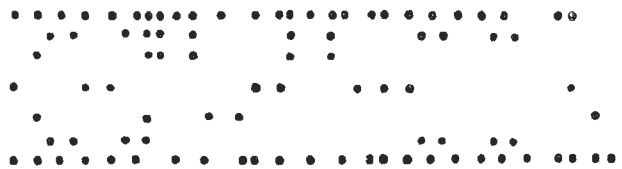
Изъ Казани сообщаютъ, что послѣднее время толпы нищихъ, наполнившія улицы города, теперь исчезаютъ. Губернское земство выдало пострадавшимъ отъ неурожаа крестьянамъ около 900.000 руб. на обезпеченіе полей, неизвѣстно отъ 700.000 выданныхъ имъ же на продовольствіе. Сумма 1.600.000 р. распределенная какъ сказано выше, составляетъ ссуду, выданную земству правительствомъ на удовлетвореніе нуждъ крестьянскаго населенія. Частныя же пожертвованія на этотъ предметъ всей Россіи едва достигаютъ 3.000 руб.

На дняхъ изъ Петербурга отправляется правительственная коммисія для открытія второго рельсоваго пути отъ пункта соприсоединенія Бресто-Гравеской желѣзной дороги съ Петербурго-Варшавской до пограничной русско-прусской станціи Вержболово. Съ 1-го же сентября предложено открыть второй рельсовый путь на всемъ протяженіи отъ Динабурга до Вержболова. Работы съ этой цѣлю производятся самымъ дѣятельнымъ образомъ.

19 іюня въ полдень, въ Якобштадтѣ вспыхнулъ большой пожаръ уничтожившій около 300 домовъ, или почти двѣ трети города. Между прочимъ сгорѣли казначейство и русская церковь.

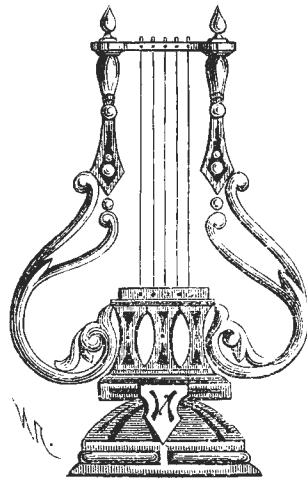
ЗАДАЧИ.

Точки.

Эти точки заключаютъ въ себѣ слово, составляющее названіе одного знаменитаго города.

Лира съ бунвами.

Въ этой лирѣ помѣщены буквы, составляющія фамилію одного изъ славныхъ русскихъ писателей.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Лѣсной. Б. Паргол. дор. № 57. Э. де Э. Благодаримъ, но за обиліемъ матеріала не возьмемъ.

2. СПб. Гороховая В. И К—у. Принять можемъ, но необходимо прежде всего видѣть ихъ. Запишите или принлите. Отверъ дадимъ почтой.

3. Москва. В. Н. Токмансву. За сообщеніе очень благодаримъ, но теперь оно уже слишкомъ запоздало.

4. Таганрогъ. М. Зал—ву. Пѣть въ вашихъ стихахъ того, что бы могло ихъ видѣлить изъ массы имъ подобныхъ, ежедневно появляющихся на нашемъ столѣ.

Тиражъ выигршей перваго внутреннаго займа, произведенный 1-го іюля, будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ № „Нивы“, такъ какъ 2-й листъ этого номера начатъ печатаніемъ съ 27-го іюня.

СОДЕРЖАНІЕ: Всемирная выставка въ Паризѣ (съ 5 рис). Ор.—Часы. (Разсказъ изъ воспоминаній дѣтства) П. См—снаго. — Дѣтскія забавы въ деревнѣ (съ рис.) Z.—Хлопчатникъ и его культура (окончаніе). — Политическія и внутреннія извѣстія. — Засѣданіе Европейскаго конгресса въ Берлинѣ (съ рисункомъ). — Задачи. — Почтовый ящикъ. — О тиражѣ. — Объявленія. — При этомъ № прилагаются: «ПРИНЦИПЫ МОДЫ» за ІУЛЬ съ 27 рисунк. и отдѣльный листъ съ 24 чертежами выкроекъ, съ 36 рисунками рукодѣльных работъ и съ разными бунвами для мѣтки бѣлья.

Издатель А. Ф. МАРНСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ВЫШЛА ПОЛЬСКАЯ КНИЖКА „СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ.“

СОДЕРЖАНІЕ: Таинственное происшествіе въ современной Венеціи Уилья Коллинза Старость Лекко, Фортюне дю-Буагобая, (Окончаніе). Попенджой ли онъ? Энтони Троллопа. Три герцогини, Арсена Гуссе. Какъ окончилъ бы Диккенсъ „Тайну Эдуина Друда“.

Кромѣ романа, оконченнаго въ этой книгѣ, въ вышедшихъ шести книгахъ нынѣшняго года, оконченны уже пять романовъ: ВОЛОКИТА МУЖЪ Флоренціи Марьеть. СИГНАЛЬ БѢДСТВІЯ, Майна Рида. МУЖИНА ЖЕНА. Теккеря. ТЫСЯЧА И ОДНА СУПРУЖЕСКАЯ НОЧЬ, Катрелля. СТРАНИЦА ЛЮБВИ, Эмиля Золя.

Къ печати приготовлены: ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОКА, изъ событий въ Константинополѣ, Антоніи Жофре. УБИСТВО ВЪ ДОМѢ ПОДЪ № 13, Рене де-Пон-Жюста. МАС-ГОРКА, Густава Эмара.

Цѣна за годовое изданіе, 12 книгъ большаго формата, составляющихъ въ концѣ года около пяти тысячъ страницъ, безъ доставки десять рублей пятьдесятъ коп., съ доставкою въ С. Петербургъ—одинадцать руб.; для иногородныхъ подписчиковъ—двѣнадцать.

Подписка принимается исключительно на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ редакціи «Собранія Романовъ», въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С. Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ зышедшія книги съ № 1-го. При редакціи открыта книжная торговля; высылаются всѣ книги, опубликованныя въ газетахъ, и принимается подиска на всѣ періодическія изданія. № 168 1

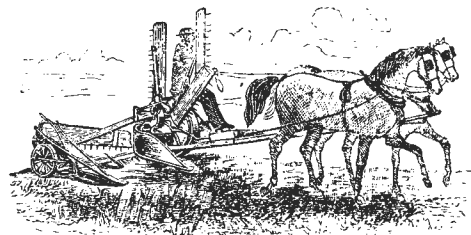
ЗОННЕНБЕРГЪ-ОТЕЛЬ

И ПАНСИОНЪ ЗЕЛИСБЕРГЪ.
Вальдштетское озеро въ Швейцаріи.

Открытие 1 Мая.

Владѣлецъ вышепоименованныхъ гостинницъ рекомендуетъ

№ 165 3—3 **М. Трутманъ.**

Getreide Maehmaschinen
ХЛѢБОКОСИЛКИ

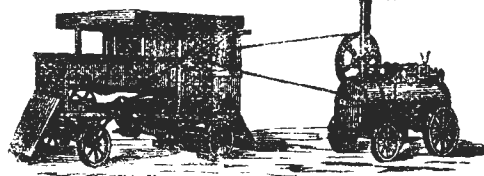
съ ручнымъ отлежаніемъ . . . 250 р. Mit Handablage für Kubel. . . 250 р.
съ самодѣйствующ. отлежаніемъ 400 р. Mit Selbstablage für Kubel . . 400 р.
Жатвенныя грабли, самодѣйств. 120 р. Ernterechen selbstthätig für Kubel 120 р.

Moritz Weil jr Masch, Fabrik, Frankfurt a/M Deutschland.
Морицъ Вейль младшій машинный заводъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ въ Германіи. № 167 4—2

МОЛОТИЛКИ по новейшей системѣ ВЕЙЛА отъ 350 рейхсмарокъ или 175 руб. и дороже.

САМАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ, ПРОЧНАЯ, ДЕШЕВЫЯ И СОЛИДНЫЯ

MORITZ WEIL JUN. in FRANKFURT A M

Одноконныя, готовыя къ употребленію отъ 350 рейхсмарокъ или 175 руб.
Двуконныя " " " " отъ 430 рейхсмарокъ или 200 руб.
Четырехконныя " " " " отъ 500 рейхсмарокъ или 220 руб.
Шестиконныя " " " " отъ 650 рейхсмарокъ или 320 руб.

Moritz Weil младшій въ Франкфуртѣ на Майнѣ.
Иллюстр. прейсъ-курantz по желанію бесплатно и франкированный. 158 5—3

№ 28

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Выданъ 10 Іюля 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 для напечатанія въ
 «Нивѣ» принимаются
 по 25 к. за строку
 конпарейль (въ 1/2
 ширины страницы).

КОНТОРА
 журнала открыта
 ежедневно (кроме
 Воскресенья) отъ 10 ч.
 утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ ин.
 маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг.
 города Россіи . . . . . 6 „

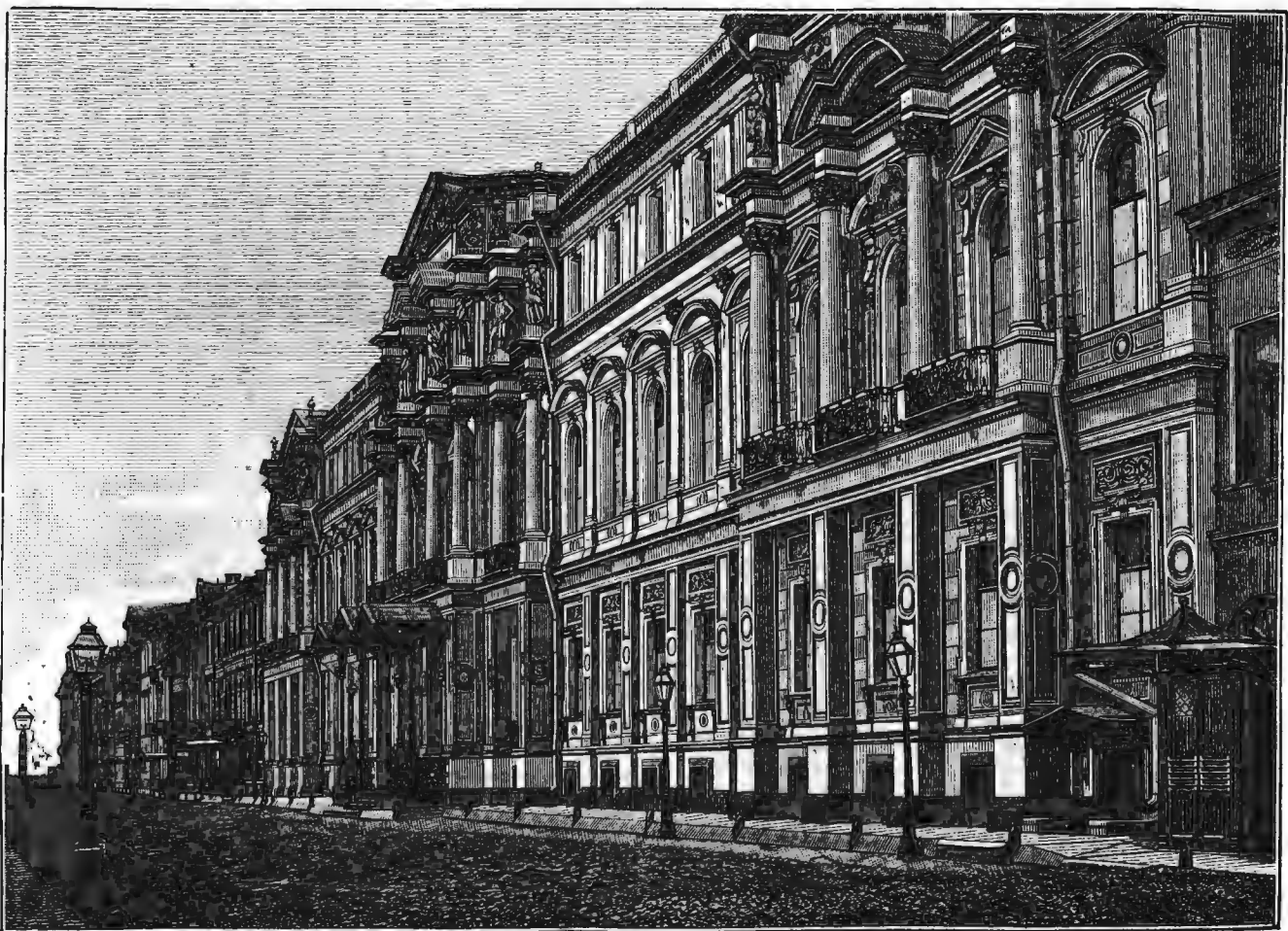
Также принимается подписка на 1/2 года съ 1 Іюля 1878; безъ дост. 2 р., съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р.
 КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» помѣщается въ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особыя приложенія
 объявленія въ «Ни-
 вѣ» иногор. по 5 р.
 съ тысячи, городс-
 кинъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
 Мелкія рукописи и
 стихи, неудобные къ
 печати, авторамъ не
 возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1878 г. №№ «Нивы» со всѣми приложеніями.

Дворецъ В. К. Михаила Николаевича въ С.-Петербургѣ.

Дворецъ Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича, на набережной Большой Невы въ С.-Петербургѣ. Съ фотогр. грав. Пуцъ-

Дворецъ В. К. Михаила Николаевича въ С.-Петербургѣ.

Знакомъ читателей нашихъ съ зданіями современнаго Петербурга, мы не разъ уже помѣщали рисунки, изображающіе виды этихъ зданій. Но знакомъ читателей съ зданіями современнаго Петербурга, мы находимъ въ то же время, что заслуживаетъ общественнаго вниманія не только современное состояніе этихъ зданій, представляющихъ, конечно, извѣстный интересъ болѣе всего, пожалуй, въ архитектурномъ отношеніи; но главнымъ образомъ интересъ составляетъ, такъ сказать, исторія этихъ зданій или той мѣстности, гдѣ онѣ находятся. Это прошлое Петербурга, выступая изъ своего туманнаго сумрака, интересно, какъ вообще интересно все-то, что ушло отъ насъ въ невозвратную вѣчность. Тамъ,

Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій нѣводъ,—нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣнятся
Дворцовъ и башенъ, корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ тѣнятся.

Таковъ современный Петербургъ.

Помѣщая въ этомъ номерѣ рисунокъ, изображающій дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича, считаемъ не безынтереснымъ привести здѣсь нѣкоторыя существенныя черты, дающія представленія о томъ состояніи той части города, въ которой находится зданіе вышеупомянутаго дворца.

Дворецъ этотъ, какъ извѣстно, находится на берегу Большой Невы, на лѣвой сторонѣ по ея теченію, недалеко отъ Мраморнаго дворца, видъ и писаніе котораго были помѣщены въ № 21 Нивы настоящаго года.

Дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича отстоитъ также на незначительномъ разстояніи отъ Зимняго Дворца.

По плану Петербурга, составленному въ 1705 г. видно, что самая значительная и роскошная теперь часть города была въ то время почти незаселенной; было только Адмиралтейство да нѣсколько домовъ на берегу Невы. Въ 1716 году видъ Петербурга совершенно перемѣнился, и на берегу Невы близъ устья Фонтанки уже были построены лѣтній дворецъ Петра съ разведеннымъ при немъ такъ называемымъ Лѣтнимъ садомъ. Лѣтній садъ отдѣлялся отъ примыкавшаго къ нему луга, (теперь Царицына) каналомъ, а отъ Царицына луга по берегу Невы къ Адмиралтейству шелъ рядъ зданій, начинаясь почтовымъ домомъ, отдѣленнымъ отъ площади каналомъ, соединявшимъ Неву съ Мойкой. Каналъ этотъ теперь, какъ извѣстно, не существуетъ, зарытъ, какъ излишній. Это пространство между почтовымъ домомъ и Адмиралтействомъ при Петрѣ носило названіе Нѣмецкой слободы, а на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Преображенскія казармы, былъ построенъ Зимній дворецъ, сдѣланный въ голландскомъ вкусѣ со шпичемъ. На мѣстѣ, занимаемомъ нынѣшнимъ Зимнимъ дворцомъ въ 1720 годахъ были построены дома графа Рагузинскаго, Крейса, графа Апраксина, и крайнія къ адмиралтейству Кикина палаты. Къ нимъ присоединились дворы Ягужинскаго, Чернышева, Олсуфьева и такъ называемыя Желтыя палаты. Возлѣ стараго зимняго дворца былъ проложенъ каналъ и теперь извѣстный подъ названіемъ Зимней канавки. Черезъ эту канавку на мѣстѣ нынѣшнихъ каменныхъ мостовъ

тогда переброшены были подъемные мостики. Въ 1723 г. всѣ зданія вышеупомянутыхъ владѣльцевъ были куплены казною подъ придворныя постройки. По участь, постигшая ихъ, все такъ несравнима съ тою участію, какая выпала на долю палатъ Кикина. Смотри на нихъ можно было сказать „такъ проходитъ слава міра“ и это изрѣченіе всего ближе шло конечно къ этимъ палатамъ Кикина. Славныя когда то широкою жизнію, лившеюся въ нихъ свободной волной, и знаменитыя по извѣстности ихъ обладателя, онѣ, эти палаты, были конфискованы и отданы подъ Морскую академію еще при жизни хозяина. Такая участь постигла эти палаты за приверженность ихъ владѣльца къ партіи царевича Алексѣя Петровича.

Иная доля выпала на долю палатъ великолѣпнаго дома графа Апраксина. Этотъ домъ еще за долго до его сломки послужилъ мѣстомъ жительства Императрицы, Анны Иоановны, поселившейся въ немъ въ первое время послѣ своей коронаціи. Въ 1732 г. по ея повелѣнію и по плану архитектора Растрелли на этомъ мѣстѣ началъ строиться настоящій Зимній дворецъ.

Такъ измѣнился съ того времени видъ дворцовой набережной, украшенной теперь какъ зданіемъ Императорскаго Зимняго дворца, такъ между прочимъ и дворцами Великихъ Князей: Константина Николаевича, Владиміра Александровича и Михаила Николаевича.

Съ того отдаленнаго времени, которое мы припоминаемъ теперь, говоря о прежнемъ Петербургѣ, многое въ немъ весьма существенно измѣнилось, украсившись новыми постройками. Пожалуй, здѣсь не будетъ лишнимъ привести слова Грибоѣдова, сказанныя о Москвѣ, но одинаково примѣнимыя и къ Петербургу, а именно, что

„Дома новы, да предразсудки стары,
Порадуйтесь, пейстребять
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары“..

Впрочемъ не всѣ дома „новы“. Такъ напримѣръ, зданіе Адмиралтейства остается до сихъ поръ въ прежнемъ видѣ, почти неизмѣнившимся ни въ чемъ (за весьма незначительными исключениями). Это зданіе до сихъ поръ на томъ же мѣстѣ, гдѣ было со времени своего основанія.

Мѣсто, которое занимаетъ теперь дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича, было когда то въ отдаленное прошлое подъ домомъ Шереметьева. Въ 1800 году домъ Шереметьева приобрѣтенъ казною, и весь передѣланъ и приведенъ въ настоящій видъ архитекторомъ Штакеннштермомъ. Дворецъ этотъ одинъ изъ красивѣйшихъ зданій Петербурга, въ особенности на Дворцовой набережной онъ останавливаетъ на себѣ вниманіе также какъ Зимній, дворецъ Владиміра Александровича и Мраморный. Его архитектура со множествомъ колоннечекъ и украшеній разнаго рода, представляетъ пріятный видъ. Внутренность дворца отдѣлана изящно. Роскошныя залы, орнаментовка, но особенно замѣчательна дворцовая церковь въ Византійскомъ стилѣ съ богатою живописью иконой. Дворецъ этотъ только изрѣдка бываетъ обитаемъ его владѣльцемъ. Какъ всѣмъ извѣстно, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ только изрѣдка и на короткое время пріѣзжаетъ съ Кавказа въ Петербургъ, поселяясь въ своемъ Петербургскомъ дворцѣ, только на весьма короткое время. Дворецъ этотъ, выходя на Набережную Большой Невы, выходитъ въ то же время другою своею частію на Миллионную улицу, имѣя внутри двора значительное пространство, занятое каменными службами.

Приключеніе на дачѣ.

(Лѣтній разговоръ).

Когда Анна Павловна, семнадцатилѣтней дѣвушкой, гуляла передъ обѣдомъ съ своей маманъ въ Лѣтнемъ саду или по Большой Морской, встрѣчавшіе молодые и старые люди провожали ее долгимъ и восхищеннымъ взглядомъ. На вечерахъ и въ театрѣ даже самыя строгія дамы, имѣющія собственныхъ дочерей, невольно заглядывались на нее и одобрительно шептали: „est-elle charmante, cette petite!“...

Когда Анна Павловна, на девятнадцатомъ году, вышла замужъ за молодцоватаго полковника Кормилова и гуляла уже съ нимъ подъ руку, вѣчно свѣжая и цвѣтушая, изящно и со вкусомъ одѣтая, къ лицу причесаная и раздающая своимъ знакомымъ самыя милыя привѣтливныя улыбки, всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что она ужасно похорошѣла, и что полковникъ Кормиловъ долженъ считать себя счастливымъ человекомъ.

Когда Анна Павловна, на двадцать третьемъ году, овдовѣла и оказалась, послѣ двухъ мѣсяцевъ непрі-

творной скорби, вся въ черномъ, съ немного поблѣднѣвшимъ лицомъ и легкой тѣнью подъ большими свѣтлыми глазами—никто не могъ сомнѣваться, что такой прелестной и соблазнительной вдовушки трудно сыскать во всемъ Петербургѣ.

Конечно, въ первую зиму никто не рѣшался за нею серьезно ухаживать—тѣнь полковника стояла передъ нею во всеоружіи и защищала ее отъ влюбленныхъ искателей. Но прошель еще годъ—и эта угрожающая тѣнь исчезла. Анна Павловна оказалась неизмѣнно окруженной цѣлымъ штабомъ не только молодежи, но даже и людей солидныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Она со всѣми была мила, ласкова, любезна, но и только. Ни одинъ темный слухъ, ни одна двухсмысленная слетня не смѣли коснуться ея репутаціи. Она смѣялась надъ страстными признаніями въ любви, она отвѣчала „нѣтъ“ на всѣ предложенія руки и сердца. Рѣшили, что Анна Павловна намѣревается сдѣлать какую-нибудь очень

блестящую партію, высматриваетъ высокопоставленнаго пожилого человѣка. Однако на этомъ не покончили, никакъ не могли рѣшиться оставить ее въ покоѣ и надоѣдали ей порядкомъ.

Къ лѣту она почувствовала себя очень уставшей, ей захотѣлось отдохнуть отъ знакомыхъ, пожить въ полномъ уединеніи. У нея была своя дача недалеко отъ одной изъ станцій Николаевской желѣзной дороги. Никому не сказавшись и почти ни съ кѣмъ не простясь, она переѣхала туда въ началѣ мая.

При ней была ея неизмѣнная компаньонка, очень приличная старая дѣва, Настасья Ивановна. Изъ прислуги Анна Павловна взяла съ собою только горничную, такъ какъ на дачѣ постоянно жилъ садовникъ, исполнявшій должность и кучера, и лакея, а жена его готовила „за повара“.

Станція была въ двухъ шагахъ, кругомъ нѣсколько дачъ, тутъ же неподалеку село и, конечно, Аннѣ Павловнѣ не могло и въ голову прійти чего-нибудь бояться. Но у Настасьи Ивановны на этотъ счетъ было свое мнѣніе. Она всю жизнь свою зачитывалась всевозможными романами, а къ сорока годамъ остановилась исключительно на *страшныхъ*, кишачихъ убійствами, грабежами и самыми невѣроятными преступленіями. Трудно было даже представить себѣ откуда она добываетъ такіе удивительные романы; но у нея всегда хранилось ихъ больше дюжины. Она читала ихъ съ наслажденіемъ и простодушно вѣрила самымъ нелѣпымъ приключеніямъ. Съ перваго же дня по переѣздѣ на дачу она стала испытывать припадки мучительнаго страха. Ей казалось, что въ концѣ концовъ ихъ здѣсь непременно ограбятъ, а можетъ быть даже и зарѣжутъ. Анна Павловна сначала смѣялась надъ нею, но страхъ заразителенъ—и она сама начала иной разъ, особенно по вечерамъ, побаиваться.

Какъ-то, уже въ концѣ іюня, Настасья Ивановна вошла на балконъ, гдѣ хозяйка расположилась съ какой-то работой. Лицо старой дѣвы выражало необыкновенное волненіе.

— Что съ вами? невольно улыбаясь спросила Анна Павловна.

— Да помилуйте,—тревожно заговорила компаньонка,—я сейчасъ узнала, что вы отпустили Никиту на два дня въ городъ, какъ же это мы одни будемъ ночевать?

— Да вѣдь не одинъ же—а кухарка, а горничная?

— Господи! что же могутъ женщины въ случаѣ ночного нападенія!

— А вы все ночныхъ нападеній боитесь?..

— Еще бы не бояться! раздражительно отвѣтила Настасья Ивановна. Здѣсь всего нужно бояться, *всего!* Въ домѣ одинѣ женщины—мало ли что могутъ съ нами сдѣлать!..

Анна Павловна улыбнулась, взглянувъ на компаньонку и невольно подумала, что съ ней-то ужъ врядъли сдѣлаютъ что-нибудь ужасное. Дѣйствительно бѣдная Настасья Ивановна была суха какъ щепка, угловата, съ рѣзкими чертами лица и весьма явнымъ, плотнымъ слоемъ пудры на дряблыхъ щекахъ!..

— Успокойтесь, успокойтесь, не кому на насъ нападать, проговорила Анна Павловна, справившись съ своей улыбкой. И къ тому же здѣсь всѣ отлично знаютъ, что у Никиты непомѣрная сила!..

— Конечно, но вѣдь вы его отпустили на два дня!.. и кому нужно это знать, тотъ навѣрное это ужъ и знаетъ!.. Вы говорите некому!.. помилуйте!.. а вспомните-ка того нищаго, котораго мы вчера встрѣтили въ роцѣ. Вѣдь онъ и вамъ показался подозрительнымъ!.. помните, какъ онъ смотрѣлъ на насъ!..

— Ахъ, вздоръ какой! нищій какъ нищій!..

— Ну а шарманщикъ? неунималась Настасья Ивановна. Зачѣмъ онъ битый часъ стоялъ у порога и заглядывалъ въ садъ?..

— Да вѣдь онъ каждый день приходитъ и стоитъ пока ему невынесутъ что-нибудь!..

— Наконецъ я, знаете, что вамъ скажу!.. съ нѣкотораго времени я не совсѣмъ довѣряю Никитѣ!.. мнѣ кажется, что и на него намъ вовсе не слѣдуетъ такъ полагаться!.. право!.. Богъ ихъ знаетъ, этихъ людей!..

— Что съ вами, Настасья Ивановна? вы подозрѣваете Никиту!.. Это ужъ просто глупо!

Компаньонка сдѣлала кислую мину и обиженно замолчала.

Анна Павловна замѣтила это.

— Вотъ вы и сердитесь,—сказала она,—я право не хотѣла васъ обидѣть; но дѣло въ томъ, что съ вашими подозрѣніями и страхами вы и на меня невольно страхъ наводите!.. Но согласитесь же, что все это только фантазія.

— Хорошо! пусть и нищій, и шарманщикъ, и Никита—фантазія!.. но вѣдь не фантазія же, наконецъ, слѣды человѣческихъ ногъ, которые мы сегодня видѣли утромъ въ саду, подъ нашими окнами!..

— Ну ужъ лучше замолчите, Настасья Ивановна! Эти слѣды!.. да это ваши же собственные слѣды, когда вы вчера прогуливались и мечтали, глядя на луну!.. вѣдь ваши туфли какъ разъ подходили къ слѣду!..

— Не знаю какъ это мѣряли!.. Правда, что я вчера вечеромъ немного прошлась по саду, но что слѣды эти не мои—даю вамъ слово!.. слава Богу у меня не такая громадная нога!.. Да и кто же мѣрилъ? тотъ же Никита!..

— Вы опять за Никиту!..

— Ну, я молчу, я молчу, только ради Бога будемте осторожны сегодня ночью!.. Право я не знаю, какъ и засну!.. Какъ подумаю—просто дрожу отъ страха!.. Только и слышишь, что о разбойникахъ и грабителяхъ, вся жизнь наполнена ужасами!.. И эти люди!.. да развѣ отъ нихъ можно уберечься?! они проникаютъ всюду, черезъ окно, черезъ печную трубу; они появляются во всевозможныхъ видахъ!.. помните мы недавно читали въ „Голосѣ“: вора нашли подъ кроватью и на немъ былъ фракъ и бѣлый галстукъ, и самая приличная, красивая наружность!..

II.

Въ это время у дверей показалась горничная и такъ неожиданно, что и Настасья Ивановна и Анна Павловна вскрикнули и поблѣднѣли.

— Господинъ Рачинскій спрашиваетъ, можете ли вы принять его, сударыня? объявила горничная.

— А! перевела духъ Анна Павловна,—проси, проси его сюда, на балконъ.

Горничная вышла.

— Послушайте, Анна Павловна, вы хорошо знаете этого господина Рачинскаго? съ безпокойствомъ спросила Настасья Ивановна.

— Очень хорошо его знаю!.. то есть часто встрѣчала его зимою у знакомыхъ!.. да развѣ вы не помните—онъ и у меня былъ нѣсколько разъ!..

— И вы въ немъ совершенно увѣрены?

— Господи, какія глупости! Онъ богатый человѣкъ, хорошаго круга и вообще очень милый.

— Все это ровно ничего не значитъ. Читали вы „Comte Nogasе“ Александра Дюма? Помните, этотъ графъ былъ принятъ въ самомъ лучшемъ обществѣ, а въ концѣ концовъ все же оказался начальникомъ шайки бандитовъ!.. Но если Рачинскій вашъ хорошій знакомый, такъ значитъ это само небо намъ его посылаетъ.

Рачинскій показался на порогѣ. Онъ былъ еще молодой, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, наружность вполне приличная, хоть и незначительная. Онъ всю зиму упорно ухаживалъ за Анной Павловной, но, какъ и всѣ, безуспѣшно. Онъ ѣхалъ на одну изъ ближайшихъ станцій и не вытерпѣлъ, чтобъ не заглянуть въ прелестной вдовушкѣ.

Ярмарка въ деревнѣ Юго-западной Россіи. Картина І. Брандта, грав. Боте.

Во время обычных привѣтствій и перваго вступленія въ разговоръ, Настасья Ивановна тѣпательно изучала гостя. Эти наблюденія оказались въ его пользу и она рѣшилась во что бы то ни стало упросить Анну Павловну оставить его почевать и вообще не выпускать до возвращенія Никиты.

Она даже успѣла незамѣтно шепнуть объ этомъ Аннѣ Павловнѣ.

— Да развѣ это возможно? замѣтила та.

— Ничего нѣтъ легче—все можетъ устроиться какъ бы случайно. Оставьте его обѣдать. Мы засидимся за кофе, потомъ отправимся гулять и не замѣтимъ какъ уйдетъ послѣдній поѣздъ... Ну, и вы поневолѣ должны будете предложить ему остаться почевать...

Конечно тутъ не было ровно ничего неприличнаго и невозможнаго, а Анна Павловна хотъ и храбрилась днемъ, но и сама не безъ трепета помышляла о ночи. Она рѣшилась послѣдовать совѣту Настасьи Ивановны.

Между тѣмъ Рачинскій, внимательно разсматривая альбомы, все же не могъ не замѣтить этихъ таинственныхъ перешептываній. „Ужъ не рассказываетъ ли она этой старой вѣдьмѣ нѣкоторые эпизоды изъ моего ухаживанья, подумалъ онъ. Быть можетъ лѣтняя природа и эта деревенская обстановка повысили мои шансы... Хорошо бы это было! она, право, кажется, опять похорошѣла... и ужъ если тутъ дѣйствительная строгость нравовъ... такъ вѣдь что-же... и съ величайшимъ бы удовольствіемъ и женился на ней... пора, давно чувствую, что пора жениться“...

III.

Хозяйка была необыкновенно любезна. Она показала Рачинскому свой садъ, цвѣты, огородъ. Потомъ повела его въ рощу, спустилась съ нимъ къ берегу рѣчки „на свое любимое мѣсто“ какъ она увѣряла. Она восхищалась природой, каждымъ цвѣткомъ, каждымъ кустикомъ и заставляла и его восхищаться, хотъ онъ вовсе не былъ любителемъ цвѣтковъ и кустиковъ.

Наконецъ Анна Павловна устала и очень мило оперлась на его руку, и глядѣла на него съ такой прелестной, кокетливой миной, что онъ чувствовалъ себя весьма довольнымъ.

— Вы конечно отобѣдаете со мною? сказала она.

— Я рассчитывалъ пробить у васъ никакъ не больше полчаса, но у меня не хватаетъ силъ отказатьсь отъ вашего милаго приглашенія...

— Еще бы вы отказались!..

И она повела его назадъ въ домъ, въ столовую, гдѣ Настасья Ивановна уже приготовляла отличную ботвинью.

Сѣли за столъ.

Рачинскій думалъ: „Если бы Анна Павловна въ Петербургѣ была хотъ на половину такъ мила со мною, и давно бы почелъ себя счастливейшимъ человекомъ! Что же значить эта неожиданная, внезапная переменъна. Какъ она глядитъ! какъ она глядитъ! нѣтъ, это не просто любезность хозяйки. Какой это добрый геній надоумилъ меня сегодня сюда заѣхать“...

— О чемъ это вы задумались? сказала Анна Павловна.

— Я завидую вашему счастью... У васъ самая прелестная дача въ мірѣ и все, что я здѣсь вижу, заставляетъ меня убѣждаться, что идеалъ Руссо былъ истиннымъ идеаломъ.

— Сколько помнится, съ тѣхъ поръ какъ я васъ знаю, вы ни разу еще не вздыхали по деревнѣ и у васъ всѣ привычки петербургскаго жителя, замѣтила Анна Павловна.

— Вотъ я за это и былъ наказанъ,—сказалъ Рачинскій,—я теперь и ненавижу Петербургъ и вы знаете, имѣю ли я на это право... Я искренно любилъ деревню, *la campagne m'est beaucoup plus favorable que la ville...*

Анна Павловна слегка покраснѣла и сдѣлала маленькую гримаску. Однако Рачинскій подмѣтилъ нѣчто ободряющее и въ этомъ румянцѣ, и въ этой гримаскѣ.

— Позвольте я вамъ налью краснаго вина, любезно обратилась къ нему Настасья Ивановна и постаралась налить стаканъ какъ можно полнѣе.

Дѣло въ томъ, что она по нѣкоторымъ, одной ей известнымъ признакамъ, заподозрила храбрость Рачинскаго; къ тому же онъ не казался ей очень сильнымъ. Она подумала, что его непремѣнно нужно немного возбудить для того, чтобы, въ случаѣ нападенія, онъ могъ представить изъ себя надежнаго защитника. И вотъ она собственноручно наливала ему уже четвертый стаканъ и при этомъ необыкновенно любезно и даже нѣжно ему улыбалась.

„Нѣтъ, она не старая вѣдьма,—подумалъ Рачинскій,—она очевидно за меня и можетъ быть даже какъ нибудь поможетъ моимъ завоевательнымъ планамъ... иной разъ эти сантиментальныя старыя дѣвы—просто находка!..

— Вамъ нравится эта дача! заговорила Настасья Ивановна,—и вы совершенно правы... дѣйствительно, здѣсь просто рай земной... особенно по ночамъ...

— По ночамъ? спросилъ нѣсколько озадаченный Рачинскій. Отчего же именно по ночамъ?

Настасья Ивановна замялась.

— Да потому что въ нашей роцѣ удивительно поютъ соловьи, наконецъ нашлась она.

— О Шиллеръ! чуть было громко не воскликнулъ Рачинскій.

„Богъ ихъ знаетъ, что у нихъ тутъ такое! подумалъ онъ, а мнѣ во всякомъ случаѣ пора и честь знать, не то пропущу послѣдній поѣздъ“.

Онъ взглянулъ на столовые часы и съ удивленіемъ замѣтилъ, что еще очень рано. Справляться же съ своими часами ему казалось не совсѣмъ приличнымъ, тѣмъ болѣе, что Анна Павловна въ это время глядѣла на него и глядѣла очень ласково.

Однако онъ все же рѣшился проститься.

Но обѣ дамы на отрѣзъ отказались его выпустить; онѣ объявили, что ему остается еще часть до отхода поѣзда, а станція всего въ пяти минутахъ ходьбы.

„Меня хотѣтъ удержать, это ясно, подумалъ Рачинскій,—я даже почти увѣренъ, что онѣ перевели часы. Но чего же имъ отъ меня нужно?.. ничего не понимаю“!..

И онъ снова сѣлъ на свое мѣсто. Анна Павловна очевидно старалась заговорить его. Она перебирала все—и общихъ знакомыхъ, и журнальныя новости, а подъ конецъ даже вдалась въ длинныя разсужденія по поводу Россини и Мейербера... И говорила, говорила, говорила, и такъ говорила, что перебить ее оказывалось невозможнымъ.

Наконецъ она созналась, что теперь пора на станцію и вызвалась проводить Рачинскаго. Настасья Ивановна желала тоже прогуляться. Но такъ какъ садится роса и становится нѣсколько сыро—онѣ должны по теплѣ одѣться. Онѣ сейчасъ, сейчасъ будутъ готовы—М-г Рачинскому не долго придется прождать ихъ и онъ никакимъ образомъ не опоздаетъ на поѣздъ.

И вотъ онъ одинъ въ столовой. Онъ взглянулъ на часы и убѣдился, что его предположеніе было справедливо—стрѣлки столовыхъ часовъ отставали на цѣлый часъ. Онъ ждетъ, ждетъ, наконецъ дамы возвращаются въ шляпкахъ и накидкахъ. И въ эту самую минуту изъ растворенныхъ оконъ слышится свистокъ уходящаго послѣдняго поѣзда.

„Я такъ и зналъ, что онѣ перевели часы“ говорить про себя Рачинскій.

Аннѣ Павловнѣ остается только предложить ему переночевать у нея въ домѣ, что она и дѣлаетъ очень любезно.

IV.

Комната, назначенная для Рачинскаго, была рядомъ съ маленькой гостиной, выходившей на балконъ. Любезная хозяйка съ необыкновенной предупредительностью озаботилась комфортомъ своего гостя и съ перваго же взгляда онъ убѣдился, что здѣсь ему будетъ отлично. Онъ закурилъ сигару, подошелъ къ открытому оконку и сталъ размышлять о своемъ положеніи.

„Никогда не случалось со мной ничего подобнаго,— думалъ онъ,—что здѣсь былъ заговоръ, въ этомъ для меня нѣтъ сомнѣній: перевели часы, полчаса собирались провожать меня—все это что-нибудь да значить... Но зачѣмъ же я имъ? къ чему эта комедія?.. Если только хотѣли надо мной посмѣяться, такъ вѣдь подобная насмѣшка вовсе не зла и не остроумна... А между тѣмъ очевидно, что тутъ какіе-то планы... Я всю зиму ухаживалъ за Анной Павловной и, долженъ сознаться, совсѣмъ неудачно... но быть можетъ она теперь пожелала нѣсколько иначе взглянуть на меня? Какъ знать? Женщины такъ капризны и неожиданны... да и къ тому же лѣто, скука, одиночество... Я вовсе не желаю сыграть роль графа Нулина; но съ другой стороны было бы еще глупѣе не съумѣть воспользоваться случаемъ, который представляется при такихъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ“.

Тутъ Рачинскій припомнилъ всѣ любовныя похождения, какія только зналъ и этимъ еще больше подогрѣлъ свою фантазію.

„Да и къ чему же, къ чему же бы эта Настасья Ивановна такъ заставляла меня пить за обѣдомъ? И потомъ это восхваленіе здѣшнихъ ночныхъ прелестей... и соловьи, и перемигиванья, перешептыванья... Не могу же я оставить все это безъ вниманія. Почему я знаю, можетъ быть ужъ какое-нибудь окошко отворено, можетъ быть какая-нибудь дверь таинственно полуоткрыта... Можетъ быть... И вѣдь не могу же, не могу же я ухачь завтра какъ болванъ... я долженъ по крайней мѣрѣ сдѣлать рекогносцировку вокругъ дома, а въ случаѣ чего-нибудь всегда могу вывернуться и сказать, что вышелъ въ садъ выкурить сигару“...

Рачинскій осторожно отворилъ двери и на цыпочкахъ вышелъ въ гостиную. У него невольно замирало сердце отъ волненія и нѣкоторой надежды. Онъ собрался уже пройти къ балкону и только боялся зацѣпить въ потемкахъ за какой-нибудь стулъ, какъ вдругъ надъ самымъ его ухомъ раздался голосъ.

— Боже мой, это вы?!

— Да, это я, смущенно отвѣтилъ Рачинскій.

Чья-то рука крѣпко схватила его руку.

— Да вы то кто же? спросилъ онъ.

— Я, я... Настасья Ивановна, прошепталъ голосъ.

„Чортъ возьми! подумалъ Рачинскій,—на нее то я ужъ никакъ не рассчитывалъ“...

И вдругъ ему въ голову пришла ужасная мысль: онъ началъ бояться, не имѣлъ-ли онъ несчастія возбудить къ себѣ въ старой дѣвѣ внезапную страсть—въ такомъ случаѣ вѣдь сразу объяснились всѣ странности ея поведенія и за обѣдомъ, и за весь вечеръ.

— Извините,—началъ онъ заикаясь,—я думалъ немного пройтись по саду... но теперь сейчасъ же вернусь въ свою комнату.

— М-г Рачинскій,—трагическимъ тономъ воскликнула Настасья Ивановна,—что вы можете обо мнѣ подумать, встрѣтивъ меня ночью у вашей двери...

Рачинскій начиналъ раздражаться и даже сердился.

— Клянусь вамъ,—насмѣшливо отвѣтилъ онъ,—что я о васъ ровно ничего дурного не подумаю... вѣдь я имѣлъ уже случай убѣдиться въ поэтичности вашей природы и меня нисколько не удивляетъ, что вы избираете для своихъ прогулокъ именно тотъ часъ, когда поютъ соловьи и порхаютъ эльфы и сѣльфы.

— Ахъ Боже мой! протянула Настасья Ивановна,—ваши насмѣшки ужасны; но если бы вы знали истинную правду!..

„Она сейчасъ мнѣ объяснится въ любви!“ съ отчаяніемъ подумалъ Рачинскій.

— Я ничего не хочу знать,—поспѣшилъ онъ прервать ее,—я не хочу проникать въ тайники поэтической души вашей!..

— Но теперь вы ужъ должны меня выслушать!

— Господи! право это не нужно!.. къ чему же это!..

— А моя честь? произнесла Настасья Ивановна съ достоинствомъ оскорбленной невинности.

— Ваша честь!.. но право я не понимаю, чѣмъ же она тутъ задѣта!..

— Однако я должна же объяснить вамъ причину моего присутствія здѣсь и въ такое время... Я ушла изъ своей комнаты отъ страху... я не въ силахъ была больше одна оставаться.

— Чего же вы такъ испугались? спросилъ Рачинскій.

— Помигите—наша дача такъ далеко отъ всякаго жилья... всѣ знаютъ, что Анна Павловна богата, и долго ли забраться сюда разнымъ ворами и грабителямъ... Съ нѣкотораго времени около нашего забора стали показываться какіе-то очень подозрительные люди... вчера замѣтили подъ окнами слѣды человѣческихъ ногъ... нашъ садовникъ, единственный мужчина въ домѣ, отправился сегодня въ городъ... мы однѣ, мы съ Анной Павловной умираемъ отъ страха... и вотъ я рѣшилась переночевать здѣсь, на маленькомъ диванѣ, у самой вашей двери... чтобъ, если что-нибудь случится.

— Понимаю, перебилъ Рачинскій, которому все начинало становиться ясно,—я, значитъ, исправляю здѣсь должность садовника или, вѣрнѣе, ночнаго сторожа...

— Ну-да, теперь все объясняется, думалъ онъ,—и часы, и подливанье вина за обѣдомъ... Эта старая дѣра хотѣла возбудить во мнѣ храбрость на случай ночного нападенія...

Такое неожиданное открытіе, послѣ всѣхъ—то мечтаний и надеждъ, задѣло Рачинскаго за живое и порядкомъ взбѣсило. Ему хотѣлось хорошенько отплатить за себя и проучить старую трусиху.

— Однако я долженъ замѣтить вамъ, сударыня, послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ онъ, что вы и Анна Павловна очень неосторожны.

— Какъ неосторожны? удивленно воскликнула Настасья Ивановна.—Я васъ не понимаю.

— Да такъ, что вы меня совсѣмъ не знаете, отвѣтилъ онъ.

— Дѣйствительно, я сегодня кажется въ первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть... но вѣдь Анна Павловна...

— Анна Павловна встрѣчала меня въ обществѣ... и былъ у нея нѣсколько разъ... но это ровно ничего не значитъ—она меня знаетъ не больше вашего.

— Ахъ Боже мой, прошептала старая дѣва замирающимъ голосомъ, но вѣдь мнѣ кажется, не трудно сразу узнать порядочнаго человѣка... ваша внѣшность... ваши манеры... сейчасъ видно свѣтскаго человѣка.

— Въ свѣтѣ встрѣчаются всякіе люди, замѣтилъ Рачинскій такимъ таинственнымъ голосомъ, что у бѣдной Настасьи Ивановны забѣгали мурашки по кожѣ.

— Господи да кто же вы? простонала она.

— Кто я? началъ Рачинскій, окончательно увѣрившись, что передъ этой госпожей можно съ полнымъ успѣхомъ разыграть какую угодно сцену изъ самой нелѣпой мелодрамы.—Кто я?.. я тотъ, кого именно вамъ не слѣдовало такъ заманивать и хитростью оставлять на ночь въ этомъ домѣ.

— Милостивый государь, объяснитесь, что значатъ ваши таинственные слова... вы меня пугаете...

— И вы не догадываетесь?

— Я... нѣтъ... не догадываюсь.... Боже мой, да что же это такое!...

— Слѣды человѣческихъ ногъ, которые вы видѣли вчера подъ окнами—мои!

— Караул! отчаянно вскрикнула Настасья Ивановна.

— Ни звука—или вы погибли! проговорилъ Рачинскій, стискивая ей руку.

Она такъ и присѣла на полъ.

— Ну, нечего терять время въ пустой болтовнѣ! продолжалъ онъ,—теперь ночи коротки, а я вовсе не

— Въ вашу комнату!... ради Бога!—что скажутъ! Но жестокий бандитъ ее не слушалъ: онъ рѣшительно впихнулъ ее за дверь и заперъ на ключъ.

— Если вы крикните или попробуете стучаться, страшнымъ голосомъ проговорилъ онъ,—я сейчасъ же въ васъ выстрѣлю.

И онъ вышелъ въ садъ.

V.

Настасья Ивановна прислушалась—все тихо. Ея зубы

Веселое общество. Картина К. Роде грав. Г. Рау.

желаю, чтобъ меня поймали... Но неужели вы такъ и не догадались про меня... и даже встрѣтивъ меня здѣсь... ночью... чтожь, вы думали, что я стану даромъ простуживаться... изъ за соловьиного пѣнія?!...

— Берите все! едва выговорила Настасья Ивановна.—Берите все... только не убивайте насъ...

— У меня въ карманѣ пистолеты, отвѣтилъ Рачинскій; но я пушу ихъ въ дѣло только въ крайнемъ случаѣ... теперь же мнѣ нужно упрятать васъ въ безопасное мѣсто... я васъ запру въ свою комнату...

стучали какъ въ лихорадкѣ, и она была совершенно увѣрена, что ея волосы разомъ посѣдѣли отъ ужаса. Но что же ей дѣлать? Она никакъ не могла рѣшить этого вопроса и вдругъ, совершенно даже неожиданно для себя самой, заорала благимъ матомъ какъ будто ее рѣзали на части.

Анна Павловна, въ пенъюарѣ и со свѣчей показалась на порогѣ гостиной.

— Рѣжьте, грабайте, помогите! вопила Настасья Ивановна.

Съверный пейзажъ. Рис. Гаусъ, грав. К. Моранъ Библиотека "Руниверс"

Анна Павловна ничего не понимала и съ невольнымъ трепетомъ подошла къ двери.

— Что такое? зачѣмъ вы здѣсь? что съ вами? спрашивала она.

— Мы пропали: у насъ въ домѣ шайка мошенниковъ! простонала компаньонка.

— Вы съ ума кажется сошли!.. гдѣ же М-г Рачинскій?..

— Я заперта на ключъ... отворите двери...

Анна Павловна попробовала дверь—точно: заперто;—но ключъ здѣсь. Она отворила. Настасья Ивановна, блѣдная, съ выкатившимися глазами рассказала ей все, что случилось и, несмотря на свой страхъ, все же многое отъ себя прибавила.

— Я ничего не понимаю, повторяла испуганная Анна Павловна.

— А я же вамъ говорила, я вамъ говорила, что наружность обманчива. Вотъ вамъ Рачинскій... а еще увѣряли, что хорошо его знаете...

— Но что же теперь дѣлать.

Настасья Ивановна, сначала нѣсколько успокоенная появленіемъ Анны Павловны, при этомъ вопросѣ снова представила себѣ весь ужасъ ихъ положенія и съ дикимъ крикомъ кинулась на балконъ.

— Куда вы? куда вы?

Но она ничего не слышала, она себя не помня побѣжала въ садъ, перелѣзла черезъ изгородь и пустилась къ станціи.

Анна Павловна въ недоумѣніи осталась на балконѣ.

— Но вѣдь этого быть не можетъ, думала она,—да гдѣ же Рачинскій, онъ объяснилъ бы по крайней мѣрѣ.. Рачинскій стоялъ передъ нею, а она чувствовала какъ дрожить и теряться...

— Объясните, ради Бога, что все это значить? выговорила она наконецъ.

— Сударыня, началъ Рачинскій отчаяннымъ голосомъ,—я пережилъ бурную молодость... роковая страсть къ картамъ меня разорила... Я потерялъ все... я былъ неспособенъ къ тяжелому труду и сталъ искать средствъ для легкой наживы... я заглушилъ въ себѣ совѣсть... Остальное вамъ извѣстно...

— Оставьте эти глупыя шутки! не зная куда дѣваться, прошептала Анна Павловна.

— Шутки! продолжалъ Рачинскій тѣмъ же тономъ.—О! еслибъ это была шутка! Часто по ночамъ мнѣ грезятся дни моего счастливаго дѣтства; дни моей невинности—и я вскакиваю, покрытый холоднымъ потомъ, и рву себѣ волосы въ безсильномъ отчаяньи... Но каковы бы ни были мои заблужденія, въ одномъ чиста моя совѣсть—я еще никогда не пролилъ человѣческой крови!

Онъ игралъ свою роль съ такимъ искусствомъ, что блѣдная Анна Павловна начинала дрожать все больше и больше.

— Зачѣмъ же вы сегодня не вспомнили о дняхъ вашей невинности? проговорила она.

Рачинскій не выдержалъ и расхохотался.

— Нѣтъ, вы слишкомъ боитесь, сказалъ онъ, и продолжать съ моей стороны было бы безбожно. Пожалуйста простите меня. Еще минута—и вы на вѣрное стали бы меня усовѣщивать и уговаривать перемѣнить образъ жизни, раскаяться; но вѣдь мнѣ нужно было только поквитаться съ вами... Комедія за комедію.

— За какую комедію? спросила Анна Павловна, переводя духъ и отъ радости даже не сердясь на Рачинскаго.

— Да развѣ не было у васъ заговора, чтобъ заставить меня переночевать здѣсь... ваша Настасья Ивановна мнѣ во всемъ призналась.

— Ну вотъ—теперь мнѣ приходится просить у васъ прощенія...

— Мы уже поквитались.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте лучше въ гостиную здѣсь очень сыро.

VI.

Они зажгли свѣчи и занерли дверь на балконъ.

— Боже мой! да вѣдь не все еще кончено! вдругъ съ ужасомъ вспомнила хозяйка.—А Настасья Ивановна!! вѣдь она побѣжала звать на помощь! Она притащитъ съ собою цѣлую станцію...

— Однако эта почтенная дѣвица выказываетъ необыкновенную храбрость, замѣтилъ Рачинскій.—Помилуйте—я обѣщала всадить ей пулю въ лобъ если она пикнетъ, а она побѣжала одна на станцію...

— Но подумайте только какія сплетни начнутся... прійдутъ сюда, увидятъ насъ вдвоемъ, ночью... да вѣдь завтра же про меня всѣ сосѣди Богъ знаетъ что говорить стануть....

— Да, я объ этомъ не подумалъ... а впрочемъ что же про меня сказать могутъ—я только исправляющій должность вашего сторожа и ничего болѣе...

— Перестаньте шутить—мнѣ не до шутокъ. Вы поставили меня въ такое затрудненіе—такъ вы же и должны меня выручить.

— Позвольте мнѣ не совсѣмъ согласиться съ вами, Анна Павловна; если я здѣсь, то никакъ не по своей винѣ: я только жертва заговора.

— Ну же, ну, придумайте что нибудь скорѣе! топнула ножкой Анна Павловна.

— У меня давно ужъ кое-что придумано.

— Что такое? говорите!

— Нѣтъ, теперь не скажу; я боюсь что вы не одобрите моего плана... Я его выскажу только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

— Ну, такъ я придумала... и все очень просто. Слушайте: вы будете продолжать разыгрывать вашу роль грабителя.

— Прекрасно... а дальше что-же?

— Вы не понимаете?

— Не совсѣмъ.

— Люди, которыхъ Настасья Ивановна притащитъ съ собою, васъ уведутъ...

— Какъ вора?

— Такъ что же... вѣдь иначе невозможно...

— Согласитесь, однако, Анна Павловна, что я сегодня въ первый только разъ сыгралъ эту роль-да и то въ качествѣ любителя. Что же это такое? вы желаете моей гибели... да вѣдь кончится тѣмъ, что я самъ, по примѣру вашей компаньонки, побѣгу звать къ себѣ на помощь!

— Господи! что же мнѣ дѣлать? печально прошептала Анна Павловна.—Послушайте, пожалуйста согласитесь... вѣдь лишъ бы только увели васъ отсюда, а потомъ вамъ легко будетъ объяснить все, и васъ сейчасъ же выпустятъ... вы только прогуляетесь до станціи.

— Хороша прогулка!—съ жандармомъ!

— Но вѣдь вы меня этимъ спасаете!

— Въ такомъ случаѣ дѣлать нечего—я согласенъ.

— Ахъ какъ я вамъ благодарна!.. Что же это вы такое дѣлаете?..

— Я забираю ваши подсвѣчники, чтобы меня поймали съ поличнымъ...

— Боже мой! вы доведете меня до отчаянья!.. Вотъ они сейчасъ явятся, а вы только смѣетесь!

— Такъ вы желаете говорить серьезно, Анна Павловна? съ нѣкоторымъ волненіемъ спросилъ Рачинскій.

— Конечно.

— И вы не нашли другого средства, какъ выдать меня жандармамъ за вора:

— Да нѣтъ-же!

— Ну, такъ мнѣ остается только передать вамъ свой планъ... То, что я выдумалъ—тоже очень просто

и даже проще придуманного вами. Для вашей репутации вовсе не нужно чтобы меня приняли за похитителя ваших вещей и серебра... Я могу быть у вас в домѣ совсѣмъ по другой причинѣ...

— По какой же? какъ-то робко смотря на него, спросила Анна Павловна.

— Вы меня знаете — я человѣкъ свободный и обезпеченный... и я люблю васъ... Вѣдь ничего дурнаго про васъ не могли бы сказать, еслибъ вмѣсто вора здѣсь нашли вашего жениха...

— Я рѣшилась никогда не выходить замужъ, прошептала Анна Павловна опуская глазки...

VII.

Вдругъ раздался страшный стукъ въ ворота. Это являлась Настасья Ивановна со всѣми людьми, какихъ она только могла добудиться на станціи, и нѣсколькими мужиками.

Вся эта ватага лѣзла прямо въ гостиную.

— Гдѣ же воры? спрашивали разомъ нѣсколько голосовъ.

— Какіе воры? что все это значитъ? обратился къ нимъ Рачинскій, выходя на балконъ вмѣстѣ съ Анной Павловной.

— Да вѣдь вотъ эта барыня подняла всѣхъ насъ на ноги... вишь на дачу сюда цѣлая шайка воровъ забралась...

— Что жъ это вы съума сошли?! громко сказала Анна Павловна компаньонкѣ.

Та только развела руками и глядѣла на всѣхъ, вытаращивъ глаза и ничего не понимая.

— Ей пригрезилось, замѣтилъ Рачинскій.— Съ ней это часто бываетъ. Вѣдь вы этапъ скоро пожалуй и меня, жениха Анны Павловны, сочтете за вора, Настасья Ивановна.

Настасья Ивановна разинула ротъ, да такъ и осталась, не будучи въ силахъ ничего выговорить.

Кругомъ раздался смѣхъ. Два-три человѣка стали браниться.

— Ишь, полуумная! Зря переполоху-то сколько надѣлала!.. Только добрыхъ людей смущаетъ...

И всѣ побрели восвоеси.

Настасья Ивановна все сидѣла съ разинутымъ ртомъ и не говорила ни слова. Вдругъ она вскочила и осталась передъ Анной Павловной въ трагической позѣ.

— Что же это—дура я вамъ что ли досталась? задыхаясь, проговорила она.— Я во многихъ домахъ жила, Анна Павловна, и меня вездѣ уважали... Я не стерплю такой обиды... завтра же прошу меня расчитать... я ни одного дня больше у васъ не останусь...

И она, не желая слушать никакихъ объясненій и оправданій, горделиво ушла въ свою комнату и даже хлопнула дверь.

Впрочемъ, на другой день ее удалось успокоить, а черезъ мѣсяцъ она хлопотала и суежилась на свадьбѣ Анны Павловны и Рачинскаго.

И это была самая милая, самая веселая свадьба какою только можно себя представить. **в. с.**

КЪ РИСУНКАМЪ.

Ярмарка въ деревнѣ Юго-западной Россіи.

Рисунокъ, богатый разнообразіемъ типовъ, костюмовъ и сценъ интересенъ не только благодаря этому разнообразію, но и главнымъ образомъ потому, что даетъ понятіе о характерѣ жизни на одной изъ окраинъ нашего обширнаго отечества.

Жизнь эта, положимъ, въ общихъ чертахъ, все та же какъ и вездѣ, ибо люди—вездѣ люди и жизнь ихъ, видоизмѣняясь и раздробляясь на безконечныя частности, въ существѣ своемъ все одна и та же. Но это видоизмѣненіе характера жизни, свойственное каждому отдѣльно взятому уголку, населенному людьми, всегда представляетъ интересъ именно потому, что отличается своеобразностію, зависящею, въ свою очередь, отъ мѣстныхъ условій и подъ вліяніемъ ихъ создающагося. Такимъ образомъ, наблюдая характеръ жизни въ той или другой мѣстности, наблюдатель можетъ замѣтить и въ отношеніяхъ жителей одного къ другому, и въ промышленности ихъ, въ торговлѣ, въ нравахъ и обычаяхъ, много такихъ особенностей, какихъ нѣтъ въ другой мѣстности—и наоборотъ.

Помѣщенный въ этомъ номерѣ рисунокъ изображаетъ ярмарку въ деревнѣ юго-западной Россіи и по характеру своему всего болѣе приближается къ тому изображенію, которое сдѣлалъ Гоголь, описывая Сорочинскую ярмарку. Припомнимъ здѣсь его описаніе: „На ярмарку,—лишетъ онъ,—еще съ утра тнулись нескончаемой вереницей чумаки съ солью и рыбой. Горы горшковъ, закутаныхъ въ сѣно, медленно двгались, скучая своимъ заключеніемъ и темнотою, мѣстами только какая-нибудь расписанная ярко миска или макитра, хвастливо выказывалась изъ высоко взгроможденнаго на возу плетня и привлекала умленные взгляды поклонниковъ роскоши. Много прохожихъ поглядывало съ завистью на высокаго гончара, владѣльца сихъ драгоценностей, который медленными шагами шелъ за своимъ товаромъ, заботливо окутывая глиняныхъ своихъ щеголей и кокетокъ ненавистнымъ для нихъ сѣномъ.“

На площади и на тѣсныхъ улицахъ шумъ, брань, блеянье, ревъ—все сливается въ одинъ нестройный говоръ. Воля, мѣшки, сѣно, цыгане, горшки, бабы, пряники, шапки—все пестро, нестройно, мечется кучами и снуется предъ глазами. Разноголосыя рѣчи потопляютъ другъ друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа, ни одинъ крикъ не выговорится ясно. Только хлопанье рукъ торгашей слышится со всѣхъ сторонъ ярмарки. Ломаются возы, звенитъ желѣзо, гремятъ сбрасываемыя на землю доски, и закружившаяся голова недоумѣваетъ куда обратиться“.

Вотъ представленіе ярмарки, полной народомъ, слѣхавшимся съ разныхъ концовъ, съ различнымъ товаромъ—всѣ съ намѣреніемъ поторговать, кто купить, кто продать, обдѣлать свои дѣлашки и только нѣкоторые—посмотрѣть.

Ярмарки въ селеніяхъ нашихъ южныхъ губерній мало чѣмъ отличаются одна отъ другой, съ тою, впрочемъ, небольшою

разницею, что на одной болѣе жидовъ, на другой меньше, на одной болѣе хохловъ, на другой поляковъ. Не таковы ярмарки въ губерніяхъ средней Россіи, гдѣ преобладаетъ болѣе всего русское населеніе. Такіе торговые съѣзды въ великорусскихъ губерніяхъ и не называются ярмарками, а только базарами.

Базаръ, пожалуй, та же ярмарка, но только уже значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ настоящая ярмарка. Въ народѣ различіе это выражено, напримѣръ, въ слѣдующей поговоркѣ: „двѣ бабы—базаръ, а три—ярмарка“, т. е. шумъ, производимый двумя бабами, равняется шуму базара, а тремя—уже шуму ярмарки.

Слѣдовательно различіе между ярмаркою и базаромъ определяется степенью ихъ шумливости, зависящей отъ количества собирающагося на нихъ народа.

Ярмарки на югѣ Россіи живѣе и такъ сказать поэтичнѣе, какъ вообще и самая природа юга, гдѣ, по словамъ того же Гоголя, „полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ весь потонувши въ нѣтъ“. Гдѣ „изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемые статными подсолнечниками. Сѣрныя скруды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ раскладываются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешень, сливъ, яблокъ, грушъ, небо, его чистое зеркало—рѣка въ зеленыхъ гордо поднятыхъ рамахъ“—ласкаютъ взоры.

Вотъ какими красками описывается югъ Россіи и, конечно, подъ такимъ солнцемъ юга и правы горячѣе и жизнь шумливѣе, а слѣдовательно и ярмарки тамъ имѣютъ болѣе жизни, чѣмъ ярмарки въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

Выищемъ, въ заключеніе, эпиграфъ одной изъ главъ Сорочинской ярмарки, чтобы дать понятіе о томъ, какъ смотритъ на нее истый сынъ своей родины: „Що Боже, ты мій Господе, чого нема на тій ярмарці; колеса, склд, деготь, тютюнъ, ремень, цыбуля, крамарі всякі... такъ що хоть-бы въ кишені було рублѣвъ и съ тридцять, то и тогді-бъ не закупишь усіей ярмарці!“...

Воробыи весною.

(Къ рисунку Роде „Веселое общество“).

Весною вездѣ рѣвья птицы поютъ глѣсни любви: и на вѣткахъ, гдѣ только что начали распускаться почки, и на зеленой лужайкѣ, которая только что начала покрываться травой. И въ этой невинной птичьей любви не безъ бурь, не безъ ревности, даже не безъ трагедій? Всмотритесь и вы найдете много похожаго на наши человѣческія отношенія. Разница въ томъ, что дѣло ведется здѣсь несравненно проще, начистоту, безъ будуаровъ и салоновъ, и ревнивый самецъ уже нисколько не женируется и не маскируется.

Городъ Архангельскъ. Съ фотогр. рис. Кьерже, грав. Гошаръ.

Крокодилы на туль Гипопотама. Ориг. рисунокъ Г. Лейтемана, грав. Бренд'Амуръ.

И зачастую два, например, воробьиные самца выходят на поединок из-за любимой обоими самки. И жестокость часто бывает этого поединка. Место копий, мечей, сабли и другого оружия замѣняет острый клювъ. Замѣчательно, что при подобномъ поединкѣ воробьиные рыцари старались выклевывать другъ другу глаза и при этомъ самка, из-за которой ведется горячая борьба на жизнь и на смерть между ея поклонниками, иногда остается хладнокровною и спокойною.

Прекрасный рисунокъ г. Рюде,—даетъ намъ поводъ сказать два слова о воробьяхъ, въ естественно-историческомъ значеніи.

Воробьи принадлежатъ къ обширному семейству птицъ которыхъ Кювье назвалъ *Passereaux* (или ко 2-му порядку обобщающаго дѣленія птицъ, предложеннаго Кювье. Этотъ знаменитый естествоиспытатель, какъ извѣстно, раздѣлилъ все птичье царство на 6-ть большихъ отдѣловъ или порядковъ). И надо замѣтить, что воробьиный отдѣлъ птицъ есть самый обширный изъ всѣхъ отдѣловъ птицъ. За симъ и признаки этого отдѣла, собственно говоря, отрицательныя. Какъ характеризовать воробья? Это птичка довольно безвѣтная, сравнительно съ другими. И Кювье, а за нимъ и другіе естествоиспытатели-орнитологи, дѣйствительно придали воробью только отрицательныя признаки. Воробей—это такая птичка, которая не принадлежитъ ни къ плавающимъ, ни къ лазящимъ, ни къ журинымъ, ни къ хищнымъ.

Что воробей крайне прожорливъ—это знаетъ всякій. Всѣмъ извѣстно также, что воробей истребляетъ преимущественно хлѣбныя зерна, и отъ того всегда водится вблизи человѣческихъ жилищъ. Специально же верзлущая спутница человѣческихъ жилищъ—особая порода воробьевъ, называемыхъ *rugata*. Французы назвали этого воробья домашнимъ воробьемъ (*moineau domestique*). Эта порода воробьевъ особенно смѣла и прожорлива. Они чирикаютъ въ нашихъ садахъ (въ Россіи) даже во время весеннихъ заморозковъ. Воробьи водятся въ странахъ земледѣльческихъ. Тамъ, гдѣ мало засѣваютъ хлѣба и воробьевъ мало. Но воробьи могутъ питаться и насѣкомыми, такъ что хлѣбныя зерна уже не составляютъ ихъ необходимой пищи. Воробей усердно пожираетъ гусеницы, столь вредныхъ для нашихъ садовъ, и были даже споры между орнитологами: больше ли пользы или вреда приносятъ воробьи?

Обыкновенный размѣръ воробья (домашняго) въ длину 5 дюймовъ и 10 линий. Цвѣтъ перьевъ бываетъ разнообразенъ, смотря по климату тѣхъ странъ, гдѣ птичка эта водится. Бываютъ воробьи и красные, и бурые. Водящіеся у насъ въ Россіи обыкновенно сѣрые или пепельнаго цвѣта. Средняя продолжительность жизни воробья болѣе 15 лѣтъ. Самка воробья кладетъ въ годъ три или четыре раза, отъ 5—8 яицъ. Гнѣзда вьютъ эти птички или на верхушкахъ деревьевъ, или въ ушельяхъ стѣнъ. Воробьи могутъ одинаково легко переносить какъ лѣтній жаръ, такъ и зимнюю стужу.

Сѣверный пейзажъ.

Пейзажистовъ между нашими русскими художниками много и хорошихъ, и посредственныхъ, и слабыхъ, всего больше, конечно, послѣднихъ; но пейзажистовъ, изображающихъ лѣсные пейзажи, такъ сказалъ „пейзажистовъ-лѣсниковъ“ у насъ, какъ говорится, только „разъ-два—да и обчелся“. Одинъ у насъ настоящій „пейзажистъ-лѣсникъ“, И. Шишкинъ, одинъ онъ владѣетъ мощнымъ талантомъ въ передачѣ на полотнѣ красотъ нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ, и преемника, пока, ему нѣтъ между русскими художниками.

Рѣдкость такихъ пейзажистовъ, каковъ Шишкинъ, объясняется именно тѣмъ, что въ лѣсномъ пейзажѣ нельзя очаровать зрителя однимъ тономъ да поэзіей мѣстности: зорьку изобразить съ облачками, бережокъ съ травкой, да корову съ тѣленкомъ. Въ лѣсномъ пейзажѣ нужно нѣчто другое, кромѣ тоновъ и сюжета картинки; нужно тщательное и упорно-настойчивое изученіе лѣсной природы, нужно, такъ сказать, овладѣть ею и умѣть пзобразовать въ совершенствѣ всѣ ея детали. Тогда только лѣсной пейзажъ и получаетъ свою „поэзію“, когда его передаютъ истинные знатоки своего дѣла, а таковыхъ, какъ мы сказали, немного, ибо не всякій художникъ—пейзажистъ способенъ десятки лѣтъ изучать лѣсную природу.

Къ числу такихъ выдающихся лѣсныхъ пейзажей принадлежитъ и помѣщаемый въ этомъ номерѣ Нивы. Объяснять его достоинства нечего—онъ предъ глазами читателей. Смотри на рисунокъ, не можемъ не вспомнить словъ поэта Байрона, сказавшаго:

„Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ“

Тѣмъ болѣе есть наслажденіе—любоваться такимъ художественнымъ изображеніемъ лѣса, каковымъ несомнѣнно долженъ быть признанъ помѣщаемый здѣсь рисунокъ лѣсного-пейзажа.

Д. Стх.

Гор. Архангельскъ.

Архангельская губернія занимаетъ самую сѣверную оконечность Европейской Россіи. Въ древности земли Архангельской губерніи были заселены народомъ финскаго племени и входили въ составъ Біармін, или Великой Пермін. По словамъ Нестора онѣ были извѣстны славянамъ еще до прибытія

къ нимъ Рюрика. Позже Новгородцы ходили въ эту страну для промысловъ и торговли. Въ XI в. по морскому берегу завязалась торговля съ датскими и норманскими мореплавателями; но страннѣе начало распространяться христіанское ученіе; благочестивый Стефанъ Карпъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ апостоловъ Двинской страны. Такимъ образомъ, благодаря ревностному распространенію христіанскаго ученія, основались въ этой странѣ монастыри. Съ уничтоженіемъ самостоятельности Новгорода въ 1475 г. Иоаннъ III присоединилъ къ Московскому княжеству наибольшую часть Заволоцкой чуди, а вскорѣ потомъ, въ 1496 г., покорилъ своей власти и землю Югорскую (между Пустозерскомъ и Вятск. губ.).

На мѣстѣ Архангельска былъ прежде монастырь Михаила Архангела, отъ котораго и получилъ свое названіе городъ. Обитель эта была основана съ разрушенія Новгородскаго архіепископа Иоанна, не позже XV в. Въ 1584 г., по повелѣнію Грознаго, около монастыря построили острогъ *Новые-Холмогоры*, извѣстные у иностранцевъ подъ названіемъ порта св. Михаила, также св. Николая. Первыми обитателями Новыхъ-Холмогоръ были ратные люди—стрѣльцы. Черезъ три года послѣ основанія этого острога, а именно въ 1587 г., учрежденъ былъ здѣсь посадъ; въ немъ жили деревенскіе пахотные люди и небольшое число посадскихъ людей, переведенныхъ въ это новое поселеніе изъ разныхъ двинскихъ деревень и посадовъ. Имъ дарована была льгота, освобождающая отъ платежа всѣхъ государственныхъ податей въ продолженіе пятилѣтняго срока, а по истеченіи этого времени всякія раскладки позволено было дѣлать имъ самимъ. Вліяніе этихъ льготъ имѣло несомнѣнно благоприятныя послѣдствія для развитія жизни въ Новыхъ-Холмогорахъ: изъ Старыхъ-Холмогоръ много переселилось жителей въ эти Новые-Холмогоры. Въ 1637 г. Новые-Холмогоры сгорѣли и на мѣстѣ ихъ построенъ нынѣшній Архангельскъ. (При сѣверной Двинѣ въ 42 верстахъ отъ ея устья). Послѣ пожара монастырь Архангельскій перенесенъ на новое мѣсто, на которомъ онъ и нынѣ находится.

По учрежденіи города Архангельска онъ находился сначала подъ управленіемъ двинскихъ воеводъ, зимою жившихъ въ Холмогорахъ, а на лѣто переѣзжавшихъ въ Архангельскъ. Указомъ Петра, изданнымъ въ 1702 году, воеводство перенесено въ Архангельскъ и въ 1710 году Архангельскъ возведенъ на степень губернскаго города. Петръ нѣсколько разъ посѣщалъ Архангельскъ и многое сдѣлалъ для оживленія его торговли. Между прочимъ для защиты города онъ заложилъ въ 18 верстахъ отъ него, по главному форватеру Двины—Новодвинскую крѣпость; основалъ адмиралтейство съ корабельной верфью и купеческой гаванью въ Соломболомъ селеніи, составляющемъ часть Архангельска. Вообще Петръ I-й оставилъ въ Архангельскѣ много напоминающаго о себѣ. Въ 1780 г., при учрежденіи губерній, Архангельскъ былъ наименованъ областнымъ городомъ Вологодской губерніи, а съ 1784 г. сдѣланъ губернскимъ.

Изъ примѣчательностей города Архангельска отмѣтимъ слѣдующія: въ кафедральномъ соборѣ хранится крестъ, поставленный Петромъ въ Унсковой губѣ, въ память своего спасенія отъ морской бури. Считаемо безынтереснымъ привести пѣкоторыя подробности объ этомъ крестѣ, сдѣланномъ руками великаго Петра. Крестъ этотъ деревянный, сосновый, около 5 ар. въ вышину. Не смотря на стертую временемъ надписъ, все таки еще можно видѣть слова: *Dat Ken Kar tein Peter val a ca. S. t. 1694*. Крестъ поставленъ у правой стѣны собора, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, который поддерживаютъ колонны. Въ Крестовой церкви архіерейскаго дома хранится карта, подаренная Петромъ архіепископу Аванасію, два флага, которые поднимались на яхтѣ царя во время его путешествій по Бѣлому морю, и пушки, взятые съ шведскихъ кораблей въ 1701 г., во время нападенія ихъ на Новодвинскую крѣпость.

На городской площади за соборомъ поставленъ памятникъ Ломоносову, не выдающійся, впрочемъ, своими достоинствами. Онъ, можно сказать, даже мало замѣтенъ среди зданій и, кромѣ того, нѣсколько странной кажется идея представить Ломоносова въ тогѣ римлянина...

Изъ памятниковъ старины сохранились развалины *нѣмецкаго* гостиннаго двора. Говорятъ, что подробности плана этого гостиннаго двора были составлены рукою царя Алексѣя Михайловича, а для работъ въ Архангельскѣ были присланы нарочные иностранные инженеры Марилесъ и Шарфъ.

Часть города, носящая названіе Нѣмецкой слободы, отличается рядомъ чистенькихъ опрятныхъ большею частію деревянныхъ домовъ. Въ Нѣмецкой слободѣ ютятся все коммерческое населеніе города. Каково теперь живется въ Архангельскѣ, какія отношенія существуютъ между русскими и иностранцами—объ этомъ мы здѣсь распространяться не будемъ, такъ какъ Нива уже имѣла случай описывать жизнь въ Архангельскѣ и въ особенности въ мѣстностяхъ близъ его лежащихъ (см. Ниву 1874 г. № 19, 21 и 22). Но отсылая читателей „Нивы“ къ этому описанію, мы не можемъ не указать здѣсь, что для болѣе подробнаго и обстоятельнаго знакомства съ нашимъ русскимъ сѣверомъ слѣдуетъ обратиться къ труду г. Максимова „Годъ на Сѣверѣ“. Приведемъ здѣсь изъ этой книги нѣсколько строкъ, ярко обрисовывающихъ характеръ отношеній иностранцевъ къ русскимъ въ Архангельскѣ.

— Всѣ здѣсь нѣмцы, что одинъ человѣкъ: и говорить они умѣютъ по нашему бойко и къ нашимъ, которые капиталомъ посылнѣе или которые на полномъ отъ всякаго почетѣ, они ласки свои приладятъ и въ маклеры его на безотвѣтное глупое мѣсто посадятъ, какъ пить дадутъ. А то въ браковщикъ, въ старосты, въ другую какую должность выберутъ. Ты-де только своей-то торговли не заводи, а мы де тебя своими крохами не обидимъ, съ голоду не уморимъ.

— Еще хуже, сказать не во гнѣвъ вапей милости это. Народъ на лѣсть, на хитрость такой ловкій, что хоть рукавицы на руки-то надѣвай—не ухватить. Опять-же гордости въ нихъ—великая сила. Компанія только межъ себя и водятъ „за всегда впередъ нашего города идутъ. Русскій, я вамъ говорю, человѣкъ, что самоѣдъ, силы никакой не имѣетъ“. (Годъ на Сѣверѣ стр. 547).

Таковы отношенія иностранцевъ къ русскимъ въ Архангельскѣ, важнѣйшемъ портѣ на сѣверѣ Россіи.

Городъ этотъ ведетъ большую торговлю съ Европой. Къ нему приходятъ ежегодно до 600 иностранныхъ кораблей съ колониальными товарами, рыбой и солью. Онъ отпускаетъ товаровъ на сумму до шести милліоновъ рублей. въ годъ, преимущественно ленъ, пеньку, льняное сѣмя и масло, овесъ, рожь, муку и льсѣ.

Такая обширность торговыхъ оборотовъ Архангельска, конечно, имѣетъ вліяніе и на характеръ городской жизни, не лишеной нѣкоторыхъ удобствъ и роскоши. Но эти удобства и роскошь не заходятъ далѣе главныхъ улицъ города. За этими улицами идетъ вязкое, тундрное болото и подгородныя слободки представляютъ грустный залущенный видъ съ узенькими улицами, утлыми мостками, бѣдными домишками, пустынными огородами.

Взключеніе приведемъ нѣсколько данныхъ о народонаселеніи города и его уѣздахъ, о промыслахъ, о климатѣ.

Народонаселеніе Архангельска составляютъ населенію иностранцы, а въ губерніи живутъ Лопари, Самоѣды, Корелы. Вообще жителей Архангельской губерніи можно раздѣлить на приморскихъ, занимающихся болѣе промыслами, и на внутреннихъ, которыхъ главное занятіе составляютъ земледѣліе, скотоводство. Главные промыслы въ губерніи—рыболовство и звѣроловство на морѣ. Первое производится по берегамъ морей и по рѣкамъ, гдѣ ловится треска, сельди, камбала, бѣлуга, минюги, и т. п. и въ открытомъ морѣ, на плавучихъ льдахъ, гдѣ ловятся моржи, тюлени, бѣлые медвѣды, морскіе зайцы и проч. На островахъ (напр. Калгуевѣ) добывается знаменитый гагацій пухъ. Добываемое изъ морскихъ звѣрей сало, извѣстное подъ названіемъ ворвань составляетъ предметъ заграничнаго вывоза. Въ губерніи устроено нѣсколько салотопенныхъ заводовъ. Звѣроловство въ льсахъ даетъ также значительныя выгоды ловлей горностая, куницы, песцовъ. Изъ обширныхъ льсовъ южной части губерніи гонягъ смолу, деготь. Соловаренныя заводы могли бы также приносить громадныя выгоды, но и здѣсь сказалась русская привычка—дѣлать поскорѣе да какъ нибудь. Въместо того, чтобы доставлять другимъ прекрасную соль, Поморцы сами для соленія рыбы вывозятъ черезъ Норвегію себѣ норвежскую и французскую соль. Вкусъ бѣломорской соли отдаетъ какой-то горечью. Способъ выварки соли ведется самый небрежный. Вода Бѣлаго моря содержитъ въ себѣ слѣдующія составныя части: сѣрнокислую магнезію, известъ, соленокислую соду и магнезію и углекислую известъ и магнезію. Вода эта помогаетъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ и за Неноксой, въ небольшомъ селеніи Сюзьмѣ устроено нѣсколько морскихъ купаленъ.

Кромѣ соленыхъ источниковъ въ губерніи есть желѣзныя руды (въ Шенкурскомъ уѣздѣ); разнаго рода колчеданы, известковый камень, цѣльныя горы плитного камня.

Въ р. Кеми и другихъ поморскихъ рѣкахъ добывается жемчугъ, хотя невысокой доброты и въ незначительномъ количествѣ. Добываніемъ его занимаются досужіе люди и болѣе для себя чѣмъ для продажи.

Климатъ въ южной части губерніи холодный, суровый; въ сѣверной жестокий холодъ. Но коротенькое лѣто необычайно знойное; впрочемъ стоитъ подуть сѣверо-восточному вѣтру—какъ тотчасъ же и обдаетъ холодомъ. Самый короткий день въ Архангельскѣ продолжается 3 часа и 11 минутъ, самый долгій—21 часъ и 14 м. а въ Колѣ лѣтомъ солнце не сходитъ съ горизонта въ теченіи 3 недѣль и столько же времени зимою тянется ночь, освѣщаемая сѣвернымъ сіяніемъ.

Ии.

Крокодилы на трупѣ гиппопотама.

Знаменитый древній географъ Діодоръ Сицилійскій, жившій, какъ извѣстно, во времена Цезаря и Октавіана Августа, говорить въ одномъ мѣстѣ своего обширнаго сочиненія, которое, къ сожалѣнію, дошло до насъ только въ отрывкахъ*):

„Рѣка Ниль питаетъ многія породы животныхъ; но изъ нихъ особеннаго нашего вниманія заслуживаютъ крокодилы и рѣчная лошадь“. Можетъ быть это изреченіе стараго сицилійскаго автора предносилось и предъ нѣмецкимъ художникомъ, съ такимъ успѣхомъ изображающимъ своимъ карандашомъ живот-

ныхъ. Художникъ этотъ г. *Лейтеманъ*; ему пришла счастливая идея изобразить водяное чудовище въ одинъ изъ интересныхъ для натуралиста и вообще для наблюдателя моментовъ. Почти сказочныя преданія о громадныхъ животныхъ и чудовищахъ, можетъ быть, и теперь еще могутъ представиться глазу наблюдателя реально, гдѣ-либо въ далекихъ пустыняхъ Африки. Сейчасъ упомянутый нами художникъ смѣлыми штрихами умѣлъ создать эффектную и оставляющую сильное впечатлѣніе картину, въ особенности потому, что счастливо сгруппировалъ жадное и страшное пресмыкающееся, трупъ котораго выброшенъ волнами рѣки Нила. Вообще, нужно сказать, что тотъ, кому выпало на долю присоединить къ рисунку Лейтемана объяснительный текстъ, долженъ чувствовать сильное затрудненіе. Задача, вѣдь, трудная, при многосторонности содержания рисунка, при богатствѣ сообщаемого имъ матеріала, въ малыхъ рамкахъ представить читателю если не всѣ существенныя моменты явленія, то значительную часть ихъ. Матеріалъ, представляемый естественными науками такъ развившимся за послѣднія десятилѣтія, и въ особенности матеріалъ, представляемый современнымъ развитіемъ зоологіи, весьма богатъ. Комментарій свои пишущій можетъ почерпнуть изъ зоологическихъ садовъ, но и тутъ какая масса наблюдательности и предварительныхъ знаній требуется, чтобы сообщить дѣйствительно интересное и существенное о данномъ предметѣ. Если дѣло идетъ о зоологіи, то надо сказать и то, что не всѣ зоологическіе сады въ главныхъ городахъ Европы одинаково богаты, слѣдовательно не во всѣхъ пунктахъ доступны наблюденію многіе интересные экземпляры животныхъ...

Во всѣхъ наукахъ представляется интересною и часто весьма поучительною историческая точка зрѣнія, потому что каждый предметъ и каждое явленіе имѣетъ свою исторію. Знакомство съ этою исторіей проливаетъ для насъ въ значительной степени свѣтъ на міросозерцаніе различныхъ народовъ, на ихъ нравы и обычаи, особенно же если дѣло идетъ о древнихъ народахъ. Древній римлянинъ намъ несомнѣнно понятенъ (въ его внутренней жизни, въ его нравственной жизни, суевѣрныхъ обычаяхъ и проч.), если мы не познаваемъ съ его отношеніями къ различнымъ классамъ животныхъ. Если мы знаемъ въ подробности, какую роль для Рима играли гладиаторы и разныя хищныя звѣри, то для насъ уже рѣзкими и определенными штрихами обрисовывается древній человѣкъ. Если мы знакомимся съ животными древняго Египта, то это знакомство не только освѣщаетъ для насъ систему вѣрованій этого народа и смыслъ египетскихъ древнихъ художественныхъ памятниковъ, но и объясняетъ также природу Нильской долины въ ея теперешнемъ состояніи, потому что естественныя произведенія Египта съ древнихъ временъ измѣнились весьма мало. За симъ, почти все, что мы знаемъ изъ древнихъ писателей о животныхъ древняго міра—все это касается Египта. Оригинальная по своимъ естественнымъ условіямъ страна эта преимущественно обращала на себя вниманіе древнихъ писателей и древнихъ мыслителей.

Вотъ въ этомъ историческомъ отношеніи мы имѣемъ свѣдѣнія о гиппопотамѣ и крокодилѣ,—свѣдѣнія, почерпнутыя именно въ Египтѣ, и свѣдѣнія эти мы находимъ въ сочиненіяхъ помянутаго выше *Діодора Сицилійскаго* и *Геродота*.

Геродотъ—писатель гораздо болѣе древній, чѣмъ Діодоръ Сицилійскій, уже упоминаетъ о томъ странномъ и огромномъ животномъ, водящемся въ водахъ Нила, и Геродотъ, первый окрестилъ это животное названіемъ *гиппопотама*, что значитъ „рѣчная лошадь“. Но есть упоминаніе о гиппопотамѣ и въ Библии, именно въ 40 главѣ книги Іова, гдѣ животное это названо *бегемотомъ*. Въ 41 же главѣ той же книги Іова упоминается и о крокодилѣ, подъ именемъ „Левіаана“. Изображенія бегемота въ книгѣ Іова сильны, выразительны и носятъ печать величавой безыскусственности, свойственной древнѣйшимъ описаніямъ. Извѣстно, что нашъ Ломоносовъ въ своей одѣ „На книгу Іова“ сдѣлалъ довольно близкое подражаніе описанію бегемота въ подлинникѣ:

„На камняхъ острѣхъ воздегаетъ
И твердость оныхъ презираетъ,
Для крѣпости великихъ силъ
Считаетъ ихъ за мягкій иль“...

Но описаніе бегемота, сдѣланное Геродотомъ, скорѣе годится для поэтическаго вымысла. Да и вообще трудно понять, почему Геродотъ (первый) назвалъ это животное гиппопотамомъ, „морскою лошадью“—название совершенно необъяснимое для нашего времени. Что касается Діодора Сицилійскаго, то онъ представляетъ намъ даже описаніе охоты на гиппопотама. Описаніе его весьма правдоподобно. Охота эта въ существенныхъ чертахъ осталась такою же и теперь, если исключить употребляемое теперь огнестрѣльное оружіе. Приведемъ еще третьяго древняго (римскаго) писателя Плинія (оставившаго намъ обширную естественную исторію); этотъ послѣдній не мало озадачиваетъ насъ тѣмъ, что приписываетъ гиппопотаму „хитрость“, тогда какъ въ наше время животное это считается однимъ изъ тупыхъ и несообразительныхъ. Такъ Плиній говоритъ, что гиппопотамъ, опустошая засѣянные поля, хитро скрываетъ свои слѣды, дѣлая движеніе задомъ впередъ, такъ

* Сочиненіе это носитъ названіе «Исторической Библіотеки».

что охотник бывает обманут на счет направления пути животного. Затѣмъ гиппопотаму Плиніи приписываетъ даже важное медицинское изобрѣтеніе—*пускать изъ жилъ кровь!*. Неужелюбее чудовище, нажравшись, какъ говорится, до отвала и едва двигаясь, дѣлается большимъ, и вотъ тогда оно на берегу рѣки отыскиваетъ острую трубку тростника и рѣжетъ ею свое тѣло, направляя трубку въ то мѣсто, гдѣ проходитъ вена и затѣмъ получивъ облегченіе, замазываетъ рану глиною!.. Далѣе Плиніи рассказываетъ намъ, что римлянинъ Маркъ Скавръ *первый* придумалъ для общественныхъ увеселительныхъ игръ въ циркахъ употреблять гиппопотамовъ и крокодиловъ; послѣ Скавра этотъ обычай уже вошелъ почти въ моду. Древній же писатель, *Дионъ Кассій*, жившій во II вѣкѣ по Родж. Христовомъ, сообщаетъ, что въ его время любимымъ зрѣлищемъ въ римскихъ циркахъ была борьба гиппопотамовъ и крокодила. Эти же два чудовища получали мѣсто при триумфальныхъ шествіяхъ. Аммианъ Марцеллинъ, писатель IV вѣка по Р. Хр., свидѣтельствуетъ, что въ его время гиппопотамовъ преслѣдовали столь настойчиво, что они рѣдко стали встрѣчаться даже въ своихъ отечественныхъ областяхъ.

Если по приведеннымъ нами сейчасъ источникамъ изъ древнихъ писателей, въ историческое время привезли въ Европу гиппопотамовъ римляне—то съ паденіемъ Римской имперіи исчезъ съ европейскаго континента всякій слѣдъ этого громаднаго толстокожаго,—исчезъ до самаго 1850 года!.. Лондонскому зоологическому обществу принадлежить та заслуга, что оно снова перенесло на европейскую почву молодого гиппопотамовъ, черезъ періодъ времени больше чѣмъ въ 1,500 лѣтъ послѣ римлянъ!.. По достовернымъ извѣстіямъ оказывается, что въ 50-хъ годахъ, по желанію англійскаго генеральнаго консула въ Каиро, тогдашній египетскій вице-король Аббасъ-паша разрѣшилъ организовать въ Египтѣ „Общество охоты“, специально для ловли гиппопотамовъ. Этому-то обществу охотниковъ въ іюль 1849 г. удалось взять живымъ дѣтенюша гиппопотамовъ, имѣвшего лишь нѣсколько дней отъ рожденія и этотъ дѣтенюшъ сдѣлалъ впоследствии украшеніемъ Лондонскаго зоологическаго сада. Найденный въ Нильскомъ тростникѣ, безпомощно оставленный матерью, дѣтенюшъ былъ столь малъ, что его можно было захватить подъ мышку. Однако кожа юнаго животного была клейкою и слизистою. Благодаря этой скользкости кожи, пойманному удалось какъ-то освободиться отъ своего ношатаго и достигнуть рѣки. Бѣглеца, впрочемъ, скоро изловили гарпуною (прираженнымъ къ шести крюкомъ) и еще въ настоящее время, когда взятое безпомощнымъ животное черезъ 20 лѣтъ достигло колоссальныхъ размѣровъ и вѣса—на тѣлѣ животного можно замѣтить рубецъ отъ удара гарпуною при неудачномъ бѣгствѣ. 25-го мая 1850 г. маленькое чудовище было перенесено на англійскую почву и встрѣчено громадными толпами народа, жадно тѣснившася видѣть египетскаго пришлца. Народъ кишѣлъ отъ мала до велика; можно было подумать, что встрѣчаютъ какую-либо коронованную особу. На всѣхъ лондонскихъ станціяхъ, мимо которыхъ везли диковиннаго звѣрька, уже не было мѣста отъ густой толпы. Вообще возбужденіе любопытства и волненіе въ Лондонѣ было тогда такъ велико, что подобнаго не могли запомнить самые древніе старожилы. Прибытіе въ столицу Британіи маленькаго безобразнаго толстокожаго почти всѣми признавалось за чрезвычайное событіе. Но съ этихъ поръ (1850 г.) начали привозить изъ Египта въ Европу и другіе экземпляры гиппопотамовъ—преимущественно въ Лондонъ и Парижъ, но, вообще говоря, гиппопотамовъ еще и теперь нужно считать большою рѣдкостью европейскихъ зоологическихъ садовъ. Въ Германію привезена пара гиппопотамовъ только въ 1859 году. Наконецъ, въ текущемъ году торговецъ крупными животными Рейхе везетъ 4 экземпляра гиппопотамовъ въ Америку, куда эти животные вступаютъ въ первый разъ на совершенно новую почву. Въ Гамбургѣ, въ великолѣпномъ торговомъ звѣринцѣ г. Гагенбека находится также прекрасный, многообѣщающій экземпляръ гиппопотамовъ. Долго-ли, коротко-ли, но конечно когда нибудь гиппопотамы сдѣлаются обыденными явленіями въ нашихъ зоологическихъ садахъ, подобно тому, какъ въ настоящее время составляетъ обыденное явленіе родственныи гиппопотаму слонъ...

Теперь нѣсколько историческихъ свѣдѣній о другомъ чудовищѣ, изображенномъ на рисункѣ г. Лейтемана—о *крокодилѣ*. Древнѣйшее свѣдѣніе объ этомъ животномъ мы находимъ опять таки въ Библии, въ книгѣ Іова (какъ сказано выше, въ гл. 41). Названъ крокодилъ въ цитируемомъ нами мѣстѣ левіааномъ. Затѣмъ всѣ эти древніи мнѣніескія сказанія о летучихъ драконахъ и разныхъ другихъ чудовищахъ, повторяемыя и Геродотомъ, болѣе или менѣе приводятся въ связь съ сказаніями о крокодилѣ, но конечно всѣ эти древніи сказанія суть плоды разгоряченной фантазіи и должны остаться для насъ навсегда загадкою. Для насъ даже совсѣмъ неясно и непонятно, почему огромное, прожорливое и отвратительное пресмыкающееся названо „*крокодиломъ*“. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Геродотъ, дѣлая описаніе крокодила, прибавляетъ, что свои слова онъ основываетъ на достоверныхъ свѣдѣніяхъ. Относящаяся къ этому предмету наблюденія мы находимъ также у позднѣйшихъ (чѣмъ Геродотъ) писателей, каковы *Филостратъ*, *Акте-рий*, *Апулей* и друг.; но и они почти ничего не дополняютъ

къ свѣдѣніямъ Геродота. Плиніи въ своей естественной исторіи рассказываетъ о различныхъ способахъ ловли крокодиловъ и мы уже выше упоминали, что въ эпоху императоровъ, крокодилы наравнѣ съ гиппопотамовъ играли въ циркѣ Римской имперіи значительную роль. Древніе египтяне воздавали этимъ животнымъ божескія почести, и крокодилъ у нихъ былъ посвященъ особому божеству *Себеку*. Для насъ не существуетъ объясненій чрезвычайно смѣшнаго культа крокодиловъ въ Египтѣ, и именно въ Мемфисѣ. Мемфисскіе жрецы умѣли дѣлать крокодиловъ ручными, надѣвали на нихъ драгоценныя украшенія и тщательно содержали въ особыхъ храмовыхъ бассейнахъ. Въ жертву приносились крокодилами малыя дѣти... По смерти прирученнаго священнаго крокодила его трупъ бальзамировали какъ и трупъ царя, и остатки эти сохранялись для благодарнаго египетскаго народа на вѣки-вѣчныя!.. Обычай чрезвычайно странный!.. Сколько извѣстно, крокодилъ страшно вредитъ, крокодилъ не можетъ принести никакой пользы, и въ наше время его и въ Египтѣ истребляютъ какъ язву страны. Все, что можетъ представить полезнаго это животное—это чисто научный интересъ. Въ глубинѣ геологическаго грота берлинскаго акваріума, нѣсколько времени тому назадъ, было собрано 2 дюжины крокодиловъ, нѣкоторые изъ нихъ достигали длины 5 метровъ! Въ геологическомъ гротѣ египетскимъ гостямъ былъ предложенъ и раздольный бассейнъ. Во вниманіи къ нимъ недостатка не было. Почтенное собраніе глухо рычало, какъ будто издавая голосъ мнѣнія и двигалось такъ, что мощная постройка грота потрясалась... Въ Петербургскомъ зоологическомъ саду тоже есть крокодилъ. Живъ-ли онъ въ настоящее время—утвердительно сказать не можемъ, но лѣтомъ 1877 г. онъ находился въ бассейнѣ этого сада.

Остатки древностей въ Меридѣ (въ Испаніи).

Древній городъ этотъ лежитъ въ округѣ Бадаюсъ на рѣкѣ Анасъ или нынѣшней Гвадианѣ въ провинціи Эстремадурѣ. Это одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ памятниковъ древней архитектуры (римской при Августѣ). Величіе постройки поражало во всѣ времена всѣхъ путешественниковъ по Испаніи. Поразила эта постройка и арабовъ-завоевателей Испаніи. Когда арабскій принцъ Муза-бенъ-Назеръ, пришелъ осаждать Мериду, онъ воскликнулъ, пораженный ея великолѣпіемъ:

— „Поистинѣ, нужно было сдѣлать каменщиками обитателей всего міра, чтобы построить подобный городъ!“

Воспоминаются при этомъ также слова мавра Розиса: — „Можно ли гдѣ либо, во всемъ мірѣ найти человѣка, способнаго описать всѣ чудеса Мериды?“

Мерида, въ качествѣ римской колоніи, основана въ 23 году до Р. Хр. И въ настоящее время можно замѣтить, что окружность стѣнъ города имѣетъ 6 французскихъ лѣ (около 10 нашихъ верстъ); на стѣнахъ находятся 3,700 башенъ, 84 воротъ; къ стѣнамъ же прилегаютъ 5 крѣпкихъ замковъ. Въ городѣ находится множество памятниковъ, имѣющихъ религіозное и гражданское значеніе. Руины этихъ памятниковъ ясно свидѣтельствуютъ о ихъ минувшемъ величіи.

Овальное очертаніе древняго цирка, расположеннаго вблизи города, имѣетъ измѣреніе въ 2,000 фут. въ длину и 400 фут. въ ширину. На мѣстѣ цирка этого, нѣкогда обильно орошаемаго кровью гладиаторовъ и гдѣ нѣкогда состязались въ бѣгѣ великолѣпныя римскія колесницы, теперь стадо овецъ мирно щиплетъ чахлую траву.

„Если бы вы вздумали реставрировать циркъ, выгнавъ отсюда пастуховъ,—говоритъ одинъ изъ путешественниковъ по Испаніи (г. Понцъ), то на уступахъ *) этого цирка умѣстилось бы все населеніе Эстремадуры.“

Другой замѣчательный свидѣтель древняго блеска Мериды—это остатки древняго водопровода, неуступающаго въ колоссальности и грандіозности руинамъ древнихъ водопроводовъ въ Таррагонѣ и Сеговиі. Остатки же водопровода, изображеннаго на нашемъ рисункѣ, сохранились довольно хорошо. И отстоятъ отъ воды на разстояніи 6-ти километровъ, но все таки это сооруженіе еще весьма обыкновенное сравнительно съ остатками знаменитаго водопровода, отъ котораго осталось не болѣе десяти арокъ, построенныхъ изъ гравита и кирпича и возвышающихся тремя этажами болѣе чѣмъ на 80 футовъ. Обитатели Мериды называютъ эти великолѣпныя развалины характеристическимъ названіемъ „Чудеса“ (Los Aliagtos).

Протекшіе вѣка и многочисленныя истребительныя войны пощадилъ также величественный гранитный мостъ, покоящійся на 80 аркахъ. Мостъ этотъ сооруженъ по повелѣнію императора Траяна, мѣсто рожденія котораго было, какъ извѣстно, въ Испаніи, не далеко отъ Мериды, въ маленькомъ городкѣ, носившемъ названіе Италика. (Italica).

Нужно еще упомянуть о слѣдующихъ величественныхъ остаткахъ: триумфальной арки, сооруженіе которой приписывается тому же Траяну (эти остатки носятъ названіе el arco de Santiago), а также семь огромныхъ рядовъ уступовъ древняго амфитеатра (las siete sillan); далѣе—остатки такъ называе-

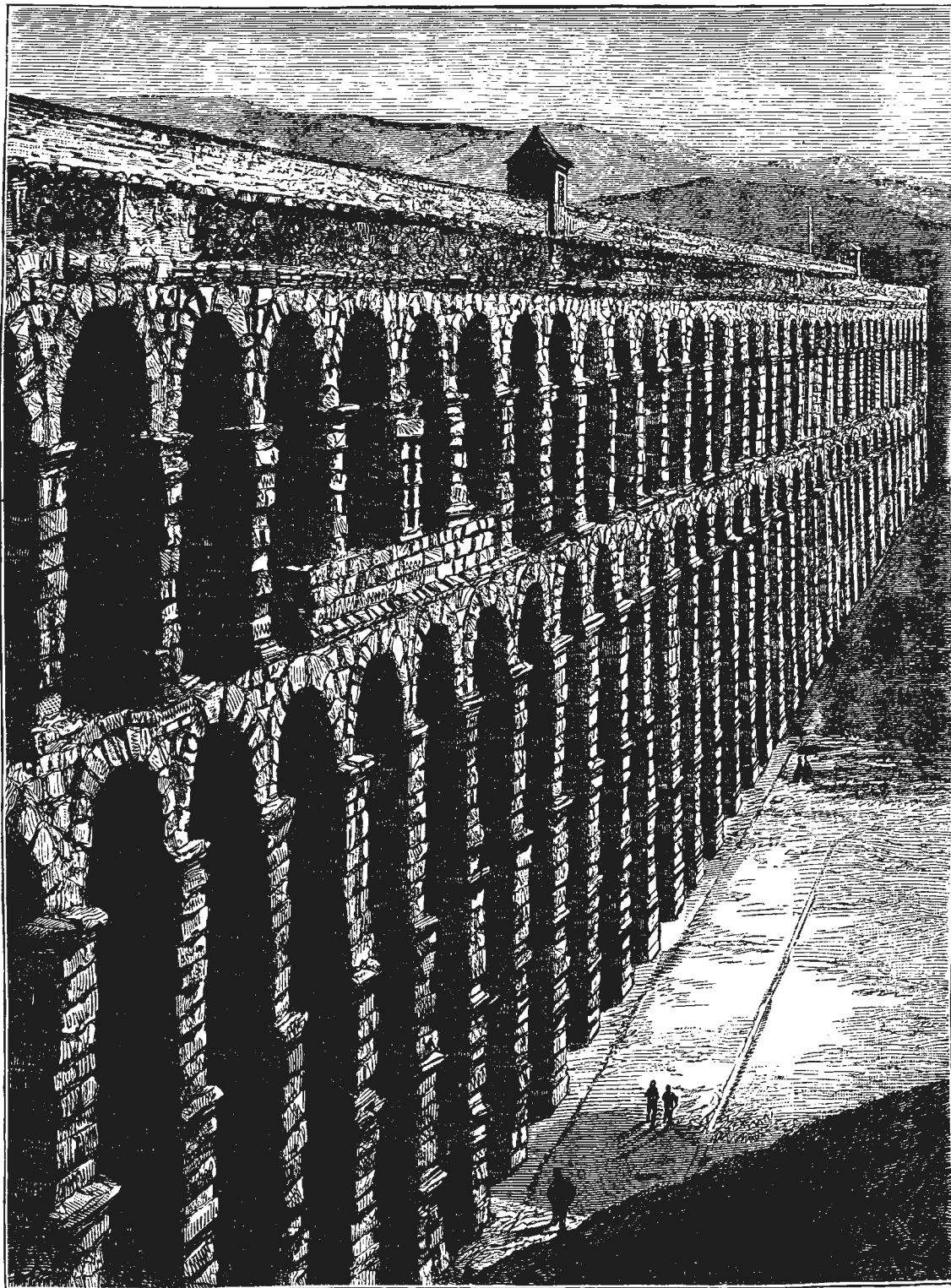
* Эти уступы назначались для сидѣнья зрителей и замѣняли наши вресла — скамьи.

мой *надмахи* (Rano de los Romanos) или цирка съ огромным углубленіемъ, въ которое подземными каналами впускалась вода и въ которомъ состязались между собою корабли. Надо замѣтить, что у римлянъ было много такихъ цирковъ (со впускомъ воды) въ Италіи, въ окрестностяхъ Рима. Одинъ изъ нихъ (Circus Maximus) находился въ самомъ Римѣ. Представленіе въ таковыхъ циркахъ или бой кораблей, стоило громадныхъ издержекъ, потому что водоемъ былъ на столько глу-

жно отмѣтить: остатокъ храма Діаны, отъ котораго уцѣлѣло 40 колоннъ, а также древнюю крѣпость, называемую рѣкою Гвадіаною и проч.

Всѣ эти великолѣпные остатки составляютъ слѣды господствовавшихъ въ Испаніи могущественныхъ римлянъ. Ближайшимъ поводомъ водворенія римлянъ въ Испаніи были пуническія или картагенскія войны, и особенно 2-я пуническая война. Римляне рѣшили покорить Испанію въ опасеніе соперни-

Остатки древняго водопровода въ Меридѣ (въ Испаніи).

бокъ, что корабли потоплялись въ виду зрителей. Масса людей на корабляхъ была ранена и окрашивала своею кровью воду. Часто обыкновенные цирки превращали римляне въ обширный прудъ (углубляя арену и впуская подземнымъ путемъ воду).

За симъ замѣчательны остатки стѣнъ цистерны или водоема, мощнаго, почти циклопическаго сооруженія, подобнаго тому водопроводу, который читатели видятъ на рисункѣ. Далѣе

чества тамъ картагенянъ. Эти же послѣдніе старались овладѣть Испаніей гораздо прежде римлянъ, въ противобѣдъ усиливавшемуся ихъ могуществу. Картагенъ среди отчаянной борьбы съ Римомъ за обладаніе на морѣ, потерялъ острова Сицилію и Сардинію. Чтобы вознаградить эту важную потерю отличный картагенскій полководецъ, Амилкаръ-Барка, высадился на берегъ Испаніи для ея покоренія (около 238 г. до Р. X.) Испанія славилась своими богатыми серебряными руд-

никами и строевым лѣсомъ, необходимымъ для постройки флота; но послѣ 2-й пунической войны римляне вытѣснили картагенянъ и съ Пирнейскаго полуострова; немного спустя послѣ страшной *Пумантинской* войны римляне завладѣли всѣмъ пирнейскимъ полуостровомъ.

По восточному побережью Испаніи (по берегу Средиземнаго моря) находится также масса римскихъ памятниковъ, въ городахъ: Барселонѣ, Таррагонѣ, Валенціи, Аликанта и Картагенѣ. Вообще только нѣкоторая часть Испанскихъ городовъ такъ сказать затмила памятники римской архитектуры постройкими мавританскими и даже нѣкоторыя названія городовъ переименованы на мавританскій и арабскій ладъ (Али-Конте). Масса же городовъ и до сихъ поръ удержала свои латинскія названія. По упомянутому сейчасъ восточному морскому побережью Испаніи находятся удѣлѣвшіе слѣды римскихъ провинціальныхъ

магазиновъ, для продовольствія войска, устроенныхъ преимущественно во время и послѣ Пумантинской войны. Пункты, гдѣ были расположены эти магазины, подробно описаны древними римскими географами и лексикографами Колумеллою, Плиніемъ, Варрономъ и Сундасомъ. Такъ что изслѣдователь и производитель раскопокъ всегда можетъ подробно свѣрить ихъ сказанія съ находимыми въ разныхъ мѣстахъ остатками.

Что касается самаго названія площади Пирнейскаго полуострова „Испаніей“, то хотя римляне и называли ее Hispania, но это названіе далеко не римское, а какъ догадываются, искаженное финикійское, образовавшееся изъ финикійскаго слова *Serana*, что значитъ кроликъ, каковое названіе дали полуострову высадившіеся тамъ въ первый разъ финикіане отъ обилія на полуостровѣ кроликовъ.

Стр.

Политическія извѣстія.

Англія путемъ особой конвенціи заключила союзъ съ Турціей. Союзъ этотъ, по существу дѣла и по формѣ, представляется „оборонительнымъ“; такой эпитетъ придается ему не только англійскою, но и вообще европейскою прессою. Въ силу договора, служащаго основаніемъ этого союза, Англія обязывается охранять на будущее время *цѣлость* Турецкой имперіи въ Азіи, а въ награду за это султанъ даритъ Англіи въ высшей степени выгодный для морской торговли о—въ *Кипръ* *). Англія послала уже для принятія острова мистера Уольслера и на Кипръ перевезены съ о—ва Мальты индійскія войска.

28-го іюня (10-го іюля) было *последнее* совѣщательное засѣданіе конгресса. На этомъ засѣданіи было постановлено, что укрѣпленный Мало-Азіатскій портъ Батумъ будетъ портомъ „существенно-коммерческимъ“.

Уже не говоря о нашихъ русскихъ представителяхъ, нѣкоторые изъ представителей и другихъ европейскихъ державъ требовали обсужденія англо-турецкой конвенціи на конгрессѣ; но представители Англіи рѣшительно воспротивились этому. Они ссылались на то, что Порта подписала конвенцію не какъ *какая-либо* подсудимая и опекаемая, а какъ *независимая и самостоятельная* (!!!) европейская держава, и что она добровольно дала свое согласіе на занятіе о—ва Кипра англійскими войсками. Биконсфильдъ и Салисбери высказывали далѣе, что Англія нашла себя *вынужденною* (?) взять себѣ Кипръ именно по той причинѣ, что Франція заранѣе протестовала противъ занятія конечныхъ пунктовъ Суэзскаго канала, но та же Франція ни словомъ не упомянула объ Архипелагѣ и его островахъ; слѣдовательно Англія считала себя въ полной свободѣ дѣйствій, *въ правѣ*... При этомъ уполномоченный Франціи Ваддингтонъ не могъ скрыть своего страха и негодованія, и говорятъ, выразился, что послѣ такого сюрприза со стороны доброй сѣды, ему стыдно и позорно вернуться въ Парижъ. Далѣе г. Ваддингтонъ выяснилъ, что если Англія заняла о—въ Кипръ, то ей уже, идя послѣдовательно, ничего не стоитъ, напримѣръ, взять и Сирію, и Египетъ, вѣдь со стороны Кипра англичане угрожаютъ упомянутымъ пунктамъ; Франція же никогда не скрывала своихъ требованій *неприкосновенности* Сиріи и Египта. На это энергическое заявленіе представителя Франціи, Дизраэли и Салисбери возражали, что отступить уже не могутъ, что рѣшеніе ихъ безповоротно...

На прошлой недѣлѣ даже между членами конгресса существовало убѣжденіе, что на этомъ европейскомъ ареопагѣ *болѣе всего выиграла Англія*, что успѣхъ ея „блестящій“, „громиденъ“. Это мнѣніе раздѣляетъ и почтенный предсѣдатель конгресса, князь Бисмаркъ. Послѣдній весьма откровенно высказал свое мнѣніе на этотъ счетъ въ разговорѣ съ корреспондентомъ лондонской газеты „Times“. По мнѣнію мудрыхъ европейскихъ дипломатовъ и Россія „приобрѣла много“. Мы не станемъ говорить объ этомъ предметѣ. Для каждаго безпристрастнаго и понимающаго дѣло читателя ясно, въ чемъ приобрѣтенія Россіи. Фактъ на лицо. Мы уже знаемъ, что южные Балканы, по приговору европейскаго ареопага, снова очутились въ рукахъ Турціи, гарантія цѣлости которой ревниво обставлена всевозможными предосторожностями. Но несомнѣнно, что моральная сила Россіи высказалась и на конгрессѣ (очевидно неимѣвшемъ ничего общаго съ нашими интересами или, точнѣе, съ интересами балканскихъ христіанъ), высказалась во всемъ блескѣ. Даже наши, плохо сумѣвшіе скрыть свою затаенную злобу „доброжелатели“ должны были признать, что жертвы, понесенныя Россією въ минувшую войну „велики“, и что заслуга Россіи для Европы, благодаря той же войнѣ, несомнѣнна... Истину, видно, не такъ-то легко скрыть: она прорвется сквозъ всякій покровъ...

Въ упомянутомъ уже нами выше засѣданіи конгресса сдѣланы и нѣкоторыя дополненія касательно нашихъ границъ въ Азіи. Найдены способъ опредѣленія границъ, составляющей,

будто бы, средину между требованіями Россіи и Англіи. Извѣстное полудикое и безпокойное племя *лазы* (какъ извѣстно, затруднившие нашимъ войскамъ доступъ къ Багуму) остаются будто бы за Россією. Эти послѣднія извѣстія, впрочемъ, не подтверждены еще изъ достаточно компетентныхъ источниковъ.

Но англійская печать далеко не единодушно хвалитъ и превозноситъ блестящіе дипломатическіе успѣхи Англіи и побѣды ея представителей на конгрессѣ. Наиболѣе честная и безпристрастная часть органовъ англійскихъ высказываетъ уже теперь весьма рѣзкія суровыя истины и готова даже признать Биконсфильда слѣпымъ или близорукимъ вождемъ. Въ такомъ смыслѣ высказывается извѣстная газета „Economist“. Дѣло идетъ о Греціи. „Economist“ рѣзко порицаетъ безучастіе англійскихъ представителей на конгрессѣ относительно Греціи, которая, какъ извѣстно, ничего не выиграла или выиграла слишкомъ мало. Очевидно, что теперь возникнутъ опасенія для Турціи со стороны Греціи, которая, бывъ раздражена вѣроломствомъ Англіи, обещавшей ей защиту и неисполнившей обещанія, будетъ теперь со всею энергіей добиваться своей независимости, и очевидно Греція будетъ теперь естественнымъ образомъ тяготѣть къ Россіи и отъ нея ждать защиты. Тогда какъ при защитѣ интересовъ Греціи на конгрессѣ Англія имѣла бы въ обезпеченіе полученныхъ выгодъ признательную и облагодѣтельствованную Грецію, готовую защищать ея интересы. Теперь же, по сосѣдству съ Кипромъ, занятымъ ею, Англія имѣетъ врага, могущаго сдѣлаться весьма опаснымъ, особенно если маленкій врагъ этотъ вступитъ подъ защиту и покровительство Россіи. Но весьма отдаленное будущее, конечно, покажетъ, что въ этихъ соображеніяхъ много правды.

Впрочемъ объ „исправленіи греческихъ границъ“ все таки на прошлой недѣлѣ шли переговоры на конгрессѣ. Болѣе частныя и подробныя переговоры на этотъ счетъ предполагались между уполномоченными Константинополя и Аѳинъ. Въ случаѣ надобности, державы выказали готовность быть въ этомъ дѣлѣ посредницами. Что касается другого вопроса, чуть было не сдѣлаваго общее положеніе дѣлъ натянутымъ, т. е.—занятія австрійскими войсками Босніи и Герцеговины, то и по этому предмету происходили совѣщанія на прошлой недѣлѣ, кончившіяся тѣмъ, что Боснію предположено занять *сообща* австрійскими и турецкими войсками. Дипломатическіе кружки встрѣтили подобное рѣшеніе равнодушно, но и не выразили особаго недовѣрія. Командовать австрійскими войсками, отправляемыми въ Боснію, будетъ генералъ Филиповичъ, герой многихъ битвъ съ мадярами въ 1848 году.

Что касается Черногоріи, то выработанныя о ней на конгрессѣ рѣшенія представляются крайне неблагоприятными. Героическая страна сильно и несправедливо обижена. Болѣе трети турецкой территоріи, взятой черногорцами съ бою, урѣзано у нихъ. Между черногорцами происходитъ волненіе и неудовольствіе. Сербія же представляется относительно удовлетворенною въ территориальномъ отношеніи хотя и не такъ, какъ желалось бы рыцарнымъ патриотамъ.

Относительно Бессарабіи и Килійскихъ рукавовъ, на прошлой недѣлѣ, послѣ довольно продолжительныхъ обсужденій, достигнуты результаты, согласныя съ пунктами Сан-Стефанскаго договора, относящимися къ Бессарабіи. Бессарабія оставлена за Россією, Килійскіе рукава Дуная предоставлены Румыніи.

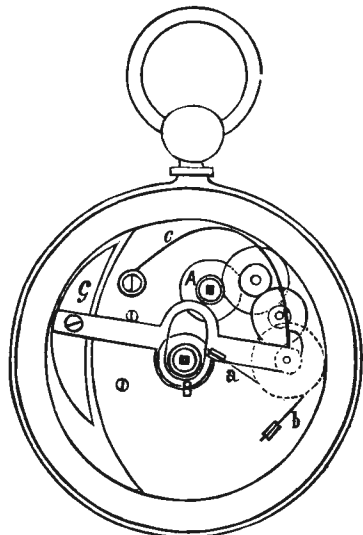
Уже 28 іюня (10 іюля) въ среду конгрессу была предъявлена редакція договора, и тогда же большая часть договора прочитана и утверждена. Въ субботу ожидали подписанія въ Берлинѣ общаго договора. Но при этомъ французская печать громко высказывала свое крайнее неудовольствіе результатами конгресса, которые мы характеризовали выше. Французская пресса, не обинуясь высказывала и продолжаетъ высказывать, что Англія союзомъ съ Турціей и занятіемъ Кипра беретъ на себя „самую тяжкую отвѣтственность“. Опасались даже, что французскіе уполномоченные, по этой причинѣ, откажутся *подписать* Берлинскій трактатъ.

*) Прекрасный и цвѣтущій въ древности, островъ этотъ лежитъ близъ восточнаго берега Средиземнаго моря, подъ 35 град. сѣверной широты.

Новое изобрѣтеніе.

Вѣчно-идушіе карманные часы, изобр. Леромъ.

Вѣчно идущіе часы г. Лѣра—это такіе часы, которые не требуютъ, чтобы ихъ заводили. Внутренній механизмъ 14-ю составными частями меньше, чѣмъ въ часахъ заводящихся. Рычагъ съ придѣланнымъ къ нему тяжестью *g*, при каждомъ толчкѣ, получаемомъ механизмомъ, получаетъ движеніе по направленію къ низу. За симъ служащая балансомъ пружина с снова поднимаетъ этотъ рычагъ и возстановляетъ въ его прежнее спокойное состояніе. При этомъ движеніи, посредствомъ особаго аппа-

Вѣчно идущіе часы, называемые Перпетуале. Изобр. Леромъ.

рата и пружинки *a* и *b*, производится отчасти вращеніе пружиннаго стержня и шпильки *A*. Зарубленная круглая пластинка *B* играетъ роль показателя прямыхъ пунктовъ и линій посредствомъ своихъ заостренныхъ зубчиковъ. Остальныя детали конструкции сходны съ обыкновенными карманными часами. Ходъ этихъ часовъ обусловливается движеніемъ носящаго ихъ. Этого ежедневнаго движенія при нормальныхъ условіяхъ достаточно, чтобы поддерживать постоянный ходъ часовъ. Слишкомъ большое движеніе обусловливаетъ усиленное намагнитываніе пружинки на стержень и сохраняетъ его въ видѣ резерва, малое-же движеніе въ какой либо день можно вознаграждать резервомъ движенія предшествовавшаго дня. Если же, въ теченіе многихъ дней носящій часы не сдѣлаетъ никакого движенія, или если вообще въ эти дни часы не были ношены на себѣ владѣльцемъ ихъ, то ихъ можно завести обыкновеннымъ часовымъ ключемъ. Выгодами новаго заводящаго механизма въ часахъ Perpetuale, можно представить, кромѣ самостоятельности заводки: большую простоту и солидную прочность защищающаго механизма покрова, чѣмъ въ обыкновенныхъ карманныхъ часахъ. Фуляръ не просверливается отверстиемъ; никакой гвоздикъ не высовывается наружу. Кольцо бываетъ массивно, несоставное, слѣдовательно немогущее разойтись. Далѣе, часы эти бываютъ постоянно замкнуты, отчего на нихъ не насаждаетъ пыль; наконецъ въ нихъ устранена возможность соскакиванія пружинки при заводкѣ. Часамъ—Perpetuale, при ихъ умѣренной цѣнѣ, обеспечивается быстрое распространеніе. Въ настоящее время они продаются у часоваго мастера К. Гартеля, въ Вѣнѣ.

С м ѳ с ь.

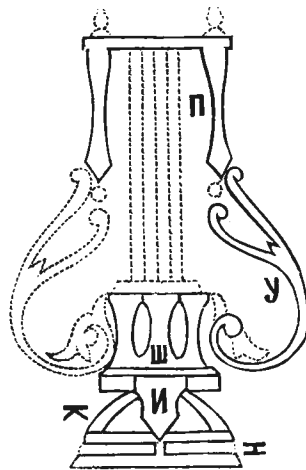
Къ числу новыхъ изобрѣтеній принадлежитъ ртутный телефонъ, состоящій изъ двухъ приборовъ совершенно одинаковаго устройства. Одинъ приборъ служитъ для принятія звука или голоса, другой для воспроизведенія того же самаго звука и голоса на разстояніи. Обѣ части прибора состоятъ изъ нижняго стеклянаго сосуда, наполненнаго водою, съ примѣсью кислоты и ртути. Въ сосудецъ опускается капиллярная трубка, наполненная ртутью. Для переговоровъ на разстояніи, приборы, находясь близъ переговаривающихся, соединяются двумя проволоками, изъ которыхъ одна соединяетъ ртуть сосудовъ, другая—ртуть капиллярныхъ трубокъ. При разговорѣ надъ однимъ изъ приборовъ происходитъ колебаніе воздуха, находящагося въ трубкѣ. Колебанія эти передаются ртути, подъ вліяніемъ же колебаній этой послѣдней, ртуть воспроизводящаго прибора получаетъ совершенно такія же колебанія. Въ результатѣ происходитъ то, что прикладывая ухо къ воспроизводящему прибору, можно слышать звукъ и голосъ говорящаго на значительномъ разстояніи.

Мысли замѣчательныхъ людей.

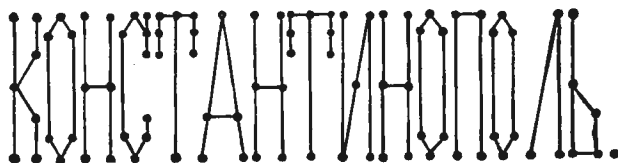
Въ каждомъ изъ насъ пребываетъ божество. (*Еврипидъ*).

Дѣло—за юношей, совѣтъ—за взрослыми, молитва—за старикомъ. (*Геродотъ*).

Рѣшенія задачъ,
помѣщенныхъ въ № 27 Нивы:

Слово, составляющееся изъ буквъ этой лиры: „Пушкинъ“.

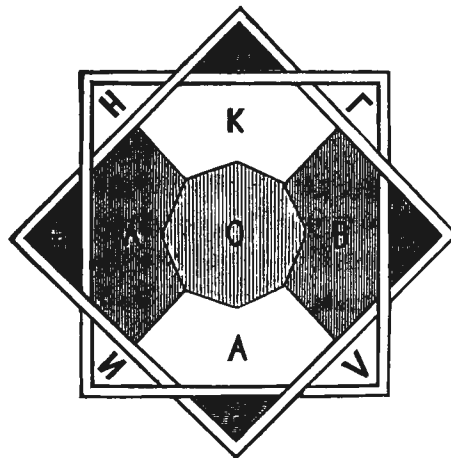
Точки, помѣщенные въ задачѣ № 27, составляютъ названіе города: „Константинополь“.

Ребусъ.

Рѣшеніе будетъ помѣщено въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ „Нивы“.

Задача.

Изъ помѣщенныхъ здѣсь буквъ составить фамиліи двухъ извѣстныхъ представителей русскаго искусства по части живописи и музыки.

Поправка. Въ № 27 «Нивы» на стр. 481 и 484, подъ рисунками есадовъ австрійскаго, японскаго и китайскаго отдѣловъ на парижской выставкѣ, по недосмотру напечатано: «въ Трокадеро»; слѣдуетъ читать: «на Марсовомъ полѣ».

1-й заемъ 1864 года.

27-й тиражъ 1-го июля 1878

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

На основаніи Выс. утв. 13-го ноября 1864 г. Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ, 1-го июля 1878 г. Правленіемъ Банка, въ присутствіи надомещикъ членовъ и депутатовъ, произведенъ тиражъ выигрышей и тиражъ погамешій билетовъ 1-го займа 1864 г. Выигрыши пада на слѣдующіе билеты.

Table with 12 columns: №№ серій, №№ билет., Сумма выигрыша. It lists winning numbers and amounts for the 1864 loan draw.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го октября 1878 года.

ТАБЛИЦА

серій бил. 1-го внутр. 5% съ выигр. займа 1864 г., вышедш. въ тир. поамш. НУМЕРА СЕРІЙ.

Table listing serial numbers (серій) and their corresponding amounts (поамш.).

Уплата капитала по вышедш. въ тиражъ билет., по 125 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го октября 1878 г. въ Госуд. Банкѣ, его Контор. и Отдѣлѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Дворецъ В. Н. Михаила Николаевича въ С.-Петербургѣ. (съ рис.). Приключеніе на дачѣ. (Лѣтній рассказъ) В. С.—Ярмарка въ деревнѣ Юго-западной Россіи. (съ рисункомъ).—Воробыи весною (съ рисункомъ).—Сѣверный пейзажъ (съ рисункомъ) Д. Стх.—Городъ Архангельскій (съ рисункомъ) Ии.—Крокодилы на трункъ гиппопотама (съ рисункомъ).—Остатки древностей въ Меридѣ (въ Исламіи) Стр.—Политическія и новѣстия.—Новое изобрѣтеніе (съ рисункомъ).—Смѣсь.—Мысли замѣчательныхъ людей.—Рѣшенія задачъ. Ребусъ.—Задача.—Тиражъ выигрышей Государственнаго банка.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многолѣтнихъ опытовъ, мнѣ удалось составить счастливую смѣсь (Гальманинъ), предотвращающую совершенно пріемъ частей тѣла, въ особенности же пріемъ ножныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось известнымъ во всемъ краѣ. Въ составъ его входятъ средства совершенно безвредныя; онъ не задерживаетъ поту, но поглощаетъ его, образуя мелкіе микроскопическіе кристаллы. Эти то качества и даютъ ему преимущество надъ средствами до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ своимъ дѣйствіемъ осушая части тѣла пріемъ ихъ дѣлаетъ невозможнымъ;—по сему лицамъ принужденнымъ много ходить, средство мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу, довольно потерять Гальманиномъ разъ въ нѣсколько дней пріемъ части, помощью ваты, пологота или вѣсточка, чтобы избѣгнуть тѣхъ неприятныхъ послѣдствій, каковыя бывають подвержены лица принужденныя долго ходить въ лѣтніе жаркіе дни.

Ручаясь вполнѣ за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина, что подтверждаютъ многочисленныя опыты варшавскихъ врачей, сѣбѣ обратитъ вниманіе публики, дабы она остерегалась подлоговъ и покупала Гальманинъ только въ коробочкахъ снабженныхъ моею фирмою.

СВИДѢТЕЛЬСТВА.

Изобрѣтеныиъ господиномъ владѣльцемъ аптеки, Магистромъ Фармаціи Карпинскимъ, Гальманинъ, отличается преимущественно своимъ хорощимъ вліаніемъ, противу пріемъ ножныхъ пальцевъ и вполнѣ достигаетъ своей цѣли.

Докторъ Халубинскій, б. Профессоръ Терапевтической Клиники въ Варшавѣ. Докторъ Гмишинскій, б. Профессоръ Гигиенологии въ Варшавѣ.

Докторъ Ломницъ.

Смѣсь удостоверяю, что въ моей практикѣ очень часто употребляю Гальманинъ (Galmannin) порошочкѣ, изобрѣтеныиъ Г. Магистра Фармаціи, Викентія Карпинскаго, служащій къ предупрежденію пріемъ между пальцами ногъ, съ совершенною пользою; по этому рекомендую его лицамъ, принужденнымъ много ходить, если при этомъ ноги ихъ подвергаются потѣнью.

Профессоръ Хирургіи. Клиники Императорскаго Варш. Универс., Докторъ Гершотъ.

Сладки Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы.—Главное дѣло въ моей аптекѣ въ Варшавѣ.—Большая коробочка Гальманина 50 коп.; меньшая коробочка 30 коп.

В. КАРПИНСКІЙ.

Магистръ Фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, улица Електоральная № 25 (новый). № 125 4—4

И. Э. МИЛЬКЪ

бол. Морской

№ 39

ДЕСЯТИЧНЫЕ ВѢСЫ, Садовая мебель, Ванны, Биде, Души, Пожар. и Садов. Насосы, Умывальники, Ватерклозеты, Комнати. ледян. шкапы, Морожники, Мясорубки, Фильтры и разныя хозяйственныя вещи. № 169 1—1

О ПОДПИСКѢ

на ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ МІРЪ“

съ еженедѣльнымъ „ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ“

НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ 1878 ГОДА

ПОДПИСНА ЦѢНА

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ ВЪ РОССІИ:

на 6 мѣсяцевъ (съ 1 июля) 8 р. — к. | на 3 мѣсяца (съ 1 июля) 4 р. 50 к. * 5 * * * 7 * — к. | * 2 * * * 3 * 25 к. * 4 * * * 5 * 50 к. | * 1 * * * 1 * 75 к.

Иногородныхъ подписчиковъ проситъ обращаться исключительно въ главную контору „Русскаго Мира“ въ С.-Петербургѣ.

Особенное вниманіе обращено редакціи на полноту и содержательность внутренняго отдѣла.

Главные отдѣлы газеты—политическій и внутренній находятся въ завѣдываніи тѣхъ же лицъ съ 1874 года.

Въ „ЛИТЕРАТУРНОМЪ ПРИБАВЛЕНІИ“ печатается съ начала нынѣшняго мѣсяца новый оригинальный романъ, изъ русской жизни, въ трехъ частяхъ, подъ заглавіемъ „На нашихъ глазахъ“; новымъ полугоднымъ подписчикамъ будутъ своевременно разосланы первые листы этого романа.

Новые полугодные подписчики получаютъ въ видъ преміи, романъ Ксавье де-Монтелена „Виконтеса Жермена“ или „Сербскіе рассказы“ капитана Карилыча—по выбору.

Въ еженедѣльномъ „ЛИТЕРАТУРНОМЪ ПРИБАВЛЕНІИ“ напечатаны сначала текущаго года слѣдующія произведенія:

РОМАНЫ: 1) Свѣтлая женщина, Эрнста Доде. 2) Милліонное наследство, Ф. Фридриха. 3) Вампиръ, (изъ болгарскаго быта).

РАЗСКАЗЫ: 1) Лоретта, рассказъ Альберта де-Виньи. 2) Романъ королевы Викторіи, Р. И. 3) Авангардный лагерь, очерки Студенскаго. 4) Съ береговъ Дуная, I. рассказъ доктора и II. рассказъ казака-кубанца—капитана Карилыча. 5) Среди братьевъ Христа, А. Галлина. 6) Диньтменъ изъ Техаса его же. 7) Во-снѣ и на яву, Вс. Соловьева. 8) Въ Силнстскихъ горахъ, NN. 9) Вогескіе рассказы, Э. Шатриана. 10) Александръ Павловичъ Безанъ, (изъ воспоминаній) Евгения Раппа. 11) Варнакъ, А. Н. Молчанова. 12) Первая любовь, его же. 13) Картины изъ вѣтскаго мізніи, В. С. и мн. др.

СТУХОТВОРЕНІЯ: 1) Значеніе времени (передъ картиной Айвазовскаго) А. Майнова. 2) Ватійское море, стих. короля шведскаго, перев. В. Головина. 3) Больной, его же. 4) Въ деревнѣ и лаваретѣ, Нруглова. 5) Изъ пѣсень о славянскихъ герояхъ, его же. 6) Изъ Лонгелло, А. Бенетовой и др.

Сверхъ того въ „Литературномъ Прибавленіи“ напечатано много мелкихъ статей въ отдѣлахъ „Смѣси“ и „Библиографіи“.

ПОДПИСКА ПРЕИМУЩЕСТВЕННАЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ Конторѣ газеты, Большая Морская, д. № 11 № 166 3—2

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ. Въ Б. Морской, д. 9.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ 2-хъ част. Н. Каразина съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы“ на 1878 г.: 1 р. 80 к. съ перес. 2 р.

№ 29

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 17 Іюля 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ «Нивѣ» принимаются по 25 к за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта ежедневно икро мѣ Воскресенья отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ ин. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи . . . . . 6 „

Также принимается подписка на 1/2 года съ 1 Іюля 1878: безъ дост. 2 р., съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р.
КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія объявленій въ «Нивѣ» иногор. по 5 р. съ тысячи, городскимъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи, неудобные къ печати, авторамъ не возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1878 г. №№ «Нивы» со всѣми приложеніями.

Александръ Николаевичъ Сѣровъ.

Музыкальный критикъ и авторъ трехъ извѣстныхъ оперъ: „Юдифь“, „Рогнеда“ и „Вражья сила“—Александръ Николаевичъ Сѣровъ, родился 11 января 1820 г. и умеръ 20 января 1871 г. Слѣдовательно, жилъ 51 годъ и 9 дней. Отецъ его служилъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и занимался по оставленіи службы частной адвокатурой. Онъ имѣлъ нѣкоторыя денежные средства и упрямый неуживчивый характеръ. Мать Александра Николаевича, напротивъ, была необыкновенно нѣжная, любящая, кроткая. Она имѣла благотворное вліяніе на сына.

Въ первоначальномъ воспитаніи Александра Николаевича участвовала также его бабушка, по матери, уважаемая и высокопросвѣщенная личность. Бабушка любила внука, такъ сказать, до безумія.

Сѣровы, кромѣ единственнаго сына, имѣли еще одну дочь, Александру Николаевну, которая пережила потомъ брата..

До смерти отца Сѣ-

Александръ Николаевичъ Сѣровъ. Съ фотогр. рис. и грав. А. Нейманъ.

ровъ жилъ съ семьей въ собственномъ домѣ; у нихъ была богатѣйшая библиотека и физическій кабинетъ, наследство дѣда. Въ этомъ кабинетѣ и среди книгъ Александръ Николаевичъ провелъ лучшіе годы своего дѣтства и отрочества, тутъ привыкъ онъ къ труду, пристрастился къ наукамъ. Отецъ непремѣнно хотѣлъ видѣть сына на юридическомъ поприщѣ и опредѣлилъ его въ училище Правовѣденія, въ которомъ Александръ Николаевичъ и окончилъ курсъ, выйдя третьимъ ученикомъ. Затѣмъ отецъ выхлопоталъ ему мѣсто, и молодой Сѣровъ поступилъ въ Сенатъ, а потомъ получилъ болѣе выгодное мѣсто въ Крыму. Но не съ такою ограниченою долею могла примириться натура молодого Сѣрова; не „прибавки жалованья“ и не награды по службѣ чинами и орденами были его идеаломъ; онъ искалъ другого и не могъ выдержать службы. Очевидно и самъ еще не зная опредѣлено чего именно нужно ему ждать отъ

жизни, молодой Сѣровъ рѣшился перемѣнить занятія и вопреки волѣ отца поступилъ на должность почтоваго цензора. Но эта должность давала слишкомъ маленькое содержаніе. Это ли послѣднее обстоятельство или же вообще перемѣна службы были неприятны отцу Александра Николаевича—неизвѣстно; но такъ или иначе, онъ разсердился на сына и рѣшительно разошелся съ нимъ.

Они сошлись только благодаря содѣйствію Ленца, музыкальнаго критика. Сѣровъ возсталъ прямо противъ возрѣній Ленца на Бетховена, Ленцу увидѣлъ въ немъ задатки критическаго ума и употребилъ мѣры склонить старика Сѣрова не только примириться съ сыномъ, но и убѣдилъ его не препятствовать Александру Николаевичу въ проявленіяхъ его критическаго ума. По смерти отца на долю А. Н. Сѣрова пало много матеріальныхъ заботъ: старая бабушка, мать и сестра исключительно жили его трудами, и онъ работалъ съ изумительной настойчивостію и терпѣніемъ, въ тоже время ни на минуту не унизаясь до ремесленнаго возрѣнія на искусство. Какъ только урывалось свободное время онъ весь отдавался обожаемой своей музыкѣ, занимался самостоятельнымъ ея изученіемъ; смерть бабушки и матери, замужество сестры надѣлало ему еще больше хлопотъ, потребовали еще болѣе усиленныхъ занятій, но за то съ этого времени оставшись одинъ, Сѣровъ уже всѣмъ существомъ своимъ отдался искусству.

Въ артистическомъ мірѣ имя А. Н. Сѣрова стало извѣстно съ 1851 г. Начали появляться его музыкальныя рецензіи въ издаваемыхъ тогда журналахъ: Библіотекѣ для чтенія, Современникѣ, Пантеонѣ, Сынѣ Отечества, а потомъ, вскорѣ, весь музыкальный міръ заговорилъ о его статьяхъ.

А. Н. Сѣровъ отличался безграничнымъ самолюбіемъ, тщеславіемъ и его гордость и самонадѣянность, сознание своей силы, проглядывали во всѣхъ его статьяхъ, въ тоже время та смѣлость, съ которою онъ говорилъ печатно, придавала ему авторитетъ. Онъ громилъ знаменитостей и развѣчивалъ Мейснера, композитора наиболѣе любимаго въ Россіи.

Сѣровъ былъ горячимъ поклонникомъ Вагнера и желалъ ввести его манеру и его стиль. До 1856 г. находя, что оперы Вагнера наводятъ непреодолимую скуку, съ 1858 г. Сѣровъ сдѣлался отъявленнымъ вагнеристомъ. Извѣстно, что и его первая опера „Юдиѣ“ написана подъ вліяніемъ Вагнерова стиля, также точно и „Рогнѣда.“ „Только тупоумные идиоты упорно придерживаются одного и того же мнѣнія“ возражалъ Сѣровъ на замѣчанія по этому поводу,—мыслящіе же люди изучаютъ, глубоко вникаютъ въ предметъ и рѣшаютъ, не стѣсняясь прежними отзывами“. (Воспоминанія о Сѣровѣ, Русская Старина 1878 г. томъ IX).

Образованіе Сѣрова было многостороннее, начитанность громадная и память необыкновенная. Съ равными себѣ Сѣровъ охотно сближался и допускалъ ихъ въ свой внутренний міръ дѣлился съ ними своими замыслами. Какъ примѣръ оригинальныхъ его дѣйствій, приводимъ фактъ знакомства Сѣрова съ Листомъ.

Въ 1858 г. во время своего путешествія за границей, Сѣровъ въ одинъ прекрасный день прямо съ чемоданомъ и безъ всякой рекомендаціи, является къ знаменитому Листу. Я Сѣровъ, говоритъ онъ, и объявляетъ, что пріѣхалъ погостить къ нему, Листу. Листъ уступилъ ему половину своей квартиры и они прожили такимъ образомъ вмѣстѣ цѣлые три мѣсяца. Въ дѣлѣ композиціи Сѣровъ является замѣчательнымъ мыслителемъ, строго обдумывающимъ характеръ, тонъ сочиненія. Какъ и Вагнеръ, Сѣ-

ровъ требуетъ отъ исполнителей драматическаго искусства превосходной декламаціи и выраженія.

Сѣровъ былъ женатъ и прожилъ въ супружествѣ 7 лѣтъ. О послѣднихъ часахъ жизни Сѣрова сообщаютъ, что хотя онъ и страдалъ хронической болѣзною съ зимы 1867 года, но въ день смерти чувствовалъ себя хорошо. Въ этотъ день, бывшій его послѣднимъ днемъ, онъ, по обыкновенію, былъ одѣтъ въ свой сѣреный костюмъ и съ живостію объяснялъ пришедшему къ нему въ этотъ день пріятелю планъ своихъ новыхъ оперъ, своего „Вакулы“; читалъ либретто Полонскаго для „Вакулы“, представлялъ, какія будутъ „чертовщины, совѣмъ особенныя“, какъ полетитъ вѣдьма на трубѣ и какъ вдругъ сразу Петербургъ—послѣ деревни, сугробовъ снѣга—блестящій залъ и Екатерина и Потемкинъ...

— Какую тутъ я фантастику подпущу, чисто нашу, говорилъ онъ съ восторгомъ. И какіе новые звуки уже теперь копошатся у меня для оркестра „Вакулы“.

Послѣ этого разговора Николаевичъ шутилъ съ сыномъ, рассказывалъ ему анекдоты, а затѣмъ раскрывъ книгу Наумана, онъ хотѣлъ было проиграть нѣсколько нотъ, какъ вдругъ лицо его вытянулось, искажилось, снова выправилось, и онъ началъ падать стнблался. Смерть постигла его отъ разрыва сердца. Онъ умеръ мгновенно. Такъ неожиданно угасла жизнь композитора, готовившагося съ жаромъ и необычайной страстностію къ дальнѣйшему продолженію своей музыкальной дѣятельности.

Своими критическими статьями и популярными лекціями въ университетскомъ залѣ, Сѣровъ способствовалъ русскому обществу сознательно слушать и понимать музыку. Онъ понялъ и выяснилъ значеніе Глинки. Онъ создалъ „Юдиѣ“—интересную оперу, богатую мотивами и совершенно новую въ музыкальномъ отношеніи, т. е. самобытную и оригинальную. Критическую свою дѣятельность Александръ Николаевичъ началъ годами десятию ранѣе композиторства. Его статьи разсѣяны по всѣмъ газетамъ и журналамъ. Онъ издавалъ нѣкоторое время даже самъ газету „Музыка и Театръ“. Существуетъ мнѣніе, что покойный Сѣровъ какъ композиторъ стоить выше критика: ибо, какъ говорить, натура его была слишкомъ страстная, чтобы онъ могъ удерживаться увлеченія.

Взаключеніе необходимо замѣтить, что при жизни своей Сѣровъ, какъ композиторъ, имѣлъ столько же искреннихъ почитателей своего музыкальнаго таланта, сколько и явныхъ враговъ, непризнававшихъ въ его музыкѣ никакихъ достоинствъ. Враги эти—любители итальянской оперы, для которыхъ оперы Доницетти, Беллини, Верди и т. п. ничѣмъ незамѣнимы. Сѣровъ же былъ послѣдователемъ Вагнера, а Вагнеръ, какъ извѣстно, недоступенъ до слуха тѣхъ, кто воспитанъ на звукахъ Доницетти. Покойный Сѣровъ за свою оперу „Рогнѣда“ былъ удостоенъ Высочайшей милости: онъ имѣлъ отъ Государя Императора пожизненный пенсіонъ въ тысячу рублей.

Приведемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ стиховъ, сказанныхъ по случаю его смерти:

Съ роскошью звуковъ, съ искусствомъ, онъ бѣдную
жизнь сочеталъ:—
Роскоши этой не вынесъ, русской землѣ онъ въ наслед-
ство

Пѣсни оставилъ свои и навсегда замолчалъ.

z.

НА БАЙКАЛѢ.

Катитъ море голубое
Съ шумомъ рѣзвуетъ волну,
Глазъ далеко проникаетъ
Въ голубую глубину.

* * *

Тамъ лазоревые камни
Тамъ песчаная коса—
Распустились травъ подводныхъ
Золотые волоса.

* * *

А кругомъ синѣютъ горы,
Дальше легче и слабѣй
И вершины ихъ бѣлѣютъ
Головой сѣдой своей.

Въ знойный день играетъ солнце
На вершинахъ тѣхъ сѣдыхъ,
И цвѣтами брилліантовъ
Отражается на нихъ.

* * *

Но за то въ ущельяхъ горныхъ
Въ темныхъ пропастяхъ и рвахъ—
Тамъ живутъ лишь мракъ и холодъ
Въ вѣчныхъ саваннахъ—снѣгахъ.

* * *

Здѣсь же—здѣсь хрусталь прозрачный
Такъ и кинулся-бъ туда—
Въ зной недвижный все лилась-бы
Въ грудь холодная вода.

Б. С.

Блокгаузъ „Червнень Аскеръ“

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

I.

По дорогѣ, ведущей изъ Туртукая въ болгарскую деревню Червнень-солникъ, ѣхалъ въ двухколесной телѣжкѣ, запряженной одною лошадейю, болгаринъ Фома Шумовъ.

Это было въ недавнее смутное, тяжелое для болгаръ время, когда путешествовать по дорогамъ было далеко не безопасно не только для болгаръ, но даже и для прочихъ христіанъ, къ какой бы національности они не принадлежали, хоть бы съ того берега, иностранцами, они были...

Каждый день доносились съ разныхъ пунктовъ путей сообщеній вѣсти о найденныхъ убитыхъ, раненыхъ, ограбленныхъ, а къмъ,—неизвѣстно!.. Болгары знали, что виновниками этихъ безчинствъ были турки, преимущественно иррегулярная, военная сволочь, которой въ послѣднее время порядочно нагнали въ эти мѣста,—они, то есть болгары, знали виноватыхъ и молчали,—ибо высказываться въ слухъ въ подобномъ родѣ было очень рискованно. Турецкія власти тоже отлично знали виновныхъ и умалчивали о нихъ тоже, но по совѣстимъ другимъ причинамъ: для турецкихъ властей было гораздо удобнѣе сваливать всю вину на болгаръ:—„это, молъ, все болгары безчинствуютъ“ — наградили же Аллахъ его величество падишаха такими безпокойными подданными!..

Иностранные консулы въ городахъ, собирая отъ турецкихъ властей свѣдѣнія о безпорядкахъ для доклада своимъ правительствамъ, удивлялись только, что это за странный выборъ у болгаръ-разбойниковъ исключительно самихъ себя рѣзать... но ихъ сомнѣнія разсѣивались разомъ, только что полученнымъ отъ туртукайскаго „вали“ извѣстіемъ о зарѣзанномъ турецкомъ солдатѣ, значить, кто же виноваты какъ не болгары?!

Правда, что этотъ турецкій солдатъ зарѣзанъ былъ еще годъ тому назадъ, при обстоятельствахъ, весьма сомнительныхъ, слѣдственнымъ путемъ не раскрытыхъ; но самое донесеніе о фактѣ тщательно береглось какъ улика противъ болгаръ, и каждый разъ, съ переправленнымъ числомъ и мѣсяцемъ, появлялось для подержки отзыва турецкихъ властей...

Мнимые болгары-разбойники даже въ дальнихъ деревняхъ появлялись, иногда даже среди бѣлаго дня, оставляя кровавые слѣды своихъ посященій. Несчастные жители деревень съ оглядкою работали на своихъ поляхъ, съ оглядкою пасли свою скотину, съ оглядкою собирались по воскресеньямъ въ приходскую церковь, съ оглядкою даже жили въ своихъ чистенькихъ домикахъ, боязливо выглядывая изъ щелей запертыхъ ставней на улицу при каждомъ подозрительномъ топотѣ копыта по пыльной, проѣзжей дорогѣ. Понятно, что путешествовать на болѣе дальнія разстоянія, при такихъ обстоятельствахъ между болгарами находилось очень мало охотниковъ и только крайняя безисходная нужда заставляла ихъ пускаться въ такое рискованное путешествие.

Родные и знакомые съ плачемъ, съ причитаніями и молитвами провожали до околицы такого подневольнаго путешественника, съ нимъ прощались какъ съ покойникомъ,—а тотъ и самъ готовился къ смерти, распорядившись дѣлалъ, исповѣдывался у попа и причищался.

Тяжелое время переживало тогда все болгарское населеніе Балканскаго полуострова...

И вотъ въ этокое-то именно время и ѣхалъ по дорогѣ въ Червнень-солникъ болгаринъ Фома Шумовъ.

У этого Фомы Шумова было еще имя, другое; звали его также Алли-Исса-бекъ... Для турокъ онъ былъ помакъ - мусульманинъ, для болгаръ — христіанинъ. Съ турками онъ ходилъ въ мечеть и даже ученикомъ моллы-Решада считался. Въ большіе праздники его всегда видѣли въ первыхъ рядахъ въ христіанской церкви, гдѣ онъ набожно творилъ крестное знаменіе и усердно лѣпилъ тоненькія свѣчки изъ желтаго воску къ старымъ, точенымъ изъ дуба паникадиламъ.

Фому Шумова, или Алли-Исса-бека, знали въ каждой турецкой канцеляріи—онъ велъ дружбу съ командирами тоборбы, съ черкескимъ бимъ-башею Джемилемъ, зналъ наперечетъ всѣхъ заплѣвъ, поставлялъ низаму фуражъ, по черезъ-чуръ дешевымъ цѣнамъ, подписывая въ качествѣ продавца покупочныя свѣдѣтельства на товаръ, котораго онъ самъ продавецъ, а въ глаза не видалъ—онъ первый сообщалъ кому слѣдуетъ обо всемъ, что творилось кругомъ, однимъ словомъ былъ человѣкъ полезный, для котораго смутное время не представлялось чѣмъ-то гнетущимъ, тяжелымъ, а уподоблялось мутной водѣ съ удобствами для рыбнаго улова.

Онъ ухитрился и между болгарами не вызывать къ себѣ подозрѣній, энергично защищалъ ихъ на турецкихъ судбищахъ, выручилъ Ношу-Бѣллова изъ тюрьмы, совершилъ еще нѣсколько гражданственно-патріотическихъ подвиговъ, а вообще заслужилъ между своими репутациію человѣка, къ которому надо относиться если не съ глубокимъ уваженіемъ, то во всякомъ случаѣ съ нѣкоторымъ подчинительнымъ страхомъ, заставлявшимъ болгаръ снимать при встрѣчѣ съ Фомою Шумовымъ свои черныя бараньи шапки и привѣтствовать его словами: „здоровъ будь, Фома! Богъ надъ тобою!“.

Фома на груди, за чапакомъ, носилъ замшевый мешочекъ съ турецкими золотыми лирами и еще бумагу одну, всю исписанную кудреватыми турецкими письменами, съ хитросплетенною печатью внизу и подписомъ самаго вали туртукайскаго; ему стоило только показать эту бумагу въ опасную минуту, какъ та-же рука, что только что цѣлилась въ него изъ пистолета, прятало оружіе за поясъ и почтительно, со словами: Селямъ-Алейкумъ-бей, прикладывалась ко лбу и къ сердцу...

— Алейкумъ-Селямъ! отвѣчалъ тогда Фома Шумовъ; дабы не показать страха,—дружески перекидывался двумя тремя фразами съ тѣмъ, кто хотѣлъ было воспользоваться его кошелькомъ и конемъ,—и, не трогаясь, трогалъ возжами свою высокую, рыжую кобылу...

Солнце давно уже за полдень перевалило. По небу неслись легкія бѣлыя облака, отбрасывая на равнину свои бѣгучія тѣни. Прохладный вѣтерокъ дулъ съ лѣвой стороны, гдѣ далеко, почти на самомъ горизонтѣ, виднѣлось свѣтлая полоса Дуная. Между рѣкою и дорогою широко раскидывалась низменная долина съ своими невылазными, нарощими камышемъ, топями и болотами, отдѣльными озерками, затонами. Кое гдѣ торчали растрепанныя, приземистыя ивы, а на деревьяхъ непримѣтно уже чернѣлись косматыя гнѣзда аистовъ. Долгоногіе хозяева этихъ гнѣздъ мирно бродили по зеленой тинѣ болотъ, или задумчиво, стоя на одной ногѣ, неподвижно торчали, словно неживыя существа, а изваянія какія то. Стаи утокъ и гусей неслись вереницами, съ шумомъ и плескомъ опускаясь на воду. Пронзительно вскрикивали въ воздухъ чайки-рыболовы. На песчаныхъ, голыхъ накосахъ взапуски бѣгали крохотные кулички, словно разсыпанное мелкое серебро сверкая на солнцѣ, на темно желтомъ фонѣ

мокраго песку. Гдѣ то очень далеко синяя струя дыма поднималась. Большой, Богъ знаетъ, какъ забредшій сюда буйволъ залегъ въ тину, одна только черная косматая голова его видна съ откидистыми тяжелыми рогами; птичка зеленая усѣлась на этой головѣ и долбитъ ее носикомъ, разыскивая тамъ паразитовъ...

Справа голые, пустынные, необработанные холмы поднимаются,—постепенно переходя въ такой же оголен-

— Ну, самъ Инглизъ виноватъ будетъ, если прозѣваетъ, а съ моей стороны дѣло сдѣлано, проговорилъ онъ про себя, пошевеливая возжами... Самъ Инглизъ виноватъ будетъ... Я одинъ что могу сдѣлать?!

Проѣхалъ онъ еще съ полверсты; сдерживая лошадь, остановился, трубочку закурилъ... Долго возился съ огнемъ на вѣтру... Слѣзь, телѣжку обошелъ, осмотрѣлъ, упряжь потрогалъ руками, согналъ двухъ упив-

и черная курносая морда съ оскаленными зубами, поманила рукою Фому и сприталось... Помакъ слѣзь съ телѣжки, притянулъ возжею морду своей кобылы къ концу оглобли, чтобы не испугалась чего, да не подхватила, и не торопясь, пошелъ къ оврагу.

Тамъ, на самомъ днѣ балки, стоятъ три лошади, осѣдланныя, и двое людей сидятъ:—одинъ черный, негръ, въ красной фескѣ, въ бѣломъ парусинномъ пид-

На виду, по твоему!.. здѣсь, вѣдь, за двѣ версты все видно; повернулъ-бы тотъ, кого ждемъ, поди послѣ гоняйся.

— Мистеръ Джэмсъ-Говардъ сказалъ мнѣ, заговорилъ негръ Дикъ, надо чтобы вы къ ночи вернулись... Мистеръ Джэмсъ Говардъ сказалъ, значить, надо не премѣнно вернуться къ ночи.

— А это какъ придется! задумчиво произнесъ Фома

Возвращеніе черкесовъ съ набѣга. Картина Э. Горшельта, грав. К. Стреллеръ.

ный, каменистый вряжъ... Нигдѣ не видно жилья, нигдѣ не видно человѣка,—ничего его напоминающаго. Пуста и безлюдна дорога сзади,—пуста и впереди... Слѣдь за телѣжкой Фомы Шумова прокладывается свѣжій, единственный... Прядетъ ушами его рыжая кобыла,—идетъ словно упирается, словно чувствуетъ кого-то. Зорко посматриваетъ по сторонамъ помакъ, даже привсталъ на телѣжкѣ и руку козырькомъ сдѣлалъ отъ солнца.

шихся оводовъ съ брюха своей лошади. Похранываетъ кобыла, ноздри раздуваетъ, а никого не видитъ...

Только снова тронулся въ путь Фома,—заржала рыжая... чу! и ей отозвалось легкое ржаніе,—справа изъ небольшого оврага...

— Ишь вѣдь куда они засѣли! подумалъ Фома—и посвисталъ какъ-то особенно!..

Высунулась, словно изъ подъ земли, красная феска

жакѣ, въ замшевыхъ штиблетахъ на ногахъ, съ пуговками; у пояса два револьвера и ножъ съ роговымъ черешкомъ, а другой турокъ, въ солдатской, регулярной, кавалерійской формѣ...

— Ишь, вы, гдѣ засѣли! выругался Фома Шумовъ; эдакъ и мимо проѣхалъ бы я, когда-бы лошадь не заржала.

— А то гдѣ сидѣть?! тоже выругался кавалеристъ.

Шумовъ, какъ придется...

— Да, поѣдутъ-ли они—недовѣрчиво спросилъ турокъ; теперь они всѣ спрячутся... не любятъ въ одиночку высовывать носы. Джемилъ, бимъ-баши третьяго дня почевалъ въ Червленъ аскерѣ, жаловался англизу, что совсѣмъ опустали дороги...

— Поѣдутъ! увѣренно произнесъ помакъ, поѣдутъ! Давно уже у насъ покойно, близко ничего не слышно

было; я ему писалъ, чтобы ѣхалъ и записку охранную выслалъ; Рустемъ, секретарь вали, подписалъ—поѣдетъ!

— А какъ, *одинъ* поѣдетъ?

— Что ему одному ѣхать!.. незачѣмъ! Возьметъ и ее съ собою. Для этого и поѣдетъ...

— А вотъ невидать-же!..

— Увидите...

— Мы здѣсь съ ночи ждемъ.—Лошадей нельзя на траву пустить, замѣтно; все на приколахъ держимъ, а имъ тоже ѣсть надо: живая скотина, отощать можетъ—шутка-ли, восемь часовъ съюта гнали...

— Что-же не взяли ячменю. Не дорогъ вѣдь онъ вамъ обходится... Взяли-бы мѣшечекъ...

— Не додумались... полагали скоро вернемся. А то бы почему не захватить.

— Мистеръ Джэмсъ-Говардъ приказалъ, чтобы не премѣнно къ вечеру.

— Экко ему нетерпится!.. Вотъ посмотрю, какъ онъ торопиться будетъ деньги мнѣ платить.

— Смотрю я на тебя, Исса-бекъ, заговорилъ, помолчавъ немного, турокъ кавалеристъ. Какъ это, дивлюсь, тебя еще свои не повѣсили... знаешь эдакъ за шейку ремешкомъ, а то хоть и просто веревочкою.

— Дивиться я буду, какъ это тебя будутъ палками дуть въ Блонгаузѣ, когда я пожалуюсь англизу на тебя за такія рѣчи, поблѣднѣвъ отъ злости, заговорилъ въ отвѣтъ Али-Исса-бекъ.

— Шучу—вѣдь!

— Шуты иначе... Смотри туда.. Тамъ вонъ ложбиною, гдѣ идетъ дорога, отсюда не видно ея—я тамъ съ телѣжкой ожидать буду, а вы здѣсь стойте... Если увидите телѣгу, на мою конечно, не трогайтесь съ мѣста, пока я, на тотъ холмъ не выѣду. Слышите-же... Не хочу я чтобы вы на моихъ глазахъ старику горло рѣзали. Понимаете?..

— Что не понять... угрюмо отвѣтилъ кавалеристъ. Не нашель проклятый англизъ кого другого вмѣсто меня послать на это дѣло... Такого, чтобы этому чернышу былъ подъ пару...

— Въ непривычку что-ли?.. презрительно сжалъ губы помакъ, затягивая покрѣпче свой поясъ.

— А можетъ и не въ привычку.

— Мнѣ все равно... Мистеръ Джэмсъ Говардъ приказалъ... Масса-Говардъ, когда мы въ Испанію у Донъ Карлоса были, не то мнѣ еще приказывалъ... Я дѣлаю... а Богу отвѣчать будетъ Масса—по его приказанію дѣлають руки Дика.

И негръ, засмѣявшись, вытянулъ, растопыривъ обѣ свои черныя руки, на каждой изъ которыхъ симетрично не доставало по одному пальцу...

— Давай огня!..

Фома Шумовъ протянулъ кавалеристу свою докуренную, но еще дымящуюся трубочку.

— Правда-ли, говорятъ, заговорилъ, улыбаясь, турокъ, что у тебя уже больше десяти тысячъ лиръ накоплено?.. Скажи мнѣ по дружбѣ, гдѣ ты пряталъ свое золото?..

Помакъ промолчалъ на эту выходку... отошелъ нѣсколько шаговъ по направленію къ своей повозкѣ, и, обернувшись, крикнулъ Дикунегру.

— Скажи Массѣ Говарду, что я послѣ завтра самъ къ нему заѣду—онъ уже знаетъ зачѣмъ. Такъ смотрите-же, дѣлайте какъ я сказалъ... Пока не покажусь на томъ бугрѣ, не высовывайте носу.

— Знаемъ! отозвался голосъ турка кавалериста... сообразили — не хитро вѣдь!..

— Такъ вотъ.. выѣхали мы изъ Каира... Тамъ большая рѣка Ниль.. больше Дуная вашего будетъ... продолжалъ негръ свой рассказъ, прерванный появленіемъ Фомы Шумова.

— Послушай, ты говорилъ, что крокодилъ можетъ съѣсть разомъ цѣлаго буйвола?..

— Можетъ... Не только буйвола—крокодилъ разъ дромодера утянулъ въ воду за ногу.. я самъ видѣлъ.

— Аллахъ великъ! вздохнулъ онъ; все сотворить можетъ.. Аллахъ и великаго Падишаха сотворилъ и вотъ такую черную свинью, какъ ты...

— И такого ишака глупаго, какъ ты... обидѣлся было за сравненіе слуга англиза.

— Ну, продолжай... такъ что же выѣхали вы съ господиномъ изъ Каира... дальше то что-же?..

По дорогѣ, тѣмъ временемъ, пара здоровыхъ буйволовъ тащила телѣгу съ парусиннымъ тентомъ. На передкѣ телѣги сидѣлъ старикъ, смуглый, загорѣлый, длинные сѣдые усы его висѣли ниже ворота бѣлой, холщевой рубахи, сѣдые же волосы, прямыми космами выбивались изъ-подъ черной шапки; вышитая по воротнику рубаха, такая же какъ и наша малороссійская, заправлена была въ широкія, турецкія, темно-синія шаровары, поддерживаемыя на бедрахъ тяжелымъ кожанымъ поясомъ, съ металлическими оковками, на поясѣ висѣлъ съ табакомъ и трубкою, за поясомъ заткнутой однимъ концомъ красный набойчатый платокъ для вытиранія лица и носа... Старикъ сидѣлъ на облучкѣ сгорбившись, лѣниво помахивая кнутомъ на буйволовъ, отмахивающихся на ходу своими хвостами отъ мириадъ назойливыхъ оводовъ и большихъ зеленыхъ мухъ, съ разлета щелкающихъ о парусину телѣжнаго навѣса.

Тамъ, подъ навѣсомъ, лежала красивая дѣвушка лѣтъ семнадцати, закинувъ обѣ руки за голову. Дѣвушка по костюму болгарка-простолодинка... Она то дремала дорогою отъ скуки, то, просыпаясь, заговаривала съ отцомъ, откидывая по временамъ полу навѣса, выставляла на солнце свое хорошенькое, нѣсколько худощавое личико и каждый разъ при этомъ говорила:

— Ахъ какая скучная, какая длинная дорога!.. Батько, а батько, скоро ли доѣдемъ?

И каждый разъ батько ей отвѣчалъ, періодически уменьшая число сатовъ *).

— Три сата и пулъ **)—то и достаточно, дочка милая... Ты бы „заснула“, Анна!

— Не спится, батько, и тяжело какъ-то мнѣ, томно на сердцѣ. Все мнѣ недоброе что-то чудится...

— А то-жъ дурь въ головѣ,—оттого и чудится... А ты Богу молись... У меня бумага есть, вѣрная... съ этою бумагою и недобрые люди, не приведи Господь встрѣтиться, не тронуть. Приѣдемъ въ городъ, хорошо тебѣ жить будетъ, у консула въ нянькахъ—консулъ уже тогда тебя никому не дастъ въ обиду; и намъ старикамъ спокойнѣе будетъ, все меньше думы на сердцѣ. Мы съ мамою старухою никому не нужны, на насъ ни у кого глаза не разгорятся, а о тебѣ и днемъ и ночью беспокоимся... Шустра ты очень стала, всѣмъ на глаза суешься. На тебя и англизъ глаза тарачилъ, и всякій чужой, кто только увидитъ, смотритъ по волчьей. Вотъ и тотъ венгерецъ, что здѣсь шляется тоже... Напрасно ты съ нимъ тогда долго разговаривала... Мы вѣдь съ матерью видѣли... напрасно!.. не свой человѣкъ, чужой... И Симко-женихъ говоритъ напрасно... Времена теперь нехорошія, неспокойныя, а у консула тебя никто не тронетъ... жаль только вотъ, что консулъ не русскій, а то совѣмъ хорошо было бы...

— Батько... А венгерецъ Михайлъ... Онъ мнѣ сказалъ, что его Михайломъ зовутъ... Онъ добрый, красивый, молодой... онъ худа не сдѣлаеть... Онъ мнѣ говорилъ, что у него мама есть на родинѣ, а батьки нѣту... померъ...

*) Часовъ.

**) Еще три съ половиною часа ѣзды—и доберемся.

— Не человекъ тотъ, кто по чужимъ землямъ ша-
тается, не христианинъ добрый, кто султану служить.

— Что же такое, что служить: султану всё служить —
султану и мы подати платимъ...

— Не своей волею только, а *тотъ...* напрасно ты
съ нимъ разговаривала, напрасно и...

Махнулъ старикъ кнутомъ по буйволовымъ спинамъ и
не договорилъ конца своей рѣчи.

— Что же, батько, остановился?! приподнялась на
локоть дѣвушка и пристально посмотрѣла ему въ гла-
за... что же, батько, не договариваешь, что такое „еще
напрасно“?...

— Мать видала, говорила,—я не знаю, можетъ и
неправда то, можетъ и померещилось...

— Итъ, правда. Я поцѣловала его... Я крѣпко по-
цѣловала его... Такъ, просто, взяла, обняла руками за
шею и поцѣловала! А зачѣмъ и сдѣлала это и сама
не знаю... потянуло меня къ нему я и сдѣлала...

— Не добро дѣвкамъ съ мужчинами цѣловаться,
угрюмо проворчалъ старый батько...

— Знаю... а не могла... и опять увижусь, и опять
поцѣлую... Мнѣ сердце что велить, то и сдѣлаю, а
сердце у меня говоритъ, что „Михо“ человекъ добрый,
онъ не обманетъ, не насмѣется надъ дѣвушкою...

— Въ жены возьметъ... по христиански повѣнчается...
такъ что-ли? усмѣхнулся батько.

Дѣвушка промолчала и задумалась. Телѣга, скрывя
немилосердно своими намазанными осями, подвинулась
на отлогій берегъ, за которымъ разстилалось безконеч-
но широкая, ярко зеленая, сверкающая своими обиль-
ными водами, береговая низменность Дуная...

Стукотня колесъ ѣдущей на встрѣчу, невидимой
еще за бугромъ повозки, заставила старика осторожно
вглядываться впередъ и даже прикрыть циновкою по-
лукругоме переднее отверстие навѣса: „зачѣмъ, молъ,
постороннему глазу видѣть, какую кладь везетъ его телѣга.

Изъ лоцины показалась рыжая съ бѣлою лысиною
голова кобылы Фомы Шумова.

— Здравствуй, Кирилль! привѣтствовалъ старика по-
макъ... Получилъ мое письмо, значить?

— Получилъ... спасибо Фома! приподнялъ шапку
Кирилль. Не чаялъ тебя встрѣтить дорогою. Письмо
пришло отъ тебя, трехъ дней нѣту, думали—самъ,
значить, не скоро будешь...

— Дочку везешь?

— А тутъ она!.. какже... везу! Спасибо тебѣ вели-
кое за хлопоты твои... спасибо! Анна дѣтей любить,
она хорошая нянька будетъ... И намъ добро... заботы
меньше... Мать глупая—печалится, она не понимаетъ.

— Баба понять не можетъ,—потутился Фома Шу-
мовъ... Просилъ меня консулъ: „найди“, говорить, а я
ему говорю: есть такая, какъ разъ подходящая. Напи-
саль воть тебѣ...

— Спасибо! Ты къ намъ ѣдешь, въ Червний-Доль,
или куда въ другое мѣсто?

— А къ вамъ пока: дѣло есть!..

— Ну, прощай, еще разъ большое спасибо... Приѣ-
дешь—заходи къ моей старухѣ, будь милостивъ—скажи,
что вотъ встрѣтилъ насъ, ѣдемъ благополучно... Ноче-
вать въ Луковѣ будемъ, а завтра, поплетъ Богъ, до
полудня въ городъ прибудемъ... Прощай!..

— Прощай!..

Смутно на душѣ у помака-предателя, самъ и не
глядитъ въ очи старику, сбрую будто поправляетъ.

— Богъ надъ тобою въ пути твоёмъ да будетъ, кри-
читъ отъѣхавъ немного Кирилль старый...

Хотѣлъ и Фома также отвѣтить, да горло у него
перехватило, языкъ одеревенѣлъ, не ворочается.

Тронулъ онъ кобылу рыжую, а самъ смотритъ впе-
редъ на эту лысую вершину бугра—по самой этой
вершинѣ идетъ дорога, какъ только онъ на нее взѣ-
детъ, такъ сейчасъ...

Страшно стало Фомѣ Шумову, и, чудное дѣло! Въдъ
не разъ ему приходилось кривить душою и словомъ,
не мало уже по его извѣстамъ да тайнымъ разговорамъ
пострадало народу, а вотъ теперь страшно—и совѣсть
заговорила и деньгамъ онъ инглизовымъ, общаннмымъ,
не радъ и вернуть бы все хотѣлъ, самъ бы, пожалуй,
теперь выручать изъ недобрыхъ рукъ Кирилла старого
и его дочку кинулся бы... страшно!..

А рыжая кобыла все идетъ, да идетъ, такъ и взби-
рается на бугоръ своими длинными ногами... Вотъ уже
недалеко осталось... Надвинулъ себѣ шапку Фома на
уши, зубы стиснулъ, глаза зажмурилъ...

Крикнулъ кто-то громко, пронзительно... женскій го-
лось! Это она, красавица Анна!.. кому же больше.
Вотъ говорятъ... спорятъ... Выстрѣлъ! Боже мой! Опять
крикъ... возня какая-то...

Экъ долго они возьтятся!.. барахтается, должно быть,
сильно энергичная красавица... Снова крикъ... теперь
громкій, отчетливый—такъ и застонало въ степи, по-
шло съ бугра на бугоръ отдаваться...

— Ратуйте, люди добрые, ратуйте!..

И опять тихо... словно чья-то рука зажала горло и
оборвала разомъ этотъ отчаянный вопль... Топотъ ко-
пытъ слышится, рысью уходятъ всадники, буйволы мы-
чатъ и кнутъ по ихъ спинамъ уже не леговько, по
козайски, а во всю мочь выхлестываетъ... Оглянулся
наконецъ Фома Шумовъ...

Далеко уже видѣется бѣлый пиджакъ негра Дика,
тянетъ онъ другую лошадь въ поводу, а на той лоша-
ди мѣшокъ не мѣшокъ, на человекъ тоже не похоже,
что-то связанное и на-крѣпко прикрученное къ сѣдлу
арканами, треплется... Поодаль, сильно отставши, вид-
на синяя куртка и бѣлая перевязь коробина—этотъ
воловъ чужихъ отпиргъ и гонить ихъ передъ собою
хозяйскимъ кнутомъ... На дорогѣ, изъ-за бугра чуть
блѣдетъ навѣсъ телѣги, а что около, тамъ что, не видно...

Холодный полъ каплями выступилъ на лбу и на вис-
кахъ Фомы Шумова, янтарный кончикъ чубука откуси-
ли его крѣпко стиснутые зубы, сердце словно и бить-
ся совсѣмъ перестало... Ржетъ и беспокоится рыжая
кобыла, глядя вслѣдъ удаляющимся конямъ, съ дороги
сбилась, колеса телѣжки подпрыгиваютъ на кочкахъ...
Опомнися, наконецъ, предатель—и...

Онъ перекрестился... Безсознательно, сама собою со-
вершила рука его крестное знаменіе, словно какая-то
нечистая, темная сила толкнула ее на это дикое ко-
сунство...

Всадники далеко уже угнали... Чуть чуть виднѣются
эти черныя точки... А большой, забытый буйволъ, испу-
ганный крикомъ и выстрѣломъ, выползъ изъ грязи,
чортъ чортомъ, выбрался на зеленую траву и, выпуча
глаза, словно съ укоромъ уставился прямо на преда-
теля помака.

Лежитъ ничкомъ, поперекъ дороги, головою у телѣж-
наго колеса старый Кирилль, ни одна складка одежды
его не колышется. Черная струя крови изъ пробитаго
пулею виска сочится и въ дорожную глину всасывает-
ся... Не помогла Кирилль его *вѣрная бумага!*

Думаетъ помакъ: взять ли это тѣло, отвезти въ де-
ревню, или уже лучше тутъ его, на мѣстѣ оставить.

Уже стемнѣло совсѣмъ, когда впереди, при взѣздѣ
на гору, замелькали внизу въ долинѣ огоньки селенія
„Червнаго-Дола“.

Фома Шумовъ не рѣшился таки оставить тѣло ста-
рика на дорогѣ, въ добычу голоднымъ волкамъ. Этого
звѣрья не мало теперь развелось въ здѣшнихъ мѣ-
стахъ! И дорогою видѣлъ Фома въ сторонѣ, какъ его
проводжали какія-то темныя точки, перебѣгая изъ од-
ной рытвины въ другую... Унылое вытье стало слышно
уже послѣ заката солнечнаго, когда недалеко и до до-
му осталось.

Уложилъ тѣло помакъ къ себѣ на телѣжку, сорвалъ парусинный верхъ съ большого воза и прикрылъ имъ покойника. Страшно было очень Фомѣ смотрѣть на эти полукруглыя, стекловидныя глаза, на эти сѣдыя, окровавленныя космы .. Всю дорогу казалось Фомѣ, что шевелится убитый старикъ... вотъ-вотъ приподниметъ рукою холстину и укоризненно спроситъ у него: „что-же это ты сдѣлалъ, друже?“...

Не хватило духу у предателя сѣсть самому въ телѣжку, рядомъ съ своею жертвою; всю дорогу шелъ онъ

пѣшкомъ и велъ въ поводу свою пугливую, рыжую кобылу. Оттого и прѣехали они поздно въ Червннй Долъ, а прѣбавши оставились не у дома вдовы-старухи, хозяйки Кириллиной, а подлѣ кафаны, на площадкѣ, гдѣ и заявилъ Фома о случившемся; только разсказалъ дѣло не совсѣмъ такъ, какъ было, а ѣхалъ онъ, моль, дорогою и наѣхалъ на мертвое тѣло, узналъ знакомаго въ убитомъ, и вотъ сюда его, на свое мѣсто, представилъ.

Н. Карзинъ.

(Продолженіе будетъ).

Родныя картинки.

(Ориг. рисунокъ и стихотвореніе И. Панова).

Грав. Крыжановскій.

Пораскинулась Русь
Широко, далеко,
Какъ парчею полями нарядная;
Лишь чернѣютъ лѣса,
Рѣкъ, озеръ полоса
И степей ширина неоглядная.

* * *

Эка, ширь, благодать...
И конца не видать,
Чуть полоска далеко синѣется;
Въ синей дали полей
Колокольни церковей,
Словно чайки, на солнцѣ бѣлѣются

* * *

По почамъ голубымъ,
По зорямъ золотымъ
Все покрыто росой душистою;
А при свѣтѣ зари
На лугахъ косари
Уже машутъ косою серебристою.

* * *

Рожь стоитъ, какъ стѣна,
Золотая волна
Легкой зыбью играетъ по полюшку;
Какъ стада бѣлыхъ птицъ,

Много жнетъ молодежи
Съ звонкой пѣсней: „про вольную волюшку“

* * *

Какъ привольна Ока
Широка, глубока,
По родимой Руси разливается;
И звонка, какъ свирѣль,
Голосистая трель
Ранней пташки надъ ней разсыпается.

* * *

По изгибу рѣки,
Бичевой бурлаки
Тянуть съ хлѣбомъ расшиву тяжелую;
Тихо въ ногу идутъ,
Тихо пѣсню поютъ,
Горькой долишки пѣснь невеселую.

* * *

Лишь въ родимую Русь
Изъ чужбины вернусь
Такъ и вѣтъ какой-то истомою;
А при видѣ полей,
Какъ-то дышешь вольнѣй,
Грусть и радость на сердцѣ знакомыя...

И. Пановъ.

Литературный альбомъ. „Демонъ“. Восточная повесть М. Лермонтова: Тамара монахиня.
Ориг. рисун. М. Зичи, грав. для „Нивы“ В. Пудъ. Библиотека "Руниверс"

КЪ РИСУНКАМЪ.

Литературный альбомъ. «Демонъ», Восточная повесть М. Лермонтова.

Поэтическое произведение Лермонтова „Демонъ“ своими чуткими гармоническими стихами и живыми художественными образами, производитъ глубокое и сильное впечатлѣніе на читателя, вдохновляетъ собою живописцевъ и музыкантовъ. Чуткая душа, чьей натурѣ сродно вдохновение, и тотъ, кому только не чуждо эстетическое чувство, не могутъ не проникнуться красотою этого произведенія, блестящаго роскошью красокъ, разнообразіемъ картинъ, мощью языка. Талантливый художникъ Зичи, подъ впечатлѣніемъ этого произведенія сдѣлалъ нѣсколько прелестныхъ рисунковъ, представляющихъ фантастическое лицо Демона и симпатичный образъ Тамары. Моментъ, взятый художникомъ для рисунка, помѣщаемого въ настоящемъ номерѣ „Нивы“, представляетъ Тамару въ монастырѣ, куда она, согласно ея желанію, была увезена родными. Объ этомъ поэтъ говоритъ такъ:

И въ монастырь уединенный
Ее родные отвезли
И власницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и въ монашеской одеждѣ,
Какъ надъ узорною парчей,
Все беззаконною мечтой
Въ ней сердце билось, какъ и прежде.

Вотъ собственно этотъ моментъ и взятъ художникомъ для его превосходнаго рисунка.

Тамару, по словамъ поэта, терзаетъ духъ лукавый неограниченную мечтой; въ ночной тиши ее тревожитъ

Толпа печальныхъ, странныхъ сновъ;
Молиться днемъ душа не можетъ:
Мысль далеко отъ звука словъ...
...Тамары сердце недоступно
Восторгамъ чистымъ. Передъ ней
Весь міръ одѣтъ угрюмой тѣнью;
И все ей въ немъ—предлогъ мученью,
И утра лучъ, и мракъ ночей.
Бывало только ночи сонной
Прохлада землю обойметъ,
Передъ божественной иконой
Она въ безумьѣ упадетъ
И плачетъ; и въ ночномъ молчаніи
Ея тяжелое рыданье
Тревожитъ путника вниманье,
И трель живую соловья
Связь шумъ далекаго ручья.
Порою, разбросавъ на плечи
Волну кудрей своихъ, она
Стоитъ безъ мысли, холодна,
И страстныя лепечутъ рѣчи
Ея дрожація уста.

Такъ томится Тамара, искавшая, по смерти своего жениха, спокойствія въ стѣнахъ монастыря.

Содержаніе повѣсти „Демонъ“, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что старшій Гудаль просваталъ дочь свою Тамару, но въ то время, когда счастливый женихъ, князь Синодалъ, скакалъ на брачный пиръ, на него напали осетины, завязалась битва, и хотя князя Синодала лихой скакунъ

Изъ боя вынесъ, какъ стрѣла,
Но злая пуля Осетина
Его во мракъ логнала...

Вѣрный конь довезъ бездыханнаго жениха до замка невѣсты и, запавенный, самъ палъ на камни у воротъ. Рыдаетъ Тамара и тоскуя, не находитъ покоя. Ее начинаетъ преслѣдовать Демонъ. Она упрашиваетъ отца, отдать ее въ монастырь, но Демонъ и тамъ не даетъ ей покоя. Онъ, наконецъ, овладѣваетъ Тамарой: ея нравственные страданія оказываются такъ велики, что она не переноситъ ихъ и умираетъ. Съ ея смертію опустѣлъ и замокъ Гудала и рука вѣковъ „смела слѣды минувшихъ лѣтъ.“

Вотъ собственно содержаніе поэмы. Въ такое событіе, имѣющее мѣсто въ жизни обыкновенныхъ, смертныхъ людей, поэтъ, какъ видитъ читатель, ввелъ фантастическое лицо Демона и надѣлалъ его человѣческими страстями.

Демонъ—сильная, могучая натура, страсть его—лава. Задавись олицетвореніемъ Демона, поэтъ рисуетъ его прошлое такими удивительными красками, удивительными столько же по силѣ изображенія самаго лица, сколько и по силѣ художественности въ представленіи картинъ природы.

Такъ, говоря о прошломъ Демона, поэтъ такими сильными и яркими чертами живописуетъ его:

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей,

И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснились толпой.
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блесталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Люблѣ помѣняться съ нимъ;
Когда сквозъ вѣчные туманы,
Познавъ жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствахъ брошенныхъ свѣтилъ,
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый червенецъ творенья—
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
И не грозилъ ему его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый...

Этого Демона, отчужденнаго отъ міра и потерявшаго, казалось, всякую способность къ воспріятію высокихъ душевныхъ чувствъ, поэтъ ставитъ въ такое положеніе, въ которомъ съ необычайною силою воскресаютъ въ немъ чувства того времени,

„Когда онъ вѣрилъ и любилъ“.

Этотъ Демонъ, летая надъ грѣшною землей, увидѣлъ Тамару, и эта встрѣча имѣла на него необыкновенное впечатлѣніе:

Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный духъ,
И вновь постигнувъ онъ святиню
Любви, добра и красоты.

Но готовый любить ее „съ душой открытой для добра“, онъ все таки полонъ зла, и зло проявилось въ немъ свою силу: снова безопадный, чуждый сожалѣнія и раскаянія, онъ губитъ свою жертву.

Повѣсть „Демонъ“—произведение необыкновенное по своимъ художественнымъ достоинствамъ. Достоинства эти чрезвычайно разнообразны. Не смотря на фантастичность содержанія повѣсти, на лицо Демона, стоящаго внѣ реальной жизни, повѣсть до такой степени полна реальнаго содержанія, что читатель, очарованный силою творчества поэта, не замѣчаетъ его уклоненій отъ дѣйствительности. При той силѣ таланта, какою владѣлъ Лермонтовъ, увлечь читателя въ міръ фантастической и заставить принять лицо Демона за живое и существующее въ человѣческихъ формахъ—тѣмъ возможно еще и потому, что всѣ свойства его демонской души живутъ несомнѣнно въ насъ самихъ, проявляясь въ той или другой мѣрѣ. Такимъ образомъ въ Демонѣ нереальна только одна форма, т. е. воспріятіе человѣческаго образа (невозможное по мнѣнію реальной науки), а сущность же его, духъ его, совсѣмъ живой.

Но достоинство поэмы, какъ сказано выше, разнообразно. Онъ не только въ этомъ олицетвореніи лица Демона или въ созданіи образа прелестной Тамары—они въ каждой чертѣ поэмы, въ каждомъ ея стихѣ и въ особенности тамъ, гдѣ описываются картины природы. Напримѣръ:

Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись впади.
Счастливый, пышный край земли!
Столообразныя руины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безответныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинарь развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣчаннымъ плющемъ,
Пещеры, гдѣ палающимъ днемъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стовзвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растений,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой.

Здѣсь полное представленіе роскошной природы Закавказья съ его дивной красотой, мощной растительностью, съ чудными звѣздными ночами и жаркимъ днемъ.

Или слѣдующее описаніе замка Гудала:

Высокій домъ, широкий дворъ
Съдой Гудаль себя построилъ...
Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
Рабамъ, послушнымъ съ давнихъ поръ.
Съ утра на скалахъ сосѣднихъ горъ
Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;
Въ скалахъ нарублены ступени,

Онъ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ, мелькая,
Покрѣта бѣлою чадрой.
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходить за водой.

Тутъ уже не одно изображеніе дома Гудала, но въ нѣсколькихъ словахъ рисуется вся бытовая сторона описываемой поэмы жизни.

Прекрасно и описаніе монастыря, въ который удалилась Тамара:

На сѣверъ видны были горы,
При блескѣ утренней авроры,
Когда синѣющей дымовъ
Клубится въ глубинѣ долины,
И, обращаясь на востокъ,
Зовутъ къ молитвѣ музѣины;
И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая,
Въ торжественный и мирный часъ.

Высокимъ поэтическимъ чувствомъ и глубиною мысли проникнуто описаніе и смерти Тамары, описаніе какъ она лежала въ гробу, какъ приходили къ ней родные и цѣловали милое лицо, какъ лучъ дневной скользя по этому лицу своей струею золотой и какъ на немъ сохранилась и застыла улыбка. Поэтъ говоритъ:

...Но темень, какъ сама могила,
Печальный смыслъ улыбки той.
Что въ ней? Насмѣшка-ль надъ судьбой,
Необходимое-ль сомнѣнье,
Иль къ жизни хладное презрѣнье,
Иль съ небомъ гордая вражда?
Какъ знать: для свѣта навсегда
Утрачено ея значеніе!
Она невольно манитъ взоръ,
Какъ древней надписи узоръ,
Гдѣ можетъ быть подъ буквой странной
Таится повѣсть древнихъ лѣтъ,
Символь премудрости туманной,
Глубокихъ думъ забытый слѣдъ...

Лермонтовъ передѣлывалъ свою повѣсть „Демонъ“ не менѣе пяти разъ. Первый очеркъ „Демона“ относится къ 1829 г., когда поэту было 15 лѣтъ; окончаніе поэмы—къ 1834 году.

Черкесы, возвращающіеся съ добычи.

(Рисунокъ Горшельта).

Художникъ Горшельтъ—мюнхенскій уроженецъ. Родился онъ въ 1829 г. Отецъ его былъ мюнхенскій балетмейстеръ. Молодой Горшельтъ посѣщалъ мюнхенскую академію искусствъ. Въ молодости, въ кратковременное свое пребываніе въ Штутгартъ, Горшельтъ прилежно занялся этюдами съ животныхъ Востока, принадлежащихъ арабамъ короля Вильгельма. За симъ онъ посѣтилъ Испанію, и Алжиръ и былъ потомъ свидѣтелемъ русской войны на Кавказѣ, противъ Шамиля. Здѣсь-то открылось обширное поле для таланта художника. Горшельтъ съ быстротою и необыкновенною вѣрностью схватывалъ типы черкесовъ, улавлялъ весь драматизмъ интересной, рѣшительной и упорной борьбы—и это дѣлалъ онъ большею частью перомъ и чернилами... Свои наброски перомъ Горшельтъ посылалъ въ Мюнхенъ къ отцу. За симъ рисовалъ сцены Кавказской войны для нѣнѣ Царствующаго Государя Императора. Рисунки эти произвели сильное впечатлѣніе и доставили Горшельту европейскую извѣстность. Извѣстность получили Кавказскіе рисунки Горшельта, сдѣланные перомъ. Одинъ изъ нихъ, а именно: „Черкесы возвращающіеся съ добычи и переходящіе въ бродъ рѣку“, мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ. О достоинствѣ этого рисунка, необыкновенной характерности типовъ, объ общей жизни картины—излишне говорить. Объ этомъ могутъ судить сами читатели. На фонѣ картины зловѣщій свѣтъ большого пожара и облака дыма. На свѣтломъ пятнѣ еще рельефнѣе выдѣляются характерные черкесскіе силуэты съ ихъ мохнатыми шапками.

Боевыя опасности ожесточенной войны Горшельтъ съ безстрашіемъ раздѣлялъ съ нашими кавказскими войсками. Съ большимъ мастерствомъ онъ описываетъ, какъ иногда русскій отрядъ отыскивая черкесскіе аулы, тянется „гуськомъ“ по едва проложенной, змѣеобразно извивающейся тропинкѣ, гдѣ приходилось пробираться между плющемъ и терновникомъ, по сосѣдству съ пропастями, готовыми поглотить свои жертвы... Достигнувъ извѣстности и возвратясь съ Кавказа на родину, Горшельтъ вступилъ въ бракъ съ англичанкою Мари Боннеръ, дочерью извѣстнаго англійскаго поэта и писателя. Полное развитіе мощнаго таланта, слава, горячая взаимная любовь нѣжно любимой жены—все улыбалось художнику; но счастье его было непродолжительно. 30 апрѣля 1871 г. Горшельтъ не стало... Для Россіи талантъ Горшельта одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ, какіе мы можемъ встрѣтить между иностранными художниками, такъ какъ онъ былъ посвященъ изображенію весьма близкихъ для насъ событій.

Соловецкій Монастырь.

Въ 300 верстахъ отъ Архангельска къ западу отъ Унжской губы у входа въ Онежскую лежитъ группа Соловецкихъ острововъ. Она состоитъ изъ слѣдующихъ острововъ: Анзерскаго, двухъ Муксомльскихъ, Заячьихъ и собственно Соловецкаго. Всѣ эти острова, кромѣ Анзерскаго, имѣютъ низкіе берега, а средины возвышенныя. Поверхность ихъ занимаетъ пространство въ 640 кв. верстъ. Почва отъ каменистой и песчаной переходитъ въ глинистую, иловатую и торфяную. Всѣ эти острова уже издавна были извѣстны морякамъ, укрывавшимся на нихъ отъ бурь, и рыболовамъ, прїѣзжавшимъ сюда для промысла.

Соловецкій островъ имѣетъ пространства 25 верстъ отъ сѣвера къ югу и 5 отъ запада къ востоку. Южная часть его вдается въ море мысомъ, посвященъ названію Песчаного. Островъ покрытъ небольшими холмами и озерами. Въ сѣверную и восточную часть острова вдаются двѣ губы: Сосновая и Глубокая; послѣдняя имѣетъ до 70 саж. глубины. Большихъ морозовъ на Соловецкихъ островахъ не бываетъ, но снѣгъ на сѣверныхъ склонахъ лежитъ иногда до іюня мѣсяца. На Соловецкомъ островѣ находится знаменитый Соловецкій Монастырь. Мѣстность этого, въ высшей степени достойнаго вниманія, монастыря представляетъ рѣшительный контрастъ со всѣми сосѣдними землями. Не говоря уже объ историческомъ значеніи этой мѣстности (о которомъ мы скажемъ ниже), она заслуживаетъ вниманіе и по своей замѣчательной живописности и красотѣ и главнымъ образомъ по своимъ удивительнымъ, такъ сказать, слѣдамъ человѣческаго труда, въ такомъ обилии рѣдко и даже, можно сказать, почти нигдѣ не встрѣчающимся на сѣверѣ.

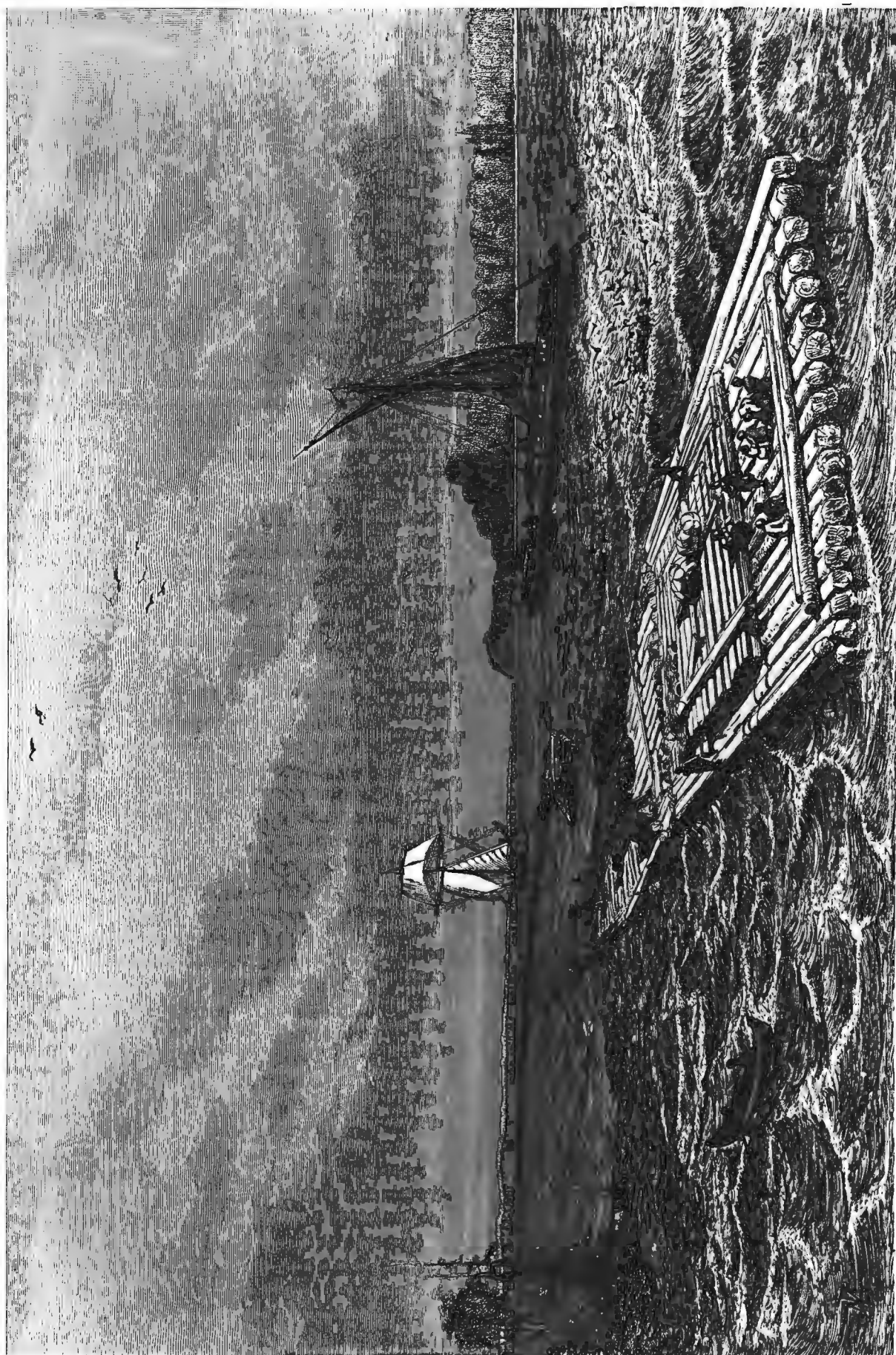
Благодаря богатству этихъ трудовъ, мѣстность, занятая соловецкимъ монастыремъ, давно уже утратила свой суровый непривѣтливый сѣверный характеръ: кругомъ, куда ни взглянешь, обиліе жизни. Самые лѣса не имѣютъ на этихъ островахъ того угрюмаго вида, какимъ обыкновенно представляются они на сѣверѣ; здѣсь, на оборотъ, въ нихъ есть что-то величественное, поражающее путника и своими колоссальными размѣрами и своею живописностію. Высокія сосны, ели, ивы и лиственницы, мѣстами окаймляемыя густыми можжевеловыми—даютъ въ общемъ весьма красивый пейзажъ. Поляны, засѣяныя рожью, луга, обильные травой, богатство полевыхъ цвѣтовъ и надъ всѣмъ этимъ необычайная чистота воздуха съ смолянымъ запахомъ сосенъ—вотъ впечатлѣніе, производимое мѣстностью, занятою Соловецкимъ монастыремъ. Далѣе, необходимо добавить, что здѣсь вездѣ и на всемъ видна заботливая рука, неустанно трудящаяся надъ обработкой мѣстности: вездѣ, гдѣ только требовалось по условіямъ надобности, вездѣ прорыты канавы, сдѣланы дороги, устроены мосты—все это труды рукъ человѣка, и вся эта благодать дѣйствительно создается заботливостію и уходомъ монастырскихъ старцевъ.

Самый монастырь находится въ такомъ состояніи, что поражаетъ своимъ устройствомъ и богатствомъ. Между монахами есть представители всякаго рода работъ слесарныхъ, мѣдныхъ, серебряныхъ, портняжныхъ, сапожныхъ, рѣзныхъ. Населеніе монастыря имѣетъ между собой рыбаковъ, пекарей, мельниковъ, маляровъ и т. д. Въ числѣ работниковъ по разнымъ заведеніямъ, находится много „по обѣту“, такихъ, которые удаляются сюда на нѣкоторое время для работъ, молитвы и упокоенія совѣсти. Это общественное устройство, гдѣ каждый членъ охотно и ревностно исполняетъ возложенное на него дѣло. Во имя спасенія, во имя Бога онъ несетъ свой трудъ, благословляя его.

Основаніе Соловецкаго Монастыря относится къ 1420 году, когда преподобный Савватій, ннокъ Бѣлозерскаго Кирилловскаго Монастыря поселился съ преподобнымъ Аввою Германомъ близъ Сѣкирной горы, отстоящей нынѣ отъ монастыря на 12 верстъ. По смерти Савватія, Германъ вмѣстѣ съ прибывшимъ преподобнымъ Зосимомъ, испросивъ отъ Новгородскаго Архіепископа Іоны антиминосъ и отъ Новгородскаго начальства грамоту на исключительное владѣніе Соловецкими островами—построили здѣсь небольшую деревянную церковь во имя Преображенія Господня съ прїидомъ Св. Николая. Марфа Борейкая, посадница Новгородская, подарила монастырю богатая волости на Карельскомъ берегу, Суму и Кемь, и упрочила окончательно существованіе этой обители. Въ 1485 г. монастырь погорѣлъ и только что былъ исправленъ, какъ въ 1538 г. снова потерпѣлъ отъ пожара. Впродолженіи ста девяносталѣтъ монастыремъ управляли игумены, въ числѣ которыхъ былъ и св. Филиппъ, митрополитъ Московскій. Здѣсь мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о его значеніи для Соловецкой обители. Филиппъ сдѣлалъ многое во время своего игуменства: при немъ островъ Соловецкій, до того времени совершенно не устроенный, не обработанный, сдѣлался пригоднымъ для обитанія; при немъ были расчищены луга, прорыты канавки, проведены дороги, устроена больница, водяная мельницу колодезь, въ который проведена вода чрезъ подземную трубу подъ ерпостной стѣной изъ Св. озера на островъ (помпа этого колодезя зимою подогрѣвается нарочно устроенной печью). Онъ развелъ рогатый скотъ, лапландскихъ оленей, построилъ кирпичные заводы и т. д. и т. д.

Общій видъ Соловецкаго монастыря. Рис. Клерже, грав. Гошаръ

Славя лѣса по Сѣверной Двинѣ. Рис. съ натуры Моане, грав. Маршань.

Въ 1551 году въ Соловецкомъ монастырѣ учреждена архимандрія, а въ 1765 г. онъ перечисленъ изъ архангельской епархіи въ вѣдѣніе св. синода.

Петръ Великій два раза посѣтилъ этотъ монастырь. Въ первый разъ онъ былъ въ 1694 г. 7 іюня, послѣ страшной бури близъ Унгскихъ роговъ, во время которой онъ едва спасся. Въ память своего избавленія Петръ соорудилъ деревянный крестъ, перенесенный въ кафедральный соборъ г. Архангельска.

„Въ семъ удаленномъ отъ міра пустынномъ мѣстѣ младшій самодержецъ Россіи упражнялся въ молитвѣ и богомыслии, а потомъ, по отправленіи молебнаго гѣнія и по одареніи настоятеля со всѣмъ братствомъ денежною милостыней, того же 10 дня изволилъ отбыть обратно къ городу Архангельску, съ милостивымъ общаніемъ всегда покровительствовать святой обители“.

Такъ описывается пребываніе Петра въ Соловецкомъ монастырѣ архимандритомъ Досифеемъ. Второе посѣщеніе Петромъ монастыря послѣдовало въ 1702 г. Для поклоненія святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ Соловецкой обители, сюда собирается множество богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи. Число ихъ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ ежегодно и каждый изъ нихъ вноситъ свою лепту въ монастырскую кружку подаваній, Каждый богомольецъ покупаетъ просфору, платитъ за нее, за чернила, которыми на ней пишутся имена родственниковъ; платятъ богомольцы за годичное и за вѣчное поминаніе усопшихъ; покупаютъ образки и виды монастыря. Эти доходы и обильные вклады богомольцевъ и, кромѣ того, постоянные, громадныя труды братіи и работниковъ „по обѣту“ обеспечиваютъ благосостояніе монастыря. Монастырь имѣетъ свои пароходы; монахи научились даже сами ихъ строить и на этихъ монастырскихъ пароходахъ экипажъ весь состоитъ изъ монаховъ. Въ монастырскихъ кладовыхъ хранится золото, серебро, жемчуги и другіе драгоценности. Кромѣ вышеупомянутыхъ острововъ Авзерскаго, Муксомльскаго и Заячьихъ, монастырю принадлежатъ еще много мелкихъ острововъ. Всѣ они были принесены въ даръ ему новгородскимъ вѣчею, и Марфою Борецкою, о чемъ мы уже упоминали, и впоследствии утверждены за нимъ властителями Россіи. Подлинныя грамоты и указы до сихъ поръ хранятся въ монастырскомъ архивѣ. Видомъ своимъ въ общемъ Соловецкій Монастырь похожъ на всѣ русскіе монастыри, только онъ окруженъ возвыгнутою изъ гранитныхъ валуновъ стѣной, съ башнями и амбразурами. Внутри находится нѣсколько церквей и помѣщеній для монашествующихъ. Въ монастырскихъ стѣнахъ также нѣсколько церквей, множество гостинницъ, мастерскихъ, хозяйственныхъ заведеній. Изъ замѣчательностей монастыря укажемъ на бѣлую полотняную ризу, данную св. Зосимѣ новгородскимъ архіепископомъ Іоной въ 1452 г. по поставленіи его въ санъ игумена. Теперь эта древность лежитъ въ особомъ хранилищѣ и осыпана драгоценными приношеніями богомольцевъ.

Тамъ же находится дарохранилище—пожертваніе Великаго Князя Константина Николаевича, и два меча князей Пожарскаго и Скопина Шуйскаго. Въ оружейной палатѣ собрано много древняго оружія, нѣсколько старыхъ знаменъ. Въ бібліотекѣ монастырской много древнихъ грамотъ, рукописей, книгъ, напр. келейныя псалтыри Зосимы и Авраамія Палицына.

Не можемъ здѣсь не привести воспоминанія о томъ, какъ Соловецкіе острова и Соловецкій монастырь въ особенности выдержали осаду Англійской эскадры. Теперь, когда политическій горизонтъ снова покрылся густыми мрачными тучами и послѣ только что замоленного на Балканахъ грома пушекъ предъ нами новыя опасенія возможной войны,—теперь болѣе чѣмъ когда либо кстати припомнить описаніе осады Соловецкаго монастыря англичанами.

Возьмемъ это описаніе изъ книги „Годъ на Сѣверѣ“ Максимова, составленное имъ по разсказамъ мѣстныхъ монаховъ. (Укажемъ здѣсь вообще всѣмъ желающимъ обстоятельно познакомиться съ Соловецкимъ монастыремъ, во первыхъ, на замѣчательную книгу г. Максимова „Годъ на Сѣверѣ“ и, во вторыхъ, на книжку Немировича-Данченко „Соловки“). Эта послѣдняя относится къ болѣе позднему времени, чѣмъ „Годъ на Сѣверѣ“). „Англійская эскадра, говоритъ авторъ книги „Годъ на Сѣверѣ“, остановилась у Заячьихъ острововъ и въ монастырь посланы были парламентары съ просьбой снабдить пароходы баранами. Архимандритъ, Александръ, отказалъ. Командиръ эскадры послалъ архимандриту „подарокъ“ шуцерную пулю. Собралъ архимандритъ изъ монашествующей братіи совѣтъ и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи вѣхать для личныхъ переговоровъ съ непріятелемъ; нѣкоторые были противъ этого плана, но архимандритъ все таки рѣшился и отправился.

При прохладномъ противномъ вѣтрѣ, противъ котораго съ трудомъ держался баркасъ и едва спасала теплая двойная одежда, вѣхалъ отецъ Александръ до непріятельскихъ пароходовъ. И только на разсвѣтѣ, отправившись послѣ вечерней, онъ могъ достигнуть до нихъ. Выкинуть былъ парламентарскій флагъ; съ парохода непріятельскаго спущена была шлюпка для переговоровъ. Настоятель согласился сѣсть только въ такомъ случаѣ, когда увидѣлъ, что на шлюпку взошло много.

— Отчего ты не давалъ намъ барановъ? спрашивалъ переговорщикъ.

— Отъ того, что вы враги наши! отвѣчалъ архимандритъ.

— Мы бы тебѣ заплатили деньги.

— Денегъ мнѣ вашихъ не нужно, потому что я монахъ и не нуждаюсь въ деньгахъ. Я всѣмъ обезпеченъ отъ обители.

— Мы тебя возьмемъ въ плѣнъ и увеземъ съ собой.

— Въ плѣнъ вы меня взять не смѣете, потому что я подъ парламентарскимъ флагомъ пріѣхалъ къ вамъ, да и что вамъ во мнѣ, зачѣмъ вы меня такъ далеко повезете?

— Далеко бы ты намъ барановъ, мы бы васъ не трогали...

— Дать я вамъ всего этого не могу, да и не позволить братія.

— А если самъ захочешь?

— Самъ не хочу, и не дамъ и братіи не позволю, потому что мы, хотя и монахи, но принадлежимъ своему отечеству, любимъ его и молимся за своего государя.

— Ну, такъ мы будемъ стрѣлять...

— А мы будемъ молиться...

— Стрѣлять мы будемъ завтра.

— Стало быть, такъ я и знать буду и также точно скажу и братіи. Поѣду и приготовлюсь по обрядамъ церкви.

Возвратился архимандритъ въ монастырь и велѣлъ всей братіи приготовиться—причаститься, исповѣдаться. На другой день, не дожидая палубы, началъ литію и открылъ шестые сѣкинами по стѣнамъ монастыря. Не успѣлъ обойти половины, какъ непріятель грянулъ изъ пушекъ. И вдругъ—въ одно мгновеніе всѣ задніе ряды повалились—повалились впрочемъ отъ страха пролетѣвшаго ядра. Другое ядро ударило въ соборную главу и влетѣло въ церковь, еще ядро пробило кровлю и опалило образъ. Крестный ходъ вернулся невредимо въ соборъ, а англійская эскадра, видя безуспѣшность, отправилась въ Кемь“.

Въ дополненіе нашего очерка приведемъ здѣсь еще нѣсколько строкъ со словъ уважаемаго сотрудника „Нивы“, г. Немировича-Данченко, давашаго въ своей книгѣ „Соловки“ обстоятельное описаніе жизни въ этомъ отдаленномъ, тихомъ уголкѣ. Онъ также подтверждаетъ данными, какъ монахи часто простые, неграмотные, воспользовались мѣстностью, окружающей монастырь и обставили ее различными удобствами жизни, не жалѣя труда и выказавъ въ то же время много сообразительности и умѣнья. Вотъ, наприкладъ, описаніе точильни и водоподъемной машины. По склону, едва замѣтному,—говоритъ авторъ—нѣкогда бѣжалъ ручей изъ одного внутренняго озера въ другое. Тонкая струя воды—и только. Казалось, она ни къ чему не пригодна, а какой-то пошунникъ расчистилъ берегъ, углубилъ ложе и незначительный ручей превратился въ узенькій каналъ. Затѣмъ въ одномъ мѣстѣ канала устроили точильню, въ другомъ водоподъемную машину. Точильня состоитъ изъ большого ворота, движимаго водой. Диаметръ его 1½ саж. Ворота стоитъ вертикально. Его дугу охватываютъ ремни, которые затѣмъ, перекрещиваясь, раздѣляются на два, къ каждому изъ нихъ прикрѣплено большое точильное колесо. Вслѣдствіе движенія воды ворота вращается и въ свою очередь вертитъ колесо. Передъ колесами устроены скамьи, на которыя садятся монахи, чтобы точить свои косы и топоры. Въ день точильна можетъ выточить болѣе 300 косъ, 450 топоровъ и сколько хотите ножей. Зимой ворота приводится въ движеніе механической силой. Это изобрѣтеніе одного крестьянина-монаха.

Водоподъемная машина сдѣлана въ родѣ сарая, вода поднимается вверхъ на высоту 4 арш., лошадь съ бочкою для воды подѣзжаетъ подъ край, которымъ оканчивается жолобъ, и струя падаетъ отвѣсно.

Скажемъ еще о монастырскихъ работахъ по сооруженію моста, соединяющаго нѣсколько острововъ. „Предъ нами,—говоритъ авторъ „Соловковъ“,—тянулся мостъ, если только такъ можно назвать эту работу титановъ. Островъ Муксомальма находится въ разстояніи двухъ верствъ отъ Соловецкаго. Между ними нѣсколько мелкихъ острововъ въ разныхъ направленіяхъ. Монахи всѣ эти острова соединили между собою, *заваливъ море до самаго дна камнями* и покрывъ этотъ искусственный перешеекъ щебнемъ и пескомъ. Сооруженіе грубое, но колоссальное, вѣчное. Бури, ледяныя громады, время—безсилны предъ этою каменною стѣною. Сколько труда надо было потратить на такую стихійную работу—страшно подумать. Это кажется скорѣе дѣломъ природы, чѣмъ твореніемъ руцъ человѣческихъ. Мостъ тянется зигзагами. Въ самой срединѣ его перерывъ для прохода судовъ. Тутъ устроенъ деревянный разводной мостикъ. Мы были поражены. По краямъ этого сооруженія навалены громадныя валуны, цѣлыя скалы. О нихъ разобьется всякая ледяная масса, прежде чѣмъ тронетъ ихъ съ мѣста. И все это сдѣлано безъ помощи машинъ, одною рабочею силою. Трудно вѣрить, не видѣвъ, что горсть крестьянъ монаховъ могла создать это чудо. И между строителями, замѣтите, не было ни одного техника. Простые крестьяне устроили все сами.

— Господь намъ помогъ; архимандриту видѣніе было. Молитесь мы передъ этимъ долго. Мѣсяцъ постъ строгій соблюдали и начали постройку. Самъ настоятель помогалъ намъ. Намѣстники камни тащили... Ну и явилъ Господь чудо свое!

„Рай—наши Соловки, говорятъ монахи. Господь своимъ инокамъ предоставилъ ихъ, чтобъ здѣсь на землѣ еще видѣли, что будетъ даровано праведникамъ тамъ, на томъ свѣтѣ“. И каждый монахъ привязывается къ Соловкамъ и съ озлоблені-

емъ относится къ каждой попыткѣ администраціи края вмѣшаться въ ихъ дѣла. Монахи, когда имъ предлагали настоятели отсюда уѣхать въ другіе монастыри, заболѣвали отъ отчаянія и умирали. „Въ другихъ обителяхъ, правда, ясы шелковыя носятъ (въ Соловкахъ всегда вездѣ монахи въ толстой, грубой суконной), да у насъ все лучше. У насъ настоящее пустынножителство“. Такъ отзываются соловецкіе монахи о своемъ монастырѣ.

Но въ этой жизни, среди мира и тишины, среди людей отреченныхъ отъ міра, полного тревоженій и различныхъ преступленій — монастырскія стѣны издавна вмѣщали въ себя скорбь и отчаяніе узниковъ, тѣла которыхъ истлѣвали на монастырскихъ кладбищахъ. Здѣсь находили ужасный пріютъ князья, бояре, митрополиты, тутъ страдали и за мысль, за убѣжденіе... Остатки этихъ мрачныхъ тюремъ сохраняются еще и до нынѣ... Люб.

Рѣка Сѣверная Двина.

Рѣка Сѣверная Двина принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ рѣкъ сѣвера Россіи. Длина ея достигаетъ до 684 верстѣ. Ширина рѣки до Архангельска отъ 200 саж. до 1½ верстѣ. Глубина форватера отъ 3 до 7 сажень. Начинаясь ниже города Великаго Устюга, Вологодской губерніи, по соединеніи рѣкъ Сухоны и Юга и принявъ въ себя рѣки Вычегду, Пинегу, Вагу и друг., она вливается четырьмя широкими рукавами въ Бѣлое море. Тихо течетъ она въ своихъ берегахъ, однообразныхъ до утомленія. Селенія попадаются только въ верховьяхъ рѣки, но чѣмъ болѣе близится рѣка къ устью, тѣмъ все рѣже видится жизнь на ея берегахъ. Въ одномъ мѣстѣ только у устья, какъ бы для того, чтобы проститься со всѣмъ живымъ, сосредоточилась жизнь въ большой кучѣ—это городъ Архангельскъ. Самое сѣверное устье Двины, называемое Березовскимъ рукавомъ, доступно для плаванія большихъ кораблей; другіе три: Никольскій, Подоженскій и Мурманскій рукава пропускаютъ только мелкія суда. Берега этихъ рукавовъ состоятъ изъ сыпучихъ песковъ, лишенныхъ растительности. Но и эти края имѣютъ свою исторію и здѣсь хранятся памятники дав-

няго прошлаго, хотя и самыя причины возникновенія этихъ памятниковъ опять таки относятся къ тому же безпріютному краю, къ тому же холодному бурному морю. Мы говоримъ о Никольско-Корельскомъ монастырѣ, основанномъ, какъ гласитъ преданіе и свидѣтельствуютъ двѣ гробницы, Марфой Борейской на томъ мѣстѣ, куда были выброшены моремъ трупы сыновей ея, погибшихъ въ морскихъ волнахъ во время ихъ поѣздки, по порученію матери, для обозрѣнія ея поморской вотчины. Затѣмъ Никольско-Корельскій монастырь памятенъ тѣмъ, что въ 1553 г. къ нему притавалъ англичанинъ Ченслеръ, отыскивавшій путь въ Индію и получившій право на торговлю съ Россіей.

Не большимъ многолюдствомъ отличается и селеніе близъ истока Березовскаго устья—Лапоминка. Но это селеніе выстроилось при гавани, которая считается лучшимъ мѣстомъ для зимовки большихъ военныхъ судовъ. На пути отъ Лапоминской гавани къ Архангельску, на песчаныхъ побережьяхъ Березовскаго устья Двины, въ 1701 г., построена Петромъ I Ново-Двинская крѣпость. Далѣе еще можно упомянуть о Соломбальскомъ селеніи, носящемъ всѣ признаки военного морского городка.

Долгое время рѣка Двина была единственнымъ путемъ русской торговли съ западомъ. Вообще весь сѣверный край нашъ прежде имѣлъ громадное значеніе: къ Бѣлому морю приходило все, чѣмъ Россія вела торговлю съ иноземцами. Въ настоящее время, когда русскіе владѣютъ берегами Балтійскаго и Чернаго морей, торговое значеніе сѣвернаго края уменьшилось, хотя и теперь сюда доставляются изъ внутреннихъ губерній для вывоза за границу хлѣбъ, ленъ, сало, лѣсъ. Кроме того, самыя сѣверный край отпускаетъ отъ себя лѣсъ, рыбѣ, тюлений жиръ, а во внутрь Россіи везутъ отсюда дичь, ягоди, мѣха, лѣсъ и камни для построекъ.

Нашъ рисунокъ изображаетъ сплавъ лѣса по Сѣверной Двинѣ. Знакома читателю съ одной изъ сторонъ дѣятельности человека въ этой отдаленной мѣстности нашего отечества, рисунокъ въ то же время представляетъ значительный интересъ по своимъ чисто художественнымъ достоинствамъ. В.

Политическія и внутреннія извѣстія.

Берлинскій конгрессъ закрытъ 1-го (13-го) іюля. Явившійся результатомъ его Берлинскій трактатъ или договоръ, состоящій изъ 64 статей или параграфовъ, уже подписанъ уполномоченными участвовавшихъ на конгрессѣ державъ. Въ настоящее время для полной санкціи этого трактата державами, не достигающей только обмѣна ратификацій трактата между дворами державъ (или обмѣна тѣхъ актовъ, въ которыхъ каждая держава по одиночкѣ утверждала и признавала бы трактатъ и заявила бы о томъ другой участвовавшей въ конгрессѣ державѣ).

Текстъ Берлинскаго трактата еще у насъ не обнародованъ. Заимствуемъ изъ иностранныхъ газетъ нѣкоторыя существенныя черты этого договора. „Болгарія устраивается въ видѣ автономнаго и обязаннаго данью княжества, подъ верховною властью его величества султана. Болгарія будетъ имѣть христіанское правительство и земское войско. Князь Болгаринъ будетъ свободно избираться населеніемъ и утверждаемъ Блистательною Портою. Ни одинъ изъ членовъ царствующей династїи великихъ европейскихъ державъ не можетъ быть избранъ княземъ Болгаріи. Для Болгаріи обезпечивается свобода богослуженія и обрядовъ за всѣми вѣроисповѣданіями. Временное же управленіе Болгаріею будетъ находиться подъ руководствомъ русскаго Императорскаго комиссара, пока не будетъ оконченъ органическій уставъ управленія Болгаріей. Уставъ же этотъ возлагается разработать на собраніе именитыхъ людей княжества, собранныхъ въ Терновѣ. Какъ скоро кончатъ разработку устава, выберутъ князя—дѣятельность русскаго Императорскаго комиссара прекращается. Оттоманская армія не будетъ болѣе стоять въ Болгарин, и всѣ прежнія крѣпости будутъ срыты, но на счетъ княжества и въ теченіе года или ранѣе. Мѣстное правительство должно принять всѣ мѣры къ уничтоженію этихъ крѣпостей и уже не можетъ сооружать ихъ вновь. На югѣ отъ Балканъ образуется провинція, которая будетъ называться „Восточною Румеліей“ и находится въ политическомъ и военномъ отношеніи, подъ непосредственною властью его величества султана. Генералъ-губернаторъ этой провинціи будетъ избираться изъ христіанъ и будетъ назначаться Портою, съ утвержденія державъ, на пятилѣтній срокъ, и немедленно послѣ обмѣна ратификацій трактата будетъ назначена европейская коммисія, для разработки, по соглашенію съ Оттоманскою Портою, устройства „Восточной Румелии“. Численность оккупационнаго русскаго корпуса въ Болгарин и „Восточной Румелии“ не будетъ превосходить 50,000 человекъ. Срокъ занятія русскими войсками Болгарин и „Восточной Румелии“ опредѣляется 9-ю мѣсяцами, считая со дня обмѣна ратификацій договора. Относительно Греціи Порто обязуется ввести на о—въ Критѣ органическій уставъ 1868 г., сдѣлавъ въ немъ измѣненія, которыя будутъ признаны справедливыми. При исправленіи границъ Греціи будетъ допущено посредни-

чество державъ. Боснія и Герцоговина будутъ заняты и управляемы Австро-Венгріей.

Независимости Черногорин признается Портою и всѣми договаривающимися державами, еще не признавшими этой независимости. Засимъ, далѣе, подробно опредѣляются новыя границы Черногорин. Черногорин уступаетъ портъ Антивари, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы страны, лежащія на югѣ отъ этой территории до р. Бояны, включая и портъ Думитино, возвращаются Турціи. Но Черногорія пользуется неограниченною свободой навигаціи на р. Бояны. За симъ Черногорія не имѣетъ права имѣть ни судовъ, ни военнаго флота. Она должна, затѣмъ, ввести у себя морскіе законы, дѣйствующие въ Далмаціи. Черногорія, какъ и Сербія, принимаетъ на себя часть турецкаго государственнаго долга. Опредѣлены трактатомъ условія нашего обмѣна (съ Румыніей) Бессарабин на Добруджу. Далѣе: Порто уступаетъ Россіи округа Ардагана, Карса и Батума, при чемъ Батумъ объявляется „вольною, существенно коммерческою, гаванью“. Но Алашкергская долина и городъ Баязетъ возвращаются Турціи.

Таковъ въ главныхъ и общихъ чертахъ смыслъ Берлинскаго трактата. Надо замѣтить еще, что трактатъ этотъ предполагаетъ собою множество частныхъ договоровъ, имѣющихъ быть въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, между отдѣльными державами и множество отдѣльныхъ коммисій, напримеръ, хотя бы по вопросу о плаваніи по Дунаю, каковой вопросъ разрѣшить, предупредивъ притязательность всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ, чрезвычайно трудно.

Мы сообщали уже прежде, что по поводу занятія австрійскими войсками Босніи и Герцоговины, между Австрією и Портою состоялось соглашеніе, въ томъ смыслѣ, что въ оккупационіи будутъ участвовать и австрійскія, и турецкія войска. Но не смотря на такое соглашеніе, огромное затрудненіе состояло все таки въ томъ, что боснійское и герцеговинское населенія рѣшились-было противодѣйствовать оккупационнымъ войскамъ вооруженною рукою. Были упорные слухи, что для этой общей дѣли боснійскіе христіане братались съ боснійскими магометанами, и что боснійское возстаніе грозило возрасти до большихъ размѣровъ. На прошлой недѣлѣ, однако, извѣстія изъ Босніи и Герцоговины принали умиротворительный характеръ. Порто недавно дала предписаніе баньялукскимъ турецкимъ властямъ обнародовать для общаго свѣдѣнія всего турецкаго населенія, что „австрійскія войска вступаютъ въ Боснію съ добрыми намереніями“ и что „отношенія между Портою и Австрією остуются самыя дружественныя“. Каймакамъ Боснійскихъ округовъ приказано принять австрійскія войска самыя дружественнымъ образомъ. Вообще, въ настоящее время населеніе Босніи и Герцоговины, недавно крайне тревожное, относительно успокоилось. До сихъ поръ еще остающаяся не-

значительная часть боснійских инсургентовъ, не смотря на возбуждающія и подстрекающія постороннія вліянія, выразила готовность подчиниться рѣшеніямъ конгресса и занятію австрійскими войсками боснійской территоріи, такъ что вообще, на прошлой недѣлѣ, австрійскія войска ожидалась въ Босніи „съ удовольствіемъ“ (!)

Но за то не такъ-то умиротворенною представляется Черногорія, хотя судя по подробному опредѣленію ея границъ въ XXVIII ст. трактата, ей какъ будто и удѣлено было вниманіе. Но странно, что Черногорія почти на дняхъ подверглась турецкимъ нападениямъ. Черногорцы, опасаясь возобновленія турецкихъ набѣговъ съ южной своей границы, принялись дѣятельно укрѣпляться на Албанскомъ берегу. Не безъ настоятельной военной потребности князь Николай собирался ѣхать въ крѣпость Никшичъ. Не знаемъ, можетъ быть, практическое приведеніе въ силу Берлинскаго трактата оградить Черногорію отъ набѣговъ смертельныхъ ея враговъ баши-бузукъ. Для этихъ варваровъ, конечно, никакихъ мирныхъ договоровъ не существуетъ.

Сербія, съ своей стороны, въ настоящее время, имѣетъ возможность мирно устроить свои дѣла. Недавно Скупщина, заседающая въ Крагуевацѣ, одобрила законы, изданные министерствомъ во время военнаго положенія и постановила, что нѣкоторые изъ этихъ законовъ (военныхъ), по причинѣ заключенія мира, будутъ имѣть силу только въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ. Однако, во вновь присоединенныхъ къ Сербіи округахъ, впредь до измѣненія конституціоннымъ порядкомъ, они останутся во всей силѣ.

Турецкія газеты увѣряютъ, что отступление нашихъ войскъ изъ-подъ Санъ-Стефано ожидается вскорѣ и тѣ же газеты извѣщаютъ, что греческое возстаніе въ Фессалии и Албани не прекращается, а скорѣе усиливается.

Есть слухи что въ Петербургѣ въ скоромъ времени откроется частная аукціонная камера для продажи имущества. Каждый желающій что либо продать, можетъ обращаться въ эту камеру, гдѣ продажа будетъ производится ежедневно. Цѣна опредѣляется владѣльцемъ вещи. Подобныя учрежденія давно введены за границей.

Уважемъ за симъ на то, что несомнѣнно можетъ быть полезно и едва ли даже потребуетъ какой либо на себя защиты; а именно, на слѣдующій фактъ: въ Тифлисѣ прибыли депутаты отъ двухъ сотъ швейцарскихъ семействъ, желающихъ переселиться на Кавказъ. По словамъ депутатовъ переселенцы желаютъ заняться на Кавказѣ винодѣліемъ и молочнымъ хозяйствомъ, при чемъ, разумѣется важную статью въ молочномъ хозяйствѣ займетъ сыровареніе.

Такому извѣстію нельзя не порадоваться, и дай Богъ чтобы оно поскорѣе осуществилось и не разстроилось бы, подобно тому какъ въ 1864 и въ 1863 годахъ разстроилось дѣло переселенія на Амуръ Чеховъ, переселеніе несомнѣнно обѣщавшее много выгодъ для края, безлюднаго даже и до сихъ поръ.

Въ то время, когда къ намъ на Кавказъ желаютъ переселиться изъ Швейцаріи сотни семействъ, отъ насъ изъ Южной Россіи переселяются въ Америку менониты, нежелающіе подчиняться новому уставу общ. военной повинности. Ныѣшней весной ихъ отправилась цѣлая партія въ 250 человекъ, съ ними встрѣтилась еще такая же партія изъ другого уѣзда Таврической губерніи. Задумавъ о своемъ переселеніи, колонисты приложили свое стараніе на обработку полей, какъ главнаго источника дохода, и забросили скотоводство, огородничество, теперь среди вѣтвущихъ колоній зачастую встрѣчаются брошенные дома, запущенные сады съ поломанными плодовыми деревьями. Впрочемъ, остающіеся на мѣстѣ, кажется, начинаютъ свыкаться съ мыслию, что для нихъ также можетъ быть обязательно отбываніе военной повинности, такъ и для другихъ народностей, населяющихъ Россію.

Въ общемъ собраніи общества для содѣйствія русскому торговому мореходству князь Долгорукій сообщилъ, что пароходъ

добровольнаго флота „Россія“ стоитъ 750.000 руб. а другіе, бывшіе также въ Кронштадѣ—по 375.000 руб.

Работы на судахъ добровольнаго флота по устройству бомбовыхъ погребовъ и каютъ камеръ начались и быстро идутъ впередъ. Всѣ суда стоятъ въ средней гавани у Николаевского дока. Тамъ стоитъ „Россія“ бывшая Гользація, „Москва“ бывшая Гаммония, и Турингія, которая будетъ названа: „Петербургъ.“

Взаключеніе сообщимъ, что Устюжскій и Бѣловъжскій окружные суды упразднены и вмѣсто нихъ учрежденъ окружный судъ въ г. Череповцѣ.

Задача.

Этотъ небольшой пейзажикъ, при красотѣ своей, имѣетъ въ себѣ еще и другія достоинства: предметы, на немъ изображенные, какъ-то—дерево, столбъ, суслоны хлѣба и серпы изображаютъ въ то же время и буквы, изъ которыхъ складывается одно слово, составляющее и самую задачу и ея разрѣшеніе.

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ № 28 „Нивы“.

Рѣшеніе ребуса: Люди живутъ въ мірѣ да не въ мірѣ.

Буквы составляютъ слѣдующія фамиліи: „Глинка“ и „Брюловъ“.

Для свѣдѣнія сообщаемъ нашимъ читателямъ что въ таблицѣ билетовъ 1-го займа, непредъявленныхъ къ полученію выигршей, павшихъ въ прѣжніе тиражи находятсѣ, между прочимъ слѣдующія номера:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрша.
172	20	10000	12720	48	8000
2666	47	8000	15013	30	8000
2728	48	5000	15919	38	5000
4934	10	50 00	16064	36	5000
4973	42	8000	16349	32	5000
5636	24	8000	16809	14	5000
6257	6	40000	18163	44	5000
9074	3	5000	18622	38	40000

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ г. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Александръ Николаевичъ Стровъ (съ погретомъ) Z.—На Байналь. (Стихотвореніе) Б. С.—Блокгаузъ «Червельн аскеръ» (разсказъ изъ недавнаго прошлаго) М. Нарзинна—Родныя картини. (Стихотвореніе съ рисункомъ) И Панова—Литературный альбомъ «Демонъ» восточная повѣсть М Лермонтова (съ рисункомъ) Z.—Черныи возвращающіеся съ набѣга. (съ рисункомъ). Соловецкій монастырь (съ рисункомъ).—Рѣка Съ ернал Двина (съ рисункомъ). Политическія и внутреннія извѣстія.—Задача.—Рѣшенія задачъ.—Таблица.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Д. Стахѣвъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

БОЛЬШАЯ НОВОСТЬ

500 ВУМАЖНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ НАСТОЯЩЕЙ ВЕЛИЧИНЫ

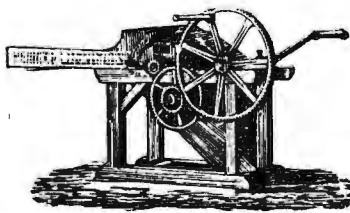
единственнаго дома Деморесъ въ Парижѣ ПЛАТЬЕВЪ, ЮБОКЪ, БѢЛБЯ ДЛЯ ДАМЪ И ДѢТЕЙ

отъ 25, 40, 60, 75 до 90 копѣекъ большой иллюстрированный каталогъ 75 к., маленькій—25 к. главный агентъ для всей Россіи И. ВАКОНЪ.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИИЪ ЭЛІАСЪ ГАУ младшаго.

№ 7 Казанская площадь, кварт. № 4, за церковью. № 7
Въ С.-Петербургѣ. № 170 1

ПОВѢСТИ И РАЗСАЗЫ *Всеголода Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е изданіе Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 60 к. для подписч. „Нивы“ 1878 г., 75 к. съ перес. 1 р. № 146

РУЧНЫЯ МОЛОТИЛКИ.

ОБМОЛАЧИВАЮЩАЯ ВЪ 1 ЧАСЪ 200 СНОПОВЪ.

Молотилки для 4-хъ лошадей, производительность 100 пуд. ржи обмолачиваютъ въ 1 часъ столько сноповъ паровая молотилка въ 8 лошадиныхъ силъ. Молотилка для 2-хъ лошадей. Американскіе локомотивы въ 8 1/2 лошадиныхъ силъ. Американскія вертикальныя паровыя машины въ 6 лошадиныхъ силъ. Вѣзля въ 40 руб. Шведскіе плуги отъ 8 руб. 50 коп. Мухомольныя мельницы, дробилки и всѣ сельско-хозяйственныя снаряды. Пожарныя трубы, всякаго рода насосы въ депо машинъ ЗД. ФЛУГЪ.

№171

№ 11 Вознесенскій проспектъ № 11.

1—1

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 30

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 24 Юля 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № «Нивы» 15 съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
«Нивѣ» принимаются
по 25 к. за строку
нормальной (въ 1/2
ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (и промѣ
Воскресенья) отъ 10 ч.
утра до 7 ч. вечера.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1878 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . 4 р.

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн.
маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Съ пересылкою въ Москву и друг.
города Россіи . . . . . 6 „

Также принимается подписка на 1/2 года съ 1 Юля 1878: безъ дост. 2 р., съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р.
КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особья приложенія
объявленій къ «Ни-
вѣ» иногор. по 5 р.
съ тысячи, городс-
киши по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
отки, неудобные къ
печати, авторамъ не
возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1878 г. №№ «Нивы» со всѣми приложеніями.

Сентъ-Бернардскій гостепріимный домъ (въ Швейцарскихъ Альпахъ). Рис. Гюо, грав. Паннемакеръ.

СЕНТЬ-БЕРНАРДСКІЙ ГОСТЕПРИМНЫЙ ДОМЪ.

Многочисленныя ущелья и проходы въ альпійскихъ горахъ съ древнихъ временъ считались важными и почти единственными путями сообщенія между Германіей, Швейцаріей и Италіей. Для безопасности и удобства путешественниковъ на нѣкоторыхъ пунктахъ этихъ дорогъ устраивались пріюты, гостиницы и т. п. заведенія. Въ смутныя, темныя времена кулачнаго права такія пристанища, отдавались подъ защиту церкви, въ руки богобоязненныхъ монашествующихъ братьевъ, посвятившихъ себя на служеніе страждущему человѣчеству. Такимъ же образомъ при содѣйствіи благочестивыхъ лицъ основывались монастыри, капеллы и страннопріимные дома, которые и до сихъ поръ встрѣчаются во всѣхъ большихъ и малыхъ проходахъ въ альпахъ. Одинъ изъ самыхъ значительныхъ, извѣстныхъ пріютовъ—это монастырь на С. Бернардь, представленный на нашемъ рисункѣ. Дорога черезъ эту гору—древнѣйшій путь сообщенія между долинами Роны и Дары Балтея. На разстояніи 1¼ миля выше Проца, въ котловинѣ, по сю сторону ущелья, стоитъ этотъ монастырь. Вы видите многоэтажный каменный домъ, съ флигелями, на берегу озера, которое, покоясь на высотѣ 7609 ф. надъ уровнемъ моря, зачастую бываетъ покрыто льдомъ даже среди лѣта. По близости монастыря находится такъ называемый *моргъ* (мергвецкая): это—открытое, обнесенное рѣшеткой мѣсто, гдѣ выставляются найденные въ снѣгу трупы погибшихъ путниковъ. Такъ какъ воздухъ здѣсь чистый, разрѣженный, морозный, то тѣла эти превращаются въ муміи („естественная мумификація“), которыя отлично сохраняются много лѣтъ. Въ главномъ зданіи устроены квартиры для августинскихъ канониковъ и простыхъ монаховъ; тутъ же помѣщаются бібліотека, естественно-историческія и др. коллекціи и отведено достаточное число покоевъ для гостей—путешественниковъ. Посѣтившій этотъ монастырь безвозмездно пользуется всѣмъ: его кормятъ, за нимъ ухаживаютъ, не требуя за это никакой платы. Богатые туристы обыкновенно кладутъ въ

церковную кружку деньги. Англичане и русскіе на этотъ счетъ не скупы.

Бернгардь де Мантонъ основалъ или подновилъ этотъ „пріютъ“ въ 962 году. Въ 1822 г. монастырь значительно увеличенъ и тутъ сооруженъ былъ новый флигель (Отель св. Людовика), предназначенный для путешественницъ.—Въ настоящее время въ С. Бернардскомъ гостепримномъ домѣ обитаетъ около пятнадцати хорошо-образованныхъ августинскихъ канониковъ (дѣйствительно благочестивыхъ христіанъ); кромѣ нихъ въ этомъ монастырѣ живетъ „служашая братія“ (марроньеры), которые подъ руководствомъ канониковъ въ продолженіи 8—9 мѣсяцевъ самаго суроваго времени года обходятъ ущелья и опасныя проходы въ сопровожденіи громадныхъ Сентъ-Бернардскихъ собакъ. Во время этихъ обходовъ они ищутъ заблудившихся путниковъ и, найдя какого нибудь несчастнаго, полузамершаго странника, ведутъ (а иногда несутъ) его въ монастырь.—Пріютъ этотъ ежегодно принимаетъ и кормитъ отъ 18—19,000 туристовъ всякихъ чиновъ и званій. Главныя средства даютъ доходы монастыря и добровольныя пожертвованія. Конгрегация состоитъ изъ 40 членовъ; часть ихъ живетъ здѣсь, другая на Симилонѣ. Новыя лица постоянно вступаютъ въ эту конгрегацию, потому что отцы—каноники долго не выдерживаютъ такой утомительной службы: болѣе 8—10 лѣтъ ни одинъ изъ нихъ не можетъ прожить тутъ. Дѣйствительно, климатъ очень суровъ; лѣтомъ здѣсь не бываетъ болѣе 17 град. тепла (по Реом.), зимою же обыкновенная температура здѣсь 18—20 ниже нуля. Снѣгъ въ ущельяхъ лежитъ *девять* мѣсяцевъ; толщина его слоя отъ 8 до 40 фут.—Особеннаго вниманія заслуживаютъ на С. Бернардь великолѣпныя, сильныя собаки, и самая знаменитая изъ нихъ, по имени Барри, спасла 40 христіанскихъ душъ отъ вѣрной гибели. Она давно умерла, но чучело ея и теперь еще можно видѣть въ Бернскомъ музѣ.

Щ.

БЛОКГАУЗЪ „ЧЕРВЛЕНЪ АСКЕРЪ“

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

II.

Тогда много наѣхало въ Турцію иностранцевъ: венгерцевъ, англичанъ, поляковъ, отставныхъ папскихъ карабинеровъ, предлагать, въ виду ожидаемой войны съ Россіей, свои услуги турецкому правительству... Кто предлагалъ себя, какъ опытный инженеръ, кто, какъ ловкій организаторъ и полководецъ, кто скромно посвящалъ исламу свою умѣлую, боевую шпагу, кто такъ просто, готовый на все, что только ему не поручать. Много вообще наѣхало тогда добровольныхъ рыцарей ислама. Самъ падишахъ и большинство турецкихъ правительственныхъ людей отнеслись къ этой наѣзжей сволочи внимательно и любезно, немногіе только старые турки недоверчиво косились на нихъ и не ждали отъ ренегатовъ особаго прока.

Эти господа, похлопотавъ съ мѣсяць, другой, въ Константинополѣ, потолкавшись по корридорамъ Высокой Порты, въ пріемныхъ сераскеріата и у подѣздовъ кіосковъ именитыхъ пашей, скоро получали хорошія назначенія, высокіе оклады жалованья и затѣмъ ѣхали въ провинцію на свои мѣста, высокомерно относясь къ мѣстнымъ должностнымъ лицамъ. Послѣднія, конечно, не долгоблывали наѣзжихъ ястребовъ, но боялись ихъ сильно, тѣмъ болѣе, что тѣ всегда рассказывали чудеса о своихъ константинопольскихъ связяхъ, о высокіхъ особахъ говорили не иначе, какъ о своихъ старыхъ друзьяхъ, ужасно много изводили бумаги на переписку, адресуя всегда свои письма словами: „Стамбуль, Высокая Порты—такому-то“, и постоянно навлеивали на конверты казенныя, даровыя штемпеля...

Какой-нибудь мѣстный каймакамъ или вали поневолѣ трусить, глядя на эти адреса: „А ну какъ да въ такомъ пакетѣ таятся доносъ на него самого, или что нибудь не менѣе пріятное... Вѣдь бѣда будетъ“. Поневолѣ приходится дружить съ ференгомъ, усердно прикладывать при встрѣчѣ руку ко лбу и къ сердцу, звать къ себѣ въ домъ, самому заходить, однимъ сло-

вомъ оказывать тѣму виѣшнихъ любезностей, не всегда согласовавшихся съ внутреннимъ чувствомъ.

Въ числѣ такихъ „почетныхъ иностранцевъ“ въ здѣшней мѣстности появилось двое.

Одинъ изъ нихъ былъ кровный англичанинъ инженеръ, года три уже жившій въ Турціи. Онъ служилъ старшимъ механикомъ на корабельной верфи въ Золотомъ Рогѣ и сюда на Дунай пріѣхалъ въ качествѣ военнаго инженера, для приведенія Дуная въ несокрушимое, непроходимое, даже вовсе недоступное для врага оборонительное положеніе... Онъ представилъ въ сераскеріатъ такой грандіозный планъ своихъ предполагаемыхъ сооружений, что тамъ только руками развели... По этому плану каждая русская лодка, каждый дерзкій солдатъ, все должно было неминуемо летѣть на воздухъ. Мѣстами даже полагалось измѣнять на время, по своему произволу, быстроту теченія, высоту воды, даже самое направленіе русла, устраивать по телеграфу, въ данный моментъ, искусственныя наводненія, однимъ словомъ творить чудеса—и все за какіе нибудь полтора, два милліона франковъ, которые турецкое правительство можетъ уплатить со временемъ и даже по частямъ, выдавъ только автору плана впередъ не менѣе трехсотъ тысячъ...

Этотъ геній инженернаго искусства былъ мистеръ Джемсъ Говвардь. Онъ немедленно получилъ отъ султана орденъ, снабженъ открытыми предписаніями, надлежащими инструкціями и уполномочіями и поѣхалъ на Дунай.

Джемсъ Говвардь побывалъ въ Виддинѣ, оттуда спустился внизъ по теченію до самыхъ гирль, вездѣ побывалъ въ береговыхъ крѣпостяхъ, указалъ на необходимость перестройки, послалъ въ Стамбуль тысячи бумажекъ съ дополнительными смѣтами и планами, затѣмъ вернулся въ Туртукай и здѣсь уже жилъ мѣсяца три, на дачѣ, выстроивъ на берегу хорошенькій коттеджъ въ индѣйско-британско-мавританскомъ стилѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находился береговой блок-

гаузь Червленъ-Аскеръ, перемѣстивъ сторожевой постъ къ себѣ на дачу.

Инженеръ часто уѣзжалъ отсюда, ѣздилъ даже на тотъ берегъ къ румынамъ, жуировалъ въ Бухарестѣ; говорятъ будто бы много игралъ въ карты и тратилъ золото на черноокихъ румынскихъ красавицъ и рыжекудыхъ, заѣзжихъ сюда французенокъ изъ Вьны... Возвращаясь съ такихъ экскурсій, онъ скромно жилъ недѣлку другую въ своемъ коттеджѣ, цилъ только очень много при этомъ и немилосердно билъ своего слугу, негра Дика, который не смотря на побои, отличался чисто собачьей преданностью къ своему хозяину.

Дикъ тоже цилъ не менѣе господина и навѣщая караульный домъ, рассказывалъ солдатамъ чудеса про свои похождения съ массою Говвардомъ. По его рассказамъ, гдѣ-гдѣ только они вдвоемъ не перебивали прежде чѣмъ устроиться въ Стамбулѣ. Кажется не находилось на всемъ земномъ шарѣ квадратнаго аршина, не истоптаннаго ихъ ногами.

Наивные стражники слушали, вѣрили только десятой части рассказовъ Дика, но и этой десятой части было совершенно достаточно, дабы „не выпускать изъ рта пальца удивленія“.

Инженеръ дѣлалъ иногда и поѣздки во внутрь страны по болгарскимъ деревнямъ; онъ былъ страстный охотникъ и съ двухстволкою въ рукѣ исходилъ почти всѣ заливыя мѣста окрестностей... Во время такихъ прогулокъ онъ заѣзжалъ и въ Червнъ-Доль, гдѣ особенно интересовался, конечно съ научно-этнографическою цѣлью, мѣстными, преимущественно женскими типами.

Его впрочемъ всегда огорчала дикая застѣнчивость и неподатливость болгарскихъ красавицъ, даже золото мистера Джемса Говварда было по большей части безсильно въ данномъ случаѣ...

Тогда онъ прибѣгалъ къ инымъ способамъ, отъ которыхъ хотя и смущалось немного его гуманное, европейское чувство, но это минутное смущеніе не останавливало его отъ новыхъ, сходственныхъ по характеру подвиговъ...

Онъ очень хорошо сознавалъ, что жаловаться на него некому, былъ убѣжденъ въ полной безнаказанности съ законной стороны, а что касается до возмездія иного рода, то онъ также хорошо зналъ прочность запоровъ воротъ Червленъ-аскера, силу обороняющаго его гарнизона и мѣткость своего превосходнаго ремингтоновскаго карабина, въ соединеніи съ паркою револьверовъ слуги Дика.

Главная сила мистера Джемса заключалась въ томъ, что ему особенно энергично покровительствовали коменданты всѣхъ Дунайскихъ крѣпостей. Еще бы тѣмъ не покровительствовать гениальному инженеру—вѣдь изъ-подъ его пера выходили всѣ эти смѣты и требованія денегъ на перестройки и приспособленія. Его же всегда назначали и инспекторомъ всѣхъ этихъ построекъ, а инспекціи и донесенія о таковыхъ мистера Джемса всегда были крайне благоприятны для комендантовъ.

Что же за бѣда, если такой милый, обходительный, удобный во всѣхъ отношеніяхъ человекъ и позабавиться иногда на счетъ этой жалкой райи, тѣмъ болѣе, что эта самая райя—такіе неблагодарные, такіе безпокойные подданные его величества падишаха.

Помакъ Фома Шумовъ не пропустилъ случая своевременно представиться знатному и всесильному иностранцу, оказалъ ему множество мелкихъ услугъ, сопроваждалъ въ качествѣ проводника, превосходно знающаго мѣстность, въ его охотничьихъ экскурсіяхъ и частенько-таки навѣдывался въ „Червленъ-аскеръ“, гдѣ принимался хозяиномъ хотя и не какъ почетный гость, однако милостиво.

Услуги Фомы Шумова не были безкорыстны конечно, но и самъ мистеръ Джемсъ-Говвардъ не любилъ без-

корыстныхъ услугъ по той естественной причинѣ, что безкорыстные услуги всегда обходятся гораздо дороже, чѣмъ заранее сторгованныя за опредѣленную плату.

III.

Другой иностранецъ, полюбившій почему-то за послѣднее время эту мѣстность—былъ венгерецъ, графъ Михаилъ Рослани.

Былъ ли онъ дѣйствительно графъ или только такъ, для особой важности, присвоилъ себѣ этотъ титулъ—это только самому Аллаху извѣстно. Мѣстныя же власти и отчасти населеніе знало о немъ только слѣдующее:

Рослани пріѣхалъ сюда прямо изъ Константинополя. Сераскеріату онъ былъ рекомендованъ Мехмедомъ-Али-пашею, какъ опытный боевой офицеръ и лихой кавалеристъ... Графу, именовавшему себя полковникомъ, былъ предложенъ сераскеріатомъ кавалерійскій полкъ гдѣ-то въ Малой Азіи, но онъ отклонилъ отъ себя эту честь и предпочелъ ѣхать на Дунай подъ предлогомъ формировація особаго, священнаго коннаго легіона венгерцевъ, который почти ничего не будетъ стоить турецкому правительству, ибо и кони, и содержаніе людей, обмундировка и оружіе, все это должно быть пожертвовано какимъ-то особымъ, тайнымъ венгерскимъ обществомъ, неизвѣстнымъ даже самому правительству Венгрии. Отъ сераскеріата требовалось только, когда понадобится, снабжать легіонъ боевыми припасами и—только.

Такое выгодное предложеніе было принято съ удовольствіемъ Портою, и графъ Михаилъ Рослани уѣхалъ на Дунай. дожидаться и устраивать тамъ имѣющихъ въ скоромъ времени прибыть сюда легіонеровъ.

Хотя эти легіонеры сюда еще почему-то не жаловали, такъ точно какъ и грандіозное минированіе Дуная не начиналось, но это, повидимому, не особенно смущало какъ графа, такъ и мистера Джемса Говварда. Оба они преспокойно поживали здѣсь, и графъ только особенно часто катался по великой рѣкѣ славянскаго міра, посѣщалъ укрѣпленные пункты и знакомился со внутренней страной, такъ же, какъ и Говвардъ, слѣдуя влеченію своей страсти къ охотѣ.

Графъ только не строилъ себѣ коттеджа и вообще жилъ скромнѣе англійскаго инженера.

Не смотря на сходство положеній и занятій между графомъ Рослани и Говвардомъ не было особенной дружбы, напротивъ даже, графъ относился къ инженеру съ видимымъ отвращеніемъ, тотъ въ свою очередь инстинктивно ненавидѣлъ графа, хотя до прибытія на эти мѣста, совершенно незнакомые другъ другу, они не имѣли никакихъ причинъ къ такой странной, взаимной ненависти.

Однако ссориться явно было неудобно ни тому, ни другому... Встрѣчаясь другъ съ другомъ, они любезно раскланивались, но только воздерживались отъ всякихъ диспутовъ, особенно послѣ того случая, какъ разговорившись на обѣдѣ у Рифата-паши въ Русукѣ, они чуть было не кончили разговора револьверными выстрѣлами.

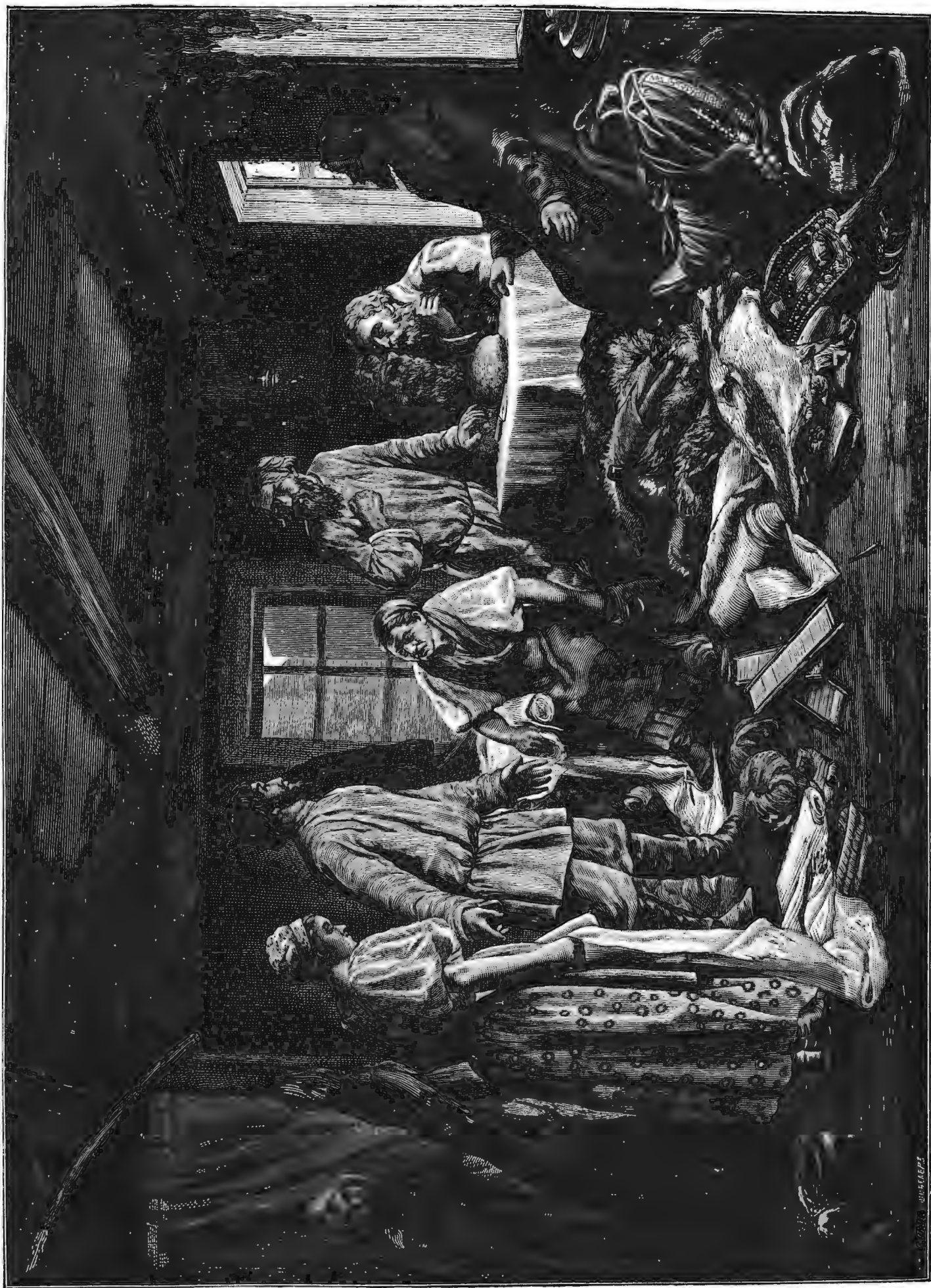
Графъ Михаилъ Рослани былъ даже раза два съ визитомъ у Говварда, въ его коттеджѣ; мистеръ Джемсъ Говвардъ потому только не отдалъ этихъ визитовъ, что графъ не имѣлъ постояннаго и даже долговременнаго мѣста жительства.

Рослани, такъ же какъ и Говвардъ, былъ снабженъ отъ Высокой Порты всякими рекомендательными документами, на основаніи которыхъ всѣ великія лица въ провинціи должны были оказывать ему и почетъ, и вниманіе, и полное содѣйствіе въ его мѣропріятіяхъ.

Наружность графа была очень привлекательна, что составляло рѣзкій контрастъ съ наружностью мистера Джемса. Рослани былъ средняго роста, изящно сло-

Финляндскій пейзажъ. Ориг. рисунокъ Н. Каразина, грав. Малиновскій.

Всемирная выставка въ Парижѣ. Русскій художественный отдѣлъ: „Семейный раздѣлъ“. Картина В. М. Макеимова, рис. на деревѣ Земцовъ, грав. Шиллеръ и Пудъ.

жень, его черная, шитая тоже черными шнурами венгерка, плотно обрисовывала его почти женскую талию; онъ носилъ узкіе, шитые тоже чернымъ шнуромъ, синія калаки и маленькіе гусарскіе сапоги, на головѣ, ради уваженія къ пріютившему его государству, красную феску съ золотою кистью.

У него была короткая, но густая, слегка вьющаяся свѣтлорусая борода, его большіе голубые глаза смотрѣли кротко и мягко, но когда нужно сверкали самымъ рѣшительнымъ блескомъ. Лихой наѣздникъ, онъ поражалъ даже турокъ своею смѣлостью и ловкостью на конѣ, замѣчательно стрѣлялъ изъ револьвера и никуда не выѣзжалъ безъ большого, превосходнаго бинокля и маленькой записной книжки, гдѣ не было ни одной буквы, ни одной цифры, а все какія-то странные рисунки и иероглифы.

Тогда еще только скоплялись на горизонтѣ боевыя тучи: русскія войска начинали стягиваться къ Кишиневу... Графъ все увѣрялъ, будто бы поль-Румыніи наводнено его партизанами, но онъ пока держитъ ихъ еще на той сторонѣ изъ тонкихъ дипломатическихъ соображеній.

Недавно графъ Михаилъ Рослани вернулся изъ чрезвычайно рискованной экскурсіи, которую онъ исполнилъ блистательно. Графъ, изволители видѣть, ѣздилъ, переодѣтый купцомъ грекомъ, въ Одессу, а оттуда пробрался даже, не узанный, въ Кишиневъ... Въ отчетѣ о своей развѣдкѣ, посланномъ въ Константинополь, графъ писалъ о полной боевой неготовности Россіи—о слабости вооруженія береговъ, о плохой организаціи и даже печальномъ видѣ собирающейся въ русской Бессарабіи арміи и о повсемѣстномъ уныніи передъ войною всего русскаго населенія.

Этотъ отчетъ спустя ровно недѣлю послѣ получения его въ сераскеріатѣ, появился въ переводѣ въ „Times“, подъ видомъ наивѣрнѣйшей корреспонденціи изъ Турціи собственныхъ корреспондентовъ почтенной газеты...

Графъ терпѣть не могъ ѣздить въ экипажахъ; его нигдѣ не видѣли иначе какъ или верхомъ на маленькой, вороной, горячей лошадекѣ турецкой породы, или прогуливающагося неутомимо пѣшкомъ... Венгерецъ безъ усталости могъ исходить въ сутки не менѣе семидесяти верстъ, онъ удивлялъ всѣхъ тѣмъ, что могъ заснуть сидя и даже стоя, было бы только къ чему прислониться... Во снѣ онъ былъ необыкновенно чутокъ и малѣйшій шорохъ заставлялъ его открыть глаза... Онъ не пилъ ничего кромѣ холодной воды, ложасть спать никогда не раздѣвался, одиначъ словомъ держалъ себя такъ, какъ будто бы каждую минуту долженъ былъ ожидать какой-нибудь тайной опасности.

Въ услуженіи у графа были два албанца-кавасы, въ бѣлыхъ фустанеллахъ, въ расшитыхъ золотомъ курткахъ, съ длинными откидными рукавами, съ цѣлымъ арсеналомъ оружія у пояса—оружія, блестящаго болѣе своимъ античнымъ достоинствомъ, чѣмъ боевой годностью.

Кавасы были преданы всею душою своему господину, но преданность эта была иного рода, нежели шотландская привязанность Дика къ Джемсу Говварду.

Албанцы держали себя съ достоинствомъ относительно своего господина „кяфира“ (невѣрнаго), а тотъ не позволялъ себѣ ничѣмъ оскорбить ихъ гордости, не беспокоилъ ихъ никакими несвоевременными требованіями услугъ, напимѣръ, въ минуту исполненія „намаза“.

Въ противоположность мистеру Джемсу, Рослани всегда относился почитительно къ мусульманской религіи и даже, разговаривая съ муллою Рэшадомъ о коранѣ, благоговѣнно выслушивалъ безконечныя цитаты муллы изъ этого сочиненія Магомета и его послѣдователей.

Графъ превосходно говорилъ по турецки и по болгарски зналъ даже русскій языкъ и не скрывалъ это-

го знанія. Разъ какъ-то пришлось встрѣтиться ему съ своимъ, случайно тоже захвачшимъ сюда землякомъ изъ Дебричина, въ Венгріи; понятно, что земляки разговаривались на своемъ родномъ языкѣ, и собесѣдникъ замѣтилъ графу, что тотъ, вѣроятно, давно уже не слышалъ родного говора, ибо утратилъ уже нѣсколько истый венгерскій акцентъ...

Таковъ былъ венгерскій графъ, организаторъ будущаго священнаго коннаго легіона, Михаилъ Рослани.

Графъ не разъ бывалъ въ селеніи Червнѣй-долъ. Онъ останавливался обыкновенно въ кафанѣ, на перекресткѣ главной улицы отдыхалъ тамъ часа два, а иногда и болѣе, выпивалъ большой ковшъ холодной родниковой воды, съѣдалъ тарелку поджаренной баранины, и шелъ дальше, стрѣлять по рѣчкѣ многочисленныхъ утокъ, по кустовымъ зарослямъ куропатокъ краснобрювокъ.

Разговаривая въ кафанѣ съ болгарскими посѣтителями, онъ уже перезнакомился почти со всѣмъ Червнѣй-доломъ, зналъ хорошо и убитаго старика Кирило Радоницу и жену его старуху и красавицу дочь, Анну. Съ послѣдней онъ даже раньше познакомился; дѣло происходило такимъ образомъ:

Графъ сидѣлъ на верандѣ, подъ навѣсомъ, курилъ и задумчиво смотрѣлъ вдоль улицы; въ это время гдѣ то легкіе шаги заставили его обернуться—онъ увидалъ тогда передъ собою хорошенькую дѣвушку, которая протягивала ему миску съ превосходными желтыми сливами.

— Это изъ нашего садика, сказала болгарка, я ихъ только что нарвала—это первыя...

Михаилъ Рослани взялъ себѣ одну сливу, съѣлъ ее и взаменъ положилъ въ миску пяти піастровую серебряную монету, слишкомъ большую плату, за забраннныя товаръ.

Дѣвушка нахмурила брови, отдала назадъ деньги и недовольнымъ голосомъ произнесла?

— Анна Родоница не торгуетъ сливами, Анна принесла ихъ гостю, потому что онъ усталъ и хочетъ, вѣрно пить, а сливы, сочныя и свѣжія, въ такую жару будутъ очень пріятнымъ блюдомъ.

Тогда графъ улыбнулся, протянулъ ей руку и спросилъ, гдѣ она живетъ?

— А вонъ наша хата, указала дѣвушка на уголь черепичной крыши, выглядывавшей изъ за зелени.

— Какая ты красивая! сказала графъ, всматриваясь въ это выразительное личико.

— Ты тоже красивый, просто безъ всякой застѣнчивости отвѣчала дѣвушка.

Этимъ и окончилась ихъ первая встрѣча. Анна высынала сливы на столъ, кивнула на прощаніе головкою и пошла черезъ улицу, оттискивая на мягкой пыли правильные, не испорченные узкою обувью слѣды своихъ босыхъ ногъ. Графъ прослѣдилъ ее до поворота глазами и... дня черезъ три, снова задумалъ охотиться въ окрестностяхъ Червнаго-дола, снова зашелъ отдыхать въ кафану на перекресткѣ.

Въ этотъ разъ Анна крикнула ему „здравствуй!“ когда онъ проходилъ мимо ихъ дома. Дѣвушка стояла въ калиткѣ, словно картина въ рамѣ, вся ярко освѣщенная вечернимъ солнцемъ. Она была чудно хороша въ эту минуту!

Около нея на завалинѣ сидѣлъ и старый бабтанъ ея, Кирилло.

Михаилъ Рослани счелъ пужнымъ подойти къ старику и разговаривать. Два часа битыхъ онъ спрашивалъ Кирилло, о ихъ житьѣ-бытьѣ, не замѣчая все плотнаго молодого парня, косо и недружелюбно поглядывавшаго на него изъ-за распряженнаго вѣса.

Онъ только тогда замѣтилъ этого парня, когда самъ Кирилло заговорилъ о немъ.

— Вотъ, произнесъ старикъ, указывая въ сторону воза, дочку просваталъ за него—человѣкъ рабочий, хорошій, да въ такія времена тяжкія и свадьбу играть невесело, старуха торопитъ, а я думаю подождать.

— И отлично сдѣлаешь если подождать... куда торопиться; поддержалъ его графъ, не безъ умысла.

— И я не хочу еще замужъ, кокетливо заговорила Анна, хлопнувъ калиткою и уйдя въ горницу.

Черезъ минуту она появилась въ окнѣ какъ разъ надъ головою сидящаго на завалинкѣ графа, вытирая мокрыя руки полотенцемъ и будто не нарочно задѣла его по фескѣ концемъ этого узорно „расшитаго рунника“...

Въ эту ночь Аннѣ Радоницѣ спалось плохо, но только не предстоящая свадьба волновала ее, не женихъ ея Симко Коссовъ ей снился...

Зачастилъ графъ въ селеніе Червнѣй-Доля, по два раза въ недѣлю сталъ прїѣзжать. Эти поѣздки возбуждали и подозрѣніе и любопытство въ мистерѣ Джемсѣ Говвардѣ и тотъ притянулъ къ допросу Фому Шумова.

Изъ этихъ допросовъ инженеръ только узналъ, что кажется графу Рослани понравилась дѣвушка одна въ селеніи, что объ этомъ будто-бы даже тамъ перешептываются, а впрочемъ... но одного этого было уже достаточно для Говварда чтобы настаивать на немедленномъ, личномъ знакомствѣ съ этою дѣвушкою.

Фома Шумовъ доставилъ инженеру случай видѣть Анну издали, а затѣмъ Говварду удалось даже говорить съ нею, бездеремонно остановивши ее когда она шла съ ведрами отъ родника.

— Ого! чортъ возьми! да ты дѣйствительно красавица, захохоталъ Джемсъ Говвардъ и хотѣлъ было ее безъ церемоніи обнять.

Та вскрикнула, бросила ведра и съ плачемъ пустилась бѣгомъ домой, а инженеръ, озадаченный такимъ пріемомъ, выругался еще разъ и повелъ дѣло уже иначе...

Тогда-то именно, встревоженные родные и прїатели Кириллы совѣтовали ему убрать куда-нибудь подальше свою красавицу дочь и Кирилло съ своей старухой долго думали какъ бы это сдѣлать, когда, наконецъ, выручалъ ихъ изъ этого затруднительнаго положенія благопріятель, помакъ Фома Шумовъ.

Въ день убійства стараго Кириллы Радоница и похищенія его дочери графъ былъ на томъ румынскомъ берегу Дуная, онъ не довѣрялъ почему-то султанской почтѣ своихъ писемъ, не довѣрялъ даже своимъ албанцамъ; въ этомъ случаѣ не бралъ даже ихъ съ собою на тотъ берегъ, а оставлялъ здѣсь, каждый разъ мѣняя мѣсто, гдѣ они должны были дожидаться его съ верховыми лошадьми.

На этотъ разъ свиданіе было назначено не-вдалекѣ отъ блокауза Червленъ-аскера.

Когда лодка съ гребцами румынами пристала къ берегу, Михаилъ Рослани, къ великому удивленію своему, не нашель своихъ кавасовъ на условленномъ мѣстѣ, кавасовъ, которые такъ аккуратны были всегда въ исполненіи своихъ обязанностей.

Не торопясь обвинять слугъ и раздумывая, какое бы тутъ могло выйти недоразумѣніе, графъ направился къ

котѣджу, бывшему въ двухъ верстахъ отсюда, и уже видѣлъ его сторожевую башенку съ краснымъ флагомъ, какъ на встрѣчу ему попался Дикъ, глупая физиономія котораго только улыбалась, будто обрадованная такою неожиданною встрѣчей.

Негръ шелъ не торопясь—будто за своимъ дѣломъ, шелъ даже не тропинкою, а стороною, кустами. Съ хозяйскимъ ружьемъ въ рукахъ, съ ягташемъ, перекинутымъ черезъ плечо. Онъ вышелъ какъ видно на охоту, хотя позднее, ночное время подобной охотѣ вовсе не соответствовало.

— Дикъ! вскрикнулъ Рослани и инстинктивно опустилъ руку въ карманъ, гдѣ его пальцы тотчасъ же коснулись рѣзной головки револьвера.

— Такъ поздно... здравствуйте ваша свѣтлость. Если вы идете къ массѣ Говварду, онъ очень будетъ сожалѣть, что вы не застанете его дома... Ахъ, какъ будетъ сожалѣть масса Говвардъ.

— Такъ его нѣтъ дома—это жаль! пожалъ плечами графъ. Странно, подумалъ онъ, внимательно всматриваясь вдаль, гдѣ свѣтился небольшой зеленоватый четверугольникъ.

Отсюда, гдѣ они стояли съ Дикомъ, было видно не много болѣе, чѣмъ двадцать шаговъ назадъ. Отсюда кромѣ сторожки видѣлась и часть верхняго этажа блокауза а именно та, гдѣ приходился кабинетъ Джемса Говварда. Этотъ свѣтлый зеленый четверугольникъ и есть его окно—тамъ огонь, значитъ инженеръ дома; кромѣ его самого и Дика никто не можетъ заходить въ его кабинетъ. Дикъ здѣсь—Джемсъ Говвардъ тамъ; а ему говорить, что нѣтъ его дома. Этотъ негръ видно нарочно высланъ ему на встрѣчу, значитъ его ждали отсюда и не хотятъ, чтобы онъ подходилъ даже къ воротамъ Червленъ-аскера, а не то, чтобы входилъ въ него.

— Я рассчитывалъ найти тамъ моихъ людей и лошадей, задумчиво проговорилъ венгерецъ.

— Ваши люди, я знаю, они вернулись въ Туртукай, но если угодно подождать здѣсь, я сейчасъ распоряжусь, чтобы сюда подали лошадей массы Говварда и его кавасы будутъ къ вашимъ услугамъ.

— Гм!.. подумалъ снова графъ, очевидно меня хотятъ удалить отсюда во что бы то ни стало. Это черное животное говоритъ по заученной инструкціи...

— Масса Говвардъ...

— Скажи массѣ Говварду, когда онъ прїѣдетъ, что я былъ, то есть хотѣлъ зайти; лошадей его и кавасовъ мнѣ не надо—я дорогу хорошо знаю, а ноги у меня крѣпкія, раздражительно произнесъ графъ Рослани.

— Масса Говвардъ будетъ очень, очень сожалѣть... Масса Говвардъ будетъ бранить, быть можетъ, Дика...

Негръ приподнялъ феску и смущенно ерошилъ всею пятернею свою войлокообразную куафюру.

Но Рослани уже не слышалъ его сѣтованій—онъ, рассчитавъ, что отсюда до Лукова на туртукайской дорогѣ, немного дальше, чѣмъ до Червнаго Дола, не смотря на темноту и на мелкій дождь, начинающій накрапывать дождь, энергично зашагалъ долиною, полагая черезъ четверть часа ходьбы выбраться на проѣзжую дорогу.

(Продолженіе будетъ).

Н. Карзинъ.

В А Л А М Ъ.

(ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ).

...Нева осталась позади. Нагорные, изъ-желто-зеленые берега съ тощими березами и домами, съ челноками припертыми кольями къ землѣ, съ бичевникомъ, вьющимся съ боку, колоссальной панорамой промчались мимо. Мелькнуло два-три мѣстечка, дорогихъ по своимъ историческимъ воспоминаніямъ, мелькнули острова и пороги, Нева разступилась, завернувшись круто въ стороны берегами, необозримая синяя гладь развернулась вдалѣ, и пароходъ, подогривая всѣмъ остовомъ, вышелъ на озеро.

Бѣлыми четырехугольными пятнами сверкнули впереди паруса лодокъ, разнообразная монотонную линію горизонта, а назадъ сталъ тонуть въ волнахъ Шлессельбургъ. Чайки вьются вокругъ и жалобно стонутъ; чухонскія соймы, круто накренившись, идутъ подъ вѣтромъ мимо, и ныряютъ въ волнахъ, когда захлестываетъ ихъ остроконечными буграми бѣгущій за нами слѣдъ. Блѣдное сѣверное небо, съ легкими прозрачными облаками горитъ и пышетъ жаромъ сверху...

На рубль масса народу. Сидятъ, стоятъ, лежатъ, спятъ, дремлютъ, разговариваютъ, пьютъ и ѣдятъ. Въ большинствѣ случаевъ все купцы въ сибиркахъ, съ окладистыми бородами и красными носами, или тощія, худенькія богомолки-старушки, набожно знаменующіяся крестомъ при видѣ отдаленной церкви.

теперь весело похаживаютъ. Какой-то сѣденькій невзрачный монахъ толчется у мячты, глухо отвѣчая на вопросы и сильно напирал на о. Кто-то знаніе географіи выказываетъ.

— Это вотъ тебѣ было Шлюшино, а тамъ вонъ столбъ—мажъ, кошкнымъ обзывается. А вонъ тамъ—Новая Ладога.

Всемирная выставка въ Парижѣ. Итальянскій художественный отдѣлъ: Игрокъ на флейтѣ, статуя Эмануэля.

Рис. Тофа, грав. Чентеріани.

Шумъ, говоръ, гамъ стоитъ вокругъ, только очень немногіе, женщины по преимуществу, углубились по возможности въ чтеніе какого-нибудь „житія“, украсивъ себя предварительно старинными очками солидныхъ размѣровъ. Нѣкоторые изъ мужчинъ успѣли уже пропустить „по маленькой“ разъ десятокъ и

— Гдѣ? Гдѣ? пристають любопытные.

— А вона, вона,—звѣтокъ показываетъ мальцемъ куда-то на горизонтъ:

— Видишь?

— Ничего не видно.

За починкой ружья (Сцена из средневековой жизни). Картина Г. Гакля, грав. Ивановъ.

— Оно точно отсюда не видать, — только она там, уж это вѣрно.

Флагъ слабо колыхается на кормѣ, мачта поскрививается, колышется канаты и лѣстницы, черный дымъ густыми, мягкими клубами вырывается изъ трубы и плавно тянется въ бокъ, ломаясь зигзагами, на много верстъ повисая въ воздухѣ. Двѣ маленькія пушки торчатъ на югѣ. Шкиперъ передалъ колесо помощнику, благо прошли опасныя мѣста, и клюетъ носомъ, сидя на скамейкѣ. Вокругъ мертвое затишье на озерѣ—скучно.

Спускаюсь въ каюту. Здѣсь цѣлое сонное царство: вокругъ по всѣмъ диванамъ разлеглись пассажиры перваго класса и тихононько пошнытываютъ во снѣ, подложивъ подъ голову дорожные мѣшки, не обращая вниманія на проходящихъ мимо дамъ, проскальзывающихъ тихо за портьеру въ свое отдѣленіе. Плюгавый лакей наклонивается на колонку объявленіе довольно загадочнаго свойства: „*Просятъ покорно господъ пассажировъ со своими съ пѣтьными припасами обращаться на Палубу*“. По ковру ползаютъ свѣтлые кружки отъ солнца, пробивающагося черезъ открытыя круглыя окна. Чья-то голодная собака жалостно смотритъ изъ-подъ дивана и не рѣшается вылезть наружу. Слышно какъ скрипятъ по блоку немазанныя рулевья цѣпи, какъ царь съ грохотомъ работаетъ въ цилиндрахъ... Дѣлать нечего, читать нечего, а диваны такіе мягкіе...

Глаза начинаютъ слышаться. Смутно виднѣется чья-то огромная голова изъ-за кучи тропическихъ растений, приткнутыхъ посреди каюты между обѣденными столами. Смутно слышится ухо, какъ эта голова что-то крупно объясняется съ лакеемъ и требуетъ буфетчика. Смутно носъ чувствуетъ запахъ не свѣжей рыбы, очевидно идущій отъ ухи, что стоитъ на столѣ... Сквозь сонъ понимаешь, что буфетчикъ, попробовавъ ухи, предлагаетъ вмѣсто ея телячьи котлеты, и все это: и голова, и уха, и котлеты,—все начинаетъ вертѣться колесомъ, путаться, мѣшаться...

Крикъ сосѣда невольно возвращаетъ меня къ дѣйствительности. Я быстро вскакиваю, вскакиваютъ и остальные. Странная картина передъ глазами у насъ: толстый, жирный господинъ въ кожаномъ пиджакѣ весь окаченъ кофеемъ.

— Спать я здѣсь,—жалуется онъ,—а въ меня изъ окна и плеснуло...

— Какъ изъ окна,—удивляемся мы и смотримъ въ окна: полно, обыкновенная-ли вода въ Ладожскомъ озерѣ...

— Должно быть сверху, съ палубы, гущу выплеснули, да сюда попали, поясняетъ облитый.

Спутники улыбаются и опять растягиваются на диванахъ.

* * *

Солнце близко къ закату. Золотистый, невыносимо блестящій его свѣтъ смѣнился болѣе покойнымъ багрово-пурпурнымъ тономъ. Ни единого облачка на небѣ. Тихо, спокойно погружается свѣтлый дискъ въ воду и горитъ прональными лучами на крестахъ далекаго острова, куда мчитъ нашъ пароходъ, горюясь дойти до заката. Коневецъ яснѣе и яснѣе вырисовывается передъ нами, всѣ столпились на рубкѣ, жадно смотреть впередъ.

— Я въ двадцать пятый разъ ѣзжу,—хвастаетъ одна борода.

— Что такъ?

— Потому—благодѣтель. Колоколь жертвовалъ, теперь у колокольни ярусъ придѣлываю.

— У этой?

— У этой.

— И какъ я, братецъ мой, вылѣчился,—разсказывалъ другой. Взялъ сѣры горючей, камфоры и керосину. Потомъ все смѣшалъ въ миксгуру, да и вытерся на ночь.

— Ну и что-жь?

— Какъ рукой сняло. Потомъ докторъ и говоритъ мнѣ: ну и шкура-же у тебя, Пантелеевъ, лошадиная... Такъ вотъ какъ. Коневецъ ближе и ближе. Чаше и чаще старушки начинаютъ вздыхать. Монахъ то же начинаетъ ощущать какое-то безпокойство.

— Вы, батюшка, изъ Коневца? спрашиваютъ у него.

— Изъ Коневца,—хрипло шамкаетъ онъ и юркаетъ въ стору.

— Въ Коневцѣ не такъ строго,—поясняетъ кто-то. Водку, али что пронести можно,—на Валаамѣ обыскиваютъ, тамъ не пронесешь.

— Ну?!

— Ей Богу! табакъ коли увидятъ,—сейчасъ арестъ.

— И курить нельзя?

— Невозможно.

— А если въ лѣсу?

— Въ лѣсу точно что можно...

— А кипятковъ у монаховъ есть? пристааетъ какая-то странница.

— Есть.

— И даромъ даютъ?

— Даромъ. Только при выѣздѣ лепту положить надо въ яружку.

— Какую лепту?

— Рупь... Коли не можешь и меньше.

Матросы начинаютъ готовить веревки для причала. Пары

постепенно ослабѣваютъ, колеса тише поворачиваются въ водѣ, меньше лѣны и шума. Низкій берегъ, обычный мотивъ южнаго побережья Балтійскаго моря съ пескомъ и соснами выступаетъ все яснѣе и яснѣе. Бѣлыя главы монастыря прозрачно рисуются въ вечернемъ воздухѣ, лѣвѣе виднѣется зданіе гостинницы,—все не красиво, не изящно, все старѣетъ, подернутое ночью дымкой, комары тучами посятся надъ водой... Вотъ и берегъ.

* * *

Какое-то неприятное, щемящее душу чувство возбуждаетъ Коневецъ. Плоско и ровно раскинулся онъ на нѣсколько верстъ въ ту и другую сторону, поросъ хвойнымъ лѣсомъ, смотритъ не то чтобы очень мрачно, но и не весело,—не даромъ финны считали его мѣстопробываніемъ злыхъ духовъ. Уныло торчатъ голые стволы сосенъ, мохъ всевозможныхъ родовъ одѣлъ сплошнымъ ковромъ гранитные валуны, широкими плоскими шапками выдвинувшіеся изъ воды. Не видно признаковъ лѣсной животной жизни, только дятлы стучатъ носомъ въ кору, да попискиваетъ какая-то птичка. Впрочемъ маленькіе, едва замѣтные муравейники виднѣются кое-гдѣ. Мѣстами болота, мѣстами сплошные камни, и всюду комары носятся миллиардами, кусаютъ и лицо, и руки, и шею... Нечего смотрѣть, нечѣмъ любоваться...

Первымъ долгомъ приходилось отправиться осмотрѣть предсловутый Конь-Камень, отъ котораго и получилъ островъ свое названіе. Сюда, по преданію, загоняли финны на зиму лошадей, и на весну одной изъ нихъ недосчитывались: ее пожиралъ богъ, имѣвшій въ этомъ камнѣ свое пребываніе. Камень не трудно найти, онъ въ какой-нибудь верстѣ отъ Рождественскаго монастыря и лежитъ среди лѣса, и на верху его помѣщается часовня. Наверхъ ведетъ лѣстница, сбоку надпись придѣлана: „Съ сего мѣста Е. И. В. великій Князь Константинъ Николаевичъ снималъ видъ Коня-камня съ устроенной на немъ часовней, 1844 года, мая 14-го дня“. Въ монастырѣ продаются фотографіи этого камня, и очень порядочныя фотографіи...

Ночь въ монастырской гостинницѣ, не смотря на самоваръ, очень любезно доставленный служкой, на молоко, на събѣтные припасы, взятые изъ дому, и на мѣстныя очень вкусныя просвиры и хлѣбъ, оказывается все таки невыносимой. Комары сплошь наполняютъ все пространство номера, и звеня надъ самыми ухомъ, нещадно жалятъ и кусаютъ. Постели и диваны сплошь усыяны ихъ трупами, но массы новыхъ кровопійць храбро кидаются на васъ, заползаютъ подъ платки, которыми прикрыты лица и шея. Въ три часа всѣ не выдержали и вскочили,—впрочемъ все равно спать пришлось бы не долго, такъ какъ въ пятомъ часу пронзительный колокольчикъ дежурнаго монаха все равно васъ подымаетъ.

Отправились досыпать на пароходъ, мечтая только объ одномъ: какъ бы поскорѣе доѣхать до Валаама, до этого петербургскаго Иерусалима. Мы не слышимъ, какъ пароходъ снялся съ мѣста, какъ вышелъ въ открытое озеро,—только около полудня начинается въ каютѣ движеніе: забренчали ложки и вилки, начались обычные завтраки, и сомнительные запахи заносились вокругъ. Опять заходила собака и стала просить подачки, опять свѣтлыя пятна стали бѣгать по полу и тарелкамъ, опять руль сталъ пищать какъ немазанныя ворота... Разговоры все вертѣлся около Валаама.

— Природа грандіозна, —сообщаетъ одинъ изъ пассажировъ. Это самая дикая Финляндія, въ самыхъ мрачныхъ проявленіяхъ. Гранитъ, покрытый тонкимъ слоемъ земли и травы, и громадный листованный и хвойный лѣсъ...

— Капница тамъ были прежде, кажется?

— Очень возможно: мѣстность представляетъ самую роскошную декорацию для религиозныхъ обрядовъ. Да вотъ сами увидите... Каждое лѣто тамъ художники живутъ,—даже мастерская есть для нихъ особенная...

— Пристани тамъ кажется есть удобныя?

— Еще бы! Говорятъ, мѣстами у береговъ глубина доходитъ до сорока сажень...

— Есть замѣчательныя вещи, постройки?

— Найдется кое-что. Увидите статуи въ скалахъ, какія вы не увидите въ Петербургѣ, увидите образъ, на которомъ наглядно изображено, какъ въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ, а въ своемъ бревна не замѣчаемъ. Есть весьма недурная часовня, поставленная передъ монастыремъ въ память пребыванія на Валаамѣ Государя.

— А въѣдъ мы стоимъ,—перебиваетъ кто-то. Неужели ужъ Валаамъ?

Бросаемъ разговоръ и поднимаемся на палубу.

* * *

Густой клубящійся туманъ охватывалъ насъ со всѣхъ сторонъ. Солнце весело било съ высоты, но не могло разогнать бѣлесоватый паръ водяныхъ испареній. За нѣсколько сажень трудно было видѣть предметы и бесконечно обширный горизонтъ вдругъ съузился до небольшой голубой площадки слегка колыхавшихся волнъ. Мы были точно въ громадномъ цилиндрическомъ футлярѣ, съ двумя голубыми донщиками: небомъ и водою. Носъ смутно терялъ свои очертанія, верхи мачтъ тоже.

На передней мачтѣ, у рен удѣпившись за снасти, полу-стоятъ, полу-висѣтъ шиперъ и командовалъ своему помощнику, то убавлять ходъ, то останавливаться, то снова идти,—и зорко всматривался биноклемъ въ молочную пелену. Сырой, холодный воздухъ нервно дѣйствовалъ на кожу, и невольная дрожь пробѣгала по тѣлу постѣ теплой каюты.—Дойдемъ-ли хоть къ пяти часамъ, сокрушались на рубкѣ.

Вдругъ пароходъ прибавилъ хода,—съ мачты что-то замѣтили;—еще нѣсколько минутъ, и зубчатый строй колоссальныхъ елей на мгновение выступаетъ не-вдалекѣ. Но опять все заволокнулось, пропало, словно для того, чтобы потомъ выступить еще рельефнѣе, яснѣе. Панорама берега то всплываетъ, то опять тонетъ. Верхушки лѣса вдругъ вырисуются со всеми деталями, а низъ ступеивалъ. Выскочить на мгновение обломъ скалы, блеснетъ на солнцѣ, и пропадетъ опять. Чайка зарыдала, пронеслась надъ самымъ пароходомъ.

Рѣзко граничитъ полоса холоднаго тумана съ теплымъ прибрежнымъ воздухомъ, прозрачнымъ, яснымъ, сквозь который отчетливой, полной картиной рисуется роскошная панорама. Дѣйствительно, дивная, декоративная, граціозная мѣстность! Такъ картинно перепутался лиственный лѣсъ съ хвойнымъ, такъ картинно легли свѣтловыя пятна, гармонической гаммой тоновъ разливаясь отъ самыхъ свѣтлыхъ прозрачныхъ оттѣнковъ, то самыхъ интенсивныхъ, сгущенныхъ. На заднемъ фонѣ стали больше ели, раскидистыя, съ стрѣльчатой верхушкой, порою выпрыгивающей такой правильной, симметричной головкой, что кажется, точно не большая готическая часовая смотритъ на насъ изъ за лѣса. Ближе къ водѣ мелкая береза, рябина,—выдѣляется она свѣтло и ясно: солнце насвозь пронизываетъ ея зологистую, молодую листву. У ихъ подножья сочная зеленая трава,—а ниже гранитныя, мягко-округлыя, но порывистыми линиями сбѣгающія скалы. Прямымъ отвѣсомъ стали онѣ надъ водою и въ ней отразились,—на много саженъ идутъ онѣ въ глубь подъ нее; пароходъ безъ боязни мчитъ не подалеку отъ нихъ и не сбавляетъ хода. Порою прорывается берегъ, бухта мелькнетъ на мгновение, покажетъ дальній лѣсъ и берегъ, и опять заслонится бѣгущими навстрѣчу скалами.

Тише идетъ пароходъ; крутой, сильный заворотъ вправо даетъ рѣзкій слѣдъ за нами на недвижной глади озера.—Мы входимъ въ монастырскую бухту. Вправо—тотъ-же роскошный зеленѣющій берегъ, влѣво маленький островъ съ легкой изящною церковью не то византийскаго, не то готическаго стиля, ярко горящей золотою макушкой,—это скитъ святителя Николая. Мимо, мимо проносится все,—мы быстро кагитъ къ югу. Проходъ все суживается больше и больше, скалы точно растутъ съ обѣихъ сторонъ; капитанъ даетъ сигнальный свистокъ,—и монастырь вдругъ весь является слѣва на высокой горѣ, серебрясь куполами на солнцѣ, то прячась, то показываясь изъ-за куегъ перемежающейся зелени. Стучать о палубу канаты, греметь сходни.

* *

Гранитная, довольно изящная лѣстница въ семьдесятъ ступеней, ведетъ наверхъ къ монастырю, и опирается въ обширную площадку, окаймленную съ двухъ сторонъ зданиями. По срединѣ ея бѣлѣтъ часовня, поставленная въ память посѣщенія Валаама нынѣ царствующимъ Императоромъ,—маленькое здание изъ мрамора и гранита, скомпанованное удивительно изящно покойнымъ Горностаевымъ, которому принадлежитъ всѣ новѣйшія монастырскія постройки. Вокругъ нея обѣгаетъ чугунная рѣшетка, у колонны стоитъ монахъ, и кланяясь приходящимъ, показываетъ имъ рукой на здание гостинницы, вѣтнущееся вдали,—двухэтажное, каменное здание съ мезониномъ, на фронтонѣ котораго подъ гранитнымъ крестомъ вѣлланъ круглый образъ монастырскихъ святителей Сергія и Германа. Красивый каменный портикъ нависъ надъ входомъ и открываетъ за собою обширныя сѣни съ широкой облюо лѣстницей, взбѣгающей въ верхній этажъ. Здѣсь толкотня, шумъ суматоха,—и вмѣстѣ съ тѣмъ та заманчивая, сыровая прохлада, которая всегда бываетъ въ солидно выстроенныхъ зданияхъ, съ толстыми стѣнами и небольшими окнами. Монахи уговариваютъ быть потише: „всѣмъ мѣсто будетъ, всѣмъ!“ и впускаютъ въ маленькую комнатку по четыре, по пяти человекъ...

Въ гостинницѣ около ста номеровъ, отдѣланныхъ до нельзя просто, но чисто;—бѣлыя выштукатуренныя стѣны, сводчатые потолки и крѣпостная толщина стѣнъ, невольно вызывающая улыбку. По стѣнамъ плохенькія литографіи вдовъ монастыря, въ окнахъ,—сѣтки отъ комаровъ вмѣсто стеколъ, а въ амбразурахъ повѣшенное объявленіе, гдѣ отецъ настоятель проситъ посѣтителей, подчиняясь уставу монастыря не курить табаку, не стрѣлять изъ огнестрѣльнаго оружія, и не давать никому изъ прислуживающихъ никакого вознагражденія. Постели, простыни, подушки—все чисто и нѣтъ слѣдовъ на нихъ минувшихъ ночлеговъ въ видѣ раздавленныхъ клоповъ, какъ это было въ Коневцѣ. Незбѣжный самоваръ, хлѣбъ, просвиры появляются на столѣ. Служка предлагаетъ войти въ корридоръ вписать въ книгу свое имя, званіе и адресъ. Послѣдняя мѣра имѣетъ прямое отношеніе къ городскому сбору на книжку въ пользу монастыря.

Звонокъ заливается въ корридорахъ. Монахъ объявляетъ, что сейчасъ отходятъ софмы въ Николаевскій скитъ, гдѣ будетъ богослуженіе. Наскоро допиваемъ чай, и отложивъ осмотръ самаго монастыря до вечера, отправляемся на пристань.

Пароходовъ ужъ нѣтъ: они отошли въ Сердоболь. Софмы быстро наполняются пестрой толпой. Мужчины и женщины берутся за длинныя весла. Монахи побираются на руль, развертываютъ парусъ, десятками рукъ отпихиваются отъ берега. Судно замираетъ на мгновение на одномъ мѣстѣ, потомъ накреняется на бокъ, и распластавъ въ воздухѣ парусъ, тихо начинаетъ скользить по недвижной глади. Скоро дѣлая флотилія ихъ вытягивается вдоль по проливу и вся, опрокинувшись, отражается внизу. Мы беремъ отдѣльный челнокъ, беремся за весла, а на корму сидитъ чухонецъ. Быстро обходимъ мы грузныя тяжелыя суда, и спѣшимъ къ Никольскому скиту, къ тому самому скиту, что остался у насъ влѣво при вѣздѣ. День чудный, теплый—тумана какъ не бывало. Надъ озерами носятся дикія утки, и не боясь, пролетаютъ возлѣ самой лодки, чайки сверкаютъ въ вышинѣ. Влажный вѣтерокъ набѣгаетъ съ озера, и промчавшись черезъ небольшую сосновую рощу, дѣлается такимъ душистымъ, ароматичнымъ...

Маленькая деревянная пристань съ южной стороны Крестоваго островка, на которомъ помѣщается Никольскій скитъ, открываетъ на него доступъ. Пологая горка служитъ постаментомъ маленькаго храма. Здѣсь стояла когда-то часовенка, свѣзная, прозрачная, и въ ней зажигался огонь въ темныя ночи, служа маякомъ на всѣ стороны—и для пролива и для озера. Въ 1853 году одинъ благотворитель рѣшился поставить на этомъ мѣстѣ каменную церковь,—и искусство Горностаева создало изящный маленькій храмикъ. Особенно хорошъ и гармониченъ онъ снаружи, некрашенный, съ многоугольной желѣзной главой, позолоченной и покрытой лакомъ, ярко выривывающійся на фонѣ зелени, когда подвѣзаемъ издали съ озера.

Входимъ мы въ церковь, входятъ и богомольцы. Она не можетъ вмѣстить ихъ и четверти, большинство остается снаружи. Церковь свѣтлая, пестрая, съ рѣзнымъ позолоченнымъ иконостасомъ мѣшаннаго стиля, отсылающаго даже мавританскимъ. Образа приличные не строгаго византийскаго письма, хотя далеко не художественны сравнительно съ новѣйшими византийскими иконами послѣднихъ построекъ Петербурга. Прелестны двѣ хоругви „золотаго фриле“, стоящія по бокамъ. А на лѣво, у клироса стоитъ нѣчто странное, запрещенное въ настоящее время святѣйшимъ синодомъ: это статуя святителя Николая... Какое удивительное, неприятное впечатлѣніе.

Извѣстна та черта, которую не должна переступать скульптура,—самые чудные художественные, пластичные образы, подвергнутые раскраскѣ, теряютъ свою прелесть. Мраморъ который, казалось, дышалъ жизнью, такъ полно передавалъ красоту формъ, глубину мысли, покрытый краской вдругъ обращается въ мертвенную безобразную куклу, самаго отталкивающаго вида. Попробуйте раскрасить Христа Торвальдсена, Давида или Моисея Микель-Анджело и посмотрите что изъ этого выйдетъ. Надо привыкнуть къ подобнымъ изображениямъ съ дѣтства, что бы молиться передъ испанскими статуями мадоннъ. У насъ къ счастью исключены статуи, народъ къ нимъ не привыкъ, и только кое гдѣ въ глуши еще можно найти „Христа въ темницѣ“—маленькую рѣзную фигуру въ стеклянномъ ящикѣ, одѣтую въ длинную шелковую или шерстяную рубашку *).

Нельзя сказать, что бы изображеніе чудотворца въ Никольскомъ скитѣ сдѣлано плохо: ликъ выразителенъ, чрезвычайно осмысленъ, можетъ быть немного суровъ. Сносно сдѣлано полное архіерейское облаченіе, въ одной рукѣ у него мечъ, въ другой церковъ. Но все таки впечатлѣніе таково, что стараешься отъ него избавиться возможно скорѣе, и отворачиваешься отъ золоченой ниши подъ багдахиномъ, украшающимъ статую.

Какъ попало на Валаамъ это изображеніе—того иноки не знаютъ. Извѣстно только, что оно по описанью еще первой четверти настоящаго столѣтія значилось на Крестовомъ островѣ въ часовнѣ. Судя по окраскѣ, можно сказать, что оно было не разъ подновляемо...

Вольно вздыхаешь свободной грудью воздухъ, выбравшись изъ духоты на берегъ. Какая масса ландшафтной растегъ по крутымъ скаламъ сѣверо-восточной части островка, какъ свѣжо, сладко они благоухаютъ. И на чемъ выросли они?—чуть не на голомъ гранитѣ: легкій слой земли еле покрытъ, пузатые, крутые отроги главной скалы. Ровная безконечная гладь озера развертывается отсюда передъ глазами и вдалекѣ прозрачными легкими пятнами рисуются тѣнистые острова, совѣмъ склонившись къ водѣ своими вѣтвями...

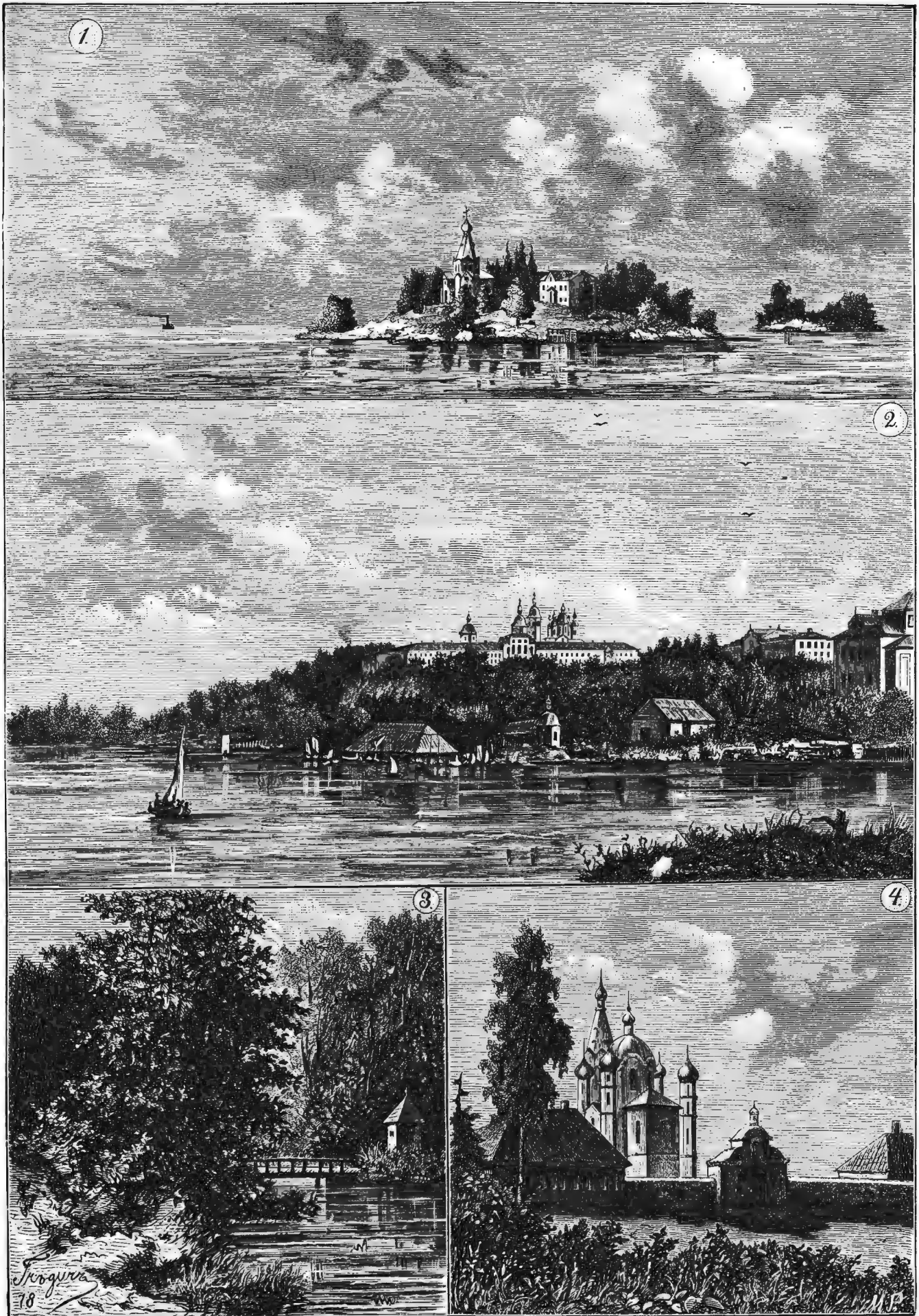
* *

Нельзя съ точностью сказать, когда впервые здѣсь появились

* Въ церкви Академіи Художествъ (въ Петербургѣ) есть названія апостоловъ и другихъ святыхъ. Но исключительное положеніе ея дало возможность вписать статуи въ строго-художественномъ стилѣ и онѣ придаютъ церкви своеобразный видъ.

Мадагаскарский Ай-ай или Руконожна. (*Chiromys Madagascarensis*). Рис. съ натуры Ф. Циммерманъ, грав. Г. Рихтеръ.

Виды на Валаамъ.

1) Скитъ Св. Николая. 2) Монастырь Валаамъ. 3) Дорога въ скитъ. 4) Скитъ всѣхъ Святыхъ.

Ориг. рисунокъ П. Гнѣдича, грав. Рашевскій.

аскеты, но несомненно, что въ самой глубокой древности здѣсь могло процвѣтать монашество. Преданіе говоритъ, что на Валаамъ были инокъ еще во времена Ольги, и что онъ издавна былъ разсадникомъ христіанства. Разказываютъ, что Андрей Первозванный первый истребилъ здѣсь капища Перуна и Велеса и окрестилъ жрецовъ. Но какъ бы то ни было, могъ-ли, или не могъ быть Андрей на Валаамъ—съ достовѣрностью можно сказать, что около XI вѣка на островѣ было нѣчто вроде братства, при чемъ основателями его называли пришлыхъ грековъ, несомненно нарѣградскихъ выходцевъ. Братство то распалось, то соединялось вновь, чему главнѣйшей причиною была порубежность Валаама—между Русью и Шведомъ. Расположенный не подалеку отъ Кексгольма (Корела), представляющій удобныя пристани для лодокъ, онъ, естественнымъ образомъ, служилъ приманкой для шведовъ, особенно если взять въ расчетъ, что беззащитныхъ монаховъ перебить ничего не стоило. Съ другой стороны прелестное мѣстоположеніе, традиціи, мощи угодниковъ невольно влекли монаховъ на прежнее мѣсто. И вотъ Валаамъ называется то обителью св. Троицы, то монастыремъ Спаса-Преображенія, то упоминается, что онъ деревянный, то каменный, и наконецъ въ XVI вѣкѣ именуется честною и великою лаврою, съ монастырскими погостами, за нимъ числятся 537 дворовъ и 159 сажень земли, а представители власти начинаютъ жаловать его льготными грамотами, освобождая крестьянъ отъ повинностей и пошлины, коли на монастырскихъ земляхъ „душегубства“ не будетъ. Въ концѣ же XVI-го вѣка посыпались на старцевъ и несчастія: въ 1578 году напали на нихъ поляки и истребили тридцать четыре человека. Черезъ три года на островъ была занесена эпидемія, отъ которой умерло около 90 иноковъ и послушниковъ, а вскорѣ шведы сожгли и церкви, и кельи, и трапезу, и обитель.

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, въ концѣ своего царствования размыслить, какъ извѣстно, по монастырямъ всевозможныя синодики, заканчивая ихъ знаменательными словами: „помяни Господи и прочіихъ въ опричину избѣженныхъ всякаго возраста мужска полу и женска, ихже имена Самъ вѣси, Владыко“. Есть такой синодикъ и на Валаамѣ съ надписью: „Лѣта 7091-го, царь и государь, великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси прислалъ въ свое царское богомолье на Валаамъ сія имена убіенныхъ и велѣлъ поминать во вѣки и кормы по нимъ ставити тогда-то, и тогда-то... и слѣдуетъ затѣмъ длинный списокъ „убіенныхъ“.

Передъ самою смертію царя Ѳеодора Іоанновича, шуринъ-правитель донесъ ему, что „игумену Давиду съ братіей на Валаамѣ учинилось разореніе отъ свейскихъ людей“. Благочестивый царь распорядился, чтобы обитель была возстановлена казною царской. Но прежде чѣмъ грамота была приведена въ исполненіе, Ѳеодоръ умеръ. Царь Борисъ, утвердившись на престолѣ, велѣлъ грамоту переписать на свое имя. До сихъ поръ есть на Валаамѣ колоколь съ надписью: „Лѣта 7111 слѣты бысть сіи колокола боголѣпному Преображенію Спасову въ Валаамскій монастырь при благолѣпномъ царѣ и господарѣ, великомъ князѣ Борисе Ѳеодоровиче Годуновѣ“...

Въ 1611 году пора лихолѣтя не пощадилъ и Валаама: отря-

ды шведовъ, взявъ Кексгольмъ, пробрались и въ обитель—все сожгли, порубили и островъ залутили на долго,—больше чѣмъ на сто лѣтъ, вплоть до того времени, пока Петръ Великій не приказалъ возобновить монастырь.

Съ этихъ поръ начинается процвѣтаніе монастыря и продолжается до нашихъ дней, прервавшись только разъ въ 1754 г. пожаромъ. Впрочемъ пожаръ, конечно, „способствовалъ много къ украшенію“ обители, и на пожертвованные императрицею Елизаветою 8,000 рублей ассигнаціи стали отстраиваться заново. Искусство тогдашнихъ архитекторовъ было довольно сомнительно, такъ какъ 7-го марта 1759 года только что поставленная колокольня унала отъ вѣтра. Въ концѣ XVIII столѣтія Валаамъ обстроился совершенно, явились частныя благотворители и субсидіи отъ казны. Наконецъ Императоръ Александръ, въ 1821 году возвелъ Валаамъ въ званіе перворазданаго монастыря, увеличилъ штатъ монаховъ и посѣтилъ островъ лично. Теперь для Валаама прошла всякая пора невзгодъ,—онъ отличается полнѣйшимъ благосостояніемъ, привлекаетъ массы богомольцевъ, и можетъ смѣло гордиться тѣмъ, что изъ среды его вышли тѣ подвижники-миссіонеры, которые нашли себѣ мученическую смерть въ нашихъ американскихъ владѣніяхъ, проповѣдая Евангеліе на островахъ Тихаго океана...

* * *

Трапеза—длинная комната въ два свѣта, съ иконостасомъ противъ входа, и съ иконами въ простѣнкахъ, съ сводчатымъ потолкомъ и люстрой—полна народу. Проголодавшіеся, уставшіе богомольцы съ жадностью наживаются на монастырскій незатѣплимый столъ. Предъ каждымъ по ломтю превосходнаго монастырскаго хлѣба, одна чашка на троихъ, деревянные ложки,—салфетокъ и тарелокъ не полагается. Очередный инокъ читаетъ молитвы, слышно только чавканье да вздохи—разговоры не полагается тоже. Щи смѣняются киселемъ, въ которомъ плаваютъ какая-то рыба, кисель—простоквашей, разумеется безъ сахара... Боже, съ какимъ ашеитомъ все это поѣдается!..

—Ну-съ, теперь время посмотреть могилу мненческаго Магнуса,—предлагаетъ намъ одинъ изъ слугниковъ, и всѣ мы отправляемся на кладбище, заглядывая по дорогѣ въ соборы.

Главный соборный храмъ Преображенія переполненъ народомъ. Рѣзной пятирусный иконостасъ отдѣляетъ четырехугольное помѣщеніе отъ полукруглаго алтара. Потолокъ и паркы расписаны подъ мраморъ,—по стѣнамъ старыя иконы, поражающія своимъ наивнымъ трактованьемъ сюжетовъ. Тутъ есть удивительный блудный сынъ, вернувшійся къ дому отчому, тутъ есть два человека: у одного изъ нихъ торчитъ изъ глаза сучекъ, а у другого здоровнѣйшее бревно,—тутъ можно найти до того примитивную перспективу, что на нихъ картинахъ окажется нѣсколько горизонтовъ и безчисленное количество точекъ зрѣнія. Надъ входной дверью виситъ впрочемъ „Поклоненіе волхвовъ“ очень солиднаго письма, хорошаго иностраннаго мастера, писанное на полотнѣ въ 1703 году—это подарокъ обители князя Голицына. Есть старинныя хоругви весьма оригинальной формы...

П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Финляндскій пейзажъ.

(Рисунокъ Н. Каразина).

Нашъ достопочтенный сотрудникъ давно уже извѣстенъ своимъ разнообразнымъ талантами. Онъ такъ же владѣетъ перомъ писателя какъ и карандашомъ художника, и его творческая фантазія до сихъ поръ такъ же неутомима, какъ это бывало и прежде, тому назадъ лѣтъ шесть, семь. Число литературныхъ произведеній, написанныхъ имъ, а тѣмъ болѣе число его рисунковъ, помѣщенныхъ въ теченіи вышеупомянутыхъ шестисемью лѣтъ въ различныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ и въ особенности на страницахъ нашего журнала—достойны того, чтобы привести ихъ когда нибудь въ извѣстность.

Это несомненно заслуживаетъ вниманія, какъ указаніе на богатство фантазіи достопочтеннаго художника и писателя, такъ и на его замѣчательное трудолюбіе. И это, полагаемъ, будетъ въ свое время сдѣлано, а пока пожелаемъ, чтобы талантъ и трудолюбіе почтеннаго художника продолжали по прежнему проявляться въ теченіи многихъ будущихъ лѣтъ.

Помѣщаемый въ этомъ номерѣ рисунокъ, изображая финляндскій пейзажъ, отличается тѣми же достоинствами, какими отличаются всѣ пейзажныя работы этого художника-писателя. Справедливость требуетъ замѣнить, что пейзажныя его работы значительно превосходятъ жанровыя, и перелистывая страницы „Нивы“ прежнихъ лѣтъ, читатели наши согласятся съ этимъ мнѣніемъ, разсматривая пейзажи почтеннаго художника.

с

Парижская всемірная выставка.

Продолжая ознакомленіе нашихъ читателей съ Парижской всемірной выставкой, мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ два ри-

сунка, относящіеся къ художественнымъ отдѣламъ, русскому и итальянскому. Къ русскому относится рисунокъ съ картины Максимова „Семейный раздѣлъ“, къ итальянскому—рисунокъ со статуи г. Эмануэля „Игрокъ на флейтѣ“.

Прежде всего скажемъ о картинѣ Максимова и дадимъ нѣсколько свѣдѣній о русскомъ художественномъ отдѣлѣ въ дополненіе къ сказанному уже (см. № 27 „Нивы“, стр. 479). Содержаніе картины г. Максимова „Семейный раздѣлъ“ ясно для каждого, такъ что объяснять ее было бы совсѣмъ излишне. Братья дѣлятся и, какъ обыкновенно водится, каждый отстаиваетъ свой интересъ. Экспрессія лицъ, постановка фигуръ ясно свидѣтельствуютъ который изъ братьевъ, дѣлящихъ имущество, признаетъ за собою болѣе правъ на большую долю наслѣдства. За обиженнаго вступаетъ жена его, но, разумеется, ей протестъ, бабій, ничего не будетъ значить: большая доля все таки достанется старшему.

Г. Максимовъ—молодой художникъ и сталъ виднымъ со времени написанія своей картины „Приходъ колдуна на свадьбу“. Это первая большая его картина и въ то же время лучшая. Картина „Семейный раздѣлъ“, отличающаяся несомненными достоинствами, нѣсколько уступаетъ первой и въ широтѣ замысла, богатствѣ идеи и въ самомъ исполненіи, хотя и въ той первой, есть своего рода недостатки, напримѣръ, излишнее выпячиванье, отчего замѣтна какая-то замученность въ работѣ, нѣтъ той смѣлости, гдѣ однимъ штрихомъ, однимъ мазкомъ является опредѣленность контура и сочность красокъ. Но, повторяемъ, г. Максимовъ еще такъ молодъ, что въ такихъ, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ успѣхи; что же касается идеи, то упомянутыя нами картины уже достаточно доказываютъ, что художникъ обладаетъ богатствомъ мысли и замѣчательной наблюдательностью. Какъ эта, помѣщаемая въ рисунокѣ настоящаго № „Нивы“ картина „Семейный раздѣлъ“, такъ и упомянутая кар-

тина „Приходъ колдуна на свадьбу“, находятся на Парижской выставкѣ и обращаютъ на себя вниманіе цѣнителей художественныхъ произведеній. Пользуемся случаемъ, чтобы сказать еще нѣсколько словъ о нашемъ залѣ въ международной галлерей изящныхъ искусствъ. Сравненіе съ другими залами этой галлерей и общій итогъ въ отзывахъ цѣнителей художественныхъ произведеній, положительно доказываютъ, что нашъ художественный отдѣлъ одинъ изъ лучшихъ. Г. Семирадскій кромѣ своей картины „Свѣточъ христіанства“, выставилъ еще двѣ: одна изъ нихъ носитъ названіе „Старый нищій“ и изображаетъ этого нищаго въ тотъ моментъ, когда онъ исхудалый и въ лохмотьяхъ протягиваетъ руку за милостыней богатой красавицѣ, собирающей себѣ въ роскошную лодку. Вторая картина называется: „Вино или женщину“. Она изображаетъ слѣдующее: старій сластолюбецъ съ чашею въ рукахъ стоитъ передъ прелестной, обнаженной дѣвушкой, стылливо опустившей глазки, и остается въ нерѣшительности, кушнть ее или нѣтъ. Дѣвушку эту держитъ за руку купецъ, ее продающій. Къ тому, что уже сказано нами о талантѣ Семирадскаго, здѣсь мы не имѣемъ ничего прибавить и повторимъ только то, что сказали, а именно: Семирадскій удивительный художникъ по колориту и по мастерству изображенія предметовъ, но въ лицахъ, имъ изображаемыхъ, нѣтъ выраженія ихъ душевнаго состоянія—лица его неодушевлены мыслію.

Вниманіе посѣтителей выставки останавливаетъ на себѣ картина Кунянджи „Ночь въ Малороссіи“. Эта картина и у насъ имѣла много шуму. Картину эту, вѣроятно, видѣли многіе изъ нашихъ подписчиковъ, такъ какъ она была въ числѣ картинъ, составляющихъ передвижную выставку и перемывавшихъ во всѣхъ нашихъ болѣе крупныхъ губернскихъ городахъ, Среди маринистовъ нашихъ и всѣхъ иностранныхъ положительно выдается г. Айвазовскій. И въ другихъ залахъ ему нѣтъ соперниковъ. У него и спокойное море, и едва взволнованное бурей и бѣшено бушующее—всегда прекрасно, и по красотѣ своей—изумительно.

Идутъ разнорѣчивые отзывы о двухъ нашихъ знаменитыхъ портретистахъ, Крамскомъ и Харламовѣ и до сихъ поръ не рѣшено, кому изъ нихъ отдать преимущество, да это, конечно, никогда и не рѣшится: каждый останется съ своимъ взглядомъ. Одни будутъ восхищаться смѣлостью кисти Харламова, пользующагося въ Парижѣ громкою славой, другіе же—находить, что работы Крамскаго выше работъ Харламова. По мнѣнію однихъ Харламовъ бросаетъ красками, не разбирая, и на рѣзкое, морщинистое лицо старика и на мягкія черты гладкаго личика молодой дѣвушки, другіе находятъ, что именно это бросаніе красокъ и хорошо въ портретахъ.

Работы скульптурныхъ въ нашемъ залѣ изящныхъ искусствъ немного. Члчвоымъ выставлены: „Крестьянинъ въ горѣ“ и „Молодая крестьянка мать, утѣшая своего ребенка“. Объ Антокольскомъ мы говорили. Теперь прибавимъ только о его статуѣ „Христосъ предъ народомъ“. Христосъ сдѣланъ стоящимъ съ устремленнымъ впередъ взглядомъ. Голова Христа покрыта шалочкой, а длинныя волнистыя волосы прядями падаютъ на плечи. Длинная туника спадаетъ складками до ногъ, обутыхъ въ сандалии. Руки обнажены по локоть и туго связаны ремнемъ, отчего жила вздулась, а ремень вдавленъ въ тѣло. Вся фигура полна выраженія твердости и силы воли, въ глазахъ же, глубоко впаившихъ, выражается созерцаніе и спокойствіе. Статуя обработана превосходно и возбуждаетъ всеобщее удивленіе и восторгъ. Эта статуя сдѣлана изъ мрамора. Вторая статуя Христа—бронзовая, работы того же г. Антокольскаго, носитъ названіе „Послѣдній вздохъ“; она изображаетъ Христа въ минуту смерти: глаза его закатились подъ опягавшими вѣками, волосы прилипли ко лбу и губы закрылись. Въ общемъ впечатлѣніе чрезвычайно трогательное.

За симъ скажемъ еще о мавзольѣ г. Бродскаго, останавливающей на себѣ вниманіе посѣтителей зала. Этотъ мавзоль сдѣланъ для какой-то итальянской могилы и изображаетъ слѣдующее: Изваянная покойная лежитъ въ гробу, склонившись нѣсколько на бокъ на подушкѣ, возлѣ гроба стоитъ ея двухлѣтная дѣвочка, въ одной рубашкѣ и своей крохотной рученкой приподнимаетъ покрывало. Движеніе показываетъ, что дѣвочка хочетъ разбудить мать, а испуганные глазки дѣвочки доказываютъ, что это ей не удастся... Этотъ мавзоль надолго остается въ памяти у каждаго, имѣвшаго случай любоваться имъ.

Теперь мы перейдемъ во французскій залъ галлерей изящныхъ искусствъ и упомянемъ о нѣкоторыхъ художникахъ, имена которыхъ болѣе или менѣе извѣстны у насъ; это мы дѣлаемъ тѣмъ болѣе кстати, что въ прошломъ № „Нивы“ приложено рисунки, представляющій видъ зала французскаго отдѣла.

На Парижской выставкѣ можно видѣть не менѣе 16 работъ славнаго художника Мейсонье, превозносимаго цѣлою толпой почитателей. Мейсонье членъ французской Академіи Художествъ и заваленъ наградами. Работы его самыя мельчайшія продаются по неслыханнымъ цѣнамъ. Онъ скорѣе живописецъ-миниатюристъ—такъ отчетливо и съ такой любовью пишетъ онъ крохотныхъ человѣчковъ и такъ терпѣливо выписываетъ и пуговицы на ихъ платьяхъ и перья на ихъ шляпахъ. Самой лучшей, или вѣрнѣе болѣе другихъ останавливающей зрителей

является на выставкѣ его картина „Игроки въ мячъ“, „Les joueurs de bales“. На первомъ планѣ представлена группа крестьянъ, играющихъ въ мячъ, нѣкоторые изъ нихъ стоятъ спиной къ зрителю, другіе въ профиль, а одинъ изъ играющихъ, собирающийся бросить мячъ, огоршелъ въ сторону—онъ на заднемъ планѣ картины, и между тѣмъ крохотный человѣчекъ такъ выписанъ, что видна его шляпа, подробности его костюма. Среди зрителей передъ картинами Мейсонье то и дѣло слышатся возгласы удивленія отдѣль его работъ. Бонна—самый сильный въ настоящее время изъ живописцевъ Франціи, и его картины на выставкѣ не менѣе 17. Отмѣтимъ его „Barbier nègre a Suez“—негръ, брѣющій другаго негра, сидящаго на землѣ. Портреты Бонна очень дѣйствительны, но онъ пишетъ больше буржуа, а не герцогинь, какъ Кабанель, возбуждающій мечту въ каждой разбогатѣвшей буржуазкѣ имѣть портретъ его работы.

Кабанель обладаетъ искусствомъ придавать изображаемому имъ лицамъ что-то поэтическое, неземное—его фигуры скорѣе прелестныя тѣни, чѣмъ представленіе существъ реальныхъ. Упомянемъ о портретѣ нѣкой герцогини и ея дѣтей: мать, одѣтая въ черное бархатное платье, сидитъ на богатомъ креслѣ, у ногъ же ея играютъ двое дѣтей; вокругъ роскошь, драпировки, различныя декорации.

На счетъ Жюля Бретона толпа говоритъ—это выставка идеальныхъ крестьянокъ; красавицы чуть не богини, одѣты въ простыя платья простыхъ деревенскихъ женщинъ. Картина Жерома „Арабъ на трупѣ своей лошади въ пескахъ пустыни“ производитъ грустное чувство. „Ses femmes au bain“ представляетъ нѣсколько женщинъ безъ рубашекъ и доставляетъ пріятное развлеченіе для любителей картинъ такого содержания, сдѣланныхъ въ миниатюрѣ. Жеромъ также отличается отдѣлкой всѣхъ подробностей, въ то же время игралъ на лакѣ. Всѣ произведенія Жерома вообще составляютъ собою рассказы и иногда бываютъ очень пикантны. Такъ, напримѣръ, и его „L'Éminence grise“,—кардиналъ, спускающійся съ лѣстницы и дѣлающій видъ, что не замѣчаетъ привѣтствій, расточаемыхъ ему придворными. Есть еще у Жерома одна выдумка, новинка въ живописи: онъ написалъ льва и вставилъ ему блестящіе глаза, точно фонари горятъ. И этотъ свѣтъ глазъ заставляетъ восхищаться публику.

Знаменитаго Курбе на выставкѣ всего одна картина „La Vague“. Представлена волна, ударяющаяся о берегъ, гдѣ прикрѣплены двѣ лодки. Темныя облака покрываютъ небо, а зеленатаго цвѣта вода покрыта пѣною.

Французская Академія Художествъ имѣетъ совсѣмъ не важное вліяніе на художниковъ: большинство ихъ остается независимымъ отъ Академіи и составляетъ въ то же время славу французской школы живописи. Но за послѣднее время большая часть мастеровъ сошла въ могилы. Умерли: Эженъ Делакруа, Энгръ, Курбе. Затѣмъ въ школѣ пейзажной живописи похищены смертій Руссо, Добиньи, Коро. Теперь остались только ученики великихъ художниковъ. Во время осады Парижа 1871 г. убитъ непріателемъ и Анри Реньо, въ которомъ должно было взойти свѣтло для французской школы; умеръ и Шентрейль, ученикъ Коро, значительный талантъ.

Лѣтъ десять тому назадъ во Франціи возникла новая школа живописи *импрессионистовъ*, употребляющихъ смѣдые и новыя приемы, которые однакожъ не всѣмъ нравятся, и на выставку картины этой школы не допущены. Это что-то такое пестрое, рѣзкое, какъ любая декорация, вставленная въ раму. Тутъ видишь яркую красную крышу, бѣлую стѣну, яркую зелень дерева, желтую дорогу, синюю рѣку. Надѣются, что этой школѣ принадлежить будущее. Едва-ли.

Съ итальянскимъ художественнымъ отдѣломъ наши читатели уже отчасти знакомы по нѣсколькимъ рисункамъ, помѣщеннымъ въ предыдущихъ номерахъ „Нивы“.

Помѣщаемый въ этомъ номерѣ рисунокъ со статуи изъ Итальянскаго отдѣла, изображающій игрока на флейтѣ, по нашему мнѣнію есть произведеніе хотя и не первоклассное, но все таки весьма заслуживающее вниманія со стороны художественной, и любители изящнаго, конечно, съумѣютъ оцѣнить эти художественныя достоинства.

Но къ Парижской Всемирной выставкѣ мы еще будемъ имѣть случай не разъ возвратиться, и потому дальнѣйшее ея описаніе оставляемъ до слѣдующихъ номеровъ „Нивы“—на страницахъ которыхъ надѣмся помѣстить въ теченіи настоящаго года болѣе или менѣе значительное число рисунковъ, заслуживающихъ общественаго вниманія въ томъ или другомъ отношеніи.

За починкой ружья. (Сцена изъ средневѣковой жизни).

Незначительная по своему содержанию сценка изъ средневѣковой жизни, возможная и въ наши дни и въ средѣ какой угодно національности, заслуживаетъ тѣмъ не менѣе вниманія по замѣчательнымъ достоинствамъ ея выполненія въ картинѣ.

Смотря на эту картину, несомненно думается, какимъ богатствомъ обладаютъ истинные художники и какъ недолго имъ нужно искать *содержаніе* для своихъ картинъ. Содержаніе это

вездѣ и всюду, умѣй только его взять. Такъ поэтъ А. Толстой говоритъ:

„Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и не слышимыхъ звуковъ,
Много чудесныхъ въ немъ есть сочетаній и слова и свѣта;
Но передастъ ихъ лишь тотъ, кто умѣетъ и слышать и видѣть“...

Да, нужно умѣть „и слышать и видѣть“, но не такъ, какъ слушаютъ и видятъ люди, имѣющіе зрѣніе и слухъ, а такъ какъ видятъ только одни избранные, которые, по словамъ того же поэта

„Уловивъ лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово—
Цѣлое съ нихъ извлекаютъ созданье въ нашъ міръ изумленный“.

Таковы истинные художники: уловилъ гдѣ нибудь на лету быстро мелькнувшее выраженіе лица—и цѣлая сцена готова, полная жизни и смысла, ожилъ бытъ, давно уже ушедшій въ невозвратную вѣчность, и любясь на произведеніе художника, мы снова видимъ прошлую жизнь, чудеснымъ образомъ воспроизведенную художественной кистью.

Но для этого необходимо то, что называется талантомъ, и таланту нечего затрудняться въ выборѣ содержанія картины: онъ его вездѣ найдетъ и подъ его чудодѣйственной кистью избранныя имъ лица получатъ жизнь. Посмотрите на эту сцену, по поводу которой намъ пришлось сказать вышеприведенныя слова: какъ незначительно въ ней содержанія и какъ въ тоже время много жизни въ обоихъ лицахъ.

Почтенный человѣкъ, уже съ значительной сѣдиной и „скудовласіемъ“ съ такою упорною настойчивостью различиваетъ свое ружье, быть можетъ готовясь на завтра всгупить въ бой.

Ружье что-то туго поддается власти своего хозяина, винтъ заупрямился и неравничивается—и лишняя морщина появляется на хмуромъ лицѣ почтеннаго обладателя сѣдинъ. Но эта хмуренность его лица видимо вызвана не однимъ только упорствомъ винта—тутъ нѣчто другое, тутъ есть что-то, имѣющее связь съ тѣми обстоятельствами, въ силу которыхъ и самое ружье появилось въ этой богатой комнатѣ на колѣняхъ этого почтеннаго человѣка.

Самая фигура его, выраженія лица и каждая, такъ сказать, морщина на этомъ лицѣ—все обрисовываетъ его характеръ, понятный для зрителя при первомъ же взглядѣ на картину и наводящій на догадки о томъ дѣлѣ, къ которому это лицо готовится.

Но и къ какому бы дѣлу оно не готовилось, мальчику, вблизи его стоящему—это все равно. Ему главное—посмотрѣть, что тамъ въ самомъ ружьѣ, въ томъ сокровенномъ мѣстечкѣ, которое теперь вотъ-вотъ скоро будетъ открыто. Онъ весь сосредоточился на этомъ мѣстечкѣ и полонъ любопытства.

Оба изображенныхъ лица дышатъ жизнью, и смотря на нихъ, читаешь ихъ душевныя свойства и понимаешь ту мысль, которая оживотворяетъ ихъ въ данную минуту. Въ этомъ и достоинство художественнаго произведенія и это главное въ жанровой картинѣ.

Изображенная сцена названа художникомъ относящеюся къ средневѣковой жизни; но это не составляетъ разницы въ ея содержаніи: подобный сюжетъ можетъ быть отнесенъ и къ жизни нашихъ дней, разница только въ костюмахъ, люди же—вездѣ люди. Недаромъ поэтъ говоритъ, что изучая любовь и страданье людей, которые жили во времена отдаленныя отъ насъ цѣлыми тысячелѣтіями,—

„Сквозь призму вѣковъ мы узнаемъ
Любовь и страданья свои“.

Такъ равно и то, что было въ средніе вѣка—имѣетъ мѣсто и въ наше время, только при другой обстановкѣ и при другихъ подробностяхъ,—ибо давно уже извѣстно, что

„Ничто не ново подъ луною,
Что было, есть—то будетъ въ вѣкъ:
И прежде плакалъ человѣкъ,
И прежде кровь лилась рѣкою“.

Въ дополненіе къ этому четверостишію прибавимъ, что и прежде онъ такъ же былъ любопытенъ, какимъ представленъ мальчикъ на этомъ рисункѣ и такъ же хмурился, какъ хмурился этотъ „скудовласый“ господинъ, развивчивающій свое ружье.

Мадагаскарскій Ай-ай или Руконожка. (*Chiromys Madagascarensis*)

Животное, представленное на нашемъ рисункѣ, водится исключительно на Мадагаскарѣ и даже тамъ встрѣчается столь рѣдко, что его совершенно основательно можно считать близкимъ къ окончательному исчезновенію. Такая рѣдкость этого животнаго была причиной, что европейскіе ученые долго не могли имѣть о немъ никакихъ точныхъ свѣдѣній, пока въ концѣ прошлаго столѣтія, извѣстный путешественникъ и

естествоиспытатель Зоннератъ не посѣтилъ Мадагаскара и не добылъ два экземпляра этого таинственнаго звѣрька. Онъ познанилъ съ нимъ ученый міръ издавъ въ 1783 году довольно подробное и обстоятельное его описаніе и въ тоже время снабдилъ однимъ экземпляромъ Ай-айа парижскій зоологическій садъ, такъ что интересное животное сдѣлалось общедоступнымъ для научныхъ изслѣдованій и выводовъ. Но тѣмъ не менѣе до крайности страшное и своеобразное его физическое строеніе до сихъ поръ ставитъ въ тупикъ каждаго наблюдателя и затрудняетъ отнести его къ какому нибудь извѣстному отдѣлу. Одни причисляютъ его къ ночнымъ обезьянамъ, другіе къ семейству грызуновъ, но никто не рѣшается произнести въ этомъ случаѣ заключительное, послѣднее слово. По мнѣнію Брема руконожка или Ай-ай безъ всякаго сомнѣнія стоитъ гораздо ближе къ полу-обезьянамъ чѣмъ къ грызунамъ. Съ послѣднимъ это животное имѣетъ нѣчто общее лишь по устройству челюсти; во всемъ же остальномъ оно совершенно на него не походитъ; такъ голова у него толстая съ большими, плоскими, черными, лоснящимися ушами; маленькіе, выпуклые, неподвижныя, блестящіе глаза, ротъ похожъ на клювъ попугая, замѣчательной величины туловище и длинный мохнатый хвостъ. (Туловище Ай-айа достигаетъ длины 18 дюймовъ и 6 линий, а хвостъ его 1½ фута). Какъ туловище, такъ и хвостъ покрыты хотя рѣдкими, но длинными и щетинистыми волосами буданаго цвѣта и только передняя часть головы отличается бѣлесоватостью шерсти.

Ай-ай имѣетъ на каждой ногѣ по пяти пальцевъ очень длинныхъ и изогнутыхъ, вслѣдствіе чего походка его бываетъ весьма медленна. Пальцы на передней рукѣ составляютъ самый характеристичный его признакъ. Эти пальцы также снабжены изогнутыми когтями, а средніе изъ нихъ оканчиваются тонкими голыми суставами, съ помощью которыхъ животное очень ловко вытаскиваетъ червей и насѣкомыхъ изъ-подъ коры и изъ расщелинъ дерева и захпываетъ ихъ себѣ въ глотку. Въ лондонскомъ зоологическомъ саду Ай-айа обыкновенно кормили свѣжимъ молокомъ съ разболтаннымъ въ немъ варенымъ и растертымъ яичнымъ желткомъ. Ай-ай также охотно ѣтъ рисъ и плоды, но постоянно отказывается отъ мясной пищи.

По привычкамъ и образу жизни онъ всецѣло принадлежитъ къ ночнымъ животнымъ; неподвижный, сонливый днемъ, онъ при наступленіи ночной темноты ободрается и дѣлается живымъ и проворнымъ. Даже самый слабый свѣтъ, какъ напримѣръ, свѣтъ свѣчки видимо для него непріятенъ и заставляетъ его убѣгать въ какое нибудь темное мѣсто. Днемъ онъ движется тихо механически, машинально, смотря на все съ полной апатіей своими красноватыми, неподвижными глазами; гдѣ нибудь въ темномъ уголкѣ, онъ свертывается въ клубокъ, закрываетъ морду хвостомъ, обертывая его кругомъ головы, и въ этомъ положеніи засыпаетъ и бываетъ очень трудно расшевелить его и вывести изъ этой постоянной, глубокой дневной спячки. Зоннератъ очень хвалитъ тихость и кротость его нрава, но Бремъ, наблюдавшій за нимъ, не находилъ въ немъ этой добродѣтели и говоритъ, что, напротивъ, это животное очень часто раздражается, отъ злости шипитъ и начинаетъ даже кусаться. Конечно на своей родинѣ, гдѣ съ нимъ и знакомился Зоннератъ, Ай-ай не имѣетъ особенныхъ причинъ злиться на человѣка, такъ какъ туземцы оказываютъ ему постоянно какое то суевѣрное почтеніе, и встрѣтивъ гдѣ либо, считаютъ за грѣхъ убить его или лишить свободы. Странное названіе Ай-ай для животнаго Зоннератъ, услышавъ, какъ обитатели Мадагаскара, принесли ему этого звѣрька, любовались имъ и въ удивленіе безпрестанно повторяли: ай-ай, и это восклицаніе такъ и осталось за нимъ въ Европѣ какъ его постоянное прозвище.

Пароходъ Россія (Holsatia)—первый крейсеръ Русскаго добровольнаго флота.

Читателямъ Нивы уже извѣстно, съ какою ревностною готовію отозвался русскій народъ на осуществленіе вопроса по устройству русскаго добровольнаго флота. Комитетъ, по этому вопросу, какъ извѣстно, образовался съ Высочайшаго соизволенія подъ предсѣдательствомъ Государя Императора и теперь на средства, обильно со всей Россіи доставляемыя, уже приобрѣтены для добровольнаго флота три океанскіе парохода: Holsatia, Hamptonia, Turingia. Въ 5 они, какъ мы уже имѣли случай сообщить въ предыдущемъ номерѣ Нивы, находятся теперь въ Кронштадтской гавани. Первымъ пришелъ съ моря въ Кронштадтъ пароходъ Holsatia. Пароходъ этотъ дѣлалъ рейсы между Гамбургомъ и Нью-Йоркомъ, перевоза пассажировъ, и своими размерами онъ сразу производитъ большое впечатлѣніе: онъ громадной величины, а именно, длина его 361,6 футовъ, наибольшая ширина 42,6 грузовыхъ тоннъ 2200. Машина на пароходѣ совершенно нова, смѣшанной системы, въ 600 парилельныхъ силъ. Котловъ паровыхъ шесть съ 24 топками. Машина развиваетъ до 2200 индикаторныхъ силъ, что даетъ пароходу 14 узловъ хода среднимъ числомъ. Пароходъ прибылъ въ Кронштадтъ 14-го іюня, совершивъ переходъ отъ Гамбурга, 1187 миль, въ 84 часа, слѣдовательно среднюю скоростію дѣлая четырнадцать узловъ. На пробѣ впрочемъ, развивалъ скоростію семнадцать

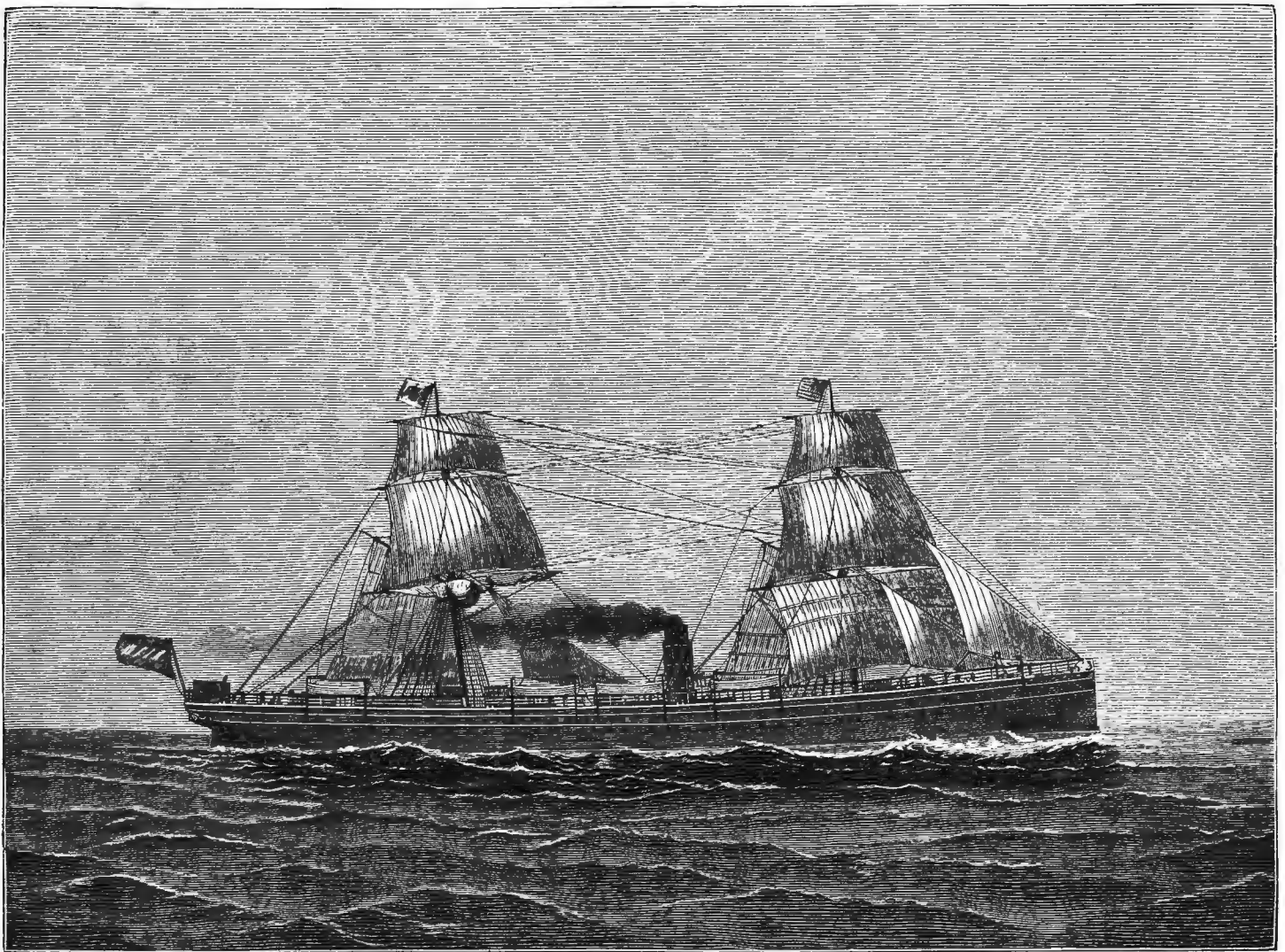
(Продолженіе на стр. 515, 548, 547 и 548).

узловъ. Угольные ямы парохода могутъ вмѣстѣ около 1400 тоннъ угля, которыхъ хватитъ на 28 дней полнаго хода, или на разстояніе 9,500 миль. При пароходѣ имѣется 8 шлюпокъ. Команда парохода состоитъ изъ 110 человекъ, изъ нихъ: 8 офицеровъ, 35 кочегаровъ и машинистовъ, 20 угольщиковъ, остальные матросы. На пароходѣ „Россія“ можно перевезти въ случаѣ надобности до 3000 челов. за одинъ разъ на несъема большое разстояніе или 1400 пассажировъ на дальнее плаваніе. Внутренность парохода отдѣлана великолѣпно, въ особенности залъ 1-го класса съ изумительными удобствами и роскошью. Хотя вся эта роскошь—картины, зеркала и бархаты совершенно излишни при той цѣли, для которой приобрѣтенъ пароходъ, но отъ нихъ нельзя было отказаться, въ виду той поспѣшности, съ какою нужно было произвести покупку, чтобы имѣть какъ возможно скорѣе готовыхъ крейсеровъ съ быстрымъ ходомъ. Какты 1-го и 2-го класса устроены на второй палубѣ, помѣщеніе для 3-го класса отведено на 3 палубѣ Четвертая палуба назначена для

Во вторникъ 20, въ Кронштадтъ прибылъ и второй пароходъ Hammonia, также купленный въ Гамбургѣ и принадлежавшій той же компаніи, что и Россія.

Пароходъ этотъ почти тѣхъ же размѣровъ, только машина его обыкновенной системы съ холодильникомъ поверхностнаго охлажденія. За этотъ пароходъ заплачено 40 т. фун. стерлинговъ. Thuringia также стоитъ уже въ Кронштадскомъ рейдѣ. Государь Императоръ отъ 19 іюня повелѣлъ приобретенные на добровольныя пожертвованія эти три морскіе парохода зачислить въ списокъ судовъ флота, наименовавъ ихъ: Россія, Москва и Петербургъ; Россія зачисляется въ 4, Москва въ 5, а Петербургъ въ 6 флотскіе экипажа и согласно постановленію адмиралтействъ совѣта, всѣ три въ 1 рангъ судовъ.

Въ заключеніе прибавимъ что дальнѣйшія дѣйствія комитета по сооруженію русскаго добровольнаго флота зависятъ отъ хода подписки. Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ газетъ появилось извѣстіе, что весь сборъ пожертвованій на добровольный флотъ до-

Пароходъ „Россія“ (Holsatia)—первый крейсеръ Русскаго добровольнаго флота. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

склада судовыхъ запасовъ и болѣе цѣнныхъ грузовъ. Ниже уже идутъ грузовые склады съ переборками между собой. Пароходъ строился въ Англии для Гамбургской компаніи пароходовъ.

Этотъ пароходъ (Holsatia) прибылъ какъ сказано выше въ Кронштадтъ 14 іюня, въ среду, а 20 іюня совершенно на немъ молебствіе и послѣ этого молебствія первый крейсеръ русскаго добровольнаго флота получилъ названіе „Россія“ и на немъ звялся, подъ звуки музыки, игравшей честь флагу, и національный гимнъ,—русскій военный флагъ.

При пѣніи хора „Спаси, Господи люди твоя“ флагъ, пароходъ и команда окроплены святой водою.

По окончаніи молебна надпись Holsatia была стерта. На торжествѣ присутствовали начальникъ морской и береговой обороны генералъ-адъютантъ Козакевичъ, товарищъ председателя комитета добровольнаго флота, сенаторъ Побѣдоносцевъ и другіе высокопоставленные лица. Командиромъ Россія назначенъ флигель-адъютантъ Барановъ, а старшимъ офицеромъ лейтенантъ Паренаго.

ходитъ только до одного мил. руб. между тѣмъ какъ факты доказываютъ, что въ одной пріемной Аничкова дворца къ 5 іюля состояло въ приходѣ 969,713 руб. деньгами и кромѣ того разныхъ цѣнностей на 15 т. Затѣмъ получено изъ Москвы до 1,150,000 руб. и въ Московскомъ обществѣ содѣйствія торговому мореходству собрано до 285 т. Слѣдовательно, всего 2,419,000 р., а за вычетомъ суммъ на покупку трехъ пароходовъ около 1,580,000 р. въ распоряженіи комитета состоитъ еще до 800 т. руб.

Пожертвованія продолжаются.

Въ настоящее время на всѣхъ трехъ пароходахъ идутъ работы. На каждый изъ крейсеровъ предполагается поставить по 7 тяжелыхъ орудій; одно 8 дюймовое, два 7 дюймовые и 4 шести дюймовые. Для защиты отъ миноносковъ и нападенія на мелкія суда полагается завестись нѣсколькими 9 фунтов. и скорострѣльными пушками. Всѣхъ всей это артиллеріи со станками равняется 60 тоннамъ. Мелкія орудія по своему назначенію будутъ поставлены на всѣхъ судахъ на верхней палубѣ,

тяжелая же артиллерія помѣстится неодинаково: на Россіи—на верхней палубѣ, на Москвѣ—на второй, въ которой каюты 1 класса и лицъ, служащихъ на пароходѣ.

Соответственно этимъ предположеніямъ дѣлаются и приспособленія пароходовъ. Артиллерійскихъ запасовъ полагаютъ опустить на каждое орудіе по 250 выстрѣловъ, что составитъ вѣсъ пороха около 33 тоннъ и вѣсъ снарядовъ около 107 тоннъ. Помѣщеніе для этихъ запасовъ устраняется на каждомъ паро-

ходѣ въ 2-хъ мѣстахъ: въ кормѣ и въ носу. Немалое затрудненіе въ дѣлаемыхъ на пароходахъ передѣлкахъ и необходимыхъ при этомъ вычисленіяхъ составляетъ отсутствіе строевыхъ чертежей этихъ судовъ, вслѣдствіе чего самое водоизмѣщеніе ихъ до сихъ поръ съ точностію неизвѣстно. Поэтому не будетъ ничего удивительнаго, если впоследствии окажется, что водоизмѣщеніе каждаго изъ этихъ пароходовъ не въ 4¹/₂, а въ 5¹/₂ тысячъ тоннъ.

Политическія и внутреннія извѣстія.

Послѣ закрытія конгресса въ политическомъ мірѣ наступило затишье. Турція ведетъ частные дополнительные переговоры съ Австро-Венгріей (по поводу занятія австрійскими войсками Боснии и Герцеговины). Германия и Франція обсуждали на прошлой недѣлѣ результаты конгресса исключительно путемъ печати. Въ Италіи за то же время обсуждался тотъ же предметъ путемъ собранія митинговъ или народныхъ собраній. Состоялись подобные митинги въ Римѣ, Генуѣ, Туринѣ, Пизѣ и Палермо. Разумѣется, изъ всѣхъ этихъ обсужденій результатовъ Берлинскаго конгресса выдается парламентское сообщеніе объ этомъ предметѣ лорда Биконсфильда. Премьеръ Англій изложилъ все дѣло съ своимъ обычнымъ остроуміемъ, съ истинно-еврейскимъ воскуриваніемъ олимпиа себя и своей политической системѣ. Итогъ рѣчь тотъ, что Британія, благодаря своему великому вождю, достигла высшей славы и наиболѣе прочныхъ въ политическомъ отношеніи выгодъ, чѣмъ это бывало когда либо въ предшествовавшія времена. Много лестн и куренія олимпиа расточилъ Биконсфильдъ Франціи; но по отношенію къ Россіи онъ всюду выдержалъ „суровый“ тонъ, что, конечно, гораздо лучше, дѣло идетъ прямо и болѣе „на чистоту“, выражаясь коммерческимъ языкомъ семитскихъ соплеменниковъ Дизраэли. Къ Греціи англійскій премьеръ относился съ весьма грубою и уже слишкомъ осязательною проницательностью, съ какою относятся къ слабому и беззащитному, высказывающему претензіи, далеко не соответствующія наличнымъ силамъ.

Биконсфильдъ выставилъ на видъ, что Берлинскій конгрессъ, возвративъ султану ²/₃ территоріи съ 30,000 англ. квадратныхъ миль пространства, что представляется „землю богатѣйшую и плодороднѣйшую на Балканахъ“. Софія съ своимъ округомъ, уступленная вновь созданной Берлинскимъ договоромъ Болгаріи въ стратегическомъ отношеніи *ничего не стоитъ*, а все стратегическое значеніе сосредоточивается на проходѣ *Ихтиманскомъ*, который одинъ можно укрѣпить для защиты всей Балканской линіи, слѣдовательно Болгарія приобретаетъ, по Берлинскому договору, Софію, въ существѣ дѣла „ровно ничего не приобретаетъ“, такъ какъ не могутъ же Болгары и ихъ союзники обойти Балканы черезъ Софію, если только Ихтиманъ укрѣпленъ. Также точно не имѣетъ никакого значенія и уступка Болгаріи приморской крѣпости Варны, ибо взамѣнъ этого Турція получила превосходный укрѣпленный портъ Бургасъ, лежащій къ югу отъ Балканъ. Далѣе Дизраэли выставилъ на видъ, что существовавшее недавно предположеніе, что на Берлинскомъ конгрессѣ произойдетъ „раздѣлъ Турціи“ — составило громадное заблужденіе. Не для раздѣла Турціи работать Берлинскій конгрессъ, а для того, чтобы *воспрепятствовать* этому раздѣлу и для обезпеченія и упроченія цѣлости Турціи...

По поводу нашихъ приобретеній въ Азіатской Турціи и особенно по поводу уступленныхъ Россіи Батума и Карса, Биконсфильдъ прошелся саркастическою насмѣшкой, достойною лучшаго употребленія и цѣли. По поводу занятія Россіею Карса и стремленія овладѣть Батумомъ, Англія, по мнѣнію англійскаго премьера, могла бы, по праву, объявить *войну Россіи*; но война вышла бы, при всей ея непродуктивности, *страшно дорогою* и кончилась бы она сдѣлкой, въ силу которой Англія получила бы *половину* того, за что сражалась, и вообще приобретенія Англіи были бы ничтожны, сравнительно съ теперешними *„мирными“*, какія она сумѣла, благодаря мудрости своихъ представителей, сдѣлать на конгрессѣ. Карсъ Россія брала уже три раза и снова уступала его Турціи. Стоило ли Англіи воевать изъ-за Карса!.. А Батумъ? Была молва, что это нѣчто въ родѣ нашего Портсмута, тогда какъ это скорѣе *коузь* (cowes—коровья стойка—ничтожнѣйшая изъ гаваней). При этомъ остроумномъ сопоставленіи Парламентъ разразился гомерически-веселымъ хохотомъ. Въ портъ этотъ и всего-то можно вмѣстить *два-три* судна. Портъ, конечно, можно увеличить внутри, но это могутъ сдѣлать только „первоклассные инженеры“ (т. е., конечно, англійскіе), да и на это нужно не менѣе полустолѣтія... Но пора же положить предѣлъ неурядицамъ на Востокѣ и часто повторяющимся войнамъ Россіи съ Турціей. Эта цѣль достигается, по мнѣнію англійскаго премьера, именно тѣмъ, что сдѣлано. Т. е. эксплуатацией, со стороны Европы, природы—богатствъ Турціи. Дѣло, стало быть, уладилось и Европа, эксплуатируя эти богатства, будетъ въ выигрышѣ, да и Турція не будетъ обижена...

Словомъ въ рѣчи Биконсфильда Россія вновь „разгромлена, осмѣяна, уничтожена“, Турція снова „возвеличена“. Мы не остановились бы на этой рѣчи, если бы она не представляла

собою *чуждой* (и на сей разъ уже вполне „откровенной“) программы современнаго англійскаго министерства. Съ трудомъ вѣрится, какой оборотъ приняли дѣла по истеченію какого-нибудь года. Начата была Россіею война за святое дѣло освобожденія родственныхъ ей и угнетенныхъ вѣковымъ варварствомъ народностей, кончена война со славою. Цѣль, казалось, была достигнута, но вдругъ совершается удивительная метаморфоза. Оказалось, что война, „великая“ даже по признанію Биконсфильда, повлекла за собою увеличеніе выгодъ Англіи. Открыла именно Англія путь къ эксплуатациіи естественныхъ богатствъ Турціи и упрочила положеніе самой Турціи, какъ великой державы,—этой Турціи, варварство которой возмутило даже Англію (въ лицѣ ея лучшихъ представителей). Ну, а народности, мученически и съ геройствомъ борившіяся въ послѣдніе годы?.. Вѣдь изъ-за нихъ-то, по убѣжденію всего русскаго народа, и велась война?.. — О! стойтъ-ли о нихъ говорить!.. Онѣ получили свое—и довольно!.. Биконсфильдъ назвалъ эти борившіяся на жизнь и смерть народности „мятежными княжествами“. Напротивъ, Греція много шумѣвшая, но не рѣшавшаяся выступить (потому что Англія погрозила ей пальцемъ) названа страной „интересною, привлекающею къ себѣ симпатіи всѣхъ державъ и имѣющею будущее“. Отсюда, конечно, по закону противоположности, слѣдуетъ заключеніе: „славянскія народности не интересны, не привлекаютъ къ себѣ симпатій Европы и не имѣютъ будущности“...

Надо, покамѣсть, по крайней мѣрѣ, утѣшиться мыслью, что не сама же „истина“ вѣщаетъ устами лорда Биконсфильда, хотя вѣщанія его и крайне смѣлы, и конечно, существуетъ же настоящее европейское общественное мнѣніе, не могущее согласиться съ софизмами Дизраэли. Есть и въ Англіи благородные, безпристрастные смѣлые голоса, каковы были *г. Гладстона* и *Форстера*, недалѣе какъ недѣлю тому назадъ произнесшіе громовыя и уничтожающія рѣчи противъ политики Биконсфильда, противъ конвенціи съ Турціей, противъ захвата Кипра и введенія страны въ ненужные и бесполезные расходы, *безъ согласія парламента*, противъ громадной отвѣтственности, которая можетъ повлечь за собою тягостныя для Англіи послѣдствія *). Все это говорилось смѣло, открыто, при одобреніи многочисленныхъ слушателей, все это отчасти печаталось въ разныхъ печатныхъ органахъ Британіи. Надо замѣтить, что въ глазахъ истаго англичанина (не исключая при этомъ ни Гладстона, ни Форстера), самая тяжкая и непростительная ошибка заключенной конвенціи и захвата Кипра заключается преимущественно въ тяжести будущей отвѣтственности за него, а не въ томъ, что этотъ фортель преступенъ и безобразенъ, съ общечеловѣческой и съ моральной точки зрѣнія. Въ награду за „великіе труды и заслуги, за приобретенія, несостоявшія Англіи ни одной капли крови“,—Ея величество Королева Викторія пожаловала Биконсфильду и Салисбюри „Орденъ Подвязки“—этотъ знаменитый орденъ, на которомъ, какъ извѣстно красуется девизъ *Nonny soit qui mal y pense*. (Да будетъ стыдно тому, кто худо объ этомъ думаетъ) **).

Изъ Франціи сообщаютъ, что на прошлой недѣлѣ, Маршалъ Макъ-Магонъ ратификовалъ Берлинскій договоръ подписаніемъ своего имени, и что обмѣнъ ратификацій долженъ вослѣдовать въ ближайшемъ времени.—Партія „Крайнихъ“ во Франціи (партія Гамбетты) довольна результатами Берлинскаго договора, такъ какъ крайніе республиканцы надѣются, что этотъ договоръ расторгнетъ „неприятный“ для нихъ союзъ „трехъ Императоровъ“, отождествитъ интересы Франціи и Англіи и сдѣлаетъ на долгу невозможною Франко-русскую политику. Въ дополненіе свѣдѣній изъ Франціи, нужно прибавить что недавно тамъ праздновалась столѣтняя годовщина послѣ смерти знаменитаго писателя *Ж. Ж. Руссо*.

На прошлой недѣлѣ 16-ть нашихъ батальоновъ съ многочисленною артиллеріей заняли крѣпость Шумлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ

*) Форстеръ прямо назвалъ конвенцію съ Турціей и захватъ Кипра поступкомъ безумнымъ, бессмысленнымъ, за который Англія придетъ жестоко наказаться.

**) Орденъ этотъ изъ самыхъ древнихъ въ Англіи и установленъ королевемъ Эдуардомъ III въ 1344 году *на одномъ балѣ*, въ присутствіи короля, графини Салисбюри во время танцевъ, уронила свою *подвязку* и попросила отвъ стыда. Король поднявъ подвязку и произнесъ знаменитыя слова: *„Nonny soit qui mal y pense“*. Самый орденъ состоитъ изъ подвязки бѣлаго бархата, которую носятъ на лѣвой ногѣ. На подвязкѣ вышиты упомянутый девизъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ къ этому же ордену принадлежатъ дополнительные знаки ордена Св. Георгія съ изображеніемъ, который носятъ на шеѣ, на бархатной темно-голубой лентѣ.

въ вѣрность взошли и многіе русскіе гражданскіе чиновники, которые и приняли гражданское управленіе крѣпостью отъ турецкихъ чиновниковъ, удалившихся въ Варну. Далѣе, на прошлой же недѣлѣ шли переговоры объ очищеніи нашими войсками позицій предъ Константинополемъ. Но позиціи эти предполагается очистить только послѣ соотвѣтствующаго очищенія турками крѣпости Варны.

— Изъ Рима сообщаютъ, что Гарибальдійцы готовятся къ экспедиціи въ Албанію, съ цѣлью помогать инсургентамъ Эпира и Фессалии.

Въ иностранныхъ газетахъ, между прочимъ, говорится о нѣкоторыхъ движеніяхъ русскихъ войскъ въ Туркестанскомъ военномъ округѣ. Изъ этого факта дѣлаютъ такіе выводы, что будто бы эти военныя движенія въ туркестанскомъ военномъ округѣ находятся въ связи съ нѣкоторыми намѣреніями русскаго правительства въ Средней Азій. Многіе увѣряютъ съ таинственнымъ видомъ, что центр тяжести русской политики непрѣменно долженъ быть перенесенъ теперь въ Азію, и признаютъ настоятельною задачею этой политики—не дать англичанамъ времени образовать ту фалангу азіатскихъ союзниковъ, составленіемъ которой нѣсколько мѣсяцевъ уже заняты многочисленные англійскіе эмиссары въ Афганистанѣ и другихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ. Въ упомянутыхъ военныхъ мѣрахъ многіе усматриваютъ только весьма скромное начало, за которымъ скоро послѣдуетъ продолженіе въ обширныхъ размѣрахъ.

Морскимъ вѣдомствомъ нашимъ въ настоящее время приобретены въ Америкѣ три парохода, крейсера: California, Columbus и Saratoga. Состоялось Высочайшее повелѣніе наименовать ихъ: „Европа, Африка и Азія“ и зачислить въ списокъ судовъ флота—въ три въ первый рангъ судовъ. Въ настоящее время, всѣ эти три парохода находятся еще въ Америкѣ и приспособляются при посредствѣ нѣкоторыхъ передѣлокъ къ своему новому назначенію. Къ первому августу они, какъ пишутъ изъ Бостона, должны уже выйти въ море и отправиться къ мѣстамъ ихъ назначенія. Европа совсѣмъ новое судно. Азія и Африка считаются лучшими ходоками, и есть основанія надѣяться что при вооруженіи ихъ пушками и боевыми приспособленіями, ихъ ходъ не уменьшится. Мѣстныя Американскія газеты высказываютъ увѣренность, что горячо преданные дѣлу русскіе моряки добьются того, чего отъ нихъ вправѣ ожидать народъ. По повелѣнію Государя Императора яхта Государя Наслѣдника также зачислена въ списокъ судовъ флота и въ гвардейскій экипажъ, подъ именемъ „Марево“.

Министръ финансовъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Рейтернъ, согласно прошенію уволенъ по болѣзни въ отставку, на мѣсто его назначенъ государственный контролеръ генералъ-адъютантъ Грейгъ, а на мѣсто же государственнаго контролера—дѣйствительный тайный совѣтникъ Сольскій.

Въ мастерскихъ Кіевской станціи Кіево-Брестской желѣзной дороги введено электрическое освѣщеніе. Опытъ показалъ, что освѣщеніе это даетъ вполне удовлетворительные результаты: при дешевизнѣ противъ газоваго или маслянаго, превосходить оно другіе способы освѣщенія и большой безопасностью.

С М Ъ С Ъ .

Во Франціи произведены физикомъ Бурбуза опыты передачи электричества безъ проволоки. Опыты эти показали, что посредствомъ довольно сильныхъ батарей, находящихся на значительномъ разстояніи отъ мультипликатора, есть полная возможность производить замѣтное отклоненіе магнитной стрѣлки этого прибора. Во время опытовъ Бурбуза, на Аустерлицкомъ мосту былъ установленъ гальванометръ; одна изъ проволокъ этого прибора была опущена въ землю, другая же соединялась съ мѣдною пластинкой, опущенной въ воду вдоль теченія рѣки Сены. Гальваническая батарея въ 600 элементовъ была расположена на Наполеоновскомъ мосту. Одинъ изъ ея полюсовъ былъ въ сообщеніи съ землею, другой съ водою рѣки Сены. Оказалось, что когда происходило замыканіе батарей, стрѣлка гальванометра, находившагося на Аустерлицкомъ мосту, уклонялась на 25—30°. Отклоненіе это происходило въ различныя стороны, смотря по направленію тока батарей. Подобные же результаты получены были на опытахъ съ тою же батареею и съ тѣмъ же мультипликаторомъ, но только на пространствѣ между мостами Saint Michel и Saint Denis. Эти опыты приводятъ къ заключенію, что электричество батарей протекало пространству между помянутыми мостами и шло какъ по направленію рѣки Сены, такъ и по землѣ. Опытъ этотъ особенно можетъ быть важенъ въ военномъ отношеніи, такъ какъ даетъ возможность передачи телеграфныхъ сообщеній безъ устройства телеграфныхъ лній. Пишутъ, что г. Бурбуза уже устроилъ вдоль теченія рѣки Сены, на небольшомъ разстояніи, между своимъ жилищемъ и лабораторіей, гдѣ онъ работаетъ, сообщеніе посредствомъ гальваническаго тока безъ проволоки, вводя въ цѣпь воду рѣки Сены и землю.

Въ Жарнувцѣ, Сѣдлецкой губерніи, нѣкто Луневскій раско-

палъ 10 доисторическихъ могилъ и нашелъ въ нихъ обломки глиняныхъ издѣлій, серьги и ножи, изъ которыхъ одинъ прекрасно сохранился. Одинъ изъ найденныхъ скелетовъ имѣлъ длины до 3¼ локтей. Черепъ и кости могутъ имѣть полное значеніе при изученіи доисторической эпохи. Г. Луневскій продолжаетъ свои раскопки.

Есть слухи, что строящійся литейный мостъ точно также предполагается освѣщать въ послѣдствіи электрическимъ свѣтомъ; но ждать этого, какъ говорятъ придется еще не мало времени такъ, какъ работы по окончанію постройки моста будто бы продолжатся еще года два.

Засимъ считаемъ не безынтереснымъ сообщить о слѣдующихъ открытіяхъ.

У Бахмута, Екатеринбургской губерніи и Славянска, Харьковской губерніи, недавно открыто содержаніе каменной соли. Министръ Финансовъ ассигновалъ на эти изслѣдованія сумму въ 28.000 руб. Буреніе, произведенное въ двухъ пунктахъ—около Славянска и въ 10-ти верстахъ отъ Бахмута (въ селѣ Брянцовѣ)—обнаружило на глубинѣ 40 сажень отъ земной поверхности слой соли, который и былъ изслѣдованъ на протяженіи 10-ти саж. Въ открытой соли, по анализу оказалось 97,94% чистаго хлористаго натрія, остальные же 2,06% состояли изъ гипса, магнезальныхъ солей и нѣкоторыхъ другихъ веществъ. вновь открытая соль можетъ быть употребляема въ пищу, и по качествамъ она лучше, чѣмъ крымская.

На Кавказѣ у Тифлиса найдена глауберова соль, составляющая матеріалъ для приготовленія соды, встрѣчается въ окрестностяхъ Тифлиса въ видѣ пластовъ или же въ растворѣ воды тамошнихъ горькихъ озеръ. Между такими озерами замѣтательно Кумыское. Что же касается залежей соли, то онѣ открыты пока въ одной мѣстности, отстоящей отъ Тифлиса въ 30 верстахъ. Открытый пластъ имѣетъ два фута толщины.

Въ Кѣлецкой губерніи Пинчовскаго уѣзда у Стопницъ открыта нефть. Она встрѣчается тамъ въ трехъ верстахъ отъ р. Вислы, близъ австрійской границы. Цвѣтъ ея темноснѣй, плотность 0,914, при нагреваніи до 120° она образуетъ пары сѣры, воды и выдѣляетъ сѣрнистые газы. При 200° перегоняется въ свѣтлѣе масло (керосинъ). Впрочемъ количество этого масла, полученное при испытаніи доставленнаго образца, не оказалось значительнымъ.

Съ будущаго 1879 года закрывается Петровская земледѣльческая академія, существовавшая болѣе 10 лѣтъ и стоившая казнѣ ежегодно до 700.000 руб. Въ итогъ за всѣ 10 лѣтъ немного найдется студентовъ, кончившихъ курсъ въ академіи, да и тѣ приходятъ къ убѣжденію въ малой пригодности тѣхъ знаній, которыя они получили въ академіи. Слѣдовательно закрытіе академіи есть дѣло хорошее, хотя нѣсколько и запоздавшее. Если пристальнѣе осмотрѣться кругомъ, то, пожалуй, не мало найдется и другихъ учреждений, польза приносимая которыми не слишкомъ разнится отъ пользы принесенной Петровской земледѣльческой академіей.

На Волгѣ случилось большое несчастіе: пароходъ братьевъ Каменскихъ, „Юаннъ“ состязавшійся въ быстротѣ хода съ пароходомъ компаніи „Самолетъ“ погибъ отъ лопнушаго паровика и много съ нимъ погибло народу. Этотъ несчастный случай, быть можетъ, покажетъ, наконецъ, все безсмысліе состязаній въ гонкѣ пароходовъ плывущихъ съ пассажирами. У насъ, какъ извѣстно, всякая добрая мѣра только тогда и осуществляется, когда ее вводятъ при посредствѣ полиціи.

Русскій Инвалидъ сообщаетъ, что нашими войсками въ теченіе войны 1877—1878 г. на балканскомъ театрѣ войны выпущено 204,923 артиллерійскихъ снаряда и 10,087,344 патрона, считая въ томъ числѣ 29,580 патроновъ, выпущенныхъ изъ скорострѣльныхъ пушекъ.

Общая сумма ассигнованія на потребности англійской арміи опредѣляется на 1878—1879 г. въ 15.595.967 фунт. стерлинговъ, тогда какъ за прошлый годъ было только 14.538.848 фунт. стерл. Содержаніе личнаго состава нижнихъ чиновъ увеличено на 200.000 ф. стер. болѣе прошлаго года, приобретеніе артиллерійскихъ орудій и ихъ снаряженіе на 210.000 ф. стер. болѣе и жалованье офицерамъ на 450.000 ф. стерл. болѣе. Численность арміи представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: регулярная армія въ Великобританіи и ея колоніяхъ: 126.538 чел. въ Ост-Индіи 63.707. Резервъ арміи I класса 11.258, резервъ 2 класса 23.763, милиція съ ея резервомъ 99.850, резервъ II кл. 9.736, охотниковъ 183.078, а всего 517.930.

Лондонская газета Экономистъ приводитъ данныя общей стоимости окончившихся войнъ. За послѣдніе 12 лѣтъ погибло убитыми и умершими на войнѣ отъ болѣзней 1.948.000 человѣкъ. Расходы на войны простирались до 48 миллиардовъ 260 миліоновъ марокъ или 2.413.000 фунт. стерл.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Помните, что дѣти ваши будутъ также обходиться съ вами, какъ вы обходитесь съ своими родителями. (Валесъ).

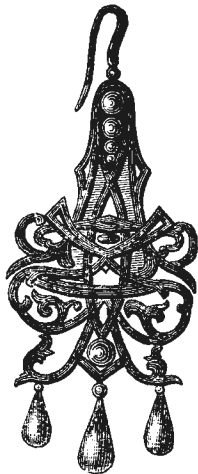
Мы всѣ завидуемъ великому человѣку при жизни, а цѣнимъ его—по смерти. (Миммеръ).

Кто зло куетъ для другого, куетъ его и для своего сердца. (Каллимахъ).

Прощая—мы подобны Богу. (Рене).

Рѣшеніе задачи, помѣщенной въ № 29 „Нивы“: Деревио, столбъ, суслоны хлѣба и серпы заключаютъ въ себѣ буквы изъ которыхъ составляется слово: „Разгадай“.

Серьги съ буквами.

Въ этихъ серьгахъ помѣщены буквы, составляющія названіе одного замѣчательнаго въ Россіи города.

Ребусъ.

Рѣшеніе будетъ помѣщено въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ „Нивы“, при чемъ нужно имѣть въ виду, что въ двухъ буквахъ этого ребуса допущена грамматическая неправильность, въ виду слишкомъ близкаго звукового сходства нѣкоторыхъ буквъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Москва, гостиница Конорева, В. Политковскому. Мы вамъ писали два письма, но до сихъ поръ не имѣемъ отвѣта. Покорѣйше просимъ дать указаніе, куда мы можемъ выслать то, что вамъ слѣдуетъ отъ „Нивы“.

2. Вас. Остр. 9 линія д. № 72. А, Кис—ву. Вы пишете:

„Гаскинулся тѣсь зеленѣя,
Подернута травкой земля
Какъ будто собою лелѣя,
Раскрылась вся прелесть ея.

Чья прелесть раскрылась—травки или земли? и кого собою лелѣя, раскрылась эта прелесть? На эти вопросы стихи ваши не отвѣчаютъ; мы же вамъ скажемъ по секрету, что если бы вы имѣли талантъ и образованность, то въ вашихъ стихахъ земля не стала бы подергиваться травкой, а травка росла бы на ней. Такое подергиваніе напоминаетъ отвѣтъ того образованнаго слуги, который, на вопросъ о состояніи погоды, отвѣчалъ:

„Погода не очень великолѣпная и горизонтъ хотя еще и не совсѣмъ подернулся тучами, но дергается.“

Такого рода краснорѣчія мы не одобряемъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Сентъ-Бернардскій гостепріимный домъ (съ рисункомъ) Щ.—Блонгаузъ «Червленъ аскеръ» (Рассказъ изъ недавняго прошлаго) Н. Каразина.—Валаамъ. (Путевыя впечатлѣнія) (съ рисункомъ) П. Гибдича.—Финляндскій пейзажъ (съ рисункомъ) С.—Парижская всемірная выставка (съ 2 рисунками).—За починной рунья. (Сцена изъ средневѣковой жизни (съ рисункомъ).—Мадагаскарскій Ай-ай или Руномонна (съ рисункомъ).—Пароходъ Россія (Holsatia)—первый крейсеръ Русскаго добровольнаго флота (съ рисункомъ).—Политическія и внутренн. извѣстія.—Смѣсь.—Мысли замѣчательныхъ людей.—Рѣшеніе задачи. Задача.—Ребусъ.—Почтовый ящикъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марнсъ.

Редакторъ Д. Стахѣвъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОДПИСКЪ

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ МІРЪ“

съ еженедѣльнымъ «ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ» НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1878 ГОДА

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ ВЪ РОССІИ:

Table with subscription rates: 6 months (8 rubles), 3 months (4 rubles), 5 months (7 rubles), 4 months (5 rubles 50 kopecks), 1 month (1 ruble 75 kopecks).

Иногородныхъ подписчиковъ проситъ обращаться исключительно въ главную контору «Русскаго Мира» въ С.-Петербургѣ.

Особенное вниманіе обращено редакціей на полноту и содержательность внутренняго отдѣла.

Главные отдѣлы газеты—политическій и внутренній находятся въ завѣдываніи тѣхъ же лицъ съ 1874 года.

Въ «ЛИТЕРАТУРНОМЪ ПРИБАВЛЕНІИ» печатается съ начала нынѣшняго мѣсяца новый оригинальный романъ, изъ русской жизни, въ трехъ частяхъ, подъ заглавіемъ «На нашихъ глазахъ»; новымъ полугодіемъ подписчикамъ будутъ своевременно разосланы первые листы этого романа.

Новые полугодіевые подписчики получаютъ въ видъ преміи, романъ Ксавье де-Монтенена «Виконтеса Жермена» или «Сербскіе разказы» капитана Барнальмача—по выбору.

Въ еженедѣльномъ «ЛИТЕРАТУРНОМЪ ПРИБАВЛЕНІИ» напечатаны сначала текущаго года слѣдующія произведенія:

РОМАНЫ: 1) Свѣтская женщина, Эрнеста Додэ. 2) Милліонное наследство, Ф. Фридриха. 3) Вампиръ, (изъ болгарскаго быта).

РАЗСКАЗЫ: 1) Лоретта, рассказъ Альберта де-Виньи. 2) Романъ королевы Викторіи, Р. И. 3) Авангардный лагерь, очерки Студанскаго. 4) Съ береговъ Дуная, 1. рассказъ д-ра И. 2. рассказъ казака-кубанца—капитана Кырлячча. 5) Среди братьевъ Христа, А. Гиллана. 6) Дневнѣшнѣ изъ Техаса его же. 7) Во-снѣ и на яву, Вс. Соловьева. 8) Въ Скалистыхъ горахъ, Н.Н. 9) Вогезскіе разказы, Э. Шатриана. 10) Александръ Павловичъ Беззвизъ, (изъ воспоминаній) Евгения Раппа. 11) Варнакъ, А. Н. Молчанова. 12) Первая любовь, его же. 13) Картины изъ вѣнской жизни, В. С. и мн. др.

СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) Знаменіе времени (передъ картиной Айвазовскаго) А. Майнова. 2) Балтійское море, стихъ короля шведскаго, перев. В. Головина. 3) Волжскій, его же. 4) Въ деревнѣ и лаваретъ, Круглова. 5) Изъ пѣсенъ о славянскихъ герояхъ, его же. 6) Изъ Лонгсело, А. Бенетовой и др.

Сверхъ того въ «Литературномъ Прибавленіи» напечатано много мелкихъ статей въ отдѣлахъ «Смѣсь» и «Библиографія».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ Конторѣ газеты, Большая Морская, д. № 11. № 166 3—3

И. Э. МИЛЬКЪ

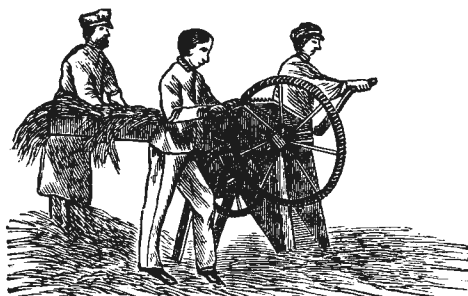
бол. Морской

№ 39

ДЕСЯТИЧНЫЕ ВѢСЫ, Садовая мебель, Ванны, Биде, Души, Пожар. и Садов. насосы, Умывальники, Ватерклозеты, Комнатн. ледян. шкапы, Морожники, Мясорубки, Фильтры и разныя хозяйственныя вещи. № 158

Дозволено цензурою СПБ .21 іюля 1878 г.

Улучшенныя ручныя штифтовыя молотилки. Производительность 200 сноповъ ржи въ часъ. ПРЕДЛАГАЕТЪ СО СКЛАДА ТОВАРИЩЕСТВО БУКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ.

С.-Петербургъ, Вас. остр. 1 л., 14 Москва, Мясницкая, домъ Сытова. Кроме того имѣются въ складѣ: сокоморѣнки, вѣялки, дробилки для осыа по 35 коп., конные приводы, американскіе грабли-Итаки, мукомольныя мельницы, плуги, лопатки, вилки и пр. и пр. № 174 Иллюстрированные каталоги по востребованію. 1—1

ОТЗЫВЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ О РОЯЛЯХЪ ФИРМЫ Я. БЕККЕРЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

«Россія доставила на выставку рояли, которые заставятъ о себѣ много говорить. Фирма Беккеръ выставила рядъ роялей (съ перекрестными струнами). Мы причисляемъ эти рояли къ категоріи тѣхъ инструментовъ, которые не имѣютъ себѣ подобныхъ; они соединяютъ въ себѣ всѣ качества, какихъ только отъ нихъ можно требовать: прочность конструкціи, изящность, силу звука и туше, соотвѣтствующее всѣмъ желаніямъ артиста. Они произведутъ собою такой же переворотъ, какой привели въ 1867 году американскіе рояли Стенвея.» Журналъ «Le Telegraphe». 19-го іюня 1878 г.

«РОЯЛИ ФИРМЫ Я. БЕККЕРЪ.» «Рояли фирмы Я. Беккеръ въ С.-Петербургѣ считаются самыми лучшими и пользуются наибольшою популярностію не только въ Россіи, но также и здѣсь, между роялями выставленными въ иностранномъ отдѣленіи выставки, они занимаютъ первое мѣсто.

«Рояли при большой гибкости и силѣ отличаются бархатностію тона. Однимъ словомъ они даютъ возможность извлекать самые всеестные звуки, начиная съ пѣниссимо до фортиссимо, выражая какъ самую нѣжную ласку, такъ и страстѣйшіе порывы.

«Мы никакъ не ожидали отъ Россіи такихъ замѣчательныхъ результатовъ. Фирма Беккера выставила пять роялей. Вотъ инструменты, которые достойны передавать лучшія композиціи Бетховена, Шопена, Мендельсона и полнаго пламенныхъ порывовъ Листа.

«Фигаро» 10-го іюня 1878 года РОЯЛИ Я. БЕККЕРА.

«Еоперты, даваемые на выставкѣ на знаменитыхъ рояляхъ Беккера изъ Петербурга, при участіи Жавль, Магнусъ и Конгскаго, вполне высказали превосходство этихъ инструментовъ, которые составляютъ собою одно изъ чудесъ (merveilles) выставки.» «L' Art Musical». 11-го іюня 1878 года.»

Библ. въ отаженіи «Радни» въ № 10.

№ 31

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 31 Июля 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ Цѣна этого № «Нивы» 15 съ перес. 20 к

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ «Нивѣ» принимаются по 28 к. за строку непарейль (въ 1/2 ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресенья) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 ”

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

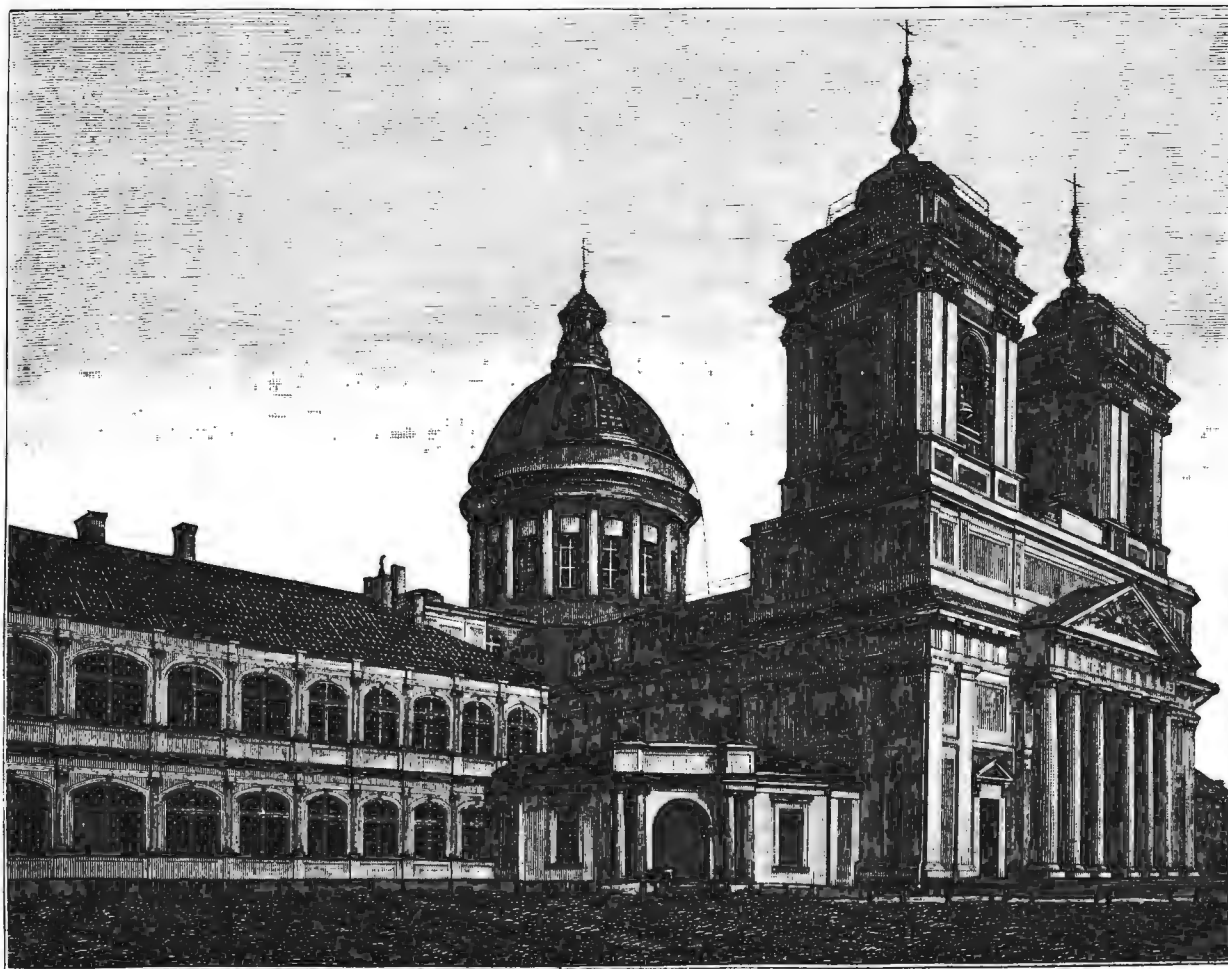
Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи . . . . . 6 ”

Также принимается подписка на 1/2 года съ 1 июля 1878; безъ дост. 2 р., съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. ингор. 3 р.
КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» помѣщается въ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особые приложенія объявленій къ «Нивѣ» ингор. по 5 р. съ тысячи, городскимъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи, неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1878 г. №№ «Нивы» со всѣми приложеніями.

Александровская Троицкая Лавра въ С.-Петербургѣ. Съ фотогр. грав. Цуцъ.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ТРОИЦКАЯ ЛАВРА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Помѣщая въ этомъ номерѣ „Нивы“ видѣ Александро-Невской Троицкой Лавры, мы продолжаемъ, такимъ образомъ, ознакомленіи нашихъ читателей съ зданіями современнаго Петербурга. Виды этихъ зданій уже неоднократно были помѣщаемы нами на страницахъ „Нивы“ какъ настоящаго, такъ и предыдущихъ лѣтъ. Прошедшее этихъ зданій или той мѣстности, гдѣ въ настоящее время они находятся, причина ихъ возникновенія, имѣющая болѣею частью связь съ тѣми или другими событіями изъ нашей отечественной исторіи—все это, конечно, достойно вниманія, какъ и вообще многія подробности, относящіяся до времени построения Петербурга, въ которомъ сооруженіе одной только петропавловской крѣпости (по примѣрнымъ вычисленіямъ современниковъ) стоило жизни 100,000 переселенцевъ. И справедливо такимъ образомъ слова поэта, сказавшаго о Петербургѣ, что

„Богатырь его построилъ,
Топь костями забугилъ“...

Богатырь этотъ не стѣснялся средствами и мѣрами, и разъ задумавъ дѣло, шолъ къ нему прямымъ и вѣрнымъ путемъ, не дѣлая никакихъ уклоненій въ стороны. Такъ, по указу 1712 г. было вѣдѣно въ непремѣнную обязанность всѣмъ переселенцамъ строить дома въ Петербургѣ и жить въ немъ безвыѣздно. Въ 1714 году для усиленія строительной дѣятельности въ Петербургѣ и для привлеченія въ него каменщиковъ и плотниковъ былъ изданъ указъ, которымъ воспрещалось сооруженіе каменныхъ зданій во всей Россіи, исключая только новой столицы, столь возлюбленной Императору Петру Первому. Постройка домовъ въ Петербургѣ было подчинена нѣкоторымъ правиламъ и цензу (впрочемъ нѣсколько разъ впоследствии измѣнявшимся). Богатые помѣшники должны были строить дома отъ 8 до 10 саж. по фасаду, менѣе достаточные должны были складывать свои средства по-двое, чтобы построить такой же домъ и только мелкопомѣстнымъ дозволялось имѣть деревянные и мазанковые дома.

Но чтобы не уклониться значительно въ сторону отъ предмета нашей статьи, перейдемъ здѣсь къ постройкѣ церкви въ Петербургѣ. Нужно замѣтить, что первая церковь въ немъ отъ основанія столицы и почти въ продолженіи 50 лѣтъ, строились деревянные, мазанковыя, безъ всякихъ признаковъ украшеній. Такими онѣ оставались и вновь сооружались до вцаренія Елисаветы Петровны. Только съ ея царствованія началось постройка церквей лучшей архитектуры и болѣе благообразнаго вида, соответствующаго назначенію зданія. Елизавета Петровна, какъ извѣстно, отличалась религіозностію, и заботилась о благоустройствѣ церковныхъ зданій, приглашала для этой цѣли европейскіхъ архитекторовъ и художниковъ. Екатерина Великая, обращая вниманіе вообще на красоту Петербурга, заботилась тоже и о красотѣ храмовъ. Она даже имѣла, какъ говорятъ, намѣреніе сдѣлать Петербургъ подобно Москвѣ и Кіеву однимъ изъ средоточій святини для русскаго народа. Но это, какъ все мы знаемъ, не осуществилось, будучи совершенно невыполнимо по многочисленнымъ причинамъ.

Въ настоящее время въ Петербургѣ 414 храмовъ въ томъ числѣ отдѣльныхъ 248 и домовыхъ 166.

По вѣроисповѣданіямъ церкви раздѣляются такъ: православныхъ 346, протестантскихъ 44, католическихъ 11, англиканскихъ 2, армяно-грегоріанскихъ 2, еврейскихъ синагогъ 6, магометанскихъ молельнъ 3.

Сообщивъ эти свѣдѣнія, перейдемъ къ описанію самой Александро-Невской Троицкой Лавры, составляющей въ данномъ случаѣ главный предметъ нашей статьи.

Собственно слово Лавра означаетъ собою большой монастырь. Съ XVIII стол. названіе это присвоено въ іерархическое именуемое только тремъ монастырямъ: Кіеву Печерскому, Троицко-Сергіевскому и Александро-Невскому.

Александро-Невская Лавра находится на лѣвомъ берегу Невы у истока Обводнаго канала. Она представляетъ обширную, обнесенную каменной стѣной крѣпость. Внутри ея помѣщается 6 церквей, домъ митрополита, келии монаховъ, духовная академія, семинарія, училище, конспекторія, кладбище и садъ. Александро-Невская лавра относится къ богатѣйшимъ монастырямъ Имперіи. Ей принадлежатъ много домовъ, лавокъ, кладовыхъ, находящихся возлѣ лавры и по Невскому проспекту и отдаваемые ею въ наемъ. Ежегодный доходъ лавры достигаетъ суммы въ 500,000 руб.

Монашествующихъ по штату 1797 г. положено 100 человекъ. Существуетъ преданіе, что на мѣстѣ Александро-Невской Лавры 15 іюля 1241 г. великимъ княземъ Александромъ Невскимъ была одержана знаменитая побѣда надъ шведами. Вслѣдствіе чего и мѣсто это называлось вѣкторія (побѣда). Мѣстность, занятая теперь монастыремъ, была болотистая, покрытая лѣсомъ. Петръ, побывавъ тутъ весною 1704 г., захотѣлъ основать монастырь во имя святаго воина и защитника отчизны, и распорядился вырубить лѣсъ, осушить болота. Военныя событія, впрочемъ, помѣшали ему начать постройку монастыря, и только въ 1710 г. Архимандритъ Θεодосій въ

присутствіи Государя поставилъ на мѣстѣ этомъ крестъ, а на другой годъ здѣсь заложена была первая церковь во имя Благовѣщенія св. Дѣвы. 7 марта 1713 г. Петръ присутствовалъ при освященіи этой церкви. Затѣмъ сюда стали собираться отовсюду богомольцы и находить тутъ пріютъ въ деревянныхъ монашескихъ кельяхъ. Для поддержанія монастыря къ нему были приписаны Новгородскіе монастыри: Иверскій, Духовъ, со всѣмъ ихъ имуществомъ и 1654 крестьянскихъ дворовъ изъ вотчинъ Троицко-Сергіевской лавры. Въ 1716 году Петръ приказалъ замѣнить деревянные постройки монастыря каменными и собственноручной подписью: „Во имя Господне, дѣлать по сему“ утвердилъ планъ для новыхъ каменныхъ зданій. На издержки были причислены къ монастырю Старорусскія соляныя варницы и изъ кабинета ассигнована ежегодная сумма въ 10,000 руб. да съ таможенныхъ и другихъ сборовъ до 9,000 руб. Затѣмъ изъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря сюда перенесены были мощи св. Александра-Невскаго. Перенесеніе мощей св. Князя было совершено съ большою торжественностію. (Въ Нивѣ 1870 г. № 9 на стр. 133 былъ помѣщенъ рисунокъ, изображающій это событіе, совершившееся 30 августа 1724 года). Лодкою, на которой были доставлены къ монастырю св. мощи князя, правилъ самъ великій преобразователь Россіи, за веслами сидѣли его министры въ томъ числѣ герцогъ нѣгерманландскій свѣтлѣйшій князь А. Меншиковъ.

Изъ построекъ монастыря при жизни Петра окончены были только немногія. Изъ плана имъ утвержденаго выполнены только нѣкоторыя части. По плану и фасаду, проектированному самимъ Государемъ въ 1716 г., положено было основаніе церкви св. Троицы съ придѣломъ св. Александра-Невскаго. Планъ этотъ можно видѣть и теперь въ библиотекѣ Александро-Невской Академіи. Въ 1753 г. храмъ былъ вечернѣ отдѣланъ, но вскорѣ въ стѣнахъ показались трещины, проломы, такъ что черезъ два года церковь совершенно была разобрана. Екатерина II поручила архитектору Старову составить новый планъ и въ 1778 г. 30 августа Архіепископъ Гавріилъ положилъ въ основаніе Троицкаго Собора въ ковчежцѣ мощи св. Андрея Первозваннаго; въ слѣдующемъ же году началась постройка собора и приведена въ окончаніе, въ 1790 г. 30 августа храмъ былъ освященъ и въ него перенесены мощи св. Князя изъ верхней угольной церкви, гдѣ онѣ до этого времени были поставлены.

Затѣмъ, подвергаясь нѣсколько разъ измѣненіямъ, храмъ этотъ только въ 1864 году получилъ окончательную отдѣлку. Замѣчательный по наружности, соборъ еще болѣе замѣчательнѣе внутреннимъ устройствомъ. Иконостасъ его сдѣланъ изъ итальянскаго мрамора. Стѣны, колонны, потолкъ и куполь украшены арабесками. Иконы превосходной работы на мѣдныхъ доскахъ. Многія изъ нихъ подлинники извѣстныхъ художниковъ: напимѣръ, Благовѣщеніе св. Дѣвы—работы Рафаэля Мэнга, Воскресеніе Христа—Рубенса, Спаситель Благословляющій—Вандейка. Между иконами есть „Моленіе о чашѣ“, присланное отъ папы Пія IV въ даръ Екатеринбургъ; въ золотой ризѣ иконы, осыпанной брильянтами, вставленъ изумрудный антикъ, который представляетъ св. Магдалину. Есть икона Рождества Богородицы, писанная сухими красками, въ золотой рамѣ, съ изумрудами и брильянтами по угламъ. На оборотѣ этой иконы, на золотой дощечкѣ значится, что „этимъ святымъ образомъ Императрица Екатерина Алексѣевна изволила благословить вселюбезнѣйшую дочь ея, Великую Княгиню Наталію Алексѣевну въ день вождѣннѣйшаго ея обрученія, 1773 г. августа 16.“ Вокругъ образовъ въ иконостасѣ вставленъ сибирскій агатъ, красный съ бѣлыми жилками. Царскія врата сдѣланы бронзовыя, вызолоченныя. Нижній потолкъ въ крилосахъ изъ итальянскаго синяго мрамора, а плити изъ мрамора пепельнаго цвѣта, съ вызолоченной балюстрадой. Рака съ мощами св. Александра Невскаго поставлена за правымъ крилосомъ. Она сдѣлана изъ серебра, котораго употреблено до 90 пудовъ. Императрица Елисавета въ 1752 году принесла въ даръ святини серебро, въ первый разъ въ ея царствованіе добытое изъ колыванскихъ рудниковъ. Въ 1768 г. Екатерина II покрыла мощи покровомъ съ изображеніемъ образа Александра Невскаго и съ знакомъ ордена его имени изъ брильянтовъ и жемчуговъ. Золотая лампада, подвѣшиваемая къ рацѣ съ кистью изъ жемчуга и брильянтовъ, также даръ Екатерины, принесенный ею въ 1791 году.

По сторонамъ раки изображены въ барельефахъ различные моменты изъ жизни св. князя и помѣщены стихи Ломоносова:

Святой и храбрый князь здѣсь тѣломъ почиваетъ;
Но духомъ отъ небесъ онъ градъ сей прэзрируетъ,
И на брега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ,
И гдѣ невидимо Петру споспѣшествовалъ.
Являя дщерь его усердіе святое —
Сему защитнику воздвигла раку въ честь
Отъ перваго серебра, что нѣдро ей земное
Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть“.

Лѣта Господня 1750, государствованія своего 9, августа 30, въ С.-Петербурѣ.

На серебряной пирамидѣ также сдѣлана Ломоносовымъ надпись, поддерживаемая двумя ангелами:

„Богу Всемогущему и его угоднику Благовѣрному и Великому князю Александру Невскому, Россіи усердному защитнику, презрѣвшему прещеніе мучителя, тварь боготворить повелѣвшаго, укротившему варварство на востокѣ, низложившему зависть на западѣ, по земномъ княженіи въ вѣчное царство переселенному въ лѣто 1263, усердіемъ Петра Великаго на мѣсто древнихъ и новыхъ побѣдъ перенесенному 1724 года.

Державнѣйшая Елисавета отеческаго ко святымъ почитанія подражательница, къ нему благочестіемъ усердствуя, сію мужества и святости его дѣлами украшенную раку изъ первообрѣтеннаго при Ея благословенной державѣ серебра соорудить благоволила. Въ лѣто 1752“.

Предъ ракой стоитъ аналой съ кіотомъ для частицъ св. мощей и съ подсвѣчникомъ для 12 свѣчей, всѣ серебряныя, вѣсомъ до 10 пуд. и пожалованныя въ 1806 г. Александромъ I.

Императоръ Александръ I-й также принесъ въ даръ храму святцы, цѣнимыя знатоками очень дорого. Святцы эти рѣзные изъ перламутра; работали ихъ Архангельскій унтеръ-полнеръ Верещагинъ.

Императорское мѣсто въ храмѣ возвышается у западной стѣны. Надъ нимъ портретъ Екатерины II, сдѣланный во весь ростъ Лавицкимъ, и напротивъ на лѣвой колоннѣ портретъ Петра I.

На западной же стѣнѣ, въ нишѣ, поставленъ по приказанію Екатерины мраморный бюстъ преосвященнаго Гавриила въ знакъ благодарности за его труды по постройкѣ храма.

Въ Невской ризницѣ хранится много драгоценныхъ вещей. Корона Александра Невскаго, сдѣланная на подобіе архіерейской шапки, изъ бѣлыхъ горностаевъ и пунцового бархата. Два жезла Петра, изъ которыхъ первый маршальскій, трость, подаренная Петромъ архимандриту. Костяная ручка трости сдѣлана самимъ Государемъ. Два золотые портрета Петра, его кровать, на которой онъ скончался. Четыре погипра въ ризницѣ удивляютъ своимъ богатствомъ и отдѣлкою. Есть папагій, присланная Александромъ I и служившая звѣздой Екатерины II, когда она возлагала на себя орденъ Андрея Первозваннаго. Въ облаченіи замѣчательна полтавскій архіерейская ризница съ 10 полными священническими облаченіями и 20 стихарями, пожалованная Александромъ I.

По сторонамъ Троицкаго собора возвышаются бални съ ярко вызолоченными крестами. На одной замѣчательнъ колоколь въ 800 пуд. вѣса, вылитый въ 1658 г. усердіемъ патріарха Никона и перевезенный сюда изъ Иверскаго монастыря въ 1724 году.

Соборъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы замѣчательнъ особенно тѣмъ, что подъ мрачными сводами его погребено много знаменитыхъ людей нашей родины и царственныхъ особъ.

Надъ останками Великихъ Князей Маріи Александровны и Елисаветы Александровны, дочерей Александра I, поставлены памятники. Два ангела, вылитые изъ серебра, представлены парящими надъ урнами съ вѣнкомъ и трубою въ рукахъ.

Бронзовая доска, украшенная военными знаками и съ простой надписью „Здѣсь лежитъ Суворовъ“, составляетъ монументъ надъ прахомъ этого знаменитаго героя. Надъ княземъ А. А. Вяземскимъ сдѣлана мраморная арка, въ которой поставленъ бюстъ князя съ надписью: „28 лѣтъ до изнеможенія силъ отправлялъ онъ генераль-прокурорскую должность съ твердостью и правотою, и скончался защитникомъ угнѣсненныхъ и другимъ несчастныхъ“.

Церковь Св. Князя Феодора и Иоанна Златоуста въ монастырѣ заложена въ 1745 г. Приходская церковь Пресвятой Богородицы надъ вратами лавры древне-греческой архитектуры.

Церковь Всѣхъ Святыхъ въ домѣ митрополита освящена въ 1767 году.

Въ алтарѣ и предъ алтаремъ въ церкви Сошествія Св. Духа покоятся многіе митрополиты, а подъ сводами—государственные особы. Кладбищенская церковь Воскресенія Лазаря построена Петромъ I надъ прахомъ царицы Натальи Алексѣевны въ 1718 году.

Монастырское, Лазаревское кладбище напоминаетъ собою о многихъ великихъ, узнесенныхъ смертію. Здѣсь погребены лица Царственнаго дома, государственныя и общественныя дѣятели, знаменитости въ литературномъ мірѣ. Тутъ покоятся Ломоносовъ, Карамзинъ, Гнѣдичъ. Надъ первымъ поставлена мраморная колонна, надъ вторымъ лежитъ бѣлая мраморная плита съ бронзовымъ вѣнкомъ и надписью „Карамзинъ“, надъ третьимъ стоитъ гранитный обелискъ съ портретомъ усопшаго. Тутъ погребенъ Крыловъ и покоятся тѣла нашихъ знаменитыхъ композиторовъ: Глинка и Даргомыжскаго. Затѣмъ здѣсь можно видѣть прекрасныя памятники князей Трубецкихъ, семейства Шереметьевыхъ, Муравьевыхъ. Вообще памятники на этомъ кладбищѣ отличаются богатствомъ и красотой передъ другими кладбищами, хотя смотря на нихъ нельзя не вспомнить слова поэта (Державина), что

Рѣка время въ своемъ стремленіи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы царства и царей“.

Такова участь не только роскошныхъ памятниковъ Невской Лавры, но и цѣлыхъ царствъ и народовъ. И долѣе другихъ оставляютъ по себѣ слѣдъ на землѣ только тѣ памятники о которыхъ поэтъ (А. Пушкинъ) сказалъ:

„Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный,
Къ нему незаростетъ народная тропа“...

Такіе памятники переживаютъ царства и царей, и искреннимъ выраженіемъ глубокаго уваженія къ творцамъ ихъ закончимъ нашу статью. Z.

Блокгаузъ „Червленъ Аскеръ“

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

III.

Стая волковъ въ эту ночь, штукъ тридцать если не больше, почуя кровь, вереницею прибѣгла на мѣсто, гдѣ покончили турки стараго Кириллу. Обошли вокругъ телѣги голодные бродяги, обнюхали ее со всѣхъ сторонъ, обнюхали лежалое мѣсто, языками полизали и завыли, уныло, обиженно—такъ завыли разочарованные звѣри...

Унесъ вѣдь-таки Али-Исса-Бекъ, ихъ же породы звѣрь, только съ двумя ногами, законную ихъ добычу!

Посидѣли тутъ съ полчаса волки, лазили въ телѣгу, заглядывали, сала кусокъ нашли на глотокъ одному изъ нихъ, прочь пошли, да тутъ же зачуяли и другую добычу... А другая эта добыча еще прежде ихъ замѣтила: буйволъ больной, еле ноги волочить можетъ, чуеъ бѣду неминуемую, опять забрался въ тину по уши и смотритъ оттуда, похрапывая только со страху... Окружили волки болотину, а лѣзть туда не охота, опасно!.. Опять вытѣ поднялось... на этотъ концертъ еще набрело съ полсотни... стонъ стоитъ въ ночномъ воздухѣ, далеко разносится... Графъ Михаилъ Рослани давно уже слышитъ этотъ концертъ,—стороною, полемъ большой кругъ огибаеъ: одинъ онъ, пѣшій, съ двумя револьверами, да „казенною бумагою“,—не отдѣлаешься отъ этой оравы...

— О, чортъ возьми! злится графъ на свою цепетиль-

ность не кстати... Лучше бы сдѣлалъ, если бы воспользовался услугами этого скота Дика, и взялъ бы предложенныхъ лошадей съ эскортомъ. Не вернуться-ли?!

Надоѣло ли волкамъ сторожить издыхающаго въ болотѣ буйвола, замѣтили-ли ихъ зоркіе, воровскіе глаза человѣка въ степи одинокаго, только, видитъ графъ, что отдѣлилось ихъ отъ общей группы штукъ десять и рысцєю на перерѣзъ бѣгутъ... Дѣло-то плохо приходится...

Присѣлъ венгерецъ на землю, смотритъ вровень съ травой на свѣтлую полосу горизонта, чернымъ лѣсомъ стелется передъ его глазами стеной бурьянъ, а дальше чернѣетъ что-то, много повыше, не то крыша хаты, не то шалашъ-какой, не разберешь хорошенько, на жиле только похожее... Графъ туда скорѣе...

Ползкомъ, ползкомъ, приподнимаясь на рукахъ по временамъ, чтобы ориентироваться, Михаилъ Рослани уже былъ не болѣе какъ въ ста шагахъ отъ своей цѣли, когда на него съ дикимъ воемъ ринулась волчья стая...

Два выстрѣла почти одновременно блеснули въ темнотѣ, словно молніей озаривъ сухіе стебли бурьяна, нѣсколько острорылыхъ мордъ съ оскаленными зубами, холщевой бокъ телѣги покойнаго Кириллы... За этими двумя выстрѣлами еще загремѣли... Бросились волки назадъ, перепуганные неожиданностью и дали время графу добѣжать до повозки... Теперь онъ уже сидѣлъ

въ ней, какъ въ крѣпости... Опомнились волки, да поздно и задумали звѣри послѣ перваго неудачнаго штурма вести долговременную осаду...

Тѣмъ временемъ его кавасы албанцы, Рустемъ и Галебъ въ Туртукай обратно не поѣхали. Они было повѣрили съ разу посланцу отъ Джемса Говварда, да дорогой нашло на нихъ сомнѣніе... Дѣло-то не привычное: ихъ господинъ никогда не измѣнялъ разъ за-

они въ блокаузъ, думали не тамъ-ли, нагнали негра у самыхъ воротъ, тотъ сообщилъ, что графъ, молъ, пѣшкомъ пошелъ—вонъ въ ту сторону...

Досталось-таки Дику отъ кавасовъ, но ему что! твердить одно: „я говорю, что мнѣ масса Говвардъ велить, мой языкъ, его мысли! Мнѣ что за дѣло!“...

Слышали албанцы выстрѣлы, слышали волчій вой... во весь духъ понеслись на выручку... Еще издали во все горло по своему окликнули, откликнулся и графъ

Урокъ въ страшной школѣ. Рис. Кастелли, грав. Смитъ.

думаннаго, да и не поручилъ бы такимъ людямъ какъ Дикъ и его „инглизъ“ передачи приказаній... Погнали сперва албанцы рысью, съ раздумья на шагъ перевели, тамъ и совсѣмъ остановились, а тамъ потолковавъ, да еще посообразивъ кое-что, вернулись на прежнее мѣсто, видѣли слѣдъ на берегу, узнали, видѣли даже лодку, только далеко, въ тому берегу уже подходила, поняли въ чемъ дѣло и потогонились поправить свой промахъ—отыскать скорѣе своего господина. Заѣхали

по своему: Э!.. Гой!.. Друзья!..

Трусливое звѣрье, видя подмогу, двухъ человекъ съ длинными ружьями, во всѣ стороны прыснули... Храпятъ и бьются испуганные, разгоряченные скачкою кони, насилу справились съ ними, съли въ сѣдла и бойкимъ „проѣздомъ“ направились по дорогѣ къ Червонному-Солнику.

— Вы виноваты тѣмъ, что смѣли помимо меня всякую сволочь слушать, сердито говорилъ графъ.

— Виноваты! въ одинъ голосъ отвѣчали албанцы,— виноваты, господинъ!

— Что-то тутъ не ладно, что-то затѣвается,—думалъ Рослани,—этотъ мерзавецъ Говвардъ...

— Не проста съ нами эту штуку продѣляли... ломали свои головы албанцы дорогою, перешептываясь межъ собою на ходу, все еще смущенно поглядывая на статную фигуру графа, словно сросшюся съ его горячимъ арабскимъ жеребчикомъ...

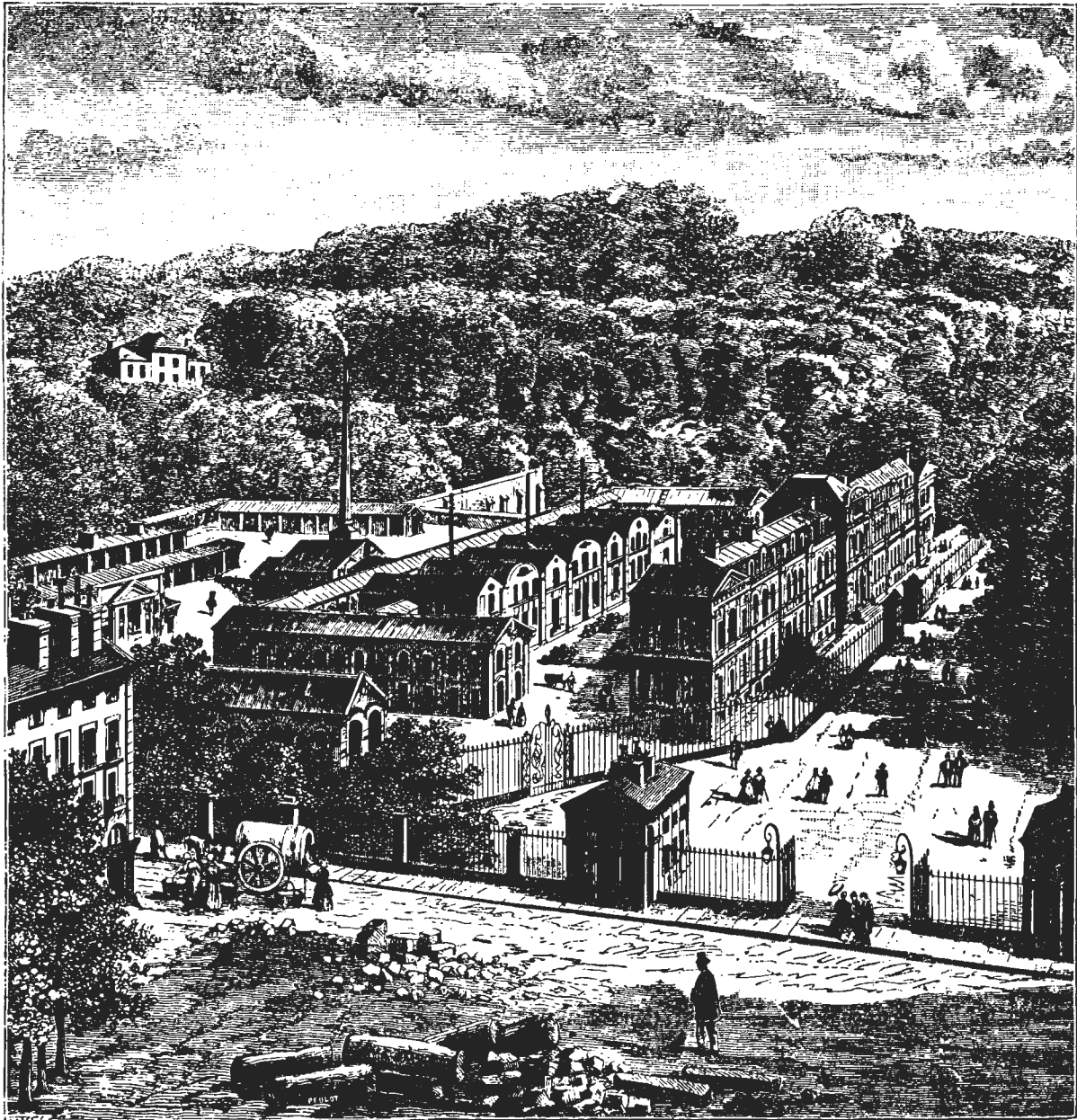
Еще до солнечнаго восхода прибыли они въ селеніе, просторно раскинувшееся въ своихъ садахъ, по обоимъ скатамъ оврага.

ко забылъ про своихъ питомцевъ, и въ толпѣ у кафаны виднѣлись его вывороченный шкурою вверхъ бараний кожухъ и длинная крючковатая палка.

У самой кафаны, на землѣ, прикрытое ковромъ, лежало тѣло стараго батъки Кирилла.

Когда графъ съ своимъ эскортомъ подъѣхалъ къ площадкѣ, говоръ стихъ и народъ молча давалъ дорогу прїѣзжимъ; сотни глазъ смотрѣли на Михаила Рослани со страхомъ и ненавистью. Стефа Гулла, какъ-то глухо, не ласково какъ всегда, произнесъ свое обычное: „Богъ надъ тобою!“..

А не успѣлъ графъ ступить на первую ступеньку крыльца, какъ къ нему подошла старуха, жена Кирил-

Сѣверная фарфоровая Мануфактура во Франціи. Рис. Гарнье, грав. Пѣло.

Не смотря на раннее время, въ селеніи, особенно на перекресткѣ, гдѣ стояла кафана Стефана Гуллы, толпился народъ и слышался оживленный говоръ... Бабы съ плачемъ перебѣгали отъ одной хаты къ другой, даже собаки выли, глядя на это необычное оживленіе, вторя бабьему плачу.

Сельское стадо только что собралось къ выгону; телята, задравъ хвосты, скакали по улицамъ, черныя туши буйволовъ поднимали ужасную пыль, пастухъ Мар-

лы, тронула его за плечо, грозно окинула взглядомъ и спросила:

— А гдѣ же дочь моя, Анна?

— Господь съ тобою, бабушка! отшатнулся и даже поблѣднѣлъ отъ этого голоса графъ: Господь съ тобою! Что случилось? въ чемъ дѣло? обратился онъ къ народу, косясь на коверъ, обрисовавшій своими темными складками углы ступней, колѣвъ и тощей груди трупя.

— Тебѣ лучше знать! слышались въ толпѣ голоса. Самъ знаешь... что спрашиваешь?!

Молча подошелъ къ графу Стефа Гулла и поставилъ передъ нимъ подносикъ съ чашкою чернаго кофе...

— Что случилось? спросилъ графъ.

— Мы и сами путемъ не знаемъ, что случилось, уклончиво отвѣтилъ хозяинъ кафаны.

Дико, на весь дворъ завывла старуха, какъ кошка ринулась на Михаила Рослани... Сама на колѣняхъ передъ нимъ ползаетъ, молитъ, а руки, какъ ланы звѣря разъяреннаго, уцѣпились за короткія полы графской венгерки, глаза какъ у бѣшеннои разгорѣлись... цѣлуетъ ноги венгерца старуха, цѣлуетъ его руки, землю около него цѣлуетъ и страшны эти поцѣлуй ея тощихъ, запѣнившихся губъ... ну вотъ-вотъ зубами цѣпится!..

— Ты убилъ моего Кирилу,—хрипитъ и стонетъ старуха. Отдай дочь мою, Анну!.. Отдай!.. На что она тебѣ?! Ну, потѣшился и отдай... Все равно вѣдь бросишь послѣ, слугамъ своимъ отдашь... Отдай ее лучше матери... Отдай! отдай!..

Поблѣднѣлъ графъ какъ полотно, голова у него закружилась... Онъ теперь понялъ въ чемъ дѣло.

Бережно поднялъ онъ старуху: возьмите ее! говорить. Подошелъ къ коври, приподнял, нахмурился вглядываясь въ покойника и долго стоялъ такъ, нервно кусая свои губы...

Ропотъ гудитъ въ толпѣ: оставь, брось!.. Чего насмѣхаешься... Коли волкъ, такъ жри эту падалъ, а не смѣйся... брось!.. Ишь вѣдь разглядываетъ... радуется!..

— Молчать! крикнулъ Михаилъ Рослани.

По этому крику его албанцы выдвинулись впередъ и взялись за плечи.—Дѣло знакомое!..

— Разсказывай! обратился графъ къ Стефа Гуллѣ— говори мнѣ всю правду!..

— Я не знаю, мнется тотъ... Привезъ тѣло Фома, а что и откуда,—я не знаю... Спрашивай у него лучше.

— Гдѣ онъ?

— Да тутъ же! гдѣ ему быть?! Эй, Фома! гдѣ ты тамъ? иди, разсказывай!..

— Фома, Фома! Да гдѣ же Фома? слышалось въ толпѣ. Сейчасъ тутъ былъ... Эй, Фома!

— Былъ да уѣхалъ! отозвался кто-то... Какъ только вотъ эти показались у околицы, такъ сѣлъ въ повозку и угналъ... Я видѣлъ! Шибко такъ погналъ и не оглядывался...

— Гм! процѣдилъ сквозь зубы графъ—подозвалъ кавасовъ, шепнулъ имъ что-то на ухо, тѣ мигомъ сообразили, передали графскаго коня кафеджи Стефо на попеченіе, а сами вскочили въ сѣдла и ускакали.

А старуха опять опомнилась, да снова за полы уцѣпилась... Теперь и разобратъ нельзя, что она бормочеть.

Оглянулся графъ Михаилъ Рослани—венгерецъ, ренегатъ, слуга султана,—видитъ все свои осалиси, албанцевъ и слѣдъ простылъ. Подошелъ онъ къ тѣлу, снова приподнял коверъ, сталъ на колѣни и поцѣловалъ въ лобъ стараго Кирилу.

— Найду я твою дочь, бѣдный батько... Богомъ истиннымъ клянусь тебѣ!.. Ты умеръ, не дожилъ,—мы за тебя доживемъ до другого, радостнаго времени... Спи съ миромъ—и молись тамъ за насъ грѣшныхъ...

Наотмашъ перекрестился графъ Михаилъ Рослани, поднялся, сказалъ въ слухъ, такъ чтобы всѣ, кто тутъ не былъ, слышали:

— Смотри! время теперь такое, что все, что кто видитъ и слышитъ, забыть надо, какъ словно того и не было вовсе. А потомъ вынуть десять золотыхъ, отдать ихъ Стефа и приказалъ ему взять бѣдную мать подъ свое попеченіе, беречь ее пуце глаза и съ почетомъ похоронить останки убитаго...

— Мы еще увидимся! крикнулъ онъ народу, садясь на лошадь... И, не надѣвая фески, шагомъ проѣхалъ мимо тѣла, грустно глядя въ ту сторону, гдѣ изъ-за массы зелени, краснѣлась черепичная крыша опустѣлаго дома Кирилы...

Перешептывались червно-солнчане между собою:— что такое за оказія!

— Не онъ, такъ „инглизъ“, больше некому!.. разсуждаютъ въ толпѣ... Ишь ты: деньги далъ, Богу по нашему молился, добрые рѣчи молвилъ... Не онъ, значить... У Кирилы бумага была вѣрная, никто бы ни посмѣлъ бы его съ этою бумагою тронуть... А тронулъ кто, значитъ такой, для котораго каймакамскія печати левое дѣло!..

— Жалобу надо писать и отвезти эту жалобу въ городъ... что на нихъ смотрѣть! наше дѣло правое!

— Правому дѣлу, правымъ людямъ и мѣсто почетное... Тамъ за городомъ высокихъ висѣлицъ нагородили довольно! Жаловаться!.. Нѣтъ, жаловаться кому охота идти—иди, а я не согласенъ!..

— Они насъ, мы ихъ! вотъ что надо дѣлать! высунулся впередъ Симко, женихъ бывший Анны.

Пищаль какую-то старую досталъ, ржавленную, кремневую, лыкомъ связанную, лѣзетъ впередъ и кулаки сжимаетъ.

— Вотъ что надо дѣлать, кричить!.. Эхъ, ушелъ *этотъ*—я бы вамъ показалъ, какъ болгары жалуются. Я бы вамъ показалъ!.. Глаза осоловѣлые, рубаха распахнулась на косматой груди, въ дегтю вся переначкана.

— Тихе ты, блажной! шарахнулись даже отъ него односельчане... эко сумасшедшій!

— Отними у него ружье! связать бы его пока!.. Бѣды надѣлаетъ сдуру, а тамъ всѣмъ селомъ отвѣчай!..

— Бѣды, бѣды! оретъ во все горло Симко,—за одно поколѣвать, а то хоть не даромъ!..

Трое дюжихъ ребятъ насилу его уgomонили и въ сарай заперли, остыть немного.

— Пьянъ, говорятъ, съ горя, такъ и разить отъ него ракей!.. Вотъ отъ того и куражится!..

— Лучше бы прежде глядѣлъ, когда *та* съ другимъ любовалась, а то тогда, небойсь, все изъ-за воза да изъ-за стѣночки, а теперь, вишь ты, расходился!..

— Пьянъ онъ, это точно, а что сказалъ, такъ въ томъ не все бездѣлье, и дѣло найдется, словно про себя промолвилъ другой парень, Илья Кубаевъ, махнулъ рукою и прочь пошелъ, глядя въ землю на свои мозолистые пальцы ногъ, выглядывающіе изъ-подъ равныхъ опанокъ.

Догнали мигомъ албанцы телѣжку Фомы Шумова. Тотъ и самъ, видя, что за нимъ гонятся, сдержалъ свою рыжую кобылу, поѣхалъ потише... Все, молъ, не такъ подозрительно...

Да и чего ему бояться?! Онъ человѣкъ правый: ѣхалъ дорогою, видитъ тѣло, поднялъ, привезъ въ деревню; доброе дѣло сдѣлалъ, ничего больше. Какая можетъ быть за это отвѣтственность?..

— Стой! насккалъ на него Галебъ,—погоди немного—дѣло есть до тебя, куда торопишься!..

— Селямъ алейкюмъ! приложилъ Фома руку ко лбу и къ сердцу. Тпру!.. Селямъ алейкюмъ... что надо?

— Господишъ нашъ говорить съ тобою хочеть,—сообщилъ Галебъ. Видѣлъ тебя. Дѣло есть,—а ты уѣхалъ...

— И кобылу свою не жалѣешь, —добавилъ Рустемъ. Какъ погналъ вскачь, словно волки за тобою гнались!..

— Волки не волки, а хуже волковъ, пожалуй! подумалъ помакъ, вслухъ только не высказалъ своей мысли.

— А гдѣ же эфенди Рослани?.. спросилъ онъ... Я вернусь, если его милость до меня дѣло имѣеть, я

всегда съ головой и руками къ услугамъ его милости...

И Фома началъ было уже заворачивать свою лошадь, взмыленную отъ усиленнаго бѣга.

— Здѣсь подождать велѣлъ, — произнесъ Галебъ... Тутъ стой! Должно быть есть что нибудь такое, что при людяхъ чужихъ не хочетъ высказываться.

— Здѣсь стой! добавилъ Рустемъ — и намъ велѣлъ, какъ тебѣ нагонимъ, такъ задержать и здѣсь дожидаться. Ты куда ѣхаль-то?

— Да вотъ въ Червленъ-Аскеръ... то, бишь, нѣтъ... зачѣмъ мнѣ туда!.. Домой, въ городъ ѣду, спохватился помакъ.

— Ну вотъ и намъ по дорогѣ. Раскури-ка трубочку... Эхъ—дѣла, дѣла! гдѣ купилъ кобылу?

— Изъ Силистріи знакомый привелъ одинъ... Эхъ, спички отсырѣли... загороди-ка, другъ, съ этой стороны отъ вѣтра.

— Что тамъ вышло такое—кого убили? Народъ галдитъ, волнуется! Что вышло такое?!

— Да я почему знаю!..

Постояли съ четверть часа на мѣстѣ... Кошки на сердцѣ скребутъ у Фомы Шумова, а прикидываться равнодушнымъ надо. Просто сквозь землю готовъ бы онъ провалиться тутъ и съ телѣжкой своею, только бы отъ этихъ двухъ „разбойниковъ“ подальше!.. Эти торчатъ тутъ, словно часовые, по обѣимъ сторонамъ телѣги, его же трубочку поочередно курятъ и въ длинные свои усы подсмѣиваются...

Нагналъ ихъ въ такомъ положеніи графъ Михайлъ Рослани, ничего не сказалъ, только рукою махнулъ и поѣхалъ впередъ шагомъ; за нимъ тронулась телѣжка, а сзади конвоемъ оба албанца.

Мало добраго для помака предвѣщала косою взглядъ графа Рослани, которымъ тотъ окинулъ Фому Шумова, пробѣжавъ мимо его телѣжки, оставивъ безъ отвѣтнаго привѣтствія.

Самъ заговорить Фома не рѣшился, молча идетъ за хвостомъ вороного жеребца; тотъ рысью пойдетъ—и его подгоняютъ албанцы, задержать тотъ свой шагъ и возжи рыжей кобылы натягиваются... Пытка да и только...

И тянулась эта пытка часа три, пока не пріѣхали какъ разъ на то самое мѣсто передъ оврагомъ, гдѣ и теперь неподвижно стояла посреди дороги повозка съ колщевымъ навѣсомъ. Гдѣ графъ остановился.

— Это тутъ и случилось?.. произнесъ Михайлъ Рослани, тѣнувъ даже пальцемъ для ясности.

— Здѣсь я тѣло его нашелъ, отвѣчалъ Фома... ѣду я—уже къ ночи дѣло было—ѣду...

— Кто же убилъ его?.. нахмурилъ брови графъ. Можетъ быть ты и это знаешь?.. Вѣдь ты все знаешь!..

— Откуда же мнѣ знать! потупился Фома... Аллаху все извѣстно, а я человѣкъ, я откуда знать могу...

— Такъ! А мнѣ вотъ по твоимъ лисьимъ глазамъ кажется, что знаешь. Ну-ка скажи мнѣ, по дружбѣ.

Блѣденъ былъ графъ и губы у него дрожали, когда онъ спрашивалъ, еще блѣднѣй былъ Фома Шумовъ, дѣлая страшныя усилія, чтобы заставить себя спокойно взглянуть прямо въ глаза допросчику. Не слушаются проклятые глаза, сами собою тупятся въ землю, выдають соучастника.

— Видишь это мѣсто? графъ указалъ на черныя пятна высохшей крови на дорожной глинѣ видишь?.. И ты сдохнешь на этомъ же самомъ мѣстѣ, и сдохнешь прежде, чѣмъ молитву прочесть успеешь, если сейчасъ же не скажешь мнѣ всю правду.. Скажешь правду, самъ на себя покажешь и то отпущу цѣлаго, солжешь—умрешь.. Ну, говори же теперь...

— Я ничего не знаю.. заплакалъ Фома Шумовъ.. я ничего не знаю... Сильный человѣкъ—ты можешь убить слабого, невиннаго.. я ничего не знаю.. Клянусь пророкомъ если я лгу, клянусь кораномъ.. пусть...

— Осмотрите его! распорядился графъ.

Албанцы мигомъ исполнили его приказанія. Изъ этого испытанія помакъ вышелъ чистымъ. Рослани подозрѣвалъ его въ убійствѣ, онъ думалъ найти у него оружіе, онъ этимъ путемъ хотѣлъ уличить его и до крови закусилъ губы съ досады.

А Рустемъ внимательно оглядывалъ окрестности, онъ даже отѣхалъ въ сторону, за тѣмъ вернулся и просилъ графа ѣхать вмѣстѣ.

Графъ и Рустемъ тронулись на поиски. Они переѣхали оврагъ, прошли ложиною и выбрались на мѣсто, гдѣ останавливался помакъ, когда ходилъ въ балку къ Дику и его товарищу. Слѣды его сапогъ отсюда тянулись какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ видны были слѣды бивуака конныхъ, отсюда эти слѣды поворачивали назадъ къ повозкѣ, а конскій слѣдъ, шель въ другую сторону, прямо къ мѣсту катастрофы... этими же конскими слѣдами истоптано было вокругъ телѣги, отпечатки кованныхъ копытъ сохранились еще довольно ясно, подъ безчисленными, волчьими слѣдками; сначала было Рустемъ принялъ ихъ за слѣды собственныхъ лошадей, они тоже толклись тутъ ночью, но приглядѣвшись внимательнѣй узналъ между ними крупный отгискъ и европейскую подкову лошади Дика,—тотъ вѣдь былъ на англійской рослой кобылѣ своего господина это открытіе и повело его на идею изслѣдовать слѣды далѣе. Дѣло выяснялось, а съ нимъ вмѣстѣ выяснялось и участіе Фомы Шумова...

Мелкій дождь чуть было не испортилъ всего, и не сгладилъ предательскихъ отпечатковъ, но все таки опытный воровской глазъ не могъ опибиться. Несчастный предатель, въ какомъ то полуобморочномъ, отупѣломъ состояніи наблюдалъ за розысками. Ему въ голову пришли вдругъ несчастныя мысли: бѣжать, —онъ вдругъ дико гакнулъ на свою кобылу и понесся по дорогѣ. Галебъ даже захохоталъ отъ этой попытки—ну гдѣ же въ телѣгѣ усаждать отъ трехъ конныхъ!.. Въ два скачка, онъ обогналъ бѣглеца и загородилъ ему дорогу.

— Однако ты не умный человѣкъ, а дуракъ,—укориженно покачалъ головою албанецъ...

— Спаси меня! прошепталъ помакъ. Все, что у меня есть, все себѣ бери,—спаси только...

— Ты еще глупѣе—чѣмъ я думалъ сначала, насмѣшиво произнесъ Галебъ, отобравъ у него изъ рукъ возжи.

— Сколько получилъ ты за это дѣло? подѣхалъ, какъ разъ въ эту минуту Михайлъ Рослани.

— Ничего, ничего... простоналъ тотъ, вылѣзая изъ телѣги и опускаясь на землю, не я убивалъ только. Мнѣ говорили, что крови не будетъ... я бы не взялся если бы зналъ... Клянусь пророкомъ.. Мнѣ говорили.

— Кто говорилъ?

— Инглизъ, ефенди Говвардъ.

— Она теперь тамъ въ Червленъ-аскерѣ?

— Тамъ.

— Она жива, она не ранена, ее не мучили... да? да? ну, говори скорѣе!..

— Не знаю. Нѣтъ, нѣтъ... они не смѣли бы ея тронуть—тутъ былъ Дикъ, онъ наблюдалъ... Дикъ черный.

— Ну слушай же:

Графъ говорилъ почти въ полголоса, но каждое его слово, такъ и звонило въ ухахъ Фомы Шумова.

— Ну слушай же: Я тебѣ дамъ бумагу, ты завтра, за часъ до полуночи, привезешь въ Червленъ-аскеръ. Ты скажешь, что эта бумага отъ бимъ-баши Джемиля, слышишь? и больше ничего. Ты не знаешь, что въ этой бумагѣ. Тебѣ велѣлъ ее отвезти и передать Чаушу Ибрагиму въ собственныя руки самъ бимъ-баши, понимаешь?..

— Понимаю.

Этимъ ты поправишь свое черное дѣло, заслужишь мою милость, а главное сбережешь свою голову, потому

что... Слушай внимательно, ты можешь клясться и про рокомъ и кораномъ и хоть самимъ аллахомъ, и тебѣ никто не повѣритъ, а я и безъ клятвы скажу слово и такъ, по слову моему и сбудется... Я тебѣ теперь говорю: ежели ты не исполнишь точно всего, что тебѣ мною велѣно...

— Исполню, въ точности исполню!

— Молчи, скотъ! если ты испортишь мнѣ дѣло, комунибудь проболтаешься, минутою опоздаешь явиться съ бумагою въ Червленъ-аскеръ, шепнешь тамъ не по моему—ты будешь мною убитъ и ты отъ меня никуда не спрячешься и никто тебя не спрячетъ, развѣ успѣешь бѣжать вонъ изъ Турціи, такъ и тамъ, знай: я рано или поздно отыщу тебя и покончу, понялъ?

Фома Шумовъ только голову наклонилъ въ знакъ покорности и поцѣловалъ стремя Михаила Рослани.

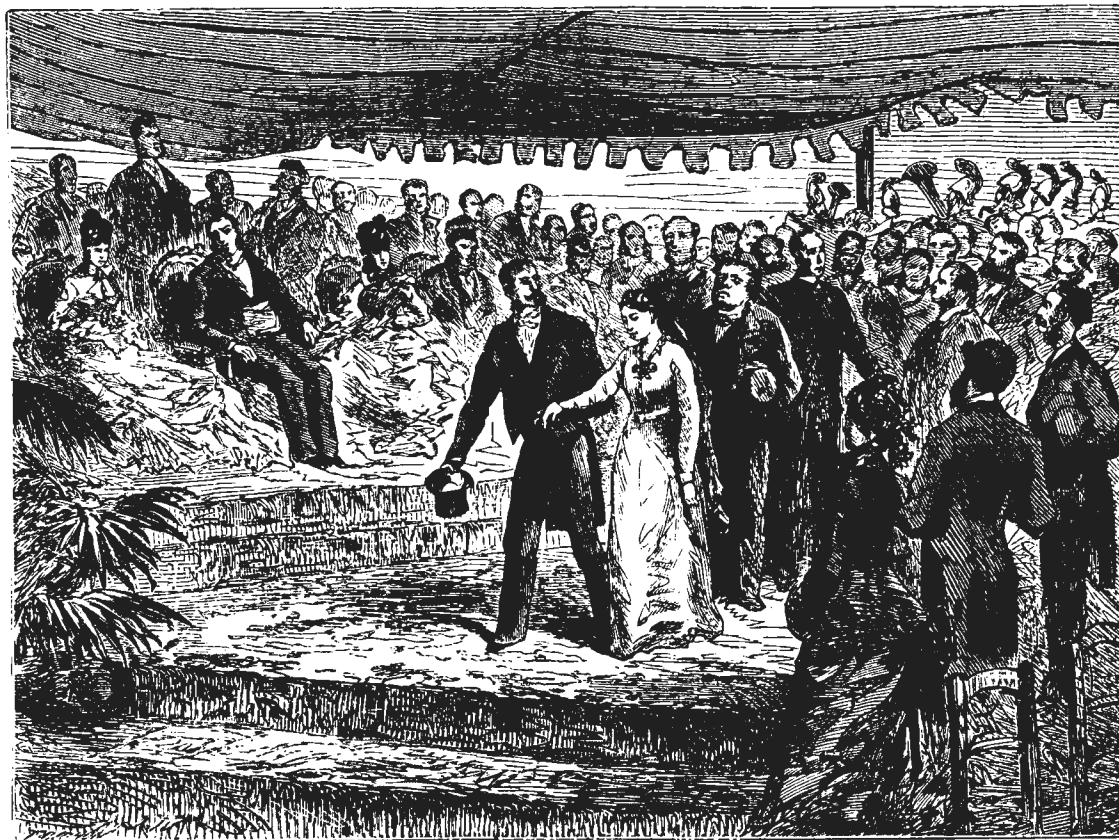
— Завтра раньше часа передъ полночью ты не долженъ быть въ Блокгаузѣ, ни видѣться съ Ингли-

Графъ и Рустемъ прослѣдили его глазами, пока тотъ не скрылся и шагомъ поѣхали въ „Луково“.

Тѣмъ временемъ пьяныя слова, сорвавшіяся въ хмѣльномъ горѣ жениха Симко, не пропали даромъ, на вѣтеръ. Кромѣ Ильи Кубеева нашлись ребята, что въ душѣ сочувствовали дѣлу рѣшительнаго протеста, чѣмъ безцѣльныя жалобы по начальству.

Въ ту же ночь въ пустомъ сараѣ, за выгономъ, втихомолку собралось человѣкъ десять червно-солнечанъ, пристроился къ нимъ еще захожій торгашъ гребенщикъ изъ Добруджа, Максимъ Пѣгашъ, и задумали они на этотъ хоть разъ выместить на чемъ да ни на-есть свою злобу, сорвать наболѣвшее сердце.

Теперь они обсуждали какъ бы дѣло сдѣлать такъ, чтобы слѣды схоронить, на другое-что еще лучше сбереечь свои головы, пакость какуюнибудь сдѣлать, чтобы на самихъ турокъ нагнать страху, можетъ быть

Увѣщаніе розами во Франціи. Рис. Тернонь, грав. Лаплантъ.

зомъ, ни съ кѣмъ изъ его слугъ,—убью все ровно тоже, если не исполнишь этого.

— Вернись назадъ въ Червннй-солннчкъ и сиди тамъ. Тамъ за тобою слѣдить будутъ.. проводить тебя Галебъ,—садись въ повозку и пошелъ!

— Это дѣло до васъ не касается! кончилъ графъ, обращаясь уже не къ помаку, а къ своимъ албанцамъ.

— Мы дѣлаемъ. говоримъ, мы думаемъ только такъ, какъ повелитъ эфенди! отвѣчалъ Рустемъ и за себя и за товарища.

Графъ слѣзъ съ лошади, досталъ изъ кармана книжку, вырвалъ листокъ тонкой, желтоватой бумаги, написалъ карандашемъ по-турецки нѣсколько словъ, заклеилъ написанное въ конвертикъ и передалъ Фомѣ Шумову.

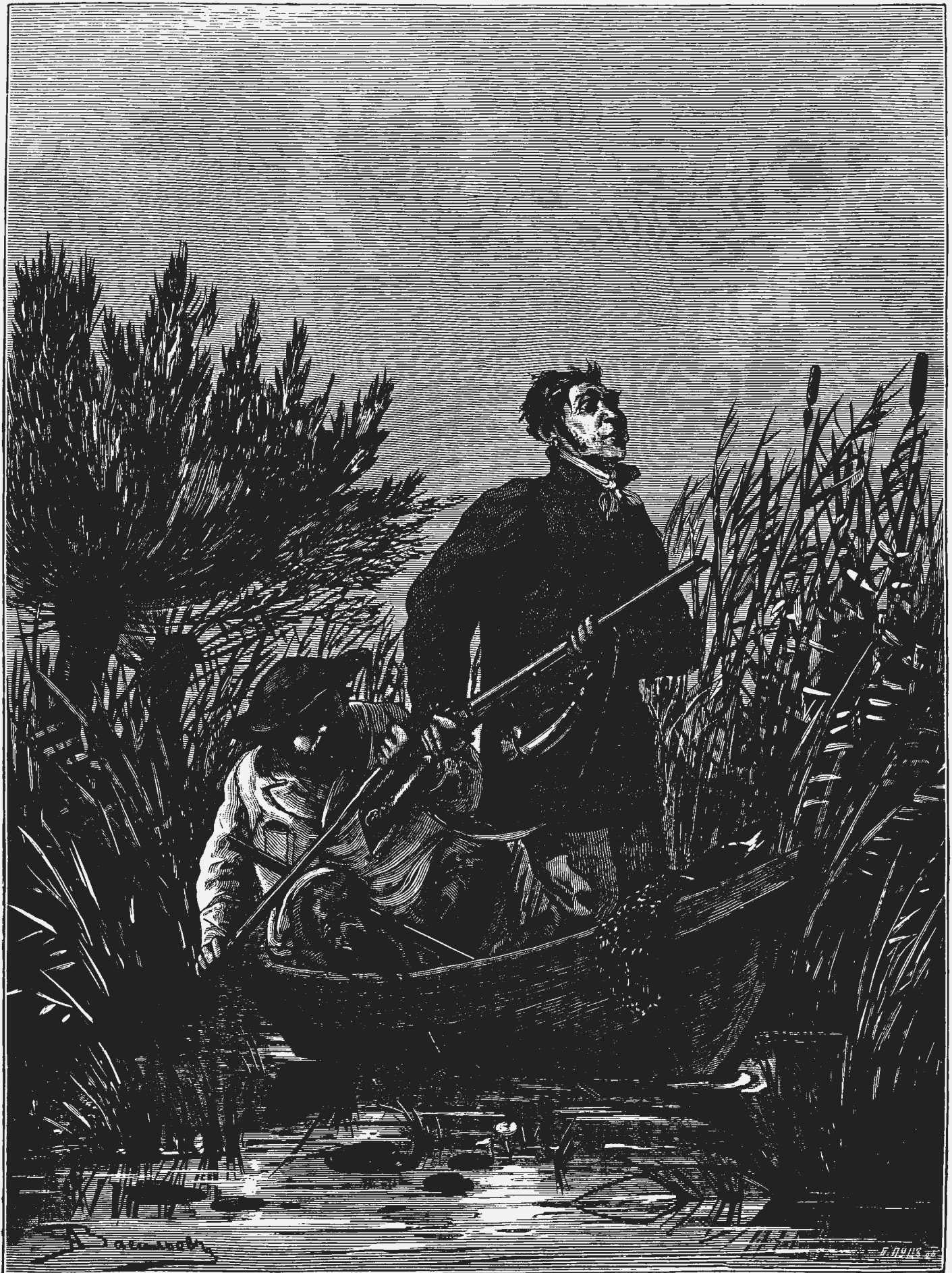
— Это ты отдашь Чаушу Ибрагиму,—повторилъ онъ, выразительно глядя на него.

— Отдамъ въ руки, шепталъ тотъ, садясь въ тележку.

тогда, хоть подъ вліяніемъ возмездія, станеть сносите ихъ вѣчно тревожная, обездоленная жизнь.

Долго толковали ребята, горячились сначала шибко, особенно Симко, да Илья Кубеевъ, да опытный воръ Максимъ Пѣгашъ ихъ урезонилъ повели дѣло чисто, всякую мелочь все обдумывали, всѣ случайности предугадывали, все разбирали по ниточкамъ.

Прежде всего намѣтили себѣ жертву.. этою жертвою долженъ былъ служить блокгаузъ Червленъ-аскеръ, со всѣмъ своимъ населеніемъ, они ловко, инстинктивно угадывали своего настоящаго врага. Инглизъ вѣдь не даромъ увивался за Анной,—ужь не одна болгарская дѣвушка въ его рукахъ перебивала, были и такія межъ ними, что возвращались домой живы, здоровы, еще и съ прибылью, съ деньгами да подарками, весело даже о своихъ побывкахъ говорили, добромъ вспоминали, была одна такая, что привезли ее назадъ въ деревню, еле живую, въ полгода все поправилось, а поправилось такъ только для того, чтобы на чердакъ под-

Охота на утень. Ориг. рисунокъ А. Васильева, грав. Б. Шцъ.

пяться, да тамъ на перекадинѣ повѣситься... Были и такія что и вовсе не возвращались.

— А первый подлець всему дѣлу, говорилъ Максимъ Пѣгашъ, это Фомка Шумовъ... Вы вотъ всѣ ему

челомъ бьете, за радѣльщика всему міру почитаете, а мы, тоже, пришлые, не здѣшніе, кое что о немъ слышали.

Н. Каразинъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

В А Л А А М Ъ.

(ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ).

(Окончаніе).

Мы идемъ черезъ „Святія ворота“ снова на монастырскую площадь. Внутри воротъ останавливаютъ невольно наше вниманіе старыя потертыя образа, писанные прямо на стѣнахъ и изображающіе видѣнія какихъ-то святыхъ, при чемъ немалую роль играютъ черти съ ужасными мордами. Живопись сильно попорчена, стерта и не подновляется по весьма понятной причинѣ...

Вотъ и кладбище. Могила короля Магнуса отыскать не трудно: она у самой стѣны направо. Это небольшая бѣлая плита, низенькая, покатая книзу, окруженная небольшими деревьями, кажется, кленами. Монастырское преданіе рассказываетъ, что въ 1371 году иноками былъ спасенъ человекъ, посившійся на корабельной доскѣ по волнамъ возлѣ острова. Человекъ этотъ назвался королемъ шведскимъ Магнусомъ II-мъ, остался на островѣ, принялъ схиму, и когда умеръ, то былъ погребенъ на общемъ братскомъ кладбищѣ. На плитѣ красуется слѣдующее стихотвореніе:

На семь мѣстъ тѣло погребено,
Въ 1371 году землѣ оно предано,
Магнуса шведскаго короля,
Который, святое крещенье (?) восприя,
При крещеніи Григоріемъ нареченъ.
Въ Швеціи онъ, въ 1336 году рожденъ,
Въ 1360 году на престолъ возведенъ.
Великую силу имѣя, и оною ополченъ
Двоекратно на Россію воевалъ
И о прекращеніи войны клятву давалъ;
Но преступивъ клятву, паки вооружился,
Тогда въ свирѣпныхъ волнахъ погрузился.
Въ Ладожскомъ озерѣ войско его осталось.
И вооруженнаго флота знаковъ не оказалось;
Самъ онъ на корабельной доскѣ носился
Три дня и три ночи Богомъ хранился,
Отъ потопленія былъ избавленъ,
Волнами къ берегу сего монастыря управленъ.
Иноками взятъ и въ обитель внесенъ.
Православнымъ крещеніемъ просвѣщенъ:
Потомъ, на мѣсто царскія дѣдимы,
Облеченъ въ монахи, удостоился схимы,
Поживъ три дня, здѣсь скончался,
Бывъ въ коронѣ и схимой увѣнчался. *)

Внизу изображенъ схематическій рисунокъ „адамовой головы“ и двухъ перекрещенныхъ костей.

Громадный колоколъ, повѣшенный на небольшомъ деревянномъ срубѣ передъ мраморной часовней (на колокольныхъ онъ не умѣщается) гудитъ и воетъ, возвѣщая наступленіе завтрашняго праздника. Весь воздухъ налитъ дрожащими густыми волнами его могучаго баса, стѣсненіе чувствуется въ груди, когда проходишь слишкомъ близко возлѣ него, и до боли раздражается барабанная перепонка. Спускаешься подлѣ гору, поворачиваешь влѣво, звонъ замираетъ, дѣлается чище, бархатнѣе. Какъ долженъ быть онъ хорошъ въ тихую погоду съ озера...

Дальше, дальше въ глубь острова... Что ни видъ—то картина. Дорога вѣтся по берегу озера, отдѣленная отъ него небольшою стѣной деревьевъ. Съ другой стороны круто взлетаютъ вверхъ массивныя глыбы гранита, а на нихъ вѣковой сосновый лѣсъ раскинулъ свои темныя чаши. Какая масса цвѣтовъ! Все ландыши, ландыши, ландыши... Не столько видишь, сколько чувствуешь ихъ присутствіе. Пороку мелькаетъ желтая головка, круглый пузырь одуванчика, головка клевера, да изящно окрашенная бабочка трехцвѣтной фялки. Лѣсъ больше хвойный, но мелькаетъ и ольха, и осина, и черемуха, и жимолость, и калина. Говорятъ, что иноки разводять и кедры, и лиственницы, и каштаны, и пихты; у нихъ въ саду и въ оранжереяхъ растутъ превосходныя арбузы, дыни, тыквы...

Дорога то поднимается, то опускается, вѣтся то въ одну, то въ другую сторону, указывая на былые перевороты историческихъ періодовъ. Весь лѣсъ наполненъ свистомъ и стрекотаньемъ,—вороны, синицы, чижи, жаворонки, малиновки, снгири, дрозды,—всѣ заявляютъ свое присутствіе и карканьемъ,

и пѣньемъ, и постукиваньемъ. Даже соловей поселился здѣсь, и не стѣсняясь монастырскимъ звономъ заливается своими весенними хватаящими за душу пѣснями...

Лоси, зайцы, олени, лисицы—постоянные жители здѣшнихъ лѣсовъ. Безусловное запрещеніе охотиться за ними обратило Валаамъ въ какую-то идиллическую мѣстность. Иноки рассказываютъ, что когда имъ случается набѣзжать на стадо дикихъ оленей, стоящее на дорогѣ, то они, подобно домашнимъ коровамъ, разступаются, чтобы дать проѣздъ, и опять сходятся на прежнее мѣсто... Мнѣ припоминается рассказъ одного художника-академиста, работавшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Валаамѣ.

— Накидывалъ я прелестную лѣсную глушь, рассказывалъ онъ. Вокругъ тишина такая, свѣтловыя пятна удивительныя, увлеченъ я былъ своей работой чрезвычайной. Только чувствую, что на меня смотритъ кто-то съ боку изъ травы. Я оглянулся,—нѣтъ никого. Принялся за работу,—ну чувствую, что смотрятъ. Вы можете быть знаете подобное ощущеніе,—непріятно оно въ высшей степени. Всмотриваюсь внимательнѣе. Вижу, сидитъ въ травѣ противъ меня,—кто бы вы думали?.. Лисица! Сидитъ и смотритъ прямо мнѣ въ глаза съ такимъ любопытствомъ, точно сказать хочетъ: что это вы, милостивый государь, здѣсь дѣлаете?.. Я разсердился даже, махнулъ на нее кистью,—она хоть бы моргнула. Я привсталъ, ногой топнулъ, крикнулъ,—она отбѣжала нѣсколько шаговъ поворотилась и опять смотреть, даже присѣла опять. Началь работай,—не могу—смотреть. Поднял я обломокъ какой-то кости съ земли, пустилъ въ нее—только тогда и убралась...

Я передаю эту исторію спутникамъ. Одинъ изъ нихъ, тоже художникъ, работавшій много на Валаамѣ, рассказываетъ съ своей стороны „случай“.

— Приѣхалъ я сюда, занялъ очень удобную мастерскую. Отецъ-казначей, который отвелъ мнѣ ее, говоритъ: вы держите, пожалуйста, вашу комнату на замкѣ, во избѣжаніе всякихъ соблазновъ: мало-ли что у васъ тамъ есть—сардинки, сыръ, чай... А коли пропадетъ что—мнѣ заявите. Только прихожу я въ одинъ прекрасный день—четверки чай, что оставилъ, уходя, на столѣ, какъ не бывало. Я къ отцу-казначее: „такъ и такъ, батюшка“... Онъ пошелъ комнату освидѣтельствовать.—На запорѣ, спрашиваетъ, у васъ была она?—„На запорѣ.“—Можетъ окно отворено было?—Я и ротъ разинулъ:—„Да вѣдь въ третьемъ этажѣ;“ говорю.—Ничего, говоритъ, не значить. къ намъ птицы залетаютъ, пойдемъ-те ка подлѣ окно въ садъ пошаримъ. Пошли—и вѣдь точно нашли: весь фунтъ рассыпанъ подлѣ кустомъ и бумага клювомъ вся протыкана... А батюшка поспѣшивается: вы съ нашими воронами не шутите...

— Удивительныя вороны,—соглашаемся мы.

И точно въ подтвержденіе разказа, мы наткнемся на дятла; сидитъ внизу на деревѣ и стучаетъ своимъ желѣзнымъ клювомъ. Подошли мы, онъ остановился, посмотрѣлъ на насъ однимъ глазомъ, моргнулъ, и опять застучалъ. Я протянулъ къ нему руку, онъ рванулся кверху и сѣлъ повыше.

Тамъ, гдѣ надо переходить съ одного острова на другой,—мѣстами перекинуты мосты, съ нихъ открываются на всѣ стороны удивительныя панорамы. Вода здѣсь тиха и прозрачна, какъ стекло; если проскользнетъ по ней инокъ въ челнокѣ, такъ надолго взбудоражить ея поверхность,—долго еще колышется бережыня подводныхъ травы и рябится отраженіе, пока опять не возобновится тишь и не замретъ въ недвижномъ покоѣ и обступившій ее лѣсъ, и алая тающая за этимъ лѣсомъ заря, разметавшаяся по небу багряными клочками облаковъ. Сквозь прогалины мелькаютъ отдѣльныя главы церквей и скитовъ, проносится далекой благовѣсть... Блаженныя, обѣтованныя мѣста!..

— Только и комары же здѣсь: восклицаетъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, отмахиваясь платкомъ отъ ужасныхъ насѣкомыхъ, сѣткой нависшихъ вокругъ насъ...

* * *

Трезвонъ во всѣ колокола возвѣщаетъ наступленіе праздника. Народъ высыпаетъ изъ келій. Какъ свѣжъ и чистъ утренній воздухъ; ночной дождь смыслъ и омылъ дорогу. Зданія, зеленъ. Послѣдніе обрывки дождевыхъ тучъ уносятся къ востоку, солнце весело пробивается изъ-за нихъ, и пестритъ полосами просвѣтовъ и толпу, и площадь, и озеро.

Скоро двинется крестный ходъ. Ему слѣдуетъ отправиться въ скитъ Всѣхъ Святыхъ, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ монастыря. Мелькаютъ образа, фонари, хоругви. По два въ рядъ выступаютъ монахи и священники въ мантияхъ и ризахъ;

*) Эти свѣдѣнія о королѣ Магнусѣ не согласуются съ историческими. Магнусъ II, Стройный или Эриксонъ сынъ герцога Эрика Голландскаго род. 1310 года, вступилъ на шведскій престолъ въ 1333 году. Въ 1365 году герцогъ Альбрехтъ Мекленбургскій задалъ его въ пѣни. Получивъ свободу онъ отправился въ Норвегію къ своему сыну Гакоу, но погибъ во время переправы черезъ бродъ (въ 1374 г.). Тамъ говорятъ исторія, но Магнусъ могъ спастись отъ гибели въ морскихъ волнахъ и быть погребеннымъ на Валаамѣ. Въ такомъ случаѣ года показанные на могильной плитѣ заслуживаютъ болѣе достовѣрности.

впереді йдець кліросная братія съ молебнымъ пѣніемъ,—а далѣе длиннымъ, пестрымъ безконечнымъ хвостомъ тянутся богомольцы. Разъ только въ годъ, въ этотъ день (праздникъ Всѣхъ Святыхъ, въ восьмую недѣлю по Пасхѣ) дозволяется всѣмъ богомольцамъ безъ различія пола вступать въ суровый скитъ: въ остальное время входъ въ него женскому полу „возбраненъ“. Здѣсь круглый годъ царствуетъ самый строгій аскетизмъ и умерщвление плоти: трапеза здѣсь не только лишена скоромнаго масла, но даже рыбы и состоитъ исключительно изъ овощей...

Ходъ тянется, вьется, вздымается, опускается, какъ колоссальный змѣй, съ золотомъ блестящею головой. По дорогѣ у Владимірской часовни, возлѣ перваго скитскаго моста (см. рисунокъ внизу налѣво) читается евангеліе. Нѣсколько далѣе, у гравитнаго креста, поставленнаго на перепутьѣ, читають ектеню, кропятъ святой водой на всѣ стороны. Ходъ спускается въ жолобину, и чудный видъ открывается сверху. На небольшой полянѣ внизу, обрамленный со всѣхъ сторонъ лѣсами, волнуется нѣсколько десятинъ золотистой заколосившейся ржи; какая-то рѣченка ползетъ, по серединѣ, подползаетъ подъ старенькій мостъ и терлется вдаль. Вѣтерокъ прохаживается по хлѣбамъ волнами, шелеститъ волосы на непокрытыхъ головахъ богомольцевъ, играетъ головными платками женщинъ, кистями хоругвей. Весь ходъ въ полномъ составѣ представляется взору. Какъ все свѣжо, пестро и красиво!..

Финская рѣчь раздается вкругъ. Большинство богомольцевъ—финны, пришедшіе сюда и въ Коневецъ на соблазахъ. Загорѣлые, бѣлоголовые, въ такихъ же драныхъ зипунникахъ, какъ и наши великорусскіе крестьяне, мягко ступаютъ они сапогами, лаптями, а часто и простыми подошвами по пыльному пути. Безжизненно тупо смотрятъ ихъ глаза, часто слезящіеся, больные. Ихъ совѣмъ забиваетъ унылая, чахлая, недающая „благъ земныхъ“ родина. Для нихъ Валаамскій монастырь—великое дѣло; плохо зная по русски, они исповѣдають нашу вѣру: имъ выгодно ее исповѣдывать. Они знаютъ, что монастырь скорѣе чѣмъ кто нибудь поддержитъ ихъ въ лихое время. Въ глухую осеннюю погоду, съ опасностью жизни пробираются они сюда, что бы пожить недѣлю другую на счетъ монастыря, исполнить кое-какія работы. Въ случаѣ болѣзни ихъ бесплатно будутъ лечить въ монастырѣ и съ собой отпущатъ лекарства. На дорогу дадутъ и сапогъ, и бѣлья и платья; дадутъ хлѣба, сѣна, овса.—даже денегъ въ крайнемъ случаѣ. Бывали примѣры, что въ концѣ января и въ февралѣ, когда между Сердоболемъ и Валаамомъ установится уже прямое сообщеніе по льду, партія несчастныхъ по 15-ти, 20-ти градусному морозу отпраплялись въ монастырь и замерзали, занесенные вьюгой въ нѣсколькихъ верстахъ отъ чѣли своего путешествія...

— Смотрите, ради Бога, говорятъ мнѣ одинъ спутникъ:—говорятъ, сюда нельзя принести водки. А глядите на странника-то нашего: еле держится.

И точно,—пилигриммъ, ѣхавшій съ нами на пароходѣ, въ послудническомъ одѣяніи и скуфейкѣ („я изъ разстриженныхъ“, объяснилъ онъ намъ тогда-же),—еле шагаетъ сапожищами, и мрачно поглядываетъ „залитыми глазками. Изъ кармана трубка торчитъ и онъ ее старательно запихиваетъ. Рожа испитая, корявая, съ невообразимымъ носомъ, за спиной клеенчатый облупленный ранецъ на ремняхъ, въ рукахъ палка.—Совѣмъ готовый этюдъ для Рѣпина,—шепчетъ мнѣ художникъ, съ восторгомъ глядя на него.

— Вамъ что? раздается вдругъ сильный басъ странника, замѣтившаго наши взгляды.—Вамъ что? Что вы, пьянаго не видали?.. Нѣтъ ска—а—жите, вы чего смотрите?

— А вы чего смотрите?

— Я? Я двух-гривеннаго отъ васъ быть можетъ жду, а вы мнѣ не даете. Мы третій день знакомы, а вдругъ вы такъ, можно сказать, невѣжливы... Что это—пріятно для меня, какъ вы думаете?..

— А зачѣмъ вамъ двугривенный?

— Мнѣ?.. Вѣдь вы сегодня ѣли что нибудь? Ыли—вогъ видите! А я нѣтъ. Но я ѣсть тоже хочу, ибо—человѣкъ. Взалкалъ и возжаждахъ, аки Агарь въ пустынѣ.

— А зачѣмъ же вы напились, лучше бы ѣли на эти деньги. — Ахъ, какъ вы это умно говорите, какъ вы умно говорите!—Странникъ утираетъ руки въ боки и даже приостанавливается. Вы такъ умно говорите, что я вамъ возразить не могу ни...

— Тыфу ты окаанный,—отплеивается сосѣдняя баба,—вотъ бѣсъ-то передъ заутреней!..

— А тебя, старая корга, трогаютъ? Тебя трогаютъ,—поводитъ носомъ и засучиваетъ рукава у колоссальныхъ кулаковъ странникъ.—А? Говори, трогаютъ?

Баба затирается въ толпу, странникъ за ней.

А послѣ дождливой ночи ландыши пахнутъ еще сильнѣе, слаще. Вотъ и скитъ будетъ скоро: ужъ мелькнули вдалекѣ неблѣнные простенькіе домики съ остренькими зелеными крышами. На встрѣчу намъ показывается другой ходъ, скитскій. Солнце совѣмъ вышло изъ-за тучъ и играетъ на неземныхъ главахъ и крестахъ, на старенькихъ ризахъ духовенства. Начинается пѣнье тропарей и цѣлованіе креста. Какое разнообразіе типовъ монашествующихъ, сколько ихъ свело въ одно мѣсто служенію одному и тому же. Есть невыразительныя, заурядныя лица, но есть и такія, которыя были бы достойны величайшей кисти. Я смотрю на сѣдоватую, могучую голову одного брата—и лучшія работы Веласкеса и Рембрандта возрастаютъ передо мною. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ сосредоточенъ на молитвѣ, нѣтъ! Но какое удивительное, несвойственное простымъ людямъ спокойствіе выражается въ его лицѣ,—страсти ему незнакомы: онъ забылъ ихъ...

И припоминается мнѣ рассказъ про одного изъ монастырскихъ старцевъ, лѣтъ двадцать тому назадъ умершаго. Онъ былъ пустынный, по сану іеросхимонахъ. Долгое житіе совершенно отдѣльное отъ всѣхъ остальныхъ собратій, долгое внутреннее міросозерцаніе, развили въ немъ удивительное отношеніе къ человѣку. Онъ началъ считать его самымъ высокимъ проявленіемъ творческой силы и могущества Божія; при видѣ молодого человѣка, даже ребенка, онъ проникался такимъ восторгомъ, что опускался передъ нимъ на колѣни, и въ нѣмомъ упоеніи молился...

Вотъ и изъ этой головы, на которую я смотрю, можетъ выработаться многое. Что за строгость стіля, что за ровный блескъ глазъ изъ-подъ всклокоченныхъ бровей. Носъ правильный, моделированный почти по гречески, щеки художья, но не болѣзненно впалы, борода самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Губы сжаты строго, какъ строгъ весь окладъ головы... Вотъ сдвигаются внезапно его брови, мускулы на щекахъ дрогнули, глаза тихо оторвались отъ одного мѣста, вся голова повернулась, и опять такъ же тихо и спокойно. Я взглянулъ по тому направленію, куда онъ смотрѣлъ: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, у березы на пригоркѣ присѣла молодая, породная женщина, голодный ребенокъ, плакавшій во все время хода, разревѣлся окончательно. Не стѣсняясь присутствіемъ народа, она разстегнула воротъ своего платья; пышная, бѣлая, молодая, полная, налитая молокомъ грудь свернула на солнцѣ, и ребенокъ жадно схватился за нее, упираясь рученками, захлебываясь...

Крестный ходъ вступаетъ въ скитъ, хоругви колышатся на церковномъ дворѣ... * * * Быстрой вереницей промелькнули картины монастыря и вотъ мы опять посрединѣ безбрежнаго Невы. Озеро бурно. Холодные, синія волны съ бѣлыми гребнями ходятъ на суровомъ просторѣ. Нѣтъ ни дожда, ни грозы, но день неприятный, сѣроватый.—Сегодня покачать! предсказываютъ опытные люди, поглядывая вдаль.—Колѣи вы отъ болѣзни не застрахованы, выбирайте мѣсто поудобнѣе.

Сажусь на рубкѣ у маяка, плотно прижавшись къ ней спиной. Опытные люди притаскиваютъ на палубу складные стулья и запасаются лимонами. Весело-суетливаго движенія, которое замѣтно было во время путешествія „туда“—теперь какъ не было. Лица вытянутыя, блѣдныя, точно на каждомъ пзѣ нихъ написано: „Господи, зачѣмъ я побѣхал!“ Особенно женщины... Мужчины,—тѣ бодрѣй, даже посмѣиваются порою: „вотъ погодите, будетъ вамъ на орѣхи!“ Странникъ закурилъ трубку и избоченился.

— Качка,—говоритъ онъ,—скажите пожалуйста, качта! Нѣжности какія.—Что такое качка, и можетъ ли она мнѣ повредить? Если я не хочу, чтобы она вредила, можетъ ли она вредить? Если сила воли есть у меня...

— Вотъ она те съ ногъ свалить—сила воли и будетъ, острить кто-то. — Кто свалить? Она! Качка, вода?.. Вода съ ногъ свалить. — Вода мельницы валить, не тою тою... — Этакое пса только спиртомъ и свалишь, слышится сзади. — Вѣрно! рывкаетъ онъ, и почему-то прибавляетъ:—Благодарности! — А ты слушь,—пристаетъ къ нему странника:—отчего у Микола угодника мечъ въ правой рукѣ, а церковь въ лѣвой. — Дура!.. Что чижельше?..

— Когда мы изъ Венеціи шли по Адриатическому морю,—ораторствуетъ какой-то золотушный юноша, съ воротничками на цѣлую четверть отѣхавшими въ разныя стороны,—бура была ужасная: волнами трубу заливало...

— Какъ такъ? удивляется барышня и опускаетъ книгу, которую она читала, на колѣни.

— Вы думаете это гипербола?.. Увѣряю васъ, что концами рей мы черпали воду... Даже капитанъ заболѣлъ тогда...

— А вы?..

— Почти всѣ заболѣли, но я не долго... Я только разъ... Онъ конфузится и не доканчиваетъ...

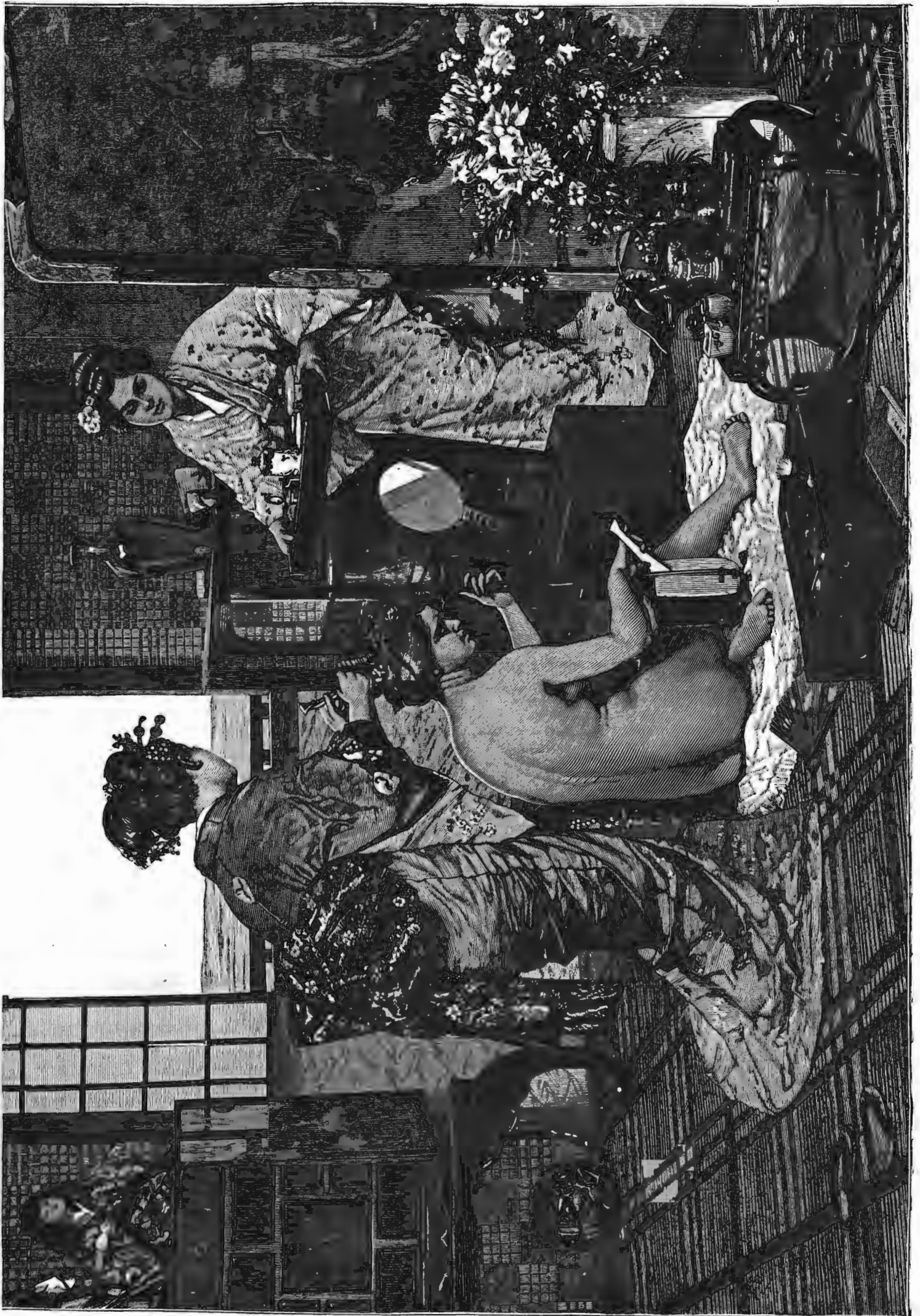
— Вотъ здѣсь тоже, предестно описана качка,—барышня показываетъ глазами на книгу.

— А это что у васъ?

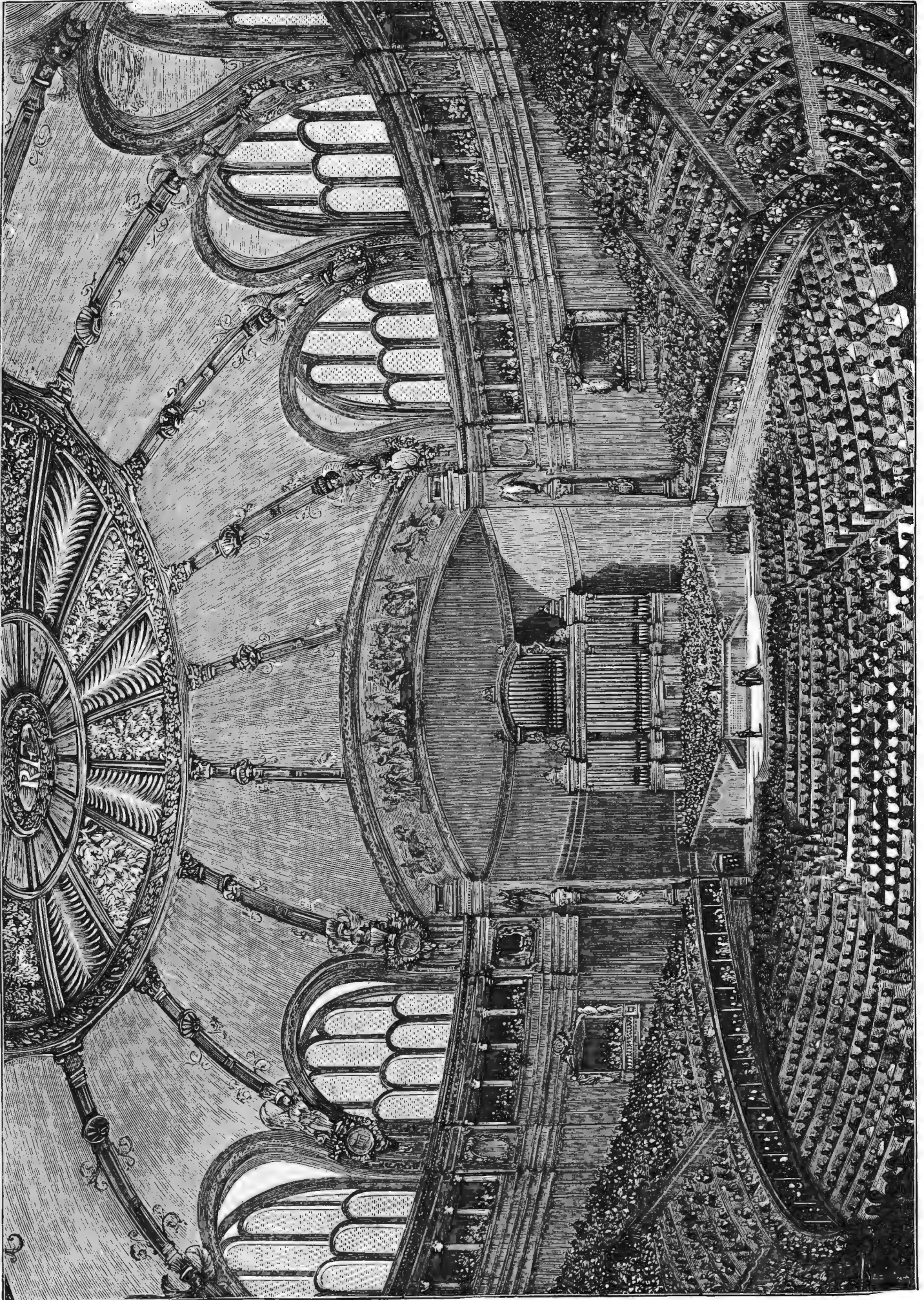
— Байронъ,—Донъ-Жуанъ... Это я по ошибкѣ изъ дома захватила, надо было...

— Ай-ай! взвизгиваютъ иные. Пароходъ сильно качнуло,—носъ совѣмъ зарылся въ волну. Пѣна, перелетѣвъ черезъ бортъ, оканчиваетъ ближайшую группу...

— Я, душечка, больше не могу,—говоритъ толстый господинъ своей супругѣ. Я тебя одну оставляю.

Тузлетъ благородной японской дѣвицы. Картина Ф. Жирара, гравъ Смитонъ Тили.

Всемирная выставка въ Парижѣ: залъ для концертовъ и увеселеній въ Тронадеро. (Rue des nations). Съ фотографіи грав. Рапелвскій.

— Тебѣ дурно?
 — Нѣтъ, не то чтобъ дурно, но я не могу дольше.
 — Да что съ тобой?
 — Такъ ко сну и клонитъ.
 — Да иди, Богъ съ тобой. Тутъ люди умпраютъ, а онъ...
 — У меня двѣ дочери, милостивый государь,—адресуется къ золотушному юношѣ какая-то старушка въ потасканномъ платкѣ.—Юноша испуганно взглядываетъ на нее.
 — Ну-съ, такъ что-же?
 — Имъ очень дурно...
 — Да-съ... Такъ я-то что могу?..
 — У васъ такъ много лимоновъ...
 Онъ суетъ ей два лимона.

Новый потокъ сырскиваетъ палубу,—на одной бабѣ буквально птицы сухой не осталось... Она приподнимаетъ на сколько возможно платъ и осматривается. Вокругъ хохотъ.

— Что, тетенька,—сыро? Вы бы переѣхались...
 Жиденокъ сидитъ у борта и ѣстъ колбасу. Вокругъ сильнѣйшій запахъ чеснока.
 — Брось ты эту погань, усовѣщиваетъ его сосѣдь.—Видишь, что мутитъ человѣка съ нея.
 Тотъ молчитъ.

— Не бросишь—хуже будетъ...
 Жидъ только чавкаетъ... Сосѣдь отворачивается.
 — А вѣдь никого еще до сихъ поръ... говоритъ барышня, съ любопытствомъ поглядывая внизъ...

Юноша молчитъ, и весь зеленый внимательно смотритъ на какую-то точку на горизонтѣ.

— Ахъ какъ это хорошо,—продолжаетъ она, перелистывая Байрона,—прочтите вотъ это мѣсто.

— Прочтите вы вслухъ,—вдругъ порывисто произноситъ опъ, и широко открывши ротъ начинаетъ втягивать въ себя воздухъ.

Она съ удивленіемъ взглядываетъ на него.—Видите: Донъ-Жуанъ на морѣ мечтаетъ о своей Юліи.

«Скорѣй весь міръ... (онъ очень боленъ сталь)

О, Юлія! Тебя ни на минуту...

Ликеру мнѣ пока я не упалъ!

Мой Педро,—помоги сойти въ камту...
 О, Юлія! Скорѣ Педро-плутъ!..
 О, Юлія!.. Ахъ, что за качка тутъ!
 Пусть голосъ мой для милой будетъ сладокъ...
 Но тутъ случился съ нимъ морской припа...»

— Что съ вами?

Юноша, только что положившій въ ротъ кусокъ лимона, кидается къ борту.

— Первый! Ха-ха-ха! раздается вокругъ.

Всѣ взоры устремляются на него.—Какая-то дама къ нему подбѣгаетъ.

— Оставьте его, оставьте!.. кричатъ ей.

Трахъ! и юноша и дама отлетаютъ отъ борта: волна съ размахомъ хватила имъ въ лицо.

— На языкъ не наступи! предостерегаетъ пробѣгающаго мимо матроса странникъ, спокойно растянувшійся на полу.—А знаешь... И что выдумали, бормочетъ онъ засыная,—качка!.. Чертн, право!..

— Такъ ты не бросишь? раздается вопль.

— Зачѣмъ-же въ озеро кидать,—отчаянно слышится жидовскій голосъ,—это колбаса хершая: ее кушать надо... Я на капитана пойду!.. Колбаса летитъ въ воду.

Художники развернули свои альбомы и накладываютъ фигуры несчастныхъ. Жанристамъ раздолье. Группы чрезвычайно интересны. Большинство изъ нихъ напоминаетъ иллюстраціи къ первому тому Божественной комедіи Данта: грустныя, скорченные, отдѣлившіяся отъ всего остального міра, кромѣ себя ничего не сознающія...

* * *

Нева не мелокнетъ. Тишь, гладь, солнце спускается къ горизонту. Качки какъ не бывало. Палуба вымѣта, вычищена. Опять все оживлено, весело. Пароходъ на всѣхъ парахъ, по вѣтру и по теченью мчитъ въ Петербургъ.

— А мы съ вашимъ лимономъ, съ остаточками, чай пьемъ,—говоритъ старушка юношѣ.

— Слава Богу, съѣздили,—крестится странница.

— Алилуя, алилуя, — выводитъ страшнымъ басомъ странникъ,—алилуя—я!..

П. Гидичъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Урокъ въ страшной школѣ.

Въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ Англій, воровство возведено на степень „науки“.

Картинка „Урокъ въ страшной школѣ“, помѣщенная въ этомъ № даетъ повѣсть о томъ, какъ преподается эта „страшная“ наука. Глава воровской шайки любитъся на младшаго ея члена—мальчугана, который какъ видно, успѣшно продолжаетъ трудности: изъ колокольчиковъ, привѣшенныхъ къ платку, ни одинъ не шевелится, ни звука... а платокъ черезъ секунду неслышно будетъ выгащенъ изъ задняго кармана чучель, привѣшенной къ потолку!.. Окружающіе воскликнуть „браво“. Пала погладитъ мальчика по головкѣ, пожалуй дастъ ему награду... Ребенокъ зарумянится отъ удовольствія: онъ будетъ польщенъ: вѣдь самъ пала его похвалилъ!.. Значитъ, работаетъ онъ хорошо! чисто, на славу.. далеко пойдешь!.. Но въ какую сторону далеко—ребенокъ не задаетъ себѣ такого вопроса. Рядомъ со „способнымъ“ ученикомъ стоитъ главный репетиторъ. Онъ глубокомысленно, съ видомъ удовольствія, даже съ одобрительной улыбкой, слѣдитъ за движеніями мальчика... „А вѣдь недурно, право, недурно!.. Ловкачъ—шельмень!“ думаетъ репетиторъ.

Другой „подмастерье“ даже подался всѣмъ туловищемъ впередъ—такъ занимаетъ его эта репетиція „Звякнетъ колокольчикъ или не звякнетъ?“—вопросъ этотъ, очевидно, горячо интересуетъ его...

Тяжелое впечатлѣніе оставляетъ эта сценка. Тутъ „ученье—тыма, а неученье—свѣтъ“... Несвольно сжмается сердце и неволью припоминаются стихи:

Этотъ омутъ хорошъ для людей,
 Разставляющихъ ближнему сѣти,
 Но не жалко-ли бѣдныхъ дѣтей?..
 Вы зачѣмъ тутъ, несчастныя дѣти?..

Щ.

Северская фарфоровая мануфактура.

Северская мануфактура основана въ 1740 г.; въ этомъ году ученики изъ мастерскихъ фабрикъ С.-Клу, брата Дюбуа, получили отъ министра финансовъ, маркиза де-Фюльви и его брата, генеральнаго контролера, разрѣшеніе устроить мастерскую въ Венсенскомъ замкѣ. Для эксплуатаціи дѣла, представлявшаго значительныя выгоды, такъ какъ произведенія братьевъ Дюбуа были превосходны, образовалось сначала товарищество, въ которое вошелъ самъ де-Фюльви, а затѣмъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ—авціонерное общество, съ капиталомъ въ 240 тысячъ франковъ.

Въ 1753 году король Людовикъ XV вступаетъ въ число ак-

ціонеровъ, приобрета 1/3 часть всѣхъ акцій, и даруетъ мануфактурѣ, находившейся уже на высочайшей степени процвѣтанія—наименованіе „королевской французской мануфактуры“. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что такому милостивому вниманію короля къ Северской фабрикѣ во многомъ содѣйствовала знаменитая фаворитка его, маркиза Помпадуръ. Она знала свою непопулярность въ Парижѣ, знала, что Франція не проститъ ей тѣ безумно истраченные на ея прихоти милліоны, ни ея вмѣшательства въ дѣла управленія. Честолюбивая женщина хотѣла примприть свое отечество, общественное мнѣніе своей страны съ ея скандальной карьерой. Лучшее средство къ достиженію этой цѣли маркиза думала найти въ покровительствѣ ея какому либо полезному для Франціи дѣлу, она обратила свои взоры на Северскую фабрику и сумѣла придать дѣлу патристическій характеръ, рѣшившись поставить французское производство выше фарфороваго производства другихъ странъ и, въ особенности, доставить Северской мануфактурѣ преимущество предъ гремѣвшей въ то время королевской Салсонской. Непосредственной своей цѣли она, во многомъ, достигла и дѣйствительно совершила полезное для своего отечества дѣло...

Въ сентябрѣ 1756 г. мануфактура переведена изъ Венсена въ Севръ, гдѣ для ея помѣщенія отведенъ замокъ Гіардъ (Gugarde).

Нынѣ мануфактура подчинена вѣдѣнію управленія изящныхъ искусствъ, которое, въ свою очередь, поставлено въ зависимость отъ министра народнаго просвѣщенія.

Старинное зданіе мануфактуры, при своей величавой внѣшности, оказалось, однако, не совсѣмъ прочнымъ. Лѣтъ 15 тому назадъ управленіе рѣшилось приступить къ сооруженію новой мануфактуры; мѣсто было выбрано въ паркѣ С.-Клу, на берегу Сены, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Северскаго моста. Зданія окончены постройкой въ 1870 г., но событія воспрепятствовали тогда же завершить внутреннее устройство и приспособленіе. Послѣ коммуны, въ зданіи мануфактуры засѣдалъ военный судъ и, наконецъ, послѣ продолжительнаго перерыва, работы были возобновлены теперь новая мануфактура состоитъ изъ ряда зданій, соединенныхъ между собою стеклянными галлерейми. Главный павильонъ, фасадъ котораго выходитъ на Сену, заключаетъ въ себѣ музей и разныя галлерей выставки. Позади расположены мастерскія, замѣчательныя по своимъ размѣрамъ, а также и по превосходнымъ приспособленіямъ. Въ сторонѣ расположено совершенно изолированное зданіе для паровыхъ машинъ и мельницъ; тѣ же самыя предосторожности приняты и въ отношеніи всѣхъ другихъ аппаратовъ, дѣйствующихъ при помощи огня, съ цѣлью предотвращенія возможности пожара.

Предѣлы нашей замѣтки не позволяютъ намъ, на этотъ разъ, подробно и много говорить о достоинствахъ произведеній этой

мануфактуры, составляющей, по справедливости предмет гордости для Франції. Скажем только, что по изяществу и красоте форм, по необыкновенной тонкости и замѣчательной художественности исполнения рисунковъ, произведенія Севрской фарфоровой мануфактуры едва ли когда-либо допускали возможность соперничества. Онѣ, впрочемъ, всегда цѣнились по достоинству. Короли, императоры, дарили другъ другу или своимъ приближеннымъ въ знакъ особаго своего расположения Севрскіе кабачки, вѣссеры, фигуры (преимущественно изъ бисквита, замѣчательнаго по экспрессіи и законченности) и т. д. Въ настоящее время „севры“ прошлаго столѣтія и преимущественно времени Людовиковъ XV и XVI—большая рѣдкость и доходятъ до баснословныхъ цѣнъ, какъ, напримѣръ, 50,000 франковъ пара вазъ. Въ числѣ главнѣйшихъ собирателей этихъ драгоценностей нашего времени считались, между прочимъ, императоръ Наполеонъ III и Парижскій Ротшильдъ. Надо, однако, замѣтить, что нынѣшнія произведенія, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могутъ уже быть поставлены на ряду съ прежними.

М—оли.

Увѣнчаніе розами.

Кавалеръ въ бальномъ костюмѣ торжественно ведетъ молодую женщину въ простомъ бѣломъ кисейномъ платьѣ. Единственное украшеніе ея, это—розы на головѣ и на груди. За ними толпа фрачниковъ. Публики много. На заднемъ планѣ хоръ музыкантовъ, наигрывающихъ вѣроятно маршъ. Натѣво, на возвышеніи, сидятъ особы въ креслахъ, видимо, власти. Дѣло вотъ въ чемъ: эта молодая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ—простая дѣвушка, можетъ быть швея, модистка, заслужившая образцовымъ своимъ поведеніемъ награды, т. е. публично увѣнчанія ея розовымъ вѣнкомъ. Во Франціи существуетъ обычай, въ силу котораго, по приговору особаго комитета въ городѣ или мѣстечкѣ, удостоивается розоваго вѣнка дѣвушка, проявившая блестящимъ образомъ добродѣтель свою. Въ одной изъ современныхъ французскихъ оперетокъ (кажется въ „Синей бородѣ“) въ каррикатурѣ представлена церемонія увѣнчанія вѣнкомъ изъ розъ „добродѣтельной, высоко нравственной, непорочной дѣвственницы“, которая (какъ это видно изъ хода пьесы) именно *этим*-то качествами и не можетъ похвастаться... что и потѣшаетъ публику.

Вѣроятно обычай „увѣнчанія розами“ имѣлъ свой смыслъ и значеніе во времена давно прошедшія и самое это установленіе вызывалось складомъ жизни того времени, но теперь изъ него вышло нѣчто немѣющее смысла.

Награждать дѣвучку розовымъ вѣнкомъ за ея чистоту, добродѣтель—значитъ безвинно оскорблять ее. Раздаватели розовыхъ вѣнковъ не могутъ додуматься до этого, а дѣйствительно честная дѣвушка, вмѣсто того, чтобы съ негодованіемъ оттолкнуть подобную оскорбительную награду—публично принимаютъ ее, какъ будто именно *нуждаются* въ вещественномъ доказательствѣ своей непорочности.

Охота на утокъ.

Для любителя охоты интересъ ея заключается, конечно, въ самой охотѣ и въ ея результатѣ. Но для художника, изображающаго охоту въ рисункахъ или разсказахъ, важны не результаты охоты и не ея процессъ, а сами охотники. Художникъ, такъ сказать, охотится за охотниками и для него они сами собою представляютъ обильный и благодарный результатъ охоты. Если есть поговорка, что „сухой рыболовъ и мокрый охотникъ являютъ видъ печальный“, то не менѣе справедлива будетъ и такая поговорка, въ которой печальный видъ „явить“ собою художникъ, идущій „съ натуры“ безъ этюдовъ.

Въ данномъ случаѣ художникъ, работу котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ „Нивы“, какъ видно, явился съ натуры“ не съ пустыми рѣками: тѣши, имъ изображенные, схвачены вѣрно, въ особенности охотникъ, держащій въ рукахъ ружье. Это—настоящій „рябчикъ“ изъ безчисленной стаи тѣхъ, которыя „родятся въ видмундирахъ“ и которыхъ вся жизнь—входящая и исходящая бумага. И здѣсь на охотѣ, среди болотъ и лѣсовъ, онъ не можетъ вылучиться изъ своего чиновничьяго міра, и здѣсь онъ такъ смотритъ, точно повторяетъ все тѣ же фразы: „Имѣя въ виду и принимая во вниманіе, а равно и на основаніи циркуляра и т. п.“. Словомъ отъ него и среди природы отдаетъ душной атмосферой тѣхъ канцелярій и департаментовъ, ихъ же имена и числа, Ты, Господи, всѣи!

Благодаря именно этому удачно схваченному типу, рисунокъ производитъ нѣкоторое впечатлѣніе. Справедливость требуетъ сказать, что второе лицо рисунка мало интересно, будучи лишено тѣхъ достоинствъ, каковыми отличается первое. Впрочемъ, въ общемъ отзывъ все таки въ пользу художника, который, конечно, не можетъ не общать значительнаго усовершенствованія въ послѣдующихъ своихъ трудахъ на поприщѣ художественной дѣятельности.

Д. Стк.

Изъ жизни въ Японіи.

Большинство мнѣній, составленныхъ европейцами о японцахъ страдаютъ односторонностью и часто противорѣчатъ одно

другому; нѣкоторые представляютъ обычаи этой страны въ заманчивомъ видѣ, какъ бы вытекающие изъ высоко нравственныхъ и гуманныхъ принциповъ. Послѣдній взглядъ особенно проводится многими западными изслѣдователями относительно строя японской семейной жизни и общественнаго положенія японской женщины. По мнѣнію ихъ, японская женщина будто бы вполне благоденствуетъ и пользуется громадными правами какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ, и даже чайные дома, эти убѣжища японской безнравственности, являются какъ бы школой семейныхъ добродѣтелей. Такое представленіе о бытѣ японской женщины составлено очевидно наскоро, при плохомъ знаніи языка и при крайнемъ увлеченіи поэтической, роскошной вышностью, скрывающей разладъ и недостатки внутренняго семейнаго строя. Прослѣдимъ здѣсь жизнь японской женщины и дѣйствительное ея положеніе въ обществѣ.

Каждая зажиточная или знатная дѣвушка въ Японіи одинаково учится читать и писать общеупотребительнымъ шрифтомъ, называемымъ *иракана* и изобрѣтеннымъ бонзомъ Кокаи, а также игрѣ на самсѣ, инструментѣ столь же общеупотребительномъ въ Японіи, какъ у насъ фортепьяно. Изучивъ всю эту премудрость, она безропотно подчинится волѣ родителя относительно выбора мужа достойнаго ея происхожденія и добродѣтели: происхожденіе, конечно, играетъ въ Японіи великую роль и поземельная аристократія и чиновная каста ставятъ ремесленника, мелкаго торговца и даже крупнаго negocianta на послѣднюю ступень социальной лѣстницы, ниже которой стоять лишь гіетасы, т. е. парии общества: мясники, кожевники и нищіе. Такимъ образомъ достойный женихъ намѣчается заранѣе и хотя въ Японіи каждый можетъ свататься за кого угодно, вотьнувъ у входа въ домъ невѣсты вѣтку растения *Celastrus alatus*, но подобный приемъ ведетъ къ желанному результату лишь въ томъ случаѣ, если претендентъ вполне удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ японской сѣи и выполнитъ при этомъ всѣ требованія японскаго формализма. Ученый Титзингъ написалъ цѣлый томъ, чтобы только прослѣдить шагъ за шагомъ весь традиціонный порядокъ всѣхъ правилъ и церемоній, употребительныхъ при переговорахъ, предшествовавшихъ заключенію брака въ досточинныхъ классахъ японскаго общества. Выйдя замужъ, японка изъ-подъ безответнаго подчиненія отцу поступаетъ въ полное подчиненіе мужу, который придерживаясь мудраго ученія японскихъ книжниковъ и теорій буддизма, отказывающихъ женщинѣ въ душѣ и считающихъ ее воплощеніемъ зла, относится къ женѣ какъ-то боязливо и вмѣстѣ съ тѣмъ снисходительно, какъ къ существу низшему и несовершенному. Мужъ считающійся въ правѣ даже убить жену по одному простому подозрѣнію, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, иногда вводитъ въ свой домъ одну наложницу за другою, бываетъ и такъ что сама жена, видя себя уже достаточно подурившей и постарѣвшей, считаетъ своимъ священнымъ долгомъ привести мужу для замѣны себя другую женщину, такъ называемую *мекаке*, а самой удалиться на задній планъ, чтобы не мѣшать счастью новой четы. Подобный долгъ подсказываетъ ей и религія и всѣ отечественные поэты и романисты, которые постоянно твердятъ на всѣ лады, что главная роль женщины—служить мужниѣ, какъ своему единственному повелителю. Подъ обаяніемъ его власти она и въ его отсутствіи ведетъ себя скромно и сдержанно, и въ ней постоянно замѣтна какая то заугнанность, развившаяся въ ней подъ вліяніемъ супружества. Конечно встрѣчаются и случаи протеста и неповиновенія, но такіе случаи, какъ говорятъ, чрезвычайно рѣдки, а чаще всего семейный разладъ оканчивается добровольнымъ разводомъ супруговъ, при чемъ мужъ пишетъ бракоразводную записку и отпускаетъ жену на всѣ четыре стороны. Оставленная супруга, если она не опозорена безчестнымъ поведеніемъ, спокойно возвращается къ родителямъ, и если она еще молода, то отпускаетъ себѣ снова брови, бѣлитъ зубы и опять становится невѣстой. Въ противномъ случаѣ единственнымъ пріютомъ остается для нея монастырь или чайный домъ. Конечно доступъ въ послѣдній открытъ ей лишь въ томъ случаѣ, когда она еще молода, хороша собой или искусна въ пѣніи и музыкѣ. Чаще же всего обитательницы чайныхъ домовъ набираются изъ проданныхъ туда родителями дѣвочекъ. Эти несчастныя жертвы нищеты и преступленія пользуются въ Японіи вѣ котораго рода внѣшнимъ почетомъ. Такъ онѣ фигурируютъ въ торжественныхъ религіозныхъ процессіяхъ и играютъ на открытыхъ сценахъ, облачаясь въ роскошные и яркіе наряды. Нѣкоторыя изъ нихъ за свои добродѣтели удостоились даже такой чести, что ихъ изображенія повѣшены въ одномъ изъ храмовъ какъ предметъ общаго почитанія. Но весь этотъ внѣшній почетъ не мѣшаетъ имъ въ то же время, пользоваться самой дурной репутаціей и подвергаться всевозможнымъ проклятіямъ народныхъ поэтовъ и моралистовъ. Очевидно, что въ сущности ихъ презираютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и оказываютъ имъ внѣшніе знаки уваженія, такъ какъ онѣ являются необходимыми дѣйствующими лицами при всѣхъ празднествахъ и общественныхъ увеселеніяхъ.

Нужно сказать, что японцы больше охотники до всякаго рода зрѣлищъ; улицы Іеддо кишатъ фокусниками, жонглерами, акробатами и комедiantами и около каждаго изъ нихъ собирается огромная толпа народа, покидающая всѣ свои обычныя

занятія, чтобы поглазѣть на уличнаго артиста. Общительность и веселость права японцевъ проявляются и въ многочисленныхъ ихъ играхъ и забавахъ. Молодежь и дамы играютъ въ фанты, поютъ, говорятъ по очереди остроу и каламбуры, разгадываютъ загадки или слушаютъ музыку.

Танцуютъ въ Японіи одні женщины; мужчины же могутъ лишь любоваться ихъ граціей и правильностью движеній рукъ, головы и стана, такъ какъ ихъ ноги, скрытыя длинными платьями, не выдѣлываютъ никакихъ па. Музыкальныя удовольствія доставляютъ публикѣ, кромѣ того, многочисленные *мацури* или празднества въ честь какого-нибудь божества или *ками*, а такъ какъ такихъ камі насчитываютъ до 3,000, то такія празднества почти не прекращаются круглый годъ, происходя по очереди то въ одномъ, то въ другомъ городѣ Японіи. Обыкновенно въ этомъ случаѣ послѣ богослуженія начинается свѣтская часть праздника, состоящая изъ многихъ увеселительныхъ зрѣлищъ и театральныхъ представлений. Празднество длится дня три и въ это время всѣ дѣла прекращаются. Нѣтъ такого города, гдѣ не было бы своего театра, но такъ какъ мѣста въ нихъ довольно дороги, то люди бѣдные довольствуются уличными зрѣлищами. Вообще общественная жизнь Японца имѣетъ большое сходство съ его жизнью политической: какъ въ одной, такъ и въ другой длинныя періоды бездѣйствія и спячки смѣняются быстрыми порывами и увлеченіями; обычная неподвижность и апатія переходятъ въ буйное, дикое, безграничное веселье, лишь только раздадутся звуки гонга или барабана, возвѣщающаго начало карнавала. Полюбовавшись распятіемъ и *ира-кари*, т. е. распарываніемъ живота преступника, толпа спѣшитъ къ уличнымъ артистамъ или густо двигается въ шумной процессіи бонзѣ.

Не смотря на всѣ невыгодныя условія своей семейной жизни, японки вообще большія охотницы до нарядовъ и желаніе нравиться сильно развито у женщинъ всѣхъ классовъ общества. Такъ знатныя дамы, посѣщая театр, часто во время представления раза три мѣняютъ костюмы, чтобы похвастать своимъ вкусомъ и роскошью и для этой цѣли ихъ постоянно сопровождаетъ цѣлая толпа слуганокъ.

На нашемъ рисункѣ изображена одна изъ такихъ представительницъ японскаго бомонда, совершающая свой утренній туалетъ; она раздѣта вѣроятно потому, что только что успѣла выйдти изъ ванны, такъ какъ всѣ японки большія охотницы до бань и купаній. Изящная чесальница убираетъ голову молодой барыни и убираетъ, какъ видно, со всѣми тонкостями туземной моды. Искусной рукой она воздвигаетъ изъ волосъ цѣлое зданіе, связывая его веревочными лентами и укрѣпляя черепуховыми булавками, снабженными стеклянными шариками, въ которыя наливается подкрашенная жидкость. Небрежно слушая болтовню туземнаго фидаро въ юбкѣ, барыня по то же время извлекаетъ меланхолическіе звуки, вода на струпахъ самси костяною палочкою и совершенно не замѣчая, что служанка подноситъ ей завтракъ, состоящій изъ неизмѣннаго чая и разныхъ сластей и печеній. Очевидно, что мы еще при самомъ началѣ туалета; по уборкѣ головы барыня облечется въ креповую рубашку, а потомъ въ длинное, шелковое, обыкновенно темнаго цвѣта платье, скроенное какъ халатъ, безъ перехвата въ талиі; затѣмъ, чтобы платье не распахивалось, она подпояшетъ его широкимъ поясомъ, котораго концы завяжетъ спереди, если она замужняя женщина и сзади—если она дѣвушка. Нашу тяжелую обувь замѣняетъ ей легкія *саки*, т. е. сандаліи, приготовляемая изъ дерева или соломы и обыкновенно при входѣ въ домъ оставляемая за дверями. Наконецъ въ довершеніе туалета пойдутъ въ дѣло множество корбочекъ съ бѣлками и румянами всевозможныхъ сортовъ, для щен, для рукъ, для лица, для губъ; черныя порошечки для зубовъ и бровей и т. д. Нужно сознаваться, что это общепринятое окрашивание зубовъ въ черныя цвѣтъ и росписываніе лба черными продольными полосами очень портитъ часто весьма миловидное, съ матовой бѣлизной кожи личико японскихъ замужнихъ аристократокъ. Одно что вредитъ красотѣ японки—это глаза, прорѣзанные наискось и некрасивыя груди. Но за то почти у всѣхъ японокъ великолѣпныя, густыя, черныя волосы, иногда столь роскошныя, что, касаясь пола, выполняютъ роль длиннаго шлейфа.

Заговоривъ о туалетѣ и нарядахъ японской женщины, нельзя оставить безъ вниманія и ея домашнюю обстановку. Прежде всего необходимо замѣтить, что японскіе дома не имѣютъ ни прочности, ни массивности европейскаго дома. Всѣ его стѣны, это не болѣе какъ легкія ширмы, скрывающія лишь японца и его семейную жизнь отъ чужого глаза. Конечно, при такой легкости постройки прочность зданій немислима и всякій домохозяинъ въ продолженіе своей жизни долженъ нѣсколько разъ возобновлять всѣ части своего жилища, а потому въ Японіи домъ не представляетъ никакихъ фамиліальныхъ воспоминаній. Жилище японца приспосабливается лишь къ настоящей минутѣ, но не сохраняется ни слѣдовъ прошедшаго времени, ни надеждъ на будущее. Меблировка дома также легка и непрочна какъ и самая постройка. Толстыя циновки, плотно прилегающія одна къ другой, сплошь покрываютъ полъ и образуютъ родъ свѣжаго и гибкаго паркета, замѣняющаго въ то же время и постель, и стулья. Вся жизнь семейства сосредоточивается

около очага, четырехугольнаго ящика, занимающаго средину комнаты и около котораго и грѣются и отдыхаютъ послѣ дневнаго труда. Если есть верхній этажъ, то въ немъ хранятся ватныя одѣяла и маленькія деревянныя пирамидки съ выемкою для головы, служащая вмѣсто подушечки, а также для хранения ключей и денегъ, такъ какъ внутри каждой изъ нихъ вдѣланы небольшіе ящички. Ложась спать, японка покрываетъ подобную пирамидку связкой бумаги или книгою, которой листы переворачиваются каждый вечеръ, чтобы лице и особенно громадная прическа покоились постоянно на чистой бумагѣ. Кромѣ этой необходимой мебели да какого-нибудь музыкальнаго инструмента, встрѣчаются только клѣтки съ птицами да горшки съ цвѣтами. Вся же роскошь комнатнаго убранства состоитъ главнымъ образомъ въ лакированныхъ деревянныхъ вешахъ и въ безупречной чистотѣ и свѣжести бумажныхъ обоевъ. Во всякомъ сколько нибудь зажиточномъ семействѣ водятся непременно аквариумъ съ красивыми разноцвѣтными рыбками. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ домахъ устраиваютъ клѣтки изъ блестящихъ бамбуковыхъ пластинокъ, куда запираютъ среди цвѣтовъ и зелени большихъ бабочекъ и толстыхъ стрекозъ, которыхъ рѣзкое и монотонное жужжанье нравится японцамъ. Прибавьте къ этому убранству разноцвѣтные фонарики, красивыя расписныя ширмы, затѣйливую живопись на стѣнахъ и вы получите понятіе о фантастической и роскошной обстановкѣ жилища японскаго сибарита. Что же касается до посуды и домашней утвари, то она состоитъ изъ множества миниатюрныхъ дашечекъ, блюдецъ, ящичковъ, подносиковъ и флаконовъ, такъ что сидя за японскимъ столомъ въ японскомъ семействѣ, можно подуматъ, что находишься въ обществѣ большихъ дѣтей, играющихъ въ маленькое хозяйство и употребляющихъ пищу болѣе для забавы, чѣмъ для утоленія голода.

Въ Японіи во всѣхъ классахъ общества жизнь устраивается одинаково однообразно; богатство и знатность дѣлаютъ лишь въ нихъ качественное и количественное различіе. Войдите въ домъ ремесленника или купца и вы найдете ту же обстановку, только не столь роскошную, чѣмъ у богатаго и знатнаго Даймоса. Нѣтъ ничего проще и въ тоже время опрятнѣе и уютнѣе мѣщанскаго домика въ Японіи. Въ этомъ скромномъ убѣжищѣ тихо и однообразно проходитъ жизнь японскаго буржуа, чуждаго аристократической спѣси и семейныхъ безобразій высшаго сословія. Здѣсь жена владычествуетъ въ домѣ безъ вмѣшательства конкубинъ и является дѣятельной и полезной помощницей мужу въ его тяжелой борьбѣ за существованіе. По словамъ всѣхъ знатоковъ страны, именно этому классу смѣтливой и трудолюбивой японской буржуазіи предстоитъ великая и блестящая роль въ грядущемъ развитіи и прогрессивномъ совершенствованіи преобразованной и обновленной Японіи.

А. Н.—слай.

Всемирная выставка въ Парижѣ.

Помѣщаемый въ этомъ номерѣ рисунокъ, изображающій внутренній видъ концертнаго зала въ дворцѣ Трокадеро на Парижской всемирной выставкѣ, даетъ намъ случай дать здѣсь подробное описаніе устройства этого замѣчательнаго зала.

Тамъ, гдѣ теперь красуется великолѣпный дворецъ Трокадеро, въ началѣ предполагали построить только большой деревянный залъ, гдѣ-бъ можно было давать концерты, устраивать праздники. Но проектъ расшприли и пришли къ рѣшенію сдѣлать каменный дворецъ, который могъ бы быть полезнымъ не только во время выставки но и послѣ ея окончанія Между государствомъ и городомъ Парижемъ былъ заключенъ контрактъ, и право приобрѣтенія дворца Трокадеро должно обійти городу Парижу въ нѣсколько миллионеровъ руб. (По нѣкоторымъ сообщеніямъ за 4 мил. франк.).

Мы уже сообщали, что дворецъ Трокадеро смѣшанной архитектуры. Строителями его были два архитектора: Бурдэ и Давіу. Бурдэ выполнилъ почти всю техническую часть громаднаго труда и пожалованный ранѣе кавалерскимъ знакомъ ордена почетнаго легіона, въ настоящее время, за участіе въ сооруженіи выставки,—награжденъ офицерскимъ крестомъ этого ордена. Давіу вынесъ на своихъ плечахъ всю декоративную часть постройки и въ свою очередь награжденъ также офицерскимъ крестомъ ордена почетнаго легіона.

Мы говорили нашимъ читателямъ и о знаменитомъ каскадѣ, низвергающемся отъ подножія дворца Трокадеро и составляющемъ лучшую роскошную часть зданія.—Теперь, помѣщая на страницахъ Нивы видъ концертнаго зала во дворцѣ Трокадеро, мы переходимъ къ его описанію. Залъ этотъ составляетъ замѣчательную часть въ постройкѣ дворца. Залъ этотъ обширнѣйшій въ своемъ родѣ, въ немъ 62 метра въ діаметрѣ и его куполь на 5 метровъ обширнѣе въ діаметрѣ купола базилики Св. Петра въ Римѣ. Онъ вмѣщаетъ въ себѣ 5,000 зрителей и оркестръ въ нѣсколько сотъ исполнителей. Отдѣлка его состоитъ изъ золота по красному фону. Онъ имѣетъ куполообразную форму, въ глубинѣ помѣщается гигантскій органъ, приводящійся въ движеніе гидравлической машиной.

По сторонамъ сцены поставлены двѣ громадныя колонны, поддерживающія статуи: „Славы“ и „Чести“, съ распушенными крыльями и съ коронами въ рукахъ. Надъ стеной раскинулась фреска съ фантастическимъ сюжетомъ, сдѣланная художникомъ

(Продолженіе на стр. 565, 566, 567 и 568).

Ламеромъ. Въ первомъ ряду эстрады имѣютъ мѣста скрипки, арфы, виолончели; слѣдующей ступеню выше идутъ флейты, кларнеты, гобои, еще далѣе мѣдные инструменты и наконецъ контръ-басы и другіе аксессуары. Хористы помѣщаются въ углахъ, также въ восходящемъ порядкѣ. Касса по продажѣ билетовъ помѣщается въ аллеѣ парка Трокадеро, въ павильонѣ противъ дверей № 17. Первый официальный концертъ въ залѣ дворца Трокадеро было 6 июня. Оркестромъ дирижировалъ Колоннъ. Исполнялись пьесы: Прометей, Сень Сана и первая часть Пустыни Фелисьенъ Давида.

Постройка этого зала представляла трудную задачу—соединить размѣры его съ акустикой, такъ, чтобы всюду во всѣхъ мѣста отчетливо доходили звуки со сцены. Для успѣшнаго рѣшенія этой задачи, архитекторы прибѣгли, какъ сообщаетъ корреспондентъ газеты Рус. М. къ слѣдующему остроумному способу: Основываясь на законѣ, что отраженіе звуковыхъ волнъ тождественно съ отраженіемъ солнечныхъ лучей, они заказали маленькую модель залы съ математически точнымъ соблюденіемъ ея размѣровъ, при чемъ сводъ надъ оркестромъ былъ обложенъ гладко полированной жестию. Затѣмъ модель помѣстили въ темной комнатѣ и внутрь маленькаго зала въ центр оркестра поставили зажженую свѣчу. Опытъ этотъ показалъ, что свѣтъ, отражавшійся отъ жестянаго свода падалъ на мѣста для публики. Такимъ образомъ строители пришли къ желанному результату. Кроме того, они приняли всѣ мѣры, чтобы звуки не уходили въ стѣны и выложили для этого стѣны тонкимъ войлокомъ, а сводъ надъ оркестромъ, полукруглую заднюю стѣну и полъ эстрады обложили такими матеріалами, которые легко отражаютъ звукъ.

Относительно вентилляціи устройство зала заслуживаетъ особеннаго вниманія. Приспособленія сдѣланы такъ, чтобы сохранять въ залѣ по возможности одинаковую температуру. Свѣжій притокъ воздуха проникаетъ въ зданіе не чрезъ окна, которыя назначены только для освѣщенія, но сверху чрезъ отверстіе, продѣланное въ самомъ куполѣ зала и прикрытое стекляннымъ фонаремъ, на которомъ стоитъ статуя Славы, вѣнчающая куполъ зданія. Воздухъ чрезъ это отверстіе проходитъ въ залъ изъ подземелій дворца Трокадеро, гдѣ лѣтомъ воздухъ холоднѣе, чѣмъ наружный. Зимой воздухъ будетъ проходить чрезъ калориферы (теплопроводныя печи), гдѣ и будетъ согрѣваться. Испорченный воздухъ посредствомъ вентиляторовъ вращающихся въ противоположную сторону и приносящихъ свѣжій воздухъ, уходитъ въ тотъ же фонарикъ въ куполѣ. Въ концертахъ даваемыхъ въ этомъ залѣ будутъ принимать участіе мѣстные и чужеземные артисты, всѣ лучшіе представители музыкальнаго искусства, и будетъ играть, разумѣется, все что создано лучшаго композиторами. Само собою разумѣется, что нашимъ русскимъ артистамъ будетъ отведено надлежащее мѣсто. Русскихъ концертовъ будетъ шесть, въ которыхъ между прочими примутъ участіе: Венявскій, Н. Рубинштейнъ и другіе.

Кромѣ концертовъ, которыхъ предполагается дѣлать рядъ, Парижу предстоятъ праздники. Увеселеніямъ, кажется, и кон-

да не предвидится. Скачки, парады, непрерывные банкеты экспонентовъ и членовъ конгрессовъ. Да, Парижъ и умѣетъ веселиться, какъ, кажется, никто болѣе. Вотъ напр. національный праздникъ 18 (30) іюня. Онъ начался съ утра и кончился только ночью. Все населеніе города высыпало на улицу, вездѣ играла музыка, всюду гремѣли аплодисменты, раздавались восторженные крики съ трескомъ, слыбѣе ружейнаго выстрѣла, разрывались бросаемые петарды (шутихи). По всѣмъ улицамъ проходили процессіи съ знаменами, значками; у всѣхъ въ петличкахъ видѣлся національный цвѣтокъ, на каждой шляпѣ—крошечный флагъ. Съ наступленіемъ вечера Парижъ превратился въ волшебный замокъ, горящій самыми разноцвѣтными огнями, освѣщаемый электрическимъ свѣтомъ, разныхъ оттѣнковъ. На нѣкоторыхъ бульварахъ были устроены карусели для дѣтей, раздавались бесплатно національныя кокарды, составлялись импровизированныя спектакли.

Национальный праздникъ въ первый разъ вводится республикой. Скачки бывають ежегодно. Здѣсь, на этихъ скачкахъ происходитъ главное состязаніе французскихъ лошадей, съ чистокровными англійскими. Скачка 16 іюня, главная скачка во Франціи, ведется на призъ 100.000 франковъ „города Парижа“. Народу на скачки собираются видимо—не видимо. Эти скачки въ тоже время служатъ выставкою экипажей и туалетовъ. Смотры или парады для публики, разумѣется тоже что и скачки. Такъ какъ Марсовое поле занято выставкою, то парады въ нынѣшній разъ происходили тоже въ Лонгшанъ, гдѣ бывають скачки.

Но говоря о торжествѣ Франціи, и о нашей скромной роли на выставкѣ, намъ пріятно заявить слѣдующій фактъ, свидѣтельствующій, что и наши мануфактурныя издѣлія могутъ не уступать произведеніямъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ. Эксперты при осмотрѣ узорочныхъ газовыхъ тканей, сработанныхъ на Московскихъ фабрикахъ, заявили сомнѣніе относительно того, что онѣ доставлены изъ Россіи. Для удостовѣренія въ подлинности, въ Москву были отправлены образчики этихъ матерій для сличенія ихъ въ присутствіи французскаго консула съ выработывающими-

ся издѣліями на Московскихъ фабрикахъ; изъ Москвы же посланы въ Парижъ образцы съ Московскихъ фабрикъ при свидѣтельствѣ за подписью генерала Бутовскаго и французскаго консула, въ доказательство того, что выставленные и возбуждшіе сомнѣніе товары были дѣйствительно сработаны въ Москвѣ. Такимъ образомъ, не вѣря, чтобы русское мануфактурное дѣло могло такъ сильно двинуться впередъ, теперь нашимъ западнымъ сосѣдямъ приходится воздать русской промышленности полную честь за успѣхи въ мануфактурномъ дѣлѣ.

Затѣмъ, кстати прибавимъ къ нашей статьѣ еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изобрѣтеніяхъ въ русской промышленности, сдѣланныхъ за послѣднее время, и находящихся на выставкѣ. Напр. объ изобрѣтеніи г. Энгельгардта,—резиновыхъ рессорахъ. Въ прошедшемъ году изобрѣтатель предложилъ Россійско-Американской резиновой мануфак-

Мухи гелофилы. Рис. Фаге, грав. Лаплантъ.

турф составить массу упругую и неизменяющуюся ни от холода, ни от жара. Масса была составлена и послѣ цѣлаго ряда опытов найдены типы рессоръ для всевозможныхъ экипажей: рессоры эти не подвержены никакой порчѣ. Въ настоящее время мануфактура работаетъ надъ рессорами для вагоновъ желѣзныхъ дорогъ. Резиновая мануфактура вообще доставила много интересныхъ вещей и нѣсколько замѣчательныхъ, кромѣ рессоръ, новинокъ, такъ новый типографскій валикъ, дающій возможность достиженія нѣжнаго распредѣленія красокъ; изолированная проволока для телеграфа и т. д. Но мы обратимъ вниманіе нашихъ читателей на изобрѣтеніе инженера Тимофеева, составляющее совершеннѣйшее въ настоящее время домашнее освѣщеніе, а именно: домашній переносной газъ. Тимофеевъ, какъ сообщаетъ корреспондентъ газеты Нов. В., открылъ, что водородъ въ моментъ выдѣленія обладаетъ свойствомъ разлагать почти всякій легучій углеводородъ и образовывать съ нимъ особый тяжелый газъ, горящій яркимъ и совершенно непахучимъ пламенемъ. Зарядить лампу домашнимъ переноснымъ газомъ на 15—20 часовъ можетъ всякая горничная съ большимъ удобствомъ и чистотой чѣмъ керосиновую. Заряженная лампа и поставленная гдѣ нибудь въ углу, доставляетъ газу на нѣсколько лампъ или рожковъ помѣщенныхъ гдѣ угодно, но только соединенныхъ съ ней отводными трубками лампа гарантирована отъ взрыва, горитъ ярче обыкновеннаго газового рожка и обходится дешево: часъ горѣнія стоитъ 8 сантимовъ.

Предметомъ особеннаго вниманія иностранныхъ педагоговъ служатъ работы нашихъ техническихъ учебныхъ заведеній живой интересъ возбуждены модели и инструменты, изготовленные воспитанниками ремесленнаго училища Цесаревича Николая (находящагося въ 1 ротѣ Измайловскаго полка).

За снѣмъ, дальнѣйшія сообщенія о выставкѣ оставляемъ до слѣдующаго раза.

Мухи геллофилы.

Геллофилы относятся къ семейству муховыхъ. Муховыя составляютъ огромное семейство отряда *двукрылыхъ* и извѣстны подъ общимъ именемъ *мухъ*. Названіе *двукрылыхъ* (diptera) эти насѣкомыя получили оттого, что имѣютъ только одну пару крыльевъ. Аристотель въ своей исторіи животныхъ всѣхъ мухъ, комаровъ, оводовъ, слѣпней отнесъ къ одному общему типу. Маккартъ, ученый авторъ „Естественной исторіи двукрылыхъ“, дѣлитъ двукрылыхъ на „комарныхъ и муховыхъ“.

Двукрылыхъ великое множество; безчисленными роями онѣ носятся въ воздухѣ, разсѣваясь по всѣмъ мѣстностямъ, во всѣхъ климатахъ. Живутъ онѣ въ лѣсахъ, лугахъ, поляхъ и нѣкоторыя изъ нихъ въ нашихъ жилищахъ. Кто изъ насъ лѣтомъ не испытывалъ невыносимаго присутствія мухъ въ своихъ комнатахъ и кому не отравляли комары удовольствія лѣсныхъ прогулокъ. Наши домашнія животныя также страдаютъ отъ комаровъ, мухъ и оводовъ, съ бѣшенствомъ на нихъ нападающихъ. Распознаемость двукрылыхъ поразительна; съ неимоверною быстротою у нихъ смѣняется одно поколѣніе другимъ, хотя и въ этомъ случаѣ, вмѣстѣ съ вредомъ, онѣ приносятъ и долю пользы: изобиліе двукрылыхъ имѣетъ свое значеніе въ экономіи природы: такъ онѣ доставляютъ собою постоянный запасъ пищи для насѣкомоядныхъ птицъ, а сами способствуютъ исчезновенію гниющихъ веществъ животнаго происхожденія и такимъ образомъ очищаютъ воздухъ отъ зараженій. Птица двукрылыхъ самая разнообразная. Однѣ изъ нихъ сосутъ кровь, другіе потъ, выдѣленія животныхъ и сокъ цвѣтотъ и растений. Обыкновенно, видимъ какъ двукрылыя кружатся надъ цвѣтами, поминутно опускаясь на пестрыя лепестки и извлекая изъ нихъ себѣ пищу. Къ двукрылымъ-муховымъ относятся: слѣпни, рагонъ червоточный, оводы, мясная муха, жулиница, оливчатый дакусъ, геломиза, муха цеце, въ центральной Африкѣ, цвѣточница, комнатная муха, геллофилы. Нѣкоторые изъ нихъ одарены замѣчательной силой; смѣлость ихъ и энергія удивительны.

Нашъ рисунокъ показываетъ муху геллофилу въ формахъ личинки и совершеннаго насѣкомаго. Геллофила особенно замѣчательна странной формою своихъ личинокъ. Онѣ продолговатыя съ чрезвычайно длиннымъ, относительно тѣла, хвостикомъ. Реомюръ назвалъ личинку геллофилы—червячкомъ съ краснымъ хвостомъ—*vers à queue de rat*—за необыкновенную длину хвостика этихъ личинокъ. Хвостикъ геллофилы служатъ имъ органами дыханія; въ то время когда тѣло личинки погружено въ воду, хвостикъ обыкновенно находится на поверхности, вдыхая воздухъ. Хвостикъ состоитъ изъ двухъ трубочекъ, входящихъ одна въ другую, какъ удочка для рыбной ловли и оканчивается

маленькимъ темнымъ сосочкомъ, въ которомъ находятся два отверстія. Съ наступленіемъ времени перехода личинки геллофила въ куколку, она покидаетъ воду и уходитъ въ землю. Тамъ мало по малу совершается ея превращеніе въ куколку и наконецъ изъ куколки—въ совершенное насѣкомое; и тогда изъ второй стихіи, расправивъ свои крылья, вылетаютъ геллофилы на воздухъ—третью стихію, въ которой и заканчиваютъ потомъ свое существованіе, даруявъ жизнь другому поколѣнію...

А. Г.

Новости Русскаго спорта. Конскія скачки въ Москвѣ.

Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, конскія скачки происходятъ каждое лѣто въ окрестностяхъ Царскаго Села, въ Москвѣ же—на Ходынскомъ полѣ. За тѣмъ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ существуютъ особыя учрежденія для улучшенія породы лошадей. Не смотря на это, въ нашихъ русскихъ конскихъ скачкахъ, по отзывамъ знатоковъ недостаетъ многихъ усовершенствованій, уже существующихъ въ Западныхъ государствахъ, въ особенности же въ Англии. Усовершенствованія эти предлагаются знатоками конскаго дѣла, въ специальныхъ журналахъ или же отдѣльныхъ специальныхъ брошюрахъ. Въ особенности замѣчательна въ этомъ отношеніи вышедшая недавно въ свѣтъ брошюра „О скаковомъ дѣлѣ въ Россіи“, принадлежащая г. Леману, хозяину московскаго таттерсала. Г. Леманъ настоятельно предлагаетъ улучшеніе скаковаго дѣла въ Россіи, примѣненіемъ тѣхъ средствъ, которыя существуютъ для этого за границею. Средства эти сводятся къ 3-мъ категоріямъ: а) измѣненіе системы бѣга ограниченіемъ бѣга рассчитаннаго по тяжести, которую несетъ на себѣ бѣгущая лошадь, и введеніе бѣга, измѣряемаго проворствомъ и ловкостью движенья лошади, б) установленіе бѣга для *двухъ-лѣтнихъ* лошадей; в) какъ можно болѣе развитіе бѣга и скачекъ съ препятствіями. Благодаря этимъ средствамъ, говоритъ г. Леманъ, гораздо удобнѣе можно судить о развитіи лошади, соотвѣтственно ея лѣтамъ, а слѣдовательно и о достоинствѣ расы или породы, къ которой лошадь принадлежитъ. Въ Англии, изъ всѣхъ скаковыхъ лошадей цѣна 9/10 совершаютъ именно такой бѣгъ; во Франціи подобный же бѣгъ совершаетъ 1/2 всего числа скаковыхъ лошадей, въ Германіи и Австріи около 1/3, а у насъ въ Россіи только 1/20, слѣдовательно подобной системы конскіе бѣги у насъ совершенная новинка. Что касается до допущенія къ бѣгамъ *2-хъ лѣтнихъ* лошадей, то это средство важно потому, что оно превосходно способствуетъ развитію и укрѣпленію организма молодой лошади, какъ это доказываютъ заграничныя примѣры. Что касается наибольшаго развитія лошадиныхъ скачекъ съ препятствіями, то потребность въ этомъ развитіи у насъ въ Россіи существуетъ самая настоятельная, такъ какъ скаковыя лошади наши выигрываютъ весьма малые призы, сравнительно съ подобными же призами заграничьею. Лошадь хорошо побѣждающую на скаку препятствія, можно назвать по преимуществу *солдатскою лошадью*, и слѣдовательно подобная выдрессировка лошадей весьма важна для нашихъ войскъ.

Упомянутая брошюра нашла на Московскихъ конскихъ скачкахъ послѣдователей. Были допущены недавно къ скачкамъ *два двулѣтнихъ лошади*. Это первый примѣръ за все существованіе конскихъ скачекъ въ Россіи. Получила также въ Москвѣ примѣненіе и англійская система скачки *Steppl-chase*, и въ этой скачкѣ лошадь пробѣжавшая болѣе 4 версты, выиграла призъ въ 1.000 рублей. Москва, такимъ образомъ, сдѣлала первый шагъ къ рациональному улучшенію чистокровнаго породы лошадей по новѣйшему европейскому способу.

Но соотвѣтственно этому въ Москвѣ сдѣланы улучшенія и поправки въ устройствѣ скаковаго поля (Ходынское поле). Устроены препятствія въ слѣдующемъ порядкѣ. (См. рисунокъ).

№ 1. Тыпъ или частокъ со рвомъ. № 2. Насыпь вышиною 1/2 аршина. № 3. Сухой ровъ шириною 4 1/2 аршина. № 4. Стѣна вышиною 1 1/4 аршина. № 5. Валъ со рвомъ. № 6. Ровъ, наполненный водою, ширины 6 аршинъ. № 7. Ровъ съ валомъ и позади его 8 валовъ ирландскіе системы (т. е. окруженныхъ рвами съ обѣихъ сторонъ) 1 1/4 аршинъ вышины и 9/2 аршинъ ширины. За снѣмъ слѣдуютъ опять № № 6—7, и потомъ кончается скаковое поле. Допускаемая къ скачкамъ 2-хъ лѣтняя лошадь бѣгаютъ только по прямому пути.

Вотъ въ чемъ состоятъ улучшенія конскихъ скачекъ въ Москвѣ. Надо замѣтить что вообще естественныя условия для скачекъ въ Москвѣ болѣе благоприятны, чѣмъ въ Петербургѣ, такъ какъ почва Ходынскаго поля менѣе болотиста и не портится отъ дождей, какъ въ окрестностяхъ Царскаго Села. Въ нынѣшнее лѣто въ Москвѣ 8 скачекъ.

Политическія и внутреннія извѣстія.

Интересы Англии и Турціи все болѣе и болѣе отождествляются: Англія показалась мало превосходной стоянки на о—въ Кипръ и безусловной опеки и охраненія Турціи въ Малой Азіи. Она хочетъ захватить новую территорію (гдѣ—покуда еще опредѣленно неизвѣстно; предполагаютъ, однако, что по прибрежью Мраморнаго моря) и это для того, чтобы охранять

входъ въ Дарданеллы.. Это уже прямо противорѣчитъ 63-й статьѣ Берлинскаго трактата, только что подписаннаго и ратификованнаго.

На прошлой недѣлѣ султанское правительство все еще вело переговоры съ Греціей, и все еще обѣ стороны не рѣшились покончить мировою сдѣлкою. Турція всѣми силами старается

что-нибудь „выторговать“ изъ земель, отрѣзанныхъ Греціи по опредѣленію Берлинскаго конгресса. Въ особенности Портъ хотѣлось бы удержать за собою *Янину* (около 40 и 39 град. сѣверной широты), на уступкѣ которой Греція въсѣми силами настаиваетъ и считаетъ включеніе Янины въ свою территорію непременнымъ условіемъ исправленія своихъ границъ. Чтобы обезпечить за собою удержаніе Янины, Порта запугиваетъ Грецію стягиваніемъ своихъ войскъ въ пограничныя провинціи. Но есть все шансы ожидать, что Порта должна будетъ уступить въ этомъ спорѣ. Греція, какъ извѣстно, требовала себѣ присоединенія Эпира и Фессалии и присоединеніе этихъ важныхъ провинцій не перестаетъ быть завѣщаніемъ мечтою „маленькаго“ государства.

Въ высшей степени интереснымъ въ настоящее время представляется вопросъ объ отношеніяхъ Австро-Венгріи къ Италіи, которыя являются результатомъ рѣшеній Берлинскаго конгресса. Австрійскія провинціи, племеннымъ образомъ сродныя съ Италіей, въ настоящее время еще болѣе чувствуютъ тяготѣніе къ этой послѣдней и цѣль недавнихъ движеній, недавнихъ патриотическихъ митинговъ въ главнѣйшихъ городахъ Италіи именно та, чтобы пробудить народное итальянское сознаніе—для отторженія отъ Австріи провинцій, по крови и духу близкихъ къ Италіи. Австро-Венгрія, повидному, съ энергичною рѣшимостью смотритъ на это проявленіе итальянскаго патриотизма и не прочь вступить въ рѣшительную борьбу съ Италіей, если до этого дойдетъ дѣло. Недавно Императоръ Францъ-Иосифъ, бесѣдая объ этомъ предметѣ съ своими министрами, сказалъ: „лучше моя династія перестанетъ царствовать, чѣмъ я отдамъ Италіи хоть пядь земли!“ Слова знаменательныя, показывающія, какъ все усложняется и усложняется гордіевъ узелъ европейской политики. Можно видѣть, что для Европы рѣшенія Берлинскаго конгресса имѣютъ лишь временное, палліативное значеніе...

Даже тамъ, гдѣ, повидному, такъ недавно мечъ былъ вложенъ въ ножны на продолжительное время, напримѣръ, въ Сербіи и Черногоріи, появляются какіе-то зловѣщія и во всякомъ случаѣ не „умиротворительныя“ симптомы. Вооруженія сербовъ и черногорцевъ въ недавнее время приняли угрожающіе размѣры. Австрія, вводящая теперь свои войска въ Боснію, конечно, этого „не потерпитъ“ во имя мира и умиротворенія. Но отъ этого, разумѣется, не будетъ легче ни Сербіи, ни, въ особенности, Черногоріи, крайне обиженной урѣзаніемъ у нея завоеванной ею территоріи и отнятіемъ прекрасной гавани Сплицы. Нѣтъ, повидному, нисколько не вытанцовывается „умиротвореніе“. Новая ожесточенная борьба, повидному, неминуема, хотя можетъ быть и будетъ отложена на болѣе или менѣе продолжительное время...

Въ столицѣ Босніи, Сераевѣ, царитъ полнѣйшая анархія.

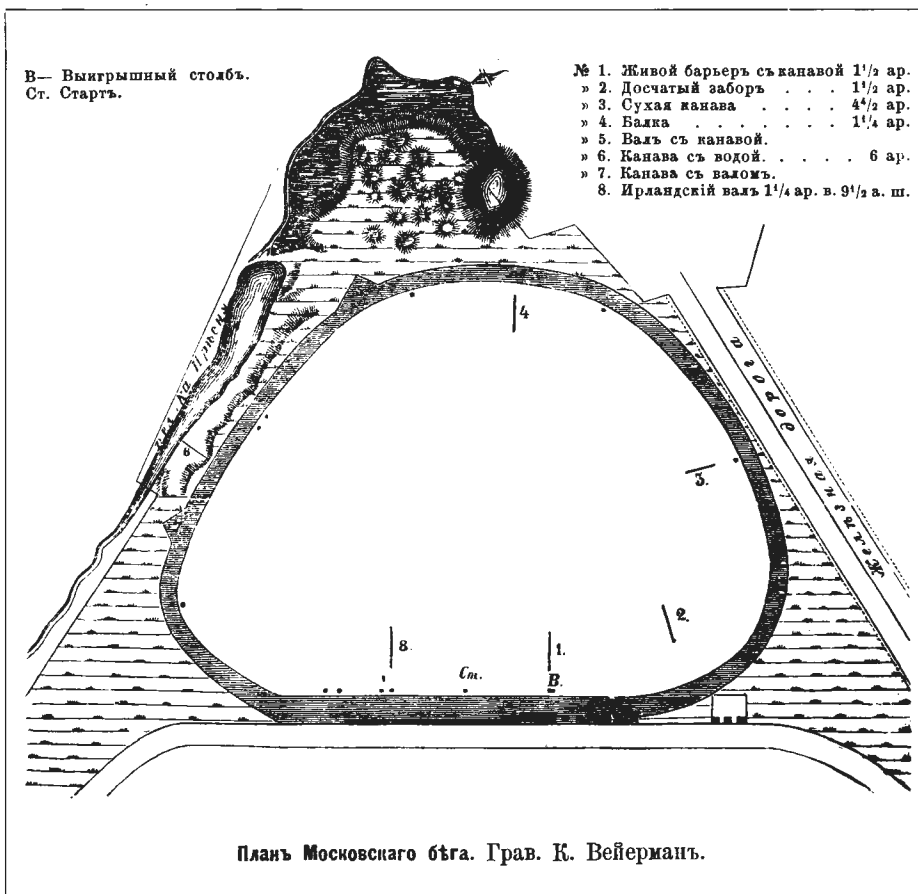
Сераевская чернь (магометанская) взбунтовалась. Возмущеніе приняло ожесточенный характеръ. Опасаясь за жизнь, изъ Сераева бѣжали сераевскій *вали* (губернаторъ) *Мазаръ-паша* и главный военный начальникъ, вмѣстѣ съ войсками. Мазара-пашу мятежники объявили смѣщеннымъ, а его конякъ (дворецъ) разграбили. За снѣжъ, дагѣ, произошла кровопролитная свалка между чернью и официальными блюстителями порядка въ Сераево. Чернь взяла штурмомъ и разграбила арсеналъ. Для подавленія возмущенія, судя по крайнему ожесточенію черни, потребуются значительныя силы.

Въ Германіи происходятъ парламентскіе выборы и вся страна поглощена этимъ внутреннимъ вопросомъ. Дѣло въ томъ, что послѣ вторичнаго покушенія на жизнь Императора Вильгельма Нобелингомъ, произошли въ Германіи полицейскія репрессалии и аресты, въ каковыхъ полиція поусердствовала даже слѣшкомъ... Предположено было принять крутыя мѣры противъ социаль-демократовъ, изъ среды которыхъ вышли Гедель и Нобелингъ; но полиція въ своей ревности зашла такъ далеко, что наравнѣ съ социаль-демократами преслѣдовала и либераловъ. Понятно, что явилась реакція. Социаль-демократы не уничтожены; напротивъ, получили значеніе при выборахъ, благодаря именно притѣсенію либераловъ, могущихъ при такомъ порядкѣ вещей получить перевѣсъ на парламентскихъ выборахъ, наравнѣ съ социаль-демократами. Преобладающій элементъ имѣли національ-либералы, но далеко не ничтоженъ процентъ и социаль-демократовъ.

Если выборы не состоятся, то Бисмарку нужно будетъ вновь распустилъ парламентъ. Вообще, по мнѣнію нѣкоторыхъ компетентныхъ политиковъ, возникшія въ Германіи при выборахъ въ парламентъ затрудненія угрожаютъ даже существованію Германской конституціи; для этой конституціи приближается своего рода „быть или не быть“. Но извѣстно, что князь Бисмаркъ смотритъ на парламентъ свысока и по его личному убѣжденію, конечно, въ вопросѣ „быть или не быть парламенту?“ не заключается непосредственной опасности для Германіи.

На прошлой недѣлѣ начались приготовленія къ перевозкѣ русскихъ войскъ въ Одессу. На первыхъ порахъ предполагено перевезти на родину 100,000 русскихъ воиновъ. Но есть извѣстія, что значительныя наши силы останутся вблизи Константинополя и Болгаріи до осени. Вообще по всѣмъ признакамъ видно, что переходъ отъ военнаго положенія на мирное долженъ совершиться съ большою медленностью. Для перевозки нашихъ войскъ существуетъ предположеніе зафрахтовать извѣстное число англійскихъ транспортныхъ судовъ.

Петербургъ на прошлой недѣлѣ посетилъ бывшій президентъ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Генераль Грантъ, въ качествѣ частнаго путешественника.

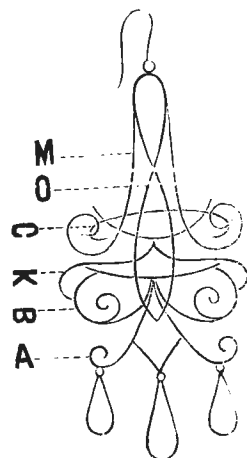
Планъ Московскаго бѣга. Грав. К. Вейерманъ.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Сладка мѣсть на нервныхъ порахъ, но какъ гнететъ она послѣ! (*Миллтонъ*).

И ты говоришь: дыханіе смерти худшее изъ золь, нѣтъ, оно великое утѣшеніе тому, кто усталъ страдать. (*Метастазіо*).

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 30 „Нивы“: „У сильяго всегда безсильный виноватъ“.

Серьги, помѣщенные въ № 30 „Нивы“, заключаютъ въ себѣ буквы, изъ которыхъ складывается названіе города: „Москва“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

2. Нишинева Н. Анд.—скому. Вы пишете:

Меня зовутъ долгъ чести справедливой
Царю отечеству служить,
Прощай мой край, мой дорогой, родимый,
Тебя я долженъ позабыть

Знаете-ли, что-то не ладно: плохой тотъ воинъ, который, идя
„служить отечеству“, забываетъ о немъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Александровская Троицкая Лавра въ С.-Петербургѣ. (съ
рисункомъ) Z.—Благотворъ „Червленъ аскеръ“ (Рассказъ изъ недавняго прошла.—
го) И. Карзина.—Валаамъ (Путевыя впечатлѣнія) (Окончаніе) П. Гидича.—
Урокъ въ страшной школѣ (съ рисункомъ) Щ.—Северная фарфоровая мануфак-
тура (съ рисункомъ) М.—оли.—Увѣщаніе розами (съ рисункомъ).—Охота на
утокъ (съ рисункомъ) Д. Стх.—Изъ жизни въ Японіи (съ рисункомъ) А.
И.—сого.—Всемирная выставка въ Парижѣ (съ рисункомъ).—Мухи голубины (съ
рисункомъ) А. Г.—Новости Русскаго спорта Конская скачка въ Москвѣ (съ ри-
сункомъ).—Политическія новости.—Мысли замѣчательныхъ людей.—Размена
задачь.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Редакторъ А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Д. Стахтевъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

ПОЛУЧЕНЪ НОВЫЙ ТРАНСПОРТЪ АППАРАТА
ДОМАШНІЙ ОГНЕГАСИТЕЛЬ
(ASSURANS SPRUTAN)

Г. ЛУДИНА и К°, въ СТОКГОЛЬМЪ.

Отличительныя свойства домашняго огнегасителя слѣдующія: онъ тушитъ не
слишкомъ распространеннаго пламя, въ теченіи нѣсколькихъ минутъ.—Дѣй-
ствуетъ безъ примѣся химическаго состава, лишь силою и постояннымъ напоро-
момъ водяной струи.—Для дѣйствія имъ не нужна никакая предварительная
подготовка, имъ могутъ тушить огонь безъ малѣйшаго усилія даже женщины
и средняго возраста дѣти.—Выбрасываетъ воду на разстояніи болѣе 40 фут.
Всегда готовъ къ употребленію, потому что прочность конструкціи устраняетъ
порчу.—По незначительности объема и вѣса доступъ съ этимъ снарядомъ воз-
моженъ во всякому мѣсту, куда можетъ проникнуть хотя одинъ человекъ.—
Домашній огнегаситель былъ подвергнутъ публичному испытанію на Семенов-
скомъ плацу 30 марта 1878 г. гдѣ присутствовали многіе спеціалисты по части
тушенія пожаровъ и устройству пожарныхъ инструментовъ. Эти лица за-
свидѣтельствовали о пригодности испытаннаго инструмента особенно у насъ
въ Россіи и объ успѣшности его дѣйствій.

Вотъ мнѣніе нашей печати объ немъ: „Новое Время“ № 764, стр. 3. „Резуль-
таты испытанія оказались превзойденными ожиданія.—Нѣмецкія С.-Петербургскія
Вѣдомости“ № 92. „Испытаніе, на которомъ присутствовали представители
многихъ присутственныхъ мѣстъ и спеціалисты по пожарному дѣлу, имѣло
большой успѣхъ, и доказало огромную примѣнимость аппарата для прекраще-
нія начинающаго и нераспространяющагося въ значительныхъ размѣрахъ по-
жара.“ „Всемирная Иллюстрація“ № 485 стр. 284. „Дѣйствіе огнегасителя оказа-
лось вполне удовлетворительно. Преимущество этого прибора предъ химически-
ми эстетикторами:—простота конструкціи, безопасность и постоянная готов-
ность къ употребленію.“ „Живописное Обзоріе“ № 17. „На Семеновскомъ
плацу былъ устроенъ родъ домика, наполненаго стружками, вымазаннаго дегте-
мъ и облитого керосиномъ. Пламя охватило строеніе съ ужасною быстротою
чему способствовали вѣтеръ, но въ теченіи 1 1/2 минуты было потушено; для
начинающаго пожара такой аппаратъ очень полезенъ. Намъ кажется, что по-
добные огнегасители должно сдѣлать обязательными въ приобретенію, въ об-
щественныхъ учрежденіяхъ на фабрикахъ, заводахъ и даже въ селахъ.“—С.-Пе-
тербургскій Герольдъ“ № 106 (1875 г.). Для небольшого размѣра пожаровъ,
огнегаситель оказался весьма полезнымъ, какъ это и было высказано присут-
ствовавшими на испытаніи экспертами. Для нашихъ сельскихъ жителей,
которымъ долго еще не будутъ доступны дорогіе пожарные снаряды, равно
какъ и для нашихъ загородныхъ дачъ, которые столь часто подвергаются опас-
ности отъ пожара, этотъ небольшой, аккуратно и весьма просто устроенный
аппаратъ, можно считать нецѣльнымъ.“—„Петербургская Газета“ № 77. „Аппа-
ратъ г. Лудина является идеальнѣе того огнегасителя, о которомъ такъ долго
мечтали механики.“

Цѣна „Домашняго огнегасителя“ 30 руб.

Гг. Иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями къ одной
изъ ниже указанныхъ фирмъ, прибавляя пересылочныхъ денегъ за одинъ пулъ.
Пересылка производится по желѣзнымъ дорогамъ, черезъ транспортныя кон-
торы и по почтѣ. Съ уплатою переводомъ на товаръ отправляется лишь по
полученіи половины стоимости, вмѣстѣ съ требованіемъ. Подробное объявленіе
съ рисункомъ аппарата высылается по почтѣ бесплатно немедленно по
полученіи требованія.

Главное агентство для Россіи у А. Ф. ДЕВРИЕНА въ С.-Петербургѣ на Ва-
сильев. острову, Волыш. просп., на углу 3 линіи домъ Юнкера № 8. Склада
въ С.-Петербургѣ у М. Л. ГИЦЛЯ, Невскій просп., № 54.
Склада въ Москвѣ у Вурггардта и Урлауба, Мясницкая, домъ Сытова.

МАГАЗИНЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана,
по Большой Морской, 42,

Рекомендуется по самымъ дешевымъ цѣнамъ
скрипки, виолончели, цитры, гитары, струны,
кортнетъ-а-пистонъ, «лейты», кларнеты, бара-
баны, музыкальные ящики, шарманки, англій-
скія и нѣмецкія концертраны, гармоніолуны,
гармоніи и всѣ другіе музыкальные инстру-
менты,

ОКАРИНА ТОМАСА ЗАХА ВЪ ВЪѢБЪ,
по фабричнымъ цѣнамъ:

Table with 2 columns: Price and Description.
№ 1 по 1 р. — к.
» 2 » 1 » 50 »
» 3 » 2 » — »
» 4 » » 50 »
» 5 » 3 » — »
» 6 » 4 » — »
школа для изученія безъ учителя 40 коп.
мелодія I, II, III тетрадь по 60 коп.
дуэты, I тетрадь 80 коп.
трио, I тетрадь 1 руб.
квартеты I тетрадь 80 коп.

Дамскія окаринны съ футляромъ по 5 и 6 р., малый дуэтъ 5 р., большой дуэтъ
6 р., малый трио 5 р., большой трио 10 р., малый квартетъ 8 р., большой квар-
тетъ 16 р., футляры для № 1, 2, по 60 к., № 3, 4, по 80 коп., № 5, 6, по 1 р.
Заказъ изъ провинціи исполняется немедленно по полученіи денегъ За пе-
ресылку одной окаринны слѣдуетъ 60 коп. № 175 3—1

И. Э. МИЛЬКЪ

бол. Морской

№ 39

ДЕСЯТИЧНЫЕ ВѢСЫ, Садовая мебель, Ванны,
Биде, Души, Пожар. и Садов. насосы, Умывальники, Ватерклозеты,
Комнатн. ледян. шкапы, Морожники, Мясорубки, Филитры и раз-
ныя хозяйственныя вещи. № 158

НОВАЯ КНИГА,

чрезвычайно интересная оригинальностью своего содержанія,

подъ названіемъ:

Я ХОЧУ
ВАМЪ РАССКАЗАТЬ, РАССКАЗАТЬ
ДА!

ПЕТЕРБУРГСКІЕ И МОСКОВСКІЕ ИЗВѢСТНЫЕ
КОМИКИ, КУПЛЕТИСТЫ И РАССКАЩИКИ,

СОЧ. АРТИСТОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ТЕАТРОВЪ МУШИНСКИМЪ И
КАСКАДНОЙ ПѢВЦЕЙ Г. СТРУЙСКОЙ.

Примечаніе: Въ книгу собраны всѣ до сего времени появившіеся комическіе
и миантные куплеты, пѣсни изъ новѣйшихъ оперетокъ, игранныхъ въ дѣтнихъ
общественныхъ садахъ шансонетки и романсы, пѣтые артистами петербург-
скихъ и московскихъ хоровъ, еврейскіе, малороссійскіе, русскіе, цыганскіе
комики, куплетисты и рассказчики.

Рекомендуется комичамъ, рассказчикамъ, куплетистамъ, пѣвцамъ и пѣвицамъ
и другимъ молодымъ особамъ обоого пола, желающимъ участвовать на сценѣ
любительскихъ спектаклей. 1878 г. Ц. 2 руб. съ пересылкою. Книга продается
на Никольской улицѣ, въ Москвѣ, у книгопродавца Земскаго. № 177 1

ВЫШЛА АВГУСТОВСКАЯ КНИЖКА
„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ.“

СОДЕРЖАНИЕ: Таинственное происшествіе въ современной Венеціи
Уильми Коллинза Поненджой ли онъ? Энтони Троллопа. Три герцо-
гини, Арсена Гуссе. (Окончаніе). Царина Савская.

Кромѣ романа, оконченнаго въ этой книгѣ, въ вышедшихъ шести
книжкахъ нынѣшняго года, окончены еще шесть романовъ: ВОЛОКИТА
МУЖЪ Флоренціи Марьеть. СИГНАЛЬ БѢДСТВІЯ, Майна Рида. МУЖ-
НИНА ЖЕНА, Теккерея. ТЫСЯЧА И ОДНА СУПРУЖЕСКАЯ НОЧЬ, Ка-
трелля. СТРАНИЦА ЛЮБВИ, Эмиля Золя. СТАРОСТЬ ЛЕОНА, Фортю-
не до-Буагобеа.

Къ печати приготовлены: ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОКА, изъ событій въ
Константинополѣ, Антонія Жофре. УБИЙСТВО ВЪ ДОМѢ ПОДЪ №
13, Рене де-Пон-Жюста. МАС-ГОРКА, Густава Эмара.

Цѣна за годовое изданіе, 12 книгъ большаго формата, составляю-
щихъ въ концѣ года около пяти тысячъ страницъ, безъ доставки де-
сять рублей пятьдесятъ коп., съ доставкою въ С. Петербургъ—одни-
надцать руб.; для иногородныхъ подписчиковъ—дѣвнадцать.

Подписка принимается исключительно на имя издательницы Елиса-
веты Николаевны Ахматовой, въ редакціи «Собранія Романовъ», въ
домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С. Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1-го
При редакціи открыта книжная торговля; высылаются всѣ книги,
публикованныя въ газетахъ, и принимается подписка на всѣ періо-
дическія изданія. № 168 1

ОТЪ ЖЕНСКАГО УЧЕБНАГО ЗАВЕДЕНІЯ

Кн. О. Н. МЕЩЕРСКОЙ.

Съ наступающаго учебнаго года открывается V классъ, кромѣ существую-
щихъ уже приготовительнаго и 4-хъ слѣдующихъ классовъ гимназическаго ку-
рса. Приемные экзамены для желающихъ поступить вновь въ учебное заведеніе
будутъ производиться 31-го Августа, 1-го и 2-го Сентября.

Программы можно получать во всякое время въ помѣщеніи учебнаго за-
венія на Малой Дмитровкѣ, д. Шубной, для личныхъ же переговоровъ просятъ
обращаться съ 11-го Августа по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ
отъ 12-ти до 3-хъ часовъ пополудни. № 179 1—1

№ 176 ИСТОРИЯ ГРЕЦІИ И РИМА 4—1

по преимуществу внутренней жизни
Соч. Андрея Ткачева цѣна 2 ч. 2 р.
Отзывы 1876 г. Спб. В. № 63, Голосъ 178, Нов. Вр. 20, Бирж. Вѣд. 94, Женское
Обр. 1—2, Пед. Муз. 8, Нед. 13—14, Дѣт. Садъ 5—6 1877 г. Ж. М. Н. Пров. № 3

НОВЫЙ СПОСОБЪ РИСОВАНІЯ.

посредствомъ котораго всякій безъ малѣйшей подготовки можетъ копиро-
вать всевозможные рисунки, «фотографич. карты, акварели, дѣлты и т. д. Осо-
бенно полезенъ для дѣтей. Цѣна ящикаго аппарата съ приложеніемъ «Нова-
го способа умноженія» посредствомъ сложенія, 1 руб., съ пересылкою 2 руб.
Адр.: въ бюро объявленій, Невскій Пр., № 4 въ С.-Петербургѣ. № 173 2—1

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Большая Морская, д. № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть Вс. С. Соловьева. Сп-
жегъ замѣствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ
представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украсенъ 20 рисунка-
ми художника И. С. Панова, и гравиров. лучшими мастерами. Цѣ-
на 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., для подписч. „Нивы“ 1878 г. 1 р.
80 к., съ перес. 2 р.

№ 32

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 7 Августа 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫНРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 20 съ перес. 25 к

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ «Нивѣ» принимаются по 25 к. за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницъ).

КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресенья) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ ин. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи . . . . . 6 „

Также принимается подписка на 1/2 года съ 1 июля 1878; безъ дост. 2 р., съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. иностр. 3 р.
КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМЕЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія объявленій къ «Нивѣ» многор. по 6 р. съ тысячи, городскимъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи, неудобные къ печати, авторамъ не возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1878 г. №№ «Нивы» со всѣми приложениями.

При этомъ № прилагаются «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за АВГУСТЪ съ 28 рисунками и отдѣльный листъ съ 24 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ равными буквами для мѣтки бѣлья

Художникъ
Ф. Келлеръ.

Фердинандъ Келлеръ родился въ 1844 году въ Карлсруэ. Уже бывши въ гимназій, мальчикъ обнаруживалъ художественный талантъ. Между своими товарищами, онъ безспорно, считался лучшимъ рисовальщикомъ, и твердо рѣшился *сдѣлаться живописцемъ.*

Счастье благоприятствовало молодому художнику. Около этого времени была основана въ Карлсруэ художественная школа. Съ радостью и одушевленіемъ всѣ истые любители искусства услышали новость, что начальникомъ новооснованной школы приглашенъ знаменитый пейзажистъ *Вильгельмъ Ширмеръ.* Вскорѣ послѣ этого, можно сказать, ни одна группа деревьевъ въ окрестностяхъ Карлсруэ не осталась не срисованною молодыми энтузиастами-пейзажистами, подъ руководствомъ знаменитаго мастера, который и самъ неутомимо дѣлалъ художественныя экскурсіи. Вездѣ, гдѣ только Ширмеръ на полянѣ, окруженной лѣсомъ, раскидывалъ свою

Художникъ Фердинандъ Келлеръ. Рис. и грав. Клозь.

походную художественную палатку, около него собиралась толпа учениковъ и художественныхъ дилетантовъ. И вотъ въ этихъ-то упражненіяхъ возросъ и укрѣпился могучій талантъ Келлера. Врожденное юношѣ чувство любви къ прекрасному въ природѣ, недоступному и недостижимому для людей—не художниковъ, нашло себѣ богатую пищу.

Далѣе, къ счастью художника, судьба привела его быть въ тропическомъ повомѣ мірѣ, въ Бразиліи, на этомъ грандіозномъ лотѣ дѣвственной природы. Благодаря этому-то наблюденію роскошныхъ цвѣтовъ и красокъ тропической природы, ихъ тысячи разнообразныхъ оттѣнковъ, кисть Келлера приобрѣла ту пѣвность и свѣжесть, которыми отличаются его картины. Изъ своего путешествія Келлеръ привезъ огромное множество этюдовъ съ великолѣпной бразильской природы.

Когда Келлеръ, обогатившись такимъ изученіемъ и наблюденіемъ, возвратился изъ Бразиліи въ свой родной Карлсруэ, его съ радостною готовностью принялъ Ширмеръ въ свою мастер-

скую. Затѣмъ масляный пейзажистъ вскорѣ умеръ. Келлеру былъ тогда только 21 годъ отъ роду и въ это именно время онъ исполнилъ свои великолѣпные виды первобытныхъ американскихъ лѣсовъ. Успѣхъ этихъ первыхъ работъ Келлера былъ громадный. Публика приняла ихъ съ энтузіазмомъ. Вскорѣ прибылъ въ Карлсруэ ученикъ извѣстнаго *Ралля, Кононъ*. Этотъ послѣдній произвелъ большое вліяніе на карлсруэскую школу своею блестящею техникою въ живописи масляными красками. Келлеру эта техника припала по душѣ, и въ этомъ отношеніи онъ совершенно примкнулъ къ Канону. Канонъ открылъ ему новый міръ, указалъ путь для проникновенія въ тайны искусства древнихъ и искусства эпохи Возрожденія, посвятилъ его въ глубокое познаніе анатоміи и внѣшней формы человѣческаго тѣла, научилъ компановкѣ картинъ по строго опредѣленнымъ началамъ.

И вотъ уже, когда годы подготовительнаго художественнаго обученія кончились, Келлеръ отправился въ Римъ, гдѣ онъ и провелъ много лѣтъ, пріѣзжая лишь изрѣдка въ Карлсруэ, и попеременно, то въ Римъ, то въ Карлсруэ онъ произвелъ большое число картинъ и ландшафтовъ, и съ историческимъ содержаниемъ, и портретовъ; въ это же время Келлеръ написалъ много картинъ аль-фреско. Изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ работъ мы узнаемъ однѣ и тѣже характеристическія черты Келлера, какъ художника: *редкую многосторонность таланта, необыкновенно богатую фантазію, въ высшей степени правильный рисунокъ и „конструкцію“ (построеніе) фигуръ, и гармонію красокъ. Наконецъ, строгое и неуклонное стремленіе постоянно углубляться въ сюжеты своихъ произведеній.*

Рѣдко молодымъ художникамъ доводится проходить такой своеобразный подготовительный художественный путь, какой прошелъ Келлеръ. Въ этомъ пути можно различить четыре стадіи: полное увлеченіе изученіемъ и воспроизведеніемъ родной природы, окружающей Карлсруэ; изученіе и воспроизведеніе тропическаго великолѣпія природы въ Америкѣ, ученіе у глубоко поучительнаго Ширмера и наконецъ вліяніе Канона, влі-

яніе широкое, какъ уже сказали мы выше. Всѣ эти четыре стадіи подготовили для Келлера пониманіе классическаго искусства въ Римѣ. Въ Венеціи Келлеръ былъ восхищенъ произведеніями Тинторетто, его Сан-Марко и вообще всѣми сокровищами тамошней Академіи; не менѣе онъ восхищенъ былъ несравненными художественными сокровищами Флоренціи и Рима; его одушевила смѣлая техника фресковыхъ декораций во вкусѣ барокко, патера Поццы. Онъ пришелъ, затѣмъ, въ неописанный восторгъ отъ воздушно-фантастическихъ изображеній сказочнаго міра въ виллѣ d'Este въ Тиволи; его вдохновляли, наконецъ, сношенія и обмѣнъ мыслей съ Фейэрбахомъ... Вотъ сколько было элементовъ, подвигавшихъ впередъ послѣдній талантъ Келлера... Глубоко привязанный къ Риму, онъ хотѣлъ остаться тамъ навсегда. Но приглашеніе въ 1870 г. занять мѣсто профессора въ художественной школѣ роднаго города взяло, однако, верхъ надъ завѣтнымъ желаніемъ художника остаться въ вѣчномъ городѣ. И по сію пору Келлеръ состоитъ въ Карлсруэской художественной школѣ преподавателемъ анатоміи человѣческаго тѣла и руководителемъ рисованія фигуръ и группъ, словомъ—композиціи въ картинахъ. Этому послѣднему занятію Келлеръ предается съ особенною любовью и увлеченіемъ, такъ какъ подобное занятіе даетъ обильную пищу его мощной и разнообразной фантазіи. Особенное удовольствие доставило художнику исполненіе на конкурсѣ композиціи для занавѣса въ новомъ Дрезденскомъ театрѣ. Въ этомъ конкурсѣ Келлеръ, разумѣется, одержалъ верхъ.

Келлеру въ настоящее время только 33 года. Онъ стоитъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и генія, и, конечно, успѣетъ еще произвести многое... Читатели „Нивы“ имѣютъ понятіе о достоинствахъ композиціи и колорита художника, по двумъ олеографическимъ снимкамъ съ его картинъ. Снимки эти были розсланы въ концѣ прошлаго года, подписчикамъ нашего журнала, въ видѣ преміи. Кромѣ того рисунки съ картинъ Келлера не разъ были помѣщаемы на страницахъ „Нивы,“ какъ въ прошедшемъ году, такъ и въ предыдущіе года ея изданія.

Блокгаузъ „Червленъ Аскеръ“

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

(Окончаніе).

IV.

Солнце еще до половины спряталось за низкую, темную тучу, надвигавшуюся съ запада, когда графъ Михаилъ Рослани съ своими албанцами шагомъ подъѣхалъ къ воротамъ Червленъ-аскера.

Постройка резиденціи Мистера Джемса Говварда, знаменитаго инженера, были расположены слѣдующимъ образомъ. Продолговатый четвероугольникъ, занимаемый этими сооруженіями, одною своею длинною стороною примыкалъ къ берегу, съ остальныхъ трехъ сторонъ онъ былъ обведенъ глубокимъ ровомъ, въ который даже заходили воды Дуная. По внутренней сторонѣ рва возвышался невысокій, неправильной формы валъ, усиленный по гребню частоколомъ; передъ вѣздными воротами черезъ ровъ велъ постоянный мостикъ на козлахъ, другой мостъ, болѣе широкій, велъ съ другой стороны и назначался для вѣзда тяжелыхъ воевъ во дворъ Блокгауза; тамъ воротъ не было вовсе и вѣздъ оберегался надежными сторожами, двумя англійскими бульдогами Мистера Джемса, а кромѣ нихъ еще однимъ, менѣе надежнымъ сторожемъ, очереднымъ заступкомъ, вѣчно занятымъ во время службы, накладкою безчисленныхъ заплатъ на свои неизгѣримыя шаровары. По длинному, береговому фасаду четвероугольника высился красивый фасадъ въ восточномъ вкусѣ съ швейцарскими затѣями, съ верандою внизу и навѣсными балкончиками верхняго этажа, съ башенкой на плоской крышѣ и флагштокомъ.. Это и былъ дворецъ Мистера Говварда. По берегу-же, нѣсколько отступя, тянулись конюшни, съ крошечными окошечками на Дунай, весьма удобно могущими въ случаѣ чего служить амбразурами; къ этой конюшнѣ примыкалъ каменный корпусъ, гдѣ помѣщались солдаты береговой стражи. Этотъ корпусъ тянулся до слѣдующаго угла, гдѣ симметрично возвышался самый сторожевой блокгаузъ, тоже въ два этажа съ балкономъ подъ самою крышею, съ башенкою и флагштокомъ; на томъ флаг-

штокъ, съ восходомъ солнца поднимался и съ закатомъ опускался большой казенный флагъ, красный съ бѣлою луною и тремя бѣлыми-же звѣздами, а на флагштокъ Мистера Говварда такого флага не было, а вѣчно вертѣлся, скрипя на весь Дунай, затѣйливо вырѣзанный изъ жести показательъ силы и направленія вѣтра.

Такимъ образомъ, всѣ постройки четвероугольника сдвинуты были къ водѣ; фасъ, обращенный къ сушѣ, былъ совершенно открытъ и часовой съ башни блокгауза могъ видѣть, какъ во всю ширь рѣки, такъ и этотъ открытый фасъ и на далекомъ розстояніи, даже за валомъ и ровомъ, на сколько позволяла сосѣдняя пологая возвышенность, идущая параллельно руслу Дуная.

Берегъ рѣки въ этихъ мѣстахъ былъ обрывистъ и возвышался подъ водою футовъ на двадцать, но за котѣджемъ Мистера Говварда онъ круто понижался и переходилъ въ илистую отмель, густо поросшую тростниками... Прямо противъ блокгауза, на поль-ружейнаго выстрѣла отъ берега, виденъ былъ островъ, въ водопольѣ заливаемый водою, но теперь ясно и отчетливо рисуемой, на золотистой, сверкающей водной зыби своими темными группами кустовъ и щетинистыми линиями травяныхъ зарослей.

Графъ въ данную минуту желалъ быть принятымъ хозяиномъ котѣджа. По праву своего ранга и званія онъ могъ всегда воспользоваться гостепримствомъ официальной части блокгауза, то есть помѣщеніемъ береговой стражи, но ему на этотъ разъ хотѣлось быть исключительно гостемъ Джемса Говварда.

Поэтому графъ былъ очень доволенъ, когда еще издали не отыскавъ въ свой бинокль часоваго на башенкѣ: набожный турокъ вѣрно молился, глядя на закатъ солнца, и когда копыта вороного жеребца загремѣли по мостовой настилкѣ, первыми возвѣстили о прибытіи гостей бульдоги, хрипло захлебывавшіеся въ своихъ прочныхъ ошейникахъ.

Джемсъ Говвардъ былъ на дворѣ, осматривалъ весьма даже заботливо новоконанную ногу своей кобылы и

не успѣлъ принять никакихъ предупредительныхъ мѣръ, относительно гостя,—ему оставалось только любезно раскланяться, сказать: А, очень радъ чему обязанъ—и просить графа пожаловать въ нижнюю столовую.

— А я еще болѣе радъ, что наконецъ-то засталъ васъ дома, произнесъ Рослани, лѣнливо слѣзая съ коня и передавая поводья албанцу Рустему. Есть интересныя вѣсти изъ Константинополя и при томъ...

Графъ шепнулъ что-то Мистеру Джемсу по англійски, тотъ сдѣлалъ изумленную физиономію и огласилъ вечерній воздухъ восклицаніемъ—Псе!.. однако!..

— Дикъ, еще приборъ и бутылку номеръ семнадцатый! распорядился инженеръ.

— Yes!—отозвался Дикъ откуда-то сверху...

— Прошу!.

— Сію минуту... Галебъ!..

Графъ на неизвѣстномъ Мистеру Джемсу нарѣчи, бѣгло заговорилъ съ своимъ Кавасомъ, тотъ внимательно выслушалъ и кивнулъ головою—другой албанецъ тоже наклоненіемъ головы изъяснилъ свое одобреніе и оба стали спокойно вываживать по двору взмыленныхъ коней.

Входя въ столовую, просторную комнату нижняго этажа, изъ которой вела лѣстница наверхъ, графъ внимательно осмотрѣлся: онъ искалъ какихъ либо признаковъ присутствія женщины въ этомъ домѣ, но пока его обзоръ не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ... Подозрительнымъ могло только показаться развѣ то обстоятельство, что хозяинъ немедленно велѣлъ Дикъ запереть дверь, ведущую на лѣстницу, подъ предлогомъ сквознаго вѣтра.

Сѣли за вечерній чай, разговорились.

Гость сообщил много интереснаго, хозяинъ въ свою очередь разговорился. Михаилъ Рослани велъ разговоръ изъумительно ловко и скоро окончательно усыпилъ подозрительность Мистера Говварда...

Въ широкомъ окнѣ мелькнулъ силуэтъ Галеба и конской головы. Албанецъ гладилъ коня по шеѣ и нѣжно цѣловалъ своего четвероногаго друга въ мягкія губы. Графъ слегка замаялся на полусловѣ и нахмурился: онъ понялъ эти жесты... Его албанецъ уже успѣлъ распросить кое-кого изъ турецкихъ солдатъ, а условленными знаками передалъ своему господину результаты распросовъ.

Графъ теперь зналъ, что четыре дня тому назадъ сюда была привезена дѣвушка и что эта дѣвушка теперь здѣсь.

Между тѣмъ ночь подвигалась быстро... Дикъ уже внесъ въ столовую пару подсвѣчниковъ съ предохранительными колпаками.

— Какъ жаль, что я не могу сегодня помѣстить васъ, почтенный графъ, въ той комнатѣ гдѣ прежде: тамъ проклятымъ вѣтромъ выбило всѣ стекла и я велѣлъ пока ее запереть вовсе... Удобно-ли вамъ будетъ здѣсь?

— Э! пустяки! солдатъ не разборчивъ въ мѣстѣ ночлега... Здѣсь превосходно... Да и кто говоритъ о снѣ въ пріятномъ обществѣ!.. Еще въ могилѣ успѣемъ налегаться въ долю...

— Въ могилѣ... да. Ха ха!.. я тоже пока не имѣю ни малѣйшей охоты совать носъ въ подушку.. Дикъ!

— Масса?.

— Столикъ и карты!.

— И вина тоже... у васъ вѣрно еще осталось то, которое вамъ прислалъ Делаваръ паша?

— Дикъ бутылку... двѣ... номеръ двадцать семь!.. что тамъ такое, кого несеть еще?.. Дикъ!?

— Это тотъ каналъ, Фома! взглянулъ графъ въ окно, приглядываясь къ тому, что дѣлается на дворѣ.

Въ комнату вошелъ чаушъ Ибрагимъ съ лоскуткомъ бумаги въ рукахъ, раскланялся съ графомъ и протя-

нулъ письмо хозяину дома. Мистеръ Говвардъ быстро пробѣжалъ и произнесъ:

— Ну, такъ чтоже?

— Я съ частью людей долженъ ѣхать на то мѣсто, я даже оставляю здѣсь только двухъ, больше не надо, а съ остальными ѣду сейчасъ... прочтите записку, эфенди!.

— Что тамъ пишутъ и кто? полюбопытствовалъ графъ, покойно раскуривая сигару.

— Да вотъ пьяница Джемилъ увѣдомляетъ, будто бы сегодня ночью, за „сомовьей губою“ подойдутъ лодки съ того берега забирать бѣгунцевъ отсюда.. Вотъ они и исполошились.

— Я велѣлъ уже сдѣлать, а пѣшіе уже выступили, докладывалъ чаушъ Ибрагимъ.

— А не пробѣхаетъ ли и намъ? съ видимымъ удовольствіемъ предложилъ Мистеръ Говвардъ: я страшно люблю подобныя охоты—это, знаете, мнѣ темнаго напоминаетъ когда въ Абисиніи мы ѣздили на повіановъ, презабавно!..

Англичанинъ схватился обѣими руками за предлогъ, выжить, по крайней мѣрѣ на эту ночь гости не кстати... Идея! они всѣ поѣдутъ, протянутъ дѣло до утра, а тамъ... А тамъ венгерецъ не пожелаетъ же возвращаться назадъ въ блокгаузъ, когда отъ „сомовьей губы“ ему уже прямая дорога къ городу... Идея!..

— Я не любитель подобныхъ охотъ, если хотите ѣхать, то пожалуйста не стѣсняйтесь мною, ради бога не церемоньтесь! я переночую, подожду завтра вашего возвращенія и посмотрю трофеи охоты... Поѣзжайте!

Какъ видите въ головѣ Михаила Рослани тоже блеснула недурная идея.

— Гм! поперхнулся глоткомъ шерсти Мистеръ Джемсъ... Боюсь только, что пьяница Джемилъ опять поретъ горячку напрасно, какъ уже не разъ случалось, и мы даромъ только прокормимъ болотныхъ комаровъ своею кровью.

— Да кто привезъ записку?

— Помакъ привезъ.. онъ говоритъ, что Джемилъ лично вручилъ ему эту записку и просилъ ѣхать какъ можно скорѣе.. я его сейчасъ позову... эй Суффи! гдѣ помакъ? пошли сюда его.. гдѣ онъ тамъ?!

— А дѣйствительно, пускай они ѣдутъ и гоняются за бѣгунцами, а мы... я на этотъ разъ попробую заложить разомъ сто тиллей, а то вы, милѣйшій графъ, очень энергично рвете мелкіе вкладки—идеть?!

— Идеть!.. А, пріятель! давно тебя не видѣлъ недѣли три кажется невидались...

— Привелъ богъ свидаться! низко поклонился графу вошедшій въ эту минуту въ комнату Фома Шумовъ.

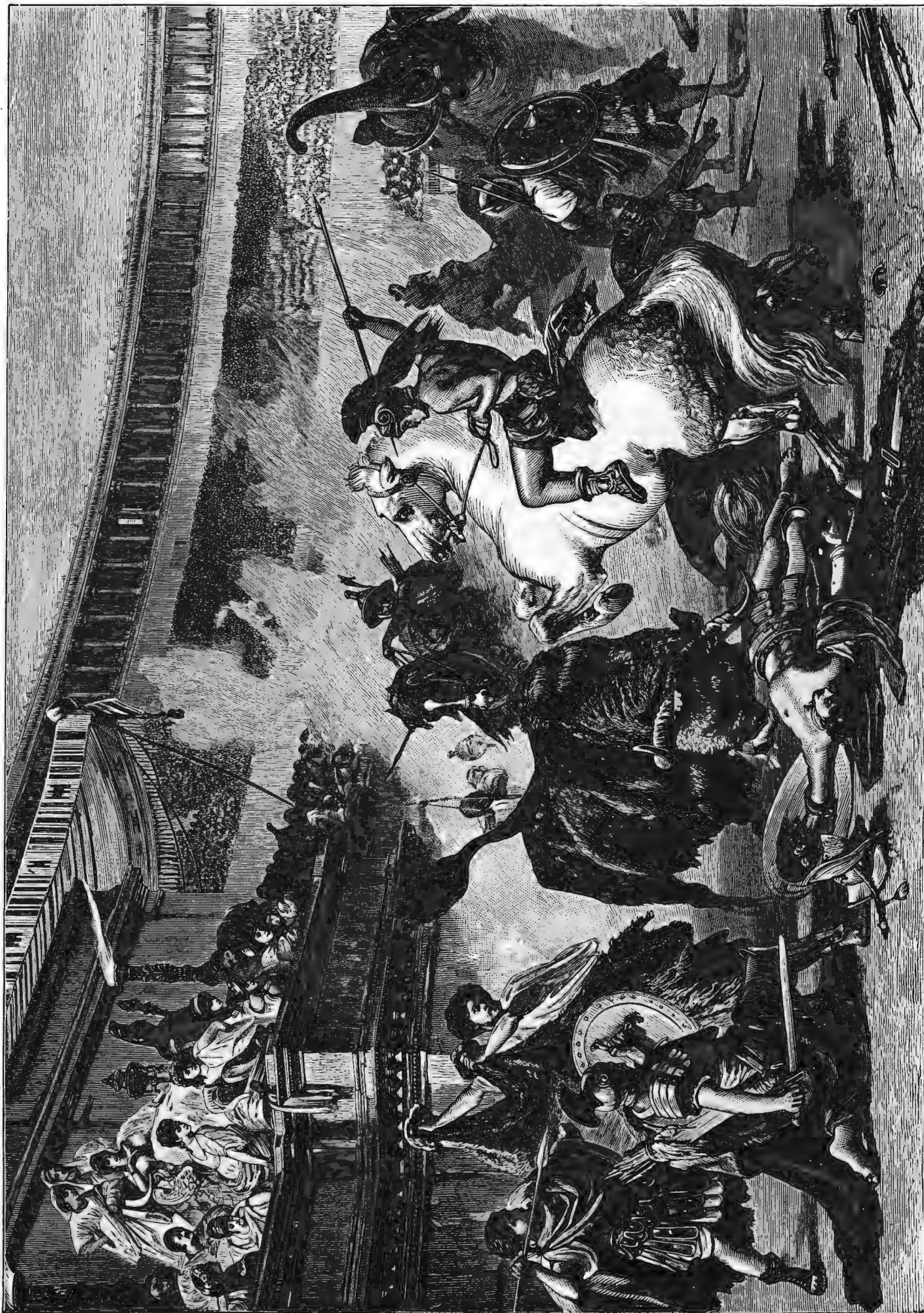
Онъ былъ очень блѣденъ, его роль была опасна, едва ему по силамъ, онъ чувствовалъ себя между двухъ огней, а еще вѣрнѣе, въ положеніе чловѣка, котораго помѣстили между двумя тиграми; оба звѣря на цѣпяхъ, между ними только крохотное нейтральное мѣсто, это мѣсто занято его собственною особою:—малѣйшее неосторожное движеніе въ одну сторону, смерть, движеніе въ другую, тамъ тоже ждутъ страшныя, когтистыя лапы.

— Давно, давно не видѣлъ... Ну, что скажешь хорошаго! Былъ въ Червномъ-Солникѣ? спросилъ графъ.

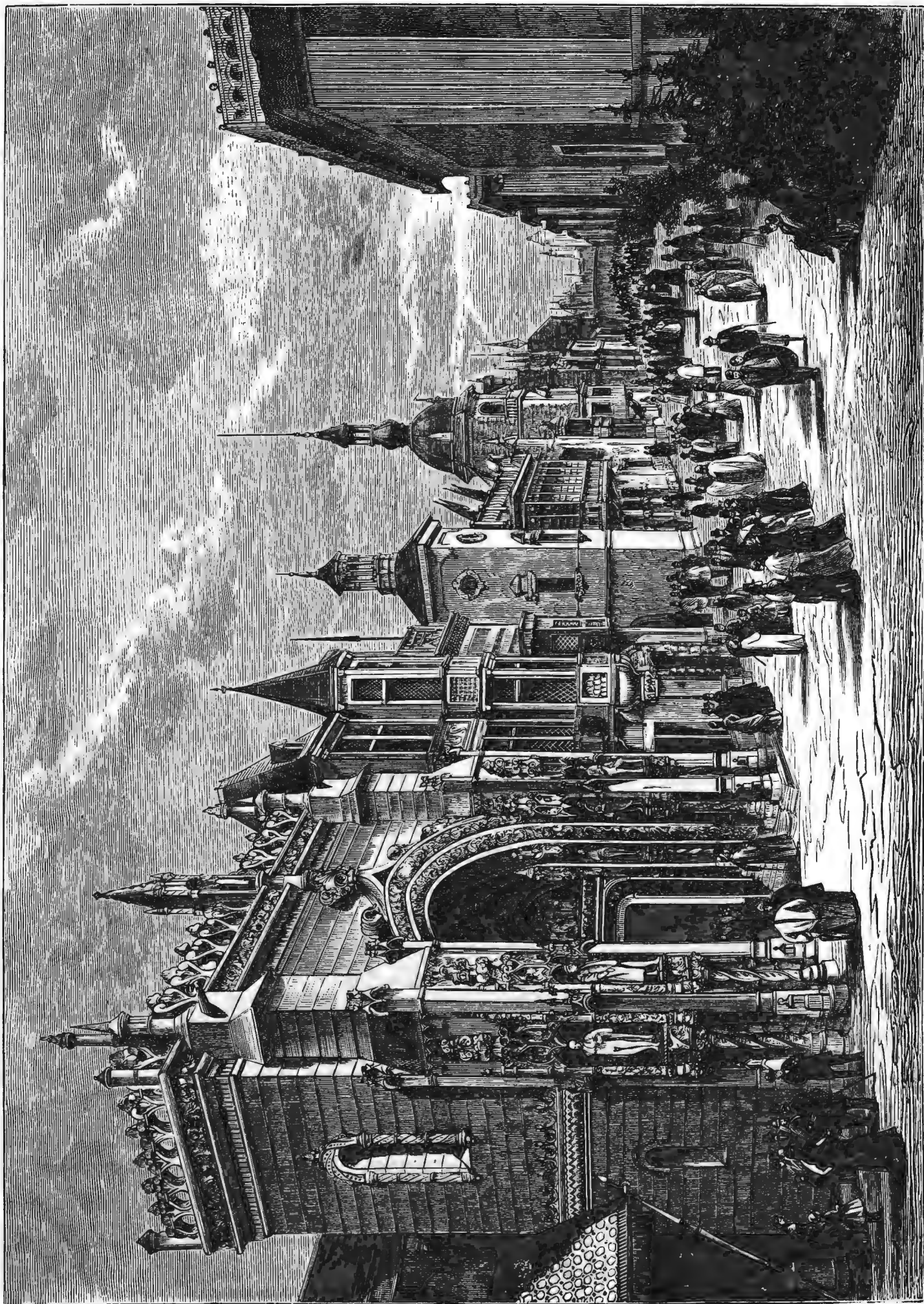
Болгаринъ - помакъ потупился, мистеръ Говвардъ вспыхнулъ при этомъ вопросѣ и грозно взглянулъ прямо въ глаза Фомѣ Шумову,—тотъ понялъ этотъ взглядъ, говорившій: „вотъ только проворись мнѣ хоть однимъ словомъ!“...

— Ну хорошо, заговорилъ инженеръ... Такъ ты теперь курьеромъ у бимъ-баши служишь... Мнѣ съ тобою еще надо переговорить кое о чемъ, а пока почуй здѣсь,—завтра увидимся... Дикъ, накорми его!

Фома поклонился и, пятясь задомъ, вышелъ изъ комнаты. Холодный потъ проступилъ у него на лбу, по

Изъ древне-римской жизни. На аренѣ Цирна. Картина профессора А. Вагнера, грав. М. Рашевскій.

Всемирная выставка въ Парижѣ: Улица зданій разныхъ народовъ на Марсовомъ полѣ. (Rue des nations au Trocadéro). Съ фотограф. П. Пети, грав. М. Рашевскій.

спинѣ забѣгали мурашки... Онѣ хотѣлъ сію же минуту удрать изъ этого проклятаго мѣста, онѣ чувствовалъ, что въ эту ночь здѣсь должно сотвориться что-то недоброе, онѣ хотѣлъ бѣжать отсюда, а *тотъ* заставляетъ его почевать, завтра говорить хочеть... завтра?! А если завтра *онъ* не будетъ уже говорить... мертвые не говорятъ вѣдь... Мертвые лежатъ молча, вотъ какъ *тотъ* лежалъ на дорогѣ... Завтра!..

— Будешь утку ѣсть... хорошая, жирная утка... и ветчина ѣсть... Вѣдь вы, мусульмане, свиньи, вы не ѣдите хорошихъ вещей и потому—дураки! говорилъ ему Дикъ за дверью... Пойдемъ... Послушай... если правда, что пишеть бимъ-баши, я бы съ удовольствіемъ и самъ поѣхалъ бы. Если бы не этотъ венгерець, мы бы съ господиномъ непремѣнно поѣхали бы... Развѣ одному попроситься?! Пойдемъ скорѣе ужинать!..

Стройная фигура Михаила Рослани на минуту показалась въ ярко освѣщенномъ четверугольникѣ отворенной двери и скрылась... По мостовой настлѣ дробно прогремѣли копыта лошадей; уже за валомъ слышались голоса всадниковъ и лязгъ оружія... Оба бульдога снова захлебывались отъ злости, бѣгая на своихъ длинныхъ цѣпяхъ. Населеніе блокгауза уменьшилось значительно.

— Дама пикъ—уголъ! говорилъ графъ,—эти двѣ карты я ставлю по пастру очко!

— Идетъ, цѣдилъ сквозъ зубы мистеръ Джемсъ Говвардъ, окруживъ себя облакомъ ароматичнаго дыма кальяна.

Банкъ въ сто тиллей уже былъ почти сорванъ. Мистеръ Говвардъ слегка сердился, графъ игралъ нервно, рискованно и безпрестанно посматривалъ на часы... Еще двѣ-три карты и англичанинъ полѣзъ въ карманъ за кушелькомъ для новаго заклада—графъ взялъ его за руки.

— Мы можемъ перемѣнить закладъ.. Деньги надобли,—заговорилъ графъ. Тамъ у васъ на верхушкѣ дѣвушка—я хочу играть на нее—согласны?!

— Что, что вы сказали!..

Говвардъ сжалъ кулаки, вскочилъ такъ, что его стулъ отлетѣлъ въ сторону и вызывающимъ взглядомъ окинулъ своего гостя.

— Что за горячность! хладнокровно отвѣчалъ Рослани. Если хотите, я беру на себя заплатить Фомѣ Шумову вашъ долгъ за эту дѣвушку.

— Дикъ!

— Дикъ уѣхалъ съ жандармами на „интересную“ охоту—я его отпустилъ вашимъ именемъ... Мои албанцы къ вашимъ услугамъ.

Мистеръ Джемсъ осмотрѣлся какъ волкъ, попавшій въ яму...

— Я вамъ не совѣтую поднимать шумъ изъ пустяковъ,—продолжалъ графъ,—да и бесполезно. То, что достигается путемъ убійства—не прочно. Если вы имѣете право на эту дѣвушку, то почему же и мнѣ не имѣть такого же на нее права. Не такъ-ли?! Будьте хладнокровны и взвѣсьте всѣ обстоятельства вашего положенія въ настоящую минуту... Я знаю, что у васъ въ карманѣ револьверъ, но вѣдь и это бесполезно... Я за вами слѣжу и малѣйшее ваше движеніе будетъ стоить вамъ жизни. Я вамъ даю въ этомъ слово! Вы одни здѣсь, со мной мои слуги,—они у крыльца и ждутъ только моего знака, чтобы войти. Если вы будете сопротивляться, тѣмъ хуже для васъ...

Вдругъ раздался выстрѣлъ. Вся комната валоплилась дымомъ; пуля изъ карманнаго револьвера мистера Джемса оторвала кисть отъ фески венгерца... за первымъ выстрѣломъ послѣдовали второй и третій, но за послѣднимъ ударъ тяжелой бутылки обрушился на голову англичанина и тотъ, застонавъ, опустился на стулъ,

тупо ворочая воспаленными бѣлками глазъ. Албанцы ворвались въ комнату...

— Инглизъ очень скупъ,—сообщилъ имъ графъ Рослани,—ему жаль проиграннаго золота, и онѣ предпочелъ разсчитаться свинцемъ—свяжите его за это...

— Разбойники! простоналъ инженеръ, чувствуя, какъ тонкія веревки впивались въ его тѣло...

Въ эту минуту часовой на башнѣ блокгауза замѣтилъ на горизонтѣ, въ темной чащѣ камышей красныя вспышки, затѣмъ донеслось глухое щелканье ружейной перестрѣлки,—кое кто изъ оставшихся солдатъ выскочили на шумъ. Они слышали тоже выстрѣлы... и тамъ, и тутъ, какъ будто въ самомъ домѣ инглиза инженера...

Фома Шумовъ лежалъ ничкомъ въ своей телѣжкѣ, зажавъ уши—одинъ изъ бульдоговъ сорвался таки и свирѣпо скребъ лапами въ двери коттѣджа...

Съ балкона верхняго этажа жилища мистера Джемса послышался спокойный, начальнической голосъ графа Рослани.—Венгерець кричалъ, чтобы всѣ оставшіеся въ блокгаузѣ немедленно шли на помощь къ товарищамъ...

А между тѣмъ Галебъ, оставивъ Рустема сторожить связаннаго, торопливо отвязывалъ маленькую лодку, стоящую у пристани.

Анна слышала, какъ трещала дверь... Эту дверь выламывали чьи-то сильныя руки. Измученная горемъ и стыдомъ дѣвушка ждала своей послѣдней минуты; ей казалось, что вотъ-вотъ ворвется сейчасъ сюда толпа полувѣррей, вотъ-вотъ начнутся мучительныя, постыдныя истязанія... Она была не изъ особенно слабонервныхъ, она не умѣла падать въ обморокъ, она жадно шарила руками въ потьмахъ, ища оружія, ища чегонибудь такого, чтобы хотя скольконибудь могло сослужить ей подходящую службу... Она рѣшила зубы вцѣпиться въ горло перваго, кто до нея докоснется...

— Анна! это я—Михо!.. говоритъ ей знакомый голосъ...

— Уйди—не прикасайся... Звѣрь... Уйди!..

— Анна, голубка моя!.. Анна! опомнись... это я... Анна!.. А... ну, такъ поговоримъ послѣ.—Рустемъ!..

Съ трудомъ справились двое сильныхъ людей съ изступленной дѣвушкой. Ее вынесли на рукахъ, мимо связаннаго мистера Джемса.

Едва только отворилась наружная дверь, какъ въ комнату ворвался бульдогъ и вцѣпился въ бедро албанца...

— Проклятый шайтанъ!.. Ой!!

Собака даже визгомъ не отвѣтила на ударъ кинжала,—едва, съ помощью товарища, отдѣлался албанецъ отъ этого врага... Оглушенный ударомъ ятагана по головѣ, бульдогъ конвульсивно ползаль по полу, обливая дорогой коверъ своею кровью...

Мистеръ Джемсъ находился въ какомъ-то безпамятствѣ; съ нимъ случилось нѣчто въ родѣ апоплексіи; онѣ только мычалъ, и пѣна пузырями накипала на его стиснутыхъ губахъ.

Окутанную пледомъ дѣвушку уложили въ лодку. Рослани взялся за весла.

— А вы,—говорилъ онѣ своимъ албанцамъ,—возвращайтесь домой и тамъ меня ждите... Я вернусь завтра... Прощайте, товарищи!.. Уѣзжайте сейчасъ же!..

— Если я не вернусь завтра, если три дня пройдетъ и меня не будетъ... Вы свободны—мои кони принадлежатъ вамъ, все мое—ваше... Прощайте!

Эти слова Михаилъ Рослани прокричалъ тогда, когда лодка уже на нѣсколько саженой отошла отъ берега...

— Господи!.. Возвращайся!.. кричалъ Галебъ... Возвращайся!..

— Онѣ не вернется! мрачно произнесъ Рустемъ, держась обѣими руками за раненое бульдогомъ бедро...

Лодка все удалялась и удалялась... Она уже черною точкою колыхалась въ волнахъ, она уже миновала черту островка.

— Куда ты везешь меня?! холодно спросила дѣвушка.

— Туда, моя дорогая, гдѣ тебя ни одинъ злой палецъ не достанетъ, туда, гдѣ ты найдешь покой и свободу, туда—гдѣ ты найдешь себѣ любимаго мужа, если можешь и хочешь любить меня такъ, какъ я тебя давно уже полюбилъ, моя бѣдная страдалица!

— А мать моя?

— Богъ, спасшій тебя, позаботится и о ея спасеніи.

Издыхающая собака доползла кое-какъ до ногъ связаннаго господина и глухо выла, облизывая эти ноги. Она въ предсмертныхъ судорогахъ опрокинула столъ, рассыпанное золото зазвенѣло, одна свѣча потухла, другая упала какъ разъ у самой оконной драпировки, спускавшейся до полу и голубое пламя змѣйкою взвилось вверхъ, охватывая складки легкой ткани... Вотъ оно добѣжало до кипы газетъ, висѣвшей на гвоздикѣ—бумажные листья вспыхнули и закоробились... Комната мало по малу наполнилась дымомъ... Трудно дышать... жаръ не выносимый—зловѣщій трескъ слышится—пожарное зарево полосами бьетъ изъ оконъ...

— Спасите, спасите! раздался отчаянный вопль мистера Джемса.

Никто не слышитъ этого крика, кромѣ Фомы Шумова, но тотъ не тѣмъ занятъ,—онъ уже проскочилъ черезъ мостикъ и во весь духъ гонитъ свою рыжую кобылу... Чудятся ему допросы, пытки, суды—чудятся острые колья, высокія висѣлицы—чудится волку близкая отплата за овечьи слезы...

Словно костеръ, ярко горитъ затѣшливый котѣдъ гениальнаго инженера, далеко кругомъ всю окрестность освѣщаетъ пожаръ, красный столбъ по Дунаю тянется.

Видѣлъ этотъ столбъ пламени и дыму графъ Михаилъ Рослани, причаливая къ тому берегу, видѣлъ и чаушъ Ибрагимъ, торопливо собирая свой разбредшійся отрядъ послѣ свалки со бѣгунцами.

Отыскалъ-таки чаушъ бѣгунцевъ, только не тамъ, гдѣ указывалъ въ запискѣ бимъ-баши Джемилъ, а много не доѣзжая, за первымъ же плесомъ, и не такую силу встрѣтилъ, чтобы стоило всю команду поднимать на ноги,—всего только шесть человекъ и было, а дрались эти шестеро такъ, что и живьемъ взять ихъ не было возможности, пришлось покончить съ ними...

Первыми легли Симко-женскихъ и Илья Кубаевъ, послѣднимъ Максимъ пѣгашъ. Этотъ даже чуть не ушелъ совѣмъ изъ рукъ, а въ свалкѣ самому чаушу Ибрагиму камнемъ проломилъ голову...

Вернулась команда—только свои конюшни и успѣла отстоять отъ огня и на другой день отыскали въ грудахъ золы и угля обгорѣлыя кости мистера Джемса Говварда.

Надъ этими костями были только двое: оставшійся въ живыхъ бульдогъ и черный Дикъ, прочіе все особенно горевали. Мало добраго слѣда покойникъ по себѣ оставилъ...

Ждали албанцы Рустемъ и Галебъ день, ждали другой, затѣмъ третій,—не возвращается ихъ господинъ съ того берега—а тутъ ихъ къ допросу валій потребовала, тамъ къ коменданту потащили: говорятъ, будто пришла изъ Стамбула телеграмма: „Арестовать немедленно, живымъ или мертвымъ, и доставить въ Стамбулъ подъ строгимъ конвоемъ того, кто назывался венгерскимъ графомъ Михаиломъ Рослани!“.

Тогда поняли албанцы, что имъ ждать уже некого; помянули добрымъ словомъ добраго господина, подѣ-

лили наслѣдство и отправились искать себѣ новой работы... Люди вольные!..

VI.

Миновалъ годъ.

Много воды утекло за этотъ годъ въ Дунаѣ; тысячи труновъ славянскихъ и турецкихъ унесены были водами въ Черное море; потоки русской крови оросили берега великой рѣки великаго славянскаго міра. Далеко за Балканы отброшены были турецкія полчища, ни одного краснаго флага не развѣвалось больше надъ свободной Болгаріей...

Освобожденный народъ, ликуя, встрѣчалъ своихъ освободителей.

У городской заставы толпился народъ... Веселый, радостный гулъ стоялъ въ воздухѣ... Все, что только дожило до этого праздника, все собралось сюда... грудныхъ дѣтей забрали съ собою матери, приползли старцы на костыляхъ, бѣлые, исхудалые, словно съ того свѣта выходцы... Черные попы съ образами, крестами и хоругвями, почетные обыватели съ хлѣбомъ и солью, дѣти, дѣвушки съ цвѣтами, корзинами фруктъ, съ кувшинами вина—все высыпало на встрѣчу русскому солдату...

Вотъ тянутся покрытыя пылью бѣлыя колонны, тысячи штыковъ сверкаютъ въ пыльныхъ тучахъ. Крики „ура!“ „Да живетъ царь Александръ!“ „Да живетъ Россія!“... покрываютъ военную музыку, глушатъ веселую дробь барабановъ...

Болгаринъ Фома Шумовъ стоитъ впереди всѣхъ, держитъ въ рукахъ большое рѣзное блюдо съ ковригою и солонкою. Въ землю поклонился, и, только что рѣчь кончилъ патриотическую, какъ слышитъ: тронулъ его кто-то за плечо, легонько...

Оглянулся помакъ и поблѣднѣлъ, чуть блюдо изъ рукъ не выронилъ.

На казачьемъ конѣ лихо сидитъ всадникъ, по одеждѣ русский и чина не малаго, улыбается, гляди на переполохъ народнаго представителя, только не зло, а ласково такъ, словно радъ даже, что узналъ знакомаго...

— Здравствуй Фома! Вотъ гдѣ и когда привелъ Богъ встрѣтиться! говоритъ всадникъ.

И слова Фома Шумовъ въ отвѣтъ промолвить не можетъ.

— Приходи сегодня ко мнѣ... Вонъ въ томъ домѣ, гдѣ вали жилъ, мнѣ квартира отведена—приходи, дѣло есть! Прийдешь, поможешь—добро тебѣ будетъ, не прийдешь—не пеняй...

— Прийду, господине, прийду—вотъ тебѣ святой Богъ во свидѣтели...

— Вотъ какъ... ну, а Аллаха-то теперь по боку-съ? Нѣтъ больше въ немъ надобности?

Засмѣялся всадникъ весело, да такъ весело, что и самому отступнику смѣшно даже стало, и какъ только пропихи колонны прибылаго войска, поразмѣстившись гости по обывателямъ, живо отыскалъ Фома указанную ему квартиру и уже съ полчаса тамъ дожидался, да и не одинъ дожидался, а тоже знакомую нашель... Анна Кириллова не такъ радушно его встрѣтила... Она даже отшатнулась, какъ только его въ первый разъ увидѣла, а потомъ сказала:

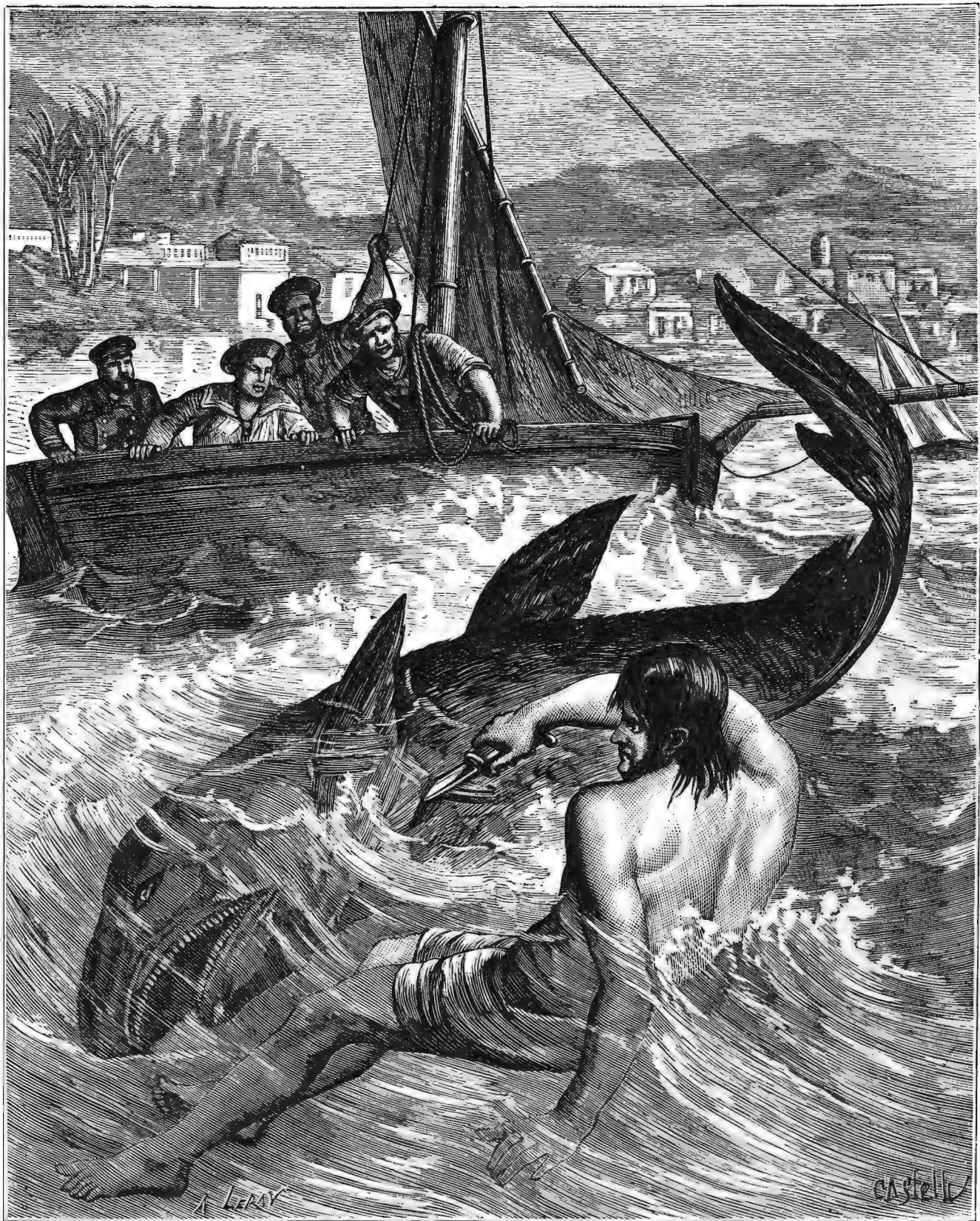
— Ну Богъ съ тобою—теперь у насъ свѣтлый праздникъ: теперь и смертному врагу своему всякъ простить долженъ... Жива моя мать?

— Давно не былъ, а слышно, что жива... только уже очень стара стала, больная совѣмъ...

Анна заплакала...

— Ну вотъ мы съ мужемъ уже говорили... Больше послать не кого за нею, какъ тебя. Побѣзжай и привези ее сюда, бережно, сохранно... Мужъ приѣдетъ, дастъ тебѣ коляску и лошадей... Да вотъ и самъ онъ.

— И самъ я!.. соскочилъ съ коня бывшій венгерскій графъ.—Ну, радость моя, ты, кажется, уже съ нимъ обговорила... ка милая, давай намъ обѣдать, по походному... Артемъ, убери коня!.. „старый знакомый“, обнявъ Анну за талию, во-

Охота на анулу. Рис. А. Лерай, грав. Кастелли.

— Хотя сейчасъ иду по твоему приказу, господинъ! поклонился Фома Шумовъ. шель въ двери дома, а за ними, не разгибая поглупой спины, крестясь на образа, прошмыгнулъ и Алисса-Бекъ—Фома Шумовъ...
— Передъ вечеромъ уѣдешь—а теперь мнѣ тебя еще о многомъ распросить надо.—Ну, хозяйка, женуш-

Н. Карзинъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Изъ древне-римской жизни. На аренѣ Цирка.

Содержаніе картины Вагнера, передаваемое помѣщаемымъ здѣсь рисункомъ, относится къ тому времени римской исторіи, когда огромное государственное тѣло, достигнувъ высшаго сво-

вами: Римъ вступилъ на степень высочайшаго нравственнаго упадка. Одинъ изъ моментовъ римской жизни этого печальнаго времени послужилъ матеріаломъ для превосходной картины вышеупомянутаго художника.

Наши читатели уже имѣли случай видѣть на страницахъ

Невольныя слезы. Картина Фонъ-деръ-Бека, грав. Л. Гелтланъ.

его развитія, начало быстро разлагаться, и когда тотъ блестящій періодъ римской исторіи, который и до сихъ поръ служитъ удивленіемъ для современныхъ народовъ міра, уступилъ свое мѣсто другому періоду. Въ продолженіе этого послѣдняго рѣдкія добродѣтели, самоотверженная любовь къ отечеству, непреклонная честность и сознаніе долга, составлявшія основныя нравственныя свойства прежнихъ римлянъ, мало по малу измѣлялись и замѣнились другими, противоположными свойст-

вами рисункъ изъ римской жизни этого періода, сопровождавшиеся соответствующимъ описаніемъ (см. Ниву 1877 года № № 21 и 22). Но описаніе этой жизни неисчерпывается нѣсколькими статьями и рисунками, и мы еще не разъ будемъ имѣть случай обращаться къ ней впоследствии. Остановимся здѣсь на нѣкоторыхъ выводахъ историковъ о причинахъ упадка Рима. Извѣстно, что образованность таланты и непреклонная сила воли римлянъ республики сдѣлали страну могущественнѣй-

шей, и затѣмъ ненасытная жажда наслажденія начала приводить ее къ гибели; честолюбіе и своекорыстіе сдѣлались главной чертой римскаго общества; деньги—главной силою въ государствѣ. Жизнь общества во время упадка уже не стала проходить какъ прежде въ занятіи государственными дѣлами, а состояла изъ ряда роскошныхъ пировъ, и другихъ чувственныхъ наслажденій. Эгоизмъ сдѣлался единственнымъ двигателемъ всѣхъ классовъ общества и довелъ ихъ до низкопоклонства и рабской угодливости предъ личностями, стоявшими высоко по рожденію, богатству, или милостямъ императора. (Всем. Ист. Шлосера) Богачи и сильные властію раскошествовали, хвастались своими богатствами, обставляли себя рабами и самовластно распоряжались ихъ жизнью. Въ нихъ не было никакого сожалѣнія къ своимъ людямъ, никакого снисхожденія. Историки приводятъ факты, что за малѣйшее промедленіе исполнить волю господина, хотя бы это было приказаніе подать воды, несчастногo раба подвергали сотнямъ ударовъ плетью.

Прислуга въ большихъ домахъ считалась сотнями, тутъ были: управляющіе, смотрителя, архитекторы, музыканты, секретари, чтецы, переписчики, бібліотекари, люди, которые должны были думать за своихъ господъ. Въ роскошныхъ дворцахъ и общественныхъ баняхъ, которыми такъ славился древній Римъ, велась въ высшей степени праздная, извѣженная жизнь. Такая жизнь высшего римскаго общества, исполненная пировъ и удовлетвореній чувственныхъ страстей, находила себѣ послѣдователей и въ другихъ классахъ римскаго народа, и тамъ, бѣдняками овладѣло тоже равнодушіе къ чести и свободѣ и стремленіе къ бездѣйствію къ непрерывнымъ удовольствіямъ. Кромѣ того, земли отъ крестьянъ отходили богатымъ людямъ и крестьяне, оставшіе безъ земли, невольно превращались въ пролетаріевъ, вырождались, гибли, не имѣя никакого дѣла, къ нимъ присоединялись еще различные бродяги, пришельцы, авантюристы,—и въ то время, когда высшее общество утопало въ нѣгѣ и роскоши, тунеладная чернь чуть не умирала съ голоду, наполняя всѣ предмѣстья Рима и грозно требовала отъ государства „хлѣба и зрѣлища“.

—„Эти собаки перестаютъ лаять, когда у нихъ набито брюхо“, говорилъ одинъ изъ цезарей.

И государство во время Августа поддерживало половину годовныхъ жителей Рима. Позднѣе въ 5 вѣкѣ ежемѣсячная раздача хлѣба бѣднякамъ была превращена въ ежедневную:—такъ увеличивалась нищета.

А Римъ все больше и больше дѣлался мѣстомъ безправности и жестокости и въ тоже время все болѣе веселился, превращался въ какой то постоянный праздникъ, въ какое то непрерывное матеріальное наслажденіе. Его Цезари сами вліяли на подобную жизнь. Окружая себя невообразимой роскошью, они подчиняли все своему произволу, названному ни мѣры, ни границы. Образчиками такихъ цезарей можно привести Кая Цезаря, прозваннаго Калигулой. Выдавая себя то за того, то за другого бога, этотъ Цезарь назначалъ жрецовъ для служенія себѣ и приказывалъ строить храмы, въ которыхъ ему приносились жертвы. Въ своемъ мотовствѣ онъ заходилъ до того, что уже искалъ удовольствія просто въ одной безцѣльной расточительности и однажды даже распорядился растворить въ соусъ дорогія жемчужины. Коню своему онъ приказалъ сдѣлать мраморныя стойла съ яслями изъ слоновои кости. Коня приводилъ къ своему столу, и отъ имени его давалъ обѣды и разыгрывалъ приглашенія. Не лучше этого былъ и мрачный Тиберій, подозрительный, жестокий и въ тоже время весь преданный разврату. Такимъ же своевольнымъ, жестокимъ, развратнымъ, какъ большая часть его преемниковъ и предшественниковъ, только еще съ присоединеніемъ къ этимъ качествамъ необычайнаго тщеславія, является извѣстный Неронъ.

Тупость, вялость, жестокость, невоздержность, доходившая до настоящаго обжорства, расточительность, превышавшая роскошь самаго Нерона—были главными чертами характера и правленія Вителлія. Для своихъ издержекъ Вителлій прибѣгалъ къ безчеловѣчнымъ насиліямъ, а чтобы отвязаться отъ кредиторовъ, приказывалъ умерщвлять ихъ. Любимое общество его составляли шуты, комедианты, его расположенія заискивали роскошными пирами. Онъ принималъ рвотное, чтобы имѣть возможность обѣдать раза четыре въ день и тратить огромныя суммы денегъ на свой столъ.

Отъ мужчинъ не оставали и женщины и въ нихъ развивалась та же страсть къ роскоши, то же стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ. Онѣ также проводили ночи въ безумныхъ оргіяхъ и отличались жестокостями. Примѣромъ такихъ женщинъ можно поставить Агриппину, мать Нерона, о которой было уже говорено въ Нивѣ (въ № 15 за настоящій годъ). Кромѣ куртизанокъ роскошныхъ, образованныхъ, въ Римѣ свозились массы проститутокъ, даже сами родители участвовали въ продажѣ своихъ дѣтей. Плавтъ говоритъ, что они дѣлали это, изъ бѣдности, по необходимости имѣть источникъ существованія. Завоеватели приводили толпы пѣвней молодежи и распродалаи дѣвушекъ и мальчиковъ. Въ Римѣ былъ даже особый базаръ, гдѣ совершалась такая постыдная торговля. Въ театрахъ, въ циркахъ, баняхъ, владбищахъ, храмахъ и на улицахъ всюду были притоны порока.—Слѣшите жить, молодыя дѣвушки, гово-

рить Варронъ, такъ какъ юность позволяетъ вамъ наслаждаться. ѣсть, пить, и кататься на колесницѣ Венеры.

Цѣлыя ночи „порядочные“ римляне проводили въ шумныхъ оргіяхъ съ куртизанками, тащовщицами, подъ звуки музыки. Вся обстановка служила чувственному возбужденію—вѣ кушанья, напитки... Даже хлѣбу придавали какую нибудь соблазнительную форму... Костянной мозгъ, извлеченный изъ дѣтскаго тѣла, считался „напиткомъ вождѣнія“ и для этого не щадили дѣтей. Такой духъ проникъ въ самую литературу того времени, и старый Горацио плачетъ о своемъ физическомъ бессиліи. Многія сочиненія тогдашнихъ лучшихъ поэтовъ нельзя перевести въ настоящее время, но совершенной ихъ нецензурности въ смыслѣ приличія. И чѣмъ болѣе истощался общественный организмъ, тѣмъ болѣе онъ требовалъ болѣе сильныхъ впечатлѣній, раздраженій—послѣднее давалъ ему циркъ.

Празднество въ году было не менѣе 123, а въ половинѣ IV в. даже 175. Нѣкоторые праздники длились по нѣскольку дней, напр. триумфъ Трояна 106 г. праздновался 123 дня.

Когда наступалъ въ циркѣ желанный день игры весь народъ стремился туда изъ своихъ жилищъ, каждый сѣвшилъ заняты мѣсто между зрителями. Исходъ ристаній, побѣда той или другой партіи занимала весь городъ. Но конскихъ ристаній было недостаточно римлянину; ему нужно было что либо болѣе раздражающее, чтобы возбудить его притупленное чувство и вотъ открывали клѣтки и на арену изъ нихъ выбѣгалъ напоенный виномъ слонъ и раздраженный каленымъ желѣзомъ носорогъ. Начинался бой, трубы гремятъ, слонъ зачастую падалъ первый; стонущаго, съ распоротымъ брюхомъ, его тащили съ арены, а противъ носорога выпускали медвѣдя и, опять побитаго носорогомъ, подъ аллюдисментами и криками зрителей, утаскивали прочь. Затѣмъ выпускали разомъ нѣсколькихъ звѣрей и любовались какъ они разрывали другъ друга. Какъ кровью заливалась вся сцена. Трупы убитыхъ обыкновенно выбрасывали на улицу, гдѣ голодная чернь ждала своей добычи и съ жадностію въ свою очередь наживалась на мертвыхъ и полумертвыхъ звѣрей, чтобы приготовить изъ нихъ себѣ лакомый обѣдъ. Сцену въ это время засыпали свѣжимъ пескомъ и на ней снова начинался бой; на этотъ разъ уже между звѣрями съ преступниками, осужденными на смерть, или охотниками любителями, иногда даже изъ аристократическихъ фамилій. Для любителей была даже основана школа, въ которой они и изучали приемы боя. Противники встрѣчались съ оглашающей воздухъ крикомъ, воплями, стономъ, смѣшивающимся съ ревомъ самыхъ зрителей, билась на смерть. Побѣдившій боецъ взывалъ къ зрителямъ о пощадѣ, молилъ о прекращеніи боя, но неумолимый народъ жаждалъ еще крови, хотѣлъ, чтобы гибъ и побѣдитель... Оставшіеся въ живыхъ звѣри загонялись горячимъ желѣзомъ обратно въ свои клѣтки до новаго боя. Сцена и во второй разъ обогрѣная кровью, снова засыпалась пескомъ, и народъ ждалъ новой забавы. Посредствомъ машины на аренѣ появлялся лѣсъ съ привязанными птицами, а въ лѣсъ выпускались олени, страусы, и домашняя птица разнаго рода. Послѣ этого открывали въ циркѣ ворота, и уличная толпа, жаждавшая этой минуты съ шумомъ и криками торжества, врывалась на арену цирка. Теперь огромное поле арены, недавно покрытое трупами, превращалось въ сцену безумной и смѣшной драки. Чтобы увеличить общую суматоху, изъ императорской ложи кидали марки съ назначеніемъ обѣдовъ въ трактирахъ, хлѣбъ, деньги. Въ мѣста, занимаемая сенаторами также летѣли яшмы, перлы, билеты на полученіе работъ и имѣній. Задачу на аренѣ въ общей свалкѣ удавалось получить только куски добычи, такъ какъ одни обыкновенно отнимали у другихъ схваченное силою и ловкостью. Гладіаторы гибли сотнями, но народу казалось всего этого еще мало и чтобы увеличить зрѣлище придумали убійства обставлять театральными представленіями. Напр. осужденныхъ на смерть заставляли разыгрывать какія нибудь роли. Напр. являться въ видѣ Орфея и потомъ быть растерзаннымъ; представлять изъ себя Муція Сцеволу и сжигать свою руку; одѣваться геркулесомъ и сдирать съ себя кожу съ ключьями просмоленной и зажатой тунки. (Считаемъ не безполезнымъ указать здѣсь на интересныя труды г. Шанкова „Паденія Рима и Византіи“, въ которыхъ весьма хорошо сгруппированы многія свѣдѣнія объ этой жизни, сообщаемыя древними историками и отчасти заимствованныя нами для этой статьи). Ристалища, говорить Ренанъ, игры, танцы, праздники, вакханаліи—вотъ что наполняло жизнь Рима.

Римъ утопалъ въ роскоши. Роскошь и расточительность превосходила всякое вѣроятіе. Для достиженія этой роскоши искали въ ходъ всякіе приемы. Императоры придумывали систематическіе грабежи, обременяли завоеванныя страны всевозможными налогами; „народъ могъ страдать, умирать, но непременно платить“, говоритъ писатель IV в. Лактанцій. Цѣлыя толпы чиновниковъ пабрасывались на каждую провинцію, на каждый городъ, подъ именемъ намѣстниковъ, префектовъ. Всѣ они не затруднялись налагать приговоры, конфискаціи, употреблять насилія. Поля измѣряли до послѣдняго клочка, считали деревья, корни винограда, въ концѣ концовъ установилась даже подать за мертвыхъ. Казнокрадство и взяточничество достигло громадныхъ размѣровъ. Всѣмъ хотѣлось разбогатѣть и какъ можно скорѣе и по этому всѣ презирали долгое, на вѣр-

ное средство разбогатеть—бережливость и честную прибыль. Барышничество приняло такие размеры, что капиталы удвоивались менее чем в 20 месяцев. Счетоводство и искусство спекулировать считалась даже главным предметом первоначального воспитания.

Кроме того успевали в жизни искатели, льстецы, ловко умевшие поддаться к тону своего патрона, содействовать удовлетворению его низменных побуждений, одним словом, идти в такт, ловить взгляд патрона, рукоплескать его удачам, улыбаться его улыбкам. Богатства в эти времена создавались чудовищны. Плиний напр. рассказывает, что Клавдий Исидор имел 4 мил. чистых денег, 4116 рабов 3,000 парь быков и 250,000 других животных. У Сенеки было на 16 мил. одних земель.

Вместе с нравственным упадком общества, падала и вера. Катон пред цѣлымъ Сенатомъ обвинялъ первосвященника Цесаря в отрицаніи загробной жизни. Августъ Цицеронъ сомнѣвался въ существованіи боговъ. И въ тоже время съ невѣріемъ въ боговъ у нихъ соединилась наклонность къ суевѣрію. Забавно, говоритъ Мареллинъ о римлянахъ, встрѣчать такое суевѣріе въ зараженныхъ возмутительнымъ скептицизмомъ и отрицающихъ бытіе бога.

Такимъ образомъ разрушалось государство, бывшее когда то сильнѣйшимъ въ мірѣ. Но отчего же могло пасть такое огромное и могучее цѣло? На этотъ вопросъ мы уже отчасти сказали выше, говоря о чрезмѣрномъ развитіи роскоши и стремленіи къ наслажденіямъ, бывшихъ причиной утраты энергій и любви къ труду.

Приведемъ здѣсь въ заключеніе и подтвержденіе вышесказаннаго, слова Поля Жана о главномъ двигателѣ государственнаго механизма. (Ист. госуд. наукъ). Онъ говоритъ слѣдующее: „Государство не имѣетъ своимъ назначеніемъ распространять добродѣтель, но оно не можетъ безъ нея обойтись. Предположите, что добросовѣстности, мужества, справедливости, любви къ отечеству не существуетъ, и посмотрите, что станется съ государствомъ, лишеннымъ всѣхъ нравственныхъ силъ? Въ чиновникахъ ничто не можетъ замѣнить честности, любви къ своимъ обязанностямъ, ревности къ общественному благу. Поставите ли вы смотрителей, чтобы наблюдать за ними? Но эти смотрителя сами будутъ нуждаться въ добродѣтели, чтобы не сдѣлаться соучастниками своихъ подчиненныхъ. Отдадите ли верховную власть одному лицу? Оно будетъ нуждаться въ безграничной добродѣтели, которая въ вознагражденіе собой недостатковъ другихъ. Изобрѣтете-ли конституцію, чтобы связать, какъ цѣпью, всѣ общественныя силы одиѣ другими, въ нихъ найдется довольно колець, въ которыя можетъ проскочить измѣна, если любовь къ справедливости и праву не восполнитъ всѣ пробѣлы пространства. Законы и государственный механизмъ суть только точки опоры для людской слабости; но главный двигатель всегда въ сердцѣ. Въ войскѣ дисциплина поддерживаетъ мужество, но она не можетъ его замѣнить. Гражданамъ не менѣе нужна добродѣтель какъ и правителямъ. Безъ мужества государство порабощено; безъ любви къ общему благу оно не мощно; безъ дружества и безъ согласія оно распадается; безъ труда голодаетъ, безъ бережливости разоряется; безъ достоинства и гордости—терпитъ угнетеніе. Л.

Парижская Всемирная выставка.

Рисунокъ нашъ даетъ видъ улицы Націй, Avenue des Nations, галерей иностранныхъ отдѣловъ на выставкѣ. Въ свое время мы говорили уже о фасадахъ иностранныхъ отдѣловъ, представляющихъ типы національныхъ архитектуръ, и виды фасадовъ нѣкоторыхъ отдѣловъ были уже помѣщены на страницахъ „Нивы“. Теперь мы прибавимъ лишь нѣсколько словъ къ нашему описанію фасадовъ. Улица Націй имѣетъ 650 метровъ длины, изъ нихъ 150 заняты Англійскимъ отдѣломъ. Все это пространство, имѣющее 650 метр. длины, раздѣлено на 125 участковъ. Англійскими экспонентами занято 35 участ. австро-венгерскими и бельгійскими 12, русскими, сѣверо-американскими, швейцарскими, итальянскими и испанскими по 7, шведскими съ норвежскими, южно-американскими и голландскими по 4, португальскими, японскими, китайскими, персидскими, мороккскими и тунисскими по 3, греческими и датскими по 2. Мы дали довольно подробное описаніе отдѣловъ и фасадовъ зданій нашего русскаго, китайскаго, японскаго и австрійскаго отдѣловъ, точно также упомянули о характерныхъ признакахъ фасадовъ зданій другихъ странъ; теперь лишь добавимъ объ американскомъ отдѣлѣ. Этотъ отдѣлъ не представляетъ ровно ничего замѣчательнаго въ наружномъ видѣ зданія; но за то самое зданіе достойно вниманія по своему устройству. Оно замѣчательно тѣмъ, что состоитъ изъ отдѣльныхъ частей, которыя легко разобрать и перенести на другое мѣсто. Довольно двухъ дней, чтобы разобрать весь домъ и снова сложить въ полномъ порядкѣ. Домъ этотъ еще за годъ до открытія выставки былъ оконченъ въ Нью-Йоркѣ, а затѣмъ отдѣльныя части его были зануменованы, унакованы и перевезены во Францію. Какъ видѣвъ въ этомъ предприимчивый духъ американцевъ, умѣнье все упростить и приравнять къ удобствамъ! Фасадъ Швейцарскаго отдѣла, какъ мы писали, сдѣланъ отчасти въ

видѣ шале (chalet) и пренекрасивый, но публикѣ нравится красующаяся на его фронтонѣ надпись, гласящая слѣдующее: „*Всѣ для каждаго и каждый для всѣхъ*“. Эта-ли поучительная надпись, или что либо другое привлекаютъ публику къ зданію Швейцарскаго отдѣла—не знаемъ, но около него всегда видна толпа.

Очень дѣльно задуманнымъ должно признать и роскошный фасадъ Бельгійскаго отдѣла. Въ образчикѣ фландрской архитектуры, Бельгія выставила все богатство своихъ строительныхъ матеріаловъ. При видѣ его сразу опредѣляется, что можно найти въ Бельгій по этой части. Сѣрый камень, служащій обыкновенно фундаментомъ бельгійскихъ домовъ, а въ зданіи фасада составляющій цоколь, отличается чрезвычайною крѣпостью. Громадныя глыбы его привезены на выставку для цоколя также обдѣланными на мѣстѣ и зануменованными. Зданіе фасада украшено множествомъ колоннъ изъ разныхъ сортовъ мрамора. На фронтонѣ Бельгія выставила также свой девизъ: „*Всѣ белиицы равны предъ закономъ, всѣ власти въ зависимости отъ нации*“.

Въ настоящей статьѣ нашей мы дадимъ мѣсто описанію нѣкоторыхъ медицинскихъ инструментовъ, находящихся во французскомъ отдѣлѣ и интереснаго опыта примѣненія телефона, такъ какъ объ этихъ вещахъ еще ничего не писали, преимущественно обращая вниманіе на отдѣлы изящныхъ произведеній. 2-го іюля предъ жюри былъ произведенъ опытъ сочетанія телефона съ фонографомъ. Разговоръ происходилъ между Версалемъ и Марсовымъ полемъ, посредствомъ телефона Болля и Эдиссона. Затѣмъ у отверстия фонографа помѣстили телефонъ, который передалъ въ Версалѣ слова, полчаса тому назадъ отпечатлѣвшіяся на цилиндрѣ въ Парижѣ. Въ заключеніе въ отверстие телефона въ Версалѣ была пропѣта арія и при помощи другого телефона арія была пропѣта фонографомъ въ Парижѣ и повторена. О телефонѣ и фонографѣ у насъ были помѣщены въ „Нивѣ“ особыя статьи, объясняющія ихъ устройство.

Во Французскомъ отдѣлѣ точныхъ инструментовъ помѣщается цѣлая коллекція химическихъ и торговыхъ вѣсовъ. Замѣчательны лабораторныя вѣсы большой модели, точныя до $\frac{1}{4}$ миллиграмма при грузѣ въ 5 кило.

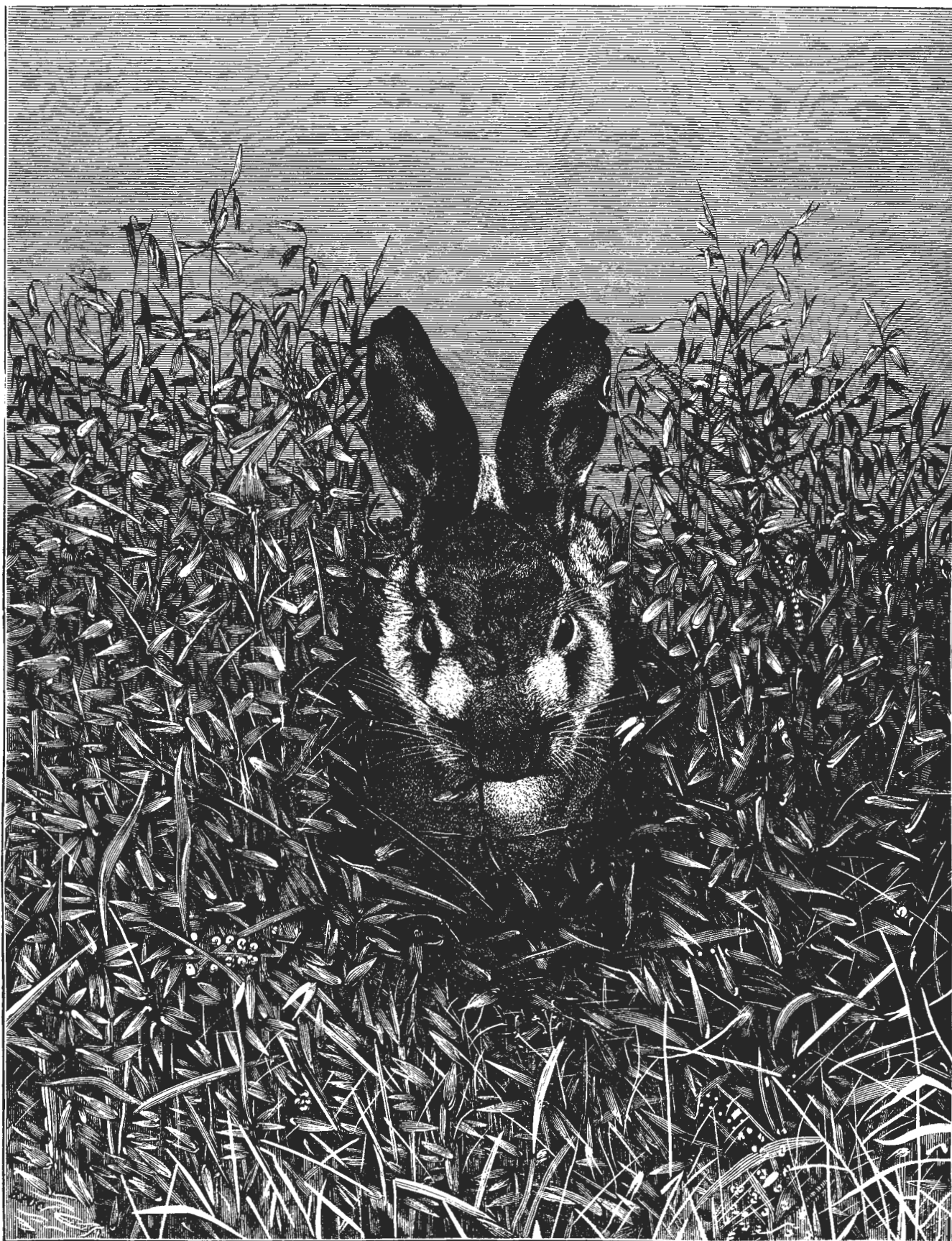
Очень изящно сдѣланы алюминіевыя вѣсы Колло, но ихъ наибольшій грузъ всего 100 гранъ. Между торговыми вѣсами наиболее солидные сдѣланы Экрюперомъ; при грузѣ въ 80 кило (почти 4 пуда) они показываютъ совершенно отчетливо разницу въ 5 гранъ, или $\frac{1}{16}$ фунта.

Во Французскомъ медицинскомъ отдѣлѣ обращаютъ общее вниманіе восковые препараты—воспроизведенія утраченныхъ почему либо частей тѣла. Совершенно сдѣлать кажется уже невозможно. Тутъ же можно видѣть и искусственные глаза. При чемъ на объяснительной запискѣ значится, что глаза эти даже „подвижны“. Въ успѣхахъ искусственнаго замѣненія потерянныхъ частей тѣла, можно судить по двумъ выставленнымъ образчикамъ. Въ первомъ представлена восковая фигура солдата, раненаго подъ Гравелотомъ. Фигура сдѣлана въ двухъ моментахъ—по залеченіи ранъ и послѣ наложенія искусственной части. Рана раздробила всю нижнюю челюсть солдата, выбила всѣ зубы, повредила языкъ; но искусство возвратило ему надлежащій видъ и, самое важное, дало возможность жевать и хотя съ трудомъ, но все же возможность говорить.

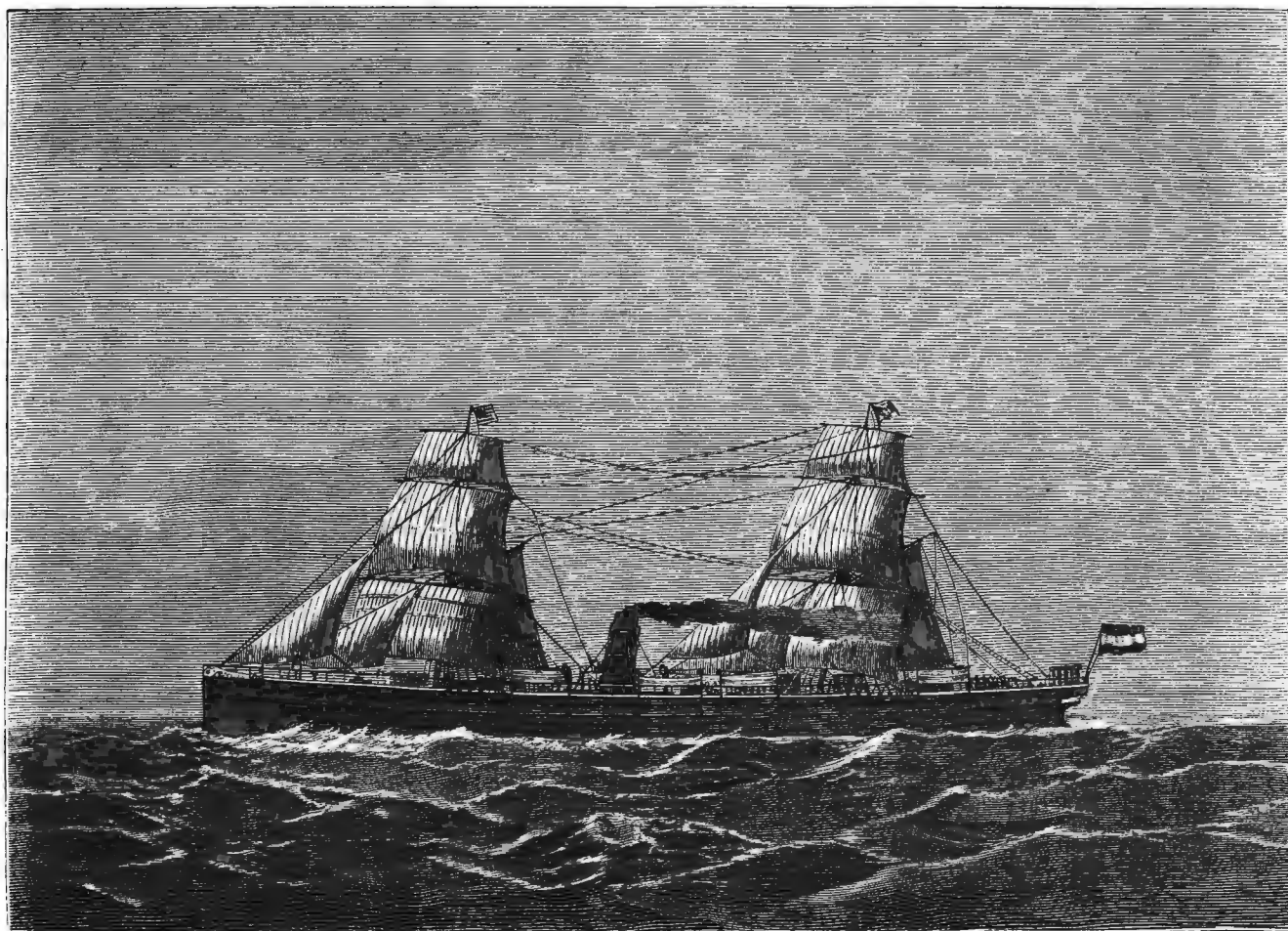
У другого солдата выбиты были оба глаза, носъ, щека, всѣ зубы и ему наклеили маску съ искусственными глазами, вставили зубы и хотя солдатъ остался слѣпымъ, но всѣ же другія функціи приведены въ порядокъ, лицу его приданъ должный образъ, на него не страшно смотрѣть. Оба эти солдата принадлежатъ практикѣ д-ра Деялена, получившаго одобреніе отъ медицинскои академіи и награду отъ министерства. Въ медицинскомъ же отдѣлѣ помѣщаются приборы леченія известной секретной болѣзни. Во Франціи, какъ видно, имѣется множество орудій для борьбы съ этой болѣзью и случаи видимыхъ послѣдствій встрѣчаются въ настоящее время все рѣже. Говорятъ, то, что стоитъ иностранцу полугодоваго времени леченія, французъ проходитъ даромъ. Если только это правда, тогда не мѣшало бы познакомиться и другимъ съ ихъ секретами.

Для специалистовъ врачей въ отдѣлѣ ваннъ важно устройство паровой постельной ванны Лефевра. Она устроена такимъ образомъ: надъ постелью, на которую кладется больной, натянута на шарнирахъ полотняная крышка, закрывающая тѣло пациента, исключая головы. Затѣмъ особыми трубами подъ плотно прижатую крышку выпускается горячій паръ и больная остается при жаеомой температурѣ сколько угодно времени. Въ анатомическомъ отдѣлѣ выставлены между прочимъ препарированныя части труповъ, по способу Ласковского. Выставлена, напримѣръ, полузасохшая человѣческая голова со снятою кожей и открытыми глазами; всѣ мускулы, сухожилія видны до тонкости, хотя въ общемъ посторонняго зрителя, полюбоществовавшаго взглянуть за занавѣску, такой видъ приводитъ въ содроганіе. Выборъ хирургическихъ инструментовъ на выставкѣ громадный и замѣчательный; безподобны также коллекціи каучуковыхъ аппаратовъ, особенно у Галанта, системы Лубковъ, обкладокъ у Руфмона.

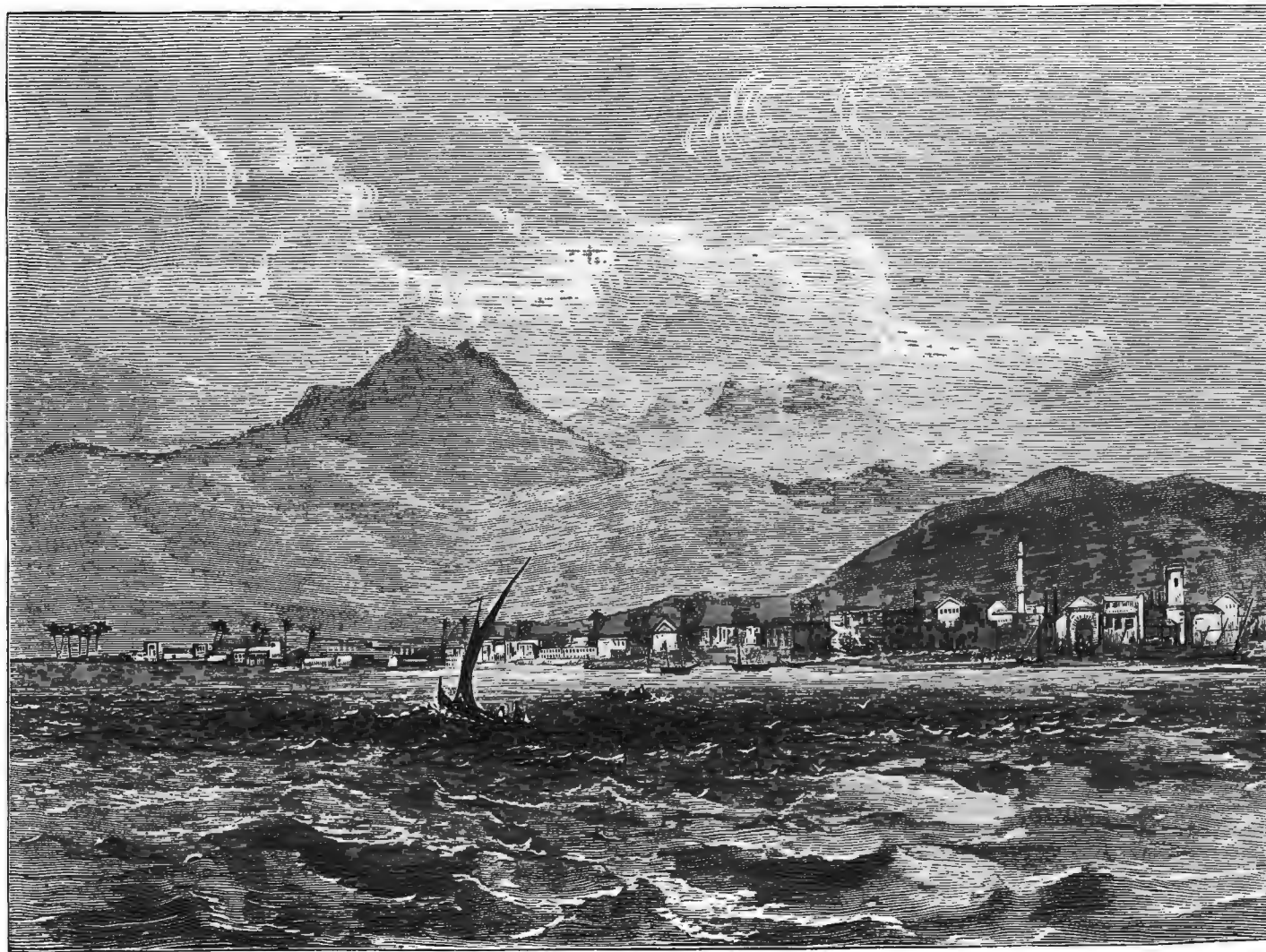
Специалистъ найдетъ множество интересныхъ вещей среди электрическихъ аппаратовъ, ортопедической обуви и т. д. и т. д.

Заяць-русань въ овсь. Рис. Г. Бренке, грав. В. Пуцъ, фотогр. Мордвинова.

Русский добровольный флотъ: Пароходъ „Москва“ бывший „Hampton.“ Съ аквареля Г. Петерсенъ, грав. К. Вейерманъ.

Новая англійская добыча: островъ Кипръ. Ларнака, главный портъ острова. Рис. Гернеръ, грав. К. Вейерманъ.
Библиотека "Руниверс"

Акулы и охота на нихъ.

Въ Веракруцѣ (въ Мексикѣ) не особенно давно жилъ рѣвный охотникъ на акулу, по имени Маноель. Охотился Маноель слѣдующимъ образомъ. На маленькомъ суднѣ выплывалъ онъ въ море и бросалъ въ воду куски сырого мяса для приманки акулы, и лишь только замѣчалъ ее, скинувъ верхнюю одежду, бросался въ море, крѣпко держа въ зубахъ большой острый ножъ; при этомъ грудь охотника, для большей легкости плаванія, была обнажена, а равно и ноги до колѣнъ. За симъ, Маноель плавалъ широкими кругами вокругъ судна и привлекалъ на себя вниманіе животнаго. Спусти нѣсколько времени отважный охотникъ останавливался на водѣ, ложился на спину и лежалъ спокойно на поверхности воды. Акула, разсчитывая на вѣрную добычу, немедленно подплывала. Тогда Маноель съ быстротою молніи опускался внизъ, подплывая подъ животное и твердо вонзалъ въ него острый ножъ. Но не всѣ такіа отважныя охоты были одинаково счастливы, и Маноель, пропустивъ однажды благоприятный моментъ для нанесенія удара акулѣ, сдѣлался ея добычею.

До сихъ поръ акулы ловили и истребляли гарпунами или крючьями, привязанными къ толстымъ канатамъ. Недавно одно судно, возвратившееся въ Ригу изъ Бискайскаго залива, привезло убитую гарпуномъ акулу длиною, отъ оконечности хвоста до головы въ 10 футовъ. Когда пойманному животному большимъ ножомъ распорили животъ, то оттуда вышли болѣе 100 маленькихъ, но живыхъ и уже достигшихъ значительнаго развитія дѣтенышей. Длина этихъ маленькихъ акулъ достигала отъ 1½ до 1¾ фута. Встрѣчаются иногда акулы, имѣющія до шести нашихъ саженъ и вѣсомъ до 100 пудовъ.

Всѣ породы акулъ принадлежатъ къ классу рыбъ, имѣющему *несвободныя жабры*, тогда какъ къ *свободно жабернымъ* принадлежатъ осетринныя породы. Но у всѣхъ акулъ, въ вознагражденіе неподвижности жабръ, находится 5 жаберныхъ отверстій, имѣющихъ форму щелей. За симъ, на передней части головы находятся отверстия, называемыя отдушниками, которыми акулы вбираютъ воду, или точнѣе, кислородъ, содержащійся въ водѣ и помогающій процессу выдыханія. Часть у всѣхъ породъ акулъ всегда огромна; плотка настолько эластична и растяжима, что акула можетъ проглотить огромное животное. За симъ нужно добавить, что нѣкоторыя породы акулъ несутъ яича (мечутъ икру), другія рожаютъ дѣтенышей живыми.

Обыкновенною пищею акулъ, если имъ не удастся поживиться бросаемыми изъ кораблей трунами или же утопленниками при кораблекрушеніяхъ—служатъ тюлени, рыба туонецъ и треска. Но въ случаѣ крайняго голода акулы пожираютъ другъ друга. Глаза у разрабнаго животнаго горятъ какъ огонь, что при разинутой широкой пасти, вооруженной серпообразными зубами, производитъ потрясающее впечатлѣніе. Чрезвычайная сила, быстрота и подвижность животнаго въ значительной степени зависятъ отъ хрящевого характера его скелета и общей упругости мускуловъ.

Существуетъ во многихъ государствахъ мысль организовать правильную охоту на акулу или акулій промыселъ. Эта мысль существовала и у насъ въ примѣненіи къ сѣверной промышленности. Истребленіе акулы, конечно, весьма полезно. Но и самое мясо акулы, можетъ ли оно принести пользу въ смыслѣ обиходнаго матеріала?—Да, конечно. Кожею акулы умѣютъ съ выгодой пользоваться въ иностранныхъ государствахъ; чеченъ акулы даетъ много ворвани или жиру, служащаго для смазки и смягченія кожъ. За симъ и мясо акулы не совѣмъ безвкусно и, въ случаѣ голода, можетъ быть употребляемо въ пищу, какъ и бывало много примѣровъ. Стр.

Невольныя слезы.

(Картина фонъ деръ-Бека).

Катятся обильныя слезы,
Катятся красотѣ на грудь
Томать ли печальныя грезы?
Любовь ли неволитъ всплакнуть?

Нѣтъ, ничуть не бывало; ни любовь, ни грезы въ этихъ слезахъ, льющихся изъ этихъ прекрасныхъ, плутовскихъ глазокъ, нисколько не виноваты. Обратите лишь вниманіе на нѣкоторыя детали картины—и истинная причина слезъ станетъ для васъ совершенно понятна; для васъ станетъ ясно какъ день, что дѣвушка плакать нѣтъ ни малѣйшей надобности. Да, дѣйствительно, зачѣмъ ей плакать?.. Она въ избыткѣ обладаетъ и здоровьемъ и милостью и веселостью права; не имѣетъ никакой склонности ни къ мрачной меланхолии, ни къ фальшивой чувствительности, а плакать заставляетъ ее ничто иное какъ ея профессія стряпухи, обязанной кромѣ выполненія другихъ кулинарныхъ потребностей еще чистить и крошить дукъ и тутъ же плакать отъ этой простой, но неприятой манипуляціи. Эту обыденную, но не лишнюю комизма сцену можно конечно подмѣтить въ каждой кухнѣ, около каждаго очага; конечно люди чистятъ дукъ и при этомъ плачутъ чуть ли не съ Адама, но сила таланта изъ самаго простаго, обыденнаго явленія можетъ извлечь содержаніе для художественнаго творчества,

и граціозная картинка фонъ деръ-Бека служитъ этому прекраснымъ доказательствомъ. Н.

Заяць-русакъ въ овсѣ.

Изъ лѣсной опушки, изъ мелкаго подлѣсочка, да частаго старинка, выскочилъ зайчишка изъ-подъ самыхъ ногъ дѣда, толпы деревенскихъ ребятишекъ, отправившихся въ лѣсъ за ягоду, по красную земляничку. Выскочилъ,—ребятишекъ напугалъ, а самъ и того пуше трусусираздновалъ. Метнулся изъ стороны въ сторону и покатылъ подъ горку неловкимъ скачкомъ, ребятишкамъ на соблазнъ. Точно сговорилась толпа, ухнула разомъ и—ну зайца травить, ну за нимъ гоняться. Но какъ ни рѣзвы молодыя ноги, а съ зайцемъ подросточкомъ, на бѣгу несправиться. Мало по малу, одинъ за другимъ ребята отъ сѣраго, а тотъ черезъ поле да въ овесъ, и засѣлъ тамъ, до смерти напуганный. Сидитъ сѣренькій въ только что выколосившемся овсѣ, къ землѣ прижался, а ушами изъ стороны въ сторону водить, прислушивается къ доносящемуся до него ауканью разбѣжавшихся ребятъ. И кормъ близко, да не манитъ молодого трусишку: не до того ему—лишь бы уберечь свою шкурку. Вотъ солнышко зайдетъ, стемнѣетъ—пойдетъ онъ жуировать на скорую руку въ короткую лѣтнюю ночь, а тамъ опять въ кусты, либо подъ камень, гоношить день деньской до новой зорьки.

Забота о самозащитѣ выпала на долю зайца съ самаго ранняго возраста, съ первыхъ, можно сказать, дней его жизни. Не долго кормить его мать и мало заботится и ласкаетъ она свое потомство, а вразовъ не оберешься, и приходится спасаться отъ нихъ умнѣемъ укрываться, тонинимъ слухомъ, да быстрымъ скачкомъ. На первыхъ порахъ скачетъ зайчишка неловко; ноги какъ то заплетаются и легко его тогда догнать. Много нападается ихъ во время покосовъ въ руки косарей на потѣху малыхъ ребятъ, а затѣмъ, въ концѣ концовъ, болѣею частью на зубы домашнихъ васекъ, да шариковъ. Пойманный маленький, заяць легко приручается, но страсть грызть все, что попадается подъ его острые зубы, дѣлаетъ его неприятымъ компаньедемъ.

О жизни зайца и объ охотѣ на него, намъ пришлось уже говорить, довольно подробно, въ 48 номерѣ Нивы за прошлый 1877 годъ и, чтобы не повторяться, ограничимся на этотъ разъ этими немногими строчками, написанными по поводу картинки: „Заяць въ овсѣ“. Е. В.

Пароходъ „Москва“, бывшій „Hammonia“.

Первый крейсеръ русскаго добровольнаго флота, „Россія“, уже знакомъ нашимъ читателямъ по рисунку, помѣщенному въ № 30 „Нивы“. Помѣщая описаніе парохода „Россія“, мы имѣли уже случай оказать нѣсколько словъ о пароходѣ „Москва“, видъ котораго помѣщаемъ въ настоящемъ № „Нивы“. Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ надѣемся помѣстить видъ парохода „Петербургъ“, о приобрѣтеніи котораго тоже имѣли уже случай въ свое время сообщить нашимъ читателямъ.

Пароходъ „Москва“, бывшій „Hammonia“, имѣетъ длину въ 351 футъ, наибольшая его ширина 42,6, высота (отъ борта до дна) 35,5; машина на этомъ пароходѣ въ 500 парциальныхъ силъ и можетъ развивать до 2,000 индикаторныхъ силъ. Пароходъ этотъ прибылъ въ Кронштадтъ 20-го іюня. Онъ купленъ въ Гамбургѣ и принадлежалъ той же компаніи, которой принадлежалъ пароходъ „Россія“. Въ настоящее время пароходъ „Москва“ находится, какъ мы уже имѣли случай сообщить (см. „Ниву“ № 30, стр. 545), на Кронштадтскомъ рейдѣ и на немъ производятся работы по приспособленію его къ тому назначенію, для котораго онъ приобрѣтенъ.

Островъ Кипръ.

По турецки островъ Кипръ носитъ названіе: *Эйхлетъ-Клиприсъ* и назадъ тому 8 лѣтъ получилъ автономію. Лежитъ о—въ въ восточной части Средиземнаго моря, въ разстояніи 10-ти миль отъ Сирійскихъ и столько же отъ Малоазійскихъ береговъ и въ 48 миляхъ отъ устья Нила. Очертаніе Кипра имѣетъ весьма неправильную форму, берега изрѣзаны множественномъ мысовъ, и, благодаря этому обстоятельству, Кипръ носитъ названіе „о—ва съ рогами“ или „Рогатаго о—ва“; за симъ о—въ перерѣзывается двумя горными цѣпами. Сѣверная изъ этихъ цѣпъ называется „Джеринесъ“ (по турецки), а южная—*Монте-Кросе*. На послѣдней находится вершина высотой въ 2,000 метровъ. Между сейчасъ упомянутыми двумя горными цѣпами расположены широкія, плодородныя равнины, въ которыхъ, правда, нѣтъ судоходной рѣки, но которыя оживляются значительнымъ числомъ горныхъ источниковъ. Когда-то въ прежнее время Кипръ населяли 2 милліона жителей, теперь же населеніе уменьшилось почти на 1/10 этого числа, или на 200,000; изъ этого числа 2/3 грековъ и 1/3 турокъ. Въ древности этотъ островъ былъ заселенъ финикійскими и греческими колоніями, потомъ принадлежалъ различнымъ владѣтелямъ, въ томъ числѣ и крестоносцамъ, до тѣхъ поръ, пока султанъ Селимъ II отнялъ его у крестоносцевъ въ 1571 г.

Климат о—ва Кипра, при своей весьма большой равномерности вообще весьма здоров. Только въ Паеосѣ (на западной сторонѣ о—ва) господствуютъ опасныя лихорадки. По своимъ геологическимъ свойствамъ, Кипръ представляетъ слегка вытнувшися горныя породы и этимъ обуславливается плодородіе почвъ на островѣ. Почва и благодатный климатъ Кипра способствуютъ превосходному произрастанію всѣхъ растений. Напримѣръ, померанцовыя деревья часто до того бываютъ обременены плодами, что ихъ нужно облегчать отъ значительной части ихъ бремени. По расчету путешественниковъ, Унгера и Коши, количество воздѣланной земли на Кипрѣ составляетъ еще только *пятую* часть острова; а по расчету прежняго французскаго консула, воздѣлывалась даже только *пятнадцатая* часть; но при этомъ кипріоты все еще предпочитаютъ быть хозяевами большихъ, но плохо обрабатываемыхъ полосъ земли, чѣмъ хорошо воздѣлывать малые участки.

Въ настоящее время, если, по переходѣ Кипра въ англійское управленіе, на островъ явятся прилежныя и знающіе работники, то конечно, продуктъ воздѣлываемой теперь на Кипре земли можетъ удвоиться, даже утроиться. Во главѣ собственно культурныхъ растений Кипра нужно поставить хлопчатникъ; воздѣлываніе послѣдняго, еще во время венеціанскаго владычества надъ Кипромъ оказалось столь выгоднымъ, что хлопчатникъ названъ былъ „золотымъ растеніемъ“. Въ настоящее время хлопокъ добывается на Кипрѣ только 3,000 пудъ. За то воздѣлывается много крапа, имѣющаго превосходныя качества и уступающаго на Востокѣ только Смирнскому. Тамъ, гдѣ почва оказывается годною для воздѣлыванія этого красильнаго растенія, цѣна на моргенъ земли, обыкновенно составляющая 500—1000 пиастровъ, поднимается на 6—8000 пиастровъ. Также распространено воздѣлываніе и другихъ видовъ красильныхъ растений; но табакъ воздѣлывается только въ немногихъ мѣстахъ. Пшеница, ячмень и овесъ даютъ богатую прибыль, преимущественно въ равнинѣ Моржу и въ прибрежной области. Изъ стручковыхъ плодовъ преимущественно воздѣлываютъ чечевицу. Картофель только въ гористыхъ мѣстностяхъ. Картофель чаще всего замѣняютъ богатыя крахмаломъ клубни растенія *колокаси*. Важнѣйшія деревья на Кипре: шелковица, маслины и *стручковое дерево* (изъ семейства бобовыхъ), дающее извѣстные *цареградскіе стручки*. Что касается винограднака, то только $\frac{1}{12}$ часть территории острова воздѣлывается подъ виноградники. Особенною извѣстностью пользуется виноградная лоза, дающая такъ называемое коммендорское вино. Названіе это произошло отъ складовъ сладкихъ винъ которые когда-то имѣли здѣсь въ своихъ „коммендахъ“ обитавшіе на Кипрѣ Тамплиеры (храмовые рыцари).

Между населяющими островъ животными многія принадлежатъ къ опаснымъ и вреднымъ. Не говоря уже о скорпионѣ и о такъ называемой Роговой змѣѣ, на Кипрѣ возбуждаетъ общій страхъ ядовитая порода ужей, обыкновенно водящихся въ полевыхъ поляхъ. Одна изъ кипрскихъ мысовъ носитъ названіе „Кочачьяго мыса“—оттого что первый владѣтель Кипра велѣлъ построить въ этомъ мѣстѣ монастырь, а монахамъ этого монастыря предписано было специально держать кошекъ.

За симъ величайшимъ врагомъ растительнаго царства является *саранча*, принадлежащая къ породѣ *Stauronotus*. Саранча эта появляется каждую весну и съ уменьшеніемъ населенія острова она увеличилась въ количествѣ. За симъ за исключеніемъ лисицы, на Кипрѣ нѣтъ никакихъ хищныхъ плотоядныхъ животныхъ. Въ Монте-Кросе водится особая дикая порода овецъ (муфлоны). Множество древесныхъ плодовъ привлекаютъ въ Кипрѣ безчисленное множество породъ птицъ; но въ особомъ множествѣ водятся на Кипрѣ породы такъ называемыхъ „винноградниковъ“. Птица эта, кромѣ насекомыхъ, съѣдаетъ въ большомъ количествѣ смолу виноградниковъ и другихъ деревьевъ, и оттого получаетъ себѣ множество жиру и служить, вслѣдствіе этого, предметомъ гастрономіи. Уже въ средніе вѣка птица эта составляла важную статью кипрской торговли. Птицу обыкновенно пропитываютъ или маринуютъ въ Кипрскомъ (коммендорскомъ) винѣ и въ такомъ видѣ вывозятъ въ разныя страны. Въ числѣ собственно домашнихъ животныхъ Кипра нужно упомянуть о прекрасной породѣ охотничьихъ собакъ и породѣ овчарокъ. На Кипрѣ нѣтъ почти ни одной лошади. Для перевозки большихъ тяжестей употребляютъ верблюдовъ, а для подниманія тяжестей въ гору—муловъ. Даже рогатаго скота на Кипрѣ мало, потому что мало и пастбищъ; да и вообще нужно сказать, что восточные жители не очень-то любятъ говядину, какъ сильно возбуждающую пищу. Мѣсто рогатаго скота замѣняютъ овцы и козы. Но самое полезное для кипріотовъ—это шелковичный червь. Конечно, господство турокъ не благоприятствовало развитію шелководства. Лучшій кипрскій шовкъ получается въ Пафосѣ (на западной сторонѣ острова). Въ заключеніе нужно упомянуть, что Западная Европа получаетъ большую часть (и высшаго достоинства) губокъ изъ Кипра. Затѣмъ нужно упомянуть о мѣдной рудѣ, получающейся изъ мѣдныхъ рудниковъ Кипра, древнѣйшихъ во всемъ мірѣ.

Сводя вмѣстѣ все сказанное выше, нужно признать, что островъ Кипръ принадлежитъ къ самымъ благословеннымъ уголкамъ въ мірѣ. Этому способствуютъ и превосходныя гавани острова и роскошный климатъ и плодородіе почвы. Но господство мусульманъ нужно считать настоящимъ бѣдствиемъ Кипра. Съ тѣхъ поръ какъ владѣютъ островомъ турки, народонаселеніе его уменьшилось до колоссальныхъ размѣровъ и самыя благодатныя дары природы отчасти совершенно погублены, отчасти оставлены въ пренебреженіи...

Рисунокъ, помѣщаемый нами въ этомъ номерѣ „Нивы“ изображаетъ главный портъ острова Кипра, Ларнака.

Будущее острова Кипра, по словамъ лицъ, знакомыхъ съ востокомъ, таково, что въ недалекомъ времени массы народа покинутъ берега Сиріи, убѣгая отъ хищничества и тираніи турецкихъ правителей и поселятся на этомъ островѣ подъ охрану англійскихъ властей. Существованіе Турціи, даже въ ея тѣсныхъ границахъ, зависитъ теперь отъ ея умѣнья приспосабливаться въ своихъ дѣйствіяхъ къ державѣ, которая, вслѣдствіе пріобрѣтенія Кипра, очутилась въ ея ближайшемъ и непосредственномъ сосѣдствѣ.

М. Стр.

Политическія и внутреннія извѣстія.

О политическихъ дѣлахъ въ настоящемъ номерѣ какъ за недостаткомъ мѣста, такъ и по отсутствію опредѣленности въ положеніи политическихъ и военныхъ дѣлъ въ Европѣ и на б—вшемъ театрѣ войны,—мы сообщаемъ подробно; но будемъ и ограничаться только указаніемъ, именно на то, что въ японскихъ газетахъ высказываютъ такое мнѣніе о современномъ положеніи Англии въ Индіи: Англія совершенно поглощена разладомъ съ Россіей и, если возгорится война, у ней не будетъ достаточно силъ для подавленія хорошо организованнаго возстанія. Азія, по мнѣнію тѣхъ же газетъ, стала ареною охоты европейцевъ: всюду туземное населеніе поднимается и приводится въ рабство. Великая торговая сила запада грозитъ силою оружія и лукавыми мѣрами разрушить независимость всего туземнаго населенія на азиатскомъ континентѣ, а потому, съ точки зрѣнія газетъ, весьма было бы желательно, чтобы въ Индіи началось возстаніе.

Новый министръ финансовъ, бывшій государственный контролеръ С. А. Грейгъ, принимая на дѣлахъ представителей петербургскаго купечества, между прочимъ высказался, что онъ не намѣренъ поддерживать какія нибудь „фигтивныхъ“ банковыя и другія операціи и предпріятія и просить съ подобными дѣлами къ нему не приходите, „по-русски“. прибавилъ министръ, „фигтивныя дѣла значать—дутья“.

Занимъ сообщаемъ, что съ 13 іюля началось правильное движеніе поѣздовъ между станціями „Ундоль“ и „Владимиръ“, на протяженіи 29 верстъ по строящемуся второму пути на московско-нижегородской желѣзной дорогѣ, между станціями Москва и Ковровъ. Всего же открыто для движенія второго пути 177 вер. между станціями Москва и Владимиръ.

На Кавказскихъ минеральныхъ водахъ въ пинѣнскій лечебный сезонъ пріѣздъ публики не превышетъ сезона прошлыхъ лѣтъ,

хотя, казалось, слѣдовало ожидать значительно большаго пріѣзда публики въ виду той массы больныхъ, какую въ настоящее время имѣетъ Россія. Точно также пишутъ изъ Илецкой зацнты, Оренбургской губерніи, что володочесный сезонъ далеко не отличается многолюдствомъ. Пріѣзжихъ мало, не смотря на всѣ старанія директора заведенія, Лебедева, доставить посылителямъ развлеченія. (Какъ будто главная суть дѣла въ развлеченіяхъ?) Кромѣ леченія солеными ваннами и грязями съ большимъ содержаніемъ сѣрнистыхъ соединений, здѣсь организовано и леченіе кумысомъ. Едва ли, впрочемъ, заведеніе это, не смотря на всю пользу, которую оно можетъ приносить страдающимъ золотухой, ревматизмомъ и подагрой, въ состояніи будетъ удержаться при той непопулярности, которую имѣютъ всѣ наши центры леченія минеральными водами.

Отъ минеральныхъ водъ, на которыхъ отъ общества Краснаго креста, вѣроятно, всетаки отправлено не мало больныхъ и раненыхъ, перейдемъ къ слѣдующему извѣстію, имѣющему отношеніе къ Красному кресту. Въ Финляндской официальной газетѣ напечатано Высочайшее повелѣніе объ установленіи на 1878—1882 года въ пользу Краснаго креста чрезвычайнаго налога въ 30 пенни съ мужчинъ и въ 15 пенни съ женщинъ. Этимъ налогомъ имѣется въ виду покрыть миллионъ марокъ, который пожертвованъ сеймомъ въ прошломъ году въ пользу общества Краснаго креста.

Взаключеніе сообщаемъ нѣкоторыя цѣны на бумаги: 5% бл. госуд. банка 1-го вып. 97. Восточный заемъ 92½ мелкіе (въ 50 и 100 руб.) и 95 крупныя (въ 1,000 р.) Внутренній заемъ съ выигрышами: первый и второй по 235 р.; С.П.Бур. кредитнаго общества 92½, Московскаго 90¼, золото 7 р. 78.

Въ № 167 Правительственнаго Вѣстника напечатано:

24-го сего іюля, въ 9 часовъ вечера, въ одесскомъ военно-

около судъ было окончено известное дѣло о вооруженномъ сопротивленіи властямъ при обыскѣ, произведенномъ 30-го января сего года на Садовой улицѣ гор. Одессы. Судъ приговорилъ главнаго виновника по этому дѣлу, Ковальскаго, къ смертной казни, а остальныхъ семь лицъ, оказавшихся виновными, къ болѣе или менѣе тяжкимъ наказаніямъ.

Во времени объявленія судомъ приговора на прилегающихъ къ зданію суда тротуарахъ собралась значительная толпа любопытныхъ. Когда приговоръ суда сдѣлался известнымъ въ публикѣ, изъ толпы стали раздаваться выраженія неудовольствія. Всѣ усилія полиціи заставить толпу разойтись оказались безуспѣшными, вслѣдствіе чего была выдвинута рота солдатъ, которая и разсыла тѣснившихся. Но въ то самое время, когда нижніе чины направились въ массу публики, чтобы принудить ее очистити тротуары, раздалось нѣсколько выстрѣловъ, очевидно изъ группы преднамѣренно собравшихся злоумышленниковъ, такъ какъ остальная публика начала расходиться безъ всякаго сопротивленія, при чемъ войсками не было произведено ни одного выстрѣла. Жертвами этого новаго преступленія были: трое нижнихъ чиновъ—раненныхъ и двое частныхъ лицъ—убитыхъ. Жизнь раненыхъ нижнихъ чиновъ внѣ опасности.

Спокойствіе въ городѣ было немедленно восстановлено,

МЫСЛИ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Не привыкай къ благоденствію—оно преходяще: кто владѣть—учись терять, кто счастливъ—учись страдать. (Шиллеръ).

Терпѣніе облегчаетъ нестерпимую боль. (Вольтеръ).

Задача.

Шлемъ съ бунвами.

Въ этомъ шлемѣ помѣщены буквы, составляющія имя одного русскаго героя.

СОДЕРЖАНІЕ: Художникъ Ф. Келлеръ (съ портретомъ).—Блонгаузъ «Червляемъ асмеръ». (Рассказъ изъ недавняго прошлаго) Н. Карзинна.—Изъ дронь-рипской жизни. На аренѣ Цирка (съ рисункомъ) Л. Парижская Всесірная выставка (съ рисункомъ).—Акула и охота на чихъ (съ рисункомъ).—Невольныя слезы (съ рисункомъ) Н.—Заяць-русакъ въ шестѣ (съ рисункомъ).—Пароходъ «Москва» бывшій «Наттопіа» (съ рисункомъ).—Угровъ Нирръ (съ рисункомъ) М. Стр.—Политическія и внутреннія извѣстія.—Имя замѣчательныхъ людей.—Задача.—О перемѣнѣ адреса.—О преміяхъ «Нивы» 1878 г.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ г. иногороднихъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

О ПРЕМІЯХЪ „НИВЫ“ 1878 Г.

Ежегодно возрастающее число подписчиковъ на журналъ „Нива“ дало въ настоящемъ году возможность издателю его сдѣлать значительныя въ сравненіи съ прежними годами затраты на издаваемый ими журналъ. Результаты этихъ затратъ не могутъ быть конечно, незамѣченными гг. подписчиками получающими въ настоящемъ году журналъ съ значительно большимъ количествомъ текста и рисунковъ, чѣмъ въ предыдущіе года (такъ, большая часть номеровъ журнала настоящаго года имѣетъ, вмѣсто шестнадцати, двадцать страницъ). Но кромѣ этого, издатель нашолъ возможнымъ приобрести двѣ оригинальныя акварели, исполненныя по его заказу специально для премій „Нивы“ настоящаго года художникомъ Кившенко.

Сюжетъ для этихъ акварелей взятъ изъ русской исторіи и представляетъ два момента изъ того тяжелаго времени, которое предшествовало появленію Самозванца и было виною ужасныхъ смутъ и шатацій русскоіи земли, вынесшей однако всѣ эти смуты и тяжкія скорби, сохранившей въ цѣлости свое политическое и государственное единство и сплотившейся за симъ прочно подъ охраною нынѣ царствующаго дома Романовыхъ.

Моменты, взятые для акварелей „Нивы“, изображаютъ Бориса Годунова въ двухъ періодахъ его жизни и разработаны по двумъ художественнымъ и первокласснымъ сочиненіямъ нашихъ знаменитыхъ поэтовъ: А. Пушкина и графа А. Толстого, стихи которыхъ, помѣщенные подъ картинами, служатъ ихъ объясненіемъ.

Содержаніе картинъ слѣдующее:

1) Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники предсказывающіе ему царствованіе.

и 2) Царь Борисъ и его дѣти: Теодоръ и Ксенія.

Въ настоящее время акварели эти въ потребномъ для премій „Нивы“ количествѣ экземпляровъ воспроизводятся олеографическимъ способомъ въ одной изъ лучшихъ за границею художественныхъ мастерскихъ.

Цѣна этихъ картинъ въ отдѣльной продажѣ 4 р., т. е. по 2 р. за каждую.

Только гг. годовые подписчики на журналъ „Ниву“ 1878 г. имѣютъ право на бесплатное полученіе ихъ.

Объ эти картины будутъ разсланы всѣмъ гг. годовымъ подписчикамъ, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ (получающимъ журналъ чрезъ почту) въ проч-

номъ картонномъ футлярѣ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, прочимъ же подписчикамъ (получающимъ журналъ безъ доставки) преміи эти будутъ выданы или въ конторѣ редакціи, или въ тѣхъ книжныхъ магазинахъ, гдѣ они получаютъ журналъ, при томъ же №, при которомъ эти преміи будутъ приложены подписчикамъ, получающимъ журналъ съ доставкой или пересылкою.

Имя уже теперь нѣсколько экземпляровъ означенныхъ картинъ, издатель, исполняя многочисленныя просьбы своихъ подписчиковъ, желающихъ видѣть эти картины, разослалъ ихъ ниже поименованнымъ книгопродавцамъ, у которыхъ можно видѣть эти будущія преміи Нивы.

- Въ С.-Петербургѣ: Въ Главной Конторѣ Редакціи „Нива“, и у книгопродавца: Я. А. Исакова, Анисимова, Колесова, Михина, Мамонтова и Бителана.
- „ Москва: у книгопродавцевъ; И. Г. Соловьева, А. Лангъ и Н. И. Мамонтова, Живарева и Васильева.
- „ Одессѣ: въ книжныхъ магазинахъ В. П. Дубецкаго (бывшій Бортневскаго) и Пушкина.
- „ Казани, въ книжномъ магазинѣ Дубровина.
- „ Кіевѣ, книж. магаз. Литова (владѣлецъ Оглоблинъ), у Гюнтера и Малецаго.
- „ Екатеринбургѣ, въ книжномъ магазинѣ Наумова.
- „ Вяткѣ, въ книж. магаз. В. Красовскаго.
- „ Налугѣ, у книгопродавца Н. Ив. Мясникова.
- „ Кишиневѣ, въ книж. магазинѣ Андр. Тараненко.
- „ Костромѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. Солодовникова.
- „ Кронштадтѣ, въ Ред. „Кронштадтскаго Вѣстника“.
- „ Курскѣ, въ книжномъ магазинѣ Васил. Суслова.
- „ Нижнемъ-Новгородѣ, въ книж. магаз. Павла Богданова.
- „ Новгородѣ, въ книж. магаз. Парамонова.
- „ Новочеркасскѣ, въ книж. магаз. О. А. Ананьева.
- „ Пензѣ, въ книж. магазинѣ, Г. Шемасва.
- „ Перми, въ книжной лавкѣ О. Петровской.
- „ Полтавѣ, въ книжной торговлѣ Богоявленской.
- „ Ростовѣ на Дону, у книгопродавца Ден. Прѣснова.
- „ Рязани, въ книж. маг. Константина Федор. Александрова.
- „ Саратовѣ, въ книж. магаз. М. Шлейера.
- „ Симбирскѣ, въ Карамзинской общественной библиотекѣ.
- „ Таганрогѣ, въ книж. магазинѣ Ващенко.
- „ Твери, въ Городской общественной библиотекѣ.
- „ Тулѣ, въ Публичной библиотекѣ Дворянскаго Собранія.
- „ Харьковѣ, въ книж. маг. и библиотекѣ Максимовича.
- „ Ярославлѣ, въ книж. маг. и библиотекѣ Раф. Копуева.
- „ Варшавѣ, въ книж. магаз. Г. Истомина.
- „ Тифлисѣ, въ книжномъ магазинѣ Г. Вартанова.
- „ Томскѣ, въ книжномъ магазинѣ Манушина.

Подписка на журналъ „Нива“ принимается постоянно, и каждый новый подписчикъ имѣетъ право на полученіе, какъ всѣхъ премій, такъ и всѣхъ вышедшихъ уже №№ журнала съ 1-го января.

№ 33

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Выданъ 14 Августа 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 съ перес. 20 к

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 для напечатанія въ «Нивѣ» принимаются по 25 к. за строку непарейль (въ 1/2 ширины страницы).

КОНТОРА
 журнала открыта ежедневно (кроме Воскресенья) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

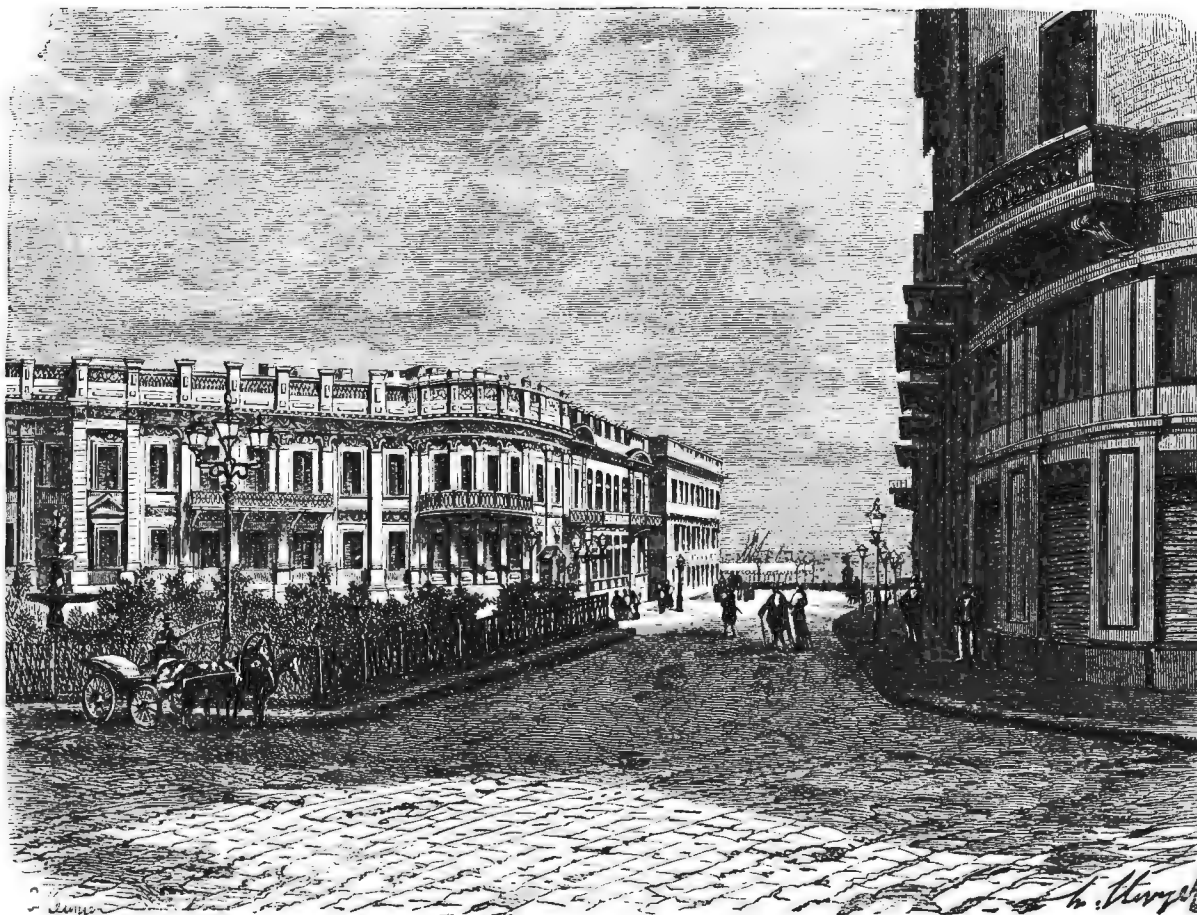
Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи . . . . . 6 „

Также принимается подписка на 1/2 года съ 1 июля 1878: безъ дост. 2 р., съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р.
 КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особія приложенія объявленій къ «Нивѣ» иногор. по 6 р съ тысячи, городск. книгъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
 Мелкія рукописи и стихи, неудобные къ печати, авторамъ не возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1878 г. №№ «Нивы» со всѣми приложеніями.

Екатерининская площадь въ Одессѣ. Съ натуры рис. Клерже, грав. Мелье.

Г. Одесса.

Въ прошедшемъ году въ № 31 журнала „Нива“ были помѣщенные историческія свѣдѣнія объ Одессѣ, на которыя, по поводу помѣщаемого въ этомъ номерѣ рисунка, и имѣемъ честь указать нашимъ читателямъ. Теперь-же, помѣщая на страницахъ Нивы этотъ рисунокъ, изображающій видъ одной изъ красивѣйшихъ мѣстностей г. Одессы, а именно Екатерининской площади, сообщимъ здѣсь нѣсколько общихъ свѣдѣній объ этомъ городѣ.

Городъ этотъ построенъ на берегу Чернаго моря, по направлению отъ Очакова почти прямо на западъ, гдѣ берегъ моря, круто поворачиваясь къ юго-западу въ видѣ правильного полукруга образовалъ заливъ. Заливъ образуетъ весьма значительную дугу, или вѣрнѣе сказать, то, что называется на народномъ языкѣ дукоморьемъ. Вдаваясь такимъ образомъ значительно въ изгибъ и образуя свой лукъ на пространствѣ почти трехъ съ половиною верстъ, заливъ имѣетъ протяженіе болѣе 8 верстъ. Собственно на этомъ берегу, образуемомъ заливомъ, и стоитъ Одесса. Въ давнія времена на мѣстѣ Одессы находилось греческое селеніе Истрионъ. Затѣмъ селеніе это вмѣстѣ съ Крымомъ и частью берега Чернаго моря перешло въ руки турокъ и переименовано въ Хаджибей. Императрица Екатерина нашла это мѣсто удобнымъ для стоянки кораблей и поручила Потемкину взять его. Названіе Одессы, какъ говорятъ, присвоено городу въ память древняго греческаго селенія Одиссуса, находившагося недалеко отъ Хаджибея.

Въ настоящее время Одесса по справедливости можетъ считаться однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ не только въ Россіи, но даже и въ Западной Европѣ. Этому главнымъ образомъ способствуетъ его счастливое мѣстоположеніе: онъ раскинулся на высокомъ морскомъ берегу; въ торговомъ отношеніи мѣсто занимаемое Одессой тоже весьма важное, именно по значительности ея торговыхъ сношеній съ Европою, вызываемыхъ на столько же удобствомъ стоянки для судовъ въ ея гаваняхъ, на сколько и вообще положеніемъ этого города въ географическомъ отношеніи. Самая лучшая часть Одессы расположена на приморскомъ бульварѣ. Бульваръ состоитъ изъ трехъ аллей и имѣетъ до 250 саж. длины. На бульварѣ этомъ среди густыхъ аллей поставленъ памятникъ первому Одесскому градоначальнику герцогу Ришелье. Герцогъ представленъ въ римской мантій съ вѣнкомъ на головѣ. Статуя эта принадлежитъ рѣзцу извѣстнаго скульптора Маргоса. Пьедесталь памятника пробитъ ядромъ, повалившю во время бомбардированія Одессы въ Крымскую кампанію 1855 года.

Съ бульвара спускается къ морю прекрасная лѣстница въ 8 саж. шириною. Лѣстница сдѣлана изъ бѣлаго песчаника и имѣетъ 204 ступени. У подножія лѣстницы, у моря поставлена часовня, вмѣщающая въ себѣ нѣсколько иконъ, присланныхъ отъ другихъ городовъ въ благословеніе Одессы. Тутъ же внизу на морѣ устроены городскія купальни. Въ Одессѣ три гавани. Вдѣло отъ бульвара идетъ такъ называемая практическая гавань съ двумя молами, назначенная для каботажныхъ судовъ; на одномъ изъ моловъ находится щеголевская батгарея. Вправо отъ бульвара—купеческая гавань для иностранныхъ судовъ,

также съ двумя молами и высокимъ, освѣщаемымъ ночами, маякомъ. Эта гавань постоянно оживлена движеніемъ людей и обозовъ. Тутъ кипитъ неустанная работа; и тѣснота, и шумъ, и говоръ и, буквально, пылъ столбомъ.

Къ бульвару примыкаетъ самая лучшая часть города, тутъ находятся лучшія зданія Одессы, какъ напр. Лондонская и Петербургская гостиницы, театр, университетъ, городская публичная бібліотека, биржа. Одесская биржа—прекрасное зданіе. Зала ея обширна и красива, два выхода ведутъ на круглую галерею съ маленькимъ садикомъ, на лѣвой сторонѣ дверь изъ залы ведетъ на огромную террасу, откуда ходъ на бульваръ и прелестный видъ на море. Тутъ же возлѣ биржи находится Одесскій музей, въ которомъ между прочими рѣдкостными предметами можно видѣть нѣсколько вещей изъ Египта, такъ напр. двѣ муміи въ простыхъ бѣлыхъ ящикахъ, сверху исцѣпленныхъ разными изображениями, еще одну мумію въ прекрасно отдѣланномъ ящикѣ на подобіе огромной куклы, которую можно держать стоя. Есть нѣсколько вещей изъ керченскихъ древностей; затѣмъ генуэзскія и татарскія лопты и т. д. Одесскій бульваръ полонъ гуляющихъ, особенно по вечерамъ; но самое лучшее время для прогулокъ—раннее утро и лунная ночь. Одесса, какъ мы сказали выше, торговый городъ и коммерческими конторами зауружены улицы. Невскимъ проспектомъ въ Одессѣ служитъ Ришельевская улица, обсаженная тополями, акаціями и каштанами. Одесскій Екатерининскій институтъ одинъ изъ старѣйшихъ въ Россіи; онъ основанъ въ 1806 г. Къ городу примыкаютъ нѣсколько предмѣстій и еще до вѣзда въ городскую черту направо и налево раскинулись небольшие полуразвалившіеся домики, крытые черепицей, съ еврейскими вывѣсками, харчевнями, складами для хлѣба, соли, рыбы.—Въ общемъ, предмѣстья Одессы мрачны, съ бѣдными, жалкими постройками—мазанками, самъ же городъ богатъ громадными и прекрасными зданіями; но за то зелени и садовъ въ немъ очень мало и въ лѣтніе знойные дни жить въ городѣ просто невыносимо: всюду камень, щебень и выючная пыль носится по улицамъ.

Иностранцевъ въ Одессѣ великое множество; вездѣ слышится чужой языкъ. Еврейство въ этомъ городѣ развито до чрезвычайности: не пройдеши шага безъ того, чтобы не наткнуться на предложенія услугъ отъ еврея; городскія предмѣстья буквально кишатъ ими.

Взаключеніе ко всему нами здѣсь сказанному объ Одессѣ нужно замѣтить, что хотя этотъ городъ и русскій и есть православные храмы и даже имѣетъ въ немъ пребываніе архіерей, но русскаго въ этомъ городѣ мало. Жалѣть объ этомъ, конечно, стоило-бы, но въ то же время въ виду тѣхъ многочисленныхъ „неустройствъ“, которыми такъ прославилась Одесса по своему городскому самоуправленію и въ особенности по снабженію города водою,—въ виду этихъ неустройствъ, несомнѣнно зависящихъ отъ русскаго одесскаго городского общества, сожалѣнія наши мы оставимъ до того времени, когда городское хозяйство Одессы будетъ нѣсколько лучше.

Ор

Царь-дѣвица.

Историческій романъ.

Вс. Соловьева.

(Автора „Княжны Острожской и „Юнаго Императора“).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Лѣта тысяча шестьсотъ восемьдесятъ втораго, великимъ постомъ, въ домѣ суздальскаго дворянина Перхулова случилось очень странное происшествіе, поднявшее на ноги не только перхуловскую дворню, но и всѣхъ городскихъ обывателей: сбѣжала и невѣдомо куда скрылась семнадцатилѣтняя дѣвушка Люба Кашникова, жившая у Перхулова уже три года.

Эта Люба и сама была изъ дворянскаго рода, только сирота круглая и жила она у Перхулова по записи.

Пріѣхалъ три года тому назадъ въ Суздаль старый перхуловскій знакомецъ Кузьма Кашниковъ, и сталъ спрашивать Перхулова, не возьметъ-ли онъ къ себѣ въ домъ его свояченицу дѣвочку—„у самихъ-де съ женою Марьицей достатки небольшіе, своихъ малолѣтнихъ дѣтей четверо, такъ тяжело содержать въ домѣ лишняго человѣка“.

Перхуловъ согласился и тутъ же была составлена гавалъ запись: „Я Кузьма Кашниковъ и жена моя от-

дали: я свою свояченицу, а она свою сестру,—дѣвицу Любу, Ивану Онуфриевичу Перхулову, жить во дворѣ его до возраста, а какъ она будетъ на возрастѣ и ему дать ей приданого по силѣ и выдать замужъ за вольнаго человѣка, или за кого она похочетъ, а живя, ей слушать и почитать и всякую работу работать домашнюю, вести себя хорошо, а ему ее кормить, одѣвать и обувать“.

Покончивши это дѣло, Кашниковъ уѣхалъ въ свою небольшую вотчину, тутъ-же неподалеку, а черезъ недѣлю вернулся со свояченицей. Любѣ тогда было лѣтъ около четырнадцати.

Перхуловымъ она понравилась. Только замѣтили они въ ней что-то странное: въ ея поступи, въ ея взглядахъ не было робости, свойственной ея полу и положенію. Глядѣла она всѣмъ прямо въ глаза, а при прощаньи съ зятемъ выказала большую холодность: не плакала и не причитала; не послала поклоновъ сестрицѣ своей Марьицѣ, какъ должна была дѣлать, если и не по чувству, такъ изъ приличія.

— Плохо видно вы съ женою ее учили! замѣтилъ Иванъ Онуфріевичъ Кашникову и, не получивъ отъ него никакого отвѣта, приказалъ отвести Любу на женскую половину, къ своимъ дочерямъ, и сейчасъ-же и позабылъ о ней думать...

Иванъ Онуфріевичъ Перхуловъ въ прежнее время жилъ въ Москвѣ, служилъ и даже пошелъ было въ гору при дворѣ великаго государя царя Алексѣя Михайловича. Но нашлись у него враги посильнѣе его, тѣснить стали, наговаривать—и неожиданно, негаданно пришла царская немилость: вѣлно Перхулову съ семействомъ выѣхать изъ Москвы въ городъ Суздаль.

Долго не могъ примириться Иванъ Онуфріевичъ со своей судьбою, пробовалъ и то, и другое, и третье: писалъ челобитныя, старался такъ или иначе зацѣпить своихъ лихоудѣевъ, да ничего не помогало: въ Москвѣ о немъ забыли—не велика птица! Поневолѣ пришлось успокоиться и, оставшись не у дѣль, заняться домашнимъ обиходомъ. Да и наконецъ не такъ ужъ и велика была царская немилость! Могли его имѣньшика лишити, какъ есть голякомъ оставить, даже сослать куда нибудь въ глушь; но ничего этого не сдѣлали, все имѣніе оставили при Иванѣ Онуфріевичѣ, не лишили его ни одной вотчины.

И вотъ сталъ Перхуловъ строиться въ Суздаль.

Прошло нѣсколько лѣтъ; живетъ онъ себѣ со своею Афимьей Лукьяновной и двумя дочерьми подростками (сыновей имъ Богъ не далъ), живетъ, какъ дай Богъ всякому. Домъ и всѣ строенія какихъ ни у кого нѣтъ въ Суздаль, холопей и дворовыхъ многое множество, сосѣди, подеосѣдники, захребетники. Разнаго продовольствія изъ ближнихъ и дальнихъ вотчинъ привозится въ изобиліи. Отъ Суздальскихъ людей всякаго чина и званія Ивану Онуфріевичу большое почтеніе. Да и стоитъ онъ этого почтенія: держитъ себя и домъ свой въ благолѣшіи и строгости, никакимъ худымъ дѣломъ не занимается, радѣетъ о церкви, никогда-то не полѣнится, — ни одной службы не пропустить, всячески ласкаетъ духовенство и любить бесѣды съ отцами духовными, а отцы духовные на его мудрость книжную не нахвалятся.

Да, справедливый, серьезный человѣкъ Иванъ Онуфріевичъ, добрый хозяинъ въ своемъ домѣ, — ведетъ его по Домострою. Съ женою живетъ дружно. Афимья Лукьяновна тоже хозяйка добрая, умѣетъ цѣнить и почитать мужа, а провинится въ чемъ противъ его воли, такъ развѣ что ненарокомъ, и тотчасъ же сама придетъ, поклонится ему въ ноги: „Такъ молъ и такъ, государь мой, батюшка Иванъ Онуфріевичъ, согрѣшила я передъ тобою, поучи меня за это.“

И тутъ же и плетву подастъ ему.

Иванъ Онуфріевичъ плетку возьметъ, стегнетъ разокъ-другой ради порядку, да потомъ и облобызаетъ троекратно Афимью Лукьяновну. „Такъ-то вотъ, жена, впередъ смотри—не оплошай, не то и впрямь поучу хорошенько; а на этотъ разъ Богъ съ тобой, прощай!“

Хозяйство Афимья Лукьяновна вела рачительно, многочисленную свою прислугу женскую держала въ повиновеніи, не утруждала мужа напрасными жалобами и доводила до его свѣдѣнія о беспорядкахъ только тогда, когда случалось что нибудь ужъ очень серьезное.

И все въ домѣ было тихо да гладко. За семь лѣтъ жизни Перхуловыхъ въ Суздаль не произошло у нихъ ничего дурного. Разъ только страслась было бѣда. Одинъ изъ холопей больно что то провинился передъ Иваномъ Онуфріевичемъ, и тотъ, не сдержавъ своего сердца, черезъ чуръ поучилъ его: вопреки Домострою, поучилъ и въ ухо, и въ *видныя*, и въ голову, и куда попало.

Холопъ, не смотря на страшные побои, весь въ крови выбѣжалъ за ворота и началъ кричать такимъ отчаяннымъ голосомъ, что сбѣжалось не мало народу. А онъ все кричалъ, всѣмъ показывалъ свой вытекшій

глазъ и разбитую голову, все что то грозился и поносилъ своего господина, пока наконецъ кровь не хлынула у него изъ горла и онъ не упалъ.

Люди Ивана Онуфріевича подобрали его и сволокли назадъ въ избу. Говорили въ городѣ, что на другой день этотъ холопъ померъ, но конечно ни кому и въ голову не могло придти очень осуждать Ивана Онуфріевича и измѣнять о немъ доброе мнѣніе. Правда, не слѣдъ было человѣка живота лишать, да вѣдъ сотворилось все это ненарокомъ, и такое дѣло со всякимъ можетъ случиться....

II.

Доля дѣвочки сиротки, Любы Кадашевой, попавшей въ домъ Перхулова, съ дѣтства была незавидная. Почти первое ея дѣтское впечатлѣніе—былъ ужасъ.

Ей не минуло еще и десяти лѣтъ, какъ надъ семействомъ Кадашевыхъ стряслось страшное несчастье. Жили они въ своей вотчинѣ, никому не мѣшали. Отецъ былъ человѣкъ смирный, безбидный; не поладилъ онъ только съ прикащикомъ сосѣдняго большого имѣнія, принадлежавшаго боярину Окуневу.

Прикащикъ то и дѣло чинилъ Кадашеву всякія обиды, въ раззоръ раззорялъ его. Кадашевъ терпѣлъ, терпѣлъ да и послалъ наконецъ жалобу боярину Окуневу.

Жалоба до боярина не дошла—прикащикъ какъ то о ней провѣдалъ, захватилъ Кадашевского посланца—и освирипѣлъ. Собралъ онъ людей не мало, чуть не цѣлую сотню, да пьяный и нагрязнулъ къ Кадашеву. Въ усадьбѣ поднялся вопль: женщины бѣгали, кричали какъ полумумныя, а пьяный прикащикъ со своими людьми разогналъ всю мужскую прислугу, разбилъ весь домъ, поломалъ все, что попадалось подъ руку, забралъ цѣнныя пожитки.

Не стерпѣлъ Кадашевъ—кинулся съ десяткомъ ир-ныхъ холопей на своего душегубца.

Поднялась драка. Окуневскіе люди были вооружены разнымъ дреколѣемъ и топорами, да и пьяны къ тому-же: разсѣкли они Кадашеву голову, такъ что тотъ палецъ замертво, да за одно ужъ и жену его уложили.

Старая нянька спряталась съ маленькой Любой въ подвалѣ въ пустой бочкѣ, тѣмъ только и спаслась.

Потомъ, какъ разбойники, въ конецъ раззоривъ усадьбу и оставивъ въ ней нѣсколько труповъ, убрались во свояси, она доставила Любу къ замужней сестрѣ ея, Марьицѣ Кашниковой.

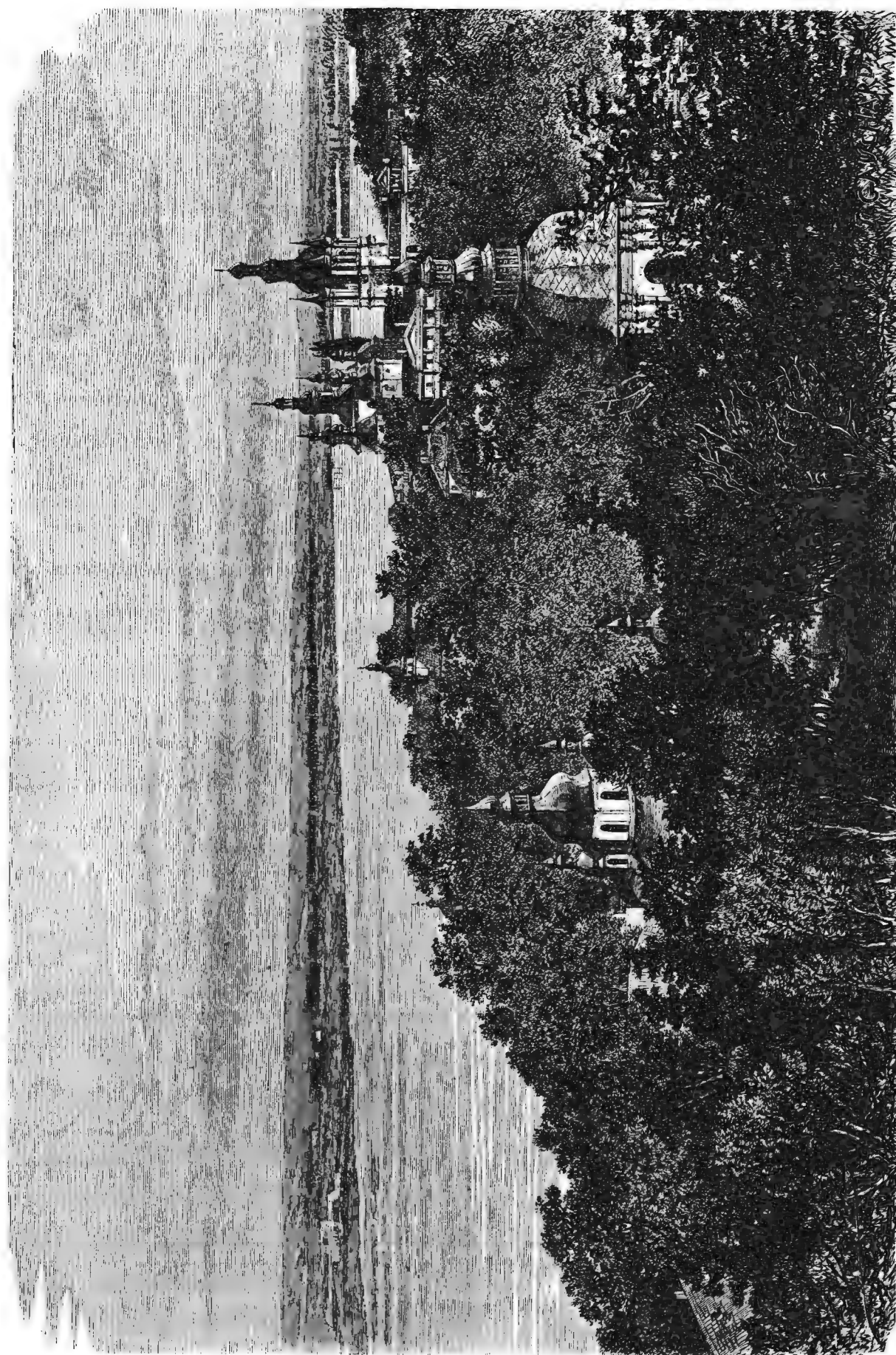
Марьица поплакала, погоревала, сестренку оставила у себя, а мужъ ея, обсудивъ дѣло, рѣшилъ, что съ честью нужно похоронить родителей, а дѣла съ окуневскимъ прикащикомъ и заводить нечего—не имѣтъ, Кашниковымъ, его осилить: бояринъ прикащика не выдастъ. Не впервой вѣдъ такое дѣло дѣлается. Дай Богъ только вотчину получить Кадашевскую.

Кашниковъ со всякою опаскою похоронилъ убитыхъ и радовался, что не встрѣтилось никакого затрудненія въ полученіи раззореннаго имѣнія. Онъ былъ не богатъ и новый доходъ былъ ему на руку. О свояченицѣ конечно онъ не подумалъ, да и Марьица немного вниманія на сестру обращала.

Сначала Кашниковы ждали, что умереть дѣвочка—такъ она была напугана, съ полгода дрожью дрожала, припадки съ ней были странныя; но здоровая натура взяла свое: Люба поправилась, только не на веселое житье, не на радость: старая любимая нянька, единственное существо къ ней ласковое, скоро отдала Богу душу.

Сестра Марьица заботилась только о своихъ дѣтяхъ, да и Любу заставляла ихъ нянчить и строго взыскивала за нерадѣніе.

Одно только путное, что вынесла дѣвочка изъ Кашниковскаго дома, это знаніе грамоты: Кузьма Кашни-

Введенская Киево-Печерская Лавра. Съ натуры рис. Клерже, грав. Гошаръ

Оріанда. Дворецъ Вел. Кн. Константина Николаевича, въ Крыму. Рис. съ натуры О. Веберъ, грав. Ш. Барбанъ.

ковъ въ свободное время, отъ нечего дѣлать и вида необыкновенную понятливость свояченицы, обучалъ ее чтенію, хотя Марьяца и возставала на эту прихоть мужа: сама она, какъ и всѣ женщины того времени, была безграмотна.

Люба вышла дѣвочка смышленная, но какая то дикая: она рано привыкла уходить въ себя, бесѣдовать съ собою. Ея память удерживала все, всѣ разговоры, которые она слышала. Ея природная любознательность не проходила равнодушно мимо явленій, вокругъ нее совершавшихся.

Послѣ труднаго, часто обиднаго для нея дня, въ тихій вечерній часъ, когда ей наконецъ возможно было улечься на холодной и неряшливо устроенной постели, она долго не засыпала, все думала да передумывала, разбирала своимъ дѣтскимъ разумомъ то то, другое.

Кашниковъ удивлялся ея понятливости, но онъ и вообразить себѣ не могъ, какъ много она уже знала, не смотря на свой возрастъ.

Она отлично понимала, что отецъ и мать ея невинно убиты и что ихъ убійцы остались безнаказанными. Она знала, что ихъ родовое имѣніе перешло въ собственность Кашникова и ея сестры, а она, Люба, ничего изъ него не видитъ и, конечно, у нея ничего нѣту, такъ какъ и сестра, и зять не разъ уже попрекали ее тѣмъ, что ее даромъ поятъ и кормятъ, не разъ уже толковали между собою о томъ, что нужно бы отъ нея избавиться, отдать ее въ чужіе люди.

„Какъ же это такъ? разсуждала сама съ собою сиротка, какъ же это? вѣдь Марьяца сестра мнѣ, я была такая же какъ и она дочь у отца съ матерью, все, что у нихъ было—ея и мое, а у меня, выходитъ, ничего нѣтъ—что же это значить?“

Но не одни подобныя вопросы занимали ее; многое, многое казалось ей непонятнымъ и страннымъ. Почему Кашниковъ все можетъ, сестрица Марьяца можетъ гораздо меньше, а она, Люба,—ничего не можетъ? Почему когда пріѣзжаютъ къ хозяйну гости, Марьяца и всѣ женщины сейчасъ же убѣгаютъ и запираются въ своихъ покояхъ? Почему имъ зазорно попадаться на глаза мужчинъ?

Чѣмъ больше вырастала и развивалась Люба, тѣмъ эти вопросы становились все навязчивѣе и навязчивѣе. Она даже попробовала было разспросить кое о чемъ Марьяцу, но та какъ услышала, выкатила на нее глаза, долго не понимала, что это она такое спрашиваетъ, а когда поняла, то всего и отвѣтила, что назвала ее душой.

У Кашникова же Люба ничего и не спрашивала. Она знала, что вмѣсто всякаго отвѣта получить колотушку. Зять ея былъ тяжелъ на руку и никому не давалъ спуска, особенно бабамъ. Марьяца частенько ходила съ фонарями то подъ однимъ, то подъ другимъ глазомъ.

Къ Перхуловымъ Люба переселилась, не рѣшивъ ни одного изъ своихъ вопросовъ и только окончательно убѣдившись, что во всемъ Божьемъ мірѣ нѣтъ у нея близкаго человѣка, нѣтъ даже сродниковъ, потому что Кашниковъ да Марьяца—что это за сродники, если ее, свою близкую и родную, какъ щенка негоднаго, изъ дома вышвырнули. Положимъ, прощаясь съ нею, Марьяца плакала и причитала, повисла у нея на шеѣ и пыла: „на кого ты насъ покидаешь, золотая сестрица Любушка!“ Но вѣдь не далѣе какъ накануне Люба своими ушами слышала, что Кашниковъ съ женою толковали и радовались своему избавленію отъ лишняго рта въ домѣ.

Любина жизнь у Перхуловыхъ конечно не могла весело настроить ея мысли: здѣсь ей было еще хуже, чѣмъ у сестры. Здѣсь она уже окончательно превратилась въ холопку. Здѣсь еще болѣе разныхъ новыхъ, мучительныхъ и неразрѣшимыхъ вопросовъ приходило

ей въ голову. То, что видѣла она въ маленькой зятниной усадьбѣ, то еще ярче било въ глаза въ большомъ богатомъ перхуловомъ домѣ. Замкнутость и уединенность женской жизни продолжала смущать Любу.

Старая желаніемъ узнавать все, что дѣлается на свѣтѣ, такъ или иначе рѣшала всѣ свои вопросы, Люба нерѣдко подсматривала и подслушивала на мужской половинѣ. Бывало у Перхулова соберутся гости, пойдетъ угощеніе да бражничанье. Люба заберется въ темный уголокъ, гдѣ трудно отыскать ее и откуда она можетъ все слышать. И жадно, чутко она слушаетъ, очень многого не понимаетъ, но все же слушаетъ. Часто говорятъ что то чудное; поминаютъ Москву, царя.

Тутъ передъ Любой является длинная вереница всевозможныхъ картинъ, представленій. Иногда изъ какой нибудь одной фразы для Любы рисуется нѣчто большое и цѣльное, и фантастическое.

Не разъ прислушиваясь къ бесѣламъ на мужской половинѣ, Люба кончила тѣмъ, что представила себѣ, совершенно по своему, но въ то же время опредѣленно и ясно, волшебную жизнь, которая идетъ тамъ, въ Москвѣ, въ царскихъ палатахъ. И она полюбила эту жизнь, и она о ней грезилась.

Пробовала она иногда заговорить про свои грезы съ боярышнями Лизаветой и Домной, но тѣ не находили во всемъ этомъ ничего интереснаго.

Онѣ съ утра до вечера заботились только о томъ, какъ бы побольше поспать, плотнѣе поѣсть, получше разрядиться и расписать лицо свое.

Домна Ивановна была худа отъ природы, и мать нерѣдко говаривала ей, что, если она не поправится, не поглотѣетъ, такъ будущій мужъ любить ее не будетъ. Отъ такихъ словъ Домна Ивановна часто по цѣлымъ часамъ плакала и наконецъ рѣшилась потолстѣть во что бы то ни стало. Для этого конечно было одно только средство: побольше ѣсть и побольше спать. И семнадцатилѣтняя дѣвушка только и дѣлала что валялась на пуховой постели, да ѣла пироги и всякую всячину.

Идеаль женской красоты того времени заключался въ томъ, чтобы не походить на себя, чтобы не оставить въ лицѣ своемъ ничего природнаго и естественнаго. Въ пѣснѣ, въ старой русской пѣснѣ, пѣлось про красную дѣвицу, что у нея было

Бѣлое лицо какъ бы бѣлой снѣгъ,
Лгодицы (на щекахъ) какъ бы маковъ цвѣтъ,
Черныя брови какъ соболи,
Будто колесомъ брови проведены;
Ясныя очи какъ бы у сокола...
Она ростомъ-то высокая,
У ней кровь-то въ лицѣ словно бѣлаго зайца,
А и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки...
Ходитъ она словно лебедушка,
Глазомъ глянетъ, словно ясный день...

И вотъ каждая женщина желала быть такою, какова героиня пѣсни. Для этого на все лицо накладывали бѣлила, средину щеки красили въ яркую краску, брови колесомъ выводили сажею, а въ глаза, для пушчаго блеска, впускали то же особенную краску. Красили въ черный цвѣтъ и зубы, для того чтобы ярче выдѣлялась бѣлизна лица. И все это дѣлалось безъ малѣйшаго искусства, такъ что женщина выходила, послѣ своей косметической работы, совсѣмъ не живымъ существомъ, а какою то плохо размалеванной куклой; зато издали, въ полусвѣтѣ всякая дурнушка казалась красавицей: черты лица сливались, неправильности ихъ исчезали, оставалась только яркость сочетанія черной, бѣлой и красной красокъ, да фосфорическій, странный блескъ глазъ...

Дочери Перхулова, Лизавета Ивановна, да Домна Ивановна, обѣ почти сверстницы Любы, взяли ее къ себѣ и дѣлали большое различіе между ею и своими холопками: не давали ей черной работы.

Вся ея обязанность заключалась въ томъ, чтобы быть ихъ подружкою, убирать имъ головы, бѣлить ихъ да румянить, сурмить брови, пѣть вмѣстѣ пѣсни разные, забавлять ихъ чѣмъ умѣеть.

Конечно на долю Любы доставались иной разъ щипки и колотушки, на которыя она должна была отвѣчать только почтительнымъ молчаніемъ. Но вѣдь какъ же иначе и могло быть?—все же она не боярышня, а челоуѣкъ подначальный.

Первые годы и жила себѣ Люба—не жаловалась, исполняла все, что приказывали: разрисовывала своихъ молодыхъ госпожъ какъ только умѣла; пѣла пока въ горлъ не пересыхало, на щипки и колотушки отмалчивалась, только иногда, въ темномъ своемъ уголку, позволяла себѣ поплакать. Но къ концу второго года что-то странное сотворилось съ Любой, будто бѣсъ засѣлъ въ нее—болно много стала она давать себѣ воли.

Перхуловскія боярышни почитай каждый день приходили на нее жаловаться матери: то не исполнить ихъ приказу, то грубо отвѣтитъ, на брань сама бранится, на щипки отщипывается. И не совладать съ ней боярышнямъ—въ два года переросла она ихъ чуть не головою. Высокая, статная, да крѣпкая; лицо—кровь съ молокомъ; брови черныя, глаза съ поволокою; ни бѣлилъ, ни румянилъ, ни сурьмы не нужно. А сила въ полныхъ, бѣлыхъ рукахъ такая, что хотъ съ мужчиной бороться.

Афимья Лукьяновна сначала мало обращала вниманія на дочернія жалобы, но наконецъ и сама убѣдилась, что Любашка ведетъ себя ни съ чѣмъ несообразно. Разъ, другой покричала на нее, ногой потопала выговорила ей какъ слѣдовало: „Что ты моль такая сикая, носъ свой выше головы задираешь—помни, матушка, кто ты и кто мы! Ты сирота-нищая—не возьми мы тебя, осталась бы совсѣмъ безъ пристанища. Помимъ, моль, кормимъ да и ѣшь-то ты за двоихъ—такъ ты все это должна помнить, и цѣнить, и всякое послушаніе своимъ господамъ оказывать.“

Люба слушала молча, только глаза свои заплаканные длиннымъ рукавомъ утирала.

Афимья Лукьяновна подумала, что вразумила дѣвку и теперь она за умъ возьмется. Но не тутъ то было!

Не прошло и недѣли какъ новыя жалобы на Любу. Афимья Лукьяновна взяла свою хозяйскую плетку и собиралась изряднъ постегать неразумную дѣвку. Да взглянула въ лицо Любы и отшатнулась—такъ страшна она ей показалась.

Люба не плакала, а стояла вся блѣдная, куда и румянецъ дѣвался, стояла съ дрожащими губами; глаза ея черныя, что уголья горѣли. Вотъ, вотъ она сейчасъ кинется въ ноги Афимѣ Лукьяновнѣ, начнетъ цѣловать ея руки, подолъ ея платья, умолять, чтобы та смилостивилась, не казнила. Только нѣтъ—Люба не кинулась въ ноги, а тихо выговорила: „Бить меня хочешь... не бей... не бей—хуже будетъ!“

И ничего она не прибавила, но и въ этихъ немногихъ словахъ ея Афимѣ Лукьяновнѣ послышалось что-то такое страшное, такое особенное, въ чемъ она не могла себѣ дать даже отчета,—что она, ни слова не сказавъ Любѣ и нетронувъ ее пальцемъ, ушла и повѣсила плетку на гвоздикъ, на обычное мѣсто.

И съ этого самаго дня, почти полгода Люба была выше воды, ниже травы, все исполняла, что ей приказывали: опять убирала и рядила молодыхъ госпожъ своихъ, опять пѣла имъ пѣсни, на брань и щипки молчала—только ужъ никто въ домѣ не слышалъ ея смѣха, не видалъ ея улыбки: каменная какая-то сдѣлалась, скучная, такъ что на другихъ тоску наводила.

Лизавета и Домна Ивановны окончательно ее возненавидѣли—она ихъ всячески потѣшать должна, а отъ нея и слова не добьешься, иной разъ просто какъ то жутко съ нею; стали онѣ отъ нея отстраняться, прибли-

зили къ себѣ другихъ дѣвушекъ дворовыхъ, а на Любу навалили работы всякой: шитья и вязанья.

III.

Единственная радость, оставшаяся Любѣ, было опять таки подслушыванье разговоровъ на мужской половинѣ, разговоровъ о томъ волшебномъ чудномъ мірѣ, который назывался Москвою и дворомъ царскимъ, и который она такъ давно полюбила.

Теперь ужъ многое, прежде непонятное для нея въ этихъ разговорахъ, становилось понятнымъ,—она уже не смущалась передъ многими словами—а разговоры, въ послѣднее время дѣйствительно становились очень интересными.

Сначала весь домъ, даже женскую половину облетѣла новость, что скончался царь Алексѣй Михайловичъ. Затѣмъ стали много говорить о всякихъ новыхъ порядкахъ, объ уничтоженіи мѣстничества и старики качали головами, не ободряли новшества, находили, что все вверхъ дномъ начинается переворачиваться въ землѣ русской, что не къ добру это—видно скоро свѣта преставленіе, видно антихристъ нарождается.

Но въ особенности одинъ разговоръ необычайно поразилъ Любу и поднялъ въ ней цѣлую бурю новыхъ опущеній. Говорилось про одну изъ царевенъ, про Софью Алексѣевну. Очень недружелюбно относились къ ней перхуловскіе гости. Толковали они о томъ, что покойный царь совсѣмъ распустилъ семью свою, дочерей—царевенъ видно не держалъ въ страхѣ Божіемъ, и вотъ теперь совсѣмъ худыя дѣла оказываются. Вишь царевна Софья, забывъ стыдъ дѣвичій, показывается передъ всѣми мужчинами, вступаетъ съ ними въ разговоры, однимъ словомъ ведетъ себя не какъ особа женскаго пола, а какъ мужчина.

И нельзя было никакъ сомнѣваться въ этихъ извѣстіяхъ, такъ какъ передавалъ ихъ думный дьякъ, пріѣхавшій изъ Москвы и постоянно во дворецъ входяій. Не мало представилъ онъ примѣровъ стыдныхъ поступковъ царевны Софьи. Съ нимъ самимъ она не разъ вступала въ бесѣду и толковала о разныхъ предметахъ, даже о дѣлахъ государственныхъ,

— Великаго ума царевна! закончилъ дьякъ,—объ этомъ и толковать нечего, только зачѣмъ ей умъ?—не женское это дѣло. Женскій умъ въ скромности, да въ послушаніи...

Люба изъ своего темнаго уголка напрягала весь слухъ, чтобы не проронить ни одного слова.

Вся она дрожала, грудь высоко поднималась, на щекахъ загорался горячій румянецъ.

Всю эту ночь прометалась она на своей постели: все ей грезилась чудная царевна, осмѣлившаяся выйти изъ женскаго терема, осмѣлившаяся толковать съ боярами и думными дьяками. И всѣмъ своимъ молодымъ горячимъ сердцемъ полюбила заочно эту царевну Люба. Она почувала въ ней родство съ собою, она поняла, что не одна она на свѣтѣ такая чудная, такой выродокъ, какъ ее называли; что тамъ, въ волшебномъ мірѣ, живетъ родная ей душа, которую тоже называютъ выродкомъ.

Ее, бѣдную Любу часто попрекаютъ и бранятъ безстыдницей; вотъ недалѣе какъ вчера надсмотрщица за работою ворчала на нее: „Глаза твои безстыжіе, говорила она,—и гдѣ ты такая уродилась. Тебѣ рысать простовололою къ мужикамъ да калякать съ ними все равно что воды выпить, тѣфу ты окаянная!“

И сказала злая баба при этомъ такое слово, которое и въ мысляхъ то повторить совѣстно.

Нѣсколько дней словно лихорадка била Любу и все росла и росла въ ней любовь къ далекой царевнѣ.

„Царь-дѣвица! Царь-дѣвица!“ шептала она, вспоминая чудную сказку, когда то давно слышанную ею отъ покойной няньки. И рвалось ея сердце къ той Царь-дѣвицѣ, рвалось неудержимо.

А въ то же время дѣйствительная ея жизнь становилась все хуже и хуже. Попала она въ руки злой бабы надсмотрщицы, что за шитьемъ и вязаньемъ въ Перхуловскомъ домѣ глядѣла. Злая баба поѣдомъ ѣсть ее стала. Утромъ задасть урокъ, съ которымъ никакъ нельзя справиться, къ вечеру придетъ, видитъ, что не все готово—и начнется брань, попреки. И такой гадкѣй языкъ у бабы—какъ змѣиное жало. Иное обидное слово до самой души прохватываетъ, а пожаловаться на надсмотрщицу нечего и думать. Она у Афимьи Лукьяновны въ большой милости—слуга старая, вѣрная, а на Любу и хозяйка и дочери хозяйскія косятся, такъ кто же ея обиду разсудить?

И терпѣла Люба, работала день деньской, не разгибалась. А надсмотрщица все недовольна.

— Что же это, наконецъ, такое? не вытерпѣвъ, какъ то сказала Люба, послѣ брани злой бабы,—я ли, кажется, не работаю, такъ не грѣхъ бы тебѣ, Ненила

видѣ. Упала она госпожѣ въ ноги: „такъ и такъ“, разсказала все доподлинно о продерзостяхъ Любалки и требовала себѣ защиты.

Афимья Лукьяновна приказала немедленно призвать къ себѣ Любу; но та не явилась.

Тогда она сама къ ней отправилась.

Люба стояла, какъ бѣсомъ одержимая, съ полѣномъ въ рукахъ, очевидно никого и ничего передъ собой не видѣла и дикимъ голосомъ кричала:

— Никто не подступайся, не то убью!

Афимья Лукьяновна побѣжала прямо къ мужу.

Тотъ, узнавши въ чемъ дѣло, взялъ съ собою двухъ ражихъ людей; Любу, не смотря на ея безумное сопротивление, схватили и отстегали такъ, что она дня два не могла подняться съ постели.

Послѣ этого прошла недѣля—и вдругъ въ перхуловскомъ домѣ объявилось, что Люба исчезла.

Всѣ поднялись на ноги, стали исвать ее, но нигдѣ

Крестьянскія забавы въ деревнѣ (чехарда). Рис. А. Кившенко, грав. Рашевскій.

Сидоровна, разокъ добрымъ словомъ обмолвиться.

— Да, стоишь ты добраго слова!.. Колотушки ты стоишь—вотъ что! заворчала старуха.

Кровь бросилась въ голову Любѣ. Сама себя не помня, поднялась она во весь ростъ передъ старухой. Глаза ея свергнули.

— Ну нѣтъ, холопка, не тебѣ бить меня!

— Ахъ, свѣты мои батюшки! въ свою очередь багровѣя и трясясь отъ злости, накинулась на нее надсмотрщица.— Это я тебѣ холопка? это я-то бить не смѣю? а вотъ увидишь!

И Люба не успѣла отшатнуться, какъ получила сильный ударъ прямо въ щеку.

Не говоря ни слова, кинулась она на старуху и, какъ щепку какую-нибудь, отшвырнула ее отъ себя въ противоположный уголъ комнаты.

Злая баба взвизгнула, бросилась вонъ, прямо къ Афимьѣ Лукьяновнѣ и дорогой рвала себѣ волосы и царапала лицо, чтобъ появиться въ болѣе жалостномъ

не находили. Порѣшили было, что случилась такая бѣда: дѣвка видно съ дури, да съ сердцовъ утопилась въ проруби.

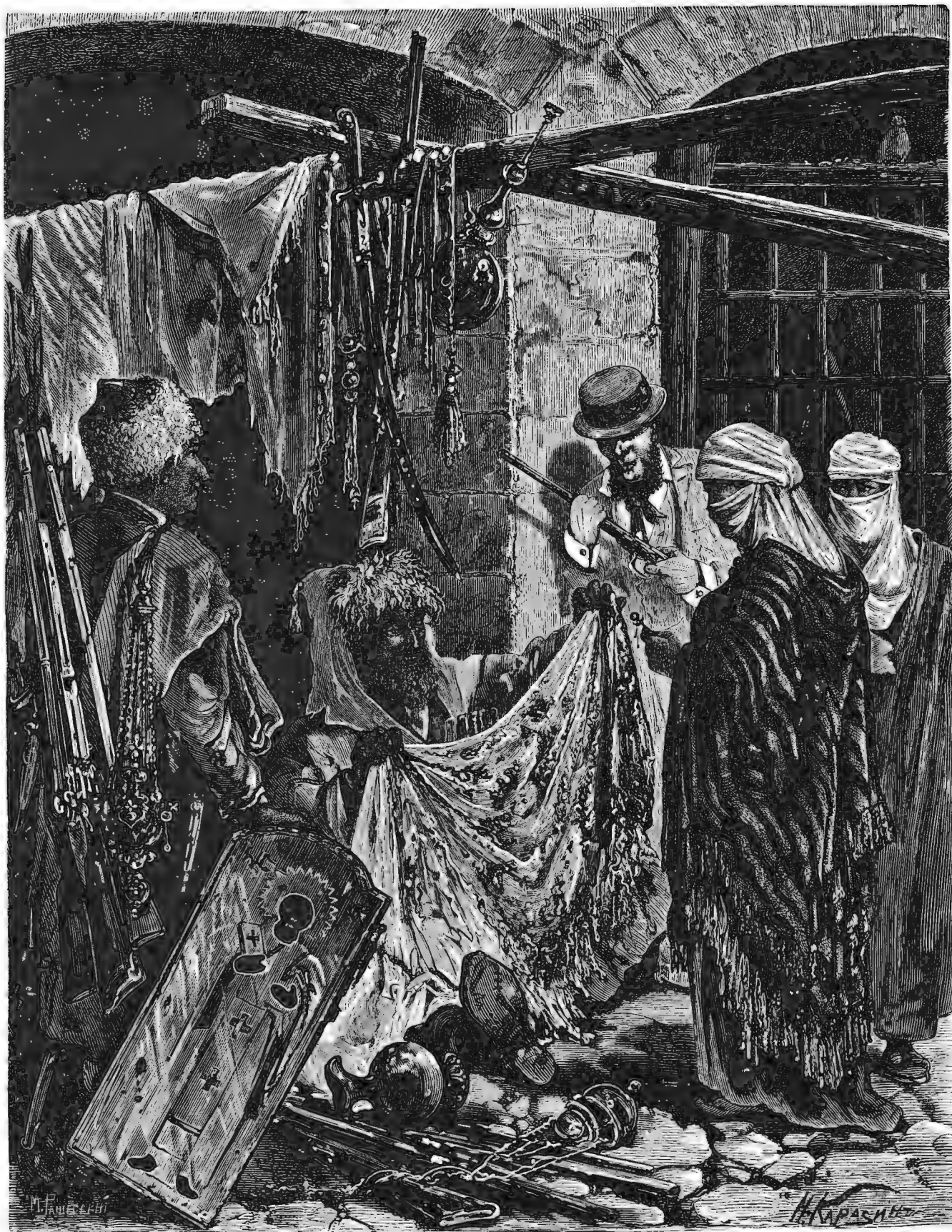
Одно только казалось страннымъ: все Любино бѣлье, платки было на лицо. Считали и пересчитывали—какъ есть все цѣло! И выходило такъ, что Люба скрылась изъ дому не только безъ шубки, но и безъ самой необходимой одежды. Можетъ надѣла чужое... всѣхъ переспросили, все переглядѣли: все какъ есть цѣло—ничего не оказалось въ пропажѣ.

Чудное дѣло, выбѣжала дѣвка въ зимнюю, морозную ночь топиться, выбѣжала въ чемъ мать родила на свѣтъ Божій, и никто не видалъ, какъ она бѣжала!.. Нѣтъ, тутъ что-то не ладно! Ужъ не самъ ли дьяволъ ее спалалъ?

Это предположеніе оказалось самымъ подходящимъ, и на немъ остановились...

Вс. Соловьева.

(Продолженіе будетъ).

Между войною и миромъ. I. Награбленное добро—торговля дозволенная и безошлинная.

Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рапеевскій.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Орианда.

Орианда, имѣніе Великаго Князя Константина Николаевича, находится на южномъ берегу Крыма. Имѣніе въ виду помѣстити въ слѣдующихъ померахъ „Нивы“ еще нѣсколько крымскихъ видовъ, сдѣлаемъ предварительныя замѣтки объ историческомъ значеніи Крыма.

Остатки развалинъ свидѣлствуютъ, что Крымъ, особенно южный берегъ, былъ когда-то сильно укрѣпленнымъ. Такъ, напримѣръ, замокъ Алустонъ, сохранился болѣе другихъ развалинъ древняго Крыма. Три высокія башни, будто расколота молніей, уцѣлѣли своими наружными половинами почти до самой вершины. Цѣлы и остаткіи стѣны. Татары наполнили всю площадку холма, господствующаго надъ двумя рѣчками, и тѣсная кучка ихъ саклей жметъ теперь между обглоданныхъ остововъ башенъ и стѣнъ. Многія сакли сложены только наполовину изъ камней развалинъ, остальное прямо замѣняется старою стѣною. Только этимъ удобствомъ постройки можно объяснить себѣ, почему татары взобрались вдругъ въ Алушгѣ на высочій холмъ, когда ихъ вседашній вкусъ влечетъ въ долины и балки. У подножія Демерджи до сихъ поръ видны остаткіи довольно обширной крѣпости, называемой татарами Исарчикъ. Многіе камни—слѣды давнихъ жилищъ. Существуетъ преданіе, что подъ гору Кастель можно пройти сквозь заваленныя желѣзные ворота и говорить, будто когда-то, еще во время управленія А. С. Воронцова, бывшаго кавказскаго намѣстника и начальника новороссійскаго края, дѣйствительно были найдены желѣзные ворота. Преданіе говоритъ, что и на вершинѣ Демерджи во времена генуэзцевъ стоялъ замокъ. Несомнѣнно еще, что сплошная стѣна съ укрѣпленіями шла по восточной цѣпи Яйлы и переходила на Чатырдагъ. Проѣзжая буковые лѣса на юго-западныхъ скатахъ Чатырдага, видны вполнѣ уцѣлѣвшіе обрывки стѣнъ. Татары въ Корбекны называютъ эту стѣну Тамъ-Хабахъ, что значитъ каменная стѣна и построение ея относятъ Темиръ-Аксаку. Преданіе вообще приписываетъ Темиръ-Аксаку устройство всей оборонительной линіи. Темиръ-Аксакомъ въ русскихъ лѣтописяхъ называется знаменитый Тамерланъ и въ этомъ случаѣ года построенія стѣны, какъ указываютъ византійскіе историкъ, не сходятся съ его временемъ. Историческія розысканія приписываютъ постройку крѣпости и стѣнъ южнаго берега Крыма императорамъ Анастасію и Юстиніану. Этою стѣною преграждался путь степовникамъ въ Алуштинское ущелье. Но кажется, что подобныя постройки въ Крыму были еще до Юстиніана и даже до Р. Х. Видъ развалинъ заставляетъ думать, что онѣ принадлежатъ народу менѣе образованному и избалованному, чѣмъ византійцы VI вѣка. Иногда развалины носятъ совершенно циклопическій характеръ, и можно думать, что постройки скорѣе относятся тавраамъ (отъ имени кочевыхъ Крымъ и получилъ свое названіе Тавриды) или кимерійцамъ, первобытнымъ обитателямъ Крыма; точно также въ нихъ участвовали вѣроятно и Готы, жившіе съ IV стол. на южномъ берегу и спасавшіеся отъ натиска Гунновъ и ихъ преемниковъ. Южный берегъ въ теченіи многихъ вѣковъ носилъ названіе Готѣин и, конечно, въ такой долгіи періодъ жизни не могъ же народъ не оставить по себѣ никакихъ памятниконъ. Что касается множества христіанскихъ церквей, то онѣ столько же могли принадлежать готамъ, какъ и византійцамъ. Вообще, не имѣя положительныхъ данныхъ, трудно сказать утвердительно, кому именно принадлежали оставшіяся теперь въ развалинахъ постройки. Можно допустить объясненіе, что однѣ и тѣ же развалины могутъ служить памятникомъ многихъ народовъ. Были постройки и тавровъ, и грековъ, и византійцевъ, и генуэзцевъ, и турокъ, всѣ эти постройки должны были явиться на одномъ и томъ же мѣстѣ, такъ какъ на такіе пункты было указано самой природой. Разумѣется, что при этомъ каждый вносилъ свои работы въ работы первыхъ строителей. Вслѣдствіе этого не покажется страннымъ то, что на вершинѣ горы Кастели съ очевидными остатками зданій образованнаго народа попадаются развалины совершенно грубой работы. И греки, и тавры, конечно, одинаково понимали важность укрѣпленія въ данномъ неприступномъ пунктѣ. Въ теченіи 400 лѣтъ турки, само собою разумѣется, также не могли не оставить какихъ либо слѣдовъ. Такъ говорить объ этомъ путешественникъ Е. Марковъ (Крымскія впечатлѣнія) и нельзя съ такимъ мнѣніемъ не согласиться.

Орианда, видъ которой приложенъ къ этому № Нивы, по генуэзскимъ источникамъ такъ и носила названіе „Casale Orianda“, но татарами названіе это передѣлано въ Урьянда или Ургенда. Скалы Орианды также покрыты были остатками развалинъ циклопическихъ строеній. При татарахъ на лугахъ Орианды бродили пастухи съ своими стадами, и все это мѣсто представляло печальное запустѣніе. По окончательномъ присоединеніи Крыма къ русскимъ владѣніямъ въ царствованіе Екатерины, въ 1783 г. мѣстность Орианду приобрѣлъ въ свою собственность Ревильоти и началъ разводить тутъ виноградники. Затѣмъ Ревильоти продалъ имѣніе графу Кушелеву Безбородко, у котораго въ 1825 году купилъ его Императоръ Александръ

I, а послѣ кончины Императора Александра Орианда перешла въ собственность Императора Николая.

Въ 1827 г. Государь подарилъ Орианду своей супругѣ, Государынѣ Александрѣ Федоровнѣ; теперь же Орианда составляетъ собственность Великаго Князя Константина Николаевича.

Не много въ Крыму такихъ мѣстъ, какъ Орианда. Природа одѣлила ее и живописными утесами и чудной зеленью лѣсовъ; богатыми лугами и чистыми источниками. Въ довершеніе очарованія природой, искусство человѣка еще обогатило Орианду роскошью, оразнообразило ея убранство. Въ великолѣпномъ паркѣ Орианды растутъ самыя рѣдкія деревья, достигая необыкновеннаго роста; чудесные цвѣты наполняютъ воздухъ своимъ ароматомъ, чистые ручьи протекаютъ среди мощныхъ скалъ, каменныхъ обрывковъ и зелени кустовъ и дивныхъ цвѣтничковъ. Тутъ цѣлая оливковая роща; тутъ исполнены фиговые деревья раскинулись изъ-за скалы, и листья ихъ рисуются причудливыми узорами. Высокимъ отвѣснымъ утесомъ выдвинулась гора Мегаби, съ вершинной порослею лѣсомъ, надъ которымъ возвышается и сверкаетъ въ лучахъ солнца золотой крестъ. Видъ съ этой горы восхитительный—открывается панорама всего южнаго берега Крыма. Противоположный утесъ, увѣнчанный рогондой, даетъ новый видъ, едва-ли еще не лучшій. Среди многовѣковаго лѣса парка алмазной пеленою падаетъ каскадъ, легкія газели скрываются въ чащѣ деревьевъ, а каменные скамейки манятъ на отдыхъ среди очаровательной природы.

Дворецъ Князя построенъ по плану архитектора Штакенштейндера, въ планѣ котораго вошли нѣкоторыя детали изъ плана, первоначально составленнаго для ориандскаго дворца берлинскимъ архитекторомъ Шинкелемъ. По плану Шинкеля постройка дворца должна была обойтись въ миллионъ рублей; но императоръ Николай призналъ это дорогимъ и излишнимъ и поручилъ составить другой планъ, въ меньшемъ размѣрѣ профессору Штакенштейндеру. Во дворцѣ между прочимъ замѣчательны внутренній дворикъ и павильонъ, сдѣланный въ помпейскомъ вкусѣ съ превосходными колоннами изъ темнаго крымскаго мрамора; обращаютъ вниманіе каріатиды, поддерживающія балконъ, выходящій къ морю и чудесная мраморная лѣстница. Въ 1825 году при посѣщеніи Крыма Императоромъ Александромъ, Высочайшій путешественникъ отдыхалъ въ Ориандѣ въ маленькой хижинѣ—теперь на мѣстѣ этомъ построенъ домикъ въ память незабвеннаго Государя.

Въ Крыму двѣ Орианды, и другая принадлежитъ В. Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ. Эта Орианда также живописна, но менѣе обработана искусствомъ и зданія, построенныя въ этой мѣстности у подножія горы Мегаби, приходятъ въ ветхость.

Л.

Чехарда

(Картинка деревенской жизни).

День праздничный. Время—къ вечеру. Солнце косыми полосами золотитъ соломенные крыши избъ, играетъ на классической деревенской бѣлой колокольнѣ съ зеленой крышей. Послѣ жары потянуло холодкомъ. Чиркаютъ воробы, усаживаясь на почлегъ, угомонились въ своемъ жужжаньи муха и въ тѣни затрубили комаръ. Надоѣло крестьянскимъ ребятамъ играть у плетня въ бабки, поругались они изъ-за какого-то спорнаго „гнѣзда“ и принялись за чехарду. Гиканье поднялось страшное, засверкали голыя пятки скачущихъ. На лицу изъ-за плетней начали выходить дѣвки, бабы и разиѣстились около избъ на бревнахъ. Вышла старуха съ ребенкомъ и отъ нечего дѣлать сошла за нужное поругаться.

— Нѣтъ на васъ угомону, ребята. Не намучались еще день-то денской! бормотала она.—Эхъ, мужики-то наши къ кабаку припили, а то бы вырѣзать хорошую орясину да и стягать васъ оглашенныхъ, почему ни попода! Ну, другіе я не говорю. А чего ты-то Веденей-ка?.. Словно махонькій! Въдъ тебя послѣ покровы женить будутъ! обратилась она къ рослону, здоровому парню.

— Пусти, тетка Акулина! Ожгу! крикнулъ Веденейка и, ударившись руками въ плечи стоявшаго согнувшись парнишки, перелетѣлъ ему черезъ голову.

— Тише ты, окаянный! Тише! Ребенка зашибешь! отшатнулась старуха.

— А ты не вертись! Знай свое бабье мѣсто!

Веденейка, перепрыгнувъ, сталъ въ позу, ожидая въ свою очередь, прыжка черезъ себя. Старуха, жужжа надъ ухомъ заплакавшаго ребенка, ушла на бревнѣ.

— И вся то ихъ семейка такова,—разсказывала она пришлой бабѣ-работницѣ, стоящей около нея и кивая на Веденейку.—Всѣ непутевые. Вонъ рубашенка-то на немъ дыра на дырѣ, а вѣдъ двѣ невѣстки въ домѣ.

— На тебѣ тоже хороши шелка одѣты! огрызнулся Веденейка, отирая рукавомъ потное, раскраснѣвшееся лицо, на старуха не обратила на него вниманія и продолжала:

— И вѣдъ диво-бы—не учили ихъ мужья, а то каждый день

драка. Всѣ косы повыверганы, снякъ на снякъ красуется. Матка свона—кнукша, отецъ безъ вѣси пропалъ, дядя слабоумный какой-то: возьметъ тыкву, вылушитъ у ней середину, насыплетъ туда черепковъ, да и зароетъ въ землю, будто кладъ. Вонъ онъ супругивъ насъ сидитъ. А это рядомъ-то съ нимъ сестра Веденейкина. Дѣвочка не маленькая, двѣнадцатый годъ съ Аграфены Купальницы пошелъ, а и стѣда на нее нѣтъ: въ одной рубашкѣ шеголяетъ, нѣтъ, чтобы сарафанъ одѣтъ.

Работница приложила лѣвую руку къ своей скутѣ, подперла ее подъ локоть правой и, покачавъ головой, сказала:

— И ахъ, матушка! Скажи на милость! Вотъ народецъ-то!

— Это еще что, не унималась старуха:—а старшій братъ свонный, такъ цѣлый годъ оборотнемъ въ волкахъ выжилъ.

— И что ты! обратилась вся въ слухъ работница.

— Съ мѣста не сойти! хотъ сейчасъ бы перекреститься, да руки ребенкомъ заняты. Сначала по чужимъ деревнямъ пошлавать началъ: гдѣ комуть, гдѣ что... Ну, сродственники ругать начали, наши мужики пристрастили, а онъ на самый Егорьевъ день и пропалъ, да годъ въ волкахъ и выжилъ.

— Тсъ! Съ чего бы это, дѣвонька? Испортили его, что ли?

— Мать прокляла. Не въ часъ анафемой обозвала: будь, говоритъ, ты, анафема, прокляты! отвѣчала старуха тономъ, разбивающимъ сомнѣнн. —Ну, онъ и сталъ анафемой подъ скрытѣмъ жить.

— Не приведи Богъ! качала головой работница. Въ нашемъ мѣстѣ на мельницѣ тоже одна анафема жила. Какъ бывало на большой праздникъ въ церкви къ заутренѣ въ колоколъ, она и начнетъ стонать. И такое, дѣвонька, по всей мельницѣ мычаніе пойдетъ, что страсти подобно. Двое нашихъ мужиковъ видѣли ее: зеленая, говорятъ, такая и вся въ шерсти. Сказывали, что дѣвушка будто и что ее солдатъ испортилъ и въ анафемы вогналъ.

Сидѣвшая около самой избы круглолица дѣвушка въ цвѣтныхъ бусахъ на шеѣ и съ лоскуткомъ розоваго ситцу вмѣсто ленты въ косѣ, придвинулась къ разговаривающимъ и раскрыла ротъ отъ удивленія.

— Дѣвушка? переспросила она.—А ты сама-то откуда?

— Мы недалеки будемъ, сейчасъ вотъ тутъ за Кривымъ Колѣномъ, отвѣчала работница.— Романа торговца знаешь? Такъ вотъ отъ нихъ шестнадцать верстъ. Такъ какъ же, дѣвонька, мужикъ-то этотъ самый у васъ послѣ нашелся, что въ волкахъ-то жилъ? задала она вопросъ старухѣ.

— А такъ и нашелся. Года свои выжилъ, что ему слѣдуетъ и пришелъ. Худой такой, испитой, въ лицѣ ни кровинки и сейчасъ на бѣду набросился. Спрашиваютъ его: гдѣ ты былъ?—Въ волкахъ, говоритъ, подъ скрытѣмъ состоялъ. Ну, и насчетъ бѣды тоже... „Было, говоритъ, насъ три мужика и отпущали намъ эти самые“...

Старуха запнулась.

— Ну, сама знаешь, кто отпущалъ. При ребенкѣ-то не хорошо говорить. Неумытые то есть, пояснила она.—И отпущали они намъ на мѣсяцъ по четвернику еловыхъ шишекъ, говоритъ, да лебеду. Тѣмъ и жили. Развѣ, говоритъ, лѣтомъ грибовъ-сырошкѣ въ лѣсу положешь да ягодъ—вотъ и все.

— Ты это, бабушка, про кого? Про Митрія? обратилась дѣвушка къ старухѣ.

— Ну, да, знамо дѣло при Митрія. Кто же у насъ окромя его въ волкахъ жилъ?

— Да и онъ не жилъ. Все то онъ вралъ, махнула рукой дѣвушка.—Потомъ дядя Митрофанъ былъ въ городѣ, такъ узналъ про него, что онъ въ острогѣ за кражу сидѣлъ, а не въ волкахъ.

— Въ острогѣ! Эка ты какая сумнительная! стояла на своемъ старуха.—А отчего же онъ тогда только нашелся, когда сродственники молебны по немъ начали служить, да кресты по дорогѣ бросать? Ну-ко, скажи.

Дѣвушка поднялась съ земли и стала отряхивать сарафанъ.

— Мнѣ что! мнѣ какое дѣло! Пожалуй хотъ и въ волкахъ... А только дядя Митрофанъ прямо сказывалъ, что въ острогѣ... пробормотала она и отошла прочь.

Чехарда кончилась. Уставшіе и раскраснѣвшіеся ребятишки побѣжали въ избы пить квасъ. Поровнявшійся со старухой Веденейка сдернулъ у ней съ головы платокъ.

— У, вѣдьма! крикнулъ онъ ей, выставилъ языкъ и показалъ кулакъ.

— Угому на тебя нѣтъ... Ишь какой балованный парень! ворчала старуха, злобно смотря вслѣдъ уходящему.

Н. Лейнингъ.

Искусственная выводка цыплятъ.

Издавна существуетъ поговорка: „Человѣкъ есть самое прожорливое изъ всѣхъ хищныхъ животныхъ“. Какъ ни кажется парадоксальнымъ и ѳбиднымъ для человѣческаго достоинства подобное изреченіе, но въ своей основѣ оно вѣрно,—и вѣрность его можетъ доказать „искусственная выводка цыплятъ“, составляющая предметъ нашей настоящей статьи. Нужно, въ самомъ дѣлѣ имѣть уже слишкомъ уточненные кровожадные инстинкты, чтобы придумать искусственно высиживать молодыхъ пташекъ, эгоистически лишая ихъ материнской любви, откормить этихъ пташекъ и затѣмъ съѣсть ихъ!.. Жестоко!..

Искусственная выводка цыплятъ—изобрѣтеніе громадно-древнее. Его знали издавна китайцы. Оно было извѣстно египтянамъ въ эпоху постройки пирамидъ. И притомъ въ землѣ Птолемея и Фараоновъ искусственная выводка цыплятъ издавна практиковалась въ большихъ размѣрахъ. Причина этому лежала, конечно, не въ намѣреніи облегчить хлопотливое и скучное занятіе часто измученной курицы-наседки, а просто въ жадности египтянъ, въ ихъ обжорствѣ, въ желаніи имѣть сколько возможно больше куръ. Бѣдныя куриныя насѣдки, какъ онѣ ни тщательно сидятъ на янцахъ могутъ вести это дѣло только въ маломъ масштабѣ, да и не всегда при этомъ соблюдаютъ необходимую любовь къ порядку. Вотъ вслѣдствіе какихъ причинъ человѣкъ, съ ранняго времени захватилъ выводку куръ въ свои руки. Но при всемъ искусствѣ человѣка, при всей его доброй волѣ, онъ не могъ дойти до такого совершенства, чтобы вывести цыпленка изъ яйца быстро, чѣмъ онъ высиживается при содѣйствіи материнской теплоты...

Въ Египтѣ дома для искусственной выводки цыплятъ устраивались, да и теперь устраиваются весьма просто, и матеріаломъ для ихъ постройки служатъ куски непережеженной глины. Зданія состояли изъ двухъ параллельныхъ рядовъ маленькихъ комнатъ, съ устроенною сверху каждой комнаты печью. Каждая комната составляла приблизительно 3,5 метра въ квадратахъ и 2,5 метра вышины и посредствѣмъ раздѣлялась узкимъ некрытымъ ходомъ, такъ чтобы блюстителю или стражъ зданія могъ, проходя этимъ ходомъ, наблюдать процессъ выводки. Яйца для процесса высиживанія выбирались послѣ предварительнаго тщательнаго ихъ изслѣдованія и располагались правильными рядами на землѣ на подстилкѣ изъ соломенныхъ рогожъ или на слоѣ сѣчки. Печи натапливались извѣстными египетскими матеріалами для отопленія навозомъ; чаще всего изъ верблюжьего помета. Жители Египта, какъ страны ѳбдной топливомъ, еще и въ настоящее время отапливаютъ свои постройки соломой и высушеннымъ верблюжьимъ пометомъ. Изъ получающейся при этомъ сажи въ прежнее время добывалась вся масса идущаго въ торговлю нашатыря. По нагопленіи температура въ комнатахъ для выводки поддерживалась отъ 38 до 40 град. (переводя, на основаніи сравненій, измѣренія тепла на наши современные единицы). Яйца оставались въ комнатахъ ровно 21 день, слѣдовательно ровно столько же времени, сколько продолжается нормальное высиживанье цыпленка курицею. *Два трети* изъ положенныхъ яицъ давали дѣйствительные цыплятки.

Говоря это, мы, во всякомъ случаѣ, имѣемъ въ виду прошедшее, предположивъ даже что не особенно давнее. Но въ новѣйшее время, какъ извѣстно, почти всѣ механическіе двигатели, такъ и отопленіе замѣнены паромъ. Весьма естественно поэтому, что въ наше время явилось много патентованныхъ *паровыхъ* аппаратовъ для выводки цыплятъ,—аппаратовъ, принадлежавшихъ къ системамъ весьма разнообразнымъ. Однако же и эти аппараты не могутъ работать съ скоростью меньшею естественной, т. е. и здѣсь требуются для высибки тѣ-же три недѣли, какъ и при натуральной высибкѣ. Конечно, новѣйшіе аппараты достигаютъ своей цѣли гораздо регулярнѣе, чѣмъ примитивныя египетскія учрежденія этого рода. Но и при дѣйствіи новѣйшихъ паровыхъ аппаратовъ, нужно строго соблюдать принципъ поставленный самою природою. Теплота должна исходить на высиживаемыя яйца, конечно, сверху, но только *не непрерывно*, а съ извѣстными паузами и разстановками, потому что, какъ извѣстно, и насѣдка на время оставляетъ яйца, чтобы нѣсколько охладить ихъ.

Обращая вниманіе нашихъ читателей на прилагаемые къ статьѣ рисунки, мы присоединяемъ къ этому описанію одного американскаго заведенія для искусственной выводки и выкармливанія цыплятъ,—заведенія имѣющаго по истинѣ грандіозные размѣры. Оно находится у Гудзонова моря, близъ города Джерсай и уже нѣсколько лѣтъ дѣла обширнаго завода идущу съ большимъ успѣхомъ. Но прежде описанія этого замѣчательнаго учрежденія, конечно, будетъ для нашихъ читателей не безынтересно предварительное знакомство съ процессомъ развитія цыпленка въ яйцѣ.

Фиг. 1-я (см. рисунокъ) представляетъ, въ размѣрѣ, оплодотворенное яйцо, и способное къ высибкѣ. Буквою *a* означены плавающій въ желткѣ яйца зародышевой пузырекъ, содержащій въ себѣ зародышевую или эмбриональную клѣточку. Буквою *b* означены два шнурообразные утолщенные отростка желтковой оболочки. Посредствомъ этихъ отростковъ желтокъ прикрѣпляется къ перепонкѣ *d*, находящейся подъ скорлупою, такъ что зародышъ защищенъ такимъ образомъ отъ всякихъ поврежденій. Буква *c* означаетъ наполненную воздухомъ камеру, находящуюся между скорлупою и перепонкою.

Фиг. 2-я представляетъ яйцо послѣ *трехъ-часоваго* высиживанія, послѣ чего зародышъ представляется уже весьма увеличеннымъ и съ образовавшимися главными кровяными сосудами.

Фиг. 3-я представляетъ яйцо на третій день высиживанія; при этомъ все содержаніе яйца наполнено пульсирующимъ (имѣющимъ кровообращеніе) и дышащимъ существомъ; у этого существа есть уже сердце и циркулируетъ кровь.

Фиг. 4-я представляетъ видъ яйца, принесеннаго на *шестой*

день послѣ высидки, въ испытательный аппаратъ, гдѣ яйцо подвергается дѣйствию проходящаго сквозь аппаратъ свѣта.

Фиг. 5-я показывааетъ внутренній видъ яйца тоже на 6 день высидки, причемъ уже можно различить голову и глаза цыпленка.

Фиг. 6-я представляетъ наружный видъ яйца, помещеннаго въ испытательный аппаратъ на *шестнадцатый* день процесса высидки.

Фиг. 7-я представляетъ уже совершенно развито и покрытаго первыми зародышами перьевъ цыпленка.

Фиг. 8-я изображаетъ цыпленка въ томъ положеніи, когда онъ готовится пробить скорлупу яйца, чтобы вылупиться.

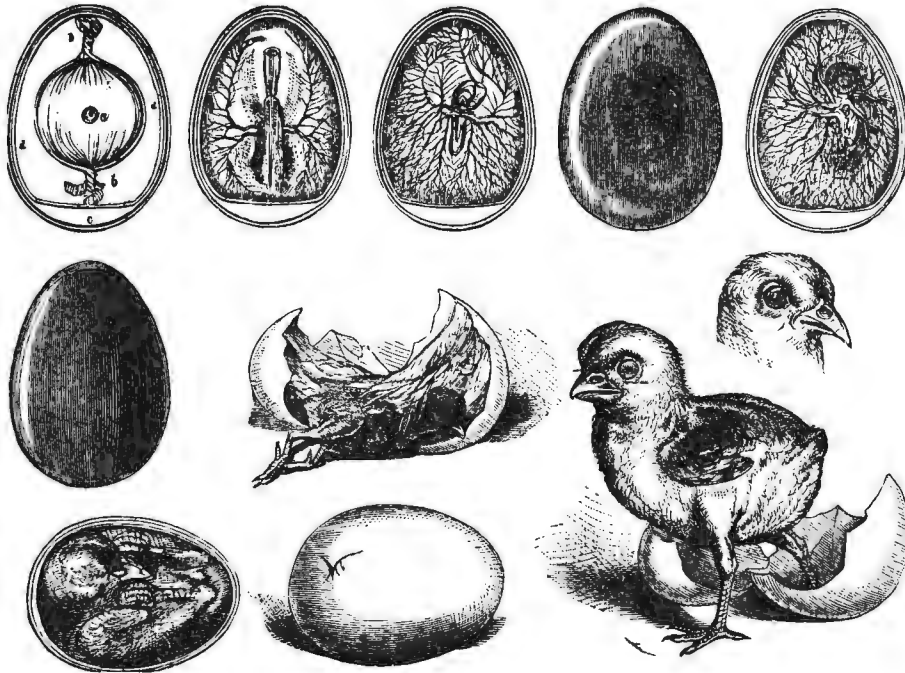
Фиг. 9-я изображаетъ разстрескивающееся яйцо, отъ усилій цыпленка вылупиться, и, наконецъ, на.

Фиг. 10-ой изображенъ цыпленокъ, выползшій на свѣтъ съ гордымъ сознаніемъ своей свободы и презрительно оставляющій за собою скорлупу.

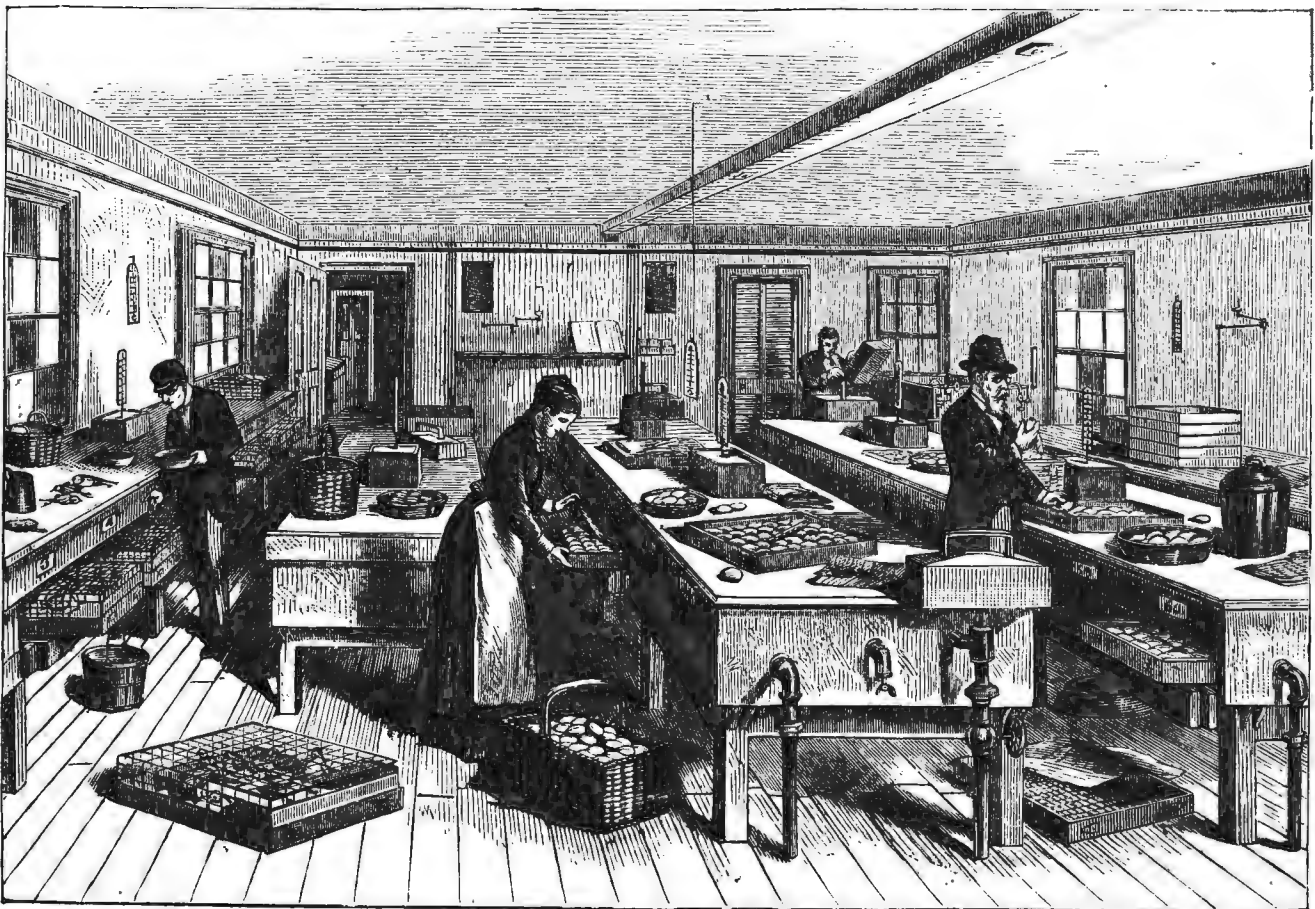
Теперь, чтобы уяснить себѣ то обстоятельство, какимъ обра-

зомъ цыпленокъ бываетъ въ состояніи пробить относительно твердый покровъ скорлупы, окружающій его молодое тѣло, читатель приглашается обратить вниманіе на *фиг. 11-ю*, гдѣ отчетливо нарисована особенная форма клюва цыпленка. Послѣ 24 часовъ, въ ящикѣ, служащемъ для высидки цыплятъ, уже развивается способность цыпленка къ жизни, а послѣ 48 часовъ уже ясно замѣчаются движенія сердца зародыша.

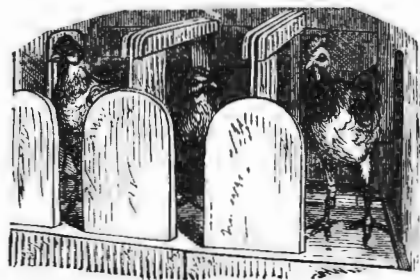
Во время процесса высидки, вся жидкость внутри яйца всасывается и расходуется на питаніе цыпленка. Воздухоносныя клѣточки, или пузырьки, по мѣрѣ увеличенія времени высидки становятся все больше и больше, однако же самый зародышъ еще представляетъ относительно малымъ, потому что всѣ части его тѣла, вслѣдствіе тѣсноты пространства внутри яйца, притиснуты другъ къ другу. На 15-й день почти всѣ наружныя кровеносныя сосуды зародыша исчезаютъ, и засимъ показываются первые зачатки перьевъ. И вотъ приблизительно въ этой-то стадіи развитія яйца, китаецъ считаетъ его ро-

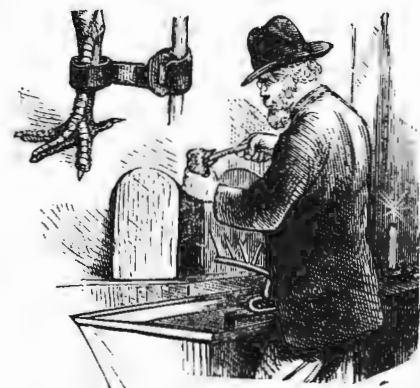
1) Яйцо, способное къ высидкѣ или оплодотворенію. 2) Тоже яйцо по истеченіи 3-хъ часовъ дѣйствія на него оплодотворяющей теплоты. 3) Тоже яйцо на 3-й день дѣйствія оплодотворяющей теплоты. 4) Видъ яйца, рассматриваемаго въ камерѣ-обскурѣ на 6-ой день. 5) Внутренній видъ яйца на 6-ой день дѣйствія оплодотворяющей теплоты. 6) Наружный видъ этого же яйца въ 16 день. 7) Видъ зародыша на 12 день. 8) Фиг. цыпленка, заключающагося въ яйцѣ на 21 день. 9) Первая трещина начинающагося вылупляться яйца, при выходѣ цыпленка. 10) Первый шагъ цыпленка на свѣтъ Божій. 11) Клювъ вылупляющагося цыпленка.

Внутренность помѣщенія для вывода цыплятъ.

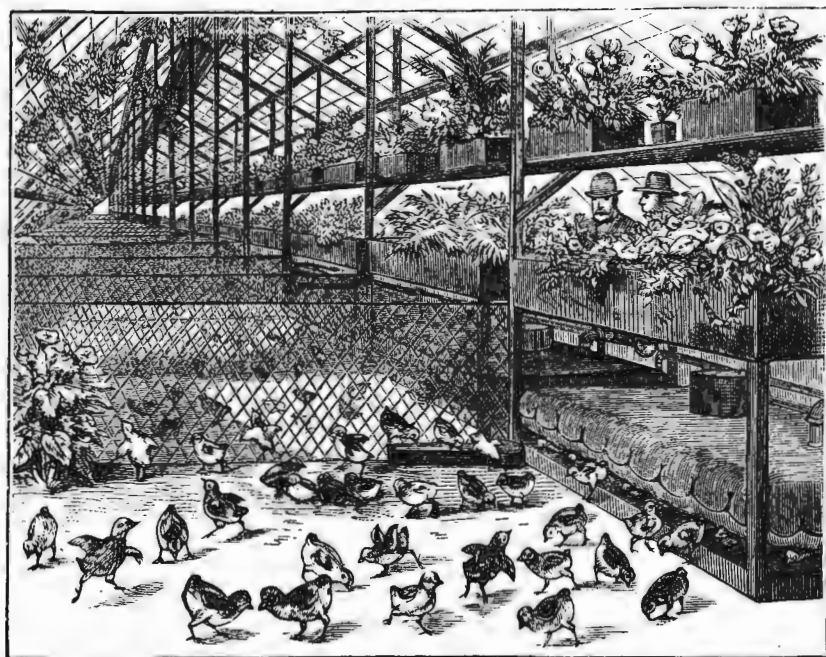
Курици запелтя для откармливанія.

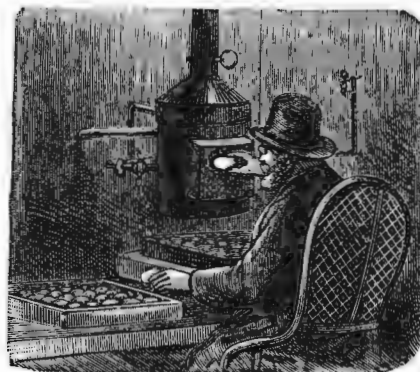
Кормленіє цыпленка. Привязываніє ногъ.

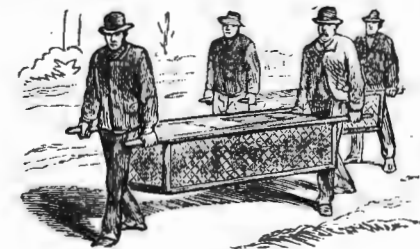
Снарядъ для откармливанія.

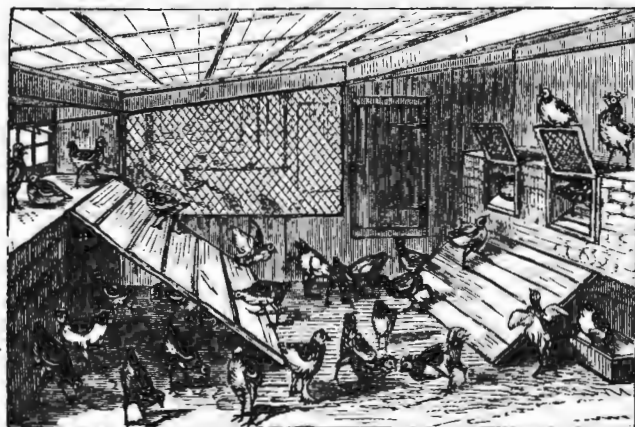
Внутренность помещенія для выводковъ.

Исследованіє яицъ въ камерѣ.

Переноска цыплятъ въ курятники.

Курятникъ для воспитанія цыплятъ до откармливанія.

Общій видъ зданія для разведенія куръ.

скопнымъ лакомствомъ. На 20-й день цыпленокъ начинаетъ уже бится о скорлупу яйца и издавать довольно ясно слышимый пискъ.

Наконецъ, на 21-й день, мало по малу, яичная скорлупа, подобно дѣтскому свивальнику облекавшая цыпленка, растекается, — и маленькая птица выползаетъ на свѣтъ божій. И вотъ тогда-то изъ „выводочной комнаты“ молодое сейчасъ вылупившееся население переводится въ другое весьма просторное помѣщеніе (подобное тому помѣщенію, гдѣ наблюдаютъ за ростомъ цыплятъ). Въ этомъ помѣщеніи приблизительно 5,000 штукъ цыплятъ раздѣляются на 50 отдѣленій. Здѣсь идетъ непомѣрный пискъ, бѣготня, летанье, игра юныхъ птенцовъ, какъ это можно видѣть на нашемъ рисункѣ. Необходимое для этого помѣщенія тепло проводится сюда посредствомъ нагрѣтыхъ трубъ. Мѣсто для сна цыплятъ устроено подъ нагрѣтыми подушками. Кромѣ свѣжаго зеленого корма, которымъ маленькія животныя могутъ пользоваться въ „выводномъ“ отдѣленіи, на дворѣ котораго растетъ трава, — преимущественно пищу цыплятъ служатъ яичный желтокъ изъ бракованныхъ при высѣдкѣ яицъ, далѣе — червячки, питающіеся въ свою очередь, трупами умершихъ цыплятъ; за симъ весьма удачнымъ и питательнымъ кормомъ является кровь другихъ сотоварящей, старшихъ цыплятъ, зарѣзываемыхъ для продажи на рынокъ. По достиженіи извѣстнаго возраста, молодое оперившееся уже поколѣніе отводится въ другое удобное помѣщеніе. Здѣсь уже идетъ заблѣванная выкормка пернатыхъ пансіонеровъ, для продажи, для цѣлей гастрономическихкихъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Кіево-Печерская Лавра.

Происхожденіе Кіевскихъ пещеръ относится Варягамъ, которые укрывались при случаѣ въ нихъ сами и прятали награбленные богатства.

Кіевскія придѣпровскія возвышенности, состоя изъ песку и отвердѣвшихъ глинъ, очень удобны для устройства подземныхъ ходовъ и помѣщеній. Въ 1013 г. монахъ Аѳонскаго монастыря Антоній пришелъ въ Кіевъ и, искавъ уединенія въ молитвѣ, первый открылъ варяжскія пещеры и поселился въ нихъ. Вскорѣ Антоній прославился своей необычайно смиренной жизнью и увлекъ за собою многихъ не только изъ монашествующихъ, но и мірскихъ. Вновь пришедшія стали рыть себѣ новыя келіи и приступили къ постройкѣ церкви во имя Благовѣщенія Св. Дѣвы. Затѣмъ начато устройство дальнихъ пещеръ и положено основаніе Пещернаго или Печерскаго монастыря. Первый послѣдователь за Антоніемъ, родив. 983 г., былъ Феодосій, родив. 1014 г. Феодосій исходатайствовалъ у Великаго Князя Изяслава права на землю, и онъ-то и былъ основателемъ дальнихъ пещеръ внутри холма и деревянной церкви на поверхности холма во имя Успенія Св. Дѣвы; онъ построилъ келіи для иноковъ, а весь монастырь обвелъ деревянною оградой. Само собою разумѣется, что всѣ постройки того времени отличались крайней простотою. Такъ, напримѣръ, престолъ, на которомъ преподобные совершали тогда литургію, былъ сложенъ просто изъ камней на глинѣ. Составъ монаховъ быстро приращался и Феодосій ввелъ въ свою обитель общежительный уставъ Студійской обители. Уставъ этотъ древнѣйшій, привезенъ съ востока греческимъ монахомъ, и чрезвычайно строгій по правиламъ. Впрочемъ и въ пещерной жизни было учреждено нѣсколько степеней, опредѣлявшихъ жизнь иноковъ. Первая или обыкновенная степень еще не исключала для монаховъ возможности общенія съ людьми, но вторая, или исключительная, уже совершенно отлучала отъ міра каждаго посвятившаго себя одиночеству. Эта степень называлась затворомъ, потому что вступившій въ нее монахъ рылъ для себя тѣсную пещеру, уходилъ въ нее и навсегда уже закрывалъ входъ въ нее, оставивъ лишь небольшое отверстие, въ которое входилъ воздухъ въ его пещеру, да два три раза въ недѣлю игуменъ пещерный ставилъ мѣру святой воды и оставлялъ просфору. Если просфора оставалась долго нетронутой, это свидѣтельствовало, что заключенный уже болѣе не нуждался въ пищѣ — онъ опочилъ. Затворничество, начавшееся при Антоніи, усилилось въ XII вѣкѣ. Съ устройствомъ надъ пещерами монастыря преподобнымъ Феодосіемъ, пещеры сдѣлались преимущественно мѣстомъ погребенія монашествующей братіи и подвиговъ затворниковъ. Погребеніе производилось такимъ образомъ: усопшаго клали на доску и поставивъ въ вырытыя ниши, закрывали эти ниши досками, съ изображеніемъ внизу доски лица умершаго, съ обозначеніемъ сверху доски его имени и коротенькой биографіи, а по срединѣ доски прорѣзали отверстие для желающихъ прикладываться къ мощамъ. Жизнеописанія нѣкоторыхъ иноковъ, починающихся въ пещерахъ, собраны въ цѣлое и составляютъ книгу, носящую названіе Патерикъ или Отечественникъ. Древнѣйшій списокъ Патерика принадлежитъ XIV вѣку. Преподобный Несторъ лѣтописецъ жилъ въ Печерскомъ монастырѣ около 50 лѣтъ и составилъ нѣсколько житій св. отцовъ Печерскихъ. Затѣмъ много писали св. Сильверстъ, и Поликарпъ Черноризецъ. Впрочемъ, далеко не о всѣхъ погребенныхъ въ пещерахъ остались жизнеописанія и въ тоже время не всѣ мощи находящихся въ спискахъ погребенныхъ монаховъ открыты и извѣстны.

Въ 1853 г. рабочими, устранившими дорогу, были открыты пещеры въ одномъ изъ проходивъ ближнихъ пещеръ. Рабочіе прежде всего напали на отверстие, которое, какъ оказывается, служило окномъ для пещерниковъ. Судя по надписямъ, въ пещерахъ этихъ подвизались Феодосій и Иванъ пещерникъ — отцы неизвѣстные изъ пещерножителей. Одна изъ открытых пещер имѣла въ ширину 4, въ длину 5 и въ вышину 2½ аршина. Она была устроена въ видѣ арки. Въ средней аркѣ былъ начертанъ остріемъ образъ святителя съ евангелиемъ, внизу подъ нимъ сдѣлано углубленіе, какъ надо думать, для лампады. Въ правомъ углубленіи сдѣлано земляное сидѣнье, въ лѣвомъ — земляная скамья съ изголовьемъ. Въ одной изъ пещеръ сохранилась надпись: „Господи помози рабу своему Феодосію и Феодосію аминь, многа лѣта“. Въ другой пещерѣ найдены ислѣвншія дубовыя доски и нѣсколько ржавыхъ гвоздей, — доски лежали на земляномъ возвышеніи; на лѣвой сторонѣ возвышенія сохранилась надпись: „Ивановъ гробъ пещерника — Иванъ грѣшній се де жилъ і естъ“. Мы приводимъ это описаніе, чтобы нѣсколько познакомить нашихъ читателей съ устройствомъ пещерныхъ келій.

Въ настоящее время на мѣстѣ построенной пр. Феодосіемъ церкви Успенія Св. Дѣвы, построена каменная церковь во имя Рождества Богородицы и другая, невдалекѣ отъ нея, церковь во имя Зачатія Св. Анны. Изъ этой послѣдней устроено ходъ въ пещеры; впрочемъ, богомольцы обыкновенно проводятся другимъ ходомъ, болѣе просторнымъ, устроеннымъ на востокъ отъ церкви. Въ преддверіи пещеръ сдѣлана часовня, съ этого мѣста открывается поразительный по своей красотѣ видъ на Днѣпръ. Къ сѣверу отъ церкви Зачатія Св. Анны горная тропа спускается въ оврагъ, отдѣляющій Дальнія отъ Ближнихъ Пещеры и приводитъ къ колодцу, который по преданію — выкопанъ преподобнымъ Феодосіемъ.

Въ Дальнихъ пещерахъ находятся три пещерныя церкви, 33 открытыя мощей, 13 въ затворѣ, 31 мироточивая глава и одна голень.

Преподобный Антоній, назначивъ собравшейся къ нему монашествующей братіи игумена, самъ удалился отъ нихъ и выкопалъ себѣ новую пещеру, въ которой и окончилъ свои дни. Съ Антоніемъ въ его новую пещеру послѣдовало нѣсколько монаховъ, также пожелавшихъ полного затворничества. Эти монахи также сдѣлали для себя нѣсколько подземныхъ помѣщеній. Пещеры пр. Антонія находятся вблизи Великой Церкви Печерской Лавры и вслѣдствіе этого получили названіе Двѣхъ церквей: преподобныхъ Печерскихъ и Воздвиженія Креста. Въ Воздвиженской находится Крестъ Животворящаго Древа Господня, служащій храмовой иконой и чудотворный образъ Казанской Богоматери. Мощей въ Ближнихъ пещерахъ находится 73, въ затворѣ 1, мироточивыхъ главъ 30. Церквей пещерныхъ три, изъ нихъ одна устроена въ пещерной келіи пр. Антонія, гдѣ онъ и почиваетъ. Надъ скртыимъ тѣломъ преподобнаго сдѣлана серебряная гробница съ изображеніемъ лица святого, а при гробницѣ *малая мрачная келія* съ каменнымъ ложемъ преподобнаго. Въ Ближнихъ пещерахъ покоится славный Несторъ Лѣтописецъ. Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ прислало въ 1826 г. къ его гробу бронзовую вызолоченную доску съ его именемъ.

Еще при жизни Феодосія и Антонія число монаховъ Печерскаго монастыря такъ увеличилось, что преподобные основатели его задумали построить болѣе обширную каменную обитель. Богатая жертвованія великихъ князей и владѣтельныхъ лицъ дали имъ средства привести свой планъ въ исполненіе, или по крайней мѣрѣ дали возможность начать постройку. Преподобные не увидѣли окончанія своей великой Печерской церкви во имя Успенія Пресвятой Дѣвы. Знаменитая церковь эта строилась 16 лѣтъ. Древніе писатели говорятъ, что церковь Успенія была „небеси подобна, прелестнымъ благодѣіемъ виѣ уду и внутрь уду украшена бысть“. Вокругъ церкви была устроена каменная стѣна съ двумя воротами, въ которыя никогда никто, не смотря ни на свой высшій родъ, ни на знатное положеніе, не смѣлъ вѣзжать на лошадяхъ. Ни эта церковь, ни стѣны обители не сохранились до нашихъ дней. Рядъ бѣдствій пронесся надъ Лаврой — то Половцы грабятъ келіи, убиваютъ или берутъ въ плѣнъ монаховъ, жгутъ монастырь, то Батый разоряетъ обитель, то пожаръ истребляетъ всѣ деревянные зданія, портитъ богатую ризницу, уничтожаетъ библіотеку. Стараніями иноковъ, жертвованіями сильныхъ міра, обитель была нѣсколько разъ возобновляема и только уже съ 1729 г. она остается неприкосновенной, съ возобновленіемъ только нѣкоторыхъ деталей въ ея устройствѣ, потерпѣвшихъ отъ времени. Съ 1786 г. Лавра подчинена митрополиту Кіевскому, которому повелѣно именоваться священно-архимандритомъ Лавры, и съ тѣхъ поръ ему принадлежитъ вся правительственная и распорядительная власть надъ ней. Въ настоящее время Лавра составляетъ особый городокъ. Въ ней нѣсколько улицъ, хотя и узкихъ, но обсаженныхъ деревьями и по большей части плодovitыми. При входѣ въ обитель, на стѣнахъ ея написаны: съ правой стороны Св. Феодосій съ крестомъ въ рукѣ, а съ лѣвой Св. Антоній, держащій икону Божіей Матери, съ толскою другихъ угодниковъ, какъ будто выходящихъ

изъ пещеръ на встрѣчу богомольцамъ, стекающимся со всѣхъ концовъ Россіи къ нимъ на поклоненіе. Успенскій соборъ не изъ большихъ храмовъ, но онъ поражаетъ своимъ богатствомъ. Иконы въ иконостасѣ, очень высокомъ, всѣ въ серебряныхъ вызолоченныхъ оладахъ, а надъ ними Распятіе, также все вылитое изъ серебра; самый крестъ позолоченъ. Стѣны храма всѣ росписныя, балюстрада, отдѣляющая хоры, также позолочена. На стѣнахъ близъ иконостаса представлены вселенскіе соборы. Но вѣнцомъ святыхи Великой Лаврской церкви является чудотворная икона Божіей Матери Успенія, принесенная изъ Константинополя четырьмя строителями, вызванными по желанію Антонія и Θεодосія для постройки Печерской Каменной церкви. Икона писана на кипарисной доскѣ и отъ пожаровъ совершенно почернѣла, сгладилась. Рассказываютъ, что когда въ 1718 году Петру I донесли о пожарѣ Лавры, Государь только спросилъ, спасена ли чудотворная икона, и на утвердительный отвѣтъ замѣтилъ: „Если икона спасена, то спасена и Лавра“. Иноки во время бѣды прежде всего спасали свою драгоценность—эту чудотворную икону, въ глубокихъ пещерахъ. Изъ мошей угодниковъ, почивающихъ въ Успенскомъ монастырѣ—въ окованной серебряной кипарисной ракъ хранится черепъ Равноапостольнаго Князя Владиміра, взятый изъ гроба въ Десятинной церкви послѣ разгрома татарскаго. Нижняя челюсть князя находится въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, а ручная кисть въ Софійскомъ Киевскомъ. Въ томъ же придѣлѣ Михаила Архангела покоятся мощи митрополита сибирскаго Павла. Въ придѣлѣ Іоанна Богослова находится гробъ пр. Θεодосія. Въ 1090 году мощи преподобнаго были перенесены въ эту церковь, но со времени нашествія татаръ мощи остаются скрытыми въ основаніи великой церкви. Напротивъ гроба пр. Θεодосія устроена сѣнь, гдѣ въ гробницѣ лежатъ частицы мощей печерскихъ угодниковъ. Быть погребеннымъ въ Великой Лаврской церкви считается необычайнымъ счастьемъ, и этого счастья достигаютъ немногіе. Между другими здѣсь погребенъ за лѣвымъ алтаремъ церкви, знаменитый защитникъ православія, киевскій митрополитъ Петръ Могила. Погребенъ въ Успенскомъ соборѣ, въ склепѣ и фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій. Въ ризницѣ Печерской всего древнѣе ризы, пожалованныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, изъ золотой парчи съ жемчужными крестами. Царственные особы не оставляли Лавры своими приношеніями, духовные съ своей стороны также усердствовали умножить богатства Лавры. Лаврская типографія много разъ подвергалась пожарамъ. Типографомъ иеромонахомъ Жуковскимъ теперь заведеніе типографіи передѣлано и расширено. Говорятъ, что основаніе Лаврской типографіи принадлежитъ Константину Острожскому, пожертвовавшему на это дѣло нѣсколькими селами въ Литвѣ. За такую услугу благочестивый князь и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ. Надъ тѣломъ уважаемаго всѣми князя поставленъ гипсовый саркофагъ. Покойный представленъ въ своихъ доспѣхахъ, лежащимъ въ гробу. Лаврская гостинница находится за отрадой Лавры, на югъ отъ Великой Успенской церкви. Страннопріемная гостинница на этомъ мѣстѣ была устроена еще преп. Θεодосіемъ. При гостинницѣ теперь устроена и лѣчебница для странниковъ, цѣлыми толпами стекающихся сюда для поклоненія святымъ мощамъ угодниковъ Печерскихъ.

Служеніе въ Лаврѣ, установленное преп. Θεодосіемъ, сохраняется неизмѣннымъ донынѣ. Осталось также безъ измѣненія и старинное пѣніе, извѣстное подъ названіемъ Киево-Печерскихъ распѣвовъ; напѣвы эти собственно болгарскіе, занесенные въ Киевъ со временъ Великаго Князя Ярослава Владиміровича. Служеніе и пѣніе Лаврское такъ понравилось императору Александрю I, что онъ на всегда утвердилъ ихъ въ Лаврѣ.

Императоръ Николай I, въ указѣ Правительствующему Сенату (8-го ноября 1853 г.) объ учрежденіи въ Киевѣ университета, высказалъ о Киевѣ слѣдующія слова: *Киевъ—колыбель святой вѣры нашихъ предковъ*. А его державный сынъ, нынѣ царствующій Императоръ Александръ II, въ рескриптѣ Киевскому митрополиту (26-го августа 1856 г.) выразилъ слѣдующее: *Киевъ—Іерусалимъ земли русской*.

Такъ смотрятъ на Киевъ державные властители, уважая его святыхи.

За симъ считаемъ необходимымъ замѣтить, что для желающихъ познаться съ Киевомъ и его святынями можетъ быть полезна книга Н. Сементовскаго: „Киевъ, его святыхи, древности и достопамятности“, изъ которой для этой статьи нами заимствованы многія интересныя о пещерахъ киевскихъ свѣдѣнія.

Между войною и миромъ.

I. Награбленное добро—торговля дозволенная и безопасная.

Тѣсная, грязная улица... жаръ, духота, міазмы отъ нечистотъ кишмя кишатъ; лестрый, разноплеменный, разнохарактерный сбродъ, смѣсь самаго грубаго, первобытнаго варварства съ фальшивыми блестками подонковъ цивилизаціи. Оборванныя, разноцвѣтныя, кишачія паразитами лохмотья дервиша-фанатика и черный фракъ дипломата. Проворовавшійся, удравшій отъ слѣдствія и суда жидъ подрядчикъ и красный мундиръ британскаго вонна, косматая бурка черкеса и осыпанный пудрою, до-нелзя декольтированный бюстъ изношенной французской кокетки,

ожирѣлая туша пашы, засѣдающаго въ Высокой Портѣ и тощій, бродячій трупъ бѣдняка эмигранта... голыя, голодные дѣти, такія же голыя, голодные собаки, пьяныя шайки матросовъ всѣхъ націй, пощъ фанариотъ подъ руку съ высыхающимъ отъ вѣчной, грызущей его злости, чернымъ іезуитомъ...

Завываніе музичиновъ съ высоты минаретовъ, „янки дудль“ въ кабакахъ, стоны отчаянія: „дойой падишаха!“ звяканье размѣниваемыхъ червонцевъ, крики ослова, шарманка бродяги итальянца, глухая дробь военнаго барабана, мотивы Оффенбаха и дикий вопль: „караулъ! рѣжутъ!“

А въ воздухѣ, если можно только этотъ смрадъ назвать воздухомъ, смѣсь трупной вони съ пріятнымъ запахомъ розоваго масла...

Таковъ современный Константинополь.

Мы въ одной изъ улицъ Галаты, у двора, отданнаго подъ постою шайкъ черкесовъ. У входа нѣчто въ родѣ импровизированной лавочки. Товаръ разнообразенъ и дешевъ—купцы-торгашы не затрачивали капиталовъ на его покупку и продаютъ сходно... Охотниковъ на дешевое, грабленное добро много—торговля идетъ успѣшно. То, что въ другихъ мѣстахъ производится изъ-подтишка, изъ-подъ полы кафтана, съ оглядкой и страхомъ внезапнаго появленія охранительной власти, то самое здѣсь производится открыто, съ доходящимъ до наивности цинизмомъ правоты и законности своего дѣла, неотъемлемаго, невозбращаемаго права собственности на грабленное и ворозанное добро.

И кому какое дѣло до того, кто законный владѣлецъ этого добра. Дебелая барыня изъ гарема, любующаяся драгоценной булавкой, развѣ думаетъ о томъ, что эта самая булавка вынута можетъ быть изъ черной болгарской косы, послѣ того, какъ самая голова отдѣлена была отъ тѣла. Если покупщицу и смущаютъ немного черныя пятна запекшейся крови на этой красивой шали, что съ ловкостью гостинишного развернулъ передъ нею старый разбойникъ, такъ только со стороны возможности отмыть эти кровавые слѣды... Какое дѣло благородному джентльмену думать о томъ, изъ-за чьего пояса вынутъ этотъ старый пистолетъ... Въ его кабинетѣ, въ арматурѣ фамильнаго историческаго оружія—этотъ оригинальный, украшенный рѣзбою и перламутромъ экземпляръ займетъ видное мѣсто...

Какое, наконецъ, дѣло ювелиру тяготить свою голову и душу представлениями о тѣхъ страшныхъ сценахъ смерти, насилия и пожара, разыгрывающихся въ христіанскихъ церквяхъ. Металлъ отъ этихъ катастрофъ не теряетъ своей цѣнности, переплавленный въ слитки, выработанный въ формѣ колецъ и брошей, онъ также чистъ и невиненъ, какъ бы непосредственно, путемъ тяжелаго, честнаго труда рудокопа, добытъ былъ изъ темныхъ нѣдръ подземнаго міра.

Бойко идетъ торговля... Не залеживается дешевый товаръ, а все не уменьшаются его склады... Дѣло организовано просто да вѣрно... Такіе же купцы-компаньоны неуспынно заботятся о нахожденіи новыхъ и новыхъ оптовыхъ складовъ, а правительство обезпечило имъ оборотный капиталъ, открывъ имъ настежь двери своихъ банковъ—не тѣхъ, конечно, что фабрикують бумажные каиме, а другихъ, которые въ свою очередь, неограниченно кредитуются изъ вальвѣскаго арсенала.

При такомъ порядкѣ вещей банкротства торговаго черкесскаго дома не предвидится въ скоромъ времени—Аллахъ великъ и многомилостивъ къ своимъ вѣрнымъ дѣтямъ, защитникамъ ислама.

Н. Караичъ.

Самодовольная парочка.

Старичекъ, съ наслажденіемъ курящій свою трубочку, читаетъ мѣстную газетку и очевидно резонируетъ. Какъ замѣтно извѣстія предносимыя газеткой подвергаются всестороннему обсужденію, и обсужденіе заканчивается обращеніемъ къ своему высокому „я“.

— Я такъ и говорилъ, я такъ и полагалъ, я такъ и думалъ. Неправда-ли, что я былъ правъ? обращается онъ къ окружающимъ, какъ къ свидѣтелямъ его неотразимой логики и глубокихъ знаній, вынесенныхъ изъ долгой и трудной жизни, сначала какъ простаго солдата, видѣвшаго всевозможные виды и бывшаго даже во многихъ сраженіяхъ, а потомъ недюжиннаго сельскаго хозяина, сдумѣвшаго скопить небольшой капиталъ и такимъ образомъ стать въ ряды деревенской аристократіи. Теперь онъ человекъ обезпеченный, а потому ко всему относится немножко свысока, съ замѣтной ироніей, и находя въ комъ либо какою нибудь слабостю или недостаткомъ, онъ не упуститъ случая распространить сначала о слабостяхъ и недостаткахъ вообще, а потомъ о томъ недостаткѣ въ особенности, которымъ страдаетъ знакомая личность, и если его охотно слушаютъ, то онъ... очень, очень доволенъ.

Старушка не менѣе интересна. Сфера ея дѣятельности, положимъ, не такъ широка и обширна, какъ у деревенскаго аристократа, ея занятія состоятъ въ вязаніи чулковъ, въ потребленіи громаднаго количества кофе и нюхательнаго табаку, да въ воспитаніи любимой кошки. Во всѣхъ этихъ, нужно сознаться, весьма скромныхъ занятіяхъ старухи, конечно ничего нѣтъ предосудительнаго, но вотъ бѣда: она любитъ промывать бока ближняго, особенно если придетъ еще какая нибудь досужая

сосѣдка, то назидательной бесѣды не бываетъ и конца. Тутъ подробно обсуждается, какъ кто живетъ, и зачѣмъ онъ такъ живетъ, какъ онъ хочетъ, а не такъ какъ хочетъ расказица, и за это онъ, конечно, осуждается всегда строго, хотя и не

всегда справедливо. Сосѣдка слушаетъ, да охаетъ, да разводитъ руками, удивляясь уму и прозорливости старушки, и она довольна, очень довольна.

Н.

Политическія и внутреннія извѣстія.

Вмѣсто политическихъ извѣстій, не дающихъ пока определенныхъ выводовъ о положеніи дѣлъ на западѣ Европы и на бывшихъ театрахъ войны, приводимъ здѣсь напечатанное въ „Прав. Вѣстн.“ правительственное сообщеніе, объясняющее шагъ за шагомъ весь ходъ событий, предшествовавшихъ войнѣ и Берлинскому договору. Въ этомъ сообщеніи напечатано слѣдующее:

„Берлинскій трактатъ ратификованъ.

Настало время обсудить этотъ европейскій актъ, вѣщающій войну, предпринятую Россіею не по расчету, не изъ матеріальныхъ выгодъ или честолюбивыхъ политическихъ замысловъ, но въ силу чувства, заглушающаго всякія постороннія побужденія, изъ чувства христіанскаго, чувства человѣколюбія, того чувства, которое охватываетъ всякаго честнаго человѣка при видѣ вопіющаго зла.

Русскій народъ и доблестныя русскія войска, явившія такъ много самоотверженія, имѣютъ нынѣ полное основаніе отдать себѣ отчетъ въ результатахъ понесенныхъ ими жертвъ. Но для правильной оцѣнки этихъ результатовъ, оцѣнки, чуждой всякой страстности, всякаго предубѣжденія и недовѣрія, должно прослѣдить событія послѣдняго времени въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, начиная отъ породившихъ ихъ причинъ до окончательнаго исхода.

Съ первыхъ же дней нынѣшнихъ смуть на Востокѣ, Императорскій Кабинетъ предвидѣлъ, что это есть только начало весьма серьезныхъ усложненій. Герцеговинское возстаніе, довольно незначительное само по себѣ, было именно тою каплею, отъ которой чаша переполнилась. Наше правительство, стремясь претворить всякое столкновеніе на Востокѣ и въ Европѣ, приняло на себя починъ переговоровъ съ Вѣнскимъ кабинетомъ, какъ наиболее заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ и выразило ему полную готовность поддержать всякую комбинацію, которая была бы придумана съ согласія всѣхъ великихъ державъ для успокоенія смуть и претворенія кризиса.

Послѣдствіями такого образа дѣйствій были попытки соглашенія консульской комиссіи и нота графа Андраши отъ 30-го декабря 1875 года, принятая всѣми державами. Нота графа Андраши заключала въ себѣ цѣлый рядъ преобразованій и улучшеній, которыя кабинеты, подписавшіе трактатъ 1856 и 1871 годовъ, рекомендовали Портѣ, съ цѣлью водворенія спокойствія и въ видахъ исполненія Портою ея обязательствъ по отношенію къ христіанскимъ подданнымъ султана.

Но всѣ эти добрыя намѣренія не привели ни къ какому результату, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія гарантіи. Не будучи ничѣмъ гарантированы, устами отказались сложить оружіе и возвратиться въ свои дома, а между тѣмъ Порта дѣлала заявленія, что до тѣхъ поръ, пока они не положатъ оружія, она не въ состояніи осуществить реформы, признанныя ею въ принципѣ. Турецкое правительство пошло даже дальше ноты Андраши и обнародовало программу, заключающую въ себѣ еще болѣе широкія и либеральныя учрежденія. Но всѣ эти реформы на бумагѣ, лишенные всякой серьезной санкціи, не могли внушить никакого довѣрія народамъ, терпѣніе которыхъ уже такъ долго подвергалось испытанію.

Это было тяжелое положеніе, изъ котораго необходимо было найти выходъ. Нужно было рѣшиться, въ дѣлѣ умиротворенія, сдѣлать еще лишній шагъ противъ того, чѣмъ ограничивались европейскіе кабинеты. Только авторитетъ всей Европы могъ представить предположеннымъ улучшеніямъ необходимую гарантію, сдѣлать ихъ дѣйствительными и внушить довѣріе христіанамъ.

Такова была цѣль берлинскаго меморандума (апрѣль 1876 г.). Составленный съ согласія князя Бисмарка и графа Андраши, онъ былъ сообщенъ представителямъ великихъ державъ въ Берлинѣ для совмѣстнаго обсужденія. Въ немъ былъ поставленъ принципъ совокупныхъ дѣйствій всей Европы, который долженъ былъ гарантировать предложенныя европейскими кабинетами реформы. По мнѣнію нашего кабинета, эти совокупныя дѣйствія должны были состоять въ демонстраціи соединенныхъ флотовъ какъ передъ Константинополемъ, такъ и вдоль береговъ Европейской и Азіатской Турціи и въ портахъ, въ конхъ спокойствіе не было достаточно обезпечено. Цѣль демонстраціи должна была заключаться: во-первыхъ, въ томъ, чтобы побудить Порту исполнить общее требованіе Европы, и во-вторыхъ, чтобы успокоить христіанское населеніе и блюсти за его безопасностью.

Принятое болѣею частью кабинетовъ, это предложеніе встрѣтило отпоръ со стороны англійскаго правительства, которое полагало, что мѣры давленія несомнѣнны съ трактатомъ, гарантирующимъ Портѣ независимость ея внутренней администраціи.

Съ этой минуты потокъ событій направился къ переходу,

который легко было предвидѣть. Напряженное состояніе, проявлявшееся на границахъ Сербіи и Черногоріи, повело къ открытому разрыву между этими княжествами и Портою. Можно было опасаться, что пожаръ распространится на весь Востокъ.

Не смотря на затруднительность положенія, нашъ кабинетъ не ослабилъ, однако, своихъ усилій, чтобы соединить всѣ великія державы для общаго дѣйствія, необходимость котораго чувствовалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Съ этою цѣлью мы предложили въ Вѣнѣ и Лондонѣ совокупную военную демонстрацію: Россіи—въ Болгаріи, Австріи—въ Босніи, и европейскія эскадры—въ Константинополѣ и вообще въ водахъ Леванта. Подобно предвидущему и вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ, это предложеніе не было принято.

Константинопольская конференція, собиравшаяся на основаніи предложенныхъ лондонскимъ кабинетомъ началъ, была послѣднею попыткою поддержать миръ. Европа, во имя своихъ интересовъ, связанныхъ съ сохраненіемъ мира, рѣшилась на вмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи, но на вмѣшательство только моральное. Портѣ былъ предложенъ и совмѣстно съ нею подвергнуть обсужденію цѣлый планъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью согласить права власти султана съ условіями благодѣянія его христіанскихъ подданныхъ. Не были забыты и матеріальныя гарантіи, которыя, не имѣя принудительнаго характера несогласнаго съ трактатами, казались достаточными для пракческаго осуществленія реформъ. Порта отвѣтила новымъ отказомъ.

Между тѣмъ война съ Сербіей и Черногоріей шла своимъ чередомъ. Убіиства, совершенныя въ Болгаріи и возбуждшія негодованіе всей Европы, доказали до какихъ крайностей эта жестокая борьба можетъ довести мусульманскій фанатизмъ.

Послѣ всѣхъ усилій, которыя Императорскій Кабинетъ дѣлалъ съ цѣлью претворить столь печальное положеніе дѣлъ, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ происходящаго. Борьба, разыгравшаяся на Балканскомъ полуостровѣ, слишкомъ близко затрогивала интересы Россіи и какъ великой Европейской Державы, сосѣдней съ Турціею, и какъ страны единоплемной и единоплеменной съ христіанскими подданными Порты. Стало вполне очевиднымъ, что до тѣхъ поръ, пока турецкое правительство, основываясь на трактатѣ 1856 года, будетъ увѣрено въ полной безнаказанности, невозможно будетъ добиться отъ турецкой администраціи, способной только на акты насилія, никакихъ реформъ. Приходилось согласиться либо на полное подавленіе христіанскаго населенія Балканскаго полуострова, что было несогласно съ интересами Европы и возмутительно съ общечеловѣческой точки зрѣнія, либо ожидать и впредь періодическихъ взрывовъ, опасныхъ для общаго мира.

Императорскій Кабинетъ не считалъ возможнымъ согласиться на такое положеніе вещей. Ему уже пришлось однажды остановить посредствомъ рѣшительнаго ультиматума турецкія войска, готовыя возобновить въ Сербіи такія-же убійства, какъ и въ Болгаріи. Если постановленія константинопольской конференціи оставались бы лишенными всякой обязательной для турокъ санкціи, то это могло только укрѣпить въ нихъ противодѣйствіе общимъ желаніямъ Европы.

Въ этихъ видахъ, Его Величество Государь Императоръ повелѣлъ мобилизовать, на южныхъ границахъ Имперіи, извѣстную часть своей арміи. Но въ виду неудачи, постигшей константинопольскую конференцію, раньше чѣмъ перейти къ рѣшительнымъ мѣрамъ, Его Величество повелѣлъ освѣдомиться у всѣхъ кабинетовъ, принимавшихъ участіе въ конференціи, какъ они полагаютъ поступить въ виду рѣшительнаго отказа Порты подчиниться совѣтамъ и желаніямъ Европы. На этотъ вопросъ не было получено определеннаго отвѣта. Не трудно было замѣтить, что европейскія правительства не рѣшаются прибѣгнуть ни къ какимъ энергическимъ мѣрамъ и готовы возложить все упованіе на время, на благонамѣренность Порты и на исключительно нравственное давленіе со стороны европейскіхъ кабинетовъ.

Даже при обыкновенныхъ условіяхъ, такая уступчивость должна была бы укрѣпить въ умахъ турецкихъ министровъ убѣжденіе, что Европа связала себѣ руки трактатомъ 1856 года, и что они могутъ съ полнѣйшею безопасностью пренебрегать ея постановленіями, оставаясь при своихъ старыхъ порядкахъ. Но при данной обстановкѣ, при ожесточеніи борьбы, возбужденіи страстей и фанатизма, слѣдовало разсчитывать, что слабость, выказанная Европою, повлечетъ за собою не только продолженіе на неопредѣленное время прежней системы административнаго террора, но что насилія и злоупотребленія дойдутъ до еще большихъ размѣровъ и кончатся либо полнѣйшимъ пораженіемъ всѣхъ христіанъ, либо ихъ истребленіемъ.

(Продолженіе на стр. 601, 602, 603 и 604).

СЧАСТЛИВАЯ ПАРОЧКА.

Она довольна.

По картинѣ Августа Гейна, грав. Кремеръ.

Онъ доволенъ.

Въ Лондонѣ была сдѣлана еще одна, послѣдняя попытка, долженствовавшая послужить Портѣ серьезнымъ предостереженіемъ. Составленный по этому случаю протоколъ имѣлъ цѣлю поддержать выразившееся на константинопольской конференціи участіе Европы къ турецкимъ реформамъ, засвидѣтельствовать общанія турецкаго правительства, перечислить тѣ пункты, по которымъ оно приняло на себя известныя обязательства, и пригласить его добросовѣстно вступить на указанный державами путь преобразованій. Въ противномъ случаѣ, державы, признавая, что существующій порядокъ вещей несомнѣннымъ со всеобщими интересами, должны были бы сами подумать о способахъ, чтобы обезпечить удрученіе быта христіанскихъ подданныхъ Порты. Императорскій кабинетъ прибавилъ къ этому декларацію, что если указанный протоколъ будетъ принятъ Портою, если будетъ заключенъ миръ съ Черногоріею, если турецкое правительство заявить своими дѣйствіями рѣшимость привести въ исполненіе реформы, и если убійства не будутъ больше возобновляться, то Россія охотно вступить въ соглашеніе съ уполномоченнымъ султана, относительно демобилизаціи и разоруженія.

Отъ вниманія Порты конечно не могъ укрыться недостаточный рѣшительный характеръ протокола. Державы не рѣшались прибѣгнуть къ какому нибудь давленію или къ какому бы то ни было общему дѣйствію по отношенію къ турецкому правительству; онѣ ограничились предоставленіемъ себѣ права только подумать о способахъ къ обезпеченію участи христіанъ. Сверхъ того, лондонскій кабинетъ счелъ нужнымъ заявить, что если протоколъ не вызоветъ общаго умиротворенія, то онъ потеряетъ всякую силу. При подобныхъ условіяхъ нельзя было надѣяться, чтобы Порта отнеслась къ протоколу съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ предвѣдущимъ заявленіямъ кабинетовъ. Въ это-то время Его Императорское Величество, не признавая возможнымъ оставаться долѣе въ положеніи, которое не было ни миромъ, ни войною, которое оскорбляло чувства всякаго русскаго и налагало на Россію обязательства, безъ соответственнаго вознагражденія и безъ всякихъ видимыхъ результатовъ, Самъ рѣшился принять на Себя примѣненіе понудительныхъ мѣръ, безъ коихъ не было возможности найти никакаго выхода. Государь Императоръ повелѣлъ сообщить всѣмъ европейскимъ кабинетамъ причины, въ силу которыхъ онъ беретъ за оружіе, и указать на цѣли войны.

Общая цѣль заключалась неслучайно въ томъ, чтобы положить конецъ прискорбному порядку вещей, благодаря коему Востокъ оставался постоянною угрозою для всеобщаго мира, и предотвратить такой порядокъ на будущее время, представивъ христіанскимъ подданнымъ султана такія гарантіи, которыя могли бы дѣйствительно ихъ обезпечить отъ своеволія турецкой администраціи.

Императорскій Кабинетъ ни на минуту не отклонился отъ этой цѣли. При самомъ открытіи военныхъ дѣйствій были постановлены условія, на которыхъ мы примемъ миръ, если Турція будетъ его просить до перехода нами Балканъ. Означенныя условія были сообщены въ іюлѣ 1877 года кабинетамъ лондонскому и вѣнскому, наиболѣе заинтересованнымъ въ вопросѣ, и обнародованы во всеобщее свѣдѣніе. Читая ихъ въ настоящее время, не трудно убѣдиться, что они не отличаются существенно отъ постановленій берлинскаго конгресса.

Во время войны, пока войска наши стояли еще подъ Плевною, Императорскій Кабинетъ снова сообщилъ кабинетамъ берлинскому и вѣнскому основанія, на которыхъ мы могли бы согласиться начать мирные переговоры, еслибы султанъ обратился къ намъ до открытія зимней кампаніи. Наши требованія были почти тѣ же самыя, какъ и въ началѣ войны: они же послужили основаніемъ для заключенія перемирія уже послѣ того, какъ наши побѣдоносныя войска перешагнули черезъ Балканы и, пользуясь полнымъ разгромомъ турецкихъ силъ, дошли до Адрианополя, а въ Азіи, взявши Карсъ, достигли уже Эрзерума.

Такимъ образомъ, основная, руководящая мысль политики Императорскаго Кабинета выдѣляется сама собою и изъ предшествовавшихъ войнъ неограниченъ и изъ переговоровъ, которые велись во время военныхъ дѣйствій и послѣ нихъ. Можно сказать, что эта мысль находилась въ полномъ соответствіи со всѣмъ ходомъ нашей политики въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ. Наша политика никогда не задавалась цѣлю разрушить Оттоманскую имперію. Хотя это мусульманское нашествіе въ Европу дѣйствительно представляется явленіемъ ненормальнымъ, не имѣющимъ другихъ оправданій, кромѣ силы оружія, но въ теченіи своего четырехвѣкового существованія оно пустило слишкомъ глубокіе корни для того, чтобы прекращеніе его не вызвало общаго сотрясенія на Востока и въ Европѣ. Нашъ Кабинетъ, задавался исключительно цѣлю положить рѣшительный конецъ возмутительному, съ человѣческой точки зрѣнія, угнетенію христіанъ—постоянной причинѣ смутъ и опасностей для общаго мира.

Въ то время, когда всякое сопротивленіе турокъ было уже немислимо, и турецкое правительство должно было подчиниться всѣмъ рѣшеніямъ войны, наши арміи снова приостановились подъ самыми стѣнами Константинополя свое побѣдное шествіе, и явили тѣмъ еще разъ доказательство, что наше прави-

тельство столь же твердо въ своихъ принципахъ умѣренности, какъ и въ своихъ христіанскихъ симпатіяхъ. Постоянно обращаясь, въ теченіи настоящаго кризиса, къ содѣйствію великихъ державъ, Императорскій Кабинетъ подтвердилъ, что онъ нисколько не намѣревается подчинить рѣшеніе восточнаго вопроса видамъ личнаго честолюбія, что вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ Европѣ, а не въ Турціи, всѣми державами и согласно общимъ интересамъ. Но въ то же время было желательно, чтобы результаты были на этотъ разъ серьезно гарантированы, дабы потраченные усилія не обратились снова лишь въ тягостный опытъ. Взявшись за оружіе для достиженія этихъ цѣлей и выдержавъ упорную борьбу, Россія конечно имѣла несомнѣнное право обезпечить себя и взятые ею подъ свою защиту народы отъ возобновленія подобныхъ же бѣдствій въ будущемъ.

Таковы были руководящія побужденія при заключеніи Санъ-стефанскаго договора. Предварительный характеръ этого акта ясно указывалъ, что мы не имѣемъ въ виду рѣшать вопросъ самолично. Постоянныя заявленія нашего Кабинета, что все, затрагивающее интересы Европы, будетъ подвергнуто общему обсужденію, доказываетъ въ достаточной мѣрѣ рѣшимость нашу остаться вѣрными въ восточномъ вопросѣ солидарности съ великими державами, которой мы постоянно добивались въ теченіи 20 лѣтъ.

Санъ-стефанскій договоръ преслѣдовалъ двѣ цѣли: опредѣлить точнымъ образомъ специально-военные пункты, разрѣшенныя въ предварительныхъ условіяхъ мира только въ общихъ чертахъ, и связать Турцію известными обязательствами передъ Россіею относительно тѣхъ основаній, на которыхъ должна была отнынѣ покоиться организація Балканскаго полуострова. Проникнутый чувствами солидарности съ Европою, нашъ Кабинетъ согласился на созваніе конгресса, дабы упрочить умиротвореніе Востока санкціею великихъ державъ. Онъ первый поддержалъ идею собранія представителей кабинетовъ, дабы придать вопросу большее значеніе и рѣшеніямъ Европы большую обязательность. Дѣйствительно, никогда еще въ политической жизни Европы не было столь торжественнаго случая для цивилизованныхъ народовъ создать мудрымъ и примирительнымъ актомъ новую эру въ лѣтописяхъ мірнаго развитія человѣчества.

Исторія скажетъ свое слово о томъ, насколько берлинскій конгрессъ оправдалъ эти ожиданія, насколько широки были его замыслы и до какой высоты доходили его сужденія; она покажетъ, сумѣли ли участники его отрѣшиться отъ эгоистическихъ заботъ и завистливаго соперничества, однимъ словомъ, она раскроетъ, на сколько нашли отголосокъ въ этомъ собраніи великодушныя чувства Россіи, запечатлѣнныя русскою кровью. Плоды укажутъ, каково было древо.

Нынѣ мы ограничимся только констатированіемъ ближайшихъ результатовъ конгресса.

Турки потеряли свое владычество на большей части Балканскаго полуострова. Независимость Сербіи и Румыніи была объявлена, независимость же Черногоріи подтверждена формальнымъ образомъ. Границы этихъ княжествъ расширены. Боснія и Герцеговина изъяты изъ-подъ вѣдѣнія турецкой администраціи и избавлены отъ ея злоупотребленій. Болгарія къ сѣверу отъ Балканъ организована въ видѣ отдѣльнаго автономнаго княжества, связаннаго одною только данью. Большая часть южной Болгаріи, подъ названіемъ Восточной Румелии, соединена въ одну провинцію съ администраціею автономіею и губернаторомъ изъ христіанъ, подъ контролемъ Европы. Остальнымъ провинціямъ Турціи будутъ даны учрежденія, въ созданіи и примѣненіи которыхъ примутъ участіе делегаты Великихъ Державъ. Что касается собственно Россіи, то въ Европѣ ей возвращена та часть территоріи, которая была отъ нея отрѣзана послѣ Крымской войны, вслѣдствіе чего она вновь достигла Дуная. Въ Азіи мы приобретаемъ цѣлую новую территорію съ портомъ и важными стратегическими позиціями, которыя обезпечиваютъ нашу безопасность и наше развитіе на будущее время.

Было бы неправильно преувеличивать значеніе этихъ результатовъ, но столь же несправедливо было бы ихъ умалять.

Дѣйствительно, они далеки отъ того, на что Россія имѣла бы право разсчитывать, послѣ столькихъ жертвъ и послѣ славной войны; они даже не вполнѣ соответствуютъ интересамъ Востока и Европы, которые выиграли бы, если бы этотъ кризисъ кончился болѣе радикальнымъ и нормальнымъ рѣшеніемъ. Берлинскій трактатъ имѣетъ несомнѣнно слабую сторону. Одна изъ наиболѣе подверженныхъ критикѣ заключается въ томъ, что все разграниченіе основано на соображеніяхъ географическомъ элементу. Императорскій Кабинетъ предлагалъ другое основаніе для разграниченія, болѣе рациональное и справедливое—принципъ національности большей части населенія, принципъ, который давалъ бы полную свободу развитію всѣхъ народовъ въ ихъ естественныхъ границахъ. Къ сожалѣнію, отъ этого принципа пришлось отказаться.

Тѣмъ не менѣе все зависитъ отъ того, какимъ образомъ будутъ исполнены постановленія конгресса.

Нельзя не сказать еще разъ: затрудненія, съ коими связано

рѣшеніе восточнаго вопроса, заключаются не въ Турціи, а въ Европѣ. Каковы бы ни были представляемыя имъ complicacii, онѣ естественно не могутъ превосходить размѣра тѣхъ силъ, коими располагаютъ цивилизованные народы Европы. Но вліяніе Европы на Востокъ всегда бывало парализовано чувствами взаимнаго недовѣрія и соперничества кабинетовъ. Если бы державы соединились въ общіихъ усиліяхъ для упроченія зачатковъ, положенныхъ конгрессомъ, дабы сдѣлать изъ нихъ исходный пунктъ для дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія народовъ Востока, то дѣло конгресса, конечно, не было бы бесплоднымъ ни для Европы, ни для Востока. Императорскій Кабинетъ, убѣдившись долгимъ опытомъ, что солидарность и согласіе суть ответственныя залогомъ благополучія и общаго мира для всего христіанскаго Востока, явилъ крайнее миролюбіе. Нынѣ его задача—блюсти, чтобы всѣ прежнія усилія не пропали даромъ.

Въ этомъ отношеніи мы достигли существеннаго результата. Трактатъ 1856 года, этотъ памятникъ политическихъ страстей, который вызвали несправедливую войну и такой же миръ; этотъ актъ, который поставилъ Россію въ положеніе, недостойное великой державы и который связывалъ въ теченіи 22-хъ лѣтъ руки какъ Россіи, такъ и Европѣ, обезпечивалъ турецкому правительству полную безнаказанность и вызывалъ постоянные безпорядки, послужившіе, между прочимъ, причиною и настоящей войны; этотъ трактатъ, который всѣмъ нарушался, отъ котораго отреклись даже его создатели—не существуетъ больше. Побѣдоносныя русскія войска разорвали его, берлинскій конгрессъ вычеркнулъ его изъ исторіи. Россія приобрѣла полное право блюсти за результатами своихъ усилій; она не позволитъ ихъ уничтожить.

То, что совершается на нашихъ глазахъ теперь, сопровождало впрочемъ и всѣ прежнія наши войны на Востокъ. Не смотря на всѣ наши усилія, мы никогда не могли разрѣшить задачу кореннымъ образомъ. Намъ приходилось всегда останавливаться передъ непреодолимыми трудностями задачи, передъ сплоченной стѣной интересовъ и страстей, которые вызывались нашими усиліями. Но со всякою послѣдующею войною мы дѣлали новый шагъ къ достиженію нашей окончательной цѣли. Это есть та кровавая и славная черта, которая проведена черезъ всю нашу исторію и которая должна привести неизбежно къ выполненію нашей исторической миссіи—освобожденію христіанскаго Востока.

Какъ бы ни были несовершенны результаты берлинскаго конгресса, они все таки представляютъ новый шагъ по прежнейму пути, шагъ весьма важный, хотя и приобретенный дороною цѣною. Остается только ихъ укрѣпить и затѣмъ дать имъ возможность развиваться. Такова задача ближайшаго будущаго.

Отоманская имперія вступила въ новую фазу отношеній къ христіанской и цивилизованной Европѣ. Если она пойдетъ по открывающемуся передъ нею пути съ полною откровенностію и желаніемъ точно исполнять условія, гарантирующія автономію ея христіанскихъ подданныхъ, передъ нею можетъ открыться счастливое будущее. Россія, имѣющая на своей обширной территоріи многіе миллионы подданныхъ мусульманъ, религію коихъ она охраняетъ, такъ же какъ и ихъ благоденствіе, не будетъ угрожать Турціи, напротивъ, можетъ стать ея лучшимъ союзникомъ. Въ противномъ случаѣ, Порта сама подпишетъ свой приговоръ. Императорскій Кабинетъ не перестанетъ прилагать всѣ усилія, чтобы удержать ее на этомъ пути. Онъ будетъ продолжать притягивать Европу къ общему дѣлу и съ своей стороны будетъ точно исполнять лежащія на немъ обязанности.

Во всякомъ случаѣ, Россія исполнила то, что считала своею задачею, честно и мужественно. Она не дѣлала торговаго изъ своихъ жертвъ, ни изъ своихъ усилій. Связанная съ своимъ Монархомъ тѣснѣйшими узами преданности, она черпала въ этомъ неразрывномъ союзѣ непобѣдимую силу, которая обезпечила за нею побѣду и которая поможетъ ей вознаградить свои потери. Эти узы долга свойственны только великимъ націямъ.

Итакъ не напрасно лилась кровь этихъ храбрыхъ воиновъ на поляхъ сраженій въ Болгаріи и Арменіи, на валахъ Плевны и Карса, въ тѣснинахъ Шипки и на равнинахъ Румелии; не напрасно русскій народъ безропотно несъ бремя войны и отъ мала до велика представлялъ такъ много доказательствъ самоотверженія, черпающаго свои силы въ религіи, въ патриотизмъ и гуманности; не напрасно, наконецъ, умѣренный въ своей побѣдѣ, онъ подчинилъ права побѣдителя высшимъ интересамъ общаго мира и солидарности народовъ.

Жертвы эти уже принесли плоды и принесутъ ихъ еще больше въ будущемъ.

Милліоны людей получили свободу, новый міръ, міръ христіанскій, призванъ къ жизни и направленъ по пути цивилизаци. Новый свѣтъ озарилъ самыя мрачныя глубины восточнаго царства, скрывавшія въ себѣ столько неизвѣстныхъ бѣдствій, столько непоимѣрныхъ страданій, исцѣленіе коихъ, задержанное въ теченіи многіхъ столѣтій, есть въ настоящее время не болѣе какъ вопросъ времени.

Если не все еще сдѣлано, если въ дѣло вмѣшались и недоувѣріе, и предубѣжденіе, и политическая зависть, эгоистическіе расчеты матеріальнаго характера и борьба партій, то все-таки нужно признать, что многое уже исполнено. Россія можетъ

гордиться сознаніемъ, что она не мало содѣйствовала успѣшному концу общаго дѣла своимъ великодушнымъ и рѣшительнымъ начинаніемъ, а потомъ своею умѣренностію. Она можетъ быть убѣждена, что въ лѣтописяхъ всемірной исторіи дѣло ея заслужитъ славную страницу; что, не смотря на временныя препоны, порождаемыя страстями, пороками и слабостями людей, человѣчество идетъ къ тѣмъ же неуклоннымъ цѣлямъ, которыя предначертаны ему Провидѣніемъ.

Берлинскій конгрессъ былъ только роздыхомъ, остановкою на этомъ трудномъ пути. Одѣнная его съ этой точки зрѣнія, Россія находитъ въ прошедшемъ вѣру въ будущее.

Въ Правительственныхъ сферахъ возбужденъ, какъ говорятъ, вопросъ о повсемѣстномъ уменьшеніи числа контрольныхъ палатъ, съ тѣмъ, что бы каждая изъ нихъ вѣдала дѣла двухъ или нѣсколькихъ губерній.

Въ г. Тюмени, западной Сибири, предполагается открытіе шестикласснаго реальнаго училища съ коммерческимъ отдѣленіемъ въ V и VI классахъ.

Въ настоящее время, наконецъ, рѣшено принять мѣры къ сохраненію историческихъ памятниковъ, на разрушеніе которыхъ до сихъ поръ не обращали почти вниманія. Для этой цѣли учреждается особая правительственная коммисія, имѣющая свой опредѣленный штатъ служащихъ, съ правами государственной службы и съ жалованьемъ, общая ежегодная сумма котораго опредѣлена въ 13.400 руб. Для изслѣдованія памятниковъ и наблюденій за ихъ цѣлостію образуются археологическіе округа. Въ случаѣ невозможности сохранить какой либо памятникъ коммисія распоряжается о снимкѣ съ него копій—фотографій, слѣпка. Безъ вѣдома и разрѣшенія коммисіи запрещается приступать къ какимъ либо измѣненіямъ или поправкамъ памятниковъ, имѣющихъ историческое значеніе. Такимъ образомъ надъ нашими памятниками старины будетъ учреждено просвѣщенная оека, составленная изъ специалистовъ въ археологіи.

Сообщаемъ извѣстіе о томъ, что наши бывшіе нѣмецкіе колонисты отпавлявшіеся цѣлыми семьями въ Америку, теперь въ количествѣ 160 семействъ возвратились обратно. По разсказамъ ихъ имъ не пришлось даже увидѣть мѣста предполагаемаго поселенія: соотечественники встрѣтили ихъ на пути и сказали, что мѣста, отведенныя для переселенцевъ въ Америкѣ совершенно неудобны для обработки. Возвратившіеся думаютъ опять поселиться на своихъ старыхъ мѣстахъ—въ Самарской губ. и говорятъ, что ихъ примѣры вѣроятно послѣдуютъ большинствомъ переселенцевъ. Относительно воинской повинности они говорятъ, что болѣе не страшатся ея.

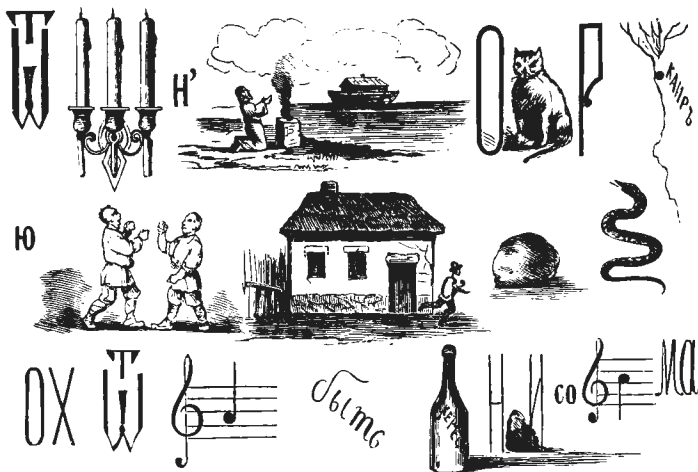
Въ Петербургѣ случилось ужасное происшествіе, о которомъ, основываясь на сообщеніи „Прав. Вѣст.“, пока можетъ рассказать слѣдующее:

„Въ 9 часовъ утра, въ пятницу, 4-го августа, шефъ шандармовъ, генералъ-адъютантъ Мезенцовъ, во время обычной своей утренней прогулки, шелъ по Михайловской площади отъ часовни у Гостиного двора на Невскомъ, въ сопровожденіи отставнаго полковника Макарова. На углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади, близъ дома кондитера Кочурова, на него неожиданно бросился неизвѣстный молодой человекъ, прилично одѣтый, въ сѣромъ пальто и въ очкахъ, сильно ударилъ его кинжаломъ въ верхнюю часть живота и побѣжалъ по Большой Итальянской улицѣ. За нимъ въ погоню бросился полковникъ Макаровъ, съ крикомъ—„держи, держи!“ причѣмъ, размахивая зонтикомъ, бессознательно ударилъ убійцу. Въ ту же минуту другой молодой человекъ, столь же прилично одѣтый, въ длинномъ синемъ пальто и въ черной круглой луховой шляпѣ, съ черными усами, выстрѣлилъ почти въ упоръ изъ револьвера въ полковника Макарова: пуля пролетѣла мимо головы послѣдняго. Оба убійцы, пользуясь малолѣтствомъ Итальянской улицы, вскочили на ожидавшія ихъ въ Итальянской дрожки, запряженныя хорошо вороною лошадейю. На козлахъ сидѣлъ молодой кучеръ, съ черными усами, безъ бороды. Сѣвъ на дрожки, злоумышленники съ Итальянской понеслись по Малой Садовой и скрылись. Полковникъ Макаровъ, безуспѣшно кричавшій „ловите, держите!“—возвратился къ раненому, который, не потерявъ присутствія духа, на вопросъ испуганныхъ приказчиковъ Кочурова—кого ранили? отвѣчалъ, что рана нанесена ему, при чемъ указалъ на свою окровавленную одежду. При помощи полковника Макарова и вышедшаго изъ сосѣдняго дома камергера Бодиско, генералъ-адъютантъ Мезенцовъ дошелъ по Итальянской до угла Малой Садовой, гдѣ его посадили на извозчика. Онъ доѣхалъ до своей квартиры у Цѣпнаго моста, на Фонтанкѣ. Значительное истеченіе крови вскорѣ обезсидило раненаго. Приглашенный въ 11 часовъ утра докторъ Мамоновъ, осмотрѣвъ больнаго, нашелъ, что его положеніе весьма серьезно.

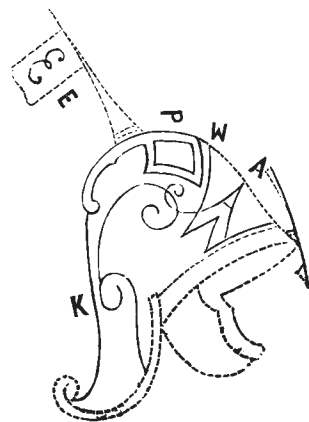
Прибывшіе вслѣдъ за докторомъ Мамоновымъ врачи оказали всѣ должныя пособія раненому. Но, не смотря на всѣ ихъ усилія, Шефъ Жандармовъ, генералъ-адъютантъ Мезенцовъ, въ 5 часовъ 15 минутъ того же четвертаго августа, скончался.

Опечатка. Въ № 32 Нивы подъ рисункомъ на стр. 572 напечатано по недосмотру слово: Trocadero; слѣдуетъ читать: Champ de Mars.

Ребусъ.

Рѣшеніе задачи.

Шадемъ съ буквами, помещенный въ № 32 «Нивы», заключающій въ себѣ имя: Ермакъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Г. Одесса (съ рисункомъ). Ор.—Царь-дѣвица. Историческій романъ. Вс. Соловьева (начало). Орландъ (съ рисункомъ) Л.—Чехарда (съ рисункомъ) Н. Лейкина. — Искусственная выводка цыплятъ (съ 10-ю рисунками). Нѣво-Печерская Лавра (съ рисункомъ) Л.—Между войною и миромъ (съ рисункомъ) Н. Назарина.—Самодовольная парочка (съ рисункомъ) Н.—Политическія и внутреннія новостія. — Ребусъ.—Рѣшеніе задачи.—Объявленія.

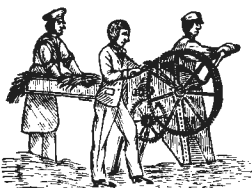
Издатель А. Ф. МАРКСЪ.
Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ г. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

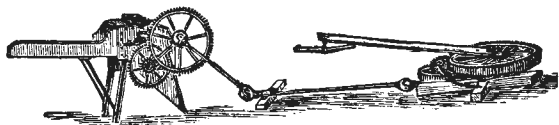
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗВѢСТНЫЯ МОЛОТИЛКИ ПО СИСТЕМѢ ВЕЙЛА.

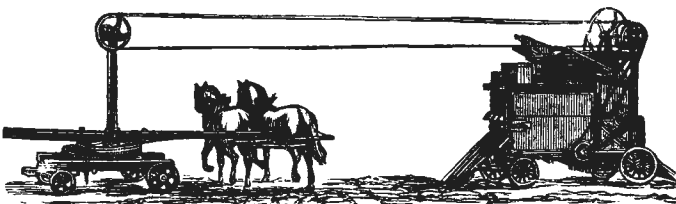

МОРИЦЪ ВЕЙЛЬ младшій
Маш. строительный заводъ
въ Франкфуртѣ $\frac{1}{4}$ в. Германіи
поставляетъ, по желанію франкировано на границы на первая станціи русскихъ жел. дорогъ.

Ручныя молотилки по цѣнѣ отъ 98 руб.

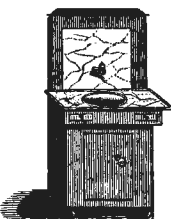
Молотилки съ конными приводами
для 1 и 2-хъ лошадей по цѣнѣ машины отъ 220 руб.

Молотилки съ конными приводами
для 2 4 и 6 лошадей, съ самодѣйствующимъ шипательнымъ аппаратомъ или безъ онаго готовыя со всѣми принадлежностями къ употребленію. Иллюстр. каталоги по же анію бесплатно и франкир.
№ 183 1—1

Умывальники,

Ватерклозеты, Биде, Ванны, Души, Самокаты для больныхъ, Десятичные вѣсы, Каминныя и Принадлежности для каминна, Чугунныя столы съ мраморными досками, Желѣз. складныя кровати и Матрацы, Денежныя шкапулы.
№ 189 **И. Э. Милькъ.** Большая Морская № 39. 1—1

ки, Вентиляторы, Самодѣйствующій аппаратъ для стирки, Выжималки для бѣлья, Водоочистительныя машинки, Мясорубки, Машинки для колотья сахара, Ножницы, Пробочники, Кофейныя мельницы, Спиртовыя кофейники и разн. хозяйственныя принадлежности.

ПАНСИОНЪ Г-на А. БИБЕРЪ.

В. О., уголъ Большого проспекта и 5-ой линіи № 18.
Программа пансіона соответствуетъ программѣ четырехъ первыхъ классовъ гимназій. Учениковъ готовятъ специально для всѣхъ реальныхъ и военныхъ учебныхъ заведеній. Годовыя условія: за пансіонера 400 р., за полупансіонера 250 руб., за приходящаго 100 руб.
№ 190 2—1

АНТИ-ПАРАЗИТЪ

признается единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ для уничтоженія **КЛОПОВЪ, ТАРАКАНОВЪ** черныхъ и пруссаковъ, блохъ, мурашекъ, сверчковъ, моль (бабочку и червана), который, по губительности для насѣкомыхъ конкурентовъ не имѣетъ, для человѣка безвреденъ. Цѣна отъ 30 к. до 1 р. особымъ аппаратомъ 1 р. 50 к., съ пересылкою въ жестянкѣ 2 р., въ ящикѣ 2 р. 25 к., адреса въ контору Копапныгина, Троицкій пер., № 7. Спб. Розничная продажа въ Москвѣ, Неглинный Проводъ, д. Товарова, въ магазинѣ Красильникова. № 184 1—1

ПАНСИОНЪ ПЕРВАГО РАЗРЯДА

г-жи СЕЛИНЫ НОРМАНДЪ

переведенъ въ Могилевскую улицу, близъ Саловой, въ домъ Львова, № 7, кв. № 5, въ видахъ доставленія воспитанникамъ помѣщенія болѣе просторнаго и № 171 удобнаго и удовлетворяющаго всѣмъ гигиеническимъ условіямъ.
Курсъ полный, гимназическій; особенное вниманіе обращено на основательное преподаваніе иностранныхъ языковъ; дѣны умѣренныхъ. Преподаваніе начнется съ 1-го сентября. Лица, желающія ознакомиться ближе съ условіями приѣма, могутъ обращаться въ заведеніе за справками ежедневно отъ 12-ти до 4-хъ часовъ пополудни, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней. 1—1

№ 176 **ИСТОРИЯ ГРЕЦІИ И РИМА** 4—2
по преимуществу внутренней жизни
Соч. Андрея Ткачева цѣна 2 ч 2 р.
Отъѣмы 1876 г. Спб В № 63, Голосъ 178, Нов Вр. 20, Вирж. Вѣд 94, Жепское Обр. 1—2, Пед. Муз. 8, Нед. 13—14, Дѣт. Садъ 5—6 1877 г. Ж. М. Н. Провс. № 3

НОВЫЙ СПОСОБЪ РИСОВАНІЯ.

посредствомъ котораго всякій безъ малѣйшей подготовки можетъ копировать всевозможные рисунки, фотографич. карты, акварели, цвѣты и т. д. Особенно полезенъ для дѣтей. Цѣна изящнаго аппарата съ приложеніемъ «Новаго способа умноженія» посредствомъ сложенія, 1 руб., съ пересылкою 2 руб. Адр.: въ бюро объявленій, Невскій Пр., № 4 въ С.-Петербургѣ. № 178 2—2

МАГАЗИНЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана, по Большой Морской, 42,

Рекомендуетъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ скрипки, виолончели, дитры, гитары, струны, корнетъ-а-пистонъ, флейты, кларнеты, барабаны, музыкальные ящики, шарманки, англійскія и нѣмецкія концертныя, гармоніо-люты, гармоніи и всѣ другіе музыкальные инструменты.

ОКАРИНА ТОМАСА ЗАХА ВЪ ВѢНѢ,

по фабричнымъ цѣнамъ:

№ 1 по 1 р. — к.	} школа для изученія безъ учителя 40 коп. мелодія I, II, III тетрадь по 60 коп. дуэты, 1 тетрадь 80 коп. трио, 1 тетрадь 1 руб. квартеты 1 тетрадь 80 коп.
» 2 » 1 » 50 »	
» 3 » 2 » — »	
» 4 » 2 » 50 »	
» 5 » 3 » — »	
» 6 » 4 » — »	

Дамскія окарины съ футляромъ по 5 и 6 р., малый дуэтъ 5 р., большой дуэтъ 6 р., малый трио 5 р., большой трио 10 р., малый квартетъ 8 р., большой квартетъ 16 р., футляры для № 1, 2, по 60 к., № 3, 4, по 80 коп., № 5, 6, по 1 р.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно по полученіи денегъ За пересылку одной окарины слѣдуетъ 60 коп. № 175 3—2

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Большая Морская, д. № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть *Вс. С. Соловьева*. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника *И. С. Павлова*, и гравиров. лучшими мастерами. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., для подписч. «Нивы» 1878 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ 2-хъ част. *Н. Каразина* съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. «Нивы» на 1878 г.: 1 р. 80 к. съ перес. 2 р.

БѢГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!... Романъ *А. Вернера*. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к., для подписч. «Нивы» 1878 г. 75 к. съ перес. 1 р.

„При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписч. объявленіе отъ чайнаго магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ“.

НИВА

Иллюстрированный
Журналъ
Литературы

№ 34

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 21 Августа 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
«Нивѣ» принимаются
по 25 к. за строку
нормальной (въ 1/4
ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
Воскресенья) отъ 10 ч.
утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . . . 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ книж. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

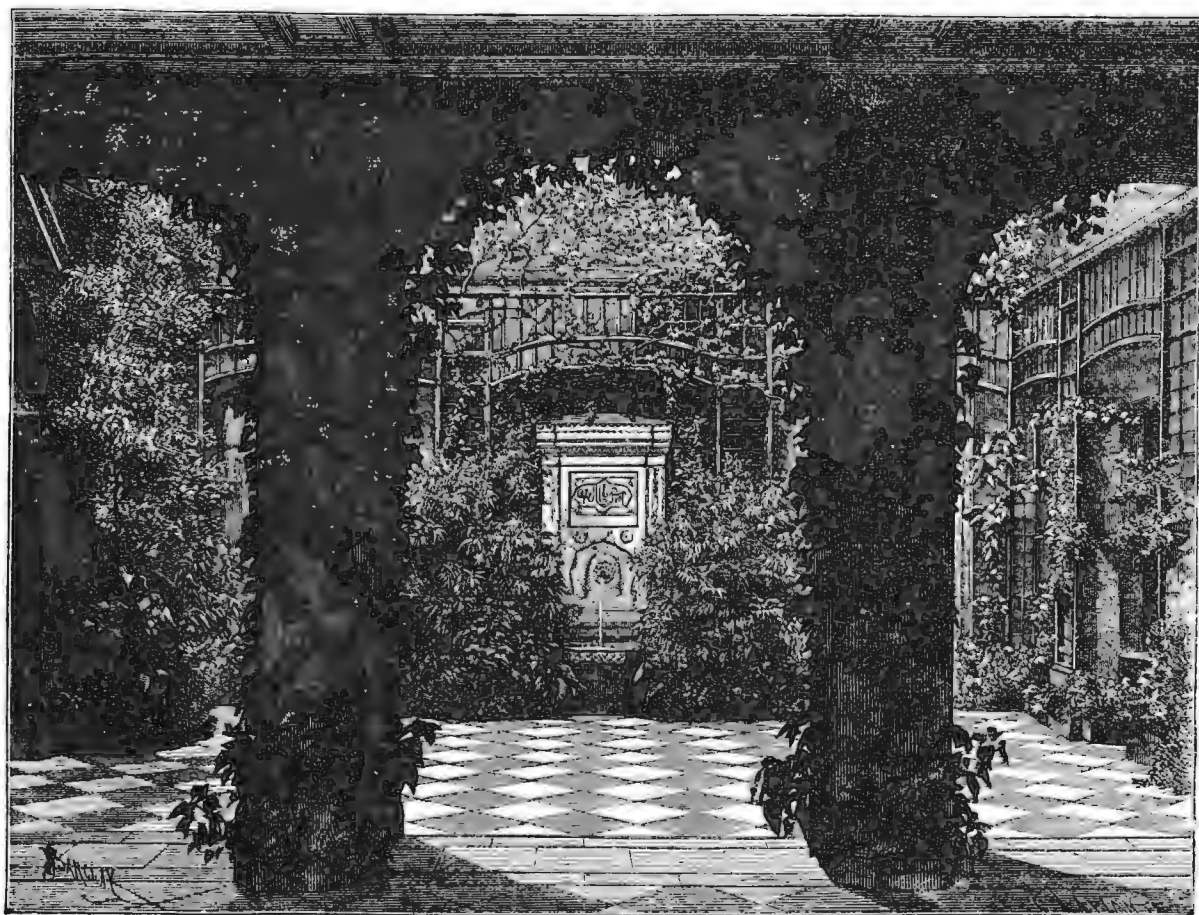
Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи . . . . . 6 „

Также принимается подписка на 1/2 года съ 1 июля 1878: безъ дост. 2 р., съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія
объявленія въ «Ни-
вѣ» иногор. по 5 р.
съ тысячу, городс-
кимъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи, неудобныя къ
печати, авторамъ не
возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1878 г. №№ «Нивы» со всеми приложеніями.

Зимній садъ во дворцѣ Государыни Императрицы въ Ливадіи. Рис. И. Барклей, грав. Лаплантъ.

Ливадія, имѣніе Государыни Императрицы въ Крыму.

Въ предыдущемъ номерѣ Нивы помѣщая рисунокъ, изображающій видъ Оріанды въ Крыму, мы уже имѣли случай замѣтить о крымскихъ древностяхъ, сохранившихся въ остаткахъ различныхъ развалинъ, находящихся во многихъ его мѣстностяхъ. Помѣщая, въ этомъ номерѣ два рисунка, изображающіе зимній садъ во дворѣ Государыни Императрицы въ Ливадіи и видъ самаго дворца, скажемъ, прежде чѣмъ дать описанія его, нѣсколько словъ о крымской природѣ.

Три четверти всего полуострова состоятъ изъ степей, четвертая же часть, окаймляющая Черное море, покрыта горами. Степная часть Крыма безводная, безлѣсная а гористая наоборотъ—покрыта лѣсами, обильна источниками. Прибрежная полоса защищена отъ сѣверныхъ вѣтровъ хребтами, которая къ западу склонаются къ морю и прерываются. Съ восточной стороны самую высокую оконечность хребта составляетъ Караби. За Караби горы рѣзче поварачиваются къ востоку, и понижаются, образуя разрывъ, пропускающіе сѣверные вѣтры. Климатъ крымскаго полуострова различный—между климатомъ степнымъ и между климатомъ горъ и южнаго берега. Характеристическія свойства климата степей составляютъ зной лѣтню и глущій морозъ зимою; скудость дождей и жестокія снѣжные вьюги. Не смотря на то, что южная часть полуострова находится между 44° и 45° сѣв. шир. т. е. на томъ же разстояніи отъ экватора, какъ и сѣверная Италия, и закрыта отъ сѣвера цѣлью горъ,—климатъ Крыма не на столько мягокъ, какъ климатъ Италии, и въ немъ бываютъ чрезвычайно неожиданныя рѣзкіе переходы отъ тепла къ холоду. Бываютъ холода доходящіе до 15 градус. Реомюра, и снѣгъ покрываетъ своимъ снѣжнымъ покровомъ долины и лѣса. Случается, что въ декабрѣ можно гулять на воздухѣ въ лѣтнемъ платьѣ, но вдругъ ночью налетитъ буря и нанесетъ съ собою и холодъ и морозъ. Самое холодное время бываетъ обыкновенно въ концѣ декабря, въ январѣ и началѣ февраля, хотя, какъ мы сказали и въ это время выпадаютъ прекрасные теплые дни. Главные вѣтры въ горной части, какъ и на всемъ полуостровѣ сѣверные и сѣверо-восточные. Восточные вѣтры весною приносятъ съ собою холодъ, по заключенію Палласа, потому что Азовское море остаетя долго покрытымъ льдомъ. Дожди въ лѣтнее время на южномъ берегу бываютъ рѣдко, ибо вѣтеръ разбиваетъ тучи въ горахъ и разноситъ ихъ. Средняя температура дня, начиная съ половины мая по сентябрю отъ 17 до 20° Реомюра. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южнаго берега температура еще нагревается отъ отраженія солнечныхъ лучей на окрестныя скалы. Свѣжій морской вѣтерокъ почти постоянно дуетъ въ теченіи всего лѣта. Съ наступленіемъ заката солнца вѣтерокъ обыкновенно захватываетъ, и глубокая тишина воцаряется въ ночномъ воздухѣ. Вообще климатъ южнаго берега Крыма можно назвать приятнымъ: на температуру воздуха оказываетъ важное влияние близость моря. Охлаждаясь зимою, оно отдаетъ свое тепло окружающему воздуху и такимъ образомъ умѣряетъ холодъ. Такое же умѣряющее дѣйствіе оказываетъ море и на температуру воздуха въ теченіи лѣта; земля нагревается быстрой воды и слѣдовательно легче нагревается воздухъ: теплый воздухъ жиже, легче прохладнаго; вслѣдствіе чего, прохладный морской, какъ болѣе плотный, старается занять мѣсто въ разжиженномъ тепломъ воздухѣ. Цѣлебное дѣйствіе крымскаго воздуха и морскія купанья, какъ извѣстно, привлекаютъ много больныхъ на южный берегъ Крыма. Кромѣ климатическаго леченія и леченія ваннами, въ Крыму употребляется леченіе кумысомъ и виноградомъ. Виноградомъ обилуетъ Крымъ и его имѣется здѣсь нѣсколько сортовъ. Особенное значеніе для больныхъ составляетъ возможность бывать почти ежедневно на открытомъ воздухѣ и наслаждаться прогулками и прелестными видами южнаго берега. Природа здѣсь раскинулась во всемъ великолѣпн. Тутъ море, то тихое, безмолвное, сверкающее въ лучахъ солнца, то съ тихимъ плескомъ набѣгающее на берегъ, то все взволнованное, бурное, шумящее, потемнѣвшее... Это море окаймляютъ самой причудливой формы берега: то отвѣснымъ утесомъ берегъ выдвинулся въ море, то отлогой площадкой раскинулся; въ иныхъ мѣстахъ берегъ будто обложенъ маленькими скалами, нѣкоторыя изъ нихъ, оторванные бурей, скатились далеко въ море, и волны съ шумомъ о нихъ разбиваются. Тутъ виноградники, тутъ кипарисы и лавръ душистый, и олеандры, персики, каштаны... Вотъ у подножья скалы амфитеатромъ раскинулась татарская деревенька...

Вотъ скала совсѣмъ похожая своею формою на человѣка въ рясѣ—монахъ скала. Вотъ тихій заливъ, а тутъ каскадъ, стремившійся съ огромнаго утеса, и густая зелень лѣсовъ оживляютъ богатую картину различныхъ дачъ, все болѣе и чаще устраиваемыхъ на южномъ берегу. Люди, имѣющіе возможность пользоваться дарами природы которыми въ Россіи только и надѣлены наши южные владѣнія: Закавказье и Крымъ, устриваютъ себѣ здѣсь великолѣпные дворцы и еще улучшаютъ богатства мѣстной природы. Какъ извѣстно, наша царствующая семья также имѣетъ нѣсколько дачъ на берегу Крыма (такъ и въ предшествовавшемъ № „Нивы“ былъ представленъ видъ имѣнія Великаго Князя Константина Николаевича). Государыня Императрица также имѣетъ свой дворецъ.

Поправленію ея разстроеннаго здоровья много способствовалъ климатъ Крыма и со времени своего выздоровленія Императрица въ концѣ лѣта обыкновенно уѣзжаетъ въ Ливадію.

Собственно названіе Ливадія есть слово греческое и въ переводѣ означаетъ „лугъ“. Въ давнія времена на мѣстѣ Ливадіи было греческое поселеніе, что доказывается находженіемъ нѣсколькихъ надгробныхъ памятниковъ, и самое названіе одного изъ источниковъ, протекающихъ въ этой мѣстности, Ай-яньсу—вода св. Іоанна—также служитъ доказательствомъ за принадлежность этой земли грекамъ. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II всѣ земли отъ Ливадіи до Балаклавы, по берегу моря, были отданы грекамъ. Отъ грековъ генераль Ревильоти приобрѣлъ покупкою значительную часть этихъ земель, въ томъ числѣ Ливадію и Оріанду.

Отъ Ревильоти Ливадію въ 1834 г. приобрѣлъ графъ Потюкскій и устроилъ тутъ красивую дачу съ богатыми виноградниками. Затѣмъ по смерти Потюкскаго, наследниками его Ливадія была продана въ Министерству Удѣловъ, а отсюда въ 1861 г. поступила во владѣніе Государыни Маріи Александровны. Ливадія находится въ 4-хъ верстахъ разстоянія отъ Ялты; превосходное шоссе соединяетъ ихъ и идетъ далѣе. Тутъ на всемъ пространствѣ между Ялтой и Алупкой высятся среди густыхъ рощей и отвѣсныхъ скалъ прекрасныя дачи-дворцы. Дворецъ Государыни, само собой разумѣется, занимаетъ первое мѣсто. Въ своемъ великолѣпнн равняется съ царскими дворцами въ окрестностяхъ Петербурга, онъ превосходитъ ихъ роскошью своею очаровательной обстановки—природы южнаго берега съ его растительностью, моремъ, съ его удивительнымъ климатомъ. Но нельзя все таки не замѣтить, что Ливадія, будучи полна красотъ, созданныхъ руками человѣка, въ то же время по мѣстоположенію своему далеко уступаетъ многимъ другимъ имѣніямъ, находящимся по южному берегу Крыма, не говоря уже объ Оріандѣ и Алупкѣ—которые по красотѣ мѣстности, ими занимаемой, не могутъ быть сравнимы съ Ливадіей. Но за то въ Ливадіи, какъ мы сказали выше, есть другія красоты, созданныя царственными владѣтелями. Красотъ этихъ множество, въ томъ числѣ и изящныя фонтаны. Одинъ, напримѣръ, сдѣланъ античнымъ саркофагомъ съ покоящейся женщиной. Саркофагъ этотъ найденъ при раскопкахъ въ Помпей и вывезенъ изъ Італіи графомъ Потюкскимъ. Оранжереи Ливадіи наполнены самыми рѣдкими растениями горячихъ странъ свѣта; галереи увиты богатыми розами; тоннель ведетъ къ морю; бассейнъ вмѣщаетъ въ себѣ воду для поливки садовъ. Всѣ постройки въ Ливадіи произведены архитекторомъ Монигетти, и орнаментовкою въ восточномъ вкусѣ напоминаютъ отчасти дворцы Константинополя. Нѣсколько далѣе отъ дворца Императрицы стоитъ дворецъ Наслѣдника, также сдѣланный по плану Монигетти. Впечатлѣніе, производимое красотою построекъ въ Ливадіи, при всемъ ихъ разнообразіи, нельзя не признать значительнымъ; но тамъ, гдѣ жаркое синее небо, гдѣ предъ глазами безконечная даль моря и чарующая растительность южной природы—тамъ красоты дворцовъ теряютъ свое значеніе.

Впрочемъ, необходимо замѣтить, что южный берегъ Крыма, богатый роскошными постройками, въ то же время и крайне бѣденъ удобными помѣщеніями для людей средняго состоянія. Словомъ, край этотъ благодатный по своей природѣ, но пустынный по количеству его населенія и по бѣдности его культуры, что, конечно, всего болѣе зависить отъ недостатка нашей русской предприимчивости.

Л.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ.

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

IV.

У опушки густого, на десятки веретъ раскинувшя-

гося бора, не далеко отъ дороги Московской, верстахъ въ двадцати пяти отъ Суздаля, пріютилась избенка.

Чернѣется она, будто грибок какой, среди яркаго снѣга, озолоченнаго утреннимъ солнцемъ. Кругомъ тихо. Неподвижно, какъ каменныя изваянія, стоятъ вѣковья сосны. Молчить лѣсная птица. Не подаетъ голосу домашняя скотина подъ навѣсомъ. Только легкій дымокъ струится надъ хатою, поднимается къ ясному, розоватоголубому небу и незамѣтно исчезаетъ въ безвѣтряной высотѣ.

Но вотъ скрипнула дверца избышки, на порогѣ показались старикъ и молодой парень.

Парень въ толстомъ зипунѣ, въ теплыхъ валенкахъ, въ мѣховой шапкѣ, за спиною у него котомка небольшая изъ толстой холстины.

Старикъ что-то толкуетъ парню, показываетъ руками на дорогу.

— Спасибо, дѣдушка, спасибо, понялъ,—отвѣчаетъ тотъ звонкимъ голосомъ,—Богъ дастъ не заплутаюсь.

— Помни, село Медвѣдково, спроси тамъ Лукьяна,—его всякій знаетъ—онъ тебя на ночь впустишь.

— Спасибо, дѣдушка, спасибо за ласку! не впустишь бы ты меня, такъ въ лѣсу ночевалъ бы!

— Зачѣмъ въ лѣсу? И не знаемаго человѣка въ лѣсу не оставлю, а коли ты моего племяша Ѳедюшки пріятель, такъ тѣмъ паче. Только, эхъ ты парень, парень, подивился я на тебя—полно, такъ ли что ты мнѣ насказалъ, съ посломъ ли ты въ Москву отъ господина?

— Вѣстимо съ посломъ, бойко отвѣтилъ парень.

— Ну да ладно, — слабо усмѣхнувшись замѣтилъ старикъ,—я тебѣ не судья и не доносчикъ. Въ бѣгахъ-ли ты или что—не мое дѣло, ты мнѣ зла не сдѣлалъ—съ Богомъ!

Юноша еще разъ сказалъ старику спасибо и быстро направился къ Московской дорогѣ.

Старикъ постоялъ, поглядѣлъ ему въ слѣдъ, покачалъ головою и вернулся въ избышку.

Утро задалось чудесное.

Не смотря на морозецъ, въ воздухѣ уже слышалось приближеніе весны, ужъ носился какой-то особенный, свѣжій, сладкій запахъ. Отъ лучей солнечныхъ кое-гдѣ капалъ заледенѣвшій снѣгъ съ древесныхъ вѣтокъ.

Парень шелъ быстрымъ, скорымъ шагомъ, какъ будто его что-то подталкивало.

Вотъ онъ оставилъ лѣсъ за собою, вотъ выбрался на большую дорогу, оглядѣлся во всѣ стороны, прислушался къ тишинѣ окрестной: ничего и нигдѣ не видно, и не слышно. Во всѣ стороны были блестящія поляны, только полоса дороги, протоптанная обозами, потемнѣла. Старикъ сказывалъ далеко до перваго селенья...

Юноша еще быстрѣе пошелъ дальше.

Вотъ солнце поднялось выше, заглядываетъ прямо въ глаза, такъ что щуриться приходится путнику. И онъ весело щурится, весело смотритъ на разноцвѣтно-горящія снѣжинки подъ ногами. Ему пѣть и плясать хочется. Да какъ же и не пѣть, не плясать и не радоваться? Молодость и здоровье такъ и сверкаютъ въ лицѣ его. Онъ высокъ и строенъ, но почти ребенокъ. Надъ алыми губами его незамѣтно даже еще и пуху, и невольно, глядя на него, думается: откуда это взялся такой красавецъ-мальчикъ? Да и мальчикъ ли это полно? И впрямь это красная дѣвица—перхуловская Люба Кадашева, которую сцапалъ дьяволъ.

Старикъ изъ лѣсной избышки заподозрилъ своего ночного постояльца въ томъ, что онъ бѣжалъ отъ господина. Этотъ же старикъ съ изумленіемъ разглядывалъ юношу, дивился женской красотѣ лица его, его нѣжному голосу, видѣлъ и чувствовалъ что-то странное, необычное въ этомъ юношѣ. Между тѣмъ мысль о томъ, о передъ нимъ дѣвушка, не могла придти ему въ голову. Еслибъ ему сказали, что это самъ бѣсъ въ образѣ красавца-мальчика, что это оборотень, или

какое ни на есть диво, онъ повѣрилъ бы, но чтобъ это была дѣвушка—никто не могъ бы его увѣрить.

— Неслыханное, невѣроятное дѣло! Она въ мужской одеждѣ... на большой дорогѣ...

А ужъ если и впрямь это такъ, если это дѣвушка, значить точно сидитъ въ ней дьяволъ, и не сама это она идетъ, а онъ, врагъ, несетъ ее.

Но Люба ни о чемъ такомъ не думаетъ, не дивится на себя и на свою неслыханную смѣлость, не раскаивается. Она думаетъ только о томъ, какъ бы ей добраться до Москвы, не погибнуть на дорогѣ. Вотъ вчера вечеромъ ужъ какъ жутко ей было: и людей боялась, и звѣрей боялась еще пуще того. Такъ какъ же все это могло случиться? А случилось оно очень просто. Почувствовавъ въ себѣ силу подняться послѣ жестокихъ побоевъ, бѣдная дѣвушка вдругъ приняла неожиданное для самой себя рѣшеніе: бѣжать, бѣжать изъ этого ужаснаго дома, бѣжать къ Царь-дѣвицѣ! И какъ до сихъ поръ не пришло это ей въ голову?!

Но бѣжать... ей, которая и на мужскую-то половину не могла выйти безъ того, чтобъ ее не обозвали безстыдницей... Бѣжать, не зная дороги, не зная что тамъ и какъ тамъ, и что съ ней будетъ, ожидая, что и люди лихіе и звѣри лютые сто разъ могутъ ее погубить, прежде чѣмъ она доберется до Москвы.

Все это, конечно, мелькало въ головѣ Любы, но не смутило ее, не испугало—не такова она была, чтобъ чего-нибудь испугаться. То блаженство, тотъ рай, которые ожидали ее въ теремѣ Царь-дѣвицы, были такъ чудны, такъ прекрасны, эта цѣль являлась такой заманчивой, что разъ почувявъ возможность ея достиженія, Люба не могла думать о препятствіяхъ и бояться ихъ.

Но какъ все это сдѣлать? Какъ выбраться изъ дома? Какъ избѣжать погони?

Цѣлую ночь все обдумывала и пргдумывала Люба и наконецъ остановилась на единственно возможномъ планѣ.

Одна, безъ чужой помощи, не выйдешь, въ своемъ женскомъ платьѣ не убѣжишь, не избѣжишь погони: нужно нарядиться мальчикомъ — но откуда добыть одежду?..

Какъ ни охранялись входы и выходы женской половины дома, но конечно между молодыми дѣвушками и парнями необходимо безъ переглядываній и перемигиваній. Одинъ изъ молодыхъ слугъ Перхулова, по имени Ѳедоръ, или какъ всѣ его называли, Ѳедюшка, не разъ попадался на глаза Любѣ. Это былъ парень лѣтъ двадцати не больше, красивый и бойкій, хотя и довольно глуповатый. Онъ очевидно былъ давно уже пораженъ красотой Любы и посылалъ ей постоянно нѣжные взгляды, а при случаѣ и сладкія словечки. Но Люба не обращала на него до сихъ поръ никакого вниманія, ей сердце молчало, да и должно было оно забиться не для какого нибудь глуповатаго Ѳедюшки.

Была суббота. Почти всѣ въ домѣ Перхуловыхъ отправились ко всенощной. Люба осталась, и какъ опальная и какъ больная, остался и Ѳедюшка по счастью моему случаю.

Тишина въ домѣ, темъ кромѣшная.

Люба изловчилась, оглядѣлась и пробралась на мужскую половину, а тамъ, словно ее поджидаетъ, стоитъ Ѳедюшка.

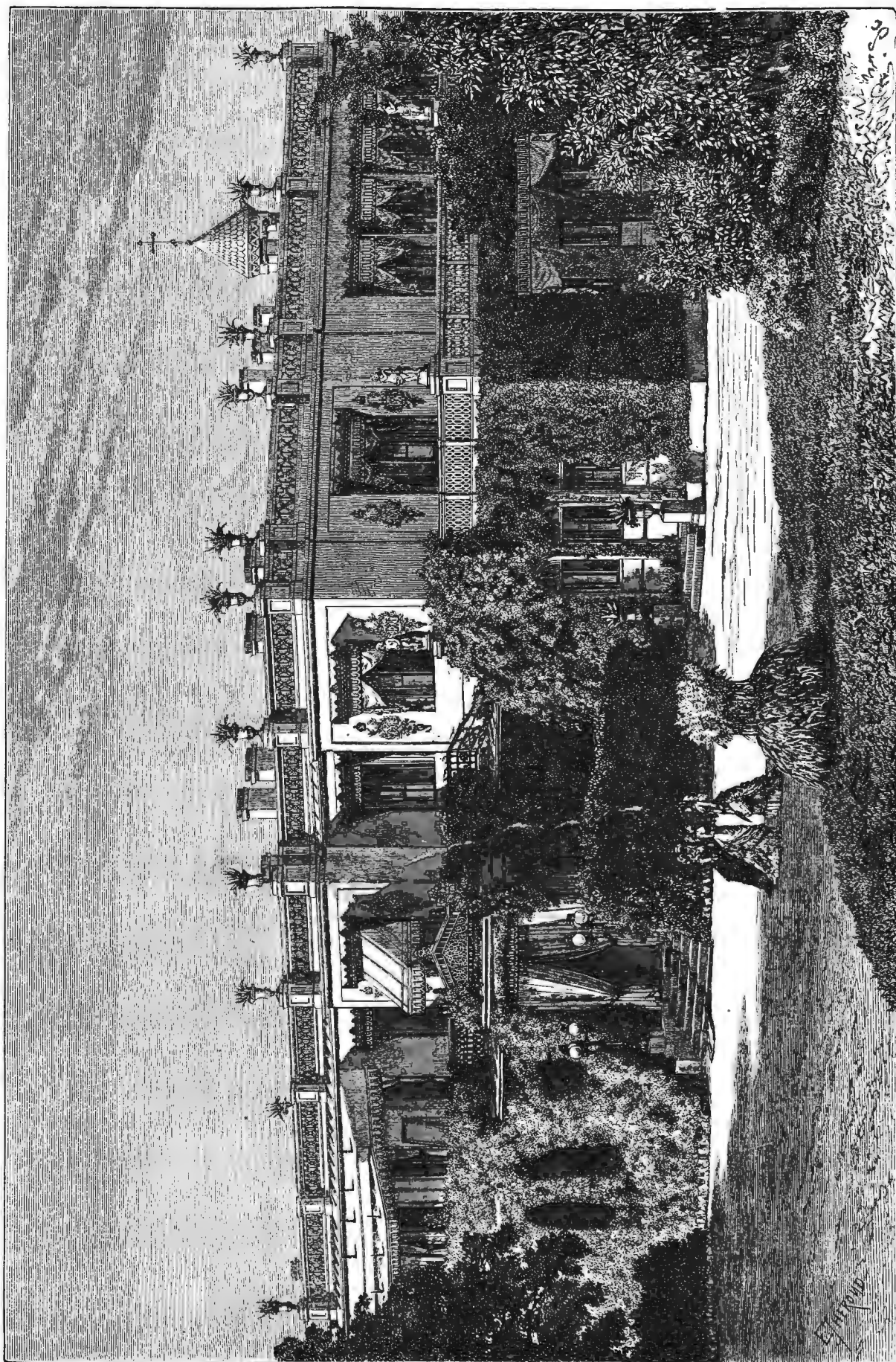
Онъ это, онъ—хоть и темно, а она его разглядѣла.

Ай! вскрикнула Люба и не успѣла опомниться, какъ очутилась въ крѣпкихъ объятіяхъ и почувствовала на щекѣ своей горячій поцѣлуй.

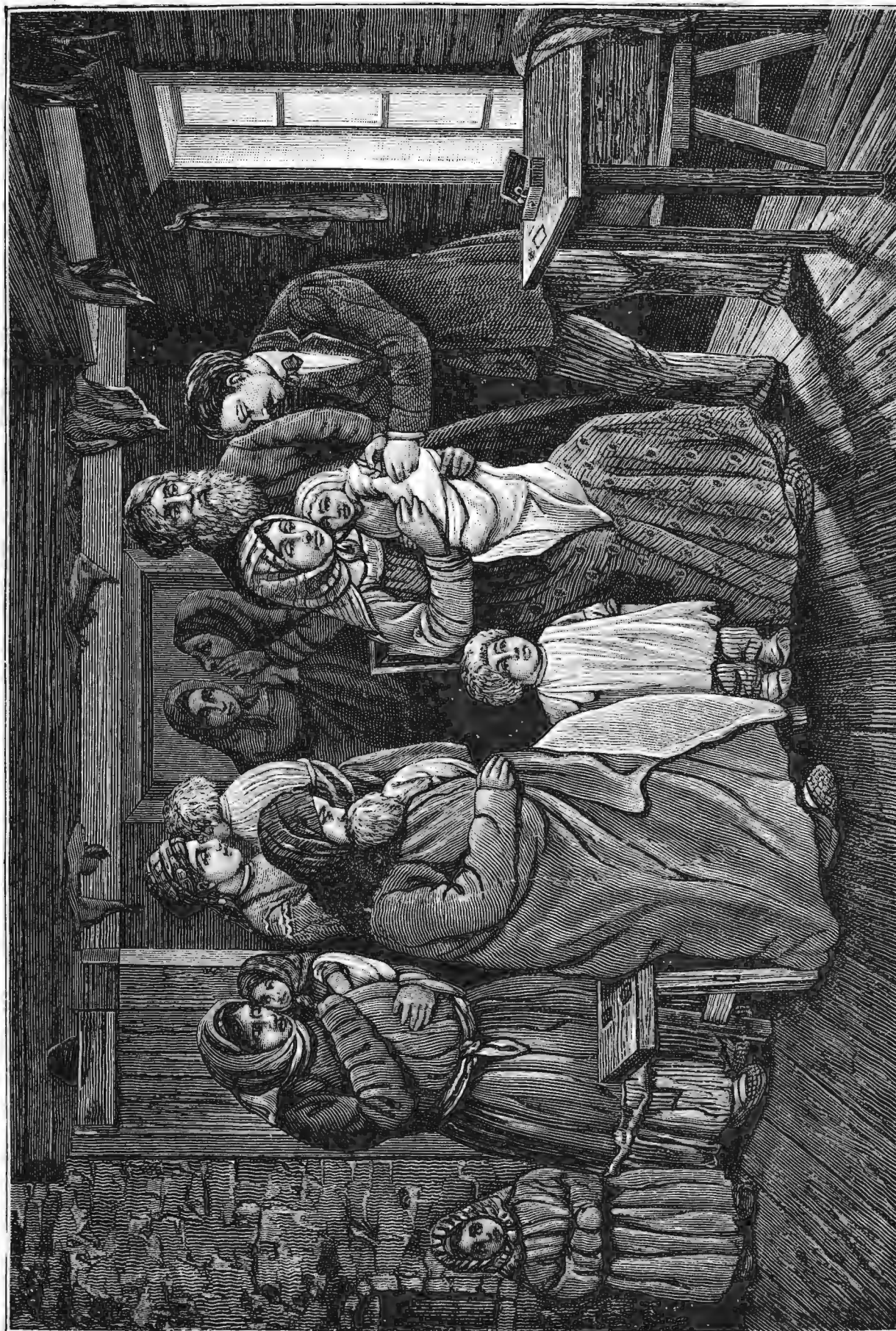
Въ первую минуту она было возмутилась и обидѣлась, хотѣла оттолкнуть его отъ себя и убѣжать обратно въ свою коморку, но сейчасъ же и одумалась.

Она только слабо отстранила его и зарыдала.

— Что ты, ласточка моя? о чемъ ты плачешь? тихо и нѣжно прошепталъ Ѳедюшка.

Дворецъ Государыни Императрицы въ Ливадіи. Рис. съ натуры Е. Теру, грав. Лаллаугъ.

Прививна ослы въ деревнѣ. Рис. на деревѣ Вѣттоновъ, грав. Пуцъ.

— Какъ же мнѣ не плакать, сквозь рыданія отвѣтила ему Люба, или не знаешь какова моя жизнь? или не знаешь что на мнѣ мѣста живого не осталось—вся какъ есть избита!

— Охъ знаю, знаю, моя красавица, и видитъ Богъ какъ узналъ, такъ ажю меня до слезъ прошибло...

— Что-жь такъ? сказала Люба, останавливая свои слезы, чего тебѣ обо мнѣ плакать—я тебѣ не своя, а чужая.

— То то и есть, что не чужая, давно ужъ я по тебѣ сохну, Любушка!

— Любишь меня что-ли! уже твердымъ и нѣсколько лукавымъ голосомъ спросила Люба.

— Больше жизни люблю, за тебя готовъ въ огонь и въ воду. То есть пушай все тѣло мое рвутъ на части, лишь бы тебя не трогали.

— Пустое—не вѣрю!

Но время терять было нечего: того и жди ихъ застанутъ и быть новой бѣдѣ. Нужно ковать желѣзо, пока горячо... За смѣлостью у Любы дѣло не стало.

— А коли впрямъ любишь, такъ докажи, сказала она, выручи изъ бѣды, помощи убѣжать, тогда я тебя въ жизнь не забуду.

— Убѣжать! Богъ съ тобой—а я то какъ же?

Но у Любы на все были придуманы отвѣты, и справиться съ недаленымъ Ѳедюшей ей было не трудно.

Она наговорила ему турусы на колесахъ, наврала не вѣсть чего: увѣрила, что у нея есть богатые, знатные родные, что если онъ поможетъ ей убѣжать отъ Перхуловыхъ, то и весна еще не успѣетъ стать, какъ они свидятся и съ тѣмъ, чтобъ ужъ больше не разлучаться. Онъ тоже, хоть и связанъ съ Перхуловыми, да можетъ развязаться—человѣкъ не безвольный, а живетъ по уговору.

Красно и доказательно говорила Люба. Ѳедюшка всему повѣрилъ и успокоился, а за поцѣлуй, которымъ его наградила Люба, окончательно оказался готовымъ для нея въ огонь и въ воду.

Пока всѣ были у всенощной—и сдѣлалось дѣло. Тайно, такъ что никто не замѣтилъ, принесъ онъ ей свое старое платье. Она переодѣлась у себя въ каморкѣ и, получивъ отъ Ѳедюшки указаніе, какъ ей добраться до его стараго дяди, жившаго близъ Московской дороги, ныгнула за ворота Перхуловскаго дома и черезъ полчаса была уже въ снѣжномъ полѣ, за Суздалемъ, среди ночной тишины, подъ звѣзднымъ небомъ.

Ея сердце колотилось шибко. Со всѣхъ сторонъ на нее наступали страхи и ужасы, но она смѣло шла впередъ и только шептала слова молитвы, и только думала о волшебномъ теремѣ; гдѣ ея ожидаетъ сказочная Царь-дѣвица.

V.

Весь день, почти безъ отдыха, шла Люба.

Иногда ее обгоняли обозы, тянувшіеся къ Москвѣ изъ вотчинъ со всякимъ продовольствіемъ. Она заговаривала съ возчиками, спрашивала далеко-ли до Москвы и получила въ отвѣтъ, что еще далеконько. Спрашивала, не знаютъ-ли село Мѣдвѣдково, — отвѣчали:—„какъ не знать, село большущее, знатное. Оно не далече, а все же, коли будетъ парень пѣшій идти, до вечера не доберется“.

Люба попросила подвезти ее. Возчики согласились.

Еще не успѣло смеркнуться, какъ она замѣтила на горизонтѣ чернѣющія строенія, церковныя главы.

„Это вотъ и есть Медвѣдково, тутъ сейчасъ и поворотъ къ нему и большая дорога“.

Люба поблагодарила возчиковъ, проворно спрыгнула съ возу и бѣгомъ пустилась по направленію къ селу. Но бѣжать было трудно—снѣгъ глубокій, да рыхлый, вязнуть въ немъ ноги, къ тому же сильная усталость начала сказываться.

— Ну, ничего, ничего, ободряла себя Люба, тамъ авось Богъ дастъ отдохну у Лукьяна, а то ночью въ полѣ—жутко.

И она припустилась еще шибче. Вотъ уже Медвѣдково какъ на ладони: село, точно, знатное, большущее. его и за городъ принять можно.

На розоватомъ горизонтѣ померкающаго неба, въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга, рисуются двѣ церкви. Избы, расположенныя правильными рядами, образуютъ улицы.

Еще пройти одинъ косогоръ—и Люба въ Медвѣдковѣ.

Но что это? что за звуки? гулъ какъ отъ многихъ сотенъ человѣческихъ голосовъ. Чѣмъ ближе, тѣмъ слышнѣе; что тутъ такое? не бѣда ли кака? не пожаръ ли?

Черезъ нѣсколько минутъ, при входѣ въ селеніе, Люба очутилась среди густой толпы народа: тутъ были и мужики, и бабы, и даже дѣти. Крикъ, гвалтъ, ничего разобрать невозможно.

Люба спросила у перваго попавшагося мужика про Лукьяна. Тотъ взглянулъ на нее, ничего не отвѣтилъ и заоралъ свое, размахивая руками и очевидно не обращая вниманія на то, слушаетъ ли кто, что онъ оретъ.

Спросила она у другого—какой то еще Лукьянъ. чего лѣзешь! Откедова? отвѣтили ей.

Она замолчала. Разспрашивать теперь, не оглядѣвшись и не узнавъ въ чемъ дѣло, ей показалось опаснымъ.

Но какъ тутъ узнаешь, о чемъ орутъ и что у нихъ такое?!

— Антихристъ, антихристъ, вѣстимо антихристъ народился, раздавалось въ толпѣ,—ужъ видѣли—въ Москвѣ засѣлъ!.. Никонъ-то, вишь, предтеча его...

— Вѣстимо, вѣстимо! Эхъ океаннны!.. Не оставимъ святиню въ рукахъ слугъ антихристовыхъ!

— Въ церковь братцы, на поповъ!..

И толпа хлынула къ церкви. Люба—за народомъ.

Что такое?—она ничего не понимала. Слышала она про Никона патріарха, слышала, что въ чести былъ великой онъ, а потомъ въ чемъ то провинился и словно бы въ заточеніи гдѣ-то, знала и про антихриста, врага рода человѣческаго, слышала, что онъ долженъ скоро народиться; но что онъ ужъ и народился—объ этомъ въ Перхуловскомъ домѣ еще не говорилось.

Что-то они будутъ дѣлать въ церкви? отъ кого ее защищать? что попы дурнаго сотворили?

Страхъ начиналъ пробираться Любу, но любопытство превозмогало и страхъ, и она снѣшила вслѣдъ за толпой, не смотря на свою усталость, снѣшила быть изъ первыхъ на мѣстѣ, чтобъ ничего не пропустить, чтобъ наконецъ понять, въ чемъ дѣло.

Толпа добѣжала до церкви. Тутъ у церковной ограды поповскія строенія. Десятка три мужчинъ начали выламывать ворота, ворвались во дворъ и черезъ нѣсколько мгновеній оттуда послышались страшные крики и вопли. Вотъ волокутъ кого-то...

Люба протискалась ближе, видитъ—священникъ. Онъ кричитъ отчаяннымъ голосомъ, выбиваясь изъ рукъ своихъ мучителей; но никто за него не заступается. Ражій дѣтина схватилъ его за длинные волосы и повалилъ на землю. Ударъ, другой, третій—несчастный священникъ застоналъ. Толпа реветъ, заглушая его стоны; все спуталось.

Люба, дрожа и затыкая себѣ уши, съ исказившимся отъ страха лицомъ, бросилась къ церкви.

Вся паперть полна народу; выламываютъ тяжелыя двери.

— Да на крышу, на крышу-то полѣзайте! кричатъ нѣсколько голосовъ,—на главы церковныя!

— Воды, воды давайте, обмывайте кресты водою, вѣды опоганили, все опоганили антихристы!..

Тащить откуда-то лѣстницу и дѣйствительно взбираются на крышу съ ушатомъ воды.

Прошло нѣсколько минутъ; церковныя двери выломаны, толпа ввалилась въ церковь и въ тоже мгновеніе раздался пронзительный звонъ во всѣ колокола.

Люба, чуть не сбитаая съ ногъ толпой, сама не замѣтила, какъ очутилась въ церкви.

Между тѣмъ вечеръ надвигался больше и больше и въ церкви было уже совершенно темно.

Но вотъ кто-то зажегъ лампаду, вотъ загорѣлась другая и внутренность храма освѣтилась.

Люба стояла, прислонясь къ стѣнѣ, едва держась на ногахъ отъ усталости и ужаса, который увеличивался еще тѣмъ, что она рѣшительно не могла взять въ толкъ того, куда она пошла? что это такое? и что съ нею будетъ? Она ясно только видѣла одно, что теперь невозможно ни съ кѣмъ разговаривать, ни у кого ничего спрашивать; нужно только притаиться, чтобъ какъ нибудь ее не замѣтили, что въ этомъ только и спасенье.

Люди, наполнявшіе церковь, продолжали голосить и браниться.

Въ церкви были и женщины, и мужики, и люди въ монашескомъ платьѣ.

Прежде всего они начали расплескивать всюду воду, потомъ схватили мочалки, принялись обмывать церковь.

Но это что такое? Какой-то монахъ выбиваетъ прирѣзленную къ стѣнѣ икону, скоро нѣсколько человѣкъ подбѣгаютъ къ нему на помощь, икона выбита, брошена на полъ, ее топчутъ ногами.

Люба смотритъ, не вѣря глазамъ своимъ—еще никогда она не видала въ жизнь свою такого богомерзкаго дѣла, даже никогда не думала, что оно возможно: святую икону топтать ногами!

И будто въ отвѣтъ на ея мысли раздаются дикіе возгласы:

— Топчи, плюй на поганую доску! то не икона, то дьявольское писаніе! Мойте, мойте скорѣй свята иконы стараго писанія!

Люба ничего не понимаетъ. А толпа продолжаетъ безчинствовать.

— Плюйте на полъ!

Но тутъ новые крики и визгъ въ другой сторонѣ церкви обращаютъ на себя вниманіе Любы.

Двѣ какія то женщины положительно бѣснуются: падаютъ на полъ, потомъ поднимаются; сбили съ себя головные уборы, растрепали волосы, выдираютъ ихъ прядями, царапаютъ себѣ лица и визжать не своимъ голосомъ. Имъ очищаютъ мѣсто и смотрятъ на нихъ съ благоговѣніемъ.

— Духъ, духъ въ нихъ вселился! шепчутъ нѣкоторые,—вотъ сейчасъ заговоритъ ихъ устами...

Женщины мало по малу утихаютъ и дѣйствительно начинаютъ что-то говорить, но сначала разобрать ничего невозможно. Слова ихъ отрывисты и перемежаются дикими взвизгиваніями.

— Вонъ поповъ антихристовыхъ! наконецъ уже лютвенно кричитъ одна изъ женщинъ.—Вонъ ихъ всѣхъ къ дьяволу, чтобъ не смѣли переступать святаго порога! Божьи люди, не отдавайте врагамъ церковь, не выходите! Пусть Василій Мыло священнодѣйствуетъ!

— Василій Мыло! Василій Мыло! раздается по церкви десятками голосовъ и толпа вытискиваетъ изъ себя маленькаго взъерошеннаго старика, въ одеждѣ дьяка, съ ошипанной сѣдой бородкой.

— Мыло, тебѣ священнодѣйствовать! ты нашъ учитель! кричатъ и мужчины и женщины.

— И буду, и буду, визгливымъ голосомъ, въ отвѣтъ на эти крики, повторяетъ Василій Мыло.—А поповъ нечистыхъ никоніанскихъ къ дьяволу въ ноги! Замыкай двери. Не выходи нието—здѣсь ночевать будемъ, не покинемъ святой церкви!

— Вѣстимо не покинемъ, отвѣчаютъ многіе.

И слышно, какъ замыкаютъ двери.

Люба вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Уйти теперь отсюда невозможно. Еще мгновеніе—и она почувствовала, какъ голова у нея кружится, всѣ предметы сливаются, находить какое-то забытье страшное. Беззвучно соскользнула она на полъ въ темномъ уголкѣ церковнаго придѣла и потеряла сознание.

VI.

Прошло немало времени, а Люба все лежитъ, не шелохнется, будто мертвая. Люди, наполняющіе церковь, заняты своимъ дѣломъ и въ фанатическомъ возбужденіи ничего не видятъ, ничего не слышатъ.

Мужики и бабы суетятся, толкаясь и снуя по церкви; не разъ натыкались на Любу, но никому и въ голову не пришло разсмотрѣть, кто это такой лежитъ безъ движенія: живой человѣкъ или мертвый и откуда онъ взялся.

Наконецъ, отъ чьего-то сильнаго толчка и чьей-то въ темнотѣ наступившей на нее ноги, очулась Люба.

Въ первое мгновеніе она ничего не понимала, не могла сообразить, гдѣ она и что съ нею. Ей казалось, что она грезитъ, что передъ нею не явь, а сонъ безобразный, тревожный, но мало по малу стали проявляться ея мысли. Она все вспомнила и приподнялась съ полу. Ея болѣзненная слабость прошла...

Въ церкви тишина. Народъ угомонился, засвѣтили всѣ до одной лампы; Василій Мыло началъ службу.

И вотъ раздалось разноголосное, нестройное пѣніе подъ церковными сводами.

Люба тихонько пробралась къ дверямъ, думая, что можетъ быть онѣ не на запорѣ заперты и ей удастся какъ нибудь проскользнуть на паперть.

Она была ужъ у самыхъ дверей, когда снаружи раздался сильный стукъ.

— Кто тамъ? Кто стучитъ? спросило нѣсколько голосовъ изъ церкви.

— Это мы, съ колокольни, впустите святую службу прослушать!

Голосъ видно оказался знакомымъ, потому что два человѣка стали отпирать двери.

Люба подвинулась ближе. Вотъ половину дверей пріотворили, вошло нѣсколько человѣкъ, сейчасъ опять запереть, и ужъ тогда до утра невозможно будетъ вырваться отсюда.

„Господи благослови!“ сказала про себя Люба, и сама не помня какъ, проскользнула въ готовую захлопнуться дверь, очутилась на паперти и кинулась бѣжать отъ церкви.

Но, пробѣжавъ минутъ съ пять, она остановилась.

Ночь темная, хоть и видимо не видимо звѣздъ на небѣ высыпало. Что дѣлать? Первою мыслью Любы было бѣжать скорѣй изъ Медвѣдкова, опять на большую московскую дорогу, подальше отъ этого страшнаго, непонятнаго мѣста, гдѣ такія неслыханныя чудеса творятся.

Но какъ же ей бѣжать? Положимъ у ней въ котомкѣ большой кусъ хлѣба, данный ей еще въ Суздальѣ Ѳедюшкю; снѣгу всюду много, можно утолить жажду, но дѣло не въ питьѣ и пищѣ, а въ усталости и страхѣ. Идти всю ночь—силъ нѣтъ, да и смѣлости не хватитъ, а лечь гдѣ нибудь въ полѣ на снѣгъ и постараться заснуть—такая ночевка еще страшнѣе.

— Кто стоитъ? Что за человѣкъ? вдругъ раздалось почти у самаго уха Любы.

Она дрожала всѣмъ тѣломъ, разглядѣвъ въ темнотѣ двѣ рослыя мужскія фигуры. Бѣжать—словяты и погубить; молчать—то же самое. Но что же говорить? что имъ отвѣтить?

— Что за человѣкъ? Языкъ проглотилъ что-ли? опять раздается страшный голосъ, и сильная рука схватила Любу за воротъ.

— Да я къ Лукьяну, бессознательно проговорила Люба, только пройти вот какъ—не знаю.

— Откуда-жь ты, мальченко? изъ васьлевскихъ что-ли?

— Да, я пришелъ съ Васильемъ Мыломъ,—сама не вѣри своей смѣлости, отвѣтила Люба.—Вотъ меня къ Лукья-

и скоро очутилась на одной изъ улицъ Медвѣдкова.

Тутъ было совершенно тихо. Люди заперлись въ избы, бродили только собаки, по временамъ встрѣчая и провоякая прохожихъ оглушительнымъ лаемъ.

Наконецъ мужикъ остановился около одной просторной избы.

Всемирная выставка въ Парижѣ: „Мысль,“ (La Pensée) статуя изъ мрамора работы г. Шапю, назначенная на могилу Даніэля Стерна. Рис. Жюль Лавэ, грав. Смитонъ.

ну послали изъ церкви, да дороги къ избѣ его не знаю.

— Михѣй, проводи парня-то—тебѣ по пути, а то и впрямь онъ тутъ въ темнотѣ плутать будетъ, сказалъ одинъ изъ мужиковъ, тотъ самый, который держалъ Любу за воротъ.

— Ладно, отвѣтилъ другой голосъ,—иди что-ли!

Люба поспѣдовала за своимъ неизвѣстнымъ вожакомъ

— Вотъ тебѣ и Лукьяново жильѣ, сказалъ онъ. Постучись, онъ чай не спитъ. Гдѣ теперь спать—не до спанья.

— Спасибо, родимый, прошептала Люба и стала стучать въ ворота.

На дворѣ залаяли собаки, и черезъ нѣсколько мгновенья послышался скрипъ шаговъ по снѣгу.

Славъ лѣса въ порогахъ Шварцвальдскихъ горъ. Рис. Штилеръ, грав. К. Вейерманъ.
Библиотека "Руниверс"

— Кто стучит?

— Къ Лукьяну надоть, стараясь придать какъ можно болѣе грубости своему голосу, отвѣтила Люба, а сама крестилась и мысленно повторяла слова первой пришедшей въ голову молитвы.

Ворота растворились.

— Чего тебѣ? спросилъ довольно пріятный старческой голосъ.

— Лукьяна, говорю, Лукьяна! ужъ почти со слезами и чувствуя, что снова у нея подкашиваются ноги, прошептала Люба. Ты ли Лукьянъ?

— Да я, а то кто-же?

— Лукьянъ, батюшка, милостивецъ, спаси меня, защити!

И Люба упала на колѣни передъ отворявшимъ ей ворота человѣкомъ и хватала его за платье.

— Да стой! что ты? откуда? Поди сюда, ничего не разберу—темень то вишь кака. Дѣвка ты что-ли?

— Нѣтъ не дѣвка—парень. Спаси меня, Лукьянушка, не то пропала моя голова... Куда я теперь дѣвусь?

— Иди въ избу; что тамъ такое? не въ-домекъ мнѣ, проговорилъ Лукьянъ, запирая за собою ворота.

Не помня себя, Люба вошла въ избу и невольно зажмурилась отъ яркаго свѣта горѣвшей лучины.

Когда она нѣсколько успокоилась, то увидѣла, что находится въ просторной и чистой клѣтѣ, а передъ нею стоитъ старикъ съ длинной сѣдой бородой, большимъ красноватымъ, но добрымъ, сразу располагающимъ къ себѣ лицомъ.

Съ изумленіемъ глядѣлъ этотъ старикъ на Любу, очевидно дивясь, откуда это забрался къ нему такой красавецъ мальчикъ.

Люба молчала, чувствовала, что говорить нужно, но не могла произнести ни слова. Вся ея необыкновенная смѣлость исчезла. Она чувствовала себя теперь совсѣмъ безпомощнымъ, въ-конецъ запуганнымъ и измученнымъ ребенкомъ. Ей необходимо было спрятаться

подъ чье нибудь сильное крыло, прижаться къ чело-вѣку, который могъ бы защитить ее.

Она ужъ не въ силахъ была играть свою смѣлую мужскую роль, неудержимо, громко зарыдала она и только сквозь рыданія повторяла.

— Спаси меня, спаси!

Лукьянъ, стараясь ее успокоить, посадилъ на лавку. Онъ понялъ, что въ такомъ состояніи этотъ, очевидно чѣмъ то сильно перепуганный паренекъ, ничего не можетъ теперь объяснить ему.

Скоро ласковый и ободряющій голосъ старика по-дѣйствовалъ на Любу, и она наконецъ въ силахъ была заговорить.

Она передала вымышленную свою исторію: сказала, что послана къ нему въ Медвѣдково старымъ Еремѣемъ, что живетъ у Мурьина лѣса, рассказала какъ попала въ сумятицу и что ничего не понимаетъ.

Лукьянъ внимательно ее слушалъ и пристально глядѣлъ на нее, стараясь сообразить, нѣтъ-ли тутъ какого нибудь подвоха. Но какой подвохъ можетъ быть отъ этого мальчика? — Люба говорила такъ искренно.

— Ишь ты! наконецъ вымолвилъ Лукьянъ и снова улыбнулся,—чего ты такъ перепугался, трусишка?

— Да какъ-же не перепугаться, дѣдушка?—ничего не понимаю, скажи, Христа ради, что все это значить? что тутъ у васъ дѣлается?

— Сказать... ну калякать то съ тобой мнѣ некогда. Тамъ вонъ мои бабы не спятъ еще, такъ накормятъ тебя; вѣдь ты должно отоцалъ больно,—ну и толкуй тамъ съ ними. А мнѣ и спать пора—замаялся!..

Онъ подошелъ къ маленькой дверцѣ, ведущей въ сосѣднее помѣщеніе, и крикнулъ.

— Мавра, Федосья! вотъ накормите прохожаго парнишку... Ступай сюда, здѣсь теплѣе, обратился онъ къ Любѣ, почти втолкнувъ ее въ дверцу, а самъ остался въ клѣтѣ.

Вс. Соловьева.

(Продолженіе будетъ).

Искусственная выводка цыплятъ.

(Окончаніе).

Отдѣленіе для „откормки“ и окончательнаго развитія цыплятъ устроено повидимому весьма практично. Однако, съ точки зрѣнія разныхъ обществъ покровительства животнымъ оно представляется никуда негоднымъ. Устроенное для этой цѣли зданіе имѣетъ 120 фут. длины, 20 фут. ширины и 25 ф. вышины. Въ отдѣленіи находится 8 кормовыхъ аппаратовъ обь устройствѣ которыхъ можно составить понятіе изъ прилагаемаго нами рисунка, (См. № 34) также можно получить довольно ясное понятіе и о способѣ самаго кормленія. Кормъ доставляютъ: каша изъ мансовой муки, молоко и вода. Но надо замѣтить, что только здоровый куриный желудокъ можетъ вынести до конца эту процедуру кормленія, потому что въ желудокъ сразу уничтожаютъ столько каши, сколько впору съѣсть взрослой курицѣ, и это дѣлается по два раза каждый день: ране утромъ, около 5-ти и вечеромъ около 6-ти часовъ. При этомъ, чтобы принудить откармливаемую птицу къ безусловному покою ей связываютъ ноги,—и это для того, чтобы движеніемъ она не потеряла силъ, но чтобы всѣ мускульныя силы расходовались на пищеваеніе и на образование мяса и жира. Откармливаемые птицы помѣщаются въ вращающемся цилиндрѣ, снабженномъ 240 отдѣленіями; для каждаго отдѣленія назначается 1 экземпляръ откармливаемой птицы. Если какакая либо птица, послѣ троекратной пробы кормленія, окажется слишкомъ слабою, чтобы перенести дальнѣйшую выкормку, то ее тотчасъ отправляютъ въ отдѣленіе „бойни“. Но та-же участь, понятию, постигаетъ и тѣхъ несчастныхъ птицъ, которыя еще смогли перетерпѣть трехнедѣльный процессъ кормленія. Такой откормленный (въ теченіе 3-хъ недѣль) жареный цыпленокъ долженъ вѣсить по меньшей мѣрѣ 1½ фунта. Это вѣсъ, котораго достигаетъ птица, при сейчасъ описанномъ уходѣ, въ два мѣсяца своего существованія.

Это описанное сейчасъ американское учрежденіе называется „Фабрика цыплятъ“. Такое названіе носитъ самая фирма. Каждодню высиживается здѣсь до 100,000 цыплятъ. И если дѣла идутъ хорошо, то на каждый день года приходится искусственныхъ выдѣлокъ по 300 штукъ.

Читатель изъ сказаннаго можетъ видѣть, что искусственная выводка цыплятъ, получившая широкое развитіе въ Америкѣ, существуетъ собственно для гастрономическихъ цѣлей, а не

для цѣлей систематическаго хозяйственнаго куроводства, для приобрѣтенія яицъ, какъ питательнаго продукта. Но дальше мы увидимъ, что собственно и яичная торговля (обуславливающая собою и успѣхи куроводства) получила въ наше время въ Европѣ весьма широкое развитіе.

Яйцо куриное—болѣе или менѣе любимый питательный продуктъ для всѣхъ народовъ; оно необходимая принадлежность стола богача и бѣдняка. Но какъ велика питательность яйца—это еще далеко не всѣми признанный фактъ. Въ пищу идутъ (и въ особенности какъ приправа для печеній и другихъ кушаній) яйца весьма различныхъ породъ птицъ: куръ, гусей, утокъ, птилицъ и друг. Даже яйца черепахи въ значительномъ количествѣ снабжаютъ кухню, въ особенности это нужно сказать о жителяхъ Южной Америки.

Яйца доставляютъ нашему тѣлу все, въ чемъ это послѣднее нуждается для вознагражденія потерянныхъ тѣломъ (такъ называемыхъ стронительныхъ или пластическихъ) веществъ и для подкрѣпленія силъ. Яйца удобно замѣняютъ мясную пищу, и ихъ нужно рекомендовать для питанія бѣднымъ кровью и страдающихъ хроническою потерей силъ. Но дѣло въ томъ, что цѣна яицъ и цѣна мяса взаимно весьма не пропорциональны. Возьмите, примѣрно, яйцо. Оно стоитъ, (предполагая свѣжее) въ Германіи 6 пфениговъ (у насъ 2 копейки) и фунтъ мяса, стоющій въ Германіи 60 пфениговъ, а у насъ въ Петербургѣ 15 к. Окажется, что мясо—пища болѣе дешевая, а яйца сравнительно дорогая. Въ Англии вообще весьма цѣнятся питательныя свойства яицъ. Англичанинъ потребляетъ яйца преимущественно сырыми; но продуктъ этотъ слишкомъ значителенъ въ самой странѣ, и отъ того существуетъ большой привозъ яицъ въ Англію. Въ послѣднія какихъ-нибудь 10-ть лѣтъ яичная торговля въ Англии получила колоссальное развитіе.

Что касается Франціи, то тамъ получила большое развитіе вывозная яичная торговля. Сотни рабочихъ занимаются тамъ каждый день осмотромъ, браковкою и складываньемъ яичнаго товара, для вывоза большею частью въ Англію. Стоимость вывезеннаго яичнаго товара изъ Франціи въ Англію простиралось въ 1864 г. (слѣдовательно слишкомъ 12-ть лѣтъ тому назадъ) на сумму свыше 25 милліоновъ франковъ; въ 1863 г. на сумму въ 23 милл. фран. а въ 1847 г. только на 4½ милл.

Слѣдовательно личная торговля во Франціи, менѣе чѣмъ въ 20 лѣтъ, увеличилась почти въ 6 разъ. Съ января до мая 1866 г. въ Англію было ввезено не менѣе 196 милліон. штукъ яицъ, даже на одинъ только май мѣсяцъ приходится ввоза 56 милліоновъ яицъ. Но при покупкѣ яицъ англичане весьма требовательны и щепетильны, и вкусъ англичанъ въ этомъ отношеніи совершенно противорѣчитъ, напримѣръ, вкусу турокъ. Тогда какъ послѣдніе любятъ яйца, начинающія тухнуть и даже гнилыя,—англичанину нужно яйцо совершенно свѣжее, безъ малѣйшаго запаха. Поэтому-то, при яичной торговлѣ, необходимо самый тщательный осмотръ отправляемыхъ за-границу въ особенности въ Англію яицъ, что дѣлается передъ упаковкою и нагрузкою товара. Для этой цѣли яичный товаръ вносятъ въ темную комнату, но въ затворенномъ ставнѣ которой существуетъ яйцеобразное отверстіе, пропускающее свѣтъ. Если въ такое отверстіе вставить яйцо, то, разумеется, можно безошибочно судить о его свѣжести (ибо извѣстно что свѣжее яйцо, разсматриваемое при достаточномъ свѣтѣ, представляется прозрачнымъ). Но всего вѣрнѣе употребляютъ для осмотра яицъ наочно устроенный для этой цѣли приборъ, это „зрительная труба для яицъ“. Приборъ состоитъ изъ маленькой темной камеры или ящика. Въ камеру испускаемое яйцо помѣщается передъ пламенемъ газа. Благодаря этому, можно замѣтить въ яйцѣ даже малѣйшее начинающееся развитіе зародыша (такъ называемое зародышевое пятно). Яйца съ подобнымъ эмбриональнымъ пятномъ должны быть бракуемы и недопускаемы въ продажу въ качествѣ пищевого продукта; но ихъ съ пользою можно сбывать для фабрикаціи альбумина или яичнаго масла. Упадку же яицъ всего выгоднѣе и дешевле производить въ прочно сдѣланныхъ ящикахъ, пересыпая ряды яицъ мѣлкой или вѣсковыми полбы. Такой матеріалъ для пересыпки тѣмъ болѣе выгоденъ, что въ Англіи на него существуетъ большой спросъ для фабрикаціи писчей бумаги.

Въ Германіи, не смотря на оживленную торговлю яичнымъ

товаромъ, до сихъ поръ еще не придумано удовлетворительнаго средства для сохраненія или консервированія яицъ. Лучшимъ средствомъ для этого въ Германіи считаютъ хорошее деревянное масло; послѣднимъ смазываютъ яйца, точнѣе, въ яйца масло втирается. Работа эта совершается обыкновенно женщинами и весьма быстро. Работница въ одинъ день можетъ натереть масломъ до 3000 яицъ и затѣмъ нужно замѣтить, что этотъ способъ консервированія такъ дешевъ, что стоимость матеріала (масла) для 300 яицъ достигаетъ не болѣе 2-хъ крейцеровъ (т. е. меньше 2-хъ нашихъ копѣекъ). Благодаря желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, въ яичной торговлѣ можетъ принять участіе почти вся Европа. Въ Лейпцигѣ, напримѣръ, существуетъ подобный пунктъ для укладки и вывоза яичнаго товара. Одинъ смѣшленный предприниматель изъ Средней Германіи началъ яичную торговлю съ Великобританіей, и эта попытка до такой степени оправдала лучшія надежды, что въ настоящее время нужно уже думать о расширеніи круга сбыта яичнаго товара изъ Германіи. И вотъ по этой причинѣ совершены были поѣздки по Баваріи, Богеміи, всей Австріи, Венгріи до Боната и Славоніи для заключенія условій доставки яичнаго товара въ мѣста складовъ. Въ видѣ опыта было вывезено 600 ящиковъ яицъ изъ Венгріи; въ 3 дня этотъ товаръ былъ уже въ Лейпцигѣ, а приблизительно черезъ 7 дней онъ былъ уже на Лондонскомъ рынкѣ. Опытъ этотъ вышелъ столь удачнымъ, что предприимчивые торговцы изъ Лондона, Бирмингэма и Манчестера заявили такія требованія на доставку яичнаго товара, что количество яицъ, соотвѣтственное этимъ требованіямъ, можетъ простираться до 1 милліона. Сбытъ этого товара изъ Германіи, стало быть, можетъ сдѣлаться безграничнымъ. Но это обстоятельство не представляется утѣшительнымъ для нѣмцевъ, не только потребляющихъ этотъ продуктъ цѣлкомъ дома, но иногда имѣющихъ потребность закупать его въ другихъ странахъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Прививка оспы.

(Изъ деревенскихъ правовъ).

Въ захоластную деревню Кувалдино пріѣхалъ земскій фельдшеръ и остановился въ избѣ у старосты. Послѣдовало угощеніе на мірской счетъ: появились самоваръ, бутылка кабацкаго рома, четвертная съ водкой, кругля яйца. Прображничавъ съ фельдшеромъ часа два, староста съ раскраснѣвшимся лицомъ и въ картузѣ, надѣтомъ на бекрень, вышелъ на улицу и побрѣлъ вдоль деревни, постукивая палкой у оконъ избъ и объявляя выглянувшимъ бабамъ, что завтра будетъ прививка оспы младенцамъ.

— Всѣмъ безъ изыятія подвергаться, которые ежель этому дѣлу еще причинны не были, заканчивалъ онъ свои приказы, любя въ важныхъ случаяхъ выражаться кудреватю.

Бабы, у которыхъ даже и не было ребятъ, пришли въ ужасъ. Старухи сползли съ палатей. Мужики начали вздыхать, чесать затылки и отспрашивались въ кабаки совѣтоваться съ кабатчикомъ. Пропивать было что: стояла поздняя осень, и хлѣбъ былъ собранъ. Въ нѣкоторыхъ избахъ раздавался ревъ. Ревѣли бабы и соблазняли на это дѣло ребятъ. Заревѣли и ребята. Матери перебѣгали изъ избы въ избу и шушукались съ сосѣдками: какъ бы уберечь дѣтей отъ оспы.

— Будь что будетъ, Акулинушка! Вѣдь до смерти эти самые фершала ребятъ не зарѣзываютъ, а только наковыряютъ тѣло и воспу положить, утѣшала бездѣтная солдатка. Ну полно, не убивайся!

— Такъ-то такъ, а все-таки... всхлипывала мать и, не окончивъ фразы, сморкалась въ юбку сарафана.

Нѣкоторые особенно чадолюбивыя матери рѣшились идти на подкупъ фельдшера, дабы отбоириться отъ прививки дѣтямъ оспы, для чего собрали полотенецъ, холста, сушеной малины, грибовъ и побѣжали съ этими дарами въ старостину избу.

Отославшійся послѣ угощенія и уже вновь успѣвшій опохмѣлиться фельдшеръ сидѣлъ у старостиней избы на заваленкѣ и покуривалъ папиросу, сплевывая сквозь зубы. Фуражки на головѣ его не было и вѣтеръ развѣвалъ ему волосы. Это былъ молодой человекъ въ усахъ и съ претензіей на франтовство. На шеѣ у него былъ повязанъ блѣдносиній галстухъ, на правой рукѣ красовались кольца съ цвѣтными камнями, а поверхъ пестрой бархатной жилетки висѣла ярко начиненная бронзовая цѣпочка. Посоловѣлыми глазами смотрѣлъ онъ на выглядывающихъ на него изъ-за угла противоположной избы двухъ босыхъ дѣвокъ и, улыбаясь, манилъ ихъ къ себѣ. Бабы съ дарами въ рукахъ приблизились къ нему и внезапно повалились въ ноги.

— Что вамъ? спросилъ фельдшеръ и подбоченился.

— Прими и ослобони! выли бабы.

— Это на счетъ чего и въ какомъ родѣ? принялъ совѣмъ уже олимпійскій видъ фельдшеръ.

— Да на счетъ воспы, родимый. Дѣти у насъ махонькія, не вынесутъ. Прими, милый, и ослобони!

— Дуры полосатія!

— Не обезсудь, родной, на малости! По убожеству нашему и то едва въ смѣхъ. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... кланялись бабы.

— Что у васъ тамъ за контрибуція припасена?

— Холста кончики, полотенчики, да съѣдобное, кланялись бабы, подавая дары.—Блинковъ тебѣ еще напечемъ, прибавляли онѣ.

Фельдшеръ развертывалъ полотенца и смотрѣлъ. Бабы переставъ вѣтъ, стояли передъ нимъ, вытянувшись въ струнку и моргали заплаканными глазами.

— Ладно, сказалъ онъ.—Полотенца эти и все прочее я беру. но не ради взятки за освобожденіе отъ прививанія оспы, а яко добровольную благодарность за медицинскую помощь. Теперь можете идти, а завтра поутру староста пригонитъ васъ ко мнѣ и вмѣстѣ съ ребятами.

— Значитъ не ослобонить? испуганно спросили бабы.

— Ни за что на свѣтѣ! Еще отвѣчать тутъ за васъ передъ начальствомъ. У насъ нонѣ такія строгости, что Боже упаси!

Бабы завывли еще пуще прежняго и снова упали въ ноги.

— Вонъ! крикнулъ сильнымъ голосомъ фельдшеръ.

Изъ-за угла появился староста.

— Гнать что-ли ихъ, Михайло Терентичъ? спросилъ онъ.

— Гони!

— Брысь вы, щучье племя! Чего разкудахтался! замахнулся на нихъ староста.

Бабы ушли, уныло понуривъ головы.

Ночью старуха-знахарка перемѣла всѣхъ ребятъ въ корытѣ съ наговоренной водой, для чего-то смазала ихъ деревяннымъ масломъ съ толченымъ кирпичемъ, отрѣзала у каждаго ребенка по клочку волосъ съ головы, закатала волосы въ тѣсто и сожгла въ печи.

— Не пристанетъ теперь? спрашивали слегка успокоившіяся бабы.

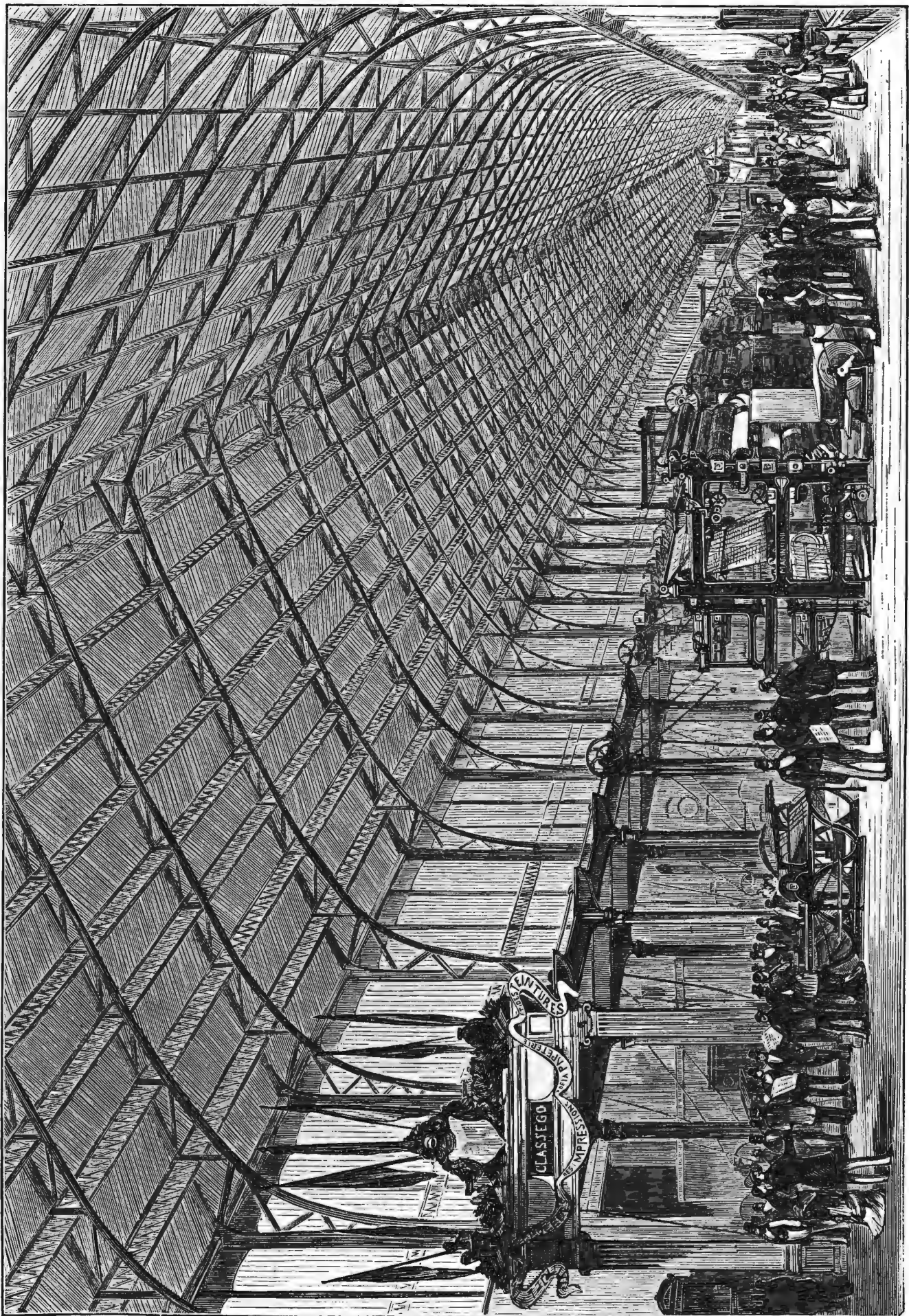
— Не пристанетъ, отвѣчала знахарка.

Не смотря на все это, къ утру одна баба, захвативъ съ собою ребенка, съ испуга неизвѣстно куда скрылась и староста съ подручными мужиками никакъ не могъ ее отыскать. Всѣ мужики ругательски ругали старосту за его пособничество фельдшеру.

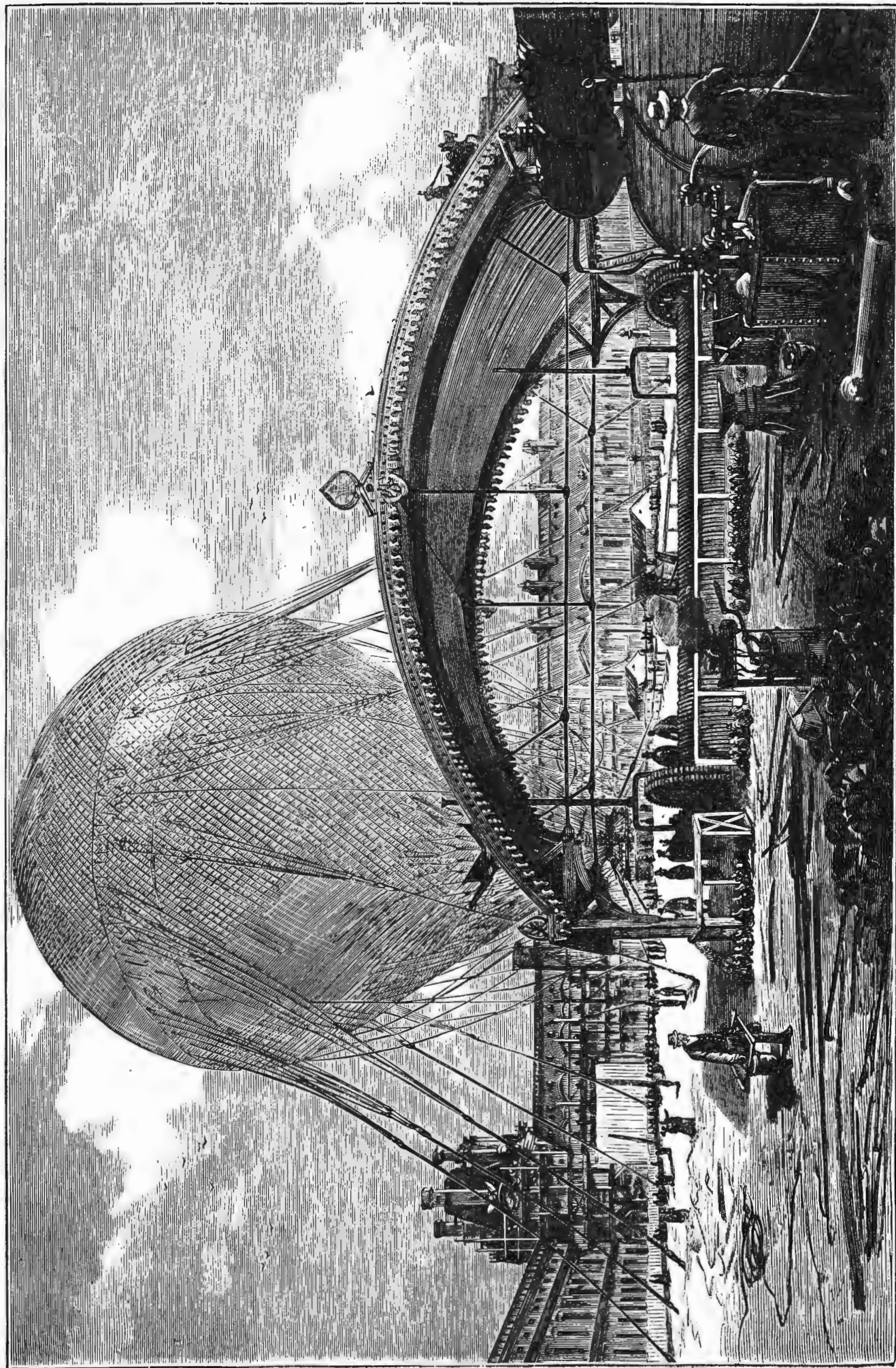
— Съ нашего мірскаго вина безъ просыпу пьянъ бываетъ. а туда же за фершела заступаешься! упрекали они его.—Погоди, Захарычъ, и тебѣ нужда въ насъ придетъ, поклонисьль міру, да ужь поздно будетъ. Теперь тебѣ хорошо, коли у тебѣ взрослыя дѣти—вотъ ты и дьяволишь.

Староста самъ чувствовалъ, что дѣло какъ будто не ладно и ходилъ какъ къ смерти приговоренный, останавливался на ходу, потрясалъ головой, махалъ руками, бормоталъ себѣ что-то подъ носъ и натякался на изгороди.

Полтора-рублевые московскіе часы съ мѣшкомъ песку вмѣсто гири, весело побрякивая маятникомъ въ чисто-прибранной старостиней избѣ, показывали десять. Фельдшеръ только что

Всемирная выставка въ Парижѣ: Отдѣлъ для машинъ находящихся въ дѣйстви. Рис. Фидшо, грав. М. Рашевскій.

Всемирная выставка въ Парижѣ: Общій видъ механизма для спуска воздушнаго шара. Рис. Фера, грав. М. Рашевскій.

кончил пить чай, сядя въ переднемъ углу за краснымъ пузатымъ, съ помятымъ бокомъ самоваромъ, всталъ съ мѣста, потянулся и, держась руками за большую со вчерашняго хмѣля голову, взглянулъ въ окно. На улицѣ и около старостинной избы стояли уже закутанныя бабы, держа въ пазухахъ тулуповъ и кафтановъ своихъ ребятъ. Ребятишки, могущія ходить, держались за подола матерей. Бабы переругивались со старостой, который стоялъ около нихъ, какъ пастухъ около овецъ, стараясь, чтобы онѣ не разбѣжались.

— Пора и начинать, пробормоталъ фельдшеръ, выдвинулъ на середину избы скамейку, разложилъ на столѣ приборы съ инструментами, стеклышки съ коровьей оспой и, поднявъ окно, крикнулъ старостѣ:

— Трифонъ Захаровъ, впуцай! Только чтобъ по ранжиру и въ порядкѣ! прибавилъ онъ.

Изда начала наполняться плачущими бабами. Заревѣли, на нихъ глядя, и ребята.

— Не выть! крикнулъ фельдшеръ, топнувъ на нихъ ногой.— А то прежде прививки оспы перепорю всѣхъ ребятъ. Староста, тащи сюда вѣнчикъ!

Угроза подѣйствовала. И бабы, и ребятишки присмирѣли. Староста стоялъ, какъ потерянный, смотря куда-то въ одну точку и крутилъ въ рукахъ какое-то мочальное лычко. Ему и самому стало жалко бабъ. Въ сѣни избы поналѣзли дѣвки и старухи, смотрѣли въ отворенныя двери на приготовленіе къ оспопрививанію и пушучались между собой.

— Захарычъ, Захарычъ! робко трогала за плечо старосту подкрававшая къ нему старуха.— Сними, родной, изъ передняго угла хоть образа-то,—говорила она:— а то вдругъ эдакое дѣло— и при иконахъ!..

Староста только рукой махнулъ.

Началась прививка оспы. Бабы крестились и, не смѣя плакать, слезливыми глазами смотрѣли на фельдшера. У нихъ тряслись даже губы. Фельдшеръ ухарски ковырялъ ланцетомъ руки ребятъ и говорилъ:

— Чего вы боитесь, дуры? Мы и не такія операціи дѣлали. Мы разъ одному полковнику черепъ снимали, а другой разъ у одного купца я брюхо пропоролъ и поврежденіе въ кишкахъ исправилъ.

Стоящій близъ фельдшера староста послѣ этихъ словъ почему-то глубоко вздохнулъ и началъ смотрѣть еще безмысленнѣе. Черезъ полчаса операція прививки оспы кончилась. Фельдшеръ съѣлъ снова бражничать со старостой. Выпивъ нѣсколько рюмокъ водки, онъ тыкалъ вилкой въ жаренаго пѣтуха и говорилъ старостѣ:

— Для насъ человѣка разрѣзать—плевое дѣло! Теперича дай мнѣ сейчасъ семь мертвыхъ гѣлъ и скажи: Селиверстовъ, дѣйствуй!—Въ пять минутъ!.. Помѣщицу Грибанову знаешь? Вотъ это я ей руку откомсалъ.

— Господи упаси! Съ нами Пресвятая Богородица! твердилъ староста и крестился.—И то есть какой ты безстрашный, это на удивленіе!

— А все отъ того, что во мнѣ совсѣмъ этихъ самыхъ нервовъ нѣтъ, пояснилъ фельдшеръ.

— Такъ, такъ, это дѣйствительно. Гдѣ у васъ быть неврамъ при эдакой службѣ, поддакивалъ староста.

Черезъ два часа фельдшера совсѣмъ уже пьянаго вывели изъ избы и посадили въ телѣгу. Около него толпились мужики.

— Михайло Терентычъ, струментъ-то свой не забылъ-ли? кричали ему мужики.

— Здѣсь... отвѣчалъ фельдшеръ, громко икнулъ, покачнулся и уронилъ съ головы надѣтую на бекрень фуражку.

Мужики подняли фуражку и нахлобучили ему ее на глаза.

— Прощай Михайло Терентычъ! Дай Богъ тебѣ счастливо!.. бормоталъ староста, которому уже надоѣло возиться съ фельдшеромъ, и махнувъ рукой возникъ, крикнулъ:—Василій, трогай!

Тотъ стегнулъ по лошадамямъ.

— Стой! Стой! заоралъ пьянымъ голосомъ фельдшеръ и уперъ руки въ боки.—А положеніе мнѣ, ты развѣ забылъ? обратился онъ къ старостѣ.—Ну?

Староста почесалъ затылокъ и сталъ шептаться съ мужиками, потомъ полѣзъ за голенищу, вынулъ оттуда бумажникъ свернутый изъ синей сахарной бумаги, досталъ изъ него три засаленныя рублевья бумажки и подавая ихъ фельдшеру со вздохомъ сказалъ:

— На вотъ, прими Михайло Терентычъ!

— Ну, теперь спасибо! поблагодарилъ фельдшеръ и ужъ въ свою очередь крикнулъ возникъ:—Пошелъ!

Толстоузая желтая лошаденка потащила телѣгу вдоль деревенской улицы. Мужики долго стояли и смотрѣли на удаляющуюся телѣгу и на торчавшую изъ нея фельдшерскую голову, покачивавшуюся изъ стороны въ сторону, какъ одинокій колосъ, застигнутый порывистымъ вѣтромъ.

Н. Лейкинъ.

Парижская Всемирная Выставка.

Парижская всемірная выставка, открытая тому назадъ чуть ли не три уже мѣсяца, не перестаетъ обращать на себя всеобщее вниманіе и привлекать въ Парижъ громадныя массы публики. Стараясь по возможности сообщать своевременно о

всемъ томъ, что всего болѣе заслуживаетъ общественнаго вниманія на этомъ всемірномъ рынкѣ, мы продолжаемъ помѣщеніе рисунковъ выставки, сопровождая ихъ надлежащимъ описаніемъ, въ дополненіе къ тѣмъ многочисленнымъ рисункамъ и статьямъ, которые мы уже имѣли случай помѣстить въ нынѣшнемъ году на страницахъ нашего журнала.

Теперь, судя по всѣмъ отзывамъ газетныхъ корреспондентовъ и по разсказамъ лицъ, побывавшихъ выставку и ужъ возвратившихся обратно, всѣ постройки выставки и вся установка предметовъ приведены къ совершенному окончанію. Всѣ работы докончены и детали ихъ окончены. Теперь можно видѣть выставку въ окончательной формѣ и дѣлать сравненія между различными государствами по всѣмъ отраслямъ ихъ дѣятельности—матеріальной, умственной, творческой. Есть вещи, поражающія своей величиною, своей стойкостью, временемъ, положеннаго на нихъ труда, есть, наоборотъ, вещи, не кидающіяся въ глаза ни красотой, ни громадностью и тѣмъ не менѣе имѣющія значеніе по своей полезности или по отношенію удобства, доставляемыхъ ими человѣку. Приятно пройти по выставкѣ и видѣть, чѣмъ богата каждая страна, участвующая своими произведеніями на выставкѣ, что она выработала изъ своихъ природныхъ богатствъ. Вотъ, напримѣръ, выставка богатствъ, доставленныхъ нѣдрами земли нашего русскаго царства. Нижне-Тагильскій заводъ выслалъ сюда желѣзную и мѣдную руду, самородное золото, платину, огнеупорную глину, золотосодержащій песокъ, малахитъ. Вотъ минералогическая коллекція изъ Туркестанскаго края, и мы видимъ, что въ нашихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ есть и золото, и серебро, свинецъ, мѣдь, желѣзо, графитъ, каменный уголь, мраморъ, каменная соль, бирюза, хотя здѣсь же и убѣждаемся, что изъ всего этого эксплуатируется въ настоящее время еще только глина да известъ. Громадная витрина на выставкѣ вмѣщаетъ въ себѣ графитъ Алибера, извѣстный всей Европѣ, а вотъ образцы каменнаго угля, привезеннаго съ Дона, Урала, изъ Польши. Образцы нашей дѣсовой промышленности на выставкѣ очень незначительны. Въ числѣ двухъ сѣверныхъ древесныхъ породъ заслуживаютъ вниманія образцы въ полированномъ и неполированномъ видѣ кедра, представленныхъ Сидоровымъ. Хороши также двѣ большія мачты, присланныя Рижскимъ биржевымъ комитетомъ. Этимъ же Комитетомъ выставлена лучшая пенка. Въ кіоскѣ нашей льняно-прядильни можно видѣть превосходныя полотна, салфетки, скатерти съ изящными рисунками, нѣкоторые въ русскомъ стилѣ; платья мужскія и женскія, турецкія мохнатая полотенца.

Шерсть прислана на выставку изъ нѣсколькихъ мѣстностей Россіи и наши сукна заслуживаютъ лестныхъ отзывовъ, особенно изъ мериносовой шерсти, Горнтонъ, признаются неуступающими французскимъ. Есть сукна чисто русскаго производства—Селиверстова и Воейкова (Симбирск. губ.), выдѣланныя изъ грубой киргизской шерсти, и своей мягкостью, тонкостью замѣняющія мериносковыя, при большей дешевизнѣ. Впрочемъ, разсматривая драпы, напримѣръ, montagnas, который гораздо жестче французскаго, кашемиры, трико, являющія воспроизведеніе прошлогоднихъ рисунковъ, нельзя не замѣтить, что эта отрасль нашей промышленности, при обширности развитія и сбыта, должна бы быть болѣе усовершенствованной.

Замѣтное мѣсто въ нашемъ отдѣлѣ занимаютъ кожи. Говорятъ, что одинъ англичанинъ, еще до жири, не словами, а дѣломъ доказалъ превосходство кожевеннаго дѣла въ Россіи, скупивъ въ первый же день по объявленіи цѣны все, что было назначено въ продажу. Замѣчательна по выдѣлкѣ юфть Савина, его машинные ремни и подошвы, которые и шило не беретъ. Прекрасныя кожи присланы на выставку варшавскими фабрикантами. Подошвы и ремни Гауша и Пфейфера пользуются извѣстностью въ Австріи и Германіи. Заводъ Шведе выдѣлываетъ шагрень и кожу для обивки экипажей. Соперниковъ на выставкѣ не имѣютъ наши мѣха, здѣсь мы стяжали себѣ пальму первенства. Около витринъ Одноушевскаго и Медвѣдева съ выставленными мѣхами и великолѣпными чучелами медвѣдей, бѣлокъ и лисичъ всегда толпится публика, восхищаясь въ особенности мѣхами чернобурыхъ лисичъ, серебряныхъ бобровъ и сѣбяной бѣлизны горностаевъ. Предъ роскошными золотыми и серебряными парчами фабрики Саложникова также останавливается публика, замѣчая, какую роскошь позволяетъ въ Россіи себѣ духовенство. Рояли фабрики нашего русскаго фабриканта Шредера тоже обращаютъ на себя большое вниманіе.

Шелкъ нашъ не имѣетъ на выставкѣ выдающихся представителей и наши шелковыя матеріи рѣшительно являются подражаніемъ иностраннымъ, особенно ліонскихъ тканей. Сюда же стѣдуетъ отнести фабрикацію лентъ, имѣющую очень скромныя размѣры и никакъ не выдерживающую соперничества съ ліонскими и базельскими фабриками, которыя вслѣдствіе дешевизны способовъ производства и огромнаго спроса могутъ съ барышемъ продавать ленты даже по низкой сравнительно цѣнѣ. Здѣсь мы кстати замѣтимъ, что не годится наше точное мастерство по сравненію съ французскимъ. Въ Парижѣ искусство дѣлать цвѣты достигло совершенства—всѣ мельчайшія листья исполнены въ точности; вотъ пышная роза съ розинкой на свѣжѣмъ лепесткѣ, а вотъ рядомъ цвѣтокъ съ по-

блещущими листочками—и тотъ и другой воспроизведены изумительно натурально.

Въ Парижѣ считается, какъ говорятъ, до 6 тысячъ флорятокъ. Нельзя не замѣтить, что Парижъ далеко стоитъ впереди всѣхъ въ произведеніяхъ изящныхъ художественныхъ предметовъ и неистощимъ на изобрѣтеніе различныхъ мелкихъ и всегда прелестныхъ вещицъ. На выставкѣ напр. взглядишься на различныя пустячки, работы мелкія, но чрезвычайно красивыя и вдобавокъ, производимыя необыкновенно быстро, тутъ же предъ глазами. Вотъ напр. въ 3—4 минуты изъ пластинокъ слоновой кости, дерева, изъ лоскуточковъ матеріи, кружева приготавливаются прекраснѣйшіе вѣера. Вотъ подлѣ кружевицъ расположились „артисты волосяныхъ работъ“ тутъ брѣютъ, стригутъ, завиваютъ публику и дѣлаютъ для нея изъ волосъ кольца, браслеты, цѣлыя картины.

Артистическій талантъ и изобрѣтательность проявляютъ они въ произведеніяхъ напр. такихъ вещицъ какъ кольца, служащія въ тоже время и пробочниками; кольца для ключей и вмѣстѣ пилотинки для сигаръ; небольшая палочка, включающая въ себя и ручку пера, и зубочистку, и черпильницу, и разрѣзку для бумаги. Но нашъ рисунокъ представляетъ машинный отдѣлъ и мы сдѣлаемъ сообщенія о выставленныхъ предметахъ въ этомъ отдѣлѣ. Выставка желѣзныхъ заводовъ Шнейдера, бывшихъ Крезю, одна изъ самыхъ видныхъ на Марсовомъ подлѣ. Въ этомъ отдѣлѣ особенно замѣчательна модель желѣзнаго молота, сдѣланная изъ дерева и въ натуральную величину. Оригиналъ находится на заводѣ, держа на двухъ колоссальныхъ сваяхъ и наверху связанъ съ pistonомъ. Молотъ этотъ вѣситъ болѣе 15,000 пудовъ подвижная его масса до 5,000 пудовъ; падаетъ молотъ съ высоты пяти метровъ; въ движеніе приводится посредствомъ паровой машины. Помѣщеніе занимаемое молотомъ равняется размѣрамъ самаго громаднаго зданія. Стоятъ вниманія приборы для переноски раскаленнаго желѣза, изъ печей на наковальню. Устроены четыре паровыя крана, изъ которыхъ одинъ передвигаетъ массу въ 10,000 пуд. а три въ 6,000 пуд. Краны эти вынимаютъ массу желѣза изъ газовыхъ печей, кладутъ на наковальню во время дѣйствія молота; вообще продѣлываютъ все, что обыкновенно дѣлается кузнецъ руками съ помощью клещей. Изъ выставленныхъ машинъ особенно замѣчательна паровая машина французскаго судна „Mytho“ въ 2,640 лошадиныхъ силъ, и громадный локомотивъ тендеръ, движущійся съ быстротою 50 верстъ въ часъ. Паровозъ весь стальной, цилиндръ для пара вѣситъ до 1,000 пуд. трубы стальные и т. д. Всѣ работы этого завода, громаднаго по своимъ размѣрамъ и производству на немъ машинъ, доказываютъ, что они могутъ выдерживать конкуренцію съ лучшими работами на заводахъ въ Англии, которая, надобно по справедливости признать, своимъ богатствомъ и могуществомъ положительно господствуетъ въ Европѣ, царствуетъ въ Азій, первая страна по части механическихъ производствъ, но надобно сказать, что по отношенію вкуса—она не обладаетъ имъ.

Галерея машинъ, которой видъ приложенъ у насъ, есть мѣсто постоянного собранія всѣхъ любителей знаній, а также и всѣхъ тѣхъ, кого интересуетъ успѣхи ума. На первомъ планѣ фигурируютъ модели печатныхъ станковъ Мариони, гениальнаго изобрѣтателя, благодаря которому въ настоящее время можно печатать съ невѣроятной быстротой громадное число журнальныхъ № № (около 30,000 оттисковъ въ часъ). Это составляетъ славу нашего вѣка—возможность оставлять на бумагѣ мысль почти съ такою же быстротою, какъ она думается.

Отъ зала машинъ перейдемъ снова во французскій художественный отдѣлъ и остановимся предъ памятникомъ, назначеннымъ къ постановкѣ на могилу графини Дагуль, извѣстной всему свѣту подъ псевдонимомъ Даниѣля Стерна (на страницахъ „Нивы“ не разъ были помѣщаемы ея изрѣченія въ отдѣлѣ „Мысли замѣчательныхъ людей“). Этотъ памятникъ изъ мрамора, работы скульптора Шапо, заслуживаетъ вниманія по необыкновенной художественности его выполненія. Идея памятника принадлежитъ, впрочемъ, не ему, а друзьямъ покойной писательницы, предложившимъ г. Шапо выразить въ вещественной формѣ одну изъ величайшихъ тайнъ природы, именно передать въ мраморѣ оживотворенную мысль. Конечно, постановка фигуры изображающей оживотворенную мысль всего болѣе соответствуетъ памятнику Даниѣля Стерна. Но на сколько эта фигура съ прекраснымъ вдохновеннымъ взглядомъ (см. рисунокъ на стр. 612) выражаетъ собою въ реальной

формѣ одну изъ величайшихъ тайнъ природы, именно оживотворенную мысль—объ этомъ еще можно много спорить. По нашему мнѣнію предметомъ искусства въ живописи, въ музыкѣ, литературѣ и словомъ во всѣхъ формахъ проявленія человѣческаго духа можетъ быть только то, что составляетъ такъ сказать продуктъ мысли, сама же творческая сила, создающая эти мысли не воспроизводима въ реальной формѣ, какъ не воспроизводимо въ ней Божество, стоящее выше всякой реальности. Во всякомъ случаѣ, не вдала въ критическій разборъ идеи памятника, не можемъ не восторгаться красотой его выполнения въ мраморѣ, обращающего на себя почти всеобщее вниманіе цѣнителей художественныхъ произведеній.

За симъ скажемъ объ аэростатѣ г. Анри Жиффара, плавающимъ въ состояніи прикрѣпленія канатомъ къ обыкновенному вороту.

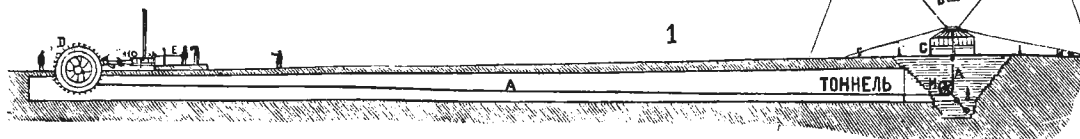
Мы помѣщаемъ два рисунка, этого шара: 1) общій механизмъ аэростата, и 2) видъ машинъ и каната проходящаго въ подземномъ туннелѣ, которыми собственно и обуславливается регулярность движенія, плаванія аэростата въ атмосферѣ. Машинныя помѣщенія передъ воротомъ на лѣвой сторонѣ рисунка приводятся въ движеніе посредствомъ системы зубчатыхъ колесъ съ 4-мя цилиндрами. Колеса дѣйствуютъ съ весьма большою скоростью. Каждая изъ машинъ имѣетъ 2 цилиндра, расположенные подъ прямымъ угломъ. Чтобы обезпечить регулярность движенія машинъ, дѣйствія ихъ рассчитано такъ, что въ движеніи одной машины другая является помощницею ей своимъ посредствующимъ движеніемъ, такъ что вращеніе совершается съ постоянствомъ почти абсолютнымъ. Машинныя замѣняютъ 300 лошадиныхъ силъ. Какъ скоро шаръ начинаетъ подниматься на воздухъ,—онъ уже самымъ своимъ движеніемъ заставляетъ вращаться воротъ, вокругъ котораго обвить канатъ, и превращаетъ самыя машины въ нагнетательныя насосы.

Какъ извѣстно, одну изъ главнѣйшихъ проблемъ въ аэростатикѣ составляло установленіе связи аэростата съ землею при помощи такого аппарата, который бы давалъ возможность канату слѣдовать за всѣми движеніями плавающего въ атмосферѣ шара. Анри Жиффаръ (изобрѣтатель шара) разрѣшилъ эту проблему съ своимъ блестящимъ остроуміемъ. Канатъ, уже обвившійся вокругъ чугунаго ворота и затѣмъ прошедшій сквозь подземный туннель (туннель показанъ на рисункѣ этой страницѣ) проходитъ сквозь отверстие блока. Самый блокъ утверждёнъ на оси такъ, что можетъ вращаться во всѣхъ направленіяхъ и слѣдовать за всѣми движеніями каната. Чугунный воротъ, съ своей стороны, поставленъ въ равновѣсіе посредствомъ противовѣшивающей тяжести, такъ что въ движеніи всей системы машинъ нѣтъ перепада или преобладанія какой либо отдѣльной силы и нѣтъ нигдѣ перехода за границы общаго равновѣсія. Блокъ, при общемъ движеніи системы машинъ, подчиненъ огромнымъ дѣйствіямъ тяжести. За симъ, онъ самымъ прочнымъ и надежнымъ образомъ прикрѣпленъ къ землѣ. Онъ заклепанъ между двумя огромными бревнами, помѣщенными въ основаніи конусообразной куветки, надъ которою и подвѣшенъ аэростатъ. Упомянутыя бревна оконечностями своими укрѣплены въ толстыхъ массивныхъ стѣнахъ.

Таковы главнѣйшія детали гигантскаго аэростата г. Жиффара. Надо добавить еще, что аэростатъ имѣетъ два клапана, верхній и нижній. Назначеніе верхняго клапана—быть исключительно предохранительнымъ. Клапанъ этотъ состоитъ изъ большого металлическаго диска. Онъ герметически закрывается. Воздухоплаватели могутъ открыть его, потянувъ за канатъ, спускающійся отъ верхняго клапана до воздухоплавательной лодки. Нижній клапанъ тоже представляетъ форму металлическаго диска и управляется весьма чувствительною пружиною. Стоитъ только слабо надавить пружину—и дискъ клапана откроется. Открываніе же этого клапана совершается для того, чтобы выпустить излишекъ газа, образовавшагося вслѣдствіе расширенія.

Къ клапану же придрѣлано и маленькое стеклянное оконце для наблюденія, что дѣлается внутри аэростата, здѣсь же придрѣланъ и манометръ.

За симъ нужно замѣтить, что дно плавательной лодки двойное и снабжено мѣшками съ балластомъ, крючками и вспомогательными веревками. Въ безопасности плаванія на аэростатѣ г. Жиффара убѣждаетъ необыкновенная прочность каната, такъ что онъ оборваться не можетъ.

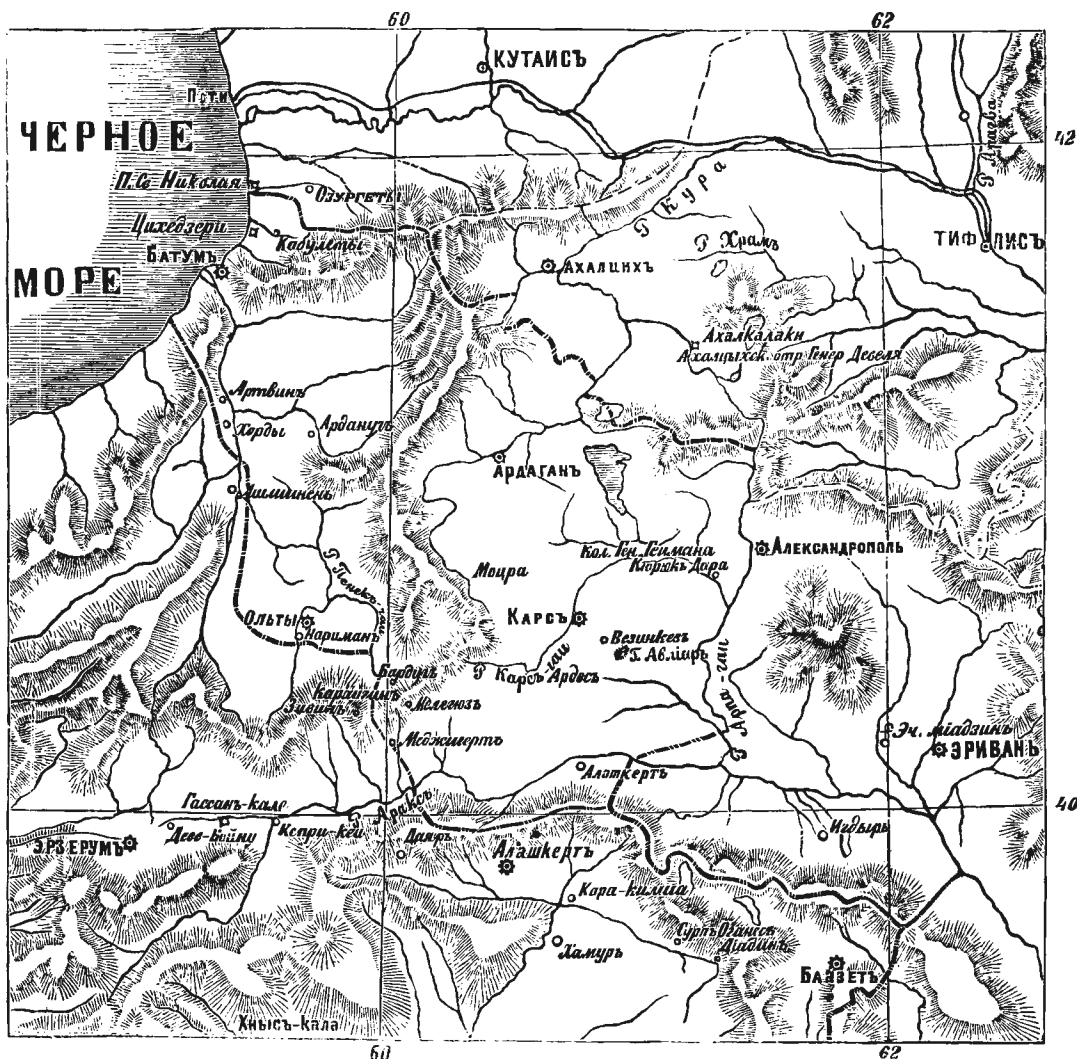
Разрѣзъ, показывающій положеніе каната для спуска воздушнаго шара.

A. Канатъ. B. Самодѣйствующій внутренній клапанъ. C. Помѣщеніе для воздухоплавателей. D. Колесо, при посредствѣ котораго спускается канатъ. E. Паровая машина. H. Блокъ уравнивающій движеніе шара. S. Шаръ.

Изъ жизни въ горахъ Шварцвальда.

На горныхъ высотахъ Шварцвальда дѣлше 9-ть мѣсяцевъ царствуетъ зима и изъ нихъ 3 мѣсяца продолжаются ужасные холода. Лѣса представляютъ преимущественное богатство, свойственное области горъ. При этомъ нужно замѣтить, что горный лѣсъ представляетъ значительныя особенности, сравнительно съ лѣсами, растущими по долинамъ и на возвышенностяхъ. Пихты, бѣлыя ели, сосны, лиственница и друг. деревья, растутъ то на самыхъ крутыхъ обрывахъ проходовъ, то въ самыхъ узкихъ тѣснинахъ и ущельяхъ, запирая собою тропинки. Какъ выросли деревья въ непроходимыхъ и тѣсныхъ ущельяхъ—можно объяснить себѣ только тѣмъ, что сюда занесены были вѣтромъ растительныя древесныя сѣмена, предварительно прелетѣвъ громадная пространства, или же были занесены водою быстрыхъ горныхъ потоковъ. И вотъ изъ мизерныхъ, случайно заброшенныхъ въ горы сѣмячекъ, выросли колоссальныя деревья. И задача горнаго дровосѣка состоитъ не только въ томъ, чтобы срубить эти де-

онъ потомъ спускается внизъ, и тогда дерево срубаютъ острыми топорами подъ самый корень. Рубка продолжается до тѣхъ поръ, пока стволъ будетъ держаться слабо. Тогда, посредствомъ привязаннаго къ вершинѣ дерева каната, паденію дерева даютъ желаемое, невыгоднѣйшее направление, чтобы избѣжать обрушенія въ пропасть. Для этого нужно, опять таки, чрезвычайно много ловкости и умѣнія. Когда дерево свалено, съ него обрубаютъ вѣтви и отпиливаютъ вершину. Вѣтви и вершина идутъ на хворостъ и колья. Очищаемыя отъ вѣтвей деревья становятся готовыми въ продажу товаромъ и продаются обыкновенно лѣсоторговцамъ и владѣльцамъ пильныхъ заводовъ. Эти послѣдніе для покупокъ свѣзжаются въ горныя долины. Вѣтви продаются большою частью для обжиганія углей, отпиленные же вершины расплываются на обыкновенныя полѣнья дрова; эти послѣднія складываются въ массивныя полѣнницы и отчасти (гдѣ это позволяютъ горные потоки) сплавляются къ мѣстамъ дальнѣйшихъ складовъ въ долинахъ, пока, наконецъ, не достигнутъ болѣе многолюдныхъ рынковъ, представляющихъ большее число потребителей.

Карта новыхъ русско-турецкихъ границъ въ Малой Азіи, составленная по официальнымъ свѣдѣніямъ. Грав. К. Вейерманъ.

рева, но и въ томъ, чтобы срубленные стволы доставить на подошву ближайшей горной долины. Но еще прежде чѣмъ топоры коснутся горныхъ гигантовъ, дровосѣки должны обезпечить себѣ доставку съѣстныхъ припасовъ. И какимъ страшнымъ путемъ добываются эти припасы, сколько нужно усилій, чтобы не помереть съ голоду!.. Смыльчаки цѣпляются по крутымъ отвѣснымъ скаламъ, спускаются въ глубокія, зияющія смертью пропасти—гдѣ одинъ ничтожный промахъ, невѣрный скачокъ на выдающийся уступъ—и жизнь потеряна!.. А на днѣ пропастей обыкновенно бушуютъ горные потоки, прорывая себѣ путь сквозь гранитныя глыбы обрушившихся скалъ...

Немаловажною задачей представляется уже одно отыскиваніе въ горахъ деревьевъ, годныхъ къ срубкѣ. Какъ скоро дровосѣки найдутъ подобныя деревья и, цѣпляясь по скаламъ, достигнутъ ихъ, они раздѣляются на кучки, обыкновенно по четыре человека въ каждой. Прежде чѣмъ рубить дерево, самый ловкій человекъ изъ кучки взлѣзаетъ на дерево и прикрѣпляетъ къ его вершинѣ здоровый канатъ, по которому самъ

Такимъ же образомъ продолжаютъ работы горныхъ дровосѣковъ и далѣе, пока мѣстѣ наконецъ на горныхъ откосахъ и стремнинахъ не будутъ срублены всѣ деревья. Срубивъ послѣднія деревья, дровосѣки собираютъ всѣ остатки древесныхъ стволовъ, вышеуказаннымъ порядкомъ сплавляютъ въ долины и отправляются искать иного удобнаго для рубки мѣста.

Кромѣ опасности зимнихъ работъ, горныхъ дровосѣковъ, этихъ смыльчаковъ, весьма часто постигаютъ уже положительныя бѣдствія. Вслѣдствіе сотрашеній и давленія воздуха, часто образуются лавины, буквально погребаящія и дровосѣковъ, и ихъ жалкія тщедушныя хижины. Во время такого бѣдствія, на мѣсто катастрофы, на крики о помощи сбѣгаются другіе дровосѣки. И никто усерднѣе не подаетъ своимъ товарищамъ руку помощи, какъ эти люди. Всякій знаетъ, что и надъ его головою поминутно виситъ подобная же опасность: „Сегодня я помогаю тебѣ, завтра—ты мнѣ“. По этому-то нисколько не слѣдуетъ удивляться, что горный дровосѣкъ, умѣвшій помочь своему собрату въ бѣдѣ возвратившись въ свою хижину, съ не поддѣльнымъ восторгомъ бросается обнимать жену и дѣтей, (Продолженіе на стр. 621, 622, 623 и 624).

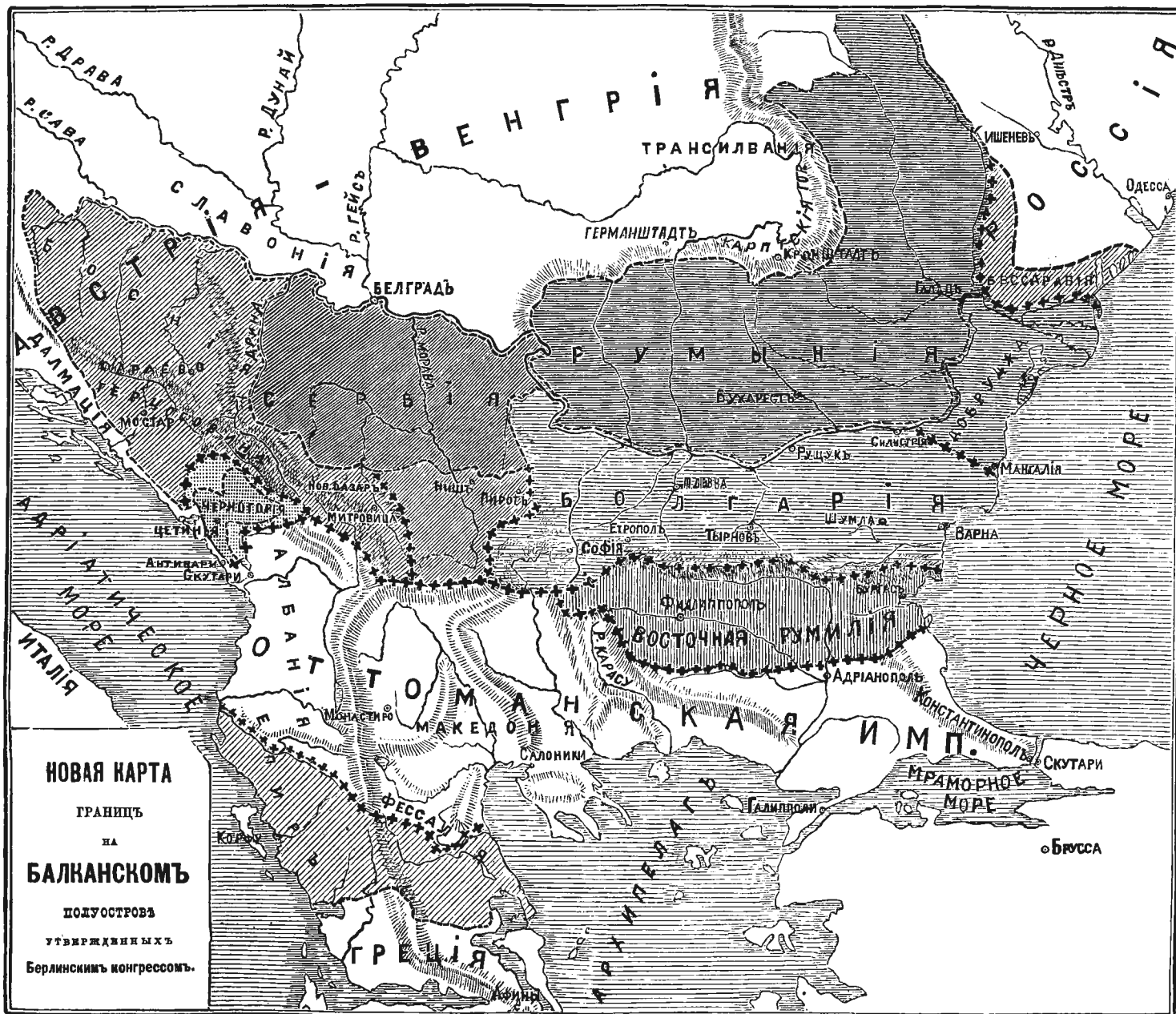
словно самъ избѣжалъ неминуемой смерти. Такъ вѣчныя опасности заставляютъ человѣка цѣнить жизнь и придавать высокое значеніе самому скромному счастью!...

Но каково житье бытѣ горнаго дровосѣка, какова его хижина?—О, это обыкновенно бѣдная, мизерная, нищенская хижина, срубленная наскоро изъ необтесанныхъ обрубовъ дерева, напоминающая постройку обыкновенной западни. Для покрытія сруба употребляются легкія балки и тѣснцы, на которыя, однако, для большей тяжести, накладываются камни. Въ этомъ-то жилищѣ проводитъ горный дровосѣкъ ночи съ своимъ семействомъ. Тутъ у него вмѣстѣ и кухня, и спальня. Мѣсто матраца замѣняетъ груда моху и пихтовыхъ вѣтвей и это скудное ложе покрыто старыми одѣялами. Пища вполнѣ соответствуетъ жилищу она состоитъ изъ грубаго ржанаго хлѣба ча-

сколько нужно умѣнія и ловкости, чтобы управлять движеніемъ плота въ опасныхъ мѣстахъ, гдѣ достаточно пропустить одно мгновеніе, необходимое для приданія направленію плота надлежащаго пути—и погибъ плотъ вмѣстѣ съ отважными пловцами.

Новыя карты границъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи.

Къ настоящему № „Нивы“ мы прилагаемъ 2 карты, изображающія новыя границы на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи, установленныя Берлинскимъ трактатомъ. Вновь проведенныя границы указаны линіями крестиковъ, что даетъ читателю возможность уяснить себѣ самымъ нагляднымъ образомъ

Новая карта границъ на Балканскомъ полуостровѣ утвержденныхъ Берлинскимъ конгрессомъ. Грав. К. Вейерманъ.

сто испеченнаго недѣлю тому назадъ, даже больше. Этотъ черствый, закорузлый хлѣбъ горный дровосѣкъ сначала обмачиваетъ въ воду, потомъ уже ѣсть. Мокнетъ хлѣбъ въ водѣ ни много ни мало—цѣлую ночь. За симъ, трапезу дополняютъ кусокъ сыра и, очень рѣдко, кусокъ сала. Но уже ежедневно готовится каша изъ овсяной или ржаной крупы или же изъ маисовой муки. Дальнѣйшей приправою стола служитъ свѣжая вода и умеренное количество водки. Послѣ трапезы же утѣшеніемъ, развлеченіемъ и сладкимъ „Fag niente“ служитъ трубка табаку... Вотъ такъ и живетъ свой вѣкъ горный дровосѣкъ, не смотря на бѣдность и лишения. Много тревогъ и опасностей выпадаетъ на его долю въ то время, когда срубленные бревна сплавляются чрезъ пороги въ шварцвальдскихъ горахъ: сколько нужно силы, чтобы побороть быстроту теченія пороговъ

результаты и минувшей войны, и дѣятельности Берлинскаго конгресса.

Руководствуясь картою, начнемъ съ Болгаріи. Болгарія составлена изъ большей части прежнихъ такъ называемыхъ Дунайскихъ провинцій. Она обнимаетъ пространство между Балканами и Дунаемъ, за исключеніемъ Добруджи, отошедшей къ Румыніи. Пространство земли новообразованной Болгаріи составляетъ 1200 квадратныхъ миль съ 1,700,000 жителей, изъ числа которыхъ турокъ приходится до 680,000, а остальные Болгары. Новообразованная Болгарія представляетъ княжество „самоуправляющееся и платящее дань султану“; оно имѣетъ христіанское правительство и національную милицію. Князь избирается народомъ и имѣетъ резиденцію въ древней столицѣ Болгарскаго царства Терновѣ. Сѣверная граница новообразо-

вавшейся Болгарии совпадает с правым берегом Дуная, начиная от старой границы Сербии до того пункта, который еще определить в будущем назначенная для этой цели европейская комиссия. Северная граница идет далее, к востоку от Силистрии, направляясь к Черному морю, на юг от Мангалы, присоединяемой к Румынской территории. На восток Болгария ограничивается Черным морем, на юг граница совпадает с линией Балкан, отчасти отступает от этой линии, причем приняты в расчет линии водоразделов бассейнов больших рек. На запад граница идет от горы Гитка, направляясь к горам Црни-Врхъ, по горам Карвена-Ябука, идет далее между водоразделами больших рек Струмы и Моравы. Прозвучав окончательные разграничения предстоит еще особой комиссии. В некоторых пунктах на юго-запад граница Болгарии совпадает с прежней границей Сербии, например у Кулы-Сопилева-Чука. К Дунаю западная граница новосозданной Болгарии примыкает у селения Раковицы.

„Восточная Румелия“ и в этнографическом, и в географическом, и в административном и в других отношениях составляет нечто среднее между Турцией и новообразованной Болгарией. Северную границу Восточной Румелии представляют Балканы, восточную—Черное море, западную и северо-западную—исток великоблвинной и проточившейся в истории и мифологии реки Марицы (древней Гебрусы) и горы Деспотодагы *).

Судьба Восточной Румелии, как „пробного“ и совершенно самостоятельного государства, представляет большой интерес. Управляться это новое государство будет христианским губернатором, избираемым с согласия великих держав на 5 лет. Войско будет состоять из местной милиции. Пространством территории и числом жителей Восточная Румелия уступает Болгарии: в ней имеется 900 кв. миль и приблизительно 1 милл. жителей. В том числе магометан до 270,000.

Сербия и Румыния до минувшей войны представлялись независимыми от Порты. На Берлинском же конгрессе была провозглашена безусловная независимость того и другого государства от Турции, и видимым характеристическим признаком этой независимости представляется отмена дани, которую до сих пор то и другое государство платило в Константинополь, а равно и верховное право султана утверждать князя в том и другом государстве. Румыния отдает России часть Бессарабии, отрезанную от России по Парижскому миру 1856 года. Эта часть Бессарабии заключает в себя 154 кв. миль с 136,600 жителей, почти исключительно румын. Но, взамен этой услуги, как уже неоднократно было упоминаемо нами прежде, Румыния получает Добруджу, область содержащую в себе 250 кв. миль с 175,000 жителей, представляющих смешение различных национальностей, как то: турок, болгар, немцев и т. п. Вообще новообразованная вследствие Берлинского трактата Румыния содержит в себе территориальное пространство в 2,300 кв. миль и число жителей 5,112,000.

Сербия получила увеличение, хотя и не в такой мере, в какой предполагалось увеличить ее по Сань-Стефанскому договору. Территориальное приращение Сербии сделано на юго-восточной стороне. Народонаселение области, на счет которой территориально увеличивается Сербия, состоит в преобладающем элементе из болгар и албанцев; при том так называемая Старая Сербия представляет еще небольшой румынский элемент. Вообще, относительно народонаселения, новообразованная Сербия состоит из смешанных элементов. В 1876 г. Сербия занимала пространство земли в 783 кв. миль с 1,367,000 жителей. По Берлинскому договору увеличенная Сербия составляет 930 кв. миль с 1,550,000 жит.

Черногория увеличена по Берлинскому договору территориально как с севера, так и с юга, однако же не в такой степени, в какой предполагалось увеличить ее по Сань-Стефанскому договору. В силу Берлинского трактата провозглашена полная независимость Черногории от Турции. Территориально, до сих пор, Черногория представляла площадь в 78 кв. миль с 170,000 жителей. По Берлинскому трактату, Черногория увеличена на 200 кв. миль с 280,000 жителей, преимущественный элемент которых на юг составляют албанцы. Граничная черта новообразованной Черногории идет от Иино-Брдо, к северу от Клобука, спускаясь по реке Требиньчичь, к Гранчареву, направляется потом к Пилатову. На север новая граница проходит большею частью по высотам; к Адриатическому морю она примыкает в В. Кручи. На северо-запад новую границу образует линия, идущая от берега между деревнями Шушаны и Зубцы и примыкающая к крайнему юго-восточному пункту нынешней границы Черногории на Вршуга-Планин. Относительно исправления южной границы, для Черногории в высшей степени важ-

но присоединение к ней порта Антивари и его приморских берегов. Хотя условия этой прирѣзки и довольно ограничительны. Мѣстности, лежащая к югу от территории Антивари, до реки Бояны, включая Дульциню, возвращены Турции. Черногории, правда, предоставляется полная свобода судоходства по р. Боянѣ; но запрещается воздвигать на протяжении этой реки какія бы то ни было укрѣпленія, за исключеніемъ необходимыхъ для мѣстной защиты крѣпости Скутари. За симъ, у Черногорин отнимается право имѣть военные суда или военный флотъ; далѣе и полицейскій надзоръ, морской и санитарный, какъ въ портѣ Антивари, такъ и вдоль всего черноморскаго побережья, предоставлено производить Австро-Венгрии, посредствомъ своихъ легкихъ сторожевыхъ судовъ. Къ невыгоднымъ же сторонамъ относится и то, что Черногорія принимаетъ на себя часть турецкаго государственнаго долга, соотвѣтствующую части прирѣзываемой къ ней территоріи. Кстатн здѣсь замѣтить, что въ подобное же обязательство поставлена и Сербія. Освобожденную отъ подобнаго обязательства представляется только Румынія, въ силу территориальнаго обмѣна, совершеннаго ею съ Россіей.

Еще болѣе характеристичнымъ представляется рѣшеніе вопроса о Боснии и Герцеговинѣ, съ возстанія въ которыхъ собственно и начались громадные по значенію событія послѣднихъ 2-хъ лѣтъ. Земли эти, содержащія 1,100 кв. миль и 1½ милл. жителей, изъ которыхъ: 750,000 православныхъ, до 120,000 католиковъ, остальные магометане. Неожиданный фортель, который выкинула Австрія, рѣшивши занять своими войсками Боснію и Герцеговину, отчаянное сопротивление инсургентовъ—мусульманъ успѣвшихъ дать войскамъ Австрій жестокой отпоръ при селеніяхъ Жепце и Яйде все это повѣстно теперь всѣмъ и составляетъ предметъ общаго вниманія Европы. Надо прибавить только, что трудно представить страну болѣе разоренную, обнищавшую вследствие безсѣстнаго турецкаго владычества, чѣмъ эти несчастныя области. Но читатель видитъ, какое важное въ географическомъ отношеніи положеніе занимаютъ эти области на Балканскомъ полуостровѣ.

Вообще нужно сказать, что, вследствие новаго устройства государствъ на Балканскомъ полуостровѣ и исправленія ихъ границъ, Турція потеряла изъ своей прежней территоріи 3,623 кв. миль и 4,429,600 жителей.

По Берлинскому договору, Порты уступаетъ намъ въ Азии территоріи Ардагана, Карса и Батума, съ принадлежащимъ къ послѣднему портомъ, а равно территоріи, заключающуюся между прежнею и новою русско-турецкою границею. Городъ Олги, включается въ территорію Россіи. Реки Пенекъ-чай и Бардузъ составляютъ пункты, чрезъ которые проходитъ граница. Водораздѣлъ притоковъ р. Аракса на северѣ тоже совпадаетъ съ новою границей, на югъ же водораздѣлъ притоковъ Мурадъ-су. Но долина Алашкерта и городъ Баязетъ, которые уступила Россіи Турція въ силу XIX статьи Сань-Стефанскаго договора, возвращаются Турціи снова. Въсѣтъ съ тѣмъ, Порты уступаетъ Персіи городъ и территорію Котуръ, согласно тому, какъ она была опредѣлена смѣшанною англо-русскою коммиссіею по персидско-турецкомъ разграниченію.

Греція на основаніи постановленій берлинскаго конгресса, должна получить до 200 квадратныхъ миль, съ 300,000 душъ въ Эссалии и Эпирѣ. Мы приобретаемъ въ Азін по постановленію берлинскаго трактата всего до 600 кв. миль и до 800,000 населенія. Вотъ всѣ перемѣны, которыя создала окончившаяся война и надо къ этому прибавить, что Англія, хотя и не участвовавшая открыто въ войнѣ, получила, какъ мы уже въ свое время сообщали, островъ Кипръ, имѣющій до 173 кв. миль и населеніе до 200,000 душъ. Мы здѣсь коснулись только территориальныхъ перемѣнъ, созданныхъ берлинскимъ трактатомъ; чего онъ достигъ въ политическомъ отношеніи и въ отношеніи прочности мира—объ этомъ читатель найдетъ въ политическомъ обзорѣ „Нивы“ (См. „Ниву“ № 33).

Теорія движенія каретнаго колеса.

Что, кажется, проще съ перваго взгляда какъ движеніе каретнаго колеса; оно вращается повидимому совершенно однообразно и быстрота или медленность его движенія прямо зависятъ отъ быстрога или медленнаго движенія кареты *). Но каждому должно быть совершенно понятно, что колесо имѣетъ два различнаго рода движенія; одно круговое и другое горизонтальное по земной поверхности, а совокупность ихъ, образую новую кривую линію, въ то же время даетъ намъ случай указать на одно явленіе, весьма интересное, но извѣстное лишь однимъ механикамъ и совершенно ускользающее отъ вниманія людей чуждыхъ этому дѣлу. Это явленіе состоитъ въ томъ, что движеніе верхней и нижней части колеса неодинаковы, и что верхняя часть вращается быстрѣе нежели нижняя. Чтобы убѣдиться въ истинѣ нами сказаннаго, стоитъ лишь прикрѣпить къ дугѣ колеса полоску бумаги или другой какой-либо яркой, бросаю-

*) Т. е. собственно говоря, это есть система Родописныхъ горъ, еще не далѣе какъ 30 лѣтъ тому назадъ бывшая совершенно неизвѣстною путешественникамъ и ученымъ. Горы возвышаются въ видѣ грозныхъ величественныхъ нарядовъ, покрытыхъ снѣгомъ. Кровавъ р. Марицы изъ Деспотодага берутъ начало многочисленныя ея притоки: Кидеръ, Стара-Раква, Кричицка-Раква, Ченелери и особенно величественная река Арда. Въ горахъ находится одинъ изъ древнихъ проходовъ, называемыхъ болгарами „Жельна-врата“.

*) Подъ каретою здѣсь разумѣются, конечно, и телеги, и дрожки, и другія всякаго рода колесныя повозки.

щийся въ глаза предметъ; при движеніи колеса этотъ яркій предметъ будетъ лишь ясно видимъ тогда, когда онъ соприкасается съ земною поверхностью; когда же онъ будетъ вверху, то при каждомъ оборотѣ колеса замѣчается лишь одна чуть видная, неясная черта; тоже самое можно замѣтить и на спицахъ колеса; въ нижней части колеса даже при самомъ быстромъ движеніи, каждую изъ нихъ можно видѣть совершенно отчетливо, тогда какъ въ верхней части они сливаются въ одно общее неясное очертаніе. Но при этомъ у каждаго невольно возникаетъ довольно основательный вопросъ: не представляется ли изъ себя колесо нѣчто цѣлое и недѣлимое, обращающееся около оси, какъ около своей центральной точки? Не должно ли считать за строго математическую истину, что всѣ точки, находящаяся на равномъ разстояніи отъ центра, должны обращаться съ равной скоростью, а послѣ этого можно-ли допустить различіе въ скорости движенія верхней части колеса отъ нижней? Но не смотря на кажущуюся основательность подобныхъ разсужденій, слѣдующій опытъ доказываетъ до очевидности совершенно имъ противное. Проведемъ мысленно отвѣсную прямую линію черезъ центральную точку колеса стоящей неподвижно кареты и обозначимъ хотя мѣломъ обѣ точки соприкосновения этого перпендикуляра какъ на дугѣ колеса, такъ и на земной поверхности какой-нибудь чертой или знакомъ. Теперь если подвинуть карету на одинъ футъ, то конечно и ось должна подвинуться впередъ на тоже разстояніе; верхняя же точка отодвинется на цѣлыя два фута, тогда какъ нижняя отдалится на самое незначительное разстояніе отъ помѣтки, сдѣланной нами на земной поверхности.

Этотъ опытъ можно производить и другимъ образомъ, проводя мысленно косую линію черезъ центральную точку колеса, такъ что нижняя часть оси будетъ отстоять отъ нея на одинъ футъ впередъ, а верхняя на одинъ футъ назадъ. Въ такомъ случаѣ намѣчаются на землѣ три точки; а именно та, которая лежитъ отвѣсно подъ осью и другія двѣ, отстоящія на одинъ футъ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны первой точки. Подвинувъ карету впередъ мы убѣдимся, что когда ось сдѣлала движеніе на два фута, то верхняя точка подвинувшись въ то же время на четыре фута, а нижняя почти неизмѣнила своего первоначального положенія. Такой немудреный опытъ конечно легко произвести и въ комнатѣ съ помощью или игрушечной кареты, или какого-либо другого кругообразнаго предмета, принимая за земную поверхность столъ или доску и наблюдая лишь одно условіе, чтобы то пространство, на которомъ будетъ вращаться такое импровизированное колесо, должно быть относительно коротко, какъ относительно малъ и діаметръ подобнаго колеса.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что колесо имѣетъ два центра движенія: одинъ относительно оси, а другой относительно земной поверхности. Первый лежитъ въ срединной точкѣ оси, а второй тамъ, гдѣ колесо соприкасается съ земною поверхностью и въ первомъ случаѣ каждая точка окружности колеса, при всякомъ поворотѣ послѣдняго, описываетъ полный кругъ, а во второмъ случаѣ лишь циклонду, т. е. линію, близкую по величинѣ половинѣ окружности круга и эта кривая, при своемъ восходящемъ и нисходящемъ движеніи, при каждомъ оборотѣ колеса, образуетъ волнообразную линію. Такимъ образомъ между движеніемъ верхней и нижней части колеса

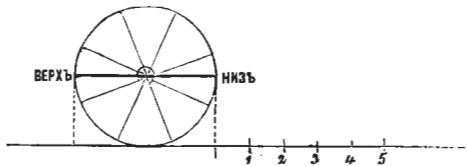
существуетъ дѣйствительная разница и эта разница не измѣняется нисколько, если движущимся предметомъ будетъ или небольшая тарелка медленно катящаяся по столу, или цѣлый локомотивъ американскаго почтоваго поѣзда, пробѣгающій цѣлую англійскую милю почти въ одну минуту.

Чтобы получить точное математическое отношеніе скорости всей верхней части колеса ко всей нижней ея части, слѣдуетъ раздѣлить колесо на двѣ половины горизонтальной, черезъ ось проходящей линіей. Изъ двухъ крайнихъ точекъ этой линіи одну обозначимъ буквой В (вверхъ) а другую Н (низъ). Въ то же время отъ каждой изъ этихъ точекъ, а также и отъ центра оси проведемъ отвѣсную линію и отмѣтимъ ихъ соприкосновение съ землею. Подвинувъ карету впередъ, мы заставимъ колесо сдѣлать полъ-оборота и получимъ въ результатѣ, основываясь на помѣткахъ, сдѣланныхъ на землѣ, что точки В и Н перешли въ очень неравное отношеніе одна къ другой и разстояніе ихъ раздѣляющее совсѣмъ не то, какое было до движенія колеса. Такимъ образомъ въ то время какъ ось подвинувшись на половину оборота колеса, точка В подвинувшись на тоже разстояніе, съ приложеніемъ къ нему еще діаметра цѣлага колеса, а точка Н подвинувшись меньше чѣмъ ось на разстояніе, равное діаметру колеса. Принимая, что колесо имѣетъ 4 фута въ поперечникѣ и что окружность его равняется, круглымъ числомъ, двѣнадцать футамъ, мы получимъ слѣдующее выраженное въ цифрахъ соотношеніе всѣхъ трехъ данныхъ точекъ (Оси, В и Н).

Такъ ось—половина окружности колеса = 6 футамъ.

Точка В—величина оси, сложенная съ цѣлымъ діаметромъ колеса, т. е. $6+4=10$ футамъ.

Точка Н— величина оси безъ діаметра колеса, то есть $6-4=2$ футамъ.

Теорія движенія каретнаго колеса.

Слѣдовательно, точки В и Н представляютъ въ этомъ случаѣ отношеніе скорости верхней части колеса къ нижней его части, а такъ какъ эта скорость относится одна къ другой какъ 10:2 или 5:1, то посему несомнѣнно, что верхняя часть колеса движется въ пять разъ быстрее чѣмъ нижняя. Такимъ образомъ истина этой теоріи движенія колеса не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ основывается на самомъ строгомъ математическомъ выводѣ, но для человѣка незнакомаго съ основаніемъ механики покажется чрезвычайно страннымъ, что въ одномъ и томъ же колесѣ, верхняя часть имѣетъ одно движеніе, а нижняя другое и убѣждаться въ этой истинѣ и числовыми данными и опытомъ, онъ все таки будетъ качать недоувѣрчиво головою и подозрѣвать, что здѣсь скрывается какая нибудь хитрость, которой хочется обморочить простой людъ ученому человѣку.

Внутреннія извѣстія.

Въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства“ опубликованъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату объ увольненіи отъ службы ратниковъ ополченія перваго призыва. Это, конечно, указываетъ на мирное положеніе дѣлъ, впрочемъ, насколько продолжительно будетъ такое мирное положеніе дѣлъ—рѣшить трудно. Пока все, какъ говорится, обстоитъ благополучно, и наши крейсера—пароходы добровольнаго флота, виды которыхъ были помѣщены на страницахъ „Нивы“, уже получили новое назначеніе, а именно—перевозить войска съ бывшаго театра войны.

Наша русская Академія Наукъ, тихо и неслышимо для всего міра занимавшаяся до сихъ поръ своими учеными дѣлами, намѣрена съ нѣкотораго времени, какъ говорятъ, предлагать задачи на извѣстныя темы, съ присужденіемъ за ихъ выполненіе премій. Такъ давно уже ведется въ Парижской академіи наукъ, которая ежегодно предлагаетъ нѣсколько темъ съ преміями за ихъ выполненіе.

За симъ отъ науки перейдемъ къ презрѣнному металлу, считаемому въ то же время и благороднымъ. Этотъ презрѣнный и благородный металлъ прельщаетъ финляндцевъ. Такъ, со времени введенія въ Финляндію золотой монеты прошло мѣняе двухъ мѣсяцевъ, между тѣмъ тамъ уже начинаются гоненія на русское серебро 84 пробы, которое по закону должно приниматься при расплатахъ суммами мѣнѣе 10 фин. марокъ. По словамъ мѣстной газеты, на Улеборгской телеграфской станціи не принимаютъ въ уплату за телеграммы серебро, хотя телеграфы въ Финляндіи вполне подвѣдомственны общимъ учрежденіямъ этого рода въ Имперіи.

Отъ страсти къ золоту и серебру—одинъ шагъ до кредитныхъ билетовъ. Такъ въ Козловѣ послѣднее время стало появляться много фальшивыхъ кредитныхъ денегъ, преимущественно двадцати пяти рублевыхъ. Въ отдѣленіе государственнаго банка иногда въ одинъ день поступаетъ ихъ по нѣсколькимъ штукъ. На всѣ поступающіе въ банкъ кредитные билеты накладывается печать, послѣ чего они уже разумѣется не могутъ имѣть никакой стоимости. Въ Елабугѣ Вятской губ. также обнаружена поддѣлка фальшивыхъ кредитныхъ бумагъ и виновные въ ихъ поддѣлкѣ пойманы.

Въ предыдущихъ номерахъ „Нивы“, мы сообщали объ ужасномъ случаѣ—убійствѣ шефа жандармовъ, генерала Мезенцова. Убійцы до сихъ поръ еще не открыты. Газеты передаютъ, что будто бы однимъ лицомъ представлено въ казну 50 т. рублей для вознагражденія того, кто представитъ въ руки правосудія преступника, убившаго генерала Мезенцова.

Нынѣшняя Нижегородская ярмарка идетъ успѣшно и полагаютъ, что долго не затянется. Съ пушнымъ товаромъ многие уже кончили, товаръ проданъ сравнительно не дешево. Копачьи мѣха продавалъ по 5 р. 50 к. и по 6 р., тогда какъ въ прошедшемъ году съ удовольствіемъ отдавали за 4 р. и 4 руб. 20 к. Лисьи мѣха нынче проданы на 10 р. дороже. Заячьи почти всѣ проданы за границу съ пзышеніемъ цѣны. Рыбой соленой торговать еще не начинали; мочала продаютъ по 70 к. за пудъ. Въ сундучномъ ряду не запомнятъ такого требованія на свой товаръ, какъ въ нынѣшнемъ году. Покупатели преимущественно армяне и персіяне. Нѣкоторый успѣхъ ярмарки объясняютъ нашимъ низкимъ курсомъ.

4 августа на Ярмаркѣ вспыхнулъ пожаръ при сильномъ вѣтрѣ и уничтожилъ въ каіе нибудь полчаса 27 каменныхъ и деревянныхъ домовъ со всѣми пристройками.

На дняхъ устроена телеграфная линія до села Павлова, на которой открыты станціи съ приемомъ денешъ влутренней корреспонденціи въ Павловѣ, городѣ Горбатовѣ и селѣ Бородскомъ. Линія устроена по ходатайству и содѣйствию мѣстныхъ сельскихъ и городскихъ жителей.

Слѣдственная коммисія по изслѣдованію злоупотребленій въ складахъ Одесскаго военного округа опредѣлила общій убытокъ казны собственно по находящимся въ ея производствѣ дѣламъ почти въ 1 мил. руб. Самый крупный убытокъ слѣдуетъ отнести къ складу провіанта и фуража на станціи Раздѣльной. Изъ фуража обнаружена громадная недостача, около 200,000 пудовъ сѣна, за которое между тѣмъ подрядчикъ Коганъ, успѣлъ получить сполна всѣ деньги и освободить свои залози. Оказалось много никуда негоднаго, совсѣмъ сгниваго овса и ячменя. Изъ провіанта пострадала мука, доставленная изъ склада въ Раздѣльной на мѣсто назначенія въ такомъ видѣ, что ее оказалось невозможно употребить въ пищу. Изъ Тифлиса сообщаютъ, что 60 человекъ интендантскихъ чиновниковъ комиссаровъ и друг. преданы суду за разныя злоупотребленія въ минувшую войну.

По устройству Сибирскаго университета въ гор. Томскѣ сообщаютъ, что мѣстный житель Томска Асташевъ пожертвовалъ подъ университетское помѣщеніе свой большой домъ.

Пишутъ, что нѣзку открылся новый сильный нефтяной фонтанъ, дѣйствующій непрерывно и выкидывающій массу нефти. Въ настоящее время цѣна на нефть упала до 1 к. за пудъ.

Общество содѣйствія русскому торговому мореходству ходатайствуетъ предъ правительствомъ о введеніи на пароходахъ непроницаемыхъ для воды скамеекъ, которыя бы въ случаяхъ крушеній или столкновеній пароходовъ могли быть выброшены для подачи помощи утопающимъ.

О добываніи золота по р. Амуру сообщаютъ, что въ 1877 г. всего золота промыто 172 п. 37 ф. на сумму болѣе 2 миллионъ руб. Всѣхъ служащихъ на пріискахъ принадлежущихъ 5 компаніямъ, было до 3,000 человекъ при 11 золотопромывательныхъ машинахъ. Въ прошедшемъ году отправлено было 15 поиковыхъ партій для розыска новыхъ золотоносныхъ площадей, каковыхъ заявлено три. Открытіе винныхъ складовъ и питейныхъ заведеній въ близкомъ разстояніи отъ пріисковъ оказываетъ вредное вліяніе на нравственность ближайшаго населенія и пріисковыхъ рабочихъ.

Ариемогрифъ.

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. Плодъ, употребляемый въ пищу.

- 2. 6. 3. 4. 7. 8. Имя.
- 2. 1. 3. 7. 8. Звѣрь.
- 7. 1. 3. 3. 1. Библейское имя.
- 3. 4. 7. 8. Растеніе, употребляемое въ пищу.
- 5. 3. 1. 2. 2. 8. Морское животное.
- 7. 4. 3. 6. 5. 5. 6. Вѣтеръ.
- 2. 1. 7. 8. Голось.
- 2. 6. 5. 8. Часть тѣла.
- 3. 6. 5. 8. Судьба.
- 2. 1. 3. 5. 1. Рѣчное, озерное и морское судно.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Ярославль. Н. Бурцъ—ву. Ваши хвалы, съ колѣнопреклоненіемъ возносимыя предъ божествомъ, именуемымъ деньгами, могутъ удостоиться одобренія развѣ только отъ евреевъ, да и то лишь изъ числа тѣхъ, которые погубиле. Кто-же не знаетъ, что деньги мечъ обоюдоострый которымъ легче всего погубить себя, нежели другихъ—но вамъ видимо этого неизвѣстно. Смѣемъ увѣрить васъ, что человекъ одаренный хотя самой незначительной долей ума и наблюдательности, никогда не огласится съ вашими словами, что, будто-бы:

„Деньги претворяютъ
Барина изъ мужика,
Глунаго изъ дурака“

На эти весьма (говоря между прочимъ) безграмотныя строки отвѣтимъ вамъ правдивыми словами старинныхъ стиховъ:

„Глуному сыну не въ помощь богатство,
Аще не купишь мудрости изрядство...“

И далѣе:

„Много-бо богатство ума помрачаетъ,
И человекъ въ ничто обращаетъ.“

Вотъ все, что мы можемъ сказать вамъ въ отвѣтъ на содержаніе вашихъ стиховъ; что-же касается ихъ формы, то о ней и говорить нечего: она никуда не годится.

СОДЕРЖАНІЕ: Ливадія, имѣніе Государыни Императрицы въ Крыму (съ рисункомъ) Л.—Царь-дѣвица. Историческій романъ. Вс. Соловьева (продолженіе).— Искусственная выводка цыплятъ (окончаніе).—Прививка оспы (съ рис.) Н. Лейкина.—Парижская Всемирная Выставка (съ 3-ми рисунками).—Изъ жизни въ горѣ Шварцвальда (съ рисункомъ) Л.—Новыя карты границъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азій. (съ 2-ми рисунками).—Теорія движенія наметнаго колеса (съ рисункомъ).—Внутреннія извѣстія.—Ариемогрифъ.—Почтовый ящикъ. Объясненія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

О В ъ Я В Л Е Н І Я.

ТОВАРИЩЕСТВО ЗАВЕДЕНІЯ МЕТОХРОМОТИПИИ.

имѣть въ большомъ количествѣ: лицевыя иконописныя святцы, образа двудесятихъ праздниковъ, иконы святыхъ угодниковъ, плащаницы, хоругви, заприестольные кресты и т. д. Принимаются заказы на иконостасы (постоянные и походные, на живописные мѣстные образы, на всѣ церковныя принадлежности и на изготовленіе самыхъ точныхъ копій масляными красками, съ оригиналовъ изображеній.

КАРТИНЫ

по священнои Исторіи ветхаго и новаго завіта, изданія Ракоцій, Сидорскій и К^н составленная согласно съ программами начальныхъ школъ и среднихъ учебныхъ заведеній, одобренъ и рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Святейшаго Синода и Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго просвѣщенія, преимущественно предъ всѣми прочими изданіями, во всѣ учебныя заведенія какъ духовнаго, такъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ.

Цѣна полной коллекціи въ 50 картинъ (размѣръ каждой картины 13—9 вершковъ) раскрашеннымъ акварелью 24 руб.

- На слонойвой бумажѣ въ тонахъ . . . . . 16 р.
- На бѣлой бумажѣ въ тонахъ . . . . . 12 р.
- На погубльвой бумажѣ безъ тоновъ . . . . . 7 р. 50 к.

Тѣже самыя картины изданія И. П. Сидорскаго, исправленныя и дополненныя согласно указаніямъ вышеисказанныхъ комитетовъ, отпечатанныя на слонойвой бумажѣ въ двѣнадцати тонахъ, продаются по цѣнѣ въ 50 картинъ (размѣромъ каждая картина въ 10—15 дюймовъ) по 13 руб. раскрашенныя акварелью и по 7 руб. за экземпляръ на слонойвой бумажѣ въ двѣнадцати тонахъ. Земствамъ, выписывающимъ картины для народныхъ школъ неединачными экземплярами дѣляется уступка.

Святцы и картины можно получать исключительно въ С.-Петербургѣ, Грочиній переулочъ, домъ № 27, въ заведеніи Метохромотипии Ракоцій, Сидорскій и К^н.

ПАНСИОНЪ Г-на А. БИБЕРЪ.

В. О., уголъ Большаго проспекта и 5-ой линіи № 18.

Программа пансіона соответствуетъ программѣ четырехъ первыхъ классовъ гимназій. Учениковъ готовятъ спеціально для всѣхъ реальныхъ и военныхъ учебныхъ заведеній. Годовыя условія: за пансіонера 400 р., за полупансіонера 250 руб., за приходящаго 100 руб. № 190 2—2

№ 176 **ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ И РИМА** 4—3

по преимуществу внутренней жизни

Соч. Андреа Таччева цѣна 2 ч. 2 р.

Отзывы 1876 г. Спб. В. № 63, Голось 178, Нов. Вр. 20, Вирж. Вѣд. 94, Женское Обр. 1—2, Пед. Муз. 8, Нед. 13—14, Дѣт. Садъ 5—6 1877 г. Ж. М. Н. Провс. № 3.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Большая Морская, д. № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть Вс. С. Соловьева. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Пянова, и гравиров. лучшими мастерами. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., для подписч. „Нивы“ 1878 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

Въ № 33 было напечатано: при семъ № прилагается для Гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ чайн. маг. О. Корещенно въ Москвѣ, но по ошибкѣ оно не было приложено, а потому и прилагается при этомъ №.

ВЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА“

продается иллюстрированный журналъ „Нива“ 1875 и 1876 года.

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ, Т. Е. ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ, СЪ ПРЕМІЯМИ:

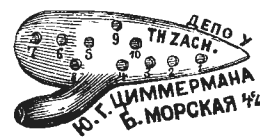
Брошурованному | Въ простомъ перепл. | Въ наленкор. перепл.
Безъ перес. 4 р.— | Безъ перес. . 4 р. 75 | Безъ перес. 5 р. 50
съ перес. . 5 р. 50 | съ перес. . . 6 р. 25 | съ перес. . 7 р.—

Приобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25% уступки (но только съ книги, а не съ переплета или съ пересылки).

Каждый томъ „Нивы“ заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусства, современной жизни и проч. и до 700 художественно выполненныхъ рисунковъ. Помѣщенныя въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома „Нивы“ имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нему приложенныхъ безплатныхъ премій. Приложенія къ „Нивѣ“ 1875 года 2 картины 1) Смерть Юлія Цезаря, картина профессора Пилоти 2) Мадонна Севильская, картина Севастіана Мурильо,—Приложенія къ „Нивѣ“ 1876 года; Спящая Красавица, картина Э. Велз, печатанная масляными красками въ 20 тонахъ. № 186

МАГАЗИНЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана, по Большой Морской, 42,

Рекомендуетъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ скрипки, виолончели, цитры, гитары, струны, хорнетъ-а-пистонъ, елейты, кларнеты, барабаны, музыкальные ящики, шарманки, англійскія и нѣмецкія концертныя, гармоніолеты, гармоніи и всѣ другіе музыкальные инструменты.

ОКАРИНА ТОМАСА ЗАХА ВЪ ВѢНѢ,

по фабричнымъ цѣнамъ:

- № 1 по 1 р. — к.
- » 2 » 1 » 50 »
- » 3 » 2 » — »
- » 4 » 2 » 50 »
- » 5 » 3 » — »
- » 6 » 4 » — »

школа для изученія безъ учителя 40 коп.
мелодія I, II, III тетрадь по 60 коп.
дуэты, I тетрадь 80 коп.
тріо, I тетрадь 1 руб.
квартеты I тетрадь 80 коп.

Дамскія окарины съ футляромъ по 5 и 6 р., малый дуэтъ 5 р., большой дуэтъ 6 р., малый тріо 5 р., большой тріо 10 р., малый квартетъ 8 р., большой квартетъ 16 р., футляры для № 1, 2, по 60 к. № 3, 4, по 80 коп., № 5, 6, по 1 р. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно по полученіи денегъ за пересылку одной окарины слѣдуетъ 60 коп. № 175 3—3

НИВА

Иллюстрированный журнал литературы

№ 35

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Выданъ 28 Августа 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕНЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 для напечатанія въ «Нивѣ» принимаются по 25 к. за строку непарель (въ 1/4 ширины страницы).

КОНТОРА
 журнала открыта ежедневно (кроме Воскресенья) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . . . 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ н. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи . . . . . 6 „

Также принимается подписка на 1/2 года съ 1 июля 1878; безъ дост. 2 р., съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р.
 КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особые приложенія объявленій къ «Нивѣ» иногор. по 5 р. съ тысячи, городскимъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
 Медкія рукописи и стихи, неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1878 г. №№ «Нивы» со всѣми приложеніями.

ALEXANDRE DE BARTH

Церковь въ Псковской губерніи, построенная въ XIII вѣкѣ. Рис. съ натуры Александръ де-Барчъ, грав. Жонаръ.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ XIII ВѢКѢ.

Помѣщаемый въ этомъ № рисунокъ, изображающій видъ церкви, постройка которой относится къ XIII вѣку, даетъ намъ случай познакомить читателей „Нивы“ съ положеніемъ христіанской церкви въ тотъ отдаленный періодъ, который отстоитъ отъ насъ уже на пять столѣтій. Основываясь на трудахъ нашего уважаемаго профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, приведемъ здѣсь слѣдующія данныя изъ его Русской исторіи, на которую, говоря между прочимъ, не можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей, такъ какъ этотъ трудъ заслуживаетъ всеобщаго вниманія, именно потому, что въ немъ главнымъ образомъ обращено вниманіе на исторію самой страны и ея населенія, на его жизнь, а не исключительно только на исторію князей и ихъ взаимной борьбы.

Русская церковь въ періодъ татарскаго владычества,—говоритъ онъ,—служила великую службу Русской землѣ: политическое единство Руси создано было при сильномъ содѣйствіи со стороны духовенства. Въ нравственномъ отношеніи духовенство оказало въ эту пору не менѣе важныя услуги: оно являлось главнымъ представителемъ нравственнаго начала, потому и князья обращались къ посредству духовныхъ лицъ, которыя были между ними примирителями, третейскими судьями. Авторитетъ духовныхъ лицъ былъ единственнымъ авторитетомъ, сдерживавшимъ, на сколько возможно, личный произволъ и кулачное право, преобладавшіе въ тогдашнемъ обществѣ; несомнѣнные примѣры добродѣтелей нѣкоторыхъ подвижниковъ ярко выдѣлялись въ обществѣ, такъ поставленномъ, что въ немъ преобладали сила и ловкость. Въ отношеніи умственномъ духовенство являлось единственнымъ грамотнымъ сословіемъ и потому представляло умственный интересъ въ обществѣ; какъ ни бѣдно было образованіе въ Руси Суздальской, какъ ни нескусны были попытки литературныя въ этой части Русской земли, но и онѣ преимущественно принадлежали духовенству.

Конечно въ бытѣ духовенства было не мало и черныхъ сторонъ, но онѣ объясняются условіями времени, какъ нравственными, такъ и общественными и экономическими.

Во главѣ русскихъ церквей того времени стоялъ митрополитъ, который поставлялся въ Константинополѣ. Бывали случаи поставленія въ разѣ двухъ кандидатовъ, назначенныхъ двумя сильными князьями. Патриархи, соглашався на поставленіе кандидата указаннаго русскими князьями, соглашались не даромъ: поставленіе стоило дорого. Можно себѣ представить, какая шла борьба и волненіе въ народѣ по поводу поставленія митрополита, какія ухищренія и подкупы употреблялись въ дѣло по этому случаю. Но нравы того времени допускали подобныя мѣры, не смотря на то, что казалось бы въ такомъ духовномъ дѣлѣ не слѣдовало бы къ нимъ прибѣгать. На сколько велики были „мзды“, взимаемыя константинопольскими патриархами за поставленіе митрополита, видно изъ слѣдующаго лѣтописнаго повѣствованія:

„Русь же позаймовавъ тою кабалою сребро въ долгъ на имя князя Великого у Фриси у бесермянъ вросты и иже и до сего дни тотъ долгъ ростеть, его же есть выще 20,000 рублевъ сребра; и разсулиша посулы многи и раздаваша сюду и сюду, а яже поминковъ и даровъ нигого же можетъ рещи или изчислити, и тако едва возмогоша всѣхъ“.

Этотъ разсказъ относится ко времени поставленія митрополита Пимена. Константинопольскій патриархъ и царь послѣ подарковъ рѣшились на его поставленіе, не смотря на то, что былъ въ то время на Руси митрополитъ Кипріянычъ. „Гораздо познали,—говорится въ грамотѣ Витовта,—штожь они (греки) хотяты того, штобы по своей воли ставити митрополита, по накупу, хто ся у нихъ накупитъ на митрополью, штобы таковый въ ихъ воли былъ, здѣ бы грабя, пусто чиня, а къ нимъ выносилъ“.

Отъ подвѣдомственныхъ епархій митрополитъ имѣлъ опредѣленные доходы: посѣщая епархію, онъ получалъ дары и права суда, изъ-за чего велась упорная борьба съ Новгородомъ; сверхъ того онъ получалъ постоянную дань съ духовенства всей митрополии: „исповѣдую яже имать пошлыны митрополичьскій престоль—говорится въ „Исповѣданіи вѣры“ епископовъ—во всемъ предѣлѣ моемъ соблюдать непреложно.“ Ему же шли пошлыны за поставленіе въ Епископы. Въ случаѣ суда онъ получалъ судебныя пошлыны. Другіе іерархи въ своихъ предѣлахъ пользовались полною каноническою властью. На содержаніе свое іерархи получали пошлыны съ духовенства и судебныя, а также имѣли свои села. Князья и народъ считали себя впрочемъ вправѣ вмѣшиваться въ дѣла духовныя: такъ князь Ростовскій возставалъ на епископа Тарасія, народъ въ Муромѣ на св. Василия.

О доходахъ церкви этого отдаленнаго времени мы можемъ составить представленіе по жалованнымъ грамотамъ князей.

Такъ, напримѣръ, въ грамотѣ Рязанскаго князя Олега (акты историч. т. 1 № 2. 1356—1387 г.) повѣствуется, что когда прадѣды Олега ставили церковь Св. Богородицы и съ ними 300 бояръ и 600 мужей, тогда дали дому Св. Богородицы 9 земель борныхъ, пять погостовъ (при каждомъ погостѣ высчитываются *семьи*). Погостъ, какъ видно изъ одной грамоты, имѣлъ большое значеніе въ іерархіи общинъ, такъ что къ погосту тянута села, а къ селу деревни и починокъ. Села давались съ *винами*, т. е. съ пошлиной за вино, съ поличнымъ, т. е. съ пошлиной за поличное и съ разными поземельными выгодами „и озера, и бобры“ (К. Асаковъ, Истор. сочин. стр. 429).

Число монастырей возросло въ татарскую пору, особенно во вторую ея половину. Въ началѣ ита ни въ центральной Россіи, ни въ южной не могли возникать новые монастыри: возможность татарскаго опустошенія всегда грозила имъ. Когда иго облегчилось, князья начали выражать свое религиозное чувство основаніемъ монастырей, съ другой стороны около пустынниковъ стали собираться толпы и такимъ образомъ возникли сами собой другія обители.

Нашъ рисунокъ представляетъ собственно церковь въ Псковской губерніи построенную въ XIII вѣкѣ, и въ виду этого мы скажемъ нѣсколько словъ объ особенностяхъ древняго Пскова въ церковномъ отношеніи, обращаясь снова къ трудамъ К. Н. Бестужева-Рюмина.

Псковъ,—говоритъ онъ,—въ церковномъ отношеніи зависѣлъ отъ Новгородскаго архіепископа, который назначалъ въ Псковъ намѣстника. Намѣстникъ этотъ, назначавшійся отъ Новгородскаго архіепископа, бывалъ даже зачастую и не духовное лицо, но это, какъ видно, нисколько не мѣшало ему „вѣдать“ церковныя дѣла. Архіепископъ Новгородскій пріѣзжалъ въ Псковъ только на время и то въ четыре года разъ. Все это время отъ одного пріѣзда архіепископа до другого вѣдалъ въ Псковѣ дѣлами епархіи намѣстникъ, бывшій, какъ сказано выше, даже и не духовнымъ лицомъ. Большая часть его дѣлъ заключалась такъ сказать въ дѣлахъ финансовыхъ, во взиманіи слѣдовавшихъ въ пользу архіепископа сборовъ. Теперь мы, отдаленные пятью вѣками отъ этого описываемаго времени, конечно, не можемъ не удивляться правамъ тогдашнихъ русскихъ людей, но вѣдь нельзя не сказать, что по прошествіи еще пяти вѣковъ будущіе жители нашей родины то же съ удивленіемъ станутъ относиться къ этому времени, которое мы переживаемъ, и удивленіе ихъ, конечно, будетъ имѣть весьма много вѣскихъ данныхъ, и они тоже будутъ въ свое время служить предметомъ удивленія и, можетъ быть, порицанія и т. д. до безконечности, или вѣрнѣе, до того времени, когда земля, обитаемая нами, сдѣлается безплодною и безжизненною пустынею.

Но не заходя за тысячелѣтія впередъ, вернемся снова за пять вѣковъ назадъ и разскажемъ здѣсь, какими поборами сопровождался пріѣздъ Новгородскаго архіепископа въ Псковъ. Пріѣздъ его сопровождался большими поборами. Вотъ перечень поборовъ изъ царской грамоты 1555 года: „Съ плѣши (стриженнаго гуменца) по полтинѣ, да по 15 денегъ въ Московское число, да корму на всякъ день по 150 калачей, да по 50 хлѣбовъ денежныхъ, да по 40 гривенъ за мясную вологу, да за рыбѣ за всякую по 40 денегъ, да по 2 бочки меду русскаго, а не любь медъ, ино за 2 бочки полтина, да рублевая гривенка перцу, по 2 гривеники пшена сорочинскаго, по 2 безмѣна меду, пудъ соли, масло коровье и конопляное, яйца, сыры, просо, крупы житныя, укусы, лукъ, крошиво поворамъ, а солоду на квасъ сколько надобѣ, да за свѣчи за вошанія *полтретьятцетъ* денегъ, да по двѣ свѣчи вошанныхъ большихъ выгыхъ, да по 100 свѣчъ салныхъ, да по 15 зобней овса, да по 15 возовъ сѣна, да по 15 возовъ дровъ, по возу лучины, а соломы подъ коней сколько надобѣ“ (Митр. Евгенія Ист. кн. Пск. II прил. XII).

Вслѣдствіе такихъ поборовъ въ XIV вѣкѣ замѣчается въ Псковѣ стремленіе освободиться отъ власти Новгородскаго владыки. Много разъ псковичи пробовали достигнуть этого, но большею частью безуспѣшно. Въ 1464 году они просили объ особомъ архіерей, но эта просьба была отвергнута московскими властями. Причиной отказа нужно считать кажется нежеланіе обособленія церкви; такъ какъ въ этомъ обособленіи видѣли политическое значеніе. Въ 1469 году была составлена псковскимъ духовенствомъ грамота и утверждена даже на вѣчѣ, которой опредѣляли псковичи правила управленія церковью и избрали двухъ депутатовъ при архіерейскомъ намѣстникѣ, на подобіе двухъ посадниковъ; но и на этотъ разъ Псковичи ничего не добились и въ слѣдующемъ году грамота была уничтожена, по вмѣшательству власти Московскаго князя, и они по прежнему остались въ подчиненіи Новгородскому владыкѣ до времени, уже значительно позднѣйшаго.

Л.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

VII.

Бабъ, съ которыми очутилась Люба, было двѣ. Одна изъ нихъ ужъ старуха, хозяйка Лукьянова—Мавра, а другая—Федосья, молодая, красивая бабенка, сноха его. Онѣ сидѣли въ углу на лавкѣ; у обѣихъ лица были встревожены. Не смотря на позднее время, для спанья не было никакихъ приготовленій.

Женщины съ изумленіемъ взглянули на Любу и тотчасъ приступили съ разспросами:—какъ? откуда? куда?

Люба, уже оправившаяся отъ страха своего и волненія, отвѣчала имъ обстоятельно. Она сняла съ себя шапку; ея голова оказалась обвязанной такимъ образомъ, что невозможно было разглядѣть длинныхъ волосъ ея. Коса была пропущена подъ кафтанъ. Убѣгая изъ перхуловскаго дома она не успѣла обрѣзать себѣ волосы, да еслибъ и было время, такъ врядъ ли обрѣзала бы—и жалко и черезъ чуръ ужъ зазорно.

Она рѣшилась до самой Москвы, до тѣхъ поръ, пока не предстанетъ передъ ясныя очи Царь-дѣвицы, не развязывать головы и при случаѣ сослаться на сильную боль, или отмороженныя уши.

Такъ она и теперь сдѣлала, и ея отвѣтъ не казался страннымъ, такъ какъ конечно ни Маврѣ, ни Федосьѣ не могло придти въ мысль, что передъ ними переодѣтая дѣвушка.

Отвѣчая на вопросы своихъ собесѣдницъ, выдумывая имъ про себя разныя исторіи, Люба едва сдерживала свое нетерпѣніе. Она не въ силахъ была больше находиться въ неизвѣстности, должна же была наконецъ узнать, что такое творится въ Медвѣдковѣ, и въ какую это кутерьму она попала.

Накопецъ Лукьяновы бабы рѣшились удовлетворить ея любопытство и стали ей говорить, перебывая другъ друга.

Долго ничего она не могла попать изъ ихъ рассказовъ, но все же въ концѣ концовъ, кое какъ, добилаь смысла.

Она узнала, что на Медвѣдково навалились раскольщики, что ихъ многое множество въ землѣ русской и что стоять оня за старую вѣру, которую исказили никоніанцы.

Въ вопросахъ религіозныхъ Мавра и Федосья оказались очень несмышленими—не могли объяснить Любѣ, въ чемъ собственно дѣло, въ чемъ разница между старой вѣрой и новою, которую приняла и царь, и бояре, и большая часть народа русскаго.

— Кто ихъ знаетъ, можетъ и вѣрно они толкуютъ, раскольщики-то, говорила Мавра. Точно вѣдь, какъ подумаешь—все была вотъ одна вѣра православная, — и прежде насъ жили люди, да не были же погаными нехристями, умѣли чтить Бога и, колибы старая-то вѣра была неправая, то какъ бы всѣ великіе святители могли спастись ею?..

— А и то разсудить нужно, продолжала Мавра помолчавъ, что не будь изъяну какого въ старыхъ книгахъ, съ чего бы ихъ отринули и царь, и бояре съ патриархомъ? Темно тутъ, наречь, не распознаешься—не нашего глупаго бабьяго ума это дѣло. Вотъ и Лукьянъ мой, даромъ что землю пашетъ, а человѣкъ бывалый и обученъ отъ писанія, въ Москвѣ по годамъ живаль, такъ онъ говорить, что раскольщики не путно толкуютъ и по его такъ выходитъ, будто истинная, настоящая то старая вѣра и есть теперешняя, новая, а ихъ,

раскольщиковъ то, совсѣмъ не старая, а одно затемнѣніе, отъ дьявола исходящее...

Люба внимательно прислушивалась къ словамъ этимъ, но не могла ничего въ толкъ взять: „Какъ это такое: старая вѣра,—новая, а новая—старая?!“ Эхъ, вотъ Лукьяна то нѣтъ, онъ бы рассказалъ потолковѣ!

Необыкновенно заинтересовала Любу вопросъ о старой и новой вѣрѣ, такъ заинтересовала, что она даже, раздумывая объ этомъ, позабыла про свое тяжелое положеніе, про всѣ страхи.

А Мавра продолжала говорить.

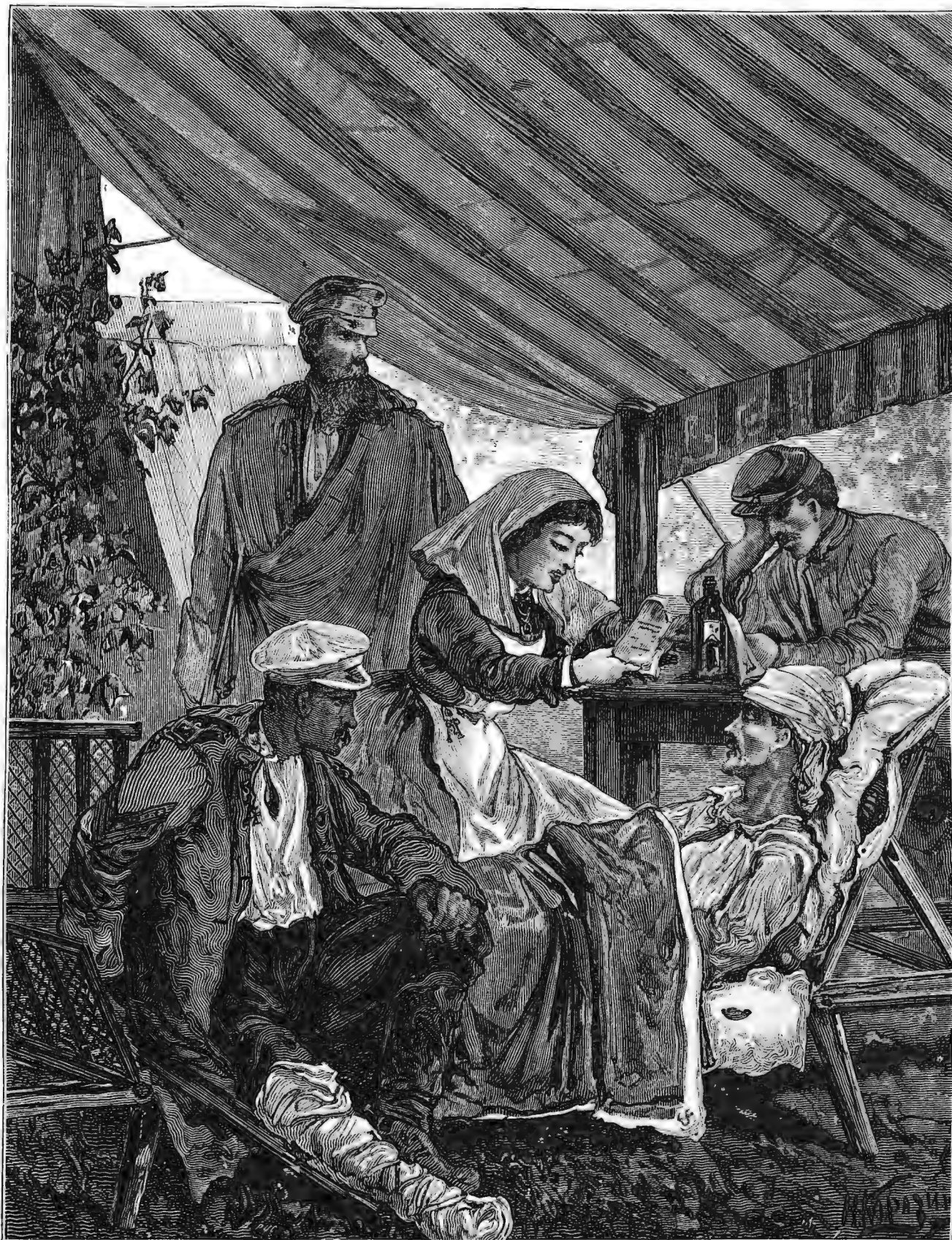
Она горько жаловалась на раскольщиковъ. „Правы ли они тамъ, или виноваты въ своей вѣрѣ, а все же до нихъ жилось въ Медвѣдковѣ благополучно — тишь да гладь, да Божья благодать,—а какъ стали они показываться—и пошла бѣда за бѣдою.

Сначала, съ годъ тому будетъ времени, приходилъ какой-то старикъ, остановился въ избѣ у одного медвѣдковскаго крестьянина, началъ собирать вокругъ себя народъ, толковать имъ о вѣрѣ, въ расколъ подговаривать. Кто не послушался его, а кто и послушался: и такихъ въ Медвѣдковѣ, что стали раскольщиками, набралось не мало.

За старикомъ и другіе разные люди стали въ Медвѣдково навѣдываться. Придутъ, поживутъ, намутятъ, да каждый разъ то тѣхъ, то другихъ изъ медвѣдковскихъ съ собою въ лѣсъ сманять—расколъ то больше все по лѣсамъ живетъ. Про все какъ есть, что тамъ въ лѣсахъ дѣется, Лукьяну рассказывалъ, при Маврѣ, одинъ медвѣдковецъ, Данило, что ушелъ съ раскольщиками, да и опять вернулся во свояси—рассказывалъ, что версть съ пятьдесятъ отъ Медвѣдкова есть рѣка, а за рѣкой лѣсъ дикій, большущій. Кругомъ болота да дряби: на лошадахъ въ томъ лѣсу проѣхать невозможно. Въ лѣсу, за рѣкою, настроено келій десятокъ съ два и живетъ въ нихъ пачальникъ раскольническій, чернецъ изъ Соловецкой обители Митрофанъ прозывается. Въ сборѣ у того чернеца раскольщиковъ изъ разныхъ городовъ и мѣстъ мужескаго пола, женокъ, дѣвокъ и старицъ человѣкъ съ два ста будетъ. Келіи стоятъ врознь на большомъ разстояніи, а на рѣкѣ, противъ тѣхъ келій, построена мельница; настроены также малыя хороминки на столбахъ, и въ нихъ хлѣбъ держатъ; а пашутъ раскольщики безъ лошадей и землю размягчаютъ желѣзными кокотами.

Много чуднаго рассказывалъ Лукьяну Данило про житье раскольщиковъ, а всего чуднѣе то, что къ чернецу Митрофану приходятъ на исповѣдь, и онъ всѣхъ исповѣдуетъ и причащаетъ: возьметъ ягоду бруснику и муки ржаной или пшеничной, смѣшаетъ все вмѣстѣ, тѣмъ и причащаетъ.

Только прежде, хотъ и постоянно приходили въ Медвѣдково раскольщики, но все больше или въ одиночку, или человѣка три, четыре, а теперь, невѣдомо откуда, цѣлая орава, навалила и вотъ ужъ съ недѣлю здѣсь безчинствуютъ. Поповъ похватили и замучили; церковью завладѣли. Больше половины медвѣдковцевъ ихъ сторону держать, да и остальные, въ томъ числѣ и Лукьянъ, не смѣютъ возвысить голоса: не пристають къ нимъ, да и не противятся, потому: что ты съ ними подѣлаешь? Одна на нихъ хитрость осталась: и вотъ отправилъ Лукьянъ своего сына, мужа Федосьянаго, на Москву сказать, что такъ молъ и такъ, чтобъ не дали Медвѣдкова въ обиду. Теперь ждуть не дождутся воз-

Между войною и миромъ: II. Письмо съ далекой родины. Ориг. рисунокъ Н. Каразина, грав. Б. Пуць.

Памятникъ Леонардо да-Винчи предъ галлереей Виктора Эмануила въ Миланѣ.
Съ фотогр. грав. Герасимовъ.

вращения Димитрія—это сынъ-то Лукьяна—Москва не ахти какъ далеко, а онъ на конѣ погналъ—коли съ нимъ въ пути недоброе что случилось, али словамъ его не повѣрили, то невѣдомо, чѣмъ у нихъ въ Медвѣдковѣ и кончится. Раскольщики, да и многіе медвѣдковцы совсѣмъ голову потеряли: ровно звѣри сдѣлались, того и жди пойдетъ поножовщина.

Остановивши на этомъ свой рассказъ, Мавра оперлась головою на руки и заплакала.

— Время, время вернуться Митрію, анъ все нѣтъ его, соколика! Чуетъ мое сердце—недоброе съ нимъ!..

Мавра начала все громче и громче всхлипывать. Глядя на нее, заревѣла и Федосья..

Нѣсколько успокоившись, бабы объявили, что можетъ и всю ночь такъ просидать, не раздѣваясь—не до сна имъ, а Любѣ предложили переночевать въ коморкѣ.

Она съ радостью согласилась на это и, повалившись на кучу сѣна, скоро заснула крѣпкимъ сномъ. Проспала бы она можетъ быть и Богъ вѣсть сколько, только утромъ разбудила ее Федосья.

— Вставай, вставай! ишь заспался! говорила бабенка,—слышь—Митрій вернулся съ царскими стрѣльцами: теперь пойдетъ судъ и расправа. Ахти намъ, святители, что-то будетъ?

Люба вскочила и поспѣшила выбраться изъ коморки. Она теперь чувствовала себя бодрой и крѣпкой; каждая жилка въ ней играла.

И не думая ни о какихъ опасностяхъ, бросилась она изъ избы Лукьяновой во дворъ, а оттуда за ворота, посмотрѣть на стрѣльцовъ царскихъ, что изъ Москвы прибыли.

Народъ валилъ по улицамъ къ церкви, вокругъ которой расположилось войско.

Утро было солнечное, ясное. Начинаясь сильная оттепель.

Вдали увидѣла Люба стрѣльцовъ, вооруженіе которыхъ блестѣло на солнцѣ.

— Что-жь теперь будетъ? невольно спросила она у бѣжавшаго рядомъ съ нею мужика.

— А кто ихъ знаетъ! Раскольщики-то вишь—и пришлые, и наши—съ Василемъ Мыломъ, церковь-то оставили, да заперлись въ крайнихъ избахъ. Десять дворовъ ими занято—вонъ вишь, вишь стрѣльцы-то дворы окружаютъ!

Дѣйствительно, скоро всѣ дворы, занятые раскольниками, были со всѣхъ сторонъ окружены войскомъ.

Люба бѣжала все шибче и шибче.

— Куда ты? назадъ! наконецъ остановилъ ее одинъ стрѣлецъ.

Она послушалась и стала оглядываться.

Въ двухъ шагахъ отъ нея молодой, статный воинъ. Онъ говоритъ что-то другимъ, видно распоряжается. Лицо его, озаренное солнцемъ, показалось Любѣ красоты неописанной.

— Вишь ты, молодой какой парень, а имъ всѣмъ онъ голова значить! услышала она позади себя.

Слова эти, конечно, относились къ красивому воину.

Люба такъ и впиалась въ него глазами.

— Незачѣмъ кровь проливать человѣческую,—говорилъ воинъ,—нужно ихъ живьемъ перехватать. Ломайте, что-ли, ворота.

Нѣсколько стрѣльцовъ кинулось къ воротамъ, но въ ту же минуту изъ двора послышался выстрѣлъ.

— О, да они съ пищалями! проговорилъ стрѣлецкій начальникъ и подошелъ къ самой избѣ.

— Отворяйте ворота! закричалъ онъ звучнымъ голосомъ.—Палить нечего—у насъ у самихъ пищалей много, съ нами не справитесь; а за кровь каждаго царскаго стрѣльца большой отвѣтъ съ васъ будетъ. Добромъ отворяйте!

Прошло нѣсколько мгновений—никто не отвѣчалъ ему. Но вотъ изъ избы послышались дикіе крики.

— Не отворимъ! не отворимъ антихристу и его волямъ! Вы кто? нѣчто христіане?

Вслѣдъ за этими словами раздалось изъ избы всякія бранныя рѣчи, хула на церковь и четвероконечный крестъ...

— Нѣтъ, видно съ ними ничего не подѣлаешь! печальнымъ голосомъ, отходя отъ избы, сказалъ стрѣлецкій начальникъ. Ломай избы! Ломай все двѣ двѣ, гдѣ онъ засѣлъ! обратился онъ къ окружавшимъ его стрѣльцамъ. Тѣ передали его приказаніе товарищамъ, и скоро начался дружный натискъ.

Во многихъ избахъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, потомъ все какъ бы стихло.

Мгновеніе... и вдругъ дикій крикъ ужаса пронесся надъ собравшею толной крестьянъ медвѣдковскихъ, и повторился стрѣльцами.

Изъ одной избы, въ которой сидѣли раскольники, повалилъ дымъ. Дымъ все гуще и гуще—вотъ показался и огонь. Вотъ загорается и другая изба; всеобщее смятеніе, гулъ стоитъ... Стрѣльцы ломаются въ ворота, но на встрѣчу имъ раздаются выстрѣлы, на встрѣчу имъ мчатся клубы удушающаго дыма и пламени.

Деревянное строеніе, крытое соломой, горитъ быстро. Скоро ничего не видно, не слышно—все слилось въ общій гулъ и дымъ. Толпа отхлынула отъ избы; за нею и стрѣльцы, видя бесполезность своихъ усилій. Но не показался ни одинъ изъ засѣвшихъ въ избахъ: поборники старой вѣры всѣ до одинаго рѣшились погибнуть въ пламени, спасти свои души самоожженіемъ.

VIII.

Прежде чѣмъ перепуганные жители Медвѣдкова и стрѣльцы очнулись и рѣшились принять какія-нибудь мѣры противъ пожара, всѣ подожженные избы горѣли какъ свѣчи. Оставалось только спасать сосѣднія строенія. По всему селу гулъ стоялъ отъ стонувъ и воплей.

Только что медвѣдковцы начали мало по малу успокаиваться, убѣдясь въ томъ, что пожаръ не будетъ больше распространяться, оказались новыя бѣды: отъ незваныхъ гостей, раскольщиковъ, избавились, такъ другіе, званые гости, что-то не совсѣмъ ладно начали вести себя.

Стрѣльцы разбрелись по избамъ и стали въ нихъ хозяйничать. Сейчасъ же потребовали себѣ вина, препились, начали буянить, а въ иныхъ избахъ произвели даже грабежъ. Народъ вздумалъ было жаловаться на нихъ сотникамъ и пятидесятникамъ, но тѣ только смѣялись на эти жалобы, сами же подзадоривали своихъ подчиненныхъ, конечно, чуя себѣ львиную долю въ нагробленномъ.

Одинъ только подполковникъ стрѣлецкій, Николай Степановичъ Малыгинъ, тотъ самый, красота котораго такъ поразила Любу, внимательно выслушивалъ жалобы, отдавалъ стрѣльцамъ приказанія вести себя какъ слѣдуетъ: не брать ничего чужого и готовиться въ походъ обратно.

Но отъ мотъ приказывать, кричать сколько ему угодно—его плохо слушались. Подъ конецъ онъ даже услышалъ отъ нѣкоторыхъ опьяненныхъ стрѣльцовъ такую брань себѣ, что долженъ былъ отойти въ сторону и пригвориться глухимъ, чтобы не уронить своего достоинства.

Дисциплины между стрѣльцами въ то время не было почти никакой. Стрѣлцкое войско, учрежденное Иваномъ IV, къ концу царствованія Алексѣя Михайловича, пользовалось очень дурной репутаціей.

Вслѣдствіе бѣдности казны, стрѣльцы получали мало жалованья, а потому промышляли себѣ все необходимое самыми непозволительными способами: грабежемъ и вымогательствомъ.

Подполковники стрѣлцкіе тоже не могли внушать къ себѣ въ солдатахъ уваженія—помышляя только о на-

живѣ, они заставляли своихъ подчиненныхъ на себя работать. Долгое время стрѣльцы сносили терпѣливо несправедливости начальства, но въ послѣднее время въ нихъ сталъ пробуждаться съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе новый духъ: они дѣлались смѣлѣе и самовольнѣе и наконецъ начали нерѣдко подавать даже жалобы на полковниковъ.

Подполковника Малыгина подчиненные ему стрѣльцы довольно жаловали,—онъ всегда былъ съ ними добръ, не позволялъ себѣ никакихъ несправедливостей, но теперь онъ долженъ былъ видѣть, на какихъ слабыхъ основаніяхъ держится власть его. Стоитъ ему приказать что либо неугодное расхोдившимся стрѣльцамъ—и они пожалуй не задумаются даже передъ насиліемъ.

Благоразуміе взяло верхъ надъ остальными соображеніями, и Малыгинъ, видя свое безсиліе, видя полную невозможность остановить грабежъ и буйство, производимыя стрѣльцами, только старался какъ можно скорѣе выбраться изъ Медвѣдкова и пуститься обратно въ Москву. Наконецъ, черезъ нѣсколько часовъ, ему удалось собрать полкъ.

Между тѣмъ Люба, убѣжавъ отъ страшнаго зрѣлища пожара въ избу Лукьяна и отдохнувъ тамъ, простилась со своими хозяевами, сказавъ, что ей пора въ дорогу, и что она постарается примкнуть къ стрѣльцамъ.

Дѣйствительно, она отыскала подполковника Малыгина, подошла къ нему и поклонилась ему почти въ ноги.

— Чего тебѣ? спросилъ Николай Степановичъ, и въ то же время взглядъ его съ изумленіемъ остановился на лицѣ ея.

„Что за мальчикъ такой! подумалъ онъ—красота какая!“

Люба объяснила ему, что идетъ въ Москву, да вотъ попала въ Медвѣдково, въ самую передрагу, такъ что цѣлый день потеряла.

„Ужъ очень путь далекъ да труденъ, говорила она, такъ не будетъ ли твоей милости, господинъ полковникъ, не позволишь ли мнѣ съ вами доѣхать?—боюсь измаюсь очень и ко времени въ Москву не поспѣю.“

Стрѣльцы понаѣхали съ большимъ обозомъ и конечно для Любы было мѣсто.

Малыгинъ согласился взять ее съ собою. Къ тому же онъ сразу почувствовалъ что то странное, какое то необыкновенное влеченіе къ этому красавцу мальчику, да и Люба со своей стороны глядѣла на него такими умилными глазами, а говоря съ нимъ краснѣла, какъ маковъ цвѣтъ.

Меньше чѣмъ черезъ часъ стрѣлецкій обозъ выѣзжалъ изъ Медвѣдкова.

Люба помѣстилась на одинъ изъ возовъ, довольно смѣло переговаривалась съ обращавшимися къ ней стрѣльцами, но нельзя сказать чтобъ на душѣ у ней было очень легко и весело. Совсѣмъ не такую вышла она изъ Суздаля. Впечатлѣнія этихъ трехъ дней ея странствія были неожиданны и тяжелы для нея. Теперь она начинала бояться многого, что прежде и въ голову ей не входило.

Отвѣчая стрѣльцамъ на ихъ вопросы и шуточки, она въ то же время тихомолкомъ и пугливо озиралась во всѣ стороны и искала глазами Малыгина, инстинктивно чуя въ немъ своего защитника.

Однако ничего особенно неприятнаго съ ней не случилось; стрѣльцы скоро оставили ее въ покоѣ.

Когда смерклось, стали поговаривать о ночлегѣ и рѣшили остановиться переночевать въ одномъ селеніи, до котораго оставалось не болѣе десятка верстъ.

Малыгинъ съ радостью бы постарался избѣгнуть этой ночевки, предвидя новыя безчинства стрѣльцовъ, но дѣлать было нечего—царское войско исполнило свою обязанность, усмирило раскольниковъ въ Медвѣдковѣ, и теперь имѣло право требовать себѣ льготы.

Малыгинъ ограничился тѣмъ, что краснорѣчиво сталъ внушать сотскимъ и пятидесятникамъ о необходимости вести себя смирно, какъ подобаетъ царскому войску.

— Да ужъ ладно, ладно, отвѣчали ему, не бойся батко—ничего худого не будетъ!

И дѣйствительно, большинство стрѣльцовъ уже успѣло окончательно вытрезвиться дорогой, и всѣ они находились теперь въ мирномъ и спокойномъ настроеніи.

Прибывши въ назначенное для ночлега селеніе, стрѣльцы довольно тихо разошлись по избамъ. Хозяева не безъ страха, но безпрекословно начали отводить имъ помѣщеніе.

— А ты парень гдѣ же почевать думаешь? Пойдемъ-ка со мною! раздался во тьмѣ надъ Любой уже знакомый ей голосъ, отъ котораго она невольно вздрогнула.

Она молча послѣдовала за Малыгинимъ.

Подполковнику отвели чистую клѣтку въ самой просторной избѣ.

Онъ велѣлъ поярче засвѣтить лучину и подать чего нибудь съѣстнаго.

— Придвинься и ты, сказалъ онъ Любѣ, тихо сидѣвшей въ уголку на лавкѣ,—чай проголодался!

Люба подошла.

— Да что это у тебя голова то обвизана? спросилъ Малыгинъ, опять невольно засматриваясь на лицо невѣдомаго мальчика.

Люба начала робкимъ голосомъ повторять свою исторію объ отмороженныхъ ушахъ и головной боли, но теперь почему то, всегда такъ смѣло и ловко выходившая изъ всякихъ напастей, она чувствовала въ себѣ необычайное смущеніе. Она видѣла, что этотъ красавецъ воинъ глядитъ на нее не отрываясь и что въ его добрыхъ и свѣтлыхъ глазахъ теперь видна какая то недовѣрчивость, какое то подозрѣніе.

И она невольно терялась подъ его пытливымъ взоромъ, и опускала свои длинныя рѣсницы, и краснѣла, и заминалась въ разговорѣ.

— Нѣтъ, ты, мальчишка, что-то путаешь! наконецъ, качая головою, замѣтилъ Малыгинъ.—Тутъ что-то не ладно—ужъ не изъ бѣглыхъ ли ты, а пожалуй и еще того хуже? Лучше говори все прямо, повинись...

— Да право же я не лгу, все такъ и есть, какъ сказываю, прошептала Люба дрожащимъ голосомъ и чувствуя, что совершенно теряется, что все пропало, что вотъ, вотъ сейчасъ она зарыдаетъ.

„Признаться ему, думала она, но Боже! развѣ это возможно? Что съ ней будетъ если она признается? Да, онъ кажется добрымъ, хорошимъ такимъ показался ей и съ первой минуты—но нѣтъ, все же невозможно признаться—этимъ признаніемъ она себя погубить“.

А онъ продолжаетъ глядѣть на нее пытливо и качать головою и усмѣхаться, а то вдругъ сморщить брови, строго такъ поведетъ глазами, пугаетъ...

Въ клѣтѣ тихо; они одни. Только трещить и вспыхиваетъ неровно мерцающимъ свѣтомъ лучина.

— Это вотъ и голова то у тебя подвизана, опять заговорилъ Малыгинъ,—ужъ полно—нѣтъ ли на ней знаковъ какихъ?

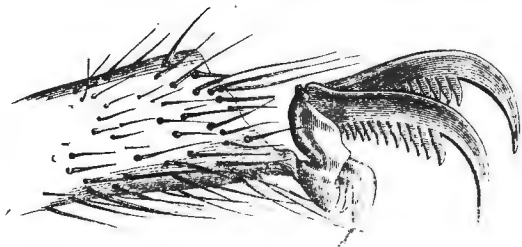
Онъ сказалъ слова эти просто, шутки ради, но Люба такъ вздрогнула и такъ испуганно взглянула на него, что онъ замолчалъ и сразу понялъ, что очевидно попалъ на что-то. Не даромъ этотъ хорошенькій мальчикъ произвелъ на него какое то странное впечатлѣніе и во всю дорогу отъ Медвѣдкова не выходилъ изъ головы его. Есть что то непонятное въ мальчикѣ—а вотъ теперь какъ испугался!

— Сними-ка повязку, сказалъ Малыгинъ,—хоть и отморожены уши, да авось не отвалятся.

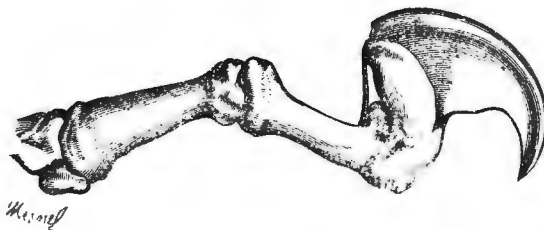
Люба слабо вскрикнула и инстинктивно схватилась за голову.

„Что-жь у него на головѣ такое?“ подумалъ Малыгинъ, и прежде чѣмъ Люба опомнилась, онъ твердой, сильной рукою отстранилъ ея дрожащія и похолодѣвшія руки, сдернулъ повязку, пристально взглядѣлся, отступилъ отъ нея на шагъ и нѣсколько мгновений про-

спѣшно спрятала Люба опять за кафтанъ свою косу, спѣшно закутала голову платкомъ и начала рассказывать Малыгину. Уже не таясь отъ него и не скрываясь, рассказала всю свою подноготную, а онъ слушалъ, едва приходя въ себя отъ изумленія, дивясь

Коготь паука, видимый въ микроскопъ

Коготь льва, въ уменьшенномъ видѣ.

стоялъ передъ ней неподвижно, съ широко раскрытыми глазами, будучи не въ силахъ придти въ себя отъ изумленія.

Наконецъ рука его снова протянулась къ головѣ Любы. Еще одно мгновение—и онъ высвободилъ изъ подъ кафтана длинную дѣвическую косу.

Люба упала головой на столъ и судорожно зарыдала.

Долго еще стоялъ стрѣлцкій подполковникъ передъ чуднымъ мальчикомъ, превратившимся въ красивую дѣвушку, и не зналъ, что ему теперь дѣлать.

— Да перестань же, перестань, чего плакать! наконецъ выговорилъ онъ, силясь приподнять ея голову.

Но она не унималась.

— Не губи меня—я никому зла не сдѣлала, слышалъ онъ тихій ея шопотъ.

— Да Богъ съ тобой, красная дѣвица—не знаю, какъ величать тебя—никакого зла я тебѣ не желаю. За что мнѣ губить тебя? только чудно все это болно, въ себя придти не могу, очамъ своимъ не вѣрю. Откуда ты взялась, красавица? Повѣдай мнѣ, какъ это мальчикомъ на московской дорогѣ очутилась? Какого рода-племени? отродясь я такихъ дѣлъ не слыхивалъ!

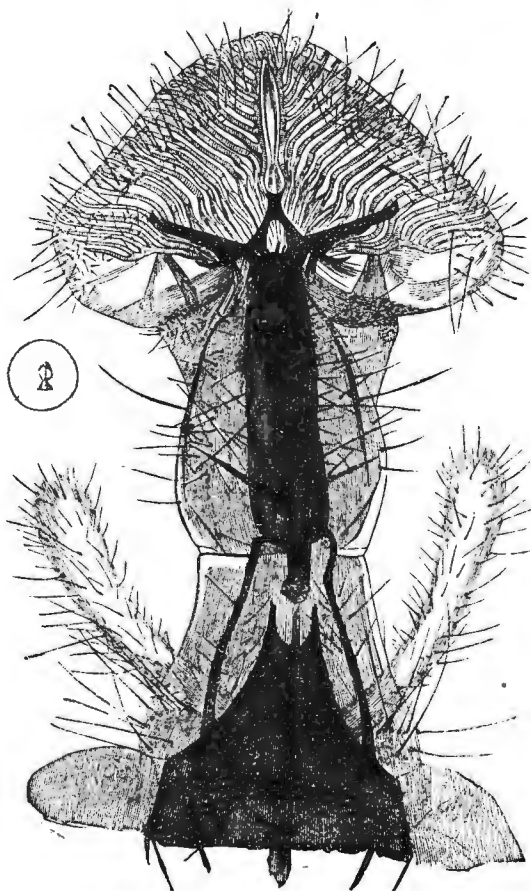
Люба мало по малу приподняла свою голову и взглянула на него заплаканными глазами.

Ничего дурнаго не прочла она на красивомъ лицѣ его, одно смущеніе.

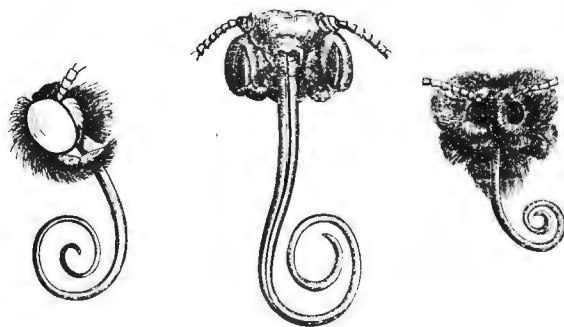
— Не погубишь? не выдашь? проговорила она.

— Вотъ-те Христокъ—не выдамъ!

И она повѣрила.

Хоботокъ обыкновенной мухи, видимый въ микроскопъ.

Головы и хоботки бабочекъ, видимые въ микроскопъ.

на неслыханную, непонятную смѣлость этой дѣвушки, но ни на минуту не заподозрилъ теперь ея искренности.

Онъ былъ молодъ и сразу оказался подъ обаяніемъ красоты ея, и даже въ голову ему не пришло винить Любу за ея поступокъ, столь несвойственный ея полу. Онъ только жалѣлъ ея, слушая рассказъ о несправедливостяхъ и обидахъ, которыми она подвергалась въ перхуловскомъ домѣ.

Но вотъ Люба замолчала, говорить ей больше нечего.

— Чудная ты, красавица, проговорилъ Малыгинъ, и какъ это ты такая родилась? Видно и впрямь перстъ Божій указалъ тебѣ путь твой, видно такъ и нужно было, чтобъ сошлись мы съ тобою на большой дорогѣ. Не встрѣтись ты съ нами—какъ бы еще добралась до Москвы, да и тамъ куда бы дѣвалась? Смѣла ты, правда, смѣлѣе иного молодца, да про всякую смѣлость то вѣдь и бѣда ходитъ неминуемая. А и то сказать, попадись ты не мнѣ, а кому другому, то вволю заплакалась бы. Но Христокъ Богомъ клянусь тебѣ, я тебя не выдамъ, стану беречь, какъ сестру родную, и доставлю тебя къ твоей Царь-дѣвицѣ.

— А ты знаешь ея, царевну? видѣлъ? дрожа всѣмъ тѣломъ и сверкая глазами, спросила Люба.

— Видѣлъ, знаю.

— Что-жь она? какая?

— Да вотъ такая же, какъ ты, отвѣтилъ онъ, улыбаясь. И красотой и смѣлостью вы съ ней поспорите. Вся Москва дивится на царевну Софью: много хвалятъ ея, а корятъ еще больше потому—живетъ она по своему, не стыдится того, что другихъ дѣвушекъ въ кра-

Тихія думи. Картина Сентена, гравиров. по заказу для „Нивы“ Паннемакромъ сыномъ.

ску вводить. Не даромъ ты, сударыня Любушка, ее, царевну, во снѣ видывала—свое къ своему поневоли влечется. Такъ вотъ что я скажу тебѣ, порадуя: есть у меня прямой къ царевнѣ доступъ—постельничья ея мнѣ знакома, а та постельничья близкій къ ней чело-вѣкъ. Черезъ нее и ты доберешься къ царевнѣ, а пока будь ужь мальчикомъ, въ цѣлости въ Москву тебя доставимъ...

— Какъ мнѣ и благодарить тебя—не знаю, государь ты мой, Николай Степановичъ! съ чувствомъ выговорила Люба, вставая съ лавки и земно кланяясь подполковнику.—Повѣрила я тебѣ, какъ Господу царю небесному, и знаю, ты точно меня не выдашь. Денно и ночью буду за тебя молиться... И правду ты молвилъ, видно Господь сжалился надо мною, что привелъ меня къ тебѣ, а не къ другому. Что-жь, обидѣть меня не долго—смѣла, ты говоришь, я, пускай такъ, да что въ нашей смѣлости, когда она до поры, до времени, а придетъ тяжкая минута и словно какъ не бывало этой смѣлости: дрожь возьметъ, слезы сами брызнутъ—и всякій тебя обидитъ...

И подполковникъ, и Люба въ своей горячей, неожиданной бесѣдѣ не замѣчали, какъ идетъ время, а время шло быстро. Глубокая ночь надъ землею; спать пора. Завтра рано выступать въ походъ нужно, но имъ спать не хочется. Необычайное волнение охватило Любу, и не знаетъ она, что съ ней такое—явь ли то, или сонъ волшебный, какихъ не мало ей грезилось и прежде, въ тишинѣ и темнотѣ ея маленькой суздальской каморки.

Слишкомъ много всякихъ впечатлѣній и волненій

пробѣжало въ эти дни надъ головой и сердцемъ семнадцатилѣтней Любы, трудно съ ними справиться, а тутъ еще новое что то закралось въ нее, что то жуткое и сладкое, что растеть съ каждой минутой, что сказывается тайнымъ, доселѣ невѣдомымъ трепетомъ при каждомъ взглядѣ Николая Степановича, при каждомъ звукѣ его голоса.

А самъ онъ, молодой стрѣлецкій подполковникъ—тоже готовъ просидѣть всю ночь на пролетъ и не отрываясь глядѣть на эту непонятную красавицу, которая сразу заворожила, заколдовала его, вынула его сердце.

Только подъ самое ужь утро заснулъ онъ, прикурнувъ на лавкѣ, заснулъ только тогда, когда они досыта наговорились и когда изъ уголка клѣтки, гдѣ прилегла Люба, раздалось ея мѣрное, сонное дыханіе.

Не долго пришлось имъ поспать, часа съ три какихъ нибудь, но въ это малое время много всякихъ грезъ и сновидѣній пронеслось надъ ихъ молодыми головами.

Любѣ грезвились все дива дивныя, грезился теремъ Царь-дѣвицы—это были старше, знакомые ей сны, но къ нимъ теперь примѣшивалось что-то новое. Рядомъ съ чуднымъ образомъ Царь-дѣвицы мелькалъ надъ Любой новый образъ, образъ неожиданнаго ея друга, молодца красавца, стрѣлецкаго подполковника.

А Николаю Степановичу не снились ни терема, ни царевны, не снилось ничего невѣдомаго и волшебнаго. Видно никакой силы не было у его воображенія, потому что снилось ему только то, что и на яву было въ двухъ шагахъ отъ него, снилось заплаканное лицо Любы.

(Продолженіе будетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Между войною и миромъ.

II.

Письмо съ далекой родины.

Товарищъ умираетъ.

Выдержала его желѣзная натура и пули турецкія, и штыковой уколъ, поправился было бѣдняга, „на выписку“ готовился, да свалилъ его вновь другой врагъ, посильнѣе перваго, врагъ бьющій безъ разбору и своего и чужого, врагъ космополитъ, чуждый политики, чуждый всякихъ дипломатическихъ тонкостей и соображеній, вѣчный спутникъ своей кровожадной сестры войны, не менѣе кровожадный ея братецъ—„тифъ“.

Чудный геройскій духъ русскаго солдата, ясное сознание той святой, правой цѣли, ради которой поднялъ онъ свое грозное оружіе, сознание долга и воинской чести, все это вело его впередъ—и онъ шелъ.

Остались сзади душныя клѣтки вагоновъ, томительный путь, томительныя выжидательныя стоянки передъ первымъ барьеромъ—Дунаемъ, остались сзади и этотъ Дунай, первая преграда на пути русскихъ армій... Остались сзади и удачи и неудачи, бодро перенесено *пламенное* гореваніе.

Миновалъ цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ, грозная Шибка, Казанлыкъ, Филиппополь, Софія, Балканы позади уже: свершено несвершимое.

Разчистилась широкая, торная, никѣмъ уже не загромождаемая дорога, и дорога эта вела прямо къ желанной цѣли... А тутъ: *Стои!* ружья въ козлы! На отдыхъ ребята!...

Хорошъ отдыхъ послѣ *конечнаго* дѣла, хорошъ у себя дома, въ кругу друзей, въ семьѣ, а тутъ не то... Тутъ впереди, носомъ къ носу, врагъ, и врагъ этотъ спасибо не скажетъ, что его пощадили, духъ ему дали перевести—этотъ врагъ нагло подсмѣивается прямо въ глаза побѣдителю, хитро готовится къ новымъ попыткамъ боя, какъ змѣя подползаетъ и шипитъ вокругъ, а бить его нельзя—погодить надо! что дипломаты скажутъ... Тѣ негоропятся... И ждетъ усталый солдатъ день, ждетъ другой, ждетъ мѣсяцъ и конца нѣтъ этому томительному ожиданію—скука: кругомъ чужой народъ, чужой воздухъ, тоска одолеваетъ и по тѣмъ, что дома остались... Ни отсюда вѣстей, ни туда—забрались далеко, не скоро вернуться да и приведетъ ли Господь вернуться-то?!

Слабѣетъ духъ, слабѣетъ и усталое тѣло... Не отъ картечи и пуль рѣдѣютъ теперь ряды храбрыхъ, валятъ богатырей болѣзнь и скука, валятъ вредное, томительное неопредѣленное бездѣйствіе, тяжелое предчувствіе, не пропадутъ ли даромъ все достигнутые результаты, не разлетится ли прахомъ достигнутая цѣль, давно лѣтѣнная народная надежда.

Товарищъ умираетъ!..

И въ самую послѣднюю минуту жизни Провидѣніе послало ему, страдальцу, свѣтлую радость—*письмо съ далекой родины*.

Не можетъ уже самъ читать дорогія строки, страдалецъ. Блѣдный, исхудалый, пластомъ лежитъ онъ на госпитальной койкѣ; только въ этихъ большихъ, окруженныхъ глубокими, темными провалами глазахъ свѣтится еще остатокъ жизни, горятъ они послѣднимъ блескомъ и передъ ними милые сердцу, далекие образы носятся.

„А у насъ на дому все по прежнему,—читаетъ сестра,—тетка Авдотья дочку родила, бабушка Ирина изъ скитовъ вернулась съ богомолья,—просвиру принесла, за здравіе раба Божія Ангипа вынимала, за твое, значитъ, чтобы вернулся ты, послалъ бы Господь, въ добромъ здравіи... Ждутъ тебя родные все, не дождутся—матушка глаза проглядѣла, за околицу гляючи...“

— Гдѣ ужь! горько улыбается страдалецъ... Гдѣ ужь!..

А изъ темныхъ проваловъ струйкою слеза катится, но исхудалой щеке бѣжитъ и въ подушку впитывается.

— Э, полно, землякъ, дасть Богъ поправиться, вотъ и дождется тебя матушка,—утѣшаетъ товарищъ-калѣка, присѣвшій на койку съ краю.—Ты, братъ, что, ты вотъ молодцомъ глядишь, а я и безногий, да носа не вѣшаю... чего раздумился!..

„И я то уже по тебѣ шибко соскучилась, слезами заливаюсь, какъ вспомню, что ты тамъ въ чужой сторонкѣ, да и живъ ли еще... такъ... Читаетъ сестра, а впередъ глазами забѣгаетъ, не найдется ли въ письмѣ чего такого, чтобы мимо промахнуть, сердца не надирать бѣдняку напрасно...“

— Что же ты остановилась сестрица—читай, читай голубка, читай ради Бога, стономъ проситъ больно.

— А вотъ и не стану,—ласково, словно заигрываетъ сестра,—не стану. Ты мнѣ обѣщалъ, что умникомъ будешь, ревѣть не будешь, а что у тебя въ глазахъ-то?..

— Читай!

— Ну, вечно, читай, Надежда Петровна, ничего, проситъ и товарищъ-калѣка.

Хоть и не ему письмо, а все таки оно *оттуда*, все таки родною сторонкою, роднымъ вѣтромъ повѣяло, слушать то тоже отрадно...

„Сынишка твой Иванъ уже на ножки сталъ, скоро советѣмъ ходить начнетъ, а Машутка тоже поправляется, гряды полетѣт на огородъ, да смыслу еще нѣтъ настоящаго, на прошлой недѣли замѣсто сорной травы всю свеклу повыдергала.“

— Ишь шустрая! которъй годокъ пошлетъ?

— Третій миновалъ... тихо-тихо, чуть шепчетъ въ отвѣтъ умирающій.

— Вотъ поправиться—принесешь ей гостинцевъ изъ Царе-

града—тутъ, братъ, стручки шипочемъ, сладкіе; на два піастра звозя сколько отвѣсятъ!..

— Помру я!..

— Опять! строго говоритъ сестра и компрессы на воспаленной головѣ шипаютъ—не высохли ли?

Словно на жаркой плитѣ нагрѣваются эти компрессы.

— Помру я!..

— О-охъ!..

Помолчали съ минуту.

„Братъ Данило въ городѣ живетъ, попрежнему,—продолжаетъ чтение,—къ купцу Носову приказчикомъ поступилъ на мѣсто, по фруктовой части, денегъ выслалъ на подати и на хозяйство тридцать одинъ рубль, а къ Покрову дню еще выслалъ общался.

— Такъ, такъ, это въ порядкѣ, одобрительно поддакиваетъ товарищъ-калъка.

„Тебѣ при семъ посылаемъ два цѣлковыхъ, потому, можетъ, на что понадобятся“..

— На погребеніе... шепчетъ умирающій,—на что же другое...

И на этотъ разъ у сестры духу не хватаетъ ему перечить, молчитъ она, молчитъ и товарищъ, молчитъ, даже пригорюнился за столомъ фельдшеръ жидокъ... Тихо, тихо въ шатрѣ... чу!..

— Не выдай братцы! бредитъ умирающій.—Держись! береги правую сторону... Бей-бей... Урра!.. Не выдавай, братцы!..

Чудится герою бой послѣдній, чудятся турки. Сплошныя массы красныхъ фесокъ... Лѣзутъ враги на гору, падаютъ и вновь лѣзутъ, неотразимо, всеокрушающею лавиною... Дымомъ небо заволочко, жаръ нестерпимый, словно огнемъ пышетъ отъ этихъ голыхъ скалъ, жажда... рука онѣмѣла и не поднимается... Внизу и ближе врагъ, рѣдѣютъ и рѣдѣютъ ряды нашихъ... Кругомъ тѣла, кругомъ смерть, стоны... и грозный осиплый голосъ командира: „Не выдавай, братцы, стоять крѣпко... умирать, такъ умирать вмѣстѣ!“..

Чудятся умирающему роковые дни обороны „Святого Николая“.

Ковчила читать письмо сестра Нина, кончилъ и свой жизненный путь тотъ, кому это письмо было писано.

Безжизненно, тускло, неподвижно глядятъ эти, за минуту еще плакавшіе глаза, и сухія сжатія губы въ улыбку сами собою складываются.

И снова тихо все въ шатрѣ... Только слышится шелестъ платья у койки, да большая муха о туго натянутую парусину бьется.

Померъ боевой товарищъ.

Для него теперь насталъ вѣчный миръ, такой прочный, что никакая дипломатія его не расшатаетъ. Н. Карзинъ.

Памятникъ Леонардо-да-Винчи въ Миланѣ.

Вблизи площади Миланскаго собора находится другая площадь „Teatro della Scala, одна изъ прелестнѣйшихъ площадей въ Миланѣ. Въ послѣднее время эта площадь необыкновенно выиграла постройкою на ней великолѣпной галлерей *Виктора Эммануила* (внутренній видъ которой былъ уже помѣщенъ въ „Нивѣ“ 1876 г. № 19, стр. 331), а также воздвигнутымъ на ней памятникомъ гениальному живописцу, ваятелю, инженеру и архитектору, Леонардо-да-Винчи. Если выйдти изъ портала на южную сторону галлерей (или пассажа) Виктора Эммануила, тогда какъ разъ станешь лицомъ къ лицу съ памятникомъ знаменитаго художника. Леонардо-да-Винчи представленъ въ длинномъ таларѣ, съ наклоненною головою и съ выраженіемъ глубокой задумчивости въ лицѣ. Противъ cadaго изъ четырехъ притупленныхъ угловъ покоя поставлены на болѣе низкихъ постаментѣхъ четыре меньшія статуи наиболѣе выдающихся учениковъ Леонардо, (представителей Ломбардской школы, родоначальникомъ которой и былъ знаменитый художникъ). Это статуи: *Цезаре-де-Сесто*, *Марко д'Осджіоно*, *Антоніо* и *Андре Солело*. Между этими статуями учениковъ Винчи поставлены на постаментѣхъ рельефы изображенія, представляющія великаго художника въ 4-хъ главныхъ направленіяхъ его дѣятельности, а именно: на *первомъ* рельефѣ изображенъ Леонардо рисующимъ подготовительныя этюды для своей знаменитой *Тайной Вечери*; на *второмъ* художникъ представленъ показывающимъ одному герцогу женскій портретъ передъ знаменитою конною статуею Сфорцы (къ сожалѣнію исполненною только въ гипсовой модели). На *третьемъ* рельефѣ Леонардо объясняетъ планъ укрѣпленія города, на *четвертомъ* художникъ изображенъ въ кругу своихъ учениковъ, стоящимъ передъ шлюзою и судномъ. Художникъ намѣревается изъяснить ученикамъ свои гидравлическія работы. На подписяхъ сдѣланныхъ на всѣхъ 4-хъ сторонахъ, значится на итальянскомъ языкѣ слѣдующее: „Сей памятникъ открытъ 2-го сентября 1872 г., въ честь Леонардо-Винчи, обновителя искусствъ и наукъ, долгое время бывшаго дорогимъ и возбуждавшимъ благоговѣнное изумленіе гостемъ въ Миланѣ, гдѣ онъ приобрѣлъ друзей, учениковъ и славу,—родившагося въ 1452 г. въ замкѣ Винчи, близъ Флоренціи, въ долині р. Арно и умершаго въ 1519 году въ Сен-Клу“.

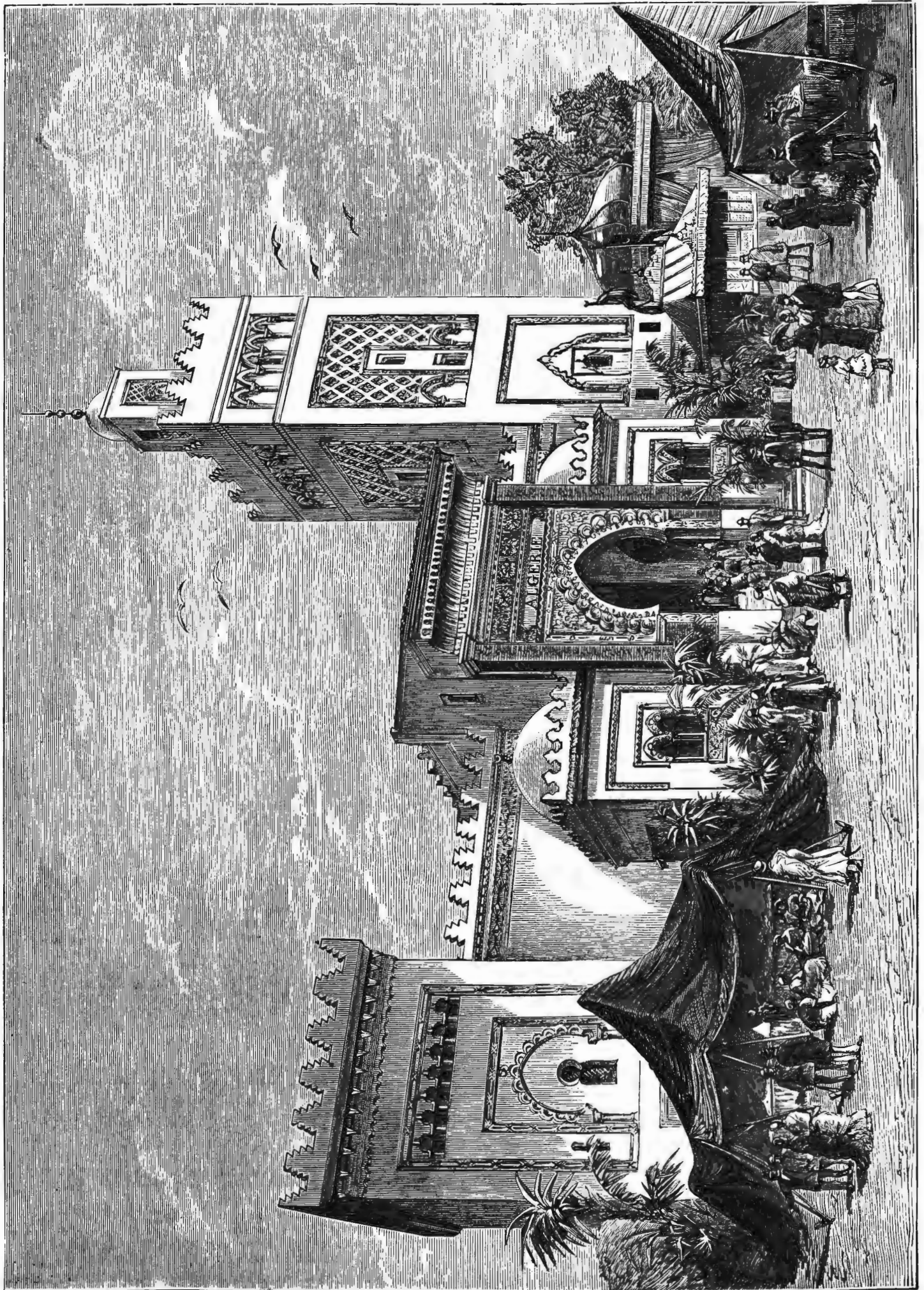
Леонардо-да-Винчи одинъ изъ величайшихъ и гениальнѣй-

шихъ художниковъ, одинаково знатокъ и творческій дѣятель въ живописи, ваяніи, архитектурѣ, музыкѣ, поэзіи, анатоміи, механикѣ, земледѣліи, сооруженіи крѣпостей, гидротехникѣ.

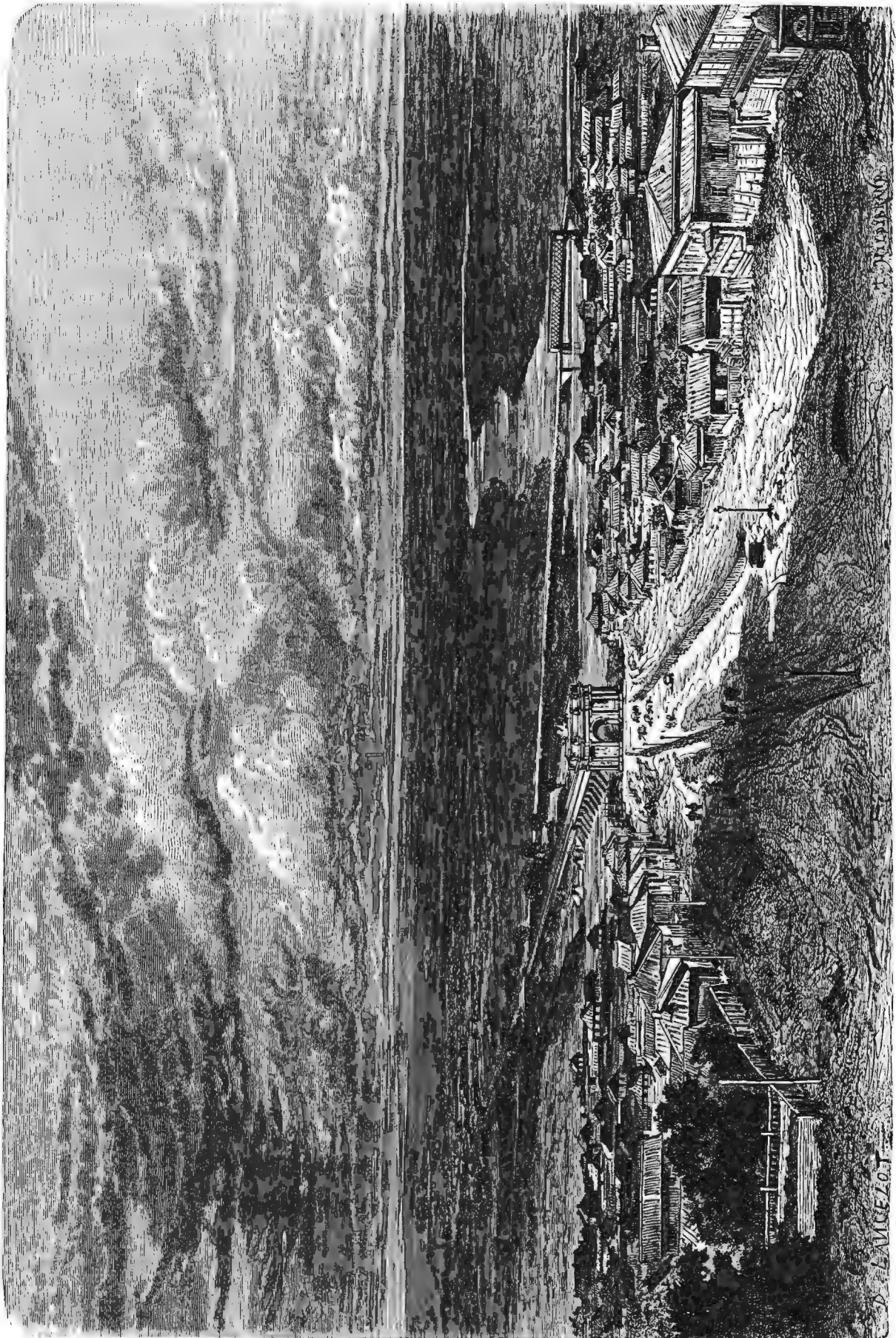
Уже въ самой ранней юности Леонардо обнаружилъ многосторонность своихъ талантовъ и значительное художественное дарованіе. Вскорѣ въ ваяніи и въ живописи онъ далеко превзошелъ своихъ учителей (главнѣйшимъ его учителемъ въ живописи былъ также знаменитый флорентійскій художникъ Андреа-дель-Сарто). Въ 1482 г. Леонардо былъ приглашенъ ко двору Миланскаго герцога, въ качествѣ музыканта и импровизатора и здѣсь учредилъ формальную академію искусствъ. Одно изъ величайшихъ художественныхъ сокровищъ Милана, созданное Леонардомъ-да-Винчи—это имѣющая всемірную извѣстность *Тайная Вечера*, написанная на стѣнѣ въ монастырѣ „Santa Maria della Gracia“. Къ несчастію, это безсмертное твореніе теперь сильно попорчено. Но, кромѣ этого, Леонардо написалъ много и другихъ превосходныхъ картинъ, украшающихъ галлерей различныхъ европейскихъ государствъ. Въ качествѣ инженера, Винчи отвелъ воду р. Адды къ Милану; построилъ прекрасный судоходный каналъ отъ Мортесены къ Альпійскимъ долинамъ Чивенны и Бельгилна, длиною въ 200 миль. Благодаря этому каналу, Миланъ впервые, въ 1499 г., могъ войдти въ сношенія съ Флоренціей, въ то время когда французы завоевали Миланъ и положили здѣсь конецъ господству Сфорцы. Изъ Флоренціи Леонардо направился въ 1513 г. въ Римъ, а отсюда, нѣсколько времени спустя, приглашенъ былъ во Францію королемъ Францискомъ I, извѣстнымъ любителемъ роскоши и изящества. Впрочемъ, въ качествѣ живописца, повидимому, Винчи работалъ во Франціи мало. Напротивъ, онъ былъ занятъ здѣсь планомъ постройки судоходнаго канала при Роморентенѣ, въ провинціи Орлеанѣ. За эту работу постигла его смерть 2-го мая 1512 г. въ *Сен-Клу*. Послѣ Леонардо, составляющаго, вмѣстѣ съ Микель-Анджеломъ Буонаротти и Рафаэлемъ Салціо, три неподражаемо блестящія звѣзды въ итальянскомъ искусствѣ XV и XVI столѣтій,—собственно картинъ осталось не много (если сравнить количество картинъ другихъ мастеровъ), но за то осталось множество гениальнѣйшихъ рисунковъ и набросковъ и нѣсколько дюжины рукописныхъ книгъ in quarto. Въ книгахъ этихъ содержится множество прекрасныхъ рисунковъ перомъ и множество разсужденій о всевозможныхъ предметахъ наукъ и искусствъ. Великое значеніе этихъ разсужденій признано въ настоящее время всѣми учеными. Судя по нѣкоторымъ анатомическимъ рисункамъ (рисункамъ ввучеренности) можно заключить, что Леонардо зналъ и понималъ законы кровообращенія у человѣка и другихъ млекопитающихъ. Подобной вещи никто въ его время не зналъ и не понималъ (Гарвей только 50 лѣтъ спустя по смерти Леонардо открылъ кровообращеніе). Далѣе Леонардо высказалъ превосходную для своего времени гипотезу для объясненія движенія земли (около 1510 г.), когда дѣлалъ опыты *спирального* вращенія тѣлъ. Какая громадная, изумительная сила этого гевія, относительно котораго даже трудно рѣшить, чему въ немъ болѣе удивляться... Стр

Головы и хоботки бабочекъ и мухъ.

Тѣло насѣкомыхъ раздѣляется на три отдѣльныя части, голову, грудь и брюшко. Голова снабжена глазами, ртомъ, усиками; грудь—ногами. У совершенныхъ насѣкомыхъ на брюшкѣ или туловищѣ никогда не бываетъ ни ногъ, ни крыльевъ. Грудь состоитъ изъ трехъ колецъ или суставовъ: переднегруды, среднегруды, заднегруды. Брюшко состоитъ изъ ряда колецъ, соединенныхъ между собой нѣжной кожей. Но на рисунки представляютъ виды головъ мухи и бабочекъ, а потому мы и переходимъ къ описанію головы насѣкомыхъ. Усики, расположенныя на верхней части головы, собственно на лбу, служатъ органами осязанія и обонанія. Строеніе усиковъ чрезвычайно разнообразно, иные изъ нихъ къ концу суживаются, другіе имѣютъ въ концѣ какъ бы головку, нѣкоторые въ концѣ расширены и состоятъ изъ листочковъ, иногда бывають въ видѣ гребешка. Глаза бывають простые, сложные и скученные. Простые глаза сидятъ отдѣльно и состоятъ изъ роговой оболочки, позади которой лежитъ прямо хрусталикъ, задняя камера глаза конической формы и въ ней развѣтвляется хрусталичный нервъ. Скученные глаза сидятъ рядомъ до 25 тысячъ (у мухъ). Сложные глаза—у которыхъ одна общая роговая оболочка, напримѣръ, у жуковъ. Ротовое отверстіе состоитъ собственно изъ 6 частей: верхней губы, двухъ верхнихъ челюстей, двухъ нижнихъ челюстей и нижней губы. Верхняя губа покрываетъ ротовое отверстіе спереди и сверху. Верхнія челюсти имѣютъ чрезвычайно разнообразную форму; назначеніе ихъ схватывать и разрывать пищу. Нижнія челюсти—весьма сложный органъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе слабый. Онѣ служатъ для пережевыванія пищи, удерживаемой верхними челюстями. Нижняя губа принадлежитъ также къ сложнымъ ротовымъ органамъ. Какъ на челюстяхъ, такъ и на нижней губѣ бывають особые членистые прибавки, называемыя шупальцами. Ротовые органы разнообразны по наружному виду, но въ всѣхъ насѣкомыхъ состоятъ изъ тѣхъ же составныхъ частей. У сосущихъ всѣ или нѣкоторыя изъ этихъ частей вытянуты и образуютъ хоботокъ,

Всемирная выставка въ Перимъ: Фасадъ зданія Алмиренаго отдѣла. Съ фотогр. грав. Рапешскій.

Общій видъ города Новочеркасса. Рис. съ натуры Лансело, грав. Гильдебрандъ.

которым он всасывают жидкость. У двукрылых (Diptera) ротовые органы образуют довольно сложный хоботок, служащий для всасывания различных соков, которыми двукрылые питаются. При этом нижняя губа обростает другая часть, превращается собственно во влагалще и оканчивается толстою губою. Обѣ челюсти превращаются въ иглки; кромѣ того отростокъ верхней губы образуетъ прокалывающій аппаратъ. Губные щупальцы обыкновенно не развиваются, тогда какъ челюстные достигаютъ иногда значительнаго развитія. У мухъ собственно хоботокъ довольно большой, мягкій; онъ можетъ втягиваться въ полость рта и обнимаетъ собой 2 щупальца, служащія для всасыванія пищи; по бокамъ хоботка въ большинствѣ по 2 щупальца; у домашней мухи поверхность каждаго глаза покрыта нѣсколькими тысячами шестигульныхъ граней; между скученными глазами три простые глаза. Одинъ нашъ рисунокъ представляетъ хоботокъ мухи, другой головку и хоботокъ бабочекъ.

Головка бабочекъ вообще округлена, спереди сжата, болѣе удлиненная, нежели широкая, и покрыта тонкими или чешуйчатыми волосками. Глаза у бабочекъ сложные, состоятъ изъ множества маленькихъ граней или площадокъ. Форма глаза сферическая; края покрыты волосками, цвѣтъ разнообразенъ. У нѣкоторыхъ бабочекъ кромѣ сложныхъ глазъ имѣются простые, но скрытые подъ чешуей. Усики расположены у передняго края глазъ. Реомюръ насчитываетъ шесть главныхъ формъ усиковъ: съ головкой на концѣ, булавовидные, призматическіе, нитовидные и т. д. Щупальцевъ у бабочекъ двѣ пары: одна пара челюстныхъ, другая губныхъ. Первые весьма мало развиты, вторые значительно видны. Они цилиндрическіе, покрыты чешуйками и трехсуставчатые. Роговыя отверстия у бабочекъ исключительно приспособлены для сосанія. Верхняя челюсть находится въ зачаточномъ состояніи, а нижняя вытнута, и принявъ форму длинныхъ жолобковъ, они прилегаютъ другъ къ другу, образуя сочлененную трубку—хоботокъ. Въ недѣльномъ состояніи хоботокъ часто загнутъ спирально. Хоботкомъ своимъ бабочка дѣйствуетъ слѣдующимъ образомъ: садясь на цвѣтокъ, она направляетъ хоботокъ впередъ, развертывая его и выпрямляя, пока не останется самая незначительная кривизна. Затѣмъ опускаетъ хоботокъ внизъ и погружаетъ въ цвѣтокъ. Продержавъ нѣсколько времени, она вынимаетъ его, сгибаетъ или заворачиваетъ, или свертываетъ спирально. Потомъ снова выпрямляетъ и снова запускаетъ въ цвѣтокъ и опять вынимаетъ, повторяя такія манипуляціи разъ до 7 съ однимъ цвѣткомъ, а затѣмъ летитъ къ другому. Если разрѣзать хоботокъ поперегъ,—говоритъ Реомюръ,—то внутренность хоботка представится состоящей изъ трехъ отдѣлений: центрального и двухъ боковыхъ.

Вообще, насѣкомые замѣчательны по устройству своего тѣла, но еще болѣе удивленія возбуждаетъ инстинктъ, которымъ одарены онѣ. Въ нашемъ журналѣ было помѣщено нѣсколько статей изъ жизни насѣкомыхъ, какъ, напримѣръ, муравьевъ, ичелъ, мухъ, стрекозы. Точно также помѣщена была статья о бабочкахъ—шелковичныхъ и большей многоцвѣтницы.

Но вмѣстѣ съ рисунками, изображающими головы и хоботки бабочекъ, мы помѣстили еще два небольшихъ рисунка, изображающіе когти льва и наука. Первый—въ уменьшенномъ видѣ, второй—въ значительно увеличенномъ чрезъ микроскопъ. Оба эти рисунка, сопоставленные одинъ съ другимъ, указываютъ на возможность сравненія когтей льва—этого представителя силы и отваги, съ когтями паука—живущаго только, такъ сказать, тайнымъ промысломъ, заманивающимъ въ свои тенета недогадливыхъ простаковъ. Общаго между ними, положимъ, нѣтъ: у льва когти, какъ орудіе для битвы съ врагомъ, у паука—для того, чтобы цѣпляться и перебѣгать по тонкимъ паутинамъ; но общее—именно указаніе на ту цѣлесообразность, съ какою природа распределяетъ самыя незначительныя части въ организаціяхъ живыхъ существъ, и какаю въ каждомъ ея твореніи видима гармонія. Взаключеніе скажемъ, что благодаря микроскопу, мы видимъ то, что не можетъ быть видимо простымъ глазомъ: то-ли еще увидитъ человекъ въослѣдствіи, чего себѣ теперь и представить не можетъ, какія усовершенствованныя инструменты будутъ имъ изобрѣтены и въ какія, теперь невѣдомыя, пространства проникнетъ его мыслъ. Гдѣ граница этому безконечному прогрессу и гдѣ предѣлъ человѣческому знанію?

Тихія думы.

(Картина Сентена, грав. для Нивы Панемакеромъ сыномъ).

Богатая обстановка. Широкая, расписанная въ китайскомъ вкусѣ, изящный бюро; цвѣты, клѣтка съ птичками, все обличаетъ болѣе чѣмъ довольно во взятой художникомъ обстановкѣ жизни. Но отчего такъ грустна эта женщина, изображенная художникомъ на его рисункѣ, о чемъ она такъ задумалась? Вѣдь богатство даетъ, кажется, столько удовольствій... Нѣтъ, вѣроятно, не даетъ богатство *всего*, чего жаждетъ душа человека. Такъ заключить слѣдуетъ смотря на молодую особу, изображенную на нашемъ рисункѣ. Она, видимо, грустна. Навели ли ее на грустныя думы цѣлующіяся птички въ клѣткѣ, или прекрасныя свѣжіе цвѣты въ корзинкѣ? Но ей нечего завидовать прелести цвѣтовъ, она сама надѣлена миловидно-

стью и скорѣй всего,—что птички пробудили въ ней о чемъ нибудь сожалѣнія. Вѣдь что ни говорятъ, а все же сердце человека отъ любви не свободно...

Вотъ знаетъ, какія думы занимаютъ молодую особу, но видно, что эти думы тихія, кроткія. Это видно изъ выраженія лица молодой особы, напоминающей, по нашему мнѣнію ту, о которой поэтъ (Лермонтовъ) говоритъ въ своей молитвѣ къ Богоматери:

„Окружи счастьемъ счастья достойную,
Дай ей соутникъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость спокойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.“

Есть-ли соутникъ „полныхъ вниманія“ у этой молодой особы или только она еще мечтаетъ о немъ, смотря на цѣлующихся птичекъ—вопросъ, конечно сложный. Но эти тихія думы, видимыя на ея прекрасномъ лицѣ, указываютъ на свойства ея нрава, несомнѣнно тихаго и кроткаго.

Таково, по нашему мнѣнію, содержаніе рисунка. Что касается его выполненія, то въ этомъ случаѣ—оно предъ глазами читателей; недаромъ Панемакеръ сынъ потрудился надъ этимъ рисункомъ: исполняя спеціальный заказъ „Нивы“, онъ не только не уронилъ своей волю въ заслуженной славы, но еще болѣе ее увеличилъ, ибо такія гравюры—рѣдкость.

С.

Парижская Всемирная выставка.

Помѣщая въ этомъ номерѣ видъ фасада зданія Алжирскаго отдѣла на Парижской всемирной выставкѣ (описаніе котораго дадимъ ниже), продолжаемъ сообщеніе свѣдѣній объ этой выставкѣ. Остановимся на данныхъ, касающихся учебнаго дѣла во Франціи. Въ отдѣлѣ министерства народнаго просвѣщенія выставлено много любопытнаго, что характеризуетъ собою положеніе школьнаго дѣла въ странѣ. Элементарныя и спеціальныя школы имѣютъ на выставкѣ полный и интересный выборъ моделей, рисунковъ, рельефныхъ картъ. Картами, надобно сказать, чрезвычайно богатъ вообще отдѣлъ. Между прочими можно видѣть и карту Россіи—изящнѣйшей работы и со всѣми подробностями, со всѣми уѣздными городами. Очень любопытна политическая карта Франціи, гдѣ количество республиканскаго элемента отмѣчено красною краской. Карта сдѣлана на основаніи предпоследнихъ выборовъ. Одна изъ залъ отдѣла занята исключительно предметами ученыхъ экспедицій—тутъ и карты съ замѣтками путешественниковъ и манекены различныхъ народовъ, и коллекціи оружія, инструментовъ, вывезенныхъ изъ экспедицій. Французское правительство, какъ говорятъ, ассигнуетъ ежегодно 150 т. франковъ на ученые экспедиціи, не включая въ этотъ счетъ экспедицій спеціальныхъ, какъ, напримѣръ, на изслѣдованія прохожденія Венеры или Меркурія. Достоинна также замѣчанія выставка „Общества кругосвѣтныхъ путешествій“, или вѣрнѣе сказать—достоинно замѣчанія самое учрежденіе. Общество кругосвѣтныхъ путешествій отправляетъ каждый годъ особый пароходъ, на который приглашаются всѣ любители путешествій, или желающіе окончить свое образованіе. Плаваніе совершается 11 мѣсяцевъ, изъ которыхъ 7 мѣсяцевъ должны быть проведены въ парохода, напримѣръ, на континентальныхъ изслѣдованіяхъ. Цѣна путешествію за всѣ 11 мѣсяцевъ отъ 16 до 24 тысячъ франковъ съ лица, смотря по мѣсту занимаемому на пароходѣ. Эта плата идетъ уже за все—помѣщеніе, столъ, бібліотеку, лабораторію и т. п. Нѣсколько залъ въ этомъ же отдѣлѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія посвящено выставкамъ самостоятельныхъ учебныхъ заведеній во Франціи. Послѣ школы тинографовъ и профессиональной школы города Руана, гдѣ выставлены между прочимъ превосходные 4 портрета масляными красками, написанные учениками. Достоинно вниманія учебное заведеніе школьнаго города въ Везине, Ville ecclésiare du Vesinet (Департ. Сены и Уазы). Идея этого учрежденія состоитъ въ желаніи замѣнить воспитаніе въ закрытыхъ заведеніяхъ отдѣльнымъ воспитаніемъ. Здѣсь собирается нѣсколько мальчиковъ и помѣщаются вмѣстѣ съ педагогомъ въ отдѣльномъ домикѣ. Домики распределены въ огромномъ саду, къ которому прилегаютъ поле, рѣка, луга, на которыхъ производится опыты, изучается природа. Для обученія собственно имѣется центральное зданіе, гдѣ собраны лучшіе профессора и примѣняютъ новыя методы преподаванія. Учрежденіе это имѣетъ во главѣ своей нѣсколько свѣтилъ литературнаго и педагогическаго круга. Капиталъ для основанія и устройства представляетъ 6 милліоновъ франковъ и раздѣленъ на акціи по 500 франк. каждая. Далѣе школа Сень-Барбъ. Это одно изъ самыхъ старыхъ и замѣчательныхъ учреждений во Франціи. Оно состоитъ изъ Малой коллегіи съ 6-ю элементарными классами, классической школы съ высшимъ образованіемъ; коммерческой школы и приготовительной, откуда ученики могутъ поступать въ высшія спеціальныя заведенія Франціи, напримѣръ, политехническую школу, нормальную, мнѣнную и проч. Цифровыя данныя говорятъ, что съ 1852 по 1877 г. его учениковъ было принято въ высшія заведенія 2047 чел. Премій простыхъ и почетныхъ на общемъ конкурсѣ лицеевъ получено 412. Плата за обученіе съ содержаніемъ въ нисшемъ классѣ 1000 фр. въ высшемъ 1800

франковъ. На выставку школа представила модель своей малой коллегии. Школа Монжь представила нѣсколько плановъ и чертежей своего зданія. Въ школѣ этой замѣчательны нѣкоторыя особенности по части размѣщенія воспитанниковъ, ихъ обученія. Между прочимъ указемъ на спальню, гдѣ каждому мальчику отводится своя закрытая кроватка, отдѣленная отъ другихъ, но такъ устроенная, что за нею свободно можно наблюдать изъ корридора заведенія. Интересно также введеніе стеклянныхъ люнетровъ, чрезъ которые видны все, что находится въ ящикѣ ученика. Мартиньерская школа коммерціи и рисованія представила способъ обученія бухгалтеріи и способъ рисованія съ проводочной модели, видимой всѣмъ классомъ. Модель ставится въ среднѣ на столѣ, ученики же размѣщаются кругомъ, причемъ плоскость рисунка составляетъ съ радіусомъ круга острый уголъ. Для изученія бухгалтеріи составляется изъ учениковъ торговый домъ, со всѣми контрольными должностями, причемъ каждый ученикъ проходитъ всѣ должности отъ первой до послѣдней. Упомянемъ кстати о способѣ поощренія дѣтей за успѣхи, сильно помогающемъ въ то же время, какъ говорить, развитію наклонности къ бережливости. Способъ состоитъ въ выдачѣ ученикамъ особыхъ карточекъ съ надписью цифръ, *bons points*; карточки эти своего рода ассигнаціи и получившій 10 карточекъ имѣетъ право на одинъ сантимъ, который касса записитъ на приходѣ въ книжку получившаго ученика. Чѣмъ болѣе ученикъ получитъ карточекъ, тѣмъ болѣе къ концу года у него накопится денегъ, составляющихъ его собственность. Технические школы выставили коллекціи машинъ и моделей; у школы въ Шалонѣ имѣется цѣлый локомотивъ. Национальная школа часоваго мастерства въ своей витринѣ представила до 40 системъ маятниковъ. Затѣмъ кстати будетъ сказать, что многія ученія общества устроили на выставкѣ различные конгрессы, по вопросамъ интересующимъ науку, да также и касающимся положенія рабочаго люда. Такъ въ первыхъ числахъ сентября устраивается конгрессъ рабочихъ, представителемъ котораго будетъ 33 дѣтній Кремь. На Марсовомъ полѣ удѣлено нѣсколько участковъ для рабочаго люда. Въ одномъ мѣстѣ устроена выставка рабочихъ, на которой можно видѣть всѣ предметы, выработанные ассоціаціями рабочихъ. Французы устраиваютъ лотерею-монстръ, чтобы доставить средства пріѣхать въ Парижъ провинціальнымъ рабочимъ, сельскимъ учителямъ и т. п. желающимъ видѣть выставку, но неимѣющимъ возможности по недостатку денегъ. Международнымъ санитарнымъ конгрессомъ предпологается сдѣлать нѣсколько экскурсій въ окрестности Парижа для обзорннхъ канализаціонныхъ сооружений и практическаго примѣненія обезвреживанія нечистоты.

Теперь, ограничиваясь на первый разъ этими немногими сообщеніями, дающими понятіе о предметѣ, обращаемся къ описанію Алжирскаго дворца, составляющаго собственно содержаніе рисунка, помѣщеннаго въ этомъ № „Нивы“.

Въ саду Трокадеро, вверхъ отъ набережной Сены, ослѣпительно блестящій, съ массивной башней, широкимъ куполомъ, красуется великолѣпный Алжирскій дворецъ. Дворецъ этотъ по истинѣ служитъ однимъ изъ главныхъ украшеній выставки. Постройка его переноситъ зрителя въ другую страну, воспроизводитъ предъ нимъ впечатлѣніе чуждой жизни, другихъ нравовъ, вкусовъ и вкусовъ такихъ, за которыми нельзя не признать изящества. Тщательно отдѣланный, дворецъ въ цѣломъ похожъ на прелестную игрушку. Въ солнечный день бѣлыя стѣны его сверкаютъ, и кажется, будто переносишься въ жарчій климатъ Африки; воображеніе рисуетъ пустыни, оазисы, пальмы, миражи. Дворецъ этотъ, какъ говорятъ, сконструированъ съ какой-то знаменитой мечети. Его украшенія составляютъ арабески, мозаика. Ажурный куполъ поражаетъ оригинальностью рисунка. Комнаты дворца украшены дорогими матеріями, мебелью, коврами. Все чрезвычайно роскошно. Внутри зданія находится дворъ съ мраморнымъ фонтаномъ по среднѣ, пальмами и апельсиновыми деревьями по угламъ. Вокругъ дворца расположены арабскія палатки, дома поселенцевъ. Въ нихъ устроены базары, кофейни. Всѣ выѣты сдѣлано такъ, чтобы дать полное понятіе о внѣшней и внутренней жизни французской колоніи.

Мы перешли, читатель, на Трокадеро и потому не будемъ лишнимъ пополнить наши сообщенія объ этомъ отдѣлѣ выставки.

Въ галлерейхъ дворца Трокадеро устроена выставка исторіи древнихъ искусствъ и ремеселъ. Въ галлерейхъ собрано болѣе чѣмъ полтораста тысячъ предметовъ искусства, благодаря которымъ всѣ могутъ слѣдить изъ столѣтія въ столѣтіе за развитіемъ искусствъ различныхъ народовъ, отъ каменнаго періода до нашего вѣка. Въ залѣ первобытныхъ древностей встрѣчается огромный отдѣлъ каменнаго оружія, затѣмъ отдѣлъ бронзоваго, древнія колесницы, золотыя и серебряныя украшенія, посуда, оружіе и т. д. и т. д.

Каждую націю приглашали здѣсь выставить все, что въ ней имѣется диковиннаго изъ прошлыхъ вѣковъ. Тутъ можно видѣть и прекрасную выставку фаянсовой посуды Бернара де-Плесси и превосходную коллекцію ювелирнаго искусства временъ Бенвенуто Челлини. Во французской ретроспективной выставкѣ открыты салоны начинающаго съ XV вѣка со всею точностію, мебелью, обоями, утварью.

Для желающихъ посмотрѣть выставку съ птичьяго полета въ паркѣ Трокадеро устроены шарты, на который каждый желающій за 20 франковъ можетъ сѣсть, подняться на немъ на воздухъ, полюбоваться на всю панораму, растапливающуюся подъ ногами, и потомъ опуститься на землю, благополучно, ничѣмъ не рискуя. Шартъ устроенъ Жиффоромъ, и рисунокъ, его изображающій, былъ помѣщенъ въ предыдущемъ номерѣ „Нивы“, причемъ дано подробное описаніе его устройства. Взаключеніе приведемъ здѣсь нѣсколько словъ корреспондента „Петербург. Газеты“, характеризующихъ то положеніе, въ какомъ иногда оказываются пріѣзжіе въ Парижѣ, пріѣхавшіе въ него для осмотра всемірной выставки.

На Парижской выставкѣ,—говоритъ онъ,—такое большое стеченіе народа, что всѣ гостиницы переполнены. Одинъ пріѣзжіи,-ticket обѣхавшій десятокъ отелей и не отыскавшій ни одного свободнаго номера, на конецъ умолилъ уступить ему на ночь билліардную.

Хозяинъ согласился и на другой день подаетъ ему слѣдующій счетъ: За комнату—10 франковъ и за 8 часовъ игры на билліардѣ, по 1 франку въ часъ—8 фр., а всего 18 франковъ.

— Но я спалъ, а не игралъ на билліардѣ! воскликнулъ пріѣзжіи.

— Намъ это все равно! Вы заплатите, какъ будто бы играли!

Пріѣзжіи по неволѣ заплатилъ.

Такъ дѣти великой націи извлекаютъ доходъ изъ кармановъ любопытныхъ путешественниковъ.

Городъ Новочеркасскъ.

Новочеркасскъ, главный городъ управления войска Донскаго, расположенъ на горѣ, въ 20 верстахъ отъ р. Дона. Это большой красивый городъ съ широкими улицами, большими каменными домами. Необыкновенная чистота и порядокъ въ городѣ составляютъ отличительный его характеръ. Городской садъ, густо разросшійся, представляетъ прекрасное мѣсто для гуляющихъ. Въ Новочеркасскѣ имѣется институтъ, двѣ гимназіи, отдѣленіе восточныхъ языковъ. Цѣль этого заведенія—образованіе переводчиковъ для Кавказской арміи. Наши сношенія съ туземцами до сихъ поръ производились при помощи переводчиковъ изъ туземцевъ, во 1-хъ незнавшихъ основательно русскаго языка, а во 2-хъ даже злоупотреблявшихъ своимъ положеніемъ. Библіотека отдѣленія богата книгами и рукописями. Постройки въ Новочеркасскѣ все увеличиваются и дома приносятъ хороший доходъ. Несмотря однакоже на все это, положеніе Новочеркасска чрезвычайно невыгодно вслѣдствіе мѣстныхъ условій. Отдаленность его отъ Дона лишаетъ его торговаго и промышленнаго значенія. Городъ не только не можетъ самъ участвовать въ торговомъ движеніи, но даже пользоваться имъ для своего хозяйства и городской торговли. Оттого здѣсь и дороговизна на все, на всѣ главные предметы потребленія, даже на рабочія руки. Известно, что казаки сами почти не занимаются ремесленными работами и для потребностей сельскаго-хозяйства приходится рассчитывать на приходящихъ мастеровъ изъ внутреннихъ губ. Россіи, а они, обыкновенно идутъ туда гдѣ дѣла больше, гдѣ сильнѣе торговля. Мѣсто, занятое Новочеркасскомъ прежде называлось *Волній Кутья*. Выборъ этого мѣста графомъ Платовымъ объясняютъ его фанатизмомъ и нежеланіемъ вывезти свое казачество изъ замкнутого круга старыхъ обычаевъ. Онъ боялся, чтобы торговые пути не внесли начала разложенія въ старый казакскій бытъ. Увидѣвъ впоследствии какъ растетъ значеніе соседняго Ростова на Дону, гр. Платовъ хотѣлъ поправить свою ошибку и вздумалъ перенести русло Дона ближе къ городу, но начатая работа ничѣмъ окончилась.

Въ Новочеркасскѣ, какъ повсюду на Дону, все имѣетъ своеобразный видъ. Здѣсь всякая служба въ должности общественной, мѣстномъ учрежденіи считается исполненіемъ казачьей службы—каждый чиновникъ въ канцеляріи присутственнаго мѣста, и преподаватель въ учебномъ заведеніи—всѣ почитаются несущими казачью службу. И въ каждомъ—въ его всѣхъ движеніяхъ, въ походкѣ, въ отвѣтахъ—видѣнъ казакъ.

Одна изъ особенностей здѣшняго гражданскаго управления, которой дорожатъ казаки—это примѣненіе выборнаго пачала. За исключеніемъ Наказнаго Атамана и должностей, имѣющихъ специальное значеніе (напр. по врачебной, учебной, почтовой части) почти на всѣ должности гражданскаго управления чиновники назначаются по выбору дворянства. Въ станицахъ обществомъ избираются станичные атаманы и судьи. Станичное общество въ дѣлахъ мѣстнаго интереса и хозяйства пользуется въ значительной степени самоуправленіемъ. Всѣ дѣла общественныя рѣшаются въ станичныхъ сборахъ: полные сборы бываюгъ не менѣе трехъ разъ въ годъ, а частные ежемѣсячно. Но выше станичнаго сбора стоитъ сыскное начальство, которое имѣетъ право отмигать его приговоры. Таковъ собственно законный порядокъ. Въ послѣднее время на Дону, какъ и въ другихъ мѣстахъ возникли вопросы о реформахъ.—Донское казачество имѣетъ бесспорно свою славную исторію и свои историческія особенности быта, тѣмъ не менѣе есть не мало вопросовъ требующихъ разъясненій. Напр. вопросъ о позе-

мельномъ владѣніи на Дону. Огромное пространство въ 14.500.000 десятинъ почти все считается войсковымъ фондомъ, за исключеніемъ небольшимъ. Естественно что по мѣрѣ того какъ усиливается въ краѣ промышленное движеніе и увеличивается значеніе и цѣнность личнаго труда, рано или поздно должно возникнуть стремленіе къ расширенію общихъ правъ на приобрѣтеніе земель въ личную собственность—къ чему пынѣшнее учрежденіе войска Донскаго поставяетъ препятствія и запрещенія. Э-

тотъ вопросъ о поземельномъ владѣніи на Дону связанъ съ вопросами экономического и политическаго свойства, напр. съ вопросомъ о запрещеніи иногороднымъ приобрѣтать имѣніе на Дону, о правѣ -- вступленія въ казачье сословіе и выхода изъ него, объ обязательствахъ казачьей службы, о внутренней войсковой администраціи. Мы помѣщаемъ въ этой статьѣ три рисунка: общій видъ Новочеркасска, видъ одной изъ улицъ въ этомъ городѣ и видъ дома, въ которомъ живетъ атаманъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ Нивы будетъ помѣщенъ еще видъ Старочеркасска причѣмъ будетъ дано и его описаніе.

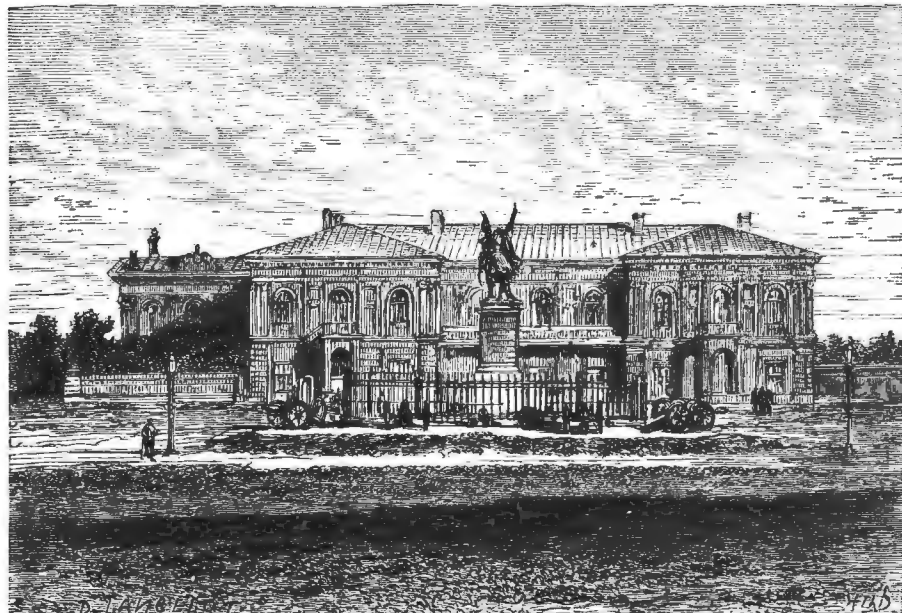
Здѣсь же въ заключеніе, расскажемъ любопытное преданіе о происхожденіи стараго герба Донскаго. Петръ Великій, бывши въ Черкасскѣ, встрѣтилъ пьянаго казака, который пропилъ все свое платье и полунагой сидѣлъ на бочкѣ съ ружьемъ въ рукахъ. Петръ спросилъ казака, почему онъ пропилъ платье, а

Пароходъ «Петербургъ» (бывшій Тюрингія).

Въ предыдущихъ номерахъ «Нивы» мы помѣстили рисунки двухъ пароходовъ русскаго добровольнаго флота, а именно пароходовъ: «Россія» и «Москва»; въ этомъ номерѣ помѣщенъ видъ третьяго парохода русскаго добровольнаго флота, посящаго названіе «Петербургъ». Этотъ пароходъ назывался ранѣе Thuringia. Онъ имѣетъ длины 361½ ф. и ширина его наибольшая 42½ ф., вы-

шина (отъ борта до дна) 35½ ф. Номинальныхъ силъ онъ имѣетъ 600 и можетъ развивать до 2,200 индикаторныхъ силъ. Для русскаго добровольнаго флота приобрѣтенъ и четвертый пароходъ, получившій названіе: «Нижній Новгородъ». Пароходъ этотъ отправился въ Санъ-Стефано прямо съ мѣста покупки.

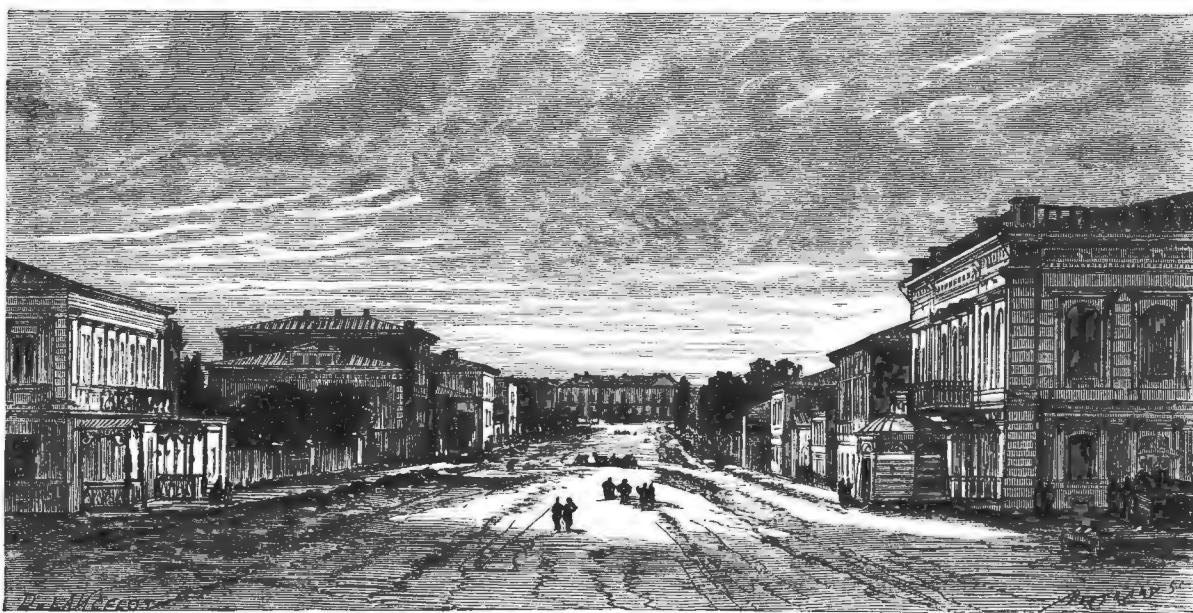
Всѣ эти пароходы теперь, по минованіи надобности въ примѣненіи ихъ къ военному дѣлу, получили иное назначеніе,—и какъ мы сказали выше, пароходъ «Нижній - Новгородъ» уже отправился въ С а н ъ Стефано,

Дворецъ атамана въ Новочеркасскѣ.

для перевозки оттуда войскъ.

Пароходы «Петербургъ», «Москва» и «Россія» вышли подъ коммерческимъ флагомъ изъ Кротштата въ море и тоже отправились въ Санъ-Стефано для перевозки русской арміи. Пароходъ «Москва» подъ командою капитанъ-лейтенанта Крускопфа, пароходомъ «Россія» командуетъ уволенный для службы на коммерческихъ судахъ капитанъ-лейтенантъ Ѳ. В. Дуба-

Московская улица въ Новочеркасскѣ.

не ружье?—Да нельзя же мнѣ остаться безъ ружья, отвѣчалъ казакъ: безъ ружья никому не угодишь, а съ ружьемъ Богу, Государю и великому войску Донскому честь и славу заслужи, и одежду у врага добуду. Отвѣтъ такой понравился Петру, и онъ далъ войску гербъ съ изображеніемъ нагого по поясъ казака съ ружьемъ въ рукахъ на бочкѣ.

совъ, герой знаменитой минной атаки на Дунаѣ, имѣвшей послѣдствіемъ гибель турецкаго монитора; а «Петербургомъ»— капитанъ-лейтенантъ А. К. Сиденснеръ, свершившій нѣсколько дальнихъ плаваній на корветахъ: «Новикъ», «Калевала», «Богатырь», «Аскольдъ» и клиперъ «Абрекъ».

Экипажъ этихъ судовъ состоитъ изъ офицеровъ и матросовъ военнаго флота, уволенныхъ для службы на коммерческихъ судахъ, на такомъ же основаніи, на какомъ дозволяется служить

(Продолженіе на стр. 641, 642, 643 и 644).

на яхтах Императорскаго яхт-клуба и на судах прежней американской компани и других учреждений подобнаго рода, покровительствуемыхъ правительствомъ.

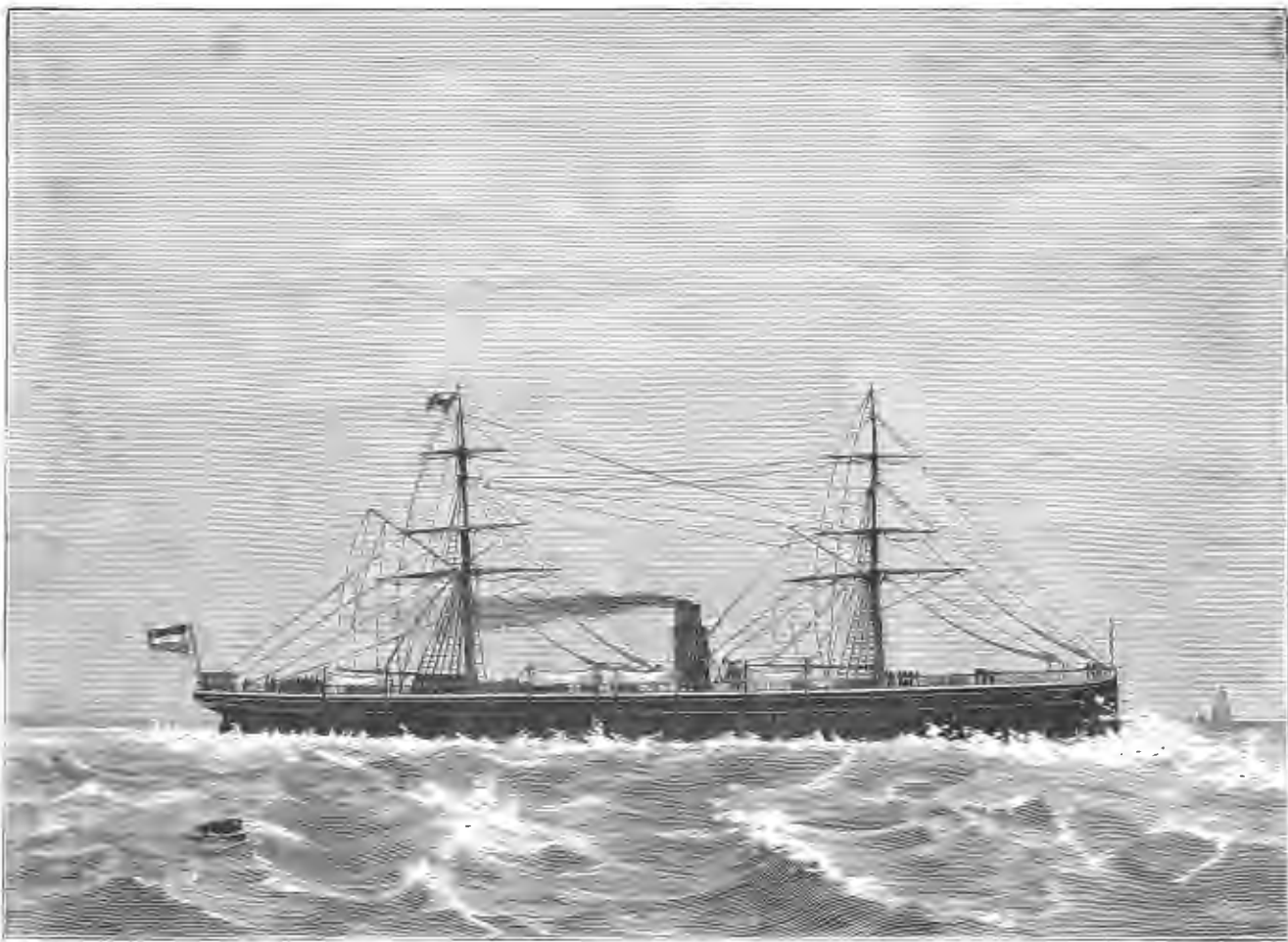
По извѣстиямъ, передаваемымъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, можно заключить, что всѣ пароходы добровольнаго флота будутъ впослѣдствіи примѣнены къ коммерческимъ дѣламъ и совершать плаванія въ водахъ океановъ. На какихъ условіяхъ и въ чье именно владѣніе они будутъ переданы—пока неизвѣстно; но въ виду того, что до настоящаго времени пароходы такъ называемаго „Русскаго общества пароходства и торговли“ слишкомъ рѣдко дѣлали рейсы изъ портовъ Китая въ Одессу—можно думать, что рейсы въ Китайскіе порта придется совершать этимъ пароходамъ русскаго добровольнаго флота.

Радиометръ *).

При первомъ взглядѣ на маленькій аппаратъ, рисунокъ котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ №,—аппаратъ, по нѣмецки обыкновенно называемый „свѣтовой мельницею“, можно, пожалуй, подумать, не составляеть ли онъ какого либо „perpetuum mobile“ (машина вѣчнаго движенія), до сихъ поръ составляв-

выражаясь проще, колесо), съ прикрѣпленными къ ихъ концамъ пластинками, весьма легко могутъ вращаться въ горизонтальномъ направленіи. Вращеніе это напоминаетъ вращеніе крыльевъ обыкновенной вѣтряной мельницы, у которой къ пересѣкающимся радиусамъ, идущимъ отъ горизонтальной оси вращенія, тоже придѣланы, какъ извѣстно, пластинки (въ косвенномъ направленіи), и мы знаемъ, что отъ этихъ пластинокъ и ихъ косвеннаго расположенія зависитъ движеніе крыльевъ мельницы отъ вѣтра. Въ миниатюрѣ нѣчто подобное представляеть и разсматриваемая нами машинка.

У каждой изъ упомянутыхъ нами слюдяныхъ пластинокъ, прикрѣпленныхъ къ горизонтально перекрещивающимся радиусамъ, одна изъ сторонъ окрашена ламповою сажею, другая же представляеть блестящую (слѣдовательно сильно отражающую свѣтъ) поверхность, свойственную слюдѣ. Чтобы мягкой металлъ, какимъ представляется алюминій и изъ котораго сдѣланы перекрещивающіеся радиусы, не просверливался острымъ стальнымъ шпичемъ, на которомъ утверждаются перекрещивающіеся радиусы, въ пунктѣ ихъ соединенія,—для этого въ этомъ самомъ пунктѣ придѣлана стеклянная шляпочка, предохраняющая машинку отъ подобнаго просверленія.

Русскій добровольный флотъ: Пароходъ „Петербургъ“ (бывшій Тюрингія). Съ аквареля Петерсона, грав. К. Вейерманъ.

шее предметъ однихъ мечтаній, безъ надежды когда-либо осуществить подобную машину. Нѣтъ, „свѣтовая мельница“ далеко не „perpetuum mobile“, но все таки она—изобрѣтеніе въ высшей степени остроумное и поучительное.

Конструкція радиометра, какъ можно видѣть уже изъ рисунка, крайне проста. Нѣтъ въ ней никакихъ таинственныхъ и непонятныхъ для непосвященнаго въ науку придѣлокъ и побочныхъ принадлежностей. Въ главныхъ своихъ частяхъ эта машинка понятна для всѣхъ и cadaго. Однако, тѣ физическія явленія, которыя при посредствѣ ея служатъ предметомъ наблюденія ученыхъ, представляютъ много темнаго и загадочнаго даже для специалистовъ... Прежде всего, въ этомъ аппаратѣ намъ бросаются въ глаза 4 маленькія слюдяныя пластинки, прикрѣпленныя къ оконечностямъ двухъ перекрещивающихся радиусовъ вертикально стоящей оси. Радиусы эти сдѣланы изъ мягкаго металла—алюминія и утверждены на тонкомъ стальномъ шпичѣ, такъ что перекрещивающіеся радиусы (или,

Устроенный такимъ образомъ, маленькій механизмъ заключенъ, какъ читатель видитъ и на рисункѣ, въ стеклянный баллонъ и изъ баллона этого, посредствомъ воздушнаго насоса, выкачивается почти весь воздухъ. Слово „почти“ (а не безусловно весь воздухъ) здѣсь употребить необходимо, ибо это обстоятельство, какъ увидимъ ниже, и служитъ ключемъ къ уразумѣнію настоящаго смысла явленій, наблюдаемыхъ на нашей машинкѣ.

Для большей простоты и удобопонятности, въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы горизонтально перекрещивающіеся радиусы будемъ называть просто „колесцомъ“.

Если сейчасъ описанный аппаратъ выставить на свѣтъ (при этомъ безразлично: на дневной ли свѣтъ, происходящій отъ лучей солнца, или на свѣтъ, исходящій отъ зажженной лампы), то заключенный въ баллонѣ уже извѣстный намъ механизмъ или колесо начинаетъ непрерывное движеніе, и при томъ такъ, что при этомъ движеніи идутъ впередъ неокрашенные сажей блестящія стороны слюдяныхъ пластинокъ. При томъ: чѣмъ сильнѣе источникъ свѣта, лучи котораго падаютъ на блестящую сторону слюдяной пластинки, тѣмъ живѣе и быстрѣе

*) Въ буквальной переводѣ это греческое слово значить: измеритель лучей свѣта.

происходит вращение пластинок, прикрученных к радиусам. И вот на этом-то основании изобретатель описываемого аппарата, г. Крукс, назвал свое изобретение „радиометром“, т. е. измерителем световых лучей. Основанием к такому названию г. Крукс считал тот предположенный им эмпирический закон, что число вращений пластинок, происходящее в определенное время, служит наглядною *мтрою силы или интенсивности лучей, идущих от какого-либо источника света*. Покамест аппарат г. Крукса составляет совершенную новинку; нельзя не согласиться, что он представляет действительно такую чувствительность к уменьшению или увеличению силы света—что она приводит поистине в изумление. В самом деле, лишь только какое-нибудь легкое облачко заслонит собою диск солнца—и вот уже вращательные движения пластинок замедляются, и на радиометр отбывает степенно уменьшения силы света; но, с другой стороны, если стальной спицей служащей, как мы знаем, основанием вращающихся горизонтально радиусов и пластинок будет хотя несколько припулен, то чувствительность радиометра *уменшается*, так что возбужденная было блестящая надежда, что аппаратом Крукса можно будет пользоваться как „самым точным измерителем силы света“,—эти надежды по крайней мере покамест должны сильно поколебаться, как немнущая безусловно-твердой почвы...

Но, с другой стороны, огромную важность имеют научные исследования явления, представляющегося в аппарат Крукса,—произведенный с другою целью. Именно, некоторые исследователи задавались мыслью: да-ли, в самом деле, причина производить явление, — которую предпологает г. Крукс,—не другая ли? Другими словами: не составляет ли свет только побочного и второстепенного дятеля в описываемом явлении, а само это явление происходит от совершенно другой причины?..

На счет ршения этого вопроса физики, впрочем еще далеко не согласны между собою, и предлагают для объяснения рассматриваемого явления различные теории.

Возрние самого изобретателя аппарата, по которому в данном явлении свет есть движущая причина — теперь уже почти никем не признается врным; оно уступило место другому возрнию, и это последнее возрние действующую причину явления в аппарат Крукса выставляет *теплоту*, а не свет. И вот на основании каких опытов? Если, например, из стеклянного баллона, в котором помещается аппарат Крукса, выкачать воздух до такой степени, до какой только позволяют наши вспомогательные средства то колесо с пластинками уже *не вращается*: если, наоборот, воздух в баллон не достаточно *разржен*, то колесо опять-таки стоит неподвижно. При каком же теперь условии совершается вращение крыльев нашей маленькой мельницы?—Для этого нужно присутствие в баллон газа, будет ли-то атмосферный воздух, водород, азот или другой какой-либо газ, все равно: но только этот газ *до известной степени* должен быть *разржен*. Если бы в самом деле лучи света были причиной вращения нашего колеса, то крылья колеса двигались бы под влиянием света, тем с большею легкостью, чем больше выкачан из баллона воздух, потому что в этом случае представлялось бы меньше сопротивления, которое должны на своем пути побдить вращающиеся слюдяные пластинки. Этого, однако, нет. Далее, мы знаем что *световые* лучи, вообще, сопровождаются лучами *тепловыми*. Следовательно, соответственно законам физики, коль скоро тепловые лучи упадут на блестящую поверхность слюдяной пластинки, они должны отразиться, как они, вообще отражаются от всякой блестящей поверхности,—тогда как окрашенная сторона пластинки обладает свойством *поглощать* или так сказать *всасывать* тепловые лучи и оттого сама *нагрвается*. И вот потому-то, окрашенная сторона пластинки *нагрывается* быстрее и в большей степени, чем сторона блестящая, а раз *нагрвшись*, она в состоянии *нагреть* и ближайшее окружающее ее пространство. Вследствие этого, уже *разрженный* воздух баллона, соприкасающийся с окрашенной стороной пластинки, должен, конечно, *разрдиться еще больше*. Но это *разржение* действует подобно пружине: оно-то и заставляет двигаться легко-подвижные пластинки.

Сейчас приведенное мнение представляется удовлетворительным еще и в том отношении, что оно, вместе с тем, объ-

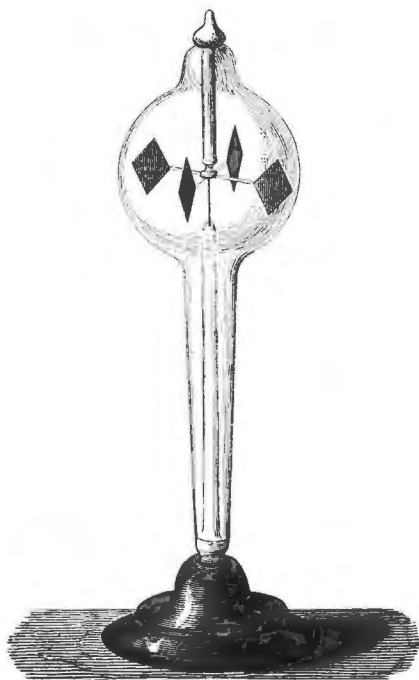
ясняет и причину, почему, при движении колеса, *вперед* идет блестящая поверхность пластинки. Это можно подтвердить еще и опытом. Подвергнем, например, аппарат действию лучей застывшей лампы и будем наблюдать, пока колесо не начнет совершать быстрых движений. Теперь погасим же *внезапно* (непрервно *внезапно*) лампу и, вместе с тем, одновременно, помним движению колеса, наклонив аппарат на сторону. Как скоро стеклянная шпичка придет в равновесие и окажется прямою стоящею на стальном спице—опять начинается движение колеса, но только уже *в противоположную сторону*, так что в этом случае, в вращательном движении идут *вперед* уже не блестящая, а окрашенная стороны слюдяных пластинок. И это вот почему:

В темноте маленькие воздушные слои на окрашенной поверхности охлаждаются относительно *быстрее*, чем на поверхности блестящей, и они *стягиваются*. Это явление имеет место и в рассматриваемом случае.

Слой воздуха на окрашенной стороне пластинки быстро охладился и сжался, давление следовательно очутилось на противоположной стороне и вращение от этого совершается противоположно прежнему. За сим, да же, чтобы показать, что именно *теплота* составляет причину вращения радиометра, сам изобретатель (Крукс) сделал целый ряд научных опытных изысканий, представляющих большую доказательную силу.

Известно, что составной *блнный* свет посредством призмы разлагается на различные простые *цветные* лучи. В

так называемом спектре, происходящем от преломления света призмой, — эти цветные лучи расположены в следующем порядке: *красный, оранжевый, желтый, синий, голубой, и фиолетовый*. Отдельные лучи эти различаются между собою не только силою своего света, но также большим или меньшим количеством содержащихся в них тепловых лучей. Именно: наибольшей яркостью обладает желтый луч светового спектра, тогда как наибольшее количество тепловых лучей приходится на крайнюю границу спектра, на красный цвет, а по направлению к фиолетовому цвету (т. е. к другому краю спектра количество тепла постепенно уменьшается). Г. Крукс постепенно помещал радиометр в отдельные области спектра,—и тогда оказалось, что на быстроту вращения колеса в аппарат имеет наибольшее влияние не *самый яркий свет*, а наибольшее количество *тепловых лучей*, потому что колесо двигалось быстрее всего именно на краю спектра, в области красного цвета. В определенную единицу времени радиометр делал в области *красного* цвета 85 движений, в области *желтого*—57, в области *голубого*—22 и в области *фиолетового* 6 движений. Если бы движущую причину колеса в радиометре был свет, то, конечно, самая быстрая и многочисленнейшая

Радиометр. (Измеритель солнца).

вращения колеса имели бы место в области желтого цвета, как самого яркого; этого, однако, нет. Но свет и тепловые лучи не всегда взаимно сопровождают друг друга и от этого большой интерес и важность имеют опыты, в которых испытывали влияние на радиометр так называемой „темной теплоты“ (не сопровождаемой светом). При этом оказалось, как и следовало ожидать, что *одна* теплота, *без* присутствия света, могла привести в движение колесо радиометра.

Но теперь возникает вопрос: кака же существует возможность замтить движение колеса радиометра в темноте? Ведь без присутствия света наш глаз не в состоянии сделать никакого наблюдения?—Конечно да... Но для устранения такого затруднения, обыкновенно пользуются „слабым“ освещением аппарата, так называемыми „флюоресцирующими“ веществами, т. е. такими, которые, если их в безвоздушном пространстве, подвергнуть свету искры проходящего электрического тока, начинают и сами *издавать свет*. Такому флюоресцирующему свету присуще столь же мало теплоты, как и светящейся гнилуш. Такого рода свет не обнаруживает никакого действия на радиометр; однако тотчас же начинается движение колеса, если только дотронуться теплою рукою к стеклянному баллону или если приблизить к этому баллону хотя бы слабо нагретый кусок металла. При этом совершается так называемое темное тепловое лучепускание (из металла).

Хотя сейчас приведенные нами опыты и ясно указывают, что причина явления вращательных движений в радиометре

есть теплота, однакожь некоторые ученые, опираясь на другіе опыты, представили для объясненія занимающаго насъ явленія и другія теоріи, и теоріи эти, разумѣется, объясняютъ дѣло иначе. Не вдаваясь здѣсь въ ближайшее ознакомленіе съ этими теоріями, мы должны однако констатировать ихъ существованіе, хотя бы для того, чтобы насъ не обвинили въ односторонности и пристрастности, въ вещахъ чисто-научныхъ. Въ ученомъ мірѣ незначительный, изобрѣтенный г. Круксомъ, аппаратъ возбудилъ всеобщій интересъ и уже успѣлъ поднять, какъ

говорится, пылъ столбомъ. Правда, этотъ малый приборъ далеко не „Perpetuum mobile“ какъ некоторые ожидали, но онъ представляетъ для молодыхъ ученыхъ прекрасный будильникъ къ самостоятельному изслѣдованію и мышленію. Научная жажда, добываемая постоянною борьбою, а не рѣдко страданіями и подвѣями самоотверженіемъ, конечно выше и лучше всякаго „perpetuum mobile“. Всякое великое или даже только значительное изобрѣтеніе должно утверждать насъ въ мысли, что невозможнаго нельзя сдѣлать возможнымъ.

Стр.

Политическія и внутреннія извѣстія.

Крѣпость Батумъ до сихъ поръ еще намъ не сдана турками. Въ связи съ замедленіемъ ея сдачи находится и посадка нашихъ войскъ на суда и отправка ихъ въ отечество. Нужны, въ самомъ дѣлѣ, окончательныя гарантіи мира, чтобы нашимъ войскамъ оставить театръ войны. На прошлой недѣлѣ определенно поставленъ этотъ вопросъ. Укрѣпленія Чатаджи могутъ быть очищены лишь *послѣ сдачи Батума*. Батумъ, сѣдовѣтельно, представляется кореннымъ условіемъ, подъ которымъ войска наши могутъ быть посажены на суда. Кто же, однако, особенно задерживаетъ сдачу Батума?—Какіе-то *лазы*, варварское, полудикое племя, знакомое намъ по событіямъ минувшей войны. Дѣло, разумѣется, тутъ не въ лазахъ, потому что достаточно, со стороны сильнаго государства, погрозить перстомъ, чтобы заставить присмирѣть какое-нибудь полудикое племя. Чья-то невидимая рука дѣлаетъ лазамъ знакъ поощренія...

Подробностей о причинахъ упорства въ сдачѣ Батума существуетъ еще недостаточно, чтобы судить категорически объ этомъ предметѣ. Извѣстно только, что между *Требизондомъ* и *Энискалой* существуетъ значительное движеніе турецкихъ войскъ. Порта усиливаетъ свою армію въ Арменіи. Уже въ одномъ Энискальскомъ округѣ насчитывается до 8,500 регулярныхъ турецкихъ войскъ, усиливаемыхъ еще арабскими реди-фами. Въ Вейбургѣ, Эрзинганѣ и Мушѣ стоитъ 23 батальона турецкихъ редифовъ. Дервишъ-паша не только не дѣлаетъ до сихъ поръ никакихъ приготовленій къ сдачѣ Батума, но постоянно требовалъ транспортныхъ судовъ съ запасами муки, риса, сахарей, овса и проч. Затѣмъ все магазины Батума набиты провiantомъ и боевымъ матеріаломъ. Въ крѣпости находится 12-тъ батальоновъ регулярныхъ турецкихъ войскъ. Лазы, въ числѣ 15,000 человекъ, занимаютъ границу и близъ лежащіе Артинскіе проходы... Это странное положеніе дѣла, конечно, не замедлитъ разрѣшиться въ скорости, и рѣшить его, по всей вѣроятности, русское оружіе. На это указываютъ, между прочимъ, иностранныя газеты, сообщающія, что, будто бы Русское правительство дѣлало значительныя силы къ Батуму, Кавказскій намѣстникъ отправится туда 20-го августа (1-го сентября) для принятія главнаго начальства надъ войскомъ.

Положеніе дѣла не совсемъ спокойно и на Балканскомъ полуостровѣ. Инсургенты въ Родонскихъ горахъ на время затихли-было, но не были усмирены. Недавно тамъ вспыхнуло опять возстаніе. Вслѣдствіе этого главнокомандующій нашей арміи генералъ Тотлебенъ приказалъ Порту отправить извѣстное число регулярныхъ войскъ въ Родонскія горы. Недавно въ этой мѣстности, въ окрестностяхъ Ксанты, произошло столкновеніе между инсургентами и русскими передовыми отрядами.

Ожидается заключеніе *конвенціи между Австріей и Турціей*. По этому вопросу сначала существовало весьма большое разногласіе въ правительственныхъ сферахъ Австріи и положеніе графа Андранши пошатнулось. Но затѣмъ графу Андранши удалось доказать необходимость подписанія конвенціи съ Портою. Дѣло идетъ объ установленіи прочныхъ мирныхъ отношеній между Австріей и Турціей по поводу занятія австрійскими войсками Босніи и Герцеговины. Въ силу конвенціи, *авргованная власть* султана въ Босніи будетъ признана. Но извѣстно также, что Порта требуетъ *ограниченія* срока австрійской оккупации и требуетъ *точности* опредѣленія этого срока. Австрія уклоняется отъ опредѣленія подобной „точности“.

Отъ конвенціи этой во многомъ будетъ зависѣть опредѣленіе новыхъ отношеній между Австро-Венгріей и Славянскими государствами на Балканскомъ полуостровѣ.

— Въ Сиріи недавно произошли весьма большія смуты. Друзи и мусульмане сражаются тамъ съ маронитами. Въ Константинополѣ арестованъ маронитскій епископъ, монсеньоръ Бостани, изъ Сидны, для водворенія на жительство въ Иерусалимъ. Марониты, вслѣдствіе этого, отправили державамъ протестъ противъ Турецкаго произвола. Преимущественно же Марониты обратились къ Французскому правительству, прося покровительства Франціи.

Вслѣдствіе повторяющихся въ послѣднее время случаевъ государственныхъ преступленій явнаго неповиновенія и сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, состоялся Высочайшій указъ, въ которомъ выражено, что случаи подобнаго рода несомнѣнно свидѣтельствуютъ о существованіи круга тайныхъ злоумышленниковъ, которые подъ влияніемъ соціально-революціонныхъ и другихъ разрушительныхъ

ученій, стремятся къ ниспроверженію всего государственнаго строя, а потому Высочайше повелѣно: лицъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ, отъ правительства установленнымъ, или нападѣн на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы, или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, какъ скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчья, тяжкихъ побоевъ, или поджогомъ,—предавать военному суду, для сужденія ихъ по законамъ военного времени и опредѣленія виновнымъ наказанія, установленнаго ст. 279 воинскаго устава о наказаніяхъ изд. 1875 года.

Высочайшимъ указомъ повелѣно для преподанія государственному казначейству средство къ покрытію чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ настоящею войною, заключить внутренній 5% заемъ, на нарицательный капиталъ 300,000,000 р. выпускомъ 5% облигацій въ 100 и 1,000 руб. Заемъ этотъ долженъ именоваться Вторымъ восточнымъ займомъ. Погашеніе облигацій имѣетъ быть произведено въ теченіи 49 лѣтъ; для чего образуется новый фондъ посредствомъ отчисленія ежегодно 1% съ нарицательной суммы займа, и фондъ этотъ съ присовокупленіемъ процентовъ на облигаціи, погашенныя въ предыдущіе годы, употребляется ежегодно на выкупъ облигацій по биржевой цѣнѣ, когда она будетъ ниже нарицательной стоимости облигацій, а въ противномъ случаѣ по тиражу, по нарицательной ихъ цѣнѣ.

Сообщая о распоряженіяхъ правительства приведемъ здѣсь еще объ одномъ новомъ распоряженіи, а именно объ учрежденіи земскихъ урядниковъ, назначенныхъ въ 46 губерніяхъ, въ числѣ 5,000 человекъ. Изъ инструкціи, напечатанной въ сбор. узак. и распор. прав. видно, что урядники обязаны между прочимъ наблюдать, чтобы во вѣтренныхъ имъ участкахъ не появлялось сочиненій преступнаго содержанія, не распространялось зловредныхъ сужденій и слуховъ, не было нарушеній устава питейнаго, лѣснаго и вообще законовъ, касающихся общественаго благочинія и благоустройства. Урядники подчинены станovýmъ приставамъ и получаютъ отъ нихъ словесныя приказанія, объ исполненіи которыхъ доносятъ тоже словесно. Въ инструкцію включены обширныя выписки изъ свода законовъ, которыя урядники обязаны читать какъ можно чаще и разъяснять подвѣдомственнымъ имъ неграмотнымъ сотскимъ и десятскимъ; но пониманія урядниками законовъ вовсе не такъ легко: обширность сферы ихъ дѣйствій, при малочисленности ихъ (5,000 на 1,368 становъ) возьметъ слишкомъ много времени и не дастъ возможности заниматься юридическими бесѣдами съ подчиненными.

Въ Нижнемъ Новгородѣ 15 августа послѣдовало открытіе памятника Кузьмѣ Минину. Въ лицѣ Кузьмы Минина сказывается русь земская, способная жертвовать всѣмъ для спасенія вѣры и отечества, и открытіе теперь памятника такому человеку, какъ Кузьма Мининъ, должно признать дѣломъ чисто народнымъ. Передадимъ здѣсь кстати со словъ корреспонд. Новаго Времени о состояніи ярмарки въ Нижнемъ Новгородѣ: Въ отношеніи своего благоустройства ярмарка хромаетъ; мостовыя, восхваляемыя въ телеграммахъ Международнаго Агентства, находятся въ плачевномъ состояніи, нѣтъ, кажется, той линіи, гдѣ бы онѣ не были поломаны; очистка отъ мусора находится въ рукахъ метельной команды, состоящей изъ нѣсколькихъ человекъ, на содержаніе которой собирается ярмарочной конторой по 50 коп. съ погонной квадр. саж. около лавокъ и другихъ ярмарочныхъ зданій, что составитъ сумму въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей; изъ нихъ, конечно, можно удѣлить и на телеграмму въ „Голосъ“ о прекрасномъ состояніи мостовыхъ и объ образцовой очисткѣ улицъ, тогда какъ, на примѣръ, въ Паниточной линіи мусоръ лежитъ посреди мостовыхъ въ громадныхъ кучахъ.

Взаключеніемъ сообщимъ объ интересномъ открытіи. Близъ берега Волги, недалеко отъ деревни Бережной Увѣкъ, (близъ Саратова) каменщики, нанятые для ломки камня, нашли каменную стѣну и заснѣмъ—цѣлый татарскій городъ, засыпанный землей. Нѣсколько жилищъ уже разобрано, но собственно въ мѣстахъ, гдѣ были стѣны; онѣ состоятъ изъ бутовой кладки толщиной въ 1½ ар., вышнюю нѣсколько болѣе 3 аршинъ и сверху перекрываетъ въ 3 ряда отлично обожженнымъ кирпичемъ, на стѣнахъ этихъ вѣроятно были устроены крыши; подъ ними сдѣланы отводныя канавы подъ сводами изъ камня, а мѣстами изъ гончарныхъ трубъ; нѣкоторыя стѣны сдѣланы изъ

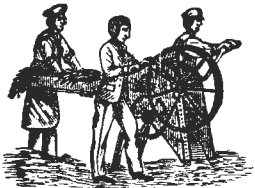
тесанаго камня съ вытескою различныхъ украшеній. Характеръ мѣстности очень напоминаетъ берегъ Волги въ затонѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сползла гора; вѣроятно татарскій городокъ погибъ отъ передвиженія части горы, круто вышшающейся теперь надъ сказанной мѣстностью.

Его Величество Государь Императоръ съ Великими князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами 15 августа выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Ливадію; вскорѣ туда-же послѣдуетъ выѣздъ Государыни Императрицы.

Рѣшеніе ребуса, помѣщеннаго въ № 33 „Нивы“: „Отъ бранной воркотки любой сбѣжить изъ дома;—кому-жъ охота быть виновникомъ содома.

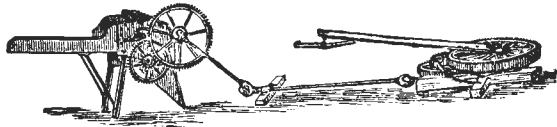
О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

ИЗВѢСТНЫЯ МОЛОТИЛКИ ПО СИСТЕМѢ ВЕЙЛА.

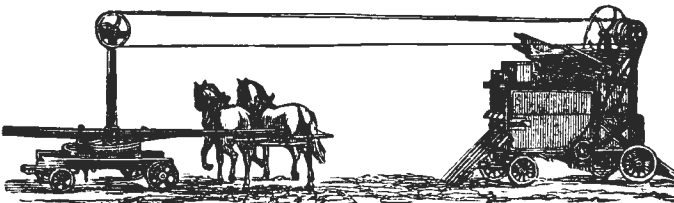

МОРИЦЪ ВЕЙЛЬ младшій
Маш. строительный заводъ
въ Франкфуртѣ % в Германіи
поставляетъ, по желанію франкировано
на границы на первыя станціи русскихъ
жел. дорогъ.

Ручныя молотилки по цѣнѣ отъ 98 руб.

Молотилки съ конными приводами
для 1 и 2-хъ лошадей по цѣнѣ машины отъ 220 руб.

Молотилки съ конными приводами

для 2 4 и 6 лошадей, съ самодѣйствующимъ щинательнымъ аншаратомъ или безъ онаго готовыя со всѣми принадлежностями къ употребленію. Иллюстр. каталоги по желанію бесплатно и франкир. № 183 4—2

ОГОНЧЕНО ПЕЧАТАНІЕМЪ И РАЗСЫЛАЕТ. ПОДПИСАВШ. ИЗДАНИЕ С. И. СОКОЛОВА.
„АКЦИЗНЫЯ УСТАВЫ“ (1862—1878 г.)
ПЕРВОЕ САМОЕ ПОЛНОЕ И ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ.

Уставы: питейный, табачный и сахарный.
Распоряженія по акцизу съ соли.
Всѣ дѣйствующія распоряженія Министрства Финансовъ, Совета Государственнаго Контроля и др. ведомствъ.
Примѣрные образцы и формы по питейному, табачному и сахарному акцизамъ.
Платаніе второе, измѣненное по законамъ и сводному продолженію 1876 г. и дополненное издѣланными распоряженіями по 1-е Юлія 1878 г. Объемъ книги превышаетъ 75 печатныхъ листовъ, или 1200 страницъ убористаго шрифта. Цѣна книги назначается: для подписавшихся до выхода изданія—по три рубля а для новыхъ подписчиковъ—по четыре рубля пятидесяти копѣекъ. аб экземпляръ. Требования адресуются такъ: въ г. Житомиръ Волянской губ. Акцизному Ревизору Соколову. № 197 1—1

СВИДѢТЕЛЬСТВО О ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИНАХЪ.

Я нижеподписавшійся землевладѣлецъ Минской губ. Пинскаго уѣзда имѣнія Кацокъ, Амброзій Гисельовъ Щепановичъ, даю настоящее свидѣтельство привилегированной фабрикѣ земледѣльч. машинъ и орудій находящейся въ Минской губ. Пинскомъ уѣздѣ въ селѣ Достоевъ, Г. А. Екушки и Вилкину въ томъ, что приобретенныя съ ихъ фабрики машины: двѣ молотилки, при одной изъ нихъ находится мельница, представляющая къ тому же молотильному приводу, вѣялка-сортировка ручная,—эти машины въ употребленіи уже болѣе 10 лѣтъ. Машины устройства наилучшаго и простой конструкции, такъ что всякій простой человѣкъ, можетъ сразу пустить ихъ въ дѣйствіе. Молотилки вымолативаютъ превосходно всякій хлѣбъ въ колосьяхъ не оставая нисколько зерна и много стирая солому; Мельница и вѣялка-сортировка превосходно дѣйствуютъ. Обязанностію моею сего благодарить фабрикантовъ и рекомендовать другимъ гг. землевладѣльцамъ, что есть полезныя таковыя машины въ чѣмъ и выдаю сие свидѣтельство 1878 года 3 Августа землевладѣлецъ Амброзій Гисельовъ Щепановичъ. № 193 1—1

№ 176 **ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ И РИМА** 4—4
по преимуществу внутренней жизни
Соч. Андрея Ткачева цѣна 2 ч. 2 р.
Отавы 1876 г. Спб. В. № 63, Голосъ 178, Нов. Вр. 20, Впрж. Вѣд. 94, Женское Обр. 1—2, Пед. Муз. 8, Нед. 13—14, Дѣт. Садъ 5—6 1877 г. Ж. М. Н. Провс. № 3.

„При этомъ № прилагается для гг. многогодныхъ подписч. объявленіе отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Москва. Евг. Петр. Лаврент—ву. Рѣшительно потеряли всякую надежду на полученіе отъ васъ отвѣта на наши многочисленныя письма.

СОДЕРЖАНІЕ; Русская церковь въ XIII вѣкѣ. (съ рисункомъ) Л.—Царь-дѣвица. Историческій романъ. Вс. Соловьева (продолженіе).—Между войною и миромъ (съ рисункомъ) Н. Каразина.—Памятникъ Леонардо-де-Винчи въ Миланѣ (съ рис.) Стр.—Головы и хоботки бабочекъ и мухъ (съ 4-мя рисунками).—Тихія думы (съ рисункомъ) С.—Парижская Всемирная Выставка (съ рисункомъ).—Городъ Новочеркасскъ (съ рисункомъ).—Парходъ «Петербургъ» (бывшій Тюрингъ (съ рисункомъ).—Радиометръ (съ рисункомъ).—Политическія и внутреннія новостія.—Рѣшеніе ребуса.—Почтовый ящикъ.—Объявленія

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

СѢРНЫЯ

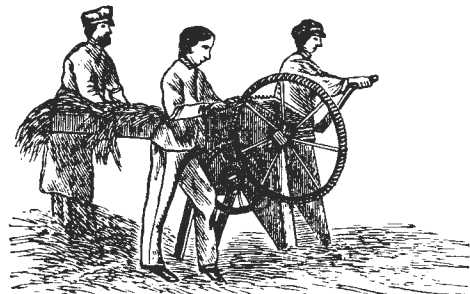
желѣзныя, соляныя, крейцнахскія и другія медіц. ванны въ
Водолечебницѣ Д-ра ЛЕВИСЪ.

въ С.-Петербургѣ, по Мойкѣ близъ Краснаго моста.
Леченіе минеральными ваннами примѣняется тамъ, гдѣ необходимо возстановить силы организма и улучшить питаніе его; во всѣхъ болѣзняхъ золотушнаго свойства, въ ревматизмѣ, параличѣ, периф. страданіяхъ, накожныхъ сыпяхъ, меркуриальномъ худосочи, общей нервозности и бессонницѣ.

ПРИЕМЪ ВОЛЬНЫХЪ ДЛЯ ПРИХОДИЩИХЪ И НА ПОЛНОМЪ ПЕНСИОНѢ.

Водолечебница Д-ра Левисъ открыта въ продолженіи всего года; приемъ больныхъ ежедневно отъ 7 часовъ утра до 5 часовъ вечера. № 196 1—1

УНАЗАТЕЛЬ квартира и прислугъ. Невскій, домъ № 58 кв. № 5 во дворѣ 1-й этажъ. № 200 1—1

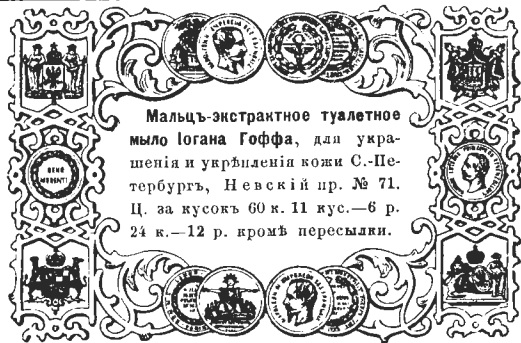
УЛУЧШЕННЫЯ РУЧНЫЯ ШТИФТОВЫЯ МОЛОТИЛКИ,

самыя простыя, прочныя и дешевыя изъ всѣхъ существующихъ системъ. Производительность 200 сноповъ ржи въ часъ.

Иллюстрированные каталоги высылаютъ безплатно товарищество

БУКГАРТЪ И УРЛАУБЪ.

С.-Петербургъ, Вас. остр. 1 л., 14. Москва, Мясницкая, домъ Сытова. Кромѣ того имѣются въ складахъ: № 199 1—1
Вѣялки, сортировки, содоморъванки, конныя грабли, дробилки, насосы, вѣсы для взвѣшиванія скота, лопатки, вилки и т. п. земледѣльческія принадлежности.

Мальцъ-экстрактное туалетное мыло Югана Гоффа, для украшенія и укрѣпленія кожи С.-Петербурга, Невскій пр. № 71. Ц. за кусокъ 60 к. 11 кус.—6 р. 24 к.—12 р. кромѣ пересылки.

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ КЪ РИГѢ,
симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ ДЕРЕВАМЪ, РАСТЕНІЯМЪ и пр.
на 1878—1879 г.
изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы. Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковыя, посылаются каталоги также безплатно, смотря по заявленію на рускомъ языкѣ, или на французскомъ и нѣмецкомъ. № 102 3—1

За 90,000 руб

приносящій 10,500 руб. продается **ДОМЪ** на Васильевскомъ островѣ по 12-й линіи д. № 17. № 194 1—1

№ 36

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 4 Сентября 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
«Нивѣ» принимаются
по 25 к. за строку
нечетныхъ (въ 1/4
ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
Воскресенья) отъ 10 ч.
утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . . . 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ н.
маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг.
города Россіи . . . . . 6 „

Также принимается подписка на 1/2 года съ 1 июля 1878: безъ дост. 2 р., съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія
объявленія въ „Ни-
вѣ“ иногор. по 5 р.
съ тысячи, городскіе
по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи, неудобныя къ
печати, авторамъ не
возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1878 г. №№ «Нивы» со всѣми приложеніями.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ съ 29 рисунками и отдѣльный листъ съ 25 чертеж.
выкроекъ въ натуральную величину и съ 24 рис. руководѣльныхъ работъ.

Общій видъ города Ялты (на южнскъ берегу Крыма). Рис. съ натуры Т. Веберъ, грав. Кава.

Городъ Ялта и его окрестности.

Мы имѣли уже случай помѣстить на страницахъ нашего журнала нѣсколько рисунковъ, изображающихъ виды мѣстностей и зданій на южномъ берегу Крыма. Рисунки эти сопровождалась соответствующимъ описаніемъ, въ которомъ, принимая въ соображеніе размѣры нашего журнала, разсказана исторія жизни въ этой мѣстности, ведущая начало изъ отдаленной древности (См. „Ниву“ сего года №№ 34 и 35 стр. 594 и 605). Помѣщая теперь общій видъ города Ялты и находящейся невдалекѣ отъ нея деревни Дереккой, считаемъ нужнымъ предварительно сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній относительно характера горъ, окаймляющихъ южный берегъ Крымскаго полуострова.

Эти горы защищаютъ южный берегъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ и именно этою самую защитою дѣлаютъ его прелестнѣйшимъ въ климатическомъ отношеніи уголкомъ нашего отечества.

Горы на всемъ протяженіи южнаго берега опускаются къ морю такими крутизнами, которыя представляются отвѣсными скалами. Такое положеніе мѣстности даетъ южному берегу слишкомъ мало долинъ и дѣлаетъ его почти неприступнымъ для кораблей, лишая убѣжища отъ бури. Исключенія составляютъ собственно только Балаклавская бухта и мѣстность около города Ялты. У этого города, видъ котораго помѣщенъ на одномъ изъ нашихъ рисунковъ, есть хотя и не очень значительная, береговая закранна, образующая собою хотя и не большую, но все таки болѣе или менѣе удобную пароходную пристань. Впрочемъ необходимо замѣтить, что ялтинскій рейдъ плохо защищенъ отъ вѣтровъ, въ особенности когда они дуютъ съ востока. Во время значительнаго морского волненія, въ особенности въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ, пароходы вовсе не могутъ останавливаться въ ялтинскомъ рейдѣ. Глубина этого рейда отъ тринадцати до четырнадцати сажень, но она часто, говорятъ, измѣняется: самое дно моря въ этой мѣстности состоитъ изъ ила и песку и представляетъ значительныя неровности. Съ пристани городъ видѣтъ весь, какъ говорится, точно на ладони, но собственно разсматривать въ немъ нечего: интересна самая долина, на которой онъ находится и горы ее окружающія. Здѣсь у Ялты и на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, возвышенности хребта, окаймляющаго весь южный берегъ Крыма, отодвигаются отъ моря почти на 6-ти верстное разстояніе, образуя такимъ образомъ въ этой мѣстности долину, хотя и не очень ровную, перерѣзываемую тамъ и сямъ холмами, болѣе или менѣе возвышенными. Самый городъ расположенъ на берегу моря, какъ видно на нашемъ рисункѣ, снятомъ изъ Массандры. Хребетъ, возвышающійся на упомянутомъ отъ Ялты разстояніи, имѣетъ около 5000 фут. высоты и совершенно защищаетъ городъ отъ сѣвера.

Исторія той мѣстности, на которой находится городъ Ялта, также ведетъ свое начало изъ отдаленной древности. Въ историческія времена Ялта была греческимъ городомъ Ялтией. Такъ называютъ ее и теперь крымскіе греки. Нубійскій географъ XII вѣка, Эдриза, упоминаетъ въ своихъ трудахъ объ этомъ городѣ подъ именемъ города Галиты или Джалиты. Географы среднихъ вѣковъ, а именно XIV стол., называли этотъ городъ *Галита*! Такъ по крайней мѣрѣ назвалъ онъ на нѣкоторыхъ средневѣковыхъ картахъ. За симъ далѣе извѣстно, что мѣстность эта, будучи присоединена Генуэзцами къ своимъ владѣніямъ, была резиденціей ихъ консула и центромъ администраціи. Есть также преданіе о томъ, что на мѣстѣ этомъ была крѣпость, въ XV вѣкѣ разрушенная землетрясеніемъ.

Но отъ этихъ свѣдѣній, доходящихъ до насъ изъ далекой древности и недающихъ болѣе или менѣе яснаго представленія о томъ положеніи, которое занимала когда-то Ялта, перейдемъ къ ея недавнему прошлому. Это прошлое, а именно основаніе самаго города Ялты, относится къ 1838 году. Въ этомъ году бывшій намѣстникомъ Кавказа и главнымъ начальникомъ Новороссійскаго края, князь Воронцовъ, сдѣлалъ Ялту уѣзднымъ городомъ. Сдѣлано это было съ цѣлю оживить южный берегъ Крыма; но переименованіе незначительнаго мѣстечка въ городъ не могло одно само по себѣ дать ему жизни. Городъ остался въ такомъ же печальномъ запустѣніи, въ какомъ былъ и ранѣе и оставался бы можетъ быть такимъ и въ настоящее время, если бы Императорская фамилія не начала съ 1861 г. посѣщать Ливадію. Такимъ образомъ оказывается, что для развитія жизни въ той или другой мѣстности, у насъ требуется прежде всего указаніе свыше, дающее тонъ и направленіе обществу.

Городъ Ялта имѣетъ всего только двѣ улицы: одна составляетъ набережную, на которой находятся лучшія постройки города и бульваръ, а другая идетъ отъ берега нѣсколько въ гору, гдѣ помѣщается базаръ, лавки, кофейни и т. под. Набережная могла бы быть очень красивой улицей, если бы здѣсь не сваливалась въ море всякая грязь, дающая мѣстами о себѣ знать весьма значительными зловоніями. Гулять по этой набережной можно, только необходимо избѣгать ея окраинъ, куда и безъ того недалекозоркій глазъ мѣстной стражи вовсе не проникаетъ. Что же касается чистоты второй улицы, идущей въ гору, то здѣсь ее искать вовсе нечего. Небольшая церковь находится на возвышенности, среди кннарисовъ и густой зе-

леци и придаетъ Ялтѣ много красоты; здѣсь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ церкви есть кладбище, на которомъ находятъ успокоеніе многіе изъ пріѣзжающихъ въ Ялту некакъ возстановленія своего разстроенаго здоровья. Климатъ южнаго берега Крыма несомнѣнно можетъ быть полезенъ для слабогрудыхъ; но пріѣзжающіе туда съ значительнымъ развитіемъ чахотки, конечно, отъ нея не излѣчиваются. Ихъ пріѣздъ приноситъ пользу болѣею частью только докторамъ, какъ всегда и вездѣ, болѣющимъ искусникамъ на утѣшенія и возстановленіе здоровья своего собственнаго кармана.

Дачь вокругъ Ялты, и вблизи, и вдали отъ нея, весьма много. Всѣ эти большія и маленькія, красивыя и уродливыя дачи окаймляютъ берегъ, и есть предположеніе, что всѣ онѣ на разстояніи отъ Ливадіи до Ялты будутъ включены въ скоромъ времени въ составъ этого города. Ялта все таки служитъ теперь главнымъ центромъ южнаго берега, къ которому стекаются пріѣзжающіе въ Крымъ, но образованіе этого центра зависитъ во всякомъ случаѣ не отъ мѣстныхъ условій Ялты, благоприятныхъ для жизни, а исключительно оттого, какъ мы замѣтили выше, что вблизи ея находится Ливадія, и пріѣздъ царственныхъ особъ влечетъ въ сосѣднюю Ялту массу той части публики, изъ которой одна половина бессознательно гонится за модными мѣстами, а другая ищетъ случая при посредствѣ этихъ модныхъ мѣстъ устроить своя личныя дѣлшки. Кому же неизвѣстно, что для пользованія благодатнымъ воздухомъ южнаго берега и для купанья въ морѣ можно найти и другія мѣста кромѣ Ялты; но извѣстный сортъ публики находитъ нужнымъ лучше тѣсниться въ Ялтѣ, нежели жить гдѣ нибудь не *въ модномъ* мѣстѣ. Ежегодно увеличивающійся приливъ посѣтителей Ялты способствуетъ, конечно, и увеличенію числа построекъ въ ней. Въ послѣднее время, кромѣ многихъ небольшихъ дачъ, въ Ялтѣ устроилось нѣсколько гостиницъ. Теперь уже есть возможность найти сколько нибудь приличное помѣщеніе и не платить дикихъ цѣнъ домовладѣльцамъ, жаждущимъ какъ можно болѣе сорвать съ пріѣзжающихъ. Одна изъ гостиницъ, Эдинбургская, устроена въ подражаніе заграничнымъ гостиницамъ. Другая устроена образованнѣе въ 1873 году товариществомъ для содѣйствія къ распространенію удобствъ жизни въ Ялтѣ. Учредителями этого товарищества были г.г. Струве, князь Воронцовъ, лейб-медики Боткинъ и Карель, баронъ Врангель, и Чихачевъ. Товарищество принимаетъ соответственныя мѣры къ облегченію пріѣзжающимъ разѣздовъ по Ялтѣ и окрестностямъ въ экипажахъ и верхамъ; способствуетъ учрежденію удобнаго сообщенія между Ялтой и Севастопольскою желѣзною дорогою; прилагаетъ старанія къ доставленію пріѣзжающимъ какъ для пользованія, такъ и для развлеченія необходимыхъ для жизни удобствъ. Оно устроило также водоснабженіе города.

Для морскихъ купаній въ Ялтѣ устроена общественная купальня съ отдѣленіями для дамъ и мужчинъ, по 14 №№ въ каждомъ. Тутъ-же устроены души и теплыя ванны. Но купанья въ Ялтѣ не представляютъ хорошаго: вода зачастую бываетъ подозрительной мутности, что объясняется некою нашею русскою небрежностію въ устройствѣ городскихъ стоковъ для спуска нечистотъ. Тотъ, кто желаетъ отивариться на южномъ берегу Крыма собственно для морскихъ купаній, найдетъ тамъ много мѣстъ, кромѣ Ялты, гдѣ купаться въ морѣ значительно удобнѣе.

Выше мы замѣтили, что ялтинская долина представляетъ одну изъ прелестнѣйшихъ мѣстностей южнаго Крыма, (послѣ долины Байдарской, о красотѣ которой, конечно, не разъ слышали наши читатели). Въ ялтинской долинѣ лежатъ три деревни, находясь отъ Ялты въ разстояніи одной и двухъ верстъ. Деревни эти: Аутка, Ай Василь и Дереккой. Видъ этой послѣдней деревни, именно Дереккой, помѣщенъ въ настоящемъ № Нивы. Дорога къ этимъ деревенькамъ очень хорошая, и не только въ экипажѣ, но и въ пѣшкомъ, можно сдѣлать по ней хорошую прогулку. Роскошная растительность встрѣчается на каждомъ шагу; рѣдкое красивое мѣстоположеніе среди горъ; съ шумомъ бѣгущіе горные ручьи—все это вмѣстѣ выигое составляетъ гуляющимъ много пріятныхъ часовъ. Кромѣ того, довольство и занятость обитателей этихъ деревень, оставляя въ ихъ посѣтителяхъ хорошее впечатлѣніе. Деревня Аутка находится въ сѣверо-западной части ялтинской долины. Она раскинулась весьма красиво на скалистой возвышенности, спускаясь внизъ амфитеатромъ. Эта деревенька, какъ прежде, такъ и теперь, болѣею частью заселена греками; но въ послѣднее время, при значительно увеличившемся наплывѣ публики въ Ялту, въ Ауткѣ осталось весьма не много простыхъ домиковъ. На мѣстѣ ихъ появились дачи разныхъ владѣльцевъ. Дачи эти отдаются въ наймы, но нельзя не замѣтить, что онѣ здѣсь также дороги, какъ и въ Ялтѣ, впрочемъ воздухъ въ Ауткѣ чище ялтинскаго. Въ Ауткѣ двѣ православныя церкви, построенныя вмѣсто существовавшихъ здѣсь двухъ греческихъ церквей. Въ одной изъ этихъ церквей богослуженіе совершается по-русски и по-гречески.

Деревня Ай Василь находится въ глубинѣ долины, между

холмами, которые покрыты превосходными орѣховыми деревьями. Изображенная на нашемъ рисункѣ деревня Дерекоя также какъ и первыя двѣ, имѣетъ много садовъ, въ которыхъ не мало орѣховыхъ и каштановыхъ деревьевъ значительныхъ размѣровъ. Превосходные сады Ай Василя и Дерекоя даютъ лучшіе фрукты Ялтѣ: арабскіе персики, каштаны, фундуки, инжиръ и проч. Дорога къ Ай Василю и всѣ окрестности Ялты съ этой стороны имѣютъ видъ превосходнаго парка съ великолѣпными деревьями и каскадами.

Прежде эти селенія составляли одно большое греческое селеніе Св. Василя, и теперь еще сохранилась въ нынѣшней деревнѣ небольшая греческая церковь, при раскопкахъ которой нашли надпись, указывающую, что она была построена въ XV вѣкѣ. Обѣ деревни въ настоящее время заняты татарами, которые также отдаютъ помѣщенія въ своихъ домахъ для пріѣзжающихъ.

Въ 5 верстахъ отъ Ялты въ глубокой долинѣ, находится водопадъ Учанъ-су, (легучая вода), и близъ него древній замокъ. Дорога къ нему идетъ сначала рѣчкой посреди дачъ, затѣмъ поднимается и выходитъ на прекрасную экипажную дорогу, устроенную изъ Ливадіи. Дорога къ замку поворачиваетъ за четверть часа ѣзды къ водопаду направо внизъ; она также экипажная. Крѣпость или укрѣпленный замокъ Учанъ-су Исаръ стоитъ на отдѣльной и очень высокой скалѣ и судя по уцѣлѣв-

шимъ остаткамъ стѣнъ, имѣла форму длиннаго четвероугольника съ округленными углами и узкими длинными просвѣтами.

Въ № 23 Нивы за 1876 годъ былъ помѣщенъ рисунокъ водопада Учанъ-су съ его описаніемъ (см. стр. 395 и 401), почему мы считаемъ излишнимъ здѣсь къ нему возвращаться.

Отъ Ялты вдоль всего южнаго берега до самой его оконечности проведено превосходное южно-бережское шоссе и простирается далѣе черезъ горный хребетъ въ Байдарскую долину до Севастополя. Такимъ образомъ путешественники могутъ пріѣзжать въ Ялту сухимъ путемъ изъ Севастополя. Устройство южно-бережскаго шоссе было начато въ 1832 году по распоряженію начальника Новороссійскаго края князя Воронцова и окончено въ 1837 году къ пріѣзду въ Крымъ покойнаго Императора Николая. Дорога идетъ мѣстами подъемами, спусками, извиляется въ виду моря красивыми извилинами; прочныя мосты перекинуты черезъ пропасти, перила и каменные стѣнки ограждаютъ въ опасныхъ мѣстахъ. Дорога эта замѣтельна искусствомъ ея проложенія и въ тоже время необыкновенной картинностью. Вообще природа щедро одарила Крымъ разными дарами, а южный берегъ—краса Тавриды, и можетъ быть въ будущемъ онъ будетъ имѣть для Россіи значеніе не одного только прекраснаго мѣста въ климатическомъ отношеніи....

L.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ.

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

IX.

Малыгинъ исполнилъ свое обѣщаніе, данное Любѣ: во всю остальную дорогу онъ хранилъ ее, какъ зѣяницу ока, хотя и старался не показывать виду окружающимъ, что обращаетъ особенное вниманіе на „парнишку“. Но гдѣ бы онъ ни былъ—далеко ли отъ того вѣза, на которомъ сидѣла Люба, или возлѣ, она чувствовала, что его зоркій глазъ слѣдитъ за нею, и что при малѣйшей опасности онъ будетъ защищать ее. И ей отрадно было это сознаніе, эта увѣренность въ его помощи.

Она держала себя непринужденно: сама не навязывалась конечно стрѣльцамъ съ разговорами, но если съ ней заговаривали, отвѣчала охотно и весело. Только съ приближеніемъ къ Москвѣ въ ней начинало сказываться все большее и большее волненіе. Ея щеки то вспыхивали, то блѣднѣли. Она начала задумываться, иной разъ не впадѣвъ отвѣчала на обращенныя къ ней фразы, но конечно стрѣльцы ничего этого не замѣтили—какое имъ было дѣло до „парнишки.“

Вотъ и Москва. Сердце Любы тревожно забилося, она приподнялась на возу и вперила блестящій, зоркій взглядъ передъ собою. Утреннее солнце заливало свѣтомъ окрестность. На голубомъ небѣ все яснѣе и яснѣе вырѣзались городскія строенія. У Любы духъ захватилъ отъ чудной, невиданной картины, которая ей представилась: они тогда въѣхали на пригорокъ - и сразу вся Москва открылась передъ ними.

Громадный, безконечный городъ черпѣлся десятками тысячь домовъ, среди которыхъ, по всѣмъ направленіямъ, высились каменныя церкви и сверкали на солнцѣ своими золоченными куполами. А посреди города возставало что-то дивное, таинственное.

— Это что такое? съ дрожью въ голосѣ спросила Люба.

— Кремль, отвѣтили ей.

И она не могла оторваться отъ бѣлой каменной твердыни, которая часто, давно ужъ, являлась ей въ грезахъ. Но ея грезы оказались блѣдными передъ дѣйствительностью: башни, церкви и наконецъ громадная бѣлая колокольня Ивана великаго, куполъ которой казался Любѣ огромнымъ золотымъ шаромъ, казался вторымъ, взшедшимъ на небѣ, солнцемъ...

Чудное жилище, достойное Царь-дѣвицы! Любѣ за-

хотѣлось скорѣй, сейчасъ туда. Но это было невозможно—стрѣльцы не въѣхали даже въ черту города и остановились въ одной изъ слободъ, гдѣ были дома ихъ.

Малыгинъ проводилъ Любу къ себѣ въ домъ, а самъ отправился отдавать отчетъ начальству въ возложенномъ на него порученіи.

Не безъ сердечнаго замиранія стала дожидаться Люба своего новаго друга и рада была радешенька, что онъ человѣкъ одинокій, что некому ее теперь разспрашивать. Ей хотѣлось остаться одной, сообразить въ тишинѣ и на свободѣ все, что ей предстояло...

И вотъ она одна. Она замкнулась въ свѣтлой, чисто прибранной горницѣ, которую указалъ ей Малыгинъ. Никто ее не тревожитъ, а между тѣмъ не можетъ собраться она съ мыслями—какая-то одурь нашла на нее: вмѣсто мыслей въ головѣ что то странное, спутанное, что мечется передъ нею. Хочетъ Люба схватить на лету одну мысль, а она не дается, замѣняется другою, но и та тоже сплѣшится влѣдъ первой. А время идетъ не видно и не слышно, и не знаетъ Люба, сколько прошло его, скоро ли вернется Малыгинъ и съ какими вѣстями.

Малыгинъ вернулся нескоро, часовъ черезъ пять, уже подъ вечеръ. Подошелъ къ двери, окликнулъ Любу—та не отвѣчается, сталь стучаться—не слышитъ.

„Ахти! ужъ не случилось ли чего съ нею? Упаси Господи!“ испуганно подумалъ молодой подполковникъ и поблѣднѣлъ даже. Рванулъ дверь и отъ усилія его крѣпкой руки, чуть не соскочивъ съ петель, дверь распахнулась.

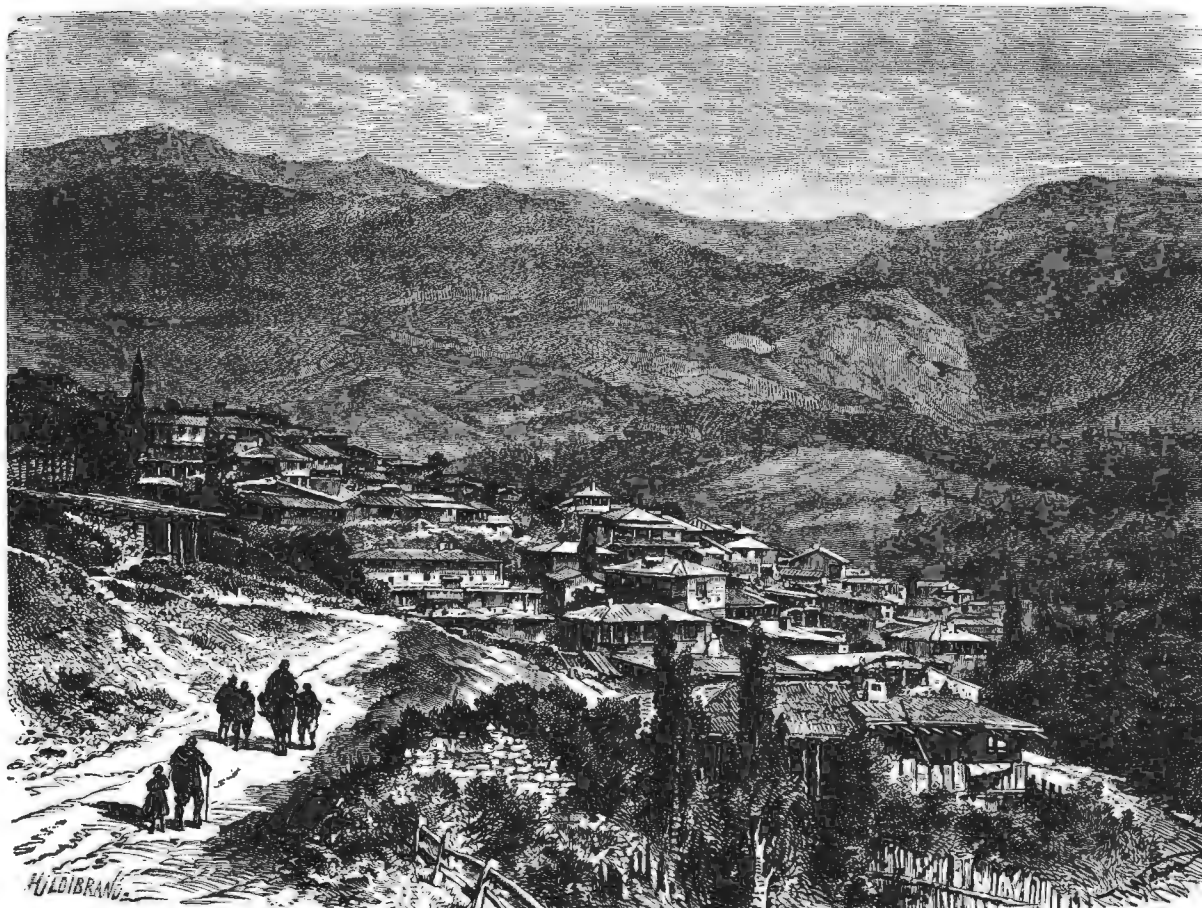
Малыгинъ вошелъ въ горницу, видитъ—Люба лежитъ какъ была, въ своемъ кафтанѣ съ закутанной платкомъ головою, лежитъ не шевелится.

Съ почти остановившимся отъ страха сердцемъ подошелъ къ ней хозяйнѣ.

„А вдругъ отдала Богу душу, что тогда?“

Наклонился надъ нею, нѣтъ—жива, жива! такъ мѣрно, сладко дышетъ, на щекахъ яркій румянецъ. Спитъ красавица и во снѣ улыбается.

„Слава тебѣ Господи! отошло отъ сердца“. Малыгинъ тихонько склонился надъ Любой и долго не рѣшался разбудить ее, долго любовался ея красотой. Вотъ онъ пагнулъ еще ближе, прислушался, оглядѣлся во всѣ стороны, будто боится, что кто нибудь за

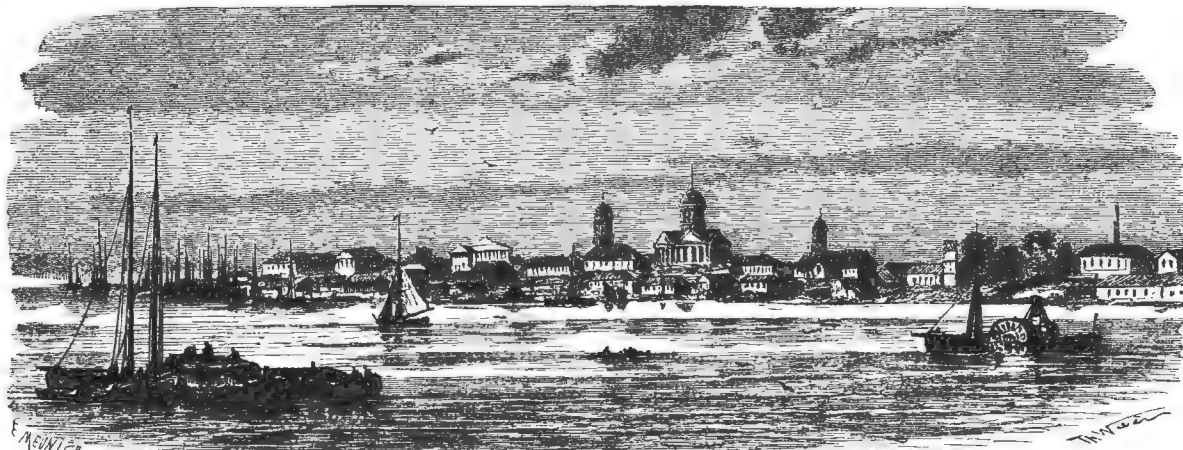
Видъ татарской деревни Деренкой близъ Ялты. Рис. Т. Веберъ, грав. Гильдебрандтъ.

Народы Россіи: Лифляндскіе крестьяне. Рис. Фламанъ, грав. Паннемаверъ.

нимъ подсматриваетъ, и быстро коснулся щеки Любы своими горячими губами.

Родимицей она прозывается, — баба шустрая, разумная, вашего поля ягода, я ее не первый годъ знаю—пу

Общій видъ г. Кременчуга. Рис. Веберъ, грав. Каво.

Ея мѣрное дыханіе перервалось на мгновеніе, она такъ вотъ разсказалъ ей все про тебя. Она съ радостью взялась за твое дѣло и обѣщалась нынче побывать, повидаться съ тобой. Да чай, теперь скоро и будетъ.

— Вставай, гсударыня Любушка, вставай, громкимъ, счастливымъ голосомъ заговорилъ Малыгинъ, беря ее за руку.

Она очнулась, улынулась ему со сна ласковой и нѣжной улыбкой и поднялась на ноги.

— Ахъ! прости ты меня, Николай Степановичъ, садившись сказала она, — вотъ какъ уснула, ничего не слышала, видно устала дорогою.

— Это хорошо— съ дороги поспать всегда нужно, говорилъ какимъ-то растеряннымъ голосомъ хозяинъ. Ты то вотъ прости меня— оставилъ я тебя одну, чай ты проголодалась? Да видитъ Богъ, слѣшилъ я, только раньше никакъ не могъ вернуться. По твоему дѣлу былъ: все устроилъ.

— Какъ? что? что устроилъ? встрепенулась Люба. Говори, Христа ради, не томи ты меня, Николай Степановичъ!

— А то устроилъ, что былъ во дворѣ царскомъ, видѣлся съ постельницей царевны, Феодорой,—

Люба такъ обрадовалась этой вѣсти, что даже не чувствовала голода, хоть съ утра ничего не ѣла. Какъ ни угощала ее добрый хозяинъ разными яствами—отъ всего она отказывалась, только нетерпѣливо ходила изъ угла въ уголъ, да спрашивала, скоро-ли придетъ та постельница.

— Скоро, скоро, съ улыбкою отвѣчала Малыгинъ, не спуская глазъ со своего неожиданнаго гостя.

День этотъ задался для Любы счастливымъ:— не успѣла она вдоволь намучиться ожиданіемъ, какъ раздался стукъ въ наружную дверь домика Малыгина и черезъ нѣсколько мгновеній, передъ смущенной и взволнованной Любой, явилась таинственная, такъ страстно ожидаемая Родимица.

Родимица была молодая вдова лѣтъ двадцати трехъ не больше, красивая и стройная, съ про-

Народы Россіи: Курляндскіе крестьяне. Рис. Фукъ, грав. Шанюпо.

долговатыми черными глазами и смуглымъ лицомъ, черты и выраженіе котораго сразу указывали на ея южное происхождение: она была украинской козачкой.

Громко смѣясь и показывая два ряда своихъ бѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ, Родимица подошла къ Любѣ, поклонилась ей, потомъ поцѣловала ее въ обѣ щеки.

— Ахъ ты мое дитяtko, смѣясь, говорила она, дай-ко посмотрѣть на тебя. Ишь ты, и впрямь красавица, не обмануль Никола, а я, признаюсь, ему не повѣрила было—думала съ пьяна болтаешь. И какъ это тебя, гарная дивчина, на такое дѣло диковинное стало, расскажи-ко мнѣ сама, все по ряду, а то Никола-то болталъ много, да може и отъ себя выдумалъ... Хочу тебя слышать, чтобъ такъ, съ твоихъ словъ, и передать все государынѣ царевнѣ...

Люба принялась рассказывать свою исторію. И говорила она на этотъ разъ съ радостью и восторгомъ, а Родимица ее внимательно слушала, сверкая своими черными глазами и только иногда перебывая Любу.

— Ахъ, бисъ ихъ дядька, какіе злющіе! повторяла она, слушая о притѣсненіяхъ, испытанныхъ Любою.

— Добре! добре, Любуша! вотъ такъ люблю, хорошо ты отдѣлала злющую бабу, жаль—мало волосъ у ней выдрала! Ишь ты, холопка, бить тебя вздумала, право жаль, мало ты ее отдѣлала. Ужь я бы на твоёмъ мѣстѣ себя не пожалѣла, а расписала бы ей образину на память. Ну да что тутъ толковать—Богу благодареніе, все теперь кончилось! Пускай они хоть какую погоню за тобой посылають, мы тебя не выдадимъ, а если что, такъ имъ достанется—этимъ Перхуловымъ. До Царя пойдемъ, ему принесемъ челобитную—такъ твой злодѣи будутъ въ большомъ отвѣтѣ—царь нашъ батюшка, Федоръ Алексѣевичъ, милостивъ да жалостливъ, зла такого не потерпитъ.

— А Богъ съ ними! Богъ съ ними! тихо отвѣтила Люба,—я имъ ничего дурнаго не желаю: не жаловаться пришла на нихъ, пусть себѣ живутъ какъ хотятъ, только бы мнѣ къ нимъ не вернуться, только бы мнѣ теперь увидѣть ясныя очи царевны.

— Увидишь, увидишь! отвѣтила Родимица. Вотъ и сейчасъ бы взяла тебя съ собою, да только нѣтъ—нынче нельзя этого сдѣлать, нынче весь вечеръ у насъ комедійное дѣйство и царевна моя тамъ. А вернется поздно въ свой теремъ и прямо въ постель. Взяла бы тебя переночевать я къ себѣ въ горницу, да и то не ладно—начнутъ разспросы:—что такое? зачѣмъ? откуда? Пойдутъ языки чесать, а я этого страхъ не люблю, да и доложить какъ нибудь не такъ царевнѣ, дѣло-то намъ и попортятъ. Ужь лучше ты, моя ясочка, останься здѣсь у Никола, онъ парень добрый, смиренный, авось тебя не забудитъ, да и голову свою пожалѣть долженъ тоже. А я завтра утромъ, какъ проснется царевна, сейчасъ же обо всемъ доложу ей, и коли она что прикажетъ, такъ и прибѣгу за тобою.

На томъ онѣ и порѣшили.

Прощаясь, Люба крѣпко обнимала Родимицу, благодарила ее какъ только умѣла, и онѣ разстались, очевидно очень понравившись другъ другу.

Люба, не смущаясь, помышляла о томъ, что должна остаться до завтра въ домѣ Малыгина. Хотя она ничуть не меньше прежняго рвалась къ Царь-дѣвицѣ, но все же ей жалко было подумать о томъ, что придется разстаться съ Николаемъ Степановичемъ, не видѣть его, не слышать его голоса! О томъ же, что неприлично ей, дѣвицѣ, проводить ночь въ домѣ одинокаго и молодого мужчины, она не думала. Она хорошо понимала, что если теперь ей думать о томъ, что пристало ей и что не пристало, о томъ, что позволено и что зазорно дѣвушка ея лѣтъ, такъ давно она всеми своими поступками, своимъ бѣгствомъ, переодѣваньемъ, путешествіемъ въ стрѣлецкомъ обозѣ заслужила себѣ позоръ и такой срамъ, котораго во всю жизнь не из-

будешь. Да, позоръ и срамъ, за который прокляла бы ее мать, еслибъ была въ живыхъ.

Но вотъ вѣдь ей не душно и не тошно отъ этого позора, не стыдно въ глаза смотрѣть добрымъ людямъ, а напротивъ, всѣмъ въ глаза смотрѣть хочется, хочется всѣмъ броситься на шею и рассказать о томъ, какъ она счастлива, какъ широко, привольно, жутко и сладко на душѣ у нея, какъ будто она только теперь, только сейчасъ вышла на свѣтъ Божій изъ душнаго, смраднаго подземелья. Такъ пусть же ее Господь Богъ судить за этотъ срамъ и позоръ! Авось онъ не осудитъ и помилуетъ!

Николай Степановичъ крѣпко на крѣпко заперъ свой домикъ, не впуская въ него не разъ стучавшихся по-сѣтителей и до поздняго вечера толковалъ со своей гостьей, отвѣчалъ охотно и радостно на всѣ ея вопросы. А вопросы у нея было много—обо всемъ то она знать хотѣла: какъ здѣсь живутъ и что дѣлають.

На ночь онъ предоставилъ ей свою спальню, въ которой она могла замкнуться, а самъ ушелъ въ дальній маленькій покойчикъ.

X.

На слѣдующее утро, едва Люба успѣла умыться и Богу помолиться, едва разговѣлась она съ Николаемъ Степановичемъ чѣмъ Богъ послалъ и выкушала горячаго сбитню, какъ явилась бойкая Родимица и явилась то она еще радостнѣе, еще веселѣе чѣмъ вчера.

— Собирайся, Любуша, собирайся! съ перваго слова заговорила она,—выгорѣло твое дѣло: царевна ждетъ тебя не дождется. Я еще вчера вечеромъ, какъ вернулась она съ комедійнаго дѣйства, рассказала ей твою исторію, такъ ужъ бранила она меня, бранила за то, что не взяла я тебя съ собою. Хотѣла даже обратно посылать меня!.. Едва я отговорила, что больно поздно и караульные не пропустятъ. А теперь проснулась она, матушка,—и сейчасъ же за тобою!

Люба вся вспыхнула отъ радости.

— Что-жь, я сейчасъ! Я готова, заторопилась она и вдругъ примолкла.

— Да какъ же я пойду такъ? въ этомъ кафтанѣ?

— Эхъ, и я то тоже хороша! всплеснула руками Родимица, не догадалась, не захватила съ собою тебѣ одежды. Ну да ничего, парнемъ пошла ты до царевны, парнемъ и приходи къ ней, и такъ проведу! Такъ то почитай что и лучше—царевна по рассказу моему и представляеть себѣ тебя хлопчикомъ, а вдругъ увидѣла бы дѣвушку... Нѣтъ—такъ лучше! Идемъ. Простись вотъ съ Николой-то.

Николай Степановичъ стоялъ тутъ же, опустивъ руки, и лицо у него показалось Любѣ такое скучное. У нея, у самой, при послѣднихъ словахъ Родимицы, упало сердце.

Она робко и вся вспыхнувъ подошла къ Малыгину, низко поклонилась ему.

— Прости, Николай Степановичъ,—сказала она дрогнувшимъ голосомъ,—прости, Богъ дастъ скоро свидимся, а я до гроба буду молиться за тебя, не забуду во вѣкъ твоей доброты и ласки.

И она опять поклонилась. Ей хотѣлось бы еще много сказать ему, ей хотѣлось бы сказать, что онъ первый человекъ, который и говорилъ съ ней, и смотрѣлъ на нее, и относился къ ней по-человѣчески и что она перваго его полюбила всѣмъ сердцемъ своимъ. Ей хотѣлось бы безъ словъ передать ему то новое и отрадное чувство, которое родилось въ ней съ первой минуты ихъ встрѣчи и которое она сама еще не могла уяснить себѣ.

Но въ присутствіи Родимицы ей невозможно было произнести ни одного слова больше, потому что все, что она хотѣла сказать ему, все, что она хотѣла дать понять ему, было такъ высоко и свято, что высказать

это только можно было безъ свидѣтелей, передъ однимъ лишь Богомъ.

— Прощай! тихо выговорилъ ей въ отвѣтъ Малыгинъ. Благодарить тебѣ меня не за что—кто-жь бы я былъ, еслибъ тебя обидѣлъ? А что переночевать-то тебѣ далъ у себя, такъ вѣдь вонъ и Лукьянъ медвѣдковскій, и старикъ Еремѣй тоже сдѣлали, не объѣла ты меня, не обездолила. Объ одномъ буду просить я тебя, государыня Любушка, ужь позволь ты мнѣ хоть изрѣдка видѣть очи твои ясныя, не прогони ты меня, коли зайду освѣдомиться о твоёмъ здравіи.

— Да ужь ладно, ладно,—вмѣсто Любы отвѣтила Родимица,—не расписывай, Никола—знаемъ, теперь ты зачастишь къ намъ, ну такъ что-жь, мы тебѣ рады—вѣдь такъ, Люба, не будемъ гнать его?

Люба только опустила свои длинныя рѣсницы и ничего не промолвила—у нея вдругъ во рту пересохло, языкъ не слушался, а сердце такъ и стучало.

Родимица лукаво взглянула на Малыгина, потомъ на Любу, сдѣлала имъ какой-то неувимый знакъ, отъ котораго они оба зардѣлись, и стала надѣвать свою шубку.

— Ну, съ Богомъ! мигомъ доватимъ. Царевна для меня саночки запретъ приказала.

Еще разъ, сама не замѣчая того, долгимъ и ласковымъ взглядомъ глянула Люба на Николая Степановича и послѣдовала за Родимицей.

Расписныя, красивыя пошевни дожидались ихъ у воротъ. Онѣ усѣлись въ нихъ, ямщикъ гаркнулъ, и пара бойкихъ лошадей понесла ихъ по ухабамъ улицъ.

На дворѣ стояла весенняя оттепель, свѣтъ почернѣлъ совсѣмъ, быстро таялъ, кое-гдѣ образовались глубокия лужи. Санки то и дѣло подбрасывало, Родимицу и Любу обдавало грязной водою, но Люба ничего не замѣчала, ничего не видѣла. Она боялась даже думать о томъ, что ее ожидаетъ—отъ этого ожиданія у нея голова кружилась.

Сани все мчались. Стрѣлецкая слобода осталась далеко позади.

Вотъ вѣхали въ одну изъ самыхъ людныхъ частей города. Ямщикъ постоянно заворачиваетъ то направо, то налево по переулкамъ и закоулкамъ; то приходится взбираться на горку, то спускаться въ ложбинку. По обѣимъ сторонамъ улицы низкія, почернѣвшія строенія идутъ въ перемежку съ боярскими хоромами, красующимися затѣйливой рѣзбою. Вокругъ хоромъ сады; чуть не на каждомъ перекресткѣ церкви, и деревянные, и каменные; народу на улицахъ видимо не видно; давка, гамъ и гвалтъ, какъ на базарѣ. Вотъ слышится перекрестная брань, вотъ драка; подъ самыхъ лошадей подкатываются дерущіеся, ничего не видя, нанося другъ другу удары. Ямщикъ хлещетъ на право и на лѣво пѣшеходовъ, они провожаютъ его бранью.

Эти крики, шумъ, пестрая толпа пробуждаютъ Любу изъ ея оцѣпенѣнія, она съ изумленіемъ всматривается и вслушивается.

«Что это такое? какая безтолочь, какой безпорядокъ! Ну какъ тутъ, думается ей, быть одной женщиной? Невредимой и необиженной до дому не добратся.

Совсѣмъ не такую представлялась ей московская жизнь въ былыхъ грезахъ.

Проѣхали еще нѣсколько улицъ,—и передъ Любой Кремлевскія ворота. Въ Кремль народу меньше, и замѣчается больше порядка.

Люба глядитъ съ изумленіемъ на чудныя постройки, на величественныя храмы.

— Что, хорошъ нашъ Кремль? спрашиваетъ ее Родимица.

— Ахъ, ужь такъ хорошъ, такъ хорошъ, что и словъ нѣтъ! отвѣчаетъ Люба. Что-жь, далеко еще до герема царевны?

— А вотъ погоди, мы сейчасъ остановимся—изъ са-

нокъ то нужно вылѣзть да пѣшкомъ идти, чтобъ насъ не очень замѣтили. Пока еще что, такъ втихомолку то лучше. Остановись-ка, Саввушка, обратилась Родимица къ ямщику.

Тотъ осадилъ лошадей, и онѣ вышли изъ санокъ.

— Погоди, постой, Любуша, ишь вѣдь ростепель, грязь-то какая стала! Думала, намъ кругомъ пройти, да нѣтъ—по колѣно увязнешь, придется черезъ царскій дворъ. Ну что-жь—не бѣда—и тамъ проскользнемъ,—говорила Родимица, глядя собѣ подъ ноги и выбирая, гдѣ свѣтъ покрѣиче, гдѣ лучше пройти можно.

Люба шла за ней слѣдомъ. Скоро онѣ вошли въ калитку большихъ каменныхъ воротъ и очутились передъ дворцомъ. Люба стала было оглядывать зданіе, но Родимица шепнула ей:

— Ты не больно глазѣй-то,—успѣешь наглядѣться. А вотъ пробирайся сторонкой у стѣнки, чтобъ тебя не замѣтили, не то какъ разъ каша заварится: кому еще на глаза попадешься!

И онѣ дѣйствительно стали пробираться по стѣнкѣ.

Чѣмъ ближе къ дворцовому крыльцу, тѣмъ народу становилось больше и больше. Царскій дворъ при Федорѣ Алексѣевичѣ представлялъ такую же картину, какъ и сто лѣтъ до того; здѣсь вѣчно толпились до двухъ тысячъ разнаго люда, изъ котораго большинство такъ и назывались площадными, т. е. имѣвшими право пребывать на царскомъ дворѣ. Были тутъ и жильцы, дворянскіе, дьячьи и подъяческія дѣти—всѣ тѣ, кто не имѣлъ права входить въ переднюю, или кто шелъ въ нее, да останавливался на дорогѣ покалякать.

Съ изумленіемъ замѣтила Люба, что здѣсь, на царскомъ дворѣ, опять нѣтъ тишины и порядка, точь въ точь какъ на улицахъ: крикъ и гамъ страшныя; никто, очевидно, не стѣсняется.

Вотъ сошлись два пожилыхъ человѣка, взглянули другъ на друга и оба остановились. Ихъ до того времени спокойныя и степенныя лица мгновенно исказились злобнымъ чувствомъ. Еще мгновение и одинъ изъ нихъ показалъ кулакъ другому.

— А! такъ ты на меня ябеду! проговорилъ онъ, или, вѣрнѣе, прошипѣлъ,—что-жь—хорошо! Пуцай. Только смотри ты, Егорка, какъ бы та ябеда тебѣ же въ шею не вѣспилась! Тяжбу то заварить не трудъ какой, а вотъ какъ ты ее расхлебашь. Ты думаешь, на тебя ужь ни суда, ни расправы нѣту? анъ я и самъ то зубастъ, еще не дамъся!.

— Да чего ты, чего ты ко мнѣ придираешься? отвѣчалъ такимъ же шипящимъ голосомъ соперникъ.—Чего мнѣ кулакъ-то свой поганый кажешь. У меня, братъ, у самого два кулака, оба на тебя годятся.

И при этомъ поднимаются два кулака, чуть не къ самому лицу противника. Тотъ не можетъ этого вытерпѣть.

— А, такъ ты драться!

— Я то не дерусь, это ты задираешь!

— А! такъ ты драться!

И между соперниками завязывается драка. Они неправдоподобно колотятъ другъ друга, колотятъ до тѣхъ поръ, пока находятъ это пріятнымъ. И никто ихъ не разнимаетъ. Напротивъ, десятка два такихъ же почтенныхъ и солидныхъ съ виду особъ, какъ и они, окружаютъ ихъ, смотрятъ съ очевиднымъ удовольствіемъ и даже подзадориваютъ дерущихся своими замѣчаніями.

— Вотъ такъ! вотъ такъ, подъ микитку! вотъ такъ, братъ, ладно! Ну да! Смотри, братъ Иванъ Петровичъ, какъ бы объ одномъ глазу съ царскаго двора не выйти!

А въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой сцены происходитъ другая встрѣча противниковъ. Тамъ сразу даже и невозможно понять, въ чемъ заключается причина ссоры и обоюдной ненависти. Очевидно просто одинъ, можетъ безъ всякаго умысла, сказалъ нелюбезное сло-

во, другой обидѣлся, отвѣтилъ словомъ болѣе крѣпкимъ. Языки расходились, и нѣтъ силъ ужь удержать ихъ. Начинается обвиненіе другъ друга во всевозможныхъ мерзостяхъ: и въ воровствѣ, и въ грабительствѣ, и даже въ убійствѣ. Но и этого мало. Когда всѣ преступления перебраны, добираются до отцовъ своихъ, матерей, братьевъ, сестеръ и прочихъ родственниковъ. Оказываются цѣлыя семейства мошенниковъ и раз-

тѣфу ты мерзость! и весь родъ то такой поганый!

Но тотъ, отецъ котораго воровалъ церковное масло и свѣчи, не могъ вынести этихъ послѣднихъ словъ и кинулся на своего обидчика.

Обидчикъ, человекъ на языкъ острый и смѣлый, какъ дошло дѣло до кулачной потасовки, оказался не изъ храбрыхъ и пустился на утекъ. Тотъ за нимъ; пошла гоньба по двору. Обвинитель изворачивался и

Выставка Акклиматизаціи въ Москвѣ. По наброску Алексѣева, рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

бойниковъ, что весь родъ, и дѣдъ, и прадѣдъ такоу ужь.

— Да вѣдь извѣстно,—кричитъ одинъ,—твой отецъ, какъ въ Никольскомъ-то приходѣ старостой церковнымъ былъ, такъ вся Москва про то вѣдаетъ, что изъ лампадъ масло воровалъ, отъ святыхъ иконъ свѣчки пряталъ, перетапливалъ воскъ да продавалъ. Въ церквѣ-то темень стояла даже по большимъ праздникамъ,

вправо, и влѣво; обвиняемый былъ тучень—не могъ поймать своего врага и вотъ съ досады поднялъ валившійся въ снѣгу большой осколокъ кирпича, намѣтилъ и хватилъ имъ въ убѣгавшаго, попалъ ему въ голову, тотъ заоралъ благимъ матомъ, кровь показалась... Только, увидя, что дѣло приняло серьезный оборотъ и что рана можетъ быть и опасной, присутствовавшіе рѣшились выйти изъ бездѣйствія.

Леопарды напавшіе на Антилопу (Агаза). Рис. Ф. Шпехтъ, грав. Рихтеръ.

Но Люба уже не видѣла окончанія этой безобразной сцены. Родимица толкнула ее въ какую-то маленькую галитку, и онѣ очутились въ длинной деревянной галерейкѣ.

„Что-жъ это такое? думала Люба, — вотъ какія дѣла на свѣтѣ творятся. И въ Кремль, во дворъ царскомъ, почитай тоже самое, что въ Медвѣдковѣ. И что мнѣ за напасть такая, попадать на всякіе ужасы!“

— Неужели у васъ часто такое бываетъ? спросила она Родимицу.

— Это ты про что? про брань да драку-то? Да чуть не каждый день грызутся, такая ужъ у нихъ повадка. Это все старики здѣшніе; говорятъ, прежде и не то еще бывало. Нѣтъ, молодежь-то не въ примѣръ лучше, степеннѣе... Ну вотъ сейчасъ и царевнинь теремъ, докончила Родимица, — чай ждетъ она насъ, не дождется. Меня бранить станеть, что долго — ужъ она всегда такъ, огонь да и только...

Люба съ Родимицей поднялась по лѣсенкѣ, вошла въ сѣни. Еще одна лѣсенка, еще крытая галерейка и вотъ свѣтлый и теплый нарядный покойчикъ. Тутъ взадъ и впередъ шмыгаетъ не мало разныхъ женщинъ, видны хозяйскія хлопоты.

— Оедорюшка, ты откуда? что за парнишка съ тобой? спрашивали Родимицу молодыя дѣвушки, заглядывая въ лицо Любѣ. Попадавшіяся старухи тоже спрашивали, но уже другимъ тономъ.

— Эй, Оедора, съ кѣмъ ты тутъ шляешься? кого еще притащила? ишь срамъ то съ вами, срамъ-то!

„Ну и тутъ тоже самое, что у насъ въ Суздаль“ подумала Люба. Но вдругъ она остановилась въ недоумѣніи, широко раскрыла глаза — къ ней на встрѣчу

по полу катилось что то необычайно странное, живая человеческая фигура въ аршинъ съ небольшимъ величиною. Люба взглянула и невольно вскрикнула. У катившейся фигуры было страшное черное лицо, всклокоченные волосы, огромный ротъ съ толстыми красными губами; ослабляясь, она показывала бѣлые зубы.

— Съ вами крестная сила! шепнула Люба. Матушка Оедорюшка, что это такое? что это за страсти у васъ такіа?

— Ахъ ты глупенькая, Любушка, засмѣялась Родимица, изъ-за тридцати земель въ мужскомъ платьѣ по большой дорогѣ прибѣжала къ намъ — не испугалась, а вотъ карлицы нашей, арапки, испугалась. Небось не събѣсть, да и гдѣ тебя събѣсть — вишь ты большая какаля, а она едва отъ земли видна; да и не зла она вовсе; иной разъ презабавная бываетъ.

— Что-жъ, это порода такая? продолжала шопотомъ спрашивать Люба, косясь на карлицу. Господи, не ужъ то народъ такой есть?

— Да, народъ такой, и много ихъ, говорятъ, отвѣтила Родимица, и живутъ они въ черной Арапіи. Да это что! у ней, у нашей арапки-то, все же голова одна, а то вонъ есть, мнѣ вѣрный челоуѣкъ сказывалъ, люди о двухъ головахъ да съ хвостами, такъ и тѣ тоже Божія творенья, а на бѣсы.

„Ахъ, сколько на свѣтѣ разныхъ дивъ и ужасовъ, подумала Люба, и ничего то я не знала, ничего не видала. Да и слава те Господи, тутъ же рѣшила она, кабы знала про все, такъ пожалуй изъ Суздаля убѣжать не рѣшилась бы, а и побѣжала бы, такъ въ первую же ночь на дорогѣ со страху померла бы.“

(Продолженіе будетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Лифляндцы и Курляндцы.

Рисунки къ этой статьѣ представляютъ типы жителей той части русскаго Балтійскаго поморья, которая въ настоящее время известна подъ именемъ Лифляндской и Курляндской губерній.

Въ настоящее время обѣ губерніи, какъ Лифляндская, такъ и Курляндская заселены по большей части Латышами, племенами славянскаго происхожденія. Латыши, освобожденные въ 1817 году Императоромъ Александромъ I отъ крѣпостной зависимости, не были при этомъ надѣлены землею, которая осталась въ рукахъ помѣщиковъ, по большей части потомковъ рыцарей ордена Меченосцевъ. Латыши народъ трудолюбивый, занимаются хлѣбопашествомъ, овцеводствомъ и рыбными промыслами. Одѣваются они въ длинные сюртуки темнаго цвѣта, покроемъ рѣзко отличающіеся отъ одежды нашихъ крестьянъ; обувь ихъ напоминаетъ сандали. Она состоитъ изъ однихъ только подошвъ имѣющихъ по краямъ дырочки, куда продевается бичевка, служащая для прикрѣпленія этой оригинальной обуви къ ногѣ. Латыши большею частью лютеране, но встрѣчается между ними и много православныхъ. Собственно деревень (въ особенности въ Курляндіи) у нихъ почти и нѣтъ, а живутъ они въ отдѣльныхъ дворахъ, называемыхъ Gesinde и отстоящихъ иногда другъ отъ друга на нѣсколько верстъ; и вотъ каждое воскресенье изъ такихъ-то дворовъ тащатся они со всѣми семействами, иногда за десятки верстъ, на своихъ маленькихъ лошаденкахъ въ ближайшую церковь; иѣшходы же совершаютъ этотъ путь босикомъ и только, входя въ церковь, одѣваютъ свои сандали. Полю въ своихъ комнатахъ они по праздникамъ убираютъ, посыпая ихъ мелко нарубленными ельникомъ или тростникомъ и соломою, а нерѣдко и цвѣтами.

Лифляндія богата прекрасными развалинами замковъ временъ лифляндскихъ рыцарей меченосцевъ; въ этомъ отношеніи въ особенности отличается теперешній Венденскій уѣздъ, по красотѣ своего мѣстоположенія и живописности, носящій названіе Лифляндской Швейцаріи и привлекающій не малое число туристовъ. Самыми живописными мѣстами по справедливости считаются Трейденъ и Кремонъ, лежащіе въ горахъ довольно значительной высоты, на правомъ берегу стремительной горной рѣки Лифляндской Аа, и городокъ Кокенгузенъ на правомъ берегу Западной Двины. Особенную прелесть придаютъ этимъ мѣстамъ живописныя развалины древнихъ замковъ, лежащихъ по обѣ стороны роскошной долины рѣки Лифляндской Аа. Горный хребетъ, опускаясь пониже Кокенгузена, переставаетъ русло Западной Двины и образуетъ у Кирхгальма пороги, представляющіе немалое затрудненіе для прохода хлѣбныхъ баровъ.

Европа узнала о существованіи Лифляндіи благодаря бременскимъ купцамъ, занесеннымъ туда бурей въ 1158 году. Богатство края, удобство устроить гавани и торговая проникаемость ганзейскихъ купцовъ не замедлили вызвать болѣе частыя посѣщенія; за бременскими купцами послѣдовали любекскіе, устроившіе вскорѣ на Двинѣ факторію. Тридцать лѣтъ послѣ перваго посѣщенія Лифляндіи бременскими купцами, Августинскій монахъ Мейнгардъ, съ позволенія полоцкаго князя Владиміра, построилъ на Двинѣ монастырь и занялся обращеніемъ жителей въ христіанство. Жители неохотно принимали христіанство, вслѣдствіе чего папа воздвигъ въ 1198 году на нихъ гоненіе, не имѣвшее однакожъ ожидаемаго успѣха. Тогда епископомъ Альбрехтъ Буксгевденъ учредилъ въ 1201 г. съ тою же цѣлью братство рыцарей, известное потомъ подъ названіемъ меченосцевъ; братство это помѣстилось въ основанномъ епископомъ Альбрехтомъ въ 1200 году городѣ Ригѣ и приняло огнемъ и мечемъ проводить христіанскій свѣтъ. Съ 1223 года братство, соединясь съ Тевтонскимъ орденомъ, значительно усилилось и овладѣло всѣмъ теперешнимъ Остзейскимъ краемъ; покушалось двинуться и далѣе, но всегда встрѣчало сильный отпоръ со стороны бдительнаго Пскова. Лифляндія сдѣлалась съ 1660 года, вмѣстѣ съ Эстляндіею, шведскою провинціею, а въ 1721 году перешла къ Россіи.

Курляндія перешла во власть Россіи въ 1795 г.

Главный городъ бывшаго герцогства Курляндіи, Митава, основанъ въ XIII вѣкѣ; въ замкѣ герцога, въ которомъ теперь помѣщаются присутственныя мѣста, жилъ во время своего изгнанія французскій король Людовикъ XVIII; тамъ же находится и показывается посѣтителямъ балъзамированный трупъ знаменитаго временщика и герцога Бирона.

Физиономія Митавы рѣзко отличается отъ физиономіи главнаго города Лифляндіи, Риги, хотя оба города отстоятъ другъ отъ друга всего на 39 верстъ и населены одними и тѣми же племенами; оно и понятно: въ Ригу, благодаря ея положенію у моря, поселились преимущественно купцы, завели конторы, магазины и кладовыя; въ Митавѣ же помѣщался дворецъ герцога, собирались сеймы, на которыхъ присутствовали исключительно дворяне, потомки рыцарей. Физиономія Риги ничѣмъ не отличается отъ физиономіи другихъ ганзейскихъ городовъ: тѣ же высокіе дома съ чуть ли не вдвое болѣе высокими крышами, тѣ же узкія, кривыя улицы, рѣдко освѣщаемыя солнцемъ, то же обиліе конторъ, магазиновъ и кладовыхъ, то же неутомное движеніе по улицамъ людей и товаровъ. Въ Митавѣ же улицы, по большей части, широкія и довольно прямо проложенныя, дома не такъ высокі и видимо настроены для помѣщенія баръ, имѣвшихъ при себѣ цѣлый штатъ самыхъ разно-

образных специальностей прислуги. В Митавѣ находится гимназія, недавно праздновавшая свой столѣтній юбилей.

Городъ Кременчугъ.

Въ 113 верстахъ, къ юго-западу отъ Полтавы на отлогомъ и песчаномъ берегу Днѣпра, красиво раскинулся городъ Кременчугъ. Время его основанія въ точности неизвѣстно; но полагаютъ, что онъ заложенъ въ 1571 году. Въ 1663 году его выжегъ до тла Гетманъ Брюховецкій, а черезъ два года послѣ этого событія онъ снова былъ занятъ русскими. По уничтоженіи Гетманства Кременчугъ сталъ сотеннымъ мѣстечкомъ мѣргородскаго полка и лишь въ началѣ царствования Екатерины II былъ сдѣланъ губернскимъ городомъ созданной тогда Новороссійской губерніи. Въ 1796 году онъ обращенъ въ уѣздный и причисленъ къ Черниговской губерніи, а въ 1802 году въ Полтавской. Не смотря на свое слишкомъ трехсотлѣтнее существованіе, Кременчугъ не обладаетъ остатками старины. Лишь въ памяти старожиловъ сохранилось воспоминаніе о слѣдахъ крѣпости, построенной поляками въ XVII вѣкѣ, состоявшей изъ вала окруженнаго глубокимъ рвомъ. Что же касается до историческихъ памятниковъ позднѣйшаго времени, то они также почти исчезли. Въ городскомъ саду есть нѣсколько вѣзавшихся въ землю кирпичей свидѣтельствующихъ, что здѣсь нѣкогда былъ дворецъ князя Тавриды, Потемкина, да нѣсколько развалившихся ступеней отъ лѣстницы, построенной въ 1787 году на Днѣпрѣ для пріема Императрицы Екатерины II. Еще въ 1833 году внизу лѣстницы былъ видѣнъ камень съ надписью, что на этомъ мѣстѣ вышла на берегъ великая государыня. Замѣчательно, что тогда берегъ начинался здѣсь отъ самаго подножія лѣстницы, а теперь онъ отстоитъ отъ этого мѣста болѣе чѣмъ на 80 сажень.

Городскія постройки также не отличаются особенно древностью. Такъ Успенскій соборъ опять главахъ, построенъ въ 1813 году, а церковь Спаса Преображенія византійскаго стиля въ 1801. Оба эти храма выстроены изъ обожженнаго кирпича какъ и большая часть каменныхъ зданій города.

Положеніе Кременчуга чрезвычайно выгодно и удобно въ торговомъ отношеніи. Съ открытіемъ навигаціи все здѣшнее побережье Днѣпра заправляется судами самыхъ разнообразныхъ типовъ, начиная съ нашихъ допотопной конструкціи барокъ и кончая красивыми берлинками, приходящими сюда отъ Кенигсберга. Положеніе города при быстрой и многоводной рѣкѣ подвергало его не рѣдко всѣмъ бѣдствіямъ наводненія. Самыя большія наводненія были въ Кременчугѣ въ 1820, 1844, 1845 и 1850 годахъ. По словамъ очевидцевъ, Кременчугъ въ это несчастное для него время совершенно затоплялся водою; лишь немногіе дома торчали тамъ и сямъ среди волнъ и казались маленькими островками. Вода достигала до высоты трехъ сажень и спадала весьма медленно, такъ что городъ не ранѣе мѣсяца могъ принять свой прежній видъ. Нынѣ Кременчугъ значительно обезпеченъ отъ наводненія устройствомъ плотинъ.

Прибрежный видъ Кременчуга и присоединеннаго къ нему въ 1796 году посада Крюкова представляетъ безконечную песчаную равнину, на которой не замѣчается другой растительности кромѣ тощей вербы; но чѣмъ далѣе отъ берега, тѣмъ мѣстность болѣе и болѣе оживляется, повсюду уже видна зелень, а въ городѣ и посадѣ встрѣчаются уже прекрасныя, густыя сады, такъ что видность города значительно имъ украшенная производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Лучшіе дома находятся на улицѣ Екатеринославской и Херсонской. Кромѣ городской думы, построенной по образцу старинныхъ германскихъ ратушъ съ тяжелыми кирпичными колоннами съ широкими между ними выступами и кругою лѣстницей, еще замѣчательны по постройкѣ многія другія зданія, какъ, напримѣръ, штаба инспектора резервной кавалеріи, телеграфной конторы, госпиталя и нѣкоторые дома частныхъ владѣльцевъ.

Жителей въ городѣ теперь до 28,000; это населеніе состоитъ преимущественно изъ рабочаго ремесленнаго и купеческаго сословія. Евреевъ считается здѣсь до 1,800 душъ и въ городѣ находится 14 ихъ хедеровъ или училищъ и одна обширная синагога. Евреи продолжаютъ сильно эксплуатировать не только Кременчугъ, но и весь малороссійскій край и являются главными представителями мѣстнаго купечества. И.

Выставка акклиматизаціи въ Москвѣ.

Недавно въ Московскомъ зоологическомъ саду происходило открытіе акклиматизаціонной выставки, устроенной обществомъ акклиматизаціи по инициативѣ проф. А. П. Богданова. Обширный садъ обращенъ въ паркъ, среди котораго раскиданы изящныя выставочныя павильоны. Всѣхъ отдѣловъ на выставкѣ шесть. Отдѣлъ шелководства (1), расположившійся при самомъ входѣ въ садъ, является однимъ изъ интереснѣйшихъ. Полнота коллекцій и научная ихъ группировка показываютъ успѣхи этого дѣла въ Россіи. Посѣтитель видитъ выкормочныя многотажныя этажерки, на которыхъ копошатся мириады шелковичныхъ червей, питающія шелковицей. Далѣе, достигшіе полнаго развитія черви окутываются паутиной и образуютъ коконы, которые собираются, обливаются горячей водою для

умерщвленія находящихся въ нихъ червей и разматываются на особаго рода станкахъ. Все это совершается передъ глазами посѣтителя. Въ другой комнатѣ научныя коллекціи по естественной исторіи шелкопряда, модели шелкоразмотныхъ станковъ разныхъ системъ, коллекціи шелку и шелковыхъ издѣлій и т. п. Изъ шелковыхъ издѣлій особеннаго вниманія заслуживаютъ портреты царской фамиліи, вытканые изъ шелку крестьяниномъ Корочкинымъ. Сходство и изящность отдѣлки удивительныя. Отдѣлъ птицеводства занимаетъ два павильона. Въ первомъ (3) помѣщены коллекціи чучель, затѣмъ клѣтки, искусственныя гнѣзда, коллекціи яицъ и тому подобныя предметы, употребляемые въ птицеводствѣ и при занятіяхъ орнитологіей. Другой павильонъ—колоссальная клѣтка, съ отдѣленіями наполненными домашними птицами. За симъ—отдѣлъ аквариумовъ и террариумовъ (4). Каждый аквариумъ или террариумъ заключаетъ въ себѣ животныхъ одного вида, въ соответствующей обстановкѣ. Кромѣ интереса научнаго, нѣкоторые выставленныя животныя замѣчательны и по своей рѣдкости, какъ, напримѣръ, молодые крокодилы, тарантулы, мексиканскія черепахи и т. п. Изъ водяныхъ растений обращаетъ на себя вниманіе *Росинка* (*Drosera*), насекомоядное растеніе. Въ этомъ же отдѣлѣ выставлены и обширныя коллекціи насѣкомыхъ. Отдѣлъ садоводства (2) не представляетъ собою отдѣльнаго дѣла, а раскиданъ по всему саду и служитъ его украшеніемъ. На каждомъ шагу встрѣчаются клумбы и отдѣльныя группы какъ цвѣтущихъ, такъ и экзотическихъ растеній. Самыми выдающимися являются: группа жирнолистныхъ растеній (с) Петровской Академіи, обширная коллекція (128 экземпляровъ) пестролистныхъ пеларгоній (скарлетъ) и экзотическія растенія (д). Кромѣ того много растеній другихъ экспонентовъ и весьма большое количество всевозможныхъ садовыхъ украшеній, какъ, напримѣръ, садовыхъ вазъ, статуетовъ, рѣшетовъ и т. п. Отдѣлъ рисунковъ изъ жизни животныхъ не богатъ; главнѣйшими экспонентами явились: Строгоновское училище рисованія съ работами учениковъ и фотографъ Диго съ снимками наиболѣе извѣстныхъ лошадей и рогатаго скота. Кромѣ того г-жа Шандоринская (скулыторша), выставила слѣпки верблюда и гну. Меньше другихъ—отдѣлъ пчеловодства. Въ немъ всего, кажется, два или три экспонента. Эта бѣдность особенно поражаетъ въ виду того, что въ окрестностяхъ Москвы очень много обширныхъ пасѣвъ.

В. А.—въ.

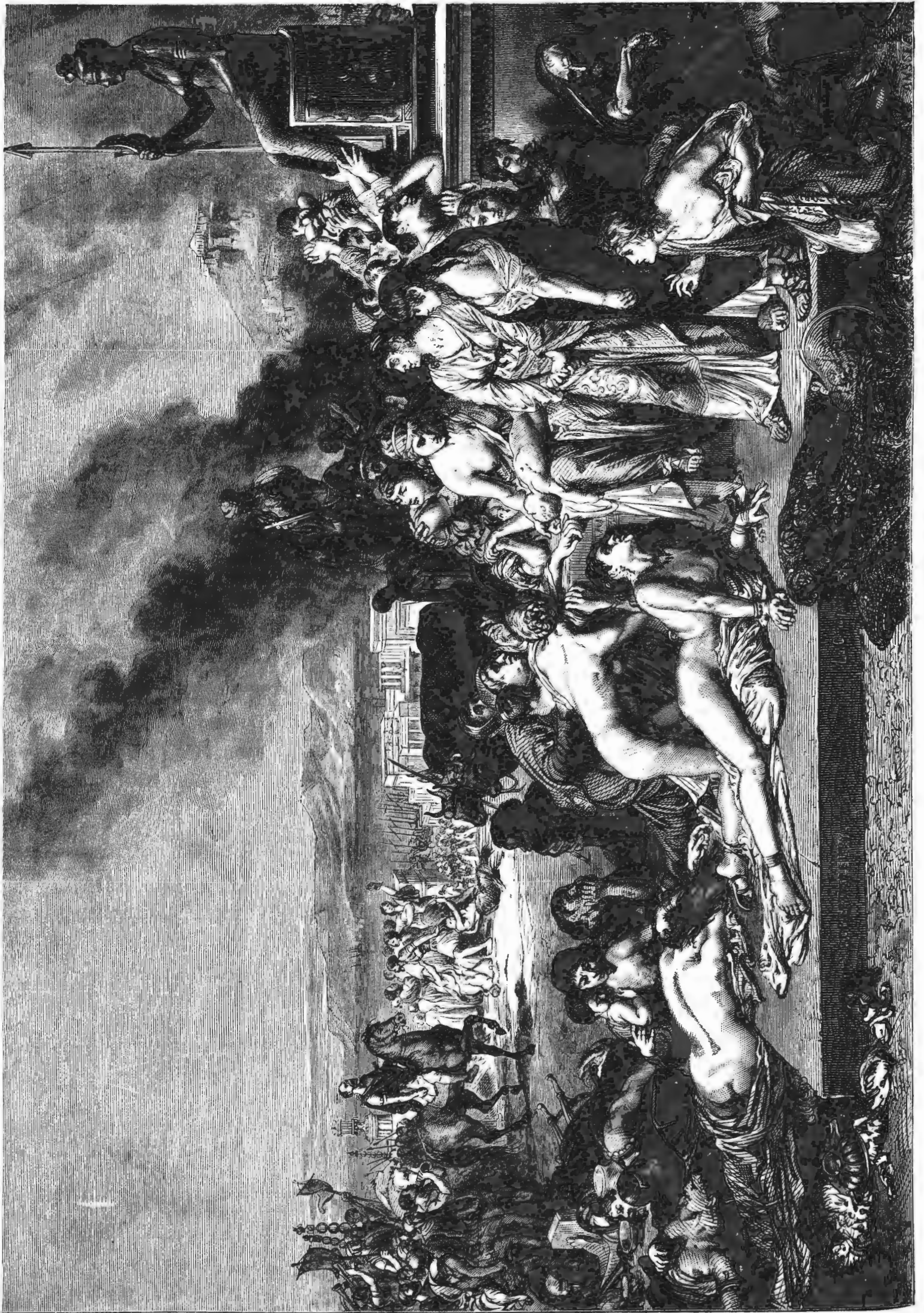
Леопардъ и Антилопа.

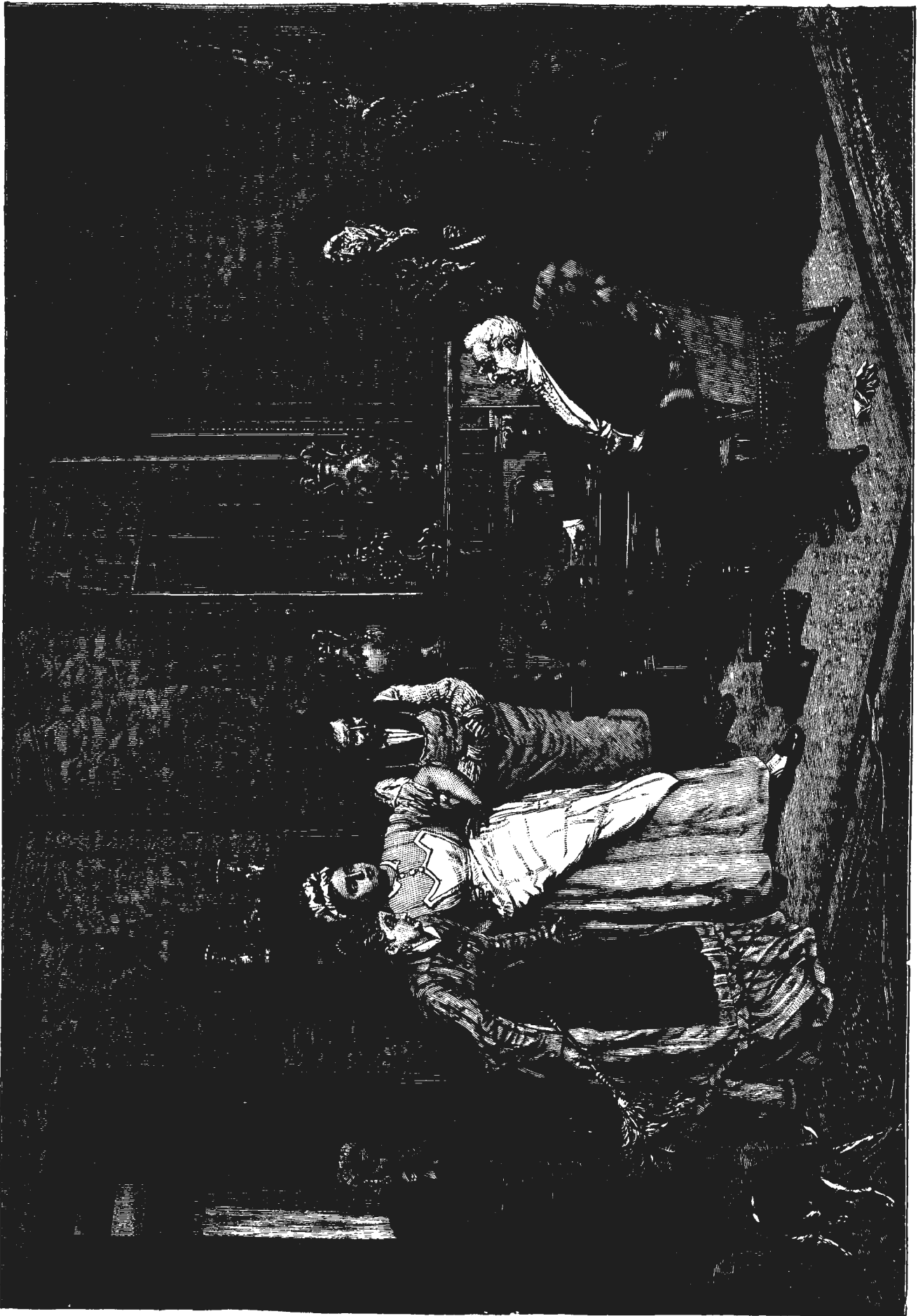
Художественное произведеніе Шпехта, передаваемое рисункомъ, помѣщеннымъ въ настоящемъ номерѣ „Нивы“ и изображающимъ леопардовъ напавшихъ на антилопу, даетъ намъ случай разсказать здѣсь о жизни и нравахъ этихъ животныхъ, такъ рѣзко отличающихся другъ отъ другъ хотя и принадлежащихъ къ одному и тому же классу млекопитающихъ. Скажемъ здѣсь предварительно нѣсколько словъ объ общихъ свойствахъ млекопитающихъ.

Всѣ млекопитающія теплокровныя животныя, покрыты волосами; рождаются живыхъ дѣтенышей, которыхъ вскармливаютъ выдѣленіемъ млечныхъ железъ. Наружныя формы млекопитающихъ въ высшей степени разнообразны, такъ какъ инныя изъ млекопитающихъ живутъ въ водѣ, (напр. китовыя), другія на землѣ, напр. кошки, собаки и т. д., третія летаютъ въ воздухѣ, напр. летучая мышь. Смотря по разнообразію формъ, измѣняется и форма скелета, хотя у всѣхъ виденъ одинъ общій планъ и различія обуславливаются только нѣсколькими иной формой и положеніемъ тѣхъ же соответствующихъ частей.

Леопардъ собственно относится къ порядку хищныхъ, семейству кошачьихъ (*Felidae*). Хищные отличаются значительной величиной тѣла, настоящими плотоядными зубами, быстрыми вѣрными движеніями и значительными умственными способностями. Зубы ихъ всѣхъ трехъ родовъ и покрыты эмалью; вверху и внизу сидятъ по 6 рѣзцовъ, по сторонамъ ихъ длинныя конические клыки, за которыми идутъ коренные зубы, распадающіеся на коренные и плотоядные. Конечности хищныхъ кончаются 4 или 5 свободно движущимися пальцами, вооруженными сильными когтями—аппаратомъ, помогающимъ зубамъ. Большая часть хищныхъ живетъ въ моногаміи. (то есть находится въ сожителствѣ только съ одною самкою, а не съ нѣсколькими въ одно и то же время.) признаки хищныхъ кошачьихъ семейства слѣдующія:—пальцеодящая животныя, съ стройнымъ тѣломъ, округленной головой, короткимъ рыломъ съ усами, шероховатымъ языкомъ и продольнымъ, зрачкомъ большихъ свѣтящихся въ темнотѣ глазъ. Ни въ какой другой группѣ хищныхъ не выражается хищничество такъ рѣзко, какъ у кошачьихъ. Переднія ноги имѣютъ 5 пальцевъ, а заднія 4 съ вытяжными острыми когтями. При ходѣ послѣдній членникъ пальца приподнимается кверху, такимъ образомъ не дотрагиваясь до земли и не притупляя когтя. Большая часть хищныхъ хорошо лазить и прыгаютъ. Красивѣе окрашенные находятся въ жаркихъ странахъ свѣта. Живутъ по одиночѣ или парами. Нашъ рисунокъ представляетъ леопарда (*Felis pardus*). Онъ золотисто красноватаго цвѣта, съ черными полосами по бокамъ. Шкура его составляетъ превосходный мѣхъ.

Говорятъ, что леопардъ менѣе кровожаденъ чѣмъ тигръ и

Улина на лице, картина И. Бокса, грав. Смитонъ.

даже бывали примѣры прирученія леопарда. Между прочимъ, приведемъ кстати случай вскормленія леопарда собакой, бывшій въ Московскомъ зоологическомъ саду. Одинъ разъ самка леопардъ окотилась 3 дѣтенышами и отказалась ихъ кормить. Брошенные матерью, леопарды погибли, уцѣлѣлъ одинъ изъ нихъ, которого и хотѣли было дать на вскормленіе кошке, но кошка не допустила къ себѣ леопарда, не смотря ни на какіе способы. Тогда обратились къ болѣе кроткому и послушному животному—къ собакѣ. Правда, что одна изъ собакъ такъ перепугалась своего питомца, что не разбирая, кинулась въ окно, разбивъ стекла; за то другая стала кормить леопарда вмѣстѣ съ своимъ щенкомъ. Собака даже полюбила своего питомца, облизывала его, выкусывала у него паразитовъ и слѣдила за нимъ. Леопарду, чтобы онъ не царапалъ когтями свою кормилицу, притупили кончики когтей. Со щенкомъ леопардъ вступалъ въ игру, но всегда при этомъ употреблялъ хитрые уловки, скрываясь и вдругъ нападавъ. Леопарда отняли отъ собакъ, когда ему было уже около 2 мѣсяцевъ и его пручили къ мясной пищѣ.

Антилопа (*Antilopinae*) представляютъ въ своихъ признакахъ, переходныя формы къ оленямъ и лошадамъ. Впрочемъ между антилопами встрѣчаются и такія, которыя съ плотнымъ тѣломъ напоминаютъ быковъ. Рога нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ изогнутые, другія—прямые, невсегда гладкіе, у нѣкоторыхъ съ рогами бывають только самцы. Живутъ въ равнинахъ жаркихъ странъ и на границахъ вѣчныхъ снѣговъ, спускаясь на зиму нѣсколько ниже. Тѣло ихъ стройное на высокихъ тонкихъ ногахъ, уши стоячія, большія, губы весьма подвижныя, волосяной покровъ короткій, плотно прилегающій. Антилопы относятся къ семейству жвачныхъ. Физиологически и анатомически характеризуются эти животныя жвачкою и соответствующимъ для жвачки устройствомъ желудка и зубовъ. Пища жвачныхъ растительная и преимущественно состоитъ изъ тѣхъ листьевъ и растительныхъ веществъ, которыя содержатъ много протейна. Пищаніе и принятіе пищи происходитъ во время движенія на пастбищахъ, пережевываніе совершается болѣе во время отдыха. Жвачные болѣею частью не имѣютъ верхнихъ рѣзцовъ и клыковъ, но въ нижней челюсти находится 8 или 6 наклоненныхъ лопатчатыхъ рѣзцовъ, которые вмѣстѣ съ мозолистымъ краемъ межчелюстной кости служатъ для отщипыванья растений. За широкимъ промежутоккомъ идутъ въ каждой половинѣ челюсти складчатые коренныя зубы съ волосистыми возвышеніями и углубленіями жевательныхъ поверхностей. Желудокъ жвачныхъ распадается на 4 или иногда на 3 связанные отдѣла. Размноженіе жвачныхъ невелико. Большинство рождаетъ по одному дѣтенышу, рождающемуся уже выдающимъ, покрытымъ волосами и съ развитымъ тѣломъ. Сосцы матокъ въ числѣ 2 или 4 лежатъ въ паховой области. Жвачные живутъ стадами, храбро защищаются отъ нападеній или скрываются съ помощію своихъ быстрыхъ ногъ. Наиболѣе сильныя самцы живутъ въ полигаміи, (въ многоженствѣ) стоя во главѣ стада. Для характеристики Антилопъ беремъ описаніе Пржевальскаго изъ его путешествій по Сѣверному Тибету. Г. Пржевальскій, портретъ и биографія котораго были помѣщены въ Нивѣ (См. „Ниву“ 1876 г. № 20 стр. 345) между прочимъ пишетъ объ антилопахъ слѣдующее. Впрочемъ, предварительно нужно замѣтить, что въ путешествіи своемъ г. Пржевальскій описываетъ другую видъ антилопъ, то есть не тотъ, къ которому принадлежитъ антилопа, изображенная на нашемъ рисункѣ. Но это нисколько не помѣшаетъ намъ заимствовать его описаніе, такъ какъ между многообразными видами антилопъ существуютъ лишь нѣкоторыя весьма незначительныя частности, отличающія одинъ видъ отъ другого, въ общемъ же все они сходятся между собою.

Антилопы, оронго, какъ называютъ Манголы и Тангуты, чрезвычайно красивое животное, съ статнымъ туловищемъ на высокихъ тонкихъ ногахъ. Голова украшена большими немного изогнутыми рогами. Оронго живетъ обществами отъ 5 до 40 экземпляровъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ скапливается въ стада по нѣсколько сотъ головъ. Въ каждомъ стадѣ обыкновенно встрѣчается нѣсколько старыхъ самцовъ, болѣе опытныхъ и осторожныхъ, нежели самки, впрочемъ оронго вообще мало остороженъ. При бѣгствѣ стада самцы всегда находятся сзади, какъ бы прикрывая;—у другихъ видовъ это бываетъ наоборотъ. Во время спокойнаго хода оронго высоко держитъ голову, что придаетъ ему чрезвычайно красивый видъ. Бѣгъ оронго рыскастый и такой бойкій, что издали невозможно замѣтить какъ мелькають ноги. Осенью самцы во время спариванья ѣдятъ мало, такъ что весь жиръ, запасенный лѣтомъ, спадаетъ въ это время. Самецъ собираетъ вокругъ себя свой гаремъ и строго блюдетъ, чтобы котораянибудь изъ его женъ не измѣнила. Завидѣвъ соперника, оронго бросается къ нему на встрѣчу, издавая глухой ревъ и устремивъ впередъ рога свои. Задоръ бываетъ такъ силенъ, что какъ рассказываютъ, однажды, во время драки, убитый пулею самецъ еще нѣсколько минутъ дрался, прежде чѣмъ свалился мертвымъ.

Случается, что какаянибудь самка убѣгаетъ изъ стада, самецъ выдвигается за ней, а въ это время бѣгутъ другія самки и такимъ образомъ, кидаясь то за одной, то за другой, самецъ теряетъ весь гаремъ. Оставшись одинъ, онъ начинаетъ бить копытами землю, загибаетъ крючкомъ хвостъ, реветъ и вызываетъ на бой противниковъ. Такія исторіи повторяются то и

дѣло и вообще не существуетъ прочной связи между владѣтелемъ стада и его самками: сегодня онъ у одного самца, завтра у другого. Затѣмъ самцы снова мирно живутъ между собою. Какъ все антилопы, оронго хорошо переносятъ рану. Нашъ рисунокъ представляетъ Антилопу *Strepsiceros*. Правы антилопы этого вида нисколько, не разнятся отъ антилопъ, описываемыхъ г. Пржевальскимъ. Антилопа изображенная на нашемъ рисункѣ извѣстна также подъ именемъ агазы; но это названіе ея менѣе распространено, въ особенности у насъ въ Россіи, чѣмъ первое названіе, извѣстное по всюду.

Рисунокъ Шпехта, о которомъ мы упомянули въ началѣ нашего описанія, художественно передаетъ одну изъ поражающихъ своимъ впечатлѣніемъ сценъ, борьбу антилопы въ леопардами. Какая ужъ тутъ борьба! Кроважидные звѣри внезапно напали на антилопу и, конечно, итъ ей спасенія: хотя она и успѣла ловко сбить съ ногъ одного леопарда, быть можетъ удачно лягнуть его; но другой уже летитъ на нее—смерть неизбежна! Возможно еще и то, что послѣ смерти антилопы надъ ея трупомъ затѣется другая борьба—и падетъ одинъ изъ двухъ кроважидныхъ звѣрей.

Шпехтъ, какъ извѣстно, давно уже пользуется громкою и вполне заслуженною славою за свое искусство передавать въ рисункахъ сцены изъ жизни животныхъ, и мы, пользуясь каждаго удобнымъ случаемъ, стараемся доставить удовольствія нашимъ читателямъ, помѣщая рисунки этого талантливаго художника на страницахъ нашего журнала. Т. Р.

Послѣдній день Коринеа.

Картина Роберта Флери, помѣщаемая въ рисунокѣ настоящаго номера „Нивы“ представляетъ одну изъ тѣхъ сценъ изъ древней жизни, которыя такъ часты были въ то время, и не смотря на эту повторяемость, такъ тяжелы были для современниковъ, то есть для тѣхъ изъ нихъ, которые оказывались побѣжденными. Побѣдитель не великодушничалъ: онъ бралъ въ плѣнъ жителей побѣжденнаго города, обращалъ ихъ въ рабство, продавалъ и перепродавалъ ихъ, при случаѣ разлучалъ дѣтей съ родителями, мужа съ женою и т. д.; побѣжденный городъ предавался пламени,—словомъ бѣдствіе, выпавшее на долю побѣжденныхъ, было такое, которому равнаго по его тяжести найти невозможно. Гомеръ въ безсмертномъ своемъ твореніи, *Иліадѣ*, говоритъ объ лицѣ Гектора о положеніи побѣжденныхъ слѣдующее:

„...Погибнетъ священная Троя,
Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
Но не столько меня сокрушаетъ грядущее горе
Трои, Пріама родителя, матери дряхлой Гекубы,
Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
Кои полягутъ во прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ,
Сколько твое (Андромахѣ—его женѣ): какъ тебя Аргивянинъ,
мѣдью покрытый,
Слезы лиющую въ плѣнъ повлечетъ и похититъ свободу!
И невольница, въ Аргосѣ, будешь ты ткачь чужеземкѣ,
Воду носить отъ ключей Мессеиса или Гипперей,
Съ рогомъ горькимъ въ душѣ; но заставить жестокая нужда!
Лиющую слезы, тебя ктонибудь тамъ увидитъ и скажетъ:
Гектора это жена, превышавшаго храбростію въ битвахъ
Всѣхъ конеборцевъ Троянъ, какъ сражался вкругъ Иліона!
Скажетъ—и въ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть:
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитилъ-бы отъ рабства“.

Такъ говорится въ безсмертной *Иліадѣ* о горестяхъ плѣнныхъ, и то положеніе, которое, по словамъ Гектора, должно было выпасть на долю Троянъ, въ одинаковой степени можетъ быть примѣнено въ данномъ случаѣ къ положенію жителей Коринеа. Паденіе этого города отъ меча римлянъ относится такъ же какъ и паденіе Трои ко времени, бывшему до Рожд. Христ. Положимъ, съ точки зрѣнія лѣтъ, отдѣляющихъ одно событіе отъ другого есть значительная разница: одно событіе—паденіе Трои, терпящая въ туманѣ десяти вѣковъ, предшествовавшихъ Рождеству Христову, и доходитъ до насъ только въ твореніи Гомера; другое-же, совершившееся во второмъ вѣкѣ до Рождества Христова, отстоятъ отъ насъ, считая по годамъ, на нѣсколько меньшее количество времени чѣмъ первое. Но тамъ, гдѣ приходится считатьъ тысячелѣтіями, разница въ годахъ почти исчезаетъ и выступаютъ на первый планъ главныя существенныя черты событій, а эти главныя черты тѣ же, что и въ *Иліадѣ*—истребленіе города, порабощеніе его жителей.

Что имѣлъ въ виду художникъ, задавшійся изображеніемъ послѣдняго дня Коринеа—понятно: онъ хотѣлъ изобразить моментъ его паденія, горе побѣжденныхъ, пожаръ горящаго города; но насколько все это ему удалось, рѣшить не легко, это потому не легко, что, по плану своему, художникъ, видимо, имѣлъ еще и другія цѣли, а именно—живописное расположеніе

фигурь, красоту складок на одеждах женщин, красоту самих женщин, частью полурасдѣтых; такая погоня за красотою, въ связи съ задачею историческою, не всегда удается, и въ послѣднее время за такими красотою въ картинахъ художники меньше гоняются, чѣмъ въ прошлыя десятилѣтїя, и искусство отъ этого выигрываетъ, дѣлаясь серьезнѣе и сосредоточиваясь на главныхъ основныхъ чертахъ картины.

Такимъ образомъ, разсматривая картину Роберта Флери, мы можемъ въ ней найти много, такъ сказать, живописности, но мало того, чтобы, казалось, должно было главнымъ образомъ выдаваться въ ней; именно: мало скорби, больше женскаго тѣла и красиво разбросанныхъ складокъ его одежды. Это, положимъ, не мѣшаетъ быть картинѣ достойною вниманїя, по своему художественному значенію, хотя бы въ смыслѣ изображенїя живописныхъ группъ.

Картина эта, будучи помѣщена въ рисунокѣ настоящаго номера „Нивы“, даетъ намъ случай передать здѣсь историческія свѣдѣнія, относящїяся къ предмету, взятому художникомъ для своего изображенїя, а именно дать свѣдѣнія объ исторїи г. Коринѣа.

Коринѣъ главный городъ Ахайи. Находится этотъ городъ на коринѣскомъ перешейкѣ. Онъ былъ знаменитъ по всей Греціи своей огромной морской торговлей. Основаніе его относится къ весьма отдаленному времени, болѣе отдаленному чѣмъ основаніе древняго Рима. Съ 1110 года до 777 года до Рождества Христ. Коринѣъ составлялъ монархію и управлялся царями изъ потомства Гераклидовъ, а съ 777 года онъ образовалъ изъ себя республику. Съ этого именно времени Коринѣъ начинаетъ принимать горячее участіе въ дѣлахъ Греціи, пока эта страна сохраняла свою самостоятельность и не подпала подъ власть Филиппа Македонскаго, будучи имъ покорена въ 323 году до Рожд. Христ. Подпавъ подъ власть Македонской монархіи, Коринѣъ не могъ освободиться отъ нея до того времени, когда въ свою очередь пала эта знаменитая монархїя, побѣжденная Римлянами.

Послѣ ся паденїя Коринѣъ былъ освобожденъ впрочемъ только на нѣкоторое время Аратомъ Спиконскимъ и сдѣлался главною защитою Греціи. Когда въ 150 году до Рожд. Христ. Спарта вмѣстѣ съ ахейцами подняла оружіе подъ предводительствомъ Деція и Критогола противъ Римлянъ, то оба эти предводителя были разбиты римскими войсками и слѣдствіемъ этого пораженїя было вскорѣ паденіе и Коринѣа, разрушеннаго римскимъ полководцемъ Мумміемъ въ 146 году до Рожд. Христ.

Вотъ историческія данныя относящїяся къ прошлому города Коринѣа.

Страна около этого города мало плодородна, но замѣчательна, впрочемъ, особаго рода изюмомъ, называемымъ коринѣскимъ. Самый городъ въ настоящее время представляетъ почти однѣ только развалины. Тамъ, гдѣ находился прежде громадный городъ, имѣвшій значительную торговлю и кипѣвшій жизнью, — тамъ теперь находится лишь небольшое и весьма небогатое селеніе.

Но Коринѣъ намъ, исповѣдующимъ христіанскую вѣру, извѣстенъ еще по апостольскимъ посланїямъ, слышимымъ нами въ храмахъ во время богослуженїя. Исторїя этихъ апостольскихъ посланїй къ коринѣянамъ слѣдующая: Апостоль Павелъ, послѣ пребыванїя своего въ Аѳинахъ, прожилъ полтора года въ Коринѣѣ: въ продолженіе этого времени онъ препирался въ Коринѣѣ съ иудеями и язычниками и многихъ изъ нихъ обратилъ въ христіанство. Впослѣдствїи, съ отбытіемъ изъ Коринѣа апостола Павла, въ Коринѣскую церковь вкралось много неустойчивъ и слабозновъ. Это побудило святого апостола написать къ коринѣянамъ два посланїя. Св. Климентъ Римскій, дѣятельный сотрудникъ Св. апостола Павла, съ апостольскою ревностю старался остановить поведеніе Коринѣянъ, которымъ они дѣлали себя недостойными имени христіанства.

Вотъ всѣ данныя, которыя дала намъ случай сообщить здѣсь картина Роберта Флери.

И въ заключеніе, не говоря уже ни о предметѣ картины, ни о ея достоинствахъ, замѣтимъ вообще, что польза, получаемая зрителемъ отъ художественныхъ произведенїй всегда огромна, если только зритель желаетъ ее изъ нихъ извлекать; но нужно добавить, что реализовать эту пользу и указать ее при разсмотрѣнїи особо каждой картины невозможно: польза несомнѣнна, но она получается въ невещественныхъ формахъ, въ формахъ умственнаго развитїя въ расширенїи кругозора нашего взгляда, въ увеличеніи работы ума и т. д. Довзательствомъ сказаннаго можетъ служить и картина Флери, заставляющая зрителя перенестись въ то отдаленное отъ насъ время, котораго годы мы можемъ исчислить теперь только тысячеклѣтїями. Z.

Улика на лицо.

Помѣщенный въ этомъ номерѣ рисунокъ съ картины Бокса даетъ возможность представить слѣдующую сцену.

Возвратились изъ гостей ранѣе обыкновеннаго господа: пожимыхъ лѣтъ баринъ и не менѣе пожимыхъ лѣтъ его супруга.

Прїѣхали они неожиданно, быть можетъ потому, что баринъ вдругъ понездоровилось (въ почтенныхъ лѣтахъ это явленіе очень частое и обыкновенное). Отворяетъ имъ слуга дверь, проходятъ они въ свои комнаты и вдругъ—въ гостиной на самомъ видномъ мѣстѣ лежитъ солдатское кепи.

Какъ оно попало сюда, отчего его во время не убрали тѣ, кому о семъ вѣдать надлежало—это вопросъ посторонній, и разсмотрѣніе его не входило въ задачу художника, а равнымъ образомъ не входитъ въ задачу и нашу. Ограничимся предѣлами изображеннаго въ картинѣ и представляемъ душевныя состоянїя тѣхъ лицъ, которыхъ художникъ живописуетъ предъ нами.

Почтенный глава дома гнѣвенъ, не менѣе почтенная его супруга—тоже. Оба такъ сказать „не въ себѣ“ и въ большемъ „разстройствѣ“. Видъ кепи, оказавшейся противъ всякаго ожиданїя на столѣ ихъ гостиной, возмутилъ ихъ до глубины души, и это возмущеніе тѣмъ сильнѣе, что до сихъ поръ они оба, и господинъ, и госпожа, считали свою прислугу высококонрактенной.

— Какъ ты полагаешь, другъ мой, что это такое? трясаясь отъ гнѣва, спрашиваетъ дрожащимъ голосомъ госпожа: что это такое?

— Ахъ, другъ мой, заволновался супругъ, ну что ты повторяешь все одно и тоже... Это, видишь, кепи, простое солдатское кепи...

— Но, Богъ мой, откуда оно могло взяться!..

— Ахъ, какая ты!.. Ну почему же я то могу знать объ этомъ!..

Супругъ говорилъ также не менѣе дрожащимъ голосомъ, какъ и его достопочтенная супруга, и нельзя сказать, чтобы онъ былъ въ гнѣвѣ именно за ея вооросы, ибо, что же въ нихъ обиднаго, но все таки эти вопросы сердятъ его, сердятъ потому, что самъ онъ желалъ въ свою очередь спрашивать, а не отвѣчать на нихъ.

— И неужели... Богъ мой! неужели это что нибудь такое гадкое и со стороны нашей прислуги, которую мы такъ всегда ласкали и берегли... вздыхала почтенная дама, печально качая головою и уныло переходя изъ одного угла комнаты въ другой.

Но почтенный супругъ, какъ глава дома и какъ болѣе опытный въ житейскихъ дѣлахъ, лучше почтенной дамы понимаетъ, что въ такомъ неожиданномъ, странномъ и даже неприличномъ случаѣ одними вздохами, ахами и охами дѣлу не поможешь. Онъ немедленно требуетъ предъ свои очи прислугу, начиная съ тѣхъ, которые болѣе по его мнѣнію могутъ подлежать допросу. На зовъ, производимый самою почтенною госпожею, являются одна за одною нѣсколько прислугъ и въ томъ числѣ старый слуга. Почтенный господинъ принимаетъ величественный видъ, садится около стола, на которомъ лежитъ злосчастное кепи, и показывая на него пальцемъ, дѣлаетъ вопросъ.

— Ну-съ, отвѣчайте, какъ могла попасть сюда эта вещь?

— Не могу знать! уныло отвѣчаетъ старый лакей, разводя руками: не могу знать...

— Ну-съ, положимъ, такъ: ты не можешь знать, а вы то что же, вы то что же молчите, обращается почтенный господинъ къ женщинамъ.

— Да и мы тоже не можемъ знать...

Такъ отвѣчали всѣ женщины въ одинъ голосъ.

— Но... это не даетъ рѣшенїя вопросу, величественно возвышая голосъ, заговорилъ почтенный господинъ: улика на лицо и не могла попасть сюда случайно!.. Отвѣчайте: кто здѣсь былъ и кто оставилъ эту кепи!..

Молчаніе. Слуга разводитъ руками; одна изъ женщинъ подбоченивается, какъ бы говоря этимъ:

— Вотъ присталь: да что я за дура, буду я сама себя съ руками выдавать!..

Почтенная госпожа, видя что дѣло плохо разъясняется, снова направляется къ звонку, чтобы призвать предъ очи господина остальную прислугу дома для дальнѣйшаго допроса.

Чѣмъ весь этотъ допросъ кончился—художникъ въ картинѣ не выразилъ и указанїй на это никакихъ не сдѣлалъ. Полагаемъ, что они даже и лишнія: достаточно того, что всѣ лица, взятыя имъ для своей картины, превосходно переданы и каждое само за себя говоритъ—а кромѣ этого ничего и не нужно. Впрочемъ, пожалуй, иной назойливый и прилипчивый зритель будетъ неотступно приставать, прося разъяснить томящїй его вопросъ:

— Кто же изъ сихъ изображенныхъ на картинѣ миловидныхъ женщинъ такъ неблагоуразумно не умѣлъ спрятать концы?

Но отчего же женщинъ? Быть можетъ онъ тутъ, какъ говорится, и не причѣмъ: можетъ быть слуга угощалъ прїятеля и не успѣлъ его во время убрать изъ господскихъ комнатъ—развѣ это невозможно? Художникъ вовсе этимъ вопросомъ и не задавался; его задача была—изобразить сцену взятую изъ жизни, и нѣсколько комичную по своему содержанію. Это онъ достигъ вполне и даетъ намъ возможность любоваться его художественнымъ произведенїемъ.

Д. Стах.

Изъ Парижскаго Шахматнаго турнира.

Помѣщаемъ замѣчательную шахматную партію, игранную гг. Цукертортомъ и Энглишемъ на Парижскомъ шахматномъ турнирѣ въ 1878 г. 1-й призъ получилъ И. Г. Цукертортъ изъ Познана, 2-й—Винаверъ изъ Варшавы.

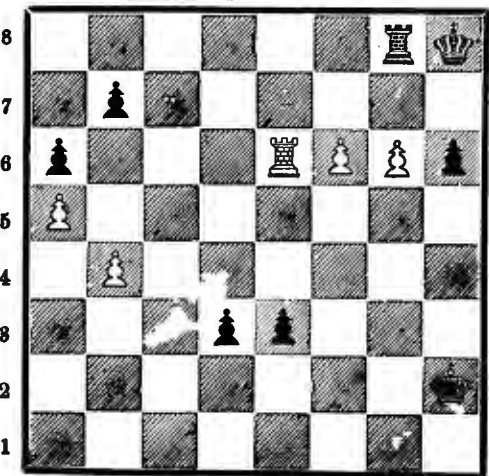
Бѣлые: Цукертортъ.

Черные: Энглишъ.

1) Е 2—Е 4	1) Е 7—Е 5
2) Конь G 1—F 3	2) Конь H 8—C 6
3) Слонъ F 1—C 4	3) Слонъ F 8—C 5
4) В 2—В 4	4) Слонъ C 5—В 6
5) А 2—А 4	5) А 7—А 6
6) D 2—D 4. Лучше было бы А 4—А 5 и потомъ D 2—D 4	6) Слонъ В 6 беретъ D 4
7) Конь F 3 беретъ D 4	7) Конь C 6 беретъ D 4
8) О—О Рокированіе	8) D 7—D 6
9) F 2—F 4	9) Слонъ C 8—E 6
10) Слонъ C 4 беретъ E 6	10) Конь D 4 беретъ E 6
11) F 4—F 5	11) Конь E 6—G 5
12) Конь В 1—C 3	12) H 7—H 6 грозило H 2—H 4
13) Слонъ C 1—E 3	13) Конь G 8—F 6
14) Ферзь D 1—D 3	14) Конь G 5—H 7
15) А 4—А 5	15) Ферзь D 8—D 7
16) Конь C 3—D 5	16) Конь F 6 беретъ D 5
17) Е 4 беретъ D 5	17) F 7—F 6
18) C 2—C 4 Здѣсь скорѣе было бы на мѣстѣ ходъ H 2—H 4 чтобы задержать Кони H 7 отъ слѣдующаго хода	18) Конь H 7—G 5
19) H 2—H 4	19) Конь G 5—F 7
20) Ферзь D 3—E 4	20) C 7—C 6
21) Ладья А 1—D 1	21) О—О Рокированіе
22) C 4—C 5	22) Ладья F 8—D 8
23) C 5 беретъ D 6	23) Ферзь D 7 беретъ D 6
24) Слонъ E 3—C 5 Потерянный темпъ лучше было бы сразу ферзь E 4—G 4	24) C 6 беретъ D 5
25) Ферзь E 4—G 4	25) Ферзь D 6—D 7
26) Ладья D 1—D 3	26) E 5—E 4 Вмѣсто этого хода слѣдовало D 5—D 4, чтобы не допускать внослѣдствіи Слона C 5 къ атакамъ.
27) Ладья D 3—G 3. Черные пользуются двумя связанными средними пешками Бѣлые могутъ спасти игру только отчаянной атакой.	27) Конь F 7—E 5
28) Ферзь G 4—H 5	28) Король G 8—H 8
29) Слонъ C 5—E 3	29) Ферзь D 7—E 8
30) Ладья G 3—G 6	30) Конь E 5 беретъ G 6
31) F 5 беретъ G 6	31) Ферзь E 8—F 8. Здѣсь слѣдовало Ферзь E 8—E 7
32) G 2—G 4	32) D 3—D 4
33) Слонъ E 3 беретъ H 6 Превосходный ходъ.	33) G 7 беретъ H 6
34) G 4—G 5	34) Ферзь F 8—G 7. Г-ну Энглишъ понадобилось 55 минутъ на этотъ, дѣйствительно замысловатый ходъ. Все таки проче и вѣрнѣе было бы Ладья D 8—D 7
35) G 5 беретъ F 6	35) Ферзь G 7 беретъ G 6 +
36) Ферзь H 5 беретъ G 6	36) Ладья D 8—G 8
37) H 4—H 5	37) E 4—E 3
38) Ладья F 1—F 4	38) Ладья A 8—D 8. Здѣсь слѣдовало сразу Ладья A 8—F 8
39) Ладья F 4—E 4	39) Ладья D 8—F 8
40) Ладья E 4—E 6	40) Ладья G 8 беретъ G 6 +
41) H 5 беретъ G 6	41) Ладья F 8—G 8
42) Король G 1—H 2. Весьма трудный и интересный конецъ, выработывается съ обѣихъ сторонъ съ большой ловкостью.	42) D 4—D 3. Если черные бьютъ G
- Пешку, то бѣлые играютъ такъ:
42)	42) Ладья G 8 беретъ G 6
43) F 6—F 7	43) Король H 8—G 7
44) Ладья E 6 беретъ G 6 +	44) Король G 7 беретъ F 7
45) Ладья G 6—G 1	45) D 4—D 3
46) Король H 2—G 2 и выигрываетъ	
- 43) Ладья E 6 беретъ E 3 Этимъ ходомъ бѣлые даютъ изъ рукъ выигрывать. Мы ниже дадимъ это расположеніе какъ задачу.
43) D 3—D 2	44) Король H 8—H 7
44) G 6—G 7 +	45) Король H 7—G 6
45) Ладья E 3—D 3	46) Король G 6 беретъ F 6
46) Ладья D 3 беретъ D 2	47) Король F 6 беретъ G 7
47) Ладья D 2—D 6 +	48) Король G 7—F 6
48) Ладья D 6—D 7 +	49) Ладья G 8—A 8 и игра оканчивается крѣпшею.
49) Ладья D 7 беретъ B 7	

Шахматная задача.

Расположеніе изъ партіи Цукертортъ-Энглишъ. Черные.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ, какими ходами?

Рѣшеніе ариометрическаго помѣщеннаго въ № 34: Абрикось.

Опечатка. Въ № 35 „Нивы“ на страницѣ 642 подъ рисункомъ, изображающимъ Радиометръ, напечатано въ скобкахъ: „Измѣритель солнца“; слѣдуетъ читать: „Измѣритель лучей солнца“

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Хабаровна (на Амурѣ). Зейфарту. Утѣшительнаго ничего вамъ сказать не можемъ и очень объ этомъ жалѣемъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Городъ Ялта и его окрестности (съ рисункомъ) Л.—Царь-дѣвица. Историческій романъ Вс. Соловьева (продолженіе).—Лифляндія и Курляндія (съ 2 рисунками).—Городъ Кременчугъ (съ рисункомъ) Н.—Выставка Анклизации въ Москвѣ (съ рисункомъ) В. А.—въ.—Леопардъ и Антилопа (съ рисункомъ).—Послѣдній день Коринѳа (съ рисункомъ) Z.—Улица на лицо (съ рисункомъ) Д. Стах.—Шахматная задача.—Рѣшеніе ариометрическаго. — Опечатка. — Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СѢРНЫЯ

железныя, соляныя, крейцнахскія и другія медиц. ванны въ

Водолечебницѣ Д-ра ЛЕВИСЪ.

въ С.-Петербургѣ, по Мойкѣ близъ Краснаго моста.

Лечение минеральными ваннами примѣняется тамъ, гдѣ необходимо возстановить силы организма и улучшить питаніе его; во всѣхъ болѣзняхъ золотушнаго свойства, въ ревматизмѣ, параличѣ, нервн. страданіяхъ, наложныхъ сыпяхъ, меркуриальномъ худосочіи, общей нервозности и безсонницѣ.

ПРИЕМЪ ВОЛЬНЫХЪ ДЛЯ ПРИХОДЯЩИХЪ И НА ПОЛНОМЪ ПЕНСИОНѢ.

Водолечебница Д-ра Левисъ открыта въ продолженіи всего года; приемъ больныхъ ежедневно отъ 7 часовъ утра до 5 часовъ вечера. № 196 2—2

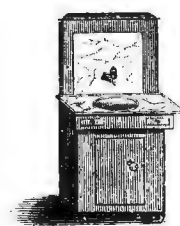
ОТЪ ЖЕНСКАГО УЧЕБНАГО ЗАВЕДЕНІЯ

Кн. О. Н. МЕЩЕРСКОЙ.

Съ наступающаго учебнаго года открывается V классъ, кромѣ существующаго уже приготовительнаго и 4-хъ слѣдующихъ классовъ гимназическаго курса. Приемные экзамены для желающихъ поступить вновь въ учебное заведеніе будутъ производиться 31-го Августа, 1-го и 2-го Сентября. Программы можно получать во всякое время въ помѣщеніи учебнаго заведенія на Малой Дмитровкѣ, д. Шубиной, для личныхъ же переговоровъ просить обращаться съ 11-го Августа по повѣдѣніямъ, средамъ и субботамъ отъ 12-ти до 3-хъ часовъ пополудни. № 179 2—1

Умывальники,

Ватерклозеты, Биде, Ванны, Души, Самокаты для больныхъ, Десятичные вѣсы, Каминны и Принадлежности для камина, Чугунные столы съ мраморными досками, Желѣз. складныя кровати и Матрацы, Денежныя шкатул-

ки, Вентиляторы, Самодѣйствующій аппаратъ для стирки, Выжималки для бѣлья, Водоочистительныя машинки, Мясорубки, Машинки для колотья сахара, Ножницы, Прочистки, Кофейныя мельницы, Спиртовныя кофейники и разн. хозяйственныя принадлежности.

№ 189 И. Э. Милькъ. Большая Морская № 39. 1—1

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ВЪ РИГѢ,

симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ ДЕРЕВАМЪ, РАСТЕНІЯМЪ и пр. на 1878—1879 г.

изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ второй серии.

Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковыя, посылаются каталоги также бесплатно, смотря по заявленію на русскомъ языкѣ, или на французскомъ и нѣмецкомъ. № 102 3—1

И Г Р Ы .

Шахматы отъ 1 р. 25 коп. до 3 р., домино-лото отъ 1 р. 50 к. до 3 р., шашки отъ 15 к., домино отъ 75 к. до 5 р. 50 к., доски изъ шахматамъ и шашкамъ отъ 75 к. до 4 р. 50 к., лото отъ 30 к. до 5 р., столовый прокетъ въ 4 р., дачный прокетъ отъ 6 р. до 20 р.; туль-же вещи изъ накладнаго золота никогда не чернѣютъ: броши отъ 1 р. 50 к., браслеты отъ 2 р. 50 к., серьги отъ 35 к. до 5 р., кольца отъ 75 к. colliers (ожерелья) отъ 2 р. 50 к., цѣпочки отъ 2 р. до 7 р. 50 к., въ депо бѣлья изъ бумаги въ магазинѣ Нюрнберга, въ старомъ гостинномъ домѣ Шаховскаго въ Москвѣ. № 201 2—1

ВЪ МАГАЗИНѢ КНИГЪ М. И. ПОПОВА.

Малая Садовая, д. № 2.

Продается новая книга: Подарокъ молодымъ хозяйкамъ Часть III. Составила Елена Малоховецъ ч. 2 р. Эта 3-я часть заключается въ себя: 3 плана домовъ, 372 указанія полезныя въ домашнемъ хозяйствѣ, относительно старья бѣлья, чистки различныхъ матерій, шпиль, перьевъ, перчатокъ, кружевъ, металлическихъ вещей, зеркалъ, обоевъ, ковровъ, пуху, половъ и мебели, отчасти вывода различныхъ пятенъ и масляныхъ, склеиваніе различныхъ вещей, приготовленіе чернилъ, ваксы, мыла, душистой воды, помады, пудры и проч. 1316 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней взрослыхъ и дѣтей 200 указаній на уходъ, открываніе и болѣзней домашнихъ птицъ и животныхъ. Всего 2100 номеровъ. № 202 2—1

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 37 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 11 Сентября 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫПРОЕКТЪ. Цена этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ «Нивѣ» принимаются по 25 к. за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресенья) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . . . 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ книж. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи . . . . . 6 „

Также принимается подписка на 1/2 года съ 1 Юля 1878; безъ дост. 2 р., съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. иностр. 3 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложенія объявленій въ «Нивѣ» иногдъ по 5 р. съ тысячи, городскимъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи, неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1878 г. №№ «Нивы» со всѣми приложеніями.

Томасъ Эдисонъ, изобрѣтатель фонографа, аэрофона и мног. друг.

Мы уже говорили въ свое время о изобрѣтеніяхъ г. Эдисона. (См. Ниву с. г. № 15, 16 и 19). Теперь, по поводу помѣщаемого портрета, представляется случай, сообщить нѣсколько данныхъ изъ биографіи этого замѣчательнаго человѣка.

Т. А. Эдисонъ родился въ февралѣ 1847 г. Родители его были бѣдны, занимались они земледѣліемъ въ Миланѣ, въ штатѣ Огайо. Поэтому-то Эдисонъ могъ получить лишь элементарное школьное образованіе и, еще бывши 11 лѣтнимъ ребенкомъ, долженъ былъ самъ зарабатывать себѣ хлѣбъ насущный. Для бѣдняковъ-родителей лишній ротъ былъ обременителемъ. Мальчикъ занялся розничною распродажею газетъ на улицахъ, прилегающихъ къ Большой Тренской желѣзной дорогѣ. Нѣсколько лѣтъ прошло въ этой едва-едва оплачивающейся торговлѣ. Но вдругъ молодому разнощику газетъ пришла оригинальная мысль, продавать проходящимъ листокъ своего собственнаго издѣлія. Металлическихъ типографскихъ буквъ ему удалось гдѣ-то

Томасъ Эдисонъ. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

достать. Онъ насаживалъ эти буквы на вращающійся валикъ, дѣлая при этомъ правильный типографскій наборъ. Валикъ проходилъ по намоченной бумагѣ, и получался довольно сносный оттискъ, въ которомъ трактовалось о событіяхъ дня. Это былъ короткій летучій листокъ,—продажа котораго шла не безъ успѣха. Листокъ былъ еженедѣльный и заводъ его, т. е. количество печатаемыхъ экземпляровъ, доходило до 700. Но вотъ разъ Эдисонъ помѣстилъ въ своемъ листѣ скандальную исторію одной дамы, жившей на одной изъ станцій желѣзной дороги. Поднялась буря, возникло неприятое судебное дѣло—и въ результатѣ Эдисонъ долженъ былъ повинуть изданіе своего листка...

Послѣ этой неудачи Эдисонъ поступаетъ служить на одну изъ телеграфныхъ станцій, въ качествѣ отпращивающаго ночныхъ депешъ. И вотъ здѣсь-то чудеса, производившіяся электрическими аппаратами, возбудили и наэлектризовали изобрѣтательный гений юноши. Эдисонъ веворѣ предло-

жилъ своему непосредственному начальнику устроить такой электрической аппаратъ, посредствомъ котораго можно бы было, при одной телеграфной проволоцѣ, одновременно посылать депеши по всѣмъ направленіямъ...

Въ отвѣтъ на это, начальникъ покачалъ головою и подумалъ, что бѣдный молодой человѣкъ сошелъ съ ума. Боясь, чтобы своими выдумками Эдисонъ не скомпрометировалъ его, онъ далъ ему отставку.

Но, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, изобрѣтеніе было украдено у Эдисона однимъ ловкимъ спекуляторомъ и безцеремонно выставлено помянутымъ спекуляторомъ подъ его собственнымъ именемъ. Тщетоу протестовалъ противъ такого налага присвоенія бѣдный Эдисонъ, и долженъ былъ снова поступить на телеграфъ въ качествѣ рабочаго.

Но дѣло Эдисона все-таки произвело нѣкоторый шумъ и геніальный телеграфистъ нашелъ возможность увѣрить своего новаго патрона, что онъ, Эдисонъ, изобрѣлъ превосходное средство для усовершенствованія взаимныхъ телеграфическихъ сообщений между двумя путями. Произведенные въ этомъ смыслѣ опыты были исполнены при дурныхъ условіяхъ и кончились печальною неудачей, повлекшей за собою важныя послѣдствія. Эдисонъ долженъ былъ благодарить судьбу, что остался въ живыхъ...

Но неудачи нисколько не обезкуражили этого сильнаго и предприимчиваго характера. Эдисонъ продолжалъ дѣлать изобрѣтенія за изобрѣтеніемъ.

Нужно бы было исписать цѣлый большой томъ, если бы обстоятельно прослѣдить тотъ блестящій и многотрудный путь, по которому геніальный американецъ пришелъ къ своей европейской славѣ. Достаточно сказать, что въ настоящее время Эдисонъ владѣетъ лабораторіей, устроенной въ *Манхэттен-Паркъ*, въ *Лонг-Исландъ*. Въ лабораторіи этой постоянно занимаются 12-ть лаборантовъ. Занятіе же въ этой лабораторіи самаго Эдисона состоитъ въ изобрѣтеніяхъ...

Съ Эдисономъ заключила условіе телеграфная компанія „Уэстеръ-Унионъ“.

Эта компанія платитъ Эдисону жалованье по 100 *долларовъ* *) въ недѣлю съ тѣмъ, чтобы имѣть право покупки электрическихъ изобрѣтеній у геніальнаго американца. Цѣна же, за которую покупается какое-либо изобрѣтеніе—утверждается особымъ присяжнымъ экспертомъ или арбитромъ. Но если бы упомянутая компанія вздумала отказаться отъ осуществленія своего права (т. е. пользованія изобрѣтеніемъ) то Эдисонъ имѣетъ право непосредственно пользоваться плодами своего изобрѣтенія.

Но все-таки и при этомъ условіи, есть и въ настоящую минуту изобрѣтеніе, котораго полнымъ и безраздѣльнымъ собственникомъ остается самъ Эдисонъ. Напримѣръ *Электрическое перо*. (Изобрѣтеніе о которомъ мы въ свое время говорили въ нашемъ журналѣ „Нива“ 1878 г. № 19). Что касается *фонографа*, то въ его устройствѣ и дѣйствіи строго говоря, электричество не участвуетъ, а потому и компанія „Уэстеръ-Унионъ“ не можетъ имѣть права собственности на это изобрѣтеніе.

О научномъ рвеніи и неутомимости Эдисона свидѣтельствуетъ уже то обстоятельство, что, вмѣсто поѣздки въ Парижъ на всемирную выставку, гдѣ его встрѣтилъ бы совершенно заслуженный триумфъ и гдѣ онъ могъ бы отдохнуть и поужинать,—молодой ученый совершилъ ученую поѣздки въ *Скалистыя горы* **, не смотря на всевозможныя опасности и лишения въ этомъ путешествіи. При этомъ путешествіи Эдисонъ уже носилъ съ собою новый свѣже-изобрѣтенный имъ инструментъ, такъ называемый *микротазиметръ* (инструментъ, для вычисленія самонаибольшихъ движеній). Инструментъ этотъ представленъ былъ Эдисономъ въ засѣданіи Академіи Наукъ 5 минутоваго іюля. Идея новаго инструмента Эдисона весьма проста, какъ и все оригинальныя его идеи. Но детали инструмента чрезвычайно остроумны. Опредѣленіе самонаибольшихъ движеній основано на обыкновенномъ разширеніи и сжиманіи тѣла отъ тепла и холода. Вертикально стоящая мѣдная палочка нагревается, слѣдовательно увеличивается въ длину и, смотря по большей или меньшей степени нагрѣтія, давить и

нажимаетъ своимъ нижнимъ концомъ на маленькій дискъ, сдѣланный изъ угля и помѣщающійся внизу, какъ разъ подъ вертикальною палочкой. Отъ этого дѣйствія палочки возбуждается электрический токъ, совершающій благодаря приспособленному столбикамъ полное вращеніе и образующій полный такъ называемый Вольтовъ кругъ. Стрѣлка на присоединенномъ сюда гальванометрѣ своимъ отклоненіемъ показываетъ силу и напряженіе циркулирующаго тока, а самая сила тока зависитъ отъ силы нажима, какой дѣлаетъ мѣдная палочка на кружокъ изъ угля. Самая же сила нажима палочки зависитъ отъ значительности ея растяженія и слѣдовательно отъ большей или меньшей степени тепла производящаго нагрѣваніе и растяженіе. Все необыкновенно просто. Самыя простыя явленія своей круговой порукой, своимъ сдѣленіемъ достигаютъ важнаго результата потому что новый аппаратъ Эдисона весьма чувствителенъ къ тепловымъ лучамъ.

Сообщимъ здѣсь о новыхъ изобрѣтеніяхъ г. Эдисона, а именно о аэрофонѣ и мегафонѣ.

Скажемъ сначала объ одномъ. Это—паровой рупоръ или аэрофонъ, который по пользѣ отъ него ожидаемой, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Онъ сообщаетъ органной трубѣ или свистку паровой машины способность издавать членораздѣльные звуки, то есть *произноситъ слова* подобно тому, какъ произносимъ мы. Приборъ этотъ основанъ на слѣдующемъ: если взять органную трубу, соединенную посредствомъ особой трубки съ сильнымъ воздушнымъ мѣхомъ, и въ эту особую трубку вставить небольшой приборъ изъ тонкой пластинки, дрожанія которой передаются клапану, могущему суживать и расширять отверстіе трубки, соединяющей органную трубу съ мѣхомъ, тогда при произнесеніи какого либо слова надъ воронкообразнымъ отверстіемъ *прибора изъ тонкой пластинки*, другая пластинка, вставленная въ соединительную трубку прибора, восприметъ колебанія воздуха и начнетъ дрожать соотвѣтственно произносимымъ словамъ; ея дрожанія передадутся клапану и произведутъ рядъ сгущенныхъ и разрѣженныхъ волнъ въ воздухѣ, проходящемъ по соединительной трубкѣ, и отъ этихъ-то колебаній воздуха органная труба начнетъ повторять слова, сказанныя въ означенное отверстіе. Это изобрѣтеніе составляетъ дальнѣйшее развитіе изобрѣтенія телефона и фонографа, о которыхъ мы въ свое время подробно сообщали на страницахъ нашего журнала. Есть предположеніе, что этотъ описываемый здѣсь паровой рупоръ будетъ примѣненъ къ паровымъ свисткамъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, по крайней мѣрѣ самъ изобрѣтатель г. Эдисонъ увѣряетъ въ этомъ.

По утверженію его, слова, произносимыя аэрофономъ, слышны на разстояніи шести верстъ. Изобрѣтатель возлагаетъ громадныя надежды на этотъ свой приборъ и общаетъ ему блестящую будущность. Такъ, напримѣръ, онъ находитъ, что паровой рупоръ или аэрофонъ можно примѣнить въ слѣдующихъ случаяхъ: паровозы, снабженныя аэрофономъ будутъ произносить, съ соотвѣтствующею силою звука, названіе каждой станціи, продолжительность остановки и т. п. На ходу паровоза могутъ быть передаваемы распоряженія начальствующихъ лицъ и т. п. Пароходы будутъ въ состояніи издали вести переговоры одинъ съ другимъ. Маяки получаютъ возможность во время тумановъ и бурь предостерегать суда о грозящей имъ опасности. Кромѣ того аэрофонъ можетъ быть примѣненъ въ различныхъ случаяхъ, которыхъ здѣсь нѣтъ возможности перечислить. Въ настоящее время изобрѣтеніе это находится на Парижской всемирной выставкѣ.

Кромѣ этого изобрѣтенія, имѣющаго впрочемъ то же нѣкоторую съ нимъ связь, обращаетъ на себя еще другое изобрѣтеніе Эдисона, а именно *мегафонъ*. Это—большой аппаратъ, дѣйствующій отъ тѣла или въ связи съ фонографомъ и телефономъ. Онъ усиливаетъ звукъ по желанію и можетъ довести его до интенсивности во 100 разъ болѣе, чѣмъ обладаетъ натуральный звукъ. Мегафонъ служитъ прекрасно для глухихъ, а для обыкновенныхъ смертныхъ отчетливо усиливаетъ самый слабый звукъ на очень большомъ разстояніи. Его первое и элементарное приложеніе будетъ въ театрахъ и большихъ публичныхъ собраніяхъ.

Стр.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XI.

Наконецъ Родимица ввела Любу въ укромный покойчикъ, гдѣ никого не было, и заперла за собою дверь.

*) На наши деньги, долларъ равенъ 1 р. 32, 77 коп.
**) Скалистыя горы проходятъ вдоль западной части сѣверной Америки. Это горы первобытныхъ образованій, почти цѣлкомъ составленныя изъ гранита.

— Пожди здѣсь минутку, сказала она, я пойду доложу царевнѣ, она въ этотъ часъ всегда одна бываетъ у себя, вотъ тутъ за этой дверью...

Родимица исчезла, а Люба стояла ни жива, ни мертва, не смѣядохнуть.

Прошло минуты двѣ, три, показавшіяся ей долгимъ

часомъ. Все было тихо, только она слышала какъ стучить ея сердце.

Наконецъ маленькая дверь, въ которую скрылась Родимица, приотворилась, кто то сказалъ тихимъ голосомъ:

— Войди!

Люба машинально ступила нѣсколько шаговъ и очутилась въ другомъ покоѣ, болѣе просторномъ, чѣмъ первый.

Покой этотъ былъ рабочей комнатою царевны Софьи. Отдѣлка его отличалась большой роскошью. Потолокъ былъ писанъ хитрымъ, разноцвѣтнымъ узоромъ; на полу ковры богатые; изъ чужихъ странъ выписанная мебель; на стѣнкахъ зеркала венеціанскія; въ переднемъ углу подъ образами высокое, покойное кресло, а рядомъ столъ съ книгами, бумагами, перьями и чернильницей въ видѣ глобуса. Но Люба не видѣла ничего этого—вступивъ въ комнату, она очутилась прямо лицомъ къ лицу съ прекрасной молодой женщиной, одѣтой въ бархатную душегрѣбку, отороченную соболемъ.

Густые, облокурные волосы этой женщины были перериты крупнымъ жемчугомъ; глубокіе, темносиніе глаза съ любопытствомъ и участіемъ остановились на лицѣ Любы, немного рѣзко очерченныя полныя губы ей ласково улыбнулись.

Люба сразу поняла, кто передъ нею, сразу нахлынуло на нее все прежнее, всѣ ея юныя, даже еще дѣтскія мечты; съ новою силою вспыхнула въ ней страсть къ Царь-дѣвицѣ и съ неудержимымъ, сладостнымъ рыданіемъ упала она въ ноги стоявшей передъ нею и улыбавшейся ей красавицѣ.

— Что съ тобой, милая? о чемъ ты плачешь? встань! звучнымъ голосомъ проговорила царевна—тебѣ нечего плакать.—А и то поплачь пожалуй! прибавила она съ новой улыбкой—этими послѣдними слезами все твое старое горе и выльется. Знаю я, слышала, много ты натерѣлась, какъ тебя звать то? Люба, Любушка... Хорошо ты сдѣлала, Люба, что пришла ко мнѣ—я тебя врагамъ твоимъ не выдамъ, о тебѣ позабочусь, я буду любить тебя, Люба! я ужь и люблю тебя, потому что слышала, что ты заочно меня полюбила. Встань же, поднимись, дай посмотрѣть на тебя...

Очарованная этими милыми, ласковыми словами, исполненная радости и счастья, поднялась Люба и съ нѣмымъ обожаніемъ взглянула на царевну.

— Ахъ, да какая же ты красавица! сказала Софья, и впрямь—Люба... только, Боже мой, ты все это въ своемъ кафтанишкѣ, въ которомъ бѣжала, ахъ какой старый, да грязный, чай тебѣ въ немъ холодно было дорогою?

И царевна, все улыбаясь и лаская Любу своимъ глубокимъ взглядомъ, разсматривала ея кафтанъ, всю ея одежду.

— Федорюшка! крикнула она, наконецъ.

Родимица явилась.

— Скорѣе, скорѣе выбери изъ моей одежды, поди переодѣнь ее, причеши и тогда придите опять ко мнѣ. А ужь серьги и другія украшенія я сама выберу.

Родимица взяла Любу за руку и вывела ее изъ царевниной комнаты.

Оставшись одна, Софья еще нѣсколько разъ улыбалась, качнула головою.

Славная дѣвка! подумала она,—и красивая и смѣлая, изъ нея прокъ будетъ, а мнѣ нужно набирать такихъ. Будь у меня ихъ побольше, я бы изъ нихъ полкъ амазонокъ сдѣлала и съ этимъ полкомъ весь міръ завоевала бы.

Царевна прошла по комнатѣ, подошла къ столу, придвинула кресло и стала разбирать книги. Царевнина библиотека состояла изъ цвѣта тогдашней русской литературы, и содержаніе этихъ книгъ указывало на большую любознательность и замѣчательную по тогдаш-

нему времени образованность Софьи. Здѣсь была и книга, переведенная монахомъ Епифаніемъ Славинскимъ „уставы граждано правительственные изъ первой книги фукидитовой исторіи и изъ конца панегирика Трояну, Плинія младшаго“; двѣ части географіи: Европа и Азія; книга врачебной анатоміи Андрея Весселия Букселенска; объ убіеніи краля ангельскаго (англійскаго короля Карла I), „гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ“; переводъ ученаго монаха Арсенія Сатановскаго „о градѣ царскомъ“ и поученіе нѣкоего учителя именемъ Мефрета“. Были здѣсь и книги, сочиненныя и изданныя учителемъ царевны, знаменитымъ Симеономъ Полоцкимъ.

Софья развернула одну изъ нихъ, посвященную ей учителемъ и съ обращеннымъ къ ней стихотворнымъ предисловіемъ.

Она прочла:

О благороднѣйшая царевна Софья,
Ищещи премудрости выну небесныя.
По имени твоему (Софія—мудрость) жизнь твою ведеши:

Мудрая глаголеши, мудрая дѣеши...
Ты церковныя книги обыкла читати,
И въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати...

— Вонъ какъ расписалъ меня учитель! усмѣхнулась про себя царевна „ищещи премудрости выну небесныя... по имени твоему жизнь твою ведеши“... Нѣтъ, гдѣ ужь мнѣ до небесной премудрости—не до небесъ теперь! Бывало, при батюшкѣ, не о чемъ было житейскомъ и думать, тогда, точно, мысль высоко летала въ сферахъ премудрости Божіей...

„Чудное, золотое, время! гдѣ оно теперь? думала Софья,—все измѣнилось... Вотъ сколько времени ни одной книги и въ руки не брала, чай ужь многое позабыла, что знала прежде, да гдѣ ужь тутъ!—неотложныхъ заботъ много... вонъ брату Федору день ото дня хуже становится: того и жди умереть, и, если я не съумѣю устроить нашего дѣла, тогда мы всѣ погибли. Люгая злодѣйка моя, царица Наталья, на мнѣ первой выместитъ свою злобу, а будетъ подростать Петръ, такъ чего мнѣ ждать отъ него! Его ужь и теперь приучили ненавидѣть меня и всѣхъ насъ. Скоро, скоро тогда добьются они нашей казни... всѣхъ насъ изведутъ Нарышкины... Нѣтъ, не время читать книги, не время учиться—нужно весь разумъ напрягать къ тому, чтобы спасти животь свой и своихъ близкихъ... Да что, если и въ живыхъ оставить, если не изведутъ тѣмъ или другимъ способомъ, если даже и въ монастырь какой далекій не заточатъ, такъ при Нарышкиныхъ развѣ будетъ мнѣ какая нибудь воля, развѣ буду я имѣть хоть малѣйшее значеніе?.. Мнѣ придется запереться въ этомъ теремѣ, распротиться со всякой живой жизнью: ѣсть, пить, спать, молиться, молебны служить да панихиды, слушать сказки и присказки дурь да карлицъ, жить такъ какъ живали наши бабки, какъ живутъ и теперь тетки Михайловны и мои сестрицы...

Ну что-жъ, если имъ любо, если для нихъ достаточно такой жизни, пусть живутъ себѣ, да мнѣ то этого мало, по мнѣ то это не жизнь, а смерть... хуже смерти! Я задохнусь въ стѣнахъ этого тѣснаго терема... Нѣтъ, мнѣ нужно простору, мнѣ нужно власти.

Но что-жъ дѣлать? вотъ вѣдь думаешь и передумываешь, кажется все идетъ ладно, а смотришь и опять что нибудь зацѣпилось... Вотъ вѣдь совсѣмъ было взяла въ руки я нашу новую царицу Марю, во всемъ она со мной совѣтовалась, на все моими очами глядѣла... анъ подвернулся какой то недобрый человекъ—и ужь она брата Федора за Матвѣева просить...

Нѣтъ, нельзя допустить этого—явится Матвѣевъ и много бѣдъ надѣлаетъ. Всѣ глупые Нарышкины, вмѣстѣ взятые, не такъ страшны, какъ одинъ старикъ Матвѣевъ—это исконный врагъ нашъ. Не на

кого положиться... въ комъ искать себѣ помощи? одна, все одна, тутъ никакого разума не хватитъ... Ежели и правъ учитель, премудрой меня называя, все же дѣла такія великія одной головой не дѣлаются... Дядя Милославскій?.. да, онъ человѣкъ золотой, нужный; но съ нимъ тоже какъ разъ въ бѣду попадешься—выдержки у него нѣту...

Эхъ, есть золотая головка, что на каждый часъ, на каждое время пригодилась бы,—милый другъ мой Васенька, да въ кои то вѣка его увидишь, побесѣдуешь съ нимъ—все онъ въ походахъ да въ походахъ, то сюда, то туда его посылаютъ. Видно пронохали старые вороны его силу орлиную, такъ опасаются, удаляютъ... Вотъ маленькихъ людей набирать нужно—иной разъ маленькіе то люди нужнѣе большихъ оказываются. Дурно что-ли моя Родимица Федорюшка дѣла обдѣлываетъ? обѣщаетъ, что въ скоромъ времени всѣ стрѣльцы на нашу сторону станутъ. И не похвальба это пустая—сама я въ этомъ съ каждымъ днемъ больше и больше увѣряюсь. Да, Федорюшка, служи, служи свою службу, а будетъ на нашей улицѣ праздникъ, такъ тебя я не забуду... По-больше бы мнѣ такихъ Родимицъ!.. Вотъ, кто знаетъ, можетъ и новая слуга вѣрная у меня будетъ!"

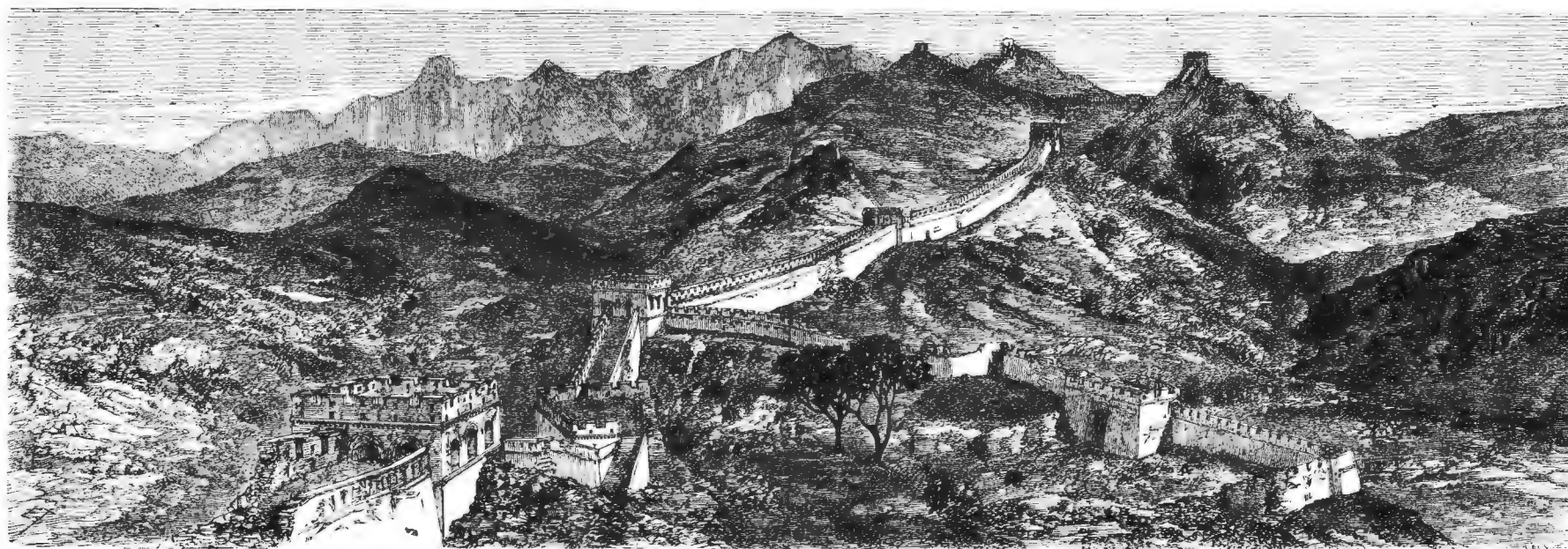
Улыбнулась царица, вспомнивъ смѣшную и милую фигуру Любу въ старомъ кафтанѣ, съ обязанной головою.

„Нужно хорошенько оглядѣть эту дѣвку, сразу она пришлась мнѣ по праву“, подумала она.

А Люба уже стояла передъ царицей, снаряженная и наряженная Родимицей. На ней была голубая шелковая сорочка, стянутая алымъ поясомъ, и распашная тѣлогрейя, передъ которой былъ весь унизанъ золотыми

пуговками и нашивками. Густые ея волосы были спрятаны въ волосникъ—сѣтку, сплетенную изъ пряденнаго золота.

Въ этомъ нарядѣ Люба не могла показаться смѣш-

Китайская Великая стѣна. По рисунку К. П. рѣзалъ Лали.

но; отъ сочетанія яркихъ цвѣтовъ шелка и золота ея красота выступила въ полной силѣ.

Царица нѣсколько мгновений молчала, любуясь ею.

— Федорюшка, наконецъ обратилась она къ тутъ же стоявшей Родимицѣ, поди принеси мой ларчикъ.

Родимица поспѣшно исполнила это приказаніе. Царица вынула изъ кармана ключъ, отперла имъ принесенный ларецъ рѣзной слоновой кости и стала вынимать одно за другимъ различныя украшенія.

молчатныя камни и жемчуга такъ и блестяли, такъ и переливались всѣми цвѣтами.

Царица выбрала красивое ожерелье изъ крупныхъ гранатъ въ перемежку съ жемчугомъ, яхонтовныя серьжки съ длинными подвѣсками и, милостиво глядя на Любу, сказала:

— Поди ко мнѣ, наклонись, я сама тебѣ вдѣну серьги и повяжу монисто. Это я дарю тебѣ въ знакъ моей милости и надѣюсь, что ты окажешься ея достойной.

Люба склонилась предъ царицей и со слезами на глазахъ прошептала ей свою благодарность.

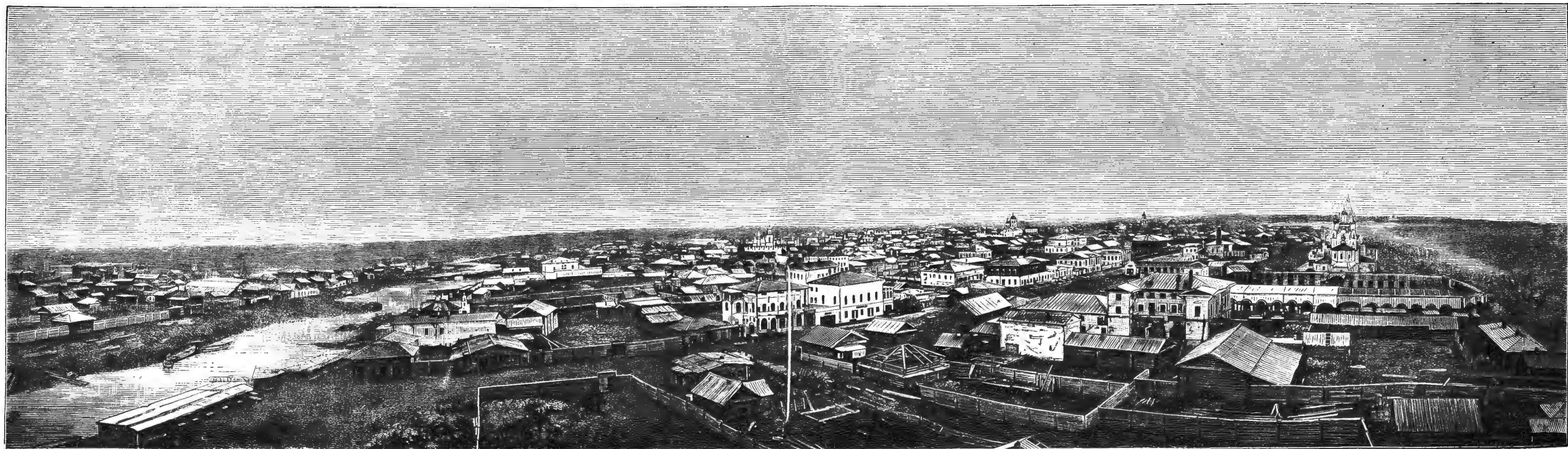
Софья ласково протянула ей руку, и Люба крѣпко прижалась губами къ рукѣ этой. Не обманули ее грезы, не приходится ей раскаиваться въ своей рѣшимости, въ своемъ побѣгѣ—привела ее судьба, по Божьей милости, въ чудный теремъ Царь-дѣвицы, и этотъ теремъ оказался такимъ же волшебнымъ, какимъ она его себѣ представляла, а Царь-дѣвица еще краше, еще милѣе, еще волшебнѣе.

„Боже мой, что-же все это такое? ужъ не сонъ ли опять? не ночныя ли грезы? развѣ наяву можетъ быть такое счастье?“

Она въ первый разъ рѣшилась пристально взглянуть на царицу, и Софья показалась ей какой-то неземной красавицей.

„Не человѣкъ это, а ангелъ Божій!“ съ сердечнымъ трепетомъ подумала Люба. И этотъ ангелъ ласково глядитъ на нее, грѣшную, зем-

ную Любу, и улыбается ей, и осыпаетъ ее милостями. Чѣмъ же она заслужила все это? Чѣмъ же заслужить? Да, отнынѣ вся жизнь ея принадлежитъ царицѣ, за нее пойдетъ она въ огонь и воду, по первому ея знаку умереть и будетъ счастлива, что умереть за нее.

Общій видъ города Енисейска. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Софья зорко слѣдила за выраженіемъ лица Любы и повидимому читала ея мысли.

Она не могла не замѣтить какое сильное впечатлѣніе произвела на дѣвушку и нарочно усугубляла свои ласки и улыбки, для того, чтобъ окончательно заворожить ее, приобрести ее въ полное свое владѣніе.

Когда нарядъ новой теремной жилицы былъ вполнѣ оконченъ, царевна приказала ей сѣсть на низкую парчевую скамейку рядомъ съ собою и стала ее обо всемъ разспрашивать.

Люба, сначала запинавшаяся отъ восторга и смущенія, наконецъ подъ обаятельнымъ и ласковымъ взглядомъ Софьи успокоилась и всю свою душу высказала передъ Царь-дѣвицей.

Софья слушала ее съ видимымъ удовольствіемъ. Ей становилось ясно, что она не обманулась въ своихъ надеждахъ, возлагаемыхъ на эту смѣлую, такъ неожиданно и странно явившуюся къ ней дѣвушку.

„Большой прокъ будетъ изъ этой Любы, думала она. Кто знаетъ, можетъ я въ ней нажила себѣ незамѣнимаго человѣка. Не обидѣлъ ее Господь разумомъ, хоть она и совсѣмъ еще ребенокъ.“

Точно также поправилось царевнѣ и то, что Люба грамотна. Она сейчасъ же развернула одну изъ книгъ, лежащихъ на столѣ, и протянула ее Любѣ.

— Ну-ка вотъ прочти мнѣ, посмотрю какъ ты читаешь.

Люба взяла дрожащими руками книгу, щеки ея зардѣлись румянцемъ.

„А вдругъ не съумѣю! съ ужасомъ подумала она, вѣдь давно въ рукахъ книгъ не было, пожалуй разучилась. Господи, помоги мнѣ!“

Взглянувъ на развернутую передъ ней страницу знаменитаго сборника „О градѣ царскомъ“ она съ отчаяніемъ увидѣла, что многія буквы какъ то странно выставлены и она ихъ не знаетъ. Но тутъ рѣшается для нея вопросъ очень важный и ясно, что царевнѣ будетъ приятно, если она съумѣетъ прочесть хорошо. И она, напрягая все свое вниманіе, стараясь успокоиться, рѣшилась и прочла:

„Обрѣтаютъжеся еще повѣсти на всякую вещь, философъ, царей, врачеваніе на многовидныя болѣзни, обычаи различныхъ языковъ, положеніе странъ, выпсрь горь, различныя сѣмена, злаки травныя, притчи и иная многая собранная и въ едино мѣсто совоупленная. А сложено то все разумомъ и прикладомъ въ Троицѣ Св. Единому, ко ангеламъ, къ человѣку и его добродѣтелямъ и злобамъ, такожде и къ коварству демоновъ и къ похваленію святыхъ Божіихъ, къ хуленію же еретиковъ удивительнымъ прировнаніемъ и свидѣтельствомъ Ветхаго и Новаго Завѣта писанныя и съ толкованіемъ учителей церковныхъ приводятся...“

— Э, да ты славно читаешь! похвалила ее царевна, въ этомъ превзошла даже мою Федорушку, та вотъ до сихъ поръ сложить азъ да буки да и запнется. Я тебѣ ее подъ начало отдамъ.

— Нѣтъ ужъ уволь, царевна, замѣтила улыбаясь Родимица,—поздно мнѣ учиться грамотѣ, да авось и безъ книгъ проживу. А коли придется цидулку какую прочесть нужную, такъ на это меня хватить.

Однако нужно было подумать о томъ, чтобъ опредѣлить положеніе Любы въ теремѣ царевны. Всѣ должности были конечно уже разобраны, да на нѣкоторыя еще имѣлось не мало кандидатовъ.

— А вотъ что, Федорушка, подумавши сказала Софья, пусть будетъ Люба твоей помощницей, авось вы не погрызетесь какъ станете стлать мою постелю. Къ тому же тогда я часто буду видѣть ее, а мнѣ хочется съ ней ознакомиться. Не даромъ же она столько верстъ прошла, чтобъ до меня добраться...

Родимица ничего не имѣла противъ этого распоряженія царевны: она была вовсе не зла и не завистли-

ва, только много бранилась и ссорилась съ остальными царевными женщинами, особенно со старухами, и ей даже пріятно было имѣть въ Любѣ новую союзницу.

ХИ.

Люба очень скоро свыклась со своимъ положеніемъ. Только первые дни ходила она какъ въ туманѣ и каждый вечеръ ложилась въ постель необыкновенно уставшею. Да и какъ было не утомиться ей въ царскомъ теремѣ, рядомъ съ которымъ перхуловскій домъ представлялся такимъ крохотнымъ и тихимъ.

Московскій теремъ вмѣщалъ въ себѣ несмѣтное число женщинъ всѣхъ возрастовъ; съ утра и до вечера по его покоемъ, переходамъ, корридорамъ и галлерейкамъ, взадъ и впередъ, то и дѣло сновали всякія теремныя жилицы, начиная съ прислуги и кончая боярынями, приближенными къ царевнѣ. И весь этотъ людъ заинтересовался новой жилицей Любой. Всѣ спѣшили съ ней перезнакомиться, узнать кто она, откуда, что за птица. Нѣсколько десятковъ разъ приходилось ей рассказывать про себя одно и тоже, выслушивать одни и тѣ-же замѣчанія.

Старухи накидывались на нее, порицали ея поступокъ, ея неслыханную смѣлость и прямо въ лицо объявляли ей, что пути изъ нея не будетъ. Молодые завидовали ея счастью, тому, что она безъ всякихъ заслугъ со своей стороны, невѣдомо откуда пришедшая, сразу оказалась въ любимицахъ царевны Софьи.

Люба должна была держать ухо востро, обдумывать каждый свой шагъ, каждое слово, чтобъ не нажить себѣ лишнихъ и опасныхъ враговъ и чтобъ, напротивъ, приобрести кое-какихъ пріятельницъ.

Впрочемъ она скоро оказалась разумной и разсудительной; смущеніе и робость первыхъ дней прошли. Царскій теремъ и даже сама Царь-дѣвица уже не казались ей сновидѣніемъ, она поняла, что живетъ и что нужно уразумѣть смыслъ той жизни, которая ее окружаетъ.

Въ перхуловскомъ домѣ, приниженная, оскорбляемая и обязанная сносить безропотно всѣ оскорбленія, она конечно не могла быть сама собою. Здѣсь же ея положеніе оказалось совершенно иное, здѣсь нельзя было безнаказанно обижать ее, да и самое недоброжелательство къ ней должно было скрываться. Она почувала себя въ большемъ просторѣ и выказала всѣ свои способности. На ея лицо вернулась давно позабытая дѣтская улыбка, съ полною и довольствомъ жизни вылетѣло все мрачное изъ мыслей. Ей хотѣлось пѣть, ликовать, и она глядѣла на всѣхъ свѣтлыми глазами, для всѣхъ у ней готово было ласковое слово. И многія изъ тѣхъ, кто съ перваго раза отнесся къ ней недружелюбно, въ короткое время примирились съ ея положеніемъ царевниной любимицы, старались сблизиться съ нею и многія даже заискивали въ ней, надѣясь черезъ ея посредство и ходатайство передъ царевной кое чего добиться. Но Любу провести было трудно. Она безсознательно, инстинктивно чувствовала, кто съ нею искрененъ и кто только прятется подъ ласковую личину. Иной разъ ей даже трудно было удержаться, хотѣлось выразить свое негодованіе какой нибудь лживой женщиной, увѣрившей ее въ дружбѣ, и готовой сейчасъ же вывести на нее какую угодно сплетню. Но она удерживалась и не выказывала своего чувства.

„Да Богъ съ ними! думала она, пускай себѣ лгутъ и притворяются—мнѣ то какое дѣло? лишь бы не потерять милости царевны, лишь бы Федорушка отъ меня не отвернулась.“

Федорушка сдѣлалась ея искреннимъ другомъ и съ ея то помощью, изъ ея рассказовъ, вся подноготная терема скоро стала ясна для Любы.

По своему обыкновенію думая и раздумывая о томъ, что вокругъ нея творится, Люба не могла не вспоми-

нать Суздаля. Двѣ различныя величины, малая и большая—перхуловскій домъ и царскій теремъ, не смотря на все видимое различіе, въ сущности походили другъ на друга—какъ тамъ, такъ и здѣсь женская жизнь являла однѣ и тѣ-же черты, ту же замкнутость и однообразіе. Разница была только въ томъ, что противъ этой замкнутости и однообразія въ перхуловскомъ домѣ безсильно протестовала одна Люба,—здѣсь же возмущеніе началось очевидно не со вчерашняго дня, велось подъ знаменемъ царевны Софьи и нѣкоторыхъ изъ ея сестеръ.

Къ этому возмущенію примкнули всѣ болѣе или менѣе молодыя обитательницы терема, и старухи стоявшія за стародавніе обычаи, оказывались въ меньшинствѣ; но все же онѣ не признавали себя побѣжденными и весьма многія внѣшнія формы жизни велись по старому.

Царскій московскій теремъ въ то время какъ попала въ него Люба былъ весьма обширенъ—его перестроили въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Да и нельзя было иначе—у каждой царевны былъ свой большой штатъ, а царевенъ въ ту пору было немало. Три царевны-тетки, Михайловны: Ирина, Анна и Татьяна, да шесть царскихъ сестеръ Алексѣевенъ: Евдокія, Марфа, Софья, Екатерина, Марья и Феодосія. Кромѣ того двѣ царицы: Наталья Кирилловна съ дѣтьми Петромъ и Натальей, да вторая супруга царя Феодора, только что съ нимъ обвѣнчанная, пятнадцатилѣтняя Марфа Матвѣевна изъ рода Апраксиныхъ.

Еслибы пришлось быть одной хозяйкѣ надъ всѣмъ этимъ многолюднымъ теремомъ, то ей нужно было бы вести жизнь каторжную, потому что нечеловѣческихъ усилий требовалось для веденія такого хозяйства. Кто бы могъ соблюсти миръ, дружбу и спокойствіе между всѣми этими родственниками!

Разсказывали, что покойная царица, первая супруга Алексѣя Михайловича, Марья Ильинична, не дожившая до старости, много намучилась и сократила свою жизнь именно потому, что хозяйничанье въ теремѣ пришлось ей больно солоно.

Вторая супруга Алексѣя Михайловича, Наталья Кирилловна, спаслась отъ хозяйскихъ мукъ только великою къ ней любовью царя, неустанно заботившагося о томъ, чтобъ отстранять отъ нея всѣ непріятности и даже для этой цѣли отдѣльно ее поселившаго.

Теперь, собственно говоря, хозяйки не было въ теремѣ. Наталья Кирилловна съ дѣтьми продолжала жить особо, да ее никто и не считалъ хозяйкой. Въ теремѣ ее ненавидѣли и только помышляли о томъ, какъ бы сдѣлать ей побольше непріятностей. Новая молодая царица едва успѣла ознакомиться съ теремомъ и по своимъ лѣтамъ конечно не могла быть хозяйкой.

Старшія царевны Михайловны пользовались уваженіемъ отъ младшихъ, но очень хорошо понимали, что стоить имъ только заявить право старшинства, какъ это уваженіе превратится въ недоброжелательство, во вражду, успѣшно вести которую у нихъ силъ не хватить. Поэтому онѣ старались держать себя очень тихо и скромно и возвышать свой голосъ только тогда, когда этого непременно требовали отъ нихъ. Къ тому же царевны Михайловны еще имѣли одну причину, замыкаться въ своихъ покояхъ и принимать мало участія въ общей теремной жизни: онѣ сильно были недовольны новыми нравами и обычаями, забравшимися въ теремъ.

Старшая царевна Михайловна, уже шестидесятилѣтняя старушка, въ бесѣдѣ съ духовникомъ своимъ постоянно твердила ему, что грѣхъ великій живетъ нынѣ и въ царскомъ домѣ, что содрогаются кости покойнаго батюшки царя Михаила Феодоровича отъ того срама и ужаса, которые творятся въ его семействѣ.

— Да, не тѣмъ будь помянутъ покойный братецъ,

великій государь Алексѣй Михайловичъ, человекъ онъ былъ добрый и набожный и до насъ ласковый—за это великое ему спасибо, и мы о душѣ его ежечасно молимся,—но все же и онъ взялъ великій грѣхъ себѣ на душу, попалъ таки въ когти дьяволу, допустилъ много зла своею слабостью. И отъ его слабости выросло въ теремѣ древо нечестія, а ужъ теперь, по его смерти, къ племянницамъ намъ зазорно и выгнать—такое у нихъ творится. Бывало, какъ мы были молоды, у насъ въ теремѣ тишь да глядь, да Божья благодать—ни одинъ мужчина заглянуть не смѣетъ, близкихъ родныхъ и тѣхъ не видали, только отецъ духовный и вхожъ былъ къ намъ съ матушкой. Теперь же племянницы цѣлую орду мужчинъ въ теремъ нагнали: всѣ Милославскіе ходятъ, да и не вѣсть кто. А ужъ про племянницу Софью и говорить нечего—та совсѣмъ какъ басурманка какая живетъ, прости Господи!...

Какъ же было и не жаловаться старой царевнѣ на новые порядки теремной жизни? Она выросла въ строгихъ нравахъ. Въ ея время царица и царевны почти никогда не выходили изъ своихъ покоевъ, проводя круглый день въ обществѣ приближенныхъ женщинъ и дѣвушекъ изъ лучшихъ родовъ боярскихъ. Всѣ занятія и развлечения ихъ состояли въ вышиваніи да нарядахъ, и некому было полюбоваться на красоту ихъ—не попадались онѣ на глаза ни одному мужчине, даже государя рѣдко видывали, никогда не обѣдали за однимъ столомъ съ нимъ. Самыя приближенныя къ государю лица, посѣщавшія царскій дворецъ ежедневно въ теченіи многихъ лѣтъ, зачастую ни разу не видали царицы и царевенъ. Даже и врачъ никогда не могъ ихъ видѣть. Если случится съ царицей или царевной болѣзнь какая и оказывается необходимымъ присутствіе доктора, то сначала всю комнату большой, всѣ окна завѣсятъ черными занавѣсками, чтобъ было темно какъ ночью, и тогда только впускаютъ врача. Нужно ему пощупать пульсъ у больной, такъ руку ея окутаютъ тонкимъ покровомъ, чтобъ врачъ не могъ коснуться ея тѣла.

Случится нужда выѣхать царицѣ и царевнамъ на богомолье, такъ ѣдутъ онѣ въ каретѣ или саняхъ, со всѣхъ сторонъ плотно закрытыхъ. Въ церковь выходятъ по особой крытой галлерей и отведено имъ такое мѣсто, что никто изъ стоящихъ въ храмѣ ихъ не видитъ.

Никто изъ народа не смѣетъ даже мелькомъ взглянуть на нихъ и при встрѣчѣ долженъ падать ницъ и закрывать себѣ лицо. Если случайно кто нибудь осмѣлится взглянуть на царицу или царевну, то ждать ему бѣды неминуемой. Сейчасъ начнется розыскъ и допросъ, не было ли у него злого умысла.

Царевна Анна конечно могла съ благоговѣніемъ вспоминать свою старину, хвалить чистоту прежнихъ нравовъ и осуждать свободу и распушенность новаго терема—она уже дожила до старости, уже все новое вышло изъ ея помысловъ и единственное утѣшеніе осталось ей въ молитвѣ. Но еслибы хорошенько вспомнила она свою молодость, все, что когда то было ею пережито и перечувствовано, то врядъ ли бы стала такъ нападать она на племянницъ и такъ расхваливать свое время.

Тяжела была въ прежніе годы жизнь русской царевны. Всякая дѣвушка, родившаяся не въ царскомъ семействѣ, хоть и подвергалась тоже немалымъ строгостямъ и должна была вести жизнь уединенную, все же отъ нея не отняты были права на семейное счастье. Достигнувъ извѣстнаго возраста, она выходила замужъ, положимъ, не выдавъ до свадьбы своего жениха и не зная кто будетъ ея господиномъ, но все же у нея оставалась надежда, что этотъ невѣдомый господинъ окажется по сердцу, будетъ добрымъ мужемъ. Да и наконецъ, отлично понимая, что отъ своей судьбы не уйдешь и не найдешь себѣ другую, русская женщина привя-

зывалась даже и къ плохому мужу. Потомъ у нея являлись дѣти, а съ ними и новая радость, новая прелесть жизни.

Русская же царевна не имѣла передъ собой никакой надежды на семейное счастье. Со дня рожденія, по одному своему положенію, она была обречена на вѣчное дѣвство. Выдать ее замужъ оказывалось невозможнымъ—бракъ съ иноземнымъ принцемъ не допускался по религиознымъ причинамъ, а бракъ съ человѣкомъ рус-

ственная потребность въ радости и счастья, въ нѣкоторой полнотѣ жизни, какъ являлась передъ нею мысль о томъ, что она навсегда должна гнать отъ себя всѣ свѣтлыя грезы, что не для нее то, о чемъ мечтаютъ, чего ожидаютъ и что получаютъ другія дѣвушки, начиная отъ боярышни и кончая каждой простой поселянкой.

Большинство русскихъ царевенъ кончали жизнь въ монастыряхъ и всѣ безъ исключенія, которыя остава-

СПБ. Императорскій Эрмитажъ: Мать Рембрандта, картина П. Рембрандта, рис. Шарлери, грав. Паннемакеръ.

скимъ, со своимъ подданнымъ, хотя бы изъ высокаго боярскаго, или княжескаго рода, считался зазорнымъ для царевны. Такимъ образомъ дѣвица царевна волей неволей должна была готовиться въ монастырки, постницы, монахини. Радость и счастье наполняли ея жизнь только въ дѣтствѣ, когда эти радость и счастье безсознательны и зарождаются сами собою, безъ всякой видимой причины. Но едва царевна вступала въ сознательный возрастъ, едва начинала развиваться физически и умственно, едва являлась въ ней законная, есте-

лись жить въ міру, не выходили замужъ.

Конечно нѣкоторыя изъ нихъ неспособны были безропотно подчиняться своей горькой долѣ. Горячая кровь заявляла свои законныя требованія и несчастная царевна начинала борьбу за право жизни. Но какъ же могла она бороться противъ укоренившагося и признаннаго священнымъ и неизмѣннымъ обычая? Она могла бороться тайно, подъ видомъ скромницы и постницы жить никому невѣдомою, отъ всѣхъ глазъ скрываемою, тайною жизнью сердца.

Литературный альбомъ. „Анна Каренина“ романъ графа Л. Толстого. (Свиданіе Анны Карениной съ сыномъ).
Рис. А. Кившенко, грав. Пуцъ и Шиблеръ.

Молодость требовала любви и предметом этой любви являлся первый мужчина, съ которым могла встрѣтиться царевна.

Подъ тихими сводами терема происходило не мало всяких драмъ и комедій, далеко не идеальнаго содержания. Героемъ романа несчастной затворницы часто являлся какой нибудь простой красивый слуга—почти единственное мужское лицо, которое можно было увидѣть въ теремѣ.

Иногда случался и другаго рода грѣхъ: царевна увлекалась своимъ духовникомъ и духовникъ не имѣлъ силы противиться искушенію.

Эта тайная соблазнительная исторія иной разъ оканчивалась очень трагично. Какъ ни хитро устраивали свои дѣла затворницы, все же не могли онѣ скрывать другъ отъ друга, поневолѣ должны были искать въ своихъ сожительницахъ помощницъ себѣ и укрыватель-

ницъ ихъ грѣха. Случалось такъ, что женщины поссорятся между собою и вотъ вчерашній другъ и наперсница идетъ съ доносомъ. Дѣло доходитъ до государя и тутъ ужъ никому нѣтъ спасенья: срамъ и позоръ царскаго рода смываются кровью и лютыми муками виновныхъ и невинныхъ. При самомъ лучшемъ исходѣ согрѣшившую царевну ожидаетъ далекая монастырская келья, суровое одиночное заключеніе, тюрьма страшная съ голодомъ и холодомъ.

Другой разъ пройдетъ незамѣтно, никому невѣдомо тайная теремная исторія; всѣ концы схоронить въ воду; теремъ торжествуетъ. Но можно себѣ представить какъ весь онъ, отъ мала до велика, занятъ этими похождениями одной изъ своихъ сожительницъ. Какіе идутъ разговоры, пересуды, слухи, какъ отъ дурнаго, соблазнительнаго примѣра извращается воображеніе теремныхъ обитательницъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

„АННА КАРЕНИНА“, РОМАНЪ ГРАФА Л. ТОЛСТОГО.

Романъ графа Л. Толстого „Анна Каренина“, конечно, прочитанъ громаднымъ большинствомъ русской читающей публики. Слава романиста, какъ автора сочиненія „Война и миръ“, имѣвшаго огромный успѣхъ, не могло не способствовать тому, чтобы на его послѣдній романъ „Анна Каренина“ было обращено всеобщее вниманіе, подобно тому, какъ оно обращалось и ранѣе на всѣ литературныя произведенія этого первокласснаго русскаго писателя.

Помѣщая въ настоящемъ номерѣ „Нивы“ рисунокъ, изображающій одну изъ лучшихъ сценъ романа, и имѣя въ виду помѣстить въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ „Нивы“ еще рисунокъ изъ этого же романа, расскажемъ здѣсь его содержаніе, насколько позволяютъ размѣры нашего журнала. Но предварительно считаемъ нужнымъ замѣтить, что для составленія настоящаго понятія о значеніи и достоинствахъ послѣдняго произведенія графа Л. Толстого, необходимо прочесть его все, и только тогда будетъ ясно, на какой неизмѣримой высотѣ стоитъ графъ Толстой по сравненію съ современными романистами не только Россіи, но и всего свѣта.

Въ настоящей статьѣ, не дѣлая разбора романа, ограничимся изложеніемъ его содержанія.

Романъ „Анна Каренина“ собственно состоитъ изъ двухъ романовъ. Оба они перестѣкаются въ произведеніи Толстого, хотя развитіе каждаго идетъ почти независимо, имѣя только слабую вѣвную связь между собою.

Въ одномъ романѣ, главнымъ лицомъ является Анна Каренина.

Исторія ея жизни слѣдующая:

Выйдя замужъ за человѣка старѣе ея на двадцать лѣтъ, бюрократа, живущаго по разъ опредѣленнымъ правиламъ, замѣняющимъ мѣсто живой души, Анна естественнымъ образомъ не могла полюбить его, хотя и прожила съ нимъ восемь лѣтъ, оставаясь вѣрною своему долгу, чести и совѣсти. Встрѣтись однажды съ блестящимъ флигель-адъютантомъ Вронскимъ, она увлеклась имъ, и это увлеченіе имѣло для всей ея жизни тяжелыя послѣдствія.

Изящный, очень богатый и образованный человѣкъ, представитель петербургской золотой молодежи, Вронскій также какъ и мужъ Анны, старикъ Каренинъ, имѣлъ свой сводъ правилъ, у нихъ различны были только интересы жизни. Интересы и дѣла жизни Вронскаго были: полкъ, товарищество, лошади... Правила его были несложны, онѣ опредѣляли, по словамъ автора, что нужно платить шулеру и можно не платить портному, что нельзя лгать мужчинамъ и можно обманывать женщинъ, что нельзя прощать оскорбленій, а оскорблять дозвоительно и т. п. „Исполняя свои правила, Вронскій чувствовалъ, что онъ спокоенъ и можетъ высоко носить голову“.

Увлеченная Анна отдалась Вронскому вполне. Ее привела къ паденію неудовлетворенная потребность женскаго горячаго сердца—любви и преданности. Съ Вронскимъ въ первый разъ Анна встрѣтилась въ Москвѣ, куда она пріѣхала, чтобы возобновить миръ въ семьѣ своего брата, Степана Аркадьевича Облонскаго. Степанъ Аркадьевичъ представляетъ собою счастливаго, благодушнаго человѣка, ставящаго себѣ идеаломъ пріятную жизнь, хорошихъ обѣдъ, красивыхъ женщинъ, спокойный сонъ для возобновленія силъ и снова хорошихъ обѣдъ, вкусное вино и т. д. и т. д. Въ описываемое время Степанъ Аркадьевичъ увлекшись гувернанткой своихъ дѣтей, возмутилъ необычайно кроткую супругу свою Долли, и самъ чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи.

Съ нѣкоторымъ содѣйствіемъ Анны, въ семьѣ Облонскихъ снова возобновляется миръ семьи и пріятная жизнь Степана Аркадьевича; Анна проводитъ нѣсколько дней въ Москвѣ.

Здѣсь собственно и произошла ея встрѣча съ Вронскимъ. Встрѣтила она Вронскаго на одномъ изъ московскихъ баловъ. Встрѣча была мимолетная: она танцевала съ нимъ, но эта мимолетная встрѣча уже была предвѣстницей будущей роковой судьбы Анны, судьбы, которую авторъ романа охарактеризовалъ словами эпиграфа, поставленнаго въ началѣ романа, а именно слѣдующими, взятыми изъ св. писанія: „Мнѣ отмщеніе—и азъ воздамъ“.

Уѣзжая послѣ упомянутой встрѣчи въ Петербургъ къ мужу и сыну, Анна снова встрѣчаетъ Вронскаго въ вагонѣ желѣзной дороги.

— Я ѣду для того, чтобы быть тамъ, гдѣ вы—я не могу иначе, успѣваетъ сказать Вронскій Аннѣ.

Анна старается отвѣчать ему холодно, но напрасны ея усилія, придать строгое выраженіе своему лицу, и она чувствуетъ, что завязавшійся между ними минутный разговоръ страшно облизнулъ ихъ.

Въ Петербургѣ Анна видится съ Вронскимъ въ великосвѣтскихъ кружкахъ, которые она посѣщаетъ. Любовь ихъ растетъ и уже не можетъ укрыться отъ глазъ мужа Анны, Алексѣя Александровича Каренина. Онъ замѣчаетъ впечатлѣніе, производимое Вронскимъ на Анну и здѣсь впервые живо представляетъ себѣ ея личную жизнь, ея мысли, ея желанія. Переносится мыслию и чувствомъ въ другое существо—было душевное дѣйствіе, чуждое Алексѣю Александровичу. Каренинъ хочетъ объясниться съ женой, но она отвѣчаетъ ему, какъ бы не понимая его вопросовъ.

Скоро, однакожь, несчастный случай ушиба Вронскаго на скачкахъ въ Красномъ селѣ и волненіе Анны, выразившееся очень ясно испугомъ и крикомъ ужаса, открываетъ совершенно глаза Алексѣю Александровичу. И сама Анна, будучи по натурѣ своей не настолько испорченной, чтобы спокойно скрывать свою вину предъ мужемъ, говоритъ ему о своихъ короткихъ отношеніяхъ къ Вронскому.

— Я люблю его, я его любовница... Я боюсь, я ненавижу васъ, говоритъ она, рыдая.

Признаніе это произошло въ каретѣ, въ которой мужъ увозилъ ее со скачекъ на дачу. Сцена этого признанія мастерски написана авторомъ. Необыкновенно тонкими штрихами онъ рисуетъ чувство оскорбленнаго самолюбія Алексѣя Александровича. Въ первое время открытія страшной тайны Алексѣй Александровичъ не пошевелился и неизмѣнилъ направленія своего взгляда; но все лицо его вдругъ приняло торжественную неподвижность мертваго. Недвижимый, сраженный словами жены, онъ увидѣлъ, что все прошедшее было обманъ, что будущаго нѣтъ, всему конецъ—передъ нимъ смерть во всемъ ея ужасномъ торжествѣ. Ему нанесенъ смертельный ударъ. Онъ что-то шепчетъ о приличіи, о своей чести, но онъ кажется самъ хорошо не сознаетъ, что онъ говоритъ; онъ убитый.

Проводивъ жену на дачу, Каренинъ возвращается въ Петербургъ. Оставшись одинъ въ своемъ кабинетѣ, онъ нѣсколько отдохнулъ, мысли его начали приходить въ порядокъ, а дѣловыя бумаги напомнили ему о его положеніи въ свѣтѣ, о его служебной дѣятельности. Алексѣй Александровичъ начинаетъ придумывать, какъ бы поскорѣе поправить стрясшуюся надъ нимъ бѣду и втиснуть обманъ жены въ рамки своего кодекса руководящихъ правилъ. Онъ припоминаетъ всѣхъ обманутыхъ мужей, обдумываетъ средства какъ бы съ честію выйти изъ того положенія, въ которое поставила его Анна и наконецъ приходитъ къ убѣжденію, что все должно оставаться по старому. Затѣмъ послѣ такого заключенія онъ пишетъ Аннѣ между прочимъ слѣдующее: „Семья не можетъ быть разрушена по капризу, произволу, или даже по преступленію одного изъ су-

пруговъ, и наша жизнь должна идти, какъ она шла прежде. Это необходимо для меня, для васъ, для нашего сына. Я вполнѣ увѣренъ, что вы раскались и раскаиваетесь въ томъ, что служили поводомъ настоящаго письма, и что вы будете содѣйствовать мнѣ въ томъ, чтобы забыть прошедшее“.

Каренинъ начинаетъ вѣрить, что пройдетъ время, все устрояющее время, и отношенія между нимъ и женой возобновятся прежнія. „Она должна быть несчастлива, но я не виноватъ и потому не могу быть несчастливъ“. Каренинъ предлагаетъ женѣ въ письмѣ оставить дачу и возвратиться къ нему въ Петербургъ. Анна въ это время на дачѣ терзается и мучится, придумывая тысячъ плановъ и не зная, на что ей рѣшиться. Утромъ слѣдующаго дня, какъ она призналась мужу, она раскаивается въ своемъ вырванномъ признаніи: невыносимо жаль ей стало сына, затѣмъ стало странно за позоръ, явились сомнѣнія относительно и Вронскаго; ей стало казаться, что Вронскій можетъ тяготиться ей... Наконецъ, она рѣшается уѣхать въ Москву и увести сына. Письмо мужа, полученное среди этихъ думъ и терзаній сердца,—письмо такого выраженія и просьбы, какъ вышеприведенное, поднимаетъ въ ней бурю злобы, жести. „Низкій, гадкій человѣкъ, думаетъ она. Онъ во семь лѣтъ душилъ мою жизнь и ни разу не подумалъ, что я живая женщина, которой нужна любовь; на каждомъ шагу онъ оскорблялъ меня и оставался всегда доволенъ собою. Я-ли не пыталась любить его, любить сына, когда уже нельзя было любить мужа? Но пришло время, я поняла, что не могу больше себя обманывать, что я живая“. Анна плачетъ и чувствуетъ, что она не въ состояніи въ тоже время сдѣлать ничего рѣшительнаго. Ей нуженъ Вронскій, но ей нуженъ и сынъ, она любить сына и безъ него для нея не можетъ быть жизни даже съ тѣмъ, кого она любитъ. А Алексѣй Александровичъ не отдастъ ей сына, это ясно. Она терзается, раздумываетъ ѣхать въ Москву, хочетъ видѣться и поговорить съ Вронскимъ. Она утѣшаетъ себя, что свиданіе съ Вронскимъ приведетъ къ какому-нибудь рѣшенію и перемѣнѣ въ ея судьбѣ. Однакожъ, извѣстія Анны, какъ видно, застаютъ Вронскаго, врасплохъ; онъ общается только чрезъ нѣсколько времени быть въ Петербургѣ и тогда „все рѣшится“ говорить онъ. Анна переѣзжаетъ къ мужу. Блѣдный, съ трясущимися руками, Каренинъ едва овладѣлъ собою подъ вліяніемъ гнѣва, когда Анна рѣшительно объявила ему, что она дурная женщина; но ничего перемѣнить не можетъ. Каренинъ предлагаетъ ей условія совместной жизни, съ тѣмъ, чтобы Анна никогда не встрѣчала боже Вронскаго, но затѣмъ, чтобы „ни свѣтъ, ни служба, не могли обвинить ее“. Анна не находила въ себѣ силы ни отгнѣчать опредѣленно, ни отказаться отъ Вронскаго и продолжаетъ видѣться съ Вронскимъ хотя и внѣ дома, однажды она даже пригласила его къ себѣ. Ни къ какому рѣшенію она, какъ явствуетъ, не пришла. По поводу своихъ отношеній къ Аннѣ, Вронскій начиналъ чувствовать, что сводъ его правилъ не вполнѣ опредѣлялъ всѣ условія; и въ будущемъ представлялись сомнѣнія, въ которыхъ онъ не находилъ руководящей нити. Во время этого посѣщенія, Вронскій у входа въ домъ сталкивается съ мужемъ Анны... Каренинъ, дѣлая надъ собою страшныя усилія, безмолвно отвѣчаетъ на поклонъ Вронскаго. Анна не вѣрила, чтобы мужъ ея могъ страдать. Не говори про это, говорила она Вронскому на замѣчаніе, что Алексѣй Александровичъ несчастенъ.

— Это не мушкетеръ, это не человѣкъ—это кукла. Это министерская машина. Онъ не понимаетъ, что я твоя жена, что онъ лишній.

Такъ отзывается она о своемъ мужѣ. Она была озлоблена противъ него за свое прошлое и за настоящее стѣсненное, мучительное положеніе. Между мужемъ и женой послѣ этой встрѣчи происходитъ сцена. Каренинъ объявляетъ, что онъ ѣдетъ въ Москву и болѣе въ свой домъ не вернется, что онъ удалитъ сына, а о дальнѣйшемъ рѣшеніи Анна получить свѣдѣнія отъ адвоката, которому онъ поручитъ дѣло развода. Въ Москвѣ Каренинъ вдругъ получаетъ телеграмму, что Анна больна при смерти, и что она молитъ его о прощеніи и прѣздѣ. Отказать умирающей Каренинъ не нашелъ въ себѣ силы, къ тому же въ его душѣ возникла надежда, что смерть Анны развяжетъ всю трудность его положенія—и онъ рѣшился вернуться. Анна дѣйствительно была, такъ сказать на краю гроба; въ полубреду горячки она, съ восторженною нѣжностью смотря на мужа, молитъ его о прощеніи. Вронскій былъ тутъ же. Чувство любви и прощенія къ врагамъ наполняетъ душу Каренина, въ головѣ его сплываются въ это время понятія о человѣческихъ отношеніяхъ... Смущенный и умиленный, онъ подаетъ руку Вронскому... Анна однакожъ остается жива, произведя на свѣтъ дочь Вронскаго.

— Счастье прощенія открыло мнѣ мою обязанность, вы можете затоптать меня въ грязь, сдѣлать посмѣшнымъ свѣта; но я никогда не покину ее, говоритъ Каренинъ Вронскому.

Всѣ съ удивленіемъ смотрятъ на Каренина, не зная какъ объяснить его дѣйствія, и всѣ ждутъ, что будетъ далѣе. Самъ Каренинъ также кажется начинаетъ сознать непрочность своихъ отношеній къ женѣ; но онъ, просиживая надъ колыбелью новорожденной дѣвочки, заботится и о ней..

Вронскій рѣшительно униженъ великодушіемъ Каренина, въ

тоже время ему кажется, что онъ никогда еще не любилъ такъ сильно Анну, какъ любить теперь. Въ отчаяніи онъ рѣшается на самоубійство, но ранитъ себя не смертельно и выздоравливаетъ. Впрочемъ, послѣ этой попытки застрѣлиться, Вронскій утѣшаетъ себя, что онъ испутилъ свою вину предъ обманутымъ мужемъ и можетъ думать о немъ безъ стыда собственнаго униженія.

Тоскуя объ Аннѣ, Вронскій рѣшается ѣхать въ Ташкентъ. Неудачная попытка Вронскаго застрѣлиться представляется Аннѣ высокимъ поступкомъ. Этотъ поступокъ еще возвысилъ въ ея глазахъ ея героя. Передъ отъѣздомъ въ Ташкентъ влюбленные рѣшаются видѣться. Анна проситъ разрѣшенія у мужа принять въ ихъ домѣ Вронскаго. Каренинъ отвѣчаетъ, что не видитъ въ томъ надобности: чтобы Вронскій былъ у нихъ, и отказъ снова приводитъ Анну въ раздраженіе: въ ней кипитъ ненависть къ мужу, она чувствуетъ къ нему непреодолимое отвращеніе, она ненавидитъ его за его великодушіе, за его добродѣтель... Каренинъ убѣждается, что порядокъ жизни не можетъ такъ оставаться и не знаетъ самъ, что дѣлать, какъ быть. Анна идетъ къ брату Облонскому и въ свою очередь проситъ его устроить ея отношенія—выхлопотать для нея разводъ съ мужемъ. Горечь и стыдъ наполнили душу Каренина, онъ отворачивался отъ шурина, когда тотъ намекалъ ему объ условіяхъ, на которыхъ желательно было бы основать разводъ. Слезы подступили къ горлу Алексѣя Александровича, но онъ далъ обещаніе взять на себя весь позоръ и, обѣщая это вмѣстѣ съ горемъ и стыдомъ, Каренинъ доволенъ собою: онъ испытываетъ радость и умиленіе предъ высотой своего смиренія.

Извѣщенный объ успѣхѣ, Вронскій слѣбитъ къ Аннѣ и вмѣстѣ-о-Ташкента они оба ѣдутъ за-границу. Анна, наконецъ, оставляетъ для любовника сына. Они ѣздитъ по Европѣ. Анна чувствуетъ себя непростительно счастливой первое время. Но неопредѣленность ихъ положенія не даетъ имъ возможности пользоваться нѣкоторыми удовольствіями, къ которымъ они привыкли. Такъ, они лишены сношеній съ обществомъ, которое имъ дорого и безъ котораго имъ нелегко оставаться. Достопримѣчательности всѣ осматривая, а дѣла у нихъ никакого не оказывается и мало по малу въ жизни влюбленныхъ врявется скука. Съ своей стороны Анна начинаетъ мучить подозрѣніями Вронскаго, ей хочется чтобы Вронскій былъ постоянно съ нею, чтобы онъ не замѣчалъ никого, кромѣ нея, и не стѣснялся невольей. Они рѣшаютъ поѣхать въ Россію въ деревню, Проѣздомъ чрезъ Петербургъ на долю Анны пришлось вынести тяжелое испытаніе. Въ сердцѣ ея проснулось и заговорило материнское чувство. Мысль о свиданіи съ сыномъ не отступило ее преслѣдуетъ, желаніе увидѣть сына беретъ верхъ надъ всѣми другими желаніями—и она рѣшается во чтобы то ни было видѣться съ своимъ милымъ Сережей, она не хочетъ и не можетъ любить свою дочь, какъ любить сына.

По отъѣздѣ Анны за границу, Каренинъ окончательно измѣнился, высохъ и замеръ; та привязанность, которую онъ испытывалъ къ Аннѣ, исключила въ его душѣ послѣднія потребности сердечныхъ отношеній къ людямъ. Хотя онъ и продолжалъ ѣздить въ комитетъ, подписывать бумаги, и составляетъ проекты, но ему кажется, что онъ всѣмъ этимъ только служитъ Господу, что онъ спасенъ и святъ. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ Каренинъ началъ руководиться Св. писаніемъ и любимымъ его текстомъ служить изрѣченіе апост. Павла: „Женатый заботится о мирскомъ, какъ угодить женѣ, не женатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу“. Онъ не замѣчаетъ своего безнадѣжнаго положенія въ служебномъ мірѣ, что его уже не признаютъ болѣе за человѣка ума и въ его поступкахъ не видятъ силы воли. Къ достиженію такого состоянія много способствовала нѣкая графиня Лидія Ивановна, забравшая въ свои руки всѣ заботы по устройству и веденію дома Каренина. Анна узнаетъ о томъ, что дѣлается въ домѣ мужа и проситъ Лидію Ивановну о свиданіи съ сыномъ. Религіозная Лидія Ивановна отвѣчаетъ оскорбленіемъ, и тогда Анна тайкомъ, раннимъ утромъ пробирается въ комнату сына. Она является у его постели. Задыхаясь отъ радости, Анна обнимаетъ его, слушаетъ его голосъ. Эта именно сцена свиданія Анны съ своимъ сыномъ представлена на помѣщенномъ въ настоящемъ номерѣ „Нивы“ рисункѣ.

Описывая сына Анны, авторъ рисуетъ цѣлый, совсѣмъ особый міръ маленькаго сына Карениныхъ. Эти страницы полны силы и необыкновенной свѣжести. Авторъ какъ бы проникъ въ душу ребенка, и міръ его души оказывается такимъ же любопытнымъ какъ міръ взрослыхъ. Яркими красками выступаетъ затаенная любовь ребенка къ его матери, его сокровенная мечта когда нибудь, гдѣ нибудь отыскать мать. Ребенокъ не вѣрилъ въ смерть ея, въ которой хотѣли его увѣрить. Но раздаются шаги отца и Анна должна оторваться отъ своего счастья.

Въ гостиницѣ полная впечатлѣній, только что испытанныхъ, возвратившаяся отъ сына Анна начинаетъ перебирать альбомъ,—находитъ карточку сына, а за тѣмъ—Вронскаго. Въ страдавшей женщинѣ быстро смѣняются чувства, радость и страхъ, вѣра и сомнѣнія. Она посылаетъ за Вронскимъ, хочетъ говорить съ нимъ, подѣлиться своими чувствами, рассказать ему о сынѣ и успокоиться съ нимъ, но ей говорятъ, что у него гость, что Вронскій проситъ позволенія войти къ ней съ го-

стемъ. И въ душу Анны западаетъ сомнѣніе, что Вронскій разлюбилъ ее, ему скучно съ ней, онъ не хочетъ ее выслушивать. Анна терзается, создавая рядъ предположеній и ѣдетъ въ оперу. Тамъ она возбуждаетъ общее вниманіе, насмѣшки, выраженія недовольства. Вронскій былъ противъ этой поѣздки въ оперу и теперь въ отчаяніи. Разстроенная Анна послѣ того сама же напускается на Вронскаго и за всѣ огорченія упрекаетъ его же.

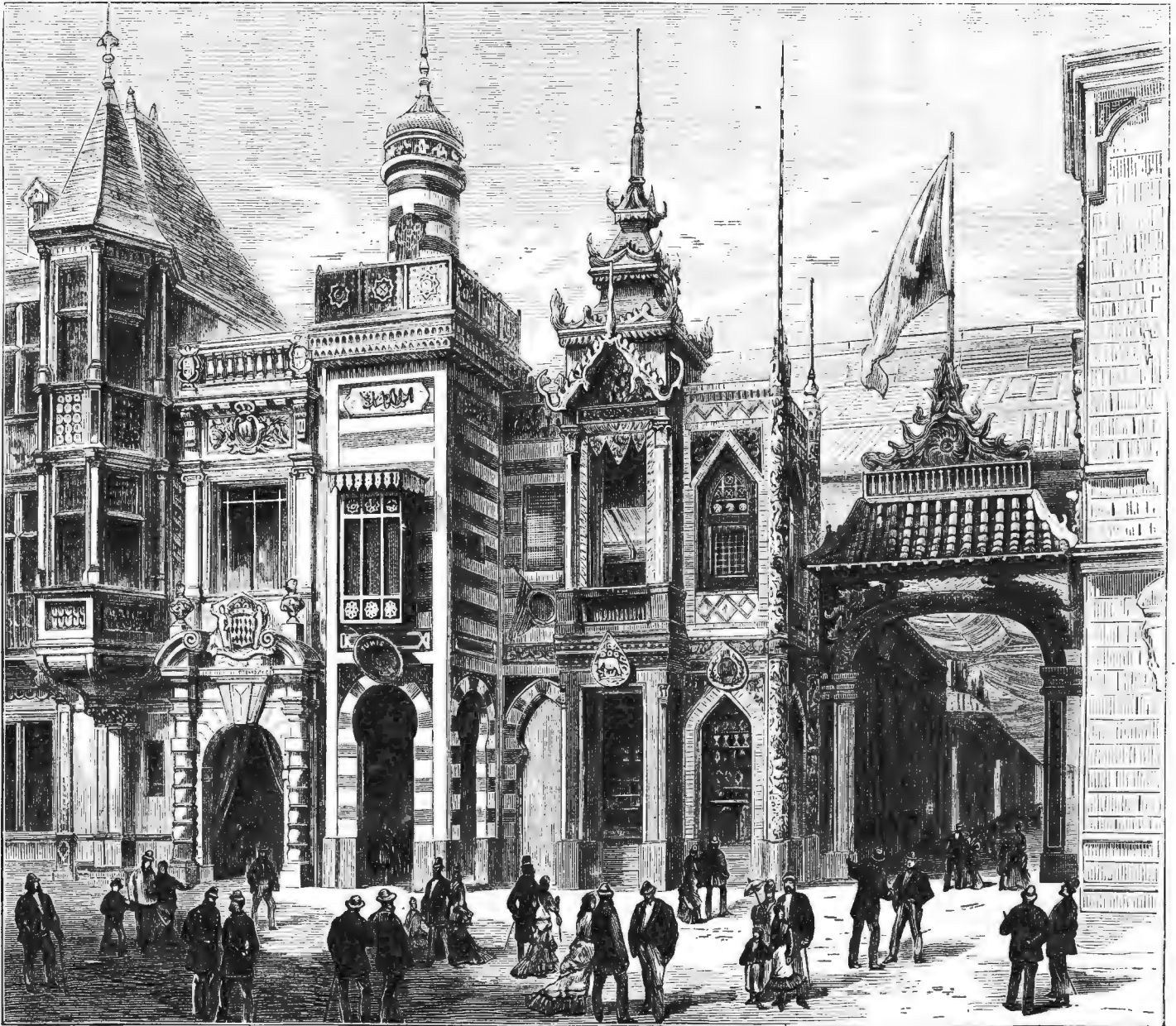
— Ты, ты виноватъ во всемъ. Если бы ты любилъ меня, какъ я, если бы ты мучился, какъ я... говоритъ она въ отчаяніи и злобѣ.

Вронскому съ трудомъ доводится ее успокоить увѣненіями своей любви и на другой день, примиренные, они уѣзжаютъ изъ Петербурга.

Въ деревнѣ Вронскій создаетъ себѣ множество разнаго рода

дѣлала Анна каждый разъ, какъ ему надо было ѣхать въ городъ или для развлечения или за дѣломъ. Ихъ семейное счастье не устроилось вследствие фальшивости отношеній и условий среды. Дѣло о разводѣ затихло. Каренинъ не принималъ мѣръ и занимался какимъ-то религиознымъ колдовствомъ, ждалъ приказаній на разводъ свыше.

Но Вронскій, вѣрилъ, что сама Анна, своими настояваніями, письмами и требованіями развода отъ мужа, могла бы двинуть дѣло и онъ сталъ упрашивать Долли Облонскую, съ которой была близка Анна, одной ей откровенно высказывалась, — убѣдить Анну хлопотать о разводѣ. Но Анна рѣшительно заявляетъ, что Алексѣй Александровичъ если и согласится на разводъ, то не отдастъ все таки сына, а между тѣмъ Аннѣ только и нужно соединеніе любимаго человѣка, т. е. Вронскаго, и

Всемирная Выставка въ Парижѣ: Фасадъ павильоновъ Амама, Персія, Сіама, Туниса и Санъ-Мартино. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

дѣл. Занимается пѣніемъ, строитъ больницу, вводитъ новыя усовершенствованія. Анна проводитъ время за чтеніемъ, принимаетъ гостей, гуляетъ, но она не перестаетъ требовать отъ Вронскаго его постояннаго присутствія съ ней, его постоянныхъ ласкъ; ей все продолжаетъ казаться что она ему въ тягость, что она ему наскучила; она даже начинаетъ кокетничать съ другими.

— „Надо, что бы у насъ было весело, оживленно, чтобы Алексѣй не желалъ ничего новаго“.

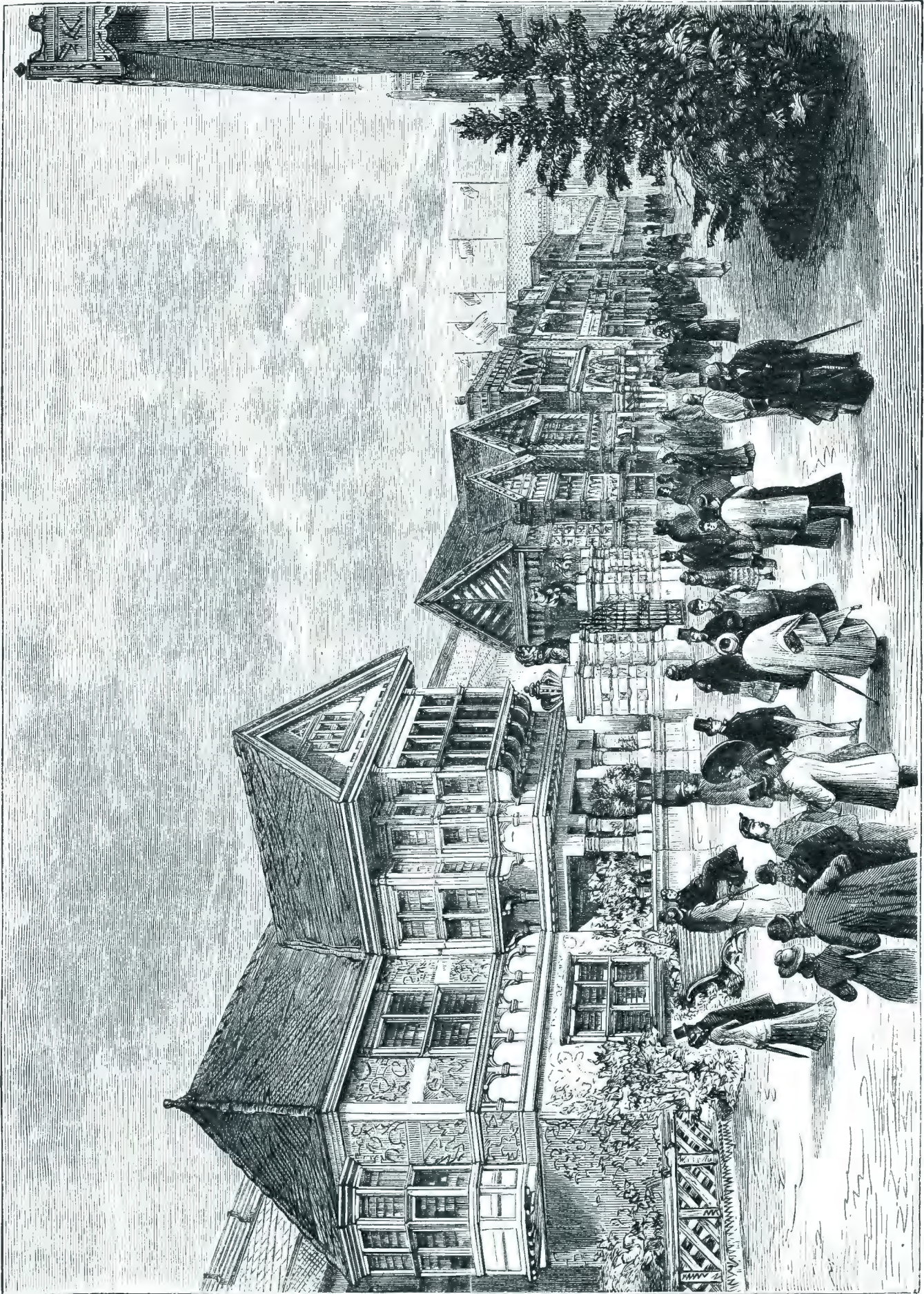
И рѣдился Анна и позировала, чтобы казаться еще прекраснѣе и увлекательнѣе.

Вронскій любилъ Анну искренно, хотя порою и не могъ не упрекать ее въ душѣ и не досадовать на постоянное стѣсненіе своей воли. Онъ не могъ не тяготиться сценами, которыя ему

любимаго сына. „Если этаго нѣтъ, то все равно. Все, все равно“, говоритъ Анна. И она капризничаетъ, ревнуетъ Вронскаго, хотя не имѣетъ къ этому повода съ его стороны. Но ея мучительная любовь, ея постоянныя тревоги, то страстные ласки, то жестокіе упреки становятся уже ему въ тягость.

Вронскій наконецъ не такъ уже покорно спѣшитъ успокаивать Анну и не сейчасъ ѣдетъ за посылаемыми ему въ догонку ея письмами.

„Во снѣ, когда она не имѣла власти надъ своими мыслями, ея положеніе представлялось ей во всей безобразной наготѣ своей; одно сновидѣніе почти каждую ночь посѣщало ее, давило и она съ ужасомъ просыпалась, ей снилось, что оба виѣсть были ея мужа, и Вронскій и Каренинъ, что оба расточали ей свои ласки. Алексѣй Александровичъ плакалъ, дѣлау ея руки,

Всемирная Выставка въ Парижѣ: Фасадъ зданій отдѣла Англіи и ея колоній. Съ фотогр. граф. Рашевскій.

и говорилъ: какъ хорошо теперь! И Вронскій былъ тутъ же, и онъ былъ также ея мужъ. И она удивлялась тому, что прежде ей казалось это невозможнымъ, объясняла имъ, смѣясь, что это гораздо проще, и что оба они теперь довольны и счастливы.

Совсѣмъ измученная создаваемыми страданіями, Анна изъявляетъ желаніе хлопотать о разводѣ. Она ухватывается со страстностію за эту мысль тѣмъ болѣе, ей кажется, что мать Вронскаго составила планъ женить сына на богатой невѣстѣ дѣвухѣ. Бывали минуты, когда Анна старалась себя успоить: Нужно спокойствіе, довѣріе, говорила она, но проходило нѣсколько времени—и снова начинаются ссоры. Анна рѣшительно отравляетъ жизнь свою и Вронскаго и разрушаетъ свое крѣпкое здоровье. Она уже не можетъ спать, не прибѣгая къ морфію. Ее давитъ кошмаръ. Послѣ одной изъ сценъ съ Анною Вронскій уѣзжаетъ изъ дома, и посланная вслѣдъ записка не находитъ его. Анна взволнованная, теряетъ голову, забывается, не помнитъ, не отдаетъ отчета, что она говоритъ и дѣлаетъ. Чтобы успокоиться, она ѣдетъ къ Облонскимъ, но она застала у Долли гостью—и еще болѣе встревоженная, садится въ коляску, что бы ѣхать назадъ. Ею овладѣваетъ непонятный страхъ. Мысли ея перескакиваютъ съ одной на другую.

Анна то читаетъ вывѣски, то думаетъ о калачахъ, блинахъ, московской водѣ и любви своей къ Вронскому. Ей вспоминается какъ давно, давно, когда ей было еще семнадцать лѣтъ, она ѣздила съ теткой къ Троицѣ. На лошадахъ еще. Неужели это была я, съ красными руками? Какъ многое изъ того, что тогда мнѣ казалось такъ прекрасно и недоступно, стало ничтожно, а что было тогда, теперь на вѣки не доступно. Вотъ этотъ доволенъ собой, думаетъ она о толстомъ румяномъ господинѣ, проѣхавшемъ на встрѣчу, принявшемъ ее за знакомую и приподнявшемъ лоснящуюся шляпу надъ лысою, лоснящеюся головой. Онъ думаетъ, что онъ меня знаетъ. А онъ знаетъ меня такъ же мало, какъ кто бы то ни было на свѣтѣ знаетъ меня. Я сама себя не знаю.

Трвожась и мучаясь, Анна шлетъ новую записку къ Вронскому, зоветъ его, телеграфируетъ ему, и получаетъ на телеграмму отвѣтъ, что Вронскій не можетъ пріѣхать ранѣе 10 часовъ.

— А, если такъ, то я знаю что мнѣ дѣлать, говоритъ Анна и ѣдетъ сама на желѣзную дорогу. Онъ говоритъ, что я безмысленно ревнива, опять думаетъ Анна, и я сама гово-

рила себя, что я безмысленно ревнива; но это не правда. Я не ревнива, а я недовольна. Но... еслибъ я могла быть чѣмъ нибудь кромѣ любовницы, страстно любящей однѣ его ласки; но я не могу и не хочу быть ничѣмъ другимъ. Она вспоминаетъ о своемъ сынѣ, ей приходитъ мысль: а что если она получитъ разводъ и ей отдадутъ сына? Перестанетъ ли Сережа спрашивать и думать объ ея двухъ мужьяхъ? Сережа! восклицаетъ она: я тоже думала, что любила сына, и умилялась надъ своею нѣжностію... А жила же я безъ него, промѣняла же его на другую любовь. И Аннѣ снова является мысль объ избавленіи отъ мукъ... Тревожно шагая по комнатамъ станціи желѣзной дороги, она едва въ состояніи справиться съ напоромъ мыслей быстро набѣгающихъ на нее и быстро смѣняющихся одна другою. Вдругъ Анна слышитъ слѣдующую фразу, сказанную кому-то какой-то дамой, мимо которой въ это время она проходила.

— На то данъ человѣку разумъ, что бы избавиться отъ того, что его беспокоитъ. Анна схватываетъ эту фразу.—Избавиться отъ того что беспокоитъ,—повторяетъ она. Да, очень беспокоитъ меня, и на то данъ разумъ, чтобы избавиться, стало быть надо избавиться. Отчего же не потужить свѣчу, когда смотрѣть больше не на что, когда гадко смотрѣть на все это?

И вдругъ вспомнивъ, о раздавленномъ человѣкѣ въ день ея первой встрѣчи съ Вронскимъ по пріѣздѣ въ Москву къ Облонскимъ, Анна мгновенно поняла, что ей надо дѣлать и поспѣшно пошла на полотно желѣзной дороги.

Въ головѣ ея мелькнуло еще нѣсколько воспоминаній прошлой жизни... Гдѣ я? Что я дѣлаю? За чѣмъ? шепчетъ она и—что-то огромное, невозможное толкаетъ ее въ голову и потащитъ за спину... Она была уже подъ вагономъ. Такъ погибла ея жизнь. Свободная любовь связала ее и лишила свободы, внесла отраву въ ея жизнь, переполнила ея нравственный міръ недобрими чувствами подозрительности, недовѣрія. Она разрушила ея семейную жизнь и не создала счастливой новоя. На этомъ мы окончимъ изложеніе той части, въ которой главной героиней является описанная нами женщина. Въ слѣдующей нашей статьѣ, по поводу второго рисунка, имѣющаго быть помѣщеннымъ на страницахъ Нивы и взятаго изъ этого же романа, мы расскажемъ о Левинѣ, главномъ героѣ этой второй половины романа.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Т.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Китайская Великая Стѣна.

Древнѣйшее государство въ мірѣ и нѣкогда просвѣщеннѣйшее, естественно, имѣетъ свои памятники старины. Многие изъ этихъ памятниковъ сохраняютъ за собою рассказы о славныхъ правителяхъ Китая, о лучшихъ годахъ государства. Иные изъ нихъ носятъ слѣды замѣчательныхъ архитектурныхъ сооружений. Къ числу памятниковъ, до сихъ поръ обращающихъ на себя всеобщее вниманіе путешественниковъ по Китаю относится Великая Китайская стѣна. Стѣна эта, извѣстная подъ именемъ Вань-ли-чань-ченъ, т. е. стѣны въ 10,000 ли (5,000 верстъ), построена около 214 г. до Р. Хр. Главною цѣлю при постройкѣ этой стѣны имѣлось въ виду огражденіе страны отъ набѣга неприятелей: стѣна должна была служить оплотомъ противъ набѣговъ кочевыхъ ордъ Монголіи и дикарей дремучихъ лѣсовъ Манчуріи. Стѣна эта въ началѣ своего устройства состояла просто изъ земляной насыпи и наваленныхъ камней, но въ V и VI вѣкѣ по Р. Х., она приняла лучшее устройство и была еще болѣе распространена, а въ XV вѣкѣ уже совсѣмъ заново передѣлана, одѣта камнемъ, приведена въ тотъ видъ, въ какомъ мы видимъ ее теперь по сохранившимся остаткамъ.

Великая стѣна имѣетъ 6 выходовъ, защищаемыхъ крѣпостями и начиналась отъ крѣпости Шань-хай-Гуань при Корейскомъ залпѣ, идетъ на западъ до Желтой рѣки въ область Нинъ-ся-фу, а оттуда на сѣверо-западъ до крайняго западнаго выхода—крѣпости Цзя-юй-Гуань, гдѣ и упирается въ снѣговой хребетъ Нань-шань.

По Пекинской дорогѣ, гдѣ стѣна эта хорошо сохранилась, ея высота доходитъ до 25 фут., толщина до двухъ сажень; на поворотахъ и болѣе возвышенныхъ мѣстахъ сдѣланы каменные башни. По дорогѣ изъ Лань-Чжеу Великая стѣна то вздымается на страшныя высоты, то совсѣмъ низко тянется возлѣ дороги. На западѣ, у Цзя-юй-гуани стѣна представляетъ просто землябитный заборъ. Впрочемъ, быть можетъ тутъ время, содѣйствовало разрушенію стѣны, служившей въ свое время болѣе крѣпкимъ оплотомъ.

Но, какъ бы то нибыло, Китайцы теперь сами сознаютъ нецѣльность постройки стѣны и непригодность ея для той цѣли, которой она должна была служить. Впрочемъ, кто знаетъ, была-ли она непригодна въ то отдаленное время, отъ котораго мы теперь отдалены такимъ громаднымъ количествомъ лѣтъ.

Постройка этой стѣны стоила массы матеріаловъ и громадныхъ трудовъ. Работы по постройкѣ ея производились при участіи, такъ сказать, всего населенія страны: такъ, изъ семьи, состоящей изъ трехъ человѣкъ долженъ былъ отправляться на работы одинъ, изъ семьи въ пять человѣкъ—трое. Можно себя

представить, какое громадное количество народу было вызвано на этотъ трудъ. Теперь, смотря на непрочность этой стѣны, мѣстами даже, какъ сказано выше, уже значительно поразвадившейся, можно только задуматься надъ вопросомъ, о томъ, каковы-же были нравы того отдаленнаго времени въ Китаѣ и его сосѣднихъ владѣніяхъ, когда такая стѣна прежде могла служить защитой отъ непріятельскихъ набѣговъ.

Но отъ Китая временъ постройки Великой стѣны перейдемъ къ современному положенію этой страны, испытывающей въ настоящее время ужасы голода. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ іюля чрезъ Шанхай, голодъ, давно уже свирѣпствующій въ четырехъ большихъ провинціяхъ Китайской Имперіи не только не ослабѣлъ но на противъ, еще болѣе усилился и принялъ ужасный характеръ.

Сотни и тысячи семействъ, пользовавшихся еще недавно полнымъ достаткомъ, дошли теперь до такой бѣдности, что прибѣгаютъ часто къ яду, для сокращенія страданій, которыми неизбѣжно угрожаетъ имъ голодная смерть. Къ нуждѣ присоединились въ послѣднее время и серьезныя безпорядки. Голодъ и отчаяніе побуждаютъ людей братья за оружіе и въ страдающихъ провинціяхъ бродятъ теперь шайки въ 30, 50 и 70 человѣкъ, которые убиваютъ и грабятъ людей, сохранившихъ еще кое-какія средства. Мѣстныя власти совершенно бесплны прекратить разбойничество; онѣ и не пытаются предпринять противъ него какія либо мѣры. Пожирание труповъ составляетъ самое обыкновенное явленіе, а за недостаткомъ ихъ нарочно совершаются убійства. На каждомъ шагу встрѣчаются груды человѣческихъ костей, ст которыхъ снято мясо. И такое людоедство встрѣчается не въ отдаленныхъ пунктахъ имперіи, а повсемѣстно въ Шанзи и Шензи, въ Хонанѣ и Печело—словомъ во всѣхъ четырехъ постигнутыхъ голодомъ провинціяхъ. Дѣло дошло до того, что никто не рѣшается предпринять путешествія въ какую-либо изъ названныхъ провинцій. Всѣ гостиницы пользуются зловѣщею репутаціею; про нихъ рассказывается, что пощащающие ихъ путешественники тайкомъ убиваются, и затѣмъ мясо ихъ поступаетъ въ продажу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ содержатели гостиницъ производятъ даже весьма обширную торговлю человѣческимъ мясомъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что внутри Китайской Имперіи жизнь каждаго во всякое время и вслѣдъ находится въ опасности; кто самъ не палъ жертвою голода, тотъ рискуетъ, что на слѣдующій день онъ послужитъ пищею для утоленія голода другихъ; въ нѣкоторыхъ округахъ формально происходитъ взаимное истребленіе людей. Время, когда еще можно было услышать жалобы, увидѣть слезы, давно уже прошло. Несчастными овладѣло тупое равнодушіе. Одному европейскому колонисту, кото-

рый недавно предпринял путешествие во внутрь страны, показывали китайку, которая послѣдовательно пожрала трупы своего мужа, сына и двухъ дочерей. Болѣе всего свирѣствуетъ голодъ въ провинціи Шанзи. Голода бывающіе въ Индіи, далеко не имѣютъ характера такого страшнаго бѣдствія, какое мы видимъ въ Китаѣ. Въ Индіи существуютъ многочисленныя пути сообщенія, и благодаря этимъ путямъ, представляется возможность оказать страдающимъ болѣе или менѣе скорую помощь. Въ Китайской же провинціи Шанзи и помощи то такой почти невозможно: провинція эта повсемѣстно пересѣкается крутыми горами и вовсе не имѣетъ судоходныхъ рѣкъ; тѣ не многія выючныя животныя, на которыхъ могли-бы доставляться съѣстные припасы, всѣ съѣдены еще въ прошломъ году. По исчислениямъ правительства, болѣе склоннаго по весьма понятной причинѣ показывать размѣры бѣдствія въ уменьшенномъ видѣ, а не преувеличивать его,—до этимъ вычислениямъ въ одной провинціи Шанзи погибло по настоящее время *до семи милліоновъ* челоуѣкъ отъ голода и его послѣдствій. Цифры эти поразжающіе, но къ сожалѣнію они вѣрны, судя по тѣмъ источникамъ, откуда, мы ихъ заимствуемъ; а именно ихъ повторяютъ нашъ Прав. Вѣстн. и нѣмецкая Магдебургская газета.

Z.

Общій видъ г. Енисейска.

Въ Нивѣ 1876 г. были помѣщены два рисунка, изображающіе главную улицу города Енисейска и видъ его Ратуши (см. Ниву 1876 г. № 24 стр. 411). Описание сопровождающее эти рисунки даетъ лишь краткія свѣдѣнія объ Енисейскѣ а потому, помѣщая теперь общій видъ этого города, сообщаемъ здѣсь нѣсколько данныхъ, какъ объ исторіи Енисейска, такъ и о всей той губерніи, къ которой онъ принадлежитъ.

Енисейская губернія находится, какъ извѣстно, въ Восточной Сибири. Въ нынѣшнемъ своемъ составѣ Енисейская губ. учреждена 26 января 1822 г. изъ земель, принадлежавшихъ до того Иркутской и Омской губ. и тогда же раздѣлена на 5 округовъ: красноярскій, енисейскій, ачинскій, минусинскій и канскій. Площадь, составляющая Енисейскую губ. заключаетъ въ себѣ 2,883,000 кв. верстѣ. Предѣлы ея къ с. Ледовитое море, къ в. Иркутская губ., къ юг. Китайскія владѣнія, къ з. Тобольская губ. Величественный Енисей, (видимый на нашемъ рисункѣ), раздѣляетъ губернію на двѣ части. Южная богата солончаками и лѣсомъ; имѣетъ высокія, снѣгомъ покрытыя горы. Средняя обилуетъ тундрами; сѣверная—больше всего болотистая. Вблизи Китайской границы проходятъ, покрытыя вѣчными снѣгомъ горы, напр. Этемъ и Ворусъ. Стеней, въ строгомъ смыслѣ нѣтъ, но по берегамъ рѣкъ тянутся долины. На нѣкоторыхъ равнинахъ изъ земли выступаетъ минеральная щелочная соль и такія мѣста называются солончаками. Издали такіе солончаки важутся мѣстами покрытыми снѣгомъ; соль эта негодится для употребленія челоуѣка, но скотъ любитъ лизать ее и, быстро поправляется въ тѣлѣ. Въ Енисейской губ. достойны замѣчанія мѣстности, называемыя туземцами „тайгой“. Это ни что иное какъ горные хребты, покрытые преимущественно хвойнымъ лѣсомъ. Деревья находятся такъ близко одно къ другому, вѣтви ихъ такъ переплетаются, что солнечныя лучи не могутъ проходить чрезъ нихъ и просушивать землю, загроможденную валежникомъ. Оттого въ тайгахъ нѣтъ пуги, ни конному, ни пѣшему. Въ нихъ можно проникать только зимою, когда валежникъ покрывается снѣгомъ и въ „трещѣ“ дѣлается гладкая поверхность. Тогда охотники отправляются въ такія трупы на своихъ лыжахъ, быстро обѣгая громадные пространства. Не губятъ тайги даже лѣсные пожары такъ какъ снѣгъ гаситъ огонь; крупныя звѣри тоже не особенно долюбиваютъ тайгу, не находя себѣ корма, но въ тайгѣ во множествѣ водится бѣлокъ, бурндуковъ, въ обилии находящихся себѣ пичу въ орѣхахъ кедровъ и лиственницы.

Въ противоположность холоду сѣверной части Енисейской губ. въ южной ея части, лѣтомъ бываютъ жары невыносимыя. Заѣзжому сюда лѣто кажется чрезвычайно приятнымъ послѣ продолжительной зимы, впрочемъ и здѣсь зима такъ сказать, господствуетъ надъ всѣми временами года. Зимой зачастую стоятъ дни, полные солнечнаго свѣта и имѣютъ свою прелесть. Воздухъ морозный, небо ясное, чистое, а пушистый снѣгъ покрываетъ всю землю вокругъ и сверкаетъ своей бѣлизною и искрится въ лучахъ солнца. Яркость звѣзднаго неба придаетъ и почамъ необыкновенную прелесть, и солнце мало гдѣ встаетъ съ такимъ блескомъ, какъ здѣсь. Енисейская губ. представляетъ собой вообще разнообразіе въ проявленіяхъ силъ природы. Разнообразіе климата производитъ и разнообразіе произведеній почвы. Въ Саянскихъ горахъ водятся фарфоровая глина, сердолики; въ канскомъ округѣ аметисты; добывается желѣзо, золото. Золото добывается изъ песковъ округовъ ачинскаго, минусинскаго, красноярскаго. Изъ растений — розъ, пшеница, ячмень, овесъ, гречиха, просо, макъ. Лѣсныхъ деревьевъ сосна, ель, пихта, лиственница, кедръ, береза, ольха, тополь. Изъ кустарниковъ малина, смородина, изъ ягодъ земляника, морошка, клюква, брусника. Изъ животныхъ лошади, рогагыи скотъ, овцы, свиньи, олени. Изъ животныхъ, составляющихъ предметъ охоты, соболи, бѣлки, лисицы, горностаи, волки, медвѣди, дикія козы.

Рыба водится во множествѣ и болѣе всего встрѣчаются осетры стерляди, налимы, щуки, нельма, язи, ерши. Изъ птицъ здѣсь ловятся утки, гуси, тетерева, куропатки, лебеди, дрозды, бакланы, журавли, скворцы и т. под. Населеніе Енисейской губ. дѣлится на туземцевъ и пришельцевъ. Къ первымъ относятся первобытные обитатели, извѣстные подъ общимъ именемъ инородцевъ, ко вторымъ принадлежатъ Русскіе, начавшіе приходить сюда въ XVII стол. путемъ завоеваній. Высочайше утвержденнымъ 22 іюля 1822 г. Уставомъ объ управленіи инородцевъ; народы симбирскіе дѣлятся на осѣдлыхъ, кочующихъ и бродячихъ.

Гербъ Енисейской губерніи представляетъ въ щитѣ зеленое поле и на немъ бѣлую лошадь, бѣгущую въ правую сторону— въ верхней части герба, а въ нижней на серебряномъ полѣ красную гору. Главный городъ Енисейской губ. Красноярскъ, онъ же и окружный; кромѣ того окружны: Енисейскъ, Ачинскъ, Канскъ, Минусинскъ. Енисейскъ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Енисея.

Въ 1618 г. по повелѣнію царя Михаила Федоровича тобольскимъ воеводой кн. Куракинымъ были отправлены боярскій сынъ Албычевъ и стрѣлецкій сотникъ Рукинъ для упроченія власти Россіи въ этой мѣстности. Прибывъ на р. Енисей, они заложили острогъ, и установя его башнями или стрѣльницами, назвали его Енисейскомъ. Удобство сообщеній способствовало быстрому разрастанію города, хотя до 1678 г. онъ не переставалъ называться острогомъ. Въ 1724 г. Енисейскъ, какъ провинціальный городъ, поставленъ надъ двумя другими—Красноярскомъ и Туруханскомъ, въ 1782 г., по уничтоженіи енисейской провинціи, соединенъ съ томской областью Тобольскаго намѣстничества; въ 1804 г., при раздѣленіи Тобольскаго намѣстничества на двѣ губерніи, приписанъ окружнымъ городомъ къ Томской, и наконецъ, въ 1822 г. къ Енисейской. Енисейскъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, страшно пострадалъ отъ пожара, бывшаго годъ два тому назадъ, и теперь еще недостаточно оправился послѣ этого тяжелаго для его жителей пологенія.

Картина Рембрандта.

Картина Рембрандта, рисунокъ съ которой помѣщается въ этомъ номерѣ „Нивы“ изображаетъ портретъ его матери. Эта картина находится въ зданіи Петербургскаго Эрмитажа, въ залахъ Голландской школы, гдѣ для произведеній знаменитаго художника отведена цѣлая галерея. Въ № 51 Нивы за 1875 г. (см. стр. 867) помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія о Рембрандтѣ, дающіе понятіе о личности этого великаго живописца. Рембрандтъ, сынъ мельника, родился въ 1606 году, учился нѣсколько лѣтъ въ Амстердамѣ; возвратившись къ отцу, онъ отказался отъ всякихъ учитель и принялся за изученіе живописи, взявъ въ образецъ и руководители живую природу. Оказалось въ самомъ дѣлѣ, что для такого таланта, какой имѣлъ Рембрандтъ лучшимъ учителемъ могла быть только природа. По прошествіи нѣкотораго времени, когда уже картины, имъ написанныя, стали находить покупателей, Рембрандтъ переселился въ столицу Голландіи, гдѣ открылъ школу. Будучи чрезвычайно скупнымъ, онъ вскорѣ составилъ себѣ большое состояніе и женился. Но и женившись, и будучи богатымъ, онъ остался на всегда вѣренъ простому народному вкусу, избѣгалъ общества, и нужно замѣтить, что жена его была простая крестьянка. Рассказываютъ, что Рембрандтъ, не желая трогаться на натурщиковъ, бралъ себѣ за образцы первыхъ попавшихъ на улицѣ мужика или еухарку; часто обязанность эту исполняла его жена, и нерѣдко мать. Съ себя самого онъ оставилъ до 100 портретовъ. Впечатлѣніе, производимое картинами Рембрандта, поразительно, не повозвышенности мыслей, или пышеству формъ, или, наконецъ, по строгости рисунка; нѣтъ: картины его поражаютъ реальностію лицъ, сплю красокъ и необыкновеннымъ освѣщеніемъ. Кисть его смѣлая, рѣшительная, но притомъ весьма, такъ сказать, шероховатая; вслѣдствіе этого гармоніей его произведеній надо всегда любоваться на извѣстномъ отъ нихъ отдаленіи. Самъ Рембрандтъ по поводу этого говорилъ, что картины пишутся не для того, чтобы ихъ нюхать. Есть рассказы о томъ, что желая распродать выгоды свои работы, онъ распустилъ молву о своей смерти и, переодѣвшись, явился на аукціонъ и поднималъ цѣны на картины. Быстрота кисти Рембрандта была изумительна. Она написала громадное количество картинъ, которыя всѣ вскорѣ-же по написаніи и продавались, но и послѣ его смерти осталось множество произведеній, писанныхъ красками, а также карандашемъ, и гравюръ сдѣланныхъ крѣпкой водкой. Каталогъ его произведеній изданъ въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ Catalogue raisonné de toutes les estampes qui forment l'oeuvre de Rembrandt.

Парижская Всемирная Выставка.

„Нива“ въ настоящемъ году уже имѣла случай помѣстить цѣлый рядъ рисунковъ, знакомящихъ ея читателей съ Всемирной Парижской выставкой и дающихъ въ своей совокупности болѣе или менѣе точное и обстоятельное понятіе объ этой выставкѣ. Продолжая и теперь помѣщеніе рисунковъ, изображающихъ фасады зданій и различныхъ предметовъ этой выстав-

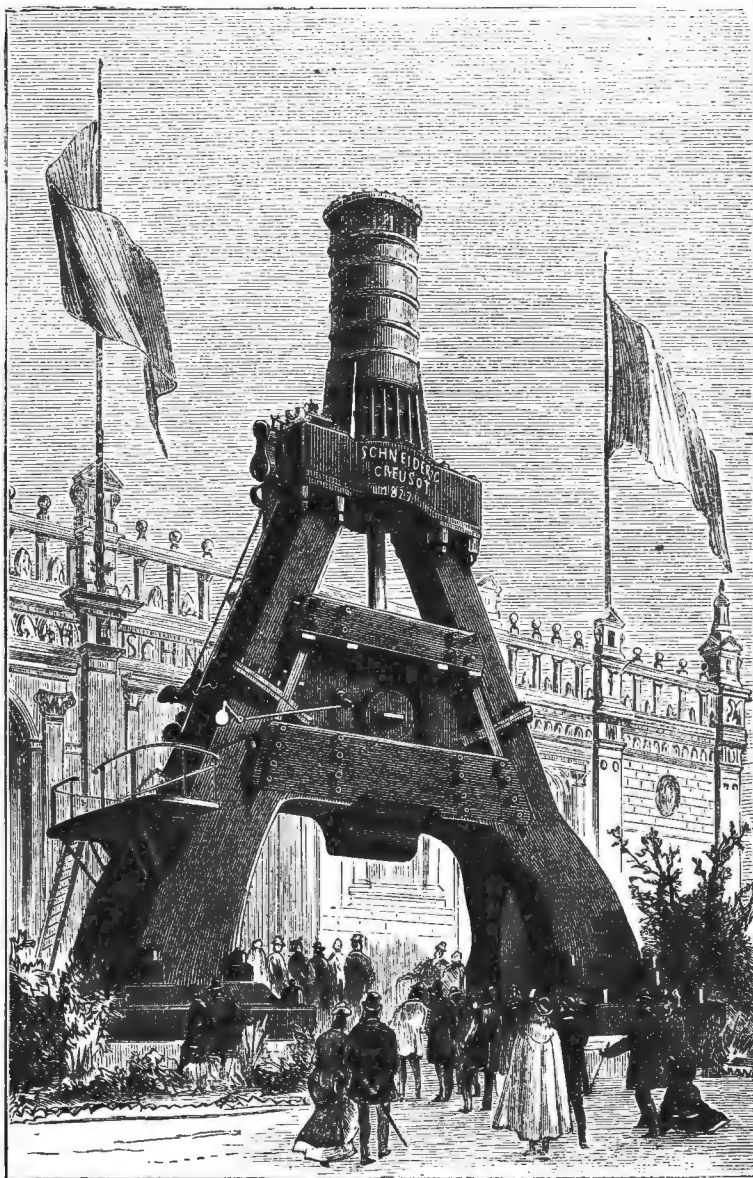
ви, мы, по мѣрѣ силъ и возможности, стараемся сдѣлать наше обозрѣніе выставкѣ полифе; но такъ какъ нельзя въ рисункахъ передать всѣхъ предметовъ, находящихся на выставкѣ, то по сему случаю въ наши статьи входитъ описаніе не только того, что изображаютъ рисунки, но и вообще всего, что въ томъ или другомъ отношеніи интересно и главнымъ образомъ поучительно. Такъ въ предыдущей нашей статьѣ мы говорили о французской выставкѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ цѣлью показать, въ какомъ положеніи дѣло это находится въ настоящее время во Франціи. Теперь, въ этомъ номерѣ „Нивы“ мы приведемъ нѣсколько данныхъ о выставкѣ нашего русскаго Военнаго Министерства. За нашими военными педагогами признается заслуга, такъ сказать, популяризаціи наукъ въ Россіи, составленія полныхъ учебныхъ пособій для реальныхъ заведеній и приготовленіе этихъ пособій въ Россіи, чего не было у насъ и въ поминѣ до 1866 года, когда всѣ матеріалы по учебному дѣлу выписывались изъ-за границы и, слѣдовательно, не могли обходиться такъ дешево, какъ теперь, при приготовленіи ихъ въ Россіи. Коллекція педагогическаго музея Военнаго Министерства заняла видное мѣсто уже на Филадельфійской выставкѣ 1876 года; обращаетъ она на себя вниманіе и въ настоящее время на Парижской.

Наиболѣе интересный отдѣлъ музея составляетъ гигиеническій кабинетъ, состоящій изъ 200 предметовъ различныхъ моделей, рисунковъ, аппаратовъ. Эти предметы дадутъ понятіе съ гигиенической точки зрѣнія о составныхъ частяхъ воздуха, составѣ и свойствахъ воды, о питательныхъ веществахъ пищи, о почвѣ и климатѣ, объ одеждѣ, которая должна быть сообразной временамъ года. Рисунки картъ даютъ наглядное представленіе о послѣдствіяхъ не гигиенической обстановки, оградившихся на организмѣ человѣка, поставленнаго въ скверныя условія жизни. Такъ, напримѣръ, на одной картѣ дано изображеніе легкихъ у рудокоповъ. Развитіе гнистовъ взято отъ момента зарожденія, до ихъ полного развитія. Вообще, на выставкѣ педагогическаго музея можно встрѣтить много поучительнаго и интереснаго. Укажемъ, напримѣръ, на аппаратъ, показывающій, до какой степени велико свойство воздуха въ проникновеніи его чрезъ различныя преграды. Аппаратъ этотъ весьма простъ, онъ состоитъ изъ небольшой кирпичной стѣнки; въ обѣихъ сторонахъ ея очень плотно приставлены широкими отверстиями двѣ стекляныя воронки, въ узкія отверстия воронокъ вдѣланы гуттаперчевыя трубки, изъ которыхъ одна опущена въ воду, а другая остается открытой. Испытаніе производится такимъ образомъ, что въ отверстіе свободной трубки дуютъ, и тогда въ водѣ отъ прохожденія воздуха чрезъ стѣнку въ ту трубку, конецъ которой опущенъ въ воду, покажутся пузырьки. Такимъ образомъ этотъ простой аппаратъ наглядно показываетъ, что воздухъ чрезъ плотную кирпичную стѣнку свободно проникаетъ въ воду. Затѣмъ беззанимательнымъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ аппаратѣ профессора Сѣченова. Этотъ аппаратъ объясняетъ процессъ дыханія. Онъ состоитъ изъ стеклянной колбы; широкое отверстіе ея закрыто гуттаперчей, замѣняющей здѣсь грудобрюшную преграду, а въ

узкое отверстіе вставлена стеклянная трубочка, раздѣленная внутри на два отдѣленія, къ концамъ которыхъ придѣланы мѣшечки; къ верхней части трубки, подъ колбой, приставленъ термометръ. Чтобы произвести процессъ дыханія, нажимаютъ гуттаперчевую перепонку, воздухъ, находящійся въ колбѣ, сокращаетъ мѣшечки, а вслѣдствіе этого находящійся въ нихъ воздухъ выходитъ въ стеклянную трубку. Термометръ опредѣляетъ повышеніемъ ртути силу сокращенія. Этотъ аппаратъ, по нашему мнѣнію, хотя и съ нѣкоторою наглядностью воспроизводитъ процессъ дыханія; но смѣемъ выразить ту мысль, что эта наглядность слишкомъ такъ сказать груба, и формы, избранныя г. профессоромъ Сѣченовымъ для воспроизведенія процесса дыханія, ясныя для него, какъ профессора физиологии, мало понятны для публики.

Какъ извѣстно, нашъ педагогическій музей съ цѣлью распространенія научныхъ свѣдѣній имѣетъ публичныя лекціи, и популярныя чтенія въ Солянскомъ городкѣ въ Петербургѣ привлекаютъ слушателей. Собранныя коллекціи научныхъ матеріаловъ служатъ пособіями во время чтеній. Для преподаванія точныхъ наукъ музей имѣетъ до ста слишкомъ предметовъ геометрическихъ фигуръ и другихъ, для изученія прямолинейнаго рисунка, законовъ перспективны и т. д. Для лекцій по зоологии музей имѣетъ коллекціи превосходно сдѣланныхъ чучелъ звѣрей, птицъ; для ботаники—карты, атласы съ рисунками растений. Этимъ педагогическій музей, и въ особенности его ботаническія карты, обратили вниманіе на выставкѣ и нашли заказчиковъ отъ лицеевъ и школъ.

Засимъ мы, какъ обыкновенно дѣлаемъ, переходимъ къ описанію предствлѣнныхъ въ № рисунковъ. Одинъ изъ рисунковъ представляетъ башню и домики Швеціи и Норвегіи въ паркѣ Трокадеро. Три зданія шведской и норвежской постройки, возвышаются на западномъ склонѣ Трокадеро и представляютъ собой три образчика построекъ этихъ сѣверныхъ странъ Европы—Швеціи и Норвегіи. Характеръ страны отразился и на характерѣ постройки, такъ, сильно наклоненныя кровли прямо служатъ болѣе легкому спатыванію съ нихъ снѣга и, слѣдовательно, меньшему удержанію въ нихъ сырости. Края кровель подбиты толстыми досками и обрамлены досками съ

Всемирная выставка въ Парижѣ: Паровой молотъ Шнейдера въ Кресо.

Съ фотогр. грав. Рашевскій.

боковой стороны, какъ это дѣлается и на нашихъ русскихъ избахъ, также какъ и гребешки на верху кровель. Съ крыльца, на которое открывается входная дверь въ жилище, можно обойти домикъ кругомъ, подъ прикрытіемъ выдающейся кровли, поддерживаемой то консолями, то деревянными столбиками. Въ общемъ идея постройки соответствуетъ требованіямъ холодныхъ сѣверныхъ странъ. Одинъ изъ домиковъ на выставкѣ вмѣщаетъ строевую дѣсь, другой представляетъ образчикъ школьнаго зала съ кафедрой, скамьями, картами, всѣми учебными пособіями и руководствомъ въ дѣлѣ образованія мѣстныхъ школъ. Самый большой домъ изъ шведскихъ построекъ представляетъ собой образцы работъ Общества Столяровъ въ Стокгольмѣ; здѣсь можно видѣть много интересныхъ предметовъ по части мастерства, между прочимъ чрезвычайно искус-

Продолженіе на стр. 677, 678, 679 и 680.

сно сдѣланныя двери и петли. Вставочки и ящички изъ пихты, красиво вырезанныя на дверяхъ, дѣлають счастливыи эффектъ въ декоративномъ отношеніи деревянныхъ работъ. Внутри этого большого дома помѣщается выставка вещей не дѣлающихъ шума, но тѣмъ не менѣе достойныхъ обратить на себя вниманіе фабрикантовъ и рабочихъ. Это выставка общества ручныхъ работъ, которое занимается воспроизведеніемъ работъ по стариннымъ образцамъ, какъ-то: старинной мебели, тваней и другихъ предметовъ изъ прошлой жизни скандинавскаго общества. Въ числѣ выставленныхъ вещей, кружевъ, ковровъ, столярныхъ работъ, есть вещи дѣйствительной оригинальности и иногда совсѣмъ необыкновенной отдѣлки. Въ центрѣ шведско-норвежскаго участка поднимается красивая деревянная башенка, видъ которой представленъ на нашемъ рисункѣ. Башенка имѣетъ форму, какъ видитъ читатель, четырехугольной пирамиды, стѣны ея обшиты пластинками изъ пихты такимъ манеромъ, какъ дѣлають обыкновенно изъ сланца во Франціи. Въ верху пирамиды помѣщаются часы. Они вдѣланы въ рамку, съ своей стороны представляющую форму домика. Говорятъ, что такія башенныя часы встрѣчаются нерѣдко на Скандинавскомъ полуостровѣ. Они занимають тамъ роль нашихъ часовъ на колокольняхъ и на другихъ болѣе выдающихся публичныхъ зданіяхъ. Второй рисунокъ представляетъ молотъ-толкачъ. Въ 34 №, на стр. 619, въ статьѣ о Парижской выставкѣ, мы говорили уже объ этомъ исполнѣи и въ настоящей статьѣ добавимъ лишь нѣсколько строкъ къ нашему описанію. Промышленность такъ развилась въ послѣднее время, что требуетъ употребленія такихъ колоссальныхъ желѣзныхъ массъ, для которыхъ нужны и орудія, силы имъ соответствующей. Чтобы выковать сталь для своихъ чудовищныхъ пушекъ, знаменитый Круппъ сдѣлалъ на своемъ Эссенскомъ заводѣ молотъ вѣсомъ въ 50,000 килограммъ (около 3 тыс. пуд.), самый сильнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ, пока Кресо не сдѣлалъ свой, именно тотъ, рисунокъ котораго мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ „Нивы“. Этотъ послѣдній изумляетъ всѣхъ посѣтителей выставки своей чудовищной массой, находясь точной копіей возлѣ отдѣла желѣзныхъ заводовъ Кресо на Марсовомъ полѣ. Этотъ гигантскій молотъ поднимается паромъ, когда рабочий, помѣщающійся на галлерей направо отъ снаряда, даетъ ему свободный проходъ въ цилиндръ и этотъ молотъ надаетъ всею своею тяжестью, если черезъ отверстие другого вала паръ будетъ выпущенъ. Поднимаясь и опускаясь, молотъ управляется такимъ образомъ, что не можетъ никогда уклониться съ своего направленія. Въ тоже время онъ совершенно послушенъ, и рабочий по своей волѣ можетъ его весь поднять, или треть, или половину, съ большею или меньшею скоростью, можетъ остановить его, лишь только онъ сдѣлалъ ударъ, и умѣрить этотъ ударъ настолько, что едва коснется положенной подъ него вещи.

Третій рисунокъ представляетъ фасадъ англійскаго отдѣла на Парижской Выставкѣ. Какъ мы уже объясняли нашимъ читателямъ, англійскій отдѣлъ находится первымъ при входѣ въ зданіе дворца на Марсовомъ полѣ, т. е. первымъ на улицѣ

Націй, Avenue des Nations. Здѣсь сразу представляются глазамъ богатства Индіи, ея драгоцѣнности... Нечего сказать, великолѣпное вступленіе, указывающее тотчасъ же на могущество страны! Выставленные въ индѣйскомъ отдѣлѣ вещи слѣпають глаза своимъ богатствомъ: золото, жемчуги, брилліанты, дорогое оружіе наполняютъ собою витрины. Большая часть изъ выставленныхъ вещей составляетъ собственность принца Уэльскаго и принесены ему въ даръ индѣйскими раджами во время его путешествія по Индіи въ 1876 г. За Индѣйскимъ отдѣломъ идетъ собственно Англійскій, состоящій изъ ряда фасадовъ. Прежде всего представляется фасадъ архитектуры, процвѣтавшей въ давно прошедшіе времена старой Англии, большой, однообразный, холодный фасадъ, пробитый правильными окнами и напоминающій нѣсколько не то фабрику; не то заводъ. Затѣмъ массивной конструкціи павильонъ принца Уэльскаго раздѣляетъ фасадъ стараго замка отъ обыкновеннаго дома, какіе

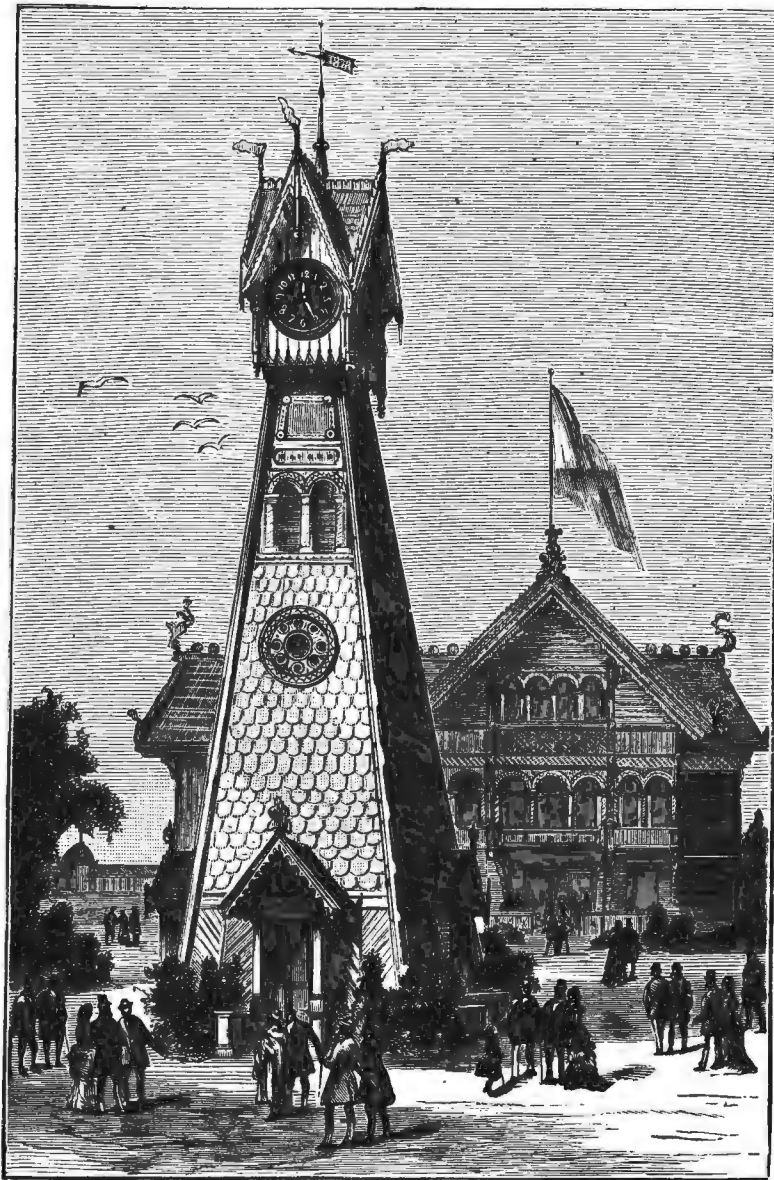
встрѣчаются въ оверстностяхъ большихъ англійскихъ городовъ и въ которые отправляются каждый вечеръ на отдыхъ отъ занятій въ своихъ конторахъ богатые комерсанты. Далѣе слѣдуютъ два зданія болѣе веселаго типа—типъ коттеджа, столь любимый англичанами. Чистенькій, нарядный, комфортабельный домъ, безъ всякихъ украшеній, но сдѣланный солидно, хорошо расположенный. Фасады сдѣланы изъ темно-краснаго кирпича, превосходно выжженнаго и тесаннаго французскаго камня. Входъ въ англійскій отдѣлъ запирается великолѣпной рѣшеткой изъ кованаго желѣза, украшенный двумя колоннами, колонны же увѣнчаны статуями львовъ. Вообще надобно сказать, Великобританскій отдѣлъ даетъ собою настоящій калейдоскопъ, гдѣ всѣ страны, которыми Англія обладаетъ, являются со всеми своими характерными признаками. Англія снесла на выставку продукты своихъ фабрикъ, дѣлѣй, такъ сказать, рогъ изобилія, полный всевозможныхъ товаровъ, который эта страна изливаетъ надъ міромъ; публика тѣснится предъ ея мебелью, матеріями, ея инструментами, всякаго рода предметами домашнего обихода, которыми она щеголяетъ; и она не одна: съ ней предстали всѣ климаты: Цейлонъ, Новая Зеландія, Ямайка, Англійская Гвіана, мысъ Доброй Надежды.

Англія явилась, можно сказать, во всемъ могучемъ блескѣ своей производительности—торговой

и промышленной. Англійскій отдѣлъ оставилъ позади себя всѣ отдѣлы другихъ странъ: отъ иглои до машинъ—все верхъ совершенства. Вездѣ во всемъ видѣнъ глубокой практической смыслъ, необыкновенная умственная дѣятельность, мастерство рукъ; но здѣсь царствуетъ промышленность и беретъ верхъ надъ искусствомъ. Здѣсь собственно искусства искать нечего, его тутъ не найдешь.

Отдѣлы республики Санъ-Марино, Сіамскій, Персидскій, Тунисскій представляютъ вереницу цвѣтныхъ фасадовъ, раскрашенныхъ голубымъ, и желтымъ; все веселитъ глазъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать неизящнымъ, точно тѣ восточные ковры и твані, гдѣ всѣ линіи переплетаются, гдѣ всѣ цвѣта нестать, но такъ мастерски соединены между собой, что въ своей рѣзкости полны гармоніи.

Первый изъ фасадовъ, представленныхъ на нашемъ рисун-

Всемирная выставка въ Парижѣ: Башня въ Шведскомъ отдѣлѣ. Грав. Рапешскій.

къ, съ лѣвой стороны, представляетъ фасадъ зданія, построеннаго совокупными средствами трехъ маленькихъ государствъ Европы—двухъ республикъ, Санъ-Марино и Андорры, и княжества Монако. Дверь съ фронтономъ, поддерживаемымъ колоннами, ведетъ въ отдѣлъ кн. Монако, которое на своемъ щитѣ помѣстило надпись съ девизомъ: „Богъ помогаетъ“. Положимъ, что княжеству Монако, всѣ доходы котораго ограничиваются пошлинами, взимаемыми за картежную игру, такой девизъ не очень кстати, но если княжество его избрало, то, значить, такъ тому и быть. Обратимся снова къ выставкѣ.

Первый этажъ съ большимъ стекляннымъ окномъ принадлежитъ выставкѣ республики Санъ-Марино, которой надпись носитъ гордый девизъ „Свобода“. Тутъ является въ видѣ маленькаго зданія, полосатаго, поочередно краснаго цвѣта съ бѣлымъ, съ дверью мавританскаго разрѣза, съ окномъ, украшеннымъ балкономъ. Надъ дверью имѣется надпись „Тунисъ“. Зданіе увѣлично башенкой минарета. Фасадъ Сиамы не менѣе элегантенъ. Входъ прорѣзанъ въ родѣ деревяннаго предверія и закрытъ коврами. Надъ входомъ сдѣлано изображение бѣлаго слона, затѣмъ все зданіе заканчивается тройной

кровлей, возвышающейся этажами—нѣчто въ родѣ китайской кровли.

На Персидскій павильонъ съ разу указываетъ изображение золотого льва и солнца. Павильонъ этотъ представляетъ прямое зданіе, въ формѣ башни, съ вырѣзанной внизу дверью, съ угловатыми сводами и съ такимъ же окномъ. Павильонъ замѣчательнень арабесками, которыя его украшаютъ.

Анамъ, сосѣдъ Кохинхины, французской колоніи, построилъ широкую дубовую дверь, углы кровли носятъ распростертыхъ драконовъ. Верхъ кровли украшенъ рѣзными фигурами, окрашенными ярко-краснымъ цвѣтомъ съ золотомъ. Надъ зданіемъ развѣвается знамя.

Но отъ этихъ свособразныхъ по своему виду зданій восточныхъ государствъ возвратимся къ нашему русскому искусству и сообщимъ здѣсь къ удовольствію всѣхъ имъ интересующихся, что первую золотую медаль по скульптурѣ на Всемирной Парижской выставкѣ получилъ нашъ извѣстный скульпторъ—академикъ Антокольскій (портретъ его и биографическія о жизни и дѣятельности свѣдѣнія были помѣщены въ № 26 „Нивы“ сего года).

Ор.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Я помню: среди ароматныхъ цвѣтовъ,
Когда-то я встрѣтилъ ребенка...
Прозрачные неба, синіи васильковъ,
Смотрѣли два умныхъ глазенка.
Алѣли уста, словно маковый цвѣтъ,
На щечкахъ проглянули розы,
На матовомъ лбу оттѣняли свой слѣдъ
Причудливо—дѣтскія грезы...
А волосы? русыя пряди волосъ—
Вокругъ съ золотымъ ореоломъ,
Двѣ тонкія ленточки скрученныхъ косъ
Вились въ беспорядкѣ веселомъ.
И вѣтеръ весенній, шутивно летя,
Заигрывалъ съ ними тихонько;
Ему улыбалось привѣтно дитя
Везпечной улыбкой ребенка...
Вверху—колыхались вѣтви дубовъ,
Внизу—свѣжей зелени волны,
А гроздыя сирени ползли изъ кустовъ,
Весны ароматами полны.
Она-же въ той рамкѣ зеленой такимъ
Изящнымъ была силуетомъ,
Что съ сердцемъ не могъ совладать я

И сталъ на мгновенье поэтомъ!

II.

Этотъ голосъ гармоничный,
Вирюзовые глаза,
Профиль мраморно-античный,
Золотые волоса,
Этотъ станъ, какъ изваянье,
Полонъ дивной красотой—
Десять лѣтъ воспоминанье

Воскресаютъ предо мной!
Въ глубинѣ души есть много
Незадѣтыхъ жизнью струнъ,
Спятъ онѣ, хранитъ ихъ строго
Сердце—скарденный колдунъ;
Но любви святая фея,
Чарованія полна,
Этотъ замокъ цародѣя
Пробуждаетъ ото сна.
Ниспровергнуть стражъ суровый:
Струны радостно гремятъ,
И стращивъ свои оковы,
Увлекаютъ и манятъ
Далеко, въ то царство звука,
Что въ слова переложить
Не могла еще наука.
Тамъ гармонія царитъ,
Тамъ витаетъ обновленный
Образъ: дивная краса,
Звуковъ хоръ одушевленный,
И въ сіяньи небеса...

III.

За то люблю тебя такъ безпредѣльно,
Что ты чиста и рыцарски честна,
Что ты душой такъ яна и такъ цѣльна,
Что силою ума такъ свѣжа и полна!..
За то люблю тебя такъ беззавѣтно,
Что жизнь тебя измучитъ не могла,
Что на тебѣ печати не замѣтно,
Ни суеты мірской, ни пошлости, ни зла!
Что подъ грозой и смѣло, и высоко
Ты держишь голову свою—
За то тебя такъ сильно и глубоко,
Такъ безпредѣльно я люблю!

IV.

Измученный, съ разбитою душею
Молю тебя, страдалица: уйди!..
Уйди, съ твоею страшною красотою:
Уснувшихъ чувствъ жестоко не буди!
Живой мертвецъ, хожу я безустанно
Среди толпы, не нужной для меня..
О, не буди души моей безстрастной,
Не зажигай угаснаго огня!
Мои давно схороненыя силы
Не воскрешай для новыхъ мукъ борьбы!
Хочу сойти въ холодный мракъ могилы
Безмолвной жертвою судьбы.
Къ чему борьба, мученья и тревоги,
Къ чему упреки праздные,—когда
Всей жизни человѣческой итоги
Не стоятъ этого труда?!

V.

Когда, покончивъ съ жизнью безцѣльной
Всѣ счеты старыя, принудивъ замолчать
И смѣхъ враговъ, и дружбы гласъ под-

дѣльный,
Я буду бесполезно умирать,
Правдивыми друзьями позабытый,
И взоръ смежающийся мой
Увидитъ гробъ, у ногъ моихъ открытый;
Тогда явись же ты передо мной,
Мое любимое созданье,
И очи мнѣ, цалуя на прощанье,
Рукою милою закрой!..
—Неисполнимое желанье!

Н. Шаховъ Луганскій.

Ме написанъ 31 янв. 1878 г.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

25-го августа наши войска вступили въ Батумъ безъ боя. Въ минувшую войну намъ не удалось взять Батумъ силою, не смотря на нѣсколько приступовъ, стоившихъ много крови.

На нашихъ глазахъ недавно совершился кровавый приемъ, оказанный австрійцамъ со стороны Босніи и Герцеговины. Наши иностранные благопріятели предсказывали намъ такой же приемъ въ Лазистанѣ. Лондонская печать съ „Times“ во главѣ, сулила намъ тысячи ужасовъ и было отъ чего сулить!.. Въдѣ сами англичане ревностно раздавали лазамъ оружіе, съ тѣмъ, чтобы подстрекнуть къ поголовному возмущенію. Выходило, по англійскимъ расчетамъ, что намъ въ Батумѣ приходилось брать каждый домъ съ боя, какъ древнимъ римлянамъ въ Карфагенѣ... Но... расчеты не оправдались. Напрасно было раздавать оружіе!.. Часть получившихъ это оружіе лазовъ перешла на турецкую почву. Большинство же перешло въ русское подданство. И вотъ послѣ этого-то, находившіяся въ Батумѣ представители Порты, Дервишъ-паша и рѣшилъ 25-го августа сдѣлать мирную сдачу ерѣпости. Онъ встрѣтилъ русскаго командира, помощника главнокомандующаго генералъ-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго у городской черты, съ депутаціей отъ жителей и съ духовенствомъ, какъ христіанскимъ, такъ и мусульманскимъ. Гражданскія турецкія власти удалились изъ Батума еще прежде, не ожидая прибытія русскихъ. Временнымъ комендантомъ Батума былъ назначенъ генералъ-майоръ Нуридъ. 25-го же числа, т. е. въ самый день вступленія на-

шихъ войскъ, въ Батумѣ учреждена русская станція съ приемомъ общей корреспонденціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ водворилось и спокойствіе въ краѣ, такъ что нѣтъ достаточныхъ причинъ опасаться смутъ и столкновений со стороны эмигрировавшихъ на турецкую почву лазовъ. Численность эмигрировавшихъ лазовъ еще съ точностью неизвѣстна. Телеграфъ сообщалъ, что эмиграція лазовъ продолжалась и послѣ сдачи Батума.

Добавимъ здѣсь, что для занятія Лазистана съ нашей стороны предварительно предназначались два отряда: Кабулетскій—подъ начальствомъ генерала Оклюжіо и Ардаганскій—подъ начальствомъ Тергукасова. Въ составъ послѣдняго вошла ардаганская колонна Комарова и колонна Трейтера. Для общаго же руководства всѣмъ этимъ движеніемъ и присланъ былъ помощникъ главнокомандующаго, князь Святополкъ-Мирскій. Приготовленія къ занятію Батума, какъ видно изъ самаго дѣла, были воинственны. Но все обошлось мирно.

Среди политическаго затихнѣя, общее вниманіе и по настоящее время продолжаетъ сосредоточивать на себѣ Австрія съ ея крайне замедляющимся и обратившимся въ ожесточенную борьбу „шестивѣе впередъ“ при оккупации Босніи и Герцеговины. Потери и расходы, на которые страна Габсбурговъ никакъ не рассчитывала, уже теперь представляются огромными. Австрія мечтала, какъ говорится, чужими руками „взять изъ огня каштаны“, однакоже ей пришлось сильно обжечься. По приблизительнымъ расчетамъ, для занятія Босніи Австріи

пришлось заплатить 1/8 первоначально мобилизованной *сто-тысячной* армии. Деньгами уже теперь истрачено *100 миллионов* гульденов и может быть даже больше. Что же занято, для чего сданы эти издержки? Занята часть территории до города Сераева, столицы Боснии. Но и на этой занятой части территории пути сообщения до сих пор представляются не вполне обеспеченными. До сих пор то и дело, там и сям, вставали инсurreкционные отряды, и мужество отчаяния обезпечивало им значительный успех. Опасность войны с партизанами, имевшая значение во всей военной истории, сказана и в данном случае во всей силе. Инсurreнты целый месяц тревожат австрийские войска и с тыла, и с фланга. По искреннему сознанию лучших органов австрийской печати, *только* главные силы австрийской армии и добились относительно длинную операционную линию. Другая же, и весьма значительная часть армии, дралась с неприятелем, в разсыпную и дралась *только* с тою целью, чтобы охранять свои сообщения чрез *Баньялуку* (в сѣверо-западной части Боснии).

В Боснии самый жаркий огонь борьбы был сосредоточен на востокѣ. Число инсurreнтовъ въ Восточной Боснии доходило въ общей сложности до 30,500 человекѣ. Здѣсь стояла дивизія фельдцейхмейстера-лейтенанта Шапари, противъ которой въ день битвы 14-го (26-го) августа дѣйствовало болѣе 22,500 инсurreнтовъ, слѣдовательно самый тяжелый ударъ, похожий на поражение, пришлось выдержать именно дивизіи Шапари. Инсurreнты восточной Боснии были снабжены превосходными ружьями системы Генри-Мартини и Шнейдера. Затѣмъ въ рядахъ инсurreнтовъ находились турецкіе редифы и низамъ, снабженные крупновскими орудіями. Послѣ этого на помощь австрийскимъ войскамъ была послана *вторая* сотня тысячъ войскъ. Австрія за симъ распорядилась, чтобы войска, занявшія Сераево, не выступали оттуда до весны, потому что въ теченіи осени и зимы будетъ устраиваться базисъ для дальнѣйшаго наступленія къ югу Боснии въ будущемъ году. Вообще изъ всѣхъ до сихъ поръ совершившихся событій по оккупации австро-венгерцами Боснии яено видно, что оккупационной арміи пока предоставлена скромная роль полицейскихъ агентовъ Банстательной Порты. Константинопольское правительство даже сочло возможнымъ заявить открыто, что оно недоброжелательно ко вѣдѣнію, проектируемому графомъ Андраши. Но этотъ послѣдній, чтобы удержать свою пошатнувшуюся популярность, изъ всѣхъ силъ хлопочетъ о конвенціи, хотя безуспѣшно. Порта уже давчо потребовала отъ Австріи предварительнаго опредѣленія срока оккупации; даже выразила требованіе, чтобы Австрія формально обѣщалась не занимать войсками Ново-базарскій санджакъ (близъ сербской границы на юго-востокѣ). Надо мимоходомъ замѣтить, что только графъ Андраши и его партія относятся съ особою щепетильностью къ вопросу объ оккупации. Австрийское военное министерство относится къ этому вопросу совершенно иначе и вовсе не намѣрено дѣлать въ оккупации исключеній и ограниченій, въ родѣ исключенія Ново-базарскаго санджака. Изъ-за этого несчастнаго санджака, въ которомъ сосредоточена теперь масса инсurreнтскихъ силъ, и стало все дѣло. Порта отправила въ Албанію и, вмѣстѣ съ тѣмъ въ Ново-Базарскій санджакъ, Мегемед-Али-пашу. Относительно Ново-базарскаго санджака турецкому генералу поручено было *подготовить* эту мѣстность въ австрийской оккупации... Но тутъ случилось неожиданное событіе, весьма характеристичное для Турціи, въ которой истребленіе нашей представляется явленіемъ обыкновеннымъ.

Мегеметъ-Али-паша прѣхалъ въ Албанію, съ цѣлю усмирить такъ называемую лигу или союзъ повстанцевъ, подготовить Ново-базарскій санджакъ (къ югу отъ Сербіи) къ австрийской оккупации и уладить недавнее столкновение съ Черногоріей. Но здѣсь напалъ на пашу албанцы и зарѣзали его вмѣстѣ со свитой, состоявшей изъ 20-ти человекѣ. Эта рѣзкая кровавая расправа еще болѣе потрясла и безъ того уже шаткой авторитетъ Порты на Балканскомъ полуостровѣ. Ближайшимъ поводомъ къ убіенію Мегемед-Али было то, что онъ отказался организовать нападеніе на австрийскія войска... Этимъ событіемъ была сильно взволнована не только Австрія, но и Англія. Маркизъ Салисбери пригласилъ сэра Лейарда, представителя Британіи при Константинопольскомъ дворѣ, потребовать отъ Порты, чтобы она самими энергическими мѣрами подавила возстаніе въ Албаніи и послѣдила бы *заключить конвенцію съ Австріей*, потому что (по крайней мѣрѣ, по мнѣнію Англіи), только этимъ путемъ можно избѣгнуть дальнѣйшихъ осложненій дѣла на востокѣ... За симъ для избѣжанія тѣхъ же усложненій, Британія рѣшилась предпринять "обширныя реформы" въ Малой Азій. Для осуществленія этихъ реформъ, въ Константинополь возвращается извѣстный "творецъ турецкой конституціи" Митхадъ-паша. По ходатайству того же лорда Салисбери, Султанъ снимаетъ опалу съ Митхада. Все это понятно. Разъ Британія заняла Кипръ, конечно, ей нужны и преобразованія въ Малой Азій, для наблюденія за которыми Кипръ представляетъ весьма удачный наблюдательный постъ. Затѣмъ становится понятнымъ и ревнивое выслѣживаніе Британіей нашей политики въ Средней Азій.

Носились еще не давно слухи о захватѣ Англіею острова *Сокотры*, при входѣ въ Аденскій заливъ (на Красномъ морѣ) и судя по общему характеру политики Англіи, все это весьма возможно.

Черногорія, выведенная изъ терпѣнія медленностью турокъ въ очищеніи той территории, которая прирѣзана къ княжеству по Берлинскому договору, подняла воинственный кличъ, вооружилась, и путемъ оружія рѣшилась добиваться того, что присуждено ей по договору. Не смотря на истощеніе, Черногорія снова собираетъ послѣднія силы, и, конечно, если придется бороться, снова проявитъ героическія силы. Артиллерія, подъ начальствомъ Маши Врбичи, уже бомбардировала Подгорицу.

Что касается Герцеговины, то въ этой провинціи возстаніе и съ самаго начала не отличалось интенсивностью. Уже въ первое же время оккупации, въ разныхъ мѣстностяхъ Герцеговины, турецкіе регулярные отряды сдались почти безъ сопротивленія войскамъ Іовановича; инсurreнты отступили въ юго-западный уголъ Герцеговины къ Требинью. Большая часть инсurreнтскихъ герцеговинскихъ бандъ находилась въ недалекомъ разстояніи отъ Черногорской границы. По всѣмъ, имѣющимся теперь сообщеніямъ, связь, соединявшая Герцеговинскихъ инсurreнтовъ съ Боснійскими бандами, уже прервана. Подъ Требинью въ инсurreнтскихъ бандахъ въ недавнее время находилось не свыше 1,000 человекѣ.

Уже на прошлой недѣлѣ возвращеніе нашей славной гвардіи съ театра войны имѣло значеніе совершающагося факта. 29 августа, лейб-гвардіи Его Величества полкъ имѣлъ дневку въ Вильно. За симъ черезъ Вильно же назначено проходить и другимъ гвардейскимъ полкамъ. Виленская дума ассигновала нужную сумму на угощеніе знаменитыхъ воиновъ. Значительная пожертвованія на этотъ предметъ сдѣлало и виленское городское общество. Въ Москвѣ уже при бывшей на прошлой недѣлѣ части гвардейскаго эгерскаго полка сдѣлано радужное угощеніе. Къ встрѣчѣ же дорогихъ гостей уже съ прошлой недѣли и даже ранѣе приготавлился Петербургъ. Надо замѣтить, что нашей славной гвардіи значительно поубыло. Многие легли костью на мѣстѣ, пали славною героической смертью, преимущественно при *Темши* и во время зимняго перехода черезъ Балканы. Молодцы старые гвардейцы, по отзыву очевидцевъ, смотрятъ бодро. Но большая часть изъ нихъ болѣны хроническою простудой. По цѣлымъ днямъ приходилось быть поколѣно въ снѣгу и даже спать на снѣгу... При всей ихъ доброй волѣ, въ виду утраты здоровья дальнѣйшая служба этихъ молодежь-воиновъ представляется невозможной. Понятно, какой теплой встрѣчи, со стороны Петербурга, заслуживаютъ эти славные воины.

Военный Министръ Д. А. Милютинъ возведенъ въ графское достоинство.

Коммиссія, по разслѣдованію злоупотребленій въ интендантствѣ дѣйствовавшей на Дунаѣ армии, продолжаетъ дѣлать открытія злоупотребленій и, какъ говорятъ, привлекла къ отвѣтственности до 400 чиновниковъ и офицеровъ, заправлявшихъ дѣлами продовольствія арміи, причемъ, на извѣстное товарищество Грегера, Горвица и Когана, насчитала переборъ болѣе чѣмъ на 2 мил. рублей.

Второй восточный заемъ состоялся окончательно, при чемъ требуемая сумма въ 300 мил. руб. нарицательнаго капитала не только покрыта; но, сколько извѣстно внесена болѣе или менѣе значительная сумма, вслѣдствіе которой и послѣдуетъ разверстка.

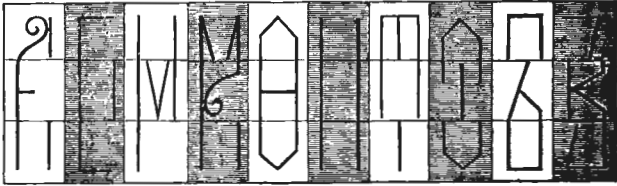
Въ настоящее время въ Петербургѣ открытъ аукціонный залъ. Публика давно уже выражала потребность имѣть такое учрежденіе, которое могло бы освободить продавца и покупателя отъ вреднаго тяготѣнія перекупщиковъ, затрудняющихъ и чрезвычайно удорожающихъ такого рода сдѣлки. Открытіе публичнаго аукціоннаго зала встрѣтило сначала много препятствій, какъ по новизнѣ дѣла, такъ и вслѣдствіе недовѣрія лицъ, отъ которыхъ зависѣло разсмотрѣніе и утвержденіе устава предпріятія. Теперь уже залъ открытъ для публики (на Большой Морской улицѣ).

Уже давно не запомнить такой ярмарки, какая была въ нынѣшнемъ году въ Нижнемъ Новгородѣ. Всѣми товарами расторгались почти окончательно. Денежные расчеты почти не бывали. Повѣренныя по дѣламъ и нотаріусы остались безъ дѣла.

Говоря о коммерческихъ дѣлахъ, кстати будетъ привести здѣсь извѣстіе, имѣющее болѣе или менѣе близкое отношеніе къ нимъ, а именно о предполагающей перестройкѣ зданія Государственнаго Банка. Нижний этажъ полукруглаго корпуса, теперь сплошь занятый квартирами служащихъ, предполагается перестроить подъ помѣщеніе операционныхъ отдѣленій банка, въ которыхъ имѣетъ доступъ публика; въ верхнемъ же этажѣ будутъ сосредоточены помѣщенія исключительно для занятій служащихъ. Сообщеніе между обоими этажами будетъ производиться внутренними лѣстницами; для передачи распоряженій будутъ служить разговорныя трубки, а бумаги будутъ передаваться посредствомъ элеваторовъ.

Городская стража въ Петербургѣ еще увеличилась въ послѣднее время; прибавлено 500 городовыхъ и кромѣ того на улицахъ появились конные разъѣзды, а на нѣкоторыхъ перекресткахъ установлены конные казачьи посты.

ЗАДАЧА.

Изображенные на тридцати квадратиках этого рисунка знаки составляют, при правильном их соединении, фамилию писателя известного всей образованной России.

2-й высь 1866 года 25-й тираж 1-го сентября 1878 г. ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

Table with 12 columns: № ср., № выг., Сумма. It lists lottery results for the State Bank, organized in four groups of three columns each.

№№ серий, вышедших в тираж погашения. 192, 338, 425, 590, 597, 674, 806, 828, 892, 1165, 1618, 1887, 2294, 4089, 5704, 5761, 6426, 7339, 7621, 7727, 8312, 8558, 8701, 9336, 9401, 9458, 9551, 9650, 9699, 10263, 11260, 11593, 11721, 12208, 12296, 13542, 13604, 14145, 14262, 14285, 14310, 14695, 14744, 14981, 15513, 16222, 16637, 16987, 17667, 17882, 17925, 18194, 18740, 18842, 19353, 19717, 19807.

СОДЕРЖАНИЕ: Томас Эдисонъ, изобретатель фонографа, аэрофона и мног. др. (съ портретомъ) Стр.—Царь-дѣвица. Исторический романъ Вс. Соловьева (продолженіе).—Литературный альбомъ «Анна Каренина», романъ графа Л. Толстого (съ рис.).—Китайская Великая Стѣна (съ рис.).—Общій видъ г. Енисейска. (съ рис.).—Картина Рембрандта. (съ рис.).—Парисская Всемирная Выставка (съ 4 рис.).—Стихотворенія И. Ш. Л.—Политическія и внутреннія новстія.—Задача.—Тиражъ выигрышей.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Москва А. А. Плещ—ву. Присланное очень бѣдно содержаніемъ. Предложенію рады. Автору очерка «Святотство». Весь сыр-боръ горитъ отъ того, что вы, посылая свои правоучительныя письма, подписываете подъ ними съ такими закорючками, что разобрать вашей фамиліи невозможно, причѣмъ не сообщаете ни адреса своего ни № вашего почтового бланка. Рукопись напечатана не будетъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ ЖЕНСКАГО УЧЕБНАГО ЗАВЕДЕНІЯ Кн. О. Н. МЕЩЕРСКОЙ.

Съ наступающаго учебнаго года открывается V классъ, кромѣ существующихъ уже приготовительнаго и 4-хъ слѣдующихъ классовъ гимназическаго курса. Приемные экзамены для желающихъ поступить вновь въ учебное заведеніе будутъ производиться 31-го Августа, 1-го и 2-го Сентября. Программы можно получить во всякое время въ помѣщеніи учебнаго заведенія на Малой Дмитровкѣ, д. Шубиной, для личныя же переговоровъ просить обращаться съ 11-го Августа по понедельникамъ, средамъ и субботамъ отъ 12-ти до 3-хъ часовъ пополудни. № 179 2—2

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ, САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ВЪ РИГѢ, СІМЪ имѣеть честь довести до свѣдѣнія любителей, что ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ ДЕРЕВАМЪ, РАСТЕНІЯМЪ и пр. на 1878—1879 г.

изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы. Прочіимъ же лицамъ, желающимъ получить таковыя, посылаются каталоги также бесплатно, смотря по заявленію на русскомъ языкѣ, или на французскомъ и нѣмецкомъ. № 102 3—2

И Г Р Ы.

Шахматы отъ 1 р. 25 коп. до 3 р., домино-лото отъ 1 р. 50 к. до 3 р., шашки отъ 15 к., домино отъ 75 к. до 5 р. 50 к., доски изъ шахматамъ и шашкамъ отъ 75 к. до 4 р. 50 к., лото отъ 30 к. до 5 р., столовый крокетъ въ 4 р., дачный крокетъ отъ 6 р. до 20 р.; тутъ-же вещи изъ накладнаго золота никогда не червѣющія: броши отъ 1 р. 50 к., браслеты отъ 2 р. 50 к., серьги отъ 35 к. до 5 р., кольца отъ 75 к. colliers (ожерелье) отъ 2 р. 50 к., цѣпочки отъ 2 р. до 7 р. 50 к., въ депо бѣлая изъ бумаги въ магазинѣ Нюрнберга, въ старомъ гостинномъ домѣ Шаховскаго въ Москвѣ. № 201 2—2

ВЪ МАГАЗИНѢ КНИГЪ М. И. ПОПОВА.

Малая Садовая, д. № 2. Продается новая книга: Подарокъ молодымъ хозяйкамъ Часть III. Составила Елена Малоховецъ ч. 2 р. Эта 3-я часть вылагаетъ въ себѣ: 3 плана домовъ, 572 указанія посаженія въ домашнемъ хозяйствѣ, относительно стирки бѣлья, чистки различныхъ матерій, шалей, перчатокъ, кружевъ, металлическихъ вещей, зеркалъ, обоевъ, ковровъ, пуху, половъ и мебели, относительно вывода различныхъ пятенъ и пачканныхъ, склеиваніе различныхъ вещей, приготовленіе чернилъ, ваксы, мыла, душистой воды, помады, пудры и проч. 1315 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней взрослыхъ и дѣтей 200 указаній на уходъ, откашливаніе и болѣзни домашнихъ птицъ и животныхъ. Всего 2100 номеровъ. № 202 2—2

ПЕЧАТАЕТСЯ И СКОРО ВЫЙДЕТЪ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ КАЛЕНДАРЬ С. С. ШАШКОВА.

на 1879 годъ, цѣна 40 коп., съ перес. 50. Кромѣ обычной во всѣхъ календаряхъ справочной части, въ него войдутъ: О леченіи въ Ялтѣ. Правда о кумысолечебныхъ заведеніяхъ. Побѣда на Вѣдлѣй мѣсяцъ (разсказъ). Чортъ и вѣдьма (историческ. очеркъ). Научныя открытія (говорящая машина, плотоядныя растенія и т. д.) Сѣмь. (Ангелы хранители въ Парижѣ; Малкольдъ на обѣдѣ; долго-ли живутъ русскіе писатели; положеніе русскихъ прикащиковъ; женитьба на покойницѣ и др.). Кухонные рецепты. Провинціальныя сельцоны: Новгородъ, Владиміръ, Воронежъ, Нижній, Казань, Самара, Саратовъ, Полтава, Рязань, Пермь. Медицинскіе совѣты. Подписка, складъ и пріемъ объявленій (1 страница 20 р., 1/2 стр., 12 р., 1/4 стр. 7 р.) въ Петербургѣ, у книгопродавца М. И. Попова, Малая Садовая, № 2. Книгопродавцамъ 20%о уступки.

ВЫШЛА СЕНТЯБРЬСКАЯ КНИЖКА «СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ.»

СОДЕРЖАНИЕ: Жемчужина Востока, изъ событій въ Константинополѣ, Антоніи Жофре. Таинственное происшествіе въ современной Венеціи Уильи Коллинза Попенджой ли онъ? Энтони Троллопа. Что же это такое?—Изобрѣтатель.—Трольгетта.

Въ вышедшихъ восьми книгахъ нынѣшняго года, окончены уже семь романовъ: ВОЛОНИТА МУЖЪ Флоренціи Марзетъ. СИГНАЛЬ БѢДСТВІЯ, Майна Рида. МУЖИНА ЖЕНА, Теккеря. ТЫСЯЧА и ОДНА СУПРУЖЕСКАЯ НОЧЬ, Катрелля. СТРАНИЦА ЛЮБВИ. Эмиля Золя. СТАРОСТЬ ЛЕОНА, Фортюне дю-Буагобея. ТРИ ГЕРЦОГИНИ, Арсена Гуссе.

Къ печати приготовлены: УБИЙСТВО ВЪ ДОМѢ ПОДЪ № 13, Рене де-Пон-Жюста. МАС-ГОРНА, Густава Эмара.

Цѣна за годовое изданіе, 12 книгъ большаго формата, составляющихъ въ концѣ года около пяти тысячъ страницъ, безъ доставки десятихъ рублевъ пятьдесятъ коп., съ доставкой въ С. Петербургѣ—одиннадцать руб.; для иногородныхъ подписчиковъ—дѣвѣнадцать.

Подписка принимается исключительно на имя издателя Элисаветы Николаевны Ахматовой, въ редакціи «Собранія Романовъ», въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С. Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1-го. При редакціи открыта книжная торговля; высылаются всѣ книги, публикованныя въ газетахъ, и принимается подписка на всѣ періодическія изданія. № 168 1

С. ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ ОПТИЧЕСКОМЪ МАГАЗИНѢ И. Е. МІЛЬКЪ. Вильно Вязовѣцкая ул. № 42/12

Предлагаются къ наступающему сезону: Готовальни, Угольнички, Ливейки, Термометры наружныя, комнатныя, ванныя и медицинскіе, Барометры: Бянокли и Метрономки.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

№ 38

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 18 Сентября 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
«Нивѣ» принимаются
по 25 к. за строку
непарейль (въ 1/4
ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кромя
Воскресенья) отъ 10 ч.
утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . . . 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн.
маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг.
города Россіи . . . . . 6 „

Также принимается подписка на 1/2 года съ 1 Іюля 1878: безъ дост. 2 р., съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особые приложенія
объявленія въ «Ни-
вѣ» иногор. по 5 р.
съ тысячю, городс-
кимъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи, неудобныя къ
печати, авторамъ не
возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшія въ 1878 г. №№ «Нивы» со всѣми приложеніями.

Старый ханский дворецъ въ Бахчисаратѣ въ Крыму. Рис. Клерже, грав. Гошарь.

Г. БАХЧИСАРАЙ ВЪ КРЫМУ.

По мнѣнію Плинія, Геродота, Страбона, и позднѣйшихъ писателей—Буффона и Палласа, Крымскій полуостровъ былъ нѣкогда совершенно отдѣленъ отъ материка.

Перекопскій перешеекъ, соединяющій полуостровъ съ материкомъ, въ былыя времена былъ сильно укрѣпленъ. Укрѣпленія состояли изъ стѣны съ башнями, отчего и мѣсто получило отъ грековъ названіе Неонтихоса (Новая Стѣна). Затѣмъ на мѣстѣ этихъ укрѣпленій турки сдѣлали другія, новыя изъ земляного вала, нѣбьющаго протяженіе отъ Чернаго моря до Сиваша, и изъ глубокаго рва, обложеннаго камнями. Рассказываютъ, что въ 1736 году, при взятіи русскими войсками, подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха, крѣпости Перекопъ, ровъ тогда былъ въ двѣнадцатъ саж. шириною и 7 саж. глубиной, а валъ имѣлъ 70 футъ высоты. Наши солдаты было испугались, но спустился въ ровъ, въ которомъ воды не оказывалось, полезли на валъ по пикамъ и штыкамъ неприятеля. Татары были поражены такой храбростію и бѣжали. Выхода изъ Перекопа, Минихъ взорвалъ крѣпость, срывъ мѣстами и валъ. Татары исправили поврежденія, но въ 1771 г. Перекопъ былъ снова разрушенъ княземъ Долгорукимъ, а въ 1783 г. уже со-всѣмъ Крымомъ перешелъ во власть Россіи. Въ настоящее время Перекопъ—жалкій городишко. Черезъ давно засыпавшійся ровъ теперь идетъ плотина или мостъ, а каменные ворота, черезъ которые въѣзжаютъ въ Крымъ, ничѣмъ не примѣчательны.

Отъ Перекопа до Симферополя 133 версты. Симферополь назывался у татаръ Акъ Мечеть (Бѣлая Мечеть) и также Султанъ-Сарай (Дворецъ Султана), потому что здѣсь имѣлъ свое пребываніе Калга-Султанъ. Симферополь основанъ въ 1500 г. Ибрагимъ-Беемъ, на землѣ, подаренной ему ханомъ за побѣду надъ русскими. Въ настоящее время Симферополь губер. городъ. Въ 20 верстахъ отъ него находится знаменитый исполинъ гора Чатыръ-Дагъ, о которой поэтъ, вдохновенный ея величественною красотой, говоритъ:

Аллахъ-ли тамъ среди пустыни
Застывшихъ волю въздвигъ твердыни—
Притоны ангеламъ своимъ...

Въ 30 верстахъ отъ Симферополя лежитъ Бахчисарай. На первый взглядъ, въ общемъ видѣ, Бахчисарай кажется будто городъ „въ яму насыпанъ“. Высокія и крутыя горы нависли надъ нимъ, самый городъ расположенъ по скатамъ ихъ, спускаясь къ мутному ручью Чурюкъ-су. Дома его—куча на кучѣ. Крошки точно вырастаютъ одна изъ другой и при спускѣ съ горъ въ средину города кажется, что масса построекъ съ покрывшимися стѣнками, съ балконами, галереями, подпертыми столбиками, готовыми обрушиться при первомъ хорошемъ толчкѣ,—точно идутъ, спускаются, грозятъ опрокинуться вмѣстѣ съ каменными выступами горъ. Улицы въ городѣ узенькія, отвратительно мошены, пыльныя, заставленныя лавочками, торгующими всевозможнымъ товаромъ и по восточному совершенно открыто, выдвинутыми на улицу. На виду не только товары, но и кухни, и повара у всѣхъ на глазахъ вертять вертелъ съ нанизаной бараниной.

Тутъ на улицѣ, подъ глухими лучами солнца, и цирюльникъ-брадобрѣй ловко справляется съ дѣломъ по своей специальности, и закоптыя кузнецы съ своими мѣхами томится въ горячей температурѣ воздуха; на самомъ солнцѣ жарятся и оборванные нищѣ; а подъ едва едва дающимъ тѣнъ навѣсомъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ разсѣлся торговецъ табакомъ и т. д. Жаръ, пыль, грязь, лѣнь... Таковъ общій характеръ города.

Бахчисарайскій дворецъ снаружи не обѣщаетъ многого. Онъ обнесенъ оградой, на верху торчатъ башенки, мавританскія трубы. Внутри дворецъ представляетъ просторный зеленый дворъ, окаяменный павильонами, цвѣтниками, кучами деревъ, обставленный вѣчно журчащими фонтанами. Самое слово Бахчисарай, надобно замѣтить, означаетъ дворецъ садовъ, хотя въ настоящее время сады Бахчисарая уже большею частію залуплены. Всѣ постройки дворца восточнаго стиля, зданія при-мыкаютъ одно къ другому плотно, выступами, образуя группы, повороты. Комнаты большею частію тѣсны, но всѣ тѣнсты; окна, самыхъ причудливыхъ формъ, сдѣланы изъ цвѣтныхъ стеколъ, слабо пропускающихъ солнечныя лучи. Нѣкоторыя комнаты всѣ сквозныя, вмѣсто плотныхъ стѣнъ онѣ обнесены рѣшетками, чрезъ которыя такъ и продуваетъ. Вся обстановка комнатъ, вся ихъ отдѣлка полны нестроты, позолоты, раскраски. Потолки расписаны, стѣны расписаны, полы покрыты расписанными ковками, коврами; столики расписаны, зеркала расписаны. Словомъ въ глазахъ нестритъ, хотя положительно надо признаться, что эта нестрота пріятна для глазъ: она имѣетъ гармонію своего рода. Кабинетъ хана Менгли Гирея отличается особенной отдѣлкой. Стѣны въ немъ покрыты лѣнной работой, представляющей лимоны, виноградъ и др. плодовые деревья. За стекломъ вверху стѣны помѣщаются цвѣтники восковыхъ цвѣтовъ. Рядомъ съ кабинетомъ находится комната, доставляющая созерцаніе нагой красоты... Подъ окнами комнаты, за стѣнами, раскинулся очаровательный садикъ съ мраморнымъ фонтаномъ по срединѣ; мраморныя ступени и скамьи красиво рисуются на зелени бруска, винограда; среди

цвѣтовъ нарцисовъ и розъ. Тутъ и глубокій резервуаръ воды, въ которой ревнивая Зарема Пушкина

Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.

Изъ кабинета Хана тайный корридоръ ведетъ въ комнату судилища, гдѣ для самого хана сдѣлана въ видѣ хоръ тайная комната. Изъ этого своего помѣщенія ханъ могъ присутствовать въ судилищѣ незамѣченнымъ. Зала судилища громадная съ сидѣньями по стѣнамъ. Стѣны въ ней толстыя, аршина въ полтора, съ обѣихъ сторонъ по пяти оконъ въ два яруса. Въ верхнемъ довольно большія бѣлыя стекла обложены въ узоръ мелкими цвѣтными—синими, оранжевыми, зелеными. Подъ нѣкоторыми окнами стеклянныя двери открываются въ садъ, гдѣ цвѣты и деревья чудной красоты. Потолокъ расписанъ красной и черной краскою съ позолотой и производитъ удивительный эффектъ. Въ сѣняхъ дворца у главнаго входа помѣщается извѣстный фонтанъ слезъ—фонтанъ Маріи. Это простой четырехугольный выступъ изъ стѣны, мраморная доска на фасѣ испещрена надписями, а подъ доской льется тонкой струей вода.—Здѣсь невольно вспоминаются строки Пушкина:

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ,
И въ память горестной Маріи,
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ,
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна
(Символъ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина)
Есть надпись, фдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчить во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.

Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, павшемъ на войнѣ.
Младья дѣвы въ той странѣ
Преданья старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Гаремъ хана стоитъ позади дворца въ уединенномъ дворикѣ, обнесенномъ высокими, глухими стѣнами. Мечеть ханская представляетъ темную залу съ хорами, устланную коврами, съ потолка спускаются некрасивыя люстры. Посрединѣ стѣны сдѣланы альковъ съ лѣнной работой, въ немъ хранится коранъ.

По бѣлымъ стѣнамъ мечети, съ разноцвѣтными окнами, сдѣланы надписи изъ корана. Потолокъ красный. Вообще въ Бахчисарайскомъ дворцѣ потолки въ зданіяхъ цвѣтныя—голубые, красные или зеленые, деревянныя подъ лакомъ; по нимъ клѣточками идутъ золоченые брусья, съ золотенными звѣздочками.

Ханская усыпальница представляетъ веселый цвѣтущій садикъ. Среди травы возвышаются каменные памятники съ чалмами, обернутыми бѣлымъ полотномъ, а далѣе стоитъ круглая башня; вся заставленная гробницами когда-то грозныхъ владыкъ Крыма—хановъ и ханскихъ женъ. На нѣкоторыхъ памятникахъ изсѣчены какіе нибудь знаки; такъ напр. на памятникѣ Менгли-Гирея высѣчена сабля.

Надобно сказать, что время и человекъ въ особенности—силно положили на все здѣсь находящееся свои руки. Войны и пожары многое уничтожили; а то, что восстановлено впоследствии, измѣнено реставраторами. Въ Севастольскую войну ханская мечеть была обращена въ госпиталь, и такое замѣненіе, разумѣется, оставило глубокіе слѣды, изгладивъ невозвратно старину.

Въ этомъ дворцѣ среди садовъ, и розъ, и золота роскошныхъ павильоновъ когда то прелестныя лѣнницы

Безпечно, ожидая хана
Вокругъ игриваго фонтана,
На шелковыхъ коврахъ, онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостію глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно, инны
Роняли серги золотыя.
Кругомъ невольницы, межъ тѣмъ,
Шербетъ носили ароматный.

Все это кануло въ вѣчность, и въ настоящее время въ забвеньи дремлетъ дворъ среди безмолвныхъ переходовъ.

Хотя и то сказать, что

Еще по нынѣ дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы
И злато блещетъ на стѣнахъ.

Т. Р.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ.

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XIII.

Царевна Софья чуть ли не первая возмущилась противъ такой жизни. Она съ дѣтства возненавидѣла теремъ и его нравы и обычаи, а любовь къ ней добраго и разумнаго отца дала ей возможность приготовить себя къ другой жизни. Она училась вмѣстѣ съ братьями у Симеона Полоцкаго и превосходила всѣхъ ихъ прилежаніемъ и способностями. Любознательность ея не останавливалась на заданныхъ урокахъ, ей хотѣлось поскорѣй знать все, и Симеону Полоцкому иной разъ не легко было исполнять ея требованія— на иные вопросы онъ и самъ сразу не могъ отвѣчать, долженъ былъ къ слѣдующему уроку приготовить свои отвѣты, долженъ былъ самъ доучиваться для царевны.

Но сначала, кромѣ этого ученья, на которое головою покачивала царица Марья Ильинична, Софья все же была въ послушаніи у терема, — поневолѣ должна была исполнять его обряды, — только послѣ смерти матери она стала давать себѣ большую волю, „совсѣмъ изъ рукъ выбилась“, какъ говорили царевны-тетки.

Она неудержимо выбѣгала изъ женскихъ покоевъ къ отцу, присутствовала на всѣхъ комедійныхъ дѣйствахъ, иногда даже на обѣдахъ царскихъ; видѣла пословъ чужеземныхъ и, къ окончательному соблазну всѣхъ своихъ родственницъ, вела съ ними разговоры безъ стыда и смущенія.

Скоро ей стали ясны такіе вопросы, такіе предметы, о которыхъ до сихъ поръ не помышляла ни одна русская женщина. Она узнала многія подробности управленія государствомъ, стала интересоваться всѣми новостями, получаемыми изъ различныхъ концовъ Россіи, проникла въ тайны дипломатическихъ отношеній русскаго двора съ иностранными; много думала о томъ, чего теперь должна добиваться ея родина—чего нужно желать, чего бояться.

Ея взгляды и сужденія невольно поражали государственныхъ людей того времени; они должны были краснѣть, вида, что молодая дѣвушка во многихъ случаяхъ оказывается смысленнѣе ихъ и несравненно проницательнѣе.

Смерть царя Алексѣя была для всѣхъ полною неожиданностью—онъ былъ далеко еще не старъ и казался крѣпкимъ человѣкомъ. Послѣ него государство осталось въ затруднительномъ положеніи. Много было начато важныхъ дѣлъ и не кончено, много было запутанныхъ, нерѣшенныхъ вопросовъ и внутри и извнѣ государства, а твердой руки, которая взялась бы за управленіе огромной и хитрой машины—не было.

Федоръ Алексѣевичъ по старшинству провозглашенный царемъ, на глазахъ всѣхъ являлся государемъ на часъ, на короткое время, потому что трудно было ожидать его долготѣія—онъ былъ крѣпко боленъ, боленъ съ дѣтства и таялъ, какъ свѣчка.

Второй братъ Иванъ тѣломъ казался покрѣпче, но за то со дня рожденія былъ „скорбенъ главою“.

Оставался третій сынъ, отъ царицы Натальи Кирилловны, маленькій мальчикъ, Петръ Алексѣевичъ. Этотъ былъ не похожъ на братьевъ, этотъ росъ не по днямъ а по часамъ, поражалъ всѣхъ своимъ крѣпкимъ сложеніемъ, своей не по лѣтамъ развившейся понятливостью, зачатками страстной, богато одаренной природы.

Царь Алексѣй, обожавшій младшаго сына, видѣлъ въ немъ своего преемника, но этому преемнику все же нужно было расти долго. Да къ тому же одна только

мысль о томъ, что онъ сядетъ на тронъ отцовскій, была ужасна всѣмъ его своднымъ сестрамъ, ихъ родственникамъ и приверженцамъ. Допустить Нарышкиныхъ къ трону значило подписать смертный приговоръ Милославскимъ: вѣдь ужъ и такъ, съ тѣхъ поръ какъ Наталья Кирилловна сдѣлалась царицей, плохо пришлось прежнимъ царскимъ родственникамъ. Страшно боялись они, что всесильный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ бояринъ Матвѣевъ, прежній благодѣтель и другъ царицы Натальи, воспользуется слабостью Федора, провозгласитъ царемъ ребенка Петра—да онъ едва этого и не сдѣлалъ. Онъ утаилъ, какъ сказывали, смерть царя, подкупилъ стрѣльцовъ, чтобъ они стояли за младшаго царевича, и только ночью извѣстилъ бояръ о кончинѣ государя. Когда тѣ стали собираться, онъ посадилъ Петра на престолъ и уговаривалъ бояръ, чтобы они поклонились ему на царствѣ, потому что царевичъ Федоръ весь опухъ, лежитъ больной и нѣтъ надежды, что будетъ живъ.

Бояре чуть было не сдались на рѣчи Матвѣева, да узнали отъ патріарха, бывшаго при смерти царя, что отецъ благословилъ Федора на царство, а князя Юрія Долгорукаго назначилъ опекуномъ. Тогда стали поджидать Долгорукаго. Вотъ онъ пріѣхалъ во дворецъ, вошелъ къ боярамъ, „какъ волъ реветъ съ жалости по царѣ“ и прямо къ патріарху.

— Кого отецъ благословилъ на царство? спрашиваетъ.

— Федора, отвѣтилъ патріархъ.

Тогда Долгорукій съ боярами, не слушая уговариваній Матвѣева, бросился въ покои Федора, а двери въ тѣ покои—заперты.

Долгорукій приказалъ выломать двери. Бояре взяли на руки Федора, который не могъ идти, такъ какъ у него дѣйствительно всѣ ноги опухли. Принесли они царевича, посадили на престолъ и сейчасъ же стали подходить къ рукѣ его, поздравлять на царствѣ.

Вотъ какой рассказъ составилъ во дворцѣ и теремѣ и обошелъ всю Москву.

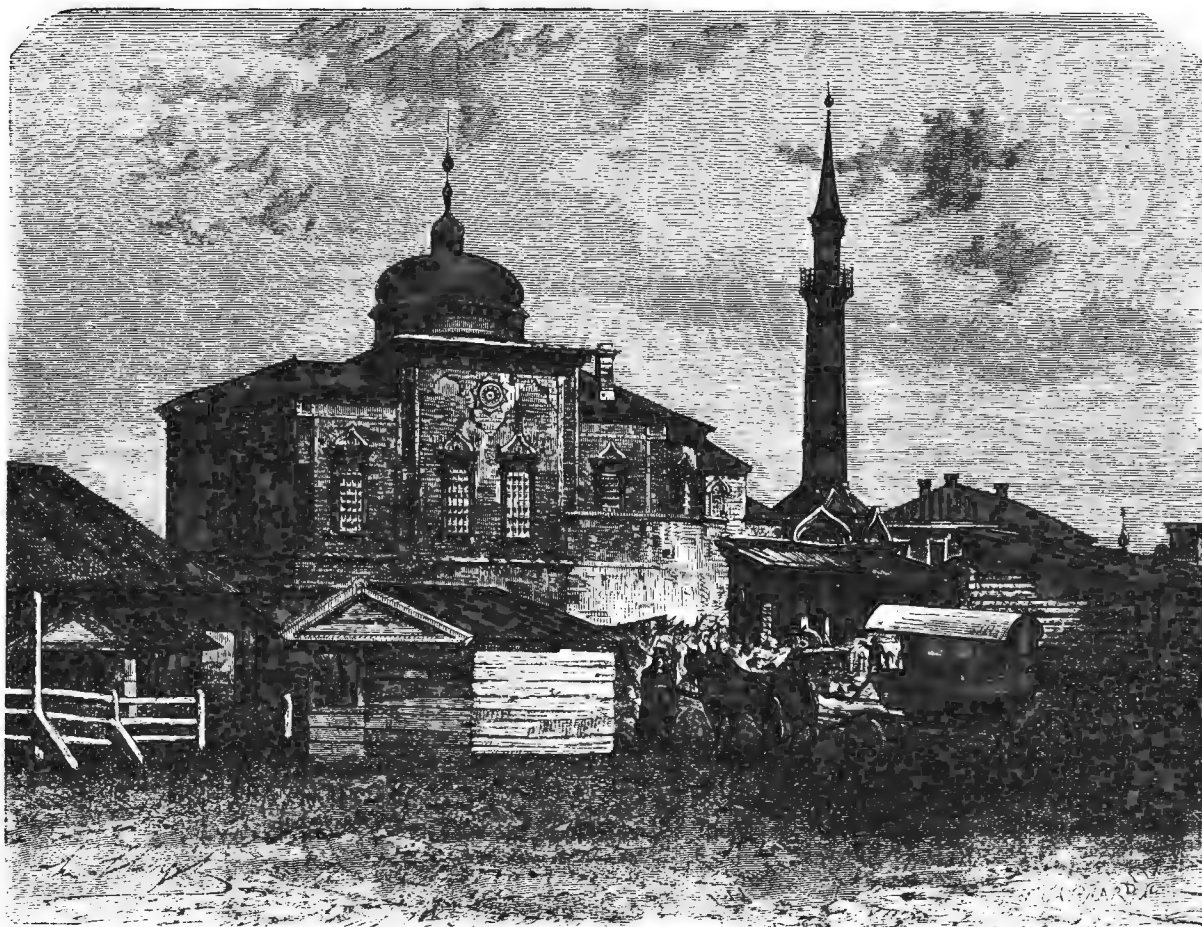
Дорого заплатился Матвѣевъ за свой дерзкій поступокъ—если только этотъ рассказъ и все это не было выдуманно. Царь Федоръ, по увѣщанію родни своей, а главнымъ образомъ сестры Софьи, дяди Ивана Михайловича Милославскаго, да верховой боярыни Анны Петровны Хитрой—пользовавшейся большимъ уваженіемъ въ семьѣ царской, началъ свое царствованіе съ немилости къ Матвѣеву.

Знаменитаго „Артемона“ обвинили въ покушеніи на жизнь царскую, въ чернокнижьи и сослали въ Пустозерскій острогъ.

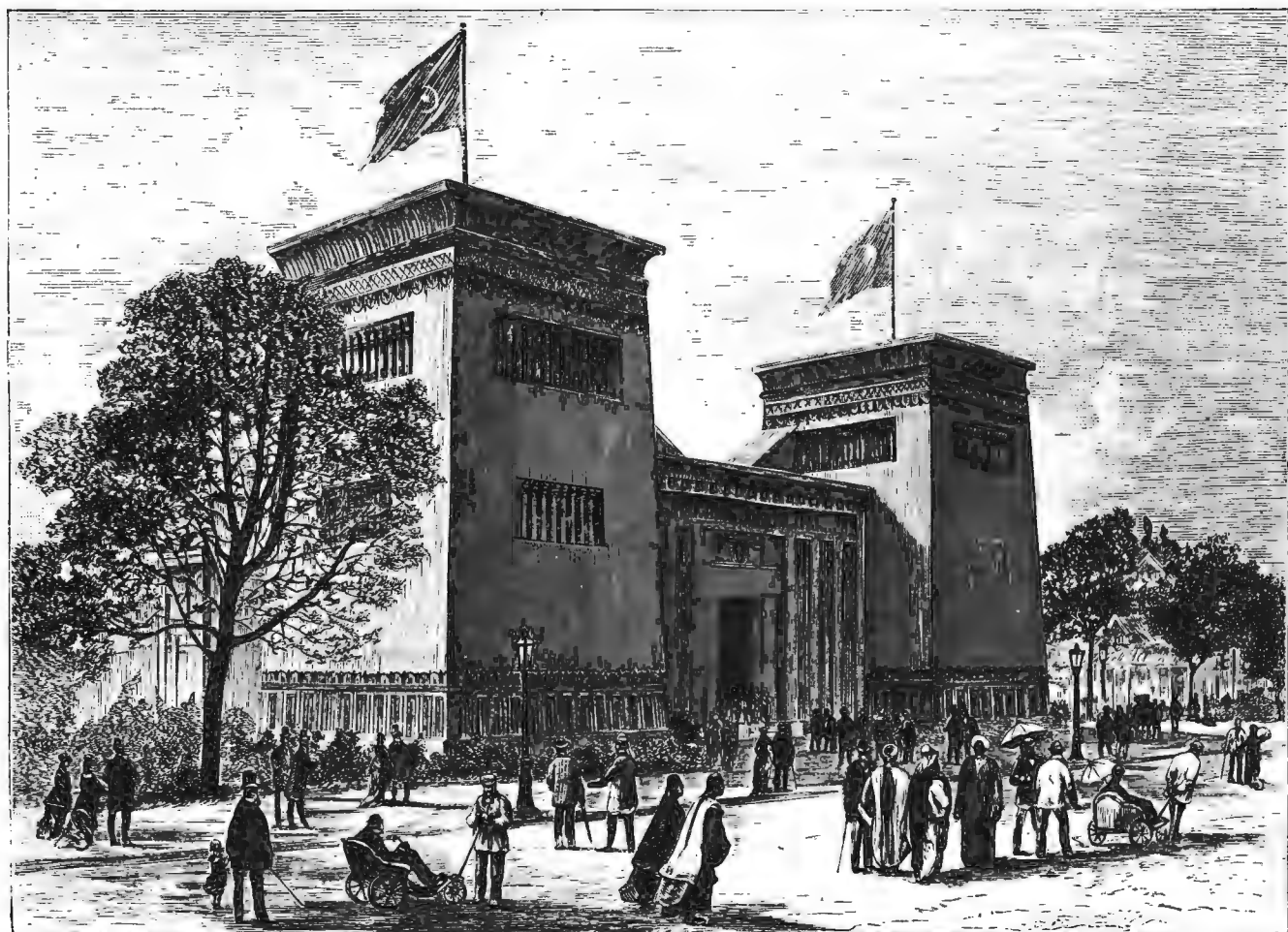
Съ удаленіемъ Матвѣева, царица Наталья Кирилловна съ малолѣтними двумя дѣтьми—сыномъ и дочерью, осталась безпомощною вдовицей, тѣснимой всѣмъ теремомъ и Милославскими. Она замкнулась въ своихъ покояхъ и проводила печальные дни, горюя и жалуясь, молясь и плача. На этихъ горькихъ жалобахъ, на этихъ слезахъ и обидахъ материнскихъ выросталъ царевичъ Петръ Алексѣевичъ.

Милославскіе торжествовали. Теремъ вздохнулъ свободно, избавившись отъ ненавистной мачихи—но на долго-ли?.. Вотъ больной царь умретъ, будетъ предстоять новый выборъ между двумя оставшимися братьями: Иваномъ и Петромъ.

Иванъ ненадеженъ и скорбенъ главою, а Петръ выростаетъ въ богатыря и умника. Къ тому же и самъ

Улица въ Бахчисаратъ. Рис. съ натуры Клерже, грав. Гошаръ.

Всемирная Выставка въ Парижѣ: Фасадъ Египетскаго зданія въ Тронадеро. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Художественная Выставка въ Парижѣ: Веселый ужинъ. Картина Кёссена, грав. Паннемакеръ сынъ.

Библиотека "Руниверс"

царь Ѳеодоръ, хоть и согласившійся на ссылку Матвѣева и дружившій со своей роднею, все же не смотря на свою тѣлесную слабость, далеко не вполне поддается наученіямъ людей близкихъ. Вотъ ужъ всѣмъ извѣстно, что онъ говорилъ одному изъ друзей своихъ, Ивану Максимовичу Языкову:

„Братъ мой Петръ здоровъ и одѣленъ отъ Бога всѣми достоинствами и достоинъ наслѣдія державнаго престола Россійскаго. Родитель мой еще имѣлъ намѣреніе нарѣчь его преемникомъ, но ради юныхъ его лѣтъ назначилъ меня, по волѣ его сдѣлаю и я“.

Нѣтъ, тутъ нельзя дремать и наслаждаться спокойствіемъ безоблачныхъ дней настоящаго, тутъ нужно ковать желѣзо пока горячо, нужно всѣ силы употребить для того, чтобъ подготовить себѣ на будущее время твердую опору, предвидѣть возможность всякихъ случайностей, предотвратить всякія бѣды.

Никто всего этого такъ не понималъ и такъ не тревожился настоящимъ положеніемъ, какъ царица Софія.

Родимица то и дѣло отправлялась изъ терема въ стрѣлецкія слободы, раздавала тамъ подарки отъ имени царицы, готовила приверженцевъ царицынныя партіи.

Сама же Софія при всякой возможности отправлялась къ больному брату царю и бесѣдовала съ нимъ.

Она и прежде была дружна съ братомъ; они вмѣстѣ учились, и Ѳеодоръ Алексѣевичъ, будучи самъ разумнымъ и любознательнымъ юношей, очень цѣнилъ способности, познанія и ясный умъ сестры; не умѣла сойтись Софія только съ женой брата, Агафьей Семеновной. Но царица Агафья нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ разрѣшилась отъ бремени сыномъ, да и умерла въ родахъ; умеръ и ребенокъ.

Ѳеодоръ не хотѣлъ жениться вторично; онъ хорошо сознавалъ, что не ему думать о бракѣ, не ему мечтать о потомствѣ — силы оставляютъ съ каждымъ днемъ, смерть въ глаза заглядываетъ. Но царица Софія и другія сестры настояли таки: заставили его согласиться на второй бракъ и нашли ему невѣсту, Марѳу Матвѣевну Апраксину, дѣвочку пятнадцати лѣтъ и красоты замѣчательной, выросшую у нихъ въ теремѣ.

Эта новая маленькая царица, которую Ѳеодоръ ласкалъ, какъ прелестнаго ребенка, забывая при звукахъ ея милаго голоса свои тяжкія страданія, должна была служить цѣлными царевны Софіи — и сначала она стала было служить этимъ цѣлямъ, но вдругъ произошла въ ней крутая и неожиданная переменѣна.

Софія ушамъ своимъ не повѣрила: — Марѳуша вышла изъ повиновенія!.. Марѳуша дѣйствуетъ вопреки ея волѣ! Вотъ и вчера — царь принималъ какого-то ея родственника, Апраксина, до сихъ поръ никому невѣдомаго. А сегодня Родимица принесла ужасную вѣсть о томъ, что молодая царица провела часа три въ покояхъ старой царицы Кирилловны и пошла оттуда прямо къ царю съ раскраснѣвшимся лицомъ и заплаканными глазами.

„Что-жь это за напасть такая?“ всполошились всѣ въ теремѣ. Какой это злодѣй нашелся, который такъ неожиданно, мгновенно забралъ въ руки этого до сихъ поръ послушнаго ребенка.

Но злодѣя такого не было, просто ребенокъ понялъ что-то и сообразилъ. Молодая царица оказалась далеко неглупенькой и всей душой привязалась къ страдальцу царю — мужу ей только по имени. Это онъ послалъ ее къ царицѣ Натальѣ, провѣдать младшаго брата, а царица Наталья, женщина разумная, сѣмѣла ее разжалобить. Много ей наговорила, много передъ ней поплакала и раскрыла многое такое, чего до сихъ поръ не видѣла и не понимала Марѳуша.

И вотъ пришла жена-ребенокъ къ царю Ѳеодору и передала ему разговоръ съ царицей, а онъ сильно призадумался. Слѣдствіемъ этой думы была его внезап-

ная холодность къ Ивану Милославскому и даже къ сестрѣ Софѣѣ.

Царица Марѳа съ этого дня частенько стала посѣщать Наталью Кирилловну, вошла въ ея интересы и скоро выпросила у царя облегченіе участи Матвѣева, котораго приказано было перевезти въ городъ Лугъ, Костромской губерніи. При этомъ ему дали небольшую вотчину въ видѣ вознагражденія за долгую опалу.

Не смотря на весь умъ и всѣ старанія Софьи, теремъ очутился опять въ тяжеломъ положеніи. Ненависть Натальи Кирилловны и Нарышкиныхъ, за это послѣднее время обидѣ и притѣсненій, должна была только увеличиться, и если прежде царица и Милославскіе, въ случаѣ торжества Нарышкинской партіи, ожидали себѣ бѣды и несчастій, то теперь ужъ имъ грозила окончательная гибель.

Софія не унывала. Она то и дѣло посылала письма къ своему другу князю Василю Васильевичу Голицыну, находившемуся въ это время на украинской границѣ, умоляла его, подъ какимъ нибудь предлогомъ, вырваться и пріѣхать въ Москву.

Она приблизила къ себѣ стараго князя Ивана Андреевича Хованскаго, бывшаго воеводу царя Алексѣя. Этотъ князь, прозванный въ народѣ тарарумъ, былъ человекъ безпокойный, заносащійся, неприятный и даже совсѣмъ неразумительный, но онъ отличался смѣлостью и энергіей, могъ очень пригодиться въ трудную минуту, когда нужно было дѣйствовать рѣшительно и безъ оглядки.

На его привязанность царица могла рассчитывать — онъ недоволенъ былъ новыми правами и порядкомъ, любилъ старину во всѣхъ ея проявленіяхъ, ненавидѣлъ Нарышкиныхъ и Матвѣева, былъ въ свою очередь ненавидимъ ими и потому конечно ни при какихъ обстоятельствахъ не могъ оказаться въ числѣ приверженцевъ партіи младшаго царевича.

Софія пошла дальше; съ помощью Родимицы и богатыхъ подарковъ и обѣщаній, она закупила нѣкоторыхъ стрѣлецкихъ начальниковъ, имѣвшихъ вліяніе на солдатъ, подполковника Циклера да Озерова, да выборныхъ стрѣлецкихъ: Борисова, Одинцова, Офросимова, Петрова, Кузьму Чернаго. Всѣ эти люди по первому знаку ея готовы были на что угодно.

Вскорѣ къ числу ея приверженцевъ изъ стрѣльцовъ присоединился и Николай Степановичъ Малыгинъ — да и какъ могло быть иначе? Молодой подполковникъ не забылъ красавца мальчика, приставшаго къ стрѣльцамъ въ Медвѣдковѣ. Мало того что онъ не забылъ, а думалъ о немъ постоянно и частенько заглядывалъ съ чернаго крыльца въ теремъ. Тамъ онъ сѣмѣлъ найдти союзницъ въ лицѣ двухъ молодыхъ служанокъ, приставленныхъ къ Родимицѣ и Любѣ Кадашевой.

Эти служанки, получая отъ него богатые подарки, всегда радовались его приходу и провожали его внутри терема такъ ловко и потаенно, что никто о томъ не вѣдалъ.

Родимица на всѣ эти продѣлки только усмѣхалась, а Люба, смущенная и краснѣвшая какъ маковъ цвѣтъ, не была въ силахъ негодовать, когда встрѣчала Николая Степановича въ теремномъ коридорчикѣ или даже въ своемъ помѣщеніи. Напротивъ, она искренно и откровенно радовалась возможности его видѣть, не скрывала свое чувство. Что-жь бы и была она такое, еслибы оказалась неласковой къ человеку, которому столькимъ обязана.

Не разъ также случалось, что Родимица, отправляясь съ порученіемъ царицы въ стрѣлецкую слободу, брала съ собою Любу, и та появлялась желанной, дорогой гостьей въ домикѣ Малыгина.

До сихъ поръ между ними не было еще сказано ни одного слова любовнаго, но оба они хорошо понимали, что любятъ другъ друга и были безконечно счастли-

вы, и другого счастья имъ было не нужно. Они не думали о завтрашнемъ днѣ, наслаждались сегодняшнимъ.

Царевна Софья, ежедневно видала Любу, начала замѣчать въ ней большую перемѣну. То казалась она ей разсѣянной, смущенной, то вдругъ такой веселой и радостной. Царевна заинтересовалась этимъ, стала ее спрашивать.

Люба заперлась было во всемъ, переконфузилась, да вдругъ не выдержала и сама призналась царевнѣ въ своемъ чувствѣ къ Малыгину: развѣ она могла скрыть что нибудь отъ Царь-дѣвицы.

Царевна задумалась на мгновение, а потомъ стала подробно спрашивать Любу о Николаѣ Степановичѣ, о томъ: въ какомъ онъ полку? Любятъ ли его солдаты? Съ кѣмъ изъ товарищей ведетъ онъ дружбу?

Люба отвѣчала какъ умѣла, а чего не знала, о томъ при первомъ же свиданіи спросила Малыгина и передала царевнѣ.

Софья сдѣлалась къ ней еще ласковѣе и въ одинъ изъ вечеровъ, когда Люба была у ней на дежурствѣ и раздѣвала ее передъ отходомъ ко сну, она сказала ей, что спать не хочется и просила ее посидѣть у ея постели.

Люба съ восторгомъ приняла такую милость. Сама уложила красавицу царевну, поцѣловала ея бѣлыя ручки, не знала чѣмъ и выразить ей свою любовь и благодарность.

Но царевна была блѣдна и печальна, частенько вздыхала.

Люба не могла не замѣтить этого и осмѣлилась спросить о причинѣ царевниной грусти.

— Ахъ Любуша, Любуша, какъ же не грустить мнѣ, тихимъ голосомъ отвѣтила Софья,—это ты можешь пѣть и веселиться. Ты счастлива, ты молода, то горе, которое было у тебя, прошло безслѣдно, вонъ у тебя и любимый человекъ есть, съ которымъ никто не разлучить тебя. Ахъ Люба, спѣши ты со своимъ милымъ, сыграйте скорѣй свадьбу, я благословлю тебя—чѣмъ могу пожалуй. Спѣшите, а то придетъ время лютое, погубятъ меня злые люди, да и тебѣ пожалуй достанется за то, что меня любишь, за то что со мною... Погубятъ и твое счастье... спѣшите!..

— Царевна моя золотая, прошептала Люба, со страхомъ и недоумѣніемъ открывая свои глаза, изъ которыхъ закапали слезы,—что ты говоришь такое? Откуда тебя напасть ждетъ?

И царевна повѣдала своей второй постельницѣ все, что было нужно.

Люба плакала, слушая ея жалобы; всѣмъ горячимъ сердцемъ своимъ ненавидѣла она враговъ царевны; клялась, что если стрясется бѣда какая нибудь, то и она, Люба, погибнетъ, ни на шагъ не отстанетъ отъ царевны, всю кровь свою по каплѣ за нее выльетъ, душу свою положить. А она еще говорить, чтобы Люба сдѣлала свадьбу. Нѣтъ, Богъ съ нимъ, съ Николаемъ Степановичемъ! И отъ него она откажется, и его забудетъ ради царевны.

— Зачѣмъ тебѣ отъ него отказываться? тихимъ голосомъ прошептала Софья. Нѣтъ, будьте счастливы, ловите счастье, пока оно возможно! Я постараюсь всячески помочь тебѣ, да и ты въ свою очередь съ твоимъ суженымъ можете помочь мнѣ.

— Какъ мы можемъ помочь тебѣ, царевна? Какъ? Говори! Приказывай! радостно вскрикнула Люба.

И царевна начала объяснять ей. Объяснить было не трудно—Люба налету схватывала мысли Софьи и черезъ двѣ, три какія нибудь минуты уже отлично знала, что ей дѣлать и какъ дѣйствовать.

На другое утро отправилась она къ Малыгину. Яркими красками описала ему опасность, которой подвергается Софья, и потребовала отъ него, чтобы онъ употребилъ всѣ свои усилія помочь ей, настраивалъ въ

ея пользу и товарищей своихъ и солдатъ стрѣлцкихъ.

До этой поры Малыгинъ былъ далеко отъ Софьи и даже не разъ сильно отмалчивался на хитрыя рѣчи Родимицы, которая уговаривала его мутить стрѣльцовъ противъ младшаго царевича и Нарышкиныхъ.

Но теперь онъ не въ силахъ былъ устоять передъ краснорѣчіемъ Любы. Всѣ возраженія, какія могъ онъ ей представить, замерли невыговоренными на устахъ его—онъ только слушалъ красавицу Любу, любовался ея оживленнымъ лицомъ, ея блестящими глазами,—и черезъ полчаса какихъ нибудь она его оставила горячимъ приверженцемъ Софьи. Онъ обѣщаль ей сдѣлать все, что отъ него зависѣло, и дѣйствительно въ скоромъ времени исполнилъ это обѣщаніе: весь его полкъ оказался на сторонѣ царевича Ивана и царевны и только ждалъ событій, которыя должны были указать на способъ дѣйствій.

XIV.

Весна была уже въ полномъ разгарѣ. Таяло. Снѣгъ, весь потоками слился съ холмовъ московскихъ. Зазелѣли безконечные сады въ Бѣлокаменной.

Въ городѣ по прежнему велась жизнь оживленная, но еще больше жизни, еще больше оживленія было въ Кремлѣ. Туда, провѣдавъ о плохомъ здоровьѣ царя, о возможности близкихъ, великихъ событій, съѣзжались со всѣхъ концовъ земли русской бояре и всякіе люди, нежелающіе пропустить удобнаго времени, въ которое можно было бы наловить рыбы въ мутной водѣ: легко поживиться чѣмъ нибудь, легко чего нибудь добиться.

Здоровье царя дѣйствительно день ото дня становилось хуже. Еще 16-го апрѣля, въ Свѣтлое воскресенье, онъ совершилъ торжественный выходъ къ заутренѣ въ Успенскій соборъ, но къ концу Святой слегъ и не въ силахъ былъ подняться съ постели.

Царевна Софья опять всѣ дни стала проводить съ братомъ. Она читала ему, старалась развлечь его разумною бесѣдой, отогнать отъ него печальныя мысли и въ тоже время добиться своей цѣли, заставить его назначить своимъ преемникомъ брата Ивана. Но объ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ никакъ не удавалось ей поговорить съ нимъ—все мѣшали то Языковъ, то кто нибудь изъ Апраксиныхъ, то царица Марѣя.

Царевна, приходя къ брату, чувствовала себя здѣсь окруженной врагами. У постели больного у нея былъ одинъ только другъ—царская мама, боярыня Хитрая. Но при постороннихъ, при людяхъ другой партіи, Хитрая не выказывала своего расположенія къ царевнѣ и прикидывалась всецѣло поглощенной обязанностями сидѣлки.

Самъ царь Федоръ былъ всегда радъ присутствію сестры, радъ былъ отдохнуть душою въ разговорахъ съ умной, образованной Софьей; никто такъ красно и такъ интересно не умѣлъ говорить съ нимъ, какъ она. Но только стоило ей, уловивъ удобную минуту, заговорить о чемъ нибудь близкомъ, касавшемся до его распоряженій на будущее—и онъ ее останавливалъ, ласково, любовно, но все же останавливалъ.

Она едва владѣла собою, едва скрывала свое отчаяніе и негодованіе, и когда должна была удалиться къ себѣ, то ломала руки, или охвативъ себя за голову, какъ безумная, по цѣлымъ часамъ, ходила изъ угла въ уголъ и глухимъ голосомъ повторяла:

„Боже мой! Что-жь съ нами будетъ?“

Остальныя царевны, ея сестры, тоже призамогли и пригорюнились: не слышно было ихъ смѣха, ихъ пѣсень. Хотя онѣ были гораздо безпечнѣе ея и даже не понимали многихъ ея опасеній, но все же имъ ясно было, что пришло тяжелое время.

Онѣ съ охотою выслушивали жалобы сестры Софьи, во всемъ соглашались съ нею, одобряли ея планы,

только предоставляли ей одной действовать и бороться. Имъ было не до борьбы, у каждой изъ нихъ были свои маленькія заботы и дѣла, своя интимная жизнь, неимѣвшая ничего общаго съ кипучей жизнью и дѣятельностью Софьи.

27-го апрѣля, послѣ вечерни Люба Кадашева вышла въ дворцовый садъ и, бродя по дорожкамъ, дошла почти до самаго дворца. Здѣсь было одно изъ крылецъ, ведущихъ въ покои царя.

Время отъ времени на крыльцѣ появлялся ктонибудь изъ постоянныхъ обитателей дворца и проходилъ въ маленькую калитку, ведущую къ большому двору. Этотъ выходъ черезъ садъ очень сокращалъ дорогу и въ лѣтнее время имъ обыкновенно пользовались.

Все было тихо, только птицы щебетали въ зеленыхъ, недавно распустившихся древесныхъ вѣткахъ, да съ черемухи осыпался бѣлый цвѣтъ.

Люба присѣла на скамеечку, поставленную подъ раскидистымъ деревомъ, и просидѣла такъ нѣсколько минутъ, вдыхая въ себя весенній ароматическій воздухъ и разбираясь въ различныхъ тревожныхъ мысляхъ: время было смутное, невѣдомо что завтрашній день готовилъ.

Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, передъ дворцовымъ крыльцомъ, услышала она громкій, тревожный голосъ.

— Скорѣй, скорѣй, говорилъ кто-то, — что за народъ такой! Некогда тутъ мѣшкать, когда царь кончается.

Эти слова наполнили Любу ужасомъ. Она быстро вскочила со скамейки и побѣжала въ теремъ, прямо къ царевнѣ Софьѣ.

— Государыня, матушка царевна, была я въ саду и сейчасъ слышала... во дворцѣ говорятъ, будто царю государю плохо... будто кончается!

Софья поблѣднѣла, быстро накинула на себя лѣтнікъ, и задыхаясь отъ волненія, побѣжала во дворецъ, въ покои брата.

Федору дѣйствительно было очень плохо, пришелъ смертный часъ его. Онъ только что передъ этимъ исповѣдывался и приобщался Святыхъ Тайнъ.

Царица Марѳа сидѣла у изголовья его кровати, горько плакала и громко всхлипывала.

Боярыня Хитрая находилась тутъ же; больше никого не было. Царь приказалъ всѣмъ выйти и оставить его только съ женою и съ мамой.

Царевна Софья войдя въ покой, на мгновение остановилась и выразительно взглянула на Хитрую.

Та поняла ея взглядъ и въ свою очередь отвѣтила ей многозначительнымъ подмигиваніемъ.

Боярыня Хитрая въ это время была уже семидесятилѣтняя старуха, хотя необыкновенно бодрая. Она всю жизнь провела во дворцѣ, знала всѣ семейныя тайны, очень часто была центромъ всѣхъ теремныхъ интригъ, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и большимъ вліяніемъ въ царскомъ семействѣ. Ее называли постницею, и она дѣйствительно на людяхъ представлялась необыкновенно ревностной христіанкой: не только что соблюдала всѣ посты, но даже иногда по нѣскольку дней морила себя голодомъ. Поговаривали одно время, что она носитъ вериги, только никто этихъ веригъ не видалъ, и скоро толки о нихъ прекратились.

Боярыня Хитрая носила кличку по шерсти; она понимала, что подъ видомъ постницы и смиренницы ей несравненно легче вести свои интриги и обдѣлывать всевозможныя дѣла, не рискуя своей репутаціей и ничего не теряя въ уваженіи ближнихъ.

Ея страстью было сѣять всюду раздоры, поднимать всякія дразги, раздувать мелкія недоразумѣнія въ крупныя обиды, ссоры, непріятности. Только сама она постоянно изъ всего выходила съ чистыми руками, какъ будто дѣло вовсе не ее касалось: заварить кашу, — а другіе расхлебывай, сама же Хитрая въ сторонѣ, гла-

за опустить, четки перебираетъ, губы шепчутъ молитву, и толкуетъ она мѣрнымъ голосомъ встрѣчному и поперечному о христіанскомъ смиреніи, о любви къ ближнему.

Въ послѣдніе годы своимъ хитрымъ, злымъ языкомъ она какъ могла только раздувала ненависть царевнѣ къ Натальѣ Кирилловнѣ и ея дѣльямъ. Раздувала ненависть къ матихѣ и въ царѣ Федорѣ, но въ тоже время навѣдывалась и ко вдовствующей царицѣ и представлялась ея другомъ. Въ душѣ она ее ненавидѣла и теперь, въ предсмертный часъ царя Федора, конечно пуще всего боялась ея торжества. Только видѣла она, что черезъ чуръ трудно заставить умирающаго назначить себѣ преемникомъ царевича Ивана; ей нужно было такъ дѣйствовать, чтобы при всякихъ обстоятельствахъ, при торжествѣ той или другой партіи, самой ничего не потерять и остаться на высотѣ своего положенія.

Любимая и почитаемая Федоромъ, она хитро и осторожно въ эти послѣдніе дни не разъ намекала ему о царевичѣ Иванѣ; но видя, что онъ не поддается, замолчала.

„Пускай теперь Софья съ нимъ потолкуетъ, можетъ чего и добьется, подумала Хитрая, а мнѣ какъ бынибудь удалить Марѳу, чтобы не мѣшала.

— Ахъ матушка моя, голубушка, проговорила Хитрая, подходя къ молодой царицѣ, — что это какъ ты убиваешься, погляди — на тебѣ лица нѣтъ, совсѣмъ изведешь себя. Ну, Богъ милостивъ, государю полегчаетъ, поправится. Да перестань же, успокойся.

Но царица Марѳа залилась еще пуще слезами и упала головою на подушку сжимая въ своихъ горячихъ полныхъ рукахъ сухую, блѣдную и нервно вздрагивавшую руку Федора.

— Да, Петровна правду сказала, прошептала царь, съ трудомъ открывая глаза и стараясь улыбнуться. Не плачь, Марѳуша, мнѣ гораздо лучше... вотъ ужъ совсѣмъ не больно! Успокойся, поди отдохни... засни немного — вѣдь ты всю ночь глазъ не сомкнула — можетъ и мнѣ соснуть удастся... Поди отдохни...

Хитрая опять бросила въ сторону Софьи значительный взглядъ и сказала:

— И впрямь, государыня, дай-ко я провожу тебя. Приляжешь тутъ же, въ этомъ покоѣ, отсюда все и слышно будетъ, коли государь позоветъ тебя. Пойдемъ, пойдемъ. А то ты его только мучаешь своими слезами, что толку то? шепнула она на ухо царицѣ. Успокойся — нельзя вѣдь такъ — неравно ему отъ этихъ твоихъ слезъ и мученій, на тебя глядя, еще тяжелѣе сдѣлается.

Блѣдая царица, при послѣднихъ словахъ Хитрой, оставила руку Федора и, поддерживаемая старухой, покорно вышла изъ царской опочивальни.

На ея мѣсто къ постели брата приблизилась Софья.

— Что, Федя? али худо! прошептала она, склоняясь надъ нимъ.

— Охъ, худо, сестрица! Марѳушу то вотъ успокоивалъ, а чего ужъ тутъ — совсѣмъ смерть пришла! Умираю, врядъ ли доживу до ночи — самъ чувствую, да и дохтуръ надежды не имѣетъ. Приходилъ онъ сюда съ часъ тому времени, такъ я заставилъ его сказать мнѣ правду.

Федоръ остановился, перевелъ дыханіе и затѣмъ началъ снова тихимъ голосомъ.

— Что-жъ, сестрица... я не боюсь смерти, давно приготовился... васъ всѣхъ только жалко... Да что... суждено видно, ничего не подѣлаешь!.. Охъ, страшно подумать, времена какія!.. дѣлъ сколько... и то нужно... и другое. И одно не въ порядкѣ, и другое перестройки требуетъ... сама знаешь, великое государство... Да, что тутъ у васъ безъ меня будетъ — подумать страшно...

Софья хотѣла говорить, но онъ началъ шептать снова, и она слушала.

Литературный альбомъ: „Анна Каренина“ романъ графа Л. Толстого. (Встрѣча Левина съ Китти).
Рис. А. Кившанко, грав. Б. Пуць.

— Ахъ зачѣмъ это вы уговорили меня опять жениться?.. Вотъ послушался васъ, погубилъ вѣкъ дѣвичій. Не женился я, Марюша нашла бы себѣ мужа здороваго, прожила бы счастливо, дѣтей народила бы, выначила, воспитала.... а теперь что?... какъ она останется?

— Братецъ, да мы ли виноваты, проговорила Софья— все надѣялись, что поправишься ты, да подаришь намъ наслѣдника по себѣ. Самъ знаешь... вѣдь и тебѣ и намъ дорога Россія, такъ о будущемъ ея тоже думали.

— Ахъ, сестра, съ печальной, слабой улыбкой опять заговорилъ Ѳедоръ, да что-жъ хоть бы и въ живыхъ остался сынъ мой, или другой родился бы, такъ что-жъ— еще хуже того было бы теперь, еще больше смутъ и раздоровъ... Есть по мнѣ наслѣдникъ... Онъ не договорилъ и съ глухимъ стономъ схватился за грудь.

— Что? что съ тобой? испуганно спросила Софья.

Но онъ ужъ успокоился.

— Нѣтъ, ничего! отвѣтилъ онъ.

— Ты говоришь, братецъ, есть по тебѣ наслѣдникъ, сказала царевна,—да, конечно, братъ Иванушко.

— Нѣтъ, не Иванушко... тихимъ, но твердымъ голосомъ перебилъ ее царь, не Иванушко—что себя и другихъ морочить—онъ то еще плоше моего... сама знаешь... грѣшно и стыдно мнѣ оставлять ему государство!.. грѣшно и стыдно и тебѣ, сестра, твердить мнѣ объ этомъ... Другой братъ есть у насъ... тотъ растетъ здоровый и разумный... о немъ и отецъ думалъ, да и я долженъ ему оставить государство. Выростетъ онъ и—чуветъ сердце мое—будетъ царемъ добрымъ и славнымъ, не такимъ, какъ я, по глупому моему разуму, по слабости моей тѣлесной и по грѣхамъ моимъ великимъ, былъ для земли русской... только вотъ что будетъ пока выростетъ? Эта мысль отравляетъ мои послѣднія минуты и ничѣмъ я не могу отогнать ее... Охъ, сестра, тутъ какъ ни думай—страшно!..

У Софьи сердце такъ билось, что дѣлалось больно. Глаза ея то загорались яркимъ пламенемъ, то померкали. Она чувствовала, какъ холодѣютъ отъ волненія ея руки, чувствовала, какъ сохнетъ во рту—пришла трудная минута, страшная минута! Она видитъ, что брату плохо, того и жди умереть. Нѣтъ, нельзя допустить, чтобы онъ назначилъ преемникомъ Петра... нельзя, нужно уговорить, нужно уговорить его... И она упала на полъ передъ кроватью Ѳедора и простерла къ нему дрожащія руки.

— Братъ! Именемъ Бога заклинаю тебя, выслушай меня и обрати вниманіе на слова мои. Ты самъ знаешь, что всѣмъ сердцемъ моимъ люблю я нашу родину и желаю ей чести и славы. Не изъ за какойнибудь злобы, не по ненависти и коварству говорю я тебѣ, не бери грѣха на душу, не назначай себѣ преемникомъ ребенка, не отдавай Россіи Нарышкинымъ... Ужь не о томъ забочусь, не о томъ думаю, что погубятъ они всѣхъ насъ, родныхъ твоихъ—что о насъ тутъ толковать, пускай мы пропадемъ, да вѣдь съ нами пропадетъ и Россія!... Или ты не знаешь этихъ Нарышкиныхъ? Людишки они темные, да грязные, растащатъ, разнесутъ по клочкамъ твое наслѣдіе... Пускай

Петръ разумный ребенокъ, да пока то еще выростетъ. Братъ, смилуйся надъ нами, смилуйся надъ Россіей—оставь престолъ Иванушкѣ... Мы всѣ, рукъ не покладая, работать будемъ, твои дѣла продолжать станемъ.. Братъ, вспомни, вѣдь не мало мы съ тобой толковали о дѣлахъ государства, о будущемъ, о томъ, къ чему нужно стремиться, что нужно дѣлать... Братъ, вспомни, ты самъ хвалилъ мои мысли—ты самъ видѣлъ, что и твои я понимаю! Клянусь тебѣ Богомъ, клянусь тебѣ памятью родителей, всю душу мою положить въ одно дѣло... Братъ, сжался надъ нами!

Крупныя слезы катились изъ свѣтлыхъ глазъ Софьи. Въ своемъ волненіи, въ порывѣ какого то вдохновенія, охватившаго ее, она была неотразимо прекрасна. Ѳедоръ глядѣлъ на нее долгимъ, грустнымъ и ласковымъ взглядомъ, онъ съ трудомъ поднялъ свою руку и опустилъ ее на плечо сестры.

— Ахъ, Софья, Софья! проговорилъ онъ, тяжело мнѣ слышать слова твои—знаю я, что во многомъ ты права, знаю какія бѣды всѣмъ вамъ готовятся—но что-жъ мнѣ дѣлать?... Не смѣю согрѣшить передъ Богомъ, не смѣю отступить отъ своей клятвы... слышишь-ли? я связанъ клятвою, данною мною покойному родителю... Софья, сердце мое разрывается на тебя глядя и о васъ всѣхъ думая... Охъ... тяжело, тяжело—любя васъ, страдаю о васъ, долженъ наложить я на васъ руку... Не смѣю завѣщать Россію Иванушкѣ, ибо весь міръ знаетъ каковъ онъ, знаетъ что не можетъ онъ царствовать. Что-жъ, кого же по себѣ назначить преемникомъ. Тебя что-ли? Ты бы и управилась пожалуй—великимъ разумомъ Господь надѣлилъ тебя, но, Софья, вѣдь это-же невозможно!.. вѣдь тому не бывало никогда примѣровъ... Сдѣлай я это—и всѣ только насмѣются надъ моимъ завѣщаніемъ, не станутъ цѣловать крестъ тебѣ, соблазнъ одинъ выйдетъ и ничего больше. Нѣтъ, Софья, нѣтъ, напрасно ты и себя и меня мучишь—я ничего не могу... ничего!..

Въ волненіи Ѳедоръ приподнялся было съ подушекъ, но вдругъ лицо его исказилось, слабый крикъ вырвался изъ груди его, и онъ упалъ.

Онъ хотѣлъ говорить что то, по языку не слушался, руками онъ дѣлалъ какіе то знаки, но Софья его не понимала.

Прошло нѣсколько страшныхъ мгновеній, вотъ опять стоны, опять усилія сказать что-то... и ни звука!

Софья кинулась къ нему, обвила его руками... онъ оставался безъ движенія. Вдругъ ей показалось, что онъ уже умеръ и она, отшатнувшись и дико взвизгнувъ, навзничь упала на полъ.

На порогѣ опочивальни съ отчаяннымъ воплемъ показалась царица Марѳа, а за нею боярыня Хитрая.

Но царь еще не умеръ, онъ еще дышалъ. Онъ открылъ глаза, нашелъ въ себѣ силы поманить жену, взялъ ея руку и держалъ, и не выпускалъ, и глядѣлъ на нее потухающимъ взоромъ.

Хитрая долго не могла привести въ чувство царевну Софью.

(Продолженіе будетъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

„Анна Каренина“, романъ графа Л. Толстого.

(Окончаніе).

Приступая въ № 37 „Нивы“ къ изложенію содержанія романа графа Толстого „Анна Каренина“, мы уже замѣтили, что романъ этотъ распадается самъ собою на два романа: въ одномъ изъ нихъ первое лицо—Анна Каренина, въ другомъ—Левинъ. Жизнь Карениной и ея судьба уже разсказаны нами, причѣмъ объ участіи лицъ, среди которыхъ главнымъ образомъ сосредоточено авторомъ дѣйствіе этой половины романа (жизни Анны Карениной), мы не распространялись именно потому, что оно и въ глазахъ самого автора, послѣ смерти главной героини, уже теряетъ почти всякое значеніе. Хотя въ дополненіе этой половины романа авторъ написалъ еще главу о томъ, въ

какомъ состояніи находились русскіе умы во время войны Сербіи съ Турціей, но эта глава такъ сказать пришта къ роману бѣлыми нитками и оказалась нужною развѣ только для того, чтобы отправить Вронскаго послѣ смерти Анны въ Сербію добровольцемъ.

Переходимъ засимъ къ второй половинѣ романа, гдѣ главнымъ героемъ является Левинъ. Въ разсказѣ о немъ авторъ переноситъ читателя въ деревню, въ среду семейной сельской жизни. Въ Левинѣ онъ представляетъ степняка помѣщика, съ простымъ безхитростнымъ отношеніемъ къ окружающей его дѣйствительности, хотя и человекъ не совѣмъ

последовательного во всех своих мыслях и побуждениях. По выражению старшего брата своего Сергея Ивановича Кознышева, Левин славный малый, с сердцем поставленным хорошо, но с умом, хотя и довольно быстрым, однако подчиненным впечатлительным минуты и поэтому исполненным противоречий. Константин Левин живет в самых близких отношениях к народу, как хозяин и посредник, но никакого определенного суждения о народѣ он не имѣет, и на вопрос, — говорит автор, — знает ли онъ народъ, онъ былъ бы въ такомъ же затрудненіи отвѣтить, какъ на вопросъ: любить ли онъ народъ? Сказать, что онъ знаетъ народъ, было бы для него тоже, что сказать, что онъ знаетъ людей. Онъ постоянно наблюдалъ и узнавалъ всякаго рода людей, и въ томъ числѣ людей—мужиковъ, которыхъ онъ считалъ хорошими и интересными людьми, и безпрестанно замѣчалъ в нихъ новыя черты, измѣнял о нихъ прежнія сужденія и составлялъ новыя.

Надобно сказать, что въ разсказѣ о Левинѣ, г. Толстой не останавливается только на представленіи семейной жизни героя, котораго онъ женить не занимается самой личностью его и даетъ намъ ея описаніе. Это описаніе личности Левина имѣетъ въ разсказѣ даже главное значеніе.

Содержаніе собственно романа Левина не представляетъ много занимательнаго по событіямъ, въ немъ нѣтъ сложной интриги; оно состоитъ въ томъ, что Константинъ Дмитриевичъ Левинъ прѣзжаетъ въ Москву—жениться на дочери князя Щербацкаго, Китти, сестрѣ Долли Облонской. Онъ знаетъ Китти съ дѣтства и давно ее любитъ; но Китти безхитростная, простая, кроткая, увлечена Вронскимъ, тѣмъ самымъ Вронскимъ, съ которымъ связала жизнь свою Анна Каренина. Это было еще до начала любви Анны.

Огорченный открытой истиной и недовольный собою Левинъ ѣдетъ назадъ въ свою деревню. Дома его снова охватила деревенская обстановка, встрѣтили хозяйственные хлопоты. Прежде всего на встрѣчу бросается ему сабака его, Ласка, и свидѣтельствуетъ ему свое почтеніе. Затѣмъ старая няня его и экономка Агаѣя Михайловна опять заботливо приговариваютъ для него чай, пересыпая свои хлопоты неумолкаемой старческой болтовней; прикащикъ сообщаетъ ему, что греча въ новой сушилькѣ, частію устроенной самимъ Левинскимъ, подгорѣла; что лучшая корова въ стадѣ отелилась. Вся эта обстановка, всѣ эти сообщенія вводятъ Левина снова, такъ сказать, въ его колею жизни.

Одѣвшись въ тулупъ, онъ идетъ на скотный и житный дворы и опять уходитъ въ свои хозяйственныя заботы и соображенія. Опять терзается и мучится, то старая желаніемъ ввести улучшенія въ бытъ народа, то желая сдѣлать свое личное счастье. Мысль о женитьбѣ впрочемъ не оставляетъ его, онъ болѣзненно чувствуетъ, что въ его годы не хорошо человѣку одному быти. Порой онъ вспоминаетъ, какъ предъ самымъ отъѣздомъ въ Москву, онъ сказалъ своему скотнику: „что, Николай, хочу жениться!“ и какъ Николай поспѣшно отвѣчалъ ему, какъ о дѣлѣ, въ которомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: „и давно пора, Константинъ Дмитриевичъ“. Порой онъ приходитъ къ убѣжденію перемѣнить свою тягостную, праздную искусственную и личную жизнь, которой онъ жилъ на трудовую, чистую и общую жизнь—жизнь народа. Онъ хочетъ отречься отъ своего ни къ чему не нужнаго образованія и чувствуетъ и убѣжденъ, что найдетъ въ простой жизни крестьянина то удовлетвореніе, успокоеніе, достоинство, отсутствіе которыхъ онъ такъ болѣзненно чувствовалъ. Онъ составляетъ планы, какъ сдѣлаетъ переходъ въ крестьянство, припишетъ въ общество и женится на крестьянкѣ. Но, размышляя такимъ образомъ, онъ возвращался однажды, раннимъ утромъ, домой, въ свою деревню съ поля, гдѣ мужики убирали покосы. Углубленный въ свои думы Левинъ шелъ, глядя на землю, какъ вдругъ звукъ бубенчиковъ прервалъ его думы.— Это что? кто-то ѣдетъ, подумалъ Левинъ и поднялъ голову.

Въ сорока шагахъ отъ него, къ нему навстрѣчу, по той большой дорогѣ—муравкѣ, по которой онъ шелъ, ѣхала четверней карета. Дышловая лошадь жалась отъ колес на дышло, но ловкій ямщикъ, бокомъ сидѣвшій на козлахъ, держалъ дышломъ по колѣбѣ, такъ что колеса бѣжали по гладкому. Только это замѣтилъ Левинъ, и недумая о томъ, кто это можетъ ѣхать, разсѣянно взглянулъ въ карету. Въ каретѣ дремала въ углу старушка, а у окна, видимо только что проснувшись, сидѣла молодая дѣвушка, держась обѣими руками за ленточки бѣлаго чепчика. Свѣтлая и задумчивая, вся исполненная изыщной и сложной внутренней, чуждой Левину, жизни, она смотрѣла черезъ него на зарю восхода. Въ то самое мгновеніе, какъ видѣныя еще уже исчезло, правдивые глаза взглянули на него. Она узнала его, и удивленная радость освѣтила ея лицо. Онъ не могъ ошибиться. Только одни на свѣтѣ были эти глаза. Только одно было на свѣтѣ существо, способное сосредоточивать для него весь свѣтъ и смыслъ жизни. Это была она. Это была Китти. (Рисунокъ, помѣщенный въ этомъ номерѣ „Нивы“, изображаетъ именно эту сцену—встрѣчу Левина съ Китти). Она ѣхала въ свою деревню со станціи желѣзной дороги. И все то, что волновало Левина, всѣ рѣшенія принятые имъ, все вдругъ исчезло. Нѣтъ, сказалъ Левинъ самъ себѣ: какъ ни хороша эта жизнь простая и трудовая, я не могу вернуться къ

ней. Я люблю ее. Хотя Левинъ ни только не сталъ искать, но даже избѣгалъ встрѣчи съ Китти послѣ этой сцены, тѣмъ не менѣе близкое присутствіе любимой дѣвушки стало тревожить его. Къ тому же онъ началъ сильно сомнѣваться въ успѣхѣхъ своей хозяйственной дѣятельности, сталъ разочаровываться въ примѣненіи улучшеній къ крестьянской работѣ. Онъ увидѣлъ, что то хозяйство, которое онъ велъ, была только жестокая и упорная борьба между имъ и работниками, въ которой на одной сторонѣ, на его сторонѣ, было постоянное напряженное стремленіе передѣлать все на считаеваемый лучшимъ образецъ, на другой же сторонѣ—естественный порядокъ вещей. И въ этой борьбѣ онъ видѣлъ, что при величайшемъ напряженіи силъ съ его стороны, и безо всякаго усилія и даже намѣренія съ другой, достигалось только то, что хозяйство шло ни въ чью, и совершенно напрасно портились прекрасныя орудія, прекрасная скотина и земля. Чтобы сколько нибудь разсѣяться, Левинъ рѣшилъ съѣздить въ дальній уѣздъ къ пріятелю своему Свяжскому, около котораго были прекрасныя дупельныя болота, а Левинъ любилъ охоту и охота во всехъ горестяхъ служила ему лучшимъ утѣшеніемъ.

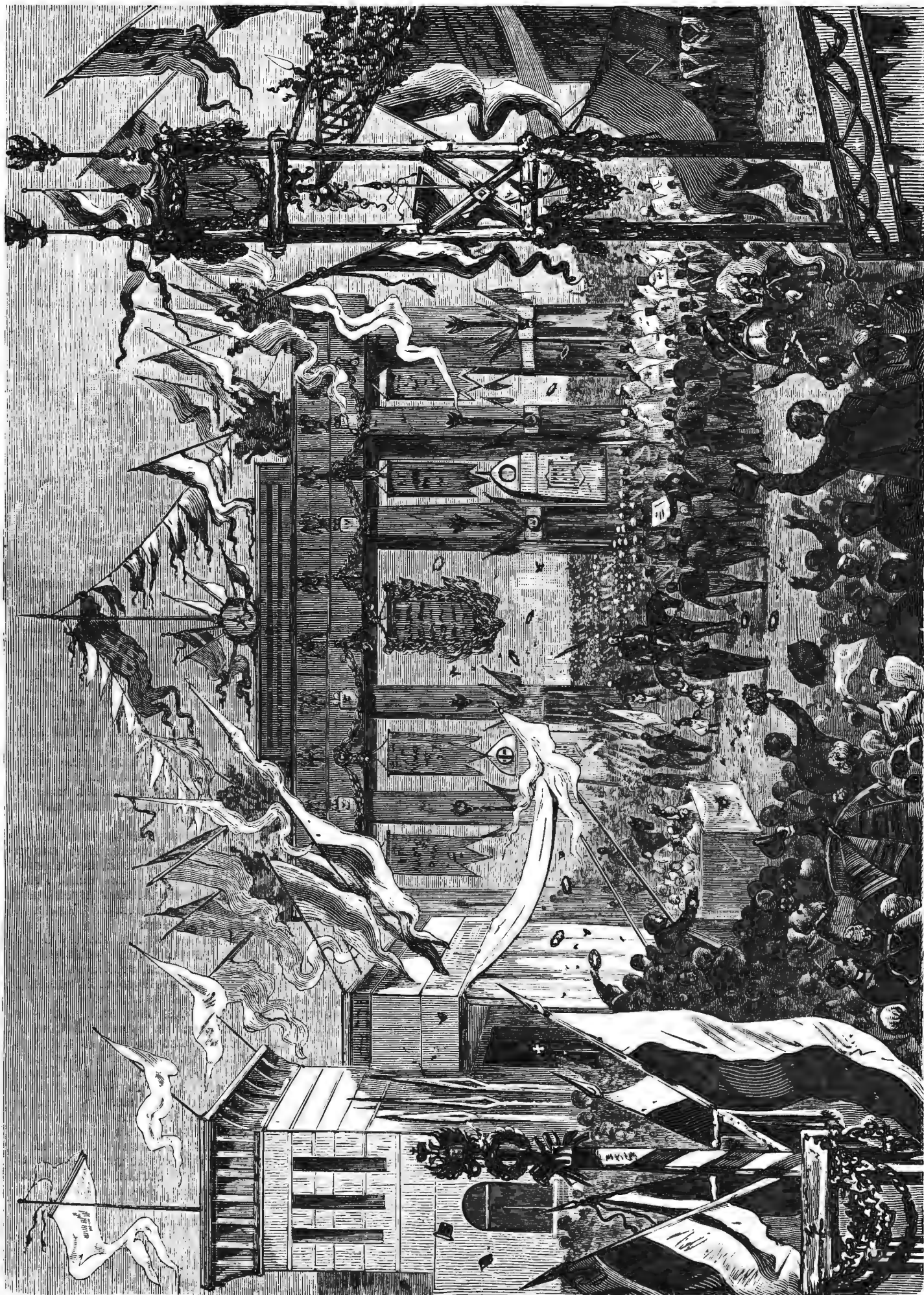
Авторъ останавливается на личности г. Свяжскаго и рисуетъ въ немъ чловѣка, держащаго мысли только для общественаго употребленія, чловѣка нуждающагося только въ процесѣ размышленія.

Вообще, надобно сказать, что въ повѣствованіи о Левинѣ г. Толстой вводитъ рядъ личностей, чрезвычайно интересныхъ самихъ по себѣ, но имѣющихъ не особенно важное отношеніе къ Левину, къ личной его участи. Бесѣда съ Свяжскимъ о хозяйствѣ, народѣ, не только не успокоила Левина, не выяснила ему его отношеній къ рабочему, къ самому труду, но, кажется, еще болѣе смутила его; онъ вынесъ изъ этого визита убѣжденіе, что то недовольство, какое онъ испытывалъ, есть не исключительное его положеніе, а общее условіе, въ которомъ находится дѣло въ Россіи, но что задачу—поставить хозяйство на надлежащій ходъ, все таки рѣшить необходимо. Левинъ запасся книгами отъ Свяжскаго о рабочемъ вопросѣ и добросовѣстно засѣлъ за перечитываніе политической экономіи, надѣясь всякую минуту найти разрѣшеніе занимавшихъ его вопросовъ, но ни политическая экономія, ни социалистическое ученіе не давали не только отвѣта, но ни малѣйшаго намека на то, что ему, Левину, дѣлать. Политическая экономія говорила, что законы, по которымъ развилось и развивается богатство Европы, суть законы всеобщіе и несомнѣнные, социалистическое ученіе говорило, что развитіе по этимъ законамъ ведетъ къ гибели. Левинъ страдалъ, терзался, захандрилъ и рѣшилъ, что надо только какъ—нибудь доживать жизнь, пока къ те пришла смерть, а ему казалось, что смерть отъ него уже и не далека. Въ имѣніи къ Левину прѣзжаетъ братъ его Николай—спившійся коммунистъ, раздраженный нравственнымъ униженіемъ и неудачами жизни, къ тому же съ разрушеннымъ здоровьемъ. Посѣщеніе брата, его отчаянное положеніе и невѣріе ни въ какіе благіе планы Константина Левина, высказанное мнѣніе, что Левинъ только оригинальничаетъ, эксплуатируетъ мужиковъ не просто, а съ идеей, еще усиливаютъ раздраженіе Левина, подливаютъ, такъ сказать, масло въ огонь. Послѣ отъѣзда брата, Левинъ истерзанный, измученный уѣзжаетъ за границу, на 4 мѣсяца, изучать тамъ занимавшее его дѣло хозяйства.

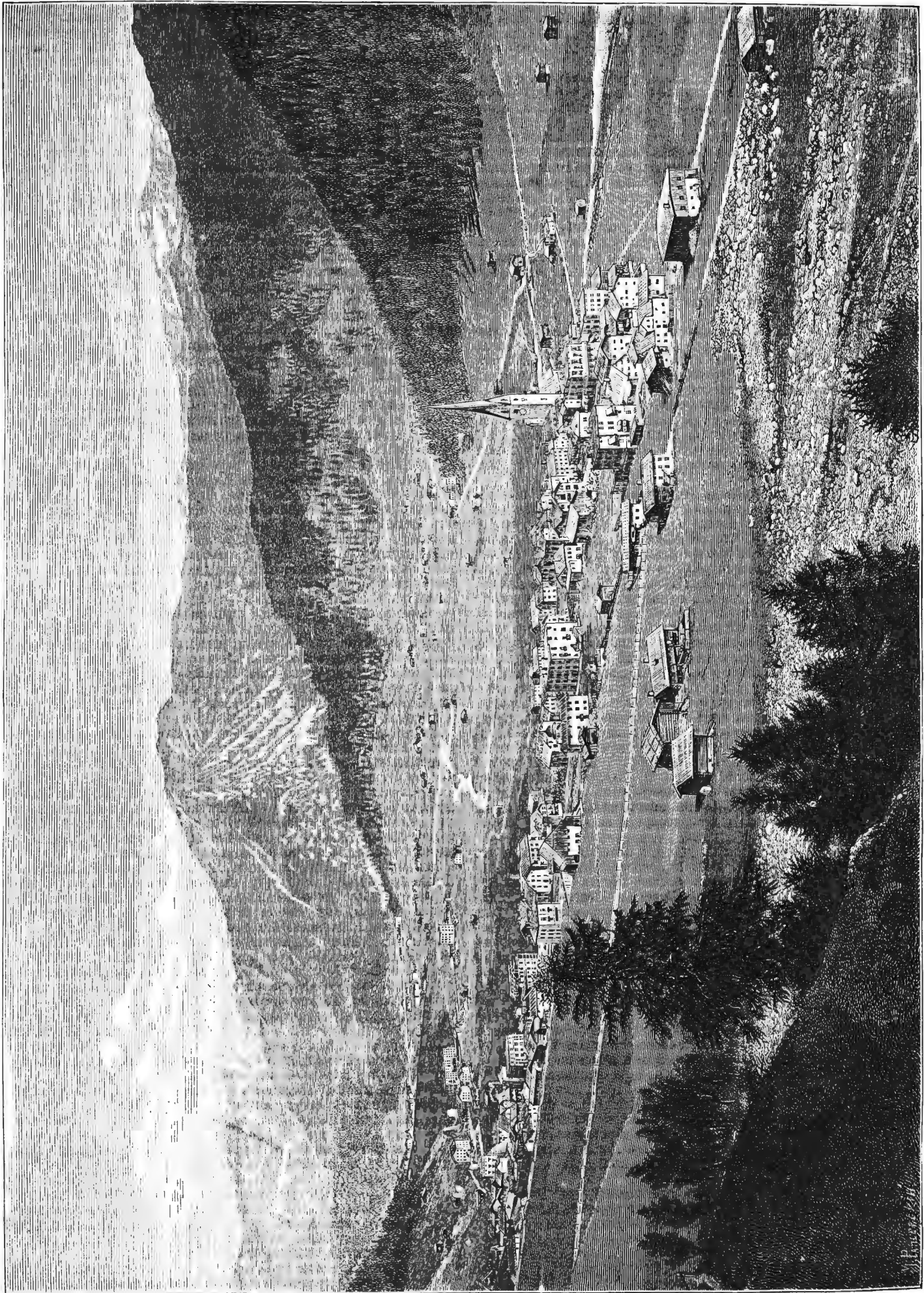
Изъ за-границы Левинъ возвращается уже другимъ чловѣкомъ. Отчаяніе перешло въ спокойствіе и постоянную возбужденность. Авторъ дѣлаетъ нѣсколько объясненій перемѣтѣ въ Левинѣ, не утверждая положительно ни одно изъ нихъ. Утвердительно только можно признать то, что Левинъ перемѣнился и сдѣлался веселъ. Передаемъ здѣсь разговоръ Левина съ Облонскимъ по возвращеніи изъ за-границы.

...Я радъ, что ты въ добромъ духѣ, говоритъ Левину Облонскій, и за мѣдвѣдями ѣздишь, и работаешь и увлекаешься... — Да что же, я не перестаю думать о смерти, отвѣчаетъ Левинъ, правда, что умирать пора, и что все это вздоръ. Я по правдѣ тебѣ скажу: я мысляю своей и работой ужасно дорожу, но въ сущности—ты подумай объ этомъ: вѣдь весь міръ нашъ—это маленькая плесень, которая выросла на крошечной планетѣ. А мы думаемъ, что у насъ можетъ быть что нибудь великое—мысли, дѣла! Все это песчинки.—Да это, братъ, замѣчаетъ Облонскій, старо, какъ міръ!—Старо, опять говоритъ Левинъ, но знаешь, когда это поймешь ясно, то какъ то все дѣлается ничтожно... Такъ и проводишь жизнь, прибавилъ онъ, развлекаясь охотой, работой, чтобы только не думать о смерти.

Облонскій зыываетъ Левина къ себѣ обѣдать и на этомъ обѣдѣ Левинъ встрѣчается снова съ Китти. Китти онъ нашелъ уже не такой, какой она была прежде—это была уже другая—испуганная, робкая, но оттого еще болѣе прелестная. Послѣ неудачнаго увлеченія Вронскимъ, оставленная его вниманіемъ тотчасъ со встрѣчи Вронскаго съ Анной Карениной, Китти сначала много страдала, потомъ родные повезли ее за-границу на воды, а тамъ время и размышленія урегулировали ея жизнь, открыли ей глаза на окружающее, на Левина, на его отношенія къ ней, и Китти поняла свое заблужденіе и значеніе для нея Левина. У Левина выросли крылья отъ этой встрѣчи и между ними совершилось примиреніе.

Возвращение гвардии в С.-Петербург. Встреча Лейб-Гвардии Егерского полка у Московской заставы. Рис. съ натуры Н. Барзинъ, грав. М. Рашевскій.

Мѣстечко Давосъ въ Швейцаріи. (Кантонъ Граубюнденъ). Съ фотогр. грав. на деревѣ Рашевскій.

Результатом примирения было то, что Левин женился на Китти. Исполнилась его мечта о семейной жизни и на свой вопрос, есть ли у него в душе чувство сожаления о своей свободе, он улыбнулся и отвечал: Свобода! Забудь свобода! Счастье только в том, чтобы любить, и желать и думать желаниями любимого существа, ея мыслями, то есть никакой свободы—вот это счастье!

Левин стал находить себя в это время в таком состоянии счастья, говорит автор, что ему казалось будто он и его счастье и составляют главную и единственную цель всего существующего. Впрочем это сознание не было для него продолжительно. Мѣсяца через три Левин, переѣхавъ съ женою въ деревню, хотя и чувствовал себя счастливымъ, но уже не настолько. Женвшись, т. е. достигнувъ своей постоянной мечты, Левин нашел много разочарований въ прежних мечтахъ, но онъ же нашел и очарование въ томъ, въ чемъ некогда ображалъ. Левин напр. никакъ не могъ представить, что бы между нимъ и женою могли быть ссоры, а между тѣмъ даже съ первыхъ дней брака они поссорились; но онъ же не зналъ, что послѣ ссоры можно испытывать такое очарование примирения, какое онъ началъ испытывать. Свое хозяйство и занятия Левин продолжалъ въ деревнѣ по прежнему, хотя и чувствовал, что теперь центр тяжести его вниманія перешелъ на другое.

Прежде дѣло было спасеніемъ для него отъ жизни. Прежде онъ чувствовал, что безъ этого дѣла жизнь его будетъ слишкомъ мрачна. Теперь занятія эти были ему необходимыми, чтобы жизнь не была слишкомъ однообразно свѣтла. Взавшись опять за свои бумаги, перечтя то, что было написано, онъ съ удивительнымъ нашел, что дѣло стоило того, чтобы имъ заниматься. Многие изъ прежнихъ мыслей показались ему излишними и крайними, но многие пробѣлы стали ему ясны, когда онъ освѣжилъ въ своей памяти все дѣло. Онъ сталъ писать новую главу о причинахъ невыгоднаго положенія земледѣлія въ Россіи.

Но порою Левин упрекалъ себя, что женившись, онъ дѣлаетъ мало. Даже обычные свои занятія и тѣ я почти оставилъ. То мнѣ же (Китти) жалко оставить, то я вижу, что ей скучно. А я то думалъ, что до женитьбы жизнь такъ себя, кое какъ, не считается, а что послѣ женитьбы начнется настоящая. А вотъ три мѣсяца скоро, и я никогда такъ праздно и бесполезно не проводилъ время. Нѣтъ это пельза, надо начать. Разумѣется она (все Китти-же) не виновата. Я самъ долженъ былъ быть тверже, выгородить свою мужскую независимость. Однажды въ то время, когда Левин занимался своимъ трудомъ, а Китти сидѣла около него съ своимъ *broderie anglaise*, они получили письмо, что братъ Николай умираетъ въ одной изъ гостиницъ губернскаго города. Молодые супруги немедленно поѣхали къ больному и здѣсь у постели умирающаго имъ много пришлось увидѣть и выстрадать. Видъ брата и близость смерти опять подняли въ душѣ Левина чувство ужаса предъ неразгаданностію и вмѣстѣ близостію и неизбежностію смерти, то чувство, которое охватило его въ деревнѣ въ тотъ осенній вечеръ, когда пріѣзжалъ къ нему братъ Николай. Чувство это теперь было еще сильнѣе чѣмъ прежде; еще менѣе, чѣмъ прежде, онъ чувствовалъ себя способнымъ понять смыслъ смерти и ея неизбежность. Но на этотъ разъ близость жены спасала его отъ отчаянія и онъ, несмотря на смерть, чувствовалъ потребность жить и любить.

Вскорѣ послѣ смерти брата докторъ объявилъ Левину, что Китти беременна. Затѣмъ Левинъ снова уѣхалъ въ свою деревню, къ нимъ собрались всѣ родные Китти и пріѣзжаетъ погостить нѣкій веселый юноша Васенька Веселовскій. Посѣщеніе Васеньки и его вниманіе къ Китти обнаруживаетъ еще черту въ характерѣ Левина—ревность. Взбѣшенный ухаживаніемъ Васеньки, Левинъ дѣлаетъ сцену ни въ чемъ неповинной доброй, кроткой Китти, пугаетъ ее, напирая своими кулаками, высказываетъ претензіи, что онъ „ея мужъ и никто, кромѣ его не смѣетъ смотрѣть на нее“. Для Васеньки же великъ запречъ лошадей въ тарантасѣ и прямо провожаетъ его изъ своего дома. Но они еще накануне ходили вмѣстѣ на охоту. Мы отмѣчаемъ эту сцену охоты, какъ чрезвычайно художественно описанную, и разговоръ на почлегѣ, какъ характеризующій Левина. На охотѣ, кромѣ Васеньки и Левина, былъ еще Облонскій. Между Облонскимъ и Левинимъ завязался разговоръ на интересовавшую всѣхъ тему. Левинъ началъ на выраженіе Облонскаго, что онъ не считаетъ безцѣльнымъ неправильную наживу желѣзно-дорожныхъ богачей, многихъ купцовъ, дворянъ. И тѣ и эти нажили одинаково трудомъ и умомъ, сказалъ Облонскій.—Да, отвечалъ Левинъ, трудомъ, но какимъ? Развѣ это трудъ, чтобы добыть концессию и перепродать?

— Разумѣется трудъ. Трудъ въ томъ смыслѣ, что если бы не было его, или другихъ ему подобныхъ, то и дорогъ бы не было.

— Но трудъ не такой, какъ трудъ мужика или ученаго, опять говорилъ Левинъ.

— Положимъ, но трудъ въ томъ смыслѣ, что дѣятельность его даетъ результатъ—дороги. Но вѣдь ты пахотилъ, что дороги бесполезны.

— Нѣтъ, это другой вопросъ; я готовъ признать, что онѣ

полезны. Но всякое приобрѣтеніе, не соответственное положенію труду, не честно.

— Да кто-же опредѣлитъ соответствіе?

— Приобрѣтеніе нечестнымъ путемъ, хитростію, сказалъ Левинъ, чувствуя, что онъ не умѣетъ ясно опредѣлить черту между честнымъ и нечестнымъ.—Такъ, какъ приобрѣтеніе банкирскихъ конторъ,—продолжалъ онъ.—Это зло, приобрѣтеніе громадныхъ состояній безъ труда, какъ это было при откупныхъ, только перемѣнило свою форму.

— Ну такъ я тебѣ скажу, замѣчаетъ Облонскій, послѣ нѣкотораго перерыва разговора, то, что ты получаешь за свой трудъ въ хозяйствѣ лишнихъ, положимъ пять тысячъ, а мужикъ, какъ бы онъ ни трудился, не получитъ больше пятидесяти рублей, точно также безчестно, какъ то, что я получаю больше столоначальника.

— Ты говоришь несправедливо, что я получаю пять тысячъ, а мужикъ пятьдесятъ рублей. Это правда. Это несправедливо, и я чувствую это, но...

— Да ты чувствуешь, но ты не отдаешь ему своего имѣнія, сказалъ Облонскій.

— Я не отдамъ, потому что никто этого отъ меня не требуетъ, и если бы хотѣлъ, то мнѣ нельзя отдать—отвѣчалъ Левинъ, и некому.

— Отдай мужику, онъ не откажется, если ты убѣжденъ, что не имѣешь права...

— Я вовсе не убѣжденъ. Я напротивъ чувствую, что не имѣю права отдать, что у меня есть обязанности и къ землѣ, и къ семьѣ.

— Нѣтъ, позволь; но если ты считаешь, что это неравенство несправедливо, то почему же ты не дѣйствуешь такъ?

— Я и дѣйствую, только отрицательно, въ томъ смыслѣ что я не буду стараться увеличить ту разницу положенія, которая существуетъ между мною и имъ.

Для родовъ жены, Левинъ переѣхалъ въ Москву. Скучая безъ дѣла, онъ отправился на дворянскіе выборы въ Калининъ и здѣсь, слѣдуя общему теченію, выполняя вмѣстѣ съ другими разныя церемоніи, Левинъ опять пришелъ къ сознанию, что онъ ничего не понимаетъ, что все что-то не такъ, а какъ—онъ не знаетъ... Затѣмъ въ Москвѣ Левинъ сошелся съ бывшимъ товарищемъ по университету, Катавасовымъ, познакомился тамъ съ нѣкимъ ученымъ Метровымъ, собирався прочесть ему свое сочиненіе объ естественныхъ условіяхъ рабочаго въ отношеніи къ землѣ, но услышавъ взглядъ Метрова на положеніе русскаго рабочаго съ точки зрѣнія капитала, заработной платы и ренты, отказался отъ намѣренія читать. Затѣмъ Левинъ ѣздилъ въ концерты, въ клубы, видѣлъ все московское общество, всю московскую жизнь; ѣлъ вкусные обѣды, приправленные виномъ и веселыми каламбурами; смотрѣлъ какъ играютъ на бильярдѣ и въ шахматы; даже, хорошо не сознавая, былъ у Карениной и восхитился ей. Время и деньги шли быстро, а въ результатѣ ничего не получалось.

Въ деревнѣ Левинъ никогда бы не занялся такими разговорами, какіе онъ слышалъ въ Москвѣ и въ которыхъ самъ участвовалъ; въ деревнѣ онъ никогда бы не былъ въ состояніи рѣшать съ такой легкостью, какъ въ Москвѣ продажу шпепицы съ такой уступкой, на какую согласился въ Москвѣ. Вообще жизнь влияла на него, увлекала за своимъ теченіемъ, хотя городскіе соблазны, городская суета все-таки были не по немъ и деревня манила его къ себѣ всегда. Наконецъ у Левинихъ родился сынъ, какъ того и ожидалъ самъ Левинъ.

Такимъ собственно является Левинъ въ романѣ Толстого. Принимая близко къ сердцу интересы общаго блага, онъ ревниво ограждаетъ свои хозяйственные; задумывая новое устройство хозяйства, онъ ничего не можетъ достигнуть и убѣждается въ его нецѣлостности. Онъ, то вѣрится, то терять вѣру. Но въ общемъ Левинъ старается работать сколько возможно больше, любить деревню, простоту. Какъ мы сказали въ повѣствованіи о Левинѣ, г. Толстой представилъ еще нѣсколько лицъ, имѣющихъ второстепенное значеніе, но заинтересовывающихъ собой читателя. Такимъ является Сергѣй Ив. Кознышевъ—человѣкъ высокаго ума и образованія, но холоднаго до крайности, живого струною въ душѣ его было его самолюбіе; далѣе Свяжской, о которомъ мы говорили; Катавасовъ, Метровъ и т. д. Въ романѣ множество мастерски описанныхъ сценъ. Описание обилуетъ такимъ богатствомъ наблюденій надъ характерами, надъ жизнью, достигаетъ такой реальности, что не смотря на отсутствіе сложной интриги, читатель заинтересовывается романомъ все больше, и кончивъ читать, желалъ бы еще его продолженія.

Въ заключеніе нашей статьи замѣтимъ, что авторъ романа, при огромномъ талантѣ, единогласно признаваемомъ всѣми органами нашей печати, отличается еще тою замѣчательною особенностію, что умѣетъ всегда стать въ своихъ произведеніяхъ въ сторонѣ отъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ и никогда не навязывается читателю съ своими рекомендаціями, похвалами или порицаніями: лица въ его произведеніяхъ говорятъ сами за себя, и читатель воленъ составлять о нихъ какое угодно мнѣніе. И за снѣгъ еще замѣтимъ, что по міросозерцанію своему графъ Толстой стоитъ неизмѣримо высоко въ сравненіи съ другими извѣстными писателями нашего времени. Z.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Я хотѣлъ бы тебѣ, шаловливый мой другъ,
Мои мысли повѣдать и думы;
Но боюсь на лицѣ твоёмъ вызвать испугъ:
Мои думы болжны и угрюмы.
Смѣю-ль я разогнать задушевный твой смѣхъ
Звукомъ жалобъ и скорбнаго плача?..
Для тебя еще жизнь—рядъ забавъ и утѣхъ,
Для меня же—давно ужъ задача...

II.

Когда во тьмѣ ночей безсонныхъ
Меня преслѣдуютъ сомнѣнія,—
Мнѣ чудится, что ты,
Среди видѣній окрыленныхъ,
Слетишь ко мнѣ на голосъ мщенья
И мракъ разсѣбешь преступленья
Сіянемъ красоты.
И этимъ свѣтомъ непонятнымъ
Въ одно мгновеніе озарится
Душа моя...
И всепрощеніемъ благодатнымъ
Большое сердце обновится,
И время лучшее мнѣ снится,
И плачу я...

III.

Пой! безъ пѣсенъ живется ушло,
Отразится пусть въ пѣсняхъ твоихъ
Все, что въ жизни тебя веселило,
Пусть звучитъ беззавѣтною силой

Удалой твой и радостный стихъ!
Пой любовь и лазурные глазки
Въ полутьмѣ благовонныхъ ночей.
Пой весеннія, яркія краски
И усладу заботливой ласки,
Чернобровой красотки твоей!
Только сердца разбитаго муки
И кровавыя слезы твои,
Только боль и страданья разлукъ,
Всѣ тоскливые, скорбные звуки,
Ты глубоко въ душѣ заглаи...
О, не нужно намъ звучныхъ рыданій,
Безъ твоихъ поэтическихъ слезъ
Много слышится въ мирѣ стenanій...
Дай хоть въ пѣсняхъ уйти отъ страданій,
Дай хоть въ пѣсняхъ забвенья и презя!

IV.

Застылаетъ мнѣ путь непроглядный туманъ,
Одолѣла погодка—ненастье,
Я въ потемкахъ брожу, я тоской обуянъ..
Гдѣ удача моя, гдѣ ты счастье?
Развѣ ринутся вдругъ, осѣвляя крестомъ,
Встрѣтить смерть, не моргнувши и глазомъ:
Коль идти напрямикъ, такъ идти на проломъ,
Иропадать—такъ, по крайности, разомъ!
Если-жъ жить, такъ ужъ силъ не жалѣя своихъ,
Вѣкъ не зная надъ собою опеки,
Наслаждаться, любить и страдать за двоихъ,
А уснуть, такъ уснуть ужъ на вѣки!

Н. Ники.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Веселый ужинъ.

(Картина Кессена).

Картина, изображенная художникомъ Кессеномъ, и передаваемая рисункомъ, помѣщеннымъ на страницахъ настоящаго № „Нивы“, переноситъ зрителя ко времени Людовика XII и его отборныхъ кавалеристовъ, составлявшихъ отрядъ его стражи, мушкетеровъ. Этихъ мушкетеровъ такъ популяризировалъ Александръ Дюма, и наши русскіе читатели такъ недавно еще съ жаромъ зачитывались описаніями ихъ отчаянныхъ подвиговъ. Храбрые, безпечные, веселаго духа, они всегда вездѣ насканивали на приключенія и сами постоянно были готовы поклоняться тому или другому изъ великихъ божествъ древности, Марсу—богу войны, или Венерѣ—богинѣ любви. Эти приключенія въ особенности были часты въ романахъ Дюма, хотя, конечно, и дѣйствительность того времени была полна ими.

Типъ, воспроизводимый художникомъ Кессеномъ не столько богатъ тѣми чертами, о которыхъ мы говоримъ, т. е. выраженіемъ храбрости, безпечности и веселья, сколько удачно схваченнымъ выраженіемъ удовольствія, такъ широко распылывающаго по лицу воина. Это удовольствіе, нужно замѣтить, весьма ярко и опредѣленно выражено, и нѣтъ возможности ошибиться въ томъ, что причины, вызвавшія его, идутъ не отъ высокихъ душевныхъ движеній, а скорѣе всего изъ чувства противоположнаго, животнаго свойства.

Откуда этотъ воннъ и куда лежитъ ему дорога? Можетъ быть онъ везетъ какія нибудь важныя сообщенія и утомленный отъ долгаго переѣзда, проголодавшись, остановился на пути въ гостиницѣ, гдѣ гостеприимная хозяйка весело обслуживаетъ ему; а можетъ быть—онъ просто искатель приключеній. Но такъ или иначе, а отдыхаетъ онъ, видимо, съ удовольствіемъ. Вытянувъ уставшія ноги, онъ уже утолилъ свой голодъ и въ данный моментъ, со стаканомъ вина, смѣется и шутитъ съ молодою хозяйкой.

Смотря на картину, невольно представляемъ себѣ разговоръ изображенныхъ на ней лицъ.

— А какъ вы смеаете, хозяйка,—говоритъ онъ улыбаясь,—женатъ я или холостъ...

— Гм... какой затѣйникъ. Почему я знаю, можетъ быть и женатъ, а можетъ быть и такъ коротаетъ свой вѣкъ, одинокимъ...

— Хе! хе!.. Одинокимъ!.. Хе, хе! Да такимъ молодцамъ, каковы я, незачѣмъ скучать въ одиночествѣ—вездѣ рады мнѣ...

— Ну какъ бы не такъ! поддразниваетъ хозяйка, будто ужъ вы и молодецъ такой, что наша сестра вамъ такъ на шею и вьнется... Какъ же, ждите!..

— И ждать нечего... Хе! хе!.. Да и вы уже я замѣчаю, многу очарованы...

— Ну вотъ еще, какъ бы не такъ!.. Этакій старикашка очаруетъ!..

— Старикашка! Хе!.. Хе!.. Ошибаетесь, еще далеко до старости-то!..

Хозяйка внимательно поглядываетъ на своего разболтавшегося гостя и послѣ нѣкотораго молчанія весело замѣчаетъ:

— Ну далеко-ли, близко-ли, а морщины то съ лица не спрячешь...

Вотъ приблизительно подобную сцену и изображаетъ картина, и нельзя незамѣтить, что сцена эта передана очень правдиво. Z.

Египетъ на Парижской всемирной выставкѣ 1878 г.

Одна изъ восточныхъ построекъ, видъ которыхъ привлекаетъ общее вниманіе въ паркѣ Трокадеро, на Всемирной Парижской выставкѣ, есть, безъ сомнѣнія, постройка Египетскаго зданія.

Съ строгимъ фасадомъ, флангируемымъ двумя четырехугольными башнями, это зданіе сдѣлано въ подражаніе одному египетскому храму. Идея и исполненіе этой археологической новості принадлежитъ французу Маріеттѣ Беу, генеральному комиссару египетской выставки, творцу знаменитаго Булакскаго музея, близъ Каира, который онъ создалъ благодаря высокому покровительству вице-короля и раскопкамъ, методически производимымъ въ продолженіи цѣлыхъ 20 лѣтъ въ долинѣ Нила. Образцы этой постройки Маріеттѣ Беу открылъ въ мусорѣ и развалинахъ древняго города Абидоисъ, въ Верхнемъ Египтѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ развалинахъ этого города онъ отыскалъ базы высокой стѣны. Дальнѣйшія раскопки показали весь планъ частнаго жилища, котораго годъ, какъ кажется, относятся къ XII фараоновой династіи, т. е. къ 27 или 29 вѣку до Р. Х. На основаніи этихъ изслѣдованій древне египетскихъ построекъ, такъ сказать, возсоздано то зданіе, видъ котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ „Нивы“.

Надъ главнымъ входомъ въ это зданіе какъ снаружи такъ и внутри начертаны, согласно старому обычаю, іероглифическія знаки, которые можно перевести словами: „Счастливыи домъ“.

Лѣстница въ этомъ египетскомъ домѣ сдѣлана тоже на основаніи изслѣдованій, произведенныхъ при раскопкахъ въ Абидоисѣ. Она идетъ возлѣ входной двери, со стороны двора и обгибая внутренній фасадъ, поднимается до этажа главныхъ павильоновъ, въ которыхъ помѣщеніе въ древне египетскихъ домахъ предназначалось женщинамъ.

Первый залъ этого зданія или входныя сѣни, также какъ и веранда двора, вмѣщаютъ образчики всѣхъ произведеній Египта.

Залъ направо подъ четырехугольнымъ павильономъ заключаетъ спеціальныя предметы школь и промышленности этой страны. Тутъ находится замѣчательная выставка типографскихъ работъ, произведенныхъ въ Египтѣ. Великолѣпные экземпляры рисунковъ, изображающихъ предметы, найденные при раскопкахъ древне египетскихъ городовъ, альбомъ Булакскаго музея, путешествіе по Верхнему Египту и т. д. Затѣмъ есть залъ Суэзскаго перешейка, съ картами и планами. Все это вмѣстѣ взятое указываетъ на стараніе, съ какимъ французы

работают в Египте, и для нас русских в особенности может быть очень поучительно в виду известной всему свету нашей лжи и неумелости вести подобного рода дела.

Встрѣча возвращающихся съ театра войны гвардейцевъ въ С.-Петербургѣ.

Съ ранняго утра въ этотъ день (3-го сентября) толпы народа тянулись со всѣхъ частей города къ Московской заставѣ. Версты за три по Царскосельскому проспекту и смежнымъ съ нимъ улицамъ—эти разрозненныя толпы сплотились уже въ сплошную массу... Длинною веренищею шагомъ, прокладывая себѣ съ трудомъ путь, тянулись тысячи экипажей, переполненныхъ пассажирами. У триумфальной арки уже скопилось до трехсотъ тысячъ народа, а новыя группы все прибывали и прибывали, и, казалось,—нѣтъ конца, нѣтъ начала этимъ живымъ, человѣческимъ волнамъ...

А день былъ, какъ по заказу, чудный, солнечный... Праздникомъ вѣяло въ этихъ массахъ—веселыхъ, оживленныхъ лицъ, въ этомъ радостномъ гулѣ, наполнявшемъ воздухъ; праздникомъ вѣяло отъ этого снѣга, яснаго осенняго неба.

Грандиозная, старая триумфальная арка, встрѣчая уже не разъ побѣдоносное русское воинство, въ старыя годы, была на этотъ разъ убрана сплошь гирляндами живой зелени, цвѣтами и сотнями пестрыхъ национальныхъ флаговъ; между стройныхъ колоннъ повѣшены были хоругви съ именами полковъ гвардіи и названіями мѣстностей, свидѣтелей ихъ боевыхъ подвиговъ; въ центральной, главной аркѣ красовался колоссальный щитъ, гдѣ въ арматурахъ изъ гербовъ и оружія, рѣзко сверкала на солнцѣ золотая надпись: „Побѣдоноснымъ войскамъ—благодарная столица“; у подножія, по бокамъ, стояли двѣ пирамиды съ красными крестами, намекавшими на то, что не забыты и сохраняются на вѣчную память имена павшихъ героев, которымъ не суждено было свыше вновь увидеть свою родину. Отъ этой арки вправо и влево, подковообразно, шли амфитеатромъ трибуны для публики и депутаціи, смыкая арку съ красными сторожевыми домиками бывшей заставы. Эти зданія съ своими колоннадами были тоже сплошь увѣшаны гирляндами и флагами и противъ каждаго изъ нихъ были устроены парадныя ложи, прикрытыя балдахинами; правая для Высочайшихъ особъ, лѣвая для духовенства; по другую сторону домиковъ снова тянулись трибуны для публики, замыкая овальную площадь, до самаго торжественнаго пути, осѣненнаго колоссальными двойными мачтами и навѣсомъ изъ вѣтвей и живыхъ вьющихся растений.

Вѣтеръ колыхалъ эти безчисленные флаги, рѣзко выдѣлявшіеся на синемъ фонѣ неба,—всевозможныя цвѣта скрецивались и путались въ воздухъ, словно огненные—горѣли золотые наконечники копій и двухглавыя орлы на вершинахъ мачтъ.

Въ пролетѣ арки видѣлась безконечная перспектива царскосельскаго шоссе и по обѣимъ сторонамъ его снова безоначная, оживленная толпа народа.

Какую чудную, волшебную картину представляла вся эта грандиозная обстановка встрѣчи! Съ высоты трибунъ можно было окинуть ее всю взглядомъ—кругомъ—безъ конца волнуемая толпа, кругомъ—оживленные лихорадочнымъ нетерпѣніемъ лица, всѣ крыши сойдѣнныхъ домовъ чернѣли народомъ, во всѣхъ окнахъ словно картины въ рамкахъ пестрѣли красивыя группы. Тамъ кругомъ веселый, живой рокотъ голосовъ, здѣсь вблизи мертвая тишина—ожиданіе—отсюда уже видны въ пролетѣ арки стройныя ряды бѣлыхъ шапокъ приближающихся егерей, блестящая щетина штыковъ, мирное колыбаніе побѣдоносныхъ знаменъ—эти ряды все ближе и ближе... Все смолкло, затановило дыханіе... Затнись передъ бурей.

Словно далекій громовой перекатъ доносится ура... все громче и громче—это Наслѣдникъ Цесаревичъ, выѣхавъ впередъ за арку, объѣзжаетъ ряды егерей... Онъ уже кончилъ объѣздъ. Окруженный блестящею свитой, на чудномъ ворономъ конѣ, Его Высочество снова появился въ аркѣ и занялъ мѣсто у ложи... Въ свѣтломъ пролетѣ мелькнули силуэты конныхъ фигуръ, за ними, словно изъ-подъ земли выросли головы колоннъ... Стройно сплосннн стѣною выступили эти ряды на овальную площадь и стали.

Смуглыя загорѣлыя лица, потертые мундиры, георгиевскіе кресты на груди... Лучшіе изъ лучшихъ народа русскаго, грозные врагу, покорные Императору, неодолимые борцы, не знающіе страха, во вѣкѣ вѣковомъ не дрогнувшіе передъ смертью...

Нечеловѣческое, сгнхійное ура—потрясло воздухъ. Этотъ голосъ народа покрывалъ всѣ остальные звуки, не слышенъ за нимъ общій благовѣстъ колоколовъ... Это—ура—могло бы покрывъ собою пушечную канонаду... Это то самое ура,—которое одно останавливало бѣшенныя атаки батальоновъ Судеймана на Шибкѣ—ура, подъ звуки котораго турецкія арміи цѣлкомъ клали свое оружіе,—ура,—съ которымъ зимой стали проходить непроходимыя Балканы—ура—подъ стѣнами Константинополя, кошмаромъ гнетущее разлагающійся дворъ султана—ура—народа русскаго.

Дождь вѣнковъ и букетовъ буквально засыпалъ голову колонны. Митрополитъ и духовенство въ полномъ облаченіи двинулось изъ ложи на встрѣчу войскамъ... Замолкло ура,—начал-

ся молебень—всѣ головы обнажились... Недолго тянулась молитва съ многолѣтнемъ живымъ, вернувшимся, съ вѣчною памятью павшимъ въ битвахъ Митрополитъ благословилъ образомъ полкъ, передавъ икону собственноручно командиру егерей, генерал-майору Челішеву; на смѣну духовенство выступила городская депутація и послышалось громкое отчетливое чтеніе пріивѣственнаго адреса. Вотъ его полный текстъ:

„Войска гвардейскаго корпуса! Съ благодарностью, молитвою и хлѣбомъ-солью, по древнему русскому обычаю, С.-Петербургское городское общество встрѣчаетъ и сердечно пріивѣстствуетъ вамъ, отъ имени всѣхъ обывателей столицы. Пріивѣстствіе наше, одинаково относящееся въ вашемъ лицѣ и ко всей побѣдоносной росіійской арміи, вызвано не только одною радостью о возвращеніи вашемъ въ столицу, но и благоговѣннымъ воспоминаніемъ о тѣхъ чудесахъ безавѣтной храбрости, мужества, самоотверженія, стойкости и терпѣнія, которыя были выказаны въ борьбѣ со врагомъ и препятствіями поставляемыми природою. С.-Петербургское городское общество съ трепетомъ сердечнымъ, въ продолженіи 10 мѣсяцевъ, ежечасно слѣдило за вами, страдало вашими страданіями. Ликовало, торжествуя ваши побѣды. Вы изумили міръ своими подвигами, вы высоко подняли имя русскаго солдата,—и благословеніе отечества почіетъ на главахъ вашихъ, увѣнчанныхъ новыми лаврами. Гордясь, какъ и всѣ русскіе, вашими заслугами передъ родиной и, взирая на освобожденные вами, обновренныя намъ пародности, воззванныя нынѣ къ политичекой, самостоятельной жизни, С.-Петербургское городское общество въ славу всего населенія столицы, отъ всего сердца восклицаетъ: „Да здравствуютъ войска гвардейскаго корпуса, да здравствуетъ вся побѣдоносная, русская армія!“

Вмѣстѣ съ этимъ пріивѣстствіемъ, поданъ былъ егерямъ хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ.

Депутація очистила дорогу, раздалась команда—щетина штыковъ колыхнулась, ряды тронулись впередъ.

Новыя оваціи, новыи дождь вѣнковъ и букетовъ—новое могучее ура...

Свершила чудная метаморфоза, исчезли бѣлыя шапки, исчезло сверкающее желѣзо оружія.—Словно ангелъ мира пронесся надъ рядами воиновъ и покрывъ ихъ своимъ крыломъ—все зазеленѣло, зацвѣло лѣсъ, живой, чудный, цвѣтущій, благоухающій лѣсъ двигался по триумфальному пути; не было ружья, на которомъ не висѣло бы по нѣсколько вѣнковъ, не было штыка, не увѣнчаннаго букетомъ!

Торжественна была минута, когда, по мѣрѣ прохожденія батальоновъ, ихъ знамена—наклоняли къ барьеру ложи, гдѣ сидѣла—наслѣдница престола русскаго—цесаревна. Съ какою истинною любовью, съ какимъ неподдѣльнымъ, чистымъ восторгомъ въ глазахъ она собственноручно увѣнчивала цвѣтными золотые орлы побѣдоносныхъ знаменъ. Старые, боевые знаменосцы—плакали отъ умиленія—эти радостныя слезы сверкали на глазахъ каждаго солдата...

И триумфаторы все проходили и проходили впередъ; новые батальоны дефилируя изъ арки, смѣняли уже миновавшихъ главный пунктъ встрѣчи, смѣшавшихся уже съ ликующими, восторженными толпами народа.

— Господи Боже мой—за одинъ такой день, хотя снова начинай тяжелую боевую работу, не жалко! говорили въ рядахъ.

— Эхъ, Архиповъ, жаль, не дожилъ, братъ, до свѣтлаго праздника! слышалось соболѣзнованіе о павшемъ товарищѣ.

Пріивѣстствія перекрестнымъ дождемъ отовсюду лились рѣкою, пріивѣстствіями отвѣчали торжествующіе ряды солдатъ.

Это былъ не забываемые минуты, дивно—свѣтлыя, минуты исторической жизни народовъ.

Н. Каразинъ.

Мѣстечко Давосъ въ Швейцаріи.

Давосская долина находится на юго-востокѣ Швейцаріи, въ кантонѣ Граубюнденъ, неподалеку отъ Рагаца и Энгадина, съ его Санкт-Морицомъ и Понтрезинномъ. Однако, не смотря на соседство столь прославившихся своею живописностью мѣстностей, самъ Давосъ не можетъ похвалиться выдающимися красотами природы. Поэтому понятно, что поклонники швейцарскихъ Альпъ рѣдко знали его и по названію. Давосъ представлялъ уединенную горную долину, заселенную только пастухами. Съ 1861 года, съ открытія въ Давосѣ первой гостиницы, его стали посѣщать дачники ближайшихъ швейцарскихъ городовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Давосъ сдѣлался однимъ изъ известнѣхъ мѣстъ лѣченія легочныхъ больныхъ. Желѣзной дороги въ Давосскую долину не проведено, и отъ ближайшей желѣзнодорожной станціи, Ландварга, приходится ѣхать еще около 8 часовъ въ почтовой каретѣ. Но причинъ значительнаго подъема, совѣтуютъ груднымъ больнымъ совершать этотъ, сравнительно короткій переѣздъ не въ одинъ, а въ нѣсколько приѣмовъ, ночуя по дорогѣ въ двухъ, трехъ мѣстахъ, съ тою цѣлю, чтобы дать легкимъ нѣкоторый срокъ привыкнуть къ измѣняющемуся давленію воздуха. Мѣстность, по которой пролегалъ почтовая дорога, живописная. Она идетъ большею частью на краю крутыхъ обрывовъ; внизу зеленѣетъ долина, съ мчащейся по ней горной рѣкой. По обѣимъ сторонамъ высокая, покрытая снѣговыми шапками, горы. Склоны ихъ живописно усѣ-

Продолженіе на стр. 637, 638, 639 и 700.

яны тамъ и сямъ домиками. Кой-гдѣ потоки съ шумомъ бросаются съ высокихъ скалъ, образуя рядъ каскадовъ. Въ дали видны глетчеры. Съ подъемомъ въ гору характеръ растительности измѣняется, появляются сосны, ели, лиственницы и изрѣдка рябина. Достигнувъ перевала, путь идетъ въ Давосскую долину, окруженную хребтами горъ, возвышающихся на 4,000 фуг., и только мѣстами прорванныхъ боковыми долинами. Проѣхавъ небольшое темнозеленое озеро, славящееся форелью, почтовый карета останавливается у послѣдней промежуточной станціи „Davos Dorfli“. Отсюда до главнаго мѣстечка долины „Davos am Platz“ ѣзды минутъ двадцать. Вотъ его описаніе.

Въ Давосѣ около сотни домовъ и домиковъ, отчасти расположенныхъ по сторонамъ проѣзжей дороги, отчасти разбросанныхъ по луговой низменности и склонамъ горъ.

Давосъ пока еще несколько не похожъ на лѣчебныя мѣста новѣйшаго покроя: тутъ не бываетъ ни парадныхъ катаній въ роскошныхъ коляскахъ, ни раутовъ, баловъ и концертовъ, удобныхъ для выставленія на показъ богатыхъ туалетовъ. Онъ даже лишень общаго центра, сборнаго пункта для публики, „кургауза“ въ обыкновенномъ, общепринятомъ смыслѣ этого слова. Одна изъ здѣшнихъ большихъ гостиницъ, ничѣмъ не отличающаяся отъ другихъ, самовольно присвоила себѣ это названіе, вѣроятно, для приманки иностранцевъ. На музыкѣ, играющей по очереди въ разныхъ отеляхъ, публики собирается весьма мало. Ни парка, ни сколько нибудь сноснаго сада не существуетъ. Садики насажены лишь въ послѣдніе годы; но тщедушныя ихъ деревца принимаются плохо и развѣ дѣтъ черезъ десять обѣщаютъ первую тѣнь. Болѣе тяжелые пациенты вполнѣ основательно жалуются на недостатокъ въ подходящихъ прогулкахъ, такъ какъ для нихъ доступны только лишенные тѣни шоссе и влажные луга. Для того, чтобы попасть въ тѣнь дерева, надо или идти далеко, или же подниматься въ гору, гдѣ устроены на длинное разстояніе весьма удобныя дорожки съ красивымъ видомъ въ долину, любимое мѣсто прогулки не слишкомъ слабыхъ пациентовъ. Въ прогулкахъ болѣе отдаленныхъ, нѣшкомъ и на лошади, нѣтъ недостатка. Лѣтнія экскурсіи, требующія два или три, могутъ быть направлены въ Энгадинъ, Куръ, Рагацъ или на горныя вершины и глетчеры. Зимомъ любимымъ препровожденіемъ времени служитъ катанье въ саняхъ или на конькахъ. Есть книжная торговля и двѣ библиотеки съ книгами на трехъ языкахъ, журналы и газеты—въ отеляхъ. Для протестантовъ пасторъ совершаетъ богослуженіе поочередно въ большихъ гостиницахъ; католики строятъ отдѣльную церковь. Есть общество для вспомошествованія легочнымъ больнымъ, лишеннымъ средствъ.

Нынѣшнимъ, увеличивающимся годъ отъ году значеніемъ Давосъ обязанъ медику Францу Унгеру, имя котораго съ признательностью произносится многими сотнями выздоровѣвшихъ больныхъ, и не будетъ забыто въ исторіи практической меди-

цины. Унгеръ родомъ изъ Саксоніи. Будучи еще молодымъ докторомъ, онъ имѣлъ несчастіе захворать чахоткой, и тщетно испробовалъ на себѣ всевозможныя средства. Случайно онъ прочелъ въ медицинской газетѣ, что давосцы, приобрѣтшіе чахотку вдаль отъ родины, скоро поправлялись по возвращеніи домой. Докторъ Унгеръ рѣшился на себѣ испытать дѣйствіе давосскаго климата и приѣхалъ въ Давосъ среди зимы, въ февралѣ 1865 года, въ сопровожденіи еще другого больного. Въ самое короткое время успѣхъ лѣченія превзошелъ всякія ожиданія. Докторъ Унгеръ, при содѣйствіи Штенглера, приступилъ къ организаціи пользованія въ Давосѣ больныхъ. Старанія его, какъ видно, удались вполнѣ, и онъ навсегда поселился въ Давосъ, занявъ первенствующее положеніе среди здѣшнихъ врачей, которыхъ теперь поселилось уже въ Давосѣ семь.

Но въ чемъ же заключаются мѣстныя условія, оказывающіяся столь выгодными для излѣченія легочныхъ болѣзней?

Климатъ Давоса скорѣе холодный, чѣмъ теплый. Суровость климата достигаетъ здѣсь, впрочемъ, далеко не той степени, которую мы могли бы предполагать на основаніи положенія мѣстности на 4,800 ф. надъ моремъ. Дѣло въ томъ, что воздухъ высотъ, по своей разреженности, лучше пропускаетъ тепловые лучи, а потому въ горахъ солнце грѣетъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ низменности. Этимъ объясняются такія поразительныя на первый взглядъ явленія, что въ одинъ и тотъ же день и часъ въ Давосѣ можетъ быть 20°, а въ низменности, у подножія горъ, только 10° тепла на солнцѣ. Ясно, что такія кажущіяся извращенія возможны только на солнцѣ; въ тѣни же ихъ не бываетъ. Живительное вліяніе солнечныхъ лучей сказывается особенно въ зимніе мѣсяцы, когда низменность часто бываетъ покрыта туманомъ и тучами, между тѣмъ какъ на горныхъ вершинахъ и въ горныхъ долинахъ ярко играетъ солнце. Въ Давосѣ сила солнечныхъ лучей доходитъ до того, что даже плохіе пациенты во всѣ тѣ зимніе дни, когда солнце не спрятано за облаками, по нѣскольку часовъ проводятъ на открытомъ воздухѣ. На солнцекѣ, на обращенныхъ къ югу галереяхъ и террасахъ гостиницъ

Водяныя курочки Рис. Менэль, грав. Бланшаръ.

они сидятъ въ однихъ скуртукахъ, жалуются нерѣдко на невыносимую жару! И не мудрено, когда термометръ показываетъ иногда 24 и даже 32° тепла по Реомюру. При этомъ въ тѣни температура, само собою разумѣется, остается несравненно ниже, даже значительно ниже нуля. Кромѣ теплопрозрачности разряженнаго воздуха, повышеніе температуры на галереяхъ обусловливается еще и отраженіемъ на нихъ яркаго свѣта снѣжнаго ландшафта, причемъ свѣтовые лучи, падая на темныя фигуры людей, отчасти превращаются въ лучи тепловые. Послѣ заката солнца температура въ горахъ вообще внезапно и значительно понижается, и въ самую жаркую лѣтнюю пору, когда днемъ бываетъ выше 20° Р., вечеромъ—только 12 и 11.

Высокіе горныя хребты защищаютъ Давосскую долину отъ вѣтровъ. Для нихъ открыты только двѣ противоположныя ей

оконечности, так как замыкающія их горы слишком удалены другъ отъ друга. Впрочемъ, кромѣ вѣтровъ, проникающихъ снаружи, давосская долина имѣетъ еще свой специальный, мѣстный вѣтеръ. Онъ образуется вслѣдствіе сильнаго согрѣванія солнцемъ дна долины; при чемъ нагрѣтый воздухъ, по своей легкости, стремится къверху, а на его мѣсто изъ верхнихъ слоевъ атмосферы спускается внизъ по покатости долины токъ холоднаго воздуха. Противники давосскаго лѣченія—а ихъ не мало—не безъ злорадства указываютъ на этотъ „долинный“ вѣтеръ. Но онъ дуетъ далеко не ежедневно и длится обыкновенно по нѣскольку часовъ, въ теплое время дня. Къ тому же въ жаркіе лѣтніе дни онъ благотвительно умѣряетъ зной, который иначе при узкости долины легко сдѣлался бы невыносимымъ. Наконецъ, существуютъ ли вообще горныя долины, въ которыхъ не было бы подобныхъ вѣтровъ? Грудные больные тщетно высматриваютъ такія мѣстности, гдѣ не преслѣдовалъ бы ихъ злѣйшій ихъ врагъ, вѣтеръ. На югѣ, на побережьяхъ Средиземнаго моря, куда больныхъ до сихъ поръ обыкновенно посылаютъ на зиму, онъ весьма часто беспокоитъ ихъ даже въ ясные, теплые дни.

Очевидцы съ восторгомъ описываютъ здѣшніе зимніе хорошіе дни. Темногубое небо, весь ландшафтъ въ снѣжномъ облаченіи, рѣзкій контрастъ свѣта и тѣни, ясно очерченные на синевѣ неба контуры горъ; ко всему этому—полное затишье, холодный, освѣжающій воздухъ и пробирающая тѣло солнечная теплота. Подобныхъ зимнихъ дней нигдѣ въ Европѣ не встрѣтить, кромѣ здѣшнихъ альпійскихъ долинъ. Они неоцѣнимы для больныхъ. Настоящіе же зимніе мѣсяцы обыкновенно богаты такими днями. Нужно, впрочемъ, сказать, что въ дождливые и пасмурные дни температура тутъ гораздо ниже, чѣмъ въ долинѣ. При этомъ иногда случается, какъ у насъ въ Финляндіи, что среди лѣта идетъ снѣгъ. Такъ нынче 22 іюня старая стѣла снѣга падалъ въ Давосъ большимъ хлопьями. Подобныя явленія, впрочемъ, не болѣе какъ исключенія. Великолѣпная, теплая погода въ благоприятное лѣто и здѣсь стоитъ по нѣскольку недѣль сряду. Тѣмъ не менѣе многіе утверждаютъ, что мѣстность, въ которой среди лѣта, хотя бы только въ видѣ исключенія, падаетъ снѣгъ, не пригодна для одержимыхъ легочными болѣзнями. Они признаютъ за Давосомъ лишь значеніе зимняго „курорта“. Подъ влияніемъ этого взгляда число лѣтнихъ посѣтителей Давоса въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ стало замѣтно понижаться. Общепризнанное превосходство зимнихъ курсовъ лѣченія надъ лѣтними сказывается и на цѣнахъ въ гостиницахъ и пансіонахъ: къ зимѣ онѣ постоянно повышаются. Впрочемъ, въ послѣдніе годы замѣчается опять приращеніе числа лѣтнихъ пациентовъ. Авторъ этого очерка, въ виду многочисленныхъ блестящихъ случаевъ излеченія, не имѣетъ повода раздѣлять скептической взглядъ на цѣлебное значеніе Давоса въ лѣтній сезонъ. Не смотря на неблагоприятную погоду, въ легкихъ сопровождаемой имъ пациентки, въ мѣсяцъ здѣшняго пребыванія, произошло болѣе явственныя перемѣны къ лучшему, нежели въ предшествовавшіе три мѣсяца въ Южной Германіи и на Женевскомъ озерѣ.

Неблагоприятнымъ для больныхъ считается въ Давосѣ переходъ отъ зимы къ лѣту, т. е. вторая половина марта и апрѣль, время таянія снѣговъ, и переходъ отъ лѣта къ зимѣ (ноябрь); поэтому всѣ болѣе осторожные здѣшніе врачи высказываютъ на эти мѣсяца своихъ пациентовъ, по преимуществу на берега озера Четырехъ Кантоновъ и въ Шварцвальдѣ. Впрочемъ, эти переходные мѣсяцы вездѣ плохи, не исключая и южныхъ мѣстъ лѣченія.

А. Брандтъ.

Водяныя курочки.

Водяныя курочки, какъ по своему образу жизни, такъ и по короткимъ ногамъ и строенію пальцевъ, близки къ плавающимъ птицамъ. Онѣ дѣйствительно прекрасно плаваютъ и ныряютъ, а летаютъ плохо и бѣгаютъ не совсемъ ловко. Водяныя курочки имѣютъ не длинный, но сильный высокій сдвинутый клювъ съ голою шишкою на лбу и короткой носовой ямкой. Цвѣтъ спинки зелено-бурый, головы и шеи—аспидно-сѣрый, ноги зеленныя. Длина ея до 12 дюймовъ. Водяныя курочки живутъ въ умѣренномъ и болѣе тепломъ климатѣ. Гнѣзда ихъ обыкновенно находятся вблизи воды, иногда онѣ помѣщаются между осокой и тростникомъ, такъ чтобы вода не могла достигать ихъ; иногда же гнѣзда устраиваются на вѣтвяхъ, и въ такомъ случаѣ курочки выбираютъ вѣтви наклонившюся надъ водой. Для выхода изъ гнѣзда въ воду, курочки усгранваютъ изъ вѣтокъ и прутьиковъ спускъ. Какъ видно, онѣ отличаются

большой сообразительностію. и ловко устраивая свои гнѣзда, въ тоже время принимаютъ мѣры, чтобы сдѣлать ихъ не замѣтными для враговъ: гнѣздъ издали не узнаешь, онѣ кажутся пукомъ травы или хворостинокъ, тѣмъ болѣе, что и свои яйца курочки не оставляютъ открытыми, а набрасываютъ на нихъ траву и прутики, изъ которыхъ сдѣлано и самое гнѣздо. Что курочки прикрываютъ свои гнѣзда съ дѣлю ихъ укрытія, а не для сохранения тепла—это объясняютъ римѣромъ другихъ птицъ, которыя также строятъ свои гнѣзда близко къ водѣ, однако-жъ не покрываютъ ихъ какъ курочки. Случается встрѣчать гнѣзда курочекъ съ незакрытыми яйцами, но эта кажущаяся небрежность произошла противъ воли птицы, испуганной внезапнымъ появленіемъ посторонняго, и не успѣвшей принять надлежащихъ мѣръ. Яицъ въ гнѣздахъ курочекъ всегда бываетъ много, рѣдко меньше шести. Вышедшіе птенцы представляютъ собою чрезвычайно странныя существа: они скорѣе похожи на клоки чернаго пуха, чѣмъ на птицъ. Какъ только вылупятся они изъ яицъ, такъ сейчасъ же спускаются въ воду, но плавать назадъ и впередъ, малютки тѣмъ не менѣе держатся на небольшомъ разстояніи отъ своихъ родителей. Мясо водяныхъ курочекъ вкусное, и хотя онѣ отличаются плодородіемъ и очень осторожны, ихъ все-таки не въ мѣру истребляютъ. Въ числѣ многочисленныхъ враговъ ихъ является чуть-ли не самымъ злымъ шука, тихо, незамѣтно подходящая снизу и глотающая не поддѣривающихъ опасности птичекъ. Л.

Смѣлая переправа черезъ Ламаншскій проливъ.

Недавно въ высшей степени смѣлую и оригинальную переправу чрезъ Ламаншскій проливъ совершилъ одинъ смѣлчакъ—американецъ, г. Фуллеръ, имѣющій мѣстопробываніе во Франціи, въ Бордо. Устройство снаряда для переправы весьма просто и несложно. Это такъ называемый „подоскафа“ (ножное судно) по американски Waterboots, внѣшнюю формою нѣсколько напоминающій наши русскіе лыжи, на которыхъ наши крестьяне переправляются зимой по глубокому снѣгу. Дѣя, имѣющія треугольную форму и заостренныя по краямъ, доски связаны между собой желѣзными связями. На той и другой доскѣ становится плаватель, имѣя, сверхъ того, въ рукахъ еще балансирный снарядъ, чтобы соблюдать равновѣсіе при плаваніи.

Каждая изъ досокъ этого ватербота, или подоскафа, имѣетъ длины 8 сажень. Вышина, которую выдается этотъ снарядъ надъ водою, составляетъ 10 дюймовъ ширина же обѣихъ досокъ около 5 четвертей.

Смѣлый опытъ своей переправы черезъ Ламаншскій каналъ г. Фуллеръ совершилъ изъ Булоны, въ 4½ часовъ утра и приплылъ къ противоположному морскому берегу, близъ Фолькстонъ, въ 3 часа 35 мин. *) по полудни. Надо прибавить, что во время отправки г. Фуллера въ Ламаншскомъ заливѣ была значительная зыбь и, противный вѣтеръ дулъ въ продолженіи большей части пути. Матросамъ и рыбакамъ, плывшимъ въ это время по заливу, казалось, что г. Фуллеръ просто-на-просто идетъ по водѣ, какъ по суху, до того смѣла и самоувѣренна была его переправа. Громкое и единодушное „ура“ привѣтствовало смѣлчачка, когда онъ достигъ противоположнаго берега. Прибывъ тотомъ въ Фолькстонъ, г. Фуллеръ, значительно утомленный путешествіемъ, въ теченіи почти 12 часовъ, только и могъ проглотить нѣсколько самыхъ малыхъ глотковъ кофе и съѣсть маленькій кусочекъ хлѣба. Состояніе моря, угрожавшаго взволноваться, помѣшало смѣлому пловцу отдохнуть въ Фолькстонѣ подольше. Г. Фуллеръ въ особенности жаловался на усталость ногъ. Въ видахъ предотвращенія какой либо опасности, г. Фуллера, во время его плаванія сопровождало судно „Петрель“, принадлежащее одному англичанину.

Во всякомъ случаѣ, этотъ опытъ переплывтія чрезъ Ламаншскій каналъ есть блистательный образецъ человѣческой смѣлости, сообразительности, отваги. Невольно думается: послѣ такой смѣлой и отважной попытки чего не можетъ сдѣлать человѣкъ въ будущемъ?.. Плыть по морю на такомъ уломѣ судна, на какомъ плавалъ г. Фуллеръ,—это почти буквально „ходить по водѣ на лыжахъ“.

Г. Фуллеръ имѣетъ орденъ Почетнаго Легіона, за особыя заслуги, оказанныя имъ Франціи, во время Франко-Прусской войны. Затѣмъ онъ до сихъ поръ былъ извѣстенъ какъ страстный пловецъ-охотникъ, на веслахъ и на парусахъ. Во время гоночекъ на призы, онъ одерживалъ почти всегда успѣхи. Его собственная яхта „Peau-Ruge“ получила огромную извѣстность, благодаря оказаннымъ ею успѣхамъ въ Англіи и во Франціи.

Политическія и внутреннія извѣстія.

Возстаніе въ Албаніи, поддѣрживаемое возстаніемъ въ Босніи и Герцеговинѣ, начало принимать характеръ настоящей революціи. Правительство инсurreкціонное засѣдаетъ въ Призренѣ и открыто отказывается признать власть Порты. По сообщеніямъ англійскихъ газетъ, обыкновенно маслѣрующихъ настоящее положеніе дѣлъ, въ окрестностяхъ Константинополя и даже въ самой турецкой столицѣ, питается весьма мало до-

вѣрія къ властямъ, и большая часть турецкаго населенія далеко не радуется начавшемуся выступленію русскихъ войскъ изъ Турціи, потому что присутствіе этихъ войскъ, въ свою очередь обуславливающее собою присутствіе англійскаго флота въ Мраморномъ морѣ, сдерживало мятежные элементы въ мусульман-

*) Слѣдовательно, путешествіе черезъ каналъ продолжалось менѣе 12-ти час.

ской столицѣ и ея окрестностяхъ. Вслѣдъ за симъ, вскорѣ послучено извѣстіе, что наша главная квартира переносится 9-го сентября изъ Санъ-Стефано въ Адрианополи. 10-го же сентября нашъ четвертый корпусъ начнетъ свое выступленіе изъ окрестностей Константинополя. Что касается нашихъ войскъ, стоящихъ въ Сан-Стефано; то, по сообщенію „Агентства Рейтера“, и они, въ теченіе 10 дней, очищаютъ Сан-Стефано и возвращаются въ Чаталджу (значительно къ сѣверо-западу отъ Сан-Стефано и Константинополя).

Изъ Сербіи на минувшей недѣлѣ тоже были извѣстія далеко не успокоительнаго свойства, такъ какъ Сербія не только отказалась содѣйствовать операціямъ австрійцевъ въ Ново-Базарскомъ округѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не соглашается заключить таможенный договоръ съ Австріей. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ это составляетъ какой-либо, хотя бы временный, интересъ Сербіи, но въ то же время все это составляетъ признаніе, что до „мира и тишины“ на Балканскомъ полуостровѣ еще далеко... Непріязненные отношенія Сербіи относительно Австріи въ послѣднее время увеличились еще тѣмъ, что недавно къ инсургентамъ Ново-Базарскаго пашалыка дѣятельно начали присоединяться сербы. Въ связи съ этимъ въ Австріи ожидаютъ возможнаго соединенія Сербіи съ Черногоріей. Мадыары, желающіе „уничтоженія“ обоихъ этихъ княжествъ, ужасно недовольны и стараются предотвратить всякую возможность подобнаго союза; такъ что въ Австріи существуютъ все болѣе и болѣе увеличивающіеся симптомы внутренней болѣзни,—сильный внутренней разладъ между мадыарскимъ и вѣнецкимъ элементами.

Дурные успѣхи австрійцевъ въ дѣлѣ оккупации Босніи и Герцеговины нисколько не исправились и не улучшились за послѣднюю недѣлю. Австрійскія официальныя телеграммы сообщаютъ о началѣ „новыхъ операцій“. Но будутъ ли эти новыя операціи имѣть успѣхъ лучшій, чѣмъ бывшія доселѣ успѣхи—это еще Богъ вѣсть. Мы уже знаемъ о пораженіи (даже не однократномъ), нанесенномъ инсургентами австрійскому генералу Шапару. Вообще австрійская официальная печать заявляетъ, что въ будущемъ „о дальнѣйшемъ ходѣ операцій по оккупации будетъ заявлено только въ той мѣрѣ, въ какой это удобно—въ виду необходимости *содержанія военныхъ движеній въ большой тайнѣ*... Ну, значить—успѣхи плохи...

Недавно телеграфъ сообщалъ слухи о перенесеніи австрійской главной квартиры изъ Сераева въ Бродъ. Но, утверждали и утверждаютъ, что генералъ Филипповичъ, во всякомъ случаѣ, по прежнему, останется въ Сераевѣ. Въ Бродѣ же помѣстится—де только часть австрійской главной квартиры, съ замѣстителемъ главнокомандующаго арміей во главѣ.

На прошлой недѣлѣ, въ числѣ важнѣйшихъ политическихъ извѣстій, были двѣ официальныя телеграммы, помѣщенныя сначала въ „Правительственный Вѣстникъ“ и за симъ перепечатанныя всѣми газетами. Первая изъ этихъ телеграммъ—телеграмма Турецкаго Султана къ Его Величеству Государю Императору содержащая въ себѣ жалобу на звѣрства болгаръ относительно мусульманскаго населенія Болгаріи и Восточной Румелии. Его Величество изволилъ отвѣтить на эту жалобу Падшаха телеграммою, гдѣ выражается мысль, что слухи, дошедшіе до султана, преувеличены, и что русскія власти не преминутъ оказать защиту мирному турецкому населенію, если что либо подобное дѣйствительно существуетъ.

Сама собою приходитъ мысль: не искусственно ли подогрѣта чинь-либо старавіемъ молва „о звѣрствахъ болгаръ“. Интересъ въ этомъ можетъ имѣть, во первыхъ, страна, сдѣлавшая себѣ изъ о—ва Кипра станцію и, во вторыхъ, другая страна, такъ вяло и безуспѣшно совершающая оккупацию Босніи и Герцеговины... Но, конечно, болѣе всего тутъ берутъ перевѣсъ хлопоты и махинаціи Лейярда, представителя Британіи въ Стамбулѣ.

Изъ Черногоріи получены извѣстія, что князь Николай уже официально извѣстилъ европейскія державы, что Черногорія принуждена будетъ взяться за оружіе, *чтобы* принудить Порту къ исполненію условий мира.

Что касается Англіи, то ея голосъ сталъ въ послѣдніе дни тише на политической аренѣ... Можетъ быть, въ тиши готовятся обширныя планы. Въ гласной же политикѣ, по отношенію къ Сербіи и Черногоріи, Англія недавно заявила отказъ отъ предложенія Германіи сдѣлать Портѣ коллективное представленіе относительно выполнения срока очищенія крѣпостей. Гораздо болѣе, повидимому, Англія занята планами относительно Афганстана. Въ Калькуттѣ Англійскія власти съ нетерпѣніемъ ждутъ *отвѣта* Ширъ-Али-Хана (Эмира Афганстана) на письмо вице-короля Индіи. Даже султана Англія научила вмѣшаться въ дѣла Эмира, и Султанъ намѣренъ отправить въ Кабуль свое посольство. Вотъ какъ напутала Англію миссія въ Кабуль нашего генерала Абрамова!..

Изъ Китая недавно получено извѣстіе, что тамошнее правительство ревизовало послѣдствія, произведенныя бывшимъ въ минувшее лѣто голодомъ. Наибольшее бѣдствіе постигло провинціи Шензи и Хананъ, въ которыхъ во многихъ городахъ населеніе уменьшилось до 1/3. Но хуже всего то, что въ самый разгаръ бѣдствія появились грабители, завладѣвшіе всѣми дорогами, и налагавшіе руки на все, что попадалось на пути.

За симъ изъ Пекина идутъ извѣстія, что тамъ готово вспыхнуть возмущеніе, дѣятельно подготовляемое безпокойными, революціонными элементами. Въ Пекинѣ и его окрестностяхъ уже собраны войска.

Мы сообщали уже, въ одномъ изъ прошлыхъ обзорѣній, о международномъ тюремномъ конгрессѣ, состоявшемся въ Стокгольмѣ. Въ настоящее время занятія конгресса уже кончены; онъ закрытъ. Сообщаютъ, что число совѣщавшихся на немъ членовъ, съѣхавшихся почти изъ всѣхъ странъ міра, было весьма велико. Предѣдательствовалъ на конгрессѣ представитель Россіи, статсъ-секретарь К. К. Гротъ, который въ настоящее время уже возвратился въ Петербургъ. Подробности о выбраотанныхъ конгрессомъ основныхъ положенійхъ по тюремному вопросу еще неизвѣстны; но уже вообще извѣстно, что занятія конгресса были весьма разнообразны и послѣдствія его трудовъ должны быть весьма обильны.

На прошлой недѣлѣ изъ нашей возвращающейся съ театра войны гвардіи возвратился въ Петербургъ Лейбъ-Гвардіи Егерскій и Финляндскій полки и встрѣчены были населеніями съ большою торжественностью и энтузіазмомъ, о чемъ читатели могутъ судить по статьѣ, помѣщенной въ этомъ же номерѣ къ рисунку, изображающему встрѣчу гвардейцевъ Егерскаго полка.

Изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ извѣщаютъ, что недавно въ Филадельфію прибылъ извѣстный русскій крейсеръ „Цимбрія“, привезшій экипажъ и офицеровъ для 4-хъ другихъ крейсеровъ, построенныхъ и вооруженныхъ на Американскихъ докахъ. На каждомъ изъ этихъ судовъ находится по 8-ми орудій самаго большого калибра.

Слушательницамъ женскихъ медицинскихъ курсовъ, распоряженіемъ Медицинскаго Департамента, воспрещена врачебная практика. Вслѣдствіе такого распоряженія, за недостаткомъ у насъ докторовъ, нѣкоторые изъ членовъ нашего Петербургскаго земства предполагаютъ поднять вопросъ и предложить ходатайствовать въ надлежащемъ порядкѣ о разрѣшеніи женщинамъ врачамъ поступать на службу нашего земства.

Работы комиссіи по излѣдованію русла рѣки Вислы близятся къ окончанію, а за тѣмъ по разсмотрѣніи этихъ работъ, министерство путей сообщенія, говорятъ, намѣрено ходатайствовать объ ассигнованіи суммъ на исправленіе вислянскаго фарватера, дѣлающаго иногда судоходство по Вислѣ невозможнымъ.

Горное вѣдомство, какъ пишутъ, заключило сдѣлку съ дворяниномъ Фонъ-Талемъ на уступку ему 120,000 десятинъ лѣсной площади, находящейся въ Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губ. Продажа такого обширнаго участка земли состоялась на основаніи Высочайшаго повелѣнія и приобрѣтена Талемъ за 170,000 руб. съ разсрочкою платежа и съ обязательствомъ устроить и пустить въ ходъ не позднѣе 5 лѣтъ чугунно-плавильный заводъ.

Мы уже имѣли случай сообщать, что нѣсколько швейцарскихъ семействъ изъявили желаніе переселиться въ Закавказье и заняться тамъ различными отраслями сельскаго хозяйства. Теперь есть извѣстія, что будто-бы переселиться на Кавказъ намѣревается цѣлая религіозная община; депутаты ея уже осматрѣли нѣсколько предложенныхъ для покупки имѣній и ожидаетъ прибытія особой комиссіи, состоящей изъ разныхъ специалистовъ, которые должны рѣшить выборъ того или другаго мѣста для поселенія. По словамъ депутата, въ Тифлисѣ предполагается переселенцами устроить складъ машинъ и орудій разныхъ производствъ.

Однимъ изъ нашихъ бывшихъ народныхъ наставниковъ предпринимается ходатайство о разрѣшеніи ему устройства и содержанія артели ходобщиковъ для торговли въ селеніяхъ Петербургской и смежныхъ съ нею губерніяхъ народными книгами полезнаго содержанія. Дай Богъ успѣха этому дѣлу, и давно-бы пора обратить на него вниманіе. Распространеніе въ народѣ полезныхъ книгъ, конечно, избавитъ его отъ того хлама, который сбывается ему разными ходобщиками подъ видомъ полезнаго и занимательнаго чтенія.

Въ засѣданіи Петербургской городской думы состоялась постановленіе наименовать Большой Царскосельскій проспектъ *Бабманскимъ*—въ память совершеннаго перехода чрезъ Балканы нашими русскими войсками. Это-же наименованіе присвоено и Обуховскому проспекту, который служитъ продолженіемъ Большаго Царскосельскаго до Сѣнной Площади. Но постановленіе Думы должно еще быть представлено на утвержденіе куда слѣдуетъ.

Въ нынѣшнемъ году въ Медико-хирургическую Академію принимали въ послѣдній разъ неограниченное число молодыхъ людей. Съ будущаго же года, 1879, въ приемѣ будетъ положенъ извѣстный штатъ. Цѣль подобнаго ограниченія пока совершенно непонятна въ особенностяхъ въ виду той скудости, какую испытываетъ страна въ медицинскій помощи. Стоитъ припомнить наши не только села и деревни, но даже уѣздные города, чтобы убѣдиться, до какой степени мы безпомощны во время болѣзни.

Составляется проектъ пересмотрѣть уставъ ботаническаго сада, сдѣлать его болѣе научнымъ учрежденіемъ и поставить садъ въ такое же отношеніе къ Академіи Наукъ, въ какомъ

находится Пулковская обсерваторія и главная физическая, т. е. установить между академіей и садомъ прямую связь. Съ перемѣщеніемъ въ музеи сада коллекцій ботаническаго музея, у академіи окажется возможнымъ расширеніе другихъ ея музеевъ. Музей же сада предполагается сдѣлать центральнымъ въ Имперіи по этой части, учрежденіемъ. Такое распоряженіе, само собою понятно, клонится ко благу и ведетъ не къ ограниченію знаній, а къ ихъ расширенію.

Опечатка. Въ № 35 „Нивы“ на стр. 644, въ рѣшеніи ребуса напечатано слово: воркотки; слѣдуетъ читать: *воркотни*.

СОДЕРЖАНІЕ: Г. Бахчисарай въ Крыму. (съ рис.) Т. Р.—Царь-дѣвица. Историческій романъ Вс. Соловьева (продолженіе).—Литературный альбомъ. «Анна Каренина», романъ графа Л. Толстого (съ рис.) (окончаніе) Z.—Стихотворенія Н. Никитина.—Веселый уминъ (съ рис.) Z.—Египетъ на Парижской Всемирной Выставѣ 1878 г. (съ рис.)—Встрѣча возвращающихся съ театра войны гвардейцевъ въ С.-Петербургѣ (съ рис.) Н. Каразина.—Мѣстечко Давосъ въ Швейцаріи (съ рис.) А. Брандта.—Водяныя мурочки (съ рис.) Л.—Смѣлая переправа черезъ Ламаншскій проливъ (съ рис.)—Политическія и внутреннія извѣстія.—Опечатка.—Объявленія.

Смѣлая переправа черезъ Ламаншскій проливъ.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.
Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ИЗЯЩНЫЙ АППАРАТЪ

для точнаго копированія рисунковъ, фотографій, акварелей и пр. безъ малѣйшей подготовки. Особенно полезно для дѣтей. Цѣна съ приложеніемъ **Новаго** способа умноженія посредствомъ сложенія 1 р. съ перес. 2 р. Адр. въ Бюро объявленій, Невскій пр. № 4 въ С.-Петербургѣ. № 206 3—1

Вышла въ свѣтъ и продается въ книжныхъ магазинахъ г. Харькова, А. А. Юзефовича и В. Г. Нириченко (на университетской горѣ), а также въ Вѣлгородѣ у самаго автора (адресъ почтъ извѣстенъ), № 207

НОВАЯ КНИГА

1—1

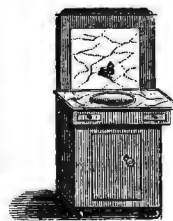
«ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ», М. Радугина.

Она раздѣлена на четыре отдѣла: древній міръ, средніе вѣка, новая и русская исторія. Между разказами помѣщены, между прочимъ: Аристидъ, смерть Сократа, портретъ Карла Великаго, клятва Гарольда. Дѣтство Жанны д'Аркъ, Карлъ XII въ Бендерахъ, чesmенная битва, царь Петръ I во Франціи и ин. др. Наша книга имѣетъ двойную цѣль: доставить занимательное чтеніе любителямъ исторической науки и служить пособіемъ при изученіи полѣтической исторіи.—Цѣна 1 руб. съ перес. 1 руб. 25 коп.

Н. Каждый экземпляръ долженъ имѣть на послѣдней страницѣ авторскій вензель, безъ котораго книга будетъ сочтена а подлогъ (контрафакцію).

Умывальники,

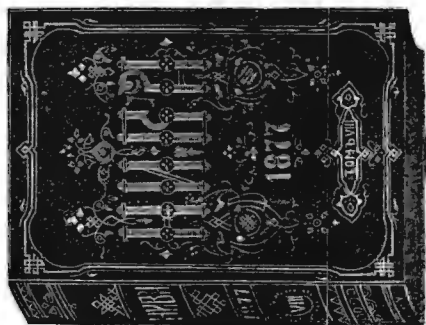
Ватерклозеты, Биде, Ванны, Душъ, Самокаты для больныхъ, Десятичные вѣсы, Каминныя и Принадлежности для каминна, Чугунные столы съ мраморными досками, Желѣз. складныя кровати и Матрацы, Денежныя шкатул-

ви, Вентилаторы, Самодействующій аппаратъ для стирки, Выжималки для бѣлья. Водоочистительныя машинки, Мысорубки, Машинки для колотья сахара, Ножницы, Пробочники, Кофейныя мельницы, Спиртовныя кофейники и разн. хозяйственныя принадлежности.

№ 189 **И. Э. Милькъ.** Большая Морская № 39. 1—1

Общая польза продаетъ разн. вещи, покупаетъ, мѣняетъ и принимаетъ на продажу. Невскій, д. № 58 кв. 5 во дворѣ 1-й этажъ. № 205 1—1

КРЫШКИ для переплетъ „НИВЫ“ 1878 г. по выслезанному образцу 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплести „НИВУ“ въ такую конкорную крышку.

ВЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА“

продается иллюстрированный журналъ „Нива“ 1875 и 1876 года.

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ, Т. Е. ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ, СЪ ПРЕМІЯМИ:

Брошюрованному	Въ простомъ перепл.	Въ каленкор. перепл.
Безъ перес. 4 р. —	Безъ перес. . 4 р. 75	Безъ перес. 5 р. 50
съ перес. . 5 р. 50	съ перес. . . 6 р. 25	съ перес. . 7 р. —

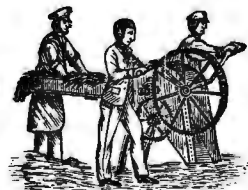
Приобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25% уступки (но только съ книги, а не съ переплета или съ пересылки).

Каждый томъ „Нивы“ заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣскольکو большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ науки, искусства, современной жизни и проч. и до 700 художественно выполненныхъ рисунковъ. Помѣщенныя въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома „Нивы“ имѣетъ право на получение всѣхъ къ нему приложенныхъ безплатныхъ премій. Приложенія къ „Нивѣ“ 1875 года 2 картины 1) Смерть Юлія Цезаря, картина профессора Пилоти 2) Мадонна Севильская, картина Севастіана Мурильо.—Приложенія къ „Нивѣ“ 1876 года: Спящая Красавица, картина Э. Велз, печатана масляными красками въ 20 тонахъ. № 186

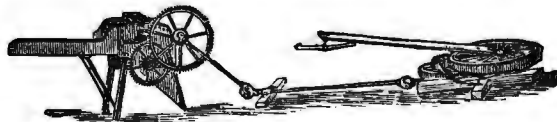
ИЗВѢСТНЫЯ МОЛОТИЛКИ ПО СИСТЕМѢ ВЕЙЛА.

МОРИЦЪ ВЕЙЛЬ младшій

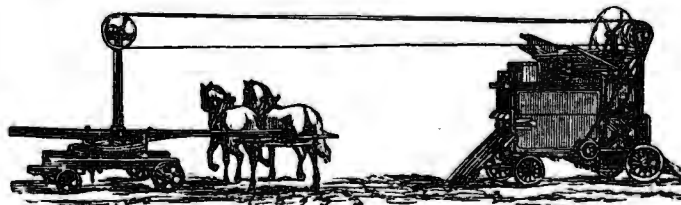
Маш. строительный заводъ въ Франкфуртѣ „/„ въ Германіи поставяетъ, по желанію франкировано на границы на первыя станціи русскихъ жел. дорогъ.

Ручныя молотилки по цѣнѣ отъ 98 руб.

Молотилки съ конными приводами для 1 и 2-хъ лошадей по цѣнѣ машины отъ 220 руб.

Молотилки съ конными приводами для 2, 4 и 6 лошадей, съ самодействующимъ щипательнымъ аппаратомъ или безъ онаго готовыя со всѣми принадлежностями къ употребленію. Иллюстр. каталоги по желанію бесплатно и франкир. № 183 4—3

НИВА

Иллюстрированный Журнал Литературы

№ 39

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 25 Сентября 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫНРОЕНЪ. Цена этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ «Нивѣ» принимаются по 25 к. за строку непарный (въ 1/4 ширины страницъ)

КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ ин. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи . . . . . 6 „

Также принимается подписка на 1/2 года съ 1-го июля 1878: безъ дост. 2 р. съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. много) 3 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при «Нивѣ» объявленныя отъ Торговыхъ Домовъ принимаются для ин-гор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи, неудобныя въ печати, авторамъ не возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1878 г. №№ «Нивы» со всѣми приложеніями

К. Н. Батюшковъ.

У всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и во всѣ времена были поэты, которыхъ современники сравнивали съ греческими и римскими классиками и провозглашали чуть ли не гениями; но очень многіе изъ такихъ поэтовъ не долго пользовались своею славой. Наставало другое время, являлись другіе поэты, дѣйствительно гениальныя, великіе сами по себѣ и безъ сравненія съ классиками — и куда дѣвались тогда вчерашнія знаменитости. Ихъ окончательно забывали. А между тѣмъ среди этихъ не по заслугамъ прославленныхъ и не по заслугамъ забытыхъ поэтовъ были иногда люди дѣйствительно талантливыя. Они не оставили послѣ себя ничего гениальнаго, не создали какой нибудь новой школы, но тѣмъ не менѣе имѣли большое вліяніе на развитіе своей отечественной литературы. Они расчищали обыкновенно дорогу великимъ талантамъ, дѣлали возможнымъ ихъ появленіе.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. Рис. и грав. А. Нейманъ.

Къ такимъ-то поэтамъ принадлежалъ и Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. Онъ родился въ 1787 году и происходилъ отъ стариннаго дворянскаго рода — о некоторыхъ изъ его предковъ упоминается даже въ исторіи. Такъ одному изъ Батюшковыхъ, Матвѣю, царь Петръ и Іоаннъ Алексѣевичи пожаловали село Даниловское за храбрость въ войнахъ противъ турокъ и татаръ. Позднѣе, прадедъ Батюшкова участвовалъ въ качествѣ депутата въ известной «Комисіи для составленія проекта новаго уложенія». Константинъ Николаевичъ выросъ въ образованной и развитой средѣ — отецъ его даже не чуждъ былъ и литературныхъ кружковъ, съ которыми сблизился при посредствѣ своего двоюроднаго брата, М. Н. Муравьева.

Но несмотря на эту обстановку, которая могла быть такъ благоприятна для развитія будущаго поэта, она имѣла на него мало

влиянія и, кромѣ горестныхъ воспоминаній, Батюшковъ ничего не вынесъ изъ своего дѣтства, проведеннаго въ родительскомъ домѣ. Это произошло вслѣдствіе того, что мать его страдала разстройствомъ умственныхъ способностей, а отецъ, который былъ съ нимъ въ какихъ то холодныхъ отношеніяхъ, мало о немъ заботился.

Къ счастью, его рано свезли въ Петербургъ и отдали въ извѣстный тогдашній пансіонъ Ямакино. Черезъ четыре года онъ былъ отданъ преподавателю морского кадетскаго корпуса Триполи, у котораго и окончилъ свое образованіе въ 1805 году. Въ томъ же году онъ поступилъ на службу, сперва въ канцелярію министерства народнаго просвѣщенія, а затѣмъ къ своему двоюродному дядѣ, М. Н. Муравьеву. Но служба его была чисто номинальная, все свое время онъ посвящалъ поэзіи. Уже въ 1805 году Батюшковъ помѣстилъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ элегію изъ Парни, а затѣмъ его стихотворенія стали часто появляться въ „Новостяхъ“ и въ „Лицѣ“ журнала Мартынова.

Но и человекъ, занимавшійся исключительно поэзіею и мало интересовавшійся политическими событіями, не могъ устоять противъ движенія, охватившаго все тогдашнее общество: въ 1806 году вышелъ высочайшій манифестъ о сознаніи милиціи, для борьбы противъ врага, грозившаго всей Европѣ, Наполеона, и Батюшковъ записался однимъ изъ первыхъ въ Петербургскій стрѣлковый батальонъ. Начинается трудная боевая жизнь, со всѣми ея неудобствами, быстрыми переходами съ одного мѣста на другое, всевозможными опасностями. Этотъ походъ обошелся Батюшкову дорого: въ 1807 г. онъ былъ опасно раненъ въ битвѣ при Гейльсбергѣ. Онъ вернулся въ Россію и здоровье его стало быстро поправляться. Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ перешелъ въ гвардейскій егерскій полкъ. Но не долго пробылъ въ Петербургѣ: въ 1809 г. онъ уже въ Финляндіи и принимаетъ участіе въ походѣ на Аландскіе острова. Но не смотря на эту тревожную походную жизнь, Батюшковъ находилъ время заниматься изученіемъ Петрарки и Тасса, сочиненія которыхъ прислалъ ему, по его просьбѣ, Оленинъ, директоръ публичной бібліотеки.

Къ этому же времени относится и извѣстная статья Батюшкова: „Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи“, когда то считавшаяся образцовой по формѣ и слогу, но оказавшаяся вслѣдствіи переведенной изъ „*Harmonie de la nature*“ Ласнеда. По окончаніи войны въ Финляндіи, Батюшковъ вышелъ въ отставку и поступилъ въ гражданскую службу. Въ концѣ 1809 г. онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ и остался до слѣдующаго года. Здѣсь онъ сблизился съ Жуковскимъ, Карамзинымъ, княземъ П. А. Вяземскимъ и Дмитриевымъ и принималъ дѣятельное участіе въ „Вѣстникѣ Европы“. Къ этому времени относятся его лучшіе переводы изъ Тибулла, Парни и Петрарки.

Переселившись снова въ Петербургъ, онъ продолжалъ свои литературныя занятія. А между тѣмъ политическія событія быстро слѣдовали одно за другимъ, Наполеонъ достигъ къ тому времени высшей степени могущества и славы, и началъ вооруженія противъ Россіи. И опять мы видимъ Батюшкова въ военной службѣ, сперва адъютантомъ Бахметева, а вскорѣ послѣ адъютантомъ извѣснаго генерала Раевского. Онъ трижды пробѣгаетъ разоренную Москву, видитъ бѣгство ея жителей и описываетъ эти пробѣды въ „посланіи къ Дашкову“.

1813 и 1814 года Константинъ Николаевичъ провелъ въ походахъ противъ французовъ и вступилъ въѣсть съ союзными войсками въ Парижъ. Не смотря на новизну окружающей его жизни, поглощавшей все его вниманіе, и многочисленныя развлеченія, онъ все же находилъ время для занятій поэзіею. Такъ, въ Парижѣ, написалъ онъ стихотвореніе „Плѣнный“, имѣвшее въ свое время большой успѣхъ, но теперь уже устарѣвшее, „Переходъ черезъ Рейнъ“, и прекрасную статью: „Путешествіе въ замокъ Сирей“.

Изъ Парижа Батюшковъ отправился обратно въ Россію, но не черезъ Германію, а чрезъ Англію и Швецію, которыхъ онъ до тѣхъ поръ не видѣлъ. Этой поѣздкѣ мы обязаны великодушною поэмой „Тѣнь друга“, посвященной памяти полковника Петина, убитаго въ сраженіи при Лейпцигѣ. Плодомъ его пребыванія въ Швеціи была элегія „На развалинахъ замка въ Швеціи“, одно изъ лучшихъ его произведеній. Свой переѣздъ изъ Англіи въ Швецію онъ не безъ юмора описалъ въ писемѣ къ С., помѣщенномъ въ полномъ собраніи его сочиненій.

Вернувшись въ Петербургъ, онъ перешелъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, но уже въ 1816 году навсегда оставилъ военную службу и снова поступилъ въ гражданскую съ чиномъ коллежскаго асессора.

Съ этихъ поръ здоровье Батюшкова, и безъ того разстроенное раной, полученной имъ въ Гейльсбергскомъ сраженіи, начало все болѣе и болѣе ухудшаться. Въ особенности онъ страдалъ головною болью,—которая вслѣдствіи имѣла роковой исходъ. Въ 1818 году онъ уѣхалъ въ Одессу, для пользованія морскими купаньями. Но леченіе это не принесло ему пользы, напротивъ, въ одно изъ своихъ купаній онъ чуть не погибъ. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ случаѣ А. И. Тургеневу: „Странно сказать! я до сихъ поръ не чувствую большого облегченія отъ купанья. Кстати о купаньяхъ: между тѣмъ, какъ дружество неклосъ о судьбѣ моей (Батюшковъ говоритъ здѣсь о мѣстѣ, которое онъ получалъ по ходатайству А. И. Тургенева при русскомъ посольствѣ въ Неаполѣ), я чуть не избавилъ его отъ хлопотъ. Кунавшись, чуть не потонулъ въ морѣ, такъ зашелъ далеко и неосторожно, во время сильной бури! Большое количество соленой воды, которую проглотилъ при потопленіи моемъ, разстроило мою грудь“.

Въ началѣ 1819 года онъ отправился въ Неаполь, мѣсто его новой службы. Но и Италия не восстановила его силъ: уже въ 1820 году онъ вернулся въ Россію съ окончательно разстроеннымъ здоровьемъ. Ему не было суждено выздороветь, онъ сошелъ съ ума. Его перевезли въ Вологду; здѣсь онъ дожилъ до глубокой старости, получая, назначенную ему Императоромъ Николаемъ, пожизненную пенсію и умеръ въ 1855 году.

Батюшковъ написалъ не много: всего двѣ небольшія книги, одна заключаетъ въ себѣ всѣ его стихотворенія, другая—прозаическія статьи, но и этого достаточно, чтобы упрочить за нимъ видное мѣсто между нашими поэтами.

Поэзія Батюшкова проникнута духомъ произведеній греческихъ и латинскихъ классиковъ. Такъ, напримѣръ, двѣнадцать превосходныхъ стихотвореній изъ греческой антологіи переведены имъ по незнанію греческаго языка съ французскаго, но его переводъ болѣе проникнутъ духомъ древней Эллады, чѣмъ французскій. Точно такъ же въ прекрасномъ и до сихъ поръ не утратившемъ своего значенія стихотвореніи „Ваханка“, переведенномъ Батюшковымъ изъ Парни, виднѣтъ болѣе характеръ греческой поэзіи, чѣмъ въ подлинникѣ.

Стихъ Батюшкова прекрасенъ, до него ни одинъ изъ поэтовъ нашихъ не владелъ такимъ стихомъ. Правда, въ немъ нѣтъ той душевной теплоты, которою отличается стихъ Жуковскаго, но за то превосходитъ его необыкновенной звучностью и силой.

Лучшія изъ оригинальныхъ стихотвореній Батюшкова: „Тѣнь друга“, „Умирающій Тассъ“, „На развалинахъ замка въ Швеціи“ и „Мои Пенаты“. Въ прозаическихъ статьяхъ Батюшковъ показалъ себя отличнымъ стилистомъ и только; лучшія изъ этихъ статей „Вечеръ у Кантемира“, „Прогулка въ Академію Художествъ“ и „Путешествіе въ замокъ Сирей“.

Нельзя не упомянуть о большомъ влияніи Батюшкова на Пушкина, который и самъ охотно признавалъ въ немъ своего учителя.

Нѣкоторыя изъ антологическихъ стихотвореній Батюшкова до сихъ поръ остаются образцовыми. В. С.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XV.

Между тѣмъ вѣсть о близкой кончинѣ царя быстро разнеслась по всему Кремлю. Вотъ она перелетѣла за Кремлевскую стѣну, разлилась вдоль улицъ бѣлокаменной, перебралась за городской валъ и побѣжала изъ одной слободки въ другую.

Москва встрепенулась, всколыхнулась и зажужжала десятками тысячъ голосовъ человеческихъ. Всѣ отъ маля до велика съ одною и тою же безконечно повторяемой фразой: „царь отходить“ суегились, метались—и не прошло двухъ часовъ, какъ громадная толпа народа спѣшила къ Кремлю, перегоняя другъ друга.

Но всѣ Кремлевскія ворота стояли на запорѣ. Всюду была разставлена крѣпкая стража: пропускали весьма немногихъ.

Внутри Кремля было великое смятеніе: мужчины и женщины, подначальные люди и бояре, все смѣшалось и перепуталось. Сановитые старцы позабыли свои лѣта и положеніе, бѣгали какъ юноши, переговаривались и перешептывались другъ съ другомъ, протискивались поближе ко дворцу—кто могъ въ царскую переднюю, а то такъ и дальше ея, ближе къ царской оочивальнѣ.

Скорбное ложе Федора было окружено теперь со всѣхъ сторонъ. Патриархъ читалъ надъ царемъ отходную;

царица Марѳа безумно рыдала у изголовья постели; тетки и сестры царскія стояли неподвижно съ блѣдными, перепуганными лицами.

Но всѣхъ блѣднѣе изъ нихъ, всѣхъ испуганнѣе была царевна Софья. Она видѣла теперь, что всѣ ея старшія оказались тщетными: царь былъ въ забытьѣ, врядъ ли придетъ въ себя, врядъ ли будетъ въ состояніи сдѣлать какое нибудь распоряженіе. Да еслибы и пришелъ въ себя, развѣ было бы теперь возможно уговорить его? развѣ теперь допустятъ?

Было мгновеніе, когда царевна дошла до полной безнадёжности, готова была отказаться отъ борьбы, но это было только одно мгновеніе... Снова яркая краска вспыхнула на ея блѣдныхъ щекахъ, глаза разгорѣлись. Она незамѣтно, неслышно пробралась въ другую сторону опочивальни, подошла къ своему дядѣ, Милославскому, и шепнула ему:

— Что-жь... вѣдь видишь, что все кончено!.. Нужно сдѣлать еще одну попытку... нужно чтобы народъ требовалъ Ивана... распоряжайся... скорѣе!.. Гдѣ Максимъ Сумбуловъ?

— Я его видѣлъ во дворѣ, тоже шопотомъ отвѣтилъ Милославскій.

— Ну, такъ выйди, тихонько продолжала Софья, теперь никто не замѣтитъ... Патріархъ еще долго будетъ читать... Боже мой, вѣдь не сейчасъ еще кончится... скажи Сумбулову, чтобы скорѣе какъ можно набиралъ людей, чтобы были они наготовѣ... Общай ему что хочешь... общай боярство, деньги... Ради Бога... иначе мы всѣ пропали!

И черезъ мгновеніе съ опущенными глазами, на которыхъ блестяли слезы, она была уже снова у постели брата; а Милославскій вышелъ изъ опочивальни и пробирался въ переднюю.

Между присутствовавшими недоставало царицы Натальи Кирилловны и царевича Петра. Однако и имъ ужъ было обо всемъ дано знать и они спѣшили во дворецъ; но съ царемъ они все же не успѣли проститься...

Среди тишины опочивальни, прерываемой глухими рыданіями да мѣрнымъ голосомъ патріарха, подъ никому невѣдомымъ, свѣтлымъ грезой и видѣніемъ лучшаго міра, отошелъ въ вѣчность царь Ѳедоръ Алексѣевичъ...

Присутствовавшіе едва могли уловить его предсмертную агонію, и долго бы все еще ждали, еслибы отчаянный крикъ царицы Марѳы, почувствовавшей какъ рука Ѳедора отяжелѣла и стала застыть въ трепетающихъ рукахъ ея, не далъ знать о томъ, что все уже кончено...

Словно электрическая искра пробѣжала по всему дворцу и Кремлю... толпы народа хлынула въ растворенныя теперь настѣжи воротъ.

Приближенные царскіе почти на рукахъ вынесли изъ опочивальни безумно рыдающихъ царицу и царевенъ. Одна Софья не рыдала и не причитала. Какъ каменное изваяніе съ безжизненнымъ, застывшимъ лицомъ стояла она у братняго трупа и сама была похожа на мертвеца. Пришла ся страшная минута, и она лучше, чѣмъ кто либо знала, до какой степени страшна эта минута. Она знала, что торжество ея возможно было только при существованіи царскаго завѣщанія, потому что у Милославскихъ партія не велика, потому что всѣ ужъ видѣли въ Петрѣ царскаго преемника.

И дѣйствительно, во дворцовыхъ покояхъ бояре и сановники горячо толковали между собою и всюду слышалось одно имя— имя это было: Петръ.

Царевна рѣшилась было обратиться къ патріарху, убѣдить его стать на ихъ сторону, но патріархъ ничего не отвѣтилъ ей утѣшительнаго—сказалъ, на ея вопросъ о томъ, кого выбирать будутъ, что избраніе зависить отъ народа, такъ какъ государь скончался, не выразивъ своей воли.

На мгновеніе слабая надежда мелькнула Софьѣ; Ми-

лославскій подошелъ къ ней и шепнулъ, что дѣло идетъ на ладъ, что Сумбуловъ постѣетъ привести съ собою не мало народу, и что кромѣ того въ средѣ бояръ будетъ большая разногласица.

Милославскіе не дремали въ эту рѣшительную минуту. Всѣ они, по всѣмъ покоямъ дворца царскаго, нашептывали сладкія рѣчи то тому, то другому боярину, заманивали недружившихъ съ Нарышкиными всевозможными обѣщаніями почестей и богатства.

Прошелъ еще часъ тревожнаго ожиданія — и ихъ усилія начали увѣчиваться успѣхомъ. То здѣсь, то тамъ, то въ одномъ углу, то въ другомъ, рядомъ съ именемъ Петра стало слышаться и имя царевича Ивана.

Еслибъ могъ онъ бодро пройти по этимъ покоямъ и принять роль свою—дѣло Милославскихъ было бы рѣшеннымъ. Но царевичъ Иванъ, больной и убогій, спалъ на своей мягкой перинѣ. Его было разбудили, сообщили ему о смерти брата, пробовали заставить его подняться и идти въ царскую опочивальню, но онъ не могъ подняться, казалось даже ничего не понялъ изъ того, что ему говорили, перевернулся на другой бокъ и снова забылся.

Милославскіе поняли, что въ такомъ печальномъ и болѣзненнымъ видѣ лучше бы ужъ ему не показываться—посмотрятъ на него и только хуже выйдетъ.

Но вѣдь необходимо было царевичу проститься съ братомъ. Его одѣли, какъ малаго несмышленнаго ребенка, и подъ руки повели въ пріемные царскіе покои. Собравшіеся бояре только смущенно переглядывались при видѣ несчастнаго царевича.

Милославскіе на всякой случай, возвращаясь въ царскіе покои, захватили съ собою оружіе. Съ другой стороны и приверженцы Петра, дядька его князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ съ братомъ своимъ Иваномъ и четверо Долгорукихъ, отправляясь во дворецъ на царское избраніе, тоже поддѣли себѣ подъ платье панцири;—всѣ теперь такъ полагали, что дѣло дойдетъ до ножей непремѣнно. Но на этотъ разъ обошлось мирно и безъ смуты.

Тѣло царя Ѳедора было уже обмыто, облечено въ царскія одежды.

Скоро отъ самаго крыльца до опочивальни образовалась длившая цѣпь по два человѣка въ рядъ; это шли проститься съ покойнымъ царемъ.

Въ одномъ изъ самыхъ обширныхъ покоевъ дворца, недалеко отъ опочивальни, происходила другая церемонія—цѣлованіе рукъ царскихъ братьевъ.

Царевичъ Іоаннъ и Петръ сидѣли рядомъ. Старшаго окружали сестры и Милославскіе; рядомъ съ Петромъ помѣстилась его мать, царица Наталья, ея братъ Иванъ Нарышкинъ, Долгорукіе и Голицыны.

Блѣдное, бессмысленное лицо Іоанна было опущено внизъ, глаза полузакрыты; онъ повидимому дремалъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружающее. Его рука, которую почтительно цѣловали подходившіе, лежала на бархатной перекладинѣ кресла.

Младшій царевичъ—красивый мальчикъ съ русыми кудрями и огненнымъ взглядомъ темныхъ глазъ, теперь заплаканный, зорко но смущенно посматривалъ по сторонамъ, постоянно шевелился, будто ему трудно было усидѣть на мѣстѣ.

Иногда онъ оборачивался въ ту сторону, гдѣ стояли царевны и Милославскіе, подмѣчалъ какой нибудь недружелюбный взглядъ и жался къ матери, схватывая ея руку и не выпуская изъ своей.

Царица Наталья Кирилловна съ серьезнымъ и строгимъ лицомъ поражала своей величавой фигурой, полной достоинства и грусти.

Она склонялась надъ сыномъ и иногда шептала ему, чтобы онъ сидѣлъ смирно и не обращался къ ней съ ненужными вопросами. Но мальчикъ не могъ сидѣть

Охота на динихъ козъ. Ориг. рис. А. Кившенко, грав. В. Пуцъ.

Между войною и миромъ: III. Идиллія послѣ кровавой драмы. Рис. Н. Каразишъ, грав. Б. Пуцъ.

смирно, не могъ не передавать на ухо матери своихъ впечатлѣній.

Между тѣмъ патриархъ, увидѣвъ, что народъ московскій въ большомъ количествѣ собрался уже на площади передъ церковью Спаса, вышелъ въ переднюю окруженный архіереями и многими вельможами.

При его входѣ всѣ затихли и ожидали, что онъ скажетъ.

— Бояре, тихимъ голосомъ произнесъ патриархъ, кто изъ двухъ царевичей царемъ будетъ?

— Какъ же намъ рѣшить, послышалось въ отвѣтъ нѣсколько голосовъ,—пусть рѣшаютъ всѣхъ чиновъ люди московскаго государства!

Тогда патриархъ, архіереи и всѣ бывшіе въ передней вышли на крыльцо. Вся площадь чернѣла головами, носился тихій неопредѣленный говоръ въ душистой тишинѣ весенняго вечера.

— Люди московскаго государства! провозгласилъ патриархъ, вамъ уже вѣдомо, что великій государь царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ преставился, чистая душа его вознеслась къ престолу Всевышняго, вамъ предстоитъ теперь рѣшить: кому изъ царевичей, Иоанну Алексѣвичу или Петру Алексѣвичу, быть на царствѣ?

— Петру Алексѣвичу! загудѣла толпа и только слабо, въ нѣсколькихъ мѣстахъ раздалось имя Иоанна.

Патриархъ, духовенство и бояре стояли молча и слушали.

— Петру Алексѣвичу! раздался вторичный рокотъ.

— Ивану Алексѣвичу! опять перебили нѣсколько голосовъ и въ томъ числѣ громкій, отчаянный голосъ дворянина Сумбулова. Но что значилъ этотъ отчаянный, слабый и нерѣшительно повторенный крикъ передъ громкимъ рѣшеніемъ московскихъ жителей?..

Патриархъ поклонился народу и вернулся въ царскіе покои. Торжественно, среди сонмища всего боярства и чиновъ придворныхъ, войдя въ палату, гдѣ находились царевичи, онъ объявилъ, что народъ московскій порѣшилъ быть на царствѣ Петру Алексѣвичу, и подойдя къ смущенному и взволнованному ребенку благословилъ его своей дрожащей старческой рукою на царство.

Иоаннъ, по прежнему сидѣвшій неподвижно, остался совершенно безучастнымъ къ торжеству брата.

Царевны и Милославскіе, съ сердечнымъ замيرانіемъ ожидавшіе роковой минуты, не могли прійти въ себя отъ ужаса. Поникнувъ головами, едва имѣя силы исполнить свою обязанность передъ избраннымъ царемъ, подняли они Иоанна съ кресель, взяли его подъ руки и вышли изъ Палаты...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Радостное весеннее солнце заливало весь Кремль горничимъ свѣтомъ; отъ могучихъ лучей его новая жизнь зарождалась повсюду; быстро распускались почки сирени въ садахъ дворцовыхъ, разливая вокругъ себя благоуханіе. Но не могли эти животворные лучи оживить царя Ѳеодора. Онъ лежалъ въ богатомъ нарчевомъ гробу. На его молодомъ, теперь блѣдно желтомъ, будто восковымъ лицѣ не было и слѣда перенесенныхъ страданій. Спокойна и тиха была улыбка неподвижныхъ устъ, которыхъ еще не рѣшалось коснуться тлѣніе.

Вокругъ гроба кивѣли расхолодившіяся людскія страсти.

Начинало уже исполняться то, чего обѣднй царь такъ боялся въ свои послѣдніе, скорбные дни: во дворцѣ готовился цѣлый рядъ ужасныхъ смутъ, конца которыхъ не предвидѣлось; только одно присутствіе царскаго гроба мѣшало этимъ смутамъ разразиться.

Съ нетерпѣніемъ дожидались Милославскіе минуты, когда царь будетъ похороненъ. Вотъ и пришла эта минута.

Шатаясь, съ искаженнымъ лицомъ и судорожно вздрагивавшими губами, страшная, на себя не похожая вошла царевна Софья въ свои покои. Не говоря никому ни слова, не отвѣчая на обращенные къ ней вопросы, она только махнула рукою и заперлась въ своей опочивальнѣ.

Она не замѣтила даже, что заперлась не одна, что въ это время ея постель приготавлила Люба Кадашева.

Люба подошла теперь къ царевнѣ, взглянула въ лицо ея и не могла удержать невольно вырвавшегося изъ груди крика.

— Государыня, что съ тобою?! Ты больна? да вымолви хоть слово!

Софья не отвѣчала. Она казалось не слышала, не видѣла Любу, ничего не видѣла и не слышала.

— Государыня, я позову когонибудь, продолжала перепуганная Люба, за дохтуромъ нужно послать... Господи, Царица небесная! что это такое?

Царевна очнулась.

— Чего тебѣ? страшнымъ, охрипшимъ голосомъ прошептала она, дико взглянувъ на Любу. Чего тебѣ? уйди, оставь меня... мнѣ никого и ничего не нужно!..

Но Люба не могла уйти, у нее ноги подкашивались, она какъ будто приросла къ мѣсту.

Между тѣмъ Софья мало по малу начала приходить въ себя. Цѣлый рой мыслей закружился въ головѣ ея. Она обернулась къ Любѣ.

— Это ты... ты здѣсь? ну, такъ погоди! Сейчас... скорѣе... бѣги, зови ко мнѣ боярина Ивана Михайловича Милославскаго. Онъ долженъ быть еще гдѣнибудь здѣсь... зови сестеръ... скорѣе!..

Люба кинулась изъ опочивальни исполнять приказаніе царевны.

Софья упала въ кресло, опустила голову на грудь, нѣсколько мгновеній сидѣла неподвижно. Потомъ вдругъ она поднялась снова и остановилась посреди комнаты, высоко поднявъ свою гордую голову, сверкая прекрасными глазами.

— Нѣтъ! страшнымъ голосомъ громко проговорила она,—такъ не можетъ кончиться!.. Я не хочу умирать! Я не хочу погибнуть... Я жить хучу... я должна жить... я буду жить! Я еще могу бороться!..

Она подошла къ окошку, распахнула его и жадно, всей грудью, вдыхала свѣжій, вечерній воздухъ.

Кругомъ дворца стихало... Толпы народа расходились. Надъ Москвою, со всѣхъ концовъ, раздавался печальный гулъ колоколовъ церковныхъ, разносившій запоздалую вѣсть о кончинѣ царя Ѳеодора.

Подъ темными сводами собора, въ ряду царскихъ могилъ, открытъ новый склепъ, гдѣ должны на вѣки упокоиться кости Ѳеодора.

Все готово для пышной церемоніи. Съ ранняго утра царедворцы, бояре и духовенство собрались въ Кремль. Народъ сплошною толпой помѣстился по обѣимъ сторонамъ дороги между соборами, дожидаясь конца отпѣванія. Но отпѣваніе тянулось долго; говорили, что новоизбранному царю Петру Алексѣвичу сдѣлалось даже дурно: не вынесъ ребенокъ усталости и страшной духоты въ соборѣ. Дѣйствительно, всѣ видѣли какъ, далеко еще до окончанія службы, царица Наталья Кирилловна вышла изъ собора съ сыномъ и отправилась во дворецъ. Нѣкоторые вельможи, въ томъ числѣ Голицыны и Нарышкины, сопровождали царицу.

Наконецъ внутри собора, ближе къ выходу, раздалось глухое церковное пѣніе.

— Несутъ, несутъ!.. пробѣжало по толпѣ.

Всѣ стихли и сняли шапки. И вотъ показалась торжественная, печальная процессія: патриархъ со всѣмъ духовенствомъ, бояре... Царевенъ не было—по обычаю

онѣ не могли участвовать въ подобныхъ церемоніяхъ.

Но что это?... Народъ въ недоумѣніи вглядывался, не вѣря глазамъ своимъ:— у самаго гроба идетъ одна, въ толпѣ мужчинъ, царица Софья.

Какъ ни уговаривали ее, она твердо объявила, что проводить брата въ вѣчное жилище и не видеть въ этомъ ничего для себя постыднаго.

Она идетъ за гробомъ и горько, громко плачетъ, и съ каждымъ мгновеніемъ мучительнѣе ея слезы.

Процессія скрылась за папертью соборной; народъ остался дожидаться выхода патриарха по окончаніи погребенія. Въ особенности всѣмъ хотѣлось еще разъ взглянуть на царевну.

Долго длилось это ожиданіе, далеко за полдень. Наконецъ царь преданъ землѣ, и процессія, въ прежнемъ порядкѣ, потянулась изъ собора.

Взоры всѣхъ обращаются на Софью. Она плачетъ еще горьче, чѣмъ тогда, когда шла за гробомъ брата; воть рыданія ея превращаются въ вопли. Народъ тѣсенится ближе къ ней. Въ толпѣ проносятся тихія замѣчанія.

— Ишь, царица то бѣдная какъ плачетъ, убивается!

Софья, не смотря на свое горе, слышитъ эти замѣчанія. Ея заплаканные глаза обращаются къ народу.

— Видите!.. горькимъ, прерываемымъ рыданіями голосомъ говоритъ она,—видите какъ братъ нашъ Ѳеодоръ неожиданно отошелъ съ сего свѣта!.. Его враги отравили зложелательные!..

При этихъ словахъ глухой ропотъ проносится по толпѣ. Въ этомъ ропотѣ слышится жалость, ужасъ—царевну поняли...

Она чувствуетъ это, и снова рыдая, продолжаетъ:

— Умилосердитесь надъ нами, сиротами! нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата старшаго... Братъ нашъ Иванъ не выбранъ на царство... а если мы передъ вами, или боярами провинились, то отпустите насъ живыми въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ!..

Гулъ въ народѣ становится громче—слова царевны, ея видъ, ея горькія слезы производятъ сильное впечатлѣніе. Но народъ въ недоумѣніи, не знаетъ что подумать.

„Если царица говорить, что царь отравленъ, значить такъ оно и есть, значить правда—но кто-жь отравилъ? И что дѣлать?..“ Что можетъ безоружная толпа народа.

Совсѣмъ обезсиленная вернулась Софья въ теремъ, гдѣ ее съ нетерпѣніемъ дожидались сестры и тетки. Тетки поневяли ей за ея поступокъ.

— Ужъ что тутъ! махнула она рукою,—нашли время толковать о томъ, что прилично, что неприлично—дни то какіе! Или не понимаете еще, что приходитъ наша погибель и нужно спасать себя? Я по крайней мѣрѣ дала знать народу о томъ, что мы окружены врагами, которые ипуть извести насъ, какъ извели брата Ѳеодора... Да и что-жь, наконецъ! уйти мнѣ было что-ли, не простясь съ братомъ? такъ вонъ хвалите Наталью Кирилловну—она съ сыномъ своимъ какъ угорѣлая выбѣжала изъ церкви... вотъ стыдъ, такъ стыдъ!... Рады, что отъ царя избавились... умеръ, не встанетъ, такъ и прощаться имъ не нужно... Торжествуютъ... веселы, а тутъ, на похоронахъ, имъ печальное лицо дѣлать приходится... Да къ чему? не нужно—они гробъ то братній оплевать готовы!

— Ахъ, ужъ это точно! заговорили царевны, такого скареднаго дѣла отродясь мы не видали. Удружила Наталья! чтожь она думала, никто этого не замѣтитъ? Какъ же, мы ужъ послали къ ней монахинь, пускай она не боится то зазнается—мы постарше ее, такъ молчать намъ въ такомъ дѣлѣ не приходится... Не съѣстъ она насъ, не казнитъ же! а мы все же свое сдѣлали... Такъ и наказали монахинямъ сказать ей, что хорошъ, дескать братъ, не могъ дожидаться конца погребенія...

— Напрасно посылали, тетушки, отвѣчала Софья,—она только посмѣется надъ вами. Теперь ея сила, ея время...

Между тѣмъ монахини, посланныя къ царицѣ, вернулись и входили въ покой царевны.

— Ну что? ну что она? какъ отвѣтила? обратились къ нимъ всѣ въ одинъ голосъ.

— Да что! махнувши рукою произнесла старшая изъ монахинь, почтенная сѣдая старушка,—царица ничего худого не видитъ въ томъ, что не достояли отпѣванія, говоритъ: „Петръ Алексѣевичъ еще малъ, ребенокъ, не могъ выстоять такой долгой службы не ѣвши.“ А братъ то царицынъ, Иванъ Кирилловичъ, тутъ же былъ, такъ онъ какъ вскочить, да закричить на наши слова: „Кто умеръ, тотъ пусть и лежитъ, а царское величество не умираетъ, живъ!...“ Вотъ дѣла то какія, государыни царевны!..

И старушка монахиня, очевидно весьма довольная тѣмъ, что разказомъ своимъ произвела сильное впечатлѣніе, усѣлась въ уголокъ, зѣвнула отъ избытка чувствъ и стала часто крестить ротъ сморщенной, маленькой рукою.

Между царевнами поднялись пересуды; сильно досталось всѣмъ Нарышкинымъ.

Одна только Софья ничего не сказала. Поблѣднѣвъ еще пуще прежняго и сжавъ свои руки, такъ что пальцы захрустѣли, она вышла изъ покоевъ и отправилась въ свою опочивальню. Ей было не до брани, не до безсильныхъ, ни къ чему не ведущихъ разговоровъ и сплетень—дѣло теперь нужно дѣлать, и не браниться!..

II.

Царевна Софья въ первую же ночь послѣ смерти брата отправила письмо князю Василью Васильевичу Голицыну, котораго Христомъ Богомъ заклинала, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, сѣлшить, не откладывая ни минуты, въ Москву. Она имѣла также тайное, продолжительное совѣщаніе съ княземъ Хованскимъ. Приходили къ ней, проведенные Родимицей, стрѣлецкіе полковники и въ томъ числѣ Малыгинъ. Ни одной минуты не проходило даромъ.

Царевна хорошо понимала, что теперь, сейчасъ нечего и думать о какомъ нибудь рѣшительномъ поступкѣ, нужно сначала подготовить народъ и войско. На народъ, какъ мы видѣли, она уже успѣла произвести впечатлѣніе; въ войскѣ сильно работаютъ; въ самый день смерти царя, во время присяги Петру, стрѣльцы одного изъ полковъ отказались цѣловать крестъ новому царю. Къ нимъ отправленъ былъ окольниковичъ князь Щербатый, думный дворянинъ Змѣевъ и думный дьякъ Украинцевъ, которые успѣли наконецъ уговорить стрѣльцовъ, и они поцѣловали крестъ Петру.

Первая попытка не удалась; но подкупленные стрѣлецкіе начальники, Циклеръ и Озеровъ, увѣрили царевну, что впредь неудачи не будетъ, только не надо жалѣть денегъ. Софья и не жалѣла; она готова была отдать все, что у нея есть, лишь бы достигнуть сильнаго броженія въ войскѣ.

Не успѣла царевна отдохнуть послѣ утомительнаго утра и собраться со свѣжими мыслями, какъ въ ея опочивальню постучалась Родимица.

Она принесла радостную вѣсть. Большая толпа стрѣльцовъ явилась во дворецъ и отъ имени шестнадцати стрѣлецкихъ полковъ и одного солдатскаго, Бутырскаго, требовала, чтобы девять полковниковъ были схвачены, чтобы ихъ заставили выслать деньги, забранныя у стрѣльцовъ и деньги за работы, къ которымъ они принуждали своихъ подчиненныхъ.

Толпа голосила и объявила, что въ случаѣ, если ея требованія не будутъ выполнены, то стрѣльцы сами о себѣ промыслятъ, перебьютъ полковниковъ и разграбятъ ихъ дома и животы.

— Достанется и другимъ измѣнникамъ! кричали стрѣльцы. Довольно намъ терпѣть мученій отъ полковниковъ и сморгѣть, какъ измѣнники обманываютъ царское величество.

Родимица передала царевнѣ, какъ всѣ перепугались во дворцѣ.

— Царица то Наталья, сказывали, плачетъ, ломаетъ себѣ руки, проситъ братьевъ своихъ выйдти къ стрѣльцамъ, уговорить, а тѣ трусятъ, прячутся... Чѣмъ то тамъ у нихъ кончится?

— Ступай, Оедорунка, ступай, разузнай обо всемъ подробно... сама бы я туда побѣжала!.. говорила царевна страстнымъ, взволнованнымъ голосомъ, торопя Родимицу, — сама бы побѣжала... да нѣтъ, нынче не годится... Все равно, если дѣло идетъ тамъ хорошо — и безъ меня обойдется, только все какъ есть доподлинно развѣдай и доложи мнѣ!

Родимица убѣжала.

Во дворцѣ дѣйствительно переполохъ былъ страшный. Стрѣльцы не унимались, продолжали кричать и буянить. Наконецъ Наталья, Кирилловна уговорила брата своего Ивана выйдти къ нимъ.

Онъ повиновался, робкимъ голосомъ объявилъ стрѣльцамъ, что ихъ челобитная будетъ рассмотрѣна, что полковниковъ, на которыхъ они жалуются, посадятъ подъ караулъ въ рейтерскомъ приказѣ и, если они точно виноваты, то имъ не спустятъ.

Стрѣльцы однако этимъ не удовольствовались и стали требовать, чтобъ полковники были выданы имъ головами.

Нарышкинъ послѣшно скрылся во дворецѣ и началъ упрашивать царицу и вельможъ, бывшихъ на лицо, поспѣшить исполненіемъ этого требованія.

— Богъ съ тобой, Иванъ Кирилловичъ, да какъ же это возможно? этакъ они скоро и наши головы потребуютъ, такъ чтожъ — и намъ прикажешь отдаться имъ въ руки? Нѣтъ, нельзя имъ выдать полковниковъ!

— Да что-жъ дѣлать? Что-жъ дѣлать? настаивалъ Нарышкинъ. Теперь прежде всего нужно спокойствіе, теперь намъ невозможно раздражать стрѣльцовъ, нужно ублажать ихъ: вѣдь новое волненіе въ войскѣ на руку Милославскимъ. Поневолѣ не только девять полковниковъ, а и всѣхъ, сколько тамъ ни на есть ихъ, придется выдать...

Противъ такихъ непреложныхъ доказательствъ вельможи не нашли что и возразить, а царица Наталья опустила голову и горько зарыдала.

— Пошлите за патриархомъ, — проговорила она, — можетъ онъ какъ нибудь уладить дѣло.

Послали за патриархомъ. Тотъ явился немедленно и, узнавъ обо всемъ, сталъ говорить, что невозможно исполнить требованіе стрѣльцовъ.

— Хорошо понимаю, — говорилъ онъ, — всѣ бѣды, могущія возникнуть отъ беспорядковъ въ войскѣ. Конечно, тишина теперь и спокойствіе — первое дѣло; но уступивъ стрѣльцамъ и хуже еще во сто кратъ выйдеть — тогда ихъ требованіямъ и конца не будетъ, они поймутъ какъ сильны они, какъ ихъ боятся. Именемъ Бога заклинаю не уступать! Пустите меня, я выйду поговорить съ ними.

Онъ вышелъ къ стрѣльцамъ и началъ усовѣщивать ихъ кроткимъ голосомъ.

Стрѣльцы слушали патриарха почтительно и наконецъ рѣшились разойдтись и успокоиться, удовольствоваться даннымъ имъ обѣщаніемъ, что дѣло ихъ будетъ разобрано по справедливости.

Но во дворцѣ хорошо понимали, что они успокоились не на долго, и что стоитъ не исполнить обѣщанія — и дѣло можетъ очень плохо разыграться. Поспѣшили тогда судомъ надъ полковниками: схватили ихъ и затсавили заллатить всѣ требуемыя стрѣльцами деньги. Съ нѣкоторыхъ пришлось взыскать до двухъ ты-

сячъ рублей; тѣхъ же, которые не въ силахъ были заплатить, держали по нѣскольکو часовъ на правехѣ. Особенно сильно обвиняемыхъ даже били батогами, а два полковника: Карандѣевъ и Грибоѣдовъ приговорены были къ кнуту и передъ казнью имъ всенародно читались сказки, т. е. объявленіе вины ихъ.

Въ этихъ сказкахъ были высчитаны всѣ взводимыя на нихъ обвиненія подробно. И народъ слушалъ, какія незаконныя и лихія дѣла творитъ начальство стрѣлецкое, слушалъ, что Карандѣевъ и Грибоѣдовъ чинили стрѣльцамъ всякіе налоги, обиды и тѣсноты, да взятки отъ работъ, били ихъ жестокими боями, батогами, ругательствомъ, взявши въ руки батога по два, по три и по четыре. На стрѣлецкихъ земляхъ устраивали огороды и всякія овощныя сѣмена на эти огороды приказывали стрѣльцамъ покупать на собранныя деньги; посылали на огороды стрѣльцовъ и дѣтей ихъ; неволею заставляли себѣ шить цвѣтное платье, бархатныя шапки и желтые сапоги. Изъ государскаго жалованья вычитали у стрѣльцовъ деньги и хлѣбъ и многое другое, всего и невысчитать.

Стрѣльцы торжествовали и хотя полковники и не были имъ выданы головами, но они отлично поняли, что правительство ихъ боится, что они теперь вольны дѣлать, что вздумаютъ.

Собравшись густою толпой они съ наслажденіемъ распоряжались при казняхъ: крикнуть „довольно“ и правехъ прекращается, закричать „еще! мало били!“ — и полковниковъ бьютъ сильнѣе.

Агенты царевны Софьи и Милославскихъ дѣйствовали энергично и еще больше подзадоривали стрѣльцовъ: однимъ обѣщали всевозможныя благополучія и награды въ случаѣ сверженія Нарышкиныхъ и провозглашенія царемъ Ивана Алексѣевича, другихъ и заранѣе задаривали, третьимъ насказывали всякіе ужасы о Нарышкиныхъ, дѣйствовали на воображеніе — иногда на доброе чувство — на преданность къ царскому дому. Краснорѣчиво увѣряли, что Нарышкины дѣйствительно отравили царя и теперь замышляютъ извести всѣхъ царевенъ и Ивана Алексѣевича. Каждый день Софья получала новыя извѣстія о томъ, что дѣло идетъ на ладъ, что скоро поднимется все войско и наступитъ желанная минута отмщенія.

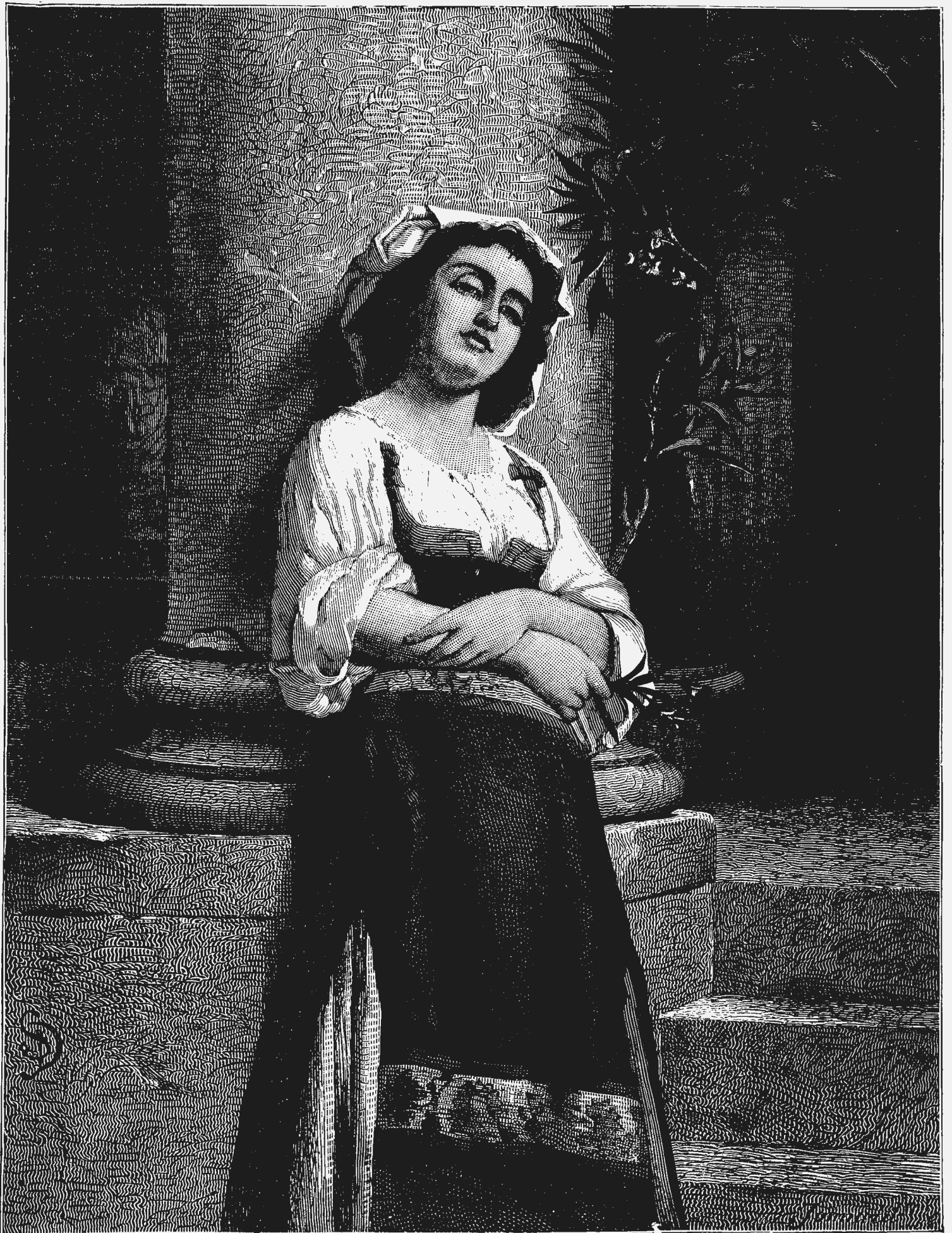
Вся Москва уже толковала о томъ, что въ слободахъ стрѣлецкихъ творится что-то непонятное; московскіе жители начинали сильно трусить.

Стрѣльцы собирались толпами у своихъ сѣзжихъ избъ, главныхъ своихъ начальниковъ князей Долгорукихъ бранили всякими позорными словами, издѣвались надъ ними, грозилась... на прочихъ же начальниковъ не обращали ровно никакого вниманія, отгоняли ихъ отъ сѣзжихъ избъ, кидали въ нихъ камнями, палками.

Нѣкоторые полковники попробовали было строгостью возстановить спокойствіе, но заплатились за это жизнью. Стрѣльцы схватили ихъ, втащили на каланчи и сбросили оттуда при звѣрскихъ крикахъ: „Любо! любо!“

Прошло еще нѣсколько дней и стрѣльцы сдѣлались бичомъ всего города. Изъ своихъ слободъ они пробирались цѣлыми шайками въ ближнія улицы, вламывались въ дома обывателей, требовали себѣ угощенія, напивались пьяными, говорили студныя рѣчи и часто кончали жестокимъ избіеніемъ хозяевъ.

Искра, заброшенная въ стрѣлецкія слободы царевной Софьей и ея приверженцами, быстро разрослась въ страшный пожаръ: люди, предназначенные для обороны Московскаго государства, обратились въ дикихъ звѣрей, готовыхъ растерзать это государство. Многіе изъ нихъ совсѣмъ не понимали, чего имъ нужно, чего они хотятъ достигнуть. Многимъ не было никакого дѣла до того, кто царствуетъ: Петръ или Іоаннъ, не было дѣла ни до Милославскихъ, ни до Нарышкиныхъ.

Приятное безделье. Картина К. Ланделя. Рис. на деревѣ Девисъ, грав. Жонаръ.

Они просто почували себѣ волю, почували возможность безначалія, захлебнулись отъ перваго успѣха и дѣйствовали подъ наплывомъ дикой природы своей: жажды разгула и разрушенія. Имъ любо было ломаться надъ своимъ начальствомъ, любо было страхъ нагонять на мирныхъ жителей.

Но все же многіе изъ стрѣльцовъ, тѣ, которые были помысленіе и не совсѣмъ еще захмѣлѣли на этомъ безумномъ пиршествѣ, начинали понимать, что торжество ихъ не можетъ же безъ конца продолжаться, что торжество это вызвано слабостью начальства, слабостью правительства. Но начальство перемѣнится, правительство окрѣпнетъ—и тогда имъ припомнятся всѣ ихъ вины, и дорого придется поплатиться за эти дни торжества и свободы. Поэтому можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ такіе стрѣльцы вслушивались въ рѣчи агентовъ царевны Софьи.

Изъ этихъ рѣчей явствовало, что теперешнее правительство незаконное, что ему нечего повиноваться, нечего уважать его, что возставать противъ него—вовсе не бунтъ, не вина, а даже заслуга передъ родиной.

Но все же, пока такіа рѣчи слышались отъ людей малосильныхъ, отъ людей несановныхъ, отъ нѣкоторыхъ полковниковъ, да какойнибудь Родимицы—стрѣльцы еще смущались и сомнѣвались. Но вотъ въ стрѣлецкія слободы сталъ наѣзжать князь Хованскій. Это ужъ не ктонибудь, это извѣстный воевода царя Алексѣя, и хотъ народъ и далъ ему не совсѣмъ такъ лестное прозвище Тараруя, все же онъ человѣкъ знатный, большой человѣкъ.

А онъ говоритъ тоже самое, что и другіе, собираетъ вокругъ себя стрѣльцовъ и толкуетъ имъ. „Сами видите, говоритъ Тараруй, въ какомъ вы тяжкомъ ярмѣ у бояръ... Теперь вотъ выбрали Богъ знаетъ какого царя—пождитѣ, увидите, что не токмо денегъ вамъ и корму не дадутъ, но и работы тяжкія будете работать, какъ прежде работали, и дѣти ваши вѣчными рабами у нихъ будутъ... И того еще хуже будетъ: поддадутъ и васъ и насъ въ неволю какомунибудь чужеземному государю; Москву разграбятъ и вѣру православную искоренятъ“...

Стрѣльцы жадно слушали Тараруя и каждый разъ послѣ словъ его принимались за новыя безчинства.

Въ стрѣлецкихъ слободахъ, по рассказамъ окрестныхъ жителей, былъ словно адъ кромѣшный.

Въ то же время Толстой, Циклеръ и Озеровъ вмѣстѣ со стрѣлецкими выборными: Одинцовымъ, Петровымъ и Чернымъ пробирались по ночамъ къ Ивану Михайловичу Милославскому, который не выходилъ изъ своего дома и сказывался все время больнымъ.

Наконецъ Софья получила радостную вѣсть: всѣ полки стрѣлцкіе, за исключеніемъ только одного—Сухарева полка, готовы къ бунту; стрѣльцы собираются въ круги, становятся подъ ружье безъ приказа, бьютъ въ набатъ; въ торговыхъ баняхъ бранятъ правительство и кричатъ: „Не хотимъ, чтобъ нами управляли Нарышкины, мы имъ всѣмъ шею свернемъ!“

Вѣсти о томъ, что происходитъ въ слободахъ и въ городѣ передавались однако не одной Софьѣ. Знали о нихъ подробно и Нарышкины съ царицей Натальей.

Въ теремѣ торжествовали; во дворцѣ, куда совсѣмъ переехала теперь изъ своего Преображенскаго Наталья Кирилловна, были всѣ въ смятеніи и ужасѣ: не знали, что дѣлать, что начать. Одна была надежда, одно спасеніе—Матвѣевъ. Ему дано знать, чтобы онъ слѣшилъ въ Москву. Онъ уже выѣхалъ изъ Лукъ—мѣста своей ссылки, онъ уже близко отъ Москвы, приѣдетъ... и тогда Богъ дастъ все поправится, все усмирится. Съ его появленіемъ у всѣхъ прибавится силы, онъ крѣпко возьметъ въ свои искусныя руки правленіе, уймѣтъ мятежныхъ стрѣльцовъ, уймѣтъ и козни терема.

И не одни Нарышкины, не одна Наталья Кирилловна ждали приѣзда Матвѣева; съ большимъ нетерпѣніемъ ждала этого приѣзда и царевна Софья. Она рѣшила, что пока нѣтъ страшнаго старика, нѣтъ и опасности, приѣдетъ онъ—явится съ нимъ и опасность, и вотъ тогда-то нужно будетъ дать знакъ мятежнымъ стрѣльцамъ. Они начнутъ съ Матвѣева... его старая, многотумная голова ляжетъ первая на плаху.

(Продолженіе будетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Охота на дикихъ козъ.

(Рисунокъ А. Кившенко).

Съ перваго же появленія на землѣ человѣка возникла и охота на птицъ и звѣрей. Первое время она, разумѣется, вызывалась только необходимостью, доставляя собою одежду и пищу. Уже впоследствии обставившись удобствами, надѣлавъ себѣ забавъ и развлеченій, человѣкъ началъ безошадно губить несчастныхъ зайцевъ, сдѣлался неотразимой грозой утокъ, тетеревей, только изъ любви самой охоты, удовольствія ловко попасть въ живую, быстро ускользящую цѣль. Конечно, отрицать нельзя, охота дѣйствительно увлекательное занятіе, увлекательное тѣмъ болѣе, что, развивая въ тоже время ловкость, силу, она ставитъ человѣка лицомъ къ лицу съ природой. Еще въ глубокой древности сознавали пользу охоты, и Сезострисъ постановилъ закономъ, чтобы охота входила въ программу каждаго благороднаго египтянина. Конфуцій предписалъ китайцамъ заниматься охотой, такъ какъ, говорилъ онъ, ею достигаются три великія цѣли: доставленіе пищи, истребленіе дикихъ звѣрей, укрѣпленіе здоровья.

По сказанію Геродота, Киръ не бралъ податей съ четырехъ городовъ своего государства за то, что они кормили его охотничьихъ собакъ. Позднѣе, французскій король Людовикъ XI наложилъ подати на одну изъ своихъ провинцій для поддержанія охоты. У грековъ охота даже получила свою богиню Діану, всегда окруженную псами и вооруженную лукомъ и стрѣлами; Персей охотился на Пегасъ за оленями. Въ средніе вѣка рыцари, при звукѣ роговъ, носились по лѣсамъ, гоняясь за оленями и кабанами; въ чемъ имъ не уступали и дамы ихъ сердца, принимавшія горячее участіе особенно въ соколиной охотѣ. Генрихъ IV величайшею драгоцѣнностью считалъ своего ученаго сокола. Властители востока придали охотѣ колоссальныя размѣры и выѣзжали на охоту убивать тигровъ и барсовъ, съ цѣлыми арміями людей, съ десятками слоновъ.

Рассказываютъ, напримѣръ, что при одной охотѣ Чингисхана было до 20 тыс. загонщиковъ.

Предки наши, какъ народъ дикій, конечно, должны были особенно заниматься охотой, и въ завѣщаніи Владиміра Мономаха рассказывается между прочимъ объ охотничьихъ подвигахъ его удалой юности. Любимой охотой царя Алексѣя Михайловича была соколиная; только Петръ Великій не любилъ охоты, считалъ ее пустымъ занятіемъ: дѣйствительно, укрѣплять здоровье онъ находилъ возможнымъ и при другихъ занятіяхъ, болѣе полезныхъ.

Рисунокъ, помѣщаемый въ этомъ номерѣ, представляетъ охоту на дикихъ козъ въ наше время съ ружьемъ и заслуживаетъ вниманія не столько по представленію самой охоты (весьма въ существѣ своемъ несложной), сколько по удачному изображенію фигуръ охотниковъ и деталей пейзажной части рисунка.

T.

Между войною и миромъ.

III.

Идиллія послѣ кровавой драмы.

Здоровый переходъ отломали!

Съ разсвѣта поднялся авангардъ, за полдень только на мѣсто прибылъ.

Отрядъ расположился бивуакомъ у околицы, на открытомъ мѣстѣ, а старому генералу въ самомъ селеніи отвели квартиру. Да и хорошо же здѣсь, въ этихъ чистенькихъ домикахъ: тѣнь, прохлада, покой... Густой виноградъ по стѣнамъ вьется, навѣсы зелеными лозами опутываетъ, карнизы крышъ заллепаетъ... И хозяева—друзья, радушно желанныхъ гостей приняли... Словно къ себѣ домой пришелъ отрядъ, и людямъ радостно и кони усталые словно повеселѣли...

Хорошо отдохнуть съ походомъ, силъ бы на новый путь набраться! Хорошо бы завалиться на боковую старуку, да задать добрую выхранку. Онъ и заснетъ,—это ужъ его не ми-

цуеть, а пока... пока тамъ деньщики походную постель ставятъ, да самоварчикъ по обычаю раздувають, отчего и не позабавиться?!

Вышла на порогъ на встрѣчу хозяика, молодая красавица, румянецъ во всю щеку, брови черныя... Играетъ, искрится солнышко на бѣломъ полотнѣ ея рубахи; на хитромъ узорѣ цвѣтной вышивки, на золотыхъ монетахъ на шеѣ, на бусахъ ожерелья... Вышла красавица и сына своего мальчугана грудного на рукахъ вынесла.

Вотъ и разыгрался боевой генераль, совсѣмъ не такъ какъ передъ атакою, какъ передъ врагомъ,—совсѣмъ иначе забилось его солдатское сердце.

— А поди сюда, поди, карапузь... Ну, поди ко мнѣ въ лапы.

— Ваше превосходительство, какъ бы... предупреждаетъ заболдливый адъютантъ.

— Не бѣда,—что за важность! деньщикамъ долго-ли, въ случаѣ чего, китель вымыть.—Подико-ко сюда, бутузъ—въ мои лапы...

Кукисся ребенокъ, боится усатаго воина и къ матери жется.

— Иди, иди, глупый! чего боишься—дѣдушка добрый—внушаетъ ему красавица-мать!

— Ну, вотъ уже и дѣдушка, ворчитъ генераль.—Оно положимъ, что у меня оба сына уже въ офицерскихъ чинахъ,—а все же и они когда то такіе же вотъ были,—какъ этотъ пузырь. Ну поди ко мнѣ въ лапы!

Страшны сѣдые, щетинистые усы генеральскіе, страшны его бакенбарды косматые, брови нависшіе, да глаза подъ этими грозными бровями ласково смотрятъ, въ этихъ глазахъ ничего нѣтъ для ребенка страшнаго, а главное, что занятию очень, такъ это перевязи золотыя, свѣтленькія такія,—погоны галунныя, цалки разныя. Тянется къ этимъ цалкамъ ребенокъ и поपालъ-таки въ лапы къ кому слѣдуетъ...

— Гопъ, гопъ, бутузъ! потѣшается старый генераль.—гопъ, гопъ!.. Привыкай — полдецъ, — кавалеристомъ будешь!.. Гопъ, гопъ, гопъ!..

Звенитъ генеральская шпора о мощный камень приступокъ, скрипитъ домашній стулъ топорной работы, крѣпко удѣпился мальчуганъ ноженками, обвинивъ ими генеральское кобѣно.

— Гопъ, гопъ, гопъ!..

— А смотри-ка, Семень Иванычъ, какъ эта шельма ногами удѣпился, а—каковъ молодець! Здоровые шенкеля будутъ... Смотри-ка, Семень Иванычъ...

А Семену Ивановичу, адъютанту, не до того, ни до будущаго кавалериста—не обавелся еще онъ самъ никакими бутузами, ни карапузами, не возбуждаютъ въ немъ они никакихъ воспоминаній,—занимаетъ его больше сама красавица-маменька.

И папироска то у него потухла, забытая въ эти пріятныя созерцательныя минуты, и поза сама собою—эдакая—небрежно поэтическая получилась и глаза глядятъ масляно, словно у ко-та передъ сливками.

— Гопъ, гопъ, гопъ!..

— Хотъ бы денька на два, на три здѣсь остаться,—думаетъ Семень Иванычъ и вздыхаетъ...

Знаетъ онъ очень хорошо, что всѣ надежды на болѣе долговременную остановку тщетны, знаетъ онъ хорошо, что пожалуй еще до ночи подниметъ всѣхъ на ноги старый генераль и

поведетъ дальше, несколько не принимая во вниманіе донъ-жуанскихъ расчетовъ своего адъютанта...

— Гопъ—гопъ—гопъ!

Н. И.

Пріятное бездѣлье.

(Картина Ланделя).

Задумчиво устремивъ въ даль свой ясный взоръ и прислонясь къ колоннѣ, стоитъ красивая итальянка—изящное и граціозное дитя своей страны. Страна эта—страна горячаго солнца и синяго неба. Тамъ, такъ сказать, родина прекраснаго, и тигъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, подтверждаетъ это. Прибавимъ къ этому, что въ Италиі, не только женщины, но даже нищій сѣумѣетъ задранироваться со вкусомъ въ свои лохмотья, и нигдѣ такъ прелестно и съ такой простотой не умѣютъ женщины убрать свои волосы и придать живописность своему костюму, какъ именно въ этой поэтической странѣ.

Правда, что въ Италиі, гдѣ неба своды сіяютъ въ блестящемъ голубомъ, гдѣ подъ скалами дремлютъ воды, гдѣ миртъ и лавръ переплелись вѣтвями—тамъ все красота, во всемъ величіе и на каждомъ шагѣ встрѣчаются прекрасныя героическія формы, картины изъ древняго міра и его искусства. У насъ, напримѣръ, другая природа и нравы другіе, и понятія о красотѣ другое, обусловливаемое нашимъ климатомъ. Даже самое названіе того состоянія, которое избралъ художникъ для своей итальянки, а именно „пріятное бездѣлье“ всего болѣе идетъ къ жителямъ Италиі, для которыхъ оно подъ лучами горячаго солнца и синяго неба составляетъ насущную потребность.

З.

Г. Старочеркасскъ и Калмыцкій хуруль (монастырь) на Дону.

Резиденціей управленія Войска Донскаго до 1806 г. былъ Старочеркасскъ. Въ давнія времена на мѣстѣ Старочеркаска было татарское поселеніе, но въ началѣ XVI в. пришли сюда выходцы казаки изъ за Днѣпра, изъ Украинскихъ Черкасъ. Пришли они съ цѣлю преслѣдованія Татаръ, некая вольной жизни, вольнаго промысла. Вольныя дружины казаковъ объявили непримиримую войну и единоверцамъ Татаръ—Туркамъ; а такъ какъ ихъ самихъ было недостаточно для отраженія сильнаго непріятели, то стали казаки принимать къ себѣ всякихъ пришельцевъ, чтобы усилить свое общество. Въ тѣ времена Азовъ былъ значительная турецкая крѣпость, и онъ то сдѣлался главнымъ пунктомъ, около котораго сосредоточились главныя силы донскихъ дружинъ. Стали у нихъ тутъ собираться казацкіе круги и майданы, поселились атаманы казацкіе и отсюда казацкія дружины, дышущія отвагой и храбростію, съ винтовками и дротиками, летали громить татарскія полчища. Можно сказать, что здѣсь то и загорѣлась та полутора вѣковая вражда, которая безпрерывно пламенѣла въ этихъ степяхъ. Храбрые Донцы верѣдко переплывали на своихъ челнахъ Черное море, распространяя ужасъ по берегамъ Анатолиі и даже у стѣнъ Константинополя. Первое время поселенія казаки вели здѣсь жизнь холостую, и никому собственно не были подвластны.

Но холостая жизнь скоро надѣла, и казаки начали увозить

Калмыцкій хуруль (Ламайскій монастырь) на Дону. Рис. съ натуры Фердинандтъ, грав. Гильдебрандтъ.

женщинъ у татаръ и русскихъ. Затѣмъ новые пришельцы на Донъ стали приводить съ собою уже и женъ своихъ. Впрочемъ, браки ихъ были свободные и могли также легко расторгаться, какъ легко и удобно заключались. Тѣмъ не менѣе семейная жизнь внесла съ собою разграниченіе общихъ владѣ-

щиты ея, а прямо для грабежа и добычи. Уже со времени Петра Донскіе казаки являются примѣромъ вѣрности и любви къ Россіи, сдѣлались истинными ея сынами. Особенно въ незабвенные 1812—13 и 14 годы, подъ начальствомъ своего атамана Платова, они оказали необычайную услугу своему государству.

Городъ Старочеркасскъ на Дону. Рис. съ натуры Веберъ, грав. Барнанъ.

Китайскій мостъ въ Царскосельскомъ саду. Съ фотогр. грав. Б. Пудъ.

ній, а затѣмъ необходимость въ большей выработкѣ казацкаго управленія. Но вольный духъ казаковъ, ихъ склонность къ вольному промыслу все таки оставались главною характерною чертою ихъ быта, и казаки даже дрались съ русскими: въ смутное время 1612 г. приходили къ Москвѣ совсѣмъ не для за-

щиты ея, а прямо для грабежа и добычи. Уже со времени Петра Донскіе казаки являются примѣромъ вѣрности и любви къ Россіи, сдѣлались истинными ея сынами. Особенно въ незабвенные 1812—13 и 14 годы, подъ начальствомъ своего атамана Платова, они оказали необычайную услугу своему государству.

Старочеркасскъ, по своему основаніи, дѣлился на 12 станицъ, которыя образовывались изъ переселенцевъ по мѣрѣ ихъ прихода. Первое поселеніе, какъ мы сказали, составили заднѣпровскіе Черкасы, отчего и самая станица получила названіе Черкасской; затѣмъ выходцы изъ запорожья основали Прибы-

Навазскій типъ. Мулла. Рис. Павелъ Каменскій, грав. М. Рашевскій.

ленскую станицу. Среднечеркасская станица населена пришельцами из разных мест. Верхне-Рыковская—рабаками и т. д. В числѣ станицъ была Татарская, населенная первоначальными жителями этой мѣстности. Последнее время татары, съ переводомъ войскового управления на новое мѣсто, также переведены въ Новочеркасскъ. (О Новочеркасскъ см. Ниву № 35 стр. 640). Впрочемъ названіе Татарской станицы, вмѣстѣ съ названіями и урочищами другихъ станицъ до нынѣ сохраняются въ Старочеркасскъ. Въ настоящее время Старочеркасскъ не имѣетъ уже болѣе значенія, такъ какъ главный городъ Войска Донскаго теперь Новочеркасскъ; но онъ дорогъ казакамъ, какъ памятникъ старины. Со многими зданіями въ старомъ городѣ, съ мѣстами связаны историческія воспоминанія. Къ таковымъ напр. относятся девятиглавый Воскресенскій соборъ, церковь Преображенія, Монастырское урочище. Начало построения собора связано съ исторіей Азовскаго похода. Въ то время какъ казакамъ не стало терпѣнья отъ нападений Азовскихъ Татаръ, на войсковомъ кругу 1637 г. рѣшено было взять Азовъ. А на походѣ возлѣ удалаго атамана Татаринова, еще собрался кругъ, гдѣ съ молитвою, казаки дали обѣтъ Богу, въ случаѣ удачнаго похода, возстановить въ Азовѣ древнюю Греческую Церковь, а въ Черкасскъ построить соборъ. Много стоило казакамъ крови добраться до Азова и засѣсть въ немъ, отбиваясь отъ 300 т. турецкаго войска, пока на Московскомъ Земскомъ Соборѣ, по указу Царскому (1643 г.) не повелѣно было имъ оставить Азовъ. Горько было казакамъ, да надо повиноваться. А обѣтъ свой они тоже исполнили и начали въ 1650 г. постройку храма, великолѣпнаго по архитектурѣ того времени построекъ въ Россіи. По богатству же украшеній, соборъ до сихъ поръ одинъ изъ немногихъ. Высокій пятиярусный иконостасъ съ верху до низу покрытъ серебряными вызолоченными окладами: царскія врата въ грехъ предѣлахъ также сдѣланы изъ чистаго серебра съ позолотой. По срединѣ храма спускается пятиярусное мѣдное паникадило, привезенное казаками изъ Азовской Греческой церкви. Внизу, у соборной стѣны, помѣщаются трофеи Азовскаго похода—огромныя желѣзныя ворота съ петлями, стрѣлой и городскими вѣсами, взятые казаками при оставленіи Азова въ 1643 г. На паперти, по сторонамъ дверей церковныхъ, висятъ желѣзныя наручники и 2 пудов. цѣпь, которой прикованъ былъ Стенька Разинъ послѣ его поимки. Церковь Преображенія построена въ 1731 г. въ Ратной станицѣ, гдѣ собирались войсковые круги. Въ церковь эту собирались казаки на молитву предъ отправленіемъ въ походъ. При церкви было городское кладбище и до сихъ поръ въ оградѣ церковной стоятъ обветшалые памятники надъ могилами старшихъ предводителей казаковъ, донскихъ Атамановъ—Ефремова, Орлова, Лопатина, Тараканова.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Старочеркасска, внизъ по рѣкѣ, хранятся кой какіе слѣды стараго Монастырскаго урочища. Урочище это основано въ концѣ XVI вѣка въ видѣ укрѣпленнаго городка съ богатой часовней. Это урочище считалось ихъ домашней святыней; чрезъ него они ходили на ратное дѣло, въ него свозили тѣла убитыхъ товарищей и хоронили ихъ въ общей могилѣ; сюда удалялись на монастырскій покой, по старому обычаю на Дону, дряхлые и увѣчные казаки; въ немъ хранили казаки, во время опасностей войны, свою казну и свои сокровища. Въ отмщеніе за Азовъ, зимой 1644 г. турки напали ночью на это урочище и перебили всѣхъ его обитателей, а постройки сожгли. По распоряженію Петра I урочище было возобновлено и укрѣплено для наблюденія за Азовомъ, а въ 1729 г. оно совсѣмъ уничтожено. Въ память погребенныхъ здѣсь тѣлъ своихъ товарищей, донскіе казаки и до нынѣ ежегодно на этомъ мѣстѣ совершаютъ нанхиды.

Переводъ Войсковаго управления изъ Старочеркасска на новое мѣсто совершился вслѣдствіе ежегодныхъ разлиновъ Дона, при которомъ построенъ Черкасскъ, и частыхъ наводненій, заставлявшихъ даже до спада воды переводить изъ города войсковое управленіе въ Аксай. Хотя въ Черкасскъ и сложилась поговорка, что „вода раззоряетъ, но вода и поправляетъ“—наводненія утучняютъ почву, а Черкасскіе жители всѣ занимаются садоводствомъ и огородничествомъ,—однакожь, казаки всетаки стали подумывать о переселеніи на другое мѣсто. Они рѣшились избрать для этого Аксай или Гниловскую станицу. Одни стояли за первую, другіе предпочитали вторую; ихъ затрудненіе въ выборѣ рѣшилъ графъ Платовъ, и вмѣсто той или другой станицы, выбралъ для переселенія мѣсто на горѣ, надъ рѣчкой Аксаемъ, рукавомъ Дона, въ жаркое время пересыхающимъ на половину и возлѣ рѣчки Тузловъ, которую вѣрнѣе можно назвать ручьемъ,—словомъ, то мѣсто, на которомъ стоитъ Новочеркасскъ.

Къ этой статьѣ, кроме рисунка, изображающаго Старочеркасскъ, мы помѣщаемъ еще рисунокъ, представляющій видъ калмыцкаго Хурула (Ламайскаго монастыря), находящагося въ землѣ войска Донскаго въ незначительномъ разстояніи отъ Старочеркасска. По поводу этого рисунка считаемъ небезынтереснымъ рассказать здѣсь о калмыцкомъ Хурулѣ и его внутреннемъ устройствѣ.

Каждый Хурулѣ имѣетъ видъ монастыря и заключаетъ въ своихъ стѣнахъ нѣсколько строеній: главный храмъ, часовни, службы. Въ одной изъ часовенъ напр. помѣщается Курду, ше-

стисторонній цилиндръ, испещренный шестью цвѣтами и исписанный молитвами. Цилиндръ этотъ вращается на вертикальной оси и служитъ молящимся для облегченія ихъ подвиговъ. Буддисты или ламаицы вѣрятъ, что тотъ, кто обернетъ курду вокругъ оси, какъ бы прочтетъ всѣ написанныя на немъ молитвы. Затѣмъ, тутъ же въ стѣнахъ большихъ Хуруловъ, отводится мѣсто для сжиганія труповъ знатныхъ покойниковъ. Для совершения этого процесса сдѣлано желѣзное кресло съ обручемъ; тѣло сажаютъ съ подогнутыми ногами, обливаютъ его масломъ, а кресло ставятъ на костеръ, и костеръ поджигаютъ. Пепель сторѣвшаго обыкновенно собираютъ и раздѣляютъ между родственниками и друзьями умершаго. Наружный видъ строеній Хурула, какъ видно изъ помѣщеннаго въ этомъ номерѣ рисунка, напоминаетъ китайскій стиль: тѣже острокопечныя башни, тѣже кровли съ выгнутыми вверхъ краями. Главный храмъ Хурула отличается болѣе величавой и богатствомъ передъ другими зданіями. Стѣны его увѣшаны шелковыми матеріями, цѣнными мѣхами; полы устланы коврами; кумиры вылиты изъ серебра и позолочены; чашки съ приношеніями также серебряныя.

Вообще нужно замѣтить, что огна во всѣхъ ламайскихъ храмахъ дѣлаются съ восточной и западной стороны; жертвенникъ же устраивается на сѣверной. Отъ дверей входа, во всю длину зданія до самаго жертвенника, идутъ въ два ряда колонны, между которыми во время священнодѣйствія размѣщаются, сидя на полу, различные чины ламайскаго богослуженія. Главный лама садится на низенькой скамеечкѣ у самаго жертвенника, а по бокамъ жертвенника становятся два прислужника. Только эти прислужники и остаются съ непокрытыми головами во время службы; остальные священно-служители всѣ въ самыхъ разнообразныхъ головныхъ уборахъ. У нѣкоторыхъ шапки въ родѣ круглой пирамиды, у другихъ шестистороннія вѣнцами, то въ видѣ касокъ, то грибовъ. Одежда также отличается разнообразіемъ и составляетъ изъ нѣсколькихъ частей; въ полномъ облаченіи, ламы не стрѣютъ съ головы до ногъ накинутыми и навязанными тканями. Преобладающіе цвѣта составляютъ красный и желтый: желтый относится къ первому разряду и посвященъ Шигмуну, богу милосердія и любви. Идолы ламайскіе ставятся на жертвенникѣ, предъ нимъ, по ступенькамъ жертвенника, разставлены чашечки съ дарами, которыя приносятся мірянами для умилостивленія божества и состоятъ изъ зеренъ,—жертвъ земли, изъ мучныхъ лепешечекъ—жертвъ человѣка, и изъ воды—жертвы морей. Около жертвенника, на стѣнѣ висятъ раскрашенныя изображенія буддискіи священной исторіи и хоругви, обвѣшанныя длинными полосами шелковыхъ матерій съ вытканными изображеніями и узорами. Все время службы на жертвенникѣ курятся цвѣтныя пахучія свѣчи, запахъ которыхъ, нужно замѣтить, для человѣка, непривыкшаго къ нему, кажется весьма неприятнымъ. Затѣмъ непремѣнную принадлежность жертвенника составляютъ колокольчики и тазы. Колокольчикъ имѣетъ важное значеніе въ ламайскомъ богослуженіи и безъ него служба не можетъ быть совершена. На немъ изображены различныя символическіе знаки и самая первая молитва буддистовъ—*мані*. (Что, приблизительно означаетъ „Господи помилуй“). Прибавимъ къ этому, что буддискіе богослуженія въ храмахъ (исключая богослуженій въ частныхъ домахъ) сопровождаются музыкой; но музыка эта ужасна и имѣетъ въ себѣ что то дикое и въ высшей степени неприятное: громадныя трубы (иногда имѣющія длины до четырехъ аршинъ) отчаянно ревутъ, тазы звенятъ, рожки пронзительно свистятъ, барабаны трещатъ ужасно—все это оглушаетъ молящихся, и ужъ только самъ Богъ знаетъ, какъ могутъ выносить ихъ нервы такіе потрясающіе и дикіе звуки. Кончится музыка, начинается чтеніе одновременно всѣми ламами (духовными лицами) или цѣнне речитативомъ молитвы. При каждомъ знаменательномъ мѣстѣ молитвы производится особый звукъ колокольчика, находящагося въ рукахъ главнаго ламы. Порою лама складываетъ особымъ манеромъ пальцы, приближая одну ладонь къ другой, и съ благоговѣйнымъ выраженіемъ склоняетъ голову къ рукамъ. За чтеніемъ молитвы опять слѣдуетъ общій хоръ всѣхъ инструментовъ, а затѣмъ опять чтеніе. Благословеніе подхлещимъ вѣврующимъ лама даетъ, простирая руку надъ склоненной головой или прикасаясь къ головѣ священной кнгой.

Въ ламайской духовной іерархіи множество чиновъ, духовенство имѣетъ большое вліяніе на народъ и постоянно пополняется вербовкою себѣ членовъ изъ калмыцкихъ семействъ, облакая въ священное званіе малолѣтнихъ дѣтей, еще съ колыбели. Прежде большіе, главные ламы получали посвященіе отъ тибетскаго Далай-ламы, стоящаго во главѣ буддискіаго священства, но послѣднее время выборъ главнаго ламы, представляется на Высочайшее утвержденіе.

Нужно прибавить, что еще не въ давнемъ времени у набожныхъ калмыцкихъ владѣльцевъ было въ общаѣ отдавать цѣлые роды подвластныхъ имъ калмыковъ во владѣніе Хуруламъ. Благодаря именно этому, образовалось значительное число хуральныхъ монастырскихъ людей (нѣчто въ родѣ нашихъ прежнихъ врѣпостныхъ). Въ послѣднее время этого уже не водится именно потому, что для калмыцкаго духовенства установлены нормальныя штаты.

Назначение чинов на низшія степені зависитъ уже отъ ламы. Духовенству же ламайскому предоставляется и исключительное право на знаніе, а обыкновенные смертные довольствуются только обрядовыми правилами, и съ вѣрою читая молитвы, не понимаютъ ихъ таинственнаго смысла. Впрочемъ изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы сами ламы постигали тайны своего учения: только немногіе изъ нихъ отличаются дѣйствительной ученостію. Ни въ одной религіи нѣтъ такой массы книгъ, какъ у буддистовъ и пріобрѣтеніе ихъ стоить большихъ денегъ. Правиль и обрядностей также множество и, представители религіи больше знаютъ только вѣншую ея сторону.

Колыбель Буддизма въ Индіи, отсюда перешелъ онъ въ Японію, Китай и Среднюю Азію. По смерти своего основателя (около 500 года до Рож. Христ.), ученіе Будды вступило въ борьбу съ старой браминской вѣрою и одолѣло ее. Оригинальный языкъ Буддйскихъ священныхъ книгъ санскритскій. На тибетскій языкъ онѣ переведены не ранѣе восьмага вѣка по Рожд. Христ. Буддистовъ считается по настоящее время еще болѣе 400 милліоновъ. Народы Средней Азіи обязаны единственно буддизму тою степенью образованности, на какой они находятся: онъ далъ имъ письмена и литературу и чрезвычайно много содѣйствовалъ къ обузданію нравовъ. Изъ обитателей въ насъ въ Россіи азіатскихъ племенъ эту вѣру исповѣдуютъ калмыки и Байкальскіе буряты. Главный центръ буддйской іерархіи—Тибетъ. Тамъ живетъ Далай-лама, соединяющій въ въ лицѣ своемъ духовную власть со свѣтскою. Съ прекращеніемъ сношеній калмыцкихъ буддистовъ съ Тибетомъ, утратилось ими понятіе о таинствахъ ихъ религіи, погрузившейся съ этого времени исключительно въ одну обрядность. Новѣйшими изслѣдованіями доказано, что первоначальное ученіе буддизма, вовсе не допускало понятія о личномъ Божествѣ; понятіе это появилось уже въ позднѣйшую эпоху. По понятіямъ буддизма нѣтъ ничего дѣйствительнаго въ мірѣ, все мечтательно и ничтожно и ничто не имѣетъ конечной своей причины и творца. Но въ связи съ такимъ отрицаніемъ, буддизмъ проповѣдуетъ такіа удивительнаа нравственнаа правила жизни, которыя по чистотѣ и возвышенности могутъ равняться съ правилами христіанскаго вѣроученія. Интересующихся буддизмомъ отсылаемъ къ трудамъ покойнаго архіепископа ярославскаго, Никола многа трудившагося по изученію этой вѣры. Ор.

Достопримѣчательности Царскосельскаго парка.

Царскосельскій паркъ одинъ изъ красивѣйшихъ парковъ въ окрестностяхъ Петербурга. Вѣковья деревья украшаютъ собою аллеи и прячутъ въ своей богатой листвѣ прекрасныя кіоски, памятники, статуи. Громадный прудъ чистой, прозрачной воды лежитъ въ зеленыхъ берегахъ и носитъ на себѣ множество разнообразныхъ лодочекъ; тутъ и пирога индійская, и гондола венеціанская и джонка китайская, какъ турецкій. Аллеи переплетаются въ паркѣ и представляютъ гуляющему безпрестанные сюрпризы. Вотъ вся зеленая бесѣдка, маящая на отдыхъ въ своей тѣни, вотъ вьется дорожка по берегу пруда, останавливается на возвышенномъ мыскѣ, проходитъ мимо пристани съ бронзовыми статуями гладиаторовъ и приводитъ въ поэтическій уголокъ, гдѣ статуя Соколова „Дѣвушка“ такъ грустно поникла головкой надъ разбитымъ своимъ кубшиномъ, изъ котораго льется тонкой струей холодная и чистая вода. Говорятъ, что вода эта очень здорова и многіе привозятъ ее въ Петербургъ. Къ этой именно статуѣ и написалъ Пушкинъ свое чегырехстишие:

„Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила,
Дѣва печально сидитъ, праздный держа черепокъ,
Чудо! не саянетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой:
Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ“.

Пройдя нѣкоторое пространство отъ этой вѣчно плачущей дѣвы, сидящей надъ источникомъ въ тѣни кустовъ, открывается снова видъ на прудъ, на которомъ вблизи къ противоположному его берегу красуется турецкая мечеть съ ступенями, купающимися въ водѣ пруда. Золотой вычурный куполъ сверкаетъ на солнцѣ, а бѣлая башенка—минаретъ, рядомъ съ этимъ широкимъ куполомъ стройно взбѣгаетъ кверху. Удалившись снова отъ пруда въ глубь парка и идя по его тѣнистымъ аллеямъ, гуляющій подходитъ къ развалинамъ Шведской церкви, среди которыхъ сохраняется извѣстная статуя Христа, работы Даненкера. Въ этой статуѣ много красоты и художественныхъ достоинствъ; кромѣ того и самыя развалины, легкая выпялая лѣстница, ведущая на верхъ къ помѣщенію, гдѣ находится статуя; все вмѣстѣ взятое производитъ чудесное впечатлѣніе. За симъ, еще удаляясь въ глубь парка, гуляющій встрѣтитъ опять поэтичный уголокъ—домикъ, прудъ, часовню—все это въ памяти Великой Книгини Александры Николаевны. Здѣсь вѣетъ какой-то тихой грустью... Можетъ быть такому настроенію содѣйствуетъ прямо невеселое представленіе участи прекрасной княгини, ея смерть въ цвѣтѣ силъ и только что распутившейся красоты. Приблизившись снова къ пруду, съ противоположной стороны отъ турецкой мечети, снова рядъ достопримѣчательностей: обелискъ графу Румянцеву, поставленный въ 1771 году, Китайская бесѣдка, сдѣланная въ 1788 г., далѣе китайскій

мостикъ, рисунокъ котораго мы прилагаемъ въ настоящему номеру; Гатчинскія ворота, по чертежу Ринальди, въ честь графа Г. Г. Орлова и т. д. Кромѣ того въ Царскосельскомъ паркѣ, въ значительномъ отъ пруда разстояніи, арсеналъ, заключающій въ себѣ много сокровищъ, великолѣпнѣйшіе брильянты бѣлой и розовой воды, подарки турецкихъ султановъ, персидскихъ шаховъ и т. п. Далѣе обращаетъ на себя вниманіе стоящій посреди пруда памятникъ гр. Орлову Чесменскому.

Окруженъ волнами,
Надъ твердой, мшистою скалою
Взнесся памятникъ. Ширяясь крылами,
Надъ нимъ сидитъ орелъ молодой.
И цѣпи тяжкія и стрѣлы громовыя
„Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились“...

Зимой Царскосельскій паркъ также разчищается и въ ясные дни также представляетъ прекраснѣйшее мѣсто для прогулокъ, чаруя пной красотой—все покрывается бѣлою тканью снѣга, большія деревья принимаютъ видъ оригинальныхъ люстръ, небо чистое, какъ стекло, съ бѣдно-голубымъ оттѣнкомъ. Въ чистомъ, холодномъ воздухѣ дышется легко.

Самый городъ Царское Село—красивый городъ. Улицы шоссированныя, дома чистенькіе, не видно ни грязи, ни развалинъ. Вообще, городъ Царское Село можно уподобить человѣку, держащемуся чрезвычайно прилично; нѣтъ никакого безпорядка въ одеждѣ, а, напротивъ, замѣчается даже во всемъ щеголеватость. Одно неприятно, лѣтмомъ на улицахъ—поднимается пыль отъ каждаго проѣзжающаго экипажа. При шоссѣ это неизбѣжно. Можетъ быть помочь этому могли бы легкой поливкою, улицъ, но, замѣтимъ кстати, ужъ только не такой, какъ дѣлается въ Петербургѣ. Тутъ усердіе идетъ не въ мѣру и мѣсто пыли—на улицахъ грязь. Разумѣется начальство ѣздитъ въ экипажѣ и неудобствъ отъ густой поливки не испытываетъ...

Городъ Царское Село лежитъ въ 24 верстахъ къ югу отъ Петербурга. Прежде мѣсто это носило названіе Саара (возвышенность). Находившаяся тутъ мыза того же имени была подарена въ 1708 году Петромъ I Екатеринѣ I. Первые зданія были построены въ 1710 г. Затѣмъ въ 1724 г. здѣсь построенъ былъ небольшой каменный дворецъ и съ 1725 года мѣстечко стало называться Царскимъ Селомъ. При Елизаветѣ по плану Растрелли были произведены постройки, разведенъ садъ, устроенъ арсеналъ, павильонъ, эрмитажъ и, самое важное, проведена вода отъ Виттелавскихъ ключей и начало устройство другою водопровода изъ Таицъ, имѣнія Демидовыхъ. Съ этого времени собственно и начинается существованіе Царскаго Села, потому что до того въ немъ были только придворныя строения. При Екатеринѣ II дворецъ увеличенъ новыми постройкамъ, сооружена по плану Камерона іоническая колониада, заложенъ Александровскій дворецъ, разведены англійскіе сады, оконченъ Бауерскій (Таицкій) водопроводъ и для оживленія окрестности основанъ, рядомъ съ Царскимъ Селомъ, городъ Софія. При Александрѣ I Софія соединена съ Царскимъ и городъ сосредоточенъ уже въ послѣдніемъ. При Николаѣ I Царское Село еще украшено новыми зданіями, изъ числа которыхъ замѣчательна церковь Св. Екатерины. Соединеніе Царскаго Села съ Петербургомъ желѣзною дорогою доставило ему много выгодъ удобствомъ и скоростью сообщеній, хотя въ то же время городъ потерялъ отъ перемѣщенія изъ него въ Петербургъ Лицея, привлекавшаго на лѣто множество прѣзжихъ родственниковъ лицъ, воспитывающихся въ Лицеѣ. Д.

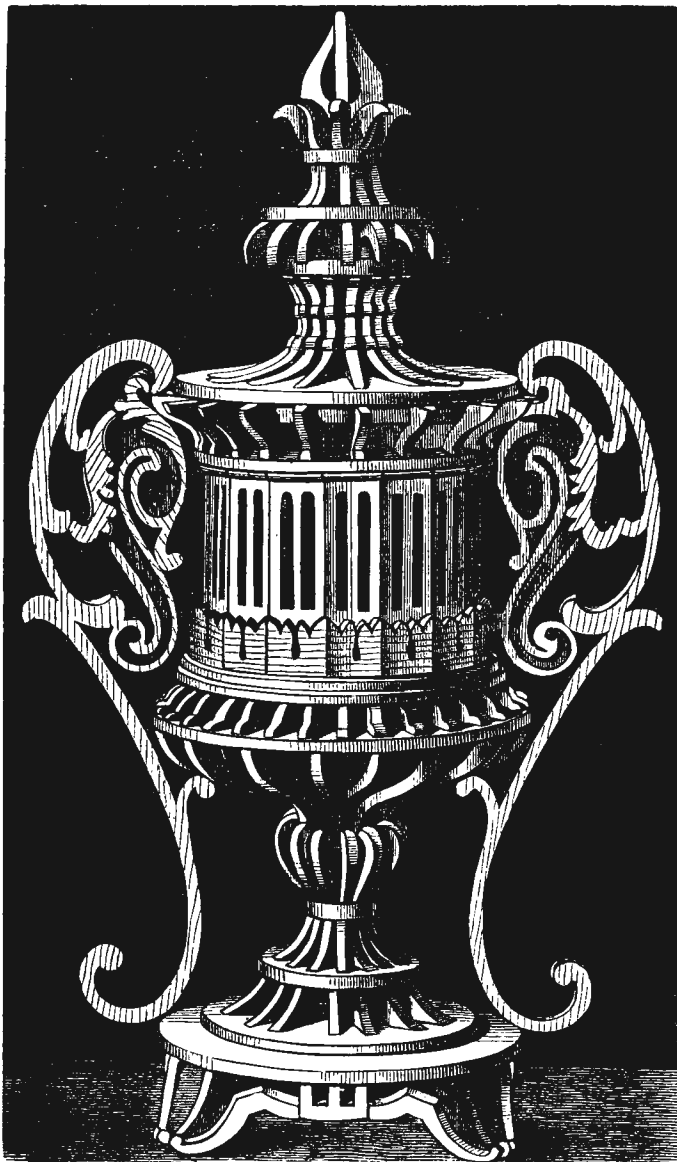
Кавказскій типъ. Мулла.

Сходитъ въ Мекку, поклониться гробу пророка, для каждаго правовернаго составляло и составляетъ любимую мечту. Лица, которымъ довелось побывать у этой мусульманской святыни, возвратясь на родину, пользуются большимъ почетомъ и уваженіемъ, въ особенности въ средѣ фанатизированной толпы. Бѣлая повязка на папахѣ и четки въ рукахъ—вотъ отличительные признаки возвратившагося на родину паломника. Кавказскіе горцы, какъ во время войны, такъ и теперь еще, очень мало знакомы съ своимъ кораномъ, и хотя многіе изъ нихъ умѣютъ читать по арабски, но читаютъ, не понимая. Такое состояніе народа было очень выгодно для руководителей массы, которые постоянно возбуждали своихъ слушателей, толкая коранъ такъ, какъ имъ было выгодно и искажая сущность ученія Магомета. Намъ приходилось обращаться съ вопросомъ, почему коранъ не переведенъ на мѣстный языкъ. Замѣтилъ крайне оригинальный: если бы, глубокомысленно замѣчалъ горецъ, перевести только первую букву корана, то изъ этого составилось бы такое количество книгъ, что ихъ не увести бы и на 70-ти верблюдахъ. Такого рода убѣжденіе, конечно, получено было отъ хитраго муллы, которому очень выгодно слыть среди толпы какимъ-то ученымъ, руководителемъ—пророкомъ. Наружный видъ муллы,—его осанка, манеры—все расчитано: онъ серьезенъ, глубокомысленъ, никогда не засмѣется; говоритъ мало, какими-то загадками, давая слушателямъ понять свое превосходство. Евр. В.

Рисунки для выпилныхъ работъ изъ дерева.

Въ повѣйшее время выпиливаніе разныхъ и подѣла въ видѣ изящныхъ вещицъ изъ дерева сдѣлалось любимымъ домашнимъ занятіемъ многихъ. Но нельзя не замѣтить, что только хорошіе изящные образцы могутъ поддержать охоту къ выпиливанію изъ дерева. Подобные образцы, помѣщаемые въ этомъ № „Нивъ“, способствуютъ къ тому, чтобы это пріятное занятіе находило все болѣе и болѣе любителей. И въ самомъ дѣлѣ, простыми приемами можно производить великолѣпныя вещи!.. Выпиленные вещи этого рода, на первый взглядъ, представляются весьма сложными и трудными для производства, но это только такъ кажется. Составляются же эти вещицки посредствомъ приклеиванія одной выпиленной частички къ другой. Разные цвѣта дерева увеличиваютъ красоту вещи-

придумать весьма удовлетворительный въ этомъ отношеніи аппаратъ, детали котораго читатель видитъ на 1-й и 2-й фигурахъ. Прослѣдимъ устройство аппарата на рисункѣ. (Фиг. 2). Ящикъ волшебнаго фонаря подвѣшенъ такъ, что онъ можетъ вращаться между двумя стойками *H*, утвержденными на подставкѣ *B*. Благодаря тому, что ящикъ способенъ вращаться, ему можно дать произвольное положеніе, и въ этомъ положеніи онъ можетъ быть утвержденъ посредствомъ особаго аппарата. Но, кромѣ того, такъ какъ пластинка, или, какъ говорятъ, горизонтальная поверхность подставки *B* можетъ вращаться около оси, въ горизонтальномъ направленіи, то понятно, что каждый, исходящій изъ фонаря, лучъ свѣта можетъ быть направленъ въ произвольную сторону. Передняя часть фонаря устроена весьма прочно и на одномъ изъ угловъ ея передней стороны ввинчена ось *D* и къ этой оси прикрѣплены

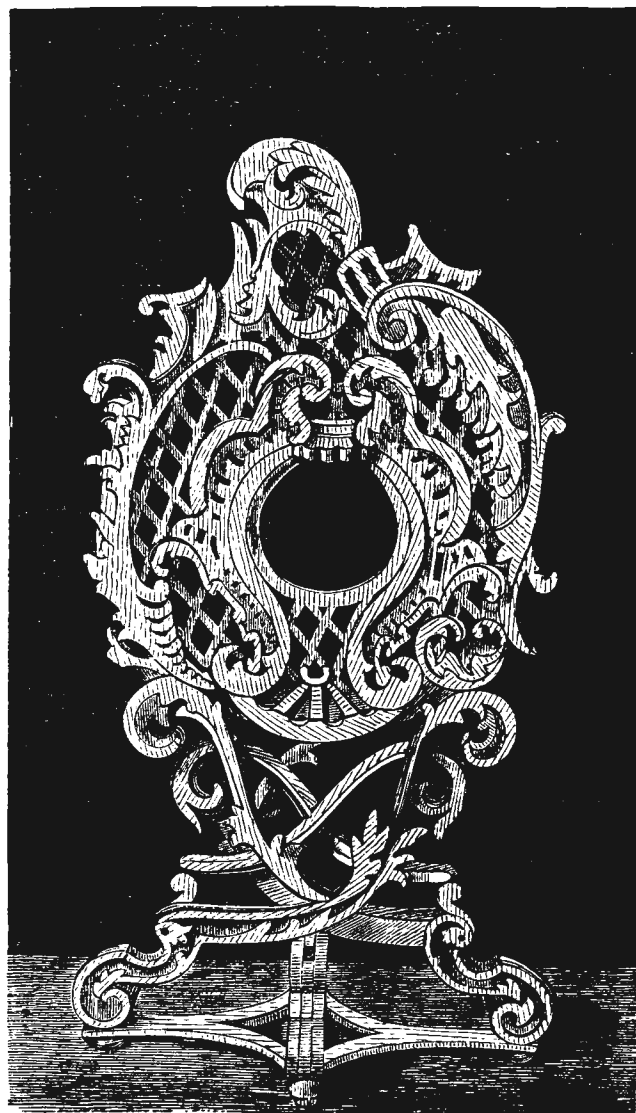

Новые образцы для вырѣзыванія на деревѣ, I. Бокаль.

цы, иногда представляя вѣчто въ родѣ изящнаго горельефа (какъ это видно на двухъ прилагаемыхъ рисункахъ).

Камера-обскура, употребляемая при публичныхъ чтеніяхъ лекцій.

Въ новѣйшее время многократно было указываемо на то, что свѣтовые образы или рисунки, воспроизведенные камера-обскурою или же волшебнымъ фонаремъ, весьма часто приравляютъ къ объясненію и иллюстрированію публичныхъ лекцій. Въ особенности же такое наглядное объясненіе получило свое развитіе въ Англии, и уже довольно давно. У насъ, въ Россіи иллюстрированіе публичныхъ лекцій совершается по этому образцу. Напримѣръ, въ Петербургѣ, въ зданіи Соляного Городка. Но до сихъ поръ камера-обскура для публичныхъ лекцій въ самой Англии представляла значительные недостатки и не удовлетворяла многимъ требованіямъ. Въ недавнее время, одинъ ученый англичанинъ, К. И. Вудвартъ,

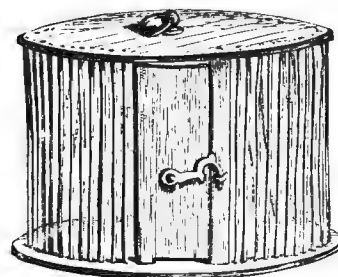
Новые образцы для вырѣзыванія на деревѣ. I'. Постаментъ для часовъ.

измы (увеличительныя стекла) *EE*, а также и зеркало *F*. Все это вмѣстѣ можетъ вращаться около упомянутой сейчасъ оси. Далѣе, что касается освѣщенія этого волшебнаго фонаря, то оно производится при помощи водороднаго газа. Свѣтилка этого газа видна въ пунктѣ, означенномъ буквою *G*. Эта свѣтилка можетъ быть спускаема внизъ стѣжки ящика (какъ это ясно видно на рисункѣ) и можетъ быть поставлена на произвольную высоту. Отъ свѣилки *G* идутъ двѣ маленькія каучуковыя трубки, которыя находятся въ связи съ проводящими трубками *KK*, расположенными внизу подставки. Черезъ эти-то трубки проводятся газы: кислородъ и водородъ, каждый сквозь особенную трубку. Пунктъ ихъ соединенія находится въ самой свѣтилкѣ *G*. Затѣмъ, къ стойкамъ уже описанной подставки придрѣланы два рукава *LL*, способные передвигаться, но которые могутъ быть укрѣпляемы посредствомъ винтовъ. Съ этими-то рукавами приведенъ въ связь складной столикъ *M*, на которомъ помѣщаются необходимые для производства опытовъ аппараты, напримѣръ, призмы и т. д. Для того, что-

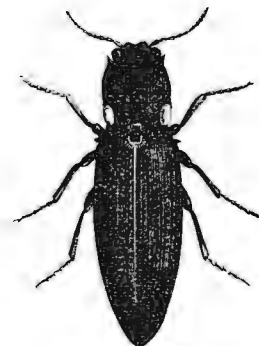
Продолженіе на стр. 717, 718, 719 и 720.

Хижина негровъ, освѣщенная ночью Пирофорою.

Лантана для помѣщенія ночной Пирофоры.

Ночная Пирофора.

бы, примѣрно показать зрителямъ линіи магнитнаго тока, фигуры представляющія большую или меньшую напряженность сдѣленія и проч. предметы (для чего освѣщеніе требуется при горизонтальномъ ихъ положеніи)—для этого стоитъ только привести волшебный фонарь въ положеніе, означенное на фигурѣ 2-й. (Рисунокъ направо). Стекла пластинка, къ которой прикрѣпленъ магнитъ, расположена на фонарѣ, поверху рефлектора. Желаемое увеличеніе предмета, который показывается публикѣ, можно произвести при помощи одной или *обтисъ* линзъ (увеличительныхъ стеколъ). Уставивъ надлежащимъ образомъ эти увеличивающія стекла, вставляютъ зеркало *F* и, чрезъ увеличительное стекло *E*, желаемое изображеніе весьма ясно рисуется на ширмѣ (см. рисунокъ). Если желательно направить лучъ свѣта внизъ, т. е. произвести рефракцію или преломленіе свѣта, то волшебный фонарь приводятъ въ положеніе, показанное на фигурѣ 1; при этомъ зеркало *F* удаляется прочь или же отъодвигается въ сторону. Точно также удаляются рукавъ *L* со столикомъ *M*. Для произведенія обыкновенныхъ картинъ, представляемыхъ волшебными фонарями, предъ фонаремъ прикрѣпляется особая скобка или шпилька, при помощи которой инструментъ удерживаютъ горизонтально.

Описанные сейчасъ усовершенствованные аппараты для лучшаго воспроизведенія изображеній при публичныхъ чтеніяхъ можно приобретать отъ англійской фирмы торговцевъ-оптиковъ въ Бирмингамѣ, Фильда и Коми.

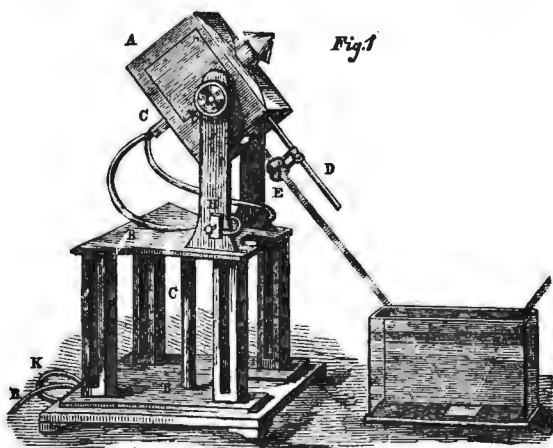
Свѣтящійся Щелкунъ (Ночная пирофора).

Щелкунъ довольно большія насѣкомыя, до пяти дюймовъ длиною, часто довольно сильныя. Переднегрудь ихъ оканчивается у передняго края заостреннымъ отросткомъ; усики зазубрены. Строеніе тѣла щелкуна даетъ ему возможность дѣлать

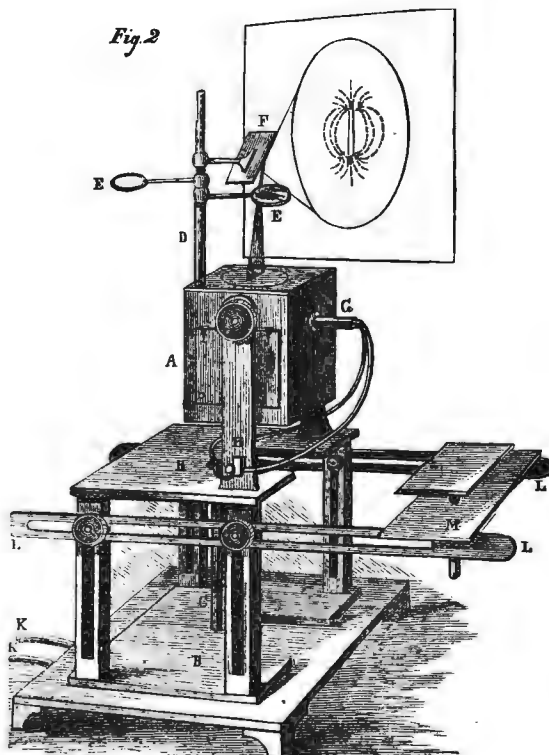
прыжки, отсюда произошло и латинское названіе щелкуна *Elater*—жукъ съ пружинкой.

Если щелкуна положить на спинку, онъ начнетъ изгибаться, упершись головкою и спинкою въ землю; затѣмъ расправляется, отросточекъ щитка входитъ въ полость слѣдующаго кольца и такимъ образомъ спинка, ударяясь въ полость опоры, получаетъ возможность противодѣйствія, вслѣдствіе чего насѣкомое и дѣлаетъ прыжокъ. Эти приемы жучекъ продѣлываетъ до тѣхъ поръ, пока ему не удастся повернуться на брюшко и стать на ноги. Во время прыжка насѣкомое производитъ звукъ—отсюда произошло русское названіе щелкунъ.

Свѣтящіяся щелкуны и именно такъ называемые ночныя пирофоры имѣютъ у основанія щитка два небольшихъ гладкихъ и блестящихъ пятна, свѣтящихся въ темнотѣ. Свѣтъ бываетъ такъ силенъ, что ночью при немъ можно читать, и путешественники, во избѣжаніе дневнаго жара, отправляясь въ дорогу ночью, не могли бы этого дѣлать, если бы свѣтящіяся насѣкомые не освѣщали собою мракъ ночи и чаши дремучихъ лѣсовъ. Для большаго удобства путникъ запасается насѣкомы-

Намера-обскура, употребляемая при публичныхъ чтеніяхъ лекцій.

ми, привязавъ ихъ къ своей обуви. Свѣтъ отгоняетъ и змѣй съ дороги, пугая ихъ. Обыкновенно, по окончаніи ночи, съ разсвѣтомъ дня пиррофоры оставляютъ на кустарникахъ, т. е. возвращаютъ ее къ обыденной обстановкѣ. У индѣйцевъ даже сложилась поговорка на этотъ случай: „Возьми огненную муху, но положи ее назадъ на мѣсто, откуда взяла“. Ночныя пиррофоры водятся въ Гаваннѣ, Бразиліи, Мексикѣ, Гвианѣ. Индѣйцы ловятъ ихъ и продаютъ женщинамъ, которыя употребляютъ ихъ какъ блестящія украшенія въ своемъ туалетѣ. Креолки особенно любятъ такія украшенія и сажаютъ ихъ въ свои головные уборы, или располагаютъ ихъ вокругъ талии въ видѣ сверкающаго пояса. Послѣ бала, франтиха дѣлаетъ уставшимъ насекомымъ ванну, замѣняющую имъ утреннюю и вечернюю росу, а послѣ того сажаетъ въ тонкую проволочную клѣтку, гдѣ и кормитъ ихъ остатками тростника. Ловятъ пиррофоръ индѣйцы слѣдующимъ образомъ: къ концу палки прикрѣпляютъ кусочекъ раскаленнаго угля и начинаютъ палкою махать въ воздухъ. Мелькающей свѣтъ привлекаетъ къ себѣ пиррофоръ, который думаетъ въ немъ найти себѣ подобныхъ, зовущихъ къ себѣ. Рассказываютъ, что во время испанской войны—высадившейся батальонъ не рѣшился вступить въ бой съ туземцами, принявши сверкающихъ пиррофоръ на деревьяхъ за фитили неприятельскихъ мицалей. Въ 1766 г. изъ Америки была привезена въ Парижъ въ кускѣ дерева на кораблѣ живая пи-

рофора, которая, летая по вечерамъ, навела ужасъ на жителей Антуанскаго предместья. Опыты, произведенные въ лабораторіи нормальной школы, показали, что химическій спектръ свѣта насекомога совершенно сплошной и не пересѣкается ни одной черной линіей; этотъ спектръ отличается отъ солнечнаго большимъ преобладаніемъ желтаго цвѣта. Свѣченіе пиррофоры приписываютъ, какъ и свѣченіе свѣтляка, медленному старанію вещества, выделяемаго животнымъ; въ мертвомъ насекомомъ свѣченіе пропадаетъ.

Насѣкомыя жесткокрылыя, къ разряду которыхъ относится целкунъ, представляютъ замѣчательныя разнообразія по отношенію пици и мѣста ихъ нахождения. Верхнія крылья или надкрылья не служатъ имъ для летанія, это кожистые футляры. Нижнія крылья перепончатыя, складываются подъ надкрыльями, когда насекомое остается въ покоѣ. Ротовые органы состоятъ изъ челюстей и двухъ губъ и приспособлены къ жеванію. Многія личинки жесткокрылыхъ живутъ паразитами внутри ульевъ и даже нѣкоторыхъ перепончатокрылыхъ. Куколки обыкновенно или привѣшиваются на паутиной нити, или лежатъ въ землѣ, въ норахъ. Личинка шелкуна живетъ въ гниломъ деревѣ или въ корняхъ растений. У насъ въ Россіи вѣсьмъ извѣстенъ подобный пиррофоръ свѣтящаяся жучекъ—Ивановъ червякъ (*Sampyris postiluca*).

Z.

КЛЕОПАТРА.

(ЭТЮДЪ ПРОФЕССОРА МИССЕНА.)

Въ древнія времена въ Римѣ существовалъ обычай, состоявшій въ томъ, чтобы сенаторы, или вообще люди, засѣдавшіе въ государственныхъ совѣщательныхъ собраніяхъ, брали съ собою на засѣданія и своихъ дѣтей мужескаго пола. И это имѣло, конечно, свою прекрасную сторону. Мальчики, съ ранняго возраста, такимъ образомъ, незамѣтно приучались къ государственнымъ занятіямъ, къ вѣншимъ пріемамъ и механизму орагорскихъ преній. Это обстоятельство уже само собою подготовляло и обезпечивало ихъ будущую карьеру; вмѣстѣ съ тѣмъ мальчики учились быть администраторами, руководить обществомъ честно, мудро и благоразумно.

И вотъ, при такомъ порядкѣ вещей, въ одинъ прекрасный день, засѣданіе Римскаго Сената было необыкновенно продолжительно. Сенатъ обсуждалъ какое-то трудное дѣло и, не добившись результата, отсрочилъ рѣшеніе до слѣдующаго дня. При этомъ каждому присутствовавшему при обсужденіи было строго внушено ничего не разглашать постороннимъ о ходѣ и самомъ предметѣ преній. По окончаніи засѣданія, мальчики чинно отравились, вмѣстѣ съ отцами, въ свои дома. Между ними былъ нѣкто Папирій, превосходившій умомъ и находчивостью всѣхъ этихъ юныхъ кандидатовъ на государственныя должности.

Когда мальчикъ Папирій пришелъ домой, мать приступила къ нему съ распросами: о чемъ это Сенатъ такъ долго разсуждалъ?

— Я не могу... Я не долженъ этого говорить...

Но мать, подстрекаемая любопытствомъ, продолжала еще упрямѣ настаивать на своихъ распросахъ: но когда мальчикъ снова отказался—мать разсердилась и стала грозить сыну наказаніемъ. Тогда мальчикъ рѣшился на выдумку.

„Болтать о томъ, что запрещено, я не долженъ, думалъ онъ, —а пошечинъ и оплеухъ мнѣ не хочется.—давай же я солгу“... И молодой хитрецъ уже не думалъ долго.

— Вотъ что, мать,—сказалъ мальчикъ,—въ Сенатѣ обсуждалось дѣло важное, очень важное... Только ты ни кому не расскажешь, если я передамъ тебѣ секретъ совѣщанія... подь большою тайной?..

Мать успокоила сына и общалась ни за что не выдавать секрета.

— Ну,—началъ смѣтливый мальчикъ,—Сенатъ думаетъ принять рѣшеніе относительно женщинъ. Цѣлый день шли совѣщанія о томъ, что было бы полезнѣе для общества: имѣть ли мужчинъ *двухъ* женъ, или женщинъ *двухъ* мужей? Насчетъ этого предмета еще не достигнуто соглашенія, и многіе мужья, желавшіе разстаться навсегда съ теперешними женами, согласились *еще* провести съ ними *одну* ночь. Но завтра же будетъ достигнуто окончательное рѣшеніе по этому дѣлу, и новый законъ вступить въ силу.

Получивъ это сенсационное извѣстіе, мать Папирія отправилась въ городъ, будто „по дѣламъ“, а на самомъ дѣлѣ затѣмъ, чтобы подѣлиться съ подругами „важною новостью“, и прежде чѣмъ солнце склонилось къ западу, какъ всѣ римскія матроны уже знали и, изподтишка, пересказывали другъ другу волнованную ихъ новость. Не смотря на общее возбужденіе римскаго женскаго персонала,—онъ волновался втихомолку, и мужчины не знали и не замѣчали ничего. Сенаторы-совѣтники легли спать спокойно, чтобы на слѣдующій день, со свѣжими силами, рѣшить трудный, занимавшій ихъ вопросъ. Настало утро, и почтенные отцы заботливо отправились въ засѣданіе Сената. Но тутъ-то и разразилась буря, еще со вчерашняго

дня молчаливо приготовлявшаяся въ головахъ тысячъ римскихъ матронъ. Предверіе Сената, ведущая въ залу лѣстница, вся сенатская площадь, всѣ улицы, переулки и закоулки, ведущіе къ этой площади, наполнились толпами римскихъ женщинъ. Старухи и молодья, бѣдныя и богатя, больныя и здоровыя,—всѣ толпились, тискались, рвались къ Сенату... Ни одна римская матрона не составляла исключенія изъ этого оригинальнаго огромнаго сборища. Въ пораженіемъ гулъ голосовъ слышались тысячи слезъ, рыданій, укоризнъ, клятвъ, заклинаній. Шедшіе въ Сенатъ сенаторы, осаждаемые тысячами женскихъ просьбъ, не знали что дѣлать, терялись въ догадкахъ рѣшить, что значитъ такое шумное стеченіе женщинъ. Прислушиваясь къ гулу женскихъ голосовъ, можно было различить, что многія изъ нихъ требовали себѣ *двухъ* мужей, многія не соглашались уступить свое мѣсто *другой* женщинѣ. Нѣкоторые „отцы“ предполагали, что женщины съ ума сошли; но вѣдь нельзя же всѣмъ сойдти съ ума вдругъ и помѣшаться на одномъ пунктѣ и желаніи. Но вотъ сенатъ, наконецъ, благополучно собрался въ залу и ожидалъ рѣшенія странной загадки! Никто, однако, не могъ выпутаться изъ лабиринта тысячи предположеній, всѣ недоумѣвали: сенаторы вопросительно смотрѣли на консула, консулъ столь же вопросительно смотрѣлъ на собраніе Сената. Положеніе было, поистинѣ, плачевное. Всѣ молчали и только хлопали глазами и покачивали почтенными сѣдыми головами. Но вотъ, наконецъ, маленький Папирій, виновникъ всей исторіи, возвышаетъ свой молоденькій голосокъ и приноситъ искреннюю исповѣдь,—объясняетъ, что вся исторія произошла отъ того, что онъ, Папирій, вчера невольно долженъ былъ *солгать* о томъ, что произошло въ Сенатѣ, *на распросы матери*. Тогда вся загадка стала ясною. Почтенные сѣдовласые старцы были всѣ восхищены находчивостью и умомъ мальчишки, всѣ принялись цѣловать его по очереди. За снмъ сенаторы чинно усѣлись и положили рѣшеніе, чтобы, на будущее время, никто не злоупотреблялъ тайнами сенатскихъ и вообще городскихъ муниципальныхъ совѣщаній, а для этого всѣ мальчишки, не исключая и Папирія, должны „убираться изъ залы сенатскихъ совѣщаній и сидѣть дома“. Этимъ рѣшеніемъ волненіе спокойно улеглось, забылось, какъ будто его не бывало и весьма многое достопамятное изъ дѣла Римскаго Сената забылось навсегда. Осталось безсмертною только память объ умѣ и находчивости мальчишка Папирія...

Справедливъ или нѣтъ этотъ рассказъ—теперь рѣшить нельзя. Рассказалъ его старикъ Катонъ древнимъ римлянамъ. Вся соль рассказа Катона направлена на современныхъ ему римскихъ женщинъ. Суровый старикъ неустанно и злобно (хотя, надо прибавить, и совершенно безуспѣшно) трунилъ надъ римскою женскою роскошью того времени, надъ женскою погоней за дорогими одеждами, украшениями и т. п. Въ наше время такую катоновскую выходку сочли бы, пожалуй, оскорбленіемъ общества вообще и женскаго общества въ особенности. Въ древнемъ Римѣ такая шутка за оскорбленіе не считалась. Женская честь ограничивалась преимущественно домашнимъ очагомъ, и именно, на этомъ очагѣ уже нельзя было шутить надъ женщиной. Дома женщинъ крѣпко стерегли. Для насъ важно здѣсь то, что вопросъ: можетъ ли мужчина имѣть *двухъ* женъ, или женщина *двухъ* мужей—былъ для римлянина вопросомъ проблематическимъ, надъ рѣшеніемъ котораго римлянинъ крайне затруднялся. Для римлянина время Катона самая постановка такого вопроса почти столь же комична и невоз-

можно, как и для нас, людей новаго времени. Для других же, современных римлянамъ народовъ, и даже для большей части ихъ, подобный вопросъ не представлялъ бы ничего страннаго, какъ и для многихъ, современныхъ намъ восточныхъ народовъ.

Моногамія, или одноженство, есть *специально-европейская* форма брака. Святость брака образуетъ краеугольный камень, на которомъ поконится наша христіанская, европейская цивилизація; это краеугольный камень, на которомъ можетъ основываться владычество европейскихъ народовъ надъ всѣми другими народами земного шара. Наше европейское понятіе о бракѣ не дано *природою*, оно не пересажено къ намъ, благодаря какой-либо случайности, оно *добыто* послѣ жестокой и упорной борьбы, и, конечно, должно быть отстаиваемо. Одноженство незнакомо такъ называемымъ „естественнымъ“ или первобытно-культурнымъ народамъ, точно такъ, какъ оно было незнакомо многимъ европейскимъ народамъ съ начала нашей эры. Ариовистъ, первый германскій вождь, о которомъ мы имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія, имѣлъ жену германскаго племени, но, основавъ потомъ свое господство въ Эльзасѣ, территорию, населенную галлами, онъ женился и на *другой* женщинѣ, галльскаго происхожденія. Подобные „двойные“ браки между древнимъ германскимъ дворянствомъ—не рѣдкость. Подобно какъ у первобытно-культурныхъ народовъ, полигамія находитъ себѣ лучшую почву въ деспотическихъ государствахъ Востока и удерживается тамъ съ древнѣйшаго времени до нашихъ дней. Восточная деспотія не одинъ разъ угрожала свободѣ и правамъ западной культуры. Цѣлымъ *три* съ половиною тысячелѣтія происходила ожесточенная борьба между Востокомъ и Западомъ. Различная частности, мы видимъ, что при этомъ вмѣстѣ съ другими вопросами продолжительнаго спора,—шелъ споръ и между моногаміею и полигаміею (т. е. между одноженствомъ и многоженствомъ) и *вездѣ* тамъ, гдѣ деспотія находила себѣ почву,—вездѣ она старалась отнять у женщины священное право быть „подругою“ мужчины, а не рабою его. Самый характеристичный эпизодъ изъ упомянутой великой борьбы деспотизма и свободы, полигаміи и моногаміи, я намѣренъ изложить сейчасъ же. Этотъ эпизодъ связывается съ именемъ великой, но многократно опозоренной и постоянно порицаемой, тѣмъ не менѣе славной царицы Востока, Клеопатры. Древ-

няя египетская царица, о которой идетъ здѣсь рѣчь, была опаснымъ врагомъ Запада съ его цивилизаціею? Ненависть, которую она стяжала отъ западныхъ народовъ при жизни, преслѣдовала ее и въ гробѣ, и до сихъ поръ преслѣдуетъ ее память. Клеопатра принадлежитъ совершенно иному отличному отъ нашего, міру, воспроизвестъ который мы можемъ только съ крайнимъ трудомъ, и слѣдовательно только съ трудомъ же можемъ воздать этому міру подобающую ему справедливость. Но авторъ смѣетъ надѣяться, что предлагаемый имъ предметъ достоинъ полнаго вниманія читателя.

Послѣдняя царица Египта жила на крайнемъ рубежѣ четырехтысячелѣтней исторіи самобытной и оригинальной страны. Въ незапамятные времена культура устроила свой караванъ-сарай на берегахъ священной рѣки Нила. Великая, чудная рѣка эта своими периодически-правильными наводненіями, высокою поэзію своихъ окрестностей, роскошью природы рано вызвала челоуѣка изъ дикаго состоянія, научила его мыслить и наблюдать, пробудила въ немъ духовную жизнь. Въ узкой долинѣ Нила создалось правильное разсчисленіе общества и раздѣленіе и классификація работъ—отъ этого зависѣли всѣ дальнѣйшіе успѣхи въ культурѣ Египта. Народъ Нильской долины былъ народъ умный, способный на изобрѣтенія и способный прочно усвоить тѣ элементы образованія, которыя всегда освобождаютъ челоуѣка отъ узъ подавляющей его природы и отъ варварства. Но мало по маду и Египетъ постигла участь, которой трудно избѣжать деспотически управляемому государству—это дряхлость возраста. Богатая страна сдѣбалась добычею чуждыхъ завоевателей, сначала персовъ, потомъ грековъ. Александръ Великій, правда оживилъ уже кочевнѣвшій организмъ и сдѣлалъ его способнымъ исполнить еще величественную миссію. Онъ далъ старой странѣ новую греческую столицу, построенную на берегу моря, и столицѣ этой было суждено сдѣлаться средоточіемъ всемірной торговли и всемірной науки. Изъ всѣхъ созданий великаго царя ни одно не свидѣтельствуетъ въ такой степени о его высокой гениальности, какъ именно основаніе Александріи. Птолемей Лаги и его преемники самымъ достойнымъ образомъ осуществили мысль великаго основателя Александріи. Младшая изъ столицъ древности оставила своихъ сестеръ далеко позади себя.

(Продолженіе будетъ).

Политическія извѣстія.

Если бы сдѣлалось необходимымъ охарактеризовать настоящее политическое положеніе Европы, то пришлось бы охарактеризовать его словами: ни война, ни миръ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать состояніе Европы умиротвореннымъ, когда пороховой дымъ еще сильно разстилается на Балканскомъ полуостровѣ, въ Босніи и Герцеговинѣ; когда австрійскія силы едва не сокрушаются объ упорное сопротивление повстанцевъ; съ другой стороны Италия обнаруживаетъ безпокойное движеніе, какъ это видно изъ появленія отрядовъ итальянскихъ волонтеровъ на Австрійской границѣ (какое обстоятельство побуждаетъ Австрію усиловать свои гарнизоны въ пограничныхъ городахъ). Сама Албанская лига, дополняющая собою Боснійско-Герцеговинское возстаніе, совсѣмъ не ослаблена, какъ этого ожидали на прошлой недѣлѣ, а напротивъ—усиливается. Недостаетъ столкновенія съ этою лигою сербовъ и черногорцевъ, но это столкновеніе ожидается въ самомъ близкомъ будущемъ.

Но Европою дѣло не ограничивается: въ Азіи, англійскимъ Ост-Индскимъ правительствомъ уже предписано стянуть на границахъ Остъ-Индіи возможно большія боевыя силы: 12,000 челоуѣкъ уже теперь сосредоточено на этой границѣ. Дѣло идетъ о наказаніи афганскаго Эмира, за его „вѣроломное“, относительно Англии, поведеніе. Обстоятельства, предшествовавшія этому дѣлу, слѣдующія: Недавно состоялось посольство въ Афганистанъ, со стороны Индіи, во главѣ котораго стоялъ генералъ Чемберленъ. Говорили, что предметъ посольства мирный, дипломатическій, имѣющій отчасти значеніе противовѣса русской миссіи въ Кабулѣ. Но оказалось, что, въ существѣ дѣла миссія Черберлена имѣетъ воинственный характеръ, потому что по пятамъ за „посольствомъ“ шли индійскія войска къ границамъ Афганистана, съ цѣлію занять горныя проходы. Афганскій Эмиръ предупредилъ хитростью хитростью, занявъ своими, напередъ въ тишинѣ собранными, войсками Хейберскій проходъ, служащій самымъ удобнымъ пунктомъ вторженія въ Афганистанъ со стороны Индіи. На западѣ находится еще проходъ въ Индію со стороны *Кветтъ*; этотъ проходъ, удалось эксплуатировать англичанамъ и устроить себѣ въ немъ стратегическій и складочный пунктъ, и еще въ прошломъ году истребить въ этомъ мѣстѣ вѣскольکو горныхъ племенъ, поданныхъ Афганскому Эмиру. Отъ глазъ послѣдняго не ускользнуло, что это была прелюдія къ войнѣ, возможной въ ближайшемъ будущемъ, и потому онъ преградилъ, дальнѣйшій путь посольству, пригрозивъ ему чѣмъ слѣдуетъ. Такой смѣлый и рѣшительный образъ дѣйствій Эмира явно указываетъ на то, что онъ имѣетъ надежную поддержку. Въ Англии предполагаютъ, что онъ принялъ союзъ съ Россіей. Такъ или иначе,

но Ширъ-Али Ханъ, Эмиръ Афганскій, своими рѣшительными дѣйствіями дѣлаетъ Англии серьезныя затрудненія въ Индіи: неудача англійской экспедиціи въ Афганистанъ можетъ послужить сигналомъ къ возмущенію Индіи противъ Англии. (Въ слѣдующемъ номерѣ Нивы мы помѣстимъ портретъ Ширъ-Али-Хана и постараемся сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о положеніи этого дѣла).

Въ связи съ этими событіями нужно отмѣтить что Лордъ Салисбери обратился къ нашему Кабинету съ нотой, въ которой *проситъ объясненій относительно цѣли Русскаго посольства къ Афганскому Эмиру*. (Во главѣ этого посольства, какъ уже намъ случалось говорить, находится генералъ Абрамовъ). Далѣе, Англійскій Кабинетъ изъявляетъ желаніе знать: какого образа дѣйствій будетъ держаться Россія относительно Афганистана. Вотъ что значитъ, настали обстоятельства совсѣмъ не легкія для Англии. Политика Биконсфильда и Салисбери обойдется ей дорого...

Да, дорого. О-въ Кипрѣ уже оказался совсѣмъ не желательнымъ „сокровищемъ“. Климатъ на о-вѣ крайне нездоровъ. На немъ свирѣствуютъ злокачественныя лихорадки. Всѣхъ этихъ предестей киприды уже успѣли вкусить британскія войска, высидѣвшіяся на Кипрѣ. Загѣмъ, вдобавокъ, въ близкой перспективѣ стоятъ ожесточенные споры изъ-за Египта, съ Франціей и Италіей. Греція не перестаетъ вооружаться и готовится къ войнѣ съ Турціей тоже изъ-за Англии.

Австрія, по ея собственнымъ сообщеніямъ, продолжаетъ свое побѣдное шествіе по Босніи. Успѣхи Австрійскихъ войскъ на Боснійской терригоріи недавно выразилась взятіемъ крѣпости *Бизахач*. Взятіе крѣпости произошло только послѣ ожесточенныхъ сраженій въ окрестностяхъ Бизахача. Это далеко не заглаживаетъ бывшихъ доселѣ неудачъ.

Замѣтимъ, что эти событія произошли на границѣ Сербіи, которой отъ австрійской „славы“ ни чуть не легче, потому что множество нисургентовъ бѣжали на сербскую терригорію, въ *Вальевскій* и *Ужичскій* округи. Радъ не радъ, Сербъ не можетъ не приютить своего единоплеменника-босняка. Оттого-то сербское правительство, обезоруживъ бѣглецовъ, водворило ихъ въ упомянутыхъ округахъ на жительство. Но этого мало: разъ укрылись бѣглецы на Сербской терригоріи, тутъ уже, какъ говорится, пошла писать. Депутація отъ такъ называемыхъ боснійскихъ *беговъ* обратилась въ *Шабачъ* (на Дунаѣ) къ тамошнему начальнику войскъ, прося присоединенія къ Сербіи... Словомъ—дальше въ лѣсъ, больше дровъ. Половина Сербской терригоріи можетъ наводниться бѣглецами. Сербія, въ виду этого наводненія бѣглецовъ, все болѣе и болѣе усили-

ваegt кордоны вдоль своей западной границы, хотя до сих пор, какъ кажется, безуспѣшно.

О Герцеговинѣ все последнее время говорилось, что тамъ произошло прочное замрѣние. Началось дѣло тѣмъ, что войска генерала Ювановича вступили въ миролюбивую связь съ бригадою, стоявшею въ Требиньѣ. Установленію этихъ мирныхъ отношеній, по словамъ самаго Ювановича, способствовали черногорцы.

Австро-турецкая конвенція, о которой было столько толковъ, на прошлой недѣлѣ ни на шагъ не подвинулась впередъ.

Италія хотя и кажется, повидимому, спокойною, но въ ней не уюмоняется рьяная партія, такъ называемая „Italia irridenda“ (не отомщенная Италія). Эта партія громко требуетъ возстановленія своихъ правильныхъ границъ со стороны Тироля, заявляетъ притязаніе на часть Албаніи, даже, какъ говорятъ, выражаетъ притязанія на Тунисъ въ Африкѣ. Даже настояшій министр-президентъ Италіи признаетъ подобныя патриотическія желанія основательными и справедливыми въ принципѣ. И вотъ, въ связи съ этимъ настроеніемъ Италіи, появленіе вооруженныхъ отрядовъ на сѣверныхъ итальянскихъ границахъ представляется довольно опаснымъ симтомомъ. Въ связи съ этимъ, вооруженія „маленькой“ Греціи представляются тоже значительными. Армія греческая состоитъ изъ 40,000 дѣйствующихъ войскъ и 35,000 резервовъ. Для покрытія военныхъ издержекъ Греція сдѣлала заемъ въ 50 милліоновъ драхмъ. Предполагаетъ выпустить этотъ заемъ Лионское кредитное общество.

Санъ-Стефано очищено нашими войсками и главная квартира переведена въ Адрианополь. Но англійскій флотъ однако еще въ Мраморномъ морѣ и сдѣлалъ лишь небольшое передвиженіе къ востоку отъ Принцевыхъ острововъ къ Измидской бухтѣ.

— Въ Петербургъ продолжаютъ возвращаться войска гвардіи. На прошлой недѣлѣ прибылъ (14-го сентября), лейб-гвардіи саперный батальонъ, и встрѣченъ былъ петербуржцами съ подобающимъ торжествомъ.

С М Ъ С Ъ.

Въ ночь съ 4 на 5 сентября пожаръ истребилъ фортепیانную фабрику К. М. Шредера. Огонь показался въ 9 1/2 часовъ

вечера въ столярномъ отдѣленіи, гдѣ строятся корпуса для роялей. Черезъ 2 часа все громадное пятиэтажное зданіе было въ огнѣ и, не смотря на энергическое дѣйствіе всѣхъ пожарныхъ частей, съ тремя паровыми машинами, спасти ничего не могли. Фабрика была застрахована въ 126 тыс. руб. сер. Очевидно г. Шредеръ понесетъ огромный убытокъ, такъ какъ сгорѣло около 100 готовыхъ роялей и пиано и около 400 штукъ бывшихъ въ работѣ и неоконченныхъ. Къ счастью уцѣлѣла главная сушильня съ огромнымъ запасомъ сухого лѣса, стоящая очень далеко отъ зданія фабрики и уцѣлѣлъ паровой котель. Всѣ рабочіе до 150 человекъ, оставлены г. Шредеромъ у себя впредь до возобновленія работъ, которыя начинаются 15 Сентября во взаимно временно на арендѣ, новомъ громадномъ заводѣ, на Выборгской сторонѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Нижній Новгородъ Н. Пѣтухову. Стихотвореніе присланное вами мы не напечатать: оно слишкомъ напоминаетъ что-то знакомое изъ Батюшкова, Жуковского и Баратынскаго. Если у васъ есть еще что нибудь то пришлите; тогда можно будетъ опредѣлить: поэтъ вы или переписчикъ чужихъ стиховъ.

Екатеринославъ С. Нибульск—му. Вы пишете:

„И живи, коротай невеселый свой вѣкъ,
Узнавай неудачу, невзгоду.“

Такъ развѣ за тѣмъ сотворенъ человекъ
Чтобы за гробомъ узнать *лишь* свободу.

Ну, однако-же и не затѣмъ сотворенъ человекъ, чтобы писать такіе стихи.

13 р. 80 к. за стихотвореніе № 37 „Нивы“ согласно желанію автора сданы въ общество попеченія о ранен. и больн. войнахъ подъ квит. за № 5159.

СОДЕРЖАНІЕ: К. Н. Батюшковъ (съ портр.) В С.—Царь-дѣвица. Историческій романъ Вс. Соловьева (продолженіе).—Охота на дикихъ козъ (съ рис.) Г. Между войною и миромъ (съ рис.) Н. К.—Пріятное бѣздѣлье (съ рис.) З.—Г. Старочеркасскъ и Калмычій хуралъ (монастырь) на Дону. (съ рис.) Ор.—Достопримѣчательности Царскосельскаго парка. (съ рис.) Л.—Кавказскій типъ Мулла. (съ рис.) Евг. В.—Рисунки для выпильныхъ работъ изъ дерева (съ рис.) Камеръ-обскура употребляемая при публичныхъ чтеніяхъ лекцій. (съ 2 рис.)—Свѣтлѣйшая шелкумъ (Ночная Пирофора) съ 3 рис.—Клеопатра.—Политическія извѣстія.—Смѣсь.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ВЪ РИГѢ,

сими имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ ДЕРЕВАМЪ, РАСТЕНІЯМЪ и пр.
на 1878—1879 г.

изданы и разсланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.

Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковыя, посылаются каталоги также бесплатно, смотря по заявленію на русскомъ языкѣ, или на французскомъ и нѣмецкомъ. № 102 3—3

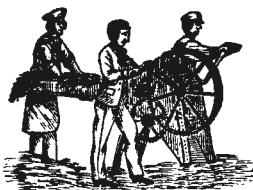
ИЗВѢСТНЫЯ МОЛОТИЛКИ ПО СИСТЕМѢ ВЕЙЛА.

МОРИЦЪ ВЕЙЛЬ младшій

Маш. строительный заводъ

въ Франкфуртѣ $\frac{1}{2}$ въ Германіи

поставляетъ, по желанію франкировано на границы на первыя станціи русскихъ жел. дорогъ.

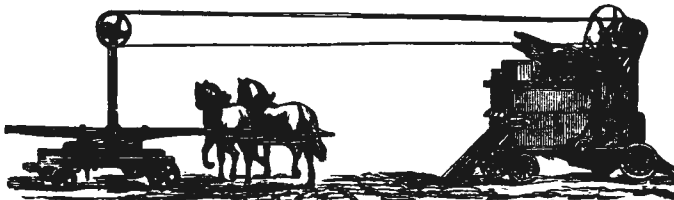

Ручныя молотилки по цѣнѣ отъ 98 руб.

Молотилки съ конными приводами

для 1 и 2-хъ лошадей по цѣнѣ машины отъ 220 руб.

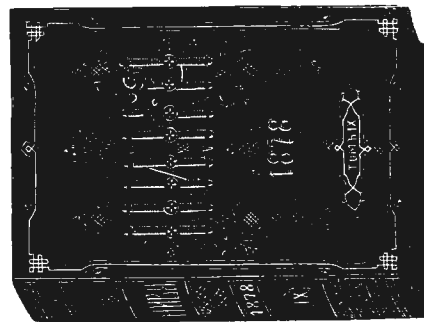
Молотилки съ конными приводами

для 2, 4 и 6 лошадей, съ самодѣйствующимъ щипательнымъ аппаратомъ или безъ онаго готовыя со всѣми принадлежностями къ употребленію. Иллюстр. каталоги по желанію бесплатно и франкир. № 183 4—4

При этомъ № для гг. многогородныхъ подписч. (за исключеніемъ Московскихъ) прилагаются объявленія: 1) отъ чайнаго магазина Ф. В. Апанасина въ Москвѣ. 2) Отъ миннаго магазина С. И. Лукина въ Москвѣ.

ИЗЯЩНЫЙ АППАРАТЪ

для точнаго копированія рисунковъ, фотографій, акварелей и пр. безъ малѣйшей подготовки. Особенно полезно для дѣтей. Цена съ приложеніемъ Нового способа умноженія посредствомъ сложения 1 р. съ перес. 2 р. Адр. въ Юро объявленій, Невскій пр. № 4 въ С.-Петербургѣ. № 206 3—2

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ 1878 г. по вышеозначенному образцу 1 р., съ переслкомъ 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплести „НИВУ“ въ такую колѣнкорую крышку.

ВЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА“

продается иллюстрированный журналъ „Нива“ 1875 и 1876 года.

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ, Т. Е. ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ, СЪ ПРЕМІЯМИ:

Брошурованному	Въ простомъ перепл.	Въ каленіор. перепл.
Безъ перес. 4 р.—	Безъ перес. . . 4 р. 75	Безъ перес. 5 р. 50
съ перес. . . 5 р. 50	съ перес. . . 6 р. 25	съ перес. . . 7 р.—

Приобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25% уступки (но только съ книги, а не съ переплета или съ пересылки).

Каждый томъ „Нивы“ заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ науки, искусствъ, современной жизни и проч. и до 700 художественно выполненныхъ рисунковъ. Помѣщенія въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома „Нивы“ имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нему приложенныхъ бесплатныхъ премій. Приложенія къ „Нивѣ“ 1875 года 2 картины 1) Смерть Юлія Цезаря, картина профессора Пилоти 2) Мадонна Севильская, картина Севастіана Мурильо.—Приложенія къ „Нивѣ“ 1876 года: Спящая Красавица, картина Э. Велз, печатанная масляными красками въ 20 тонахъ. № 186

№ 40

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Издавъ 2 Октября 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № - Навмъ 20 к. съ перес. 2 1/2 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 для напечатанія въ
 «Нивѣ» принимаются
 по 25 к. за строку
 непарейль (съ 1/4
 ширины страницы)

КОНТОРА
 журнала открыта
 ежедневно (кроме
 Воскресныхъ и
 праздничныхъ дней)
 отъ 10 ч. утра до
 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . . . 4 р.
 Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ ин.
 маг г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.
 Съ пересылкою въ Москву и друг.
 города Россіи . . . . . 6 „

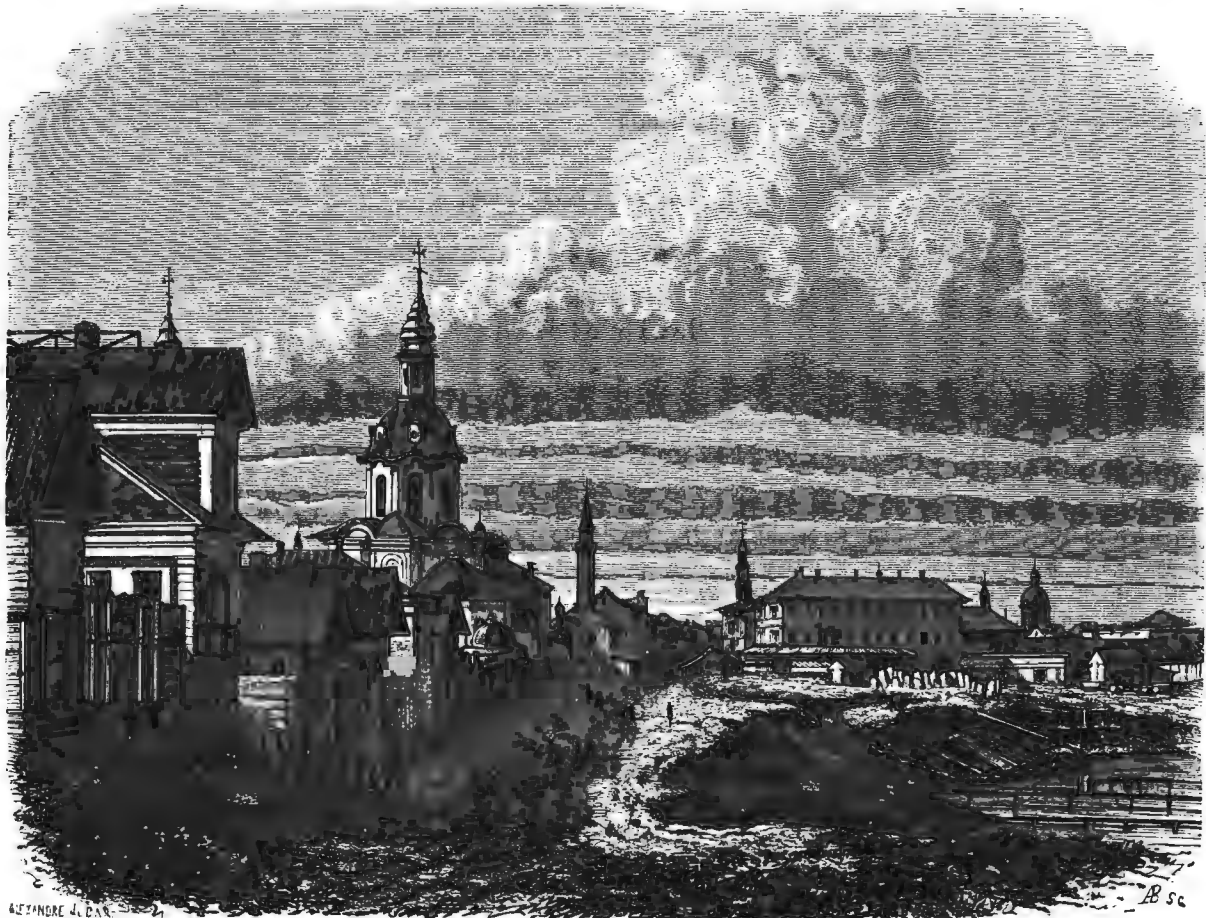
Также принимается годпсна на 1/2 года съ 1-го июля 1878: безъ дост., 2 р. съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р.
 КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особыя приложенія
 при «Нивѣ» объявле-
 ній отъ Торговыхъ
 Домовъ принимаются
 для иногор. по 5 р.
 съ тысячи, для город-
 скихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
 Медныя рукописи и
 стихи, неудобныя къ
 печати, авторамъ не
 возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1878 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложеніями

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ съ 40 рисунками и отдѣльный листъ съ 26 чертж.
 выкроекъ въ натуральную величину и съ 44 рис. руководѣльныхъ работъ.

Улица въ Казани. Рис. А. де-Баръ, грав. А. Баранъ.

ГОРОДЪ КАЗАНЬ.

Въ журналѣ нашемъ за 1874 г. въ 38 № на стр. 601 была помѣщена статья о Казани и главнымъ образомъ касалась покоренія этой бывшей татарской столицы царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Въ настоящее время, помѣщая на страницахъ „Нивы“ видъ Казанскаго Богородицкаго женскаго монастыря и одной изъ улицъ этого города, мы коснемся болѣе стараго времени изъ исторіи Казани и сообщимъ факты, предшествовавшіе ея покоренію.

Казань слово татарское и значитъ котель, золотое дно. Основаніе Казани относится къ 1257 г. Ордынскій царь Саишъ, сынъ Батяя, владѣя Болгарскою землею, сдѣлалъ Казань ея столицею вмѣсто Брянсчова.

Въ 1396 г. о Казани упоминается въ лѣтописяхъ подъ именемъ Юхотинъ Казань. Въ 1399 г. войска великаго князя Василія Дмитриевича совершенно разорили этотъ городъ. Въ 1421 году Ханъ Улу-Магометъ снова построилъ его, но только на другомъ мѣстѣ. Надобно сказать, что Улу-Магометъ, ханъ Большой орды, будучи изгнанъ изъ своихъ владѣній, искалъ покровительства у великаго князя Василія Васильевича и по его приказанію поселился въ Бѣлевѣ. Но онъ недолго прожилъ въ мирѣ съ Великимъ Княземъ, и собравшись съ силами, началъ обижать мѣстныхъ жителей. Великій князь послалъ для усмиренія его войско. Улу-Магометъ хотя и отразилъ эту силу, но сознавая невозможность долго противостоять, удалился изъ Бѣлева на берега Волги и тамъ-то и возобновилъ разоренную, войсками Василія Дмитриевича, Казань. Къ Улу-Магомету присоединились приверженцы его изъ Орды, Астрахани, Азова, и въ 1438 г. было положено основаніе Казанскаго царства. Улу-Магометъ оставался вѣрнъ правамъ своего народа и вторгнулся во владѣнія князя Василія въ 1439 г. Онъ даже подошелъ къ Москвѣ, но, постоявъ подъ стѣнами около 10 дней, отправился назадъ, разоряя по пути села и города. Въ 1445 году Улу-Магометъ взялъ старый Нижній-Новгородъ и осадилъ Муромъ. Великій Князь, подкрѣпленный Шемякою и другими русскими князьями, выступилъ противъ татаръ. Разбитые передовымъ московскимъ отрядомъ, татары бѣжали, но когда Василій возвратился въ Москву, они снова осадилъ Нижній-Новгородъ. Сына же своего Мамутека Улу-Магометъ послалъ подъ Суздаль. Опять собралъ войска и союзниковъ Василій, опять напалъ на Татаръ, но неудачно: онъ былъ взятъ въ плѣнъ и освобожденъ изъ него, благодаря только тому, что Казанью въ это время овладѣлъ мятежникъ Алибей, и Улу-Магометъ отпустилъ Василія, обѣщавшаго заплатить сколько будетъ въ состояніи. Вотъ въ какомъ положеніи бывали наши русскія политическія и военныя дѣла въ то отдаленное время.

Избѣгая здѣсь подробностей о дальнѣйшихъ распряхъ Казани съ нашими князьями и между своими владѣтелями, сообщимъ здѣсь, что съ 1463 г. Казань, стремясь усилить свою власть, не разъ снова посылала войска на пограничныя русскіе города. Московское правительство наконецъ, видимо, потерпѣло терпѣніе переносить отъ татаръ невзгоды. Надменный

духъ хановъ, фанатическая ненависть къ нашей вѣрѣ, жажда къ добычѣ и неустройство въ средѣ самаго царства—все вызвало со стороны московскаго правительства серьезныя мѣры. Въ Москвѣ, наконецъ, былъ опредѣленъ рѣшительный походъ для покоренія Казани, и 19-го августа 1552 года 150,000 войско окружило городъ со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ отчаянный приступъ рѣшилъ битву. Царь Эдигеръ былъ взятъ въ плѣнъ, и царство Кязанское покорено окончательно.

По завоеваніи Казани, Иванъ Грозный учредилъ въ ней судебныя мѣста, которыя и управляли городомъ до 1714 года, когда Петръ I учредилъ здѣсь губернію. Въ 1774 г. Казань была выжжена полчищами Пугачева. Городъ построенъ, но въ 1815 году пожаръ уничтожилъ его снова почти до половины. Затѣмъ въ 1842 г. новый пожаръ уничтожилъ почти весь городъ.

Въ настоящее время Казань не хранитъ уже слѣдовъ былыхъ несчастій и представляетъ собою благоустроенный городъ. Теперь въ ней и университетъ и другія учебныя заведенія, готовые принять ищущихъ просвѣщенія; каменный театръ, водопроводы, замѣнившіе собою употребленіе скверной воды изъ озера „Кабана“, и газовое освѣщеніе, и конно-жельзныя пути, дающія возможность избѣгать отчаянной тряски по булыжной мостовой.

На одномъ изъ нашихъ рисунковъ изображенъ видъ Казанскаго Богородицкаго монастыря и потому сообщимъ здѣсь его исторію.

Монастырь этотъ первоклассный. Онъ построенъ въ 1579 г. по повелѣнію царя Ивана Васильевича. Преданіе говоритъ, что на мѣстѣ, гдѣ построенъ этотъ монастырь, обрѣтена была въ томъ же 1579 году, 8-го іюня, чудотворная икона Божіей Матери. Первоначальныя постройки въ монастырѣ ограничивались одною деревянною церковью, и только въ 1595 г. эта деревянная церковь была разобрана и замѣнена каменною. Царь Ѳедоръ Ивановичъ повелѣлъ доставить въ нее на казенный счетъ, иконы, книги, ризницы, утварь, а явленная икона по его же повелѣнію, была украшена золотомъ, дорогими камнями и жемчугомъ изъ царскихъ сокровищъ.

Небезынтереснымъ считаемъ сообщить, что списокъ съ этой иконы былъ у князя Д. М. Пожарскаго въ 1612 году подъ Москвою и прославился при изгнаніи поляковъ изъ Москвы 22-го октября этого года. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ память именно этого прославленія иконы, установлены въ Москвѣ два крестные хода, соблюдаемые и по нынѣ.

Императрица Екатерина II, во время своего путешествія въ Казань, приложила къ чудотворной иконѣ Богоматери брилліантовую корону и такую же къ образу Спасителя. Нынѣшняя соборная церковь построена по утвержденному этому же государынею въ 1791 году плану и фасаду, которые составлены архитекторомъ Старовымъ. На построеніе этого храма было выдано по повелѣнію Императрицы 25,000 рублей ассигнаціями. Построеніе же всего собора стоило болѣе 200,000 руб.

3.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ.

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

III.

Между тѣмъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ съ сыномъ своимъ и бывшими при немъ людьми находился ужъ недалеко отъ Москвы.

Получивъ извѣстіе о кончинѣ царя и повелѣніе ѣхать въ столицу, онъ не сталъ мѣшкать и тотчасъ же пустился въ путь съ облегченнымъ сердцемъ, но искренно оплакавъ такъ несправедливаго къ нему Ѳедора. На встрѣчу опальному боярину былъ посланъ сначала думный дворянинъ Лопухинъ, который долженъ былъ, отъ имени молодого царя, объявить ему прежнюю честь боярскую.

Въ селѣ Братовщинѣ, подъ Москвою, Артамона Сергѣевича дождался братъ царицы, Аѳанасій Кирилловичъ, и встрѣтилъ его со здоровьемъ отъ царя и сестры своей.

Путь Матвѣева превращался въ настоящее торжественное шествіе.

Бояринъ издавна былъ любимъ народомъ и народъ спѣшилъ теперь встрѣчать его повсюду съ хлѣбомъ-солью; городскія власти и монастырскіе настоятели то-

же выходили къ нему, задавали ему пиры и всякія угощенія.

Такія неожиданныя почести, послѣ тяжелой невзгоды, сильно подѣйствовали на семидесятилѣтняго старика. Онъ умилился духомъ, не разъ даже всплакнулъ счастливыми слезами и позабылъ, что его на Москвѣ ждутъ не дождутся, что нельзя терять дорогого времени:—принималъ угощенія, подвигался медленно. Къ тому-же и здоровье его было не прежнее.

Годины душевнаго горя, всякіе недостатки въ удобствахъ жизни подѣйствовали разрушительно на его организмъ; онъ возвращался въ Москву сильно одряхлѣвшимъ.

Въ Братовщинѣ бояринъ остановился переночевать. Просторную избу, которую отвелъ ему, сейчасъ-же разукрасили чѣмъ только можно: на полъ, на лавки настлали ковры дорогіе, состряпали обильный ужинъ. Все село собралось вокругъ избы этой и выражало громкими кликами свое сочувствіе старому боярину.

Артамонъ Сергѣевичъ, отужинавъ, объявилъ окружающимъ его, что усталъ изрядно и пойдетъ соснуть,

чтобъ завтра пораньше, съ восходомъ солнечнымъ, выѣхать.

Счастливый и довольный протянулъ онъ свои старыя, уставшія члены на мягкой перинѣ, но глаза его не смыкались. Сонъ не являлся; въ избѣ было душно, да и мысли неотвязныя приходили одна за другою.

О многомъ нужно было подумать Артамону Сергѣевичу. Вотъ завтра, раньше полудня, въ Москву онъ вѣдетъ, свидится съ царицей, съ царемъ-ребенкомъ, со всѣми прежними друзьями, увидитъ домъ свой, когда-то веселый и роскошный, въ которомъ такъ часто принималъ онъ своего друга царя Алексѣя,—но теперь запустѣлый и заколоченный.

Ясно, во всѣхъ подробностяхъ представилось Матвѣеву это старое любимое жилище, въ которомъ прошли его лучшія годы. И невольно пронеслось передъ нимъ былое: вся жизнь вспомнилась.

Артамонъ Сергѣевичъ не могъ похвастаться знатнымъ родомъ: фамилія его была темная.

Не было у него сильныхъ родичей и свойственниковъ, съ помощію которыхъ могъ бы онъ возвыситься: приходилось самому работать, самому устроить жизнь свою. Пожалуй и не особенно трудно это стало, когда онъ попалъ во дворецъ: ему стоило только примазаться къ царскимъ любимцамъ, начать разные хитрые происки, пойти по торной дорогѣ многихъ темныхъ людей, достигнувшихъ почестей; но на это онъ не былъ способенъ. Выше всего ставилъ онъ исполненіе долга. Будучи военнымъ человѣкомъ, въ небольшихъ чинахъ, онъ не выпрашивалъ себѣ наградъ и повышеній; аккуратно и неуклонно являлся на службу; въ походахъ храбро бился за царя и родину. Съ подчиненными былъ ласковъ, строгъ и справедливъ, и въ войскахъ его скоро полюбили.

Счастливая звѣзда неожиданно, негаданно засвѣтилась надъ головой Артамона Сергѣевича: царь его замѣтилъ. Царь умѣлъ замѣчать нужныхъ и способныхъ людей. Онъ угадалъ въ Матвѣевѣ богатые способности и честную душу.

Послѣ смерти извѣстнаго Ордына Нащокина, Алексѣй призывалъ Артамона Сергѣевича и доручилъ ему вѣдать приказъ посольскій; и съ этого дня быстро возрастала къ нему царская милость.

Часто Алексѣй Михайловичъ призывалъ его къ себѣ; подолгу съ нимъ бесѣдовалъ и не мало наслажденія находилъ въ этой бесѣдѣ.

Скоро разумныя рѣчи Матвѣева сдѣлались для царя потребностью: между государемъ и подданнымъ завязалась горячая дружба—оба они сразу такъ хорошо поняли другъ друга. Матвѣевъ на лету схватывалъ каждую царскую мысль, умѣлъ развить ее и привести въ исполненіе.

И не одинъ царь любилъ его: вся Москва его почитала, совсѣмъ даже позабыли о его незнатномъ происхожденіи.

Но окруженный почетомъ, получивши огромное вліяніе на важнѣйшія дѣла государства, Артамонъ Сергѣевичъ не зазнался; по прежнему оставался онъ простымъ человѣкомъ, доступнымъ для каждаго, и жилъ по прежнему просто, въ ветхомъ деревянномъ домишкѣ. И такъ былъ ветхъ и непригляденъ этотъ домишко, что царь наконецъ началъ его уговаривать построить себѣ новыя палаты, сообразныя съ его званіемъ и положеніемъ.

Узнали въ Москвѣ, что Артамонъ Сергѣевичъ будетъ строиться—и вотъ повалили къ нему народъ со стрѣльцами: всѣ предлагали свои услуги, а подъ конецъ объявили, что коли въ Москвѣ будетъ недостатокъ въ строительномъ матеріалѣ, то они для добраго боярина съ радостью разберутъ могилы своихъ предковъ.

Но до разборки могилъ дѣло не дошло—и безъ того

нашлись въ Москвѣ камни и выросли быстро, какъ по пучьему велѣнью, новыя Матвѣевскія хоромы.

Царь присутствовалъ на освященіи хоромъ этихъ и потомъ, въ каждую свободную минуту, заѣзжалъ къ Матвѣеву, раздѣляя съ нимъ его хлѣбъ-соль, бесѣдовалъ. Онъ любилъ простоту Матвѣевского обычая, любилъ и то, что за трапезу выходило все семейство боярина.

Во время одной изъ такихъ трапезъ царь, какъ извѣстно, увидѣлъ воспитанницу Артамона Сергѣевича, красавицу Наталью Кирилловну Нарышкину, кончилъ тѣмъ, что горячо къ ней привязался и скоро нарекъ ее царицею.

Съ этого времени еще тѣснѣе сдѣлалась связь между друзьями и уже ничто не могло разорвать ее, никакіе вражескіе навѣты. А враговъ у Матвѣева оказалось теперь много: всѣ родственники и свойственники покойной царицы, Милославскіе, теперь оттѣсенные новою царскою роднею.

Не мало разныхъ слетенъ о проискахъ Милославскихъ доводилось до слуха Артамона Сергѣевича; но онъ мало обращалъ на нихъ вниманія, не злобствовалъ, не заботился о причиненіи вреда врагамъ своимъ. Онъ дѣлалъ свое дѣло, работалъ на благо Россіи, а свободное время посвящалъ изученію наукъ полезныхъ, да бесѣдамъ съ разными пріѣзжими иностранцами, отъ которыхъ чѣмъ нибудь можно было позаимствоваться.

Человѣкъ нрава веселаго, онъ заботился и о царскихъ удовольствіяхъ: образовалъ изъ своихъ людей дворовыхъ оркестръ и большую труппу актеровъ, первый ввелъ въ моду комедійныя дѣйства.

Счастливая звѣзда не закатывалась: дѣятельная, полезная и счастливая жизнь текла мирно и безмятежно, безъ бурь и волненій.

Незамѣтно проходили годы; густыя кудри боярина и борода его уже серебрились сѣдиною. Не мало морщинъ избородило живое, веселое и разумное лицо его, но онъ на это не сѣтовалъ—по прежнему свѣжа и годна для работы оставалась голова его, по прежнему много силы было въ крѣпкомъ тѣлѣ. Впереди рисовалась счастливая старость, полная довольства, почета, заслуженной славы, уваженія отъ всѣхъ людей русскихъ.

Но судьба рѣшила иначе. Нежданно негаданно закатилась звѣзда Артамона Сергѣевича: скончался царь. Сила перешла въ руки Милославскихъ, и они сейчасъ же постѣжили отдѣлаться отъ Матвѣева.

На него посыпались одно за другимъ всевозможныя обвиненія. Во дворцѣ начали говорить, что невозможно такого подозрительнаго человѣка какъ *Артемонъ* оставить правителемъ царской аптеки въ то время, какъ государь боленъ—того и жди отравить!—и отняли у Матвѣева аптеку.

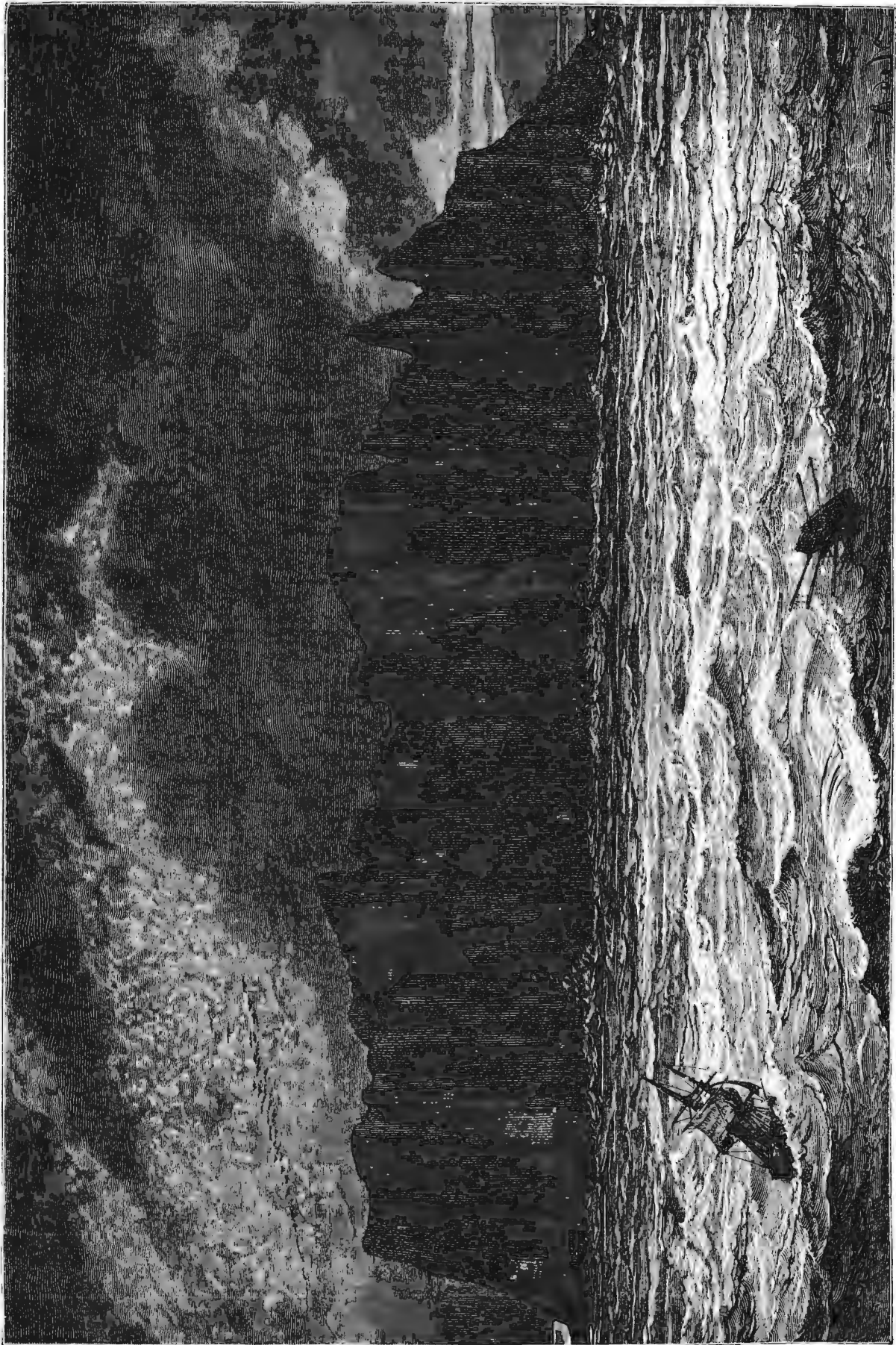
Потомъ новое обвиненіе:—датскій резидентъ Монсъ Гей, выѣзжая изъ Москвы, подалъ жалобу, что Матвѣевъ не доплатилъ ему пяти сотъ рублей за рейнское вино, поставленное имъ ко двору, и что на требованіе его прислали ему изъ посольскаго приказа фальшивый контрактъ на эту поставку. Немедленно-же пятьсотъ рублей выплатили Гею, а Матвѣева лишили завѣдыванія посольскими дѣлами и рѣшили выслать его изъ Москвы.

Артамонъ Сергѣевичъ ушамъ своимъ не вѣрилъ, услышавъ о такомъ рѣшеніи. Онъ любилъ Федора, съ самаго его дѣтства заботился о немъ, какъ о родномъ сынѣ, и вотъ этотъ Федоръ, вступивъ на престолъ, сразу выдаетъ его головою Милославскимъ. Сразу начинается великою ему обидою и не даетъ даже способа оправдаться.

Поѣхалъ Артамонъ Сергѣевичъ во дворецъ: можетъ быть царь выслушаетъ и дѣло разъяснится... Но до

Видъ женскаго Богородицкаго монастыря въ Казани. Рис. Клерже, грав. Гильдебрандтъ.

Мысъ Нордкнапъ на сѣверѣ Норвегіи. Рис. Невиль. грав. Ламландтъ.

царя его не допустили. Вышелъ бояринъ Стрѣшневъ и вынесъ указъ изъ царскихъ комнатъ въ переднюю и объявилъ боярину:

„Указалъ великій государь быть тебѣ на службѣ въ Верхотурѣ воеводою“. Таѣ, не простясь съ царемъ, Матвѣевъ долженъ былъ ѣхать въ свою почетную ссылку. Собралъ онъ сына, племянниковъ, людей необходимыхъ: монаха, священника да учителя, дворню большую да двѣ пушки для безопасности. Поѣхали... но едва успѣли доѣхать до Лаишева, какъ Матвѣева остановили. Явился полуголова Московскихъ стрѣльцовъ Лужинъ и потребовалъ книгу лечбникъ, въ которой многія статьи писаны цыфирью, потребовалъ вмѣстѣ съ книгами и двухъ людей: Ивана еврея и карлу Захара.

Книги лечбника, писанной цыфирью, у Артамона Сергѣевича не оказалось; людей же онъ выдалъ. Пока остановились въ Лаишевѣ; прожили здѣсь съ мѣсяцъ. Только вдругъ какъ-то ночью разбудили Артамона Сергѣевича: пріѣхалъ изъ Москвы думный дворянинъ Соковнинъ, да думный дьякъ Семеновъ.

Что имъ еще нужно?

Вышелъ Матвѣевъ; они ему и чести, какъ подобало, не отдали, даже не встали при его входѣ, а тотчасъ же съ разными грубостями стали требовать, чтобы онъ выдалъ имъ жену Ивана еврея, да всѣ письма, какія у него есть, все имущество на осмотръ, да племянниковъ, да монаха, да священника, да всѣхъ людей какіе съ нимъ были.

Матвѣевъ не сталъ перечить: выдалъ все и всѣхъ.

Тогда Соковнинъ и Семеновъ отправились на сѣзжій дворъ и прислали оттуда сказать Матвѣеву, чтобы онъ сейчасъ же явился.

Пришлось Артамону Сергѣевичу идти пѣшимъ.

На сѣзжемъ дворѣ и его и всѣхъ, кто былъ съ нимъ, допрашивали все о томъ же лечбникѣ, допытывались какимъ образомъ составлялось и подносилося лекарство больному царю Ѳеодору.

Матвѣевъ разсказалъ обо всемъ подробно.

Соковнинъ и Семеновъ, взявъ съ него письменное объясненіе, уѣхали, а ему приказано было отправиться въ Казань.

Въ Казани воевода, Иванъ Богдановичъ Милославскій, приставилъ въ нему карауль. Отняли у Артамона Сергѣевича почти всѣхъ людей. Онъ опять не сталъ спорить, съ достоинствомъ отвѣчалъ посланнымъ и не унывалъ духомъ.

Но скоро его терпѣнію и его спокойствію конецъ пришелъ. Очевидно врагамъ его, Милославскимъ, еще мало было, хотѣлось имъ въ конецъ обидѣть боярина, вдоволь надъ нимъ насмѣяться,—повели его съ сыномъ въ сѣзжую избу пѣшкомъ на поворъ людямъ и громко прочли вины его. Его обвиняли въ томъ, что онъ подавалъ царю лекарство, не попробовавъ предварительно. Кромѣ того лекаръ Давыдъ Берло доносилъ, что лечилъ онъ у Матвѣева Карлу Захара, а тотъ говорилъ ему, что боленъ отъ побоевъ господскихъ:

Какъ то, вишь, заснулъ онъ за печью въ палатѣ, въ которой Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ читали черную книгу. Во время этого чтенія пришло къ нимъ множество злыхъ духовъ. Духи объявили, что есть у нихъ въ избѣ третій человекъ. Тогда Матвѣевъ вскочилъ и, найдя его за печью, поднялъ, ударилъ о землю, топталъ и выкинулъ изъ палаты замертво.

При этомъ Берло прибавлялъ, что онъ самъ видѣлъ какъ Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ и съ переводчикомъ грекомъ Спафаріемъ, запершись, читали черную книгу. Спафарій училъ по этой книгѣ Матвѣева и сына его Андрея.

Эти обвиненія были такъ нелѣпы и возмутительны, что вся кровь ударила въ голову Артамона Сергѣевича. Онъ хотѣлъ оправдываться, объясняться; но дьякъ, чи-

тавшій вины, закричалъ: „слушай! молчи! не говори!“

Матвѣевъ замолчалъ. Онъ понялъ что оправданія ни къ чему не поведутъ, да и что стыдно ему оправдываться передъ дьякомъ, когда царь не хотѣлъ выслушать его оправданій!

Послѣ этого отняли у Артамона Сергѣевича боярство, все имѣніе, оставили ему только тысячу рублей и сослали съ сыномъ въ Пустозерскъ.

IV.

Страшныя воспоминанія! Потъ холодный отъ этихъ воспоминаній выступилъ на высокомъ челѣ Артамона Сергѣевича и ужъ не до сна у него было.

„И кто руку то на меня подыалъ... онъ, Ѳеодоръ!... Ѳеодюша! тотъ самый Ѳеодюша, котораго я на рукахъ нянчилъ, котораго училъ грамотѣ, которому всякія забавы придумывалъ.“

„Какъ умиралъ государь Алексѣй Михайловичъ, я великой клятвою поклялся работать на его сына... всю душу свою положилъ бы въ него, всѣ силы старья!... а онъ... онъ не постыдился повѣрить этимъ глупымъ наговорамъ, счелъ меня за чернокнижника... Но что-жь это? поднялся съ подушки Артамонъ Сергѣевичъ и перекрестился. Что это—я зломъ поминаю покойника!... прости меня Господи!“

И онъ сталъ горячо молиться за упокой души царя Ѳеодора.

„Нѣтъ, не Ѳеодюша виноватъ—онъ былъ добръ, справедливъ и душа у него была чистая“ думалъ далѣе Артамонъ Сергѣевичъ, „только слабость одолѣла, болѣсть лютая, такъ ужъ гдѣ же ему было разбирать правду и кривду... А тутъ сестры обступили... Милославскіе: народъ все хитрый! Чай онъ и не зналъ совсѣмъ о томъ, что со мной дѣлали—не дошло до него ни одно письмо мое.“

И сталъ изумляться Артамонъ Сергѣевичъ какъ это онъ тогда не сообразилъ, что писать царю и жаловаться—безполезно, что его письма не выйдутъ изъ рукъ Милославскихъ, будутъ для нихъ предметомъ злораднаго зубоскальства.

Дѣйствительно, матвѣевскія письма со смѣхомъ читались и перечитывались въ теремѣ, да у Милославскихъ. Царю ихъ не показывали—знали, что если покажутъ, такъ Артемонъ будетъ оправданъ: ужъ больно красно онъ расписываетъ, да и хитрости въ его оправданіяхъ не мало. Вишь какъ оправилъ себя, по захаркиному дѣлу:

„Передъ твоими боярами, писалъ Матвѣевъ, Захарка спрашиванъ и пытанъ и сказалъ, что въ то время, какъ я съ докторомъ Стефаномъ и Спафаріемъ читалъ книгу, онъ, Захарка, за печью уснулъ и захрапѣлъ, и будто я, услышавъ его храпѣніе, схватилъ его за волосы и толкнулъ черезъ порогъ, но онъ ничего не сказалъ съ пытки о приходѣ злыхъ духовъ, ясно, что воръ Давыдка это выдумалъ. А хотя бы Захарка и сказалъ, что видѣлъ злыхъ духовъ, то вѣрить нечему: надлежало бы допросить его, какъ онъ нечистыхъ духовъ могъ видѣть. Каковъ ихъ образъ? и почему онъ знаетъ образъ духовъ нечистыхъ? А воръ Давыдка почему не сказалъ, что мы читали въ черной книгѣ и какія дѣла и какія слова слышалъ онъ въ чтеніи? а чему меня и сынишку моего Спафарій училъ? У карлы Захарки два ребра переломлены, но переломалъ ихъ ему Иванъ Соловцовъ, съ которымъ онъ игралъ, и не отъ моихъ побоевъ онъ былъ боленъ. Злые духи сказали, что „есть у васъ въ комнатѣ третій человекъ“, то есть Захарка, но самъ Захарка показывалъ, что трое насъ читали черную книгу: я, докторъ Стефанъ и Спафарій, и я не знаю, кто очелся—духи ли проклятыя, низверженные, или воръ Давыдка и карло: четырехъ человекъ считаютъ за три. Захарка сказалъ, что спалъ за печью, а у меня въ палатинкѣ за печью спать нельзя—двѣ стороны у печи свободны, третья

печью придѣлана къ самой палатинкѣ и промежутка нѣтъ, а четвертая стѣна—у той печное устье. Захарка же сказалъ, что онъ спалъ и храпѣлъ. Какъ спящему человѣку возможно слышать, кто что говоритъ? или человѣку храпленіе свое слышать? Сафарій меня не училъ не только что богопротивному чемунибудь, но и ничему: не до ученья было въ вашихъ государскихъ дѣлахъ,— а сынишку моего училъ по гречески и по латыни, литерамъ малая части.....“

„Хитерь чортъ Артемошка!“ порѣшили Милославскіе и припрятали эту челобитную подалше отъ глазъ царскихъ.

Но чего-жь теперь думать обо всемъ этомъ? всѣ печали прошли безслѣдно.. Артамонъ Сергѣевичъ снова окруженъ почетомъ; его ждутъ въ столицѣ, во дворцѣ царскомъ первое мѣсто. Теперь онъ вдоволь, въ свою очередь можетъ насмѣяться надъ врагами своими, можетъ сторичею заплатитъ всѣмъ Милославскимъ. Но не о мести думаетъ Матвѣевъ... Конечно отниметъ онъ силу у враговъ своихъ—это необходимо для государства, для царя Петра Алексѣевича, ибо теперь враги Матвѣева въ тоже самое время и враги царскіе. Но не станетъ онъ издѣваться надъ ними, какъ они надъ нимъ издѣвались—не подобаешь это христіанину...

На этихъ мысляхъ совсѣмъ было успокоился Артамонъ Сергѣевичъ, даже засыпать сталъ. Но въ полуснѣ представился ему блѣдный образъ покойнаго Федора, и снова старый бояринъ раскрылъ глаза, и началъ шевелиться, и крихтѣть на мягкой перинѣ.

Горькое чувство опять запало ему въ душу,— такъ и умеръ царь, не примирившись съ нимъ, считая его врагомъ своимъ... его врагомъ!

И опять вспомнились старые походы, когда не щадили онъ жизни своей на службѣ царской.

Вотъ гонится ему какъ ратные люди пошли изъ подъ Львова и пришла тогда самая нужда: отецъ сына, братъ брата мечуть. И пришелъ голодъ и холодъ. Солдаты стрѣльцы, дворяне побросали въ степи пушки, припасы всѣ ратные и разбѣжались; бояринъ Бутурлинъ пошелъ скорымъ походомъ. Одинъ только Артамонъ Сергѣевичъ остался въ степи съ побросанными пушками и запасами да съ людьми немногими. Впряглись они всѣ сами тогда подъ пушки и всѣ пятьдесятъ девять пушекъ и съ запасами на своихъ спинахъ доставили до Бѣлой Церкви и до Москвы.

А то вотъ поды Конопомъ великій упадокъ учинился государскимъ людямъ и отступили воеводы къ Путивлю, такъ кто какъ не онъ, Матвѣевъ, строилъ тогда путь и обозъ и въ цѣлости доставилъ въ Путивль. Но развѣ это одно? и не упомянуть Артамонъ Сергѣевичъ всѣхъ службъ своихъ—и въ походахъ, и въ посольскомъ приказѣ. Все, на что стобитъ теперь посмотреть въ Москвѣ, все, чѣмъ можно похвастаться передъ иноземцами—все это его рукъ дѣло... а его обвинили въ разныхъ дѣлахъ непотребныхъ; обвинили даже въ грабѣжѣ и безчинствѣ, когда онъ можетъ, не краснѣя, дать отчетъ въ каждой нажитой имъ копѣйкѣ...

„Но Богъ съ ними, Богъ съ ними! шепталъ старикъ!— и въ обидахъ былъ, въ тѣснотѣ и голодѣ, такъ не роптать старался, а теперь то что-же? теперь нужно благодарить Бога.“

Онъ сталъ шептать слова молитвы и незамѣтно уснулъ сномъ глубокимъ.

Только рано утромъ выѣхать въ Москву не удалось: возставъ отъ сна, Артамонъ Сергѣевичъ плохо себя почувствовалъ—можетъ съ отвычки, съ плохой пици, какая была у него въ заключеніи, покушалъ чегонибудь лишняго; пришлось отложить отъѣздъ до вечера.

Но Матвѣевъ скоро началъ раскаиваться въ своемъ рѣшеніи. Пришли къ нему изъ Москвы нѣсколько чело-
вѣкъ стрѣльцовъ и рассказали, что у нихъ тамъ дѣ-

ется, рассказали, что бунтъ совсѣмъ готовъ и не сегодня, завтра вспыхнетъ.

Матвѣевъ вскопчилъ въ ужасѣ и негодованіи.

— Что-жь это я, вѣдь еще не умеръ! небось и такъ доѣхалъ бы. Нечего больше медлить!... запрыгать лошадей... скорѣе ѣдемъ!.. Уничтожу бунтъ или положу жизнь за государя, чтобъ глаза мои, на старости лѣтъ, большей бѣды не увидали!

Сейчасъ же начали собираться и скоро выѣхали. Но день задался знойный, очень быстро ѣхать было трудно и до Москвы добрались только къ вечеру.

Съ невольнымъ трепетомъ подъѣзжалъ Артамонъ Сергѣевичъ къ своимъ хоромамъ. Видитъ, ворота стоятъ настежь... большой дворъ травой заросъ—выполоть ее не успѣли—а на дворѣ люду всякого видимо не видимо. Колымаги, кареты, верховые кони со множествомъ стремянныхъ, верхниковъ, слугъ... видно много сюда важныхъ гостей поваѣхало.

Вошелъ Артамонъ Сергѣевичъ въ хоромы и со всѣхъ сторонъ окружила его толпа бояръ, окольныхкихъ, савновниковъ, всѣхъ чиновъ воинскихъ начальниковъ. Всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили привѣтствовать вернушагося боярина, о которомъ еще нѣскольکو дней тому назадъ никто и не думалъ.

Всѣ поздравляли его съ благополучнымъ прїѣздомъ, безбожно льстили ему и лгали, клянясь, что ежечасно помышляли о немъ, молились за него Богу, ждали не дождались его возвращенія. Въ числѣ присутствовавшихъ было не мало и приверженцевъ Милославскихъ.—Они явились для того, чтобъ все вывѣдать, выслушать, что будетъ говорить Матвѣевъ и подробно донести о словахъ его въ теремъ. Не было только въ палатахъ Артамона Сергѣевича боярина Ивана Милославскаго—тотъ продолжалъ больнымъ сказываться.

Не радостно становилось на душѣ у Матвѣева.

Разспросивъ обо всемъ, что въ Москвѣ творится, догадавшись и самъ о многомъ, онъ убѣждался съ каждой минутой все яснѣе и яснѣе, что прїѣхалъ на трудное, тяжкое дѣло.

Рвалось его сердце поскорѣй къ царицѣ Натальѣ, но теперь было поздно, пришлось отложить посѣщеніе дворца до слѣдующаго утра.

Раннимъ рано поднялся Артамонъ Сергѣевичъ и поѣхалъ въ Кремль. Тамъ его встрѣтили съ восторгомъ неопысанымъ.

Царица бросилась ему на шею, обнимала его, цѣловала, заливалась слезами, спѣшила обо всемъ рассказать, передать всѣ свои опасенія, узнать отъ него, что онъ думаетъ о томъ, о другомъ? Какъ онъ намѣренъ поступить? Что нужно дѣлать?

Никто и не хотѣлъ скрывать, что на него одного у нихъ вся надежда, что онъ теперь здѣсь хозяинъ, и всѣ будутъ его слушаться, безпрекословно исполнять его приказанія.

Выбѣжалъ къ Артамону Сергѣевичу и царь Петръ, не дождался чтобы старикъ поцѣловалъ его руку и поздравилъ его на царствѣ, крѣпко обнялъ своими дѣтскими, но уже сильными рученками шею боярина и называлъ его дѣдушкой, и цѣловалъ, и смѣялся.

— Ахъ, дѣдушка, говорилъ Петръ, слава Богу, что ты наконецъ прїѣхалъ, а то безъ тебя такъ было страшно! Матушка все плачетъ, убивается; дядя всѣ головы повѣсили; стрѣльцы приходятъ на дворъ, буянятъ... Вонъ вчера матушка укладывала меня спать, такъ плачетъ, говорить слова такія страшныя, что будто бы хотятъ убить меня,—да вишь ты не дасть она меня никому въ обиду! Только гдѣ же ей, дѣдушка, защитить меня—я скорѣй защищу ее, а вотъ ты теперь прїѣхалъ, такъ точно защитникъ. Вонъ смотри, вишь, матушка ужъ и улыбается, авось теперь плакать перестанетъ. А то, глядя на нее, и мнѣ самому все плакать хотѣлось. Нѣтъ, теперь мы больше не будемъ плакать,—

теперь мы съ тобою, дѣдушка, дѣло начнемъ дѣлать, стрѣльцовъ усмирять будемъ—вѣдь да, вѣдь правда? вѣдь мы усмиримъ ихъ?..

— Усмиримъ, государь, усмиримъ, мое золотое дятло! повторилъ Артамонъ Сергѣевичъ, наклоняясь своими грузнымъ, старческимъ тѣломъ передъ маленькимъ царемъ, цѣлуя его руки и глядя на него съ любовью.— Выросъ то какъ, выросъ! говорилъ онъ, обращаясь къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, и на глазахъ его блестѣли радостныя слезы.— Молодецъ какой! Красота какая! О, государыня, помяни слова мои—старость то вѣдь вѣщунья—помяни: великій государь будетъ сынъ твой Петръ Алексѣевичъ!

Но очень то поддаваться радостямъ свиданія Артамонъ Сергѣевичу было некогда. Онъ спѣшилъ проститься пока съ царицею и отправился къ патриарху Іоакиму.

Тотъ принялъ его во внутренней кельѣ и долго тайно съ нимъ бесѣдовалъ.

Съ нахмурѣннымъ лицомъ вышелъ отъ Патриарха Матвѣевъ, поѣхалъ къ старому своему пріятелю князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому.

Главный начальникъ стрѣлцевъ, Долгорукій, лежалъ теперь больной и было ему плохо. Но не смотря на свою болѣзнь онъ зналъ обо всемъ, что творится въ городѣ, а главное въ слободахъ стрѣлцевъ.

Съ тяжелымъ, мучительнымъ чувствомъ выслушалъ его рассказъ Артамонъ Сергѣевичъ и долго потомъ сидѣлъ молча, опустивъ на грудь свою сѣдую голову.

— Что-жь это такое, князь? наконецъ сказалъ онъ,— не пустая это сплетня—всѣ толкуютъ одно и то же... вонъ и патриархъ, и Нарышкины, и другіе бояре. Большую кашу заварили Милославскіе, нужно дѣйствовать немедленно—но какъ тутъ станешь дѣйствовать? запустили вы больно дѣло то, видно не со вчерашняго дня началось все, заранѣе подготавливалось и только вы позднечко разглядѣли.

— Правъ ты, правъ, Артамонъ Сергѣевичъ! со стопомъ отвѣтилъ Долгорукій,—ни на что мы не гожи. Я вотъ какъ пластъ лежу... на тебя одного вся надежда!

— Плохая надежда, печально усмѣхнулся Матвѣевъ,—самъ я, друже, совѣмъ распатался, ужъ не то, что былъ прежде. Вотъ слушаю васъ всѣхъ и ума не

приложу, какъ быть тутъ, въ головѣ мысли путаются... Думаю такъ, что все же обождать надо, дожидаться какого нибудь безчинства со стороны стрѣльцовъ и тогда съ ними начать расправу. А то попробовать развѣ мнѣ собрать ихъ да потолковать съ ними, добромъ потолковать?

— Вотъ этакъ то лучше! произнесъ Долгорукій.

— Ну, значить, и ладно, на томъ и порѣшимъ, трянулъ головою Матвѣевъ.—Въ старину толковать да уговаривать я гораздъ былъ,—авось они меня послушаютъ. А не послушаютъ, такъ пускай разорвутъ на части. Не могу я видѣть этакой смуты—вся думка моя отъ нея разрывается!

Артамонъ Сергѣевичъ, смигнулъ невольно набѣжавшія на глаза слезы, и простился съ Долгорукимъ.

Онъ отправился къ себѣ домой и не мало былъ обрадованъ, когда узналъ, что его ужъ съ часъ времени ожидаютъ выборные стрѣльцы, изъ всѣхъ полковъ, съ хлѣбомъ и солью.

Онъ немедленно къ нимъ вышелъ.

— Здравствуйте, дѣтки! ласковымъ голосомъ произнесъ онъ.

Стрѣльцы поклонились ему въ поясъ и подали хлѣбъ-соль.

— Спасибо, большое вамъ спасибо, дѣтку! сказалъ имъ Матвѣевъ. Радуетъ сердце мое, что вы меня не забыли.

— Какъ же намъ забыть тебя, нашего батюшку? отвѣчали стрѣльцы,—помнимъ мы всѣ твои милости, всю твою ласку. Радость большая у насъ, что ты по добру по здорову въ Москву къ намъ вернулся. Вотъ и пришли мы къ тебѣ взглянуть на твои свѣтлые

очи, да въ ножки тебѣ поклониться. Не оставь насъ, батюшка Артамонъ Сергѣевичъ, твоею милостью, заступись за насъ!..

И всѣ стрѣльцы дѣйствительно поклонились въ ноги Матвѣеву.

Онъ началъ поднимать ихъ.

— Что вы, дѣтки? Что вы? зачѣмъ кланяться мнѣ въ ноги? Царю такъ кланяйтесь... Въ чемъ же ваша просьба? говорите...

— Да тѣснятъ насъ больно, отвѣчали стрѣльцы,—начальство у насъ нынѣ плохое, справедливости къ себѣ никакой не видимъ... Такъ ужъ будь ты нашимъ заступникомъ! Вѣдь тебѣ больше, чѣмъ другимъ боя-

Ширъ-Али-ханъ, Эмиръ Афганістанскій. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Богомольцы на ступеняхъ храма Василя Блаженнаго въ Москвѣ. Рис. съ натуры И. Земцовъ, грав. В. Пудъ.
Библиотека "Руниверс"

рамъ заслуги наши извѣстны... на тебя вся наша надежда!

„Что-жь это такое? подумалъ Матвѣевъ, ничего не разбираю, что тутъ дѣется... Вотъ что значить время то: и не такъ давно кажется Москву покинулъ, а теперь все перепуталось, все другое; сразу никакъ не разберешься. Нѣтъ, тутъ нужно хорошенько осмотрѣться—можетъ вовсе не бунтъ затѣвается, можетъ и впрямь стрѣльцы не такъ ужъ виновны,—а разумные то наши бояре чуточную искорку въ пожаръ раздули. Этакъ, не разсмотрѣвши, да дѣло начать, такъ того и жди самъ своими руками себѣ яму выкопаешь, нѣтъ нужно осмотрѣться...“

Артамонъ Сергѣевичъ ласковыми словами успокоилъ стрѣльцовъ, общалъ имъ всякую защиту отъ несправедливостей и заключеніе выразилъ имъ надежду,

КЪ РИСУНКАМЪ.

Мысъ Нордкапъ въ Норвегіи.

Нордкапъ, самый сѣверный мысъ Европы, находится, какъ извѣстно, на сѣверѣ Норвегіи на островѣ Магероэ. Новыя изслѣдованія показали, что низменный утесъ Книфскіероденъ заходитъ въ океанъ еще далѣе Нордкапа, тѣмъ не менѣе колоссальная величина послѣдняго отвоевала себѣ извѣстность и первенство у узкаго утеса. Выдерживая въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій страшныя нападенія грознаго моря, громадная скала съ ослѣпительно бѣлыми полосами снѣга въ глубокихъ расщелинахъ своей вершины гордо вздымается, рисуясь на холодномъ сѣверномъ небѣ красивыми очертаніями.

Нордкапъ собственно представляетъ одну скалу, довольно ровную на протяженіи 2—3 милъ; но къ концу склоняющуюся и спадающую къ морю почти вертикально, образуя полукруглое очертаніе. Высота скалы здѣсь равняется 1000 фут. Сѣверная же часть удлинняется въ примѣтный острый уголъ. Темно-сѣрая масса лѣтомъ съ западной стороны до 500 фут. покрывается растительностью. Вершина же засыпана мелкими камнями, обломками мрамора, между которыми тамъ и сямъ пробиваются пурпуровые цвѣточки бисора, единственное растеніе на этой высотѣ.

Кой-гдѣ въ углубленіяхъ по камнямъ стекаютъ ручьи чистой, прозрачной воды. Сильныя землетрясенія раскололи скалу, и въ громадныхъ трещинахъ вѣчно хранятся снѣга. Впрочемъ, надобно сказать, что зима на Нордкапѣ совсѣмъ не такъ сурова, какъ можно бы думать, сообразуясь съ его сѣвернымъ положеніемъ. Полярные холода здѣсь теряютъ свою силу, благодаря высокимъ горнымъ цѣпямъ, отдѣляющимъ узкую береговую полосу отъ восточныхъ склоновъ Швеціи и Финляндіи и защищающимъ норвежскіе берега отъ холодныхъ восточныхъ вѣтровъ; съ другой стороны теплая вода Гольфстрема, выходя изъ Мексиканскаго залива, протекая чрезъ Атлантическій океанъ, достигаютъ сѣверныхъ береговъ Норвегіи и приносятъ съ собою тепло. Такимъ образомъ Норвежскія гавани бывають открыты во всякое время для судовъ. Въ цѣломъ, Нордкапъ представляетъ грандіозное величественное зрѣлище; голыя скалы, внизу безграничный океанъ, сверху такой же сводъ неба. Здѣсь особенныя чувства наполняютъ душу. Тутъ нѣчто подавляющее своимъ величіемъ. Единственное мѣсто, къ которому можно пристать, на Нордкапѣ, находится на западной стоі онъ въ какихъ нибудь 1½ англ. мил. отъ оконечности мыса, но достигнуть верхней платформы можно только длинными обходомъ.

Въ настоящее время, Норвежскіе берега получили значеніе и пріобрѣтають большую извѣстность. Какъ знаютъ наши читатели, теперь уже открыто водное сообщеніе Россіи съ Сибирью, и „Нива“ имѣла случай помѣстить по этому предмету статью и рисунокъ того судна, которое первое совершило путешествіе изъ Енисея въ Неву (см. Ниву 1878 г. № 4, стр. 68). Теперь уже нѣсколько пароходовъ совершаютъ рейсы между Енисеемъ и Гаммерфестомъ.

Гаммерфестъ находится на островѣ Гвалое и есть самый сѣверный городъ въ Европѣ, если не считать нѣсколькихъ еще ближе къ полюсу лежащихъ бѣдныхъ сибирскихъ мѣстечекъ, не заслуживающихъ названія городовъ. Прежде Гаммерфестъ также былъ не лучше и не лучше этихъ жалкихъ селеній, но теперь уже имѣетъ видъ хорошо устроеннаго города; а въ гавань его приходитъ множество судовъ. Замѣтимъ, что здѣсь въ Гаммерфестѣ на высотѣ 620 ф. надъ уровнемъ моря еще растетъ береза; но ель уже не встрѣчается.

Ширъ-Али-ханъ, эмиръ Афганскій.

Отецъ Ширъ-Али-хана, Достъ-Магометъ, эмиръ Афганскій, властвовалъ съ 1829—63 годъ; у него было 12-ть сыновей.

что сами они будутъ вести себя какъ слѣдуетъ добрымъ слугамъ царя и отечества, никакихъ беспорядковъ и буйствъ заводить не стануть.

— А тебѣ ужъ на насъ пожаловались; видно и не вѣсть чего насказали! раздалося между стрѣльцами. — Мы не бунтовщики, мы, вишь ты, справедливости только хотимъ, а съ такими полковниками, что насъ какъ липокъ обдирають, жить не станемъ!

И стрѣльцы, почесываясь и перемываясь, вышли отъ Матвѣева.

Почти было успокоенный первымъ впечатлѣніемъ этого свиданія, онъ снова глубоко задумался надъ тономъ послѣднихъ словъ выборныхъ стрѣльцевъ. Въ этомъ тонѣ ему послышалось что-то мрачное, непонятное, тяжелое, и сжалось его сердце какимъ то мучительнымъ предчувствіемъ...

Теперешній эмиръ, Ширъ-Али, былъ избранъ своимъ отцемъ Достъ-Магометомъ, наследникомъ ханскаго трона. Когда умеръ въ 1863 году Достъ-Магометъ, братья Ширъ-Али-хана, на первый разъ, повидимому, повиновались волѣ отца. Но затѣмъ, наконецъ, Ширъ-Али долженъ былъ, все-таки, вести изъ-за трона войну съ своимъ старшимъ братомъ, и борьба эта была нѣкоторое время безуспѣшна для Ширъ-Али, до такой степени безуспѣшна, что старшій братъ его Афууль-ханъ съ триумфомъ вступилъ въ Кабуль 21-го мая 1866 г. и былъ затѣмъ провозглашенъ эмиромъ. Британско-индійское правительство, однако, отказалось признать его въ этомъ достоинствѣ. Тогдашній вице-король Индіи, сэръ Джонъ-Лауренсъ, устроилъ такъ, что Ширъ-Али вступилъ во владѣніе болѣею частью Афганистана. Въ 1868 г. умеръ его братъ-соперникъ Афууль-ханъ, и Ширъ-Али вступилъ тогда въ Кабуль и получилъ полную безраздѣльную власть надъ Афганистаномъ. Можно предполагать, что въ хитромъ и предприимчивомъ эмирѣ уже въ 1869 году созрѣвала мысль о вторженіи въ Бухару; но отъ этого онъ былъ удержанъ британскими консулами, по крайней мѣрѣ такъ утверждалъ англичане. Со времени третейскаго суда по извѣстному Секстанскому вопросу въ 1871 г. (т. е. по спорному вопросу между Персіей и Афганистаномъ о границахъ) когда, по совѣту одного британскаго посредника, одной изъ спорящихъ сторонъ, именно Персіи, былъ присужденъ большой кусокъ территорій,—возникли нѣсколько натянутыя отношенія между эмиромъ и британскими властями, не прекращавшіяся и до сего времени. Напротивъ, въ 1876 году эти натянутыя отношенія достигли своего высшаго предѣла и превратились въ политически-враждебныя, повлекшія, наконецъ, за собою удаленіе изъ Кабула англійскаго агента. Послѣ этого случая, къ которому присоединился еще отказъ, со стороны эмира, сэру Дугласу Форсайту пройти черезъ Афганскую границу,—все это породило такія отношенія между Англійей и Афганистаномъ, которыя уже даже трудно охарактеризовать словами и которая сама англійская печать называетъ положеніемъ „пассивнаго выжиданія“. Съ тѣхъ поръ, какъ со стороны Россіи состоялось посольство въ Кабуль генерала Абрамова, Британіей въ высшей степени овладѣла, всегда впрочемъ свойственная ей, подозрительность. Какъ бы въ отвѣтъ на миссію Россіи, Англія отправила въ Афганистанъ свое специальное посольство, во главѣ котораго стоитъ сэръ Невиллъ Чемберленъ. Но афганскій эмиръ отказался принять англійское посольство. Сэръ Невиллъ Чемберленъ находился довольно долгое время въ Пешаверѣ, дожидаясь отвѣта эмира,—но не дождался, и двинулся впередъ, къ Кабулу, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы лицо, везущее отвѣтъ эмира, находится въ Алимусьидѣ; но въ Алимусьидѣ, вмѣсто посланца эмира, оказалась сильный отрядъ афганскихъ войскъ, который загородилъ дорогу англійскому посольству съ его вооруженною свитой, занявъ высоты, командующія ущельемъ. Сэръ Чемберленъ далъ знать объ этомъ скривизѣ, по телеграфу, вице-королю Индіи, и вскорѣ получилъ отъ него приказаніе возвратиться назадъ, потому что посольство къ эмиру отъправляется. Изъ этого въ высшей степени непріязненнаго поступка эмира афганскаго, Англія, или, говоря точнѣе, англійская печать заключаетъ, что *эмиръ заключилъ союзъ съ Россіей*. Англійская же печать давно толкуетъ на всѣ лады, что Англія ничего другого не остается, какъ занять Афганистанъ, объявивъ эмиру войну. Но вопросъ еще въ томъ, какъ посмотритъ на вновь затѣвающуюся войну англійскій парламентъ. Какимъ будетъ развязка этого, заинтересовавшаго теперь всю Европу, дѣла—не замедлитъ обнаружиться вскорѣ.

Иль дѣтей эмира Ширъ-Али-хана получилъ извѣстность Якубъ-ханъ, вмѣстѣ и теперь около 30 лѣтъ отъ роду. Онъ открыто возсталъ противъ отца въ 1870 г. Это возстаніе было довольно продолжительно и кончилось заключеніемъ Якубъ-хана въ тюрьму, въ Кабуль, въ 1874 г. Въ этомъ заключеніи

Якубъ-ханъ, по всей вѣроятности, находится и до сихъ поръ. Въ послѣднее время, впрочемъ, много говорили о бѣгствѣ Якубъ-хана изъ тюрьмы; но англо-индiйская печать не вѣритъ слухамъ объ этомъ бѣгствѣ. Существуетъ общее мнѣнiе, что, не смотря на оную, все-таки преeminиномъ эмира будетъ объявленъ Якубъ-ханъ. Нельзя не думать, что виновникомъ въ этомъ замѣшательствѣ, проискахъ, интригахъ все-таки представляется Англія. Со времени сдачи въ наше обладаніе Карса, Ардагана и Батума, въ Англіи и Англо-Индiи утвердилось политическое вѣрованіе, уже обратившееся въ поговорку, что только тотъ будетъ въ состоянiи удержать въ своей власти Индiю, кто овладѣетъ Афганистаномъ. Слѣдовательно, Англія имѣетъ уже твердые виды на обладаніе Афганистаномъ, и недавнее посольство къ эмиру составляетъ только прелюдію къ этому захвату. Покаместъ же Англія усилила только такъ называемый „политическій контроль“ надъ Афганистаномъ. Индiйское населеніе, однако, не вѣритъ въ продолжительность англiйскаго владѣнiя Афганистаномъ, если даже Англіи удастся захватить его. Вообще „Афганскій вопросъ“ теперь обращаетъ на себя все болѣе и болѣе вниманіе Европы. Турецкій Султанъ отпустилъ Саида-Решада-пашу въ качествѣ спеціального посланца къ Афганскому эмиру, въ Кабуль, Ширъ-Али, въ свою очередь, прислалъ въ Константинополь тайнаго агента, поручивъ ему передать непосредственно султану рѣшеніе эмира по вопросу о дипломатическихъ сношенiяхъ между Турціей и Афганистаномъ. Агентъ этотъ прибылъ въ Константинополь, съ соблюденіемъ строжайшаго инкогнито, 5-го (17-го) сентября; турецкое правительство отвело ему помѣщеніе и приняло на себя все издержки по его содержанию. Говорятъ, афганскій агентъ сообщилъ Порту, что эмиръ совѣтуетъ ей остерегаться Англіи и дѣйствовать въ согласіи съ Россіей по вопросамъ, касающимся интересовъ мусульманъ въ Средней Азiи. Выѣстъ съ тѣмъ, Ширъ-Али приглашаетъ Порту, въ возможно скорѣйшемъ времени, прислать въ Кабуль оттоманское посольство, отъѣздъ котораго, дѣйствительно, послѣдуетъ на дняхъ же. Въ настоящее время, изготовленіе роскошныхъ подарковъ, предназначенныхъ султаномъ Абдуль-Гамидомъ для афганскаго эмира, приходятъ къ концу; въ числѣ этихъ подарковъ обращаетъ на себя вниманіе великолѣпная шуба, расшитая жемчугомъ и драгоценными камнями высокой стоимости.

Богомолцы въ Москвѣ.

Рисунокъ представляетъ одну изъ сценъ, столь частыхъ въ Москвѣ, богатой православною святынею. Богомолцы, совершившіе бытъ далекій тысячеверстный путь, добрались, наконецъ, до стѣнъ Московскаго Кремля. Посѣтивъ храмъ Василия Блаженнаго и поклонившись его святынь, они остановились на ступенкахъ этого храма и всматриваются въ окружающія ихъ зданiя. Высокій сѣдовласый богомолецъ, вѣроятно уже бывавшій въ Москвѣ, что-то толкуетъ остальнымъ, лица которыхъ, смотря по особенностямъ каждаго, выражаютъ и удивленіе, и любопытство и чувство благоговѣнiя.

Въ художественномъ отношенiи рисунокъ обращаетъ на себя вниманіе не столько по выразительности лицъ, сколько по красивой группировкѣ фигуръ.

Красавица Серала.

Гаремная жизнь выработалась на востокѣ исторически, приняла извѣстныя формы и правила и до сихъ поръ управляется разъ установленнымъ порядкомъ, завѣщаннымъ ей давно прошедшимъ временемъ. Такъ, напримѣръ, іерархiя султанскаго гарема представляетъ такой же правильный планъ, какъ и всякая другая іерархiя, и чиновначаліе здѣсь соблюдается самымъ строжайшимъ образомъ. Каждая хорошенькая рабыня, купленная на Кавказѣ или въ Курдистанѣ, можетъ конечно надѣяться на повышение, но все-таки въ извѣстномъ порядкѣ и съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей. Такъ, если она удостоилась обратить на себя вниманіе повѣлителя правовѣрныхъ, то тотчасъ же получаетъ званіе—*Гизде* и поселяется въ особомъ помѣщенiи; если же расположеніе къ ней султана не прекращается, то она вскорѣ принимаетъ титулъ—*гербали* т. е. фаворитки, дающій ей право на постоянное содержаніе и на особый штатъ. Но высшимъ званіемъ, о которомъ вздыхаетъ и къ которому стремится каждая гизде и каждая гербали—это почетное званіе *кадимы* т. е. признанной жены султана. Положеніе кадимъ имѣетъ большое преимущество сравнительно съ положеніемъ другихъ обитательницъ серала. Онѣ остаются въ своемъ высокомъ званiи до самой смерти своего повелителя и супруга, а потомъ поступаютъ подъ покровительство его законнаго наследника. Если же, по какому нибудь счастливому случаю, которой нибудь изъ кадимъ удалось увидѣть на тронѣ своего сына, то она становится Валиде—султанъ, т. е. султаншей-матерью. Валиде-Султанъ занимаетъ высшее положеніе въ женской іерархiи гарема и все обитательницы послѣдняго должны безпрекословно подчиняться ей и оказывать ей такія же почести, какъ самому султану. Конечно такое высокое положеніе достигается очень немногими изъ затворницъ серала и болѣшинство ихъ влечитъ безцвѣтное, безотрадное существованіе

въ мимолетномъ званiи какой нибудь низшей фаворитки падишаха. Для каждой гаремной красавицы жизнь дѣлится на два, весьма отличные другъ отъ друга, періода: въ первый періодъ она со злобою встрѣчаетъ каждую новую соперницу; интригуетъ, сплетничаетъ, наговариваетъ и ведетъ постоянную борьбу. Второй періодъ—это періодъ утомленiя и апатiи: чувства притупляются, красавица дѣлается невозмутимо—равнодушной ко всему окружающему; она свыкается съ своимъ положеніемъ, не гнѣвается, не ронцетъ и падъ ней сбываются слова поэта:

„Привычка свыше намъ дана,—
Замѣтна счастья она.“

А. Н.

Иглы рыбки и морскіе коньки.

Иглы рыбки и морскіе коньки были уже отчасти описываемы на страницахъ „Нивы“, по поводу облаго рисунка, изображающаго ихъ въ аквариумѣ (см. Ниву 1875 г. № 29 стр. 453). Помѣщая въ настоящемъ номерѣ рисунокъ, дающій болѣе явственное изображеніе этихъ интересныхъ рыбокъ, мы дадимъ предварительно нѣсколько свѣдѣнiй вообще объ особенностяхъ строенiя рыбъ и ихъ внутренней организаціи, обусловливаемой той средою, въ которой онѣ проводятъ свою жизнь.

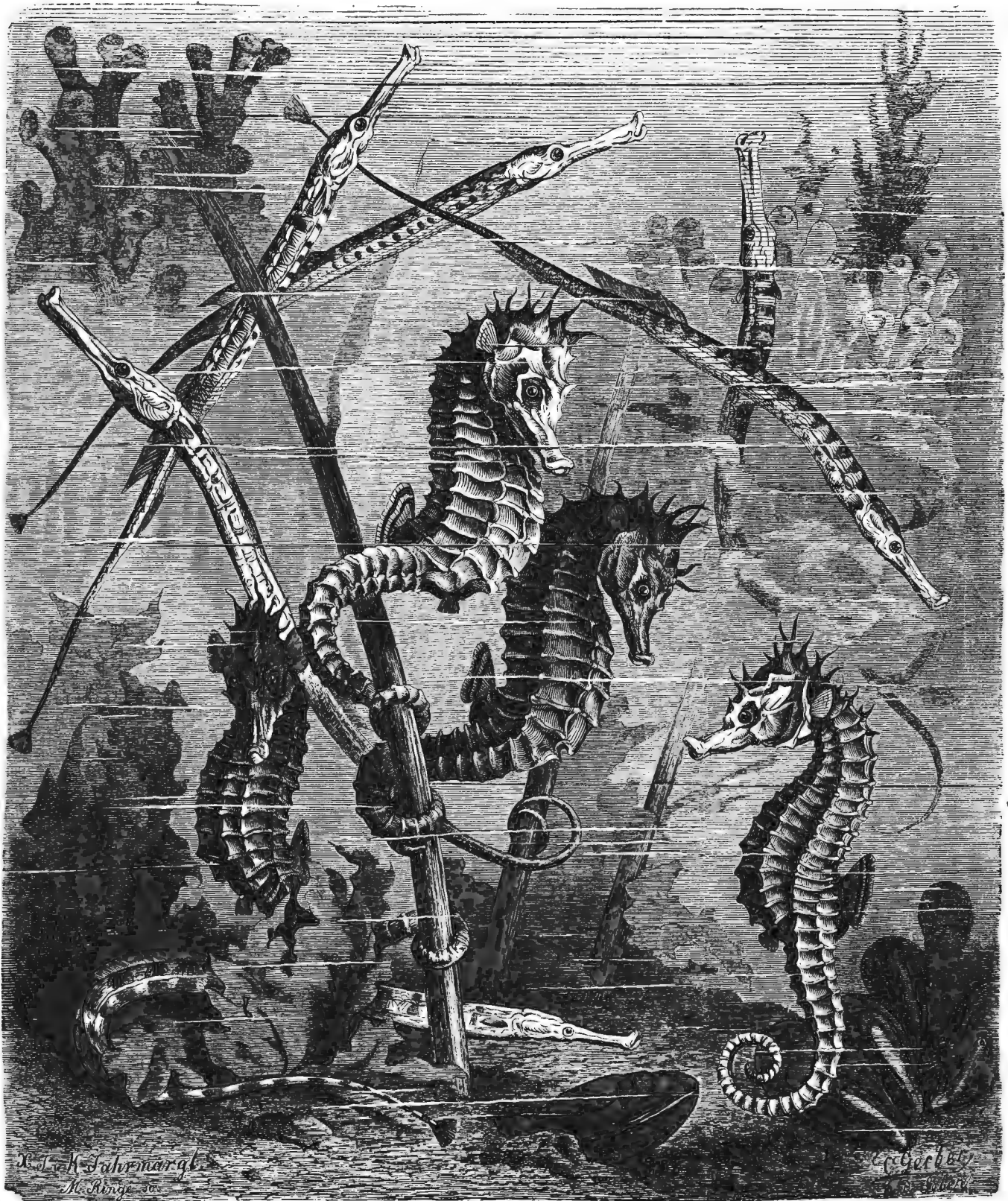
Нужно прежде всего сказать, что, не смотря на значительное разнообразіе видовъ рыбъ, все онѣ въ главной формѣ своего тѣла сходствуютъ между собою. Форма эта обыкновенно плоская, сжатая съ боковъ, часто съ острымъ килемъ съ брюшной стороны для болѣе удобнаго прорѣзыванiя воды. Поверхность тѣла покрыта чешуйками, лежащими другъ на другѣ подобно черепицѣ. Дышутъ рыбы посредствомъ жаберъ, съ чѣмъ связуется и простое устройство венознаго сердца. Жабры находятся по сторонамъ глотки; для того, чтобы вода дошла до жаберъ, рыбы открываютъ ротъ и втягиваютъ воду. Органами движенiя служатъ массы мышцъ, которыя тянутся четырьмя рядами вдоль тѣла отъ головы до конца хвоста. Быстро сгибаемая хвостъ и заднюю часть туловища то направо, то налѣво, эти мышцы производятъ движенiя впередъ, причемъ помогаютъ и плавники, съ такимъ родомъ движенiя сообразуется и строеніе позвоночнаго столба, непосредственное сочлененіе головы съ туловищемъ. Свободноподвижная шея могла бы только препятствовать движенію и потому шея собственно нѣтъ. Въ своей передней части туловище рыбы неподвижно и въ своихъ частяхъ тѣсно сплочено, уже далѣе оно становится болѣе подвижнымъ и, не раздѣляясь на грудную, брюшную и поясничную области, переходитъ въ хвостъ, съ чрезвычайно подвижными позвонками, слѣдствіемъ чего хвостъ и становится главнымъ органомъ движенiя.

Скелетъ рыбъ представляетъ много разнообразныхъ формъ: отъ самыхъ простыхъ первичныхъ до болѣе развитыхъ, свойственныхъ рыбамъ, формъ скелета. Первая система рыбъ стоитъ на простѣйшей и низшей ступени во всемъ типѣ позвоночныхъ. Первые ихъ мало вѣтвятся и оттого мало чувствительны. Изъ органовъ чувствъ болѣе всего развито зрѣніе. У большинства рыбъ глаза состоятъ изъ плоскаго глазнаго яблока съ относительно большимъ и почти шаровиднымъ хрусталикомъ, далеко выдвигающимся впередъ зрачка. Вѣкъ или вѣтъ совѣтъ, или ихъ замѣняютъ неподвижныя складки кожи; только у хрящевыхъ рыбъ есть нижняя и верхняя вѣки. Глаза рыбъ не могутъ быть направлены на извѣстную опредѣленную точку, потому что двигательные мускулы въ нихъ отсутствуютъ; за то зрачекъ и хрусталикъ очень велики, и потому глаза рыбъ имѣетъ широкое поле зрѣнiя. Представителемъ слуховаго органа у рыбъ служитъ кожистая часть лабиринта; у многихъ костистыхъ рыбъ слуховой органъ соединяется съ плавательнымъ пузыремъ. Слухъ рыбъ вообще мало развитъ.

На этомъ основанiи высказываются учеными наблюдателями предположенiя, что едва-ли рыбы могутъ пугаться громкаго говора на берегу или звона, такъ какъ звуковыя движенiя, при переходѣ въ воду, задерживаются и совершенно прекращаются въ болѣе плотныхъ ея слояхъ. Другое дѣло, когда происходитъ сотрясеніе почвы (напримѣръ при тѣдѣ по берегу),—это сотрясеніе рыбы весьма скоро замѣчаютъ, такъ какъ оно съ значительною быстротою отражается на водѣ. Обоняніе рыбъ состоитъ изъ двухъ наглухо закрытыхъ носовыхъ полостей, внутренняя поверхность которыхъ значительно увеличивается складками, образуемыми слизистою оболочкою. У нѣкоторыхъ скелетная трубка проходитъ въ небо и служитъ дыхательнымъ путемъ, регулирующимъ входящую въ жабры воду. Органомъ вкуса служатъ, повидному, мясистая часть неба, богатая нервами; языкъ встрѣчается не всегда у рыбъ, а имѣющіеся находится въ крайне зачаточномъ состоянiи и покрытъ жесткою оболочкою. Для осязанiя, рыбамъ служатъ губы съ ихъ придатками т. е. усиками и можетъ быть также нѣкоторые отдѣляющіеся отъ плавниковъ длинныя лучи. Система же боковыхъ капаловъ передаетъ чувствительность кожѣ, такъ какъ въ порахъ боковой линiи лежатъ нервныя узелки, соединенныя съ нервною нитью—отчего становится весьма вѣроятнымъ, что это и есть органы ощенiя. Такъ какъ рыбы дышутъ жабрами, то у нихъ связь чувствъ обонянія и вкуса находится еще

Красавица Серая. Рис. Вайкслюберъ, грав. Цамарскій.

Иглы рыбы и морские коньки. Рис. съ натуры К. Герберъ, грав. Ярмаркъ и Рингъ.

въ болѣе тѣсномъ родствѣ, чѣмъ обыкновенно бываетъ у животныхъ, дышущихъ чрезъ носъ.

Натуралистъ Деви высказываетъ такое предположеніе, что у рыбъ въ грибовидной и богатой перлами слизистой оболочкѣ зѣва, называемой „языкомъ карповъ“, есть особые органы и нервы, при помощи которыхъ онѣ въ состояніи судить о количествахъ воды и о растворенныхъ въ ней веществахъ. Натуралистъ этотъ считаетъ положительно несомнѣннымъ, что рыба весьма охотно идетъ на такую приманку, которая отличается пахучестью, такъ напримѣръ на пахучее тѣсто или на особенно пахучихъ червей. Засимъ, наблюденія указываютъ, что губы и усики рыбъ служатъ имъ важными органами для различенія годной и негодной къ употребленію пищи. Кромѣ того, усики имѣютъ, какъ кажется, назначеніе—предохранять рыбъ отъ соприкосновенія съ посторонними предметами, но эти-же усики у нѣкоторыхъ рыбъ служатъ орудіемъ для приманки добычи.

Температура, въ которой живутъ рыбы, почти не различается отъ температуры ихъ крови; кровь эта бываетъ обыкновенно красная и только у нѣкоторыхъ рыбъ—бѣлая.

Большинство рыбъ размножается икрами, которыя онѣ мечутъ въ воду, въ удобныхъ мѣстахъ, икрой; только немногіе рожаютъ живыхъ дѣтенышей. Размноженіе обыкновенно происходитъ только разъ въ году и въ опредѣленное по различнымъ отдѣльнымъ семействамъ время года, чаще всего весной. Вымеченная самкою икра оплодотворяется въ водѣ самцомъ. Фактъ вѣдѣнаго оплодотворенія рыбьихъ яицъ и привелъ къ возможности искусственнаго оплодотворенія и искусственнаго разведенія рыбъ. Несравненно большая часть рыбъ питается животной пищею, частію—какъ акулы и другія большія рыбы—маленькими морскими и прѣсноводными животными, особенно раками и моллюсками. Иныя рыбы всеядны, а иныя, какъ напр. карпы, питаются растеніями.

Рыбы раздѣляются на нѣсколько разрядовъ: костистыхъ, трубкосердыхъ—съ ланцетовидной формой тѣла, безъ головного мозга и черепной коробки, съ пульсирующими сосудами и безвѣтной кровью; круглоротыхъ—червеобразныхъ, съ хрящевымъ скелетомъ, съ круглыми сосудами рта; хрящевыхъ также съ хрящевымъ скелетомъ, но по своей организаціи стоящихъ во главѣ рыбъ въ качествѣ высшей группы.

Изображенныя на нашемъ рисункѣ рыбы относятся къ костистымъ, имѣющимъ костяной скелетъ и позвоночный столбъ, состоящій изъ раздѣльныхъ позвонковъ. Кожа костистыхъ покрыта чешуеобразно расположенными чешуйками.

Костистыя въ свою очередь дѣлятся на нѣсколько отдѣловъ, какъ то: пучкожаберныхъ, сростночелюстныхъ, мягкоперыхъ, колючеперыхъ, безколючихъ.

Представителями пучкожаберныхъ служатъ иглорыбки, морскіе коньки и пегасы. Тѣло ихъ покрыто четырехугольными костяными щитками, а голова вытянута въ видѣ хоботка. Главное отличіе этой группы составляетъ особенная форма жаберъ, которая въ противоположность жабрамъ прочихъ костистыхъ, состоитъ изъ немногихъ листочковъ, вздутыхъ на подобіе пуговицъ. Рыбы этого отдѣла являютъ замѣчательный примѣръ заботы о своемъ размноженіи. У самцовъ на конѣ хвоста находятся почти всегда два кожистые клапана, образующіе вмѣстѣ щель, въ которое принимаются яйца и гдѣ онѣ высиживаются. Молодыя рыбки выходятъ оттуда уже развитыми. Пучкожаберныя—маленькія рыбы, живущія между морскими водорослями. Длина морского конька бываетъ напр. до 8 дюймовъ; но морская игла иногда въ морѣ достигаетъ до 2 фут. длины. На себя эти масляныя рыбки обращаютъ вниманіе только своею странною формою: и за такую наружность и за плавныя, легкія движенія морскихъ коньковъ, всегда плывущихъ вертикально, и за граціозное волненіе въ водѣ морскихъ иглъ—ихъ охотно помѣщаютъ въ акваріяхъ.

Случается, что морскіе коньки, подплывши близко одинъ къ другому, сбѣются хвостами, и тогда, стараясь раздѣлится, они долго возятся, отыскивая точку опоры въ водоросляхъ. Глаза ихъ, какъ у хамелеона, двигаются независимо одинъ отъ другого. Подобныя свойства составляютъ привлекательность для наблюдателя, особенно же игра ихъ цвѣта.

Голова морского конька, какъ видно изъ рисунка, чрезвычайно похожа на голову лошади. Цвѣтъ рыбки свѣтло-коричневый съ голубымъ или зеленоватымъ отблескомъ. Морская игла съ тонкимъ тѣломъ, суживающимся постепенно къ концу и заканчивающимся хвостовымъ плавникомъ. Рыльце иглы напоминаетъ форму дудки. Цвѣтъ кожи темно-коричневый, съ еще болѣе темными окрашеніями.

Z.

КЛЕОПАТРА.

(Рѣчь профессора Миссена)

(Продолженіе).

Александрія съ своею превосходною гаванью, самыми благоприятными средствами сношенія, сдѣлалась господствующимъ всемірнымъ рынкомъ на Средиземномъ морѣ. Ея пути сообщенія достигали въ Африкѣ далеко къ Экватору; эти пути обнимали Индію и Индійскій архипелагъ и даже отдаленный Китай. Но къ торговлѣ присоединялась еще индустрія, или фабричная промышленность. Выдѣлка полотна, стекла, папируса, особенно процвѣтала въ Александріи. Засимъ, Александрія была прекраснѣйшій, по наружности, городъ въ древности, построенный по величавому плану въ своеобразномъ стилѣ. Разные цари, наперерывъ, старались украсить молодую столицу великолѣпными постройками. Народонаселеніе, простиравшееся числомъ до *милліона*, состояло преимущественно изъ грековъ, египтянъ и евреевъ. Ловкое и дѣятельное это населеніе умѣло не только наживать богатства, но и пользоваться ими. Духовныя дарованія Александрійцевъ доказываются ихъ необыкновенною способностью къ остроумію. Нигдѣ не было столь рѣзкихъ и острыхъ, подобно бритвѣ, языковъ и нигдѣ населеніе не было болѣе способнымъ отъ слова сейчасъ же перейти къ дѣлу,—какъ именно въ Александріи. Шумныя скупщица, споры, волненія и проч. принадлежали къ обыкновеннымъ событіямъ дня. Но самая рельефная черта, выступавшая въ характерѣ александрійцевъ—это было ихъ глубокое пониманіе и восторженная любовь къ музыкѣ. Музыкальная способность проникла въ слои населенія, и обыкновенный черноработчій, переносчикъ тяжести, не умѣющій ни читать, ни писать, въ болѣе частіи случаевъ, оказываясь неогрѣшимымъ судьбою и указателемъ фальшиво взятой ноты или неумѣтнаго аккорда. Затѣмъ, ко всему преимуществамъ географическаго положенія города присоединялся еще и благоприятный климатъ; Александрія славилась еще въ древности какъ мѣсто „климатическаго леченія“. И это не могло быть иначе. Въ богатомъ, роскошномъ городѣ культивировались всѣ искусства, служація для улучшенія жизни и эстетической утонченности. Здѣсь была высшая школа наслажденія жизнию. Александрія, пишетъ одинъ изъ поствѣтателей этого города, бывшій въ немъ за 50 л. до Р. Х., относительно красоты, величія, богатства, роскоши и комфорта, далеко оставляетъ за собою всѣ другіе города. Но и не этимъ только однимъ; чтобы дополнить картину, нужно еще прибавить, что Александрія превосходитъ другіе города древности и въ умственномъ отношеніи. Александрія обладала не только самыми величественными научными учрежденіями и средствами образованія, бібліотеками, обсерваторіями, ботани-

ческими и зоологическимъ садами, но въ ней никогда не перводились и великіе ученые. Александрія была пріютомъ и питомникомъ современныхъ намъ наукъ, математики, астрономіи, естествознанія, медицины, географіи и филологіи. Если съ универсальной точки зрѣнія измѣрять заслуги всемірныхъ городовъ, если сравнивать то, что они сдѣлали для пополненія общей суммы человѣческаго знанія, и вообще для одухотворенія и облагороженія человѣческаго бытія, для возвышенія господства человѣка надъ грубою, матеріальною природою, то окажется, что Римъ, напримѣръ, займетъ *самое низкое*, а Александрія *самое высокое* мѣсто. Городъ Цезарей и Паль лежитъ на весьма тощей, въ духовномъ отношеніи, почвѣ. Напротивъ, въ городѣ при устьяхъ Нила сочетались гений Греціи съ стародревнею мудрою опытностью Востока, и отъ этого сочтанія произошли тѣ творческія мысли, которыми пробитъ вѣрный путь къ современной культурной жизни. Но нельзя въ короткихъ словахъ охарактеризовать значеніе Александріи. Возьмите лучше для сравненія примѣръ. Представьте себѣ прекраснѣйшій и привлекательнѣйшій всемірный городъ новаго времени роскошно наслаждающийся и въ то же время представляющій бездну сокровищъ человѣческаго ума и знанія, бездну ученыхъ и научныхъ учрежденій.—Такимъ, конечно, вы назовете современный Парижъ. Перенесите же его на берегъ разстилающагося необъятною голубою ширью Средиземнаго моря—и вы будете имѣть идею объ Александріи *).

* Изъ множества описаній Александріи, сдѣланныхъ въ нашемъ вѣкѣ, однимъ изъ самыхъ лучшихъ можно считать описаніе вѣдѣнаго берлинскаго египтолога, профессора Бруша. «Почти во всѣхъ описаніяхъ Александріи,—говоритъ Брушъ, можно встрѣтить вальющіеся обломки гранитныхъ и мраморныхъ колоннъ и капителей. Самыми лучшими капителями арабы украшаютъ входы въ свои жилища. Цистерны, или древніе городскіе водоемы, число которыхъ простирается до 2000,—всѣ весьма древняго происхожденія; многія изъ нихъ замурованы, другія остаются открытыми. По ихъ расположенію, обыкновенно, узнаютъ направленіе Александрійскихъ улицъ. За сѣмъ есть въ Александріи огромное множество катакомбъ, особенно скученныхъ въ сѣверо-восточной части города, въ такъ назыв. Корсо. Эти «огромные гробы» расположены направо и налево отъ дороги, при чемъ если можно узнать фундаменты древнѣйшихъ зданий. Дорога усыпана глыбами гранита и порфира. Въ этомъ именно мѣстѣ Августъ побѣдилъ Антонія. Катакомбы представляютъ *тропійскій* характеръ построекъ: или онѣ были съ выгнутымъ сводомъ и въ нихъ погребали мертвыхъ или они представляли комнату четвероугольной формы, высѣченную въ известнякѣ, или же сводъ ихъ соединился подъ острымъ угломъ, на подобіе свода сельскихъ доминовъ. На стѣнахъ внутри катакомбъ остались слѣды грубой греческой и римской живописи. Въ средѣ катакомбъ всегда найдешь остатки мраморныхъ плитъ, колоннъ и капителей; попадаются и саркофаги, или гробницы, съ изысканными скульптурными цвѣтущаго римскаго періода искусства. Подвигаясь далѣе среди лабиринта этихъ подземныхъ сооруженийъ, къ сѣверо-западу, къ морю, встрѣчаемъ исполненія сооруженія

Обладатель Египта был уже с глубокой древности самый богатый человек во всем мире. Каждогодно в неизменном регулярном порядке, река Нил разливалась из берегов, покрывала поля, удобряла их своим илом и обуславливала необычайное плодородие египетской почвы. Население же Египта, необычайно прилежное и трудолюбивое, всегда тщательно собирало богатую жатву полей, и весь полученный от жатвы этой продукт шел властителю Египта, и властитель этот представлялся единственным землевладельцем страны. И какая жестокая железная участь тяготела, да и теперь еще тяготит над несчастною, но крайне стойкой египетской расой!.. 5—6 тысяч лет тому назад, египетские рабочие должны были обтесывать громадные камни для постройки пирамид, этих величайших сооружений, которые когда либо воздвигала человеческая рука. Да и в настоящее время, ввѣшным образом, участь феллахов почти не перемѣнилась. Но несчастное турецкое владычество весьма значительно уменьшило благословенные дары Нила, множество пахатной плодородной земли запущено, а вслѣдствие этого и население Египта убавило на половину. В настоящее время народонаселение Египта считается приблизительно 4 миллиона, тогда как в древности оно достигало 7½ миллионов, не считая греческие города. Конечно, и теперь упорного, соединенного с потом и кровью труда 4-х миллионов феллахов достаточно, чтобы доставить египетскому хедиву такое роскошное существование, о котором не может мечтать ни один из сильных мира сего. Однако и хедив не может похвастаться роскошью с своими древними предшественниками. Например, доходы отца Клеопатры, по одним известиям, простирались до 16 миллионов, а по другим—они доходили до цифры большей 20-ти миллионов нынешних прусских или германских талеров*), а так как тогдашняя цена денег превосходила нынешнюю в 3 или в 4 раза, то мы уже здѣсь имѣем дѣло с такими суммами, которые, по своей громадности, ускользают от всякого точного опредѣления и смѣются над всякою подобною попыткой. Отец Клеопатры был страстный любитель музыки и, благодаря своей виртуозности в игре на флейтѣ, получил прозвание „Аулета“, т. е. прока на флейтѣ. Этот царь не был доволен своими сокровищами. При династии Птоломеев Египет и его преуспеяние и богатства стали клониться къ быстрому упадку, каковое явление всегда бывает неизбежным слѣдствием деспотизма. Недугъ политизма или многоженства, распатал и потряс славный дом Птоломеев, а воздавшись этим царямъ божеской почести, заставившая массу народа уничтожаться и валяться в праху у ногъ властителей—эти почести огумнили и ослѣпили ихъ разумъ. Дикій и варварскій обычай держать при дворѣ цѣлый полкъ придворныхъ льстецовъ, внуховъ и разныхъ наемныхъ лизоблюдовъ—обычай свойственный восточнымъ дворамъ, пустил свои корни и при дворѣ Птоломеев, а къ этому присоединились еще отвратительныя жестокости, выражавшіяся в убійствахъ самыхъ близкихъ родственниковъ. Вотъ римляне и воспользовались этимъ упадкомъ египетской династии. Они могли бы, не медля и безъ особаго труда покорить Египетъ, но они не знали чего собственно достигнуть они этимъ завоеваніемъ. Пока Римъ былъ свободнымъ государствомъ, Египетъ былъ обезпеченъ отъ римскаго завоеванія. При этихъ условіяхъ, ни одна партія въ Римѣ не могла допустить, что бы другая партія бросилась на ловлю добычи, приобритеній, завоеваній. Ни одинъ римскій государственннй человекъ не потерпѣлъ бы если бы его сотоварищъ пустился на эту заманчивую ловлю. Но, однако, къ эти аристократы и демократы, личности высшаго происхождения и герои, вышедшіе изъ среды римской черни,—всѣ эти Крассы, Цезари, Помпей, Габоніи, Клодии, Цицероны, всѣ эти руководители Римской республики, подобно пиявкамъ, наперерывъ присасывались къ египетскому царю, чтобы насытиться благословенными дарами Нила. В течение цѣлыхъ 30 лѣтъ египетскій царь управлялъ среди постоянныхъ униженій, причиняемыхъ римскими оптиматами; но относительно своихъ подданныхъ онъ былъ правитель весьма жестокій. В силу частнаго домашняго закона Лагидовъ, Птоломеи Аулетъ былъ соединенъ узами брака съ своею сестрою Клеопатрою. Отъ этого брака онъ имѣлъ пятерыхъ дѣтей. Изъ нихъ старшею была дочь; она возмущилась противъ отца, владѣла в течение многихъ лѣтъ трономъ, и, наконецъ, когда отецъ ея, при помощи римскаго оружія, вновь возведенъ на потерянный тронъ, она погубила отъ руки палача. Но потомъ по смерти Аулета, въ 52 г. до Р. X., Египетское царство досталась второй его до-

чири Клеопатрѣ, вышедшей замужъ за своего старшаго брата Птолемея. При восшествіи на тронъ этой царственной пары, Клеопатрѣ было 17, а ея брату и супругу только 9-ть лѣтъ отъ роду.

Древніе любили представлять свои города подъ именемъ женщинъ,—или подъ именемъ, издревле почитавшихся воинственныхъ богинь, какъ Афина-Паллада, или же—богинь, снабженныхъ рогомъ изобилія, какъ Сорія и Abundantia*). Эти представления и въ новѣйшее время весьма часто принимаются въ ихъ аллегорическомъ смыслѣ. Такъ, богиня города Александрии называлась *Изидою*, творящею владычицею природы, владычицею, которая въ долині Нила такъ осязательно низпосылаетъ человеку свое благословеніе. Подобное же возрѣніе существовало и относительно *Афродиты* или *Венеры*, богини любви. Вслѣдствіи Клеопатры охотно допускала своимъ подданнымъ чествовать себя какъ Изиду, и даже приняла титулъ „Новой Изиды“. И царица была не совсѣмъ неправа, потому что рѣдко съ большею рельефностью городъ воплощался и олицетворялся въ человекѣ, чѣмъ всемирно-торговый городъ при устьѣ Нила воплотился въ своей послѣдней царицѣ. Мы, конечно, не въ состояніи составить себѣ достаточно ясное представление о красотѣ Клеопатры, основанное на туземныхъ египетскихъ данныхъ. Сохранившіеся на монетахъ портреты знаменитой египетской царицы слышкомъ грубы и имѣютъ весьма малую художественную цѣну, а изъ тѣхъ портретовъ Клеопатры, гдѣ художники древняго и новаго времени руководили своею фантазіей, мы еще и того менѣе вправѣ заключать о дѣйствительныхъ, а не вымышленныхъ чертахъ лица Клеопатры. Современники Клеопатры обрисовываютъ ее въ слѣдующихъ чертахъ: „Ея красота, сама по себѣ, конечно, не была несравненною, и чувства зрителя не очаровывались ею при одномъ только взглядѣ: но въ обращеніи она обнаруживала неодолимою привлекающую силу. Очаровывающее теченіе ея рѣчи, какая-то особенная, трогательная прелесть ея души, всего ея существа сообщали ея прелестямъ какое-то жало, которое глубоко вошло въ душу человека, удостоеннаго ея обращенія. Было уже высокимъ удовольствіемъ слышать одинъ звукъ ея голоса. Ея языкъ уподоблялся лирѣ, снабженной многими струнами; она владѣла каждымъ языкомъ съ равнымъ совершенствомъ“. За симъ, у насъ есть много доказательствъ утонченнаго образованія Клеопатры. О высокомъ полетѣ и совершенствѣ, которые обнаружилъ ея умъ еще въ самые юные годы, свидѣтельствуетъ ея обширное и основательное изученіе языковъ. Для того времени такое изученіе имѣло громадную пользу. На Востоку, гдѣ столько разнообразныхъ языковъ и племенъ находилось въ одной какой либо монархіи,—для достоинства властителя не могло быть лучшей рекомендаціи, какъ его умѣнье объясняться безъ переводчика со всеми національностями своего государства. Кромѣ своего родного греческаго языка, Клеопатра знала не только языки своихъ подданныхъ, какъ-то египетскій, эоипскій, еврейскій, но она владѣла также рѣчью арабовъ, сирійцевъ, персовъ и важѣйшими идиотизмами другихъ азиатскихъ языковъ. Понятно, что городъ, подобный Александрии, долженъ былъ питать гордые мысли и давать имъ направленіе къ самой высшей цѣли человѣческаго честолюбія и самолюбія. Въ стѣнахъ Александрии находился прахъ великаго Александра, ея основателя. Древнее предвѣщаніе гласило, что одно уже обладаніе прахомъ Александра составляетъ ручательство за всемирное господство. Въ Александрии же покоился прахъ царей изъ дома Птолемея Лаги,—царей, слава и счастье которыхъ, пополняли страницы исторіи. Конечно, времена уже перемѣнились. Востоку со всѣмъ своимъ богатствомъ и со всѣмъ своимъ образованіемъ, подчинился чуждому варварскому народу запада. Предъ римскими легионами были смяты полчища царей и развѣяны какъ прахъ предъ лицомъ вѣтра. Извѣстный мужествомъ и строгостію нравовъ римлянннхъ, Катопъ, называлъ азіатовъ „старыми бабами“. И вотъ въ этихъ-то золотыхъ цѣпяхъ, которыя постепенно ковали для Египта римляне и о которыхъ мы говорили выше, и выросла Клеопатра. Съ восшествіемъ ея на престолъ, положеніе Египетскаго государства нисколько не улучшилось. Массѣ придворныхъ трутней и лизоблюдовъ молодая энергичная царица, желавшая сама твердо захватить бразды правленія,—была вовсе не по душѣ. Недовольная партія придворныхъ начала подстрекать царственнаго отрока противъ его старшей сестры и жены. Клеопатра должна была бѣжать и собраться на границѣ государства свои войска, чтобы оружіемъ возстановить свое право на обладаніе трономъ. Во время своего дѣтства она видѣла открытое возмущеніе своей сестры противъ отца, теперь же сама увидѣла себя запутанною въ войну противъ брата. Ея грудь волновали. ея энтузіазмъ возжигали героическіе планы и дѣла Великаго Александра. Но она должна была идти другимъ путемъ и пустить въ ходъ нѣвыя средства, чѣмъ героикоюша, предводительствовавшей Македонскою фалангою и низвергнувшей и поразившей въ прахъ Персидское царство. Клеопатра была все таки женщина, и не смотря на все ея мужество и неустрашимость, военное дѣло было ей не совсѣмъ по плечу.

(Окончаніе въ слѣд. №).

такъ назыв. *купаленъ* или *морскія бани Клеопатры*. Вблизи этихъ банъ подземныя сооруженія имѣютъ протяженіе громадное. Связь ихъ известняковыя воды просачивается вода и образуетъ сталактиты и сталагмиты. Всѣ входы въ эти пещеры подобны входамъ въ храмы. Самыя бани Клеопатры находятся непосредственно на берегу моря или, точнѣе, образуютъ большую часть берега. Онѣ состоятъ изъ большихъ комнатъ, высѣченныхъ внутри скалы и опущенныхъ въ море. Упѣляли изъ этихъ банъ только три. Вышина ихъ 10 уотъ. Сообщаются онѣ между собою дверями, и за снмъ изъ одной бани сохранился подземный ходъ къ морю... (Примѣч. переводч.).

*) Это по расчетамъ самого автора и другихъ нѣмецкихъ писателей, писавшихъ объ Египтѣ. Прусскій или Германскій талеръ, (оставая въ сторонѣ нынѣшнее паденіе курса) составляетъ 92, 61 копейки на наши деньги, слѣдовательно, сумма въ 10—20 миллионовъ талеровъ окажется только немногимъ меньшею, при переводѣ на наши рубль.

*) То и другое латинское названіе значить *изобиліе, избытокъ*.

Политическія и внутреннія извѣстія.

Изъ политическихъ событій за послѣдніе дни главнымъ образомъ обращаетъ на себя вниманіе отказъ венгерскаго министерства въ выдачѣ суммъ Австріи на веденіе дѣла по оккупациі Босніи. Отказъ этотъ венгерское министерство основало на томъ, что нельзя взваливать на Венгрію новые военные расходы, и тѣмъ поставило вѣнское правительство въ величайшее затрудненіе. Продолжать компанію безъ денегъ, понятно, нельзя; а деньги требуются не только на то, чтобы занять при помощи оружія Боснію и Герцеговину, но и для того, чтобы привести ихъ въ порядокъ послѣ занятія. Это „возстановленіе порядка“ потребуетъ не менѣе значительныхъ расходовъ, чѣмъ были до сихъ поръ произведены по оккупациі. Австрія, положимъ, можетъ прибѣгнуть къ инымъ мѣрамъ въ добычѣ денегъ, а именно къ займу, но и заемъ можетъ вызвать новую оппозицію со стороны венгерцевъ, такъ какъ они „вообще“ не сочувствуютъ австрійской оккупациі и высказываютъ рѣшительное намѣреніе отозвать венгерскія войска съ театра военныхъ дѣйствій въ Боснію.

Изъ такого положенія дѣлъ выходъ для австрійцевъ весьма труденъ: или разладъ съ Венгріей, или отозваніе войскъ изъ Босніи—то и другое есть въ высшей степени крайняя мѣра! Чѣмъ все это разрѣшится—укажетъ недалекое будущее, и будущее это представляется уже теперь въ весьма мрачныхъ краскахъ въ виду внутренняго разлада въ Имперіи Габсбургъ.

За сими обрашается на себя вниманіе афганскій вопросъ, созданный смѣлымъ отказомъ эмира въ приемѣ англійскаго посольства. Объ этомъ вопросѣ мы уже по возможности ясно въ свое время сообщали нашимъ читателямъ. Теперь обстоятельства этого дѣла сводятся на пригласеніе къ походу въ Афганістанъ Англии для возстановленія, такъ сказать, своей чести, оскорбленной Ширъ-Али-Ханомъ. Но это немедленное возстановленіе чести встрѣчаетъ вѣкторыя затрудненія именно въ томъ, что есть опасеніе на возможность враждебнаго образа дѣйствій со стороны пограничныхъ племенъ, могущихъ выставить до 100,000 бойцовъ. Такимъ образомъ возстановить честь оказывается пока неудобно. Болѣе осторожные изъ государственныхъ людей Англии напрямки совѣтуютъ отказаться отъ вторженія въ Афганістанъ и утѣшаютъ своихъ соотечественниковъ, что, молъ, „худой миръ лучше доброй ссоры“. Ссора эта въ самомъ дѣлѣ можетъ повести къ усложненію дѣла по владычеству Англии въ Индіи. Въ этомъ же номерѣ „Нивы“ читатели найдутъ въ статьѣ о Афганскомъ Эмирѣ свѣдѣнія объ отношеніяхъ къ нему Турціи.

О положеніи дѣлъ въ Китаѣ читатели ваши уже знаютъ изъ свѣдѣній сообщенныхъ въ № 37 „Нивы“ (см. стр. 674), гдѣ описываются размѣры голода, постигнаго эту страну. Китай какъ видно намѣренъ войти въ болѣе близкія сношенія съ нами и съ этою цѣлью назначаетъ постояннаго посла при Петербургскомъ дворѣ. До сихъ поръ въ Россіи (да кажется и ни гдѣ въ другихъ государствахъ) о китайскихъ посланникахъ не слыхивали. Значитъ и въ жизни Китая не безъ переменъ.

Пожары—наше вѣчное горе и избавиться отъ него мы ни какимъ образомъ не можемъ. Такъ въ Рязани недавно пожаромъ истребило цѣлыя три улицы. Убытки однихъ страховыхъ обществъ простираются до 450,000 руб.

По случаю встрѣчи возвращающихся съ бывшаго театра войны войскъ въ Петербургскомъ обществѣ высказалось желаніе увѣковѣчить подвиги нашихъ героевъ учрежденіемъ въ Петербургѣ инвалиднаго дома на собранный по подпискѣ капиталъ. Въ настоящее время уже поступило нѣсколько суммъ, такъ между прочими купурскій граждаинъ А. Губкинъ пожертвовалъ 50 т. руб.

Между присоединеннымъ къ русскимъ владѣніямъ Батумомъ и Потти-Тифлисской желѣзной дорогой предполагается устроить соединительную вѣтвь. Для изысканія пути командировается правительственная комиссія.

Для нашихъ городскихъ банковъ въ послѣднее время возникло предположеніе издать особыя обязательныя правила по-

веденію какъ отчетностей, такъ и бухгалтерскихъ книгъ. Правила эти, безъ сомнѣнія, окажутъ нѣкоторую пользу дѣлу; но будутъ-ли они гарантировать честность кассировъ—пока неизвѣстно.

Наконецъ, съ 25 августа открыто правильное пассажирское и товарное движеніе въ участкѣ уральской горнозаводской желѣзной дороги отъ Перми до станціи Чусовой. Далѣе вплоть до Екатеринбургa правильное пассажирское движеніе окроется между 15 и 20 сентября. Росписанія движеній по всей линіи уже утверждены министерствомъ путей сообщенія и по открытіи движенія будутъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе. Всѣхъ станцій и полустанцій на этой новой дорогѣ, на протяженіи 468 верстъ сдѣлао 43: изъ нихъ станцій I класса двѣ: въ Екатеринбургѣ и Перми. По дорогѣ находятся нѣсколько тоннелей, едва-ли не самыхъ большихъ изъ всѣхъ тоннелей на русскихъ желѣз. дорогахъ, 19 металлическихъ мостовъ, много небольшихъ деревянныхъ. Проложенію желѣзнаго пути въ этой мѣстности представляли большія препятствія уральскія горы, болота и т. п. Кстати прибавимъ: первая станція передъ переваломъ за Уральскія горы называется Европейской, а первая станція за переваломъ по ту сторону кряжа—Азіатской. Станція же въ самомъ перевалѣ названа Уральской.

Отъ Уральской желѣзной дороги перейдемъ къ другой, только что разрушенной, а именно Петербургско-Сѣверорѣцкой, на протяженіи 36 верстъ. Дорога будетъ проходить отъ товарной станціи Николаевской желѣзной дор., мимо Невскаго Монастыря, чрезъ мостъ на р. Невѣ на Охтѣ, позади Старой и Новой деревни, мимо Лахты. Цѣль этой желѣзной дороги—передача грузовъ прямо съ николаевской желѣзной дороги въ сестрорѣцкій портъ безъ перегрузки. Вслѣдствіе низкаго курса на кредитный рубль, акціи этой дороги не будутъ реализироваться на биржѣ, а постройка начнется на средства строителей.

РЕБУСЪ.

При рѣшеніи этого ребуса нужно имѣть въ виду, что въ одномъ изъ послѣднихъ его трехъ словъ буквы *з* и *и* по звуковому сходству приняты за *ы*.

СОДЕРЖАНІЕ: Городъ Казань (съ 2 рис.) 3.—Царь-дѣвица. Историческій романъ В. Соловьева (продолженіе).—Мисъ Нордианъ въ Норвеги (съ рис.)—Ширъ-Али-ханъ, эмиръ Афганскій (съ портр.)—Богомолцы въ Москвѣ. (съ рис.) Красавца Сераля (съ рис.) А. Н. Иглы рыбы и морскіе коньки. *Syngnathus* и *Hippocampus*. (съ рис.) Z.—Клеопатра (продолженіе).—Политическія и внутреннія извѣстія.—Ребусъ.—Объявленія.—При этомъ № прилагаются «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» съ ОКТЯБРЬ съ 40 рисунками и отдѣльный листъ съ 26 чертмъ. вырѣнокъ въ натуральную величину и съ 44 рисъ рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. МАРНСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

ИЗЯЩНЫЙ АППАРАТЪ

для точнаго копированія рисунковъ, фотографій, алъварелей и пр. безъ малѣйшей подготовки. Особенно полезно для дѣтей. Цена съ приложеніемъ **Новаго способа умноженія** посредствомъ сложения 1 р. съ перес. 2 р. Адр. въ Бюро объявленій, Невскій пр. № 4 въ С.-Петербургѣ. № 206 3—3

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
В. Морская 39,
Детейн. пр. 43.

ВЪ ОПТИЧЕСКОМЪ МАГАЗИНѢ
И. Е. МИЛЬКЪ.

ВИЛЬНО
Благовѣщенская
ул. № 428/12

Предлагаются къ наступающему сезону: Готовальни, Угольнички, Ланейки, Термометры наружныя, комнатныя, ванныя и медицинскіе; Барометры; Барокли и Метрономы.

АПТЕЧКА ЛЕЧЕБНИКЪ Д-ра СТАРКОВА.

съ лекарствами, рецептами и наставленіемъ къ леченію болѣзней. Продается въ С.-Петербургѣ: 1). Невская аптека у Аничкова моста. 2). Адмиралтейская, уг. Невскаго и Вол. Морской. Цѣна 12 руб. За пересылку 1 руб. свыше 1,000 верстѣ 2 р. № 209 2—1

ПОСѢДѢВШІЕ ВОЛОСЫ

принимаютъ свой первоначальный цвѣтъ отъ непродолжительнаго употребленія **О-де-Намилъ**, (одинъ флаконъ) безвредной, очень пріятной и чистоплотной при употребленіи. 2 р. 50 к. съ пересылкою. **Орѣховый экстрактъ** для окрашиванія въ нѣсколько минутъ сѣдыхъ волосъ, бороды, бакъ и усы; 3 р. 50 к. **Орѣховая помада** для мгновеннаго окрашиванія всякихъ волосъ въ блестящій черный цвѣтъ; 1 р. 50 к. **И-тайская вода** изъ ичичныхъ желтковъ для рошенія и укрѣпленія волосъ и очищенія отъ перхоти; 2 р. **О-де-Нолонъ Рига** 25 к., 50 к. и 1 р. превосходнаго запаха и чрезвычайно вѣрнокъ. **Мыла Зарка Пула** и **Линде** карболовая и глицериновая. Депо косметическихъ Лабораторій А. Штейнберга Невскій № 25. № 208 1—1

№ 41

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Выданъ 8 Октября 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫНРОЕНЪ. Цена этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 для напечатанія въ «Нивѣ» принимаются по 25 к. за строку непарейль (въ $\frac{1}{4}$ ширины страницы)

КОНТОРА
 журнала открыта ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1878 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ 4 р.

Съ доставною . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. 5 р.

маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ.

Съ пересылкою въ Москву и друг. 6 „

города Россіи . . . . . 6 „

Также принимается подписка на $\frac{1}{2}$ года съ 1-го июля 1878: безъ дост., 2 р. съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особья приложенія при «Нивѣ» объявленій отъ Торговыхъ Домовъ принимаются для иногор. по 5 р. сътысячи, для городскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
 Мелкія рукописи и стихи, неудобныя въ печати, авторамъ не возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1878 г. №№ «Нивы» со всѣми приложеніями

Видъ Симеонова монастыря въ Москвѣ. Рис. Мойнэ, грав. Гильдебрандтъ.

СИМОНОВЪ МОНАСТЫРЬ ВЪ МОСКВѢ,

Москва въ своемъ цѣломъ представляетъ необыкновенно красивый видъ, и по отзывамъ путешественниковъ, изъѣздившихъ Европу вдоль и поперекъ. Лучшаго вида, какъ на Москву съ Воробьевыхъ горъ или на за Москворецкую часть изъ Кремля — нѣтъ во всемъ бѣломъ свѣтѣ. Картинно раскинулась наша первопрестольная столица на обширномъ пространствѣ береговъ Москвы рѣки, громады зданій заслоняютъ однѣ другія; извилистыя улицы переплелись между собою, образовавъ самую разнообразную сѣть. Высятся старинныя церкви съ высокими стѣнами монастырей, гдѣ нерѣдко изъ-подъ травы выглядываютъ развалившіеся надгробныя памятники. Пруды, сады, мосты несутъ и, какъ красивые детали, пополняютъ общую картину. Но особенно замѣчательны въ Москвѣ ея памятники старины. Ея Кремль—древняя крѣпость съ его соборами и усыпальницами нашихъ царей; Грановитая Палата, Арсеналь, окруженный пушками, отбитыми у Наполеона въ отечественную войну; Оружейная палата, при входѣ въ которую стоитъ Царь-пушка—все это переноситъ въ давно былыя времена, и встаетъ въ воображеніи рядъ образовъ, людей и правовъ, давно исчезнувшихъ съ лица земли: жизнь настоящаго на это время изглаживается, забывается, и весь отдаешься прошлому, хотя давно уже отшедшему въ неизвѣстную вѣчность, но всегда живому въ народной памяти. Нашъ маститый поэтъ, князь П. Вяземскій, такъ говоритъ о Москвѣ:

„Твой Кремль—алтарь нашъ и твердыня,
Онъ собралъ Русь, скрѣпилъ, воздвигъ;
Онъ наша сила и святыня,
Молебникъ и Архистратигъ.
Въ грозѣ и славѣ онъ воспитанъ,
Онъ—носить жезлъ и копіе,
За Русь онъ былъ огнемъ испытанъ,
За Русь страдалъ и спасъ ее...“

Всѣ эти воспоминанія о московскихъ древностяхъ и о значеніи ихъ въ исторіи нашего отечества, навѣяны на насъ рисункомъ, помѣщеннымъ въ этомъ № „Нивы“ и изображающимъ видъ Симонова монастыря въ Москвѣ. Монастырь этотъ одинъ изъ трехъ знаменитыхъ по своей древности московскихъ монастырей. Первые два: Андроніевъ и Чудовъ, основаны митрополитомъ Алексѣемъ, а Симоновъ—Теодоромъ, племянникомъ преподобнаго Сергія Радонежскаго.

Прежде чѣмъ сообщить здѣсь свѣдѣнія, касающіяся основанія и исторіи Симонова монастыря, приведемъ здѣсь нѣсколько данныхъ, знакомящихъ съ положеніемъ церкви въ ту отдаленную эпоху, когда былъ построенъ Симоновъ монастырь.

Постройка монастыря относится къ концу XIV вѣка, когда татарское иго, такъ долго давившее русскую землю, уже значительно облегчилось. Съ этого именно времени русскіе князья стали выражать свое религиозное чувство основаніемъ монастырей. Изъ свѣдѣній, приводимыхъ въ почтенныхъ трудахъ профессора К. Бестужева-Рюмина, видно, что всѣхъ монастырей установлено и вновь устроено въ это время на Руси до 180. Нѣкоторые изъ монастырей были очень многочисленны, такъ, напримѣръ, въ Спасо-Ефимьевскомъ Суздальскомъ было до 300 монаховъ, но большая часть монастырей имѣла весьма малое число братій, такъ бывали монастыри имѣвшие всего 6 и 5 и даже меньше монаховъ.

Въ эту эпоху право основывать монастыри не было ни чѣмъ стѣсняемо, и это, при извѣстной религиозности русскихъ людей (въ особенности въ то отдаленное время), способствовало значительному ихъ возникновенію. Возникновеніе монастыря зачастую начиналось съ того, что братія, занявъ пустопорожній мѣста, обработывала ихъ и перезывала къ себѣ на эти земли новыхъ поселенцевъ. Потомъ, при достаточномъ увеличеніи населенія, основанная обитель, въ лицѣ своихъ представителей, добивалась отъ князя льготной грамоты. Благочестіе нашихъ предковъ поддерживало обители, принося дары и вещи и землями. Вновь основанный монастырь могъ подчиняться или не подчиняться мѣстному владыкѣ. Если монастырь основывалъ князь, какъ свое *богомолье*, то онъ находился подъ его покровительствомъ, подчинялся его суду; князь принималъ участіе въ избраніи монастырскихъ властей и оборонялъ свой монастырь отъ всѣхъ. Были монастыри митрополитичьи, т. е. находившіеся въ зависимости отъ власти митрополита. Въ зависимости отъ нѣкоторыхъ монастырей находились другіе, называемые „приписными“. Эти приписные монастыри получали своихъ настоятелей отъ тѣхъ монастырей, къ которымъ были приписаны и давали имъ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Бывало такъ, что женскіе монастыри находились подъ однимъ управленіемъ съ сосѣдними мужскими.

Ничего подобнаго не выпало на долю Симонова монастыря, онъ не подлежалъ власти ни князя, ни митрополита, а непосредственно былъ подчиненъ власти патриарха константинопольскаго. Такое исключительное положеніе Симонова монастыря объясняется именно тѣмъ что основатель его занималъ значительный служебный постъ и, пользуясь этимъ, могъ добыть для своего монастыря такую привилегію.

Въ исторіи Карамзина объ этомъ разсказывается, что игуменъ Симонова монастыря, онъ же и основатель его, племянникъ Сергія Радонежскаго, Теодоръ, отличаясь умомъ и знаніями, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Константинополь и, поставленный тамъ въ архимандриты, пеходатайствовалъ у Патриарха Нила, чтобы основанная имъ обитель называлась патриаршею и въ ни чемъ не зависела отъ митрополита Россійскаго.

Самое основаніе монастыря задумано Теодоромъ въ то время, когда онъ, бывъ постриженъ дядей въ монахи, сподобился священства. Преподобный Сергій, дядя его, желалъ, чтобы онъ, по кончинѣ его, игуменствовалъ въ Троицкой Лаврѣ, однакоже не отказалъ ему въ благословеніи на устройство своей особой обители и самъ вмѣстѣ съ нимъ избралъ для нея мѣсто близъ Москвы, называемое *Симоновымъ*. Теодоръ построилъ на этомъ мѣстѣ каменную церковь во имя Успенія Богоматери и былъ поставленъ митрополитомъ Алексѣемъ въ игумены, а потомъ патриархомъ Ниломъ (въ 1383 г.) въ архимандриты.

Въ Симоновомъ монастырѣ хранится такъ называемая *Кормовая книга*. Въ этой книгѣ между прочимъ сказано: „Далъ Государь Князь Великій Дмитрій Ивановичъ *Донской* Пречистой Богородицы въ домъ на Симонovo воды на Волзѣ, ниже Повгорода, Силнскіе да Люлеховскіе съ озера и съ пески, и съ заводами и съ подвалами; далъ у Соли у Галической колодези земляныя да варницы, да двориче дровяно, да дворъ на пріѣздѣ старцамъ и слугамъ, да селцо Боршовское съ деревнями, по своей душѣ на поминокъ въ наслѣдіе вѣчныхъ благовъ.“

Далѣе въ этой кормовой книгѣ говорится о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ въ обезпеченіе доходовъ монастыря сыномъ Донского, Василіемъ, который отдалъ монастырю въ собственность „во Ржевскомъ уѣздѣ слободку Рожокъ съ деревнями и съ озерами и совѣми угодыми“. Какъ этотъ даръ князя Василія, такъ и другіе его дары Симонову Монастырю были принесены на поминъ душъ—его и брата его Константина. Жертвовали Симонову Монастырю, какъ видно изъ вышеупомянутой кормовой книги, и другіе князья. „Царь Иванъ Васильевичъ, говоритъ въ этой книгѣ, приказалъ Архимандриту по князю Константину понахиды и обѣдніи служити и квасъ на братію имать съ большого дворца отъ дворецаго“.

„Въ лѣто 7069, Государь царь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ далъ въ Симоновъ монастырь колоколъ англійскія земли, по великому князю Константину (въ иночествѣ—Касіанѣ), а вѣсу въ немъ 33 пуда, а кругъ колокола слова нѣмецкія“. Однажды прислалъ царь Иванъ Васильевичъ 15 р. и на *Старое Симонovo*, гдѣ нынѣ находится церковь Рождества Богородицы. Изъ этого можно заключить, что первоначальное основаніе Симонова монастыря было на этомъ мѣстѣ. При разборѣ колокольной церкви Рождества Богородицы, на мѣстѣ называемомъ, какъ сказано выше, Старымъ Симоновымъ, въ царствованіе Екатерины II нашли древнюю гробницу подъ камнемъ, на которомъ были вырѣзаны имена Ослабя и Пересвѣта. Въ настоящее время гробница эта находится въ трапезѣ храма, а камень закладенъ въ стѣнѣ. Такъ сообщается объ этомъ въ примѣчаніяхъ къ 5 тому исторіи Карамзина. Въ Архангельск. лѣт. сказано, что „Ослабя также былъ убитъ въ Донскомъ сраженіи вмѣстѣ съ богатыремъ Григоріемъ Капустинымъ, и что Великій князь, стоявъ 8 дней на мѣстѣ битвы, велѣлъ тѣла парочитыхъ людей вестн къ Москвѣ въ колодахъ“. Это указаніе на сдѣланное великимъ княземъ распоряженіе даетъ довольно полную достовѣрность тому, чтобы гробницу Ослабя и Пересвѣта признать дѣйствительно ихъ гробницей.

Изъ болѣе позднѣйшей исторіи Симонова монастыря укажемъ на слѣдующее: Указомъ 6 мая 1788 года было повелѣно упразднить Симоновъ монастырь; но это упраздненіе было весьма непродолжительно, а именно только до 1795 г. Съ этого времени онъ оставленъ по прежнему. Соборная церковь въ немъ построена въ имя Успенія Богоматери. Въ недавнее время всѣ зданія монастыря были значительно подновлены и перестроены. Между этими зданіями всего болѣе обращаетъ на себя вниманія монастырская колокольная—самое высокое зданія въ цѣлой Москвѣ.

Можно надѣяться, что въ наше время уже болѣе не повторится того, что случилось съ Симоновымъ монастыремъ въ 1788 г., и не послѣдуетъ новаго распоряженія объ упраздненіи его. Не послѣдуетъ потому, что съ нѣкотораго времени у насъ стало крѣпнуть уваженіе къ памятникамъ нашей старины, и истинно русскіе люди такъ относятся къ ней, какъ относились поэтъ (Н. Изъковъ), говоря:

„Здѣсь нашихъ бѣдъ и нашей славы
Хранится повѣсть... Эти главы
Святыхъ сиянѣмъ горать...
О, проклятыя будь, кто потревожитъ
Великолѣные старины,
Кто на нее печать наложитъ
Мимоходящей новизны.“

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

V.

— Гдѣ онъ? гдѣ? Васенька, голубчикъ! другъ мой сердечный, тебя ли вижу? Слава Богу что пріѣхалъ, думала ужъ и не дождусь тебя.

Такъ говорила царевна Софья, выбѣгая изъ своей опочивальни въ рабочую комнату, гдѣ стоялъ, проведенный Родимицей, князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Другъ царевны былъ уже далеко не первой молодости; въ густыхъ темныхъ волосахъ его кое гдѣ даже пробивались серебряныя нити; но вся красивая, стройная фигура его дышала силой и энергіей. Пріятная улыбка, веселый блескъ карихъ глазъ сразу къ нему располагали. Теперь же лицо его было еще привлекательнѣе—оно все свѣтилось радостью свиданія съ горячо любимой Софьей. Да и та тоже какъ будто раздвѣла вся при взглядѣ на друга.

Измученная тревожными мыслями, безсонными ночами, всѣмъ этимъ тяжкимъ для нея временемъ, она даже похудѣла и сильно поблѣднѣла за послѣдніе дни, но теперь прежній румянецъ снова горѣлъ на щекахъ ея; въ глазахъ, такъ часто сумрачныхъ и порою злобныхъ, свѣтилось счастье.

Она усадила Голицына въ свое любимое кресло подъ образами, сама придвинула себѣ маленькую табуретку и нѣсколько минутъ молчала, внимательно разглядывая своего гостя, стараясь выслотрѣть—совсѣмъ ли онъ здоровъ, не было ли у него какойнибудь непріятности въ то время какъ они не видались, хорошо ли на душѣ у него, и радъ ли онъ свиданію съ нею какъ прежде. Теперь Софья не была царевной, далеко ушедшей въ книжной мудрости, не была честолюбивой интриганткой, она была нѣжной, любящей женщиной. Глядя на нее въ эти минуты, вполне можно было понять то горячее страстное чувство, которое внушила она къ себѣ Голицыну, то чувство, изъ за котораго онъ забывалъ все на свѣтѣ, забывая жену свою, семейство, а иной разъ и обязанности службы, когда по первому ея зову готовъ былъ бросить все и спѣшить къ ней.

Но времена были не такія, чтобъ долго предаваться радости. Софья очнулась и въ мигъ преобразилось все лицо ея: глаза опять блеснули, сверкали, но уже не любовью, а злобнымъ, тревожнымъ чувствомъ...

— Васенька, заговорила она, каковы дѣла то у насъ? Петръ на престолѣ! мачиха правительницей! Мы всѣ со дня на день ожидаемъ заточенія, а то такъ даже и смерти!

— Ахъ какія страшныя слова ты говоришь, золотая моя царевна! тихимъ, ласкающимъ голосомъ проговорилъ Голицынъ. Богъ милостивъ—до смерти еще далеко, да и до заточенія тоже.... Право ты о мачихѣ хуже думаешь, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ, и хотя бы была она извергомъ рода человѣческаго, все же таки, я думаю, совсѣмъ имъ не на руку ужъ очень то тѣснить васъ. Это вы такъ, сгоряча только переполошились.

Софья дико взглянула на Голицына. Судорожно дрогнули ея губы.

— Ты ли? ты ли это говоришь мнѣ? почти закричала она, вставая въ волненіи и начиная быстро ходить по комнатѣ. Я ждала тебя, какъ свѣта небеснаго! думала, будешь ты нашимъ помощникомъ, за наши обиды вступишься, а ты, кажется, даже радуешься, что враги наши торжествуютъ. Тебѣ любо наше униженіе,

нашъ позоръ! Василій, ты ли это? или я ослышалась—не такъ поняла тебя? Такъ повтори, скажи—я ничего не понимаю!...

Голицынъ слабо усмѣхнулся.

— Не ослышалось ты, царевна, а что не поняла словъ моихъ—такъ это правда. Развѣ можешь ты сомнѣваться въ томъ, что всякая обида, тебѣ нанесенная, всякое зло, тебѣ причиненное, для меня больнѣе своей кровной обиды? развѣ можешь ты сомнѣваться въ томъ, что я почелъ бы себя самымъ счастливымъ человѣкомъ, еслибъ увидѣлъ тебя на верху земныхъ почестей, еслибъ увидѣлъ судьбу твою подобною судьбѣ дочери византійскаго императора Аркадія, мудрой Пульхеріи Августы, со славой управлявшей государствомъ столь долгіе годы. Еслибъ отъ меня зависѣло, конечно я, вслѣдствіе юности царевичей, провозгласилъ бы тебя правительницей россійскаго государства. Но вѣдь дѣло сдѣлано и все свершилось такъ, какъ мы должны были давно уже ожидать. Царевичъ Иванъ—и мы это хорошо знаемъ, да и весь народъ знаетъ тоже—слабоумень: быть царемъ не можетъ. И батюшка твой, Алексѣй Михайловичъ, и братъ твой, новопреставленный царь Феодоръ, всегда помышляли о томъ, что престолъ россійскій перейдетъ къ младшему царевичу. По законамъ нашимъ, по вкоренившимся нравамъ и обычаямъ русскимъ, тебѣ нельзя надѣть монахову шапку—такъ что-жь дѣлать?... Ты винишь какъ будто во всемъ царицу Наталью, но я покида вина ея не вижу. Вотъ другое дѣло, еслибъ рассказала ты мнѣ про какуюнибудь обиду, нанесенную тебѣ ею, про какуюнибудь несправедливость, тогда бы я заговорилъ другими словами....

— Такъ заговори скорѣй, Василій! въ нетерпѣніи перебила его царевна,—заговори другими словами, а этакихъ словъ я не понимаю и слушать не хочу! Что ты толкуешь тамъ какъ духовникъ на исповѣди—ты мнѣ не попъ, а я тебѣ не дочь духовная! Да къ тому же, вижу я, тебѣ мало показалось всѣхъ тѣхъ мученій, которыя я испытала и испытываю, тебѣ захотѣлось еще больше помучить меня, поэтому ты и говоришь такъ. Ну что-жь, коли хочешь—мучай, поди, толкуй всѣмъ, что все у насъ ладно, да справедливо: Иванъ-де скудоумень, а Петръ—царь настоящій, Софья же и въ монастырь пора, можетъ этого только тебѣ и хочется!

Голицынъ пожалъ плечами и съ грустью взглянул на царевну. Онъ увидѣлъ теперь ясно, что она неспособна внимать благоразумію, что она вся подъ влияніемъ могучаго и злобнаго чувства, утишить которое ему не удастся никакими словами и доводами. Онъ давно зналъ ея честолюбивые замыслы, но они до сихъ поръ казались ему совершенно неисполнимыми. Онъ горячо любилъ ее и не разъ доказывалъ ей это, и именно вслѣдствіе своей серьезной привязанности, онъ не хотѣлъ бы видѣть ее замѣшанной въ большую интригу, которая можетъ очень плохо кончиться и быть причиной ея гибели.

Но теперь видно дѣло зашло слишкомъ далеко; онъ замѣчалъ въ ней большую переменъ, понималъ сколько она должна была выстрадать за это послѣднее время—и вдругъ ему сдѣлалось безконечно ее жалко, и онъ самъ позабылъ все свое благоразуміе, всѣ мысли, съ которыми ѣхалъ въ Москву, всѣ осторожныя, удобоисполнимыя планы, которые было построилъ.

— Прости меня, царевна, сказалъ онъ, вставая и нѣжно заглядывая въ лицо ей, я хотѣлъ говорить съ тобой, какъ человѣкъ посторонній, хотѣлъ чтобъ ты услы-

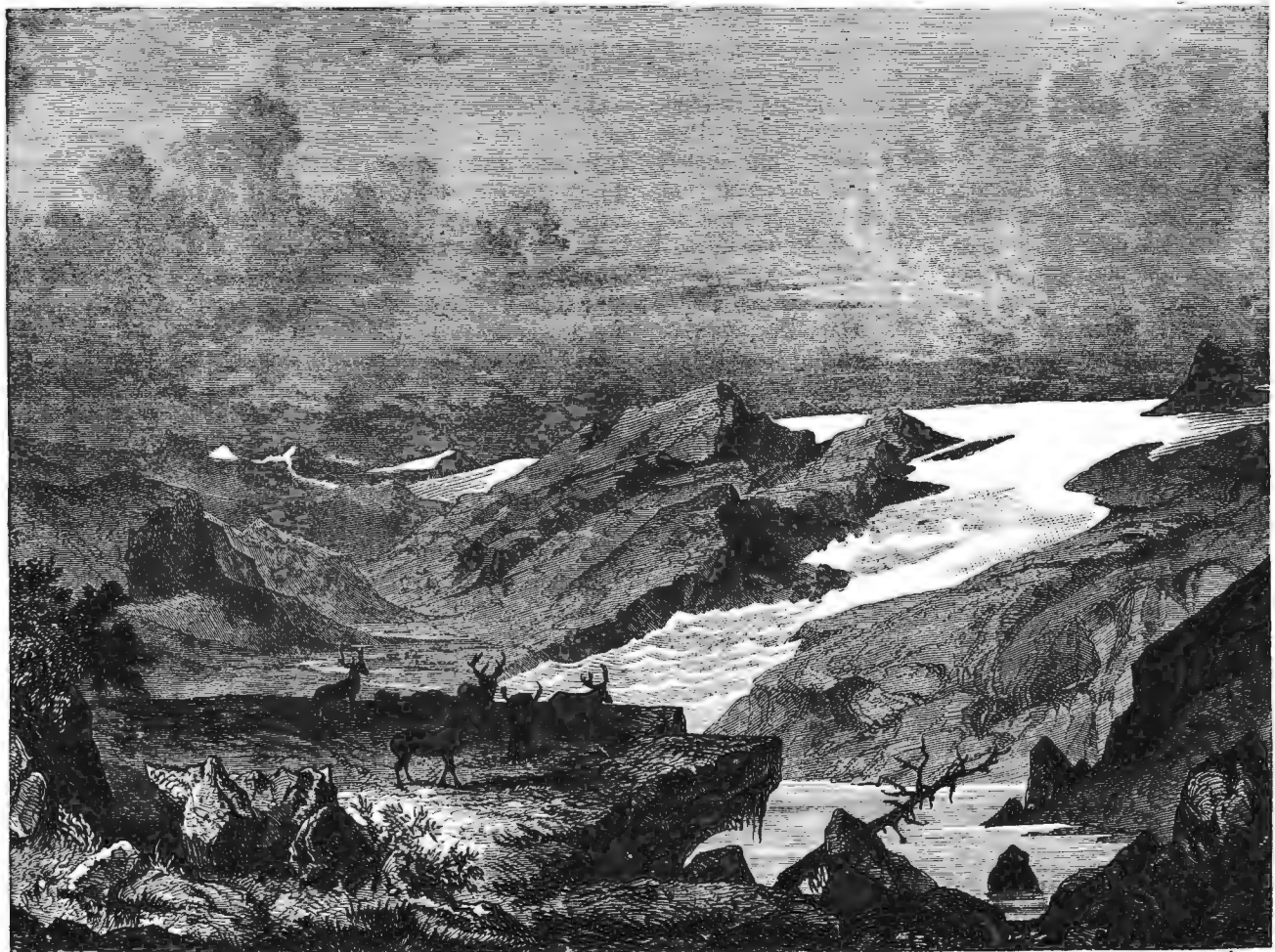

Тучка.

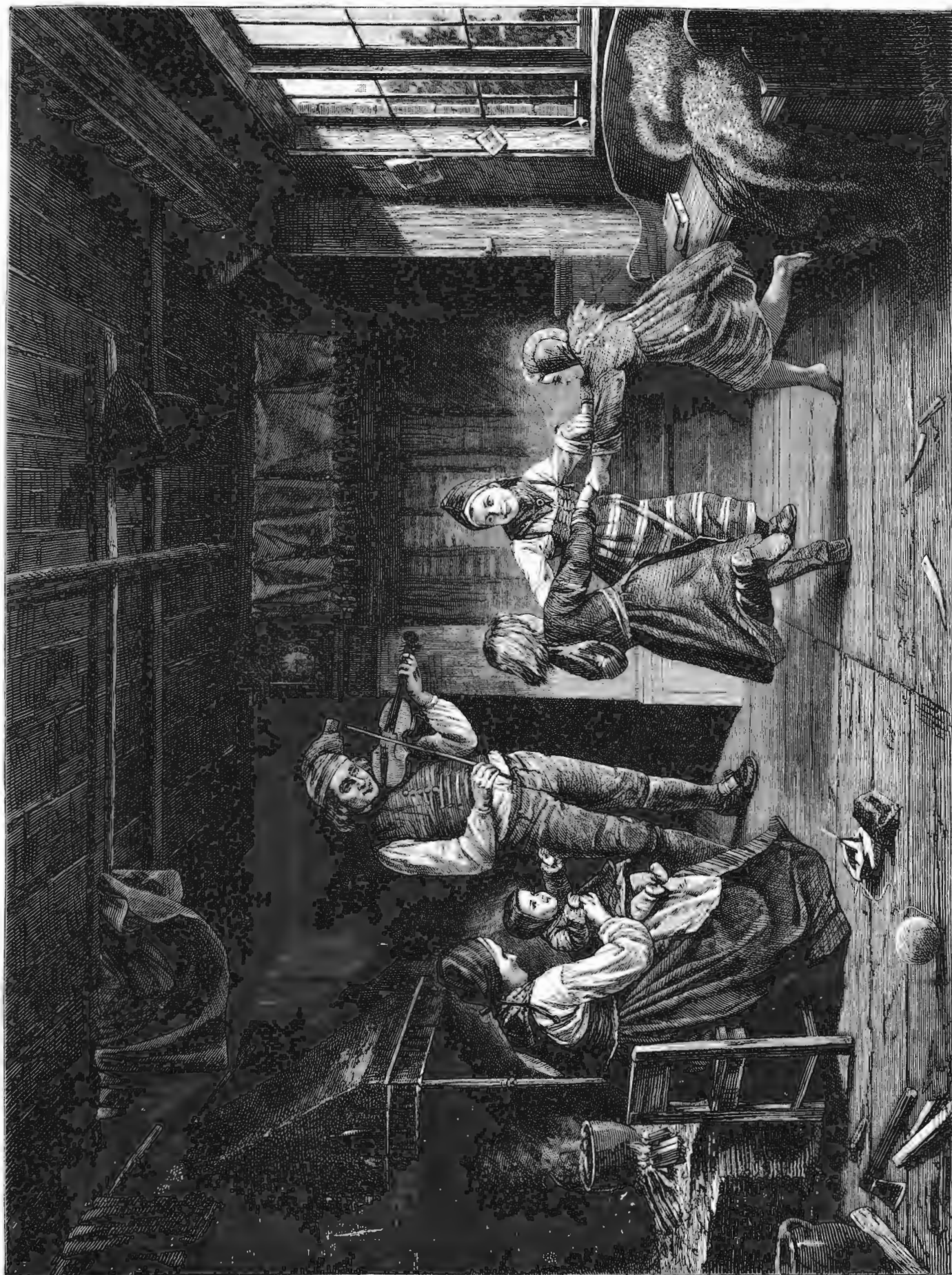
Ориг. рис. и стихотвор. И. Панова,
грав. В. Пуць.

Пронеслась надъ полемъ
Тучка грозовая,
Молніей блестящей
Въ облакахъ играя,
Пролился на ниву
Дождикъ благодатный:
Дышетъ лугъ сосѣдній
Нѣгой ароматной,
Снова грѣетъ солнце,
Капли дождевыя
На цвѣтахъ сверкають,
Словно золотыя.
Такъ и въ жизни нашей —
Горе пронесется,
Солнышко пригрѣетъ,
Счастье улыбнется....

И. Пановъ.

Горный пейзажъ въ Норвегіи. Съ фотогр. грав. Шейне.

Праздничный день в семье норвежского крестьянина. Рис. Тидеманн, грав. Бренд'амуръ.

шала спокойно разсуждающій голосъ, но видно ты не можешь этого, да и я не могу говорить такъ. Вѣдь ты знаешь, если тебѣ больно—мнѣ больно—и я не въ силахъ думать о причинахъ этой боли—я только ее чувствую. Ты звала меня—говори же, что тебѣ нужно? и я, какъ всегда, готовъ отдать жизнь свою, лишь бы сдѣлать тебѣ угодное.

Софья положила свои руки ему на плечи и озарилась вся знакомой ему, нѣжной улыбкой.

— Вотъ такъ то лучше, Васенька! Вотъ теперь опять узнаю тебя!

И она стала съ жаромъ рассказывать ему обо всѣхъ событіяхъ послѣднихъ дней.

Она говорила увлекательно, и онъ незамѣтно для самаго себя начиналъ все больше и больше поддаваться обаянію ея рѣчи, начиналъ смотрѣть на все ея глазами.

— Ну что-жь, выслушавъ ее, проговорилъ онъ, дѣло то выходить не такъ ужъ дурно. Ты говоришь, царевна—стрѣльцы готовы, можно теперь легко убѣдить ихъ, чтобъ они, собравшись всѣ до единого, явились во дворецъ и били челомъ, прося не обижать царевича Ивана. Конечно все это должно быть мирно и тихо—одинъ видъ войска и настоятельное требованіе перепугаютъ Нарышкиныхъ. Не проливъ ни одной капли крови, не совершивъ никакихъ несправедливостей, можно будетъ уладить дѣло: Иванъ будетъ объявленъ царемъ вмѣстѣ съ Петромъ; мы укажемъ на примѣръ изъ византійской исторіи, укажемъ на Василия и Константина, Гонория и Аркадія... А когда Иванъ будетъ на престолѣ, то вамъ ужъ не чего бояться Нарышкиныхъ...

— Твоими бы устами да медъ пить, Васенька! какъ то загадочно произнесла царевна,—хорошо бы было, еслибъ все обошлось мирно и тихо, какъ говоришь ты!

И долго еще бесѣдовали царевна и Голицынъ. Но странное дѣло—Софья многога не договаривала. Утала она отъ друга Васеньки про посылки Родимицы въ стрѣлецкія слободы, про то, что еще не далѣе какъ вчера она просматривала съ дядей Милославскимъ листъ, гдѣ были написаны имена всѣхъ бояръ и вельможъ, которые должны пасть жертвами задуманнаго возмущенія.

Она рѣшила, что Васенькѣ нечего знать объ этомъ—онъ многога не понимаетъ, вонъ, вѣдь младенецъ какой—считаетъ возможнымъ все устроить безъ капли крови. Не видить.... не чувствуетъ того, что нельзя оставить въ живыхъ Матвѣева съ Нарышкиными!.... Ничего, и безъ Васеньки теперь обойтись можно. Дѣло на ладъ пошло, а когда она добьется своей цѣли, когда она сдѣлается второю Пульхеріей, тогда-то вотъ Васенька сослужитъ великія службы и ей и государству. Теперь же пусть будетъ подальше—онъ бѣлоручка, не для него черная работа, да и хорошо, что такъ, и славу Богу!

Сердце царевны, отуманенное честолюбіемъ, ненавистью и жаждой мести, все же не было лишено добра и свѣта: ей казалось, она была увѣрена, что нельзя обойтись безъ крови, и она смѣло утвердила списокъ жертвъ, присланный ей Милославскимъ;—но ей было пріятно думать, что любимый другъ ея выйдетъ чистъ, безъ малѣйшаго пятнышка изъ этого необходимаго, но страшнаго дѣла.

Голицынъ едва успѣлъ покинуть покои царевны, какъ на его мѣсто явился Иванъ Милославскій.

— Ну что? тревожно обратилась Софья къ боярину, что—все готово? Вѣдь теперь медлить нечего—Матвѣевъ здѣсь.

— Да, Матвѣевъ здѣсь и медлить нечего! повторилъ за нею Милославскій. Вотъ видишь—и я выздоровѣлъ, полно болѣть. Цѣлую недѣлю пролежалъ, стоналъ на весь домъ, горячими отрубями, да кирпичами жегъ се-

бя, чтобъ всѣ видѣли и знали какъ жестоко я боленъ... А теперь полегчало. Завтра все должно рѣшиться, не то старикъ предупредитъ насъ, заберетъ въ руки все правленіе. Больно хитеръ онъ—каковъ былъ, таковъ и вернулся, ничего не растерялъ дорогой. Лисца проклятая! многихъ ужъ успѣлъ обойти. Приѣзжали ко мнѣ изъ бояръ нѣкоторые; такъ только и разговору что про Артамона: лаской его не нахвалятся,—которые и съ нами были, такъ теперь готовы лизать полы его кафтана. Нѣтъ, гдѣ ужъ тутъ мѣшкать!.. Еще одно,—я всѣмъ толковалъ про Нарышкиныхъ, что какъ это Ивана то Нарышкина на двадцать третьемъ году пожаловали въ бояре, такъ что-жь бы ты думала?—и Артамонъ то всѣмъ на это жалуется, говорить: Нарышкина не по достоинству награждаютъ. Всѣ и уши развѣсили, радуются, приѣхало красное солнышко, Артамонъ Сергѣевичъ!.. Прощай пока, царевна,—завтра свидимся.

Софья пошла проводить его до выхода изъ своихъ покоевъ.

Онъ уже взялся за ручку двери, ведущей въ галлерею, уже пріотворилъ дверь, но царевна его остановила.

— Такъ какъ же будетъ? такъ, какъ мы порѣшили?

— Да. Чѣмъ свѣтъ пошлю Александра, да Петра Толстого въ стрѣлецкіе слободы...

— Ну да! да, тревожно сжимая своей быстро холодеющей рукой руку Милославскаго, говорила Софья.— Да... пусть пораньше ѣдутъ... пусть кричатъ по всему городу, что царевича Ивана задушили Нарышкины....

— Ладно! будетъ исполнено! отвѣтилъ Милославскій, направляясь по галлереѣ.

Царевна затворила за нимъ дверь и вернулась къ себѣ. Она не замѣтила, что въ темномъ углу галлереѣ, у самой двери, стоитъ какая то женская фигура.

Когда дверь за царевной затворилась и затихли шаги Милославскаго, эта фигура ступила впередъ, подошла къ окошку и бессильно оперлась на него, какъ будто боясь упасть.

При блѣдномъ свѣтѣ майскаго вечера можно было распознать прекрасное молодое лицо, на которомъ теперь изображалось глубокое нравственное страданіе. Большіе черные глаза были широко раскрыты ужасомъ; высокая дѣвичья грудь порывисто дышала.

Это была Люба Кадашева. Проходя галлереѣйкой и невольно остановившись, чтобы не столкнуться съ тучнымъ Милославскимъ, она слышала послѣднія слова Софьи...

VI.

Минуты шли за минутами, а Люба все стояла, прислонясь къ окну въ какомъ то оцѣпенѣніи. Много неожиданныхъ, мучительныхъ мыслей пронеслось въ головѣ ея.

Что такое она слышала? Она не могла обмануться въ значеніи словъ царевны, хорошо теперь его понимала. Такъ вотъ какое дѣло готовить! Вотъ какому дѣлу и она помогала! И кто же готовить—царевна! ея царьдѣвица, ея небесный ангелъ! Царевна, краше которой, добрѣ которой и чище, она думала, никого и нѣтъ на свѣтѣ... Эта царевна беретъ на себя страшную ложь, обманъ всенародный, слѣдствіемъ котораго можетъ быть будутъ потоки крови... Люба все понимала. Не далѣе какъ два дня тому назадъ, по царевнинуму же порученію, была она въ слободѣ стрѣлцкой у Малыгина и плакала передъ нимъ, описывая скорбь царевны, тяжкія обиды, которымъ подвергается царьдѣвица. Сама Софья натолковала ей объ обидахъ этихъ, и ей ли было не повѣрить царевнѣ!

До сей минуты она видѣла въ ней безвинную страдальицу, а тутъ что-же... она затѣваетъ смуту, хочетъ поднять народъ обманомъ... Или это правда? дѣйствительно задушили Нарышкины царевича?...

Но въ отвѣтъ на эту мысль Люба горько усмѣхнулась и зарыдала.

„Развѣ бы все было такъ тихо во дворцѣ и въ теремѣ, еслибъ случилось такое несчастье? Царевна не задолго передъ этимъ была у брата и вернулась оттуда спокойною, да и теперь съ Милославскимъ говорила совсѣмъ не такъ, какъ говорила бы, еслибъ задушили Ивана.... Но вѣдь этого же быть не можетъ—царевна не способна на такой поступокъ! она вся—доброта и правда. Нѣтъ, нужно узнать въ чемъ дѣло!“

Люба чувствовала, что если она останется въ этой мучительной неизвѣстности, то всю ночь не сомкнетъ глазъ ни на минуту. Она чувствовала, что не вынесетъ того непонятнаго томленія, которое закралось теперь въ ея сердце.

Вдругъ какая то рѣшимость блеснула въ глазахъ Любы. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ отъ окна назадъ, къ царевниной двери и смѣло вошла въ покои.

Царевна сидѣла въ своей рабочей комнатѣ передъ столомъ; въ рукахъ у нея была какая то книга, но она очевидно ее не читала. Склонивъ голову на руки, она глядѣла, не мигая, въ одну точку; мысли ея были далеко.

Но все же услышавъ какъ отворяется дверь, она подняла голову и увидѣла входившую Любу.

— Чего тебѣ? разсѣянно спросила она.

Люба тихо приблизилась и молча остановилась передъ нею.

Царевна взглянула въ лицо ея и откинула свою голову и еще разъ пристально взглянула.

— Что съ тобою? какое лицо у тебя странное, ты на себя не похожа—что случилось?

Люба упала въ ноги Софѣ и зарыдала.

— Да говори-же! говори! уже испуганнымъ голосомъ переспросила царевна.

„Боже мой! что тамъ? Не несчастье ли какое? не помѣха ли нашему дѣлу?“ подумала она.

— Государыня, — начала едва останавливая свои рыданія Люба, — я шла по галлерейкѣ, какъ изъ твоей двери выходилъ бояринъ Милославскій... Я не хотѣла подслушивать, видитъ Богъ, не хотѣла и остановилась только, чтобъ не толкнуть боярина... Я слышала то, что ты ему сказывала...

Царевна ничего не понимала.

— Ну такъ что-жъ? произнесла она, — я вѣрю, что ты безъ вины подслушала и прощаю тебѣ, только конечно ты держи языкъ за зубами, да чай и сама понимаешь... нечего учить мнѣ тебя.

— Государыня! Царевна!.. такъ это правда? въ ужасѣ отчаяннымъ голосомъ проговорила Люба.

— Что правда?

— Да что царевича задушили...

Софья нетерпѣливо пожала плечами.

— А вѣдь я считала тебя умнѣе, сказала она. Нѣтъ, ты видно еще дитя неразумное! Царевичъ живъ.... Но вѣдь нужно же какъ нибудь поднять стрѣльцовъ, нужно же намъ какъ нибудь спасти себя—вѣдь вотъ до сихъ поръ буянятъ они тамъ въ слободахъ, а никакой для насъ пользы еще не вышло. Такъ авось вѣсть о томъ, что царевича задушили, наконецъ ихъ подниметъ — поняла теперь, глупая, что-ли?

Люба ужъ давно понимала. Стоя на колѣняхъ на полу передъ царевной, она склонила голову и горько плакала.

— Встань! повелительнымъ и строгимъ голосомъ сказала Софья.

Люба машинально повиновалась.

— Или ты больна сегодня, горячка у тебя что ли? продолжала Софья, чего ты реवेश? Нѣтъ, ты полоумная... Уйди, оставь меня—мнѣ не до тебя теперь!

Люба глядѣла во все глаза на Софью. Слезы ея

мгновенно остановились, да и было съ чего. Неописанное изумленіе остановило эти слезы: диво дивное свершалось передъ Любой. Чудная, свѣтлая красавица, небесный ангель въ одно мгновеніе лишился всей красоты своей, превратился въ злую, холодную женщину.

Что-жъ это такое? Или бѣсъ морочить Любу, или передъ ней не царевна Софья, а кто-нибудь другой, взявшій на себя ея обликъ.

Не проронивъ больше звука, вышла Люба изъ этой комнаты, пробралась къ себѣ, накинута на плечи лѣтнику, лицо покрыла фатою, тихо вышла изъ терема и пустилась бѣжать вдоль Кремля, за ворота, по московскимъ улицамъ въ стрѣлецкую слободу, къ Николаю Степановичу.

Не смотря на поздній вечерній часъ, на улицахъ не было обычной тишины. То здѣсь, то тамъ встрѣчались Любѣ выходившіе изъ своихъ дворовъ жители. Они подходили другъ къ другу, тихо и таинственно о чемъ-то толковали, оглядывались, прислушивались. Что то странно етворилось въ городѣ: никто ничего не зналъ, но все предчувствовали близкую бурю и не могли успокоиться.

Чѣмъ ближе къ городскому валу, чѣмъ ближе къ слободѣ, тѣмъ народу попадалось больше; а за валомъ и совсѣмъ будто днемъ жизнь кипѣла. Стрѣльцы собирались въ кучи, громко кричали, спорили. Изъ кабаковъ выходили пьяныя ватаги съ гамомъ и пѣснями. Вотъ завязалась драка, кого-то сильно избили, кто-то стонетъ... Полное безначаліе, никто не останавливаетъ безпорядковъ, будто и нѣтъ совсѣмъ у стрѣльцовъ полковниковъ. Одни изъ нихъ во всемъ потакаютъ стрѣльцамъ, сами же, закуленные агентами царевны, подбиваютъ на всякія безчинства. Другіе не смѣютъ показаться, боясь испытать участь товарищей, сброшенныхъ съ каланчей.

Опасно быть одинокой молодой дѣвушкѣ среди этого расхоловавшегося, дикаго люда. Но Люба не думаетъ ни о какой опасности. Какъ стрѣла мчится она вдоль улицы. Вотъ и домъ Николая Степановича. Слава Богу, калитка не на запорѣ! Можно прошмыгнуть въ нее не обративъ на себя ничьего вниманія.

Люба пробѣжала небольшой дворикъ и постучалась у крыльца. Прошло нѣсколько невыносимо мучительныхъ мгновеній—никого не отзывается.

„Боже мой,—думала Люба,—его нѣтъ дома, онъ тамъ гдѣ нибудь! Онъ вооружаетъ теперь свой полкъ, готовитъ его къ бунту, исполняетъ то, о чемъ я сама, несчастная, просила его именемъ царевны... и онъ думаетъ, что дѣлаетъ доброе дѣло... Что же будетъ, если нѣтъ его дома?.. Я должна его видѣть!..“

Она принялась стучать еще громче.

Слава Богу, вотъ слышны чьи то шаги въ домикѣ, кто-то подошелъ къ двери.

— Отворите! глухимъ голосомъ крикнула Люба.

Дверь отворилась,—передъ ней Малыгинъ. Слабый свѣтъ блѣднѣющаго заката озаряетъ лицо Любы. Малыгинъ глядитъ на лицо это въ страхѣ, такъ оно блѣдно, такое на немъ мучительное и испуганное выраженіе.

— Государыня Любушка, ты ли это? не ждалъ я тебя въ такую пору, что случилось?

— Ахъ! много случилось, Николай Степановичъ! отвѣтила Люба такимъ страшнымъ голосомъ, что у него душа ушла къ пятки.—Впусти, все расскажу, что случилось.

Онъ впустилъ—заперъ дверь. Она упала на первую попавшуюся лавку и нѣсколько минутъ не могла придти въ себя. Говорить хотѣла, но сердце стучало громко, языкъ не слушался. Наконецъ, кой-какъ успокоившись, она передала Малыгину о томъ, что подслушала при прощаніи Милославскаго съ царевной, и о томъ, что и какъ говорила ей Софья.

Малыгинъ сидѣлъ передъ Любой, глядѣлъ на нее во всѣ глаза и долго никакъ не могъ взять въ толкъ, что это такое она говоритъ и что такого страшнаго въ словахъ ея.

— Чего же ты убиваешься, отчего на тебѣ лица нѣтъ? наконецъ выговорилъ онъ, когда она кончила.— Вѣдь царевичъ-то живъ, такъ что-жь?

Теперь и Люба въ свою очередь его не понимала.

— Какъ такъ что-же? растерянно прошептала она, — царевичъ живъ и никто ему никакого зла не дѣлаетъ, а она всѣхъ васъ обмануть хочетъ!.. Завтра чуть свѣтъ, слышь ты, наѣдутъ къ вамъ Милославскіе для того, чтобъ обманомъ вести васъ въ Кремль.

И она пристально, съ мученіемъ глядѣла на Малыгина, ждала что онъ говорить будетъ. Но ему говорить было нечего, онъ совсѣмъ запутался. Онъ не зналъ, чего она отъ него хочетъ. Вѣдь сама же заставляла его работать въ пользу царевны, всячески его уговаривала. Прежде, до этихъ уговоровъ, ему никакого дѣла не было до того, кто послѣ царя Ѳедора будетъ назначенъ ему преемникомъ: Иванъ или Петръ. Онъ думалъ только объ одномъ, какъ бы рачительно исполнять свой долгъ, свою службу. Онъ возмущался, видя несправедливости, которыя себѣ позволяли его сотоварищи—стрѣлцкіе начальники съ подчиненными, и самъ относился къ своимъ стрѣльцамъ ласково, держалъ себя такъ, что они ни въ чемъ не могли обвинить его. И за это стрѣльцы выказывали ему полное довѣріе даже въ послѣдніе дни, во дни великаго своего буйства. Все, что онъ говорилъ, выслушивали внимательно и во всемъ съ нимъ соглашались. А онъ говорилъ теперь много, онъ рѣшился сослужить службу своей государынѣ Любушкѣ, помочь дѣлу ея Царь-дѣвицы. Вотъ и подготовлено дѣло, остается только предлогъ найти, чтобы двинуть полки въ Кремль—и предлогъ найденъ. Разумная и хитрая царевна самую подходящую вещь придумала; теперь нѣтъ сомнѣнія, что, услыхавъ о мнимой смерти царевича Ивана, все войско, какъ одинъ человекъ, кинется расправляться съ Нарышкиными, и царевна восторжествуетъ. Некому ужъ будетъ обижать ее, нечего будетъ Любѣ плакаться на горькую долю своей благодѣтельницы... Такъ чего же Люба? Она недовольна этимъ, она чѣмъ-то перепугана до полусмерти! Чудная, непонятная дѣвушка!

— Николай Степановичъ, да не молчи ты, не гляди на меня такъ, не то, я чувствую, что у меня разумъ совсѣмъ помутится! Не томи меня, Николай Степановичъ! отчаянно шептала Люба.

— Ума я не приложу, золотая моя боярышня, отвѣчала Малыгинъ,—чѣмъ ты недовольна! Ты добрую вѣсть принесла мнѣ, и вижу я теперь, что завтра же на вашей улицѣ будетъ праздникъ. Мы только и дождаемся отъ васъ какой-либо вѣсточки...

— Какъ? Ты ли это говоришь, Николай Степановичъ, тебя ли слышу? и ты тоже?! Всѣ!..

Люба схватила себя за голову и горько зарыдала.

Малыгинъ бросился къ ней, стараясь всячески ее успокоить; но она не успокоивалась.

— Пойми же, наконецъ,—заговорила она останавливая свои рыданія,—пойми, что мы надѣлали! Дура я, деревенщина, хуже малаго ребенка! кругомъ меня обманули... только теперь... только сейчасъ прозрѣла! Бѣги, Николай Степановичъ, если Богъ въ тебѣ есть,

бѣги скорѣй по своему полку... Говори что вы обмануты, что солгутъ завтра Милославскіе, чтобы не вѣрили ни слову... Говори, что живъ царевичъ, что никто его не обижаетъ, никто не обижаетъ и царевну Софью, а это она всѣхъ хочетъ обидѣть... она хочетъ неповинной крови! Бѣги, говори, что она извергъ, злодѣйка, что васъ не жалѣетъ, а ведетъ на погибель только... Да, погоди, стой, я сама побѣгу съ тобою, я все расскажу имъ... Я расскажу какъ я любила ее, какъ я вѣрила, что она свѣтлая, чистая, прекрасная, и какъ она меня обманула. Да и не сейчасъ, не сегодня я все узнала. Ужъ не первый день начала догадываться, только себѣ не вѣрила. А она то вѣдь плакала предо мною, такъ жалостно описывала всякія обиды... Нѣтъ, пойдемъ Николай Степановичъ скорѣе!

И Люба дѣйствительно встала и направилась къ двери. Малыгинъ едва удержалъ ее.

— Что ты, Богъ съ тобою, какъ тебѣ идти можно?.. Пойдешь себѣ на погибель! Развѣ они послушаютъ, развѣ съ ними говорить теперь возможно? Развѣ не знаешь, что вся наша слобода теперь ровно адъ кромѣшный, что стрѣльцы не люди теперь а звѣри лютые... Что-жь, пойдемъ, будемъ говорить. Много они насъ послушаютъ. Много намъ повѣрятъ... въ куски насъ съ тобою разорвутъ—вотъ что!..

Безумный крикъ вырвался изъ груди Любы!

— И я этому помогала! Господи!

Она остановилась, бессильно опустила руки и ничего не могла сообразить.

Николай Степановичъ тоже стоялъ возлѣ нея въ задумчивости. Теперь онъ все уже понималъ, теперь Люба не казалась ему больше чудною. Онъ взглянулъ на блѣдное измученное лицо ея, и то страстное горячее чувство, которое всегда охватывало его въ ея присутствіи, теперь превратилось въ благоговѣніе. „Чистая душа!“ мелькнуло въ головѣ его, „дитя Божье! и я то хорошъ, и я то хорошъ!—не разглядѣлъ ее, думалъ что она одного поля ягода съ Родимицей.. Да гдѣ же были глаза мои? Что-жь, вѣдь и по годамъ она совсѣмъ еще ребенокъ. Много ли жила то, ничего не видала,—а тутъ въ такую кутерьму попала!.. Бунтовщица... хороша бунтовщица!“

Между тѣмъ Люба вдругъ вышла изъ своего оцѣпенѣнія. Страшныя картины одна за другой рисовались передъ нею. Она вспомнила весь тотъ ужасъ, который былъ первымъ воспоминаніемъ ея дѣтства. Вспомнила какъ охмѣлѣвшіе и страшно кричавшіе люди Окуневскаго прикащика убивали ея отца и мать... Припомнилась ей и недавняя ночь, проведенная ею въ Медвѣдковѣ... Всѣ эти воспоминанія были такого рода, что испо ей показывали, какъ легко убиваются люди, до какихъ звѣрствъ доходитъ толпа къѣмъ нибудь возмущенная. Что-жь, вѣдь теперь будетъ тоже самое! страшны стрѣльцы. Завтра кровь будутъ лить рѣкою!..

— Пусти, Николай Степановичъ! рѣшительно проговорила Люба, вырываясь изъ комнаты.—Ты идти со мной не хочешь, ты боишься,—такъ я пойду одна, пусть меня разорвутъ на части, пусть, и по дѣломъ!—я виновата!..

Съ необычайной силой отстранивъ Малыгина, который пробовалъ загородить передъ нею дверь, она выбѣжала изъ домика и пустилась по улицѣ.

Николай Степановичъ бросился за нею.

(Продолженіе будетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Горы Норвегіи и Норвежцы.

Норвегія, не смотря на свое сѣверное положеніе, не представляетъ однакоже такой печальной однообразной картины, какія являютъ собой области крайняго сѣвера. Постоянно измѣняющіеся виды острововъ, заливовъ, горъ представляютъ

изумительное разнообразіе романтической природы. Только ближе къ сѣверу, гдѣ земля уже граничитъ съ царствомъ вѣчнаго холода, виды природы становятся все серьезнѣе и грустнѣе, растительность уменьшается, хотя и тамъ, какъ мы имѣли случай замѣтить въ № 40 „Нивы“, въ статьѣ о Нордкапѣ, природа представляетъ величественнѣйшую картину.

Типы въ новыхъ русскихъ владѣнiяхъ: Лазъ, Грузинъ и Армянина изъ окрестностей Батума. Рис. Т. Д. грав. Вертрапъ.

Климат Норвежских берегов, не смотря на северное положение страны, также разнится с климатом стран одинаковой широты, о чем мы также сказали в той же статье о мысе Нордкап и дали объяснение, что, условием этого различия являются с одной стороны высокие горные цепи, отбрасывающие узкую береговую полосу от восточных склонов Швеции и Финляндии и защищающие ее собою от холодных ветров; с другой—воды Гольфштрема, приносящие с собою теплоту. Норвегия разнится даже с своею соседкою Швецией и тогда как в Швеции климат суровый континентальный; т. е. погода большею частью ясная; редкие дожди, жаркое лето и суровая зима—в Норвегии, напротив, климат морской, т. е. сырой, туманный: лето без жары, зима без мороза, особенно около берегов.

Точно также и самый характер местности Норвегии отличается от местности соседней с нею Швеции. Швеция больше низменная страна; Норвегия совершенно горная. Скандинавские горы, хотя и не равняются высотой даже с карпатами, тем не менее, по своему полярному положению, имеют свойства самых возвышенных местностей земного шара. Вершины их наполнены ледниками и превосходят в суровости и дикости форм самым Альпы. Оригинальность гор состоит в их различной покатости. С одной стороны они скатываются постепенно, так сказать, тихим склоном; с другой же резко заканчиваются, круто спадая к морю, местами просто отвесными скалами, в тысячи футов высоты. В морях они, как бы отколоты от своей гряды, еще идут множеством скалистых островов, массами обставив берега.

Сообразно различному склону, различны и расположения местности, растительность, водная система.

Отлогий склон разбивается на множество долин: крутой скат образует множество заливов—фиорды—которые чрезвычайно глубоко, не редко на 15 миль входят в массу гор и, не замерзая во время зимы (от теплых вод Гольфштрема), всегда открыты для судов. В долинах гор текут, с быстротою потоков, бесчисленные ручейки, иногда слившись между собою и превратившись в большие реки. Скатываясь с утесов, ручьи во многих местах образовали величественные водопады, удивляющие путешественников не только высотой падения, но и массою свергающейся воды.

Многие из гор имеют чрезвычайно странную форму и в своем целом, с блестящим снегом на вершинах, сверкающим и обливающим различными оттенками, когда полуденное солнце осветит громады, с растущим у подошвы и по скалам лесом, имеют особый вид, производящий и особое впечатление.

Ничего странного, что воображение обитателей этой гористой страны приписало своим чудным гсам чудесное происхождение, облекло их в трупы гигантов, нарядило их в образы старых крестов, соединило с ними легендарные рассказы.

Что касается геогностического свойства гор, то они состоят преимущественно из слонстаго гранита или гнейса, слюдястаго шифера и содержат в себе обильная металлическая жила. Железо и медь получают во многих местах Скандинавии, но за то почва Норвегии не может производить хлеба, и Норвежский житель, не пользующийся хлебными полями, получает хлеб от рыболовства и на продукты своих лесов и рудников покупает произведения, которые не дают ему его родина.

Гартвиг в своем сочинении „Природа и человек на крайнем севере“ так описывает характер норвежских жителей: Норвежцы бедны, говорит он, и должны прикладывать много труда, подвергать себя опасностям, чтобы добывать себе дары своей северной природы; но, довольствуясь малым, Норвежцы живут просто, и в сознании своей независимости, с чувством гордаго самодовольствия смотрят на горы своей романтической родины.

Норвежский крестьянин—владелецный принц на своем томшем участке земли и обладает редкими добродетелями: открытым, честным характером, дружелюбием, гостеприимством. Религиозное чувство его глубоко и искренно; не полнится он в своем челоке плыть 8—10 часов до церкви, и не найдешь здесь ни одного дома, где бы ни было Библии. Надобно сказать, что мало народов, у которых охота к чтению была бы так развита, как у норвежцев. Простой народ особенно образован в Норвегии; во всякой деревне есть училище. Там, где население очень редко, учителя приходящие—странствующие—все-таки занимаются с детьми. В каждом городе существует библиотека, и каждый обыватель ежегодно вносит свой талер на увеличение библиотеки. О мужестве, любви к родине и свободе норвежца свидетельствует его тысячелетняя история. Нынешним своим благосостоянием Норвегия особенно обязана конституции 1814 г. Книгопечатание здесь совершенно свободно. Все привилегии и наследственные титулы уничтожены. Через каждые 3 года собирается парламент, законы учреждаются королем; но если парламент в три различных заседания не принял его, то закон, не смотря на несогласие короля, отменяется.

Норвежцы вообще средняго роста, блонды, с голубыми глазами.

Обильным даром природы в Норвегии является рыба, и рыболовство составляет промысел большей части приморских жителей. Морские берега, напр. от Альстена до Родое, лежащие под самым северным полярным кругом, особенно богаты сельдями. К Лефоденовым островам на ловлю трески собирается лодок до 4000. Если в каждой лодке сидит от 4 до 5 человек, то во всех лодках приблизительно составит 18,000 рыбаков. Да к этому числу лодок надобно еще прибавить более 300 яхт из Бергена, Христианзунда и Мольте. Каждая лодка, приблизительно, навалывает круглым числом около 3,000 рыб, да яхты столько же и таким образом всей трески получится круглым числом миллионов 16. Обыкновенно рыба к берегам Норвегии приходит на время нереста, находя между островами в заливах пристанище от бурь. Время нереста продолжается только несколько недель и вот к этому-то приходу рыбы и собираются лодки. Впрочем, обилие рыбы еще не делает рыбаков людьми обезбеченными от бедности и не может же их избавлять от труда и опасностей занятия этим промыслом. Рыбачьи хижины совсем бедны и обитатели их подвергают всевозможным невзгодам стихий.

Помещения в этой статье два рисунка изображают: один—горный пейзаж в Норвегии, знакомящий зрителя с красотой северной природы; другой—переносит зрителя в жилище норвежца. Для этой последней картины художник избрал домашнюю сцену в праздничный день, когда семейство норвежца, отдыхая после трудовой недели, утешается скромными звуками одинокой скрипки, доставляющими, как видно, всей семье и в особенности детям не малое удовольствие.

Население в окрестностях Батума.

Население окрестностей Батума состоит из разнообразных племен: тут есть и лазы, и армяне, и грузины, и курды, и греки и абхазы. Но лазы составляют собственное коренное население Батума. Народ этот очень способный, смелый и несет на себе весь тяжелый труд в стране. Лазы происхождения грузинского, находясь под влиянием турецкого владычества они приняли ислам, ввели у себя арабский алфавит и теперь, среди других мусульманских народностей, они самые фанатические поклонники корана, язык их, впрочем, не изменился и между собою они говорят по грузински. Армяне, как и всегда и везде, больше купцы, ювелиры, портные. Грузины и Черкесы остаются неизменно язычниками, без печны и кроме земледелия, которое у них стоит в первобытном положении, ни за что другое не берутся. Курды живут в большей части кочующими, но занимаются перевозкой товаров и больше по имени, чем на деле, подвластны Турции. Курды отличные наездники и ловко справляются с оружием. Вообще, жители окрестностей Батума дика, каждый из них вооружен, и кровавая сцена—обыкновенное явление. Население исповедует преимущественно ислам, только некоторые держатся христианства.

Наш рисунок, представляет грузина, лаза и армянку. Грузин врен себе: он всегдашний продавец фруктов и слишком хорошо знаком нам русским, бывшим в Закавказьи, чтобы о нем рассказывать. Курд—другое дело: этот от торговли не видит проку и больше заботится о том, где бы добыть что нибудь при помощи силы и оружия. Армянка—из окрестностей Батума так же напоминает общий армянский тип и в одежде своей мало отличается от своих закавказских соплеменников. Лаз отчасти напоминает грузина. Не нужно читать надписи под картиной, чтобы с первого взгляда на нее составить ясное представление об изображенных на ней лицах.

Нужно заметить, что чем выше поднимаешься в плоскогорья Малой Азии, тем печальнее положение населения. Везде видно запустение, полнейшее отсутствие культуры и крайняя бедность. Женщина обречена на тяжелый труд; она занимается полевыми работами, домашним хозяйством и выполняет все потребности в семейной жизни, тогда как мужчина предается праздности и лени. По словам французского инженера Шуази, путешествовавшего по Малой Азии с ученой целью, население этой страны уменьшается с каждым годом; народ исчезает, говорит он, подобно геологическим особям.

Страница у ручейка.

Недовольство настоящим и вечное искание чего-то в будущем сопровождает человека на всех поприщах его жизни и деятельности. Если же при этом человек надобен подвижным и впечатлительным темпераментом, то это недовольство и это искание чего-то неведомого переходит у него в неудержимую потребность. К числу таких, по нашему мнению, относится большая часть странников по святым местам. Есть, конечно, между ними исключения, именно есть лица, которых странствования по святым местам вызывают исключительно религиозным чувством, но исключения эти

весьма незначительны. Большая часть странствует именно въ силу неотразимой душевной потребности искать новых впечатлѣний, и эти поиски и эти вѣчныя перемѣны мѣстъ составляютъ всю сущность странствованія, сущность зачастую даже неизвѣстную самимъ странникамъ, воображающимъ въ простотѣ души, что они ходятъ изъ мѣста въ мѣсто собственно изъ религіознаго чувства.

— Хожу я, батюшки мои свѣты, вотъ ужъ сорокъ лѣтъ и все мнѣ нѣтъ еще настоящаго упокою, рассказываетъ, охая, старушка странница. Была она и въ Кіевѣ, была и въ Воронежѣ, и у Иннокентія Иркутскаго. Всего, всего насмотрѣлась, и голоду, и холоду, и ласки, и гнѣва.

— Очень бы мнѣ желательно, говоритъ она, къ Соловецкимъ. Тамъ, говорятъ, и край же! Монастырь стоитъ высоко, высоко на Голгофѣ горѣ, и изъ Архангельска на пароходѣ надобно ѣхать. А море то, говорятъ, бѣлое, такъ Бѣлымъ и называется, и холодно тамъ. Рядомъ съ этимъ моремъ Ледовитое—все льды по немъ плаваютъ. Вотъ туда бы мнѣ сходить!..

Слушала эти слова одна тоже старушка, но видимо другихъ стремлений и не дослушала до конца всѣхъ плановъ странницы: — Землемѣрь! сказала она гнѣвно взглянувъ на странницу и ушла въ другую комнату,

Такой-то землемѣрь и изображенъ на нашемъ рисункѣ.

Новгородъ.

Новгородъ, одинъ изъ древнѣйшихъ историческихъ городовъ Руси, расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Волхова, при самомъ его истоцѣ, въ трехъ верстахъ отъ озера Ильменя. На правомъ берегу Волхова расположена торговая сторона, дѣлившаяся въ древности на два конца: Славный или Словенскій и Плотничій, первый конецъ былъ самый населенный и богатый, а второй очень незначительный какъ по пространству, такъ и по богатству обитателей.

Современный видъ Новгорода, изображенный на рисункѣ, представляетъ торговую сторону, на первомъ планѣ гостинный дворъ съ городской думою, по лѣвую сторону изъ-за сада видѣнъ дивизионный штабъ, бывший дворецъ Императрицы Екатерины, построенный въ ея время. Далѣе высятся купола церквей и башни колоколенъ.

За исключеніемъ оставшихся нѣсколькихъ церквей, современный Новгородъ мало похожъ на древній. Гостинный дворъ остался на прежнемъ мѣстѣ, но не въ томъ видѣ. Въ древности площади не было, а все пространство занято было лавками, и гостинный дворъ дѣлился на особые ряды. Были ряды суровские, коженые, щепные, хлѣбные и проч. Почти въ этомъ же мѣстѣ было вѣче, на рисункѣ оно обозначено башней съ шатровымъ верхомъ, украшенномъ шаромъ съ острыми шпильками. Здѣсь былъ Ярославовъ дворъ, до того красивый и обширный, что онъ удивилъ англійскаго принца, искавшаго убѣжища у Ярослава. Конечно, дворецъ Ярослава былъ деревянный и потому ничего не осталось, кромѣ церкви св. Николая и башни, которая потому только уцѣлѣла, что были каменные.

Торговая сторона была центромъ политической и торговой дѣятельности Новгорода, на ней были вѣче и нѣмецкій дворъ. Но святая Софія, находящаяся на Софійской сторонѣ, на лѣвомъ берегу Волхова, имѣла такое значеніе въ религіозномъ и политическомъ отношеніи, что существованіе Великаго Новгорода признаваемо было не иначе, какъ при существованіи святой Софіи. *Кадъ святая Софія, ту Новгородъ.*

Вѣчевое управленіе давало полную независимость новгородскому обществу; князь не вмѣшивался въ дѣла вѣча и былъ только предводителемъ войска и исполнителемъ воли народной. Случалось даже, что Новгородцы призывали князя на судъ на вѣче, обличали его и лишали власти, а впрочемъ, не отпускали его, пока не призывали новаго князя. Такъ было со Всеволодомъ Псковскимъ. На вѣчѣ очень часто возникали раздоры, и сильныя партіи прямо съ вѣча отправлялись грабить слабѣйшихъ, слѣдствіемъ чего были опустошительные пожары и разграбленіе цѣлыхъ уѣздовъ. Убѣжищемъ преслѣдуемыхъ вѣчанъ была святая Софія и нѣмецкій дворъ.

Въ важныхъ религіозныхъ и политическихъ дѣлахъ, а иногда и въ вѣчевыхъ распряхъ, Новгородцы обращались къ святой Софіи и собирали вѣче на архіерейскихъ дворахъ, въ особенности при избраніи владыки, новаго князя и при началѣ войны.

Новгородъ преимущественно воевалъ съ Ливонцами, Литвой и Шведами, но бывали случаи войны и съ соотечественниками, а вольница Новгородская гуляла и по Волгѣ. Стоя на рубежѣ русской земли, Новгородъ служилъ воротами европейской торговли съ Константинополемъ и Азіей. По словамъ Нестора путь шолъ такъ: изъ Финскаго залива, Невой и Ладожскимъ озеромъ въ р. Волховъ, въ озеро Ильмень и въ Ловать, отсюда волокомъ до Днѣпра и потомъ въ Черное море.

Въ дѣтское время торговля Новгорода преимущественно состояла въ отпускѣ пушныхъ товаровъ, воску, меду и кожъ. Но главнымъ промысломъ было постройка рѣчныхъ судовъ и перегрузка товаровъ съ морскихъ судовъ на плоскодонныя суда рѣчныя. Въ этомъ случаѣ новгородцы были факторіей Ганзы, вліяніе которой было такъ сильно, что успѣло поборотъ

нетерпимость русскихъ того времени относительно иновѣрцевъ. Нѣмецкій дворъ съ своею церковію имѣлъ вліяніе на политическую и экономическую бытъ Новгорода, онъ пользовался правомъ неприкосновенности, въ стѣнахъ его находили даже новгородцы убѣжище отъ своихъ враговъ. Съ своей стороны и Ганза дорожила добрыми отношеніями къ Новгороду, какъ единственному пункту на торговомъ пути въ Азію.

Во время своей славы и богатства, Новгородъ не уступалъ обширнымъ и богатымъ городамъ Европы; въ немъ много было капитальныхъ зданій, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимала святая Софія.

Каменный храмъ святой Софіи заложенъ былъ въ 1045 году Владиміромъ Ярославичемъ, а построенъ въ 1050 году. Онъ имѣетъ въ высоту внутри восемнадцать саженъ, а съ наружи двадцать три съ половиною саженей—и составляетъ замѣчательный памятникъ того времени по своей массивности и цѣнности. Стѣны его, сложенные изъ булыжнаго камня, имѣютъ болѣе полусаженны толшины, длина его шестнадцать саженъ, ширина осьмнадцать саженъ, внутри десять колоннъ, поддерживаютъ верхнія своды и трибуны главъ. Постройка такого зданія требовала громадныхъ суммъ, потому что производилась совершенно отличнымъ способомъ отъ построекъ настоящаго времени и лишена была тѣхъ облегчающихъ средствъ, которые успѣли найдти въ теченіи восьми вѣковъ цивилизація и наука. Святая Софія служила образцомъ для постройки послѣдующихъ храмовъ въ Новгородѣ, конечно, въ гораздо меньшихъ размѣрахъ и съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что святая Софія была въ одинъ этажъ, а церкви городскія двухъэтажныя; въ верхнемъ этажѣ помѣщалась церковь, а въ нижнемъ—кладовая. Подобная архитектура составляетъ исключительную особенность новгородскихъ церквей, которая обуславливалась экономическимъ складомъ Великаго Новгорода.

Въ Новгородѣ приходская община была вмѣстѣ и торговой. Жилыя постройки того времени строились изъ дерева, матеріала легко воспламеняющагося и стараемаго, а пожары были частые и опустошительные, иногда выгорали цѣлые концы города, поэтому цѣнныхъ товаровъ сохранять на дому не было никакой возможности. Въ видахъ болѣе безопаснаго сбереженія цѣнныхъ товаровъ цѣлыя общины, а иногда и частныя лица, стояція во главѣ общины, строили каменную церковь. Въ верху помѣщалась церковь, а внизу были кладовыя, гдѣ хранились цѣнные товары, а иногда за тѣсною въ кладовой товары помѣщались въ самой церкви. Замѣчательно, что въ одномъ только Софійскомъ соборѣ устроена усыпальница, гдѣ покоятся князья, владыки новгородскіе и самые значительные изъ гражданъ, въ приходскихъ же церквахъ никогда никого не хоронили. Въ монастыряхъ также были усыпальницы.

Въ Новгородѣ, кромѣ церквей, было одиннадцать монастырей, а въ его окрестностяхъ 66 монастырей; церквей врядъ ли осталось четверть, а монастырей только четыре въ городѣ. Монастыри были по преимуществу усыпальницами или убѣжищемъ богатыхъ гражданъ, отживающихъ свой вѣкъ. Богатые новгородцы, покончивъ торговые дѣла, искали себѣ покоя и отдыха въ монастыряхъ, какъ на дачахъ. Построивъ небольшую монастырь, новгородецъ дѣлался настоятелемъ его, и не теряя правъ гражданскихъ, жилъ въ монастырѣ съ женой и семьей, къ нему присоединялись родственники и прихлебатели, и такимъ образомъ вокругъ монастыря образовывался посадъ, гдѣ жили неимѣющіе права голоса на вѣчѣ. Вотъ почему сложилось въ народѣ мнѣніе, что Новгородъ простирался отъ Юрьева монастыря до Хутынскаго монастыря, почти на протяженіи двадцати верстъ. Но нѣтъ никакихъ слѣдовъ и поводовъ допустить, чтобы Новгородъ былъ такъ обширенъ; онъ никогда не выходилъ изъ тѣхъ границъ, въ какихъ находится и теперь. Топографическія условія не допускали раздвинуться Новгороду, вслѣдствіе низменностей, окружающихъ Новгородъ и заливаемыхъ весною водою почти на саженъ высоты.

Не мало способствовало развитію монастырей вѣрованіе того времени, въ особенности въ высшемъ классѣ общества Новгородскаго, что въ ангельскомъ чинѣ только возможно спасеніе. Рѣдкіе изъ князей и богатыхъ людей того времени умирали, не воспріявъ великаго постриженія. Владыки новгородскіе предъ смертію принимали постриженіе великой схимы. Огромныя нужны были средства для устройства и существованія такого множества церквей и монастырей, и средства эти давалъ одинъ только Новгородъ.

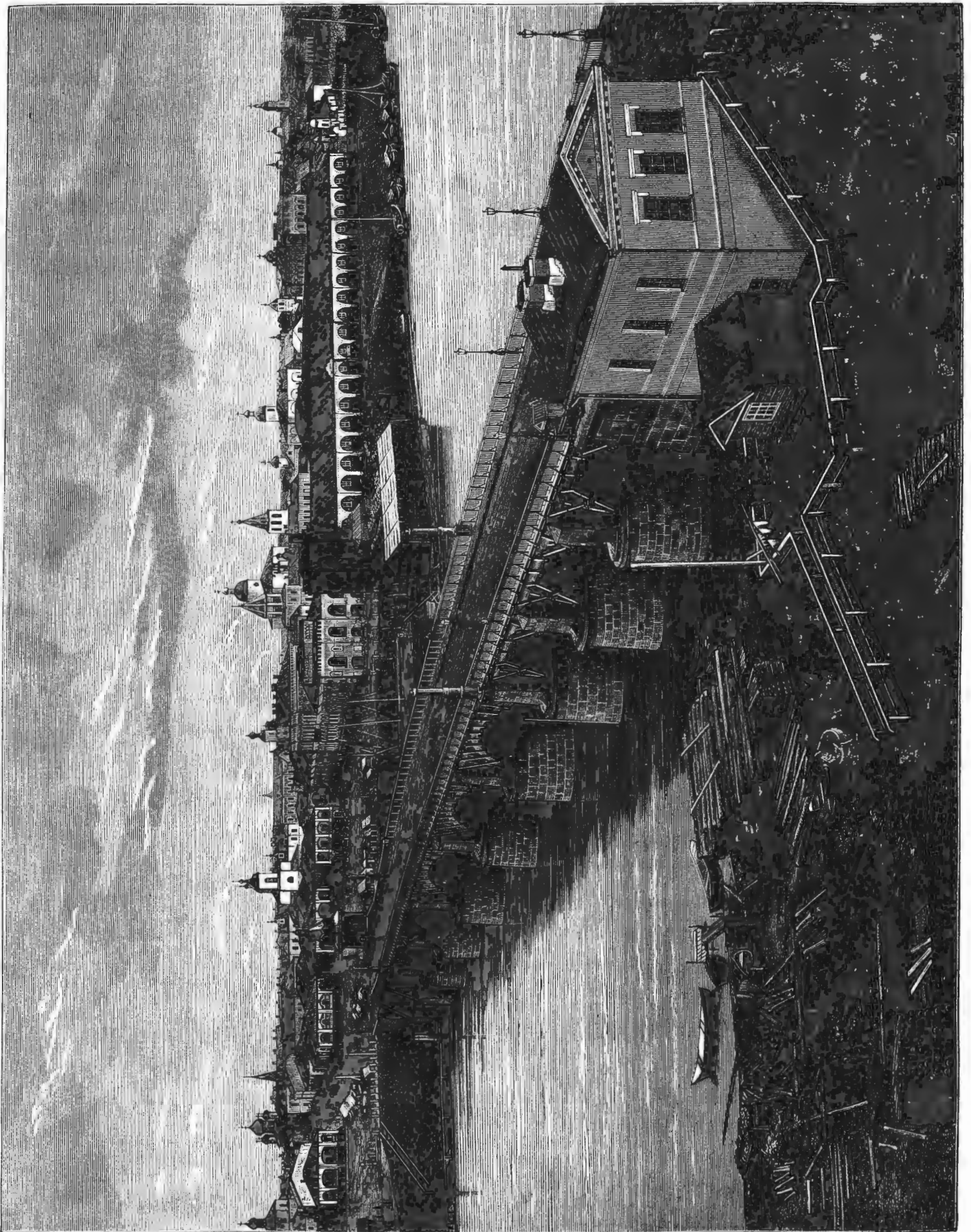
Къ капитальнымъ постройкамъ Новгорода слѣдуетъ отнести дѣтинецъ.

Дѣтинецъ, древняя твердыня, за которою Великій Новгородъ хранилъ святую Софію, въ настоящее время не представляетъ того грознаго вида, какимъ онъ былъ въ глазахъ современниковъ, надъ стѣнами его высились девять башенъ, а выходомъ служили пять воротъ. Онъ устроенъ въ 1302 году изъ дикаго камня, а облицованъ кирпичемъ при Петрѣ I-мъ.

Мостъ деревянный на сваяхъ былъ гораздо выше нынѣ существующаго каменнаго и простирался болѣе, чѣмъ на полверсты и очень былъ широкъ. На мосту устроены были лавки и происходили молодецкіе кулачныя бои, а иногда и кровавыя спибки между враждующими сторонами. Съ этого моста опричники Ивана Грознаго бросали въ Волховъ Новгородцевъ, свя-

Старушка отдыхает въ лѣсу. Рис. М. Яиновъ-въ, грав. К. Шмидтъ.

Общій видъ Новгорода. Съ фотогр. грав. М. Ралевскій.

занныхъ вмѣстѣ цѣлыми семьями, а которые выплывали на поверхность рѣки, тѣхъ добывали опричники долбнями, отчего и прозываютъ Новгородцевъ долбежниками.

По своему нравственному развитію Новгородъ стоялъ высоко въ отношеніи прочихъ городовъ Руси. Въ немъ развились, и изъ него вышли знаменитые князья Русской земли: Владиміръ — красное солнышко, Ярославъ Мудрый, Мстиславъ Удалой, Александръ Невскій и другіе. Изъ него же были и іереи Сильвестръ и патриархъ Никонъ. Въ немъ же приютилась и ересь жидовская. Живопись иконная процвѣтала въ Новгородѣ, представителемъ ея былъ Рублевъ. Писцы отличались грамотностію и красивою писанью; Остромирово евангеліе писано въ Новгородѣ. Монетный дворъ и искусные серебряники оставили много памятниковъ искусства, и изысканные рисунки, замѣчательныхъ прочностію и яркостью красокъ древней эмали или финифти.

Новгородъ палъ при Иванѣ III. Онъ уничтожилъ торговлю Новгорода, заградивъ путь въ Греки и за Волгу. Богатыхъ и сильныхъ Новгородцевъ онъ разсѣлялъ по разнымъ городамъ Руси, Марфу Борецкую заточилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ дѣвичій монастырь и вѣчевой колоколъ, разбивши въ куски, свезъ въ Москву, а вмѣстѣ вывезъ и сокровища новгородскія, на трехстахъ подводяхъ. Иванъ четвертый, Грозный, добилъ остатки Новгородцевъ, перетопивъ въ Волховѣ. Теперь въ Новгородѣ нѣтъ прямыхъ потомковъ прежнихъ Новгородцевъ, его населяютъ выходцы изъ Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской и другихъ губерній, потому нѣтъ и вѣрныхъ преданій, былинъ, пѣсень и сказокъ. Существуютъ неправдоподобные и несообразные рассказы про Марфу Пасадину и все приписываютъ ей и развалины и замѣчательныя зданія, даже показываютъ портретъ ея, который снятъ съ иноки Марфы, матери царевича Дмитрія, заточенной въ Выксинскомъ монастырѣ въ Новгородской губерніи. Всѣ эти несообразные рассказы только доказываютъ то, что изъ современниковъ Марфы Борецкой никого тогда не осталось въ Новгородѣ.

Устройство столицы въ С.Петербургѣ окончательно свело Новгородъ на степень простаго административнаго города. Съ виду онъ красивый и чистенькій городъ, соединенный съ Николаевской желѣзной дорогой узкоколейной Новгородской и пароходствомъ по Волгу. Жителей въ немъ только семнадцать тысячъ, въ числѣ которыхъ болѣе трехъ тысячъ войска. Пространство онъ тоже занимаетъ какъ и древній Господинъ Великій Новгородъ, но населеніе широко раскинулось. Четыре большихъ площади, широкія улицы, сады и огороды раздвинули его очень широко. Домовъ въ городѣ болѣе двухъ тысячъ и почти на половину каменные. Постройка каменная сосредоточена въ центрѣ города, на Торговой сторонѣ. Въ дѣтницѣ, въ древности густо заселенномъ, теперь только святая София съ архіерейскимъ домомъ, памятникъ тысячелѣтню Россіи, присутственныя мѣста и четыре дома Софійскаго духовенства.

Церквей каменныхъ въ городѣ тридцать семь, монастырей ч. тыре. Во времена Екатерины Второй, графомъ Сиверсомъ Новгородъ совершенно перестроенъ. Всѣ старыя улицы уничтожены, а городъ разбитъ на правильные кварталы. Гостиный дворъ построенъ въ тоже время и присутственныя мѣста съ губернаторскимъ домомъ. Каменный мостъ черезъ Волховъ устроенъ на новомъ мѣстѣ въ царствованіе Императора Николая I. Большая двѣ арки для проѣзда черезъ дѣтинецъ устроены въ царствованіе Императора Александра I-го и въ его же время насажены городскій садъ плѣнными французами на мѣстѣ древняго дома.

Богословскій.

Парижская Всемирная Выставка.

Въ настоящее время, посмотрѣвшись на Всемирную выставку въ Парижѣ, уже можно дѣлать общія заключенія. Такъ, помѣщая въ этомъ номерѣ видъ художественнаго нѣмецкаго отдѣла, мы приводимъ выводъ, сдѣланный цѣнителями художественныхъ произведеній, видѣвшими, въ свое время, Вѣнскую выставку. Художественный отдѣлъ Парижской выставки, по ихъ мнѣнію, представляетъ собою тѣ же таланты, которые являлись на судъ общества и на выставкѣ 1873 года въ Вѣнѣ. Настоящій художественный отдѣлъ и не богаче и не разнообразнѣе, даже, наоборотъ, уступаетъ въ количествѣ выставленныхъ картинъ и скульптурныхъ работъ. Само собою разумѣется, что въ какіе нибудь 5 лѣтъ искусство и не могло сдѣлать гигантскихъ шаговъ впередъ и измѣнить направленіе, особенно тамъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно уже достигло своего развитія.

Если же вообще сдѣлать сравненіе между художественными произведеніями, поставленными на Парижской всемирной выставкѣ, съ таковыми же, бывшими на выставкѣ Вѣнской и произвести это сравненіе по національностямъ мастеровъ, то оказывается, что на Вѣнской выставкѣ преобладающее значеніе имѣла выставка работъ вѣнскихъ мастеровъ; въ настоящее время на Парижской выставкѣ численность на сторонѣ мѣстныхъ, французскихъ художниковъ. Это, говоря между прочимъ, указываетъ, что всегда „хозяйева“ всего болѣе о себѣ заботятся. Италия на нынѣшній разъ очень уменьшила количество выставленныхъ картинъ своихъ и статуй. Бѣдиѣ противъ Вѣнской выставки и художественный отдѣлъ Венгрии и Ни-

дерландъ; но за то богаче нашъ Русскій отдѣлъ, выставившій выше 155 картинъ и 52 скульптурныя произведенія, имѣвшій на Вѣнской выставкѣ 107 картинъ и 43 статуи. Въ отношеніи качества, нашъ русскій художественный отдѣлъ также блистательно заявилъ себя и, по отзывамъ художественныхъ критиковъ, наши художники чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе доказываютъ, что искусство въ Россіи дѣлаетъ замѣтные шаги впередъ, приводяще его съ честію на всемірныя состязанія. Говорятъ, что на нынѣшней всемирной выставкѣ русская школа живописи получила полное право гражданства и съ этого времени иностранная публика стала заучивать имена русскихъ художниковъ. Фактъ знаменательный. Вообще, какъ видно, наше русское искусство начинаетъ входить въ свѣтъ, занимать подобающее мѣсто тамъ, гдѣ искусство развивается и процвѣтаетъ, блистательно доказывая свои несомнѣнныя достоинства, при своей самобытности. Такъ наша музыка въ концертахъ Троккеро, подъ управленіемъ Н. Рубинштейна, заставила громко говорить о себѣ, вызвала единодушное одобреніе. Первенствующее мѣсто въ концертахъ, разумѣется, было отведено нашему великому русскому композитору Глинкѣ, и публика всѣхъ національностей познакомилась съ великолѣпной увертюрой Руслана, Камаринской, чудесными партіями изъ „Жизни за Царя“, также произведеніями Даргомыжскаго и Сѣрова. Русскіе пѣвцы и въ особенности пѣвицы производятъ сильное впечатлѣніе за границей своими прекрасными голосами и музыкальнымъ развитіемъ. Теперь не рѣдкость читать объ ангажементахъ нашихъ солистовъ на лучшихъ заграничныхъ сценахъ. Замѣтимъ здѣсь между прочимъ, что, не смотря на успѣхъ нашихъ русскихъ солистовъ на иностранныхъ сценахъ, мы (т. е. наша петербургская итальянская опера) по прежнему придерживаемся пѣвцовъ иностранныхъ, платя имъ громадныя суммы. Быть можетъ наши русскія пѣвицы за границей тоже получаютъ значительное вознагражденіе за свое участіе на иностранныхъ сценахъ,—тогда, значитъ, мы съ иностранцами квиты. Но что-то плохо вѣрится, чтобы въ этомъ мы могли похвастаться, такъ какъ изстари извѣстно, что мы на деньги „тароваты“.

Но вернемся къ живописному отдѣлу. За послѣднее время, т. е. со времени Вѣнской выставки, въ Германіи, какъ и во Франціи, не выдвинулось ни одного новаго громкаго имени, и каталоги Вѣнской и Парижской выставокъ повторяютъ извѣстные всѣмъ имена, съ тою разницей, что нѣкоторые германскіе художники отошли въ Австрійскій отдѣлъ; причиною этому то, что Германія сначала отказывалась было принять участіе въ Парижской выставкѣ, а художникамъ не хотѣлось отказаться отъ состязанія. Согласившись наконецъ выступить на выставку, Германія въ тоже время позаботилась удалить въ своей выставкѣ всѣ картины такого содержанія, которое могло бы напомнить времена прусско-французской войны. Отсутствие картинъ съ такимъ напоминаніемъ замѣчается и во французскомъ художественномъ отдѣлѣ. Въ свое время мы уже дали нѣкоторый отчетъ объ этомъ отдѣлѣ; въ настоящемъ № по поводу нашего рисунка, представляющаго видъ германскаго художественнаго отдѣла, между прочимъ считаемъ не безынтереснымъ провести нѣкоторую параллель между искусствомъ той и другой страны. Господствующимъ направленіемъ французской живописи положительно надобно признать необыкновенное мастерство техники, вкусъ, пониманіе красокъ, но всеобщая бѣдность содержанія. Нѣмецкая школа представляетъ много наблюдательности, задушевности и богатство внутренняго содержанія. Произведенія французскихъ художниковъ поражаютъ, изумляютъ; произведенія нѣмецкихъ мастеровъ влекутъ къ себѣ и трогаютъ. Французскіе художники съ любовію возвращаются въ сюжетахъ изъ міеологии, изображаютъ нагихъ женщинъ; нѣмецкіе мастера разработываютъ жанръ. Блестящимъ представителемъ этого рода нѣмецкой школы живописи, конечно, является Кнауэ, и на Парижской выставкѣ теперь онъ обращаетъ вниманіе на свои картины, въ числѣ пяти,—„Похороны“, „Дѣтскій праздникъ“, „Крестыанскій совѣтъ“, „Ученикъ“, „Хорошее дѣльце“. Всѣ эти картины представляютъ вполне законченныя произведенія, всѣ изображенныя лица—типы, переданные совершенно естественно. Каждая фигура строго обдуманна и стройно сливается въ общей гармоніи. На картинахъ „Понятливый ученикъ“ и „Хорошее дѣльце“, фигурируютъ „цесные жидоцы“. Карлъ Беккеръ выставилъ двѣ картины: „Императоръ Максимилианъ увѣнчивается поэта Ульриха Гуттена“ и „Альбертъ Дюреръ въ Венеціи“. Ученикъ Пилоти, Грюйнеръ, по обыкновенію, подсмѣивается въ своихъ картинахъ надъ католическими монахами. Другой ученикъ Пилоти, Дефрегеръ, выставилъ двѣ картины: „Молитва передъ обѣдомъ“ и „Игра на цитрѣ“. Самъ Карлъ Пилоти, надѣлавшій шуму на Вѣнской выставкѣ „Туснельдой“, представилъ въ Парижѣ съ картиной „Герцогъ Валденштейнъ, проѣзжающій мимо роющей могилы“. Ахенбахъ выставилъ шесть пейзажей и одинъ изъ нихъ, „Берегъ Шельды“, рѣшительно одинъ изъ самыхъ лучшихъ на всей выставкѣ. Дюреръ (бывшій членомъ нашей русской школы, но почему-то отпавшій) заявилъ о себѣ прекраснымъ видомъ береговъ Балтійскаго моря при вечернемъ освѣщеніи.

Зала нѣмецкой художественной выставки вообще отмѣчается

строгимъ стилемъ: стѣны обиты свѣтло-желтыми обоями, мраморныя группы и растенія расположены въ гармоническомъ порядкѣ.

Въ настоящее время общество выставки занято раздачей наградъ экспонентамъ. Это присужденіе наградъ волнуетъ всѣхъ, явившихся на всемірный конкурсъ, и каждый спѣшитъ узнать, кому выданъ, такъ сказать, аттестатъ, кому книжка. Въ нашемъ русскомъ отдѣлѣ черезчуръ много наградъ получила Финляндія. Читаешь перечень и удивляешься, сколько нашей сосѣдкѣ надавали отличій. Становится даже какъ будто завидно, что въ нашемъ же государствѣ, только не у русскихъ, такъ отличились и явились достойными одобренія. Финляндія получила награды и за школы, и за ассоціаціи и различныя общества. Высшія награды Россія получила за художественную выставку: Семирадскій получилъ высшую награду за живопись, Антокольскій за скульптуру, Редлихъ (въ Варшавѣ) за гравюру; четвертую (*dipôme de memoire*) получилъ архитекторъ Бруни. Наше министерство народнаго просвѣщенія получило почетный дипломъ за изданія академіи наукъ, золотую медаль за планы женскихъ и мужскихъ гимназій и, наконецъ, серебряную медаль за планы народныхъ школъ. Наша прекрасная коллекція педагогическаго музея военнаго министерства, о которой мы въ свое время упоминали, получила золотую и серебряную медали. Прибавимъ кстати, что директоръ музея, генералъ Кохановскій, отлично устроивъ свой отдѣлъ, три раза въ недѣлю публично демонстрировалъ свою выставку предъ всегда многочисленною и внимательной толпой. Мы заносимъ этотъ фактъ въ виду упрековъ въ томъ, что наши выставочныя отдѣлы чрезвычайно много потеряли отъ распорядковъ выставочныхъ чиновниковъ, которые, по словамъ всѣхъ, дѣлаютъ свое присутствіе на выставкѣ какой-то прогулкой и никакой пользы экспонентамъ не приносятъ. Между прочимъ рассказываютъ фактъ по выбору русскихъ жюри: въ эксперты по обуви и одеждѣ, говорятъ, назначенъ былъ бумагопрядильщикъ, а русскій шорникъ былъ посаженъ въ горный отдѣлъ. Здѣсь невольно вспоминаются строки извѣстной басни:

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожники,
А сапоги точать пирожники...

У насъ же это, какъ видно, дѣлается зачастую, и силою и рядомъ у сидящихъ не на своемъ мѣстѣ выходитъ

Не дѣло, только мука.

Много наградъ выпало на долю шелка московскимъ фабрикантамъ. Московскіе же фабриканты получили золотыя медали за шерсть и хлопчатую бумагу.

Лучшими представителями на Парижской выставкѣ въ отдѣлѣ музыкальныхъ инструментовъ явились Шредеръ и Беккеръ, и рояли ихъ получили золотыя медали. Мы особенно упоминаемъ объ этихъ наградахъ нашимъ фортепианнымъ мастерамъ, такъ какъ рояли ихъ фабрикъ, особенно Шредера, производили положительный эффектъ. Испытаніе шредеровскихъ роялей привлекло массы публики, начиная отъ важныхъ барынь, по старости лѣтъ уже не могущихъ ходить и потому перевозимыхъ по выставкѣ въ коляскахъ, до рабочихъ въ блузахъ. Фирмы Шредера и Беккера стоятъ выше французскихъ фирмъ, во главѣ которыхъ является знаменитый Эраръ. Драгоцѣнные рояли Эрара, съ своими украшениями по стѣнкамъ корпуса, съ вставленными медальонами изъ севрскаго фарфора, прельщая наружнымъ блескомъ, гремя баснословной стоимостью, уступаютъ въ качествахъ на видъ скромнымъ роялямъ фабрики Шредера. Въ результатѣ на драгоцѣнные медальоны Эрара никто не обращаетъ вниманія, а на рояляхъ Шредера и Беккера играютъ различные артисты.

Что касается получившихъ награды Овчинникова, Сазикова, фабрикантовъ серебряныхъ вещей, Лизере—мебели и т. под. то это,—какъ выразился нѣкто,—такъ сказать наши аксіомы, не требующія доказательствъ.

Почетное мѣсто заняла Россія на выставкѣ лошадей, и Чесменскій заводъ В. К. Николая Николаевича получилъ двѣ высшія награды. На рысистыхъ бѣгахъ русскіе рысаки Маэурна и Дюгамеля взяли первые призы.

На бѣгахъ присутствовали Великіе Князья Алексѣй Александровичъ и Константинъ Константиновичъ, Король Португальскій и Магъ-Магонъ.

0.

КЛЕОПАТРА.

(Этюдъ профессора Ниссена.)

(Окончаніе.)

Клеопатра наследовала умную предусмотрительность ея предка, хитрость Птолемея Лаги, и осталась вѣрною подобному образу дѣйствій до самаго конца своей жизни. Съ удивительною послѣдовательностью она держалась того плана, чтобы поставить силу Запада въ служебное къ себѣ отношеніе; она стремилась уничтожить ненавистную республику на Тибрѣ руками ея собственныхъ сыновъ и на развалинахъ Рима воздвигнуть великое царство, которое управляло бы всею вселенною.

Изгнанная царица должна была надѣяться и выжидать переворота счастья. Западъ былъ потрясенъ войною и воинственными кликами; римскіе оптимисты соединились въ два различныя лагеря, что бы рѣшить, кто изъ нихъ долженъ быть предводителемъ и господиномъ. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ битвою при *Форсамъ*, лѣтомъ 48 г. до Р. Х. Пораженный Помпей пришелъ искать помощи въ Египетъ. Цезарь шелъ за нимъ по слѣдамъ, какъ слѣдуетъ охотнику по слѣдамъ истекающаго кровью звѣря. Совѣтники юнаго короля рѣшили умертвить Помпея, чтобы избѣжать всякихъ дальнѣйшихъ затрудненій и недоразумѣній въ отношеніяхъ къ Риму. Не смотря на это, Цезарь съ нѣсколькими тысячами войска высадился въ Александрію. Онъ пужался въ деньгахъ и потому объявлялъ себя рѣшителемъ спора между египетскими королями (братомъ и сестрою). Это былъ отчаянно смѣлый фортель, на который могъ рѣшиться только Цезарь. Огромный городъ громко ропталъ на римскаго полководца. Дворъ замышлялъ гибель Цезарю и дѣйствительно обладалъ достаточною силою подавить силу послѣдняго. Но тогда нашелся для Цезаря другъ, готовый раздѣлить съ нимъ опасность.

На маленькомъ кораблѣ вступила изгнанная Клеопатра въ гавань своей столицы; она велѣла завернуть себя въ коверъ, и пошатый-служитель, подъ видомъ тюка какихъ-либо товаровъ и похвываясь тьмою ноци, перенесъ ее въ Римскую главную квартиру. Въ качествѣ „безземельной“ царицы возвратилась Клеопатра во дворецъ своихъ отцевъ, чтобы ввѣрить свою будущую судьбу въ руки великаго Цезаря. Послѣдній принялъ царицу весьма ласково и дружелюбно и обѣщалъ защищать ея право на престолъ. Но при ежедневныхъ взаимныхъ сношеніяхъ, которыя возникли вслѣдъ за симъ, Цезарь не въ состояніи былъ противиться прелестямъ удивительной женщины. Оба эти величайшіе люди своего времени, 52-хъ лѣтній римскій герой и молодая 21 лѣтняя греческая царица, представили собою любящую парочку, подобную которой мы уже не встрѣчаемъ въ исторіи. Но эта связь подала сигналъ къ возмущенію въ Александріи. Въ неизъяснимомъ бѣшенствѣ поднялось населеніе громаднаго города противъ чуждаго пришельца; на

помощь къ населенію явилась превосходная силою армія. Много дней прошло въ ужасныхъ битвахъ и въ упорныхъ сраженіяхъ на морѣ и на сушѣ. Только съ большимъ трудомъ Римляне удерживали укрѣпленный королевскій замокъ, и цѣлые мѣсяцы Цезарь и Клеопатра находились въ величайшей нуждѣ и опасности. Во время этихъ упорныхъ битвъ погибло въ пламени и величайшее книгохранилище древняго міра, Александрійская библиотека съ ея 400,000 томовъ. Но вспомянувъ объ этой великой потерѣ, мы можемъ утѣшиться мыслью, что Цезарь именно въ теченіе этихъ мѣсяцевъ пришелъ къ идеѣ произвести реформу въ тогдашнемъ календарѣ, потому что годовое счисленіе, которое ввелъ Цезарь и которымъ мы пользуемся теперь, возникло на почвѣ египетской (жреческой) мудрости. Наконецъ, въ январѣ 47 года, осажденнымъ пришла желанная помощь. Въ большой битвѣ египтяне были разбиты и въ суматохѣ бѣгства молодой царь утонулъ въ Нилѣ. Теперь Цезарь могъ безпрепятственно исполнить свое обѣщаніе, возвести свою возлюбленную на тронъ ея отцевъ и обезопасить ея будущую судьбу римскимъ гарнизономъ, который Цезарь оставилъ для болѣе безопаснаго и прочнаго устройства дѣлъ молодой царицы. Но Цезарь не сибѣшилъ отъѣздомъ изъ Египта. Любящаяся пара сошлась подъ страшнымъ звукомъ оружія, освятила и укрѣпила свой союзъ дружнымъ перенесеніемъ неудачъ и бѣдствій, и теперь, въ вознагражденіе перенесеннаго, и Цезарь и возстановленная имъ царица бросились въ вихрь безумныхъ и необузданныхъ удовольствій. Послѣдовалъ рядъ празднествъ, отличавшихся сказочной пышностью. Клеопатра умѣла устраивать эти празднества, какъ никто въ мірѣ. На грандіозно и пышно убранныхъ и сверкающихъ драгоцѣннымъ убранствомъ судахъ, предприняла Клеопатра съ Цезаремъ поѣздку вверхъ Нила, чтобы показать властелину Запада чудеса Земли Пирамидъ. Цезарь при этомъ, повидимому, совершенно забылъ свои задачи и обязанности, лежавшія на немъ какъ на римлянинѣ. Онъ пробылъ въ Египтѣ 9 мѣсяцевъ и оставилъ такимъ образомъ Римъ не защищеннымъ и не обезопасеннымъ отъ всевозможныхъ случайностей. Дѣйствительно, у гирры гражданскою войны, вмѣсто отрубленныхъ, вскорѣ выросли новыя головы. Въ Африкѣ и Испаніи римскіе аристократы собрали новыя силы. Но потомъ и въ томъ и другомъ мѣстѣ они были усмирены въ двухъ истребительныхъ походахъ; болѣе чѣмъ 100,000 римскихъ гражданъ заплатились жизнью, благодаря авантюристскимъ причудамъ Цезаря въ Египтѣ.

Одинъ изъ римскихъ поэтовъ припоминаетъ извѣстную древнюю пѣсню, пропѣтую старцемъ Гомеромъ, въ которой рассказывается, какъ ради прекрасной Елены, греки и троянцы сражались цѣлые 10 лѣтъ, какъ палъ въ развалинахъ высокій

Илионъ и какія безчисленныя бѣдствія постигли даже побѣдителей. У Гомера нѣтъ ни слова порицанія самой виновницѣ несчастья, Еленѣ. Набожное, дѣвственное чувство древняго пѣвца во всемъ признаетъ руку боговъ и опредѣленіе неизбѣжной судьбы. Мы, однакоже, не можемъ осуждать римскихъ поэтовъ за то, что они на бѣдствія, нанесенныя въ Италіи Клеопатрою, смотрѣли не съ такимъ благочестивымъ чувствомъ, какъ Гомеръ; для насъ понятенъ цѣлый потокъ проклятій и даже клеветъ, который они пзлили на враждебную Риму женщину въ силу страстнаго волненія и нравственной энергіи патриотизма. История оставляетъ въ сторонѣ мелочныя, условныя споры дня—злостныя; она не жалуется, а также не судитъ, но старается и сама *понять* явления, и сдѣлать ихъ *понятными* для другихъ. При такомъ пониманіи вещей она должна остерегаться служить практическому кодексу самодѣльной морали. Но чѣмъ болѣе история учитъ понимать и дѣлаетъ понятными явления, тѣмъ настоятельнѣе она требуетъ справедливости, воздающей народамъ, соответственно заслугамъ каждаго изъ нихъ и руководитъ общимъ развитіемъ человѣческаго рода.

Не одна чувственная привязанность къ Клеопатрѣ удерживала Цезаря въ Египтѣ. Онъ сдѣлался уже *другимъ* человекомъ. Онъ посѣтилъ гробницу Александра Великаго и воодушевился мыслію, что именно ему, Цезарю, суждено довершить то, что помѣшала Александру исполнить ранняя смерть—именно повергнуть къ своимъ ногамъ весь обитаемый міръ на всемъ пространствѣ отъ восхода до захода солнца. Клеопатра была близка къ цѣли своихъ надеждъ. Цезарь, разставившись съ нею, оставлялъ ей залогъ ея счастья: она разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ, и дала ему, въ честь отца, имя *Цезаріона*. Это былъ единственный сынъ, котораго даровала Цезарю судьба. Въ 46 г. до Р. X. Клеопатра привезла сына къ отцу въ Римъ.

Визитъ какого-либо восточнаго повелителя составляетъ въ наши дни самъ по себѣ большое событіе, и конечно тѣ, которые встрѣчаютъ восточнаго деспотическаго властителя съ радостными чувствами, не принадлежатъ къ лучшей части общества: это обыкновенно люди, любующіеся внѣшнимъ блескомъ, преслѣдующіе индустриальныя интересы, матеріальныя выгоды, любящіе пощипать съ иностранной птицы ея золотыя перушки и захватить себѣ *орденовъ* и знакъ отличія и т. под. Но та часть населенія и вообще тѣ люди, которымъ пріѣздъ восточнаго гостя въ матеріальномъ отношеніи *стоитъ* чего-нибудь, могутъ выражать свою радость только тогда, когда гость распрощается съ ними... Древній Римъ часто удостаивалъ восточные цари своимъ посѣщеніемъ, но не смотря на то, ихъ пріѣздъ всегда представлялся событіемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, хотя и въ другомъ смыслѣ, чѣмъ это бываетъ въ наше время. Восточные цари пріѣзжали въ Римъ для договоровъ съ сенатомъ касательно городовъ, отдѣльныхъ областей и провинцій своего царства. Цари эти привозили въ Римъ и свои сокровища, чтобы богатыми подарками приобрести себѣ расположеніе людей власти имѣющихъ. Но при этомъ они не всегда достигали своей цѣли; если они, при самомъ пріѣздѣ въ Римъ, уподоблялись до высшей степени напитаннымъ губкамъ, то Римъ высасывалъ изъ нихъ всю влагу до послѣдней капли. Въ самый моментъ пріѣзда восточныхъ властителей особы въ Римъ, ихъ уже сторожили барышники, на эти случаи составлялось нѣчто въ родѣ акціонернаго общества, члены котораго, за огромныя ростовщическія проценты, подхватывали высокаго посѣтителя подъ ручки и водили его, водили, покаместъ не доводили его дѣло до конца и не облегчали его кармановъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ эту эпоху восточные цари привозили своимъ римскимъ благодѣтелямъ цѣлыя горы золота. Но чувства, которыми они были награждаемы отъ римлянъ за свои приношенія, были, конечно, весьма сомнительнаго свойства. Деспотическіе повелители, неограниченно управлявшие въ своемъ государствѣ многими миллионами людей, получавшіе божескія почести, третировались въ Римѣ какъ слуги и попрошайки. Обыкновенно, въ большей части случаевъ, восточные властители превосходили римскихъ оптиматовъ своимъ научнымъ и художественнымъ образованіемъ, но этимъ они нисколько не приобретали уваженія римлянъ. Напротивъ, въ крайнемъ случаѣ, у всякаго римскаго вельможи или оптимата невольное вырывается тяжелый вздохъ, при мысли, что онъ не можетъ сдѣлать властителя Востока секретаремъ своей особы или царственного виртуоза, въ родѣ Птоломея Аугуста, не можетъ приставить къ своей домашней канцеляршѣ... Такъ мало было у римлянъ развито уваженіе къ восточнымъ правителямъ...

Но Клеопатра прибыла въ Римъ совсѣмъ не въ качествѣ попрошайки и нищенки (какъ дѣлали ея восточные собраты). Нѣтъ, она прибыла въ Римъ, какъ подруга Цезаря, со всѣмъ почетомъ, блескомъ, эффектомъ, какіе приличествуютъ королевы. Да и въ Римѣ она пробыла весьма значительное время, отъ 1½—2 лѣтъ... Такимъ образомъ, забавный рассказъ, который старикъ Катонъ приводитъ въ образцѣ прапрадѣдамъ, обратился въ горькую и серьезную правду. Какъ верховный жрецъ, т. е. какъ глава Римской церкви (языческой), Цезарь имѣлъ официальное мѣстожительство на общественной площади. Это жилище его примыкало къ святилищу *Весты*, гдѣ чистыя дѣвственницы поддерживали горѣніе священнаго огня, какъ символъ чистоты и нравственности самого римскаго об-

щества. Въ своемъ официальномъ жилищѣ Цезарь жилъ съ супругою своею Кальпурніей, отъ которой, однакоже, не имѣлъ дѣтей. На 14 часа разстоянія отсюда, въ городскомъ предмѣстѣи, на правомъ берегу Тибра, была расположена вилла или дача Цезаря съ принадлежанимъ къ ней тѣнистымъ и роскошнымъ паркомъ. Здѣсь-то молодая египетская царица, мать Цезаріона, имѣла свой дворъ. Публично Цезарь обращался съ Клеопатрою, какъ съ законною супругою; когда же долженъ бы ей присвоиться этотъ титулъ по формальному римскому праву—было, конечно, только вопросомъ времени и вопросомъ политики. Былъ даже проектированъ особый законъ, предоставлявшій Цезарю исключительную привилегію—*имѣть многожъ женъ*. Но и независимо отъ этого, по понятію, господствовавшему въ древности, такая привилегія могла сама собою принадлежать неограниченному властителю, если неограниченная власть имъ была фактически достигнута, каковымъ властителемъ и былъ Цезарь. Около основанія-то неограниченной власти и вращается вся дѣятельность Цезаря, съ тѣхъ поръ, какъ онъ посѣтилъ Александрію.

Трудно себѣ представить, что чувствовали римскіе аристократы, принужденные слоняться въ передней египетской царицы, на которую они въ глубинѣ души должны были смотрѣть съ истымъ римскимъ высокомеріемъ. Къ сожалѣнію объ этомъ интересномъ событіи (т. е. пребываніи въ Римѣ) жизни Цезаря и Клеопатры до насъ дошли весьма скудныя извѣстія. Это тѣмъ болѣе жаль, что время это такъ богато характеристическими приключеніями. До насъ дошло свидѣтельство только одного очевидца, именно знаменитаго римскаго оратора Цицерона. Этотъ послѣдній любилъ всюду искать защиты и покровительства—это была его слабость. Онъ не пренебрегалъ, конечно, заручиться покровительствомъ и у Клеопатры. Цицеронъ явился къ египетской царицѣ съ просьбою литературнаго характера, и Клеопатра обѣщала исполнить просьбу и дала уже своему повѣренному въ дѣлахъ насчетъ этого особая инструкція: но, о ужасъ!—Обѣщаніе, данное чувствительнѣйшему и наиболѣе воспримчивому изъ всѣхъ римлянъ—было забыто...

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ отъѣзда Клеопатры изъ Рима, когда говорить о ней свободно становилось безопаснымъ, глубоко огорченный невниманіемъ Цицеронъ отвелъ свою душу, высказавшись слѣдующими словами въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Я ненавижу царицу, и имѣю на это право; а что я имѣю право—знаетъ и повѣренный въ дѣлахъ царицы, Аммоній, который поручился за исполненіе ея обѣщанія. Вѣдь дѣло то шло о литературѣ и обѣщаніе не было несогласно съ моимъ достоинствомъ. Я могъ публично говорить передъ всѣмъ народомъ объ этомъ дѣлѣ. Каммергеръ царицы—просто мошенникъ и, какъ пагронъ,—онъ пагронъ нахальный... Одинъ только разъ я видѣлъ его въ моемъ домѣ, и я въжливю спросилъ у него: „чѣмъ могу служить?“ А онъ нахально отвѣчалъ, что нуждается не во мнѣ, а въ банкнотѣ, съ которыми я друженъ. О высокомеріи самой царицы, когда она имѣла пребываніе въ виллѣ Трагевере, я не могу вспомнить безъ глубочайшаго сожалѣнія... Довольно... Я покочилъ съ этимъ обществомъ; оно не только не веселяетъ во мнѣ никакого довѣрія, но подливаетъ желчи въ мою душу“...

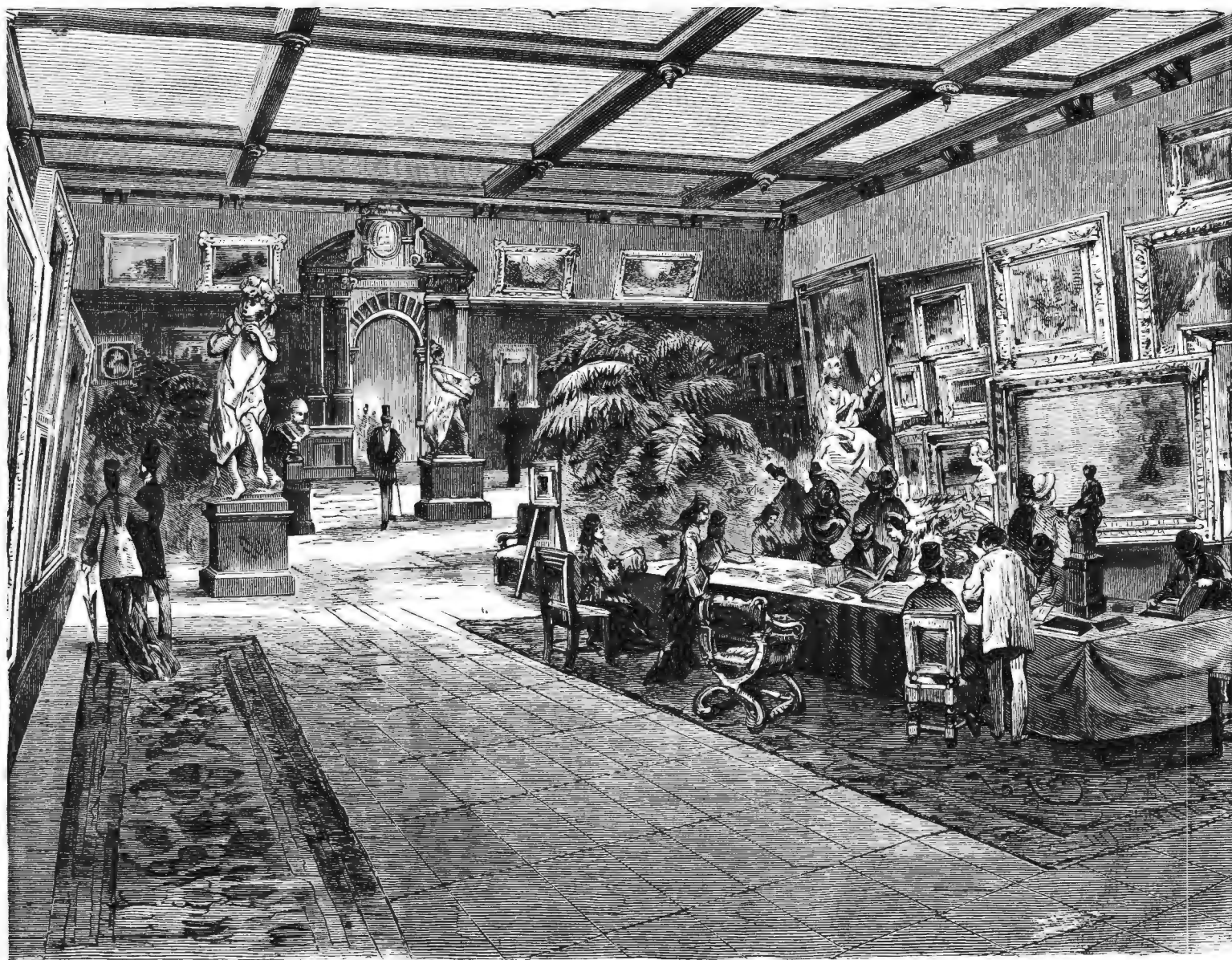
Монархія, планъ которой былъ предначертанъ Цезаремъ, не могла быть устроена на римской почвѣ. Нисколько не скрываемое сопротивленіе, которое встрѣтилъ въ римлянахъ этотъ необыкновенный человѣкъ, при осуществленіи своихъ плановъ, поддержала еще (хотя и противъ воли) Клеопатра, потому что она домогалась перенести центръ тяжести имперіи изъ Рима на Востокъ. Значительный шагъ въ этомъ направленіи былъ уже сдѣланъ,—приготовленъ былъ походъ на пареявъ. Эти послѣднія возобновили старыя притязанія персидскихъ царей—„быть властелинами всего міра“. Усмиреніе пареявъ было первымъ необходимымъ условіемъ возстановленія имперіи Александра и приведеніе въ зависимость отъ всемірнаго царства всѣхъ мѣстныхъ тогда земель. Исполнивъ эту задачу, Цезарь могъ и долженъ былъ надѣяться утишить ропотъ недовольныхъ. И вотъ по улицамъ Рима начала ходить громкая молва, что легіоны съ римскими орлами направляютъ свои мощныя, тяжелыя шаги на Востокъ, къ Евфрату и Инду—эти побѣдоносныя легіоны, которые завоевали Галлію, перешли Рейнъ и Тамелисъ (Темзу), одержали великія побѣды въ Греціи, Африкѣ и Испаніи. Самъ Цезарь намѣревался, въ половинѣ марта, отправиться къ арміи. 15-го марта 44 г. до Р. X. состоялось въ Римѣ экстренное засѣданіе сената, въ которомъ Цезарю присвоенъ былъ титулъ царя или неограниченнаго правителя не только Италіи, но и всей Римской имперіи. Но въ этомъ же засѣданіи сената Цезарь, какъ извѣстно, и палъ подъ ударами книжальцовъ заговорщиковъ. Послѣ этого, надежды Клеопатры, цѣлыя 4 года дѣланныя и имѣвшія всѣ шансы успѣха, пошатнулись въ своемъ основаніи. Однакоже египетская царица проявила мужество, не трещала предъ разнузданной анархіей, не бѣжала изъ враждебнаго города. Клеопатра старалась спасти отъ кораблекрушенія по крайней мѣрѣ то, что еще можно было спасти; прежде всего она домогалась, чтобы ея сына провозгласили насѣдникомъ Цезаря. Но она должна была скоро увидѣть, что ея усилія остались безуспѣшными. Черезъ

Продолженіе на стр. 753, 754, 755 и 756.

нѣсколько недѣль она возвратилась въ Египетъ, чтобы защитить по крайней мѣрѣ свое наслѣдственное царство отъ бури, грозившей разразиться вскорѣ. И буря въ самомъ дѣлѣ со всею силою разразилась надъ всѣми прекрасными странами, обрамлявшими Средиземное море.

Но бушевавшая гроза все-таки должна была утихнуть. Последніе удары ея разразились въ ноябрѣ, при г. Филитахъ, въ 42 г. до Р. Х. Но на этотъ разъ побѣдоноснымъ властителемъ явился уже не *одинъ*, а *два*, и эти двое подѣлили между собою всемірное господство. Молодой Октавианъ получилъ Западъ, а Маркъ Антоній—Востокъ. Антонію было 42 года отъ роду, и онъ превосходилъ своего сотоварища не только лѣтами и опытомъ, но, соотвѣтственно этому, значеніемъ и общимъ уваженіемъ, которымъ пользовался. Въ кругу блиставшихъ талантами вождей, группировавшихся око-

ные и быстрые удары. Солдаты просто боготворили своего полководца; но этотъ полководецъ умѣлъ также, какъ и многіе, пользоваться расположеніемъ народной массы и упрочивать это расположеніе. Истинно-рыцарская (если-бы тогда существовало рыцарство) храбрость Антонія, его великодушіе и снисходительность, сияніемъ окружавшія мощнаго и прекраснаго человѣка, приковывали къ нему все сердца. Правда, образованіе Антонія оставляло желать многого, и онъ не имѣлъ привычки къ государственнымъ дѣламъ въ строгомъ смыслѣ слова: но оба эти недостатка сглаживались, часто поразительнымъ образомъ, его природнымъ умомъ. Напротивъ, существенный ущербъ его хорошимъ и блестящимъ качествамъ наносили два недостатка. Именно: у него не было самостоятельной дѣятельной силы, онъ охотно допускалъ, чтобы имъ руководили другіе, особенно же ему опасны были женщины. Мощный Гер-

Всемирная выставка въ Парижѣ: Нѣмецкій художественный отдѣлъ. Грав. Ебгардтъ.

ло Цезаря, ему несомнѣнно принадлежало первое мѣсто. Онъ служилъ Цезарю съ непоколебимой вѣрностью и съ благороднымъ самопожертвованіемъ; и уже само собою ему выпала задача—быть наслѣдникомъ и продолжателемъ дѣла Цезаря. Маркъ Антоній велъ свой родъ отъ Геркулеса и въ нѣкоторомъ отношеніи напоминалъ этого мощнаго сына Юпитера. Всего болѣе на своемъ мѣстѣ чувствовалъ онъ себя тогда, когда, въ пылу битвы, онъ, во главѣ конницы, устремлялся на врага. Онъ всегда сражался съ силою и мужествомъ льва. Но атѣмъ у него не было недостатка и въ другихъ высшихъ достоинствахъ полководца. Со времени смерти Цезаря у М. Антонія не было даже сколько-нибудь сносныхъ соперниковъ въ руководствѣ широкимъ и рѣшительнымъ боемъ. Орлинымъ взоромъ, подобно Наполеону или Цезарю, окидывалъ онъ поле сраженія и всегда устремлялся, какъ орелъ, и направлялъ вѣр-

кулесъ, сильно напоминавшій свой мнѣческой первообразъ, былъ безсильнымъ ребенкомъ въ женскихъ рукахъ. Но настоящія достоинства Антонія развивались только въ нуждѣ, въ стѣсненіяхъ, въ бѣдствіяхъ. Въ дни счастья онъ обыкновенно хватался за опьяняющую чашу и предавался мотовству и дурачествамъ всякаго рода.

Клеопатрѣ минуло уже 28 лѣтъ: все сестры ея померли. Представителями дома умнаго Птолемея Лаги оставались только сама Клеопатра и сынъ ея Цезаріонъ, носившій титулъ „наслѣднаго принца Птолемея“. Только съ тяжкою нуждой и заботами Клеопатра избѣжала разрушительныхъ ударовъ послѣдней гражданской войны. Но теперь она была привлечена къ отвѣтственности въ своемъ образѣ дѣйствій и въ предполагаемой поддержкѣ убійцъ Цезаря. Антоній прежде принадлежалъ къ числу ея поклонниковъ, но теперь сдѣлался ея судь-

ею, отъ приговора котораго зависѣла участь царицы и всего Египта. Но женщина, умѣвшая глубоко проникать сердца людей, хорошо знала своего судью, его слабыя стороны. Расчетъ и желаніе обезопасить себя, а отчасти и незаслуженное еще честолюбіе заставили Клеопатру привлечь Антонія на свою сторону. Но этимъ сплетались въ нераспутываемую свѣтъ человѣческихъ побужденія женщины. Если уже кто былъ достоинъ любви Клеопатры и если кто долженъ былъ раздѣлится съ нею осиротѣвшій тронъ, то, конечно, это былъ Антоній: онъ могъ утѣшить одинокую вдову въ потерю лучшихъ ея надеждъ, да притомъ же Клеопатра чувствовала себя еще слишкомъ молодою и прекрасною. И у самого Антонія не было недостатка въ попыткахъ приобрести расположеніе знаменитой царицы. Надежда на заманчивое, неизвѣданное высокое счастье, за тѣмъ-просто неопредѣленное стремленіе необходимо влекло его къ обольстительной женщинѣ, подобно тому, какъ желѣзо повинуется притяженію магнита. При бѣглой встрѣчѣ лѣтомъ, въ Малой Азии въ Тарсѣ въ 41 г. до Р. X., произошло объясненіе Антонія съ Клеопатрою. Осенью того-же года Антоній отправился въ Александрію, чтобы заключить съ плѣнницею его женщиною союзъ любви. Извѣстно, что Шекспиръ изобразилъ этотъ союзъ въ одной изъ своихъ трагедій, самыми яркими красками. Но великій поэтъ нашелъ краски уже приговоренными, такъ сказать на палитрѣ, потому что о связи Антонія съ Клеопатрою мы имѣемъ отчасти свѣденія изъ самыхъ лучшихъ источниковъ. Какъ выражается одинъ древній писатель, Клеопатра сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ воспитательницы или гувернантки своего возлюбленнаго. Ни днемъ, ни ночью она не выпускала Антонія изъ глазъ. Ловила съ нимъ рыбу, ходила на охоту, присутствовала при его гимнастическихъ и воинскихъ упражненіяхъ, играла съ нимъ въ кости, бражничала. Она даже не стѣснялась присутствовать, когда приелуживающій мальчикъ переодѣвалъ Антонія для его ночныхъ „похожденій“. Какія же это были похожденія? Даровитый полководецъ, герой многихъ битвъ, любилъ бродить ночью по улицамъ Александріи, стучать и шумѣть у домовъ мирныхъ гражданъ, заставляя ихъ вскакивать съ постели, и дразнить ихъ. Такъ какъ любовная связь Антонія была извѣстна всему городу, то дразнимые граждане отвѣчали, въ свою очередь, колкими шутками и насмѣшками, и вообще выходки Антонія доставляли имъ удовольствіе. Общительный и шутливый римскій арестованъ много выигрывалъ въ глазахъ Александрийцевъ, припоминавшихъ при этомъ скучный формализмъ и высокомеріе его римскихъ соотечичей. Случалось, что при подобныхъ ночныхъ похожденіяхъ завязывались драки. Раздраженные взбалмошностью Антонія, граждане начинали ему бода порядкомъ, но это нисколько не мѣшало искренности дружескихъ отношеній между Антоніемъ и Александрийцами. Тяжелая выпала задача воспитанія на долю прекрасной царицы, но она все-таки не оказывалась слабѣе этой задачи. Гдѣ она побывала съ Антоніемъ, всюду она умѣла снискивать ему и себѣ уваженіе, и если когда-либо ея возлюбленный увлекался до грубой и непростительной солдатской шутки, то царица сейчасъ же наставляла его, какъ школьника, на путь истинный.

Антоній нашелъ свое желанное счастье, и нашедши его, забылъ все остальное: отечество, власть, политику и даже свою жену Фульвію. Но эта Фульвія была вытесана изъ нѣсколько болѣе жесткаго дерева, чѣмъ супруга Цезаря Кальпурія, о которой упомянуто было выше. Она во второй уже разъ вышла замужъ, и вышла за самаго дикаго забіяку, какаго только можно было найти въ средѣ римской знати и, не смотря на свои степенныя лѣта, вовсе не желала быть вытѣсненною изъ своихъ супружескихъ правъ чужеземною соперницею, тѣмъ болѣе, что и замужъ-то она вышла только съ тою цѣлю, чтобы удовлетворить своему властолюбію и почти дьявольской метительности. Чтобы утолить свою зависть относительно Клеопатры, она выбрала практическое средство: разожгла въ Италіи гражданскую войну противъ Октавіана, сторонника ея мужа. Нельзя, однако, сказать, чтобы средство это имѣло желанное дѣйствіе. Антоній въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ смотрѣлъ на возгорѣвшуюся войну съ величайшимъ спокойствіемъ и предоставилъ своей женѣ одной расклеивать заваренную ею кашу. Фульвія была оттѣснена и окружена въ Перузю и, выдержавъ жестокою осаду, вынужденная голодомъ, должна была сдаться. Она столь живо приняла къ сердцу жестокое пораженіе, нанесенное ей молодымъ Октавіаномъ, что вскорѣ умерла съ досады и огорченія. Но Фульвія, во всякомъ случаѣ, предварительно испортила игру своей египетской соперницы. Антоній вовлеченъ былъ въ войну и долженъ былъ оставить Александрію до окончанія срока своего ученія и воспитанія Клеопатрою. Въ военномъ лагерѣ, среди боевыхъ товарищей, другія вліянія приобрѣли надъ нимъ власть. Если на берегахъ Нила онъ предавался сумасшедшей роскоши и легкомыслію подобно греку,—то въ воинскомъ лагерѣ онъ сдѣлался петымъ римскимъ полководцемъ, страшно любящимъ звукъ оружія. Правда онъ не смотрѣлъ на войну съ достаточною серьезностію. Друзья съ той и другой стороны снѣжили примирить враждовавшихъ. Но и этого еще не было довольно: римскіе аристократы стремились укрѣпить свои политическія связи браками. Маркъ Антоній ввелъ въ свой домъ Октавію, сестру своего сотоварища по власти. Октавію украша-

ли кротость и другія женственныя достоинства: всѣ современныя сказанія только и говорятъ объ этой женщинѣ одно хорошее. Она принесла тяжелую жертву своему брату, рѣшившись отдать руку дикому и взбалмошному Антонію. И дѣйствительно, ея рука была слишкомъ слаба, чтобы укротить льва на продолжительное время. Три года, правда, она еще умѣла держать этого льва на привязи, но какъ скоро левъ замѣтилъ свое позорное рабское состояніе, замѣтилъ, что онъ находится въ опасности, что онъ дѣлается орудіемъ и грушкой своего зятя Октавія,—онъ воспрянулъ, тряхнулъ гривкою, разбилъ цѣпи; снова бросилъ отечество, жену и ребенка (и на этотъ разъ уже на всегда) и снова сдѣлался покорнымъ рабомъ Клеопатры.

Въ это время египетской Царицѣ былъ уже 33 годъ отъ роду. Жестокая испытанія и разочарованія уже вынази въ то время на ея долю. Ея утомленный умъ былъ тщательно сосредоточенъ на мечтахъ ея юности. Если еще нужно доказательство чрезвычайно сильной души египетской царицы, то это можно видѣть уже просто изъ того обстоятельства, что она сумѣла внушить Антонію беззавѣтную романтическую привязанность къ своей особѣ (даже въ лѣта, въ которыя женщина не считается молодою).

Антоній, бѣжавъ отъ Октавіи, возвратился къ Клеопатрѣ въ 36 г. до Р. X. Отъ брака съ египетскою царицею Антоній имѣлъ троихъ дѣтей, и отецъ уже мечталъ завоевать для своихъ дѣтей особое царство на отдаленномъ Востокѣ. Онъ былъ бодръ, свѣжъ, силенъ, и легионы были въ его распоряженіи. Мечты его юности были близки къ дѣйствительности. Старое предсказаніе, что Александрію предопредѣлено быть всемірнымъ городомъ, повидому, наконецъ исполнилось. Власть Клеопатры простиралась такъ далеко, куда никогда не достигалъ скипетръ Птолемея. Спустя же два года, Антоній устроилъ, въ честь своей возлюбленной, празднество, подобнаго которому никогда не видала Александрія, ни прежде, ни послѣ. Побѣдноно возвращался онъ изъ Арменіи и получилъ блестящій триумфъ. Съ точки зрѣнія римлянъ подобный триумфъ, устроенный въ Александрію, былъ *безбожнымъ преступленіемъ*, потому что только въ Римѣ римскіе вожди приносили благодареніе за побѣду Юпитеру Капитолійскому, и благодареніе это выражалось въ торжественныхъ шествіяхъ, иначе называвшихся триумфами.

Предъ триумфальною колесницею Антонія, вѣзжавшаго въ Александрію, шли армянскій царь съ своимъ сыномъ, закованные въ золотыя цѣпи, далѣе, впереди же, несли трофей и военную добычу. Побѣдители же приносили свои благодарственные привѣтствія не мертвому истукану Юпитера, какъ это дѣлалось въ Римѣ, гдѣ ради такого торжества статуя Юпитера раскрашивали лицо красною краскою—нѣтъ, въ Александрію, на этотъ разъ, приносилась благодарность живому божеству, новой Изидѣ, владычницѣ страны, т. е. Клеопатрѣ. Затѣмъ, по римскому обычаю, произошло публичное угощеніе всѣхъ жителей города. Послѣ торжественнаго обѣда народъ и войска собрались на обширной парадной площади. Серебряныя ступени вели къ тронамъ, сдѣланнымъ изъ золота. Эти троны заняли Клеопатра и Антоній. На ступеняхъ стояли кресла для принцевъ и принцессъ, дѣтей державной четы. Антоній прочиталъ декретъ, объявлявшій Клеопатру „царицею царей“, утверждалъ за нею прежде подаренныя области Римской имперіи, а Цезаріона Птолемея назначалъ „соправителемъ“. Даже каждый изъ дѣтей былъ почтенъ титуломъ „царя царей“. Старшій Птолемеи Филадельфъ получилъ Азію отъ Геллеспонта до Евфрата. Двойничная сестра его получила Африканскую провинцію Кирене, младшій сынъ, Александръ, получилъ Арменію и земли между Евфратомъ и Индомъ. Птолемеи явился въ Македонскомъ царскомъ одѣяннѣ, съ національнымъ македонскимъ шлемомъ на головѣ, окруженный македонскою стражею. Александръ явился въ персидской одеждѣ, съ тюрбаномъ на головѣ и съ армянскою свитою; да и сами Антоній и Клеопатра представились народу въ образѣ древнихъ божествъ Египта, Озириса и Изиды.

Вскорѣ послѣ этого, Римская республика объявила войну Клеопатрѣ. Что война эта не началась, со стороны Антонія, уничтоженіемъ врага—причина этому лежала въ самомъ человѣкѣ, вѣдшемъ эту войну. Антоній, при своихъ громадныхъ военныхъ талантахъ, легко бы могъ одолѣть Италію и побѣдить Октавіана, впоследствии сдѣлавшагося первымъ Римскимъ императоромъ. Но... поднять руку на отечество, произвести государственный переворотъ въ томъ смыслѣ, чтобы передать дорогой Римъ въ чужеземныя руки, сковавъ его, какъ раба, цѣпями—это было выше силъ Антонія, для этого поступка онъ слишкомъ любилъ свое римское отечество. А минута была рѣшительная... Нанеся Антоній смѣлый и рѣшительный ударъ Риму—его дѣло было бы выиграно, поклонникъ Клеопатры остался бы побѣдителемъ, и Римская исторія получила бы иной ходъ. Но, при этомъ роковомъ трагическомъ столкновеніи, мягкое сердце Антонія не выдержало, разбилось, (онъ погибъ отъ собственнаго меча), а вмѣстѣ съ тѣмъ разбились въ дребезги и тѣ опоры, которыя поддерживали Клеопатру и ея тронъ. Конечно, египетская царица выдержала себя, съ своей стороны, до конца, и изъ всѣхъ силъ старалась спасти, что еще можно было спасти. Но ея ожесточенный врагъ (Римъ въ лицѣ

Октавиана) не зная ни сострадания, ни жалости. Онъ сыгралъ съ нею самую звѣрскую, жестокою игрою, подвергъ ее самымъ жестокимъ пыткамъ, какимъ можно подвергнуть мать, имѣющую горячо любимыхъ дѣтей. Сохранить жизнь своихъ дѣтей отъ мести своихъ жестокихъ враговъ, не удалось Клеопатрѣ. Но мужественная царица отняла у врага возможность насладиться самымъ сладостнымъ моментомъ мщенія—видѣть ее ведомою въ Римъ въ дѣвкахъ, предъ триумфальною колесницей. Находясь въ тяжкомъ заключеніи, вмѣстѣ съ двумя преданными ей придворными дамами, внучка умнаго Птолемея Лаги съумѣла вовремя призвать на помощь спасительницу—смерть. Разъ, когда приставленная стража вошла провѣдать заключенныхъ, она нашла Клеопатру мертвою, распротертою на полу, одѣтою въ полномъ царскомъ украшеніи. Одна изъ придворныхъ дамъ лежала мертвою у ея ногъ, другая томилась въ предсмертной агоніи.

— Ну, что, Хармионъ?.. Какова? Вѣдь прекрасна—не правда-ли?.. произнесъ начальникъ стражи, къ одному изъ сопровождающихъ его и любясъ бездыханнымъ трупомъ красавицы.

— Да, сказалъ сторожъ, къ которому были обращены эти слова,—она прекрасна, и умерла такъ, какъ прилично ввѣкъ столькихъ царей...

Отъ вѣрной служительницы ничего не могли добиться, касательно способа, какимъ умервила себя царица. О родѣ смерти Клеопатры существуютъ только догадки и предположенія, значительно подкрашенные фантазіею. Клеопатра умерла 39 лѣтъ отъ роду и царствовала 22 года. Побѣдитель Октавианъ согласился дозволить погребеніе тѣла царицы съ царскими почестями

ми и положить рядомъ съ останками супруга ея Антонія.

Громадное значеніе этой войны чувствуется еще и въ наше время. Мы называемъ мѣсяцъ жатвы полей именемъ побѣдителя *Августа*, и называемъ потому, что въ этомъ мѣсяцѣ Египетъ вошелъ въ плоть и кровь Римской имперіи. Въ католической церкви 1-е августа—главный праздникъ. Празднуютъ католики въ этотъ день, какъ извѣстно, св. апостолу Петру, князю апостоловъ по понятіямъ латинцевъ. Но въ существѣ дѣла празднество это съ памятью апостола не имѣетъ ничего общаго. Всякій, понимающій исторію, знаетъ и будетъ знать, знаетъ это и образованная часть римскаго народа, что 1-го августа празднуется именно *покореніе Александріи*, а не память Св. Апостола, потому что въ этотъ день громадный городъ при устьяхъ Нила предался на гнѣвъ и милость Риму. Всякій посѣтитель Рима можетъ видѣть воспоминаніе о роковыхъ битвахъ этихъ дней на гіероглифахъ многихъ стоящихъ въ Римѣ обелисковъ. Эти обелиски перевезены въ Римъ императоромъ Августомъ и его преемниками. Александрія въ наши дни представляетъ цвѣтущую гавань—но и только. Самый городъ Птолемеевъ лежитъ подъ морскимъ несомымъ, погребенный наносными дюнами. Изъ нѣсколькихъ сохранившихся памятниковъ славной эпохи возвышаются только два обелиска изъ красного гранита,—одинъ въ 64, другой въ 66 футовъ высоты. Они стоятъ предъ храмомъ, посвященнымъ Цезарю и сохраняютъ въ устахъ народа память о виновницѣ какъ постройки самаго храма, такъ и постановки обелисковъ. Они извѣстны подъ именемъ иглъ Клеопатры. Какъ уже извѣстно, одинъ изъ нихъ въ прошломъ году перевезенъ въ Лондонъ.

Политическія и внутреннія извѣстія.

Выступившій на политическую арену афганскій вопросъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, такъ какъ въ сущности своей вопросъ этотъ не ограничивается только отношеніями между Англійей и Афганистаномъ, а грозитъ значительному усложненію дѣлъ по ея снохоному владычеству въ Индіи. Сначала печать англійская утверждала, что афганскій эмиръ долженъ быть наказанъ, но что исполненіе этого наказанія слѣдуетъ отложить до весны; теперь же вдругъ оказывается, что самъ эмиръ, не дожидаясь дѣйствій со стороны Англии, стягиваетъ свои войска къ *Алмусиду* и *Кандогору*, угрожаетъ *Кветтъ* и готовится начать войну нападениемъ на Кветту, гдѣ находится нѣсколько отрядовъ англійскихъ войскъ. Такимъ образомъ англійчанамъ вмѣсто наступательной войны придется, пожалуй, вести оборонительную, отбиваясь отъ афганцевъ въ Кветтѣ и защищая отъ ихъ вторженія свою сѣверо-западную границу.

Ширъ-Али-Ханъ, дѣйствуя такъ смѣло, конечно, дѣйствуетъ не одинъ: онъ навѣрное заручился согласіемъ или о помощи, или о нейтралитетѣ своихъ сосѣдей. Англійская печать, само собою понятно, видитъ въ такомъ рѣшительномъ дѣйствіи эмира вліяніе Россіи; но объ этомъ можно только предполагать... Во всякомъ случаѣ положеніе англійскихъ дѣлъ въ Индіи слишкомъ серьезно, и англійское правительство, конечно, понимаетъ очень ясно, какъ ему нужно дѣйствовать: оно не доведетъ дѣло до вторженія въ Афганистанъ, зная, что это вторженіе не поведетъ къ добру, а ограничится только отпоромъ нападѣній эмира. За симъ, что слѣдуетъ далѣе—трудно предвидѣть.

То затруднительное положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи, которое создано приведеніемъ въ исполненіе постановленій Берлинскаго конгресса по присоединенію къ Австріи Босніи и Герцеговины, до настоящаго времени не измѣнилось къ лучшему. Мадыары не хотятъ такого присоединенія, которое дало бы этимъ провинціямъ одинаковыя съ другими провинціями Австріи права. Они настаиваютъ, чтобы взаимно присоединенія придумана была такая комбинація, которая поставила бы Боснію и Герцеговину подъ власть Австріи, но съ исключеніемъ славянскаго характера изъ ихъ мѣстнаго управления. Между тѣмъ Порты претендуетъ противъ образа дѣйствій австрійскихъ войскъ въ занятыхъ ими провинціяхъ. Протестъ этотъ возбуждаетъ сильное негодованіе въ Вѣнѣ, и сторонники графа Андраши эксплуатируютъ это чувство въ его пользу. Они силятся увѣрить, что протестъ Порты является результатомъ вліянія Россіи, желающей достигнуть разногласія между Австріей и Турціей.

Вотъ въ какомъ положеніи въ данную минуту находятся дѣла. И замѣчательно: Берлинскій конгрессъ какъ будто имѣлъ преднамѣренную цѣль—увеличить путаницу въ положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Намъ напоминается остроумное выраженіе о томъ, что окончательное формулированіе постановленій Берлинскаго конгресса сводится къ слѣдующему: „Кто чего желаетъ—пусть дерется снова“. И въ самомъ дѣлѣ, положеніе дѣлъ таково, что ожидать новой войны пожалуй не долго придется.

Греція пока все еще надѣется, что постановленія Берлинскаго конгресса, касающіяся ея, не останутся мертвою буквою. Ея министръ, Комундуросъ, заботится о томъ, чтобы подготовить мусульманское населеніе тѣхъ провинцій, которыя

должны перейти къ Греціи, что имъ будетъ хорошо подъ ея властью. Но повѣрятъ ли этому мусульмане? Укажемъ за симъ на то, что дѣлаются въ нашихъ новыхъ малоазійскихъ провинціяхъ: тамъ эмиграція армянъ изъ турецкихъ владѣній въ наши новыя владѣнія приняла такіе огромные размѣры, которые напоминаютъ великое переселеніе народовъ. Такъ изъ Эрзерумскаго санджака переселяется въ наши новыя владѣнія болѣе 200,000 армянъ. Памятно, должно быть, имъ владычество турокъ, и слѣшать они отъ него, не оглядываясь.

Изъ внутреннихъ извѣстій за эту недѣлю отмѣтимъ слѣдующія: Петровская Академія въ скоромъ времени преобразовывается въ закрытое учебное заведеніе, хотя и останется по-прежнему высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Она будетъ выпускать только специалистовъ таксаторовъ; лѣсничіе же будутъ выходить изъ Лисинскаго учебнаго заведенія, которое въ настоящее время выпускаетъ лѣсныхъ кондукторовъ.

Мы уже сообщали въ свое время, что по Петербургу разбѣгаютъ конные казаки, охраняя спокойствіе города. Хотя спокойствіе это въ послѣднее время ни чѣмъ не нарушается, но начальство признало все-таки нужнымъ раздать Петербургскимъ городовымъ револьверы. Чѣмъ вызываются такія распоряженія—рѣшить трудно: вѣроятно, есть со стороны начальства для этого основанія. Впрочемъ пока не всѣмъ еще городовымъ дали револьверы; но въ полиційскомъ резервѣ хранится на всякій случай такое количество револьверовъ, чтобы въ случаѣ надобности, ими могли быть вооружены всѣ чины резерва.

О времени открытія памятника поэту Пушкину въ Москвѣ пишутъ, что открытіе памятника произойдетъ одновременно съ освѣщеніемъ Храма Спасителя въ Августѣ 1880 г.

Въ правительственныхъ сферахъ идетъ рѣчь объ изданіи на казенный счетъ книгъ и брошюръ релігіозно нравственнаго и патріотическаго содержанія для чтенія простому народу. Дѣло хорошее! Но смѣемъ высказать мнѣніе, что книжки релігіозно нравственнаго содержанія въ наше время требуются не для одного „простого“ народа: и въ тѣхъ сферахъ, гдѣ объ этихъ книжкахъ заботятся, едва ли нѣтъ въ нихъ тоже надобности.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Курскъ—Любителю. За присланное спасибо. Когда будетъ мѣсто, охотно помѣстимъ.

Каменецъ-Подольскъ. Н. Половкъ—ву. Возвышенный тонъ вашихъ стиховъ не указываетъ, однако, ни на одинъ изъ признаковъ хотя бы маленькаго поэтическаго въ васъ таланта. Вы зываете:

О ты, кому остается Русь благодарна?
Чья слава превознеслась надъ славой другою?

Такъ зывать умѣютъ даже простые ремесленники; въ примѣръ приведемъ вамъ воззваніе одного портного къ своей милрой. Онъ такъ зываетъ:

О ты, которая пришла
Заллату къ сердцу моему!
Чья нитка черная вонзила
Иглу глубоко внутрь ему.

Не поучиться-ли вамъ на такихъ поэтическихъ образцахъ?

Заявление.

Въ виду предстоящей разсылки премій гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы“ 1878 г., контора журнала „Нива“ имѣетъ честь увѣдомить, что тѣмъ изъ Гг. подписчиковъ, которые подписались только на второе полугодіе „Нивы“, премія ея: „Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники предсказывающіе ему царствование“ и „Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти Федоръ и Ксенія“ высланы не будутъ, какъ объ этомъ не разъ заявлялось. Подписавшіеся на второе полугодіе могутъ доплатить 3 р.— за первое полугодіе и тѣмъ самымъ получить право на приобретение всѣхъ №№ первого полугодія съ преміями.

Рѣшеніе задачи, помѣщенной въ номерѣ 37 „Нивы“: Лермонтовъ.

Рѣшеніе ребуса, помѣщенного въ № 40 „Нивы“ „Заслугами Бисмарка и нашими уступками Европа спасена отъ ужасовъ и истощенія войны.“

СОДЕРЖАНІЕ: Симоновъ монастырь въ Москвѣ. (съ рис.) 3.—Царь-дѣвица. Историческій романъ Вс. Соловьева (продолженіе).—Тучна (стихотвореніе) (съ рис.) И. Пановъ — Горы Норвегіи и Норвежцы (съ рис.)—Населеніе въ окрестностяхъ Батума (съ рис.)—Страница у ручейна (съ рис.)—Новгородъ (съ рис.) Богословскаго.—Парижская Всемирная Выставка (съ рис.) О.—Клеопатра (окончаніе).—Политическія и внутреннія извѣстія.—Почтовый ящикъ.—Заявленіе.—Рѣшенія задачъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА.

За Филадельфійскую выставку.

За Филадельфійскую выставку.

Гостинный дворъ

№№ 122—123.

За дамскія мѣх. вещи.

За дѣтскія вещи.

Получилъ изъ Парижа огромный выборъ, для осенняго сезона, пальто, манто, самыхъ новѣйшихъ фасоновъ и матерій, роскошныя платья, шляпы, и полный выборъ дѣтскихъ вещей.

Заказы по моделямъ исполняютъ аккуратно.

Для Гг. иногородныхъ заказы исполняемъ немедленно. № 210 3—1

СТУДЕНТЪ М. Х. Академіи, желаетъ давать уроки по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, а въ особенности по древнимъ языкамъ. Адресъ можно узнать въ редакціи журнала „Нива.“

№ 211.

2—1

ВЫШЛА ОКТЯБРЬСКАЯ КНИЖКА „СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ.“

СОДЕРЖАНІЕ: Драма въ Розовомъ Домѣ, Ксавье де-Монтелена. Тайственное происшествіе въ современной Венеціи Уильяма Колинза. Попенджой ли онъ? Энтони Троллопа. Глава съ приключеніями.—Леди Крейтонъ.

Въ вышедшихъ девяти книгахъ нынѣшняго года, окончены уже семь романовъ **ВОЛОНИТА МУЖЪ** Флоренціи Марьеты. **СИГНАЛЪ БѢДСТВІЯ**, Майна Рида. **МУЖИНА ЖЕНА**, Теккерей. **ТЫСЯЧА И ОДНА СУПРУЖЕСКАЯ НОЧЬ**, Катрелля. **СТРАНИЦА ЛЮБВИ**, Эмилія Золя. **СТАРОСТЬ ЛЕКОКА**, Фортюна дю-Буагобея. **ТРИ ГЕРЦОГИНИ**, Арсена Гуссе. **ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОКА**, изъ событій въ Константинополѣ, Антоніи Жофре.

Къ печати приготовлены: **УБИСТВО ВЪ ДОМѢ ПОДЪ № 13**, Рене де-Пон-Жюста. **ПРЕСТУПЛЕНІЕ МОЕГО ОТЦА**, Блекмора.

Цѣна за годовое изданіе, 12 книгъ большаго формата, составляющихъ въ концѣ года около пяти тысячъ страницъ, безъ доставки **десять рублей пятьдесятъ коп.**, съ доставкою въ С. Петербургъ—**одиннадцать руб.**; для иногородныхъ подписчиковъ—**двѣнадцать.**

Подписка принимается исключительно на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ редакціи «Собранія Романовъ», въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С. Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1-го

При редакціи открыта книжная торговля; высылаются всѣ книги, публикованныя въ газетахъ, и принимается подписка на всѣ періодическія изданія. № 168 1

АПТЕЧКА ЛЕЧЕБНИКЪ Д-ра СТАРКОВА.

съ лекарствами, рецептами и наставленіемъ къ леченію болѣзней. Продается въ С.-Петербургѣ: 1). Невская аптека у Анничкова моста. 2). Адмиралтейская, уг. Невскаго и Бол. Морской. Цѣна 12 руб. За пересылку 1 руб. свыше 1,000 верстъ 2 р. № 209 2—2

Дозволено цензурою С.П.Б. 5 Октября 1878 г.

ИПИСАННЫЯ КАРТИНЫ ПО ОЧЕНЬ ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ!

Слѣдующ. очень эффект. Олеографическія картины изящнаго исполненія предлагаю до 1-го Ноября за 1/2 ихъ цѣны:

№ 1—2, Ночное рыболовство и Закатъ солнца, вел. 15—21 вершк. два Швейцарскія вида за 8 р. — к.

№ 3—4 Рейхенбахъ и Фирвальдшт. озеро. велит. 13 3/4—19 1/2 вершк. два Швейцарскія вида за 5 р. — к.

№ 5 Святія горы (новое изданіе) русск. пейзажъ изъ Харьковской губ. велит. 12 1/2—16 1/2 вершк. за 4 р. 50 к.

№ 6—7 Передъ и послѣ работы, вел. 13 1/4—16 1/4 вершк. двѣ сцены изъ сельской жизни за 5 р. — к.

Упаковка и почт. пересылка для двухъ картинъ до 1000 верстъ 2 р., свыше 3 р.

Фабрика рамъ и багетъ. Вставленіе въ рамы и реставрація картинъ всякаго рода.

№ 212 Э. Г. ДЕЗЛЕРЪ, 1—1

Угольный магазинъ (Гороховой и Мойки) у Краснаго моста.

ПОДПИСКА

НА НОВОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
сочиненія для фортепіано

Ф. ШОПЕНА

формата въ 8-ю долю листа.

Изданіе пересмотрѣнное, исправленное и отмѣченное профессоромъ Императорской Московской Консерваторіи.

К. КЛИНДВОРТОМЪ.

Цѣна за 6 томовъ 8 р.

1876 г. вышли послѣдніе 2 тома (5 и 6) полнаго собранія сочиненій Шопена подъ редакціей профессора К. Клиндворта. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія издателя. Первое изданіе почти все распродано и первые 2 тома вышли 2 изданіемъ. Не только въ Россіи, но и за границею: въ Англіи, Голландіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи, Испаніи, Америкѣ, признано высокое во всѣхъ отношеніяхъ достоинство этого изданія. Сбыто за границу до 500 экземпляровъ. Движимый желаніемъ сдѣлать это изданіе еще болѣе доступнымъ, издатель предпринялъ изданіе соч. Шопена, редактируемое К. Клиндвортомъ, въ 8-ю долю листа съ тѣхъ самыхъ планшеть большаго изданія in 4°, уменьшая форматъ на аппаратъ Климша. Преимущество этого способа состоитъ въ математической вѣрности воспроизведенія. Бумага веленевая и четкая, печать такого же достоинства, какъ и въ большемъ изданіи, единственное отличіе состоитъ въ томъ, что нотные знаки чуть замѣтно уменьшились. Между тѣмъ изданіе въ 8-ю долю листа стоитъ 8 рубл. вмѣсто 15 р. (цѣна большаго изданія).

Первый томъ вышелъ въ іюнѣ, 2-й томъ въ августѣ, 3-й и послѣдующіе томы выйдутъ до 1-го мая 1879 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 8 р. за всѣ 6 томовъ. Гг. желающіе подписаться, съ срочкою платежа, вносить впередъ 3 р. и получать 1-й томъ. При полученіи 2-го, 3-го и 4-го томовъ, подписчикъ вноситъ по 1 р. 50 к., при полученіи 5-го тома 1 р. и затѣмъ 6-ой томъ получаютъ безъ платы.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ МОСКВѢ у издателя П. Юргенсона, Неглинный провѣздъ, № 10.

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ у П. Юргенсона, Большая Морская № 9.

№ 215 Прочія мѣста пріема подписки будутъ объявлены 1—1

Издатель П. Юргенсонъ.

== ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ==

Календари на 1879 г. Изд. А. Гатцука.

КРЕСТНЫЙ КРЕСТОВЫЙ

цѣна 15 коп.

цѣна 10 коп.

Съ большимъ количествомъ рисунковъ, съ картами «Россіи» и Валахскія, иллюстр. по Бера. трактату. Премія—хромолитографиров. стѣнной календарь.

Съ рисунками и картой Россіи. Предупреждаемъ отъ поддѣлокъ. Въ Крестовый смотрите фамилію редактора А. Гатцука.

Черезъ почту иногороднымъ высылается:

До 1,000 вер. на 1 р. 6 экз. 2 р.—13 экз. 3 р.—20 экз. 7 р.—52 экз. 15 р.—112 экз.

До 1000 вер. на 1 р.—9 экз. 2 р.—20 экз. 3 р.—30 экз. 5 р.—55 экз. 10 р.—115 экз.

Свыше 1,000 вер. на 1 р. 5 экз. 2 р.—11 экз. 3 р.—18 экз. 7 р.—45 экз. 15 р.—100 экз.

Свыше 1,000 вер. на 1 р.—7 экз. 2 р.—17 экз. 3 р.—26 экз. 5 р.—50 экз. 19 р.—100 экз.

Гг. торговцамъ дѣлается уступка отъ 20 до 25% съ рубля. Пересылка на счетъ покупателя.

Адресъ Редакціи: Москва, близъ Никитск. вор., уголь Столоваго пер., д. Долинской.

Складъ календарей въ Москвѣ у книгопродавца Аленскія Дм. Ступина на Никольск. № 214 своей улицѣ, домъ Зайковскаго монастыря 1—1

Иллюстрированный
Журналъ
Литературы

№ 42

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 16 Октября 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
«Нивѣ» принимаются
по 25 к. за строку
нонпарейль (въ 1/2
ширины страницы)

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
Воскресныхъ и
праздничныхъ дней)
отъ 10 ч. утра до
7 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1878 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн.

маг г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг.

города Россіи . . . . . 6 „

Также принимается подписка на 1/2 года съ 1-го июля 1878: безъ дост., 2 р. съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особья приложенія
при «Нивѣ» объявлен-
ній отъ Торговыхъ
Домовъ принимаются
для иногор. по 5 р.
съ тысячами, для город-
скихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи, неудобныя къ
печати, авторамъ не
возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1878 г. №№ «Нивы» со всѣми приложеніями.

О РАЗСЫЛКѢ ПРЕМІЙ „НИВЫ“ НА 1878 ГОДЪ.

При слѣдующемъ № 43 будутъ разсланы въ картонномъ футлярѣ обѣщанныя гг. подписчикамъ
„Нивы“ (получающимъ журналъ чрезъ почту) **ПРЕМИИ**—двѣ олеографическія картины:

- 1) Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники, предсказывающіе ему царствованіе.
- 2) Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти, Теодоръ и Ксенія.

Въ случаѣ неполученія къмъ либо при № 43 такого футляра съ преміями, издатель про-
ситъ увѣдомить о томъ контору журнала немедленно, не позже какъ съ полученіемъ № 44 «Нивы».

Гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ безъ доставки въ Петербургѣ или Москвѣ, бу-
дутъ выданы эти преміи при № 43 въ томъ магазинѣ или конторѣ чрезъ которые они по-
лучаютъ „Ниву.“

Общій видъ города Монтевидео. Рис. Веберъ, грав. Барклей.

Городъ Монтевидео (въ Республикѣ Урагвай, въ Америкѣ).

Рисунокъ переноситъ насъ въ далекую страну западнаго берега Южной Америки, на устьѣ Лаплаты, туда, гдѣ эта рѣка сливается свои воды съ водами океана. Городъ Монтевидео расположенъ на холмѣ, далеко выдающемся въ море и есть главный городъ республики Урагвай. Но прежде чѣмъ говорить о городѣ, мы скажемъ нѣсколько предварительныхъ словъ, касающихся исторіи страны. Испанія до 1810 г. владѣла большею половиною земель Южной Америки и занимала весь ея западъ, который дѣлился на три королевства: Новую Гренаду, Перу и Лаплату. Послѣ 10-тилѣтней войны съ своей метрополіей, Испанскія владѣнія въ Южной Америкѣ получили независимость и теперь на мѣстѣ ихъ находятся Гренадскія республики, Венецуэла, Эквадоръ, Перу, Боливія, Чили, Парагвай и Урагвай.

Собственно Лаплата — серебряная рѣка — представляетъ устье обширной Южно-американской рѣчной системы. Сліяніе двухъ громадныхъ рѣкъ, Парамы и Урагвая, образуютъ большую бухту, которая и носитъ названіе Ріо де Лаплаты, а отъ нея Аргентинская Республика и Урагвай получили общее наименованіе Лаплатскихъ государствъ. Лаплата замѣчательна какъ самая широкая рѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ рѣка, несущая въ море громадное количество воды, послѣ, разумѣется, Амазонской рѣки. Земли, обнимаемая этой рѣчной системой, принадлежатъ къ плодороднѣйшимъ, богаты пастбищами и пѣкорые изъ нихъ включаютъ въ себѣ естественныя богатства: золота, серебра, мѣди, драгоценныя камни. На берегахъ Урагвая также часто въ песокъ попадаютъ камешки сердолки, яшмы, оникса, агата. Мѣстность Урагвая на сѣверѣ гористая, здѣсь проходятъ отроги южно-бразильскихъ горъ, поднимающіеся впрочемъ не выше 600 фут. надъ уровнемъ моря. На западѣ и югѣ до самаго моря растируются настоящія равнины. На этихъ равнинахъ пасутся большія стада и разбѣяны богатыя имѣнія. Кромѣ лошадей и рогатаго скота, здѣсь много овецъ, и владѣльцы стадъ торгуютъ шерстью, которая идетъ въ Европу. Мяса здѣсь такое обиліе, что изъ него приготавливаются консервы, мясные экстракты, и на фабрикѣ Фрай Бентосъ напр. для приготвленія консервовъ и экстракта убивается ежедневно 500 штукъ скота. Здѣсь и питаются почти исключительно мясомъ, такъ какъ хлѣбъ сѣется рѣдко, о распашкахъ земли и понятія не имѣютъ. Фактъ, что здѣсь не скоро сѣишь молоко также говоритъ о маломъ развитіи хозяйства. Масло также неизвѣстно туземцамъ и только европейцы его приготавливаютъ.

Вся Южная Америка есть родовое владѣніе Индѣйцевъ, которые вездѣ въ этой части свѣта составляютъ основной элементъ населенія.

Бѣлые люди составляютъ по сравненію съ числомъ краснокожихъ лишь тонкій слой, но, само собою разумѣется, что умственное превосходство бѣлыхъ измѣняетъ все болѣе и болѣе бытовья формы туземцевъ. Даже самый типъ Гаучо встрѣчается теперь все рѣже, и только, по привычкѣ болѣе, обыкновенныхъ сельскихъ жителей называютъ Гаучами. Происхожденіе Гаучо началось отъ смѣшенія испанцевъ съ туземными женщинами, и все Гаучо по преимуществу наѣздники и пастухи.

Вліяніе европейцевъ на мѣстную жизнь несомнѣнно огромно, хотя, конечно, не можетъ сразу измѣнить весь ходъ ея. Вообще же оно распространяется въ странѣ на все, а также вліяетъ на самое увеличеніе населенія. Такъ городъ Монтевидео въ

1818 году имѣлъ всего 3.500 жителей, а въ настоящее время въ немъ считается до 125 т. Городъ принялъ теперь видъ хорошо устроенной столицы. Расположенный амфитеатромъ, съ его бѣлыми, скученными домами, надъ которыми возвышается кафедральный соборъ, городъ имѣетъ очень живописный видъ. Соборъ имѣетъ двѣ четырехъ-угольныя колокольни, видимыя издалека, куполь его, блестя посеребренною крышею, производитъ эффектное впечатлѣніе въ особенности въ яркій солнечный день. Къ числу большихъ зданій города относятся таможня и госпиталь. Одна изъ улицъ города носитъ названіе: „Улица 25 Мая.“ Это названіе дано ей въ честь дня освобожденія Урагвая изъ подъ власти Испанцевъ. На этой улицѣ—лучшіе дома города и множество магазиновъ. Въ торговлѣ царствуетъ французская мода проникающая какъ извѣстнѣе, во все концы земного шара, и очень скоро пріучающая ея поклонниковъ тратить девять десятыхъ своихъ доходовъ на наряды.

Въ Монтевидео прекрасный театръ, вмѣщающій до 2000 зрителей: на городскихъ гуляньяхъ играетъ оркестръ музыки и, странно какъ-то слышать, здѣсь, такъ сказать, за тридцать земель въ тридцатомъ царствѣ—звуки тѣхъ мотивовъ, которыхъ родина и мѣстожительство—Европа. Вообще нужно замѣтить, что Монтевидео смотритъ совсѣмъ европейскимъ городомъ. Главныя улицы чисто содержатся, хорошо вымощены и все имѣютъ прекрасныя тротуары. Крыши домовъ плоскія, обнесены впереди и по краямъ желѣзными рѣшетками; на задней же сторонѣ крыши возвышаются мезонины съ балконами. Многие дома украшены башенками, большею частію открытыми. Надобно сказать, что здѣсь постройки приспособлены такъ, что бы открывался хорошій видъ на море, и мѣстные жители обыкновенно проводятъ вечера на крышахъ домовъ своихъ, на балконахъ и улицахъ. Вечера здѣсь большею частію ясны и прохладны, а ночи, въ Монтевидео, по выраженію Франклина, составляютъ лучшую часть времени; можно сказать, что жизнь въ Монтевидео только и начинается съ закатомъ солнца. Море же даетъ очаровательный видъ, когда лучи заходящаго солнца погружаются въ его волнахъ, и поглощая ихъ, мало по малу исчезаютъ, или когда луна взойдетъ на горизонтъ, и почь съ ея тѣнями спустится на землю.

Рейдъ Монтевидео ограниченъ мысами Дель Царро на западѣ и Лакалета на востокѣ. Дно рейда песчаное и пристань довольно удобная для стоянки кораблей, хотя суда и не всегдѣ защищены отъ юго-западныхъ вѣтровъ, памперо, которые свирѣствуютъ въ странѣ съ ужасною силою и разрушительностію. Монтевидео прежде назывался Санъ Филиппо, настоящее названіе получилъ отъ горы, господствующей надъ всею окрестностію и составляющей родъ выступающаго поста большой Лаплаты. Положеніе горы чрезвычайно выгодно въ военномъ отношеніи.

Изъ Монтевидео идетъ небольшая желѣзная дорога въ Санта Лючію.

Вся Испанская Америка ухватила за республиканскую форму правленія, только одна Бразилія настойчиво держится за монархію. Урагвай особенно хвалится своимъ государственнымъ строемъ, хотя это и не избавляетъ страну отъ внутреннихъ смутъ и неурядицъ. Финансы этой республики тоже, нельзя сказать, что бы были въ блестящемъ состояніи.

Ор.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ.

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

VII.

Между тѣмъ на улицѣ пустѣло. Тѣ изъ стрѣльцовъ, которые были трезвы, уже разошлись по домамъ; оставались однѣ пьяныя ватаги у дверей кабаковъ.

Малыгинъ въ ужасѣ спѣшилъ за Любой, окликавъ ее и умоляя остановиться, но она ничего не слышала, ничего не видѣла. Она не понимала полной безразсудности и бесполезности своего поступка.

Увидѣвъ значительную толпу стрѣльцовъ, она подбѣжала къ ней и начала было, задыхаясь, просить о томъ, что бы ее выслушали, что она имѣетъ сообщить нѣчто очень важное.

Но пьяные стрѣльцы не дали ей докончить и съ пер-

выхъ словъ, обступили ее со всѣхъ сторонъ. Одинъ грубымъ движеніемъ сорвалъ съ лица ея фату, другой силится обнять ее.

— Красавица, пташечка залетная, — откедова? Милости просимъ! раздались пьяные голоса. Ишь ты какая! видно бой баба—сама къ стрѣльцамъ лѣзетъ—намъ такихъ и нужно! Пойдемъ, дѣвка, выпьемъ да споемъ пѣсенку!

Двое стрѣльцовъ схватили ее за руки и стали тащить къ кабаку.

Она разомъ очнулась и поняла свое положеніе.

Въ эту минуту Малыгинъ добѣжалъ до нея, вырвалъ ее у стрѣльцовъ. Но стрѣльцы, хотъ и узнали его, не намѣрены были повидимому отступить отъ такой находки.

— Эй, Николай Степановичъ, отвязись! закричали они—тебѣ то что! вѣдь она сама къ намъ прибѣжала. Мы не украли ее...

— Пустите! отчаяннымъ голосомъ проговорилъ Малыгинъ,—пустите!.. первый кто подступится, того уложу на мѣстѣ.

Онъ выхватилъ изъ за пояса ножъ и началъ махать имъ во всѣ стороны.

— Да чего ты грозисься то! не больно мы тебя боимся! заголосили стрѣльцы.

Люба поняла, что еще мгновение и начнется свалка.

— Пустите меня! крикнула она и изъ всей силы рванула свою руку изъ руки стрѣльца ее схватившаго. Пустите—я шла къ вамъ спросить, гдѣ мнѣ найти Николая Степановича, а вотъ и онъ самъ. За что-же вы меня обижаете?

Стрѣльцы отступили.

— Ну коли такъ—это другое дѣло! проговорило нѣсколько голосовъ. Давно бы и сказала, что ты Малыгинская. Бери, Николай Степановичъ, мы твоего не желаемъ, а ты ужъ и ножъ сейчасъ вы тащилъ—больно прытокъ!

Малыгинъ схватилъ Любу за руку, крѣпко держалъ ее и пустился бѣжать съ нею назадъ къ своему дому.

А во слѣдъ имъ раздавались непристойныя шутки на ихъ счетъ, только ни Малыгинъ ни Люба не обращали на это вниманія, да и врядъ ли что нибудь слышали.

— Ну что ты надѣлала? проговорилъ наконецъ Николай Степановичъ, когда они уже были у дома. Вѣдь говорилъ, не бѣги... Развѣ могутъ они теперь понять что нибудь? Вѣдь еслибъ Господь не надомилъ тебя сказать имъ, что ты меня ищешь, такъ что бы вышло? Они бы не задумались, уложили бы меня на мѣстѣ передъ твоими глазами... Не боюсь я смерти и, защищая тебя, всякую минуту умереть готовъ; а все же умирать то не хочется, на тебя досыта не наглядѣвшись...

Люба взглянула на него растеряннымъ и просящимъ взглядомъ.

— Прости, Николай Степановичъ, видно, что слѣдовало тебя послушаться. Только, Боже мой, что же мнѣ дѣлать? Говорю тебѣ, умъ мутится у меня—вѣдь нельзя же такъ сложить руки и быть спокойной, когда готово совершиться такое дѣло! Пойдемъ, Николай Степановичъ, потолкуемъ, чѣмъ бы пособить... Ну вотъ я, глупая, ничего сообразить не могу, такъ ты то научи меня уму-разуму, подумай хорошенько...

— И безъ того думаю, отвѣчала Малыгинъ, входя слѣдомъ за Любой въ свой домикъ и крѣпко заирая дверь. Теперь ничего не подѣлаешь, продолжалъ онъ,—нужно ждать утра.

— Николай Степановичъ, вдругъ тихимъ, но какимъ-то особеннымъ голосомъ, который заставилъ вздрогнуть молодого подполковника, произнесла Люба, остановившись передъ нимъ и пристально, не отрываясь, глядя въ его глаза, будто думая прочесть въ нихъ всю его душу.—Николай Степановичъ, поклянись мнѣ, что ты сдѣлаешь все, чтобы разувѣрить завтра твоихъ стрѣльцовъ, чтобы удержать ихъ... Поклянись, что ты не допустишь кровопролитія. Теперь вонъ они пьяны, утормъ авось будутъ другіе... Поклянись мнѣ!

— Клянусь, тихимъ и торжественнымъ голосомъ сказалъ Малыгинъ.

Нѣсколько мгновений они молчали.

Николай Степановичъ сидѣлъ, опустивъ голову и порывисто дыша. Съ нимъ происходило что-то необычайное.

Вдругъ онъ тряхнулъ своими кудрями, взялъ Любу за руку и склонился передъ нею.

Она взглянула на него и увидѣла на глазахъ его слезы.

— Что ты? Ты плачешь?

— Да, да, плачу, прошепталъ онъ. Чудо великое ты сотворила со мною... Вотъ ты говорила, что была слѣпа и сегодня прозрѣла,—я видно тоже была слѣпа и ты раскрыла мнѣ очи. Видѣла ты, что я долго не могъ понять тебя, когда ты мнѣ съ такимъ ужасомъ да со слезами рассказывала про выдумку царевны. Да, я не понималъ, но теперь понялъ, понялъ что тебя мучить и почему ты считаешь себя виноватой.. И вотъ я поклялся тебѣ и исполню свою клятву. Пусть убьютъ меня, пусть на конья подымутъ стрѣльцы безумные, а я сдѣлаю свое дѣло: выведу правду наружу... То, что ты находишь зломъ, то и есть зло, какъ ты поступать прикажешь, такъ поступать и надо—Богъ говоритъ твоими устами,—и я счастливъ, какъ никогда еще въ жизни не бывалъ счастливъ, что могъ понять тебя, не отвертывайся же отъ меня. Многимъ я грѣпшень Богу, но все же не въ конецъ еще позабылъ Его. Учи меня правдѣ!

Люба съ восторгомъ вслушивалась въ эти неожиданныя и беспорядочныя, прерывистыя его рѣчи. Каждый звукъ ихъ она ловила и каждый звукъ новымъ блаженствомъ лѣжился на ея сердце.

— Николай Степановичъ, дорогой мой, голубчикъ! проговорила она и вдругъ слезы брызнули изъ глазъ ея.

Она потянулась впередъ, охватила своими дрожащими руками голову Малыгина и прижала ее къ груди своей.

— Такъ ты меня любишь? любишь? шепталъ онъ.

— Люблю! отвѣчала она безсознательно, не зная какъ само собою сказалося это слово, какъ оно вылилось въ такую тревожную минуту.

Во мгновение они оба все позабыли, только глядѣли другъ на друга.

Люба склонилась на плечо Малыгина и тихо плакала. Новая жизнь началась для нея и она не могла отталкивать отъ себя этой жизни, съ блаженствомъ встрѣчала ее. И чѣмъ больше зла и обмана было въ ея прошломъ, чѣмъ сильнѣе болѣла послѣдняя рана, нанесенная ей ея Царь-дѣвицей, существомъ, къ которому она беззавѣтно такъ привязалась, и которое такъ ее обмануло,—тѣмъ съ болѣею страстью, съ болѣшимъ блаженствомъ прильнула она теперь къ единственному человѣку, который откликнулся на призывъ ея сердца.

А время шло. Вотъ уже и ночь надъ землею, но Люба не прощается съ Малыгинымъ, не думаетъ уходить отъ него—куда ей идти? у нея теперь нѣтъ дома. Ей страшно и подумать вернуться въ кремлевскій теремъ. Онъ представляется ей такимъ страшнымъ, такимъ заколдованнымъ. Да, страшенъ онъ—его хозяйка злая колдунья. Славу Богу, что Люба узнала ее,—хоть поздно, но все же узнала,—теперь она ужъ не обморочитъ, эта злая колдунья, не прикинется царь-дѣвицей.

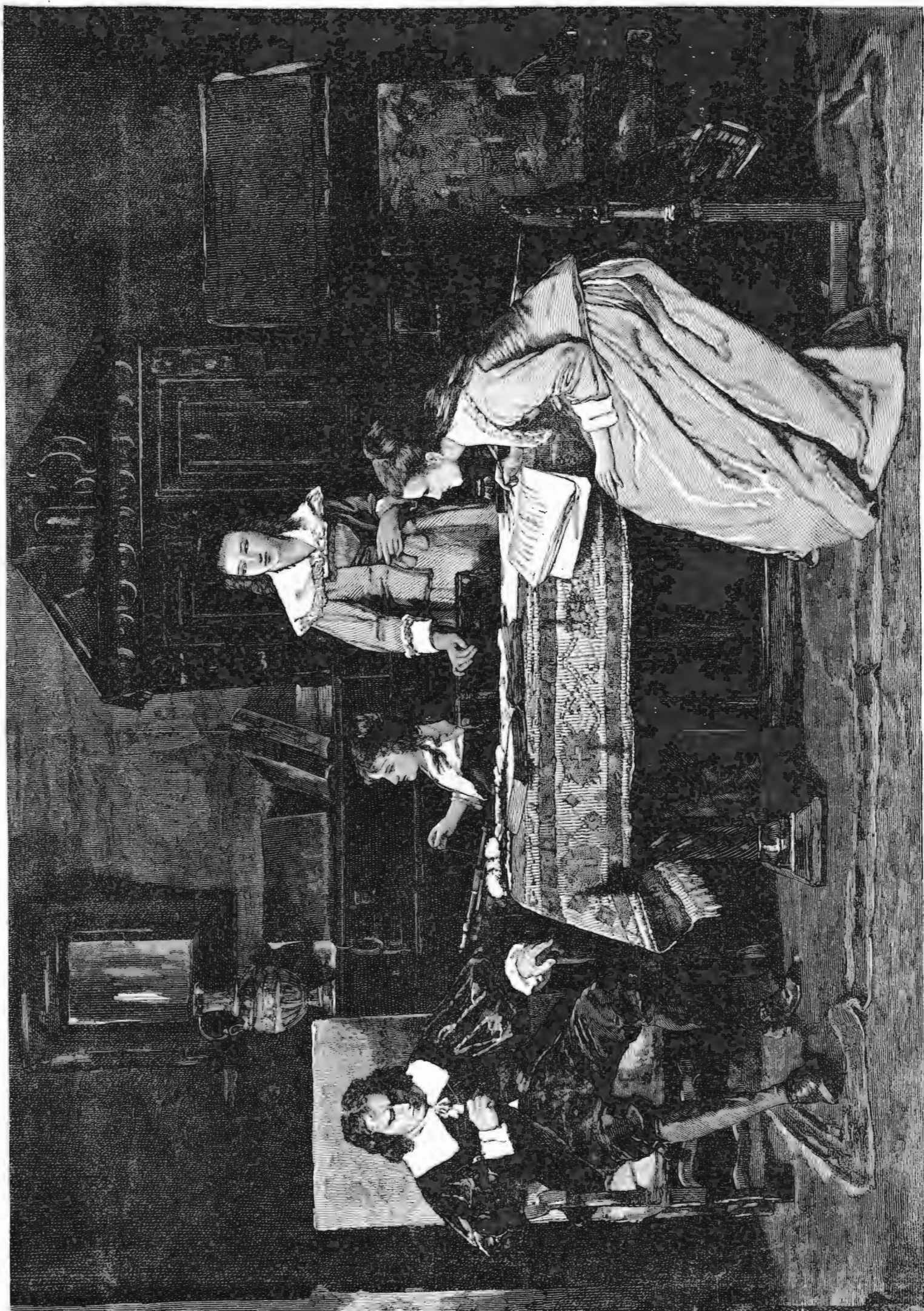
VIII.

Рано поднялась пятнадцатаго мая царевна Софья и сейчасъ же кликнула къ себѣ Родимицу. А та толко и дождалась этого зову. Она вошла и подала царевнѣ записку.

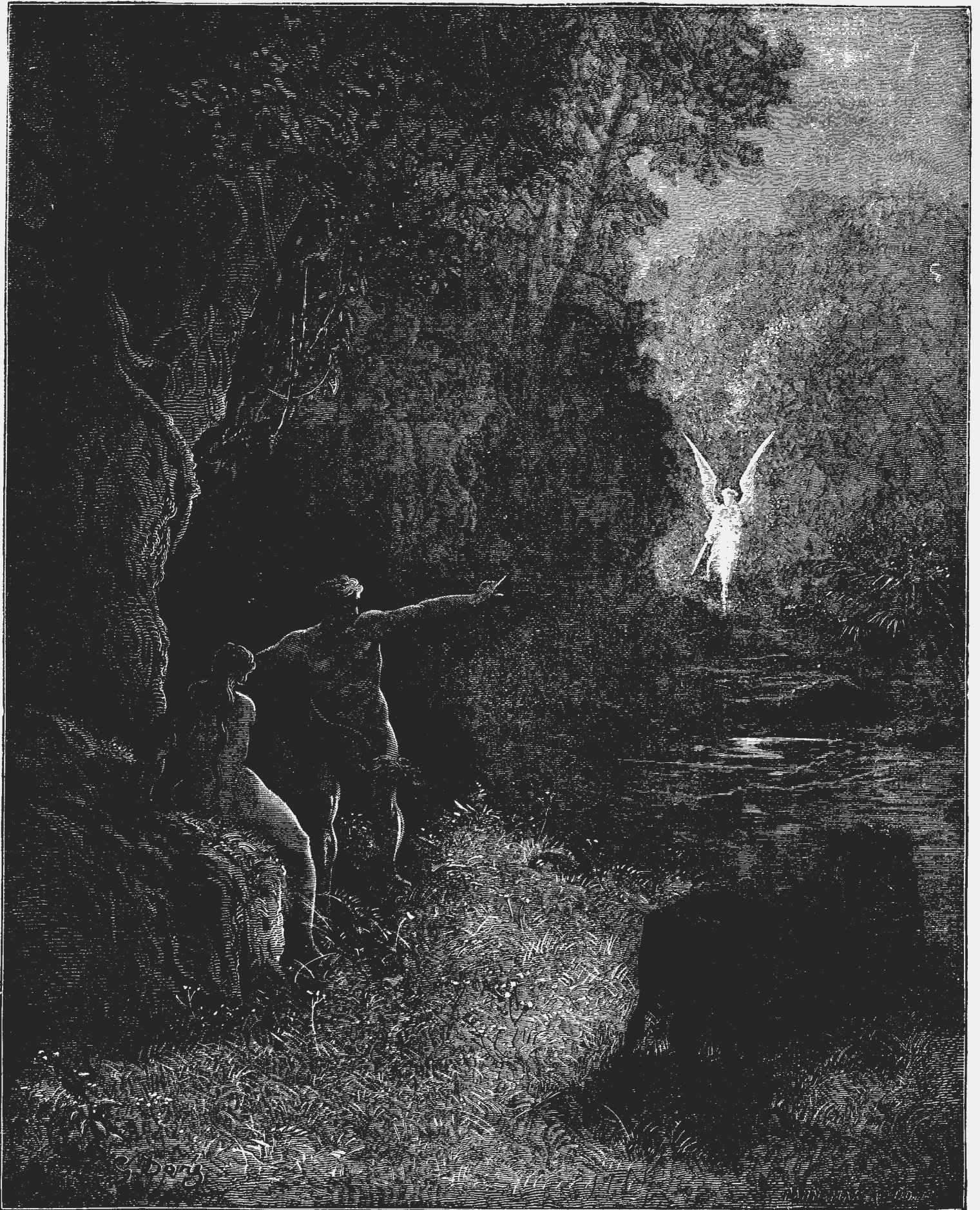
— Вотъ, бояринъ Иванъ Михайловичъ прислалъ, сказала она.

Софья быстро схватила записку и прочла: „Все благополучно: мы съ Хованскимъ готовы; Александръ и Толстой погналы въ слободы. Распорядись, чтобъ кто нибудь изъ твоихъ забрался на колокольню и въ набать ударилъ—этакъ то будетъ лучше, на стрѣльцовъ подѣйствуетъ.“

— Ну это твое дѣло, Федорушка, произнесла царевна перечтя громко Родимицѣ записку,—сложешь, что-ли?

Милотець. дитини її своєї дочки поему „Потеряний Раф“. Картина Мункаши, грав. Паннемакеръ сынъ

Изъ поэмы Мильтона „Потерянный Рай“ (пѣсь V). Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.
Приходъ Ангела въ Рай къ Адаму и Евѣ. Ориг. рис. Густава Дорэ, грав. Паннемакеръ.

Та только усмѣхнулась.

— Будетъ исполнено.

— А ко мнѣ позови Любу, прибавила царевна,—что она, здорова? Вчера какъ полоумная какая вбѣжала ко мнѣ, вопить, а о чемъ—и разобратъ невозможно.

— Я ее не видала сегодня, отвѣтила Родимица,—сейчасъ позову.

Но черезъ нѣсколько минутъ она вернулась съ вѣстью о томъ, что Люба пропала. Никто ее не видалъ, постель не смята, видно, не почевала въ теремѣ.

Царевна пожала плечами.

— Ну да Богъ съ ней—не до нея теперь! сказала она. Ступай на колокольню.

— Сейчасъ бѣгу.

Родимица скрылась.

Царевна поспѣшно одѣлась безъ посторонней помощи и стала тревожно ходить по своимъ покоямъ.

„Что-то тамъ теперь? Скоро ли будутъ? все ли благополучно? думала она. И вотъ къ этой мысли невольнo примѣшалась и мысль о Любѣ.“

Вчера, дѣйствительно, полная своихъ тревогъ, она не обратила вниманія на Любу и не поняла ея страннаго посѣщенія, но теперь ей ясно стало многое.

„Ахъ она глупая дѣвчонка! вѣдь это она отъ меня отчета требовала, судьюю моимъ являлась... это ей не понравилось, что я живого брата за убитаго хочу выдать... вотъ гдѣ мнѣ судья отыскался!“

Неприятная, злая усмѣшка скользнула по губамъ царевны.

„Но куда-жъ она дѣлась, эта дѣвчонка? не почевала... ужъ не туда ли, не къ своему ли Малыгину отправилась? да, конечно—такъ и есть, тамъ мучить пожалуй...“

Но что-жъ она можетъ сдѣлать? Ей ли, холопкѣ, со мною бороться!... А я то еще положила на нее, думала, что она будетъ мнѣ полезна. Ахъ глупая, глупая дѣвка! Но вѣдь она смѣла, она на все готова рѣшиться, если ей дурь какая придетъ въ голову... Чего добраго пожалуй испортить еще чтонибудь... Что если такъ?“

Тревога начала закрадываться въ сердце царевны. Впрочемъ, она сейчасъ же себя и успокоила.

„Нѣтъ, теперь поздно! теперь ничто и никто намъ не помѣшаетъ—дѣло сдѣлано! Не Любашкѣ со мною тягаться!“

Прошло еще нѣсколько минутъ—и вдругъ раздался набатный гулъ колокола Ивана Великаго.

Весь дворецъ, теремъ, весь Кремль поднялся на ноги, всполошился.

„Что такое? что это значитъ?“

Кинулись на колокольню. Кто звонить? Никого нѣту.

Родимица искусно притаилась въ крошечномъ чуланчикѣ подъ лѣстницей, и когда толпа людей, взбравшихся на колокольню, была уже выше ее, она вышла изъ своего убѣжища и, стоя на лѣстницѣ, начала кричать:

— Бейте въ колокола, бейте! сзывайте народъ! развѣ не слышали—къ Кремлю идетъ войско, всѣ полки... Насъ всѣхъ перерѣжутъ.

— Кто это кричитъ? кто?

Родимицу окружили, стали спрашивать, съ чего она взяла говорить такія рѣчи?

— Сама видѣла, своими глазами, отвѣчала она.—Посылайте скорѣй въ городъ, такъ узнаете.

Нѣсколько человекъ кинулись за кремлевскіе ворота и скоро вернулись съ блѣдными, перепуганными лицами и объявили, что со всѣхъ сторонъ къ Кремлю подвигаются полки стрѣльчичіе.

Смятеніе началось страшное.

Въ это время Матвѣевъ, пріѣхавшій къ царицѣ, вышелъ на дворцовое крыльцо, чтобъ узнать причину набата: онъ предполагалъ, что загорѣлось какоенибудь изъ зданій кремлевскихъ. Но на лѣстницѣ ему встрѣ-

тился князь Урусовъ и дрожащимъ голосомъ объявилъ ему, что стрѣльцы и солдаты бунтуютъ, вошли въ земляной городъ и уже близко отъ воротъ Кремлевскихъ.

Матвѣевъ воротился и сообщилъ царицѣ страшную новость.

Она всплеснула руками.

— Что-жъ намъ дѣлать? Чего еще хотятъ они?

Заранѣе нетревожься, государыня, отвѣтилъ Матвѣевъ, я сейчасъ отдамъ приказъ подполковнику стремянаго полка запереть всѣ Кремлевскіе ворота; силою въ Кремль войти не такъ то легко... Можетъ все благополучно кончиться.

Но не успѣлъ еще Артамонъ Сергѣевичъ распорядиться позвать подполковника, какъ прибѣжало нѣсколько человекъ съ криками, что стрѣльцы ужъ входятъ въ Кремлевскіе ворота.

У Матвѣева опустились руки.

Между тѣмъ дворецъ наполнился со всѣхъ сторонъ пріѣхавшими людьми.

Прежде всего къ царицѣ Натальѣ явились царевны изъ терема, а потомъ всѣ Нарышкины, многіе бояре изъ города, которые, слышавъ о бунтѣ стрѣльцовъ и ихъ приближеніи и не безъ основанія боясь всякихъ насилій, бросились въ Кремль, во дворецъ, чтобы тамъ найти себѣ убѣжище.

Скоро къ этому перепуганному, взволнованному, тѣснившемуся собранію присоединился и престарѣлый патриархъ Іоакимъ. Онъ вошелъ своей обычною спокойной поступью, но лицо его было особенно блѣдно и грустно.

— Тяжкіе дни переживаемъ, со вздохомъ произнесъ онъ, обращаясь къ подошедшему Матвѣеву.

На Матвѣева и взглянуть было страшно; онъ казался теперь столѣтнимъ, разслабленнымъ старцемъ.

— Страшные дни! отвѣтилъ онъ патриарху,—и боюсь я, что на меня ляжетъ отвѣтственность за то, что происходитъ нынѣ. Я долженъ былъ это предвидѣть, долженъ былъ понимать, что враги наши давно ужъ все подготовили... А я медлилъ, высматривалъ, не зналъ на что рѣшиться, три дня пропустилъ... Но могъ ли я ждать всего этого—въ мое время такія дѣла были невозможны... Но все же я виноватъ—я пріѣхалъ помочь царицѣ, она на меня понадѣялась, а я вотъ дряхлъ и безсиленъ, ослѣплъ, ничего не разглядѣлъ. Виноватъ, пусть судить меня Богъ... Мнѣ остается теперь, если нужно, безъ трепета положить свою жизнь за царя и царицу. Но боюсь, что и этимъ я не помогу ей...

Его сѣдая голова бессильно упала на грудь, изъ глазъ на морщинистыя щеки закапали невольныя слезы.

Нѣсколько успокоившись, онъ оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ, его взоръ остановился на царевнѣ Софьѣ.

„Вотъ первый врагъ нашъ! вотъ чьихъ рукъ это дѣло!“ подумалъ онъ.

Софья что-то толковала царицѣ Натальѣ. Она казалось встревоженной, испуганной. Но вотъ она начинаетъ успокаивать царицу.

— Заранѣе нечего тревожиться, говорить она,—Богъ дастъ все обойдется благополучно. Конечно въ послѣднее время стрѣльцы даютъ себѣ много воли, но кто-жъ виноватъ въ этомъ? Съ самаго начала не слѣдовало имъ потакать, а какъ начали потакать, такъ они и зазнались.

— Но что-жъ было дѣлать, какъ не потакать? мучительно произнесла Наталья Кирилловна,—вѣдь ужъ всѣмъ видимо, что мы въ ихъ власти: что хотятъ, то съ нами и сдѣлаютъ. Охъ, чуетъ сердце мое—не обойдется безъ крови. Боже мой, что теперь намъ дѣлать?

Она заломила въ отчаяніи руки и заплакала, прижимая къ себѣ сына.

— Успокойся, матушка! тихимъ мелодичнымъ голосомъ сказала Софья (давно она не называла этимъ именемъ царицу Наталью) успокойся, матушка—вѣдь мы

еще не знаемъ, чего имъ нужно. Вотъ сейчасъ все объяснится, можетъ, ничего страшнаго и нѣту...

И говоря эти слова, царевна пристально и повидимому ласково глядѣла на Наталью Кирилловну. А въ то же время какое то мучительное, но сладкое чувство сосало ей сердце. Она наслаждалась этимъ всеобщимъ смятениемъ, этими слезами царицы.

„Плачь! думалось ей, плачь, еще не такъ будешь плакать! Ты пришла къ намъ незванная, непрощенная. Ты, бѣдная воспитанница худороднаго Матвѣева, восхотѣла быть выше насъ, прирожденнаго царевнѣ. Ты отняла у насъ отца, теперь ты, со своимъ сынишкой, у насъ все отнимаете! Нѣтъ, видно мало ты меня знаешь, я еще тебѣ не дамся! Горькія слезы будешь проливать ты...“

Она отошла, отъ царицы ближе къ выходнымъ дверямъ и спрашивала: что-жъ стрѣльцы—близко-ли? и чего требуютъ?

Но никто не могъ ей отвѣтить, такъ всѣ были растеряны, такъ перепуганы.

Въ это время дверь во внутренніе покои отворилась и вошелъ царевичъ Иванъ. Медленно, волоча за собою ноги, онъ подошелъ къ царицѣ Натальѣ.

— Что тутъ у васъ такое? спросилъ онъ. Меня сюда позвали, что то толковали, да я, признаться, не понялъ хорошенько. Война что-ли? враги на насъ идутъ? Какіе — это? турки?

— Стрѣльцы опять бунтуютъ, братецъ, отвѣтилъ ему маленькій Петръ, а чего хотять—не знаю. Выйдемъ-ко мы съ тобою къ нимъ, спросимъ ихъ, намъ они должны отвѣтить—кому же и отвѣчать, какъ не намъ? Вотъ и посмотримъ, что нужно тутъ дѣлать: право пойдемъ, братецъ!..

Наталья Кирилловна схватила за руку сына.

— Что ты? куда, Богъ съ тобою, дитятко! ради Создателя не отходи отъ меня.

— Эхъ! вздохнулъ Петръ, но не смѣлъ послушаться матери, не смѣлъ выдернуть изъ ея руки свою руку. Онъ сѣлъ рядомъ съ нею и задумался. Густыя брови его сдвинулись, темные глаза горѣли.

Царевичъ Иванъ, также тихо, съ трудомъ передвигаясь, подошелъ къ сестрамъ.

Въ эту минуту изъ оконъ послышался быстро приближавшійся бой барабановъ: всѣ вздрогнули и стали еще тѣснѣе жаться другъ къ другу.

Только Матвѣевъ да Патріархъ успѣли выйти изъ палаты на крыльцо, на встрѣчу стрѣльцамъ.

Между тѣмъ на дворцовомъ дворѣ уже раздавались отчаянные крики и вопли. Стрѣльцы обступили густыми толпами весь дворецъ, перебили нѣсколько людей боярскихъ, не успѣвшихъ вѣремя скрыться.

Въ толпахъ стрѣльцовъ развѣвались знамена; вотъ на самый дворъ ужъ вкатили пушку. Дикій крикъ раздался по рядамъ стрѣльцевымъ:

— Кто задушилъ царевича Ивана? Подай Нарышкиныхъ! подавай измѣнниковъ и душегубцевъ!

А, вотъ они чѣмъ ихъ поднали! пропенталь Матвѣевъ, разслышавъ эти крики.

Онъ вернулся къ царицѣ.

— Мятежниковъ обманули, сказалъ онъ,—они думаютъ; что кто то задушилъ царевича Ивана. Нужно показать его имъ—только въ этомъ теперь и спасенье! Пойдемте всѣ на крыльцо, и ты иди, государыня царица, не бойся, теперь не время трусить. Ничего они не посмѣютъ сдѣлать!

Многимъ трудно было рѣшиться выйти къ стрѣльцамъ; но всѣ поняли, что это необходимо, всѣ поняли, что въ крайнемъ случаѣ нужно будетъ защищать царское семейство.

И вотъ, тѣсня другъ друга, бояре двинулись къ выходу.

Царица Наталья взяла за руки сына и пасынка, и

тихо читая молитву, блѣдная какъ полотно, но твердыми шагами вступила на Красное крыльцо и остановилась у самой рѣшетки.

Въ первое мгновеніе ее оглушилъ страшный крикъ стрѣльцовъ, которые, какъ бѣсноватые, обступили крыльцо со всѣхъ сторонъ и лѣзли вверхъ...

Но вотъ они увидѣли обоихъ сыновей царя Алексѣя и вся площадь мгновенно стихла.

— Что-жъ это? значить насъ обманули? значить это правду говорили сегодня утромъ, что царевичъ живъ—вотъ онъ!.. вотъ!

Многіе начали снимать шапки.

Однако агенты Софьи и Милославскихъ не дремали. Князь Хованскій неизвѣстно откуда появился внизу на площади, пробрался между стрѣльцами, которые давали ему дорогу, и шепнулъ что-то на ухо полковнику Циклеру.

— Да полно царевичъ-ли это! вдругъ крикнулъ Циклеръ.

— Да! не обманъ ли ужъ? повторило нѣсколько голосовъ. Это насъ морочатъ—другого одѣли въ платье царевича.

— Да нѣтъ-же, онъ!... онъ! не въ первый разъ мы его видимъ! отвѣтили другіе.

— Да что тутъ! полѣзай вверхъ, чтобъ безъ обмана было.

Они подставили лѣстницу и вотъ десятка два стрѣльцовъ стали взбираться на Красное крыльцо, поддерживаемые товарищами. Вотъ верхніе добрались до рѣшетки.

Царица Наталья невольно попятилась и заслонила рукою Петра. Но царъ высвободился изъ подъ руки матери, сталъ на свое прежнее мѣсто и смѣло, горделиво поглядывалъ на стрѣльцовъ.

Царевичъ Иванъ тоже не выказалъ ни малѣйшаго страха. Онъ глядѣлъ вокругъ себя, какъ и всегда совершенно безучастно; ничего нельзя было прочесть на блѣдномъ, одутловатомъ лицѣ его.

Между тѣмъ стрѣльцы внимательно его разглядывали.

Онъ!... онъ! кричали они,—его ликъ! Да полно ужъ не бѣсовское ли навожденіе?..

И они перекрестились. Нѣтъ! Царевичъ Иванъ передъ ними—не пропадаетъ, не разсыпается прахомъ!

— Ты ли это, царевичъ Иванъ Алексѣевичъ? спрашиваютъ его стрѣльцы, ощупывая его платье.

— Я!.. а то кто-же?

— Такъ стало, живъ ты?

— А то померъ что ли? Видите, живъ.

— Кто-же это тебя изводитъ? Кто враги твои? Кто бояре измѣнники?

Никто не предвидѣлъ возможности подобныхъ вопросовъ. Никто не предупредилъ царевича. Теперь страхъ не малый взялъ бояръ. А вдругъ онъ отвѣтитъ чтонибудь неладное! Всѣ затаили дыханіе.

Царевичъ слабо и странно усмѣхнулся.

— Въ толѣхъ не возьму о чемъ меня спрашиваете, наконецъ сказалъ онъ своимъ глухимъ голосомъ.—Нѣтъ у меня враговъ... никто меня не изводитъ. Жить мнѣ хорошо, ни на кого не жалуюсь....

У всѣхъ отлегло отъ сердца.

Стрѣльцы еще нѣсколько мгновеній поглядѣли на царевича, переглянулись между собою и стали слѣзать внизъ.

— Онъ, взаправду онъ и говорить, что никто его не изводитъ! стало, насъ обманули.

Толпа не шевелилась въ недоумѣніи. Многіе переминались съ ноги на ногу, почесывали себѣ затылки.

Раздалось нѣсколько громкихъ голосовъ.

— Что-жъ это? дѣло то не ладно—чего-жъ насъ подняли? Измѣнники то видно тѣ, кто обманулъ насъ!..

Некому теперь было глядѣть на царевну Софью, а взглянуть на нее стояло.

Въ то время какъ всѣ лица, мало по малу, прояснились, какъ у всѣхъ являлась надежда, что дѣло приметъ счастливый оборотъ, она стояла, какъ приговоренная къ смерти, съ страшно искаженнымъ лицомъ, сама на себя непохожая. Сердце ея то замирало, то начинало неудержимо, больно биться, въ виски стучало, голова кружилась.

Господи, что-же это такое? Неужь-то все пропало?.. И какъ это я не предупредила этого: нельзя было пускать брата. Какъ нибудь, а необходимо было удержать его. Что-жь... теперь молчать стрѣльцы... да и нечего сказать имъ!

Вотъ сейчасъ они уйдутъ, пристыженные, обратно къ себѣ въ слободы и чѣмъ ихъ въ другой разъ оттуда выманишь?.. А старый волкъ Матвѣевъ теперь уже не оплошаетъ, приметъ рѣшительныя мѣры... И вѣдь ничего сдѣлать теперь нельзя... Я не могу и пошевелиться... Но неужели?... Быть не можетъ!... Все такъ давно готовилось, все такъ хорошо шло!... Ноги царевны подкашивались, она едва не упала. Она видѣла, какъ сквозь туманъ какой нибудь, вокругъ себя движеніе. Вотъ всѣ идутъ обратно, вотъ красное крыльцо пусто, на площади тишина... и ей вѣдь нечего здѣсь оставаться...

Шатаясь, едва сдерживая отчаянный вопль, готовый вырваться изъ груди ея, она тоже направилась съ крыльца во внутренніе дворцовые покои.

Но внезапно новая мысль пришла ей въ голову. „Прикажу выкатить имъ бочки вина и пива—перепьются... тогда ихъ легко опять будетъ натравить!“

Она поспѣшила отыскать Милославскаго.

IX.

Между тѣмъ послѣ нѣсколькихъ минутъ тишины на площади началось снова волненіе. Очевидно стрѣльцамъ какъ-то совѣстно было сознаться въ своей глупости, что вотъ по нелѣпому слуху заставили ихъ всѣхъ поголовно подняться. Имъ совѣстно было теперь, пристыженнымъ и опозореннымъ, воротиться къ себѣ; да и страхъ, очевидно внушаемый ими боярамъ и семейству царскому, дѣйствовалъ на нихъ подзадоривающимъ образомъ. А тутъ еще и выкаченныя имъ бочки вина и пива, на которыя они тотчасъ же набросились, и агенты царевниной партіи, кричащіе: Ну что-жь что царевичъ живъ! хоть онъ и живъ, все же пускай выдадутъ намъ его недоброхотовъ—Матвѣева и Нарышкиныхъ.

— Да, да, пускай выдадутъ! подхватываетъ нѣсколько десятковъ голосовъ.

— Да и развѣ не знаете, братцы, на всю площадь кричить Озеровъ, развѣ не знаете, что Иванъ Нарышкинъ примѣривалъ на себя корону и разныя царскія украшенія?! Онъ самъ нашимъ царемъ хочетъ быть! Уйдемъ теперь... оставимъ ихъ на свободѣ, такъ все равно они изведутъ и царевича, да и царя Петра, даромъ что онъ имъ сродственникъ...

— Слышь ты, Нарышкинъ на себѣ корону примѣривалъ! раздается уже въ другомъ концѣ площади.— Нѣтъ, не уйдемъ такъ!.. подавай намъ Нарышкинскихъ и Матвѣева!!

Пристыженные и сконфуженные стрѣльцы нашли выходъ изъ своего неловкаго положенія. Снова неистовые крики наполнили площадь, снова густыя толпы, вооруженныя бердышами и мушкетами, ползли къ красному крыльцу и къ окнамъ Грановитой палаты.

Тѣ изъ окружавшихъ царицу, кто былъ посмѣль, рѣшились выйти въ стрѣльцамъ. Скоро на красномъ крыльцѣ показался Черкасскій, Шереметевъ Большой и князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Четвертымъ между ними былъ Тараруй-Хованскій. Самъ всячески возмущавшій стрѣльцовъ и за четверть часа передъ тѣмъ незамѣтно напештывавшій имъ на площади, теперь

онъ объявилъ, что идетъ ихъ уговаривать. Съ крыльца ему удобнѣе было подавать имъ тайные знаки, ободрять своимъ присутствіемъ.

— Чего вамъ еще пужно? смѣло выступая впередъ, громкимъ и спокойнымъ голосомъ началъ князь Голицынъ. Вы видѣли царевича, онъ самъ объявилъ вамъ, что никто на него не злоумышляетъ. Если вы пришли, сюда для того, чтобы защищать царское семейство, тѣ спасибо вамъ за это. Но вы видите, что обмануты, чѣмъ защищать некого; будьте достойными слугами государя—разойдитесь спокойно по домамъ!

— Нѣтъ, чего тутъ расходиться! кричали ему въ отвѣтъ стрѣльцы. Не можемъ уйти! подавайте намъ Матвѣева, подавайте Нарышкинскихъ, подавайте бояръ измѣнниковъ!

И вотъ имена этихъ бояръ-измѣнниковъ, заключавшіеся въ списокъ, разосланномъ Милославскимъ по стрѣлецкимъ полкамъ, стали повторяться сотнями голосовъ. Имена эти были; князь Юрій Долгорукой съ сыномъ—стрѣлецкіе начальники, князь Ромадановскій, всѣ Нарышкины, начиная съ отца царицы, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, Языковъ, Лихачевъ и нѣсколько думныхъ дьяковъ.

— Да чего тутъ толковать, подавай всѣхъ этихъ измѣнниковъ, всѣхъ до одинаго, тогда и уйдемъ, а пока намъ ихъ не выдадутъ, не тронемся изъ Кремля. А то такъ и сами ихъ съедемъ!..

— Да нѣтъ во дворцѣ у государя этихъ людей: выдавать то вамъ некого, закричалъ Черкасскій.— Уходите—не буяньте!

Но стрѣльцы, услышавъ слова эти, ползли на ступени крыльца и чуть было до смерти не избили Черкаскаго: весь кафтанъ на немъ разодрали, едва успѣлъ онъ скрыться.

Растерзанный, съ всклокоченными волосами, вбѣжалъ онъ въ Грановитую палату, куда теперь удалась царица съ семействомъ и бояре.

— Бунтуютъ! Видите, что со мной сдѣлали. Теперь къ нимъ не подступайся, проговорилъ, тяжело дыша, Черкасскій.

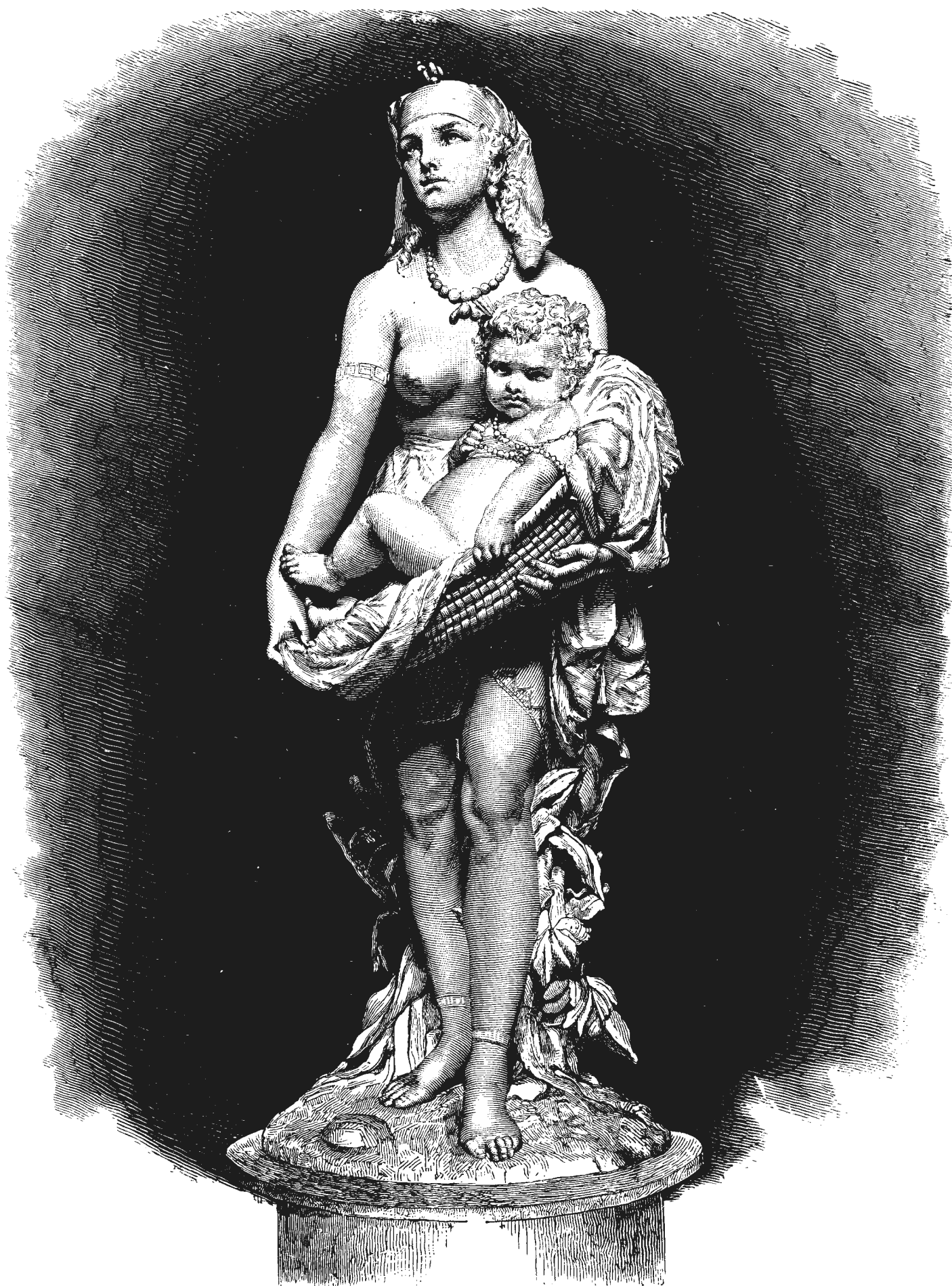
— Пойдите, я еще поговорю съ ними, сказалъ, поднимаясь съ мѣста, Артамонъ Сергѣевичъ и вышелъ къ стрѣльцамъ.

Онъ смѣло распахнулъ рѣшетку, твердой поступью сошелъ съ лѣстницы и остановился, со всѣхъ сторонъ окруженный мятежниками.

Яркое майское солнце озарило его сѣдую, непокрытую голову, его благообразное, почтенное лицо, такъ давно знакомое стрѣльцамъ и прежде такъ ими любимое.

— Чего вамъ нужно? Одумайтесь, дѣти! заговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.— Ноетъ мое сердце, глядя на васъ. Глазамъ своимъ вѣрять не хочется—вы ли это? Вотъ нѣсколько лѣтъ вдаль отъ васъ я прожилъ... Не разъ вспоминались вы мнѣ, вѣрные царскіе воины, съ которыми мы вмѣстѣ походы дѣлали. Я призывалъ на васъ благословеніе Божіе за ваши службы государю, за вашу твердость въ исполненіи долга. Еслибы кто сказалъ мнѣ, что вы бунтовать способны, что вы врываетесь въ Кремль, въ палаты царскія, что вы самовольствуете—я бы такого человѣка почелъ клеветникомъ и лжецомъ. Послѣ долгихъ испытаній, послѣ тяжелой жизни въ тѣспотѣ и обидахъ, вернулся я снова къ вамъ вѣрніемъ моего государя—и что-жь вижу! Одумайтесь, дѣти—не вы ли помогли мнѣ не разъ укротить бунты и мятежи, не вы ли готовы были пролить до капли всю кровь свою за царя и отечество? Зачѣмъ же хотите теперь сами быть мятежниками и уничтожить этимъ память обо всѣхъ вашихъ прежнихъ подвигахъ? зачѣмъ забываете святость присяги?.. Да и не вы ли сами выборныхъ ко мнѣ присылали, три дня тому назадъ?

(Продолженіе будетъ.)

Всемирная выставка въ Парижѣ: Итальянскій художественный отдѣлъ „Моисей“. Статуя Барцаги, грав. Цаньони.

Мильтонъ и его поэма „Потерянный Рай“.

Джонъ Мильтонъ одинъ изъ тѣхъ гениевъ, имена которыхъ безсмертны, такъ же какъ ихъ творенія. Почти уже три вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ великій англійскій поэтъ написалъ свою поэму „Потерянный Рай“, но она до сихъ поръ нисколько не утратила своихъ достоинствъ и не утратитъ ихъ въ продолженіе многихъ будущихъ вѣковъ, такъ какъ по существу своей идеи не имѣетъ себѣ ничего равнаго въ другихъ произведеніяхъ человѣческаго ума.

Многіе критики сравниваютъ Мильтона съ Гомеромъ, а нѣкоторые ставятъ его даже выше, по изложенію предмета, избраннаго имъ для своей великой эпопеи. Гомеръ изображаетъ подвиги и міросозерцаніе одного только народа, Мильтонъ въ своемъ „Потерянномъ Рай“ проникаетъ до начала вѣрованій всего человѣчества. Предметомъ эпической поэмы служатъ всегда какое либо событіе чрезвычайной важности. Мильтонъ описываетъ не разрушеніе какого либо города, не основаніе могущественной монархіи или борьбу двухъ враждебныхъ народовъ,—содержаніемъ его поэмы служатъ судьбы міровъ, перевороты въ небесахъ и вселенной; мятежъ, поднятый вышшими изъ созданныхъ существъ противъ Верховнаго Царя; изгнаніе изъ неба мятежниковъ и кара за ихъ преступленіе; созданіе „первыхъ человѣковъ“, ихъ счастье и первобытная невинность, потомъ лишеніе безсмертія и, наконецъ, великое искупленіе ихъ грѣха, возвратившее имъ надежду и миръ.

Великіе перевороты могутъ быть совершаемы лишь могучими дѣятелями: передъ величіемъ лицъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ Мильтона, блѣднѣетъ всякое другое величіе. Поэтъ и мыслитель, ученикъ поэтовъ и философовъ древности, Мильтонъ занимаетъ величественныя сцены своей божественной драмы въ современныхъ вѣрованіяхъ и священныхъ преданіяхъ. Его твореніе есть блестящее зеркало, которое отражаетъ и дополняетъ библейскія картины, ничуть не искажая ихъ. Оно удовлетворяетъ какъ чувству искренняго вѣрующаго, такъ и строгой мысли философа, и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышаетъ человѣка, напоминая его чистое происхожденіе, оживляя его дыханіемъ Бога, создавшаго вселенную. Смѣлая мысль поэта проникаетъ въ небеса небесъ, дерзаетъ присутствовать тамъ въ то время, когда Богъ, окруженный сонмами Серафимовъ, нисходитъ съ Своего престола для сотворенія человѣческаго рода, и когда Всемогущее десницею оное создаетъ новый прекрасный міръ для Своихъ ново-созданныхъ дѣтей и помѣщаетъ ихъ въ Эдемъ, полный такихъ очаровательныхъ красотъ, что адъ содрогается отъ зависти. Поэтъ, проникая мыслью въ свѣтлыя обители Высочайшаго Божества, переносится за симъ въ преисподнюю и наблюдаетъ, какъ духъ тьмы, владыка мятежныхъ ангеловъ, считаетъ человѣка настолько сильнымъ, чтобы объявить ему войну, какъ онъ борется съ нимъ, будто съ своимъ соперникомъ, какъ человѣкъ падаетъ, и какъ потомъ возстаетъ снова, примиренный съ Богомъ, своимъ великимъ ходатаемъ, Спасителемъ человѣчества.

Могучая фантазія поэта, переносясь изъ глубины преисподней, изъ тьмы адской пропасти въ свѣтлыя небеса, наполненная восторгомъ и ликующими ангельскими хорами, и спускаясь опять на землю въ чудный Эдемъ, создаетъ рядъ картинъ, поражающихъ то величіемъ и силой, то вѣжностью и глубиной чувства. Въ его твореніи философія и поэзія соединились вмѣстѣ для олицетворенія двухъ великихъ, враждебныхъ другъ другу началъ, постоянно волнующихъ и обновляющихъ міръ. Поэтъ является глубокимъ мыслителемъ въ изображеніи вѣчной борьбы этихъ двухъ началъ, разрушающаго и создающаго, этихъ таинственныхъ дѣятелей, которые въ постоянной непримиримой враждѣ и поперебѣдныхъ торжествахъ поддерживаютъ вѣчное равновѣсіе вселенной. Съ такою же глубиной объясняетъ онъ и заблужденія человѣческаго сердца, бездны не менѣе непроницаемой, чѣмъ тайны природы.

Какъ все человѣческое, и это превосходное твореніе не лишено недостатковъ. Наравнѣ съ неподражаемыми красотами, встрѣчаются мѣстами странные переходы и сопоставленія; послѣ смѣлыхъ, величественныхъ образовъ, проникнутыхъ энергіей и силой, слѣдуетъ излишекъ мѣологическихъ сравненій, иногда довольно темныхъ. Но какъ пятна на солнцѣ ничего не отнимаютъ отъ его блеска, такъ и эти недостатки теряются въ общемъ, нисколько не умаляя достоинствъ великой поэмы, обесмертвившей имя поэта.

Мильтонъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи, раззорившейся во время войнъ Алой и Бѣлой Розы. Предки его были ревностные католики, но отецъ поэта оставилъ исповѣданіе римской церкви и принялъ реформатскую вѣру, за что отецъ его (дѣдъ поэта) совершенно отказался отъ сына и лишилъ его наслѣдства. Онъ занялся ремесломъ маклера въ Лондонѣ и приобрѣлъ этимъ занятіемъ довольно значительныя средства. Онъ былъ женатъ на Саррѣ Кастенъ и имѣлъ отъ этого брака одну дочь и двухъ сыновей; одинъ изъ нихъ былъ Джонъ Мильтонъ, знаменитый творецъ „Потеряннаго Райа“. Онъ родился въ Лондонѣ 9-го сентября 1608 г. Отецъ Мильтона ничего не жалѣлъ для развитія рано обнаружившихся дарованій ребенка. Джонъ Мильтонъ съ дѣтства выказывалъ

страсть къ ученію; онъ проводилъ большую часть ночи надъ книгами, отъ которыхъ съ трудомъ могли его оторвать. Это было первой причиною сильныхъ головныхъ болей, какимъ онъ былъ подверженъ впоследствии и разстройству отъ природы слабого зрѣнія, а наконецъ и совершенной потери его. Мильтонъ рано началъ изучать классическія языки; кромѣ глубокаго изученія греческаго и латинскаго языковъ, онъ изучилъ языки еврейскій, халдейскій, сирійскій, а изъ новыхъ зналъ испанскій и французскій, и въ совершенствѣ владѣлъ итальянскимъ, такъ что во время пребыванія своего въ Италіи написалъ на этомъ языкѣ много мелкихъ сочиненій, вызвавшихъ громкія похвалы въ итальянской литературѣ. Первоначальное воспитаніе Мильтонъ получилъ дома, подъ наблюденіемъ профессора отца и любящей матери; на десятилѣтнемъ возрастѣ онъ поступилъ въ школу Св. Павла, а на семнадцатомъ году перешелъ въ Кембриджскій университетъ, и оставилъ его со степенью магистра, на двадцать третьемъ году. При вступленіи своемъ въ университетъ, Мильтонъ уже пользовался литературной извѣстностью, которая быстро возрастала. По окончаніи университетскаго курса, Мильтонъ поселился у своего отца, въ то время уже оставившаго маклерскія занятія и жившаго въ своемъ имѣніи Гортонѣ, въ Букнигамширѣ. Сначала отецъ предназначалъ Мильтона къ духовному званію, и самъ онъ былъ расположенъ къ этому, но впоследствии перебѣнилъ намѣреніе, говоря, что духовныя обязанности слишкомъ связали бы его волю и совѣсть, что подписать духовный уставъ значитъ превратить себя въ раба. Онъ прожилъ у отца пять лѣтъ, занимаясь исключительно изученіемъ греческихъ и латинскихъ авторовъ. Въ теченіе этого времени онъ написалъ сонетъ „Соловей“, „Аллегро“ и „Пенсерозо“, „Аркадскія“ и „Маску Комуса“. Два послѣднія сочиненія принадлежатъ къ разряду драматическихъ и были въ большомъ ходу въ свое время. „Аркадскія“ появилась въ первый разъ на сценѣ въ Шеффилдѣ, близъ Гортонъ, гдѣ была разыграна внучатами востановавшей графини Дерби. „Маску Комуса“ давали въ 1634 г. въ Лудлеу-Кэстлѣ, на дачѣ лорда президента, Уэльскаго графа Бриджустера, сыновья и дочери послѣдняго исполняли главныя роли.

Въ 1638 г. Мильтонъ предпринялъ путешествіе за границу. Его обширная ученость и необыкновенныя дарованія были вездѣ замѣчены и возбудили восторгъ первѣйшихъ знаменитостей ученаго и литературнаго міра, съ которыми онъ сблизился въ Парижѣ, Флоренціи, Неаполѣ и Римѣ. Печальныя извѣстія о положеніи дѣлъ въ Англій, созданномъ борьбой Карла I съ парламентомъ, заставили его возвратиться на родину, такъ какъ онъ считалъ недостойнымъ жить для своего удовольствія за границей въ то время, когда сограждане его сражались за свободу. Но великій поэтъ не былъ воиномъ; онъ не могъ защищать своей страны съ оружіемъ въ рукахъ, за то, владѣя другимъ не менѣе могущественнымъ оружіемъ, онъ оказалъ ей неоцѣненныя услуги. Вооружась всею силой своего таланта и краснорѣчія, онъ одерживалъ въ Парламентѣ блестящія побѣды въ пользу угнетенной свободы государства и церкви. Съ свойственными ему энергіей и жаромъ онъ весь предавался борьбѣ за общественные вопросы. Онъ написалъ множество блестящихъ политическихъ памфлетовъ и сочиненій. Самые замѣчательные изъ нихъ—„Речь къ англійскому парламенту о свободѣ печати“ и „Защита англійскаго народа“. Последнее сочиненіе было имъ написано по порученію Парламента въ отвѣтъ на статью величайшаго ученаго того времени, Салмазія, написанную по порученію бывшаго въ изгнаніи Карла II въ защиту короля и монархіи. Съ появленіемъ „Защиты англійскаго народа“ Мильтона, слава его быстро разнеслась по всей Европѣ. Книга его была переведена на иностранныя языки; глубокая ученость, логичность и краснорѣчіе автора приводили въ удивленіе всѣхъ ученыхъ. Слава Мильтона равнялась развѣ только славѣ Кромвеля; знаменитые иностранцы нарочно прѣзжали въ Лондонъ, чтобы видѣть лорда протектора, желѣзной рукой управлявшаго Англійей, и Мильтона. Парламентъ такъ высоко оцѣнилъ его трудъ, что въ вознагражденіе за него назначилъ автору 1,000 ф. с., сумма весьма значительная для того времени. Кромвель сумѣлъ воспользоваться талантами Мильтона, и предложилъ ему должность латинскаго секретаря при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, хотя онъ былъ уже почти слѣпъ, и вскорѣ совсѣмъ лишился зрѣнія. Мильтонъ занималъ эту, при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ важную, должность до самой реставраціи, когда его столь блестящая политическая карьера навсегда прекратилась. При вшествіи на престолъ Карла II не только свобода, но самая жизнь Мильтона была въ сильной опасности. Въ то время, когда головы всѣхъ выдающихся людей, однихъ политическихъ убѣжденныхъ съ Мильтономъ, падали на эшафотѣ, ему удалось укрыться у одного изъ своихъ друзей. Онъ скрывался въ этомъ убѣжищѣ до тѣхъ поръ, пока вышла амнистія всѣмъ политическимъ преступникамъ, не принимавшимъ непосредственнаго участія въ рѣшеніи судьбы покойнаго короля. Биографы Мильтона говорятъ, что нѣсколько разъ

былъ отдаваемъ приказъ объ его арестѣ. Онъ даже былъ заключенъ въ тюрьму, но вскорѣ получилъ свободу, благодаря заступничеству друзей, какъ утверждаютъ биографы, или расчёту со стороны правительства, потому что послѣднему трудно было лучше выказать свое великодушіе, какъ прекративъ преслѣдованіе человѣка, составлявшаго гордость и славу Англій.

Реставрація потрясла Мильтона, но не сломила его энергіи. Живя въ уединеніи, почти въ изгнаніи, вдали отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ, онъ сталъ думать объ осуществленіи не покидавшей его всю жизнь мысли—написать большую эпическую поэму. Эта мысль зародилась въ немъ еще во время пребывания его въ Италіи. Наконецъ, на пятидесятомъ году жизни, не смотря на разстроенное здоровье, слѣпоту и скудные средства къ жизни, онъ приступилъ къ своему давно задуманному труду. Мильтонъ работалъ надъ созданіемъ „*Потерянаго Райа*“ семь лѣтъ. Поэма была окончена въ 1665 г. Мильтонъ далъ прочесть рукопись другу своему Эльвуду, и тотъ, отдавая ее, сказалъ Мильтону: „ты такъ много говоришь о потерянномъ раѣ, что же скажешь ты о возвращенномъ?“ Когда Эльвудъ, спустя нѣсколько времени, постигъ Мильтона, тотъ предложилъ ему прочитать новую рукопись. Это была другая поэма—„*Возвращенный Рай*“.

Говорить, будто Мильтонъ предпочиталъ „*Возвращенный Рай*“—„*Потерянному*“. Племянникъ Мильтона, Филлисо, рассказываетъ, что поэтъ не могъ равнодушно слышать, когда друзья его, восхваляя „*Потерянный Рай*“ считали „*Возвращенный*“ гораздо ниже. Несомнѣнно, однакоже, что, не смотря на большія достоинства, эта вторая поэма далеко уступаетъ первой. Тѣмъ не менѣе она имѣетъ значеніе уже потому, что развивается и вполнѣ доканчиваетъ мысль первой поэмы, ясно выставляя настоящаго героя божественной драмы. Геройъ этотъ не Адамъ и Ева, не Сатана, какъ понимаютъ нѣкоторые, но Спаситель человѣческаго рода, Иисусъ Христосъ, искупившій грѣхъ человѣка и возвратившій ему рай, болѣе прекрасный чѣмъ тотъ, который былъ имъ потерявъ.

„*Возвращенный Рай*“, появившійся въ свѣтъ въ 1671 г. и „*Самсонъ*“ были послѣдними поэтическими произведеніями Мильтона. „*Самсонъ*“ единственная оконченная Мильтономъ трагедія, хотя у него были начертаны планы для многихъ другихъ. Къ избранію этого сюжета побудило Мильтона сходство между его собственнымъ положеніемъ Самсона, слѣпота и безпомощнаго среди враговъ. Не будучи предназначена для сцены, трагедія эта не разделена на акты и явленія. Однако, впоследствии она все-таки была поставлена на сцену въ видѣ ораторіи, а Гендель положилъ ее на музыку, равно какъ „*Аллегро*“ и „*Пенорозо*“ (Веселый и Грустный).

Кромѣ множества разныхъ политическихъ и богословскихъ сочиненій, Мильтонъ написалъ еще „Исторію Англій“ и собралъ обширный матеріалъ для латинскаго словаря. Послѣ его смерти осталось два его сочиненія въ рукописяхъ—„*Исторія Москвы*“ и „*Трактатъ о христіанскомъ ученіи*“. Последнее сочиненіе, прекрасно разработанное, было напечатано лишь въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Мильтону приписываютъ также появившійся въ послѣднемъ году его жизни переводъ съ латинскаго „*Декларация Поляковъ въ пользу Юана III*“.

Мильтонъ былъ женатъ три раза; отъ первой жены у него осталось три дочери, которыя, по рассказамъ его биографовъ, не носили большой отрады въ жизнь отца, полную тревогъ и тяжелыхъ испытаній. Правда, и Мильтона обвиняютъ въ своекорыстномъ отношеніи къ семьѣ, особенно въ томъ, что онъ, не давъ имъ образованія, научилъ ихъ механическому чтенію на разныхъ языкахъ безъ пониманія смысла, и заставлялъ ихъ читать себѣ вслухъ книги, въ которыхъ онъ не понималъ ни одного слова. Но безпомощное состояніе слѣпоты, при ненасытной жаждѣ умственной дѣятельности, служилъ въ этомъ случаѣ большимъ оправданіемъ поэту. Притомъ, трудно сказать, кто здѣсь страдалъ больше—дочери Мильтона или онъ самъ, потому что, не понимая языка, нельзя читать на немъ хорошо, и подобное чтеніе никакъ не можетъ доставить удовольствія слушающему, а скорѣе можетъ быть для него тяжелой пыткой. Старшая дочь Мильтона, Анна, была избавлена отъ этого скучнаго занятія, вслѣдствіе какаго-то физическаго недостатка въ языкѣ, не позволявшаго ей читать вслухъ. Главнымъ секретаремъ Мильтона при сочиненіи „Потерянаго Райа“ была младшая и любимая его дочь, Дебора, вышедшая впоследствии замужъ за ткача Кларка въ Смитфильдѣ. Младшая изъ его дочерей была замужемъ также за ткачомъ Фостеромъ и, овдовѣвъ, открыла маленькую свѣчную лавочку близъ Шордичской церкви. Положеніе ея возбудило участіе королевы Каролины, супруги короля Георга II; Аддисонъ, бывший государственнымъ секретаремъ, сдѣлалъ ей значительный денежный подарокъ, а въ 1650 г. въ ея пользу была представлена „*Маска Комуса*“, что доставило ей 130 ф. стер. Какъ видно изъ этого, участь дочерей Мильтона была не блестящая. Ихъ жалобы на свое невыносимое положеніе дома, были такъ тягостны Мильтону, что за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, онъ отослалъ ихъ изъ дому въ ученое золотощвейному мастерству.

Жизнь Мильтона можетъ служить образцомъ честнаго и без-

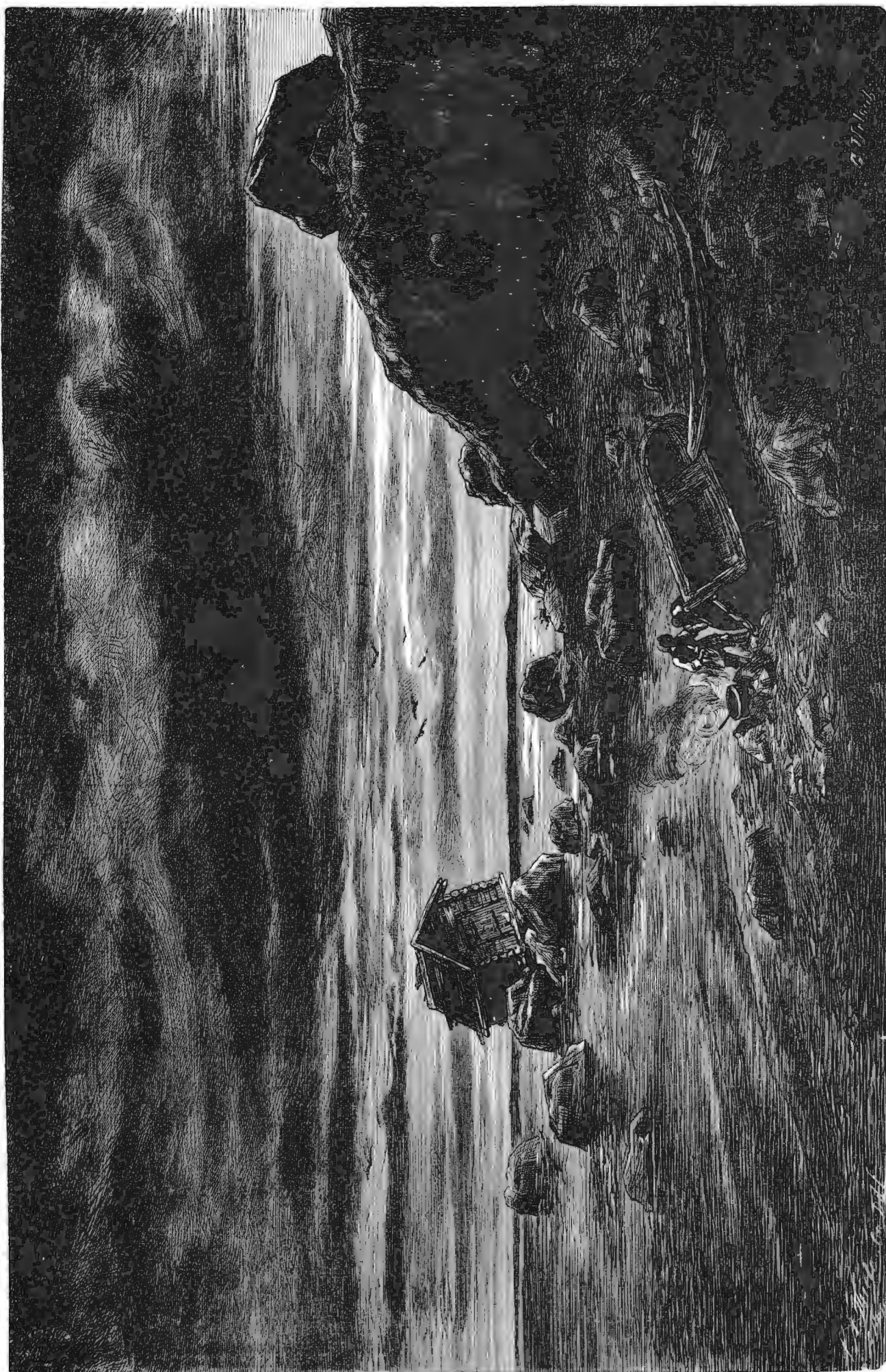
корыстнаго служенія своей идеѣ. Онъ былъ непоколебимъ въ своихъ убѣжденіяхъ, и старость застала его въ бѣдности, почти въ изгнаніи. „Я посвятилъ родинѣ все свои силы“, говоритъ поэтъ въ одномъ мѣстѣ своей автобіографіи, „и единственнымъ моимъ вознагражденіемъ было спасеніе жизни. Но моя истинная награда состоитъ въ спокойной совѣсти и въ доброй славѣ. Другіе достигали почестей и богатства; я же никогда не слылъ низкопоклонникомъ, ничего не добивался посредствомъ друзей, не обивалъ пороговъ министровъ, но жилъ собственными средствами, которыя, хотя значительно уменьшались во время гражданскихъ смутъ, все-же были достаточны, чтобы удовлетворять моимъ потребностямъ“. Потребности эти, впрочемъ, были крайне умеренны; онъ жилъ въ маленькомъ домикѣ, состоявшемъ не болѣе какъ изъ двухъ комнатъ: по одной вверху и внизу, а въ употребленіи пищи и вина руководствовался правиломъ философа: „Мы должны ѣсть, чтобы жить, а не жить, чтобы ѣсть.“ Умственная дѣятельность была его необходимой потребностью; ни старость, ни усиливающаяся болѣзнь не могла заставить его прекратить литературныя занятія. Мильтонъ умеръ на шестьдесятъ шестомъ году, 10-го ноября 1674 г. и похороненъ возлѣ своего отца, въ церкви Св. Эгидія. На похоронахъ его присутствовали весь ученый и знатный лондонскій свѣтъ. У одной изъ колоннъ церкви, противъ кафедры, поставленъ бюстъ Мильтона; поэтъ представленъ въ старости, съ изнуреннымъ, но спокойнымъ и задумчивымъ лицомъ.

Высокій духъ Мильтона, обнаруженный имъ въ несчастіяхъ, постигшихъ его въ концѣ жизни, возбуждалъ не только удивленіе современниковъ, но вызываетъ это-же чувство въ далекомъ потомствѣ. Доказательствомъ этого послѣдняго служатъ помѣщенная въ настоящемъ номерѣ нашего журнала картина изъ австрійскаго художественнаго отдѣла на нынѣшней парижской всемірной выставкѣ „Мильтонъ, диктующій своей дочери поэму Потерянный Рай“. Предметъ, дѣйствительно достойный вдохновенія художника. Поэтъ погруженъ въ мракъ, но умственное зрѣніе его открыто. Самое несчастье Мильтона какъ бы оберегало его гений. Видимый міръ былъ для него закрытъ, но за то, по словамъ Маколея, „никому не удалось такъ передать намъ виды и звуки иного міра, какъ передалъ ихъ знаменитый авторъ поэмы „Потерянный Рай“. Мильтону—и одному Мильтону известна была тайна громадныхъ пропастей, сѣрнаго потока, огненнаго океана, дворцовъ адскихъ властителей, дворцовъ, блиставшихъ сквозь вѣчный мракъ, тихаго уединенія Эдема, гдѣ Ангелы охраняли сонъ первой любящейся четы; ему одному открыта была тайна адамантовыхъ портиковъ, янмароваго моря, санфироваго пути, усѣяннаго небесными розами, и небесныхъ гимновъ, воспѣваемыхъ несмѣтными сонмами блестящихъ херувимовъ“.

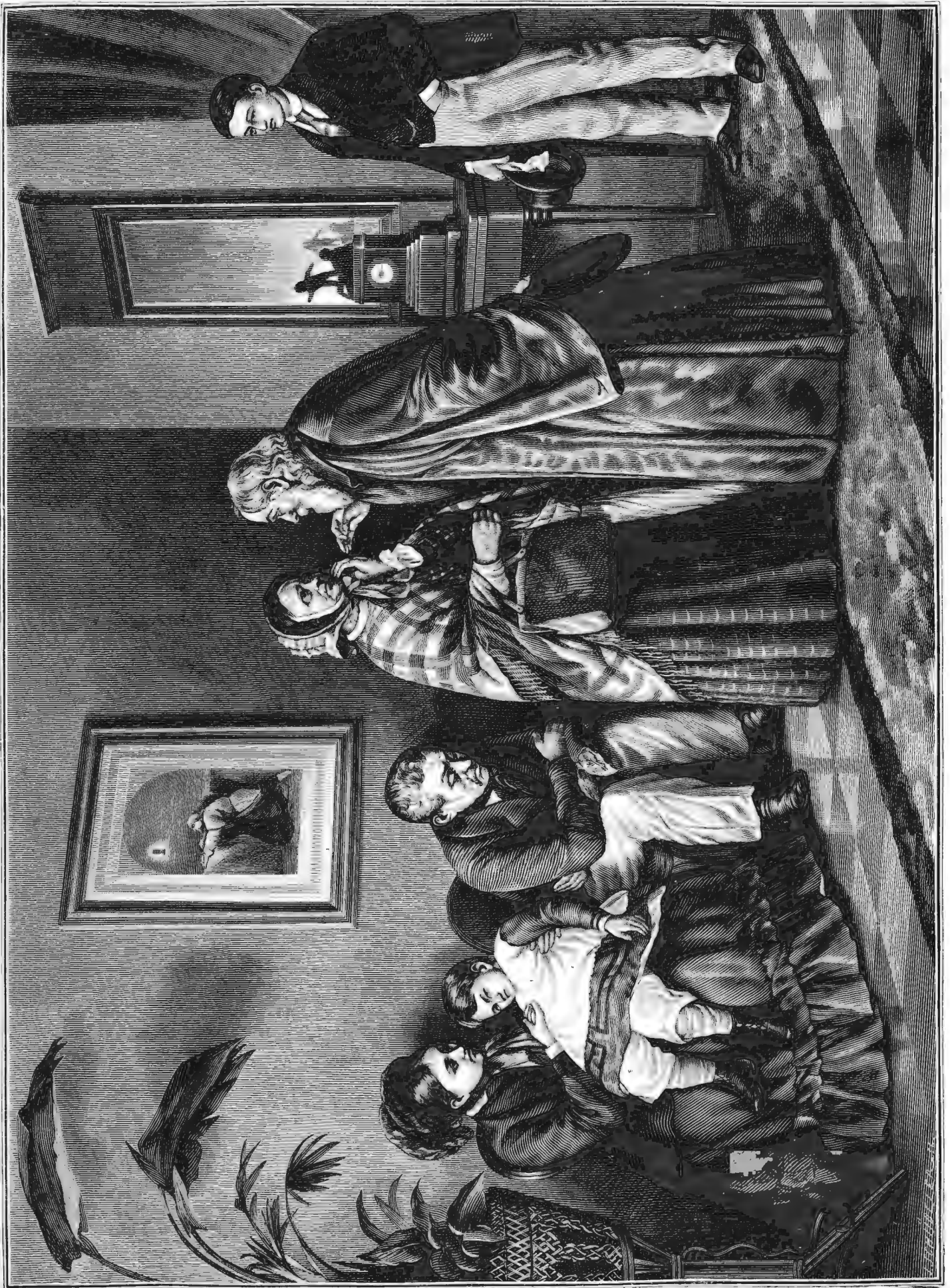
Картина, рисунокъ съ которой помѣщенъ въ этомъ номерѣ „Нивы“, не даромъ удостоилась на всемірной выставкѣ въ Парижѣ большой почетной медали. Всякій, даже незнакомый съ біографіею Мильтона, пойметъ душевное состояніе всѣхъ лицъ, представленныхъ на этой картинѣ. На лицѣ поэта напечатана непреклонная сила воли и упорная работа мысли. Одна изъ дочерей пишетъ подъ диктовку, съ недовольнымъ видомъ вслушиваясь въ его слова; другая ждетъ своей очереди смѣнить сестру, и по ея сердитому, почти враждебному взгляду на отца, видно, что это занятіе ей далеко не по сердцу. Это должно быть тѣ дочери Мильтона, Марія и Дебора, которыя были озлоблены на него за скучныя съ нимъ занятія по чтенію книгъ и письму подъ диктовку его поэмы. Старшая дочь, Анна, какъ уже было упомянуто, не страдавшая, подобно ея сестрамъ, и потому не имѣвшая повода къ раздраженію, сохранила болѣе нѣжныя отношенія къ отцу; это видно изъ того взгляда полного участія, какимъ она смотритъ на напряженное лицо отца, оставивъ свое вышиваніе, а съ его устъ, вотъ сейчасъ, сейчасъ, готовы сойти слова, которымъ суждено безсмертіе.

Само собою разумѣется, что поэма Мильтона „*Потерянный Рай*“ давно сдѣлалась достояніемъ всѣхъ европейскихъ литературъ. На французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ есть нѣсколько прекрасныхъ переводовъ этой поэмы, такъ какъ въ каждомъ новомъ поколѣніи находится довольно любителей высокой поэзіи классическихъ произведеній. За границей классическіе авторы издаются съ изысканной роскошью. Въ Россіи такихъ изданій еще не много, но въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ роскошное изданіе „*Потерянаго*“ и „*Возвращеннаго Райа*“ Мильтона, съ 50 картинками Густава Дорэ.

Не безынтереснымъ считаемъ сообщить здѣсь свѣдѣнія объ этомъ изданіи. Форматъ изданія *in folio*. Богатый стампъ для переплета рисованъ художникомъ И. Пановымъ и гравированъ въ Лейпцигѣ; превосходные бумага и шрифтъ сдѣланы специально по заказу именно для этого изданія. Такъ какъ существующіе русскіе переводы „Потерянаго Райа“ далеко неудовлетворительны, то для этого изданія былъ сдѣланъ новый переводъ обихъ поэмъ Мильтона „Потерянаго“ и „Возвращеннаго Райа“; и подъ русскимъ переводомъ напечатанъ подстрочный англійскій текстъ. Помѣщая въ настоящемъ номерѣ „Нивы“, картину, изображающую Мильтона во время диктованія имъ

Финляндский берег близ Выборга. Ориг. рис. Г. Урлаубъ, грав. Тилэ.

Всемирная выставка в Парижѣ. Русскій художественный отдѣлъ: Въ приемной доктора. Картина М. Маковского. рис. на деревѣ И. Земцевъ, грав. Шиблеръ.

своей поэмы, мы даемъ также мѣсто и одному изъ роскошныхъ рисунковъ Густава Дора, украшающихъ вышеупомянутое изданіе этой поэмы на русскомъ языкѣ.

Картина изображаетъ Адама и Еву въ Раю; они видятъ приближеніе Ангела, который былъ посланъ съ неба для предостереженія нашихъ прародителей отъ угрожающей имъ опасности искушенія. Адамъ предчувствуетъ, что этотъ небесный посланникъ идетъ не напрасно, онъ говоритъ. Ева: „Сидѣши сюда, Ева: взгляни, тамъ на востокѣ, между деревьями, какое чудное существо приближается сюда! Какъ будто среди дня восходитъ вновь свѣтлое утро. Быть можетъ этотъ посланникъ несетъ намъ важное велѣніе съ Неба и удостоитъ быть сегодня нашимъ гостемъ“. Этотъ Ангелъ посвящаетъ Адама въ величайшія тайны. Величественный и поэтический разсказъ Ангела о сотвореніи міра, въ VII пѣснѣ, принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ поэмы.

На приготовленіе и составленіе вышеупомянутого изданія

КЪ РИСУНКАМЪ.

Парижская Всемирная Выставка.

Въ свое время мы давали нашимъ читателямъ отчеты о всѣхъ художественныхъ отдѣлахъ Парижской Всемирной Выставки и помѣщали, по мѣрѣ возможности, рисунки фасадовъ зданій, снимки съ картинъ и статуй, обращающихъ въ томъ или другомъ отношеніи на себя вниманіе цѣнителей изящнаго. Теперь намъ остается только дѣлать добавленія къ тому, что мы уже имѣли случай помѣстить. На этотъ разъ мы даемъ рисунокъ со статуи Барцели „Моисей“ и не безинтереснымъ считаемъ привести отзывы нѣкоторыхъ французскихъ критиковъ о скульптурѣ итальянцевъ. Они говорятъ, что въ скульптурѣ итальянцы положительно являются учителями, и лучшихъ практиковъ въ этомъ искусствѣ не существуетъ. Только они умѣютъ такъ обрабатывать мраморъ, придавать ему блескъ шелка, дѣлать изъ него самыя тонкія кружева, передавать въ немъ ткань одежды.

Но, по ихъ замѣчанію, итальянцы не успѣваютъ, такъ сказать, въ крупныхъ вещахъ, въ выраженіи болѣе сильныхъ движеній, болѣе глубокой мысли; и на оборотъ, то касается изящества, прелести, нѣжности въ искусствѣ, то здѣсь, въ этомъ случаѣ, они являются такими мастерами, которые восхищаютъ всѣхъ.

Число итальянскихъ картинъ и статуй на Всемирной Выставкѣ нынѣшняго года, какъ мы тоже говорили въ нашихъ статьяхъ, значительно менѣе числа картинъ и статуй, бывшихъ на Вѣнской выставкѣ 1873 г. Италия на нынѣшней выставкѣ представила всего съ 190 картинами и 180 произведениями скульптуры, тогда какъ на Вѣнской она имѣла 340 картинъ и 250 статуй. Въ картинахъ итальянскаго художественнаго отдѣла встрѣчается много сюжетовъ, взятыхъ изъ другой жизни и мало такихъ, которыя бы имѣли предметомъ жизнь родной стороны, такъ напр. тутъ имѣются восточныя сцены Пазини, парижскіе и лондонскіе виды Натиса, Паллиони и Диттони прислали портреты Жозефины, одинъ вмѣстѣ съ Наполеономъ. (Въ нашемъ журналѣ также помѣщенъ былъ рисунокъ, съ картины Диттони.) При сравненіи національныхъ художественныхъ отдѣловъ бросается въ глаза богатство Испанскаго отдѣла. Лучшими художниками въ немъ являются Фортунн, Мадраццо Рико, но первенство принадлежитъ Фортунн. Испанцы, поистинѣ, могутъ гордиться имъ, его художественными созданіями, въ которыхъ, какъ говорятъ, даже самыя недостатки возбуждаютъ изумленіе. Краски такъ и блестятъ, сила такъ и связывается во всемъ.

Отзывы о нашемъ русскомъ художественномъ отдѣлѣ продолжаютъ быть благоприятными и, на примѣр: портретъ г. Толстого работы Крамскаго находятъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ портретовъ на Выставкѣ. Многимъ нравится „Ледяной домъ“, Якоби, Максимова „Раздѣлъ имущества въ крестьянской семьѣ“ (была помѣщена у насъ въ журналѣ). Нѣкоторыя изъ картинъ въ русскомъ отдѣлѣ на выставкѣ нашли себѣ почитателей. Въ этомъ № Нивы мы прилагаемъ снимокъ съ картины В. Маковского „Въ приемной доктора“, находящейся также на Парижской Выставкѣ. Всѣ произведенія этого художника отличаются необыкновенной передачей типовъ; каждое лицо говоритъ за себя; читатели наши могутъ убѣдиться въ этомъ и по настоящему рисунку, хотя, само собой, онъ не даетъ еще полнаго представленія о красотахъ подлинника. Содержаніе картины ясно съ перваго на нее взгляда: въ приемной доктора собрались пациенты и ждутъ каждый своей очереди—пройти въ его кабинетъ. Это ожиданіе или вѣрнѣе сказать, состояніе духа каждого изъ ожидающихъ и составляло задачу художника. Не останавливаясь на второстепенныхъ фигурахъ картины (исполненныхъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ) обратимъ вниманіе на главную фигуру картины—фигуру священника. Онъ, видимо даетъ „совѣты врачеванія“ старухѣ, около него стоящей. Обѣ эти фигуры, и старуха и священникъ, полны удивительной правды и художественной красоты.

Мильтона на русскомъ языкѣ было употреблено болѣе двухъ дѣтъ. Это роскошный альбомъ, который можетъ составить украшеніе какъ самой серьезной библіотеки, такъ и самой изящной гостиной. Къ сожалѣнію мы еще довольно скупы, когда дѣло идетъ о покупкѣ дорогаго изданія. Многимъ еще у насъ ничего не стоитъ бросить двадцать пять рублей на бонбоньерку, но истратитъ такія деньги на книгу, заключающую въ себѣ высшее и благороднѣйшее проявленіе человеческого духа и совѣстныя усилія издателя и его сотрудниковъ по изданію, требующему большой траты труда и времени—рѣшатся немногіе. Поэтому у насъ такъ и рѣдки подобныя изданія. Вмѣсто бездѣлушекъ и бонбоньерокъ, хотя бы для праздничныхъ подарковъ не лучше ли было бы вспоминать по временамъ о начинающихся и у насъ появляющихся роскошныхъ изданіяхъ, которыя, удовлетворяя чувству изящнаго, даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ богатую пишу уму и сердцу.

Ш.

Объ Американцахъ на выставкѣ говорятъ, что Соединенные Штаты уже слишкомъ много работаютъ локомотивовъ, чтобы могли оказать вниманіе Аполлону Бельведерскому, еслибъ это чудо искусства пошло въ Нью-Йоркъ вмѣсто того, чтобы, такъ сказать, освѣщать собою Ватиканъ. Американцы навѣрно устроили бы тогда лотерею и продали его по частямъ. Блестящимъ образомъ заявила о себѣ на выставкѣ американская промышленность отъ самыхъ большихъ по своимъ размѣрамъ машинъ до самыхъ крохотныхъ. Здѣсь есть все, начиная отъ зубочистки или машинъ для приготовленія окороковъ и для высѣживания цыплятъ до колоссальной машины, пробурывающей тоннели въ самыхъ твердыхъ горныхъ породахъ. Заявилъ себя въ этомъ отношеніи и англійскій отдѣлъ, а англійскія земледѣльческія машины рѣшительно не имѣютъ себѣ соперниковъ. Сравнвая англійскія и американскія машины, компетентные въ этомъ дѣлѣ лица утверждаютъ, что англійскія машины прочнѣе американскихъ. Американскіе же имѣютъ только преимущество дешевизны, которая въ свою очередь прекрасное качество, позволяющее болѣе частыя замѣны. Въ англійскомъ отдѣлѣ возьмемъ для примѣра молотилку. Она принимаетъ цѣлыя снопы связанныхъ колосьевъ, сама развязываетъ ихъ, отрѣзываетъ солому отъ колосьевъ, затѣмъ молотитъ послѣдніе, отдѣляетъ зерна отъ постороннихъ веществъ. Рядомъ съ молотилкой на выставкѣ стоитъ мукомолка, и эта машина остроумнаго устройства, она въ видѣ локомотива и можетъ работать на самомъ мѣстѣ жатвы. Отшлифована соломой. Обратимъ также вниманіе въ англійскомъ машинномъ отдѣлѣ на стереотипную „Инграмъ“ Бристера. Вышняго блеску въ этой машинѣ мало, но за то это чрезвычайно солидная вещь. Качество и разнообразіе работъ этой машины Инграмъ удивительны. Предназначенная для печатанія самаго большого въ мірѣ иллюстрированнаго журнала, машина эта имѣетъ въ себѣ все необходимое на всякій случай. Достаточно поднять рычагъ и рѣиuse перестанетъ дѣйствовать безъ остановки машины. Опустите другой рычагъ, машина не только будетъ складывать, но даже вкладывать внутрь № прибивленіе. Опустите третій рычагъ, машина будетъ складывать только половину экземпляровъ; четвертый—только 2/3.

Практика показала, что кромѣ совершенства аппарата распредѣляющаго краску, необходимо, чтобы клише не было изогнуто по маленькому радиусу. Въ Инграмѣ цилиндръ для иллюстрацій вмѣщаетъ 36 страницъ только рисунковъ. Его діаметръ около метра. Цилиндръ для текста нѣсколько меньше и оба перемѣнныя. Такимъ образомъ можно ставить оба текстовые цилиндра или мѣнять ихъ по требованію.

Здѣсь встаетъ будетъ привести еще о чудесныхъ машинкахъ относящихся также къ печатному дѣлу. Машинки эти обращаютъ на себя вниманіе своимъ чрезвычайнымъ удобствомъ. Онѣ находятся въ Голландскомъ отдѣлѣ и назначеніе ихъ—складывать листовъ и брошюровка. Размѣры ихъ небольшія, и быстрота и отчетливость удивительныя. На платформу машины кладется листъ бумаги. Ножи увлекаютъ его вправо, влѣво, внизъ и т. д. Стоитъ нажать пуговку—и особая игла сшиваетъ листъ или отдѣльно, или подшиваетъ къ другимъ. Необходимо только листы класть ровно, и работа машинки превзойдетъ самаго ловкаго брошюровщика.

Взаключеніе нашей настоящей статьи сообщимъ объ обращающемъ на себя всеобщее вниманіе замѣчательномъ открытіи и, вдобавокъ нашего соотечественника,—именно объ изобрѣтеніи электрическаго свѣта Яблочкова. На фронтонѣ одного изъ павильоновъ красуется надпись „Société générale d'électricité procédés de Iablotchkoff“ и въ этомъ павильонѣ производятся ежедневные опыты. Говорятъ, что въ изобрѣтателю постоянно являются съ предложеніями, и въ настоящее время изобрѣтеніе Яблочкова нашло уже примѣненіе не только въ Парижѣ но и въ другихъ большихъ городахъ Европы: въ Лондонѣ, Брюсселѣ, Мадридѣ, являющихся изобрѣтанія даже изъ Америки. Часъ горѣнія его электрическаго фонаря обходится всего, говорятъ, копѣекъ до 30 не болѣе.

Какъ вообще бываетъ на свѣтѣ, а въ особенности у насъ русскихъ—изобрѣтеніе нашего соотечественника не вводится пока у насъ, да не только не вводится, но даже и на всемірной парижской выставкѣ это изобрѣтеніе не нашло себѣ мѣста у своихъ: г. Яблочковъ выставилъ свой свѣтъ у французовъ, а не въ русскомъ отдѣлѣ. Для иностранцевъ это отчужденіе русскаго отъ русскихъ служить предметомъ удивленія и много-различныхъ толковъ; для насъ русскихъ это—явленіе обыкновенное. Бьется русачекъ, колотится туда-сюда съ своимъ изобрѣтеніемъ—нѣтъ ему ходу; повздыхаетъ онъ, да и уйдетъ къ чужимъ. Глядишь, чужіе то оказываются разумнѣе. Другой русачекъ увидитъ такое бѣгство своего отъ своихъ, повздыхаетъ тоже съ пріятелемъ, погорюетъ, поохаетъ и заключитъ въ концѣ-концовъ свое гореванье и оханье тѣмъ, что, наливъ пріятелю десятый стаканъ чаю, со вздохомъ скажетъ:

— Кушайте, Потапъ Мироничъ: не наше дѣло!

Вотъ, это-то классическое слово: „не наше дѣло“ и тормозятъ русскую жизнь вездѣ, и въ искусствѣ, и въ промышленности, и въ торговлѣ.

Природа Финляндіи.

Пространство земли, называемое, соответственно своимъ характернымъ физическимъ и этнографическимъ признакамъ, *Финляндіей*, лежитъ между 59° 50' до 68° 25' сѣверн. широты и 19° 16' до 31° 23' восточн. долготы (предполагая отъ Гринвича). Къ сѣверу, Финляндія граничитъ съ Норвегіей, именно тамъ, гдѣ естественную границу составляетъ рѣка Тапа, впадающая въ заливъ того же имени. Къ востоку границу ея составляетъ водораздѣлъ между Сѣвернымъ океаномъ и Ботническимъ заливомъ; сѣверо-восточная граница Финляндіи—Архангельская губернія; затѣмъ восточную границу дополняетъ Олонецкая губернія, юго-восточную же Петербургская губернія, прежде называвшаяся, какъ извѣстно, Ингерманландіей; здѣсь граница захватываетъ для Финляндіи часть Ладожскаго озера; затѣмъ, южную границу Финляндіи составляетъ Финскій заливъ, западную—Ботническій. О геологическомъ происхожденіи той площади, на которой расположена Финляндія, можно составить себѣ довольно ясное представленіе. Очевидно, Финляндія составляетъ дно бывшаго здѣсь моря; постепенно поднималась она изъ этого моря въ видѣ острововъ, представлявшихъ, приблизительно, тотъ же видъ, въ какомъ представляется намъ теперешній Аландскій архипелагъ. И медленный процессъ обмелѣнія Балтійскаго моря или, что тоже, процессъ постепеннаго поднятія Балтійскаго берега, продолжается и до сихъ поръ, такъ что, несомнѣнно наступитъ нѣкогда время, когда звытися перешеекъ суши по линіи Аландскихъ острововъ, а часть Ботническаго залива, къ сѣверу отъ Або, будетъ просто составлять большое озеро, напоминающее свою формою какое-либо изъ многихъ озеръ, покрывающихъ теперь Финляндію.

Но теперь море обмываетъ Финляндію всецѣло съ двухъ сторонъ—со стороны Финскаго и Ботническаго заливовъ. Интересно, что глубина Ботническаго залива весьма разнообразна, что опять таки геологически объясняется медленно совершающимся процессомъ обмелѣнія моря и поднятія морскаго дна. Вообще же нужно замѣтить, что такъ называемая юго-восточная часть Балтійскаго моря значительно глубже, чѣмъ его сѣверо-западная часть. Извѣстно всеѣмъ мелководье нашей Кронштадтской бухты, представляющей самую восточную бухту Финскаго залива. Оба залива (и Ботническій и Финскій) до такой степени щедро снабжены островами и островками, что другою подобнаго примѣра не представляется уже во всемъ мѣрѣ. Весь берегъ Финскаго залива представляется въ высшей степени выемчатымъ и зазубреннымъ; выемки идутъ въ направленіи, параллельномъ берегу. И въ этомъ своеобразномъ очертаніи ясно представляется упорная и ожесточенная, хотя и весьма продолжительная, борьба суши съ моремъ. Суша, не смотря на жестокое сопротивленіе моря, осталась побѣдительницею и, какъ мы сказали выше, на основаніи наблюдений, нужно ждать того времени, когда шведскій берегъ соединится, посредствомъ перешейка, съ берегомъ Финляндіи. Группа Аландскихъ о-вовъ, какъ сказано выше, представляетъ первое основаніе для будущаго образованія перешейка.

Кстати объ этой группѣ острововъ. Политически она принадлежитъ къ Финляндіи, географически же—къ Швеціи. Изъ числа ихъ, доходящаго до 200, обитаемы только 80.

Всѣ большія скалы и скалистыя плаги Финляндіи доходятъ до высоты 130—200 метровъ надъ поверхностію моря. Замѣчательно, что въ Финскомъ заливѣ скалы поднимаются изъ моря крутѣе и отвѣснѣе, чѣмъ въ заливѣ Ботническомъ. И затѣмъ въ Финскомъ же заливѣ высота скалъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ сѣверу. Касательно, вообще, поднятія берега Финляндіи и обмелѣнія Балтійскаго моря (о чемъ уже упомянуто было выше) замѣчено, что теперь уже довольно далеко отстоятъ отъ морскаго берега тѣ деревушки, которыя, 100 лѣтъ тому назадъ, находились на самомъ берегу моря. Если же Финляндія и теперь представляетъ зрѣлище постояннаго *подниманія изъ моря*, то геологи весьма основательно полагаютъ, что было нѣкогда время, когда нашъ Финскій заливъ соединялся съ Бѣлымъ моремъ. Касательно же внутренняго дѣя-

тя, который обуславливаетъ собою подниманіе Финляндіи, существуютъ различныя мнѣнія. Одни (какъ, напримѣръ, ученый Фишеръ) говорятъ, что Финляндія поднялась изъ моря отъ дѣйствія подземнаго вулканическаго огня, и что всѣ озера Финляндіи представляютъ собою остатки моря, нѣкогда покрывавшаго сѣверъ Европы. Другіе, напримѣръ Д-ръ А. Бернгаузъ и профессоръ Шмикъ, думаютъ, что на поднятіе Финляндіи изъ моря вляли, въ теченіе многихъ лѣтъ, солнце и луна (своимъ притяженіемъ). Этотъ взглядъ новый и оригинальный и имѣетъ уже за себя значительное число сторонниковъ.

Изъ горъ Финляндіи на сѣверѣ представляется важнѣйшимъ отрогъ Норвежскаго горнаго хребта, спускающагося изъ Норвегіи къ юго-востоку. Этотъ отрогъ называется *Маанселькъ* и обуславливаетъ собою водораздѣлъ между Балтійскимъ и Бѣлымъ морями. И этотъ хребетъ, въ свою очередь, посылаетъ второстепенные горные отроги въ Финляндію по всеѣмъ направленіямъ. Два изъ этихъ отроговъ тянутся до сѣвернаго берега Ботническаго залива. Отдѣльные отроги горъ разграничиваютъ собою и отдѣльныя области, какъ-то: *Остерботтенъ*, *Карелию*, *Савелаксъ*, *Тавистландъ* и *Сатекунду*. Отъ этихъ-то отдѣльныхъ отроговъ расходятся, въ свою очередь, во все стороны возвышенія, увѣнчанныя дѣвственными лѣсами. Отъ этого Финляндія представляется одною изъ самыхъ живописныхъ странъ въ мѣрѣ. Путешественникъ буквально непрерывно переходитъ съ высоты на высоту, отъ озера къ озеру, отъ лѣса къ лѣсу. То, что мы называемъ равнинами, находится въ Финляндіи только на западной сторонѣ и около Або (на юго-западѣ), но чѣмъ дальше подвигаешься на сѣверъ Финляндіи, тѣмъ песчанѣе становится земля и тѣмъ болѣе встрѣчается болотъ, по за то уменьшается число озеръ. Отъ различныхъ развѣтвленій упомянутого выше горнаго хребта *Маанселькъ* зависитъ и различіе водныхъ системъ, которыя, однако, не всегда, въ строгомъ смыслѣ, раздѣлены между собою.

Всѣ берега озеръ и моря въ Финляндіи состоятъ изъ громадныхъ массъ гранита и гнейса, часто представляющихъ собою самыя причудливыя формы. Гранитныя массы и скалы часто представляютъ собою настоящій лабиринтъ. И эти гранитные берега многочисленныхъ озеръ всегда увѣнчаны великолѣпными стройными соснами и могучимъ березнякомъ. Все это отражается въ голубыхъ водахъ озеръ и представляетъ зрѣлище чарующій, романтический, меланхолическій видъ. Часто видны огромные древесные стволы, сраженные когда-то бурей... Они уже полужаросли изумруднымъ покровомъ мховъ... Новая жизнь уже давно возникла на тлѣющихъ остаткахъ этихъ стволовъ. Благодаря массѣ образующагося отъ разложанія первобытныхъ деревьевъ перегноя, въ Финляндіи и растутъ на гранитѣ дѣлае мощные лѣса, возобновляющіеся поколѣніе за поколѣніемъ. Къ особенно восхитительнымъ, по живописности, пейзажамъ Финляндіи принадлежатъ мѣстности *Камасаи*, *Нотторге* (при Куоіо) и *Аваакса*.

Рѣкъ въ Финляндіи много, но почти всеѣ опѣ не судоходны, потому что часто образуютъ водопады и, еще чаще, опасные водо-вороты, обуславливаемые стѣсненнымъ скалами. Между многочисленными водопадами—знаменитый въ Финляндіи—*Имтара*. (Въ „Нивѣ“ было подробное описаніе этого водопада въ 1877 г. см. № 30 стр. 478) Сами финляндцы называютъ этотъ водопадъ однимъ изъ чудесъ свѣта. Громъ и ревъ этого рвущагося великана съ какимъ-то торжественнымъ величіемъ раздается въ пустынной окрестности. Такой же меланхолическій величавый характеръ имѣютъ и другіе финляндскіе водопады, хотя въ гораздо меньшей степени. Въ теченіе лѣта, особенно въ настоящее время, когда въ Финляндію проведена желѣзная дорога, приморскіе пункты Финляндіи представляются весьма оживленными. Пароходы то и дѣло снуютъ отъ гавани къ гавани. Хорошихъ гаваней природа дала Финляндіи значительное число, и собственно расходы на фрахтъ, при перевозѣ товаровъ изъ гавани въ гавань, представляются гораздо болѣе дешевыми, чѣмъ провозъ тѣхъ же товаровъ по желѣзной дорогѣ. Отъ этого-то перевозка товаровъ въ Финляндіи и совершается болѣею частью моремъ. Но зимою внутреннія части морскихъ бухтъ замерзаютъ,—и это оттого, что содержаніе соли въ Балтійскомъ морѣ весьма незначительно. Сѣверная часть Ботническаго залива замерзаетъ зимою даже до такой степени, что по льду можно перевозить огромнѣйшія тяжести. Собственно же ледъ нашего Финскаго залива можетъ дозволить сообщеніе зимою на саняхъ.

Рисунокъ, по поводу котораго мы сообщили все вышенезложенное, изображаетъ видъ берега Финляндіи близъ Выборга. Улыбая валушка, покосившись, прикуруившая на прибрежныхъ валунахъ залива, придаетъ этому виду много грустнаго оттѣнка.

Стр.

Похороны Патріарха Іоанна II.

Помѣщаемый въ этомъ № „Нивы“ рисунокъ изображаетъ поклоненіе тѣлу константинопольскаго патріарха Іоанна II, умершаго 6-го (18-го) августа текущаго года. Онъ скончался на 87 году жизни. Этотъ патріархъ былъ единственнымъ послѣ Германа I, умершимъ на патріаршемъ тронѣ. Патріархи константинопольскіе по большей части оканчивали дни своей жизни въ изгнаніи. И въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно пред-

ставить что либо болѣе противоположное одно другому, какъ служеніе патріарха дѣлу своей религіи и сохраненіе добрыхъ отношеній къ султану, во всякомъ случаѣ—врагу христіанства. Іоакиму II тѣмъ болѣе выпала трудная задача, что въ послѣдніе годы его жизни христіане вели продолжительную войну съ магометанами. Начиная съ герцеговинскаго возстанія и кончая русско-турецкой войной, во все это время умершій патріархъ, можно сказать, не зналъ покоя, находясь постоянно между двумя огнями. Однакожь, нужно замѣтить, что покойный патріархъ умѣлъ какъ-то удержаться на своемъ мѣстѣ и не только не потерпѣлъ изгнанія, но даже оставался все время въ добрыхъ отношеніяхъ къ султану. Не такова была участь его соименника Іоакима I, константинопольскаго патріарха. Этотъ патріархъ (управлявшій Константинопольскою церковью въ XVI столѣтіи) много перенесъ преслѣдованій отъ Султана Баязета и кончилъ дни свои въ заточеніи...

Смерть застигла патріарха Іоакима II во время пребыванія его на островѣ Халки, и такъ какъ погребеніе патріарха, согласно существующимъ на этотъ предметъ порядкамъ, должно ступить быть исполненнымъ въ Константинополѣ, то турецкое правительство и распорядилось отправить къ острову Халки корабль, чтобы перевести смертные останки его святѣйшества въ Константинополь. Тѣло покойнаго патріарха, предварительно набальзамированное и одѣтое въ полное священное облаченіе, было посажено на тронъ (имѣющій византійскую эмблему орла съ двумя главами) и въ такомъ видѣ перенесено на корабль, который долженъ былъ перевести его въ Фанаръ—(предмѣстѣе Константинополя на оконечности гавани, мѣстожителство Грековъ Фанариотовъ).

По прибытіи на мѣсто погребальной процессіи, ее встрѣтило съ подобающими церемоніями греческое духовенство, и тѣло усопшаго перенесено имъ въ церковь въ Фанарѣ, гдѣ уже было заранѣе все приготовлено къ его принятію. Въ этомъ храмѣ тѣло оставалось открытымъ въ продолженіи цѣлаго дня и ночи для желающихъ поклониться усопшему Патріарху.

Вся обстановка церкви, драпированной чернымъ, обаянута въ долѣ стѣнъ, самый трупъ, сидящій на тронѣ и окруженный свѣчами и значительнымъ числомъ духовенства, начиная съ епископовъ и архимандритовъ и кончая иподіаконами—все представляло необыкновенное потрясающее зрѣлище и привлекло массы народа.

Въ этотъ день всѣ деревни Босфора, греческіе кварталы столицы опустѣли, и прямыя улицы Фанара были такъ наполнены народомъ, что прекращалось движеніе. Говорятъ, что любознательныхъ собралось до 100 тыс. Здѣсь же присутствовали и русскій посолъ и члены посольства и Министръ Греціи со всѣмъ персоналомъ консульства, министръ резидентъ Америки и высоко поставленные сановники Блистательной порты.

Но церемонія въ церкви Фанара и отданіе подобающихъ почестей праху умершаго патріарха не были послѣдними, и тѣло патріарха, все на томъ же тронѣ, съ тою же торжественной церемоніей и среди отряда войскъ, было перенесено въ другую церковь, а именно въ Дайа Капу (святые ворота). За тѣмъ оно было перенесено въ церковь Св. Константина, а изъ церкви Св. Константина—въ церковь Богородицы, гдѣ уже тѣло въ послѣдній разъ было выставлено для поклоненія, передъ окончательнымъ погребеніемъ его.

Z.

МАШИ СОСЪДИ ВЪ МИРОВОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ.

I.

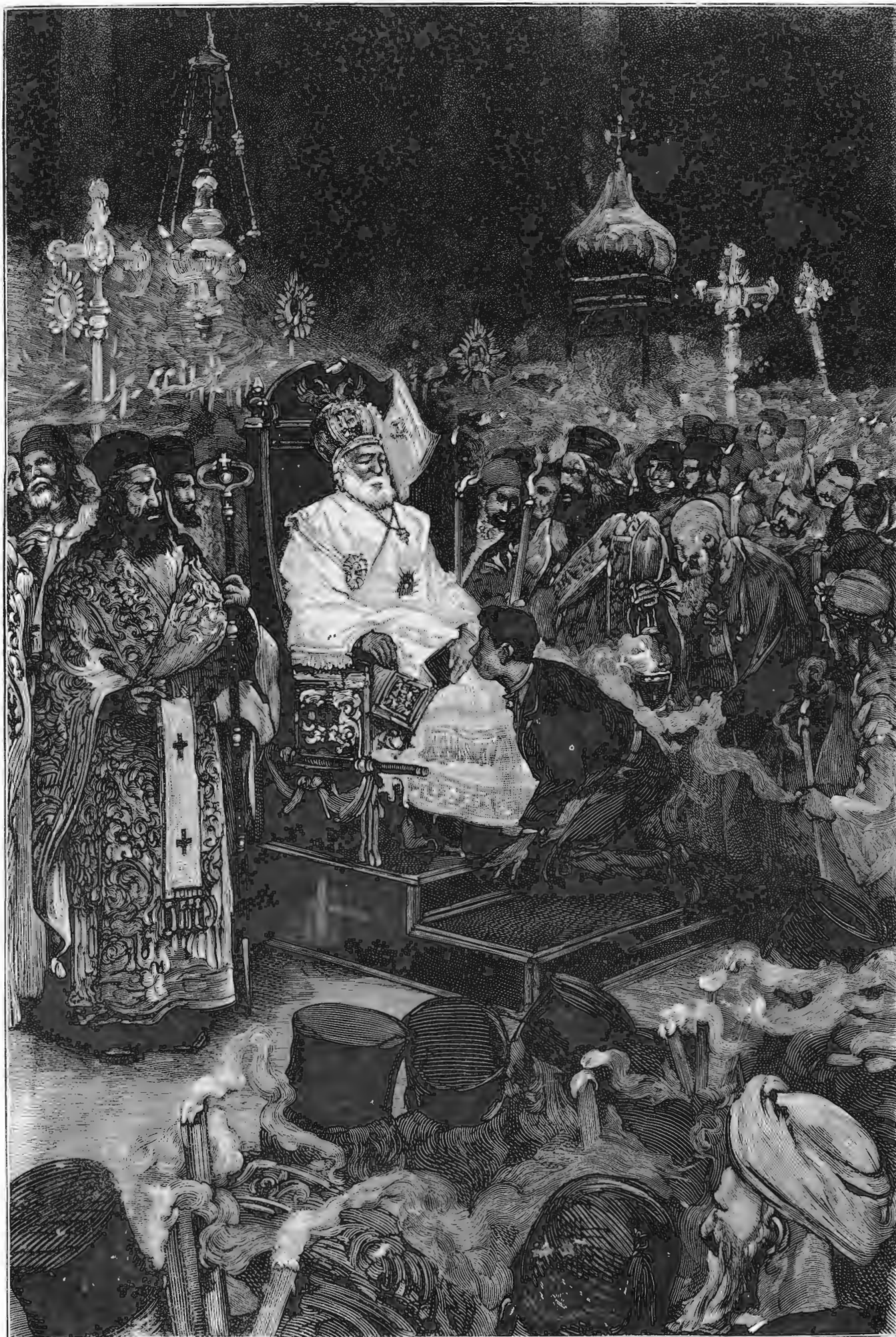
Понимаетъ блестящія на нашемъ небесномъ сводѣ звѣзды считались лампадами, разсѣивающими темноту ночей, никому, конечно, и въ голову не могъ придти вопросъ: обитаемы или нѣтъ эти небесныя тѣла? Живутъ ли на нихъ подобные намъ люди или животныя? Но съ тѣхъ поръ, какъ распространились болѣе правильныя воззрѣнія на сущность и свойства звѣзднаго міра—съ тѣхъ поръ узнали, что мерцающія точки, расположенныя, во множествѣ, на фирмаментѣ или сводѣ небесномъ, сами представляютъ собою колоссальныя, расположенныя въ мировомъ пространствѣ тѣла. Число этихъ тѣлъ, а равно и ихъ величина, громадны. И вотъ почему астрономы и поэты, наперерывъ одинъ предъ другимъ, дали волю своимъ догадкамъ и, часто, фантазіямъ, чтобы опредѣлить физическія качества этихъ отдаленныхъ мировъ, а главнымъ образомъ рѣшить вопросъ: обитаютъ ли въ этихъ мірахъ подобные намъ жители? Къ сожалѣнію, нужно признаться, что въ теченіе цѣлыхъ столѣтій соображенія и мнѣнія объ этомъ предметѣ астрономовъ, въ существенномъ, едва ли чѣмъ отличались отъ фантазій поэтовъ. На сторонѣ послѣднихъ сохранялось, однако, то преимущество, что ихъ мечтанія не были такъ уродливы и лишены вкуса, какъ мечтанія астрономовъ. Да и въ самое еще недавнее время положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи было немногимъ счастливѣе. До недавняго еще времени астрономы могли съ полнымъ правомъ похвалиться точнымъ знаніемъ пространственныхъ отношеній небесныхъ свѣтилъ и взаимныхъ отношеній величины этихъ свѣтилъ. Но въ вопросѣ о физическихъ свойствахъ этихъ свѣтилъ астрономы блуждали еще въ совершенныхъ потемкахъ. Въ такомъ положеніи было дѣло 10-ть лѣтъ тому назадъ, и только въ послѣднее десятилѣтіе спектральный анализъ внесъ нѣкоторый свѣтъ въ непроглядно-темную область. Мы, правда, и въ настоящее время все таки не можемъ отвѣчать на вопросъ: обитаемы ли жителями такое-то и такое-то свѣтило; но мы все-таки съ нѣкоторою вѣроятностью, можемъ утверждать о нѣкоторыхъ звѣздахъ, что онѣ обладаютъ подходящими условиями для обитаемости на нихъ живыхъ существъ. При этомъ мы должны исключить изъ круга нашего разсужденія всѣ неподвижныя или самосвѣтящіяся небесныя тѣла; ибо эти тѣла находятся въ раскаленномъ газообразномъ состояніи, и слѣдовательно, по нашему понятію, безусловно не могутъ быть обитаемыми. О темныхъ же неподвижныхъ звѣздахъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній и, слѣдовательно, при нашемъ разсужденіи, точно также можемъ не брать ихъ въ расчетъ. Это именно нужно сказать о безчисленныхъ группахъ планетъ 20-ти милліоновъ солнцъ нашего кольцеобразнаго млечнаго пути. Ясно, по этому, что изслѣдованіе „обитаемости“ звѣздныхъ мировъ должно быть тѣсно ограничено. Въ дѣйствительности, это изслѣдованіе можетъ относиться только къ спутникамъ и под-спутникамъ нашей солнечной системы, къ планетамъ и лунамъ, ихъ сопровождающимъ.

Но прежде нежели мы войдемъ ближе къ деталямъ физическихъ качествъ отдѣльныхъ звѣздъ, представляется умѣстнымъ и полезнымъ бросить предварительный общій взглядъ на исторію происхожденія небесныхъ тѣлъ, каковою эта исторія представляется въ теоріяхъ нѣмецкаго философа Канта и французскаго астронома Лапласа.

По теоріямъ Канта и Лапласа, назадъ тому безчисленные милліоны тысячелѣтій, солнце представляло собою колоссальную шарообразную массу, состоящую изъ паровъ. Объемъ этого колоссальнаго шара далеко превосходитъ объемъ теперешняго пути Нептуна съ его поперечникомъ въ 1,200 милліоновъ миль. Этотъ громаднѣйшій шаръ вращался вокругъ своей собственной оси и находился, въ то же время, уже въ силу притяженія своихъ собственныхъ, составляющихъ его, молекулъ (или частицъ) въ состояніи постоянно увеличивающагося сгущенія и раскаленія. Вращеніе около оси имѣло послѣдствіемъ сплюсненіе шара и образованіе исполинскаго сфероида, и затѣмъ, чѣмъ дальше шло сгущеніе паровъ шара, тѣмъ быстрѣе дѣлалось вращеніе и тѣмъ являлось большее сплюсненіе шара, вызванное центробѣжною силою. Наконецъ, сплюсненіе достигло такой высокой степени, что отъ самаго крайняго предѣла периферіи *) вращающагося сфероида, отдѣлилось кольцо, удержавшееся, однако, при вращеніи сфероида около оси; но затѣмъ разстояніе кольца отъ вращающейся массы (отъ которой оно отдѣлилось) дѣлалось все болѣе и болѣе большимъ, вслѣдствіе того, что сфероидъ все болѣе и болѣе сжимался, и, наконецъ, вслѣдствіе какого либо внѣшняго потрясенія, кольцо разорвалось и затѣмъ скрутилось, образовавъ свой самостоятельный сфероидъ, и этотъ сфероидъ началъ вращеніе около центральнаго большаго сфероида (отъ котораго онъ отдѣлился). Но потомъ, по истеченіи цѣлаго ряда милліардовъ годовъ, новое кольцо отдѣлилось отъ главнаго шара или сфероида; когда разорвалось это кольцо—образовалась новая планета, и подобный же процессъ продолжался далѣе, пока, наконецъ, масса солнечнаго тѣла не приобрѣла настолько твердую консистенцію (составъ), что образованія новыхъ колецъ и новыхъ планетъ сдѣлалось уже невозможнымъ. Но тотъ же самый процессъ, хотя, конечно, въ меньшемъ масштабѣ, совершался и съ самими планетами, въ видѣ колецъ отдѣлившимися отъ общей массы—солнца. Эти отдѣлившіяся отъ солнца сфероиды, безспорно, имѣли сначала объемъ въ милліонъ и десятки милліоновъ разъ болѣе, чѣмъ теперь. Этотъ объемъ уменьшился именно вслѣдствіе постояннаго сгущенія и отъ планетъ отдѣлялись кольца, образовавшія потомъ планетныхъ спутниковъ или луны. Сатурнъ представляетъ намъ собою планету, которая еще продолжаетъ существовать въ періодѣ образованія кольца. Кольцо на Сатурнѣ, уже давно отдѣлившееся, вслѣдствіе центробѣжной силы, представляется плоскимъ. Разрывъ же его замедляется какою либо внѣшнею причиною. Около Сатурна вращаются 8 луны, которыя произошли отъ прежде разорвавшихся колецъ этой планеты. Луны эти вращаются вокругъ ея съ ужасающею быстротою...

Мы должны здѣсь мимоходомъ замѣтить, что сейчасъ приведенная нами *Канто-Лапласовская* теорія происхожденія планетъ не составляетъ плодъ лишь одной ученой догадки, соображеній по аналогіи или такъ называемаго спекулятивнаго философскаго мышленія. Нѣтъ. Существуетъ даже опытъ, которымъ наглядно можно показать образованіе цѣлаго міра планетъ изъ отдѣляющихся отъ центральнаго сфероида колецъ; можно доказать даже, что и сфероидъ-то образуется изъ шаро-

* Или просто окружности.

Поклоненіє тѣлу умершаго Патріарха Константинопольскаго Іоанна II, выставленному на тронѣ въ патриаршей церкви въ Константинополь. По наброску Монтореоно, рис. Вержъ, грав. Рашевскій.

образнаго тѣла именно вслѣдствіе вращенія. Опытъ для этого весьма простой. Берутъ въ стеклянномъ сосудѣ, напримѣръ, хотя бы въ стаканѣ, смѣсь *виннаго спирта и воды* и наливають въ эту смѣсь *масла*. Последнее сейчасъ же свертывается въ шарикъ. Теперь, если, со всею осторожностью, проткнуть масляный шарикъ тоненькою проволокой, которая, въ данномъ случаѣ, образуетъ ось вращенія, и затѣмъ если вращать масляный шарикъ около этой оси (сначала медленно, а потомъ быстро), то можно увидѣть всѣ фазы интересующихъ насъ явленій: сплюсненіе маслянаго шарика въ сфероидъ и отдѣленіе отъ него колець, такъ что въ какомъ нибудь стаканѣ съ водою какъ будто происходитъ цѣлая исторія образованія планеты, въ миниатюрѣ. Конечно, подобный опытъ еще далеко не доказываетъ, что наша планетная система непременно создавалась именно такимъ образомъ; но ояъ несомнѣнно доказываетъ, что система планетъ могла создаваться такимъ или же подобнымъ путемъ. Вообще надо сказать, что Канто-Лапласовская теорія стоитъ въ полной гармоніи со всѣми извѣстными намъ космическими явленіями, и потому она удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ хорошей и достойной признанія гипотезы (или ученой догадки).

По смыслу сейчасъ описанной теоріи или гипотезы Канта и Лапласа, планеты должны быть настолько *старше*, насколько *ближе* онѣ отдалены отъ солнца. Далѣе, вслѣдствіе этой же гипотезы, нужно принять, что старѣйшія планеты имѣютъ *меньшую быстроту* вращенія около солнца, чѣмъ планеты *младшія*. И этой гипотезѣ вполне соответствуютъ дѣйствительно наблюдаемая взаимныя отношенія планетъ. Дѣйствительно, быстрота вращенія планетъ постоянно уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ ближнихъ къ крайнимъ предѣламъ солнечной системы, и тогда какъ самая крайняя изъ извѣстныхъ намъ планетъ солнечной системы, „Нептунъ“, не пробѣгаетъ въ 1 секунду даже трехъ четвертей миля, самая младшая изъ планетъ, „Меркурій“ пробѣгаетъ, приблизительно, $6\frac{3}{4}$ миль въ каждую секунду, во время своего вращенія около солнца. Если принимать въ расчетъ массу и плотность, то планеты можно раздѣлить на *два семейства* или двѣ группы, строго отличныя другъ отъ друга. Въ *первое* семейство, или группу, войдутъ 4 крайнія отдаленныя планеты: *Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ*; во *второе* семейство войдутъ 4 ближайшія, или внутреннія относительно положенія въ солнечной системѣ, планеты: *Меркурій, Венера, Земля и Марсъ*. Къ *первому* семейству принадлежатъ огромнѣйшія планетныя массы, но съ *относительно малымъ* удѣльнымъ вѣсомъ; ко *второму* семейству наоборотъ, принадлежатъ относительно *малыя* планетныя массы, но съ *большимъ* удѣльнымъ вѣсомъ. Самая малая изъ отдаленнѣйшихъ (1-го семейства) планетъ, все-таки, относительно своей массивности, въ 88 разъ больше, чѣмъ наибольшая изъ ближайшихъ къ солнцу, или внутреннихъ планетъ (2-го семейства). Но на оборотъ, по удѣльному вѣсу, даже самая легкая изъ внутреннихъ планетъ, именно *Марсъ*, все-таки представляется сравнительно *втрое* болѣе тяжелою, чѣмъ самая тяжелая изъ внѣшнихъ, отдаленныхъ отъ солнца, планетъ (1-го семейства). Такое взаимное отношеніе планетъ въ высшей степени замѣчательно. Нужно принять, что между періодомъ выдѣленія изъ солнечнаго пара планеты *Юпитеръ* до образованія планеты *Марсъ*, былъ періодъ важнаго превращенія, какое потерпѣло само солнце, и это превращеніе своею интенсивностью и громадно-величественнымъ характеромъ превзо-

шло все, что происходило раньше и позднеѣ, съ нашимъ дневнымъ свѣтломъ. Во всякомъ случаѣ, скачокъ отъ спондилически-громадной планеты „*Юпитеръ*“, къ болѣе чѣмъ въ 5,000 разъ меньшей планетѣ „*Марсъ*“ слишкомъ уже великъ, и радикальная разниа, выступающая съ тѣхъ поръ во всей природѣ вновь являющихся планетъ (сравнительно съ прежними) слишкомъ уже поразительна; такъ что должна существовать особая причина этой важной перемены. Вѣроятно во время, раздѣляющее возникновеніе того и другого семейства планетъ, произошелъ какой-либо громадно-величавый переворотъ, составляющій эпоху перехода отъ творчества старыхъ планетъ къ творчеству новыхъ. Еще яснѣе, чѣмъ всѣ другія явленія, доказываютъ основательность этой догадки такъ называемыя *астероиды*, или тѣ маленькія небесныя тѣла, которыя, въ началѣ текущаго вѣка, еще были совершенно неизвѣстны ученому міру, но которыхъ въ настоящее время уже открыто до 182! Но вѣроятно число астероидовъ составляетъ легионъ, и онѣ сосредоточены въ небесномъ поясѣ между *Марсомъ* и *Юпитеромъ*, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ при нормальномъ развитіи (т. е. путемъ образованія, отдѣленія и разрыва кольца) должна была бы произойти планета. Чтобы удобнѣе понять это, нужно замѣтить, что относительно разстояній между отдаленными планетами существуютъ извѣстные постоянные законы, такъ что *разстоянія планетъ отъ солнца, измѣряющіяся, примѣрно, милями, суть члены геометрической прогрессіи*. Но эта прогрессія представляетъ пробѣлъ между *Марсомъ* и *Юпитеромъ*. Здѣсь недостаетъ *одного* члена прогрессіи, бывшей до сихъ поръ правильной, и этотъ пробѣлъ столь поразителенъ и столь бросается въ глаза, что *еще за домо до открытія первой астероиды*, множество астрономовъ пустились на ревностные поиски планеты, которая *должна* находиться между *Марсомъ* и *Юпитеромъ*. Однако въ пространствѣ между этими планетами не нашли *большой* планеты, а нашли безчисленное множество *малыхъ*. Очевидно, что эти маленькія планеты составляютъ межзвѣзныя столбы, или грани, которыя поставила здѣсь творческая сила солнца, переходя отъ образованія отдаленнѣйшей группы планетъ къ образованію группы ближайшей.

Если взять въ совокупности результаты, добытыя наблюдениемъ исторіи развитія планетъ, то касательно интересующаго многихъ вопроса объ ихъ *населенности*, прежде всего являющагося слѣдующія общія заключенія. И 4 старѣйшія вращающіяся свѣтила или планеты (1-го семейства) и 4 свѣтила младшія и меньшія, одинаково могутъ находиться и въ настоящее время въ состояніи обитаемости, т. е. годности къ обитанію ихъ живыми существами. Правда, отдаленныя планеты имѣли гораздо болѣе длинный періодъ времени для своего охлажденія; но самая величина ихъ объема и ихъ массивность должны были содѣлывать тому, что эти отдаленнѣйшія планеты не могли застыть въ болѣе высокой степени, чѣмъ планеты болѣе молодыя и ближайшія къ солнцу. Задача только состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать, до какой степени, при подобныхъ условіяхъ,—и принимая съ другой стороны, въ расчетъ качества этихъ небесныхъ тѣлъ, сдѣланныя извѣстными въ новѣйшее время—до какой степени на каждой изъ этихъ планетъ сформированы условія существованія животныхъ міра или вообще органическихъ существъ.

(Продолженіе будетъ).

Политическія и внутреннія извѣстія.

Самымъ выдающимся событіемъ въ политическомъ мірѣ за послѣдніе дни былъ несомнѣнно отказъ турецкаго правительства заключить конвенцію съ Австро-Венгріей. Вслѣдствіе этого отказа отношенія между Турціей и Австро-Венгріей принимаютъ въ высшей степени натянутый характеръ. Порты намѣрена вторымъ циркуляромъ къ великимъ державамъ предложить отнѣну постановленія берлинскаго трактата касательно занятія австрійцами Новобазарскаго округа. Она находитъ, что появленіе тамъ австрійцевъ опасно въ виду сильнаго возбужденія жителей, и предлагаетъ гарантировать безопасность проживающихъ въ этомъ округѣ христіанъ. Въ тоже время она отправляетъ въ Салоникъ войска, которыя, по слухамъ, должны поступить подъ начальство Османа-пашы и сосредоточиться въ Косовѣ. Передвиженіе турецкихъ войскъ въ Салоники показываетъ, что въ Константинополѣ не ожидаютъ согласія Европы на отнѣну постановленія о занятіи австрійцами Новобазарскаго округа.—И въ направленіи Греціи политическій горизонтъ тоже становится мрачнымъ. Въ турецкихъ и греческихъ кружкахъ, въ Константинополѣ, приобрѣтаетъ почву убѣжденіе, что война между Греціей и Турціей неизбежна. Порты рѣшилась не дѣлать никакихъ уступокъ, развѣ только при сильномъ иностранномъ давленіи, но она убѣждена, что ни одна держава не окажетъ этого давленія. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что этотъ вопросъ на практикѣ будетъ разрѣшенъ какимъ нибудь движениемъ со стороны грековъ, которые наконецъ становятся очень нетерпѣливыми. Такимъ образомъ оказывается, что теперь, какъ два года назадъ, всѣмъ государствамъ, заинтересованнымъ въ рѣшеніи восточнаго вопроса, приходится быть го-

товыми ко всякимъ случайностямъ. Русскій посолъ при константинопольскомъ дворѣ имѣлъ у султана аудіенцію и потребовалъ отъ него принятія достаточныхъ мѣръ для охраненія христіанъ отъ мусульманскаго фанатизма въ областяхъ, оцененныхъ русскими войсками. Въ извѣстнѣйшемъ этомъ нѣтъ, конечно, ничего неожиданнаго. Каждый день получаются извѣстія, доказывающія безсиліе Порты въ установленіи какого нибудь порядка. Свѣдѣнія, получаемыя изъ Румелии, тоже не представляютъ ничего удивительнаго. Болгары южныхъ склоновъ Балканъ, по слухамъ, намѣреваются не только протестовать противъ отдѣленія ихъ отъ сѣверной Болгаріи, но даже, въ случаѣ надобности, рѣшаются съ оружіемъ въ рукахъ противиться этому отдѣленію. Они испытали новые порядки, помнятъ старые, а потому и не намѣрены возвращаться къ безправію. Такъ разрушаются постановленія берлинскаго договора.

Исполненіе этого же договора, именно, по присоединенію Босніи и Герцеговины къ Австріи, привело эту страну въ такое ужасное состояніе, въ какомъ она теперь оказывается. Въ Австро-Венгрію въ настоящее время, говоря строго, нѣтъ установленнаго правительства, потому что министерства, вѣнское и венгерское, подали въ отставку, которая и принята императоромъ. Общеперское министерство также находится въ крайне шаткомъ положеніи и лишилось почвы подъ собою.

Чѣмъ объяснить всѣ тѣ невѣроятныя внутреннія и внѣшнія замѣшательства, въ которыя вдругъ ввергнута Австро-Венгрія? Отвѣтъ простой: во всемъ этомъ виновата австрійская оккупация Босніи и Герцеговины. Вѣнское правительство поставлено, въ настоящее время, въ такое положеніе, что даже Тур-

ція считаетъ себя вправѣ относиться къ нему свысока, не ображая никакого вниманія ни на мобилизованную австрійскую армію, ни на дипломатическія угрозы. Такой образъ дѣйствій Порты ставитъ въ наиболѣе затруднительное положеніе, послѣ Австро-Венгріи, Англію.

Британскому правительству очень хотѣлось бы уговорить Турцію неупрямиться, но оно чувствуетъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ вліяніе его на Порту слишкомъ слабо для достиженія подобной цѣли. Султанъ столь же мало расположенъ въ настоящую минуту слушаться совѣтовъ англійскаго посла Лейярда, какъ и исполнить требованіе графа Зичи. Сознаніе этого факта придаетъ очень любопытный и поучительный характеръ тону, которымъ англійская печать пробуетъ внушить Портѣ мысль о невыгодности ссоры съ Австро-Венгріей. Въ своемъ стараніи доказать это, преданная правительству лондонская печать, очевидно, теряетъ и голову и почву подъ ногами. Она не заботится даже о соблюденіи самыхъ элементарныхъ приличій и сбрасываетъ маску, которою кое-какъ прикрывалась до сихъ поръ. Она громко объявляетъ, что Австріи вполнѣ позволительны и жестокости, и превышеніе полномочій. Все это служитъ лучшимъ доказательствомъ отсутствія всякаго моральнаго права у Англіи стоять на стражѣ неприкосновенности договора, при помощи котораго надѣялась она вырвать изъ рукъ Россіи плоды побѣды русскихъ войскъ.

Судя по отзывамъ англійской печати, происходившее на дняхъ совѣщаніе англійскихъ министровъ объ афганскихъ дѣлахъ, не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Все ограничилось одобреніемъ образа дѣйствій индійскаго вице-короля, когда обнаружилось, что послѣдній дѣйствовалъ согласно полученнымъ имъ инструкціямъ. Что касается военныхъ дѣйствій, то рѣшено, будто бы, ограничиться до весны военною демонстраціей на афганской границѣ въ надеждѣ, что этого будетъ достаточно для того, чтобы возмутить противъ эмира его подданныхъ и вызвать низверженіе его съ престола. Немедленные же военные дѣйствія начнутся лишь въ томъ случаѣ, если афганскія войска нападутъ первыя на англичанъ, что весьма легко можетъ случиться въ Кветтѣ, гдѣ стоятъ гарнизонами всего два англійскихъ батальона безъ всякихъ средствъ къ защитѣ; поддержанія же къ нимъ могутъ прийти только чрезъ три недѣли, тогда какъ войска эмира могутъ явиться туда въ какіе-нибудь пять, шесть дней. При такихъ условіяхъ никакъ нельзя ручаться, что столкновение не произойдетъ раньше, чѣмъ это предвидится и чѣмъ этого желаетъ британское правительство.

Пренія, происходившія теперь въ германскомъ парламентѣ, представляютъ большой интересъ не для одной Германіи. Всѣ континентальныя европейскія правительства обдумываютъ мѣры для борьбы съ социалистическою пропагандою. Германскія парламентскія пренія доставятъ богатый запасъ матеріаловъ и данныхъ для соображеній другимъ правительствамъ. Помимо этого, пренія германскаго парламента имѣютъ и политическій интересъ. Въ нихъ очень рѣзко изображается внутреннее политическое положеніе Германіи, которое, какъ это выразилось въ преніяхъ 9-го октября, въ высшей степени печально. Представители высшаго общественаго класса заявили такую непримиримую между собою вражду, такое озлобленное недобровольство, что, имѣя въ виду крайнее разъединеніе въ высшей интеллигентной сферѣ, нельзя не ожидать продолженія революціонной агитаціи въ низшихъ общественныхъ слояхъ. Изъ рѣчи, сказанной въ парламентѣ княземъ Бисмаркомъ, видно, что онъ и самъ чувствуетъ, что политическая жизнь въ стра-

нѣ нездорова; въ концѣ своей рѣчи онъ умолялъ всѣ умѣренные партіи соединиться около правительства, чтобы поддержать его въ настоящую критическую минуту. Въ этомъ воззваніи къ умѣреннымъ партіямъ князь Бисмаркъ говорилъ такимъ жалобнымъ, почти смиреннымъ тономъ, какого отъ него никогда не слыхали.

Страсть къ быстрой наживѣ, какъ извѣстно, властвуетъ надъ современнымъ обществомъ и лица, стояція возлѣ денегъ ни какъ не могутъ воздержаться, чтобы не залустить руки въ чужой сундукъ. Въ послѣднихъ числахъ прошедшаго сентября въ Одесскомъ Коммерческомъ банкѣ обнаружена растрата 65000 руб. кассиромъ Эдуардомъ Шейнсомъ, который, кромѣ того, присвоилъ себѣ на 90000 руб. фондовъ. Г. Шейнсъ уже не первый изъ расхищателей чужой собственности: за послѣдніе два года ихъ можно считать уже десятками; но онъ вѣроятно и не послѣдній, и для того, чтобы подобныя преступленія не существовали, недостаточно одной закономъ утвержденной кары, нужно, чтобы въ самомъ обществѣ возрасло истинное понятіе о чести и глубокое презрѣніе къ идеаламъ быстрой наживы. А эти идеалы въ наше время въ большомъ ходу. Такъ, въ Кіевѣ въ послѣднее время все увеличивается число банкротствъ, которыя парализируютъ въ свою очередь торговую дѣятельность города. Причину несостоятельности пѣкаторы видятъ въ общемъ финансовомъ кризисѣ; другіе относятъ ее тому обстоятельству, что наши общественныя банки перестали такъ щедро, какъ прежде, выдавать въ ссуду свои капиталы.

Наконецъ, будущіе въ Сибирь могутъ уже отъ Перми до Екатеринбургa отправляться по желѣзной дорогѣ, такъ какъ съ 1 Октября открылось правильное пассажирское и товарное движеніе по этой дорогѣ.

Чрезъ Неву въ Петербургѣ предполагается построить еще постоянный мостъ, кромѣ Николаевского и Литейнаго. Новый мостъ долженъ замѣнить нынѣшній дворцовый. Согласно проекту, мостъ будетъ состоять изъ двухъ участковъ, первый чрезъ Больш. Неву между зимнимъ дворцомъ и биржею, а второй чрезъ Малую Неву, между биржею и Петербургской стороной. Говорятъ, что постройка моста и также набережной на Петербургской сторонѣ отдана англійскому обществу.

Для пособія нуждающимся солдатамъ, пострадавшимъ въ послѣднюю войну, въ настоящее время открыта контора, въ которую они могутъ обращаться съ предложеніемъ услугъ. Число явившихся уже очень значительно. Они могутъ занимать должности курьеровъ, церковныхъ сторожей, кондукторовъ, швейцаровъ, приказчиковъ въ домовыхъ конторахъ и т. п.

На сооруженіе Инвалиднаго дома въ Петербургѣ, о которомъ мы уже въ свое время сообщали, внесено по 28 Сентября всего 130,110 руб. 61 коп.

Въ будущемъ году въ Петербургѣ соберется конгрессъ для обсужденія средствъ къ установленію единой системы мѣры и вѣсовъ. Конгрессомъ будетъ обсуждаться вопросъ и объ одинаковомъ временичисленіи.

Въ настоящее время проектируется введеніе въ Россію табачной монополіи. Проектъ этотъ врядъ ли можетъ быть названъ счастливою мыслию, такъ какъ всякая монополія есть явленіе неестественное, насильственное и всегда сопровождается печальными результатами. Россія испытала это уже на винныхъ откупахъ.

С.-Петербургскій городской голова Н. И. Погребовъ заявилъ городской думѣ рѣшительное намѣреніе оставить свою должность, въ которой онъ прослужилъ 18 лѣтъ.

С М Ъ С Ъ.

Населеніе въ Остѣ Индіи. Въ Остѣ Индіи подъ непосредственною властію англичанъ, исключая вассальнаго государства, находится 140,500,000 поклонниковъ Брамъ, около 3 мил. буддистовъ, 41 м. мусульманъ, 896,658 христіанъ, болѣе 5 мил. неизвѣстнаго вѣроисповѣданія и до 500 т. человекъ, не принадлежащихъ ни къ какой религіи. Изъ этого видно, что на населеніе въ 190,500,000 жит. приходится всего лишь 896,658 христіанъ, да и то около трети ихъ европейцевъ, такъ что туземцевъ, принявшихъ христіанство насчитывается не болѣе 595,805 человекъ.

Приводимъ интересныя сравнительныя данныя о народномъ образованіи въ Россіи и Японіи. Болѣе чѣмъ при 85 мил. населенія Россія имѣетъ около 24 т. народныхъ школъ съ неполнымъ милліономъ учащихся, въ Японіи-же при 33½ мил. населенія имѣется 30 т. школъ съ 2 мил. учащихся. Что касается средствъ, которыя тратятся на народное образованіе, то, по отчету мин. нар. просв., изъ бюджета министерства идетъ 2.113.686 р., что вмѣстѣ съ земскими и другими расходами на этотъ предметъ составляетъ 5.905.803 руб. Между тѣмъ даже Италия издерживаетъ почти вдвое противъ Россіи, Швеція почти въ 4½ раза; Данія въ 19 разъ. Цифры краснорѣчивыя, доказывающія фактами, какъ наше учебное вѣдомство не особенно снѣшитъ въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія. Но что и земства, съ своей стороны, также не относятся очень сочувственно къ школьному дѣлу, можетъ служить под-

тверженіемъ фактъ, что земства 32 губ. изъ 34, гдѣ введены земскія учрежденія, сумѣли привратить нужды народнаго образованія, на которыя онѣ тратятъ 2.952.226 руб. къ расходамъ на своихъ членовъ управъ, которымъ онѣ даютъ 2.796.265. И эти земства, тратяція на свои нужды болѣе 2½ мил., сплошь и рядомъ отказываютъ крестьянскимъ обществамъ въ открытіи школъ—„средствъ содержать школы нѣтъ у насъ“: говорятъ онѣ этимъ обществамъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Календарь-ежедневникъ на 1879 годъ, съ отрывающимися на каждый день листками, съ приложеніемъ справочной книжки. Изданіе Эдуарда Гоппе. Цѣна 75 к. Календарь этотъ можетъ быть стѣннымъ, такъ какъ для гвоздика на верху въ картонѣ сдѣлана отвѣрстіе. На лицевой сторонѣ подъ книжкой указаны цѣны вексельной и гербовой бумаги, а зади на картонѣ помѣщены пожарные сигналы въ С.-Петербургѣ и такса почтовыхъ сборовъ за внутреннюю корреспонденцію. На листкахъ назначены: мѣсяцъ, число, день, церковныя свѣдѣнія и другія указанія. Напр. на листкѣ Января 6 (18) Суббота. Богоявленіе Господне (Крещеніе). Ярмарки: въ Вологдѣ, по 1-е февраля. Въ Харьковѣ по 26-е января,—и историческія свѣдѣнія: въ 1592 г. Началась у насъ война со шведами движеніемъ войскъ къ Орѣшку. Вообще календарь этотъ довольно изященъ, красивъ, и судя по его достоинствамъ, весьма не дорогъ.

РЕБУСЪ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Къевъ, Д. Дав—енке. Ваши стихи никогда не найдут мѣста въ печати и не тратят напрасно времени на ихъ кропанье. Какой же есть смыслъ въ такихъ, напримѣръ, словахъ:

Смѣль солдатскій шагъ,
Онъ за жизнь свою не хлопочетъ,
Узнать числа враговъ не хочетъ,
Только спроситъ, гдѣ мой врагъ?

Что же это за шагъ, оживотворенный вами и надѣленный такою храбростію. Побойтесь Бога!

СОДЕРЖАНІЕ: Городъ Монтевидео (съ рис.) Ор.—Царь-дѣвица. Историческій романъ В. Соловьева (продолженіе).—Мильтонъ и его поэма «Потерянный Рай» (съ 2 рис.) Ш.—Парижская Всемирная Выставка (съ 2 рис.)—Природа Финляндіи (съ рис.) Стр.—Похороны Патріарха Іоанна II (съ рис.) Z.—Наши сосѣди въ міровомъ пространствѣ.—Политическія и внутреннія извѣстія.—Смѣсь.—Библиографія.—Ребусъ.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ЧРЕЗЪ НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ ВЫХОДИТЪ:

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ
ПОЭМЫ ДЖОНА МИЛЬТОНА

БОЛЬШОЕ ИЗДАНІЕ IN FOLIO.

Съ 50 большими картинами Густава Дорэ.

Переводъ съ англійскаго А Шульговской.

Съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ.

Въ простомъ коленкоровомъ переплетѣ . . . 25 руб.

Съ пересылкою въ ящикѣ . . . 30 руб.

Въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ

съ золотымъ обрѣзомъ въ картохѣ . . . 30 „

Съ пересылкою въ ящикѣ . . . 35 „

Для подписчиковъ „Нивы“ 1879 г. дѣляется 3 руб. уступки.

Изданіе классическихъ авторовъ въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ и такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, становясь настольною книгою постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасные, неутраченные своей прелести въ теченіи вѣковъ страницы и служитъ источникомъ безконечныхъ наслажденій.

Предпринимая это изданіе, я не жалѣлъ ни труда ни времени (не говоря уже объ огромныхъ затратахъ) чтобы придать знаменитому творенію Мильтона, соединенному съ превосходными рисунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Помѣщенный въ этомъ номерѣ „Нивы“ одинъ рисунокъ изъ означеннаго изданія даетъ каждому понятіе о высокомъ талантѣ художника Дорэ и о тщательномъ выполненіи рисунковъ всего изданія. Сдѣланный вновь для этого изданія переводъ А. Шульговской вѣренъ подлиннику и отличается такими-же высокими поэтическими красотою языка, какъ и оригиналъ.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, имѣющими такую красоту и изящество заграничными изданіями, стоящими по 40 руб. и болѣе,—до такой степени дешево, что объ этомъ нечего даже и распространяться.

Для подарковъ на Елку это изданіе, по своему красивому и очень богатому переплету, исполненному по рисункамъ художника Ив. Панова, будетъ весьма удобно. Для этого рекомендуемъ въ особенности изданіе въ богатомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ. № 216 6—1

ВЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА“

продается иллюстрированный журналъ „Нива“ 1875 и 1876 года.

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ, Т. Е. ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ, СЪ ПРЕМІЯМИ:

Брошюрованному	Въ простомъ перепл.	Въ каленкор. перепл.
Безъ перес. 4 р. —	Безъ перес. . 4 р. 75	Безъ перес. 5 р. 50
съ перес. . 5 р. 50	съ перес. . . 6 р. 25	съ перес. . 7 р. —

Приобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25% уступки (но только съ книги, а не съ переплета или съ пересылки).

Каждый томъ „Нивы“ заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, современной жизни и проч. и до 700 художественно выполненныхъ рисунковъ. Помѣщенные въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома „Нивы“ имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нему приложенныхъ безлатныхъ премій. Приложенія въ „Нивѣ“ 1875 года 2 картины 1) Смерть Юлія Цезаря, картина профессора Пилоти 2) Мадонна Севильская, картина Себастьяна Мурильо,—Приложенія въ „Нивѣ“ 1876 года; Спящая Красавица, картина Э. Велз, печатана масляными красками въ 20 тонахъ. № 186

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ВЕДЕРНИКОВА и МИХАЙЛОВА.

За филадельфійскую выставку.

За филадельфійскую выставку.

Гостиницн дворъ

№№ 122—123.

За дамскія мѣх. вещи.

За дѣтскія вещи.

Получилъ изъ Парижа огромный выборъ, для осенняго сезона, пальто, манто, самыхъ новѣйшихъ фасоновъ и матерій, роскошныя платья, шляпы, и полный выборъ дѣтскихъ вещей.

Заказы по моделямъ исполняютъ аккуратно.

Для Гг. иногородныхъ заказы исполняемъ немедленно. № 210 3—2

СТУДЕНТЪ М. Х. Академіи, желаетъ давать уроки по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, а въ особенности по древнимъ языкамъ. Адресъ можно узнать въ редакціи журнала „Нива.“

№ 211. 2—2

КАБИНЕТЪ

для приготовленія искусственныхъ зубовъ. Большая Морская, д. № 27, кв. № 3. Врачъ Коробчевскій. № 219 1—1

ДЛЯ ТЕАТРОВЪ

И
ДОМАШНИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ.

Гримировки различныхъ пѣтьевъ и отъѣяговъ. № 218 1—1
Дело косметическихъ Лабораторій А. Штейнбергъ. Невскій пр. № 24.

№ 221 30 коп. ЗА УРОКЪ. 1—1

по всѣмъ предм. Адр.: Петерб. ч. Малая Разночинная ул. д. № 15 кв. № 1 Попову.

ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммерманна. Б. Морская № 42. въ С.-Петербургѣ. рекомендуетъ въ большомъ выборѣ по самымъ дешевымъ цѣнамъ: скрипки, альты, виолончели, басы, цитры, гитары, мандолины, гитары корнетъ а пистонъ, флейты, кларнеты, барабаны, музыкальные ящики, шарманки, гармоніи, гармонифлюты, англійскія и нѣмецкія концертныя, свѣжія итальянскія и нѣмецкія струны и всѣ принадлежности.

Приемъ въ починку. № 22 5—1

Заказы изъ провинціи исполняютъ немедленно и аккуратно.

ШЕТКИ, Гребенки, и вся принадлежность для дамскаго и Мужскаго туалета. Большой выборъ Щетокъ, Платяныхъ, Сапожныхъ, Мебельныхъ, Шляпныхъ, Головныхъ, Зубныхъ, Ногтиныхъ и Травяныхъ для чистки Бархата. Гребенки тупейныя, Частыя, Парикмахерскія и карманныя въ футлярахъ, Щипцы и Ножницы Ногтиныя, Бритвы, кисти бритвенныя и мыльницы англійскія, Ремни для точенія бритвъ и мазь для онхъ, зеркала Шлифованныя, зубочистки, Губки туалетныя. № 217 1

Дело Косметическихъ Лабораторій А. Штейнбергъ Невскій пр. № 25.

№ 43

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Выданъ 23 Октября 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫНРОЕНЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1879 г.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлительно возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе около 28,500 печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

Просимъ высылать редакціонные адреса отъ бандеролей, въ которыхъ получается „Нива“ въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ на 1879 г.	{	Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ книжныя магазины г. Живарева, Соловьева и Лангъ	5 р.
		Съ доставкою	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе го- рода Русской Имперіи.	6 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА ПОМЕЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Подписка на 1878 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всеми преміями.

При этомъ № высылается всѣмъ годовымъ подписчикамъ обѣщанная премія „Нивы“ 1878 года: двѣ олеографическія картины съ акварелями художника Кившенко:

- 1) Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники, предсказывающіе ему царствование
- и 2) Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти, Феодоръ и Ксенія.

Картины эти, какъ могутъ видѣть гг. подписчики, по свѣжести тоновъ и чистотѣ красокъ, вполне достойны служить замѣною оригиналовъ.

Картины приклеены въ бумагу, составляющей ихъ фонъ, только однимъ краемъ. Это сдѣлано съ намѣреніемъ, для того, чтобы онѣ не смались при увладѣніи въ футляры. Просимъ Гг. подписчиковъ, вынувъ осторожно картины изъ футляра и разложивъ ихъ гладко на столѣ, смочить слегка гуммированную (заднюю) сторону другою вѣрой картины и приложить къ фону, прикрывъ на вѣкоторое время чѣмъ нибудь плотнымъ.

Цѣна этихъ двухъ картинъ въ отдѣльной продажѣ 4 руб., особо каждая по 2 рубля съ пересылкою.

Соболь (ZIBELLINA).

Соболь водится въ Сибири и Сѣверной Америкѣ, живетъ въ дремучихъ лѣсахъ и держится рѣчекъ. Звѣрекъ этотъ хищный, проворный и злой. Питается мелкими животными: бурундуками, мышами, птицами и яйцами ихъ. Ловитъ бѣлку и преслѣдуетъ ее даже на деревьяхъ, на которыхъ онъ свободно взлѣзаетъ, при помощи необыкновенно острыхъ и цѣпкихъ когтей своихъ. Бѣлка успѣваетъ спастись отъ соболя лишь ловкими прыжками. Лѣтомъ соболь ѣстъ лѣсные ягоды, особенно любитъ рябину, отъ которой у него дѣлается чесотка, и тогда шкура его нигуда не годится. Въ дѣтствѣ соболь можетъ

Сибирскіе Соболи. Рис. Фриманъ, грав. Паннемакеръ.

быть прирученнымъ, онъ привыкаетъ къ человеку, бѣгаетъ за нимъ, какъ собачка; впрочемъ, такихъ прирученій не много: соболь преимущественно до смерти сохраняетъ свою дикость.

Гнѣздо свое соболь дѣлаетъ или на сучьяхъ дерева или въ дуплѣ его; въ продолженіе сильныхъ морозовъ лежитъ въ гнѣздѣ, какъ бы спитъ. Въ январѣ начинается подниматься. Самка дѣлаетъ гнѣздо въ какомъ нибудь неприступномъ мѣстѣ, въ камняхъ, вырываетъ подъ плитою нору и родитъ (всего чаще въ апрѣлѣ) отъ 3—5 соболятъ. Дѣтеныши сосутъ матку пять или шесть недѣль, а потомъ раскодаются. Къ зимѣ молодые соболи вполне разви-

ваются, и на слѣдующій годъ плодятся. Соболь по землѣ бѣгаетъ такъ быстро, что никакая собака не поймаетъ его; съ удивительною проворностью взбѣгаетъ онъ на высочайшіе кедръ, лиственницы и прячется въ ихъ вѣтвяхъ. Но если собака продолжаетъ его преслѣдовать и не перестаетъ лаять на него, то онъ начинаетъ прыгать съ одного дерева на другое, если деревья эти не въ далекомъ разстояніи: прыгать же слишкомъ далеко, какъ прыгаетъ бѣлка, онъ не можетъ. Проскакавъ нѣсколько времени, соболь утомляется собаку, такъ что та отстаётъ отъ бѣгльца. Говорятъ, что иногда орелъ схватываетъ оплошавшаго соболя когтями и разбиваетъ ему черепъ своимъ клювомъ.

Соболь покрытъ довольно высокою, густою и глянцовитою шерстью. Цвѣтъ его шерсти не повсюду одинаковъ и зависитъ отъ мѣстности, въ которой онъ живетъ. Начиная отъ Урала до рѣки Лены соболь постепенно улучшается. Отъ этой же рѣки до Восточнаго Океана ловятся превосходные соболи; знатокъ съ перваго взгляда опредѣлитъ, какой мѣстности соболь. Драгоценность соболя заключается въ цвѣтѣ, густотѣ и отливѣ шерсти. Если будемъ внимательно разсматривать шкурку соболя, замѣтимъ три сорта волосъ или шерсти. Нижніе волосы, у самаго тѣла, состоятъ изъ мягкихъ, тонкихъ и густосидящихъ волосъ, которые называются *пушею*. Она бываетъ по цвѣту на каждомъ соболѣ своя, темножелтоватая, бурая, сребристо-голубоватая. Цвѣтъ пуши даетъ отливъ всей шкуркѣ. У торговцевъ онъ называется *водою* и служитъ основаніемъ въ подборѣ мѣха. Соболя одной воды не мѣшаютъ съ другою, иначе выйдетъ неприятная для глазъ разноцвѣтность. Изъ пуши выходятъ тонкіе, нѣжные волосы, цвѣтомъ отъ темножелтаго до чернаго. Они называются *подсадомъ*. Наконецъ третьи волосы, длиною отъ полугора до одного дюйма, цвѣтомъ черные или сѣдые, называются *остью*.

Соболій мѣхъ легокъ, тенелъ, красивъ на видъ и проченъ. Отъ времени и небрежности онъ сваливается въ космы и выцвѣтаетъ: изъ чернаго и лоснящагося переходитъ въ неприятно-бурый. Соболей подкрашиваютъ, но опытный глазъ легко замѣтитъ обманъ: подкрашенный соболь не имѣетъ ни глянца, ни отлива.

Иногда попадаетъ соболь совершенно бѣлый или пѣгій, но это не особая порода, а болѣзнь кожи, какъ, напримѣръ, феномень природы, — «черный заяцъ». Русскіе знатоки хорошо цѣнятъ соболей черныхъ съ темногубою водою и съ бѣлыми волосками въ ости. Мѣхопродавцы греки, напротивъ, вырываютъ бѣлые волосы щипчиками; имъ дорога сплошная чернота шерсти безъ малѣйшей сѣдины.

Начало зимы, съ 1 октября по 15 ноября, считается лучшимъ временемъ для ловли звѣрей, потому что шерсть на звѣряхъ бываетъ въ эти мѣсяцы въ полномъ развитіи, свѣга въ лѣсахъ еще не глубоки, удобны для ходьбы и на нихъ явственно видны слѣды пробѣгающаго звѣря. Хорошій звѣровщикъ такъ искусенъ въ распознаваніи слѣдовъ, что съ перваго взгляда узнаетъ: какой звѣрь пробѣжалъ и давно-ли.

Сибиряки бьютъ соболя, какъ бѣлку — изъ винтовки. Рано утромъ выходитъ звѣроловъ изъ своего логовища съ винтовкою, собакою, сѣтями и товарищемъ. Отыскиваетъ слѣдъ соболя на сѣтѣ; если этого слѣда свѣжій, сегодняшній, собака пускается по слѣду, а звѣроловы идутъ за нею. Соболя, увидѣвъ своего врага, собаку, прячется куда нибудь, то подъ валежникъ, то въ дупло стараго дерева, то взбѣгаетъ на вершину кедръ или сосны, лиственницы и прячется въ вѣтвяхъ. Если онъ вздумаетъ бѣжать, прыгаетъ съ дерева на дерево, добыча пропала. Но если звѣроловъ зоркимъ своимъ глазомъ усмотритъ его между вѣтвями, тогда мгновенно поражаетъ звѣрка пулею. Если же онъ укрывается только въ вѣтвяхъ, что уз-

нается по лаю собаки, тогда начинаютъ срубать дерево, а мѣсто, куда оно должно упасть вершиною, окружаютъ сѣтью съ колокольчикомъ. Но лишь дерево рухнуло, соболь бросается бѣжать и запутывается въ сѣтъ; прибѣгаютъ на звукъ колокольчика звѣровщики и убиваютъ соболя палками или прикладами. Изъ дупла выжидаютъ его дымомъ. Но если укроется онъ подъ валежникъ, тогда окружаютъ это мѣсто сѣтью, растянutoю по шестикамъ, а сами выжидаютъ бѣгльца иногда сутки двои. Сильный голодъ заставляетъ соболя выйти изъ убожища: онъ запутывается въ сѣтяхъ, и колокольчикъ извѣщаетъ звѣролововъ о добычѣ.

Близъ Байкала, по рѣчкамъ, ловятъ соболей особеннымъ способомъ. Подрубаютъ дерево, чтобы оно упало на противоположный берегъ рѣчки своею вершиною. Съ дерева срубаютъ сучья такъ, дабы образовался мостикъ на другой берегъ рѣчки. По срединѣ переправы ставятъ полукругъ на подобіе дуги, а въ срединѣ дуги устраиваютъ петлю изъ бѣлыхъ конскихъ волосъ. Къ дугѣ привязываютъ веревку, а другой конецъ ея обвязываютъ около камня; весь снарядъ помѣщается на бревнѣ. Соболь бѣжитъ по берегу рѣчки, отыскивая добычу себѣ, видитъ удобную переправу на другой берегъ, осматривается, обнюхивается, и, не находя ничего подозрительнаго, бѣжитъ по бревну, попадаетъ головою въ петлю, сдергиваетъ ловушку съ мѣста: роковой камень съ веревкою падаетъ въ рѣчку и увлекаетъ за собою и ловушку, и соболя. Иногда изловленный звѣрокъ пролежитъ нѣсколько дней въ водѣ, пока придетъ звѣроловъ; тогда шкурка его отъ воды портится, а потому изъ соболей, убитыхъ этимъ способомъ и называемыхъ „мостовниками“, трудно подбирать мѣхъ.

Въ Камчаткѣ ловятъ соболей, кромѣ ловушекъ, еще другимъ способомъ: звѣроловъ ходитъ по лѣсу съ шестомъ, на концѣ котораго петелька. Если собака загонитъ соболя на низкое дерево, звѣроловъ подходитъ къ нему, накидываетъ на голову петлю и снимаетъ звѣрка съ дерева. Въ нѣкихъ мѣстахъ ставятъ на слѣдъ соболя петлю, привязанную концомъ къ шести, имѣющему перевѣсъ, а на другомъ концѣ тяжесть. Соболя, попавъ въ петлю, разрушаетъ укрѣпленіе, и шесть поднимаетъ его вверхъ.

Съ убитаго соболя снимаютъ шкурку, отрѣзываютъ переднія лапки, а иногда и хвостъ; потомъ выворачиваютъ ее шерстью вверхъ. Въ этомъ видѣ шкурка засыхаетъ сама собою.

Въ декабрѣ или позднѣ выходятъ „бродячіе“ (инородцы) на годовыя сборныя мѣста. Торговцы получаютъ отъ „бродячихъ“ шкурки звѣрей и имъ даютъ порохъ, свинець, винтовки, чай, сахаръ и подчасъ водку. Торговцы напизываютъ на ремень по 20 штукъ соболей. Двѣ такихъ связки составляютъ *сорочокъ*, и этотъ счетъ ведется даже въ оптовой торговлѣ.

Кунцы сортируютъ купленные шкурки по цвѣту ости, воды и степени глянцевости. Скорняки обдѣлываютъ ихъ: отдѣляютъ хребетъ отъ брюшка, отрѣзываютъ шейку, заднія лапки и хвосты — и выходятъ нѣсколько сортовъ мѣховъ, *хребтовый, черевій, шейчатый, горловый* и *лапчатый*.

Хребтовый мѣхъ въ длину имѣетъ пять рядовъ, а въ ширину сверху менѣе, внизу болѣе, такъ что весь мѣхъ имѣетъ отъ 80 до 100 хребтовъ. На мѣхъ идутъ соболи средняго достоинства, лучшіе же употребляются на воротники. *Черевій* или *пупковый мѣхъ* во всемъ ниже хребтоваго: шерсть на немъ низкая, рѣдкая и безъ хорошаго глянца. Въ полный мѣхъ идетъ болѣе 120 штукъ. *Мѣхъ шейчатый* дѣлается изъ затылковаго соболя; на мѣхъ идетъ отъ 400 до 500 шеекъ; достоинствомъ онъ ниже черевьяго. *Горловый мѣхъ* дѣлается изъ лоскутковъ, вырѣзанныхъ выше груди. *Лапчатый мѣхъ* дѣлается изъ заднихъ лапокъ; для мѣха нужно не менѣе 140 паръ.

Б.

Борисъ Федоровичъ Годуновъ

(Двѣ картины художника Кившенко, — преміи „Нивы“ за 1878 годъ).

При блестящемъ дворѣ Иоанна Васильевича Грознаго, среди множества раззолоченныхъ челядинцевъ, ярче другихъ выдавалась личность боярина Бориса Федоровича Годунова, человекъ еще молодого, про котораго современники говорили, что онъ „цвѣлъ благолѣшиемъ, — видомъ и умомъ всѣхъ людей превосходилъ и былъ мужъ чудный и сладкорѣчивый“. — Годуновъ былъ роду татарскаго, но татаръ не любилъ и считался, или себя считалъ по крайней мѣрѣ, самымъ чистокровнымъ русакомъ, радѣвшимъ только о славѣ и чести русскаго государства. Ловко, хитро, умно поставилъ онъ себя при дворѣ, накрѣпко закинувъ со всѣхъ сторонъ такіе прочные якоря, что никакія бури ему не были страшны. Началъ онъ съ того, что женился на дочери царскаго любимца Малюты Скуратова-Бѣльскаго, на дочери того самаго Малюты, имя котораго со страхомъ про-

износилось по всему округу Московскому, того Малюты, который былъ бичемъ приближенныхъ бояръ и первымъ пособникомъ царю въ казняхъ. Потомъ онъ еще дальше пошелъ и сумѣлъ выдать сестру свою, Ирину, за наслѣдника престола, простодушнаго, слабоумнаго Федора, ставъ такимъ образомъ въ родственныя отношенія съ самимъ Грознымъ. Мало того — проницливый, тонко угадывавшій настроеніе и причуды капризнаго владыки, онъ сумѣлъ войти въ такое довѣріе къ царю, что тотъ его въ примѣръ ставилъ остальнымъ боярамъ. Вокругъ него летѣли головы съ плечъ любимцевъ, исконные роды отходили въ онаду, — что ни мѣсяць — цустили разрядныя книги, прекращались старинныя вѣтви, кровь рѣкою лилась по улицамъ, площадямъ, городамъ и деревнямъ, — а онъ, всегда правый, вовремя умѣющей заболѣть, вовремя засмѣяться, вовремя дать

царю совѣтъ, вовремя похвалить его начинанія,—онъ оставался неприкосновеннымъ и невредимымъ и шагъ за шагомъ шель своей дорогой.

А дорога была куда трудная... Путеводная звѣзда, что мерцала впереди его, была такъ высока, что выше ея никого кромѣ Бога и не было. Странныя думы мучили его днемъ, странные сны, какъ кошмаръ, давили его ночью. И все одно и тоже, одно и тоже грезилось ему, и на яву, и въ сонныхъ мечтаніяхъ... Одинъ призракъ преслѣдовалъ, мучилъ его—одно только видѣлось ему въ туманѣ будущаго—*престоль...*

Годуновъ любилъ Русь, понималъ какъ далеко отстала она за время татарщины отъ запада, видѣлъ, что невѣжество, суевѣріе, почти язычество царятъ внутри государства. Понималъ онъ, что нужны коренныя реформы, сильныя крутыя мѣры. Но что же могъ онъ сдѣлать одинъ, не имѣя никого на своей сторонѣ, видя вокругъ только враговъ, смотрѣвшихъ на него какъ на выскочку, на царскаго фаворита?

Два наслѣдника стояли ему поперекъ дороги: Ѳедоръ—слабохарактерный, недалекій, и маленькій Дмитрій—сынъ Іоанна отъ седьмой жены, Марьи Нагихъ, удѣльный углицкій князекъ. Да и весь родъ Нагихъ, быстро повысившійся, послѣ женитьбы царя на Маріи, мѣшалъ ему, оттиралъ его въ инныя минуты отъ царя, интриговалъ и злобствовалъ. Разъ даже чуть дѣло не дошло до серьезныхъ послѣдствій. Грозный, въ порывѣ гнѣва, напавъ убилъ своимъ желѣзнымъ посохомъ старшаго своего сына Ивана; Борисъ, кинувшійся царевичу на помощь, тоже получилъ нѣсколько тяжелыхъ ударовъ. Добравъ домой, онъ слегъ въ постель и призвалъ врача Строгонова для пользованія. Ѳедоръ Нагой, отецъ Марьи, наговорилъ царю, что Борисъ-де притворяется, совсѣмъ здоровъ, а живетъ въ своемъ домѣ за Неглинной того ради, чтобы на свѣтлыя очи царицы не казаться. Царь поѣхалъ къ Годунову, засталъ его въ постели, увидѣлъ, что врачъ сдѣлалъ ему на пораненныхъ мѣстахъ заволоки для нагноенія, что онъ точно выходить не можетъ,—разсердился ужасно, и велѣлъ въ наказаніе Ѳедору Нагому, совсѣмъ здоровому, положить тоже заволоки...

* * *

Передъ самою смертью, Грозный задумалъ жениться въ восьмой разъ, но планъ не удался, и онъ такъ и умеръ, женихомъ англійской принцессы Маріи Гастингсъ. 17-го марта 1584 года онъ игралъ въ шахматы съ Бѣльскимъ, вдругъ ему сдѣлалось дурно, и сбивавшіеся врачи нашли уже невозможнымъ возвратить его къ жизни. Престоль переходилъ къ Ѳедору, какъ къ законному наслѣднику, но, согласно волѣ Іоанна Васильевича, надъ нимъ учреждалась опека изъ пяти бояръ, въ числѣ которыхъ называли Годунова...

Теперь Борису Ѳедоровичу нужно было избавиться отъ своихъ сотоварищей по опекунству. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что Ѳедоръ Іоанновичъ цѣликомъ отдался своему шурину, во всемъ ему довѣряясь, все дѣлая по его совѣту. Не кончились еще смуты, поднявшіяся послѣ смерти Іоанна, еще не затихли народныя крики, что царь изведенъ отравой, а ужъ Бѣльскій, одинъ изъ главныхъ опекуновъ, отправился въ низовые края,—потому де его народъ въ отравѣ подозрѣваетъ, и ради спокойя, его удалить надо. Другой опекунъ, Мстиславскій, былъ обвиненъ въ томъ, что яко бы онъ собирался убить Бориса, лицемѣрно зазвавъ въ себѣ въ домъ. Мстиславскаго постригли въ монахи и куда то отправили. Третій опекунъ, Никита Романовъ, заболѣлъ параличемъ и умеръ: А четвертый, послѣдній, Иванъ Шуйскій, былъ обвиненъ въ измѣнѣ и казненъ тайно... Борисъ остался одинъ правителемъ царства

Трудно сказать, насколько былъ виновенъ Годуновъ въ этихъ казняхъ и ссылкахъ, насколько это было его

дѣло, и насколько покровительствовала ему судьба. Шель-ли онъ напрямикъ къ своей цѣли, оправдывая ея всѣ средства, или обстоятельства сами складывались такъ, и онъ являлся игрушкой ихъ,—достовѣрно опредѣлить нѣтъ никакой возможности. Безошибочно можно сказать только то, что на него имѣла очень дурное вліяніе его жена, урожденная Скуратова, и что, во всякомъ случаѣ, участіе его во всемъ этомъ было хотя косвенное. Популярность Годунова въ народѣ была громадна—царя Ѳедора знали только по имени,—всѣмъ правилъ Борисъ. Челобитчики подавали не царю, а ему грамоты, иноземные послы представлялись ему, народъ земно кланялся ему при выѣздахъ. Онъ получалъ колоссальный по тому времени доходъ въ сто тысячъ рублей, пользуясь имъ съ пчелниковъ, луговъ, бань, купаленъ московскихъ, получая деньги съ своихъ наслѣдственныхъ вотчинъ, со всѣхъ конюшенныхъ слободъ, да еще съ Сѣверщины, Торжка и Твери, и кромѣ того, имѣя громадное жалованье отъ Ѳедора. Тягаться богатствами и значеніемъ съ нимъ никто не могъ, а потому достигать той или другой цѣли съ помощью подкуповъ и запугиваній ему было легче, чѣмъ кому либо.

Дѣтей у царя не было; самъ онъ болѣзненного, слабого тѣлосложенія, не общалъ долго прожить. Къ кому же могъ перейти престоль послѣ него, кто имѣлъ на него право?

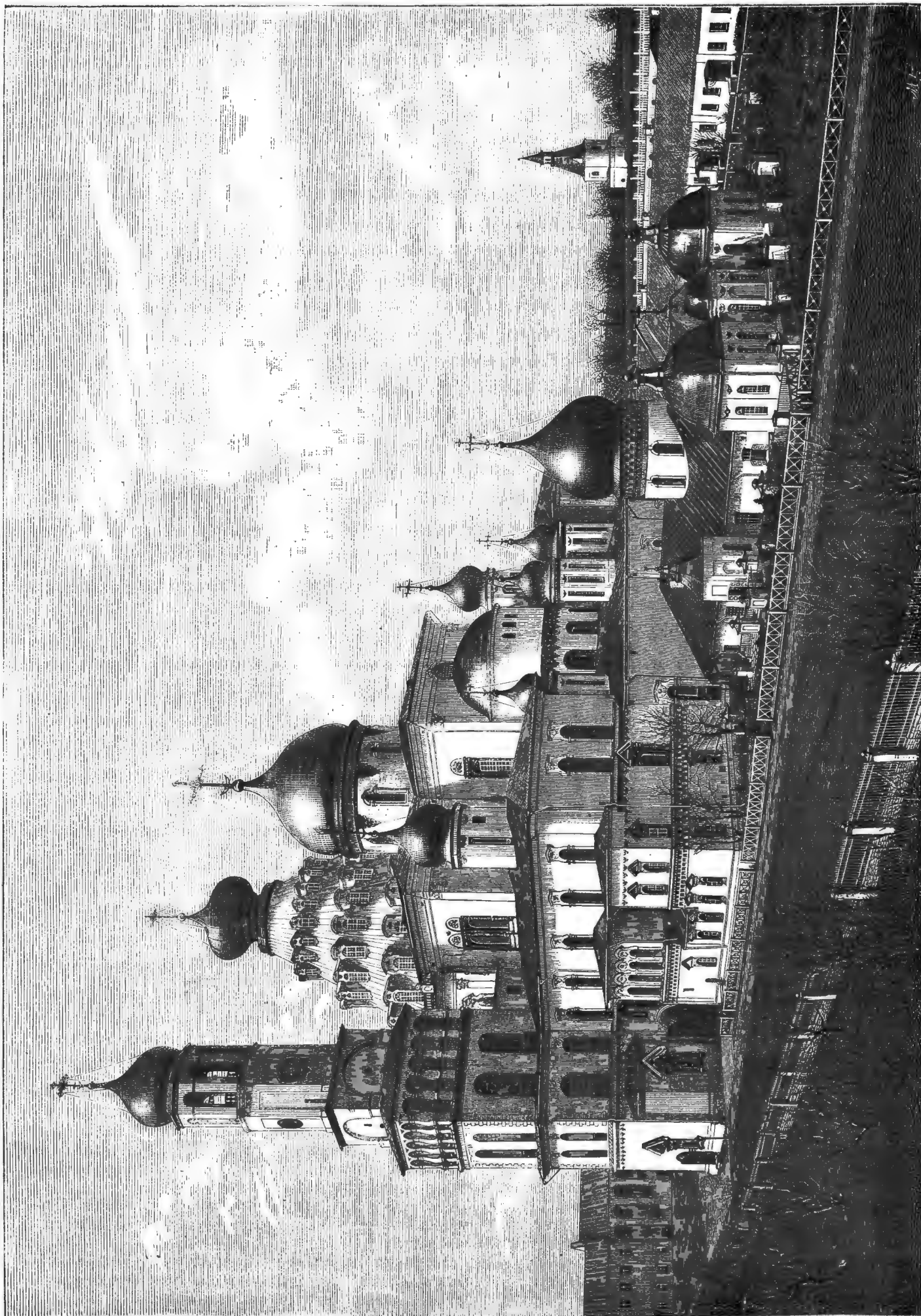
А право имѣли два лица.—Племянница покойнаго Іоанна IV, вдова Магнуса, короля Ливонскаго, имѣвшая притязаніе на престоль по праву прямаго родства съ Рюриковичами,—и удѣльный углицкій князь Дмитрій. Первая, титулярная королева Ливонская, Марья Владиміровна, имѣла дочь, и потому въ случаѣ, если бы побоялись возвести женщину во главу правленія (что впрочемъ нисколько не противорѣчило исконнымъ русскимъ установленіямъ)—стоило только выдать эту дочь за иноземнаго принца, который согласился бы принять православіе. Второй претендентъ, Дмитрій, хотя и не имѣлъ права наслѣдства, какъ незаконный сынъ, рожденный въ седьмомъ бракѣ, непризнанномъ церковью, но ѣдь весь народъ зналъ, что Дмитрій сынъ Іоанна, его царской крови, и слѣдовательно, въ крайнемъ случаѣ скорѣе, чѣмъ кто нибудь, могъ вступить на царство, и во всякомъ случаѣ скорѣй Бориса, въ которомъ не было ни капли царскаго происхожденія.

Надо было беречься обоихъ. Годуновъ началъ съ Марьи Владиміровны. Онъ поручилъ англичанину Жерому Горсею выманить ее въ Москву изъ Риги, гдѣ она жила чуть не польской плѣнницей подъ надзоромъ кардинала Радзивилла. Тотъ исполнилъ свою миссію ловко, добился аудіенціи съ ех-королевой и заговорилъ съ ней отъ имени Ѳедора—общая ей въ Москвѣ золотыя горы и покровительство Бориса.—Братъ вашъ, Ѳедоръ Ивановичъ,—говорилъ онъ,—печалуется, что вы живете здѣсь въ нуждѣ на тысячу таллеровъ въ годъ, и содержитесь, какъ плѣнница. Возвратитесь на родину,—вы будете жить въ довольствѣ, какъ подобаетъ вашему происхожденію,—Борисъ Ѳедоровичъ будетъ стараться о васъ.

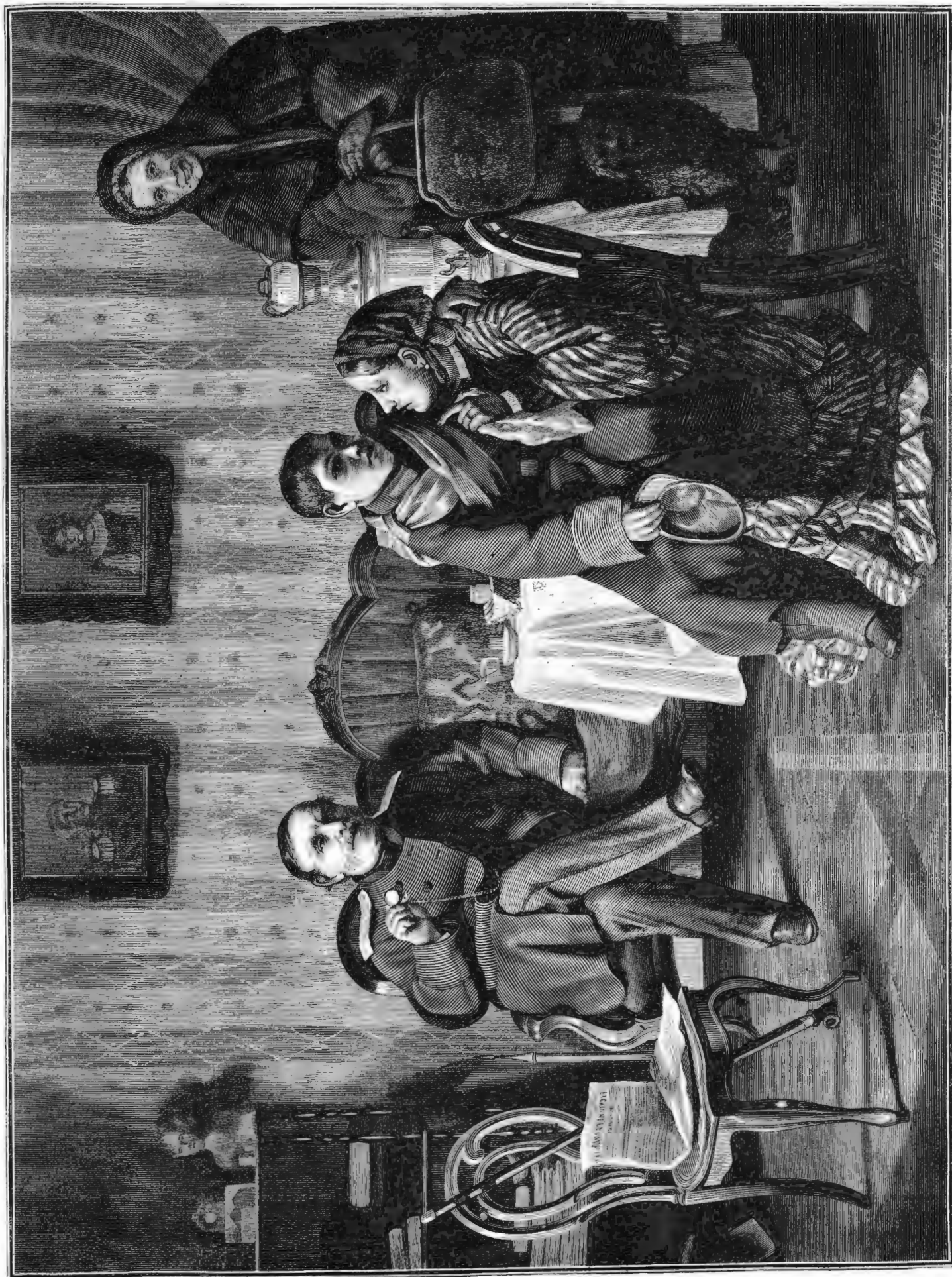
— Я совершенно васъ не знаю,—возразила она,—но вашъ видъ внушаетъ мнѣ довѣріе... Я бы рада бѣжать отсюда, но какъ? За мной въ сотни глазъ смотрятъ. Да и вдобавокъ я знаю, какъ поступаютъ въ Москвѣ со вдовыми царицами: меня запрутъ въ монастырь, а это хуже смерти.

— Только бездѣтныхъ постригаютъ,—отвѣтилъ Горсей,—васъ не тронуть: у васъ есть дочь, ее надо воспитывать.

Несчастная королева довѣрилась ему. Быстро смѣнялись свѣжія подставы лошадей, разставленныхъ по приказу Бориса отъ Москвы до Ливонской границы, и живо прикатила она въ Москву со своею дочкой. Ей,

Видъ Воскресенскаго монастыря (Новаго Іерусалима) въ городѣ Воскресенскѣ (близъ Москвы). Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Отправление въ школу. Картина А. И. Корзухина. Рис. на деревѣ И. Земцовъ, грав. Б. Пуцъ и Шиблеръ.

точно, дали земель, денег, прислугу... Только съ дочкой разлучили: да вдобавокъ дѣвочка очень скоро умерла отчего-то. Марья Владиміровна осталась бездѣтной вдовой—и никакихъ препятствій къ постриженію болѣе не имѣлось.

Осталась одна препона: Дмитрій. Но какъ устранить его отъ престола? Правда, ходили про него худые слухи въ народѣ,—говорили, что онъ злого права,—на бойнѣ бывать любить, смотрѣть, какъ скотъ рѣжутъ, но что-то мало довѣряли этимъ слухамъ; говорили, что это Борисъ такую молву пускаетъ. Съ каждымъ днемъ яснѣе становилось, что бездѣтному царю нѣтъ другого наслѣдника. Вдобавокъ заговоръ Шуйскихъ выяснилъ, что существуютъ сторонники возведенія на престолъ Дмитрія еще при жизни его брата. Борисъ чувствовалъ, что почва подъ нимъ колеблется.

Въ самомъ дѣлѣ,—что онъ могъ ожидать отъ воцаренія Дмитрія? Кромѣ злобы, которую питалъ къ нему ребенокъ, вслѣдствіе наговоровъ окружающихъ, и злобы всей его родни—ничего ожидать нельзя было. Борисъ представлялся Дмитрію злодѣемъ, державшимъ и его и мать его въ изгнаніи, не пускавшимъ его къ брату въ тотъ Кремль, жить въ которомъ онъ имѣлъ, повидимому полное и неотъемлемое право. При вступленіи Дмитрія на престолъ Бориса ждала гибель.

Дна исхода: или обречь ребенка на гибель, или гибнуть самому... Но волхвы сулили ему когда-то царскіе бармы...

* * *

15-го мая 1591 года, вдовый попъ, Огурецъ, столкнулся съ стряпчимъ углицкаго кормоваго двора, Субботой; бѣжалъ Огурецъ на необычный набатный звонъ, раздавшійся послѣ обѣдни съ колокольни Углицкой церкви Спаса. Суббота крикнулъ ему: „бей въ набатъ, царица велѣла: Дмитрія царевича зарѣзали!“ Огурецъ кинулся къ себѣ, въ Константиновскую церковь и зазвонилъ тоже... „Пожаръ въ Кремлѣ надо быть“ пронеслось по Угличу—и толпы народа ринулись съ топорами и дубинами ко дворцу. Но дыма ни откуда не валило,—все было спокойно... Только на заднемъ дворѣ на страшную сцену наткнулись...

Царица Марья была собственноручно мамку царевича полѣномъ и вопила, что сынъ этой мамки ея сына зарѣзали. А возлѣ, на рукахъ у кормилицы лежалъ теплый трупъ мальчика съ перерѣзаннымъ горломъ, Кормилица кричала, что царевича зарѣзали Волоховъ, Битяговскій, Качаловъ и Третьяковъ—надзиратели, поставленные надъ Нагими Борисомъ. Народъ кинулся развѣскивать убійцъ—и всѣхъ ихъ перебили—на дворахъ, въ избахъ, даже въ церкви, передъ тѣломъ царевича.

17-го мая прискакалъ въ Москву изъ Углича гонецъ. Ѳеодоръ расплакался, объявилъ, что самъ поѣдетъ въ Угличъ изслѣдовать дѣло,—да вдругъ оказалось, что тамъ свирѣпствуетъ какая-то эпидемія, и царю ѣхать туда опасно,—такъ по крайней мѣрѣ утверждалъ Борисъ... Слѣдователемъ по дѣлу былъ назначенъ Шуйскій, Василій Ивановичъ, повидимому, заклитой врагъ Годунова, потому что только-только передъ этимъ его дядя, Иванъ Петровичъ, былъ удушенъ въ тюрьмѣ, чуть ли не по Борисову приказу. Но заклитымъ врагомъ казался онъ только по наружности, и хорошо понималъ, что интересы у него и Бориса—общіе. По крайней мѣрѣ слѣдствіе имъ было произведено какъ разъ по вкусу Годунова.

На слѣдствіи выяснилось, что царевича никто не убивалъ: онъ зарѣзали самъ, такъ какъ вообще страдалъ падучей болѣзью. Показали это и мамка, и кормилица, и четыре мальчика „жильца“ что жили при ребенкѣ ради утѣхи. Игралъ онъ въ свайку ножомъ—и въ припадкѣ чернаго недуга закололся. Припадки бывали съ нимъ и раньше: такъ Андрей Нагой раз-

сказалъ, что въ посту царевичъ въ припадкѣ обѣлъ у его дочери руки, и что его жильцы и постельницы тоже кусаные, Григорій Нагой подтвердилъ, что царевичъ зарѣзали самъ... Съ одного лица допросъ снятъ не захотѣли: съ царицы Марьи...

Собрался въ Москвѣ по этому дѣлу соборъ: надо же было наказать самоуправцевъ-угличанъ, распорядившихся самолично съ мнимыми убійцами, людьми, стоявшими „за правду“.—Духовные сановники, составлявшие соборъ, рѣшили, что это дѣло земское, и передали его на усмотрѣніе правителю.

Годуновъ опредѣлилъ: царицу Марью постричь въ иночество, родственниковъ ея разослать по разнымъ городамъ; виновнымъ въ мятежѣ—порубить головы, утопить или рвать языки. Всѣхъ угличанъ перевести въ Сибирь, въ Пелымъ,—и набатный колоколъ отправить туда-же.

Препонъ больше никакихъ не осталось.

* * *

Въ январѣ 1598 года скончался Ѳеодоръ. Умирая онъ „поручилъ“ царство царинѣ Ирицѣ. Но Ирина объявила, что она, согласно обѣту, хочетъ постричься въ иночество,—и удалилась въ Ново-Дѣвичій Московскій монастырь, гдѣ и приняла монашество подъ именемъ Александры;—престолъ остался незамѣненнымъ.

Колокольній звонъ созвалъ въ Кремль московскихъ жителей. Думскій дьякъ, Василій Щелкаловъ, прочиталъ народу грамоту, что за прекращеніемъ-де царствующей вѣтви, правленіе переходитъ въ боярскую думу. Народъ заволновался—потребовалъ избранія царя. Патриархъ Іовъ предложилъ идти всемъ міромъ къ Борису, который былъ на богомольѣ, въ Дѣвичь мъ монастырь,—и просить его на царство. Кто-же кромѣ его былъ такъ привыченъ къ правленію? Туда всѣ и повалили.

Патриархъ естественно предложилъ народу избрать Бориса: онъ ему былъ всемъ обязанъ—даже патриаршимъ престоломъ. Поддакнули Іову и другіе:—во всѣхъ приказахъ и думѣ были люди всѣмъ обязанные Годунову, державшіеся только имъ. Наконецъ народъ сознавалъ, что законная наслѣдница престола, Ирина, передавая правленіе другому, скорѣе всего имѣла право передать его брату; помнили и то, что во время правленія Бориса страна вздохнула послѣ грознаго правленія Іоанна.

Борисъ отъ престола отказался.

— Никогда о престолѣ мнѣ на умъ не всходило,—отвѣтилъ онъ на увѣщанія патриарха,—какъ мнѣ помыслить на такую высоту—на престолъ такого великаго государя моего пресвѣтлаго царя? Тенерь бы намъ промышлять о томъ, какъ устроить праведную и безпорочную душу государя моего и великаго князя Ѳеодора Ивановича, всея Руси самодержавца,—а о государствѣ и о земскихъ о всякихъ дѣлахъ радѣть и промышлять тебѣ, государю моему, святѣйшему Іову патриарху, и съ тобою боярамъ. А если мой трудъ понадобится—я за святыхъ церкви божіи, и за одну пядь земли Московской, за все православное государство и грудныхъ младенцевъ—душу готовъ положить...

Патриархъ, отличавшійся удивительнымъ искусствомъ словоизвитія, началъ уговаривать Бориса, приводить примѣры изъ исторіи лицъ, вступившихъ на престолъ не по наслѣдству, а по избранію—Константина, Ѳеодосія, Маркіана, Тиверія, Маврикія. Борисъ остался непреклоненъ. Онъ со вздохами отрекался отъ вѣнца, не трогался просьбами женщинъ и дѣтей, говорилъ, что не о мірскомъ величій, а о спасеніи души думаетъ.

Отложили до конца сорокоуста по Ѳеодорѣ избраніе царя, и учредили избирательный соборъ съ выборными отъ всей земли. Нѣтъ сомнѣнія, что это и было завѣтное Борисово желанье: ему надо было быть выбраннымъ *всей* землей—иначе трудно было закрѣпить пра-

во престолонаследіи за его потомками. А за результатъ избранія онъ не боялся. Духовенство все тянуло, конечно, за патріархомъ, въ числѣ бояръ была большая партія за Годунова, второстепенное-же дворянство слишкомъ чтило патріарха, что бы не быть съ нимъ согласнымъ. Подкупъ и льстивыя обѣщанія тоже нашли себѣ нѣкоторую роль...

20 февраля, на масляной, двинулось къ Новодѣвичьему монастырю торжественное шествіе съ духовенствомъ, выборными, боярами. Со слезами пали всѣ къ ногамъ Бориса, просили пріять вѣнецъ.

— Какъ прежде я говорилъ, такъ и теперь говорю, отвѣтилъ Годуновъ.—И не думайте, чтобъ я помыслилъ на превысочайшую царскую степень такого великаго и праведнаго царя.

Отказъ, повидимому, былъ полный...

* * *

Впрочемъ на слѣдующій день Борисъ согласился... Краснорѣчіе Юва одержало верхъ.

И вотъ—крайняя ступень величія достигнута: онъ царь великаго государства, сидитъ на тронѣ Рюриковичей, Мономаховичей.

Полились рѣкой милости и льготы... Народъ былъ на годъ освобожденъ отъ податей, купцы на два года были освобождены отъ пошлинъ, нуждающіеся получали щедрую милостыню и деньгами, и ѣдой, и припасами. Самое наказаніе, по выраженію Бориса, было растворено милосердіемъ: только разбойники подвергались казни. Льготъ и милостей было очень много: эти льготы освобождали народъ отъ всѣхъ тягостей, которыя въ предвидущемъ царствованіи были введены имъ-же..

Мирно, блестяще, славно потекли первые годы царенія Бориса; онъ во что бы то ни стало старался уронить Русь съ западной Европой, сталъ подумывать о бракѣ своей дочери Ксеніи съ иностраннымъ королевичемъ, заботился объ обширномъ образованіи сына—Федора. Онъ былъ примѣрный отецъ, примѣрный правитель. Правда, роптали въ народѣ, что потомокъ Мурдзы Чета на престолѣ сидитъ, что есть роды его знаменитѣе... но это вѣдь только шепотомъ говорили.

Въ 1600 году прокатилась громовая вѣсть, что царевичъ Дмитрій въ Угличѣ убитъ не былъ. Это былъ роковой ударъ для Бориса: все измѣнилось—онъ сталъ другой человекъ—ученикъ покойнаго царя Иоанна сказался во всемъ.

Опалы, ссылки вмѣсто милостей полились вокругъ. Подозрительность смѣнила прежнее благодушіе. По улицамъ стали шнырять сыщики, подслушивать, что говорится въ народѣ,—начались допросы и пытки. „Смута настала, говорить лѣтописецъ: доносили и попы, и дьяконы, и чернецы и черницы, и проскурницы; жены на мужьевъ, дѣти на отцевъ, отцы на дѣтей доносили“... Народная любовь къ Борису смѣнилась ненавистью.

Призрачный царекъ все росъ, росъ, росъ,—выросъ въ гиганта—и сломилъ Бориса. Не по силамъ ему было бороться съ пришельцемъ не отъ міра сего. Ядъли, болѣзнь-ли покончили его дни—неизвѣстно, но черезъ семь лѣтъ правленія онъ внезапно скончался въ самый критическій моментъ, когда самозванецъ двинулся уже на Москву съ своими союзниками...

Личность Бориса—одно изъ самыхъ романическихъ личностей нашей исторіи. Художники и писатели охотнѣе всего останавливаются около него: это герой борьбы. Нѣкоторая туманность, таинственность нѣкоторыхъ событій налагаетъ еще болѣе интереса на него, даетъ мѣсто развиваться художественной фантазіи. Самая фабула его романической биографіи до извѣстной степени поучительна. Мы можемъ сказать словами лѣтописца: „Много устроилъ онъ въ государствѣ достохвалныхъ вещей, ненавидѣлъ мздоимство, старался искоренить разбой, воровства, корчемство, но не могъ искоренить; былъ онъ свѣтлодушень, милостивъ и нищелюбивъ. Цвѣлъ аки финикъ листіемъ добродѣтели, и еслибъ тернъ завистой злобы не помрачалъ цвѣта его добродѣтели, то могъ бы древнимъ царямъ уподобиться. Отъ клеветниковъ извѣты на невинныхъ въ ярости суетно принималъ, и поэтому навелъ на себя негодоваіе чиновачальниковъ всей Русской земли;—отсюда много напастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили“.

Два рисунка художника Кившенко, прилагаемые въ видѣ преміи къ сегодняшнему номеру „Нивы“, служатъ роскошной иллюстраціей къ двумъ лучшимъ историческимъ драмамъ, нашей отечественной литературы: *Борису Годунову*—А. С. Пушкина. и *Смерти Иоанна Грознаго* графа А. К. Толстаго,—вращающимся около личности Бориса.

Первая картина (слѣдую хронологическому порядку) представляетъ Бориса, пораженнаго предсказаніемъ волхвовъ о престолѣ, предсказаніемъ такъ близко совпавшимъ съ его затаенными предначертаніями.

Вторая картина изображаетъ Бориса уже царемъ, въ кругу своего семейства, Ксеніи и Федора. „Нива“ уже имѣла случай рассказать въ нынѣшнемъ году биографію дочери Годунова, и чтобы не повторяться, мы отсылаемъ желающихъ къ XIX главѣ „Призрачнаго царька“, на стр. 102 № 6-го. Тамъ же они найдутъ свѣдѣнія и о Федорѣ. Картина гораздо менѣе нуждается въ объясненіи, чѣмъ предъидущая. Она представляетъ Годунова разсматривающаго карту Московскаго, царства, начерченную самимъ царевичемъ. На лицѣ Годунова уже легли слѣды безпокойныхъ ночей, и смутныхъ угрызений совѣсти. Миловидныя, свѣжія лица дѣтей—служатъ яркимъ контрастомъ отцу. Въ глубинѣ видна мамка царевны, почтительно прислонившаяся къ печкѣ при входѣ царя.

П. Г.—ъ.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Артамонъ Сергѣевичъ глубоко вздохнулъ и съ болѣею, чѣмъ прежде страстностью продолжалъ:

— Я плакалъ отъ радости, что вы своего стараго воеводу не забыли, послѣшили встрѣтить его ласкою, хлѣбомъ-солью... а теперь вамъ голова моя поладилась?! Что-жь—вотъ я передъ вами, я безоружень... Я одинъ, а васъ цѣлая площадь. Только Бога то вспомните—отъ него не скроетесь!

Эти тихія, спокойныя слова, произнесенныя мучительно грустнымъ голосомъ, почтенная сѣдина стараго

боярина подѣйствовали на стрѣльцовъ, и они уже не слушали внушеній мятежниковъ. Они уже не глядѣли на Тараруя, который стоялъ за Матвѣевымъ и дѣлалъ имъ знаки, чтобы они скорѣе хватали Артамона Сергѣевича.

У многихъ изъ стрѣльцовъ опустились головы и на глазахъ показались слезы.

Матвѣевъ зоркимъ взглядомъ оглядѣлъ площадь, замѣтилъ благопріятное дѣйствіе словъ своихъ и продолжалъ:

— Смиритесь, дѣти! докажите, что вы все тѣ же вѣрные слуги государевы. Царь милостивъ, онъ не помянетъ этой вины вашей!

— Заступись за насъ, бояринъ передъ царемъ.

— Да, заступись! Мы что-жь, мы ничего... мы какъ передъ Богомъ: присягу помнимъ, царя почитаемъ, за него, за нашего батюшку, животы покласть готовы!..

— Говорю, царь милостивъ—ничего худаго вамъ не будетъ, только расходитесь!

— Ладно, бояринъ! кричали въ толпѣ.

Матвѣевъ съ облегченной душою спѣшилъ возвратиться къ царицѣ и объявить радостную вѣсть о томъ, что стрѣльцы утикли и сейчасъ будутъ расходиться.

Но не успѣлъ онъ дойти своимъ тихимъ, старческимъ шагомъ до Грановитой палаты, какъ новые крики раздались на площади.

Теперь ужъ не Милославскіе, не Хованскій подожгли стрѣльцовъ; бунтъ снова вспыхнулъ, благодаря безразсудству стрѣлецкаго начальника князя Михаила Юрьевича Долгорукова, того самого, котораго стрѣльцы издавна ненавидѣли, надъ которымъ такъ часто въ послѣдніе дни смѣялись. До сихъ поръ о немъ не было ни слуху ни духу, онъ ни во что не вступался, стрѣльцамъ на глаза не показывался. Ни одного усилія не сдѣлавъ онъ для ихъ усмиренія, а вотъ теперь, увидя, что Матвѣеву наконецъ удалось ихъ успокоить, что они сейчасъ будутъ расходиться, онъ вдругъ вышелъ на площадь и пожелалъ напомнить имъ, что онъ ихъ начальникъ.

И некому было удержать его, потому что на Красномъ крыльцѣ оставался одинъ Хованскій, который конечно былъ радъ случаю какъ нибудь поправить дѣло. Онъ отлично предвидѣлъ, что безумное появленіе Долгорукаго можетъ только способствовать возмущенію.

— Да ты ихъ хорошенько, хорошенько! Что они въ самомъ дѣлѣ о себѣ думаютъ, злораднымъ голосомъ сказалъ онъ Долгорукому. Покажи имъ, что ты ихъ начальникъ.

И несчастный Долгорукій, съ какой то безумной радостью, поспѣшилъ на свою погибель.

— Эй, живо! кричалъ онъ, по домамъ расходитесь, чтобъ вашимъ духомъ здѣсь не пахло!.. Бунтовать вздумали—вотъ постоитъ! ужъ разберу, такъ достанется вамъ на орѣхи. Царя тревожить, бунтовщики проклятые!

— А! такъ это ты кричишь на насъ? это ты лаешь? раздалось кругомъ Долгорукаго.

Что то страшное послышалось ему въ словахъ этихъ.

Онъ поспѣшилъ назадъ, на крыльцо; но нѣсколько стрѣльцовъ кинулись за нимъ. Не успѣлъ онъ шевельнуться, не успѣлъ крикнуть, какъ его схватили крѣпкія руки и со всего размаха сбросили внизъ на площадь. И въ то же время внизу приподнялись копыя: несчастный Долгорукій съ дикимъ, нечеловѣческимъ крикомъ упалъ прямо на эти подставленные копыя. Вся площадь заголосила: „любо!“ и окровавленнаго, полумертваго князя мгновенно разрубили на куски бердышами.

Тараруй стоялъ на крыльцѣ; глаза его горѣли.

— Такъ, дѣтки, такъ! кричалъ онъ. Съ однимъ покончили, за другихъ принимайтесь!

Но теперь уже нечего было учить стрѣльцовъ—отъ крика несчастной жертвы, отъ вида первой крови, пролитой ими, они осатаѣли. Уставивъ передъ собою копыя и крича звѣрскимъ голосомъ, они выломали рѣшетку Краснаго крыльца и ворвались въ дворцовые покои.

Между тѣмъ слыша съ площади отчаянные крики и предчувствуя, что бѣда пришла неминуемая, защитники царицы, собравшіеся вокругъ нея, и всѣ Нарышкины поспѣшили скрыться кто куда могъ.

Наталья Кирилловна осталась одна съ сыномъ, Мат-

вѣвымъ и Черкасскимъ. Теперь она ужъ не плакала. Лицо ея было неподвижно, глаза горѣли, сердце готово было изъ груди выскочить. Крѣпкими, материнскими руками прижала она къ себѣ Петра; да такъ и застыла на мѣстѣ.

Матвѣевъ сидѣлъ на скамьѣ въ полномъ изнеможеніи. У него все кружилось передъ глазами, онъ не могъ собрать ни одной мысли.

Вдругъ со страшнымъ шумомъ распахнулись тяжелыя двери и на порогѣ показались стрѣльцы.

— Подавай намъ Матвѣева, раздалось надъ самымъ ухомъ царицы.

Она, забывъ и себя и своего сына, кинулась къ Артамону Сергѣевичу; Черкасскій за нею.

Но стрѣльцы не смутились. Одинъ изъ нихъ, дюжій громаднаго роста парень, уже схватилъ Матвѣева.

Маленькій Петръ кричитъ ему: „Иди, не трогай!“ беретъ Артамона Сергѣевича за руку. Но стрѣлецъ, не задумываясь ни на мгновеніе, отбросилъ царя.

Матвѣевъ взглянулъ на Наталью Кирилловну, на Петра. Его блѣдныя, дрожація губы тихо прошептали: „Прости государь, прости государыня!“

Стрѣльцы схватили его, подняли съ лавки и повлекли изъ палаты.

Наталья Кирилловна всплеснула руками, вскрикнула, хотѣла было броситься за ними, но, не добѣжавъ до дверей, со всего размаха упала на полъ и потеряла сознание.

Матвѣевъ, совершенно обезсиленный, не выказывалъ никакихъ признаковъ жизни.

Стрѣльцы протащили его нѣсколько шаговъ, вывихнули ему руку, потомъ взвалили себѣ на плечи и бѣгомъ пустились къ Красному крыльцу. Слабый стонъ вырвался изъ груди Артамона Сергѣевича. Онъ на мгновеніе открылъ глаза и закрылъ ихъ снова.

— Выпустите руку, дайте хоть перекреститься, едва слышно прошепталъ онъ, но стрѣльцы не обратили никакого вниманія на его просьбу.

Онъ сдѣлавъ послѣднее усиліе и самъ высвободилъ свою руку.

„Смерть это, смерть! пронеслось въ его мысляхъ,— что-жь такъ долго?“...

Онъ началъ молиться и въ этой горячей предсмертной молитвѣ не замѣтилъ, что стрѣльцы ужъ на крыльцѣ, что кругомъ раздаются крики, брачанье оружія.

— Что это вы? Бога не боитесь... Стой! вдругъ раздался громкій, отчаянный голосъ.

Матвѣевъ снова открылъ глаза. Въ двухъ шагахъ отъ него молодой, красивый человѣкъ въ одеждѣ стрѣлецкаго подполка ника.

— Остановитесь! отпустите боярина! кричитъ онъ. Мало вамъ одного... одумайтесь --кого вы погубить хотите!.. Развѣ кто нибудь изъ васъ видѣлъ зло какое отъ него? а добра то много видѣли... вся Русь видѣла... Очнитесь!

Но стрѣльцы, неспіе Матвѣева, не въ состояніи были разсуждать теперь.

Тогда молодой подполковникъ, съ нечеловѣческой силой началъ вырывать Матвѣева изъ рукъ убійцы. Но ихъ было нѣсколько, онъ—одинъ.

— Отвяжись! гаркнули стрѣльцы.

Однако неожиданный защитникъ Матвѣева дѣлалъ свое дѣло. Онъ и самъ очевидно не могъ разсуждать, находился въ какомъ-то опьяненіи. Онъ ударилъ одного изъ стрѣльцовъ такъ, что тотъ покотился внизъ по ступенямъ.

— Эй, братцы, да помогите же кто-нибудь мнѣ! крикнулъ онъ къ толпѣ.—Обознались видно—не того схватили, невинную кровь проливаютъ!

Въ его голосѣ была такая сила и такое отчаяніе, что нѣсколько человѣкъ безсознательно кинулись къ нему на помощь.

Маленькая торговка. Картина Пю, грав. Паннемакеръ сынъ. Библиотека "Руниверс"

Но вдругъ изъ толпы выбѣжалъ Озеровъ и загородилъ имъ дорогу.

— Куда? Кого послушались,—Малыгина? такъ онъ самъ измѣнникъ! Смерть Матвѣеву!

И въ то же мгновеніе одинъ изъ стрѣльцовъ выхватилъ бердышъ, со всего размаха ударилъ имъ въ голову Николая Степановича.

Тотъ слабо крикнулъ, пошатнулся и упалъ на ступени лѣстницы; Матвѣева защищать было некому. Стрѣльцы высоко подняли его на рукахъ, раскачали и бросили на площадь. Густая толпа со всѣхъ сторонъ кинулась къ нему и въ остервенѣннѣе начала рубить его на мелкія части. Въ эту минуту на крыльцѣ показался патриархъ.

— Бога побойтесь! закричалъ онъ, пробираясь между стрѣльцами и спускаясь съ лѣстницы.

— Уйди, владыко, назадъ! отвѣчали ему.—Уходи—нечего намъ тебя слушать, не нужно намъ вичьихъ совѣтовъ! Сами теперь знаемъ, кто намъ любъ, а кто негодень... Уходи по добру по здорову!

Старый патриархъ прислонился къ периламъ лѣстницы, крупныя слезы полились изъ глазъ его. Онъ не могъ пошевелинуться и долго такъ стоялъ онъ. Точно сквозь туманъ видѣлъ онъ, какъ мимо его, одинъ за другимъ, со сверкающими кошками бѣгутъ стрѣльцы во дворець.

„Теперь за другихъ измѣнниковъ пора приниматься“, кричатъ они.

Много ихъ пробѣжало; крыльцо опять пусто, только смятый, потоптанный, на одной изъ ступеней лѣстницы, неподвижно лежитъ молодой подполковникъ Малыгинъ. На затылкѣ у него большая рана, изъ которой бьетъ кровь, орошая ступени Краснаго крыльца и блестя на солнцѣ алымъ цвѣтомъ.

Проходитъ еще нѣсколько мгновеній. Патриархъ все такъ же неподвиженъ, и грезится ему, будто на широкія каменные ступени, шатаясь и путаясь въ длинномъ платкѣ, взбирается какая-то женщина. Безучастный взоръ патриарха невольно останавливается на ней, и не знаетъ онъ, что это такое передъ нимъ—видѣніе или дѣйствительность.

Вотъ женщина наклонилась надъ тѣломъ убитаго подполковника. Ея молодое, прекрасное лицо страшно исказилось, отчаянный крикъ вырвался изъ груди ея, такой крикъ, что заставилъ совѣтъ очнуться патриарха. Теперь ужъ не въ забытьи, а на яву видитъ онъ, какъ эта молодая женщина припала на грудь убитаго со страшнымъ воплемъ, цѣлуетъ его, и вдругъ съ естественной силой поднявъ тѣло себѣ на плечи, спускается съ нимъ внизъ по ступенямъ. Никто ее не останавливаетъ. Стрѣльцы въ смѣненіи кричатъ, издѣваются надъ кровавыми останками Матвѣева, а она пробирается между нихъ со своею страшною и тяжелой ношей

X.

Долго шла Люба неся на плечахъ Николая Степановича и не замѣчая усталости. Она не плакала. Только все лицо ея такъ измѣнилось, что его и узнать было невозможно. Люба уже не казалась теперь семнадцатилѣтней дѣвочкой. Какъ будто десятокъ лѣтъ, страшныхъ и мучительныхъ, въ нѣсколько часовъ пронесся надъ нею.

„Боже, неужели онъ умретъ!“ шептали ея пересохшія губы, „нѣтъ, нѣтъ... быть можетъ!.. Господи! не попусти!.. Вѣдь вотъ сердце не бьется, а кровь такъ и хлещетъ изъ раны“...

И Люба не знаетъ, какъ надо унять кровь, не знаетъ что необходимо перевязать рану. Иногда ей кажется, что есть еще признаки жизни въ тѣлѣ ея друга, иногда вдругъ послышится ей слабое бѣненіе его сердца, но она не знаетъ, его ли это сердце бьется, или она только слышитъ стукъ своего собственнаго, которое разрывается въ груди ея. Онъ еще не холодѣетъ.—Она не разъ прощалась съ покойниками, она помнитъ этотъ особенный, страшный ледяной холодъ,—такъ

нужно бѣжать скорѣе, скорѣе подальше... скрыть его куда нибудь, чтобъ не отняли!..

И она, не замѣчая тяжести и страшной усталости, которая ее одолеваетъ, спѣшитъ со своею дорогѣйшою дальше отъ Кремля, туда, гдѣ потише, гдѣ не видно сверкающихъ коней, не слышно оглушительныхъ дикихъ криковъ.

Наконецъ, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, она достигла до узкаго глухаго переулка, съ обѣихъ сторонъ заросшаго садами. Вотъ тутъ куда бы нибудь въ садъ, на мягкую траву! сбѣгать бы къ колодцу черпнуть воды, обмыть рану, опрыскать его водою,—Богъ дастъ очнется!

Люба оглядѣлась во всѣ стороны, ища калитки или сломанной развалившейся изгороди, черезъ которую бы пройти можно было.

Но что это такое? Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея идетъ какой-то человѣкъ—и прямо ей на встрѣчу,—лицо страшное, черное какъ у теремнаго карлы.

Вотъ черный человѣкъ приблизился и остановился.

— Откуда ты, дѣвушка? говорить онъ ей. Кого это несешь?

Въ другое время Люба испугалась бы пожалуй этой страшной, черной рожи, но теперь она слышитъ только его ласковый голосъ.

— Если ты добрый человѣкъ, помоги мнѣ ради Бога!.. прошептала она—силъ моихъ больше нѣту! Куда бы какъ нибудь скрыться, что нибудь сдѣлать, чтобы кровь унять изъ раны, вишь какая страшная рана! вишь сколько крови Воды бы достать...

— Постой, дай я понесу, сказала черный человѣкъ. Вотъ проходилъ я, видѣлъ, отперта калитка, давай!

Люба бережно передала ему Николая Степановича.

— Только ради Христа осторожниче—дай я помогу тебѣ, говорила она.

Ей вдругъ сдѣлалось страшно. „А что коли это дьяволь? мелькнуло въ головѣ ея. Что коли это, чтобы отвести глаза мнѣ, онъ говорить такимъ добрымъ голосомъ, а вдругъ отниметъ его у меня и улетитъ съ нимъ!“

Но эта мысль, невольный, послѣдній отголосокъ перхуловскаго дома и его понятій, сейчасъ же и исчезла. Она замѣтила, какъ черный осторожно и заботливо несъ Малыгина.

— Дѣвушка, онъ не умеръ! онъ дышетъ... ей Богу! вдругъ, обернувши къ ней свое черное и ужъ теперь не страшное, а доброе и ласковое лицо, сказалъ этотъ невѣдомый человѣкъ.

— Что ты!.. Правда? ты не ошибаешься?

— Да нѣтъ же! Постой.. вотъ, Богъ дастъ, онъ очнется я за водой сбѣгаю.

Приливъ безконечнаго счастья нахлынулъ на Любу. Она склонилась надъ лицомъ Николая Степановича, не отрываясь, глядѣла на него, силясь прислушаться къ его дыханію.

Вотъ калитка.. вотъ они въ саду. Тихо... никого нѣту. Трава густая; вѣтвистыя яблони, осыпанныя бѣлымъ цвѣтомъ... пчелы жужжатъ, бабочки порхаютъ... Солнце такъ и горитъ, такъ и отливается на листьяхъ...

— Вотъ здѣсь въ тѣни и сложимъ его.—сказалъ черный,—а я поншу колодца.

Подъ развѣсистой душистой яблоней лежитъ Николай Степановичъ, а надъ нимъ склонилась Люба.

„Живъ онъ! живъ! нѣтъ больше сомнѣнья—бьется его сердце“.

Черный возвращается съ водою, и видно, что онъ человѣкъ бывалый—сейчасъ сдѣлалъ перевязку изъ Любинаго платка полотнянаго. Кровь остановилась. Еще нѣсколько мгновеній и открылъ глаза Николай Степановичъ.

Люба крикнула и тутъ только у нее брызнули слезы, но это были свѣтлыя, благодатныя слезы.

Она схватила руки своего дорогаго друга, и грѣла ихъ, и цѣловала.

— Живь ты! живь, милый! скажи хоть словечко, взгляни на меня!

Но онъ хоть и живь, хоть и глядитъ, но не узнаетъ своей Любы, глядитъ и ничего не видитъ—въ забыты, память не вернулась.

— Это бываетъ! Богъ дастъ очнется, говоритъ черны арапъ и мочить водою голову Николая Степаныча.

— Ну успокойся, успокойся красавица, обращается онъ къ Любѣ. Кто это—братъ твой, али милый? Видно, крѣпко ты его любишь, да и силы въ тебѣ не мало. Кто это его такъ? За что? Откуда несешь его?

— Да изъ Кремля, чай слышалъ... отвѣчаетъ Люба. А погубили его за то, что своихъ стрѣльцовъ останавливалъ, какъ тѣ убивать начали боярина Матвѣева.

Произнеся эти послѣднія слова, Люба вскрикнула и невольно отшатнулась—что то страшное сотворилось съ чернымъ человѣкомъ. Его глаза вдругъ расширились, показывая огромные бѣлки; все лицо исказилось; мучительный стонъ вырвался изъ груди его. Онъ схватилъ себя за голову.

— Кого? какъ ты сказала? какого боярина?

— Матвѣева, прошептала Люба.

— Матвѣева! повторилъ онъ отчаяннымъ голосомъ. Гдѣ онъ? гдѣ... живь?

— Нѣтъ, его убили... въ куски искрошили.

Черный человѣкъ упалъ на землю, продолжая стискивать себѣ руками голову, и горько, горько заплакалъ, какъ малый ребенокъ.

Люба, смотрѣвшая на него сначала съ недоумѣниемъ, вдругъ почувствовала къ нему большую жалость.

— Что ты, голубчикъ? О чемъ плачешь? спросила она.

Онъ очнулся и растерянно взглянулъ на нее.

— Плачу.... нѣтъ, мнѣ не плакать надо—мнѣ умирать теперь надо! проговорилъ онъ.—Артамонъ то Сергѣевичъ - вѣдь это господинъ мой, мой благодѣтель! Неотлучно пятнадцать лѣтъ я былъ при немъ: и въ радости и въ горѣ ему сопутствовалъ... Еще ребенкомъ былъ я, какъ онъ купилъ меня. До него я былъ у злого человѣка, тотъ билъ и терзалъ меня ежечасно... а онъ то, мой добрый бояринъ, ни разу и руки на меня не поднялъ. Ни разу и дурного слова не слыхалъ я отъ него. Онъ самъ, самъ училъ меня добру, разуму, самъ далъ уразумѣть мнѣ величіе Божіе, познать Христа Спасителя, окрестилъ меня въ вѣру православную, былъ моимъ воспріемникомъ, награждалъ меня, раба недостойнаго, всячески, какъ былъ онъ въ счастіи. А попалъ въ немилость, высланъ изъ Москвы былъ, такъ я не отсталъ отъ него. Знаю всѣ обиды, всѣ тѣсноты, голодъ и холодъ, которые терпѣлъ онъ. Бывало тяжело ему: и сердце то болитъ и тѣло то болитъ—мы въ Пустозерскѣ были—а ни разу онъ, голубчикъ, не вропщеть, ни разу-то не сорвалъ сердца на рабѣ своемъ. Призоветъ меня, бывало, къ себѣ, скажетъ: „Ну что, Иванушко, плохо намъ жить съ тобою, да видно ужъ доля моя такая, а ты то за что терпишь? оставь меня, Иванушко. У самого меня теперь мало денегъ, а все же тебѣ на дорогу хватить, возвращайся въ Москву, тамъ тебя мои благопріятели не обидятъ, примутъ. Брошусь я ему въ ноги, цѣлую его ручки, говорю: хоть на самое дно ада пойдешь ты, бояринъ, такъ и я за тобой, ты въ огнѣ будешь горѣть, и я въ огнѣ буду горѣть. А онъ то меня, раба чернаго, поднимаетъ, цѣлуетъ, а самъ плачетъ...“

Тутъ новыя рыданія прервали рѣчь негра. Онъ опять винулся на землю, и рвалъ на себѣ волосы, и стоналъ, и метался.

Люба не знала, что дѣлать; но вотъ онъ приподнял свою голову, и продолжалъ мучительнымъ попотомъ:

„Вотъ пріѣхали мы въ Москву, онъ радуется, и я радуюсь. Только чуяло нынче мое сердце бѣду страшную: какъ выѣхалъ бояринъ изъ дому, такъ я мѣста себѣ не могъ найти, а теперь вотъ взялъ да и пошелъ

въ Кремль—слышалъ, что тамъ стрѣльцы буянятъ.... Но такого, охъ, такого и въ мысляхъ не было!.. убили оканые, на части растерзали боярина, что-жъ я теперь буду дѣлать? Такъ пойду хоть послѣдній разъ взгляну на него, хоть слезами оболую его мертвую голову...“

— Нѣтъ, не ходи, голубчикъ, сказала ему растроганная Люба,—все равно тебя не впустятъ, только убьютъ зо даромъ. Ужъ и сама не знаю, какъ я то оттуда выбралась; у всѣхъ воротъ караулы наставлены... убьютъ, говорю.

Негръ сидѣлъ неподвижно.

— Ладно, сказалъ онъ, и то правда, нельзя мнѣ умирать теперь, пока я не отдалъ послѣдняго долга боярину. Буду караулить, доколѣ можно будетъ незамѣтно пробраться. Да и тебя теперь нельзя оставить... Гдѣ вы живете? Куда его нести нужно.

Люба сказала.

— Эхъ ма! даль-то какая! Ну, да пожди здѣсь, можетъ я это и улажу.

И онъ, отеревъ свои слезы, всталъ и пошелъ въ глубь сада, туда, гдѣ сквозь древесныя вѣтви виднѣлось какое то строеніе.

Это былъ маленькій домикъ. Негръ подошелъ къ нему и постучался.

Долго никто не откликнулся на стукъ его, между тѣмъ онъ слышалъ, какъ въ домѣ бѣгаютъ; до него доносились неясные голоса. Наконецъ изъ окошка выглянула голова молодого парня.

— Э, да это Иванъ! баушка Арина, не пужайся! Иванъ это Матвѣевскій.

Скоро дверь отворилась, и на порогѣ ея показалась маленькая сморщенная старуха.

— Иванушко, ты ли это? сказала она.

— Я, Арина Панкратьевна, я.

— Такъ входи, что-ты? а я было испужалась—думала, стрѣльцы, они вѣдь нынче все рыщутъ. Въ Кремлѣ то, баютъ, и ни вѣсть что дѣется: бояръ рѣжутъ, царское семейство рѣжутъ... Сколько зимъ не видались мы, Иванушко, говорила старуха;—ну что бояринъ?

Негръ не могъ ужъ больше сдерживаться, снова завопилъ онъ отчаянно, такъ что старуха отъ него поятилась.

— Нѣтъ боярина! Убили боярина! наконецъ, сквозь рыданія, произнесъ онъ.

Старуха такъ и всплеснула руками и долго охала, собрала всѣхъ домашнихъ и приступила къ негру съ разспросами. Но онъ ничего не могъ отвѣтить.

Наконецъ, онъ вспомнилъ, зачѣмъ пришелъ сюда. Рассказалъ старухѣ, какъ встрѣтился съ дѣвушкой, которая несла раненнаго человѣка, и что этотъ человѣкъ въ себя не приходитъ, а до дому имъ далеко, такъ нельзя ли запретъ телѣжку довести,—не то что-жъ, у васъ въ саду и помереть, пожалуй. Эти послѣдніе слова сразу подѣйствовали.

Арина Панкратьевна немедленно же велѣла одному изъ своихъ многочисленныхъ внуковъ запрягать лошадь.

Негръ вернулся къ Любѣ и сказалъ, что онъ все устроилъ, и что теперь они скоро будутъ дома.

— Спасибо, прошептала Люба сквозь слезы,—только вотъ посмотри—теперь мечется онъ, а меня не узнаетъ.

Малыгинъ лежалъ съ открытыми, но мутными глазами и тихо стоналъ.

Негръ перебинтилъ повязку, осмотрѣлъ рану:

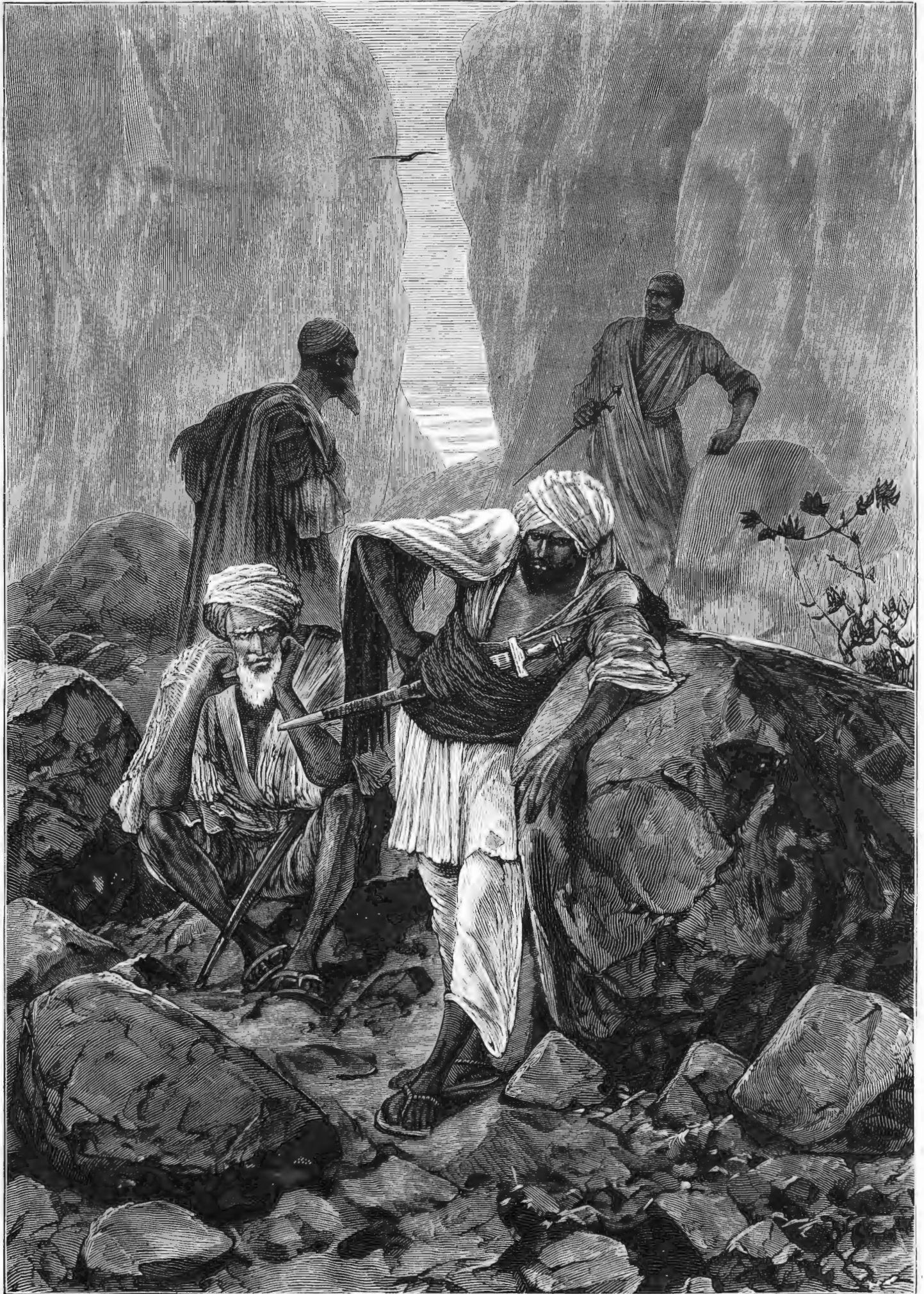
— Ну что? скажи ради Христа, неужто умереть онъ?

— Ничего сказать не могу—рана глубокая. Молись, можетъ Господь и помилуетъ.

Люба прижала къ себѣ руку Николая Степановича, склонила голову и неудержимо, горько плакала.

Черезъ нѣсколько минутъ телѣга была готова, и закоулками да задворками Малыгина кое-какъ довели до его дома.

(Продолженіе будетъ).

Хайберсiй проходъ, на границѣ Афганистана и Индiи, и типы афганцевъ. Рис. и грав. М. Рашевскiй, Библиотека "Руниверс"

Всемирная выставка въ Парижѣ: Голова статуи „Свободы“ предназначенная къ постановкѣ въ гавани Нью-Йоркскаго порта въ память независимости Америки. (Наружный и внутренний видъ). Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Воскресенскій Монастырь.

Воскресенскій Новый Иерусалимъ, названный такъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, находится въ 47 верстахъ отъ Москвы, близъ безубѣднаго города Воскресенска, на берегу р. Истры. Основателемъ монастыря былъ Патріархъ Никонъ. Начавъ строить монастырь съ храмомъ по образцу Иерусалимскаго храма Воскресенія Христова, онъ воздвигъ зданіе до сводовъ, но подпавъ царскому гнѣву, былъ низложенъ съ патріаршаго престола, (въ 1666 г.), и постройка храма оставлена была до времени Ц. Федора Алексѣевича, который, въ 1679 г., посѣтивъ это мѣсто, приказалъ продолжать начатое строеніе. Храмъ освященъ въ 1685 г., но, вслѣдствіе излишней тяжести, главный куполъ обрушился, а бывший потомъ пожаръ опустошилъ и прочія зданія, и обитель снова была забыта до времени царствованія Императрицы Елисаветы Петровны. Она въ 1748 г., повелѣла возобновить начатое Никонемъ, и въ 1765 г. всѣ монастырскіе постройки оконченны.

Лучшее изъ зданій безспорно—соборъ во имя Воскресенія Христова. Онъ имѣетъ болѣе 30-ти придѣловъ; вышина его 30 саж. и 1 ар. Главный куполъ имѣетъ трое хоръ. Подъ куполомъ небольшое зданіе, заключающее гробъ Господень, сдѣланный въ точную мѣру Иерусалимскаго, передъ гробомъ висятъ 10 серебряныхъ лампадъ, пожертвованныхъ Императорскою фамиліей. Это надгробное зданіе украшено спаружки богатыми иконостасомъ. При выходѣ изъ гроба Господня, по обѣимъ сторонамъ ко входу въ большую церковь, стоятъ два изображенія сотниковъ Логгина и Корнилія; со входу отъ гроба прямо въ церковь подъ арками на простѣнкахъ находятся 2 картины, представляющія совѣтъ Иудейскій по случаю молвы, разнесшейся о Воскресеніи Спасителя. За этими картинами пониже амвона лежитъ 4-хъ-угольная плита, означающая въ Иерусалимѣ среднюю землю. Влѣво на сѣверъ находится темница Спасителя, сидящаго въ терновомъ вѣнкѣ; за темницею церковь во имя Успенія Богоматери; въ этой церкви на лѣвой сторонѣ палатка; въ ней, по правую сторону иконостаса, писанное на холстѣ, изображеніе креста Господня, въ точную мѣру того, на которомъ былъ распятъ Господь. По обѣ стороны креста изображены Ц. Константинъ и Ц. Елена, внизу Ц. Алексѣй Михайловичъ, а ниже ихъ патріархъ Никонъ. Близъ креста картина: Христосъ предъ судомъ Иудейскимъ. Далѣе придѣлъ Муч. Логгина Сотника и церковь Андрея Иерусалимита, а за нею придѣлъ во имя Спасителя. За этимъ придѣломъ сходъ въ земляную пещеру, въ которой былъ обрѣтенъ крестъ Господень. Въ ней церковь во имя Константина и Елены. Недалеко отъ церкви вправо башенка, съ колодезъ, обложеннымъ мраморомъ. Возвратившись изъ подземной церкви, входимъ на лѣво въ церковь Тернового вѣнца. Подлѣ церкви келлія, въ которой патріархъ въ Иерусалимѣ, во время Св. Пасхи, готовился къ служенію: далѣе есть другая подобная келлія называемая Авраамовою. На югъ отъ нея устроена лѣстница или путь на Голгофу, подъ нимъ темница, съ церковью во имя Иоанна Предтечи. Въ этой церкви находится гробъ Патріарха Никона, надъ которымъ виситъ его келейный образъ Божіей Матери, сдѣланный изъ благоуханной мастики греческой работы, и вериги, которыя Никонъ во время молитвы падѣвалъ на себя.

Кромѣ главнаго собора въ обители есть церковь во имя Рождества Христова, постройка которой начата въ 1688 г. пѣдвеніемъ царевны Софіи Алексѣевны. Эта церковь имѣетъ 4 придѣла; во имя входа Господня въ Иерусалимъ, во имя Василия Вел., Григорія Богосл. и Иоанна Златоуста; она находится при императорскомъ дворцѣ. Послѣ пожара, бывшаго въ монастырѣ, какъ церковь, такъ и дворецъ сгорѣли и вновь устроены на суммы, пожертвованныя Императоромъ Павломъ I. Монастырская колокольня также устроена по образцу Иерусалимской.

Въ обители сохраняется въ серебряномъ ковчегѣ (украшенномъ въ 1704 г. Екатериною II) кисть правой руки Муч. Татіаны принесенная въ даръ монастырю цар. Татіаною Михайловной. Въ монастырской ризницѣ сохраняются церковныя драгоценности: евангелія въ богатыхъ окладахъ, сосуды, кресты, ризы и пр., историческія достопамятности: клобукъ патріарха Никона, посохъ, шляпа и обувь. Въ бібліотекѣ монастырской имѣется много книгъ на разныхъ языкахъ и нѣсколько экземпляровъ рукописныхъ евангелій; изъ нихъ замѣчательны древнія Евангелія на славянскомъ языкѣ, писанныя стариннымъ чистымъ почеркомъ на пергаментѣ, когда въ Россіи еще не было книгопечатанія. Многія за собственноручной подписью Патр. Никона.

Великолѣпие храма, знаменитость основателя обители и ея прекрасное мѣстоположеніе, особенно въ лѣтнее время, привлекаютъ въ этотъ монастырь множество посѣтителей.

Афганистанъ.

Афганистанъ составляетъ восточную часть Иранской возвышенности и находится между Персіей, Туркестаномъ и Индіей.

Географическое положеніе дѣлаетъ его важной страной въ торговомъ отношеніи между сѣверо-западной и юго-восточной Азіей, а по очертанію своей почвы онъ является естественнымъ оплотомъ Индѣйской имперіи противъ нападений съ сѣвера. Четыре пятыхъ страны покрыты горами, вершины которыхъ достигаютъ облаковъ и держатъ на себѣ вѣчные снѣга. На сѣверѣ, Афганистанъ граничитъ хребтомъ Гиндуку, съ западными отрогами Кохъ и Баба и горами Паропамиза. Еще со временъ Александра Македонскаго хребетъ Гиндуку считался твердыней, охраняющей страну отъ вторженій изъ Средней Азіи. На юго-востокѣ границей служатъ Сулеймановы горы съ Хайберскимъ проходомъ, чрезъ который идетъ торговый путь въ Индію. Вообще Афганистанъ представляется массою горъ, изрѣзанныхъ долинами, по которымъ пробѣгаютъ быстрые рѣки. Изъ рѣкъ болѣе другихъ замѣчательны Мурхабъ, Харн-Рудъ, Балхъ, Кабуль и Гальмендъ. Но всѣ эти рѣки, исключая нижней части Кабула, не судоходны. Во время таянія снѣговъ онѣ широко разливаются и превращаются въ ужасно бурные потоки. Долины Афганистана отличаются красотой, а красотой соперничаютъ съ плодородіемъ почвы. Почва Афганистана въ изобиліи производитъ всѣ виды индѣйскихъ хлѣбныхъ растений, хлопокъ, табакъ, марену, сахарный тростникъ. Розы, жасминъ, гиацинты растутъ на открытомъ воздухѣ; склоны горъ покрыты густыми лѣсами; тутъ можно встрѣтить и нашъ дубъ и сѣверныя сосны. Въ одной изъ плодосныхъ долинъ хребта Гиндуку расположенъ городъ Кабуль, резиденція эмира; тутъ же недалеко лежатъ и Хажа и Джелалабадъ—важные пункты въ стратегическомъ и военномъ отношеніяхъ. На сѣверо-западѣ, въ мѣстности, которая по своему плодородію носитъ названіе житницы Азіи, находится Гератъ, прежняя столица Афганистана. Въ юго-западной части Афганистана, на сѣверной окраинѣ Зайстанской степи, лежитъ Кандагаръ—самый важный складочный пунктъ для индо-персидской торговли. Въ историческомъ отношеніи въ Афганистанѣ замѣчательны города Анчки (Зараспю), гдѣ Александръ Великій расположился на зимнія квартиры въ 327 году и Балехъ (Бектра древнихъ), мѣсторожденіе Зороастра. Въ торговомъ отношеніи важенъ также Майменъ, гдѣ бываеъ конная ярмарка и Джермъ—своими рубиновыми копиями.

Афганистанъ дѣлится на 5 областей, отчасти непосредственно подчиненныхъ эмиру Кабульскому, отчасти пользующихся нѣкоторой долей независимости. Населеніе Афганистана составляютъ афганцы, таджики, кизиль-башы, гиссары, узбеки, индусы, кафиры, арабы, хайберцы, джаты и общая сумма жителей считается до 10 милліоновъ. Господствующимъ народомъ являются афганцы, называемые также патенами или пушту. Они собственно составляютъ половину всего населенія страны. Афганцы дѣлятся между собой на 5 племенъ или 405 общинъ. Нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ, что они произошли отъ 10 колѣнъ Израиля. Послѣ афганцевъ наиболѣе многочисленнымъ народомъ считаются таджики. Слово „таджикъ“ значитъ поселеніи, въ противоположность слову турокъ, что значитъ воинъ. Индусы принадлежатъ преимущественно къ кастѣ воиновъ и живутъ въ городахъ. Арабы выдають себя за потомковъ пророка. Хазары или Гиссары происходятъ, какъ говорятъ, отъ монголовъ или, какъ говорятъ другіе, отъ узбековъ. Это народъ преимущественно кочевой и независимый. Большая часть населенія принадлежитъ къ сунитской сектѣ, шінты встрѣчаются въ небольшомъ числѣ.

Афганы высоки ростомъ, стройны, имѣютъ черные волосы, живые, пронизательные глаза. Они мужественны и съ юности привыкли обращаться съ оружіемъ, проводятъ большую часть времени на лошади. Приученные къ зною и холоду, они очень выносливы и не боятся опасности, напротивъ, даже ищутъ борьбы, для которой страна представляетъ много удобныхъ случаевъ. Здѣсь почти не прекращаются междоусобныя войны, и даже женщины и дѣти у афганцевъ представляютъ далеко не шуточную военную силу. Шестилѣтній афганецъ уже ловко владѣетъ ножомъ и мушкетомъ. Вліяніе эмира во внутреннихъ дѣлахъ не особенно значительно, хотя воззваніе къ борьбѣ съ внѣшними врагами всегда находить быстрый откликъ. Народъ вообще ставитъ здѣсь выше всего личную свободу, и гражданскіе законы не могутъ имѣть точнаго характера. Всѣ споры здѣсь рѣшаются общимъ собраніемъ *блалъ бородъ*, разбирающихъ дѣла на основаніи словъ корана. Образование здѣсь, разумѣется, стоитъ очень низко, только купцы да духовенство умѣютъ писать и читать. Въ грамотности вообще употребляется персидскій языкъ, и на собственномъ нарѣчій существуетъ только нѣсколько богословскихъ и поэтическихъ сочиненій. Религія не избавляетъ народъ отъ суевѣрій, и здѣсь всездѣ занимаютъ гаданьемъ, астрологіей: носятъ амулеты, слушаютъ колдуновъ. Гостепріимство здѣсь, какъ у многихъ восточныхъ народовъ, развито; но гость, случайно зашедшій, безопасенъ только, пока онъ въ палаткѣ хозяина; переступивъ порогъ ея, онъ уже долженъ защищаться, если хозяинъ что нибудь понравилось въ гостѣ, и онъ захочетъ это пріобрѣсти, или же наоборотъ—если хозяину чѣмъ-нибудь не

угодили гость—тогда горе ему. Со своими рабами афганец обходится довольно кротко. Безъ объясненій понятно, что здѣсь существуетъ месть и у многихъ афганскихъ племенъ блюдетсѣ обычай отплачивать кровь женщинами. Убийца долженъ отдать семьѣ убитаго двѣнадцать своихъ родственницъ; шесть женщинъ идутъ въ уплату за выбитые зубы и такая же цѣна, смотря по опасности, назначается за раны. Нѣкоторые путешественники рассказываютъ, что изъ числа мелкихъ племенъ, населяющихъ Афганистанъ, есть, напримѣръ, сіагнуши. Племя это блѣднотное, русоволосое, съ голубыми глазами—по всѣмъ вѣроятіямъ арийскаго происхожденія; оно живетъ въ неприступныхъ горахъ и сохраняетъ остатки своей языческой религіи. О племени Зака Каннъ, также очень незначительномъ, идетъ молва, что почти каждый изъ этого племени воръ. Рассказываютъ, что у нихъ даже существуетъ обрядъ: при рожденіи каждаго новаго члена въ семьѣ протискивать чрезъ отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ, при чемъ три раза произносятся слова, въ переводѣ на нашъ языкъ означающія „будь воромъ“. Обрядъ этотъ прямо указываетъ на нравы народа.

Еще не такъ давно у этого племени не было святого, къ которому бы они могли ходить на поклоненіе, подобно другимъ племенамъ. Они, незадумываясь, убили одного человѣка, проходившаго по ихъ землѣ въ Кабуль, зарыли его на вершинѣ холма, а потомъ и начали отпрапляться на поклоненіе его костямъ.

Городъ Кабуль, столица эмира, считается до 40,000 жителей. Изъ зданій въ немъ особенно заслуживаютъ вниманія: главная мечеть, дворецъ эмира, цитадель, центральный базаръ, выстроенный взаимно разрушеннаго англичанами въ 1842 г. Городъ Майменъ лежитъ посреди горъ и видѣнъ только на четверть мили разстоянія. Онъ чрезвычайно грязенъ, дурно построенъ, дома его сдѣланы изъ глины; въ немъ имѣется три мечети и двѣ медресе (училища). На западномъ концѣ города высятся глиняныя же стѣны цитадели и раскинулись неглубокіе рвы. Впрочемъ, кстати сказать, грозная сила Маймена состоитъ всего вѣрнѣе въ храбрости его защитниковъ, чѣмъ въ стѣнахъ и рвахъ. Майменъ производитъ торговлю лошадьми, и здѣшнія лошади очень хорошия и очень дешевы. Кромѣ лошадей Майменъ торгуетъ коврами и матеріалами изъ шерсти и верблюжьего волоса, приготовляемыми туркестанскими женщинами. Отсюда же идетъ въ Персію и Багдадъ мелкій виноградъ (киш-мишъ), анисъ и фиштанки.

Герать по своему положенію можетъ быть названъ ключемъ Средней Азии. Жители востока прозвали его Дженестифатъ (подобнымъ раю); не принимая этого сравненія, все-таки нельзя не согласиться, что окружающая Герать мѣстность полна несомнѣнной прелести. Еще съ незапамятныхъ временъ Герать слышетъ большимъ рынкомъ для караванной торговли между Испаганомъ съ одной стороны, Бухарой и Пенджабомъ съ другой. Политики и завоеватели Средней Азии придаютъ ему такое важное значеніе, что сдѣлали изъ него яблоко раздора для различныхъ національностей и, если вѣрнѣе преданію, Герать вслѣдствіе этого выдерживалъ пятьдесятъ разъ осаду. Герать знаменитъ своей розовой водой и сабельными клинками. Самый городъ, какъ и всѣ города востока, хранитъ въ себѣ много древнихъ и современныхъ развалинъ. Развалины эти, какъ и вездѣ—древнія и красивѣе и величественнѣе.

Афганистанъ вообще богатъ разнаго рода развалинами, свидетельствующими о его прежнемъ цвѣтущемъ состояніи. Развалинъ особенно много въ долинахъ Тарнака и Гильмунда, тутъ на каждомъ шагу встрѣчаются остатки разрушенныхъ зданій, засыпанные канавы и другіе слѣды бывшей культуры края. Все это плоды завоевательныхъ походовъ Тамерлана, Чингисхана, Александра Великаго.

По своимъ естественнымъ произведеніямъ страна также можетъ быть названа весьма богатою странкою: здѣсь находится золото, серебро, желѣзо, свинецъ, въ изобиліи встрѣчается соль, селитра, сѣра. Но всѣ эти богатства лежатъ почти нетронутыми, вслѣдствіе отсутствія въ туземцахъ предпримчивости и отчасти отъ безразличныхъ междоусобныхъ войнъ. Было время, когда Афганистанъ владѣлъ Бухарой и нашимъ нынѣшнимъ Туркестанскимъ генералъ-губернаторствомъ съ Ферганскою областію (Коканомъ), онъ захватывалъ тогда своими границами юго-западныя области нынѣшнихъ индо-британскихъ владѣній, границы его доходили до моря и захватывали Белуджистанъ. Но мало по малу границы Афганистана уменьшались вслѣдствіе внутреннихъ безурядицъ, бывшихъ постоянною причиною междоусобныхъ войнъ, послѣдствіемъ которыхъ были потомъ образованія независимыхъ ханствъ. Затѣмъ, начиная съ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, англичане съ большою настойчивостію стали заботиться объ уменьшеніи предѣловъ Афганистана. Теперь они уже перебросили свою границу за р. Индъ къ самымъ пограничнымъ городамъ Афганистана, устроивъ впереди Пешавера укрѣпленный пунктъ Джамрудъ (близъ Хайберскаго прохода, отъ котораго идетъ дорога въ Кабуль) владѣютъ теперь Кучанскимъ проходомъ и Кветтой съ Боконскимъ проходомъ. Однако и теперь Афганистанъ все такъ страшный и опасный союзъ для англичанъ, царствующихъ въ Индіи. Афганистанъ—путь изъ Европы въ Индію.

Рисунки, приложенныя къ этому № „Нивы“, изображаютъ, одинъ—видъ города Кабула, другой—видъ Хайберскаго прохода. Хайберскій проходъ составляетъ одинъ изъ двухъ единственныхъ проходовъ въ Индію и потому становится мѣстомъ чрезвычайной важности. Онъ начинается у Джамруда, въ десяти миляхъ на западъ отъ Пешавера и тянется до Даки, на протяженіи тридцати трехъ миль. Но настоящій входъ въ ущелье находится въ Кадатѣ, мѣстечкѣ въ трехъ миляхъ на западъ отъ Джамруда, маленькой деревушки, окруженной валомъ. (Здѣсь укрѣпленный пунктъ, устроенный Англичанами). Въ 1000 ярдовъ отъ Кадаша ущелье суживается до 150 ярдовъ, съ крутыми обрывистыми утесами по обѣ стороны. Между этимъ мѣстомъ и афганскимъ пограничнымъ фортомъ Али-мусьидъ, расположеннымъ въ десяти миляхъ отсюда, горы по обѣ стороны достигаютъ 1,500 футовъ въ высоту, будучи при этомъ совершенно обнажены и недоступны по своимъ крутизнамъ; ширина прохода измѣняется отъ 290 до 40 футовъ. На протяженіи двухъ съ половиной миль за Али-мусьидомъ проходъ сохраняетъ свой малодоступный характеръ. Затѣмъ онъ выходитъ въ Лалабегскую долину, имѣющую около шести миль въ длину и среднюю ширину въ полторы мили. Но западный конецъ этой долины переходитъ еще въ болѣе узкое ущелье, въ которомъ съ трудомъ могутъ разойтись два верблюда. О хайберцахъ, обитателяхъ этой мѣстности, мы можемъ сказать, что между ними и войсками эмира существуетъ сильное враждебное чувство. Говорятъ, что недавно хайберцы были атакованы и деревни ихъ опустошены по приказанію эмира.

Нашимъ читателямъ уже извѣстно о послѣднихъ событіяхъ въ Афганистанѣ, бывшихъ причиною разрыва отношеній между англичанами и Афганскимъ эмиромъ. Разрывъ этотъ привелъ къ тому, что въ той и другой сторонѣ готовятся къ войнѣ. Въ виду этого сообщимъ здѣсь нѣсколько словъ объ оборонительныхъ силахъ Ширъ-Али.

По извѣстіямъ изъ Лондона, оборонительныя силы его представляютъ слѣдующіе размѣры. Ширъ-Али обратилъ особенное вниманіе на увеличеніе и обученіе своихъ войскъ. Полагаютъ, что въ распоряженіи эмира теперь находится болѣе 20 полковъ пѣхоты и 7 полковъ кавалеріи. Въ отдѣльности боевыя силы Кабула и Кандагара опредѣляютъ по 2,500 человекъ пѣхоты; 3,000 регулярной и 10,000 иррегулярной кавалеріи, при 45 орудіяхъ. Сюда нужно присоединить гарнизоны мирнаго времени: полкъ пѣхоты въ Кандагарѣ, полкъ пѣхоты въ Хузни, одинъ полкъ и 5 орудій въ Кале-и-Гильфаѣ, полкъ пѣхоты, полкъ стрѣлковъ и 5 орудій въ Курамѣ и около 10,000 человекъ съ 3 батареями въ Балхѣ. Герать можетъ выставить 5 полковъ пѣхоты, по 500 человекъ въ каждомъ и 5 полковъ кавалеріи, по 450 человекъ въ каждомъ, всего около 5,000 человекъ. Кромѣ этихъ регулярныхъ войскъ въ Кандагарѣ, Гератѣ и Кабулѣ, Ширъ-Али располагаетъ многими военными отрядами, которые обязаны поставлять отдѣльныя узбекскія ханства къ сѣверу отъ Кабулстана. Но всѣ эти регулярныя войска ничтожны сравнительно съ массами милиціи или народнаго ополченія. Эмиръ призывалъ всѣхъ начальствующихъ главъ пограничныхъ племенъ, и они согласились повиноваться его приказаніямъ. Момунды идутъ на соединеніе съ войсками эмира. Якубъ-ханъ, сынъ эмира, бывший долгое время въ заточеніи, освобожденъ и назначенъ командующимъ части войскъ своего отца.

Нужно замѣтить, что самая природа страны представляетъ собою всѣ средства обороны и одолѣть ихъ можно только съ величайшимъ трудомъ.

Объ этихъ предстоящихъ трудностяхъ англичане уже имѣютъ достаточно ясныя понятія. Они уже пробовали когда-то тому назадъ лѣтъ сорокъ пять, а именно въ 1842 году, забраться въ Афганистанъ, но эта попытка кончилась поразительно неудачею. Объ этой несчастной экспедиціи 1842 года до сихъ поръ они говорятъ со страхомъ, и по словамъ самихъ англичанъ ни одно событіе въ исторіи британскаго владычества въ Индіи не производило болѣе глубокаго впечатлѣнія на Англію, какъ безславное отступленіе ея войскъ отъ столицы Афганистана. Трудности, съ которыми былъ сопряженъ переходъ чрезъ Сулиманскій горный хребетъ, до сихъ поръ пугаютъ англичанъ и даже значительно болѣе чѣмъ всѣ описанія борьбы съ афганцами и горными племенами. Вступленіе въ 1842 году въ непріятельскую землю совершилось безъ особенныхъ затрудненій, но за то положеніе англичанъ внутри страны и выходъ отсюда были поистинѣ ужасны. Ихъ тѣснили и морили на мѣстѣ, и жали и давили въ проходахъ горъ. Ихъ преслѣдовали среди отвѣсныхъ скалъ, имъ не давали возможности пить, разставивши у каждаго ручейка и поджидая бѣдняковъ. Загораживали дорогу кучами навоза и кустовъ, а выпавшій снѣгъ и подтаявшій въ тепломъ воздухѣ обледенилъ путь. Съ трудомъ и немногимъ уже изъ отряда удалось вырваться изъ „этого ада“.

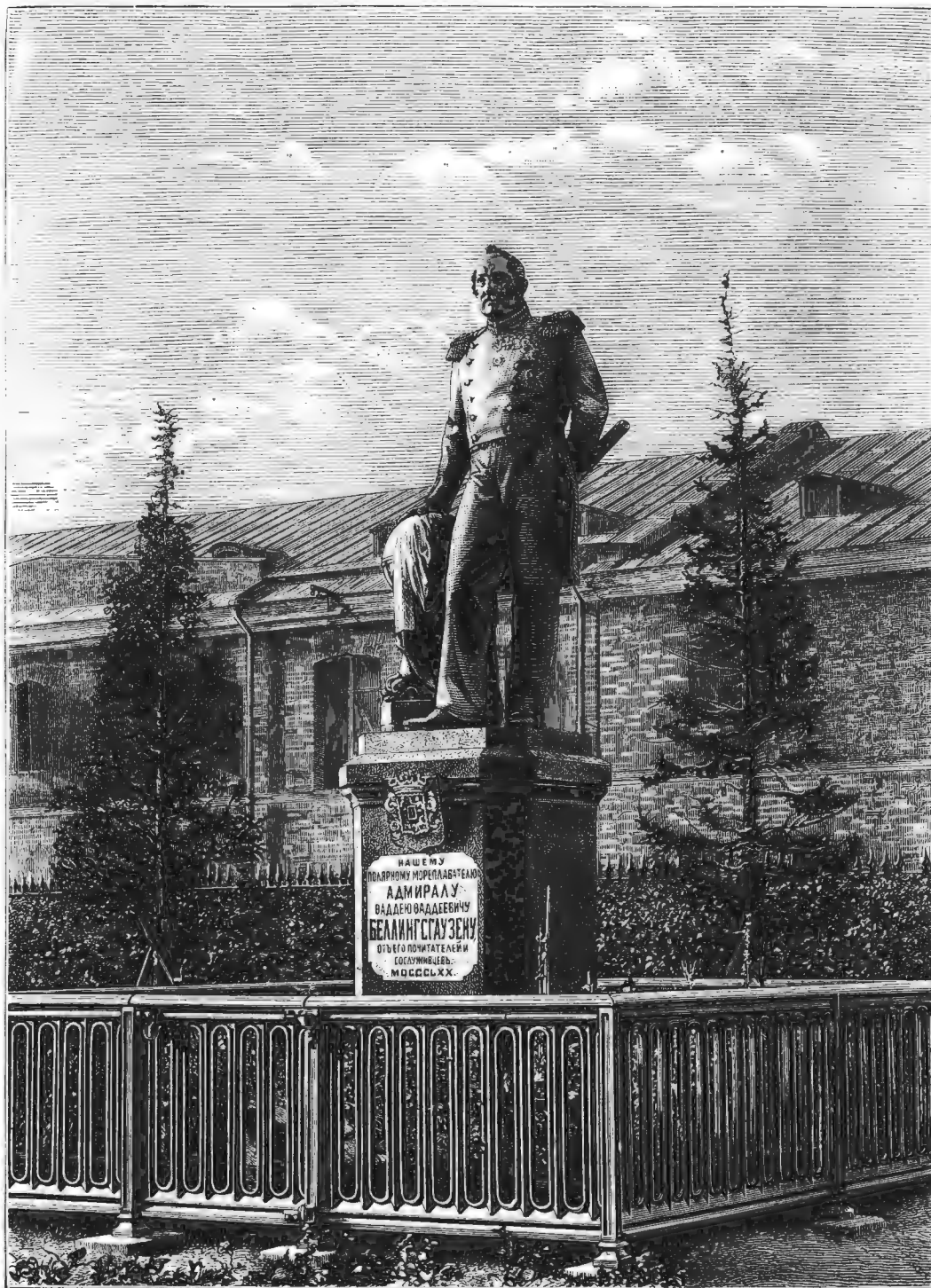
Но не смотря на страхъ, до сихъ поръ еще царствующій въ массѣ англійскаго народа при воспоминаніи объ этой несчастной экспедиціи, „правители страны“, повидимому, имѣютъ неуклонное намѣреніе смирить афганскаго эмира. Оно конечно, „Британскому правительству“ не такъ страшно какъ народу, ибо тяжесть войны отражается на этомъ же все народѣ,

а п авительство вовсе не знает этой тяжести, именно той ея стороны, которая всего ужаснѣе для народа: тяжести сиротства, бѣдности, ранъ, увѣчья и т. д. и т. д.

Что произойдетъ теперь у афганцевъ съ англичанами, тѣмъ копчатыся начавшіяся непріязненные дѣйствія—неизвѣстно; мы уже знаемъ только то, что эмиръ Ширъ-Али Афганскій доказываетъ дружественное расположеніе свое къ Россіи, и въ настоящее время въ Ташкентъ пріѣхало афганское посольство,

какъ бы въ отвѣтъ на наше посольство, отправленное 2-го іюля съ цѣлю завести прямыя торговыя сношенія съ Афганистаномъ и Индіей, а также высказать эмиру признательность за его образъ дѣйствій по отношенію Россіи во время Русско-Турецкой войны. Посольство эмира представлялось генералу Кауфману и, какъ говорятъ, намѣрено отправиться въ Петербургъ.

Н.

Памятникъ адмиралу О. О. Беллингаузену, въ Кронштадтѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Заявленіе.

Издатель журнала „Нива“ имѣетъ честь заявить, что тѣмъ изъ гг. подписчиковъ, которые подписались только на второе полугодіе „Нивы“, премія ея: „Бояринъ Борисъ Годуновъ, и кудесники, предсказывающіе ему царствованіе“, и „Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти, Θεодоръ и Ксенія“, высланы не будутъ, какъ объ этомъ не разъ заявлялось. Подписавшіеся на второе полугодіе могутъ доплатить 3 р. за первое полугодіе и тѣмъ самымъ получить право на приобрѣтеніе всѣхъ №№ перваго полугодія съ преміями.

(Продолженіе на стр. 793, 794, 795 и 796).

Парижская Всемирная Выставка.

Громадная голова съ лучистымъ вѣнцомъ на ней, изображенная на нашемъ рисункѣ, принадлежитъ статуѣ *Свободы, озаряющей міръ*. Статуя эта предназначена для Нью-Йоркаго порта и будетъ поставлена на небольшомъ островкѣ р. Гудзона, противъ Лонг-Исланда, гдѣ была пролита первая кровь въ борьбѣ за независимость Америки. Статуя эта будетъ стоящая; одной рукой она будетъ держать таблицы законовъ, другой-же, высоко поднятой—горящій факелъ; ногами она будетъ попирать разбитыя оковы. Назначеніе статуи—служить маякомъ и освѣщать гавань, а также часть города Нью-Йорка—Джерсей и Бруклинъ. Идея возникновенія ея принадлежитъ французамъ, которые, желая выказать свое сочувствіе родственной трансатлантической республикѣ, въ память столѣтней годовщины провозглашенія независимости Сѣверо-Американскихъ штатовъ, и поручили скульптору Бартольди сдѣлать этотъ колоссальный

г. Яблочковымъ, да притомъ и нашелъ капиталъ и средства къ широкому распространенію этого изобрѣтенія. Въ настоящее время новый способъ долженъ произвести рѣшительно коренной переворотъ въ системѣ освѣщенія большихъ городовъ. Акціи газовыхъ обществъ уже начинаютъ понижаться и едва ли не грозитъ имъ впереди большая бѣда. Говорятъ, Эдиссонъ заявилъ, что при помощи аппарата въ 500 лошадиныхъ силъ онъ можетъ принять на себя освѣщеніе такого обширнаго города, какъ Нью-Йоркъ. При примѣненіи этого освѣщенія электрическія проволоки проводятся подъ землею, какъ и газовыя трубы, и стоить только коснуться пружины, чтобы произвести разомъ освѣщеніе. Спички въ такомъ случаѣ выйдутъ изъ употребленія. Наконецъ благодаря изобрѣтенію Эдиссона, можно будетъ замѣнить паръ электричествомъ повсюду, гдѣ требуется двигательная сила. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ послѣднее время изобрѣтенія слѣдуютъ за изобрѣтеніями. Къ числу изобрѣтеній здѣсь кстапи будетъ привести и локомотивъ

Общій видъ города Кабула въ Афганистанѣ, снятый съ верхней стороны цитадели. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

памятникъ, который долженъ быть отлитъ изъ мѣди и со своимъ пьедесталомъ достигнетъ высоты тридцати двухъ сажень. О размѣрахъ статуи можно составить понятіе по ея головѣ, въ которой устроена цѣлая комната; въ комнату же ведетъ прекрасная витая лѣстница, что ясно видно на нашемъ рисункѣ. На выставкѣ голова статуи Свободы поставлена въ паркѣ Марсоваго поля, со стороны Іенскаго моста.—Въ прошедшей статѣ нашей о выставкѣ мы говорили объ изобрѣтеніяхъ нашего соотечественника г. Яблочкова новаго освѣщенія посредствомъ электрической свѣчи. Теперь носятъ слухи, что это освѣщеніе будетъ введено у насъ взамѣнъ газа. Указываютъ на Невскій проспектъ и Большой театръ, которые будто бы будутъ освѣщены новымъ свѣтомъ. Такимъ образомъ, русское изобрѣтеніе, которое появилось на Всемирной выставкѣ во французскомъ отдѣлѣ, будетъ примѣнено у насъ-же самихъ. Кромѣ того открытіемъ г. Яблочкова воспользовался извѣстный американскій изобрѣтатель телефона, микрофона, фонографа и т. д.—Эдиссонъ. Онъ еще улучшилъ способъ освѣщенія, открытый

г. Шмидта, Локомотивъ прибылъ изъ Цюриха въ девять дней, пройдя пространство по простымъ дорогамъ. Локомотивъ этотъ въ тоже время можетъ быть примѣняемъ въ случаяхъ пожаровъ: стоитъ только придѣлать къ нему помпу. Въ шведскомъ отдѣлѣ замѣчательнъ аппаратъ г. Бруніуса, носящій названіе *защитника*. Аппаратъ этотъ служитъ для предотвращения столкновеній поѣздовъ и другихъ несчастій на желѣзныхъ дорогахъ. Посредствомъ электрическаго тока онъ сообщаетъ поѣзду, находящемуся въ пути о приближеніи другого, точно также о порчѣ рельсовъ, вообще—опасности, предстоящей на пути. Достойнъ вниманія, во французскомъ отдѣлѣ машинъ, усовершенствованный телеграфическій аппаратъ Боло. Съ помощію этого аппарата одновременно по одной и той же проволокѣ могутъ быть отправляемы пять депешъ и въ противоположныя направленія. Аппаратъ этотъ уже дѣйствуетъ между Бордо и Парижемъ, отправляя по три депеши изъ Парижа и по двѣ изъ Бордо. Интересны также павильоны братьевъ Розъ и гг. Гауль Шикетъ и К'. Въ первомъ устроена мельница новой системы, сое-

диненная съ пекарней. Жернова въ этой мельницѣ замѣнены аппаратомъ, имѣющимъ нѣкоторое сходство съ большими кофейными мельницами. Въ дѣйствіе эта мельница приводится паровой машиной и всѣ части ея работаютъ механически, напр. зерно превращается въ муку въ верхнемъ отдѣленіи, затѣмъ мука также механическимъ путемъ пересыпается въ нижній этажъ, гдѣ устроена пекарня. Для управленія всѣмъ ходомъ машины требуется незначительное число рукъ, и вся операція превращенія зерна въ разнаго рода печенья производится чрезвычайно быстро. Во второмъ павильонѣ великолѣпная машина Пиктета приготовляетъ ледъ. Страннымъ кажется видѣть, какъ одна половина машины горяча и пышетъ жаромъ, другая же отдѣла льдомъ. Машины Пиктета дѣлаютъ различныхъ размѣровъ, начиная съ громадныхъ, приготовляющихъ въ теченіи дня до 1000 пуд. льда и до небольшихъ переносныхъ, дающихъ въ часъ около пуда.

Отъ полезныхъ открытій перейдемъ къ диковинкамъ другого рода. Изобрѣтенія въ этомъ родѣ хотя и не имѣютъ практическаго приложенія къ жизни и не могутъ занимать мѣсто въ ряду упомянутыхъ выле предметовъ, тѣмъ не менѣе и ихъ творцамъ нельзя отказать въ извѣстной долѣ изобрѣтательности и искусства, и эти изобрѣтенія, какъ бы онѣ не казались противоположны предыдущимъ, въ сущности своей все-таки подходить, къ тѣмъ, т. е. заключають въ своей основѣ тоже механизмъ. Мы хотимъ сказать объ отдѣлѣ дѣтскихъ игрушекъ. Отдѣлъ этотъ веселитъ собою и забавляетъ. Отъ ничтожнаго су, игрушки доходятъ до тысячи франковъ и болѣе. И какое же разнообразіе онѣ представляютъ собою! Напр. предъ нами фигурируютъ игрушечные звѣри. Вотъ левъ, машущій своей гривой; олень, жующій мохъ; слонъ, поднимавшій хоботъ; кролики бѣгаютъ, садятся на лапки, грызутъ морковь. Хороши также клѣтки, въ которыхъ искусственные птички перелетаютъ съ одного мѣста на другое и поютъ въ тоже время и щебечутъ.

Но мы надѣемся еще имѣть случаи говорить о Парижской всемирной выставкѣ и потому, по недостатку мѣста въ этомъ номерѣ, откладываемъ наши сообщенія до другого раза.

Отправленіе въ школу.

Картина А. Корзухина „Отправленіе въ школу“, рисунокъ съ которой помѣщается въ настоящемъ номерѣ „Нивы“, обращаетъ на себя вниманіе любителей художественныхъ произведеній, сколько добросовѣстностью работы, тщательно, и съ большимъ стараніемъ выполненной, столько же и самымъ своимъ сюжетомъ. Сюжетъ этотъ весьма, казалось-бы, незначителенъ, но есть въ немъ нѣчто такое, что придаетъ картинѣ много, такъ сказать, душевной теплоты. Сущность сюжета—семейная сценка: мальчикъ, воспитывающійся въ военно-учебномъ заведеніи, прощается съ матерью, прогостивъ дома праздничный день. Старушка, назначенная ему въ проводники, уже давно ждетъ его съ мѣшечкомъ, давно уже онъ простился съ отцомъ, простился уже и съ матерью разъ пятью, но все еще она его не хочетъ отпустить, предлагая себѣ всю продолжительность разлуки до слѣдующей субботы. Отецъ, какъ и подобаетъ солидному мужику, съ нѣкоторою насмѣшливостью относится „къ такимъ нѣжностямъ“, но „не препятствуетъ“—пусть, молъ, понѣмается: материнское сердце мягкое...

Вотъ это-то „материнское сердце“ и есть главная суть въ картинѣ, и тотъ кто умѣетъ его понимать, оцѣнитъ съ перваго взгляда на картину, и ея достоинство.

Маленькая торговка.

Картина, изображающая одну только головку молодой дѣвочки, такъ много говоритъ собою: прелестныя дѣтскія глазки имѣютъ въ себѣ столько чудеснаго выраженія, что зритель невольно чувствуетъ душевную привязанность и участіе къ этому милому ребенку. Ребенокъ, въ глазахъ котораго такъ много душевной глубины и нѣжности, поставленъ, повидимому, въ такія житейскія условия, при которыхъ приходится жить перебиваясь, какъ говорится, изъ дня въ день. Но это стольковѣніе съ непривѣтливой судьбой не наложило еще своей тяжелой руки на душу ребенка. Ведя свою маленькую торговлю и не только добывая себѣ этимъ средства существованія, а быть можетъ, служа даже поддержкой семьѣ, она остается все еще симпатичнымъ и милымъ ребенкомъ, быть можетъ и даже незамѣчая своей тяжелой доли.

Въ этомъ весь сюжетъ картины, сюжетъ богатый по выраженію прекраснаго дѣтскаго лица, въ которомъ такъ много душевной прелести.

Адмиралъ Фаддѣй Фаддѣвичъ Беллингаузенъ.

„Его дѣйствія были совсѣмъ въ другихъ странахъ, ни однимъ изъ русскихъ мореплавателей неприкосновенныхъ. Онъ простиравъ изысканія за южный полярный кругъ, среди льдовъ, производившавшихъ крѣпкимъ вѣтрамъ, при туманахъ, вѣтрахъ и морозахъ; онъ прекратилъ свои изысканія тогда только, когда встрѣтилъ непреодолимые ледяныя громады, между которыми онъ продолжалъ дѣйствовать три мѣсяца. На зимнее

время онъ пошелъ въ меньшія широты, но вскорѣ возвратился къ тѣмъ же многотруднымъ изысканіямъ; продолжалъ онныя изысканія среди тѣхъ же препятствій отъ льдовъ и погодъ въ теченіе еще *три* мѣсяцевъ, и только тогда пошелъ въ обратный путь, когда увидѣлъ совершенную невозможность продолжать плаваніе далѣе“...

Такими чертами изображаетъ дѣятельность Беллингаузена официальный отчетъ „о двукратныхъ его изысканіяхъ въ Ледовитомъ океанѣ“. Это, дѣйствительно, одинъ изъ адмираловъ, дѣлающихъ честь русскому мореходству.

Фаддѣй Фаддѣвичъ родился въ 1779 году 17 августа. На 10-мъ году отъ роду онъ былъ опредѣленъ въ Морской Кадетскій Корпусъ и выпущенъ мичманомъ въ 1797 г. Служа на различныхъ военныхъ судахъ и исполняя съ замѣчательною аккуратностію всѣ возлагавшіяся на него порученія и должности, Фаддѣй Фаддѣвичъ въ 1818 году въ чинѣ капитана 2-го ранга уже командовалъ фрегатомъ „Флора“. Въ 1819 году отправился въ свое знаменитое кругосвѣтное плаваніе, имѣя подъ командою шлюпы „Востокъ“ и „Мирный“. Съ 1839—52 г. (т. е. до самой смерти) состоялъ главнымъ командиромъ и военнымъ губернаторомъ Кронштадта, и въ 1843 г. былъ произведенъ въ адмиралы.

Въ знаменитое свое кругосвѣтное плаваніе, на шлюпахъ „Востокъ“ и „Мирный“ 1819—21 гг. было имъ открыто 29-мъ острововъ и въ числѣ ихъ одна коралловая мель съ лагуномъ. Изъ этихъ о-вовъ 19-ть открыто въ жаркомъ поясѣ, въ умѣренномъ южномъ 8-мъ и въ южномъ-холодномъ 2. Эти послѣдніе открыты въ январѣ 1821 г. Одинъ изъ этихъ вновь найденныхъ о-вовъ названъ именемъ Петра I, виновника и творца Русскаго флота. Въ эту экспедицію шлюпомъ „Мирный“ командовалъ знаменитый адмиралъ Лазаревъ, сохранившій самую теплую и, въ историческо-біографическомъ смыслѣ, важная для насъ воспоминанія о Фаддѣѣ Фаддѣвичѣ.—Извѣстный ученый нѣмецкій географъ, г. Петерманъ, торжественно высказалъ передъ Европою, еще въ 1865 году, что слава Беллингаузена основана (и основана справедливо) на мысли, что Беллингаузенъ провѣрилъ и исправилъ изысканія англичанина Кука. Послѣ Кука господствовало, основанное на авторитетѣ этого мореплавателя, убѣжденіе, что *приблизиться* къ южному полюсу далѣе нельзя, чѣмъ это сдѣлалъ онъ, Кукъ; что за рубежемъ, который открылъ Кукъ, уже нечего искать, нечего открывать. Беллингаузенъ осмѣлился идти на *перекоръ* этой господствовавшей до тѣхъ поръ, въ теченіе цѣлыхъ 50 лѣтъ, такъ сказать, деспотической мысли, осмѣлился провѣрить ее... Петерманъ признаетъ, даѣе, что такой громадной поверхности земного шара, какую привелъ въ извѣстность адмиралъ Беллингаузенъ, еще не удавалось обслѣдовать ни кому изъ мореплавателей, плававшихъ послѣ него. За эту услугу, нѣмецкій географъ ставитъ имя Беллингаузена на ряду съ именами Колумба, Магеллана, Джемса-Росса и т. п. Только послѣ отважнаго плаванія Беллингаузена стали возможными дальнѣйшія изслѣдованія американскихъ, англійскихъ и французскихъ мореплавателей. Нашъ адмиралъ прорвалъ поясъ непроницаемыхъ льдовъ и указалъ *присутствіе суши* въ антарктическомъ поясѣ. Джемсу-Россу, по указанной дорогѣ, уже легко было дѣлать свои открытія въ этой части земного шара (въ 40-хъ годахъ). Экспедиція Беллингаузена достигала 70° южной широты.

О частной жизни Беллингаузена и о его служебной дѣятельности (въ бытность губернаторомъ въ Кронштадтѣ) существуетъ много ходящихъ, еще не собранныхъ въ систему, преданій. Императоръ Николай I называлъ Беллингаузена матеромъ своего дѣла. Въ 40-хъ годахъ у насъ былъ лишь парусный флотъ, но эволюціи этого флота Беллингаузенъ сумѣлъ довести до такого совершенства, что однажды нынѣшній Шведскій король Оскаръ, присутствуя, въ качествѣ лейтенанта на маневрахъ у о-ва Гогланда,—не выдержавъ изумленія, воскликнулъ: „держу пари съ кѣмъ угодно, что такихъ эволюцій не сдѣлаетъ ни единый флотъ въ Европѣ“.

Извѣстный историкъ М. П. Погодинъ передаетъ въ своихъ „историко-критическихъ отрывкахъ“, что Беллингаузенъ, не смотря на свою нѣмецкую фамилію, ни слова не зналъ по нѣмкѣ.

Г. Кронштадтъ своимъ украшеніемъ во многомъ обязанъ Беллингаузену, въ періодъ его губернаторства. Лучшія зданія и сооруженія Кронштадта были возведены именно въ это время. Въ числѣ этихъ сооруженій нужно упомянуть о паровомъ заводѣ, сухомъ докѣ, фонтанакъ. По его распоряженію, перестроены офицерскіе и служительскіе флигели; по его ходатайству увеличенъ лѣтній садъ въ Кронштадтѣ, сдѣланы во многихъ мѣстахъ бульвары и скверы. Незадолго до своей смерти, Беллингаузенъ построилъ въ лѣтнемъ саду домикъ, на подобіе Саардамскаго Петровскаго домика.

Адмиралъ Ф. Ф. Беллингаузенъ скончался 73 лѣтъ отъ роду, 13-го января 1852 года.

Памятникъ Беллингаузену въ Кронштадтѣ исполненъ удачно. Фигура статуи сформирована профессоромъ скульптуры И. Н. Шредеромъ; отливка произведена г. Мораномъ; рисунокъ пьедестала и чертежи фундамента исполнены архитекторомъ Монетти. Гранитныя работы пьедестала—художникомъ Баринскимъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Извѣстія изъ Индіи указываютъ на общее сосредоточеніе на ея границахъ военныхъ силъ, афганскихъ и британскихъ. Эмиръ, кромѣ того, старается возбудить джехадъ, т. е. священную войну; но неизвѣстно, увѣнчаются ли успѣхомъ старанія Ширъ-Али, такъ какъ даже и среди мусульманъ въ наше время релігіозный фанатизмъ слабѣетъ. Последнія телеграммы индійскихъ газетъ говорятъ, что посолъ вице-короля Индіи вернулся изъ Кабула съ отвѣтомъ эмира на письма вице-короля и что содержаніе этого отвѣта весьма неудовлетворительно.

Въ Константинополѣ съ нѣкоторою тревогою слѣдятъ за ходомъ столкновения между Англійей и Афганскимъ эмиромъ. Хотя турки не питаютъ къ эмиру особенныхъ симпатій, однако желали бы избѣгнуть столкновения, которое могло бы имѣть для интересовъ ислама роковыя послѣдствія. Султанъ заявилъ англійскому посланнику въ Константинополѣ о томъ, что онъ написалъ эмиру письмо, прося его, какъ добраго мусульманина, войти въ соглашеніе съ Англійскимъ правительствомъ. Между тѣмъ извѣстія изъ другихъ источниковъ говорятъ, что на дняхъ изъ Константинополя отправился въ Кабулъ четыре высше офицера оттоманской арміи для предложенія своихъ услугъ Ширъ-Али на случай, если между Афганистаномъ и Англійей вспыхнетъ война. И эти офицеры, говорятъ, отправлены въ Афганистанъ турецкимъ военнымъ министерствомъ по просьбѣ эмира. Персія, повидимому, будетъ также играть нѣкоторую роль въ ожидаемыхъ осложненіяхъ въ Азіи. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Тегерана, шахъ по возвращеніи изъ Европы обнаруживаетъ необыкновенную дѣятельность въ дѣлѣ переустройства персидской арміи. Имъ выписаны изъ Австріи офицеры, онъ заказалъ въ Европѣ оружіе, и полагаютъ, что къ осени Персія будетъ въ состояніи сосредоточить на границахъ Афганистана довольно сильную армію, съ дружественными намѣреніями. Кромѣ того, у афганскаго эмира находятся еще союзники въ Америкѣ, въ лицѣ прландскихъ феніевъ. По рукамъ ихъ ходитъ извѣстіе изъ Америки, что тамошніе феніи затѣваютъ оказать эмиру въ предстоящей борьбѣ посильную для нихъ помощь, чтобы раздавить общаго ихъ врага—Англійю. Для людей, сколько нибудъ знакомыхъ съ чувствами, питаемыми прландцами въ отношеніи Англійи, въ такомъ извѣстіи не представляется ничего необыкновеннаго или неожиданнаго. Своею чрезвычайно, граничащей почти съ паникой тревогою, обнаруженной при выступленіи на сцену афганскихъ затрудненій, англичане сами указали на всю серьезность угрожающей ихъ азіатскому владычеству опасности. Ирландцы же, спѣшатъ воспользоваться этимъ указаніемъ.

Неблагоприятное впечатлѣніе, произведенное турецкою циркулярною депешкою на всѣ великія державы побудило турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ къ болѣе частымъ переговорамъ съ австро-венгерскимъ посланникомъ въ видахъ разъясненія разбѣшенныхъ между Австро-Венгеріей и Портой вопросовъ. Со времени возвращенія въ Константинополъ бывшаго перваго турецкаго делегата на Берлинскомъ конгрессѣ, Каратеодори-паша, угрожающее настроеніе Порты относительно Австріи вдругъ измѣнилось и отношенія между обоими правительствами приняли миролюбивый оборотъ. Порты рѣшила не разсылать втораго циркуляра къ великимъ державамъ, а обратилась прямо къ вѣнскому кабинету съ просьбою отказать отъ оккупации Новобазарскаго округа, во избѣжаніе новыхъ затрудненій. Австрія отвѣчала, что она прежде всего обязана выполнять возложенное на нее Берлинскимъ конгрессомъ порученіе и не можетъ принять на себя обязательство,

которое было бы противно этому порученію; но что, впрочемъ, она не имѣетъ намѣренія немедленно же занять Новый Базаръ, если только этотъ городъ не сдѣлается притономъ шаекъ боснійскихъ инсургентовъ и очагомъ сопротивленія. Послѣ обмена этихъ объясненій Порты отмѣнила свое распоряженіе касательно отъѣзда Османа-паша въ главную квартиру въ Коссовъ. Портъ, повидимому, чрезвычайно пріятно извѣстіе о предстоящемъ сокращеніи австрійской оккупационной арміи.

Русскія войска продолжаютъ возвращаться на позиціи, которыя они до сихъ поръ занимали. Русскіе военные начальники, по словамъ турецкихъ газетъ, прокламаціями предупредили христіанскихъ жителей вновь занятыхъ мѣстностей, что возвращеніе русской арміи, въ сущности, временная мѣра и имѣетъ цѣлю возстановитъ поколебленное общественное спокойствіе. Даже турецкія газеты признаютъ тотъ фактъ, что христіанское населеніе мѣстностей, очищенныхъ русскими войсками, подъ влияніемъ паники бѣжало въ Адрианополь; по словамъ одной константинопольской газеты, изъ одного только города Силиврии выселилось до пятидесяти греческихъ семействъ со всѣмъ имуществомъ, въ мѣстность между Адрианополемъ и Филиппополемъ, въ обыкновенное время незаселенную, а теперь переполненную бѣглецами. Ропщутъ и открыто жалуются на Порту и турецкіе плѣнные, сожалѣя о Россіи, въ которой они получали жалованье, между тѣмъ какъ въ Турціи со времени своего возвращенія они не видѣли ни единого пара. Въ турецкомъ лагерѣ у Бейкоса солдаты увѣряютъ, что непріятель лучше обращался съ защитниками Плевны, чѣмъ ихъ собственное правительство, и что это плохая награда за ихъ жертвы и лишенія. Можно быть увѣреннымъ, что въ случаѣ новой борьбы съ Россіей Порты не можетъ полагаться на свои войска. Причиной возвращенія русскихъ войскъ на ихъ прежнія позиціи, повидимому, заключается не только въ обезпеченіи жизни и имущества христіанъ, но и въ томъ, что турецкое правительство до сихъ поръ откладываетъ подписаніе окончательнаго мирнаго договора между Россіей и Турціей. Какъ и всегда, Порты медлитъ и старается выгадать время, въ какой-то смутной надеждѣ, что событія позволятъ ей добиться разныхъ уступокъ со стороны Россіи. Но возвращеніе русскихъ войскъ на прежнія позиціи оказало свое дѣйствіе и въ этомъ отношеніи: если вѣрить извѣстіямъ иностранныхъ газетъ, султанъ уже утвердилъ постановленныя совѣтомъ турецкихъ министровъ условія для заключенія окончательнаго мирнаго договора съ Россіей.

Въ мѣстностяхъ, отошедшихъ къ намъ отъ Азіатской Турціи, средствами военнаго вѣдомства приступлено уже къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ изъ Поти въ Батумъ, изъ Батума въ Карсъ и изъ Карса въ Эривань. Проведеніе этихъ дорогъ сдѣлаетъ Батумъ первоклассной торговой гаванью анатолійскаго побережья и соперникомъ Трапезунта, отъ котораго Англичане уже давно проектировали было Ефратскую желѣзную дорогу, и куда они думали направить всю торговлю Персіи и Месопотаміи.

Бессарабскій губернаторъ донесъ Государю Императору, что Румынская Бессарабія болѣе не существуетъ, и что 9 октября, присоединенный къ Россіи участокъ этой земли, торжественно провозглашенъ принадлежностью Россійской Имперіи.

На дняхъ состоялось Высочайшее повелѣніе, по которому преступниковъ, присужденныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ, назначено высылать на поселеніе или каторжные работы безъ исполненія надъ ними обряда публичной казни.

С М Ъ С Ъ.

Чернила для слѣпыхъ. Извѣстный своими изобрѣтеніями. Г. Эдисонъ (см. „Ниву“ № 37 стр. 662) изобрѣлъ чернила для слѣпыхъ. Свойство этихъ чернилъ заключается въ томъ, что онѣ, высыхая, получаютъ выпуклую форму и такимъ образомъ даютъ возможность слѣпымъ посредствомъ осязанія читать написанное. Получивъ такое письмо, слѣпой будетъ водить пальцемъ по строкамъ, останавливаясь нѣкоторое время на каждой написанной буквѣ и осязая ее. У слѣпыхъ, какъ извѣстно, осязаніе очень развито, и теперь, благодаря изобрѣтенію Эдисона, слѣпые будутъ въ состояніи вести между собою переписку. Пока, по словамъ изобрѣтателя, онъ еще самъ не вполне доволенъ своимъ изобрѣтеніемъ и старается его еще болѣе улучшить.

Последнія извѣстія изъ Америки—позарительны. Тамъ свирѣпствуетъ желтая лихорадка. Судя по свѣдѣніямъ изъ Нью-Йорка отъ 25 сентября жертвы этой болѣзни—нѣтъ числа! Въ Новомъ-Орлеанѣ, въ Мемфисѣ и Висксбургѣ число смертныхъ случаевъ возросло отъ 150 до 300 въ день; Гренада обезлюдена и эпидемія распространилась на массу небольшихъ мѣстностей въ штатахъ Миссисипи, Луизианы, Кентукки и Арканзаса. Убѣгающіе отъ эпидеміи распространяютъ страшную заразу къ сѣверу, и всѣ дѣла прекратились въ странахъ, объятыхъ желтой лихорадкой. Великодушныя пожертвованія Южнымъ Штатамъ ежедневно прибываютъ съ сѣвера; но не

смотря на то, нельзя составить себѣ понятія объ ужасномъ положеніи этихъ странъ. Остающіеся въ живыхъ достойны еще большаго сожалѣнія, чѣмъ заболѣвающіе, которые скоро дѣлаются добычею смерти, потому что послѣдніе, будучи въ бреду и подъ влияніемъ агоніи, находятся въ безсознательномъ состояніи, тогда какъ первые, не только терзаются мыслию подвергнуться болѣзни; но въ особенности опасаются умереть съ голода. Гренада была первою, которую зараза избрала на сѣверѣ Нового-Орлеана. Смерть разлилась надъ этимъ городомъ подобно вихрю, опустошая все; страшное безмолвіе водворилось вслѣдъ за ураганомъ. Мемфисъ представляетъ еще болѣе ужасающее зрѣлище. Эпидемія, дѣйствовавшая съ паразитическою быстротою, сократила 40.000 населеніе этого города до 3.500 душъ. Положеніе врачей, ряды которыхъ рѣдѣютъ болѣе и болѣе, чрезвычайно затруднительное. Они ежедневно принимаютъ сильныя дозы хинина и желѣзистой тинктуры и сильно намачиваютъ свою одежду фенолюю кислотой, а ночью носятъ покрывала, пропитанная ею же, такъ какъ противный запахъ, поднимающійся изъ города, дѣлается нестерпимымъ. Новый-Орлеанъ и Висксбургъ, подобно Гренадѣ и Мемфису, представляли ужасное зрѣлище, но скоро поданная помощь нѣсколько ослабила дѣйствіе заразы. Нельзя еще предвидѣть конца этой страшной эпидеміи, которая простерла свои опустошенія до сѣверо-запада Соединенныхъ Штатовъ. Никог-

да еще желтая лихорадка, хотя она и появляется ежегодно в этих странах, не причиняла столько бедствий, и ужас, наведенный желтой лихорадкой 1878 года, перейдет в предание, подобно чумѣ, бывшей в Аппахах и во Флоренции.

РЪШЕНІЕ

шахматной задачи, помѣщенной въ „Нивѣ“ № 36.

Бѣлые.

- 1) G 6—G 7 +
- 2) F 6—F 7
- 3) F 7—F 8 черзъ
- 4) черзъ F 8—F 5 +
- 5) Ладья E 6—E 7 + и даютъ матъ слѣдующимъ ходомъ.

Черные.

- 1) Король H 8—H 7
- 2) D 3—D 2
- 3) D 2—D 1 черзъ
- 4) Король H 7 беретъ G 7

Рѣшеніе ребуса, помѣщенного въ № 40 „Нивы“ „Тургенева Записки охотника—чудо нашей литературы.“

Продолженіе статьи „Наши сосѣди въ мировомъ пространствѣ“ по недостатку мѣста, отложено до слѣдующаго номера „Нивы“...

СОДЕРЖАНІЕ: Соболю (Zibellina) (съ рис.) Б.—Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ. П Г—ча.—Царь-дѣвица. Историческій романъ В. Соловьева (продолженіе).—Воскресенскій монастырь (съ рис.)—Афганистанъ (съ 2 рис.)—Заявленіе.—Парижская Всемирная Выставка (съ рис.)—Отправленіе въ школу (съ рис.)—Маленкая торговка (съ рис.)—Адмиралъ Ѳаддѣй Ѳаддѣевичъ Беллингаузенъ (съ рис.)—Политическія и внутреннія извѣстія.—Смѣсь.—Рѣшеніе шахматной задачи.—Рѣшеніе ребуса.—Отъ Издателя.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

При этомъ № „Нивы“ прилагаются, для удобства гг. иногородныхъ подписчиковъ, подписной бланкъ и конвертъ съ адресомъ редакціи для возобновленія подписки на журналъ „Ниву“ въ 1879 году.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛО

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ
ПОЭМЫ ДЖОНА МИЛЬТОНА

БОЛЬШОЕ ИЗДАНІЕ IN FOLIO.

Съ 50 большими картинами Густава Дорэ.

Переводъ съ англійскаго А Шульговской.

Съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ.

- Въ простомъ коленкоровомъ переплетѣ . . . 25 руб.
Съ пересылкою въ ящикѣ . . . 30 руб.
Въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ
съ золотымъ орнаментомъ въ картонѣ . . . 30 „
Съ пересылкою въ ящикѣ . . . 35 „

Для подписчиковъ „Нивы“ 1879 г. дѣляется 3 руб. уступки.

Изданіе *классическихъ авторовъ* въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ и такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, становится настольной книгой постоянно возобновляеть въ памяти прекрасные, неутраченные своей прелести въ теченіи вѣковъ страницы и служить источникомъ безконечныхъ наслажденій.

Предпринимая это изданіе, я не жалѣю ни труда ни времени (не говоря уже объ огромныхъ затратахъ) чтобы придать знаменитому творенію *Милтона*, соединенному съ превосходными рисунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Помѣщенный въ прошломъ номерѣ „Нивы“ одинъ рисунокъ изъ означеннаго изданія даетъ каждому понятіе о *высокомъ талантѣ художника Дорэ* и о тщательномъ выполненіи рисунковъ всего изданія. Сдѣланный вновь для этого изданія переводъ *А. Шульговской* вѣренъ подлиннику и отличается такими-же высокими поэтическими красотами языка, какъ и оригиналъ.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, имѣющими такую красоту и изящество заграничными изданіями, стоящими по 40 руб. и болѣе,—до такой степени дешево, что объ этомъ нечего даже и распространяться.

Для подарковъ на Елку это изданіе, по своему красивому и очень богатому переплету, исполненному по рисункамъ художника *Ив. Панова*, будетъ весьма удобно. Для этого рекомендуемъ въ особенности изданіе въ *богатомъ переплетѣ съ золотымъ орнаментомъ*. № 216 6—1

ВЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА“

продается иллюстрированный журналъ „Нива“ 1875 и 1876 года.

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ, Т. Е. ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ, СЪ ПРЕМІЯМИ:

Брошурованному	Въ простомъ перепл.	Въ каленкор. перепл.
Безъ перес.	4 р. —	Безъ перес. . . 4 р. 75
съ перес.	5 р. 50	съ перес. . . 5 р. 50
		съ перес. . . 6 р. 25
		съ перес. . . 7 р. —

Приобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25% уступки (но только съ книги, а не съ переплета или съ пересылки).

Каждый томъ „Нивы“ заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ науки, искусствъ, современной жизни и проч. и до 700 художественно выполненныхъ рисунковъ. Помѣщенные въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома „Нивы“ имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нему приложенныхъ безплатныхъ премій. Приложенія къ „Нивѣ“ 1875 года 2 картины 1) *Смерть Юлія Цезаря*, картина профессора Пилоти 2) *Мадонна Севильская*, картина Севастіана Мурильо.—Приложенія къ „Нивѣ“ 1876 года; *Спящая Красавица*, картина Э. Велз, печатанная масляными красками въ 20 тонахъ. № 186

Дополнено цен. ур-ю С. П. 17 Октябля 1878 г.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ВЕДЕРНИКОВА и МИХАЙЛОВА.

За фидельтейскую выставку.

За фидельтейскую выставку.

Гостинный дворъ

№№ 122—123.

За дамскія мѣх. вещи.

За дѣтскія вещи.

Получилъ изъ Парижа огромный выборъ, для осенняго сезона, пальто, манто, самыхъ новѣйшихъ фасоновъ и матерій, роскошныя платья, шляпы, и полный выборъ дѣтскихъ вещей.

Заказы по моделямъ исполняютъ аккуратно.

Для Гг. иногородныхъ заказы исполняемъ немедленно. № 210 3—3

ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана. Б. Морская № 42. въ С.-Петербургѣ.

рекомендуетъ въ большомъ выборѣ по самымъ дешевымъ цѣнамъ: скрипки, альты, виолончели, басы, цитры, гитары, мандолины, гитары корнеты а истонъ, флейты, кларнеты, барабаны, музыкальные ящики, шарманки, гармоніи, гармонифляго, англійскія и нѣмецкія концертныя, свѣжія итальянскія и нѣмецкія струны и всѣ принадлежнсти.

Пріемъ въ починку.

№ 22 5—2

Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно.

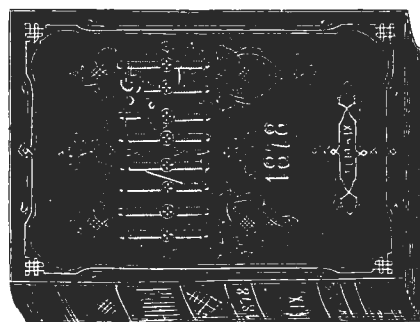
ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ
„ТЕЛЕГРАФЪ“.

Подписная цѣна на послѣдніе мѣсяцы 1878 и на будущій 1879 г., съ доставкою на домъ и съ пересылкою въ губерніи:

На годъ	6 р. — к.
„ полгоду	3 „ 50 „
„ три мѣсяца	2 „ — „

Подписка принимается съ 1 числа каждаго мѣсяца въ главной конторѣ газеты „ТЕЛЕГРАФЪ“: въ С.-Петербургѣ, на Большой Конюшенной, домъ Языковой № 15. № 221 3—1

Издатель и редакторъ П. ТРУБНИКОВЪ.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ 1878 г. по вышеозначанному образцу 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплести „НИВУ“ въ такую коленкоровую крышку.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 44

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—8 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 30 Октября 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕНЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
«Нивѣ» принимаются
по 25 к. за строку
непарейль (въ 1/4
ширины страницы)

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
Воскресныхъ и
праздничныхъ дней)
отъ 10 ч. утра до
7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1879 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн.
маг г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг.
города Россіи . . . . . 6 „

Также принимается подписка на 1/2 года: безъ дост., 2 р. съ дост. 2 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особья приложенія
при «Нивѣ» объявле-
ній отъ Торговыхъ
Домовъ принимаются
для иногор. по 5 р.
съ тысячи, для город-
скихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи, неудобныя къ
печати, авторамъ не
возвращаются.

Подписка на 1878 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

Египетскій мостъ чрезъ Фонтанку въ Петербургѣ. Съ фотогр. грав. В. Пуцъ.

ЕГИПЕТСКИЙ МОСТЪ ЧЕРЕЗЪ Р. ФОНТАНКУ. ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Потребность въ постройкѣ мостовъ въ Петербургѣ стала чувствоваться съ самаго начала его основанія. Не говоря уже о рѣкѣ Невѣ и ея развѣтвленіяхъ, обиліе многихъ другихъ рѣчекъ въ мѣстности, избранной для постройки города, указывало на необходимость сооруженія большого числа мостовъ. Основаніе города, какъ извѣстно, было начато на Петербургской сторонѣ, гдѣ въ особенности много мелкихъ рѣчекъ. Петръ I даже имѣлъ намѣреніе сдѣлать Петербургскую сторону главною частью города и первый мостъ въ Петербургѣ былъ перекинутъ черезъ рѣчку Ждановку для соединенія крѣпости съ Петербургской стороной. Эта крѣпость или, какъ называли ее тогда въ официальныхъ бумагахъ „фортеція“, была заложена 13-го мая въ день праздника Св. Троицы въ 1703 году на Заячьемъ островѣ, соединенномъ теперь съ Петербургской стороной нѣсколькими мостами. Мостъ черезъ рѣчку Ждановку назывался Петровскимъ. Какъ этотъ мостъ, такъ и всѣ другіе мосты въ Петербургѣ, до времени царствованія Екатерины II, были деревянные, утвержденныя на сваяхъ, которые, само собою понятно, скоро портились и, дѣлались негодными для проѣзда, требовали безпрестанныхъ починковъ. При Екатеринѣ II Петербургъ получалъ видъ правильнаго, симметрично расположеннаго города, обстроился новыми, красивыми зданіями; прорыто было нѣсколько каналовъ, осушены и засыпаны топкія мѣста, приведены были въ должный видъ и берега рѣкъ и рѣчекъ. Екатерина, прилагая старанія объ улучшеніи города, въ то же время заботилась о красотѣ наружнаго его вида и сдѣланные въ ея царствованіе мосты изъ гранита черезъ Крюковъ и Екатерининскій каналъ и рѣку Фонтанку, уже отличались красивой формой и вмѣстѣ солидностью. При Александрѣ I въ Петербургѣ явились цѣльные мосты, почти не уступающіе прочностью каменнымъ. Мосты эти, какъ извѣстно, чугунные и поддерживаются цѣпями. Къ числу такихъ относится также и Египетскій мостъ, изображенный на нашемъ рисункѣ.

Мостъ этотъ одинъ изъ красивѣйшихъ мостовъ въ Петербургѣ и только положеніе его въ такой части города, какъ Могилевская улица и Загородный проспектъ въ своемъ концѣ, дѣлаетъ его мало извѣстнымъ, и какъ бы незамѣтнымъ. Въ „Художественной Газетѣ“ за 1840 г., издававшейся Кукольникъ, такъ описанъ этотъ мостъ: „Египетскій мостъ виситъ на цѣпяхъ, пропущенныхъ сквозь чугунныя ворота Египетскаго стиля, со множествомъ оброчныхъ украшеній и орнаментовъ, называемыхъ добрыми людьми египетскими иероглифами, которые имѣютъ ли какое значеніе или нѣтъ, а въ нашемъ понятіи просто говорятъ: честь тебѣ искусный зодчій“.

Постройка этого моста произведена между 1823 и 1827 годами. Строителемъ былъ полковникъ Христіановичъ, который дѣлалъ и Цѣпной мостъ у Лѣтняго сада. Мостъ этотъ устроенъ черезъ р. Фонтанку, о которой, пользуясь настоящимъ случаемъ, считаемъ не безынтереснымъ сообщить здѣсь слѣдующія свѣдѣнія:

Рѣка Фонтанка получила свое названіе отъ Фонтановъ, суще-

ствовавшихъ въ Лѣтнемъ саду, и въ первое время основанія Петербурга имѣла видъ болотнаго ручейка, протекавшаго сперва къ югу, потомъ параллельно съ Невой и затѣмъ двумя потоками впадавшаго въ заливъ близъ устья Большой Невы. Въ царствованіе Елисаветы, Фонтанку очистили и обдѣлали берега деревомъ, хотя такое украшеніе было не прочно и скоро разрушалось, а Фонтанка снова наполнялась иломъ и мѣстами даже пересыхала. По приказанію Императрицы Екатерины рѣшено было одѣть берега тесаннымъ дикимъ камнемъ и устроить также тротуары на улицахъ. Работы начались съ 1780 г. подъ руководствомъ генераль-поручика Бауера, и послѣ девятилѣтнихъ, неутомимыхъ трудовъ, въ 1789 году, подъ наблюдениемъ генераль-прокурора князя Вяземскаго привезены къ окончанію. Издержки при этомъ устройствѣ Фонтанки были очень значительны. Не включая суммъ, употребленныхъ на очищеніе ея, утвержденіе свай и возведеніе мостовъ, каждая сажень каменныхъ пластовъ обходилась сперва въ 120 рублей, а впоследствии въ 300 р., всего же пространства считалось до 3,000 сажень. Предпріятіе это было очень важное по своему значенію, такъ съ устройствомъ береговъ, водой рѣки Фонтанки могла пользоваться большая часть города и кромѣ того судамъ открывался свободный путь сообщенія съ разными частями города.

По настоящае время черезъ рѣку Фонтанку устроено всего десять мостовъ, а именно: Прачешный—у истока ея изъ Невы; Пантелеймоновскій—у Лѣтняго сада; Симеоновскій—у Караванной; Анчиковъ—на Невскомъ; Чернышевъ—у Чернышева переулка; Семеновскій—на Гороховой; Обуховъ—у Обуховскаго просп.—Измаиловскій—близъ Вознесенскаго; Египетскій—рисунку котораго помѣщенъ въ этомъ номерѣ, и Большой Калнинскихъ—по Екатеринингофскому проспекту.

Главное отличительное свойство мѣстности Петербурга, какъ мы замѣтили въ началѣ нашей статьи—это обиліе водъ и острововъ. Въ этомъ отношеніи его дельта—замѣчательнѣйшая въ свѣтѣ послѣ Венеціи, Стокгольма и Амстердама. Въ Петербургѣ на каждую сажень береговъ приходится 115,04 кв. саж. воды; пространство всѣхъ его водъ=3,789,298 кв. с. Всего въ немъ считается 19 рѣкъ и 8 каналовъ, прорѣзывающихъ его по всѣмъ направленіямъ и имѣющихъ огромное значеніе въ продовольствіи столицы. При посредствѣ водъ, почти исключительно, Петербургъ снабжается главнѣйшими предметами потребленія: хлѣбомъ, сѣномъ, дровами, строительными матеріалами и проч. Наконецъ весь отпускъ товаровъ за границу черезъ Петербургскій портъ главнѣе всего совершается водою. Только въ отношеніи качества самой воды Петербургъ нуждается въ болѣе лучшей; одна Нева даетъ хорошую воду, остальные же рѣчки и каналы портятся стоками нечистотъ, присутствіемъ гниющихъ веществъ, свиваемыхъ съ проходящихъ барокъ, да подѣ часть, незамѣтно, и съ самыхъ улицъ. Вода Фонтанки для питья такъ же негодна, какъ и воды другихъ рѣчекъ и каналовъ, прорѣзывающихъ городъ по всѣмъ направленіямъ.

3.

ЦАРЬ-ДѢВВИЦА.

Историческій романъ.

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XI.

Со временъ самозванщины не было въ Москвѣ такого смятенія, такого ужаса, такихъ безобразныхъ, кровавыхъ сценъ, какъ въ этотъ несчастный день 15-го Мая.

Солнце склонялось къ западу, въ воздухѣ начинала носиться вечерняя прохлада; но стрѣльцы еще не угомонились и продолжали безчинствовать. Осыпанные виномъ и кровью, они хозяйничали во дворцѣ, въ теремахъ, въ церквахъ и молельняхъ, ища Нарышкиныхъ и другихъ бояръ, значившихся въ спискѣ Милославскаго. Они шарили по всѣмъ угламъ, тыкали окровавленными копьями своими подъ святые престолы и жертвенники; забирались въ спальни царевенъ, заглядывали подъ кровати, перетряхивали перины, рылись въ чуланахъ.

Царица Наталья Кирилловна съ Петромъ заперлась въ Грановитой палатѣ; теперь ужъ вокругъ нея никого не было. Всѣ ея защитники и родственники разбѣжа-

лись. Кто спѣшилъ какънибудь ускользнуть изъ Кремля и спастись въ городѣ, кто попрятался по чуланамъ, подъ лѣстницами. Царевны и Царевичъ Иванъ собрались въ молельнѣ тетокъ Михайловенъ. Многочисленная прислуга женская съ страшными криками бѣгала отъ стрѣльцовъ; но бунтовщики не обращали вниманія на женщинъ—пока имъ нужны были только измѣнники. Въ одномъ изъ дворцовыхъ переходовъ настигли они убѣгавшаго стольника Федора Петровича Солтыкова, приняли его за брата царицы Аонасія Нарышкина и убили, а увидя свою ошибку ожесточились еще пуще, кинулись въ комнату царицы Натальи. Тамъ все было пусто—ни души. Стрѣльцы подъ кровать—кто то копошится.

— Коли! закричали отчаянные голоса, навѣрное это ктонибудь изъ Нарышкиныхъ!

— Пощадите! раздался хриплый пискъ изъ подъ кровати,—не убивайте меня—это я... я...

И быстро, съ искаженнымъ отъ страха лицомъ, къ

стрѣльцамъ выползъ безобразный карло, извѣстный во дворцѣхъ подъ именемъ Хомяка.

— Тыфу ты! чуть было оружіе свое объ этукую пакость не замарали! отглюнулись стрѣльцы.

Но карлъ было не до обиды теперь—онъ весь дрожалъ какъ листь и пищалъ:

— Пощадите, отцы родные, не губите!

— Ты чей же? вѣдь ты нарышкинскій?

— Да, да, Аѳанасія Кириллыча...

— А, Аѳанасія! гдѣ-жь онъ? подавай намъ его! Куда онъ скрылся? навѣрно знаешь, говори сейчасъ, не то прощайся съ жизнью...

— Да я то почемъ знаю, милостивцы? въ ужасѣ выкативъ на нихъ свои косые глаза, произнесъ карло. „Эхъ! проговорился!“ отчаянно подумалъ онъ, „дернула не легкая!“

— А! не знаешь? такъ тебѣ сейчасъ и карачунъ. Давайте-ка веревку, братцы, повѣсимъ его на гвоздикѣ. Пускай-ка здѣсь покачается, его вѣтромъ обдуетъ!..

Карло всталъ на колѣни.

— Милостивцы, пощадите—все скажу... Знаю, знаю, гдѣ Аѳанасій Кирилловичъ: онъ неподалеку... въ сѣнной церкви Воскресенія... подъ престолъ хотѣлъ забраться, такъ вѣрно тамъ схоронился...

Стрѣльцы дико и радостно вскрикнули и бросились по указанію Хомяка.

Карло залѣзъ снова подъ кровать и слушалъ.

Прошло нѣсколько минутъ, вотъ онъ слышитъ вблизи, въ переходѣ, страшный крикъ стрѣльцовъ, ругательства, потомъ другой отчаянный, знакомый ему, голосъ. Этотъ голосъ только разъ одинъ крикнулъ: „помогите!“ и даже недокончивъ этого слова, замеръ.

„Порѣшили боярина. Царствіе тебѣ, небесное Аѳанасій Кирилловичъ, подумалъ карло и перекрестился.

И не вспомнилось ему какъ онъ, заморенный голодомъ и холодомъ, былъ взятъ Аѳанасіемъ Кирилловичемъ, обогрѣтъ и накормленъ, какъ съ тѣхъ поръ только жирѣлъ день ото дня на доровыхъ хлѣбахъ боярскихъ.

А въ то же время другіе полки стрѣлцкіе видя, что въ Кремлѣ теперь немного наживы, что *измѣнники* вѣроятно успѣли скрыться въ городѣ, кинулись по улицамъ, наводнили всю Москву, вривались во всѣ дома, искали всюду намѣченныхъ жертвъ своихъ. Кинулись они и на домъ одного изъ Нарышкиныхъ, Ивана Ѳомича; его имя не значилось у нихъ въ спискѣ.—Человѣкъ онъ былъ невидный, не занималъ никакой важной должности, но онъ носилъ ненавистное имя и долженъ былъ погибнуть. Вслѣдъ за этимъ Нарышкинымъ убили и знаменитаго стараго воеводу князя Ромодановскаго, боярина Языкова, бывшаго любимца царя Ѳедора, котораго тоже предалъ имъ въ руки одинъ изъ его холопей.

И съ каждымъ часомъ свирѣпѣли стрѣльцы больше и больше, и подъ конецъ даже не стали руководиться своимъ спискомъ, убивали всякаго, кто имъ по чемунибудь *не показался*.

Каждое убійство возбуждало въ стрѣльцахъ дикій восторгъ; они тащили трупъ несчастнаго по улицамъ къ Кремлю и обращались къ безоружному народу Московскому съ криками: „любо-ли?“

И народъ долженъ былъ кричать „любо“ и махать шапками, потому что въ противномъ случаѣ—смерть.

Втащивъ кого-либо изъ убитыхъ въ Спасскія или Никольскія ворота, стрѣльцы выстраивались въ рядъ передъ тѣломъ, какъ будто для почета и кричали.

— Вотъ бояринъ князь Ромодановскій ѣдетъ! вотъ бояринъ Языковъ... вотъ думный ѣдетъ! давайте дорогу!

И это продолжалось вплоть до Красной площади, гдѣ тѣла складывались въ кучу.

По и стрѣльцы наконецъ утомились и рѣшили отложить преслѣдованіе Нарышкиныхъ до слѣдующаго дня.

Мало по малу они стали расходиться по слободамъ своимъ, дорогою иногда забираясь въ боярскія или купеческія хоромы и требуя себѣ угощенія.

Вотъ одна изъ ватагъ стрѣлцкихъ идетъ мимо дома Долгорукихъ.

— А вѣдь это нашего стараго сына хоромы! говорятъ между собою стрѣльцы. Пожалуй еще не знаетъ старый, что мы его сынишку то угомонили. Разнемогся онъ, боленъ, съ постели не сходитъ, Зайти развѣ, понавѣдаться?

— Зачѣмъ не зайти—зайдемъ, да за одно ужъ и прощенія у него попросимъ что Михайлу-то убили... вѣдь онъ все же нашъ начальникъ.

Они стали стучаться въ ворота. Никто не отворилъ имъ, такъ они ворота выломали и всей ватагой нахлынули къ князю Юрію.

Восьмидесятилѣтній старикъ дѣйствительно еще не звалъ о смерти своего сына. Онъ лежалъ на кровати совсѣмъ больной и измученный отчаяніемъ и своимъ безсиліемъ. Онъ зналъ, что страшныя дѣла творятся въ городѣ, зналъ, что его мѣсто тамъ, во дворцѣ, близъ царя, котораго онъ защищать долженъ. а вотъ онъ не можетъ шевельнуться...

— Здорово, князь батюшка! въ поясъ поклонились ему вошедшіе стрѣльцы.

Вся кровь кинулась въ голову старику. Онъ хотѣлъ было подняться, но бессильно упалъ опять на подушки, только кулаки его судорожно сжимались, да глаза сверкали.

— Что вы? зачѣмъ? убивать меня что-ли, такъ убивайте—видите не могу и пошевелиться.

— Зачѣмъ убивать, отвѣчали стрѣльцы,—ты нашъ начальникъ. Мы къ тебѣ съ поклономъ.

Они дѣйствительно поклонились ему въ ноги.

— Чего вамъ отъ меня нужно?

— А вотъ, князь батюшка, прости ты насъ—грѣхъ попуталъ. Вишь ты дѣло то какое случилось: не поддержались мы въ запальчивости, ненарокомъ покончили князь Михайлу Юрьича!

— Что! простоналъ старикъ, снова силясь подняться съ кровати и снова на нее падая.—Сына убили, изверги! сына?

— Такъ, такъ батюшка. Да вѣдь говоримъ, грѣхъ попуталъ, ненарокомъ, такъ ужъ ты прости насъ! забудь про это.

Нѣсколько мгновений князь Юрій въ упоръ смотрѣлъ на этихъ, пришедшихъ глумиться надъ нимъ, изверговъ. Высоко поднималась грудь его, страшно было лицо его, но губы не шевелились. Наконецъ какой то новый огонь блеснулъ въ потухшихъ взорахъ князя. Страшная усмѣшка искривила его губы.

— А! ненарокомъ!... ну что-жь, Богъ проститъ вамъ коли ненарокомъ... ступайте, скажите моимъ холопамъ, чтобъ угостили они васъ виномъ да медомъ, а на мнѣ ужъ не взыщите—не могу я самъ обнести васъ чаркою, видите—лежу...

Стрѣльцы опять поклонились.

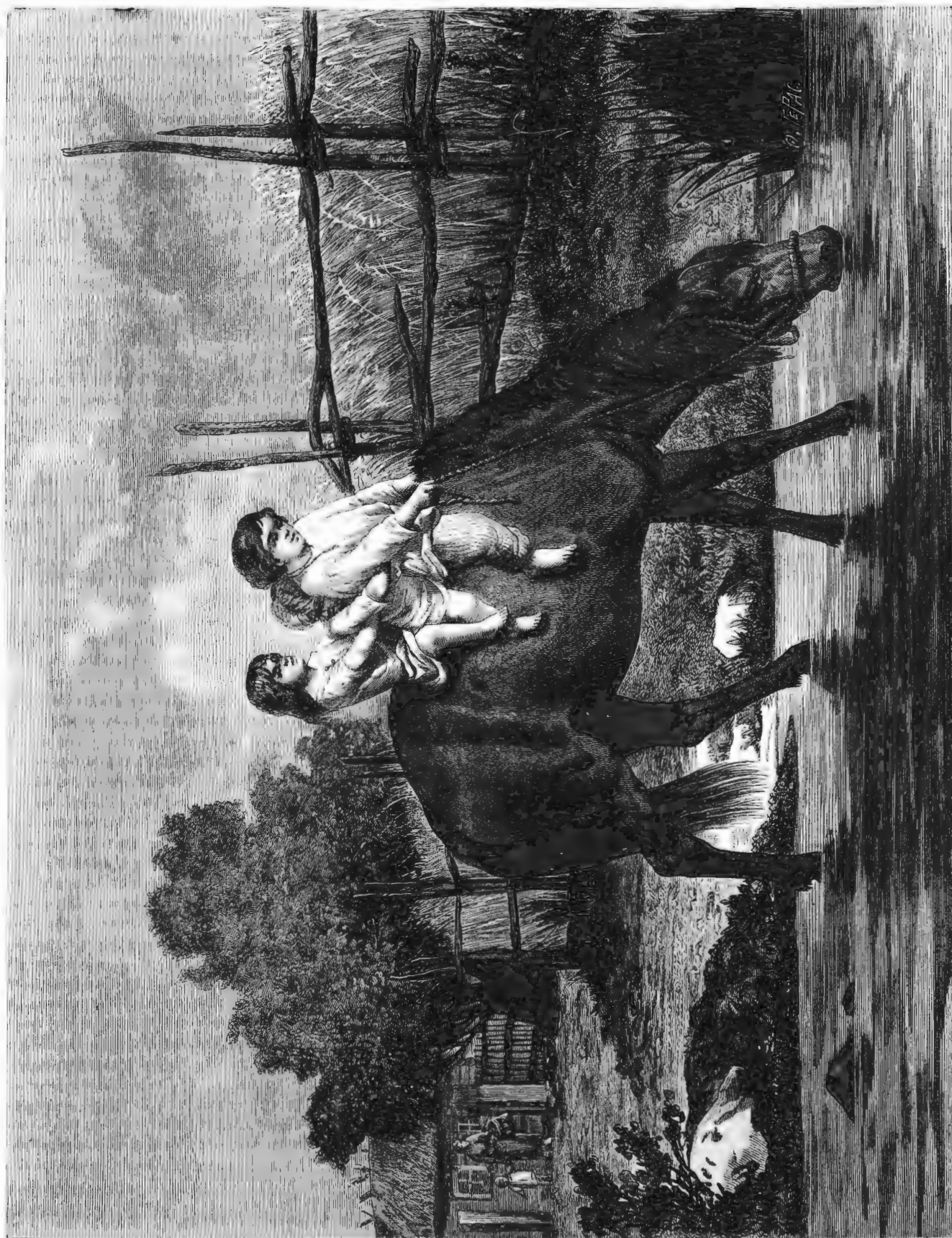
— Спасибо, князь батюшка, ужъ гдѣ тебѣ самому, лежи! а мы ничего... мы вышьемъ!

Они вышли и князь слышалъ, какъ они бражничаютъ въ его домѣ... слышалъ и лежалъ неподвижно. Двѣ слезинки тихо скатились по лицу его. Онъ перекрестился, прочелъ молитву, помянулъ усопшаго сына и снова замеръ... лежалъ какъ трупъ безжизненный.

Дверь его опочивальни тихо отворилась и заливаясь слезами и неудержимо рыдая вошла невѣстка, жена убитаго князя Михайлы.

Она бросилась къ постели старика.

— Батюшка, что-жь это, убили моего яснаго сокола, закатилось мое красное солнышко!... Батюшка! и эти убійцы его, эти звѣри у насъ въ домѣ пьянствуютъ... что-жь это?... Гдѣ же мой князь? куда они его дѣли?

Счастливые всадники. Орг. рис. А. Кившенко, грав. О. Герасимовъ.

Общій видъ города Севастополя. Съ фотогр. грав. Е. Шмидтъ.

хоть на мертвого мнѣ бы взглянуть на него... съ нимъ проститься...

Она захлебнулась слезами и упала передъ постелью. Князь Юрій слабыми, дрожащими руками притянулъ ее къ себѣ.

— Не плачь, Марья, не плачь, голубка, сказалъ онъ громкимъ, страшнымъ голосомъ, отъ котораго, даже она очнулась и во всѣ глаза взглянула на него. — Не плачь—щучу то они съѣли, да зубы остались. Не долго побунтуютъ, скоро будутъ висѣть на зубцахъ по стѣнамъ бѣлаго и землянаго города. Не плачь, Марья—зубы остались!...

Въ это время стрѣльцы успѣли ужъ напиться и съ криками и пѣснями выходили за ворота княжескаго дома.

У самой двери опочивальни стоялъ одинъ изъ холопей, недавно провинившійся и наказанный по приказанію князя Юрія. Онъ вздумалъ теперь выместить на старикѣ свою обиду и побѣжалъ за стрѣльцами.

— Эй вы, царское воинство, стойте-ка, что я скажу вамъ! закричалъ онъ имъ.

Они остановились.

— Князь то нашъ грозитъ, говоритъ: щучу вы съѣли, да зубы остались. Говоритъ, скоро вы висѣть будете на стѣнахъ кремлевскихъ...

— А! такъ вотъ онъ какъ! завопили стрѣльцы.

— Ну, это еще посмотримъ!

Они побѣжали назадъ въ домъ, ворвались въ опочивальню, стащили несчастнаго старика съ кровати на дворъ, разсѣли на части и выбросили за ворота въ навозную кучу.

— Вотъ тебѣ зубы! вотъ тебѣ щуча! дико кричали они, хохоча надъ обезображеннымъ трупомъ. Вотъ тебѣ!... Эй вы, княжеская дворня, несите-ка соленую рыбу!

Тотъ же холопъ, который донесъ на князя, притащилъ имъ рыбу. Они положили ее на трупъ и удалились, повторяя: „вотъ тебѣ щуча!“ Вотъ тебѣ зубы!... Поѣшь-ка соленой рыбки!“

Другая стрѣлцкая ватага точно также порѣшила отправиться съ извиненіемъ къ боярину Салтыкову, сына котораго тоже ненарокомъ убили за мѣсто Нарышкина.

Но старій Салтыковъ не сталъ грозиться, онъ такъ перетрусилъ, что могъ только отвѣтить: „Божья воля!“

И самъ поднесъ имъ вина и пива.

XII.

Когда совѣмъ начало темнѣть и стрѣльцы покинули Кремль, оставивъ у воротъ сильные караулы, нѣкоторые изъ спрятавшихся царедворцевъ рѣшились выйти изъ своихъ убѣжищъ и собраться около царицы.

На Наталью Кирилловну взглянуть было страшно. Она вся дрожала и глядѣла на окружающихъ помутившимися глазами. Нѣкоторые попробовали ее успокоить—но чѣмъ тутъ можно было успокоить.

— Все пропало! твердила она. Убили Артамона Сергѣевича, Господи, зачѣмъ я только его вызвала?—живъ былъ бы теперь, мой голубчикъ... Не утѣшайте меня, давайте молиться... давайте молиться передъ смертью. Что-жъ что они ушли—вѣдь вернутся, некому остановить ихъ! Смерть намъ всѣмъ завтра будетъ!..

Она, заливаясь слезами, опускалась на колѣни передъ иконами, горячо молилась, потомъ вдругъ кидалась къ сыну, цѣловала его, прижимала къ груди своей, глядѣла на него съ отчаяніемъ. Ея мысли путались... Иногда ей казалось, что она совѣмъ съ ума сходитъ.

Маленькій царь Петръ все время сидѣлъ молча, опустивъ голову. Румяное лицо его теперь было блѣдно, глаза устремлены внизъ и только по временамъ разгорались они. Тогда онъ вскакивалъ съ мѣста, будто хотѣлъ куда то кинуться, будто ему было душно и тѣсно... но сейчасъ же и опять садился и оставался неподвижнымъ.

Некому было теперь его разглядывать, некому было замѣтить, какъ измѣнилось въ одинъ день дѣтское лицо его. Еще утромъ, проснувшись, онъ глядѣлъ на мнѣ Божій весело, онъ былъ дѣтски счастливъ и думалъ о дѣтскихъ забавахъ, былъ совѣмъ ребенокъ. Теперь же, въ нѣсколько часовъ, все дѣтство скрылось далеко куда то, новыя страшныя мысли въ головѣ поселились и не уйдутъ онѣ. Никогда не забудетъ онъ этого дня, этого роковаго дня... Припомнитъ онъ его стрѣльцамъ, когда вырастеть....

Изъ всего семейства царскаго одна только Софья не упала духомъ, ни на мгновеніе не смутилась. Она знала, что ей нечего бояться. Она нѣсколько разъ встрѣчалась со стрѣльцами и эти стрѣльцы, эти охмѣлѣвшіе, окровавленные звѣри при видѣ ея прекращали свои ругательства, свои богомерзкія рѣчи, скидали шапки и разступались передъ нею съ почтеніемъ. Да, ей нечего было бояться, она достигла своей цѣли. Дѣло, заранѣе ею обдуманное, приведено въ исполненіе: враги поражены. Матвѣевъ, разрубленный на части, лежитъ на площади, не сегодня такъ завтра рядомъ съ нимъ полягутъ и всѣ Нарышкины, всѣ кто стоялъ ей поперекъ дороги.

Правда, она думала, что заразъ все будетъ кончено: Нарышкины ловко попрыгались,—но вѣдь пайти ихъ всегда можно. Милославскіе и другіе друзья не спятъ, они не допустятъ, чтобы такъ хорошо начатое дѣло осталось неоконченнымъ. Ужасовъ много, крови много... но вѣдь что-жъ дѣлать, коли нельзя избѣгнуть этого. Она поставлена въ инныя условія, чѣмъ простые мелкіе люди, ей многое разрѣшается въ виду тѣхъ великихъ цѣлей, которыя передъ нею.

И вотъ ей начинаетъ казаться, что весь этотъ ужасъ, все это кровопролитіе продумано и совершено не ради ея возвышенія, не ради ея будущаго счастья и величія, а ради счастья и величія Россіи.

„Одна я могу править государствомъ, высоко поднимъ свою гордую голову рѣшаетъ Софья: не удалось бы мнѣ это дѣло, не были бы казнены враги мои—и все наслѣдіе отцовское пошло бы прахомъ.“

„Нѣтъ грѣха на мнѣ—самые добродѣтельные государи, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ должны вести войну со своими врагами; цѣли войска дерутся въ полѣ, не десятки людей убиваются, а сотни: тысячи,—и кто же поставитъ въ вину государю эту войну, принятую для блага своей родины.“

„Я тоже вышла на враговъ своихъ и кровь, пролитая теперь за мое дѣло, не должна пасть на мою голову.“

Такъ успокоивала себя Софья и не сознавала, не хотѣла сознавать, что эти слова громкія—ложь страшная и что сама она,—въ былые тихіе дни, когда молчали ея кипучія страсти, когда склонялась она, въ тишинѣ своей рабочей комнаты, надъ книгой и много думала, много размышляла—сама бы съ негодованіемъ возстала на такія сужденія и назвала ихъ ложью.

Но вѣдь ей нужно же было чѣмъ нибудь заглушить себя успокоить. Нужно было какъ нибудь заглушить въ себѣ какое то странное, невѣдомое донинѣ и мучительное ощущеніе, которое весь этотъ день она испытывала, которое начинало возрастать съ каждымъ часомъ.

Ей нужно было забыться и силою воли она достигла этого.

Оставшись наконецъ одна и чувствуя, что, не смотря на страшную усталость, страшную дѣятельность этого дня, она все же заснуть не можетъ, она заставила себя забыть всѣ недавнія свѣжія и ужасныя впечатлѣнія, она глядѣла въ далекое будущее. думала объ этомъ свѣтломъ будущемъ. Въ ея воображеніи возстали картины мирнаго, счастливаго житія, славнаго правленія государствомъ, всеобщаго почтенія, всемірной извѣстности, громкой славы.

Ей чудилось, что она въ златотканой порфирѣ воз-

сѣдаетъ на престолѣ отца своего; что со всѣхъ странъ земныхъ стекаются къ этому престолу посланники и именитые люди съ грамотами отъ своихъ государей. И въ этихъ грамотахъ иноземные короли шлютъ ей привѣтъ свой, свою тонкую лесть, заискиваютъ ея дружбы, величаютъ ее императрицей, сѣверной Пульхеріей Августой.

Подъ эти роскошныя грезы наконецъ заснула утомленная царевна.

Тихая ночь спустилась на землю; надъ Кремлемъ зажглись мириады звѣздъ небесныхъ; дуновеніемъ теплаго вѣтра со всѣхъ сторонъ изъ густо разросшихся садовъ несло цвѣточное благоуханіе. Въ слабомъ мерцаніи майской ночи темнѣла какая-то груда безформенная посреди Красной площади.

Кругомъ ни звука; кремлевскіе обитатели или заснули, обезсиленные и измученные за этотъ страшный день, или притаились запершись въ своихъ покояхъ и не подаютъ голоса. Только отъ воротъ, гдѣ стоятъ стрѣлцкіе караулы, изрѣдка доносится звяканье оружія да оклики часовыхъ.

И среди этого всеобщаго молчанія, между соборами на Красную площадь крадется какая то черная фигура: и распознать нельзя: человѣкъ это или звѣрь. То ползкомъ ползетъ онъ, то поднимется на ноги, разглядѣтъ поближе его, такъ страхъ возьметъ—лицо черное, только глаза блестятъ да зубы блѣдуютъ.

Крадется то Иванъ, вѣрный негръ Матвѣева. Слѣдуетъ онъ своего добиться: весь день вокругъ Кремля караулил, улучилъ удобную минуту, проскользнулъ въ ворота, дождался ночи и выползъ теперь на Красную площадь искать своего боярина.

Вотъ подползъ онъ, чутко озираючись во всѣ стороны, къ чернѣющей кучѣ. Дрожь беретъ его, онъ тихо вздыхаетъ, крестится—видитъ онъ растерзанные трупы вокругъ, на далекое расстояние вся земля окровавлена, здѣсь голова, здѣсь туловище, здѣсь рука, тамъ нога. И надъ каждымъ безобразнымъ кускомъ уже зловоннаго человѣческаго тѣла склоняется негръ и разглядываетъ, въ каждое лицо, искаженное страшными предсмертными страданіями, всматривается. И долго онъ ищетъ въ потемкахъ, и вздыхаетъ все, и крестится.

А кругомъ ночь такъ же тиха и благоуханна, и такъ же невозмутимо и прекрасно сияютъ небесныя звѣзды.

Другъ страшный вопль раздается на площади: не могъ удержаться черный невольникъ—нашелъ онъ голову Артамона Сергѣевича и зарыдалъ и заплакалъ надъ нею покрывая ее поцѣлуями. Какъ сокровище безцѣнное взялъ онъ эту голову, и опять ищетъ. Мало по малу собралъ онъ и туловище, и руки и ноги—ему ли не узнать Артамона Сергѣевича!

Сложилъ изрубленное тѣло въ принесенный съ собою мѣшокъ, взвалилъ его на плечи и сталъ опять красться по площади къ Кремлевскимъ воротамъ.

Неудержимыя слезы застилали глаза его, сердце разрывалось, вспоминалъ онъ всю жизнь свою.

„Отецъ ты мнѣ былъ, Артамонъ Сергѣевичъ! шепталъ рабъ, сгибаясь подъ своей кровавой ношей,—и отнынѣ святыней будетъ мнѣ твоя могила. Снесу тебя къ Николѣ на Столбахъ, въ ту самую церковь, гдѣ позналъ я Бога и гдѣ былъ ты моимъ воспріемникомъ отъ купели. Тамъ, въ оградѣ, предамъ тебя землѣ и насажу цвѣточковъ надъ твоей могилой; и днемъ, и ночью, и въ горячій полдень буду приходить туда и молиться...“

Полупьяные часовые дремали. Негръ улучилъ удобную минуту, не слышно прощмыгнувъ мимо нихъ и скрылся въ глухомъ переулкѣ.

XIII.

Въ укромномъ домикѣ Малыгина, едва виднѣвшемся изъ за густыхъ, душистыхъ вѣтвей сирени и старыхъ липъ, свѣтился огонекъ лампы. Молодой подполков-

никъ то въ бреду, то въ мучительномъ забытіи метался по постели. Возлѣ него, съ разпухшими отъ слезъ глазами, сидѣла Люба. Время отъ времени въ комнату входилъ старый усатый стрѣлецъ, слуга Малыгина.

„Душно, душно! воздуху,“ говорилъ Николай Степановичъ, открывая глаза, но не узнавая Любу.

Она вздрогнула, очнулась отъ своихъ мыслей, подошла къ окошку и отворила его. На нее пахло ною свѣжестью, и вмѣстѣ съ этой свѣжестью доносились пьяные крики расхोдившихся по домамъ стрѣлцовъ.

Люба вернулась къ постели умирающаго, смочила свѣжей водою полотенце, перемѣнила на головѣ ему повязку.

„Воды! пить!“ простоналъ Малыгинъ.

Дрожащими руками налила она кружку и поднесла къ губамъ его. Онъ жадно глоталъ воду, потомъ опять открылъ глаза, приподнялся немного.

— Любушка! это ты? прошептали его губы.

Она невольно вскрикнула отъ радости. Онъ въ первый разъ узналъ ее, назвалъ по имени. Но ея радость была непродолжительна,—онъ снова забылся.

— Николай Степановичъ, голубчикъ! проговорила она, глотая слезы.

Онъ ее не слышалъ.

Опять одна за другой начали проходить мучительныя минуты. Люба пробовала молиться, но теперь ей не шла на умъ молитва. Иногда она вставала, на ея лицѣ выражалось страшное отчаянье, она ломала руки и захлебывалась слезами.

— Я, я во всемъ виновата, я его на смерть послала! шептала она.

И она была права. Не она ли взяла съ него клятву всѣ силы употребить для того, чтобы отвратить подчиненныхъ ему стрѣлцовъ отъ жестокостей и убійствъ.

Послѣ безсонной и счастливой ночи, которую провели они въ этомъ домикѣ, рано утромъ отправился Николай Степановичъ въ свой полкъ, а Люба осталась его дожидаться. Онъ обѣщалъ, во что бы то ни стало, дать ей знать обо всемъ, что случится. Она ждала его долго, она слышала, какъ бьютъ въ барабаны. Вотъ онъ наконецъ явился. И явился блѣдный, очевидно измученный.

Онъ рассказалъ ей, что Александръ Милославскій съ Толстымъ ужъ сбѣжали стрѣльцамъ о мнимой смерти царевича, что стрѣльцы всѣ до единого взбунтовались и идутъ въ Кремль. Ужъ какъ я ихъ ни упрашивалъ, какъ ни увѣрялъ—ничего не помогло, меня же на чемъ свѣтъ стоитъ выбрали, чуть не избili.

Такъ иди съ ними, сказала ему Люба,—иди! Если они не совсѣмъ еще потеряли голову, то тамъ, въ Кремлѣ должны будутъ убѣдиться въ томъ, что ихъ обманули. Другъ мой сердечный, такіе дни пришли, такое дѣло совершается, что о себѣ нельзя думать и если смерть впереди—мужайся! прими эту смерть... А я, я тоже пойду за тобою. Не бойся, я проберусь осторожно... я знаю въ Кремлѣ всѣ выходы. Въ сторонкѣ буду я глядѣть на тебя и коли что случится съ тобою, такъ знай, что я буду тутъ же, мы погибнемъ вмѣстѣ, мнѣ не нужно жить безъ тебя. Безъ тебя мнѣ нечего дѣлать на свѣтѣ.

И Малыгинъ еще разъ поклялся ей, что будетъ ея достоинъ, что останется вѣренъ присягѣ, которую онъ принесъ царю.

Одинъ изъ первыхъ былъ онъ въ Кремлѣ со своимъ полкомъ.

Люба тоже не долго оставалась въ свободѣ. Она пробралась въ Кремль и притаилась въ укромномъ уголку, въ тѣни у собора, откуда ей была видна вся площадь.

Малыгинъ много способствовалъ укрощенію стрѣлцовъ послѣ того какъ имъ показали, царевича Ивана.

Но онъ былъ одинъ, окруженный врагами и ему не было никакой возможности пересилить этихъ враговъ. Онъ скоро повялъ, что ничего не сдѣлаетъ, но вдохновенный словами Любы, страстными фанатическими словами, онъ рѣшился исполнить клятву: умереть за правое дѣло. Намъ извѣстно, что онъ не отступилъ въ рѣшительную минуту и палъ одною изъ первыхъ жертвъ своихъ со товарищей и подчиненныхъ.

Люба все видѣла. Она видѣла, какъ ему наносился ударъ, какъ онъ упалъ на ступеняхъ крыльца. Въ первую минуту даже какое-то торжество изобразилось на лицѣ ея. Но эта минута прошла, туманъ разсѣялся, то, что она считала подвигомъ, то, что ей казалось въ этотъ послѣдній роковой для нея день великимъ и прекраснымъ, теперь представилось совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Еще не отдавая себѣ отчета въ своихъ мысляхъ, она ужъ знала, что принесла ненужную, бесполезную жертву. Въ ней заговорило страшное, горькое отчаяніе, любовь. Она едва дождалась, когда крыльцо опустѣло и бросилась къ своему другу.

И вотъ онъ умираетъ, онъ, ни въ чемъ неповинный! Но нѣтъ, это невозможно.

Онъ снова очнулся, онъ снова произнесъ ея имя, онъ будетъ живъ!

— Охъ! какъ болить голова! сказалъ Малагинъ Любѣ.—Давно это было? какъ я здѣсь очутился? расскажи мнѣ...

Она стала ему рассказывать и онъ мало по малу все припомнилъ. Но отъ этихъ усилій мысли боль въ головѣ еще увеличилась. Страшная слабость была во всемъ его тѣлѣ.

— Люба, я умираю! прошепталъ онъ.

— Ахъ, зачѣмъ ты это говоришь! Нѣтъ, нѣтъ, ты не умрешь, ты останешься живъ.

— Умру, Люба, чувствую, что не могу жить... Въ головѣ какъ свинецъ растопленный... прощай, Люба!..

— Милый, голубчикъ, задыхаясь говорила она,—такъ вѣдь это я, одна я причиной твоей смерти... Боже, какое страшное наказаніе за мою глупость!.. за что я и тебя и себя погубила?!..

— Не вини себя! перебилъ онъ ее.

Но съ такимъ трудомъ ворочился языкъ его, что она едва его понимала.

— Не вини себя... ты помогла мнѣ исполнить долгъ мой... я умираю какъ честный солдатъ...

— Ну такъ умремъ вмѣстѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, Люба ты должна жить... жить. На свою жизнь ты не имѣешь права... ахъ ты не боишься грѣха, ахъ забыла Бога?!.. Ты должна жить, живи, живи долго, счастливо, забудь обо мнѣ... видно не судьба была... только мелькнуло и все кончено... Прощай Люба...

Онъ хотѣлъ еще сказать что-то, но мысли его внезапно спутались. Онъ впалъ въ прежнее забытѣе и лежалъ неподвижно, только грудь его высоко поднималась.

Люба крикнула не своимъ голосомъ. Вошелъ старый стрѣлецъ, наклонился надъ Малыгинымъ.—Отходить! крестясь прошепталъ онъ,—и по па теперь достать негдѣ, помреть безъ покаянія...

Но Люба еще не вѣрила, она еще ждала, что вотъ, вотъ онъ снова откроетъ глаза и она услышитъ его голосъ. Прошло нѣсколько долгихъ минутъ, показавшихся ей вѣчностью.

Дыханіе Николая Степановича стало ослабѣвать, потомъ еще одинъ тяжелый вздохъ—и все замолкло.

— Умеръ, умеръ! застонала Люба.

Она наклонилась къ груди его—невозможно было сомнѣваться въ страшной истинѣ. Люба будто потеряла рассудокъ; что то говорила; но ни сама она, ни старый стрѣлецъ не понимали словъ ея. Наконецъ она выбѣжала въ сосѣдній покой, схватила со стѣны, на которой висѣло оружіе, кинжалъ и ужъ готова была

вонзить его себѣ въ грудь, когда сильная рука стрѣльца ее остановила.

— Полоумная! Бога побойся, что ты дѣлаешь? али ты басурманка? очнись. Войди вотъ лучше, помолись-ка надъ покойникомъ, поплачь, такъ отойдетъ отъ сердца.

Стрѣлецъ вырвалъ изъ руки ея кинжалъ, почти силою втокнулъ ее въ спальню и заперъ дверь.

Она хотѣла подойти къ Николаю Степановичу, но не дойдя до кровати, упала на полъ. Это былъ не обморокъ, просто ее оставили послѣднія силы. Ея глаза были открыты. Она все видѣла вокругъ себя, видѣла блѣдное лицо покойника съ обвязанной головою, слышала какъ уходитъ и приходитъ стрѣлецъ, что-то приготавливаетъ, слышала какъ изъ открытаго окошка доносятся крики и пѣсни. И рядомъ со всѣмъ этимъ, рядомъ съ дѣйствительностію передъ нею проходили ярко, страшно ярко другія картины.

Ей чудилась красная площадь, толпы стрѣльцовъ, величественная фигура несчастнаго Матвѣева...

Она видѣла Николая Степановича—не того, который лежитъ теперь неподвиженъ и мертвъ—а другаго, живаго... У нея въ ухахъ звучалъ его голосъ, его нѣжные рѣчи, рѣчи прошедшей ночи. Что-то огромное, холодное, тяжелое какъ пудовой камень давило грудь ея; но ни одна слезинка теперь не выкатилась изъ глазъ ея и всю ночь на пролетъ провела она въ этомъ страшномъ состояніи. Только къ утру очнулась.

Покойникъ лежалъ уже на столѣ, обмытый и одѣтый старымъ стрѣльцомъ въ парадное платье. Шатаясь, подошла къ нему Люба и опустилась на колѣни.

— Прости, милый, громко сказала она, какъ будто онъ могъ ее слышать,—сладко было бы мнѣ умереть съ тобою. Одна минута—и нѣту муки, и тишина, и спокойствіе. Но ты теперь тамъ, у Бога, въ обители райской, куда меня грѣшную не пустятъ. Нѣтъ, я буду жить, какъ ни страшна жизнь моя... И этой жизнью я искуплю мою вину предъ тобою. Я до дна выпью чашу... я буду молиться за тебя и за всѣхъ невинно погибшихъ, за всѣхъ несчастныхъ... Буду молиться до тѣхъ поръ, пока Господь не проститъ меня и не возьметъ съ этой страшной земли, гдѣ одна только мука, одинъ ужасъ, одно заблужденіе... И тогда, когда грѣшныя молитвы мои будутъ услышаны, тогда я свижусь съ тобою!.. Прости, мой милый!..

Слезы хлынули изъ глазъ ея на холодную, ужъ оконченѣвшую руку Малышна. Эти слезы ее облегчили. Теперь она все видѣла, все понимала. Она знала, что будетъ дѣлать.

XIV.

Рано утромъ 16-го Мая Царица Наталья Кирилловна собрала бояръ и родственниковъ своихъ, которые скрывались въ Кремлѣ. Старый Патріархъ Іоакимъ тоже явился на это совѣщаніе. Для всѣхъ было ясно, что ужасами вчерашняго дня еще далеко не закончились бѣдствія, что стрѣльцы, торжествующіе и безнаказанные, вернутся снова и кончатъ пожалуй тѣмъ, что перебьютъ всѣхъ безъ исключенія.

Что же дѣлать?

Конечно одинъ только остается выходъ: бѣжать изъ Кремля, изъ Москвы, скрыться куданибудь подальше... въ монастырь уединенный и ждать пока въ войскѣ улягутся страсти. Но какъ бѣжать, когда Кремль со всѣхъ сторонъ окруженъ сильными караулами и когда часовые слѣдятъ зорко?

Послала было Наталья Кирилловна развѣдать, нѣтъ ли хоть какойнибудь лазейки; но посланные вернулись съ безнадежнымъ отвѣтомъ. Очевидно руководители стрѣльцовъ приняли всѣ мѣры, для того, чтобы загородить путь спасенія *измѣнниковъ*.

Приходилось ждать страшной участи. Полное отчаяніе изображалось на всѣхъ лицахъ. Призракъ смерти

Въ тихой молитвѣ. Картина Германъ Каульбаха, грав. Брендъ Амуръ.

стоялъ передъ всѣми и въ особенности передъ Нарышкиными,—вѣдь прежде всѣхъ ихъ ищутъ: они обречены на погибель. Вѣжать нельзя, нужно опять скрываться, но куда? Вчера ватаги стрѣльцовъ рыскали по всѣмъ покоямъ, сегодня будетъ тоже самое.

И не успѣли еще рѣшить вопроса куда и какъ скрыться, какъ раздался бой барабановъ, набатъ и крики. Вооруженные стрѣльцы опять стояли передъ дворцомъ, требовали выдачи Ивана Кирилловича Нарышкина, а если имъ его не выдадутъ, то грозилась перебить всѣхъ бояръ.

— Ну такъ будемъ готовиться къ смерти! сказала царица какимъ то вдохновеннымъ голосомъ.—Я брата имъ не выдамъ... Пойдемте всѣ въ Грановитую палату, запремите тамъ. Пускай кто нибудь выйдетъ къ этимъ извергамъ, пусть имъ скажутъ, что нѣтъ Ивана Кирилловича, чтобъ они лучше и не требовали его выдачи!

Бояре стояли, переминаясь съ ноги на ногу. Послѣ угрозъ стрѣльцовскихъ никому не было охоты выходить къ нимъ.

— Такъ я пойду, государыня, сказалъ Тараруй, на котораго мало обращали вниманія среди паническаго страха, всѣхъ объявшаго.

Ни царица, ни ея приближенные и не замѣчали, что одинъ Хованскій внѣ опасности, что онъ свободно расхаживаетъ всюду, не ищетъ себѣ убѣжища, не боится стрѣльцовъ. Ему и выходъ изъ Кремля доступенъ, онъ и не ночевалъ во дворцѣ: пробрался сюда рано утромъ.

Вотъ онъ вышелъ на площадь; стрѣльцы его окружили.

— Что же, князь батюшка, будетъ намъ измѣнникъ Нарышкинъ?.. вѣдь нельзя намъ уходить безъ него,—самъ ты говорилъ, что онъ первый царскій душегубецъ, что онъ примѣрялъ ужъ и царскую корону!...

— Не будетъ вамъ Нарышкина, сказалъ имъ Хованскій.

— Царица объявила, что ни за что не выдастъ брата.

— Такъ что-жь это она, завопили стрѣльцы,—братъ—братъ, да вѣдь и измѣнникъ же онъ, ея же сына—царя измѣнникъ, такъ какъ же она его не выдастъ?!...

— Видно хоть и измѣнникъ, а все же ей дороговъ, усмѣхнулся Хованскій.—А коли такъ, братцы, коли такъ поступаетъ Наталья Кирилловна—не выгнать ли и ее изъ дворца? заключилъ онъ.

— Любо! Любо! въ одинъ голосъ отвѣчали стрѣльцы.

— Только теперь обождите. Пожалуй еще постоитъ, можетъ они и образумятся, а то такъ уходите да и опять завтра возвращайтесь.

— Не уйдемъ мы безъ Ивана Нарышкина. Что-жь такое—вотъ Матвѣва убили, Долгорукихъ съ Салтыковымъ тоже, а главный измѣнникъ живъ. Никакъ нельзя уйти намъ, Иванъ Андреевичъ.

— Такъ я и говорю вамъ; завтра возвращайтесь, а караулы у воротъ держите—вѣдь онъ здѣсь, никуда не убѣжить. А за день то, да за ночь они всѣ притовятся... ну вотъ можетъ и будутъ сговорчивѣе. Добромъ то лучше, безъ лишней крови.

Стрѣльцы подумали, подумали.

— Что-жь, это вѣрно говорить князь, толковали нѣкоторые, зачѣмъ кровь проливать даромъ, такъ то лучше, донять ихъ томленіемъ. Но все же ты, князь батюшка, обратились стрѣльцы къ Хованскому, поди да скажи царцѣ, что коли не выдастъ она намъ брата, такъ мы и до нея доберемся... Такъ можетъ мы его и сегодня получимъ.

Хованскій возвратился въ Грановитую Палату.

— Плохо дѣло, сказалъ онъ, придется государыня выдать Ивана Кирилловича, а то вотъ они ужъ и тебѣ грозятся.

— Я готова къ смерти, тихо, едва шевеля губами произнесла Наталья Кирилловна, пусть ломаются—не могу же я имъ выдать брата!

Хованскій замолчалъ и не пошелъ больше къ стрѣльцамъ.

Такъ продолжалось вплоть до часу пополудни. Стрѣльцы не позволяли себѣ вчерашнихъ безчинствъ, во дворецъ не врывались; но на площади кричали и ругались громко. Наконецъ, видя, что Нарышкина имъ все же не выдадутъ, они рѣшились послѣдовать совѣту Хованскаго и вышли изъ Кремля, разставивъ по воротамъ новые, крѣпкіе караулы. Царица и бояре вздохнули свободнѣе—можетъ быть миновала опасность, можетъ быть одумались разбойники.

А въ то время, какъ слабая надежда загорѣлась на лицахъ приближенныхъ Натальи Кирилловны, въ теремѣ, въ покояхъ царевны Софьи шло совѣщаніе между нею, Милославскимъ и Тараруемъ, который уже успѣлъ незамѣтно сюда пробраться.

— Такъ ты говоришь, князь, что они завтра непременно вернутся? спрашивала Софья Хованскаго.

— Въ этомъ будь покойна, государыня, отвѣчалъ онъ,—не уйдутъ безъ Нарышкина. Развѣ они теперь успокоятся до тѣхъ поръ, пока не увидятъ, что могутъ дѣлать, что имъ угодно. Вѣдь они теперь говорятъ между собою, что если царевичъ Иванъ и живъ, то все равно при Нарышкиныхъ не долго нажить ему, это у нихъ засѣло крѣпко. Конечно съ такими олухами можно бы и справиться, что нибудь придумать для ихъ успокоенія, такъ кто же станетъ придумывать—не мы же съ Иваномъ Михайловичемъ.

— Еще бы! прошептала Милославскій. Я не живъ пока не кончили съ Нарышкиными. На полпути нечего останавливаться.

— Въ этомъ я съ вами согласна, тихо проговорила царевна, я только боюсь новыхъ ненужныхъ преступленій. Да и наконецъ вы сами вчера видѣли на что они способны: вѣдь настоящими звѣрьми дѣлаются. Дойдутъ они до такого остервененія—и мы всѣ въ опасности.

Въ эту минуту вошелъ Василій Васильевичъ Голицынъ. Онъ былъ блѣденъ, лицо его показывало глубокое душевное волненіе. Мрачно взглянулъ онъ на Хованскаго съ Милославскимъ.

— Пора остановиться, бояре, проговорилъ онъ. Уймите стрѣльцовъ—это въ вашей власти. Зачѣмъ намъ еще кровь Нарышкиныхъ—теперь все равно, враги въ нашихъ рукахъ, Матвѣва нѣтъ...

И не смущаясь пытливымъ, злобнымъ взглядомъ Хованскаго, Голицынъ громко вздохнулъ и перекрестился.

— Матвѣва нѣтъ, продолжалъ онъ, и намъ нѣкого бояться. Нарышкины безсильны, да и разослать ихъ можно по дальнимъ городамъ...

— Нѣтъ, князь, нѣтъ, воля твоя, ты не такъ толкуешь и ужъ съ Иваномъ то Кириллычемъ во всякомъ случаѣ нужно покончить.

— Не понимаю, чего это вы такъ на него упираете, отчего вамъ кажется страшнѣе этотъ мальчишка? онъ задоренъ—и только. Въ народѣ его не любятъ, на хитрости онъ не способенъ—его Господь разумомъ обидѣлъ, напрасно только вы запачкаетесь въ крови его, да запачкаете и царевну. Подумайте-ка хорошенько, да и потолкуйте со стрѣльцами.

Софья не говорила ни слова. Она сидѣла задумавшись и только изрѣдка взглядывала на своего друга.

Она умѣла читать въ лицѣ его и теперь видѣла, какъ что-то мучительное и тяжелое ложится между нимъ и ею. Вотъ вѣдь его глаза останавливаются на ней безучастно и холодно, нѣмой упрекъ въ его взглядѣ... къ тому же онъ правъ.

— Уговорите стрѣльцовъ, сказала она своимъ совѣтникамъ,—князь Василій правду сказалъ, можно обоимъ

тись безъ Нарышкинской крови. Пускай стрѣльцы требуютъ ихъ заточенія по монастырямъ, удаленія на всегда изъ Москвы, но не казни. А то такъ просто дайте имъ возможность убѣжать отсюда. Вамъ легко, подь какимъ нибудь предлогомъ, отвлечь вниманіе одного изъ карауловъ... пусть они бѣгутъ.

— Нѣтъ, это не ладно рѣшительно заговорилъ Милославскій,—дѣло дѣлать, такъ дѣлать до конца и робѣть нечего. Одною лишней головой можно поступить-ся... Я бы пальцемъ не пошнелъ для Нарышкинскихъ.

— Самъ бы я пошелъ къ нимъ, раздумчиво сказалъ Голицынъ,—да толку изъ этого не выйдетъ, меня и не послушаютъ; пропаду только даромъ.

— Господь тебя сохрани, еще что надумалъ! испуганно вскрикнула царевна. Нѣтъ, ты въ это дѣло не вмѣшивайся: какъ сначала былъ въ сторонѣ, такъ и оставайся!

Она снова стала уговаривать Хованскаго послѣдовать совѣту Голицына.

Тотъ даже обѣщала ей потолковать со стрѣльцами, но въ то же время подмигнулъ Милославскому, давая ему знать, что ровно ничего не сдѣлаетъ.

Когда царевна ихъ отпустила отъ себя, удержавъ Василья Васильевича, они порѣшили не допускать никакихъ послабленій.

— Вотъ еще нещечко навязался, ворчалъ Хованскій. И зачѣмъ это онъ сюда явился? сидѣлъ бы на Украинѣ. Самъ палецъ о палецъ не ударилъ, а чай заранѣе ужъ намѣтилъ себѣ первое мѣсто... И еще челоуѣколюбцемъ прикидывается—вишь ты крови не нужно! Ну, да это еще посмотримъ какъ онъ займетъ первое мѣсто, по времени и съ нимъ можно будетъ справиться....

(Продолженіе будетъ).

НАШИ СОСѢДИ ВЪ МИРОВОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ.

(Продолженіе).

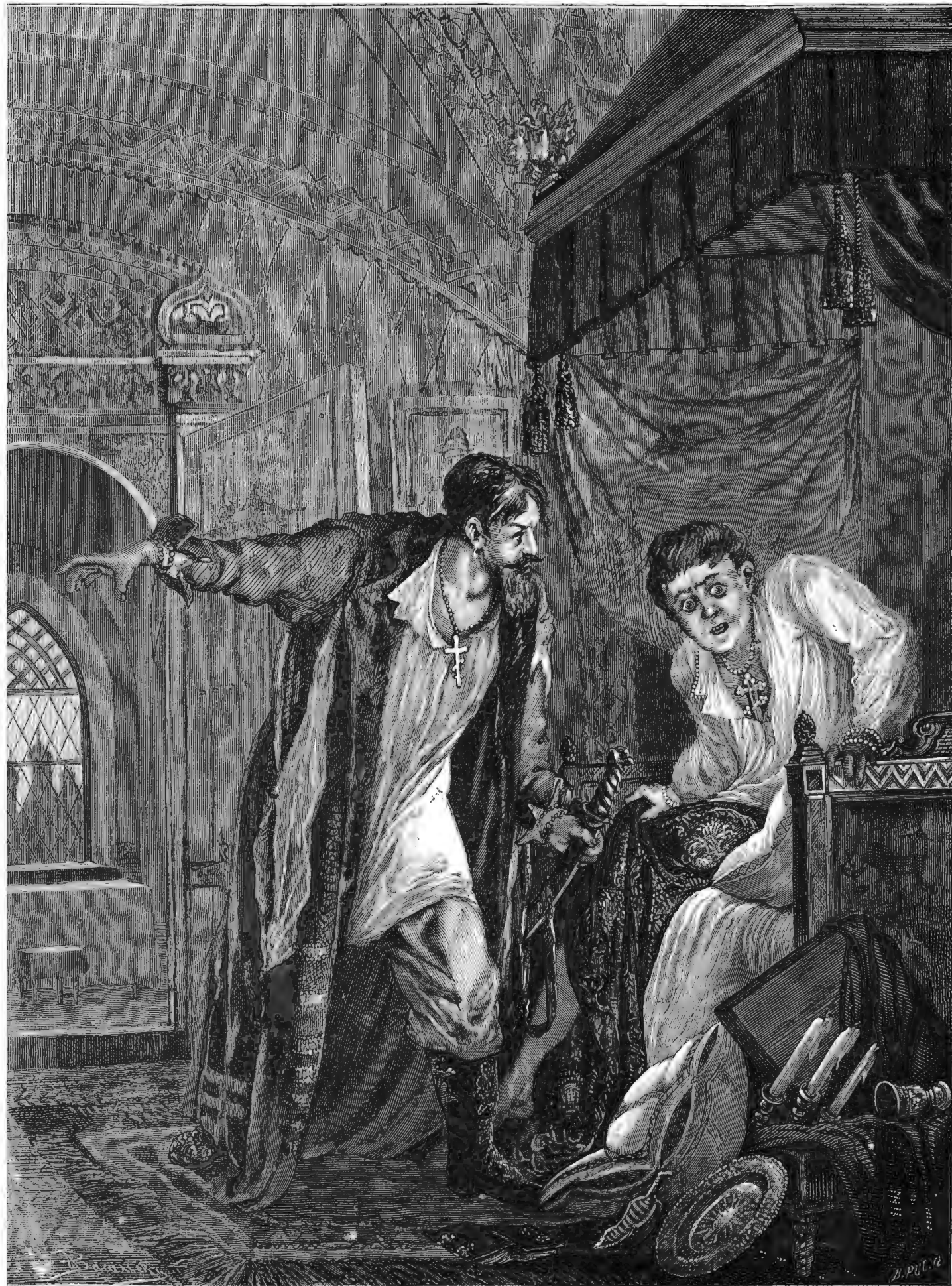
Спектральный анализъ показываетъ, что „Меркурій“ представляетъ собою массу довольно плотную, которая обладаетъ атмосферою, сильно насыщенною водяными парами. Можно, затѣмъ, предполагать, что сгущеніе паровъ, или облака, на этой планетѣ достигаетъ весьма высокой степени и безъ сомнѣнія, многочисленныя перемѣны, на поверхности Меркурія, представляющіяся глазу наблюдателя, можно объяснить именно этими причинами. Что эта, (самая малая и самая молодая изъ всѣхъ) планета, по всѣмъ соображеніямъ, уже давно вышла изъ капельно-жидкаго состоянія—это доказываютъ замѣчаемыя на ней громадныя горы. Самыя высокія изъ горъ на „Меркуріи“ превосходятъ въ семь разъ высочайшихъ горныхъ испосинговъ нашего земнаго шара. Это говоритъ, разумѣется, относительно общей массы и величины поперечника „Меркурія“ сравнительно съ массою и величиною поперечника земли. Поперечникъ „Меркурія“ въ три раза меньше поперечника земли. Если не принимать въ расчетъ этой разности, то получается такъ называемая абсолютная высота горъ Меркурія, и высота эта, въ этомъ случаѣ, будетъ въ 2½ раза больше, чѣмъ земныя горы. Наблюденія высоты горъ на „Меркуріи“ совершаются посредствомъ телескопическихъ наблюдений ландшафтовъ на этой планетѣ, претъ восходомъ и заходомъ солнца и на основаніи измѣренія сѣнговыхъ вершинъ, горящихъ яркимъ румянцемъ при утренней и вечерней зарѣ. Вотъ на основаніи этихъ-то наблюдений и вывели, что вышина горъ Меркурія въ 2½ раза выше горъ земли, если принимать абсолютную высоту, то есть не высчитать суммы измѣренія поперечника „Меркурія“ изъ таковой же суммы измѣренія поперечника земли. Но, не смотря на указанныя сейчасъ особенности „Меркурія“, средняя температура на этой планетѣ представляется совершенно невыносимою для живущихъ на землѣ организмовъ, и именно по той причинѣ, что лученспусканіе солнца на поверхность „Меркурія“ въ 6¼ раза больше, чѣмъ тоже лученспусканіе на нашу землю. Между тѣмъ, теплота зависитъ не только отъ интенсивности или напряженія лученспусканія, но точно также и отъ теплопроводности атмосферы; но относительно этой-то атмосферной теплопроводности на „Меркуріи“ намъ почти ни чего не извѣстно, потому что спектръ „Меркурія“, по причинѣ большой близости этой планеты къ солнцу, весьма рѣдко поддается точнымъ изслѣдованіямъ.

О планетѣ „Венера“, въ общемъ, можно сказать тоже самое. Атмосфера на „Венерѣ“ существенно рѣже, чѣмъ на „Меркуріи“ и на землѣ. Горы на „Венерѣ“, достигаютъ 7-ми миль высоты, и затѣмъ такъ какъ напряженіе солнечнаго лученспусканія на этой планетѣ только вдвое болѣе, чѣмъ на землѣ, то температура на „Венерѣ“ не должна существенно разниться отъ нашей земной. Напротивъ, сѣнна время года у нашего непосредственнаго сосѣда по мировому пространству („Венера“ по временамъ приближается къ нашей землѣ на 5 милліоновъ миль ближе, чѣмъ всякая другая изъ планетъ) чудовищно-быстра. Наклонъ оси вращенія „Венеры“ относительно солнечнаго пути, достигаетъ 72 градусовъ, тогда какъ наклонъ нашей земли къ тому же пути составляетъ лишь 23 градуса. Но извѣстно, что сѣнна время года именно и зависитъ отъ этого наклоненія оси какой-либо планеты къ солнечному пути. У насъ, на сѣверной половинѣ земли, существуетъ лѣто, когда сѣверный полюсъ обращенъ къ солнцу; но въ тоже время на южномъ земномъ полушаріи господствуетъ зима, и на оборотъ—не нашемъ полушаріи бываетъ зима, когда южный полюсъ обращается къ солнцу. Но при этомъ солнечныя лучи и въ зимнее время довольно продолжительно могутъ освѣщать и согрѣвать умеренныя земныя пояса. Теперь представьте же наклоненіе оси планеты къ солнечному

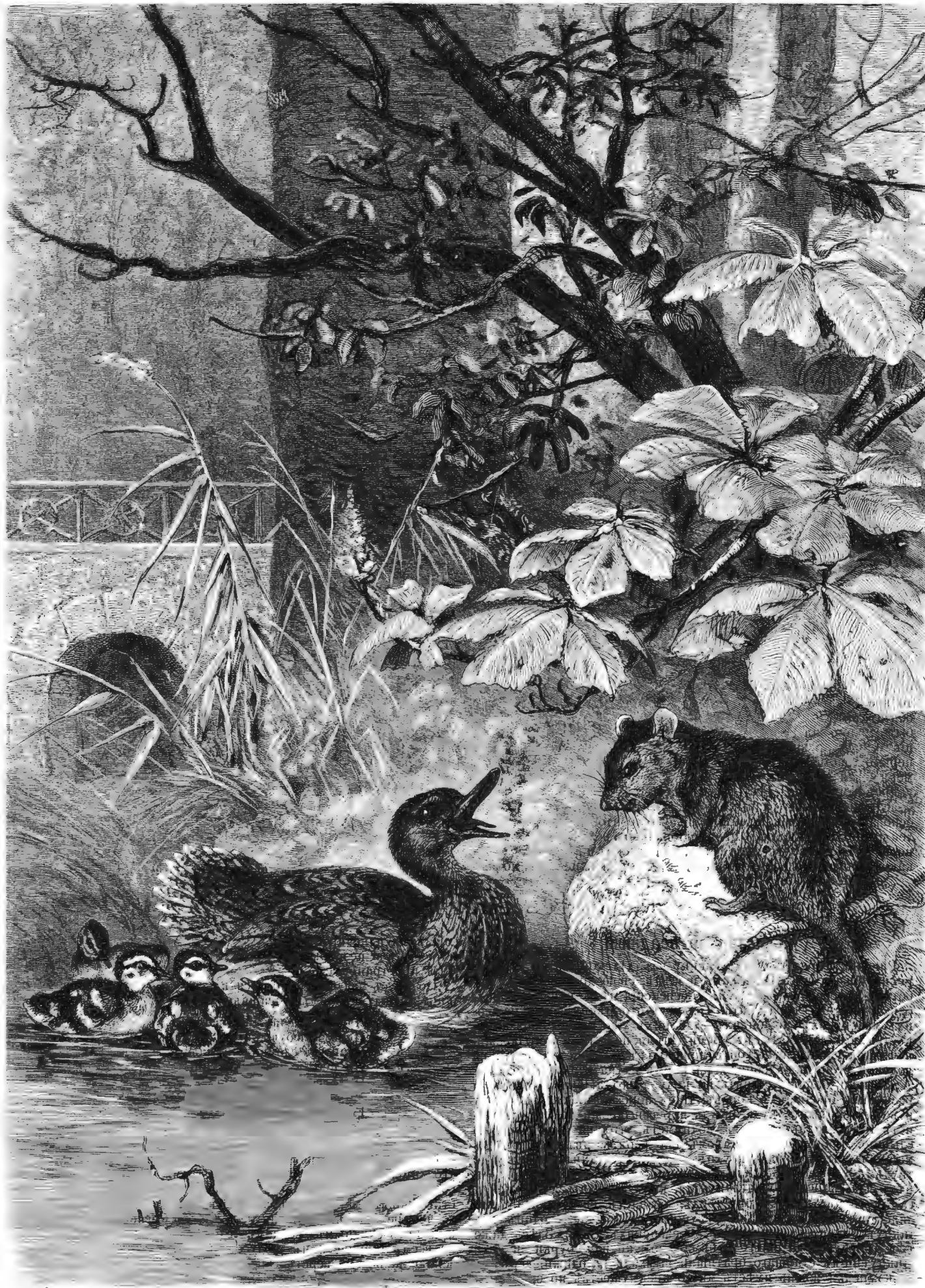
пути на 72 градуса!.. При этомъ условіи на цѣлой половинѣ планетной сферы должна, дѣлать шесть мѣсяцовъ царить непроглядная ночь—явленіе безпримѣрное въ нашихъ земныхъ широтахъ!.. Обитатели „Венеры“, предположивъ, что они не всѣ скучены на Экваторѣ, должны терпѣть самую рѣзкую сѣнну весьма жаркаго лѣта съ невообразимо-короткими ночами, и страшно-холодной зимы, почти вовсе лишенной солнечнаго сіянія!.. Эта рѣзкость сѣнны можетъ смягчаться только тѣмъ, что лѣто и зима на планетѣ „Венера“ болѣе чѣмъ на ½ короче, чѣмъ на землѣ, потому что годъ на „Венерѣ“ состоитъ только изъ 224 дней, слѣдовательно равняется только 7½ мѣсяцамъ земнаго года. Но между тѣмъ, на примѣръ, на „Меркуріи“ (на которомъ сѣнна время года довольно аналогична съ такою же сѣнною на землѣ) каждое время года составляетъ только 22 дня, такъ что и весь годъ на „Меркуріи“ не достигаетъ даже и 88 дней. Но, во всякомъ случаѣ, и о „Венерѣ“ мы знаемъ относительно весьма-мало потому, что и она никогда на большое разстояніе не удаляется отъ солнца; слѣдовательно здѣсь представляется такое-же большое препятствіе для спектральнаго анализа какъ и относительно „Меркурія“. „Венеру“ можно видѣть только утромъ или вечеромъ, (положеніе ея на горизонтѣ всегда глубокое). Но утренній и вечерній свѣтъ, а также и сильное преломленіе свѣтовыхъ лучей, исходящихъ отъ самой „Венеры“ (каковыя должны претерпѣвать всѣ предметы, расположенныя на горизонтѣ)—все это весьма неблагоприятно для изслѣдованія физическихъ качествъ „Венеры“.

II.

Совсѣмъ иное представляетъ намъ планета „Марсъ“. И эта планета подходитъ по временамъ на 5 милліоновъ миль ближе къ землѣ. Но такъ какъ, не смотря на это, „Марсъ“ сохраняетъ свое благоприятное для наблюдений положеніе, высоко надъ горизонтомъ и такъ какъ окружающая „Марса“ атмосфера чрезвычайно ясна и прозрачна, то мы знаемъ форму поверхности „Марса“ даже почти лучше, чѣмъ форму поверхности нашей собственной планеты. Между обѣими планетами (землею и „Марсомъ“) существуетъ поразительное вѣннее сходство. Свѣтъ „Марса“, какъ извѣстно, представляется намъ краснымъ, и этотъ фактъ долгое время приводилъ къ ошибочному мнѣнію, что планета „Марсъ“ находится еще въ расплавленномъ состояніи. Но это предположеніе нужно отвергнуть уже изъ чисто космологическихъ причинъ, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы небесное тѣло, во всякомъ случаѣ на многія сотни милліоновъ лѣтъ старѣйшее чѣмъ Земля, да и притомъ представляющее въ 10 разъ меньшій объемъ сравнительно съ Землею,—чтобы это небесное тѣло, говоримъ мы, могло оставаться въ процессѣ охлажденія позади Земли. Мы знаемъ теперь, что краснота рефлективного или отраженнаго свѣта планеты „Марсъ“ происходитъ не отъ другой какой-либо причины, какъ отъ того, что атмосфера „Марса“, подобно земной, имѣетъ голубой цвѣтъ. А оптика насъ учитъ, что всякое прозрачное тѣло всего лучше отражаетъ тѣ свѣтовые лучи, которые всего менше поглощаются имъ. Теперь: такъ какъ красный цвѣтъ есть дополнительный по отношенію къ голубому, то голубая атмосфера наиболѣе отражаетъ красныя лучи солнечнаго спектра. Точно также и наша Земля должна представляться наблюдателю, находящемуся на другой планетѣ, свѣтящеюся краснымъ цвѣтомъ. Если же красный цвѣтъ Земли долженъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, принимать болѣе розовый оттѣнокъ, чѣмъ цвѣтъ „Марса“, то это происходитъ отъ небольшой разницы въ свойствахъ атмосферъ той и другой планеты. Въ хорошихъ телескопахъ, впрочемъ, и красный цвѣтъ „Марса“ разлагается на интенсив-

Послѣднее утро Дмитрія Самозванца. Ориг. рис. А. Васильева, грав. В. Пугъ.

по или безусловно красной и ультрамариново-красной пятна. И очевидно, что интенсивно-красным цветом означает на „Марсе“ континент, а ультрамариновыми пятнами — море. Свѣтящая и согревающая масса солнца не достигает на „Марсе“ и половины количества, посылаемого на землю, и такъ какъ собственно процессъ охлаждения совершился на „Марсе“ уже давно,—то вопреки недавней гипотезѣ раскаленного состояния разсматриваемой планеты, можно бы, напротивъ, придти къ убѣжденію, что для „Марса“ наступилъ *тѣхный* ледяной періодъ. Такое убѣжденіе, однако, было бы неосновательнымъ, — и вотъ почему: спектральный анализъ показываетъ въ атмосферѣ „Марса“ значительное количество водяныхъ паровъ, а присутствие этихъ паровъ невозможно безъ соответственнаго возвышенія температуры. Но затѣмъ мы весьма точно и ясно можемъ наблюдать на „Марсе“ ледяныя и снѣговыя образования. Именно: на полюсахъ „Марса“ замѣчаются большія, блестящія бѣлыми свѣтомъ, пятна, которыхъ очертанія и объемъ видоизмѣняются съ перемѣнами временъ года на „Марсе“. На полюсѣ, на которомъ господствуетъ зима, эти пятна увеличиваются, но одновременно уменьшаются на полюсѣ, гдѣ господствуетъ лѣто. Уже наблюдение нашей земной поверхности научаетъ насъ, что мы должны видѣть въ этихъ блестящихъ клочкахъ и шапкахъ, покрывающихъ полюсы „Марса“. Это суть области вѣчнаго свѣта на разсматриваемой нами планетѣ, и такъ какъ эти области, даже въ самое суровое зимнее время, едва ли даже простираются такъ далеко, какъ у насъ на землѣ, то, конечно, средняя температура на „Марсе“ ни чуть не можетъ быть меньше нашей. А по этому можно признать съ нѣкоторою достовѣрностью, что сосѣдь нашъ „Марс“ даетъ своимъ жителямъ весьма удобныя средства къ существованію (и эти жители, своимъ развитіемъ, вѣроятно, далеко опередили насъ, обитателей Земли).

Теперь мы добрались до той безчисленной массы малыхъ звѣздъ, которая находится между „Марсомъ“ и „Юпитеромъ“ и движется, въ среднемъ расчетѣ, на разстояніи 52 милліоновъ миль отъ солнца. Самая большая изъ этихъ звѣздъ, „Веста“, имѣетъ поперечникъ въ 58,5 миль. Ось самой малой изъ известныхъ намъ астероидовъ, составляетъ не болѣе 2—3 миль, слѣдовательно и вся поверхность этой астероиды не болѣе самаго незначительнаго изъ нѣмецкихъ государствъ. На маленькомъ шарѣ, представляемомъ примѣрно астероидомъ „Гестія“, „путешествіе вокругъ свѣта“ можно сдѣлать, безъ затрудненія, всего-то въ одинъ день, и притомъ еще ишкомъ... Все это, однако не исключаетъ возможности, что и эти звѣздочки населены жителями. Можетъ быть даже, что обитатели этихъ малыхъ мировъ далеко превосходятъ насъ умственными силами и образованіемъ. Напримеръ, „Гестія“ вращалась вокругъ солнца, въ качествѣ самостоятельнаго небеснаго тѣла еще въ то время, когда нашей земли и на свѣтѣ-то не было. Было обитателямъ „Гестіи“ время развернуть свои силы!.. Можетъ быть маленькая планета стояла въ полномъ цвѣтѣ цивилизаціи еще въ то время, когда на Землѣ только что показывались первые слабые зачатки органической жизни и когда земныя моря были населены только животными мягкотѣлыми и жесткопловными, моря „Гестіи“ уже, конечно, были театромъ потрясающихъ войнъ разныхъ морскихъ чудовищъ... Если принять основаніемъ для заключеній то положеніе, что величина обитателей планеты должна быть пропорціонально величинѣ самой планеты, то, конечно, военное судно, на которомъ поражалъ враговъ какой-нибудь Нельсонъ планеты „Гестія“ должно быть, по раз-

мѣрамъ, не больше нашей устричной раковины, а самъ Нельсонъ не больше маленькой дѣтской куклы. Но эта мизерность роста и размѣровъ, конечно, нисколько не повредила славы героя въ „Гестіи“. Напротивъ, слава должна быть упоена, подобно славы нашихъ Нельсоновъ, Тегетгофовъ и т. д. Слѣдуетъ на этомъ же основаніи предполагать, что на планетѣ гораздо болѣе по объему, чѣмъ наша земля, люди и животныя должны быть великанами, сравнительно съ земными. Вообще, если мы беремъ въ расчетъ громадность мирового пространства, то понятіе о „большомъ“ и „маломъ“ о „великанахъ“ и „карликахъ“ какъ-то ступеневывается, такъ-какъ въ безпредѣльномъ множествѣ созданныхъ Всемогушимъ мировъ все представляется только *относительнымъ*, относительно-большимъ и относительно-малымъ. Даже самыя астероиды можно назвать еще „великанами“ если сравнить ихъ съ метеоритами, которые тоже, какъ самостоятельныя небесныя тѣла, вращаются вокругъ солнца. Въ новѣйшее время были найдены камни-метеоры (эти метеориты, которые во время своего вращательнаго движенія, попали въ область притяженія землею и были привлечены на землю вслѣдствіе закона тяготѣнія)—на которыхъ найдены слѣды воды и углерода; а это настоятельно наводитъ насъ на мысль, что подобныя маленькія небесныя тѣла не только существовали самостоятельно, но еще развивали на себѣ самостоятельную органическую жизнь. Правда, подобный „миръ“ и всего-то на все вѣснитъ нѣсколько фунтовъ, но это обстоятельство не должно вводить насъ въ заблужденіе относительно самостоятельной организаци миниатюрнаго міра. Въдѣ въ необъятномъ мировомъ пространствѣ могутъ же находиться и, конечно, находятся, небесныя тѣла, сравнительно съ которыми и наша гордая и величавая земля покажется не болѣе какъ жалкимъ пяти фунтовымъ камушкомъ-метеоритомъ!.. Представимъ только себѣ, что было время, когда наша солнечная система очутилась вблизи одного изъ такихъ колоссовъ, который былъ въ состояніи, тяготѣніемъ своей громадной массы оторвать къ себѣ нѣкоторыя планеты и, между прочимъ, землю и тогда химикъ изъ населія этого колоссальнаго свѣтила, (если таковые химикъ существовали, а почему же они не могли существовать?) могли бы уважно на поверхности ихъ планеты расплавленную землю положить въ свои реторты, подобно тому, какъ нашъ химикъ кладетъ маленькій метеоритъ въ свою реторту для изслѣдованія. Предположите, что у этихъ гигантовъ-химиковъ были хорошіе реагенты, и въ этомъ случаѣ они, можетъ быть, были въ состояніи указать „слѣды углерода“ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь омывается волнами океана гордый индустриальный Альбионъ съ его милліардами центнеровъ угля, сохранившагося въ залежахъ. Теперь спросимъ: вправдѣ ли были гиганты, о которыхъ мы говоримъ (испытывавшіе мизерную—маленькую, относительно ихъ, землю въ своей ретортѣ) вправдѣ ли они были сказать, что такое ничтожное тѣло, какъ земля, не можетъ быть обитаема,—только потому, что они могли схватить ее одной рукою?.. Конечно, не вправдѣ. Точно такъ же и мы не вправдѣ предполагать, что какой-нибудь малый астероидъ или же метеоритъ не можетъ быть *обитаемъ*, по причинѣ его малости!.. Да и кто знаетъ? можетъ быть, мизерное населеніе карликовъ мизерной планеты даже считаетъ и выдаетъ себя за средоточіе всей вселенной, точно такъ же и на такомъ же основаніи, какъ мы, обитатели земли, выдаемъ себя и своей шаръ за средоточіе вселенной!..

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Счастливые всадники.

Рисунокъ представляетъ сценку изъ дѣтской жизни въ деревнѣ, жизни, имѣющей, какъ и вездѣ, свою долю счастья и заботы и скорбей и радостей. Деревенскія дѣти раньше городскихъ начинаютъ работать. Гольно что окрѣпнуть они на своихъ маленькихъ ножонкахъ—для нихъ уже готовы обязанности: люльки качать съ малымъ дѣтми; но болѣе всего обязанностей на дѣтяхъ лежитъ по отношенію къ домашнему скоту: и на водопой сгонять надобно, и на кормъ выгнать и кормъ задать. А сколько хлопотъ сгонять въ кучу разбѣгающихся овецъ и разбѣнно бродящихъ коровъ! И съ поросятами сколько шуму и возни: забѣжить куда-нибудь поросенокъ за телѣгу, завязнеть тамъ, и такой визгъ подниметь, что на всю деревню слышно. Любимымъ существомъ для ребятъ является въ домашнемъ быту лошадь и уходъ за нею составляетъ уже не трудъ, а удовольствіе. Къ лошади привязывается ребенокъ и нѣтъ для него выше наслажденія, какъ проѣхаться на ней и самому править. Тутъ онъ гордъ, сознаетъ свое значеніе, является поводителемъ. Нашъ рисунокъ изображаетъ одинъ изъ такихъ моментовъ изъ жизни деревенскихъ дѣтей. Здѣсь даже трое забралось на спину любимаго рыжка или бурки и подъ управленіемъ старшаго братишки выѣхали на близкую рѣчку. Деревенская жизнь имѣетъ много преимуществъ по сравненію съ жизнью городской: зеленѣютъ поля, сверкаетъ рѣчка въ лучахъ солнца, воздухъ чистъ и прозраченъ, не пропитанъ онъ

мазмиами и не прокопченъ дымомъ. Зимой все покрыто чистымъ бѣлымъ пеленою и широко разстилается она на необозримомъ пространствѣ.

Поэты съ любовью относятся къ деревнѣ и нашъ поэтъ Пушкинъ, между прочимъ, обращаясь къ деревнѣ, такъ говоритъ:

Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи,
Да прудъ подъ тѣною нвѣ густыхъ—
Раздолье утокъ молодыхъ.

Севастополь.

Крымскій полуостровъ, какъ извѣстно, имѣя видъ четырехугольника, вдается въ Черное море тремя углами, а четвертымъ соединяется съ материкомъ и образуетъ узкій перешийкъ, называемый подъ именемъ Перекопа. Въ самомъ дальнемъ углу этого четырехугольника раскинулся городъ Севастополь, обладающій превосходнымъ рейдомъ—единственной большой бухтой на всемъ таврическомъ полуостровѣ. Эта бухта вдается въ землю на восемь верстъ длины и по своей глубинѣ и по безопасности отъ вѣтровъ всегда считалась первымъ рейдомъ на Черномъ морѣ и однимъ изъ лучшихъ на всемъ земномъ шарѣ. Собственно Севастополь лежитъ на западной сторонѣ бухты

и расположенъ амфитеатромъ на узкомъ и длинномъ холмѣ, занимая ту почву, которая, уже со временъ самыхъ отдаленныхъ, приобрѣла знаменитость въ исторіи развитія человѣчества. По греческимъ преданіямъ здѣсь находился храмъ Дианы, а лѣтъ за 500 до Р. Х. въ этой мѣстности была основана греческая колонія, получившая, названіе Херсонеса. Какъ городъ богатый, промышленный и торговый, Херсонесъ издавна былъ извѣстенъ русскимъ подъ нѣсколькимъ испорченнымъ именемъ Корсуня и имѣлъ огромное значеніе въ послѣдующей жизни русскаго народа. Такъ этотъ древній Херсонесъ таврической, лежащій нынѣ въ развалинахъ неподалеку отъ Севастополя, сдѣлался мѣстомъ, гдѣ принялъ крещеніе Великій Князь Владимиръ и отсюда же возсіялъ свѣтъ истинной вѣры на всю землю русскую. Съ этой отдаленной эпохи прошло уже болѣе чѣмъ 800 лѣтъ; Херсонесъ давно уже не существуетъ, но на этихъ родныхъ и священныхъ для насъ поляхъ возникъ новый городъ, возникъ Севастополь, вполне достойный знаменитой славы своего предшественника. До владычества русскихъ, т. е. до 1783 года, всѣмъ крымскимъ полуостровомъ, какъ извѣстно, владѣли Татары. Здѣсь на берегу роскошной Севастопольской бухты они основали убогую деревеньку *Axtiara*; но, конечно, не обратили никакого вниманія на удобство гавани, заботясь больше о выгодахъ набѣговъ и грабежа чѣмъ о выгодахъ мирной торговли. Русскіе, занявъ эту мѣстность, тотчасъ же убѣдились въ высокой ея важности и цѣнности какъ превосходнаго военного порта; среди дикой и необитаемой пустыни, вмѣсто деревушки *Axtiara* сталъ возникать мало по малу городъ съ обширными казармами, адмиралтействомъ и магазинами и былъ названъ Севастополемъ, что значитъ по гречески „знаменитый городъ“. Въ 1804 году Севастополь былъ назначенъ главнымъ портомъ Черноморскаго флота, состоявшаго уже при Екатеринѣ II изъ трехъ кораблей, 12 фрегатовъ и 25 мелкихъ судовъ. Съ этого времени Севастополь сталъ передовымъ стражемъ и оберегателемъ могущества Россіи на водахъ Чернаго моря. Черноморскій флотъ, подъ начальствомъ и руководствомъ Адмирала Лазарева, скорѣе сталъ образцовымъ, не по одному числу и силѣ величественныхъ его кораблей и не по величинѣ ихъ орудій, но по силѣ нравственной, по общему единодушію всѣхъ его представителей, по неуклонному ихъ служенію пользѣ и славѣ Россіи. Въ это незабвенное для Севастополя время, онъ сдѣлался центромъ, гдѣ росла, крѣпла и откуда наводила страхъ врагамъ наша морская сила. Будучи главнымъ портомъ на югѣ Имперіи, Севастополь былъ снабженъ въ изобиліи всѣмъ тѣмъ, что необходимо для флота, такъ онъ имѣлъ прекрасное адмиралтейство, арсеналъ, значительные склады орудій, пороха и боевыхъ припасовъ, обширный сухарный заводъ, казармы для моряковъ и два большія госпиталя. Самъ по себѣ городъ былъ очень красивъ и въ немъ насчитывалось до 2,000 домовъ, почти все каменныхъ и до 40,000 жителей, конечно принадлежавшихъ преимущественно къ военному сословию. Жизнь здѣсь дѣйствительно кипѣла, дѣятельность была громадная и плодотворная, хотя и нѣсколько односторонняя, такъ какъ частная торговля и промышленность прозягали весьма слабо свое существованіе; всѣ интересы городского населенія сосредоточивались въ обязанностяхъ службы и въ скромныхъ удовольствіяхъ провинціального городка. Севастопольцы „не мудрствуя лукаво“ тихо и однообразно проводили дни и не предчувствовали, что скорѣе надъ ихъ роднымъ гнѣздомъ разразится страшная катастрофа, которая погубитъ и ихъ любимый флотъ; а отъ красиваго города оставитъ одинъ печальный, облигннй кровью развалины. Даже когда непріятельскія суда появлялись въ виду Севастополя (въ Апрѣлѣ 1854), то и тогда даже никто не думалъ о предстоящей опасности, такъ какъ съ Апрѣля до Сентября, непріятель все лавировалъ, не предпринимая ничего рѣшительнаго, да кромѣ того по *осеннему* времени, высадку всѣ считали невозможной; городская жизнь и уресселенія шли по прежнему. Но вотъ настало 1 Сентября и союзные войска Франціи, Англіи и Турціи, въ числѣ болѣе чѣмъ 63,000 человекъ, размѣщенные на 389 судахъ, направились къ берегу. Вскорѣ въ Севастополь пришла вѣсть, что высадка совершилась; а въ слѣдъ за тѣмъ разнеслось и грустное извѣстіе, что альмское сраженіе кончилось неудачно и для нашей арміи. Непріятель не замедлил своимъ появленіемъ и лишь 15 Сентября его передовые отряды появились въ виду города. Съ этого момента началось для Севастополя скорбное время слишкомъ одиннадцатилѣтней осады, когда по словамъ поэта (А. Апухтина).

И одиннадцать мѣсяцевъ длилась рѣзня
И одиннадцать мѣсяцевъ цѣлыхъ
Чудотворная крѣпость Россію храня
Хоронила сыновъ ея смѣлыхъ.

Не имѣя возможности по самому размѣру нашей статьи представить полную картину знаменитой осады, которую читатель можетъ найти въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, специально посвященныхъ ея описанію, мы ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторые болѣе выдающіеся факты съ той цѣлью, чтобы доказать при какихъ самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ наши солдаты и матросы совершали свои необыкновенные подвиги мужества и самоотверженія. Вспомнимъ

только, что неприступный и отлично защищенный съ моря Севастополь, съ сухаго пути, не только не былъ защищенъ, но даже и не окопанъ. Лишь съ приближеніемъ непріятеля, въ городѣ закипѣла кипучая дѣятельность и онъ сталъ быстро приподняться въ оборонительное положеніе. Распорядителямъ обороны нужно было употребить необыкновенные средства и усилія чтобы удержать непріятеля на нѣкоторое время въ почти тѣлномъ отдаленіи отъ города и чтобы заставить его начать правильную осаду. Такъ, чтобы не допустить непріятельскій флотъ вторгнуться въ рейдъ, было затоплено немедленно нѣсколько кораблей и такимъ образомъ устроена для него непреодолима преграда. Кромѣ этого, эта мѣра еще была цѣлесообразна въ томъ отношеніи, что она дала на защиту города болѣе 10,000 матросовъ, мужество и доблесть которыхъ не нуждалось въ доказательствѣхъ. Пока непріятель стоялъ въ отдаленіи, Севастопольскія укрѣпленія между тѣмъ росли съ немовѣрною быстротою; всѣ рабочіе, какіе только были въ городѣ употреблены на земляныя работы; инсаря, вахтера, музыканты, пѣвчіе, нижніе чины карантинной стражи и даже арестанты снабжены были инструментомъ и высланы на работы; кромѣ этихъ обязательныхъ рабочихъ для общаго дѣла трудились и горожане всякаго званія, пола и возраста; появлялась даже такая батарея, которая безъ участія мужчинъ была насыпана одними женщинами и называлась потому до конца осады *девичьей*. На этихъ то наскорю воздвигнутыхъ батареяхъ были доставлены орудія, взятыя съ кораблей и изъ которыхъ каждое было пригнано на рукахъ до опредѣленнаго для него мѣста; изъ этихъ то орудій большаго калибра защитники начали осѣпять непріятеля снарядами, не давая ему покоя ни днемъ, ни ночью. Лишь только замѣчали что его земляныя работы начинали значительно подвигаться впередъ, то тотчасъ же дѣлали ночную вылазку; для послѣдней цѣли набиралось охотники, которые тайкомъ, пользуясь темнотою ночи, приближались къ землянымъ постройкамъ союзниковъ и уничтоживъ ихъ, насколько было возможно, безъ большихъ потерь возвращались во свояси. Напрасно непріятель истощалъ и на землѣ и подъ землею всѣ средства осады и всѣ усилія ума человѣческаго. Въ труды его уничтожались искусствомъ и бдительностью нашего знаменитаго инженера Мельникова, названнаго тогда, въ шутку, *оберъ-кротомъ*, жившаго почти безвыходно подъ землею, въ душной, тяжелой атмосферѣ и постоянно прислушивавшагося къ подземнымъ работамъ непріятеля. Не смотря на значительное превосходство своего оружія, союзники въ первое время осады испытывали потери до того громаднаго, что послѣ Инкерманскаго сраженія, въ которомъ, мимоходомъ сказать, ихъ штуцера били на 1200 шаговъ, а наши гладкостволки только на 300, они не шутя подумывали снять осаду, посадить войска на суда и оставить негостеприимныя берега Крыма. Самоотверженіе и мужество гарнизона не имѣли границъ; нашъ солдатъ работалъ день и ночь подъ градомъ снарядовъ и падая не съ оружіемъ въ рукахъ, а съ киркой или лопатой, дѣйствительно былъ достоинъ восторженнаго удивленія. Въ то время какъ наша армія дала непріятелю четыре кровавыхъ сраженія, на долю гарнизона выпало шесть бомбардировокъ, изъ которыхъ послѣднія по справедливости были названы адскими. По сознанію самыхъ союзниковъ, какъ, напр. Нееля, въ Севастополь было пущено союзниками за время осады болѣе 1,500,000 снарядовъ. Не мудрено, что послѣ отступленія нашихъ войскъ, на южной сторонѣ города осталось цѣлыми не болѣе четырнадцати домовъ. Бомбардировка, продолжавшаяся въ маѣ и іюнѣ, ежедневно вырывала у насъ изъ строя 300 или 400 героевъ, а отъ 17-го августа до 8-го сентября наша потеря простиралась до 18,000 человекъ. Немудрено, что главное кладбище на сѣверной сторонѣ извѣстно въ народѣ подъ именемъ кладбища сотни тысячъ воиновъ; хотя Богдановичъ обую потерю нашу при оборонѣ Севастополя полагаетъ не болѣе какъ 85 тысячъ человекъ. Въ послѣднее время осады, войска убывали не только съ каждымъ днемъ, но даже съ каждымъ часомъ; случалось, что цѣлый батальонъ до того уменьшался въ числѣ, что могъ обѣдать изъ одной чашки; засгрѣльщики союзниковъ были такъ близки къ нашимъ батареямъ, что могли цѣлиться въ ихъ амбразуры и разстрѣливать людей по выбору: всѣ главныя наши укрѣпленія были почти разрушены и развязка видимо подвигалась къ концу. Занятіе союзниками Малахова кургана, этого ключа всей лѣвой половины оборонительной линіи, должно было по необходимости положить конецъ героической оборонѣ, превратившейся въ кровавую, безцѣльную бойню. 28-е августа было послѣднимъ днемъ этой одиннадцатилѣтней драмы. Защитники Севастополя отступили въ блестящемъ и стройномъ порядкѣ и оставили союзникамъ одинъ дымящійся, окровавленный развалины. Разрушеніе было до того полно, что хотя со времени упомянутыхъ нами великихъ событій прошло уже слишкомъ двадцать лѣтъ, но Севастополь до сихъ поръ еще не можетъ оправиться и лежитъ въ развалинахъ. Мелкіе домики простомыслинцевъ, иные исправлены, иные возобновлены, отъ богатыхъ и роскошныхъ зданій стоятъ одни заустылыя стѣны, даже не украшенные ни зеленью, ни позучими растеніями. Въ самые прекрасные дни бѣлая, бѣдая пыль наполняетъ здѣсь атмосферу и захватываетъ вамъ дыханіе. Она-то придаетъ и домамъ и всему городу тотъ одно-

образный, блесловатый колорит, который по мнѣнію одного путешественника дѣлаетъ схожими развалины Севастополя съ развалинами Помпей. Отъ самаго лучшаго зданія Екатерининской улицы, отъ Благороднаго собранія, остался одинъ остовъ; та же участь постигла и офицерскую библиотеку, которая до осады была украшена сфинксами на широкомъ крыльцѣ, мраморными статуями на итальянской террасѣ и барельефами работы Рамазанова. Между улицами Екатерининской и Морской тянется, какъ и прежде, бульваръ, на которомъ устроено кафе и поставленъ памятникъ Казарскому, состоящій изъ колонны, увѣнчанной бронзовой триремой, въ память побѣды, одержанной въ 1829 году однимъ русскимъ бригадомъ надъ двумя турецкими кораблями. Передъ развалинами морскихъ казармъ возвышается грандіозная статуя Лазарева, поставленная уже послѣ осады и такимъ образомъ украсившая собою одинъ развалины. Среди новыхъ зданій Екатерининской улицы особенно замѣчательна одна постройка въ итальянскомъ вкусѣ. Это домъ знаменитаго нашего генерала Тотлебена, обращенный въ военный музей и постоянно открытый для публики. Здѣсь хранится все то, что имѣетъ какое либо отношеніе къ долблестной осадѣ, не исключая и богатой коллекціи книгъ, относящихся къ этому же предмету. Упомянувъ о павшемъ Севастополѣ, нельзя оставить безъ вниманія и его знаменитыя могилы Адмираловъ Нахимова, Кириллова и Истомина—эти незабвенные герои обороны погребены въ общемъ склепѣ съ Адмираломъ Лазаревымъ, подъ фундаментомъ заложенаго Корниловымъ Владимірскаго собора. Могилы всѣхъ прочихъ павшихъ при защитѣ Севастополя находятся на сѣверной сторонѣ города и составляютъ тамъ цѣлыхъ три кладбища, изъ которыхъ каждое имѣетъ особыя отдѣленія для моряковъ и арміи по полкамъ. Невысокая ограда окружаетъ все кладбище, а нѣсколько выше его, на вершинѣ холма, возвышается грандіозный храмъ пирамидальной формы, какъ бы пріосвященный собою могиламъ почившихъ, между которыми замѣтны красивые памятники князя Горчакова, Хрулева, Реада, Тимофѣева, Аддерберга съ сыномъ и многихъ другихъ извѣстныхъ личностей.

Коснувшись настоящаго положенія города, мы должны сознаться, что до сихъ поръ замѣтно весьма слабое развитіе какъ его торговыхъ такъ и промышленныхъ силъ; онъ болѣе живетъ славнымъ прошлымъ, гордится своими страданіями и дорогими могилами. Жители его по большей части участники и очевидцы славной осады и потому не удивительно, что они живутъ больше воспоминаніями. Все населеніе не превышаетъ 11,000 человекъ обоюдо нога и жизнь города нельзя назвать особенно оживленной. Но итѣ сомнѣнія, что по своему счастливому положенію, Севастополь можетъ смѣло рассчитывать на лучшую будущность и что ему рано или поздно суждено воскресить славу древняго Херсонеса и сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ для сокровищъ дальняго востока.

А. Н.

Въ тихой молитвѣ.

Превосходное выраженіе лица молодой дѣвушки, безопытно указывающее на состояніе ея духа, даетъ ясное понятіе о томъ, что именно хотѣлъ изобразить художникъ, взявшій для своей картины такой сюжетъ. Съ перваго взгляда на нее видно, что задачей его было представить то душевное состояніе, какое отражается на лицѣ молящагося человека. Дѣвушка молится и молитва ея тихая, спокойная, полная вѣры и упоенія.

Z.

Послѣдніе дни Дмитрія Самозванца.

Въ Москвѣ шли шире за пирами, потѣхи за потѣхами. Лжедмитрій отпраздновалъ свою свадьбу съ красавицей Мариной Мишкеевъ и чувствовалъ себя очень счастливымъ. Казалось и дѣйствительно горевать ему было не о чемъ: неслыханно смѣлый планъ приведенъ въ исполненіе—тепный служитель нановъ польскихъ на московскомъ престолѣ, признанъ за сына Иоанна Грознаго духовенствомъ, боярами, народомъ и даже царшей Марьей. Его окружаютъ величіе, роскошь, всеобщая лесть и ласки любимой красавицы. О чемъ же задумываться, чего бояться! нужно ловить это сказочное счастье, вволю имъ утѣшаться... И не замѣчаетъ Дмитрій, что уже собираются на него тучи, что его красный день не долговъ.

А между тѣмъ старый Шуйскій уже собралъ къ себѣ въ глухую полночь бояръ и объявилъ имъ о страшнѣйшей опасности, которая грозитъ Московскому государству отъ царя, всецѣло преданнаго полякамъ, открылся, что самозванца признали сыномъ Иоанна IV только затѣмъ, чтобы освободиться отъ Годунова. „Мы думали,—говорилъ князь Шуйскій, что такой умный и храбрый молодой человекъ будетъ защитникомъ вѣры православной и старыхъ обычаевъ, а вмѣсто того царь любитъ только иноземцевъ, презираетъ святую вѣру, оскверняетъ храмы Божіи, выгоняетъ священниковъ изъ домовъ, которые отдастъ инновѣрцамъ, наконецъ женился на Полькѣ поганой. Если мы заранѣе о себѣ не промыслимъ, то будетъ еще хуже. Я для спасенія православной вѣры опять готовъ на все, лишь бы вы мнѣ помогли усердно... Если будутъ всѣ за одно, то бояться нечего: за насъ будетъ нѣсколько сотъ тысячъ, а за него пять тысячъ поляковъ, которые живутъ не въ сборѣ, а въ разныхъ мѣстахъ“.

И порѣшили на сходкѣ у Шуйскаго не терять времени, всюду разгласить о самозванствѣ Дмитрія, потомъ ударить въ набатъ, броситься во дворецъ съ крикомъ: „Поляки бьютъ государя!“, окружить Лжедмитрія какъ будто для защиты и убить его. Одновременно съ этимъ положено было ворваться въ дома поляковъ, заранѣе отмѣченные буквами, и перебить всѣхъ. Только пѣмцевъ рѣшили не трогать въ увѣренности, что эти храбрые воины пригодятся и впоследствии.

Какъ ни осторожно и тайно дѣйствовали заговорщики, все же объ ихъ замыслахъ скоро стали ходить слухи. Начальники иноземной стражи три дня сряду доносили царю, что въ народѣ замышляется что-то недоброе. Но Дмитрій сначала спряталъ ихъ доносеніе, сказавъ: „все это вздоръ!“, а потомъ, когда это ему надоѣло, велѣлъ наказывать доносчиковъ.

Прошло нѣсколько дней—въ городѣ начались беспорядки. Заговорщики поднимали народъ, иногда дѣло доходило до сильныхъ дракъ съ поляками. Домъ, гдѣ жилъ Вишневецкій, былъ разъ осажденъ толпою въ четыре тысячи человекъ. Поляки жаловались царю; но тотъ отвѣчалъ имъ со смѣхомъ и удивлялся ихъ малодушію.

Наконецъ въ ночь съ шестнадцатаго на семнадцатое мая 1606 года въ Москву вошелъ осьмнадцатитысячный отрядъ, привлеченный на сторону заговорщиковъ и запавъ всѣ Кремлевскія ворота. Нѣмцы, обыкновенно находившіеся во дворцѣ, получили чрезъ бояръ царскимъ именемъ приказъ разойтись по домамъ и при дворцѣ остались только тридцать алебарщиковъ. Около четырехъ часовъ утра раздался колокольный звонъ съ Ильинки и скоро всѣ сорокъ сороковъ церквей московскихъ гудѣли набатнымъ звономъ. Народъ, вооружась чѣмъ попаало, со всѣхъ сторонъ хлынулъ на Красную площадь, гдѣ уже сидѣли на коняхъ бояре и дворяне. Многие еще не знали въ чемъ дѣло; вся площадь кричала и среди этихъ криковъ можно было разслышать толки о томъ, что Литва бьетъ бояръ и хочетъ извести царя.

Заговорщикамъ нельзя было терять времени, нужно было скорѣе покончить съ самозванцемъ, и не всенародно, а внутри дворца, безъ свѣдѣтелей. Князь Шуйскій, окруженный своими, вѣхалъ въ Кремль держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой мечъ. Подѣхавъ къ Успенскому собору онъ сошелъ съ коня, приложился къ образу Владимірскаго Божіей Матери и громко сказалъ: Во имя Божіе идите на злаго еретика!.. Толпа кинулась къ дворцу...

Набатный звонъ и народные крики разбудили Дмитрія. Онъ приподнялся на своемъ ложѣ, позвалъ Басманова, почевашаго во дворцѣ и приказалъ ему узнать въ чемъ дѣло. Басмановъ вернулся съ отвѣтомъ, что вѣроятно гдѣ нибудь пожаръ. Самозванецъ было успокоился, послѣ пира, продолжавшагося далеко за полночь, глаза его смыкались, онъ снова опустился на подушки и заснулъ. Но шумъ становился все громче и громче, все приближался. Басмановъ снова вышелъ развѣдать и на этотъ разъ увидѣлъ, что дворецъ окруженъ народомъ. Его самого встрѣтили бранью и крикомъ: „выдай самозванца!“

Видъ себя отъ ужаса и отчаянія, Басмановъ кинулся къ царю и разбудилъ его. Дмитрій долго не могъ понять въ чемъ дѣло и широко раскрытыми, безумными глазами глядѣлъ на своего любимца.

— Ахъи мнѣ! повторялъ Басмановъ,—ты самъ виноватъ, государь! все не вѣрилъ—и вотъ вся Москва собралась на тебя!

Въ это время оробѣвшая стража пронесла одного изъ заговорщиковъ въ царскую опочивальню. Онъ бросился къ ложу Дмитрія и закричалъ: „Ну, безвременный царь! проспался ли ты? зачѣмъ не выходишь къ народу и не дашь ему отчета?“

Басмановъ замахнулся палашомъ и отрубилъ голову заговорщику.

Полное сознание вернулось наконецъ къ самозванцу при видѣ этой кровавой головы, покотившейся на коверъ его. Онъ понялъ весь ужасъ, всю безвыходность своего положенія...

Вскочивъ съ постели, и выхвативъ мечъ у одного изъ тѣлохранителей, самозванецъ вышелъ къ народу, и махая во всѣ стороны мечемъ, кричалъ: Я вамъ не Годуновъ. Но выстрѣлы заставили его удалиться.

Между тѣмъ Тагищевъ кинулся на Басманова, закололъ его ножомъ и сбросилъ съ крыльца. Толпа бросилась на царскихъ тѣлохранителей.

Еще разъ вышелъ Дмитрій и началъ разгонять народъ палашемъ; но тутъ же увидѣлъ, что его отвага ничему не поможетъ. Тогда онъ въ отчаяніи бросилъ палашъ, схватилъ себя за волосы и побѣжалъ въ покои жены. Извѣстивъ ее объ опасности онъ пробрался въ каменный дворецъ, выскочилъ изъ окна на подмостки, устроенныя для его брачнаго празднества, но оступился и упалъ на житный дворъ съ вышины въ 15 саженъ. Долго лежалъ Дмитрій безъ сознанія съ вывихнутой ногой и разбитой грудью; наконецъ очнулся и началъ стонать. Стрѣльцы, стоявшіе неподалеку на караулѣ, услышали эти стоны, узнали царя, отлили его водою и перенесли на каменный фундаментъ сломаннаго годуновскаго дома. Дмитрій нашель въ себѣ силы уговорить ихъ принять его сторону—онъ обѣщалъ имъ въ награду женъ и имѣнія измѣнниковъ бояръ.

Стрѣльцы плѣнились этимъ обѣщаніемъ, повесли царя въ

(Продолженіе на стр. 813, 814, 815 и 816.)

разграбленный и опустошенный дворец и, когда заговорщики хотѣли къ нему приблизиться, начали стрѣлять въ нихъ.

Шуйскій пришелъ въ ужасъ—дѣло могло очень плохо кончиться; но скоро онъ придумалъ хитрость. Вдругъ заговорщики закричали: „Пойдемъ въ стрѣлецкую слободу, истребимъ ихъ женъ и дѣтей, если они не хотятъ намъ выдать измѣнника, плута, обманщика.“ Стрѣльцы перепугались и сказали:

— Спросимъ царьшу, если она объявитъ, что это прямой

Въ это время вернулся Голицынъ отъ царицы Марѣи и объявилъ, что она не признаетъ Дмитрія своимъ сыномъ. Это тотчасъ же возвѣстили народу, прибавляя, что самъ Дмитрій вѣнчается въ самозванствѣ. Тогда народъ закричалъ: „Бей его, руби его!“. Къ царю подбѣжалъ сынъ боярскій Григорій Валувъ и выстрѣлилъ, сказавши: „Что толковать съ еретикомъ; вотъ я благословлю польскаго свистуна!“

Пуля попала мѣтко—Дмитрій слабо крикнулъ и захрипѣлъ.

Лоэнгринъ и Эльза. Изъ оперы Р. Вагнера. Рис. К. Жульевъ, грав. Матолини.

сынъ ся, то мы всё за него померемъ; если же скажетъ, что онъ не сынъ ей, то Богъ въ немъ воленъ“.

Бояре согласились и послали къ царьшѣ Марѣѣ, а сами съ ругательствами и побоями спрашивали Дмитрія.

— Кто ты? кто твой отецъ? откуда ты родомъ?

Онъ отвѣчалъ имъ: „Вы всё знаете, что я царь вашъ, сынъ Ивана Васильевича. Спросите обо мнѣ мать мою, или выведите меня на лобное мѣсто и дайте объясниться!“

Тутъ кинулось на него еще нѣсколько человекъ, добили его и бросили на трупъ Басманова крича: „Ты любилъ его живого, не разгавайся и съ мертвымъ!“

Три дня эти два трупа были выставлены на красной площади: Дмитрій лежалъ на столѣ въ маскѣ, съ дудкой и волынкой, а Басмановъ на скамьѣ у ногъ его. Затѣмъ Басманова похоронили у церкви Николая Мокраго, а Дмитрія въ убогомъ домѣ за Серпуховскими воротами. Но скоро по Москвѣ пошли

служу, что сильные морозы стоят, благодаря волшебству разстриги, что надъ его могилою творятся всякія чудеса. Трупъ бывшаго царя вырыли, сожгли и, смѣшавъ пепелъ съ порохомъ, зарядили имъ пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда пришелъ Дмитрій..

Но его чары, какъ извѣстно, и этимъ не были разрушены; его имя еще долго волновало и мучило русскую землю.

Утка и водяная крыса.

Рисунокъ, помѣщенный въ этомъ номерѣ „Нивы“ знакомитъ насъ съ характеромъ тѣхъ отношеній, какія существуютъ между уткой и водяной крысой. Отношенія эти похожи на людскія: и здѣсь тѣже заботы поживиться на счетъ другого, и здѣсь та же вѣчная борьба съ опасностями. Утка, какъ видно, наслаждалась съ своимъ многочисленнымъ семействомъ скромными удовольствіями, плавая по родной стихіи и, какъ говорится, не думала не гадала о томъ, что ей грозитъ бѣда. Бѣда эта вдругъ точно изъ земли вырастаетъ: почти предъ ея носомъ является водяная мышь, имѣющая коварныя намѣренія спалить одно изъ утятъ.

Яростно кричитъ утка, готовая растерзать врага, но врагъ не страшится этого крика, онъ знаетъ, что мать дѣтей не броситъ, а если даже и броситъ, чтобы пуститься за нимъ, то это будетъ только къ его же выгодѣ: утята останутся безъ защиты, и онъ усѣетъ, ловко ускользнувъ отъ клюва матери, захватить себѣ утятка. Теперь пока утята кружатся возлѣ матери; но онѣ не понимаютъ опасности и, пожалуй, того и гляди пустятся по водѣ вразсыпную. Удастся ли уткѣ отбиться и спасти всѣхъ своихъ дѣтей—неизвѣстно, но крыса, кажется, не трусится и только выжидаетъ какъ бы, болѣе удобно подвернудся который нибудь утенокъ.

Водяная крыса (*Arvicola amphibius*) живетъ около береговъ, въ сырыхъ мѣстахъ и садахъ, проворно бѣгаетъ, ловко плаваетъ и видитъ, что дѣлается на землѣ и водѣ. Правда, что ея пищу составляетъ картофель, зерна, вообще растительныя вещества, но она далеко не прочь покушать и водяныхъ и маленькихъ наземныхъ животныхъ. Семейство мышиныхъ включаетъ въ себѣ нѣсколько видовъ и нѣкоторые изъ нихъ всеядны. Домашнія мыши и крысы особенно извѣстны намъ вредомъ, какой онѣ дѣлаютъ въ нашихъ квартирахъ и кладовыхъ, поѣдая все съѣстное, всѣ запасы и даже не брезгая стеариновыми свѣчами, газетами, обувью. Хлѣбныя поля наши также страдаютъ отъ мышей. Мыши причиняютъ вредъ и корнямъ растений. Одинъ изъ ученыхъ (Уайтъ) рассказываетъ, что ему нѣсколько разъ случалось заставить короткохвостую полевую мышъ за ночной ловлей мелкихъ птичекъ. Онъ же замѣтилъ, что мыши въ ягодахъ шиновника сѣдаютъ только сѣмячки, отбрасывая оболочку какъ несъѣдочное. Точно также мыши питаются вишневыми косточками, которыя добываются ими при содѣйствіи черныхъ дроздовъ. Дрозды обыкновенно клюютъ вишни, оставляя косточки, слегка держащимися на стебелькѣ или сбрасывая ихъ на землю. Въ первомъ случаѣ косточки навѣрно упадутъ при первомъ сильномъ встрѣхъ или при сниманіи пробовъ съ дерева, а въ другомъ—мышь, недождаясь, могутъ собирать косточки съ земли. Обиліе косточекъ даетъ мышамъ возможность дѣлать запасы въ своихъ кладовыхъ. Замѣтимъ здѣсь кетати о способѣ употребленія косточекъ въ пищу: мышъ обыкновенно отгрызаетъ кончикъ косточки и такимъ образомъ, сдѣлавъ дырочку, вытаскиваетъ ядро. Мыши вообще вредное животное, относятся къ порядку грызуновъ, способности ихъ соотвѣтственно небольшой величинѣ и простой поверхности головного мозга, мало развиты, впрочемъ онѣ обнаруживаютъ нѣкоторое искусство въ построеньи гнѣздъ и умѣне приспособляться къ обстоятельствамъ. Гдѣ бы мышъ не была—точасъ же найдетъ возможность обстроиться и найти матеріалы для устройства помѣщенія. У Вуда между прочимъ есть слѣдующій рассказъ объ устройствѣ мышиного гнѣзда въ цвѣточномъ горшкѣ. Въ концѣ осени нѣсколько цвѣточныхъ горшковъ было выставлено въ сарай до весны. Въ средній зны встрѣтилась надобность сарай очистить. Владѣлецъ цвѣтовъ, вынимая горшки, замѣтилъ въ землѣ горшка круглую дыру въ которую сначала высунулся мышиный хвостикъ, а за тѣмъ выскочила одна мышъ, а за ней и другая. Землю въ горшкѣ взрыли и нашли въ ней чистое и удобное гнѣздо, сдѣланное преимущественно изъ соломы и бумаги, въ которое входомъ служило отверстие, откуда выскочили его обитатели. Интересно то, что хотя земля въ горшкѣ и казалась нетронутой, за исключеніе отверстия, однако горшекъ оказался пустымъ внутри. Искусный строитель умѣлъ выгрести изъ горшка землю и убрать ее, оставивъ небольшой слой земли наверху. Затѣмъ другой примѣръ: насѣдка была посажена въ корзину, въ которую, для поддержанія теплоты, положенъ былъ мѣшокъ. Курица была густо покрыта перьями и съ широкимъ хвостомъ (изъ породы Брама); по прошествіи трехъ недѣль хвостъ оказался совсѣмъ обципанымъ, всѣ были въ недоумѣніи, отчего бы это могло быть. Оказалось же, по высиженіи цыплятъ, когда убирали корзину, что въ мѣшкѣ поселилась мышъ и сдѣлала тамъ гнѣздо изъ перьевъ курицы.

Такимъ образомъ, пока насѣдка сидѣла, мышъ обирала ея перья въ свое удовольствіе.

Мыши удивительно быстро могутъ работать и по этому поводу въ кембриджскомъ журналѣ печаталось, какъ однажды въ новоиспеченномъ хлѣбѣ на другой день замѣчено было отверстіе. Когда же хлѣбъ разрѣзали, то внутри его нашли мышъ съ своимъ гнѣздомъ, сдѣланнымъ изъ бумаги. При изслѣдованіи, матеріалъ оказался взятымъ изъ тетради, изгрызенной мышью. Внутри гнѣзда было уже и нѣсколько штукъ только что рожденных розовыхъ съ прозрачной кожей мышатъ. Фактъ этотъ доказываетъ, какъ энергична и проворна можетъ быть мышъ. Нѣкоторыя изъ мышей устраиваютъ себѣ подземное зимнее и лѣтнее помѣщенія, въ которыя и поселяются по мѣрѣ надобности. Кромѣ гнѣздъ имѣютъ еще кладовыя, гдѣ помѣщается провізія. Есть изъ мышей такія, которыя строятъ въсякія гнѣзда на листьяхъ травъ. Напр. гнѣздо малютки жатвенной мыши или виситъ на нѣсколькихъ крѣпкихъ травянныхъ стебляхъ, или прикрѣплено къ шеничнымъ соломинкамъ. Жильб. Вайтъ упоминаетъ о гнѣздѣ, привѣшенномъ на головкѣ волчца. Самое гнѣздо дѣлается тоже въ такомъ случаѣ изъ узколиственныхъ травъ и соткано въ формѣ шара.

Нѣкоторыя изъ мышей переселились къ намъ изъ другихъ странъ свѣта, такъ *Пасюкъ* распространился съ востока, только въ половинѣ прошлаго столѣтія, причѣмъ на пути изъ Каспійскихъ странъ перешелъ Волгу впасть. (Палласъ) Пасюкъ въ свою очередь вытѣснилъ изъ Европы Черную домашнюю крысу, только въ средніе вѣка пришедшу было къ намъ. Теперь черная крыса поселилась въ Америкѣ. Молодые крысы иногда сростаются своими хвостами и образуютъ такъ назыв. *Rattenkönig*. Черепа мышей встрѣчаются уже въ третичныхъ формаціяхъ.

Говорить объ уткѣ намъ много не приходится, такъ какъ съ правами утокъ мы всѣ болѣе или менѣе знакомы, тѣмъ болѣе съ домашними утками. Утки относятся къ порядку плавающихъ, именно къ пластинчатоклювымъ, и обладаютъ развитіемъ умственныхъ способностей больше чѣмъ другія водяныя птицы. Хитрыя и умныя на открытыяхъ водахъ и въ стаяхъ онѣ осторожныѣ, нежели по одиночкѣ. Неняряющія утки питаются растительными веществами, ныряющія же—животными, какъ напр. ултками, головастиками, мелкой рыбой, икрой, для чего роются въ отвѣсномъ положеніи, погрузивши въ воду голову и переднюю часть туловища. Очень немногія виды утокъ не дѣлаютъ гнѣздъ, а кладутъ яйца въ норы въ землѣ. Иногда нѣсколько самокъ кладутъ яйца въ одно общее гнѣздо и насиживаютъ поочередно. Гнѣзда приготавливаетъ одна самка и тихонько отъ самца, въ камышѣ, въ кустахъ около воды, иногда въ дуплахъ деревьевъ, даже въ гнѣздѣ воронъ. Самцы разоряютъ гнѣзда и принимаютъ участіе въ жизни семьи только когда выведутся дѣти—тогда они уже берутъ заботу охраненія и защиты. Вода для утокъ родная стихія и вылутившіеся птенцы немедленно начинаютъ плавать вмѣстѣ съ матерью. Летающія утки также долго и хорошо, но по землѣ движутся тяжело: Между утками существуетъ видимое половое различіе и самцы больше и красивѣе самокъ. Они съ болѣе яркимъ опереніемъ; нѣкоторыя имѣютъ горбъ при основаніи клюва, хохолокъ и завитыя перья въ хвостѣ. Утки живутъ обществами, стаями, болѣею частью въ умѣренныхъ странахъ, а зимуютъ, перелетая въ умѣренныя и болѣе теплыя страны. Отъ дикой утки произошла наша домашняя и культивированная, она легко переноситъ холодъ зимы.

Лоэнгринъ и Эльза.

(изъ оперы Р. Вагнера).

Въ числѣ музыкальныхъ созданій Рихарда Вагнера, опера Лоэнгринъ пользуется громкою и вполне заслуженною извѣстностью и это замѣчательное произведеніе, было дѣйствительно значительнымъ и смѣлымъ шагомъ впередъ, сдѣланнымъ гениальнымъ композиторомъ, на пути развитія его идеала—музыкальной драмы.

Содержаніе оперы онъ заимствовалъ изъ цыгнъ кельтскихъ преданій, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ легендъ о святомъ Граалѣ т. е. о чашѣ Господней, бывшей на Тайной Вечерѣ.

Защитники Св. Граала—доблестные рыцари; они постоянные заступники угнетенныхъ и часто принимаютъ на себя эту высокую миссію, являясь въ среду обыкновенныхъ людей. Небо покровительствуетъ имъ во всѣхъ ихъ добрыхъ начинаніяхъ до тѣхъ поръ, пока они по неосторожности или по какой нибудь другой причинѣ не откроютъ великую тайну ихъ происхожденія: они могутъ даже лишиться своей сверхъестественной силы, если, точно такъ же не возвратятся обратно въ свое таинственное обиталище—замокъ Мансальватъ. Лоэнгринъ былъ однимъ изъ этихъ доблестныхъ рыцарей Св. Граала и его то похождения Вагнеръ и избралъ темой для своей музыкальной драмы. Вотъ въ краткихъ словахъ ея содержаніе. Дѣйствіе происходитъ въ первой половинѣ X столѣтія въ Антверпенѣ. Во всемъ Брабантѣ въ это время происходили несогласія и смуты за отсутствіемъ законнаго правителя и чтобы уладить внутреннія безпорядки и поднять страну противъ страшнаго внѣшняго врага, Венгровъ, въ Антверпенѣ

пріѣзжаетъ самъ король Германскій, Генрихъ Птицеловъ. Со звавъ народныхъ представителей, онъ сталъ спрашивать у нихъ о причинѣ ихъ смутъ и несогласій и обращается главнымъ образомъ, съ этимъ вопросомъ къ старѣйшему и храбрѣйшему Брабантскому графу Фридриху Тельрамунду. Последний объявляетъ причину ихъ тѣмъ, что нѣтъ у нихъ законнаго правителя; что Брабантскій герцогъ, умирая, отдалъ ему на воспитаніе своихъ двухъ малютокъ Эльзу и Готфрида, но что Эльзу онъ подозрѣваетъ въ убійствѣ ея брата, Готфрида, съ намѣреніемъ самой завладѣть престоломъ. На этомъ основаніи Фридрихъ Тельрамундъ предъявляетъ на престолъ свои собственные права какъ мужа Ортруды, семьѣ которой искони принадлежалъ Брабантъ. Король, выслушавъ Фридриха, призываетъ къ суду Эльзу и получивъ отъ нея въ отвѣтъ, что она не виновна въ взводимомъ на нее преступленіи, назначаетъ Божій судъ т. е. вызываетъ бойца который бы сразился съ обвинителемъ за невинность Эльзы. Эльза, подъ влияніемъ вѣщаго сна, ждетъ себя въ защитники какого то неземнаго, чудеснаго рыцаря, который и дѣйствительно является по третьему зову короля, подплывъ въ челнокѣ, везомомъ по волнамъ лебедемъ. Этотъ ожидаемый Эльзою рыцарь и былъ Лоэнгринъ, рыцарь Св. Граала, прибывшій спасти ее отъ вѣроломства и клеветы Фридриха. Онъ предложилъ Эльзѣ быть ея защитникомъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она стала его женой и кромѣ того дала бы слово, что никогда не будетъ стараться узнать ни его имя, ни его происхожденіе. Эльза соглашается и Лоэнгринъ, по знаку короля, вступаетъ въ бой съ клеветникомъ и побѣждаетъ его. Слѣдствіемъ этой побѣды было то, что Лоэнгринъ соединился съ Эльзой брачными узами а Фридрихъ и его жена Ортруда, затанъ злостью и жаждою мщенія, должны были подвергнуться изгнанію но Ортруда женщина коварная, хитрая, опытная въ чародѣйствѣ, успѣла улучить удобную мину и уговорить до вѣрчивую Эльзу, чтобы она узнала отъ своего супруга его таинственное имя и происхожденіе: Эльза послушалась Ортруды и стала жертвою своего любопытства; въ ту ночь когда Эльза всѣми силами старалась выпытать у Лоэнгринна страшную тайну, въ комнату новобрачныхъ ворвался Фридрихъ съ своими слугами, чтобы умертвить рыцаря, но тутъ же поплатился за это жизнью; Лоэнгринъ убиваетъ Фридриха и видитъ, что жена его измѣняетъ своей клятвѣ, рѣшается самъ, всенародно, открыть свое происхожденіе. Въ присутствіи короля и Брабантцевъ сознается, что онъ рыцарь Св. Граала и что онъ вслѣдствіе несдержанія Эльзы своей клятвы, долженъ немедленно возвратиться въ свою обитель. Въ этотъ моментъ поддываетъ снова лебедь съ челнокомъ. По молитвѣ Лоэнгринна лебедь превращается въ прекраснаго юношу, въ которомъ всѣ узнаютъ пропавшаго Герцога Готфрида, какъ оказывается скрывавшагося цѣлый годъ во храмѣ Св. Граала. При видѣ его, коварная Ортруда падаетъ за мертво. Лоэнгринъ входитъ быстро въ чельнъ и вскорѣ исчезаетъ изъ виду. Брабантцы шумно привѣтствуютъ новаго повелителя, а Эльза, не видя болѣе Лоэнгринна, испускаетъ вопль отчаянія и умираетъ на рукахъ Готфрида.

Нашъ рисунокъ представляетъ ту сцену, когда Эльза и Лоэнгринъ, не предвидя своей горестной судьбы, еще увлекаются мечтами любви и счастья.

У насъ въ Петербургѣ Лоэнгринъ при блестящей постановкѣ и прекрасномъ выполненіи всегда пользовался большимъ успѣхомъ и уже поговариваютъ о скоромъ его возобновленіи

на сценѣ Маріинскаго театра. Вообще музыка Вагнера, не смотря на множество ея враговъ и недображелателей, получила у насъ право гражданства, Наша публика умѣетъ уже оцѣнивать красоты этой музыки и начинаетъ болѣе и болѣе сознавать истинны задачи музыкальной драмы и отличать ее достоинство отъ произведеній Итальянскихъ композиторовъ—сторонниковъ внѣшняго эффекта и кудреватой, приторно сладкой музыки идущей иногда совершенно въ разрѣзъ съ реальной правдой и даже со здравымъ смысломъ. А. Н.

Аппаратъ для добыванія пара посредствомъ солнечной теплоты.

Аппаратъ для добыванія пара посредствомъ солнечной теплоты изобрѣтенъ г. Мушо. Опыты, производимые посредствомъ этого аппарата, привлекали къ нему толпы любопытныхъ, что служитъ яснымъ признакомъ общаго удивленія новому приложенію солнечной теплоты. Мы говоримъ „новому приложенію“, но не изобрѣтенію, ибо Архимедъ давно уже показалъ, на сколько солнечная теплота можетъ быть примѣнима къ различнымъ цѣлямъ. Во времена Архимеда баснословно дѣлились зажига-

тельными стеклами, съ помощью которыхъ великій геометръ поджигалъ корабли римлянъ, осаждавшихъ Сиракузы:

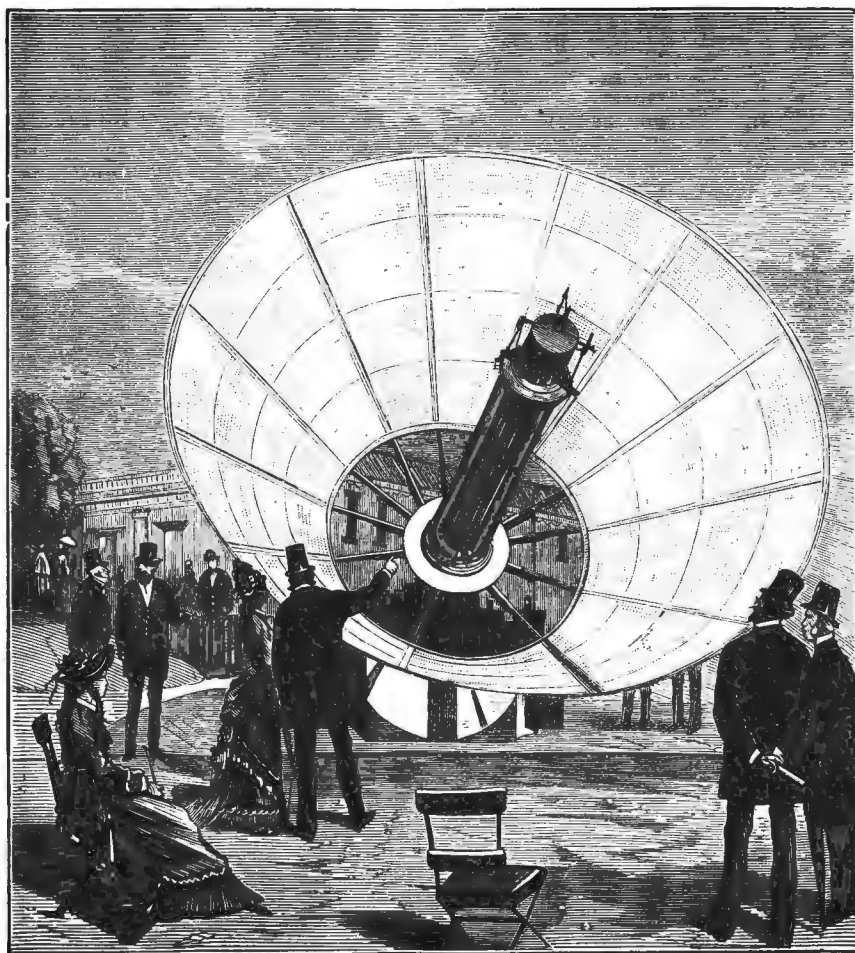
Въ Средніе Вѣка идея о примѣненіи къ промышленнымъ цѣлямъ солнечнаго свѣта тоже занимала собою алхимиковъ и физиковъ. Затѣмъ идея эта нашла осуществленіе въ попыткахъ француза Соломона де-Ко, но попытки его не нашли сочувствія среди ученыхъ и только потомъ уже, благодаря замѣчательнымъ изслѣдованіямъ Мариотти, Меллони, Пуилле, и Соссюра и друг., идея объ эксплуатаціи солнечнаго свѣта нашла себѣ практическое примѣненіе. Примѣненіе это необычайно просто и заключается въ самомъ несложномъ приборѣ. При посредствѣ механизма, которымъ управлять можетъ ребенокъ, приборъ можетъ быть направляемъ соответственно положенію солнца.

Аппаратъ Мушо состоитъ изъ рефлектора—огромной величины воронки, околоченной внутри металлическими листами, мѣрой въ устье воронки, имѣющими 6 метровъ въ діаметрѣ. Лучи

солнца ложатся параллельно на поверхности рефлектора и отражаются правильно на поверхности стекляннаго цилиндра, помѣщеннаго въ воронкѣ, въ центрѣ цилиндра, въ темной трубѣ, заключается вода. Лучи солнца проходятъ въ трубу безъ затрудненія, такъ какъ стекло превосходно пропускаетъ свѣтоносные лучи, но, достигнувъ трубы, они остаются какъ бы заключенными; вода въ трубѣ обыкновенно нагревается въ 45 минутъ, не смотря на пасмурное небо и можетъ дать паръ тяжести въ пять атмосферъ. Такимъ образомъ результаты труда г. Мушо оказались удивительными даже при Парижскомъ солнцѣ и само собой они будутъ еще поразительнѣй въ южныхъ странахъ, гдѣ аппаратъ Мушо найдетъ различнѣйшія примѣненія. Въ цѣломъ, изобрѣтеніе составляетъ новую эру; новый промышленный снарядъ и г. Мушо заслуживаетъ своимъ изобрѣтеніемъ признательность общества.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Сердца наши, создавая себѣ тысячу излишнихъ безпокойствъ, вѣчно сомнѣваются въ благѣ, къ достиженію котораго они всего болѣе стремятся. (Расинъ).

Всемирная выставка въ Парижѣ: Аппаратъ для добыванія пара посредствомъ солнечной теплоты. Грав. М. Рашевскій.

Обилие словъ не есть признакъ ума. Если вы мудры, то избѣрите какой нибудь одинъ предметъ, достойный вашего прилежанія: этимъ вы заставите замолчать многихъ, надбленныхъ одною гибкостью языка.

Удовольствие—тотъ же цвѣтокъ. Не слѣдуетъ слишкомъ сильно вдыхать его нѣжный ароматъ, если хочешь дольше наслаждаться имъ. (*Esprit des Esprits*).

СОДЕРЖАНІЕ: Египетскій мостъ чрезъ р. Фонтанку въ Петербургѣ. (съ рис.) 3.—Царь-дѣвица. Историческій романъ Вс. Соловьева (продолженіе).—Наши сосѣди въ мировомъ пространствѣ (продолженіе).—Счастливые всадники (съ рис.)—Севастополь (съ рис.) А. Н.—Въ тихой молитвѣ (съ рис.) 2.—Послѣдніе дни Дмитрія Самозванца (съ рис.)—Утка и водяная крыса (съ рис.)—Лозингринъ и Эльза (съ рис.) А. Н.—Аппаратъ для добыванія гара посредствомъ солнечной теплоты. (съ рис.)—Мысли замѣчательныхъ людей.—Объявленія.

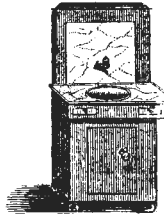
Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Умывальники,

Вагерклозеты, Биде, Ванны, Души, Самокаты для больныхъ, Десятичные вѣсы, Каминныя и принадлежности для кампна, Чугунные столы съ мраморными досками, Желѣз. складныя кровати и Матрацы, Денежныя шкатулки № 189 И. Э. Милькъ. Большая Морская № 39.

ки, Вентиляторы, Самодѣйствующій аппаратъ для стирки, Выжималки для бѣлья. Водоочистительныя машинки, Мясорубки, Машинки для колотья сахара, Ножницы, Пробочники, Кофейныя мельницы, Спиртовне кофейники и разн. хозяйственныя принадлежности.

ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана. Б. Морская № 42. въ С.-Петербургѣ. рекомендуютъ въ большомъ выборѣ по самымъ дешевымъ цѣнамъ: скрипки, альты, виолончели, басы, цитры, гитары, мандолины, гитары корнетъ а пистонъ, флейты, кларнеты, барабаны, музыкальные ящики, шарманки, гармоніи, гармонифлюты, англійскія и нѣмецкія концертныя, свѣжія итальянскія и нѣмецкія струны и всѣ принадлежности.

Пріемъ въ починку. № 22 5—3
Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно.

Вновь открыта ГЛАЗНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА доктора Добровольскаго съ постоянными кроватями. На Михайловской площади, близъ Нассава, домъ № 15 кв 7. Пріемъ больныхъ утромъ ежедневно, исключая Воскресенья, отъ 9 до 11 ч., вечеромъ ежедневно отъ 6 до 8 часовъ. Для бѣдныхъ бесплатно по вторникамъ и субботамъ отъ 9 до 11 часовъ. № 222 10—1

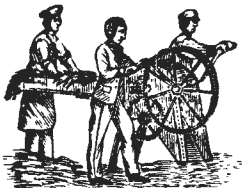
ИЗВѢСТНЫЯ МОЛОТИЛКИ ПО СИСТЕМѢ ВЕЙЛА.

МОРИЦЪ ВЕЙЛЬ младшій

Маш. строительный заводъ

въ Франкфуртѣ % въ Германіи

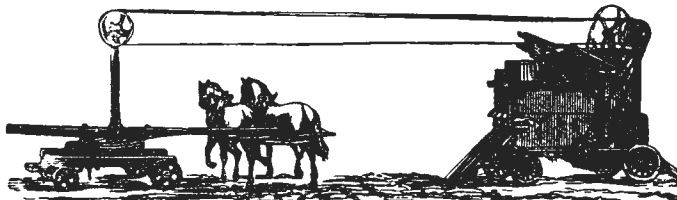
поставляетъ, по желанію франкировано на границы на первыя станціи русскихъ жел. дорогъ.

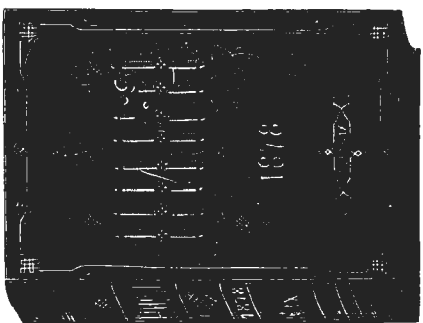
Гучныя молотилки по цѣнѣ отъ 98 руб.

Молотилки съ конными приводами для 1 и 2-хъ лошадей по цѣнѣ машины отъ 220 руб.

Молотилки съ конными приводами для 2, 4 и 6 лошадей, съ самодѣйствующимъ щипательнымъ аппаратомъ или безъ онаго, готовыя со всѣми принадлежностями къ употребленію. Иллюстр. каталоги по же анію бесплатно и франкир. № 223

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ 1878 г. по вышеозначанному образцу 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплести „НИВУ“ въ такую конкорную крышку.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛО

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ
ПОЭМЫ ДЖОНА МИЛЬТОНА

БОЛЬШОЕ ИЗДАНІЕ IN FOLIO.

Съ 50 большими картинами Густава Дорэ.
Переводъ съ англійскаго А Шульговской.

Съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ.
Въ простомъ коленкоромъ переплетѣ . . . 25 руб.
Съ пересылкою въ ящикѣ. . . . . 30 руб.
Въ красивомъ коленкоромъ переплетѣ
съ золотымъ обрѣзомъ въ картонѣ . . . 30 ”
Съ пересылкою въ ящикѣ. . . . . 35 ”

Для подписчиковъ „Нивы“ 1879 г. дѣляется 3 руб. уступки.

Изданіе классическx авторовъ въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ и такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, становясь настольной книгой постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасныя, неутрачившія своей прелести въ теченіи вѣковъ страницы и служитъ источникомъ безконечныхъ наслажденій

Предпринимая это изданіе, я не жалѣлъ ни труда ни времени (не говоря уже объ огромныхъ затратахъ) чтобы придать знаменитому творенію Милтона, соединенному съ пресловутыми рисунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Помѣщенный въ номеръ 42 „Нивы“ одинъ рисунокъ изъ означеннаго изданія даетъ каждому понятіе о высокомъ талантѣ художника Дорэ и о тщательномъ выполненіи рисунковъ всего изданія. Сдѣланный вновь для этого изданія переводъ А. Шульговской вѣренъ подлиннику и отличается такими-же высокими поэтическими красотоми языка, какъ и оригиналъ.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, имѣющими такую красоту и изящество заграничными изданіями, стоящими по 40 руб. и болѣе,—до такой степени дешево, что объ этомъ нечего даже и распространяться.

Для подарковъ на Елку это изданіе, по своему красивому и очень богатому переплету, исполненному по рисункамъ художника Ив. Панова, будетъ весьма удобно. Для этого рекомендуемъ въ особенности изданіе въ богатомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ. № 216 6—3

ВЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА“

продается иллюстрированный журналъ „Нива“ 1875 и 1876 года. ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ, Т. Е. ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ, СЪ ПРЕМІЯМИ:

Брошурованному Въ простомъ перепл. Въ каленкор. перепл.
Безъ перес. 4 р. — | Безъ перес. . . 4 р. 75 | Безъ перес. 5 р. 50
съ перес. . 5 р. 50 | съ перес. . . 6 р. 25 | съ перес. . 7 р. —

Приобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25% уступки (но только съ книги, а не съ переплета или съ пересылки)

Каждый томъ „Нивы“ заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, современной жизни и проч. и до 700 художественно выполненныхъ рисунковъ. Помѣщенныя въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома „Нивы“ имѣетъ право на получение всѣхъ къ нему приложенныхъ безплатныхъ премій. Приложенія къ „Нивѣ“ 1875 года 2 картины 1) Смерть Юлія Цезаря, картина профессора Шюоти 2) Мадонна Севильская, картина Севастіана Мурильо,—Приложенія къ „Нивѣ“ 1876 года; Спящая Красавица, картина Э. Велъ, печатанная масляными красками въ 20 тонахъ. № 186

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ
„ТЕЛЕГРАФЪ“.

Подписная цѣна на послѣдніе мѣсяцы 1878 и на будущій 1879 г., съ доставкою на домъ и съ пересылкою въ губерніи:

На годъ . . . . . 6 р. — к.
„ полгода . . . . . 3 ” 50
„ три мѣсяца . . . . . 2 ” —

Подписка принимается съ 1 числа каждаго мѣсяца въ главную конторѣ газеты „ТЕЛЕГРАФЪ“: въ С.-Петербургѣ, на Вольной Конюшенной, домъ Язмовой № 15. № 221 3—2

Издатель и редакторъ П. ТРУВНИКОВЪ.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписч. объявленіе отъ торговаго дома Константина Ешова.

НИВА

Иллюстрированный журнал литературы

политики и современной жизни.

№ 45

1878

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 6 Ноября 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ «Нивѣ» принимаются по 25 и за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кромя воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1879 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлить возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготоленіе 28,500 печатныхъ адресовъ требуетъ много времени

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Также принимается подписка на 1/2 года: безъ дост. 2 р., съ дост. 2 р 50 к. съ перес. иногор. 3 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ ин. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи . . . . . 6 „

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложенія при «Нивѣ» объявленій отъ Торговыхъ Домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячу, для городскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи, неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

Подписка на 1878 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

При этомъ № прилагаются «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за НОЯБРЬ съ 24 рисунками и отдѣльный листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину, съ 20 рис. руководящихъ работъ и разнообразныхъ инициальныхъ буквъ.

Электрическое освѣщеніе Яблочкова.

Въ нашъ вѣкъ, отиѣчен- ный необыкновеннымъ преуспѣяніемъ въ области науки, добытыя ею истины не составляютъ, какъ нѣкогда, достоянія немногихъ жрецовъ ея, ревниво оберегавшихъ свое сокровище отъ „профановъ“. Теперь, по пятамъ, такъ сказать, научныхъ открытій, слѣдомъ за ними, идетъ практическое примѣненіе тѣхъ истинъ, являющееся однимъ изъ великихъ факторовъ прогрессивнаго движенія человѣчества. Въ послѣднее время сдѣланъ новый шагъ впередъ—лучезарное электрическое солнце сведено съ своей высоты—оно при- нуждено дробить лучи свои по фонарямъ на улицахъ, по лампамъ въ домахъ. Съ первыхъ „проблесковъ“ электричества, ему предска- зывали громадную будущ- ность и предсказаніе это, какъ извѣстно, уже сбы- лось во многомъ. Первона- чальные успѣхи въ дѣлѣ примѣненія электричества къ освѣщенію, какъ плодъ неуклонно-энергическаго преслѣдованія этой цѣли— вполне принадлежатъ дѣ- тямъ русской земли. На- сколько мы можемъ гор- диться такимъ успѣшнымъ рѣшеніемъ задачи—показы- ваютъ неудачные труды многихъ замѣчательныхъ

П. Н. Яблочковъ, изобрѣтатель электрической свѣчи.
Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

ученыхъ и специалистовъ Запада. Со времени откры- тія такъ называемой воль- товой свѣтовой дуги, т. е. луча, образуемаго раскален- ными атомами углерода, между оконечностями двухъ угольковъ, чрезъ ко- торые проведенъ электриче- скій токъ—предпріяты были опыты съ цѣлью до- биться возможности пользо- ваться этимъ освѣщеніемъ. Но всѣ изобрѣтенія, сгруп- пировавшіяся вокругъ это- го новаго источника свѣта, не могли сдѣлать его деше- вымъ,— для обыденнаго пользованія—обществен- нымъ достояніемъ и, въ этомъ первомъ фазисѣ опы- товъ, онъ, исключительно почти, служилъ для науч- ныхъ цѣлей, или фигури- ровалъ въ нихъ, особыхъ, случаяхъ, какъ наприм. на фейерверкахъ, гуляньяхъ, и т. д. Для рѣшенія задачи, для того, чтобы добиться полнаго примѣненія освѣ- щенія, надо было побѣдить нѣсколько существенныхъ препятствій. Дѣло въ томъ, что сближенные оконечно- стями угольки, чрезъ кото- рые проводится токъ, сгора- ли довольно быстро, вслѣд- ствіе чего понадобился ап- паратъ, постоянно и равно- мѣрно сближающій угли, не дающій измѣняться услов- ному между ихъ оконечно-

стями разстоянію; за тѣмъ, однимъ изъ главнѣйшихъ требованій практическаго приложенія новаго освѣщенія является, конечно, дѣлимость свѣта, т. е. возможность, при помощи одного тока, зажигать не одинъ, а нѣсколько фонарей. Первое условіе, т. е. сохраненіе постоянного, необходимаго разстоянія между угольками, было удовлетворено изобрѣтеніемъ особыхъ регуляторовъ; второе же условіе—оставалось въ положеніи открытаго вопроса. Сложность и высокая цѣна машинъ-регуляторовъ, съ одной стороны, невозможность дѣлать электрической свѣтъ (для каждаго фонаря требовалась отдѣльная машина)—съ другой, имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что новое освѣщеніе стоило гораздо дороже газоваго и, по всему, являлось технически и экономически непримѣнимымъ. Наконецъ, выступаютъ наши Ладыгинъ и Яблочковъ. Первый смѣло отбрасываетъ сложный, дорого стоящій регуляторъ, результатъ долгихъ трудовъ и изысканій западныхъ ученыхъ. Онъ заключаетъ свои угольки—по прежнему, однако, оконечностями другъ къ другу—въ безвоздушное пространство, гдѣ они не могли сгорать, давая, вмѣстѣ съ тѣмъ, мягкій и яркій свѣтъ. Но, опровергнувъ въ принципѣ признававшуюся до того необходимость регулятора, Ладыгинъ не удовлетворилъ многимъ другимъ техническимъ требованіямъ дѣла и—его открытіе остановилось на одномъ этомъ частномъ успѣхѣ. Яблочковъ, усовершенствовавъ зажигающій приборъ, пошелъ далѣе и рѣшилъ другую, главнѣйшую, задачу—онъ раздѣлилъ электрической свѣтъ; отвергая, подобно Ладыгину, регуляторъ, онъ, въ тоже время, обходится безъ безвоздушнаго пространства, или какой либо иной среды, препятствующей старанію угольковъ. Яблочковъ поставилъ угольки не другъ противъ друга, а рядомъ, и, такимъ образомъ, знаменитая, заслужившая столь громкую славу, свѣча его состоитъ изъ двухъ параллельныхъ углей, отдѣленныхъ другъ отъ друга каолиновой (фарфоровой) пластинкой. Правда—такая свѣча стараетъ, но новое положеніе углей, придуманное нашимъ замѣчательнымъ изобрѣтателемъ, даетъ возможность имѣть въ одной лампѣ нѣсколько свѣчей. Ихъ въ ней—четыре: какъ только сгорѣла одна, на ея мѣсто, особымъ механизмомъ, выдвигается слѣдующая, по порядку расположенія, свѣча. Найденный Яблочковымъ принципъ дробленія тока осуществляется при посредствѣ созданнаго имъ экситатора (excitateur) и который, полагаемъ, можно назвать, въ переводѣ на русскій языкъ, возбуждателемъ. Экситаторъ, дозволяя, по одному проводнику и изъ одного и того же источника, распределять токъ въ нѣсколько пунктовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служа къ возбужденію этого тока, даетъ возможность получать свѣтъ, канализирующійся подобно водѣ или газу и раздѣляемый до безконечности. При этомъ: сила самаго свѣта, исходящаго изъ одного и того же источника, можетъ быть, во время теченія, измѣняема по произволу—понижаемый до степени мерцанія ночника, свѣтъ этотъ можно довести до размѣровъ значительной ярости; затѣмъ, эта сила возрастаетъ, какъ нашелъ изобрѣтатель, прямо пропорціонально числу свѣчей, т. е., при одинаковомъ напряженіи тока, двѣ свѣчи даютъ свѣта почти вдвое, а три—въ два съ половиной раза противъ одной; а что касается разстоянія, на которое возможно провести электрическое освѣщеніе,—Яблочковъ не ограничиваетъ его, требуя только увеличеннаго диаметра проводника.

Для того, чтобы дать читателямъ болѣе ясное, наглядное представленіе о самомъ процессѣ передачи токовъ по способу Яблочкова, приведемъ здѣсь разсказъ лица, присутствовавшего на Парижской выставкѣ при опытахъ. Магнитно-электрическая машина съ переменнымъ токомъ соединена съ землею, говоритъ онъ. Отъ нея идетъ проводникъ для нѣкотораго числа свѣчей, соответствующихъ силѣ машины. Любая изъ вѣтвей этого проводника упирается во внутреннюю обкладку экситатора особаго рода Лейденской банки съ громадной поверхностью; отъ ея вѣншей обкладки идетъ второй проводникъ, проходя-

щій чрезъ угли свѣчи и оканчивающійся въ землѣ. Теперь, представимъ себѣ машину въ дѣйствіи. По главной провололкѣ пробѣгаютъ послѣдовательно разноименные токи. Возьмемъ положительный: онъ, если можно такъ выразиться, ударитъ во внутреннюю обкладку возбуждителя, произведетъ токъ отрицательный на вѣншей обкладкѣ, этотъ токъ дастъ искру между углями и уйдетъ въ землю. Слѣдующій токъ машины будетъ отрицательный: онъ возбуждетъ въ экситаторѣ токъ положительный, который, отработавши, уйдетъ по тому же пути. Токи смѣняются чрезвычайно быстро одинъ за другимъ и рядъ искръ превращается въ ровное, спокойное накалываніе.

Не менѣе интересно передаетъ тотъ же очевидецъ о вѣншей, такъ сказать, сторонѣ опытовъ, которые производилъ Яблочковъ въ своемъ, особомъ, павильонѣ на нынѣшней выставкѣ въ Парижѣ: „3 часа дня. Масса публики наполняетъ павильонъ. Самъ П. Н. Яблочковъ стоитъ около столика съ приборами. Онъ отдастъ приказаніе, машины пускаютъ и затворяютъ ставни; Яблочковъ подходитъ къ особой рукояткѣ—нажимаетъ: всѣ лампы загораются въ одно мгновеніе; сначала блеснетъ розовая искорка отъ взрывчатого зажигающаго, затѣмъ, немедленно устанавливается ровный, мягкій, совершенно бѣлый свѣтъ. Изобрѣтатель показываетъ, какъ горитъ свѣча безъ колпака, какъ она подвижна, поворачиваетъ ее бокомъ, кверху дномъ, махаетъ ею по воздуху, показываетъ произвольное увеличеніе и ослабленіе свѣта, автоматическій переходъ тока отъ сгорѣвшей свѣчи къ новой и т. д. Наконецъ, онъ зажигаетъ особую, домашнюю свѣчу, равную одной 14-ти линейной лампѣ и состоящую всего изъ торизонтальной пластинки, вправленной между электродами. На этой пластинкѣ появляется яркая бѣлая линия накалыванія, свѣтящая до того мягко, что на нее даже безъ колпака можно смотреть долго. Какъ источникъ свѣта эта свѣча идеально дешева, такъ какъ требуетъ слабаго тока, который можно получить въ видѣ вѣтви отъ большого тока на улицѣ, почти не ослабляя ни чуть послѣдняго. Идея эта пока еще не разработана.“

Относительно стоимости освѣщенія Яблочкова, самъ изобрѣтатель даетъ объясненіе, пока, (Correspondance scientifique, 15 Octobre 1878, № 18) только въ общихъ выраженіяхъ. „Всюду (напримѣръ въ большихъ Луврскихъ магазинахъ, больше года,) гдѣ употребляется электрическое освѣщеніе—оно имѣетъ послѣдствіемъ значительное сбереженіе,“ говоритъ онъ. Въ театрахъ Шатлэ—прежнее газовое освѣщеніе, обходившееся въ 30 франковъ въ вечеръ—замѣнено новымъ, Яблочкова,—стоящимъ 14 франковъ. Въ заключеніе изобрѣтатель, сообщая, что ежедневно имъ фабрикуется отъ 3 до 5 тысячъ экземпляровъ свѣчи, которая въ употребленіи обходится по 0,50 сант. въ часъ, высказываетъ увѣренность, что когда спросъ доведетъ количество изготовляемыхъ свѣчъ до 50 тысячъ въ день—стоимость еще болѣе удешевится.

Въ настоящее время, въ Парижѣ, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ улицъ, снабженныхъ фонарями Яблочкова не на всемъ протяженіи, освѣщена вся улица Авеню де-л' опера, длиною въ 400 и шириною въ 13 сажень, отъ фасада Большой Оперы до площади предъ французскимъ театромъ; свѣтъ 64 лампъ, разставленныхъ здѣсь, производитъ, говорятъ, эффектъ поразительный.

Въ Парижѣ образовалась, для эксплуатаціи изобрѣтенія нашего соотечественника, компанія съ капиталомъ въ 7½ миллионъ франковъ. Заказы уже идутъ отовсюду—изъ Лондона, Брюсселя, Мадрида и другихъ мѣстъ. Наконецъ и наша Петербургская дума обратила серьезное вниманіе на замѣчательное изобрѣтеніе.

На прилагаемомъ рисункѣ изображены: А,—электрическая свѣча Яблочкова (въ половину натуральной своей величины), Б,—машина (Грамма), В,—электрическая лампа, въ вертикальномъ разрѣзѣ, Г,—машина Грамма, въ такомъ же разрѣзѣ и Д,—приборъ, держащій свѣчу.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XV.

Прошелъ весь день, прошла ночь, прошелъ даже и роковой часъ утра, въ который ужъ два раза собирались мятежники на Красной площади, а въ Кремлѣ покуда все еще тихо.

Но вотъ къ царицѣ бѣжитъ старый князь Одоевскій съ ужасною вѣстью; стрѣльцы опять идутъ.

Всѣ Нарышкины и сынъ Матвѣева Андрей Артамоновичъ переположились и кинулись прятаться. Сначала замкнулись въ комнатѣ маленькой дочери царицы,

царевны Натальи Алексѣевны,—но тутъ было опасно. Куда дѣваться?

— Ко мнѣ идите, ко мнѣ! запыхавшись говорила, выбѣгая имъ на встрѣчу изъ своихъ покоевъ, вдова царица Марѣя Матвѣевна. Моя постельница васъ спрячетъ.

Нарышкины кинулись въ покои царицы. Постельница провела ихъ въ темный чуланъ, завалила перинами и подушками, а дверь чулана нарочно оставила открытою.

Тараруй былъ опять на площади и вмѣсто того, чтобы уговаривать стрѣльцовъ, твердилъ имъ:

— Теперь уж не уходите, добивайтесь Нарышкина, а не выдадутъ, такъ прямо хватайте и царицу—и впрямь видно она за одно съ измѣнниками!

Но стрѣльцовъ нечего было разжигать—они и безъ того ломились во дворецъ и неистово кричали.

— Подавайте намъ Нарышкина, безъ него не уйдемъ! Коли главный измѣнникъ живъ останется, гдѣ же наша служба царскому дому?

На этотъ разъ даже царевна Софья испугалась.

Милославскій сказалъ ей, что онъ съ Хованскимъ уговаривали стрѣльцовъ, что Хованскій и теперь на площади, но что ничего нельзя сдѣлать—теперь никто не можетъ сговорить съ ними. Остается одно, скорѣй исполнить ихъ требованіе.

Царевна отправилась къ Натальѣ Кирилловнѣ.

— Что-жь это, матушка, сказала она рѣзкимъ голосомъ,—долго ли намъ мучиться, долго ли ежеминутно себѣ смерти ждать? Вѣдь ужъ не отбыть твоему брату отъ стрѣльцовъ, такъ выдай его—не погибать же намъ всѣмъ за него!

Наталья Кирилловна ничего ей не отвѣтила, только сверкнула на нее глазами.

Но Софья говорила громко. Ея слова слышали всѣ бояре бывшіе съ царицей.

— Царевна правду молвила, стали толковать они,—лучше одному погибать чѣмъ всѣмъ.

Нѣкоторые изъ бояръ подошли къ царицѣ, поклонились ей до земли и со слезами стали просить ее выдать брата.

— Государыня, говорили они,—перемогите сердце свое ради своего же спасенія, ради спасенія всего рода царскаго, ради всѣхъ насъ, вѣрныхъ и преданныхъ слугъ твоихъ!...

— Чего вы отъ меня просите!... въ отчаяніи, ломая руки, говорила царица. Сами посудите, могу ли я выдать брата? Боже мой! одного ужъ отняли, убили безвинно Аванасія... Такъ довольно и этой муки... на всю жизнь хватить... Чего просите?! Вѣдь еще жива я, еще бьется мое сердце, такъ какъ же хотите, чтобъ я отказалась отъ своего единокровнаго и единоутробнаго брата?

Но бояре продолжали настаивать. Каждому изъ нихъ была дорога своя жизнь и никто не могъ найти иного средства къ спасенію, кромѣ выдачи Нарышкина.

Стрѣльцы все больше и больше неистовствовали, все громче кричали. Медлить было невозможно.

— Матушка, снова возвысила голосъ царевна, не будь причиною гибели многихъ, ни въ чемъ не повинныхъ. Или не видишь какъ стрѣльцы освирипѣли—они сдѣлаютъ какъ говорятъ.... никто изъ насъ не избѣжитъ смерти... Рѣшайся же... перейди съ братомъ въ церковь Спаса... помолимся всѣ да и пусть выйдетъ онъ къ нимъ, а въ руки ему дай образъ Богородицы, быть можетъ это спасетъ его, быть можетъ мятежники и устыдятся передъ святынею!

Въ этихъ послѣднихъ словахъ царевны, для Натальи Кирилловны прозвучала слабая надежда. Но не могла же она произнести своимъ собственнымъ языкомъ отреченіе отъ брата.

— Оставьте меня! оставьте! дѣлайте что хотите, задыхаясь прошептала она и упала на колѣни передъ образами, инстинктивно закрывая глаза, затыкая себѣ уши руками, чтобъ ничего не видѣть и не слышать. Бояре почти на рукахъ снесли ее въ церковь Спаса за Золотой рѣшеткой, отправились въ тотъ чуланъ, гдѣ скрывались Нарышкины и объявили Ивану Кирилловичу всеобщее рѣшеніе.

Нѣсколько мгновеній онъ не подавалъ голоса, но вотъ наконецъ вышелъ къ боярамъ, шатаясь, съ искаженнымъ лицомъ.

— Божья воля! сказалъ онъ. Ведите меня на казнь! я не противлюсь.

Иванъ Кирилловичъ былъ еще совсѣмъ молодой человекъ. Рослый, здоровый, красивый, веселаго нрава, до сихъ поръ онъ помышлялъ только объ удовольствіяхъ. Вся жизнь представлялась ему въ праздничномъ видѣ, никогда его мысли не останавливались на чемъ нибудь серьезномъ, никогда онъ ни надъ чѣмъ не работалъ. Да и зачѣмъ было ему работать—все такъ легко давалось. Любимый братъ царицы, онъ едва достигъ двадцати трехъ лѣтъ и ужъ былъ сдѣланъ бояриномъ; денегъ у него куры не клевали; веселыхъ друзей-товарищей—цѣлая орава. На конюшнѣ коней и не считаешь; всякаго драгоценнаго оружія, серебра да золота—видимо не видимо—надъ чѣмъ тутъ задумываться?

Его обвинили передъ стрѣльцами въ томъ, что онъ царское семейство извести хочетъ, хочетъ сдѣлаться самъ царемъ и ужъ надѣвалъ на себя корону. Это была клевета—никогда Иванъ Кирилловичъ и не помышлялъ ни о чемъ подобномъ. Правда, онъ отъ души радовался и торжествовалъ, когда избрали на царство его племянника Петра Алексѣевича, правда, что шутя и играя съ мальчикомъ, онъ однажды возложилъ на него корону, нарядилъ его въ полное, торжественное облаченіе царей русскихъ.

Маленькій Петръ былъ очень забавенъ въ этомъ одѣяніи; вся дѣтская курчавая головка его ушла въ корону, такъ что изъ нея выглядывалъ только кончикъ носа. Иванъ Кирилловичъ началъ смѣяться, шутить. „Какой,—говорить,—ты царь, Петруша, какъ увидятъ тебя, такъ и начнутъ пальцемъ показывать, моль-то обезьянка заморская, а не царь, такого еще у насъ не бывало! А вотъ постой, погоди, дай-кось я тоже царемъ наряжусь!“

И чтобъ позабавиться и подразнить ребенка онъ надѣлъ на себя корону, взялъ скипетръ и сталъ передъ племянникомъ въ горделивую позу.

„Ну, смотри, вотъ я царь, такъ царь! вотъ меня увидитъ народъ, такъ въ ноги мнѣ поклонится—такъ-то!“

И онъ смѣялся, смѣялся и Петръ Алексѣевичъ, цѣпляясь на молодого дядюшку и отнимая у него свою корону.

Эту сцену подглядѣли недруги и изъ невинной игры выросла клевета, которая теперь погубила Ивана Кирилловича. Ему нужно разстаться съ молодой, привольной жизнью, идти на казнь смертную, на лютыя мученія... А жить такъ безумно хочется—жизнь такъ прекрасна, такъ все улыбалось до сихъ поръ и впереди были однѣ только радости. Умирать нужно, да и какъ умирать-то, не мгновенно, неожиданною смертью, которую и не замѣтишь и не почувствуешь пожалуй, а идти на смерть, зная, что вотъ впереди, близко ждетъ что-то страшное, безобразное, отвратительное.

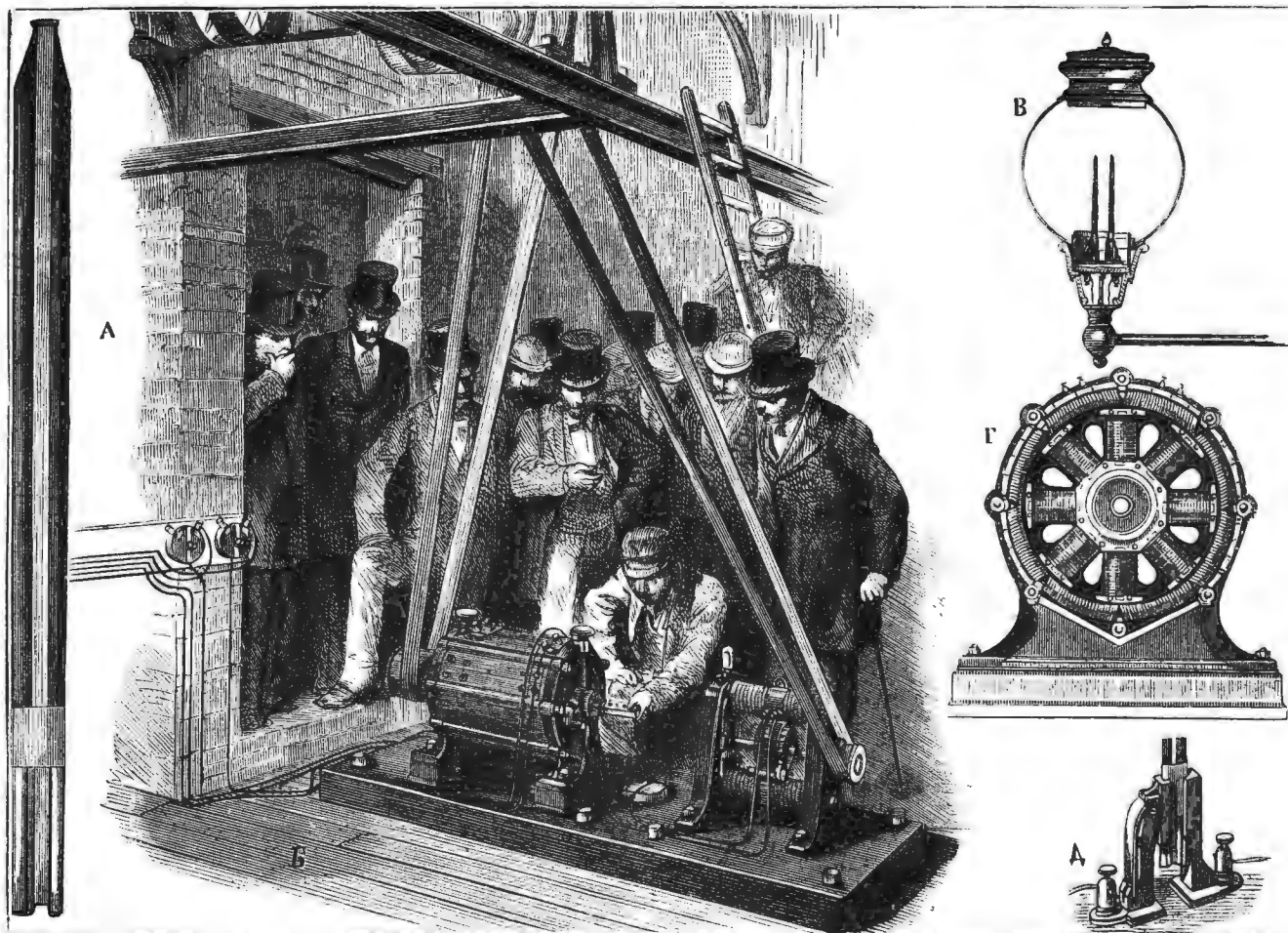
Подкосились ноги у Ивана Кирилловича, зашатался онъ, чуть не упалъ, но бояре его поддержали.

— Что-жь дѣлать-то, бояринъ! разслышалъ онъ, что-жь дѣлать-то—не гибнуть же намъ за тебя за одного. Они то вишь грозятся всѣхъ перебить, коли тебя не выдадимъ.

Иванъ Кирилловичъ поднялъ поблѣднѣвшее лицо свое, взглянулъ на всѣхъ помутившимися глазами, и каждый прочелъ въ этомъ взорѣ себѣ укоризну и у каждого невольно опустились вѣки.

— Вѣдь я иду, иду на смерть, такъ чего-жь вамъ еще? Молчите—мнѣ нечего васъ слушать!.. Дайте только проститься съ сестрою...

Нарышкина повели въ церковь Спаса, гдѣ уже находилась царица, царевна и многіе вельможи. Наталья Кирилловна, лежа на полу церковномъ, горячо молилась и рыдала. Она не въ силахъ была поднять глазъ на брата, обвиняя себя въ малодушіи, считая себя его убійцей и въ тоже время зная, что борьба для нея теперь невозможна.

Снаряды элентрическаго освѣщенія.

А,—электрическая свѣча Яблочкова, Б,—машина, В,—электрическая лампа въ вертикальномъ разрѣзѣ, Г,—машина въ вертикальномъ разрѣзѣ, Д,—приборъ держашій свѣчу.
Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

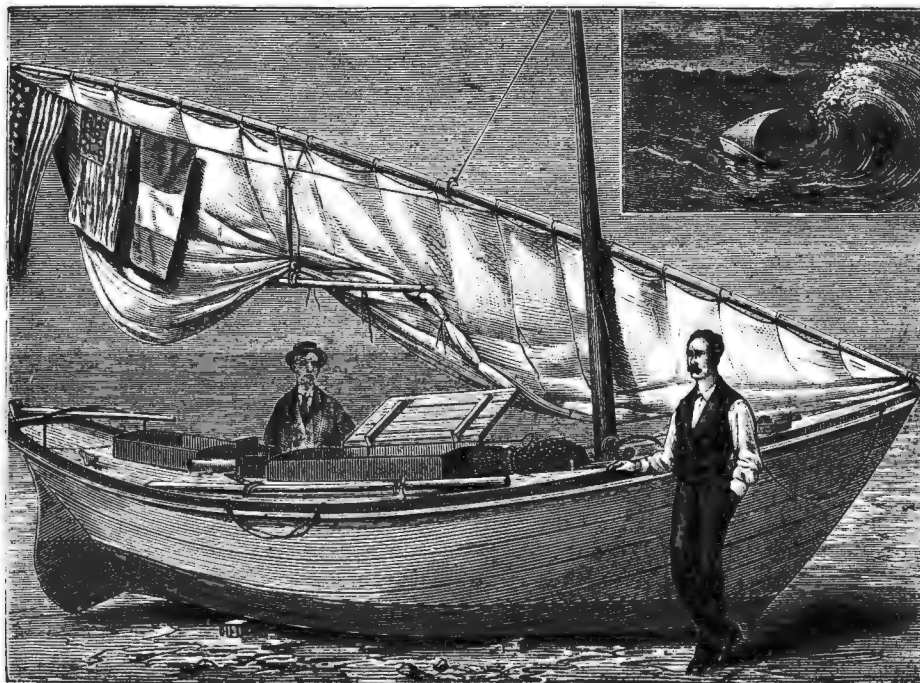
Нарышкина наскоро исповѣдали, приобщили, отсоборовали. Онъ былъ твердъ, ни звукомъ не высказалъ своихъ мученій и отчаянія. Когда бояре шепнули ему, что все теперь кончено и медлитъ нечего—онъ подошелъ къ сестрѣ. Наталья Кирилловна продолжала молиться и ничего не слышала. Но вотъ надъ самымъ ея ухомъ раздался страшный голосъ.

— Прощай, государыня сестрица! иду на смерть безъ страха и желаю только, чтобъ кровь моя была послѣднею, пролитою нынѣ!..

Она обернулась, безумно вскрикнула, поднялась на ноги, бросилась на шею Ивану Кирилловичу да такъ и замерла, не имѣя силы выговорить слова и только покрывая его лицо горячими поцѣлуями.

— Ванюша, родной мой! наконецъ заговорила она,— Ванюша, не я выдаю тебя, всѣ того требуютъ!.. Но нѣтъ же... нѣтъ—я не могу съ нимъ разстаться!..

И она опять его цѣловала и не выпускала изъ своихъ объятий.

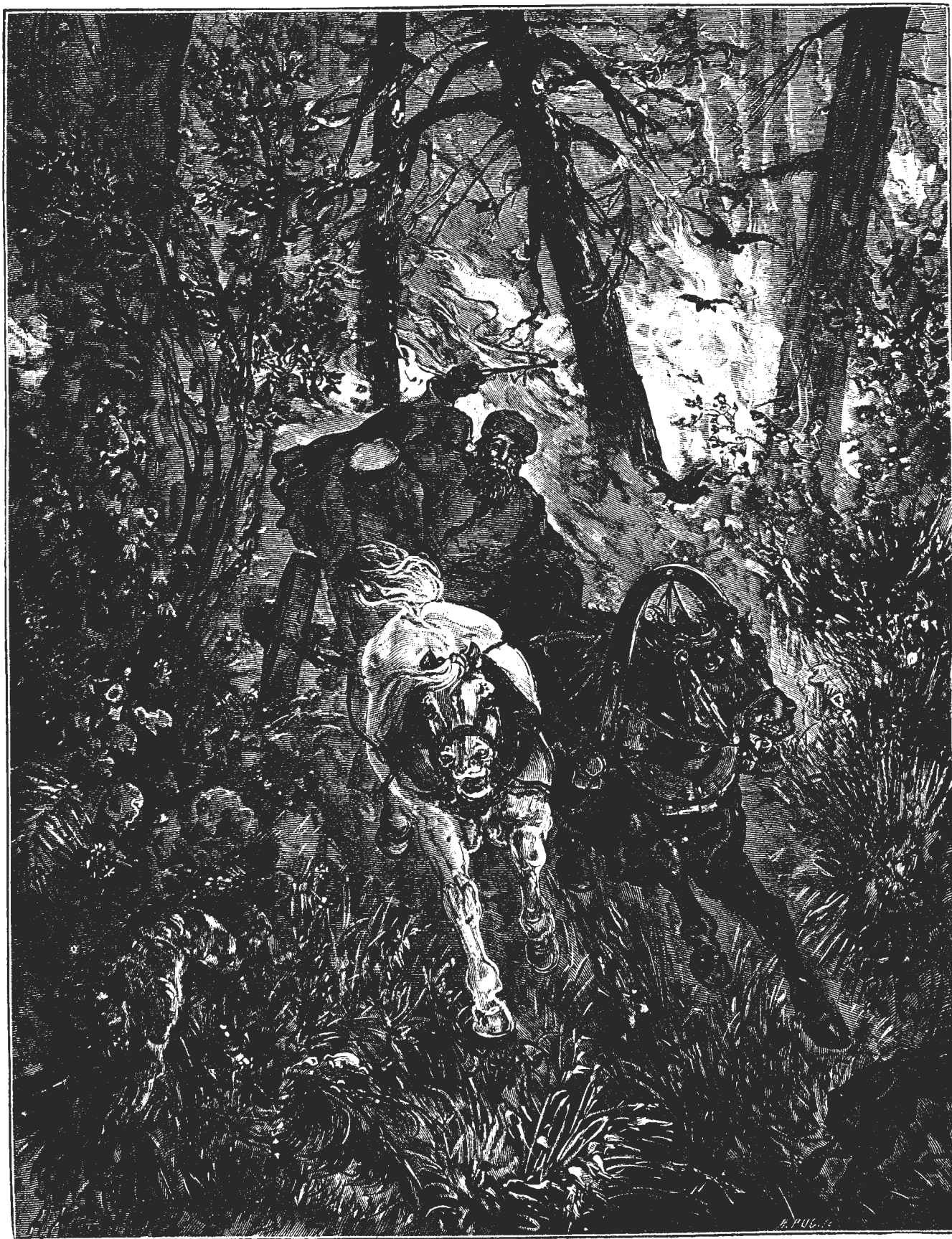
Лодка „Наутилусъ“ совершившая переездъ черезъ Атлантическій океанъ.
Рис. Будманъ, грав. Рашевскій.

Эта раздирающая сердце сцена продолжалась слишкомъ долго; а стрѣльцы не унимались, неистовствовали.

Князь Одоевскій подошелъ къ царицѣ и сказалъ испуганнымъ голосомъ:

— Сколько вамъ, государыня, ни жалѣть, а все ужъ отдать придется, а тебѣ Ивану отсюда скорѣй идти надобно, а то намъ всѣмъ придется погибнуть изъ-за тебя.

Иванъ Кирилловичъ вырвался изъ объятий сестры и, махнувъ рукою, шатаясь

Лѣсной пожаръ. Ориг. Рис. Н. Каразина, грав, В. Пуць.

какъ пьяный, направился къ двери, держа передъ собою образъ Богородицы.

Наталья Кирилловна кинулась было за нимъ, но ее силою удержали бояре.

И въ ту же минуту слетѣли съ петель церковныя двери—толпа стрѣльцовъ ворвалась на паперть.

Только что завидѣли мятежники Нарышкина, какъ съ дикимъ нечеловѣческимъ воплемъ на него кинулись, и вырвали изъ рукъ его образъ.

Онъ перекрестился—онъ ждалъ, что вотъ, вотъ сейчасъ... Но стрѣльцы его не убили, а повлекли сначала въ Константиновскій застѣнокъ и стали пытаться. Ему читали вины его: измѣну, посягательство на жизнь царевича, желаніе самому быть царемъ и многое другое. Страшнымъ пыткамъ подвергали его и ждали: вотъ онъ не стерпитъ, во всемъ признается и его признаніе всѣхъ ихъ оправдываетъ, оправдываетъ мятежь, потоки крови...

Но Нарышкинъ не произнесъ ни слова. Изнѣженный, разгульный юноша, теперь онъ превратился въ героя. Отъ страшной боли искажалось все лицо его, холодный потъ градомъ катился по лбу, волосы вставали дыбомъ, но изъ груди его не вырвалось ни звука, только страшно скрипѣли его стиснутые зубы.

И долго тянулась пытка, но наконецъ палачи убѣдились, что ничего не добьются. Тогда несчастнаго, окровавленнаго Ивана Кирилловича вытащили на Красную площадь и изрубили.

XVI.

Страшное убійство Ивана Кирилловича было еще не послѣднимъ; вслѣдъ за нимъ стрѣльцы схватили иностранца, медика Данилу Гадена, обвиненнаго въ чернокнижии и отравленіи царя Θεодора.

Этотъ несчастный Гаденъ еще 15-го мая, при самомъ началѣ возмущенія, одѣлся нищимъ и убѣжалъ изъ Нѣмецкой слободы въ Марлину рощу. Двое сутокъ скитался онъ безъ пищи, но голодъ принудилъ его возвратиться въ слободу. Стрѣльцы его узнали, схватили и притащили во дворецъ. Напрасно царевны и царица Марѳа Матвѣевна умоляли ихъ отпустить доктора, увѣряли, что онъ не повиненъ въ смерти царя, что онъ на глазахъ ихъ, каждый разъ пробовалъ лекарство—ничего не помогло! Стрѣльцы кричали, что Гаденъ чернокнижникъ, что у него въ домѣ они нашли сушеныхъ змѣй.

Его повели въ тотъ же Константиновскій застѣнокъ, гдѣ пытали Нарышкина. На орудіяхъ пытки еще не засохла кровь несчастнаго Ивана Кирилловича.

„Авось хоть этотъ повинится! думали стрѣльцы и на этотъ разъ ожиданія ихъ оправдались. Нѣмецкій докторъ не обладалъ мужествомъ Нарышкина. Съ первой же пытки онъ началъ на себя наговаривать, признаваясь во всевозможныхъ нелѣпостяхъ и наконецъ сталъ кричать, чтобъ дали ему три дня сроку и онъ укажетъ всѣхъ, кто виноватъ еще больше его.

Но стрѣльцамъ некогда было ждать; они и такъ были довольны его признаніемъ, вытащили его на Красную площадь и умертвили.

Данило Гаденъ былъ послѣдней жертвой; стрѣльцы угомонились. Ихъ руководители были довольны,—страшное дѣло удалось исполнѣ. Теперь оставалось довершить его достойнымъ образомъ: приготовить себѣ полнѣйшее торжество. Но для этого ужъ не требовалось оружія, не требовалось крови...

Хованскій и Милославскій весь вечеръ 17-го мая провели въ стрѣлецкихъ слободахъ, а на слѣдующій день войско въ четвертый разъ появилось передъ дворцомъ, но уже безъ оружія.

Съ тихимъ и смиреннымъ видомъ стрѣлцкіе выборные просили позволенія бить челомъ государю и царевнамъ.

Конечно имъ это разрѣшили; и вотъ они стали просить, чтобы государь указалъ постричь своего дѣда Кириллу Полуектовича Нарышкина.

Эта почтительная просьба властителей-стрѣльцовъ была немедленно исполнена. Царица Наталья Кирилловна ужъ не имѣла никакихъ силъ для борьбы—она была одна... самые близкіе, дорогіе ей люди убиты, на рукахъ малолѣтній сынъ, жизнь котораго, при малѣйшемъ неосторожномъ шагѣ ея, могла подвергаться опасности; кругомъ со всѣхъ сторонъ старинные враги лютые: Милославскіе, да царевны—она могла только плакать, молиться и безропотно покоряться стрѣлцкой волѣ.

Стрѣльцы признавали царемъ Петра; ему приносили челобитныя, онъ царь, слѣдовательно мать его, при его малолѣтствѣ, правительница—но теперь это было только на словахъ. Въ дѣйствительности не было царя и царицы, былъ одинъ только торжествующій, распоряжающійся теремъ, во главѣ котораго стояла Софья. Теперь она принимала стрѣльцовъ, выслушивала ихъ и полагала рѣшенія на ихъ просьбы.

Ежедневно у нея происходили совѣщанія съ Хованскимъ, Милославскимъ и главнѣйшими изъ начальниковъ стрѣлцкихъ. На этихъ совѣщаніяхъ рѣшалось, о чемъ должны просить стрѣльцы на слѣдующій день, и стрѣльцы являлись къ царевнѣ съ этими просьбами, ею же имъ продиктованными.

Вслѣдъ за постриженіемъ Кириллы Полуектовича стрѣльцы потребовали ссылки Лихачевыхъ, Языковыхъ, всѣхъ Нарышкиныхъ безъ исключенія, Андрея Матвѣева и многихъ другихъ, однимъ словомъ тѣхъ людей, которые имѣли несчастіе возбуждать къ себѣ нерасположеніе царевны.

Но были у стрѣльцовъ и такія челобитныя, которыхъ имъ не диктовала Софья, такъ напримѣръ они просили о томъ, чтобъ имъ выданы были заслуженныя ими деньги съ 1646 года. Сумма выходила большая, до двухъ сотъ пятидесяти тысячъ рублей, да кромѣ того нужно было пожаловать имъ по десяти рублей на человѣка.

Софья сильно разсердилась, узнавъ объ этомъ непредвидѣнномъ и несоразмѣрномъ требованіи, но повела, что отказать стрѣльцамъ нѣтъ возможности. Между тѣмъ денегъ въ казнѣ столько не было. Ихъ нужно было собрать со всего государства; пришлось и серебряную посуду перелить въ деньги.

Вслѣдъ за этимъ требованіемъ денегъ стрѣльцы просили царевну, чтобы имъ дано было названіе „надворной пѣхоты“. И эта просьба была немедленно исполнена.

Въ стрѣлцкихъ слободахъ были довольны щедростью царевны; тамъ шло великое ликованье, тамъ въ награбленной серебряной и золотой посудѣ распивались награбленныя иностранныя вина; на стрѣлцкихъ женахъ, дочеряхъ и сестрахъ красовались привозныя дорогія ткани, каменья самоцвѣтные, жемчуга изъ завѣтныхъ хранилищъ царскихъ теремовъ и разметающихъ домовъ погибшихъ бояръ.

Привольно было стрѣльцамъ: ни въ чемъ нѣтъ запрета—и они ликовали и продолжали хозяйничать въ городѣ. Разбили и приказы: Холопій да Судный, разорвали и сожгли крѣпостныя записи, тяжёбныя дѣла, освободили всѣхъ колодниковъ и объявили волю холопямъ. Только—странное дѣло—громадное большинство слугъ боярскихъ не пожелали воспользоваться дарованною имъ стрѣльцами волею и нерѣдко старались образумить и укротить мятежниковъ.

Стрѣлцкіе руководители нѣсколько дней молчали, дали стрѣльцамъ попить и нагуляться, а потомъ повели ихъ снова въ Кремль.

Тараруй торжественно, въ присутствіи многихъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, доложилъ царевнѣ, что

стрѣльцы и весь народъ московскаго государства желаютъ, чтобы, по справедливости, царствовали оба брата, Иоаннъ и Петръ Алексѣевичи. „Въ противномъ случаѣ, прибавлялъ онъ, они грозятся новою смутой и новымъ кровопролитіемъ“.

Царевна обратилась къ окружающимъ и начала спрашивать ихъ мнѣнія.

Все было заранее подготовлено. Друзья царевны на этотъ разъ отличались необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Всѣ они твердо знали заданный урокъ и разсыпали непреложныя доказательства полезности этого двоевластія, приводили историческіе примѣры, говорили о Фараонѣ и объ Іосифѣ. Даже Василій Васильевичъ Голицынъ, возбуждаемый горячими и нѣжными взглядами царевны, напомнилъ про Аркадія и Гонорія, про Василю и Константина...

Стрѣльцамъ не долго пришлось ждать отвѣта на ихъ челобитную. И часу не прошло какъ вышелъ къ нимъ тотъ же Тараруй и объявилъ рѣшеніе бояръ: „быть обоимъ братьямъ на престолахъ“.

Раздались на всю Москву громкіе удары большого колокола. Духовенство отправилось въ Успенскій Соборъ пѣть молебны и возгласило многолѣтне благочестивѣйшимъ царямъ Иоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу...

Торжествующая, отуманенная исполненіемъ своихъ завѣтныхъ замысловъ, возвращалась царевна Софья въ теремъ. Ее встрѣчали улыбки, лстивыя поздравленія ближнихъ боярынь и многочисленныхъ теремныхъ жилищъ, и она ласково и милостиво въ свою очередь всѣмъ улыбалась. Она знала, что сегодняшнее торжество еще не кончено, что ему предстоитъ на этихъ же дняхъ и уже полное завершеніе. Она знала, что еще разъ стрѣльцы и народъ московскій явятся ко дворцу и будутъ просить ее, въ виду малолѣтства братьевъ, принять на себя управленіе государствомъ.

Пульхерія Августа, про которую говорилъ „милый другъ Васенька“, и которая давно ужъ грезилась царевнѣ, возрождается на землѣ русской! Пришло таки это блаженное время; все старое горе, всѣ старыя опасенія, тяжелая, страшная борьба окончена и слѣда отъ нихъ не осталось...

Счастье и слава!.. о, какъ, привольно дышется! какъ весело теперь смотреть эти низенькіе, причудливо изукрашенные покойники, по которымъ идетъ царевна въ тихій пріютъ своей рабочей комнаты.

Мягкія, горячія краски наступающаго вечера на все кладутъ какой то таинственный отпечатокъ, сглаживаютъ и измѣняютъ формы предметовъ. И не узнаетъ царевна съ дѣтства знакомой обстановки. Ей кажется, что раздвигаются передъ нею стѣны, что шествуетъ она, гордо неся свою побѣдную голову, по какому то чудному сотканному изъ золота и самоцвѣтныхъ камней пути, а передъ нею храмъ славы, гдѣ высится престолъ, ея воздвигнутый.

Среди этихъ грезъ, вся объятая сознаніемъ своего величія и счастья, вошла она къ себѣ и затворила за собою двери. И вдругъ, лицомъ къ лицу, возсталъ передъ нею какая то невѣдомая ей высокая женская фигура. Разлетѣлись грезы царевны.

— Кто это? спросила она невольно отшатнувшись.

Лицо невѣдомой женщины было покрыто фатою. Изодранная, мѣстами запачканная кровью одежда была на ней.

Вотъ блѣдная рука страшной гостьи сорвала съ лица фату: передъ царевной Люба Кадашева.

Но Боже какъ она измѣнилась: сразу и узнать ее невозможно! Куда дѣвалась нѣжная юность и свѣжесть ея лица прелестнаго? Куда дѣвался знойный румянецъ, блескъ черныхъ глазъ съ поволокою? Тусклы и страшны теперь глаза эти; смертельная блѣдность покрываетъ щеки; многими годами состарилась Люба и ничего не осталось отъ прежняго ея оживленія: будто мертвецъ передъ царевной.

— А! это ты! помимо своей воли теряясь, проговорила Софья.—Но въ какомъ ты видѣ, какъ ты ужасно измѣнилась! Откуда ты? что было съ тобою?.. Поди, переодѣнься... На тебѣ кровь, лохмотья... Какъ смѣла ты явиться ко мнѣ въ такой одеждѣ?

— Мнѣ некуда идти переодѣваться, отвѣчала Люба глухимъ голосомъ.—Я пришла на всегда проститься съ тобою, царевна...

— Что это значитъ? что за выдумки? какъ ты говоришь со мною и о чемъ говоришь ты?..

„Она сошла съ ума, подумала Софья. Но что-жъ было съ нею? Нужно узнать!“

А Люба стояла и странно усмѣхалась.

— Я знаю о чемъ ты думаешь, наконецъ заговорила она,—ты думаешь, что я безумная. Нѣтъ, ошибаешься, царевна—я была безумной, всю жизнь была безумной... но теперь-то просвѣтлѣлъ мой разумъ, ты меня вылечила... И вотъ я пришла проститься съ тобою... сказать тебѣ одно слово...

Царевна молчала. Ее тянуло къ себѣ съ неотразимою силою это страшное, непонятное лицо Любы, и она глядѣла на нее не отрываясь. И въ то же время ей становилось какъ то жутко, такъ что даже холодъ пробѣгалъ по ея членамъ.

— Не много прошло съ того времени, продолжала Люба, какъ я, глупая, безумная, позабывъ все на свѣтѣ, бѣжала къ тебѣ. Ты приняла меня, пріютила, задала, заласкала.. и кабы знала ты, кабы вѣдала, какъ дорогá ты была мнѣ. Страшно подумать: за—мѣсто Бога я тебя почитала!.. На тебя я молилась, ты казалась мнѣ небеснымъ жителемъ, за тебя я готова была идти на лютыя мученія!.. Сколько слезъ по ночамъ пролила я о твоёмъ горѣ—несчастіи, про которое ты мнѣ говорила... Ну вотъ, царевна, ты теперь и счастлива,—но знаешь ли ты, какъ и откуда къ тебѣ пришло это счастье? Да, знаешь, знаешь, что оно добыто кровью людей невинныхъ! Ты глядишь на меня и видишь на мнѣ лохмотья, кровь... а я на тебѣ вижу больше крови—ты вся въ крови! все лицо у тебя въ крови! Кровь изъ губъ сочится... ты упиалась ею, ты ею захлебываешься!.. Много... много на тебѣ крови и ничѣмъ ты ее не смоешь!.. Царевна, безъ числа всякихъ ужасовъ навидѣлась я... но ничего страшнѣе тебя не видала... Такъ не думай же, что ты счастлива, что всѣ твои пожеланія исполнены. Ничего не исполнено—отнынѣ лютая жизнь твоя начнется и конца ей не будетъ. Гдѣ бы ни была ты, вездѣ—и на царскомъ престолѣ—за тобою будутъ стоять мертвецы кровавые. Никуда не убѣжишь ты отъ нихъ... Смотри, вотъ они... здѣсь, кругомъ тебя. Мнѣ тяжело, мнѣ страшно глядѣть на нихъ, а на тебя глядѣть еще страшнѣе!.. Я бы никогда и не пришла къ тебѣ, если бы не вспомнила того перваго дня, когда тебя увидѣла, того дня, когда на тебѣ еще не было крови и когда ты казалась мнѣ ангеломъ...

Я пришла тебѣ сказать, царевна: одно только есть для тебя спасеніе—брось все, бѣги!.. бѣги къ Богу... Молитесь! Молись дни, молись ночи, Богъ милостивъ, можетъ, видя твое великое покаяніе, отведетъ онъ отъ тебя страшныхъ покаянниковъ... Молись, молись о нихъ, невинно убивенныхъ тобою!..

Царевна стояла неподвижная и блѣдная. Она хотѣла говорить, ея языкъ не слушался. Въ головѣ у нея мутилось, вотъ она ужъ ничего не понимаетъ, не слышитъ словъ Любы,—да Люба и кончила и тихо вышла изъ покоя царевны.

Прошло нѣсколько мгновений, Софья опомнилась, кинулась къ двери, бѣжить по теремнымъ переходамъ...

— Ловите безумную, ловите! не выпускайте изъ терема, кричала она.

Со всѣхъ сторонъ сбѣжались женщины.

— Кого ловить? Кого, царевна? про кого говоришь ты?

— Кадашева, Кадашева здѣсь была... Куда она скрылась? Ищите, ловите ее, приведите ко мнѣ!

Но никто не видалъ Любы. Она успѣла незамѣтно скрыться изъ терема.

Царевна опять вернулась къ себѣ и силилась отрѣшиться отъ страшнаго впечатлѣнія, произведеннаго на нее этой неожиданной непонятной сценой, силилась забыть и Любу и ея слова безумныя.

— Мало ли что она говорить, сумасшедшая дѣвка, успокаивала себя царевна и начинала она думать о торжествѣ своемъ, о счастья, которое ей улыбается.

шелкъ бороною, открываются тихія разумныя очи Артамона Сергѣевича Матвѣева...

Вѣжить царевна въ уголь, подъ образа, хочеть молиться, но нѣтъ для нея молитвы. Ей чудится, что кровь наполняетъ комнату....

И эта кровь поднимается выше и выше, хлещеть на царевну теплой, страшной, красной волною...

— Что-жь это, я схожу съ ума! отчаянно вскрикиваетъ она.—Нѣтъ, видно здѣсь очень душно, воздуху мало!...

И она спѣшитъ къ окошку, отворяетъ его, дышетъ полной грудью. Вечеръ теплый и ясный. Кругомъ ти-

Русскіе типы: Дѣдушка.

Ориг. рис. Ив. Павова, грав. Шмидтъ.

Бѣлый, съ длинной бороною
Дѣдушка сидитъ,
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

* * *

Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ
Старъ и онъ и спитъ день цѣлый.
Съ мѣста не спрыгнетъ.

* * *

Старику не много надо:
Лапти сплестъ да сбить—

Вотъ и сытъ. Его отрада—
Въ Божій храмъ ходить.

* * *

Къ стѣнкѣ около порога
Станетъ тамъ, крехтя,
И за скорби славить Бога
Божіе дитя.

* * *

Радъ онъ жить, непрочъ въ могилу—
Въ темный уголокъ....
Гдѣ ты черпалъ эту силу
Бѣдный мужичекъ?!

И. Никитинъ.

Старалась воротить прежнія свѣтлыя мысли, съ которыми, за нѣсколько минутъ, входила въ свои покои. Но прежнія свѣтлыя мысли не возвращались.

Мучительный страхъ охватилъ царевну. Она невольно оглядывалась въ вечернихъ сумеркахъ и все ей казалось, что она окружена какими то призраками. Вотъ эти призраки начинаютъ воплощаться, яснѣе и яснѣе выростають они передъ нею, она узнаетъ ихъ, узнаетъ каждаго. Вотъ передъ самымъ лицомъ ея изъ полумрака выдѣляется сѣдая голова съ длинной и бѣлой какъ

пина. Молодая луна поднимается изъ за стѣны кремлевской. Внизу подъ окнами терема душистые кусты...

Но царевна съ дикимъ кривомъ захлопываетъ окошко и отъ него отбѣгаетъ—вдругъ среди аромата тихой лѣтней ночи на нее пахнуло смрадомъ и она повяла—откуда этотъ запахъ. Онъ съ Красной площади, гдѣ еще не успѣли прибрать хорошенько куски гниющаго человѣческаго мяса, гдѣ еще всѣ камни обрызганы кровью и мозгомъ.....

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Молодая мать. Картина В. Менцлера, грав. Царьбиблиотека "Руниверс"

НАШИ СОСЪДИ ВЪ МИРОВОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ.

(Окончаніе).

III.

Непосредственнымъ сосѣдомъ группы астероидовъ представляется великанъ изъ планетъ, Юпитеръ. Планету эту можно характеризовать какъ „туманную и облачную звезду“, потому что весь внѣшній видъ Юпитера обуславливается образованиемъ облаковъ, и соответственно природѣ этихъ непостоянныхъ образований, самъ Юпитеръ подверженъ большому переизмененію. Громадно-быстрое вращеніе около собственной оси, очевидно, производитъ въ атмосферѣ Юпитера постоянные и жестокіе пассатные вѣтры и поэтому-то облака этой планеты представляютъ огромную полосу, простирающуюся въ направле- нии параллельныхъ круговъ. Атмосфера Юпитера весьма плотна, и вѣроятно достигаетъ значительной высоты. Это обстоятельство, въ связи съ весьма незначительною силою свѣта, посылаемаго отъ солнца,—которое даетъ Юпитеру только 1/17 часть лучей, посылаемыхъ на землю,—все это вмѣстѣ взятое оправдываетъ предположеніе, что для обитателей Юпитера, если такіе существуютъ, день продолжается меньше 6 часовъ, да и этотъ день бываетъ окутанъ постояннымъ мрачнымъ туманомъ. Въ водѣ и дождѣ эти обитатели не терпятъ недостатка; даже весьма возможно — и за вѣрность этого предположенія ручается постоянное образование и огромное скопленіе облаковъ,—что вся эта исполинская планета непрерывно покрыта водою. Такимъ образомъ ландшафтъ на Юпитерѣ не можетъ быть живописнымъ и тѣмъ менее онъ можетъ быть живописенъ, что на Юпитерѣ *нѣтъ* даже ежечасныхъ временъ года. Наклоненіе оси Юпитера къ эклиптикѣ достигаетъ только 3-хъ градусовъ; а это обстоятельство, въ соединеніи и безъ того уже съ малою интенсивностью (напряженностью) солнечныхъ лучей обуславливаетъ мрачное и монотонное однообразіе года на „Юпитерѣ“, заключающаго въ себѣ болѣе 10,000 дней. Все это, однако, не можетъ исключать обитанія на этой планетѣ разумныхъ, можетъ быть даже высоко развитыхъ существъ. Но жители „Юпитера“ должны быть „водяными обитателями“. Громадно-великій океанъ, покрывающій всю поверхность планеты (поверхность эта превосходитъ земную поверхность въ 129 разъ)—если этотъ громадный океанъ населяютъ люди, то воды его должны имѣть тропическую температуру. Эта температура воды должна быть высока—на основаніи и того соображенія, что колоссальная масса планеты „Юпитеръ“ вѣроятно еще не могла охладиться до такой степени, какъ наша Земля. Въ послѣднее время нѣкоторые астрономы утверждаютъ даже, что „Юпитеръ“ отчасти находится въ раскаленномъ состояніи; но это уже, конечно, исключаетъ всякую мысль о существованіи органической жизни на этой планетѣ... Однакоже, прежде всего, это мнѣніе есть ничто иное, какъ недоказанная, даже невѣроятная гипотеза...

Но самая интересная между планетами—это, конечно, „Сатурнъ“. Интересъ этотъ придаютъ „Сатурну“ три концентрическія кольца, окружающія планету, вмѣстѣ съ спутниками ея лунами, которыхъ числомъ 8. Масса „Сатурна“, какъ было уже упомянуто, представляетъ собою самую рѣдкую и легкую изъ всѣхъ планетныхъ массъ. Тяжесть ея почти не превышаетъ тяжести обмыленной нашей пробы. Консистенція (составъ) окружающаго планету колецъ столь рыхла, что внутренняя сторона колецъ даже прозрачна,—прозрачна до такой степени, что, не смотря на сплошную, весьма почтенную толщину колецъ, составляющую 22 милл. самую планету легко видѣть черезъ всю толщину колецъ. Но атмосфера „Сатурна“, точно также какъ и атмосфера его колецъ, а также главнаго тѣла или зерна планеты облекаетъ все густымъ покровомъ и сильно насыщена водяными парами. Твердое зерно или центръ планеты у „Сатурна“ нужно искать въ самой нижней его части. На поверхности же находятся слои жидкихъ и газообразныхъ веществъ; однакоже эти послѣднія уже съ трудомъ припадаютъ въ раскаленное состояніе и, при благоприятныхъ условіяхъ, не могутъ препятствовать развитію живыхъ организмовъ. И если дѣйствительно на „Сатурнѣ“ существуютъ такіе организмы, то для нихъ фирмаментъ (или небесный сводъ планеты) представляется въ высшей степени интересное зрѣлище. Они могутъ,—не считая различныхъ фазъ ихъ 8-ми лунъ—наблюдать огромную часть ихъ горизонта, черезъ отраженный свѣтъ колецъ. Во всей солнечной системѣ не найдется подобнаго великолѣпнаго зрѣлища дугообразнаго освѣщенія большей части горизонта черезъ кольца!.. Между тѣмъ по справедливости можно замѣтить, что эти кольца скорѣе мѣшаютъ освѣщенію

„Сатурна“ чѣмъ способствуютъ ему, потому что только въ исключительныхъ случаяхъ и подѣ известными широтами, они обращаются къ нему, ночью, своею освѣщенной стороною, вообще же, эти кольца ночью бываютъ невидимы, а днемъ затемняютъ солнце. Такимъ образомъ и жители колецъ „Сатурна“ (если предположить ихъ существующими), рѣдко и только въ известныхъ случаяхъ наслаждаются зрѣлищемъ ихъ, вполне освѣщенной, главной планеты, потому что эта послѣдняя, ночью, большею частью, обращаетъ къ намъ свою темную сторону. Если, однако, они видятъ полный „Сатурнъ“, да притомъ еще нѣсколько лунъ или полудунъ, окружающихъ „Сатурнъ“, то этотъ видъ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть великолѣпный несравненно болѣе величественный и возвышенный, чѣмъ все что представляетъ намъ наше звездное небо.

Двѣ изъ самыхъ крайнихъ планетъ „Уранъ“ и „Нептунъ“, окружены атмосферою совершенно особаго состава, такъ что, еще нельзя отвергнуть мнѣніе, что, въ то время, когда они оторвались отъ солнечной массы, они получили въ приданое нѣсколько химическихъ элементовъ, недостающихъ у другихъ планетъ. Спектральный анализъ свѣта этихъ планетъ, дѣйствительно, доказываетъ, что на ряду съ такъ называемыми „телурическими полосами поглощенія“ (Absorptionsbändern), которыя указываютъ на присутствіе въ рассматриваемыхъ планетахъ водяныхъ паровъ, азота и другихъ составныхъ частей нашего атмосфернаго воздуха, спектральныя линіи, не заключающіяся въ солнечномъ свѣтѣ, (но исходящія отъ свѣта этихъ планетъ) уже наводятъ на мысль, что рассматриваемыя планеты обладаютъ *собственнымъ* свѣтомъ, хотя бы и слабымъ, на ряду съ отраженнымъ свѣтомъ солнца. Но совершенно несостоятельно представляется намъ основанная на этомъ явленіи гипотеза, что „Уранъ“ и „Нептунъ“ будто бы находятся въ раскаленномъ состояніи. Это старѣйшія, прежде всѣхъ отдѣлившіяся отъ солнца, тѣла; по объему своей массы, они далеко уступаютъ обѣимъ младшимъ планетамъ, „Сатурну“ и „Юпитеру“. Нужно принять поэтому, что онѣ пришли въ состояніе охлажденія на цѣлыя сотни миллионовъ лѣтъ ранѣе, чѣмъ „Сатурнъ“ и „Юпитеръ“. Но возможно и то, что обѣ планеты обладаютъ особеннымъ родомъ *фотосферы*, въ томъ смыслѣ, что ихъ атмосфера смѣшана съ фосфорисными самосвѣтящимися химическими соединеніями, свѣтящимися даже при малѣйшей степени тепла подѣ вліяніемъ солнечнаго свѣта. Этой фотосферы совершенно *не достае*тъ на 4-хъ внутреннихъ, ближайшихъ къ солнцу, планетахъ, (2-е семейство). На „Юпитерѣ“ и „Сатурнѣ“, правда, эта фотосфера есть, но она едва-замѣтна.

Относительно „обитаемости“ этихъ „сенсоровъ“ или патриарховъ планетной системы едва ли можно представить какія либо отрицательныя соображенія. Правда одна уже ихъ преклонная старость привела астрономовъ къ мысли, что эти двѣ планеты уже совершенно *окоченны и умерли*... Но, съ другой стороны, присутствіе въ ихъ атмосферѣ водорода указываетъ на возможность существованія на нихъ „средней температуры“. Солнце, правда, освѣщаетъ „Нептунъ“ въ 900 разъ слабѣе, чѣмъ землю; но это еще не доказываетъ, что „Нептуну“ наравнѣ съ „Ураномъ“ совершенно отказано въ теплотѣ и свѣтѣ. Уже часто выражалось мнѣніе, что напряженность (интенсивность) тепла, идущаго на какую-либо планету, зависитъ не только отъ лученспусканія, но также отъ „*проводительной способности*“ (для тепловыхъ лучей) атмосферы этой планеты. Можетъ быть, на „Нептунѣ“ эта атмосферная теплопроводность столь сильна, что она вознаграждаетъ вообще, скудость посылаемыхъ лучей, хотя бы даже отчасти. Но, во всякомъ случаѣ, представляется несправедливымъ мнѣніе нѣкоторыхъ астрономовъ что рассматриваемыя сейчасъ двѣ отдаленнѣйшія отъ солнца планеты погружены почти въ совершенную тьму, и это потому только, что, относительно ихъ, солнце является чрезвычайно малымъ дискомъ. 1/100 часть достигающаго земли солнечнаго свѣта представляется, однако, постоянно количествомъ свѣта, совершенно достаточнымъ для распространения удивительнаго свѣта. Полная луна, напримѣръ, даетъ землѣ 1/100,000 часть того свѣта, который посылаетъ намъ солнце; по этому, „Нептунъ“, если солнце стоитъ въ его горизонтѣ, обладаетъ источникомъ свѣта, равнымъ 600 полнымъ лунамъ; конечно, итальянскаго блеска солнца на „Нептунѣ“ нѣтъ, но и „тьма“ на немъ конечно не существуетъ. Даже и на крайней, самой отдаленной планетѣ могла по этому ликовать и процвѣтать органическая жизнь, по крайней мѣрѣ въ ранній періодъ бытія, предшествовшій созданію земли...

КЪ РИСУНКАМЪ.

Наутилусъ.

„Наутилусъ“—маленькая лодочка (рисунокъ ея мы здѣсь прилагаемъ). Лодочка эта не безъ основанія надѣлала порядо-

чно шуму при своемъ появленіи въ началѣ минувшаго августа. И въ самомъ дѣлѣ, относительно величины—это просто орѣховая скорлупа, имѣющая только восемнадцать футовъ длины. И эта лодочка пробѣжала обширный океанъ во всю его

ширину, привез на Парижскую Всемирную выставку двух братьев Андре, которые и составляли весь его экипаж. Многие были свидетелями этого смѣлаго путешествія „Наутилуса“. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на навѣсь этой лодочки, попорченный морскими волнами, ея петрольныя лампы, на которыхъ экипажъ приготовлялъ себѣ пищу и всѣ другіе снаряды и принадлежности лодочки.

Путешествіе „Наутилуса“ продолжалось 53 дня. Суденышко вышло изъ Бостона 7 іюня, и прибыло во Францію, какъ сказано выше, въ началѣ августа. Случайности этого смѣлаго путешествія, какъ они записаны въ бортовую книгу, болѣе чѣмъ необычны и содержатъ въ себѣ много интересныхъ подробностей.

Какъ только маленькое судно потеряло изъ виду Минотскій маякъ, поднялся вѣтеръ, показались признаки приближенія бури. Брызгами морскихъ волнъ потушило на борту всѣ огни, и братья Андре очутились въ совершенной темнотѣ...

Одинъ изъ братьевъ, лежавшій въ постелѣ, всталъ, чтобы снова зажечь огни. Судно страшно кидало по волнамъ океана. Вскорѣ стекло компаса разбилось, и братья уже обсуждали вопросъ: не взять ли задній ходъ. Когда это было рѣшено, они направились къ Бостону, куда могли возвратиться безопасно. Тутъ имъ пришлось пробѣжать среди стада китовъ.

Оба брата были изурены голодомъ и особенно неприятно поражены, когда встрѣтили, вмѣстѣ съ привѣтствіями знакомыхъ, и насмѣшки надъ неудачею. Между тѣмъ, спусти два дня, отважные Андре вновь пустились въ плаваніе. Лодку ихъ наносило иногда на суда. Матросы этихъ судовъ совѣтовали имъ меньше натягивать парусъ. Нѣсколько дней спустя, разыгралась новая буря и потомъ время сдѣлалось пасмурнымъ. Море покрыто было около нихъ обломками снастей, принадлежавшихъ кораблямъ, потерѣвшимъ крушеніе, и можно было каждую минуту опасаться, что утлое суденышко потонетъ отъ толчка какой-нибудь тяжелой, мимо плывущей снасти.

Наконецъ, послѣ уже долгаго времени, буря загнала братьевъ въ каналъ св. Георгія (между Англіей и Ирландіей) и они пристали въ Муллионъ-Кове. Отсюда уже они могли направиться въ Сену, такъ какъ противные вѣтры, замедлявшие ихъ плаваніе, уже прекратились.

Съ боку рисунка взглянуть на изображеніе лодочки захлестываемой волною, можно видѣть, какую надо вести ей было борьбу съ океаномъ.

Лѣсной пожаръ.

(Разсказъ).

Долгая, томительная засуха. Побежъ листь на деревьяхъ, желтѣть раньше времени; выгорѣла трава на лугахъ, болотныя понизы—и тѣ высохли, утратили свой сочный, зеленый цвѣтъ;—желтою щетиною обрамилъ осока и тростникъ эти растрескавшіяся, недавно еще, словно зеркала, сверкавшія водою мѣста; кое гдѣ только, между бурями кочками, стоятъ, догниваютъ стоячія, запекшіяся лужи. Лѣниво, чуть-чуть пробираясь по камнямъ, струится ручьи, пробираться по оголенному руслу. Сплошными тучами стоитъ въ воздухѣ дорожная пыль, поднятая колесами телеги и тихо осѣдаетъ на кусты, на деревья, толстымъ слоємъ покрывая ихъ тусклою зеленью...

Замолкла, словно вымерла, степная птица... Молча томится исхудалая стада на выгонахъ-солдцеканкахъ... Собаки-сторожа и тѣ бродятъ высунувъ языки, опустивъ хвосты,—лѣниво лають на прохожія людъ,—не охота имъ гоняться до околицы за чужой телѣгой, лѣнь высунуть носъ изъ подворотни... Въ поту рабочіе коны, набила имъ плечи и спины закоруждая сбруя,—подозрительно вилаетъ слѣдъ за разохшимся колесомъ... Не веселъ ямщикъ, не веселъ и сѣдокъ... Квасу имъ хозяйки постоялыхъ не наготовятся...

Въ такую пору только огонь горитъ весело, бойко; только бы искорка вспыхнула, только бы дотянуться до чего красному языку пламени, а ужъ работа найдется...

Страшенъ, губителенъ пожаръ въ такую пору. Тронулся съ краю села, все село въ часъ выгорѣло; тронулся въ полѣ, по хлѣбу—мигомъ нѣтъ полосы... Оплошалъ пастухъ на опушкѣ съ варкою картошки, дорого эта картошка обходится...

Глядитъ,—потухъ огонекъ и зола, рукою на ощупь, остыла—и голое мѣсто кругомъ, не почему добратся... побрелъ пастухъ дальше, погнавъ скотину, а тутъ,—вѣтромъ ли пахнуло, положу ли кафтана своего рваного махнулъ парень, накидывая на плечи,—зарѣяла красная точка, чуть-чуть теплится, а около нея уже и закоробило сухую былинку, отъ нея другую, тамъ третью... подальше, глядишь, уже вспыхнулъ сухой палый листокъ—подъ остывшей золой, въ самой почвѣ, корешки затѣли и пошли одинъ за другимъ цѣпляться, жаромъ пробираясь все дальше и дальше... Горитъ пока здѣсь, а тамъ въ нѣсколькихъ шагахъ—тоже, ни съ того ни съ другого, задымилъ... Ночью—другое дѣло, свѣтомъ выдаетъ себя начинающійся пожаръ-разбойникъ, а днемъ, при яркомъ, ослѣпительномъ блескѣ июльскаго солнца, и не доглядѣть какъ ходко, неудержимо распространяется эта злая, огненная зараза...

Вспыхнулъ разомъ, затрещалъ желтый кустъ орѣшника, отъ него на корявую березу перекинуло, тамъ палая сосна загорѣлась; востромъ пылаютъ ея обрубленные сучья, костромъ слов-

но въ печи горитъ полѣнница дровъ, заготовленная къ вывозу... Часу не прошло,—до самаго неба тянется черный столбъ жарнаго дыма, стѣною ломитъ лѣсной „паль“, и гибнутъ въ этомъ палѣ десятками и сотнями,—и строевыя, и дровяныя, и молодковыя, и заказныя, и вольныя, помѣщицкія и казенныя десятины.

Разъ, въ такую именно сухую пору, удобную для пожарнаго разгула, пришлось мнѣ сдѣлать верстъ семдесятъ, на „долгихъ“, на обывательской парѣ. Дѣло было въ О-кой губерніи, лѣсной, значитъ, по преимуществу, славящейся, между прочимъ, своимъ бездорожьемъ, или какъ здѣсь называютъ, „горе-путями“.

Выѣхавъ до разсвѣта, мы еще рано, до настоящей жары, добрались до Глушкова постоялаго дворника, отдохнули часокъ, пополнили лошадей и тронулись дальше. Дорога шла перелѣсками, мелкою порослью, но мало по малу эти чахлые, кустарные заросли ольшаника и осинника переходили въ болѣе крупныя группы деревьевъ, мѣшалась межъ ними темнозеленая ель, а дальше, стѣною шелъ сплошной строевикъ, безъ конца и безъ просвѣта.

Дорога была плохая, не раскачешься по такой! Колеса моей телѣжки тяжело врѣзывались въ глубокия колеи, катясь чуть не на ступицахъ, задѣвая концами осей за высохшіе кочлы, то прыгая по оголеннымъ корнямъ, пересѣкавшимъ дорогу своею путанною сѣтью. Мѣстами давно высохшія глубокия промоины на дорогѣ, заставляли дѣлать объѣздъ стороною, кустами; тогда вѣтви хлестали коней, спшибали совѣтъ назадъ дугу у коренной, били по лицу... только и слышались предостерегающіе возгласы моего возницы, кузнеца Данилы:—„Берегись, ваше благородіе!“

День былъ невыносимо жаркій, даже въ тѣни лѣса и то дышалось съ трудомъ. Коренная, вся въ мылѣ, тяжело согбѣла на ходу; а тутъ еще міриады лѣсныхъ слѣбней мучили несчастныхъ животныхъ, тѣтно отмахивающихся своими хвостами отъ набѣга этихъ жадныхъ кровопійцъ... Безконечно длинна казалась дорога, лѣниво поднималось солнце на этомъ раскаленномъ, сѣромъ, безоблачномъ небѣ, вѣтеръ не относилъ пыли въ сторону, и пыли этой цѣлая туча шла вмѣстѣ съ нами, охватывая и потныхъ коней, и сѣдокъ, и телѣгу...

Удушавный, тяжелый запахъ дыма и гари слышался въ воздухѣ, мѣстами изъ-за этой стѣны лѣсовъ поднимались подозрительныя, черныя столбы,—но эти столбы были очень далеко, они повидимому даже не двигались и вовсе не угрожали той мѣстности, по которой пролегалъ наша дорога.

— Горитъ! ткнулъ въ ту сторону кнутовищемъ кузнецъ Данило.

— Горитъ, согласился я, закуривая папиросу...

— А ты бы, ваше благородіе, это самое бросилъ бы,—посоветовалъ возница—въ тотъ самый моментъ, когда я зажигалъ спичку.

— Осторожно если, ничего!

— То-то осторожно! А то—на прошлой недѣлѣ за „лапотковыми“ Ильинская дьячиха сгорѣла... Тоже вѣдь бываетъ такъ-то!

— Курила что ли неосторожно?

— Зачѣмъ курить!—нѣшто бабы курятъ—по Божьей волѣ, значитъ, сгорѣла. Заѣхала, такъ же вотъ—въ „паль“ прямо, да и сгорѣла. Парнишко съ нею нашъ былъ, такъ тотъ шустрый, отирегъ мерина, да выскочилъ, помоги Господь! а дьячиха баба сырая, гладкая, та сгорѣла, такъ съ телѣгой и обуглилась...

— Это не хорошо!

— Начтожъ лютей смерти... у насъ вотъ, теперича, какъ за шесть дѣнь до Петрова—зачались „палы“ такъ вотъ вилотъ до „казанской“ горитъ... Собирали четыре волости—канавы копать да нѣшто супротивъ Божьей воли, лопатую отмахнешься... никакъ того не возможно...

Такъ разговоривая мы подвигались да подвигались впередъ... узкою просѣкой вилась между деревьями дорога. По низу толстые стволы строевика терались въ сплошной чашѣ кустарника, молодые, чахлые поросли перепутанныхъ, косматыхъ кучь, споконъ вѣсковъ неубираемого бугелома... Воздухъ еще сталъ тяжелѣе и удушливѣе, словно сумерки спустились надъ лѣсомъ... Вѣтру нѣтъ, а глухо гудитъ въ верхинахъ елей и сосенъ, стонъ тихій, меланхолическій слышится, будто несмѣтные рои комаровъ носятся надъ вашей головою...

Кони пофыркиваютъ, безпокойно прядутъ ушами, пристяжная на оглоблю налегаетъ.

— Но, вы, милыя! трогай—похлестываетъ по ихъ спинамъ кнутъ Данилы.

Замыслась пара, шарахнулась было немного... затрещалъ валяжникъ впереди... черезъ дорогу промелькнула большая, темносѣрая масса... это медвѣдь, неуклюже галоцируя, ирошель, не обративъ на насъ никакого вниманія.

— Ишь ты погань! сплюнулъ презрительно Данило... это онъ отъ „палу“ тоже спасается... ошаленный!

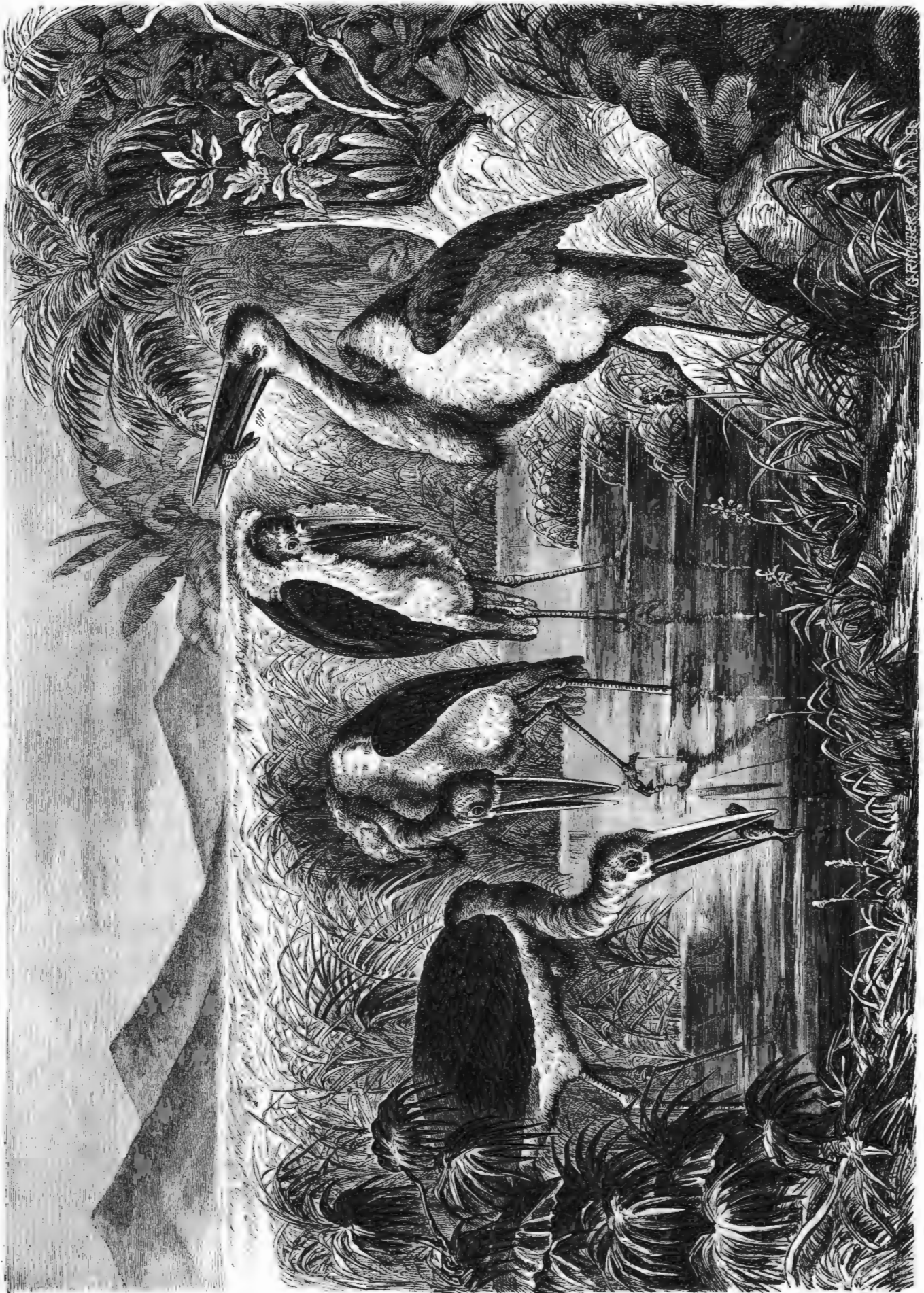
— А развѣ близко горитъ гдѣ?

А кто его знаетъ! Можетъ и далеко, а можетъ тутъ гдѣ, подъ землею бѣжить... ты его ину пору не ждешь, а онъ авось гдѣ вспыхнетъ,—и пошелъ валять...

Подземные лѣсные пожары самые неукротимые... огонь идетъ по корнямъ, подъ слоємъ перегноя и вдругъ, совершен-

Смерть Евридини. Картина Э. Энгерта, рис. Майргоувъ.

Марабу. Рис. и грав. Рихтеръ.

по неожиданно, прорывается на свѣтъ Божій, быстро взбѣгая по стволамъ и сучьямъ, до самыхъ вершинъ деревьевъ.

Въ этой сторонѣ лѣсные палы преимущественно такого свойства.

— Однако погоняй! поторопись я своего возницу..

Невольное безпокойство начало овладѣвать мною. И безъ того „тошно“ а тутъ еще ожиданіе „пала“, этотъ медвѣдь, спасающийся, этотъ рассказъ о заживо сгорѣвшей дьячихѣ.

И кони словно раздѣляли мое безпокойство,—они рысили ходчѣе... Гдѣ дорога выдавалась поглаже, сѣрый пристяжной мерилъ даже подпрыгивать, взмахивая своею косматою, усѣяною репейникомъ гривою.

Въ бокахъ кололо отъ безпрестанныхъ толчковъ и подскоковъ телѣжки.

Скверное что то творилось въ воздухѣ... Вверху, надъ лѣсомъ, словно черныя облачка, бѣжали обрывистые клочья дыму... Совсѣмъ стемнѣло. Изъ за этой мглы раскаленнымъ шаромъ, безъ лучей, выглядывало солнце. Глухо шумѣлъ лѣсъ, словно ураганъ надвигался; пахло раза два вѣтромъ, но не прохладнымъ, освѣжающимъ, а словно изъ натопленной русской печки... Въ кустахъ мелькнули волки, поджавъ хвосты, высунувъ свои языки... хлопая крыльями низко, низко пролетѣлъ черный теревъ—косачъ, вороны стаями каркали въ вышинѣ... Все живое очевидно безпокоилось и заблаговременно спасалось бѣгствомъ...

— Не вернуться ли назадъ! проговорилъ я.

— Чего назадъ!.. Богъ милостивъ!.. Да назадъ хуже... звоя гдѣ дымить, тамъ, чай, уже перехватило дорогу... Ну, милые, трогай!..

Бѣгутъ кони дружно, усталость свою забыли. Схватившись обѣими руками за градки телѣги, кое какъ умѣряешь невыносимую тряску.

— Дастъ Богъ доберемся до волчьего оврага,—тамъ ничего!.. не перелазить черезъ оврагъ-то,—успокоительно произноситъ Данило..

Вдругъ, словно беззвучный ударъ молнии, блеснулъ всторонѣ огонь, лизнулъ по стволу развѣсистой сосны и фейерверкомъ закрутились въ воздухѣ безчисленные искорки загорѣвшей хвои.

— Прорвало! крикнулъ мой возница и сталъ неистово, изо всей мочи хлестать по конямъ...

Тѣ неслись, сломя голову.

Мы свернули, почти незамѣтно съ дороги и мчались цѣликомъ. На первомъ же толчкѣ одно изъ колесъ задѣло за пень и рассыпалось въ дребезги, крякнула ось, зарывшаяся въ землю,—съ натуги лопнули постромки и гужи... Данило черезъ голову свалился на крупъ коренной, меня выбросило шаговъ на пять въ сторону... Прозѣвай мы минуту и кони навѣрное оборвали-бы остальную, удерживающую еще ихъ сбрую и ускакали-бы.

Съ помощью ножа, нашедшагося у меня въ карманѣ, мы справились миготъ и сѣли верхомъ... Смиренныя, рабочія лошади рвались и горячились, словно кровные скакуны.

— Пушай—наволоку, держись за гриву, баринъ! кричалъ мнѣ Данило, скотина лучше чувствуетъ куда ей бѣжать надо!

Онъ обогналъ меня... Я видѣлъ только впереди его широкую спину въ линялой, кумачевой рубахѣ, взмахивающіе, словно крылья, его локти и пѣзину на крупѣ коня, неистово крутившаго хвостомъ на скаку...

Я не знаю сколько времени мы неслись такимъ образомъ—помню только, что доскакавъ до какого-то глубокаго оврага, на днѣ котораго журчалъ ручей по каменистому руслу, моя лошадь чуть было не сорвалась съ разбѣга, но во время ослѣпа назадъ и осторожно стала спускаться по изрытымъ водомоинами скатамъ.

Мы еще не успѣли выбраться на противоположную сторону оврага, какъ видѣли уже догорающій хвостъ лѣснаго „пала“, мало по малу стихающаго на самомъ рубежѣ нашего спасенія.

Н. Карзинъ.

Молодая мать.

Едва-ли существуетъ другое слово, которое возбуждало-бы въ каждомъ, даже испорченномъ, сердцѣ такое глубокое и свѣтлое чувство,—какъ слово „мать“ и всякій разъ такъ сильно заставляло бы его биться. Невольно душу человека наполняетъ чувство благодарности къ тому существу, которое первое его лелѣло и ласкало. Кому не знакомо оно—это высокое свѣтлое чувство?

Конечно согрѣта была душа великихъ художниковъ, писавшихъ мадоннъ, этимъ глубокимъ чувствомъ. Выраженіе лицъ этихъ мадоннъ кромѣ высокой святости, дышетъ еще такою безпредѣльною материнскою любовью.

На нашемъ рисункѣ стоитъ взглянуть, съ какою нѣжностью глядитъ прелестная молодая мать въ веселые, безпечные глазки своего малютки, чтобы не нуждаться въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ.

Смерть Эвридики.

Съ глубокой древности трогательный мифъ объ Орфѣѣ вдохновлялъ поэтовъ и художниковъ; въ самомъ дѣлѣ, трудно найти болѣе плѣнительное и высокое изображеніе могущества любви, побѣждающей даже мрачныя силы подземнаго царства

тѣней. Орфей, сынъ Аполлона и музы Каллиопы, получилъ отъ нихъ въ удѣлъ чудный даръ пѣсенъ и когда пѣлъ, деревья преклоняли свои вершины, дикіе звѣри толпились вокругъ него; самыя камни двигались за нимъ, очарованные звуками его лиры. Онъ полюбилъ красавицу нимфу Эвридику, но злой рокъ поразилъ скоро его возлюбленную: „среброногая“ нимфа внезапно умерла въ кругу своихъ смѣющихся подругъ отъ укушенія ядовитой змѣи. Горе пѣвца было безпредѣльно; тщетно оглашалъ онъ небо и землю своими воплями и мольбами къ вѣчнымъ богамъ, дабы они возвратили ему его потерю. Боги Олимпа ему не внимали; тогда рѣшился онъ сойти въ мрачный Аидъ, чтобы тамъ умолить боговъ подземнаго міра. Въ такихъ стихахъ Овидій въ своихъ метаморфозахъ передаетъ его жалобы:

„Ради этихъ мѣстъ, полныхъ священнаго ужаса, ради этого царства молчанія и безконечнаго мрака, заклиная васъ, отпустите мнѣ Эвридику, отдайте мнѣ преждевременную жертву. Всѣ мы будемъ ваши, рано или поздно всѣ мы придемъ къ вашему жилищу. Здѣсь послѣдняя наша обитель; вы долѣе всѣхъ боговъ держите во власти своей поколѣнія людей. Вѣдь и она, проживши еще нѣсколько лѣтъ, все равно придетъ къ вамъ; вѣдь я прошу васъ подарить мнѣ всего нѣсколько мгновеній. Нѣтъ, если судьбы не возвратятъ мнѣ Эвридики, никогда не уйду я отсюда. Тогда—радуйтесь смерти обоихъ.“

И подземныя силы сдались на пѣснь Орфея, и блѣдныя тѣни внимали ей и плакали: Танталъ забылъ свои муки; остановилось колесо Ипсіона; остановились Данайды въ своей работѣ наполнить бездонную бочку, даже Сизифъ позабылъ свой камень, даже грозныя Эмениды при этой пѣснѣ въ первый разъ пролили слезы. Рѣшено было отпустить изъ Аида Эвридику, но съ условіемъ, чтобы Орфей шелъ впереди ея и не смѣлъ бы оглядываться. Гора однако нетерпѣливымъ увидѣть поскорѣе свою милую, Орфей оглянулся—и она исчезла. Съ этой поры жизнь пѣвца сосредоточилась только на оплакиваніи своей невозвратной потери. Ничто земное уже не привлекало его взора, ни одна смертная, ни даже богиня; озлобясь за это равнодушіе, разъ, въ лѣсу на него напала, потрясая тирсами, толпа Менадъ и разорвала въ клочки его тѣло. „Онъ же, вступивъ въ область блаженныхъ, нашелъ тамъ свою Эвридику и принялъ ее въ свои объятія, и теперь страстную они тамъ оба дружными стопами; то она идетъ впереди и онъ слѣдуетъ за нею, то онъ упредитъ ее—и уже безопасно можетъ на нее оглянуться.“

Этотъ мифъ послужилъ темой для прекрасной большой картины австрійскаго художника Энгерда (*), „Смерть Эвридики“. Картина эта была главнымъ украшеніемъ большой академической выставки нынѣшняго года въ Вѣнѣ.

Марабу.

Марабу или зобатый аистъ (*Leptoptilos Crumenifer*) принадлежитъ къ породѣ такъ называемыхъ *болшихъ* аистовъ (*Muscateria*) водятся они въ жаркихъ странахъ Южной Африки и въ Индіи. У индусовъ птица эта издавна пользовалась уваженіемъ. Населенію она оказывала важную услугу истребленіемъ разныхъ нечистотъ, гниющихъ, разлагающихся веществъ, особенно вредныхъ въ жаркомъ климатѣ. Голова птицы красновато-тѣлеснаго цвѣта, покрыта короткими волнистыми перьями; кожа шершавая, шея голая. Перья на спинѣ и плечахъ темно-зеленыя съ металлическимъ блескомъ. Глаза коричневые, клювъ грязно-бѣло-желтаго цвѣта. Длина птицы достигаетъ 5-ти футовъ, изъ которыхъ болѣе 1½ фута приходится на клювъ и болѣе 1 фута на хвостъ.

Марабу поражаетъ своимъ необыкновенно важнымъ задумчивымъ видомъ.

Во всякомъ движеніи животнаго замѣчается полнѣйшее спокойствіе; походка и каждый шагъ его и каждый взглядъ какъ бы строго разсчитаны и строго размѣрены.

Лишь только птица замѣтитъ, что ее преслѣдуютъ, она осторожно озирается; измѣряетъ расстояние между собою и врагомъ и соразмѣряетъ съ этимъ свои шаги. Если преслѣдующій марабу охотникъ идетъ тихо, то и Марабу движется точно такъ же; если охотникъ ускоряетъ свои шаги, то и птица начинаетъ идти быстро. Охотникъ остановится—и марабу тоже остается неподвижнымъ. На широкой равнинѣ, гдѣ марабу можетъ вѣрно опредѣлить расстояние между собою и врагомъ, рѣдко подпускаетъ къ себѣ на расстояние выстрѣла, и никогда не поднимается на воздухъ; а просто, придерживаясь одинаковаго расстоянія, въ триста или четыреста шаговъ, спокойно идетъ передъ охотникомъ.

Марабу вообще замѣчательно уменъ и уже послѣ первыхъ, направленныхъ противъ него выстрѣловъ, научается *опредѣлять* расстояние, на которое хватаетъ охотничье ружье. Марабу отличаетъ тотчасъ же охотника отъ всякаго другаго человека.

Извѣстный естествоиспытатель Бремъ рассказываетъ, что, во время его пребыванія въ Хартумѣ, онъ наблюдалъ марабу, жившихъ въ тѣсной дружбѣ съ мясниками, работавшими на бой-

*) Нынѣ директоръ Императорской картинной галлерей въ Бельведерѣ.

нѣ не далеко отъ города; птицы безстрашно садились передъ окнами; иногда входили въ самую бойню, крича и надѣлая до тѣхъ поръ, пока имъ не бросали кусокъ. Мясники не преслѣдовали назойливыхъ пришлецовъ; и только уже тогда, когда дерзость птицъ доходила до крайнихъ предѣловъ, пускали въ нихъ камень или палкою, что бы удержатъ ихъ „въ границахъ приличія“. До прїѣзда въ Хартумъ г. Брема, этихъ птицъ не преслѣдовали вовсе, и даже европейцы, жившіе въ то время въ Хартумѣ, не трогали ихъ, потому, что не знали цѣнности этой птицы и не подозревали, какія на ней драгоценныя перья. Разъ какъ-то Бремъ, съ своими товарищами, застрѣлилъ одного марабу и съ тѣхъ поръ и всѣ товарищи убитой птицы измѣнили свое поведение. Правда, марабу, по прежнему, продолжали являться предъ бойнею, но всегда выставляли сторожа и немедленно улетали, лишь только издали показывалось бѣлое лицо, или же одѣтый въ бѣлую одежду человекъ.

Далѣе, продолжая свои наблюденія, г. Бремъ замѣтилъ, что Марабу, ежедневно, удаляясь съ бойни, направлялись къ Нилу, ловили рыбу въ рѣкѣ и затѣмъ высоко поднимались на воздухъ, чтобы самые жаркіе часы посидѣть въ прохладной высотѣ, а можетъ быть и для того, чтобы выбрать удобное мѣсто для отдыха вечеромъ.

Нѣтъ птицы въ мїрѣ, которая могла бы равняться съ марабу прозорливостью. Бремъ рассказываетъ, что изъ зоба марабу часто случалось вытаскивать проглоченныя ими уши рогатаго скота, и даже цѣлыя ноги бывовъ вмѣстѣ съ копытами, также кости—такой величины, какихъ не могла бы проглотить никакая другая птица. Марабу часто прячетъ въ свой громадный зобъ пропитанную кровью землю, окровавленныя тряпки. Интересно смотрѣть, какъ марабу ловитъ рыбу. Пти-

цы становятся въ кружокъ и затѣмъ взаимно гонятъ другъ къ другу рыбу. Иной обжора-марабу проглотитъ рыбу живую, и она бьется у него въ зобу, вытягивая его болѣе чѣмъ на футъ. При этомъ другіе товарищи обыкновенно бросаются на счастливаго ловца и начинаютъ его немилосердно колотить клювами, такъ что тому остается только уполосить ноги по добру—по здорову.

Охота на марабу весьма затруднительна. Природная робость птицъ способна вывести изъ терпѣнія самаго хладнокровнаго охотника. Бремъ рассказываетъ, что даже на бойняхъ нельзя рассчитывать на то, чтобы перехитрить умную птицу. Случалось, что марабу, обезпкоенныя охотниками, впродолженіе всей ночи летали взадъ и впередъ надъ обычными мѣстами ночлега, не рѣшаясь сѣсть.

Марабу довольно легко можно сдѣлать ручнымъ. Такъ Бремъ рассказываетъ, что ему удалось поймать на Нилѣ нѣсколько птицъ. Они сдѣлались вскорѣ чрезвычайно ручными и доверчивыми. Одинъ ручной марабу всегда выходилъ къ хозяину на встрѣчу, когда тотъ возвращался домой, и выражалъ свою радость, вивая головою, трещалъ клювомъ, плясалъ, принимая самыя смѣшныя позы.

Марабу можно встрѣтить почти во всѣхъ зоологическихъ садахъ. Въ зоологическихъ садахъ Кельна, Дрездена, Франкфурта и Париза можно встрѣтить прекрасныхъ марабу. Они спокойно живутъ даже вмѣстѣ съ другими животными, насколько за себя не опасаясь. Разъ одинъ марабу, говоритъ Бремъ, вступилъ въ единоборство съ молодымъ львицей. Это была, конечно, только игра. Молоденькая шаловливая львица первая напала на марабу и ударила его лапой; но этотъ нанесъ нападающей такіе удары клювомъ, что львица поспѣшила обратиться въ бѣгство.

Политическія извѣстія.

Широкій слѣдъ крови и пламени оставили за собою австрійцы, почти вплоть отъ самаго Дуная до Новаго Базара,—гдѣ засѣли послѣдніе, отчаянные защитники родины. Впрочемъ не послѣдніе. Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ Косовѣ собрано до 60-ти тысячъ регулярныхъ войскъ и теперь турки и австрійцы сошлись едва-ли не лицомъ къ лицу. Эта близость турецкихъ и австрійскихъ военныхъ силъ составляетъ главную опасность настоящей минуты, такъ какъ случайное столкновение могло бы, даже противъ воли обоихъ правительствъ, повести къ роковымъ послѣдствіямъ. Въ Константинополѣ хорошо сознаютъ эту возможность и дипломатическія сферы хлопочутъ о томъ, чтобы отклонить ее. Говорятъ, что главною цѣлью происходившихъ недавно, между британскимъ и французскимъ посланниками и великимъ визиремъ, совѣщаній было проведение нейтральной полосы между турецкой Косовской арміей и австрійскимъ оккупационнымъ корпусомъ въ Босніи. По слухамъ, Вѣнскій кабинетъ отнесся съ недоверіемъ къ этому предложению, увидѣвъ въ немъ одно только желаніе положить предѣлъ дальнѣйшему занятію. Въ прямыхъ же своихъ переговорахъ по этому послѣднему предмету съ Портой, настаивающей на нераспространеніи оккупации на Новобазарскій округъ, Вѣнскій кабинетъ объявилъ, что Австрія доведетъ до конца порученіе, возложенное на нее Берлинскимъ конгрессомъ, хотя еще не имѣетъ въ виду немедленно вступать въ тотъ округъ, словомъ, отказалъ согласиться, въ принципѣ, на предложеніе Порты.

Въ Родопскомъ округѣ—среди возстанія,—возстаніе противъ главнокомандующаго (?), британскаго полковника С. Клэра (названнаго мусульманами „Гедайетомъ“, т. е. посланникомъ Неба), который поспѣшилъ въ Константинополь, за регулярными войсками, для возстановленія своей власти. Ему дали 8 батальоновъ и теперь идетъ расправа, и снова льется кровь!

Обратимся къ той части полуострова, по которой шли наши славныя войска. Къ югу, въ гѣсахъ и ущельяхъ окраины, искусственно отдѣлившей свободную Болгарію отъ другой половины ея, притаились группы людей, ждущія ночи, когда тихо и неслышно спускаются они въ долины родной Румелии. Изъ этихъ группъ образуются и уже образовались значительныя отряды болгарскихъ инсургентовъ, не желающихъ признавать Берлинскаго акта раздробленія ихъ страны. Повсюду встаютъ болгары—въ Болгарскомъ княжествѣ, въ „Румелийской провинціи“, въ Македоніи, во Фракіи, отовсюду население шлетъ петиціи о присоединеніи Румелии къ молодому княжеству. Дѣло дошло уже до открытаго возстанія—отрядъ въ 3 тысячи инсургентовъ осадилъ Іеникойю. Порта, поспѣшно отправляющая въ возставшія мѣстности войска, намѣрена, говорятъ, кромѣ того, вооружить все мусульманское населеніе для подавленія мятежа.

Понятны слухи о томъ, что между Адрианополемъ и Люле-Бургасомъ сосредоточены значительныя русскія силы, что генералъ Тотлебенъ остается, на неопредѣленное время, на Балканскомъ полуостровѣ... Третья великая держава, военный элементъ которой нашель себѣ широкое поле дѣятельности въ предѣлахъ оттоманской имперіи—Британія, до сихъ поръ еще, не добившись практическаго примѣненія предложенныхъ ею ре-

формъ. Турція (не желающая, конечно, превратиться въ британское владѣніе) борется съ своимъ „союзникомъ“ на почвѣ реформъ, на которой упорно отстаиваетъ свою полу-уничтоженную самостоятельность.

Британія, вообще, съ трудомъ удается стать въ добрыя отношенія съ мусульманскимъ мїромъ. Повидимому и съ Авганистаномъ ей придется вести войну. Эмиру уже посланъ ультиматумъ, которымъ требуется отъ него полное извиненіе и принятіе британскаго посольства.

Отвѣтъ оный долженъ дать къ 20 ноября; въ противномъ случаѣ, британскія войска начинаютъ наступленіе. Нельзя не видѣть въ британской политикѣ намѣренія поставить Ширали въ необходимость воевать. Можно видѣть какъ Британія нуженъ Авганистанъ, что она постарается добиться обладанія имъ въ той или иной формѣ, что теперь настала для нея спѣшная пора къ осуществленію этой цѣли, потому что—тамъ было наше посольство.

Въ Германіи происходитъ, такъ сказать, заключительный актъ борьбы правительства съ социаль-демократической партіей: на основаніи недавно принятаго парламентомъ закона противъ социализмовъ, запрещаются социальныя газеты и ассоціаціи, путившія было, довольно глубокіе корни въ странѣ. Въ „Государственномъ Указателѣ“ напечатанъ длинный рядъ распоряженій о запрещеніи различныхъ обществъ.

Бисмаркъ во время наложилъ крѣпкую узду на „партію“, лозунгомъ которой сдѣлалось „убійство“. Едва только замеръ крикъ общаго негодованія, исторгнутый покушеніями Геделя и Нобилинга, какъ уже на сцену явился еще новый „герой“ въ томъ же родѣ и принадлежащій къ той же социалистской средѣ. Мы говоримъ о посягательствѣ на жизнь молодого короля Испаніи. 25-го октября, ровно въ 4 часа пополудни, король вышелъ изъ Атокской церкви, гдѣ слушалъ молебенъ, и, сѣвъ на лошади, направился верхомъ по улицамъ Мадрида. Когда онъ поровнялся, на улицѣ Майоръ, съ домомъ № 93,—рабочій 23-хъ лѣтъ, уроженецъ Таррагоны, Монкаси, выстрѣлилъ въ короля, но промахнулся—пуля ударила въ стѣну дома, около окна. Король, не смутившись, спокойно остановилъ лошадь и указалъ на человекъ, покусившагося на жизнь его а затѣмъ, привѣтствуемый народными кликами, шагомъ поѣхалъ къ дворцу, гдѣ его ожидали сестры, министры, военныя и гражданскія власти и высшіе сановники. Когда Монкаси выстрѣлилъ, солдаты ударами прикладовъ повалили его и прикололи бы штывами, если бы генералъ Примо-де-Риверо не закричалъ имъ: „Не убивайте его!“ Женщины и чернь требовали выдачи виновнаго для немедленной расправы съ нимъ, но военный губернаторъ Мадрида защитилъ его отъ народнаго гнѣва. Монкаси женатъ и имѣетъ маленькую дочь, прежде былъ бочаромъ, но, присоединившись къ обществу интернационаловъ, оставилъ свое ремесло. Преступникъ сознался, что совершилъ покушеніе предумышленно, единственно съ этою цѣлью прїѣхалъ (20-го октября, изъ Таррагоны) въ Мадридъ. Въ 11 ч. вечера Монкаси былъ переведенъ въ тюрьму. По общему убѣжденію оный—слѣпое орудіе интернационала. Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, прокуратура занята уже составленіемъ обвинительнаго акта.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Всеволод Соловьев. „Капитанъ Гренадерской Роты“, романъ-хроника (XVIII вѣка). С.П.Б. цѣна 1 р. 75 к., при перес. въсовыхъ за фунтъ.

Въ послѣдніе годы у насъ обращено большое вниманіе на историческіе романы и повѣсти и ихъ немало появляется въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

И въ самомъ дѣлѣ, историческій романъ даетъ возможность ознакомиться съ исторіей въ легкой, занимательной формѣ. Прочтется сухая монографія—содержаніе ея быстро исчезнетъ изъ иной памяти; прочтется романъ—содержаніе его невольно запомнится и вѣрнется въ памяти. Читатель невольно будетъ представлять себѣ извѣстную эпоху и ея героевъ именно такъ, какъ нарисовалъ ихъ авторъ. Изъ всего этого ясно серьезное значеніе историческаго романа и его польза. Но это значеніе и польза являются только въ томъ случаѣ, если авторъ, при талантѣ, обладаетъ еще значительными историческими познаніями и въ своемъ повѣствованіи остается вѣренъ исторіи. Въ противномъ же случаѣ, вмѣсто пользы происходитъ огромный вредъ, понятія читателей объ историческомъ прошломъ невольно извращаются и часто такъ и остаются навсегда извращенными по винѣ недобросовѣстнаго или легкомысленнаго автора.

Только при строгомъ отношеніи къ своему дѣлу историческій романистъ можетъ удовлетворить требованіямъ общества и служить своей высокой образовательной дѣлу.

Все это мы высказали по поводу новаго романа Вс. С. Соловьева „Капитанъ гренадерской роты“. Авторъ „Князья Острожской“, „Юнаго Императра“ и „Царь-дѣвница“ извѣстенъ читателямъ „Нивы“ и мы, не распространяясь о достоинствахъ его произведеній—укажемъ только на одно изъ главныхъ его качествъ: г. Соловьевъ удовлетворяетъ выраженнымъ выше требованіямъ отъ историческаго романиста. Онъ, видимо, очень строго относится къ своей задачѣ. Его историческіе романы и повѣсти—историческіе не только по заглавію, а дѣйствительно вѣрны исторіи и указываютъ, рядомъ съ художественнымъ своимъ достоинствомъ, на серьезное изученіе предмета и знакомство автора съ обширнымъ историческимъ матеріаломъ. Новый романъ г. Соловьева „Капитанъ гренадерской роты“ обнимаетъ собою время отъ смерти Анны Иоанновны до воцаренія Елисаветы Петровны. Передъ читателями проходятъ живыя фигуры Вирона, правительницы Анны Леопольдовны, принца Антона Брауншвейгскаго, Миниха, Остермана, Юліана Менгденъ, „капитана гренадерской роты“—то есть самой Елисаветы и т. д. Рассказъ ведется, по обыкновенію, чрезвычайно живо и занимательно, всѣ описываемыя событія вѣрны исторіи.

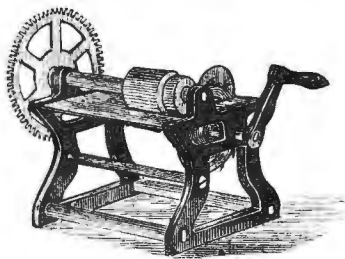
По такимъ романамъ дѣйствительно можно составить ясное представленіе объ изображаемой эпохѣ. Мы не сомнѣваемся, что новое произведеніе Вс. С. Соловьева обратитъ на себя вниманіе русскаго общества.

А. П.

Новое изобрѣтеніе.

Машина для дѣланія бахромы—Линкольна.

Въ Америкѣ изобрѣтена машина для дѣланія всевозможныхъ видовъ бахромы по крайнѣй какой бы то ни было матеріи. Бахрома дѣлается скоро, отчетливо и красиво.

Фиг. 1. Американская машина для дѣланія бахромы изъ шелковыхъ и другихъ тканей.

Выдергиванье нитокъ чрезвычайно быстро. Бахрома—плоская, волнистая и рюшъ какъ на одномъ таѣ и на обоихъ краяхъ матеріи выходитъ превосходно; можно даже дѣлать подражанія мѣхамъ, что представляетъ весьма эффектную отдѣлку для платьевъ.

При помощи этой машины каждый можетъ украшать костюмы въ самыхъ разнообразныхъ видахъ по желанію и вкусу.

Каждой модисткѣ и швей чрезвычайно облегчитъ работу такая машина. По цѣнѣ весьма доступная, а для производства мелкихъ работъ и всевозможныхъ украшеній, за которыми надо обращаться съ заказами въ магазины—удобная, машина эта долго не нуждается въ поправкахъ.

Фиг. 2. Сдѣланная на этой машинѣ бахрома изъ шелковой матеріи.

Мы помѣщаемъ извѣстіе объ этомъ изобрѣтеніи, такъ какъ это можетъ быть полезно въ семейной жизни. На второмъ рисункѣ можно видѣть уже сработанную, готовую бахрому.

уже сработанную, готовую бахрому.

Задача.

Трое рабочихъ А, Б, В сѣли завтракать.

А—принесъ 3 фунта хлѣба

Б— „ 2 „ „

В— внесъ 5 коп. деньгами.

Хлѣбъ раздѣлили по ровну на троихъ.

Какъ раздѣлили деньги 5 коп., между А и Б?

СОДЕРЖАНІЕ: Электрическое освѣщеніе Яблочкова (съ портр. и рис.)—Царь-дѣвица. Историческій романъ Вс. Соловьева (продолженіе).—Русскіе типы (къ стих. И. Никитина).—Наши сосѣди въ мировомъ пространствѣ (окончаніе).—Наутилусъ (съ рис.)—Лѣсній пожаръ (съ рис.) Н. Каразина.—Молодая мать (съ рис.)—Смерть Евридии (съ рис.)—Маршъ (съ рис.)—Политическія извѣстія.—Библиографія.—Новое изобрѣтеніе.—Археологическая задача.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

За редактора Ф. БЕРГЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

Только что вышла и поступила въ продажу новая книга:

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Романъ-хроника XVIII вѣка. Соч. Всеволода Соловьева. Цѣна 1 р. 75 коп., перес. за 1 ф. Складъ въ книжномъ магазинѣ Попова, въ Малой Садовой, въ С.-Петербургѣ. № 227

== ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ==

Календари на 1879 г. Изд. А. Гатцуна.

КРЕСТНЫЙ КРЕСТОВЫЙ

цѣна 15 коп.

цѣна 10 коп.

Съ большимъ количествомъ рисунковъ, съ картами «Россія» и Валахскія полуостр. по Веря. трактату. Премія—хромолитографиров. стѣнной календарь.

Съ рисунками и картой Россія. Предупреждаемъ отъ поддѣлокъ. Въ Крестовомъ смотрите фамилію редактора А. Гатцуна.

Черезъ почту иногороднымъ высылаются:

До 1,000 вер. на 1 р. 6 экз. 2 р.—13 экз. 3 р.—20 экз. 7 р.—52 экз. 15 р.—112 экз.

До 1000 вер. на 1 р.—9 экз. 2 р.—20 экз. 3 р.—30 экз. 5 р.—55 экз. 10 р.—115 экз.

Свыше 1,000 вер. на 1 р. 5 экз. 2 р.—11 экз. 3 р.—18 экз. 7 р.—45 экз. 15 р.—100 экз.

Свыше 1,000 вер. на 1 р.—7 экз. 2 р.—17 экз. 3 р.—26 экз. 5 р.—50 экз. 10 р.—100 экз.

Гг. торговцамъ дѣлается уступка отъ 20 до 25% съ рубля. Пересылка на счетъ покупателя.

Адресъ Редакціи: Москва, близъ Никитск. вор., уголъ Столового пер., д. Долгоской.

Складъ календарей въ Москвѣ у книгопродавца Алексѣя Дм. Ступнина на Никольской улицѣ, домъ Заиконоспасскаго монастыря № 214 2 2

№ 224

ОБЩАЯ ПОЛЬЗА

1-1

Продаетъ разн. вещи, принимаетъ на продажу на выгодныхъ условіяхъ ставитъ на прокатъ муз. инструменты, мебель, указываетъ квартиры, мѣста и пр. доставляетъ праслугу. СШВ. Кул. Влад. де-Моке. Невскій пр., д. № 58, кв. № 5.

ВЫШЛА НОЯБРЬСКАЯ КНИЖКА

„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ.“

СОДЕРЖАНІЕ: Преступленіе моего отца, Блениора. Мас-Горка, Гуस्ताва Эмара. Драма въ Розовомъ домѣ, Ксавье де-Монтенена, (окончаніе). Таинственное происшествіе въ современной Венеціи, Уильямъ Коллинза. Попенджой ли онъ? Энтони Троллопа, (окончаніе). Желтый брильянтъ.—Закладка.

Кромѣ двухъ романовъ, оконченныхъ въ этой книгѣ въ вышедшихъ первыхъ десяти книгахъ нынѣшняго года, окончено еще восемь романовъ ВОЛОНИТА МУЖЪ Флоренціи Марьеть. СИГНАЛЬ БѢДСТВІЯ, Майна Рида. МУЖНИНА ЖЕНА, Теккерей. ТЫСЯЧА И ОДНА СУПРУЖЕСКАЯ НОЧЬ, Катрелла. СТРАНИЦА ЛЮБВИ, Эмиля Золя. СТАРОСТЬ ЛЕОНА, Фортюна де-Буагобеа. ТРИ ГЕРЦОГИНИ, Арсена Гуссе. ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОКА, изъ событій въ Константинополѣ, Антонія Жофре.

Цѣна за годовое изданіе, 12 книгъ большаго формата, составляющихъ въ концѣ года около пяти тысячъ страницъ, безъ доставки десять рублей пятьдесятъ коп., съ доставкою въ С. Петербургъ—одинадцать руб.; для иногороднихъ подписчиковъ—двѣнадцать.

Подписка принимается исключительно на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ редакціи «Собранія Романовъ», въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С. Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1-го

При редакціи открыта книжная торговля; высылаются всѣ книги, публикованныя въ газетахъ, и принимается подписка на всѣ періодическія изданія. № 225 1

№ 46

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 13 Ноября 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ «Нивѣ» принимаются по 25 к за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1879 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлить возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ получении журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе 28,500 печатныхъ адресовъ требуетъ много времени

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . . . 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. . . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи . . . . . 6 „

КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при «Нивѣ» объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 6 р. съ тысячи, для городскихскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи, неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

Подписка на 1878 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

Николай Ивановичъ Костомаровъ.

Извѣстный русскій историкъ Николай Ивановичъ Костомаровъ родился въ 1817 году 4-го мая, въ Воронежской губерніи, Острогожскаго уѣзда, гдѣ у его отца было свое небольшое имѣніе. Когда Н. И. Костомарову исполнилось 10 лѣтъ, то его отдали въ лучшей изъ тогдашнихъ московскихъ пансіоновъ лектора университета Ге. Первое время своего пребыванія въ пансіонѣ, маленькій Костомаровъ страшно скучалъ по родной семьѣ, по вольной домашней жизни; у него созрѣло даже намѣреніе бѣжать изъ учебнаго заведенія, намѣреніе, которое только случайно не было приведено въ исполненіе. Впечатлительная, съ дѣтства воспримчивая натура ребенка, трудно уживалась съ тѣми порядками, которыми была наполнена жизнь всѣхъ вообще пансіоновъ въ то время, не исключая даже и самаго лучшаго, къ числу которыхъ принадлежало, какъ мы уже упомянули, учебное заведеніе, куда отдали Н. И. Ко-

Николай Ивановичъ Костомаровъ. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

стомарова. Лѣтомъ 1828 г., когда Н. И. было 11 лѣтъ, онъ былъ взятъ домой на каникулы и сдѣлался свидѣтелемъ ужасной семейной катастрофы. Его отецъ, котораго всегда онъ страстно любилъ и который вообще имѣлъ очень большое вліяніе на умственное развитіе ребенка, былъ самымъ звѣрскимъ, безчеловѣчнымъ образомъ убитъ своимъ кучеромъ и дворовыми людьми. Обстоятельство это, конечно, произвело сильное впечатлѣніе на мальчика и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлало переворотъ во всей его жизни. Вдова Костомарова взяла сына изъ московскаго пансіона и помѣстила его въ пансіонѣ, содержимый учителями Воронежской гимназіи, гдѣ, впрочемъ, Костомаровъ пробылъ также очень недолго и перешелъ въ гимназію. Тогдашній курсъ гимназіи продолжался четыре года и Костомаровъ, окончивъ его 16 лѣтъ, 17-ти уже поступилъ въ Харьковскій университетъ. Въ первые годы своего пребыванія въ университетѣ, Н. И.

особенно охотно занимался латинскимъ языкомъ и лишь на послѣднемъ курсѣ, преимущественно подъ вліяніемъ профессора Лунина, только что прїѣхавшаго тогда изъ заграницы, приобрѣлъ любовь къ занятіямъ историческимъ. Вскорѣ послѣ окончанія университетскаго курса, въ 1836 г., будущій историкъ поступилъ въ драгунскій полкъ юнкеромъ; военная карьера его, впрочемъ, была непродолжительна: его уволили изъ полка „по неспособности“ и Н. И., все болѣе и болѣе чувствуя въ себѣ призваніе къ историческимъ занятіямъ, бросилъ окончательно мысль о военной службѣ, еще такъ недавно его увлекавшей, и записался вольнослушателемъ въ Московскій университетъ, блиставшій уже и въ то время своей славой и имѣвшій такихъ профессоровъ какъ Каченовскій, Погодинъ, Шевыревъ. Занимаясь исторіей, Костомаровъ принялся, съ особеннымъ рвеніемъ, за чтеніе и изученіе народныхъ памятниковъ и остановился на малороссійскихъ пѣсняхъ; у него явилась мысль посвятить себя изученію малорусской народности и плодомъ этого изученія было первое сочиненіе Н. И., появившееся въ 1838 году на малорусскомъ языкѣ, подъ названіемъ „Сава чалый“. Вскорѣ онъ представилъ диссертацію на степенъ магистра исторіи „объ униі“. Къ этому же времени относится начало занятій Н. И. Костомарова „Богданомъ Хмѣльницкимъ“ и собраніе народныхъ пѣсенъ на Волыни, въ бытность Костомарова въ городѣ Ровно учителемъ гимназій. Въ 1845 году онъ перешелъ преподавателемъ исторіи въ Кіевскую гимназію, а потомъ приглашенъ былъ въ университетъ для занятія кафедрой русской исторіи; въ университетѣ Н. И. оставался недолго и скоро переѣхалъ на житье въ Саратовъ, гдѣ пробылъ съ 1848 по 1859 г. Все это время онъ работалъ надъ собраніемъ и обработкою матеріаловъ для своихъ историческихъ трудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, „Бунтъ Стеньки Разина“, „Богданъ Хмѣльницкій“ и др., появившись въ печати, сразу доставили автору ихъ громкую и почетную извѣстность.

Въ 1859 году Петербургскій университетъ пригласилъ Николая Ивановича на кафедру русской исторіи, которую онъ занималъ до 1861 г., постоянно пользуясь самымъ искреннимъ и полнымъ сочувствіемъ слушателей. Съ этого времени Николай Ивановичъ посвятилъ себя исключительно историческимъ работамъ и, оставя чтеніе лекцій въ университетѣ, написалъ много замѣчательныхъ вещей, къ числу которыхъ, между прочимъ, принадлежатъ: „Сѣвернорусскія народоправства“, „Исторія смутнаго времени“, нѣкоторыя отдѣльныя монографіи и „Послѣдніе годы рѣчи посполитой“. До кончины своей престарѣлой матери, умершей въ 1875 году, около восьмидесяти лѣтъ отъ роду, Николай Ивановичъ оставался холостымъ. Смерть матери, говоритъ Д. Мордовцевъ, близко стоявшій въ то время къ Костомарову, оставила Н. И. не только одинокимъ, но и безнадежно, повидимому, больнымъ; онъ находился въ жесточайшемъ тифѣ, и врачи не надѣялись уже на его выздоровленіе, однако заботами одного изъ друзей Костомарова, Н. И. Катенина, онъ былъ спасенъ отъ грозившей ему смерти. Весною 1875 г., оправившись отъ болѣзни, Н. И. Костомаровъ женился на своей прежней невѣстѣ, бракъ съ которой случайно для него разстроился въ 1847 году и которая уже овдовѣла къ 1875 году. По свидѣтельству друзей Н. И., она, узнавъ о его безнадежномъ состояніи и о смерти его матери, прибыла въ Петербургъ, съ цѣлью оказать Николаю Ивановичу какую будетъ возможно помощь, и Н. И. Катенинъ передалъ ей заботы о выздоравливающимъ. Такимъ образомъ, черезъ 28 лѣтъ послѣ помолвки, она стала служить престарѣлому Николаю Ивановичу и въ качествѣ друга и помощника въ его ученыхъ трудахъ и въ качествѣ чтеца и секретаря, для историка, который, съ ослабленіемъ зрѣнія и упадкомъ жизненныхъ силъ, при полномъ сохраненіи силъ духовныхъ, требуетъ заботливыхъ попеченій.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ.

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Продолженіе).

I.

И стали проходить годы. Русская Пульхерія Августа самовластно управляла государствомъ. Тяжела и велика была задача, которую она взяла на себя, но велики были и ея силы.

Достигнувъ власти, уничтоживъ враговъ своихъ, Софья не сложила руки, не позволила себѣ отуманиться исполненіемъ честолюбивыхъ своихъ плановъ. Она начала работать безъ усталы, показывала всѣмъ примѣръ кипучей, изумительной энергіи. Страшными средствами добившись власти, она рѣшила, что должна быть достойной этой власти.

Дѣла было много. Отецъ и братъ оставили государство въ тяжелое для него время... и внутри и извнѣ приходилось многое улаживать.

Россія, усиліями передовыхъ людей послѣдняго времени, уже двинулась на новый путь: выходила изъ Азіи и приближалась къ Европѣ. Русское общество дѣлилось на двѣ части, на людей новыхъ, стремящихся впередъ, и людей стараго закала, съ ужасомъ глядящихъ на это стремленіе и тянущихъ назадъ.

И эта разногослица, эта борьба сказывалась рѣшительно во всемъ, между прочимъ и въ религіозномъ вопросѣ: расколъ множился. То здѣсь, то тамъ—и по далекимъ округамъ, и въ сердцѣ Россіи, въ самой Москвѣ, учителя и поборники старой вѣры начинали смущать народъ; привлекали къ себѣ не только черныя людъ, но и многихъ, стоявшихъ въ близкихъ отношеніяхъ къ правительству. Все войско, и по преимуществу полки стрѣлцкіе были привержены старой вѣрѣ и находили поддержку въ своемъ новомъ начальникѣ, князѣ Хованскомъ.

Первое трудное дѣло, предстоявшее Софѣ, была именна побѣда надъ раскольниками.

Едва окончилась Московская смута, едва царевна приняла бразды правленія, какъ всемогущіе стрѣлцы вздумали требовать возвращенія старой вѣры.

Набравъ раскольниковъ монаховъ, поддерживаемые народомъ, стрѣлцы начали опять являться въ Кремль, принудили царевну согласиться на торжественный споръ о вѣрѣ между патріархомъ и духовенствомъ съ одной стороны и расколоучителями съ другой. И это былъ не мирный споръ, а такое собраніе, которое грозило окончиться новымъ бунтомъ и новою рѣзней.

Софья не смутилась, допустила расколоучителей въ Грановитую Палату, сама присутствовала при религіозномъ состязаніи и выказала впродолженіе его всѣ богатства своего разума, всю силу своей энергіи. Раскольниковы ораторы должны были удалиться, ничего не добившись; новый замыселъ стрѣлцовъ и Хованскаго рушился—дѣло обошлось безъ кровопролитія.

Царевна снова торжествовала; но она теперь убѣдилась самымъ нагляднымъ образомъ, что не можетъ рассчитывать на завтрашній день до тѣхъ поръ, пока стрѣлцы не будутъ приведены въ повиновеніе. Она убѣдилась, что одинъ изъ людей, котораго она считала вполне ей преданнымъ и который дѣйствительно принесъ ей много пользы, Тараруй-Хованскій, превратился въ самаго опаснаго для нея человѣка. Не довольствуясь виднымъ положеніемъ, которое предоставила ему царевна, онъ началъ заноситься слишкомъ высоко. Его легкомысліе, тщеславіе, легкость, съ которой онъ принималъ самыя смѣлыя рѣшенія, съ которой пользовался самыми позорными средствами для достиженія своихъ цѣлей—заставляли опасаться его не на шутку. Къ тому же онъ окончательно вооружилъ противъ себя царевну тѣмъ, что началъ враждовать съ Василемъ Васильевичемъ Голицынымъ, силится, при всякомъ случаѣ, подставить ему ногу. Наконецъ его обращеніе съ самою Софьею становилось неприличнымъ—онъ позволялъ себѣ такой тонъ, что царевна вся вспыхивала отъ уязвленной гордости и самолюбія.

Зазнавшійся царедворецъ долженъ былъ испытать на себѣ гнѣвъ и опалу, но дѣло въ томъ, что Хованскій

былъ теперь не простымъ царедворцемъ; у него въ рукахъ находилась страшная сила—стрѣльцы, вполне ему преданные. Подступиться къ нему нужно было осторожно, чтобы не рисковать ничѣмъ.

Онъ ужъ хорошо видѣлъ, что имъ недовольны и что многіе противъ него замышляютъ, но пока войско было за него, ему нечего было бояться и онъ самодовольно всюду твердилъ:

— „Не легко меня уничтожить, а коли меня не станеть, то въ Москвѣ будутъ по колѣна ходить въ крови“.

Конечно его смущала рѣшительность Софьи, къ тому же онъ по опыту зналъ какъ легко способны стрѣльцы подчиняться всевозможнымъ внушеніямъ: сегодня они находятся подъ его вліяніемъ, завтра найдется ловкій человекъ и это вліяніе уничтожится. И онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы разорвать всякую связь между стрѣльцами и остальными русскими людьми, чтобы возбудить въ нихъ ненависть къ боярамъ, чтобы они знали только одного его и одного его слушались. Онъ достигалъ этого; стрѣлецкія возмущенія долго не прекращались.

Послѣ страшныхъ майскихъ дней стрѣльцы чувствовали себя очень неловко. Они всего добились: они распорядились судьбою государства, получили почетное названіе дворцовой надворной пѣхоты, засыпаны и милостями и деньгами. Въ Кремлѣ, по ихъ настоянью, былъ воздвигнутъ столбъ, на которомъ написаны имена всѣхъ казненныхъ ими бояръ и вины ихъ, какъ доказательство правды стрѣлецкой. Теперь они распоряжаются какъ хотятъ, всѣ имъ послушны, всѣ ихъ боятся—но они знаютъ до какой степени ихъ и ненавидятъ, знаютъ, что, при первомъ удобномъ случаѣ, эта всеобщая къ нимъ ненависть всплыветъ и начнется имъ отмщеніе. По этому они и были безпокойны, раздражены, волновались отъ всякой малости. При каждомъ темномъ слухѣ имъ казалось, что ужъ начинается ихъ наказаніе, что близится ихъ погибель.

Такъ явились они большою толпою 12-го Іюля 1682 года въ Кремль и требовали, чтобы имъ выдали всѣхъ бояръ безъ исключенія. Когда ихъ стали спрашивать: „за что? что имъ сдѣлали бояре?“ они отвѣчали, что крещеный татарскій царевичъ Матвѣй слышалъ во дворцѣ будто бояре хотятъ всѣхъ стрѣльцовъ перевести, поморить разными смертями.

Царевича схватили, пытали, онъ сознался что ничего подобнаго не слышалъ, а затѣялъ дѣло единственно отъ того, что ему корму мало и честь невелика, такъ думалъ, что если случится отъ его словъ смута, то честь онъ получитъ большую.

Его четвертовали; но стрѣльцы не успокоились.

Вслѣдъ за татарскимъ царевичемъ явился посадскій изъ Ярославля, по фамиліи Бизиевъ, и сталъ толковать въ слободахъ тоже самое, что и татаринъ.

Бизиеву отсѣкли голову, но послѣ него выискался холопъ дворянина Вишнякова и объявилъ, что его господинъ со своимъ сыномъ, бывшимъ стрѣлецкимъ полковникомъ, собираютъ на стрѣльцовъ войско, боярскихъ людей нанимаютъ, по двадцати человекъ на каждого стрѣльца. Стрѣльцы схватили Вишнякова съ сыномъ, пытали ихъ такъ, что старый Вишняковъ и умеръ на пыткѣ.

И такъ продолжалось до осени.

16-го Августа Хованскій принесъ царевнѣ челобитную стрѣльцовъ, въ которой они просили, чтобы для нихъ брать съ волостей подможныя деньги, по двадцати пяти рублей на человека.

Требованіе было черезъ чуръ незаконно и царевна съ боярами не могли рѣшиться удовлетворить его. Тогда Хованскій вышелъ къ стрѣльцамъ и сказалъ имъ:

„Дѣти, знаете, что бояре ужъ грозятъ и мнѣ за то, что я хочу вамъ добра, такъ стало быгъ дѣлать мнѣ нечего, ужъ вы сами какъ хотите, такъ и промышленайте“.

Объ этихъ словахъ донесли царевнѣ. Она ужасну-

лась. „Такъ вотъ чѣмъ кончается! Тараруй ужъ прямо взываетъ къ бунту!“ Но еще пуще царевны встревожился Милославскій. Онъ началъ увѣрять Софью, что положеніе ихъ ставится крайне опаснымъ, что Хованскій замышляетъ ихъ гибель для того, чтобы овладѣть престоломъ, что онъ выставляетъ свое царственное происхожденіе отъ Гедимина и хочетъ женить своего сына на царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Трудно рѣшить, дѣйствительно ли Тараруй питалъ въ себѣ подобные замыслы, или все это только пригрѣзилось Милославскому. Но, какъ бы то ни было, царевна рѣшила, что нужно скорѣй покончить съ этимъ новымъ соперникомъ. А Милославскій, опасаясь участи Матвѣева, тайно уѣхалъ изъ Москвы, переѣзжалъ изъ одной слободы въ другую, скрывался „какъ подземный кротъ“ и посылалъ одного гонца за другимъ къ Софьѣ, убѣждая ее не медлить и скорѣй какъ можно предпринять что нибудь рѣшительное.

20-го Августа разнеслась вѣсть по Москвѣ, что все царское семейство уѣхало въ Коломенское. Стрѣльцы испугались: „уѣхали цари и приведутъ на насъ дворянское войско.“

Черезъ три дня послали они въ Коломенское выборныхъ съ оправданіями и увѣреніями, что никакъ смуть они не затѣваютъ и просьбою, чтобы цари вернулись въ Москву.

Имъ отвѣчали, что объ нихъ вовсе и не думаютъ, что великіе государи переѣхали въ Коломенское по своему собственному желанію, какъ и прежде это часто водилось.

Выборные постояли, помялись, почесали себѣ затылки и вернулись ни съ чѣмъ.

Стрѣльцы, видя, что дворянское войско не идетъ на нихъ, нѣсколько успокоились. Но Хованскому захотѣлось напугать царевну, „показать ей, какъ она нуждается въ стрѣльцахъ, а слѣдовательно и въ немъ. Онъ поѣхалъ въ Коломенское и сталъ всѣмъ рассказывать: „приходили ко мнѣ новгородскіе дворяне и говорили, что хотятъ идти въ Москву бить челомъ о заслуженномъ жалованьи и на Москвѣ всѣхъ сѣчь безъ выбора и безъ остатка“.

Царевна, не теряя хладнокровія, отвѣчала, что въ такомъ случаѣ нужно разобрать это дѣло, въ Москвѣ объ этомъ объявить всенародно, а въ Новгородъ послать царскую грамоту.

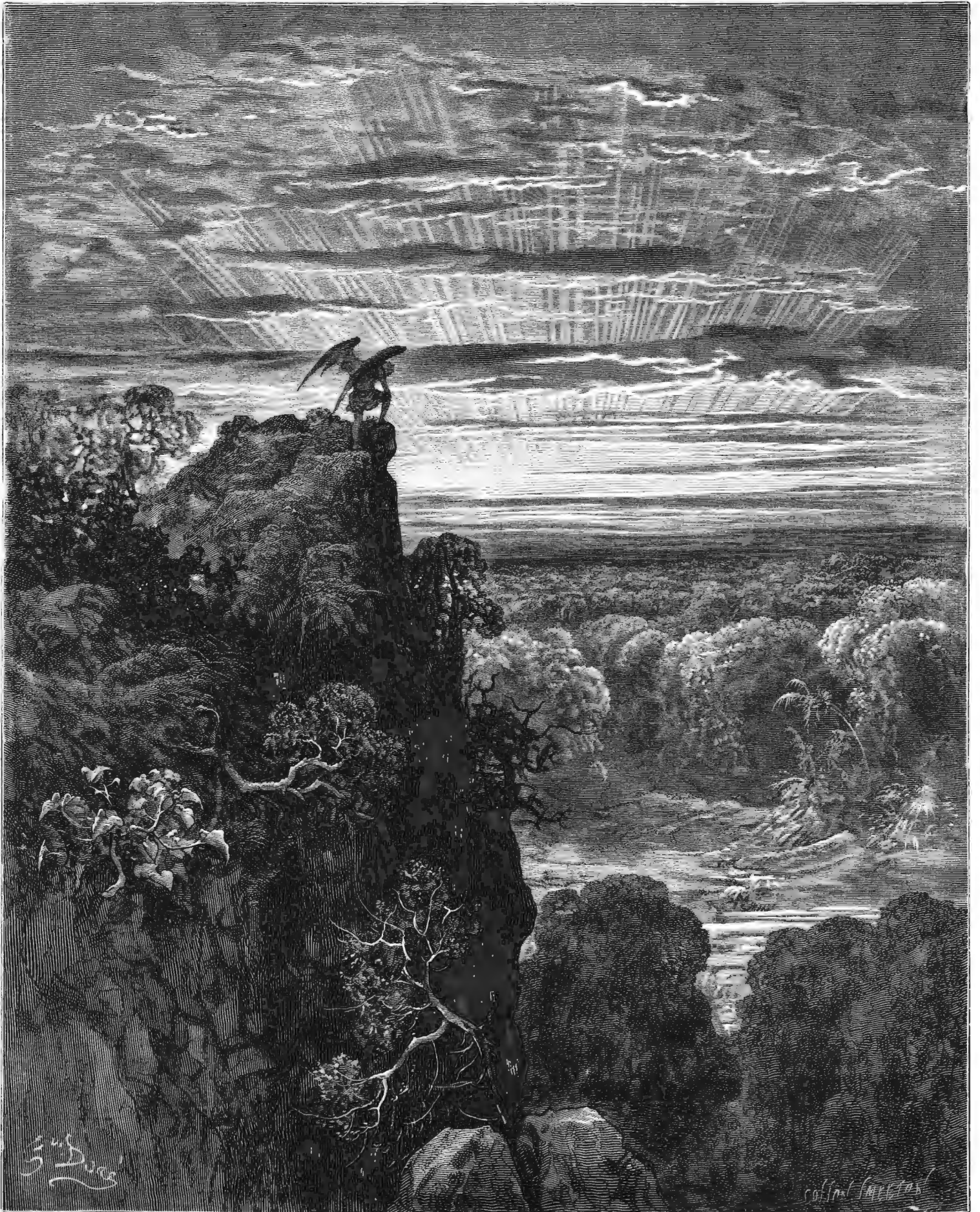
Хованскій, не ожидавшій такой смѣлости, смутился и началъ упрашивать не дѣлать этого, не вводить его въ бѣду.

Черезъ нѣсколько дней, Софья отправила къ Хованскому указъ, чтобы онъ прислалъ въ Коломенское стрелянной полкъ.

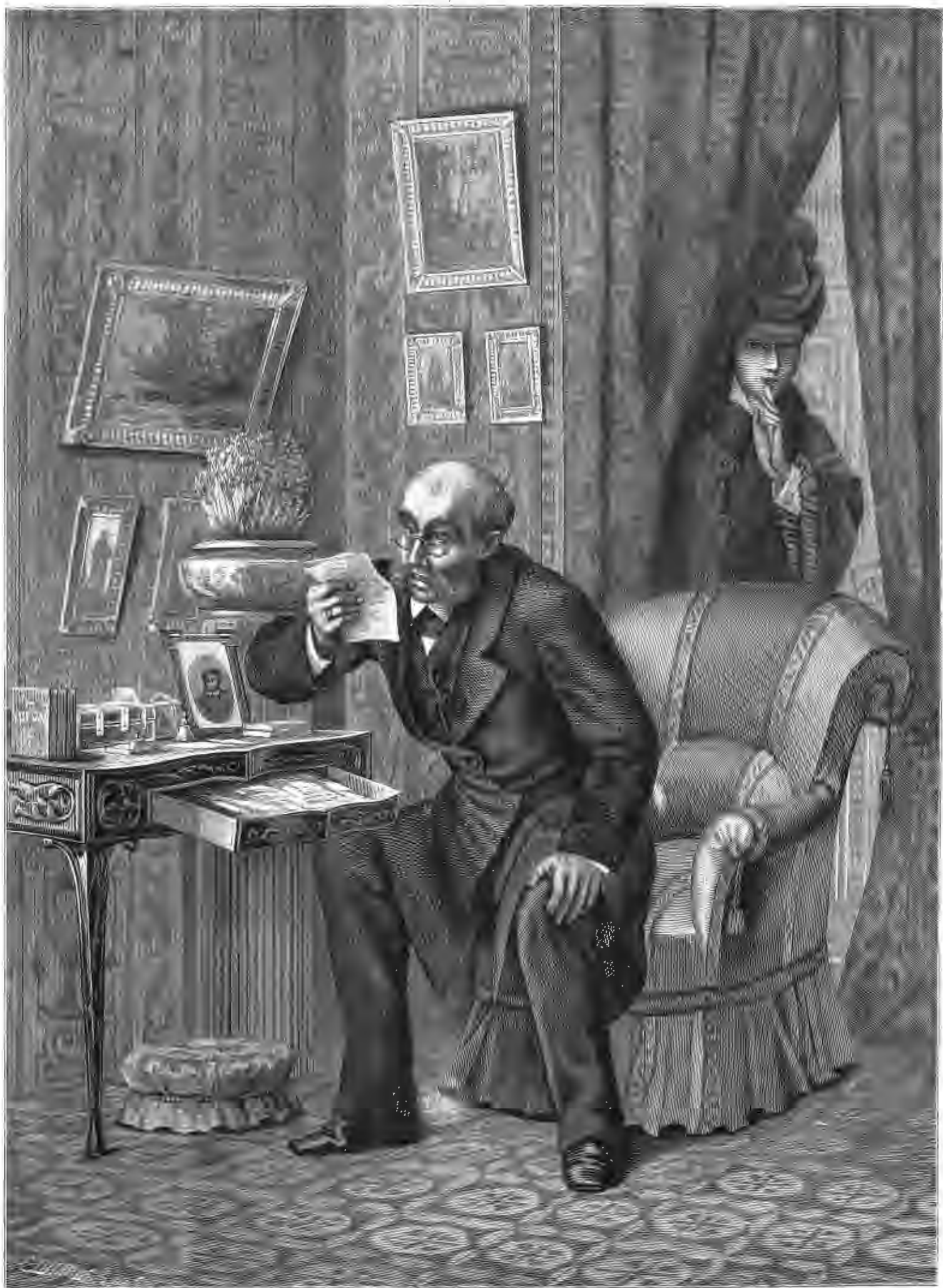
Но Тараруй боялся этого—стрелянной полкъ былъ ближе всѣхъ къ государямъ и болѣе другихъ находился подъ вліяніемъ правительницы. Отправить онъ этотъ полкъ и этимъ дать возможность Софьѣ удержать его при себѣ и дѣйствовать посредствомъ его на другіе полки. Онъ ослушался указа и долго не высылалъ полкъ.

Между тѣмъ время шло, наступило и 1-ое Сентября, празднованіе Новаго года по тогдашнему счисленію. Цари неизбѣжно всегда присутствовали при этомъ торжествѣ, но вотъ они остались въ Коломенскомъ; при церемоніи никого не было. Народъ московскій не могъ этого не замѣтить и заволновался. Всѣ въ ужасѣ начали передавать другъ другу, что, значить, будетъ новый стрѣлецкій бунтъ, что цари ужъ не смѣютъ и показываться, боясь что ихъ убьютъ.

Странное зрѣлище представляла Москва: горожане трепетали передъ стрѣльцами, стрѣльцы трепетали передъ горожанами, такъ какъ и между ними ходилъ слухъ, что на дняхъ имъ будетъ месть отъ боярскихъ людей, которые нападутъ на нихъ, перебьютъ ихъ самихъ и женъ ихъ и дѣтей.

Изъ поэмы Мильтона „Потерянный Рай“ (пѣснь IV). Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.
Сатана на горѣ передъ дикимъ лѣсомъ, окружающимъ Рай. Ориг. рис. Густава Дорэ, грав. Паннемакеръ.
Библиотека „Руниверс“

Нечаянное откритіє. Ориг. рис. А Кившенко, грав. Э. Шмидтъ. Библиотека "Руниверс"

Начиная со 2-го Сентября, царское семейство стало переѣзжать изъ одного села въ другое. Наконецъ 14-го числа остановилось въ селѣ Воздвиженскомъ. Цари приказали прибыть въ Воздвиженское изъ Москвы всѣмъ боярамъ, окольныхъ, думнымъ людямъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ.

17 Сентября, въ день именинъ царевны-правительницы, село Воздвиженское было переполнено знатью. Софья задала большой пиръ, изъ своихъ рукъ угощала гостей водкою, а послѣ трапезы объявила всѣмъ присутствовавшимъ, что нужно потолковать о важномъ дѣлѣ.

Думный дьякъ началъ подробное чтеніе о винахъ князя Ивана Хованскаго и сына его Андрея.

Выслушавъ дьяка, государи и правительница приговорили Хованскаго къ смертной казни. Тотчасъ же былъ посланъ князь Лыковъ, съ большимъ отрядомъ, схватить приговоренныхъ.

Тараруй не ожидалъ себѣ гибели. Онъ находился въ селѣ Пушкинѣ; тамъ его и схватили. Сына его, Андрея, нашли въ одной изъ подмосковныхъ. Прочли Хованскимъ всѣ тяжкія вины; они оба оправдывались, плакали, умоляли, чтобъ имъ дана была возможность имѣть очныя ставки. Но ихъ не слушали, торопились исполненіемъ приговора. Не случилось палача, такъ стрѣлецъ изъ стремяннаго полку заступилъ его мѣсто. Обоихъ Хованскихъ *повершили* на площади, у большой Московской дороги.

Но кромѣ казненнаго Андрея, у Тараруя былъ еще другой сынъ, Иванъ.

Онъ убѣжалъ изъ Воздвиженскаго, явился ночью къ стрѣльцамъ и объявилъ, что отца его и брата казнили безъ указа великихъ государей, что бояре хотятъ всѣхъ стрѣльцовъ перерубить, по дорогѣ наставлены всякіе чиновные люди съ оружіемъ, придуть на Москву и поожгутъ дворы стрѣльцевъ.

Стрѣльцы вооружились, заняли Кремль и приготовились къ защитѣ. Но въ нихъ уже не было прежней смѣлости, всѣ они были страшно перепуганы.

Между тѣмъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ собралъ изъ всѣхъ ближнихъ городовъ служилыхъ людей и вмѣстѣ съ царскимъ семействомъ переѣхалъ въ Троицкій монастырь, который былъ приведенъ въ осажденное положеніе.

Стрѣльцы прислали Чудовскаго архимандрита Адриана просить государей вернуться въ Москву и увѣряли, что у нихъ нѣтъ дурнаго умысла.

Царевна отвѣчала, чтобъ стрѣльцы служили вѣрно, никакихъ безчинствъ въ Москвѣ не дѣлали и ни во что не вмѣшивались, что казни Хованскихъ до нихъ не касается, такъ какъ Хованскіе казнены за измѣну. Если будутъ они служить вѣрно, то съ ними дурного ничего не будетъ.

Между тѣмъ къ Троицѣ съ каждымъ днемъ собиралось болѣе и болѣе вооруженныхъ служилыхъ людей.

Ободренная сознаниемъ своей силы, Софья грозно приняла стрѣльцевъ выборныхъ и стала требовать отъ стрѣльцовъ полного покаянія. Они обѣщались исполнить все, что отъ нихъ требуютъ. Патриархъ приводилъ ихъ въ Успенскомъ соборѣ къ крестному цѣлованію и они обѣщали желать государямъ добра и не щадить для нихъ головъ своихъ; Ивана Хованскаго выдали. Его привезли въ Троицкій монастырь, прочли ему смертный приговоръ, положили на плаху, но помиловали и ограничили одною ссылкой.

Въ началѣ Ноября все было тихо. Царское семейство вернулось въ Москву и когда оно вѣзжало въ Кремль, то уже на красной площади не было знаменитаго столба, поставленнаго стрѣльцами; его сломали.

Царевна торжествовала еще разъ. Стрѣльцы снова превращались въ скромныхъ и послушныхъ воиновъ. На мѣсто Тараруя ихъ начальникомъ былъ сдѣланъ быв-

шій думный дьякъ Шакловитый, вполне преданный правительницѣ.

II.

Успокоившись относительно стрѣльцовъ, водворивъ въ Москвѣ возможные тишину и порядокъ, царевна обратила свое вниманіе на дѣла вѣшнія. Она употребила всѣ возможные мѣры для поддержанія добрыхъ и дружественныхъ отношеній съ разными дворами западной Европы.

Въ этой мирной работѣ у нея явился неоцѣнимый помощникъ въ лицѣ ея друга, Василія Васильевича Голицына. Въ дни бунта и кровопролитія онъ оставался въ тѣни и бездѣйствовалъ, но когда понадобились труды разумнаго образованнаго человѣка, тогда онъ сталъ на первое мѣсто.

Голицынъ нисколько не похожъ былъ на остальныхъ бояръ и савонниковъ, окружавшихъ Софью. Принадлежа къ старой Россіи только по имени, онъ былъ совершенно новымъ человѣкомъ. Лишившись еще въ дѣтствѣ отца, онъ остался на рукахъ матери, которая, вопреки обычаю и взглядамъ того времени, употребила всѣ старанія, чтобы серьезно воспитать и образовать его.

Онъ много учился; прекрасно зналъ греческій, латинскій и нѣмецкій языки, исторію и географію. Любознательный, способный, все на лету схватывавшій, онъ пристрастился къ наукамъ и въ теченіи всей своей жизни, во всѣхъ обстоятельствахъ, каждую свободную минуту посвящалъ чтенію.

Явившись при дворѣ, онъ не могъ не обратить на себя вниманія и пошелъ быстро въ гору. Царь Θεодоръ пожаловалъ его въ бояре и потомъ послалъ воевать на Украинскую границу противъ Дорошенки. Здѣсь Василій Васильевичъ выказалъ сразу свои блестящія способности. Видя, что невозможно взять Дорошенку силою, онъ пустилъ въ ходъ дипломатическій приемъ: успѣлъ убѣдить мятежнаго гетмана сдаться и былъ за это пожалованъ царемъ Θεодоромъ гетманской булавою.

По возвращеніи въ Москву, Голицынъ оказался героемъ дня. Царь встрѣтилъ его необыкновенно милостиво. Царедворцы, наперерывъ другъ передъ другомъ, разсыпались въ льстивыхъ фразахъ, задавали ему пиры, всячески чествовали. Но кромѣ всѣхъ этихъ почестей Василія Васильевича ожидало и другое счастье: царевна Софья обратила на него свое вниманіе. Живая и горячая, естественно искавшая равнаго себѣ человѣка, она не могла не плѣниться Голицынымъ. Онъ былъ головою выше всего, что ее окружало. Его разумныя рѣчи каждый разъ западали ей въ сердце. Она не долго боролась съ собою. Голицынъ скоро узналъ объ ея чувствахъ и, конечно, не отказывался отъ такого счастья.

Онъ зналъ царевну еще почти ребенкомъ, на его глазахъ выросло и развивалось это прекрасное и во всѣхъ отношеніяхъ такъ богато одаренное природою созданіе. До сихъ поръ онъ издали восхищался ею, теперь же, когда прощастъ, ихъ раздѣлявшая, оказалась несуществующею, онъ на всегда и беззавѣтно отдалъ ей свое сердце. У него было семейство, была жена, но нарушенный долгъ, вина передъ этой женою не смущали его совѣсть. Ему легко было оправдаться—не онъ выбралъ себѣ подругу. Еще въ первый молодости его, мать сосватала ему невѣсту, которую онъ разглядѣлъ только тогда, когда она стала его женою.

Выборъ старой княгини оказался неудачнымъ. Жена Василія Васильевича была заурядной русскою боярышней, выросшей въ теремѣ среди полного мрака невѣжества, да и отъ природы она не отличалась ни разумомъ, ни богатствомъ сердца.

Съ перваго же дня супружеской жизни двадцатилѣтній юноша почувствовалъ себя очень несчаст-

нымъ. Между нимъ и женою не было ровно ничего общаго—они никогда не могли понять другъ друга. Но дѣлать было нечего и Василий Васильевичъ углубился въ свои занятія и, отдавая себя общественной дѣятельности, старался только какъ можно рѣже посѣщать свой теремъ.

Однако и въ этой неудачной женитьбѣ ему была удача: его молодая княгиня, крайне апатичная, не умѣвшая оцѣнить его, не способная на горячую привязанность, была къ нему равнодушна. Ему не пришлось испить горькую чашу упрековъ, равности и всего того яду, изливать который способна праздная женщина, считающая себя обиженной. Княгиня не навязывалась, ни разу не упрекала его за его постоянныя отлучки изъ дому. Въ сущности она даже рада была этимъ отлучкамъ, потому что въ его присутствіи ей всегда бывало какъ то тяжело. Она инстинктивно понимала, что они люди совершенно различныхъ міровъ; она только стояла на томъ, чтобы вѣшность была соблюдена, чтобы люди не указывали на нее пальцами. И это требованіе Василий Васильевичъ, искренно благодарный ей за то, что она оставляетъ его въ покоѣ и не мучаетъ, исполнялъ безпрекословно. Въ рѣдкихъ своихъ сношеніяхъ съ нею, онъ являлся внимательнымъ, добрымъ мужемъ, не позволялъ себѣ никакихъ рѣзкихъ выходокъ, никогда не бранился и не дрался, какъ обыкновенно дѣлали въ то время и такіе мужья, которые были очень довольны своей супружеской жизнью.

Такъ шли годы; у Голицына выросли дѣти, жена его старѣлась. Она не стояла ему поперекъ дороги, такъ какъ ни разу не забилось его сердце серьезнымъ чувствомъ.

Теперь, когда онъ полюбилъ Софью, совершенно новая жизнь началась для него, началось такое счастье, о которомъ онъ никогда и не помышлялъ, не вѣрилъ даже, что оно и существуетъ на свѣтѣ—такъ гдѣ же тутъ было думать о грѣхѣ, о нарушенномъ долгѣ.

Но, отдаваясь этому новому счастью, онъ продолжалъ свою прежнюю дѣятельную жизнь, по прежнему работалъ и даже еще усиленнѣе: онъ хотѣлъ быть достойнымъ любви царевны.

Во время своей службы на украинской границѣ онъ близко познакомился съ состояніемъ русской арміи, ясно видѣлъ всѣ недостатки ея организаціи и необходимость коренныхъ преобразованій. Онъ рѣшился говорить объ этомъ царю и разумный Ѳеодоръ, согласившись съ его взглядами и одобрявъ его планы, поручилъ ему сдѣлать преобразованія въ составѣ и управленіи войска.

Работая надъ этимъ, вдумываясь въ причины слабости дисциплины, плохаго управленія, а по этому и плохихъ успѣховъ русской арміи, Голицынъ невольно долженъ былъ дойти до вопроса о мѣстничествѣ.

Онъ понималъ, что необходимо издать немедленно законъ, по которому бы всякія должности были доступны не однимъ только членамъ знатныхъ родовъ, а всякому разумному и талантливому человѣку.

Царь Ѳеодоръ, которому давно ужъ было противно мѣстничество, съ радостью одобрилъ мысль Голицына. Былъ собранъ соборъ, на которомъ положено съжечь разрядныя книги. Это дѣло, одно изъ великихъ дѣлъ въ нашей исторіи, совершенное по мысли Голицына и при его ближайшемъ участіи, вооружило противъ него огромное большинство тогдашнихъ бояръ, всецѣло проникнутыхъ старымъ духомъ. Теперь же, во время правленія Софьи, эта ненависть дошла до высшихъ предѣловъ, но пока враги были безсильны—уничтожить Голицына, значило уничтожить Софью, а Софья держалась крѣпко.

Но первое время сознанія своего торжества и счастья ужъ прошло для нея и хотя она не теряла энер-

гіи, но съ грустью видѣла, какъ тяжело, какъ опасно то высокое, доселѣ неслыханное на Руси положеніе, которое она себѣ приготовила.

Она не могла не сознавать себя одинокою, она знала, что пройдетъ еще нѣсколько времени, вырастетъ и окрѣпнетъ младшій изъ царей, Петръ Алексѣевичъ, и дѣло рукъ ея рухнетъ. На его сторонѣ всѣ враги Голицына, то есть почти всѣ бояре, у нея же совсѣмъ нѣтъ союзниковъ; Милославскіе не одарены никакими особенными качествами. Самый ловкій изъ нихъ, сыгравшій такую видную роль при ея возвышеніи, Иванъ Михайловичъ, уже умеръ.

Страшныя мысли приходять иногда царевнѣ, но она ихъ гонитъ, гонитъ неустанной работою, и онѣ исчезаютъ—эти страшныя мысли. Нечего думать о завтрашнемъ днѣ—сегодняшній прекрасенъ. Уже видны многія благія послѣдствія разумныхъ начинаній. Работа не пропадаетъ даромъ—благодатная работа объ руку съ милымъ другомъ Васенькой. Появляется онъ—и радуется сердце царевны, и она ужъ не одна. Забыты ихъ общіе враги, все дурное и тревожное забыто! Сладко послѣ дѣятельныхъ дней отдаться свѣтлымъ грезамъ и спѣшать, наплываютъ со всѣхъ сторонъ эти грезы.

Но вотъ нужно разстаться царевнѣ и съ милымъ другомъ—благо родины требуетъ отъ него новой ратной службы. Царевна видитъ себя принужденною объявить походъ на Крымъ—земля русская не въ силахъ сносить долге татарскихъ обидъ и униженій: крымцы ни откуда не выводятъ такого количества плѣнныхъ, какъ изъ Россіи; христіанъ продаютъ какъ скотъ, ругаются надъ вѣрой православною. Царство русское платитъ имъ, бусурманамъ, ежегодную дань и терпитъ за это стыдъ и укоризну отъ сосѣднихъ государей, а границъ своихъ этою данью все же не охраняетъ, потому что ханъ беретъ деньги и безчеститъ русскихъ гонцовъ, разоряетъ русскіе города; отъ турецкаго султана управы на него нѣтъ никакой.

Тяжело Голицыну разстаться съ Москвою и съ царевной. Онъ знаетъ, что оставить ее среди многихъ тайныхъ недоброжелателей опасно, но некому поручить походъ, побѣдить татаръ, завоевать Крымъ. Такое дѣло принесетъ Россіи громадныя выгоды и пользу, покроетъ громкою славою и его и Софью,—но какъ знать, удастся ли походъ или нѣтъ? Пожалуй лучше остаться въ Москвѣ у кормила правленія.

И вотъ долго размышляя, стараясь изъ двухъ золъ выбрать меньшее, Голицынъ уже толкуетъ царевнѣ о томъ, чтобы въ походъ противъ татаръ назначить когонибудь другого. Но бояре настаиваютъ на томъ, чтобы онъ принялъ начальство надъ войскомъ.

Они хорошо знаютъ какія препятствія онъ долженъ встрѣтить, хорошо знаютъ, какъ онъ будетъ униженъ неудачею.

Дѣлать нечего, хотъ и противъ воли, а нужно согласиться. День за день откладываетъ Софья отъѣздъ своего друга: не наговорится съ нимъ, не наглядится на него. Но наконецъ нужно разстаться.

Ратные люди, хотъ съ большимъ трудомъ, но собраны; всего войска сто тысячъ.

Съ тяжестью въ сердцѣ, употребляя всѣ усилія своей воли, чтобы не выказать своей тревоги и тоски передъ посторонними, царевна провожаетъ Голицына и остается одна. И вотъ теперь то ей дѣлается страшно, и вотъ теперь то приходять и ужъ не уходятъ черныя мысли.

А враги Голицына поднимаютъ голову, стараются придумать ему всевозможныя непріятности и только ждутъ первой вѣсти о неудачѣ похода, чтобы начать дѣйствовать рѣшительно.

Между тѣмъ долго нѣтъ никакихъ извѣстій. Царевна въ страшной тревогѣ; письмо за письмомъ посылаетъ Голицыну.

Теперь у нея одинъ только разумный собесѣдникъ— Шакловитый. На него она можетъ положиться и онъ всячески ее успокоиваетъ, старается разсѣять ея мрачныя мысли. Но не удается ему ее успокоить. Часто оставаясь одна и все поджидая вѣсти о своемъ другѣ, царица горько, горько плачетъ и молится, старается развлечься литературными занятіями: переводить на языкъ русскій иностранныя книги; но часто, не дописавъ фразы, она бросаетъ перо и задумывается.

Иногда она вдругъ въ ужасѣ поднимается съ кресла, оглядывается дикими глазами. Что-жь это съ нею? Ей страшно, такъ страшно, что она бѣжитъ изъ своего уединеннаго покоя къ сестрамъ, но и это не помогаетъ. И тамъ какая-то тоска наваливается ей на сердце, томить какое-то предчувствіе. Иной разъ у самага уха слышатся неясные, но страшные голоса, передъ глазами мерещится что-то. Что-жь это? или вернулись давно позабытые кровавые призраки, или исполняется предсказаніе безумной Любы Кадашевой о томъ, что она никогда и никуда не уйдетъ отъ этихъ призраковъ. Отчего до сихъ поръ они не являлись? Да и зачѣмъ теперь имъ являться? Нѣтъ, это такъ! Это пройдетъ—мертвецы безсильны. Къ этимъ мертвецамъ царица присылаетъ Любу Кадашеву, которая, исчезнувъ послѣ стрѣлцаго мятежа изъ терема, никогда въ него уже не возвращалась; никто не зналъ, гдѣ она и что съ нею.

Мрачное предчувствіе Софьи оправдалось: походъ князя Голицына былъ неудаченъ. Ему даже не пришлось и видѣть враговъ, татаръ - оказались другіе враги. Гетманъ Самойловичъ съ пятьюдесятью тысячами казаковъ присоединился у Самары къ войску Голицына и не успѣли они достигнуть урочища Большаго Луга, какъ вмѣсто татаръ изъ степи на нихъ помчался огонь: вся степь горѣла и Голицынъ, не смотря на невѣроятныя усилія, долженъ былъ вернуться, ничего не добившись. Потомъ оказалось, что степь зажгли не татары, а казаки же, по приказанію Самойловича, которому было невыгодно, чтобы русскіе покорили Крымъ.

Царица радовалась возвращенію своего друга; но сознавала въ тоже время, что этотъ неудачный походъ есть для всѣхъ ихъ огромное несчастье.

Дѣло, отъ котораго столько ожидали, которое могло серьезно способствовать большей популярности и князя Голицына и Софьи—вполнѣ не удалось. Враги торжествуютъ, а тутъ еще со всѣхъ сторонъ одна за другой приходятъ дурныя вѣсти: внутри Россіи много всякихъ безчинствъ заводятъ и раскольники и дворяне помѣщики, которые превращаются въ разбойниковъ, безчинствуютъ, грабятъ, собираютъ шайки, избиваютъ духовенство.

Голицынъ работаетъ безъ устали, но всѣ понимаютъ, что дѣло какъ-то не ладится, что не долго просуществуетъ правительство Софьи.

Три долгие года проходятъ въ постоянныхъ тревогахъ. Наконецъ Голицынъ и Софья видятъ необходимость втораго Крымскаго похода. Авось на этотъ разъ удастся достигнуть цѣли: исправить прежнія неудачи.

Въ Февралѣ 1689 года собрался Голицынъ на татаръ. Для Василья Васильевича теперь рѣшался вопросъ жизни. Онъ долженъ вернуться побѣдителемъ—иначе все погибло.

Положеніе его въ Москвѣ становилось опаснымъ. Уже было покушеніе на жизнь его, убійца бросился къ нему въ сани и едва его удержали слуги князя.

За нѣсколько дней передъ отправленіемъ въ походъ, у воротъ дома Голицына нашли гробъ съ запискою, въ которой говорилось, что если этотъ походъ будетъ такъ же неудаченъ, какъ и первый, то главнаго воеводу ожидаетъ гробъ. Всякими способами хотѣли извести Василья Васильевича. Нѣкто Иванъ Дьяковъ былъ схваченъ и пытанъ за то, что вынималъ у князя слѣдъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ выступилъ Голицынъ изъ Москвы въ сопровожденіи стодвѣнадцати тысячнаго войска.

III.

Началась въ Москвѣ весенняя оттепель, великій постъ кончается, близко Свѣтлое Воскресенье. Но не радостна ходить по своимъ покоямъ правительница Софья. Она читаетъ и перечитываетъ официальное донесеніе князя Голицына царямъ о томъ, что „походу чинится замедленіе за великую стужу и за снѣгами, да и денежная казна по сіе время въ полкъ не прислана и ратнымъ людямъ: рейтарамъ и солдатамъ дать нечего“.

Это первое извѣстіе отъ войска и вотъ оно каково! Неужли и на этотъ разъ будетъ неудача?

Но не одно донесеніе смущаетъ и мучитъ Софью. Передъ нею неотступно стоитъ прекрасное, молодое лицо, съ быстрыми огненными глазами. Эти глаза обращены на нее съ негодованіемъ, въ ея ушахъ звенитъ фраза: „Опять послали неудачника! Только срамъ государству устраиваете.“ Слова эти сказалъ молодой царь Петръ Алексѣевичъ по прочтеніи донесенія Голицына, сказалъ громко, во всеуслышаніе, такимъ грознымъ и въ то же время насмѣшливымъ тономъ, что Софья едва сдержала себя.

До сихъ поръ онъ никогда не говорилъ такъ, а если заговорилъ, такъ значить начинаетъ чувствовать свою силу. Да, много времени прошло—маленькій мальчикъ превратился въ крѣпкаго юношу. До сихъ поръ онъ почти на глаза не попадался—все больше жилъ съ матерью въ селѣ Преображенскомъ, заводилъ глупыя игры, набиралъ себѣ сорванцовъ мальчишекъ. Но вотъ и онъ выросъ, выросли и его потѣшныя мадъчишки. Шакловитый ужъ не разъ доносилъ Софьѣ о томъ, что эти потѣшныя отлично вымуштрованы, отлично вооружены и, вѣлучаѣ чего, могутъ быть очень опасны и нѣтъ никакой возможности разогнать ихъ, да еслибъ и можно было теперь къ чему нибудь придраться, такъ онъ не позволитъ.

— Всѣ, всѣ за него! въ ужасѣ подумала Софья. Если Богъ не поможетъ Васенькѣ, все на меня поднимется.

Она подошла къ столу и приготовилась писать письмо Голицыну, но перо остановилось, невольныя слезы падали на бумагу, жалко было взглянуть теперь на Софью.

Она сидѣла передъ тѣмъ же столомъ, за которымъ когда то такъ прилежно училась. Ее окружали ея неизмѣнныя, любимыя книги. Все въ ея рабочей комнатѣ было какъ прежде, она одна измѣнилась. Быстро прошла ея молодость. Ей только что исполнилось тридцать лѣтъ, но на видъ она казалась старѣе. Уже начала меркнуть чудная красота ея; вокругъ глубокихъ синихъ глазъ образовались морщинки, отцвѣли нѣжныя румяныя щеки. Еслибъ она могла увидѣть перемѣну, такъ быстро въ ней происшедшую, то ужаснулась бы. Но давно ужъ не обращала она никакого вниманія на свою вѣшность, поглощенная дѣлами и заботами.

Осторожный стукъ раздался у двери.

Софья вздрогнула.

— Кто тамъ? тревожно спросила она.

— Это я, царица, — приказала звать меня.

Софья узнала голосъ, подошла къ двери, замкнутой на ключъ, и отворила ее.

Вошелъ человекъ еще молодой и красивый съ быстрыми, но какъ то черезъ чуръ пытливыми, неприятными глазами. Одѣтъ онъ былъ въ дорожной кафтанъ расшитый на груди позументами; красивая разукрашенная тонкой рѣзбой и мелкими камнями сабля была пристегнута къ его поясу. Это былъ стрѣлцкій начальникъ Шакловитый, неизмѣнный и почти единственный теперь приверженецъ Софьи.

Она опять заперла за нимъ на ключъ дверь и сказала ему, чтобъ онъ сѣлся.

Вдохновеніе. Картина И. П. Александра (Antigna). Рис. на деревѣ Девисъ, грав. Жоннаръ.

— Ну что? тревожнымъ голосомъ спросила Софья.

— Покаместъ ничего хорошаго, тихо отвѣчалъ Шакловитый. Такъ, одними памеками, дѣла мы никогда не сдѣлаемъ, нужно идти на чистоту—время плохое приходитъ, больно ужъ въ городѣ идетъ ропотъ на Василья Васильевича. Еще ничего не знаютъ, а ужъ толкуютъ, что изъ похода добра не будетъ. Кричатъ:— „поморить-де опять Голицынъ все войско и съ пустыми руками вернется!“ Конечно не сами собою выдумываютъ, все вороги твои дѣйствуютъ, такъ намъ ужъ сидѣть сложа руки не приходится.

— Знаю, что не приходится, отвѣчала Софья, но что-жъ дѣлать? Твои стрѣльцы бабами стали.

Шакловитый задумался.

Онъ дѣйствительно зналъ, что подбить стрѣльцовъ на чтонибудь рѣшительное теперь почти невозможно. Онъ не разъ ужъ пробовалъ заводить въ войскѣ смуту, но ничего не удавалось.

Еще два года тому назадъ, видя что дѣла царевны идутъ плохо, онъ прямо и рѣшительно говорилъ ей.

— Чѣмъ тебѣ государыня не быть, лучше царицу извести.

Софья ему на это ничего не отвѣтила тогда, но онъ видѣлъ, что этимъ молчаніемъ она даетъ ему разрѣшеніе дѣйствовать, какъ ему заблагоразсудится.

Собралъ онъ тогда всѣхъ начальниковъ стрѣлецкихъ и началъ говорить имъ, что слѣдуетъ написать челобитную, чтобъ Софья вѣнчалась на царство.

— Не умѣемъ мы писать челобитной, отвѣчали ему стрѣльцы.

— Объ этомъ не заботьтесь, челобитная будетъ написана...

Но стрѣльцы не поддавались.

— Пускай будетъ написана, да кому мы ее подадимъ—царямъ вѣдь? Ну старшій царевичъ ничего не скажетъ, да послушаетъ ли насъ царь Петръ Алексѣевичъ.

— А коли не послушаетъ, говоритъ Шакловитый,—идите на Верхъ, задержите боярина Льва Кириллыча Нарышкина, да царскаго кравчаго князя Бориса Голицына, тогда и приметъ царь челобитную вашу.

— А патриархъ и бояре?

— Что патриархъ—патриарха можно переимѣнить. О боярахъ же и совѣмъ не слѣдъ думать—бояре, тѣ что отпадшее яблочное дерево, развѣ постоятъ до поры до времени одинъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Стрѣльцы подумали, подумали, но такъ таки ничего рѣшительнаго и не отвѣтили Шакловитому. Уйдя же отъ него, стали толковать о томъ, что не слѣдъ имъ вступаться въ такое дѣло. Они хорошо помнили майскіе дни 82 года.

— Какъ же это, — говорили они,—опять идти намъ въ Кремль бунтомъ, смѣнять патриарха, хватать самыхъ близкихъ людей царскихъ, и зачѣмъ? Развѣ недавнее дѣло, чтобъ царевны вѣнчались на царство? Нѣтъ, нечего намъ впутываться.

Но Шакловитый не отставалъ. Онъ роздалъ всѣмъ этимъ начальнымъ людямъ по пяти рублей и наказалъ имъ, чтобъ они хорошенько потолковали съ товарищами въ полкахъ. Если сдѣлаютъ дѣло, то обѣщаль имъ богатая милости отъ Софьи.

Они было и попробовали заговорить, но стрѣльцы ихъ и слушать не стали, такъ эта попытка ничѣмъ и кончилась.

Потомъ, по совѣту Шакловитаго, царевна призвала къ себѣ какъ-то ночью нѣсколько стрѣльцовъ и начала со слезами увѣрять ихъ, что царица Наталья со своими братьями, Борисомъ Голицынскимъ и патриархомъ противъ нея, царевны, бунтъ поднимаютъ.

Бывшій тутъ же Шакловитый началъ какъ будто успокаивать Софью.

— Отчего бы, говорилъ онъ, князь Бориса и Льва

Нарышкина не принять, да и царицу можно бы принять,—известно тебѣ государыня каковъ ея родъ и какъ она въ Смоленскѣ въ лаптяхъ ходила...

— Жаль мнѣ ихъ—и безъ того ихъ Богъ убилъ, скромно отвѣчала Софья и ждала, что стрѣльцы скажутъ.

Но стрѣльцы очевидно не очень растрогались. Они пробормотали: „воля твоя, государыня, что изволишь то и дѣлай—ушли и опять ничего не вышло.

Потомъ ходили по полкамъ агенты Шакловитаго и толковали товарищамъ, что нужно защитить правительницу, которую хотятъ уходить враги, и что мало побить боярѣ, нужно до корня добратъся, нужно уходить старую царицу-медвѣдцу.

— А царь-то, отвѣчали стрѣльцы,—такъ онъ и будетъ смотрѣть, такъ и не заступится за мать свою!

— Такъ чего и ему спускать—зачѣмъ дѣло стало? Вонъ у царя Ивана Алексѣевича дверь то дровами завалили и полѣньями и царскій вѣнецъ изломали... известно чьихъ рукъ это дѣло...

Но стрѣльцы упорно молчали. Они помнили какъ ихъ обманули извѣстіемъ о томъ, что Ивана Алексѣевича задушили...

— Еще одно средство испробовать нужно, государыня, сказалъ послѣ долгаго размышления Шакловитый. Вотъ что я сдѣлаю:—попрошу-ка Шошина—сама вѣдаешь, что за тебя готовъ онъ и въ огонь и въ воду,—такъ попрошу-ка я его собрать десятка съ три людишекъ, вооружить ихъ, подѣхать ночью къ стрѣлецкому караулу нашему, схватить десятника и избить его. А какъ будутъ бить десятника, пусть ктонибудь и крикнетъ Шошину, дескать Левъ Кирилловичъ, за что его бить-то до смерти—душа вѣдь христіанская. Въ темнотѣ Шошина не узнаютъ, примутъ за Нарышкина, авось это подѣйствуетъ.

— Попробуй, тихимъ и печальнымъ голосомъ проговорила Софья, только врядъ ли удастся.

— А не удастся—придумаю чтонибудь другое. И Шакловитый даже вскочилъ со своего мѣста отъ волненія.—Говорю, царевна, мѣшкать намъ нечего! или думаешь ты, что они то не приготавливаются—еще какъ! Вонъ вѣдь Петръ то Алексѣевичъ поѣхалъ въ Преображенское вчера, а сегодня туда за нимъ пѣлая орава новыхъ потѣшниковъ потянулась,—это все Меньшиковъ Алексашка вербуетъ. Встрѣтился я съ ними, идутъ молодецъ къ молодцу, кулачица у всѣхъ пудовые, идутъ—пѣсни поютъ, многие то видно ужъ и пьяны. Что вы, спрашиваю, за люди? откуда? куда? Они видятъ кафтанъ то мой, да чай и въ лицо меня знаютъ, а шапки не ломаютъ.—Мы, говорятъ, вольные люди, а идемъ къ государю батюшкѣ царю Петру Алексѣевичу, службу ему служить,—у него житье молъ вольное, самъ онъ простой да ласковый, вино рѣкой летитъ. А Алексашка то Меньшиковъ передъ ними на конѣ, подбоченился, да ухмыляется. Подѣхалъ ко мнѣ, снялъ шапку, говоритъ: „вотъ какихъ молодцовъ подобралъ я царю государю, взглянь ваша милость, поважнѣ твоихъ стрѣльцовъ будутъ. А какъ обучимъ мы ихъ съ Петромъ Алексѣевичемъ, такъ стрѣльцы то твои, какъ завидятъ насъ, сейчасъ же и пятки покажутъ“. А самъ все шапку въ рукъ держитъ, все кланяется мнѣ, а рожа у него, прости Господи, какъ у аспида какого. Такъ все сердце во мнѣ всколыхнулось, взялъ бы да и разорвалъ его на части, только что вотъ одинъ то былъ, да и то вспомнилъ, что придавить его, холопа посконнаго не трудно, да вѣдь за него Петръ Алексѣевичъ, пуще чѣмъ за брата родного встанетъ. Говорятъ, они съ Алексашкой и лягутъ вмѣстѣ и встанутъ вмѣстѣ, ѣдятъ съ одной ложки, пьютъ съ одной чарки.

Каждое слово Шакловитаго поднимало и тоску и бѣшенство въ груди Софьи.

— Нѣтъ не могу я стерпѣть этого, заговорила она наконецъ въ волненіи. Я ни о какомъ злѣ не помышляла, въ первые годы позабыла все зло, какое испытала отъ мачихи: никто не можетъ сказать, чтобъ она отъ меня терпѣла. Всего было у нея вдосталь, дѣлала, что хотѣла, — ну и оставила бы меня въ покоѣ; анъ нѣтъ, съ перваго же дня начали свои козни. Что-жь, мы молчали пока можно было, а теперь молчать не приходится.

Ты правъ, Шакловитый, дѣлай что хочешь, придумывай что хочешь, всякія хитрости, — сослужи службу, подними стрѣльцовъ, спаси меня. Вѣдь меня спасаю, ты спасаешь свою голову, вѣдь случись со мной чтонибудь, такъ и ты погибъ! заступиться за тебя никому — нѣтъ у тебя ни роду, ни племени.

— Знаю, отвѣчалъ Шакловитый, — надѣйся на меня государины — все сдѣлаю, а коли стрѣльцовъ не подниму, такъ есть и другіе способы: не пожалѣть денегъ, найдутся добрые люди, непременно подсыпятъ кой-чего твоимъ ворогамъ.

Софья вздрогнула, но промолчала, какъ будто не слышала послѣднихъ словъ Шакловитаго.

— Да и что-жь такое, продолжалъ онъ, все больше и больше волнуясь; насъ всячески извести хотѣтъ, а мы будемъ стоять себѣ, пальцемъ не шевельнемъ. Вонъ вѣдь

они нанимали же убійцъ на князя Василія Васильевича, вынимали же слѣдъ его, — что-жь сами значить и научаютъ насъ какъ намъ дѣйствовать. Такъ разрѣшаешь что-ли, государыня?

Какой то страхъ, какой то ужасъ мелькнулъ въ лицѣ царевны.

Нѣсколько мгновений она не могла отвѣтить ждавшему ея слова Шакловитому. Ея блѣдныя дрожащія руки безсильно рвали начатое ею письмо.

Семь лѣтъ тому назадъ она поклялась передъ Богомъ, поклялась передъ мощами преподобнаго Сергія всею жизнью своею загладить прежній грѣхъ свой. Она клялась, что даже кровь лютейшихъ враговъ ея не будетъ пролита ею. Только эта клятва и успокоила ее, только послѣ этой клятвы и стали исчезать страшные призраки, не дававшіе ей покоя, а теперь Шакловитый требуетъ ея прямого разрѣшенія на убійство, на отраву. Но что-жь ей дѣлать, когда нѣтъ другого средства? что-жь ей дѣлать, когда надъ ея головою, еще страшнѣе — надъ головою ея безцѣннаго друга, котораго она любитъ теперь даже болѣе чѣмъ когда либо, виситъ неминуемая гибель.

— Дѣлай какъ знаешь! прошептала она, махнувъ рукою.

Шакловитый поклонился и вышелъ.

(Продолженіе будетъ).

РАБОЧИЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ СОЮЗЫ ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМѢ

Въ средѣ настоящаго поколѣнія почти всѣхъ образованныхъ государствъ выработалось понятіе, что рабочіе и ремесленные союзы — созданія исключительно новаго времени, имѣвшія свой прототипъ въ гильдіяхъ и корпораціяхъ среднихъ вѣковъ, но такое понятіе совершенно ложно. И въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, можно сказать по справедливости, что ничто не ново подъ луною. Конечно существованіе подобныхъ союзовъ можетъ быть столь же древне, какъ и самый ремесленный трудъ; но вполне организованными и благоустроенными являлись они въ первый разъ только во время всецѣннаго владычества Рима подъ скипетромъ Цезарей, немного позже рожденія Спасителя. Подобныя ассоціаціи получили тогда названіе collegii или collegii fabrorum. Еще ранѣе, въ первобытный періодъ римской исторіи, встрѣчается отдаленный слѣдъ рабочихъ союзовъ. Такъ еще при Нумѣ Помпильѣ, когда шла непрерывно ожесточенная борьба между Латинцами и Сабинянами, возникшая главнымъ образомъ вслѣдствіе извѣстнаго похищенія Сабинянокъ, этотъ мудрый законодатель, чтобы положить предѣлъ обоюдной враждѣ, раздѣлилъ оба рода не по ихъ происхожденію, но по ихъ занятіямъ на девять корпорацій. Среди многихъ полезныхъ учрежденій, которыми былъ обязанъ юный городъ Нумъ, это учрежденіе было однимъ изъ самыхъ удачныхъ, такъ какъ ничто такъ не прекращаетъ національную рознь, какъ общій трудъ и общіе интересы.

Еще позднѣе, въ эпоху республики, для всѣхъ союзовъ подобнаго рода настало тяжелое время. Эти корпораціи осуждены какъ учрежденія опасныя для высшихъ цѣлей государства и самый Сенатъ не терпѣлъ допущенія въ государствѣ какой бы то ни было формы самоуправленія, настаивая, чтобы все признавало надъ собою одну власть — власть правительства. Особенно враждебно ратовали противъ права организаціи союзовъ могущественные патриціи и жрецы, а по ихъ вліянію и законодательство отличалось въ этомъ отношеніи крайней жестокостью. Члены союзовъ преслѣдовались и наказывались наравнѣ съ грабителями и святотатцами; ихъ травили на аренахъ дикими звѣрями или предавали пламени. Но вопреки этой фанатической строгости, рабочіе союзы все таки развивались, хотя и тайнымъ образомъ и распространялись, помимо Рима, мало по малу и въ завоеванныхъ провинціяхъ.

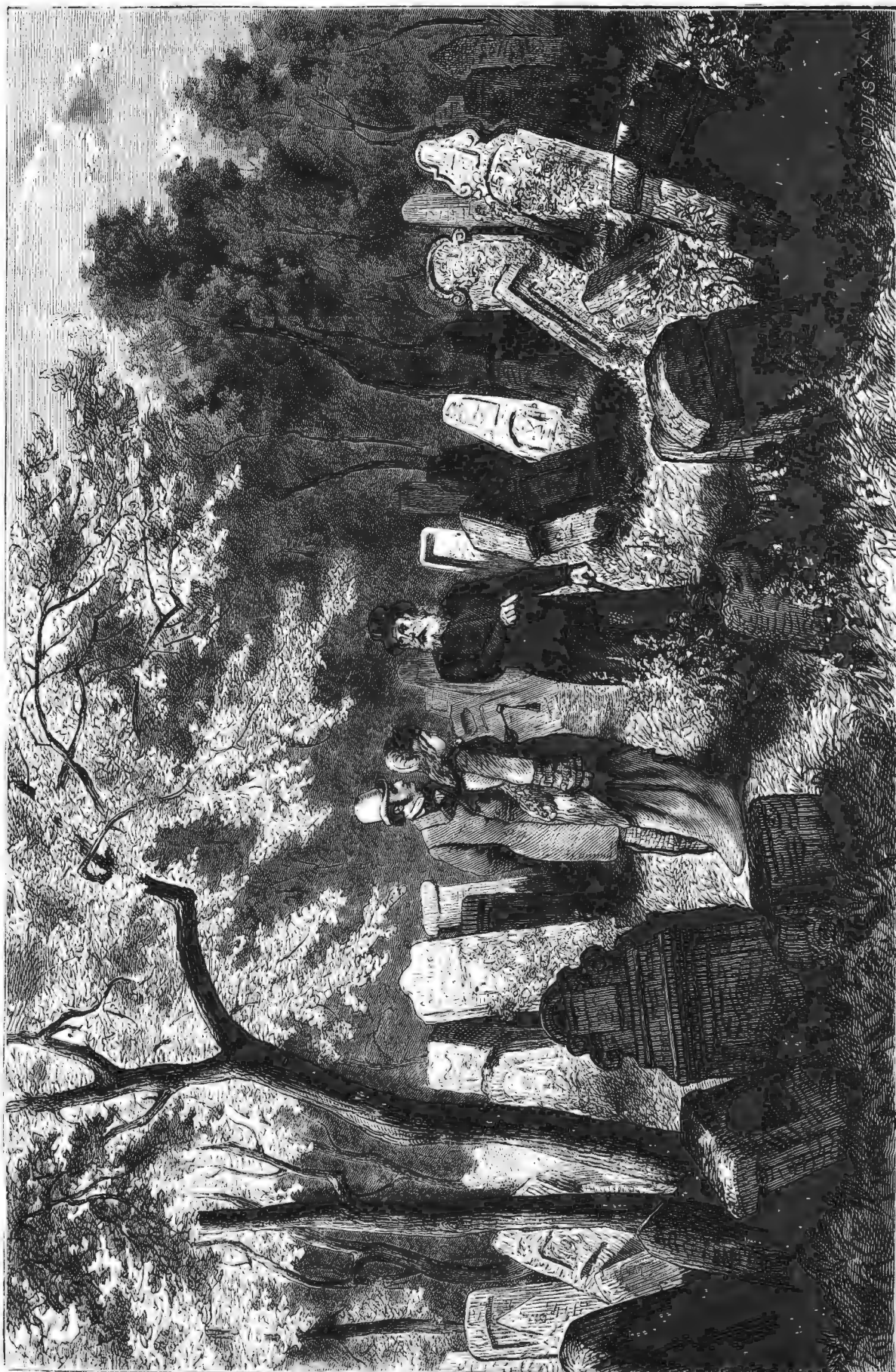
Позднѣе, при Цезарѣ и Августѣ, въ Римѣ допускались правительствамъ почти всѣ подобныя союзы, но въ покоренныхъ провинціяхъ главнѣйшіе изъ нихъ подвергались различнымъ стѣсненіямъ и полная свобода давалась лишь тѣмъ, которыхъ цѣли казались правительству самыми безвредными и самыми невинными. Такъ шло до тѣхъ поръ, пока рабочіе и ремесленные союзы въ покоренныхъ провинціяхъ не приняли вообще политическаго отъѣнка и когда впоследствии это обнаружилось, то даже лучшіе и умнѣйшіе государи, тѣ самыя, которые въ Римѣ надѣялись подобныя союзы и деньгами и привилегіями, относились враждебно къ союзамъ провинціальнымъ. Когда, напримѣръ, Плиній управлялъ Визанціей, то онъ просилъ позволенія у Траяна образоватъ въ Никомедіи союзъ ста пятидесяти пожарныхъ, набранныхъ изъ плотниковъ, въ видахъ

прекращенія страшныхъ пожаровъ, свирѣпствовавшихъ тамъ нѣсколько разъ въ одно и тоже лѣто. Однако Траянъ отклонилъ это ходатайство „Не забывай, нишеть по этому поводу Императоръ къ намѣстнику, какъ эта провинція и особенно этотъ городъ сталъ непокоенъ и все благодаря разнымъ союзамъ. Дозволь я основать еще одинъ подобный союзъ, хотя бы завашился самыми невинными цѣлями, и въ скоромъ времени откроется, что и онъ приметъ участіе въ попыткахъ мятежа и неповиновенія власти.“ При Тиверіѣ, нѣкоторыя общества удостоились уже привилегій, какъ напримѣръ судовые плотники въ Остіи, рыбаки Тибра и водолазы ближайшаго прибрежья.

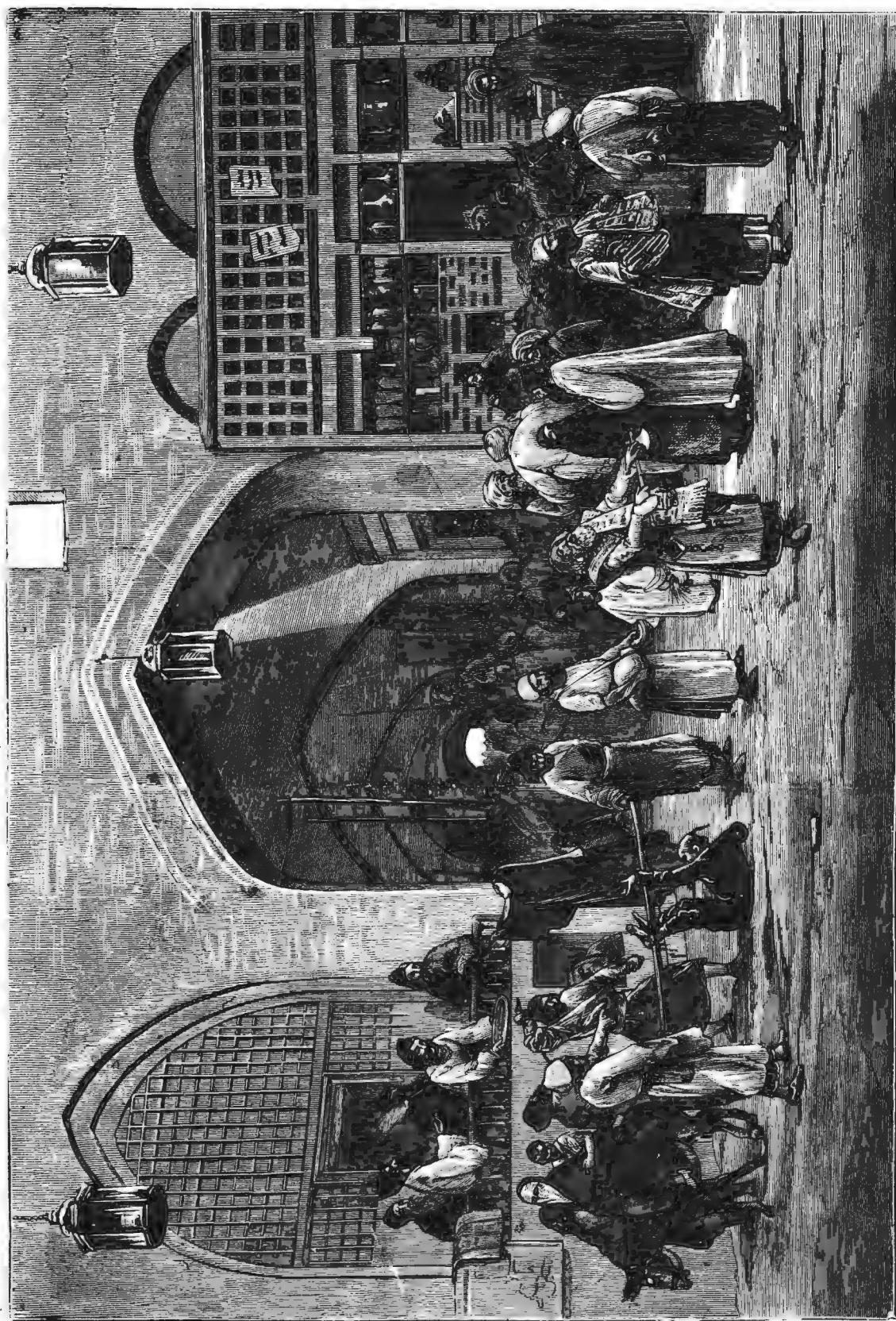
Александръ Северъ хотя и не далъ полную свободу всѣмъ союзамъ римскихъ художниковъ и рабочихъ, но однакоже снабдилъ ихъ особенными правами, далъ имъ отдѣльныхъ защитниковъ и назначилъ судей, которые процессамъ ихъ разрѣшали немедленно и отдѣльно отъ прочихъ. Каракалла утвердилъ знаменитымъ закономъ эти вольности и этихъ судей на всемъ пространствѣ римскаго государства. Рабочія товарищества сначала учредились въ самомъ Римѣ, а потомъ быстро распространились по всѣмъ провинціямъ, преимущественно же въ богатыхъ и промышленныхъ городахъ Востока, Испаніи и Галліи. Такъ въ Марсели и Лионѣ уже во 2-мъ столѣтіи по Р. Х. существовали союзы не только въ средѣ рабочихъ, но и въ средѣ другихъ классовъ общества.

Причины, которыя служили поводомъ къ учрежденію подобныхъ союзовъ, естественно были весьма разнообразны. Но сначала соединялись, главнымъ образомъ, тѣ люди, у которыхъ были общія занятія а слѣдовательно и общіе интересы; такъ напримѣръ погонщики муловъ съ носильщиками тяжестей или торговцы виномъ съ продавцами хлѣба. Судовщики и рыбаки ранѣе другихъ составляли тѣсныя союзы и древнѣйшіи памятники стараго Парижа воздвигнуты союзомъ судовщиковъ Сены. Траянъ, несомнѣнно храбрѣйшій и добродѣтельнѣйшій государь, оказывалъ постоянно хлѣбникамъ (pistores) свое особенное покровительство, вѣроятно потому что въ Испаніи, родной его странѣ, болѣе преобладала мучная пища нежели въ Римѣ, истреблявшемъ мясо въ огромномъ количествѣ. Траянъ самъ основалъ союзъ хлѣбниковъ, начерталъ ему уставы, снабдилъ деньгами и далъ ему особыя привилегіи.

Въ исторіи Рима болѣе всего поразителенъ тотъ фактъ, что почти всѣ его государи, не исключая даже и такихъ, которые исключительно занимались военнымъ дѣломъ, хотя и нерѣшительно, но все таки заботились о процвѣтаніи рабочихъ союзовъ. Они очень хорошо понимали, что покорность и спокойствіе народа зависятъ въ большой степени отъ его благосостоянія. Такъ Клавдій покровительствовалъ преимущественно мореходцамъ, классу народа, который былъ при Августѣ почти въ полномъ пренебреженіи. Потребности могущественнаго, всемирно-господствоващаго семикольнаго города умножились день ото дня и торговля и мореходство и ремесла должны были напрягать всѣ усилія, чтобы имѣть возможность удовлетворять всемъ нуждамъ громадной метрополи. Гордые, всемірные завоеватели начали смотрѣть на благосостояніе ремесленныхъ

Древнее еврейское кладбище въ Прагѣ. По рисунку Арнольда, грав. К. Дейсъ.

Базаръ въ Тегеранѣ. Рис. Петровъ, грав. Рашевскій.

союзъ не только безъ враждебнаго чувства, но даже рсточали имъ восторженныя похвалы и многочисленныя пособія. Какъ были бы удивлены древніе республиканцы—хотя бы Клавдій—если бы они могли слышать Симаха, который держалъ похвальную рѣчь въ честь хлѣбниковъ и мясниковъ и при этомъ нѣсколько разъ возглашалъ: „Да, клянусь Юпитеромъ, вы оказали великія заслуги отечеству.“

Это право организаціи различныхъ союзъ, въ провинціяхъ приобрѣло еще болѣе значенія чѣмъ въ самомъ Римѣ. Тамъ то именно и злоупотребляли своею властью почти все чиновники, прїѣзжавшіе изъ столицы и прилагавшіе все старанія какъ можно туе набить себѣ кошель, во время своего тамъ служенія, чтобы, возвратясь на родину, имѣть возможность проводить остатокъ жизни, подобно Крезу, въ созерцательномъ бездѣйствіи. Слѣдовательно промышленность и торговля были чѣмъ то въ родѣ несчастныхъ цыплятъ, которыхъ цыпала безъ всякой пощады. Если бы какой нибудь единичный гражданинъ пожелалъ бы возвысить голосъ противъ такого способа народнаго угнетенія, то его тотчасъ бы стерли съ лица земли, тогда какъ союзы обладали достаточными средствами и достаточной силой, чтобы бороться съ грабящей администраціей. Въ своихъ ходатайствахъ такія общины обыкновенно прямо обращались къ государю. Такъ Страбонъ, знаменитый философъ и географъ, рассказываетъ, какъ онъ самъ видѣлъ при своемъ прибытіи въ Коринѣ депутацію рыбаковъ, отправлявшуюся изъ этого города, моремъ, въ Римъ, къ императору, чтобы добиться уменьшенія налоговъ.

Описываемые нами союзы не имѣли столь узкихъ подраздѣленій какъ союзы новѣйшаго времени. Хотя въ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, и сходится каменотесъ съ каменотесомъ, ткачъ съ ткачемъ и оружейникъ съ оружейникомъ, но за то въ числѣ членовъ союза мы встрѣчаемъ и богатыхъ покровителей; а иногда здѣсь мелькаетъ даже тога, обитая пурпуромъ, смѣшиваясь съ толпою мельниковъ, обваленныхъ мучною пылью. Эта примѣсь чуждаго элемента ясно доказываетъ, что союзы не избегали тѣсныхъ отношеній съ другими классами общества, а напротивъ того стремились къ нимъ. Если чужеземцы приходили въ городъ, то они вступали съ своими семьями или въ какое либо общество своихъ соремесленниковъ или въ другой какой либо союзъ, въ которомъ находились ихъ друзья или земляки или, наконецъ, образовывали новый союзъ сообщаясь съ другими чужеземцами. Для примѣра можно привести азіатскихъ купцовъ и ремесленниковъ, которые основали въ Малагѣ двѣ богатая и большія ассоціаціи и устроили такое зданіе для своихъ собраній, которое по своей внѣшней и внутренней отдѣлкѣ даже превосходило все другія изящныя постройки города. Подобныя collegii peregrinorum, какъ назывались эти собранія чужеземцевъ, находились и въ отдаленныхъ колоніяхъ Римлянъ и даже въ землѣ Батавовъ и среди варваровъ эти учрежденія служили точками соприкосновенія торговыхъ людей съ рабочимъ людомъ. Въ завоеванныхъ городахъ, гдѣ граждане относились враждебно или холодно къ чужеземцамъ, образовывались Collegii urbanorum. Такимъ же образомъ поступали и старые ветераны, которые почти полъ-жизни провели на границѣ и возвратились на родину, чтобы прожить остатокъ дней съ помощью своихъ небольшихъ сбереженій и пенсій; они образовали союзы и называли себя Veterani Augusti (царскіе инвалиды). Здѣсь, въ своихъ собраніяхъ, за подлымъ кубкомъ вина, они передавали другъ другу свои былия похожденія, перемѣшивая правду съ враньемъ, играли въ кости какъ бывало въ лагерѣ или спорили о достоинствахъ того или другаго кося; въ такихъ то незагнѣнныхъ удовольствіяхъ, старые инвалиды коротали время, проводя его въ тѣсномъ кружкѣ своего военнаго общества. Что эти почтенные ветераны въ маленькихъ городкахъ играли роль весьма значительную—это понятно само собою и часто даже чины городского управленія избирали изъ этой среды разныхъ центурионовъ и декurioновъ.

Особенно обширныя и богатая ассоціаціи составляли, во время Цезарей, актеры и художники всякаго рода. Извѣстно, что театръ, въ золотой вѣкъ, въ царствованіе Августа, получилъ необычайное, изумительное развитіе. Во всемъ Римскомъ государствѣ, даже не исключая покоренныхъ, отдаленныхъ странъ, населенныхъ варварами, почти не было большаго города, который не имѣлъ бы своего театра, амфитеатра или цирка. Кромѣ постоянныхъ труппъ, существовали еще труппы странствующія, а также забѣжные артисты, которые давали въ одномъ мѣстѣ лишь нѣсколько представлений, какъ то дѣлаютъ и нынѣ многія сценическія знаменитости. Вся эта семья артистовъ рѣдко вступала въ среду постоянныхъ, осѣдлыхъ жителей города, но довольствовалась тѣмъ, что организовывала союзы, которые обладали весьма обширными средствами. Такъ существовали отдѣльныя общества танцоровъ, трагиковъ, комиковъ, гладиаторовъ и наѣздниковъ цирка. При этомъ и возницы, т. е. куцера, правившіе колесницами, а также и кулачные бойцы, также причислялись къ служителямъ искусства. Такъ Неронъ очень гордился тѣмъ, что его считали хорошимъ мастеромъ въ управленіи лошадыми, въ то же время какъ онъ мнилъ себя почти Аполлономъ въ качествѣ музыканта и пѣвца-импровизатора.

Во время же Нерона получила начало и гнусная профессія наемныхъ хлопальщиковъ или клакеровъ... Тщеславный тиранъ, какъ артистъ, требовалъ исключительнаго одобренія; конечно въ Римѣ въ похвалахъ, самыхъ изысканныхъ, ему не было недостатка; но когда онъ посѣщалъ греческіе города, поймающіе искусство, эллины осмѣливались громко осмѣивать и порицать его какъ артиста, а такое оскорбленіе заставило его вспомнить, что онъ хотя и актеръ, но въ тоже время и неограниченный властитель. При слѣдующихъ представленіяхъ были приняты мѣры предосторожности и сотня переодѣтыхъ солдатъ съ изряднымъ количествомъ клакеровъ размѣстившись среди прочихъ зрителей и если кто изъ публики осмѣливался сказать или какимъ-либо другимъ образомъ выразить свое неодобреніе, то его тотчасъ же выводили вонъ изъ театра, нещадно били или душили, между тѣмъ какъ хлнаніе клакеровъ угодблялось шумящему гононаду и безпрерывно раздавались крики: о божественный Аполлонъ! о великій Императоръ!.. „Подобнымъ же образомъ дѣйствовали и Коммодъ, Геркулесъ по силѣ и сложенію. Этотъ свѣршый человекъ особенно благоволилъ къ гладиаторамъ. Онъ, какъ извѣстно, выходилъ въ образѣ римскаго геркулеса триста семьдесятъ пять разъ на арену, когда на ней происходили поединки или травля звѣрей, и гладиаторы, считая себя особенно счастливыми подъ управленіемъ этого звѣророднаго колосса, привѣтствовали его криками: „Salvo Commodo, felix familia!“ Но когда этотъ дикій звѣрь началъ умерщвлять и ихъ, своихъ любимцевъ, то ему поднесли тотчасъ же медленнаго яду; но видя, что ядъ плохо дѣйствуетъ на здоровую его натуру, подкупили одного изъ старшихъ гладиаторовъ, который и нанесъ ему окончательный, смертельный ударъ.

Вышеупомянутые артистическіе союзы обладали значительными капиталами, славились великолѣпными помѣщеніями для своихъ собраній и гордились своими уставами.

Часто случалось, что люди, живущіе по сосѣдству, образовывали, вслѣдствіе этого, ассоціаціи и тѣмъ оправдывали выраженіе Теренція, что сосѣдство ближе всего къ дружбѣ. Въ большихъ царскихъ резиденціяхъ, разросшихся внѣздѣствіи въ цѣлые города, рабы и отпущенники составляли разнообразныя союзы, которые обладали богатыми средствами, чинами, а часто и знатными женщицами. Подобные же союзы образовывались и въ обширныхъ имѣніяхъ богатыхъ вельможъ.

Кромѣ этихъ, изложенныхъ нами вкратцѣ, причинъ возникновенія союзъ, конечно, было много еще и другихъ, намъ неизвѣстныхъ. Чтобы принадлежать въ то время къ извѣстному союзу, не требовалось заниматься однимъ и тѣмъ же ремесломъ съ своими сочленами или жить съ ними въ одномъ городѣ, но необходимо лишь было единомысліе. Вспомнимъ, что въ то время рабочіе классы имѣли участь болѣе тяжелую и менѣе сносную, чѣмъ рабочіе новаго времени. Часто это были отпущенные рабы, которые, неожиданно получивъ свободу, стояли особнякомъ среди большаго города, какъ среди пустыни, одиноки, безпомощны, лицомъ къ лицу съ неумолимою нищетой; они по необходимости должны были соединяться съ товарищами по несчастію, чтобы сообща съ ними вести борьбу за существованіе.

Каждый союзъ, образовавшись тѣмъ или другимъ образомъ, направлялъ все усилія къ одной главной цѣли—укрѣпить его силою закона, т. е. создать себѣ уставъ по общепринятому образцу. Такимъ образомъ союзъ составлялъ изъ себя quasi маленькое свободное государство и сочлены его съ очевиднымъ удовольствіемъ, называли его respublica collegii. Обнародованіе статутъ было чрезвычайно торжественно и обыкновенно происходило въ храмѣ, съ цѣлью придать акту высшую санкцію. Таблицы законовъ вывѣшивались въ помѣщеніи общества и новые члены союза заучивали главнымъ образомъ тѣ статьи изъ нихъ, въ которыхъ излагались ихъ права и обязанности. Одинъ изъ такихъ параграфовъ гласилъ такъ: „Ты, который хочешь вступить въ нашъ союзъ, прочти сначала наши законы, чтобы потомъ не имѣть повода жаловаться“. Послѣ утвержденія статута, избирали администрацію союза. Чины эти въ разныхъ союзахъ носили различныя названія, вообще же они назывались Magistri Quinquenales; обязанности же этихъ представителей были совершенно одинаковы какъ въ одной, такъ и въ другой ассоціаціи. Важнѣйшею и почетнѣйшею въ союзѣ была должность кассира, управлявшаго всемъ его имуществомъ. На праздникахъ и пириествахъ онъ получалъ большую долю яствъ и питья и въ случаѣ раздѣла какого-нибудь денежнаго излишка, онъ пользовался правомъ получать вдвое болѣе чѣмъ другіе сочлены. Предсѣдатель былъ облеченъ тою же властью какъ и римскій цензоръ: онъ долженъ былъ исключать недостойныхъ членовъ. Въ каждомъ союзѣ существовалъ отдѣльный, официальный списокъ, носившій названіе Album. Въ этомъ списокѣ членовъ президентъ стоитъ въ началѣ, а потомъ идутъ кассиры и наконецъ, по степенямъ, слѣдуютъ другіе низшіе члены и сочлены. строго подраздѣленные по положенію, занимаемому ими въ гражданскомъ обществѣ. Если же находились, напримеръ, въ союзѣ рабы и вольноотпущенники, то послѣдніе стояли въ списокѣ впереди рабовъ. Эти списки ясно доказываютъ, что, какъ въ раннюю такъ и въ позднюю эпоху своей исторіи, Римляне всегда отличались любовью къ порядку и уваже-

нием къ закону, и эти-то качества и сдѣлали ихъ народомъ великимъ. Тотъ только сумѣетъ хорошо поведѣвать, кто умѣетъ повиноваться и при преслѣдованіи общественныхъ дѣлей, масса необходимо должна подчиняться одной главѣ, чтобы не разстратить понапрасну силъ и не дать погибнуть самому дѣлу. Что же касается до опредѣленія числа членовъ, то въ этомъ отношеніи все зависѣло отъ Императора, утверждавшаго союзъ и дававшего ему привилегіи и въ то же время назначавшаго maximum членовъ. Это дѣлалось, вѣроятно, изъ боязни, чтобы союзъ не сталъ слишкомъ могущественнымъ и не грозилъ бы опасностью государству. Часто также поступали богатые учредители или покровители, но съ другою цѣлью: они дарили, напримѣръ, кому-то союзу большой капиталъ и въ то же время опредѣляли число членовъ, чтобы имущество союза оставалось лишь въ рукахъ немногихъ. Когда же число членовъ было неограниченно, то оно возросло иногда до громаднаго количества и представители общества находились вынужденными раздѣлять его на центурии и декурии. Это удобное дѣленіе встрѣчаемъ мы повсюду и даже христіанство, много заимствовавшее въ устройствѣ отъ языческихъ союзовъ, ввело его въ свои монашескія общежитія. Отшельники, какъ передаетъ святой Геронимъ, дѣлились также на декурии и центурии, такъ что каждая группа, состоявшая изъ девяти монаховъ, управлялась десятимъ, а десять декурій однимъ центуриономъ.

Когда союзъ вполне образовывался, то онъ приспосабливался къ отысканію себѣ приличнаго помѣщенія. Это мѣсто покоя и отдыха называлось школой (Schola). Бѣдные союзы, которые не могли нанять для себя особое помѣщеніе, собирались въ какой-нибудь тавернѣ, но такіе союзы были немногочисленны. Напротивъ того главные представители каждаго союза соперничали другъ съ другомъ въ украшеніи мѣстъ своихъ собраний. Если одинъ украшалъ его мозаичнымъ поломъ, то другой строилъ портикъ, третій террасу, а четвертый разводилъ садъ и т. д. Такимъ образомъ школа обращалась мало по малу въ миниатюрный дворецъ, а храмъ, составлявшій всегда ея необходимою принадлежность, украшался въ избыткѣ статуями и другими произведеніями искусства. Одно изъ прелестнѣйшихъ зданій подобнаго рода находится въ Регинѣ; оно принадлежало нѣкогда торговцамъ полотнянымъ товаромъ. Школа помѣщалась болѣею частью на открытой площадкѣ и если ея сочлены были въ дружественныхъ отношеніяхъ съ городскими управленіемъ, то послѣднее уступало безденежно имъ мѣсто подъ постройку.

Каждый союзъ избиралъ себѣ изъ боговъ Олимпа особаго покровителя. Музыканты, игравшіе на флейтѣ, поступили въ этомъ случаѣ умнѣе прочихъ; они избрали своимъ патрономъ самого Юпитера и получили дозволеніе Сенаата совершать свои празднества въ Капитолинѣ. Чаше всего покровительницей подобнаго союзовъ избиралась Миннерва. Такъ Овидій приводитъ большое число ремеселъ и занятій, которые считали своей покровительницей эту богиню, а въ концѣ обращается къ школьнымъ учителямъ съ слѣдующей тирадой: „И вы также, несчастное стадо, столь бѣдно оплачиваемое за труды, вы, школьные учителя, бойтесь забывать эту богиню, такъ какъ никто другой кромѣ ея не дастъ вамъ учениковъ“.

Одну изъ главныхъ заботъ союзовъ составляло погребеніе бѣдныхъ своихъ сочленовъ. Бѣднякъ естественно желалъ быть погребеннымъ вмѣстѣ съ тѣми друзьями, съ которыми онъ работалъ, терпѣлъ нужду и бранился. Богатые люди часто дарили бѣднымъ союзамъ общія кладбища, вознаграждая себя за пожертвованіе тѣмъ, что на этомъ же кладбищѣ имъ ставили памятникъ, увѣковѣчивавшій имя жертвователя. Такъ мы находимъ въ одномъ маленькомъ городкѣ, на обеліскѣ слѣдующую надпись: „это мѣсто передъ галльскими воротами при-

несъ въ даръ Каюсъ Вальгустъ Фузійусъ союзу погонщиковъ муловъ для погребенія его умершихъ сочленовъ, какъ настоящихъ такъ и будущихъ, а также и конкубинъ“.

Рабы и вольноотпущенники, хотя и принадлежавшіе къ союзу, хоронились вообще не на его кладбищѣ, но въ колумбаріяхъ (колумбаріумъ — это замурованное подземелье, имѣвшее форму голубятни, въ нишахъ котораго помѣщались урны съ прахомъ умершихъ), устраивавшихся болѣею частью богатыми господами. Такіе колумбаріи находятся въ большомъ количествѣ не только въ Италіи, Франціи и Испаніи, но еще и теперь попадаются въ Германіи. Во времена Адриана, почти въ 136 году по Р. Х. образовались въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ маленькомъ Лаудивіумѣ, погребальныя кассы для бѣдныхъ людей, какъ-то: для рабовъ, отпущенниковъ и для другихъ лицъ, не принадлежавшихъ ни къ какому союзу. Посobie, ими выдаваемое, состояло въ сотнѣ сестерцій и бутылкѣ вина. Общества Діаны и Антіноя, не имѣя средствъ строить колумбаріи своимъ рабамъ, пользовались помощью подобнаго кассы, но за то другіе союзы въ сооруженіи великолѣпныхъ гробницъ своимъ членамъ часто впадали въ безумную роскошь.

Еще расточительнѣе были расходы союзовъ на ихъ пиршества. Уже никого не удовлетворяло болѣе то удовольствіе, которое искалъ трезвый Катонъ въ пиршествѣ, гдѣ, по его словамъ, оно получается не отъ однихъ угонченныхъ наслажденій и возможности вдоволь пить и вдоволь наѣдаться, но главнымъ образомъ отъ встрѣчи тамъ друзей, съ которыми можно вести душевную бесѣду. Катонская воздержность въ этихъ пирахъ разныхъ союзовъ была окончательно забыта и даже дошло до того, что часто въ нихъ нарушались границы всякой умеренности и всякаго приличія. Это обратило на себя вниманіе администраціи и она сочла необходимымъ передъ праздникомъ Цибеллы издать законъ, по которому расходъ на пиршество не долженъ былъ превышать ста сорока рублей на наши деньги. Хлѣбъ, вино и овощи не были при этомъ принимаемы въ расчетъ и могли истребляться въ желаемомъ количествѣ. Этотъ законъ, впрочемъ, не могъ искоренить зла и Варонъ горько жалуется, что частые пиры союзовъ значительно повысили на рынкѣ цѣны на всѣ съѣстные припасы. При этихъ пиршествахъ полагались особыя правила и кто нарушалъ ихъ, подвергался денежному взысканію. Такъ карались буйство, грубость и оскорбленіе чиновныхъ особъ.

Мало по малу римскіе союзы приняли совершенно ложное направленіе и вмѣсто того, чтобы деньги и время употреблять для преслѣдованія различныхъ умственныхъ дѣлей, они тратили свое состояніе и силы на разныя пиршества и тщеславную роскошь погребеній. Они падали все ниже и ниже, увлекаемые потокомъ деморализаціи, которая изъ мѣстъ резиденціи Цезаря распространялась на всѣ свои тогдашняго общества и подтачивала то могучее основаніе, на которомъ зиждилось римское всемірное владычество.

Одно, что оставили языческіе союзы совѣтъ безъ вниманія — это попеченіе о вдовахъ и сиротахъ. Христіанство первое обратило на этотъ предметъ свое благотворное вліяніе и употребило всѣ свои силы на помощь этому великому дѣлу. Такъ одинъ изъ благороднѣйшихъ людей древности, Тертуліанъ, первый побѣдоносно и публично защищавшій новую вѣру въ Спасителя, выразился слѣдующимъ образомъ касательно распредѣленія пожертвованій, поступившихъ въ одну христіанскую общину, къ которой онъ принадлежалъ самъ. „Эти деньги, говорилъ онъ, — переданы въ наши руки не для того, чтобы устраивать роскошныя пиры и воздвигать великолѣпныя надгробныя памятники, но, какъ священный даръ, предназначенны на помощь бѣднымъ и на призваніе вдовъ и сиротъ.“

КЪ РИСУНКАМЪ.

Изъ поэмы Мильтона „Потерянный Рай.“

Въ № 42 Нивы мы уже говорили въ статьѣ о знаменитомъ поэтѣ и его произведеніи, что готовилось къ выходу роскошное изданіе его поэмы съ великолѣпными рисунками Дора. Теперь на дняхъ, изданіе это уже появилось въ свѣтъ и кто ознакомится съ нимъ, тотъ увидитъ, что такого еще не бывало на русскомъ языкѣ. Нельзя не назвать удачною мыслью, вмѣсто плохаго стихотворнаго, сдѣлать прекрасный подстрочный переводъ, что даетъ всегда переводчику возможность сохранить всю силу и величавость теченія рѣчи подлинника, тогда какъ для стиха всегда приходится поступиться тѣмъ или другимъ образомъ или выраженіемъ.

Предлагаемый въ этомъ № Нивы рисунокъ относится къ пѣснѣ IV, именно къ тому мѣсту поэмы, когда Сатана появляется въ предѣлахъ рая и, пораженный, останавливается на обрывѣ горы...

„Въ раздумьи, медленно поднялся сатана на крутую, дикую гору. Онъ съ новымъ изумленіемъ смотритъ на все, что отворено для счастья человѣка. Какая раскинулась картина! Онъ на землѣ вновь созерцаетъ небо...“ (пѣснь IV стр. 70).

Блестяція достоинства таланта Дора, заставляющія въ его

пейзажахъ забывать отсутствіе красокъ, слишкомъ извѣстны и также ярки въ настоящемъ рисункѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ пятидесяти, украшающихъ это роскошное изданіе поэмы Мильтона.

Нечаянное открытіе.

(Рисунокъ Кившенко).

Александръ Ивановичъ Пахотовъ былъ не въ духѣ. Онъ сердито пагалъ изъ угла въ уголь по залѣ, заложивъ за спину руки, нахмуривъ брови; лицо его было красно, движенія до того порывисты и ненормальны, что даже сестеръ, растянувшихся на коврѣ у стола, и тотъ поглядывалъ на него съ самой удивленной миной, недоумѣвая что бы это могло такое произойти съ „его превосходительствомъ.“

— Это чортъ знаетъ что такое, — началъ „его превосходительство“, — останавливаясь противъ бронзовыхъ часовъ, поставленныхъ на трюмо, и свѣряя ихъ съ своими карманными. — Поѣхала на минуту къ теткѣ и сидитъ дѣлые три часа. Мнѣ самому надо ѣхать — быть къ пяти у его превосходительства, а тутъ сиди, жди ее. Не могу же я такъ ѣхать, не выдавши ее, не распорядившись на счетъ вечера.

Онъ, сжавъ кулаки, направился въ залу. Мишель Линчиковъ былъ красивый, розовый юноша, рослый, съ подстриженными кончиками волосъ на лбу и въ коленяхъ гимназическомъ мундирѣ на бѣлой подкладкѣ.

— Здравствуйте,—отвѣтилъ ему на поклонъ его превосходительство,—я взялъ съ фортепяно цилиндръ и перчатки.—Не хотите-ли со мной прокатиться?

— Нѣтъ-съ, я хотѣлъ... Миѣ Евгения Александровна хотѣла...

— Да,—но все таки прокатиться не мѣшаетъ, васъ обдуетъ... ъдемте, ъдемте...

— Евгения Александровна...

— Евгения Александровна не выйдетъ къ вамъ, и очень проситъ васъ прокатиться,—намъ по дорогѣ, я въ Гагаринскую...

— Но...

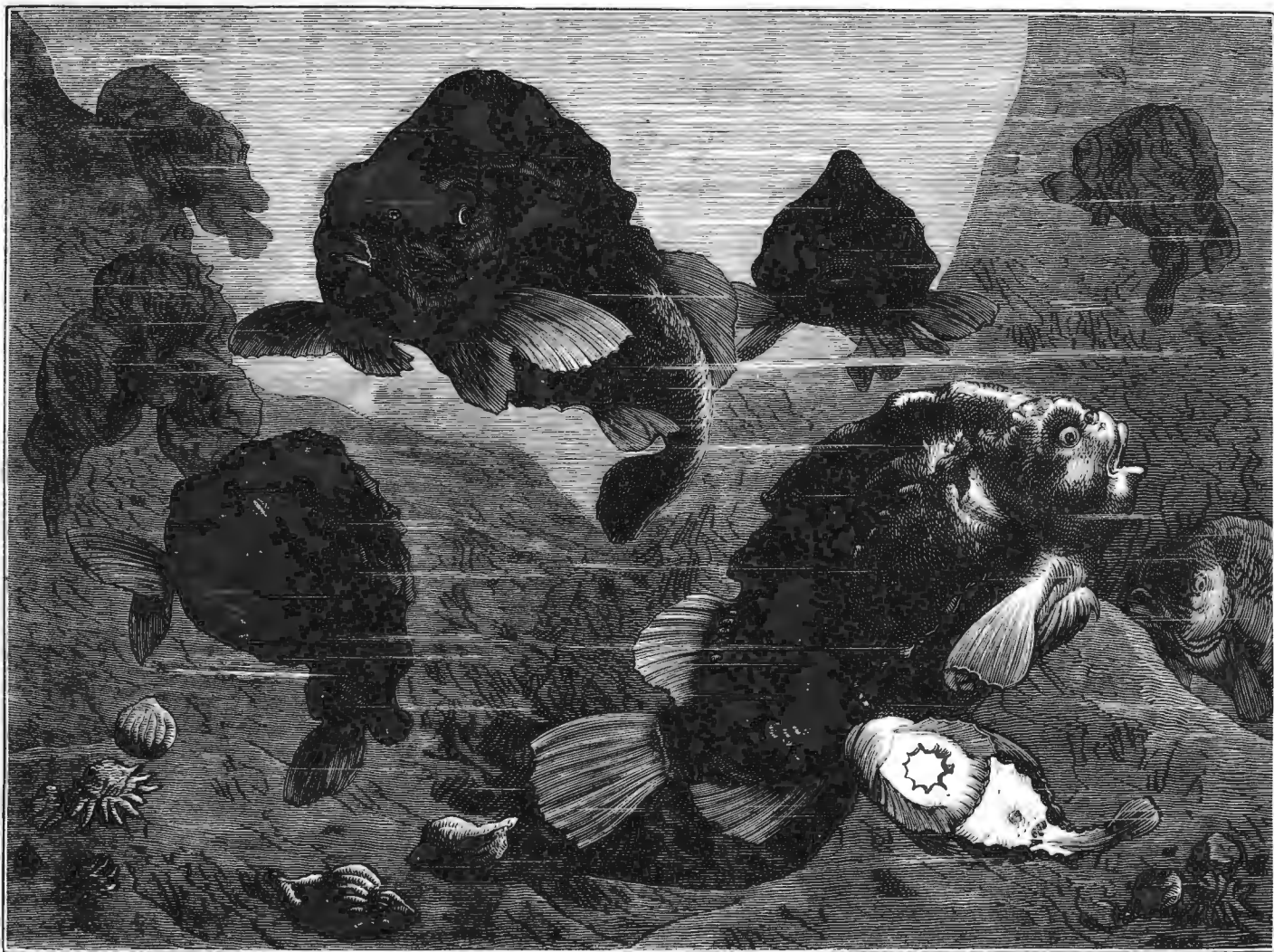
— Миѣ кстати надо поговорить съ вами кое о чемъ. Вы такой отличный латинистъ,—не знаете-ли вы, изъ какой это оды, кажется Горация:

произведенію искусства, будь то поэма, картина, ораторія, статуя. Этотъ тотъ мигъ, про который Пушкинъ говоритъ:

...лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта вострепнется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ погамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы...

И въ такую минуту, когда поэтъ, по чудному выраженію Пушкина, „и звуковъ и сматенья полнѣ“, при такихъ порывахъ, творческая сила почти бессознательно, сильно, невольно, инстинктивно, такъ сказать, производитъ художественныя вещи. А безъ этихъ порывовъ, однимъ трудомъ, не смотря на самыя ужасныя потуги мысли, нельзя ничего добиться...

Сколько неудачливыхъ поэтовъ и писателей, свое пониманіе

Морскіе зайцы. Рис. съ натуры въ аквариумѣ Г. Кохъ грав. К. Вейерманъ.

„Ахъ мой дружокъ, склонись
Ты миѣ головкой на грудь...“

— Вотъ что! пробормоталъ Мишель, густо краснѣя, и прибавилъ громко.—Нѣтъ мерси,—миѣ въ Гагаринскую не по дорогѣ,—я въ другую сторону... Миѣ тамъ надо, я отозванъ...

— Ну, что дѣлать, значить только до подъѣзда намъ съ вами.

И они стали спускаться съ лѣстницы...

Вдохновеніе.

(Картина И. П. Александра).

Передъ нами прелестная энергичная голова юноши, готового въ порывѣ вдохновенія вылить въ звучныя строфы то, чѣмъ полна его душа въ данную минуту. Художникъ старался воплотить въ этой головѣ, въ экспрессіи лица, присутствіе той творческой силы, которая сопутствуетъ каждому талантливому

принимающихъ за талантъ и усленно завимающихся дѣломъ, которое имъ не подъ силу, иногда погибающихъ въ этихъ усилияхъ! „Братья писатели! Въ нашей судьбѣ что-то лежитъ роковое“ говорятъ Некрасовъ.

Чтобъ одного возвеличить, борьба
Тысячи слабыхъ уносить.
Даромъ ничто не дается,—судьба
Жертвъ искупительныхъ просить...“

Древнее еврейское кладбище въ Прагѣ.

Время появленія Евреевъ въ Западной Европѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Чехіи, совпадаетъ, какъ полагаютъ, съ той великой эпохой всемірной исторіи, когда римляне взяли Иерусалимъ и разрушили его храмъ—завѣтную святыню всего Иудейства. Вся Чехія тогда еще была покрыта густыми лѣсами и среди ея дикаго, языческаго населенія едва стали пробиваться свѣтлые лучи христіанства. Евреи нашли себѣ безопасное убѣжище

среди наивных, грубых, но добросердечных дикарей и жизнь их текла спокойно и безмятежно до самого начала крестовых походов, неожиданно возбудивших, в крайней степени, религиозные страсти средневековой Европы и подавших сигнал к повсеместному преследованию Евреев. Возникновение древнего еврейского кладбища относится именно к этой отдаленной эпохе и на его старых, покрытых мохом, могильных плитах, испещренных грустными эпитафиями, можно прочесть тяжелую повесть преследований, которыми подвергались Евреи в средние века. Самые могилы не могли тогда скрыть их трупы от ожесточенного поругания. Само правительство, то оказывало Евреям внимание и помощь, и давало даже им некоторые льготы и привилегии, то изгоняло их и отбирало все накопленное ими достояние. Таким изгнанием пражские Евреи подвергались неоднократно; в 1059 году по обвинению в поджоге церкви, а в 1081 году в умерщвлении христианского ребенка. При изгнании в 1059 году, у них конфисковали все имущество, стоимостью в 85,408 марок, которые и употребили на постройку, вместе сгоревшего, нового храма. Вообще, по показанию чешского историка Космы Пражского, при каждом выселении Евреев, у них отнималось столько сокровищ, сколько не удалось даже забрать грекам при покорении Трои. Особенно тяжело оговались на пражских Евреях события 1389 года, когда народ вырвал в еврейском квартале до 3,000 жителей всякого пола и возраста. Очевидец этой резни, раб Авигдор, оплакивая ее в одной элегии, говорит, что даже кладбище, это место успокоения давно умерших, не избежало опустошения; могилы были разрыты, кости усопших выкинуты, надгробные камни разбиты, а могильные насыпи сравнены с землею. Во время же осады и вражеских нашествий, которым неоднократно подвергалась Прага, когда необходимо было возводить укрепления, то материал для них всегда брали из еврейского кладбища и опустошали могилы. Такой участи подвергся и величайший мавзолей, поставленный Евреями на могиле их знаменитого учителя и поэта Иегуды бенъ Галеви, который по словам Гейне,

...Как огненный, великий
Яркий столбъ предъ караваномъ.
Иудеевъ грустныхъ—шелъ
По пустынь ихъ изгнанья...

Таким образом исчезло с лица земли множество древних памятников, а удельные принадлежать уже преимущественно к XV и слѣдующимъ вѣкамъ, хотя достоверно известно, что пражское еврейское кладбище существовало еще во времена языческой; доказательствомъ этому можетъ служить открытый здѣсь памятникъ Сары, жены Арошита Иосифа, погребенной, если вѣрить надписи, в 606 году, т. е. 120 лѣтъ ранѣе того времени, когда была основана Прага. Кроме этого памятника есть еще два другие; одинъ 942 года, а другой 980. Изъ памятниковъ XV и слѣдующихъ столѣтій есть много весьма замѣчательныхъ, какъ напримѣръ: Раби Авигдора, Раби Гадаличе врача, Иосифа Соломона дель Медно изъ Канди, еврейскаго ученаго XVII вѣка и Мордехея Мейзеля, добродѣтельнаго богача. Кроме того здѣсь погребено множество извѣстныхъ еврейскихъ раввиновъ, врачей, писателей, старшинъ и другихъ лицъ, потрудившихся для пользы своего племени.

Для сыновъ Израиля древнія драгоценныя гробницы эти были всегда дороги и постоянные протесты ихъ противъ оскорбления и поруганія завѣтныхъ могилъ не всегда оставались гласомъ вопиющихъ въ пустынь. Властители и папы являлись защитниками древняго еврейскаго кладбища. Такъ, папа Климентъ IV и Пій II издали особая буллы, ограждавшія его неприкосновенность, а согласно привилегіямъ, даннымъ Премисломъ Оттокаромъ II, каждое поруганіе еврейскаго кладбища наказывалось смертною казною. Кроме того, много узаконеній было издано и въ послѣдствіи, чтобы положить предѣлы разрытію могилъ и поруганію труповъ; вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось ломать или похищать могильные памятники, а также пасти скотъ на кладбищахъ Евреевъ. Но всѣ эти мѣры оказывались тогда неэффективными противъ народнаго возбужденія и даже въ XVIII вѣкѣ и именно въ 1744 году, при отступлении пруссаковъ изъ Праги, чернь, производя грабежи и убійства въ еврейскомъ кварталѣ, не пощадила и древняго еврейскаго кладбища и произвела на немъ страшное опустошеніе.

Съ 1787 года, вслѣдствіе повелѣнія Императора Иосифа II о ведоущеи дальнѣйшихъ погребеній на пражскомъ еврейскомъ кладбищѣ, какъ находящемся въ чертѣ города, это древнее мѣсто погребенія болѣе не распространяется, но оно донынѣ бережно охраняется какъ драгоценный памятникъ отдаленной древности. Всѣ проекты и предложенія о совершенномъ его срытіи и уничтоженіи до сихъ поръ постоянно отклонялись Императоромъ и вѣроятно кладбище это отнынѣ останется неприкосновеннымъ.

Базаръ въ Тегеранѣ.

На нашей картинкѣ представлена внутренность базара въ Тегеранѣ, столицѣ Персіи. Кроме главныхъ судилищъ, рѣшаю-

щихъ уголовныя дѣла, въ Персіи, въ каждомъ городѣ, находится еще особаго рода судилище, постановляющее быстрыя рѣшенія судомъ *дарогаха*. Такъ называется судья, который есть въ то же время и начальникъ полиціи и главный смотритель надъ базарами, находящимися подъ его надзоромъ. Имъ лично разбираются незначительныя тяжбы, споры, ссоры, драки. Дарогахъ имѣетъ свою особенную стражу, гайдуковъ, которые тутъ же на мѣстѣ приводятъ въ исполненіе назначенное наказаніе. Среди шума и толкотни базара, мы видимъ сцену, столь обычную въ столицѣ властителя Ирана, что изъ всей базарной толпы никто не обращаетъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Происходитъ палочная расправа. Виновный привязанъ за ноги къ длинной жерди, которую держатъ за оба конца двое полицейскихъ; несчастный корчится отъ боли, но это ни мало не смягчаетъ судью,—онъ велитъ до конца отсчитать полное количество ударовъ по *голымъ подошвамъ*. Это какой-нибудь мелкій воршика, полавшійся въ ничтожномъ воровствѣ или мелкой плутнѣ, но иногда дѣло кончается гораздо серьезнѣе. Вотъ примѣръ строгости, съ какою дарогахъ могутъ наказывать за извѣстные проступки. Жители Тегерана жаловались какъ-то на недобросовѣстность булочниковъ и мясниковъ. Многіе изъ этихъ торговцевъ были наказаны палочными ударами, заплачены значительный штрафъ, а жалобы все продолжались; наконецъ онѣ дошли до шаха, который подвергъ ответственности дарогахъ за плутни, допускаемыя имъ на базарѣ, въ ущербъ жителямъ. Самому дарогаху пришлось трепетать за свою жизнь. Онъ усилилъ надзоръ и наконецъ обнаружилъ тѣ злоупотребленія, на которыя справедливо ропталъ народъ и обязалъ примѣрно наказывать виновныхъ. Однажды, совершенно неожиданно, явился онъ у двухъ продавцевъ, пользовавшихся самою дурною славою: это были булочникъ и мясникъ. Онъ нашелъ у нихъ большія несправности; народъ толпился передъ ихъ лавками и требовалъ строгаго наказанія. Мясникъ, менѣе виновный чѣмъ булочникъ, былъ приговоренъ за ухо передъ своимъ прилавкомъ; что же касается до булочника, закосившаго обманщика, то надъ нимъ дарогахъ дѣйствительно показалъ примѣръ общанной строгости и булочникъ поплатился головой за свои продѣлки.

Саратовская крестьянка.

Говоря о нашей крестьянкѣ, обыкновенно принято у насъ разумѣть женщину—работницу, помощницу мужа, почти не имѣющую никакого голоса и значенія въ общественной сельской жизни; но подобное представленіе невѣрно. Въ тѣхъ губерніяхъ, особенно, гдѣ много сектантовъ, раскольниковъ—женщина играетъ весьма важную роль не только въ семьѣ, но и въ обществѣ. Причинъ этому много и онѣ въ самомъ бытѣ раскольниковъ... На рисункѣ, саратовская крестьянка изображена въ праздничномъ нарядѣ; онѣ отличается скромностью. Это не шеголиха, а только прилично одѣтая женщина. Это не простая полевая работница. Въ тѣхъ мѣстахъ, изъ среды женщинъ, являются прославленные, извѣстные въ старообрядствѣ наставницы, такъ называемыя *дѣвѣцъ-старчички*, на которыхъ чуть не молятся. Слово дѣвица-старчикъ у насъ мало извѣстно, но очень обычно среди крестьянъ Саратовской губерніи. *Старчичками* называются у саратовскихъ крестьянъ дѣвушки, рѣшившіяся не выходить за мужъ. Носятъ онѣ обыкновенно особаго покроя сарафаны съ широкими рукавами. Это нѣчто въ родѣ монахини. Дѣятельность ихъ заключается въ томъ, что онѣ учатъ дѣтей, сучатъ восковыя свѣчи для моленъ, читаютъ по усопшимъ псалтирь. Сдѣлаться старчичкомъ, по мнѣнію вѣрующихъ, значитъ *„во плоти войти въ рай.“* Старчичковъ называютъ также *матушками*.

Женщина начѣтчица извѣстна хорошо у старообрядцевъ повсюду, но въ Саратовской губерніи онѣ пользуются особымъ уваженіемъ. Хвалынскъ, городъ Саратовской губерніи, считался издавна резиденціей разныхъ старообрядческихъ архіереевъ; въ буеракахъ Баранниковомъ, Мечевомъ и Марянинѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ губернскаго города, почти на нашихъ глазахъ существовали старообрядческія скиты. Дѣвица-старчикъ дѣйствительная сила, и сила такъ или иначе интеллектуальная. Чтобы быть начѣтчицей, отказаться навсегда отъ замужества, нужно иногда не мало воли, увлеченія. Честолюбивыя и почему нибудь обездоленные идутъ въ *матушки*, остаются дѣвушками. За свое самопожертвованіе онѣ получаютъ значеніе и пользуются со всѣхъ сторонъ почетомъ. Не всѣ выдерживаютъ конечно *старичество*; нѣкоторые отказываются отъ безбрачія и выходятъ за мужъ. Но эти уклоненія еще сильнѣе возвышаютъ твердыхъ *старчичковъ* въ глазахъ старообрядцевъ.

Кто знаетъ какія сильныя страсти таятся подъ этимъ скромнымъ нарядомъ; страсти сокрытыя, но всегда могущія прорваться наружу.

Саратовская дѣвушка-старчикъ не всегда существо безстрастное; этому противорѣчатъ и рассказы о жизни въ скитахъ и свѣденія о томъ, что почти ни одно дѣло о старообрядческомъ архіерее не обходилось безъ женщинъ.

Въ послѣднее время рядъ превосходныхъ романовъ („на го-

рахъ“, „въ лѣсахъ“ и друг.) нашего извѣстнаго писателя г. Мельникова (Печерскаго) съ чрезвычайною яркостью и силою изображающихъ быть старообрядцевъ Поволжья, познакомили насъ съ внутреннею жизнью этой замѣчательной среды. Глубокое знаніе народнаго быта и мастерство изложенія придаютъ этимъ произведеніямъ нашего писателя особенную, высокую цѣну.

Морскіе зайцы.

„Морскимъ зайцемъ“ или „Думномъ“ (*Cyclopterus lumpus*) называется странной формы рыба, принадлежащая къ семейству *круглобрюхи* (*Discoboli*). Въ разныхъ европейскихъ акваріяхъ находится множество этихъ странныхъ рыбъ. Такъ и кишатъ онѣ на днѣ.

Имѣющій крайне страшную фигуру морской заяцъ, достигаетъ длины около 12 вершковъ. Кожа его лишена чешуи, свойственной рыбамъ, но снабжена костистыми наростами и отличается разнообразными цвѣтами. Спина снабжена буро-сѣраго цвѣта горбомъ, напоминающимъ въ миниатюрѣ горбъ верблюда; на брюшкѣ же кожа рыбы этой снабжена прелестными зелено-голубыми чешуйками. Голова, имѣющая почти форму конуса, выдающіяся мясистыя губы, далеко отстоящіе другъ отъ друга подвижные глаза, обрамленные бѣлыми полосками ноздревыя отверстія—все это, вмѣстѣ взятое, придаетъ животному неприятный видъ. Самую замѣчательную особенностью морскаго зайца представляетъ сосательный (въ формѣ круглой пластинки) аппаратъ, развитійся изъ брюшныхъ плавниковъ. Подобный же органъ можно указать только у особаго класса животныхъ „всасывающихся“, напр. *Lepadogaster bimaculatus*, у морской улитки (рыба) *Liparis vulgaris* и у нѣкоторыхъ другихъ. Посредствомъ круглой бородавки, находящейся на сосательномъ кружкѣ, морскіе зайцы весьма крѣпко присасываются къ скаламъ, кораблямъ и даже большимъ морскимъ животнымъ. Причина же присасыванія этихъ животныхъ до сихъ поръ не объяснена надлежащимъ образомъ. Когда „зайцы“ присасывались къ кораблямъ и совершали такимъ образомъ огромныя путешествія, то это явленіе пытались объяснить недостаточною способностью морскихъ зайцевъ къ плаванію. Но на основаніи наблюденій, нужно заключить, что морской заяцъ вовсе не плохой пловецъ: напротивъ, своимъ

проворотствомъ въ плаваніи онъ даже превосходитъ своихъ собратьевъ по акварію. На прилагаемомъ рисункѣ на первомъ планѣ видны морскіе зайцы, твердо присосавшіеся къ камнямъ акваріи. Одно изъ этихъ животныхъ (малый экземпляръ) лежитъ брюшкомъ къ зрителю, и позволяетъ отчетливо видѣть присасывающійся аппаратъ*). И вотъ въ этомъ положеніи и занятіи присасыванія къ камнямъ, проводятъ эти животные цѣлыя часы, даже дни. Можно видѣть, какъ иногда морскій заяцъ присасывается къ подошкѣ дикой, неприступной скалы, стоящей въ морской водѣ; животное часто, опустивъ голову внизъ, сверлитъ своимъ аппаратомъ каменную твердую, вѣрообразно вращая своими грудными плавниками. Надо сказать и то, что названіе „зайцевъ“ дано этимъ животнымъ неудачно. Они вовсе не трусливы, а дерзки и отважны. Яростно вапачаетъ заяцъ на щуку, во много разъ превосходящую его величиною и силою, безпрестанно охотится за навагомъ, особенно же съ непонятнымъ ожесточеніемъ преслѣдуетъ гомара или морскаго рака. Во время кормленія эти животныя обнаруживаютъ свои хищническіе инстинкты. Заяцъ яростно вырываетъ у своего противника пищу буквально изо рта (напр. поглоченнаго червяка). Мясо этихъ животныхъ, преимущественно водящихся въ сѣверномъ и восточномъ океанѣ, не считается особенно вкуснымъ. Впрочемъ, на примѣры, исландцы считаютъ морскаго зайца лакомымъ, но предварительно держатъ его нѣсколько дней въ рассолѣ. Тюлень ревностно преслѣдуетъ морскихъ зайцевъ; но съѣдаетъ ихъ, только тщательно снявъ кожу съ нихъ.

Есть еще одно животное, тоже носящее имя „морскаго зайца“. Это порода морскихъ улитокъ, принадлежащихъ къ отряду *Gastropoda* и, по преданіямъ, содержащихъ въ своемъ кишечномъ каналѣ ядъ. Животное это водится у береговъ Англіи и названо „Морскою коровою“ (*Aplysia depilans*). Слово *depilans* значитъ „стригущій волосы“ и указываетъ на остроту отдѣляемаго животнымъ яда. Исторія говоритъ намъ, что этимъ ядомъ отравились римскіе императоры *Неронъ* и *Домитіанъ*. Однако, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, отдѣляемый морскою улиткою сокъ оказывается совершенно безвреднымъ. Древнему писателю Плинію морскіе зайцы были извѣстны подъ именемъ *Lepus Marinus*. И животное это играло, въ исторіи отравъ и чародѣйства временъ Римскаго цезаризма, значительную роль.

Политическія извѣстія.

Тяжко отозвалась на внутреннихъ дѣлахъ Австро-Венгерской монархіи оккупация Босніи и Герцеговины. Въ отвѣтномъ, на тронную рѣчь, адресѣ представители страны указываютъ на всѣ затрудненія, порожденныя вѣтшею политикою министерства и энергически протестуютъ противъ этой политики. Дѣйствительно, если, съ одной стороны, предпринятое Австріей дѣло занятія областей еще больше отяготило бюджетъ и усилло финансовый кризисъ, то, съ другой,—едва не повело къ весьма серьезному столкновенію между двумя главнѣйшими составными частями имперіи. Венгры упорно отказывались принять бюджетъ расходовъ на оккупацию. Борьба дошла до того, что была минута, когда существованіе самой системы дуализма казалось не прочнымъ. Повидимому, однако, правительству удалось придти къ соглашенію съ недовольными, такъ какъ венгерскія делегации приняли бюджетъ. Судя по всему, соглашеніе съ мадьярами достигнуто едва ли не цѣною будущаго порабощенія имъ Босніи и Герцеговины въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Говорятъ, что желѣзныя дороги отъ Мостара и Сераева проведутся къ Пешту, а не къ Вѣнѣ, что политическое представительство въ новыхъ областяхъ будетъ составлять подчиненную часть мадьярскаго и что уже теперь чиновникъ славянскаго происхожденія, поставленный сначала тамъ, замѣняются венгерскими комиссарами. Къ осуществленію же общаго плана будетъ, вѣроятно, вскорѣ приступлено. Сопротивленіе сломлено вездѣ (кромѣ Новаго Базара) введенъ „порядокъ“ настолько, что, по словамъ австрійскихъ офиціозныхъ газетъ, главнокомандующій въ Босніи, баронъ Филипповичъ полагаетъ, что оккупационную армію можно распустить со всѣмъ ея штабомъ и замѣнить военными властями, поставивъ во главѣ простаго правительственнаго комиссара. Подтверженіемъ извѣстій о наступленіи „мира“ въ несчастныхъ провинціяхъ служитъ полученная въ Вѣнѣ изъ Сераева депеша, въ которой сообщается, что 9-го ноября (н. с.) депутация магометанскихъ беговъ подала барону Филипповичу адресъ на имя императора, съ просьбой о присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи, дарованіи амнистии и проч. Конечно, адресъ, выражающій, на примѣръ, желаніе магометанъ разорвать всякое единеніе съ Шейхъ-Уль-Исламомъ, т. е. своимъ духовнымъ главою, трудно объяснить иначе, какъ принужденіемъ. Однако, конвенція между Портой и Вѣнскимъ кабинетомъ пока все таки не заключена и недавно между Савфетомъ-Пашею и графомъ Эичи происходили новые переговоры по поводу этого. „Политическая Корреспонденція“ говоритъ, что великій визирь объяснилъ австро-венгерскому посланнику причину сосредоточенія турецкихъ войскъ въ окрест-

ностяхъ Новаго Базара тѣмъ, что необходимо поддержать порядокъ и предупредить новое возстаніе...

Родонскій мятежъ близится къ концу—болѣзни и голодъ разгоняютъ несчастныхъ инсургентовъ въ разныя стороны и преимущественно къ русскимъ форпостамъ, которымъ, говорятъ, уже сдастся около двухъ тысячъ человекъ. Глава Родонскаго, на этотъ разъ его побѣдѣ приписываютъ особую цѣль, не имѣющую ничего общаго съ интересами возстанія: передаютъ, что онъ вербуетъ корпусъ въ 50 тысячъ человекъ для поддержки Британіи въ ея войнѣ съ Афганистаномъ, на что получилъ отъ С.-Джемскаго кабинета будто бы 100 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Британское правительство что-то не особенно спѣшитъ раздѣлаться съ эмиромъ и обратило снова все вниманіе на Балканскій полуостровъ. По крайней мѣрѣ, члены министерства, во всѣхъ своихъ публичныхъ объясненіяхъ, говорятъ только объ этомъ. Недавно, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, на митингѣ въ Ливнѣ, сказалъ, что „Британія поступитъ строго (!) съ тѣми, кто нарушитъ торжественно принятыя на себя обязательства и для поддержанія Берлинскаго трактата не отступитъ и предъ войной“; лордъ Биконсфильдъ закончилъ свою рѣчь на банкетѣ лорда-мэра слѣдующими словами: „Британское правительство рѣшилось требовать буквального выполненія трактата и если окажется нужнымъ, обратиться съ воззваніемъ къ британскому народу за поддержкой его со всею энергіею и всѣми средствами страны.“ Императоръ Францъ-Иосифъ, принимая венгерскія делегации, сказалъ также жемъ прочимъ, что „австро-венгерское правительство будетъ помогать послѣдовательнаго и всесторонняго выполненія Берлинскаго трактата.“ „Полит. Корресп.“ опровергаетъ сообщенное британскими газетами извѣстіе о состоявшемся, будто бы, между Британіей и Австріей соглашеніи на счетъ очищенія турецкой территоріи русскими войсками. Наконецъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, Е. В. Государь Императоръ изволилъ выразить,—по поводу циркулярной ноты Ваддингтона въ пользу Греціи,—твердое рѣшеніе исполнить постановленія Берлинскаго трактата.

Бессарабія присоединена окончательно. 8 октября, въ воскресенье, происходилъ въ Измаилѣ торжественный актъ присоединенія вновь отошедшей къ Россіи области. Въ 10 часовъ главноуполномоченный нашъ со свитою направился къ при-

* Извѣстно, что нужно усиліе чтобы морскаго зайца, даннаго въ два, три вершка, оторвать отъ предмета, къ которому онъ присосался. Даже мертвого зайца оторвать трудно.

станн, гдѣ встрѣченъ былъ войсками и духовенствомъ. Молебень отслуженъ при стеченн безчисленной толпы народа. Едва кончилось „Тебѣ Бога хвалимъ“ какъ взвился императорскій шгандартъ и войска и народъ на объявление о присоединенн отвѣтили единодушнымъ „ура“, смѣшавшимся съ салютомъ девяти орудій.

25 сентября въ Ташкентѣ командующимъ войсками округа

былъ сдѣланъ смотръ по тревогѣ въ присутствн членовъ авганскаго посольства. Загорѣлые люди имѣли мужественный и воинственный видъ, восхитившн нашихъ гостей. Командующнй войсками со свитой и посольствомъ въѣхалъ на гору, откуда видны были войска во всемъ ихъ составѣ.

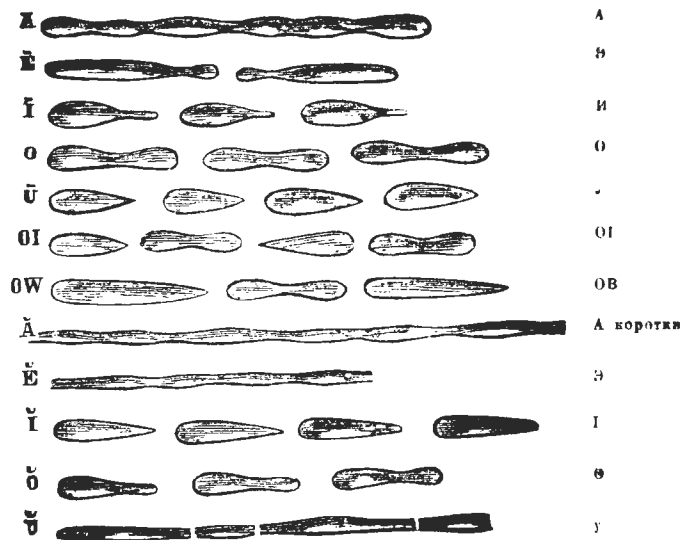
Авганистанъ укрѣпляетъ города свои и значительныя войска стягиваются къ Капдагару.

НОВЫЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ И ОТКРЫТІЯ.

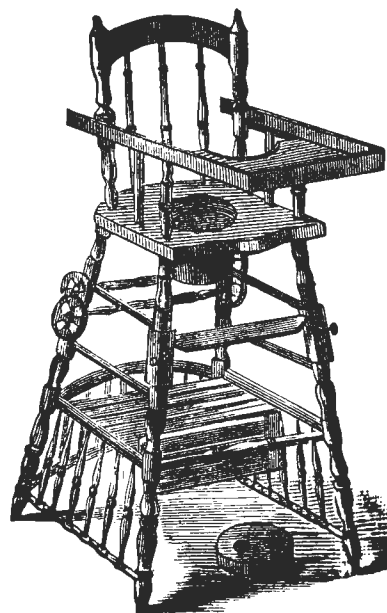
Фонографическіе отпечатки подѣ микроскопомъ. Въ одномъ изъ заведеннхъ Института Франклина, проф. Фразезъ докладывалъ о результатахъ, полученныхъ имъ при изслѣдованн подѣ микроскопомъ станиоловыхъ (тонкихъ цинковыхъ) пластинокъ взятыхъ изъ фонографа, съ цѣлю опредѣленн формъ различныхъ звуковъ. Впередъ можно было ожидать, что отдѣльные

звуки. Звукъ ow даетъ тоже сложный типъ, который однакожъ не могъ быть изображенъ вполне точно.

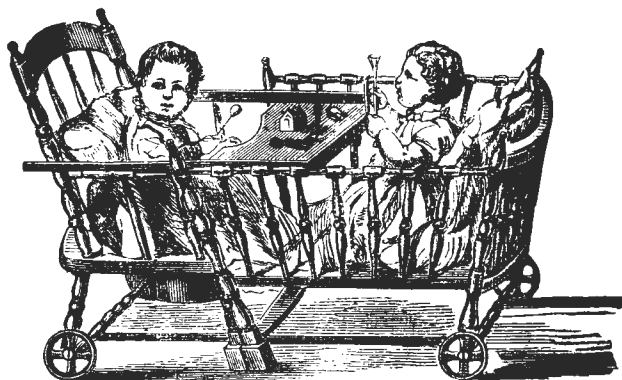
Сладное передвижное дѣтское кресло, столъ, кровать и люлька — Криммеля. Это новозобрѣтенная патентованная дѣтская мебель выставлена на фабрикѣ дѣтскихъ экипажей Истера въ Зейтцѣ.

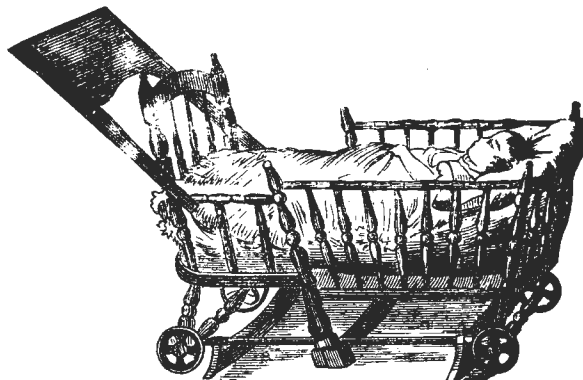
Вдавленія на станиоловыхъ пластинкахъ фонографа сильно увеличенныя микроскопомъ.

Сладное кресло: Фиг. 1. Высокое дѣтское кресло.

Фиг. 2. Двойная дѣтская телѣжка.

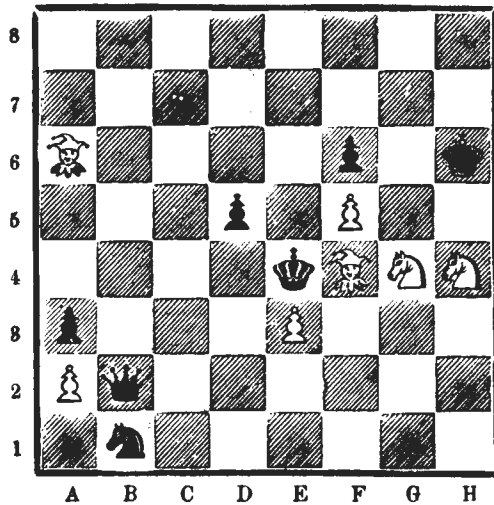
Фиг. 3. Кровать.

звуки дадутъ въ фонографѣ характеристическія изображенія. Наблюдатель долженъ произносить звуки въ трубку фонографа, по возможности, въ равныхъ другъ отъ друга промежуткахъ и въ ту очередь, какая усматривается въ приложенномъ рисункѣ, повторяя трижды каждый звукъ, на три различныя станиоловыя пластинки. Первые отпечатки, имѣющіе цѣлю опредѣлить, отчетливо ли произносятся звуки, — отбрасываются въ сторону. Углубленія представляются подѣ микроскопомъ такъ, какъ видно на приложенномъ изображенн. Въ сущности длинныя и короткія гласныя представляютъ тождественность формъ, только въ послѣднихъ колебанія слабѣе, такъ что шгифтикъ, нерѣдко, вовсе не покидаетъ станиоловой пластинки, какъ можно видѣть при звукѣ Е., гдѣ линія только попеременно то суживается, то расширяется. Особенно интересенъ звукъ ой, состоящій изъ звуковъ ѳ и і: фонографическіе отпечатки даютъ характеристическое изображеніе обликъ отдѣльныхъ зву-

По своей чрезвычайно практической конструкціи она стоитъ того, чтобы обратить на нее вниманіе. Въ первоначальномъ видѣ—это высокое дѣтское кресло со столикомъ, который предохраняетъ ребенка отъ паденія. Весьма остроумно устроено оно, такъ что десятилѣтній даже ребенокъ безъ труда можетъ его обратить въ настоящую комнатную дѣтскую телѣжку. Въ ней ребенокъ можетъ весьма удобно лежать, какъ въ кровати; еще одинъ поворотъ и двое дѣтей могутъ уже сидѣть другъ противъ друга; ихъ раздѣляетъ столъ. Если угодно, можно изъ повозки сдѣлать также люльку. Если сообразить, какъ хлопотливо въ дурную, особенно, погоду помѣщать въ комнатѣ дѣтскія повозочки, сколько возни съ ихъ чисткой; если вспомнить, что въ каждой дѣтской необходимо и высокое кресло и столики и кровати, то это изобрѣтеніе должно получить свою оцѣнку. Это кресло недорого продается у Гуго Биндера въ Берлинѣ, Кенникъ ул. № 45 и у Ричарда Фурхта въ Лейпцигѣ.

Шахматная задача.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинают и выигрываютъ въ 2 хода.

Рѣшеніе шахматной задачи въ слѣдующемъ номерѣ.

Рѣшеніе арифметической задачи, помѣщенной въ № 45 „Нивы“:

А получилъ 4 коп.
Б 1 коп.

Въ этомъ шестоперѣ по всей длинѣ его расположены шесть буквъ, составляющихъ одно слово. Разгадай въ слѣдующ. №.

ЗАДАЧА.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Канареечная улица В. И. Л - ву. Вы надѣетесь, что въ нашихъ стихахъ есть „хоть малая толика поэзій“. На сколько основательна ваша надежда, всякій можетъ видѣть хоть изъ слѣдующихъ строфъ:

Пустынно сердце и широко
Но чужда бѣдному любовь.
Лишь грусть вгнѣздившая глубоко
Сосетъ какъ вампиръ мою кровь.

Быть можетъ вы найдете не лишнимъ принять къ свѣдѣнію, что слова „вампиръ“ и „чужда“ имѣютъ удареніе на второмъ слогѣ Вы говорите:

Ахъ не быть видно мнѣ
Во вѣкъ счастливымъ
И за что ни возьмусь
Изъ рукъ валится
Нѣтъ усѣха ни въ чемъ
Безталанному.

Это очень грустно. Но это бываетъ обыкновенно въ томъ случаѣ, когда берутся не за свое дѣло.

Опечатна въ № 45, 1 стр., 1 столбецъ, 10 стр. сверху: вмѣсто по ящикамъ, слѣдуетъ читать по ящикамъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Николай Ивановичъ Костомаровъ (съ портр.) — Царь дѣвица. Историческій романъ В. С. Соловьева (продолженіе). — Рабочіе и промышленные союзы въ древнемъ Римѣ. — Изъ поэмы Мильтона «Потерянный Рай» (съ рис.) — Нечаянное открытіе (съ рис.) — Вдохновеніе (съ рис.) — Древнее еврейское кладбище въ Прагѣ (съ рис.) — Базаръ въ Тегеравѣ (съ рис.) — Саратовская крестьянка (съ рис.) — Морские зайцы (съ рис.) — Политическія извѣстія. — Новыя изобрѣтенія. — Шахматная задача — Рѣшеніе арифметической задачи — Задача. — Почтовый ящикъ — Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. За редактора Ф. БЕРГЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

Х годъ. Открыта подписка на 1879 годъ. Х годъ.

„НИВА“

иллюстрир. журналъ литературы, политики и современной жизни,

выходитъ еженедѣльно, т. е. 52 № въ годъ (болѣе 1000 страницъ большого формата in Quarto) болѣе 500 особыхъ художественно выполненныхъ рисунковъ, съ даровымъ ежемѣсячнымъ приложеніемъ

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“

(около 400 рисунковъ моды и бѣлья, до 240 рисунковъ рукодѣльн. работъ, около 300 чертежей выкроекъ и до 350 разнообразн. буквъ инициаловъ для мѣтки бѣлья)

И РАЗНЫМИ ДРУГИМИ ПРЕМІЯМИ

будетъ издаваться въ 1879 г. по той же программѣ какъ и въ прошедшіе девять лѣтъ.

Подписка принимается въ СПБ. въ Конторѣ Редакціи, по Б. Морской № 9.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“

съ правомъ на полученіе всѣхъ бесплатныхъ премій въ теченіе 1879 года.

Безъ доставки въ С.-Петербургъ . . . . . 4 р.

Съ доставкою въ С.-Петербургъ . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ И. Г. Соловьева.

А. Ланга и А. Ф. Живарева . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Москвѣ и др. городахъ и мѣстечкахъ Имперіи . . . . . 6 „

Для Гг. служащихъ, какъ въ частныхъ такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ, допускается разсрочка за ручательствомъ Гг. Казначеевъ и Управляющихъ.

Въ теченіи девяти лѣтъ журналъ „Нива“ оставался вѣрнѣ своей программѣ и употреблялъ всѣ средства для того, чтобы вполнѣ оправдать свое назначеніе: быть журналомъ для семейнаго чтенія. Тщательный выборъ статей и рисунковъ, ихъ разнообразіе, постоянное стараніе редакціи сообщать читателямъ полезныя свѣдѣнія изъ области науки и современной жизни — достаточно это доказываютъ. Кромѣ того, за всѣ эти девять лѣтъ наши подписчики, при неизмѣнно правильной и своевременной разсылкѣ номеровъ журнала, всегда получали не только все то, что имъ было обѣщано, но и значительно больше прогнѣ обѣщаннаго.

Русское Общество очевидно наши старанія — въ 1878 году „Нива“ имѣла уже болѣе сорока тысячъ подписчиковъ.

Годовой томъ „Нивы“ вмѣщаетъ въ себѣ (кромѣ рисунковъ) болѣе 2000 столбцовъ слѣдующаго текста: Повѣсти и рассказы, преимущественно изъ русской исторіи и жизни, стихотворенія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей (съ портретами), статьи по естественнаго, путешествіямъ, технологіи, гигиенѣ, астрономіи, географіи, статистикѣ; свѣдѣнія о важнѣйшихъ современныхъ событіяхъ въ политической и общественной жизни, какъ европейскихъ государствъ, такъ и нашего отечества, описанія новѣйшихъ изобрѣтеній, хозяйственныя рецепты и т. д. Большая часть этихъ статей сопровождается тщательно выполненными рисунками.

Кромѣ того, для удовлетворенія потребности каждой семьи въ приготовленіи костюмовъ и бѣлья, при „Нивѣ“ выдается ежемѣсячно особое бесплатное приложеніе: «Парижскія моды», съ 100 модныхъ рисунковъ въ годъ, 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину и большимъ количествомъ (около 500) разнообразныхъ рисунковъ рукодѣльных работъ, буквъ для мѣтки бѣлья и т. д.

Ко всему этому нужно прибавить, что въ концѣ каждого года „Нива“ даетъ еще премію — художественно исполненныя олеографическія или акварельныя картинны, стоимость которыхъ въ отдѣльной продажѣ не менѣе трехъ и четырехъ рублей.

Что касается до премій 1879 года, онѣ будутъ имѣть такое же, даже высшее достоинство; за исполненіе же такого обѣщанія ручается преждее девятилѣтнее веденіе наше дѣла.

Въ портфель редакціи находится большое количество уже прибрѣтенныхъ нами повѣстей и рассказовъ, также особо для „Нивы“ составленныхъ научныхъ статей въ доступной всѣмъ формѣ.

Нами приглашены лучшіе граверы-художники (постоянно темеръ участвующіе въ „Нивѣ“) въ разныхъ городахъ Европы: въ Петербургѣ, Варшавѣ, Лейпцигѣ, Штутгартѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ.

Равнымъ образомъ, со стороны какъ редакціонной такъ и издательской части, приняты всѣ мѣры, чтобы новый 1879 г. „Нивы“ была возможно богаче, разнообразнѣе и удовлетворителнѣе по составу.

Издатель «Нивы» Адольфъ Федоровичъ Марксъ.

Слѣдующія изданія можно выписывать черезъ Редакцію „Нивы“.

Повѣсти, Разказы и Драматическія сочиненія Н. А. Лейкина. Цѣна за 2 тома 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Содержаніе I тома.

1) Апраксинцы. 2) Кусокъ хлѣба. 3) Ямская въ будни и праздниѣ. 4) Крестныя въ Ямской. 5) Похороны. 6) Сивая борода за галстукомъ. 7) Театроманія. 8, Критика. 9) Дружественная лотерея.

Содержаніе II тома.

Учебный день въ нѣмецкой школѣ. — Биржевыя артельщики. — Извожикъ. — Швейцарь. — Маркеръ. — Прачка поленцоца. — Охтенка. — Парикмахерскій подмастерье. — Буянникъ. — Горничная. — Торговый мальчикъ. — Мастеричка. — Лихачъ. — Кухарка. — И я, да не я. — Ласковый человекъ. — Опець и сыгъ. — Приказчикъ на отчетѣ. — Водограбчикъ. — Искусъ. — Тестъ и агъ. — Рубобитъе. — Раженье.

Историческіе Очерки и Разказы С. Н. Шубинскаго. Изданіе второе, дополненное. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Содержаніе.

Придворныя шуты и шутковія свѣдѣнія въ царствованіе Петра Великаго и Анны Іоанновны. — Березовскіе ссыльцы. — В. В. Головинъ. — Убіство Синклера. — Дочь Бирона — П. А. Демидовъ. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Императрица Екатерина 2 и ея два статъ-секретаря. — Принцъ Нассау-Зигенъ — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Пивница Габриѣлан.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛО:

**ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ
ПОЭМА ДЖОНА МИЛЬТОНА**

БОЛЬШОЕ ИЗДАНІЕ IN FOLIO.

Съ 50 большими картинами Густава Дорэ
Переводъ съ англійскаго А Шульговской.

Съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ.

Въ простомъ коленкоромъ переплетѣ . . . . . 25 руб.

Съ пересылкою въ ящикѣ . . . . . 30 руб.

Въ красивомъ коленкоромъ переплетѣ

съ золотымъ обрѣзомъ въ картонѣ . . . . . 30 „

Съ пересылкою въ ящикѣ . . . . . 35 „

Для подписчиковъ „Нивы“ 1879 г. дѣляется 3 руб. уступки.

Изданіе *классическихъ авторовъ* въ роскошномъ видѣ заслуживаетъ данна уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ и такая прекрасно изданная книга, служа украшеніемъ салона, становится настольной книгой, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасныя, неутрачившія своей прелести въ теченіи вѣковъ, страницы

Предприимая это изданіе, я не жалѣлъ ни труда ни времени (не говоря уже объ огромныхъ затратахъ) чтобы придать знаменитому творенію *Мильтона*, соединенномъ съ превосходными рисунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Помѣщенный въ этоѣ номерѣ „Нивы“ одинъ рисунокъ изъ означеннаго изданія даетъ каждому понятіе о *высокомъ талантѣ художника Дорэ* и о тщательномъ выполненіи рисунковъ всего изданія. Слѣбанный вновь для этого изданія переводъ *А. Шульговской* вѣренъ подиннику и отличается какъ красотами языка, такъ и вѣрностью оригиналу.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, имѣющими такую красоту и изящество заграничными изданіями, стоящими по 40 руб. и болѣе, — до такой степени дешево, что объ этомъ нечего даже и распространяться.

Для подарковъ на Елку это изданіе, по своему *красивому* и очень *богатому переплету*, исполненному по рисункамъ художника *Ив. Пинови*, будетъ весьма *удобно*. Для этого рекомендуемъ въ особенности изданіе въ *богатомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ*. № 216 6—4

СКЛАДЪ ЧЕШСКАГО ХРУСТАЛЯ.

ЗАВОДА ГРАФА ГАРРАХА.

ВЪ НОВОМЪ СВѢТѢ ВЪ ЧЕХИИ.

Рекомендуемъ большой выборъ хрустальныхъ сервировъ, кружекъ, вазъ для фруктовъ и цвѣтовъ, десертныхъ тарелокъ, подставокъ для роялей, молочниковъ, пресъ-панъе, градусниковъ, бонбончеровъ и проч. Саногы и козлы для пива, хрустальныя ложки для варенья и лекарства по заводскимъ цѣнамъ.

Складъ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Морской, д. № 36. № 238 5—1

НОВОСТЬ.

Въ С.-Петербургѣ.

Вышли въ свѣтъ **КАРТЫ ГАДАНИЯ**, знаменитой предсказательницы дѣвнцы Леорманъ, и продается у магатага Н. Полова, Троицкій пер., домъ № 3 кв. № 21. Цѣна за колоду 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.; также въ книжныхъ, бумажныхъ и въ игрушечныхъ магазинахъ. Гг. торговцамъ уступка. № 240 1—1

Записки Слѣдователя, сочиненіе Н. П. Тимофѣева.

Содержаніе: 1) Первыя впечатлѣнія. 2) Убіство и самоубіство. 3) Поджигатели. 4) Тюремный міръ. 5) Грабительская шайка. 6) Преступленіе суевѣрія. 7) Проститутка. Цѣна 2 руб. съ перес. 2 руб. 50 коп

Э. А. Россмесслеръ На Досугѣ. Популярнаго Бесѣды, съ подлитопаж. въ текстѣ, перев. съ нѣмецкаго **П. Андреевскаго.** Ц. 3 р. 50 к. съ перес. 4 руб.

Содержаніе Отд. I. Въ повѣствовательной формѣ. Деревушка въ горахъ (перспектива въ народное естествознаніе) — Маленькій пастухъ. — Комиссія. — Личности. — Выставка. — Путь къ просвѣщенію. — Отд. II. Обильныя дары. Царство злаковъ. — Зелень растений. — Альпійская роза. — Крахмалъ. — Дерево. — Кружевное дерево. — Камень и по какому плану строить улитка свой домъ. — Древесный жукъ. — Растутъ ли камни. — Парнасія. — Микроскопическіе грибы. — Альпійскія растения. — Ивовая роза. — Метаморфозы или превращенія растенія — Чернильная рыба или карикатура. Отд. III. Подъ деревьями. Садъ, паркъ и лѣсъ. — Лѣсъ. Отд. IV. На свободѣ. Изъ Валенс п. — Странныя слованія деснички. — Весна на дворѣ (въ домъ рожденія подруги). — На Венгерннльбъ. — Дѣвъ прогулки. — Первая. — Вторая. — День изъ путешествія по Южной Испаніи — Два маленькія приключенія изъ путешествія съ естественнонаучною цѣлью. Отд. V. Къ вопросу о естествоиспытаніи. Естествознавѣ. — Путешествія человека, свѣдущаго въ природѣ. Отд. VI. Ради дѣтей. Игра или обученіе? (Наставникамъ и матерямъ). — Для маленькаго міра. — Три за одно (Рождественная картинка). — Естествознавѣ и народное обуч. нѣ. Отд. VII. Воззваніе къ уму и сердцу. Собирагельница хвор ста. — Моронава язва религіознаго умопомѣшательства. — Здѣсь и тамъ. — Чѣмъ отличается мы отъ животныхъ? — Братъ и сестра. — Позвія и естествознавѣ. — Искусство и природа. — Сдѣлатье съносными къ защитѣ. — Думаеъ объ этомъ. Отд. III. Для жизни. Тѣлодвиженія, пріемы или жесты. — Плячь. — Свѣтъ. — Стекло (Рождественное расуужденіе). — Бумага. — Каменная мысля — Лейпцигская ярмарка. Отд. IX. Памяти Гумбольдта. 6 мая 1859 года. — Похороны Гумбольдта. — Общины Гумбольдта. — 14 сентября 1851 года. № 236

въ „MAGASIN ETRANGER“
ИНОСТРАННОМЪ МАГАЗИНѢ В. МОРСК. Д. № 30.

**!! П А Р И Ж С К І Я !!
ВЪБЕРА**

отличной отдѣли въ особенно хорошемъ вкусѣ всякихъ цѣвъ отъ самыхъ дешевыхъ до самыхъ цѣвныхъ въ такомъ необычайно громадномъ выборѣ, что каждый покупатель не только можетъ выбрать въверхъ по собственному вкусу вкусу; но даже по такой цѣвъ, какую самъ опредѣлитъ. Цѣвы отъ 30 к. Самые очень красивые въбера отъ 2 р. № 242 1—1

РАМКИ

разныя готовыя и на заказъ. Дѣвъ рамки для премій „Нивы“ 1878 г. Бояринъ Борисъ Годуновъ и Царь Борисъ Годуновъ отъ 4, 5, 6 руб. и дороже. Въ магазинѣ картинъ Карла Скромъ, въ СПб. по Казанской ул., противъ Новаго пер., д. № 42. № 243 1

№ 233 ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ: 1—1

**КІЕВСКІЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ
на 1879 годъ.**

Годъ пятнадцатый, изданіе 28-ое съ дартою Россія, планомъ Балванскаго прохода Шинки и многими рисунками. Содержаніе календаря: необходнмыя календарныя свѣдѣнія, свѣдѣніе о Кіевѣ, статьи историческія, о дневныхъ пріютахъ, статьи по домоводству, сельскому хозяйству, пчеловодству, объ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, политическое и статистическое обзорніе государства, свѣдѣнія для родителей, опредѣляющихъ дѣтей въ общія и спеціальныя учебнаца, свѣдѣнія почтovsky, судебная и другія справочныя свѣдѣнія.

Цѣа 20 коп въ переплетѣ 25 коп. на веленовой бумагѣ 40 коп. Книгопродавцамъ значительная уступка. Съ требованіями обращаться въ Кіевѣ, въ матазинѣ Редакціи Кіевскаго народнаго календаря при Кіевской 1-ой гимназіи.

**ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
ВЪ МАГАЗИНАХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ Л. КАСТИЛЬОНЪ**

С.-Петербургъ В. Морская № 16, д. Елисеѣва.

Москва, Кузнецкій мостъ д. Фирсанова № 68—11.

Только что полученная со Всемирной Парижской Выставки Новоизобрѣтенная американская машина для дѣланія бахромы изъ шелковыхъ и другихъ тканей № 232 5—1

Цѣна съ мѣдной платформой . . . . . 7 р.
„ „ съ высеребряной . . . . . 8 „

№ 241 **КАЛЕНДАРЬ ТЕРМОМЕТРЪ** 1—1

НА 1879 ГОДЪ
(самый полный съ отрывающимися листами). Цѣна 1 р съ перес. 1 р 40 к.
Къ роскошной папкѣ придѣланъ изящный термометръ Реомюра. Въ календарѣ три портрета командировъ крейсеровъ Русскаго Добровольнаго флота. Обращаться въ нижннй магаз С. П. Глазенапа Пшварской пер., № 15 въ СІП.

„ВЪ РЕДАКЦІИ СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ.“

Въ редакціи „Собранія Романовъ“, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ, продается остальные экземпляры прежнихъ годовъ. „Собранія Романовъ“.

1871 г., 12 книгъ одиннадцатъ большихъ романовъ и тридцать-девять повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1872 г. 12 кн., тринадцать большихъ романовъ и тридцать четыре повѣсти. Цѣна 7 р. съ перес. 9 р.

1873 г. 12 кн., девять большихъ романовъ и двадцать-шесть повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1874 г. 12 кн., дѣнадцать большихъ романовъ и двадцать-шесть повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9.

1875 г. 12 кн., четырнадцать большихъ романовъ и двадцать-девять повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1876 г. 12 кн., одиннадцатъ большихъ романовъ и двадцать-шесть повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1877 г. 12 кн., десять большихъ романовъ и двадцать-четыре повѣсти. Цѣна 8 р., съ перес. 10 р.

Желающимъ **высылаются бесплатно** нательогъ съ подробнымъ обозначеніемъ романовъ и повѣстей, помѣщенныхъ въ каждомъ году. Каждый годъ „Собранія Романовъ“, имѣетъ одинаковое, опредѣленное количество печатныхъ листовъ. Разница въ числѣ романовъ и повѣстей происходитъ отъ ихъ величины. № 226 1—1

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„СБОРНИКЪ ВОЕННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ“,

ИЗДАНИЕ Кн. В. Мещерскаго.

До 110 печатныхъ большихъ листовъ, до 120 великолѣнныхъ гравюръ, 120 портретовъ и большой альбомъ 17 сепій П. Соколова.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: Я. Исакова, „Новаго времени“ и у издателя, Надеждинская улица, домъ № 39, кв. № 6; въ Москвѣ у Соловьева, Страстной бульваръ. Подписка принимается на три тома, съ приложеніемъ альбома 17 сепій П. Соколова. Цѣна за все изданіе съ приложеніемъ и съ доставкою въ С.-Петербургѣ 12 р., безъ доставки въ С.-Петербургѣ 11 р., на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 4 р. при выходѣ второго тома, въ январѣ—вторые 4 р., въ концѣ марта, при выходѣ третьяго тома, остальные 4 р. или 3 р. (для подписчиковъ С.-Петербурга безъ доставки.)

Подписка для иногородныхъ—исключительно у издателя въ С.-Петербургѣ, Надеждинская улица, № 39, кв. 6. Иногородные высылаютъ въ три срока: теперь, въ началѣ января и въ концѣ марта по 4 р. и сверхъ того при всякомъ взносѣ пересыльныя деньги за 4 фунта.

Первый томъ въ 35 большихъ печатныхъ листовъ роскошнаго изданія, съ большими виньетками, съ альбомомъ въ 40 великолѣнныхъ гравюръ, долженъ выйти въ концѣ ноября сего 1878 года.

„СБОРНИКЪ ВОЕННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ“, посвящается памяти славныхъ мертвыхъ и славныхъ живыхъ Русскаго Христолюбиваго воинства.

Печатаніе 1-го тома въ типографіи Траншеля началось. Содержаніе 1-го тома будетъ слѣдующее: 1. Переправа черезъ Дунай. Участника. 2. Дневникъ офицера за первый походъ г. Гурко. 3. Тяжелые дни на Шибкѣ. Воспоминанія болгарскаго ополченца. 4. Шибка съ 7 августа по 28 декабря. Воспоминанія Казацкаго Полковника. 5. Дневникъ Артиллериста. 6. Изъ воспоминаній юнаго артиллериста. Плевна. 7. Воспоминанія артиллериста. Плевна 18 іюля. 8. Разсказъ армейскаго ротнаго командира. Плевна 18 іюля. 9. Разсказъ про Телингъ 12 октября. 10. Разсказъ про Горный Дубякъ. 11. Дневникъ кавалериста. 12. Изъ замѣтокъ стрѣлка. 13. Сраженіе при Горномъ Бугровѣ.

МОРСКОЙ ОТДѢЛЪ. 1. Воспоминанія морскаго офицера. 2. Дѣло Дубасова и Шестакова. 3. Дѣло 11 іюня Нилова и Аренса. 4. Взятіе Мерсины. Дѣло Баранова.

КАВКАЗСКИЙ ОТДѢЛЪ. 1. Баязеть. 2. Воспоминанія и разсказы Кавказца. 3. Кизиль-Тапа 13 августа. 4. Смерть гр. Граббе. 5. О штурмѣ Карса.

ОТДѢЛЪ САНИТАРНЫЙ И ГОСПИТАЛЬНЫЙ. 1. Изъ писемъ сестры милосердія. Изъ Габрова. 2. Въ тылу арміи. Записки брата милосердія. 3. Воспоминанія студента. 4. Изъ воспоминаній врача на Кавказѣ. Л. 5. Изъ писемъ врача на Кавказѣ.

ОТДѢЛЪ СМѢШАННЫЙ. 1. Мелкія воспоминанія изъ дней великихъ событій. Р. П. 2. Маіоръ Гайдуковъ. 3. Охотники. Б—аго. Отдѣльные эпизоды.

Г Р А В Ю Р Ы .

1. Двѣ гравюры изъ переправы черезъ Дунай. 2. Царственный гость у одра раненаго. 3. Баязеть во время осады. 4. Тергукасовъ подходитъ къ Баязету. 5. Встрѣча Баязетпевъ съ войсками Тергукасова. 6. Въ больницѣ. 7, 8 и 9. Изъ перваго похода г. Гурко за Балканами у Эски-Загры. 10. Систовская паника. 11. Видъ съ Шибки на приближеніе Сулеймана. 12. Бой на Шибкѣ. Дѣйствіе одного залпа. 13. Подвигъ солдата съ барабаномъ. 14. Подвигъ солдата съ гранатой. 15. Стрѣлки идутъ на Шибку. 16. Болгарскіе ополченцы у воды послѣ 12-го августа. 17. Гурко и Скобелевъ подъ огнемъ. 18. На Плевенской позиціи. 19. Переходъ л.-гв. егерей черезъ Видъ. 20. Телинскій бой. 21. Лейбъ-гусары у Телиша. 22. Лейбъ-гусары спасаютъ раненыхъ егерей подъ огнемъ. 23. Г. Гурко благодарить егерей. 24. Послѣднія минуты Горнаго Дубяка. 25. Бой въ облакахъ. 26. Отступленіе Тергукасова и спасеніе населенія. 27. Ночная атака кн. Чавчавадзе. 28. Атака Сѣверскихъ драгунъ подъ Карсомъ. 29. Смерть гр. Граббе. 30. Штурмъ Карса. 31. Послѣ штурма Карса. Обѣздъ Главнокомандующаго. 32. Перевозочный пунктъ у Карса. 33 и 34. На Балканахъ. 35 и 36. На Шибкѣ 27 декабря. 37. Подвигъ маіора Горталова. 38. Дѣло Нилова и Аренса. 39 и 40. Дѣло Дубасова и Шестакова.

Ко второму тому будетъ 40 гравюръ.

Къ третьему тому будетъ 40 гравюръ.

Сверхъ того при третьемъ томѣ будетъ 120 портретовъ отдѣльными медальонами и альбомъ сепій П. Соколова, съ 17 рисунками большаго формата изъ войны.

При первомъ томѣ предполагается приложить: а) Дневникъ всей войны; б) Списокъ всѣхъ георгиевскихъ кавалеровъ 4-хъ степеней; в) Списокъ всѣхъ награжденныхъ золотыми саблями; г) Цифры убылей нижнихъ чиновъ по полкамъ. При портретахъ будетъ издано описаніе дѣйствій и заслугъ каждаго изъ лицъ, коего помещенъ портретъ.

Для втораго тома приобрѣтены прекрасныя картины съ натуры всѣхъ Балканскихъ позицій и сраженій.

Пріемъ рукописей, дневниковъ, писемъ, разсказовъ—продолжается. Желающихъ доставить оныя просятъ присылать оныя въ С.-Петербургъ, Надеждинская, № 39, кв. № 6, Кн. В. Мещерскому.

О ПОДПИСКѢ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ „ТЕЛЕГРАФЪ“ 1879 Г.

„Телеграфъ“ будетъ выходить въ 1879 году по прежнему ЕЖЕДНЕВНО, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за табельными праздниками, но въ случаѣ полученія важныхъ новостей имѣютъ и въ эти дни выходить особая прибавленія. По понедѣльникамъ (кромя слѣдующихъ за табельными праздниками или за двумя праздничными днями) будетъ издаваться полный листъ или полулистъ газеты но безъ передовыхъ статей.

„Телеграфъ“—политическая, литературная и общественная ежедневная газета—самая дешевая изъ всѣхъ существующихъ нынѣ ежедневныхъ газетъ въ Россіи, издается безъ предварительной цензуры.

Дешевизна, общедоступность, полнота, отзывчивость ко всему интересующему общество—вотъ главныя цѣли къ которымъ стремится газета „Телеграфъ“. Немногіе имѣютъ возможность платить дорого за газету, не у всѣхъ досугъ прочитывать длинные столбцы большихъ изданій; но всѣ, отъ столичнаго до провинціальнаго и деревенскаго жителя, желаютъ внимательно слѣдить за явленіями общественной и государственной жизни; всѣ желаютъ найти отголосокъ своимъ взглядамъ и желаніямъ и жить общою жизнью съ отечествомъ. Такихъ читателей редакція исключительно имѣетъ въ виду; для нихъ она трудится, и труды ея уже увѣнчались успѣхомъ. Въ теченіи перваго года число подписчиковъ на газету „Телеграфъ“ превзошло 10,000, такъ что газетѣ пришлось обзавестись собственною типографіею, вполне обеспечивающею отнынѣ исправную доставку газеты.

„Телеграфъ“ выходитъ въ большомъ форматѣ въ пять газетныхъ столбцовъ четкаго и убористаго шрифта.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ газеты „Телеграфъ“ на Большой Конюшенной, д. № 15, Ланковой, кв. № 22.

Подписная цѣна на газету „Телеграфъ“ съ доставкой ея на домъ въ Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ въ 1879 году слѣдующая:

на 12 мѣс.	на 11 мѣс.	на 10 мѣс.	на 9 мѣс.	на 8 мѣс.	на 7 мѣс.	на 6 мѣс.	на 5 мѣс.	на 4 мѣс.	на 3 мѣс.	на 2 мѣс.	на 1 мѣс.
6 р. — к.	5 р. 50 к.	5 р. — к.	4 р. 75 к.	4 р. 25 к.	4 р. — к.	3 р. 50 к.	3 р. — к.	2 р. 50 к.	2 р. — к.	1 р. 50 к.	75 к.

Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа наждаго мѣсяца.

Подписная цѣна за границею вдвое противъ означенныхъ выше цѣнъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ для служащихъ по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ; не служащіе не могутъ обращаться съ своими заявленіями въ главную контору редакціи.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экземпляръ съ пересылкою и доставкой, присылаютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 2 р. 50 к., въ началѣ марта 2 р. и въ началѣ августа 1 р. 50 к. Нарушившіе который-либо изъ означенныхъ сроковъ лишаются права на разсрочку.

Редакція проситъ иногородныхъ присылать адреса четко написанные, съ обозначеніемъ ближайшей почтовой станціи, въ которой раздѣются газеты подписчикамъ, а при перемѣнѣ адреса прилагать двѣ 8-ми коп. марки, а также сообщать свой старый адресъ, безъ чего не можетъ быть сдѣлана своевременно перемена.

№ 235 2—

Издатель и редакторъ Н. Трубиновъ.

ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана. В. Морская № 42. въ С.-Петербургѣ.

рекомендуетъ въ большомъ высорѣ по самымъ дешевымъ цѣнамъ: скрипки, альты, виолончели, басы, цитры, гитары, мандолины, гитары корнеты а пистоны, флейты, кларнеты, барабаны, музыкальные ящики, шарманки, гармоніи, гармонифлюты, англійскія и нѣмецкія концертныя, свѣжія итальянскія и нѣмецкія струны и всѣ принадлежности.

Пріемъ въ починку.

№ 22 5—4

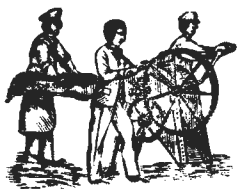
Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно.

Ново открыта ГЛАЗНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА доктора Добровольскаго съ постоянными кроватями. На Михайловской площади, балазъ Пассажа, домъ № 15 кв 7. Пріемъ больныхъ утромъ ежедневно, исключая воскресенія, отъ 9 до 11 ч., вечеромъ ежедневно отъ 6 до 8 часовъ. Для бѣдныхъ бесплатно по вторникамъ и субботамъ отъ 9 до 11 часовъ.

№ 222

10—2

ИЗВѢСТНЫЯ МОЛОТИЛКИ ПО СИСТЕМѢ ВЕЙЛА.

МОРИЦЪ ВЕЙЛЬ младшій

Маш. строительный заводъ

въ Франкфуртѣ „ в. в. Германіи

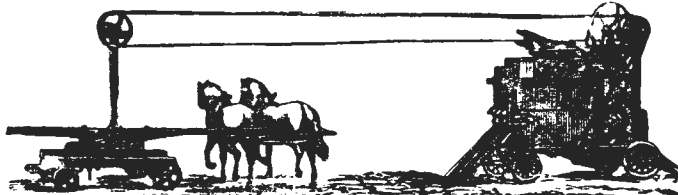
поставляетъ, по желанію франкировано на границы на первая станціи русскихъ жел. дорогъ.

Ручныя молотилки по цѣнѣ отъ 98 руб.

Молотилки съ конными приводами

для 1 и 2-хъ лошадей по цѣнѣ машины отъ 220 руб.

Молотилки съ конными приводами

для 2, 4 и 6 лошадей, съ самодействующимъ шнатовымъ аппаратомъ или безъ оного, готовыя со всеми принадлежностями къ употребленію. Иллюстр. каталогъ по же анію бесплатно и франкир. № 223

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписч. (за исключеніемъ Московскихъ) прилагается объявленіе отъ книжныя магаз. С. И. Леушина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПб. 9 Ноября 1878 г.

КОНТОРА „Ю. ПЛАХОЦКІЙ“.

СПБурзь, Анничковъ мостъ, д. № 40—68.

Справки, свидѣнія, указанія, исполненіе порученій по всевозможнымъ вопросамъ Пріемъ заявленій отъ лицъ, желающихъ купить, продать, заложить, или помѣстить капиталъ подъ обезпеченіе Рекомендаціи. Сдѣйствіе къ получению занятій Объявленія въ газетахъ и журналахъ и подписка. Для предварительнаго письменнаго отвѣта 2 почтовыхъ марки Контора обезпечена денежнымъ залогомъ и утверждена М. В. Д. 2 Августа 1878 года. № 231 4—1

СЕКРЕТЪ ЮНЫ.

Особеннаго свойства пудра для освѣженія и бѣлыны лица, предохраняющая чистоту лица отъ рѣзкаго вѣтра и мороза устраняетъ жаръ и красноту и тонко придегаетъ Иногороднымъ высылается на 2 руб.

Цѣна коробки 75 коп., съ пуховкой 1 рубъ Въ косметическихъ магазинахъ В. Паримова и №, въ Гостиномъ дворѣ № 78 противъ Пажескаго корпуса и у Кошкина по перьяной линіи № 14-й въ С.-Петербургѣ. № 234 3—1

КАЖДОМУ БЫТЬ МЕЛЬНИКОМЪ

посредствомъ употребленія новѣйшихъ мукомольныхъ мельницъ съ конными приводами по системѣ Вейла.

Эти новыя мукомельницы размалываютъ изъ пшеницы 75% муки. Сортируется на три сорта, изъ нихъ первый сортъ отборная ржаная мука. Одноминутная машина вымалчиваетъ 150 кило въ 3 часа, двухминутная машина такое же количество въ 2 часа и трехминутная машина въ 1 часъ. Цѣны за полное устройство слѣдующія: одноконныя 205 руб., двухконныя 236 руб. трехконныя: 360 руб. Иллюстрированныя Прейсъ-курранты бесплатно.

Прогорозъ до русской границы по желанію принимаетъ на себя. Moritz Weill jun Masch Fabrik, Frankfurt a/M. № 238 1—1

С. ПЕТЕРБУРГЪ

В. Морская 39,
Зингей. пр. 43.

ВЪ ОПТИЧЕСКОМЪ МАГАЗИНѢ

И. Е. МИЛЬКЪ.

ВИЛЬНО

Благовѣщенская
ул. № 429/12

Предлагаются къ наступающему сезону: Готовальни, Угольнички, Линейки, Термометры наружныя, комнатныя, ванны и медицинскія, Барометры Бинокли и Метрономы.

КЛОПЫ, ТАРАКАНЫ,

блохи, мураши, сверчки, моль (бабочки и червячки), моментально уничтожаетъ

АНТИ-ПАЗИТЪ,

который признается единственнымъ действительнымъ средствомъ. По достоинству своему конкурентовъ не имѣетъ. Для человека безвреденъ Цѣна 30, 50 к. и 1 р., особые съ аппаратомъ 1 р. 50 к. Гг. иногороднымъ Анти-Паразитъ высылается съ аппаратомъ и пересылкою въ жестянкѣ 2 р., въ жестянкѣ и ящикѣ 2 р. 25 к. и болѣе, кои адресуются исключительно въ Дѣпо Копавыгина, Троицкій пер., д. № 7. Торговцамъ дается уступка. Розничная продажа въ Москвѣ, Неглинный прогызъ, противъ Малого театра, д. Товарова, въ магазинѣ Красавицкова № 230 1—1

№ 229

Вышло новое сочиненіе Кн. В. Метерскаго:

3—1

УЖАСНАЯ ЖЕНЩИНА.

Современный великосвѣтскій этюдъ въ 2 томахъ роскошнаго изданія. Цѣна за оба тома 2 р. 50 к. Иногородные, выписывающіе прямо отъ автора (СПБ. Надеждинская № 39) за пересылку ничего не платятъ.

Библиотека „Рундверс“ № 10.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 47

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 19 Ноября 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
«Нивѣ» принимаются
по 25 и за строку
нонпарейль (въ 1/4
ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
Воскресныхъ и
праздничныхъ дней)
отъ 10 ч. утра до
7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1879 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Просимъ гг. иногородныхъ подписч. незамедлитель возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журна-
ла, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе 25,500 печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ 4 р.

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ ии.
маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Съ пересылкою въ Москву и друг.
города Россіи . . . . . 6 „

КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія
при «Нивѣ» объявле-
ній отъ торговыхъ
домовъ принимаются
для иногор. по 5 р.
съ тысячи, для го-
родскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи, неудобныя къ
печати, авторамъ не
возвращаются.

Подписка на 1878 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

Ея Императорское Высочество Великая Княжна Анастасія Михайловна и женихъ ея, Наслѣдный Великій Герцогъ Мекленбургъ-Штеринскій Фридрихъ Францъ. Съ фотогр. грав. Е. Вейерманъ.

Наслѣдный великій Герцогъ Фридрихъ - Францъ Мекленбургъ - Шверинскій и его невѣста, Великая княжна Анастасія Михайловна.

Будущій супругъ Ея Высочества Великой Княжны Анастасіи Михайловны, *Фридрихъ-Францъ Поль-Николаусъ-Эристъ-Гейрихъ* родился 19 марта 1851 года. Онъ старшій сынъ Мекленбургъ-Шверинскаго великаго Герцога Фридриха Франца II. Великій Герцогъ Фридрихъ Францъ II по своей матери Александринѣ—племянникъ Императора Вильгельма. Съ матерней стороны, наслѣдному Герцогу приходится дядею и известнѣй на поприщѣ дипломатіи, принцъ Рейсъ, Германскій посланникъ въ Константинополь.

Наслѣдный великій Герцогъ Шверинскій состоитъ маіоромъ à la Suite своего отечественнаго Мекленбургскаго Гренадерскаго полка № 89, а также Королевско-пруссакаго 4 бранденбургскаго пѣхотнаго Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго полка, № 24. Сверхъ того, до настоящаго времени, молодой наслѣдный Герцогъ состоялъ въ дѣйствительной прусской службѣ маіоромъ гарнизона гвардейскихъ кирасиръ въ Берлинѣ. Въѣстѣ съ своимъ храбрымъ и мужественнымъ отцемъ и слѣдующимъ за нимъ братомъ, Герцогомъ Павломъ-Фридрихомъ, онъ принималъ участіе въ Французской компаніи 1870—71 г. во все продолженіе ея, за что и имѣетъ почетный орденъ „Желѣзнаго креста“. Державный дѣлъ его, теперешній Императоръ Германіи, неоднократно выражалъ молодому Герцогу свое искреннее удовольствіе, по поводу стойкости, мужества и распорядительности своего внука; высказывалъ также, что онъ имѣетъ сердечное утѣшеніе, видя въ немъ достойнаго помощника своей, еще остающейся въ живыхъ, сестры

Александры. Вторая сестра Императора Вильгельма была, какъ извѣстно, покойная Императрица всея Россіи, Александра Теодоровна (до вступленія въ бракъ съ Императоромъъ Николаемъ I—принцесса Шарлотта).

Нѣсколько времени тому назадъ, наслѣдный великій Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій посѣтилъ Петербургъ, чтобы быть воспріемникомъ при крещеніи новорожденной дочери своего зятя, Его Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, коего супруга, нареченная по святомъ миропомазаніи Марією Павловною—есть родная сестра наслѣднаго великаго Герцога.

Вскорѣ по совершеніи этой миссіи, наслѣдный великій Герцогъ вновь посѣтилъ Петербургъ, имѣвъ непосредственно передъ этимъ вторымъ посѣщеніемъ особую аудіенцію у Его Величества Императора Германскаго Вильгельма. Цѣлью этой второй поѣздки были переговоры о заключеніи брачнаго союза молодого Герцога съ великою княжною Анастасією Михайловною, дочерью Великаго Князя Михаила Николаевича.

Великая княжна Анастасія Михайловна родилась 16 іюля 1860 г. Большую часть своего возраста Ея Высочество провела въ Тифлисѣ; воспитанная подъ непосредственнымъ руководствомъ своей матери, Великой Княгини Ольги Теодоровны, она находится въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и красоты. По случаю торжества обрученія своей дочери, Его Высочество, Намѣстникъ Кавказскій, со всѣмъ своимъ семействомъ, посѣтилъ Петербургъ.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Продолженіе).

IV.

Отпустивъ Шакловитаго, царевна принялась было снова за письмо сердечному другу Васенькѣ, но тотчасъ и оставила—она не могла писать ему въ такомъ состояніи духа. Ей ужъ и такъ казалось, что онъ изъ за тысячи верстъ глядитъ ей прямо въ душу своимъ пытливымъ и укоризненнымъ взоромъ. Въ самыя трудныя минуты ихъ общей жизни, онъ постоянно твердо настаивалъ на томъ, чтобы царевна не брала никакого грѣха на душу, чтобы она и относительно враговъ своихъ поступала открыто и благородно.

Много усилій хитраго разума, много усилій дѣйствительной горячей любви потребовалось отъ Софьи, чтобы окончательно уничтожить въ Васильѣ Васильевичѣ страшное, тяжелое впечатлѣніе, произведенное на него участіемъ Софьи въ мятежѣ стрѣльцкомъ. Она знала теперь, что если дойдетъ до него о новыхъ ея замыслахъ, о разрѣшеніи, данномъ ею Шакловитому—сердечный другъ Васенька вырветъ ее изъ своего сердца, въ ужасѣ и навсегда отойдетъ отъ нея. Сильно онъ ее любитъ, а все же уйдетъ и никогда къ ней не вернется. Такъ какъ же теперь писать ему? какъ же его обманывать? Нѣтъ, рука не поднимется, нужно успокоиться, нужно отогнать отъ себя злыя и страшныя мысли.

Послѣ бурной жизни, вѣчныхъ тревогъ и волненій, вѣчной борьбы, для которой требовались такія ужасныя средства, въ озлобленномъ и измученномъ сердцѣ Софьи осталась только одна святыня—эта святыня была ея любовь къ Голицыну, его образъ, который являлся передъ нею неизмѣнно прекраснымъ, чистымъ, ни разу еще незапятнаннымъ участіемъ въ интригахъ, которыя она вела постоянно, которыя неизбѣжно должна была вести, какъ ей казалось.

И вотъ, чтобы успокоиться, чтобы вернуться къ этому письму, съ душою полною любви и одной мыслью о любимомъ человѣкѣ, она вышла изъ своихъ покоевъ и направилась къ сестрамъ.

Отдавая почти все свое время дѣламъ правленія,

живя своей дѣятельной мужской жизнью, царевна рѣдко посѣщала теремъ. Со своими сестрами она была дружна, особенно съ младшими, которыя выросли и воспитались подъ ея вліяніемъ; но все же ни одна изъ нихъ не была ея помощницей.

Всѣ онѣ съ радостью приняли новую свободу, дарованную терему царь-дѣвицею; всѣ онѣ конечно одобряли каждое ея распоряженіе, но серьезно относятся къ какому либо вопросу, выходящему изъ сферы ихъ повседневной жизни, онѣ не любили да и не имѣли на то способностей; онѣ просто жили въ полное свое удовольствіе.

Въ первые годы правительствованія Софьи, царевны сдѣлали себѣ большія пристройки къ терему, возвели трехъ-этажныя, каменные палаты, украсили ихъ великолѣпною живописью.

По плану Софьи, въ нижнемъ этажѣ этихъ палатъ былъ устроенъ особый, сравнительно обширный покой, гдѣ царевны должны были сидѣть съ боярами „слушать всякихъ дѣлъ“. Но царевны какъ-то не полюбили эту комнату, такъ что съ боярами обыкновенно сидѣла одна Софья. Имъ гораздо болѣе по праву былъ другой, менѣе величественный, но за то болѣе удобный, теремной покойчикъ и ихъ собственныя приемныя комнаты, украшенныя, кромѣ старой живописи и лѣпной работы, разными фряжскими листами, то есть заграничными гравюрами и пересонами (портретами царевенъ).

Во многомъ измѣнилась жизнь терема за эти послѣдніе годы. Теперь ужъ не было запрета посѣщать царевенъ всѣмъ боярамъ и другимъ людямъ, которыхъ онѣ удостоивали своимъ приглашеніемъ. Часто по цѣлымъ днямъ и вечерамъ шло веселье да пированье у царевенъ. Изъ оконъ терема далеко разносились звуки музыки и пѣсенъ.

Старыя царевны Михайловны окончательно замкнулись у себя, шептались другъ съ другомъ, да со своими вѣрными сѣдыми боярынями и монашенками о безчинствахъ и грѣхахъ племянницъ; только младшія царевны никакого вниманія не обращали на неудоволь-

стві тетокъ. Онѣ чувствовали себя на полной свободѣ—надъ ними не было угрожающей и водворяющей дисциплины хозяйской руки, жилось хорошо и счастливо—чего-же больше? неужли обращать вниманіе на старухъ, изъ ума выживающихъ?

Но кромѣ этой свободы, или вѣрнѣе разнуданности, прежній чинъ теремной жизни оставался не тронутымъ. Въ безчисленныхъ палатахъ, покояхъ, покойчикахъ, клѣткахъ и подклѣткахъ новаго терема метался, суетился хохоталъ, плакалъ, сплетничалъ и интриговалъ все тотъ же безчисленный муравейникъ царевеннаго штата.

Рядомъ съ новыми посѣтителями и разными учеными и неучеными представителями тогдашней книжности, постоянное общество царевенъ составляли арапки, калмычки, карлицы, дуры, сказочницы и гусельницы.

Подходя къ дверямъ одной изъ самыхъ обширныхъ палатъ терема, въ которой обыкновенно по вечерамъ собирались царевны для забавы, Софья услышала громкій смѣхъ, хлопанье въ ладоши и невольно остановилась.

„Вѣдь вотъ счастливыя, подумала она, тутъ надъ головой гроза собирается, можетъ быть часъ погибели приходитъ, а имъ весело! онѣ ни о чемъ не думаютъ“...

И даже зависть къ сестрамъ, на которыхъ всегда она глядѣла съ нѣкоторымъ невольнымъ пренебреженіемъ, мелькнула въ душѣ Софьи. Рѣзкимъ движеніемъ отворила она двери.

Вся палата была озарена множествомъ восковыхъ свѣчей, вставленныхъ въ вычурные, изъ за границы выписанные, канделябры, разставленные по угламъ. Полъ комнаты былъ покрытъ мягкимъ, толстымъ ковромъ; низкіе, восточные диваны, покрытые венеціанскимъ бархатомъ и атласомъ замѣняли прежнія парчевыя скамейки. На стѣнахъ, рядомъ съ фряжскими листами духовнаго и мірскаго содержанія, развѣшены были и другіе листы въ золотыхъ рамкахъ. Эти листы были вирши, то есть поздравительныя и хвалебныя оды, гдѣ витіевато описывались доброта, красота и всякія неисчислимныя прелести и дарованія царевенъ. Авторами этихъ виршей были Симеонъ Полоцкій, Сильвестръ Медвѣдевъ и многіе другіе мудрецы того времени, находившіе выгоднымъ словесно и письменно льстить царевнамъ.

Между диванами были разставлены красивые, тяжеловѣсные столики, заставленные разными сладостями, медами и сладкими винами, а также большія клѣтки съ попугаями.

На диванѣ, въ удобныхъ и непринужденныхъ позахъ, полулежали царевны и ближнія боярыни, а на коврѣ, у ногъ ихъ, размѣщались: дуры, карлицы, арапки и калмычки. Ближе къ двери, у самой стѣнки, стояли, въ почтительныхъ позахъ, теремныя прислужницы.

Посреди комнаты, по турецки поджавъ подъ себя ноги, сидѣла какая то старушонка. По ея выбившимся изъ подъ головного убора прядямъ сѣдыхъ волосъ, по краснымъ слезящимся глазамъ и сизому румянцу на дряблыхъ щекахъ замѣтно было, что она уже подгуляла, изрядно накушалась всякихъ медовъ и наливокъ.

Дрожащими, скорченными отъ старости руками она перебирала гусли и разбитымъ, хриплымъ голосомъ подиѣвала какую-то пѣсню. Очевидно эта то музыка и эта пѣсня охмѣлѣвшей старухи и были причиною того веселаго смѣха и хлопанья въ ладоши, которые слышала Софья.

При входѣ царевны, всеобщее оживленіе мгновенно исчезло; всѣ инстинктивно измѣнили свои непринужденныя позы. Боярыни и боярышни и вся потѣшная челядь низко поклонились Софѣ; даже пьяная старушонка поднялась было на ноги, но тутъ же и опять повалилась на коверъ.

— Добро пожаловать сестрица! Какъ надумала зайти въ намъ? сказала царевна Екатерина Алексѣевна,

подвигаясь и давая Софѣ мѣсто рядомъ съ собою на широкомъ бархатномъ диванѣ.

— Да вѣдь вонъ какъ вы веселитесь, отвѣчала правительница, тутъ дымъ у васъ коромысломъ, чай и за Кремлевскими воротами слышно... Вотъ и я пришла посмотреть на ваши забавы, посмѣяться; скучно больно сегодня.

— Милости просимъ, милости просимъ, сестрица, заговорили младшія царевны. А тутъ вонъ Панкратьевна поетъ намъ. Ну-ка, ну-ка потѣши государыню.

Панкратьевна ударила въ гусли и, наярившись всей грудью, запѣла что-то до того дикое, чего и разобрать было невозможно.

Боярыни дѣлали серьезныя фізіогноміи и бросали косые взгляды на Софью; боярышни тоже не смѣли отдаться своему веселью и только перемигивались да въ кулачки хихикали.

Блѣдная царевна Софья стала еще блѣднѣе. Густыя, русыя брови ея насунились—она видѣла, что являлась помѣхой этому веселью—да и чѣмъ веселятся, чѣмъ забавляются? Напили пьяною старую дуру и рады!

Но дѣло въ томъ, что всѣмъ имъ весело, всѣ чувствуютъ себя счастливыми, а у нея отъ тоски сердце готово разорваться на части. Она обводитъ глазами окружающихъ молоденькихъ боярышень, цвѣтущихъ красотою и здоровьемъ.

Старыя боярыни разжирѣли, раздобрѣли и на ихъ сытыхъ, довольныхъ лицахъ нѣтъ ни одной черты, которая говорила бы о тайныхъ мучительныхъ думахъ, о пережитыхъ страданіяхъ. А сестры, царевны? вѣдь вотъ ужъ старшимъ Евдокіи и Марѣ кончается третій десятокъ, а какъ онѣ еще свѣжи, румяны; о младшихъ и говорить нечего. Сестрица Ѳедосьюшка совсѣмъ какъ была въ семнадцать лѣтъ такъ и осталась, только пополнила.

Софья невольно взглянула на венеціанское зеркало, въ которомъ отражалось лицо ея. Она испугалась своей блѣдности, она показала себя совсѣмъ старою и снова чувство зависти къ этимъ счастливымъ, безпечнымъ сестрамъ заговорило въ ней. Хмѣльная старуха продолжала пѣть и это безобразное пѣніе раздражало Софью.

— Да что вы ее не прогоните, рѣзко замѣтила она, неужто получше забавы не найдется, призвали бы хоть настоящихъ музыкантовъ.

— И то дѣло! откликнулись царевны и послали за музыкантами.

Но пока они придутъ, нужно же чѣмъ нибудь наполнить время и вотъ прислужницы стали подносить царевнамъ, боярынямъ и боярышнямъ всякія сласти, фрукты, варенныя и сушенныя пастилы, леденчики. Не забыты были и сладкія наливки, которыя дѣйствовали самымъ лучшимъ образомъ.

Скоро всѣ присутствовавшія позабыли про царевну Софью, не видѣли ея лица хмураго, всецѣло отдавшій своимъ забавамъ.

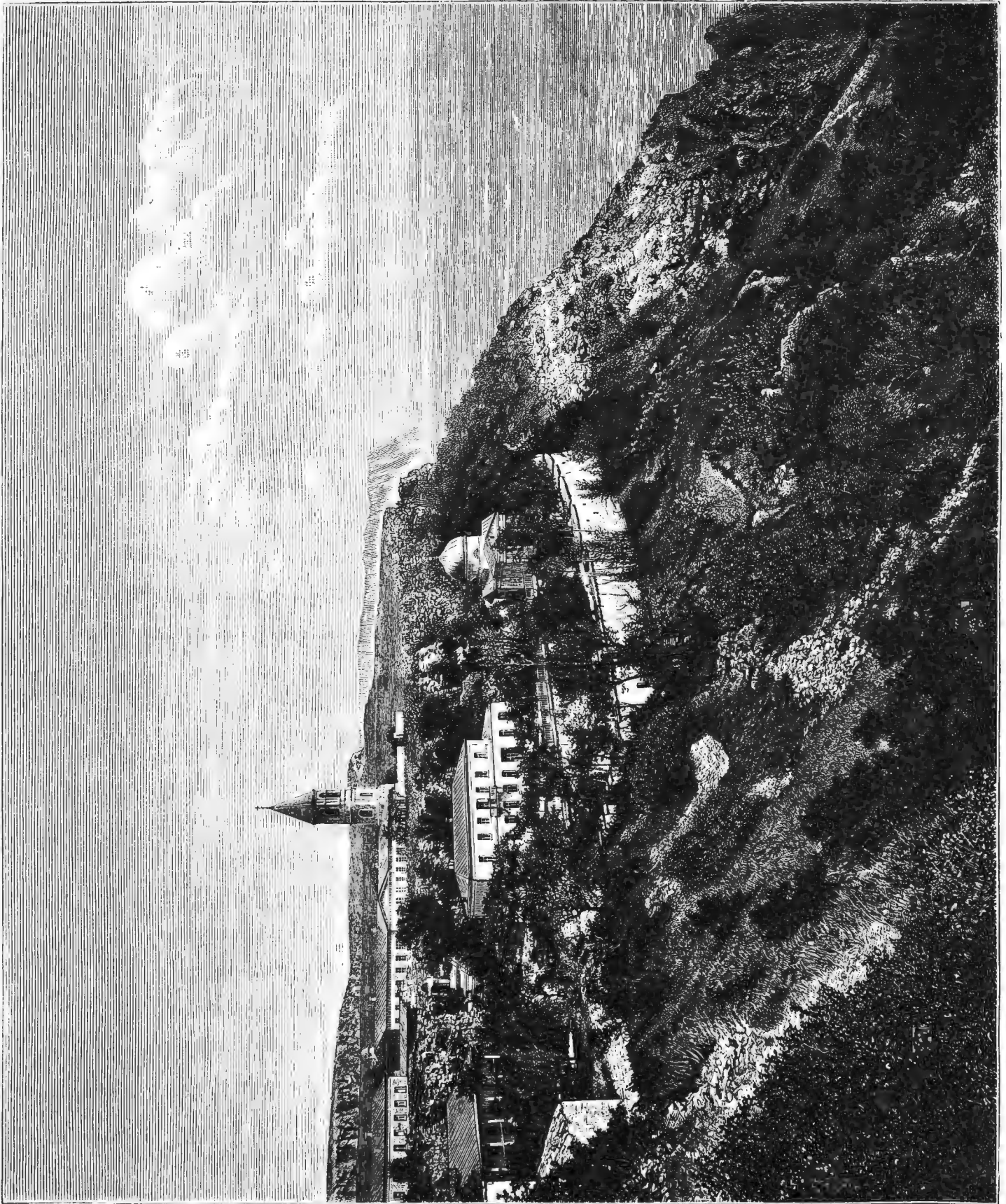
— Что-жъ это музыканты-то не идутъ! Эй Манка, Ѳекла, Соболяка, потравите-ка Офушку.

Между всей безобразной ватагой, сидѣвшей на коврѣ у ногъ царевенъ, произошло движеніе.

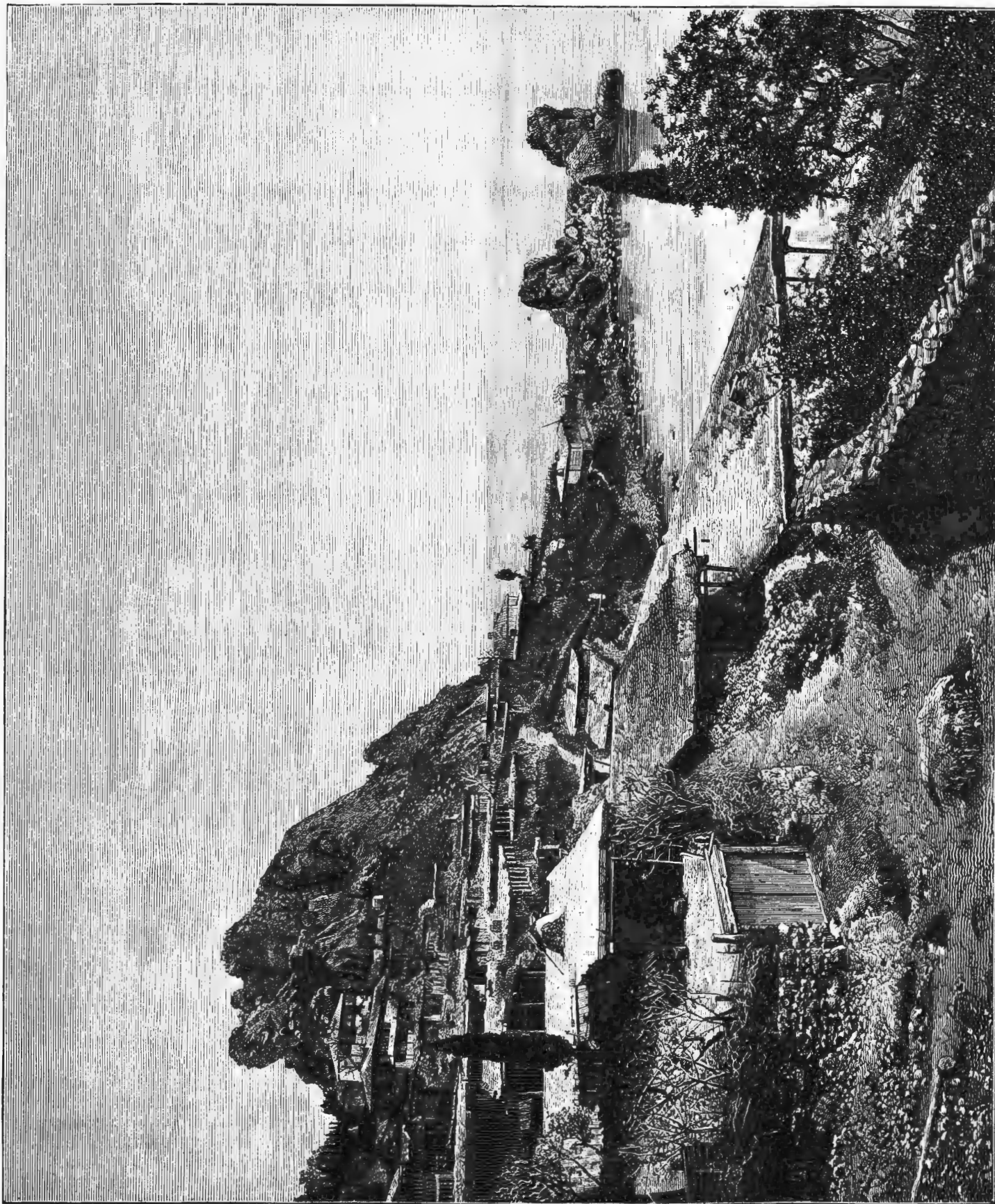
Вотъ на средину палаты выбѣжала черная арапка, въ ярко красномъ короткомъ платьѣ, съ бѣлымъ турбаномъ на головѣ. Она замаякала кошкой, потомъ стала фыркать во всѣ стороны.

Эта Офушка, которую должны были травить двѣ карлицы и хромоногая безрукая идиотка Манка, почему-то была одѣта въ фантастическое полумужское платье: въ широчайшіе восточные шаровары, короткій камзолъ, а на головѣ у нея была мѣховая шапочка.

Безобразныя карлицы, подобравъ и подвязавъ подола и выказавъ короткія, толстыя ноги, въ желтыхъ и красныхъ сапогахъ, съ загнутыми носками, кинулись на Офушку.

На берегу Черного моря: Георгіевскій монастырь близъ Севастополя. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

На берегу Черного моря: видъ деревни Гурзуфъ близъ Ялты. Съ фотогр. грав. Раппевскій.

Та, продолжая мяукать и фыркать, стала отъ нихъ отбиваться, бѣгать по всей палатѣ, кувиркаться по коври, стоятъ на головѣ.

Она дѣйствительно выказала большую легкость и ловкость, вспрыгивала на диванъ, носилась надъ головами царевенъ, никого и ничего не задѣвая, какъ эластическій мячикъ прыгивала опять на коверъ, катилась кубаремъ, подкатывалась подъ ноги ловившимъ ее карлицамъ и Манкѣ, сбивала ихъ, трепала своими черными блестящими руками по щекамъ. Онѣ тоже не оставались въ долгу и скоро Офушка, покрытая потомъ, со сбившимся и разорваннымъ тюрбаномъ, повалилась на коверъ, вся изщипанная, исколоченная.

Она неимоვნно высунула свой красный, длинный языкъ, закатывала бѣлки глазъ и жалобно пищала, подражая всевозможнымъ животнымъ и птицамъ.

Всѣ присутствовавшіе, безъ исключенія, хохотали, били въ ладоши.

— Смотрите, смотрите кричали боярышни, показывая на Офушку и надрываясь отъ смѣху, это она издыхаетъ!

Офушка дѣйствительно дрыгала ногами, коверкала себѣ лицо самымъ страшнымъ образомъ и довольно искусно изображала предсмертную агонію. Вотъ ея пискъ и стоны становятся слабѣе, страшная судорога сводитъ всѣ ея члены, глаза совсѣмъ закатились, на губахъ показывается пѣна. Еще мгновеніе, послѣдняя судорога и она лежитъ неподвижно...

Кругомъ нея пляшутъ побѣдительницы, таскаютъ ее по ковру, щиплютъ, щелкаютъ... Офушка неподвижна. Она ужъ закорчѣла, руки и ноги ея не сгибаются.

Всѣ въ восторгѣ.

Но вотъ, совершенно неожиданно, она кричитъ пѣтухомъ, вскакиваетъ и бросается на карлицъ.

Боярышни не знаютъ куда и дѣваться отъ безумнаго смѣха. Онѣ схватились за бока, онѣ просто задыхаются: одну даже пришлось вывести изъ палаты.

Старыя боярыни и царевны тоже очевидно совершенно довольны представленіемъ, только Софья по прежнему лежитъ на турецкомъ диванѣ, блѣдная съ неподвижнымъ, въ одну точку устремленнымъ, взглядомъ.

Въ это время появляются двѣ сѣнныя дѣвушки и объявляютъ, что пришли музыканты.

Вотъ ихъ вводятъ. Это три нѣмца. У одного въ рукахъ цимбалы, у другого небольшой органъ, у третьяго — гакебретъ—старый нѣмецкій инструментъ, нѣчто среднее между маленькимъ фортепьяно и русскими гуслими.

Всѣ, мало по малу приходя въ себя послѣ хохота, расаживаются снова по мѣстамъ, приготовляются слушать. Нѣмцы начинаютъ играть, раздаются звуки органчика, который выводитъ старую нѣмецкую мелодію. Тихи и грустны эти звуки и вслѣдъ за ними поетъ и замираетъ сердце царевны Софьи.

Въ этой печальной музыкѣ ей слышится длинный, мучительно длинный рассказъ о ея собственной тоскѣ, слышится рассказъ о далекомъ походѣ ея безцѣннаго друга, о тѣхъ бѣдахъ, которыя грядутъ ему на встрѣчу. Страшныя картины встаютъ подъ заунывныя звуки. Чудится царевнѣ лютая сѣча; татары со всѣхъ сторонъ наступаютъ на русское войско... Вотъ русскіе поражены, бѣгутъ, татарскіе наѣзники ловятъ ихъ арканами, хватаютъ въ плѣнъ... Вотъ ей чудится, что на арканѣ по песчаной степи волочится тѣло вождя русскаго...

— Оставьте... къ чему такая музыка? Что это за игра, словно надъ покойникомъ! кричитъ Софья, вскакивая съ бархатныхъ подушекъ дивана.

Всѣ съ изумленіемъ на нее смотрятъ. Нѣмецъ удаляется, а его товарищи громко ударяютъ въ свои инструменты, начиная веселую, шумную пьесу.

V.

Въ это время дверь въ палату отворилась и къ царевнамъ вошли новые гости: царь Иванъ Алексѣевичъ со своею молодой супругой царицей Прасковьей.

Въ эти послѣдніе годы царь Иванъ очень измѣнился. Теперь онъ ужъ не казался юношей; онъ имѣлъ видъ старика. На лицѣ его рѣзко обозначались преждевременныя морщины, въ рукахъ у него былъ толстый посохъ, на который онъ опирался, потому что ноги его плохо слушались. Рядомъ съ нимъ царица Прасковья особенно поражала своею молодостью, свѣжестью и здоровьемъ. Это была прелестная молоденькая женщина съ большими черными глазами, смѣло и пристально всматривавшимися во все и во всѣхъ. Ея полныя румяныя губы были постоянно полуоткрыты, выказывая два ряда крѣпкихъ и бѣлыхъ зубовъ. Во всѣхъ движеніяхъ ея видна была порывистость и страстность. Про молодую царицу рассказывали, что она конечно не пыталась отказать отъ счастья вступить въ царское семейство—все равно въ этомъ отношеніи для нея борьба была невысказана—но что сдѣлавшись царицей, она съумѣла устроить свою жизнь такъ, какъ ей хотѣлось. На большаго, несчастнаго мужа она очень мало обращала вниманія, во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ на красивыхъ молодыхъ сыновей боярскихъ, которые вхожи были во дворецъ и въ теремъ.

Старыя царевны не разъ даже пробовали ей выговаривать, усовершенствовать ее. Она смиренно все выслушивала, горько плакала, увѣряла что все это клевета, что ни о чемъ худомъ она не помышляетъ и что развѣ это грѣхъ, если она любитъ повеселиться. Вѣдь веселятся всѣ другія царевны, отчего и ей не быть вмѣстѣ съ ними.

Старушкамъ нечего было возражать ей и онѣ только вздыхали и подъ конецъ совсѣмъ махнули на нее рукою и она продолжала веселиться, нисколько не стѣсняясь. И ей это было очень легко, такъ какъ единственный человѣкъ, который могъ бы на нее жаловаться, не жаловался.

Царь Иванъ былъ постоянно весьма нѣженъ съ своею супругой и даже иногда ради нея выходилъ изъ своей всегдашней апатіи. Если она смѣялась, и онъ смѣялся. На все, что она ни говорила, онъ кивалъ головою въ знакъ одобренія. Часто, при постороннихъ, подзывалъ ее къ себѣ, гладилъ по головѣ, называлъ разными нѣжными именами,

Съ появленіемъ царицы Прасковьи, всѣ снова оживились. Когда музыканты исполнили все, что отъ нихъ требовалось, и удалились изъ палаты, молодая царица стала придумывать всякія игры, которыя опять закончились травлею Офушки.

Царевна Софья, думавши было развлечься у сестеръ, не только что не развлеклась, но глядѣла еще сумрачнѣе, еще тоскливѣе.

Наконецъ она подозвала царя Ивана, царевну Марфу Алексѣевну, которая была бойчѣ другихъ сестеръ, сказала имъ, что нужно поговорить, и вышла изъ палаты. За ними поднялась и скоро нагнала ихъ худенькая сморщенная старушка, которая до сихъ поръ смиренно сидѣла въ углу и дѣлала видъ, что царевнины потѣхи нисколько ее не развлекаютъ. По однимъ ея зоркимъ глазамъ, выглядывавшимъ изъ подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей, можно было замѣтить, что она слѣдитъ за всѣмъ, ничего не пропускаетъ, каждое выговоренное слово, каждое движеніе, не только царевны, но и боярынь, боярышень и даже дуръ и карлицъ складываетъ въ запасъ въ своей памяти.

Эта старушка была уже извѣстная намъ великая пошница боярыня Хитрая.

Царевна Софья прошла нѣсколько комнатъ и остановилась въ укромномъ покойничкѣ, гдѣ никого не было.

— Можетъ меня и не нужно, проговорила Хитрая, такъ я и уйду государыня.

— Нѣтъ, Анна Петровна, нѣтъ, останься, очень хорошо, что ты вышла съ нами; запри только дверь.

Хитрая исполнила это приказаніе. Съѣла на лавочку, стоявшую у окошка и начала, крестясь, перебирать четки, съ которыми никогда не разставалась.

Софья заговорила. Она жаловалась сестрѣ и брату на то, что Петръ съ мачихой теперь уже рѣшительно задумали извести ихъ и что нужно принять немедленно же какія нибудь мѣры. Она передала о своемъ разговорѣ съ Шакловитымъ, о его встрѣчѣ съ Петровыми потѣшными.

Она говорила страстно и краснорѣчиво, стараясь всячески растрогать или испугать брата Ивана, чтобы онъ вышелъ изъ своей апатіи. Но онъ продолжалъ глядѣть безучастно и только по временамъ вздыхалъ.

Одна царевна Марфа поддакивала Софьѣ и во всемъ съ ней соглашалась.

— Анна Петровна, наконецъ обратилась правительница къ Хитрой, ты то чтоже все молчишь? вѣдь чай недавно видѣла мачиху, чай кой что тамъ слышала, такъ повѣдай.

— Затѣмъ и пришла, отвѣчала Хитрая, только и дожидалась, чтобы ты меня спросила. Да, была я у великой государыни царицы Натальи Кирилловны, продолжала она, закатывая глаза, многого навидалась тамъ, многого наслушалась. Больно гнѣвъ сталъ государь Петръ Алексѣевичъ. При мнѣ кричалъ, что коли воевода князь Голицынъ опять со стыдомъ вернется изъ похода, то онъ его заставить держать отвѣтъ и не сдобровать князю.

Софья вздрогнула и поблѣднѣла.

— И ты сама это слышала.

— Сама, сама, отвѣчала Хитрая, говорю Петръ Алексѣевичъ при всѣхъ кричить, не таится.

— Такъ вотъ ужъ до чего дошло, въ волненіи прошептала Софья, если онъ осмѣливается судить о томъ, чего и понимать то еще не въ силахъ, если онъ воображаетъ себя судьей надъ Васильемъ Васильевичемъ. Такъ значить онъ увѣренъ въ томъ, что можетъ распоряжаться. Значить его успѣли въ этомъ увѣрить, значить правду говорю я, что намъ мѣшкать нечего. Иванушка, братъ, да очнись, подумай, вѣдь тутъ ты не сторона, твое это дѣло, надъ тобой же издѣваются.

— Кто это издѣвается, сказалъ царь Иванъ.

— Да вѣдь тебѣ же, пойми, тебѣ грозитъ опасность.

— Нѣтъ сестрица, вишь ты Анна Петровна говоритъ, что государь-братецъ грозитъ Василію Васильевичу, такъ я то тутъ при чемъ же?

Софья только рукой махнула. Но Иванъ ужъ пробудился отъ своей постоянной дремоты, онъ ужъ заговорилъ и теперь не хотѣлъ кончить.

— Право не знаю, что это ты за непосѣда такая, сестрица. Право, вѣзмъ намъ хорошо, я никакой злобы не питаю на брата, онъ какъ встрѣтится со мною такъ всегда почтителенъ никогда то не побрапился. А коли онъ говоритъ про Василія Васильевича, такъ что же тутъ худого? Если Василій Васильевичъ побѣжитъ, а войско наше будетъ побито, такъ вѣдь такъ и должно быть, чтобы судить воеводу. Стало братецъ то и правъ.

Царевна Софья побагровѣла.

— Да что ты, что ты, рехнулся что ли, закричала она; нѣтъ, видно, говорить съ тобою все равно что объ стѣну горохъ... никакого толку отъ тебя не добиться. Тутъ на насъ враги наши лютые злоумышляютъ, можетъ завтра же всѣхъ перерѣжутъ, пытать станутъ, а ты вотъ какія рѣчи говоришь.

И она въ порывѣ бѣшенства, подошла къ Ивану и взглянула на него такъ страшно, что онъ задрожалъ и отъ нея отшатнулся. Его мысли снова спутались и ужъ ничего не понималъ онъ, весь отдался чувству страха.

— Да что-же я... я то что-же... я ничего, бормоталъ онъ. Коли досадилъ чѣмъ, прости сестрица, не буду больше. Что же, вѣдь я самъ знаю, что Господь меня разумомъ обидѣлъ, такъ и не мудрено, если спроста и скажу что неладно. Не взыщи сестрица, дѣлай какъ вѣдаешь, тебѣ знать лучше. Я изъ твоей воли, сама знаешь, не выйду. Только не сердись на меня, я право ничего, пусти я пойду къ Парашѣ.

— Ну и уходи, и Богъ съ тобой, сказала нѣсколько успокоившись Софья, видя что дѣйствительно сердиться на него невозможно.

Онъ, покачиваясь и крѣпко опираясь на палку, вышелъ изъ комнаты.

— Вотъ такъ царь, вотъ такъ братецъ, развела руками Софья, извольте-ка отъ него толку добиться. Право, въ простотѣ своей, когда нибудь еще всѣхъ насъ головами выдастъ.

— Такъ вѣдь ты чай не нынѣ только его узнала, замѣтила Хитрая. Нечего было его и впутывать.

— Такъ такъ, говорила Софья, въ волненіи ходя изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Да тутъ у меня съ этой мукой мученской просто мысли путаются... сообщить ничего не могу. Ну, говори что-ли, Анна Петровна, все что знаешь.

И Анна Петровна подробно начала докладывать царевнамъ обо всемъ, что успѣла подслушать и подсмотреть у старой царицы. Многое она и отъ себя прибавляла, внутренно наслаждаясь муками Софьи. Единственная цѣль жизни великой постницы была раздуть вражду въ царскомъ семействѣ, сплетничать, клеветать, поднимать всѣхъ другъ на друга. Она часто навѣдывалась къ Натальѣ Кирилловнѣ, которую издавна глубоко ненавидѣла. Она разсыпалась передъ нею мелкимъ бѣсомъ, передавала ей все, что говорилось у царевенъ; особенно въ послѣднее время зачастила она къ царицѣ. Она видѣла, что скоро конецъ будетъ Софьиной власти и конечно нужно было ей выйти чистой передъ Натальей Кирилловной, заранѣе снискать ея расположеніе, не попасть при новомъ дворѣ въ немилость. Съ дѣтства считая Анну Петровну лучшимъ другомъ своего семейства, царевна Софья, постоянно осмотрительная и даже мнительная, никогда не могла заподозрить ее въ измѣнѣ и не скрывалась передъ нею. Такъ и теперь, окончательно измученная рассказами великой постницы, она не удержалась и громко объявила, что если начались такія злоумышленія со стороны Нарышкиныхъ, то и она въ долгу у нихъ не останется. Не подѣйствуетъ одно, такъ подѣйствуетъ другое.

— Видно зажилась на свѣтѣ мачиха, пора ей и въ землю, не помня себя и не сознавая словъ своихъ, задыхаясь и въ волненіи закричала Софья.

Хитрая отъ восторга даже припрыгнула на своемъ мѣстѣ.

— Да, да, это точно, прошептала она, перебирая четки и привычно часто и скоро крестя свою грудь. Это точно, что коли бы Господь взялъ къ себѣ благовѣрную государыню царицу Наталью Кирилловну, такъ вамъ бы, моимъ голубкамъ, вольготнѣе было бы, да вѣдь здорова она, умирать не хочетъ.

— Найдется про нее лекарство у Шакловитаго.

Софья сама испугалась словъ своихъ; но они ужъ выговорились. Ну да что же, тутъ нѣтъ постороннихъ; не выдастъ Хитрая. Къ тому же Хитрая дѣлала видъ, что даже и не слышала послѣднихъ словъ Софьи и вся ушла въ молитву. Глаза ея были совсѣмъ закрыты, благочестивое смиреніе выражалось на лицѣ ея, губы шептали имя Христа и Богородицы. Она заранѣе наслаждалась той сценой, которая ожидаетъ ее у царицы Натальи Кирилловны, когда она сообщитъ ей объ этихъ словахъ Софьи.

Было ужъ поздно, пора расходиться. Вонъ ужъ всѣ царевны разбрелись по своимъ опочивальнямъ.

Царевна ушла къ себѣ, но еще долго, не раздѣваясь, сидѣла передъ рабочимъ столомъ, проглядывала большой ворохъ всякихъ дѣловыхъ бумагъ: донесеній воеводъ, изъ дальнихъ городовъ челобитныхъ. Она готовилась къ завтрашнему сидѣнью съ боярами. Сначала она долго не могла вдуматься въ то, что было передъ нею; но скоро эта работа поглотила все ея вниманіе и помогла ей забыться отъ тревожныхъ и печальныхъ мыслей. Скоро теремъ погрузился въ тишину, не было видно больше свѣту въ его маленькихъ неправильно расположенныхъ оконцахъ, только кой-гдѣ мерцалъ слабый огонекъ лампы. Но вотъ скрипнула едва слышно маленькая дверца: изъ терема выпустили кого-то и потомъ на замокъ заперли дверцу. Какая то тѣнь въ длинной темной одеждѣ начала красться вдоль стѣны и скоро скрылась въ саду между черными еще не опушившимися зеленью деревьями. Человѣкъ, выбравшійся изъ терема, очевидно, хорошо зналъ всѣ ходы и выходы. Не прошло и четверти часа, какъ онъ благополучно, никѣмъ не встрѣченный ужь былъ за воротами Кремлевскими. Теперь онъ ужь не крася, а шелъ смѣлой поступью. Это былъ Костромской попъ Григорій Елисеѣвъ, большой другъ царевны Екатерины Алексѣевны.

Вотъ ужь нѣсколько лѣтъ, какъ безъ его совѣтовъ она не могла рѣшиться ни на какое, даже самое незначительное, дѣло. И часто черезъ свою постельницу Марью Протопопову, бывшую въ родствѣ съ Елисеѣвымъ, посылала къ нему въ Кострому письма и гостинцы. Гостинцы Елисеѣвъ принималъ съ удовольствіемъ, на письма отвѣчалъ аккуратно и по первому зову царевны являлся и самъ въ Москву, а Марья Протопопова тихомолкомъ провожала его въ покои царевны. Тихомолкомъ выпроваживала изъ терема, чтобы не было лишнихъ разговоровъ.

И опять все тихо въ теремѣ; только работаетъ надъ дѣлами правительница, не замѣчая какъ идетъ время, какъ давно уже пробило полночь.

Только въ другомъ, противоположномъ уголку терема, въ пышной опочивальнѣ вдовы царицы Марѣи Матвѣевны, слышалось тихое рыданіе. Лежитъ молодая, блѣдная красавица подъ атласнымъ, хитро расшитымъ, одѣяломъ, на бѣлосѣжныхъ подушкахъ пуховыхъ и не спитъ ей и слезы неудержимо льются изъ свѣтлыхъ, рано померкающихъ очей ея. Тяжела жизнь Марѣи Матвѣевны, пятнадцати лѣтъ осталась она вдовой послѣ царя Ѳедора. И съ того страшнаго дня какъ въ окончилась вся жизнь ея, остались одни мученія. Ее окружаютъ почеть и роскош; но страшною тюрьмою кажутся ей ея богатые покои. Кто былъ ей дорогъ, къ кому она привязалась всей своей чистой дѣтскою душою, тотъ безвременно покинулъ ее. А кругомъ ни одного близкаго, милаго человѣка. Есть родные—да они далеко, ихъ не любятъ въ теремѣ. Правительница помпите какія то старыя обиды и никого изъ Апраксиныхъ не пускаетъ. Одно было бы великое счастье для царицы Марѣи Матвѣевны—былъ бы у нея ребенокъ. Всю жизнь бы она въ него положила, не паглядѣлась бы на него, не надѣшалась. Но нѣтъ у нея ребенка. Крѣпко ужь былъ боленъ царь Ѳедоръ какъ ее съ нимъ повѣнчали, никогда не былъ онъ ей мужемъ; но она ни разу даже и въ мысляхъ своихъ не измѣнила его памяти. Семь долгихъ мучительныхъ лѣтъ прошло послѣ его смерти, а она все о немъ помышляетъ, все за него молится. Она ужь сжилась со своей тяжелой долей, ничего не просить; единственная ея отрада—за него молиться, и горючо она молится. Часто ходитъ на богомолье, кормитъ каждый день чуть ли не сотню нищихъ, одѣляетъ бѣдныхъ. И спокойствіе мало по малу водворяется въ душѣ ея и, осушая чужія слезы, она осушаетъ и свои собственные, но все же иной разъ задаются дни тяжелые, мучительныя ночи; невѣдомо откуда приходятъ въ душу тоска и волненіе. Слова молитвы на устахъ замираютъ.

Сонъ бѣжить отъ глазъ и всю ночь мечется на постели бѣдная царица и горько плачетъ, горько рыдаетъ, и отъ этихъ ночей безсонныхъ, отъ тоски лютой все быстрѣй и быстрѣй вянуть ся даромъ загубленныя, никому не нужны, красота и молодость.

VI.

Прошло нѣсколько недѣль, но въ Москвѣ все по прежнему было спокійно. Хитрыя выдумки Шахлопитаго не помогали, на стрѣльцовъ рѣшительно ничего не дѣйствовало.

Софья была въ отчаяніи: оставалось пустить въ ходъ отраву. Но въ рѣшительную минуту Софья дрогнула передъ такимъ средствомъ, къ тому же царица Наталья Кирилловна, извѣщенная Хитрой, принимала всѣ свои мѣры для огражденія отъ опасности себя и сына. Она появлялась въ Москвѣ на короткое время и, никого не извѣщая, снова поднималась въ путь; переѣзжала изъ одной подмосковной въ другую.

Юный царь, Петръ, пока еще не видѣлъ никакой опасности и подшучивалъ надъ боязнью матери. Не смотря на ея горячія мольбы, онъ покидалъ ее и свою молодую супругу Евдокію Ѳедоровну Лопухину, съ которою его только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ повѣнчали.

У него было много дѣла: онъ устраивалъ свои потѣшные полки, учился у иностранцевъ, по дѣльмъ недѣлямъ не показывался домой, а возвращался запыленный, усталый. Даже приближенные къ нему бояре находили его поступки несовсѣмъ приличными для государя. Имъ не нравилась его компанія, состоявшая изъ какихъ то нѣмцевъ, но они не смѣли ему перечить—его рѣшительный характеръ успѣлъ ужь выказаться.

Софья съ нескрываемымъ злорадствомъ слушала сплетни о томъ, какъ онъ дурачится.

— „Скоро совсѣмъ спойте мальчишку, говорила она, совсѣмъ пропадетъ онъ“.

Но сама она не вѣрила словамъ своимъ. Она хорошо понимала, что этого мальчишку спойте трудно и что пропасть онъ не можетъ.

Въ Маѣ было получено извѣстіе отъ князя Голицына о томъ, что онъ разбилъ Крымскаго хана и уже подступаетъ къ Перекопи.

„Пребываю въ надеждѣ, писалъ Голицынъ, съ помощью Божіей одолѣть врага и не въ долгее время вернуться съ побѣдою. Помогите государыня о благополучномъ моемъ возвращеніи“.

Софья просто обезумѣла отъ радости. Мигомъ забыла она всѣ свои тревоги, и плакала и смѣялась.

Она слышала извѣстия людей московскихъ о торжествѣ Василья Васильевича, а сама въ избыткѣ радости тотчасъ же сѣла писать ему отвѣтное письмо.

„Свѣтъ мой, братецъ Васенька! писала Софья, здравствуй батюшка мой на многія лѣта! и паки здравствуй, Божіею и Пресвятыя Богородицы милостію и твоимъ разумомъ и счастіемъ побѣдивъ Агаряне! Подай тебѣ Господи и впредь враги побѣждать! А мнѣ, свѣтъ мой, не вѣрится, что ты къ намъ возвратишься; тогда повѣрю какъ увѣжу хотя же въ объятіяхъ свѣихъ тебя, свѣта моего. Что же, свѣтъ мой, пишешь, чтобы я помолилась: будто я вѣрно грѣшна предъ Богомъ и недостойна; однако-жь, хотя и грѣшная, дерзаю надѣяться на Его благоугробіе. Ей! всегда прошу, чтобы свѣта моего въ радости видѣть. По семъ здравствуй свѣтъ мой навѣки неисчетные“.

Но царевна напрасно торжествовала и радовалась. Голицынъ слишкомъ поспѣшилъ похвалиться. Ему дѣйствительно удалось безъ боя подойти къ Перекопи, укрѣпленному замку, защищавшему ровъ, который прорѣзывалъ перешеекъ. Оставалось взять Перекопъ—и русское войско въ Крыму. А между тѣмъ войско стоитъ у Перекопи, стоитъ день, другой и не двигается

Ирландский народный учитель Съ картины Е. Никола, . рис. на деревѣ Девисъ, грав. "Бонапартъ"
Библиотека "Гуниверс"

съ мѣста. Слишкомъ поздно видѣть воевода свою ошибку. Ему прежде слѣдовало хорошенъко разузнать, что такое Крымъ; но онъ не зналъ этого. Перекопъ казалась ему концомъ всѣхъ лишеній, испытаннѣхъ воинами, а между тѣмъ настоящіе лишенія только теперь начинаются. Со всѣхъ сторонъ море; какъ была степь до замка, такъ и за замкомъ степь неоглядная и ни одного колодца прѣсной воды. Люди измучены страшной жаждою, кони падаютъ. Пройдетъ еще нѣсколько дней и отступить будетъ невозможно, не на чемъ будетъ везти орудія, обозъ:—кони всѣ передохнуть, люди умирать начнутъ десятками, сотнями, тысячами, придется живьемъ съ цѣлымъ войскомъ отдаться въ руки хана.

И вотъ Голицынъ сѣвшитъ завести съ ханомъ мирные переговоры. Онъ надѣется, что тотъ, въ виду огромной русской арміи, испугается и поспѣшитъ подписать выгодныя условія. Но Ханъ отлично понимаетъ въ чемъ дѣло и тянетъ переговоры. Кругомъ воеводы поднимаются ропотъ. Медлить невозможно; не умирать же здѣсь въ степи, подъ палицами лучами солнца!

Скорѣй, скорѣй, назадъ и то врядъ ли удастся благополучно вернуться. Татары, завидя отступление, погонятся.

Измученный и окончательно упавшій духомъ Голицынъ началъ отступление. Мужъ совѣта и разума, искусный дипломатъ и администраторъ, князь Василій Васильевичъ былъ плохимъ воеводою; онъ взялся не за свое дѣло.

Онъ былъ въ своей сферѣ, создавая и вырабатывая благодѣтельные проекты, поражая иностранныхъ посланниковъ своимъ глубокимъ и всестороннимъ образованіемъ. Онъ былъ въ своей сферѣ, когда заглядывалъ въ будущее русскаго государства и мечталъ о томъ, какъ заселить пустыни, обогатить нищихъ, дикарей сдѣлать людьми, пастушескіе шалаши превратить въ каменные палаты. Самъ онъ лично былъ человѣкомъ неустрашимымъ и храбрымъ, но вести войско къ побѣдамъ онъ не могъ и вторично долженъ былъ испить горькую чашу униженія.

Сердце его разрывалось на части, когда онъ извѣщалъ царевну о своемъ возвращеніи, стараясь всячески, не передъ нею, а передъ Москвою прикрыть неудачу похода.

Софья въ это время исполняла его просьбу, горячо за него молилась. Она забыла про своего брата, про всѣхъ враговъ своихъ и пѣшкомъ ходила на богомолье. Сходила къ Сергію, оттуда по другимъ монастырямъ; раздавала всюду богатая милостыни.

Получивши извѣстіе объ окончаніи похода и возвращеніи Голицына, она нѣжными горячими словами выражала въ письмѣ къ нему свои чувства. Она писала:

„Не хуже израильскихъ людей васъ Богъ извелъ изъ земли египетскія: тогда черезъ Моисея, угодника своего, а нынѣ черезъ тебя, душа моя! Слава Богу нашему, помиловавшему насъ черезъ тебя! батюшка ты мой, чѣмъ платить за такіе твои труды неисчетные? радость моя, свѣтъ очей моихъ! Мнѣ не вѣрится, сердце мое! чтобъ тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ

день тотъ былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Еслибы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила передъ собою.“

Въ другомъ состояніи духа она, конечно, поняла бы, что свѣтъ Васенька возвращается не побѣдителемъ, но теперь видѣла только избавленіе его отъ страшныхъ опасностей.

Она приготовляла ему торжественную встрѣчу, послала ему официальную грамоту отъ имени царей, въ которой говорилось:

„Мы, великіе государи, тебя, ближняго нашего боярина и оберегателя, за твою намъ многую и радѣтельную службу, что такіе свирѣпые и исконные креста святого и всего христіанства непрітели твоею службою не нечаянно и никогда не слыхано отъ нашихъ царскихъ ратей въ жилищахъ ихъ поганскихъ пораженны и побѣждены и прогнаны, и что объявились они сами своимъ жилищамъ разорителями: отложивъ свою обычную свирѣпую дерзость, пришедъ въ отчаяніе и въ ужасъ, въ Перекопи посады и села и деревни всѣ пожгли, и изъ Перекопи своими поганскими ордами тебѣ не показались и возвращающимся вамъ не явились, и что ты со всѣми ратными людьми къ нашимъ границамъ съ вышеписанными славными во всемъ свѣтѣ побѣдами возвращался въ цѣлости—милостиво и премилостиво похваляемъ.“

Но Софья тщетно прославляла побѣды Голицына; всѣ бояре роптали—имъ хорошо была понятна неудача и втораго похода.

Голицынъ возвращался въ Москву съ триумфомъ.

Софья встрѣчая его, не могла даже при постороннихъ удержать своей радости: вся душа ея ликовала. Среди тревогъ и дурныхъ предчувствій, которые на нее наплывали, единственнымъ спасеньемъ, единственной отрадой казался ей Голицынъ.

Но онъ не раздѣлялъ радости царевны.

Бояре, ненавидѣвшіе его, но пока еще не смѣвшіе выказывать чувствъ своихъ и поспѣвшіе явиться къ нему на поклонъ, никогда еще не видали его въ такомъ удрученномъ и мрачномъ настроеніи духа.

Онъ хорошо видѣлъ, что звѣзда его счастья закатилась. Кругомъ враги и нѣсть имъ числа. Разразится гроза, кто за него заступится? Любовь Софьи не спасетъ его—правительница первая погибнетъ. Народъ не скажетъ за него ни слова—народъ не знаетъ заслугъ его, не можетъ оцѣнить его, не знаетъ, что всю жизнь свою онъ работалъ для этого народа, для его будущаго. Но вѣдь эта невидимая и славная работа творится не видимо и роскошные, вѣчно цвѣтушіе плоды ея созрѣваютъ медленно и не знаетъ народъ, кого благодарить за нихъ. Для того, чтобъ заслужить любовь и защиту этого народа, нужно быть героемъ-побѣдителемъ на ратномъ полѣ, а Голицынъ не побѣдитель. Онъ мечталъ, онъ надѣялся славнымъ походомъ завоевать себѣ большую силу, которою долженъ былъ бы прикрыть и спасти Софью и вотъ теперь ему нечѣмъ спасти ее и она и онъ скоро погибнутъ.

(Продолженіе будетъ).

СОЛНЕЧНЫЕ ЛУЧИ И ИХЪ ПРЕЛОМЛЕНІЕ.

Вся жизнь на землѣ составляетъ работу солнца. Не только движеніе земли вокругъ солнца и происходящее отсюда различіе во временахъ года и поясахъ, не только смѣна укрѣпляющихъ зимнихъ холодовъ возбуждающимъ весеннимъ воздухомъ и палищими жарами лѣта, не только ароматическій запахъ цвѣтовъ и спѣлость плодовъ являются продуктами солнца, но даже вообще всѣ силы на землѣ. Вертнѣ ли вѣтеръ крылья мельницы или гонитъ по морю корабли, это все только работа солнца. Сила солнечныхъ лучей согрѣваетъ воздухъ у экватора, онъ разрѣжается и поднимается кверху, вслѣдствіе чего холодный воздухъ съ обонхъ полюсовъ стремится, въ видѣ полярнаго вѣтра, къ экватору, тогда какъ постоянно поднимающійся кверху экваторіальный воздухъ течетъ по поверхности къ обонхъ по-

люсамъ въ видѣ экваторіальнаго тока. Такимъ образомъ оба главные вѣтра земли, точно также какъ и всѣ побочные вѣтры, суть продукты солнца; испадаетъ ли благотворный дождь, течетъ ли вода, приводя въ движеніе мельницы, прядильни и бумажныя фабрики, это все только работа солнца, потому что солнце испаряетъ воду; живая сила солнечныхъ лучей превращается въ упругость пара, поднимающаго испаренія.

Желая уснѣтъ всѣ проявленія солнечной силы, а равно и самаго солнца, извѣстный ученый Рейссъ обращается къ спектральному анализу, состоящему въ разложеніи свѣта съ помощью его преломленія. Подобно тому, какъ звукъ состоитъ изъ колебалии струны или пластинки, движущихся взадъ и впередъ, подобно тому, какъ теплота образуется изъ безконечно-быстрыхъ и тонкихъ

колебаний малѣйшихъ частицъ и атомовъ нагрѣтаго тѣла, точно также и свѣтъ состоитъ изъ такихъ же бесконечно быстрыхъ и тонкихъ колебаний эфира, наполняющаго мировое пространство. Если музыкальные звуки лежатъ въ промежуткѣ отъ 16 до 4.000 колебаний въ секунду и при этихъ условіяхъ ощущаются слухомъ, то для эфирныхъ колебаний только тогда является возможность проявиться предъ зрѣніемъ въ видѣ свѣта, когда число этихъ движеній достигнетъ до немовѣрнаго числа 480 билліоновъ въ секунду и этотъ свѣтъ еще краснаго цвѣта. Подобно тому, какъ возвышается тонъ, по мѣрѣ увеличенія числа колебаний, такъ и сила свѣта возвышается вмѣстѣ съ возвышеніемъ числа эфирныхъ колебаний въ секунду. Такимъ образомъ свѣтъ при 520 билліонахъ становится оранжевымъ, при 540 желтымъ, при 580 зеленымъ, при 630 голубымъ, при 670 синимъ и при 700 фіолетовымъ, восходящимъ даже до 760 билліоновъ колебаний. По мнѣнію Рейсса, свѣтящаяся тѣла, проходя отъ краснаго цвѣта къ фіолетовому, то есть всю скалу радуги, переходятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдовательность свѣтовыхъ колебаний отъ 480 до 700 и 760 билліоновъ въ секунду; но, совершая высокія колебанія въ 700 и 760 билліоновъ, свѣтящееся тѣло не перестаетъ въ то же время совершать и другія, меньшія колебанія въ 480, въ 500, въ 520, отъ 540, въ 630 и 670 билліоновъ. Это объясняетъ Рейссъ сравненіемъ съ инструментомъ-арфою, если она получаетъ случайный толчекъ извнѣ. Въ то время, когда отъ этого толчка дѣлаются слышны высокіе звуки, слышны также одновременно и низкіе, и всѣ промежуточные. То же явленіе замѣчено и въ такъ называемой золотой арфѣ, производящей полный аккордъ и высокіхъ и низкіхъ тоновъ при дуновеніи вѣтра. Точно также и въ свѣтовыхъ впечатлѣніяхъ всѣ цвѣта свѣта соединяются въ одинъ свѣтлый аккордъ, въ одно общее впечатлѣніе благаго. Разница между звуковымъ и свѣтовымъ аккордами состоитъ въ томъ, что въ первомъ слухъ можетъ уловить отдѣльные звуки аккорда, а въ послѣднемъ зрѣнію представляется одно свѣтовое впечатлѣніе. Такимъ образомъ бѣлый свѣтъ, самый смѣшанный и запутанный изъ всѣхъ цвѣтовъ, заключающій въ себѣ, кромѣ всѣхъ семи радужныхъ цвѣтовъ, многочисленные билліоны неуловимыхъ оттънковъ между каждымъ изъ двухъ смежныхъ цвѣтовъ, представляется всегда зрѣнію общимъ бѣлымъ или свѣтлымъ впечатлѣніемъ.

Преломленіе свѣтовыхъ лучей составляетъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ разныхъ оптическихъ явленій, а потому необходимо повнимательнѣе выискнуть въ сущность этого преломленія, происходящаго отъ косвеннаго паденія лучей изъ воздуха въ прозрачное твердое или жидкое тѣло. Для объясненія измѣненій, претерпѣваемыхъ свѣтовыми лучами, Рейссъ приводитъ въ примѣръ аналогичныя движенія изъ общественной или точице изъ военной жизни. Хотя кавалерійская колонна,—говоритъ онъ,—мало имѣетъ сходства съ свѣтовыми лучами, тѣмъ не менѣе представимъ себѣ на минуту ихъ узкія прямыя линіи въ качествѣ свѣтовыхъ лучей. Представимъ себѣ кавалерійскій эскадронъ, скачущій по плотной почвѣ; вдругъ онъ наталкивается, по косому направленію, на всаханное поле, борозды котораго идутъ не перпендикулярно къ направленію колонны, а наискось. Если продолжать ѣхать все въ томъ же направленіи, то дорога по всаханному полю будетъ очень трудна и слѣдовательно препятствіе, преодолимое отдѣльными колоннами, будетъ очень велико, тогда какъ перпендикулярно лежащая къ бороздамъ дорога будетъ имъ представлять самое ничтожное сопротивленіе. Поэтому одиночныя колонны отдалятся постепенно и непроизвольно отъ прежняго направленія и приблизятся къ направленію перпендикулярному относительно къ бороздамъ. Часть каждой колонны, идущей по полю, будетъ понемногу отклоняться отъ части, идущей по твердой почвѣ. Каждая колонна, вступающая на поле, будетъ казаться переломленною и именно по перпендикулярному направленію. Точно также и свѣтовое движеніе, идущее въ косвенномъ направленіи изъ воздуха въ прозрачное твердое или жидкое тѣло, должно претерпѣвать большее сопротивленіе нежели въ воздухѣ; вслѣдствіе этого каждый отдѣльный лучъ, подобно каждой отдѣльной верховой колоннѣ, при своемъ вступленіи въ новое тѣло, какъ, напримѣръ, въ стекло, отклонится отъ своего косога направленія и приблизится болѣе къ тому направленію, которое имѣетъ отношеніе перпендикулярное къ поверхности новой средины. Но каждое ли эфирное движеніе претерпѣваетъ одинаково сильное отклоненіе, какъ, напримѣръ, быстрый голубой лучъ и сравнительно медленный красный? Спросить объ этомъ прежде всего слѣдуетъ верховья колонны. Чѣмъ быстрѣ скачетъ колонна, тѣмъ непріятнѣй ей сопротивление свѣжныхъ бороздъ, тѣмъ сильнѣе является потребность уклониться отъ косога направленія и приблизиться къ перпендикулярному, тѣмъ слѣдовательно сильнѣе будетъ и преломленіе. Точно также и свѣтовые лучи болѣе быстро колебанія должны претерпѣвать большее сопротивленіе при своемъ вхожденіи въ плотное тѣло, нежели болѣе медленное, слѣдовательно и послѣдствіе этого сопротивленія относительно свѣта должно быть тѣмъ болѣе, чѣмъ быстрѣ колеблется свѣтъ. т. е. преломленіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе колебаній совершаетъ свѣтъ. Такимъ образомъ красный цвѣтъ, какъ болѣе медленный, преломляется всегда менѣе при своемъ прохожденіи

черезъ шлифованное стекло призмы, желтый же нѣсколько болѣе, зеленый и голубой еще болѣе и всего сильнѣе фіолетовый. Въ этомъ легко убѣдиться при прохожденіи лучей черезъ призму въ косомъ направленіи. Красный лучъ идетъ всего ближе къ первоначальному направленію, а фіолетовый всего болѣе отклоняется отъ него.

Рейссъ доказываетъ свою теорію свѣта помощію спектральнаго анализа, заключающагося въ разложеніи свѣта съ помощію его преломленія.

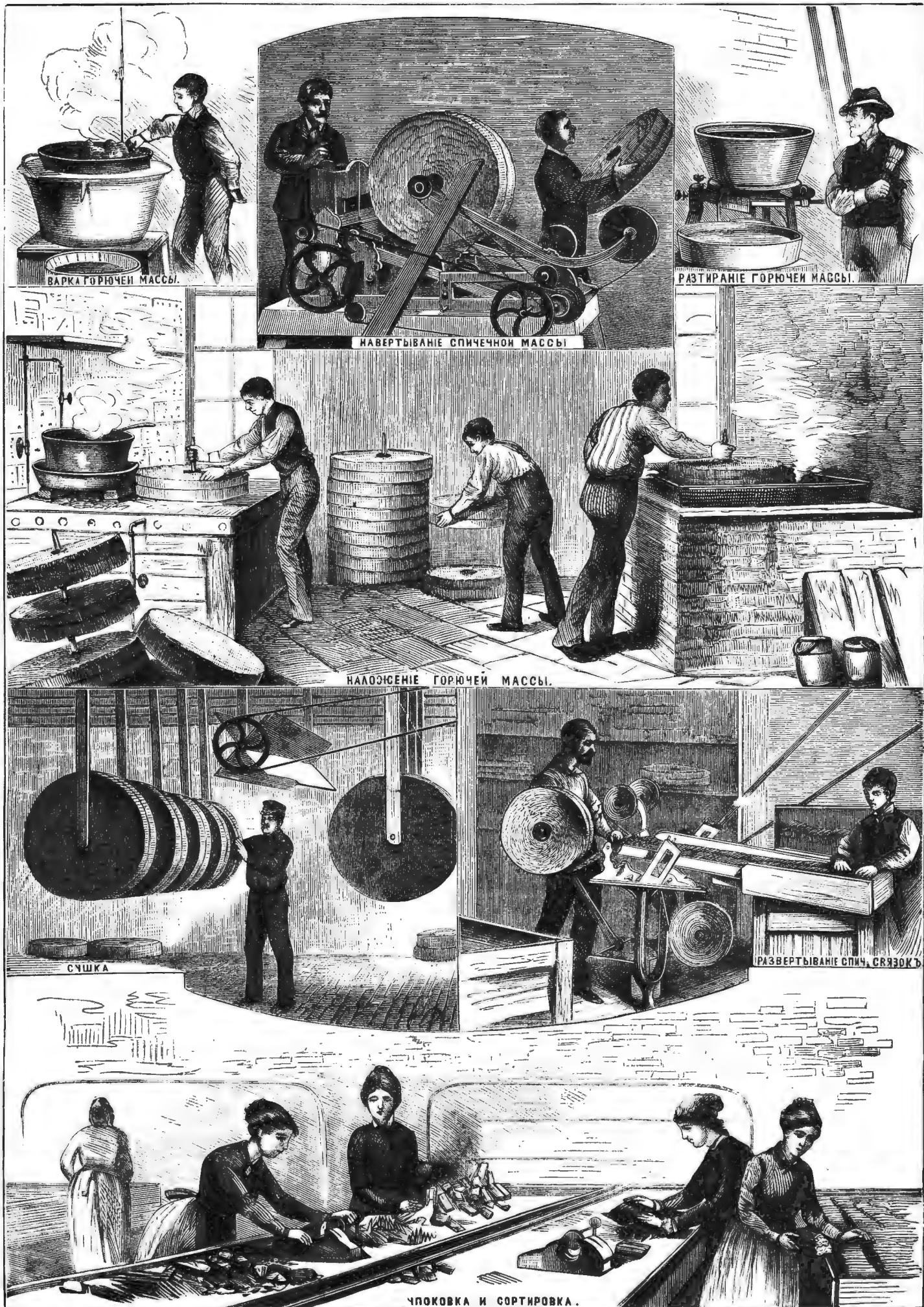
Стеклаяя призма разлагаетъ бѣлый свѣтовой лучъ на семь первоначальныхъ цвѣтовъ: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фіолетовый. Серъ Джонъ-Гершель открылъ сѣро-фіолетовые лучи за предѣлами фіолетовыхъ и темно-красные на вѣншей сторонѣ красныхъ лучей, но эти лучи не такъ легко обнаруживаются какъ остальные.

Всѣ, даже самыя прозрачныя, тѣла поглощаютъ свѣтъ; воздухъ, вода, стекло, чистѣйшій хрусталь поглощаютъ нѣкоторые изъ лучей. По мѣрѣ того какъ лучи проходятъ черезъ нихъ, часть свѣта отражается отъ поверхности тѣла, которая, въ противномъ случаѣ, не были бы видимы. Мы узнаемъ о присутствіи и о формѣ отдаленныхъ отъ насъ вещественныхъ предметовъ не иначе, какъ черезъ отраженные ими лучи свѣта. Обыкновенные цвѣта, болѣею частью, состоятъ изъ смѣшанныхъ цвѣтовъ; они происходятъ оттого, что тѣло уничтожаетъ или поглощаетъ часть 280 билліоновъ цвѣтовыхъ оттънковъ падающаго на него благаго солнечнаго свѣта. Не уничтоженная же часть 280 билліоновъ свѣтовыхъ тоновъ отбрасывается тѣломъ и изъ нихъ образуется смѣшеніе цвѣтовъ, которое мы привыкли считать собственнымъ цвѣтомъ тѣла. Такимъ образомъ выходитъ, напримѣръ, что тѣло желто потому, что принимаетъ и поглощаетъ изъ солнечнаго луча голубые и фіолетовые лучи, отбрасывая остальные, которые своимъ смѣшеніемъ производятъ впечатлѣніе желтаго. Причина, почему тѣла отличаются въ этомъ отношеніи, намъ неизвѣстна, потому что мы вообще не знаемъ причины различія матеріи. Намъ извѣстно уже, что твердыя и жидкія тѣла, раскаливаясь, принимаютъ различныя смѣшанные цвѣта. Бѣлыя тѣла отражаютъ весь свѣтъ, а черныя весь поглощаютъ, между тѣмъ какъ цвѣтныя тѣла, разлагая свѣтъ, поглощаютъ нѣкоторые изъ цвѣтовъ и отражаютъ или пропускаютъ остальные. Такимъ образомъ фіолетовое тѣло поглощаетъ всѣ вѣтныя лучи, кромѣ фіолетовыхъ, которые отражаетъ; красный цвѣтокъ отражаетъ только красные и поглощаетъ всѣ остальные, желтое тѣло поглощаетъ всѣ цвѣта кромѣ желтаго. Подобнымъ же образомъ прозрачныя тѣла, какъ твердыя, такъ и жидкія, поглощаютъ нѣкоторые цвѣта и пропускаютъ другіе: такимъ образомъ изумрудъ поглощаетъ всѣ лучи кромѣ зеленаго, рубинъ всѣ кромѣ краснаго, сафиръ всѣ кромѣ синяго; тогда какъ алмазъ не разлагаетъ свѣта, но въ одинаковой степени пропускаетъ каждый лучъ. Атмосфера, въ мѣстахъ, гдѣ она разрѣжена, поглощаетъ всѣ цвѣта, кромѣ голубого, составляющаго ея настоящей цвѣтъ. Въ странахъ, гдѣ воздухъ чистъ, дазуръ неба густая, но она еще гуще или темнѣе на большихъ высотахъ, гдѣ степень плотности воздуха меньше; а самый пріятный ея цвѣтъ тамъ, гдѣ она постепенно смягчаетъ очертанія стоящихъ вдали горъ, или гдѣ небо соприкасается съ моремъ. Когда солнце приблизится къ горизонту, атмосфера, по причинѣ своей болѣею плотности, поглощаетъ фіолетовые и голубые лучи и пропускаетъ въ избыткѣ желтые и красные. Это свойство атмосферы, вмѣстѣ съ преломляющей силой водяныхъ паровъ, особенно обильныхъ при земной поверхности, придаетъ розоватый оттънокъ утренней зарѣ и золотой съ пурпуровымъ закату солнца. Смѣшеніе этихъ цвѣтовъ съ голубымъ цвѣтомъ лежащей сверху атмосферы производитъ прекрасный ярко зеленый цвѣтъ, часто видимый въ Италіи и другихъ теплыхъ странахъ. Послѣдніе отраженные лучи заходящаго солнца обыкновенно красные; они придаютъ розовый, иногда же пылающій оттънокъ альпійскимъ снѣгамъ, а за ними иногда тѣнь земли падаетъ на атмосферу въ видѣ темно-синяго сегмента.

Если вся жизнь на землѣ, какъ замѣчено выше, зависитъ отъ дѣйствія солнца, то удивимся ли мы, если разница яснаго и облачнаго неба должна имѣть огромное вліяніе на растительность. Значеніе свѣта для растительности такъ велико, что даже свѣтъ луны, то есть уже отраженный солнечный свѣтъ, имѣетъ ощутительное вліяніе на нее, что было доказано слѣдующими опытами: брали извѣстное растение въ нѣсколькихъ экземплярахъ такимъ образомъ, чтобы каждый отдѣльный экземпляръ росъ при особыхъ условіяхъ. Такъ, напри., первый произрасталъ обыкновеннымъ образомъ, второй лишь въ свѣтлыя лѣтнія ночи, будучи устраняемъ отъ дневныхъ солнечныхъ лучей, третій лишь въ лунныя ночи, четвертый при свѣтѣ фонарей, и пятый въ совершенной темнотѣ. Послѣдній экземпляръ, при надлежащей теплотѣ и влажности едва обнаруживалъ слабую степень прозябанія, четвертый же, освѣщавшійся фонарями или лампами былъ нѣсколько развитѣе, третій, освѣщавшійся ночнымъ свѣтомъ луны заключалъ въ себѣ еще болѣе силы, а второй, взросшій при свѣтлыхъ ночахъ лѣта, былъ открытъ зеленою и давалъ отростки, лишь уступалъ въ красотѣ, свѣжести и яркости первому экземпляру, быстро развивавшемуся при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ дневнаго свѣта и теплоты. Вырѣваніе плода зависитъ болѣе отъ яснаго

Этюдъ русской природы. Глубокая осень въ лѣсу. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Э. Шмидтъ.

Фабричное производство спиченъ. Съ рисунка К. П., грав. М. Радиевскій. Библиотека "Руниверс"

неба, чѣмъ отъ одной лѣтней температуры. Замѣчено изъ наблюдений, что голубые лучи солнечнаго спектра дѣйствуютъ особенно сильно на проростаніе сѣмени; желтые, какъ самыя свѣтлыя, на ростъ растенія: это по причинѣ невидимыхъ, химическихъ лучей,—лучей, хорошо уже извѣстныхъ теперь по ихъ дѣйствию въ дагерротипѣ и фотографіи. Химическія лучи проникаютъ въ почву и имѣютъ гораздо большее вліяніе на проростаніе сѣмянъ, чѣмъ обыкновенный свѣтъ. Это невидимое начало, выѣстъ съ свѣтомъ, существенно необходимо для образованія красящаго вещества листьевъ; оно особенно дѣлательно весною, когда находится въ весьма значительномъ избыткѣ въ сравненіи съ количествомъ свѣта и теплоты; но по мѣрѣ прохожденія лѣта, совершается обратное явленіе: теплыя лучи, соответствующіе крайнему красному цвѣту спектра и облегчающіе цвѣтеніе и образованіе плода, берутъ перевѣсъ; также и рядъ невидимыхъ лучей, существующихъ близъ точки наибольшей теплоты въ солнечномъ спектрѣ, становится особенно обилень лѣтомъ. По мнѣнію ученаго Гуита, теплыя лучи, иду-

щіе непосредственно за видимымъ краснымъ лучемъ, уничтожаютъ цвѣтъ нѣкоторыхъ листьевъ. По этой причинѣ стекла въ большой пальмовой теплицѣ въ Кью окрашены въ блѣдный желтовато-зеленый оттѣнокъ для устраненія помянутыхъ палящихъ лучей, хотя въ то же время эти окрашенныя стекла пропускаютъ сквозь себя другіе теплыя, свѣтлыя и химическія лучи.

Солнечный спектръ состоитъ изъ множества видимыхъ и невидимыхъ лучей. Химическія лучи особенно обилны за фіолетовымъ концомъ спектра и уменьшаются чрезъ фіолетовый въ голубомъ и зеленомъ, до желтаго, гдѣ они исчезаютъ. Избытокъ теплыхъ лучей находится въ недалекомъ разстояніи за краснымъ концомъ, откуда они постепенно уменьшаются къ фіолетовому. Кромѣ этихъ лучей въ спектрѣ есть два отдѣльныя мѣста на значительномъ разстояніи отъ красныхъ лучей, гдѣ встрѣчается максимумъ теплоты. Если бы теплыя лучи были видимы, то въ нихъ оказалась бы такая же большая разница, какъ и въ цвѣтныхъ лучахъ; такъ разнообразны ихъ свойства, смотря по положенію въ спектрѣ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Георгиевскій монастырь въ Крыму.

Въ 12 верстахъ отъ Севастополя, на берегу Чернаго моря, на гѣхъ скалахъ, гдѣ, по убѣжденію многихъ ученыхъ археологовъ, стоялъ въ древности храмъ кровавой богини—дѣвственницы Діаны Таврической, нынѣ разбросаны зданія Георгіевскаго перво-класснаго монастыря. Подъѣзжая къ обители съ суши, по дорогѣ отъ Севастополя, путникъ сперва сильно разочаровывается, встрѣчая среди пустынной мѣстности, покрытой самой скудной растительностью монастырскія зданія довольно однообразной и обыденной архитектуры; но стоитъ лишь ему подняться на монастырскую террасу, чтобы притти въ восторгъ отъ открывающагося отсюда великолѣпнаго вида на далекое, безконечное море и на прибрежныя скалы. Самая высокая изъ этихъ скалъ, пирамидальной формы, въ древности называвшаяся фолентъ или Партеніумъ, носитъ нынѣ названіе скалы св. Георгія, такъ какъ, по преданію, послѣдній явился на ней погибшимъ грекамъ и, утишивъ бурю, далъ имъ возможность благополучно доплыть до берега. Спасенные Греки, въ воспоминаніе своего чуднаго избавленія отъ гибели, устроили въ скалѣ, близъ мѣста своего крушенія, пещерную церковь (около 891 года по Р. Х.), а вскорѣ, воздвигнувъ около ея нѣсколько келій, положили основаніе общежительной обители. Чудотворная же икона св. Георгія, обрѣтенная по преданію, на той самой скалѣ, на которой явился Великомученикъ, находилась въ монастырѣ до 1779 г. а потомъ была увезена Митрополитомъ Игнатіемъ въ свою новую метрополию, въ Азовскую губернію.

Монастырская церковь хотя не велика, но довольно изящна по внутренней отдѣлкѣ. По обѣимъ сторонамъ ея входныхъ дверей, красуются двѣ бѣлыя, мраморныя доски; одна надъ могилою Графа Витга, а другая съ обозначеніемъ годовъ, въ которые обитель посѣщалась Императоромъ Александромъ I. Въ этой же церкви показываютъ любознательнымъ путешественникамъ старую картину, изображающую благословеніе Ноемъ своихъ дѣтей и будто бы писанную, если вѣрить надписи, мая 15 дня 1081 года (!) Кромѣ того въ обители достойны вниманія многія древнія облаченія и небольшія коллекціи богослужебныхъ книгъ, имѣющихъ всѣ признаки несомнѣнной древности. Отъ церкви начинается сходъ на довольно узкую террасу, ведущую къ фонтану, устроенному въ контрфорсѣ и водѣ котораго приписываютъ разныя цѣлебныя и чудодѣйственныя качества. Надъ фонтаномъ, на чугунной доскѣ видна слѣдующая надпись: „Помощію десницы Господней, обновленъ источникъ сей Карасубазарскимъ купцемъ Іаковомъ Гуцинымъ съ сыновьями его, 1846 года въ октябрѣ мѣсяцѣ“. Противъ фонтана устроенъ небольшой балкончикъ и отсюда-то начинается спускъ къ морю; спускъ дѣйствительно утомительный и трудный, такъ какъ приходится карабкаться по камнямъ или пробираться по извилистой горной тропинкѣ, но сойдя внизъ можно окинуть взглядомъ весь этотъ амфитеатръ прибрежныхъ скалъ, на которомъ какъ бы висятъ бѣлыя монастырскія церкви и домики; съ одной стороны тѣнятся громадные утесы, самыхъ разнообразныхъ и фантастическихъ формъ и красокъ, облитые южнымъ горячимъ солнцемъ, а съ другой волнуетъ и плещетъ въ кремнистые берега безконечное, бурное море, переливаясь, то зеленою и багряницею, то серебромъ и чернью и невольно вспоминаются лучшія произведенія Айвазовскаго при созерцаніи этого моря и этихъ скалъ.

Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ эпизодовъ въ прошлой исторической жизни Георгіевскаго монастыря, было занятіе его союзниками во время достопамятной крымской войны. По рассказамъ самихъ монаховъ, во все это время, богослуженіе совершалось въ полномъ порядкѣ подъ охраною французскихъ жандармовъ и всѣ монастырскія потребности удовлетворялись изъ средствъ французскаго главнаго штаба. Но при всей гуманности союзниковъ и при всемъ ихъ вниманіи къ нуждамъ монастыря, все таки въ хозяйствѣ послѣдняго не могли не отразиться всѣ невыгодныя стороны чужеземной оккупации; вино-

градные и фруктовые сады были истреблены; лѣсъ строевой и дровяной вырубленъ, а за забираемый скотъ и лошадей союзники хотя и платили, но по своему усмотрѣнію. По заключеніи мира, какъ бы въ отплату за нанесенныя монастырю убытки, были оставлены въ монастырѣ союзникамъ нѣсколько бараконъ и до 20 рабочихъ изнуренныхъ лошадей.

Нынѣ всѣ эти слѣды непріятельскаго вторженія успѣли совершенно изгладиться; виноградныя сады разведены снова; сѣно косятъ по балкамъ а мѣста гористыя и каменныя, неспособныя для сѣнокоса, отдаются на аренду; вырубленный лѣсъ снова поднялся и можетъ уже идти на потребности обители; кромѣ того монахи, въ широкихъ размѣрахъ занимаютъ огородничествомъ и пчеловодствомъ. Благодаря такому рациональному веденію хозяйства, Георгіевскій монастырь считается одною изъ богатыхъ русскихъ обителей и благосостояніе, до котораго его довели упорный трудъ и желѣзная воля нѣкоторыхъ изъ его настоятелей, нынѣ зиждется на твердыхъ и непоколебимыхъ основахъ.

Деревня Гурзуфъ близъ Ялты.

Деревня Гурзуфъ или Юрзуфъ (тоже Урзуфъ) находится на южномъ берегу Крыма, близъ города Ялты и расположена живописно на отлогости горы, которая своими оконечностями вдается въ море и на которой сохранились остатки укрѣпленія временъ Юліана. Къ числу настоящихъ достопримѣчательностей этой деревни можно отнести превосходно устроенное имѣніе г-на Фундуклея. По словамъ Тумана, въ VIII столѣтіи, селеніе это было торговымъ городомъ. Относительно происхожденія слова Гурзуфъ говорятъ разнo: одни полагаютъ, что слово Гурзуфъ значитъ „разбитая скала“ а другіе писатели производятъ его отъ имени основательницы Крисафинны; но вѣрнѣе надо полагать, что оно просто происходитъ отъ латинскаго слова ursus—медвѣдь, даннаго ему по сходству съ этимъ животнымъ сосѣдней горы, называемой въ настоящее время татарами и прочими жителями южнаго берега Медвѣдь-гору, въ древности же Кріуметополь, т. е. бычачій лобъ, возвышающагося надъ уровнемъ моря на 274 сажени.

Населеніе Гурзуфа въ настоящее время состоитъ исключительно изъ татаръ, которые занимаются преимущественно садоводствомъ и табаководствомъ. Табакъ доставляетъ имъ значительныя средства къ жизни и считается однимъ изъ лучшихъ на южномъ берегу. До бури, которая здѣсь была 24-го ноября 1861 года, причинившей страшный вредъ жителямъ, они имѣли свои парусныя суда и плавали по Черному и Азовскому морьямъ. По рассказамъ стариковъ, Гурзуфъ, во время турецкаго владычества, служилъ черкесамъ портомъ для сбыта невольницъ и, какъ говорятъ, сюда именно и была доставлена прекрасная Маюме, одна изъ наложницъ хана, о которой столько легендъ рассказываютъ бахчисарайцы. Въ доказательство того, что черкесы прежде занимались этой торговлей, указываютъ на оврагъ за деревнею, служившій имъ стоянкою и по настоящее время носящій названіе черкесъ-доре, т. е. оврагъ черкесовъ. Въ этотъ самый оврагъ, какъ говоритъ преданіе, были брошены тѣла христіанъ, убитыхъ турками въ 1774 году.

Окрестности Гурзуфа очень живописны и окружены множествомъ дачъ, идущихъ съ обѣихъ сторонъ его по берегу моря, который образовалъ здѣсь бухту; по срединѣ ея висятъ два громадные камня, которые издали бѣлѣютъ какъ паруса и всегда покрыты чайками. За Гурзуфомъ, подымаясь на почтовую дорогу, виднѣтся много отлогихъ пустопорожныхъ мѣстъ, годныхъ для виноградныхъ плантацій.

Ирландскій народный учитель

(Картина Г. Николь).

Скудная обстановка и суровый обликъ учителя, на которомъ не прочтешь надежды на прощеніе—не производятъ свѣтлаго

впечатлѣнія на этой прекрасной картинѣ. Ирландскій школьный бытъ составляетъ рѣзкую противоположность шотландскому и англійскому. Тогда какъ въ Шотландіи народное образованіе возникло вмѣстѣ съ релігіозною реформою и вмѣстѣ съ нею совершенствовалось—въ Ирландіи, напротивъ того, реформація препятствовала развитію народнаго образованія. Насильственные мѣры, посредствомъ которыхъ старались обратить мѣстныхъ ирландскихъ жителей въ протестанство, разжигали только древнюю ненависть кельтскаго племени къ саксонскому. Англиканская церковь, по понятію мѣстныхъ жителей, была ничто иное, какъ новая выдумка враговъ и притѣснителей ирландскаго племени, желавшихъ отнять у него послѣднее достояніе—древнюю вѣру отцовъ. Изъ этого легко видѣть, съ какимъ неудовольствіемъ ирландцы должны были смотрѣть на всѣ мѣры, принимаемыя англичанами и англиканскимъ духовенствомъ въ Ирландіи. Если къ этому прибавить страшную бѣдственность, уже въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій угнетающую ирландскій народъ, то легко объяснить себѣ безсиліе всѣхъ мѣръ, до сихъ поръ въ этомъ отношеніи принимаемыхъ правительствомъ. Мѣры же эти неоднократно были принимаемы. Еще закономъ 1587 г. предписано каждому приходскому священнику основать у себя англійскую школу; но законъ этотъ остался мертвою буквою. Карлъ I въ 1630 году назначилъ на учрежденіе и содержаніе школъ доходъ отъ обширныхъ коронныхъ нѣмѣній, простиравшихся до 16.000 акровъ. На эти средства были учреждены 7 королевскихъ школъ. Вскорѣ послѣ этого основано было около 100 школъ, на счетъ средствъ, пожертвованныхъ Эразмомъ Смитомъ. Но это были только слабья начинанія. Впервые серьезнымъ образомъ принялся за дѣло образованія архіепископъ Боуэтеръ (1730 г.). Онъ учредилъ общество для обученія бѣдныхъ дѣтей англійскому языку и основаніямъ христіанской религіи, получившее въ 1733 году корпоративныя права. Общество это, не смотря на поддержку со стороны парламента, могло основать къ 1769 году лишь 52 школы съ 2,100 учениками, количество которыхъ скоро еще болѣе уменьшилось. Изъ всѣхъ обществъ, образовавшихся съ этою цѣлью, наиболѣе дѣятельнымъ оказалось учрежденное въ 1811 г. въ Дублинѣ „Общество для воспитанія бѣдныхъ дѣтей“ (Society for improving the Education of the Poor in Ireland), обыкновенно называемое *Квиндерманскимъ обществомъ* и до 1838 г. пользовавшееся вспоможеніемъ отъ парламента. Въ 1824 году оно имѣло 56,301 учен. и въ томъ числѣ 29,964 католиковъ. Но для 7 милліоновъ ирландскаго населенія цифры эти ничтожны. Школы, въ которыхъ католическія дѣти должны были учиться англиканскому катехизису или даже только читать библію, не возбуждали къ себѣ довѣрія мѣстныхъ жителей. Бѣдные люди лучше рѣшались посылать своихъ дѣтей въ жалкія школы, содержимыя католическими учителями и платитъ за обученіе въ этихъ школахъ, чѣмъ пользоваться даровымъ протестантскимъ обученіемъ. Англійское правительство наконецъ учредило въ 1829 г. такъ называемую національную систему воспитанія въ Ирландіи, которая привела къ слѣдующимъ результатамъ: въ 1812 г. считалось въ Ирландіи около 200,000 учащихся или не болѣе 3,5% народонаселенія; въ 1831 году число учащихся увеличилось до 7,3%, именно: при народонаселеніи въ 6,801,827, состояло 10,387 школъ съ 494,819 учениками, въ числѣ которыхъ было католиковъ 357,249, англичанъ 91,026, пресвитерианцевъ 43,236 и диссентеровъ 3,308. Вообще же говоря, результаты усилій правительства далеко неудовлетворительны. Государство издерживаетъ огромныя суммы на устройство и содержаніе національныхъ школъ, но мало находитъ сочувствія въ мѣстныхъ жителяхъ; такимъ образомъ въ 1868 г. правительство издержало на этотъ предметъ 273,000 фунт. стерл., между тѣмъ какъ всѣ другіе источники школьныхъ доходовъ доставили не болѣе 33,000 фунт. стерл. Добровольныя пожертвованія составили не болѣе 4% общаго дохода. Дѣти посѣщаютъ школы весьма неаккуратно и остаются въ нихъ самое короткое время. Въ 1866 г. исчислено, что изъ дѣтей отъ 5 до 16-ти лѣтнихъ только одна 1/4 обучается. По отчетамъ королевскихъ инспекторовъ оказывается, что изъ общаго числа школъ—(5,408), подъ надзоромъ и руководствомъ католическаго духовенства находятся 3,385 школъ и всѣ онѣ въ самомъ жалкомъ положеніи.

Глубокая осень въ лѣсу.

„Тайга“.

Дивно хорошъ дремучій лѣсъ въ глубокую осень.

Грандіозно мрачный, угрюмый въ ненастную пору,—лучезарный, сверкающій золотомъ умирающей листвы въ ясные дни октябрьскаго солнца.

Еще не сильно оголились деревья, даже на старыхъ дулистыхъ букахъ и дубахъ держится еще группами засохшія листва, а уже далеко видно сквозь чащу стволовъ и вѣтвей; только пониже словно еще гуще, еще непролазнѣе стали. Прострѣтъ въ глазахъ отъ осенняго убранства этой труппной, низовой поросли; круглые, ярко желтыя листья осины, будто міриады живыхъ мотыльковъ, дрожатъ, трепещутся на своихъ тонкихъ стебелькахъ, а рядомъ лилово-черный, словно обгильшійся кусть ольшника, а изъ-за него уже совсѣмъ оголив-

шаяся яблоня-дичекъ топорщитъ свои омшанныя вѣтви; усаженный острыми шипами дикій терновникъ, лѣтній приютъ дроздовъ, любителей ягодъ, сплошными тенетами заслоняетъ спускъ къ оврагу, а со дна этого оврага тянутся тонкія, бѣлыя стволы березы, тянутся все выше и выше, какъ свѣтъ поближе. туда гдѣ раскинулись гордые, дубовыя кроны... Лапчатый, кроваво-малиновый кленъ, огненнымъ пятномъ виднѣется тамъ, гдѣ солнце своимъ свѣтомъ сплошь залило опушку лѣсной поляны, а дальше—сплошная мѣшанина всѣхъ цвѣтовъ и отгѣнковъ. Затесалась между нею, Богъ вѣсть какъ, далеко отскочившая отъ своихъ родичей, стройная елка, словно кисейною дымкою убрала осень ея темпозеленія, симметрично повисшія вѣтви октябрьскаго паутинною; много этой паутинны носится въ вѣдухѣ, цѣпляясь и осѣдая на чемъ попало,—на старомъ, расколотомъ многіе годы тому назадъ шиѣ, на вывороченномъ бурей корневищѣ, на шипахъ терновника, на тяжелыхъ рогахъ неуклюжаго лося, выбравшагося погрѣться на полянку...

Сыро, холодно тамъ, на днищахъ овраговъ, гдѣ журчитъ, пробираясь межъ камнями лѣсной ключъ,—синеватый туманъ стелется по низьямъ, словно пороховою дымъ тянется между стволами... Облако набѣжить—нахмурится, разомъ скроется, потухнетъ все это живое, трепещущее золото осенней листвы, будто трауромъ одѣнется лѣсъ и смолкнетъ, а выгланетъ снова солнце, проберется сюда его живящие лучи и все загорится. оживетъ снова, золотистымъ румянцемъ подернутся даже старье, мшистые дубовыя стволы, высоко развернувшіеся надъ лѣсомъ кудрявые кроны кедровника...

А моху-то сколько выросло, сколько этой теплой одежи накопилось къ суровому зимнему времени... Какое разнообразіе формъ и окраски! То словно ключъ старческой сѣдины, то хитро сплетенная бахрама изъ желто-сѣраго, то нечельно-зеленыя звѣздочки лишаевъ, бѣлая грибная накинь, бархатисто-зеленая, пятнистая плѣсень...

Мягкимъ, нестрымъ ковромъ опавшей листвы услана лѣсная почва, буреломомъ ее завалило; проросли въ ней вырѣзные, раскидистыя напоротники, бурый, загнившій уже на корню крапивникъ, молодежь-побѣги, и листья на нихъ въ трубочки посворачивались, словно струсили, что не въ пору на Божій свѣтъ выглянули...

Проникнулъ солнечный лучъ сюда, въ это сырое, мшистое царство гнили и разложенія, зардѣлась въ перегибѣ коралловая, лоснящаяся шапка гриба мухомора, Богъ вѣсть какъ дожившая до такого поздняго времени—яркая, голубая звѣздочка незабудки; заискрились на кочкахъ дозрѣвша ягодки костеники, стальные блескомъ сверкнула чешуйчатая кожа змѣи мѣдянки, пятнистая лоснящаяся спинна пузатой жабы...

Пробирается чащею стройная козочка, чуть ногами своими тонкими переступаетъ, пугливо озирается... Легкая, граціозная, а шуму то сколько наѣдала! Шуришитъ сухолыстве подъ ея раздвоенными копытцами, ее самое пугаетъ, заставляетъ поминутно вздрагивать всѣмъ тѣломъ. Сорвалась съ высоты перешибла кедровая шишка, съ вѣтки на вѣтку падал шелкаетъ, плеснула словно купчиха въ пуховикъ и зарылась тамъ въ мягкомъ ложѣ...

Отлетѣли пѣвчія иташки, лѣтнія гости, не слышно въ лѣсу ихъ веселаго чирканья, другіе звуки его смѣшны. Глухо, гортанно каркаетъ воронья въ вышинѣ, цакаетъ бѣлка, запасная уже себѣ на зиму всякаго съдобнаго добра, въ укромномъ мѣстѣ, въ глубокомъ дуплѣ... Совсѣмъ иначе гудитъ и шумитъ лѣсъ, когда вѣтеръ пахнетъ въ его чащѣ, то застоне ѣ жалобно, то словно далекаго грома перекаты слышатся, то злымъ волчьимъ вытьемъ откликнется.

Тяжелый, лѣтний сапъ сюда доносится, ломитъ кусты, трещитъ валежники подъ чьими-то грузными, *хозяйскими* ногами... Косматая, бурая масса мелькнула за оврагомъ, межъ линами... Это Мишка забродилъ по своимъ помѣстьямъ... Забота теперь его одолѣла не малая... Цѣлые дни бродитъ по лѣсу Топтыгинъ, все о-матриваетъ, соображаетъ что-то; какъ выдаться мѣстечко вольное, открытое—мимо! не рука ему, дѣло не подходящее, попадется такое мѣсто, что „чортъ ногу сломитъ“—проволье-ли какое, корневища ли вывороченныя, чаща ли непролазная, тутъ ему любо, тутъ онъ внимательно все оглядитъ, обнюхаетъ, лапами понероверачиваетъ, развѣ что сырость гдѣ окажется, подмочка, мѣсто заливное, ну тогда протѣ пойдетъ, искать чего получше, да посуше.

Ишетъ медвѣдь теперь гдѣ ему зиму пролежать, самому ли въ одиночку, или съ семейю... Отѣлся звѣрь за лѣто, запасся жиромъ на долгую спячку, только бы злой человекъ, безпкойный промышленникъ не обошелъ бы его, да часомъ не потревожилъ бы.

Торопится медвѣдь найти себѣ берлогу заблаговременно,—не то чтобы холодъ ему страшнѣе былъ, морозовъ бы испугался, а главная причина, чтобы залежь непремѣнно до перваго снѣга-предателя, а то неровнѣе часъ выпадетъ раньше, пока еще звѣрь не улегся, а въ розыскахъ время проводить какъ тутъ скроешь слѣды своихъ когтистыхъ лапцъ...

Вотъ и бродитъ теперь по лѣсу „хозяйинъ“, озабоченный поисками подходящей зимней квартиры.

Выбрался на доброе мѣсто, присѣлъ, послушалъ—гдѣ это—журчитъ ручей, переливается (водопровода ему въ квартиру

не требуется)—нѣтъ, не опасно—мѣсто, кажись подходящее, не бойкое, параднаго подъѣзда тоже нѣту, подойти сюда трудно, хуже чѣмъ по задней петербургской лѣстницѣ... развѣ и порѣшится на этомъ... а?... Много тоже уже искожено, пожалуй и не найти ничего лучшаго... Постой,—да я никакъ уже здѣсь близости леживаль, ножеже какъ будто!..

Такъ или въ этомъ родѣ раздумываетъ и соображаетъ мишка, тотъ самый, что изображенъ мною, въ подходящей обстановкѣ, на приложенномъ рисункѣ.

Н. Карзинъ.

Поддѣлка молока.

Въ большихъ европейскихъ городахъ, гдѣ сбытъ чрезвычайно великъ, поддѣлка продуктовъ доходитъ до такихъ размѣровъ, о которыхъ мы еще не имѣемъ понятія. Нѣмецкй журналъ „Дагеимъ“ говоритъ, напримѣръ, что въ Берлинѣ чистое молоко принадлежитъ къ рѣдкостямъ, и продажа поддѣланнаго молока даже не запрещается закономъ, но въ нѣкоторыхъ предѣлахъ. Полиція приступаетъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, въ родѣ представленной на нашей картинкѣ, только тогда, когда дозволенные закономъ границы переступаются уже совсѣмъ непозволительнымъ образомъ.

Торговцы для поддѣлки молока употребляютъ различныя снадобья, которыя хотя въ сущности не вредны, тѣмъ не менѣе уничтожаютъ его питательныя качества. Къ безопаснымъ способамъ поддѣлки причисляютъ сахаръ, вареный и сырой крахмалъ, пшеничную муку, древесный клей, отваръ отрубей, ячменя и риса, къ вреднымъ—прибавленіе мѣла и гипса. Протертый телячій или бараній мозгъ хотя придаетъ молоку жирный видъ, но отъ разнородности смѣси, поддѣланное такимъ образомъ молоко приходитъ скоро въ броженіе и портится, и подаютъ поводъ къ разнымъ опаснымъ болѣзненнымъ симптомамъ. Въ Мюнхенѣ однажды найденъ въ молоко растворъ мыла.

Во всякомъ случаѣ, обнаруженіе поддѣлокъ важно не столько въ отношеніи вреда здоровью, сколько потому что уменьшается достоинство молока.

Важное же значеніе вопросъ этотъ получаетъ по отношенію къ питанію грудныхъ младенцевъ въ большихъ городахъ при чрезвычайно увеличивающейся смертности дѣтей, которая въ Берлинѣ, напримѣръ, въ возрастѣ одного года, достигаетъ 40%. Переходъ отъ питанія грудью къ обыкновенной пищѣ составляетъ самое опасное для ребенка время. Такъ какъ естественное питаніе грудныхъ младенцевъ все рѣже, то коровье молоко для большей части дѣтей становится совершенно необходимымъ.

По даннымъ, приводимымъ указанной выше газетой, ежегодный ввозъ молока составляетъ въ Берлинѣ 50,000,000 литръ. Главная часть этого количества привозится дѣльнымъ молокомъ и поступаетъ въ руки торговцевъ, которые этимъ запасомъ стараются покрыть погребленіе въ городѣ сливокъ. Для однихъ кондитерскихъ сливокъ нужно ежедневно до 50,000 литръ. Затѣмъ остаются кофейни, рестораны и частныя дома, которые не могутъ обойтись безъ сливокъ для кофе и кушанья. Для получения одного литра хорошихъ сливокъ, требуется 10 литръ неснятого молока.

Изъ этихъ 50,000,000 литръ ввозимыхъ ежегодно, слѣдовательно ежедневно 137,000 литръ, половина, т. е. 68,500 литръ не снятаго и неподдѣланнаго молока, должна быть доставлена городу. Молока доставляется ровно столько, сколько расходуется сливокъ; дѣйствительная же потребность въ 10 разъ больше.

„За исключеніемъ нѣкоторыхъ фермъ, отпускающихъ по высокой цѣнѣ въ запечатанныхъ боченкахъ дѣйствительно чистое молоко для дѣтей, у насъ между потребителями *понятно* и неподдѣланное молоко, говоритъ нѣмецкая газета, *совсѣмъ исчезло*. Считая 10% воды въ молоко и принимая среднюю цѣну по 20 пфен. за литръ, ежегодный оборотъ отъ подлога составитъ 1,000,000 марокъ, по курсу около 500,000 рублей, т. е. 1 марка=50 коп.“

Торговецъ за литръ молока платитъ 14 пфен., слѣдовательно за 100 литръ—14 марокъ. Изъ этого онъ продаетъ:

6 литръ лучшихъ сливокъ	по 1,20 м. —	7,20
10 „ сливокъ для кофе	„ 0,50 „ —	5,00
84 „ молока	„ 0,20 „ —	16,80

Итого на 29 мар.

И такъ чистая прибыль составляетъ болѣе 100%.

Покупаютъ у торговцевъ молоко, изъ котораго выдѣлены всѣ жирныя части, въ полной увѣренности, что оно не хорошо, но утѣшаютъ себя тѣмъ, что въ Берлинѣ другого получить нельзя. Торговецъ получаетъ 100% прибыли отъ продажи снятаго молока, подъ названіемъ и по цѣнѣ дѣланнаго молока. По прибылу его еще возрастаетъ отъ прибавленія воды къ снятому молоку, а такъ какъ барышъ заманчивъ и удобства представляются всюду, гдѣ находятся колодцы, то торговецъ неохотно отказывается отъ мысли увеличить количество молока надлежащей разбавкой. До какой степени доходитъ поддѣлка, можно судить по докладамъ санитарнаго комитета, который находилъ до 45, а въ иныхъ случаяхъ до 50% въ молоко воды. Успѣшное испытаніе молока, разбавленнаго водою, не въ значительномъ количествѣ—трудная и кропотливая работа, которую могутъ исполнить только химики, такъ какъ испытаніе молюкомъ въ галактометрѣ въ непривычныхъ рукахъ даютъ только тогда ясныя результаты, когда примѣсь воды уже очень значительна. Трудно вести рыночный контроль съ надлежащей строгостью и только грубыя поддѣлки могутъ вызвать, въ предостереженіе и въ назиданіе другимъ торговцамъ, дѣйствія полиціи въ родѣ представленныхъ на рисункѣ, при чемъ тутъ же можно видѣть, съ какимъ крайнимъ сожалѣніемъ нѣкоторые смотрятъ на это выливаемое молоко, которое не прочь были бы, повидимому, если бы это было можно, присвоить себѣ, не взирая ни на какия его качества.

О производствѣ спичекъ.

Зажигательныя спички, нынѣ повсемѣстное и почти единственное употребительное средство для добыванія огня, во всемъ цивилизованномъ да и нецивилизованномъ мѣрѣ, принадлежатъ къ необходимымъ предметамъ домашняго обихода, и составляютъ значительную отрасль промышленности въ Европѣ и соединенныхъ штатахъ Америки.

Тѣмъ не менѣе спички еще очень недавно изобрѣтеніе; онѣ появились только около 1833 года, и очень скоро конечно вытѣснили изъ употребленія разные другіе зажигательныя снаряды: огнива, кремни, трупы, обугленную хлопчатую бумагу, сѣрныя нитки, зажигательныя машины (водородное Доберейнперово огниво) и пр.

Нѣкоторые изъ нашихъ читателей пожелаютъ, можетъ быть, имѣть нѣкоторыя свѣденія о производствѣ спичекъ. На рисункахъ, помѣщенныхъ на стр. 869, читатели могутъ наглядно рассмотреть всѣ работы, производимыя при выдѣлѣ спичекъ.

Спички—это практическое примѣненіе фосфора, который, въ соединеніи съ кислородомъ, находится въ большомъ количествѣ въ органическихъ и неорганическихъ тѣлахъ. Въ чистомъ видѣ фосфоръ свѣтлосъ извѣстнымъ въ 1669 г. Первый подвергнувшій разсмотрѣнію фосфоръ съ научной точки зрѣнія, былъ Брандтъ (изъ Гамбурга), затѣмъ надъ нимъ произвѣдилъ опыты Кункенъ и др. Уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія фосфоръ былъ употребляемъ для многихъ зажигательныхъ аппаратовъ, какъ туринскихъ свѣчей, конгревовыхъ машинъ и т. д. которые въ многомъ были сходны съ теперешними спичками, которыя все совершенствуясь, введены были въ употребленіе почти одновременно во многихъ государствахъ.

Въ Англію ввелъ ихъ Джонъ Вальверъ, въ Лудвигсбургъ—Калинереръ, въ Дармштадтѣ Молдетауеръ, и т. д.

Всѣ эти спички различались только по способу приготовленія. Тоненькія деревянные палочки обмакиваются сначала въ стеаринъ, воскъ, парафинъ, или сѣру, а послѣ въ зажигательную массу, изъ фосфора (краснаго или аморфнаго), хлористаго кали (kali chloricum), и сѣрнокислой свръмы (antimonium sulphuricum). Процессъ производства спичекъ на фабрикахъ слѣдующій:

Прежде всего необходимы деревянныя палочки, или такъ наз. деревянная солома, изъ сосны, пихты, ели, буковаго и кедроваго дерева. Солома изъ двухъ послѣднихъ сортовъ дерева должна быть непременно обмакиваема тѣмъ концомъ, на которомъ предполагается головка спички, въ стеаринъ или парафинъ, потому что букъ и кедръ очень тверды и горятъ медленно.

(Продолженіе на стр. 873, 874, 875 и 876.)

Береза и тополь употребляются въ спичечномъ дѣлѣ съ меньшимъ успѣхомъ. Дерево распиливаютъ на небольшіе бруски, вдвое больше жемаемой величины спичекъ; бруски эти разрѣзываются на отдѣльныя палочки посредствомъ ручныхъ снарядовъ, струга, пробойника, рѣзца и пр. и складываются, съ помощью весьма остроумной машины, въ большія связки, до 2 футовъ въ діаметрѣ. (Прилагаемый рисунокъ изображаетъ машину эту на ходу. Фиг. 1).

Приготовленные такимъ образомъ связки переходятъ въ такъ называемую ма-кальскую камеру. Тамъ уже приготовленъ порошокъ изъ хлористаго калия и сѣрнистой сѣры; порошокъ этотъ варятъ долгое время въ сосудѣ, наполненномъ водою, смѣшанной съ гумми, гдѣ оба вещества растворяются (Фиг. 2 и 3). Затѣмъ прибавляютъ фосфоръ и такимъ образомъ получаютъ жидкую массу. Въ ма-кальней камерѣ, (Фиг. 4), есть еще, кромѣ того, плоскій желѣзный сосудъ, въ видѣ сковороды, въ которомъ, посредствомъ паровой жаровни, расплавляется сѣра.

Въ эту-то сѣру работникъ погружаетъ связку палочекъ, то одной, то другой стороною, попеременно, съ перерывами, чтобы дать время сѣрѣ просохнуть немного. Если спички надо обмакнуть предварительно въ воскъ, или стеаринъ, какъ это дѣлаютъ съ такъ наз. шведскими спичками, (нынѣ очень употребительными), то дѣлаютъ такимъ же точно образомъ.

Обмакнувъ круги въ сѣрѣ, приступаютъ къ самому важному т. е. къ погруженію въ зажигательную массу и окрививанію спичечныхъ головокъ.

Большая желѣзная рама (такъ наз. ма-кальней рама) вмѣщающая отъ 1,000 до 5,000 штукъ спичекъ намазывается смѣ-

сью фосфора, хлористаго калия, сѣрнистой сѣры и какой нибудь краски. Это и есть зажигательная масса. Операция эта теперь производится преимущественно помощью машинъ; нѣсколько же лѣтъ тому назадъ это дѣлали просто руками. Готовые круги уже настоящихъ спичекъ, только съ двумя головками, по одной на каждомъ концѣ, поступаютъ въ сушильную камеру. (Фиг. 5) Устройство сушильных камеръ чрезвычайно разнообразно, начиная съ самой простой печки на небольшихъ фабрикахъ, до самой замысловатой печи калифорнийской системы. Обыкновенно сушатъ въ желѣзныхъ шкафахъ, которые нагреваются паромъ. Высушенные круги спичекъ разрѣзываютъ пополамъ, (фиг. 6) такъ, что изъ каждой палочки получаются 2 спички, каждая съ отдѣльной головкой, и затѣмъ упаковываютъ въ коробки, или бумажные патроны. Упаковка спичекъ дѣлается чрезвычайно быстро. Двѣ прилежныя работницы могутъ упаковать въ день до 3,000 коробокъ каждая (см. фиг. 7).

Понятно, что работа на спичечныхъ фабрикахъ весьма вредна для здоровья рабочихъ. Испаренія фосфора и сѣрный дымъ конечно дурно вліяютъ на организмъ человека, и только громадная конкуренція и дешевизна матеріаловъ дѣлаютъ то, что спички доведены до такой низкой цѣны. За границей фабрикамъ спичечнымъ почти нѣтъ выгоды существовать. Тысяча спичекъ въ продажѣ стоитъ 1/2 зильбергроша.

У насъ спички еще не дошли до такой дешевизны и спичечныя фабрики довольно распространены.

Есть подъ Петербургомъ, въ Финляндіи, и мелкія фабрики въ разныхъ губерніяхъ для мѣстнаго потребленія, изготовляющія товаръ часто самымъ первобытнымъ способомъ.

Выливаніе поддѣланнаго милона. Рис. Кохъ, грав. Рапешевскій.

НОВЫЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Телемахонъ.

Уже давно ученый міръ занятъ былъ вопросомъ, какимъ образомъ огромную силу рѣвъ и водопадовъ провести изъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ она остается совершенно безполезной—къ тѣмъ пунктамъ, на которыхъ она можетъ приносить громадную пользу,—иначе говоря, какимъ образомъ примѣнить силу воды какъ двигателя на фабрикахъ, заводахъ и т. п.

Г. Валласъ (Wallace) удалось недавно разрѣшить эту вели-

кую задачу. Валласъ, фабрикантъ города Авзонія, въ штатѣ Коннектикутъ, въ Америкѣ, долго занимался изслѣдованіемъ этого вопроса и наконецъ ему удалось изобрѣсть машину, основанную на простомъ физическомъ законѣ обращенія механическихъ силъ въ электричество и, на оборотъ,—электричества въ механическія силы. Машина эта названа изобрѣтателемъ „Телемахонъ.“ Безъ сомнѣнія ей суждено вызвать большой переворотъ въ фабричномъ дѣлѣ. Съ помощью этой машины можно силу напр. Ніагарскаго водопада провести, посредствомъ

электрического тока, в Нью-Йорк, Цинциннати или другой какойнибудь городъ и употребить тамъ какъ движущую силу на фабрикахъ; такимъ же образомъ машина эта можетъ служить при освѣщеніи города электричествомъ и для множества другихъ цѣлей.

По вычисленію профес. Зименса въ Глазговѣ вся масса воды, которая каждый часъ низвергается съ высоты болѣе 20 саж. въ Ниагарскомъ водопадѣ, вѣсомъ своимъ равняется 1 миллиарду пудовъ.

Количество каменнаго угля, которое потребовалось бы для поднятія этой массы къ той точкѣ, съ которой она падаетъ, (такимъ образомъ обыкновенно измѣряютъ силу воды) простирается до 280,000,000 тоннъ, т. е. почти столько, сколько употребляется каждый годъ угля на всемъ земномъ шарѣ. Если бы мы могли только 50%, той силы, которая необходима для приведения въ движеніе электро-динамической машины, (обрабатывающей механическія силы въ электричество) если бы мы могли употребить на то, чтобы эту силу снова обратить въ электричество, то можно было бы двигателемъ этимъ дѣйствовать на всѣхъ фабрикахъ соединенныхъ штатовъ и отъ одного Ниагарскаго водопада имѣли бы столько силы, сколько имѣется теперь отъ каменнаго угля. Примѣненіе силъ водопада дѣлается слѣдующимъ образомъ. Внизу, въ такъ называемой „шахтѣ“ водопада, устраиваются громадные колеса, на подобіе колесъ водяной мельницы. Колеса эти вертятъ цилиндры, которые въ свою очередь приводятъ въ движеніе машину съ электрическимъ токомъ; токъ проводится посредствомъ мѣдныхъ пластинокъ—проводниковъ электричества, въ Нью-Йоркъ или другое мѣсто. Если же хотять постоянно пользоваться движущей силой, то проводятъ электричество такимъ точно трубками, какіе употребляются для проведенія газа въ домахъ.

Въ фабрикѣ устроенъ Телемахонъ, достаточной величины для того, чтобы могъ приводить всю машину въ движеніе. Телемахонъ превращаетъ электрическій токъ въ механическую силу, а эта послѣдняя можетъ быть употребляема уже по желанію фабриканта.

Такимъ образомъ новое изобрѣтеніе можетъ вполне замѣнить паровую машину. Само собою разумѣется, что оно можетъ быть примѣнено и къ освѣщенію городовъ электричествомъ. Стоимость этого освѣщенія будетъ ниже стоимости освѣщенія газомъ или обыкновеннымъ электрическимъ свѣтомъ; а результаты будутъ одинаковы, если не лучше. По вычисленію свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, освѣщеніе Телемахономъ такого исполнскаго города, какъ Нью-Йоркъ, стоитъ самую ничтожную сумму, а именно 1 долларъ 56 центовъ въ часъ! Невѣроятно—но можетъ быть однако доказано цифрами. Въ Нью-

Йоркѣ 5,000 газовыхъ фонарей, изъ которыхъ каждый истребляетъ газа 20 куб. фут. въ часъ. Оказалось, что для освѣщенія всего города, электрическихъ машинъ надо не менѣе 13. Стоимость газа опредѣлена въ 1 долларъ (1 р. 32 к.) за 1000 куб. фут., значитъ 100 долларовъ въ часъ, между тѣмъ когда Телемахонъ стоитъ 3 ц. въ часъ. Разница очевидная. 18 машинъ стоятъ 1 долларъ 56 ц. въ часъ. И примите то во вниманіе, что каждая машина даетъ свѣта въ 4,000 свѣчей, значитъ всѣ требуемые для освѣщенія города Телемахоны даютъ свѣтъ въ 62,000 свѣчей.

Новый комнатный фонтанъ.

Новое, недавно придуманное устройство комнатнаго фонтана, рисунокъ котораго нами прилагается, весьма замѣчательнъ какъ по своей простотѣ такъ и по изяществу формы. На мраморномъ подножѣ утверждены красивыя ножки, отъ которыхъ идутъ вверхъ тонкія, свѣтлыя или бронзирванныя жестяныя трубки, описывая фигуру, очень похожую на цифру восемь и пересѣкаясь по срединѣ стеклянными трубками снабженными на концахъ четырехгранными кранами съ вращающимися въ нихъ колпачками. Въ срединѣ этихъ стеклянныхъ трубокъ плотно вѣдланы, какъ въ верхней части такъ и въ нижней, два стеклянные шара и примыкаютъ къ нимъ своими узкими отверстиями или горлышками такимъ образомъ, что могутъ вращаться на подобіе несочныхъ часовъ когда потребуетъ наполненіе пустой ихъ полости. Оба шара такъ соединены посредствомъ стеклянныхъ трубокъ, что воздухъ, вытѣсненный изъ наполненнаго водою нижняго шара, проходитъ въ верхній, надъ которымъ на трубкѣ, идущей кругообразно отъ ножекъ, устроена чаша снабженная, отверстиемъ для струи водомета. Черезъ это отверстие вода проникаетъ въ чашу и по трубкѣ ножки снова стекаетъ въ нижній шаръ и наполняя вытѣсняетъ воздухъ. Послѣдній по открытіи крана переходитъ въ верхній шаръ и въ верхней части трубки и вълѣдствіе его давленія вода уступаетъ ему свое мѣсто и, не находя себѣ выхода, устремляется черезъ отверстие чаши вверхъ, образуя красивый фонтанъ, съ струею, бьющею вверхъ на 14 или 15 сантиметровъ и потомъ снова падаетъ въ чашу, а оттуда стекаетъ въ нижній шаръ. Когда же въ послѣднемъ воздухъ вытѣсненъ окончательно и онъ вполне наполнится водою, то его переворачиваютъ и струя водомета начинаетъ бить снова. Аппаратъ этотъ служитъ не только изящнымъ комнатнымъ украшеніемъ но и приноситъ большую пользу, охлаждая покои въ жаркое время года. Когда же желательно получить воздухъ свѣжій и вмѣстѣ съ тѣмъ благоуханный, то къ водѣ, употребляемой для комнатнаго фонтана, стоитъ лишь примѣшать нѣкоторую долю душистыхъ эссенцій, и цѣль будетъ вполне достигнута.

Политическія извѣстія.

Въ прошлый разъ мы указывали на „твердое“ намѣреніе Европы, или лучше сказать Британіи и Австро-Венгріи, „строго (!) поступить, въ случаѣ невыполненія Берлинскаго трактата. Это довольно открытая угроза Россіи. Но на самомъ дѣлѣ—что было, до сихъ поръ, предпринято этими энергичными сторонниками и защитниками Берлинскаго трактата къ выполненію статей его, касающихся Черногоріи? Въ Цетиньѣ потеряли всякую надежду на мирное осуществленіе договора въ отношеніи уступки княжеству Подгорицы, Служа и Жабляка. Сообщенія, полученныя княземъ Николаемъ изъ Призрена, и свѣдѣнія, официально сообщенныя изъ Константинополя въ Цетинью княземъ Лобановымъ, способны разрушить всякую надежду.

Изъ Призрена передали князю Николаю, что между Портой и албанской лигой заключено формальное соглашеніе не допускать отторженія отъ Албаніи земель, которыя, по Берлинскому трактату, должны отойти къ Черногоріи; албанцы, въ свою очередь, за это обязались всегда имѣть для Порты на готовѣ контингентъ, по меньшей мѣрѣ въ 40 т. ч. Что всего важнѣе, князь Лобановъ подтверждаетъ эти свѣдѣнія, выражая увѣренность въ томъ, что Porta никогда не уступитъ Подгорицы добровольно. Черногорское правительство не знаетъ теперь на что рѣшиться. Большинство сената совѣтуетъ взяться за оружіе и этотъ совѣтъ по сердцу всему населенію, въ особенности любя онъ воинственнымъ племенамъ Кучей, Пилперовъ, Бѣлопавловичей, жаждущихъ снова вступить въ бой съ исконнымъ врагомъ своимъ. Можно-ли подыскать примѣръ болѣе явнаго уклоненія отъ трактата, можно ли найдти случай, болѣе оправдывающій примѣненіе обѣщанныхъ „строгостей!“...

До какихъ поръ останется открытымъ вопросъ объ уступкѣ Черногоріи геройски добытыхъ ею территорій—неизвѣстно, но есть довольно странный слухъ о какихъ-то новыхъ земельныхъ уступкахъ Порты въ пользу Румыніи. Конечно и тутъ не обходится безъ Британіи. Дѣло въ томъ, что сэръ Лайардъ поддерживаетъ планъ союза Турціи съ Румынскимъ княжествомъ и Греческимъ королевствомъ, которымъ, при этомъ, первая готовится сдѣлать нѣкоторыя уступки. Какія это земли, цѣною которыхъ Porta имѣетъ въ виду сблизиться съ Румыніей?

Что касается Греціи, то вопросъ объ исправленіи границъ

ей—на счетъ Оттоманской имперіи—кажется къ практическому разрѣшенію. Полагаемъ, что какъ поддержка этому съ нашей стороны, такъ и желаніе наше добиться, наконецъ, окончательнаго выполненія статей С.-Стефанскаго трактата, не уничтоженныхъ Берлинскимъ, потребуютъ отъ насъ нѣкоторой настойчивости. По слухамъ, британскій посланникъ, въ своихъ совѣщаніяхъ съ великимъ визиремъ, совѣтуетъ ему занять, относительно Россіи, твердое и рѣшительное положеніе.

Турки сосредоточили въ Албаніи, Македоніи и Фракіи 175 тысячъ человѣкъ войска и дѣятельно трудятся надъ защитой доступа къ Константинополю. Уже воздвигли сильныя оборонительныя верки на линіи Дарюсъ-Буюкъ-Чекмедже. По настоятельному желанію султана, предсѣдательство въ комисіи обороны поручено британцу Беккеръ-Пашѣ. Говорятъ, онъ требуетъ 40,000 ч. для укрѣпленія линіи Чатаджди. На небольшихъ пороховыхъ заводахъ въ Макрикиофъ, Цейтуль-Бурунъ и иныхъ мѣстахъ день и ночь идетъ работа. Для всакой „случайности“, конечно, въ Галлиполи приготавливаются казармы для помѣщенія британскихъ войскъ. Въ руководящихъ турецкихъ кружкахъ увѣряютъ, что если дѣло дойдетъ до возобновленія войны, то въ защитѣ линіи Булаира примутъ участіе 20,000 британскихъ войскъ и британскіе и турецкіе броненосцы запрутъ гавани Бургасъ и Варну, остальная же часть турецкаго и британскаго флота будетъ совместно дѣйствовать въ Черномъ морѣ.

Не успѣли приговорить къ смертной казни Оливу Монбаси, посягнушаго на жизнь испанскаго короля, какъ въ другомъ концѣ Европы уже дѣлается новое ужасное покушеніе на другое коронованное лицо. Телеграфъ принесъ извѣстіе изъ Неаполя о томъ, что 5-го (17-го) ноября, когда прибывшая туда и встрѣченная восторженно королевска чета проезжала по улицѣ Карбонара,—на короля бросился какой-то человѣкъ съ кинжаломъ и нанесъ его величеству накожную рану въ лѣвую руку, а министру-президенту, графу Кайроли—рану въ верхнюю часть лѣваго бедра. Король ударилъ преступника саблей по головѣ, Кайроли схватилъ его за волосы, а одинъ кирасирскій капитанъ, нанесъ ему рану, передалъ его стражѣ. Королева и принцъ Неаполитанскій, находившіеся въ одномъ экипажѣ съ королемъ, обнаружили большое самообладаніе. Населеніе про-

водило своего государя до дворца, среди непрерывных восторженных возгласов. Имя виновника покушения—Джюванни Пассаменте; онъ заявилъ, что не принадлежит ни къ какому обществу (?), но не желаетъ, чтобы существовали короли. Но оказалось, что это далеко отъ правды. Получено уже извѣстие, что у него найдено нѣсколько писемъ отъ членовъ интернационала. Нѣкоторые лица, принадлежащіе къ обществу интернационала арестованы и сдѣлано распоряженіе о новыхъ арестахъ. Во Флоренціи, конечно членами все того же общества, во время демонстраціи въ честь короля, брошена въ толпу орсиніевская бомба, убившая двухъ и ранившая нѣсколькихъ человѣкъ. Останутся ли когда эти „интернациональные“ убійцы?

Телеграфъ принесъ 11 Ноября чрезвычайно важныя извѣстія. Англія открыла уже военныя дѣйствія противъ Афганистана.

Генералъ Стьюардъ быстро направился въ Кветту. Цѣлая дивизія выступила изъ Мульта. Курумская колонна заняла фортъ Амаджану.

Изъ лагеря передъ Алимесджидомъ сообщаютъ отъ 21-го ноября: „Англіійскія войска прибыли къ Алимесджиду и, установивъ батареи, открыли сегодня, утромъ. Неприятельскія батареи, установленныя хорошо, съ вполне европейскимъ знаніемъ дѣла, отвѣчали энергически, не причинивъ намъ, однако, вреда“.

Въ специальномъ изданіи газеты Daily News помѣщена слѣдующая телеграмма изъ Джамруда, отъ 10-го (22-го) ноября: „Афганцы покидаютъ Алимесджидъ. Послѣ того, какъ прошло ночью бригада Титтера заняла задніе дофлен, войска заняли, сегодня, утромъ, безъ боя Алимесджидъ“.

Спѣшимъ хотя сколько-нибудь на основаніи краткихъ данныхъ подъ рукою, ознакомить читателей съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находится нынѣ возвращенная намъ часть Бессарабіи, или лучше сказать, ознакомить съ тѣмъ — въ какомъ видѣ она возвращается намъ. Изъ казеннаго имущества наиболѣе цѣнное поступило, отчасти, въ вѣдѣніе министерства финансовъ, какъ напримѣръ, таможенныя и карантинныя зданія, отчасти же въ вѣдѣніе военнаго министерства, какъ казармы и т. п., но, главнымъ образомъ, въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ. Оно получило: 27 земельныхъ оброчныхъ статей, пространствомъ около 55 т. десятинъ (вѣрной цифры, за неимѣніемъ у румынъ межевыхъ плановъ, опредѣлить было невозможно) и съ годовымъ доходомъ въ 163,705 франковъ, камышевыя плавни и рыбныя ловли, съ годовымъ доходомъ въ 40,326 франковъ и три дома, съ годовымъ доходомъ въ 1430 франковъ; недоимокъ по этимъ тремъ статьямъ 29,583 франка, а по монастырскимъ имѣніямъ Кагульскаго округа—178,746 франковъ. Всего же, на наши деньги, считая по текущему курсу, 40 к. за франкъ—82,188 рублей годоваго дохода и 83,332 р. недоимокъ. Возсоединенная часть прибавила къ составу Бессарабіи 832,168 десятинъ, которыя предположено распределить между 4-мя уѣздами: Кишиневскимъ, Бендерскимъ, Аккерманскимъ и Измаильскимъ. Къ двумъ послѣднимъ отойдутъ и тѣ острова собственно Килійскаго рукава, которые образуются его развѣтвленіями, отмежеванными намъ по Берлинскому трактату.

Г. Погребовъ будетъ замѣщенъ, въ должности Петербургскаго городского головы, барономъ П. Л. Корфомъ, который избранъ, большинствомъ 123 голосовъ противъ 83, первымъ кандидатомъ.

Библиографія.

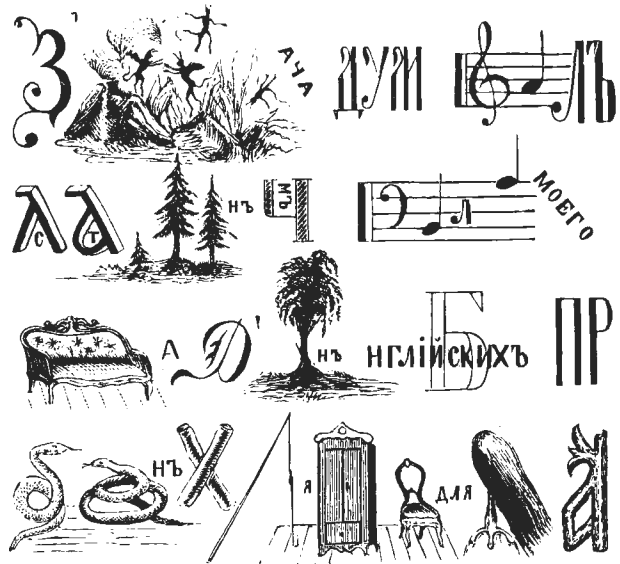
Записная книга на 1879 годъ. Книгопродавецъ К. Риккеръ (Невскій просп. д. № 14) издаетъ ежегодно разныхъ видовъ записныя книжки. Такая книжка на будущій 1879 г. только что вышла въ свѣтъ. Она содержитъ въ себѣ полный Календарь на 1879 г. и массу свѣденій практическаго содержанія, въ которыхъ каждому ежедневно можетъ случиться надобность. Кроме того, на каждое число года есть чистый листъ для ежедневныхъ замѣтокъ. Приложено двѣ карты желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и общая карта Европы, исполненныя весьма удолетворительно. Какъ карманный портфель, книжка очень удобна.

Задача.

Кормчій

Пятнадцать человѣкъ Турокъ и столько же Христіанъ, находившихся на кораблѣ, были застигнуты жестокою бурей. Побросавъ въ море всѣ товары, кормчій объявилъ, что необходимо выбросить за бортъ и половину людей для спасенія другой половины. Для этого кормчій придумалъ такой жребій: Выстроивъ Турокъ и Христіанъ въ смѣшанный рядъ, онъ началъ считать съ одного конца и девятаго бросалъ въ море, наблюдая при томъ, по окончаніи ряда, продолжать счетъ съ того конца съ котораго началъ. Когда-же пятнадцать человѣкъ были по этому жребію утоплены, то оказалось, что въ живыхъ остались пятнадцать человѣкъ Христіанъ. Въ какомъ порядкѣ кормчій разставилъ людей, чтобы достигнуть этого результата?

РЕБУСЪ.

РѢШЕНІЕ.

шахматной задачи въ „Нивѣ“ № 46. Бѣлые. Черные.

- 1) А 6—F 1 или Король Н 6—G 6
- 2) Смотря по ходу чернаго G 4—F 6 или G 4—F 2 ++

1) Куда угодно.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Подъ Смольнымъ Николаю С—ву. Стихи могутъ быть и нехороши, но совершенно обязательно, чтобы лицо, учащееся въ такомъ учрежденіи, въ какомъ вы, не писало бы такихъ „обращеній къ Ленѣ“:

Лягъ на грудь *моей смерти скуки* (?)
Дай мнѣ локонь твой *золотой* и проч.

Въ Полтаву А. П. Б—у. Изъ за чего бы вы ни писали стихи „изъ за скражничества“ какъ вы говорите или „изъ за принципа“ — все равно, дѣло это придется вамъ оставить.

Нижній Новгородъ. А. А. Кузн—у. Присланная вами фотографія не имѣетъ значанія. Другіе же Волжскіе виды пришлите.

СОДЕРЖАНІЕ: Наслѣдныя великія Герцога Фридрихъ-Францъ Менленбургъ-Шверинскій и его невеста, Великая княжна Анастасія Михайловна (съ портр.)—Царь-дѣвица. Историческій романъ Вс. Соловьева (продолженіе).—Солнечныя лучи и ихъ преломленіе.—Георгіевскій монастырь въ Крыму (съ рисункомъ).—Деревня Гурзуфъ близъ Ялты (съ рис.)—Ирландскій народный учитель (съ рис.)—Глубокая осень въ лѣсу (съ рис.) Н. Карзинъ.—Поддѣлка молока (съ рис.)—О производствѣ сливченъ (съ рис.)—Новыя Изобрѣтенія.—Новый комнатный фонарь (съ рис.)—Политическія извѣстія.—Библиографія.—Задача.—Ребусъ.—Рѣшеніе Шахматной задачи.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

За редактора Ф. БЕРГЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

1879 г. (Годъ изданія 9-й).

Отд. I. Семейное чтеніе (для дѣтскаго чтенія). 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 10 р.

Отд. II. «Воспитаніе и обученіе съ педагогическою хроникой». 10 книгъ и 40 номеровъ въ годъ. Подп. ц. съ перес. 5 р.

Подписная цѣна на оба отдѣла съ перес. 12 р въ годъ.

Подписка адресуется: Въ СІПБ., въ контору журнала Семья и Школа» (Васильевск. остр., 15 л., д. № 20). № 249 10—1

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВОЕ ИЗДАНІЕ въ 4-хъ томахъ. С.-Петербургъ 1877 г., 8 д.

Сочиненія Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ I (410 стр.). Романъ: Бѣлые въ Новороссіи.—Разсказы: Семейная старина: Прабабушка, Тѣнь правды, Бабушкинъ рай.—Украинскія сказки.—ТОМЪ II (400 стр.). Романъ: Воля (Бѣгле воротилась)—Разсказы: Старосвѣтскій маляръ, Село Сорокопаловна, Феничка, Екатерина Великая на Дѣлѣ.—ТОМЪ III (402 стр.). Романъ: Новая мѣста.—Разсказы: Бѣглый Лаврушка.—Изъ XVII вѣка: Первый выпускъ сокола, Вечеръ въ теремѣ царя Алексія Михайловича.—Четыре времени года украинской охоты, Святочная легенда.—ТОМЪ IV (440 стр.). Романъ: Девятый вальс (изъ лѣтописей женскаго монастыря).

Цѣна за четыре тома 6 р.; на пересылку по почтѣ прилагается за 5 еунт.

Отдѣльно продается новое изданіе 1878 г.—«ПОТЕМКИНЪ НА ДУНАѢ» (1790 г.) Историч. повѣсть Г. П. Данилевскаго. (120 стр., 8"). Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА Сиб., Васил. островъ, 2-ая линія, № 7.—Обычная услуга книгопродавца и библіотекаря.

Лица, ОБРАЩАЮЩІЯСЯ непосредственно НЪ АВТОРУ (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, уголъ Николаевской, домъ № 41/1, кв. № 5) ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПЛАТЯТЪ. № 425 2—1

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР. № 60 ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

АЛЬБОМЪ ЗАБАЛКАНСКАГО ПОХОДА 1877—78 гг.

Поэное собраніе снимковъ походной фотографии А. Д. Иванова, альбомъ состоитъ изъ видовъ, типовъ, портретовъ и группъ разныхъ частей войскъ—цѣна въ роскошномъ переплетѣ 300 руб. отдѣльно снимки отъ 1 руб. до 5 руб. Подробный каталогъ высылается по требованію. № 246 6—1

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1878 Г.

ЕЖЕМЪСЯЧНОГО УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА:

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“ (годъ второй).

Историческая Библиотека будетъ выходить въ 1879 г. по той же программѣ, въ тѣ же сроки и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, но редакция предполагаетъ увеличить объемъ журнала расширеніемъ беллетристическаго отдѣла и отдѣла переводовъ лучшихъ иностранныхъ историковъ.

Цѣна годовому изданію остается прежняя 6 р. 50 к. безъ перес. и 8 р. съ пересылкой. Такая цѣна доставляетъ возможность и небогатымъ лицамъ приобрести историческія сочиненія, стоящія въ отдѣльной продажѣ болѣе, чѣмъ вдвое дороже. Въ составѣ 1878 г. вошли слѣдующія произведенія: Понизова вольница, сообщ. Н. В. Калачовымъ; Капитанъ грена. роты, ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева; Номо sum, ист. ром. Эберга; Очерки древне-римской жизни, Симона; Земскій Дрѣзжка, разск. Богословскаго; Братья Орловы, изъ ист. ром. Гр. Салиаса; Рыцарь или дома, ист. пов. Самарова; Престоль и монастырь, лѣт. 1682 г.; Россія и Турція, Бухарова; Московское княжество, ист. эт. Полежаева; Экономическій бытъ сельск. населенія, П. Соколовскаго; Реформаторы до Виллефа и Гусса, Ф. Деларю; Государств. тюрьма при Людовикѣ XIV; Очеркъ исторіи казачества, Н. Морковина; Супружество Генриха VIII, д'Аржи; Изъ масонскаго ритуала начала XIX в., Н. Барсова; Вопросъ о децентрализаци въ XVIII в., Г. Афанасьева; Колонизація башкирскаго края В. Новикова и друг.

Подписка принимается въ Петербургѣ, въ редакціи журнала (бол. Садовая д. № 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Я. Шакова, Невск. просп. гост. дв. № 24. Гг. Иногородные благоволятъ адресовать: въ Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (бол. Садовая д. № 121, кв. № 12).

Подписка на 1878 г. продолжается и всѣ новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера. № 250 1—1

ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана. Б. Морская № 42. въ С.-Петербургѣ. рекомендуетъ въ большомъ выборѣ по самымъ дешевымъ цѣнамъ: скрипки, альты, виолончели, басы, цитры, гитары, мандолины, гитары корнетъ а пистонъ, флейты, кларнеты, барабаны, музыкальные ящики, шарманки, гармоніи, гармонифлюты, англійскія и нѣмецкія концертныя, свѣжія итальянскія и нѣмецкія струны и всѣ принадлежности.

Пріемъ въ починку. № 22 5—5
Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно.

Вновь открыта **ГЛАЗНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА** доктора Добровольскаго съ постоянными кротавыми. На Михайловской площади, близъ Пассажа, домъ № 15 кв. 7. Пріемъ больныхъ утромъ ежедневно, исключая Воскресенія, отъ 9 до 11 ч., вечеромъ ежедневно отъ 6 до 8 часовъ. Для бѣдныхъ бесплатно по вторникамъ и субботамъ отъ 9 до 11 часовъ. № 222 10—2

КАНАРЕЙКИ

дѣшняго вывода, хорошо поющія, продаются ежедневно на углу Загороднаго пр. и Бронницкой улицы д. № 53/2 кв. 11. № 248 1

СКЛАДЪ ЧЕШСКАГО ХРУСТАЛЯ.

ЗАВОДА ГРАФА ГАРРАХА.

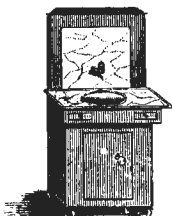
ВЪ НОВОМЪ СВѢТѢ ВЪ ЧЕХИИ.

Рекомендуетъ большой выборъ хрустальныхъ сервизовъ, кружекъ, вазъ для фруктовъ и цвѣтовъ, десертныхъ тарелокъ, подставокъ для ролей, молочниковъ, пресъ-панье, градусниковъ, бомбоньерокъ и проч. Саногги и козлы для пива, хрустальныя ложки для варенья и лекарства по заводскимъ цѣнамъ. Складъ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Морской, д. № 36. № 238 5—2

Умывальники,

Ватерклозеты, Биде, Ванны, Души Вентиляторы, Каминны. Каминные приборы. Стойки для камин. приборовъ. Каминныя рѣшетки. Совки. Самодѣйствующій аппаратъ для стирки, Выжималки. Желѣз. складныя кровати. Водоочистительныя машинки, Мясорубки. Хозяйств. вѣсы и разныя металлическія и хозяйственный товаръ.

Большая Морская № 39.

При этомъ № прилагаются для гг. иногор. подписчиковъ объявленія 1) отъ редакціи журнала „Библиотека для чтенія.“ 2) отъ книгопродавца И. Л. Тузова въ С.-Петербургѣ. 3) отъ чайнаго магазина Г. Шмелькина и К^о въ Москвѣ (по желанію заказчика послѣднее объявленіе не разсылается подписчикамъ Московскимъ).

ПОЛНАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КНИГА: СКОРОМНЫЙ И ПОСТНЫЙ СТОЛЪ.

Руководство для приготовления 2,800 блюдъ, начиная съ самыхъ простыхъ до самыхъ изысканныхъ, разныхъ печеній хлѣбовъ, вареній, заливокъ, напиковъ и приготовленія запасовъ въ прокъ; съ 20 ю раскрашенными рисунками всѣхъ частей быка и теленка, снятыми съ натуры и сопровождаемыми подробнымъ описаніемъ употребленія каждаго куска мяса.

Въ книгѣ описаны средства для сбереженія припасовъ и исправленія порченныкъ; также находится при ней реестръ порядка обѣдовъ, съ нѣкоторыми приѣмами.

Составлена и издана О. Павловской, рисунки исполнены художн. П. Борелемъ. Въ книгѣ 45 печатныхъ листовъ. Цѣна 4 руб.

Продается въ С.-Петербургѣ—у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, а въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ гг. Мамонтова, Сазаева и Соловьева, *За неписьмаку ничего не платится, исключая Сибири и Кавказа, куда слѣдуетъ прилагать посылочныя за 4 фунта.*

Главный складъ изданія въ С.-Петербургѣ, Офицерская улица, домъ № 16-й кв. № 9-й. № 247 1—1

ПОДПИСКА НА 1879 Г. ОТКРЫТА

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССИИ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖОРНАЛЪ ПARIЖСКОЯ МУЖСКОЯ МОДЫ

Журналъ выходитъ ежемѣсячно по слѣдующей программѣ: 12 номеровъ текста съ описаніемъ мужскихъ и дѣтскихъ модъ, съ объясненіемъ ихъ и выкройками, а также съ различными полезными свѣдѣніями для гг. портныхъ.

12 листовъ литографированныхъ выкроекъ. 12 раскрашенныхъ парижскихъ модныхъ картинъ изъ французскаго журнала «Les modes françaises».

10 большихъ литографированныхъ модныхъ картинъ «Der Moderne Kleidermacher». (Модный Портной).

3 самыя большія, роскошныя, англійскія картины весеннихъ, лѣтнихъ, осеннихъ и зимнихъ модъ, изящно гравированныя на стали, каждая съ нѣсколькими фигурами, въ форматѣ листа, шир. 16 верш.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ годъ 12 руб. на 1/2 года 6 р. 30 к.

Подписка принимается, Невскій проспектъ д. № 5, въ Придворномъ Книжномъ Магазины Петербъ фирмою Шмицдорфъ. № 249 1—1

№ 229 Вышло новое сочиненіе Кн. В. Мещерскаго: 3—2

УЖАСНАЯ ЖЕНЩИНА.

Современный великобританскій этюдъ въ 2 томахъ роскошнаго изданія. Цѣна за оба тома 2 р. 50 к. Иногородные, выписывающіе прямо отъ автора (СПБ. Надеждинская № 39) за пересылку ничего не платятъ.

СЕКРЕТЪ ЮНОНЫ.

Особеннаго свойства пудра для освѣженія и бѣлизны лица, предохраняющая чистоту лица отъ рѣзнаго вѣтра и мороза устраняетъ жаръ и красноту и тонко прилегаетъ. Иногороднымъ высылается на 2 руб.

Цѣна коробки 75 коп., съ пуховкой 1 руб. Въ косметическихъ магазинахъ В. Парикова и К^о, въ Гостиномъ дворѣ № 78 противъ Пажескаго корпуса и у Кошкина по первой линіи № 14-й въ С.-Петербургѣ. № 234 3—2

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ВЪ МАГАЗИНАХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИИЪ Л. КАСТИЛЬОНЪ

С.-Петербургѣ Б. Морская № 16, д. Елисеѣва, Москва, Кузнецкій мостъ д. Фирсанова № 68—11.

Только что полученная со Всемирной Парижской Выставки Новоизобрѣтенная американская машина для дѣланія бахромы изъ шелковыхъ и другихъ тканей. № 232 5—2

Цѣна съ мѣдной платформой . . . . . 7 р.
„ „ съ висеребряной . . . . . 8 „

РАМКИ

разныя готовыя и на заказъ. Двѣ рамки для премій „Нивы“ 1878 г. Бояринъ Борисъ Годуновъ и Царь Борисъ Годуновъ отъ 4, 5, 6 руб. и дороже. Въ магазинѣ картинъ Карла Скромъ, въ СПб. по Казанской ул., противъ Новаго пер., д. № 42. № 243 1

ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „НИВА“

продается иллюстрированный журналъ „Нива“ 1875 и 1876 года.

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ, Т. Е. ГОДОВОМУ ИЗДАНИЮ, СЪ ПРЕМІЯМИ:

Брошурованному	Въ простомъ перепл.	Въ каленкор. перепл.
Безъ перес. 4 р.—	Безъ перес. . 4 р. 75	Безъ перес. 5 р. 50
съ перес. . 5 р. 50	съ перес. . . 6 р. 25	съ перес. . 7 р.—

Приобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25% уступки (но только съ книги, а не съ переплета или съ пересылки).

Каждый томъ „Нивы“ заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, современной жизни и проч. и до 700 художественно выполненныхъ рисунковъ. Помѣщенные въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома „Нивы“ имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нему приложенныхъ бесплатныхъ премій. Приложенія къ „Нивѣ“ 1875 года 2 картины 1) Смерть Юлія Цезаря, картина профессора Пилоти 2) Мадонна Севильская, картина Севастіана Мурильо,—Приложенія къ „Нивѣ“ 1876 года; Спящая Красавица, картина Э. Велъ, печатана масляными красками въ 20 тонахъ. № 186

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 48 **ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.** 1878

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЯСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 27 Ноября 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕНЪ Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ «Нивѣ» принимаются по 25 и за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (яромѣ Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1879 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Просимъ гг. иногородныхъ подписч. незамедлитель возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе оставшии въ получении журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе 28,500 печатныхъ адресовъ требуетъ много времени

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи . . . . . 6 „

КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при «Нивѣ» объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для многог. по 5 р. съ тысячи, для городскихскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія руко и стихи, неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются

Подписка на 1878 г. продолжается. Подписавшіяся получаютъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

К. Гуно

Рядъ музыкальныхъ празднествъ, данныхъ въ Парижѣ по случаю всемірной выставки, закончился великолѣпнѣйшей постановкой послѣдней оперы Гуно „Подіевктъ“.

Немногіе композиторы пользовались и пользуются такою популярностью и успѣхомъ, какъ Гуно. Его музыка известна всему міру. Она обогатила не только автора, но и издателей. Вотъ удѣлъ западныхъ композиторовъ, прямо противоположный судьбѣ нашихъ музыкантовъ. Нашъ Михайло Ивановичъ Глинка продалъ дирекціи свою оперу „Русланъ и Людмила“ чуть ли не за нѣсколько сотенъ рублей съ копѣйками. Стелловскій, издатель Глинки, приобрѣлъ всѣ сочиненія гуртомъ за слѣшкомъ сходную цѣну. Не имѣй Глинка своего состоянія, ему пришлось бы частенько быть на діатѣ. Такова участь русскихъ композиторовъ. Спотыкнувшись у насъ композиторъ разъ на вашей національной сценѣ, не имѣй опера успѣха, его карьера уже кончена. Трудно, при этомъ безпомощномъ состояніи, развиваться русскому, музыкально-драматическому искусству.

Ф. Н. Гуно (композиторъ.) Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Но не такова участь композитора за границей, въ особенности во Франціи. Какъ дирекція, такъ и публика постоянно стараются его поддерживать. Паденіе какой-нибудь вещи не составляетъ никакаго препятствія для того, чтобы слѣдующее его произведеніе было поставлено. При такихъ только обстоятельствахъ и можетъ развиваться талантъ. Постоянная поддержка ему необходима для его далеко не легкой дѣятельности, впродолженіе которой одно, два, три и болѣе произведеній, не особенно выдающихся, подготовятъ наконецъ появленіе чего нибудь замѣчательнаго.

Благодаря такой поддержкѣ, композиторская дѣятельность Гуно, впродолженіе многихъ лѣтъ, не прерывалась и талантъ его развивался.

Гуно (родился въ 1818 году) началъ свою артистическую карьеру въ 1839 году, когда онъ получилъ первый призъ Парижской консерваторіи за сочиненіе кантаты „Fernand“. Но „Фауста“ своего онъ написалъ, когда ему было уже 40 лѣтъ, а именно въ 1858 году. Въ періодъ же времени отъ

1839 до 1858 года, написано имъ не мало вещей духовныхъ и оперъ, какъ-то: опера „Sapho“, хоры въ трагедіи „Ulysse“, большая опера „La Nonne sanglante“ и комическая опера „Le Médecin malgré lui“. Всѣ эти оперы особеннаго успѣха не имѣли и имени ему не сдѣлали. Но, тѣмъ не менѣе, директоръ театровъ, изъ уваженія къ таланту Гуно, дали ему выписаться и только на сороковомъ году, Гуно удалось написать оперу „Фауст“, которая дала ему всемірную извѣстность.

Со времени появленія „Фауста“, къ музыкѣ Гуно стали относиться уже не только съ снисхожденіемъ, но каждая его строчка, такъ сказать, возбуждала живѣйшій интересъ. Къ сожалѣнію, въ своемъ „Фаустѣ“ Гуно такъ сильно высказался, что въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ оперъ своихъ „Philemon et Baucis“ (1860), „La Reine de Saba“ (1862), „Merceille“ (1864), „Colombe“ (1866), „Roméo et Juliette“ (1867), „Cing-Mars“ до „Полиевкта“ включительно, Гуно не можетъ превзойти автора „Фауста“. Всѣ эти оперы, разумѣется, отличаются очень многими достоинствами, но ни одна изъ нихъ не носитъ на себѣ такого отпечатка цѣльности, такого совершенства отдѣлки, такого вдохновенія и самобытности, какъ „Фаустъ“. Что бы ни написалъ Гуно въ настоящее время—разумѣется, каждая сцена поставитъ его новое произведеніе съ полнѣйшею готовностью и не поскупится на роскошную постановку. Для произведеній Гуно, всѣ директора готовы выказать свою щедрость.

Но Алонзье, директоръ Большой Парижской оперы, своей безграничною щедростью, при постановкѣ послѣдней оперы Гуно „Полиевкта“, превзошелъ всѣхъ своихъ сотоварищей. Почтенный директоръ, на всѣ распросы декораторовъ и костюмеровъ, касательно постановки, отвѣчалъ лаконически: „Splendide, splendide!“

„Fort bien, mais...“, возражаютъ ему озадаченные художники. Но Алонзье ничего не хотѣлъ слушать и упорно повторялъ свое внушительное „splendide, splendide“. Эта лаконическая инструкция до того внушительно подѣйствовала на костюмеровъ и декораторовъ, что они вогнали постановку въ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ. Напримѣръ, однихъ картонныхъ аксессуарныхъ вещей было сдѣлано на сумму около 10,000 франковъ.

Каждая деталь, каждая мелочь сильно беспокоили Алонзье. Но болѣе всего его озабочивали бѣлые лошади, которыя должны были везти торжественную колесницу Севера въ первомъ дѣйствіи „Полиевкта“. Нужно было найдти четырехъ большихъ красивыхъ коней. Для Алонзье искушеніе было велико, такъ какъ, во время поисковъ этихъ коней, была открыта Парижская конская выставка. Алонзье не поскупился бы и купилъ на выставкѣ коней, но для театральнаго лошадей нужны нѣкоторыя прекрасныя черты характера, а именно: кротость и спокойствіе, не обладая которыми онѣ могли бы, во время спектакля, безъ церемоніи прогуляться по головамъ оркестровыхъ музыкантовъ. Но, такъ какъ эти неоцѣненные качества составляютъ рѣдкость не только между четвероногими, но и двуногими, то, разумѣется, поиски были очень продолжительны и Алонзье удалось найдти эти качества лишь въ лошадажѣ, употребляемыхъ при погребальныхъ процессіяхъ. И такъ, по странному стеченію обстоятельствъ, торжествующаго Севера, при его въѣздѣ, влекли четыре погребальныхъ коня! Но, не смотря на ихъ печальную специальность, кони были хоть куда. Великолѣпнѣе постановки было поразительно. Для „Полиевкта“ потребовалось болѣе, чѣмъ тысяча самыхъ роскошныхъ костюмовъ. Около машинъ и декораций, во время „Полиевкта“, работаетъ бо-

лѣе 130 человекъ. Въ XVII столѣтіи, когда была написана Корнелемъ трагедія „Полиевкта“, изъ которой заимствованъ сюжетъ оперы, публика не была взыскательна. Постановка этой трагедіи была самая скромная. Въ своихъ указаніяхъ, касательно декораций, Корнель ограничился для *всей* трагедіи единственною надписью: „Palais à volonté“. Прошло съ тѣхъ поръ много времени, взгляды переѣнились и для оперы на тотъ же сюжетъ потребовалась такая обстановка, которую, разумѣется, Корнель передалъ бы во всякомъ случаѣ поэтичнѣе Алонзье, но его стихи, очень можетъ быть, не былъ бы такъ внушительны, какъ директорское лаконическое „splendide“.

Большая французская опера всегда отличалась блескомъ постановки, но никогда эти блескъ и роскошь не доходили до такихъ громаднхъ размѣровъ. Понятно, что для такой великолѣпной постановки требуется очень много времени, вотъ почему „Полиевкта“, сданный въ дирекцію въ январѣ этого года, былъ публично исполненъ въ первый разъ только въ октябрѣ. И такъ, сдѣлавъ для успѣха оперы все возможное, что только отъ человѣка зависѣло, Алонзье представилъ послѣднюю оперу Гуно на судъ публики, которая отнеслась съ уваженіемъ къ почтенному музыкальному дѣятелю, но особеннаго энтузіазма не выказала.

Сюжетъ „Полиевкта“, какъ я уже говорилъ выше, взятъ изъ трагедіи Корнеля того же названія. Дѣйствіе происходитъ въ Арменіи, въ городѣ Мелитенѣ, во время римскаго владычества. Герой трагедіи Полиевктъ исповѣдуетъ христіанскую вѣру. Онъ женатъ на Полинѣ, дочери римскаго губернатора; въ нее же влюбленъ Северъ, римскій проконсулъ, возвращающійся въ Мелитенѣ со своими войсками (это даетъ поводъ къ блестящей постановкѣ въѣзда Севера). Онъ узнаетъ о бракѣ Полины, о крещеніи Полиевкта, и не преслѣдуетъ влюбленныхъ. Но великодушіе Севера не спасаетъ ихъ отъ смерти—какъ Полиевкта, такъ и Полину бросаютъ на съѣденіе звѣрямъ. Этотъ сюжетъ послужилъ основой для пятнадцатой оперы Гуно, въ которой почетная часть посвящена торжественному въѣзду Севера (въ первомъ дѣйствіи), торжественнымъ шествіямъ и танцамъ. Эти шествія и танцы суть слабыя стороны оперы. Вообще эта опера была писана при самыхъ невыгодныхъ для композитора условіяхъ. Гуно, во время этого труда, жилъ въ Франціи, а именно въ Лондонѣ. Вліяніе близкихъ лицъ, его окружавшихъ, не совсѣмъ благоприятно дѣйствовало на его творческую способность. Наконецъ, это пребываніе въ Лондонѣ, кончилось ссорой и разрывомъ, вслѣдствіе которыхъ Гуно уѣхалъ во Францію, оставивъ партитуру оперы въ рукахъ его бывшихъ сожителей. Такъ какъ партитура оперы ему не возвращалась, то онъ имѣлъ терпѣнье воспроизвести на память весь свой трудъ.

Нужно замѣтить, что Гуно съ ранней молодости чувствовалъ большую любовь къ духовной музыкѣ. Онъ даже одно время сильно колебался между артистической карьерой и духовнымъ званіемъ. Это стремленіе къ духовному, ко всему мистическому все болѣе и болѣе съ годами увеличивалось и, мы полагаемъ, въ этомъ стремленіи лежитъ главная причина выбора для сюжета „Полиевкта.“ Самыя удачныя, прочувствованныя мѣста—тѣ, въ которыхъ Гуно касается христіанскаго элемента. Въ особенности выдается дуэтъ четвертаго дѣйствія Полины и Полиевкта въ темницѣ. Главными исполнителями въ оперѣ были Г-жа Краусъ (Полина), Соломонъ (Полиевктъ), и Лассаль (Северъ).

Н. С.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ.

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Продолженіе).

VII.

Теплымъ лѣтнимъ вечеромъ, среди высоко поднявшихся желтѣющихъ хлѣбныхъ полей, по дорогѣ изъ Преображенскаго въ Москву медленно подвигалась, запряженная четверкой коней, тяжелая колымага. Въ колымагѣ сидѣло два человекъ. Одинъ изъ нихъ рослый стройный красавецъ, юноша съ едва еще пробивающимся надъ румяными губами темнымъ пушкомъ. Другой, человекъ уже не первой молодости полный, бѣлокурый, съ веселымъ, сразу внушающимъ къ себѣ довѣріе, гладко выбритымъ лицомъ.

Юноша былъ одѣтъ въ платье изъ тонкаго сукна, расшитое позументами. Его спутникъ былъ въ довольно короткомъ камзолѣ, стянутомъ кожанымъ поясомъ и въ маленькой пуховой шляпѣ. Онъ очевидно принадлежалъ къ жителямъ слободы Нѣмедвой.

Солнце только что зашло и въ воздухѣ еще было много зною. Изъ высокой ржи, пестряющей васильками, путниковъ то и дѣло обдавало душистымъ тепломъ. Кони поднимали цѣлый столбъ пыли, которая заставляла старшаго путника даже чихать, но юноша не обращалъ на нее никакого вниманія. Онъ вытянулъ свои длинныя большія ноги, одѣтые въ высокіе сборчатые сапоги, откинулся на мягкую подушку колымаги и казался дремалъ.

— Заснулъ что-ли, государь? обратился къ нему на дурномъ русскомъ языкѣ его спутникъ, очевидно наскучившій долгимъ молчаніемъ, длившимся почти съ самаго Преображенскаго.

— Нѣтъ не заснулъ, а больно замаялся нынче, языкъ не ворочается.

— Ну этому то мы сейчасъ поможемъ, тутъ у меня

есть, захватилъ съ собою, пречудесная фляжечка. Глотни-ка, государь, усталость какъ рукой сниметь.

— Давай, господинъ Лефорть, давай.

Лефорть вынулъ фляжку и весело помаргивая своими блѣдно-сѣрыми глазами, опушенными почти бѣлыми рѣсницами, передалъ ее государю.

Петръ Алексѣевичъ съ видимымъ удовольствіемъ разъ, другой приложился къ фляжкѣ.

— Славно, сказалъ онъ, утирая губы. Ну какъ тутъ не любить этотъ самый напитокъ? Вонъ матушка то и дѣло твердить, что въ немъ и грѣхъ и блудъ и всякіе ужасы, только нѣтъ... Ну чтобъ я дѣлалъ безъ этого напитка? На работѣ то да въ усталости вотъ выпилъ глотокъ и совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ—теперь хоть опять работай!

— Ничего, ничего нѣтъ дурного въ винѣ, повторялъ Лефорть, въ свою очередь прикладываясь къ фляжкѣ. Только мѣру нужно знать,—ну а вѣдь мы съ тобой государь мѣру то знаемъ: насъ еще никто въ непригожемъ видѣ не заставлялъ.

— Да, ужъ конечно! весело отвѣчалъ Петръ, похлопывая по плечу Лефорты. Его усталости и дремоты какъ не бывало. Онъ поджалъ ноги, придвинулся на самый краешекъ сидѣнья и весело поглядывалъ по сторонамъ дороги.

— Дни то какіе, дни какіе славные, говорилъ онъ. Нынче всталъ я до восхода солнечнаго, пошелъ на работы, смотрѣть какъ подвигается мой корабликъ, такъ просто чудо: прохлада, благоуханіе. Работа вдвое скорѣй идетъ, хоть бы побольше такихъ деньковъ постояло. Одна досада, отрывать отъ дѣла приходится, а теперь мнѣ необходимо каждый день бывать на работахъ. Ну, да завтра, послѣ крестнаго хода, какъ ужъ они тамъ себѣ хотятъ, а я уѣду. А вѣдь надо быть матушка и теперь меня попреками встрѣтитъ—обѣщался быть утромъ, а ѣду на ночь глядя. Что-жь, пускай побранится,—мнѣ вѣдь ея брань все равно, что ласка. Бранится, бранится, а сама глядитъ такъ-то ласково, не выдержитъ, цѣловать станеть—ну страху то и нѣтъ никакого. Я ужъ не разъ ей говорилъ, что она совсѣмъ не умѣетъ браниться. Съ дѣтства меня набаловала, такъ пускай ужъ теперь на себя и пеняетъ.

— Добрая государыня, до всѣхъ ласковая, проговорилъ Лефорть, вотъ меня только не больно жалуетъ. Такъ иной разъ взглянетъ сурово, что не знаешь куда и дѣваться.

— Ничего, господинъ Лефорть, ты этого не принимай къ сердцу, не обижайся. Самъ знаешь, у насъ до сихъ поръ не очень-то иностранцевъ любятъ, да ничего, стерпится—слюбится.

— Я и не обижаюсь. Ну а вотъ что ты мнѣ скажи Государь, какъ ты доволенъ своими молодцами потѣшниками? Посмотрѣлъ я нынче на нихъ, скоро они всю солдатскую науку вытвердили, быстро обучаются. Теперь не въ долгое время нужно будетъ приступить къ примѣрнымъ сраженіямъ.

— Объ этомъ я ужъ и самъ подумываю, сказалъ Петръ и глаза его заблестѣли,—непремѣнно нужно будетъ. Пора наконецъ намъ имѣть доброе войско, а то покудова только срамъ одинъ, позоръ... Идутъ ничего не зная, ступить не умѣютъ. Встрѣтился непріятель—да какой же—кочевники! тоже люди неумѣлые; а наши сейчасъ же спину покажутъ, да и драго! Позоръ, позоръ!.. Вотъ теперь этотъ походъ крымскій... сердце кровью обливаеця—чай теперь у васъ на западѣ какъ надъ нами смѣются! Нѣтъ, нужно мнѣ какъ слѣдуетъ обучить свое войско. Будетъ смѣяться надъ матушкой Русью. Пора показать, что и мы тоже кое-что можемъ. Эхъ, вотъ время-то идетъ больно скоро, да силы мало въ рукахъ человѣческихъ: когда то удасться все сдѣлать, что надобно. А сколько то надобно! куда ни взглянешь, за что ни возьмешься, все

связнова начинать нужно, все не годится старое... Иной разъ послѣ работы-то завалишься на боковую, заснуть хочется, а тутъ и то, и другое, и третье придетъ въ голову. И то вотъ такъ бы устроить, другое безпремѣнно начать надобно, ну и думаешь, думаешь, вороцаешься съ боку на бокъ. А какъ тутъ сдѣлаешь, когда почитаешь что одному дѣлать приходится? Спасибо вотъ тебѣ Лефортышко, что учишь уму разуму, да помогаешь—на нашихъ то плохая надежда... Вотъ хоть бы князь Борисъ Голицынъ—человѣкъ большаго разума—самъ много учился—такъ могъ бы видѣть гдѣ польза; а что станешь говорить съ нимъ: „да къ чему это“ отвѣчаетъ, „да вѣдь до сихъ поръ же никогда этого у насъ не бывало!“ Просто тошно мнѣ глядѣть на него, какъ заслушу такіа рѣчи.

— Да... протянулъ Лефорть, трудненько тебѣ государь, а особливо коли государыня-правительница руки связываетъ...

Петръ вздрогнулъ.

— Не говори! крикнулъ онъ, не говори!.. терплю я, терплю, да не надолго моего терпѣнья хватить... Довольно! я ужъ не ребенокъ... Скоро я покажу ей, что не даромъ вѣнчали меня на царство... Много она намутила... а теперь этотъ походъ Голицинскій—всю кровь во мнѣ поднимаетъ!.. Не хочу долше терпѣть поношенія государству. Попировала сестрица, погрѣшила—довольно! будетъ—пора ей образумиться. Что тамъ ни дѣлай, а вѣдь не станеть дѣвка мужчиной. Не время теперь для бабьяго царства—работы больно много, не ей справиться съ этой работой!..

— Вотъ это рѣчи, такъ рѣчи! сказалъ Лефорть, давно пора, государь, говорить такъ.

— Знаю что пора.

— Что-жь ты, государь, намѣренъ дѣлать.

— А вотъ тамъ видно будетъ, заранѣе ничего сказать невозможно. Одно только знаю, что покажу скоро сестрѣ, что вышель я ужъ изъ пеленокъ... Да вотъ что я хотѣлъ спросить у тебя: написалъ ли ты своему нѣмцу о присылкѣ мнѣ новыхъ инструментовъ, вдругъ заговорилъ Петръ, очевидно не желая продолжать прежній разговоръ.

— Какъ же, написалъ Государь, отвѣчалъ Лефорть. И долго они бесѣдовали о разныхъ предметахъ.

Лефорть разсказывалъ, что и какъ дѣлается въ западной Европѣ, какіе корабли тамъ строятся, какъ они плаваютъ. Петръ жадно его слушалъ, требовалъ подробностей, допытывался о такихъ вещахъ, которые ставили Лефорты въ тупикъ. Онъ далеко не былъ всесторонне образованъ, но не хотѣлъ выказывать своего незнанія передъ молодымъ государемъ и поэтому иногда отвѣчалъ наобумъ, невпопадъ; а самъ въ тоже время подумывалъ, что придется ему снова засѣсть за ученье, такъ какъ обманывать государя Петра Алексѣевича день ото дня становится труднѣе.

Скоро ученикъ будетъ знать больше учителя и тогда дѣло плохо! Конечъ обянію, конечъ тому счастью, которое начинается ему такъ улыбаются въ Россіи.

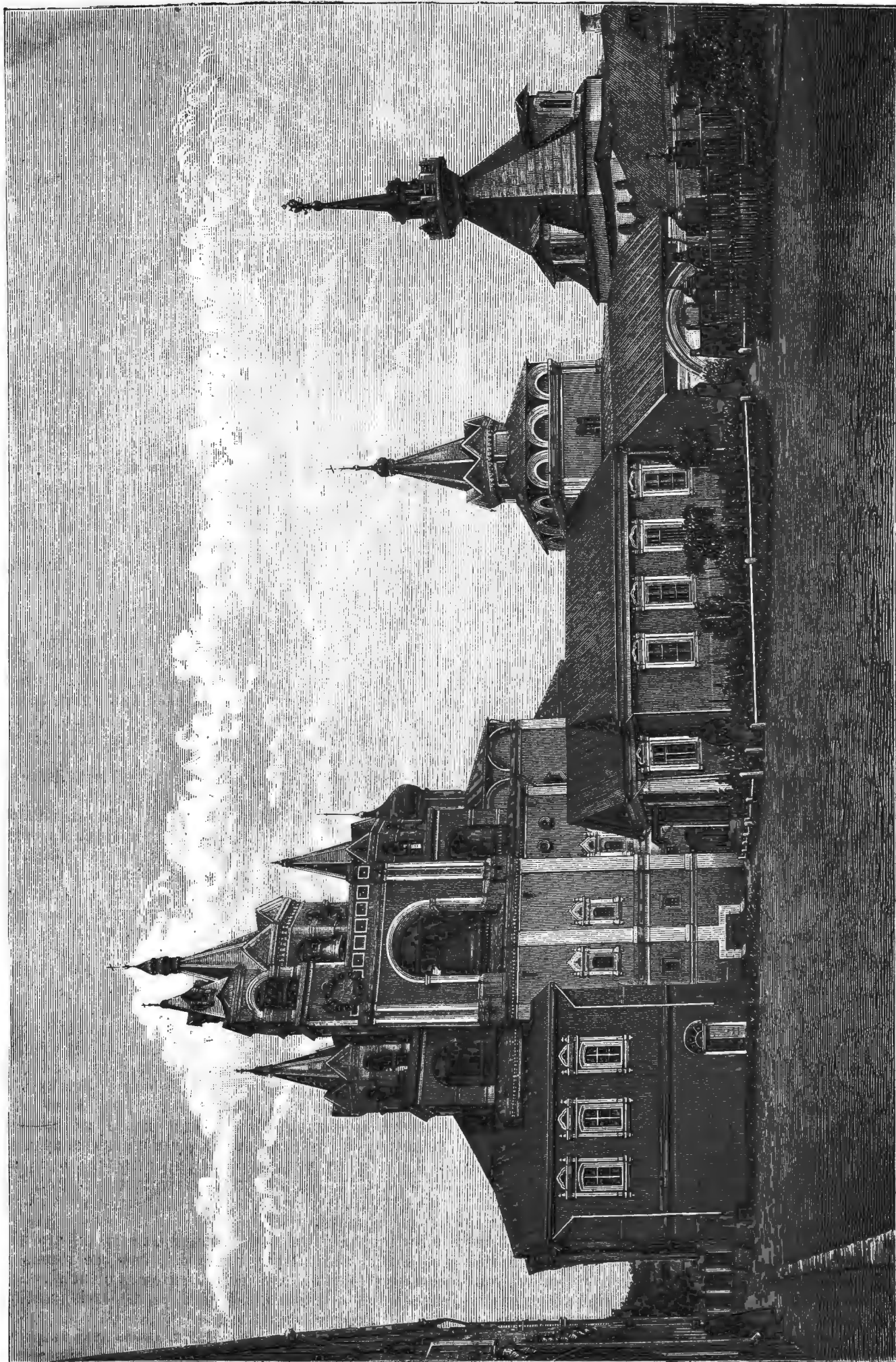
— Да вотъ бы еще, думалъ Лефорть, заставить бы его рѣшительно дѣйствовать съ сестрою, а то вѣдь тамъ не дремятъ... Того и жди, какое ни на есть несчастье съ нимъ случится и тогда все пошло прахомъ.

И онъ снова попробовалъ было заговорить о правительницѣ; но Петръ рѣшительно остановилъ его.

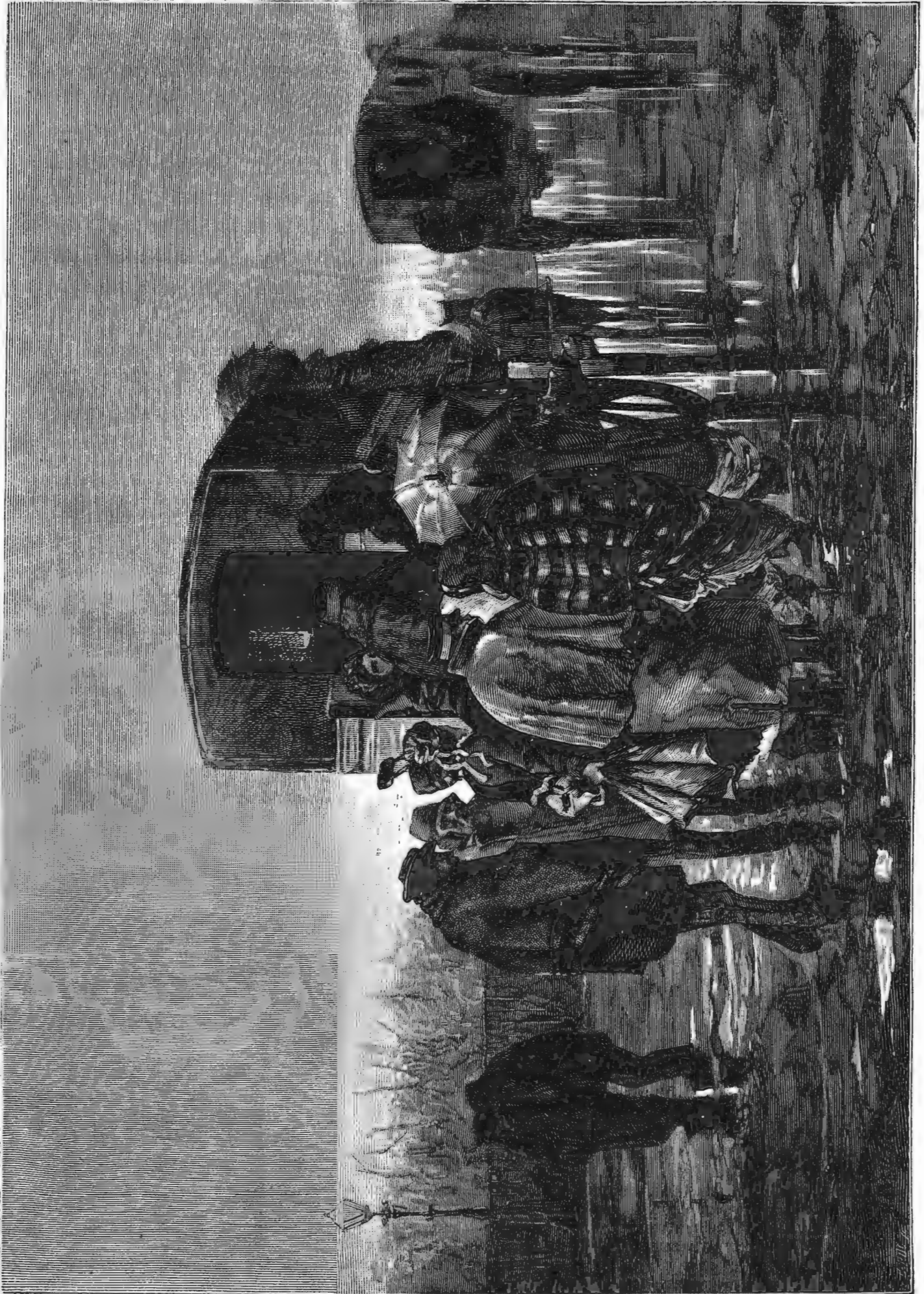
— Не говори, сказалъ онъ,—мнѣ и думать то о ней теперь не хочется.

Лефорть замолчалъ, съ грустью помышляя, что юноша только похорохорился, что онъ еще не готовъ къ серьезной борьбѣ, что въ рѣшительную минуту онъ испугается, отступитъ, забудетъ свои благія намѣренія. Но Лефорть ошибался.

На слѣдующій же день Петръ доказалъ твердость своего рѣшенія и открыто бросилъ сестрѣ перчатку.

Саввиѣ Сторожевскій монастырь близъ Звенигорода (Московской губ.) Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Осенний день въ Петербургѣ. Съ Петербургской къ Адмиралтейству. Картина Н. Богданова, рис. на деревѣ самъ авторъ, грав. Б. Дудцъ.

По случаю праздника Казанской Божіей Матери въ Кремлѣ была торжественная служба и крестный ходъ.

По окончаніи обѣдни, Петръ подошелъ къ правительницѣ, которая брала икону, чтобы принять участіе въ крестномъ ходѣ.

— Сестра, ты кажется хочешь идти? сказалъ онъ.

Она вздрогнула отъ его голоса, который ей показался какимъ-то новымъ и страннымъ.

— Да, конечно.

— Нѣтъ, не ходи, тебѣ не слѣдъ идти—это вовсе не женское дѣло.

Она невольно попятилась.

Петръ стоялъ во всемъ величій своей красоты и богатскаго роста. Стоялъ съ гордо откинутой головою, прямо и смѣло глядя на нее своими орлиными глазами.

До сихъ поръ онъ ей представлялся ребенкомъ, шулуномъ, мальчишкой, который только и думаетъ, что о забавахъ, котораго спаиваютъ потѣшники да нѣмцы; но теперь передъ нею вовсе не мальчишка, теперь передъ нею человѣкъ уже сознающій свою силу, передъ нею вѣнчаннй царь земли русской... Ребенокъ выросъ. И вотъ этотъ вѣнчаннй ребенокъ хочетъ и можетъ доказать, что ему время приспѣло самодержавно царствовать; нянька не нужна больше.

Страшная злоба, смѣшанная съ отчаяніемъ забушевала въ груди Софьи. „Онъ, ей запрещаетъ... ей, которая до сихъ поръ не вѣдала надъ собою ничьей власти... Неужли она поддастся? Неужли она дойдетъ до такого униженія, что станетъ исполнять его приказанія?.. Нѣтъ... это еще посмотримъ!.. Не слишкомъ ли рано ты подымаешь голову, обожди еще не много.

— Пропусти меня, въ свою очередь гордо и смѣло, смотря на брата, сказала Софья. Сама я знаю, что дѣлаю и что мнѣ нужно дѣлать.

Она взяла икону и пошла съ крестнымъ ходомъ.

Петръ, не говоря ни слова, вышелъ изъ собора и сейчасъ же уѣхалъ въ Преображенское.

Многіе видѣли сцену между братомъ и сестрою и всѣ безъ исключенія, конечно, замѣтили, что молодой царь не принялъ участія въ крестномъ ходѣ; что онъ скрылся.

Пошелъ говоръ, перешептыванье, волненіе.

— Орленокъ расправляетъ крылья!.. донесся до уха Софьи чей то голосъ; на многихъ лицахъ она подмѣтила радость.

Едва владѣя собою, едва держась на ногахъ, блѣдная какъ смерть, сопутствовала она крестному ходу.

VIII.

Мрачный и взволнованный, одиноко бродилъ по своимъ палатамъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Его ожиданіе, его предчувствіе начало сбываться. Теперь онъ зналъ, что пришелъ часъ его страшный, что еще нѣсколько дней можетъ быть и конецъ всему—погибнетъ и онъ, погибнетъ и царевна.

Сначала онъ опасался вражды бояръ, онъ немного думалъ о Петрѣ Алексѣевичѣ; къ тому же онъ надѣялся, что у Петра есть ему надежный защитникъ—двоюродный братъ, князь Борисъ Голицынъ. Но надежда эта оказалась тщетною.

Петръ каждый день, то тѣмъ, то другимъ, давалъ знать о себѣ. Когда ему принесли подписать списокъ наградъ Голицыну и его товарищамъ за послѣдній крымскій походъ, юный царь рѣшительно объявилъ, что ни за что не подпишетъ этого списка, что не награждать стоитъ воеводу, а, напротивъ, судить за его неразумныя дѣйствія во время похода, за позоръ и стыдъ, учиненные этими дѣйствіями государству.

Положимъ, эта опасность миновала, Петра таки угворили добрые люди: онъ подписалъ назначеніе награды. Но вотъ сегодня, когда Голицынъ со всѣми генералами поѣхалъ къ нему съ благодарностью, онъ

ихъ не припаялъ и даже такъ прямо и велѣлъ сказать, что видѣть ихъ не хочетъ.

Князь Василій Васильевичъ едва доѣхалъ до дому и теперь не можетъ въ себя придти отъ этой обиды, о которой конечно ужъ трубятъ по всей Москвѣ.

И тѣмъ мучительнѣе отзывается поступокъ государя въ сердцѣ Голицына, что онъ сознаетъ себя виноватымъ и униженнымъ, сознаетъ, что Петръ правъ, что по дѣломъ неразумному воеводѣ царская немилость. Будь у него сознаніе своей правоты, онъ бы не упалъ духомъ; но теперь тошно ему глядѣть на свѣтъ Божій и мечется онъ какъ звѣрь въ клеткѣ по этимъ самымъ палатамъ, гдѣ широко и привольно текла жизнь его, гдѣ зрѣли его лучшіе плавы, гдѣ свило себѣ гнѣздо счастье его любви, его слава.

Какъ онъ любилъ прежде эти палаты, съ какой заботливостью украшалъ онъ ихъ, помышляя о тѣхъ рѣдкихъ блаженныхъ минутахъ, когда сюда, неслышною стопою, являлась красавица царевна! Противной, невыносимой, раздражающей кажется теперь Василью Васильевичу эта роскошь, которая его окружаетъ. А роскошь великая... Одинъ изъ иностранныхъ посланниковъ писалъ о домѣ Голицына, какъ-чуть ли не о самомъ великолѣпнѣйшемъ въ Европѣ, что онъ думалъ что находитъ при дворѣ какого нибудь италіанскаго государя.

Особенно хороша приѣмная палата, гдѣ обыкновенно Василій Васильевичъ бесѣдовалъ съ приѣзжавшими къ нему боярами и иностранцами, которыхъ онъ всегда поражалъ своею обходительностью, своими глубокими знаніями, гдѣ онъ разговаривалъ съ ними на языкѣ латинскомъ обо всемъ, что происходило тогда важнаго въ Европѣ. Палата эта обширна, какой пожалуй и нѣту во дворцѣ кремлевскомъ. Подволока въ ней накатная, прикрытая холстами. Въ срединѣ подволоки солнце съ лучами, вызолоченное сусальнымъ золотомъ. Вокругъ солнца бѣги небесные съ зодіями и съ планетами, писанные живописью. Отъ солнца на желѣзныхъ трехъ прутахъ паникадило бѣлое костяное о пяти поясахъ; въ поясѣ по восьми подсвѣчниковъ и цѣна тому паникадилу сто рублей.

По другую сторону солнца, мѣсяцъ въ лучахъ посеребренныхъ. Вокругъ подволоки въ двадцати клеймахъ рѣзныхъ, позолоченныхъ, расписаны лики пророковъ и пророчицъ. Въ четырехъ рамахъ рѣзныхъ листы нѣмецкіе; цѣна каждому листу по пяти рублей.

По всѣмъ стѣнамъ кромѣ того портреты: великаго князя Владиміра Святаго, царей: Ивана Грознаго, Ѳедора Ивановича, Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳедора, Ивана и Петра Алексѣевичей, четыре портрета королей иностранныхъ. Между портретами пять зеркалъ, одно въ черепаховой рамѣ.

Оконъ въ той палатѣ сорокъ шесть со стеклянными оконцами и въ нихъ стекла расписаны хитрымъ узоромъ и разными человѣческими фигурами.

Хороша тоже и спальня Василія Васильевича; въ ней развѣшаны въ вызолоченныхъ рамахъ разныя карты и чертежи, вывезенные изъ за границы, четыре зеркала, двѣ большія статуи, изображающія араповъ; дорогая кровать нѣмецкая, изъ рѣзнаго сквознаго орѣха вырѣзана, на ней личины человѣческія и птицы и травы; девять стульевъ, обитыхъ золотыми кожами, кресло съ подножиемъ, обитое бархатомъ.

По всѣмъ палатамъ множество часовъ боевыхъ и столовыхъ въ черепаховыхъ влагалищахъ, оклеенныхъ китовымъ усомъ да кожей красною. Особенно хороши одни часы бронзовые, тонкой художественной работы, изображающіе нѣмчина на конѣ, а въ лошади циферблатъ со стрѣлками. Много всякихъ чудныхъ шкатулокъ, съ безчисленными выдвигаемыми ящичками, чернилица яптарная, три нѣмецкія фигуры орѣховыя; у нихъ внутри трубки стеклянныя, съ мѣдными мишенями; на мишеняхъ вырѣзаны слова нѣмецкія, а подъ

трубками въ стеклянныхъ чашечкахъ ртуть.

Но не одиѣми этими хитрыми бездѣлушками забавлялъ себя Василій Васильевичъ. Дорогою цѣною прибрѣталъ онъ книги разныя и составлялъ себѣ библиотеку. Были въ этой библиотекѣ такія книги: книга писанная—врученіе правила на Академію; книга писанная о гражданскомъ житіи, или о поправленіи всѣхъ дѣлъ, яже надлежать обще народу. Книга Тестаментъ или завѣтъ Василя царя греческаго сыну его Льву Философу; книга како царица Олунда близнать породы и како ихъ свекровь и ея мать цесарева хотя погубити. Книга письменная, переводъ отъ Вселенскаго патріарха Мелетія діакона; книга, глаголемая алькоранъ Махметова, переведенная съ польскаго письма; книга рукописнаго права, или уставъ воинскій Голландской земли, и много всякихъ другихъ, какъ русскихъ такъ нѣмецкихъ и латинскихъ, трактующихъ о всевозможныхъ, самыхъ разнообразныхъ предметахъ.

Въ часы досуга любилъ Василій Васильевичъ углубляться въ эти книги и бывало за чтеніемъ не видить какъ идетъ время. Иногда онъ вмѣстѣ съ царевною читалъ и объяснялъ ей то, чего она не понимала и дивился, что мало объяснять приходилось, дивился ея великимъ знаніямъ, ея необычайной понятливости и любознательности.

Куда теперь дѣвалось это счастливое время? Разразится гроза, возрадуются недруги и друзья лицемѣрные, разнесутъ и растащатъ всѣ эти, съ такою любовью собранныя сокровища. Но Богъ съ ними, не въ нихъ дѣло—отнимутъ враги единственное сокровище, которому придаетъ Василій Васильевичъ неисчислимую цѣну, безъ котораго жизнь не въ жизнь ему кажется, отнимутъ враги ту, которая красила своею любовью многотрудную жизнь его и что они съ ней сдѣлаютъ? Теперь не будетъ ей пощады!

И онъ сталъ думать о правительницѣ. Онъ вспоминалъ далекіе годы, вспоминалъ ее еще почти ребенкомъ, потомъ чудной, пышно разцвѣтшей красавицей, вспоминалъ то волшебное мгновеніе, когда она отдала ему свое сердце. Господи, какъ это все далеко, какъ будто сонъ! Что воды утекло съ тѣхъ поръ! Тогда онъ еще былъ полонъ силы и смѣло глядѣлъ въ будущее, а теперь распались его силы, вся побѣлѣла, заиндевѣла густая борода его, многія морщины глубокия на высококомъ челѣ вырѣзались... Измѣнилась и она, прекрасная царевна. Онъ только въ эти послѣдніе дни хорошенько разглядѣлъ, какъ она измучилась, какъ она постарѣла. Но для него она все такъ же прекрасна, какъ и въ лучшіе дни цвѣтущей молодости. Такъ же горячо, такъ же страстно онъ ее любитъ, для любви этой безслѣдно оказалось время.

— Софья! Софья! въ отчаяніи воскликнулъ Василій Васильевичъ ломая себѣ руки, неужели намъ предстоитъ вѣчная разлука? Неужли нѣтъ спасенія?

Въ это мгновеніе дверь палаты тихо отворилась и на порогѣ показалась правительница. Но теперь, при ея появленіи, не загорѣлось солнце посреди подволоки, не засеребрились лучи мѣсяца, не забѣгали, переливаясь веселыми красками, бѣги небесныя съ зодіями, какъ бывало въ тѣ минуты, когда она тихо съ веселой улыбкой входила въ эту палату и еще издали протягивала Голицыну свои нѣжныя бѣлыя руки. Все мрачно теперь было въ палатѣ, еще мрачнѣе, чѣмъ до ея появленія, тускло глядѣло солнце сусальнаго золота, въ какія то грозныя фигуры превратились зодіи—и сама царевна не улыбалась, спѣша на встрѣчу сердечному другу Васенькѣ. Глаза ея были безжизненны, губы блѣдны, руки дрожали.

IX.

— Радость моя! свѣтъ мой! съ восторгомъ и муче-

ніемъ выговорилъ Голицынъ спѣша на встрѣчу Софья.. Не чаялъ я тебя нынѣ у себя видѣть!..

Она подала ему свою руку, которую онъ нѣжно прижалъ къ губамъ.

— Васенька, что-жь это такое? тебѣ новая обида!.. Какъ услышала, не знаю что со мной сдѣлалось, въ головѣ помутилось... Сейчасъ къ тебѣ я кинулась. Что-же это, вѣдь это послѣдніе дни приходятъ!

— Да, видно послѣдніе дни, проговорилъ Голицынъ.

— Но Боже мой! какъ подумаешь, сказала Софья, безсильно опускаясь въ кресло, какъ подумаешь кто осмѣливается поднимать на тебя руку!.. мальчишка, который ногтя-то твоего не стоитъ. Онъ... вмѣсто того, чтобы цѣнить всѣ труды твои... Нѣтъ, этого вынести невозможно!

— Зачѣмъ ты такъ говоришь, моя дорогая, вдругъ перебилъ ее Голицынъ. Дѣло не во мнѣ, а въ тебѣ—за тебя мнѣ страшно—сердце разрывается какъ подумаю, что разлучать насъ съ тобою,—а самъ то я что-жь... вѣдь я заслужилъ царскую немилость. Намъ съ тобой нечего скрывать: стыдъ и позоръ на мою голову! Не сумѣлъ вернуться послѣ славнаго похода,—не за свое дѣло взялся—такъ моему государю и впрямь меня нечего жаловать!

— Молчи! молчи! какъ безумная закричала Софья.— Въ своемъ ли ты умѣ? какъ смѣешь ты клепать на себя—мы всѣ у тебя въ долгу... вся Россія... Да и наконецъ, самъ знаешь, что дѣло не въ томъ... это онъ и не тебя совсѣмъ обидѣть хочетъ, это онъ меня обижаетъ... Они ищутъ моей гибели и хорошо знаютъ, что каждая обида тебѣ—мнѣ вострый ножъ въ сердце. Но довольно... я все ждала, все надѣялась, что какъ нибудь образумятся... нѣтъ, видно они хотятъ нашей смерти и, намъ нужно спасаться!

— Спасаться... легко сказать, но что-жь дѣлать? безнадежно прошептала Василій Васильевичъ.—Затѣвать опять бунтъ, мятежь... довольно и такъ было крови...

— Василій, какимъ-то глухимъ и страшнымъ голосомъ произнесла Софья,—Василій, ни слова больше—не время теперь проповѣдывать христіанскія добродѣтели! Какъ семь дѣтъ тому назадъ нельзя было обойтись безъ рѣшительныхъ мѣръ,—противъ которыхъ ты и тогда возставалъ,—такъ и теперь нужно забыть о человѣколюбіи. Насъ не жалѣютъ, насъ измучили... намъ грозитъ смерть, такъ тѣмъ же оружіемъ и мы должны дѣйствовать противъ враговъ нашихъ... Послѣдній разъ я зову тебя съ собою... мы ужъ не дѣти, вѣдь ужъ старость приближается—слава Богу, не мало прожили на свѣтѣ—такъ не намъ обольщаться грезами о милосердіи и всепрощеніи!.. Насъ не прощали, насъ не прощаютъ... насъ не помилуютъ если мы попадемся имъ въ руки... такъ и намъ нечего ихъ миловать!.. Василій, не будь малодушенъ, я пришла требовать твоей помощи въ послѣднемъ и страшномъ дѣлѣ...

Онъ съ изумленіемъ глядѣлъ на нее. Онъ едва могъ ее узнать, такое у нея было страшное лицо.

— На что-жь ты рѣшаешься? чего ты хочешь? спросилъ онъ.

— Чего я хочу?.. Конечно одной только гибели враговъ моихъ—погибели махи и брата. Еще разъ Шаковитый все сдѣлаетъ чтобъ склонить стрѣльцовъ въ мою пользу, но если и это не поможетъ, тогда останется одно... одно—отравить ихъ...

— Что ты сказала?.. Или я ослышался? Повтори, что ты сказала? въ ужасѣ хватая ее за руки и задыхаясь говорилъ Голицынъ.

— Оставь меня, не безумствуй!.. все тѣмъ же глухимъ голосомъ перебила его Софья. Да, сказала и повторяю... остается отравить ихъ! А!.. еслибъ было только можно, они бы ужъ двадцать разъ насъ съ тобой отравили... такъ тутъ нечего задумываться—тутъ мы или они!.. А я жить хочу... я хочу, чтобъ и ты

жилъ—мы еще не всю жизнь изжили, у насъ есть еще впереди кое что... умирать не время! Слушай... у меня мало теперь друзей, мало помощниковъ... Одинъ Шакловитый не можетъ измѣнить мнѣ... да ты. Ты долженъ помочь мнѣ...

— Что!?!.. Закричалъ Голицынъ,—что? помочь тебѣ въ такомъ дѣлѣ... И ты рѣшилась, и у тебя языкъ повернулся предлагать мнѣ это... Мнѣ страшно, мнѣ стыдно за тебя... Боже мой!.. но что-жъ это, ты больна можетъ быть? ты сама не знаешь, что говоришь...

— Нѣтъ, я знаю что говорю, и я твердо рѣшилась, и не отступлю теперь...

Вся кровь бросилась въ лицо Голицыну. Ему казалось, что какой-то громадный камень навалился на грудь его и давить, дохнуть не даетъ. Его мысли путались, онъ ничего сразу сообразить не могъ. Софья ли это передъ нимъ, она ли говорить это—или у него горячка и онъ бредитъ.

И онъ сидѣлъ, опустивъ голову, не говоря ни слова.

— Что-жъ ты молчишь?

— Постой, погоди, дай собраться съ мыслями, наконецъ заговорилъ онъ. Если для нашего спокойствія, для продолженія нашей счастливой жизни нужно преступленіе, значить мы достойны нашей горькой участи. Да, мы ее достойны...

— Сумашедшій! вскрикнула Софья и истерически захохотала.

Но онъ не слышалъ ея смѣха, онъ ее не видѣлъ.

— Твое дѣло кончено, продолжалъ онъ. Ты управляла государствомъ именемъ твоихъ братьевъ за ихъ малолѣтствомъ. Старшій слабоумецъ, такъ и остался,— за него ты управлять можешь,— но младшій выросъ, созрѣлъ и требуетъ отъ тебя законныхъ правъ своихъ... и ты должна ему уступить правленіе и дать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Меня же, близняго твоего помощника, государь тоже судить долженъ, и я дамъ ему отчетъ во всѣхъ дѣлахъ моихъ— во всемъ, достигнутомъ мною, и въ моихъ ошибкахъ. Софья, судьба справедлива... если поступки наши будутъ поставлены въ вину намъ, намъ останется одно—смириться и найти утѣшеніе въ молитвѣ.

Софья съ искаженнымъ лицомъ остановилась передъ Голицынымъ. Вотъ на губахъ ея мелькнула мучительная и въ то же время злая и насмѣшливая улыбка.

— Трусъ, проговорила она. Трусъ негодный—вотъ ты кто!

— Можетъ быть и трусъ, спокойно отвѣтилъ Голицынъ,—я не знаю! Самъ себя никогда не считалъ трусомъ, другіе тоже меня таковымъ не считали... Можетъ быть и трусъ, но на преступленіе, на тайное убійство я не годенъ..

— Такъ ты отказываешься спасти меня? въ послѣдній разъ спрашиваю—отказываешься?

— Такими средствами?.. отказываюсь.

— Боже мой! заломила въ отчаяніи руки царевна,— всѣ до одинаго... никого не осталось!

И вдругъ она упала на колѣни передъ Голицынымъ, хватала его руки, цѣловала ихъ, обливала слезами.

— Васенька! Нѣтъ, этого быть не можетъ: ты меня не покинешь, ты меня не оставишь!.. Вспомни голубчикъ, вспомни—вѣдь я всю жизнь одного тебя любила! Ты мнѣ былъ дороже свѣта небеснаго, жизни дороже! Какъ нѣтъ тебя со мной—сколько слезъ горькихъ я выплакала, сколько ночей бессонныхъ промучилась! Да вотъ и теперь, въ это послѣднее время, какъ въ походъ ты ушелъ—Боже мой—минуты не проходило, чтобы я о тебѣ не думала. Посмотри на меня, вѣдь у меня сѣдина появилась отъ этихъ страшныхъ мыслей, вѣдь глаза потухли отъ слезъ. Васенька! самъ ты говоришь, что насъ разлучить хотятъ... Я жить безъ тебя, не могу, свѣтъ мой! Голубчикъ, сжался надо мною!

Его сердце разрывалось отъ жалости, онъ безумно

любилъ Софью—но эта женщина, умоляющая его сдѣлаться убійцей была для него совсѣмъ чужою; онъ не зналъ ее, онъ не понималъ ее.

— Откажись отъ своихъ страшныхъ мыслей, молись Богу, чтобы онъ простилъ тебѣ ихъ. Забудемъ все, что ты говорила, забудемъ—не то я не вынесу...

Съ дикимъ крикомъ, вскочила она съ колѣнъ и отступила отъ него.

— Договаривай... чего ты не выдержишь—донесешь на меня? такъ что-ли? Такъ иди, холопъ презрѣнный, доноси и знай, что я тебя проклинаяю! что на одрѣ смерти я не прощу тебя... слышишь, проклинаяю! проклинаяю!..

И она, не помня себя, быстро ушла изъ палаты.

Голицынъ даже не всталъ, чтобы догнать ее—онъ не былъ въ силахъ пошевелиться.

X.

Выйдя изъ дома Голицына, Софья была какъ безумная; даже мысль о самоубійствѣ пришла ей въ голову, но она оставалась не долго. Чувство самосохраненія и страшная ненависть къ мачихѣ и Петру, снова всецѣло поглотили ее.

Возвратясь въ Кремль и придя нѣсколько въ себя, она приказала немедленно призвать къ себѣ Шакловитаго и долго съ нимъ совѣщалась. Она рѣшилась добиться своего во что бы то ни стало.

Онъ посоветовалъ ей еще разъ самой поговорить со стрѣльцами и было рѣшено дѣйствовать въ тотъ же день, не откладывая.

Шакловитый приказалъ собраться сотникамъ и пятидесятникамъ—проводить правительницу ко всеобщей, къ празднику, въ Новодѣвичій монастырь.

По окончаніи службы, выйдя изъ церкви, Софья обратилась къ своимъ провожатымъ и начала имъ жаловаться, что царица Наталья Кирилловна всячески извести ее хочетъ, а Петръ будто бы ужъ приказалъ своимъ потѣшнымъ собираться и поведетъ ихъ въ Кремль умертвить ее, царевну, и царя Ивана.

— Если мы вамъ годны, сказала въ заключеніе Софья, такъ стойте за насъ и помогите намъ, а не годны—то мы должны покинуть государство, должны бѣжать, спасать животъ свой...

Она говорила убѣдительно. Слезы такъ и лились изъ глазъ ея.

Нѣкоторые изъ стрѣльцовъ были растроганы и отвѣтили ей, что готовы исполнить ея волю.

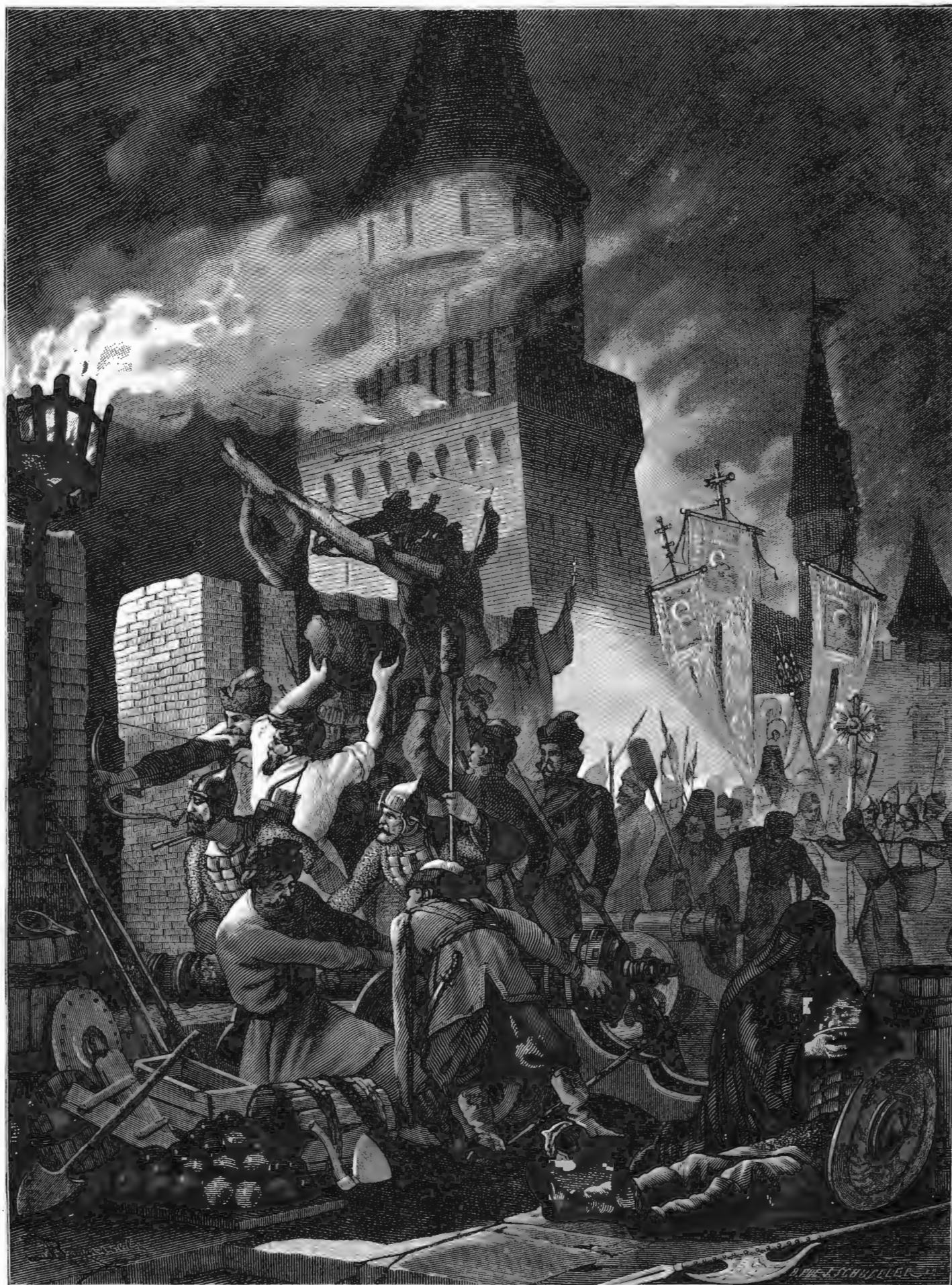
— Спасибо вамъ, заливаясь слезами сказала Софья, на васъ только одна и надежда. Вы мнѣ всегда были вѣрными слугами и сами знаете, забывала ли я вашу службу, а впредь дожидайте отъ меня еще большихъ милостей: я въ долгу не останусь. Теперь ждите повѣстки, извѣщу я васъ черезъ Шакловитаго, тогда и начинайте. А теперь пойдите, расскажите все стрѣльцамъ своимъ, пусть они знаютъ, пусть готовятся...

Сотники и пятидесятники вернулись въ слободы, собрали полки и слово въ слово передали стрѣльцамъ все, что говорила имъ царевна.

Нѣсколько голосовъ закричало, что точно царевну нужно выручить, но большинство объявило:

— Не станемъ начинать дѣло по набату. Коли и впрямь грозитъ бѣда кому либо изъ семьи царской, такъ пусть дѣло идетъ по закону, пусть дьякъ думный скажетъ указъ царскій, то мы и пойдемъ, а безъ указа дѣлать намъ не годится, и мы не ставемъ! Пускай хоть три дня бьютъ въ набатъ—не тронемся, а коли все это доподлинно такъ, то надобно идти въ Кремль и бить челомъ о розыскѣ.

Тогда одинъ изъ приверженцевъ Шакловитага, Стрижевъ, началъ уговаривать, толковалъ, что ничего не выйдетъ изъ розыска.

Осада Троице-Сергиевской Лавры в 1608 г. Ориг. рис. А. Васильева, грав. Шиблерь-Пуцц.
Библиотека "Руниверс"

— Чего вы еще медлить будете? злодѣи-то царевны вѣдь извѣстны, такъ и принять ихъ, а то не защитите царевну, схватятъ ее, всякое зло надъ ней сдѣлаютъ, тогда вамъ же хуже будетъ, безъ царевны не проживете—только ею мы и держимся. Царь то Петръ не больно насъ, стрѣльцовъ, жалуешь. Напустишь онъ на насъ свое войско потѣшное, да бояръ съ ихъ людьми, такъ всѣ мы помремъ лютой смертью—объ этомъ подумайте!

Но стрѣльцы не поддавались и на эти рѣчи. Они стояли на своемъ и поздно ночью Шакловитый явился къ Софьѣ съ извѣстіемъ о полной неудачѣ.

Этого мало, въ числѣ стрѣльцовъ нашлись люди, рѣшившіеся немедленно отправиться въ Преображенское и донести царю Петру обо всемъ, что творится. Петръ сейчасъ же послалъ къ Шакловитому съ требованіемъ отправить въ Преображенское Стрижева.

Шакловитый смутился. Онъ понялъ, что между стрѣльцами есть донощики, но Стрижева рѣшилъ не выдавать.

Тогда Петръ приказалъ арестовать самага Шакловитаго. Его окружили въ Измайловѣ, куда онъ было поѣхалъ, и привели къ царю.

Софья, узнавъ объ этомъ происшествіи, пришла въ неописанный ужасъ.

Она написала брату чрезвычайно ловкое и краснорѣчивое письмо, въ которомъ спрашивала, за что схваченъ Шакловитый и просила его выпустить.

Шакловитаго выпустили.

Царица Наталья Кирилловна, все еще имѣвшая большое вліяніе на сына, не рѣшалась дѣйствовать энергически. Ей до сихъ поръ памятенъ былъ роковой 82-й годъ, она до сихъ поръ дрожала при видѣ каждаго стрѣльца. Ей представлялась возможность новаго стрѣлцаго возмущенія, новыхъ ужасовъ и убійствъ, очень легкихъ.

Такъ прошло еще нѣсколько дней. Между тѣмъ и въ Кремль и въ Преображенскомъ начинали находить подметныя письма.

Боярыня Хитрая какъ-то, уже ночью, разбудила Софью, показала ей листъ бумаги.

— Прочти, прочти, царевна, что тутъ такое, говорила она испуганнымъ голосомъ.

Софья принялась читать. Въ письмѣ извѣщали царевну, что на слѣдующую ночь придутъ потѣшные конюхи изъ Преображенскаго и побьютъ царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ.

— Откуда же ты это достала, Анна Петровна? спросила Софья.

— А вотъ, государыня, стояла я у себя на молитвѣ, вдругъ слышу какъ будто дверь скрипитъ. А дверь то у меня на ту пору не заперта была, ну, я думаю, показалось мнѣ это, и молюсь себѣ,—анъ слышу, нѣтъ скрипитъ дверь, отворилась тихонько да бумажка то и просунулась. Я вскочила, схватила бумажку, отперла дверь: кто тутъ? говорю, никто не откликается, а въ переходѣ темно, страшно—зги не видно. Ну загля я лампадочку, вышла—никого и нѣту! прочла цыдулу то, да такъ и ахнула... вотъ къ тебѣ прибѣжала.

Конечно царевна не могла ужъ заснуть и рано на утро послала за Шакловитымъ. Ей и въ голову не приходило, что весь рассказъ Хитрой—чистая выдумка, что и письмо-то это подметное, безымянное, писала сама старая боярыня, чтобъ напустить на всѣхъ страху, чтобъ всѣхъ помучить, а самой полюбоваться на людскія мученія.

Шакловитый, узнавъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же сталъ распоряжаться.

Къ вечеру онъ велѣлъ собраться въ Кремль четверемъ стамъ стрѣльцамъ съ заряженными ружьями, а тремъ стамъ другимъ велѣлъ стать на Лубянкѣ. Трехъ своихъ денщиковъ послалъ въ Преображенское вывѣ-

дывать, куда отправится царь и что станетъ дѣлать.

Но вотъ приходитъ вечеръ: стрѣльцы въ Кремль не являются; на Лубянкѣ тоже тихо—тицетно сторонники Софьи, Гладкій и Чермный, уговариваютъ стрѣльцовъ. Только ужъ къ самой ночи у Кремля показывается нѣсколько отрядовъ, но стрѣльцы имѣютъ самый унылый видъ. Они никакъ въ толкъ не могутъ взять, чего отъ нихъ требуютъ.

— Защищать что-ли мы будемъ, али нападать должны? толкуютъ они.—Коли защищать—выйдетъ усобица, драка, кровь... нападать—опять тоже, такъ намъ не слѣдъ въ такое дѣло впутываться. Пождемъ маленько, постоимъ здѣсь, да и по домамъ.

Въ это время въ кремлевскія ворота вѣзжаетъ всадникъ. Стрѣльцы останавливаютъ его, спрашиваютъ кто такой. Оказывается—спальникъ царя Петра, Плещеевъ, изъ Преображенскаго. Царь послалъ узнать, что такое въ Москвѣ дѣется, „пришли-де въ Преображенское изъ Москвы люди невѣдомые, говорятъ стрѣльцы собираются“.

— Ну вотъ вишь ты какое дѣло! перешептываются другъ съ другомъ стрѣльцы,—того и жди тутъ въ бунтовщики насъ запишутъ, да и головы намъ порубятъ. Идемъ-ка, братцы, по домамъ, такъ-то ладнѣе будетъ!

Но Гладкій, который еще утромъ объявилъ Шакловитому, что не успокоится, покуда не заваритъ настоящую кашу, въ это время бросается на Плещеева, стакиваетъ его съ лошади, срываетъ съ него саблю, бьетъ его.

— Что ты? Что ты, опомнись—что ты дѣлаешь? кричатъ стрѣльцы, вырывая Плещеева изъ рукъ расходившагося Гладкаго.

Но тотъ кричитъ на нихъ:

— Не вступайтесь не въ свое дѣло—видно знаю, что дѣлаю! Долженъ я вести его сейчасъ же на верхъ къ Шакловитому да къ царевнѣ: пусть они рѣшатъ, ладно ли и дѣлаю, али нѣтъ. Коли нѣтъ, такъ передъ ними и буду въ отвѣтъ, а вы не мѣшайте, а вотъ лучше помогите мнѣ вести его.

Стрѣльцы въ недоумѣніи. Двое изъ нихъ, съ нерѣшительнымъ видомъ, исполняютъ приказаніе Гладкаго. Плещеевъ, избитый, ошеломленный, ничего не понимающій, видитъ, что борьба невозможна и позволяетъ вести себя.

Между тѣмъ одинъ изъ стрѣльцовъ, Мельновъ, видѣвшій безобразную сцену съ Плещеевымъ, выбѣжалъ изъ Кремля и спѣшилъ на Лубянку, гдѣ стояли стрѣльцы, по большей части преданные Петру.

— Вотъ на что насъ подмываетъ Шакловитый, говорилъ Мельновъ. Сами видите кто бунтовщикъ и за кого намъ стоять нужно.

— Да, да дѣло ясное,—подхватили Елизарьевъ, Ладогинъ, Ульфовъ, Турка, Троицкій и Капановъ, которые особенно уговаривали въ послѣдніе дни стрѣльцовъ не поддаваться на увѣщанія царевны и Шакловитаго и тянуть къ молодому государю.

Всѣ эти стрѣльцы были люди молодые, еще не находившіеся въ войскѣ во время бунта 82-го года, у нихъ не было слѣдовательно страшныхъ предавій, связывавшихъ ихъ съ правительствомъ Софьи. Напротивъ, люди отважные и смѣлые, не чуждые также и честолюбивыхъ плановъ, они давно ужъ съ завистью поглядывали на потѣшниковъ, любви къ нимъ молодого государя. Имъ давно бы ужъ хотѣлось изъ стрѣльцовъ обратиться въ потѣшныхъ,—но царь далекъ отъ стрѣльцовъ, не любитъ ихъ. А вотъ тутъ является возможность сослужить этому царю большую службу, которой онъ конечно не забудетъ, за которую онъ наградитъ щедро.

— Да, дѣло-то ужъ не шутка, заговорилъ опять Ели-

зарьевъ, избили царскаго стольника, до самого царя добираются. Вѣдомо ли вамъ, что Шакловитый послалъ въ Преображенское лазутчиковъ, да и знаю я одного человѣка, котораго онъ подговаривалъ извести государя. Мѣшкать то нечего, нужно сейчасъ же кому нибудь изъ насъ гнать въ Преображенское извѣстить

царя, что на него да на царицу умышляется смертное убійство.

— Да ужъ коли на то пошло, вѣстимо нужно въ Преображенское! заговорили между стрѣльцами.

Мельновъ и Ладогинъ вызвались ѣхать, сейчасъ же векочили на коней и помчались въ Преображенское.

(Продолженіе будетъ).

Моя встрѣча съ Эдисономъ.*)

(Оригинальный рассказъ изъ американской жизни).

I.

Десять лѣтъ тому назадъ, ни я, ни другіе, знавшіе хорошо въ ту пору героя этого разсказа, не подозревали, что въ скромной, застѣчивой и молчаливой личности Томаса Альви Эдисона, скрывается гений изобрѣтателя, имя котораго теперь повторяется въ двухъ частяхъ свѣта... Никто не могъ предвидѣть тогда, что „Skinny Tom“ („сухопарый Томъ“, какъ называли Эдисона въ то время) черезъ какія нибудь 10 лѣтъ такъ прославитъ это имя.

Кто не слыхалъ о телефонѣ, фонографѣ, микрофонѣ, стандартъ-фонографѣ, электропепѣ и т. п. Кому неизвѣстно имя работника-отшельника лабораторіи Менло-Парка?

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, Томъ Эдисонъ жилъ еще въ глухой провинціи, въ штатѣ Мэнъ, исполняя скучныя и однообразныя обязанности почнаго телеграфиста маленькой желѣзнодорожной станціи Сэко, недалеко отъ Портленда, главнаго города штата Мэнъ. Тутъ впервые пытливое вниманіе Эдисона обратилось на тайны электричества. Здѣсь на маленькой станціи, окруженной густымъ лѣсомъ, заронили впервые гениальныя мысли знаменитаго изобрѣтателя. Не смотря на скудныя средства, онъ все таки приобрѣталъ себѣ книги научнаго содержанія по физикѣ, механикѣ, космографіи, алгебрѣ, аналитикѣ, химіи и др., и жадно поглощалъ ихъ, лежа на портеромъ кожаною диванѣ своей телеграфистской кануры. Здѣсь-то, среди ночной тишины, при однообразномъ тиканьи маятника электрическаго регулятора, были имъ составлены и обдуманы планы, основанные на строгомъ анализѣ и изученіи атмосферическихъ явленій природы, недоступныхъ для непосвященнаго глаза.

Томасъ Эдисонъ родился 14-го февраля 1847 г., въ Майленѣ, въ штатѣ Огайо. Сынъ весьма бѣдныхъ родителей, онъ получилъ плохое воспитаніе, и учился, какъ говорится, на мѣдныхъ деньгахъ. Но вотъ минуло ему одиннадцать лѣтъ. Бѣдный Томъ остался круглымъ сиротою. Судьба бросила его, вскорѣ послѣ смерти родителей, на линію желѣзной дороги, на которой онъ очутился въ качествѣ поѣзднаго продавца газетъ, брошюръ и книгъ. Онъ буквально прожилъ свою юность въ вагонѣ, оставляя одинъ поѣздъ, чтобы съ другимъ снова прокатитъ за тысячу миль въ томъ или другомъ направленіи.

Я увѣренъ, что многіе пробъжавшіе по этой линіи желѣзной дороги еще не забыли худенькаго проворнаго юношу-газетчика, который съ ношею газетъ, книгъ и брошюръ, безостановочно переходилъ изъ одного вагона въ другой и вѣжливо предлагалъ свой „товаръ“ пассажирамъ. Въ то блаженное время было вовсе не легко колесить по американскимъ дорогамъ, которыя были много хуже и неудобнѣе теперешнихъ.

Эдисону пришлось, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, исколесить сотни тысячъ миль по рельсамъ, пока ему не наскучила эта безысходная, неинтересная дѣятельность. Онъ сталъ серьезно подумывать о присканіи другихъ занятій, тѣмъ болѣе, что ему вскорѣ исполнилось совершеннолѣтіе. Онъ рѣшился основать маленькую газетку „Летучая почта“. Газету эту онъ самъ набиралъ, редактировалъ, корректировалъ, всю силою писалъ и печаталъ, имѣя только одного сотрудника—сотрудникъ однако только вертѣлъ колесо скоропечатной машинки. Это былъ негръ, носившій классическое имя Виргилія.

Но не долго суждено было Эдисону издавать „Летучую почту“. Вышла какая-то исторія, послѣ которой ему пришлось закрыть „редакцію“ и разсчитать чернаго сотрудника-классика. Бросивъ издательскую дѣятельность, онъ сдѣлался телеграфистомъ.

Бѣдя съ газетами, онъ сьмѣлтъ въ свободное время, тамъ и тамъ, на станціяхъ приглядѣться къ работѣ станціонныхъ телеграфистовъ, и быстро выучилъ телеграфный алфавитъ. Знаніе это принесло ему большую пользу.

На станціи Сэко произошло нѣчто необыкновенное, много повліявшее на будущность Эдисона.

Джо Чиверъ, ночной сигналистъ станціи Сэко, угсавъ отъ усиленныхъ занятій, какъ-то заснулъ за аппаратомъ. Въ это время прибылъ курьерскій поѣздъ, который, простоявъ на станціи съ полминуты, быстро скрылся въ ночной тьмѣ. Джо Чиверъ не замѣтилъ ни прихода, ни отхода поѣзда. Онъ не даль знать на слѣдующую станцію о поѣздѣ, который тѣмъ временемъ налетѣлъ на встрѣчный балластный поѣздъ. Произошло ужасное столкновение...

Усиленный и громкій звонъ сигнальнаго аппарата на станціи Сэко, употребляемаго въ особенныхъ случаяхъ, разбудилъ бѣднаго Чивера, который въ просонкахъ бросился къ „лентѣ“, стараясь заспанными глазами прочитать ея содержаніе. Вотъ что телеграфировали съ „ночной“ станціи, гдѣ произошло столкновение:

„Просимъ резервный паровозъ. Людей на помощь. Вашъ поѣздъ наткнулся на нашъ балластный. Убитыхъ и раненыхъ много. Не медите помощью!“

Тутъ денеша обрывалась. Не успѣлъ Чиверъ опомниться и понять весь ужасъ этой дѣйствительности, какъ сигнальный звонокъ задрезжалъ снова. Это дребезжаніе было ужасно для слуха Чивера. Кое-какъ скопировавъ на бланкѣ содержаніе денешки, онъ опять сталъ читать „ленту“ и ужаснулся еще больше... Каждое слово этой оригинальной денешки рѣзало безпощадно сердце Чивера. Вотъ ея содержаніе:

„Джо, что съ тобою, ты проспалъ отходъ поѣзда? Сонный мѣшокъ, не забудь отдать денешу о помощи смотрителю станціи, не хнычь какъ баба, отдай денешу, а потомъ убирайся какъ можно скорѣе къ дьяволу, если тебѣ твоя шкура дорога. Завтра утромъ прибудетъ слѣдственная коммиссія, чтобы пожелать тебѣ добраго утра! Удирай, Джо, пока не поздно!“

Бѣдный Чиверъ понялъ своего друга Джона, который такъ оригинально совѣтывалъ ему спасти отъ рукъ правосудія свою шкуру. Въ эту ночь Джо Чиверъ пропалъ безъ вѣсти...

Станція Сэко лишилась своего „ночнаго“, вслѣдствіе чего явилась вакансія на должность телеграфиста, которую вскорѣ занялъ „Сухопарый Томъ“, бывший издатель „Летучей Почты“. Эдисонъ преодолѣвалъ дремоту чтеніемъ книгъ. Да, Эдисонъ мало спалъ въ своей трудовой жизни!

Онъ не зналъ отдыха и сладости dolce far niente будучи еще неизвѣстнымъ „ночнымъ“ станціи Сэко, онъ и теперь рѣдко отдыхаетъ, неутомимо работая въ лабораторіи Менло-Парка...

II.

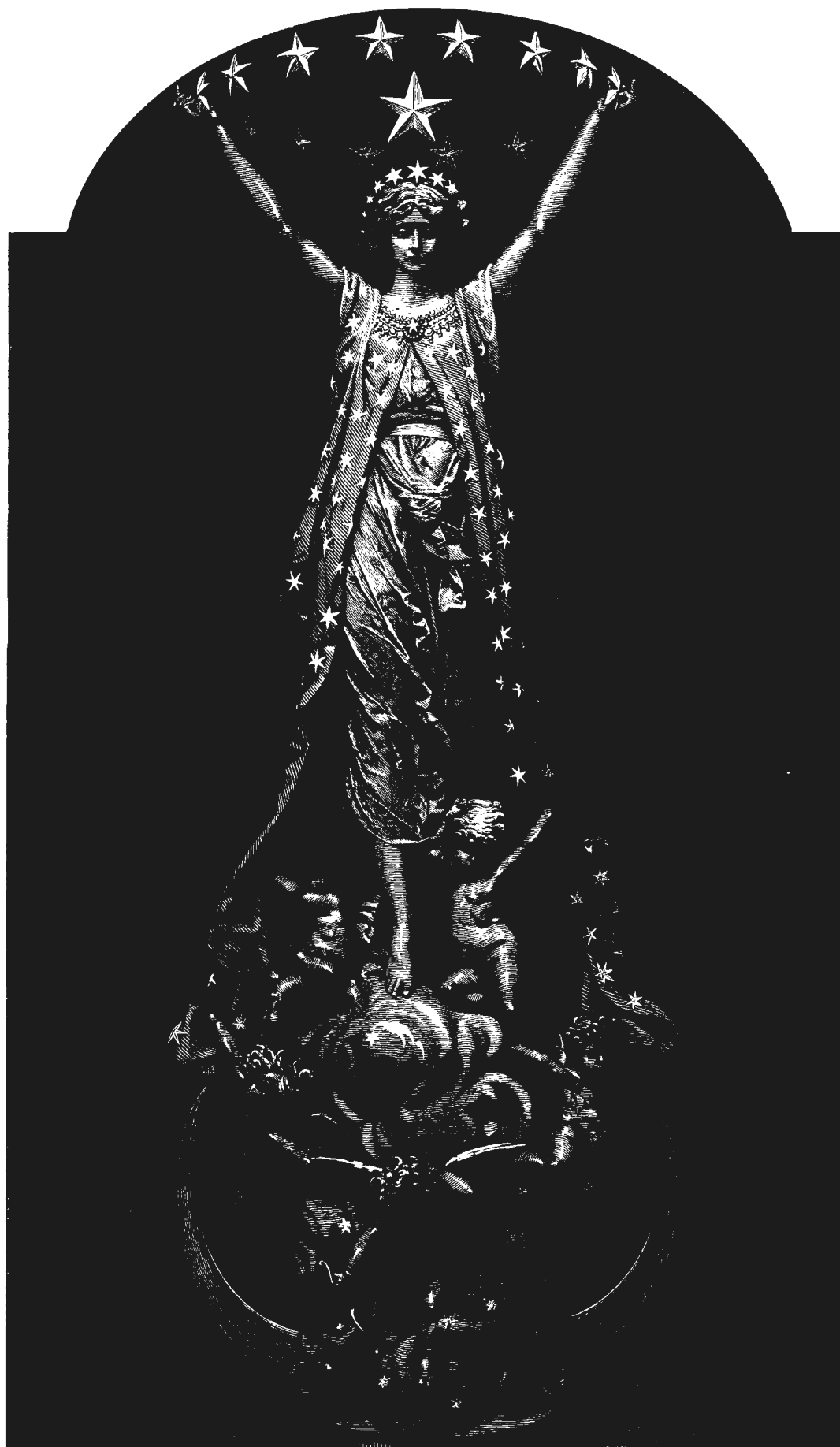
Любовь бывшаго „ночнаго“ станціи Сэко, отчасти быть можетъ способствовала къ тому, что онъ сдѣлался знаменитымъ человѣкомъ и популярнымъ гражданиномъ Союза. Какимъ это образомъ? А вотъ послушайте.

Въ первый разъ я увидѣлъ Эдисона на вечерѣ у Сайласа Гудбрайта, почтеннаго фермера, имѣвшаго двадцать тысячъ акровъ земли, какъ разъ между станціей Сэко и Портлендомъ.

Весело было на вечерѣ у мистера Гудбрайта. Вся молодежь на разстояніи пятидесяти миль въ окрестности собралась у гостепріимнаго хозяина. Веселились отъ души, какъ могутъ веселиться только джентльмены и миссъ отъ шестнадцати и не выше двадцати лѣтъ. Молодые люди усердно танцевали съ барышнями, которыя прибыли въ гости къ своей подружкѣ миссъ Нелли Гудбрайтъ, единственной дочери мистера Сайласа. Миссъ Гудбрайтъ была прехорошенькая; но увы, была своенравна, капризна, горда и довольно таки разборчива. Кто по ней только не вздыхалъ у насъ тогда. У нея было больше всѣхъ жениховъ въ штатѣ. Но никто еще не тронулъ мраморное сердце дочери стараго фермера на Стоктонъ-Гровѣ. Въ этотъ день Нелли только исполнилось восемнадцать лѣтъ. Желая торжественно отпраздновать день рожденія дочери, Гудбрайтъ не пожалѣлъ долларовъ, чтобы устроить вечеринку на славу. Забравшись къ нему съ утра, молодежь, къ вечеру, послѣ обычныхъ разговоровъ и послѣ обѣденныхъ американскихъ „flirtation“ (ухаживаній), устроили разныя игры, а позже и неизбѣжныя танцы. Весь домъ стараго фермера поставили вверхъ дномъ. Сѣялись, танцевали очень усердно. Даже самъ суровый и всегда сосредоточенный и религиозный хозяинъ дома, и тотъ, пожеывая своей любимой „cheer“ (жвачку), улыбался во весь ротъ, поглаживая широкую сѣдую бороду; онъ шурилъ отъ удовольствія свои сѣрые, холодные и неподвижные глаза, ловко отплевываясь нагѣво и направо и мысленно высчитывая, сколько истрачено денегъ въ этотъ день на угощеніе.

Одинъ только изъ гостей, повидимому, не принималъ участія въ общемъ весельѣ. Прислонившись къ окну, онъ молча стоялъ и смотрѣлъ безучастно на танцующихъ. Его гладкое, блѣдное и умное лицо было неподвижно; глаза задумчиво устремлялись въ пыльное пространство огромнаго гумна, гдѣ происходилъ „балъ“, гумна—на покатоми и неровномъ полу котораго вертѣлось съ полсотни паръ. Танцевали подъ нестройные звуки странствующаго оркестра, состоящаго изъ ше-

* См. № 37 «Ивы» — портретъ Эдисона и статью о немъ.

Всемирная выставка въ Парижѣ: „Ночь“ Модель Густава Дорэ, грав. Шмидтъ.

Афганскій походъ: Улица въ городъ Пешаверъ. Выступление аяглійскихъ туземныхъ войскъ. По рисунку Гг. грав. М. Рашевскіт.

сти грязных чеховъ въ сѣрыхъ оборванныхъ курткахъ съ засаленными зелеными обшлагами и обдерганными шнурами.

Приѣхавъ изъ Портленда къ Гудбрайтѣ, я скорѣ пристроился къ кружку знакомой молодежи и принялся толковать о политикѣ, о которой у насъ все толкуютъ, когда близъ себя услышалъ голосъ миссъ Гудбрайтъ, приглашавшей идти черезъ огородъ на гумно танцовать. Это было конечно пріятнѣе политики. Проворно поднялось и зашелестѣло десятка два коленкорovýchъ платьевъ, заскрипѣли и застучали паръ десять неуклюжихъ сапоговъ. Все ринулось за хорошенькой хозяйкой. „Балъ“ былъ въ полномъ разгарѣ, когда я вошелъ въ гумно. Окнувъ бѣглымъ взглядомъ танцующихъ, я случайно замѣтилъ въ углу у окна молчаливаго наблюдателя. Я подошелъ къ миссъ Нелли, которая, только что кончивъ танцовать, опустилась на стулъ, обмахиваясь огромнымъ пальмовымъ листомъ, замѣнявшимъ ей вѣеръ.

— Кто этотъ джентльменъ? спросилъ я ее, указавъ на молчаливаго гостя.

— Эдисонъ!

— Какой Эдисонъ?

— Томъ Эдисонъ, телеграфистъ станціи Сэко; а что?

— Ничего.

— Зачѣмъ же вамъ знать—кто онъ?

— Я заинтересовался имъ почему-то. Какой-то странный; очень умное лицо...

— Ха, ха, ха! и вы замѣтили? да онъ чудакъ! Это нашъ философъ!

— Однако, миссъ Нелли, какъ этотъ философъ на васъ поглядываетъ. Глаза-то какіе... посмотрите.

— Я все это знаю. Подойдите къ нему и побесѣдуйте съ нимъ, только очень постарайтесь вызвать его на разговоръ, а то онъ у насъ не очень то болтливъ.

— Но...

— Вы знаете я не люблю, когда употребляютъ это „но“. Идите! окончила свою рѣчь миссъ Нелли, слегка хлопнувъ меня своимъ импровизированнымъ вѣеромъ.

Подойдя къ Эдисону, я изъявилъ желаніе съ нимъ познакомиться. Миссъ Нелли думаетъ, что ему скучно. Эдисонъ протянулъ мнѣ руку и проговорилъ мягко:

— Благодарю васъ и миссъ Гудбрайтъ за вниманіе, но мнѣ не скучно. Я вообще не скучаю.

Мнѣ очень понравился его звучный голосъ и темные разительные глаза.

— Вы никогда не танцовали?

— Никогда. Я провелъ свою юность въ такихъ заботахъ и трудахъ! Было не до танцевъ.

— Вы часто бываете у Гудбрайтѣ?

— Нѣтъ, не очень, у меня нѣтъ времени для посѣщеній. Нужда и служба съѣдаетъ все время... проговорилъ онъ задумчиво, проводя рукою по лбу. Тѣнь пробѣжала по его выразительному лицу. Оно замерло, одинъ глаза блестяи особеннымъ блескомъ, устремленные туда гдѣ стояла Нелли.

Она къ намъ скоро подошла и, лукаво улыбаясь, обратилась къ Эдисону со словами:

— Мистеръ Томъ, вашу руку; я хочу съ вами танцовать слѣдующую кадрили.

Блѣдное лицо Эдисона вспыхнуло и онъ молча взглянулъ на молодую дѣвушку.

— Что-же вы? Не слышите! крикнула на него веселымъ тономъ Нелли, дернувъ его за рукавъ.

— Идите, я васъ жду, что вы все стоите на мѣстѣ!

Эдисонъ молча поклонился, потомъ, какъ бы рѣшаясь, сказалъ:

— Идемте!

Вскорѣ раздался не очень стройно ритурнель. Я подошелъ къ тому мѣсту гдѣ стояли Эдисонъ и Нелли. Эдисонъ не путалъ въ танцахъ. Видно было однако, что онъ дѣлалъ большое усиліе надъ собою. Онъ танцовалъ въ первый разъ.

— До свиданія! сказалъ внезапно Эдисонъ, когда кончились танцы, протягивая мнѣ свою длинную и сухую руку и прибавилъ съ легкой улыбкой: забудьте, если можете, что вы видѣли меня танцующимъ.

— Куда вы? Вечеръ не кончился.

— Для меня кончился. Онъ быстро пробрался среди танцующихъ, подошелъ къ Нелли, сказалъ ей что то и вышелъ изъ гумна.

Не успѣвъ выйдти Эдисонъ, какъ миссъ Нелли быстро встала и прикрывъ лицо вѣеромъ, подбѣжала ко мнѣ. Я замѣтилъ, что она была взволнована.

— Что съ вами? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Скажите откровенно: вы не находите, что Эдисонъ похожъ на помѣшаннаго?

— Что вы, Богъ съ вами!

— Это мое мнѣніе, но я хочу знать ваше.

— Да изъ чего вы заключаете?

— Знаете что онъ сказалъ: „Миссъ Гудбрайтъ, на вашей совѣсти лежатъ грѣхъ, что вы заставили меня кривляться въ продолженіи десяти минутъ. Помните, что этого я не въ силахъ сдѣлать ни для какой другой женщины. Если вы умная и добрая дѣвушка, то поймете меня.“ Вотъ какъ!

— Знаете ли, странно! прибавила она подумавъ, такой онъ худой, блѣдный, мрачный и необщительный. Но иногда я—знаете ли, признаюсь: я закрываю глаза, когда онъ говоритъ; тогда... тогда мнѣ кажется, что это не онъ, а совѣтъмъ другой... мнѣ все кажется, что такой выразительный прекрасный голосъ не можетъ быть у такого сухаго человѣка. Потомъ открываешь глаза, и видишь его передъ собою, и какъ то досадно. Вѣдь онъ просто точно спитъ, или все о чемъ то далеко думаетъ.

Такъ говорила Нелли. Когда она отошла, я вышелъ въ поле. Прозрачное темносинее небо было покрыто мириадами яркихъ звѣздъ. Вокругъ оригинальной бальной залы—гумна, тускло озаренной лампами, было все тихо, и невозмутимо. Тамъ и сямъ слышался отдаленный лай собакъ на сосѣднихъ фермахъ. Слышался слабый крикъ полуночной совы... Фыркали кони пріѣзжихъ фермеровъ, въ темнотѣ. Я отыскалъ свою одноколку и уѣхалъ. Было уже поздно...

III.

Спустя три недѣли послѣ „бала“ у Гудбрайтѣ, я въ одно воскресенье собрался къ нимъ въ гости. Приѣхавъ на ферму, я засталъ стараго фермера сидящимъ за большимъ дубовымъ столомъ. Передъ нимъ лежала книга Быггя, огромнаго размѣра, въ старинномъ, мѣстами истертномъ, переплетѣ. Книгу эту вывезъ изъ Англій еще дѣдъ стараго фермера, который, поселившись въ Стоктонъ-Гровъ, проложилъ плугомъ первую борозду въ благодатной почвѣ. Гудбрайтъ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ фермеровъ штата. Его считали покрайней мѣрѣ въ миллионѣ долларовъ.

Старый фермеръ занимался также скотоводствомъ и имѣлъ до десяти тысячъ рогатаго скота. Онъ былъ извѣстенъ въ штатѣ подъ названіемъ: „the cuttle king“ (король рогатаго скота).

— Blessed be the name of Iesus Christ our Saviour! (Благословенъ Іисусъ Христосъ нашъ Спаситель) привѣтствовалъ меня старый фермеръ, когда я переступилъ широкій порогъ „parlour'a“*).

— Во вѣки! отвѣтилъ я по обычаю.

— Какъ здоровье миссъ Нелли?

— Благодаря Бога хорошо, но вотъ бѣда, дѣвка меня съума сводитъ.

— Что вы, дядя Сайласъ!

— Да она совѣмъ отъ рукъ отбилась.

— Что съ нею?

— Замужъ не хочетъ выходить.

— Она еще молода.

— Какъ! всѣ женихи въ окрестности получили по „кочану канусты“, (отказъ) а чудакъ Бобъ Слайтъ, мой сосѣдъ изъ Линкстонъ-Грова, тотъ даже ухитрился три раза сдѣлать предложеніе Нелли, которая, отпустивъ его послѣ третьяго раза, сказала ему, не заикаясь: „Мистеръ Слайтъ, я увѣрена, что вы прійдете еще раза три ко мнѣ за тѣмъ же самымъ деликатнымъ дѣломъ, а потому не желая затруднять васъ, я даю вамъ сегодня шесть „кочановъ“ сразу, въ надеждѣ, что этого добра вамъ хватитъ до поры, когда вы найдете себѣ другую невѣсту. Прощайте!“ А, какова дѣвка! Вы знаете, что бѣдный Бобъ ушелъ какъ ошпаренный. Боюсь, чтобъ онъ себѣ бѣды какой не сдѣлалъ, заключилъ старикъ свою рѣчь, опустивъ глаза на библию.

— Не бойтесь дядя, такіе женихи умѣютъ утѣшить себя. Слайтъ богатый, праздный чудакъ, пусть его считаетъ свою коллекцію „кочановъ“—это занятіе выбѣть у него всю мацію сватовства изъ головы. Не тревожьте ее, пусть себѣ отказываетъ на здоровье. Гдѣ она?

— Въ лѣсу.

— Одна?

— Нѣтъ, съ Эдисономъ. Хотите, такъ идите имъ на встрѣчу, зовите обѣдать.

— Ого, подумалось мнѣ,—онъ не даромъ, должно быть, сегодня пріѣхалъ къ Стоктонъ-Гровъ.

— Нѣтъ дядя, я лучше съ вами посижу.

Старикъ, насупивъ брови, пристально посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Отчего?

— Просто, мнѣ кажется, что Эдисонъ неравнодушенъ къ вашей дочкѣ. Да и она сама кажется...

— Ха, ха, ха! разразился громкимъ смѣхомъ фермеръ.—Вы рехнулись! дочь моя, ха, ха, ха! въ „тюленя“, какъ называетъ его Нелли. Нѣтъ, нѣтъ, вы ошиблись. Нелли смѣется надъ нимъ.

Я перебилъ разговоръ. Поговорилъ съ нимъ о религіи, политикѣ, жатвѣ и о выборахъ Гранта, котораго фермеръ обожалъ, не смотря на то, что потерялъ единственнаго своего сына Чарли, который палъ въ битвѣ подъ Ричмондомъ.

Бѣда наша была въ самомъ разгарѣ, когда вошла Нелли, а за ней Эдисонъ, съ большой суковатой палкой въ рукахъ. Увидавъ меня, онъ какъ будто немного смутился, но весело протянулъ мнѣ руку.

* Гостиница.

— Hallo! Сар *)! How do you do! (Капитанъ, какъ вы поживаете!) сказалъ онъ дружески пожавъ мнѣ руку.

Нелли также привѣтствовала меня, насмѣшливо улыбаясь и глядя на Эдисона.

Онъ казался необыкновенно веселымъ и развязнымъ. Меня удивила эта перемена, я старался отгадать причину внезапной метаморфозы, происшедшей съ молчаливымъ гостемъ послѣдняго „бала“ у Гудбрайтъ. Завязалась бесѣда. Эдисонъ былъ остроуменъ, разговорчивъ не по обыкновенію. Хм, думалось мнѣ, не объяснился ли онъ въ любви? Не согласилась ли Нелли выйти за него?

Но я въ этотъ день ничего не узналъ. Нелли внимательно слушала разговоръ отца съ Эдисономъ.

Послѣ ужина мы простились.

— До свиданія, миссъ Нелли, сказалъ, странно улыбаясь, Эдисонъ, помните, *что труденъ путь къ счастью и славы, но заманчивъ...*

— Идите съ Богомъ, домъ моего отца открытъ для того, кто идетъ по трудному пути къ этой заманчивой цѣли.

— О чемъ вы говорите? спросилъ старый Сайласъ.

— О, пустяки! Съ этими словами она кивнула мнѣ головой и ушла въ другую комнату.

Старикъ смотрѣлъ то на Эдисона, то на меня. Я былъ удивленъ. Эдисонъ казался спокойнымъ; онъ былъ блѣденъ какъ всегда, только глаза его отличались на этотъ разъ особеннымъ блескомъ.

— Что это съ Нелли? спросилъ тревожно фермеръ, подходя къ Эдисону.

— Ничего, мистеръ Гудбрайтъ! Дай Богъ чтобы всѣ дѣвушки Штатовъ были такія какъ ваша дочь. Спокойной ночи! Намъ по пути? обратился онъ ко мнѣ, надѣвая шляпу.

Простившись со старикомъ, я вышелъ съ Эдисономъ на широкій дворъ фермы, гдѣ подъ навѣсомъ стояли наши лошади. Сѣвъ въ сѣдло, мы молча выѣхали за ворота. Насъ въ темноту лаемъ провожали три огромныя собаки...

— Хорошій знакъ!

— Въ добрый часъ! отвѣтилъ Эдисонъ.

Скоро мы выѣхали въ лѣсъ. Намъ пришлось ѣхать вмѣстѣ около пяти минутъ, послѣ чего путь нашъ раздѣлялся: мой направо, а его налево.

— Вотъ ваша дорога, а тамъ моя, покойной ночи! Go ahead! (впередъ) крикнулъ онъ на коня, повернувъ круто на лѣво къ тропинкѣ, близъ огромнаго дуба, разбитаго молніей на перекресткѣ двухъ дорогъ.

Такъ разстался я въ эту ночь съ Эдисономъ, котораго мнѣ не удалось съ тѣхъ поръ видѣть. Я вскорѣ послѣ этого уѣхалъ въ Россію. И среди другихъ воспоминаній о родинѣ передо мною часто мелькалъ образъ этого молчаливаго, сдержаннаго человѣка...

Впослѣдствіи я узналъ отъ стараго Тома Гудбрайтъ, что произошло между молодыми людьми. Я не нишу повѣсти, а только воспоминаніе и не знаю какимъ путемъ разговоръ зашелъ такъ далеко, что молодой человѣкъ высказалъ свою любовь къ своенравной красавицѣ. Это конечно вышло самымъ естественнымъ, въ подобныхъ случаяхъ, образомъ. Но гордая дѣвушка, тронутая глубокимъ чувствомъ, звучавшимъ въ его словахъ и

предлагая ему свою дружбу, все таки не приняла его предложенія.

— Будьте моимъ братомъ, говорила она между прочимъ. Я странная дѣвушка. Знаете: какъ ни скромно мое имя, я не променяю его на имя человѣка, который ничѣмъ не выдѣлится, не прославится. Вы умны и сильны. Я это понимаю. Сдѣлайте себѣ имя, будьте славнымъ гражданиномъ страны и я васъ не забуду и буду вашею женой Томасъ Эдисонъ...

Тутъ юноша сказалъ молодой дѣвушкѣ такія слова:

— Участь моя рѣшена. Я буду биться. Или Томъ Эдисонъ пропадетъ во мракѣ неизвѣстности, или выйдетъ изъ тѣни на свѣтъ Божьяго солнца!

— Амнь! прибавила молодая дѣвушка.

V.

Прошло три года. Эдисонъ получилъ занятіе въ Нью-Йоркѣ. Передъ своимъ отъѣздомъ въ столицу, онъ заѣхалъ на ферму въ Стоктонъ-Гровъ. Коротко, но трогательно было его прощаніе съ любимой дѣвушкой. Старикъ, прощавшись, благословилъ его какъ сына. Эдисонъ, утѣшенный словомъ, даннымъ ему Нелли, отправился на сѣверъ, крѣпко затанувъ въ душѣ уже назрѣвавшие планы. Въ столицѣ онъ рѣдко получалъ извѣстія о Нелли и ея отцѣ. Онъ ничего не забывалъ, хотя немного у него было времени думать о той, которая ждала дня его славы... а день этотъ былъ близокъ. День этотъ наконецъ насталъ. Милліоны газетныхъ листовъ разнесли по всѣмъ концамъ Союза о новыхъ, небывалыхъ изобрѣтеніяхъ Томаса Альви Эдисона. Слава его росла. Томъ сдержалъ свое торжественное обѣщаніе, данное имъ въ глухомъ лѣсу Нелли Гудбрайтъ.

А она? За полгода до того, какъ Эдисонъ сдѣлался знаменитымъ гражданиномъ страны, Нелли Гудбрайтъ вышла замужъ за богатаго, но совершенно *неизвѣстнаго* Портленда.

Что могла думать она, будучи уже женою другого, и читая восторженные похвалы ему?

Мнѣ неизвѣстно какъ перенесъ Томъ вѣсть о замужествѣ дорогой ему женщины. Онъ былъ боленъ долго это время.

Глухота, которая къ несчастью была послѣдствіемъ этой болѣзни, много способствовала къ тому, что онъ сдѣлался еще сдержаннѣе и молчаливѣе и отсталъ отъ жизни шумнаго свѣта.

Уединеніе его лабораторіи въ Менло-Паркѣ замѣняетъ ему шумную жизнь.

Милліоны удивляются теперь изобрѣтеніямъ бывшаго разносчика газетъ и почнаго телеграфиста станціи Сэко!..

Отправившись на филадельфійскую всемірную выставку, и проѣзжая черезъ Нью-Йоркъ я посетилъ Эдисона въ его лабораторіи въ Менло-Паркѣ. Наше свиданіе было довольно продолжительнымъ. И конечно, даже при воспоминаніи о нашей прежней встрѣчѣ, такой сдержанный человѣкъ не выказалъ признаковъ душевной боли, которая быть можетъ нерѣдко тревожила эту дѣятельную, неутомимую и могучую натуру.

Сосредоточенное и всегда задумчивое лицо Эдисона было спокойно. Глаза его только какъ то устало смотрѣли. Не знаю что происходило въ душѣ его при видѣ человѣка, который своимъ появленіемъ напоминалъ ему о порѣ его юношеской любви...

А. Гиллинъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Саввинъ Сторожевскій монастырь.

Саввинъ Сторожевскій монастырь находится въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы къ западу, и въ верстѣ съ половиною отъ Звенигорода, на лѣвомъ берегу и рѣки Москвы и рѣки Разварни. Названіе „Сторожевскаго“ современно основанію монастыря и усвоено ему отъ горы „Сторожи“ на которой онъ построенъ. Во времена литовскихъ набѣговъ, на этой горѣ стояла воинская стража, для наблюденія за движеніемъ непріятелей, проходившихъ къ Москвѣ по старой смоленской дорогѣ, за Можайскомъ уклонявшейся влѣво къ Звенигороду. Мѣстоположеніе монастыря весьма красиво. Съ горы открывается превосходный видъ на Москву рѣку, на Звенигородъ и на окрестныя села.

Саввинъ Сторожевскій монастырь основанъ ученикомъ Пр. Сергія Радонежскаго Саввою около 1398 или 1399 г. Еще въ бытность свою въ Сергіевомъ монастырѣ Савва сталъ извѣстенъ брату тогдашняго В. Ки. Василія Дмитріевича, Звенигородскому князю Юрію Дмитріевичу, который избралъ Савву своимъ духовникомъ, потомъ упросилъ его оставить Сергіеву обитель и устроить монастырь въ его княжхъ владѣніяхъ близъ Звенигорода на мѣстѣ, называемомъ „Сторожи.“ Савва согласился исполнить просьбу князя и при его пособіи скоро построилъ малую деревянную церковь во имя Рождества Богородицы и недалеко отъ нея келлію для себя. Вскорѣ около Саввы собралось много людей, искавшихъ уединенія и онъ за-

велъ общежитіе. Въ 1399 г. Ки. Юрій Дмитріевичъ долженъ былъ, по повелѣнію брата своего великаго князя, идти на войну противъ Болгаръ. Напутствованный благословіемъ Саввы, онъ выступилъ въ походъ и возвратившись побѣдителемъ, въ благодарность за ниспосланную побѣду, значительно украсилъ возникшую обитель: глава церкви обита была мѣдными позлащенными листами, устроены братскія келліи и обитель обнесена деревянною оградю. Вскорѣ Юрій пожелалъ вмѣсто деревянной церкви выстроить каменную также во имя Рождества Богородицы и на постройку далъ Саввѣ много денегъ, сѣль и имѣній. Такимъ образомъ еще при жизни Пр. Саввы воздвигнута каменная соборная церковь на томъ самомъ мѣстѣ и въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ она и въ настоящее время. Савва, пробывъ около 9-ти лѣтъ игуменомъ въ устроенной имъ обители, скончался въ 1407 г. Декабря 3-го дня. По смерти его въ XV в. монастырь приходилъ постепенно въ лучшее устройство, получая, болѣе и болѣе средствъ, упрочивающихъ его вѣщнее существованіе. Усердіе князей и бояръ къ монастырю стало особенно увеличиваться послѣ того, какъ началъ распространяться слухъ о чудотвореніяхъ Пр. Саввы. Въ XVI в. монастырь приобретаетъ еще большую извѣстность, на богомолье туда начинаютъ приходиться самодержцы; въ 1549 г. посетилъ его Іоаннъ Грозный съ супругою Анастасією Романовною. Въ смутное время въ началѣ XVII в. монастырь много потерпѣлъ отъ навія и хищничества людей, окружавшихъ самозванца. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича монастырь достигаетъ самаго блестятельнаго состоянія. Этотъ государь неоднократно путешествовалъ въ монастырь и на случай своихъ пребываній въ немъ построилъ для себя

*) „Сар“ это сокращеніе отъ слова капитанъ, которое часто употребляется въ разговорѣ съ другимъ лицомъ.

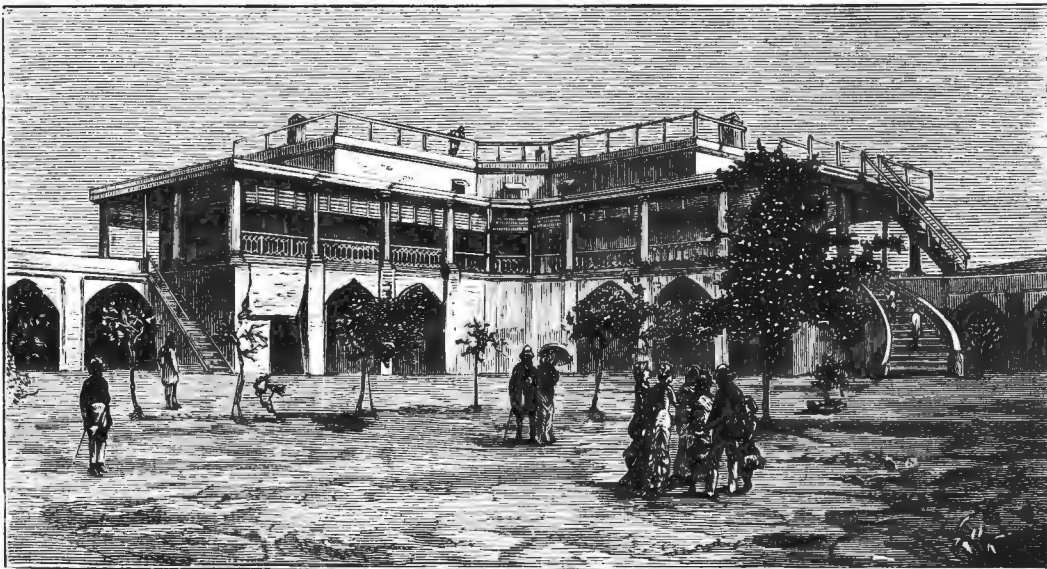
дворецъ, отъ котораго сдѣланъ былъ крытый переходъ къ рождественскому собору; этотъ переходъ велъ въ малую палату, въ которой были устроены мѣста для царской фамилии, гдѣ государь обыкновенно стоялъ во время богослуженія. Онъ тогда долго жила въ монастырѣ со всѣмъ своимъ семействомъ; въ праздники и торжественные дни въ присутствіи ихъ стрѣляли изъ пушекъ, которыя разставлены были по стѣнамъ и на монастырскихъ башняхъ. Для этого около монастыря царь поселилъ стрѣльцовъ особою слободою, и они назывались пушкарями или стрѣльцами саввинскими. Въ часы досуга царь выѣзжалъ на охоту въ сосѣдніе лѣса, а царица съ паревнами занималась шитьемъ и украшеніемъ священныхъ одеждъ, которыя были приносимы отъ нихъ въ обитель. Въ ризницѣ и теперь показываютъ рукодѣля царицы—богатыя ризы и пелены, низанныя крупнымъ жемчугомъ. Въ продолженіе своего царствованія, Алексѣй Михайловичъ не переставалъ щедро надѣлять монастырь богатыми вкладами, и пожертвованіями и его усердіе къ монастырю увеличилось особенно со времени открытія мощей Саввы т. е. съ 1652 г. Но при Петрѣ Алексѣевичѣ, монастырь постепенно сталъ приходить въ упадокъ. Въ настоящемъ столѣтіи монастырь видѣлъ въ своихъ стѣнахъ французовъ. Въ 1812 г. 31 августа 20,000 корпусъ Италійскаго Вице-Короля Евгенія Богарне пришелъ къ Звенигороду и до 15 октября свое шестинедѣльное пребываніе въ монастырѣ французы ознаменовали грабительствомъ и расхищеніемъ монастырскаго имущества. Дорогія, впрочемъ, по цѣнѣ и по древности вещи были вывезены изъ монастыря, но все не могло быть взято и сохранено и многое осталось добычею неприятеля. Въ послѣднее время монастырь нерѣдко посѣщали

воротъ внѣ монастыря находятся гостиницы для прїѣзжающихъ богомольцевъ. При монастырѣ находятся ризница со множествомъ замѣчательныхъ древностей и бібліотека.

„Съ Петербургской къ Адмиралтейству.“

Картина Н. Богданова.

Картина ученика академіи художествъ, Н. Богданова, находящаяся въ настоящее время въ коллекціи артиста французской труппы г. Итеманса, представляетъ намъ одну изъ обычныхъ сценъ уличной жизни Петербурга. Съ самаго раннего утра, отъ центра къ окраинамъ и отъ окраинъ къ центрамъ, начинаютъ ползти переполненные публикой omnibusы всѣхъ родовъ и сортовъ—начиная отъ грандіозныхъ вагоновъ конно-железныхъ дорогъ, и кончая легенькими одноконными клѣточками, со стѣнками изъ полосатаго тика, насквозь промокшими отъ косаго дождя—неизмѣннаго спутника ноябрьскаго петербургскаго утра. Въ эти omnibusы вваливается все „среднее“ населеніе нашей столицы: мелкіе чиновники, отставные военные съ микроскопической пенсией, старушки—вдовы въ полосатыхъ салопчикахъ, студенты въ пладахъ и очень коротенькихъ лѣтнихъ пальтишкахъ, гимназисты съ ихъ ранцами за плечами. Весь этотъ людъ хорошо знаетъ, что omnibusы ползаютъ какъ черепахи, что плохо кормленныя лошади еле могутъ переступать съ ноги на ногу,—и потому забирается въ карету задолго до того срока, когда имъ надо ѣхать. Бѣдутъ съ частыми остановками, съ криками и свистомъ, страшно громыхая на ходу саженными колесами, и безбожно перетряхая несчастныхъ пассажировъ. Надо быть истымъ уроженцемъ Петербурга, что бы

Домъ въ Пешаверѣ гдѣ жилъ Ширъ-Али-Ханъ въ 1869 г. Съ фотогр. грав. М. Рапшевскій.

особы Императорской фамиліи. По волѣ Императора Николая Павловича выдано было изъ казны на устройство монастыря 100,000 р. с.

Между монастырскими зданіями первое мѣсто и по древности и по красотѣ занимаетъ соборъ Рождества Пр. Богородицы. Онъ обь одной главѣ, весь сложенъ изъ бѣлаго камня и по плану сходенъ съ соборомъ Троице-Сергіевой лавры. Внутренность церкви величественна. Сводъ ея поддерживается четырьмя столпами, изъ которыхъ два на виду въ церкви, а два позади иконостаса. Пятирусный, рѣзной иконостасъ и царскія двери сдѣланы въ готическомъ вкусѣ. Въ этомъ соборѣ, въ серебряной рацѣ, пожертвованной царемъ Теодоромъ Алексѣевичемъ, почиваютъ мощи пр. Саввы. Къ южной сторонѣ собора пристроенъ придѣлъ въ честь Пр. Саввы, а къ сѣверо-востоку находится темная церковь во имя Троицы. Въ 1807 г. къ ней придѣлана трансеза съ придѣломъ въ честь Казанской иконы Богородицы. Къ сѣверу отъ собора стоитъ церковь Преображенія Господня, устроенная царицею Софьею Алексѣевною; при этой церкви прежде была трансеза, которая потомъ перенесена, для помѣщенія классовъ звенигородскихъ духовныхъ училищъ. Колокольня монастырская готической архитектуры, въ 3 яруса, съ 4-мя башнями, на одной изъ нихъ висятъ колокола, изъ коихъ большой виситъ на двѣнадцати д. Алексѣя Михайловича и виситъ 2125 и. 30 ф. Къ западу отъ собора стоитъ царскій дворецъ каменный, двухъ этажный; въ 1742 г. онъ сгорѣлъ, потомъ возобновленъ Императрицею Екатериною II и назначенъ ею для семинаріи, которая впрочемъ не долго тамъ существовала. Монастырь обнесенъ каменною оградой, имѣющей въ окружности 357 саж., вышиною ея 4 саж. и толщина 4 арш. Противъ сѣверо-восточныхъ

вынести злосчастный конепъ отъ Александровскаго сквера, который изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ, куда нибудь на Васильевскій островъ, или Петербургскую сторону.

Впрочемъ за послѣднее время сообщенія въ Петербургѣ значительно улучшились, и рисункъ diligencas на нашей картѣ принадежить къ числу вымирающихъ типовъ. Появляются новые omnibusы болѣе легкой конструкціи, съ шорной закладкой. А громадное развитіе сѣти конно-железныхъ дорогъ еще болѣе улучшило сообщеніе,—и нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени картина г. Богданова уже явится картиной, такъ сказать, исторической,—картиной прошлой жизни Петербурга.

Осада Троицкой Сергіевской Лавры.

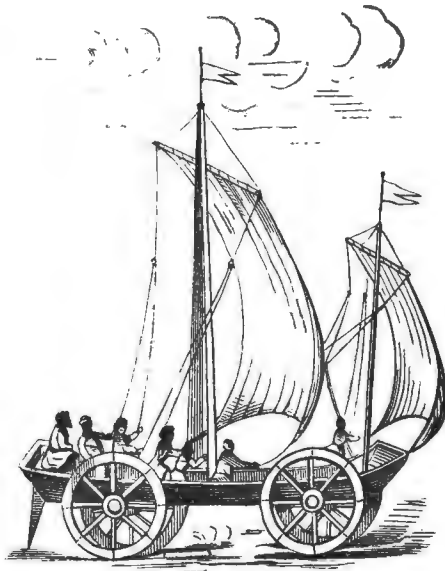
Никогда еще, за все время своей исторіи, Русское государство не находилось въ такомъ безнадежномъ положеніи, какъ въ первыхъ годахъ семнадцатаго вѣка. Страшныя смуты терзали его. Вслѣдъ за краткимъ, тяжелымъ царствованіемъ Бориса Годунова промелькнули надъ Москвою и дни торжества перваго Лжедмитрія. Онъ былъ убитъ. На престолъ царей русскихъ возмелъ хитрый, но слабый Шуйскій. Онъ не былъ избранъ народомъ, а только своей партіей. Царь партіи не могъ твердо держаться на престолѣ, и дѣйствительно, чуть ли не съ первыхъ дней его воцаренія, начался безпорядокъ въ государствѣ. Вслѣдъ за первымъ Лжедмитріемъ явился второй. Со всѣхъ сторонъ приходили тревожныя вѣстия: возмущалась Украйна, непокойный людъ, желавшій ловить рыбу въ мутной водѣ, выставялъ все новыхъ и новыхъ самозванцевъ. Подняла

(Продолженіе на стр. 891, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900).

зорко высматривала свою добычу, въ которую обратиться должна была вся Россія. Царю Шуйскому предстояло бороться всюду, бороться за разъ съ нѣсколькими врагами. Лучшие люди того времени, и первый изъ нихъ— молодой Скопинъ Шуйскій, оказывали чудеса геройства; но всего этого было мало, чтобы спасти родину.

Наконецъ въ русскомъ государствѣ оказалось два царя: Шуйскій въ Москвѣ, а второй подъ Москвою въ Тушинѣ. И этотъ второй царь, этотъ *Тушинскій воръ*, выдвинутый смутою и опиравшійся на нее, поддерживаемый поляками и всякимъ русскимъ сбродомъ, поддерживаемый, наконецъ, и многими русскими вельможами, измѣнившими Шуйскому, готовъ былъ восторжествовать подобно первому самозванцу, имя котораго онъ принялъ. Шуйскій обратился за помощью къ Швеціи; она обѣщала эту помощь.

Но въ это же самое время тушинскіе поляки не дремали: Сапѣга со своимъ войскомъ пошелъ къ Троицкому монастырю, который обезпечивалъ сообщеніе Москвы съ сѣверными и восточными областями. Князь Иванъ Шуйскій (братъ царя) посѣпшилъ загородить полякамъ дорогу. Произошла битва: московское войско было на голову разбито, а затѣмъ большинство солдатъ разбѣжалось, не желая умирать ни за царя московскаго, ни за царя тушинскаго. Поразивъ Шуйскаго, Сапѣга, вмѣстѣ съ Лисовскимъ, приступилъ къ Троицкой Сергіевской лаврѣ 23 сентября 1608 года; войска у нихъ было до 30,000. Силы защитниковъ обители святаго Сергія съ точностью опредѣлить невозможно. По сохранившейся современной записи сидѣвшихъ въ осадѣ оказывается, что дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ было тамъ 609 человекъ; къ этому числу нужно присоединить еще человекъ 700, надъ которыми начальствовали головы изъ дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, да нѣсколько десятковъ монаховъ, способныхъ

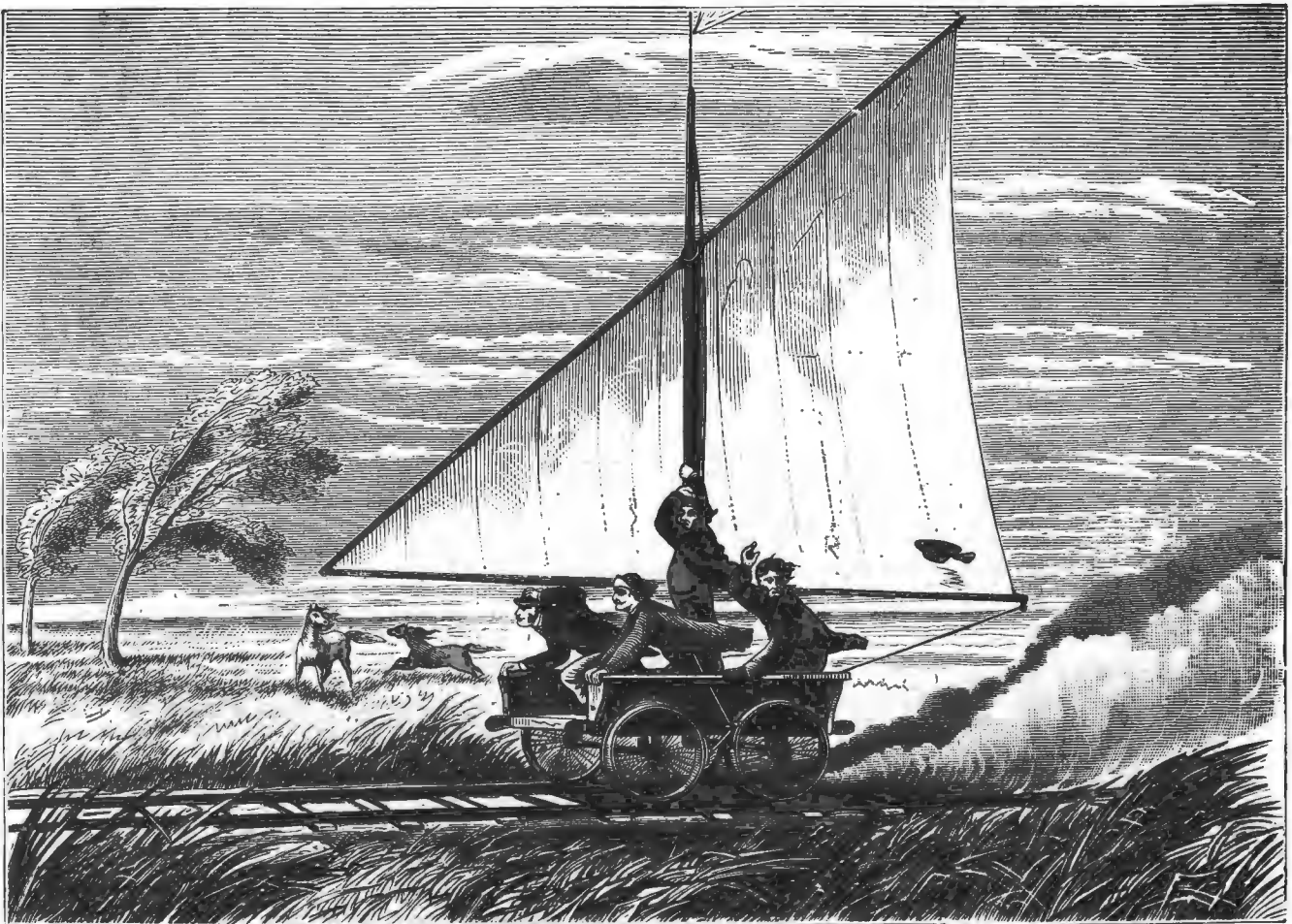
Голландская парусная повозка XVII вѣна.

нести воинскіе труды. Однимъ словомъ, всего наберется до 1500 человекъ. Затѣмъ въ монастырѣ были слуги и крестьяне, женщины и дѣти, толпы околныхъ жителей съ семействами, прибѣжавшія искать спасенія въ святой обители. Начальниками монастырскаго гарнизона были: окольный князь Григорій Роца - Долгорукій и дворянинъ Алексѣй Голохвастовъ. Архимандритомъ монастыря былъ въ то время Иосафъ, келаремъ Авраамій Палицынъ, находившійся въ Москвѣ; но, не смотря на это, имѣвшій большое вліяніе на ходъ защиты Лавры.

Сапѣга и Лисовскій думали скоро управиться съ Троицкимъ монастыремъ, но встрѣтили сильное сопротивленіе: всѣ приступы ихъ были отбиты, осадныя работы уничтожены. Монахи ревностно помогали ратнымъ людямъ: въ то время какъ одни отправляли богослуженіе, другіе работали въ хлѣбѣ и цоварнѣ надъ приготовленіемъ пищи для воиновъ, иные же день и ночь находились на стѣнѣ вмѣстѣ съ людьми ратными, выходили на вылазку, принимали даже начальство надъ отрядами, дрались и умирали какъ герои; однимъ словомъ выказывали себя достойными преемниками

забытыхъ въ русской исторіи иноковъ той же обители Пересвѣта и Ослаба.

Осада тянулась долгіе мѣсяцы. Сапѣга съ Лисовскимъ теряли всякое терпѣніе; они то и дѣло посылали въ монастырь грамоты, укоряли въ нихъ воеводъ, ратныхъ людей и монаховъ, запугивали ихъ, убѣждали, обѣщали имъ богатая награды, въ случаѣ покорности царю Дмитрію. Но ни обѣщанія, ни угрозы, ни укоризны не производили никакого дѣйствія на защитниковъ Лавры. Монахи и ратные люди видѣли предъ стѣнами своими не того, который называлъ себя сыномъ царя Иоанна Васильевича. Они видѣли только толпы иноверцевъ: поляковъ и литвиновъ, пришедшихъ къ стѣнамъ святаго Сер-

Парусная дрезина Американской желѣзной дзроги. Съ наброска К. Д. грав. М. Рашевскій.

гя разграбить церкви и надругаться над гробом великаго чудотворца. Монахи и ратные люди защищали не один престолъ царя Шуйскаго, а главнымъ образомъ гробъ святаго Сергія и потому съ ихъ стороны не могло быть измѣны, была только одна вѣрность. На грамоты Сапѣги и Лисовскаго они отвѣчали слѣдующимъ образомъ: „Да вѣдаетъ ваше темное державство, что напрасно прельщаете Христово стадо, православныхъ христіанъ. Какаѣ польза челоуѣку возлюбитъ тьму больше свѣта, и предложить ложь на истину: какъ же намъ оставить вѣчную святую истинную свою православную христіанскую вѣру Греческаго закона, и покориться новымъ еретическимъ законамъ, которые прокляты четырьмя вселенскими патріархами? Или какое пріобрѣтеніе оставить намъ своего православнаго государя царя и покориться ложному врагу, и вамъ Латышъ иновѣрной, уподобиться жидамъ, или быть еще хуже ихъ?“

Конечно между защитниками Лавры не все были герои. Человѣческія слабости должны были сказаться и онѣ сказались и здѣсь. Въ началѣ осады, когда было еще тепло, народъ могъ жить на открытомъ воздухѣ. Но вотъ начались морозы, всѣ столпились по кельямъ, тѣснота была страшная; появилась повальная болѣзнь, не доставало топлива, не доставало подчасъ и свѣтлыхъ припасовъ. Отчаянье, ужасъ, мученія физическія и нравственныя обрушились на защитниковъ Лавры и иные не выдержали, перебѣжали къ неприятелю. Но во всякомъ случаѣ такихъ перебѣжчиковъ было не много. Отъ измѣны этихъ людей зла большаго произойти не могло; но гораздо больше зла произошло отъ несогласій и вражды между нѣкоторыми монахами и, наконецъ, воеводами, обвинявшими другъ друга въ измѣнѣ. Изъ лавры въ Москву стали посылаться всякія жалобы.

Однако измѣны не оказалось. Проходили мѣсяцы; войско Сапѣги не отступало, а твердыня святаго Сергія продолжала стоять непоколебимо. Воеводы могли ссориться другъ съ другомъ и доносить другъ на друга, темные мелочные люди могли забывать общее святое дѣло и думать въ эти великія, страшныя минуты о своихъ частныхъ дрязгахъ—но главныя силы осажденныхъ, состоявшія изъ самоотверженныхъ русскихъ людей, неуклонно продолжали свое дѣло. Вѣдствія, испытываемыя ими, только возбуждали ихъ энергію. Эти русскіе люди поклялись предъ гробомъ чудотворца положить свою душу въ святое дѣло, пролить кровь свою до послѣдней капли—и исполнили эту клятву. Они показали изумительныя чудеса геройства, невданную крѣпость духа—и отстояли лавру. Сапѣга долженъ былъ убѣдиться въ безплотности своихъ усилий и вотъ, наконецъ, онъ съ войскомъ отошелъ отъ стѣны Сергіевской обители. Многіе большіе, хорошо защищенные города московскаго государства одинъ за другимъ сдавались и переходили во власть Тушинцевъ—Троицкій монастырь не сдался. Тридцати тысячное войско ничего не могло сдѣлать съ нѣсколькими сотнями людей, изъ которыхъ многіе до этого времени не брали оружія въ руки. Сила физическая должна была уступить другой силѣ—нравственной.

Эта изумительная осада Троицкой лавры—только одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ крѣпости русскаго народа, записанныхъ нашей исторіей. И въ настоящее время, вспоминая наше славное прошлое, мы имѣемъ полное основаніе говорить себѣ, что оно смѣнилось славнымъ настоящимъ, которое въ свою очередь уступитъ мѣсто славному будущему. Русскій народъ остается неизмѣненнымъ; не мельчаютъ, не расплываються его великія силы. И каждый разъ, когда наступаетъ грозная минута, онъ показываетъ, чего можно ожидать отъ него, какаѣя неопредѣлимая мощь заключается въ его духѣ...

Ночь.

(Модель Густава Дорэ).

Оригинальный и блестящій талантъ Дорэ давно уже получилъ всеобщее и громкое признаніе. Смѣлость и если можно выразиться „дерзость“ его, всегда нѣсколько сумрачныхъ, фантазій удивляетъ, невольно останавливаетъ вниманіе надолго. „Это рассказчикъ, говоритъ одинъ французскій критикъ, рассказчикъ, который поражаетъ воображеніе слушателей въ ночи мрачными, необычайными сказками. Въ нихъ нѣтъ весны съ ея блескомъ и радостью жизни, но царитъ туманная ночь, величавая, съ ея тайнами и страхами, кровавая заря, грозная буря...“

Вѣрность, мѣткость, съ которою онъ схватываетъ смыслъ фантастической темы, живость воображенія, мастерство въ расположеніи свѣта и тѣней, заставляютъ почти забывать отсутствіе красокъ. „Моисей предъ Фараономъ“, въ „Римскомъ циркѣ“—его произведенія, находящіяся теперь на Парижской выставкѣ, постоянно привлекаютъ толпу зрителей.

Его „Ночь“—великолѣпная модель, рисунокъ которой мы прилагаемъ въ этомъ № „Нивы“, отличается обычными его достоинствами, блескомъ и изяществомъ. Темная, синяя ночь, вся въ звѣздахъ, полная торжественнаго покоя, нисходитъ на землю, навѣвая пестрыя грезы и сны, посылая успокоеніе измученнымъ жизнью сердцамъ...

Въ скульптурныхъ произведеніяхъ Дорэ—какъ и въ его рисункахъ—таже эффектная, сумрачная, своеобразная манера.

Городъ Пешаверь.

Широко раскинувшаяся „британо-индійская имперія“ включила, около 30-ти лѣтъ тому назадъ, въ свои предѣлы Пешаверскую долину, лежащую между Хайберскимъ горнымъ проходомъ (ведущимъ непосредственно въ Афганистанъ) и рѣкою Индомъ. Мѣстность эта составляла, до 1849 года, часть Афганскаго государства, но, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, была завоевана Рунджитъ-Сингомъ, владѣнія котораго вскорѣ достались, конечно, все-забирающей Британіи. Нынѣ, весь округъ, считая въ предѣлахъ его часть Когата и участокъ Дерѣ-Измаилъ-Ханъ, занимаетъ пространство въ 2,400 квадратныхъ миль съ 540 тыс. жителей. Собственно, Пешаверская долина известна своимъ нездоровымъ климатомъ, въ лѣтнее время, когда стоятъ невыносимыя жары (съ 1849 года 7 разъ повторилась холера и британскіе солдаты прозвали край „долиной смерти“). Лучшее время года—зима, напоминающая климатъ южной Франціи. Періодовъ постоянныхъ дождей не существуетъ, но въ январѣ и февралѣ бываетъ много дождливыхъ дней.

Свѣтлой лентой тянется р. Кабулъ по долинѣ, изобильно орошая ея зеленѣющія поля и нивы, богатыя ячменемъ, рисомъ, пшеницей, мансомъ (главные продукты края), пересѣкаемая то горными отрогами, то садами и рощами, доставляющими самое разнообразное богатство фруктовъ—сливъ, гранатъ, фингъ, персиковъ и друг. Главный городъ округа, Пешаверь—важный стратегическій, для Британіи, пунктъ у самыхъ, такъ сказать, воротъ въ Среднюю Азію; насколько британцы сознаютъ такое его значеніе, указываетъ самая численность гарнизона: въ городѣ расположено около двухъ дивизій: два туземныхъ кавалерійскихъ полка, два британскихъ и три туземныхъ пѣхотныхъ полка и три баггарен. Здѣсь необходимо замѣтить, что весь округъ вообще снабженъ, въ достаточномъ количествѣ, военной силой: такъ, въ одномъ небольшомъ укрѣпленіи, внутри провинціи, наз. Ноушеръ, находится одинъ кавалерійскій туземный, одинъ британскій и одинъ туземный пѣхотный полки, затѣмъ, въ фортѣ Мѣрданъ—отрядъ гидовъ (изъ кавалеріи и пѣхоты), наконецъ, вдоль пограничной линіи расположено нѣсколько фортовъ, охраняющихъ горные проходы: Когатскій (ф. Мэксонъ), Татарскій (ф. Мични), Карронскій, ведущій въ Лальпуръ (Шенкеддеръ).

Пешаверь,—не только важный военный пунктъ—онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма значительный торговый центръ и въ зимнее время представляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ среднеазиатскихъ рынковъ, куда стекаются изъ Кабула, Гозни, Хитраля, Бухары, Когистана, Пагвара и множества другихъ мѣстностей; сюда доставляются лошади, кожи, шерсть, сукно и т. п. Но тѣмъ еще не исчерпывается все значеніе Пешавера. Издавна уже этотъ городъ славился во всей Средней Азіи какъ рассадникъ духовной учености; жившіе и дѣйствовавшіе въ стѣнахъ его мусульманскіе богословы (Ахундъ-Дарвеза, Пиръ-Баба, Коха-Саибъ и друг.) придали своего рода блескъ его имени. Въдствіе того, въ настоящее время, Пешаверь служитъ также торговымъ складомъ мусульманскихъ духовныхъ книгъ—получая ихъ изъ Дали, Лукнона, Коупнора и Бомбея, онъ ежегодно отправляетъ цѣлыя караваны этого священнаго товара въ Туркестанъ, Бадахшанъ и т. д. Онъ же былъ встарину и центромъ интеллектуальной жизни Афганистана—великій афганскій національный поэтъ, Абдуръ-Рахманъ, жилъ въ этомъ городѣ и похороненъ въ его окрестностяхъ.

Пешаверь—цвѣтущій городъ, раскинувшійся на пространствѣ, окруженіе котораго равняется 5-ти милямъ. Его 60-ти тысячное населеніе состоитъ изъ афганцевъ, сейковъ и индусовъ; двѣ трети общаго числа жителей магометане. Обнесенный землянымъ валомъ, съ восемью воротами (главные—такъ называемые Кабульскіе, выходящіе къ Хайберскому горному проходу)—городъ имѣетъ видъ вѣнчанности, общую всѣмъ восточнымъ поселеніямъ. Надъ однообразнымъ уровнемъ бѣлыхъ плоскихъ домовъ, закутаныхъ, тамъ и сямъ, въ темнозеленую, густую листву садовъ, возвышается нѣсколько зданій, изъ которыхъ болѣе замѣтна мечеть съ двумя высокими минаретами. Главною улицей считается та, которая ведетъ отъ казармъ въ туземную часть. Приложенный рисунокъ даетъ ясное представленіе о полной движенія жизни, которою кипитъ далекій Пешаверь.

До сихъ поръ этотъ городъ былъ крайнимъ, выдвинутымъ впередъ, наблюдательнымъ пунктомъ Британскаго владычества на сѣверо-западъ отъ Индіи. Наступающія событія, вѣроятно, скоро покажутъ, останется ли онъ и теперь передовымъ постомъ британцевъ въ этомъ направленіи, или новый захватъ подвинетъ ихъ еще далѣе и—ближе къ намъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ ожидать, насколько теперешній ихъ походъ на Афганистанъ будетъ удачнѣе того, который они предприняли въ 1839 году.

Страшное воспоминаніе!

Приведемъ здѣсь вкратцѣ то, что произошло. Тогда, какъ и теперь, Британія зорко слѣдила за Афганистаномъ, опасаясь малѣйшаго признака какого бы то ни было сближенія между

этим среднеазиатским государством и Россіей; тогда как и теперь, она ждала ничтожѣйшаго повода, который бы доставилъ ей возможность утвердить тамъ свое вліяніе и власть. Какъ и теперь, представился тогда „поводъ“. Мы готовились къ первой Хивинской экспедиціи, а на афганскомъ престолѣ сидѣлъ умный и ловкій Достъ-Могаммедъ, искавшій союза съ Персіей и Россіей. Желая придать хотя отчасти легальный видъ своему нападенію, британцы двинулись въ Афганстанъ „съ цѣлью возстановленія“ тамъ оспариваваго у Достъ-Могаммеда власть представителя прежней, Суддозайской династїи, претендента Шаха-Шуджи. Въ концѣ іюля, армія, превышавшая численностью пятьдесятъ тысячъ человекъ, направилась двумя колоннами: главная (силою болѣе 40 тысячъ человекъ), подъ начальствомъ генерала, сэра Джона Кина, — чрезъ Боланскій горный проходъ, на Газни и Кабуль, а другая (болѣе 10 тысячъ человекъ), подъ командой сэра Уэдда, чрезъ Хайберскій дефилей, на Джелалабадъ—на Кабуль же. Энергическій и даровитый Кинъ повелѣ дѣло усѣбно и быстро. Гозни, послѣ трехчасоваго штурма, былъ взятъ (при этомъ попался въ плѣнъ комендантъ крѣпости, одинъ изъ сыновей Достъ-Могаммеда, Хайдеръ-Ханъ). Послѣдствія были рѣшительны: Достъ-Могаммедъ бѣжалъ, едва съ 600 всадниковъ, за Аму-Дарью. Въ тотъ же день, когда Шахъ-Шуджа торжественно вступилъ въ Кабуль—казалось, что афганская война окончена. Но это только казалось. Можно сказать, что съ того момента и начался поворотъ не въ пользу британцевъ. Не вникнувъ, насколько слѣдовало, въ общее настроеніе народа, въ страну котораго они вошли и вооруженныя массы котораго окружали ихъ со всѣхъ сторонъ, убѣжденные, что они побѣдили уже всѣ трудности—британцы оставили незначительныя гарнизоны въ крѣпостяхъ и, въ 1840 г., отправили часть войскъ обратно въ Индію. Кинъ уѣхалъ въ отпускъ, а его мѣсто занялъ неспособный генералъ Эльфинстонъ. Между тѣмъ, во всемъ Афганстанѣ начали обнаруживаться признаки общаго неудовольствія Шахомъ-Шуджей, съумѣвшимъ, въ непродолжительное время, возстановить страну противъ себя. Неудовольствіе это дѣятельно разжигали и поддерживали Достъ-Могаммедъ и сынъ его Акберъ-Ханъ, при посредствѣ своихъ эмиссаровъ. Первый попался въ руки британцевъ и былъ отправленъ на житье въ Индію, но Акберъ-Ханъ пробрался въ горныя округа. Здѣсь и началось возстаніе, подобно пламени разлившаеся по странѣ и быстро достигшее Кабула. 2-го ноября въ этой столицѣ произошелъ общій взрывъ, во время котораго въ числѣ первыхъ жертвъ былъ одинъ изъ британскихъ резидентовъ, Борнсъ. Къ этому же времени подошелъ съ арміей Акберъ-Ханъ. Британскій отрядъ численностью около 5-ти тысячъ человекъ (но съ 20 тысячами человекъ женщинъ, дѣтей и обозной прислуги), не имѣлъ духу отвѣститься на рѣшительныя дѣйствія, а прождавъ до января 1842 года, началъ свое отступленіе изъ Кабула, безъ всякаго продовольствія и топлива, по горамъ, покрытымъ глубокими снѣгами. По пятамъ, за деморализованными, полумертвыми, голодными остатками британской арміи шли афганцы, къ которымъ присоединились полудикія, свободныя горныя племена—и все это набрасывалось на несчастныхъ, обезумѣвшихъ отъ лишений солдатъ, безжалостно убивая ихъ цѣлыми массами. Каждый день уносили сотни, тысячи жертвъ. Акберъ-Ханъ, неотступно преслѣдовавшій отступающихъ, какъ бы далъ себѣ слово уничтожить окончательно то, что называлось когда-то британской арміей—и сдержалъ свое слово. Одинъ день онъ потребовалъ заложниковъ—они были ему выданы (маіоръ Поттинджеръ и капитаны Лайонсъ и Маккензи) и убиты, затѣмъ ему были выданы всѣ женщины, находившіяся при отрядѣ и—онъ подверглись той же участи... Наконецъ, въ половинѣ января—къ британской границѣ подошла кучка въ 20 человекъ (въ числѣ которыхъ находился только одинъ британецъ)—это было все, что осталось отъ 50-тысячной арміи Кина и Уэдда!..

Домъ, гдѣ жилъ Ширъ-Али.

Въ 1869 г., какъ извѣстно, эмиръ Ширъ-Али прїѣзжалъ, по приглашенію тогдашняго вице-короля индійскаго, лорда Майо, въ Пешаверь. Эмиръ выразилъ тогда непремѣнное желаніе остановиться въ домѣ, принадлежащемъ христіанскому миссіонерскому обществу. Зданіе это (изображенное на прилагаемомъ рисункѣ) расположено въ древнѣйшей части туземнаго квартала, извѣстной подъ названіемъ Гуркхуттри, въ которой, между прочимъ, кромѣ упомянутаго христіанскаго учрежденія, находится и мусульманская мечеть, а также индійскій храмъ. Въ Гуркхуттри проживалъ итальянскій генералъ Авитабло, состоявшій на службѣ у сейскихъ владѣтелей и управлявшій отъ имени ихъ, Пешаверомъ, принадлежавшимъ имъ до 1849 г. Его время оставило тяжелое воспоминаніе среди населенія, которое онъ держалъ подъ желѣзнымъ ярмомъ, украшая стѣны Гуркхуттри головами афганскихъ разбойниковъ. До сихъ поръ дѣтей пугаютъ еще именемъ „Авитабло-санбъ“. Генералъ составилъ себѣ здѣсь огромное состояніе, которое ему удалось вывезти только съ большимъ трудомъ. Говорятъ, онъ вскорѣ по прїѣздѣ былъ отравленъ однимъ своимъ родственникомъ, въ Италіи.

Парусныя повозки и дрезины.

„Сила вѣтра, дѣйствующая на паруса можетъ быть хорошо примѣняема для движенія повозокъ, ею также хорошо можно управлять на землѣ, какъ кораблемъ на морѣ.“

Такъ писалъ епископъ Вилкинсъ, во второй книгѣ своей „математической магіи“ вышедшей въ Лондонѣ въ 1648 году. „Такія повозки,“ продолжаетъ онъ, „съ незапамятныхъ временъ были въ большомъ употребленіи на равнинахъ Китая и Испаніи; самаго большаго развитія употребленіе ихъ достигло въ Голландіи, гдѣ скоростью бѣга онѣ превосходятъ самый ходкій корабль. Въ нѣсколько часовъ съ 6 или 10 пассажирами онѣ пробѣгаютъ отъ 140 до 210 верстъ и кормчій легко направляетъ бѣгъ повозки.“ Голландскія повозки, такой конструкции, какъ представлено на нашемъ рисункѣ, достигали скорости 28 верстъ въ часъ; скорость невозможная ни для какихъ другихъ родовъ сообщенія. До открытія желѣзныхъ дорогъ парусная повозка почти вытѣснила мѣстами другіе способы сообщенія. Странно, что не было никакихъ попытокъ ихъ усовершенствовать. Парусная лодка, ѣдущая по льду на полозьяхъ конечно имѣетъ своимъ первообразомъ парусную повозку. Въ свое время желѣзная дорога привела къ уничтоженію парусныхъ повозокъ,—теперь такъ желѣзная дорога содѣйствовала и ихъ возрожденію. Съ нѣкоторыхъ поръ на большихъ рельсовыхъ путяхъ восточныхъ американскихъ прерій, парусныя дрезины въ большомъ употребленіи. Въ скорости они могутъ смѣло поспорить съ локомотивами. Представленная на нашемъ рисункѣ парусная дрезина достигаетъ средней скорости 42 верстъ а при болѣе сильномъ вѣтрѣ, въ особенности боковомъ, до 56 верстъ въ часъ.

Такая дрезина на Канзасской желѣзной дорогѣ употребляется для перевозки людей и матеріаловъ въ случаѣ починокъ колодезь, телеграфовъ и т. п. Она на четырехъ колесахъ; въ поперечникѣ имѣетъ 1 1/4 аршина и вѣситъ 15 пудовъ. Парусъ имѣетъ двѣ стѣны длиною 5 арш. съ площадью въ 14 квадрат. аршинъ. Правила, наблюдаемыя при управленіи парусными санями годны и для парусной дрезины. При 56 верстахъ скорости повозка ѣдетъ быстрѣ вѣтра, которымъ движется. Это качество также присуще и паруснымъ санямъ. Эти послѣднія скорѣ всего идутъ по вѣтру, а парусная повозка бѣжитъ всего скорѣ при боковомъ вѣтрѣ, что нужно отнести къ тренію осей и къ тому, что большая площадь повозки встрѣчаетъ и большее сопротивленіе, и не допускаетъ дрезину идти съ скоростью саней. Парусныя дрезины конечно были бы полезны и на большихъ нашихъ желѣзныхъ путяхъ, идущихъ по обширнымъ равнинамъ, вмѣсто трудно двигаемыхъ обыкновенныхъ дрезинъ.

Политическія и внутреннія извѣстія.

Военныя дѣйствія въ Афганстанѣ.—Значеніе Агаганъ компани для насъ.—На Балканскомъ полуостровѣ.—Болгарскій престолъ.—Мѣры въ Испаніи противъ социализмовъ.

Итакъ—британо-афганская война началась. Британскія войска вступили въ предѣлы Афганстана двумя колоннами: одна пошла изъ Кветты, другая изъ Пешавера. Первая будетъ дѣйствовать противъ важнѣйшихъ пунктовъ въ странѣ Кандагара, Газны, Келата. Пешаверская армія, которою командуетъ генералъ Броунъ, гораздо значительнѣе первой—численность ея равняется, безъ малаго, 20 тысячамъ человекъ (британскихъ солдатъ—около 7 1/2 тысячъ), но она снабжена преимущественно только горными орудіями. Южная колонна прошла у Боланскаго горнаго прохода безпрепятственно. Пешаверская, направившаяся Хайберскимъ проходомъ, уже имѣла потери. Движеніе этой колонны началось 9-го (21-го) ноября, на разсвѣтѣ. „Генералъ Броунъ стоялъ въ узкой равнинѣ, по ту сторону Джамруда, рассказываетъ корреспондентъ газеты „Daily News“. Мимо него проходили части. Сперва прошелъ авангардъ, подъ командой генерала Аппльярда, а за нимъ—14-й

полкъ сейковъ и 81-й Королевскій полкъ, двѣ роты туземныхъ саперъ, горная баттарей и конная артиллерія генерала Макферсона. Когда эти части прослѣдовали, штабъ помѣстился передъ фронтомъ. Вдали, на концѣ Шагайскаго моста, видъ стрѣловъ, видѣлся неприятельскій кавалерійскій никетъ. Авангардъ быстро пошелъ на югъ и, взобравшись на возвышенность, открылъ огонь по никету. Послѣдній вскорѣ удалился послѣ неудачнаго отпора. Войска, отстрѣливаясь по неприятелю, показывавшемуся по временамъ, достигли Шагайскаго моста, откуда былъ ясно видѣнъ весь Алисмеджидъ. На разстояніи 2,500 шаговъ фронтъ былъ расчищенъ огнемъ застрѣльщикова британскаго отряда и, затѣмъ, сейки прошли направо къ Алисмеджиду, въ то время какъ другой отрядъ, оперировавшій слѣва, занялъ, безъ сопротивленія, селеніе Лалла-Чино и крѣпость на холмѣ, по ту сторону его. Въ полдень изъ Алисмеджида была пушена первая бомба. Афганскія пушки отвѣчали намъ вообще хотя и медленно, но стойко и хорошо, въ особенности отличались 7-ми фунтовыя, съ центрального бастіона. Въ 2 часа два 40-ка фунтовыя ядра попали въ этотъ бастіонъ и, разру-

шивъ значительную часть его, повидимому, сбили пушки, которыя отстрѣливались такъ упорно. И вотъ наша пѣхота, прикрытая артиллерійскимъ огнемъ, придвинулась впередъ, а застрѣльщики начали взбираться по крутымъ скатамъ. Ночью майоръ Каваньяри получилъ извѣстie, что гарнизонъ Алимеджиды, узнавъ о появленiи британскаго отряда (Тайлера) въ тылу, сталъ очищать крѣпость. „Рано утромъ, продолжаетъ корреспондентъ, мы увидѣли на укрѣпленiяхъ нѣсколько чело-вѣкъ съ какими-то флагами. Наступила пауза. Вдругъ видимъ—отъ форта скачетъ къ намъ всадникъ. Онъ подѣхалъ ближе и мы узнали въ немъ уланскаго офицера, который былъ посланъ на рекогносцировку къ крѣпости: онъ нашелъ ее занятою уже нѣсколькими сипаями и двумя офицерами и спѣшилъ съ этимъ извѣстiемъ въ главную квартиру. Мы немедленно перебрались черезъ рѣку и очутились въ фортѣ Алимеджидъ“. Здѣсь британцамъ досталось небольшое число пѣхотныхъ и 21 пушка. Дальнѣйшiя телеграфныя извѣстiя о ходѣ военныхъ дѣйствiй передаютъ, между прочимъ, что британскiя войска достигли форта Дакки, потерявъ до сихъ поръ въ Хайберскомъ проходѣ около 300 чело-вѣкъ; 12-го (24-го) ноября афганцы очистили уже и этотъ фортъ, оставили и Джелалабадъ, гарнизонъ котораго, по англiйскимъ извѣстiямъ, будто бы „бѣжитъ“ къ Кабулу. Кветская же дивизiя Биддельфа заняла 14-го (26-го) ноября Пининъ. Согласно послѣднимъ извѣстiямъ, британскiя войска уже въ Курумской долинѣ. Однако какъ ни быстры эти успѣхи британскаго оружiя—надо имѣть въ виду историческiй примѣръ 1839 года (см. статью о Пешаверѣ, въ настоящемъ № нашего журнала), когда начало кампанiи было не менѣе удачно. Кромѣ того не надо забывать, что результаты такихъ военныхъ успѣховъ въ средне-азиатскихъ государствахъ нельзя сравнивать ни въ какомъ случаѣ съ результатами какiе бы они имѣли въ европейскiхъ городахъ и крѣпостяхъ. Конечно англiчане имѣли опытъ войны 1839 года и конечно приняли предосторожности, но не надо забывать, что и войска эмира все таки не тѣ, какiе были въ Афганѣ въ то время, какъ по вооруженiю такъ и по качеству состава. Очень важное обстоятельство что пока мы имѣемъ обо всемъ этомъ и еще долго будемъ имѣть *одни англiйскiя* сообщенiя и телеграммы, т. е. выслушиваемъ одну сторону.

Издiине было бы говорить о томъ громадномъ значенiи, которое эта война имѣетъ для насъ и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношенiяхъ. До сихъ поръ, Британiя, взиравшая съ явнымъ неудовольствiемъ и недовѣрiемъ на наши успѣхи въ Средней Азии, ограничивалась протестами и запросами; но теперь она уже перемѣнила „тактику“ и перешла къ наступательной политикѣ. Въ поднятомъ ею „Авганскомъ вопросѣ“ мы видимъ дѣятельную и послѣдовательную работу, имѣющую цѣлью создание гигантской стѣны, которая, начинаясь на Балканскомъ полуостровѣ, проходя по малой Азии и далѣе, до нашей Среднеазиатской границы,—поставила бы непреодолимую преграду развитiю интересовъ, наиболее существенныхъ для Россiи.—Въ послѣднихъ депешахъ заключается небольшое извѣстiе, заслуживающее, однако, полного вниманiя. „Газета Daily News, сказано въ этой депешѣ (изъ Лондона), слышала, что генералу Уэдду предписано отправиться въ Лагоръ, для совѣщанiя съ лордомъ Литтономъ насчетъ положенiя Россiи и Китая по отношенiю къ Кашгару.“ Кашгаръ, какъ извѣстно, страна, сопредѣльная съ Авганистаномъ...

На Балканскомъ полуостровѣ—все по старому. Порта всѣми мѣрами старается уклониться отъ окончательнаго соглашенiя съ нами по тѣмъ статьямъ С.Стефанскаго договора, которыя оставлены въ силѣ Берлинскимъ трактатомъ. Не можетъ быть сомнѣнiя въ нашемъ искреннемъ желанiи съ точностью выполнить Берлинскiй трактатъ, но—онъ долженъ быть свято соблюденъ и всѣми другими участниками его. Мы принесли слишкомъ большiя жертвы, чтобы отказаться отъ осуществленiя цѣли, до которой достигли дорогою цѣною.

Послѣднiя слухи имѣютъ еще болѣе тревожный характеръ. По свѣдѣнiямъ, дошедшимъ до русскнхъ властей, Порта тайно раздаетъ оружiе мусульманамъ въ мѣстахъ по лнвию раздѣленiя между русскими и турецкими войсками и дѣятельно работаетъ надъ укрѣпленiями отъ Чаталджи до Чернаго моря. Агенты Лейярда подъ рукой вербуютъ солдатъ въ англiйскую армию изъ черкесовъ и разнаго сброда, оставшагося безъ дѣла. Они раздаютъ задатки въ счетъ жалованья и обратились будто бы даже съ открытымъ воззванiемъ ко всѣмъ инсургентамъ Родопскихъ горъ, все это будтобы для Афганистана.

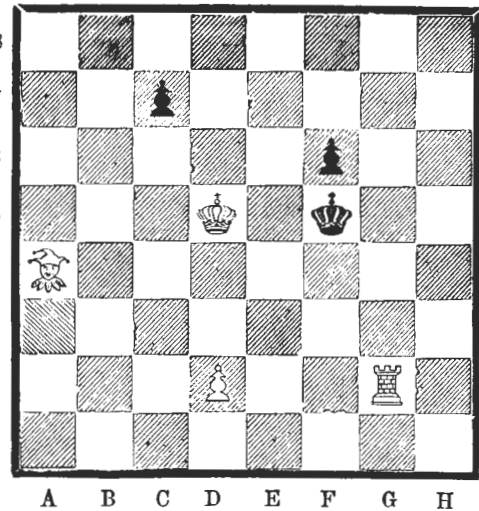
Выборы болгарскаго князя послѣдуютъ 1-го января 1879 года. Серьезными кандидатами являются, по слухамъ, графъ Игнатъевъ, князь Васильчиковъ и принцы Рейсъ и Батенбергъ.

Слѣдствiе по дѣлу посягнушаго на жизнь короля Гумберта, Поссаменте, уже окончено. Въ квартирѣ его найдены бумаги, явно указывающiя на его принадлежность къ обществу интернационаловъ. Итальянскому правительству, вѣроятно, придется принять энергическiя мѣры противъ этихъ послѣднихъ: изъ Рима сообщаютъ, что въ провинцiяхъ они сильно агитируютъ, и близъ Анконы недавно заколотъ одинъ представитель властн.

Испанское правительство уже и приступило къ рѣшительнымъ мѣрамъ: въ Сарагоссѣ арестовано недавно много агитаторовъ.

Шахматная задача.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

ОПЕЧАТКА.

Въ № 47 «Нивы», въ рѣшенiи шахматной задачи слѣдуетъ включить ходъ: или король Н 6—G 6».

РЕБУСЪ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Кіевъ. Н. Л.—ву. Стихотворенiя грустны, но не хороши.
Воронежъ Н. А. По.—ву. Неужели вы дѣйствительно посвятили и написали „въ альбомѣ --ой“ и желаете печатать объ ней такія вещи:

Но какъ васъ узналъ я точно—
Что мой свѣтлый идеаль
Ужъ куда не безпорочно
Втихомолку постуялъ и т. п.

Рославль Н. Б.—ину.

Не видно надъ нею креста
А только подъ елкой ея вѣковой
Торчить, на подобіе куста,
Красивой букетикъ съ травкою.

Если букетъ имѣетъ „подобіе куста“ то какой же это „букетикъ“, и если ель „вѣковая“ то это ужъ не „елка.“

П.—гу Н. Ф.—ву. Задача № 46 рѣшена вами совершенно вѣрно.
Въ г. Л. Еленѣ Р.—альдъ. Присланная вами не можетъ быть опубликована.

Бѣлозерскъ В. И.—ну. Вамъ кажется что „главное узнать скорѣе условiя—сколько даете за стихи.“ Судя по присланному, вамъ знать эти условiя не будетъ полезно.

СОДЕРЖАНІЕ: И. Гуно (съ портр.)—Царь-дѣвица. Историческiй романъ В. Соловьева (продолженіе). — Моя встрѣча съ Эдисономъ. Разсказъ А. Гилина.—Саввинъ Стороженскiй монастырь (съ рис.)—Съ Петербургской къ Адмиралтейству (съ рис.)—Осада Троицы Сергіевской Лавры (съ рис.)—Ночь (съ рис.)—Городъ Пешаверъ (съ рис.)—Домъ, гдѣ жилъ Ширъ-Али (съ рис.)—Парусный возня и дрезины (съ рис.)—Политическiя извѣстiя. — Шахматная задача.—Опечатка.—Ребусъ.—Почтовый ящикъ.—Отъ редакцiи.—Объявленiя.

ОТЪ РЕДАКЦИИ „НИВЫ“.

Въ виду высокаго интереса рассказовъ и воспоминаній о только что оконченной великой войнѣ, мы озаботились приобрѣтеніемъ лучшаго, что могло представиться по части такихъ воспоминаній, именно, цѣлаго ряда новыхъ, нигдѣ не напечатанныхъ

Рассказовъ и очерковъ В. В. Крестовскаго,

нашего извѣстнаго романиста и специального корреспондента дѣйствующей арміи за Дунаемъ.

Очерки эти начнутся печатаніемъ въ „Нивѣ“ съ новаго года.

Рассказы и очерки эти будутъ иллюстрированы многими оригинальными рисунками, сдѣланными по наброскамъ изъ военного альбома автора очерковъ В. В. Крестовскаго

Н. Н. Каразинымъ.

Чтобы дать понятіе нашимъ читателямъ о богатствѣ этихъ воспоминаній, мы приведемъ на выдержку содержаніе нѣкоторыхъ рассказовъ.

1) **Плошты.** Какъ водворяютъ военныхъ постояльцевъ.—На водку хозяину дома.—Румыны и ихъ къ намъ отношеніе.—Русское стихотвореніе 1829 года.

2) **Въ штабѣ Е. В. Главнокомандующаго.** Помѣщенія и квартиры.—Обѣденный столъ у Главнокомандующаго.—Иностранные военные агенты.—Жизнь въ Плоштахъ.—Смотры.—Офицеры болгарскихъ сотенъ.—Обсчитываніе офицеровъ и солдатъ.—Еврейская эксплуатація.—Шпіоны.—Уличная жизнь.—Румынское общество.—Садикъ „Молдавія“.—Ожиданіе прибытія Государя Императора.

3) **До переправы и переправа у Галаца.** Князь Карлъ и принятіе имъ командованія.—Князь Карлъ на баттарей.—Сотникъ Князевъ.—Прорывъ турецкихъ пароходовъ.—Приключеніе съ казаками 30-го донскаго полка.—Русскіе и турецкіе охотники.—Совмѣстное дѣйствіе русской и румынской армій.—Переправа.—Буджакскія высоты.—Пріѣздъ Государя Императора въ Галацъ.—Посѣщеніе госпиталей.—Налутствие войскамъ.—Отъѣздъ Государя Императора изъ Браилова.—Протоколъ о звѣрствахъ турокъ.—Воззваніе къ Болгарскому народу.

4) **Предъ переправой у Зимницы.** Рекогносцировка, произведенная лично Е. В. Главнокомандующимъ.—Матеріалы для постройки Зимницкаго моста.—Неожиданная задержка понтоновъ.—Государь Императоръ близъ Турнъ-Магурелли.—Главная квартира.

5) **Переправа у Зимницы.** Осмотръ позицій.—Ночь переправы.—Гибель понтоновъ.—Жизнь ситовскихъ болгаръ (очеркъ).

6) **Шлевна.** Османъ-паша.—Характеръ его защиты.—Личность Османа.—Жизнь въ Шлевнѣ.—Сцены при сдачѣ арміи Османа.—Отъ Шлевны до Адрианополя.

7) **Адрианополь.** Въѣздъ Главнокомандующаго въ городъ.—Пребываніе въ Адрианополѣ.—Жизнь штаба.—Городъ и окрестности.—Ходъ дипломатическихъ переговоровъ въ Адрианополѣ.

8) **На берегахъ Эгейскаго моря.** Занятіе Санъ-Стефано.—Наша жизнь въ Санъ-Стефано (подробный дневникъ событій и жизни въ Санъ-Стефано).

Такимъ образомъ для нашихъ подписчиковъ одни эти только очерки уже составятъ, такъ сказать, цѣлый альбомъ, иллюстрированный такимъ извѣстнымъ и талантливымъ рисовальщикомъ какъ Н. Н. Каразинъ, съ текстомъ, принадлежащимъ перу корреспондента, какъ по таланту такъ и по положенію своему въ дѣйствующей арміи, несомнѣнно первенствовавшему относительно другихъ участниковъ или свидѣтелей войны, также дѣлвшихъ часто и лишнія, и трудности походова съ доблестной русской арміей.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Къ этому № прилагается для всѣхъ гг. подписчиковъ объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ въ 1879 г., заключающее въ себѣ образцы гравюръ и рисунковъ, помѣщаемыхъ въ „Нивѣ“, и объясняющее тѣ цѣли и направленія, которыхъ въ теченіи девятилѣтняго существованія неуклонно держался нашъ журналъ.

— Въ виду того, что подписчики „Нивы“ достаточно знакомы съ художественными и литературными ея достоинствами, Контора Редакціи имѣетъ честь покорнѣе просить о распространеніи прилагаемаго объявленія въ окружающей ихъ средѣ, дабы способствовать такимъ образомъ ознакомленію публики съ журналомъ, назначеннымъ для семейнаго чтенія и въ теченіи девяти лѣтъ прилагающимъ всѣ усилія для выполненія этой задачи.

Обращаемъ за симъ вниманіе на наши изданія, перечисленныя въ этомъ же объявленіи, и уступаема подписчикамъ „Нивы“ съ значительной сбавкой цѣны.

Контора редакціи проситъ обратить вниманіе на то, что типографія не въ состояніи набирать, корректуровать и печатать въ теченіи дня и ночи болѣе 600 адресовъ, почему покорнѣе проситъ ПОСПѢШИТЬ возобновленіемъ подписки, что бы при высылкѣ первыхъ номеровъ 1879 г. не случилось задержки.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ „НОВОГО ВРЕМЕНИ“ С. ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР. № 60 ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

АЛЬБОМЪ ЗАВАЛКАНСКАГО ПОХОДА 1877—78 гг.

Полное собраніе снимковъ походной фотографіи А. Д. Иванова, альбомъ состоитъ изъ видовъ, типовъ, портретовъ и группъ разныхъ частей войскъ—цѣна въ роскошномъ переплетѣ 300 руб. отдѣльно снимки отъ 1 руб. до 5 руб. Подробный каталогъ высылается по требованію. № 246 6—2

№ 229 Вышло новое сочиненіе Кн. В. Мещерскаго: 3—3

УЖАСНАЯ ЖЕНЩИНА.

Современный великобританскій этюдъ въ 2 томахъ роскошнаго изданія. Цѣна за оба тома 2 р. 50 к. Иногородные, высылающіе прямо отъ автора (СПБ. Недеждинская № 39) за пересылку ничего не платятъ.

КАЖДОМУ БЫТЬ МЕЛЬНИКОМЪ

посредствомъ употребленія новѣйшихъ мукомольныхъ мельницъ съ конными приводами по системѣ Вейля

Эти новыя мукомельницы размалачиваютъ изъ пшеницы 75% муки. Сортируютъ на три сорта, изъ нихъ первый сортъ отборная ржаная мука. Одноконная машина вымалачиваетъ 150 кило въ 3 часа, двухконная машина такое же количество въ 2 часа и трехконная машина въ 1 часъ. Цѣны за полное устройство слѣдующія: одноконныя 205 руб., двухконныя 236 руб., трехконныя 360 руб. Иллюстрированные Прейсъ-куралты безплатно.

Провозъ до русской границы по желанію принимается на себя Moritz Weill jun. Maschinen Fabrik, Frankfurt a/M. № 238 1—1

„ГРАЖДАНИНЪ“ на 1879 г.

Журналъ литературы, политикъ, науки, искусства, церковной, государственной, общественной и народной жизни, экономическихъ и юридическихъ вѣданій; выходитъ еженедѣльно, безъ цензуры, въ объемѣ отъ 3-хъ до 5 печ. листовъ. Всѣ годовые подписчики на 1879 г., безплатно получаютъ при журналѣ: 1) Два тома «Русскаго Сборника» или собранія лучшихъ романовъ, повѣстей и серьезныхъ и занимательныхъ статей всевозможнаго содержанія, которыя по значительному своему объему или особому характеру удобнѣе помѣщаются въ книжномъ форматѣ «Сборника». 2) Ежемѣсячное приложеніе «Книжный Листокъ», или обзоръ болѣе замѣательныхъ, вновь выходящихъ въ свѣтъ, книгъ. 3) Большую (станую) изысканную картину, исполненную по заказу редакціи замѣательными художниками за границу (будетъ равослана въ январѣ).—Цѣна за годъ 8 р. съ пересылкою.

Желая способствовать распространенію въ средѣ учащихся и учащейся молодежи добрыхъ началъ и серьезныхъ вѣданій, редакція понижаетъ (при подпискѣ на весь годъ) подписную плату на журналъ 79 г. со всеми преміями: а) для священно-церковно-служителей преподающихъ въ учебныхъ заведеніяхъ и народныхъ школахъ и для всѣхъ вообще учителей и учительницъ, наставниковъ и наставницъ, смотрителей, попечителей и поч. благодѣтелей—въ 8 до 6 р. за годъ; б) для народныхъ же учителей и учительницъ всѣхъ вѣдомствъ, для студентовъ, воспитанниковъ и воспитанницъ всѣхъ учебныхъ заведеній и ихъ бабюшекъ съ 8 р. до 5 въ годъ. Подписываться слѣдуетъ *вслѣдуетъ вполноценно*. Адресъ: въ редакцію «Гражданина», СПБ., М.-Итальянская, 4. № 253 2—1

СЕКРЕТЪ ЮНОНЫ.

Особеннаго свойства пудра для освѣщенія и бѣланы лица, предохраняющая чистоту лица отъ рѣзкаго вѣтра и мороза, устраняетъ жаръ и красноту и тонко прилепается. Иногороднымъ высылается на 2 руб.

Цѣна коробки 75 коп., съ пуховой 1 руб. Въ косметическихъ магазинахъ В. Парикова в №, въ Гостиномъ дворѣ № 78 противъ Пажескаго корпуса и у Кошкина по пермяной линіи № 14-й въ С.-Петербургѣ. № 234 3—3

О ПОДПИСКѢ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ „ТЕЛЕГРАФЪ“ 1879 Г.

„Телеграфъ“ будетъ выходить въ 1879 году по прежнему ЕЖЕДНЕВНО, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за табельными праздниками, но въ случаѣ полученія важныхъ новостей имѣютъ и въ эти дни выходить особыя прибавленія. По понедѣльникамъ (кромя слѣдующихъ за табельными праздниками или за двумя праздничными днями) будетъ издаваться полный листъ или полулистъ газеты, но безъ передовыхъ статей.

„Телеграфъ“ — политическая, литературная и общественная ежедневная газета — самая дешевая изъ всѣхъ существующихъ нынѣ ежедневныхъ газетъ въ Россіи, издается безъ предварительной цензуры.

Дешевизна, общедоступность, полнота, оживчивость ко всему интересующему общество — вотъ главныя цѣли, къ которымъ стремится газета „Телеграфъ“. Немногіе имѣютъ возможность платить дорого за газету, не у всѣхъ досугъ прочитывать длинныя столбцы большихъ изданій; но всѣ, отъ столичнаго до провинціальнаго и деревенскаго жителя, желаютъ внимательно слѣдить за явленіями общественной и государственной жизни; всѣ желаютъ найти отголосокъ своимъ взглядамъ и желаніямъ и жить общою жизнью съ отечествомъ. Такихъ читателей редакція исключительно имѣетъ въ виду; для нихъ она трудится, и труды ея уже увѣнчались успѣхомъ. Въ теченіи перваго года число подписчиковъ на газету „Телеграфъ“ превзошло 10,000, такъ что газетѣ пришлось обзавестись собственною типографіею, вполне обеспечивающею отнынѣ исправную доставку газеты.

„Телеграфъ“ выходитъ въ большомъ форматѣ въ пять газетныхъ столбцовъ четкаго и убористаго шрифта.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ газеты „Телеграфъ“ на Большой Конюшенной, д. № 15, Языковой, кв. № 22.

Подписная цѣна на газету „Телеграфъ“ съ доставкою ея на домъ въ Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ въ 1879 году слѣдующая:

на 12 мѣс.	на 11 мѣс.	на 10 мѣс.	на 9 мѣс.	на 8 мѣс.	на 7 мѣс.	на 6 мѣс.	на 5 мѣс.	на 4 мѣс.	на 3 мѣс.	на 2 мѣс.	на 1 мѣс.
6 р. — к.	5 р. 50 к.	5 р. — к.	4 р. 75 к.	4 р. 25 к.	4 р. — к.	3 р. 50 к.	3 р. — к.	2 р. 50 к.	2 р. — к.	1 р. 50 к.	75 к.

Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна за границею вдвое противъ означенныхъ выше цѣнъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ для служащихъ по третямъ чрезъ ихъ казначействъ; не служащія же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ главную контору редакціи.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою и доставкою, присылаютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 2 р. 50 к., въ началѣ марта 2 р. и въ началѣ августа 1 р. 50 к. Нарушившіе который-либо изъ означенныхъ сроковъ лишаются права на разсрочку.

Редакція проситъ иногородныхъ присылать адреса четко написанные, съ обозначеніемъ ближайшей почтовой станціи, въ которой раздѣются газеты подписчикамъ, а при перемѣнѣ адреса прилагать двѣ 8-ми коп. марки, а также сообщать свой старый адресъ, безъ чего не можетъ быть сдѣлана своевременно перемѣна.

№ 235 2—2

Издатель и редакторъ Н. Трубниковъ.

СЕМЬЯ и ШКОЛА

ИЛЛЮСТР. ПЕДАГОГ. ЖУРНАЛЪ

1879 г. (Годъ изданія 9-й).

Отд. I Семейное чтеніе (для дѣтскаго чтенія) 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 10 р

Отд. II. «Воспитаніе и обученіе съ педагогическою хроникой». 10 книгъ и 40 номеровъ въ годъ. Подп. ц. съ перес. 5 р.

Подписная цѣна на оба отдѣла съ перес. 12 р. въ годъ.

Подписка адресуется: Въ СПБ., въ контору журнала «Семья и Школа» (Васильевск. остр., 15 л., д. № 20). № 249 10—1

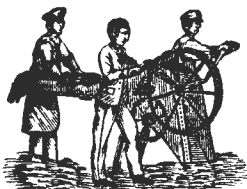
ИЗВѢСТНЫЯ МОЛОТИЛКИ ПО СИСТЕМѢ ВЕЙЛА.

МОРИЦЪ ВЕЙЛЬ младшій

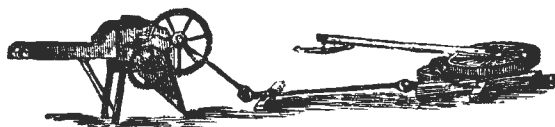
Маш. строительный заводъ

въ Франкфуртѣ ^{т.} в. въ Германіи

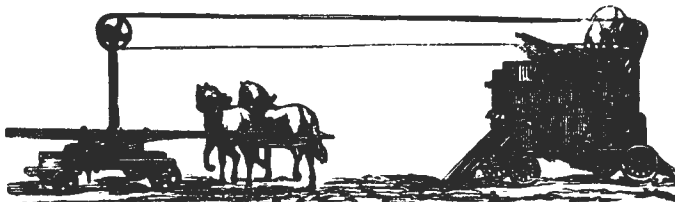
поставляетъ, по желанію франкировано изъ-за границы на первыя станціи русскихъ жел. дорогъ.

Ручныя молотилки по цѣнѣ отъ 98 руб.

Молотилки съ конными приводами для 1 и 2-хъ лошадей по цѣнѣ машины отъ 220 руб.

Молотилки съ конными приводами для 2, 4 и 6 лошадей, съ самодействующимъ щипательнымъ аппаратомъ или безъ онаго, готовыя со всеми принадлежностями къ употребленію. Иллюстр. каталоги по желанію бесплатно и франкир. № 223

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1879 ГОДУ

СОБРАНІЯ

ИНОСТРАННЫХЪ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Редакція этого изданія, извѣстнаго нашимъ читателямъ уже двадцать-три года, дастъ въ 1879 г. отъ десяти до двѣнадцати большихъ романовъ и столько повѣстей и разсказовъ, сколько позволитъ объемъ книжекъ, составляющихъ въ годъ болѣе *трехсотъ* печатныхъ листовъ, или около *пяти тысячъ* страницъ. Обиліе и разнообразіе беллетристическихъ произведеній, непрерывно появляющихся въ иностранной литературѣ, не даетъ редакціи возможности съ точностью опредѣлить, что именно помѣститъ она въ будущемъ году. Пока приготовлены слѣдующіе романы:

ТАЙНЫЙ БРАКЪ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ, герцога де-Помары. ПОМЕРОЙСКОЕ АББАТСТВО, мистрисъ Генри Удъ. СООБЩЕНІЕ Рене де-Камора. МОШЕННИКЪ ДЯДЮШКА, Фредерика Томаса. РОЗАСЪ, Густава Эмара. ТРИ СВОЯЧЕНИЦЫ И ШЕСТЬ ЖЕНЪ, Дюранти. ЗАМОГИЛЬНАЯ МЕСТЬ, Бернара Дерона.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12-ти книгъ большого формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца — *десять рублей пятьдесятъ копѣекъ*, съ доставкою въ С.-Петербургъ — *одиннадцать*. для иногороднихъ подписчиковъ — *двѣнадцать рублей*. Подписка принимается *исключительно* на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахмаговой, въ домѣ Жербина, на Михайловской Площади, въ С.-Петербургѣ. № 251 1—1

Въ книжныхъ магазинахъ Петербурга поступила въ продажу, для пассажировъ, купцовъ и конторскихъ учрежденій

СПРАВОЧНАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ТАБЛИЦА,

заключающая въ себя цѣны на провозъ: пассажировъ, дѣтей, багажа, товаровъ и прочей глады, страхованія ихъ; плату за провозъ: собакъ, лошадей, экипажей и покойниковъ, по дорогамъ: Николаевской, С.-П.-Бурго-Варшавской и 30 жел. дорогамъ внутренняго Россійскаго сообщенія, введшихъ 150 станціями (городами) въ прямое пассажирское и товарное сообщеніе съ вышеупомянутыми главными линіями. Текстъ таблицы содержитъ правила перевозки по жел. дор. упомянутыхъ въ таблицѣ предметовъ. Свѣдѣнія почерпнуты изъ официальныхъ источниковъ, и до настоящаго времени, нагдѣ не были доступны въ такой точности и полнотѣ справокъ. Цѣна таблицы, удобно сложной для носенія въ кармапѣ 25 в. (отзывъ «Голоса» № 278).

Гг. иногородные, желающіе приобрести таблицу, благоволятъ высылать, для удобства, вмѣсто денегъ 2 восьми-копѣечныя почтовыя марки. № 252 1 Петербургъ, Забалаянскій просп., д. № 105—1 кв. № 28, Александрѣ Блякману.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ВЪ МАГАЗИНАХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ Л. КАСТИЛЬОНЪ

С.-Петербургъ В. Морская № 16, д. Елисеѣва.

Москва, Кузнецкій мостъ д. Фирсанова № 68—11.

Только что полученная со Всемирной Парижской Выставки. Новозобрѣтенная американская машина для дѣланія бахромы изъ шелковыхъ и другихъ тканей. № 232 5—2

Цѣна съ мѣдной платформой . . . . . 7 р.

„ „ съ высеребрянной . . . . . 8 „

Въ „MAGASIN ÉTRANGER“
Иностран. магаз. В. Морская, д. № 30
ДЛЯ ХОЗЯЕКЪ
!!! НОВОСТЬ !!!
Американская, механическая
ЧУДО-ПРАЧКА !

Это уютная, прочная, устройства са-
мого несложнаго, машинка для стирки
бѣлья, кладъ въ каждомъ хозяйствѣ,—
она не портитъ, а предохраняетъ бѣлье
отъ порчи; дѣлаетъ большую экономію
времени и труда и что требовало силь-
ныхъ рукъ и трехдневныхъ трудовъ,
можно легко сдѣлать въ одинъ день.
Самый неопытный, даже дитя, можетъ
ею дѣйствовать, и ни одна домашняя
вещь не вознаграждаетъ такъ щедро по-
купателя, не принесетъ такую громадную
полазу и такой лихвенный процентъ,
какъ предлагаемая испытанная амери-
канская прачечная машина. Ц. 16 р.,
иностран. съ перес. 20 р., въ Азіятскую
Росію 22 р.

МЕХАНИЧЕСКІЯ

!! ВЫЖИМАЛКИ !!

необходимость во всякомъ хозяйствѣ,
сохраняютъ бѣлье, превосходяща для ба-
тиста, кружевъ и занавѣсокъ и такъ уско-
ряютъ сушку, что можно гладить сей-
часъ послѣ стирки; цѣна 22 руб., за пе-
ресылку чрезъ транспорт. контору пла-
тится по доставкѣ въ городахъ, гдѣ на-
ходится отд. трансп. конт.

!!! СКОРОВАРКИ !!!

въ нѣсколько минутъ вскипятить воду,
молоко, слявки, сдѣлать кофе или чай.
Цѣна 2 р. 50 к., накладка. серебр 5 р.,
съ пересылкою и иностран. 3 р. и
5 р. 50 к.

Машинки

рубить мясо въ нѣсколько минутъ въ
самыя мелкія дольки. Цѣна 7 р. 50 к.
и дороже.

АМЕРИКАНСКІЕ

НАСТОЛЬНЫЕ

ВЪСЫ ДЛЯ ДОМА

безъ гарь съ инвербрагомъ. Цѣна 8 р.,
побольше—15 руб.

АМЕРИКАНСКІЕ КАРМАННЫЕ

ВЪСЫ,

которыми можно мгновенно провѣрить
всякій вѣсъ до 12 и 20 фунтовъ. Цѣна
2 руб. и 2 р. 50 к., иностран. съ пе-
ресылк. 2 р. 50 к. и 3 р.

МАШИНЫ

сбивать яйца или слявки въ нѣсколько
минутъ. Цѣна 1 р. 50 к., иностран. съ пе-
рес. 2 руб.

!!! НОВОСТЬ ИЗЪ АМЕРИКИ !!!

Ковшники изъ кокосоваго орѣха съ
ручкой. Цѣна 75 коп., иностран. съ пе-
рес. 1 р. 25 к.

МЕХАНИЧЕСКІЕ

!!! ПРОБОЧНИКИ !!!

которыми можно вытиснить, безъ ма-
лѣйшаго труда, самыя тугія пробки.
Цѣна 1 р. 50 к., 2 р. 50 к. и 3 р.; ино-
гор. съ перес. 2, 3, и 3 р. 50 к

!! НОЖИ ДЛЯ ХЛѢБА !!

Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 75 к.

ВСЕОБЩІЯ

ИНСТРУМЕНТЬ,

содержащій болѣе 12-ти разныхъ до-
машнихъ инструментовъ, к. т. молотокъ
отвертка, клещи, ключъ для винтовъ и
пр. Цѣна 4 р. 50 к. иностран. съ перес. 5 р.

!! ВѢЧНЫЯ !!

!!! ТОЧИЛА !!!

на которыхъ можно точить ножи столо-
вые, всякія инструменты, ножицы,
топоры и проч. Цѣна 40 к. иностран.
съ перес. 1 р.

!! НОВОСТЬ !!

Розетки для свѣчей съ которы-
ми свѣчи не капаютъ, даже если совер-
шенно наклонены, или на ходу, осо-
бенно рекомендуются для бляховъ. Цѣ-
на 1 р. 50 к. за дюжину. Иностран. съ
перес. 2 руб

ПАРИЖСКІЯ МЫШЕЛОВКИ

которыми можно выловить мышекъ до
последней. Цѣна 25 коп. штука для ино-
город. съ перес. за 2 штуки 1 р.

ПОРОШОКЪ ДЛЯ МѢДИ

чиститъ скоро и отлично мѣдные само-
вары, мельхиоръ и проч. предметы изъ
подверженныхъ металловъ. Цѣна 20 к.
для иностран. съ пер. 3 пачки 1 р.
Въ „MAGASIN ÉTRANGER“ иностран-
номъ магазинѣ, въ Большой Морской,
домъ № 30, въ С.-Петербургѣ.

№ 100 **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ** **№ 100**
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ
ФАБРИКАНТОВЪ

ГОСТИННЫЙ ДВОРЪ, МАЛАЯ СУРОВСКАЯ ЛИНІЯ.

Съ 6-го ноября объявляетъ дешевую продажу товаровъ:

ДЛЯ ПОДАРКОВЪ

Исключительная дешевизна продолжится только до 25-го декабря сего года. Выгодную
покупку, съ уступкою 30% приобрѣтена громадная партія разнообразнѣйшихъ шерстя-
ныхъ матерій и назначена въ продажу по 18, 20, 25, 30, 35 до 50 коп. аршинъ.

СИТЕЦЪ прочныхъ красокъ отъ 12 коп. **КРЕТОНЪ** фабр. Цынделя
отъ 14 коп. Модныя шерстяныя и смѣшанныя съ шелкомъ ткани, полученныя съ на-
рижской выставки: для костюмовъ, туниковъ, вечернихъ и домашнихъ платьевъ. Чер-
ное лонское **МАТЛАСЕ** для рубокъ. **КАШЕМИРЪ** черный и всѣхъ мод-
ныхъ цвѣтовъ. **ФЛАНЕЛЬ** и **ВИГОНЪ** новѣйшихъ рисунковъ.

ДАМСКОЕ И МУЖСКОЕ БѢЛЬЕ.

Всякаго сорта: сорочки, кальсоны, кофты, юбки, пенью-
ары, приданое и проч.

Полный выборъ бѣлья для гг. военныхъ. Приѣмъ
заказовъ и передѣлка бѣлья.

РЕЗИНОВЫЕ ГАЛОШИ И САПОГИ

(первой доброты) для мужчинъ, дамъ и дѣтей; на холодной и теплой подкладкѣ.

РЕЗИНОВЫЯ НЕПРОМОКАЕМАЯ ПАЛЬТО

для гг. военныхъ, статец., дамъ и дѣтей (ротонды), резинов. скатерти, рез. подошвы, эластичные чулки противъ рас-
пуха ногъ, ванны резинов. складныя, матрасы и подушки надуваем., передники, подтяжки, подвязки, пажы, изыч-
ной работы.

ШВЕДСКІЯ КУРТКИ ДЛЯ ГГ. ВОЕННЫХЪ И ОХОТНИКОВЪ.

Издѣлія изъ сосновой шерсти,

тендыя кожаныя и трювяныя перчатки, стельки теплыя, больш. выборъ дѣтскихъ резинов. игрушекъ.

Постоянный складъ техническихъ и хирургическ. предметовъ, промады для зимнихъ рамъ, борты для биаллар-
довъ, ободы для колесъ, половики и маты, покрывки для банокъ и т. д. Приѣмъ заказовъ по фабричному прейску-
ранту. Оптов. и рознич. продажа.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ МАКИНТОШЪ,

уголь Михайловск. и Невскаго, д. № 4—38.

№ 258

„ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ“ БЫВШІЙ „ДѢТСКІЙ САДЪ“.

Вудеть выходить въ 1879 г. въ направленіи принятомъ съ 1876 г. Правильное практическое воспитаніе возможно
лишь тогда, когда выяснена теорія. Редакція поставила себѣ задачей въ статьяхъ о развитіи умственного и нрав-
ственного строя ребенка и о предметахъ преподаванія, высказать теоріи, на которой должно было основано воспитаніе.
Въ отдѣлѣ критики и библиографіи даются отзывы о педагогическихъ и дѣтскихъ книгахъ и журналахъ. Въ отдѣлѣ смѣ-
си замѣтки изъ воспитательной практики. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго и младшаго возраста помѣщаются раз-
сказы, стихотворенія, біографіи, статьи естественно-научнаго содержанія, путешествія. Для младшаго возраста прилага-
ются рисунки. Въ 1878 г. были помѣщены статьи, въ педагогическомъ отдѣлѣ: Вліяніе семьи и школы, Забычивость,
Мнѣніе англійскаго педагога объ экзаменахъ, Теорія воспитанія Спенсера. Любуа Реймонъ о современномъ образованіи,
Причина дѣтской смертности Португалова, Женское рукодѣлье М. Артемьевой, Дѣтскія игрушки, Что должно требовать отъ
учителя, Чтеніе, Какъ воспитывать женщину, Воля, Преподаваніе географіи, Глухота къ нотамъ. Въ отдѣлѣ чтенія для
дѣтей старшаго возраста: Вильямъ Пенни, Свазка о рубашкѣ, Вулканъ и мысль, стихотвореніе. Бури и кораблекруше-
нія, Зеленый Островъ. Изъ пѣсенъ о городѣ, стихотвореніе, А. Михайлова. П. А. Некрасовъ, М. Артемьевой, съ пор-
третомъ Некрасова. Для младшаго возраста: Встрѣча, съ рисункомъ, Пропажя Лены, Каучукъ и гуттаперча, Погоня
при луномъ свѣтѣ, Алена, разсказъ М. Артемьевой, съ рисункомъ, Пчелы, съ рисункомъ.

Журналъ выходить въ объемѣ отъ 5—6 листовъ въ 8-ую долю большаго формата. Цѣна. 4 р. 50 к. безъ доставки
съ пересылкой и доставкой 5 р.

Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, и въ редакціи: Екаторингофскій проспектъ д. 61
и в. 4. Издатель А. Поповъ. Редакторъ Н. Бѣлозерская.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“
НА 1879 ГОДЪ.

(3-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЮ).

Газета „НОВОСТИ“ выходитъ безъ предварительной цензуры ежедневно, не исключая поведѣльничковъ, полвыми
номерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Газета „НОВОСТИ“, по подписной цѣнѣ, на половину дешевле всѣхъ болшихъ ежедневныхъ газетъ, а по разно-
образію, полнотѣ и свѣжести содержанія, стоитъ на одномъ уровнѣ съ ними, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый читатель,
сравнивъ содержаніе любого номера „НОВОСТЕЙ“ съ номерами другихъ газетъ, вышедшими въ одинъ и тотъ же день.

Въ литературномъ отдѣлѣ газеты Редакція услѣла уже въ теченіи текущаго года помѣстить болѣе пятидесяти бол-
шихъ беллетристическихъ и публицистическихъ произведеній наиболее популярныя и серьезныя русскихъ и ино-
странныхъ писателей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

на 1 г. 11 м. 10 м. 9 м. 8 м. 7 м. 6 м. 5 м. 4 м. 3 м. 2 м. 1 м.
Съ дост. въ С.-Петербургъ: 8 р. 7 р. 50 к. 7 р. — к. 6 р. 50 к. 6 р. — к. 5 р. 50 к. 5 р. 4 р. 50 к. 3 р. 80 к. 3 р. 2 р. 1 р.

Съ пересылкою . . . 9 » 8 » 25 » 7 » 50 » 7 » — » 6 » 50 » 5 » 75 » 5 » 4 » 50 » 4 » — » 3 » 2 » 1 »
Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1878 г. и на весь 1879 г. платятъ за время съ 1-го сентября 1878
года по 31-е декабря 1879 г. т. е. за 16 мѣсяцевъ, всего 12 р. 50 к., съ 1-го октября 1878 г. по 31-е декабря 1879 г.,
т. е. за 16 мѣсяцевъ — 11 р. 50 к., съ 1-го ноября — 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря — 9 р. 75 к.

Разсрочка платежа допускается чрезъ посредство казначействъ или по соглашенію съ конторою редакціи.

Письма и деньги адресуются: въ Петербургъ, въ редакцію газеты „НОВОСТИ“.

С.-Петербургъ 1870

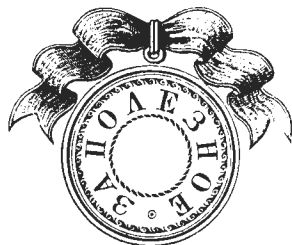
Вѣна 1873

за мѣховой отдѣлъ.

Парижъ 1878

серебряная.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Филадельфія 1876

Вѣна 1873

за готовыя вещи.

Парижъ 1878

серебряная.

МАГАЗИНЪ НОВОСТЕЙ ПЕТРОВА И МЕДВѢДЕВА

С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ.

Шубки и Ротонды.

на собольемъ, лисьемъ, куньемъ и другихъ мѣхахъ.

Шапки, Муфты, Шали, Воротники и Боа.

изъ котикъ, бобра, соболя, куницы и модныхъ мѣховъ.

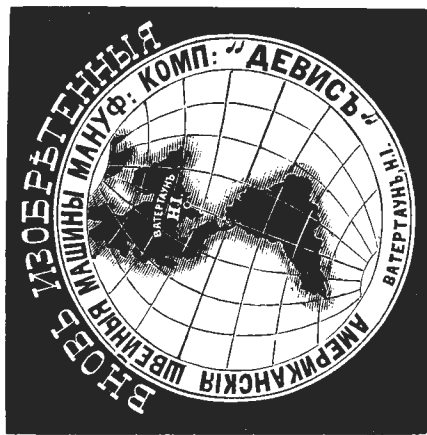
КОСТЮМЫ для прогулокъ и комнатъ съ модными отдѣлками.

Оренбургскіе пуховые платки.

Sortie de Bal для театровъ и баловъ.

Пересылку магазина за свой счетъ не принимаютъ

Не покупайте швейной машины, не осматривая предварительно основательнѣйшимъ образомъ нижеозначенной

ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО И СКЛАДЪ

для Россіи

Гороховая, домъ № 17 и 56 СПБ.

у Краснаго моста, входъ съ Мойки.

Гг. агенты внутри Россіи:

- » Ярославль, Робертъ Калпъ.
- » Костомъ, О. А. Пискаревъ.
- » Самара, Г. Клепъ.
- » Назарь, Ф. А. Нейманъ.
- » Царицынъ, В. К. Кошаровъ.
- » Воронежъ, Ф. Ф. Гаусманъ.
- » Симферополь, И. Демидовъ и Компъ.
- » Кіевъ, бывш. Рудольфъ Л. Кохъ насл. Л. Гаусманъ.
- » Курскъ, Э. И. Готтль.
- » Ригъ, Э. Фробенъ.
- » Харьковъ, во время ярмарки.
- » Полтавъ, тоже, въ Пакскомъ ряду.
- » Вологда, С. Ф. Шрамъ.
- » Нижнемъ-Новгородѣ, О. Шмидтъ.
- » Симбирскѣ, К. И. Юргенсъ.
- » Саратове, Горшъ и Баргъ.
- » Астрахань, Ф. Д. Липеръ.
- » Ростовъ на Дону, Рискаль и Бурманъ.
- » Одессѣ, Вильямъ Ваннеръ.
- » Вильнѣ, А. Мронковскій.
- » Екатеринбургѣ, Ф. Бреннеръ и Компъ.
- » Гельсингфорсѣ, М. Свенсонъ.
- » Ревель, Эдуардъ Югансонъ.
- » Везенбергѣ, Ревельское комиссариатство.
- » Тамбовѣ, И. Ф. Шмидтъ.
- » и въ прочихъ городахъ.

Гг. желающіе получить агентства въ тѣхъ городахъ, гдѣ компанія не имѣетъ склада, благоволятъ обратиться съ предложеніями въ Главное Агентство, въ С.-Петербургъ.

ПОДАРКИ КЪ РОЖДЕСТВУ.

Продажа болѣе 500 новѣйшихъ волшебныхъ аппаратовъ для общественаго увеселенія для старшаго и младшаго возраста; различныя новыя занимательныя вещи, между прочимъ, волшебный вѣтеръ, который можно сломать, и въ тотъ же моментъ сдѣлать опять дѣльнымъ—отъ 2 до 8 р.; нѣсколько волшебныхъ картъ, перетасованная выходитъ по такту музыки изъ колоды—1 р. 50 к.; волшебный пруть, выросавшій изъ рта на 10 суютовъ—1 р.; колода картъ, которую можно тасовать отъ 2 до 3 хъ суютовъ—2 р.; исчезновеніе денегъ изъ стакана 3 р.; различныя аппараты отъ 20 к. и дороже. Иногородныя заказы исполняются скоро и аккуратно не менѣе 5 р.; прейсъ-куррантъ бесплатно. Пассажъ, 2-я галлерей, № 50.

№ 255 1—1

Германъ Сесіасъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
В. Морская 39,
Литейн. пр. 43.

въ ОПТИЧЕСКОМЪ МАГАЗИНѢ
И. Е. МИЛЬКЪ.

Вильно
Благовѣщенская
ул. № 42/12

Предлагаются къ наступающему сезону: Готовальни, Угольники, Линейки, Термометры наружныя, комнатныя, ванныя и медицинскіе, Барометры Бинокли и Метрономы.

Вновь открыта ГЛАЗНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА доктора Добровольскаго съ постоянными кроватями. На Михайловской площади, близъ Пассажа, домъ № 15 кв 7. Приемъ больныхъ утромъ ежедневно, исключая Воскресенья, отъ 9 до 11 ч., вечеромъ ежедневно отъ 6 до 8 часовъ. Для бѣдныхъ бесплатно по вторникамъ и субботамъ отъ 9 до 11 часовъ.

№ 222

10—3

При этомъ № прилагаются 6 (шесть) объявленій 1) отъ редакціи „Нивы“ (для гг. городскихъ и иногородн. подписч.), 2) три объявленія отъ изданія М. О. Вольфа въ СПБ., 3) отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ, 4) отъ редакціи „Собранія Романовъ“ въ СПБ. (Последнія пять объявленія исключительно для иногородныхъ подписчиковъ).

НИВА

№ 49

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдастъ 4 Декабря 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
Для напечатанія въ «Нивѣ» принимаются по 25 и за строку конпарейль (въ ширинѣ страницъ).

КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1879 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Просимъ гг. иногороднихъ подписч. незамедлительно возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журна-
ла, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе 26,500 печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . . . 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ ин.
маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. . . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг.
города Россіи . . . . . 6 „

КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложенія при «Нивѣ» объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 6 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Месячя рукописи и стихи, неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

Подписка на 1878 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

При этомъ № прилагаются «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ДЕКАБРЬ съ 24 рисунками и отдѣльный листъ съ 24 чертж. выкроекъ въ натуральную величину, съ 28 рис. руководѣльныхъ работъ и разнообразныхъ инициальныхъ буквъ.

Князь П. А. Вяземскій.

На дняхъ, 26 Ноября, въ нашу столицу привезетъ прахъ скончавшагося 10 ноября настоящаго года въ Баденъ - Баденъ на 87-мъ году жизни князя Петра Андреевича Вяземскаго. Питомецъ Н. М. Карамзина, младшій товарищъ В. А. Жуковскаго, другъ Пушкина, покойный князь былъ послѣднимъ представителемъ самаго блестящаго періода нашей литературы, всегда оказывалъ на нее сильное и благотворное вліяніе, содѣйствовалъ развитію самаго Пушкина, Языкова, Баратынскаго и др., хотя между известныхъ, но высоко даровитыхъ, писателей. Князь П. А. Вяземскій родился 12 іюля 1792 года, въ Москвѣ, въ домѣ своего отца князя Андрея Ивановича, сенатора, екатерининскаго генералъ-поручика и намѣстника нижегородскаго и пензенскаго при Павлѣ 1-мъ, известнаго въ обществѣ того времени за умнѣйшаго и образованнѣйшаго человѣкъ. Первоначальное воспитаніе свое князь Петръ Андреевичъ полу-

К. Н. Вяземскій

чилъ въ Петербургѣ, въ иезуитской коллегіи, а потомъ въ благородномъ пансіонѣ при Петербургской гимназій. Вскорѣ онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и довершилъ свое образованіе въ домѣ профессора Рейсса, пользуясь уроками какъ его самого, такъ и другихъ профессоровъ московскаго университета. Въ 1807 году князь Петръ Андреевичъ поступилъ конксеромъ въ межевую канцелярію; пожалованный въ 1811 году въ камеръ-юнкеры, онъ вступилъ на слѣдующій годъ въ ополченіе, въ гусарскій полкъ, организованный графомъ Мамоновымъ и, состоя при графѣ Милорадовичѣ, участвовалъ въ знаменитомъ бородинскомъ сраженіи, при чемъ находился въ самомъ пылу битвы, во время которой подъ нимъ были убиты двѣ лошади. Воспоминаніе объ этомъ великомъ днѣ въ исторіи отечественной войны находится въ стихотвореніи, написанномъ княземъ въ 1842 г. и известномъ подъ названіемъ «Русскіе проселки». Съ 1817 до

1821 г. князь Вяземский служил в Варшавѣ при Новосилцевѣ, бывшемъ правительственнымъ комиссаромъ при польскомъ министерствѣ. Выйдя въ отставку, князь Вяземский, въ царствованіе Императора Николая Павловича, въ 1831 г., вновь вступилъ на службу по министерству финансовъ и 14 лѣтъ былъ вице-директоромъ департамента вышней торговли, а потомъ, въ должности управляющаго, завѣдывалъ коммерческимъ банкомъ. Въ 1849 г. князь Петръ Андреевичъ путешествовалъ по востоку, былъ въ Константинополь и Иерусалимъ, а въ 1853 году назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ. Въ нынѣшнее царствованіе князю Вяземскому дано было болѣе соотвѣтствующее его склонностямъ служебное назначеніе: онъ нѣсколько лѣтъ, съ 1855 по 1858 г., занималъ должность товарища министра народнаго просвѣщенія; въ 1866 г. избранъ былъ президентомъ Русскаго Историческаго (нынѣ Императорскаго) общества. Въ послѣдніе годы князь Петръ Андреевичъ состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта и обер-шенкомъ Высочайшаго двора.

Но государственная служба никогда не была его преобладающимъ занятіемъ; главную службу свою князь Вяземский сослужилъ Россіи какъ высоко-даровитый писатель. Онъ обнаружилъ склонность къ литературѣ съ самаго ранняго возраста. Дѣтство и юность князя прошли при исключительно счастливыхъ условіяхъ: лучшие люди екатерининскаго и александровскаго времени окружали его. „Я родился,“ говоритъ князь Петръ Андреевичъ въ письмѣ къ князю Д. П. Оболенскому, письмѣ, исполненномъ глубины чувства и ума, „въ старой Москвѣ, воспитанъ въ ней, въ ней возмужалъ; по наследственному счастью рожденія, по средѣ, въ которой мнѣ пришлось вращаться, я не зналъ той Москвы, которая такъ охотно и словоохотно рисуется подъ перомъ нашихъ повѣствователей и комиковъ. Можетъ быть въ нѣкоторыхъ углахъ Москвы и была, и вѣроятно была, *фимусовская* Москва; но не она господствовала: при этой Москвѣ была и другая, образованная, умственная и нравственная жизнь жившая Москва.“ Москва Нелединскаго-Мелецкаго, князя Андрея Ивановича Вяземскаго, Карамзина, Дмитріева и многихъ другихъ единомысленныхъ и сочувственныхъ имъ личностей. Въ этомъ обществѣ, которое собиралось въ домѣ отца поэта, открытаго для всѣхъ представителей интеллигенціи, встрѣчались люди противоположныхъ учений, разныхъ вѣрованій, разныхъ эпохъ. Тутъ были люди, созрѣвшіе подъ вліяніемъ и блестящимъ солнцемъ царствованія Екатерины; были обломки крушеній отъ слѣдовавшаго за нимъ царствованія: уже выглядывали и обозначались молодые умы, мододыя силы, развившіеся подъ благотвореніемъ первоначальныхъ годовъ правленія императора Александра I. Въ общественномъ, какъ и въ литературномъ быту, были старобрядческіе послѣдователи Шникова и новокрещенцы, послѣдователи Карамзина. Двигались и мысли и сыны Вольтера и сыны крестоносцевъ, по французскому выраженію, а по русски—сыны православной церкви. Подъ вліяніемъ этой среды разнообразныхъ умственныхъ силъ росъ и развивался талантъ поэта и слагалась та исключительная и замѣчательно-богато одаренная отъ природы натура его, лучшей характеристикой которой можетъ служить обращенное къ портрету князя П. А. стихотвореніе А. С. Пушкина:

„Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбой.“

Свою литературную дѣятельность князь Вяземский началъ стихотвореніями *), которыя высоко цѣнились современниками и не утратили до нынѣ своего значенія. Въ молодые годы князь былъ и замѣтнымъ журнальнымъ дѣятелемъ, помѣщая разнаго рода статьи въ новѣйшихъ періодическихъ изданіяхъ его времени, начиная съ „Телеграфа;“ впоследствии онъ также много писалъ въ „Литературной газетѣ“ и пушкинскомъ „Современникѣ.“ Какъ мы уже упомянули въ началѣ нашего очерка, князь Вяземский—сверстникъ того поколѣнія, во главѣ котораго стоитъ Жуковский. По образованію своему, князь Вяземский относится къ тому времени, когда литература наша отъ такъ называемаго классическаго направленія переходила къ романтическому. Литературное его воспитаніе совершилось еще подъ вліяніемъ французскаго классицизма, но безъ его односторонности, взятаго въ самомъ лучшемъ его видѣ. Извѣстенъ его взглядъ на литературу, какъ на выраженіе общественной жизни, тотъ взглядъ, которому французы обязаны такимъ множествомъ историческихъ сочиненій по этой части.

Своими тайными сочувствіями, своимъ самовоспитаніемъ, князь Вяземский принадлежитъ романтической школѣ. Остроумныя эпиграммы часто направлялъ онъ противъ тѣхъ, которые противились тогда еще новому стремленію—романтическому. То, что его самого влекло къ этой школѣ, заключалось въ его тепломъ, глубоко чувствѣ, которое не только согрѣвало его дружескія посланія, но вспыхивало изъ-подъ самыхъ его эпиграммъ. Это элегическое чувство сильнѣе всего сказалось въ послѣднихъ произведеніяхъ его музы. Въ характерѣ князя

Вяземскаго была прекрасная черта—его глубокое сочувствіе къ родной литературѣ, какъ выразительницѣ мысли общественной, и его высокое мнѣніе означеніи русскаго писателя. Князь Вяземский дѣйствовалъ въ журналахъ неутомимо. Онъ не шадилъ себя для русской словесности. Онъ смѣло вызывалъ противъ себя вражду той посредственности, которая вредила достоинству литературы. Онъ старался о томъ, чтобы у насъ образовалось литературное мнѣніе—и это стремленіе его останется за нимъ, какъ добрый подвигъ его литературной дѣятельности.

На обѣдѣ, данномъ въ Москвѣ въ 1850 г., въ честь князя, по возвращеніи его въ отечество, послѣ продолжительнаго путешествія покойнаго по востоку, въ прѣвѣтствіи нѣкоторыхъ литераторовъ и въ отвѣтъ самого князя высказано было значеніе его литературной дѣятельности. Покойный Н. Ф. Павловъ, между прочимъ, сказалъ: „Вашъ умъ и сердце развились въ ту эпоху, когда глаза наши были ослѣплены блистательными явленіями западной образованности, и между тѣмъ въ эту эпоху вы горячо полюбили свой языкъ, вы сумѣли прислушаться къ его задушевному звуку, и мы читаемъ у васъ стихи, которыхъ безъ чистой, глубокой, истинной любви къ къ своей родинѣ, не могли бы внушить никакіе дары providѣнія. Чужеземное вліяніе не закрыло отъ васъ ни чудесныхъ красотъ нашего языка, ни величія нашего отечества. Ваше имя тѣсно соединено съ памятными именами. Вы были другомъ Карамзина, Дмитріева, Батюшкова, Баратынскаго. Вы съ теплымъ вниманіемъ всрѣтили первые стихи Языкова, вы приняли послѣднія слова умирающаго Пушкина. Съ вами связана для насъ исторія русской литературы, ея радостныя и горькія воспоминанія. Вы, по выраженію Баратынскаго, „звѣзда разрозненной Плеяды“. Въ скромномъ, исполненномъ достоинства отвѣтѣ своемъ, князь Вяземский указалъ на свои литературныя связи: „Въ области литературы я живое преданіе Я былъ питомцемъ Карамзина: тѣснѣйшія узы родства *) и сердца связывали меня съ нимъ. Нелединскій, Дмитріевъ также ласкали меня, отрокомъ, въ домѣ отца моего. Послѣ, когда я возмужалъ, они удостоили меня своей особенной пріязни. На дружескихъ и веселыхъ шпрахъ обмѣнивались мы съ Денисомъ Давыдовымъ рюмками и бокалами. Я не дожилъ еще до глубокой старости, но грустно уже пережилъ многихъ друзей, многія литературныя поколѣнія. Пушкинъ, Баратынскій, Языковъ возросли, созрѣли, прославились и сошли въ могилу при мнѣ. Во мнѣ прѣвѣтствуетъ вы старѣйшаго друга нашего перваго современнаго поэта, Жуковскаго, и другаго поэта, еще живаго но, къ сожалѣнію, давно умолкшаго, Батюшкова.“

Князь Вяземский обладалъ, кромѣ таланта поэтическаго, талантомъ критическимъ и сатирическимъ. Изъ критическихъ его сочиненій особенно замѣчательны: 1) биографія Дмитріева и Озерова, приложенныя къ собранію ихъ сочиненій; 2) о „Горѣ отъ ума“ и о „Ревизорѣ“ и 3) „фонъ-Визинъ“—это послѣднее произведеніе считается за настоящаго времени образцовымъ по части биографіи и критики. „Въ этой биографіи, говоритъ Гоголь, обнаружилось обиліе даровъ въ немъ заключенныхъ. Тамъ слышенъ философъ, политикъ, тонкій критикъ и даже вѣдатель практической стороны жизни—словомъ всѣ тѣ качества, которыя долженъ заключать въ себѣ историкъ въ значеніи высшемъ“. Сатирическія сочиненія, эпиграммы и нѣкоторыя посланія напечатаны во множествѣ журналовъ и альманаховъ.

Въ мартѣ 1861 года, въ залѣ Академіи Наукъ, праздновался 50-ти лѣтній юбилей литературной дѣятельности князя Вяземскаго, но заслуги его до сихъ поръ еще не оценены нашею критикою. Тѣмъ не менѣе имя князя Петра Андреевича Вяземскаго какъ замѣчательнаго поэта, сатирика и критика навсегда останется въ исторіи нашей словесности. По праву своего таланта и образованности, онъ занимаетъ мѣсто на самыхъ блистательныхъ ея страницахъ, рядомъ съ Жуковскимъ, Батюшковымъ, Пушкинымъ. Въѣсть съ лучшими людьми, онъ во всѣ періоды своей жизни и на всѣхъ путяхъ ея неизмѣнно сохранялъ горячую преданность просвѣщенію и литературѣ, видя въ нихъ главныя орудія успѣховъ гражданскаго благоденствія и человѣческаго совершенства.

Переходя къ заключенію къ оценкѣ нравственной личности покойнаго поэта, должно сказать, что и какъ человѣкъ князь П. А. Вяземский представлялъ явленіе исключительное и рѣдкое: „неизмѣнность въ характерѣ, говоритъ авторъ одной статьи о немъ, вѣрность въ дружбѣ, умъ своеобразный и тонкій, аттичская соль рѣчи и въѣсть съ тѣмъ простодушіе, таковы были плѣнительныя качества, ради которыхъ никогда не забудутъ про князя Вяземскаго ни во дворцахъ, гдѣ онъ бывалъ любимымъ гостемъ, ни въ бѣдныхъ хижинахъ, которыя онъ навѣщалъ во время своихъ неутомимыхъ прогулокъ съ дарами благотворенія, съ ободряющимъ и участливымъ словомъ.“

Послѣ такой обширной, и разнообразной жизни долженъ былъ остаться богатый архивъ. Объ этомъ архивѣ, называя его *Астафьевскимъ* (по имени деревни, гдѣ прошло много памятныхъ для покойнаго князя дней его жизни) упоминаетъ издатель подлинныхъ записокъ Храповицкаго (извлеченныхъ

*) Вышли отдѣльнымъ томомъ въ 1848 г. подъ заглавіемъ „вд рогѣ и дома.“

*) Карамзинъ во 2-й разъ былъ женатъ на сестрѣ князя П. А. Вяземскаго.

также изъ этого собранія) Н. П. Барсуковъ. Князь П. А., говоритъ издатель, поручилъ мнѣ заняться описаніемъ той части своихъ бумагъ, которая не приведена еще въ порядокъ". Пол-

ное описаніе такого драгоценнаго архива составило бы серьезный вкладъ въ нашу литературу. Нѣкоторые отрывки изъ бумагъ этихъ печатались въ послѣдніе годы въ „Русскомъ Архивѣ“

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ.

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Продолженіе).

XI.

Все было тихо въ Преображенскомъ. Въ небольшомъ, далеко не роскошномъ домѣ, который именовался дворцомъ, и гдѣ такъ часто и по долгу жила теперь Петръ Алексѣевичъ съ матерью и молодой женою—всѣ спали. Богатырскій храпъ раздавался и кругомъ дворца изъ деревянныхъ, на скорую руку построенныхъ барачковъ, вмѣщавшихъ въ себѣ потѣшное воинство.

Только незначительные патрули обходили время отъ времени царское жилище. Но не замѣчали эти патрули, что у перелѣска, въ частыхъ кустахъ, доходящихъ до самаго села и откуда какъ на ладони видѣнъ былъ дворецъ, засѣли какіе то люди. Люди эти были лазутчики Шакловитаго. Имъ поручено было неуставно слѣдить за каждымъ шагомъ царя, а на утро одинъ изъ нихъ долженъ былъ пробраться во дворецъ, переговорить съ кумомъ своимъ. Этотъ кумъ принадлежалъ къ царской дворнѣ и съ помощью царевнинныхъ денегъ его можно было уговорить привести въ исполненіе страшный замыселъ—погубить царя и царицу тѣмъ или другимъ способомъ.

Лазутчики не спятъ, зорко поглядываютъ, хотя и плохо видно—ночь ужъ не июньская, на дворѣ августъ. Луны не видно, а звѣзды въ глубинѣ небесной безъ конца высыпали, и горятъ-переливаются. Но не нарушаютъ онѣ своимъ трепетнымъ и далекимъ свѣтомъ мглы и темноты, въ которыя закутаны и лѣсъ, и село, и царскія строенія. Горятъ и переливаются звѣзды и вдругъ которая нибудь изъ нихъ сорвется съ тверди небесной и, мелькнувъ серебряной нитью по небу, вмигъ разсыплется и невѣдомо гдѣ исчезнетъ.

Только одно и развлеченіе лазутчикамъ—эти падающія звѣзды. Ночи впереди еще много, да и ночь то холодновата, съ близняго болота туманъ стелется, сырость проникаетъ а согрѣться нечѣмъ: въ поныхахъ забыли водку.

Но что это? по безмолвной и темной дорогѣ отъ Москвы слышится конскій топотъ. Лазутчики встревожились. Кто бы это могъ быть?! Топотъ ближе и ближе. Почти мимо самыхъ кустовъ къ селу промчались два всадника. Вотъ они уже у воротъ дворца, переговариваются съ патрулемъ... ихъ впустили. Опять все тихо...

Крѣпко спитъ съ молодой женою Евдокія Федоровной царь Петръ Алексѣевичъ. Душно въ его опочивальнѣ. Сбросилъ онъ съ себя штофное одѣяло, размѣтались по бѣлымъ подушкамъ его кудри шелковыя, глубоко дышитъ грудь молодецкая. Истомился день денской работаючи Петръ Алексѣевичъ; поздно домой возвратился, едва перекусилъ, выпилъ маленькую чарочку, подошелъ подъ благословеніе царицы матушки да и завалился спать въ опочивальню. И такъ ужъ спать хотѣлось, что почти не слышалъ онъ, не видѣлъ свою молодую царицу, Евдокію Федоровну. А Евдокія Федоровна говорила ему рѣчи нѣжныя, а потомъ осердилась не на шутку, что онъ на эти рѣчи вниманія не обращаетъ—начала жалобы:

„Вотъ молъ жизнь моя несчастная, цѣлый то Божій день тебя не видно, а и вернешься на ночь гляди—такъ слова ласковаго не скажешь,—спать завалишься... горькая я, несчастная!“

И заплакала царица, думая хоть слезами разжалобить молодого мужа. Но Петръ Алексѣевичъ ужъ спалъ крѣпко—не прорвали его женины слезы.

Медленно, минута за минутой, крадется ночное время. Только вдругъ тишина ночи нарушена какимъ-то движеніемъ. Вонъ слышно: ворота отпираются, слышны голоса людскіе, и все громче и громче эти голоса. Ужъ вблизи опочивальни раздаются шаги, отпираются двери, стучать, ходятъ, переговариваются.

Проснулася, приподнялася съ подушекъ молодая царица. Глядитъ въ темноту ночную, со страхомъ слушаетъ.

— Что бы такое, Господи, значило?

Будить мужа. Но крѣпко сонъ царскій. Вотъ стучать въ двери—слышно: „отоприте!“ Боже мой!.. Наконецъ Петръ проснулся, вскочилъ съ кровати, отперъ двери, а передъ нимъ царица мать, за нею князь Борисъ Голицынъ со свѣчей въ рукахъ, а тамъ и другіе домочадцы и близкіе люди. У всѣхъ испуганныя лица, всѣ кой-какъ накинули на плечи платки—видно сейчасъ съ постелей повскакали, стоя, тутъ же у царской опочивальни, одѣваются.

— Что такое, что?

И слышится Петру:

— „Два стрѣльца пріѣхали съ Москвы, спасаться нужно... на тебя государя, да на царицу смертное убійство умышляется“.

Петръ вздрогнулъ. Но еще послѣ сна крѣпкаго придти въ себя не можетъ, не знаетъ слышались ли ему слова эти страшныя или вразправду кто сказалъ ихъ. А между тѣмъ вотъ уже явственно раздается голосъ Голицына:

— Шакловитый, извѣстно по чѣму наущенію, въ эту же ночь Преображенское поджечь задумалъ, а въ переполохѣ и хотять учинить злодѣйство.

Петръ очнулся.

— Бѣжать, бѣжать не медля!.. нѣтъ, не дамся!

Онъ схватился за голову.

— Вѣдь вотъ тутъ въ домѣ уже можетъ забрались убійцы, можетъ поджидаютъ, теперь умереть... Матушка, жена! крикнулъ онъ,—одѣвайтесь всѣ скорѣе!.. войско... пушки... все къ Троицѣ, а я впередъ!.. я долженъ спастись... иначе все погигло! за мною всѣ!..

И онъ, себя не помня, какъ былъ въ одной рубашкѣ, выбѣжалъ изъ опочивальни, пробѣжалъ всѣ дворцовые покои, на дворъ, на конюшню. Схватилъ перваго неосѣдланнаго коня, вскочилъ на него и помчался изъ Преображенскаго.

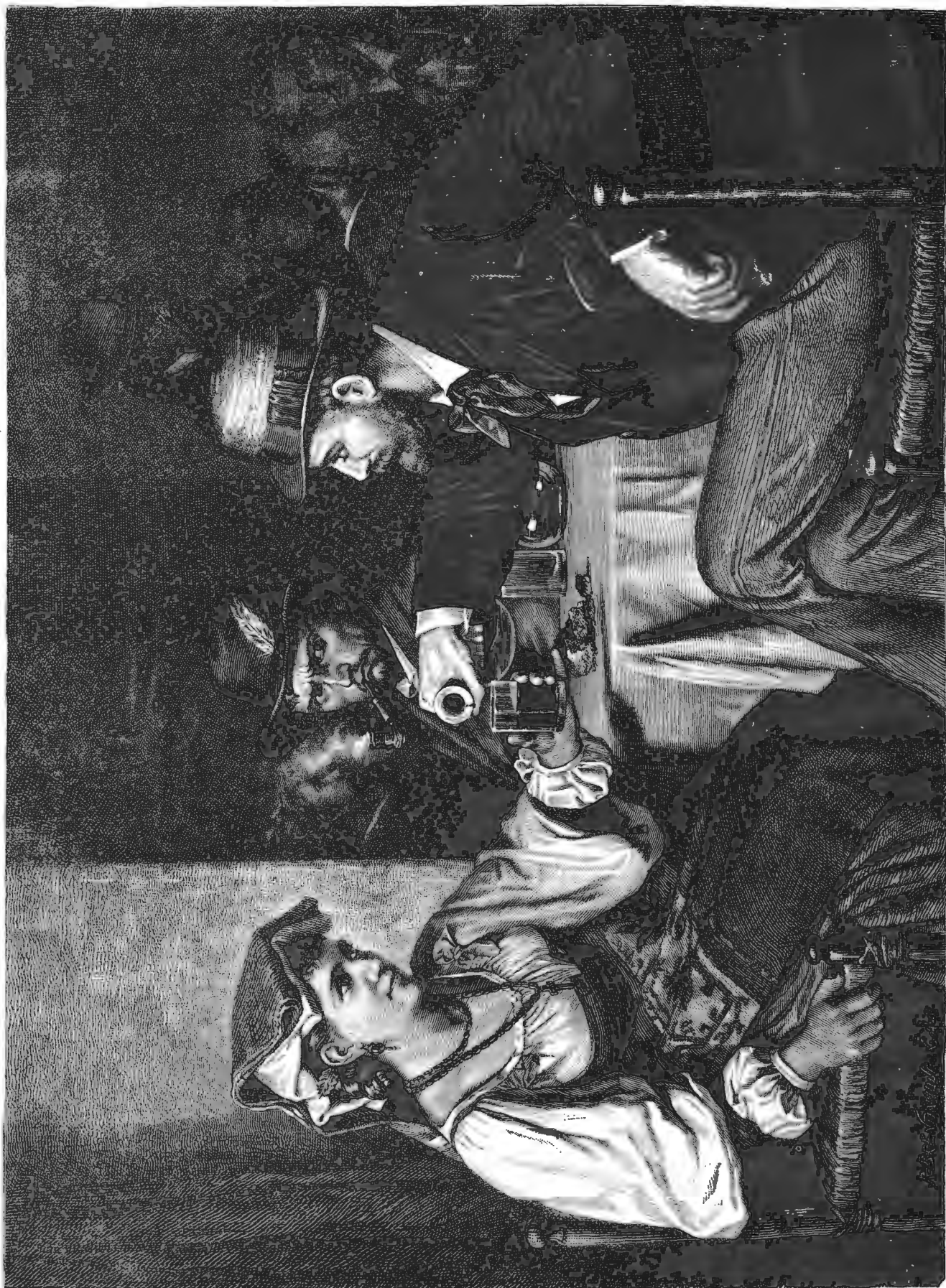
Ночь начинала бѣлѣть. Сквозь мглу ужъ обозначались предметы. Лазутчики еще издали завидѣли чело-вѣка на конѣ, въ бѣлой рубашкѣ.

— Это кто же? что за чудеса такія. Навѣрно кого нибудь схватили, вырвался кто нибудь... удираетъ! А вѣдь гляди-ка, гляди-ка, братцы, ей Богу какъ есть раздѣтъ совсѣмъ, въ одной рубашкѣ, что за притча такая!

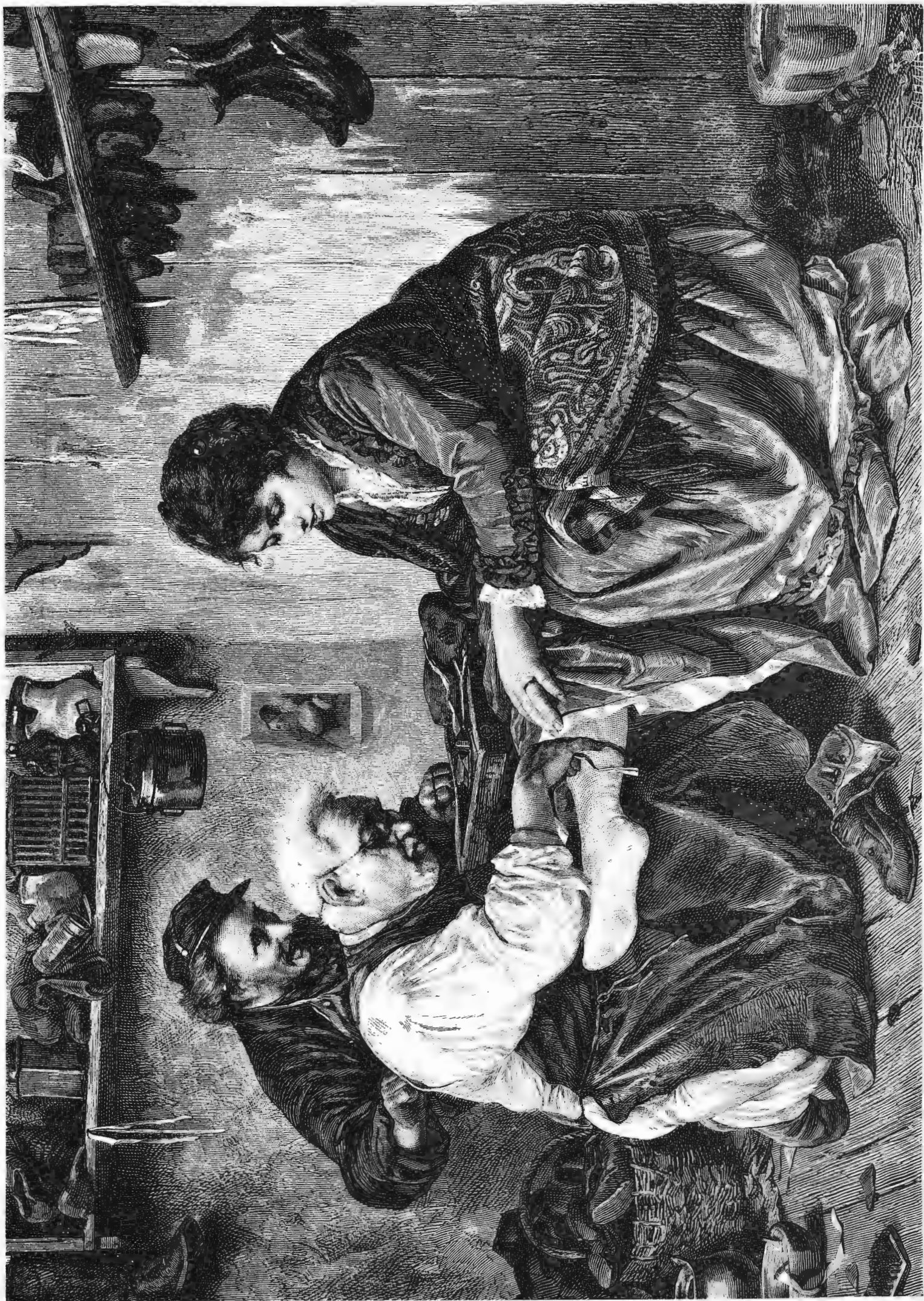
Вотъ всадникъ ближе, мчится что есть духу.

— Царь! онъ, какъ есть онъ! шепчутъ лазутчики,—вся статъ его!

Всадникъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ. Они его окончательно узнали, сомнѣнія быть не можетъ.

Художникъ и его будущая модель. Картина Торнось, грав. Брентъ Амугъ.

Въ мастерской сапожника. Картина Антона Ротта, грав. Шарль.

— Ну такъ что же, чего же лучше... взводи курогъ! пали!..

Одинъ изъ лазутчиковъ уже и приготовился было, выставилъ ружье; но другой сильно схватилъ его за руку.

— Стой! На царя то! да и кто это тебѣ приказывать чтобы стрѣлять?!

Но все равно злодѣйство врядъ ли могло совершиться—всадникъ былъ далеко.

Лазутчики снова притаились и ждали.

Черезъ нѣсколько минутъ показались еще нѣсколько всадниковъ. Они спѣшатъ за первымъ—къ лѣсу.

— Вѣстимо въ лѣсъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—куда же иначе?.. Въ одной-то рубахѣ!.. Сейчас завернемъ въ просьбу и окликнемъ... Ночь холодная, одѣть его нужно скорѣй!..

Прошло съ четверть часа — и все Преображенское въ движеніи.

Мимо кустовъ катится карета съ царицами, за каретой всякіе экипажи, верховые люди, пунки, цѣлыя колонны потѣшныхъ, которые обгоняютъ другъ друга, спѣшатъ, забывъ регулярный маршъ свой. Скоро всеѣмъ опустѣло Преображенское.

„Иди теперь—жги его!..“

Лазутчики обождали немного и бѣгомъ пустились въ Москву донести Шакловитому о такихъ чудныхъ дѣйствахъ.

XII.

Часамъ къ шести утра, совершенно изнемогая отъ усталости и волненія, прискакалъ Петръ въ Троицкую лавру въ сопровожденіи постельничаго Головкина, Мельнова и своего любимаго карлы.

Едва войдя въ монастырское помѣщеніе, гдѣ постоянно оставался, онъ бросился на постель и вдругъ зарыдалъ.

Прибѣжавшій къ нему архимандритъ лавры Викентій долго не могъ добиться отъ него ни слова.

Наконецъ рыданія царя стихли. онъ заговорилъ; но рѣчь его прерывалась неудержимыми слезами.

— Меня и всѣхъ моихъ извести сестра хочетъ, говоритъ Петръ,—нигдѣ нѣтъ отъ нея защиты. Велѣла своимъ разбойникамъ—стрѣльцамъ поджечь Преображенское, едва выскочилъ... Укрой меня, отче, спаси!..

Архимандритъ сталъ его успокаивать.

— Укроемъ, государь, здѣсь никто до тебя не доберется. Добрую мысль Господь вложилъ въ тебя—поспѣшить въ нашу святую обитель. Подъ покровомъ Сергія преподобнаго, великаго чудотворца и молитвенника за землю русскую, тебѣ нечего бояться... Не разъ прибѣгавшіе сюда находили оплотъ твердый у Божьяго угодника. Самъ, государь, лучше моего вѣдаешь, какъ обитель сія русскую землю спасала, какъ врагъ приходилъ раззорять ее и стоялъ у стѣнъ сихъ въ неисчислимомъ, аки песокъ морской, множествѣ... и все же ни силою человѣческою, ни силою діавольскою не могъ въ нее вникти, не могъ предать храмы святые на раззореніе, мощи честныя на поруганіе! И нынѣ, какъ и древле, встанетъ на защиту твою святой угодникъ Божій и не одолѣютъ тебя подъ его защитою враги твои! Будь же спокоенъ, государь, уйми свои слезы, да потолкуемъ лучше какъ и что дѣлать...

Спокойная рѣчь архимандрита, исполненная глубокой вѣры, славное прошлое Троицкой Лавры, этой неприступной твердыни великаго защитника земли русской, Сергія, успокоили Петра. Его слезы остановились, временная слабость и сознание своей беззащитности исчезли. Онъ даже вдругъ устыдился этой слабости, въ глазахъ его снова блеснула смѣлая воля и онъ уже не какъ испуганный ребенокъ, а какъ твердый разумный мужъ началъ толковать съ архимандритомъ.

Онъ рѣшилъ дожидаться своихъ и немедленно по-

слать къ Софьѣ требованіе, чтобы она выдала ему голову Шакловитаго. Если она откажется—кликнуть кличъ по землѣ русской, сзывать людей ратныхъ и силою взять незаконно отнимаемое у него родительское наслѣдіе—русскую землю, о которой онъ ежедневно помышляетъ, которой онъ отдаетъ всю жизнь свою, отъ которой не отступится ни за что въ мірѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ въ Лавру уже вѣзжали царица Наталья Кирилловна съ дочерью и невѣсткой, всѣ приближенные Петра—потѣшные, а затѣмъ и изъ Москвы многіе бояре, преданные царю, и стрѣльцы Сухарева полка.

Петру то и дѣло докладывали о прибывающихъ и онъ все больше и больше оживлялся. Знать не покинули его русскіе люди!

По-лѣ вечеренъ у молодаго царя собрался совѣтъ, въ которомъ главное участіе принималъ князь Борисъ Голицынъ. Призвали также Мельнова и Ладогина, которые подробно объявили обо всѣхъ поступкахъ Шакловитаго. Они сказали также, что между стрѣльцами большинство на сторонѣ царя и въ числѣ его приверженцевъ также полковникъ Цыклеръ.

— Цыклеръ! изумленно воскликнулъ Петръ. Я никогда не забывалъ этого имени... я всегда считалъ его врагомъ своимъ. Я помню, хорошо помню его тогда, на Красной площади!..

Онъ невольно вздрогнулъ при этомъ воспоминаніи.

— Но если онъ одумался, если онъ остался мнѣ вѣренъ теперь, то конечно я все забуду...

Мельновъ объяснилъ, что Цыклеръ человекъ дѣйствительно пользующійся большимъ влияніемъ между стрѣльцами, къ тому же все знаетъ про замыслы Шакловитаго и много пужнаго царю открыть можетъ.

— А коли такъ. призову его сюда, пусть онъ мнѣ служить, сказалъ Петръ.

На совѣщаніи рѣшено было послать въ Москву гонца и покуда требовать только разъясненія, по какому поводу былъ въ Кремлѣ и на Лубянкѣ сборъ стрѣльцовъ, а также присылки Цыклера съ пятьюдесятью стрѣльцами.

Вотъ ужъ и вечеръ. Бояре разошлись: князь Голицынъ отправился готовить на всякій случай монастырь къ оборонѣ.

Царица Наталья Кирилловна съ молодою царевной и Евдокіей Ѳедоровной вернулись отъ всеобщей. На всѣхъ трехъ лица нѣту, кажется слезы всѣ выплакали.

Старая царица ужъ не та, какою была въ прежніе годы. Не старая по счету лѣтъ своей жизни, отъ вѣчныхъ мученій, тревогъ и страшныхъ воспоминаній, постоянно ее преслѣдовавшихъ, она глядѣла дряхлой старухой. Куда дѣвалась вся чудная красота ея, которою бывало такъ любовался, отъ которой глазъ не могъ отвести покойный царь Алексѣй Михайловичъ. Всеѣмъ побѣлѣли ея густые русые волосы, все лицо въ морщинахъ, подъ глазами круги темныя, вѣки красны отъ слезъ: эти слезы всю жизнь не высохали... Теперь ужъ нечего ждать отъ нея энергіи—она вся надломлена, она можетъ только плакать и молиться. И вотъ то и дѣло уговариваетъ она невѣстку не убиваться, успокоиться, подумать о младенцѣ, котораго она носитъ во чревѣ своемъ,—но тутъ же сама и залетѣла слезами, и глядя на нее плачетъ, рыдаетъ и Евдокія Ѳедоровна.

Не знаетъ царица Наталья Кирилловна какъ и пережила она страшную ночь эту. Ужъ и то послѣдніе дни, минуты спокойной не было—то тотъ придетъ, то другой придетъ, ужасы рассказываютъ, пугаютъ, одна боярыня Хитрая чего насакала—страсть! Письма подметныя стали находить въ Преображенскомъ... А тутъ только что было, послѣ долгой молитвы, заснула она, вдругъ ломятся въ двери, кричатъ: „спасайтесь: Спасайте государя!“

Не помня себя вскочила царица,—едва постельница на нее душегрѣю накинула—бѣжитъ къ сыну, а у самой ноги подкашиваются, думаетъ: „живъ-ли ужъ? не убили ли?“ Нѣтъ, живъ—слава Богу! Да вотъ какъ выбѣжалъ онъ раздѣтый, да ускакалъ отъ нихъ, такъ совсѣмъ свѣта не взвидѣла царица, мысли спутались. Говорятъ ей, она слышитъ, но не понимаетъ, сама бормочетъ невѣдомо что. Да и тутъ, въ святой обители,—тутъ конечно меньше опасности, только враги-то лютые хитры, того и гляди заберутся... Не отошла бы вотъ отъ сына, такъ бы ежеминутно и прикрывала его своей материнской грудью. Да что съ нимъ подѣлаешь? заперся онъ съ княземъ Борисомъ Голицынымъ, ни матери, ни жены къ себѣ не пускаетъ.

И точно, на ключъ замкнулъ двери Петръ Алексѣвичъ, совѣщается съ Голицынымъ.

— Нѣтъ, теперь довольно! будетъ трусить. Какъ попомню о своей трусости, говоритъ царь, такъ стыдно глядѣть на свѣтъ Божій. Пора—я не ребенокъ... Хотѣли отъ меня отдѣлаться, такъ заранѣе бы изводили, а теперь даромъ не дамъ! Не отпуститъ Шакловитаго, самъ на Москву пойду со своими потѣшными, посмотрю какъ народъ встрѣтитъ царя своего... Красно умѣетъ говорить Софья народу, авось и я въ карманъ за словомъ не полѣзу—а дѣло мое правое!.. Если завтра къ полудню не будетъ Шакловитаго, сейчасъ же въ Москву иду.

— Не торопись, государь, сталъ его уговаривать Голицынъ—обождать нужно. У насъ теперь еще мало силы, мало войска, пожди, подойдутъ. Да вотъ еще брата Василья слѣдовало бы сюда выписать.

— Василья! ея пособника, ея друга!.. Опомнись князь, воскликнулъ Петръ и глаза его вспыхнули гнѣвомъ.—Василья мнѣ не нужно, обойдусь и безъ него.

— Нѣтъ онъ тебѣ нуженъ, очень нуженъ, тихо и спокойно отвѣтилъ Голицынъ, не потому говорю, что онъ мнѣ братъ двоюродный, да и тебѣ государь не слѣдъ на него сердце имѣть, что-жъ, что онъ ея пособникъ....

— А Крымскій походъ, перебилъ Петръ, я этого позора Голицыну никогда не забуду.

— Да, большая ошибка, въ раздумьи продолжалъ князь Борисъ, большая ошибка... но вѣдь братъ и самъ очень хорошо ее понимаетъ. Намедни говорилъ со мною—поблѣднѣлъ весь, на глазахъ слезы... Что-жъ, государь, кому въ жизни не приводилось ошибаться? очень то строго не суди. А брата Василья непременно намъ нужно. Врагомъ тебѣ онъ никогда не былъ, ни въ какихъ противъ тебя замыслахъ не участвовалъ, а человекъ онъ разума великаго.

Петръ, привыкшій глядѣть съ уваженіемъ на князя Бориса, замолчалъ, началъ его внимательно слушать. Кончилось тѣмъ, что онъ уполномочилъ его звать Василья Васильевича къ Троицѣ, обѣщалъ, что приметъ его отлично и зла на него никакого держать не будетъ.

Князь Борисъ тотчасъ же распорядился, написалъ длинное посланіе брату и отправилъ къ нему съ этимъ посланіемъ ловкаго подъячаго.

Но прошелъ день; Шакловитаго не выдаютъ, Василій Васильевичъ не ѣдетъ.

XIII.

Москва въ волненіи. По всему городу молва разносится, что началась великая усобица между братомъ и сестрою. Опять, какъ и семь лѣтъ тому назадъ, сообрается народъ московскій, толкуютъ... Но мало голосовъ слышится въ пользу Софьи: народъ стоитъ за справедливость, за законность.

Правила царевна государствомъ, пока царь не выростъ, теперь онъ вонъ какой, головой выше всѣхъ бояръ сталъ, такъ ему и быть настоящимъ царемъ, а царевнино дѣло кончено.

Въ Кремлѣ, наверху, полное уныніе. Царевна приказала запереть на глухо всѣ Кремлевскіе ворота и пропускать только самыхъ близкихъ къ ней лицъ. Сначала она старалась казаться спокойной. Узнавъ отъ Шакловитаго объ отъѣздѣ царя къ Троицѣ, она вышла къ стрѣльцамъ и объявила имъ, что еслибъ они не остереглись, то всѣхъ бы ихъ передавили потѣшные конюхи. Шакловитый тоже бахвалился и кричалъ: „Вольно же ему взбѣсяся бѣгать!“ Но это было при народѣ, а у себя въ покояхъ царевна съ Шакловитымъ не скрывались другъ передъ другомъ: оба они хорошо видѣли, что дѣло принимаетъ очень опасный для нихъ оборотъ.

Вотъ прибыли отъ Троицы Петровы посланцы съ запросомъ царю Ивану и Софьѣ, за какимъ дѣломъ были стрѣльцы собраны ночью?

Царевна велѣла сказать брату, что она собралась въ монастырь на богомолье и стрѣльцы должны были провожать ее. Относительно присылки Цыклера съ пятьюдесятью стрѣльцами долго она не могла рѣшиться, но Шакловитый присовѣтовалъ ей согласиться на это требованіе. Хотя ему и доносили ужъ о томъ, что Цыклеръ не его сторону держитъ, но онъ еще не вѣрилъ этимъ доносамъ, да и рѣшилъ, что пятьдесятъ стрѣльцовъ не Богъ вѣсть какая сила, послать ихъ можно.

Цыклеру разрѣшено было отправиться и онъ поѣхалъ къ Троицѣ. Ему сопутствовали Елизарьевъ и Турка съ товарищами.

Но вотъ является требованіе о выдачѣ Шакловитаго и тонъ этого требованія ясно показываетъ Софьѣ, что теперь съ братомъ легко не справиться, что онъ началъ борьбу не на шутку.

О выдачѣ единственнаго безгранично преданнаго ей человека и рѣчи быть не можетъ—но что-жъ дѣлать? Отъ всѣхъ этихъ тревогъ разумъ мутится; нужно посоветоваться съ Васильемъ Васильевичемъ... И забывъ свою ссору, забывъ проклятія, въ безумную минуту призванныя ею на голову любимаго человека, она плетъ за Голицынымъ, но Голицынъ не появляется. Цѣлый день проходить—его нѣту.

Узнавъ обо всемъ происшедшемъ, Василій Васильевичъ написалъ брату Борису письмо, въ которомъ просилъ его не допускать дѣла кровопролитія, просилъ примирить обѣ стороны.

Въ отвѣтъ на письмо это, онъ получилъ уже известное намъ предложеніе брата ѣхать къ государю въ Троицкую лавру. Подъячій, присланный княземъ Борисомъ, пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, что со стороны Петра его ожидаютъ всякія милости.

Голицынъ слабо и печально усмѣхнулся на слова эти. Всѣ эти послѣдніе дни, послѣ ужаснаго свиданія съ царевной, Василій Васильевичъ не выходилъ изъ дому. Много онъ думалъ и передумывалъ, постарѣлъ весь и сгорбился отъ бессонныхъ ночей и никому невѣдомыхъ тайныхъ страданій. Онъ могъ примириться съ кознями враговъ своихъ, могъ примириться съ печальной участію, его ожидавшею, вслучаѣ паденія Софьи; но съ тѣмъ ударомъ, который нанесла ему она, онъ не былъ въ силахъ справиться. Но измученный и оскорбленный ею, хоронящій свою любовь и счастье, онъ ни на минуту не допустилъ возможности идти ко врагамъ Софьи.

— Не пойду я къ Троицѣ, отвѣтилъ онъ подъячему,—такъ скажи и брату и государю. Не пойду—я никакихъ не жду милостей, а на судъ позовутъ—явлюсь и пусть меня судятъ.

Такъ подъячій ничего и не добился.

Князь Василій Васильевичъ въ тотъ же день вечеромъ выѣхалъ въ одну изъ своихъ подмосковныхъ.

Онъ не могъ идти въ Кремль, не могъ видѣть Софью.—Онъ рѣшилъ, что никогда больше не увидится съ нею—она умерла для него.

Царевна ушамъ своимъ не повѣрила, когда ей доложили, что Голицынъ уѣхалъ изъ Москвы.

Она заперлась отъ всѣхъ въ своей опочивальнѣ, кинулась на постель и неудержимо рыдала. Она поняла что такое сдѣлала, она хорошо знала характеръ своего друга. Теперь онъ не вернется; онъ не пойдетъ къ врагамъ, но не придетъ и къ ней.

И она хотѣла бѣжать къ нему, найти его гдѣ бы то ни было, на колѣняхъ передъ нимъ умолять его простить ее, забыть слова ея безумныя.

Но ей невозможно было теперь изъ Москвы выѣхать—она должна была бороться съ братомъ. Шакловитый понуждалъ ее къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и она съ нимъ соглашалась. Она исполняла его требованія, но какъ то машинально. Въ ней не было уже прежней энергии, она съ каждымъ днемъ ослабѣвала.

Она рѣшила отправить къ Петру боярина князя Троекурова. Онъ возвратился и привезъ Софью отвѣтъ царя, что тотъ съ нею ни въ какіе переговоры и вступать не хочетъ. Въ то же время она узнала, что Петръ прислалъ въ солдатскіе и стрѣлецкіе полки грамоту, въ которой требовалъ, чтобы начальные люди и по десяти человекъ рядовыхъ изъ cadaго полка немедленно отправились къ Троицѣ.

Софья призвала къ себѣ этихъ начальныхъ людей и вышла къ нимъ такую грозною, какой они никогда еще ее не видали.

— Вы собираетесь къ Троицѣ,—сказала она—забудьте и думать объ этомъ. Оставайтесь здѣсь всѣ до единого.

— Да какъ же, государыня,—вѣдъ царь насъ требуетъ. Можемъ ли мы противиться его волѣ? возразили начальные люди.

— Давно ли вы брата больше меня слушаете? Я правительница и я вамъ приказываю оставаться. Слышите! Злые люди ссорятъ меня съ братомъ, но не ваше дѣло вмѣшиваться въ нашу ссору.

Стрѣльцы стояли въ недоумѣніи и опять повторяли о томъ, что царскаго приказу какъ же имъ послушаться.

— Такъ знайте, крикнула Софья,—если ктонибудь изъ васъ пойдетъ къ Троицѣ, немедленно же будетъ пойманъ и казненъ. Коли головъ своихъ жалѣете—оставайтесь, а я отъ своихъ словъ не отступлюсь.

Она величественно вышла; но тутъ же упала въ первое попавшееся кресло и, закрывъ лицо руками, горько зарыдала.

Шакловитый успокоилъ стрѣльцовъ, что къ царю будетъ послано съ объясненіями.

И дѣйствительно туда тотчасъ же отправился дядька царя Ивана князь Прозоровскій вмѣстѣ съ духовникомъ Петра. Имъ приказано было извиниться передъ царемъ, что никакъ нельзя было исполнить его требованіе и прислать къ нему войско.

Кромѣ этого Прозоровскій и духовникъ должны были всячески постараться примирить сестру съ братомъ. Между стрѣльцами Шакловитый распускалъ слухъ, что царская грамота была прислана безъ вѣдома Петра Алексѣевича княземъ Борисомъ Голицынскимъ.

Прошло два дня; Прозоровскій и духовникъ вернулись ничего не добившись. Царь стоитъ на своемъ, слышать о сестрѣ не хочетъ и только требуетъ, чтобы его приказаніе было исполнено.

Оставалось послѣднее средство: упросили патриарха ѣхать къ Троицѣ.

Престарѣлый Іоакимъ не сталъ отговариваться. Онъ былъ радъ вырваться отъ враговъ своихъ, и ничего не сдѣлавъ для примиренія враждующихъ, остался у Троицы.

Прошло опять нѣсколько дней. Все было тихо, молодой царь очевидно еще слишкомъ робко пробовалъ свои силы, еще боролся самъ съ собою. Но вотъ 27-го Августа появилась повал царская грамота отъ Троицы,

опять требованіе по всѣмъ полкамъ, чтобы немедленно являлись къ царю, а не то пусть ожидаютъ смертной казни.

Стрѣльцы не хотѣли больше ничего слушать и цѣлыми толпами двинулись въ Лавру.

Царь въ сопровожденіи матери своей и патриарха вышелъ къ нимъ на встрѣчу и сейчасъ же объявилъ имъ объ умыслѣ Шакловитаго на жизнь его и Натальи Кирилловны.

Дьякъ сталъ читать выписку изъ рѣчей распросныхъ и извѣтовъ стрѣлецкихъ. Патриархъ увѣщевалъ стрѣльцовъ, чтобы они объявили всю правду, а вслучаѣ если утаятъ что, то грозилъ лишить ихъ своего пастьрскаго благословенія.

Стрѣльцы смѣшались и завопили.

— Мы великимъ государямъ служимъ и работаемъ, какъ служили и работали ихъ предкамъ, всегда и неизмѣнно готовы исполнять государскую волю, готовы ловить воровъ и измѣнниковъ! А что говоришь намъ, великій государь, про Ѳедьку Шакловитаго, то того Ѳедькина злаго умысла и измѣны мы не знаемъ!

Однако нѣкоторые изъ стрѣльцовъ кое что знали и подробно рассказали обо всемъ государю.

— Теперь вы сами видите, обратился Петръ къ Голицыну, Патриарху и всѣмъ окружавшимъ его, — сами видите, можно-ли мнѣ покончить это дѣло, можно-ли мнѣ примириться съ сестрою? Не останавливайте же меня, я не успокоюсь, пока живъ Шакловитый.

Всѣ замѣтили перемѣну, внезапно происшедшую съ Петромъ. Глаза его загорѣлись такимъ гнѣвомъ, на который онъ казалось до сихъ поръ не былъ способенъ. Грозная нота прозвучала въ его голосѣ.

Положеніе Софьи было безнадежно. Она рѣшилась ѣхать сама къ Троицѣ, но на дорогѣ встрѣтилъ ее стольникъ Бутурлинъ и объявилъ ей, отъ имени Петра, чтобы она въ монастырь не ходила.

— Это что значитъ? Отчего не идти мнѣ въ монастырь?—пойду непременно! гордо отвѣтила Софья.

Но вслѣдъ за Бутурлинымъ является Троекуровъ и объявляетъ, что если она пойдетъ въ монастырь, то „съ нею будетъ поступлено не честно!“

Она вернулась и тотчасъ же велѣла позвать къ себѣ стрѣльцовъ, старыхъ стрѣльцовъ еще 82 года, которые одни оставались ей вѣрными.

Она вышла къ нимъ вся въ слезахъ, съ измученнымъ жалкимъ видомъ. Она собрала весь остатокъ силъ своихъ, рѣшилась испробовать послѣднее средство и если оно не поможетъ—отдаться своей участи.

Послѣдняя страшная обида, отчаяніе, ненависть, тоска, которыя давили ее, все это придавало особенное выраженіе, особенную страстность ея голосу.

Она говорила увлекательно; стрѣльцы ее слушали видимо растроганные.

— Дѣти, говорила Софья,—пошла я къ Троицѣ и вотъ въ Воздвиженскомъ меня чуть не застрѣлили: едва я ушла оттуда. Страшныя дѣла у насъ творятся. Нарышкины съ Лопухиними хотятъ извести царя Ивана; до меня добираются. Скажите же мнѣ—могу ли я на васъ положиться? Надобны ли мы вамъ? отвѣчайте не медля, отвѣчайте сущую правду: коли мы не надобны, то пойдѣмъ съ братомъ Иваномъ гдѣнибудь себѣ кельи искать. Думала я—образумится братъ младшій, окончитъ эту распрю со мною, да нѣтъ—Борисъ Голицынъ и Левъ Нарышкинъ его совсѣмъ съ ума споили, на меня натравляютъ. А старшаго царя ни во что не ставятъ, комнату его дровами завалили. Меня называютъ дѣвкой, какъ будто я не дочь царя Алексѣя Михайловича. Хотятъ голову рубить князю Василью Васильевичу, а сами знаете—много онъ добра сдѣлалъ: съ Польшею вѣчный миръ заключилъ; съ Дону прежде бѣглыхъ не выдавали, а теперь выдаютъ его промысломъ. Заступитесь, дѣти... я обо всемъ радѣла... васъ

Литературный Альбомъ: „Волки“, Баллада гр. А. К. Толстаго. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Е. Шмидтъ.

не забывала, а теперь все изъ моихъ рукъ тащить. Безъ меня то пожалуй и вамъ худо будетъ. Не ходите къ Троицѣ... А то пожалуй и вы побѣжите отъ меня... Цѣлуйте крестъ! Она приказала принести крестъ и привела стрѣльцовъ къ присягѣ. Тѣ присягнули, но Софья все же ничего не выиграла.

XIV.

Въ то время какъ новыя грозныя событія собирались надъ Москвою, въ то время какъ приходили послѣдніе дни владычества Софи, по тихой проселочной дорогѣ у опушки непроходимаго бора, тянувагося съ небольшими перерывами, чуть не до самой Украйны, медленно катились нѣсколько запыленныхъ подводъ, а впереди подводъ какой-то грозоздкій безобразный экипажъ въ родѣ тарантаса, запряженный шестерикомъ лошадей. На каждой телѣгѣ, загроможденной пожитками, двое или трое слугъ и молодцы все на подборъ, крупные, внушительнаго вида, къ тому же и вооружены изрядно.

Въ самомъ тарантасѣ, изъ-за пуховыхъ подушекъ можно было разглядѣть двѣ фигуры: мужчину и женщину. Мужчина съ усами длинными, съ окладистой бородою, безпокойнымъ взоромъ и рѣшительнымъ лицомъ, женщина красивая, съ огненными глазами, но уже не первой молодости.

Со стороны глядя, всякій принялъ бы этотъ поѣздъ за помѣщичій, всякій сказалъ бы, что то переѣзжаетъ какойнибудь дворянинъ изъ одной вотчины въ другую. Но то былъ не помѣщичій поѣздъ, то ѣхалъ изъ Москвы на Украйну, со своими пожитками и наемными слугами, бывший стрѣлецкій подполковникъ Озеровъ, не мало службъ сослужившій царевнѣ Софьѣ. А съ нимъ его жена, бывшая любимая наперсница царевны, Ѳедора Родимица.

Софья послѣ торжества своего не забыла любимую постельницу, которая служила ей такія вѣрныя службы, наградила она приданымъ не малымъ и выдала замужъ за Озерова.

Многіе думали, что царевнина любимица пойдетъ очень далеко, съумѣетъ пожалуй добиться при дворѣ высокаго положенія, многіе весьма удивлялись видя, что Родимица даже совершенно исчезла изъ терема и ступевалась: за что такая немилость?

Но немилости никакой не было и царевна и Ѳедора были очень довольны другъ другомъ; связь ихъ была неразрывна. Бывшая постельница отлично устроилась въ слободѣ стрѣлцкой, на славу обзавелась домикомъ и хозяйствомъ, получила мужа себѣ по мыслямъ, сговорчиваго, тихаго нравомъ, всегда находящагося у нея въ послушаніи. Царевна никогда не забывала ее своими милостями: дарила то то, то другое изъ вещей, да и казну ея пополняла щедрою рукою.

Родимица, заведя по Москвѣ большія знакомства, прислушивалась направо и налево, все высматривала, все выпрашивала и обо всемъ доносила царевнѣ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ до самаго послѣдняго времени, а въ послѣднее время нерадостныя вѣсти приносила Родимица тихомолкомъ, по вечерамъ, пробираясь въ теремные покои.

Опасные дни настали, такіе опасные, что однажды, идя къ царевнѣ, Родимица не на шутку задумалась: „не сдобровать теперь Софьѣ, не сдобровать и всѣмъ ея сторонникамъ, за все про все отвѣчать придется пожалуй и самой ей, Родимицѣ. Даромъ, что притулилась она въ своей слободѣ и удовольствовалась невиднымъ, но выгоднымъ положеніемъ, все же враговъ много и знаютъ эти враги объ ея сношеніяхъ съ царевной, и еще лучше знаютъ про ея участіе въ прежнемъ мятежѣ стрѣлцкомъ. Да и службы Озерова тоже всѣмъ извѣстны: приходится стало быть о своихъ гонимыхъ подумать.“

Совсѣмъ на себя непохожая, какъ-то даже приниженная, встрѣтила царевна Родимицу. Молча и уныло выслушала ея вѣсти, а вѣсти были вотъ какія:

— Нѣтъ надежды теперь на стрѣльцовъ, ничего съ ними теперь не подѣлаешь. Все въ разбродъ пошло, никакой силы, никакой ловкости и рѣшимости не хватить—въ конецъ испорчено дѣло.

— Сама знаю что такъ, едва слышно проговорила Софья и замолчала.

Родимица стала рассказывать ей про свои опасенія за себя и за мужа. Софья взглянула на нее и слабо и грустно улыбнулась.

— Вѣрую и правдою служила ты мнѣ, Ѳедора, наконецъ проговорила она, многимъ я тебѣ обязана, стало должна подумать и о твоёмъ будущемъ. Правду ты говоришь, что тебѣ и мужу твоему теперь опасно. Мнѣ вы ужъ ничѣмъ не поможете и вамъ нужно теперь спастись. Собирайтесь-ка да уѣзжайте подальше отъ Москвы, уѣзжайте себѣ тихомолкомъ, а я вотъ соберу тебѣ кое что на память, живите себѣ да меня не поминайте лихомъ.

Ѳедора смутилась на мгновеніе.

Какъ же это въ горѣ, несчастія покинуть царевну!

Но смущеніе это прошло скоро: Родимица уже не была прежней на смерть готовой за царевну женщиной: въ эти послѣдніе годы ее начинало неудержимо тянуть на родину, въ Украйну. Она спала и видѣла туда вернуться и кончила она тѣмъ, что бросилась на колѣни передъ царевной, поцѣловала ея руки, попричитала обычно да и простилась съ нею на вѣки.

Софья исполнила свое обѣщаніе, прислала ей богатые подарки, прислала и денегъ не мало.

Озеровъ нанялъ людей подходящихъ, которые бы сопровождали въ дорогѣ его пожитки и могли бы справиться съ придорожными ворами да разбойниками, все устроилъ. Глухою ночью собралъ и выслалъ изъ города подводъ, скинулъ съ себя мундиръ стрѣлецкій и выѣхалъ тайно изъ Москвы съ женою. И вотъ они на дорогѣ въ Украйну.

Ѣдутъ не мало времени; проѣхали многіе города, мѣстечки, села; не мало навидались да наслушались: тяжело на сердцѣ у Родимицы, все нѣтъ, нѣтъ да и вздумается про царевну.

Что то теперь она, матушка? Что то съ ней будетъ? Авось Богъ дастъ въ живыхъ то ее оставятъ... что отъ власти отойдетъ она, такъ это и лучше—измаялась вся, а что съ того проку вышло!

Вспомнились Родимицѣ инныя горячія слова Софьи о благѣ родины, вспомнились ея рѣчи о томъ, что при ея мудромъ правленіи отдохнетъ родная земля отъ прежнихъ смуть и неурядицъ.

Радовалась Софья, получая добрыя вѣсти изъ городовъ разныхъ, но видитъ теперь Ѳедора какъ заблуждалась правительница, видитъ что многія добрыя вѣсти были лживы, что нѣтъ тишины и счастья въ землѣ русской. Разумная баба Ѳедора, понимаетъ что кругомъ творится и никогда не забыть ей чего навидѣлась она этой долгой дорогой.

Да, плохо русскому люду: законные и незаконные поборы сильно его угнетаютъ, вопятъ мірскіе люди: совсѣмъ должны они раззоряться—заѣдаетъ ихъ кормленіе воеводъ и подъячихъ; да и какъ тутъ справиться—сидитъ себѣ воевода и зоветъ земскаго старосту: „неси ты мнѣ, говоритъ, пирогъ въ пять алтынъ, налимовъ на двадцать шесть алтынъ, подъячему—пирогъ въ четыре алтына и двѣ деньги, другому подъячему—пирогъ въ три алтына и три деньги, третьему—въ три алтына и двѣ деньги.“ Три дня проходитъ и опять воевода требуетъ. Зоветъ старосту къ себѣ обѣдать. Староста отказаться не смѣетъ и долженъ заплатить за эту честь. Несетъ онъ, вкряхтя, воеводѣ четыре алтына, боярынѣ его три алтына двѣ деньги, сыну его

восемь денег, боярским боярынямъ восемь денегъ, жильцамъ верховымъ шесть денегъ. И тянутся эти приношенія круглый годъ раза по два иной разъ въ недѣлю, и ради всякаго случая: сегодня воевода именинникъ, завтра день его рожденія, сегодня у него обѣдъ, завтра похмѣлье!—И плачутъ мірскіе алтыны да деньги, плачеть людъ русскій и съ горя бѣжить на кружечный дворъ пропивать послѣднее достояніе, а пропившись собирается человекъ по двадцати и больше и идетъ эта голая и пьяная арава въ сосѣднія села разбоемъ, мучитъ крестьянъ, жжетъ огнемъ и вымучиваетъ рублей по сту.

Крестьяне, заложивъ свои животинки и деревнюшки, отъ разбойниковъ откупаются и бредутъ врознь, куда глаза глядятъ. Цѣлыя села пустѣютъ, поляются только степные притоны, гдѣ лхіе, безшабашные атаманы набираютъ себѣ товарищей, поляются раскольничьи скиты, куда скрываются тѣ несчастливцы, которымъ, не смотря на всѣ бѣды, все еще жутко ходить съ кистенемъ да рогатиной..

Вечерѣтъ осенній день ненастный. Наплывають одна за другою свинцовыя тучи. Вѣтеръ все сильнѣе и сильнѣе налегаетъ на деревья, и гнутся ихъ верхушки, осыпая дорогу желтыми листьями. Вотъ и дождь то крупный и тяжелый, то вдругъ мелкій да острый словно тонкія ледяныя иглы. Вотъ и темъ... Изъ лѣсной чащи такъ и глядятъ на путника мракъ и ужасъ, такъ и чудятся всякія дива.

Видно и вооруженнымъ молодцамъ на заднихъ подводахъ стало тяжело и жутко, завели они пѣсню. Но унылые звуки еще большую тоску нагоняють, да того и жди наведутъ на обозъ недобраго человека—разбойника, или лѣснаго звѣря. И смолкла пѣсня.

Федора сидитъ вся уйдя въ мягкія подушки, думаетъ свои невеселыя думы, глядитъ не мигая въ темноту лѣсную. Мужъ ея спитъ крѣпкимъ сномъ—нѣтъ у него въ головѣ думъ мрачныхъ. Радъ онъ радешенекъ, что изъ Москвы по добру по здорову выбрался. Теперь далеко—не словятъ, а до того, что дѣлается

на Руси-матушкѣ ему нѣтъ дѣла: хотъ пронадомъ пронади всѣ, лишь бы ему съ женой да пожитками благополучно до мѣста добраться...

А вечеръ все темнѣе, погода все ненастнѣе... Вотъ небо совсемъ обложилось, какъ деготь черное, и сталъ хлестать дождикъ, размѣсилась грязь по дорогѣ, почитай что нѣтъ и проѣзду.

— Стой! кричатъ въ заднихъ подводахъ.

— Что такое? встрепенувшись сказала Федора высовываясь изъ тарантаса.

Къ ней подошелъ одинъ изъ молодцовъ.

— Да вотъ, государыня боярыня, лошади больно замучились, да и грязь, сама видишь, переночевать бы остановиться.

— Да гдѣ же остановиться то? здѣсь въ лѣсу что ли? Спросила Федора.

— Зачѣмъ же въ лѣсу—тутъ видишь ты направо сейчасъ и лѣсу конецъ, селеніе, усадьба... Не позволишь ли понавѣдаться кто живетъ, можетъ добрый человекъ, бояринъ али тамъ кто. Можетъ и лошадокъ накормятъ да и насъ безъ ужина не оставятъ.

— Что-жъ ступай, только вернись скорѣе, разрѣшила Федора.

Обозъ остановился: молодецъ отпрягъ изъ одной телѣги лошадку, вскочилъ на нее верхомъ и потрусилъ куда то.

Прошло добрыхъ полчаса. Озеровъ храпѣлъ, да и Федора вздремнула.

Но вотъ молодецъ возвратился, говорить: большое тутъ селеніе, вотчина дворянина Перхулова, да и самъ то онъ Перхуловъ съ семьею живетъ въ своей усадьбѣ и проситъ проѣзжихъ бояръ къ себѣ почевать.

— Усадьба, вишь ты, богатая, закончилъ свое допеченіе молодецъ, дворовыхъ много, люди ласковые и ужинъ и почлегъ будетъ.

Федора разбудила мужа и черезъ нѣсколько минутъ весь обозъ поворотилъ къ усадьбѣ дворянина Перхулова.

(Окончаніе въ слѣд. №).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Поиски модели.

(Сцена изъ жизни художниковъ въ Римѣ).

Картина Торноѣ.

Вѣчный Римъ, какъ извѣстно, издавна посѣщается художниками всѣхъ націй, ищущихъ въ немъ вдохновенія и сюжетовъ для своего творчества, но нужно сознаться, что въ отношеніи сюжетовъ, представляемыхъ народною жизнью и народными типами, современная столица объединенной Италіи уже не обладаетъ тѣмъ разнообразіемъ и изумительнымъ богатствомъ, какъ тому лѣтъ двадцать назадъ. Все ополняется и принимаетъ такой общій характеръ. Особенно оскудѣлъ Римъ столь драгоценнымъ для художника типомъ римской простолюдники въ ея живописномъ и оригинальномъ нарядѣ. Чтобы найти теперь подобный типъ во всей его чистотѣ, художникъ не только долженъ бродить по отдаленнымъ улицамъ и закоулкамъ вѣчнаго города, но и по всѣмъ отдаленнымъ его окрестностямъ, если не хочетъ пользоваться услугами все тѣхъ же извѣстныхъ всѣмъ наперечетъ натурщицъ, толпящихся обыкновенно на *via sistina* и позирующихъ за извѣстную плату. Постоянные поиски модели составляютъ въ жизни римскихъ художниковъ весьма обычное явленіе и Торноѣ, подмѣтивъ его, воплотилъ въ предстной картинкѣ, помѣщенной нами въ настоящемъ номерѣ „Нивы“. На ней изображенъ юный, блондинъ художникъ, вѣроятно сынъ туманнаго Альбіона, случайно встрѣтившій въ скромной остеріи прекрасную модель для задуманнаго имъ произведенія. Онъ, какъ видно, виѣ себя отъ восторга и, любясь кожной красавицей, спѣшитъ угостить ее лучшимъ виномъ и разсыпается на ломанномъ итальянскомъ языкѣ въ самыхъ пылкихъ любезностяхъ. Въ своемъ увлеченіи онъ даже не замѣчаетъ, что ея спутникъ, угрюмый итальянскій простолюдникъ, бросаетъ на него свирѣпые взгляды и, выпуская клубы дыма изъ своей коротенькой трубки, недоволено и подозрительно прислушивается къ оживленной рѣчи молодого художника. Этотъ спутникъ—прекрасно схваченный типъ пылакаго, ревниваго итальянца, готоваго на обидное слово отвѣтить ударомъ стилета. Такой типъ нерѣдко можно встрѣтить въ

римскихъ остеріяхъ. Таковъ былъ Пепно, о которомъ вспоминаетъ нашъ поэтъ А. П. Майковъ въ своихъ превосходныхъ „Очеркахъ Рима“:

.... За дурное слово,
За обиду—острый пожъ,
Не боясь суда людскаго,
Прямо въ сердце ты воткнешь;

Знаю, ты вина за чаркой
За повадливую рѣчь,
Смѣло въ бой полѣзешь жаркой
И готовъ въ могилу лечь.

Таковъ былъ Пепно. И такъ какъ такихъ неудобныхъ лицъ въ Римѣ не мало, то поиски модели бывають не всегда безопасны и не обходятся иногда безъ неприяностей.

У сапожника.

(Картина А. Ротта).

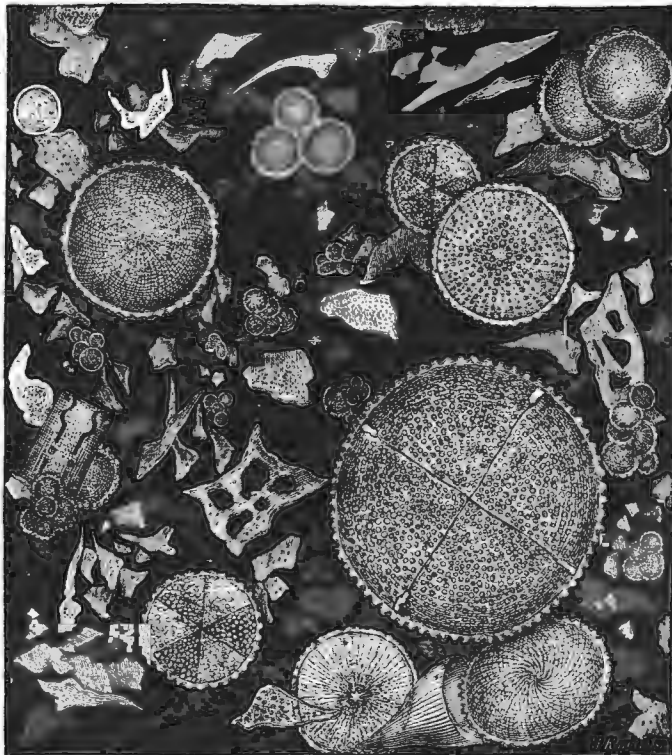
Молодая женщина торопится. Ей надо уходить—пустъ спешатъ мѣрку поскорѣе, ей еще столько дѣла. А старикъ мѣстеръ такъ важенъ и медленъ. „Поспѣшишь—людей насмѣшишь“. Нельзя такъ скоро. Скоро да не споро. Онъ не любитъ дѣлать зря и кое-какъ. Онъ любитъ свое дѣло и не хочетъ чтобы сказали, что его работа плоха. Онъ думаетъ только объ томъ, какъ бы не съузнить, не слишкомъ поднять... А его молодой подмастерье-солдатикъ видимо думаетъ не о сапсжномъ мастерствѣ и плутоватая улыбка освѣщаетъ его оживленное лицо.

Микроскопическія инфузоріи, находимыя на днѣ моря.

Эти маленькія и красивыя животныя, подъ названіемъ корненожекъ фораминиферъ (*Cephalopodes*, *Nummulites*, *Camerines*, *Foraminiferes*) діатомачей и множествомъ другихъ О существованіи ихъ стало извѣстно не особенно давно, именно около 1½ столѣтія тому назадъ, съ 1731 года. Впервые итальянскій натуралистъ Беккариа, дѣлалъ надъ ними наблюденія близъ Равенны.

Долгое время считали, что эти животные водятся только в Адриатическом море, где наблюдал их Беккариа. Но потом их стали находить в морях, омывающих берега Франции и Англии, и затѣм повсемѣстность нахождения этих животных в океанѣ доказана в 1825 г. ученым Дорбини, который указал и на их огромную важность в экономии жизни океана.

Фораминиферы находятся в пескѣ всѣх морских берегов и часто в такомъ множествѣ, что составляютъ значительную часть вѣса песка. Уже наблюдавшій этих животных в 1739 году Планкус в 6-ти унціях морского песку нашел их 8,000 штук. Дорбини, изслѣдуя 1 фунтъ песку, взятаго в море, близъ Антильских острововъ нашел в одномъ этомъ изслѣдуемомъ фунтѣ 3.849,000 штукъ подобныхъ животных. В Атлантическомъ океанѣ, омывающем берега Соединенныхъ Штатовъ, стоитъ только опустить лотъ на глубину 90 сажень, какъ уже къ лоту прицѣпляются цѣлыя массы чашечко-образныхъ животных, подобныхъ

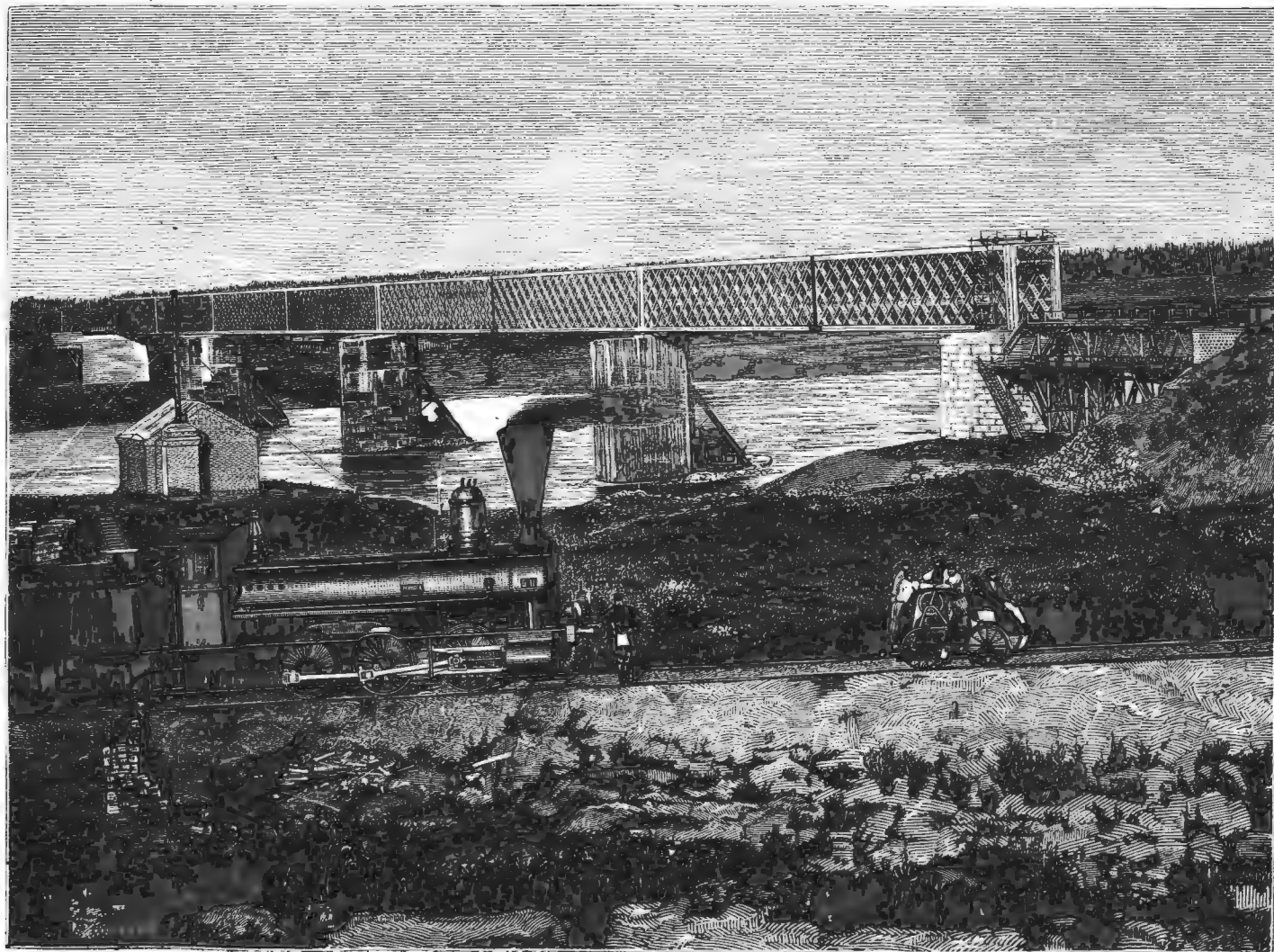

Инфузоріи на днѣ моря, увеличенныя микроскопомъ.
Рис. Пумс. грав. Кагнцъ.

изображеннымъ на прилагаемомъ нами рисункѣ.

Уже изъ рисунка этого читатель видитъ, что микроскопическія раковинки животныхъ сходны съ раковинами корабликовъ и такъ называемыхъ роговъ Аммонія.

Фораминиферы одѣты твердымъ покровомъ, изъ-подъ котораго высовываются нитеобразные продолженія мягкаго внутренняго тѣла, чрезъ многія отверстія. Назначеніе этихъ нитеобразныхъ придатковъ состоитъ въ ползаніи или сканіи добычи. Раковинка плотно прилегаетъ къ тѣлу животнаго, хотя и не сростается съ нимъ, и чрезъ одно большое или множество малыхъ отверстій раковинки и проходятъ эти нити. Эти послѣднія могутъ имѣть длину в 12-ть разъ больше поперечника тѣла, — могутъ развѣтвляться, соединяться тонкими и широкими пластинками, и покрывать свою сѣтью пространство в нѣсколько линий поперекъ; в срединѣ же помещается тѣло животнаго, закутанное в своемъ покровѣ. Животное, выпуская в отверстія покрова эти нити, хватаетъ свою добычу подобно пауку. Предполагали

Железныя мостъ черезъ рѣку Волгу. Рыб.-Болог. ж. дор., Видъ съ боку. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Железний Мостъ черезъ рѣку Волгу. Рыб.-Болог. ж. дор., видъ опереди. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

прежде, да, кажется, предполагают и теперь, что распушенные нити животного содержатъ въ себѣ какое-либо ядовитое вещество. Ученый Шульце, наблюдавшій жизнь фораминиферъ, нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть, какъ парамеции, кальпиды и нѣкоторые другія породы морскихъ инфузорій лишь только касались нити протянутой изъ отверстія фораминиферы, какъ мгновенно были какъ будто оглушены и становились неподвижными.

Обратите, читатель, еще вниманіе на прилагаемый рисунокъ и всмотритесь въ него хорошенько. Эти красивыя чашечкообразныя пластинки со множествомъ выпуклыхъ точекъ, образованы изъ известняка. Всѣ онѣ отличаются тонкостью и чрезвычайнымъ разнообразіемъ своихъ формъ. Есть подобныя известковыя чашечки шарообразныя, бутылочныя, прямыя, витыя, иногда снабженныя множествомъ дырочекъ, иногда широко раскрывающіяся. Полость у нѣкоторыхъ чашечекъ простая, у другихъ снабжена многими камерами. Известно болѣе 1,600 видовъ фораминиферъ, съ весьма разнообразными чашечками.

Но на ряду съ фораминиферами, въ отношеніи множества населяющихъ море особей, стоятъ еще *диатомеи*. Формы этихъ микроскопическихъ животныхъ представляютъ замѣчательно-правильныя математическія фигуры, круги, треугольники, параллелограммы.

Въ массѣ фигурокъ, помѣщенныхъ на нашемъ рисункѣ, есть и фораминиферы, и диатомеи. Последнихъ мореплаватели добывали изъ страшной глубины моря. Напримѣръ, знаменитый путешественникъ Джемсъ Россъ, во время плаванія къ южному полюсу, опускалъ лодку на такую глубину, которая въ состояніи была бы покрыть колоссальную вершину Чимборазо, и все таки изъ этой страшной глубины были добыты диатомеи. Въ плавающихъ льдахъ Сѣвернаго моря часто можно находить миллионы диатомеи; въ полярныхъ странахъ онѣ часто образуютъ грязную пѣну на поверхности моря.

У фораминиферъ, составляющей оболочку панцирь имѣетъ твердый нѣжно-известковый составъ; диатомеи же одѣты покровомъ съ кремнистымъ содержаніемъ и этимъ различіемъ въ составѣ покрововъ объясняется важность тѣхъ и другіхъ организмовъ для геологовъ-ислѣдователей, потому что кремнистыми или известковыми покровами организмовъ всегда объясняется относительная давность или недавность земныхъ формаций. Въ теченіе множества вѣковъ, непрерывными слоями, и диатомеи и фораминиферы ложились на дно моря (при чемъ умирало заключенное въ оболочкѣ тѣло животного, сама же оболочка оставалась). Постоянно накапливаясь остатки покрововъ этихъ животныхъ, и этимъ путемъ увеличивались верхи подводныхъ горъ и мелей, заносились бухты и рукава моря. При своей микроскопически малой величинѣ, эти существа производятъ громадныя перевороты въ общихъ измѣненіяхъ суши и моря необытною массою своихъ особей. Въ *одномъ* кубическомъ дюймѣ находится нѣсколько миллионъ этихъ существъ, такъ что съ полнымъ правомъ ихъ можно причислить къ неумолимымъ и постояннымъ строителямъ земной коры...

Волки.

(Баллада графа А. К. Толстаго).

Съ дѣтства волкъ для насъ что-то такое знакомое. Русскій ребенокъ рано привыкаетъ слышать рассказы о немъ, и когда снѣгъ кружится на дворѣ, оцъ привыкаетъ, вздрагивая, слышать за темнымъ окномъ заунывный вой собакъ и другой страанный, отдаленный и дикій вой, смѣшивающійся съ ревомъ мятели. Онъ привыкаетъ думать о немъ и представлять его себѣ бродящимъ по темнымъ оврагамъ, около заборовъ и усадебъ—голодного, всѣмъ преслѣдуемаго, ищущаго рѣдкой добычи, звѣря. Въ такія бурныя темныя ночи такъ уютно и тепло въ комнатѣ и такъ радъ человекъ, что сидитъ у жарко-растопленной печи, а не ѣдетъ по пустому полю, гдѣ волнуетъ только бѣлая мятель до самого неба, не дрогнетъ отъ холода, не отскивается въ отчаяніи, сбившись съ пути, слѣду, прислушиваясь, не залаетъ ли гдѣ собака, не звякнетъ ли дальній колокольчикъ.

Въ такія бурныя, темныя ночи такъ слушаются всѣ эти рассказы про нападенія волковъ, про оборотней, вѣдьмъ... Говорятъ, вѣдьмы оборачиваются волками и бродятъ тихо вездѣ и слушаютъ... Ихъ девять. Идутъ волки одинъ за другимъ и когда разглядятъ ихъ сквозь мятель домохозяинъ, запирая скрипучія ворота, то крестится и читаетъ молитву. Ихъ девять...

Когда въ селахъ пустѣетъ
Смолкнетъ говоръ селянъ
И сѣдой забѣлѣетъ
Надъ болотомъ туманъ,
Изъ лѣсовъ, тихомолкомъ,
По полямъ, волкъ за волкомъ,
Отправляются всѣ на добычу...

* * *

Семь волковъ идутъ смѣло,
Впередъ ихъ идетъ
Волкъ осьмой, шерсть бѣлой
И таинственный ходъ

Закрываетъ девятый;
Съ окровавленной пятой
Онъ за ними идетъ и хромаетъ.

* * *

Волки церковь обходятъ
Осторожно кругомъ,
Въ дворъ поповскій заходятъ...

Идутъ они вездѣ и слушаютъ людскія рѣчи. Это оборотни...

Ихъ глаза словно свѣчи,
Зубы шила острѣй—
Ты тринадцать карточей
Козьей шерстью забей
И стрѣлай по нимъ смѣло—
Прежде рухнетъ волкъ бѣлый
А за нимъ упадутъ и другіе.

* * *

А въ полночь, когда спящихъ
Всѣхъ разбудитъ пѣтухъ
Ты увидишь лежащихъ
Десять мертвыхъ старухъ.
Впередъ ихъ сѣдая,
Позади ихъ хромая—
Всѣ въ крови... Съ нами сила Господня!

Таково повѣрье. Поэтъ передаетъ тонъ повѣрья превосходно. Самая странность склада стиха оставляетъ особенное, таинственно-неопредѣленное впечатлѣніе, присущее всѣмъ такимъ рассказамъ, которые въ зимней ночи, задумчиво и затанувъ дыханіе, слушаютъ гдѣ нибудь въ избѣ глухой деревни, по задворкамъ которой бродятъ волки и гудитъ мятель... Это впечатлѣніе передано и художникомъ на нашемъ рисункѣ.

Русскія желѣзныя дороги.

(Рыбинско-Бологовскій мостъ на Волгѣ).

Многіе конечно хорошо помнятъ время, когда въ Россіи желѣзно-дорожное дѣло только что зарождалось; но въ какіе нибудь 40 лѣтъ сдѣлало сравнительно гигантскій шагъ и въ этомъ отношеніи можетъ смѣло занять почетное мѣсто, даже одно изъ первыхъ мѣстъ, въ средѣ желѣзно-дорожныхъ системъ государственъ Западной Европы.

Не болѣе сорока лѣтъ тому назадъ у насъ не было еще ни одного желѣзно-дорожнаго пути. Первая дорога на протяженіи 25 верстъ была проведена отъ Петербурга до Царскаго села. Черезъ 10 лѣтъ т. е. въ 1848 году въ Россіи желѣзнодорожная сѣтъ имѣла уже протяженіе въ 356 верстъ. Въ слѣдующее десятилѣтіе это протяженіе увеличилось почти въ четыре раза и именно сѣтъ раскинулась уже на 1,250 верстъ. Въ 1868 г. было проведено уже 6,565 верстъ; за тѣмъ черезъ 5 лѣтъ, въ 1873 г. мы имѣли уже 13,775 верстъ а къ 1-му же января настоящаго года длина всѣхъ линій простиралась уже до 20,000 верстъ. Кроме того болѣе 3,000 верстъ находятся въ постройкѣ. Несмотря на такое быстрое развитіе желѣзнодорожной сѣти, Управление желѣзными дорогами въ Россіи (средоточенное въ особомъ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ) продолжаетъ заботиться о разширеніи этой сѣти. Такъ послѣ открытой въ началѣ 1877 года большой Оренбургской линіи на протяженіи 2,100 верстъ одною изъ первыхъ, какъ по протяженію такъ и по значенію, должна стоять безъ сомнѣнія Сибирская дорога, для изысканій которой еще въ 1875 году былъ посланъ генераль Безносиковъ (умершій въ ноябрѣ 1876 года). По порученію генераль-губернатора Туркестанской области онъ производилъ изслѣдованія отъ Ташкента по различнымъ направленіямъ, идущимъ отъ Уральско-Оренбургской и Сибирской линій. По проекту покойнаго Безносикова, дорога должна идти отъ Оренбурга на Орскъ до озера Куюнъ, отъ котораго вѣтъ идетъ на сѣверъ къ Троицку и на югъ къ Ташкенту, гдѣ совпадаетъ съ почтовымъ трактомъ на Туркестанъ до Ташкента. Это направленіе имѣетъ то преимущество передъ другими линіями, что, удаляясь на востокъ отъ Арало-Каспійской котловины, избѣгаетъ зыбучихъ песчаныхъ холмовъ, также болотистыхъ и топкихъ солончаковыхъ низинъ, захватываетъ удобную къ заселенію полосу, изобилующую лѣсомъ, не лишнюю и воды, а въ южной части удобную для производства хлопка, шелку и другихъ произведений, свойственныхъ южному климату. Понятно, что дорога въ среднюю Азію должна прикнудить къ Екатеринбургскому на линіи Сибирской дороги. Выборъ этого направленія Оренбургско-Ташкентской желѣзной дороги былъ Высочайше одобренъ и по окончаніи изысканій длина линіи опредѣлена въ 2100 верстъ, изъ коихъ собственно отъ Оренбурга до развѣтвленія 600 верстъ, а оттуда до Ташкента 1,200 верстъ, а до Троицка 300.

Съ проведеніемъ этой дороги и тѣхъ небольшихъ участковъ, которые частью только разрѣшены, частью уже строятся и присовокупленіемъ къ нимъ новой дороги отъ Бендеръ до

Галаца, вызванной потребностями настоящей войны съ Турціей и могущей принести намъ весьма серьезныя услуги какъ въ настоящее время для оставшихся въ Болгаріи окупаціонныхъ войскъ такъ и для будущихъ дѣйствій, Россія, занимавшая еще 20 лѣтъ назадъ менѣе чѣмъ десятое мѣсто въ желѣзнодорожной европейской семьѣ, дѣлается почти первую и можно смѣло сказать что пройдутъ еще какіе нибудь четыре, пять лѣтъ и наша желѣзнодорожная сѣть превыситъ, по протяженію, самую старую представительницу по этой части, Англію.

Наши рисунки представляютъ одно изъ грандіозныхъ сооружений—мостъ черезъ Волгу Рыбинско-Бологовской жел. дороги.

Мостъ этотъ находится на 176 верстѣхъ дороги и строенъ въ 1869, 70 и 71 годахъ. Движеніе по мосту было открыто 15 января 1871 года. Строила его французская компанія Гуанъ и Ко; постройка его со всеми расходами обошлась въ общей суммѣ въ 1.900.000 рублей.

Мостъ состоитъ всего изъ 6 пролетовъ: 4 рѣчныхъ и двухъ береговыхъ; длина его 213 сажень. Изъ 4 рѣчныхъ пролетовъ два средніе шириною въ 49½ сажень, крайніе по 41 саж., два же береговые пролета по 16 сажень каждый, желѣзные фермы моста, подкрѣпляющіе рѣчные пролеты представляютъ неразрѣзную балку многороскосной системы съ вѣдою по низу и длиною въ 189 сажень. Черезъ береговые пролеты путь идетъ двумя мостами тоже многороскосной системы съ вѣдою по верху, длиною по 17 сажень каждый. Опоры моста состоятъ изъ двухъ береговыхъ устоевъ и двухъ береговыхъ быковъ, устроенныхъ на свайномъ основаніи изъ бутовой кладки съ облицовкою камнемъ и трехъ рѣчныхъ быковъ съ ледорѣзками у кессоновъ. Нижній подъемъ неразрѣзной балки возвышенъ надъ горизонтомъ самыхъ высокихъ весеннихъ водъ на 4 сажени а надъ горизонтомъ низкихъ водъ на 11 сажень. Мостъ по своей величинѣ можетъ быть причисленъ къ капитальнѣйшимъ у насъ желѣзнодорожнымъ сооружениямъ и составляетъ украшеніе Рыбинско-Бологовской линіи.

Генрихъ Лейардъ.

Съ давнихъ временъ постъ посланника въ Константинополь считается самымъ важнымъ дипломатическимъ назначеніемъ, какимъ располагаетъ королева Англіи; это совершенно естественно, если принять въ соображеніе то исключительное положеніе, которое занимаетъ Турція относительно другихъ европейскихъ государствъ. Во время послѣднихъ великихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ и особенно съ тѣхъ поръ, какъ восточный вопросъ и Герцеговинское возстаніе, лѣтомъ 1875 г., достигли наибольшаго развитія, англійское правительство, въ виду важности событій, видѣло необходимость имѣть на Востокѣ соответствующаго серьезности обстоятельствъ представителя. Генрихъ Лейардъ, занимающій въ настоящее время постъ посланника въ Константинополь, всегда съ самыхъ молодыхъ лѣтъ интересовался востокомъ и изучалъ его очень усердно. Онъ родился въ 1817 году и въ началѣ предназначалъ себя къ юридическому поприщу, но вскорѣ однако онъ оставилъ эти занятія и посвятилъ себя инымъ, болѣе отвѣчающимъ его личнымъ наклонностямъ. Въ 1839 году онъ предпринялъ обширное путешествіе; онъ объѣхалъ сѣверную и южную Европу. Черезъ Албанію и Румелію онъ проѣхалъ въ Константинополь, гдѣ и поселился въ качествѣ корреспондента одной большой англійской газеты. Впослѣдствіи онъ былъ въ Малой Азій, ознакомился съ персидскимъ и арабскимъ языками и литературою, занимался археологіей и оказалъ громадные услуги по изученію ассирійскихъ древностей; въ британскомъ музеѣ есть цѣлыя отдѣлы, съ которыми его имя связано неразрывно. Въ 1847 году онъ былъ причисленъ къ дипломатическому корпусу, назначенъ въ Константинополь, въ 1852 и позднѣе съ 1861 по 1866 былъ младшимъ секретаремъ посольства, а въ 1869 уже чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Мадридѣ. Назначеніе въ Константинополь онъ получилъ въ 1877 г., когда сэръ Генри Эллиотъ переведенъ былъ въ Вѣну.

Положеніе, которое занималъ его предшественникъ л. Эллиотъ, какъ по отношенію къ геройской вѣншкѣ славянъ, такъ и по отношенію къ достопамятнымъ ужасамъ болгарской рѣз-

ни 1876 г., было совершенно опредѣленно. Всѣми силами стараясь дискредитовать славянъ въ глазахъ Европы, онъ скрывалъ, сколько могъ, истинное положеніе дѣлъ въ Болгаріи, а когда ружей американцевъ была сорвана завѣса съ ужасныхъ событій, онъ поставилъ себя цѣлью ослабить впечатлѣніе, произведенное тогда въ Европѣ этими событіями. Сэръ Лейардъ неуклонно идетъ, въ этомъ отношеніи, по слѣдамъ своего предшественника. Задача его, впрочемъ, была труднѣе. Если Эллиотъ противодѣйствовалъ слабымъ, разрозненнымъ славянскимъ племенамъ, Лейарду пришлось имѣть дѣло съ русскими. Какъ, однако, это ни казалось затруднительнымъ, нынѣшній британскій посланникъ не можетъ упрекнуть себя, чтобы онъ не дѣлалъ всего, что могъ, дабы выказать всю враждебность свою къ намъ и къ дѣйствіямъ нашимъ на Балканскомъ полуостровѣ. Достаточно указать, напримѣръ, исторію съ пресловутой „Родонской комиссіей“, при помощи которой онъ хотѣлъ добыть доказательства того, что, будто бы, русская армія обезславилась возмутительными насиліями и жестокостями надъ турками. Какъ всѣ знаютъ уже—Лейардъ потерпѣлъ въ этомъ полное фiasco, тѣмъ болѣе полное, что оно обнаружило всю закулисную сторону этой интриги. Въ настоящее время онъ, главнымъ образомъ, хлопочетъ воспрепятствовать славянамъ получить и то немного, что даровано имъ Берлинскимъ конгрессомъ. Будемъ, однако, надѣяться, что ни Виконфильды, ни Эллиоты, ни Лейарды не уничтожатъ плодовъ побѣды русскаго героя, и что Россія достигнетъ цѣли ею предначертанной въ этой войнѣ.

Салонъ-каюта для новобрачныхъ на американскихъ пароходахъ.

Все что касается практической жизни, комфорта, мелкихъ удобствъ, особенно для путешественниковъ—обо всемъ этомъ дѣловой, вѣчно развѣзжающій американецъ заботится больше европейца и безъ сравненія больше насъ русскихъ, отстающихъ сильно въ этомъ отношеніи. Мы или въ такой степени не цѣнимъ эти удобства, чтобы объ нихъ такъ много думать, или не такъ подвижны какъ этотъ практическій народъ. Стремленіе къ комфорту въ Америкѣ есть во всемъ, чтобы ни устраивалось. Американцы были первые, доставившіе путешественникамъ по желѣзнымъ дорогамъ возможность жить не выходя такъ сказать, изъ хорошихъ гостинницъ—въ этихъ пзщныхъ, удобно приспособленныхъ спальняхъ вагонахъ, а американскіе пароходы славятся своимъ комфортабельнымъ и полнымъ вкусомъ устройствомъ. Кто въ первый разъ видитъ нынѣшній американскій пароходъ, того онъ невольно поражаетъ. Требования американцевъ въ этомъ отношеніи такъ велика, что кто самъ не видѣлъ, тотъ не можетъ объ этомъ составить даже понятія. Пароходъ чистъ и бѣлъ какъ только что вынанный снѣгъ; онъ обширнѣе самой большой гостинницы, такъ какъ тысячи пассажировъ свободно въ немъ размѣщаются. Всякая потребность, даже прихоть, здѣсь удовлетворяется. Новобрачные напр. для послѣсвадебнаго путешествія теперь отдають въ Америкѣ предпочтеніе рѣчному пароходу, который безъ толчковъ морской болѣзни, какъ птица понесетъ ихъ по одной изъ царственныхъ американскихъ рѣкъ. На устройство для новобрачныхъ на пароходѣ великолѣпныхъ комнатъ обращено особенное вниманіе. Онъ отдѣланъ обыкновенно бѣлымъ съ голубымъ, этотъ храмъ Гименяя. Онъ бываетъ футовъ 16 длины, 12 ширины; это по истинѣ будуаръ Трианона. Стѣны бѣлыя съ голубыми или розовыми; лѣпные простѣлки съ золотыми рамами и рельефами поддерживаютъ разукрашенный рѣзной потолокъ. Въ каждомъ углу статуэтка Купидона. Великолѣпные медальоны на потолкѣ, расписаны сценами изъ мифологіи; они окружены гирляндами изъ цвѣтовъ и птичекъ съ разноцвѣтными перьями. Два окна съ шелковыми занавѣсками освѣщаютъ комнату. Зеркала въ золотыхъ рамахъ отъ полу до потолка. На мозаичномъ столѣ пзщный графинъ со стаканами, стулья, располагающія къ отдыху кушетки, туалетный столъ розоваго дерева и великолѣпная бронзовая кровать—такое убранство салона.

Политическія и внутреннія извѣстія.

Слова Государя Императора.—Неудача Англичанъ въ Афганѣ.—Англія и турки. Еще о социалистахъ.—Берлинъ въ осадномъ положеніи.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ обнародованы слѣдующія слова, произнесенныя 20-го ноября, Государемъ Императоромъ въ Георгіевской залѣ Кремлевскаго дворца, при выходѣ Его Величества въ Успенскій соборъ: „Я весьма радъ, что могу лично повторить мое сердечное спасибо всѣмъ сословіямъ Москвы за благотворительную ихъ дѣятельность во время минувшей войны; благородному примѣру вашему послѣдовала вся Россія. Надѣюсь, что въ самомъ непродолжительномъ времени окончательный миръ съ Турціею будетъ подписанъ. Благодарю васъ также за чувства преданности, выраженныя Мнѣ по случаю грустныхъ событій, бывшихъ въ Петербургѣ и другихъ мѣстностяхъ Россіи. Вполнѣ вѣрю ис-

кренности этихъ чувствъ и не сомнѣваюсь, что когда Меня не стинетъ, вы перенесете ихъ на Сына Моего и Его наследника. Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежныя стараются ее завлечь. Да поможетъ Намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ Онъ Намъ утѣшеніе видѣть дорогое Наше отечество постепенно развивающимся мирнымъ и законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое вамъ, какъ и Мнѣ“.

Триумфальное шествіе британскихъ войскъ въ Афганистанѣ нѣсколько было приостановлено, какъ о томъ свидѣтельствуютъ даже и британскія извѣстія, т. е. единственный источ-

никъ свѣдѣній о начавшейся войнѣ. Мы уже сообщали читателямъ, что бригады взяли (т. е. заняли) Даку—мѣстечко, лежащее къ западу отъ Хайберскаго горнаго прохода и представляющаго обрамленный хлѣбинами четырехугольникъ, съ садомъ посрединѣ; теперь газетъ „Daily News“ сообщаютъ изъ Джамруда, отъ 27-го ноября, что положеніе какъ вокругъ этого пункта, такъ и въ проходахъ, находящихся позади него, стало тревожнымъ. Горныя племена ограбили британскіе обозы, взяли въ плѣнъ отсталыхъ солдатъ и, около Алмеджида стрѣляли по британскимъ офицерамъ. Въ одну изъ послѣднихъ ночей было даже сдѣлано рѣшительное нападеніе на лагерь 11-го кавалерійскаго полка. Атака продолжалась два часа и сопровождалась сильнымъ огнемъ. Вслѣдствіе этого были приняты серьезныя мѣры для обезпеченія проходовъ и на высотахъ разставлены караулы. Горы кишатъ разбойничьими шайками, не обращающими ни малѣйшаго вниманія на сдѣлки и договоры съ ихъ вождями. Особенную же враждебность выказываютъ африды, нейтралитетъ которыхъ думали купить деньгами. Такъ, изъ Лагора телеграфируютъ, отъ 30-го ноября, „Civil and Military Gazette“, что отрядъ маіора Пирсона подвергся нападенію со стороны афридовъ, на площадкѣ, расположенной противъ Хайберскаго прохода. Два человека изъ отряда убито, одинъ раненъ, подъ маіоромъ убито лошадь и проходъ оказался загражденнымъ, такъ что обозъ долженъ былъ вернуться. Согласно позднѣйшему извѣстію, маіоръ Каваньяри, посѣщавшій къ этой части прохода, отбросилъ афридовъ и расчистилъ въ немъ путь нѣсколько далѣе. Какъ бы то ни было, но все это даетъ возможность предполагать, что, при дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи, британцамъ придется отдѣлать довольно значительныя силы для охраненія Хайберскаго дефилеа и для обезпеченія, вообще, тыльных своихъ сообщений. Только что получена депеша (британскаго же источника) о томъ, что ген. Робертсъ, дѣйствуя въ Курумской долинѣ, разбилъ авганскій отрядъ и взялъ городъ Шейваръ-Кочуль. Однако, при особыхъ условіяхъ этой войны а также при гористомъ характерѣ страны, она требуетъ, вѣроятно, нѣсколько болѣе времени и расходовъ, чѣмъ бы того желали британцы (если, конечно, эмпиръ, почему бы то ни было, не захотѣлъ бы самъ продолженія ея). Предполагаютъ, что вопросъ объ этихъ расходахъ будетъ обсуждаться однимъ изъ нервныхъ въ парламентѣ, созываемомъ на 5-е декабря; но крайней мѣрѣ, въ разосланномъ депутатамъ приглашеніи сказано, что 12-го декабря будетъ разсматриваться вопросъ первостепенной важности. Думаютъ, что дѣло идетъ, именно, о расходахъ на авганстанскій походъ, которые должны быть распределены по равню между Британіей и Индіей. Какъ слышно, сумма, требуемая для этой цѣли, не превышаетъ 10-ти милліоновъ ф. с. Одна половина ея покроется вынужденно консулей; а другая—посредствомъ выпуска индійскихъ правительственныхъ облигацій.

Говорятъ, будто это созваніе парламента едва не повело къ кризису въ средѣ британскаго министерства, не все члены котораго, по слухамъ, въ одинаковой степени желали открытія сессіи: графъ Биконфильдъ, высказавшійся противъ созванія, остался, въ происходившемъ по этому поводу засѣданіи совѣта, при меньшинствѣ: вслѣдствіе такого разногласія, распространился слухъ о выходѣ нѣкоторыхъ министровъ: увѣрили, даже, что Солсбери и Нордкотъ подадутъ въ отставку первыми; слухи эти, однако, не подтвердились. Но, удержавъ свой кабинетъ въ полномъ его составѣ, британцы, черезъ посредство сэра Лейарда, перемѣнили весь составъ турецкаго министерства.

Обнародовано въ Константинополь одно весьма знаменательное назначеніе—именно британскаго полковника Шельдгема—начальникомъ жандармовъ въ Сиріи. Какъ видно, Британія скоро покроетъ всю оттоманскую имперію стѣгью своихъ аген-

товъ, въ лицѣ ли преданныхъ ей турецкихъ государственныхъ дѣятелей, или въ лицѣ своихъ же подданныхъ... Агенты эти,—нечего и говорить,—служатъ ей умѣло.

Работая надъ своими оборонительными сооружениями на Балканскомъ полуостровѣ, британское правительство заботится о томъ, чтобы сдѣлать болѣе или менѣе неприступнымъ и Кипръ. Оно приказало построить на этомъ островѣ обширныя укрѣпленія. Тамъ тоже, все важныя стратегическія пункты—какъ внутренніе, такъ и внѣшніе—будутъ укрѣплены и соединены желѣзными дорогами. На производство всѣхъ работъ, какъ слышно, потребуется до 40 милліоновъ марокъ.

Въ послѣднее время распространились толки будто Биконфильдъ хлопочетъ объ уступкѣ Британіи Брусселъ. Утвердительно говорить о конечной цѣли этой конвенціи конечно еще нельзя. Порта соглашается на вступленіе австрійскихъ войскъ въ Новобазарскій округъ, подъ условіемъ сохраненія тамъ султанаго верховнаго авторитета; Австрія же не только соглашается на это, но даже, устали графа Андраши, признаетъ сохраненіе этого авторитета и въ Герцеговинѣ и Босніи, которыя обѣщается возвратить Портѣ, если та представитъ „солидную гарантію того, что введенный тамъ порядокъ не будетъ нарушенъ.“

Впрочемъ, и западно-европейскимъ правительствамъ приходится обращаться къ серьезнымъ мѣрамъ для охраненія и у себя порядка, новѣйшіе нарушители котораго—социалисты заставляютъ теперь много говорить о себѣ. Въ Берлинѣ, напримѣръ, объявлено, такъ называемое „малое осадное положеніе.“ Въ силу этого положенія, полиціи предоставлены нѣкоторыя большія, противъ обыкновеннаго времени, права: высылать подозрительныхъ лицъ изъ Берлина, Шарлоттенбурга и Потсдама, запрещать ношеніе оружія и проч. Нѣсколько лицъ уже выслано. Слѣдствіе по дѣлу о Пассаменте указало, по словамъ „Fremdenblatt“, на существованіе международнаго заговора. Въ Италіи закрыто нѣсколько социаль-демократическихъ обществъ и клубовъ.

Довольно распространенъ въ Испаніи слухъ о намѣреніи короля Альфонса вступить во второй бракъ, съ старшею дочерью герцога Монпансье, которая старше покойной королевы на 8 лѣтъ, и старше короля нѣсколькими годами.

22-го сего ноября, въ 9½ ч. веч., Ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна и Великая Княгиня Марія Федоровна совершенно благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нарѣченнымъ Михаиломъ.

Генрихъ Лейардъ, англійскій посолъ въ Константинополь.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Недавно открыто ископанное растеніе, необычайное по разбѣрамъ и красотѣ и въ сравненіи съ которымъ Victoria regia Rafflesia Arnoldi—чистые пигмеи. Счастливецъ, которому удалось сдѣлать это открытіе, называется Одоардо Беккери. Въ настоящее время онъ занимается изслѣдованіемъ Остиндскаго архипелага. Вновь открытое растеніе красуется своими громадными цвѣтками въ лѣсахъ Суматры. Одоардо Беккери причисляетъ его къ семейству Amorphallus и далъ ему видовое названіе titanum. Въ поперечникѣ цвѣтокъ этого растенія имѣетъ 83 сантиметра, а по вертикальной оси—1,72 метра.

Извѣстный археологъ, докторъ Шлиманъ, пишетъ одному изъ своихъ пріятелей въ Россію, отъ 16-го ноября, съ развлѣченіемъ Трои: „Мнѣ удалось открыть въ развалинахъ дворца послѣдняго троянскаго царя два маленькія клада и одну довольно значительную коллекцію золотыхъ вещей. По условію, заключенному съ турецкимъ правительствомъ, на мою долю приходится только третья часть этихъ вещей, и я присоединяю ее къ моей большой коллекціи троянскихъ сокровищъ, хранящейся въ кенсингтонскомъ музее въ Лондонѣ. Грандіозныя троянскія стѣны откопаны теперь на большомъ протяженіи и открыта широкая улица, обходящая вокругъ дворца“.

(Продолженіе на стр.) 917, 918, 919, и 920.

Рождественные праздники, время усиленной покупки *игрушек для детей*. По этому поводу один аптекарь из Верхней Силезии сообщает в газету „Berliner Tageblatt“, что его малолетняя дочь едва не отравилась куклой, окрашенной свинцовыми белилами. Корреспондент берлинской газеты, прибавляя, что такие же явления были замечены и в других местах Силезии, дѣлает отсюда выводъ, что „безсовѣстные“ нѣкоторые фабриканты пользуются ядовитыми красками не только для игрушекъ, назначенныхъ къ вывозу за границу, но и для дѣтскихъ товаровъ внутренней распродажи. Въ поясненіе этихъ словъ, надо сказать, что нѣмецкій законъ о запрещеніи ядовитыхъ примѣсей къ товарамъ действительно имѣетъ въ виду и охраняетъ отъ отравы предметы лишь внутренняго, а не вишняго сбыта. Что же слѣдуетъ думать о разныхъ игрушкахъ, безнаказанно отправляемыхъ „безсовѣстными“ нѣкоторыми фабрикантами за границу, если они не падать даже дѣтей родины? Тотъ же аптекарь сообщаетъ, что

Финляндскія газеты сообщаютъ, что изъ денежнаго шкафа главной таможенной дирекціи въ Гельсингфорсѣ безслѣдно исчезли 27,000 марокъ, вытребованныя въ прошлую субботу изъ таможи для уплаты, въ понедѣльникъ, на нынѣшней недѣль, трехмѣсячнаго жалованья служащимъ. Въ субботу деньги были сочтены и заперты въ шкафъ, а въ понедѣльникъ шкафъ оказался незапертымъ и пустымъ.

Если Россія, по количеству наградъ, выданныхъ на Парижской выставкѣ, занимаетъ не первостепенное мѣсто, то, съ другой стороны, мы можемъ быть довольны тѣмъ, что жюри выставки увѣнчало наши успѣхи въ самыхъ различныхъ отрасляхъ производства. Въ свое время публика могла убѣдиться въ томъ изъ обнародованнаго списка наградъ, назначенныхъ нашимъ экспонентамъ. Здѣсь мы только кстати скажемъ, что стоящее въ нашемъ отечествѣ въ весьма неблагоприятныхъ условіяхъ

Каюта-салонъ для новобрачныхъ на американскомъ пароходѣ.

присутствіе свинцовыхъ бѣлилъ въ краскѣ игрушекъ и разныхъ другихъ предметовъ легко обнаруживаютъ жидкія химическія соединенія сѣры и водорода; отъ нѣсколькихъ капель такихъ жидкостей свинцовыя бѣлила чернѣютъ.

Эпидемія нассовыхъ кражъ и растратъ подвигается и на сѣверъ.

дѣло книгопечатанія и издательства, настолько, однако, подвинуто уже впередъ, благодаря энергическимъ усиліямъ небольшого числа людей, посвятившихъ ему себя у насъ, что Парижское жюри признало справедливымъ отнѣтитъ этотъ успѣхъ и назначить дѣятелямъ награды. Между прочимъ и нашъ журналъ „Нива“ удостоился „почетнаго отзыва“.

Карта Афганистана.

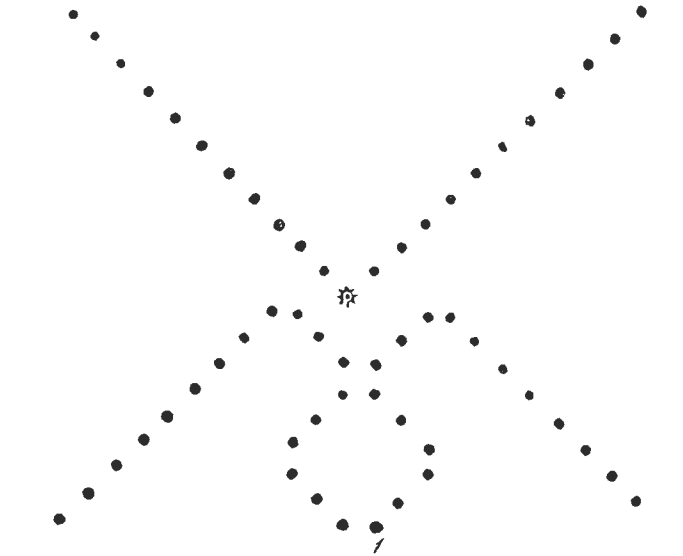
Стараясь, какъ всегда, дать нашимъ читателямъ болѣе возможности слѣдить за событіями, мы прилагаемъ карту Афганистана. Не одинъ разъ мы уже говорили подробно объ этихъ событіяхъ (см. №№ 40, 43, 46, 47, 48). Прилагаемая карта поможетъ нашимъ читателямъ ориентироваться. Напомнимъ въ общихъ чертахъ, какъ шло до сихъ поръ дѣло. Англичане вступили въ Афганистанъ тремя колоннами. Первый отрядъ въ 16,000 чел. разнаго оружія, подъ командою генерала Броуна, двинулся 8-го (20-го) ноября отъ Джамруда (на индійско-афганской границѣ, восточнѣе Пешавера). Этотъ отрядъ долженъ былъ идти на Кабулъ (въ 250 в. отъ Пешавера). На поль-дорогѣ къ Кабулу расположенъ Желлабадъ. Почти треть этого пути уже пройдена генераломъ Броуномъ. 9-го (21-го) ноября, южнѣе Джамруда изъ Тулие (Банни), также на восточной границѣ, двинулся 2-й отрядъ генерала Робертса, около 6,000, также на Кабулъ. Эти два отряда составляютъ ядро дѣйствующей арміи,

ея важнѣйшую часть. Третій отрядъ генерала Бидульфа, идя изъ Кветты, съ юга, двинулся на Кандагаръ, численностью до 12,000 чел. По пути обоимъ первымъ отрядамъ таяется почти до Кабула высокій снѣжный горный хребетъ. По послѣднимъ извѣстіямъ путь между Желлабадомъ и Кабуломъ будто бы совершенно открытъ. Не забудемъ, что извѣстія эти англійскія. Въ виду сопротивленія, довольно энергическаго, оказаннаго Афридами въ Хайберскомъ проходѣ, англичанамъ придется его укрѣпить какъ можно лучше и оставить здѣсь сильный отрядъ. Въ Курумскомъ проходѣ уже была 2-го декабря битва между афганскими войсками и отрядомъ генерала Робертса. Битва длилась цѣлыя сутки и объ исходѣ ея еще ничего не извѣстно. Генералъ Бидульфъ, какъ мы уже говорили въ политическомъ обзорѣ № 48, стоитъ въ Пишиѣ и ждетъ прибытія резерва Стюарта, который идетъ изъ Кветты.

ЗАДАЧА.

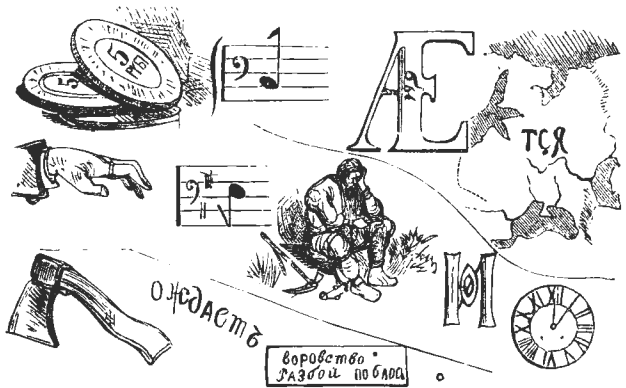

Надо соединить всё данные точки одною непрерывающеюся и ниждь неперекрещивающеюся линіею. Линію эту должно начинать съ нижней серединой точки находящейся съ правой стороны, гдѣ поставлена цифра 1 и окончить на звѣздообразной точкѣ въ серединѣ расположенной. Получится изображение линіи пути, которымъ Тезей шелъ по переходамъ Лабиринта на остр. Критѣ, для отысканія Мнотавра. Если же, кромѣ того, провести линію этого пути съ обнхъ сторонъ еще двумя линіями, это составитъ планъ знаменитаго Лабиринта. Разгадка будетъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ „Нивы“.

Рѣшеніе задачи въ „Нивѣ“ № 47,
(† обозначаетъ Христіанъ, О обозначаетъ Турокъ).

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†	†
1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3
4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6
4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6
1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3
4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6
5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе ребуса въ „Нивѣ“ № 47.

Задача! думалъ властелинъ, въ чемъ сила моего дивана? Диванъ безъ англійскихъ пружинъ—худая мебель для султана.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Доктору А. Ф. Брандту. Весьма сожалѣемъ, что по недостатку мѣста въ свое время статья ваша о Давосѣ въ № 38 „Нивы“ могла быть напечатана не иначе какъ съ исключеніями, вслѣдствіе которыхъ вопросъ о цѣлебномъ дѣйствіи суроваго, а потому на первый взглядъ неблагопріятнаго, Давосскаго климата на легкихъ больныхъ остался невыясненнымъ. Охотно указываемъ нашимъ читателямъ, интересующимся этимъ вопросомъ, на статью, помѣщенную нами въ „Journ. de St.-Petersb.“ (№ 306 отъ 17/29 ноября).

Москва, И. С. Л. Это очень хорошая манера—предпосылать стихотвореніямъ біографическія о себѣ свѣдѣнія, какъ дѣлаете вы. Такимъ образомъ можно видѣть напр. въ какой степени пренебрежено было занятіе словесностью въ заведеніи, о которомъ вы упоминаете въ своей автобіографіи. Интересно было также узнать когда вы родились и когда „впервые разъ васъ посѣтила муза“—

СОДЕРЖАНІЕ: Князь П. А. Вяземскій (съ портр.)—Царь-дѣвица. Историческій романъ Вс. Соловьева (продолженіе).—Поиски модели (съ рис.)—У сапожника (съ рис.)—Микроскопическія инфузоріи, находящіяся на днѣ моря (съ рис.)—Волки (съ рис. Н. Каразина).—Русскія желѣзныя дороги (съ 2 рис.)—Генрихъ Лейбартъ (съ портр.)—Салонъ-каюта для новобранцевъ на американскихъ пароходахъ (съ рис.)—Политическія и внутреннія извѣстія.—Разныя извѣстія.—Задача.—Рѣшеніе задачи.—Ребусъ.— Рѣшеніе ребуса.— Почтовый ящикъ.—Объявленія.— При этомъ № прилагаются «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ДЕНАБРЬ съ 24 рис. и отдѣльный листъ съ 24 чертж. выхоренъ въ натуральную величину, съ 23 рис. рукодѣльныхъ работъ и разнообразныхъ инициальныхъ буквъ.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

За редактора Ф. БЕРГЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

СЕМЬЯ И ШКОЛА
ИЛЛЮСТР. ПЕДАГОГ. ЖУРНАЛЪ
1879 г. (Годъ изданія 9-й).

Отд. I. Семейное чтеніе (для дѣтскаго чтенія) 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 10 р.
Отд. II. „Воспитаніе и обученіе съ педагогическою хроникой“. 10 книгъ и 40 номеровъ въ годъ. Подп. ц. съ перес. 5 р.
Подписная цѣна на оба отдѣла съ перес. 12 р. въ годъ.
Подписка адресуется: Въ СПб., въ контору журнала «Семья и Школа» (Василевск. остр., 15 л. д. № 20). № 249 10—3

НОВОСТЫ ИЗЯЩНЫЙ АППАРАТЪ НОВОСТЫ!
для точнаго копированія рисунковъ, фотографій, акварелей и пр. безъ мажншей подготовки. Особенно полезно для дѣтей. Цѣна (съ приложеніемъ Новаго способа умноженія посредствомъ сложенія) 1 р. съ перес. 2 р. Адр.: въ Бюро объявленій, Невскій пр. № 4 г. Эргенсъ въ С.-Петербургѣ. № 264 4—1

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ „НОВОГО ВРЕМЕНИ“ С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР. № 60 ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

АЛЬБОМЪ ЗАВАЛКАНСКАГО ПОХОДА 1877—78 гг.
Полное собраніе снимковъ походной фотографіи А. Д. Иванова, альбомъ состоитъ изъ видовъ, типовъ, портретовъ и группъ разныхъ частей войскъ—цѣна въ роскошномъ переплетѣ 300 руб. отдѣльно снимки отъ 1 руж. до 5 руб. Подробный каталогъ высылается по требованію. № 246 6—3

Магазинъ бывшій Штанге. Б. Морская, № 34. Умывальныя приборы, столовые сервизы, Богемскій и фран-

Нижнее отдѣленіе.

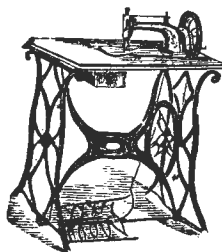
цузскій хрусталь, Ванны, ватерклозеты, Мѣдная и безопасная фр. желѣзная посуда, Самовары ножи и проч.

№ 266

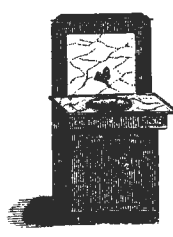
СКЛАДЪ ЧЕШСКАГО ХРУСТАЛЯ. ЗАВОДА ГРАФА ГАРРАХА. ВЪ НОВОМЪ СВѢТѢ ВЪ ЧЕХИИ.

Рекомендуетъ большой выборъ хрустальныхъ сервизовъ, кружекъ, вазъ для фруктовъ и цвѣтовъ, десертныхъ тарелокъ, подставокъ для ролей, молочниковъ, пресъ-палье, градусниковъ, бомбоньерокъ и проч. Салоги и козлы для пива, хрустальныя ложки для варенья и лекарства по заводскимъ цѣнамъ.
Складъ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Морской, д. № 36. № 238 5—3

Умызальники,
Ватерклозеты, Биде, Ванны, души, вентиляторы, камини. Каминные приборы. Стойки для камин. приборовъ. Каминныя рѣшетки. Совки. Самодѣйствующій аппа-

ратъ для стирки, выжималки. Желѣз. складныя кровати, водоочистительныя машинки, Мясорубки. Хозяйств. всѣмъ и разнымъ металлическій и хозяйственный товаръ.

№ 189 И. Э. Милькъ. Большая Морская № 39.

ВЪ MAGASIN ETRANGER,
Иностранномъ магазинѣ, В. Морск., д. № 30.
!!! ПАРИЖСКІЯ !!!

ИГРУШКИ!

Громадный выборъ самыхъ прелестныхъ парижскихъ игрушекъ и произведеній первѣйшихъ игрушечныхъ фабрикъ и мастеровъ свѣта.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ !!! ИГРЪ !!!

развивающихъ ловкость, мгновенное соображеніе и расторопность, также приготавливающихъ къ различнымъ наукамъ и дающихъ поводъ къ обученію въ разговорахъ.

АМЕРЬКАНСКІЯ ЛОШАДКИ художественной работы, отличающаяся не только необыкновенной красотой формъ, но еще удивительной прочностью. Вышина 1 арш. и выше.

!!! ВЕЛОСИПЕДЫ !!!

для всякаго возраста, отъ самыхъ маленькихъ до настоящихъ американскихъ, велосипеды скоростныя, на которыхъ можно съѣздить 30 верстъ въ часъ. Компактные велосипеды для двоихъ, малячина и дѣвочки, очень красивые велосип. лошадаки кабриолетами.

!!! АВТОМАТЫ !!!

чудной конструкции, кулаки, зѣвочки, собачки, особенно замѣчательно конпертъ обѣзаны, павильн ходящій и распускающій перья, навада удивительная кукла, плавающая руками и ногами, угли, и лебеди, дѣйствующие ножками, викиажи и лошадаки съ заводомъ !!! Автоматы съ музыкой !!!

!!! КУХНИ И ПЛИТЫ !!!

парижскія изразцовыя и желѣзныя, на которыхъ дѣти могутъ странать. Цѣна отъ 2 р.

!!! КУКЛЫ !!!

въ громадномъ выборѣ, съ подвижными членами, прекрасной отделки, «Ваву» особенно красивыя, изъ массы, которая не ломается; кулаки говорящія, кулаки съ приданными и самымъ моднымъ туалетомъ.

!!! МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ !!!

вѣнскія шарманки очень пріятнаго тона, по которымъ можно, танцовать, а потому замѣняющія тапера.

!!! ВѢНСКІЯ ГАРМОНИ !!!

особенно хорошаго тона.

!!! КСИЛОФОНЫ !!!

деревянная музыка, на которой можно играть всякія пьесы. Ц 75 к. и 1 р. 75 к.

МЕТАЛОФОНЫ

тоже музыка изъ стальныхъ пластинокъ.

!!! КУКОЛЬНЫЕ ФОРТЕПИАНО !!!

маленькій музыкальный инструментъ не разстраивающійся никогда.

!!! МАЛЕНЬКІЕ ГАРМОНИФЛЮТЫ !!!

надающіе толь олейты, цѣна 1 р. 50 к.

!!! НОВОСТЬ !!!

ВОЛШЕБНАЯ ЛЕПЕШКА

или вальдорнъ въ желѣзномъ карманѣ, новый инструментъ, издающій, посредствомъ голоса, звуки охотничьей трубы и на ней каждый, умѣющій пѣть, можетъ трубить всякія оперы и арии, цѣна 1 р. 50 к., иногороднымъ съ перес. 2 р.

!!! НОВОСТЬ !!!

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПОРТКРЕОНЪ

съ перомъ, пишущимъ чернилами безъ чернилъ всякою жидкостью: водой, молокомъ, виномъ и пр., при немъ свистокъ, подражающій птицамъ: какарей и даже соловью, и кромѣ того можно играть на немъ всякія арии. Цѣна 1 р. иногор. съ перес. 1 р. 50 к.

МУЗЫКА ИЗЪ КОЛОКОЛЬЧИКОВЪ

забавляющая каждого любителя музыки.

!!! ЗАМѢЧАТЕЛЬНО !!!

парижскія дѣтскія швейныя машинки, частіе дѣвочки всакаго возраста, полезный и пріятный подарокъ, цѣна 5 р., иногор. съ перес. 6 р.

!!! НОВОСТЬ !!!

американскій пневматическій танцоръ, дѣйствующій посредствомъ воздуха.

Составленіе прейсъ-курантовъ, по громадной разнообразности предметовъ управ. магазина не нашо возможномъ. Заказы иногородныхъ исполняются крайне добро-обвѣстно и немедленно

«ВЪ MAGASIN ETRANGER», иностранномъ магазинѣ, Большая Морская, д. № 30, въ С.-Петербургѣ.

При этомъ № прилаг. для гг. иногор. подписч. (кромѣ Московскихъ) объявленіе отъ книжн. маг. А. И. Манухина въ Москвѣ.

ВЫШЛА ДЕКАБРЬСКАЯ КНИЖКА «СОБРАНИЯ РОМАНСВЪ». СОДЕРЖАНИЕ: Убийство въ домѣ под № 13, Рене де-Пон-Жюста. Мас-Горка, Густава Эмара, (окончаніе). Преступленіе моего отца, Бленмора, (окончаніе). Тайнственное происшествіе въ современной Венеціи. Уилки Коллинза, (окончаніе). Кромѣ романовъ, оконченныхъ въ этой книгѣ въ нынѣшнемъ году, окончено еще десять романовъ: ВОЛОКИТА МУЖЪ Флоренціи Марьеть. СИГНАЛЬ БѢДСТВІЯ. Майна Ряда. МУЖНИНА ЖЕНА, Теккерей. ТЫСЯЧА И ОДНА СУПРУЖЕСКАЯ НОЧЬ, Катрелля. СТРАНИЦА ЛЮБВИ, Эмиля Золя. СТАРОСТЬ ЛЕОНА, Фортюна дѣ-Буагобея. ТРИ ГЕРЦОГИНИ, Арсена Гуссе. ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОКА, изъ событій Константинополѣ, Антоніи Жюфре. ДРАМА ВЪ РОЗОВОМЪ ДОМѢ, Ксавье де-Монтелена. ПОПЕНДЖОЙ-ЛИ ОНЪ? Энтони Троллопа — всего четырнадцать романовъ и множество новѣстей и разсказовъ. Такимъ образомъ «Собраніе Романовъ» въ концѣ года составляетъ цѣлую бібліотеку, въ которой соединены самыя лучшія сочиненія иностранныхъ беллетристовъ. Кромѣ романовъ, уже объявленныхъ на 1879 годъ, съ январской книжки начнется разсказъ Жюля Верна, ПЯТНАДЦАТИЛѢТНІЙ КАПИТАНЪ. Цѣна за годовое изданіе, 12 книгъ большого формата, составляющихъ въ концѣ года около пяти тысячъ страницъ, безъ доставки десять рублей пятьдесятъ коп., съ доставкой въ С. Петербургъ—одиннадцать руб.; для иногородныхъ подписчиковъ—двѣнадцать. Подписка принимается исключительно на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ редакціи «Собранія Романовъ», въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С. Петербургѣ. Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1-го При редакціи открыта книжная торговля; высылаются всѣ книги, опубликованныя въ газетахъ, и принимается подписка на всѣ періодическія изданія. № 265 1

ВЪСТНИКЪ ИМПЕРАТОРСКАГО РОССИЙСКАГО ОБЩЕСТВА САДОВОДСТВА въ 1879 г. будетъ издаваться по прежней программѣ—восемь книжекъ, каждая не мѣнѣе четырехъ листовъ текста, посвященнаго описанію растений и статьямъ, имѣющимъ практическое значеніе. Въ теченіи года будетъ дано сорочѣ восемь большихъ рисунковъ, изъ которыхъ двадцать четыре хромотографированные, представляющіе растенія въ натуральную величину. Растенія, избираемыя для рисунковъ и ихъ описаній, будутъ принадлежать частно введеннымъ Императорскимъ ботаническимъ въ домъ, частію къ пользующимся особенно известностью въ садоводствѣ. Свѣдѣнія о дѣятельности Общества (протоколы засѣданій, отчеты и пр.) не входятъ въ означенное число листовъ текста. Цѣна въ годъ: для членова Общества 3 р. безъ пересылки и 3 р. 50 к. съ пересылкой; для лицъ не принадлежащихъ къ составу Общества 4 р. 50 к. безъ пересылки и 5 р. съ пересылкой. Подписка на «Вѣстникъ» принимается ПРЕИМУЩЕСТВЕННО въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи (Стремянная улица, д. № 22, кв. № 19) и въ Обществѣ (по адресу въ «Императорское Русское Общество Садоводства», а въ Москвѣ: въ Сѣнномомъ Дѣло комиссіонера Общества, Л. Л. Риттера (Петровка, № 18). Кромѣ означенныхъ мѣстъ, можно выписывать «Вѣстникъ» чрезъ сѣменные магазины гг. Бука и Свиа и книгопродавца И. А. Исакова (въ Гостиномъ дворѣ № 24). № 262 1—1

„ГРАЖДАНИНЪ“ на 1879 г. Журналъ литературы, политики, науки, искусства, церковной, государственной, общественной и народной жизни, экономическихъ и юридическихъ знаній; выходитъ еженедѣльно, безъ цензуры, въ объемѣ отъ 3-хъ до 5 печ. листовъ. Въ годовые подписчики на 1879 г., бесплатно получаютъ при журналѣ: 1) Два тома «Русскаго Сборника» или собранія лучшихъ романовъ, повѣстей и серьезныхъ и занимательныхъ статей всевозможнаго содержанія, которыя по значительному своему объему или особому характеру удобнѣе помѣщаются въ книжномъ форматѣ «Сборника». 2) Ежемесячное приложение «Книжные Листки», или обзоръ болѣе замѣчательныхъ, вновь выходящихъ въ 3-ть, книгъ. 3) Большую (стѣнную) иванскую картину, исполненную по заказу редакціи замѣчательными художниками за границу (будетъ рѣвюлана въ январѣ — Цѣна за годъ 8 р. съ пересылкой. Желая способствовать распространенію въ средѣ учащихся и учащейся молодежи добрыхъ началъ и серьезныхъ знаній, редакция понижаетъ (при подпискѣ на весь годъ) подписную плату на журналъ 79 г. со всеми приложеніями: а) для священно-церковно-служителей преподающихъ въ учебныхъ заведеніяхъ и народныхъ школахъ и для всѣхъ вообще учителей и учительницъ, наставниковъ и наставницъ, смотрителей, попечителей и поч. блюстителей—съ 8 до 6 р. въ годъ; б) для народныхъ же учителей и учительницъ всѣхъ вѣдомствъ, для студентовъ, воспитанниковъ и воспитанницъ въ учебныхъ заведеніяхъ и ихъ бібліотекъ съ 8 р. до 5 въ годъ. Подписываться слѣдуетъ заблаговременно. Адресъ: въ редакцію «Гражданина», СПб., М.-Итальянская, 4. № 263 2—2

ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ ЮЛІА ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА по Большой Морской ул., д. № 42, въ С.-Петербургѣ. рекомендуетъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ оптомъ и въ розницу: СКРИПКИ, смычки, альты, виолончели, басы, цитры, ГИТАРЫ, мацололины, КОРНЕТЬ-А-ПИСТОНЪ, ФЛЕЙТЫ, кларнеты, барабаны, музыкальные ящики, шарманки, гармоніи, гармоніи-флюты, англійскія и нѣмецкія концертныя, СВѢТІЯ ИТАЛЬЯНСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ СТРУНЫ, и всѣ принадлежноти. Пріемъ въ починку. Заказы изъ провинціи исполняются аккуратно и немедленно. № 267 6—1 Прейсъ-куранты бесплатно

Въ книжныхъ магазинахъ Петербурга поступила въ продажу, для пассажировъ, купцовъ и конторскихъ учреждений СПРАВОЧНАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ТАБЛИЦА, заключающая въ себѣ цѣны на провозъ: пассажировъ, дѣтей, багажа, товаровъ и прочей класки, страхованія ихъ; плату за провозъ: собакъ, лошадей, экипажей и покойниковъ, по дорогамъ: Николаевской, С.-П.-Вурго-Варшавской и 30 жел. дорогамъ внутреннего Россійскаго сообщенія, вошедшихъ 150 станціями (городами) въ прямое пассажирское и товарное сообщеніе съ вышеупомянутыми главными линіями. Текстъ таблицы содержитъ правила перевозокъ по жел. дор. упомянутыхъ въ таблицѣ предметовъ. Свѣдѣнія почернуты изъ официальныхъ источниковъ, и до настоящаго времени, нигдѣ не были доступны въ такой точности и полнотѣ справокъ. Цѣна таблицы, удобно сложенной для носенія въ карманѣ 25 к. (отзывъ «Голоса» № 278). Гг. иногородные, желающіе приобрести таблицу, благоволятъ выслать, для удобства, вмѣсто денегъ 3 восьми-копѣечныя почтовые марки. Петербургъ, Забалканскій просп., д. № 105—1 кв. № 28, Александрю Блякману. № 262 1 ОПЕЧАТКА. Въ № 48 «Нивы» въ объявленіи о таблицѣ вкралась ошибка—что вмѣсто 3 марокъ требующихъ сказано 2.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ВЪ МАГАЗИНАХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ Л. КАСТИЛЬОНЪ С.-Петербургъ В. Морская № 16, д. Елисева. Москва, Кузнецкій мостъ д. Фирсанова № 68—11. Только что полученная со Всемирной Парижской Выставки. Новизобрѣтенная американская машина для дѣланія бахромы изъ шелковыхъ и другихъ тканей. № 232 5—4 Цѣна съ мѣдной платформой . . . . . 7 р. " " съ висеребреной . . . . . 8 " Вновь открыта ГЛАЗНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА доктора Добровольскаго съ постоянными кроватями. На Михайловской площади, близъ Пассажа, домъ № 15 кв. 7. Пріемъ больныхъ утромъ ежедневно, исключая Воскресенія, отъ 9 до 11 ч., вечеромъ ежедневно отъ 6 до 8 часовъ. Для бѣдныхъ бесплатно по вторникамъ и субботамъ отъ 9 до 11 часовъ. № 222 10—4

Въ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ продается: «РУССКІЙ ДѢТСКІЙ ПѢСЕННИКЪ» 110 пѣсенъ для 1, 2 и 3 голосовъ, съ народными напѣвами, сост. А. Фаминицынъ. Ц. часть I—35 к., часть II—40 к. «БАЯНЪ» (дополненіе къ «Русскъ дѣтск. пѣсеннику»), 150 пѣсенъ для 1 и 2 голосовъ съ напѣвами западно-европейскихъ народовъ (русскіе тексты лучшихъ авторовъ) сост. Г. Дольдъ и А. Фаминицынъ. Ц. часть I 60 к. часть II—80 к. Дрезде. руководство къ правильному построению модуляцій, перев. съ нѣмецкаго А. Фаминицынъ. Ц. 1 р. № 268

НИВА

Иллюстрированный журнал литературы

№ 50 **ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.** 1878

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 11 Декабря 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 30 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ «Нивѣ» принимаются по 25 к за строку попарейль (въ 1/4 ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1879 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Присия гг. иногородныхъ подписч. незамедлитель возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ получении журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе 28,500 печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургъ . . . . . 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. . . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи . . . . . 6 „

КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особые приложения при «Нивѣ» объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Месячные рукописи и стихи, неудобныя къ печати, авторы не возвращаются.

Подписка на 1878 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всеми преміями.

Д. В.
Григоровичъ.

Имя человека, о которомъ мы хотимъ теперь говорить, уже давно известно; но въ последнее время оно неразрывно связано съ такимъ дѣломъ, на которое мы считаемъ себя обязанными обратить самое серьезное вниманіе.

Въ бывшій домъ С.-Петербургскаго Градоначальника, всемілостивѣйше пожалованный „обществу поощренія художниковъ“ Государемъ Императоромъ—не такъ давно переведена рисовальная школа общества и образованъ музей—дѣло, прошедшее мало замѣченными, но на которомъ, въ виду его важности, мы считаемъ необходимымъ остановиться внимательнѣе; замѣчательному же музею общества намѣрены посвятить особую статью съ рисунками.

Тамъ, гдѣ люди работаютъ, горячо любя и зная дѣло—тамъ, разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія въ его развитіи. А во главѣ настоящаго дѣла находится именно группа лицъ, талантливая, энергическая и благотворная дѣятельность кото-

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ. Съ фотогр. грав. Паннемакеръ.

рыхъ заслуживаетъ величайшаго вниманія и глубокаго со стороны общества уваженія и сочувствія. Говоря объ „обществѣ поощренія художниковъ“ и о его истиннѣ замѣчательномъ созданіи—рисовальной школѣ, нельзя не упомянуть имени нашего известнаго писателя Д. В. Григоровича, какъ человека неразрывно связаннаго со всеми лучшими начинаніями и осуществленіями поставленныхъ обществомъ дѣлей „развитія русскаго искусства“, который такимъ образомъ, кроме своей, имѣвшей всѣмъ известное значеніе, дѣятельности, послужилъ Россіи инымъ, не менѣе плодотворнымъ, образомъ.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, (род. 1820 г.) изъ дворянъ Рязанской губерніи, началъ свое воспитаніе въ Петербургѣ, въ инженерномъ училищѣ, но, не чувствуя наклонности къ инженерному дѣлу, онъ, не дождавшійся офицерскаго чина, вышелъ изъ училища. Любовь къ искусству вообще обнаружилась въ немъ очень рано, и Григоровичъ долго еще не признавалъ своего истиннаго назначенія, долго колебался, не зная, какой путь избрать: живописца, сцени-

ческаго артиста или литератора. Онъ посѣщаль академію художествъ, и въ тоже время, увлекаемый сценою, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ театраловъ. Первые литературные опыты его появились въ разныхъ мелкихъ изданияхъ, въ 1843 г. и сначала не обратили на себя особеннаго вниманія. Литературная извѣстность его начинается собственно съ 1846 года, т. е. съ появленія повѣсти его „Деревня“, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ.“ Съ этого времени призваніе Д. В. опредѣлилось; замѣчательный талантъ его крѣпн и развивался, и вскорѣ онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ „Современника“, издаваемаго въ то время Н. Панасовымъ и извѣстнымъ поэтомъ Н. А. Некрасовымъ. Въ „Современникѣ“ явились его лучшія произведенія: „Антонъ Горемыка“, „Рыбаки“, „Бобыль“, „Переселенцы“ и др., доставившія Д. В. достойное его мѣсто въ русской литературѣ. Тургеневъ и Григоровичъ первые изъ русскихъ писателей обратили серьезное вниманіе на внутренній крестьянскій бытъ. Теперь это дѣло, быть можетъ, гораздо болѣе разработанное въ фотографическихъ, если можно выразиться, подробностяхъ, едва ли выиграло во внутреннемъ пониманіи дѣла и несомнѣнно служило и получило какое-то специальное, тенденціозное значеніе. Д. В. Григоровичъ писалъ юмористическіе рассказы, изъ которыхъ особенно извѣстны „Свистулькины“ „Дружеская лотерея“ и др. Рѣшить что лучше—повѣсти его изъ крестьянскаго быта, или эти очерки—дѣло критики (отсутствіе которой теперь такъ замѣтно), но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что г. Григоровичъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ русскихъ писателей и его имя дорого каждому интересующемуся русской литературой.

Эпизоды изъ романа „Два генерала“, помѣщенные въ шестидесятыхъ годахъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ составляли послѣднее выдающееся произведеніе Д. В. Григоровича. Послѣ этого онъ пересталъ писать. Въ 1863 году онъ принимается на себя обязанности члена-секретаря общества поощренія художниковъ.

Надо замѣтить, что дѣятельность этого общества, его цѣли, связанная съ цѣлями единственнаго у насъ учрежденія—академіи художествъ, „насаждать искусство въ Россіи“ всегда были направлены къ содѣйствію успѣхамъ изящныхъ искусствъ и съ перваго же дня своего существованія „общество“ было единственнымъ учрежденіемъ, которое съ живѣйшимъ участіемъ откликнулось постоянно на всѣ художественные интересы. Мы не будемъ говорить о томъ, что оно имѣло въ прежнія времена множество пансіонеровъ, которымъ давало квартиру и содержаніе, что оно посылало нѣкоторыхъ художниковъ на свой счетъ за границу, что оно помогало всѣмъ художникамъ заказами, а въ крайнихъ случаяхъ и денежными пособиями; мы не станемъ перечислять всѣхъ его пансіонеровъ, между которыми встрѣчаются имена: К. Брюлова, А. Брюлова, братьевъ Чернецовыхъ, А. Иванова, барона Клодта, Лагоріо, Шевченко, Флавицкаго, К. Маяковскаго и большей части извѣстныхъ художниковъ. Говорить о поощреніи талантовъ и ставить въ особую заслугу „обществу“ собраніе имѣ капитала и его полезное значеніе, мы не видимъ надобности, такъ какъ живѣйшее участіе „общества“ въ успѣхѣ развитія русскаго искусства выразилось во все время его дѣятельности далеко не такою пассивною роллю. Кромѣ работъ по изданіямъ, по устройству и распространенію въ Россіи литографіи, при самомъ началѣ появленія этого искусства, оно тутъ же слѣдило за образованіемъ хорошихъ рисовальщиковъ на камнѣ, гравировъ на мѣди, на стали, и, принявшись за развитіе литографскаго искусства, стремилось къ усовершенствованію и этого дѣла.

Затѣмъ „общество“ положило въ Россіи первое начало искусству гравированія на деревѣ и черезъ то доставило возможность къ предпріятію русскихъ иллюстрированныхъ изданій. И дѣйствительно въ 1838 году въ первый разъ приходится слышать о томъ серьезномъ значеніи для печати искусства гравированія на деревѣ, недостаточное развитіе котораго, надо замѣтить, чувствуется и до сихъ поръ. „Изъ всѣхъ отраслей художествъ, говорилъ въ отчетѣ „общества“ за 1838 г., гравированіе на деревѣ наименѣе сдѣлало успѣховъ въ Россіи. Это искусство, явившее нѣкоторые успѣхи еще при Альбертѣ Дюрерѣ, который самъ произвелъ весьма замѣчательныя гравюры на деревѣ, пришло въ новѣйшее время во Франціи, Англіи и Германіи въ необыкновенно цвѣтущее состояніе. Изданіе „Донъ-Кихота“, „Дилблала“, „Павла и Виргиніи“, „Исторіи герцога Бургундскихъ“ и т. д. украшены превосходными гравюрами. Искусство это сдѣлалось имѣть потребность вѣка и только за недостаткомъ художниковъ, гравирующихъ на деревѣ, многія полезныя и изящныя изданія въ Россіи не могутъ осуществиться. Можемъ сообщить (възвѣщаетъ общество своихъ сочленовъ), что и этотъ недостатокъ нынѣ устраняется. Баронъ Константинъ Клодтъ напр. рѣшился исключительно посвятить себя искусству гравированія на деревѣ. Общество, даю возможность Клодту усовершенствовать свой талантъ за границею, и затѣмъ, когда Клодтъ устроилъ у себя мастерскую, общество приняло подъ свое покровительство учениковъ этой мастерской, содержало ихъ какъ своихъ пансіонеровъ и исходатайствовало для нихъ отъ академіи званіе свободныхъ художниковъ. Такимъ образомъ при содѣйствіи общества впервые явились въ Россіи и художники-граверы на деревѣ.

Подавая пособия и руководства, общество принимало также самое горячее участіе въ развитіи преподаванія рисованія. Комитетъ общества постоянно находится въ сношеніи съ департаментомъ народнаго просвѣщенія; общество снабжало пособиями большую часть губернскихъ гимназій, школъ, частныхъ учебныхъ заведеній и оно пользовалось при этомъ такимъ довѣріемъ и уваженіемъ, что нѣкоторыя изъ учебныхъ заведеній представляли для оцѣнки въ комитетъ общества труды своихъ воспитанниковъ по части рисованія и живописи.

Лучшіе годы дѣятельности общества были при двухъ его секретаряхъ однофамильцахъ. Первоначальное развитіе общества, а также всѣ заботы объ устройствѣ въ Россіи литографіи, о гравюрѣ на деревѣ, объ учебныхъ пособияхъ, руководствахъ, книгахъ и даже художественной газетѣ, относятся къ бытности въ обществѣ секретаремъ В. И. Григоровича. *При истощеніи же, воплотить извѣстную состоянію общества, секретаремъ его, какъ мы уже упоминали, состоитъ извѣстный намъ писатель Д. В. Григоровичъ.*

Дѣятельность послѣднихъ годовъ общества поощренія художниковъ, связанная съ именемъ Д. В., и выразившаяся, между прочимъ, въ усовершенствованіи *рисовальной школы*, настолько блестяща, что мы считаемъ небезполезнымъ, послѣ сдѣланнаго нами краткаго очерка исторіи существованія „общества“, познакомить и нашихъ читателей съ развитіемъ, организациею и постепеннымъ улучшеніемъ этой школы.

Бывшая подъ вѣдомствомъ министерства финансовъ рисовальная, такъ называемая биржевая, школа должна была прекратиться. „Общество“ приняло охотно эту школу подъ свое вѣдѣніе и съ самаго начала школа имѣла характеръ чисто художественный; она какъ бы служила подготовительнымъ заведеніемъ для академіи художествъ. Но въ сущности это было далеко не подготовительное заведеніе: многіе изъ учениковъ академіи, достигая натурнаго или высшаго класса, посѣщали рисовальные классы, находя преподаваніе въ школѣ весьма рациональнымъ и крайне полезнымъ. Большая часть извѣстныхъ нашихъ художниковъ прошла эту школу. Рисовальные классы при ней считались между художниками незамѣтными и подборъ учителей отличался особою солидностью. Но и при такихъ ощутительныхъ данныхъ полезнаго существованія школы, „общество“ не останавливалось, не утѣшало себя этими данными и въ 1869 году нѣсколько измѣнило характеръ направленія школы. Оно обратило вниманіе на болѣе практическое значеніе школы и вмѣстѣ съ чисто художественнымъ развитіемъ дало еще школѣ и художественно-техническое направленіе. Явились новые классы: композиціи, орнаментовъ, лѣтной, рѣзбы изъ дерева, эмальерный и другіе. Эти новые классы и практическое направленіе школы придали ей болѣе совершенный видъ и школа стала уже приносить пользу не однимъ только избраннымъ талантамъ для искусства. Въ подтвержденіе этого, въ одномъ изъ отчетовъ „общества“ *встрѣчается слѣдующее справедливое замѣчаніе Д. В. Григоровича:* „Успѣхъ обнаруживаемый въ послѣднее время учениками школы, знаменательно подтверждаетъ состоятельность новаго направленія, данного этому заведенію, посѣщаемому преимущественно лицами ремесленнаго званія. Прежде лица эти, пройдя классы общаго рисованія, не видали для себя другого пути, какъ поступленіе въ академію; часто не имѣя врожденнаго призванія, они умножали только число бесполезныхъ, не производящихъ труженниковъ и ставили себя въ тяжелое, почти безвыходное положеніе. Направленіе, принятое теперь въ школѣ, имѣетъ то важное преимущество, что оно прямо указываетъ ученику опредѣленное направленіе. Съ самыхъ элементарныхъ классовъ рисунокъ преподается въ тѣсной связи съ практическимъ приложеніемъ и велика польза, которую ученикъ-ремесленникъ можетъ извлечь при усовершенствованіи себя въ рисовальномъ искусствѣ. Художественная сторона въ ремеслѣ, которой онъ прежде не подозрѣвалъ, постепенно открывается его внутреннему чувству и дѣйствуетъ на него притягательно. Уже теперь многіе ученики примирились съ мечтами, направленными къ чистому искусству, для котораго не чувствуютъ себя призванными; они ревностно изучаютъ рисованіе, имѣя въ виду его приложеніе къ усовершенствованію ремесленнаго художественнаго производства. Съ развитіемъ школы цифра такихъ лицъ конечно увеличится; она дастъ въ результатъ дѣятелей, которые постепенно будутъ содѣйствовать художественному возвышенію ремесла въ Россіи. Въ томъ, что настоящая задача „общества“, мимо его дѣйствій въ пользу чистаго искусства, отвѣчаетъ насущнымъ потребностямъ и возбуждаетъ сочувствіе,—мы имѣемъ поводъ не сомнѣваться.“

„Общество“ не удовлетворялось однако и такого рода усовершенствованіями, и, чутко прислушиваясь къ современнымъ художественнымъ интересамъ, секретарь „общества“ *Д. В. Григоровичъ внесъ еще предложеніе дальнѣйшаго образованія школы, которое стало быстро осуществляться. Впервыхъ введены были въ методъ преподаванія всѣ тѣ усовершенствованія, которыми такъ давно пользуются спеціальныя рисовальныя школы въ западныхъ государствахъ; вовторыхъ устроенъ при школѣ превосходный музейъ образцовъ по всѣмъ отраслямъ художества, въ его примѣненіи къ предметамъ изящнаго промы-*

шленного производства. Въ третьихъ, устроены при школѣ нѣсколько мастерскихъ, съ цѣлью примѣненія рисунка къ техникѣ производства; въ четвертыхъ, учреждена по предметамъ искусства бібліотека; въ пятыхъ, открыта постоянная художественная выставка, гдѣ круглый годъ ставятся на продажу и на выставку предметы всѣхъ отраслей изящнаго промышленнаго производства, исполняемые на мѣстныхъ фабрикахъ и въ мастерскихъ, а также работы учениковъ школы.

При дѣятельности такихъ членовъ „общества“ какъ князь Ф. И. Паскевичъ, графъ П. С. Строгановъ, М. В. Дяконовъ, И. П. Балашевъ и другіе, все это, какъ мы сказали, начало быстро осуществляться, при средствахъ самыхъ незначительныхъ, доказывая такимъ образомъ, что можетъ сдѣлать любовь къ дѣлу и энергическое преслѣдованіе данной цѣли. Необходимо прибавить, что настоящее учрежденіе не имѣетъ ничего

общаго съ тѣмъ, которое будетъ основано на извѣстный миллионъ пожертвованный барономъ Штиглицомъ.

Мастерскія уже въ ходу, бібліотека составлена, музей будетъ открытъ, явились крупныя пожертвованія, значительныя пріобрѣтенія... Въ какихъ нибудь 5 мѣсяцевъ музей въ себѣ заключалъ уже болѣе 6000 предметовъ, цѣнностью въ нѣсколько сотъ тысячъ. Въ этой коллекціи есть такія замѣчательности какъ драгоценныя собранія, пожертвованныя особами Императорской Фамиліи предметы по всѣмъ родамъ искусства, пріобрѣтенныя въ разныхъ собраніяхъ за границей и въ Россіи, самыя типическіе образцы Кавказскаго и Туркестанскаго края. Музей принялъ уже давно видъ не одного школьнаго пособія, но сдѣлался первымъ общеобразовательнымъ художественнымъ музеемъ въ Россіи. Краснорѣчивая цифра 740 учениковъ и ученицъ школы говорить сама за себя лучше всякихъ разглагольствій.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Историческій романъ

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Окончаніе).

XV.

Радушный хозяинъ, предложившій проѣзжимъ ночлеги въ своей усадьбѣ, былъ тотъ самый суздальскій Перхуловъ, у котораго когда-то жила и изъ дома котораго бѣжала теперь позабытая всѣми, безъ вѣсти пропавшая Люба Кадашева.

Вотъ ужъ три года какъ Перхуловъ жилъ въ этой своей далекой южной вотчинѣ. Въ Суздаль былъ пожаръ: сгорѣла чуть ли не половина города, а въ томъ числѣ и Перхуловскія хоромы. Снова строится Иванъ Онуфріевичъ не захотѣлъ и, будучи въ хорошихъ отношеніяхъ съ мѣстными властями, получилъ разрѣшеніе выѣхать изъ Суздаля. Собралъ онъ кой какіе уцѣлѣвшіе пожитки и уѣхалъ съ женою. Обѣ дочери его были въ это время уже выданы за мужъ. Отецъ имъ видѣли изрядное приданое и успокоился на счетъ ихъ участи. Извѣстія о дочеряхъ доходили къ нему рѣдко,—да онъ и не тужилъ объ этомъ—извѣстно дочь замужняя — отрѣзавный ломоть. Сокрушался Перхуловъ только о томъ, что нѣтъ у него сына; но этому горю помочь уже было трудно: совсѣмъ старикомъ сталъ Иванъ Онуфріевичъ, да и жена его вѣрная Афимья Лукьяновна тоже сильно состарилась. Все горевала она въ разлукѣ съ дочерьми и никакъ не могла утѣшиться. И молили Господа Бога ея прислужницы и жилички, чтобы она утѣшилась: отъ ея горя и тоски имъ житья не было. Вспомнить дочекъ, встревожится и начнетъ ко всему придирается—и то не хорошо и то не ладно. Сниметъ съ гвоздика свой кнутикъ, а кнутикъ больно бьется. Но тутъ ужъ ничего не подѣлаешь—ужъ гдѣ найдешь судъ на свою барыню. Изъ всѣхъ подѣдомственныхъ ей женщинъ Афимья Лукьяновна милостива была только къ одной дѣвчкѣ сиротѣ, которая сьумѣла подслужиться ей лучше Любы Кадашевой, въ глаза ей смотрѣла, каждое желаніе ея угадывала. Однимъ словомъ такая вышла умница разумница, что ни разу не испробовала на своей спинѣ хозяйской плетки, а выросла—такъ Афимья Лукьяновна наградила ее приданымъ, выдала замужъ за Оедюшку, того самаго Оедюшку, который когда-то способствовалъ побѣгу Любы. Онъ теперь давно ужъ забылъ и хитрость этой красавицы и се самое и жилъ себѣ припѣваючи у Перхуловыхъ,—сдѣлаелъ ближнимъ и довѣреннымъ челоѣкомъ Ивана Онуфріевича.

Иванъ Онуфріевичъ и его хозяйка ласково и съ поклонами встрѣтили своихъ гостей. Спросили откуда они, и услышавъ, что изъ Москвы, начали спрашивать, что тамъ дѣлается. Озеровъ и Оедора объ одномъ разсказывали, о другомъ умалчивали и очень были довольны когда хозяйка повели ихъ въ теплую, свѣтлую горницу, гдѣ на длинномъ столѣ, окруженномъ дубовыми рѣз-

ными лавками, стоялъ довольно обильный ужинъ. Къ ужину, кромѣ хозяевъ, явился еще нѣсколько челоѣвъ, въ томъ числѣ прежній Оедюша съ молодой женою, да два какіе то, не то попа, не то монаха. Старикъ Перхуловъ къ этимъ монахамъ относился съ большимъ почтеніемъ. Бывшая постельница царевны Софьи, слушающая разговоръ своего мужа съ хозяиномъ, слушая какъ Перхуловъ громить, пересыпая свою рѣчь текстами изъ священнаго писанія, всѣ новшества, весь обрядъ новой московской жизни, вдругъ задумалась и что то припомнила. „Да, да, такъ и есть, мысленно рѣшила она, это тотъ самый Перхуловъ!“

И она обратилась къ хозяину. Спросила его не жилъ ли онъ прежде въ Суздаль.

Перхуловъ неодобрительно взглянулъ на Оедору. Ему очень не понравилось, что женщина вмѣшивалась въ его рѣчь да и вообще не нравилась ему эта московская гостя. Больно ужъ шустрѣ бабенка, никакой въ ней скромности, глаза не опущены, а бѣгаютъ во всѣ стороны, словно все за разъ высмотрѣтъ хотятъ.

— Да, жили мы въ Суздаль, медленно отвѣтилъ онъ, али ты допрежъ про насъ слышала?

— Какъ не слышать, слышала! бойко сказала Оедора.— Жила у тебя, батюшка хозяинъ, сиротка Люба Кадашева.

— А, это Любушка то! встрепенулся Перхуловъ,— али ты ее знаешь? Гдѣ она? Не ужъ то жива? Пропала она у меня тогда изъ дому, и думали мы что она утопилась въ проруби, а то, вѣрнѣе, врагъ рода челоѣческаго унесъ ее въ тартарары.

Перхуловъ и жена его перекрестились.

— Ну нѣтъ, сказала Родимица, можетъ она и была въ когтяхъ у дьявола, да видно изъ когтей его сьумѣла вырваться. Потому на Москвѣ объявилась, была въ услуженіи у государыни царевны Софьи Алексѣевны.

И разсказала Оедора Перхуловымъ все, что ей было удобно разсказать про Любу.

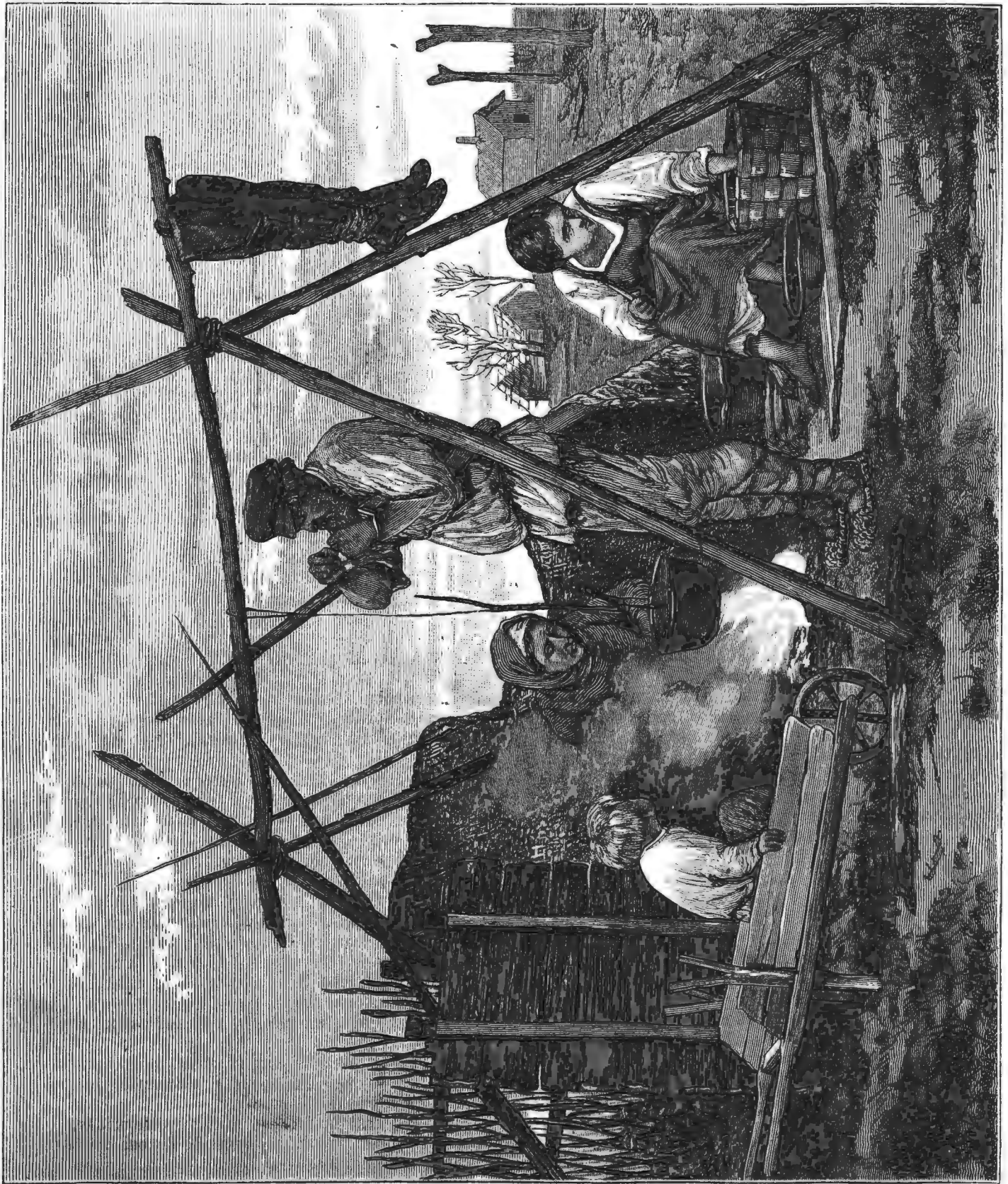
— Да гдѣ же она теперь? съ любопытствомъ спросили они.

— А вотъ гдѣ теперѣ—я и не знаю. Вотъ ужъ почти восемь лѣтъ, какъ она пропала. Искали ее по приказу царевны и нигдѣ не нашли.

— Такъ что-же я и говорю, замѣтилъ Перхуловъ:— дьяволь ее сцапалъ. да и все тутъ! И не она то была у царевны, а оборотень.

— Похоже на то, презрительно и насмѣшливо говорила Оедора и замолчала.

Хозяинъ глянулъ на нее гнѣвнымъ взоромъ, но не связалъ ничего. А она съ изумленіемъ всматривалась въ сидящаго насупротивъ нея молодаго челоѣка. Она видѣла, какъ онъ поблѣднѣлъ и смутился, когда заговорили про Любу. Видѣла, что смущеніе его не проходитъ,

Послѣ пожара. Ориг. рис. А. Кившево, грав. Пуць.

Корабль застигнутый тифономъ (смерчь) въ южномъ Атлантическомъ океанѣ. Рис. К. П. грав. Дейсъ.

а увеличивается все больше и больше. Этот молодой человек был Федюша. Много ему вспомнилось; он не был и не пил, какое то тоскливое выражение лежало на поблѣднѣвшемъ лицѣ его. Вотъ его глаза остановились на молодой женѣ и никогда еще она не казалась ему такой невзрачною, такой чужою. Предъ нимъ, какъ живой, всталъ образъ чудной красавицы, о которой бывало онъ мечталъ на пролетѣ цѣлыя ночи, поцѣлуй которой вдругъ, черезъ столько то лѣтъ, снова загорѣлся на щекѣ его...

Но ужинъ кончился, прїѣзжимъ отвели помѣщеніе. Вся Перхуловская усадьба вскорѣ заснула, только въ горницѣ самого хозяина теплилась лампада. Онъ не спалъ, а бесѣдовалъ съ двумя монахами о вражескихъ козняхъ, воздвигнутыхъ на старую, истинную вѣру, о томъ, что въ Москвѣ народился антихристъ.

Рано утромъ Озеровъ и жена его, простившись съ ласковыми хозяевами, пустились въ дальнѣйшій путь и благополучно прибыли на родину Федоры, гдѣ она скоро устрбила себѣ и мужу самое безопасное житіе, продолжавшееся многіе годы.

XVI.

Прошло 1-ое Сентября, праздникъ Новаго Года,—но какое тутъ торжество — патриарха нѣтъ, царь Иванъ лежитъ больной, царевна не выходитъ изъ своихъ покоевъ. Праздникъ отмѣнили; народъ московскій въ уныніи и тревогѣ ожидаетъ великихъ бѣдъ, стрѣльцы тоже повѣся головы, по Кремлю бродятъ. Вынесли имъ водки, угостили, но и царская чарка теперь не радуетъ.

Шакловитый на Верху, у царевны, пишетъ сказку ко всѣмъ чинамъ московскаго государства, излагаетъ все дѣло, оправдываетъ Софью. Пишетъ о томъ, какъ царевна приняла правительство по челобитью всего народа, съ благословенія патриарха, а вотъ теперь Нарышкины ее и брата ея царя Ивана Алексѣевича всячески безчестятъ, къ рукѣ не ходятъ, навели конюховъ потѣшныхъ, а тѣ всѣмъ чинятъ обиды и насилія. Пожалуются на это царю Петру—такъ нѣтъ отвѣта. Комнату царя Ивана полѣньями завалили, вѣнецъ его изломали.

Красно писалъ Шакловитый, но никому не привелось читать его сказку—судьба его рѣшалась.

Перваго же Сентября отъ Троицы прїѣхалъ полковникъ Нечаевъ со стрѣльцами и привезъ царю Ивану и Софьѣ грамоту. Въ этой грамотѣ Петръ извѣщалъ ихъ о заговорѣ и настоятельно требовалъ немедленной присылки Федьки Шакловитаго съ сообщниками для розыска.

Все снова заволновалось. И во дворцѣ и въ городѣ раздался какъ бы всеобщій крикъ ужаса. Потомъ всѣ смолкли; наступило затишье передъ бурей. Всѣ ждали, чѣмъ это кончится.

Царевна въ бѣшенствѣ бросила грамоту на полъ, истоптала ее ногами и приказала привести къ ней немедленно Нечаева.

— Какъ ты смѣлъ привезти эту грамоту? закричала она на него.

А когда онъ отвѣчалъ, что не смѣлъ ослушаться царскаго повелѣнія—немедленно же отрубить ему голову! приказала Софья. Но черезъ часъ „одумалась, спросила что Нечаевъ?“ Ей отвѣтили, что еще живъ, такъ какъ до сихъ поръ не могутъ палача найти.

— Не надо! я отмѣняю свое приказаніе, не казните, только приведите всѣхъ стрѣльцовъ, которые съ нимъ прїѣхали.

Стрѣльцы явились къ Красному крыльцу. Царевна сошла къ нимъ.

— Для чего вы прїѣхали? Съ какимъ указомъ? заговорила она. Зачѣмъ же вы вѣрите тому, что вамъ насказали у Троицы. Все тѣ воры выдумали и вы оста-

вайтесь здѣсь и безъ моего указа къ Троицѣ; не выѣзжайте. Знаете ли вы, что братъ мой Петръ Алексѣевичъ меня къ себѣ не пустилъ въ монастырь... А за которыми людьми вы присланы, то я вамъ ихъ не отдамъ, потому что если отдамъ вамъ девять человекъ, такъ они оговаряютъ и еще девятьсотъ, такъ можно ли имъ вѣрить? А вотъ нужно тѣхъ, кто ихъ огавариваетъ, прислать сюда для розыска. Вѣдомо къ чему все клонится: меня хотятъ извести... Злые люди мутятъ, а вы вѣрите... Въ зависти къ вѣрной службѣ и преданности Шакловитаго называютъ его заводчикомъ злаго умысла, такъ вотъ чтобъ развѣдать обо всемъ этомъ, я сама и пошла къ Троицѣ, а братъ велѣлъ меня остановить по наущенію злыхъ совѣтниковъ и съ великимъ срамомъ вернулась я обратно. Всѣмъ вамъ вѣдомо, какъ я въ эти семь лѣтъ правительствовала, вѣдомо тоже въ какое время приняла правительство. Время было смутное... Я учинила славный вѣчный миръ съ сосѣднимъ государемъ, а враги Креста Христова отъ оружія моего въ ужасѣ пребываютъ. Вы за ваши службы пожалованы нашимъ великимъ жалованьемъ и милость нашу къ себѣ всегда видѣли. Ужели послѣ того вы намъ учинитесь невѣрны, повѣривши вымыслу злыхъ людей—вы всему государству добра не желаете и смуту заводите. Знайте, знайте, не голову Федора Шакловитаго ищите, ищите моей головы и брата моего, царя Ивана Алексѣевича.

Софья говорила въ волненіи, не замѣчая усталости. Всѣ внимательно ее слушали. На красную площадь набиралось все больше и больше народу всякаго, и всѣхъ пропускали. Народъ толпился между стрѣльцами вокругъ царевны.

Она замѣтила это, подозвала къ себѣ торговыхъ и посадскихъ людей.

— Народъ православный, говорила она, враги мои великую смуту затѣяли, всяческую клевету взводятъ на меня и на близкихъ мнѣ людей. Будьте моими судьями—вы меня знаете, я ни отъ кого не скрывалась. Я семь лѣтъ ночей не досыпала, о себѣ забывала, помышляла только о всеобщемъ благоденствіи, о томъ, какъ бы честно передъ Господомъ Богомъ исполнить долгъ свой. Не покиньте меня въ трудную минуту, не выдайте меня головою врагамъ моимъ.

Долго мучительно и страстно говорила Софья, такъ говорила, что у многихъ слезы на глаза выступили. Но все же эта прекрасная рѣчь, видъ измученной царевны, ея волненіе, ея слезы, которыхъ она не въ силахъ была удерживать—все это не могло уже помочь ей. Народъ жалѣлъ ее и въ то же время чувствовалъ, что не на ея сторонѣ правда и не хотѣлъ идти противъ правды. И она сама съ безнадежностью понимала и чувствовала все это, и все же говорила. Но вотъ послѣднія силы ее оставляютъ, въ горлѣ пересохло, ноги подкашиваются. Она подозвала къ себѣ одного изъ немногихъ бояръ бывшаго съ нею, крѣпко оперлась ему на руку и, едва не падая, вернулась во дворецъ. Это была послѣдняя вспышка. Съ этой минуты Софья рѣшила, что борьба ея кончена, что она побѣждена и ей остается только ожидать своей участи.

Царь еще разъ прислалъ требовать Шакловитаго. Между стрѣльцами поднялся ропотъ, что дѣло затягивается. Часть стрѣльцовъ здѣсь, другая часть у Троицы. У тѣхъ, кто у Троицы, въ Москвѣ остались жены, дѣти, дѣла разныя; нужно рѣшать все скорѣе—больше ждать не возможно.

Софья приказала повѣстить всѣмъ, что она сама вмѣстѣ съ царемъ Иваномъ отправляется къ Троицѣ—но осталась.

Ропотъ усиливался. Между тѣмъ по городу прошла вѣсть, что и вся нѣмецкая слобода, всѣ какъ есть нѣмцы тоже двинулись къ царю Петру Алексѣевичу. Это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе. Въ городѣ на-

чали говорить, „что чего-жь тут думать? конечно надобно царя Петра слушаться, а не царевны—вонъ вѣдь къ нему ужъ и нѣмцы двинулись“.

XVII.

Припомнился царевнѣ Софьѣ день 17-го Мая 82 года. Припомнилось ей какъ она уговаривала царицу Наталью Кирилловну выдать разъяреннымъ стрѣльцамъ Ивана Нарышкина. Припомнилась ей ужасная сцена прощанья сестры съ братомъ, вопли и отчаяніе несчастной царицы, отдававшей близкаго человѣка на вѣрную погибель... Теперь ей самой приходилось выдать единственнаго преданнаго помощника, Шакловитаго. Какъ она уговаривала царицу, такъ теперь ее уговариваютъ все оставшіеся до сихъ поръ въ Москвѣ бояре, уговариваютъ даже и сестры. Но царевна еще не можетъ рѣшиться—Шакловитый ей не братъ, не кровный, но выдать его, значить и себѣ подписать приговоръ смертный. А дѣлать нечего, „сколько ни жалѣть, а отдать нужно будетъ,“ какъ говорилъ семь лѣтъ тому назадъ князь Одоевскій Натальѣ Кирилловнѣ.

Упавшая духомъ, совсѣмъ обезсиленная и измученная Софья спѣшитъ къ брату Ивану. Не велика на него надежда, но авось хоть онъ пригодится въ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ.

Иванъ Алексѣевичъ лежитъ больной. Софья начинаетъ умолять его заступиться за Шакловитаго, написать Петру письмо, объявить, что Шакловитый невиновенъ, что на него только наговариваютъ и онъ, царь Иванъ, не разрѣшаетъ суда надъ нимъ и его осужденія.

— Пойми братъ, заливаясь слезами говоритъ царевна, пойми вѣдь теперь Шакловитый нашъ единственный защитникъ, его выдадимъ—себя выдадимъ. Такъ если меня не жалѣешь, себя да жену свою пожалѣй—вѣдь это до нашихъ съ тобою головъ добираются.

Иванъ Алексѣевичъ приподнялъ свою больную голову съ подушекъ и пристально поглядѣлъ на сестру.

Все говорили, что онъ скудоумень „скорбень главою“ да и самъ онъ былъ о себѣ такого же мнѣнія, но это было не совсѣмъ вѣрно. Страшная болѣзнь, постигшая его съ дѣтства и неопредѣленная тогдашними врачами, дѣйствительно сильно замедляла его умственное развитіе: онъ не былъ способенъ никогда учиться, все забывалъ, не могъ долго остановиться на одномъ и томъ же предметѣ. Но въ послѣдніе годы болѣзнь его приняла новое направленіе. Она медленно разрушала весь организмъ его, но голова его замѣтно просвѣтлѣла, оставалась только сонливость и какая то тяжесть мыслей. Если онъ старался не думать и не размышлять, то только потому, что эта работа была для него физически мучительна: страшно его утомляла, но когда нужно было ему на чемънибудь остановиться, что нибудь рѣшить, онъ ивогда поражалъ окружающихъ ясностью своихъ сужденій. Такъ и теперь, только глубокое волненіе Софьи помѣшало ей замѣтить полную осмысленность его устремленнаго на нее взгляда.

— Ты бы лучше сестрица выдала брату Шакловитаго, произнесъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Иванъ Алексѣевичъ. Коли братъ требуетъ—значить такъ нужно, а даже коли и не нужно, то все равно ты ничего не подѣлаешь—сила то на сторонѣ брата. Вѣдь я знаю, все къ нему побѣжали и письма ему я писать не стану—перечить брату не хочу, лучше и не уговаривай.

— А! такъ ты вотъ какъ! въ бессильномъ бѣшенствѣ произнесла Софья глухимъ голосомъ. Ты меня выдаешь... Это за все, что я для тебя дѣлала... Вѣдь черезъ кого же, какъ не черезъ меня, ты и царемъ сталъ.

— Эхъ сестрица! слабо улыбнулся Иванъ Алексѣевичъ. Попрекай если хочешь... А что ты царемъ то

меня сдѣлала, такъ вѣдь я не просилъ тебя—развѣ мнѣ это нужно? Господи, да забудьте вы все обо мнѣ! Мнѣ бы вотъ полежать спокойно, шума бы никакого не слышать—больно трудно становится, врядъ ли проживу долго—такъ какой я царь! Мнѣ вотъ стыдно бываетъ, что царемъ меня величаютъ, вѣдь понимаю я тоже...

Онъ замолчалъ, закрылъ глаза и казалось погрузился въ глубокую дремоту.

Софья постояла, поглядѣла на него и, махнувъ рукою, вышла изъ его опочивальни.

А ее ужъ дожидались, ей говорили со всехъ сторонъ, перебивая другъ друга, что медлить невозможно, что стрѣльцы требуютъ немедленной выдачи Шакловитаго, а иначе все какъ есть пойдутъ къ Троицѣ, а то сами розыщутъ „Федьку“ и потащатъ его къ царю Петру Алексѣевичу.

— Да берите его, берите! страшнымъ хриплымъ голосомъ проговорила Софья. Тащите на висѣлицу, да ужъ и меня за одно съ нимъ... теперь же сейчасъ и меня тащите—все равно вѣдь выдадите, я вамъ не нужна больше.

Своими красными опухшими отъ слезъ глазами, въ которыхъ теперь выразалось и отчаяніе и тоска и глубокая ненависть, она взглянула на всехъ и ушла къ себѣ, сказавъ, чтобы ее оставили въ покоѣ, что она никого не хочетъ видѣть.

Шакловитаго повезли къ Троицѣ. вмѣстѣ съ нимъ отправились и все бояре, до сихъ поръ еще не покидавшіе царевны; теремъ остался безъ защитниковъ. Петръ не скрывалъ своей радости, когда ему доложили о прибытіи Шакловитаго.

— А!.. таки выдала! сказалъ онъ. Ну теперь съ Божіей помощью все покончимъ. Допросите хорошенько Федьку, пытайте его разбойника, нечего жалѣть-то!.. И Шакловитаго дѣйствительно не пожалѣли...

Съ первой пытки онъ повинился во всемъ, не повинился только въ своемъ умыслѣ на жизнь царскую. Но противъ него были явные улики, его ожидала казнь лютая.

Самъ же Петръ, въ то время какъ пытали Шакловитаго, сидѣлъ и писалъ письмо своему брату, царю Ивану.

„Милостію Божіею, писалъ онъ, врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія, также и братіямъ нашимъ, окрестнымъ государямъ, о государствованіи нашемъ извѣстно; а о третьей особѣ, чтобъ быть съ нами въ равенственномъ правленіи, отнюдь не вспоминалось. А какъ сестра наша царевна Софья Алексѣевна государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи, что явилось особамъ нашимъ противное, и народу тягости и наше терпѣніе, о томъ тебѣ, государь, извѣстно. А нынѣ злодѣи наши Федька Шакловитый съ товарищи, не удовольяся милостію нашею, преступя обѣщаніе свое, умышляли съ иными ворами о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здорьевемъ, и въ томъ по розыску и съ пытки винулись. А теперь, государь-братецъ, настоетъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли если въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на тобъ и твоя, государя моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титла писаться собою безъ нашего изволенія; къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ! Тебѣ же, государю брату объявляю и прошу: позволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволеніемъ, для лучшаго пользы нашей и для народ-

наго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, государю, учинить по приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ. А какъ государь братецъ, случимся вмѣстѣ, и тогда поставимъ все на мѣрѣ; а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готовъ.“

Отославъ письмо это, царь самъ пошелъ взглянуть на Шакловитаго. Онъ увидѣлъ его растерзаннымъ, съ всклокоченными волосами, съ искаженнымъ отъ страха и боли лицомъ, въ крови... а кругомъ стояли мастера залечные, кругомъ валялись орудія пытки. Но не смутился семнадцатилѣтній царь отъ этого страшнаго зрѣлища.

Князь Борисъ Голицынъ, слѣдовавшій за нимъ, взглянулъ на него и невольно вздрогнулъ; никогда еще не видалъ онъ у царя въ лицѣ такого выраженія. Это прекрасное лицо, на которомъ еще лежалъ отпечатокъ нѣжной юности, теперь все дышало мщеніемъ. Глаза глядѣли остро, блестѣли невыносимо, какъ у орла, завидѣвшаго добычу, тонкія ноздри нервно вздрагивали и раздувались; грудь Петра глубоко дышала.

Тяжелое и тоскливое чувство закралось въ душу князя Бориса. Онъ почти силою увелъ царя.

— Государь, говорилъ онъ, здѣсь не твое мѣсто, не для тебя такія зрѣлища. Виновный долженъ получить кару, но ты, прежде всего, долженъ быть христіаниномъ...

— Да князь, ты правъ! отвѣтилъ Петръ твердымъ голозомъ, въ которомъ послышалась Голицыну новая страшная нота,—ты правъ, отвращая меня отъ жестокостей и ты знаешь—былъ ли я когда жестокъ. Но теперь страшное что то творится со мною, и чувствую я, что не сдержать мнѣ себя. И ты и никто меня не сдержитъ... Да, люблю мнѣ видѣть кровь враговъ моихъ—и не пожалѣю я этой крови!

Голицынъ слушалъ съ ужасомъ. Онъ не узнавалъ своего воспитанника. То ли онъ постоянно старался внушать ему, да и самъ Петръ то-ли постоянно говорилъ? такія ли склонности показывалъ?

— Или ты забылъ, продолжалъ Петръ, все съ возрастающимъ волненіемъ, или ты забылъ, что такое стрѣльцы и что они для меня значатъ. Теперь вотъ они извести меня думали, убить, задушить, отравить... да они и такъ меня давно отравили! Какъ себя помню, съ тѣхъ поръ я отравленъ ими. Всю жизнь мнѣ страшные сны снятся... Помню я, хорошо помню,—хоть и малый ребенокъ былъ тогда,—какъ они по дворцу рыскали съ окровавленными копьями, какъ они на части разрубали нашихъ защитниковъ. Помню, очень хорошо помню, что они сдѣлали съ дядьями моими. Умирать стану такъ не забыть мнѣ покойнаго дядю Ивана Кирилловича. А матушка... Боже мой! такъ мнѣ она и представляется въ то время... какъ жива то осталась—не понимаю! Вѣдь съ тѣхъ поръ она на себя не похожа—старая да дряхлая, а велика ли ея старость? Вотъ уснетъ иной разъ днемъ, такъ всѣ мы слышимъ, какъ во снѣ страшныя слова повторяетъ: все ей кровь да стрѣльцы проклятыя грезятся!.. Милосердіе, врагамъ прощеніе... охъ знаю князь, знаю! да нѣтъ, не справлюсь съ собою. Болитъ, болитъ мое сердце, такъ вотъ на части и разрывается, кровь въ немъ кипитъ... не могу успокоиться, пока не накажу враговъ нашихъ. Да нѣтъ и нельзя мнѣ быть съ ними милостивымъ, кабы забылъ я и свои кровныя обиды, такъ за другія, пуція вины они должны поплатиться. Сколько лѣтъ заводили смуту, сколько лѣтъ хозяйничали: вѣдь весь міръ чай надъ нами смѣется! Какіе мы цари... они... стрѣльцы царствуютъ... а съ такимъ царствомъ добра не будетъ! Али не вѣдаешь, что по всему государству всякія смуты, всякое безначаліе и не прекратится оно дотолѣ, пока не познаетъ народъ, что сильная рука править государствомъ, пока не узнаетъ, что есть всякому дѣлу судъ правый.

А такой сильной руки, суда праваго, преуспѣянія во всякомъ дѣлѣ не будетъ, не можетъ быть, пока всякія безшабашныя головы хозяйничаютъ. Довольно бабьято царства, довольно позору... Порасесть, нашей лютый злодѣйствъ, въ монастырь: пускай тамъ грѣхи свои замаливаетъ. Пора бунтовщикамъ на плаху... И не оставивай меня, князь—никого не послушаю! Я знаю, что творю... я покажу, что есть царь въ Русскомъ государствѣ, и что онъ не баба! Много работы, страшно много работы, такъ нужно прежде разчистить дорогу, чтобъ не споткнуться...

И Петръ съ вдохновеннымъ и грознымъ лицомъ, утѣлъ отъ князя Бориса.

Голицынъ долго стоялъ, опустивъ голову. Онъ понималъ, что теперь у русскаго государства дѣйствительно есть царь.

Теперь оставалось только одно: спасать невинныхъ, а виновнымъ не избѣжать страшной кары...

Въ ненастный осенній день къ Новодѣвичьему монастырю подѣхала тяжелая царская карета. Изъ кареты поддерживаемая подъ руки двумя младшими сестрами вышла царица Софья.

Въ худой, блѣдной, закутанной въ черную одежду женщинѣ трудно было узнать красавицу правительницу. Свѣтлые глаза ея окончательно потухли, станъ сгорбился; въ лицѣ и во всей фигурѣ ужъ не было того горделиваго величія, которымъ она всегда поражала.

Подъ страшнымъ неотвратимымъ ударомъ приняла и смирилась царица. Теперь она знала, что ужъ никто и ничто на всемъ свѣтѣ ей помочь не можетъ.

Младшій братъ приказалъ ей покинуть Кремль, перебраться въ Дѣвичій монастырь и она сбѣжала исполнить это требованіе добровольно, чтобъ не повезли ее силою съ великимъ срамомъ. Ея участь была ясна; ея имя должно было присоединиться къ длинному списку царицъ и царицъ русскихъ, кончившихъ дни свои въ монастырскихъ кельяхъ въ темной долѣ иночинь. Монахини, заранѣе предупрежденные и вышедшія встрѣтить царицу, провели ее въ назначенное для нея помѣщеніе и съ глубокими поклонами удалились.

Софья оглядѣлась: темно, тѣсно, непривѣтно...

Она сняла съ себя шубку, сѣла на низенькую, обитую чернымъ сукномъ скамейку и горько задумалась.

Сестры стояли передъ нею заплаканныя и взволнованныя. не знали что сказать, что дѣлать.

— Уѣзжайте, проговорила Софья, что ужъ тутъ!.. Богъ дастъ не совѣмъ разлучатъ насъ—позволятъ вамъ со мною видѣться—а теперь уѣзжайте, не то еще какъ нибудь и васъ запутають. Я устала, лягу, заснуть постараюсь.

Царицы кинулись къ сестрѣ, заливаясь слезами, цѣловали ея руки.

Ей было это тяжело и она послѣдила проститься съ ними.

Оставшись одна, Софья дѣйствительно легла въ постель ей приготовленную, но ни заснуть, ни отдохнуть она не могла.

Много еще пройдетъ времени, прежде чѣмъ она будетъ въ состояніи отогнать отъ себя страшныя мысли, которыя ни на минуту не дають ей покоя.

Страшно царицѣ. Ей все мерещатся разные ужасы. Она знаетъ о казни Шакловитаго и многихъ другихъ стрѣльцовъ, ей преданныхъ. Она знаетъ о томъ, что князь Василій Васильевичъ отправленъ въ далекое, тяжкое изгнаніе. Не пришелъ онъ къ Троицѣ, когда его звали, остался вѣренъ своему княжескому слову, явился только тогда, когда его на судъ потребовали.

Судъ надъ нимъ былъ строгій и Шакловитый съ пытки многое взводилъ на него, не мало и другихъ нашлось донощиковъ. Обвинили князя и въ томъ, что онъ сожалѣлъ, что царицу Наталью Кирилловну не

Дѣвушка высшаго общества XVI в. Картина Германа Каульбаха, грав. Бренд'Амуръ.

убили въ 82 году и въ томъ, что водился съ колдунами разными и въ томъ, что удалился отъ Перекопи, подкупленный ханомъ.

Князь Борисъ и многіе изъ приближенныхъ Петра всячески старались выгородить Василія Васильевича, но это было дѣло трудное—много у него враговъ было. Царь лишилъ его всѣхъ званій и послалъ въ далекую ссылку.

— Жизнь кончена! страшнымъ глухимъ голосомъ шептала Софья. Всѣхъ отняли—одна... одна въ цѣломъ мірѣ.

И вспомнились ей лучшіе дни ея. Стоялъ и не отходилъ отъ нея Василій Васильевичъ, не такой какимъ видѣла она его въ послѣдній разъ, когда вырвалось изъ груди ея безумное слово проклятія, а такимъ какимъ онъ былъ прежде и вся была любовь, все счастье молодости: просилось и ворвалось въ сердце несчастной царевны. И она готова была сейчасъ лечь на плаху, чтобъ только на одно мгновенье увидѣть милаго друга, чтобъ только шепнуть ему, что она неизмѣнно всю жизнь только его одного и любила, чтобъ попросить у него прощенья въ вольныхъ и невольныхъ передъ нимъ обидахъ, чтобъ въ послѣдній разъ поплакать на груди его... Но никакой цѣной, даже цѣною жизни не добиться этой минуты свиданія...

Полная безнадежность охватила Софью.

— Зачѣмъ не убили? ломая руки и заливаясь слезами прошептала она. Нѣтъ, онъ зналъ, что дѣлаетъ! Онъ зналъ, какъ наказать меня, какъ отмстить мнѣ. Зналъ, что смерть теперь для меня награда—и онъ оставилъ меня жить! Какова жизнь здѣсь будетъ... ну да она не много продлится—не выпесу.

— Что же дѣлать? куда дѣваться отъ этой тоски невыносимой? Молиться, молиться—одно осталось!

И царевна ищетъ глазами образъ.

Изъ угла кельи, слабо озаренной лампадой, глядитъ на нее ликъ Богоматери.

Она бросается на колѣни и начинаетъ молиться. Но слова безъ значенія срываются съ устъ ея, сердце этихъ словъ не понимаетъ... Между нею и кроткимъ ликомъ Богородицы вдругъ встаютъ старыя, знакомые призраки...

Въ смятеніи поднимается она, выходитъ изъ кельи, идетъ въ церковь. Монахини почтительно слѣдуютъ за нею.

Подъ темными, высокими сводами храма раздается тихое пѣніе; тамъ началась всенощная. Царевнѣ указываютъ отдѣльное, огороженное для нея мѣсто. Она входить туда по ступенькамъ, покрытымъ ковромъ и парчею, оглядывается во всѣ стороны: „Отсюда не видно—слава Богу!“

Но и здѣсь, въ этихъ святыхъ стѣнахъ, гдѣ все дышетъ миромъ и молитвою, гдѣ смолкаютъ земныя стра-

сти, подъ тихое душу умиляющее пѣніе и здѣсь не находятъ покоя царевна, и здѣсь не можетъ молиться.

Она падаетъ ницъ передъ образами и долге лежитъ вся въ слезахъ, въ тяжеломъ полузабытій какомъ-то. Тоска все страшнѣе. Что-то неясное, мучительное стоитъ надъ нею и нѣтъ ему названія и нѣтъ такой молитвы, нѣтъ такого заклинанія, которые могли бы отогнать это что-то, хоть на мгновенье дать вздохнуть свободнѣе.

Служба кончена; въ томъ же забытій, не замѣчая окружающаго, идетъ Софья изъ церкви. Но вотъ почти у самаго выхода, въ полумракѣ, она лицомъ къ лицу сталкивается съ какою-то монахиней.

Мгновенная дрожь пробѣгаетъ по членамъ Софьи, глаза ея широко раскрылись, на лицѣ ужасъ... Слабый крикъ вылетаетъ изъ ея груди и она глядитъ, не отрываясь, въ лицо монахини. Та тоже стоитъ передъ нею пораженная, а въ блѣдномъ, увядающемъ, но все еще прекрасномъ лицѣ ея нѣтъ ни ужаса, ни мученія: спокойно лицо это. Большіе черные глаза глядятъ безстрастно и въ то же время кротко.

Прошло первое мгновенье и монахиня, спокойно поклонившись царевнѣ, хотѣла пройти мимо. Но Софья остановила ее за руку.

— Это ты? ты, Люба Кадашева. Ты жива? здѣсь?..

— Я, государыня, я, въ инокиняхъ Вѣра.

— Можешь ты прийти ко мнѣ? проговорила Софья. Если можешь—иди за мною.

Монахиня тихо послѣдовала за царевной.

Прийдя въ свое помѣщеніе, Софья дрожащими руками зажгла свѣчи, подошла къ инокинѣ, долго и пристально смотрѣла на нее, не говоря ни слова и вдругъ какое-то новое выраженіе засвѣтилось въ лицѣ ея. Она упала на колѣни передъ прежней Любой и громко рыдая прошептала.

— Ты живешь... ты спокойна... ты умѣешь молиться, ты все простила, я вижу это по лицу твоему—въ немъ такое спокойствіе...

— Да, Господь помогъ мнѣ, въ молитвѣ я нашла успокоеніе. Молись и ты... авось Господь и тебя помилуетъ!

— Научи меня молиться, Люба, спаси мою душу, рыдая говорила царевна.

Она чувствовала, что есть еще какая-то слабая надежда, что возможно еще примиреніе съ Богомъ, что возможно забвеніе прошлаго, возможна жизнь новая. Въ этой надеждѣ, ее утверждалъ видъ Любы, все что она прочла на лицѣ ея.

Монахиня склонилась надъ Софьей и изъ прекрасныхъ, черныхъ глазъ ея скатились тихія слезы.

— Будемъ молиться, Софья!..

Онѣ крѣпко обнялись и обѣ плакали.

конецъ.

ЛОНДОНСКІЕ ВОРЫ.

(Рчеркъ)

Однажды Ето Преподобіе мистеръ М., духовный пастырь одного изъ далекихъ лондонскихъ кварталовъ получилъ по почтѣ письмо такого содержанія:

Ваше Преподобіе! Многіе изъ нижеподписавшихся хотѣли присутствовать на вашихъ митингахъ, но такъ какъ это все личности извѣстныя полиціи, то они почти никогда не имѣли доступа туда. И такъ, если намъ нельзя попасть къ вамъ, то мы желаемъ, чтобы вы пришли къ намъ. Вамъ не сдѣлаютъ ничего дурнаго. Въ будущую среду мы даемъ бенефисъ въ пользу одной молодой дѣвушки, впавшей въ пуглу, чтобы доставить ей средства купить себѣ лекарства и подольше пожить въ деревнѣ для восстановленія здоровья. Если вы пожелаете, бенефисъ удачи блестящимъ образомъ. Сознаемся, что мы люди нечестные, но вамъ и вашимъ спутникамъ не будетъ причинено никакого зла. Остаемся, Ваше Преподобіе, покорнѣйшіе слуги: (Слѣдуетъ тридцать подписей).

Зачѣмъ стоялъ адресъ таверны въ одной изъ грязнѣйшихъ улицъ самаго отчаяннаго квартала въ Лондонѣ.

Мистеръ М. рѣшился принять приглашеніе и на другой день отправился съ двумя своими друзьями Б. и С. по назначенному адресу.

У входа въ таверну стоялъ человекъ въ безукоризненномъ черномъ костюмѣ; каждому посетителю онъ подавалъ за „полъкроны“ красиво расписанный входной билетъ. По винтообразной лѣстницѣ надо было лѣзть въ третій этажъ; разойтись на этой узкой дорогѣ не было бы никакой возможности, а если бы идущій впередъ свалился, то, какъ на глетчерѣ, повлекъ бы за собой всѣхъ остальныхъ въ темную пропасть. Добрившись на верхъ, глазамъ открывается голая комнатка, на противоположной стѣнѣ которой косая подъемная дверь, ведетъ въ „залу“.

Здѣсь точно также безукоризненно одѣтый, весьма респектабельный „старецъ“ отбиралъ у входа билеты.

М. сообщил своимъ спутникамъ, что этотъ „джентльменъ“ принадлежитъ къ числу опаснѣйшихъ въ Лондонѣ воровъ со взломомъ, что онъ уже переѣзжалъ экваторъ и для блага своего отечества проведъ десять лѣтъ въ Австраліи.

Подъемная дверь хлопнула и три посетителя вошли в „залу“.

Это была длинная, довольно низкая комната, с оштукатуренными белыми стенами, но украшенная гирляндами и освещенная газом. По стенам стояли скамьи и табуретки. Потолок шел по откосам крыши и массивные поперечные балки, на которых сидело верхом несколько мальчишек, придавали, на сколько могли, внушительный вид этой „залѣ воров“. Через несколько скважин в потолок видна была шиферная обшивка крыши, а через одно незапертое слуховое окно падала в комнату широкая полоса лунного свѣта, что составляло странный свѣтовой эффект в этой пасмурной атмосфере. На самомъ отдаленномъ концѣ залы стоялъ столъ, а на немъ графинъ съ водой и нѣсколькими тончайшими хрустальными стаканами, которые могли быть весьма аристократическаго происхожденія. За столомъ были разставлены кресла, назначенныя для почетныхъ гостей изъ честнаго міра.

Мужской и женскій полъ были разединены; на одной сторонѣ сидѣли мужчины въ праздничныхъ костюмахъ разныхъ цвѣтовъ и покрововъ, на другой дѣвушки и женщины съ ребятишками на рукахъ, а взрослые мальчики и дѣвочки ходили взадъ и впередъ по залѣ.

Общество было въ видимомъ замѣшательствѣ; „бенефисъ“ не начинался. М. старался шутками и веселыми разговорами то съ тѣмъ, то съ другимъ, возстановить неприужденность общества, но безуспѣшно. Наконецъ къ нему подошелъ одинъ человѣкъ и подаль ему программу вечера. Бросивъ на нее взглядъ, М. сейчасъ же понялъ причину общаго замѣшательства. Въ программѣ были назначены танцы, и общество преступниковъ колебалось, можно ли ему въ присутствіи „духовнаго лица“ позволить себѣ это мірское удовольствіе.

Но М. хорошо понималъ свое положеніе. Онъ слишкомъ часто шунилъ пульсъ этого класса людей, чтобы не знать, какъ себѣ держать съ ними. Онъ попросилъ, чтобы его представили „хозяинкѣ дома“. Ему показали довольно пожилую и нѣсколько напоминающую слона даму. Мистеръ М. подошелъ къ ней и съ вѣжливымъ поклономъ, подавая руку „хозяинкѣ дома“, сказалъ:

— Осмѣлюсь ли имѣть честь просить васъ на первую кадрили?

Это была искра, брошенная въ огонь; со всѣхъ сторонъ загремѣли ура смѣшанныя съ переливами, которые сдѣлали бы честь любой тирольской глогль и съ отрывками площадной пѣсни: „Вотъ кто настоящаго сорта!“

— Гипп! гипп! ура! Oh how jolly! Эти и тому подобныя восклицанія сопровождали каждую фигуру, которую почтенный насторъ съ примѣрнымъ терпѣніемъ выдѣлывалъ съ своимъ атлетическимъ vis-à-vis подъ пилканье поддюжины скрипокъ, безпрестанно ошибаясь и путаясь къ всеобщему громкому веселью, пока, наконецъ, въ полномъ изнеможеніи, весь разгоряченный, онъ не отвелъ свою даму на мѣсто.

Послѣ этого всякое стѣсненіе отъ присутствія духовнаго лица исчезло. Танецъ слѣдовалъ за танцемъ; между ними были и такіе, которые не танцуются въ хорошемъ обществѣ, но ни въ какомъ случаѣ не французскій канканъ. Танцевали ирландскій „Gig“, шотландскій „Fling“, матросскій танецъ „Hogpipe“ и другіе въ этомъ родѣ. Въ промежуткахъ пѣлись комическіе куплеты, смѣняемые трогательно-сентиментальными романсами; всякій оралъ, кто во что гораздъ.

Среди этого разгула М. взялъ колокольчикъ и позвонилъ. „Silence!“ раздавалось въ рѣдахъ пирующихъ и всѣ глаза обратились на пастора, котораго, въ то время какъ онъ хотѣлъ начать ожидаемую рѣчь, С. тихонько дернулъ за рукавъ и пепнулъ: „Одни общія мѣста, ваше преподобіе. Это бѣдовый народъ, вамъ можетъ быть плохо“.

М., улыбаясь, спокойно окинулъ взглядомъ залу и потомъ, вмѣсто ожидаемой проповѣди, вдругъ приятнымъ голосомъ запѣлъ одну изъ англійскихъ „ditty“ (народныхъ былинъ). Этотъ постунокъ снова былъ встрѣченъ шумными восклицаніями.

— Слушайте, слушайте, теперь начнется рѣчь.

М. опять поднялся съ своего мѣста и вѣжливымъ образомъ началъ: „Ladies and gentlemen! Меня смущаетъ единственно то, что я принужденъ говорить съ вами слишкомъ прямо и можетъ быть оскорбить этимъ озабоченное мнѣ вами гостепріимство. Въ вашемъ пригласительномъ письмѣ меня поразила правдивость одной фразы: „Мы не претендуемъ на то, чтобы насъ считали честными людьми“. Я, Ladies and gentlemen, я претендую на это. Мнѣ говорили, что эта зала называется „залой свободы“, слѣдовательно я смѣло могу говорить правду. Прошу васъ опровергнуть мои аргументы, прежде чѣмъ вы рѣшите вышвырнуть меня за окно.“

— Слушайте! слушайте! повторяли со всѣхъ сторонъ. Bravo!

— Я отдаю справедливость вашей вѣжливости,—продолжалъ онъ,—не смотря на отвращеніе, какое возбуждаетъ во мнѣ вашъ образъ жизни—ваша безграничная лѣнь. Терпѣніе, которымъ вы хвалитесь, это терпѣніе собаки, отвага ваша—отвага трусовъ.

Больше двадцати кулаковъ въ мигъ поднялись въ воздухъ,

со всѣхъ концовъ залы посыпался перекрестный огонь проклятій и ругательствъ.

Когда волненіе поулеглось, М. продолжалъ.

— Мнѣ ничего больше не остается сказать, такъ какъ слова мои, кажется, вамъ неприятны; но позвольте доказать вамъ справедливость бранныхъ словъ, какими я васъ обозвалъ, а если я этого не докажу, такъ вытолкайте меня въ зашей на улицу!

— Говорите! говорите!

— Только трусъ пойдетъ на такой промыселъ, посредствомъ котораго онъ будетъ вести борьбу за существованіе на чужой счетъ, не разбирая кого обирать: богача или бѣдняка, угрожать не одному сильному, но и слабому. Удивительная отвага, больша смѣлость! Многие изъ васъ жалуются на тиранства, какимъ они подвергаются въ рабочихъ домахъ и показываютъ свои израненныя и распухшія ноги отъ работы на ступальныхъ мельницахъ. Пусть со мной обращаются какъ съ собакой, если я буду сочувствовать этимъ страданіямъ. Говорю вамъ всѣмъ въ лицо: спасибо полицейскимъ, которые васъ ловятъ, судьямъ, которые васъ судятъ, присяжнымъ, которые васъ обвиняютъ, и тюрьмѣ, которая ограждаетъ отъ васъ общество!

Ожесточеніе казалось было слишкомъ велико, чтобы даже найти проклятія—слушатели точно онѣмѣли и стояли молча съ стиснутыми зубами и судорожно-сжатыми кулаками.

— Я знаю, что для мужчинъ слова мои потеряны—но обращаюсь къ „матерямъ“, которыя здѣсь стоятъ.

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ женщинъ съ благодарностью кивнули ему головой—онъ какъ будто затронулъ струну, долго молчавшую въ грязи этой жалкой жизни.

— Вы прижимаете къ сердцу вашихъ дѣтей, и я знаю, что вы любите ихъ точно также, какъ моя честная жена любитъ своихъ дѣтей. Какъ можете вы переносить мысль, что ваши дѣти будутъ такими же негодьями какъ ихъ отцы; какъ кобель ихъ не превращается въ вашихъ глазахъ въ страшное привидѣніе рабочаго дома или висѣлицы?

Онъ произнесъ послѣднія слова громовымъ голосомъ. Многія женщины крѣпче прижали къ себѣ своихъ дѣтей. „God heavens!“ (Боже милосердный) и „God forbid!“ (Боже избави)—„God bless you, sir“ (Благослови васъ Господь)—вотъ какія восклицанія вырвались не изъ одной груди.

— Такъ вотъ,—такъ заключалась рѣчь,—говорю вамъ: во имя любви вашей къ этимъ нѣжнымъ, милымъ созданіямъ, во имя Того, Кто призоветъ всѣхъ этихъ дѣтей въ свое небесное царство, умоляю васъ, матери, спасти ихъ отъ погибели. Повѣрьте что я понимаю, какого труда должно вамъ это стоить, сколько можетъ быть придется перенести вамъ за это побоевъ, но я знаю, что материнская любовь сумѣетъ все превозмочь. Въ нашихъ школахъ и пріютахъ для бѣдныхъ, для дѣтей погибшихъ родителей, найдется довольно мѣста для всѣхъ тѣхъ, кого вы, несчастныя женщины, прижимаете теперь къ вашему сердцу!

Изъ глазъ матерей лились слезы, горькія слезы! Одна молодая женщина запѣла гимнъ, чего она можетъ быть не дѣлала съ самаго дѣтства—а можетъ быть она вела прежде и порядочную жизнь, но какое-нибудь несчастіе повергло ее въ это существованіе, полное горечи и проклятій.

Въ эту минуту у входа въ залу послышался шумъ. Всѣ обернулись къ двери; послѣдняя медленно отворилась и въ ней показалась сначала голова въ каскѣ и вслѣдъ затѣмъ вся фигура полицейскаго.

Служитель закона съ непоколебимымъ спокойствіемъ оглядываетъ залу. Взглядъ его останавливается на одномъ блѣдномъ молодомъ человѣкѣ, который напрасно старается укрыться въ глубинѣ залы.

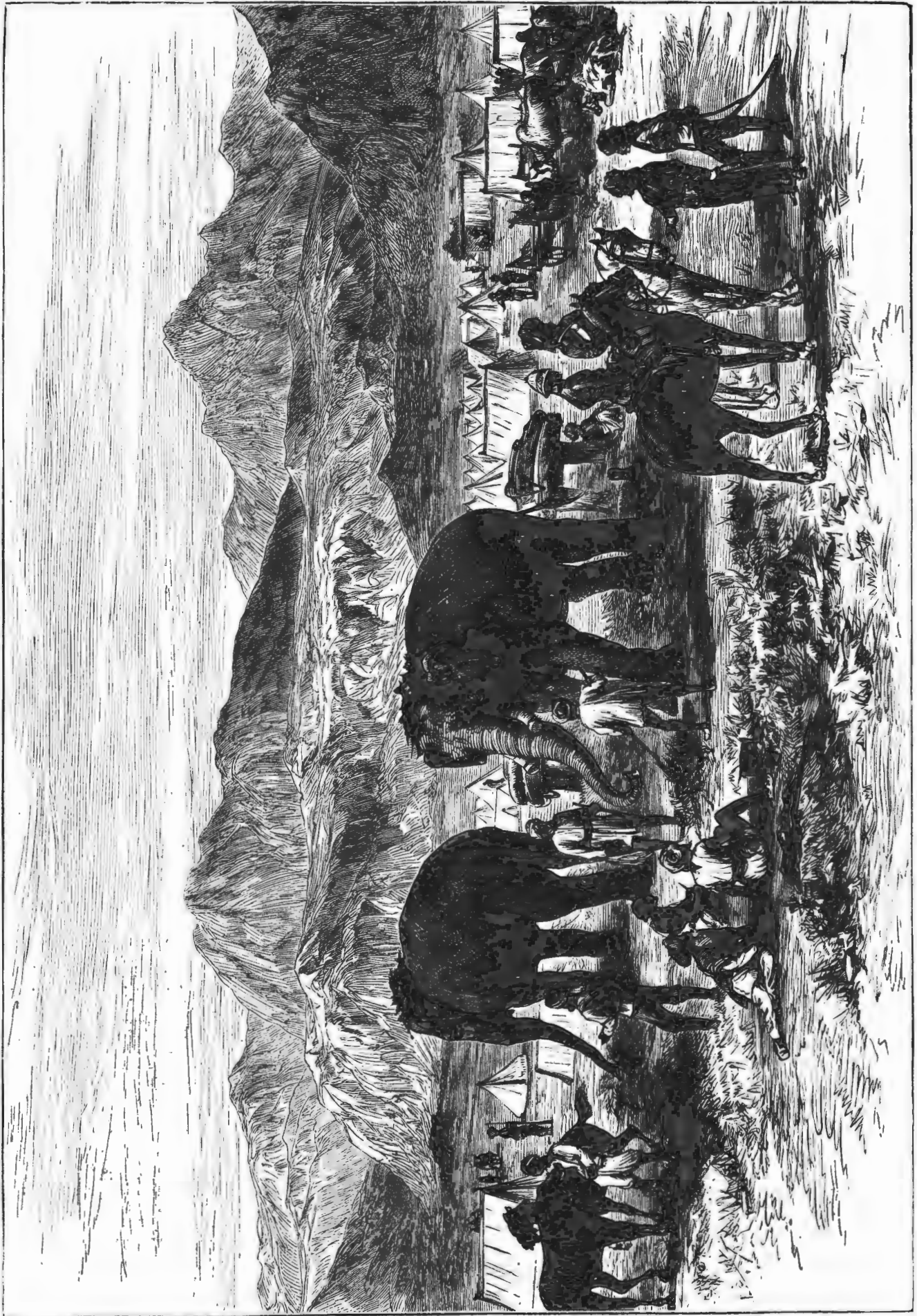
Полицейскій медленно поднялъ правую руку и протянулъ указательный палецъ, произнесъ одно только слово: „wanted!“ (тебя ищутъ).

Молодая дѣвушка, рыдая, бросилась на шею къ „отыскиваемому“, а онъ, обратясь къ собранію воскликнулъ съ принужденнымъ юморомъ: „Долженъ за нимъ идти, поймали молодца, теперь министерство общественныхъ работъ найдетъ мнѣ дѣло годковъ эдакъ на пять, а не то на семь!“

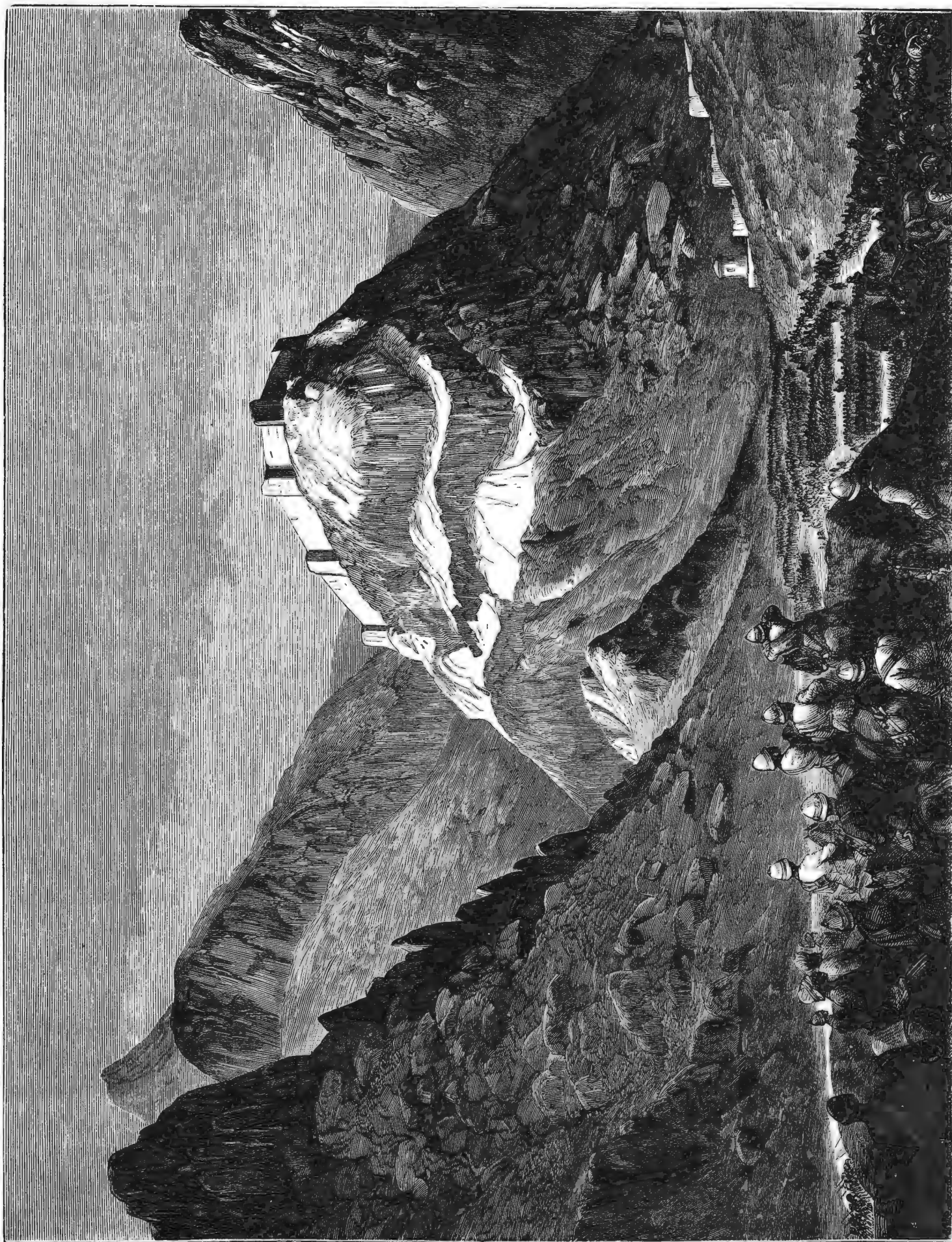
Полицейскій исчезъ съ своей добычей также скоро какъ появился. Вся сцена продолжалась не больше пяти минутъ. Однако она заставила многихъ „избрать благую часть“ и распрощаться „по французски“, то есть незамѣтно уйти, не прощаясь.

Молодой народъ—были въ немъ „отыскиваемые“ или нѣтъ—снова принялся за пляски и пѣсни; пасторъ собрался уходить. Женщины потихоньку пожимали ему руки, а у выхода „австралиецъ“ нагнулся къ нему и спросилъ: „Когда вы опять придете, ваше преподобіе? Кулакъ этотъ—желѣзный, и его узнаетъ тотъ, кто тронетъ хоть одинъ волосъ на вашей головѣ!“

На другой день школа для бѣдныхъ дѣтей, находившаяся подъ руководствомъ мистера М., не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ поступить въ нее учениковъ. Такова сила слова, когда оно проникнуто дѣйствительною любовью къ ближнему.

Афганская война: лагерь Английскаго авангарда въ Хаберномъ проходѣ. По рисунку Гг. грав. М. Рашевскій.

Афганская война: Занятие Английскими войсками крепости Алмеднида. По рисунку Гг. грав. М. Рагеловскій.

Из поэмы „ПИСЬМА“.

...Еслибъ ты
Могъ видѣть какъ я злѣю, скучая!
Тутъ такъ и просятъ „мечты“
Или „дѣвѣты“, или „листы“ —
Но далеко еще до Мая,
Когда вдругъ брызнетъ зелень, ледъ
Рѣками шумными пойдетъ
И разольются рѣки въ море...
Кому веселье, мнѣ—такъ горе:
Сиди себѣ, бранись да жди
У лужи—у моря погоды.
„Вотъ, дескать, мчатся мчатся воды
И ледъ несутъ въ своей груди.
Имъ дѣла нѣтъ кто тутъ томится
И кто домой летѣть стремится...“

Гдѣ, гдѣ ты мила? скучаешь
И плачешь и сама не знаешь
Чего ей надо, что не такъ
И что слеза глаза туманитъ
И что такъ больно сердце ранитъ
И вечеркомъ въ туманъ и мракъ
Глядитъ. Вотъ огородъ и галки
Кричатъ—услылся на палки,
Вотъ церковь старая видна...

Но не туда глядите она.
За городкомъ есть лѣсъ туманный
Туда дорожка лентой странной,
Неровной, узкою бѣжитъ
И на нее она глядитъ.
По ней поѣхалъ тог... который...
И вотъ стыдливо „клонитъ взоры“
Ей стыдно даже и одной!
Не бойся ты голубчикъ мой:
Они не видятъ и не знаютъ
И не поймутъ—чего пылаешь
Твое лицо и что горятъ
Глаза. Вѣдь чай теперь ворчатъ
А можетъ быть меня бранятъ.
Свою любовь они забыли
Вѣрнѣе-жь—вовсе не любили.
Не слушай ихъ голубчикъ мой!
Ты посоветуйся со мной:
Меня ты любишь? Разрѣшаю
Отъ всей души! Благословляю!
А если нѣтъ—тогда... тогда...
Вѣдь ты смотри: любовь—бѣда!
Спроси что скажутъ—ужь навѣрно,
Что и безнравственно и скверно!
Они вѣдь правы иногда...

Н. Л.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Послѣ пожара.

Тяжелымъ, часто непоправимымъ бѣдствіемъ обрушивается пожаръ на голову крестьянина. Несчастіе это, впервые даже случившееся, можетъ подорвать крестьянское благосостояніе и свести его на степенъ нищеты.

Слово пожаръ—страшное слово въ деревнѣ, оно вызываетъ смятеніе и панику—угроза пожаромъ—страшная, роковая угроза... Нѣтъ преступленія выше поджога, нѣтъ преступника выше поджигателя... для такого у крестьянъ нѣтъ милосердія—такихъ еще не оправдывала ни одна сессія присяжныхъ застѣдателей, и счастье обвиненнаго, если онъ попалъ на официальную скамью подсудимыхъ, а не въ руки негласнаго крестьянскаго самосуда...

И не смотря на эту оцѣнку бѣдствія пожара—само бѣдствіе не составляетъ рѣдкаго явленія въ крестьянской жизни; напротивъ, нѣтъ несчастья чаще пожара, нѣтъ ни одной деревни, которая по нѣскольکو разъ не погорѣла бы, на памяти своихъ стариковъ...

Горятъ посады, горятъ села, горятъ деревни и выселки, горятъ даже одинокія дѣсныя сторожки, горятъ отъ разныхъ причинъ, а надъ всѣми этими причинами доминируетъ фатальное „Божье поущеніе“.

Высыпала баба горячую золу подъ заборъ, не дай Богъ въ сухую пору,—Божье поущеніе; завалился на сѣноваль подвыпившій работникъ съ трубочкою,—никто какъ Богъ; ребятъ безъ надзора оставили,—съ огнемъ пошалили дѣти и сами погорѣли,—все Божье поущеніе... Стоически выносить крестьянинъ бѣду, выносить именно какъ Божью кару, а не какъ результатъ своей же собственной оплошности и шагу не сдѣлаетъ, чтобы на слѣдующее время хотя сколько нибудь предотвратить страшное бѣдствіе,

Предупредительныя мѣры рѣдко возникаютъ въ самой крестьянской средѣ. Онѣ являются, большею частью, нѣсколько свѣше „по распоряженію начальства“, являются въ формѣ нѣкотораго насилия, а то такъ и налога на обзаведеніе пожарными инструментами... Земство является на помощь крестьянину или въ лицѣ повѣлывающаго и внушающаго начальства, или въ видѣ обязательнаго и необязательнаго страхованія, не достигающаго своей цѣли уже потому только, что оцѣнка имущества, принимаемаго на страхъ земскими страховыми учрежденіями не соответствуетъ дѣйствительной стоимости застрахованнаго. Крестьянская изба-срубъ принимается на страхъ рѣдко свѣше тридцати рублей, когда, чтобы построить ее, надо, по крайней мѣрѣ, восемьдесятъ; годовые взносы велики совершенно съ преміей; полученіе этой преміи сопряжено съ страшною проволочкою времени и цѣлою цѣпью канцелярскихъ затрудненій—этимъ объясняется почему мало, а вѣрнѣе и совсѣмъ нѣтъ добровольныхъ страхователей... Поневолѣ приходится крестьянину и уповать на Господа Бога и не ронять, когда его постигнетъ „Божье поущеніе“.

Причины пожаровъ распадаются на три группы: неосторожность, или своя собственная, или послѣдствіе сосѣдской неосторожности, тѣснота построекъ и легкая воспламеняемость строительныхъ материаловъ крестьянскаго жилья, гдѣ камень—явленіе болѣе чѣмъ рѣдкое, и наконецъ злоумышленность, поджиганіе краснаго нѣтуха по злобѣ или съ другими корыстными цѣлями.

Взгляните на русскую деревню: почти вплотную, одна къ другой лѣнятся бревенчатая изба, крытая соломой, космагы крыши чуть не соприкасаются одна съ другою, плетневые заборы, кучи хвороста на задворкахъ... какъ порохъ воспламеняется все это, особенно въ сухую пору жаркаго лѣта; займетъ на одномъ концѣ деревни, получаса не пройдетъ какъ уже пламя охватило „весь порядокъ“, перемахнуло на противоположную сторону и нѣтъ уже никакой физической возможности спасти свое добро, отстоять то, до чего еще не коснулась сокрушительная волна пожарнаго пламени.

А жалкія тушительныя средства—ведра, которыми часто за полверсты ребятинки таскаютъ воду, багры, топоры и лопаты, изображенія которыхъ „по формѣ“ вывѣшены надъ каждымъ воротами или на конькахъ избъ—борьба такихъ огнегасительныхъ снарядовъ съ страшною, разрушительною силою огня немислима... Поневолѣ остается покориться судьбѣ.

Изолированіе пожара было бы лучшимъ средствомъ въ этихъ случаяхъ, но для этого надо обязательно просторное размѣщеніе построекъ, широкіе проулки между дворами, а самое лучшее—побольше растительности, деревьевъ, служащихъ во время пожара превосходнымъ заслономъ. Но широкое расположеніе требуетъ много усадебной земли, въ которой рѣдко гдѣ не чувствуется недостатка, а крестьяне не охотники сажать деревья, чтобы защитить, украсить свое не хитро сложенное жилище.

Чтобы нагляднѣе представить себѣ картину бѣдствія пожара въ деревнѣ и его послѣдствія, представимъ себѣ крестьянское хозяйство и его годовой оборотъ средняго состоянія. Крестьянинъ-собственникъ имѣетъ избу съ дворомъ и около двухъ десятинъ подъ обработкою и лугомъ; у него есть лошадь, одна корова, четыре-пять овецъ, запасъ зимнаго и лѣтнаго платья—и никакого денежнаго запаса—этимъ ограничивается его хозяйственный инвентарь. Онъ работаетъ съ своею семьею круглый годъ, зарабатывая себѣ только на подати, содержаніе семьи, прокормъ скотины; остатка нѣтъ, чаще хроническій изъ года въ годъ переносимый дефицитъ, пополняемый только случайными доходами, а этого рода доходныя статьи не каждый годъ подвертываются подъ рабочую руку крестьянина...

Всякая экстренная затрата, не превышающая даже десяти рублей, тяжело ложится на крестьянскую шею. Потеря лошади или коровы—уже крупное, долго оплакиваемое несчастье, главнѣйшую же цѣнность представляетъ собою изба съ надворными постройками—стоимость которой достигаетъ ста рублей или нѣсколько болѣе. Денежный оборотъ крестьянина рѣдко превышаетъ пятьдесятъ рублей въ годъ—потеря лошади едва можетъ быть покрыта половиною этого оборота, потери жилья не можетъ быть покрыта вовсе. Пожаръ сразу же дѣлаетъ его банкротомъ, или ставитъ въ такіе тиски неполатныхъ долговъ, изъ которыхъ, нѣтъ которыхъ, опять же таки безъ случайной, посторонней помощи, ему и во всю жизнь не выбраться—повтореніе такого страшнаго бѣдствія дѣлаетъ его и его семью окончательно нищими, или же заставляетъ отдѣлаться отъ этой семьи, бросить свое поле и самому идти въ городъ на заработки.

Съ пожаромъ изба гибнетъ и его мелкое имущество, его уваръ, одежда, все то, что накапливалось годами, выгорѣвшая деревня сразу наводняется сосѣдніе поселки толпами нищихъ, погорѣльцевъ, протагивающихъ руки Христовымъ именемъ.

Разрушая благоустройство крестьянской семьи, пожар часто отвлекает рабочія руки от прямого дѣла, от поля, вырывает рабочаго изъ среды земледѣльцевъ, среды, лежащей основой, фундаментомъ общаго государственнаго благосостоянія.

Истребляя крестьянское добро—эти лачуги и рваные зипуны—общіе убытки, причиненные пожарами въ деревняхъ этому благосостоянію громадны, они выражаются слишкомъ крупными цифрами, достигающими, по свѣдѣнію современной статистики, до семи милліоновъ въ годъ—сюда не включаются пожары въ городахъ, пожары—которые, благодаря спекулятивно-му духу и развитію страховыхъ обществъ, утратили значительно свое потрясающее, роковое значеніе.

Обращаясь жителямъ деревень къ услугамъ этихъ обществъ, немислимо, да и сами общества не охотно примутъ такихъ кліентовъ; невозможность надзора и слѣдствія, частость самыхъ пожаровъ, сдѣлали бы всякую страховую кампанію не состоятельною, земскія же взаимно-общинныя страховыя учрежденія, не смотря на двадцатилѣтнее свое существованіе, до сихъ поръ еще находятся въ зародышѣ—и зародышѣ, немного общающемся въ будущемъ.

Размѣры этой статьи не позволяютъ распространиться намъ о причинахъ такого нецѣлесообразнаго устройства земскаго дѣла—эти строки навѣяны рисункомъ въ нашемъ журналѣ, талантливо исполненнымъ однимъ изъ нашихъ лучшихъ и постоянныхъ сотрудниковъ.

Передъ нашими глазами крестьянская семья, постигнутая „Божьимъ попущеніемъ“. Тоскливая безотраднѣсть положенія, грустная перспектива впереди—и глухое, безропкое подчиненіе и покорность судьбѣ—вотъ основной мотивъ этого рисунка.

Глава семьи занятъ работою, онъ ладитъ себѣ временное жильё изъ обгорѣлыхъ жердей. Не хитра архитектура его постройки, два козла—поверхъ перекладина, съ боковъ привалитъ плетневику, да соломой прикроетъ, вотъ и все. Мать старуха у котелка копошится, дочка помогаетъ—картофелью нарвала на грядкахъ и чиститъ теперь для похлебки, одинъ сынишко маленькій чуждъ всякой заботы—глупъ еще, не соображаетъ; ему все забава, все служить игрушкой, засѣлъ вотъ теперь въ тачку и утѣшается...

Не много добра спасъ мужикъ изъ огня, главная цѣнность—это сапоги и повѣшены эти сапоги на самомъ что ни на есть почетномъ мѣстѣ, изъ посуды кое-что захватила баба, да эта самая тачка, вотъ и все... на первое, новое обзаведеніе. Грустное положеніе и обстановка-то кругомъ тоже такая невеселая: сарай вдаль съ разобранной крышею, можетъ быть потому только и уцѣлѣвшій, что больно на отлетѣ прилеся, обгорѣлыя воротаща, обгорѣлыя, потерявшія свою листву деревья. Ладно только хоть, что погода стоитъ пока хорошая, теплая и за то благодареніе Господу. А обороны Богъ при такой бѣдѣ да холоду, дождь, осеннее ненастье—а за нимъ болѣзнь—ну и не выдержать тогда стонку мужику-земледѣльцу, махнетъ онъ на все съ отчаянія рукою и разбредется вся его семья по чужимъ дворамъ побираться, или надъ чужимъ дѣломъ бастрачить.

Н. Каразинъ.

Тифонъ.

Подъ именемъ тифона или смерча наука разумѣетъ особенное грандіозное явленіе природы, довольно частое въ моряхъ, большихъ озерахъ и рѣкахъ, явленіе, представляющее одну изъ величайшихъ опасностей для судоходства. Явленіе это заключается въ томъ, что море въ какомъ либо мѣстѣ приходитъ вдругъ въ сильное движеніе и начинается шумѣть и волноваться. Волны мало по малу поднимаются однимъ или нѣсколькими гигантскими конусами; одновременно съ этимъ изъ темной тучи начинается спускаться встрѣчный конусъ, основаніе котораго въ облакѣ а верхушка опускается все ниже къ морю до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ поверхности его, или же образовавшагося въ морѣ конуса. Тифонъ—это гигантскій водяной столбъ, обращающійся такъ сказать вокругъ своей оси. Онъ медленно движется, производя на большомъ пространствѣ сильнѣйшее волненіе въ морѣ. Горе кораблю, который попадетъ на пути этого несущагося водянаго гиганта. Невозможно противустоять его страшной разрушительной силѣ. Бывали примѣры, что одинъ или два пущечныхъ выстрѣла, направленныхъ въ тифонъ, разбивали его моментально, но не всегда этотъ простой способъ сопротивленія бываетъ достаточно, чтобы противустоять соединенію двухъ необходимыхъ стихій. Нашъ рисунокъ, представляетъ именно роковую встрѣчу большого корабля съ тифономъ на южно-атлантическомъ океанѣ. Два корабля вмѣстѣ держали путь. Тотъ, который былъ больше—трехмачтовый, былъ застигнутъ тифономъ; верхъ мачты, а также часть канатовъ и снастей были сорваны мгновенно; мачты съ трескомъ ломались и весь корабль дрожалъ и трепалъ по всѣмъ пазамъ; давленіе воздуха на паруса было такъ сильно, что корабль не опрокинулся благодаря только тому, что паруса мгновенно были изорваны въ клочья. Экипажу не откуда было получить помощи. Бывшіе на палубѣ люди были сброшены за бортъ и утонули въ ревущемъ морѣ, а убѣжавшіе въ каюты слышали только чрезвычайно сильный трескъ и шумъ. Часть палубы уже погрузилась въ море; всѣ канаты, жерди, паруса и даже лодки были оторваны; къ счастью ти-

фонъ двинулся дальше и распался вдругъ съ ужаснѣйшимъ гуломъ. Остались только обломки корабля. Другой корабль, который былъ меньше, находился внѣ тифона и избѣжалъ страшнаго крушенія, жертвою котораго сдѣлался его товарищъ.

Дѣвушка высшаго общества XVI в.

Перенесемъ ровно за три столѣтія назадъ,—въ тогдашній Парижъ. Уже ночь. Вотъ въ одной изъ узкихъ, темныхъ и совершенно пустыхъ улицъ замелькали огни. Они приближаются, освѣщая, на своемъ пути, одинъ за другимъ, пзукрашенные дѣльной работою и фигурами, фасады домовъ. Огни подвигаются ближе и—изъ мрака выступаетъ кортэжъ: впереди идутъ служители съ факелами въ рукахъ, за ними слегка покачиваются богатыя, закрытыя, носилки, поддерживаемыя другими служителями; позади—опять факелы. Шестіе останавливается передъ величественнымъ перистилемъ высокаго дома. Съ шумомъ растворяются тяжелыя двери; изъ носилокъ выходятъ двѣ женскія фигуры. Еще минута—исчезаютъ и факелы, и носилки, и—снова наступаетъ непроглядная ночь. Одна изъ женскихъ фигуръ, промелькнувшихъ предъ нашими глазами—дочь высокороднаго маркиза, придворнаго сановника короля Карла IX-го (другая ея дзенья). Она возвратилась изъ дворца. Пройдя рядъ покоевъ, роскошно отдѣланныхъ рѣзнымъ дубомъ,—молодая дѣвушка входитъ въ свою высокую комнату и останавливается въ задумчивости. Какъ хороша она въ этой позѣ! О чемъ она думаетъ, какую тайную мысль, или мечту выражаютъ, въ эту минуту, прелестныя черты? Можетъ быть это отблескъ чувства, волнующаго дѣвушку каждый разъ, когда она встрѣчаетъ одного стройнаго, блестящаго, остроумнаго кавалера? *Его* не было сегодня во дворцѣ... Она, невольно, припоминаетъ теперь вечеръ, который провела тамъ. Томительно тянулся этотъ вечеръ. Король нездоровъ. Въ воображеніи дѣвушки рисуется высокій, темный салонъ въ Луврѣ, слабо освѣщенный нѣсколькими большими серебряными канделябрами (работы искусства флорентинца—Бенвенуто-Челлини). Въ полусвѣтѣ видѣется фигура короля, его блѣдное, изурванное, молчаливое лицо, съ широкими, рѣзко очерченными бровями, высоко поднятыми надъ строгими, теперь потупленными глазами; онъ полужелитъ въ глубокомъ креслѣ съ высокой рѣзной спинкой. У громаднаго, росписнаго камина, неподвижно сидятъ, вся въ черномъ, какъ будто сдѣланная изъ воска,—Катерина Медичи; ея тонкія губы судорожно сжаты, взглядъ пристально устремленъ на нарцвсвеннаго сына.

Безмолвная группа придворныхъ... А *его* все нѣтъ! И вотъ красавица давно стоитъ на томъ же мѣстѣ въ своей комнатѣ и думаетъ о немъ. Завтра, тайкомъ, она посѣтитъ астролога королевы Катерини, Козимо Руджіери—онъ дастъ ей вѣрнее средство приколдовать кавалера, и—тогда, о, тогда, конецъ! о, она будетъ увѣрена въ его любви!

Такою, быть можетъ думаю, освѣщено прелестное лицо, созданное талантливою кистью сына знаменитаго Вильгельма Каульбаха.

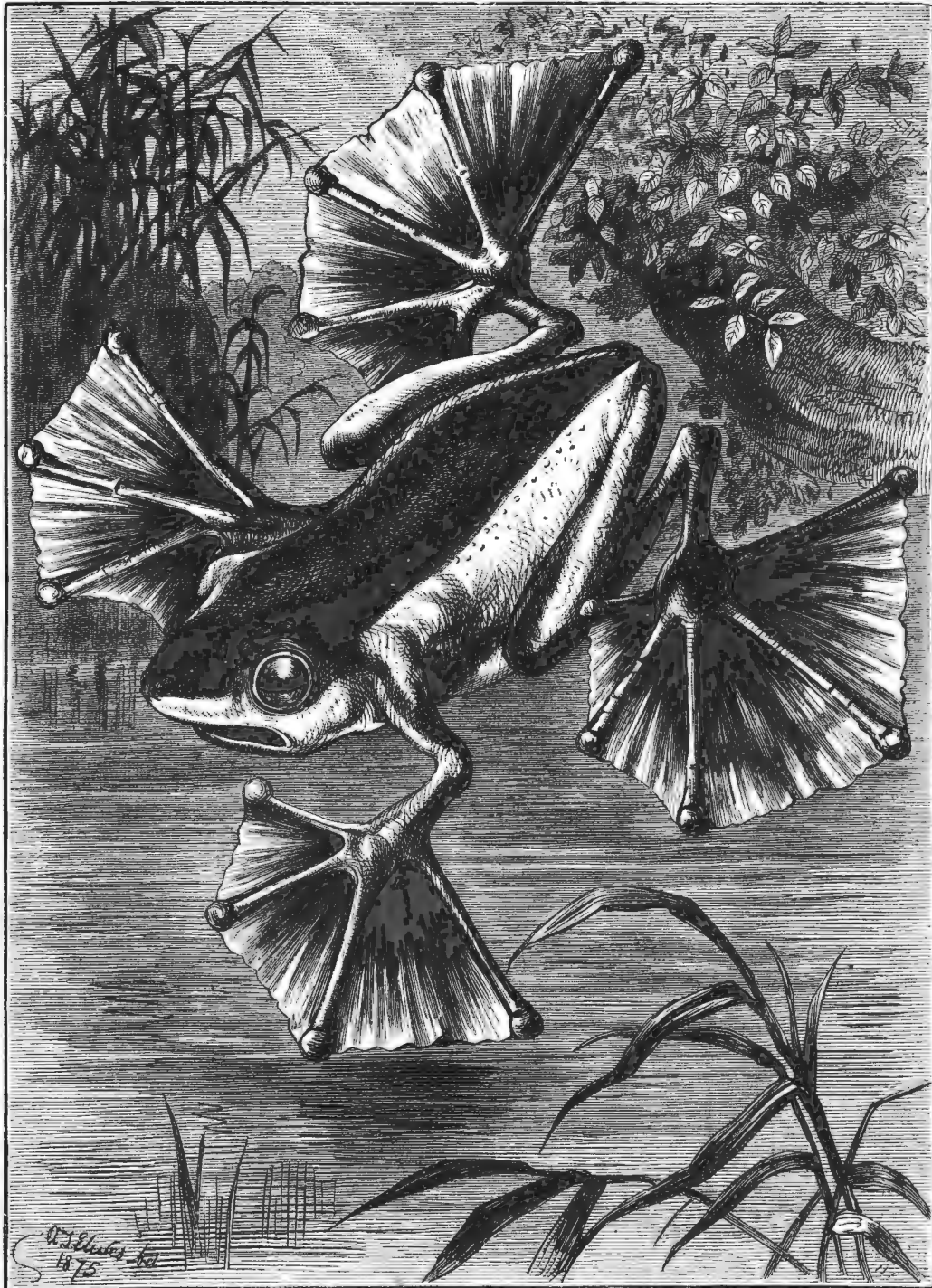
Взятіе Алимеджида и лагерь англійскихъ войскъ въ Хайберскомъ проходѣ.

На разстояніи одной мили къ западу отъ форта Джамрудъ (замыкающаго Пешаверскую долину) начинается авганская граница. Афридская деревня Кадигъ—первое авганское поселеніе, а находящійся отсюда въ 10-ти миляхъ фортъ Алимеджидъ (изображенннй на прилагаемой гравюрѣ)—первый охранннй пунктъ Авганистана со стороны британскихъ владѣній. Онъ расположенъ на высокой скалѣ, со всѣхъ сторонъ висящей крутыми уступами и впадинъ господствуетъ надъ Хайберскимъ горнымъ проходомъ. Но, въ этомъ проходѣ, позади форта, есть одинъ кунетъ, извѣстный подъ названіемъ Кешикеста, къ которому прилегаютъ Ротасскія высоты—со стороны этихъ послѣднихъ фортъ совершенно открытъ и легко можетъ быть обстрѣливаемъ. Эмиръ содержалъ въ Алимеджидѣ довольно значительный гарнизонъ, какъ для обороны дефилея, такъ и для удержанія въ покорности непокорныхъ горныхъ племенъ, признающихъ его власть лишь номинально. Хайберскій проходъ имѣетъ отъ 40 до 290 ф. ширины и вѣтвется между ущелъ, склоны которыхъ возвышаются на 1500 ф. Въ полудтора миляхъ за Алимеджидомъ горный дефилей переходитъ въ долину Лала-Бегъ, имѣющую около 6-ти миль длины и отъ полумили до мили ширины. Затѣмъ, снова тянется горный проходъ. Наименьшей ширины онъ достигаетъ въ той части своей, которая наз. Ланди-Канаеъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ упомянутой долины. Онъ оканчивается у сел. Дакка, гдѣ горы постепенно разступаются по направленію къ долинѣ Джелла-лабада. Вся длина Хайберскаго горнаго прохода равняется 35-ти милямъ. Въ настоящее время онъ, впрочемъ, уже не считается такимъ недоступнымъ, какъ прежде. Есть нѣсколько горныхъ дорогъ, съ помощью которыхъ войска, безъ тяжестей, могутъ обойдти Алимеджидъ и только артиллерія и обозъ должны идти непремѣнно чрезъ самый горный проходъ.

Въ политическомъ обзорѣніи одного изъ предшествовавшихъ номеровъ нашего журнала мы сообщили уже читателямъ, что 23-го ноября н. с. Алимеджидъ взятъ британскими войсками.

Здѣсь мы расскажем нѣсколько подробнѣе объ этомъ первомъ боевомъ (хотя и не особенно „славномъ“) успѣхѣ въ ихъ войнѣ съ Ширъ-Али. Войска, назначенныя для форсирования Хайберскаго горнаго прохода, были окончательно собраны у Джамруда, ночью на 21-е ноября. Отрядъ, численностью въ шесть тысячъ человекъ, состоялъ изъ одной кавалерійской и четырехъ пѣхотныхъ бригадъ, при пяти батареяхъ. Согласно диспозиціи, отъ главныхъ силъ должны были отдѣлиться двѣ бригады, подъ начальствомъ генерала Макферсона, и, обойдя Алимеджидъ со стороны Кешивесты, отрѣзать отступленіе

На разсвѣтъ 20-го, генералъ Броунъ, (командующій корпусомъ) выступилъ съ главными силами къ Алимеджиду. Занявъ безпрепятственно селеніе Лала-Чину и небольшое укрѣпленіе, возвышающееся вправо, британцы установили батареи и приступили къ бомбардированію. Авганцы отвѣчали, хотя не частымъ, но мѣтко направленнымъ огнемъ. Артиллерійскій бой становился весьма жаркимъ. Авганскія войска держались стойко. Подъ прикрытіемъ своихъ батарей, британцы начали подвигаться съ трехъ сторонъ къ форту и 3-я бригада подошла уже на нѣтурмовое разстояніе. Командиръ авангарда, Майоръ

Летучая лягушка. (*Rhacophorus Reinwardtii*). Рис. Елюсь, грав. Дейсъ.

авганцамъ; общее же движеніе начинается только по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, необходимыхъ Макферсону для выполненія обходнаго движенія. Еще съ утра 21-го все въ лагерѣ находилось въ лихорадочно-нетерпѣливомъ ожиданіи; въ полдень, кавалерія, пѣхота, артиллерія собрались шумными группами въ различныхъ пунктахъ бивака. Но, только къ вечеру получено приказаніе выступить. Одна изъ бригадъ Макферсона стала въ ружье. Наступила торжественная минута. Стройные ряды молча ожидали команды... ровковыя слова прозвучали въ воздухѣ и—колонна двинулась. Война началась!

Берчъ, встрѣтилъ на пути своемъ рядъ траншей, занятыхъ авганцами. Наступили сумерки. Макферсонъ не появился. Берчу приказано отступить къ своимъ подкрѣпленіямъ. Во время обратнаго движенія своего, отрядъ этотъ сильно пострадалъ. Майоръ Берчъ, одинъ поручикъ и нѣсколько солдатъ были убиты, и, кромѣ того, 1 офицеръ и около 20-ти солдатъ ранено (это, впрочемъ, по британскимъ источникамъ). Неизвѣстно—чѣмъ могло окончиться это первое столкновеніе, будь здѣсь у авганцевъ больше силъ. Ночью—ихъ пикеты да "

(Продолженіе на стр. 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943 и 944).

знать о приближеніи Макферсона. Боясь, чтобы британская обходная колонна не преградила имъ путь къ отступленію, они удалились изъ форта и, утромъ 23-го ноября, побѣдоносная войска королевы Викторіи торжественно вступили въ пустой Адмесджидъ.

Такъ начались британо-авганская война.

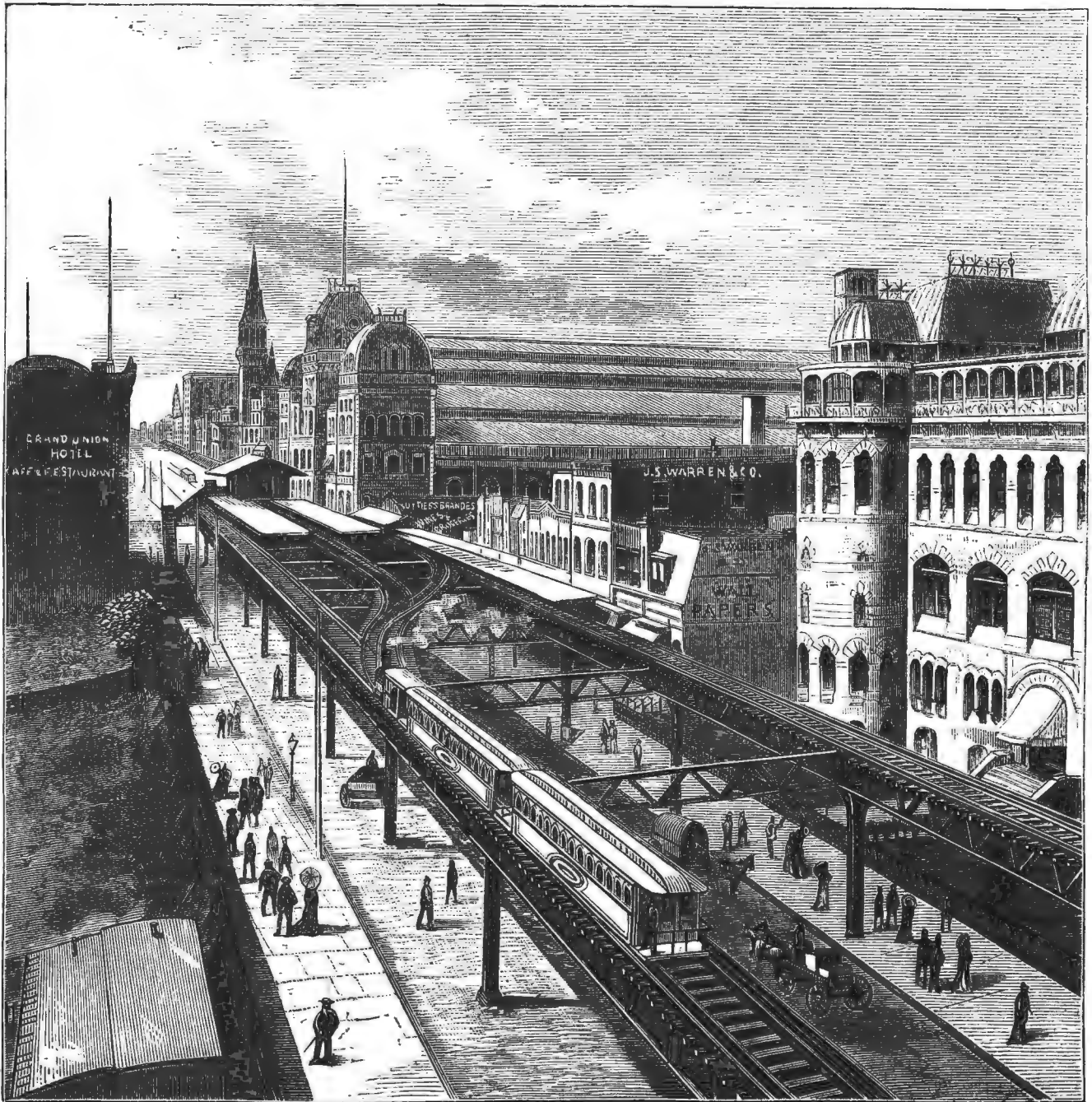
Летучая лягушка.

(*Rhacophorus Reinwardtii*).

„Одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ и интересныхъ гадовъ“ говорить Валласъ „какіе только мнѣ попадались—это на островѣ

Длина всего тѣла составляетъ почти полтора вершка; вполнѣ же расширенная перепонка заднихъ ногъ занимаетъ площадь въ 4 вершка, а площадь поверхности перепонки всѣхъ четырехъ ногъ до 12-ти вершковъ. Концы большихъ пальцевъ снабжены длинными зацѣпками, въ родѣ тѣхъ, какіе есть у обыкновенной древесной лягушки; во всякомъ случаѣ нельзя предположить, чтобы такое развитіе перепонки между пальцами было приспособлено только для плаванія. Должно признать достовѣрнымъ рассказъ китайца, видѣвшаго лягушку, летающую около дерева.

Это, насколько мнѣ извѣстно, единственный видъ летающей лягушки, и заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія, такъ какъ

Надземная желѣзная дорога въ Нью-Йоркѣ. Рис. и грав. Шейне.

Борнео, большая древесная лягушка, которую принесъ уже мертвую ко мнѣ одинъ китайскій рабочий. Онъ рассказывалъ, что видѣлъ какъ она летѣла съ дерева на землю. При ближайшемъ разслѣдованіи, я нашелъ, что большіе пальцы на заднихъ лапкахъ у нея очень развиты и соединены перепонкой; раздвинутые, они представляютъ поверхность гораздо больше всего тѣла лягушки. Пальцы переднихъ ногъ, также соединены перепонкой и кромѣ того тѣло имѣетъ способность значительно раздуваться. Хребтъ и члены лоснящіеся, темно-зеленаго цвѣта; брюшко и внутренняя часть большихъ пальцевъ желтаго; плавательная перепонка чернаго съ желтыми полосами.

показываетъ, что измѣненіе большихъ пальцевъ, допускающее плаваніе и лазаніе, при извѣстномъ развитіи можетъ существовать летающей ящерицѣ кружиться по воздуху.

Лягушка, описанная Валласомъ, есть безъ сомнѣнія давно извѣстная, такъ называемая плавающая лягушка, которую теперь называютъ летающею. На материкѣ Индіи и на Зундскихъ островахъ извѣстны три видоизмѣненія плавающихъ лягушекъ; онѣ отличаются вообще стройностью тѣла, гладкой кожей, растяжимостью перепонки между большими пальцами, которая оканчивается длинными зацѣпками и весьма развитыми органами слуха, кромѣ того самцы голосовымъ мѣщеч-

комъ, подъ зубомъ. Зубы расположены въ челюсти двумя отдѣльными рядами.

Надземная желѣзная дорога въ Нью-Йоркѣ.

Устройство въ Нью-Йоркѣ надземной желѣзной дороги на высокихъ столбахъ было задумано уже давно, но разныя препятствія долгое время замедляли осуществленіе этого предпріятія. Однимъ изъ такихъ препятствій служили, между прочимъ, всѣкія возраженія противъ самаго способа устройства подобной дороги; повсюду заговорили объ громадныхъ неудобствахъ для жителей нижнихъ этажей, принужденныхъ, ради ея, жить въ постоянной темнотѣ и быть лишеными свободного притока въ ихъ помѣщенія чистаго воздуха; говорили также объ опасностяхъ, могущихъ произойти въ узкихъ улицахъ отъ тѣноты, когда ихъ загрозоздитъ постройка предполагаемой желѣзной дороги, но практическія соображенія у американцевъ всегда имѣютъ верхъ надъ всѣми соображеніями, а убѣжденіе, что подобная дорога необходима для такого города какъ Нью-Йоркъ, гдѣ время—деньги, пересилило доводы оппозиціи и вскорѣ въ какія нибудь 20 минутъ можно будетъ дѣловому человѣку перепестись изъ одного конца обширнаго города въ другой, совершенно ему противоположный. Вся сѣтъ такой надземной желѣзной дороги поддерживается двумя рядами высокихъ чугунныхъ столбовъ, идущихъ посреди улицъ и отстоящихъ на 10 футовъ одинъ отъ другаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ линия дороги обгibaетъ почти самыя зданія, такъ что поѣзды пролетаютъ чуть не подъ окнами квартирентовъ верхнихъ этажей, но въ широкихъ улицахъ она удалена отъ домовъ на довольно значительное разстояніе. Черезъ каждыя полмили и преимущественно на развѣтвленіяхъ большихъ улицъ построены маленькія станціи изъ листового желѣза съ крытыми платформами. На смѣну пассажировъ полагается не болѣе полминуты, а скорость поѣзда должна равняться отъ 30 до 40 верст. въ часъ, такъ что въ 18 часовъ можно перевезти до 100,000 человѣкъ. Длина всей дороги, послѣ ея открытія въ обѣихъ частяхъ города,—

которая соединится четырьмя желѣзными мостами,—будетъ равняться почти 30 верстамъ. Вагоны устроены съ большимъ комфортомъ и даже роскошью; въ каждомъ поѣздѣ ихъ полагается не болѣе четырехъ, но каждый вагонъ такъ обширенъ, что въ немъ свободно могутъ помѣститься 48 пассажировъ.

н.

Русскія и Сербскія медали въ память послѣдней войны.

Русскія медали въ память недавно окончившейся послѣдней

войны сходны съ нѣмецкими медалями 1870—71 годовъ, которыя вышли двумя выпусками: одинъ изъ свѣтлой бронзы для бывшихъ въ дѣйствіи, и другой изъ темной бронзы для участвовавшихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Однако мы разборчивѣе нѣмцевъ въ раздачѣ такихъ медалей, такъ какъ у насъ невоенный ее получить не можетъ, вообще напр., поставщики арміи фургоны и друг., слѣдовавшіе за войскомъ, лица.

Кромѣ двухъ выше поименованныхъ медалей, существуетъ

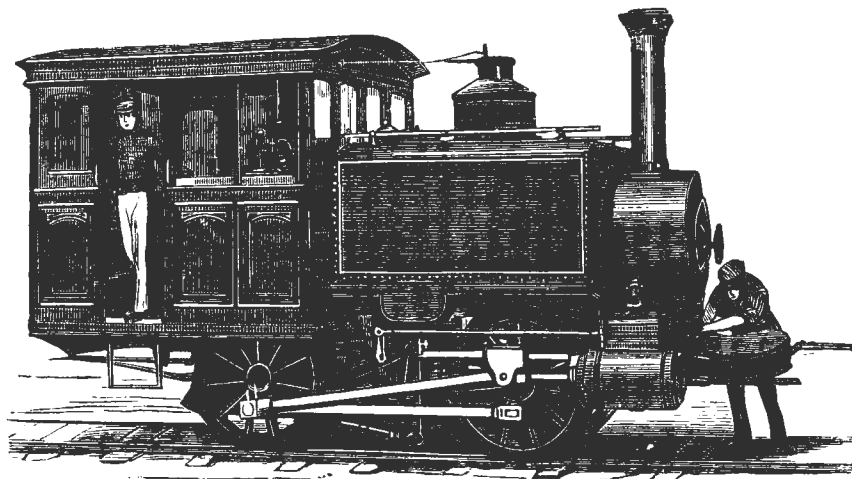
еще „шипкинская“ медаль; эта послѣдняя причислена къ „знакамъ отличія“. Она учреждена для храбрыхъ защитниковъ шипкинскаго прохода и для воиновъ азиатской арміи, за геройское „сидѣніе Балзетское“, за бой на Шипкѣ медаль могли получить только тѣ, кто участвовалъ съ самаго начала компаніи. Лента для всѣхъ трехъ медалей составлена изъ лентъ: Георгіевской (черная съ оранжевымъ) и Андреевской (свѣтло-голубая).

На лицевой сторонѣ медали представленъ въ лучахъ Андреевскій крестъ (какой болгарскіе легіоны носятъ на шапкахъ) утвержденный на полумѣсяцѣ. По обѣимъ сторонамъ креста, намѣчены славные въ новой военной русской исторіи годы 1877, 1878. На оборотной сторонѣ медали, въ вѣнцѣ изъ лавровыхъ и дубовыхъ листьевъ, надпись: „Не намъ, не намъ, а Имени Твоему.“

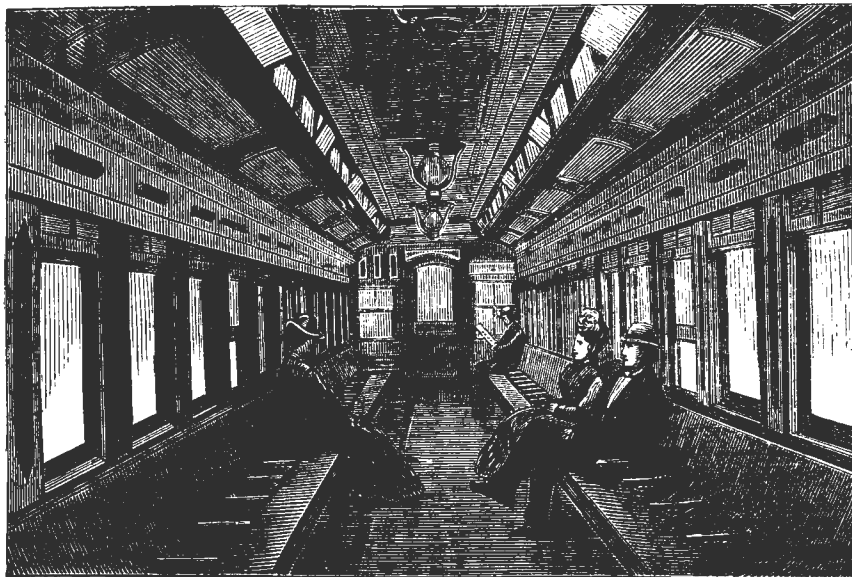
Сербская медаль гораздо замысловатѣе. Лента къ ней темно-красная съ голубымъ кантомъ. Цвѣта взяты изъ сербскаго трехцвѣтнаго знамени, но безъ блага, знаменующаго миръ. На лицевой сторонѣ представлена аллегорическая женская фигура въ идеализированномъ сербскомъ одѣяннн, олицетворяющая

необходносную Сербію. Характеристическая узкая и короткая, отороченная мѣхомъ, съ открытыми рукавами кофточка; недостаетъ только маленькой, круглой, головной шапочки, составляющей также существенную часть національнаго сербскаго, женскаго костюма. Съ лицомъ, обращеннымъ влѣво, фигура въ протянутой рукѣ держитъ лавровый вѣнокъ, въ правой—крестъ и опирается на щитъ, на которомъ представленъ гербъ сербскаго княжества: бѣлый крестъ на красномъ полѣ; въ четырехъ углахъ щита стоитъ буква С. (Сербія) въ ногахъ Сербіи лежитъ сокрушенное знамя Турціи съ полумѣсяцемъ. По краямъ слова: „Bat za oslobotschenje i nezavisimost 1876, 1877—1878 god.“ „за освобожденіе и независимость 1876, 1877—1878 года.“

Оборотная сторона медали представляетъ вензель князя Милана Обреновича IV. на верху корона, а по краямъ перевитыя лентами вѣнокъ изъ дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ; на лентѣ имена сраженій и осадъ, оконченныхъ успѣхомъ Сербіями. Медаль изъ свѣтло-желтой бронзы.

Локомотивъ надземной желѣзной дороги въ Нью-Йоркѣ.

Внутренность пассажирнаго вагона надземной желѣзной дороги въ Нью-Йоркѣ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новое турецкое министерство.—Хейреддинъ-Паша.—Сопроотивленіе болгаръ.—
Божидаръ Петровичъ.—Возстаніе Кафровъ.—Эмиръ Ширъ-Али.

Сообщая о замѣнѣ бывшаго турецкаго министерства кабинетомъ Хейреддина-Паши, мы передавали тогда же, что перемѣну эту приписываютъ британскому вліянію. Теперь находимъ подтвержденіе этому извѣстію. Въ официальныхъ разныхъ кружкахъ въ Стамбулѣ увѣряютъ, что перемѣна въ министерствѣ не означаетъ поворота въ пользу Россіи. Британскій посланникъ весьма доволенъ составомъ новаго кабинета. Здѣсь, кстати, скажемъ нѣсколько словъ о Хейреддинѣ. Изъ Пары пишутъ въ „Times“, что нынѣшній великій визирь—родомъ черкесъ, но онъ самъ не знаетъ, къ какому именно племени принадлежитъ. Хотя онъ и говоритъ по турецки, но предпочитаетъ арабскій или французскій. Какъ извѣстно, Хейреддинъ былъ министромъ Тунисскаго бея и обратилъ на себя вниманіе султана религіозно-политическимъ сочиненіемъ, въ которомъ доказывалъ совмѣстимость ученія Корана съ современными идеями прогресса и свободы. Въ этой книгѣ указывается на то, что возрожденіе Турціи должно быть произведено самими мусульманами и при помощи духовенства. Корреспондентъ, сообщая эти данныя, имѣвъ случай бесѣдовать съ самимъ Хейреддиномъ, указалъ ему на трудность согласованія его проекта турецкаго возрожденія съ интересами христіанскаго населенія Турціи. Но паша возразилъ, что это, напротивъ, не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ коранъ признаетъ право свободы вѣроисповѣданій и за другими религіями (?). „Какъ бы ни относились къ воззрѣніямъ Хейреддина, прибавляетъ корреспондентъ, во всякомъ случаѣ это человекъ энергичскій и выдающійся и въ этомъ отношеніи, представляетъ рѣзкое различіе съ своими предшественниками. Телеграфируютъ изъ Константинополя, отъ 27-го ноября (9-го декабря), что Хейреддинъ, на бывшемъ у него приѣмѣ, выслушавъ поздравленія, принесенныя ему армянскимъ патриархомъ, отвѣчалъ на французскомъ языкѣ: „Милостивый султанъ, желаю, чтобы всѣ его подданные пользовались равными правами, поручилъ мнѣ оказывать *справедливость всемъ, безъ различія национальности* и вѣроисповѣданія. Скажите вашей паствѣ, что въ отношеніи къ армянамъ я буду руководствоваться именно этими принципами. Имъ будетъ оказываема справедливость во всемъ, что касается ихъ интересовъ. Должности будутъ раздаваться отнынь наиболѣе достойнымъ. У насъ одна родина; вы молитесь въ церквахъ, мы—въ мечетяхъ, но всѣ мы—подданные и дѣти султана.“

Мягкая рѣчь великаго визиря еще не говоритъ намъ—какихъ мѣръ можно ожидать отъ него въ слѣдствіи, въ отношеніи болгаръ „Румелин“. Въ Константинополь неожиданно вернулась коммисія, которой было поручено установленіе южно-болгарской границы. Причина неудачи ея заключается въ сопротивленіи жителей болгарскаго происхожденія, принимаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такой грозный характеръ, что коммисія сочла лучшимъ удалиться. Въ депешѣ „Международнаго агентства“ изъ Адрианополя сообщаютъ, что тамъ русскіе власти поймали одного британца, занимавшагося контрабандной продажей пороха, что британецъ этотъ успѣлъ скрыться въ зданіи своего консульства, но что русскіе, не смотря на протестъ консула, проникли туда и арестовали контрабандиста.

Въ непродолжительномъ времени, какъ извѣстно, произойдетъ избраніе Болгарскаго князя. Мы уже называли имена нѣкоторыхъ кандидатовъ. Теперь выступилъ новый и, можетъ быть, имѣющій много, если не болѣе всѣхъ другихъ, шансовъ въ свою пользу. Вотъ что пишутъ въ „Politische Correspondenz“

изъ Цетиньи: „Новостью дня является здѣсь формально поставленная кандидатура на болгарскій престолъ президента Черногорскаго Сената, воеводы Божидара Петровича. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе достоинъ общаго вниманія, что, какъ предполагаютъ, двоюродный братъ князя Николая выдвинутъ въ качествѣ кандидата инициативою Россіи. „Его превосходительство (титулъ, официально присвоенный теперь Божидару Петровичу) самъ высказалъ, въ разговорѣ съ однимъ вліятельнымъ иностранцемъ, о принятіи имъ рѣшенія. При этомъ глава Черногорскаго сената заявилъ, что кандидатура была предложена ему съ русской стороны еще въ Берлинѣ, во время конгресса и что онъ согласился принять ее лишь въ виду соображеній высшей важности. По его словамъ, во взглядахъ нѣкоторыхъ дворовъ произошла значительная перемѣна, вслѣдствіе которой предъ отирьскомъ дома Нѣгуша открывается блестящее будущее. Болгары, какъ увѣряетъ Божидаръ Петровичъ, и слышать не хотятъ объ избраніи князя не славянскаго происхожденія и остановили свое вниманіе на двухъ русскіхъ: на генералѣ Игнатевѣ и на князѣ Дондуковѣ-Корсаковѣ, но такъ какъ есть основаніе предполагать, что державы и, въ особенности, Порта ни въ какомъ случаѣ не согласятся утвердить избраніе русскаго, то со стороны Россіи и было возобновлено предложеніе княжескаго престола Божидару Петровичу, который успѣшилъ извѣстить болгаръ о своей готовности принять его, если избраніе состоится.“

По извѣстіямъ изъ Бухареста, занятіе Добруджи или „Трансдунайской Румыніи“, какъ румыны официально называютъ теперь эту часть своего княжества, совершилось безпрепятственно и всѣ отрасли управленія уже переданы русскими властями румынскимъ.

Съ этой стороны, такимъ образомъ, Британія, или лучше сказать, Виконсфильдъ не можетъ найдти повода къ упреку намъ въ невыполненіи Берлинскаго трактата. Ему, впрочемъ, не мало дѣла въ настоящую минуту у себя дома—къ заботамъ, вообще, объ осуществленіи его широкаго плана противъ насъ (плана, о которомъ мы говорили недавно), присоединилась новая забота—возстаніе кафровъ въ Южно-Африканскихъ владѣніяхъ Британіи (гдѣ нѣтъ владѣній у Британіи?). Подробностей еще мы не имѣемъ и пока скажемъ только, что полученныя въ Лондонѣ съ мѣса Доброй Надежды извѣстія возбуждаютъ тамъ серьезныя опасенія: ожидаютъ нападенія отъ 40 до 50 тысячъ зулусскихъ кафровъ на британскія войска, численность которыхъ не превышаетъ 2—3 тысячъ; притомъ же первыми, говорятъ, начальствуетъ опытный и искусный вождь. Въ виду всего этого пораженіе британцевъ считается почти неизбежнымъ. Что касается Афганской войны, то читателямъ уже извѣстно, что счастье снова благоприятствуетъ, пока, британскимъ „орламъ“. Согласно британскому источнику, эмиръ прислалъ отвѣтъ на ультиматумъ, и что въ отвѣтъ этомъ, будто высказываетъ доброе свое расположеніе къ напавшей на него странѣ, съ которой „Афганистанъ находится въ дружественныхъ отношеніяхъ“ (?) Въмѣстѣ съ тѣмъ, эмиръ, будто бы объявляетъ о своемъ согласіи принять небольшое временное посольство. Все это не совсѣмъ еще ясно.

Будемъ жать дальнѣйшихъ свѣдѣній по этому предмету—хотя бы и британскаго происхожденія; въ этомъ случаѣ позволимъ себѣ надѣяться на корреспондентовъ оппозиционныхъ газетъ. Оппозиція—хотя она и не помѣшаетъ ни въ чемъ Виконсфильду—дѣятельно агитируетъ противъ торійскаго министерства. Недавно собрались два большіе митинга: въ Гринчѣ, гдѣ говорилъ Гладстонъ, и въ Шордичѣ, гдѣ были произнесены рѣчи Гольмсомъ и Фоусеттомъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Эдисонъ сообщаетъ, что имъ усовершенствована машина *регулирующая токъ*, употребляемый въ электрическомъ свѣтѣ. Машина состоитъ изъ аппарата, помѣщеннаго въ каждомъ домѣ, освѣщаемомъ электричествомъ: аппаратъ этотъ обозначаетъ количество израсходованнаго электричества и расходуетъ на это одну тысячную часть изъ того количества, которое идетъ на освѣщеніе зданія. Г. Эдисонъ объявляетъ, что его изобрѣтеніе способа освѣщенія, включая и приспособленіе для воспрепятствованія потери электрическаго тока при его подразделеніи, въ настоящее время закончено. Опыты его теперь направлены къ тому, чтобы уменьшить стоимость освѣщенія. По словамъ г. Эдисона, онъ уже положительно довелъ эту стоимость гораздо ниже стоимости газа, и какъ только будетъ достигнуть минимума, онъ объявитъ о результатахъ во всеобщее свѣдѣніе.

Новая магнитная и метеорологическая обсерваторія въ Павловскѣ находится уже въ полномъ дѣйствиіи, и по всѣмъ частямъ ведутся правильныя наблюденія. Расположена она близъ посада Эгюль. Для ученыхъ дѣлеі ей служатъ три зданія, а именно: одно каменное, съ башнею, преимущественно для метеороло-

гическихъ наблюденій, другое, каменное-же съ двойнымъ сводомъ, покрытое землею, и деревянный павильонъ, построенный совершенно безъ желѣза—для магнитныхъ наблюденій. Четыре деревянныхъ строенія заняты кавалерами служащихъ и хозяйственными принадлежностями. Библиотека, пожертвованная статъ-секретаремъ Головиннымъ, вмѣстѣ съ шкапами для книгъ, вполне устроена.

Опыты электрическаго освѣщенія по системѣ Яблочкова, производившіяся 22-го ноября въ мастерскихъ Одесской желѣзной дороги въ большомъ вокзалѣ, дали блестящіе результаты: въ сто обыкновенныхъ 300 газовыхъ рожковъ было зажжено шесть электрическихъ свѣчей, висѣли замѣнившихъ собою газовое освѣщеніе. Къ сожалѣнію, отсутствіе изъ Одессы самого изобрѣтателя лишила возможности опредѣлить съ точностью, какая получится матеріальная выгода отъ замѣны газа электрическимъ свѣтомъ.

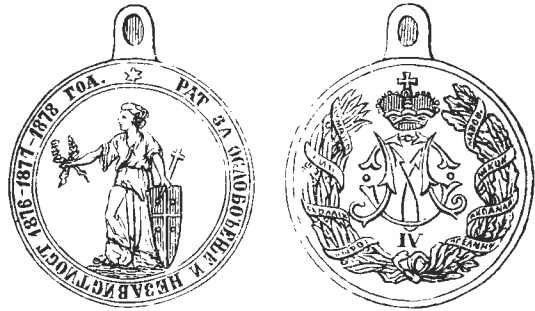
Число врачей въ Россіи, Франціи и Германіи. По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ „Врачебныхъ Вѣдомостей“, въ Россіи, въ 1878 г., насчитывается 13,217 врачей, 1208 ветеринаровъ, 375

дантистовъ, 1900 аптекъ. Слѣдовательно, приходится 1 врачъ на 1615 квадратнымъ сажень. Число врачей распределяется, по мѣстностямъ, неравномѣрно. Наиболѣе ихъ въ столицахъ, Варшавскомъ генераль-губернаторствѣ и Западномъ краѣ. Во Франціи—10,743 врача, или 1 врачъ на 3 тысячи жителей; въ распредѣленіи замѣчается та же неравномѣрность, какъ и въ нашемъ отечествѣ; такъ—значительнѣйшимъ числомъ врачей снабженъ департаментъ Сены: 1 на 1693 жителя, бѣднѣе же всѣхъ другихъ, въ этомъ отношеніи—Ронскій департаментъ, тамъ 1 врачъ приходится на 10,524 жителя. Въ Германіи—общее число врачей достигаетъ цифры 13,728 ч, изъ нихъ:

—59, Марокко и Тунисъ—154 и проч. Между Калѣ и Дувротъ, съ 1-го мая по 31 октября было 186,747 пассажировъ. Что же касается наградъ, которыя были присуждены жюри экспонентамъ различныхъ странъ, принимавшимъ участіе во всемирной выставкѣ, то онѣ распределяются слѣдующимъ образомъ по національностямъ. Самое большое число наградъ получила Франція, на долю которой, вмѣстѣ съ колоніями, пришлось 14,527 наградъ, затѣмъ, мы видимъ довольно рѣзкій переходъ отъ этой, сравнительно, значительной цифры къ другимъ, которыя идутъ, понижаясь. Такъ—2500 наградъ получила Испанія съ колоніями, 2455 наградъ—Британія съ колоніями, 1770

Русская медаль въ память войны 1877—78 гг.

Сербская медаль въ память войны 1876—78 гг.

1335 военныхъ и 12,393 гражданскихъ) и къ тому числу надо еще прибавить 1568 медикохирурговъ и 498 зубныхъ врачей. На каждые 100 квадратныхъ сажень приходится 1 врачъ, пропорциональное отношеніе врачей къ населенію выражается въ городахъ въ слѣдующихъ цифрахъ: на 10 тысячъ жителей приходится 1,54 врач., 740 и въ другихъ мѣстностяхъ—1,83.

наградъ—Австро-Венгрія, 1223—Бельгія, 1152—Италія, 804—Россия, 802—Соединенные Штаты, 698—Швейцарія, 590—Швеція и Норвегія, 472—Нидерланды съ колоніями, на долю Японіи, Китая и другихъ Азиатскихъ государствъ выпало всего 387 наградъ, Данія получила ихъ только 312, Центральная Америка—191, Греція—180 и, меньше всѣхъ, Южная Америка, получившая 102 награды.

Число посѣтителей на Парижской выставкѣ и розданныхъ экспонентамъ наградъ. Согласно официальному отчету, въ Парижѣ, во время выставки, перебивало 203,157 иностранцевъ. Нечего и говорить, что Британія дала Парижу самое большое число гостей, именно 58,916, далѣе, по порядку, слѣдуютъ Бельгія, прилавшая 28,830 посѣтителей, Германія—21,778, Италія—14 968, Сѣв.-Американ. Соедин.-Штат.—13,573, Швейцарія — 11,980, Испанія—10,004, Австро-Венгрія—8,501, Голландія—6,682, Россія—5,725, Швеція и Норвегія—2,705, Данія—1,767, Португалия—1,687, Румынія—1,442, Мексика—1,409, Бразилія—1,164, Турція—898, Греція—854, Египетъ—659, Индія—386, республики Южной Америки—717, Японія—166, Китай—81, Океанія

Москва имѣетъ въ окрестности 32 версты 32½ сажени, площадь ея равняется 64 квадратнымъ верстамъ, 1586 квадратн. саж., длина этой площади, отъ Воробьевыхъ горъ до Преображенской заставы, 11½ версты, а ширина—8½ версты; количество владѣній въ городѣ доходитъ до 17-ти тысячъ; строеній до 58 тысячъ, торговыхъ заведеній—до 20 тысячъ, улицъ 174, переулковъ 544.

Финляндскія газеты передаютъ, что около озера Эноре, въ сѣверной Лапландіи, лѣтомъ нынѣшняго года, уничтожены волками до одной трети оленей и почти всѣ ягнята.

Задача.

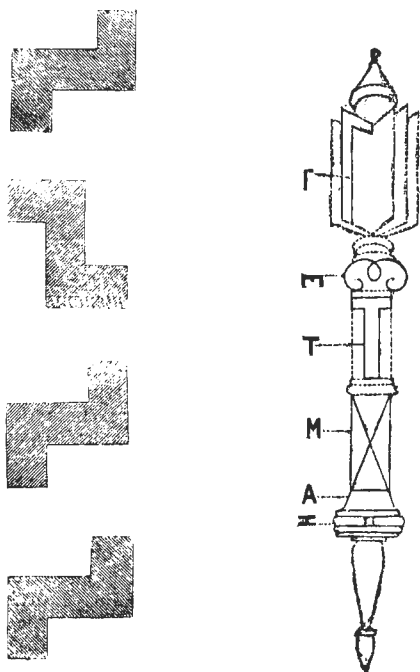
Ходъ коня на доскѣ въ сто клѣтокъ.

дой	лю	же	и	пыш	ны	ды	да	ро	кры
свѣ	зы	сѣ	лю	е	то	при	ты	ха	у
я	зы	са	но	я	я	лен	зы	по	ды
ро	л	тна	мы	кра	е	не	по	ны	нѣ
штѣ	прі	няхъ	шумъ	бе	е	гро	тоу	у	я
вѣ	мо	тво	лѣ	у	я	ра	ла	и	нис
нѣ	сѣ	тра	на	и	са	ты	вол	о	вя
е	я	са	и	солн	ло	лучъ	и	дѣ	мглой
въ ихъ	ва	щаль	пер	въ ба	ча	кій	то	да	чей
про	вы	грець	ро	въ зо	ца	нѣ	о	рѣд	о

Рѣшеніе въ слѣдующемъ № «Нивѣ».

ЗАДАЧА.

Рѣшеніе задачи въ „Нивѣ“ № 46.

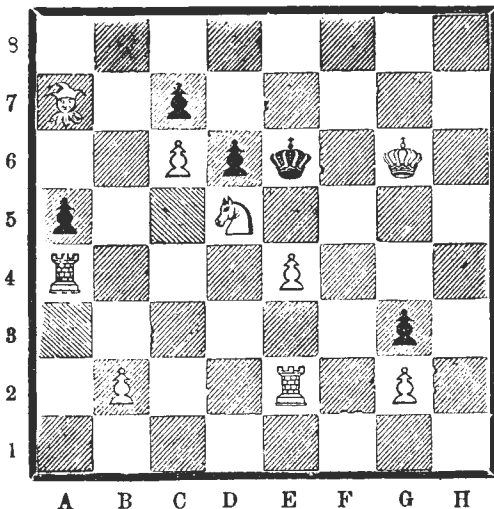

Изъ этихъ четырехъ фигуръ составляется изображеніе знамя одного изъ нашихъ благотворительныхъ учрежденій.

Гетманъ.

Шахматная задача.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе шахматной задачи, помѣщенной въ № 48 „Нивы“.

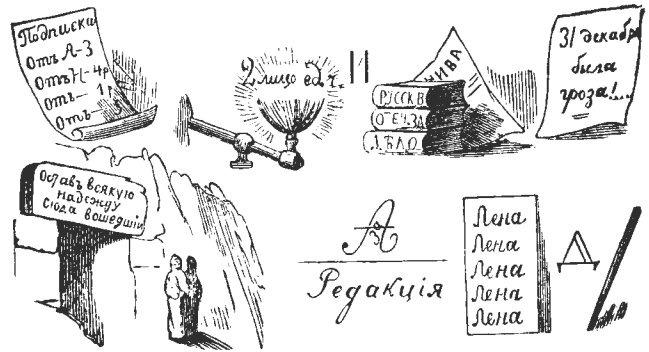
Бѣлые.

Черные

- 1) А 4—С 6
- 2) Король D 5—E 6
- 3) Король E 6—D 5
- 4) Король D 5—E 5 ††

- 1) Король F 5—F 4
- 2) ♠ 6—F 5
- 3) Корль F 4—F 3

РЕБУСЪ

ПОЧТОВЫЙ ЯЩЕКЪ.

Николаевъ Сп—му. Вы опасаетъсь, что цензуря не пропуститъ вашихъ стиховъ объ Англичанахъ. Препятствіе однако вовсе не въ этомъ, а въ томъ, что вы напръ пишете „диотрамень“, „въ подизъ“ и т. п.

Гнатскъ, Сп—нову. Рядомъ съ очень недурными стихами у васъ есть совершенно невозможные:

»Вспорхнулъ игривый мотылекъ
И говоритъ: любезный другъ
Вставай вставай скорый
Я уврачу твою недугъ
Всѣхъ лучше лекарей...“

Этотъ мотылекъ, не вѣрщій въ медицину, тоже говоритъ, довольно плоскоими стихами. Вы теперь вѣроятно читаете „Щыри“.

СОДЕРЖАНІЕ: Д. В. Григоовичъ (съ портр.) — Царь-дѣвица. Историческій романъ Вс Соловьева (окончаніе).—Лондонскіе воры (очеркъ).—Изъ поэмы письма (стихотвореніе) Н. Л.—Послѣ пожара (съ рис.) Н. Назарина. Тифонъ (съ рис.).—Дѣвушка высшаго общества XVI вѣка (съ рис.).—Взятіе Алим джиды (съ рис.).—Летучая лгуща (съ рис.).—Надземная желѣзн.я дорога въ Нью-Йоркѣ (съ рис.) Русскія и Сербскія медали въ память послѣдней войны (съ 2 рис.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Задача: ходъ коня на доскѣ въ ста кайтлахъ.—Задача.—Рѣшеніе задачи.—Шахматная задача.—Почтовый ящикъ.—Ребусъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРСЪ.

За редактора Ф. БЕРГЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

ВЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА“

продается иллюстрированный журналъ „Нива“ 1875 и 1876 года.

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ, Т. Е. ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ, СЪ ПРЕМІЯМИ

Брошурованному	Въ простомъ перепл.	Въ каленкор. перепл.
Безъ перес. 4 р.—	Безъ перес. . 4 р. 75	Безъ перес. 5 р. 50
съ перес. . 5 р. 50	съ перес. . . 6 р. 25	съ перес. . 7 р.—

Приобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25% услуги (но только съ книги, а не съ перешлета или съ пересылки).

Каждый томъ „Нивы“ заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ науки, искусствъ, современной жизни и проч. и до 700 художественно выполненныхъ рисунковъ. Помѣщенныя въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома „Нивы“ имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нему приложенныхъ безплатныхъ премій. Приложения къ „Нивѣ“ 1875 года 2 картины 1) Смерть Юлія Цезаря, картина профессора Шюоти 2) Мадонна Севильская, картина Севастіана Мурильо.—Приложения къ „Нивѣ“ 1876 года: Спящая Красавица, картина Э. Велъ, печатана масляными красками въ 20 тонахъ. № 186

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЛѢСОВОДСТВО

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ И ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

Въ 1879 г. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками каждая не менѣе 10 листовъ, а Газета еженедѣльно въ 4 д. л. большаго формата, въ 16 страницъ или 32 столбца.

Подписная цѣна: Съ пересылкою (или доставкою въ Петербургъ): На годъ: Журналъ 4 р. 50 к., Газета 3 р. 90 к. (4 р.), Журналъ съ Газетою 8 р. 15 к. (8 р. 50 к.). На полгода: Журналъ 2 р. 50 к. (2 р. 40 к.), Газета 2 р. 20 к. (2 р. 20 к.), Журналъ съ Газетою 4 р. 35 к. (4 р. 45 к.). Безъ доставки на годъ: Журналъ 4 р., Газета 3 р. Гг. иногороднымъ проситъ обращаться со своими требованіями исключительно по слѣдующему адресу: въ С.-Петербургѣ, въ редакцію журнала „Сельское Хозяйство и Лѣсоводство“ и „Земледѣльской Газеты“ (Большая Садовая, № 44. Въ самомъ Петербургѣ подписка принимается въ редакціи и въ комиссіонерствѣ „Работникъ“, при сельско-хозяйственномъ музеѣ министерства государственныхъ имуществъ (Солтаной переулокъ). № 274 1—1

КАЖДОМУ БЫТЬ МЕЛЬНИКОМЪ

посредствомъ употребленія новѣйшихъ мукомольныхъ мельницъ съ конными приводами по системѣ Вейла.

Эти новыя мукомельницы размалачиваютъ изъ пшеницы 75% муки. Сортируютъ въ три сорта, изъ нихъ первый сортъ отборная ржаная мука. Однокошная машина вымалачиваетъ 150 вѣдо въ 3 часа, двухкошная машина такое ж. количество въ 2 часа и трехкошная въ 1 часъ. Цѣны за полное устройство слѣдующія: однокошная 205 руб., двухкошная 236 руб. трехкошная 360 руб. Иллюстрированные Прейсъ-курранты безплатно.

Провозъ къ русской границѣ по желанію принимаетъ на себя Moritz Weill jun. Maschinen Fabrik, Frankfurt a/m. № 238 1—1

СЕМЬЯ И ШКОЛА
ИЛЛЮСТР. ПЕДАГОГ. ЖУРНАЛЪ
1879 г. (Годъ изданія 9-й).

(ст. 1. Семейное чтеніе (для дѣтскаго чтенія) 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 10 р.
Отд. II. „Воспитаніе и обученіе съ педагогическою хроникой“. 10 книгъ и 40 номеровъ въ годъ. Подп. ц. съ перес. 6 р.
Подписная цѣна на оба отдѣла съ перес. 12 р въ годъ.
Подписка адресуется: Въ СПб., въ контору журнала „Семья и Школа“ (Васильевск. остр., 15 д. л. № 20). № 249 10—4

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВОЕ ИЗДАНІЕ въ 4-хъ томахъ. С.-Петербургъ 1877 г., 8 д.

Сочиненія Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ I (410 стр.) Романы: Бѣглые въ Новороссіи.—Разсказы: Семейная старина: Прабабушка, Тѣнь прадыда, Бабушкинъ рай.—Украинскія сказанія. ТОМЪ II (400 стр.) Романъ: Воля (Бѣглые воротились)—Разсказы: Старосветскій маляръ, Село Сорокопановка, Феничка, Екатерина Великая на Дняпрѣ.—Томъ III (402 стр.). Романъ: Новая мѣста.—Разсказы: Бѣглый Лаврушка.—Изъ XVI вѣка: Первый выпускъ сокола, Вечеръ въ теремѣ царя Алексея Михайловича.—Четыре времени года украинской охоты, Святочная легенда.—ТОМЪ IV (440 стр.) Романъ Девятый валъ (изъ автописей женскаго монастыря).

Цѣна за четыре тома 6 р.; на пересылку по почтѣ прилагается за 5 фунт. Отдѣльно продается новое изданіе 1878 г.—„ПОТЕМКИНЪ НА ДУНАѢ“ (1790 г.) Историч. повѣсть Г. П. Данилевскаго (120 стр., 8^ю). Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА Слѣб. Васил. островъ, 2-ая линія, № 7.—Обычная уступка книгопродавцамъ и библиотекамъ.

Лица, ОБРАЩАЮЩІЯСЯ непосредственно къ АВТОРУ (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, уголъ Николаевской, домъ № 69/1, кв. № 5) ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПЛАТЯТЪ. № 425 2—2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
В. Морская 39,
Литейн. пр. 43.

ВЪ ОПТИЧЕСКОМЪ МАГАЗИНѢ
И. Е. МИЛЬКЪ.

ВИЛЬНО
Влаговѣщенская
ул. № 42^б/12

Предлагаются къ наступающему сезону: Готовальни, Угольники, Линейки, Термометры наружные, комнатные, ванныя и медицинскіе Барометры Бинокли и Метрономы.

Вновь открыта ГЛАЗНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА доктора Добровольскаго съ постоянными криватыми. На Михайловской площади, балъ Пассажа, домъ № 15 кв. 7. Приемъ больныхъ утромъ ежедневно, включая Воскресенія, отъ 9 до 11 ч., вечеромъ ежедневно отъ 6 до 8 часовъ. Для бѣдныхъ бесплатно вторникамъ и субботамъ отъ 9 до 11 часовъ. № 222 10—5

!! ДЛЯ ПОДАРКОВЪ !!

свѣд. очень эффекти. и дешев. олеографичес. картины.

- Два швейцарск. вида велич. . . . . 15—21 верш. за 8 р.
- Два то же . . . . . 13—19 " за 6 "
- Два Сиросск. вида . . . . . 11 1/2—16 " за 3 "
- Два сцены изъ жизни . . . . . 13—16 " за 5 "

въ главномъ депо всѣхъ олеографическихъ картинъ.

Писанныя и друг. картины очень дешево.

Фабрика рамъ и зол. орѣхъ и черн. багетовъ. Вставленіе въ рамы (премій) картинъ всякаго рода.

Э. Г. Дезлеръ

Угловой магазинъ (Гороховой и Мойки) у Краснаго моста. № 276 1—1

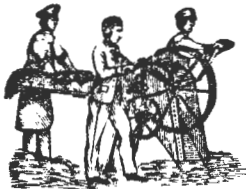
ИЗВѢСТНЫЯ МОЛОТИЛКИ ПО СИСТЕМѢ ВЕЙЛА.

МОРИЦЪ ВЕЙЛЬ младшій

Маш. строительный заводъ

въ Франкфуртѣ ^{н/о} въ Германіи

поставляетъ, по желанію франкировано изъ-за границы на первыя станціи русскихъ жел. дорогъ.

Ручныя молотилки по цѣнѣ отъ 98 руб.

Молотилки съ конными приводами

для 1 и 2-хъ лошадей по цѣнѣ машины отъ 220 руб.

Молотилки съ конными приводами

для 2, 4 и 6 лошадей, съ самодействующимъ щипательнымъ аппаратомъ или безъ оного, готовыя со всѣми принадлежностями къ уюгребленію. Иллюстр. каталоги по желанію бесплатно и франкир. № 223

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ВЪ МАГАЗИНАХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ Л. КАСТИЛЬОНЪ

С.-Петербургъ Б. Морская № 16, д. Елисева.
Москва, Кузнецкій мостъ д. Фирсанова № 68—11.

Только что полученная со Всемирной Парижской Выставки.

Новоизобрѣтенная американская машина для дѣланія бахромы изъ шелковыхъ и другихъ тканей. № 232 5—5

- Цѣна съ мѣдной платформой . . . . . 7 р.
- " " съ висеребреной . . . . . 8 "

ТОВАРИЩЕСТВО ЗАВЕДЕНІЯ МЕТАХРОМОТИПИ.

имѣетъ въ большомъ количествѣ: лицевыя иконописныя святцы, образа дванадцатыхъ праздниковъ, иконы святыхъ угодниковъ, плащаницы, хоругви, запрестольныя кресты и т. д. Принимаетъ заказы на иконостаы постоянныя и походныя, на живописныя мѣстные образы, на всѣ церковныя принадлежности и на изготовленіе самыхъ точныхъ копій масляными красками съ оригинальныхъ изображеній.

КАРТИНЫ

по священной исторіи ветхаго и новаго завета, (изданія Ракоціи Сидорскій и К. составленыя согласно съ программами начальныхъ школъ и среднихъ учебныхъ заведеній, одобрены и рекомендованы Учебнымъ Комитетомъ Святѣйшаго Синода и Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, преимущественно предъ всѣми прочими изданіями, во всѣ учебныя заведенія какъ духовнаго, такъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ.)
Цѣна полной коллекціи въ 50 картинъ (размѣръ каждой картины 13—9 вершковъ) раскрашенныхъ акварелью—26 р., на слоной бумагѣ въ тонахъ—16 р., на бѣлой бумагѣ въ тонахъ—12 р., на полубѣлой бумагѣ безъ тоновъ—7 р. 50 к.

Тѣ же самыя картины изданія И. П. Сидорскаго, испавленные и дополненыя согласно указаніямъ высказанныхъ комитетовъ, отпечатанныя на слоной бумагѣ въ цвѣтныхъ тонахъ, продаются полною коллекціею въ 50 карт. (размѣромъ каждая картина въ 10—15 дюймовъ) по 13 р. раскрашенныя акварелью и по 7 р. за экземп. на слоной бумагѣ въ цвѣтныхъ тонахъ. Картины эти—по удобному размѣру и роскошному изданію могутъ служить лучшимъ подаркомъ для дѣтей въ каждомъ семействѣ, Земствамъ, выписывающимъ картины для народныхъ школъ не единичными экземплярами—дѣлается уступка.

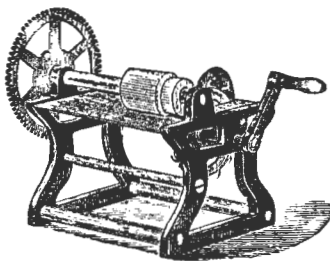
Текстъ къ картинамъ въ 3-хъ частяхъ: Руководство для законоучителей—1 р. 10 к. съ пересылкой 1 р. 35 к.

Святцы и картины можно получать исключительно въ СПВ. Троицкій пер. № 27 въ заведеніи Товарищества Метахромотиписи Ракоціи, Сидорскій и К'.

ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

- Взятіе штурмомъ Гривацкаго редута при Шлевѣ 4 р. — к.
  - Вагословленіе русской арміи на смотрѣ въ Кишиневѣ. (19 верш. длины 1 1/2 верш. вышины.) Содержитъ портреты Е. И. В. Государя Императора и многихъ другихъ генераловъ 7 р. — к.
  - Сдача Шлевны. (13 1/2 верш. длины, 10 3/4 верш. вышины.) Османъ Паша сдается въ плѣвъ Е. И. В. Великому князю Николаю Николаевича. 3 р. 50 к.
  - Князь Никита Черногорскій при благословленіи знаменъ идущихъ въ походъ баталионовъ. (13 1/2 верш. длины, 10 3/4 верш. вышины.) 3 р. — к.
  - Князь Миланъ при отъѣздѣ въ армію. (14 1/2 верш. длины 10 1/2 верш. вышины.) 3 р. — к.
  - Борьба за Шиплинскій проходъ. (11 1/4 верш. длины, 8 3/4 верш. вышины.) 1 р. 25 к.
  - За пересылку одной картины 75 коп., за пересылку 2—6 картинъ 1р.
- Продаются въ книжномъ магазинѣ А. Гауза въ Рязѣ. № 273 1—1

НОВОСТЬ ДЛЯ ПОРТНЫХЪ, МОДИСТОКЪ И ДЛЯ ДОМАШНЯГО УПОТРЕБЛЕНІЯ.

ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ МАШИНА

ЛИНКОЛЬНА

для дѣланія бахромы-плюмажъ изъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій.

ФИЛИПСЪ И КОМП. ПРОВИДЕНСЪ, РОДЪ-ЭЙЛЕНЪ.

Сдѣланная бахрама плюмажъ изъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій.

Эта вновь изобрѣтенная машина замѣчательна по своей простой конструкціи и дѣлаетъ съ величайшей скоростью бахрому какой угодно ширины на шелковыхъ и шерстяныхъ матеріяхъ. Она выдерживаетъ бахрому на обоихъ краяхъ отграванной полосы и затѣмъ закладываетъ эту бахрому—плюмажъ въ видѣ шу, монъе, раковинъ и трубочекъ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ МАШИНЪ для Россіи ЛИНКОЛЬНЪ находится въ магазинѣ Американскихъ швейныхъ машинъ Мануф. Комп. „ДЕВИСЪ“.

ГОРОХОВАЯ УЛ., д. № 17, ВХОДЪ СЪ МОЙКИ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР. № 60 ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

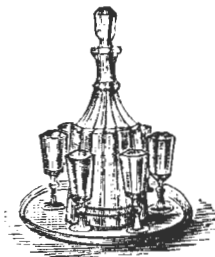
АЛЬБОМЪ ЗАБАЛКАНСКАГО ПОХОДА 1877—78 гг.

Полное собраніе снимковъ походной фотোগрафіи А. Д. Иванова, альбомъ состоитъ изъ видовъ, типовъ, портретовъ и группъ разныхъ частей войскъ—цѣна въ роскошномъ переплетѣ 300 руб. отдѣльно снимки отъ 1 рул. до 5 руб. Подробный каталогъ высылается по требованію. № 246 6—4

НОВОСТЫ! ИЗЯЩНЫЙ АППАРАТЪ НОВОСТЫ!

для точнаго копирования рисунковъ, фотোগрафій, акварелей и пр. безъ малѣйшей подготовки. Особенно полезно для дѣтей. Цѣна (съ приложеніемъ Новаго способа умноженія посредствомъ сложенія) 1 р. съ перес. 2 р. Адресъ: въ Бюро объявленій, Невскій пр. № 4 г. Эргенсъ въ С.-Петербургѣ. № 264 4—2

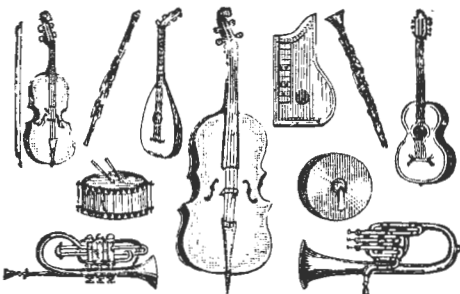
Магазинъ бывшій Штанге. Б. Морская, № 34. Умывальныя приборы, столовыя сервизы, Богемскій и фран-

цузскій хрусталь, Ванны, ватерклозеты, Мѣдная и безопасная фр. желѣзная посуда, Самовары по- жи и проч.

Нижнее отдѣленіе. № 266

ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ ЮЛІА ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА по Большой Морской ул., д. № 42, въ С.-Петербургѣ

рекомендуетъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ оптикъ и въ розницу:

СКРИПКИ, смычки, альты, виолончели, басы, цитры, ГИТАРЫ, мандолины, КОРНЕТЬ-А-Пистонъ, ФЛЕЙТЫ, кларнеты, барабаны, музыкальныя ящики, шарманки, гармоны, гармоны-флейты, англійскія и нѣмецкія концертныя, СВѢТІЯ ИТАЛЬЯНСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ СТРУНЫ, и всѣ принадлежности. Приемъ въ починку.

Заказы изъ провинціи исполняются аккуратно и немедленно. Прейсъ-курранты безплатно. № 267 6—2

!!! ПОДАРОКЪ КЪ РОЖДЕСТВУ !!!

НОВАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КНИГА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

„ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЖЕНЩИНЪ.“

Сборникъ биографій, рисующихъ юношеству идеалы женствъ, представляющихъ примѣры самоотверженнаго милосердія, высокаго самопожертвованія, готовности отдать жизнь за спасеніе отечества, типы преданныхъ супруговъ, жертвовавшихъ своимъ счастьемъ честнымъ убѣжденіемъ мужа, примѣры успѣшной дѣятельности женщинъ въ области художества и литературы, вліаніе ихъ на умственную и нравственную жизнь представителей современной интеллигенціи и наконецъ біографіи женщинъ, стоящихъ весьма высоко на поприщѣ служенія страждущему человечеству. До сихъ поръ въ нашей литературѣ не было подобнаго книгъ, не смотря на ихъ явную пользу и необходимость.

ЦѢНА 1 р. 25 коп.

Покупающіе болѣе десяти экземпляровъ, пользуются уступкою. Получать можно у главныхъ книгопродавцевъ С.-Петербурга. Главнй складъ для Петербурга—въ типографіи Л. Бермана и Г. Рабиновича (Измайловск. пр. д. 7, кв. 12), для Москвы—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова. № 272 1—1

1879.

НОВОЕ ХРОМОЛИТОГРАФИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

1879.

СВѢТЪ и ТѢНИ

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КАРРИКАТУРНЫЙ.

Успѣхъ предлагаемаго изданія, успѣхъ, вынудившій редакцію, еще задолго до окончанія полнаго подписнаго года, заявить о прекращеніи приѣма подписки, за распродажей всѣхъ, заготовленныхъ въ количествѣ **пяти тысячъ**, экземпляровъ, служить лучшимъ выразителемъ общественнаго мнѣнія, какъ относительно его достоинствъ, такъ и той добросовѣстности, съ которой редакція, не смотря на множество, встрѣтившихся на первыхъ порахъ, затрудненій, старалась выполнять все принятыя ею на себя обязательства.

Примѣчаніе. Главное изъ этихъ затрудненій—неприспособленность даже лучшихъ московскихъ литографій къ исполненію тонкихъ художественныхъ работъ—устранено тѣмъ, что редакція нашла возможнымъ выписать изъ заграницы машины послѣднихъ конструкций и открыть при Главной Конторѣ собственныя **хромолитографическое и типографское** заведенія, въ которыхъ съ **15 ноября** этого года и будутъ производиться **все работы по журналу.**

Въ 25-ти выпускахъ, вышедшихъ въ теченіи первыхъ 6-ти мѣсяцевъ существованія журнала „Свѣтъ и Тѣни“: было помѣщено:

1) **Сто** страницъ бол. форм. каррикатуръ и рисунковъ, принадлежащихъ карандашу такихъ извѣстныхъ художниковъ, какъ академики—**К. А. Трутовскій, А. К. Соврасовъ**, каррикатуристы—**Н. А. Богдановъ, П. И. Клингъ, М. А. Виноградовъ**, и др.—2) **Около пятидесяти** отдѣльныхъ, оригинальныхъ и фотогравюрныхъ картинъ (портретовъ, бытовыхъ сценъ, эскизовъ, видовъ замѣчательныхъ мѣстностей, копій съ произведеній великихъ художниковъ и пр.).—3) **Шесть** ежемѣсячныхъ премій—большихъ (около 3/4 арш. дл. и 9-ти верск. вып.) фотогравюръ, и, наконецъ, 4) Литературныя приложенія, въ которыя вошли: **два** большихъ оригинальныхъ романа (Историческій „Драма на Лубянкѣ“, и изъ уголовной хроники новыхъ судовъ—„Глухою ночью“). Знаменитая поэма Кольриджа, „**Пѣнь стараго моряка**“ иллюстрированная 12-ю большими рисунками **Густава Дорэ**; множество рассказовъ, повѣстей, стихотвореній, юмористическихъ сценъ, фельетоновъ, очерковъ изъ жизни замѣчательныхъ людей, біографій, исторій происхожденія различныхъ игръ, забавъ и обычаевъ, художественныхъ и театральныхъ обозрѣній и проч.

Если ко всему сказанному прибавить, что большая часть поименованныхъ картинъ, каррикатуръ и рисунковъ,—составляющихъ только половину того, что войдетъ въ полное годовое изданіе,—были иллюминированы красками и, что кромѣ того все гг. годовые подписчики получаютъ еще безплатную годовую премию—**большую олеографическую картину**,—то успѣхъ журнала сдѣлается понятенъ каждому.

Примѣчаніе. Для подписчиковъ 1879 года въ видѣ такой премии редакція предполагаетъ выдать олеографическую, сдѣланную въ натуральную величину (около 2-хъ дл. и 1 арш. вып.) копію съ послѣдней, надѣлавшей столько шума, картины академика **К. А. Трутовскаго**: „**Ночь на Ивана Купала въ Молороссіи**“. Премія 1878 г.—„**На медвѣжьей охотѣ**“ (бол. олеографія, отпечатанная въ 28 красокъ) будетъ въ 1-хъ числахъ Декабря наст. года получена изъ заграницы, гдѣ она изготовляется, и немедленно разослана всѣмъ гг. годовымъ подписчикамъ.

Съ января мѣсяца 1879 года редакція, параллельно съ изданіемъ журнала „Свѣтъ и Тѣни“ намѣрена издавать и другое, освобожденное отъ преварительной цензуры и располагающее самой широкой программой, ежемѣсячные изданія:

МІРСКОЙ ТОЛКЪ,

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ,

главной задачей котораго будетъ—отвѣчать на все тѣ вопросы, на которые не въ состояніи отвѣтить журналъ „Свѣтъ и Тѣни“, чтобы, такимъ образомъ, за сравнительно ничтожную подписную плату (12 р.—за оба изданія) дать возможность, необладающему излишними средствами читателю, замѣнить ими—и ежедневную политическую газету, и литературный сборникъ, и художественно-иллюстрированное изданіе и даже журналъ каррикатурный и юмористическій.

Согласно съ этой задачей, „Мірской толкъ“ будетъ также, какъ и „Свѣтъ и Тѣни“, выходить ежемѣсячными выпусками (50 №№—въ годъ), въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, по слѣдующей программѣ:

1) Статьи, извѣстія и обозрѣнія по предметамъ и явленіямъ внутренней жизни; правительственныя распоряженія и узаконенія. 2) Статьи, извѣстія и обозрѣнія по предметамъ внѣшней политики. 3) Беллетристика—оригинальные и переводные романы, повѣсти, драмы, комедіи, путешествія, юмористическіе рассказы, сцены и стихотворенія.—4) Театръ и музыка.—5) Новѣйшія открытія и изобрѣтенія.—6) Очерки изъ исторіи искусствъ и словесности.—7) Критика и бібліографія.—8) Фельетоны.—9) Корреспонденція, русскія и заграничныя.—10) Судебная хроника.—11) Смѣсь.—12) Почтовый ящикъ и отвѣты редакціи.—13) Справочный Листокъ.—14) Частныя и казенныя объявленія.

Въ случаѣ возникновенія какихъ-либо новыхъ, особенно важныхъ, политическихъ событій, все гг. подписавшіяся на журналъ „Мірской толкъ“, кромѣ ежемѣсячныхъ выпусковъ, будутъ безплатно (съ прибавкою, впрочемъ, 1 р. 20 к. почтовыхъ расходовъ) въ теченіи всего года получать **ежедневныя приложенія**, заключающія въ себѣ: телеграфныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій и все послѣднія политическія новости, сообщаемыя въ лучшихъ, русскихъ такъ иностранныхъ газетахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ОБА ИЗДАНІЯ.

На журналъ „СВѢТЪ и ТѢНИ“

На журналъ „МІРСКОЙ ТОЛКЪ“

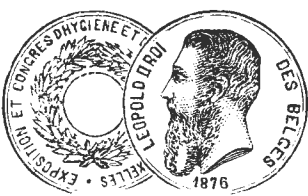
На годъ съ дост. и пересылкой . . . . . 9 р.
„ 1/2 года „ „ „ . . . . . 6 „

На годъ съ дост. и пересылкой . . . . . 7 р.
„ 1/2 года „ „ „ . . . . . 4 „

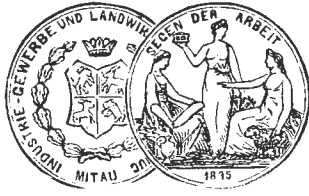
Лица, подписавшіяся на оба изданія, вмѣсто 16-ти, платятъ всего только 12 р. за полное годовое изданіе и 7 р.—при подпискѣ на 6-ть мѣсяцевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ 1) **Еъ Москвѣ:** въ Главной Конторѣ редакціи (Срътенка, д. Шагасва) а также и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. 2) **Въ Петербургѣ:** При книжномъ маг. О. И. Бажста. 3) **Въ Казани** При книжномъ маг. „Восточная Лира“. 4) **Въ Одессѣ:** Въ собств. отд. конторы (Дербисовская ул. д. княгини Ду-Санъ Лор-ницо). 5) **Въ Парижѣ:** Въ Генеральномъ Агенствѣ редакціи (Rue Lafayette, 142).

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ требованіями исключительно въ Главную Контору редакцій журналовъ „Мірской Толкъ“ и „Свѣтъ и Тѣни“.

Брюссель 1876 г.

Митавы 1875 г.

Париж 1878 г.

Филадельфия 1876 г.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ

С-Петербургъ. На углу Троицкаго и Графскаго пер. д. № 11—3.

Основана въ 1873 году. Многія пособия одобрены Комиссіей Педагогическаго Музея.

Удостоена серебряной медали на Парижской всемирной выставкѣ 1878 г.

ПРЕДЛАГАЕТЪ

ИГРЫ И ЗАНЯТІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ, СОБСТВЕННОГО ИЗДАНІЯ:

Маленькій рыбакъ. Въ изящной коробкѣ находятся 12 раскрашенныхъ рыбокъ разныхъ породъ, двѣ складныя удочки, бумажное озерко, съ въ снадугами и названіями рыбокъ и объясненіе. Игра напоминаетъ игру въ бирюльки и по легкости въ ней пригодна для дѣтей отъ 5 лѣтъ. (Упак. 20 к. пер. 2 ф.) . . . 1 р.

Ита ская головоломка съ рисунками (упак. 20 к. пер. 2 ф.) . . . 60 к.

Цѣпные звѣздки. Игра состоитъ въ выкалываніи разныхъ рисунковъ и буквъ изъ дощечекъ съ помощью цѣпныхъ костяныхъ гвоздиковъ (упак. 40 к. пер. 5 ф.) 2 р.

Мозаика на кубикахъ. (Упак. 40 к. перес. 6 ф.) . . . 2 р. 25 к.

Метаморфозы буквъ (упак. 20 к. перес. 2 ф.) . . . 30—50 к.

Переводныя картинны. въ красивой коробкѣ съ улькомъ, кистью, губкой и ланкомъ (упак. 20 к. перес. 2 ф.) . . . 50 к.

Настоящіе кирпичики и полукирпичики за 100 (упак. 25 к. перес. 5 ф.) . 50 и 60 к.

Домашній музей. Шкафчикъ съ отдѣленіями для собранія различныхъ предметовъ, попадающихся въ домашнемъ быту, классифицированіе ихъ и составленіе изъ нихъ коллекцій для предметныхъ уроковъ съ каталогомъ ярлычковъ отъ 1 р. 50 к.

Агонъ или стража королевы. Шахматная игра по трудности средняя между шахматами и шахматами (упак. 30 к. пер. 5 ф.) . . . 1 р. 25 к.

Иллюминаторъ. Матеріалъ и инструменты для дѣланія фонарей, на 100 штукъ : р. 80 к., на 50 штукъ (упак. 50 к. пер. 10 ф.) . . . 2 р. 20 к.

Тоже съ большимъ наборомъ, на 150 фонарей (упак. 60 к. пер. 15 ф.) 4 р. 40 к.

Настоящій часовщикъ. Вся части стѣнныхъ часовъ съ гирею и необходимыми инструментами для сборки, которая легко производится при помощи рисунковъ и объяснительной брошюры (упак. 40 к. перес. 12 ф.) . . . 4 р.

Работы изъ струнень. съ матеріаломъ, инструментами, объясненіемъ, рисунками и образцомъ (упак. 40 к. перес. 5 ф.) . . . 1 р. 60 к.

Коробочникъ. Матеріалъ и инструменты для работы коробокъ, съ объясненіемъ и рисунками (упак. 60 к. перес. 10 ф.) . . . 3 р.

Коробочникъ большая коробка (упак. 80 к. перес. 18 ф.) . . . 7 р. 50 к.

Маленькій переплетчикъ, инструментъ, приборы и брошюра для переплетнаго ремесла (упак. 1 р. перес. 45 ф.) . . . 12 р.

Строитель изъ настоящихъ кирпичиковъ. Матеріалъ, инструментъ, рисунки и объясненіе для построекъ изъ кирпичиковъ (упак. 50 к. пер. 30 ф.) . . . 6 р.

Тоже, меньшая коробка (упак. 45 к. перес. 20 ф.) . . . 3 р.

Работы изъ проволоки, съ объясненіемъ и рисунка. (уп. 40 к. пер. 18 ф.) 4 р. 50 к.

Нестяжничъ, приборы и матеріалъ для работъ изъ жести. Съ каталогомъ приложенъ лекала и объясненіе (упак. 50 к. перес. 20 ф.) . . . 4 р. 80 к.

Рельефныя картинны животныхъ съ описаніемъ, составленнымъ подъ редакціей доктора зоологіи О. А. Гримма (упак. 25 к. пер. 6 ф.) . . . 4 р. и 4 р. 50 к.

Изнаніе состоитъ изъ 463 рельефныхъ, хромированныхъ и выгравированныхъ на графиню картинокъ представителей типовъ животныхъ. Картинки эти дѣти сами выкладываютъ въ текстъ, получая такимъ образомъ зоологическій атласъ.

Числовой коврикъ, подвижная игра для упражненія въ счисленіи, съ объясненіемъ (упак. 30 к. перес. 5 ф.) . . . 1 р. 25 к.

Игра въ шары. Она замѣняетъ катанье яицъ и занимательна какъ для маленькихъ, такъ и для болѣе взрослыхъ дѣтей, съ объясненіемъ для девяти игръ (упак. 40 к. перес. 6 ф.) . . . 1 р. 40 к.

Биллиардъ съ каткомъ. Въ большой коробкѣ находится шесть бѣлыхъ и два красныя шара, складной бортъ изъ двѣнадцати кусковъ, четверо воротъ съ суконными занавѣсками, замѣняющіе лузы, катокъ вмѣсто кія и объясненіе съ рисункомъ. Играть можно на полу или на столѣ (упак. 50 к. пер. 12 ф.) 2 р. 60 к.

Большой биллиардъ съ двумя катками и двумя маяками. Игра сходна съ предыдущей и производится на полу (упак. 1 р. перес. 35 ф.) . . . 10 р.

Бомъ, народная итальянская игра, приспособленная для комнаты, съ объясненіемъ и планами (упак. 30 к. пер. 5 ф.) . . . 2 р.

Шарикъ странникъ. Игра имѣетъ значеніе гимнастики: на большомъ тѣлесномъ полѣ находится 4 лузы и деревянный шарикъ на ниткѣ; въ краяхъ прикрѣплены палки, двѣя которыми, играющій можетъ загнать шарикъ въ лузу противника, что требуетъ ловкости и усиленныхъ движеній (упак. 40 к. пер. 8 ф.) 2 р. 40 к. и 3 р.

Американская игра въ склады съ азбукой и сборникомъ въ 600 словъ, трудныхъ для правописанія (упак. 40 к. перес. 6 ф.) . . . 1 р. 50 к.

Тоже съ 2 триглицными досками (упак. 20 к. перес. 3 ф.) . . . 80 к.

Гимнастика коновсого троса, хорошей работы въ 4 предмета: трапеція, шведская лѣстница, кольца и канатъ съ рѣвками (упак. 80 к. перес. 30 ф.) . . . 6 р.

Въ 6 предметовъ, крокъ четырехъ, вышеноказанныхъ, прибавленія: трапъ и овѣснй гладкій ванатъ (упак. 1 р. перес. 40 ф.) . . . 10 р.

Бумажный истребъ, подымающійся болѣе чѣмъ на 1000 фут. за вѣз. 40 к. за 12 штукъ (упак. 40 к. пер. 8 ф.) . . . 3 р.

Къ наступающему Рождеству поступятъ въ продажу нѣсколько новыхъ изданій мастерской.

ВЪ МАСТЕРСКОЙ НАХОДИТСЯ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ, КАКЪ ИНОСТРАННЫХЪ, ТАКЪ И РУССКИХЪ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ. При мастерской отдѣленіе конторы иллюстрированнаго журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ 12 книгъ, безъ пер. 5 р., съ перес. 5 р. 75 к.

СПРАВОЧНЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА 8-МИ КОП. ПОЧТОВУЮ МАРКУ.

Продажа оптомъ и въ розницу.

ДОЛЪ ВОСПИТАНІЯ СИРОТЪ УБИТЫХЪ ВОИНОВЪ.

Основанъ въ Москвѣ Обществомъ поощренія трудолюбія и имѣть дѣлю воспитывать и доставлять средства къ образованію сиротамъ женскаго пола, оставшимся послѣ отцъ— и братьевъ—перевъ, убитыхъ въ войнѣ 1871—78 годовъ.

Дѣти принимаются въ возрастѣ отъ 6 до 12 лѣтъ на полное содержаніе; на средства она посѣщаютъ женскія гимназіи, по окончаніи курса кончатъ Политехническое дома, въ отрывъ она во время гимназическаго обученія получаютъ помѣщеніе и содержаніе, аботится о приснаніи имъ занятій. Въ настоящее время въ домѣ воспитывается двадцать сиротъ, но помѣщеніе позволяетъ увеличить число это до шестидесяти, если будутъ для сего достаточныя средства. Стипендіяки различныхъ учрежденій, благотворительныхъ обществъ, городскихъ, всѣмъ ихъ и словенныхъ управъ, а также частныхъ имъ, принимаются за годовую плату въ сто пятьдесятъ рублей.

Всякое пожертвованіе принимается съ признательностью и въ полученіи онаго выдается квитанція. Пожертвованія эти не только подерживаются благосостояніемъ учрежденія, а мнѣющаго отнесено пожеланіе дѣлать нашихъ героевъ, но и обезпечивается го будущность.

Пожертвованія слѣдуетъ адресовать въ Москву, Зачатьевскій переулокъ, домъ воспитанія сиротъ, сотруднику Алексѣю Павловичу Кутузову.

Лица, желающія ближе ознакомиться съ этимъ учрежденіемъ, могутъ получать въ свободныя имъ свидѣнія отъ Начальницы дома. № 277.

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ. БУКВЫ-КАРТИНКИ.

Пособіе при обученіи грамотѣ по мысли Ф. Резенера, рисоваль художникъ В. С) Шпаянъ. Въ изящной коробкѣ, наклеены на 36 картон. таблци, (каждая 8 в. першк.) съ крупн. буквами на обратн. сторонѣ, съ подробн. объясненіемъ, Ц. 1 руб. упак. 10 коп. пер. за 4 ефут.— Въ листахъ: 2 лис. картин. и 2 л. буквъ, съ объяс. Ц. 40 к. перес. подъ бандерол. за 1 ефут.

Это совершенно новое и оригинальное по мысли изданіе не слѣдуетъ сѣивать съ обыкновенн старин. картинками съ азбукой, гдѣ Фемидѣ Орелѣ прибра- ны для буквъ Ф. и т. п. Цель этого изданія дѣйствительно облегчатъ „горькіе корни“ ученія и оч. трудное запоминаніе начертаній буквъ. Каждая буква въ этомъ изданіи представляетъ картинку и такимъ образомъ, связываетъ представленіе о ефуръ буквы съ еяг предмета, начинающагося съ этой буквы, напр. З съ еяг. змѣя, С—серпа, О—обруча и т. д.—Новая книга для лѣтъ отъ 7—10 лѣтъ: „Замѣчательный работничъ“ жизнь башмачника— натурали та Томаса Эдварда. Со мног. картин. въ текстѣ. Изданъ по Смайльсу А. Н. Канавевъ. Ц. 60 к. въ красн. перел. 1 руб. пер. за 1 ф. Складъ изданій въ „С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ“ Троицкй пер., д. № 11—3.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П.Бургѣ. Б. Морская, д. № 9.

МИЛЬТОНЪ

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ

РАЙ.

Съ картинками ГУСТАВА ДОРЭ.

Переводъ А. Шульговской

изданіе на фоліо.

съ подстрочными Англійск. текстомъ.

Цѣна:

въ прост. каленкор. перел. 25 р.

съ перес. въ ящикѣ . . . 30 р.

въ красивомъ полнаур. п. съ

зол. обр. въ футлярѣ . . . 30 р.

съ перес. въ ящикѣ . . . 35 р.

Изданіе классическихъ авторовъ въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ. Такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасныя, не утрачившія своей прелести въ теченіи вѣковъ, страницы. Предпринимая это изданіе, Издатель не жалѣлъ ни труда ни времени, чтобы придать знаменитому творенію Милтона, соединенному съ превосходными рисунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, заграничными изданіями, очень дешева. Для подарковъ на Елку, это изданіе, по своему красивому и очень богатому переплету, исполненному по рис. Н. Панови, будетъ весьма удобно.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

№ 51

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 18 Декабря 1878 г. (отъ 30 до 40 рс.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ «Нивѣ» принимаются по 25 и за строку попарейль (въ 1/4 ширины страницъ).

КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1879 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Просимъ гг. иногородныхъ подписч. незамедлитель возобновленіе подписки, во избѣжаніе остановки въ получении журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе 26,500 печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургъ 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ н. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи . . . . . 6 „

КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при «Нивѣ» объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи, неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

Подписка на 1878 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

А. Н. Сибиряковъ и его пароходъ „Лена“.

Если избитая фраза: „мы мало знаемъ свое отечество“, еще до сихъ поръ, къ сожалѣнію, справедлива во многихъ отношеніяхъ, то, въ особенности, она довольно вѣрно характеризуетъ сумму свѣдѣній, которыми мы обладаемъ о Сибирскомъ морѣ. При мысли объ этомъ морѣ, омывающемъ сѣверное побережье одной изъ обширѣйшихъ и богатѣйшихъ частей нашей родины, воображеніе рисуетъ какую-то картину изъ Дантова Ада: намъ представляется вѣчная ночь. Сквозь мракъ ея проглядываютъ гигантски-чудовищныя очертанія ледяныхъ массъ. Медленно и важно повскачиваются онѣ на черно-сизыхъ волнахъ, поднятыхъ налетѣвшимъ съ ревомъ и свистомъ — бурнымъ. Отъ времени до времени, загорается, на необъятномъ горизонтѣ, сѣверное сіяніе и, играя блѣдными лучами, бросаетъ свой слабый свѣтъ на полную безжизненнаго движенія картину. Сіяніе потухаетъ и снова все погружается во мракъ и слышится лишь ревъ бушующаго полуночнаго моря... Карти-

А. Н. Сибиряковъ, устроитель экспедиціи для открытія морскаго пути въ Сибирь. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

на эта, отчасти, вѣрна— въ декоративномъ отношеніи. Тамъ, дѣйствительно, есть и сѣверное сіяніе, и чудовищные льды и частые буруны, но— вмѣстѣ съ тѣмъ—также было и есть не одно, какъ мы выразились, „безжизненное“, а и вполне одушевленное, людское движеніе. Съ давнихъ уже поръ, отважные люди торговаго и мореходнаго дѣла пускались въ это море, плавали въ немъ. Въ 1553 г. направилась туда изъ Британіи, съ цѣлью открытія морскаго пути между Европой и Китаемъ, весьма значительная экспедиція, состоявшая подъ начальствомъ сэра Гуго Уиллоубэ и Ричарда Ченслера, изъ четырехъ кораблей: „Бона Эсперанца“, Эдуардъ Бонавентура“, „Конфиденція“ и „Филиппъ и Марія“. Экспедиція не могла, конечно, въ тогдашнее время, выполнить подобной задачи, но оказала большую заслугу, открывъ остальной Европѣ путь въ Бѣлое море и положивъ, тѣмъ, начало новой эры какъ для британо-русской, такъ и для всемірной торговли. Эта первая попытка окончи-

лась, однако, самым несчастным образом: сэр Уиллоубэ и весь экипаж погибли во время зимовья на Колском полуострове, а корабли потерпели крушение. Но—русским не учатся отваге у иноземцев. Если у берегов Блага моря наши гибель себя четыре больших, хорошо вооруженных и снаряженных корабля, то наши соотечественники, первые поселенцы (в XVI столетии) Мурманского берега (Мурманским морем называется на старинных картах море между Колой и Новой Землей) не боялись плавать, на простых ладьях, по Карскому морю и, даже, заходили в Обь и Енисей. Такъ, в 1595 г., когда северные моря наши посетила голландская экспедиция, то начальствовавшему ею, адмиралу Наю, во время стоянки у острова Вайгача, встречные промышленники передавали, что, ежегодно из Холмогорь, несколько ладей ходят в Обь и, далее, в Енисей, с сунами и другими товарами. Что же касается иностранных экспедиций (британских и голландских), появившихся здесь, с целью отыскать путь в Индию и Китай—то ни одна из них не доходила до Оби.

Плавание по Оби, Енисею, вдоль морского берега Сибири, по Ленѣ и отъ этой рѣки къ Берингову проливу, в различное время предпринималось какъ по инициативѣ нашего правительства, такъ и по почину частныхъ лицъ, задававшихся, преимущественно, торговыми целями. Систематическое же, правильное изслѣдованіе плаванія по первымъ двумъ рѣкамъ относится только къ прошлому столѣтію, когда, (по предначертаніямъ Петра Великаго) было совершенно несколько специальныхъ экспедицій по разнымъ путямъ вдоль северныхъ береговъ Сибири, в теченіи 1733—1743 гг. Въ этотъ промежутокъ времени, на С. Двинѣ, Оби, Енисеѣ, Ленѣ строились суда, на которыхъ морские офицеры пускались в Ледовитый океанъ, дабы отъ рѣки до рѣки прослѣдить береговую черту океана и, если возможно, открыть морское сообщеніе этихъ рѣкъ съ остальнымъ міромъ, цель состоявшая в томъ, чтобы проникнуть в Обь и Енисей, со стороны Оби и Енисея, была достигнута. Въ 1737 г., лейтенанты Малыгинъ и Скуратовъ, на небольшихъ ботахъ, снаряженныхъ в Архангельскѣ, послѣ трехъ попытокъ, вошли в Обь и поднялись до Березова, а лейтенантъ Овцынъ и штурманъ Кошелевъ, на судахъ, построенныхъ на Оби, вошли в Енисей и поднялись почти до Туруханска. Экспедиція же отъ Лены, далѣе къ Востоку, имѣла исходнымъ пунктомъ расположенный на этой рѣкѣ г. Якутскъ, (62°, в 1500 в. отъ устья), в которомъ и были построены суда. Первая экспедиція (1735—1736 годъ) лейтенанта Прончищева достигла 77° 29' северной широты; но, найдя здѣсь скученныя массы льда, снова возвратилась в Оленскъ; но за несколько времени предъ тѣмъ, отъ скорбута, умеръ талантливый командиръ судна и за нимъ скорѣ послѣдовала в могилу молодая жена его, всюду сопровождавшая мужа. Въ 1739 г. была предпринята новая экспедиція изъ Лены вдоль тѣхъ же береговъ, подъ начальствомъ лейтенанта Харитона Лаптева, она достигла мыса св. Фаддея (76° 47' с. ш.), не встрѣтивъ ни какихъ затрудненій отъ льдовъ; но, встрѣтивъ далѣе массу льдовъ, загородившихъ путь, возвратилась на зимовку в Хатанскій заливъ. Въ слѣдующемъ году, судно Лаптева было раздвлено пловучими льдами и экипажъ спасся съ трудомъ. Въ 1741 и 1742 гг., Лаптевъ, его помощникъ, извѣстный Челюстинъ и геодезистъ Чекинъ сдѣлали несколько экспедицій на саняхъ, для опредѣленія сѣверо-западной оконечности Азіатскаго материка. Оконечность эта открыта энергическимъ Челюстинымъ в 1742 г. и извѣстна нынѣ подъ названіемъ Челюстинна мыса. Экспедиціи Х. Лаптева представляютъ послѣднія попытки пройти моремъ къ западу отъ Лены.

Изслѣдованія пути къ востоку, отъ р. Лены къ Берингову проливу, начались гораздо раньше, и именно в XVI столѣтіи. Давно уже между туземцами и промышленниками ходили (весьма преувеличенные) слухи о существованіи в Сибирскомъ Ледовитомъ океанѣ большихъ обитаемыхъ острововъ, богатыхъ лѣсами, пушнымъ звѣремъ, моржами и мамонтовою костью. Съ одной стороны—желаніе достигнуть тѣхъ невѣдомыхъ странъ, а также завести прибыльную торговлю съ дикими племенами, обитавшими по берегу, между Леной и Беринговымъ (вслѣдствіи названному такъ) проливомъ, съ другой же—фискальныя цели правительства, служили русскимъ побудительною причиною къ частому посѣщенію этихъ мѣстностей. Самою замѣчательною является экспедиція казака Дежнева, предпринятая, съ одобренія правительства, какъ для отысканія острововъ, о которыхъ мы говорили выше, такъ и для распространенія русской государственной власти на неизвѣстныя еще донныя страны сѣверо-востока и для обложженія ихъ податью. Дежневъ отправился изъ Колыма 1-го іюля 1648 г., какъ начальникъ одной изъ семи кочъ (плоскодонныя суда, довольно широкія, длиною в 12 сажень; обыкновенно, на нихъ плавали на веслахъ и только при попутномъ вѣтрѣ ставили паруса), изъ которыхъ на каждой было по 30 человекъ экипажа и совокупность которыхъ составляла экспедицію. О судьбѣ четырехъ изъ этихъ судовъ ничего неизвѣстно, но три кочи, подъ начальствомъ казаковъ Дежнева и Анкудинова и промышленника Холмогорцева, счастливо достигли Чукотскаго носа, здѣсь суд-

но Анкудинова потерпѣло крушеніе, а Дежневъ продолжалъ свой путь вдоль береговъ Камчатки, до Алаидри. Странно сказать—экспедиція Дежнева, чрезъ Беринговъ проливъ оставалась неизвѣстною почти в теченіи цѣлаго столѣтія, пока свѣдѣнія о ней не были открыты в Сибирскихъ архивахъ! Чрезъ 81 годъ, Берингъ, пройдя этотъ проливъ, далѣе ему свое имя. Попытки установленія морскаго пути изъ Лены къ востоку продолжались в прошломъ столѣтіи, и именно в связи съ специальными экспедиціями, посылавшимися в 1733—1743 гг. Первая изъ этихъ попытокъ принадлежитъ лейтенанту Ласиниусу, в 1735 г. Но она окончилась неудачно: сдѣлавъ всего 120 в., Ласиниусъ встрѣтилъ массу льдовъ и остался зимовать на ближайшемъ берегу, гдѣ и умеръ, съ большею частью своего экипажа, отъ скорбута. Затѣмъ, в 1736 и 1739 гг., были посылаемы экспедиціи подъ командой лейтенанта Дмитрія Лаптева, который достигъ только устья Колыма и мыса Баранова. Вспомнимъ здѣсь также и о знаменитомъ Якутскомъ купцѣ Шалауровѣ, пожертвовавшемъ жизнью и состояніемъ для открытія этого пути.

Изъ дальнѣйшихъ экспедицій упомянемъ о слѣдующихъ: Въ 1778 г. знаменитый Кукъ, проплывъ довольно далеко вдоль северныхъ береговъ Америки, повернулъ на западъ и дошелъ до 180° северной широты; однако, здѣсь ему пришлось отказаться отъ дальнѣйшаго слѣдованія, такъ какъ корабль его и самый составъ экипажа не были годны для плаванія в арктическихъ странахъ. Въ 1809—1811 гг. совершены экспедиціи Геденстремомъ, изслѣдовавшимъ группу острововъ, извѣстную подъ названіемъ Новой-Сибири; изслѣдованія эти дополнены лейтенантомъ Анжу, посѣдившимъ эти мѣстности въ 1823 г. Вообще, рядъ экспедицій съ 1821 по 1839 г. былъ посвященъ описанію Новой Земли и слѣдованію Блага и Карскаго морей, подъ руководствомъ адмирала Литке, причѣмъ были составлены, на строгихъ научныхъ основаніяхъ, новыя морскія карты для всего побережья, отъ границы нашей съ Норвегіей до устья Оби. Первая частная экспедиція, отправленная, в 1832 г., архангельскимъ купцомъ Грантомъ, потерпѣла неудачу: судно Енисей (команд. лейт. Кротковъ) пропало безъ вѣсти. Затѣмъ, в 1855 г. и 1867 г. ходили экспедиціи Роджерса у Лонга на западъ отъ Берингова пролива.

Въ 1873 году британскій пароходъ „Діана“, подъ командою Витгинса, заходилъ в лиманъ Оби, а в 1874 г. Норденшильдъ появился, на парусномъ суднѣ „Порвень“, в Енисейскомъ заливѣ. Въ 1876 г., благодаря матерьяльному содѣйствію извѣстнаго ревнителя этого великаго для будущности Россіи дѣла, г. Сибирякова (а также и Гарднера), были совершены экспедиціи: Виггенсомъ (на пароходѣ „Темза“), поднявшимся на тысячу верстъ вверхъ по Енисею и Норденшильдомъ, который, сложивъ товары въ устьѣ Енисея, в ту же навигацію вернулся в Европу. Въ началѣ августа 1877 г., капитанъ Шваненбергъ вышелъ на небольшой шкунѣ „Заря“, съ 5-ю людьми команды, изъ Енисейскаго залива и, побѣдивъ всевозможныя препятствія, рискуя быть раздавленнымъ льдами, прибылъ во второй половинѣ ноября къ берегамъ Невы.

Но, не смотря на всѣ изслѣдованія, описанія и труды, положено только, можно сказать, начало этому дѣлу. По словамъ Норденшильда, до сихъ поръ еще не имѣется сколько нибудь точнаго гидрографическаго описанія водъ между устьями Енисея и Челюстинна мыса и здѣсь еще ни разу не проходило настоящее морское судно.

Въ виду этого понятно, какимъ фактомъ громадной важности является снаряжаемая, лѣтомъ нынѣшняго года, в Швеціи, экспедиція, подъ руководствомъ профессора Норденшильда, съ специальною целью изслѣдованія полярныхъ водъ, омывающихъ берега Сибири отъ Карскаго моря до Берингова пролива. Экспедиція состоитъ изъ несколькихъ судовъ. Изъ нихъ сооруженный на средства, пожертвованныхъ Шведскимъ королемъ и г. Сибиряковымъ пароходъ „Вега“ (60 силъ, длина 145, шир. 25½ ф., купленъ за 50 т. металлическихъ рублей) предоставленъ въ распоряженіе г. Норденшильда. Экипажъ состоитъ изъ 4 морскихъ офицеровъ, принадлежащихъ къ шведскому, датскому и итальянскому флотамъ (лейтенанты Поладеръ, Брюзевицъ, Ховгардъ и Бове), 18-ти матросовъ и трехъ промышленниковъ. Кромѣ того, въ экспедиціи (обладающей весьма значительными средствами и субсидіей в 40 т. кронъ) участвуютъ: ботаникъ Кіельманъ, зоологъ Стуксбергъ, докторъ Альмквистъ и подпоручикъ л.-гв. Финскаго стрѣльцоваго батальона Нордквистъ, посланный „Русскимъ географическимъ обществомъ“, поручившимъ ему вести дневникъ путешествія и собирать свѣдѣнія по части географіи и этнографіи. Съ гордостью можемъ мы, русскіе, сказать, что преобладающее содѣйствіе этой экспедиціи оказано нашимъ соотечественникомъ—тѣмъ же г. Сибиряковымъ: имъ отправлены, на свой счетъ, остальные три судна экспедиціи: 1) пароходъ „Лена“, в 100 тоннъ водоизмѣщенія, построенный в нынѣшнемъ году на заводѣ „Мотала“ изъ бессемеровской стали и приобретенный отправителемъ за 48 тысячъ кронъ; снабженный провизіей слишкомъ на годъ, онъ имѣлъ назначеніемъ сопровождать „Вегу“ чрезъ Карское море, мимо мыса Челюстинна, до устья Лены, а отсюда, отдѣлившись отъ Норденшильда, долженъ подняться до Якутска; экипажъ парохода состоитъ изъ 8 чел., подъ командой

капитана Иогансена, не раз плававшего въ Карскомъ морѣ; 2) пароходъ „Фрээръ“, плававшій, въ прошломъ году, къ устьямъ Енисея и обратно, подъ командой капитана Нильсона, и 3) парусный бригъ „Экспрессъ“, съ грузомъ угля для паровыхъ судовъ экспедиціи.

Норденшильдъ задался смѣлымъ, грандіознымъ планомъ—точно опредѣлить морскую путевую линію по всему сѣверному побережью Сибири, до Берингова пролива и, затѣмъ, обогнуть весь Азіатскій материкъ и возвратиться чрезъ Суэзскій каналъ. Знаменитый шведскій ученый предполагалъ найти у мыса Челюстинна свободное отъ льдовъ море, такъ какъ бассейны Оби и Енисея приносятъ въ океанъ громадную массу теплой воды. Предположеніе это оправдалось—и Норденшильдомъ открытъ новый морской проходъ отъ Новой Земли къ устьямъ Лены.

„Вега“ и „Лена“ отплыли 9-го (21-го) іюля изъ Тромзё. Обойдя Нордкапъ и оставивъ далеко къ югу Архангельскъ и Бѣлое море, пароходы прошли Карскимъ моремъ. Въ концѣ іюля онѣ находились близъ острова Преображенія, гдѣ встрѣтили мно-

жество морскихъ птицъ, которыя, по мнѣнію капитана Иогансена, зимуютъ тамъ. Обогнувъ сѣверовосточный мысъ и прибывъ 16-го (28-го) августа къ устьямъ р. Лены, оба судна продолжали свой путь: „Вега“, далѣе, въ Беринговъ проливъ, а „Лена“—по направленію къ Якутску, куда прибыла 9-го (21-го) сентября. Скажемъ здѣсь, между прочимъ, что экспедиціей найдено очертаніе береговъ совсѣмъ иное, чѣмъ то, которое показано на нашихъ картахъ.

Въ наше время почти исключительнаго стремленія къ удовлетворенію узкихъ, эгоистическихъ интересовъ, рѣдки отрадные примѣры безкорыстнаго служенія общему дѣлу. Грандіозная дѣла соединенія богатой Сибири съ остальнымъ міромъ, отнынѣ, можно сказать, осуществлена. Г. Сибиряковъ, оказавшій свое щедрое и энергическое содѣйствіе успѣху великаго дѣла, имѣеть всѣ права на признательность своихъ соотечественниковъ. Его имя—достояніе потомства.

ПОРТРЕТЪ ИГУМЕНЬИ.

(Святочный разсказъ).

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ дождливый осенній вечеръ, я собрался къ моему старому знакомому, отставному полковнику Ш. У полковника, холостяка и хлѣбосола, почти ежедневно собиралось по вечерамъ очень пріятное общество. Иногда играли въ карты, а то просто бесѣдовали у камина, полулежа на мягкихъ турецкихъ диванахъ, куря сигары и запивая разсказы и споры старымъ, отличнымъ виномъ, на которое не скупился хозяинъ.

У полковника я засталъ, какъ и рассчитывалъ, нѣкоторыхъ нашихъ общихъ пріятелей. Тутъ былъ и докторъ Н., и племянникъ полковника, молодой товарищъ прокурора, и художникъ С.

— А! вотъ и вы, и очень кстати, сказалъ мнѣ хозяинъ, въ то время какъ я со всѣми здоровался,—докторъ сейчасъ разсказалъ намъ очень интересный случай и намъ бы хотѣлось знать ваше о немъ мнѣніе.

— Очень радъ, отвѣтилъ я, и сейчасъ буду къ вамъ услугамъ, но прежде всего позвольте замѣтить вамъ, дорогой хозяинъ, что погода сегодня самая возмутительная и я продрогъ до костей. Если хотите, чтобъ я говорилъ складно, то развяжите мнѣ языкъ чѣмънибудь согрѣвательнымъ.

Полковникъ налилъ мнѣ стаканъ вина.

Послѣ нѣсколькихъ глотковъ пріятная теплота пробѣжала по моему тѣлу, я придвинулся къ камину.

— Въ чемъ же дѣло, господа? на счетъ чего вамъ угодно знать мое мнѣніе? спросилъ я моихъ собесѣдниковъ.

— Вы должны сказать намъ, отвѣтилъ мнѣ, громко смѣясь, молодой юристъ, считаете ли вы себя способнымъ вѣрить въ существованіе духовъ или въ сверхъестественныя силы.

— Тише! шутливо крикнулъ докторъ, стуча золотою табакеркой объ столъ—господинъ товарищъ прокурора, я призываю васъ къ порядку! Зачѣмъ вы начинаете съ конца?.. Видите ли, обратился онъ ко мнѣ, мы говорили о случаѣ изъ моей сегодняшней практики.

Рано утромъ меня потребовали къ одной пациенткѣ. Я знаю ее давно; это умная и разсудительная женщина. Я ее засталъ въ большой тревогѣ. Несмотря на свои лѣта, она была въ такомъ лихорадочномъ состояніи, что даже не могла отвѣтить на мои вопросы. Я понялъ, что съ ней произошло что-нибудь необыкновенное. Наконецъ она разсказала слѣдующее таинственное приключеніе, бывшее съ ней прошлой ночью. Вскорѣ послѣ полуночи ее разбудилъ какой-то странный шумъ, черезъ нѣсколько мгновеній она увидѣла, что въ ея спальню вошла озаренная будто электрическимъ свѣтомъ ея покойная сестра, кивнула ей головой и хотѣла даже протянуть къ ней руку. Тогда моя пациентка изо всѣхъ силъ закричала отъ ужаса. Видѣніе исчезло, сдѣлавъ ей рукою угрожающее движеніе.

— Что же вы думаете объ этомъ, докторъ, спросилъ я, не особенно заинтересованный.

— Я? ничего! Я ей сбѣяснилъ, что таинственное освѣщеніе происходило отъ свѣта уличнаго фонаря, падающаго на противоположную дверь, а все остальное дѣйствіе ея разыгравшагося воображенія. Она мнѣ не повѣрила и даже настаивала, что ясно видѣла родимое пятно на лбу сестры...

— Я съ вами согласенъ, докторъ, замѣтилъ я, что такія видѣнія могутъ только пригрѣзиться. Природѣ было бы слишкомъ много дѣла, еслибы она вздумала связывать все прошедшее съ настоящимъ. Что умерло—то мертво! Было бы мило, если бы каждый духъ, такъ, ни съ того ни съ сего, являлся нарушать наше спокойствіе. Единственное средство избавить людей отъ такой глупости, это смѣяться надъ ними.

— Но и насмѣшками разувѣрить ихъ нельзя, перебилъ меня докторъ; они настаиваютъ, что видѣли и слышали то и то. Ну, хорошо, положимъ даже что это и правда, точно видѣли; но вѣдь все же еще не сказано, что это духи. А между тѣмъ суевѣрный человекъ скорѣе позволитъ отсѣчь себѣ голову, чѣмъ допустить естественную причину своего видѣнія, и чѣмъ несообразнѣе видѣніе, тѣмъ болѣе онъ ему вѣритъ. Что вы на это скажете, полковникъ?

Хозяинъ нашъ съ видимымъ интересомъ слушалъ разговоръ и отъ меня не ускользнуло, что при послѣднихъ словахъ доктора онъ покачалъ головою.

— Вы, кажется, дѣйствительно готовы вѣрить моей пациенткѣ, весело добавилъ докторъ.

Полковникъ, затаившись сигарой, отвѣтилъ серьезно и задумчиво.

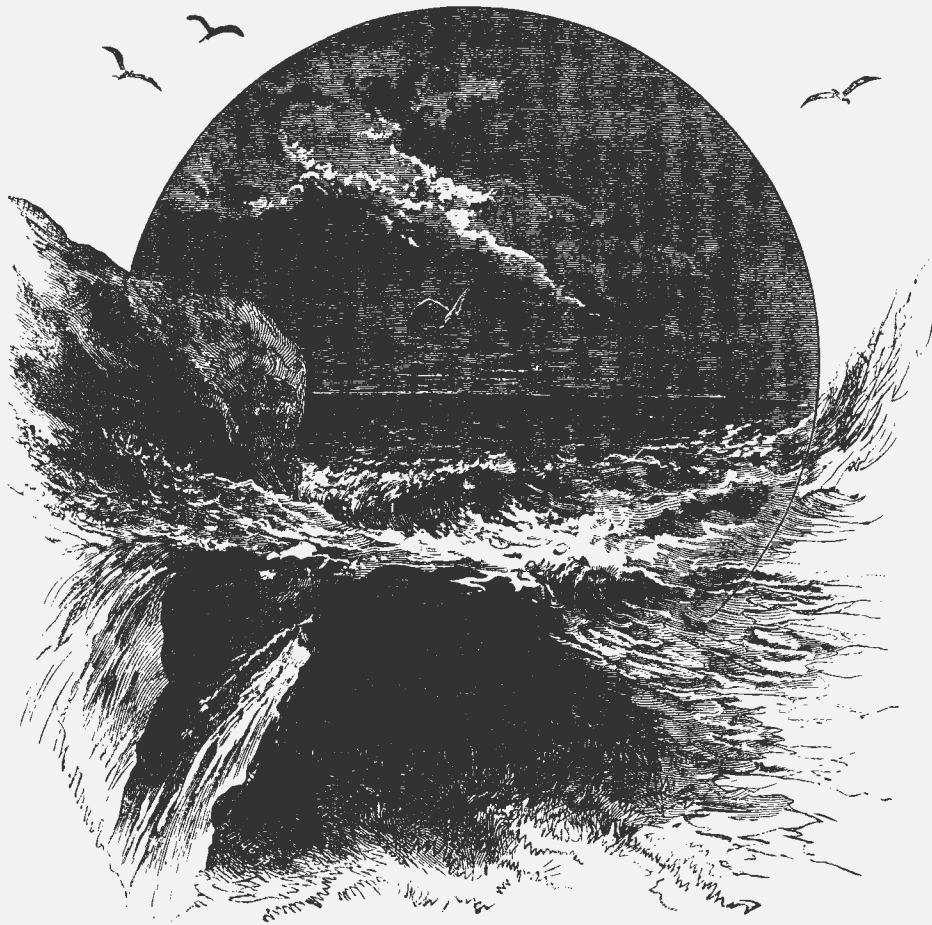
— Я не вѣрю въ сверхъестественное, но и не отвергаю его болѣе...

— Болѣе? воскликнулъ удивленный докторъ. Значитъ было время, когда вы иначе смотрѣли на вещи, вольнодумцемъ были; теперь же вы не то. Если это не тайна, полковникъ, то разскажите намъ происшествіе, которое произвело въ васъ эту переменъ.

Мы присоединили наши просьбы. Таинственные разсказы слушаются очень весело, когда сидишь въ пріятной компаніи вокругъ стола и заливаешь свою дрожъ хорошимъ виномъ.

— Это не тайна, сказалъ полковникъ, но не думайте, чтобы въ моей исторіи были настоящія привидѣнія, это только очень странный случай, со мною привидѣвшийся и навсегда оставшійся для меня необъясненнымъ.

Онъ помолчалъ съ минуту, очевидно вспоминая подробности далекаго прошлаго, и потомъ продолжалъ: Въ началѣ сороковыхъ годовъ, совершенно молодымъ человекомъ, едва надѣвшимъ офицерскіе эполеты, я получилъ приглашеніе отъ моего дяди погостить у него. Мой дядя, братъ моей матери, графъ Б—дкій,

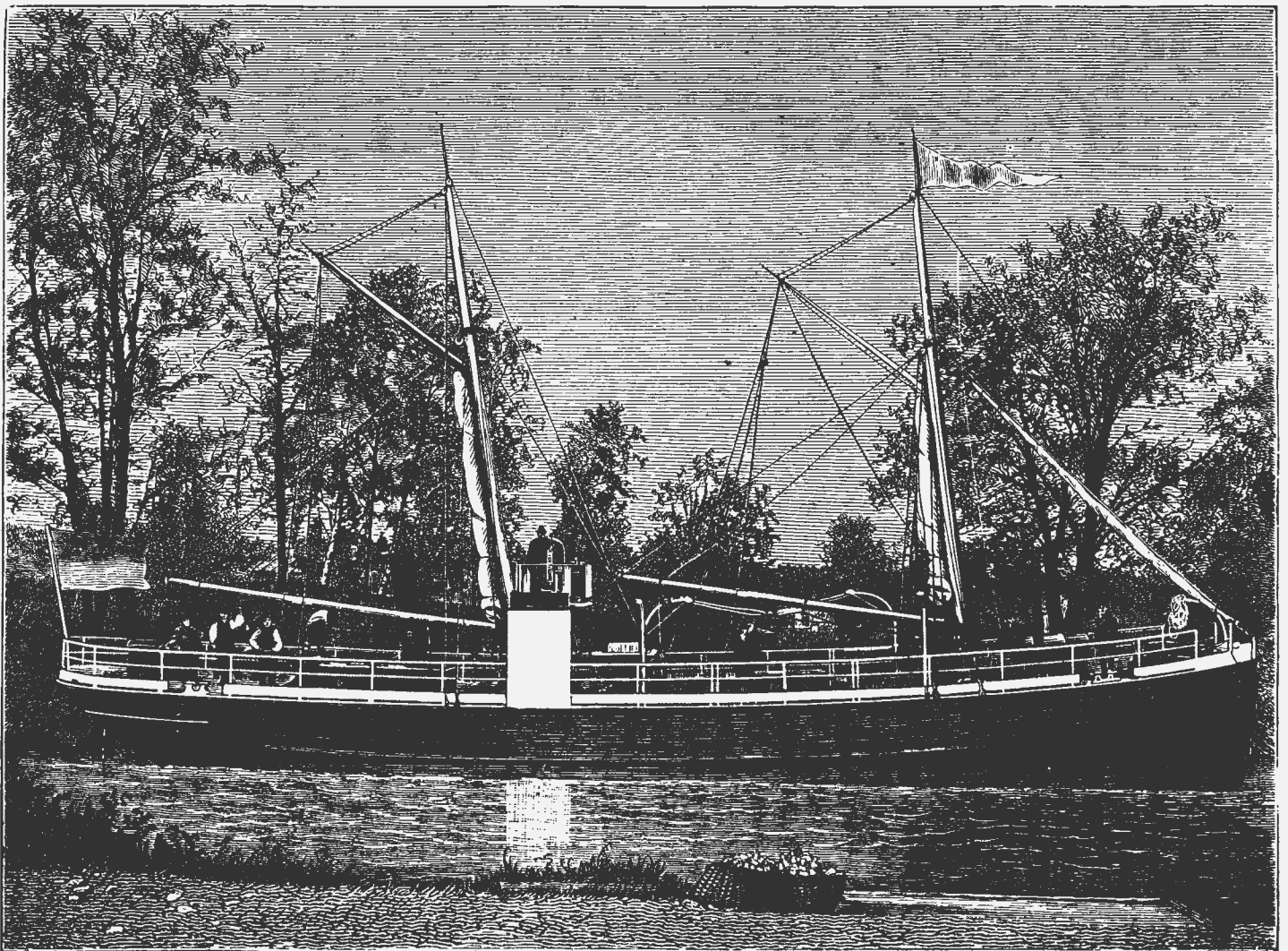

СТИХОТВОРЕНИЕ

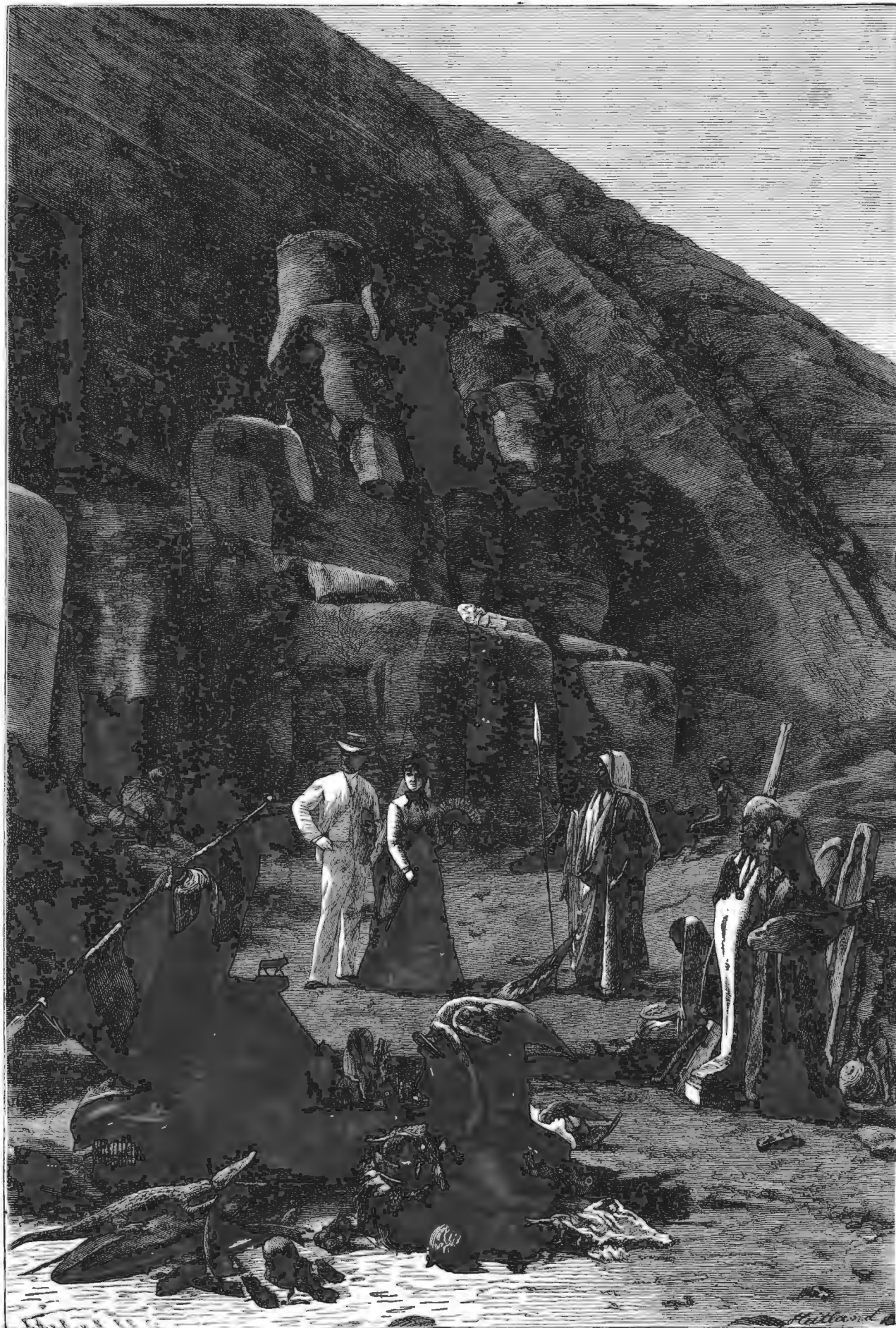
В. И. Тютчева.

Дума за думой, волна за волной
Два проявленья стихии одной.
Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ без-
брежномъ ли морѣ—
Здѣсь въ заключеніи, тамъ—на
просторѣ
Тотъ же все вѣчный прибой и
отбой,
Тотъ же все призракъ тревож-
но-пустой.

Литературный альбомъ: „Море“. Ориг. рис. И. Панова грав. Пущѣ.

Принадлеж. А. Н. Сибирякову, пароходъ „Лена“, который совершилъ морской путь отъ Тромзе до Якутска. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Древній Египетскій храмъ Абу-Симлы. По картинѣ Гентца, рис. Гейтландъ, грав. Ротъ.

жилъ въ Польшѣ, въ своемъ великолѣпномъ имѣніи, о которомъ я съ дѣтства много слышалъ. Нашъ полкъ стоялъ въ Варшавѣ; я очень обрадовался дядиному приглашенію, тотчасъ же взялъ отпускъ и, съ первымъ дилижансомъ уѣхалъ. Это было въ октябрѣ; вечеръ задался самый ненастный и вѣтряный, когда мы выѣхали изъ Варшавы. Пассажиры дилижанса состояли кромѣ меня изъ стараго поляка-помѣщика и какой-то монашенки, которая забилась въ уголокъ и шептала молитвы. Между тѣмъ старикъ старался завлечь меня въ разговоръ. Мы и разговорились. Погода съ каждой минутой становилась все хуже; мы проѣхали открытое шоссе и теперь были въ лѣсу, но вѣтеръ все таки вривался въ карету. Тучи такъ и неслись по небу; изрѣдка изъ-за нихъ показывалась луна. Вдругъ я замѣтилъ, что мы ѣдемъ тише и только что хотѣлъ объ этомъ сказать моему сосѣду, какъ монахиня обратила ко мнѣ свои черные глаза и прошептала: „скоро лошади совсѣмъ остановятся“.

— Развѣ ужъ станція? удивленно спросилъ я.

— Нѣтъ! но увидите, что такъ будетъ, это старинная привычка лошадей.

Я еще не успѣлъ попросить у нея объясненія этихъ странныхъ словъ, какъ лошади дѣйствительно остановились.

— Видите! вотъ *оно!* сказала монашенка.

— Что *оно?*

— Памятникъ!

И она указала рукой въ правую сторону. Я выглянулъ изъ окошка. Мы были на довольно высокомъ пригоркѣ, у креста сдѣланнаго изъ бѣлыхъ камней. Мѣсяцъ освѣщалъ теперь этотъ бѣлый крестъ и придавалъ всей картинѣ что-то таинственное и страшное.

Помѣщикъ также выглянулъ изъ окошка и потомъ обратился къ монашкѣ. „я впервые здѣсь проѣзжаю, скажите, что все это значитъ?“ Въ эту минуту лошади снова потянули.

Ну вотъ... это онѣ сами! сказала спокойно монашенка, — почтальонъ не зрѣлъ кнута? Такъ всегда здѣсь бываетъ... Видите ли какая тутъ исторія... Около двадцати лѣтъ тому назадъ разбойники напали на этомъ самомъ мѣстѣ на дилижансъ и ограбили его; при этомъ была схватка, потомъ между убитыми нашли почтальона. Въ память убитыхъ и воздвигли здѣсь крестъ. Съ тѣхъ поръ лошади ужасно боягся этого мѣста, подѣзжая къ кресту онѣ мало по малу замедляютъ ходъ и наконецъ совсѣмъ останавливаются передъ памятникомъ. Никакіе крики почтальона не въ состояніи ихъ сдвинуть съ мѣста. Черезъ двѣ, три минуты, вотъ какъ и теперь, они сами трогаются и быстро спускаются съ горы.

Дѣйствительно, нашъ дилижансъ катился теперь съ трескомъ и грохотомъ; деревья такъ и мелькали изъ окошекъ.

— Вы мнѣ не вѣрите? упрекнула меня монахиня, такъ какъ я не удержался отъ смѣха.

— Нѣтъ, я вѣрю, что все это было, но думаю что вы ошиблись, видя какую то сверхъестественную силу тамъ, гдѣ я только вижу самыя естественныя вещи: Бѣдныя лошади съ трудомъ втаскиваютъ тяжелую карету на гору и тѣмъ замедляютъ свой ходъ; потомъ, на вершинѣ горы, утомленные, онѣ совсѣмъ останавливаются, а отдохнувши, продолжаютъ путь съ новыми силами. Эта естественная потребность отдохнуть не имѣетъ никакого отношенія къ памятнику.

Старый помѣщикъ покачалъ головою.

— Какъ бы тамъ ни было, сказалъ онъ — а исторія неприятная, и это мѣсто во всякомъ случаѣ точно нарочно создано для убійства! Монашенка перекрестилась. Въ дилижансѣ воцарилось молчаніе. У сосѣда моего прошла всякая охота болтать. Мы прислонились къ подушкамъ и старались заснуть, что мнѣ впрочемъ не

удавалось, и я былъ очень радъ; когда мы наконецъ пріѣхали на станцію, гдѣ меня дожидались высланные за мной лошади.

Было уже за полночь когда я добрался до дома, или вѣрнѣе, до замка моего дяди, такъ какъ это былъ настоящій старинный замокъ, построенный чуть ли еще не въ XV вѣкѣ. Утомленный дорогой и продрогшій, я съ наслажденіемъ послѣдовалъ за вышедшимъ меня встрѣтить дядей въ теплую комнату. Послѣ ужина мой старикъ не сталъ меня удерживать и вмѣстѣ съ старымъ своимъ камердинеромъ Казимиромъ, проводилъ въ отведенное мнѣ помѣщеніе.

— Ты долженъ радоваться, милый мой, что не пріѣхалъ днемъ раньше, сказалъ онъ, когда мы проходили длинными корридорами. Вчера въ комнатѣ, которую я назначилъ для тебя, неожиданно провалилась печь, это бы не совсѣмъ пріятно потревожило твой сонъ. Поэтому мы теперь приготовили тебѣ ночлегъ въ старой башнѣ, тамъ ты будешь въ безопасности.

— Какъ въ лонѣ Авраама, докончилъ я, думая только о томъ, какъ бы скорѣе улечься.

Прейди еще длинный корридоръ и взобравшись по старой трещавшей лѣстницѣ на башню, мы наконецъ очутились въ просторной круглой залѣ. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ одинъ и осмотрѣлся. Я замѣтилъ старинный, весело горящій каминъ, нѣсколько массивныхъ кожаныхъ кресель изъ рѣзного чернаго дуба и свѣжую, только что приготовленную постель. Я поспѣшно раздѣлся, улегся и нѣсколько минутъ лежалъ съ открытыми глазами. Вдругъ я замѣтилъ, что моя кровать не была плотно придвинута къ стѣнѣ; я поднялъ голову и увидѣлъ надъ собою большую картину въ тяжелой черной рамѣ. Сначала, при мерцающемъ огнѣ камина, я не могъ ничего хорошенько разглядѣть, но наконецъ увидѣлъ, что это старый портретъ и, судя по одеждѣ и четкамъ въ желтыхъ рукахъ, что это портретъ католической монахини или даже игуменьи. Вѣроятно игуменьи, такъ какъ изъ бѣлаго сборчатаго воротника выглядывалъ большой крестъ. Черные блестящіе глаза смотрѣли на меня съ бѣлаго, мертвеннаго лица и казалось все болѣе оживлялись.

Воображеніе мое мало по малу уносило меня въ то далекое прошлое, когда эта блѣдная женщина жила между живыми. Я начиналъ дремать подъ эги грезы. Вдругъ я встрепенулся—отчего—не знаю. Въ испугѣ я невольно взглянулъ на портретъ и—что же? Монахиня мнѣ кивнула головою!.

— Обманъ воображенія! крикнулъ докторъ.

— Выслушайте до конца, сказалъ полковникъ серіозно. Монахиня мнѣ кивнула! Ледяная дрожь пробѣжала по моему тѣлу; я хотѣлъ вскочить и выбѣжать, но члены мои были неподвижны и какая-то невидимая сила пригвоздила меня къ кровати, а глаза мои къ портрету. Все было тихо въ замкѣ, даже вѣтеръ пересталъ шумѣть, только я не спалъ и не спала эта ужасная женщина. Она болѣе не кивала, но злобно улыбалась. Не спрашивайте меня, какъ это было возможно! Довольно того, что я видѣлъ какъ блѣдныя руки разжались, тонкія губы открылись и я услышалъ тихій, но внятнѣйшій голосъ.

Полковникъ замолчалъ и провелъ рукою по лбу. Потомъ продолжалъ: „я слышалъ цѣлую грустную исторію разбитаго сердца. Ужасная женщина рассказывала мнѣ изъ своей черной рамы о томъ, какъ отняли у нея любимаго жениха, чтобы женить его на младшей, болѣе красивой, сестрѣ, а ее самое заперли въ монастырь, гдѣ только смерть избавила ее отъ горя.“

Я лежалъ съ открытыми глазами, не въ силахъ пошевеливать пальцемъ.

„Я умерла, провзительно шептала монахиня, но моя душа не можетъ успокоиться, пока я не найду и не обойму своего жениха!“

Дрожь меня схватила. Я слышала шелест черного платья, стук пяток, я чувствовал холодную струю воздуха на моей щеке. Я видел как вся фигура высвободилась из рамы—крик замерь на моих губах.

— Да, у меня не оставалось сомнений! действительно, монахиня приближалась ко мне—она хотела тащить меня в свою могилу. Она уже стояла около моей кровати с протянутой ко мне рукою, губы ее были раскрыты. Вдруг огонь в камин погас, полная темнота окружила меня. Я собрал все силы, чтобы подняться, но что-то тяжелое лежало на мне и душило меня. Я страшно боролся с этой женщиной; холодный пот выступил на моем лбу... Но все напрасно—вс страстной злобой охватила она мою шею, мое тело... Еще раз я приподнялся и старался отбросить ужасное привидение, но вдруг я почувствовал ее дыхание, поцелуй ее холодных губ на моем лбу.

Я вскрикнул—и потом уже ничего не помню...

Когда я открыл глаза—было светло. Около меня, на кожаном кресле, сидел дядя и с озабоченным лицом прикладывал компресс к моему страшно болящему лбу.

— Ну, милый, ты это что такое продлываешь?

Я хотел подняться, но не мог, я был как разбитый и едва нашел силу поднять голову к портрету—но он исчез.

Дядя заметил мое движение.

— Да, признаюсь, не ожидал я этого от старой игуменьи! сказал он.

— Игуменья?! где она?

А вон—в углу! Бог знает каким образом гвоздь выпал... Но ведь она могла тебя убить—вытерпеть целую ночь на себе такую тяжесть—не шутка!

— Так это правда? вскричал я с ужасом.

— Да, да, рама портрета тебе сильно поранила голову... По счастью мой старый Казимир рано утром вошел в комнату и увидел все это. Ты лежал, хрипя, под портретом и кровь струилась из твоего лба.

— Значит все это был только ужасный сон? вскрикнул я с радостью и рассказал дяде мое ночное приключение.

Сперва старик начал было смеяться, но по окончании моего рассказа поблѣднѣлъ и тихо сказал:

— Знаешь, что, я велю сжечь этот проклятый портрет!

Так и сдѣлали...

Полковник замолчал, мы также не знали что сказать и тоже молчали. Наконец доктор встрепенулся.

— Могу я вам высказать свое мнение, любезный друг?

— Отчего же нет?

— Сь вами был просто кошмар в ту ночь.

Может быть, я не отрицаю.

— Да, невозможно и отрицать! сь какой то даже яростью воскликнул доктор. Все это очень легко объяснить. Вы были утомлены путешествіемъ, ваше воображеніе было возбуждено послѣ происшествія у памятника, кромѣ того поздній и сытный ужинъ—все это отличная подготовка для кошмара!

— А портрет? задумчиво спросил полковник.

— Портрет? сказал я,—конечно портрет тутъ главный виновникъ. Онъ упалъ на васъ и привелъ васъ въ оцѣпенѣніе, во время котораго вы все рассказанное не пережили въ дѣйствительности, а видѣли въ бреду.

— Гм! И это предположеніе можетъ быть вѣрнымъ, отвѣчалъ полковникъ.—Ну, а ты что на это скажешь? обратился онъ къ своему племяннику, который во время рассказа не разъ насмѣшливо улыбнулся.

— Я очень жалѣю, что мой двоюродный дѣдъ приговорилъ къ сожженію монахиню за ее позднюю любовь—это *autodafe* было плохой наградой терпѣнію, сь которымъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій ждала она своего жениха. Ну можно ли было на нее сердиться...

Мы засмѣялись.

Полковникъ задумчиво качалъ сѣдою головою.

— Очень можетъ быть, что все вы правы, господа, сказалъ онъ: но только на одно важное обстоятельство вы не обратили вниманія. Какимъ образомъ это случилось, что сонъ мой такъ удивительно согласовался сь дѣйствительной исторіей монахини?

— Неужели! воскликнулъ сь изумленіемъ докторъ.

— Въ этомъ-то все дѣло... представьте, что игуменья дѣйствительно нѣкогда должна была пожертвовать для счастья своей младшей сестры женихомъ и была насильно пострижена. Это обстоятельство и заставило моего дядю сжечь колдовской портретъ и такимъ образомъ лишить его силы.

— И вы ничего про это не слыхали до того вечера? спросилъ я.

— Ни слова! Развѣ молодой офицеръ интересуется такими вещами?

Мы молчали.

— Я рассказывалъ вамъ только самый фактъ, продолжалъ полковникъ,—но не въ силахъ передать словами испытанных мною ощущений и того впечатлѣнія, которое все это во мнѣ оставило. А впечатлѣніе было таково, что я до сихъ поръ нахожусь въ сомнѣніи—что это такое: сонъ или дѣйствительность?

Г. Берингъ.

НЕВОЛЬНЫЙ ТОВАРИЩЪ.

Рассказъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Столярный мастеръ Куртенбергъ жилъ въ полномъ счастьи и довольствѣ. „Вотъ человекъ, счастье просто гоняется за нимъ“, говорили его сосѣди, и пожалуй были правы. Лѣтъ десять тому назадъ пришелъ онъ въ провинціальный городокъ бѣднякомъ, безъ гроша за душой, теперь у него большая мастерская, а что еще того лучше, молодая, прекрасная жена и двое славныхъ ребятнишекъ, такъ что почитать такого счастливаго семьянина.

За то нигдѣ не чувствовалъ себя Куртенбергъ такъ хорошо, какъ дома. Этотъ всегда серьезный, молчаливый человекъ перерождался въ кругу своей семьи—тутъ его всегда сумрачный взглядъ сіялъ, блѣдное лицо, сь отпечаткомъ какой-то затаенной грусти, оживало,—онъ становился другимъ человекомъ. Почти со страхомъ избѣгалъ онъ трактировъ, никогда не видалъ его на общественныхъ гуляньяхъ или въ веселой кампаніи. Одни объясняли сдержанность Куртенберга его скупостью, другіе утверждали, что это не даромъ, что видно надо ему скрывать кое-что, потому онъ и прячется отъ людей.

Завистниковъ и враговъ и безъ того было у трудолюбиваго

столяра столько же, сколько бываетъ ихъ у всякого, кому больше обыкновеннаго везетъ счастье, на досаду злымъ людямъ. А счастье правда что везло Куртенбергу. Быстро онъ поднялся, да и стоялъ того—безъ усталости онъ работалъ, чтобъ заслужить свое счастье. Когда десять лѣтъ тому назадъ онъ пришелъ сюда подмастерьемъ, то поступилъ на мѣсто къ самому богатому столяру, и тотъ скоро оцѣнилъ знаніе дѣла и прилежаніе своего работника.

Когда Куртенбергъ пришелъ въ провинціальный городокъ, то былъ уже не юношей, ему уже подходило къ тридцати годамъ, и должно быть онъ порядкомъ-таки пострадалъ на своемъ вѣку, потому что бывалъ во всѣхъ большихъ нѣмецкихъ городахъ, даже цѣлый годъ пробылъ въ Парижѣ, работалъ тамъ въ лучшихъ мастерскихъ. Новый хозяинъ счумѣлъ его оцѣнить, и скоро назначилъ его старшимъ мастеромъ.

Къ горю хозяина оба его сына не захотѣли учиться его ремеслу. Старшій сдѣлался купцомъ, второй даже пошелъ по ученой части. Поэтому-то любимой мыслью мастера Гольма было, чтобы его единственная дочь вышла замужъ за столяра; по

крайней мѣрѣ тогда продолжалось бы дѣло, шедшее такимъ блестящимъ образомъ.

Лизбетъ было всего семнадцать лѣтъ, когда Андрей Куртенбергъ поступилъ въ мастерскую ея отца. Постоянно слышала она похвалы новому подмастерью, и не удивительно, что и она благосклонно глядѣла на „шваба“, какъ его называли, такъ какъ онъ былъ родомъ изъ Вюртемберга; а отецъ не зналъ какъ и нахвалиться его честностью и искусствомъ. Андрей къ тому же былъ статный, высокой молодецъ, съ голубыми глазами и такимъ грустнымъ взглядомъ, какъ будто бы на сердцѣ у него лежало какое-то тайное горе. Прежде чѣмъ молодая дѣвушка успѣла объ этомъ догадаться, она почувствовала къ новому старшему мастеру глубокую симпатію. „О, онъ совсѣмъ не то, что другіе“, думала молодая дѣвушка, „не такой грубый и беспорядочный какъ они; напротивъ, всегда такой тихій, въ сторонѣ отъ всѣхъ“. Именно его серьезность и сдержанность и нравились Лизбетѣ. Хотя сама она скорѣе весело смотрѣла на жизнь, но ея веселость также никогда не выражалась шумно.

Мало по мало между молодой хозяйской дочерью и новымъ мастеромъ завязалась болѣе тѣсная дружба, которую къ тому же старикъ Гольмъ всячески поощрялъ, все болѣе и болѣе цѣня превосходныя качества Куртенберга, такъ что, собственно говоря, никто не былъ особенно удивленъ, когда Лизбета, послѣ того что ей исполнилось девятнадцать лѣтъ, сдѣлалась женой Андрея, а мастеръ Гольмъ совсѣмъ передалъ все мастерство своему зятю, чтобы самому жить на покой.

Старику не пришлось раскаиваться въ своемъ рѣшеніи. Андрей Куртенбергъ вполне оправдалъ довѣріе, оказанное ему почтеннымъ хозяиномъ. Внезапное счастье, которое такъ многимъ вскружило бы голову, нисколько не выбило Андрея изъ его обычной, спокойной колеи. Гольмъ не ошибся въ немъ: онъ оказался прекраснымъ мужемъ и нѣжнымъ отцомъ семейства. Этотъ замкнутый, молчаливый человѣкъ выказывалъ своей доброй Лизбетѣ безграничную нѣжность, точно хотѣлъ доказать этимъ свою вѣчную благодарность за то, что несмотря на его бѣдность, она отдала ему руку и сердце.

Вообще въ кругу своей семьи Куртенбергъ былъ незнаваемъ—куда дѣвался тутъ его мрачный взглядъ, неловкость и робость, какую онъ всегда чувствовалъ при людяхъ. Здѣсь, съ своей молодой, хорошенькой женой, въ невинныхъ играхъ съ дѣтьми, онъ становился веселъ и беззаботенъ, самъ превращался въ ребенка—съ ними онъ смѣялся и былъ счастливъ. Да и Лизбета была жена, лучше какой онъ не могъ бы пожелать. Ея ровный, ласковый нравъ какъ бы предавалъ окружающей атмосферѣ тепло и мягкость, способныя разгладить морщины самого мрачнаго лица.

Благодаря энергіи и трудолюбію Куртенберга дѣла его развивались еще шире. Послѣ десятилѣтняго труда онъ могъ причислить себя къ самымъ достаточнымъ людямъ городка. Однако, не смотря на это, онъ продолжалъ вести прежній скромный образъ жизни; счастье, неизмѣнно сопровождавшее всѣ его предпріятія, не кружило ему голову.

Однажды случилась ему надобность побывать въ сосѣдней деревнѣ, гдѣ продавалась съ аукціона большая партія дерева. Покупщиковъ оказалось немного, такъ что ему удалось купить большую часть товара по очень дешевой цѣнѣ. Довольный выгоднымъ дѣломъ, отправился онъ въ обратный путь, и мысленно былъ уже съ своими, которыхъ, такъ какъ аукціонъ продолжался нѣсколько часовъ, онъ такъ долго не видѣлъ въ этотъ день, что было для него большимъ лишеніемъ. Глядя на этого быстро шагающаго, просто одѣтаго ремесленника, врядъ ли бы кто счелъ его за такого достаточнаго человѣка, какимъ онъ былъ. Всякій на его мѣста взялъ бы въ подобномъ случаѣ экипажъ; но, было ли это слѣдствіемъ его скромныхъ привычекъ, или черезъ чуръ строгой бережливости, только по всѣмъ дѣламъ онъ всегда ходилъ пѣшкомъ. Такъ и теперь онъ бодро шелъ впередъ, по своей привычкѣ немного наклонивъ голову и не глядя ни въ право ни въ лѣво, словно ему не хотѣлось отводить глазъ отъ своей единственной цѣли прямо передъ глазами.

„Долговязый Андреасъ, тебя-ли я вижу? Радъ, братъ, встрѣчи!“ Этотъ громкій возгласъ прервалъ приятныя мечты Куртенберга. Онъ съ удивленіемъ поднялъ глаза и увидѣлъ одиночье щетинистое лицо съ маленькими злыми, неприятно блестящими глазами. Передъ нимъ стоялъ оборванный, коренастый мужичище съ здоровенной палкой въ рукахъ, и, казалось, наслаждался его замѣшательствомъ.

— Что, никакъ не узнаешь меня? продолжалъ, скаля зубы, бродяга, и заслонилъ Куртенбергу дорогу, между тѣмъ какъ тотъ, не отвѣчая ни слова, хотѣлъ идти дальше. „Правду сказать, многою-то многою прошло времени съ той поры, какъ мы были одного поля ягода, да я все-же сразу тебя узналъ, хоть ты чертовски выправился.“

— Вы обознались, возразилъ Куртенбергъ, и сдѣлалъ движеніе, чтобы идти.

— Да полно прикидываться-то, Андреасъ! воскликнулъ встрѣчный, и положила широкую руку на плечо Куртенбергу, прибавилъ: „Толку изъ этого для тебя, все единственно, никакого не выйдетъ. У меня чертовская память на лица. Съ кѣмъ я разъ посидѣлъ въ рабочемъ домѣ, черезъ сто лѣтъ узнаю.“

При словѣ „рабочій домъ“ Куртенбергъ вздрогнулъ; смертельная блѣдность покрыла его лицо, и онъ боязливо озирался вокругъ, не слышалъ-ли ихъ ктонибудь. Онъ былъ до того ошеломленъ, что не могъ выговорить ни одного слова.

— Не бойся, никого не видать, продолжалъ бродяга, съ злорадствомъ наслаждавшійся невыразимымъ смущеніемъ своей жертвы. „Да и что за бѣда, не стыдъ какой! Я такъ не одинъ разъ сиживалъ въ рабочемъ домѣ, а посмотрѣлъ бы я кто-бы смѣлъ ткнуть мнѣ этимъ въ глаза.“

— Право, я не знаю чего вы хотите, я васъ вовсе не знаю! могъ наконецъ проговорить Куртенбергъ, и въ то же время попробовалъ, прибавивъ шагу, отдѣлаться отъ проклятаго чело-вѣка.

— Ну, смотри, не порти дѣла! воскликнулъ тотъ угрожающимъ голосомъ, также ускоряя шаги. „Вишь какимъ сталъ важнымъ бариномъ, что и добраго слова нельзя ему сказать со старымъ товарищемъ. Нѣтъ, братъ, кто высидѣлъ, какъ ты, пять лѣтъ въ рабочемъ домѣ, тому нечего такъ задирать носъ. Меня не разувѣришь, что ты не столаръ Андреасъ изъ Мюнзинга. Что, небось, правду говоришь? Чего краснѣешь-то до ушей. Да, у чернаго Фриделя Юберлинга глаза-то еще хорошо видятъ, ихъ не обманешь, хоть гдѣ узнаютъ стараго товарища. Ну, полно-же, Андреасъ: расскажи-ка лучше, какъ ты поживалъ послѣ того, что мы съ тобой простились въ рабочемъ домѣ.“

— Да не поминай ты каждую минуту рабочаго дома! бѣззвенно вырвалось изъ сжатой груди Куртенберга. Онъ видѣлъ, что ему не было никакой возможности избѣжать стараго преступника, и что дальнѣйшее уклоненіе можетъ только испортить дѣло.

— Это отчего? возразилъ тотъ съ наглымъ смѣхомъ закорѣнлаго негодяя. Никакого нѣтъ стыда годъ другой просидѣть въ рабочемъ домѣ, да теперь же еще его называютъ „исправительнымъ заведеніемъ“! Оно вѣдь выходитъ гораздо благороднѣе! И негодяй захохоталъ хриплымъ, дивнымъ смѣхомъ.

Куртенбергъ опять со страхомъ оглядѣлся во всѣ стороны. Къ счастью дорога была довольно пуста, и уже начинало смеркаться. Только отъ времени до времени проѣзжалъ въ сосѣднюю деревню нагруженный возъ съ поля, но сидѣвшіе на нихъ парни и дѣвушки смѣялись и болтали между собою, мало обращая вниманія на двухъ пѣшеходовъ.

— Я стараюсь честнымъ образомъ пробить себѣ дорогу, былъ уклончивый отвѣтъ.

— Похвально; да вотъ поди-жь ты, а другому не дается счастье, да и конецъ. Я вотъ толкался чуть не по всей Германіи, а какъ ты видишь, нигдѣ мнѣ не вывезло, и онъ съ ненавистью показалъ на свои грязныя лохмотья. Если бы, по крайности, хоть разъ удалось одѣться какъ слѣдуетъ, такъ еще пожалуй досталъ бы какую нибудь порядочную работу, а то въ эдакомъ видѣ днемъ и показаться никуда нельзя.

Куртенбергъ молчалъ; онъ раздумывалъ, не удастся ли ему посредствомъ нѣкоторой суммы денегъ навсегда отдѣлаться отъ ужаснаго чело-вѣка. Но здравый рассудокъ говорилъ ему, что именно этимъ-то онъ только больше свяжетъ себя съ гнуснымъ мошенникомъ; ему хорошо была извѣстна привычка старухъ преступниковъ—выслѣживать прежнихъ товарищей, которые такъ или иначе пробілись на честную дорогу, и вымогать отъ нихъ деньги, или всѣми силами стараться втравить ихъ на прежній путь преступленія. Поэтому Андреасъ и поселился какъ можно дальше отъ своей родины. Въ этой дальней сторонѣ онъ надѣялся никогда не встрѣтить чело-вѣка, могущаго напомнить ему объ его несчастьемъ прошломъ, и вотъ таки постигло его это... Въ безпродѣльномъ отчаяніи, онъ готовъ былъ зарыдать, а между тѣмъ ему надо было сохранить передъ этимъ ненавистнымъ чело-вѣкомъ послѣдній остатокъ присутствія духа.

— Ты, какъ я вижу, хорошо обдѣлалъ свои дѣлишки, ты могъ бы мнѣ помочь, продолжалъ Фридель, прежде чѣмъ Куртенбергъ пришелъ къ какому либо рѣшенію.—Не худо бы было тебѣ разщедриться для стараго товарища на пару, другую талеровъ. И я не прочь сдѣлаться честнымъ малымъ, и если ты дашь мнѣ въ займы, слышишь, Андреасъ, въ займы, талеровъ двадцать или тридцать, такъ по крайней мѣрѣ не даромъ пропадетъ моя радость при встрѣчѣ со старымъ товарищемъ.

— Не думай, что я ни въ-ѣсть какой богачъ, осторожно возразилъ Куртенбергъ, но замѣтивъ какъ тотъ вспыхнулъ, готовясь его перебить, успокоительно прибавилъ:—но все таки двадцать талеровъ я готовъ тебѣ дать, хотя у самаго меня нѣтъ ничего лишняго.

— Эхъ, ужъ отваливай тридцать, двадцати мнѣ не хватитъ, приставалъ Фридель, рассказываясь зачѣмъ сразу не запросилъ больше. Однако онъ самодовольно ухмылялся при мысли, что еще порядкомъ попытается отъ добряка Андрея. Только бы разъ удалось выманить денегъ, а тамъ ему ужъ придется по дорожке платить за его молчаніе.

— Это слишкомъ много, мнѣ самому завтра трудно будетъ обернуться, въ полголоса возразилъ Куртенбергъ,—но, такъ и быть, я дамъ тебѣ эти деньги съ тѣмъ условіемъ, чтобы здѣсь дороги наши разошлись навсегда. Съ этими словами онъ остановился, какъ будто принявъ твердую рѣшимость немедленно,

Изъ поэмы Мильтона „Потерянный Рай“ (пѣснь I, стр. 19). Издание А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.
 „Крылатые герольды трубными звунами объявляютъ всему войску что великій Советъ слетается въ Пандемоніумъ“.
 Ориг. рис. Густава Дорэ, грав. Паннемаверъ.

разъ навсегда, отдѣлаться отъ опаснаго человѣка. Они дошли уже почти до предмѣстья города, и стояли теперь на перекресткѣ, откуда одна дорога вела, большимъ обходомъ, также къ городу, другая въ сосѣднюю деревню.

— Не хорошо, не хорошо съ твоей стороны такъ обращаться со старымъ школьнымъ товарищемъ! укоризненно воскликнулъ Фридель, — на языкѣ мошенниковъ рабочій домъ называется „школой“, и къ сожалѣнію большею частью это бываетъ справедливо, только въ дурномъ смыслѣ. — Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, гдѣ ты живешь, чтобы я могъ къ тебѣ показаться въ новомъ платьѣ. Не бойся, не буду болтать о старой исторіи, если ты этого не хочешь. Я честный малый, такихъ низостей за мною не водится, и при этомъ онъ такъ ударилъ кулакомъ по своей широкой груди, что она затрещала.

— Я живу въ Лангенштрассе, № 10, отвѣтилъ Куртенбергъ, послѣ минутнаго колебанія.

— Лангенштрассе, № 10, повторилъ Фридель, какъ бы желая тверже запомнить адресъ. — Хорошо, буду знать; по старой дружбѣ, непременно какъ нибудь побываю у тебя. Не беспокойся, тебѣ не будетъ отъ меня никакой непріятности, Ну, а теперь отсчитывай. Если обсчитаешься, да въ мою пользу перепадетъ парочка талеровъ лишникъ — не бѣда, на это я не обижусь, насмѣшливо прибавилъ онъ, глядя какъ тщательно Куртенбергъ пересчитывалъ назначенную ему сумму.

— Вотъ тридцать талеровъ, сказалъ Куртенбергъ. — Видно было, какого труда стоило ему каждое слово, и что онъ вполне сознавалъ какую онъ дѣлаетъ ошибку. — Желаю, чтобы эти деньги помогли тебѣ приобрести честныя средства къ жизни.

— Накинь еще парочку талеровъ, нынче все такъ дорого, а ты видишь, мнѣ надо одѣться съ головы до ногъ.

— Я самъ очень нуждаюсь въ деньгахъ, но пускай будетъ по твоему, сказалъ послѣ нѣкотораго раздумья, Андреасъ. — Вотъ еще десять талеровъ. Доволенъ ли ты теперь?

— Я такъ и зналъ, что ты славный малый, отвѣчалъ тотъ. — На, вотъ моя рука. Повѣрь, что я этого не забуду, и какъ только куда нибудь пристроюсь, приду къ тебѣ непременно. А пока прощай — и онъ протянулъ свою широкую, костлявую руку, которую Куртенбергъ взялъ, поблѣднѣвъ свое отвращеніе.

— Прощай, проговорилъ онъ тихимъ, подавленнымъ голосомъ. Долго смотрѣлъ онъ вслѣдъ удалявшейся фигурѣ, пока она не исчезла въ густѣвшихъ сумеркахъ. Наконецъ онъ пришелъ въ себя; изъ его груди вырвался глубокой вздохъ, онъ провелъ рукой по своему горѣвшему лбу, и тяжелымъ, усталымъ шагомъ, какъ человѣкъ, на котораго вдругъ снова навалили страшную ношу, тяжесть которой онъ уже пересталъ чувствовать, съ опущенной головой поплелся въ городъ.

Прошло нѣсколько недѣль. Куртенбергъ, наконецъ, началъ дышать свободно въ надеждѣ, что несправимый негодяй можетъ быть покончилъ гдѣ нибудь въ тюрьмѣ, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что этотъ несчастный человѣкъ, послѣ ихъ встрѣчи, преспокойно сталъ продолжать прежнюю жизнь.

Разъ Куртенбергъ былъ на дворѣ и осматривалъ купленные на аукціонѣ доски, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собой Фриделя Юберлинга, почти такого же оборваннаго и взъерошеннаго, какъ тогда, когда онъ, словно изъ-подъ земли выросъ передъ нимъ на большой дорогѣ. Въ первую минуту испуга Куртенбергъ потерялъ свое обычное спокойствіе. Поблѣднѣвъ какъ смерть, онъ вспылчиво воскликнулъ: „что тебѣ надо? Вѣдь я сказалъ тебѣ, что не желаю твоихъ посѣщеній!“

— Ну, ну, не горячись такъ. Рабочіе могутъ войти, равнодушно отвѣчалъ Фридель, — да и вообще, скверно съ твоей стороны, что ты такъ меня оболгалъ, Лангенштрассе, № 10, долго бы мнѣ пришлось искать тебя по этому адресу. Но, плохо ты знаешь Фриделя Юберлинга, если воображаешь, что его такъ легко провести, прибавилъ онъ съ ехидной усмѣшкой.

— Что тебѣ отъ меня надо? говори скорѣе, увидавшимъ голосомъ проговорилъ Куртенбергъ. Глаза его устремлены на мастеровую, въ страхѣ, какъ бы оттуда не увидѣлъ кто его страннаго посѣтителя.

— Нѣтъ ли у тебя такого уголка, гдѣ бы мы могли минуточку потолковать съ тобой безъ помѣхи? Вотъ тамъ, кажется, еще сарай, тамъ насъ никто не увидитъ, и безъ дальнѣйшихъ разсужденій онъ направился къ указываемому имъ мѣсту. Въ самой глубинѣ двора дѣйствительно находился другой сарай, служившій для храненія разныхъ запасныхъ столярныхъ матеріаловъ.

Куртенбергъ положительно машинально послѣдовалъ за нимъ. Мысли въ головѣ его путались, страшная тяжесть давила грудь, онъ едва сознавалъ что дѣлаетъ.

— Здѣсь тихоонько, здѣсь насъ никто не услышитъ, началъ Фридель, комфортабельно усаживаясь на груду досокъ. — Садись и ты, — и въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, онъ придвинулъ Куртенбергу старый опрокинутый ящикъ.

— Благодарю, не шевели губами проговорилъ столяръ. Ему казалось, будто не онъ самъ, а кто-то другой говоритъ за него.

Холодность собесѣдника нисколько не нарушила счастливаго расположенія духа Фриделя. „Ну не славный ли я малый, сознайся-ка самъ. Изъ силъ выбился тебя искавши, хоть ты и схитрилъ со мной, фальшивый адресъ мнѣ далъ. А я еще вы-

жидалъ, пока застаю тебя одного. Скажи-ка самъ, худо я поступилъ съ тобой?“ И его маленькіе плутовскіе глаза насмѣшливо смотрѣли на столяра, а тотъ стоялъ неподвижно, прислонясь спиной къ стѣнѣ и сложивъ на груди руки, какъ будто рѣшившись твердо и спокойно ждать наладенія.

— Что-жъ ты ни слова не говоришь? Хоть бы обрадовался приятелю! весело продолжалъ негодяй, словно ему доставляло особенное удовольствіе мучить своего бывшаго товарища по несчастью. — Ты знатно живешь, какъ я слышалъ, куда лучше, чѣмъ ты мнѣ тогда говорилъ. Совсе не къ чему тебѣ было бдѣяться; вѣдь я у тебя ничего не отнимаю, надѣюсь только, что ты, при теперешнемъ счастіи, не позабудешь стараго школьнаго товарища, которому къ сожалѣнію не повезло такъ, — тотъ онъ и старался изо всѣхъ силъ. Да видишь ли, оно и не удивительно; попалась мнѣ богатая жена, какъ тебѣ, можетъ быть и я былъ другимъ человѣкомъ.

Только теперь сознание вернулось къ Куртенбергу. Мысль о женѣ пронзала его какъ молнія. Что если она узнаетъ его прошедшее? Онъ безнадежно погибъ тогда! Счастье всей его жизни виситъ на волоскѣ... на кончикѣ предательскаго языка этого злобно ухмыляющагося негодяя!... Отгадывалъ ли его мучитель, что происходило въ его душѣ? Онъ продолжалъ успокоительнымъ тономъ: „Меня тебѣ нечего бояться, любезный Андреасъ. Твоей женѣ я никогда не покажусь на глаза. Я всегда незамѣтно проскользну къ тебѣ, знаешь, вѣдь я мастеръ на это. Когда я захочу, никакая кошка меня не увидитъ, не то что человѣкъ.“

— Сколько тебѣ сегодня нужно? тихо промолвилъ Куртенбергъ.

Фридель съ удивленіемъ смотрѣлъ на блѣдное лицо этого человѣка, повидимому спокойно покорившагося своей судьбѣ. „Ну, вѣдь это не къ спѣху, а впрочемъ, если бы ты мнѣ могъ одолжить талеровъ сто — при нынѣшнихъ тяжелыхъ временахъ, знаешь...“

Куртенбергъ, не давъ ему договорить, выхватилъ изъ кармана бумажникъ, который былъ съ нимъ, такъ какъ онъ только что намѣревался идти по одному дѣлу и вынулъ сто талеровъ. „А когда ты опять придешь?“ спросилъ онъ, пристально смотря на негодяя, который теперь опустилъ свои глаза.

— Что ты обо мнѣ думаешь? Теперь ты мнѣ помогъ, и basta, я не буду къ тебѣ приставать больше.

— И я объявляю тебѣ, это послѣднія деньги, что ты отъ меня получилъ, твердо проговорилъ Куртенбергъ, выпрямляясь во весь ростъ, точно готовился къ энергическому сопротивленію, въ случаѣ дальнѣйшихъ требованій.

— Нечего тебѣ кулаки-то готовить. Во мнѣ еще есть совѣсть; сказано: не приду больше, пробормоталъ Фридель. Засунувъ въ карманъ деньги, онъ поднялся и не простаясь, съ оскорбленнымъ видомъ, вышелъ изъ сарая.

Куртенбергъ, точно разбитый, бросился на ящикъ, который придвинулъ ему Фридель, когда они вошли въ сарай. Несчастный человѣкъ безсознательно глядѣлъ передъ собой, и только раздавшійся вдругъ дѣтскій голосъ вывелъ его изъ этого оцѣпенія. „Папа, да гдѣ ты? Я тебя гдѣ ищу“, и мальчикъ съ радостью бросился къ отцу, который распростеръ ему свои объятія и молча горячо прижималъ его къ сердцу.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу быть счастливымъ, пока это возможно, прозвучало въ глубинѣ его души, и взявъ мальчика за руку, онъ бодро вышелъ изъ сарая и съ прежней радостью слушалъ невинную болтовню любимаго ребенка.

Нѣсколько недѣль спустя, Куртенбергъ былъ у себя на квартирѣ, какъ вдругъ передъ нимъ выросъ Фридель, съ тѣмъ же злорадно осклабленнымъ, такъ хорошо знакомымъ ему лицомъ. Въ первую минуту изумленія несчастный человѣкъ позабылъ принятую имъ твердую рѣшимость: не давая своему преслѣдователю ни пфеннига. Не дожидаясь даже чтобы тотъ заговорилъ, онъ подошелъ къ письменному столу и подалъ ему пачку золота, даже не сосчитавъ сколько въ ней.

— На, и убирайся! проговорилъ Куртенбергъ, задыхаясь отъ гнѣва и толкая въ дверь негодяя; тотъ, пораженный, удаллся, безсвязно бормоча что-то.

Только теперь злополучный Куртенбергъ пришелъ въ себя. Онъ не сдержалъ твердо принятаго намѣренія и понималъ, что этимъ совершенно отдалъ себя въ руки этого отъявленнаго мошенника... но что же было ему дѣлать? Жена была въ комнатѣ рядомъ, она могла войти каждую минуту, и тогда все погибло... Нѣтъ, нѣтъ, она не должна знать ужаснаго прошлаго; по крайней мѣрѣ, на сколько это въ его власти, онъ отдалить отъ нея страшное открытіе...

Но кровопийца опять явился, и сталъ приходить все черезъ болѣе и болѣе короткіе промежутки, всякій разъ съ нахальнѣйшимъ безстыдствомъ требуя все большія суммы. На тревожныя жалобы Куртенберга: „ты пустишь, меня, наконецъ, по міру“, онъ отвѣчалъ презрительнымъ смѣхомъ, и только настойчиво требовалъ денегъ; отказать ему несчастный не имѣлъ мужества.

Куртенбергъ не могъ долѣе скрывать отъ жены своего отчаянія. Онъ ходилъ точно во снѣ и даже ласки нѣжно любимыхъ дѣтей вызывали у него одну печальную улыбку. Жена не могла не разгадать причины его горя. Презрѣнный денпой

воръ приходилъ слишкомъ часто; она не могла, наконецъ, не замѣтить какъ его, такъ и того, что всякій разъ послѣ его появленія бѣднымъ ея мужемъ овладѣвала тоска, которую онъ тѣмъ же старался превозмочь.

Однако, Лизбета была слишкомъ умна и деликатна, чтобы неосторожно касаться такихъ вещей, которыя ея мужъ не рѣшался довѣрить ей. Но самое малѣйшее движеніе его души не было для нея тайной, она читала самыя его сокровенныя мысли на его блѣдномъ лицѣ, въ его грустныхъ глазахъ... Въ одно воскресеніе, когда никого изъ рабочихъ не было дома, кто ушелъ въ церковь, кто къ роднымъ, Лизбета опять увидѣла изъ своей комнаты, что подозрительный незнакомецъ стоитъ на дворѣ съ ея мужемъ и объ чемъ-то таинственно говоритъ съ нимъ. Она ясно видѣла блѣдное, отчаянное лицо своего мужа. Вдругъ ей показалось, что въ его опущенныхъ глазахъ блеснула какая-то страшная рѣшимость. Она замѣтила, какъ губы его судорожно передернулись и онъ принялъ такую позу, какъ будто готовъ былъ броситься на своего неумолимаго мучителя и задушить его на мѣстѣ.

Оба удалились по направленію къ сараю. Предчувствіе, что тамъ должно случиться нѣчто ужасное, сжало ея сердце... Не помня себя она сбѣжала внизъ вслѣдъ за мужемъ. Подбѣжавъ къ сараю, она услышала задыхавшійся отъ ярости голосъ мужа: „Нельзя иначе! Одинъ изъ насъ долженъ умереть. Ты доведи меня до изступленія, пусть будетъ, что будетъ!..“

Лизбета видѣла, какъ ея мужъ повалилъ незнакомца на землю, придавилъ его колѣномъ и обѣими руками сжималъ ему горло, такъ что его и безъ того красное лицо сдѣлалось багровымъ, онъ ужъ едва хрипѣлъ.

— Ради Бога, Андреасъ! что ты дѣлаешь? съ отчаяніемъ вскрикнула она.

При звукѣ хорошо знакомаго голоса, Куртенбергъ обернулся и оставилъ своего врага. Словно ошеломленный, безъ словъ, онъ безумно смотрѣлъ въ лицо жены...

— Андреасъ!.. трогательной мольбой, кроткимъ упрекомъ прозвучало его имя въ ея трепещущихъ устахъ, между тѣмъ какъ она открывала ему свои объятія.

Онъ не смѣлъ приблизиться къ ней и только беззвучно проговорилъ: „О, какъ я несчастенъ, какъ я несчастенъ!...“ потомъ, съ громкимъ рыданіемъ, онъ опустился на землю и дрожащими руками закрылъ свое помертвѣлое, мокрое отъ слезъ лицо.

Фридель между тѣмъ опомнился. Нападеніе Куртенберга было такъ быстро и неожиданно, что онъ не могъ отъ него оборониться. „Что, вы его жена?“ дерзко обратился онъ тотчасъ же къ Лизбетѣ. „Нечего сказать, хорошаго нашлп мужа. Это негодяй, убійца, которому нипочемъ вихомолку задушить своего стараго пріятеля.“

Куртенбергъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто снова хотѣлъ броситься на Юберлинга, но взглядъ жены остановилъ его. Голова его опять опустилась на грудь; онъ сидѣлъ неподвижно. Вся энергія оставила его, онъ не въ силахъ былъ больше бороться съ неумолимой судьбой...

— Да, мы съ нимъ школьные товарищи, продолжалъ Фридель съ ядовитымъ смѣхомъ. „Правда, школа-то, гдѣ мы познакомились, совсѣмъ особаго рода—это такъ сказать „исправительное заведеніе“. Да, да, сударыня, не смотрите на меня такъ, вашъ любезный муженекъ сидѣлъ со мной вмѣстѣ въ рабочемъ домѣ, а если вы мнѣ не вѣрите, то я могу вамъ это доказать. Да всего лучше, спросите его самого, вѣрно у него не достанетъ духу отиhrаться въ моихъ глазахъ.“

Изъ груди Куртенберга вырвался сдержанный, едва слышный вздохъ. Открылась, наконецъ, ужасная тайна, которую онъ съ такимъ трепетомъ и такъ долго скрывалъ отъ жены... Какъ приметъ Лизбета страшную вѣсть,—вѣдь она разобьетъ ея сердце! Онъ не смѣлъ поднять на нее глазъ; онъ готовъ былъ кричать отъ отчаянія, и между тѣмъ его блѣдныя губы не могли издать ни единого звука... Онъ неподвижно глядѣлъ передъ собой, какъ преступникъ, для котораго все погнбло, и онъ только ждетъ, когда будетъ прочитанъ его приговоръ.

— А вы знаете также за что мой мужъ сидѣлъ въ рабочемъ домѣ? спокойно спросила фрау Куртенбергъ.

— Само собою разумѣется—еще бы мнѣ не знать! засмѣялся Юберлингъ. „За поджогъ!“

— Правда, за поджогъ, возразила Лизбета. „Но тогда мой бѣдный Андреасъ былъ почти ребенкомъ; не за долго передъ тѣмъ у него вышла ссора съ его злой мачихой, онъ напился съ гори, и когда въ нетрезвомъ видѣ вернулся домой, и домъ загорѣлся на него пало подозрѣніе и затѣмъ присудили моему бѣдному мужу такое тяжелое наказаніе.“

Куртенбергу не вѣрилось, дѣйствительно ли онъ слышитъ все это! Какъ, жена знала его тѣмное, страшное прошлое, и находила для него нѣжныя, кроткія слова прощенія!

Его всего охватилъ радостный трепетъ; онъ вскочилъ, точно пробужденный послѣ тяжелаго, удручающаго сна, и схвативъ ея руки и покрывая ихъ поцѣлуями, лепеталъ сквозь горячія слезы, струившіяся по его щекамъ. „Лизбета! возможно ли это! О, ты мой ангелъ хранитель!“—Онъ ничего не могъ больше выговорить, волненіе его было слишкомъ велико; онъ обезси-

лѣлъ и упалъ бы. если бы она не поддержала его, заключивъ его въ свои объятія.

Эта сцена привлекла въ тупикъ Фриделя. Такого отношенія къ дѣлу и такого отвѣта онъ никакъ не ожидалъ отъ фрау Куртенбергъ. Сначала у него языкъ отнялся отъ изумленія; онъ не могъ понять Куртенберга. Если его жена уже знала все, къ чему же онъ позволялъ ему такъ травить себя.—„Да, а сидѣть въ рабочемъ домѣ все-таки позоръ“; началъ онъ, наконецъ, но съ такой неувѣренностью, котоая вовсе не походила на его прежнюю дерзость. „И порядочной женщиной не очень-то пріятно узнавать, что ея мужъ сидѣлъ когда-то въ рабочемъ домѣ.“

— Но я знала это до свадьбы, я все-таки вышла за него; спокойно отвѣчала Лизбета.

При этихъ словахъ Фридель разинулъ ротъ отъ удивленія, да такъ и оставался нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ что нибудь отвѣтитъ. „Вы это знали раньше, и все-таки пошли за него? Ну, такъ послѣ этого и сами вы не лучше“—и Юберлингъ разразился смѣхомъ.

Тутъ къ Куртенбергу возвратилась вся его энергія. Онъ выпрямился и съ сверкающими глазами и угрожающимъ видомъ вступая на Фриделя, воскликнулъ: „Я переносилъ отъ тебя все, давалъ тебѣ мучить себя, какъ ты хотѣлъ, ты доведи меня до отчаянія, но скажи только еще одно слово про мою жену, и я убью тебя! Онъ яростно бросился къ неголяю, но Лизбета остановила его за руку, съ словами: „Нѣтъ, Андреасъ, не роняй себя, оставь его. Пусть его болтаетъ, что хочетъ, онъ намъ не повредитъ,“ и она пыталась отвести своего мужа домой.

— Ну такъ я всѣмъ буду рассказывать, что вашъ мужъ сидѣлъ въ исправительномъ, бѣшено закричалъ имъ вслѣдъ Фридель; ему хотѣлось сдѣлать еще попытку настрашать эту великодушную женщину.

— Сдѣлайте одолженіе, съ величайшимъ спокойствіемъ возразила Лизбета. Вы должны прекрасно знать, что никто не посягнетъ безнаказанно упрекнуть его прошлымъ.“

Непоколебимая твердость этой женщины, произвела въ Фриделѣ внезапную перемену. Куда дѣвалась его угрожающая мина: онъ пошелъ за удаляющейся парой и униженно проговорилъ: „Я совсѣмъ провалился, не благоволили-ли дать мнѣ по крайней мѣрѣ хоть нарочку талеровъ? Свято обещаю вамъ за это, такъ правда, какъ сегодня воскресеніе, никому ни словечка не вымолвить обо всей этой исторіи, и не приходится никогда больше.“

Куртенбергъ боязливо смотрѣлъ на жену, ожидал какое-нибудь ея рѣшеніе. Но Лизбета, не минуты не задумываясь, такъ же спокойно какъ раньше, отвѣчала: „Можете болтать все, что вамъ угодно, мы вамъ этого не запрещаемъ; но въ милостыню я вамъ не отказываю“—при этомъ она опустила руку въ карманъ и подала ему нѣсколько денегъ. „Если же вы когда нибудь, подъ какимъ либо предлогомъ, осмѣлитесь спрашивать у моего мужа денегъ, то будете отданы подъ судъ за вымогательство. Мой братъ недавно назначенъ государственнымъ прокуроромъ. Вашъ процессъ будетъ коротокъ.“

При этихъ словахъ Юберлингъ отретировался такъ быстро, что супруги и не замѣтили, какъ онъ исчезъ. На этотъ разъ онъ сдержалъ слово; теперь онъ исполнѣ убѣдился, что ужъ ничего больше не удастся ему вытянуть отъ своего бывшаго „школьнаго товарища,“ и что безопаснѣе для него убираться подальше.

Куртенбергъ все еще не могъ дать себѣ отчета, грезить онъ, или въ самомъ дѣлѣ все это—счастливая дѣйствительность? Жена знала его прошлое и шутя сняла страшную тяжесть, давившую ему грудь и столько дѣтъ причинявшую ему такія жестокія страданія! Какъ дошло до нее это, и какъ могла она такъ долго хранить объ этомъ глубочайшее молчаніе? Можеть быть въ его влажныхъ глазахъ она прочитала этотъ жгучій вопросъ, котораго онъ не имѣлъ мужества высказать.

Лизбета медленно идя съ нимъ подъ руку, сказала съ своей ласковой, спокойной улыбкой, всегда такъ благотворно дѣйствовавшей на него: „Походимъ здѣсь еще немного, здѣсь намъ всего лучше потолковать съ тобой. Тебѣ вѣрно хочется знать какъ я узнала все?“—Онъ только кивнулъ головой. Сердце его было слишкомъ полно, чтобы онъ могъ говорить.

— Незадолго до нашей свадьбы я получила анонимное письмо, гдѣ меня предостерегали противъ тебя, и именно говорили, что ты сидѣлъ въ рабочемъ домѣ, начала свой рассказъ фрау Куртенбергъ. „Отцу я не смѣла ничего сказать, я боялась что онъ погорячится, и рѣшилась довѣриться моему младшему брату. Онъ тотчасъ же собралъ справки на твоей родинѣ, и такимъ образомъ намъ стало все извѣстно. Правда, сначала это меня очень поразило, но я любила тебя и братъ также сказалъ мнѣ: Андреасъ честный человѣкъ.“

— О, вотъ чего бы я не ожидалъ отъ твоего брата! воскликнулъ Куртенбергъ. „Я именно больше всего боялся всегда, что если онъ узнаетъ когда нибудь все, то больше всѣхъ будетъ презирать меня, такъ какъ онъ такой ревностный юристъ.“

— Да, онъ строгъ, но справедливъ, возразила Лизбета, „его добрыя слова подкрѣпили мою рѣшимость, не смотря ни на что соединить мою судьбу съ твоею.“

— И ты не раскаялась въ этомъ? спросилъ она нетвердымъ голосомъ.

Видъ бухты и города Наварина. Рис. Веберъ, грав. Гильдибрандтъ.

Общій видъ города Анконы. Рис. Ф. Бенда, грав. Ламлангъ.

Она посмотрѣла на него; глаза ея свѣтились такимъ счастьемъ, что этотъ нѣмой языкъ отвѣчалъ на его вопросъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ. „Нѣтъ, Андреасъ, сказала она просто: я только раскаяюсь въ томъ, зачѣмъ я давно не оторвала тебѣ, что мнѣ извѣстно твое прошлое. Я избавила бы тебя этимъ отъ многихъ тяжелыхъ минутъ. Но мы съ брагомъ думали тогда, что лучше никогда не затрогивать этого предмета—и безъ этого негодного.

— О, какъ я благодаренъ ему, воскликнулъ Куртенбергъ. „Я навсегда избавленъ теперь отъ тягости, никогда не дававшей мнѣ дышать свободно. Но больше всего благодаренъ я моей дорогой, умной женѣ. Вотъ кто спасъ меня“. И онъ съ безконечной благодарностью смотрѣлъ въ ея умные глаза, въ которыхъ также блестѣли слезы.

Тутъ пришли дѣти съ прогулки, и никакъ не понимали, почему сегодня отецъ такъ особенно радостно обнималъ и цѣловалъ ихъ.

— Какой ты сегодня веселый, замѣтилъ обрадованный мальчикъ. „Ты всегда будешь такой?“

— Всегда, отвѣчалъ Куртенбергъ, бросая благодарный взглядъ на жену. „Мама навсегда вылечила меня отъ моей скуки.“

— Мама, развѣ ты сдѣлалась докторомъ? спросила дѣвочка, ласково прижимаясь къ матери.

Та ничего не отвѣчала, но только съ счастливой улыбкой горячо прижала къ своей груди обоихъ дѣтей. И лучъ счастья, озарившій въ тотъ день эту семью, не погасалъ для нея никогда. Въ набольшемъ сердцѣ Куртенберга поселился съ того дня невозмутимый миръ. Ш.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Храмъ „Абу-Симлы“ въ Египтѣ.

Въ нижней Нубии громадныя песчанковыя скалы надвигаются на берега стараго Нила. Древніе Египтяне, выстѣкали свои величественныя храмы въ этихъ скалахъ, пробивали громадныя пещеры, которыя и служили храмами. Такой огромный пещеровидный храмъ есть напр. на лѣвомъ берегу Нила—древнее капище Абу-Симлы.

Рисунокъ этого храма, сдѣланный даровитымъ художникомъ Генцомъ, посѣтившимъ недавно Египетъ, мы помѣщаемъ въ сегодняшнемъ №.

Какъ между пирамидами грандіознѣйшія—Хеопсовы, между портиками—развалины Карнака, такъ между храмами древнихъ египтянъ самый замѣчательный, безспорно, храмъ Абу-Симлы, какъ по своимъ гигантскимъ размѣрамъ такъ и по архитектурѣ. Ни одинъ пиантиникъ египетской древности не можетъ съ нимъ равняться по величинѣ.

Въ древнія времена, когда Египетъ, „священная страна“, былъ въ полномъ блескѣ своей жизни и цивилизаціи, храмъ этотъ конечно видѣнъ былъ издалека; не такъ теперь, когда песокъ, осыпаясь съ горъ, покрываетъ его толстымъ, глухимъ слоемъ и грозить совершенно сравнять съ почвою.

Со стороны Нила можно еще кое какъ проникнуть во внутрь храма. Съ этой стороны сохранилась почти въ цѣлости широкая лѣстница, высѣченная изъ превосходнаго плитнаго, ведущая на грандіозное крыльцо, возвышающееся на 40 фут. надъ землей. Лицевая сторона храма, съ этимъ прекраснымъ крыльцомъ и съ колоссальными статуями, сохранившимися во всемъ своемъ величии, производитъ поразительное впечатлѣніе на зрителя.

Только со времени раскопокъ въ 1869 г. въ храмъ Абу-Симлы стало можно входить. До этого времени онъ былъ до того засыпанъ пескомъ, что только восточный колоссъ былъ отчасти видѣнъ, западный же стоялъ въ пескѣ до подбородка. Отъ входа въ храмъ осталось только самое маленькое отверстие, черезъ которое только согнувшись и ползкомъ можно было проникнуть въ первую галерею храма.

Теперь раскопки кончены и храмъ стоитъ во всей красѣ своей какъ стоялъ древле со статуей Рамзеса, египетскаго фараона, основателя храма.

Храмъ Абу-Симлы высѣченъ въ скалѣ, вышиною въ 42 сажени, ширина храма до 17 сажень а высота, отъ полу до свода, болѣе 14 сажень. У входа стоятъ четыре каменные изваянія египетскихъ фараоновъ по два съ каждой стороны дверей. Каждое изваяніе вышиною въ 10 саж., одніи руки ихъ, сложенныя на колѣняхъ, величиною съ рослаго человека; ногой на среднемъ пальцѣ шириною, въ четверть аршина. Одинъ путешественникъ рассказываетъ, что голова его свободно помѣщалась въ одной изъ позреихъ статуй, а въ ушной раковинѣ ея онъ могъ очень удобно лежать. По этому можно судить объ остальныхъ подробностяхъ. Всѣ они чрезвычайно пропорціональны.

Но что удивительнѣе всего и что сразу бросается въ глаза зрителю—это выраженіе лица статуй. Въ такой глубокой древности художественное чувство въ полной силѣ присуще было творцу этихъ изваяній. Не смотря на массивность лица, на немъ ясны типъ фараоновъ: желѣзная воля, полная достоинства и величія.

Статуи эти, равно какъ и храмъ, сооружены по повелѣнію Рамзеса II знаменитаго своими причудами и оригинальностью. Едва ли какой нибудь владыка могъ воздвигнуть памятникъ своему царствованію болѣе величественный.

Изъ четырехъ колоссовъ только три сохранились въ цѣлости до нашего времени. Четвертый (стоящій по лѣвую сторону воротъ храма, на нашемъ рисункѣ) отчасти только замѣтный, рассыпался до пояса. Верхняя часть туловища лежитъ у ногъ статуи. На плечѣ изваянія, изображающаго Рамзеса, высѣчено гіероглифами имя царя, но и безъ этой надписи не трудно узнать по благодарству выраженія каменнаго лица знаменитаго фараона, изображеніе котораго было очень часто темой древнихъ скульпторовъ. Ясно видна жесткая рѣзкая египетская

бородка, на головѣ царская корона. Сверху, на каменной плитѣ, вырѣзаны слѣдующія слова, сохранившіяся до нынѣ:

„Вѣчно живый, украшенный діадемой Уреуса, любящій справедливость, равный святостью быку Апису, Небесный Царь Верхняго и Нижняго Египта.“ Набожный Рамзесъ II (1407—1341 до Р. Хр.) основалъ и окончилъ храмъ въ свое царствованіе. Чтобы представить себѣ всю страшную трудность такого сооружения, довольно сказать, что вся масса камня, добытаго изъ образованнейшей пещеры (въ которой три большихъ галлерей и десять меньшихъ залъ) вся масса простиралась до 18,500 кубическихкихъ сажень.

Всѣ стѣны покрыты надписями и аллегорическими картинами. Картины эти сперва вырѣзаны на камнѣ, а затѣмъ покрыты тонкимъ слоемъ какой то краски, которая держится цѣлыя тысячелѣтія, съ полной яркостью. Картины, болѣею частью, историческія и изображаютъ эпизоды войны, вѣдѣнныхъ Рамзесомъ, который изображенъ на нихъ, то въ видѣ воина, съ мечемъ, или копьемъ въ рукѣ, то въ видѣ судьи, разбирающаго споры своихъ подданныхъ, или же приносящимъ благодарственные жертвы богамъ.

Когда привидники—арабы, закутанные въ свои длинныя фантастическія бурнусы, съ факелами въ рукахъ, освѣтять таинственный прохладный сумракъ храма, тогда воображеніе невольно уносится во времена стародавнія, времена фараоновъ и словно видишь фантастическія группы египетскихъ жрецовъ, наполняющихъ храмъ торжественнымъ нѣмемъ, воспевающихъ хвалу своему „богу обоихъ горизонтовъ.“ Когда выйдешь изъ храма и вернешься въ міръ дѣйствительности, тогда чувствуешь какую то грусть. Прошли тысячелѣтія. А между тѣмъ на рынкѣ напр. стоятъ рядомъ вырытыя изъ вробовъ своихъ мумии, брѣнные останки фараоновыхъ подданныхъ, бронзовыя статуэтки святаго быка Аписа, рядомъ съ щитами изъ слоновьей шкуры; свертки папирусовъ лежатъ возлѣ клятокъ съ птицами. И сыны пустыни продаютъ свои товары европейскимъ туристамъ, разматривающимъ ихъ въ модныхъ лѣтнихъ костюмахъ, въ *pinces-nez* и съ сигарой въ зубахъ.

Крылатые герольды.

(Рисунокъ Дорэ.)

Этотъ превосходный рисунокъ заимствованъ изъ того же изданія А. Ф. Маркса „Потерянный Рай“ Мильтона о которомъ мы уже нѣсколько разъ говорили. Наши читатели уже видѣли нѣсколько образцовъ этого роскошнаго изданія. Настоящій рисунокъ относится къ нѣсбѣ I: „Въ разгарѣ битвы, по повелѣнію Вождя, крылатые герольды трубными звуками объявляютъ войску, что великій совѣтъ долженъ сойтись въ Пандемоніумѣ, столицѣ Сатаны. Изъ каждаго отряда, изъ каждаго легіона призываются достойнѣйшіе по чину и выбору...“ Цѣсбѣ I стр. 19.

Наваринъ.

На юго-западномъ берегу полуострова Мореи, близъ бухты, образуемой Ионическимъ моремъ, лежитъ на невысокомъ холмѣ небольшой, но тѣмъ не менѣе одинъ изъ знаменитѣйшихъ греческихъ городовъ—Наваринъ. Построенный въ XIV вѣкѣ франками, онъ въ послѣдствіи перешелъ во власть венеціанцевъ, которые укрѣпили его и только въ 1715 году былъ онъ уступленъ Турціи.

На южномъ берегу бухты, противъ острова Сфактеріи, прославившагося во время пелопонезской войны, находится наваринская крѣпость, которая, вслѣдствіе своего положенія на довольно высокой скалѣ, господствуетъ надъ всею гаванью. Наваринская бухта, лучшая во всей Греціи, обширна, доступна по своей глубинѣ для самыхъ большихъ судовъ и имѣетъ узкій входъ, весьма удобный для обороны.

Самый городъ не замѣчательнъ ни красивыми зданіями, ни руинами, которыя свидѣтельствовали бы о прежнемъ блескѣ и могуществѣ; напротивъ вдоль узкихъ улицъ Наварина тянутся маленькіе, невзрачныя дома, а изъ руинъ вы найдете тутъ только древній водопроводъ и нѣсколько мраморныхъ колоннъ, поддерживающихъ фасадъ большой мечети. Но несмотря на

это, Наваринскіиъ дорогы въ особенности намъ русскимъ по своимъ историческимъ воспоминаніямъ: въ бухтѣ, при которой онъ лежитъ, былъ знаменитыиъ Наваринскій бой, прославившій русскихъ моряковъ.

Медленно вступалъ 8 октября 1827 г. англо-русско-французскій флотъ въ Наваринскую бухту, чтобы занять въ ней угрожающее положеніе и такимъ образомъ заставить начальника турецко-египетскаго флота, Ибрагима-пашу отказаться отъ новыхъ предпріятій противъ береговъ Морен и греческихъ острововъ. Первая колонна, состоявшая изъ французскихъ и англійскихъ судовъ, миновавъ крѣпостныя батареи, стала на якорь. Въ то время, какъ русская эскадра, имѣя во главѣ адмиральскій корабль „Азовъ“, управляемый знаменитымъ впоследствии адмираломъ Лазаревымъ, приближалась ко входу въ гавань, одинъ изъ турецкихъ брандеровъ открылъ ружейную пальбу, причемъ былъ убитъ парламентаръ, лейтенантъ Фицъ-Рой. Черезъ нѣсколько времени съ египетскаго корвета раздался первый пушечный выстрѣлъ, а затѣмъ батареи Наваринской крѣпости и батареи на островѣ Сфактеріи открыли огонь по „Азову“ и другимъ русскимъ кораблямъ, входившимъ въ гавань. Начальники союзнаго флота все еще надѣялись, что турки прекратятъ пальбу и, что дѣло еще можетъ уладиться мирно, но ихъ спокойствіе только увеличивало дерзость турокъ, которые, разсчитывая на свое численное превосходство, безъ сомнѣнія, желали боя. Бой не заставилъ ждать себя. Второй парламентаръ, посланный къ египетскому адмиралу начальниками эскадры Кодрингтономъ, графомъ Гейденемъ и де-Риппъ, былъ убитъ. Раздался сигналъ къ битвѣ и союзный флотъ открылъ огонь.

Начался бой, превратившій мирную Наваринскую бухту въ настоящій адъ; бой, измѣнически подготовленный турками, которые, безъ объявленія войны, имѣя 65 судовъ при 2106 орудіяхъ открыли адскій огонь по вступающему безъ выстрѣла въ бухту союзному флоту изъ 28-ми судовъ съ 1299-ю орудіями. Но надежды турокъ не сбылись—эскадры союзниковъ одержали полную побѣду...

Русскіе моряки въ точности исполнили слова, сказанныя Императоромъ Николаемъ при прощаніи съ эскадрой. „Надѣюсь, сказалъ Государь послѣ маневровъ подъ Красною Горкою, что въ случаѣ какихъ либо военныхъ дѣйствій, вы встрѣтите непріятели по-русски“.

Всего въ четыре часа отстребили они вмѣстѣ съ союзниками вятерю сильнѣйшій турецко-египетскій флотъ, оставивъ только пятнадцать мелкихъ судовъ „въ доказательство, что дѣйствіе съ нашей стороны было не наступательное, а оборонительное,“ какъ говоритъ въ своемъ донесеніи о боѣ герой Наваринской битвы, графъ Гейденъ.

Наваринскій бой полонъ эпизодовъ, свидѣтельствующихъ о геройскомъ духѣ русскихъ моряковъ. Всѣ, какъ начальники, такъ и подчиненные выказали въ этотъ день безстрашіе и отвагу, не знающія предѣловъ. Нельзя не удивляться, съ какимъ хладнокровіемъ храбрый командиръ „Азова“ управлялъ кораблемъ подъ перекрестнымъ огнемъ съ крѣпости и изъ батарей на островѣ Сфактеріи.

Графъ Гейденъ въ своемъ донесеніи приводитъ примѣры, когда даже раны не могли принудить офицеровъ оставить своей посты. Капитанъ Свинкинъ, тяжело раненый въ началѣ боя, не оставилъ своего поста до самаго конца битвы. Не имѣя достаточно силъ командовать стоя, онъ все время простоялъ на колѣняхъ, держась за канаты.

Лейтенанту Бутеневу нужно было приказать отойти отъ его пушекъ, которыхъ онъ не покидалъ, не смотря на то, что ему ядромъ раздробило руку. У него отняла руку по плечо; но узнавъ въ ту же минуту, что турецкій адмиральскій корабль уничтоженъ „Азовомъ“, онъ вырвался изъ рукъ бывшихъ при немъ, чтобы принять участіе въ общей радости.

Большая опасность грозила нашимъ судамъ отъ турецкихъ брандеровъ, но искусство, отвага и присутствіе духа русскихъ командировъ сдѣлали ихъ безвредными; въ самыя критическія минуты, когда нужно было ожидать, что вотъ сейчасъ корабль сдѣлается жертвою пламени и будетъ взорванъ, они спасали его благодаря своему хладнокровію. Такое присутствіе духа выказалъ между прочимъ и капитанъ Авинновъ, командиръ линейнаго корабля „Гангутъ“. Одинъ изъ турецкихъ брандеровъ пробрался ночью къ „Гангуту“ и уже сѣдился съ нимъ, но Авинновъ велѣлъ взять его на бордажъ, и турокъ, готовившійся зажечь его, былъ убитъ съ фитилемъ въ рукахъ.

Необычайную смѣлость обнаружилъ одинъ изъ матросовъ „Гангуга“. Въ самый разгаръ боя, не смотря ни на сильное волненіе моря, ни на опасность, бросился онъ въ воду, чтобы спасти образъ Богородицы Одигитріи. Этотъ образъ всплылъ на поверхность, когда турецкій брандеръ, пушенный Авинновымъ ко дну, погрузился въ воду.

Наваринскій бой замѣчательенъ единодушіемъ, съ которымъ дѣйствовали вмѣстѣ воины трехъ націй, до тѣхъ поръ нѣрѣдко враждовавшихъ между собой. Не было ни разногласій, ни зависти, всѣ были воодушевлены одною мыслью, стремились къ одной цѣли—уничтожить ненавистнаго врага и наказати его за тѣ злѣства, которыя онъ творилъ въ несчастной Греціи. Справедливо сказано въ написанномъ дочерью Кодрингтона

„Сказаніи о Наваринской битвѣ“: „Стали тѣ три рати и тѣ три адмирала во очію гербовымъ знакомъ пречестнаго ордена Бани, коего мессиръ Эдуардъ (Кодрингтонъ) былъ жалованцемъ и кой гласитъ: „Trío juncto in uno“, понеже равно какъ три рати были въ одну, трое адмираловъ сердцемъ и дланью были едины“.

Какъ извѣстно, Наваринскій бой былъ первымъ шагомъ къ войнѣ, вначалѣ неудачной по малочисленности нашихъ войскъ, и затѣмъ кончившейся Адрианопольскимъ миромъ. Наваринскій бой намъ дорогъ, по тому нравственному вліянію, которое онъ оказалъ на нашъ молодой флотъ, еще въ прошлогоднюю войну доказавшій, что духъ Наваринскихъ героев живъ въ морякахъ русскихъ.

Анкона.

Анкона, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Италіи, расположена на берегу Адриатическаго моря у подошвы горы Монте-Домеро. Высокіе шести и семи-этажныя дома, амфитеатромъ окружающіе прекрасную гавань, заключенную между мысами Монте-Киріако и Монте-Астагно, синіющія вдали вершины горъ, древній римскій молъ съ триумфальными воротами Траяна, построенными изъ бѣлаго мрамора и огромный маякъ на сѣверномъ берегу гавани—вотъ картина, которая представляется взорамъ путешественника, пріѣзжающаго въ Анкону моремъ.

Кромѣ восточнаго Траяна, построенныхъ Аполлодоромъ въ 115 году по Р. Х., въ Анконѣ, какъ и во всѣхъ итальянскихъ городахъ, много зданій, замѣчательныхъ по своей архитектурѣ. Такъ напр. на мысѣ Гуаско возвышается величественный соборъ св. Киріака, построенный въ XI вѣкѣ на развалинахъ древняго храма Венеры, воспѣтаго Катулломъ и Ювеналомъ. Изъ другихъ церквей мы назовемъ церковь св. Маріи делла Пиацца, св. Августина и церковь св. Доминика, въ которой находится картина Тиціана. Кромѣ того въ Анконѣ замѣчательна биржа по своему прекрасному готическому фасаду и фрескамъ.

Благодаря своей обширной торговлѣ и въ особенности гавани, которая считается лучшею во всей Италіи, Анкона, не смотря на всѣ бѣдствія, постигшія ее, сохранила и до сихъ поръ свое важное значеніе.

Анкона основана въ 392 г. до Р. Х. сиракузянами, бѣжавшими отъ преслѣдованій Діонісія старшаго, и названа Ансон вслѣдствіе своего положенія между двумя мысами (Ансон значитъ локоть). Достигнувъ большаго благосостоянія подъ властью римлянъ, она во времена переселенія народовъ, сдѣлалась сперва добычею готовъ, а затѣмъ лонгобардовъ. Провозгласивъ свою независимость при Гогенштауфенахъ, Анкона долгое время удачно отражала всѣ попытки, предпринимавшіяся для ея покоренія, пока наконецъ, въ 1532 году, генералъ Гонзага не овладѣлъ ею посредствомъ хитрости и не присоединилъ къ владѣніямъ папы. Въ 1797 году Анкона сдалась французамъ, а два года спустя, она, несмотря на упорное сопротивленіе генерала Мёнъе, была взята союзными русскими и австрійскими войсками. Вторично покоренная французами, Анкона въ 1813 г. перешла во власть неаполитанцевъ. Въ 1849 году Анкона съ засѣвшимъ въ ней отрядомъ революціонеровъ подверглась осадѣ австрійцами подъ начальствомъ генерала Виннифена, которому и сдалась на капитуляцію послѣ дватцатидневной бомбардировки. Затѣмъ въ 1860 году въ ней укрылся Ламорисьеръ съ остатками папскихъ войскъ, годъ же спустя она была присоединена къ итальянскому королевству. Съ тѣхъ поръ Анкона растетъ все болѣе и болѣе, ея торговля и промышленность увеличиваются, и недалеко время, когда она будетъ важнѣйшимъ торговымъ городомъ не только на Адриатическомъ побережьи, но и во всей Италіи.

Императорская яхта Ливадія.

2-го ноября снявшись изъ Севастополя съ его высочествомъ великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ для слѣдованія въ Одессу, яхта „Ливадія“, прошла вѣхи и херсонскій монастырь, около восьми часовъ вечера, 21 октября.

Въ двѣнадцать часовъ ночи, говоритъ корреспондентъ „Голоса“, сдѣлался туманъ, почему уменьшили ходъ и, по временамъ, давали свистки. Въ 12½ часовъ, считая себя въ разстояніи около восьми миль отъ маяка, но не открывши еще его огня, измѣнили курсъ на ½ R влѣво, такъ что должны были пройти его уже въ 4½ миляхъ. Туманъ по временамъ расходился немного, но снова находилъ густою массою, а маякъ все еще не открывался.

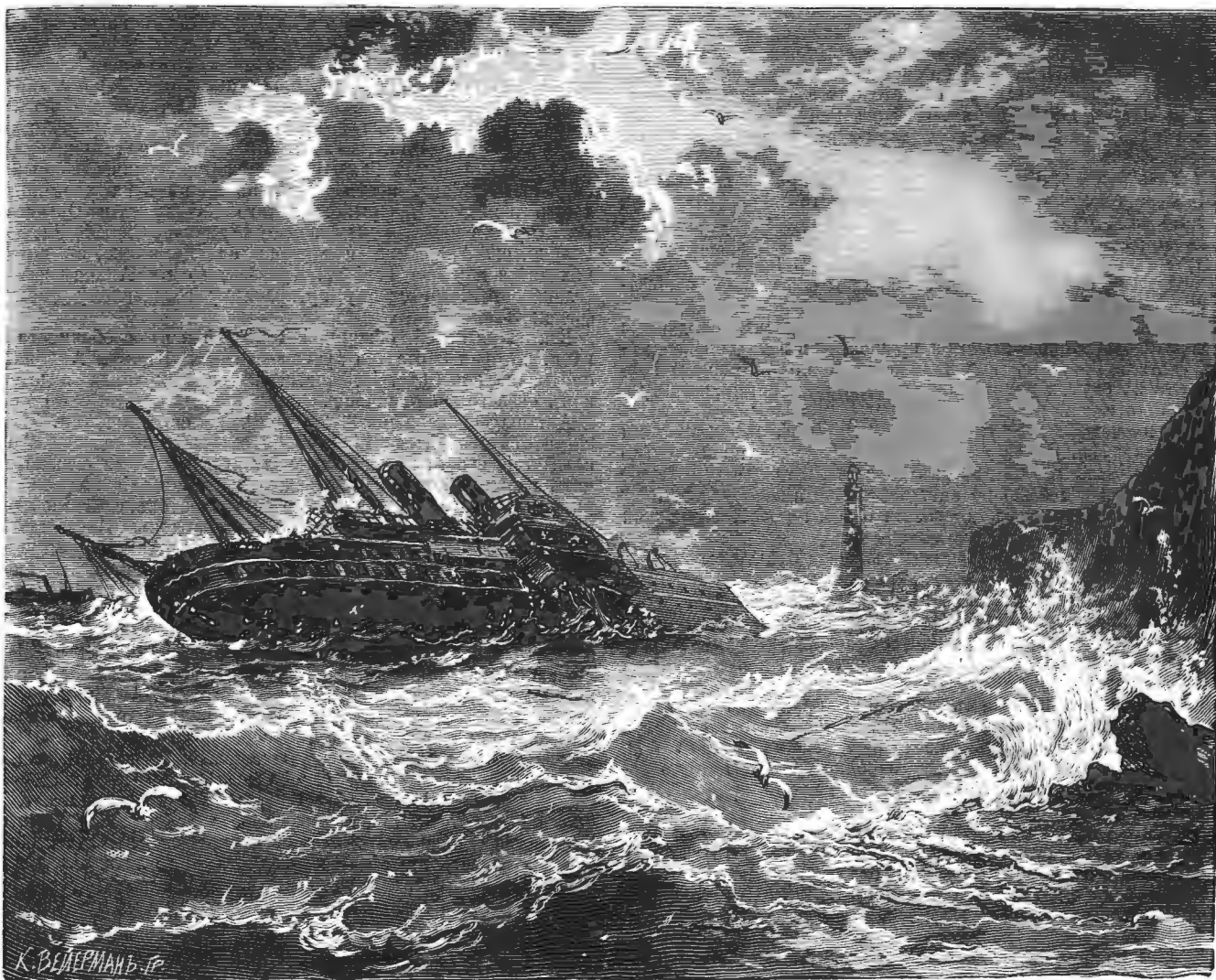
Въ одинъ часъ 25 минутъ, яхта, испытывъ три небольшія судроганія, встала на мель, какъ оказалось впоследствии, на ровную и гладкую каменную плиту въ 300 саженахъ по юговосточную сторону отъ тарханкутскаго маяка и саженахъ въ 40 отъ обрывистаго каменистаго берега, который могъ быть разсмотрѣнъ только нѣсколько спустя, когда расчистился туманъ. Немедленно, при постановкѣ яхты на мель, была остановлена машина и данъ полный задній ходъ, но яхта не тронулась съ мѣста. Туманъ былъ такъ густъ, что кромѣ его ничего не бы-

ло видно вокруг. Около 1-го часа 45 минут туманъ вдругъ поднялся. Тогда только опредѣлилось положеніе яхты, но огня маяка, вѣтаки, не было видно. Какъ оказалось впоследствии, въ это именно время на немъ поправляли лампу. Тотчасъ послѣ постановки яхты на мель, съ нея начали спускать ракеты и палить изъ пушекъ, чтобъ привлечь какой-нибудь пароходъ, идущій, можетъ быть, не вдалекѣ. Послѣ первыхъ выстрѣловъ приближалъ къ яхтѣ смотритель маяка, которому было приказано немедленно телеграфировать въ Севастополь, Николаевъ и Одесу о случившемся несчастіи и о немедленной присылки пароходовъ для оказанія помощи. Но, возвратившись вскорѣ смотритель объявилъ, что телеграфъ изъ Евпаторіи на вызовъ не отвѣчаетъ и телеграмъ нельзя передать немедленно; это обстоятельство привело къ тому, что яхтѣ не была подана своевременная помощь сильными пароходами, которые несомнѣнно стянули бы ее на глубину.

Въ шесть часовъ утра, послѣ усиленныхъ просьбъ эскадрмайора генералъ-адъютанта Сколкова и командира, его высочество великій князь Сергій Александровичъ со свитою изволилъ

еле подняли якоря и отошли отъ берега. Командиръ рѣшился приступить къ перевозкѣ команды на своихъ гребныхъ судахъ на баржи и на берегъ, тѣмъ болѣе, что наступала уже ночь а обстоятельства погоды измѣнялись къ худшему. При этомъ нельзя не упомянуть, что когда перевозка команды уже приходила къ концу, и на яхтѣ осталось нѣсколько человекъ, они, видя, что командиръ все еще остается, стали просить, чтобъ и ихъ оставили раздѣлить съ командиромъ могущія быть случайности и даже гибель. Только получивъ увѣренность въ томъ, что командиръ съѣдетъ послѣднимъ, люди эти прекратили свои просьбы и съѣхали. Послѣдняя шлюпка свезла командира.

Всѣ попавшіе на берегъ расположились на маякѣ, вытащивъ ужъ съ большимъ трудомъ гребныя суда на берегъ по другую его сторону. На другой день подошло нѣсколько пароходовъ русскаго общества пароходства и торговли, но, за свѣжестью вѣтра и величайшей зыбью не могли приступить къ работамъ. Въ 10½ часовъ они ушли въ Севастополь, оставивъ при яхтѣ пароходъ „Александръ“. Въ 11 часовъ пришелъ пароходъ „Эль-

Импер. яхта «Ливадія» на мели близъ Тархангутскаго маяка По наброску А. Ковальскаго, рис. Н. Каразинъ, грав. К. Вейерманъ.

съѣхать на берегъ и расположился въ помѣщеніи смотрителя маяка, но почти все время проводилъ у яхты, наблюдая за всѣми усиліями, употреблявшимися для ея снятія съ мели. Послѣ восхода солнца были усмотрѣны одна за другою двѣ баржи русскаго общества пароходства и торговли, „Воробей“ и „Прутъ“, которыя на выстрѣлы изъ орудій, дѣлавшіеся при ихъ появленіи, подошли и въ теченіи всего дня оказали ей дѣятельную помощь, не давшую, къ сожалѣнію, положительнаго результата какъ по ихъ слабой силѣ, такъ и по причинѣ перемѣны погоды. Всѣ усилія ихъ, вмѣстѣ со всѣми средствами яхты, оказались безуспѣшными.

Послѣ полудня вѣтеръ, задувшій съ восхода солнца отъ берега, началъ свѣжѣть и переходить къ югозападу, вслѣдствіе чего съ каждымъ часомъ становилось затруднительнѣе производить работы на яхтѣ.

Вѣтеръ крѣпчалъ и волненіе увеличивалось, бурунь у берега обмывалъ яхту кругомъ и началъ ее бить. Баржи русскаго общества пароходства и торговли, стронувшія яхту немного съ мѣста, сошлись между собою, и на увеличившейся зыби сами

борусь“, который вмѣстѣ съ „Александромъ“, пробовалъ стащить яхту, пока погода, измѣнившаяся къ худшему, не заставила прекратить работы. Усиліями ихъ яхта была немного тронута съ мѣста. Утромъ въ этотъ же день нѣсколькими смѣлочками изъ команды, переправившимися вплавь, были поданы на яхту концы, и съ помощью ихъ было устроено сообщеніе яхты съ берегомъ по перьямъ. По нимъ сгружали царское серебро и другія, болѣе цѣнныя вещи, а также провизію для команды. Во всѣ послѣдующіе дни погода, неблагоприятная для работъ по съемкѣ яхты, заставляла бездѣйствовать. За это время доставали съ яхты всѣ вещи, необходимыя для устройства помѣщенной команды, состоявшей на яхтѣ въ числѣ около 200 человекъ, и проводившей первую ночь подъ открытымъ небомъ.

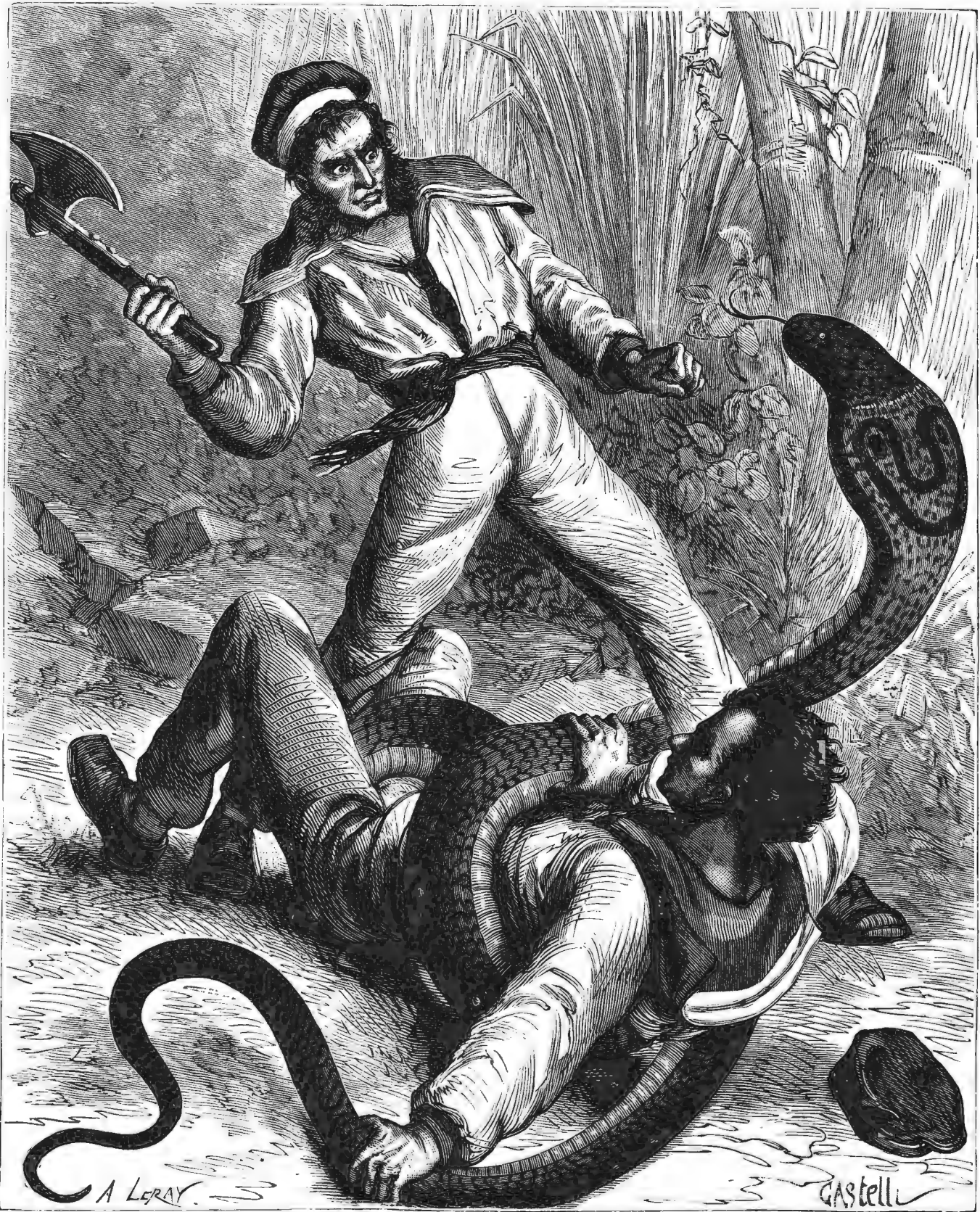
25-го октября цѣлыя сутки яхта выдерживала штормъ отъ юго-запада, которымъ ее бросило по камнямъ ближе къ берегу и сильно повредило.

26-го октября пришелъ главный командиръ черноморскаго флота, генералъ-адъютантъ Аркасъ съ нѣсколькими парохода-

(Продолженіе на стр. 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967 и 968.)

ми и всё вновь принялись за работу. Но засвѣжѣвшій къ ночи на 27-е октября вѣтеръ заставилъ бросить всё работы, и суда разошлись, оставивъ яхту на боку около скалистаго берега. 23-го октября утромъ, по желанію его высочества, былъ вы-

просьбѣ свиты, видя, что невозможно дожидаться никакого положительнаго результата, его высочество изволилъ отправиться берегомъ черезъ Евпаторію на Симферополь.

Борьба съ очковой змѣей. Рис. Костелли, грав. Лерай.

требованъ изъ Акмечета священникъ, который отслужилъ благодарственный молебень за спасеніе всѣхъ находившихся на яхтѣ.

Его высочество, во всё дни дѣлавшій со всѣми лишения, отказался отъ предложеннаго ему парохода, не желая отнять отъ яхты хотя бы малѣйшее средство спасенія. Послѣ усиленныхъ

Борьба съ очковой змѣей.

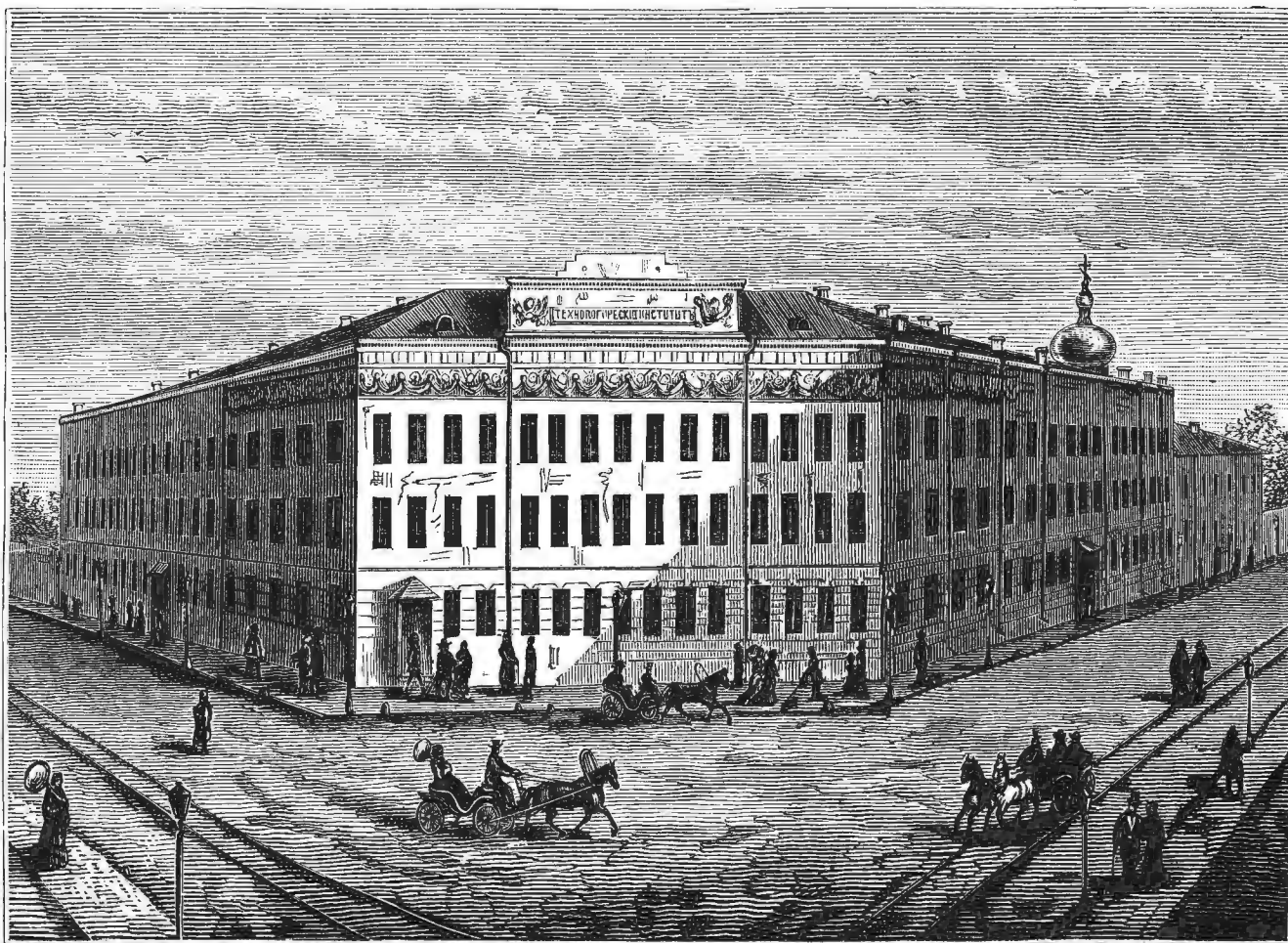
Въ младенческой періодъ своего роста, человѣчество, умственная дѣятельность котораго, въ то далекое и темное время, ограничивалось почти только предѣлами одной способности воспріятія вѣншихъ впечатлѣній,—взирая неопытнымъ гла-

зомъ на необъясненную еще природу, составляло себѣ обыкновенно преувеличенныя понятія о явленіяхъ окружающаго его міра.

До настоящаго времени еще мы видимъ много заблужденій и преувеличеній, дошедшихъ до насъ, въ той или другой формѣ. Изъ всѣхъ отраслей человѣческаго знанія, наука о животныяхъ—едва ли не самая богатая въ этомъ отношеніи. Помѣщая въ настоящемъ номерѣ нашего журнала рисунокъ, изображающій самаго страшнаго представителя класса пресмыкающихся—очковую змѣю, мы желаемъ пополнить тѣ свѣдѣнія, которыми о ней, безъ сомнѣнія, читатель обладаетъ—нѣкоторыми интересными подробностями.

Замѣтимъ, прежде всего, что подъ именемъ дракона древніе подразумевали, именно, удава. Его громадные размѣры, значительная сила и страхъ, который онъ—какъ и всѣ змѣи вообще—внушалъ, послужили основаніемъ легендъ. Но мы теперь уже хорошо знаемъ, что это не драконъ и что его общіе признаки заключаются въ слѣдующемъ: голова, болѣе или менѣе ясно отдѣлена отъ туловища, удлинена, треугольно-овальной формы, приплюснута сверху внизъ, спереди обыкновенно

какъ кормить удава, его положили на подмости, крытыя сукномъ. Боя осматрѣлся, поднялъ голову и сталъ быстро шевелить языкомъ. Къ нему подвели довольно большаго козленка. Выгнувъ шею, еще скорѣе задвигавъ языкомъ, змѣя какъ бы притаилась и слѣдила блестящими глазами за каждымъ движеніемъ животнаго. Прошло нѣсколько секундъ. Вдругъ, вытянувъ шею, какъ стрѣла бросился удавъ на козленка и схватилъ его морду въ пасть. Надсмотрщикъ отпустилъ козленка; змѣя свернулась съ непостижимой быстротой,—точно вытянутая и отпущенная пружина,—обмотала два раза бѣдное животное и такъ сжала ему грудь, что оно не могло больше дышать. Змѣя оставалась въ этомъ положеніи неподвижно до тѣхъ поръ, пока совершенно не прекратились судорожныя движенія козленка, т. е. минутъ восемь; а, затѣмъ, раскрыла свои кольца, опустила голову, полежала еще нѣсколько минутъ спокойно, обнюхивая и облизывая свою жертву, потомъ снова схватила ее за голову и принялась за трудный, повидимому, даже болѣзненный процессъ проглатыванія. Мало по малу голова козленка подвигалась дальше въ пасть, и при этомъ нижняя челюсть змѣи явно выходила изъ сочлененій, потомъ и спереди дуги ея разошлись и голова змѣи приняла безобразный,

Юбилей Технологическаго Института. въ Спб. Видъ фасада зданія. Рис. съ натуры Баровскій, грав. К. Вейерманъ.

заострена; пасть очень велика, туловище, чрезвычайно сильное и мускулистое, сплюснута съ боковъ, немного вдавлено вдоль средней линии спины, а по бокамъ ея приподнято, вслѣдствіе тянущихся тутъ сильныхъ мускуловъ, хвостъ сравнительно коротокъ, зачатки ногъ выражаются снаружи въ видѣ роговыхъ, тупыхъ когтей по обѣимъ сторонамъ туловища, у оконечности, близъ хвоста. Голова покрыта табличками, или чешуями, туловище—маленькими, шестиугольными чешуями, брюхо узкими и длинными щитками, которые у хвоста идутъ двумя рядами. Сплошные зубы сидятъ въ обѣихъ челюстяхъ, а у одной группы даже въ небной кости; они расположены такъ, что второй или третій зубъ въ ряду самый большой, а дагѣ, сзади зубы становятся мельче. Зрачекъ, сравнительно большаго глаза, продолговатый. Ноздри открываются вверхъ, оба легкія развиты. Кстаті здѣсь, руководствуясь мнѣніемъ серьезныхъ ученыхъ, категорически опровергаемъ всѣ басни о томъ, что удавъ въ состояніи проглотить человѣка, была или большаго оленя. Приводимъ разсказъ Шенца о томъ, какъ происходитъ процессъ проглатыванія, который онъ наблюдалъ въ одномъ звѣринцѣ. „Чтобы зрителямъ было видно,

отвратительный видъ. Наконецъ, дѣло дошло до плечъ и тутъ то началась самая трудная работа. Пасть двигалась чрезвычайно медленно; изъ нажатыхъ подъязычныхъ желѣзъ текло много слюны, которая дѣлала жертву скользкой; дыхательное горло выдалось на нѣсколько дюймовъ впередъ и оставалось такъ, пока, наконецъ, змѣя осилила плечи и грудь, причемъ пасть надвѣвалась на животное точно чулокъ. Весь процессъ поглощенія продолжался четверть часа; шея и грудь удава надулись и было ясно видно, какъ козленокъ переходилъ въ желудокъ. Дыхательное горло теперь втянулось и минутѣ черезъ десять челюсти снова приняли нормальное положеніе. Усиліе при глотаніи было такъ велико, что ротъ змѣи былъ въ крови. Она, казалось, на это не обращала никакого вниманія, съ наслажденіемъ шевеля языкомъ и облизывая себѣ ротъ. Еще на слѣдующій день можно было ощупать козленка, но по прошествіи трехъ дней змѣя имѣла уже свой обыкновенный видъ, а чрезъ восемь дней—проглотила втораго козленка. Точно также проглатывала она утокъ, куръ и кроликовъ, съ тою только разницею, что ей приходилось ловить ихъ, потому что они ходили на свободѣ въ ея клеткѣ: если она хватала какое нибудь

изъ этихъ животныхъ за ноги, то, затрудняясь проглотить его, отпустила и старалась поймать за голову“.

Едва ли не опаснѣе и не страшнѣе удава, извѣстная ядовитая очковая змѣя, названная португальцами „кобра ди капелла“ (т. е. шляпочная змѣя). Особенность этихъ змѣй заключается въ томъ, что, поднявъ вертикально переднюю часть тѣла, онѣ могутъ расширить шею и сдѣлать ее плоской, направивъ совершенно въ бокъ переднія восемь реберъ. При такомъ положеніи голова змѣи имѣетъ горизонтальное направленіе и кажется будто на змѣѣ надѣта большая круглая шляпа; впрочемъ, это кажется, если смотрѣть на змѣю сзади, спереди же, плоскостоящія ребра напоминаютъ щитъ и истому, говорить Брэмъ, название „щитовидной змѣи“ еще характернѣе. На затылкѣ у нея ярко выдается рисунокъ, очень напоминающій очки (есть нѣсколько разновидностей, отличающихся между прочимъ, и цвѣтомъ очковъ). Она гораздо меньше удава и достигаетъ 6 ф. длины. Испоуганная и раздраженная видомъ врага, преимущественно человѣка, змѣя эта приподнимается, выпрямляетъ переднюю часть тѣла почти на дѣлѣй футъ, расширяетъ шею и, затѣмъ, приготовившись къ защитѣ или нападенію, ползетъ на добычу или на врага; спереди она неподвижна какъ статуя, сзади же всякій мускулъ напряженъ. Укушеніе ея чрезвычайно опасно, часто смертельно. Очковая змѣя распространена по всей южной Азій, за исключеніемъ Целебеса и Молуккскихъ острововъ; не водится она также на Тиморѣ и въ Новой Гвинее. Она, преимущественно, охотится на крысъ, мышей, жабы, лягушекъ, ящерицъ, цыплятъ.

Наблюдатели говорятъ, что хотя движенія ея довольно медленны, но она очень ловка и умѣетъ лазить по деревьямъ, а также плавать. Брэмъ рассказываетъ, что съ одного корабля видѣли, какъ кобра, упавъ со скалы въ воду и не будучи въ состояніи взобраться по отвѣснымъ стѣнамъ, легко шмыгнула въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, „поднявъ голову и шляпу“. Удовольрено, что ядовитые зубы, которыми снабжена эта опасная змѣя, бывъ вырваны, (напр. „заклинателями“) — вырастаютъ вновь. Дѣйствіе яда этого гада чрезвычайно сильно, какъ показываютъ опыты, произведенные Русселемъ, Джонсомъ, Бретонномъ и друг. Голуби умирали чрезъ 3 или 4 минуты, куры чрезъ 4 или 6, собаки чрезъ 20 и даже чрезъ нѣсколько часовъ послѣ укушенія. Джонсонъ и Бретонъ нашли, что рядъ послѣдовательныхъ укушеній ослабляетъ ядовитость одной и той же змѣи. Бретонъ далъ ей укусить голубя, который, затѣмъ, умеръ чрезъ 27 минутъ; другой — умеръ чрезъ часъ и 11 минутъ, третій умеръ чрезъ 3 часа 42 минуты, на четвертаго и пятаго ядъ не имѣлъ дѣйствія. У людей, вслѣдствіе укушенія, замѣчается трупный холодъ и безсознательное состояніе. Дюффинъ рассказываетъ, что однажды, на Цейлонѣ, былъ очевидцемъ случая укушенія очковою змѣей. Одна женщина была ужалена въ нижнюю часть ноги и она потеряла способность видѣть и осязать; глотаніе было такъ затруднено, что было невозможно ввести ей чтонибудь въ желудокъ. Съ самаго начала она впадала въ спячку, которая все усиливалась. Рану расширили и наложили на нее руги и, съ трудомъ, наконецъ, дали ей нѣсколько пилюль. Подѣйствовало только третья. Лишь чрезъ 18 часовъ послѣ укушенія къ болѣной возвратилось осязаніе, зрѣніе и способность глотать, не прежде 8 или 10 дней исчезла слабость и болѣзнь начала поправляться.

Приведемъ теперь заимствованный нами у одного французскаго путешественника рассказъ, къ которому относится приложенный рисунокъ. Два матроса съ британскаго купеческаго корабля „Alaboster“, бросившаго якорь у Суматры, получили отъ капитана двухдневный отпускъ. Пріятели воспользовались имъ, чтобы посѣтить одного знакомаго плантатора. Хозяинъ принялъ ихъ съ живымъ радушіемъ и послѣ обѣда предложилъ совершить прогулку по сосѣднему лѣсу. Проходя въ одномъ мѣстѣ, они услышали какой-то странный шелестъ и — чрезъ секунду, близъ нихъ показалась большая кобра! Храбрый плантаторъ успѣлъ моментально скрыться съ глазъ и страшная змѣя, въ мгновеніе ока, обвила одного изъ матросовъ, который упалъ. Его товарищъ, однако не потерялся и схватился за свой топоръ. Началась ужасающая борьба, окончившаяся тѣмъ, что изрубленная змѣя упала мертвою на землю; но, въ послѣднихъ конвульсіяхъ своихъ она такъ сильно сжала свою жертву, что едва не задушила его; товарищу, спасшему его, пришлось поднять его и довести до плантаціи. У несчастнаго оказались переломленными два ребра. Рассказчикъ-французъ прибавляетъ, что матросы продали шкуру убитой кобры Барнуму.

Юбилей Технологическаго института.

Въ среду, 29-го ноября, въ петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ состоялся торжественный актъ, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея этого учебнаго заведенія. Въ два часа дня, актовая зала института наполнилась публикою. Въ тѣсныхъ рядахъ, передъ столомъ, за которымъ засѣдалъ учебный комитетъ института, находились представители

духовенства, администраціи, высшихъ учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ, члены депутатій, прибывшихъ съ поздравленіемъ по случаю торжества, представители печати и многочисленная толпа бывшихъ воспитанниковъ института, изъ которыхъ многие прибыли къ этому дню въ Петербургъ изъ провинціи. Черезъ открытыя двери боковой залы можно было видѣть тѣсно сплоченныя молодыя головы нынѣшнихъ студентовъ института. На почетномъ мѣстѣ, между портретами основателей и покровителей института, видѣлся украшенный зеленью бюстъ покойнаго императора Николая Павловича, въ началѣ царствованія котораго, именно 28-го ноября 1828 года, положено было начало нынѣшнему технологическому институту. Между высокооставленными лицами, удостоившими своимъ посѣщеніемъ юбилейный актъ, мы видѣли его императорское высочество герцога Петра Горьевича Ольденбургскаго, члена государственнаго совѣта М. Х. Рейтерна, бывшаго министра финансовъ, начальника и преобразователя института, и генералъ-адъютанта Грейга, его преемника.

По открытіи засѣданія, министръ финансовъ, генералъ-адъютантъ Грейгъ, объявилъ высочайшее повелѣніе, которымъ, въ ознаменованіе пятидесятилѣтняго юбилея института, учреждается для лучшихъ воспитанниковъ этого учебнаго заведенія двадцать стипендій въ память императора Николая I-го и пять стипендій имени графа Канкринна, достопамятнаго министра финансовъ, по мысли котораго былъ основанъ этотъ разсадникъ техническаго образованія въ Россіи. При объявленіи означеннаго высочайшаго повелѣнія всѣ подиались съ мѣстъ и продолжительнымъ „ура“ привѣтствовали монаршую милость, причемъ прекрасныи хоръ пѣвчихъ исполнилъ гимнъ „Боже, Царя храни“, повторенный по требованію публики. Едва умолкъ этотъ радужный привѣтъ, какъ генералъ-адъютантъ Грейгъ прочелъ высочайшую грамоту и списокъ награды, пожалованныхъ, по случаю юбилея, начальникамъ и преподавателямъ института. Эти новые знаки высочайшаго вниманія снова были привѣтствованы восторженнымъ „ура“ и гимномъ.

Послѣ этого началось чтеніе многочисленныхъ адресовъ и привѣтствій институту со стороны различныхъ учебныхъ заведеній и обществъ, приславшихъ для того своихъ депутатовъ. Академія наукъ, петербургскій университетъ, академія духовная, военная, морская, инженерная, медико-хирургическая, лѣсная, земледѣльческая; институты горный, путей сообщенія; училища: строительное, ремесленное, учрежденное въ память цесаревича Николая, и многія другія учебныя заведенія, а также общества: техническое, географическое, вольное экономическое, содѣйствія мореходству, содѣйствія торговлѣ и промышленности, общество архитекторовъ; всѣ выражали свои поздравленія и сочувственныя пожеланія институту. Петербургская городская дума и московское отдѣленіе мануфактуръ и промышленности также прислали своихъ депутатовъ. Бывшіе воспитанники, кромѣ поднесенія благодарственнаго адреса, заявили о своемъ желаніи учредить нѣсколько стипендій, для чего уже собираются деньги по подпискѣ.

По прочтеніи потомъ краткой исторической записки о прошлыхъ судьбахъ института, профессоръ Ильинъ прочелъ рѣчь. Торжество закончилось какъ привѣтственнымъ словомъ директора, г. Вышнеградскаго, собравшейся публики и тѣмъ депутатамъ различныхъ учреждений, поздравлявшихъ институтъ, такъ и назиданіемъ учащимся студентамъ института. Торжество закончилось „народнымъ гимномъ“ и молитвою „Господи, Бога, хвалимъ.“

По поводу юбилея въ Прав. Вѣст. напечатана слѣдующая Высочайшая грамота.

„Въ Божѣ почивающій Августѣйшій Родитель Нашъ Императоръ Николай Павловичъ, въ видахъ споспѣшествованія распространенію и прочному устройству мануфактурной промышленности въ Россіи, въ 28-й день ноября 1828 года повелѣлъ учредить въ С.-Петербургѣ практическій технологическій институтъ.“

Основанное съ сею цѣлію учебное заведеніе, постоянно слѣдя за успѣхами и состояніемъ прикладныхъ знаний, дало всѣмъ отраслямъ отечественной промышленности многочисленныхъ полезныхъ дѣятелей: многіе изъ питомцевъ технологическаго института съ честью достигли выдающагося положенія и стали техническими руководителями значительныхъ предпріятій, профессоры же института обогатили техническую литературу собственными изслѣдованіями, существенно расширившими кругъ приложенийъ науки къ промышленности.

Усматривая въ такихъ плодахъ полувѣковой дѣятельности института постоянное стремленіе къ цѣли, предначертанной ему въ Божѣ почивающимъ Августѣйшимъ Родителемъ Нашимъ, Мы, въ сей день пятидесятилѣтняго существованія института, изъявляемъ ему Наше благоволеніе, и надѣемся, что питомцы и Огочеству и оставаясь постоянно вѣрными своему назначенію, будутъ и впредь трудами своими содѣйствовать дальнѣйшему упроченію русской промышленности, и тѣмъ исполнять задачу, институту при его учрежденіи предначертанную.“

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Переговоры англійца съ турками.—Лейард.—Требования Англии.—Конвенція Порты съ Австро-Венгріей.

Тайна, прикрывавшая переговоры британскаго правительства съ Портой о новой „конвенціи“, начинаетъ, мало по малу раскрываться. Само собою разумѣется, что въ извѣстіяхъ по этому предмету большое мѣсто, пока, принадлежитъ и неосновательнымъ слухамъ и толкамъ, однако нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ, вѣроятно, заключается и истина. Совѣтъ министровъ уже обсуждалъ выработанный особою финансовою комиссіею, подъ предсѣдательствомъ Хейреддина-паши, проектъ займа. Большинство членовъ совѣта, подчиняясь вліянію Лейарда, рѣшили подвергнуть проектъ разсмотрѣнію С.-Джемскаго кабинета, въ тѣхъ видахъ, чтобы заручиться его содѣйствіемъ для пріобрѣтенія кредита на британскомъ денежномъ рынкѣ. Лордъ Биконсфильдъ одобрилъ проектъ турецкаго займа и обѣщала ему свою поддержку—но... но британское правительство, по видимому, находитъ указанныя въ проектѣ гарантіи „недостаточными“ и желаетъ имѣть другія, болѣе прочныя, и именно: находитъ, что дань съ Египта, о которой говорится въ проектѣ, уже служить обезпеченіемъ другихъ займовъ, кабинетъ Биконсфильда находитъ, что Турція должна представить гарантію въ видѣ новой территориальной уступки. По поводу самаго предмета уступки этой ходятъ самые разнородные слухи. Согласно однимъ источникамъ, подъ такой уступкой, британскій посланникъ при Константинопольскомъ дворѣ понимаетъ уступку острова Митилена и *Дарданеллы*, но, говорятъ,—султанъ противъ этого. Но это еще не все—Лейардъ, не довольствуясь тѣмъ, обратился къ султану и великому визирю съ новыми предложеніями и съ особымъ рвеніемъ ходатайствуетъ въ пользу Евфратской желѣзной дороги, для соединенія Скутари съ Багдадомъ. Проектъ приписывался Кланкѣ, но, въ сущности, принадлежитъ большой британской желѣзно-дорожной компаніи, которая требуетъ, въ случаѣ дарованія ей концессіи, уступки (опять уступки!) территорій въ Азіи, простирающейся до 450 гектаровъ, обязуясь принять на эту территорію выходящевъ изъ Румелии и другихъ мусульманскихъ колонистовъ. Вся прибыль должна принадлежать компаніи. Эти предложенія составляютъ часть большаго, содержащаго 26 статей, проекта, поданнаго Лейардомъ султану. Приближенные его величества рассказываютъ, что британскій посланникъ произнесъ при этомъ слѣдующія рѣчи, изъ которой приводятся слѣдующія слова: „Я даю странѣ вашей средства спасенія и принесъ ей повелителю совѣтъ королевы Викторіи. Дай Богъ, чтобы онъ понялъ его и привелъ его въ исполненіе“ (!) Предложенія Лейарда достигли уже государственнаго совѣта, который, говорятъ, принялъ въ принципѣ нѣкоторые пункты. Впрочемъ, какъ мы хорошо знаемъ, это еще отнюдь не равносильно согласію турецкаго правительства—развѣ было бы сдѣлано исключеніе для британцевъ... По другому же источнику—Британія, въ основаніи новой конвенціи полагаетъ уступку ей двухъ портовъ, въ особенности порта Александретты, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы онъ оставался подъ верховною властью Порты (!). За это Британія предлагаетъ ей финансовое вознагражденіе и гарантію турецкаго займа въ размѣрѣ 20-ти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Относительно суммы вознагражденія еще неизвѣстно ничего достовернаго. Требованіе уступки двухъ турецкихъ портовъ объясняютъ слѣдующими соображеніями. Какъ извѣстно, договоръ

4-го іюня о передачѣ Британіи острова Кипра мотивировался въ депешѣ лорда Солсбери къ Лейарду тѣмъ, что Британія обязывалась содѣйствовать султану въ защитѣ его мало-азіатскихъ владѣній противъ русскихъ, необходимо должна занять какой-нибудь пунктъ, на которомъ она имѣла бы возможность фактически выполнить эту обязанность, т. е. который находился бы по близости мало-азіатскаго берега. Хотя занятіе острова Кипра отвѣчало этому условію, но этого, однако, оказалось недостаточно. Географическое положеніе Кипра, какъ острова, не позволило бы британцамъ подать, въ случаѣ необходимости, немедленную помощь Турціи; для этого они должны располагать такими пунктами на самомъ материкѣ Малой Азіи и Сиріи, гдѣ могли бы высаживаться ихъ войска; гдѣ были бы *заблаговременно* заготовлены арсеналы и провіантскіе склады. Этому условію можетъ отвѣчать только уступка Британіи двухъ приморскихъ станцій, которыя оставались бы номинально подчиненными власти султана. Выше уже названъ одинъ изъ нихъ, т. е. Александретта, другимъ же, какъ предполагаютъ, будетъ, вѣроятно, Мерсина, на Киликійскомъ берегу, противъ сѣверной оконечности острова Кипра. Отъ Мерсины ведутъ дороги, чрезъ проходы Тавра, внутрь Малой Азіи. Оба эти порта включены въ проектъ будущей сѣти малоазіатскихъ желѣзныхъ дорогъ. Александретта—важнѣйшій пунктъ на Сирійскомъ берегу, такъ какъ отъ нея идутъ кратчайшія дороги къ верхнему и нижнему Евфрату.

Если Лейардъ энергически хлопочетъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ для Британіи въ предѣлахъ оттоманской имперіи, то, съ другой стороны, нашъ посланникъ въ Константинополь, князь Лобановъ-Ростовскій настаиваетъ на заключеніи окончательнаго договора между Портой и Русскимъ правительствомъ. Говорятъ, будто бы онъ не обуславливаетъ, попрежнему, ухода русскихъ войскъ этимъ договоромъ, но требуетъ очищенія турецкими войсками Служа и Подгорицы и обезпеченія безопасности христіанъ.

Что же касается конвенціи Порты съ Австро-Венгріей, то переговоры о ней, не смотря на успѣшный, было, ходъ—снова затихли. О боснійскихъ депутатахъ, торжественно принимавшихся австро-венгерскимъ правительствомъ и выразившихъ горячую преданность боснійскаго народа императору, мы находимъ въ корреспонденціяхъ изъ Босніи такого рода свѣдѣнія: это—люди, вполне и совершенно разобщенные съ народомъ, который они эксплуатировали и угнетали сами, во время турецкаго владычества, пользуясь или своимъ положеніемъ мусульманъ, или близостью съ турецкими властями, дружившими съ нимъ изъ-за ихъ богатства; понятно, что они и не могли быть избраны, собственно народомъ, а „приглашены“ австрійскими чиновниками мадыарскаго лагеря, хозяйничавшими въ странѣ. Будущее, безъ сомнѣнія, покажетъ—насколько увѣреніе этихъ депутатовъ можетъ считаться истиннымъ выраженіемъ чувствъ босняковъ!

Мы видимъ, между прочимъ, какъ мало нынѣшняя оппозиція британскому правительству служитъ истолкователемъ истиннаго настроенія британскаго народа,—не взирая на нападки партіи Гладстона, на митингѣ либераловъ, политика Биконсфильда одобрена парламентомъ, который закрытъ и снова открывается въ февралѣ.

Французское правительство, говорятъ, отзываетъ Лефло и присылаетъ на его мѣсто къ намъ генерала Шанзи.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Подробности о случаѣ, бывшемъ съ австрійскимъ наслѣднымъ принцемъ Рудольфомъ въ Прагѣ. Въ среду, 10-го декабря, наслѣдный принцъ находился, вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ, майоромъ Браунеромъ, въ одной изъ залъ дворца, гдѣ устроенъ былъ тиръ для стрѣльбы въ цѣль изъ комнатныхъ ружей, и упражнялся въ стрѣльбѣ. Пороховой дымъ наполнилъ комнату. Принцъ хотѣлъ открыть окно. Передъ этимъ онъ только-что зарядилъ свое ружье и держалъ его въ правой рукѣ, въ то время, какъ лѣвою рукою схватился за задвижку окна. Вдругъ ружье разряжается, и пуля, полетѣвъ къ окну, пробила лѣвую руку принца, засѣвъ въ мясѣ между большимъ и указательнымъ пальцемъ. Кровь полилась въ изобилии, и въ первую минуту было серьезное опасеніе. Лейбмедикъ императрицы Маріи-Анны, г. Эмигъ, осмотрѣлъ рану и призналъ ее неопасною. Заживленіе раны не потребуетъ болѣе двухъ недѣль, такъ какъ пуля не задѣла кости. Принцъ ни чуть не былъ встревоженъ этимъ случаемъ и сохранилъ полное присутствіе духа. Вечеромъ онъ принималъ гостей и потомъ занимался съ своимъ секретаремъ.

Въ воскресенье, 3-го декабря, публикѣ, собравшейся въ большой театр на представленіе балета „Балдерка“, былъ поднесенъ сюрпризъ: въ антрактѣ послѣ 1-й картины втораго акта въ люстрѣ зрительной залы уменьшили газъ и тотчасъ потомъ зажгли восемь шаровъ электрическаго освѣщенія по способу

Яблочкова. Шары эти прикрѣплены къ парпетамъ ложъ 4-го яруса. Зала мгновенно озарилась электрическимъ свѣтомъ. Публика встрѣтила эту новинку долго неумолкавшими аплодисментами, что повторилось и 4 числа, во время опернаго спектакля.

Электрическое освѣщеніе по способу г. Яблочкова, начинаетъ примѣняться у насъ даже въ частныхъ квартирахъ. 1 декабря, вечеромъ, во время иллюминаціи, проходившая по Большой Морской улицѣ публика останавливалась передъ воротами дома № 29, которые изнутри были освѣщены „новымъ свѣтомъ“ такъ сильно, что лучъ даже переходилъ на панель. Освѣщеніе производилось въ частной квартирѣ г. К. при посредствѣ обыкновеннаго уличнаго фонаря, прикрѣпленнаго желѣзнымъ болтомъ къ окну, выходящему во дворъ. Это привлекло массу любопытныхъ, такъ что дежурному дворнику пришлось запереть ворота на запоръ и удовлетворять разспросы чрезъ рѣшетку. По слухамъ, опыты производятся г. К. очень часто и даже почти всякій день. Цвѣтъ луча, весьма пріятный для глазъ—свѣтло-синеватаго оттѣнка, хотя при долгомъ наблюденіи онъ значительно утомляетъ—отличительная особенность почти всякаго электрическаго освѣщенія.

Недавно вышелъ 1-й выпускъ „Челобитной дьяка Всполюхова“, изданной отъ имени общества любителей древней письменности, на средства графа С. Д. Шереметева. Надняхъ, съ появле-

нием 2-го выпуска, окончено это издание, замечательное в техническом отношении и весьма любопытное в историческом и палеографическом. Автор челобитной, дьяк ямского приказа, заключенный в тюрьму за растрату казенных денег, воспользовался днем рождения Петра-Великого и в 1672 году написал к Алексею Михайловичу свое „второгодичное моление“ (первая челобитная, относящаяся к 1671 году, о которой известно со слов Весполохова, была оставлена без внимания). На подобное моление нельзя было не обратить внимания. Вопервых, бросались в глаза пять больших картин, расположенных в разных местах длинного (20 аршинъ слишкомъ) текста и иллюминированные для того времени очень недурно, в которых фигурируют: царь Алексѣй, царица, новорожденный Петръ, патриархъ, среди пышной и величественной обстановки, изъ которой, впрочемъ, Весполоховъ выдѣляетъ себя, или рисуя свою голову подъ царскимъ мечемъ, или уподобляя себя Ионѣ, находящемуся в разверстой пасти морского чудища и взывающему оттуда о спасеніи. Вотъ у нихъ, Весполоховъ представилъ въ этой челобитной свою биографію съ разными подробностями: о давнишнемъ обѣтѣ своемъ принять монашество, о двукратномъ обѣтѣ въ Кіевъ, объ искусительныхъ явленіяхъ ему нечистой силы, объ измѣнѣ обѣту, о женитбѣ, о причинахъ растраты казенныхъ денегъ, и проч. Изданная челобитная представляетъ собою первый и, сколько известно, единственный образецъ свитка-челобитной, въ текстѣ котораго помѣщены раскрашенные картины. Въ то же время, она является и первымъ образцомъ столь обширнаго свитка, исполненнаго хромолитграфическимъ способомъ, и исполненнаго артистически. Что касается, наконецъ, текста челобитной, онъ, служа образцомъ скорописи XVII-го вѣка, заключаетъ въ себѣ немало любопытныхъ чертъ для характеристики древней Россіи, порядка управления государственною казною и отношенія къ ней дьяковъ и подъячихъ.

Въ отчетѣ г. Валлема норвежскому правительству объ американскихъ рыбныхъ промыслахъ, приведены свѣдѣнія о размѣрахъ искусственнаго рыбозаведенія въ Американскихъ Штатахъ и о результатахъ его. Оказывается, что, вслѣдствіе общаго говора объ уменьшеніи количества рыбы, американское правительство поручило, въ 1871 году, профессору Берду повѣрить, насколько въ дѣйствительности уменьшилось количество рыбы въ рѣкахъ и по морскимъ бережьямъ, какія условия вызвали это уменьшеніе, какими средствами можно бы противодѣйствовать ему, какія мѣры принять для снабженія рыбныхъ становищъ новымъ запасомъ рыбы и, тѣмъ или другимъ способомъ, удешевить рыбную пищу для всего народонаселенія. Профессоръ Бердъ собралъ около себя кружокъ изъ 37-ми лицъ, и совмѣстный трудъ ихъ выяснилъ что нужно дѣлать. Было рѣшено усиленнымъ образомъ заняться охраненіемъ молодыхъ выводовъ, т. е. собирать въ надлежащее время икру и молоки, производить искусственное оплодотвореніе въ особо устроенныхъ правительствомъ аппаратахъ и выпускать молодыхъ рыбокъ въ рѣки и озера, когда они настолько выростутъ, что могутъ заботиться о себѣ. Энергичное и разумное осуществленіе этого рѣшенія дало въ короткое время удивительные результаты: по самымъ осторожнымъ расчетамъ, затрата на рыбозаведеніе въ 2.000 руб. даетъ чрезъ три года количество рыбъ, стоющее отъ 50,000 до 70,000 руб. Сверхъ того, любимые виды рыбы весьма удачно разводятся тамъ, гдѣ прежде ихъ никогда не было. Такъ, любимую американцами сельдь-желѣзницу (*Ghad, Alosa praestabilis*), которую до 1871 года никогда не выдѣли въ Калифорніи и вообще у береговъ Тихаго Океана, впустили, въ 1871 году, въ количествѣ 20,000 рыбокъ въ рѣку Сакраменто. Молодые рыбки исчезли, ушли въ море; а въ 1876 и 1877 годахъ они вновь появились въ рѣкѣ и, притомъ, во множествѣ. Тѣ же результаты получились при опытахъ съ другими породами рыбъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ настоящее время вопросу о распротраненіи семги и форели во всѣхъ рѣкахъ Америки придается большое значеніе и предположено, чтобъ правительственные рыбные заводы посылали каждому владѣльцу рѣчки или пруда такое количество оплодотворенныхъ яицъ или молодыхъ рыбокъ, какое имъ потребуется. Кромѣ искусственнаго разведенія и воспитанія рыбъ, въ Америкѣ были дѣлаемы попытки разведенія устрицъ, омаровъ и пр. Производство устрицъ и промыселъ на нихъ принялъ въ штатахъ большіе размѣры, тѣмъ въ какой бы ни было странѣ. Оборотъ устрицами официальные документы опредѣляютъ въ 4,000,000,000 цѣнностью около 100,000,000 рублей.

Объ открытіяхъ доктора Шлимана въ развалинахъ Трои мы говорили въ № 48 и теперь дополняемъ это любопытное извѣстіе нѣкоторыми подробностями, извлекаемыми изъ письма его, отъ 28-го ноября, съ Дарданеллъ. Почтенный археологъ окончилъ уже свои раскопки при наступленіи зимняго времени и возвращается въ Европу, черезъ Марсель. 1-го (13-го) декабря, въ парижской академіи, онъ долженъ былъ читать о своихъ послѣднихъ открытіяхъ въ Троѣ. Вещи, найденныя имъ въ развалинахъ дворца, весьма важны и чрезвычайно похожи на

тѣ, которыя г. Шлиманъ открылъ въ Микенахъ въ гробницѣ, гдѣ, по преданію, были схоронены тѣла Агамемнона и его спутниковъ, убитыхъ на пиру, по возвращеніи изъ Трои, по приказанію Эгистра и Клитемнестры. Въ числѣ найденныхъ имъ вещей находятся: браслетъ и большія булавы, употреблявшіяся какъ головное украшеніе, или для прикалыванія на груди женской одежды; работа этихъ драгоценныхъ вещей замѣчательна своею отдѣлкою. Любопытны длинныя золотыя полоски съ наръзками на нихъ въ формѣ кружковъ, зигзаговъ, оваловъ и т. п. назначеніе которыхъ неразгаданно. Но еще любопытнѣе—кинжалъ изъ метеорического желѣза, равнаго по достоинству лучшей стали. Замѣчательно, что кинжалъ этотъ не заржавѣлъ, но покрытъ какою-то смазкою, которую невозможно опредѣлить. Этотъ очень острый кинжалъ также найденъ подъ остатками дворца. Это первое желѣзное орудіе, отысканное въ Троѣ, Тронѣ и Микенахъ, и до сихъ поръ г. Шлиману не приходилось нигдѣ встрѣчать желѣза. Найденны также любопытные предметы изъ слоновой кости, въ формѣ колецъ; обломокъ палки или скипетра изъ стекловидной массы; такого же вида остатки пола, превратившіяся, вѣроятно, подъ дѣйствіемъ сильнаго огня, въ похотую на асфальтъ массу и валявшіяся въ гудахъ мусора. Вообще всѣ остатки, находимые на глубинѣ 7—10 метровъ, носятъ на себѣ слѣды огня, и подъ этими развалинами Эолийскаго Иліона находятся еще остатки двухъ донсторическихъ городовъ. Изъ бронзовыхъ вещей найдены острия сѣкиръ и копій, сплавленные въ пошарѣ. Открыты также камни для пращей, каменные огромные молоты, трахитовые жернова, овальной формы, топоры изъ діорита, огромное множество ножей и пилъ изъ кремня, нѣсколько маленькихъ мраморныхъ статуэтокъ Паллады-Аеины; есть и янтарныя вещи. Смѣшеніе самыхъ грубыхъ орудій съ золотыми вещами г. Шлиманъ объясняетъ тѣмъ, что золотыя вещи, вѣроятно, привозились въ Трою финикійцами.

Въ апрѣлѣ 1880 года въ Берлинѣ будетъ открыта международная рыбная выставка очень разнообразная по обнародованной программѣ. Срокъ доставки выставочныхъ предметовъ въ Берлинъ—1 января 1880 года, а расходы экспонентовъ ограничиваются только пересылкою рыбныхъ продуктовъ въ столицу прусскаго королевства. Возвратъ-же ихъ въ мѣста отправки прусское казначейство принимаетъ на себя.

Присланъ изъ Париза образецъ новаго сатирическаго листка „Le Titi“, замѣчательный примѣненіемъ особой химической краски, которая появляется только, когда бумага согрѣта на огнѣ. Такія чернила давно извѣстны и употребляются даже мальчишками въ перепискѣ съ ихъ возлюбленными. Но краска, употребленная для каррикатуры „Le Titi“ (голубаго цвѣта) имѣетъ свойство исчезать при остываніи бумаги и появляться снова при нагрѣваніи, сколько угодно разъ. Корреспондентъ, доставившій этотъ листокъ, справедливо замѣчаетъ, что примѣненіе такой краски къ каррикутурамъ можетъ доставить много новыхъ хлопотъ цензорамъ.

Какъ извѣстно, Кренкъ передѣлалъ наши ружья, заряжавшіяся съ казенной части, въ ружья своей системы, заряжающіяся съ казны. Недавно Кренкъ говорилъ, что придумалъ новую систему, которая превосходитъ даже магазинныя ружья. Онъ говорилъ, что своимъ новымъ ружьемъ, заряжающимся съ казны, онъ дѣлаетъ въ 3 минуты 55 выстрѣловъ, а лучшее магазинное ружье дѣлаетъ только 51 выстрѣлъ. Наше правительство уже приняло его систему, какъ онъ увѣряетъ. Со стороны Кренка очень похвально то, что онъ, какъ патриотъ-славянинъ (онъ родомъ чехъ), первой Россіи предложилъ свою систему; Франція тоже интересуется новой кренковской системой.

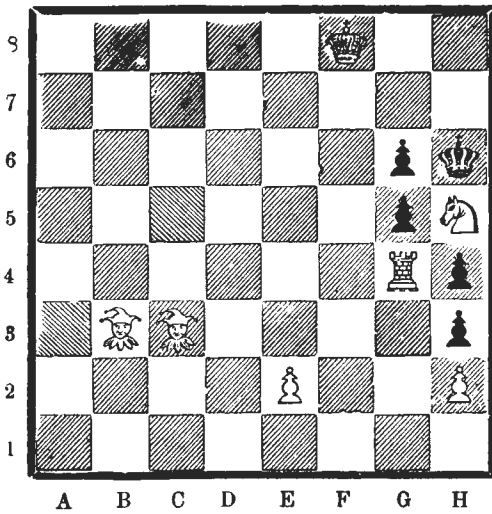
При раскопкѣ земли близъ Дроздова, Ломжинской губерніи, найдено болѣе десятка человѣческихъ скелетовъ, на глубинѣ отъ одного до двухъ футовъ. Почти при каждомъ мужскомъ скелетѣ находился небольшой ножъ; при нѣкоторыхъ-же женскихъ скелетахъ—металлическія серги, свернутыя изъ проволоки, и голубыя бусы, покрытыя известью.

К. Гуцковъ. Телеграмма изъ Франкфурга-на-Майнѣ, отъ 16-го декабря, извѣщаетъ о кончинѣ извѣстнаго нѣмецкаго романиста и драматурга Карла Гуцкова.

Норвежскія газеты сообщаютъ, что вдова Гунгильда Баневейненъ, которой въ прошломъ февралѣ исполнилось 100 лѣтъ отъ роду, долгое время страдала глухотою и слабымъ зрѣніемъ, заставлявшимъ ее носить очки. Теперь-же, въ началѣ втораго столѣтія жизни, старуха Гунгильда Баневейненъ снова стала отлично слышать и видѣть, причемъ очки оказались ей совершенно ненужными. Удивительнѣе-же всего, по сообщеніямъ норвежскихъ газетъ, тотъ фактъ, что на головѣ почтенной дамы снова стали расти черные волосы.

Шахматная задача.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинают и даютъ матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе шахматной задачи, помѣщенной въ № 50 „Нивы“.

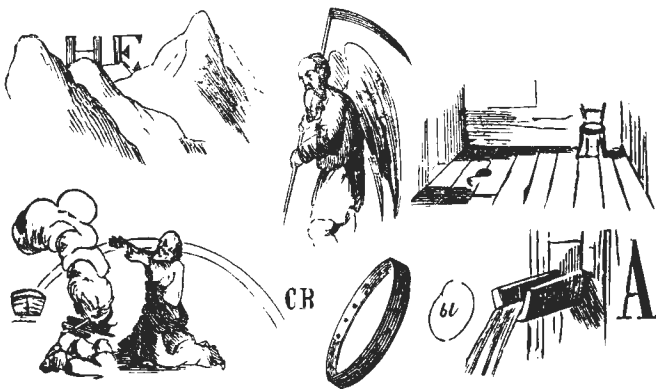
Бѣлые.

Черные

- 1) А 7—В 8
- 2) D 5—F 4
- 3) В 8—С 7 или смотря по ходу черного Е 4—Е 5 ††

- 1) Е 6—Е 5
- 2) D 6—D 5 или Е 5—F 4

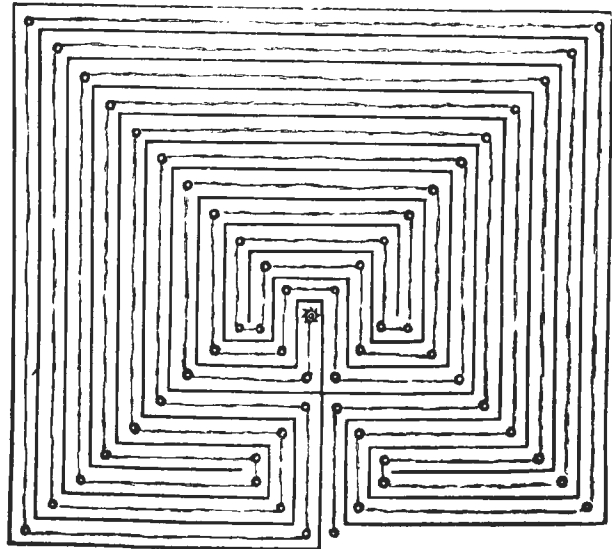
РЕБУСЪ.

Рѣшеніе ребуса въ „Нивѣ“ № 48.

Переходъ нашихъ войскъ черезъ Балканы доказаль, на какіе геройскіе подвиги способенъ русскій человѣкъ.

РѢШЕНИЕ ЗАДАЧИ „Лабиринтъ“ въ „Нивѣ“ № 49.

Линія проходящая между черными линіями показываетъ путь Тезей, а черная линія означаетъ стѣну лабиринта.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Вас. О. А. П.—реву. Вся почти стихотворенія Гейне уже переведены, нѣме по нѣсколькы разъ, такъ что, въ новыхъ переводахъ, изъ тому же незначительныхъ его стихотвореній, нѣтъ никакой надобности.

Спб. П—у и г. Крас—у. Задачи 49 № разрѣшены нами совершенно вѣрно. Нижній Новгородъ. Б—шину. Въ своемъ «романѣ» вы прибѣгаете къ слишкомъ смѣлымъ оборотамъ, напр. «глубоко вѣднвъ шалашъ въ лицо». Вашъ баронъ очевидно человѣкъ скромныхъ привычекъ, ибо «войдя въ свою великолѣпную гостиную, спросилъ бутылку пива». Напечатать вашъ романъ нельзя. В. С.—у. Ваша «эма» не будетъ помѣщена, при всей оригинальности такого, напр. стиха:

«Съ сѣраго неба все бѣлыя мушки на землю летать.»

Г. Гр «Пока» и «креста» «ты» и «люды»—это совсѣмъ не рѣши. Г. М. М Стихи очень гладкіе но слишкомъ избитые мотивы. Много искренности, но это все же не талант. Если бы вы попробовали переводить. Мих. Ш—нову. Вся эти стихотворенія Гейне давно переведены и конечно гораздо лучше.

В. А—у Ваше стих. «деревенна» написано очень тепло и мило. Стихомъ вы владеете, но это не повалъ.

Н—ю Сер—хову. Такіе стихи какъ

«скрежетавшій отъ глады
Зубами массы мусульман...»

Вы слишкомъ дорого цѣните.

Село Старостино. «Личному дворянину» г. В—ому. Ваши «акростики» и «лабуры» не будутъ помѣщены.

СОДЕРЖАНІЕ: А. Н. Сибирячовъ и его пароходъ «Леча» (съ портретомъ и рис.)—Портретъ игумена (святоточный рассказъ).—(Стихотвореніе) Ф. И Тютчева (съ рис.)—Невольный товарищъ (рассказъ).—Храмъ «Абу-Симлы» въ Египтѣ (съ рис.).—Крылатые герольды (съ рис.).—Наваринъ (съ рис.).—Анкона (съ рис.)—Императорская яхта Ливадія (съ рис.)—Борьба съ змѣей (съ рис.)—Юбилей Технологическаго института (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія—Шахматная задача.—Рѣшеніе шахматной задачи.—Ребусъ.—Рѣшеніе ребуса.—Рѣшеніе задачи.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Ф. БЕРГЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

въ нижнемъ магазинѣ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР. № 60 ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

АЛЬБОМЪ ЗАБАЛКАНСКАГО ПОХОДА 1877—78 гг.

Полное собраніе снимковъ походной фотографій А. Д. Иванова, альбомъ состоитъ изъ видовъ, типовъ, портретовъ и группъ разныхъ частей войскъ—цѣна въ роскошномъ переплетѣ 300 руб. отдѣльно снимки отъ 1 руб. до 5 руб. Подробный каталогъ высылается по требованію. № 246 6—5

ВЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА“

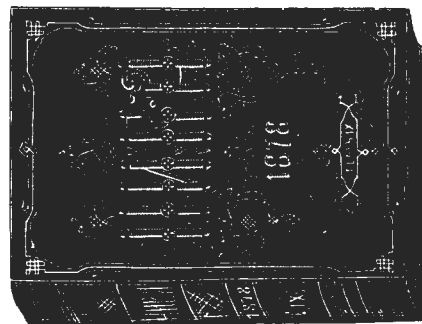
продается иллюстрированный журналъ „Нива“ 1875 и 1876 года.

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ, Т. Е. ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ, СЪ ПРЕМІЯМИ

Брошурованному	Въ простомъ перепл.	Въ каленкор. перепл.
Безъ перес. 4 р.—	Безъ перес. . 4 р. 75	Безъ перес. 5 р. 50
съ перес. . 5 р. 50	съ перес. . . 6 р. 25	съ перес. . 7 р.—

Приобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25% уступки (но только съ книги, а не съ переплета или съ пересылки).

Каждый томъ „Нивы“ заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большіхъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, современной жизни и проч. и до 700 художественно выполненныхъ рисунковъ. Помѣщенные въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома „Нивы“ имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нему приложенныхъ бесплатныхъ премій. Приложенія къ „Нивѣ“ 1875 года 2 картины 1) Смерть Юлія Цезаря, картина профессора Пилоти 2) Мадонна Севильская, картина Севастіана Мурильо.—Приложенія къ „Нивѣ“ 1876 года; Спящая Красавица, картина Э. Велз, печатана масляными красками въ 20 тонахъ. № 186

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ 1878 и также 1879 гг. по вышепоказанному образцу 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губерскомъ городѣ легко можетъ переплестъ „НИВУ“ въ такую колѣнкорovou крышку.

Изданія А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Большая Морская, д. № 9.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Штумпагена. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1879 г. 80 к. съ перес. 1 р.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть временъ Екатерины II. П. Шетрова и В. Клоушикова. Ц. 1 р. для подписчиковъ „НИВЫ“ 1879 г. 75 к. съ перес. 1 р.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ Мармитта. перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р. для подписч. „НИВЫ“ 1879 г. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Издание А. Ф. Маркса в С.П.Бургѣ. Б. Морская, д. № 9.

МИЛЬТОНЪ

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ
РАЙ.

Съ картинами ГУСТАВА ДОРЭ.

Переводъ А. Шульговской

ИЗДАНИЕ IN FOLIO.

Съ подстрочными Английск. текстами.

ЦѢНА:

въ прост. каленгор. перепл. 25 р.
съ перес. въ ящикъ . . . 30 р.
въ красивомъ полшп. и съ
зол. обр. въ футлярѣ . . . 30 р.
съ перес. въ ящикѣ . . . 35 р.

Издание *классическихъ авторовъ* въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія въ ихъ безсмертнымъ именамъ. Такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасныя, не утратившія своей прелести въ теченіи вѣковъ, страницы. Предпринимая это издание, Издатель не жалѣлъ ни труда ни времени, чтобы придать знаменитому творенію *Мильтона*, соединенному съ превосходными рисунками Густаве Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя издания за границей.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, заграничными изданіями, очень дешева. Для подарковъ на Елку, это издание, по своему *красивому* и очень *богатому переплету*, исполненному по рис. *И. Панова*, будетъ весьма *удобно*.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „СЛОВО“ въ 1879 году.

Научный, литературный и политическій журналъ „СЛОВО“ будетъ издаваться въ 1879 году въ С.-Петербургѣ безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ (отъ 20 до 30 листовъ большаго формата).

Въ вышедшихъ до сихъ поръ книжкахъ журнала были, между прочимъ, помѣщены слѣдующія статьи:

Не у дѣлѣ. Свены. П. Д. Боборыкина. — Записки лондонскаго врача для бѣдныхъ Р. Шалл. — Кто во что гораздъ, Повѣсть П. Вологодина. — Стрѣница романа. Романъ Э. Золь. — Гражданка. Сказы А. И. Пальма. — Возгласіе разсказы. Эремана Шатриана. — Идеалистка. Повѣсть Анны Станевичъ. — Попѣдка во Фрагменты. Е. Л. Иванъ-вой. — Странные люди. Разсказъ Златовратскаго. — Блуждающія Разсказы. Г. И. Богрова. — Первый блинъ комомъ. В-вой. Забытые. Очерки Н. Максимова. — Сами по себѣ. Романъ П. Г. Боборыкина. — Пармская шарпеза. Романъ Стея для — Историческое значеніе военнаго подбора. М. П. Чичковъ — Трудовое начало въ народномъ бытѣ. Романъ А. Я. Венникова. — Экономическая теорія Маркса. П. И. Зибера. — Новая данія объ общинномъ земледѣльчествѣ въ Россіи. П. А. Соколовскаго. — Наука о языкѣ и ея отношенія къ антропологии и социологии. Д. Н. Кузнецова. — Общественно-экономическія отношенія въ юго-восточной Россіи. В. П. Гидебранскаго. — Культурные міонеры (статья редакціи съ к-тахъ). Д. Н. Кузнецова. — Фердинандъ Лессаль сквозь очки Червилья. П. З. — Обезличеніе крестьянской собственности. В. Ленскаго. — Происхожденіе и развитіе торговли и торговаго класса. М. Кулишера. — Старовѣрье Ю. Ю. — Лисное царство. П. Волыгина. — Борба за существованіе и политическій строй. М. Кулишера. — Очеркъ исторіи обращенія съ дѣтьми. М. Кулишера. — Родовое начало въ древнемъ обществѣ. Д. А. Корниченскаго. — Темная страна (отчетъ о путешествіи Свенди). — Последнее слово буржуазной философіи. В. Ленскаго. — Ученое невѣжество А. А. Додичева. — Общества животныхъ, какъ матеріалъ для социальной науки. И. Д. Аго. — Вольтеръ Жи. — Физиологическая основа поэзіи Т-скаго. — Финансовое хозяйство Россіи. А. С. — Британскіе интересы на Востокъ. И. И. Янжула. — Временный заспидъ Вл. И. Жуковскаго. — О земскихъ дѣлахъ и дѣятеляхъ — Обзорные русскіи и иностранныя журналистики. — Политическіе вопросы дня. И. Д. — Корреспонденціи изъ Италіи, Америкы, Парижа, Германіи и пр. — Научная хроника. — Библиографія русская и иностранная. — Театръ въ провинціи и проч.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ: Исторія одного преступленія. Виктора Гюго. — Програма для юбилярнаго свиданія объ общинномъ земледѣльчествѣ. П. С. Есенинъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ доставкн и пересылки . . .	15 р. 50 к.	8 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ. 16 „ — „	— „	8 „ 50 „
Съ пересылкою въ другіе города. 17 „ — „	— „	9 „ — „
Съ пересылкою за границу . . .	19 „ — „	10 „ 50 „

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ — въ главную конторѣ редакціи, Гороховая 9: въ Москвѣ — у И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ д. Алексѣева.

Угъ иногородно подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ редакцію журнала „СЛОВО“, С.-Петербургъ, Гороховая, 9.

Разрочная плата за подписной суммѣ допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 7 руб., въ 1-му марта — 5 руб. и въ 1-му мая 5 руб. Желающіе воспользоваться разрочною, обращаются непосредственно въ редакцію.

СЕМЬЯ и ШКОЛА

ИЛЛЮСТР. ПЕДАГОГ. ЖУРНАЛЪ

1879 г. (Годъ изданія 9-й).

Отд. I. Семейное чтеніе (для дѣтскаго чтенія) 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 10 р.
Отд. II. Воспитаніе и обученіе съ педагогическою хроникою. 10 книгъ и 40 номеровъ въ годъ. Подп. и съ перес. 5 р.
Подписная цѣна на оба отдѣла съ перес. 12 р. въ годъ.
Подписка адресуется: Въ С.П., въ контору журнала „Семья и Школа“ (Васильевск. стр., 15 л. к. № 20). № 249 10—5

ОТКРЫТИЕ РЕСТОРАНА ВОЗЗАЛЪ ОЗЕРКИ ВЪ ШУВАЛОВКѢ.

Превосходный санный путь для троекъ. Ресторанъ a la carte. Громадное помѣщеніе, удобное для пикниковъ, вечеровъ, обѣдовъ и ужиновъ. Съ большими заказами можно обращаться въ гостиницы „Демуть“, „Бель-вю“ и „Дагмара“. При ресторанѣ имѣется пианистъ. Горы будутъ устроены въ непродолжительномъ времени. № 286 1—1

Е. Д. Ю. ЛОМАЧЪ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ РАЗМОТРѢНЫ и РАЗРѢШЕНЫ Саб. ВРАЧЕБНЫМЪ УПРАВЛ. НИЕМЪ КРАСОТА и СОХРАНЕНІЕ КОЖИ.

Вода де Лисъ де Нинонь придаетъ кожѣ блану и прозрачность, предохраняетъ отъ загара, красноты, прыщей и проч. Необходима зимою противъ наложныхъ трещинъ и для освѣженія кожи разгоряченной газомъ и дурнымъ воздухомъ, а также оно лучшее средство отъ загара и воспаления вызваннаго пылью и солнцемъ. Цѣна больш. флак. 1 р. 50 к. съ пересылкою 2 руб.

Кремъ де Лисъ де Нинонь имѣетъ тѣ же свойства какъ вода де Нинонь и рекомендуется преимущественно употребляющимъ Коэльа Кремъ, котораго онъ превосходитъ качествомъ. Цѣна за банку 1 р. съ пересылкою 1 р. 50 к.

Пудра де Нинонь. Необходимое дополненіе къ Водѣ или Кремъ де Лисъ де Нинонь и замѣняющая всѣ другія пудры. Цѣна за коробку 75 к. съ пересылкою 1 р. съ пуховкою 1 р. съ пересылкою 1 р. 25 к.

ВЪ ПРОДАЖѢ:

На Невскомъ просп., въ Дѣпо С.-Петербургской Химической Лабораторіи, домъ Католической церкви, № 32, маг. 3, и у Аничова моста, домъ № 66.

На Вознесенскомъ проспектѣ, уголъ Назанской ул., № 54/18, домъ Шредера. Оптовая продажа и отправка почтовою въ Конторѣ С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, по Екатерининскому каналу, у Возм. Моста, № 80. — Описание и способъ употребленія по желанію бесплатно. № 280 1—

IV годъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 г. годъ IV. НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СТРЕКОЗА“

въ годъ 52 номера съ бесплатными для годовыхъ подписчиковъ преміями
1. Каррикатурный альбомъ современныхъ русскихъ дѣятелей (3-я серия)
2. Художественный (не каррикатурный) театральны альбомъ состоитъ изъ артистовъ и артистовъ русской сцены.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:
въ Петербургѣ.

съ преміями.
Безъ доставки на годъ . . . 8 р.
Съ доставкою „ „ . . . 9 р.
безъ премій.
Безъ доставки 1/2 года 4 р. 50 к.
Съ доставкою 1/2 „ 5 р.

Во всѣхъ другіхъ городахъ
Россійской Имперіи.
Съ пересылкою на г. 9 р. 50 к.
Тожѣ на 1/2 года . . . 5 р. 50 к.

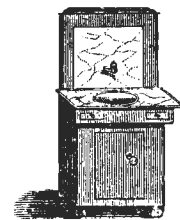
Полугодовые подписчики (хотя и подписавшіеся на оба полугодія) назначенныхъ премій не получаютъ.

Подписчики иногородные адресуются непосредственно въ редакцію, по Лиговъ д. № 32.

Городские же подписываются въ конторѣ редакціи по Михайловской, въ домъ Евровейской гостиницы. Издатель Германъ Корнфельдъ.

Умывальники,

Ватерклозеты, Биде, Ванны, души, вентиляторы, каминныя приборы, Стойки для каминныхъ приборовъ. Каминныя рѣшетки. Совки. Самодѣйствующій аппаратъ № 189

ратъ для стирки, выжималки. Желѣз. складныя кровати, водоочистительныя машинки Мясорубки. Хозяйств. вѣсы и разныя металлическія и хозяйственныя товары.

И. Э. Милькъ. Большая Морская № 39.

ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ ЮЛІА ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА по Большой Морской ул., д. № 42, въ С.-Петербургѣ

рекомендуетъ по самымъ дешовымъ цѣнамъ оптомъ и въ розницу:

СКРИПКИ, смычки, альты, виолончели, басы, цитры, ГИТАРЫ, мандолины, КОРНЕТЬ-А-ПИСТОНЪ, ФЛЕЙТЫ, кларнеты, барабаны, музыкальныя ящики, шарманки, гармоніи, гармоніи-флейты, фисгармоніи, англійскія и нѣмецкія концертныя, СВѢЖІЯ ИТАЛЬЯНСКІЯ и НѢМЕЦКІЯ СТРУНЫ и всѣ принадлежности. Пріемъ въ починку.

Заказы изъ провинціи исполняются аккуратно и немедленно. Прейсъ-курванты по востребованію высылаются бесплатно. № 267 6—5

Библиотека "Руниверс"

ВЪ MAGASIN ETRANGER,
иностранномъ магазинѣ. Б. Морск., д. № 30.
III ПАРИЖСКИЯ !!!
ИГРУШКИ!

Громадный выборъ самыхъ прелестныхъ артистическихъ игрушекъ и произведеній первыяшихъ игрушечныхъ фабрикъ и мастеровъ свѣта.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ !!! ИГРЪ !!!
завивающихъ ловкость, игновенное соображеніе и расторопность, также приготовляющихъ къ различнымъ наукамъ и дающихъ поводъ къ обученію въ разговорахъ.

!!! НОВОСТЯ !!!
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТОНЪ
въ карандашкѣ пишущимъ какъ обыкновенный, но когда помочать выйдетъ чернилами, можно съ письма снимать копію; при немъ свистокъ подражающій птицамъ въарейкамъ и даже соловью, а на хотѣвъ ав. птицъ и крошѣ того можно играть на емъ всякія арии. Ц. 1 р. ииог. съ пересылкою 1 р. 50 к.

!!! ПАРОХОДИКИ И ПАРОВОЗЫ !!!
Вѣствующіе посредствомъ пара, собственноручно парохди съ парожъ отъ 1 руб. до 1 р. 50 к. ииогор. съ перес. 2 р.

!!! МАЛЕНЬКІЕ ЛОКОМОБИЛИ !!!
огучіе привести въ дѣйствіе посредствомъ шнурк. всѣмъ маленькіе предметы.

!!! МАЛЕНЬКІЕ ФОНТАНЧИКИ !!!
сѣжающіе воздухъ въ тѣтской комнатѣ, ѣна отъ 3 р., ииогор. съ перес. 4 и 5 р.

!!! ГИМНАСТИКА !!!
остаточная изъ 4 штукъ: трепещія, качель, колецъ и рѣпки. Цѣна 10 р. ииогор. съ перес. 13 р.

! ДѢТСКІЕ РУЖЬЯ И ПИСТОЛЕТЫ !!
особенно красивой отдѣлки отъ 1 р. дѣтскія сабли всякихъ формъ отъ 1 р. золоченые отъ 6 р.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ВОЛЧЕКЪ
оторымъ можно объяснить, что силой раченія разлагается тяжесть предметовъ и вращеніе земли вокругъ солнца ѣна 1 р 50 к. ииогор. съ перес. 2 р.

!!! НАУЧНЫЙ ВОЛЧЕКЪ !!!
юказымъ, соед. красокъ и ихъ ессенты.

АМЕРИКАНСКІЯ ЛОШАДКИ
художественной работы, отличающіяся не только необыч. красот. формъ, но еще удив. прочностью. Вышина 1 арш. и выше.

!!! ВЕЛОСИПЕДЫ !!!
для всаго возраста, отъ самыхъ маленькихъ до настоящихъ американскихъ, велосипеды скоростныя, на которыхъ можно сѣздить 30 версты въ часъ. Комнатные велосипеды для двоекъ, мальчишья и дѣвочки, очень красивые велосип. лошадамаи фабрикетами.

!!! АВТОМАТЫ !!!
удной конструкции, кулаки, звѣрьки, солдатики, особенно замѣчательнъ концертъ безьянъ: павяны ходящій и распускающій перья, павяда удивительная кулака, завывающія руками и ногами, утки и лебеди, дѣйств. ножи, виважи и кош. съ заводомъ.

!!! АВТОМАТЫ СЪ МУЗЫКОЙ !!!
!!! КУХНИ И ПЛИТЫ !!!
артистическія вращающія и желѣзные, на оторыхъ дѣти могутъ стряпать. Ц. отъ 2 р.

!!! КУКЛЫ !!!
громадномъ выборѣ, съ подвижными тенями, прекрасной отдѣлки, «Вабу» особенно красивыя, изъ массы, которая не жаетея; кулаки говорящія, кулаки съ рѣданнымъ и самымъ моднымъ туалетомъ.

!!! МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ !!!
иски шарманки очень пріятн. тона, по ст. можно танц., а потому замѣн. галѣра.

!!! ВѢНСКІЯ ГАРМОНИИ !!!
особенно хорошаго тона.

!!! КСИЛОФОНЫ !!!
прерияная музыка, на которой можно играть всякія пьесы. Ц. 3 р., и 75 к.

!!! КУКОЛЬНЫЕ ФОРТЕПИАНО !!!
меленькій музыкальный инструментъ не разстраивающійся никогда.

!!! НОВОСТЯ !!!
ВОЛШЕБНАЯ ЛЕПЕШКА
ки вальдорнъ въ желѣзномъ харманѣ, особый инструментъ, издающій посредствомъ голоса, звуки охотничьей трубы на ней наждѣи, укающій пѣть, можетъ убить всякія оперы и арии, цѣна 1 р. 50 к., ииогоридымъ съ перес. 2 р.

!!! НОВОСТЯ !!!
германскій пневматическій танцоръ, дѣйствующій посредствомъ воздуха. Составленіе прейсъ-кураторъ, по громадной разнообразности предметовъ употребленіе магазина не нашко возможнымъ, икакъ ииогоридымъ исполняются правд. добросовѣстно и немедленно. Въ «MAGASIN ETRANGER», иностранн. магазинѣ, Большая Морская, дома 30, въ С.-Петербургѣ.

ПОСУДНЫЙ ОТДѢЛЪ
НЕОБХОДИМЫЯ ВЕЩИ ВЪ ХОЗЯЙСТВѢ, КАКЪ-ТО:

Мельхиоръ, Алфенидъ, Фарфоръ, Хрусталь, Фаянсъ, Металлическія, чугуныя и мѣдныя издѣлія, Умывальники, Биде, Клозеты, Ванны, всѣхъ системъ, Кофейники, и всевозможныя аппараты, Самовары, Кастрюли, Мѣдная кухонная эмалированная и луженая посуда, Ножи, Подносы, Подсвѣчники, Фонари, Керосиновыя и спиртовыя кухни для приготовления кушанья, Столовыя и чайныя сервизы Чайники Metal Britanique.

Для подарковъ. Различныя издѣлія изъ хрустала, фарфора, папье-Маше. Магазинъ имѣетъ къ услугамъ гг. покупателей огромный выборъ различнаго рода вещей необходимыхъ въ каждомъ хозяйствѣ, по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

ПОДАРКИ КЪ РОЖДЕСТВУ!
магазинъ быв. Штанге. Боль. Морская 34. только нижнее помѣщеніе, просятъ не смѣшивать съ бель-этажемъ. № 282 1

Биллиардная фабрика.

А. Фрейберга въ С.-Петербургѣ.

Переведена: Троицкій простежтъ въ собственный домъ № 13, Заказы принимаются у Каменнаго моста, домъ Буха, № 44—2. Биллиарды отъ 225 до 1000 руб. и дороже, шары, кии и всѣ къ биллиарду и биллиардной игрѣ принадлежности. № 284 12—1

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ 17-го ДЕКАБРЯ
ВЪ ЧАСТЬ ДНЯ

НА НЕВСКОМЪ ПРОСПЕКТѢ ВЪ Д. АРМЯНСКОЙ ЦЕРКВИ

открывается новый магазинъ фирмы **Н. ФЕНУ и К°**

Предметы торговли: руководства и учебныя пособия, книги для фундамент. библиотекъ, книги для дѣтскаго чтенія, дешевыя изданія для народа; наглядныя пособия, музыкальные инструменты и ноты, образовательныя игры, письменныя принадлежности, волшебныя еодари и карты ииъ нимъ и проч. № 283 1—1

КЪ ПРЕДСТОЯЩИМЪ ПРАЗДНИКАМЪ

въ магазиннахъ евримы 1) въ Соляномъ городкѣ, 2) на Невскомъ въ д. Армянской церкви и 3) на углу Новой улицы и Невскаго, заготовленъ большой выборъ образовательныхъ ИГРЪ русскаго, и иностраннаго производства, наглядныхъ пособій, письменныхъ принадлежностей и изящныхъ изданій для подарковъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

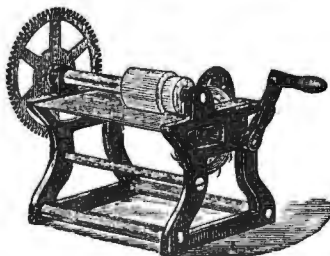
СКЛАДЪ ЧЕШСКАГО ХРУСТАЛЯ
ЗАВОДА ГРАФА ГАРРАХА,
ВЪ НОВОМЪ СВѢТѢ ВЪ ЧЕХИИ.

Рекомендуетъ большой выборъ хрустальныхъ сервизовъ, кружекъ, вазъ для фруктовъ и цвѣтовъ, десертныхъ тарелокъ, подставокъ для ролей, молочниковъ, прессъ-панъ, градуслиниковъ бонбоньерокъ и проч. Салоги и козлы для пива, хрустальныя ложки для варенья и лекарства по заводскимъ цѣнамъ.

Складъ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Морской, д. № 36. № 288 5—4

НОВОСТЯ ДЛЯ ПОРТНЫХЪ, МОДИСТОКЪ И ДЛЯ ДОМАШНЯГО УПОТРЕБЛЕНІЯ.

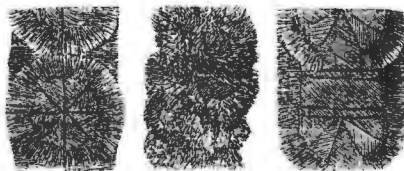

ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ МАШИНА

ЛИНКОЛЬНА

для дѣланія бахромы-плюмажъ изъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій.

ФИЛИПСЪ И КОМП. ПРОВИДЕНСЪ, РОДЪ-ЭЙЛЕНЪ.

Сдѣланная бахрома плюмажъ изъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій.

Цѣна 7 руб. а оптовымъ покупателямъ дѣлается значительная уступка.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ МАШИИЪ для Россіи **ЛИНКОЛЬНЪ** находится въ магазинѣ Американскихъ швейныхъ машинъ Мануф. Комп. **ДЕВИСТЪ**.

ГОРОХОВАЯ УЛ., Д. № 17, ВХОДЪ СЪ МОЙКИ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Вновь открыта **ГЛАЗНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА** доктора Добровольскаго съ постоянными кроватями. На Михайловской площади, близъ Пассама, домъ № 15 кв. 7. Приемъ больныхъ утромъ ежедневно, исключая Воскресенья, отъ 9 до 11 ч., вечеромъ ежедневно отъ 6 до 8 часовъ. Для бѣдныхъ бесплатно вторниками и субботамаи отъ 9 до 11 часовъ. № 222 10—6

ПРЕКРАСНЫЕ ПОДАРКИ РЕКОМЕНДУЕТЪ МАГАЗИНЪ К. ЗЕЙФЕРТА.

Вознесенскій просп. № 13—2
Столовые опаконныя сервизы наилучшихъ французскихъ и английскихъ фабрикъ для 12 персонъ отъ 18 р. и дороже. Чайныя сервизы отъ 8 р. 25 к. и дороже, Богемскій хрусталь, Бронза, Столовыя стѣнныя и висачія лампы, умывальныя столы и много другихъ предметовъ по весьма дешевымъ цѣнамъ. № 285 1—1

НОВОСТЯ! ИЗЯЩНЫЙ АППАРАТЪ

для точнаго копирования рисунковъ, еототрафій, акварелей и пр. безъ маждѣишей подготовки. Особенно полезно для дѣтей. Цѣна (съ приложеніемъ Новаго способа умноженія посредствомъ сложения) 1 р. съ перес. 2 р. Адр.: въ Вуюрѣ объявленій, Невскій пр. № 4 г. Эргенсъ въ С.-Петербургѣ. № 264 4—3

При этомъ № прилагается вѣстн. гг. подписчик. приложенія: 1) Отъ часоваго магазина Б. Альшвагера въ СПб. 2) Отъ Редакціи СПб. Вѣдомостей.

НИВА

Иллюстрированный журнал литературы

№ 52

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдаѣтъ 25 Декабря 1878 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1879 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ незамедлительно возобновлять подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности перахъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе 28,500 печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. гг. Живарева, Соловьева и Лангъ.	5 р.
Съ доставкою	5 .	Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи	6 .

На елку:

Эхъ
какой!

Какъ изящно-правдиво передаетъ гравюра обычную сцену въ дѣтской. Мальчикъ рано утромъ, полный еще волненія отъ вчерашнихъ подарковъ на елкѣ, проснулся: первое, на что уналь его взглядъ — вчерашнія игрушки. Мигомъ одѣяло сбрасывается и онъ спрыгиваетъ на полъ. Первымъ долгомъ свидѣтельствуется лошадка, съ самымъ строгимъ видомъ знатока. Жаль, что верховая она, — замѣчаетъ ея владѣлецъ, — а то бы она хорошо могла ходить въ моей телѣжкѣ. Затѣмъ подвергается освидѣтельствуванію и все прочее. Попадается кукла: чудная кукла: — на носу бородавка на головѣ колпакъ,

на затылкѣ косица, на ушахъ бубенчики. Внутри она пустая можно засунуть туда руку, и просунуть большой и указательный палецъ ему подъ мышку, заставить размахивать его руками. Какія онъ фигуры строить — уморительно. Мальчикъ удивляется. — Эхъ, какой!.. у меня такого и не было...

— Эхъ, какой!.. раздается голосъ у двери. — Баловникъ ты этакой: развѣ можно въ одной рубашкѣ по комнатѣ ходить. Вотъ я тебя...

Прыгъ!.. Поиманный кидается въ постель, зарывается въ мягкія подушки, и держа одной рукою куклу, не даетъ другой сдернуть съ себя одѣяло, стоящей возлѣ него старушкѣнянѣ, увѣщающей его, что давно „вставать пора“.

На елку: утромъ послѣ елки. Эхъ какой! Рис. К. Бекеръ, грав. О. Ротъ.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ.

(Святочный рассказ).

I.

Я был тогда совсем взрослый, на столько взрослый, что однажды в лѣтнюю, конечно „лунную“ ночь в бесѣдкѣ нашей старой усадьбы получил локонь отъ бѣлокурой кухни моей Лизы. Локонь этотъ впрочемъ я однажды забылъ вмѣстѣ съ сакъ-воажемъ въ вагонѣ желѣзной дороги. Въ тревогѣ я отправлялъ, по поводу этого сакъ-воажя, очень дорогія телеграммы и получилъ его наконецъ. Начальство желѣзнодорожное, сдавая мнѣ вещи по описи, въ которой значился и локонь и при этомъ насмѣшливо улыбалось. Мнѣ было такъ совѣстно, что я бранилъ и излишнюю внимательность чиновниковъ и глупую манеру прятанья локоней,—манеру, которая въ нашъ передвижной, походный вѣкъ рѣшительно невозможна. Тутъ нужны мечтательныя настроенія, потаенныя ящички въ шифоньеркахъ и множество вещей, теперь совершенно неупотребительныхъ. Надо сознаться, что Кухина Лиза мнѣ и не очень нравилась. Но лучше не было а „интересоваться“ къ ней нибудь было совершенно обязательно.

Товарищи мои по учебному заведенію, возвращаясь изъ своихъ отпусковъ, такъ много рассказывали о разныхъ своихъ похожденияхъ въ этомъ родѣ и показывали такія раздушенныя записочки, что я по неволѣ устыдился и, перебирая въ умѣ своихъ знакомыхъ дѣвушекъ, остановился на кухинѣ Лизѣ и началъ внезапно оказывать ей вниманіе, кажется, къ ея даже удивленію. Потомъ я, дѣйствительно, уже началъ ощущать къ ней какое-то смутное, неопредѣленное чувство.

Кухина Лиза, жившая въ отдаленной усадьбѣ, въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, наша, повидимому, въ этомъ ухаживаніи своего рода удовольствіе. Извѣстно что такое—современная помѣщичья усадьба. Это не прежняя барская усадьба, съ цѣлой арміей дворовыхъ и караванами сосѣдей, пріѣзжавшихъ на недѣлю, на двѣ; усадьба съ флигелями для гостей, съ сворами собакъ, съ верховыми лошадьми. Это была нынѣшняя уединенная усадьба. Земля и садъ были сданы цѣловальнику Горохову, бывшему крѣпостному. Заѣзжали туда очень рѣдкіе и довольно скучные гости. Молодой мѣстный священникъ, обличавшій, въ маленькой столичной газеткѣ, волостныхъ писарей; помощникъ начальника станціи, занимавшій дамъ исторіями о своихъ пререканіяхъ съ желѣзно-дорожнымъ начальствомъ. При этомъ, литературный батюшка, обыкновенно, говорилъ: „Азія!“ Развлеченіемъ, напр. лѣтомъ, служили поѣздки на станцію, гдѣ гремящіе поѣзда оставляли грустное впечатлѣніе безслѣдно мимо пронесившейся жизни—и еще грустиѣ становилось возвращаться въ одинокую усадьбу...

Кухина Лиза скоро вошла въ роль дѣвушки, имѣющей надо мной нѣкоторыя права. Она журила меня, когда я къ ней долго не писалъ. А переписку мы завели такую, что я теперь безъ ужаса вспомнить не могу, какъ можно было списывать подобнымъ вздоромъ такое множество бумаги. Корреспонденція наша оживляла несложныя операціи мѣстной почтовой конторы.

Отъ кухни Лизы я и получилъ, передъ Рождествомъ, написанное прекраснымъ почеркомъ, и въ горячихъ выраженіяхъ, письмо, требовавшее моего немедленнаго пріѣзда на праздники. Письмо это я уронилъ, какъ бы нечаянно, въ дортуаръ, и сдѣлалъ видъ, что ужасно сержусь, когда одинъ изъ моихъ товарищей, ставъ на табуретъ, познакомилъ съ содержаніемъ этого документа нашъ выпускной классъ. Какъ бы то ни было, послѣдствіемъ этого письма было то, что я отпросился въ отпускъ, произведя внутренній заемъ у

нѣсколькихъ товарищей и отправился съ курьерскимъ поѣздомъ въ деревню, къ тетускѣ.

II.

Темный вечеръ глядѣлъ въ занесенныя снѣгомъ, обледѣлыя стекла вагона, когда поѣздъ, съ пыхтѣніемъ, рѣзкимъ свистомъ и визгомъ намерзшихъ чугунныхъ колесъ, подходилъ къ станціи. Я высвободилъ свой сакъ-воажъ и плѣдъ изъ подъ спавшаго на нихъ мѣстнаго мирового судьи, который, проснувшись, долго озирался и не могъ понять—что такое я дѣлаю. Затѣмъ я протискался въ дверь и оттуда, скользя по льду ступенекъ, со всѣмъ багажемъ, попалъ въ объятія знакомаго помощника начальника станціи.

Это должностное лицо, повидимому, мнѣ очень обрадовалось.

— „Голубчикъ! какъ, откуда, давно-ли?“ посыпались его вопросы, очевидно, объяснимые только его радостнымъ настроеніемъ, ибо онъ, конечно, зналъ—какимъ способомъ, откуда и давно-ли я пріѣхалъ.

Было поздно, я началъ умолять его поскорѣе устроить меня. Нельзя-ли гдѣ добыть лошадей. Положимъ, тутъ всего 25 верстъ. Но вѣтеръ такой сильный. Такъ темно. Пожалуй, не попадешь къ чаю. Проселокъ—еще заблудишься.

Протекція помощника оказала свое дѣйствіе. На его зовъ, откуда-то, будто изъ-подъ колесъ локомотива, въ облакахъ пара, появился отставной унтеръ съ такими щетинистыми, мерзлыми усами и въ такомъ костюмѣ, что можно было принять его за ряженаго. Этотъ ряженный унтеръ, какимъ-то гробовымъ и мерзлымъ голосомъ, обликнулъ еще кого-то и у крыльца зазвякали бубенчики. Оказалось, что одинъ изъ троечниковъ, стоявшихъ у станціи, добродушно взялся „предоставить“ меня къ мѣсту, за какую-то совершенно невозможную цѣну. Мой сакъ-воажъ брошенъ въ обширную область сапей, на затвердѣвшую отъ мороза рогожу. Мы, почему-то, обнялись и разцѣловались съ помощникомъ начальника станціи. Ямщикъ, на мои опасенія, еще раза два сказалъ свое „будьте спокойны“. Ряженный унтеръ, для чего-то, похлопалъ по плѣду на моихъ колѣняхъ и мы тронулись.

Полозья завизжали по снѣгу, мелькнули тусклые фонари въ широкихъ, опушенныхъ снѣгомъ, окнахъ вокзала; мракъ темнаго вечера и купы безлистныхъ ветель двинулись навстрѣчу. Сначала, какъ это обыкновенно бываетъ въ пути, я старался взглянуть въ окружающую темноту. Человѣкъ любитъ знать, гдѣ онъ находится. Глазъ жадно впивается въ неясныя очертанія и, затѣмъ уже, начинаются думы и грезы. Первую половину дороги мысль носится всегда около только что оставленныхъ мѣстъ. Въ воображеніи мелькали слабо освѣщенные дортуары нашего заведенія. Меня, почему то занялъ вопросъ—гдѣ, теперь, мой товарищъ Ивановъ, хотя я никогда имъ особенно не интересовался. Вѣрно читаетъ подъ лампой, въ корридорѣ „Тайны инвизиціи“, Однако, на прошлой недѣлѣ, на репетиціи, я разъяснилъ очень недурно вопросъ „о вмѣняемости преступленій“... Какую странную цѣпочку носить нашъ классный надзиратель... У меня есть даръ слова. А хорошо бы—на трибунѣ, рѣчь... рукоплесканія... Кухина Лиза, тутъ же въ публикѣ...

Мысль перенеслась въ тетускину усадьбу, въ угловую, синюю комнату, гдѣ озаренные мягкимъ свѣтомъ лампы, сидятъ, передъ шипящимъ самоваромъ и ждутъ меня тетуска и Лиза. Голубые глазки Лизы съ нетерпѣливымъ выраженіемъ обращены на дверь... Она прислушивается, не звякнетъ ли воловльчикъ...

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ, вѣрно, знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальній
Порой волнуетъ сердце намъ...

А кругомъ, между тѣмъ, казалось, волновалось все поле. Вѣтеръ завывалъ все заунывнѣе, крутя снѣгъ около встрѣчныхъ, одинокихъ деревьевъ, наматая его въ спутанныя гривы лошадей, за клѣтчатый платокъ, намотанный у ямщика вокругъ шеи, за мой поднятый воротникъ и все больше и больше усиливался. Низко ползли надъ землей тяжелыя темныя тучи. Ямщикъ посвистывалъ и, казалось, былъ спокоенъ, когда начали носиться первыя крупныя хлопья снѣга, залѣпляя глаза, кружась въ воздухѣ, все гуще и гуще и, наконецъ, все пространство, кругомъ, заволновалось, отъ земли до неба, снѣжными полосами. Мятель закружилась. Та мятель безпредѣльныхъ русскихъ равнинъ, что ослѣпляетъ, сбиваетъ съ пути, обращаетъ все въ бующую снѣжную массу.

— А что? не сбились ли мы съ дороги?

— Помидуйте—чего тутъ сбиться, раздался съ козелъ сильный голосъ,—дорога тутъ одна, кони идутъ, не въ первый разъ.

Ямщикъ произнесъ эти слова такимъ успокоивающимъ тономъ, что я потеплѣе закутался и пересталъ думать о дорогѣ.

Снова потянулись, вереницей, грезы.

Навѣрно у тетюшки будетъ елка... Придутъ священскія дѣти, попадья, батюшка. Попозднѣе, вечеромъ, какъ всегда, откроютъ двери въ гостиную, сквозь иглистые вѣтви елки замерцаютъ восковыя свѣчки; послышится запахъ воска и подоженныхъ еловыхъ вѣточекъ; загорѣлась, даже, одна кукла, бросаются тушить; блестятъ золоченныя грецкіе орѣшки... Тетюшка, съ важностью, подноситъ мнѣ—портъ сигаръ, что-ли... а Лиза, я думаю, вышитыя туфли... и будутъ опѣ лежать, вѣчно, между тетрадками и книгами...

Но вся эта картина тусклѣетъ... меркнуть маленькія свѣчки... пропадаютъ дѣти, Лизы тоже не видно... осталась одна ель, но она такая большая... Или эта-та темная ель при дорогѣ, окутанная бѣлымъ саваномъ мятели...

Какъ она сюда попала? Раннимъ утромъ, на зарѣ, когда снѣгъ еще покрытъ розовымъ отблескомъ, топоръ сосѣдняго мужика свалилъ эту елку и—она жалобно скрипнула, и распростирая свои вѣтви, какъ руки, упала въ мягкую цѣлину снѣга... и вороны, съ крикомъ, взлетѣли съ ближнихъ деревьевъ.

Повезли елку. Она стоитъ въ теплой комнатѣ, наполняя ее своимъ чистымъ смолянымъ запахомъ...

Но-что это за громадное пространство?.. Высокія, роскошныя стѣны уходятъ въ полутемную высь. Слабо мерцаютъ изгибы и узоры лѣнныхъ украшеній.

На широкія мраморныя ступени наброшенъ громадный коверъ, въ пестромъ, мягкомъ шелкѣ котораго тонетъ нога—и кругомъ толпа. Гулъ сдержаннаго говора стоитъ надъ ней. Что-то напряженное чувствуется въ этомъ говорѣ. Глаза горятъ какимъ-то страстнымъ ожиданіемъ. Все смотреть въ эту полутемную высоту. Но—что это темнѣетъ посрединѣ? Ужели это та ель, окутанная снѣгомъ, которую я видѣлъ при дорогѣ? Какъ она теперь громадна! Мощный, четырех-обхватный стволъ, на крестѣ изъ гигантскихъ бревенъ, казалось, съ силою нажалъ на гладкій мраморъ пола. Огромныя, темныя вѣтви, какъ руки, торжественно подняты вверхъ въ то темное пространство, которому не видно предѣловъ и, Боже! Какіе мучительные вздохи, полные трепетнаго ожиданія, слышатся среди толпы. Она ждетъ своей ели—почестей, золота, славы...

И вотъ—какъ будто миллионы огней загорѣлись въ вѣтвяхъ гигантской ели, сами собой. Роскошныя рельефы и рѣзба, покрывающіе стѣны, начали озаряться,

отражаясь и ломая свой блескъ въ стеклѣ безчисленныхъ зеркалъ. Толпа дрогнула, какъ одинъ человѣкъ... Подъ разливвающимся свѣтомъ массы огня, среди вѣтвей ели, начали выступать, сначала слабо, потомъ все яснѣе, и яснѣе—очертанія дворцовъ, триумфальныхъ арокъ... засверкало золото...

Такъ, раннимъ утромъ, окутанные туманомъ, дальнія горы кажутся отдаленными тучами. Но—сверкнетъ солнечный лучъ и на этой тучѣ начинаютъ выдѣляться рощи, виллы, дома, пропасти—какъ въ грезахъ старой сказки...

III.

Какой же мнѣ подарокъ на этой елкѣ?

И вотъ съ поразительной яркостью рисуются въ моемъ юномъ воображеніи, полномъ всѣхъ лихорадочныхъ мечтаній и вождельній современности—рисуются картины...

Карета несетъ меня по многолюдной улицѣ. Нѣжный мѣхъ тысячной ильковой шубы раскинулся на атласныхъ подушкахъ. Сѣрые рысаки летятъ какъ птицы, но губы мои сжаты, на сердцѣ тѣсно, въ груди чувствую я какую-то тупую боль и усталость. Блескъ и движеніе кругомъ—совсѣмъ не занимаютъ меня. Мысли мои—въ другомъ мѣрѣ. Я недавно только началъ огромное, сложное и трудное дѣло, которое мнѣ, богатому человѣку, совсѣмъ не нужно; но которое не даетъ мнѣ покоя. Ночью, когда я вспоминаю о немъ, меня всегда точно что-то больно кольнетъ въ сердце. Я начинаю думать. Адвокатъ, вѣрно, не ѣздилъ куда надо, тотъ не сумѣлъ сдѣлать, этотъ, кажется, обманываетъ. И лежа на своей великолѣпной постели, я завидую утомленнымъ и спящимъ, считаю серебристый бой часовъ въ сосѣдней комнатѣ; смотрю неподвижными глазами, какъ перекрепчиваются полосы свѣта отъ каретныхъ фонарей на лѣнномъ потолкѣ моей спальни. И съ утра—опять та же хлопотливая, тревожная жизнь. Мнѣ нужны деньги. Всего нѣсколько сотъ тысячъ. Какъ не достать ихъ при моемъ состояніи! Компаньонъ мой предлагаетъ сдѣлку...—„Но какъ же, добросовѣстно ли это будетъ?“

— „Всѣ эти понятія, при усложненіяхъ современной жизни“ улыбаясь, увѣренно отвѣчаетъ тотъ, имѣютъ, теперь, совсѣмъ иное значеніе... Послѣ этого вы будете говорить о дуэли... Но—согласитесь, что это все равно, что ѣздить въ телѣгѣ рядомъ съ желѣзной дорогой.

И я такъ запутался въ это сложное, громадное дѣло, что не могъ отказаться. Надо было устроить все... Денежный человѣкъ, къ которому мнѣ пришлось обращаться, особенно мнѣ не нравился. Что-то наглое, холодное въ его оловянныхъ, насмѣшливыхъ глазахъ; какая-то пошлая, безжалостная черта въ складѣ тонкихъ губъ. Но онъ у насъ часто бываетъ. Жена моя съ нимъ всегда любезна. Кузина Лиза давно уже вышла за меня замужъ. Это уже не прежняя наивная деревенская дѣвочка. Это пышная красавица, всегда окруженная, всегда блестящая. То юношеское чувство, которое я питалъ къ ней, давно замѣнилось какимъ то тупымъ равнодушіемъ, даже иногда вспыхивающее неприязнью. Она часто мнѣ мѣшаетъ въ дѣлахъ. И какъ мѣшаетъ! Возбѣшенный воспоминаніями, относящимися къ послѣдней мысли, я выскакиваю изъ кареты и торопливо иду на верхъ, по богатому ковру лѣстницы. Почтительные слуги отворяющіе рядъ дверей, мягкая изящная роскошь комнатъ,—ничто не обращаетъ на себя моего вниманія. Сердце кипитъ чувствомъ оскорбленія и досады. Я отворяю дверь и вижу—моего денежнаго человѣка... Лиза торопливо встаетъ съ своего мѣста—щеки ея пылаютъ румянцемъ стыда и ужаса... Далѣе—я ничего не помню!.. Я забылъ все свое громадное, сложное дѣло, всю нужду въ деньгахъ, всѣ комбинаціи. Я топталъ, билъ... въ глазахъ у меня ходили кровавые круги... И—мы разорились.

На елну: удовольствия и занятія. Всякому свое. Силуэты Э. Гильбиха, грав. М. Рашевскій.

Затѣмъ—полныя нужды, горькихъ взаимныхъ попрековъ, холодные, сумрачные дни... То совсѣмъ другая жизнь. Тутъ усчитываніе копѣекъ, скучныя вѣчныя переписки и уроки. Блѣдная нужда воспаленными глазами глядитъ на насъ. Мокрый свѣгъ, холодъ... Я иду по улицѣ, не доставъ денегъ. Отчаяніе въ сердцѣ, холодъ въ членахъ, едва прикрытыхъ лохмотьями. Съ ужасомъ вижу я въ зеркальномъ стеклѣ магазина свое старое, блѣдное, измученное лицо.... Я вскрикнулъ и проснулся....

Давить грудь. Тяжело. Душитъ непроглядная, холодная тьма... Но вотъ, сквозь мглу выдѣляется что то высокое, раскидистое. Это—ель при дорогѣ. Мятель гудитъ и свиститъ. Ямщика нѣтъ на козлахъ. Онъ идетъ передъ лошадьми и, наклоняясь, что-то нащупываетъ по свѣгу. Я понемногу прихожу въ сознание... Слава Богу—я спалъ. Сонъ оставилъ во мнѣ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Нѣтъ—не мнѣ, не мнѣ такой ужасный подарокъ!

— Что мы—или заплутались?

— Да вотъ—сбились съ дороги. Незнаю—что, кажишь, извѣстная дорога а сбились.

Тутъ мы стали дѣлать то, что, обыкновенно, дѣлается въ подобныхъ случаяхъ и что было описано столько

разъ. Мы кружили по полю, искали слѣдовъ, пробовали прочность свѣжнаго наста вкнутомъ, среди вьюги и крутящагося свѣга, среди воя вѣтра, старались разглядѣть нѣтъ-ли гдѣ огонька, старались послушать—не звянетъ-ли колоколь, не залаетъ ли гдѣ нибудь собака. Мы ничего не слышали, опять кружились и останавливались въ полной безнадежности. Стало уже свѣтать, когда мы рѣшили дожидаться на одномъ мѣстѣ. Ходьба согрѣла насъ: зная всю опасность сна въ такомъ положеніи, мы не ложились, а все похаживали кругомъ саней. Наконецъ, когда мятель утихла, мы увидѣли, что стоимъ надъ обрывомъ крутого оврага, на противоположномъ берегу котораго раскинулась деревенька и тянулся синій дымокъ изъ трубъ тетупкина дома.

Такъ я не попалъ на елку, такъ—провель я Рождественскую ночь и именно такое тяжелое видѣніе сдвинуло ужасомъ мое юное сердце. Заалѣли по свѣгу утренніе лучи и какъ противоположность моимъ ночнымъ грезамъ—ждалъ меня уютный тетупкинъ домикъ, кипящій самоваръ и согрѣвающія сердце, родныя, милыя рѣчи...

Горки.

Н. Б.

ГАЙДУКЪ ГОРОСТАСЪ.

Разсказъ изъ сербской жизни

Не задолго передъ тѣмъ временемъ, какъ вспыхнула памятная всѣмъ война между Сербіей и Турціей (война, душою которой былъ М. Г. Черняевъ), Сербское правительство ежегодно посылало нѣсколько молодыхъ людей въ заграничныя высшія учебныя заведенія. Сербъ этихъ возвращавшихся въ отечество земляковъ называли обыкновенно „фрачниками“ или, еще „піонерами.“

Однимъ изъ такихъ піонеровъ или сербовъ-фрачниковъ, былъ молодой Демьяновичъ. Это былъ тщедушный, угреватый, низенькаго роста юноша, съ неутомимымъ рвеніемъ стремившійся къ основательному и многостороннему юридическому образованію. Въ отношеніи этого рвенія, Демьяновичъ превосходилъ многихъ своихъ товарищей. И въ Мюнхенѣ, и въ Парижѣ онъ постоянно посѣщалъ юридическіе курсы.

Нѣсколько лѣтъ назадъ былъ я въ Бѣлградѣ. Здѣсь у меня было много хорошихъ знакомыхъ, „сербовъ-фрачниковъ“, слушавшихъ заграничныя лекціи на одной скамьѣ со мною. Всѣ они занимали уже мѣста на государственной службѣ и поженились.

— Какъ поживаетъ Демьяновичъ? Гдѣ онъ? спросилъ я одного изъ моихъ прежнихъ сотоварищей.

— О! Демьяновичъ теперь какъ рыба въ водѣ! отвѣчалъ мнѣ мой прежній пріятель—Демьяновичъ выгоднѣе и скорѣе всѣхъ насъ составилъ себѣ карьеру; лишь только онъ сошелъ со скамьи, какъ уже сдѣланъ былъ директоромъ бѣлградскихъ тюремъ... Знаешь, онъ былъ всегда преданъ изученію уголовного права, всегда мечталъ быть криминалистомъ и смотрѣлъ на преступниковъ, какъ на своихъ естественныхъ пациентовъ...

Демьяновичъ жилъ въ бѣлградскомъ замкѣ. Я къ нему отправился. Я засталъ его въ кухнѣ, занятого хлопотами надъ дымящимся громаднымъ котломъ, въ которомъ варилась пища для арестантовъ замка.

— А! очень кстати! радостно вскрикнулъ Демьяновичъ, бросившій меня обнимать—кушанье готово, идемъ сейчасъ къ столу!..

Не успѣлъ я опомниться, какъ Демьяновичъ сунулъ мнѣ въ руку большую деревянную ложку.

— Ну, ѣшь! весело вскричалъ онъ. Это мясной супъ съ тыквою—magnifique! Помнишь въ Парижѣ, въ Рю-Расинъ, мы, вѣдь, ѣли не лучше!..

Я попробовалъ; но, признаюсь, супъ мнѣ не понравился, хотя я и скрылъ это.

Демьяновичъ, сдѣлавъ нѣсколько распоряженій по кухнѣ, взялъ меня за руку и ввелъ въ свое жилище.

— Ну, вотъ, старый дружище! Ты и у меня!.. Въ отелѣ ужъ ты не останешься, нѣтъ—Шалишь!.. Я тебя перетащу сюда. Я—одинъ. Жена моя гоститъ у своихъ родителей, въ Рашивѣ... Тагъ-то! Я ужъ не отпущу тебя... сейчасъ же пошлю двухъ арестантовъ въ отель—за твоимъ чемоданомъ—и баста!..

— Арестантовъ?! вскричалъ я ошеломленный предложеніемъ моего товарища—да вѣдь они раскрадутъ мои вещи... Какъ можно давать порученія мошенникамъ!..

— Ну, братъ, успокойся! не унимался Демьяновичъ, энергически хлопая меня по плечу. Мои *робнзи* (такъ называютъ сербы тюремныхъ арестантовъ) и въ воровствѣ-то ни чего не смыслятъ. Они свободно разгуливаютъ по городу, закупаютъ провизію для замка; дѣлаютъ иногда закупки мнѣ и женѣ моей. Мой домъ никогда не запирается, и прислуга у меня вся состоитъ изъ арестантовъ, и однако у меня до сихъ поръ не пропало даже иголки... Мой кучеръ, садовникъ, поваръ—всѣ они арестанты, даже няня для дѣтей—арестантка. По моему даже мужчина-арестантъ могъ-бы исполнять обязанности няни, и я бы, съ своей стороны, приставилъ арестанта къ дѣтямъ, да только жена не желаетъ этого...

Тутъ Демьяновичъ пустился въ крайне заинтересовавшую меня характеристику быта своихъ земляковъ. „Сербское племя,—говорилъ онъ—живущее въ княжествѣ, совершенно отлично по своему характеру отъ сербовъ, населяющихъ области по ту сторону Дуная и Савы. Нашихъ „княжескихъ“ сербовъ можно охарактеризовать такъ: они любятъ своихъ женъ, отличаются прямою, искренностію, и не знаютъ воровства. Княжескіе сербы до сихъ поръ живутъ въ тѣхъ патриархальныхъ отношеніяхъ, при которыхъ каждый преступникъ смотритъ на наказаніе, какъ на заслуженную кару Божию. Но и у насъ подобное первобытное настроеніе не вѣчно же будетъ продолжаться. Вотъ, съ году на годъ, и у насъ распространяется „культура“, а при ней и порча нравовъ. Но вотъ, придетъ ка-

внхъ нибудь 50 лѣтъ,—и у насъ будутъ строить крѣпкіе тюремныя замки; тогда какъ теперь нашихъ преступниковъ даже и подь арестъ-то берутъ безъ особаго прикрытія жандармовъ. Такой патріархальный бытъ представляетъ для юриста цѣлую массу въ высшей степени интереснаго матеріала. Но чтобы познаться съ этимъ матеріаломъ, нужно быть хорошимъ наблюдателемъ и психологомъ, нужно глубоко знать сербскій народный языкъ. Извѣстный Рапшъ написалъ о правахъ и обычаяхъ сербовъ толстую книгу; но предметъ еще далеко не исчерпанъ. Знаешь эту книгу Рапша? Я отвѣчалъ утвердительно.

— Ну,—продолжалъ Демьяновичъ,—Рапшъ не понималъ ни одного слова по-сербски и не могъ говорить ни съ однимъ Сербомъ. Рапшъ слонялся межъ сербами какъ слѣпецъ и довѣрялъ такимъ рассказамъ, которые требовали большой провѣрки. Но самому трудно быть судьей своего собственного народа. Вотъ если бы Сербію посѣтили иностранные юристы, понимающіе по-сербски; если бы они попали въ какую-либо изъ нашихъ тюремъ, продолжалъ фанатикъ-криминалистъ, въ среду нашихъ узниковъ—какою массою наблюдений обогатились бы они! Какой бы богатый матеріалъ собрали для психологіи цѣлаго народа! Вѣдь, у насъ никогда не бываетъ изобрѣтательныхъ и такъ называемыхъ „утонченныхъ“ преступниковъ,—какихъ всегда цѣлыя сотни и тысячи въ другихъ государствахъ. Мотивы нашихъ народныхъ преступлений всегда чрезвычайно просты. Между арестантами въ Бѣлградѣ нельзя найти въ строгомъ смыслѣ „вора“ или „мошенника.“ У насъ не встрѣчается нападенія или убійства съ цѣлю грабежа, ни взлома, ни поджога. Почти единственный видъ сербскихъ народныхъ преступлений составляютъ убійства „изъ ревности“ „изъ мести“ или „въ запальчивости.“ Вотъ единственные мотивы сербскихъ народныхъ преступлений. При томъ, совершивъ преступленіе, сербъ не скрывается отъ правосудія, а обыкновенно самъ предстаетъ предъ судъ. Далѣе, для констатированія факта убійства обыкновенно не требуется особыхъ свидѣтелей. Преступникъ самъ, съ полнымъ чистосердечіемъ, расскажетъ всю истину о своемъ преступленіи... Затѣмъ, такъ велико въ сербскомъ поселеніи уваженіе къ правосудію, къ суду, что, напримѣръ, на моихъ глазахъ, многіе изъ преступниковъ отказывались отъ предлагаемой имъ амністии. До сихъ поръ въ моей памяти одинъ изъ подобныхъ преступниковъ. Въ пьяномъ видѣ, онъ застрѣлил своего „побратима.“ Я хотѣлъ уменьшить ему срокъ тюремнаго заключенія на два года.

— Ну, ужъ оставь господине такъ! простодушно сказалъ онъ мнѣ, а то душа не будетъ спокойна!..

— Вообрази! съ живостью обратился ко мнѣ при этомъ Демьяновичъ,—вообрази на моемъ мѣстѣ директора тюрьмы не въ Сербіи, а въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ, хотя бы въ Пруссіи... Что сказалъ бы этотъ директоръ если бы арестантъ сталъ отпрашиваться у него на Пасху или на Святки, поведаться съ родными!.. Да Пруссій директоръ онѣмѣлъ бы отъ изумленія и негодованія, и приказалъ бы усилить надзоръ за арестантомъ. Между тѣмъ, напримѣръ я могу съ спокойною совѣстью отпускать арестантовъ поведаться съ семействами—и увѣренъ, что каждый изъ нихъ возвратится къ сроку. И въ самомъ дѣлѣ, у меня не было ни одного случая, чтобы отпущенный не возвратился къ сроку въ мою канцелярію. И каждый изъ нихъ еще свидѣтельствуетъ почтеніе отъ своей жены и приноситъ подарки для моихъ дѣтей... По мѣрѣ силъ... Чаще всего приносятъ въ подарокъ огородныя овощи.

— Вотъ, господине, говоритъ обыкновенно приносящій подарокъ, чтобы ты не подумалъ,—что я на свободѣ не вспомнилъ о твоихъ дѣтцахъ...

Тутъ Демьяновичъ подвелъ меня къ окну. Видъ изъ окна былъ чудесный. Почти подъ нашими ногами катились соединенныя волны Дуная и Савы. На противоположномъ берегу лежало селеніе Панчова. Оно было окутано таинственной романтической дымкой знойнаго вечера.

— Ну! вотъ видишь-ли, дружище-побратимъ,—продолжалъ мой гостепріимный хозяинъ,—для меня дорога, священна моя обязанность „тюремнаго директора“, для меня священна задача—нравственно поднять преступника... Но я долженъ сказать, что нѣсколько времени тому назадъ, я чуть было не сдѣлался *жертвою* моей обязанности... Я уже думалъ, что пробилъ мой послѣдній часъ!.. Чтобы уяснить тебѣ это, я долженъ рассказать тебѣ интересную исторію, очертивъ оригинальный образъ сербскаго народнаго характера, рассказать эпизодъ изъ жизни гайдука Горостаса. Этотъ Горостасъ былъ великанъ ростомъ, косая сажень въ плечахъ, и, по нашей пословицѣ, „широкъ яко дверь у кучи.“ Горостасъ былъ родомъ изъ Старо-Сербіи и нѣсколько лѣтъ былъ „гайдукомъ“ *) на нашей границѣ. Объ немъ ходили невѣроятные сказочныя анекдоты въ цѣломъ санджакатѣ. Говорили, что онъ *одинъ* положилъ на повалъ, своей рукой, до сотни турокъ. Съ своихъ гайдучьихъ поисковъ онъ всегда возвращался съ богатою добычей, отнятою у турокъ. Останавливался онъ обыкновенно въ гостинницѣ, *Ганъ*, на границѣ Старой Сербіи **). Здѣсь онъ запасался новой амуницией и отправлялся снова на поиски; добытое у турокъ оружіе онъ на память серебрилъ... Да. Ну, вотъ, Горостасъ часто являлся въ гостинницу. Каждый молодой человекъ въ этомъ санджакѣ могъ рассказать о Горостасѣ цѣлыя сотни исторій. Разъ собралась въ этой гостинницѣ веселая компанія негодяйской молодежи поблажничать и, подвыпивши, принялась, наперерывъ, рассказывать разныя исторіи о Горостасѣ. Одинъ изъ собесѣдниковъ увѣрялъ, что Горостасъ однажды задушилъ турка за горло рукою...

— Lazes! (Ты лжешь) сказалъ при этомъ рассказчику на ухо одинъ изъ подвыпившихъ юнаковъ. Мы, братъ, „чудесамъ“ не вѣримъ!..

— Какъ!.. Какъ!.. Я лгу!.. вскрикнулъ раздраженный рассказчикъ. Я иду на пари!.. Ахъ вы кошачья порода! Да, я удушю всякаго, кто осмѣлится мнѣ перечить!.. Удушю!.. Раздавлю!..

При этомъ въ бражничавшей кампаніи пронесся глухой ропотъ недовольства. Въ тотъ же моментъ трое дюжихъ парней вскочили на столъ и вскричали:

— Добро! Добро! Стой!.. Пари идетъ!.. Давай намъ вина—или мы удушимъ тебя, если проспоришь!.. Мы сейчасъ позовемъ самаго Горостаса... Попросимъ его сдѣлать *опытъ*... съ нами...

Горостаса, дѣйствительно, потребовали, и богатырь, узнавши въ чемъ суть спора, вскорѣ явился. Въ грозной, наивно-величественной позѣ стоялъ Горостасъ у стола близъ спорящихъ бражниковъ и оглядывалъ ихъ съ головы до ногъ. Потомъ онъ, съ быстротою коршуна, завидѣвшаго добычу, бросился на двухъ парней и схватилъ ихъ за горло. Но въ ту же минуту великанъ получилъ отъ одного изъ добровольныхъ мучениковъ звонкую пощечину который вырвавшись изъ могучей руки великана, при общемъ хохотѣ, спрятался въ уголь. Самъ Горостасъ отъ пощечины нѣсколько сконфузился и выпустилъ изъ своихъ рукъ и другаго парня, который уже не могъ встать и валався у ногъ богатыря. Это былъ свиной пастухъ, звали его Петко. Лицо его было

*) Союзъ гайдуковъ въ Сербіи—это былъ частный добровольный союзъ, защищавшій мирныхъ гражданъ отъ турецкихъ притѣсненій и исполнявшій священную обязанность *мести* за оскорбленную честь сербскихъ женъ и дочерей.

**) Гостинница по старо-сербски—„Ганъ“.

черно как уголь, и всѣ усилія возвратить его къ жизни были тщетны. Онъ вскорѣ испустилъ послѣдній вздохъ...

— Отнесите его домой!.. распорядился хозяинъ го-

Горостасъ нѣсколько минутъ не отвѣчалъ на это и сидѣлъ, погруженный въ мрачныя думы; но затѣмъ онъ всталъ изъ-за стола и съ рѣшительностью произнесъ:

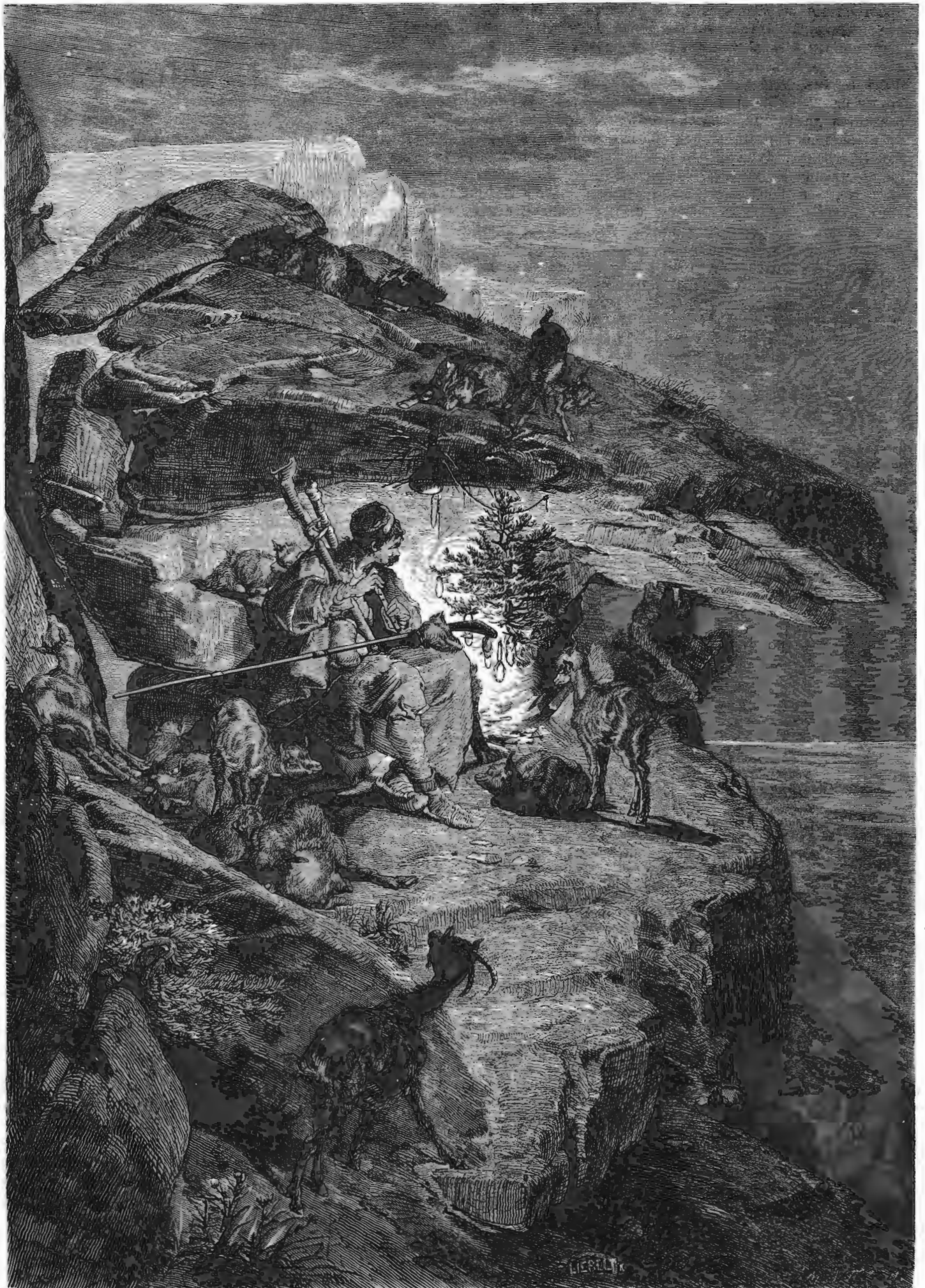
— Ну, видно, Господь Богъ такъ хочетъ! Сотню не-

На елну маленькая Ева и запрещенные плоды. Рис. И. К., грав. Шмидтъ.

стинницы. Пусть его тамъ похоронятъ какъ слѣдуетъ. А ты, Горостасъ, распрощайся-ка со своей привольной гайдуцкой жизнью; ступай-ка въ Бѣлградъ, передъ „бѣлымъ судъ“ и объяви-ка свою вину!..

вѣрныхъ турокъ я изрубилъ канджаромъ, и все-таки у меня было весело на сердцѣ. А смерть этого пастуха какъ свинецъ легла мнѣ на душу... Иду въ Бѣлградъ!.. Прощайте, родные,—прощайте на всегда...

Ела Южного Славянина. Ориг. рис. Ф. Зверины, грав. Либель. Библиотека "Руниверс"

Горостасъ объявилъ передъ „бѣлымъ судомъ“ о своемъ преступленіи и осужденъ былъ на 8-мѣсячное тюремное заключеніе. Но только два года вольный соколъ могъ выносить свою кѣтку—только два года, не болѣе. Вдругъ имъ овладѣла невыносимая тоска по роднымъ горамъ, ущельямъ и пропастямъ, надъ которыми кружится мощный орелъ, гдѣ пистолетный выстрѣлъ раздается двадцатикратнымъ эхомъ... Въ одинъ прекрасный день Горостасъ исчезъ изъ тюрьмы и даже изъ Бѣлграда... Думали, что онъ возвратится; его ждали съ мѣсяца на мѣсяць, со дня на день. Но—проходятъ годы, а Горостасъ все не возвращается. Наконецъ рѣшили, что онъ исчезъ съ лица земли; самое имя его уже сдѣлалось какимъ-то мифомъ. Уже никто больше и не думалъ о бѣгствѣ великана-гайдука.

„Но вотъ—это случилось не болѣе мѣсяца тому назадъ—я однажды вечеромъ былъ въ канцеляріи и игралъ съ моимъ двухлѣтнимъ малюткой, сидѣвшимъ передо мной на столѣ. Вдругъ ребенокъ, что-то замѣтивъ у двери, со страхомъ прижался къ моей груди. Что за притча!.. Чего, думаю, пугается ребенокъ?..

Я сталъ внимательно осматриваться кругомъ, и уже тогда замѣтилъ, что громаднаго роста человекъ кошачьей походкой прокрадывается въ мою канцелярію. Когда я замѣтилъ его, онъ уже затворялъ дверь канцелярской комнаты. Пораженный общимъ внушительнымъ и грознымъ видомъ пришлеца, я замеръ отъ страха и судорожно прижалъ ребенка къ моей груди, ожидая чего-нибудь недобраго... Незнакомецъ подошелъ ко мнѣ... Это былъ точно лѣшій, какимъ рисуютъ его народныя сказки. Его сильно загорѣлое мужественное лицо было мѣдно-бронзоваго цвѣта. Его черные, выразительные глаза дико сверкали...

— Сuges!.. (Слышишь ты!) повелительно обратился онъ ко мнѣ.—Гдѣ директоръ тюрьмы?

— Да я и есть директоръ,—пробормоталъ я, невольно смущенный.

— Ну что за глупости!.. Что ты—дуракомъ, что-ли, меня считаешь!.. Ты думаешь—я не знаю директора?.. Восемь лѣтъ тому назадъ я сидѣлъ же въ этой тюрьмѣ!..

— Да тотъ директоръ уже давно умеръ?..

— Такъ стало быть, теперь ты—директоръ? Тѣмъ лучше!

Съ этими словами пришлець схватился за свой широкий поясъ, вытащилъ изъ-за него оправленный въ серебро пистолетъ и поднесъ его мнѣ почти подъ носъ.

— Видишь этотъ пистолетъ?

Затѣмъ, не давъ мнѣ опомниться, незнакомецъ вытащилъ другой пистолетъ и повторилъ вопросъ.

— Да, я это вижу! произнесъ я.

— Ну—видишь и этотъ позолоченный дамасскій канджаръ? Онъ отточенъ какъ бритва...

— Да, все вижу...

— Ну, хорошо. Положи ты эти пистолеты, канджаръ и кошелекъ съ 89-ю дукатами въ твой столъ, и храни какъ будто бы все это были твои собственные. Когда я буду свободенъ—ты возврати мнѣ все это въ цѣлости. Мнѣ здѣсь, въ Бѣлградѣ, не терпѣлось и я ушелъ въ Болгарію, и служилъ я у монаховъ садовникомъ.

Затѣмъ, пришлець вынулъ изъ-за пояса полуразорванную бумагу.

— На—читай! гордо произнесъ онъ, приосанясь. Это, братъ, аттестатъ, дали его мнѣ болгарскіе монахи, мнѣ—гайдуку Горостасу... Поди-жъ ты?! и въ монастырь я не нашелъ покоя! Вотъ воротился въ Бѣлградъ и хочу отбыть этотъ срокъ, восемь лѣтъ...

Гайдукъ замолчалъ. Я такъ былъ пораженъ и потрясенъ впечатлѣніемъ этого поистинѣ необыкновеннаго поступка, что долго не могъ прійти въ себя. Но мой малютка уже успокоился, ползалъ по столу и былъ вѣ себя отъ радости, при видѣ красиво-блестѣвшихъ пистолетовъ.

Гайдукъ снова обратился ко мнѣ.

— Ну, господине,—я, кажется, сначала напугалъ твоего маленькаго?.. Такъ пусть же онъ не думаетъ о Горостасѣ дурно... На-ка отдай ему эту плетеночку съ малиной. Я собралъ въ лѣсу, сегодня, въ послѣдній день золотой свободы!

— А теперь? угрюмо и важно заключилъ гайдукъ—скоро ночь... Укажи-ка мнѣ мою тюремную келью, господине!

Тильда Эверсъ.

Святочный рассказъ Эрнста Цила.

Дѣло было очень давно. Море на далекое разстояніе отъ берега, по крайней мѣрѣ на цѣлую милю, было заковано льдомъ; надъ нимъ ярко и свѣтло горѣли звѣзды. Со стороны деревни изъ небольшой, обветшавшей подъ непогодами, церкви разносился далеко, въ чистомъ воздухѣ, ударъ за ударомъ, рождественскій благовѣстъ. И больше ни звука: берегъ и дюна были совершенно тихи. Но вотъ по узкой тропинкѣ захрустѣлъ снѣгъ какъ бы отъ приближающихся шаговъ и изъ обледевллага кустарника, торчавшаго кое-гдѣ среди прибрежныхъ камней, пугливо взлетѣла береговая птица, со свистомъ разрѣзая длинными крыльями морозный воздухъ. Одинокій путникъ, человекъ крѣпкаго сложенія, обличавшаго въ немъ жителя сѣвера, закутанный въ грубый, мохнатый морской плащъ, шелъ тихо, опустивъ голову на грудь. Въ его мужественныхъ суровыхъ чертахъ лица отражалось горе, но горе, поросшее уже много лѣтъ травой, не острое и дикое, а скорѣе глухое и угнетающее. Движенія путника были неловки и порывисты, хотя онъ шелъ очень медленно; онъ казалось свершилъ длинный путь, такъ какъ его длинная, косматая борода сильно заиндевѣла и заледенѣла. Онъ быстро срывалъ съ нея ледяныя сосульки, образовавшіяся отъ его горячаго, застывшаго на морозѣ, дыханья и нетерпѣливо ихъ отбрасывалъ въ сторону.

Деревня тянется по самому берегу, и представляетъ собою рядъ домовъ, выходящихъ фасадами на море; къ этой деревнѣ направилъ свои шаги угрюмый незнакомецъ; что ему было до свѣтлыхъ оконъ, въ которыхъ сияли рождественскія елки? Мрачно прошелъ онъ межъ нихъ, и мысли его, казалось, были заняты далеко прошедшимъ. Среди деревни стоитъ маякъ,—полуразвалившееся строеніе; старыя лодки и ржавыя якоря, перепутанные канаты и разорванные паруса пестро возвышались вокругъ башни и по святу холма, на которомъ она возмущается, рыбаки развѣшиваютъ для просушки мокрая темныя сѣти. Здѣсь незнакомецъ остановился, здѣсь поднялъ онъ свое по-

темнѣвшее отъ бурь лицо, и сталъ глѣдѣть свѣтлоглазыми глазами то на башню, то на разбросанныя у его ногъ суда.

„Было это лѣтъ тридцать назадъ“, произнесъ онъ задумчиво: „Мы были оба дѣтьми; сидѣли мы на окнахъ этой башни, и смотрѣли далеко на воду, на волны, въ безпредѣльный міръ. Она была милое, довѣрчивое дитя; и когда на наше веселое убѣжище налеталъ шквалъ и трепалъ ея длинные золотистые локоны, и она начинала зябнуть, я ее тихо обнималъ и утѣшалъ, и рассказывалъ страшные, чудные рассказы о бѣдномъ Ульрихѣ, о томъ самомъ Ульрихѣ, по сказкѣ, уѣхавшемъ за море, туда на западъ, въ далекую, далекую страну, и у котораго разрывалось сердце съ тоски по родинѣ. Слезы текли изъ ея глазъ. Онъ съ минуту помолчалъ. „Да, родина“, простоналъ онъ тихо: „Вильгельмъ, Вильгельмъ, прошло то время!“ и внезапно топнувъ ногой онъ засмѣялся: о, глупое мягкосердечье! міръ того не стѣбитъ; стыдись старая дегтярная куртка и иди дальше!“

Онъ тихо прошелъ по улицѣ, мимо мола, защищающаго гавань отъ напора волнъ, мимо верфи и крана. Здѣсь рядъ домовъ загибается назадъ и улица проходитъ къ небольшой площадкѣ, гдѣ люди выставляютъ на продажу свои товары и закупаютъ все необходимое для своего дома; тутъ находится дома судьи и приходскаго священника, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ между аптекой и хлѣбными лавками выходитъ узкій переулочекъ, видна, надъ покрытыми снѣгомъ крышами, церковь, старая церковь, съ неуклюжею низкою колокольнею, свинцовыми переплетами оконъ и тяжелою, массивною дубовою дверью.

— О, я еще помню этотъ рынокъ, вздохнулъ незнакомецъ, „рынокъ и кругомъ привѣтливые дома; здѣсь я встрѣчалъ ее по воскресеньямъ, когда она проходила въ церковь съ молитвенникомъ въ рукахъ; всѣмъ она такъ привѣтливо и невинно улыбалась; она, хотя уже и взрослая дѣвушка, была еще совершеннымъ ребенкомъ. Такъ хорошо тогда было—а теперь!“ и онъ опять тяжело вздохнулъ. Всѣ ее такъ любили;

у меня так радовалось сердце, глядя на нее. Матильда была моя; и вот однажды в воскресенье мы стояли передь алтарем—мужъ и жена. Счастье первыхъ дней! О если бы она осталась на всегда вѣрна!“

Еще нѣсколько шаговъ и онъ стоялъ передь низенькимъ небольшимъ домикомъ, единственнымъ, въ окнахъ котораго не видно было радостнаго свѣта Рождественскаго праздника. „Здѣсь это было, здѣсь,“ боязливо произнесъ онъ; „здѣсь ли она еще?“ и какъ воръ, осторожно, чтобъ не захрустѣлъ снѣгъ подъ ногами, проскользнулъ онъ подъ тѣнь навѣса крыши и плотно прижался къ зеленымъ ставнямъ; „темно все, гдѣ цвѣло мое свѣтлое счастье, темно въ праздникъ Рождества!.. Господь ее разсудитъ.“

Съ моря потянулъ легкій вѣтеръ и закачалъ голые сучья растущей передь дверью липы; незнакомецъ вздохнулъ, и, казалось, вздохнула липа. „Можетъ быть она еще здѣсь,“ сказалъ онъ про себя и сталъ прислушиваться, нѣтъ ли какого движенія въ домикѣ. Но тамъ было все тихо; онъ облокотился на выступъ окна и склонилъ на руку свою усталую голову: „быть можетъ ея ужъ нѣтъ въ живыхъ.“ Рождественскій благовѣстъ больно отдавался въ его душѣ; колоколь звучалъ такъ же какъ и тогда, и поднималъ сладкія воспоминанія о давно минувшихъ дняхъ. Ему казалось, нѣжная, теплая рука легла на его горячій лобъ, что его кто то обнял и дорога ему уста тихо шептали: „Вильгельмъ, Вильгельмъ!“ Его сердце забыло про страданье, но вотъ сердце какъ будто что-то сильно укололо и опять поднялось въ немъ давнишнее горе; вотъ онъ видитъ себя скитальцемъ въ далекихъ моряхъ, борющимся съ бурями и опасностями, чтобы заглушить боль въ сердцѣ, боль отъ укушенія змѣи—а змѣя эта—его жена. Такъ стоялъ онъ нѣсколько времени, потомъ какъ бы проснувшись, вздохнулъ и простоналъ; „охъ, гдѣ же мое дитя, мой мальчикъ! его бы разъ увидѣть, хоть разъ еще, вѣдь онъ мой“...

— Повторится ли это нынче, Яковъ? спросилъ вдругъ подлѣ суровый голосъ, внезапно выведшій его изъ задумчивости.

— О конечно, отвѣтилъ другой, и на дорогѣ показались два посплывшя человѣка, въ высокихъ сапогахъ и матросскихъ курткахъ. „Вотъ ужъ шесть лѣтъ какъ всѣ это видятъ каждый Рождественскій сочельникъ.“

— Странная женщина, сказалъ первый. „Устранять все такъ на виду и посреди моря!“

— Несчастье и нужда дѣлаютъ людей странными, Николай, возразилъ другой; но что бы про нее ни говорили люди, она должна быть хорошая женщина уже по одному этому — хотя можетъ быть и странно, но все таки такъ неизмѣнно чтитъ память покойнаго. Какъ ты думаешь?

— Да, пожалуй я съ тобой согласенъ, она женщина хорошая, несмотря на сплетни и на ея чудачества. Смотри Яковъ, вотъ начинается! сказалъ, онъ указывая на поверхность замерзшаго моря.

На блестящей бѣлой снѣжной равнинѣ засвѣтился желтоватый свѣтъ свѣчи, едва замѣтный, задуваемый вѣтромъ; вотъ свѣчей появилось двѣ, три, и еще и еще, одна подлѣ и надъ другой, кругами пирамидально поднимаясь и на льду ясно обозначилась рождественская елка.

— Николай, вонъ видишь, она сама; смотри, вонъ ходитъ; вотъ теперь зажгла всѣ свѣчи. Теперь смотри, она станетъ на колѣни.

— Въ самомъ дѣлѣ, я ее вижу; а вотъ и мальчикъ; бѣдное дитя, какъ онъ глубоко прячетъ въ карманы озябшія рученки.

— Вотъ она беретъ его за руку.

— Они оба становятся на колѣни, Яковъ!

— Кто становится на колѣни? внезапно обратился къ нимъ глухо незнакомецъ, все еще печально стоявшій у оконъ маленькаго дома. „Что дѣлаетъ эта женщина?“

— Она молится, отвѣтилъ одинъ.

— Она молится за упокой души мужа, прибавилъ другой. Ея мужъ погибъ гдѣ-то въ океанѣ, вотъ уже семь лѣтъ тому назадъ. Вы вѣдь знаете, въ Рождественскій сочельникъ мы имѣемъ обыкновенье ставить на могилахъ нашихъ близкихъ елки. Море—тоже обширная могила.

— Какъ ее зовутъ? спросилъ незнакомецъ; онъ пристально смотрѣлъ на море, приложивъ руку къ глазамъ щиткомъ.

— О, вы должно быть изъ далека, что не знаете нашей Тильды? отвѣтили ему.

— Тильда?

— Да Тильда, Матильда Эверсъ.

И вдругъ незнакомецъ бросился къ морю. Черезъ снѣгъ, черезъ нагроможденные на берегу обломки, какъ безумный неся онъ къ мелькавшимъ на льду огонькамъ.

— О Тильда, моя Тильда, ты молишься за меня, ты меня еще любишь!

Оба разговаривавшіе съ удивленіемъ смотрѣли ему въ слѣдъ. — Это можетъ быть только онъ, сказали они и съ удивленіемъ покачали головами. „Мертвые воскресли“ и поспѣшно пошли рассказывать въ деревню видѣнное ими чудо.

— Вильгельмъ! услышали они съ моря, Вильгельмъ, ты живъ, возможно-ли!

Вѣсть быстро облетѣла деревню; жители спѣшили отъ праздничныхъ столовъ на берегъ моря; то, что они увидѣли на бли-

стающей поверхности льда казалось имъ какой-то сказкой: три человѣческихъ существа стояли на снѣгу на колѣняхъ, ярко освѣщенные огнями елки; лицо мужчины было закрыто руками; женщина крѣпко прижалась къ нему и вѣтеръ развѣвалъ ея свѣтлые волосы; передъ ними стоялъ мальчикъ съ поднятыми къ звѣздамъ руками и смотрѣлъ въ небо. Всѣ трое были неподвижны. Но вотъ группа оживилась; казалось освѣщенная елка поднялась кверху и начала двигаться; и всѣ три фигуры стали приближаться къ берегу; мужчина и женщина шли рука объ руку, молча, тихо шагая; мальчикъ несъ передъ ними зажженную елку и пѣлъ звонкимъ дѣтскимъ голосомъ:

„О священное
„Благословенное
„Благодатное Рождество!

никто съ ними не заговаривалъ; въ толпѣ пробѣжалъ лишь тихій шопотъ удивленія: съ суевѣрнымъ страхомъ всѣ разступились, какъ передъ чѣмъ то священнымъ. Такъ прошли они какъ тихіе, благочестивые странники. Передъ маленькимъ домикомъ привѣтливо зашумѣла имъ на встрѣчу липа; скрипнула дверь; привѣщенный къ ней колокольчикъ звонко прозвучалъ и яркая, въ огняхъ елка скрылась за зелеными ставнями; за нею скрылось и дитя и мужъ и жена.

На улицѣ все еще радостно гудѣлъ Рождественскій благовѣстъ; внутри маленькаго дома, въ тѣсной комнатѣ слышался тихій плачъ—были ли это слезы радости? Угрюмый, блѣдный человѣкъ держалъ въ объятыхъ женщину и слезы ея текли на его косматую бороду.

— Вильгельмъ, опять ты мой, воскликнула она и страстно обняла его; о Боже, что могло насъ разлучить?

Онъ вздрогнулъ, ему измѣнилъ голосъ и онъ хотя и съ упрекомъ, но и съ безконечной любовью взглянулъ на трепещущую женщину. Затѣмъ, тихо изъ его груди вырвалось: „Адамъ Юрсъ!“

— О, что мнѣ въ имени, сказала она спокойно, что въ имени мнѣ теперь! Все это давно забыто; ты вѣдь знаешь, я тебѣ дала мое согласіе въ тотъ же самый день, какъ отказала ему, богатому судохозяину.

— Я знаю, сказалъ глухо Вильгельмъ,—это не то.

Онъ сѣлъ усталый на бѣдную скамью, на которой они сидѣли, когда были счастливы:

— Это не то.—повторилъ онъ мрачно и привлекъ къ себѣ Тильду. Дѣло было восемь лѣтъ назадъ, въ этотъ самый день; я былъ кормчимъ на „Полярной Звѣздѣ“; мы стояли въ Калкуттѣ на якорѣ, готовые выйти въ Рио-Жанейро. Капитанъ и матросы устроили на борту судна нѣмецкую елку, но я думалъ о родинѣ, и какое-то безпокойство заставило меня пойти на почту. Я напелъ два письма; одно было отъ тебя: ты была здорова и купила мальчику его первыя игрушки, но нужда стучалась къ тебѣ въ дверь; вѣроятно моя послѣдняя посылка съ деньгами застряла. Другое письмо было отъ Адама Юрса; небо и адъ! этотъ человѣкъ вливалъ мнѣ въ жилы растопленный свинецъ. Онъ писалъ, что онъ мой другъ и что не хорошо мужу не быть такъ долго дома, такъ какъ женщины легкомысленны...

— Это онъ писалъ? прервала Тильда, взглянувъ на него своими большими, голубыми, невинными глазами, онъ писалъ, что...

— Что ты, кажется, расклевываешься въ томъ, что отказала ему,—продолжалъ Вильгельмъ,—и что ты дала ему это замѣтить.

— Возможно ли это? и ты могъ ему повѣрить?

— Я ему не повѣрилъ, но что-то заняло у меня въ сердцѣ. Мнѣ было сдѣлано съ первымъ же кораблемъ вернуться въ Европу, но, моя злая судьба, я законтраковался до Нью-Йорка. Что было дѣлать? Я собралъ немного денегъ и послалъ тебѣ; кромѣ того я написалъ старому своему другу Фрицу Олериху, ты его знаешь, судья нашей деревни, и просилъ его извѣститъ меня, что съ тобой; въ Рио-Жанейро я ждалъ его отвѣта. Тильда! что я переносилъ во время долгаго пути къ Рио-Жанейро! Придя туда, я пошелъ на почту. Тамъ было два письма: одно опять отъ Адама Юрса, другое отъ судьи; мои глаза не были слѣпы, моя голова была свѣжа и свѣтла, тамъ было написано: что ты конечно хорошая женщина, но ему такъ грустно, онъ долженъ признаться, что по деревнѣ ходятъ не хорошіе слухи о тебѣ и Адамѣ; что къ тебѣ онъ ходитъ и вѣчеромъ и утромъ.

— О гадкіе, свѣрные люди! воскликнула Тильда,—у меня въ домѣ не было ни крохи хлѣба; работы достать было трудно, никто надо мной не жалился, а ребенокъ плакалъ и просилъ ѣсть; и вотъ пришелъ Адамъ; я какъ теперь вижу его лукавое лицо; онъ мнѣ говорилъ, что все еще меня любить, говорилъ о своихъ корабляхъ, о приносимыхъ ими доходахъ. Я была слишкомъ слаба, чтобы отказаться отъ его помощи,—ребенокъ такъ плакалъ, такъ просилъ хлѣба, что сердце у меня обливалось кровью. Адамъ продолжалъ ходить къ намъ очень часто, хотя я его и просила насъ оставить, боясь всевозможныхъ сплетенъ. О, я клянусь тебѣ, мое сердце было чисто, и только ради ребенка...

— Слушай дальше, продолжалъ Вильгельмъ. Я прочелъ письмо Адама; громъ и молнія! мой портретъ, тотъ самый, что далъ

На елку: Святое семейство. Картина Дешвандена, грав. Бренд'Амурь.

На елну: Пора спать! Рис. профес. Мюллеръ, грав. Тромейеръ.

я тебѣ, будучи еще женихомъ, и видѣлъ такъ часто на твоей шеѣ, Тильда, мой портретъ выпалъ изъ листковъ. Онъ его вынулъ изъ медальона, и смотри, какъ теперь въ моей рукѣ, такъ онъ лежалъ тогда передо мною.

И онъ вынулъ изъ записной книжки портретъ.

Она зарыдала.

— Ахъ Вильгельмъ, онъ вырвалъ его у меня какъ залогъ долга; другаго ручательства онъ не хотѣлъ, а ребенокъ плакалъ и просилъ хлѣба, и я со слезами отдала ему этотъ залогъ!

— Ты ему навязала его, писалъ онъ, — продолжалъ Вильгельмъ и его голосъ задрожалъ отъ волненья: я долженъ былъ ѣхать, скорѣй ѣхать, такъ какъ и онъ человѣкъ, писалъ онъ, и его сердце можетъ невыдержать. Да, я долженъ былъ прѣѣхать, Тильда, и какъ можно скорѣй! Да развѣ онъ не зналъ, что я былъ связанъ контрактомъ до самаго Нью-Йорка! Я ничего не отвѣчалъ! Но сердце разрывалось во мнѣ, и какъ я не умеръ отъ всѣхъ перенесенныхъ страданій? Путешествіе было длинное: и что же я нашелъ въ Нью-Йоркѣ? Не письмо, Тильда, нѣтъ, посылку. Адресъ былъ написанъ его рукой; въ посылкѣ письма не было, а лежало вотъ что.

Онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана кольцо и бросилъ его на столъ; оно покатилося и зазвенѣло.

— Мое кольцо,—вскрикнула она,—мое обручальное кольцо! и слезы заглушили ея голосъ. Онъ выманилъ его у меня, выманилъ обѣщаніями и угрозами. Ахъ голодъ и ребенокъ! она бросилась къ его ногамъ: о повѣрь мнѣ, заклинаю тебя всѣмъ святымъ!..

— Оставь, прервалъ онъ ее, и блѣдное, суровое лицо его озарилось добротой и нѣжностью; онъ поднималъ ее съ земли. И такъ я былъ въ Нью-Йоркѣ, продолжалъ онъ послѣ краткаго молчанья, я былъ свободенъ и могъ возвратиться въ Европу, на родину. Но у меня уже больше не было родины; все исчезло, пропало, мое сердце умерло; я проклялъ все, свѣтъ, жизнь; я проклялъ тебя и мое дитя; я напался на корабль, шедшій въ Китай; потомъ я былъ на берегахъ Гвиней, въ водахъ Тихаго океана. Такъ, Тильда—шли годы за годами,—въ его голосѣ слышалась тихая тоска—годы своими шумящими крылами несли исцѣленіе. Часто, когда я звѣздною ночью юга сизивалъ на палубѣ и смотрѣлъ въ глубокое небо, мнѣ казалось, что здѣсь,—онъ указалъ на грудь—живетъ какое-то острое

чувство, далекое и тихое, это чувство—тоска по родинѣ. Онъ закрылъ рукою глаза, какъ будто ему было больно смотрѣть на зажженные огни маленькой елки, стоявшей у его ногъ на каменномъ полу бѣдной комнатки. И вотъ я здѣсь, продолжалъ онъ; я болѣе не могъ переносить, я долженъ былъ его видѣть, моего мальчонка, мое жилище..

И онъ взялъ и, посадивъ на колѣни, крѣпко прижалъ къ сердцу мальчонка, все время оживленно смотрѣвшаго изъ угла на происходившую передъ нимъ сцену. Дитя обняло отца и многоглубже горе и боль разрѣшились у суроваго человѣка слезами.

— Мой мальчонъ, мое дитя, моя родина...

— И твоя жена, сказала застѣнчиво Тильда. Она стояла поодаль; теперь подошла и обняла его. Боязливый, невысказанный вопросъ застылъ въ ея чертахъ.

— Прости! вырвалось у нея. Онъ спустилъ съ колѣнъ мальчонка и привлекъ ее къ себѣ.

— Цѣлые годы ты обо мнѣ горевала Тильда; я вѣрю въ тебя: я видѣлъ, какъ ты молилась о покойномъ мужѣ.

— О милый, дорогой мой!..

Долго они не могли выговорить ни одного слова. Въ маленькой комнаткѣ было тихо. Только по сучьямъ стоявшей передъ дверью липы пробѣгало дыханіе ночи, и по временамъ въ окно таинственно ударялась какъ бы стучась, вѣтка.

— А что Адамъ?

— Ты найдешь его за стѣной кладбища, отвѣтила Тильда; тамъ въ углу, гдѣ могилы безъ крестовъ, только камни безъ имени! Буря въ одну ночь истребила его корабли, и онъ съ отчаянья пустилъ себѣ пулю въ сердце.

— Богъ судилъ его,—сказалъ Вильгельмъ. Потомъ онъ поднималъ съ пола горящую елку и поставилъ ее на столъ.

— Какой чудный сочельникъ! вздохнулъ онъ, тронутый до глубины души. Правую руку онъ положилъ на голову сына, лѣвой обнялъ жену.

На улицѣ тянулась толпа, съ пѣсней и шумомъ. Жители, по обычаю отцовъ и дѣдовъ, обходили передъ Рождествомъ всю деревню. Вильгельмъ отворилъ окно и раскрылъ ставени; когда подошла ближе толпа, сверкая огнями свѣчей, съ словыми вѣтвями въ рукахъ; онъ заплѣлъ какъ и всѣ, отчетливо и сильно. Далекое эхо вторило ему и далеко повторило оледенѣлое море привѣтствіе Рождественской ночи.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Всякому свое.

(Сидуэты).

Наступаетъ праздникъ Рождества и всякому приноситъ свое. По улицамъ суета, говоръ, праздничные наряды. По снѣгу визжатъ полозья саней, колокола зовутъ къ молитвѣ, торжественный звонъ раздается въ морозномъ воздухѣ—все празднуетъ Рождество.

Дѣтямъ настоящій праздникъ. Вонъ кучеръ идетъ, торопится закладывать лошадей, а вонъ двое дѣтей—братъ и сестра—уже шибко скачутъ въ саняхъ по улицѣ на тройкѣ маленькихъ, красивыхъ пони. Дѣвочка ѣдетъ въ саняхъ на собакѣ, которая, кажется, вовсе недовольна исполняя обязанности лошади—поджала хвостъ и такъ жалобно смотреть. Катаются на конькахъ; идутъ гулять по улицѣ, танцуютъ. Дѣвочка въ восторгѣ разсматриваетъ свою новую куклу, двѣ другія показываютъ какіе имъ подарили цвѣты. Даже лукавая кошечка хочетъ полакомиться на праздникъ и умилно смотритъ на птичку, сидя на обледенѣлыхъ вѣтвяхъ дерева. Но не всѣмъ веселье. Вонъ трубочистъ, не смотря на праздникъ, идетъ на свою нелегкую работу и за весело бѣгущей тройкой пони бѣжитъ бѣдный мальчонъ, прося на хлѣбъ. И того у него нѣтъ на праздникъ. И радующіеся и веселящіеся должны помнить о „труждающихся и обремененныхъ“.

Маленькая Ева и запрещенные плоды.

Извѣстно, что съ легкой руки прародительницы рода человеческого срываніе запретныхъ плодовъ стало дѣломъ до того обыкновеннымъ, что на него перестали даже смотрѣть какъ на грѣхъ. Болѣе того: это срываніе чуть ли не сдѣлалось необходимою обязанностію каждаго „культурнаго“ человѣка. И не даромъ Пушкинъ сказалъ:

О, люди! Всѣ похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вамъ дано, то не влечетъ,—
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу;
Запретный плодъ вамъ подавай,—
А безъ того вамъ рай не въ рай.

Страсть къ „срыванію“—какая-то инстинктивная страсть. Взгляните хоть на прилагаемый рисунокъ: дѣвочка еле изъ пеленокъ прыгнула, до стола еще не доросла какъ надо, а по-подзвоненіе къ „запретному“ проявляется и въ ней; игрушки забыты, сама она, поднявшись на цыпочки, какъ звѣренокъ впиалась глазами въ добычу. Эти мандарины, дюшессы, перси-

ки—только предвѣстники грядущихъ искушеній, которыя ей быть можетъ пошлетъ жизнь впереди.

Елка славянина.

Холодна, непривѣтлива рождественская ночь.

Суровая природа „черныхъ горъ“ не дѣлится праздника съ человѣкомъ. Сырой туманъ ползетъ по ущельямъ, навсѣвозь пронизываютъ рѣзкіе порывы вѣтра, угрюмо громоздятся вокругъ голыя скалы, пожелтѣла, вымерзла завялая травка, пробившаяся въ трещинахъ; сѣдой косматый мохъ болѣзненнымъ наростами пятнаетъ эти безплодные, извѣденные бурами и потоками ливня, дико беспорядочно нагромоздившіеся камни...

Скудна природа: мало благъ она даетъ челоѣку; да люди то здѣсь все такіе нетребовательные, малымъ довольные, все выносяще, терпѣливые, голодные, холодные—но за то гордо счастливые своею недосыгаемою свободою...

Тамъ внизу, въ долинахъ, у самаго берега моря, что и отсюда видно безконечною синею скатертью—тамъ и тепло и сытно, да только сытость то эта не дешево имъ достается; платятъ они и синюю своею—подъ турецкимъ бичемъ головою подчасъ, а то и еще того хуже—безчестіемъ своихъ семей, позоромъ жевъ и дочерей, въ угоду хищникамъ... Сюда эти хищники не забираются: и взять то имъ нечего, да и дурно обойтись можетъ. Здѣсь сунься, такъ назадъ не унесешь своихъ ногъ, здѣсь наступи козу свою послѣднюю зашишаешь крѣпче, чѣмъ тамъ, внизу—жену, изнѣженный, деморализованный ба-ловень.

Въ каменныхъ горахъ, въ каменныхъ первобытныхъ сакляхъ—живутъ и люди каменные.

Холодна, непривѣтлива рождественская ночь.

Свято чтитъ полудикій христіанскій горецъ эту завѣтную ночь; привела судьба ему встрѣтить великій праздникъ не въ дому, не въ семьѣ—все онъ помнить, не забываетъ дѣла.

У южныхъ славянъ Рождественскій вечеръ зовется „Бадній вечеръ“.

У нихъ есть и своя елка—„баднякъ.“ Это—дерево срѣзанное въ лѣсу въ полночь наканунѣ Рождества. Его зажигаютъ, подкладывая кругомъ маленькій костеръ и кропятъ его святою водою и виномъ и поютъ:

Здравъ бадняче
Веселяче...

Въ Цетинѣ самъ князь каждый годъ неизмѣнно исполняетъ обычай старины. Онъ идетъ въ бадній вечеръ въ лѣсъ, срѣзываетъ дерево лично самъ и зажигаетъ костеръ.

Одна въ Рождественскую ночь. Картина Е. Ганфштегеля, грав. Кнезингъ.

Лъсениъ-охотникъ. Рис. Делоръ, грав. Барбонъ.

на Кавказ". Въ текстѣ предварительныхъ условий мира было сказано: 1) Болгарія, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ большинствомъ болгарскаго населенія, будетъ возведена въ автономное княжество, платящее дань, съ правительствомъ народнымъ, христіанскимъ и туземною милиціею. 2) Независимость Черногоріи будетъ признана. Увеличеніе владѣній, соответственное тому приращенію, которое отдала въ ея руки судьба оружія, будетъ за нею утверждено. 3) Независимость Румыніи и Сербіи будетъ признана. Первой изъ нихъ будетъ назначено достаточное поземельное вознагражденіе, а для второй—произведено исправленіе границъ. 4) Босніи и Герцеговинѣ будетъ даровано автономное управленіе, съ достаточными обезпеченіями. Подобнаго же рода преобразование будутъ введены въ прочихъ областяхъ Европейской Турціи. 5) Порты приметъ обязательство вознаградить Россію за ея издержки на войну и потери, которымъ она должна была себя подвергнуть. Права и интересы Россіи въ Босфорскомъ и Дарданельскомъ проливахъ будутъ охранены, по особому соглашенію. Условія перемирія, собственно, заключались въ слѣдующемъ: 1) враждебныя дѣйствія между воюющими сторонами кончатся со дня подписанія перемирія (19 го января). Въ силу условій перемирія, Турція снимаетъ блокаду портовъ. 3) Турція очищаетъ отъ своихъ войскъ Русукъ, Силистрію и Виддинъ, а также и Сулину. Остальными, затѣмъ, пунктами (три) опредѣлены линіи, которыя предоставлено занять нашимъ войскамъ; нами заняты, въ скоромъ времени, затѣмъ, Чатадджу.

Россія, остановившись у самыхъ воротъ Константинополя, дала, повидимому, Европѣ достаточныя доказательства своей умѣренности, своего честнаго, прямаго образа дѣйствій. Но, Британія и Австро-Венгерія, преслѣдующія свои узлы и извѣстныя всѣмъ цѣли на Востокѣ (одинаково гибельныя и для турокъ, и для славянъ), должны были умышленно не видѣть добросовѣстнаго, безкорыстнаго поведенія Россіи, должны были возмущать всеобщее подозрѣніе къ ея образу дѣйствій, чтобы тѣмъ найти оправданіе своимъ дѣйствіямъ. Наше правительство ясно видѣло, ясно понимало тайныя пружины политики Биконфильда и принимало, насколько то было возможно, свои мѣры, стараясь отнять у противниковъ всякій поводъ, который облегчалъ бы имъ возможность достиженія намѣченныхъ ими цѣлей. Такъ, наприимѣръ, когда турки послали часть своихъ силъ къ Галлиполи, и, вслѣдствіе того, въ этомъ направленіи двинутъ были также отрядъ и съ нашей стороны—князь Горчаковъ телеграфировалъ русскому посланнику при С.-Джамскомъ дворѣ, графу Шувалову, что отрядъ этотъ выдвинуть только въ качествѣ „обсервационнаго“ корпуса.

Австро-венгерскій канцлеръ исправиваетъ чрезвычайный кредитъ и принимаетъ мѣры къ мобилизаціи войскъ. Италія примыкаетъ къ мнѣнію о томъ, что восточный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ Европой. Какъ видимъ, державы признали, въ принципѣ, что договоръ между Турціей и Россіей будетъ дѣйствителенъ только по утвержденіи его державами, которыя разсмотрятъ его на конференціи. Выѣстъ съ тѣмъ возникаютъ слухи о конференціи. Инициативу ея князь Бисмаркъ приписываетъ Австро-Венгеріи. 19-го февраля заключенъ предварительный С.-Стефанскій прелиминарный договоръ. Условія этого договора, развивающія положенія предварительнаго мира, 19-го января, настолько уже извѣстны, что приводить ихъ здѣсь, конечно, мы не будемъ. Вопросъ о конгрессѣ начинается выступать съ большею опредѣленностью, встрѣтивъ поддержку у всѣхъ державъ, но не у Британіи, которая высказала, что считаетъ его излишнимъ и отказалась послать своего уполномоченнаго. Такое противодѣйствіе Биконфильда имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что Германія, въ столицѣ которой конгрессъ долженъ былъ собраться, отложила приглашеніе, съ которымъ уже было обращено къ державамъ; вмѣсто мысли о конгрессѣ явилось предложеніе о съѣздѣ въ Берлинѣ канцлеровъ трехъ союзныхъ императоровъ. Британское правительство начало открыто готовиться къ войнѣ и, подъ рукою, возстановлять силы Турціи.

Призвавъ изъ Индіи, главнокомандовавшаго тамъ военными силами, сэра Назира-Магдальскаго, лордъ Биконфильдъ, съ намѣреніемъ, затягиваетъ переговоры о конгрессѣ и, между тѣмъ, усиливаетъ флотъ въ Средиземномъ морѣ, эскадру въ турецкихъ водахъ, отправляетъ на островъ Мальту десантъ, подкрѣпляетъ туземными остъ-индскими войсками и, въ то же время, даетъ возможность туркамъ довести численность арміи у Константинополя почти до 100 т. ч. и воздвигнуть сильныя веревы. Министръ иностранныхъ дѣлъ; лордъ Дэрби, разошелся въ направленіяхъ съ лордомъ Биконфильдомъ и оставилъ кабинетъ, на его мѣсто вступилъ лордъ Салсбери, который немедленно обратился къ державамъ съ нотой весьма оцрѣдѣннаго содержанія. Въ ней британскій министръ прямо заявилъ, что британскіе интересы требуютъ сохраненія за Турціей Дарданеллъ, Чернаго и Эгейскаго морей, Персидскаго залива, и что Британія не допуститъ приближенія къ этому району, а также къ берегу Леванта и къ Суэзскому каналу флотовъ военной державы. Австро-венгерское правительство, съ своей стороны, высказывается противъ С. Стефанскаго договора, вообще, и разширенія территоріи Черногоріи. Князь Горчаковъ, на ноту Салсбери, отвѣтилъ меморан-

думомъ, который найденъ примирительнымъ и уступчивымъ. Въ началѣ Апрѣля замѣчается уже болѣе мирный поворотъ въ отношеніяхъ Британіи и Россіи, между которыми, мало по малу, наконецъ установилась почва для соглашенія, усиліями гр. Шувалова, ѣздившаго съ этою цѣлью въ Лондонъ.

Здѣсь, дозволимъ себѣ небольшое отступленіе и скажемъ, что между тѣмъ, на Балканскомъ полуостровѣ появился зародышъ извѣстнаго, впоследствии, Родопскаго возстанія и Албанскаго лиги. Первое, составившееся изъ обломковъ арміи Сулеймана-паша и бѣглецовъ-мусульманскихъ жителей Болгаріи, направлено, преимущественно, противъ русскихъ, вторая, окрѣпчившая позднѣе—предназначена для воспрепятствованія территоріальнымъ уступкамъ Черногоріи.

Великій Князь Николай Николаевичъ, возведенный въ званіе Фельдмаршала, просилъ объ снятіи съ него обязанностей Главнокомандующаго и на мѣсто Его Высочества назначенъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ. Выѣсто графа Игнатъева нашимъ посланникомъ при султанѣ назначенъ князь Лобановъ-Ростовскій.

5-го (17-го) іюня собрался конгрессъ (всѣ подробности о немъ читатели найдутъ въ политическомъ обзорѣ и спеціальной статьѣ нашего журнала за 1878 г.), засѣданія его продолжались до 1-го (13-го) іюля. Результаты его извѣстны: уменьшенная на половину Болгарія, отрѣзанная отъ моря, независимая Черногорія, освободившаяся отъ вассальнаго подчиненія Румыніи и Сербіи, присоединеніе къ Россіи части Арменіи, Ватума, Карса и Ардагана (подарокъ отъ насъ Персіи, въ видѣ Котура). Исправленіе границъ Греціи, реформы въ имперіи и наконецъ—знаменитая конвенція Порты съ Британіей, съ уступкой Кипра, направленная противъ насъ. Какъ бы ни былъ измѣненъ С. Стефанскій договоръ, но нельзя не видѣть, что договоръ этотъ, содержавшій въ себѣ русскій планъ устройства судьбы Балканскихъ славянъ, былъ настолько широкимъ планомъ, что, вопреки Берлинскимъ урѣзкамъ, остался еще не мало для нашихъ угнетенныхъ собратьевъ. Уже теперь ясна вся ненормальность положенія, созданнаго въ Берлинѣ... Намъ остается досказать немногое. Мы не будемъ останавливаться на мелкихъ сплетняхъ британскихъ агентовъ на наши дѣйствія въ Болгаріи—слетни эти, какъ извѣстно, не удались: стоить вспомнить интриги тѣхъ агентовъ въ дѣлѣ Родопской комиссіи, напрасно старающихся доставить Европѣ доказательства совершенныхъ, будто бы, русскими жестокостей надъ турками; затѣмъ,—читатели, изъ недавнихъ еще обзорѣй нашихъ, знаютъ о судьбѣ Родопскаго мятежа, который Британія старалась поддерживать при помощи своего офицера, Синклеръ, на который почти уже не существуетъ; та же судьба постигла и пресловутую „албанскую лигу“, одно время довольно грозную,—извѣстно, что Мехмедъ-паша, бывшій главнокомандующій турецкими силами, а, впоследствии, уполномоченный Порты на Берлинскомъ конгрессѣ, человекъ, заслужившій общее уваженіе,—погибъ, убитый предводителями этой лиги, при выполненіи имъ порученія, возложеннаго на него Портой и заключавшагося въ умиротвореніи возставшихъ.

Не станемъ также здѣсь упримодить всю вереницу перемѣнившихся турецкихъ министерствъ. Напомнимъ только читателямъ, что значительная часть постановленій Берлинскаго конгресса до сихъ поръ не выполнена Портой. Границы Греціи еще не „исправлены“, Черногорія не получила немногаго, опредѣленнаго ей европейскимъ ареопагомъ, реформы не вышли изъ портфелей ежегодно мѣняющихся министерствъ и т. д. Берлинская схема, какъ бы судьбой, предназначена осуществиться—только на бумагѣ... Впрочемъ—вошедшая въ нее оккупация Австро-Венгеріею Босніи и Герцеговины приведена въ исполненіе. Но—какою цѣною и къ чему она приведетъ! Провинціи окончательно разорены, населеніе раздражено противъ „освободителей“, не смотря на увѣренія подставныхъ „депутатовъ.“ Самое занятіе содержитъ въ себѣ зародышъ будущаго непрязненныхъ отношеній между Турціей и Австріей, которыя не могли придти къ заключенію конвенціи и едва ли когда либо придутъ...

Во время воинственныхъ выходовъ Британіи мы тронули болное мѣсто этой „всесвѣтной“ державы. Наше посольство прибыло въ Кабуль, гдѣ и было дружески принято Эмиромъ. Британскій вице-король немедленно снарядилъ свое посольство (съ тысячнымъ конвоемъ) къ Ширъ-Али. Авганскій государь отказался допустить къ себѣ представителя Индійскій императрицы—остальное извѣстно. У насъ говорено было обо всемъ этомъ подробно и недавно.

Въ Германіи, за этотъ годъ, приходится отмѣтить два, одно за другимъ слѣдовавшихъ, возмущительныхъ покушенія на жизнь императора Вильгельма, къ счастью неудавшихся. Оба преступника—орудія социаль-демократической партіи, развитію которой князь Бисмаркъ положилъ предѣлъ извѣстными законами, проведенными имъ въ рейхстагѣ. Партія эта обнаружила свое существованіе и въ другихъ государствахъ, преимущественно въ Испаніи, гдѣ Монхаси не удалось застрѣлить короля Альфонса, и въ Италіи, въ которой Пассаменте помѣшали заколотъ короля Гумберта.

Повидимому, въ Испаніи, послѣ долгихъ годовъ неурядицы,

карлистскихъ войнъ, всевозможныхъ прононсиamento, колеблющейся республики, установилось, наконецъ, довольно прочное правительство, силу котораго, конечно, составляетъ благоразумная система, которой слѣдуетъ министерство, а также удачный составъ его. Овдовѣвшій король Альфонсо, не высказалъ еще намѣренія вступить въ новый бракъ. Въ нынѣшнемъ году онъ потерялъ свою бабу, королеву Христину.

Тяжелую утрату понесла Италия, въ лицѣ короля Виктора-Эммануила (биографія въ нашемъ журналѣ), скончавшагося послѣ краткой болѣзни, 28-го декабря 1877 г. Новый король, Гумбертъ 1-й выразилъ твердое намѣреніе идти по слѣдамъ своего популярнаго отца.

Надняхъ послѣдовала перемѣна министерства: кабинетъ графа Капироли подалъ въ отставку, которая принята; новый ка-

бинетъ поручено составить Депретису. 26-го января скончался Папа Пій IX-й и конклавомъ избранъ кардиналъ Печчи, подъ именемъ Льва XIII-го. Съ нимъ начинается, нечувствительно еще пока, поворотъ къ болѣе мягкимъ отношеніямъ съ Итальянскимъ дворомъ и съ кн. Бисмаркомъ, который, въ нынѣшнемъ году, явился уже не прежнимъ грознымъ врагомъ католической партіи въ Германіи. Левъ XIII, вообще, не подчиняется, повидимому, фанатическимъ взглядамъ и влияніямъ извѣстной части Ватиканскаго двора.

Во Франціи рознь партій (за исключеніемъ республиканской), съ каждымъ днемъ ведетъ къ упроченію республиканской формы правленія. За минувшій годъ, въ ней мы не видали никакихъ особо выдающихся событій. О выставкѣ Парижской мы говорили въ специальныхъ статьяхъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Буквы-картинки. Пособіе при обуч. грамотѣ. По мысли Ф. Рензера, II. 1 р. пер. 4 ф. Спб. 1879. (Складъ издан. Мастерская учебныхъ пособій Спб. Троицкій пер. д. № 11—3.)

Теперь вообще находятъ необходимымъ прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы выучить дѣтей читать такъ сказать „незамѣтно“. Хотя мы все выучились этому самымъ простымъ способомъ, но можетъ быть теперь такъ и нужно.

Скорѣ ли и легче ли теперь выучиваются дѣти съ помощью разныхъ рисунковъ, судить не беремся. Въ настоящемъ очень хорошемъ изданіи начертаніе каждой буквы составлено изъ предметовъ, названія которыхъ начинаются именно съ данной буквы, чтобы такимъ образомъ буквы легче запомнились. Самое изданіе очень красиво и изящно и рисунки сдѣланы весьма тщательно.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ 1879 году „Нива“ будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ предыдущіе 9 лѣтъ ея изданія. Въ виду большой распространенности, какую имѣетъ нашъ журналъ въ средѣ русской читающей публики, было бы излишне говорить о его направленіи и о тѣхъ художественныхъ и литературныхъ цѣляхъ, которыя, неуклонно и съ неустанною заботливостью, имъ преслѣдуются и выполняются. Въ будущемъ, 1879 г., такъ же тщательно и съ тою же разборчивостью будетъ дѣлаться выборъ всего помѣщаемого и главною заботою редакціи будетъ, конечно, чтобы все, помѣщаемое въ журналѣ, имѣло характеръ чтенія общепользнаго, занимательнаго и способствующаго умственному и нравственному развитію.

Разумѣется, заканчивая настоящій годъ, мы сдѣлали уже теперь большой запасъ статей и рисунковъ для „Нивы“ будущаго, 1879 г. Такъ какъ нѣтъ никакой возможности перечислить здѣсь вполнѣ даже главнѣйшіе изъ нихъ—скажемъ только, что въ теченіи будущаго года, на страницахъ „Нивы“ явятся, въ большомъ количествѣ, рисунки изъ русской исторіи, виды живописныхъ и интересныхъ, въ какомъ либо отношеніи, мѣстностей Россіи и иностранныхъ государствъ; рисунки къ лучшимъ произведеніямъ нашей и западной литературы, типы, сцены, картины народной жизни, рисунки по астрономіи, зоологіи и т. п. Кромѣ того, будутъ помѣщаться рисунки и статьи, относящіяся къ воспоминаніямъ о только что оконченной великой войнѣ.

Стремясь, съ каждымъ годомъ, къ улучшенію качества предлагаемаго матерьяла, мы выдаемъ преміей „Нивы“ за 1879 г. двѣ оригинальныя акварельныя картины изъ русской жизни, исполненныя, для нашего журнала, знаменитымъ художникомъ нашимъ, профессоромъ Спб. Императорской Академіи Художествъ Константиномъ Егоровичемъ Яковскимъ, а именно:

1) „Мининъ на кремлевской площади, въ Нижнемъ, призывающій народъ къ пожертвованіямъ на государственныя нужды“, историческая картина изъ эпохи смутнаго времени Московскаго государства, XVI столѣтія.

2) „Воскресный день въ малороссійской деревнѣ“, (народная сцена).

Картины столь различнаго содержанія, предлагаются нами, именно для того, чтобы показать различныя стороны прекраснаго дарованія нашего художника.

Изъ литературныхъ произведеній, имѣющихъ появиться въ 1879 г., назовемъ только нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ:

1) Рядъ иллюстрированныхъ очерковъ, рассказовъ и воспоминаній изъ минувшей войны **ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО** съ многими рисунками извѣстнаго рисовальщика Н. Н. Каразина („Румынія и румыны“, „На Дунаѣ“, „За Балканами“, „На берегахъ Эгейскаго моря“, „Жизнь болгаръ“, „С. Стефанскій дневникъ“ и друг.) Подробное объявленіе объ этихъ очеркахъ и рассказахъ уже было помѣщено въ 48 № „Нивы“.

2) „Приключеніе моего доктора“ рассказъ Вс. С. Соловьева. 3) „Монастырская питомица“ былъ XVI в. М. Романовой, 4) „Черный воинъ“, киргизская легенда съ большими рисунками Каразина, 5) „Среди бандитовъ“ рассказъ русскаго художника, былъ, М. Перова, 6) „Егоръ Егоровичъ“, рассказъ Н. Бутовскаго, 7) „Болгарка-драгунъ“, рассказъ Орловскаго-Волатовскаго. и многіе другіе.

Кромѣ того **ВС. С. СОЛОВЬЕВЪ**, авторъ „Царь-дѣвица“ „Юнаго Императора“ и „Княжны Острожской“, съ произведеніями котораго уже знакомы наши читатели, оканчиваетъ въ настоящее время новый историческо-бытовой романъ изъ эпохи царствованія Алексѣя Михайловича, подъ заглавіемъ **НАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА**, который будетъ также напечатанъ въ „Нивѣ“.

Что касается художественно выполненныхъ гравюръ и рисунковъ, мы можемъ ручаться, что они будутъ первоклассными. Для „Нивы“ работаютъ и гравируютъ только самыя лучшіе художники-граверы въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ и Дюссельдорфѣ.

Сверхъ сего, заготовлено редакціей, изъ литературы европейской, нѣсколько интересныхъ переводныхъ повѣстей и рассказовъ; но редакція будетъ отдавать постоянное предпочтеніе оригинальнымъ произведеніямъ изъ русской жизни.

Аккуратность и всегда своевременный выходъ и пересылка номеровъ извѣстна всемъ нашимъ читателямъ—точно такъ будетъ и въ наступающемъ году.

Прощаясь съ читателями „Нивы“ настоящаго года, надѣемся встрѣтить ихъ въ числѣ читателей наступающаго, 1879 года.

95	26	59	88	29	92	61	90	33	70
58	87	94	27	60	89	32	71	62	1
15	96	25	30	93	28	91	100	69	34
86	57	16	97	24	31	72	5	2	63
17	14	53	56	73	48	99	68	35	4
54	85	18	49	98	23	6	3	64	67
13	52	55	22	81	74	47	66	7	36
84	19	50	41	78	43	80	75	46	65
51	12	21	82	39	10	77	44	37	8
20	83	40	11	42	79	38	9	76	45

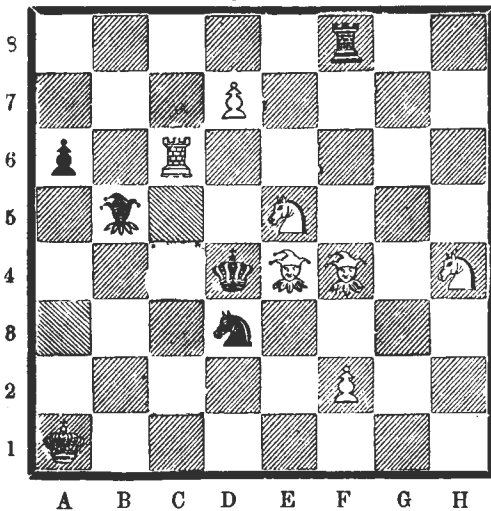
Решение задачи „ходь коня“ в № 50 „Нивы“.

Осень.

Унылая пора, очей очарованье
 Приятна мнѣ твоя печальная краса
 Люблю я пышное природы увяданье,
 Вь багрецъ и золото одѣтые
 Лѣса,
 Вь ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣ-
 жее дыханье,
 И мглой волнистою покрыты небеса,
 И редкій солнца лучъ, и первые
 морозы,
 И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

А. С. Пушкинъ.

Шахматная задача. Черные.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 8 ходовъ.

Решение шахматной задачи, помѣщенной въ № 51 „Нивы“.

- Бѣлые. Черные.
- 1) В 3—D 1
  - 2) С 3—D 2
  - 3) Е 2—Е 4, G 4—H 4 ††
  - 1) H 6 H 5
  - 2) Куда угодно
- Если черные ходятъ при первомъ ходѣ H 6—H 7 или G 6—H 5 тогда бѣлые играютъ такъ: С 3—G 7 и D 1—C 2 ††

Решение ребуса, помѣщенного въ № 50.

Подписка на газеты и журналы передъ новымъ годомъ громадна: редакціи завалены дѣломъ.

ПОЧТОВЫИ ЯЩИКЪ.

Казанс. ул. В. Жад—ко. «По надѣ Дюномъ садъ цвѣтегъ» очень хорошее стихотвореніе и мы бы его непременно помѣстили, если бы оно было ваше, а не было написано известнымъ поетомъ А. В. Кольцовымъ и помѣщено въ полномъ собраніи его стихотвореній на стр. 85.

Въ Тимъ Н—у. «Книга пѣсень» Гейне переведена давно, иное нѣсколь-ко разъ.

Село Анненское Станис—у. Вы сообщаете въ стихахъ некоторыя автобіографическія подробности, напр.

Я плодъ брошенный
 Преступленія
 Вѣзь малѣйшаго
 Сожалѣнія!

Едва ли интересно посредствомъ печати довести это до общаго свѣдѣнія. Николаевъ Си—ому. За помѣщеніе стиховъ деньги съ авторовъ не взимаются.

М. Ф. 18. Статья ваша не подходитъ къ программѣ нашего журнала. Москва Бѣш—ву. Ваши стихи не могутъ быть напечатаны.

Не будутъ напечатаны: «Отголоски изъ губернии города» «Памятникъ Кытяти», «Прошлое Волги» «Разрушенное счастье» «Какая слагается жизнь» «Замѣтки изъ тихаго угла» «Современная любовь» «На елку». Стихотворенія: А. Михельна, Бура (Г. въ Москвѣ). Воспоминанія (Гонч—а). Проманье (Казань В. И.). Стихотв. (Киснем—аго) Молитва Черноморца (Г.) Пѣвцы надосугѣ (Жд—а) Звѣзды (Голуб—на) Воспомин. (Цел—скаго) Слободка (Н. Э.) Могила поэта (Спир—ова) Монахъ (Абра—ова) Косово поле (Шит—ва) и много другихъ по нѣскольку строкъ въ каждомъ, которыя не перечисляются.

СОДЕРЖАНІЕ: На елку: Экъ каной! (съ рис.) - Рождественская ночь (святочный рассказъ).— Гайдуки Горостасъ (рассказъ изъ сербской жизни)—Тильда Эверсъ (святочный рассказъ Эрнста Целя).— Всякому свое (съ рис.).—Маленькая Ева и запрещенные плоды (съ рис.)—Елена славянина (съ рис.).—Святое семейство (съ рис.).—Пора спать (съ рис.).—Одна въ Рождественскую ночь (съ рис.) Лѣтчикъ-охотникъ (съ рис.)—Краткое обзоріе главнѣйшихъ событій за 1878 годъ. Библиографія. Отъ издателя.—Решеніе задачи ходъ коня.—Решеніе шахматной задачи.—Решеніе ребуса.—Почтовый ящикъ.—Объявленія. При этомъ № прилагается оглавленіе «Нивы» за 1878 г.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Ф. БЕРГЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

С.-Петербургъ, Бассейная, № 14.

Н. П. КАРБАСНИКОВА.

С.-Петербургъ, Бассейная, № 14.

Книжная торговля для иногородныхъ Н. П. Карбасникова существуетъ специально для исполненія заказовъ для гг. иногородныхъ. Такъ какъ городской торговля «арка» производить не будетъ, то всѣ средства и силы «арки» будутъ отданы одному иногородному дѣлу.

Фирма принимаетъ на себя: 1) доставку всевозможныхъ книгъ и учебныхъ пособій, по объявленнымъ книгопродавцами и издателями цѣнамъ; 2) составляетъ вновь библіотеки, общественныя и частныя, и пополняетъ, по возможности, существующія разрозненными томами сочиненія и номерами журналы за прѣжніе годы; 3) беретъ на себя высылку и иностранныхъ книгъ, по цѣнамъ петербургскихъ книгопродавцевъ; 4) принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты по цѣнамъ объявленнымъ редакціями; 5) полученныя на подписку деньги немедленно сдаются въ редакціи журналовъ вмѣстѣ съ адресами, и получаютъ подписные билеты на имя под-писчика. Желающимъ, въ доказательство немедленной передачи денегъ въ Редакцію, за прилагаемую марку, высылаются редакціонныя билеты.

Единственная цѣль нашей фирмы—сдѣлать всевозможное, для того, чтобы требованія гг. иногородныхъ поку-пателей дѣйствительно исполнились скоро и аккуратно,—и мы надѣемся своею исправностью вызвать довѣріе со стороны гг. покупателей.

Общественная и домашняя жизнь животныхъ.

Сатирическіе очерки: Стада, Вальсачка, Драза и друг. Переводъ съ французскаго подъ ред. Пашеева. СПб. 1876 года. Ц. 2 р. 50 к.

Воспитаніе

умственное, нравственное и физическое. Сочиненіе Герб. Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Изданіе 2-е СПб. 1878 г. Ц. 1 р. въ колѣн. перепл. 1 р. 30 к.

Выписывающіе означенныя книги отъ издателя Н. П. Карбасникова, Бассейная, 14, за пересылку не платятъ.

„ПРИРОДА И ОХОТА“

ПОПУЛЯРНЫЙ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ И ОХОТНИЧІЙ ЖУРНАЛЪ.

Выходить ежемѣсячно, книгами около 15 печатныхъ листовъ, съ рисунками и 2—3 литографированными (частью хромолитографированными) приложеніями. Въ концѣ года, по примѣю прѣжнихъ лѣтъ, будутъ выданы подписчикамъ особыя преміи. Въ журналѣ принимаютъ участіе многіе известные популяризаторы, путешественники и охотники. ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ: I. Популярныя статьи по чистому и прикладному естествознанію, мелничнѣ, птичнѣ, технологии и сельскому хозяйству, военному и морскому дѣлу и т. п. II. Статьи этнографическаго содержанія. Путешествія русскихъ и иностранцевъ. III. Хроника новѣйшихъ открытій, усовершенствованій и изобрѣтеній. IV. Монографіи охотничьи и промысловыя, вредныхъ и полезныхъ животныхъ. V. Статьи по ружейной и совсей охотѣ,—о ружьяхъ, собакахъ, породахъ птицъ и звѣрей, какъ предметъ охоты, рыболовствѣ и уженнѣ. VI. Охотничьи рассказы и очерки. VII. Мелкія статьи и корреспонденціи. Слѣжъ.

Подписная цѣна: на годъ 12 р., съ перес. 13 р. 50 к., на полгода 7 р., съ перес. 8 р.

Примчаніе: Лица, подписавшіяся (въ конторѣ редакціи) до 1 января, получаютъ 4 хромолитографированныя преміи: Боръ; Лоси; Глухаринъ токъ; Вызовъ гончихъ изъ острова) на 1878 годъ.

Оставшіеся экземпляры Сборника «Природа» и «Журнала Охоты» (изданнаго до 1877 года отдѣльно) продаются въ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: сборникъ «Природа» 1873—1877 гг. (17 томовъ, съ 120 отд. хромолитограф. и литографированными приложеніями) и множествомъ рисунковъ въ текстѣ) за 40 р. с. (пересылка за сороль пять фунт.—по разсвою); «Журналъ Охоты» со 2-й полов. 1874 по 1877 годъ выдочителъ по 17 томовъ, съ 40 отдѣльными хромолитограф. и литограф. рисунками и многими политипажами въ текстѣ, 7 преміями и особыми приложеніями: «Записки геолога охотника Сибирскаго кубъ» П. М. Мачеварианова и «Петербургъ-носачъ»—монографія Д. П. Сабанѣева) — за 20 р. с. (пересылка за 20 ф. по разсвою). Каждый томъ Сборника и Ж. Охоты продается отдѣльно по 3 р. (перес. 4 ф.).

Редакторъ-издатель: Л. П. Сабанѣевъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Троицкій переулокъ, д. № 23.

При этомъ № прилагаются для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленія: 1) отъ книжнаго магазина А. И. Мамонтова въ Спб. 2) отъ книжнаго магазина С. И. Леукина въ Москвѣ, послѣднее объявленіе за исключеніемъ московскихъ подписчиковъ.

СИФОНЪ

на подобіе СЕЛЬТЕРСКОІ или САДОВОЙ воды по 10 коп., 25 бут. этой же воды за 1 р. 13 к., ЛИМОНАДЪ 25 бут. за 1 р. 75 к. достав-ляется на домъ заведеніе ис-кусственныхъ водъ, Казан-ская улица домъ № 23. За-логъ за своею по 1 рубль за бутылку по 2 коп.

№ 288 1—1

№ 289 НАСТОЯЩІЯ 1—1

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ

всѣхъ странъ, для коллекцій, а такъ же Альбомы новѣйшихъ изданій по умѣреннымъ цѣнамъ.

А. Гебгардтъ.

Казанская ул. д. № 3, магазинъ № 1 рядомъ съ Ломбардомъ.